

Тысяча И Одна Ночь



ТЫСЯЧА И ОДНА НОЧЬ

Предисловие

Без малого два с половиной столетия прошло с тех пор, как Европа впервые познакомилась с арабскими сказками «Тысячи и одной ночи» в вольном и далеко не полном французском переводе Галлана, но и теперь они пользуются неизменной любовью читателей. Течение времени не отразилось на популярности повестей Шахразады; наряду с бесчисленными перепечатками и вторичными переводами с издания Галлана вплоть до наших дней вновь и вновь появляются публикации «Ночей» на многих языках мира в переводе прямо с оригинала. Велико было влияние «Тысячи и одной ночи» на творчество различных писателей – Монтескьё, Виланда, Гауфа, Теннисона, Диккенса. Восхищался арабскими сказками и Пушкин. Впервые познакомившись с некоторыми из них в вольном переложении Сенковского, он заинтересовался ими настолько, что приобрёл одно из изданий перевода Галлана, которое сохранилось в его библиотеке.

Трудно сказать, что больше привлекает в сказках «Тысячи и одной ночи» – занимательность сюжета, причудливое сплетение фантастического и реального, яркие картины городской жизни средневекового арабского Востока, увлекательные описания удивительных стран или живость и глубина переживаний героев сказок, психологическая оправданность ситуаций, ясная, определённая мораль. Великолепен язык многих повестей – живой, образный, сочный, чуждый обиняков и недомолвок. Речь героев лучших сказок «Ночей» ярко индивидуальна, у каждого из них свой стиль и лексика, характерные для той социальной среды, из которой они вышли.

Что же такое «Книга тысячи и одной ночи», как и когда она создавалась, где родились сказки Шахразады?

«Тысяча и одна ночь» не есть произведение отдельного автора или составителя, – коллективным творцом является весь арабский народ. В том виде, в каком мы её теперь знаем, «Тысяча и одна ночь» – собрание сказок на арабском языке, объединённых обрамляющим рассказом о жестоком царе Шахрияре, который каждый вечер брал себе новую жену и на утро убивал её. История возникновения «Тысячи и одной ночи» до сих пор далеко не выяснена; истоки её теряются в глубине веков.

Первые письменные сведения об арабском собрании сказок, обрамлённых повестью о

Шахрияре и Шахразаде и называвшемся «Тысяча ночей» или «Тысяча одна ночь», мы находим в сочинениях багдадских писателей X века – историка аль-Масуди и библиографа аи-Надима, которые говорят о нем, как о давно и хорошо известном произведении. Уже в те времена сведения о происхождении этой книги были довольно смутны и её считали переводом персидского собрания сказок «Хезар-Эфсане» («Тысяча повестей»), будто бы составленного для Хумаи, дочери иранского царя Ардешира (IV век до н.э). Содержание и характер арабского сборника, о котором упоминают Масуди и анНадим, нам неизвестны, так как он не дошёл до наших дней.

Свидетельство названных писателей о существовании в их время арабской книги сказок «Тысячи и одной ночи» подтверждается наличием отрывка из этой книги, относящегося к IX веку. В дальнейшем литературная эволюция сборника продолжалась вплоть до XIV-XV веков. В удобную рамку сборника вкладывались все новые и новые сказки разных жанров и разного социального происхождения. О процессе создания таких сказочных сводов мы можем судить по сообщению того же анНадима, который рассказывает, что старший его современник, некий Абд-Аллах аль-Джахшьяри – личность, кстати сказать, вполне реальная – задумал составить книгу из тысячи сказок «арабов, персов, греков и других народов», по одной на ночь, объёмом каждая листов в пятьдесят, но умер, успев набрать только четыреста восемьдесят повестей. Материал он брал главным образом от профессионалов-сказочников, которых сзывал со всех концов халифата, а также из письменных источников.

Сборник аль-Джахшьяри до нас не дошёл, не сохранились также и другие сказочные своды, называвшиеся «Тысяча и одна ночь», о которых скупо упоминают средневековые арабские писатели. По составу эти собрания сказок, по-видимому, отличались друг от друга, общим у них было лишь заглавие и сказкарамка.

В ходе создания таких сборников можно наметить несколько последовательных этапов.

Первыми поставщиками материала для них были профессиональные народные сказители, рассказы которых первоначально записывались под диктовку с почти стенографической точностью, без всякой литературной обработки. Большое количество таких рассказов на арабском языке, записанных еврейскими буквами, хранится в Государственной Публичной библиотеке имени Салтыкова-Щедрина в Ленинграде; древнейшие списки относятся к XI-XII векам. В дальнейшем эти записи поступали к книготорговцам, которые подвергали текст сказки некоторой литературной обработке. Каждая сказка рассматривалась на этой стадии не как составная часть сборника, а в качестве совершенно самостоятельного произведения; поэтому в дошедших до нас первоначальных вариантах сказок, включённых впоследствии в «Книгу тысячи и одной ночи», разделение на ночи ещё отсутствует. Разбивка текста сказок происходила на последнем этапе их обработки, когда они попадали в руки компилятора, составлявшего очередной сборник «Тысячи и одной ночи». При отсутствии материала на нужное количество «ночей» составитель пополнял его из письменных источников, заимствуя оттуда не только мелкие рассказы и анекдоты, но и длинные рыцарские романы.

Последним таким компилятором был и тот неизвестный по имени учёный шейх, который составил в XVIII веке в Египте наиболее позднее по времени собрание сказок «Тысячи и одной ночи». Самую значительную литературную обработку получили сказки также в Египте, двумя или тремя столетиями раньше. Эта редакция XIV – XVI веков «Книги тысяча и одной ночи», обычно называемая «египетской», – единственная, сохранившаяся до наших дней – представлена в большинстве печатных изданий, а также почти во всех известных нам рукописях «Ночей» и служит конкретным материалом для изучения сказок Шахразады.

От предшествующих, возможно, более ранних сводов «Книги тысячи и одной ночи» сохранились лишь одиночные сказки, не входящие и «египетскую» редакцию и представленные в немногих рукописях отдельных томов «Ночей» или существующие в виде самостоятельных рассказов, имеющих, однако, – разделение на ночи. К числу таких

рассказов относятся наиболее популярные у европейских читателей сказки: «Аладдин и волшебная лампа», «Али Баба и сорок разбойников» и некоторые другие; арабский оригинал этих сказок имелся в распоряжении первого переводчика «Тысячи и одной ночи» Галлана, по переводу которого они и стали известны в Европе.

При исследовании «Тысячи и одной ночи» каждую сказку надлежит рассматривать особо, так как органической связи между ними нет, и они до включения в сборник долгое время существовали самостоятельно. Попытки объединить некоторые из них в группы по месту их предполагаемого происхождения – из Индии, Ирана или Багдада – недостаточно обоснованы. Сюжеты рассказов Шахразады сложились из отдельных элементов, которые могли проникнуть на арабскую почву из Ирана или Индии независимо один от другого; на своей новой родине они обросли чисто туземными наслоениями и издревле стали достоянием арабского фольклора. Так, например, случилось с обрамляющей сказкой: придя к арабам из Индии через Иран, она утратила в устах сказочников многие первоначальные черты.

Более целесообразным, нежели попытку группировать, скажем, по географическому принципу, следует считать принцип объединения их, хотя бы условно, в группы по времени создания или же по принадлежности к социальной среде, где они бытовали. К древнейшим, самым устойчивым сказкам сборника, возможно существовавшим в той или иной форме уже в первых редакциях в IX-X веках, можно отнести те рассказы, в которых сильнее всего проявляется элемент фантастики и действуют сверхъестественные существа, активно вмешивающиеся в дела людей. Таковы сказки «О рыбаке и духе», «О коне из чёрного дерева» и ряд других. За свою долгую литературную жизнь они, по-видимому, многократно подвергались литературной обработке; об этом свидетельствует и их язык, претендующий на известную изысканность, и обилие поэтических отрывков, несомненно вкраплённых в текст редакторами или переписчиками.

Более позднего происхождения группа сказок, отражающих жизнь и быт средневекового арабского торгового города. Как это видно из некоторых топографических подробностей, действие в них разыгрывается главным образом в столице Египта – Каире. В основе этих новелл лежит обычно какая-нибудь трогательная любовная история, осложнённая различными приключениями; действующие в ней лица принадлежат, как правило, к торговой и ремесленной знати. По стилю и языку сказки этого рода несколько проще фантастических, но и в них много стихотворных цитат преимущественно эротического содержания. Интересно, что в городских новеллах наиболее яркой и сильной личностью зачастую является женщина, смело ломающая преграды, которые ставит ей гаремная жизнь. Мужчина же, обессиленный развратом и праздностью, неизменно выведен простаком и обречён на вторые роли.

Другая характерная черта этой группы сказок – резко выраженный антагонизм между горожанами и кочевниками-бедуинами, которые обычно являются в «Книге тысячи и одной ночи» предметом самых едких насмешек.

К лучшим образцам городских новелл принадлежат «Повесть о любящем и любимом», «Рассказ о трех яблоках» (включающий и «Рассказ о везире Нур-ад-дине и его брате»), «Сказка о Камар-аз-Замане и жене ювелира», а также большинство рассказов, объединяемых «Сказкой о горбуне».

Наконец наиболее поздними по времени создания являются сказки плутовского жанра, по-видимому включённые в сборник в Египте, при его последней обработке. Рассказы эти тоже сложились в городской среде, но отражают уже жизнь мелких ремесленников, подённых рабочих и бедняков, перебивающихся случайными заработками. В этих сказках с наибольшей яркостью отразился протест угнетённых слоёв населения средневекового восточного города. В каких курьёзных формах выражался подчас этот протест видно, например, из «Рассказа о Ганиме ибн Айюбе» (см. наст. изд., т. II, стр. 15), где раб, которого его господин хочет отпустить на волю, доказывает, ссылаясь на книги законоведов, что тот не имеет права это сделать, так как не научил своего раба никакому ремеслу и

освобождением обрекает последнего на голодную смерть.

Для плутовских сказок характерна едкая ирония изображения представителей светской власти и духовенства в самом неприглядном виде. Сюжетом многих таких повестей является сложное мошенничество, имеющее целью не столько ограбить, сколько одурачить какого-нибудь простака. Блестящие образцы плутовских рассказов – «Повесть о Далиле-хитреце и Али-Зейбаке каирском», изобилующая самыми невероятными приключениями, «Сказка об Ала-ад-дине Абу-ш-Шамате», «Сказка о Маруфе-башмачнике».

Рассказы этого типа попали в сборник непосредственно из уст сказителей и подверглись лишь незначительной литературной обработке. На это указывает прежде всего их язык, не чуждый диалектизмов и разговорных оборотов речи, насыщенность текста диалогами, живыми и динамичными, как будто прямо подслушанными на городской площади, а также полное отсутствие любовных стихов – слушатели таких сказок, видно, не были охотниками до сентиментальных поэтических излияний. Как по содержанию, так и по форме, плутовские рассказы представляют одну из ценнейших частей собрания.

Кроме сказок упомянутых трех категорий, в «Книгу тысячи и одной ночи» входит ряд крупных произведений и значительное количество небольших по объёму анекдотов, несомненно заимствованных составителями из различных литературных источников. Таковы огромные рыцарские романы: «Повесть о царе Омаре ибн ан-Нумане», «Рассказ об Аджибе и Гарибе», «Рассказ о царевице и семи везирях», «Сказка о Синдбаде-мореходе» и некоторые другие. Таким же путём попали туда назидательные притчи и повести, проникнутые идеей о бренности земной жизни («Повесть о медном городе»), назидательные рассказы-вопросники типа «Зерцал» (рассказ о мудрой девушке Таваддуд), анекдоты о знаменитых мусульманских мистиках-суфиях и т.п. Мелкие повестушки, как уже упомянуто, по-видимому, были добавлены составителями, чтобы заполнить нужное количество ночей.

Сказки той или иной группы, родившись в определённой социальной среде, естественно имели в данной среде наибольшее распространение. В этом прекрасно отдавали себе отчёт и сами компиляторы и редакторы сборника, о чем свидетельствует такая пометка, переписанная в одну из поздних рукописей «Ночей» с более древнего оригинала: «Рассказчику надлежит рассказывать в соответствии с тем, кто его слушает. Если это простолюдины, пусть он передаёт повести из „Тысячи и одной ночи“ о простых людях – это повести в начале книги (имеются, очевидно, в виду сказки плутовского жанра. – М.С.), а буде эти люди относятся к правителям, то надлежит рассказывать им повести о царях и сражениях между витязями, а эти повести – в конце книги».

Такое же указание мы находим и в самом тексте «Книги» – в «Сказке о Сейф-аль-Мулуке», попавшей в сборник, по-видимому, на довольно позднем этапе его эволюции. Там говорится, что некий сказочник, который один только знал эту сказку, уступая настойчивым просьбам, соглашается дать её переписать, но ставит переписчику такое условие: «Не рассказывай этой сказки на перекрёстке дорог или в присутствии женщин, рабов, рабынь, глупцов и детей. Читай её у эмиров¹, царей, везирей и людей знания из толкователей Корана и других».

У себя на родине сказки Шахразады в разных социальных слоях издревле встречали разное отношение. Если в широких народных массах сказки всегда пользовались огромной популярностью, то представители мусульманской схоластической науки и духовенства, блюстители «чистоты» классического арабского языка неизменно отзывались о них с нескрываемым презрением. Ещё в X веке ан-Надим, говоря о «Тысяче и одной ночи», пренебрежительно замечал, что она написана «жидко и нудно». Тысячу лет спустя у него тоже нашлись последователи, которые объявляли этот сборник пустой и вредной книгой и пророчили её читателям всевозможные беды. Иначе смотрят на сказки Шахразады представители передовой арабской интеллигенции. Признавая в полной мере большую

¹ Эмир – военачальник, полководец.

художественную и историко-литературную ценность этого памятника, литературоведы Объединённой Арабской Республики и других арабских стран углублённо и всесторонне изучают его.

Отрицательное отношение к «Тысячи и одной ночи» реакционно настроенных арабских филологов XIX века печально отразилось на судьбе её печатных изданий. Научного критического текста «Ночей» ещё не существует; первое полное издание сборника, выпущенное в Булаке, под Каиром, в 1835 году и неоднократно перепечатанное впоследствии, воспроизводит так называемую «египетскую» редакцию. В булакском тексте язык сказок претерпел под пером анонимного «учёного» богослова значительную обработку; редактор стремился приблизить текст к классическим нормам литературной речи. В несколько меньшей мере деятельность обработчика заметна в калькуттском издании, опубликованном английским учёным Макнатеном в 1839-1842 годах, хотя и там тоже представлена египетская редакция «Ночей».

Булакское и калькуттское издания положены в основу существующих переводов «Книги тысячи и одной ночи». Исключение составляет лишь упомянутый выше неполный французский перевод Галлана, осуществлённый в XVIII веке по рукописным источникам. Как мы уже говорили, перевод Галлана послужил оригиналом для многочисленных переводов на другие языки и более ста лет оставался единственным источником знакомства с арабскими сказками «Тысячи и одной ночи» в Европе.

Среди других переводов «Книги» на европейские языки следует упомянуть английский перевод части сборника, выполненный непосредственно с арабского оригинала известным знатоком языка и этнографии средневекового Египта – Вильямом Лэном. Перевод Лэна, несмотря на его неполноту, можно считать лучшим из существующих английских переводов по точности и добросовестности, хотя язык его несколько труден и высокопарен.

Другой английский перевод, выполненный в конце 80-х годов прошлого века известным путешественником и этнографом Ричардом Бёртоном, преследовал совершенно определённые, далёкие от науки цели. В своём переводе Бёртон всячески подчёркивает все сколько-нибудь непристойные места оригинала, выбирая самое резкое слово, наиболее грубый вариант, придумывая и в области языка необычайные сочетания слов архаических и ультрасовременных.

Наиболее ярко отразились тенденции Бёртона в его примечаниях. Наряду с ценными наблюдениями из быта ближневосточных народов они содержат огромное количество «антропологических» комментариев, многословно растолковывающих всякий попадающийся в сборнике непристойный намёк. Нагромождая грязные анекдоты и подробности, характерные для современных ему нравов пресыщенных и скучающих от безделья европейских резидентов в арабских странах, Бёртон стремится оклеветать весь арабский народ и пользуется этим для защиты пропагандируемой им политики хлыста и винтовки.

Тенденция подчеркнуть все мало-мальски фривольные черты арабского подлинника характерна и для французского шестнадцатитомного перевода «Книги тысячи и одной ночи», законченного в первые годы XX века Ж. Мардрюсом.

Из немецких переводов «Книги» новейшим и лучшим является шеститомный перевод известного семитолога Э. Лигмана, впервые изданный в конце 20-х годов нашего века.

История изучения переводов «Книги тысячи и одной ночи» в России может быть изложена очень кратко.

До Великой Октябрьской революции русских переводов непосредственно с арабского не было, хотя переводы с Галлана начали появляться уже в 60-х годах XVIII века. Лучший из них – перевод Ю. Доппельмайера, вышедший в конце XIX века.

Несколько позже был напечатан перевод Л. Шелгуновой, выполненный с сокращениями с английского издания Лэна, а лет через шесть после этого появился анонимный перевод с издания Мардрюса – самый полный из существовавших тогда сборников «Тысячи и одной ночи» на русском языке.

В 1929-1938 годах был опубликован восьмитомный русский перевод «Книги тысячи и одной ночи» непосредственно с арабского, сделанный М. Салье под редакцией академика И. Ю. Крачковского по калькуттскому изданию.

Переводчик и редактор стремились по мере сил сохранить в переводе близость к арабскому оригиналу как в отношении содержания, так и по стилю. Лишь в тех случаях, когда точная передача подлинника была несовместима с нормами русской литературной речи, от этого принципа приходилось отступать. Так при переводе стихов невозможно сохранить обязательную по правилам арабского стихосложения рифму, которая должна быть единой во всем стихотворении, переданы лишь внешняя структура стиха и ритм.

Предназначая эти сказки исключительно для взрослых, переводчик остался верен стремлению показать русскому читателю «Книгу тысячи и одной ночи» такой, как она есть, и при передаче непристойных мест оригинала. В арабских сказках, как и в фольклоре других народов, вещи наивно называются своими именами, и в большинстве скабрёзных, с нашей точки зрения, подробностей не вкладывается порнографического смысла, все эти подробности носят характер скорее грубой шутки, чем нарочитой непристойности.

В настоящем издании отредактированный И. Ю. Крачковским перевод печатается без значительных изменений, с сохранением основной установки на максимально возможную близость к оригиналу. Язык перевода несколько облегчён – смягчены излишние буквализмы, кое-где расшифрованы не сразу понятные идиоматические выражения.

М. Салье

Рассказ о царе Шахрияре и его брате

Слава Аллаху, господу миров! Привет и благословение господину посланных, господину и владыке нашему Мухаммеду! Аллах да благословит его и да приветствует благословением и приветом вечным, длящимся до судного дня!

А после того поистине, сказания о первых поколениях стали назиданием для последующих, чтобы видел человек, какие события произошли с другими, и поучался, и что бы, вникая в предания о минувших народах и о том, что случилось с ними, воздерживался он от греха. Хвала же тому, кто сделал сказания о древних уроком для народов последующих.

К таким сказаниям относятся и рассказы, называемые «Тысяча и одна ночь», и возвышенные повести и притчи, заключающиеся в них.

Повествуют в преданиях народов о том, что было, прошло и давно минуло (а Аллах более сведущ в неведомом и премудр и преславлен, и более всех щедр, и преблагосклонен, и милостив), что в древние времена и минувшие века и столетия был на островах Индии и Китая царь из царей рода Сасана², повелитель войск, стражи, челяди и слуг. И было у него два сына – один взрослый, другой юный, и оба были витязи храбрецы, но старший превосходил младшего доблестью. И он воцарился в своей стране и справедливо управлял подданными, и жители его земель и царства полюбили его, и было имя ему царь Шахрияр; а младшего его брата звали царь Шахземан, и он царствовал в Самарканде персидском. Оба они пребывали в своих землях, и каждый себя в царстве был справедливым судьёй своих подданных в течение двадцати лет и жил в полнейшем довольстве и радости. Так продолжалось до тех пор, пока старший царь не пожелал видеть своего младшего брата и не повелел своему везирю³ поехать и привезти его. Везирь исполнил его приказание и отправился, и ехал до тех пор, пока благополучно не прибыл в Самарканд. Он вошёл к Шахземану, передал ему привет и сообщил, что брат его по нем стосковался и желает, чтобы

² Потомки полумифического царя Сасана, или Сасаниды, правили Персией в III-VII веках. Причисление к ним царя Шахрияра – поэтический анахронизм, каких немало в «1001 ночи».

³ Везирь – первый министр в арабском халифате.

он его посетил; и Шахземан отвечал согласиём и снарядился в путь. Он велел вынести свои шатры, снарядить верблюдов, мулов, слуг и телохранителей и поставил своего везиря правителем в стране, а сам направился в земли своего брата. Но когда настала полночь, он вспомнил об одной вещи, которую забыл во дворце, и вернулся и, войдя во дворец, увидел, что жена его лежит в постели, обнявшись с чёрным рабом из числа его рабов.

И когда Шахземан увидел такое, все почернело перед глазами его, и он сказал себе: «Если это случилось, когда я ещё не оставил города, то каково же будет поведение этой проклятой, если я надолго отлучусь к брату!» И он вытащил меч и ударил обоих и убил их в постели, а потом, в тот же час и минуту, вернулся и приказал отъезжать – и ехал, пока не достиг города своего брата. А приблизившись к городу, он послал к брату гонцов с вестью о своём прибытии, и Шахрияр вышел к нему навстречу и приветствовал его, до крайности обрадованный. Он украсил в честь брата город и сидел с ним, разговаривая и веселясь, но царь Шахземан вспомнил, что было с его женой, и почувствовал великую грусть, и лицо его стало жёлтым, а тело ослабло. И когда брат увидел его в таком состоянии, он подумал, что причиной тому разлука со страною и царством, и оставил его так, не расспрашивая ни о чем. Но потом, в какой то день, он сказал ему: «О брат мой, я вижу, что твоё тело ослабло и лицо твоё пожелтело». А Шахземан отвечал ему: «Брат мой, внутри меня язва», – и не рассказал, что испытал от жены. «Я хочу, – сказал тогда Шахрияр, – чтобы ты поехал со мной на охоту и ловлю: может быть, твоё сердце развеселится». Но Шахземан отказался от этого, и брат поехал на охоту один.

В царском дворце были окна, выходившие в сад, и Шахземан посмотрел и вдруг видит: двери дворца открываются, и оттуда выходят двадцать невольниц и двадцать рабов, а жена его брата идёт среди них, выделяясь редкостной красотой и прелестью. Они подошли к фонтану, и сняли одежды, и сели вместе с рабами, и вдруг жена царя крикнула: «О Масуд!» И чёрный раб подошёл к ней и обнял её, и она его также. Он лёг с нею, и другие рабы сделали то же, и они целовались и обнимались, ласкались и забавлялись, пока день не повернул на закат. И когда брат царя увидел это, он сказал себе: «Клянусь Аллахом, моя беда легче, чем это бедствие!» – и его ревность и грусть рассеялись. «Это больше того, что случилось со мною!» – воскликнул он и перестал отказываться от питья и пищи. А потом брат его возвратился с охоты, и они приветствовали друг друга, и царь Шахрияр посмотрел на своего брата, царя Шахземана, и увидел, что прежние краски вернулись к нему и лицо его зарумянилось и что ест он не переводя духа, хотя раньше ел мало. Тогда брат его, старший царь, сказал Шахземану: «О брат мой, я видел тебя с пожелтевшим лицом, а теперь румянец к тебе возвратился. Расскажи же мне, что с тобою». – «Что до перемены моего вида, то о ней я тебе расскажу, но избавь меня от рассказа о том, почему ко мне вернулся румянец», – отвечал Шахземан. И Шахрияр сказал: «Расскажи сначала, отчего ты изменился видом и ослаб, а я послушаю».

«Знай, о брат мой, – заговорил Шахземан, – что, когда ты прислал ко мне везиря с требованием явиться к тебе, я снарядился и уже вышел за город, но потом вспомнил, что во дворце осталась жемчужина, которую я хотел тебе дать. Я возвратился во дворец и нашёл мою жену с чёрным рабом, спавшим в моей постели, и убил их и приехал к тебе, размышляя об этом. Вот причина перемены моего вида и моей слабости; что же до того, как ко мне вернулся румянец, – позволь мне не говорить тебе об этом».

Но, услышав слова своего брата, Шахрияр воскликнул: «Заклинаю тебя Аллахом, расскажи мне, почему возвратился к тебе румянец!» И Шахземан рассказал ему обо всем, что видел. Тогда Шахрияр сказал брату своему Шахземану: «Хочу увидеть это своими глазами!» И Шахземан посоветовал: «Сделай вид, что едешь на охоту и ловлю, а сам спрячься у меня, тогда увидишь это и убедишься воочию».

Царь тотчас же велел кликнуть клич о выезде, и войска с палатками выступили за город, и царь тоже вышел; но потом он сел в палатке и сказал своим слугам: «Пусть не входит ко мне никто!» После этого он изменил обличье и украдкой прошёл во дворец, где был его брат, и посидел некоторое время у окошка, которое выходило в сад, – и вдруг

невольницы и их госпожа вошли туда вместе с рабами и поступали так, как рассказывал Шахземан, до призыва к послеполуденной молитве. Когда царь Шахрияр увидел это, ум улетел у него из головы, и он сказал своему брату Шахземану: «Вставай, уйдём тотчас же, не нужно нам царской власти, пока не увидим кого-нибудь, с кем случилось то же, что с нами! А иначе – смерть для нас лучше, чем жизнь!»

Они вышли через потайную дверь и странствовали дни и ночи, пока не подошли к дереву, росшему посреди лужайки, где протекал ручей возле солёного моря. Они напились из этого ручья и сели отдыхать. И когда прошёл час дневного времени, море вдруг заволновалось, и из него поднялся чёрный столб, возвысившийся до неба, и направился к их лужайке. Увидев это, оба брата испугались и взобрались на верхушку дерева (а оно было высокое) и стали ждать, что будет дальше. И вдруг видят: перед ними джинн⁴ высокого роста, с большой головой и широкой грудью, а на голове у него сундук. Он вышел на сушу и подошёл к дереву, на котором были братья, и, севши под ним, отпер сундук, и вынул из него ларец, и открыл его, и оттуда вышла молодая женщина с стройным станом, сияющая подобно светлому солнцу, как это сказал, и отлично сказал, поэт Атьгия:

Засияла во тьме она – день блистает.
И сверкают стволов верхи её светом.
Она блещет, как много солнц на восходе.
Сняв покровы, смутит она звезды ночи.

Все творенья пред нею ниц упадают,
Коль, явившись, сорвёт она с них покровы.
Если же в гневе сверкнёт она жаром молний,
Льются слезы дождей тогда безудержно⁵.

Джинн взглянул на эту женщину и сказал: «О владычица благородных, о ты, кою я похитил в ночь свадьбы, я хочу немного поспать!» – и он положил голову на колени женщины и заснул; она же подняла голову и увидела обоих царей, сидевших на дереве. Тогда она сняла голову джинна со своих колен и положила её на землю и, вставши под дерево, сказала братьям знаками: «Слезайте, не бойтесь ифрита». И они ответили ей: «Заклинаем тебя Аллахом, избавь нас от этого». Но женщина сказала: «Если не спуститесь, я разбужу ифрита, и он умертвит вас злой смертью». И они испугались и спустились к женщине, а она легла перед ними и сказала: «Вонзите, да покрепче, или я разбужу ифрита». От страха царь Шахрияр сказал своему брату, царю Шахземану: «О брат мой, сделай то, что она велела тебе!» Но Шахземан ответил: «Не сделаю! Сделай ты раньше меня!» И они принялись знаками подзадоривать друг друга, но женщина воскликнула: «Что это? Я вижу, вы перемигиваетесь! Если вы не подойдёте и не сделаете этого, я разбужу ифрита!» И из страха перед джинном оба брата исполнили приказание, а когда они кончили, она сказала: «Очнитесь!» – и, вынув из-за пазухи кошель, извлекла оттуда ожерелье из пятисот семидесяти перстней. «Знаете ли вы, что это За перстни?» – спросила она; и братья ответили: «Не Знаем!» Тогда женщина сказала: «Владельцы всех этих перстней имели со мной дело на рогах этого ифрита. Дайте же мне и вы тоже по перстню». И братья дали женщине два перстня со своих рук, а она сказала: «Этот ифрит меня похитил в ночь моей свадьбы и положил меня в ларец, а ларец – в сундук. Он навесил на сундук семь блестящих замков и

⁴ Джинны, ифриты или марида – в арабском фольклоре добрые или злые духи.

⁵ Во всех томах поэтические отрывки переведены без сохранения единой рифмы, проходящей, согласно правилам арабского стихосложения, через все стихотворение. Приблизительно передан лишь размер, или, вернее, ритм оригинала.

опустил меня на дно ревающего моря, где бьются волны, но не знал он, что если женщина чего-нибудь захочет, то её не одолеет никто, как оказал один из поэтов:

Не будь доверчив ты к женщинам,
Не верь обетам и клятвам их;
Прощенье их, как и злоба их
С одной лишь похотью связаны.

Любовь являют притворную,
Обман таится в одеждах их.
Учись на жизни Иосифа⁶, –
И там найдёшь ты обманы их.
Ведь знаешь ты: твой отец Адам
Из за них уйти тоже должен был.

А другой сказал:

О несчастный, сильнее от брани любимый!
Мои проступок не столь велик, как ты хочешь.
Полюбивши, свершил я этим лишь то же,
Что и прежде мужи давно совершали.
Удивленья великого тот достоин,
Кто от женских остался чар невредимым...»

Услышав от неё такие слова, оба царя до крайности удивлялись и сказали один другому: «Вот ифрит, и с ним случилось худшее, чем с нами! Подобного не бывало ещё ни с кем!»

И они тотчас ушли от неё и вернулись в город царя Шахрияра, и он вошёл во дворец и отрубил голову своей жене, и рабам, и невольницам.

И царь Шахрияр еженощно стал брать невинную девушку и овладевал ею, а потом убивал её, и так продолжалось в течение трех лет.

И люди возопили и бежали со своими дочерьми, и в городе не осталось ни одной девушки, пригодной для брачной жизни.

И вот потом царь приказал своему везиру привести ему, по обычаю, девушку, и везир вышел и стал искать, но не нашёл девушки и отправился в своё жилище, угнетённый и подавленный, боясь для себя зла от царя. А у царского везира было две дочери: старшая – по имени Шахразада, и младшая – по имени Дуньязада. Старшая читала книги, летописи и жития древних царей и предания о минувших народах, и она, говорят, собрала тысячу летописных книг, относящихся к древним народам, прежним царям и поэтам. И сказала она отцу: «Отчего это ты, я вижу, грустен и подавлен и обременён заботой и печалью? Ведь сказал же кто-то об этом:

Кто заботами подавлен,
Тем скажи: «Не вечно горе!
Как кончается веселье,
Так проходят и заботы».

И, услышав от своей дочери такие слова, везир рассказал ей от начала до конца, что

⁶ Намёк на библейский рассказ об Иосифе Прекрасном, перешедший в мусульманскую повествовательную литературу.

случилось у него с царём. И Шахразада воскликнула: «Заклинаю тебя Аллахом, о батюшка, выдай меня за этого царя, и тогда я либо останусь жить, либо буду выкупом за дочерей мусульман и спасу их от царя». – «Заклинаю тебя Аллахом, – воскликнул везирь, – не подвергай себя такой опасности!» Но Шахразада сказала: «Это неизбежно должно быть!» И везирь молвил: «Я боюсь, что с тобою случится то же, что случилось у быка и осла с земледельцем». – «А что же было с ними?» – спросила Шахразада.

Рассказ о быке с ослом

Знай, о дочь моя, – сказал везирь, – что один купец обладал богатством и стадами скота, и у него была жена и дети, и Аллах великий даровал ему знание языка и наречий животных и птиц. А жил этот купец в деревне, и у него, в его доме, были бык и осел. И однажды бык вошёл в стойло осла и увидел, что оно подметено и побрызгано, а в кормушке у осла просеянный ячмень и просеянная солома, и сам он лежит и отдыхает, и только иногда хозяин ездит на нем, если случится какое-нибудь дело, и тотчас же возвращается. И в какой-то день купец услышал, как бык говорил ослу: «На здоровье тебе! Я устаю, а ты отдыхаешь, и ешь ячмень просеянным, и За тобою ухаживают, и только иногда хозяин ездит на тебе и возвращается, а я должен вечно пахать и вертеть жёрнов». И осел отвечал: «Когда ты выйдешь в поле и тебе наденут на шею ярмо, ложись и не подымайся, даже если тебя будут бить, или встань и ложись опять. А когда тебя приведут назад и дадут тебе бобов, не ешь их, как будто ты больной, и не касайся пищи и питья день, два или три, – тогда отдохнёшь от трудов и тягот». А купец слышал их разговор. И когда погонщик принёс быку его вечерний корм, тот съел самую малость, и наутро погонщик, пришедший, чтобы отвести быка на пашню, нашёл его больным, и опечалился, и сказал: «Вот почему бык не мог вчера работать!» А потом он пошёл к купцу и сказал ему: «О господин мой, бык не годен для работы: он не съел вчера вечером корм и ничего не взял в рот». А купец уже знал, в чем дело, и сказал: «Иди возьми осла и паши на нем, вместо быка, целый день».

Когда к концу дня осел вернулся, после того как весь день пахал, бык поблагодарил его за его милость, избавившую его на этот день от труда, но осел ничего ему не отвечал и сильно раскаивался. И на следующий день земледelec пришёл и взял осла и пахал на нем до вечера, и осел вернулся с ободранной шеей, мёртвый от усталости. И бык, оглядев осла, поблагодарил его и восхвалил, а осел воскликнул: «Я лежал развалившись, но болтливость мне повредила! Знай, – добавил он, – что я тебе искренний советчик; я услышал, как наш хозяин говорил: „Если бык не встанет с места, отдайте его мяснику, пусть он его зарежет и порежет его кожу на куски“. И я боюсь за тебя и тебя предупреждаю. Вот и все!»

Бык, услышав слова осла, поблагодарил его и сказал: «Завтра я пойду с ними работать!» – и потом он съел весь свой корм и даже вылизал языком ясли. А хозяин слышал весь этот разговор. И когда настал день, купец и его жена вышли к коровнику и сели, и погонщик пришёл, взял быка и вывел его; и при виде своего господина бык задрал хвост, пустил ветры и поскакал, а купец засмеялся так, что упал навзничь. «Чему ты смеёшься?» – спросила его жена, и он отвечал: «Я видел и слышал тайну, но не могу её открыть – я тогда умру». – «Ты непременно должен рассказать мне о ней и о причине твоего смеха, даже если умрёшь!» – возразила его жена. Но купец ответил: «Я не могу открыть эту тайну, так как боюсь смерти». И она воскликнула: «Ты, наверное, смеёшься надо мною!» – и до тех пор приставала и надоедала ему, рока он не покорился ей и не расстроился; и тогда он созвал своих детей и послал за судьёй и свидетелями, желая составить завещание и потом открыть жене тайну и умереть, ибо он любил свою жену великой любовью, так как она была дочерью его дяди⁷ и матерью его детей, а он уже прожил сто двадцать лет жизни. Затем купец велел

⁷ Частое в арабских сказках обращение, отражающее древний обычай выдавать девушку замуж за двоюродного брата.

созвать всех родственников и всех живших на его улице и рассказал им эту повесть, добавив, что когда он скажет свою тайну, он умрёт. И все, кто присутствовал, сказали его жене: «Заклинаем тебя Аллахом, брось это дело, чтобы не умер твой муж и отец твоих детей». Но она воскликнула: «Не отстану от него, пока не скажет! Пусть его умирает!» И все замолчали. И тогда купец поднялся и пошёл к стойлу, чтобы совершить омовение и, вернувшись, рассказать им и умереть. А у купца был петух и с ним пятьдесят кур, и ещё у него была собака. И вот он услышал, как собака кричит и ругает петуха, говоря ему: «Ты радуешься, а наш хозяин собирается умирать». – «Как это? – спросил петух; и пёс повторил ему всю повесть, и тогда петух воскликнул: „Клянусь Аллахом, мало ума у нашего господина! У меня вот пятьдесят жён – то с одной помируюсь, то к другой подлажусь; а у хозяина одна жена, и он не знает, как с ней обращаться. Взять бы ему тутовых прутьев, пойти в чулан и бить жену, пока она не умрёт или не закается впредь ни о чем его не спрашивать“.

А торговец слышал слова петуха, обращённые к собаке, – рассказывал везирь своей дочери Шахразаде, – и я сделаю с тобой то же, что он сделал со своей женой».

«А что он сделал?» – спросила Шахразада.

И везирь продолжал: «Наломав тутовых прутьев, он спрятал их в чулан и привёл туда свою жену, говоря: „Подойди сюда, я тебе все скажу в чулане и умру, и никто на меня не будет смотреть“. И она вошла с ним в чулан, и тогда купец запер дверь и принялся так бить свою жену, что она едва не лишилась чувств и закричала: „Я раскаиваюсь!“ А потом она поцеловала мужу руки и ноги, и покаялась, и вышла вместе с ним, и её родные и все собравшиеся обрадовались, и они продолжали жить приятнейшей жизнью до самой смерти».

И, услышав слова своего отца, дочь везиря сказала: «То, чего я хочу, неизбежно!»

И тогда везирь снарядил её и отвёл к царю Шахрияру. А Шахразада подучила свою младшую сестру и сказала ей: «Когда я приду к царю, я пошлю за тобой, а ты, когда придёшь и увидишь, что царь удовлетворил свою нужду во мне, скажи: „О сестрица, поговори с нами и расскажи нам что-нибудь, чтобы сократить бессонную ночь“, – и я расскажу тебе что-то, в чем будет, с соизволения Аллаха, наше освобождение».

И вот везирь, отец Шахразады, привёл её к царю, и царь, увидя его, обрадовался и спросил: «Доставил ли ты то, что мне нужно?»

И везирь сказал: «Да!»

И Шахрияр захотел взять Шахразаду, но она заплакала; и тогда он спросил её: «Что с тобой?»

Шахразада сказала: «О царь, у меня есть маленькая сестра, и я хочу с ней проститься».

И царь послал тогда за Дуньязадой, и она пришла к сестре, обняла её и села на полу возле ложа. И тогда Шахрияр овладел Шахразадой, а потом они стали беседовать; и младшая сестра сказала Шахразаде: «Заклинаю тебя Аллахом, сестрица, расскажи нам что-нибудь, чтобы сократить бессонные часы ночи».

«С любовью и охотой, если разрешит мне безупречный царь», – ответила Шахразада.

И, услышав эти слова, царь, мучавшийся бессонницей, обрадовался, что послушает рассказ, и позволил.

Сказка о купце и духе (ночи 1-2)

Первая ночь

Шахразада сказала: «Рассказывают, о счастливый царь, что был один купец среди купцов, и был он очень богат и вёл большие дела в разных землях. Однажды он отправился в какую-то страну взыскивать долги, и жара одолела его, и тогда он присел под дерево и, сунув руку в седельный мешок, вынул ломоть хлеба и финики и стал есть финики с хлебом. И, съев финик, он кинул косточку – и вдруг видит: перед ним ифрит высокого роста, и в руках у него обнажённый меч. Ифрит приблизился к купцу и сказал ему: „Вставай, я убью тебя, как ты

убил моего сына!“ – „Как же я убил твоего сына?“ – спросил купец. И ифрит ответил: „Когда ты съел финик и бросил косточку, она попала в грудь моему сыну, и он умер в ту же минуту“. – „Поистине, мы принадлежим Аллаху и к нему возвращаемся!“ – воскликнул купец. – Нет мощи и силы ни у кого, кроме Аллаха, высокого, великого! Если я убил твоего сына, то убил нечаянно. Я хочу, чтобы ты простил меня!“ – „Я непременно должен тебя убить“, – сказал джинн и потянул купца и, повалив его на землю, поднял меч, чтобы ударить его. И купец заплакал и воскликнул: «Вручаю своё дело Аллаху! – и произнёс:

Два дня у судьбы: один – опасность, другой – покой;
И в жизни две части есть: та-ясность, а та-печаль.
Скажи же тому, кто пас превратной судьбой корит:
«Враждебна судьба всегда лишь к тем, кто имеет сан.

Не видишь ли ты, как вихрь, к земле пригибающий,
Подувши, склоняет вниз лишь крепкое дерево?
Не видишь ли – в море труп плывёт на поверхности,
А в дальних глубинах дна таятся жемчужины?

И если судьбы рука со мной позабавилась
И гнев её длительный бедой поразил меня,
То знай: в небесах светил так много, что счесть нельзя,
Но солнце и месяц лишь из-за них затмеваются.

И сколько растений есть, зелёных и высохших,
Ко камни кидаем мы лишь в те, что плоды несут.
Доволен ты днями был, пока хорошо жилось,
И зла не страшился ты, судьбой приносимого.

А когда купец окончил эти стихи, джинн сказал ему: «Сократи твои речи! Клянусь Аллахом, я непременно убью тебя!» И купец сказал: «Знай, о ифрит, что на мне лежит долг, и у меня есть много денег, и дети, и жена, и чужие залогов. Позволь мне отправиться домой, я отдам долг каждому, кому следует, и возвращусь к тебе в начале года. Я обещаю тебе и клянусь Аллахом, что вернусь назад, и ты сделаешь со мной, что захочешь. И Аллах тебе в том, что я говорю, поручитель».

И джинн заручился его клятвой и отпустил его, и купец вернулся в свои земли и покончил все свои дела, отдав должное, кому следовало. Он осведомил обо всем свою жену и детей, и составил завещание, и прожил с ними до конца года, а потом совершил омовение, взял под мышку свой саван и, попрощавшись с семьёй, соседями и всеми родными, вышел, наперекор самому себе; и они подняли о нем вопли и крики. А купец шёл, пока не дошёл до той роши (а в тот день было начало нового года), и когда он сидел и плакал о том, что с ним случилось, вдруг подошёл к нему престарелый старец, и с ним, на цепи, газель. И он приветствовал купца и пожелал ему долгой жизни и спросил: «Почему ты сидишь один в этом месте, когда здесь обиталище джиннов?» И купец рассказал ему, что у него случилось с ифритом, и старец, владелец газели, изумился и воскликнул: «Клянусь Аллахом, о брат мой, твоя честность истинно велика, и рассказ твой изумителен, и будь он даже написан иглами в уголках глаза, он послужил бы назиданием для поучающихся!»

Потом старец сел подле купца и сказал: «Клянусь Аллахом, о брат мой, я не уйду от тебя, пока не увижу, что у тебя случится с этим ифритом!» И он сел возле него, и оба вели беседу, и купца охватил страх и ужас, и сильное горе, и великое раздумье, а владелец газели был рядом с ним. И вдруг подошёл к ним другой старец, и с ним две собаки, и поздоровался (а собаки были чёрные, из охотничьих), и после приветствия он осведомился: «Почему вы сидите в этом месте, когда здесь обиталище джиннов?» И ему рассказали все с начала до

конца; и не успел он как следует усесться, как вдруг подошёл к ним третий старец, и с ним пегий мул. И старец приветствовал их и спросил, почему они здесь, и ему рассказали все дело с начала до конца, – а в повторении нет пользы, о господа мои, – и он сел с ними. И вдруг налетел из пустыни огромный крутящийся столб пыли, и когда пыль рассеялась, оказалось, что это тот самый джинн, и в руках у него обнажённый меч, а глаза его мечут искры. И, подойдя к ним, джинн потащил купца за руку и воскликнул: «Вставай, я убью тебя, как ты убил моё дитя, последний вздох моего сердца!» И купец зарыдал и заплакал, и три старца тоже подняли плач, рыдания и вопли.

И первый старец, владелец газели, отделился от прочих и, поцеловав ифриту руку, сказал: «О джинн, венец царе»! джиннов! Если я расскажу тебе, что у меня случилось с этой газелью, и ты сочтёшь мою повесть удивительной, подаришь ли ты мне одну треть крови этого купца?» – «Да, старец, – ответил ифрит, – если ты мне расскажешь историю и она покажется мне удивительной, я подарю тебе треть его крови».

Рассказ первого старца (ночь 1)

Знай, о ифрит, – сказал тогда старец, – что эта газель – дочь моего дяди и как бы моя плоть и кровь. Я женился на ней, когда она была совсем юной, и прожил с нею около тридцати лет, но не имел от неё ребёнка; и тогда я взял наложницу, и она наделила меня сыном, подобным луне в полнолуние, и глаза и брови его были совершенны по красоте! Он вырос, и стал большим, и достиг пятнадцати лет; и тогда мне пришлось поехать в какой-то город, и я отправился с разным товаром. А дочь моего дяди, эта газель, с малых лет научилась колдовству и волхвованию, и она превратила мальчика в телёнка, а ту невольницу, мать его, в корову и отдала их пастуху.

Я приехал спустя долгое время из путешествия и спросил о моем ребёнке и его матери, и дочь моего дяди сказала мне: «Твоя жена умерла, а твой сын убежал, и я не знаю, куда он ушёл». И я просидел год с печальным сердцем и плачущими глазами, пока не пришёл великий праздник Аллаха⁸, и тогда я послал за пастухом и велел ему привести жирную корову. И пастух привёл жирную корову (а это была моя невольница, которую заколдовала эта газель), и я подобрал полы и взял в руки нож, желая её зарезать, но корова стала реветь, стонать и плакать; и я удивился этому, и меня взяла жалость. И я оставил её и сказал пастуху: «Приведи мне другую корову». Но дочь моего дяди крикнула: «Эту зарежь! У меня кет лучше и жирнее её!» И я подошёл к корове, чтобы зарезать её, но она заревела, и тогда я поднялся и приказал тому пастуху зарезать её и ободрать. И пастух зарезал и ободрал корову, но не нашёл ни мяса, ни жира – ничего, кроме кожи и костей. И я раскаялся, что зарезал корову, но от моего раскаянья не было пользы, и отдал её пастуху и сказал ему: «Приведи мне жирного телёнка!» И пастух привёл мне моего сына; и когда телёнок увидел меня, он оборвал верёвку и подбежал ко мне и стал об меня тереться, плача и стелая. Тогда меня взяла жалость, И я сказал пастуху: «Приведи мне корову, а его оставь». Но дочь моего дяди, эта газель, закричала на меня и сказала: «Надо непременно зарезать этого телёнка сегодня: ведь сегодня – день святой и благословенный, когда режут только самое хорошее животное, а среди наших телят нет жирнее и лучше этого!»

«Посмотри, какова была корова, которую я зарезал по твоему приказанию, – сказал я ей. – Видишь, мы с ней обманулись и не имели от неё никакого проку, и я сильно раскаиваюсь, что зарезал её, и теперь, на этот раз, я не хочу ничего слышать о том, чтобы зарезать этого телёнка». – «Клянусь Аллахом великим, милосердным, милостивым, ты непременно зарежешь его в этот священный день, а если нет, то ты мне не муж и я тебе не

⁸ Великий праздник Аллаха, или «праздник жертвы», бывает в «месяц паломничества» (12-й месяц мусульманского лунного календаря). В это время паломники, прибывшие в Мекку, совершают обязательные жертвоприношения.

жена!» – воскликнула дочь моего дяди. И, услышав от неё эти тягостные слова и не зная о её намерениях, я подошёл к телёнку и взял в руки нож...»

Но тут застигло Шахразаду утро, и она прекратила дозволенные речи.

И сестра её воскликнула: «О сестрица, как твой рассказ прекрасен, хорош, и приятен, и сладок!»

Но Шахразада сказала: «Куда этому до того, о чем я расскажу вам в следующую ночь, если буду жить и царь пощадит меня!»

И царь тогда про себя подумал: «Клянусь Аллахом, я не убью её, пока не услышу окончания её рассказа!»

Потом они провели эту ночь до утра обнявшись, и царь отправился вершить суд, а везирь пришёл к нему с саваном под мышкой. И после этого царь судил, назначал и отставлял до конца дня и ничего не приказал везирию, и везирь до крайности изумился.

А затем присутствие кончилось, и царь Шахрияр удалился в свои покои.

Вторая ночь

Когда же настала вторая ночь, Дуньязада сказала своей сестре Шахразаде: «О сестрица, dokonчи свой рассказ о купце и духе».

И Шахразада ответила: «С любовью и удовольствием, если мне позволит царь!»

И царь молвил: «Рассказывай!»

И Шахразада продолжала: «Дошло до меня, о счастливый царь и справедливый повелитель, что когда старик хотел зарезать телёнка, его сердце взволновалось, и он сказал пастуху: „Оставь этого телёнка среди скотины“. (А все это старец рассказывал джинну, и джинн слушал и изумлялся его удивительным речам.) „И было так, о владыка царей джиннов, – продолжал владелец газели, – дочь моего дяди, вот эта газель, смотрела и видела и говорила мне: „Зарежь телёнка, он жирный!“ Но мне было не легко его зарезать, и я велел пастуху взять телёнка, и пастух взял его и ушёл с ним.

А на следующий день я сижу, и вдруг ко мне приходит пастух и говорит: «Господин мой, я тебе что-то такое скажу, от чего ты обрадуешься, и мне за приятную весть полагается подарок». – «Хорошо», – ответил я; и пастух сказал: «О купец, у меня есть дочка, которая с малых лет научилась колдовству у одной старухи, жившей у нас. И вот вчера, когда ты дал мне телёнка, я пришёл к моей дочери, и она посмотрела на телёнка и закрыла себе лицо и заплакала, а потом засмеялась и сказала: „О батюшка, мало же я для тебя значу, если ты вводишь ко мне чужих мужчин!“ – „Где же чужие мужчины, – спросил я, – и почему ты плачешь и смеёшься?“ – „Этот телёнок, который с тобою, – сын нашего господина, – ответила моя дочь. – Он заколдован, и заколдовала его, вместе с его матерью, жена его отца. Вот почему я смеялась; а плакала я по его матери, которую зарезал его отец“. И я до крайности удивился, и, едва увидев, что взошло солнце» я пришёл тебе сообщить об этом».

Услышав от пастуха эти слова, о джинн, я пошёл с ним, без вина пьяный от охватившей меня радости и веселья, и пришёл в его дом, и дочь пастуха приветствовала меня и поцеловала мне руку, а телёнок подошёл ко мне и стал об меня тереться. И я сказал дочери пастуха: «Правда ли то, что ты говоришь об этом телёнке?» И она отвечала: «Да, господин мой, это твой сын и лучшая часть твоего сердца». – «О девушка, – сказал я тогда, – если ты освободишь его, я отдам тебе весь мой скот, и вес имущество, и все, что сейчас в руках твоего отца». Но девушка улыбнулась и сказала: «О господин мой, я не жадна до денег и сделаю это только при двух условиях: первое – выдай меня за него замуж, а второе – позволь мне заколдовать ту, что его заколдовала, и заточить её, иначе мне угрожают её козни».

Услышав от дочери пастуха эти слова, о джинн, я сказал: «И сверх того, что ты требуешь, тебе достанется весь скот и имущество, находящееся в руках твоего отца. Что же до дочери моего дяди, то её кровь для тебя невозбрана».

Когда дочь пастуха услышала это, она взяла чашку и наполнила её водой, а потом

произнесла над водой заклинания и брызнула ею на телёнка, говоря: «Если ты телёнок по творению Аллаха великого, останься в этом образе и не изменяйся, а если ты заколдован, прими свой прежний образ с соизволения великого Аллаха!» Вдруг телёнок встряхнулся и стал человеком, и я бросился к нему и воскликнул: «Заклинаю тебя Аллахом, расскажи мне, что сделала с тобою и с твоей матерью дочь моего дяди!» И он поведал мне, что с ними случилось, и я сказал: «О дитя моё, Аллах послал тебе того, кто освободил тебя и восстановил твоё право».

После этого, о джинн, я выдал дочь пастуха за него замуж, а она заколдовала дочь моего дяди, эту газель, и сказала: «Это прекрасный образ, не дикий, и вид его не внушает отвращения». И дочь пастуха жила с нами дни и ночи и ночи и дни, пока Аллах не взял её к себе, а после её кончины мой сын отправился в страны Индии, то есть в земли этого купца, с которым у тебя было то, что было; и тогда я взял эту газель, дочь моего дяди, и пошёл с нею из страны в страну, высматривая, что случилось с моим сыном, – и судьба привела меня в это место, и я увидел купца, который сидел и плакал. Вот мой рассказ».

«Это удивительный рассказ, – сказал джинн, – и я дарю тебе треть крови купца».

И тогда выступил второй старец, тот, что был с охотничьими собаками, и сказал джинну: «Если я тебе расскажу, что у меня случилось с моими двумя братьями, этими собаками, и ты сочтёшь мой рассказ ещё более удивительным и диковинным, подаришь и ты мне одну треть проступка этого купца?» – «Если твой рассказ будет удивительнее и диковиннее – она твоя», – отвечал джинн.

Рассказ второго старца (ночь 2)

Знай, о владыка царей джиннов, – начал старец, – что эти две собаки – мои братья, а я – третий брат. Мой отец умер и оставил нам три тысячи динаров, и я открыл лавку, чтобы торговать, и мои братья тоже открыли по лавке. Но я просидел в лавке недолго, так как мой старший брат, один из этих псов, продал все, что было у него, за тысячу динаров и, купив товаров и всякого добра, уехал путешествовать. Он отсутствовал целый год, и вдруг, когда я однажды был в лавке, подле меня остановился нищий. Я сказал ему: «Аллах поможет!» Но нищий воскликнул, плача: «Ты уже не узнаешь меня!» – и тогда я всмотрелся в него и вдруг вижу – это мой брат! И я поднялся и приветствовал его и, отведя его в лавку, спросил, что с ним. Но он ответил: «Не спрашивай! Деньги ушли, и счастье изменило». И тогда я свёз его в баню, и одел в платье из моей одежды, и привёл его к себе, а потом я подсчитал оборот лавки, и оказалось, что я нажил тысячу динаров и что мой капитал – две тысячи. Я разделил эти деньги с братом и сказал ему: «Считай, что ты не путешествовал и не уезжал на чужбину»; и брат мой взял деньги, радостный, и открыл лавку.

И прошли ночи и дни, и мой второй брат, – а это другой пёс, – продал своё имущество и все, что у него было, и захотел путешествовать. Мы удерживали его, но не удержали, и, купив товару, он уехал с путешественниками. Его не было с нами целый год, а потом он пришёл ко мне таким же, как его старший брат, и я сказал ему: «О брат мой, не советовал ли я тебе не ездить?» А он заплакал и воскликнул: «О брат мой, так было суждено, и вот я теперь бедняк: у меня нет ни единого дирхема⁹, и я голый, без рубахи». И я взял его, о джинн, и сводил в баню и одел в новое платье из своей одежды, а потом пошёл с ним в лавку, и мы поели и попили, и после этого я сказал ему: «О брат мой, я свожу счета своей лавки один раз каждый новый год, и весь доход, какой будет, пойдёт мне и тебе». И я подсчитал, о ифрит, оборот своей лавки, и у меня оказалось две тысячи динаров, и я восхвалил творца, да будет он превознесён и прославлен! А потом я дал брату тысячу динаров, и у меня осталась тысяча, и брат мой открыл лавку, и мы прожили много дней.

А через несколько времени мои братья приступили ко мне, желая, чтобы я поехал с

⁹ Дирхем – серебряная монета, первоначально составлявшая 1/20 динара.

ними, но я не сделал этого И сказал им: «Что вы такого нажили в путешествии, что бы и я мог нажить?» и не стал их слушать. И мы остались в наших лавках, продавая и покупая, и братья каждый год предлагали мне путешествовать, а я не соглашался, пока не прошло шесть лет. И тогда я позволил им поехать и сказал: «О братья, и я тоже отправлюсь с вами, но давайте посмотрим, сколько у вас денег», – и не нашёл у них ничего; напротив, они все спустили, предаваясь обжорству, пьянству и наслаждениям. Но я не стал с ними говорить и, не сказав ни слова, подвёл счета своей лавки и превратил в деньги все бывшие у меня товары и имущество, и у меня оказалось шесть тысяч динаров. И я обрадовался, и разделил их пополам, и сказал братьям: «Вот три тысячи динаров, для меня и для вас, и на них мы будем торговать». А другие три тысячи динаров я закопал, предполагая, что со мной может случиться то же, что с ними, и когда я приеду, то у меня останется три тысячи динаров, на которые мы снова откроем свои лавки. Мои братья были согласны, и я дал им по тысяче динаров, и у меня тоже осталась тысяча, и мы Закупили необходимые товары, и снарядились в путь, и наняли корабль, и перенесли туда свои пожитки.

Мы ехали первый день, и второй день, и путешествовали целый месяц, пока не прибыли со своими товарами в один город. Мы получили на каждый динар десять и хотели уезжать, как увидели на берегу моря девушку, одетую в рваные лохмотья, которая поцеловала мне руку и сказала: «О господин мой, способен ли ты на милость и благодеяние, за которое я тебя отблагодарю?» – «Да, – отвечал я ей, – я люблю благодеяния и милости и помогу тебе, даже если ты не отблагодаришь меня». И тогда девушка сказала: «О господин, женись на мне и возьми меня в свои земли. Я отдаю тебе себя, будь же ко мне милостив, ибо я из тех, кому оказывают добро и благодеяния, а я отблагодарю тебя. И да не введёт тебя в обман моё положение». И когда я услышал слова девушки, моё сердце устремилось к ней, во исполнение того, что угодно Аллаху, великому, славному, и я взял девушку и одел её, и постлал ей на корабле хорошую постель, и заботился о ней, и почитал её. А потом или поехали дальше, и в моем сердце родилась большая любовь к девушке, и не расставался с ней ни днём, ни ночью. Я пренебрёг из-за неё моими братьями, и они приревновали меня и позавидовали моему богатству и изобилию моих товаров, и глаза их не знали сна, жадные до наших денег. И братья заговорили о том, как бы убить меня и взять мои деньги, и сказали: «Убьём брата, и все деньги будут наши».

И дьявол украсил это дело в их мыслях. И они подошли ко мне, когда я спал рядом с женою, и подняли меня вместе с нею и бросили в морс; и тут моя жена пробудилась, встряхнулась и стала ифриткой и понесла меня – и вынесла на остров. Потом она ненадолго скрылась и, вернувшись ко мне год устро, сказала: «Я твоя жена, и я тебя вынесла и спасла от смерти по изволению Аллаха великою. Знай, я твоя суженая, и когда я тебя увидела, моё сердце полюблю тебя ради Аллаха, – а я верую в Аллаха и его посланника, да благословит его Аллах и да и приветствует! И я пришла к тебе такого, как ты видел меня, и ты взял меня в жены, – и вот я спасла тебя от потопления. По я разгневалась на твоих братьев, и мне непременно надо их убить». Услышав её слова, я изумился и поблагодарил её за её поступок и сказал ей: «Что же касается убийства моих братьев, знай!» – и я поведал ей все, что у меня с ними было, с начала до конца.

И, узнав это, она сказала: «Я сегодня ночью слетаю к ним и потоплю их корабль и погублю их». – «Закликаю тебя Аллахом, – сказал я, – не делай этого! Ведь говорит изречение: „О благодетельствующий злему, достаточно со злодея и того, что он сделал“. Как бы то ни было, они мои братья». – «Я непременно должна их убить», – возразила джинния. И я принялся её умолять, и тогда она отнесла меня на крышу моего дома. И я отпер двери и вынул то, что спрятал под землёй, и открыл свою лавку, пожелав людям мира и купив товаров. Когда же настал вечер, я вернулся домой и нашёл этих двух собак, привязанных во дворе, – и, увидев меня, они встали и заплакали и уцепились за меня.

И не успел я оглянуться, как моя жена сказала мне:

«Это твои братья». – «А кто с ними сделал такое дело?» – спросил я. И она ответила: «Я послала за моей сестрой, и она сделала это с ними, и они не освободятся раньше чем через

десять лет». И вот я пришёл сюда, идя к ней, чтобы она освободила моих братьев после того, как они провели десять лет в таком состоянии, и я увидел этого купца, и он рассказал мне, что с ним случилось, и мне захотелось не уходить отсюда и посмотреть, что у тебя с ним будет. Вот мой рассказ».

«Это удивительная история, и я дарю тебе треть крови купца и его проступка», – сказал джинн.

И тут третий старец, владелец мула, сказал: «Я расскажу тебе историю диковиннее этих двух, а ты, о джинн, подари мне остаток его крови и преступления». – «Хорошо», – отвечал джинн.

Рассказ третьего старца (ночь 2)

О, султан и глава всех джиннов, – начал старец, – Знай, что этот мул был моей женой. Я отправился в путешествие и отсутствовал целый год, а потом я закончил поездку и вернулся ночью к жене. И я увидел чёрного раба, который лежал с нею в постели, и они разговаривали, играли, смеялись, целовались и возились. И, увидя меня, моя жена поспешно поднялась с кувшином воды, произнесла что-то над нею и брызнула на меня и сказала: «Измени свой образ и прими образ собаки!» И я тотчас же стал собакой, и моя жена выгнала меня из дома; и я вышел из ворот и шёл до тех пор, пока не пришёл к лавке мясника. И я подошёл и стал есть кости, и когда хозяин лавки меня заметил, он взял меня и ввёл к себе в дом. И, увидев меня, дочь мясника закрыла от меня лицо и воскликнула: «Ты приводишь мужчину и входишь с ним к нам!» – «Где же мужчина?» – спросил её отец. И она сказала: «Этот пёс – мужчина, которого заколдовала его жена, и я могу его освободить». И, услышав слова девушки, её отец воскликнул: «Заклинаю тебя Аллахом, дочь моя, освободи его». И она взяла кувшин с водой, и произнесла над ней что-то и слегка брызнула на меня, и сказала: «Перемени этот образ на твой прежний вид!» И я принял свой первоначальный образ и поцеловал руку девушки и сказал ей: «Я хочу, чтобы ты заколдовала мою жену, как она заколдовала меня». И девушка дала мне немного воды и сказала: «Когда увидишь свою жену спящей, брызни на неё этой водой и скажи, что захочешь, и она станет тем, чем ты пожелаешь». И я взял воду и вошёл к своей жене, и, найдя её спящей, брызнул на неё водой и сказал: «Покинь этот образ и прими образ мула!» И она тотчас же стала мулом, тем самым, которого ты видишь своими глазами, о султан и глава джиннов».

И джинн спросил мула: «Верно?» И мул затряс головой и заговорил знаками, обозначавшими: «Да, клянусь Аллахом, это моя повесть и то, что со мной случилось!»

И когда третий старец кончил свой рассказ, джинн затрясся от восторга и подарил ему треть крови купца...»

Но тут застигло Шахразаду утро, и она прекратила дозволенные речи.

И сестра её сказала: «О сестрица, как сладостен твой рассказ, и хорош, и усладителен, и нежен».

И Шахразада ответила: «Куда этому до того, о чем я расскажу вам в следующую ночь, если я буду жить и царь оставит меня».

«Клянусь Аллахом, – воскликнул царь, – я не убью её, пока не услышу всю её повесть, ибо она удивительна!»

И потом они провели эту ночь до утра обнявшись, и царь отправился

вершить суд, и пришли войска и везирь, и диван¹⁰ наполнился людьми. И царь судил, назначал, к отставлял, и запрещал, и приказывал до конца дня.

И потом диван разошёлся, и царь Шахрияр удалился в свои покои. И с приближением ночи он удовлетворил свою нужду с дочерью везира.

¹⁰ Слово «диван» здесь употреблено в значении «собрание» (царедворцев султана); иногда этим словом обозначается место, где происходят подобные собрания.

Третья ночь

А когда настала третья ночь, её сестра Дуньязада сказала ей: «О сестрица, dokonчи твой рассказ».

И Шахразада ответила: «С любовью и охотой! Дошло до меня, о счастливый царь, что трети!! старец рассказал джинну историю, диковиннее двух других, и джинн до крайности изумился и затрясся от восторга и сказал: „Дарю тебе остаток проступка купца и отпускаю его“. И купец обратился к старцам и поблагодарил их, и они поздравили его со спасением, и каждый из них вернулся в свою страну. Но это не удивительней, чем сказка о рыбаке».

«А как это было?» – спросил царь.

Сказка о рыбаке (ночи 3-4)

Дошло до меня, о счастливый царь, – сказала Шахразада, – что был один рыбак, далеко зашедший в годах, и были у него жена и трое детей, и жил он в бедности. И был у него обычай забрасывать свою сеть каждый день четыре раза, не иначе; и вот однажды он вышел в полуденную пору, и пришёл на берег моря, и поставил свою корзину, и, подобрав полы, вошёл в море и закинул сеть. Он выждал, пока сеть установится в воде, и собрал верёвки, и когда почувствовал, что сеть отяжелела, попробовал её вытянуть, но не смог; и тогда он вышел с концом сети на берег, вбил колышек, привязал сеть и, раздевшись, стал пырять вокруг неё, и до тех пор старался, пока не вытащил её. И он обрадовался и вышел и, надев свою одежду, подошёл к сети, но нашёл в ней мёртвого осла, который разорвал сеть. Увидев это, рыбак опечалился и воскликнул:

«Нет мощи и силы, кроме как у Аллаха, высокого, великого! Поистине, это удивительное пропитание! – сказал он потом и произнёс:

О ты, погрузившийся в мрак ночи и гибели,
Усилья умерь свои: надел не труды дают.
Не видишь ли моря ты, и к морю рыбак идёт,
Собравшись на промысел под сенью светил ночных?

Вошёл он в пучину вод, и хлещет волна его,
И взора не сводит он с раздутых сетей своих.

Но мирно проспавши ночь, довольный той рыбою,
Чьё горло уж проткнуто железом убийственным,
Продаст он улов тому, кто ночь безмятежно спал,
Укрытый от холода во благе и милости.

Хвала же творцу! Одним он даст, а другим не даст;
Одним суждено ловить, другим – поедать улов».

Потом он сказал: «Живо! Милость непременно будет, если захочет Аллах великий! – и произнёс:

Если будешь ты поражён бедой, облачись тогда
Во терпенье славных; поистине, так разумнее;
Рабам не сетуй: на доброго станешь сетовать
Перед теми ты, кто не будет добр никогда к тебе».

Потом он выбросил осла из сети и отжал её, а окончив отжимать сеть, он расправил её и вошёл в море и, сказав: «Во имя Аллаха!», снова забросил. Он выждал, пока сеть установится; и она отяжелела и зацепилась крепче, чем прежде, и рыбак подумал, что это рыба, и, привязав сеть, разделся, вошёл в воду и до тех пор нырял, пока не высвободил её. Он трудился над нею, пока не поднял её на сушу, но нашёл в ней большой кувшин, полный песку и ила. И, увидев это, рыбак опечалился и произнёс:

«О ярость судьбы – довольно!
А мало тебе – будь мягче!
Я вышел за пропитаньем,
Но вижу – оно скончалось.

Как много глупцов в Плеядах
И сколько во прахе мудрых!»

Потом он бросил кувшин и отжал сеть и вычистил её и, попросив прощенья у Аллаха великого, вернулся к морю в третий раз и опять закинул сеть. И, подождав, пока она установится, он вытянул сеть, но нашёл в ней черепки, осколки стекла и кости. И тогда он сильно рассердился и заплакал и произнёс:

«Вот доля твоя: вершить делами не властен ты;
Ни знание, ни сила чар надела не даст тебе;
И счастье и доля всем заранее розданы,
И мало в земле одной, и много в другой земле.

Превратность судьбы гнетёт и клонит воспитанных,
А подлых возносит ввысь, достойных презрения,
О смерть, посети меня! Поистине, жизнь скверна,
Коль сокол спускается, а гуси взлетают ввысь.

Не диво, что видишь ты достойного в бедности,
А скверный свирепствует, над всеми имея власть:
И птица кружит одна с востока и запада
Над миром, другая ж все имеет, не двигаясь».

Потом он поднял голову к небу и сказал: «Боже, ты Знаешь, что я забрасываю свою сеть только четыре раза в день, а я уже забросил её трижды, и ничего не пришло ко мне. Пошли же мне, о боже, в этот раз моё пропитание!»

Затем рыбак произнёс имя Аллаха и закинул сеть в море и, подождав, пока она установится, потянул её, но не мог вытянуть, и оказалось, она запуталась на дне.

«Кет мощи и силы, кроме как у Аллаха! – воскликнул рыбак и произнёс:

Тьфу всей жизни, если будет такова, –
Я узнал в пей только горе и беду!
Коль безоблачна жизнь мужа на заре,
Чашу смерти должен выпить к ночи он.

А ведь прежде был я тем, о ком ответ
На вопрос: кто всех счастливей? – был: вот он!»

Он разделся и нырнул за сетью, и трудился над ней, пока не поднял на сушу, и, растянув сеть, он нашёл в ней кувшин из жёлтой меди, чем-то наполненный, и горлышко его

было запечатано свинцом, на котором был оттиск перстня господина нашего Сулеймана ибн Дауда¹¹, – мир с ними обоими! И, увидав кувшин, рыбак обрадовался и воскликнул: «Я продам его на рынке медников, он стоит десять динаров золотом!» Потом он подвигал кувшин, и нашёл его тяжёлым, и увидел, что он плотно закрыт, и сказал себе: «Взгляну-ка, что в этом кувшине! Открою его и посмотрю, что в нем есть, а потом продам!» И он вынул нож и старался над свинцом, пока не сорвал его с кувшина, и положил кувшин боком на землю и потряс его, чтобы то, что было в нем, вылилось, – но оттуда не полилось ничего, и рыбак до крайности удивился. А потом из кувшина пошёл дым, который поднялся до облаков небесных и пополз по лицу земли, и когда дым вышел целиком, то собрался и сжался, и затрепетал, и сделался ифритом с головой в облаках и ногами на земле. И голова его была как купол, руки как вилы, ноги как мачты, рот словно пещера, зубы точно камни, ноздри как трубы, и глаза как два светильника, и был он мрачный, мерзкий.

И когда рыбак увидел этого ифрита, у него задрожали поджилки и застучали зубы и высохла слюна, и он не видел перед собой дороги. А ифрит, увидя его, воскликнул: «Нет бога, кроме Аллаха, Сулейман – пророк Аллаха!»

Потом он вскричал: «О пророк Аллаха, не убивай меня! Я не стану больше противиться твоему слову и не ослушаюсь твоего веления!» И рыбак сказал ему: «О мари́д, ты говоришь: „Сулейман – пророк Аллаха“, а Сулейман уже тысяча восемьсот лет как умер, и мы живём в последние времена перед концом мира. Какова твоя история, и что с тобой случилось, и почему ты вошёл в этот кувшин?»

И, услышав слова рыбака, мари́д воскликнул: «Нет бога, кроме Аллаха! Радуйся, о рыбак!» – «Чем же ты меня порадуешь?» – спросил рыбак. И ифрит ответил: «Тем, что убью тебя сию же минуту злейшей смертью». – «За такую весть, о начальник ифритов, ты достоин лишиться защиты Аллаха!» – вскричал рыбак. – О проклятый, за что ты убиваешь меня и зачем нужна тебе моя жизнь, когда я освободил тебя из кувшина и спас со дна моря и поднял на сушу?» – «Пожелай, какой смертью хочешь умереть и какой казнью казнён!» – сказал ифрит. И рыбак воскликнул: «В чем мой грех и за что ты меня так награждаешь?» – «Послушай мою историю, о рыбак», – сказал ифрит, и рыбак сказал: «Говори и будь краток, а то у меня душа уже подошла к носу!»

«Знай, о рыбак, – сказал ифрит, – что я один из джиннов-вероотступников, и мы ослушались Сулеймана, сына Дауда, – мир с ними обоими! – я и Сахр, джинн. И Сулейман прислал своего везиря, Асафа ибн Барахию, и он привёл меня к Сулейману насильно, в унижении, против моей воли. Он поставил меня перед Сулейманом, и Сулейман, увидев меня, призвал против меня на помощь Аллаха И предложил мне принять истинную веру и войти под его власть, но я отказался. И тогда он велел принести этот кувшин и заточил меня в нем и запечатал кувшин свинцом, оттиснув на нем величайшее из имён Аллаха, а потом он отдал приказ джиннам, и они понесли меня и бросили посреди моря. И я провёл в море сто лет и сказал в своём сердце: всякого, кто освободит меня, я обогащу навеки. Но прошло ещё сто лет, и никто меня не освободил. И прошла другая сотня, и я сказал: всякому, кто освободит меня, я открою сокровища земли. Но никто не освободил меня. И надо мною прошло ещё четыреста лет, и я сказал: всякому, кто освободит меня, я исполню три желания. Но никто не освободил меня, и тогда я разгневался сильным гневом и сказал в душе своей: всякого, кто освободит меня сейчас, я убью и предложу ему выбрать, какою смертью умереть! И вот ты освободил меня, и я тебе предлагаю выбрать, какой смертью ты хочешь умереть».

Услышав слова ифрита, рыбак воскликнул: «О диво Аллаха! А я-то пришёл освободить тебя только теперь! Избавь меня от смерти – Аллах избавит тебя, – сказал он ифриту. – Не

¹¹ Сулейман ибн Дауд (Соломон, сын Давидов) – один из любимых героев мусульманской повествовательной литературы. Его имя часто упоминается в «1001 ночи. На перстне Сулеймана, по преданию, было вырезано так называемое величайшее из девяти имён Аллаха, знание которого будто бы давало ему власть над джиннами, птицами и ветрами»

губи меня – Аллах даст над тобою власть тому, кто тебя погубит». – «Твоя смерть неизбежна, пожелай же, какой смертью тебе умереть», – сказал марид.

И когда рыбак убедился в этом, он снова обратился к ифриту и сказал: «Помилуй меня в награду за то, что я тебя освободил». – «Но я ведь и убиваю тебя только потому, что ты меня освободил!» – воскликнул ифрит. И рыбак сказал: «О шейх¹² ифритов, я поступаю с тобой хорошо, а ты воздаёшь мне скверным. Не лжёт изречение, заключающееся в таких стихах:

Мы благо им сделали, – обратным воздали нам;
Вот, жизнью моей клянусь, порочных деяния!
Поступит похвально кто с людьми недостойными –
Тем будет так воздано, как давшим гиене кров».

Услышав слова рыбака, ифрит воскликнул: «Не тани, твоя смерть неизбежна!» И рыбак подумал: «Это джинн, а я человек, и Аллах даровал мне совершенный ум. Вот я придумаю, как погубить его хитростью и умом, пока он измышляет, как погубить меня коварством и мерзостью».

Потом он сказал ифриту: «Моя смерть неизбежна?» И ифрит отвечал: «Да». И тогда рыбак воскликнул: «Заклинаю тебя величайшим именем, вырезанным на перстне Сулеймана ибн Дауда – мир с ними обоими! – я спрошу тебя об одной вещи, скажи мне правду». – «Хорошо, – сказал ифрит, – спрашивай и будь краток!» – и он задрожал и затрясся, услышав упоминание величайшего имени. А рыбак сказал: «Ты был в этом кувшине, а кувшин не вместит даже твоей руки или ноги. Так как же он вместил тебя всего?» – «Так ты не веришь, что я был в нем?» – вскричал ифрит. «Я никогда тебе не поверю, пока не увижу тебя там своими глазами», – отвечал рыбак...

И Шахразад устало зевнула, и она прекратила дозволенные речи.

Четвёртая ночь

Когда же настала четвёртая ночь, её сестра сказала: «Закончи твой рассказ, если тебе не хочется спать».

И Шахзада продолжала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что рыбак сказал ифриту: „Никогда тебе не поверю, пока не увижу тебя там своими глазами“. И тогда ифрит встряхнулся и стал дымом над морем, и собрался, и мало-помалу стал входить в кувшин, пока весь дым не оказался в кувшине. И тут рыбак поспешно схватил свинцовую пробку с печатью и закрыл ею кувшин и закричал на ифрита: „Выбирай, какой смертью умрёшь! Клянусь Аллахом, я брошу тебя в море и построю себе здесь дом, и всякому, кто придёт сюда, я не дам ловить рыбу и скажу: «Тут ифрит, и всем, кто его вытащит, он предлагает выбрать, как умереть и как быть убитым!»“

Услышав слова рыбака и почувствовав себя в заточении, ифрит хотел выйти, но не мог, так как ему не позволяла печать Сулеймана. И он понял, что рыбак перехитрил его, и сказал: «Я пошутил с тобой!» Но рыбак воскликнул: «Лжёшь, о презреннейший из ифритов и грязнейший и ничтожнейший из них!» И потом он понёс кувшин к берегу моря, и ифрит кричал: «Нет, нет!», а рыбак говорил: «Да! да!» Ифрит смягчил свои речи и стал смиренным и сказал: «Что ты хочешь со мной сделать, о рыбак?» И рыбак ответил: «Я брошу тебя в море; и если ты уже провёл в нем тысячу восемьсот лет, то я заставлю тебя пробыть там, пока не настанет судный час.

Не говорил ли я тебе: «Пощади меня – пощадит тебя Аллах, не убивай меня – убьёт

¹² Шейх – старшина, почтённый старец.

тебя Аллах!», но ты н? послушал моих слов и хотел только обмануть меня, и Аллах отдал тебя мне в руки, и я обманул тебя».

«Открой меня, и я окажу тебе милость», – сказал ифрит. Но рыбак воскликнул: «Лжешь, проклятый! Я и ты подобны везирию царя Юнана и врачу Дубану». – «А кто это такие, везирь царя Юнана и врач Дубан и какова их история?» – спросил ифрит.

Повесть о везире царя Юнана (ночи 4-5)

Знай, о ифрит, – начал рыбак, – что в древние времена и минувшие века и столетия был в городе персов и в земле Румана¹³ царь по имени Юнан. И был он богат и велик и повелевал войском и телохранителями всякого рода, но на теле его была проказа, и врачи и лекаря были против неё бессильны. И царь пил лекарства и порошки и мазался мазями, но ничто не помогало ему, и ни один врач не мог его исцелить. А в город царя Юнана пришёл великий врач, далеко зашедший в годах, которого звали врач Дубан. Он читал книги греческие, персидские, византийские, арабские и сирийские, знал врачевание и звездочетство и усвоил их правила и основы, их; пользу и вред, и он знал также все растения и травы, свежие и сухие, полезные и вредные, и изучил философию, и постиг все науки и прочее.

И когда этот врач пришёл в город и пробыл там немного дней, он услышал о царе и поразившей его тело проказе, которою испытал его Аллах, к о том, что учёные и врачи не могут излечить её. И когда это дошло до врача, он провёл ночь в занятиях, а лишь только наступило утро и засияло светом и заблестало, он надел лучшее из своих платьев и вошёл к царю Юнану. Облобызав перед ним землю, врач пожелал ему вечной славы и благоденствия и отлично это высказал, а потом представился и сказал: «О царь, я узнал, что тебя постигла болезнь, которая у тебя на теле, и что множество врачей не знает средства излечить её. Но вот я тебя вылечу, о царь, и не буду ни поить тебя лекарством, ни мазать мазью».

Услышав его слова, царь Юнан удивился и воскликнул: «Как же ты это сделаешь? Клянусь Аллахом, если ты меня исцелишь, я обогашу тебя и детей твоих детей и облагодетельствую тебя, и все, что ты захочешь, будет твоё, и ты станешь моим сотрапезником и любимцем!» Потом царь Юнан наградил врача почётной одеждой¹⁴, и оказал ему милость, и спросил его: «Ты вылечишь меня от этой болезни без помощи лекарства и мази?» И врач отвечал: «Да, я тебя вылечу». И царь до крайности изумился, а потом спросил: «О врач, в какой же день и в какое время будет то, о чем ты мне сказал? Поторопись, сын моя!» – «Слушаю и повинуюсь, – ответил врач, – это будет завтра». А затем он спустился в город и нанял дом и сложил туда свои книги и лекарства и зелья, а потом он вынул зелья и снадобья и вложил их в молоток, который выдолбил, а к молотку он приделал ручку и искусно приспособил к нему шар. И на следующее утро, когда все это было изготовлено и окончено, врач отправился к царю и, войдя к нему, облобызал перед ним землю и велел ему выехать на ристалище и играть с шаром и молотком. А с царём были эмиры, придворные, и везири, и вельможи царства. И не успел он прибыть на ристалище, как пришёл врач Дубан, и подал ему молоток, и сказал: «Возьми этот молоток и держи его за эту вот ручку и гоняйся по ристалищу и вытягивайся хорошенько – бей по шару, пока твоя рука и тело не вспотеют и лекарство не перейдёт из твоей руки и не распространится по телу. Когда же ты кончишь играть и лекарство распространится у тебя по всему телу, возвращайся во дворец, а потом сходи в баню, вымойся и ложись спать. Ты исцелишься, и конец».

И тогда царь Юнан взял у врача молоток и схватил его рукою, и сел на коня, и кинул перед собою шар и погнался за ним, и настиг его, и с силой ударил, сжав рукою ручку

¹³ Земля Румана (или «земля румов») – так называли в странах Ближнего Востока Византийскую империю.

¹⁴ Почётная одежда – платье с царского плеча, жалуемое как знак отличия. Кроме одежды, награждаемый получал драгоценный меч и коня в полной сбрую.

молотка. И он до тех пор бил по шару и гонялся за ним, пока его рука и все тело не покрылись испариной и снадобье не растеклось из ручки. И тут врач Дубан узнал, что лекарство распространилось по телу царя, и велел ему возвращаться во дворец и сию же минуту пойти в баню. И царь Юнан немедленно возвратился и приказал освободить для себя баню; и баню освободили, и постельничьи поспешили, и рабы побежали к царю, обгоняя друг друга, и приготовили ему бельё. И царь вошёл в баню, и хорошо вымылся, и надел свои одежды в бане, а затем он вышел и поехал во дворец и лёг спать.

Вот что было с царём Юнаном. Что же касается врача Дубана, то он возвратился к себе домой и проспал ночь, а когда наступило утро, он пришёл к царю и попросил разрешения войти. И царь приказал ему войти; и врач вошёл, и облобызал перед ним землю, и сказал нараспев, намекая на царя, такие стихи:

«Возвышаются все достоинства, коль отцом ты их
Называешься, а назвать другого – откажutsя.
О ты, чей лик сиянием огней своих
Прогоняет мрак дурного дела с чела судьбы!

Да сияет лик и да светится неизменно твой,
Хотя лик времён неизменно гневен и хмур всегда!
Оросил меня своей милостью и благами ты, –
То же сделали, что с холмами тучи, со мной они.

И бросал в пучины богатства ты с большой щедростью,
И достиг высот ты желаемых таким образом».

И когда он кончил говорить стихи, царь поднялся на ноги и обнял его, и посадил с собою рядом, и наградил драгоценными одеждами. (А царь, вышедши из бани, посмотрел на своё тело и совершенно не нашёл на нем проказы, и оно стало чистым, как белое серебро; и царь обрадовался этому до крайности, и его грудь расправилась и расширилась.) Когда же настало утро, царь пришёл в диван и сел на престол власти, и придворные и вельможи его царства встали перед ним, и к нему вошёл врач Дубан, и царь, увидев его, поспешно поднялся и посадил его с собою рядом. И вот накрыли роскошные столы с кушаньями, и царь поел вместе с Дубаном и, не переставая, беседовал с ним весь этот день. Когда же настала ночь, царь дал Дубану две тысячи динаров, кроме почётных одежд и прочих даров, и посадил его на своего коня, и Дубан удалился к себе домой. А царь Юнан все удивлялся его искусству и говорил: «Этот врач лечил меня снаружи и не мазал никакой мазью. Клянусь Аллахом, вот это действительная мудрость! И мне следует оказать этому человеку уважение и милость и сделать его своим собеседником и сотрапезником на вечные времена!» И царь Юнан провёл ночь довольный, радуясь здоровью своего тела и избавлению от болезни; а когда наступило утро, он вышел и сел на престол, и вельможи его царства встали перед ним, а везири и эмиры сели справа и слева.

Потом царь Юнан потребовал врача Дубана, и тот вошёл к нему и облобызал перед ним землю, а царь поднялся перед ним и посадил его с собою рядом. Он поел вместе с врачом, и пожелал ему долгой жизни, и пожаловал ему дары и одежды, и беседовал с ним до тех пор, пока не настала ночь, – и тогда царь велел выдать врачу пять почётных одежд и тысячу динаров, и врач удалился к себе домой, воздавая благодарность царю. А когда наступило утро, царь вышел в диван, окружённый придворными, везириями и эмирами.

А у царя был один везирь гнусного вида, скверный и порочный, скупой и завистливый, сотворённый из одной зависти; и когда этот везирь увидел, что царь приблизил к себе врача Дубана и оказывает ему такие милости, он позавидовал ему и затаил на него зло. Ведь говорится же: ничьё тело не свободно от зависти, и сказано: несправедливость таится в сердце; сила её проявляет, а слабость скрывает. И вот этот везирь подошёл к царю Юнану и,

облобызав перед ним землю, сказал: «О царь нашего века и времени! Ты тот, в чьей милости я вырос, и у меня есть для тебя великий совет. И если я его от тебя скрою, я буду сыном прелюбодеяния; если же ты прикажешь его открыть тебе, я открою его». И царь, которого встревожили слова везиря, спросил его: «Что у тебя за совет?»

И везирь отвечал: «О благородный царь, древние сказали:

«Кто не думает об исходе дел, тому судьба не друг». И я вижу, что царь поступает неправильно, жалуя своего врача и того, кто ищет прекращения его царства. А царь был к нему милостив и оказал ему величайшее уважение и до крайности приблизил его к себе, и я опасаюсь за царя».

И царь, встревожившись и изменившись в лице, спросил везиря: «Про кого ты говоришь и на кого намекаешь?» И везирь сказал: «Если ты спишь, проснись! Я указываю на врача Дубана». – «Горе тебе, – сказал царь, – это мой друг, и он мне дороже всех людей, так как он вылечил меня чем-то, что я взял в руку, и исцелил меня от болезни, против которой были бессильны врачи. Такого, как он, не найти в наше время нигде в мире, ни на востоке, ни на западе, а ты говоришь о нем такие слова. С сегодняшнего дня я установлю ему жалованье и выдачи и назначу ему на каждый месяц тысячу динаров, но даже если бы я разделил с ним своё царство, и этого было бы поистине мало. И я думаю, что ты это говоришь из одной только зависти» подобно тому, что я узнал о царе ас-Синдбаде...»

И Шахразад устала, и она прекратила дозволенные речи.

Пятая ночь

Когда же настала пятая ночь, её сестра сказала ей: «Докончи твой рассказ, если тебе не хочется спать».

И Шахразада продолжала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что царь Юнан сказал своему везирю: „О везирь, тебя взяла зависть к этому врачу, и ты хочешь его смерти, а я после этого стану раскаиваться, как раскаялся царь ас-Синдбад, убивши сокола“. – „Прости меня, о царь времени, а как это было?“ – спросил везирь.

Рассказ о царе ас-Синдбаде (ночь 5)

Говорят, – а Аллах лучше знает, – начал царь, – что был один царь из царей персов, который любил веселье, прогулки, охоту и ловлю. И он воспитал сокола и не расставался с ним ни днём, ни ночью, и всю ночь он держал его на руке, а когда отправлялся на охоту, то брал сокола с собою. Царь сделал для сокола золотую чашку, висевшую у него на шее, и поил его из этой чашки. И вот однажды царь сидит, и вдруг приходит к нему главный сокольник и говорит: «О царь времени, пришла пора выезжать на охоту». И царь приказал выезжать и взял сокола на руку; и охотники ехали до тех пор, пока не достигли одной долины, там растянули сеть для ловли, и вдруг в эту сеть попала газель, и тогда царь воскликнул: «Всякого, через чью голову газель перескочит, я убью».

И охотники сузили сеть вокруг газели, и вдруг газель подошла к царю и, оставаясь на задних ногах, передние сложила на груди, как бы целуя перед царём землю.

И царь кивнул газели головой, а она прыгнула через его голову и убежала в пустыню. И царь увидел, что вся свита перемигивается, и спросил: «О везирь, что они говорят?» И везирь ответил: «Они говорят, что ты сказал:

«Всякий, через чью голову газель перескочит, будет убит». И тогда царь воскликнул: «Клянусь моей головой, я буду преследовать её, пока не приведу!» И царь поехал по следам газели и неотступно скакал за ней по горам.

А она хотела войти в чащу, и тогда царь спустил за ней сокола, и сокол бил её крыльями по глазам, пока не ослепил и не ошеломил. И царь вынул дубинку и ударил газель и повалил её, и потом он сошёл и прирезал газель и, сняв с неё шкуру, привесил её к луке

седла. А было время полуденного отдыха, и в зарослях, пустынных к высохших, нельзя было найти воды. И царь почувствовал жажду, и конь захотел пить, – и тогда царь покружил и увидел дерево, с которого текла вода, точно масло. А на руках у царя были надеты рукавицы из кожи, и он взял чашку с шеи сокола и наполнил её этой водой. Он поставил перед собой чашку, но сокол вдруг ударил её крылом и опрокинул; и тогда царь поднял чашку и стал набирать второй раз в неё стекавшее масло, пока не наполнил. Он думал, что сокол хочет пить, и поставил перед ним чашку, но сокол опять ударил её и опрокинул. И царь рассердился на сокола и в третий раз наполнил чашку и поставил её перед конём, но сокол снова опрокинул чашку крылом. И тогда царь воскликнул: «Да накажет тебя Аллах, о злосчастнейшая птица! Ты лишила питья и меня, и коня, и себя самое!» – и, ударив сокола мечом, он отрубил ему крылья.

И тогда птица стала поднимать голову, говоря знаками: «Посмотри, что на вершине дерева». И царь поднял глаза и увидел на дереве детёныша ехидны, а та жидкость была его ядом. И раскаялся царь, что отрубил соколу крылья, и поднялся, и сел на коня, и поехал, взявши с собою газель, и достиг шатра со своею добычей. Он отдал газель повару и сказал: «Возьми её и изжарь!», а потом он сел на престол, и сокол был на его руке. И вдруг птица испустила крик и умерла; и царь закричал от печали и горя, что убил сокола, после того как тот спас его от гибели. Вот и все, что было с царём ас-Синдбадом».

Услышав слова царя Юнана, везирь сказал: «О царь, высокий саном, что же сделал мне врач дурного? Я не видел от него зла и поступаю так только из жалости к тебе, чтобы ты знал, что мои слова верны, а иначе ты погибнешь, как погиб везирь, который строил козни против сына одного из царей». – «А как это было?» – спросил царь Юнан.

Сказка о коварном везире (ночь 5)

Знай, о царь, – сказал везирь, – что у одного царя был везирь, а у этого царя был сын, который любил охоту и ловлю, и везирь его отца находился с ним. И царь, отец юноши, приказал этому везирию быть с царевичем, куда бы тот ни отправился. Однажды юноша выехал на охоту, и везирь его отца выехал с ним, и они поехали вместе. И везирь увидел большого зверя и сказал царевичу: «Вот тебе зверь, гонись за ним». И царевич помчался за зверем и исчез с глаз, и зверь скрылся от него в пустыне. И царевич растерялся и не знал, куда идти и в какую сторону направиться, и вдруг видит: у обочины дороги сидит девушка и плачет.

«Кто ты?» – спросил её царевич; и девушка сказала: «Я дочь царя из царей Индии, и я была в пустыне, но на меня напала дремота, и я свалилась с коня, и теперь я отбилась от своих и потерялась». И, услышав слова девушки, царевич сжалился над нею и взял её на спину своего коня, посадив её сзади, и поехал. И когда они проезжали мимо каких-то развалин, девушка сказала: «О господин, я хочу сойти за надобностью», и царевич спустил её около развалин. И девушка вошла туда и замешкалась, и царевич, заждавшись её, вошёл за ней следом, не зная, кто она. И вдруг видит: это – гуль, и она говорит своим детям: «Дети, я привела вам сегодня жирного молодца!»

А дети отвечают: «О матушка, приведи его, чтобы мы наполнили им наши животы». Услышав их слова, царевич убедился, что погибнет, и испугался за себя, и у него задрожали поджилки. Он вернулся назад; и гуль¹⁵ вышла и увидела, что он как будто испуган и боится и дрожит, и сказала: «Чего ты боишься?» – «У меня есть враг, и я боюсь его», – отвечал царевич. «Ты говорил, что ты сын паря?» – спросила его гуль; и царевич ответил: «Да».

И тогда гуль сказала: «Почему ты не дашь своему врагу сколько-нибудь денег, чтобы удовлетворить его?» – «Он не удовлетворится деньгами, а только моей жизнью, – отвечал

¹⁵ Гуль – фантастическое существо в образе женщины. По арабскому поверью, гули подстерегают одиноких путников и пожирают их.

царевич, – и я боюсь за себя. Я человек обиженный». – «Если ты, как ты говоришь, обижен, призови на помощь Аллаха, и он избавит тебя от злобы твоего врага иИ царевич поднял взор к небу и воскликнул: „О ты, кто отвечаешь попавшему в беду, когда он зовёт тебя, и устраняешь зло, о боже, помоги мне против моего врага и отвори его от меня! Поистине, ты властен в том, чего хочешь!“ И когда гуль услышала его молитву, она удалилась, а царевич отправился к своему отцу и рассказал ему о поступке везиря; и царь призвал его и убил.

И если ты, о царь, доверишься этому врачу, он убьёт тебя злейшим убийством. Тот, кого ты облагодетельствовал и приблизил к себе, действует тебе на погибель. Он лечил тебя от болезни снаружи чем-то, что ты взял в руку, и ты не в безопасности от того, чтобы он не убил тебя вещью, которую ты так же возьмёшь в руку».

«Ты прав, о везирь, – сказал царь Юнан, – как ты говоришь, так и будет, о благорасположенный везирь! Поистине, этот врач пришёл как лазутчик, ища моей смерти, и если он излечил меня чем-то, что я взял в руку, то сможет меня погубить чем-нибудь, что я понюхаю».

После этого царь Юнан сказал везиру: «О везирь, как же с ним поступить?» И везирь ответил: «Пошли за ним сейчас же, потребуй его, и если он придёт, отруби ему голову. Ты спасёшься от его зла и избавишься от него. Обмани же его раньше, чем он обманет тебя». – «Ты прав, о везирь!» – воскликнул царь и послал за врачом; и тот пришёл радостный, не зная, что судил ему милосердный, подобно тому, как кто-то сказал:

Страшащийся судьбы своей, спокоен будь,
Вручи дела ты тому своп, кто мир простор!
О владыка мой! Ведь случится то, что судил Аллах,
Но избавился ты от того, чего не судил Аллах.

И когда врач вошёл к царю, то произнёс:

«Не воздал коль я тебе за что благодарностью,
Скажи мне, кому ж стихи и прозу готовил я?
Без просьбы всегда ты мне оказывал милости,
Отсрочек не знал ты в них, не знал извинения.

Так как же славить мне тебя, как и следует,
И как не хвалить тебя и тайно и явно мне?
И вспомню я милости твои: из-за них теперь
Забота легка моя, хоть тяжко спине моей. –

И сказал ещё в этом смысле:

К заботам всем повернись спиной
И дела свои поручи судьбе!
Наслаждайся благом немедленным,
И забудешь ты все минувшее.

Ведь немало дней утомительных
Принесут тебе удовольствие.
И творит Аллах, что желает он.
Так не будь же ты из ослушников.

Поручи дела всеблагому ты и премудрому,
От всего земного ты отдых дай душе твоей.
И знай, не так совершится дело, как хочешь ты,

Но лишь так, как хочет судья премудрый, Аллах, всегда.

И ещё:

Спокоен будь и весел ты и забудь печаль,
Ведь поистине изведёт печаль сердце мудрого.
Рассудительность ни к чему рабам беспомощным, –
Так оставь её, и пребудешь ты в вечной радости».

«Знаешь ли ты, зачем я призвал тебя?» – спросил царь врача Дубана. И врач ответил: «Не знает тайного никто, кроме великого Аллаха!» А царь сказал ему: «Я призвал тебя, чтобы тебя убить и известить твою душу».

И врач Дубан до крайности удивился и спросил: «О царь, за что же ты убиваешь меня и какой я совершил грех?» – «Мне говорили, – отвечал царь, – что ты лазутчик и пришёл меня убить, и вот я убью тебя раньше, чем ты убьёшь меня».

Потом царь крикнул палача и сказал: «Отруби голову этому обманщику и дай нам отдых от его зла!» – «Пощади меня – пощадит тебя Аллах, не убивай меня – убьёт тебя Аллах», – сказал тогда врач и повторил царю эти слова, подобно тому, как и я говорил тебе, о ифрит, но ты не щадил меня и хотел только моей смерти.

И царь Юнан сказал врачу Дубану: «Я не в безопасности, если не убью тебя: ты меня вылечил чем-то, что я взял в руку, и я опасаясь, что ты убьёшь меня чем-нибудь, что я понюхаю, или чем другим». – «О царь, – сказал врач Дубан, – вот награда мне от тебя! За хорошее ты воздаёшь скверным!» Но царь воскликнул: «Тебя непременно нужно убить, и не откладывая!» И тогда врач убедился, что царь несомненно убьёт его, он заплакал и пожалел о том добре, которое он сделал недостойным его, подобно тому, как сказано:

Поистине, рассудка у Меймуны нет,
Хотя отец её рождён разумным был.
Кто ходит по сухому иль по скользкому
Не думая, – наверно поскользнётся тот.

После этого выступил вперёд палач, и завязал врачу глаза, и обнажил меч, и сказал: «Позволь!» А врач плакал и говорил царю: «Оставь меня – оставит тебя Аллах, не убивай меня – убьёт тебя Аллах. – И он произнёс:

Правдив, но несчастен я – обманщики счастливы, –
И ввергнут правдивостью я в дом унижения.
Уж в жизни не буду я правдивым, а коль умру –
Кляните правдивых вы на всяких языках».

Затем врач сказал: «О царь, вот награда мне от тебя! Ты воздаёшь мне воздаянием крокодила». – «А каков рассказ о крокодиле?» – спросил царь, но врач сказал: «Я не могу его рассказать, когда я в таком состоянии. Заклинаю тебя Аллахом, пощади меня – пощадит тебя Аллах!» И врач разразился сильным плачем, и тогда поднялся кто-то из приближённых царя и сказал: «О царь, подари мне жизнь этого врача, так как мы не видели, чтобы он сделал против тебя преступления, и видели только, как вылечил тебя от болезни, не поддававшейся врачам и лекарям».

«Разве вы не знаете, почему я убиваю этого врача? – сказал царь. – Это потому, что, если я пощажу его, я несомненно погибну. Ведь тот, кто меня вылечил от моей болезни вещью, которую я взял в руку, может убить меня чем-нибудь, что я понюхаю. Я боюсь, что он убьёт меня и возьмёт за меня подарок, так как он лазутчик и пришёл только затем, чтобы меня убить. Его непременно нужно казнить, и после этого я буду за себя спокоен».

«Пощади меня – пощадит тебя Аллах, не убивай меня – убьёт тебя Аллах!» – сказал врач, но, убедившись, о ифрит, что царь несомненно его убьёт, он сказал: «О царь, если уж моя казнь неизбежна, дай мне отсрочку: я схожу домой и накажу своим родным и соседям похоронить меня, и очищу свою душу, и раздарю врачебные книги. У меня есть книга, особая из особых, которую я дам в подарок тебе, а ты храни её в своей сокровищнице». – «А что в ней, в этой книге?» – спросил царь врача, и тот ответил: «В ней есть столько, что и не счесть, и самая малая из её тайн – то, что когда ты отрежешь мне голову, повернёшь три листа и прочтёшь три строки на той странице, которая слева, моя голова заговорит с тобой и ответит на все, о чем ты её спросишь».

И царь изумился до крайности и затрясся от восторга и спросил: «О мудрец, когда я отрежу тебе голову, она со мной заговорит?» – «Да, о царь», – сказал мудрец. И царь воскликнул: «Это удивительное дело!»

Потом он отпустил врача под стражей, и врач пошёл домой и сделал свои дела в тот же день, а на следующий день он пришёл в диван, и пришли все эмиры, везири, придворные, наместники и вельможи царства, и диван стал точно цветущий сад. И вот врач пришёл в диван и встал перед царём между двумя стражниками, и у него была старая книга и горшочек с порошком. И врач сел и сказал: «Принесите мне блюдо», – и ему принесли блюдо, и он высыпал на него порошок, разровнял его и сказал: «О царь, возьми эту книгу, но не раскрывай её, пока не отрежешь мне голову, а когда отрежешь, поставь её на блюдо и вели её натереть этим порошком, и когда ты это сделаешь, кровь перестанет течь. А потом раскрой книгу». И царь Юнан приказал отрубить врачу голову и взял от него книгу, и палач встал и отсек голову врача, и голова упала на середину блюда. И царь натёр голову порошком, и кровь остановилась, и врач Дубан открыл глаза и сказал: «О царь, раскрой книгу!» И царь раскрыв её и увидел, что листы слиплись, и тогда он положил палец в рот, смочил его слюной и раскрыв первый листок и второй и третий, и листки раскрывались с трудом. И царь перевернул шесть листков и посмотрел на них, но не увидел никаких письмён и сказал врачу: «О врач, в ней ничего не написано». – «Раскрой ещё, сверх этого», – сказал врач; и царь перевернул ещё три листка, и прошло лишь немного времени, и яд в одну минуту распространился по всему телу царя, так как книга была отравлена. И тогда царь затрясся и крикнул: «Яд разлился во мне!» А врач Дубан произнёс:

«Землёй они правили, и было правление их
Жестоким, но вскоре уж их власти как не было.
Будь честны они, и к ним была бы честна судьба;
За зло воздала она злом горя и бедствия.
И ныне язык судьбы всем видом вещает их:
Одно за другое; нет упрёка на времени».

И когда голова врача окончила говорить, царь тотчас же упал мёртвым.

Знай же, о ифрит, что если бы царь Юнан оставил в живых врача Дубана, Аллах, наверное, пощадил бы его; но он не захотел и искал его смерти, и Аллах убил его.

Если бы ты, о ифрит, пощадил меня, Аллах, наверное, пощадил бы тебя...»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Шестая ночь

Когда же настала шестая ночь, её сестра Дуньязада сказала: «Докончи твой рассказ».

И Шахразада ответила: «Если позволит мне царь».

«Говори», – сказал царь.

И она сказала:

«Дошло до меня, о счастливый царь, что рыбак сказал ифриту: „Если бы ты пощадил

меня, я бы пощадил тебя, но ты не хотел ничего, кроме моей смерти, и вот я тебя убью, заключив в этот кувшин, и брошу в море“. И тут ифрит закричал и воскликнул: „Заклинаю тебя Аллахом, о рыбак, не делай этого! Пощади меня и не взыщи с меня За мой поступок. Если я был злодеем, то будь ты благодетелем; ведь говорится в ходячих изречениях: „О благодетельствующий злему, достаточно со злодея и деяния его“. Не делай так, как сделала Умама с Атикой“. – „А что сделала Умама с Атикой?“ – спросил рыбак.

И ифрит ответил: «Не время теперь рассказывать, когда я в этой тюрьме! Если ты меня отпустишь, я расскажу тебе об этом».

«Оставь эти речи, – сказал рыбак, – ты непременно будешь брошен в море, и нет никакой надежды, что тебя когда-нибудь оттуда извлекут. Я тебя просил и умолял, но ты хотел только моей смерти, без вины, заслуживающей этого, хотя я тебе не сделал зла, – я оказал тебе только благодеяние, освободив из тюрьмы; и когда ты со мной все это сделал, я узнал, что ты поступаешь скверно. И знай, что я брошу тебя в море; а чтобы всякий, кто тебя выловит, кинул обратно, я расскажу, что у меня с тобой было, и предостерегу его. И ты останешься в этом море до конца времени, пока не погибнешь».

«Отпусти меня, – сказал ифрит. – Теперь время быть великодушным, и я обещаю тебе, что никогда ни в чем тебя не ослушаюсь и помогу тебе чем-то, что тебя обогатит».

И тогда рыбак взял с ифрита обещание, что тот, если он его отпустит, не станет ему вредить, а сделает ему добро, и, заручившись его обещанием и заставив его поклясться величайшим именем Аллаха, открыл кувшин. И дым пошёл вверх, и вышел целиком, и стал настоящим ифритом. Ифрит толкнул ногой кувшин и кинул его в море. И когда рыбак увидел, что ифрит бросил кувшин в море, он убедился в своей гибели и наделал себе в платье и воскликнул: «Это нехороший признак!» Потом он укрепил своё сердце и сказал: «О ифрит, Аллах великий сказал: „Исполняйте обещание“. Поистине, об обещании будет спрошено, а ты обещал мне и поклялся, что не обманешь меня, не то обманет тебя Аллах, ибо он преревнив и даёт отсрочку, но не прощает. Я ведь говорил тебе то же, что врач Дубан говорил царю Юнану: „Пощади меня – пощадит тебя Аллах!“ И ифрит засмеялся и пошёл впереди рыбака и сказал ему: „О рыбак, следуй за мной!“

И рыбак пошёл позади ифрита, не веря в спасение. И ифрит шёл, пока они не вышли за город, и он поднялся на гору и спустился в обширную равнину, и вдруг они оказались у пруда с водой. И ифрит спустился в середину пруда и сказал рыбаку: «Следуй за мною!» И рыбак последовал за ним на середину пруда, а ифрит остановился и приказал рыбаку закинуть сеть и ловить рыбу. И рыбак посмотрел в пруд и увидел там рыб разного цвета: белых, красных, голубых и жёлтых – и удивился этому. Потом он вынул сеть и забросил её, и вытянул, и нашёл в ней четырех рыб, и все были разноцветные. И, увидав их, рыбак обрадовался, а ифрит сказал ему: «Пойди с ними к султану и поднеси их ему, и он даст тебе довольно, чтобы тебя обогатить. И, ради Аллаха, прими моё извинение: поистине, я не знаю сейчас ни в чем пути, так как я в этом море уже тысячу восемьсот лет и увидел поверхность земли только сию минуту. И не лови здесь рыбы больше раза в день».

И ифрит простился с рыбаком и сказал: «Не дай мне Аллах тосковать по тебе», – и потом ударил ногой об землю, и земля расступилась и поглотила его; а рыбак пошёл в город, изумляясь тому, что случилось у него с ифритом и как все это было.

И он взял рыбу и, придя в своё жилище, принёс лоханку, наполнил её водой и положил туда рыбу, и рыба забилась в воде. А потом рыбак поставил лоханку на голову и направился с нею в царский дворец, как велел ему ифрит. И когда он пришёл к царю и предложил ему рыбу, царь до крайности удивился рыбе, которую ему предложил рыбак, так как в жизни не видал рыбы, подобной этой по образу и виду.

«Отдайте эту рыбу девушке-стряпухе», – сказал он (а эту девушку подарил ему три дня назад царь румов, и он ещё не испытал её в стряпне); и везирь приказал ей изжарить рыбу и сказал: «О девушка, царь говорит тебе: „О слезинка, мы испытываем тебя, лишь будучи в затруднении! Покажи же нам сегодня твоё искусство и умение стряпать: к султану кто-то пришёл с подарком“».

Потом везирь вернулся к султану, дав наставление девушке, и царь велел ему выдать рыбаку четыреста динаров. И везирь выдал их рыбаку, и тот спрятал деньги в полу халата и бегом побежал домой, падая, вставая и спотыкаясь, и он думал, что это сон. И затем он купил для своего семейства все нужное и пошёл к жене, весёлый и радостный.

Вот что случилось с рыбаком. А с девушкой произошло следующее. Она взяла рыбу, очистила её и подвесила сковородку над огнём, а потом бросила на неё рыбу. И лишь только рыба подрумянилась с одной стороны, девушка перевернула её на другую сторону, – и вдруг стена кухни раздвинулась, и из неё вышла молодая женщина с прекрасным станом, овальными щеками, совершенными чертами и насурьмлёнными глазами, и одета она была в шёлковый платок с голубой бахромой, в ушах её были кольца, а на запястьях – пара перехватов, и на пальцах – перстни с драгоценными камнями, и в руке она держала бамбуковую трость. И женщина ткнула тростью в сковородку и сказала: «О рыбы, соблюдаете ли вы договор?» И, увидев это, стряпуха обмерла, а женщина повторила эти слова во второй и третий раз, – и рыбы подняли головы со сковородки и сказали ясным языком: «Да, да, – и затем произнесли:

Вернёшься – вернёмся мы; будь верной – верпы и мы,
А если покинешь нас, мы сделаем так же...»

И тогда женщина перевернула сковородку и вошла в то же место, откуда вышла, и стена кухни сдвинулась, как раньше.

И после этого стряпуха очнулась от обморока и увидела, что четыре рыбы сгорели и стали как чёрный уголь, и воскликнула: «С первого же набегала сломалось его копье»¹⁶, – и снова упала на землю без памяти.

И когда она была в таком состоянии, вдруг вошёл везирь, и этот старик увидел, что девушка, точно старуха, выжившая из ума, не отличает четверга от субботы. Он толкнул её ногой, и она очнулась и заплакала и сообщила везирию о происшедшем и о том, что случилось; и везирь удивился и сказал: «Это поистине удивительное дело!» После этого он послал за рыбаком, и когда его привели, везирь закричал на него и сказал: «О рыбак, принеси нам четыре рыбы, как те, что ты принёс!» И рыбак вышел к пруду, закинул сеть и вытянул её, и вдруг видит: в ней четыре рыбы, подобные первым. И он взял их и принёс везирию, а везирь пошёл с ними к девушке и сказал: «Поднимайся и изжарь их при мне, чтобы я сам увидел, как это происходит». И девушка встала, приготовила рыбу и, подвесив сковородку, бросила туда рыбу, но едва рыба оказалась на сковородке, как стена вдруг раздвинулась, и появилась та же женщина в своём прежнем виде, и в руках у неё была трость. И она ткнула тростью в сковородку и сказала: «О рыбы, о рыбы, соблюдаете ли вы древний договор?» И вдруг все рыбы подняли головы и сказали вышеупомянутый стих, то есть:

«Вернёшься – вернёмся мы; будь верной – верны и мы,
А если покинешь нас, мы сделаем так же».

И Шахразадку застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Седьмая ночь

Когда же настала седьмая ночь, она сказала:

«Дошло до меня, о счастливый царь, что когда рыбы заговорили, женщина перевернула тростью сковородку и вошла в то же место, откуда вышла, и стена опять сдвинулась. И тогда

¹⁶ Распространённая поговорка, означающая: «При первой же попытке он потерпел неудачу».

везирь поднялся на ноги и воскликнул:

«Такое дело не следует скрывать от царя!» – и пошёл к царю и рассказал ему о том, что произошло и что он видел перед собою. И царь воскликнул: «Я непременно должен это видеть своими глазами». И он послал за рыбаком и велел ему принести четыре рыбы, такие же, как первые, и приставил к нему трех стражников; и рыбак спустился к пруду и тотчас же принёс ему рыб, и царь велел дать ему четыреста динаров. Затем он обратился к везиру и сказал ему: «Вставай и изжарь рыб ты сам, здесь, передо мной!» И везирь отвечал: «Слушаю и повинуюсь». Он принёс сковородку и приготовил рыб и, подвесив сковородку над огнём, бросил на неё рыб, – и вдруг стена раздвинулась, и из неё вышел чёрный раб, подобный горе или человеку из племени Ад, и в руках у него была ветка зеленого дерева. И раб сказал устрашающим голосом: «О рыбы, о рыбы, соблюдаете ли вы древний договор?» И рыбы подняли головы со сковородки и ответили: «Да, да, мы его соблюдаем».

Вернёшься – вернёмся мы; будь верен – верны и мы,
А если покинешь нас, мы сделаем так же».

И раб приблизился к сковородке и перевернул её веткою, что была у него в руке, и потом он вошёл туда же, откуда вышел. И везирь с царём посмотрели на рыб и увидели, что они стали как уголь; и царь, оторопев, воскликнул: «О таком обстоятельстве невозможно молчать, и за этими рыбами, наверное, скрывается какое-то дело!» И он велел привести рыбака и, когда тот явился, спросил его: «Горе тебе, откуда эти рыбы?» И рыбак ответил: «Из пруда между четырех гор, под той горой, что за твоим городом». И тогда царь опять обратился к рыбаку и спросил: «В скольких днях пути?» – «Пути на полчаса, о владыка султан», – отвечал рыбак; и царь удивился и велел свите выступать и воинам тотчас же садиться на коней, и рыбак шёл впереди всех, проклиная их. И все поднялись на гору и спустились в такую обширную равнину, которой не видели за всю свою жизнь, и султан и войска изумлялись. Они увидели равнину и посреди неё пруд между четырех гор и в пруде рыбу четырех цветов: красную, белую, жёлтую и голубую. И царь остановился, изумлённый, и спросил свою свиту и присутствующих: «Видел ли кто-нибудь из вас этот пруд?» И они отвечали: «Никогда, о царь времени, за всю нашу жизнь». И спросил далеко зашедших в годах, и те отвечали: Мы в жизни не видели пруда на этом месте». И тогда царь воскликнул: «Клянусь Аллахом, я не войду в мой город и не сяду на престол моего царства, пока не узнаю об этом пруде и о рыбах!»

И он приказал людям расположиться вокруг этих гор и потом позвал везиря (а это был везирь опытный и умный, проницательный и сведущий в делах) и, когда тот явился, сказал ему: «Мне хочется что-то сделать, и я расскажу тебе об этом. Я задумал уйти сегодня ночью один и исследовать, что это за пруд со странными рыбами, а ты садись у входа в мою палатку и говори эмирам, везирям, придворным и наместникам и всем, кто будет обо мне спрашивать: „Султан нездоров и велел мне никому не давать разрешения входить к нему“. И не говори никому о моем намерении». И везирь не мог прекословить царю.

Потом царь переменил одежду, опоясался мечом и взобрался на одну из гор и шёл весь остаток ночи до утра и весь день, и зной одолел его, так как он прошёл ночь и день. После этого он шёл и вторую ночь до утра, и ему показалось издали что-то чёрное, и царь обрадовался и воскликнул: «Может быть, я найду кого-нибудь, кто мне расскажет об этом пруде и о рыбах!»

И он приблизился и увидел дворец, выстроенный из чёрного камня и выложенный железом, и один створ ворот был открыт, а другой заперт. И царь обрадовался и остановился у ворот и постучал лёгким стуком, но не услышал ответа, и тогда он постучал второй раз и третий, но ответа не услышал, и после этого он ударил в ворота страшным ударом, но никто не ответил ему. «Дворец, наверное, пуст», – сказал тогда царь и, собравшись с духом, прошёл через ворота дворца до портика и крикнул: «О жители дворца, тут чужестранец и путешественник, нет ли у вас чего съестного?» Он повторил эти слова второй раз и третий,

но не услышал ответа; и тогда он, укрепив своё сердце мужеством, прошёл из портика в середину дворца, но не нашёл во дворце никого, хотя дворец был украшен шёлком и звездчатыми коврами и занавесками, которые были спущены. А посреди дворца был двор с четырьмя возвышениями, одно напротив другого, и каменной скамьёй и фонтаном с водоёмом, над которым были четыре льва из червонного золота, извергавшие из пасти воду, подобную жемчугам и яхонтам, а вокруг дворца летали птицы, и над дворцом была золотая сетка, мешавшая им подниматься выше. И царь не увидел никого и изумился и опечалился, так как никого не нашёл, у кого бы спросить об этой равнине, о пруде и о рыбах, о горах и о дворце. Затем он сел у дверей, размышляя, и вдруг услышал стон, исходящий из печального сердца, и голос, произносящий нараспев:

Не таю я то, что пришлось снести мне, но явно все,
И сменил теперь я усладу сна на бессонницу.
Судьба моя, ты не милуешь, не щадишь меня.
И душа моя меж мучением и опасностью.

Пожалейте же благородных вы, что унизились
На путях любви, и зажиточных, что бедны теперь.
Ведь когда-то мы к ветру нежному ревновали вас.
Но падёт когда приговор судьбы, тогда слепнет взор.

Как же быть стрелку, если вдруг враги ему встретятся?
И стрелу метнуть в них захочет он, но изменит лук?
Коль над юношей соберётся вдруг много горестей,
Убежит куда от судьбы своей и от рока он?»

И когда султан услышал этот стон, он поднялся и пошёл на голос и оказался перед занавесом, спущенным над дверью покоя. И он поднял занавес и увидел юношу, сидевшего на ложе, которое возвышалось от земли на локоть, и это был юноша прекрасный, с изящным станом и красноречивым языком, сияющим лбом и румяными щеками, и на престоле его щеки была родинка, словно кружок амбры, как сказал поэт:

О, как строен он! Волоса его и чело его
В темноту и свет весь род людской повергают.
Не кори его ты за родинку на щеке его:
Анемоны все точка чёрная отмечает.

И царь обрадовался, увидя юношу, и приветствовал его; а юноша сидел, одетый в шёлковый кафтан с вышивками из египетского золота, и на голове его был венец, окаймлённый драгоценностями, но все же вид его был печален. И когда царь приветствовал его, юноша ответил ему наилучшим приветствием и сказал: «О господин мой, ты выше того, чтобы пред тобой вставать, а мне да будет прощение». – «Я уже простил тебя, о юноша, – ответил царь. – Я твой гость и пришёл к тебе с важным делом: я хочу, чтобы ты рассказал мне об этом пруде, о рыбах, и о дворце, и о причине твоего одиночества в нем и плача». И когда юноша услышал эти слова, слезы побежали по его щекам, и он горько заплакал, так что залил себе грудь, а потом произнёс:

«Скажите тому, кого судьба поражает:
«Сколь многих повергнул рок и скольких он поднял!
Коль спишь ты, не знает сна глаз зоркий Аллаха,
Чьё время всегда светло, чья жизнь длится вечно?..»

Потом он глубоко вздохнул и произнёс:

«Ты дела свои вручи владыке всех;
Брось заботы и о думах позабудь.
Не пытай о том, что было, – почему?
Все бывает, как судьба и рок велят».

И царь удивился и спросил: «Что заставляет тебя плакать, о юноша?» И юноша отвечал: «Как же мне не плакать, когда я в таком состоянии?» – и, протянув руку к подолу, он поднял его; и вдруг оказывается: нижняя половина его каменная, а от пупка до волос на голове он – человек. И увидев юношу в таком состоянии, царь опечалился великой печалью, и огорчился, и завздыхал и воскликнул: «О юноша, ты прибавил заботы к моей заботе! Я хотел узнать о рыбах и об их происхождении, а теперь приходится спрашивать и о них и о тебе. Нет мощи и силы, кроме как у Аллаха, высокого, великого! Поспеши, о юноша, рассказать эту историю!»

«Отдай мне твой слух и взор», – отвечал юноша. И царь воскликнул: «Мой слух и взор здесь!» И тогда юноша сказал: «Поистине, с этими рыбами и со мной произошло удивительное дело, и будь оно даже написано иглами в уголках глаз оно послужило бы назиданием для поучающихся». – «А как это было?» – спросил царь.

Рассказ заколдованного юноши (ночи 7-8)

Господин мой, – сказал юноша, – знай, что мой отец был царём этого города, и звали его Мухмуд, владыка чёрных островов. Он жил на этих четырех горах и царствовал семьдесят лет; а потом мой отец скончался, и я стал султаном после него. И я взял в жены дочь моего дяди, и она полюбила меня великой любовью, так что, когда я отлучался от неё, она не ела и не пила, пока не увидит меня подле себя. Она прожила со мною пять лет, и однажды, в какой-то день, она пошла в баню, и тогда я велел повару поскорее приготовить нам что-нибудь поесть на ужин; а потом я вошёл в этот покой и лёг там, где мы спали, приказав двум девушкам сесть около меня: одной в головах, другой в ногах. Я расстроился из-за отсутствия жены, и сон не брал меня, – хотя глаза у меня были закрыты, душа моя бодрствовала. И я услышал, как девушка, сидевшая в головах, сказала той, что была в ногах: «О Масуда, бедный наш господин, бедная его молодость! Горе ему с нашей госпожой, этой проклятой шлюхой!» – «Да, – отвечала другая, – прокляни Аллах обманщиц и развратниц! Такой молодой, как наш господин, не годится для этой шлюхи, что каждую ночь ночует вне дома». А та, что была в головах, сказала: «Наш господин глупец, он опоён и не спрашивает о ней!» Но другая девушка воскликнула: «Горе тебе, разве же наш господин знает или она оставляет его с его согласия? Нет, она делает что-то с кубком питья, который он выпивает каждый вечер перед сном, и кладёт туда бандж¹⁷, и он засыпает и не ведаёт, что происходит, и не знает, куда она уходит и отправляется. А она, напоив его питьём, надевает свои одежды, умащается и уходит от него и пропадает до зари. А потом приходит и курит чем-то под носом у нашего господина, и он пробуждается от сна».

И когда я услышал слова девушек, у меня потемнело в глазах, и я едва верил, что пришла ночь. И моя жена вернулась из бани, и мы разложили скатерть и поели. И посидели, как обычно, некоторое время за беседой, а потом она потребовала питьё, которое я пил перед сном, и протянула мне кубок, и я прикинулся, будто пью его, как всегда, но вылил питьё за пазуху и в ту же минуту лёг и стал храпеть, как будто я сплю. И вдруг моя жена говорит: «Спи всю ночь, не вставай совсем! Клянусь Аллахом, ты мне противен, и мне ненавистен

¹⁷ Бандж – индийская разновидность садовой конопли. Из сока, получаемого из его цветов, изготавливается сильное наркотическое средство, известное в Европе под названием «гашиш».

твой вид, и душе моей наскучило общение с тобой, и я не знаю, когда Аллах заберёт твою душу».

Она поднялась и надела свои лучшие одежды и надушилась курениями и, взяв мой меч, опоясалась им, открыла ворота дворца и вышла. И я поднялся и последовал за нею, а она вышла из дворца и прошла по рынкам города и достигла городских ворот, и тогда она произнесла слова, которых я не понял, и замки попадали, и ворота распахнулись. И моя жена вышла, и я последовал за ней (а она этого не замечала); и, дойдя до свалок, она подошла к плетню, за которым была хижина, построенная из кирпича, а в хижине была дверь. И моя жена вошла туда, а я влез на крышу хижины и посмотрел сверху – и вдруг вижу: дочь моего дяди подошла к чёрному рабу, у которого одна губа была как одеяло, другая – как башмак, и губы его подбирали песок на камнях. И он был болен проказой и лежал на обрезках тростника, одетый в дырявые лохмотья и рваные тряпки. И моя жена поцеловала перед ним землю, и раб поднял голову и сказал: «Горе тебе, чего ты до сих пор сидела? У нас были наши родные – чёрные – и пили вино, и каждый ушёл со своей женщиной, а я не согласился пить из-за тебя».

«О господин мой, о мой возлюбленный, о прохлада моих глаз, – отвечала она, – разве не знаешь ты, что я замужем за сыном моего дяди и мне отвратителен его вид и ненавистно общение с ним! И если бы я не боялась за тебя, я не дала бы взойти солнцу, как его город лежал бы в развалинах, где кричат совы и вороны и ютятся лисицы и волки, и камни его я перенесла бы за гору Каф»¹⁸.

«Ты лжёшь, проклятая! – воскликнул раб. – Клянусь доблестью чёрных (а не думай, что наше мужество подобно мужеству белых), если ты ещё раз засидишься дома до такого времени, я с того дня перестану дружить с тобой и не накрою твоего тела своим телом. О проклятая, ты играешь с нами шуточки себе в удовольствие, о вонючая, о сука, о подлейшая из белых?»

И когда я услышал его слова (а я смотрел и видел и слышал, что у них происходит), мир покрылся передо мною мраком, и я сам не знал, где я нахожусь. А дочь моего дяди стояла и плакала над рабом и унижалась перед ним, говоря ему: «О любимый, о плод моего сердца, если ты на меня разгневаешься, кто пожалеет меня? Если ты меня прогонишь, кто приютит меня, о любимый, о свет моего глаза?» И она плакала и умоляла раба, пока он не простил её, и тогда она обрадовалась и встала и сняла с себя платье и рубаху и сказала: «О господин мой, нет ли у тебя чего-нибудь, что твоя служанка могла бы поесть?» И раб отвечал: «Открой чашку, в ней варёные мышинные кости, – съешь их; а в том горшке ты найдёшь остатки пива, – выпей его». И она поднялась и попила и поела и вымыла руки и рот, а потом подошла и легла с рабом на тростниковые обрезки и, обнажившись, забралась к нему под тряпки и лохмотья. И когда я увидел, что делает дочь моего дяди, я перестал сознавать себя и, спустившись с крыши хижины, вошёл и взял меч, который принесла с собой дочь моего дяди, и обнажил его, намереваясь убить их обоих. Я ударил сначала раба по шее и подумал, что порешил с ним...»

И Шахразад устала, и она прекратила дозволенные речи.

Восьмая ночь

Когда же настала восьмая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что заколдованный юноша говорил царю: „Когда я ударил раба, чтобы отрубить ему голову, я не разрубил яремных вен, а рассёк горло, кожу и мясо, но я думал, что убил его. Он испустил громкое хрипение, и моя жена зашевелилась, а я повернул назад, поставил меч на место,

¹⁸ Каф – горная цепь, которая, по представлению средневековых мусульманских космографов, опоясывает землю.

пошёл в город и, войдя во дворец, пролежал в постели до утра. И дочь моего дяди пришла и разбудила меня; и вдруг я вижу – она обрезала волосы и надела одежды печали. И она сказала: „О сын моего дяди, не препятствуй мне в том, что я делаю. До меня дошло, что моя матушка скончалась и отец мой убит в священной войне, а из двух моих братьев один умер ужаленным, а другой свалился в пропасть, так что я имею право плакать и печалиться“. И, услышав её слова, я смолчал и потом ответил: „Делай, что тебе вздумается, я не стану тебе прекословить“. И она провела, печалась и причитая, целый год, от начала до конца, а через год сказала мне: „Я хочу построить в твоём дворце гробницу вроде купола и уединиться там с моими печальями. И я назову её «Дом печалей»“. – «Делай, как тебе вздумается», – отвечал я. И она устроила себе комнату для печали и выстроила посреди неё гробницу с куполом, вроде склепа, а потом она перенесла туда раба и поселила его там, а он не приносил ей никакой пользы и только пил вино. И с того дня, как я его ранил, он не говорил, но был жив, так как срок его жизни ещё не кончился. И она стала каждый день ходить к нему утром и вечером, и спускалась под купол и плакала и причитала над ним, и поила его вином и отварами по утрам и по вечерам, и поступала так до следующего года, а я был терпелив с нею и не обращал на неё внимания. Но в какой-то день я внезапно вошёл к ней и увидел, что она плачет, говоря: «Почему ты скрываешься от моего взора, о улада моего сердца? Поговори со мной, душа моя, о любимый, скажи мне что-нибудь! – И она произнесла такие стихи:

Утрачу терпенье я в любви, коль забудете;
И ум и душа моя не знают любви к другим.
Возьмите мой прах и дух, куда ни поедете,
И все остановитесь, предайте земле меня.

И имя моё затем скажите, – ответит вам Стон долгий костей моих, услышавши голос ваш. – И потом продолжала, плача:

День счастья – тот день, когда достигну я близости,
А день моей гибели – когда вы уходите.
А если угрозою я смерти напугана,
То слаще спокойствия мне близость с любимыми. –

И ещё:

И если бы жить могла в полнейшем я счастья
И мир я держала б весь в руках и Хосроев¹⁹ власть, –
Все это б не стоило крыла комариного,
Когда б не могли глаза мои на тебя взирать».

Когда же она кончила говорить и плакать, я сказал ей: «О дочь моего дяди, довольно тебе печалиться! Что толку плакать? Это ведь бесполезно».

«Не препятствуй мне в том, что я делаю! Если ты будешь мне противиться, я убью себя», – сказала она; и я смолчал и оставил её в таком положении. И она провела в печали, плаче и причитаниях ещё год, а на третий год я однажды вошёл к ней, разгневанный чем-то, что со мной произошло (а это мучение уже так затянулось!), и нашёл дочь моего дяди у могилы под куполом, и она говорила: «О господин мой, почему ты мне не отвечаешь? – А потом она произнесла:

¹⁹ Хосрой – имя двух персидских царей из династии Сасанидов. Легенда приписывает им огромное богатство и могущество.

Могила, исчезла ли в тебе красота его?
Ужели твой свет погас – сияющий лик его?
Могила, не свод ведь ты небес
Так как же слились в тебе
И не гладь земли, месяц и солнце вдруг?

И, услышав её слова и стихи, я стал ещё более гневен, чем прежде, и воскликнул: «Ах, доколе продлится эта печаль! – и произнёс:

Могила, исчезла ли в тебе чернота его?
Ужели твой свет погас – чернеющий лик его?
Могила, не пруд ведь ты стоячий и не котёл,
Так как же слились в тебе и сажа и тина вдруг?»

И когда дочь моего дяди слышала эти слова, она вскочила на ноги и сказала: «Горе тебе, собака! Это ты сделал со мной такое дело и ранил возлюбленного моего сердца и причинил боль мне и его юности. Вот уже три года, как он ни мёртв ни жив!» – «О грязнейшая из шлюх и сквернейшая из развратниц, любовниц подкупленных рабов, да, это сделал я!» – отвечал я, и, взяв меч в руку, я обнажил его и направил на мою жену, чтобы убить её. Но она, услышав мои слова и увидав, что я решил её убить, засмеялась и крикнула: «Прочь, собака! Не бывать, чтобы вернулось то, что прошло, или ожили бы мёртвые! Аллах отдал мне теперь в руки того, кто со мной это сделал и из-за кого в моем сердце был неугасимый огонь и неукрываемое пламя!»

И она поднялась с ног и, произнеся слова, которых я не понял, сказала: «Стань по моему колдовству наполовину камнем, наполовину человеком!» И я тотчас же стал таким, как ты меня видишь, и не могу ни встать, ни сесть, и я ни мёртвый, ни живой. И когда я сделался таким, она заколдовала город и все его рынки и сады. А жители нашего города были четырех родов: мусульмане, христиане, евреи и маги²⁰, и она превратила их в рыб: белые рыбы мусульмане, красные – маги, голубые – христиане, а жёлтые – евреи. А четыре острова она превратила в горы, окружающие пруд. И, кроме того, она меня бьёт и пытается и наносит мне по сто ударов бичом, так что течёт моя кровь и растерзаны мои плечи. А после того она надевает мне на верхнюю половину тела волосяную одежду, а сверху эти роскошные одеяния». И потом юноша заплакал и произнёс:

«К твоему суду терпелив я буду, о бог и рок!
Буду стоек я, коль угодно это, господь, тебе.
И враждебны были, и злы они, и горды со мной,
Но, быть может, я получу взамен блага райских.
Непосильны мне те несчастья, что гнетут меня,
И к Избранному прибегаю я и Угодному».

И царь обратился к юноше и сказал ему: «О, ты прибавил заботы к моей заботе, после того как облегчил моё горе. Но где она, о юноша, и где могила, в которой лежит раненый раб?» – «Раб лежит под куполом в своей могиле, а она – в той комнате, что напротив двери, – ответил юноша. – Она приходит сюда раз в день, когда встаёт солнце; и как только придёт, подходит ко мне и снимает с меня одежды и бьёт меня сотней ударов бича, и я плачу и кричу, но не могу сделать движения, чтобы оттолкнуть её от себя. А отстегавши меня, она спускается к рабу с вином и отваром и поит его. И завтра, с утра, она придёт».

²⁰ Магами (маджус) мусульмане называют огнепоклонников, последователей древнеиранской религии зороастризма (маздеизма).

«Клянусь Аллахом, о юноша, – воскликнул царь, – я не премину сделать с тобой доброе дело, за которое меня будут почитать, и его станут записывать до конца времён!»

После этого царь сел, и они с юношей беседовали до наступления ночи и легли спать; а на заре царь поднялся и снял с себя одежду и, обнажив меч, направился в помещение, где был раб. Он увидел свечи, светильники, курильницы и сосуды для масла и подходил к рабу, пока не дошёл, и тогда он ударил его один раз и убил и, взвалив его на спину, бросил в колодец, бывший во дворце. А потом он вернулся и, закутавшись в одежды раба, лёг в гробницу, и его меч был с ним, вынутый из ножен на всю длину.

И через минуту явилась проклятая колдунья и, как только пришла, сняла одежду с сына своего дяди и, взяв бич, стала бить его. И юноша закричал: «Ах, довольно с меня того, что со мною, о дочь моего дяди! Пожалей меня, о дочь моего дяди!» Но она воскликнула: «А ты пожалел меня и оставил мне моего возлюбленного?» И она била его, пока не устала, и кровь потекла с боков юноши, а потом она надела на него волосяную рубашку, а поверх неё его одежду и после этого спустилась к рабу с кубком вина и чашкой отвара. Она спустилась под купол и стала плакать и стонать и сказала: «О господин мой, скажи мне что-нибудь, о господин мой, поговори со мной! – и произнесла такие стихи:

До каких же пор отдалён ты будешь и груб со мной?
Не довольно ль слез пролилось моих до сей поры?
До каких же пор ты продлишь разлуку умышленно?
Коль завистнику ты добра желал – исцелился он».

И она опять заплакала и сказала: «Господин мой, поговори со мной, скажи мне что-нибудь!» И царь понизил голос и заговорил заплетаящимся языком на наречии чёрных и сказал: «Ах, ах, нет мощи и силы, кроме как у Аллаха, высокого, великого!» И когда женщина услышала его слова, она вскрикнула от радости и потеряла сознание, а потом очнулась и сказала: «О господин мой, это правда?» А царь ослабил голос и отвечал: «О проклятая, разве ты заслуживаешь, чтобы с тобой кто-нибудь говорил и разговаривал?» – «А почему же нет?» – спросила женщина. «А потому, что ты весь день терзаешь своего мужа, а он зовёт на помощь и не даст мне спать от вечера до утра, проклиная тебя и меня, – сказал царь. – Он меня беспокоил и повредил мне, и если бы не это, я бы, наверное, поправился. Вот что мешало мне тебе ответить». – «С твоего разрешения я освобожу его от того, что с ним», – сказала женщина. И царь отвечал ей: «Освободи и дай нам отдых».

И она сказала: «Слушаю и повинуюсь!» – и, выйдя изпод купола во дворец, взяла чашку, наполнила её водой и проговорила над нею что-то, и вода в чашке запузырилась и забулькала и стала кипеть, как кипит в котле на огне. Потом женщина обрызгала водой юношу и сказала: «Заклинаю тебя тем, что я произнесла и проговорила; если ты стал таким по моему колдовству и ухищрению, то измени этот образ на твой прежний». И вдруг юноша встряхнулся и встал на ноги, и он обрадовался своему освобождению и воскликнул: «Свидетельствую, что нет бога, кроме Аллаха, и Мухаммед – посланник Аллаха, да благословит его Аллах и да приветствует!» А она сказала: «Выходи и не возвращайся сюда, иначе я тебя убью!» – и закричала на него; и юноша вышел. А женщина вернулась к куполу, сошла вниз и сказала: «О господин мой, выйди ко мне, чтобы я видела твой прекрасный образ».

И царь сказал ей слабым голосом: «Что ты сделала?

Ты избавила меня от ветки, но не избавила от корня!» – «О мой господин, о мой любимый, – спросила она, – а что же есть корень?» И царь воскликнул: «Горе тебе, проклятая! Корень – жители этого города и четырех островов! Каждую ночь, когда наступает полночь, рыбы поднимают головы и зывают о помощи и проклинаят меня и тебя. Вот причина, мешающая моему выздоровлению. Иди же освободи их скорее и приходи, возьми меня за руку и подними меня. Здоровье уже идёт ко мне».

И когда женщина слышала слова царя (а она думала, что это раб), она обрадовалась и

воскликнула: «О господин мой, твой приказ на голове моей и на глазах²¹. Во имя Аллаха!» И она встала, радостная, и побежала, и вышла к пруду, и взяла оттуда немного воды...»
И Шахразадду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Девятая ночь

Когда же настала девятая ночь, она сказала:

«Дошло до меня, о счастливый царь, что женщина-колдунья взяла из пруда немного воды и проговорила над нею слова непонятные, – и рыбы запрыгали и подняли головы и тотчас же вышли, и чары оставили жителей города, и город сделался населённым, и торговцы стали продавать и покупать, и всякий принялся за своё ремесло, и острова вновь сделались такими, какими были.

И после этого женщина-колдунья тотчас же пришла к царю и сказала ему: «О любимый, подай мне твою благородную руку и встань». И царь отвечал неслышным голосом: «Подойди ко мне ближе!» И когда она подошла вплотную, царь обнажил меч и ударил её в грудь, и меч вышел, блистая, из её спины. Потом царь опять ударил её и разрубил пополам, и кинул её тело на землю двумя кусками, и вышел, и увидел заколдованного юношу, который стоял в ожидании его, и поздравил его со спасением. И юноша поцеловал царю руку и поблагодарил его, а царь спросил: «Будешь ли жить в твоём городе, или пойдёшь со мной в мой город?» – «О царь нашего времени, – отвечал юноша, – а знаешь ли ты, каково расстояние между тобою и твоим городом?» – «Два с половиной дня пути», – отвечал царь. И юноша воскликнул: «О царь, если ты спишь, проснись! Между тобою и твоим городом целый год пути для спешащего путника, и ты пришёл в два с половиной дня только потому, что город был заколдован. А я, о царь, не покину тебя ни на мгновение ока».

Царь обрадовался и воскликнул: «Слава Аллаху, который милостиво послал мне тебя! Ты мой единственный сын, так как я за всю жизнь не имел ребёнка».

И они обнялись, обрадованные до крайности, а потом пошли и пришли во дворец; и царь, который был заколдован, приказал вельможам своего царства снарядиться в путешествие и приготовить припасы и все, что требовалось по обстоятельствам. И они принялись собираться и собирались десять дней, и юноша выступил с султаном, сердце которого пылало от тоски по его городу, – как это он его оставил! И они поехали, и вместе с ними пятьдесят невольников и большие подарки, и путешествовали непрерывно, днём и ночью, в течение целого года, и Аллах предначертал им безопасность, так что они достигли города и послали известить везиря о благополучном прибытии султана. И везирь и войска выступили, после того как их оставила надежда на возвращение царя, и войска, приблизившись к царю, облобызали перед ним землю и поздравили его с благополучным прибытием. И царь вошёл и сел на престол, а потом он обратился к везирию и рассказал ему все, что случилось с юношей, и везирь, услышав о том, что с ним произошло, поздравил его со спасением; и тогда все успокоились.

И султан наградил многих людей и сказал везирию: «Позови ко мне рыбака, что принёс нам рыб». И послали к рыбаку, который был причиною освобождения жителей города, и его привели, и царь его наградил и расспросил, каково его положение и есть ли у него дети. И рыбак рассказал, что у него есть две дочери и сын, и царь велел привести их и женился на одной, а юноше дал другую дочь, сына же рыбака сделал казначеем. Потом он дал назначение везирию и послал его султаном в город юноши, то есть на чёрные острова, и отослал с ним тех пятьдесят невольников, что пришли вместе с ним, и дал ему награды для

²¹ Эта формула отражает правило мусульманского этикета, согласно которому лицо, получившее письменное приказание или грамоту, прикладывает написанное к голове и лобызает, выражая безусловное повиновение.

всех эмиров. И везирь поцеловал ему руки и в тот же час и минуту выступил, а царь и юноша остались. Что же до рыбака, то он сделался самым богатым человеком своего времени, а его дочери были жёнами царей, пока не пришла к ним смерть. Но это не удивительнее того, что произошло с носильщиком.

Рассказ о носильщике и трех девушках (ночи 9-19)

А именно, был человек из носильщиков, в городе Багдаде, и был он холостой. И вот однажды, в один из дней, когда стоял он на рынке, облокотившись на свою корзину, вдруг останавливается возле него женщина, закутанная в шёлковый мосульский изар²² и в расшитых туфлях, отороченных золотым шитьём, с развевающимися лентами. Она остановилась и подняла своё покрывало, и из-под него показались глаза, ресницы и веки, а женщина была нежна очертаниями и совершенна по красоте. И, обратившись к носильщику, она сказала мягким и ясным голосом: «Бери свою корзину и следуй за мной». И едва носильщик удостоверился в сказанном, как он поспешно взял корзину и воскликнул: «О день счастья, о день помощи!» – и следовал за женщиной, пока она не остановилась у ворот одного дома и не постучала в ворота. Какой-то христианин спустился вниз, и она дала ему динар и взяла у него бутылку оливкового цвета и, положив её в корзину, сказала: «Неси и следуй за мной!»

«Клянусь Аллахом, вот день благословенный, день счастливого успеха!» – воскликнул носильщик и понёс корзину за женщиной. А она остановилась у лавки зеленщика и купила у него сирийских яблок, турецкой айвы, персиков из Омана, жасмина, дамасских кувшинок, осенних огурцов, египетских лимонов, султанских апельсинов и благовонной мирты, и хенны, и ромашки, анемонов, фиалок, гранат и душистого шиповника, и все это она положила в корзину носильщика и сказала: «Неси!»

И носильщик понёс за ней следом, а она остановилась возле лавки мясника и сказала: «Отрежь десять ритлей²³ мяса». Он отрезал ей, и она заплатила ему и, завернув мясо в лист банана, положила его в корзину и сказала: «Неси, носильщик!» И носильщик понёс вслед за нею. А потом женщина подошла и остановилась у лавки бакалейщика и взяла у него очищенных фисташек, что для Закуски, и тихамского изюма и очищенного миндаля и сказала носильщику: «Неси и следуй за мной!»

И носильщик понёс корзину и последовал за девушкой, а она остановилась у лавки торговца сладостями и купила поднос, на который наложила всего, что было у него: плетёных пирожных и пряженцев, начинённых мускусом, и пастилы, и пряников с лимоном, и марципанов, и гребешков Зейнаб, и пальцев, и глотков кади, и всякого рода сладостей, которыми она наполнила поднос, а поднос положила в корзину. И носильщик сказал ей: «Если бы ты дала мне знать, я привёл бы с собою ослёнка, чтобы нагрузить на него эти припасы». И женщина улыбнулась и, ударив его рукой по затылку, сказала: «Ускорь шаг и не разговаривай много! Твоя плата тебе достанется, если захочет Аллах великий».

И женщина остановилась возле москательщика и взяла у него воду десяти сортов: розовую воду, померанцевую, сок кувшинок и ивовый сок, и ещё взяла две головы сахара и обрызгиватель с розовой водой с мускусом, и крупинки ладана, и алоэ, и амбру, и мускус, и александрийских свечей, и все это она положила в корзину и сказала: «Возьми твою корзину и следуй за мной!» И носильщик взял корзину и пошёл за женщиной.

Женщина подошла к красивому дому с широким двором перед ним, высоко построенному, с высившимися колоннами, а ворота его с двумя створами из чёрного дерева

²² Изар – кусок полотняной или шёлковой ткани, в который завёртываются арабские женщины, выходя на улицу.

²³ Ритль – мера веса, несколько меньше пятисот граммов.

были выложены полосками из червонного золота. Она остановилась у ворот и, откинув с лица покрывало, постучала тихим стуком, а носильщик сиял позади неё и непрестанно размышлял о её красоте и прелести. Вдруг ворота отворились, и распахнулись оба створа, и носильщик взглянул, кто открыл ей ворота, и видит – высокая ростом, с выпуклой грудью, красивая, прелестная, блестящая и совершенная, стройная и соразмерная, с сияющим лбом и румяным лицом, с глазами, напоминающими серн и газелей, и бровями, подобными луку новой луны в шабан²⁴. Её щеки были как анемоны, и рот как соломонова печать²⁵, и алые губки как коралл, и зубки как стройно нанизанный жемчуг или цветы ромашки, а шея как у газели, и грудь словно мраморный бассейн с сосками точно гранат, и прекрасный живот, и пупок, вмещающий унцию орехового масла, как сказал о ней поэт:

Посмотри на солнце дворцов роскошных и месяц их,
На цветок лаванды и дивный блеск красоты его!
Не увидит глаз столь прекрасного единения
С белым чёрного, как лило её и цвет локонов.

И, лицом румяна, красой своей говорит она
О своём прозванье, хоть свойств прекрасных в нем нет её.
Изгибается, и смеюсь я громко над бёдрами,
Изумляясь им, но готов я слезы над станом лить.

И когда носильщик взглянул на неё, его ум и сердце были похищены, и корзина чуть не упала с его головы. «Я в жизни не видал дня, благословеннее этого!» – воскликнул он, а женщина-привратница сказала покупавшей: «Входи и сними тяжесть с этого бедного носильщика!» И покупавшая вошла, а за нею привратница и носильщик, и они пошли и достигли просторного двора с колоннадой, с пристройками, сводами, беседками и скамьями, чуланами и кладовыми, над которыми были опущены занавеси, а посреди двора был большой водоём, полный воды, и в нем челнок. А на возвышении было ложе из можжевельника, выложенное драгоценными камнями, над которым был опущен полог из красного атласа с жемчужными застёжками величиной с орех и больше, и из-за него показалась молодая женщина сияющей внешности и приятного вида, с дивными чертами и лунолика, с глазами чарующими, осенёнными изогнутым луком бровей. Её стан походил на букву алиф²⁶, и дыхание её благоухало амброй, и коралловые уста её были сладостны, и лицо её своим светом смущало сияющее солнце. Она была словно одна из вышних звёзд или купол, возведённый из золота, или арабский курдюк, или же невеста, с которого сняли покрывало, как сказал о ней поэт:

Смеясь, она как будто являет нам Нить жемчуга, иль ряд градин, иль ромашек; И прядь волос, как мрак ночной, спущена, И блеск её сиянье утра смущает.

И третья женщина поднялась с ложа и не спеша подошла к сёстрам и сказала: «Чего вы стоите? Спустите тяжесть с головы этого бедного носильщика!» И покупавшая зашла спереди, а привратница сзади, и третья помогла им. И они сняли корзину с носильщика и вынули то, что было в корзине, и разложили все по местам и дали носильщику два динара и сказали: «Отправляйся, носильщик!» Но тот смотрел на девушек, таких красивых и прекрасных, каких он ещё не видел, а между тем у них не было мужчин. Он глядел на

²⁴ Шабан – восьмой месяц мусульманского года.

²⁵ Соломонова печать – растение из семейства лилейных, с цветком которого здесь сравниваю здесь уста красавицы.

²⁶ Алиф – первая буква арабского алфавита, изображается в виде вертикальной черты.

напитки, плоды и благовония и прочёс, что было у них, и, удивлённый до крайности, медлил уходить. «Что с тобой, почему же ты не идёшь? – спросила его женщина. – Ты как будто находишь плату слишком малой?» И, обратившись к своей сестре, она сказала ей: «Дай ему ещё динар».

Но носильщик воскликнул: «О госпожа, я не нахожу, что мне заплатили мало, и моя плата не составит и двух дирхемов, но моё сердце и ум заняты вами: как это вы здесь одни, и возле вас нет мужчин, и никто вас не развлекает. Вы знаете, что минарет не стоит иначе, как на четырех подпорах, а у вас нет четвёртого. Женщинам хорошо играть лишь с мужчинами, ведь сказано:

Не видеть – четыре тут для радости собраны:
И лютня, и арфа здесь, и цитра, и флейта.
Четыре цветка тому вполне соответствуют:
Гвоздика, и анемон, и мирта, и роза.
Четыре нужны ещё, чтоб было прекрасно все:
Вино, и цветущий сад, динар, и любимый.

А вас трое, и вам нужен четвёртый, который был бы мужем разумным, проницательным и острым, и хранителем тайн».

И когда девушки услышали слова носильщика, который им понравились, они засмеялись и сказали: «Кто же будет для нас таким? Мы девушки и боимся доверить тайну тому, кто не сохранит её. Мы читали в каких-то преданиях, что сказал ибн ас-Сумам:

Храни свою тайну, её не вверяй;
Доверивший тайну тем губит её.
Ведь если ты сам свои тайны в груди
Не сможешь вместить, как вместить их другим?
Об этом же сказал, и отлично сказал, Абу-Новас²⁷:
«Кто людям поведаёт тайну свою –
Достоин тот знака позора на лбу».

Услышав эти слова, носильщик воскликнул: «Клянусь вашей жизнью, я человек разумный и достойный доверия, и я читал книги и изучал летописи. Я проявляю хорошее и скрываю скверное, ведь поэт говорит:

Лишь тот может тайну скрыть, кто верен останется,
И тайна сокрытою у лучших лишь будет;
Я тайну в груди храню как в доме с запорами,
К которым потерян ключ, а дверь за печатью».

Услышав столь искусно нанизанные стихи, девушки сказали носильщику: «Ты знаешь, что мы потратили на трапезу много денег; есть ли у тебя что-нибудь, чтобы возместить нам? Мы не позволим тебе сидеть у нас и стать нашим сотрапезником и глядеть на наши светлые и прекрасные лица, пока ты не заплатишь сколько-нибудь денег. Разве не слышал ты пословицу: „Любовь без гроша не стоит и зёрнышка“?» А привратница добавила: «Есть у тебя что-нибудь, о мой любимый, тогда ты сам – что-нибудь, а нет у тебя ничего, – и иди без ничего». – «О сестрицы, – сказала тогда покупавшая, – отстаньте от него. Клянусь Аллахом, он сегодня ничем не погрешил перед нами, и будь тут другой, он не был бы с нами так

²⁷ Абу-Новас – один из значительнейших арабских поэтов эпохи расцвета халифата (убит около 810 года н. э.). В своих стихах он выступает как певец любви и вина и как язвительный, хотя несколько грубоватый, сатирик.

терпелив. Что с него ни придётся, я заплачу за него». И носильщик обрадовался и поцеловал землю и поблагодарил, и тогда та, что была на ложе, сказала: «Клянусь Аллахом, мы оставим тебя сидеть у нас только с одним условием: чтобы ты не спрашивал о том, что тебя не касается; а станешь болтать лишнее, так будешь бит». – «Я согласен, о госпожа, – отвечал носильщик. – На голове и на глазах! Вот я уже без языка».

И покупавшая встала и, затянув пояс, расставила кружки и процедила вино. Она расположила зелень около кувшина и принесла все, что было нужно, а потом поставила вино и села вместе с сёстрами, а носильщик сел между ними и думал, что он во сне. Потом она взяла флягу с вином и, наполнив первый кубок, выпила его, а за ним второй и третий, а потом наполнила и подала носильщику и произнесла:

«Пей во здравье, радостью наслаждаясь!
Вот напиток, что болезни излечит».

А носильщик взял чашу в руку и поклонился и поблагодарил и произнёс:

«Не должно нам кубок пить иначе, как с верными,
Чей род благородно чист и к предкам возводится.
С ветрами сравню вино: над садом летя, несут
Они благовоние, над трупами – вонь одну. –

И ещё произнёс:

Вино ты бери из рук газели изнеженной,
Что парностью свойств тебе и она подойдёт.

Потом носильщик поцеловал женщинам руки и выпил, и опьянел, и закачался, и сказал:

«Кровь любую запретно пить по закону,
Кроме крови лозы одной винограда.
Напой же, о лань, меня – и отдам я
К богатство, и жизнь мою, и наследство».

После этого женщина наполнила чашу и подала её средней сестре, а та взяла чашу у неё из рук и поблагодарила и выпила, а затем наполнила чашу и подала её той, что лежала на ложе, а после того она налила другую чашу и протянула её носильщику, который поцеловал перед ней землю и поблагодарил и выпил и произнёс слова поэта:

«Дай же, дай, молю Аллахом,
Мне вино ты в чашах полных!
Дай мне чашу его выпить,
Это, право, вода жизни!»

Потом он подошёл к госпоже жилища и сказал: «О госпожа моя, я твой раб, и невольник, и слуга! – и произнёс:

Здесь раб у дверей стоит, один из рабов твоих;
Щедроты и милости твои всегда помнит он.
Войти ли, красавица, ему, чтоб он видеть мог
Твою красоту? Клянусь любовью, останусь я!»

И она сказала: «Будь спокоен, пей на здоровье, да пойдёшь ты по пути благоденствия!»

И носильщик взял чашу и, поцеловав руку девушки, произнёс:

И подал ей древнее, ланитам подобное,
И чистое; блеск его как утро сияет.
К губам поднося его, смеясь, она молвила:
«Ланиты людей в питьё ты людям подносишь».

И молвил в ответ я:

«Пей – то слезы мои, и кровь
Их красными сделала; сварили их вздохи».

А она, в ответ ему, сказала такой стих:

«Коль плакал по мне, мой друг, ты кровью, так дай сюда,
Дай выпить её скорей! Тебе повинуюсь!»

И женщина взяла чашу и выпила её и сошла с ложа к своей сестре, и они не переставали (и носильщик меж ними) пить, плясать и смеяться и петь и произносить стихи и строфы, и носильщик стал с ними возиться, целоваться, и кусаться, и гладил, и щипал, и хватал, и повесничал, а они – одна его покормит, другая ударит, та даст пощёчину, а эта поднесёт ему цветы. И он проводил с ними время приятнейшим образом и сидел словно в раю среди большеглазых гурий.

И так продолжалось, пока вино не заиграло в их головах и умах; и когда напиток взял власть над ними, привратница встала и сняла одежды и, оставшись обнажённой, распустила волосы покровом и бросилась в водоём. Она стала играть в воде и плескалась и плевалась и, набрав воды в рот, обрызгала носильщика, а потом она вымыла свои члены и то, что между бёдрами и, выйдя из воды, бросилась носильщику на колени и сказала: «О господин мой, о мой любимый, как называется вот это?» – и показала на свой фардж. «Твоя matka», – отвечал носильщик, но она воскликнула: «Ой, и тебе не стыдно?» – и, взяв его за шею, надавала ему подзатыльников. И носильщик сказал: «Твой фардж», – но она ещё раз ударила его по затылку и воскликнула: «Ай, ай, как гадко! Тебе не стыдно?» – «Твой кусе!» – воскликнул носильщик, но женщина сказала: «Ой, и тебе не совестно за твою честь?» – и ударила его рукой. «Твоя оса!» – закричал носильщик, и старшая принялась бить его, приговаривая: «Не говори так!» И всякий раз как носильщик говорил какое-нибудь название, они прибавляли ему ударов, так что затылок его растаял от затрецин, и его сделали посмешищем. «Как же это, по-вашему, называется?» – взмолился он наконец, и привратница сказала: «Базилика храбреца!» И тогда носильщик воскликнул: «Слава Аллаху за спасение! Хорошо, о базилика храбреца!»

Потом они пустили чашу в круг, и вторая женщина встала и, сняв с себя одежды, бросилась носильщику на колени и спросила, указывая на свой хирр: «О свет глаз моих, как это называется?» – «Твой фардж», – сказал он, но она воскликнула: «Как тебе не гадко? – и дала ему затрецину, от которой зазвенело все в помещении. – Ой, ой, как ты не стыдишься?» – «Базилика храбреца!» – закричал носильщик, но она воскликнула: «Нет!» – и удары и затрецины посыпались ему на затылок, а он говорил: «Твоя matka, твой кусе, твой фардж, твоя срамота!» – но они отвечали. «Нет, нет!»

«Базилика храбреца!» – опять закричал носильщик, и все три так засмеялись, что опрокинулись навзничь. И они снова стали бить его по шее и сказали: «Нет, это не так называется!» – «Как же это называется, о сестрицы?» – воскликнул он, и девушка сказала: «Очищенный кунжут!» Затем она надела свою одежду, и они сели беседовать, и носильщик охал от боли в шее и плечах.

И чаша ходила между ними некоторое время, и потом старшая среди них, красавица,

поднялась и сняла с себя одежды, и тогда носильщик схватился реками за шею, потёр её и воскликнул: «Моя шея и плечи потерпят ещё на пути Аллаха!» К женщине обнажилась и бросилась в водоём, и нырнула, и поиграла, и вымылась, а носильщик смотрел на неё обнажённую, похожую на отрезок месяца, с лицом подобным луне, когда она появляется, и утру, когда оно засияет. Он взглянул на её стан и грудь и на тяжкие и подрагивающие бедра, и она была нагая, как создал её господь, и носильщик воскликнул: «Ах! ах! – и произнёс, обращаясь к ней:

Когда бы тебя сравнил я с веткой зеленою,
Взвалил бы на сердце я и горе и тяжесть.
Ведь ветку находим мы прекрасней одетою,
Тебя же находим мы прекрасней нагою».

И, услышав эти стихи, женщина вышла из водоёма и, подойдя к носильщику, села ему на колени и сказала, указывая на свой фардж: «О господин мой, как это называется?» – «Базилика храбреца», – ответил носильщик, но она сказала: «Ай! ай!» И он вскричал: «Очищенный кунжут!», но она воскликнула: «Ох!» – «Твоя matka», – сказал тогда носильщик, но женщина вскричала: «Ой, ой, не стыдно тебе?» – и ударила его по затылку. И всякий раз, как он говорил ей: «Это называется так-то», – она била его и отвечала: «Нет! нет!» – пока, наконец, он не спросил: «О сестрица, как же это называется?» – «Хан Абу-Мансура», – отвечала она, и носильщик воскликнул: «Слава Аллаху за спасение, ха, ха, о хан Абу-Мансура! „И женщина встала и надела свои одежды, и они вновь принялись за прежнее, и чаши некоторое время ходили между ними, а потом носильщик поднялся и, сняв с себя одежду, сошёл в водоём, и они увидели его плывущим в воде. Он вымыл у себя под бородой и под мышками и там, где вымыли женщины, а потом вышел и бросился на колени их госпожи, закинув руки на колени привратницы, а ноги на колени покупавшей припасы. И он показал на свой зебб и спросил: „О госпожи мои, как это называется?“ – и все так засмеялись его словам, что упали навзничь, и одна из них сказала: „Твой зебб“, – но он ответил:

«Нет!» – и укусил каждую из них по разу. «Твой айр», – сказали они, но он ответил: «Нет!» – и по разу обнял их...»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Десятая ночь

Когда же настала десятая ночь, сестра её Дуньязада сказала ей: «Докончи нам твой рассказ».

И Шахразада ответила: «С любовью и охотой. Дошло до меня, о счастливый царь, что они, не переставая, говорили носильщику: „Твой айр, твой зебб, твой кол“, а носильщик целовал, кусал, и обнимал, пока его сердце не насытилось ими, а они смеялись и, птенец, спросили его: „Как же это называется, о брат наш?“ – „Вы не знаете имени этого?“ – воскликнул он, и они сказали: „Нет“, и тогда он ответил: „Это всесокрушающий мул, что пасётся на базилике храбреца и кормится очищенным кунжутом и ночует в хане Абу-Мансура!“

Девушки так засмеялись, что опрокинулись навзничь, а затем они снова принялись беседовать, и это продолжалось, пока не подошла ночь. И тогда они сказали носильщику: «Во имя Аллаха, о господин, встань, надень башмаки и отправляйся! Покажи нам ширину твоих плеч». По носильщик воскликнул: «Клянусь Аллахом, мне легче, чтобы вышел мой дух, чем самому уйти от вас! Давайте доведём ночь до дня, а завтра каждый из нас пойдёт своей дорогой». И тогда та, что делала покупки, сказала: «Заклинаю вас жизнью, оставьте его спать у нас, – мы над ним посмеёмся! Кто доживёт до того, чтобы ещё раз встретиться с

таким, как он? Он ведь весельчак и остряк!» И они сказали: «Ты проведёшь у нас ночь с условием, что подчинишься власти и не станешь спрашивать ни о чем, что бы ты ни увидел, и о причине этого». – «Хорошо», – ответил носильщик, и они сказали: «Встань, прочти, что написано на дверях».

Носильщик поднялся и увидел на двери надпись золотыми чернилами: Кто станет говорить о том, что его не касается, услышит то, что ему не понравится. И тогда он воскликнул: «Будьте свидетелями, что я не стану говорить о том, что меня не касается!» После этого покупавшая встала и приготовила ему еду, и они поели и потом зажгли свечи и светильники и подсыпали в них амбру и алоэ. Они сидели и пили, вспоминая любимых, а потом пересели на другое место и поставили свежие плоды и напитки и продолжали есть и пить, беседовать, закусывать, смеяться и повесничать. Но вдруг постучали в дверь, и одна из женщин пошла к двери, а затем вернулась и сказала: «Паше веселье стало полным сегодня вечером». – «А что такое?» – спросили её, и она ответила: «У двери три чужеземца, – календеры²⁸, с выбритыми подбородками, головами и бровями, и все трое кривы на правый глаз, а это удивительное совпадение. Они похожи на возвратившихся из путешествия. Они прибыли в Багдад и впервые вступили в каш город. А получали в дверь они потому, что не нашли места, где провести ночь, и подумали: «Может быть, хозяин этого дома даст нам ключ от стойла или хижины, где мы сегодня переночуем». Их застиг вечер, а они чужестранцы и не знают никого, у кого бы приютиться. О сестрицы, у них у всех смешной вид...» И она до тех пор подлаживалась к сёстрам, пока те не сказали: «Пусть их входят, но поставь им условие, чтоб они не говорили о том, что их не касается, а не то услышат то, что им не понравится!»

И женщина обрадовалась и пошла и вернулась, и с нею трое кривых, с обритыми подбородками и усами. Они поздоровались и поклонились и отошли назад, а женщины поднялись им навстречу и приветствовали их и поздравили с благополучием и посадили их. И календеры увидели нарядное помещение и чисто убранную трапезу, уставленную зеленью, горящими свечами и дымящимися курильницами и закусками и плодами и вином, и трех невинных девушек, и воскликнули вместе: «Клянёмся Аллахом, хорошо!» Потом они обернулись к носильщику и нашли, что он весел, устал и пьян, и, увидев его, они сочли его одним из своих же и сказали: «Он календер, как и мы, он чужестранец или кочевник». И когда носильщик услышал эти слова, он встал и, вперив в них взор, воскликнул: «Сидите и не болтайте! Разве вы не прочли то, что на двери? Вы вовсе не факиры!²⁹ Вы пришли к нам и распускаете о нас языки!» И календеры ответили: «Просим прощения у Аллаха, о факир! Паши головы перед тобою». Женщины засмеялись и, поднявшись, помирили календеров с носильщиком и подали календерам еду. И те поели и сидели беседуя, и привратница поила их, и чаша ходила между ними, и носильщик сказал календерам: «А вы, о братья, нет ли у вас какойнибудь истории или диковинки, чтобы рассказать нам?» И жар разлился по ним, и они потребовали музыкальные инструменты, и привратница принесла им бубён, лютню и персидскую арфу, и календеры встали и настроили инструменты, и один из них взял бубён, другой лютню, а третий арфу, и они начали играть и петь, а девушки закричали так, что поднялся большой шум. И когда они так развлекались, вдруг постучали в дверь, и привратница встала, чтобы посмотреть, кто у двери.

А в дверь постучали потому, о царь, – говорила Шахразада, – что в эту ночь халиф Харун ар-Рашид³⁰ вышел пройтись и послушать, не произошло ли чего-нибудь нового,

²⁸ Календеры – монашеский орден, члены которого жили подаянием. Они носили одежду особого покроя и брили себе головы и бороды.

²⁹ Факир – нищенствующий монах.

³⁰ Харун-ар-Рашид – арабский халиф, правил в 799-809 годах. Исторический Харун ар-Рашид был непопулярен среди своих подданных и мало похож на героя сказок 1001 ночи.

вместе со своим везирем Джафаром и Масруром, палачом его мести (а халиф имел обычай переодеваться в одежды купцов). И когда они вышли этой ночью и пересекли город, их путь пришёлся мимо этого дома, и они услышали музыку и пение, и халиф сказал Джафару: «Я хочу войти в этот дом и услышать эти голоса и увидеть их обладателей». – «О повелитель правоверных, – сказал Джафар, – это люди, которых забрал хмель, и я боюсь, что нас постигнет от них зло». – «Я непременно войду туда!» – сказал халиф, – и я хочу, чтобы ты придумал, как нам войти к ним». И Джафар отвечал: «Слушаю и повинуюсь!» Потом Джафар подошёл и постучал в дверь, и привратница вышла и открыла дверь, и Джафар выступил вперёд, облобызал землю и сказал: «О госпожа, мы купцы из Табарии³¹. Мы в Багдаде уже десять дней, и мы продали свои товары, а стоим мы в хане купцов. И один купец пригласил нас сегодня вечером, и мы пошли к нему, и он предложил нам поесть, и мы поели, а потом мы некоторое время с ним беседовали, и он разрешил нам удалиться. И мы, чужеземцы, вышли ночью и сбились с дороги к хану, где мы стоим, и может быть, вы будете милостивы и позволите войти к вам сегодня ночью и переночевать, а вам будет небесная награда». Привратница посмотрела на пришедших, которые были одеты как купцы и имели почтённый вид, и, войдя к своим сёстрам, передала рассказ Джафара, и они опечалились и сказали ей: «Пусть войдут».

Тогда она вернулась и открыла им дверь, и они спросили: «Входить нам с твоего разрешения?» – «Входи те», – сказала привратница, и халиф с Джафаром и Масруром вошли, и когда девушки увидели их, они поднялись им навстречу и посадили их и оказали им почтение и сказали: «Простор и уют гостям, но у нас есть для вас условие». – «Какое же?» – спросили они, и девушки ответили: «Не говорите о том, что вас не касается, а не то услышите то, что вам не понравится». И они ответили им: «Хорошо!» Потом они сели пить и беседовать, и халиф посмотрел на трех календеров и увидел, что они кривые на правый глаз? и изумился этому, а взглянув на девушек, столь красивых и прекрасных, он пришёл в недоумение и удивился. Затем начались беседы и разговоры, и халифу сказали: «Пей!», но он ответил: «Я намереваюсь совершить паломничество»³². И тогда привратница встала и, принеся скатерть, шитую золотом, поставила на неё фарфоровую кружку, в которую влила ивового соку и положила туда ложку снегу и кусок сахара, и халиф поблагодарил её и сказал про себя: «Клянусь Аллахом, я непременно вознагражу её завтра за её благой поступок!»

И они занялись беседой, и, когда вино взяло власть, госпожа дома встала и поклонилась им, а потом взяла за руку ту, что делала покупки, и сказала: «О сестрицы, исполним наш долг», – и сестры ответили: «Хорошо!» И тогда привратница встала, прибрала помещение, выбросила очистки, переменяла куренья и вытерла середину покоя. Она посадила календеров на скамью у возвышения, а халифа, Джафара и Масрура на скамью на другом конце покоя, а потом крикнула носильщику: «Как ничтожна твоя любовь! Ты ведь не чужой, а из обитателей дома!» И носильщик встал и сказал, затянув пояс: «Что тебе нужно?» И она ответила ему: «Стой на месте!» Потом поднялась та, что делала покупки, и поставила посреди покоя скамеечку, а затем она открыла чуланчик и сказала носильщику: «Помоги мне!» И носильщик увидел двух чёрных сук, на шее у которых были цепи, и женщина сказала ему: «Возьми их», – и носильщик взял сук и вышел с ними на середину помещения.

Тогда хозяйка дома встала и, обнажив руки до локтя, взяла бич и сказала носильщику: «Выведи одну из этих сук!» И носильщик вывел суку, таща её на цепи, и она плакала и головой тянулась по направлению к женщине, а та принялась бить её по голове, и сука кричала, а женщина била её, пока у неё не устали руки. И тогда она бросила бич и, прижав

³¹ Талбария (древняя Тизерида) – город в Палестине.

³² Собираясь в паломничество, мусульмане тщательно соблюдают предписания своей религии, которая, как известно, запрещает пить вино.

суку к груди, вытерла ей слезы и поцеловала её в голову, а затем она сказала носильщику: «Возьми её и подай вторую». И носильщик привёл, и женщина сделала с ней то же, что с первой.

Сердце халифа обеспокоилось, и его грудь стеснилась, и ему не терпелось узнать, в чем дело с этими двумя суками. И он подмигнул Джафару, но тот повернулся к нему и знаком сказал: «Молчи!»

Затем госпожа жилища обратилась к привратнице и сказала ей: «Вставай и исполни то, что тебе надлежит», – и та ответила: «Хорошо!» Потом она поднялась на ложе (а оно было из можжевельника, выложенное полосками золота и серебра) и сказала привратнице и той, что делала покупки: «Подайте, что есть у вас!» И привратница поднялась и села возле неё, а та, что закупала приправы вошла в одно из помещений и вышла, неся чехол из атласа с зелёными лентами и двумя солнцами из золота, и, остановившись перед госпожой жилища, она распустила чехол и вынула оттуда лютню для пения. Она настроила струны и подтянула колки и, наладив лютню как следует, произнесла такие стихи:

«Ты цель моя и желанье
И близость к вам, любимые,
В ней вечное блаженство,
А даль от вас – огонь.

Безумен я из-за вас же,
И в вас влюблён все время я,
И если вас люблю я,
Позора нет на мне.

Слетели с меня покровы,
Как только я влюбился в вас;
Любовь всегда покровы
Срывает со стыдом.

Оделся я в изнуренье
И ясно – не виновен я,
И сердце только вами
В любви и смущено.

Ты, изливаясь, слезы,
И тайна всем ясна моя,
Известны стали тайны
Благодаря слезам.

Лечите мои недуги:
Ведь вы – лекарство и болезнь.

А затем женщина воскликнула: «Ради Аллаха, сестрица, исполни свой долг передо мной и подойди ко мне!» И та, что делала покупки, ответила: «С любовью и охотой!» Она взяла лютню, прислонила её к груди и, ущипнув струны пальцами, произнесла:

«На разлуку вам жалуясь, – что мы скажем?
А когда до тоски дойдём – где же путь наш?
Иль пошлём мы гонца за нас с изъяснением?
По не может излить гонец жалоб страсти.

Иль стерпеть нам? Но будет жить ведь влюблённый,
Потерявший любимого, лишь немного.
Будет жить он в тоске одной и печали,
И ланиты зальёт свои он слезами.

О, сокрытый от глаз моих и ушедший,
По живущий в душе моей неизменно!
Тебя встречу ль? И помнишь ли ты обет мой.
Что продлится, пока текут эти годы?

Иль забыл ты, вдали, уже о влюблённом,
Что довольно уж слез пролил, изнурённый?
Ах! И если сведёт любовь нас обоих,
Будут длиться упрёки наши немало».

И, услышав вторую касиду, госпожа жилища закричала: «Клянусь Аллахом, хорошо!» – и, опустив руку, разорвала свои одежды, как в первый раз, и упала на землю без памяти. А покупавшая встала и брызнула на неё водой и надела на неё вторую одежду, и тогда она поднялась и села и сказала своей сестре, которая закупала припасы: «Прибавь мне и уплати мой долг сполна. Осталась только эта мелодия»:

И покупавшая взяла лютню и произнесла такие стихи:

«До каких же пор отдалён ты будешь и гроб со мной?
Не довольно ль слез пролилось моих до сей поры?
До каких же пор ты продлишь разлуку умышленно?
Коль завистнику ты добра желал – исцелился он.

Коль коварный рок справедлив бы был ко влюблённому,
Никогда б ночей он не знал без сна, страстью мучимый.
Пожалей меня; я измучена твоей грубостью;
Не пора ль тебе, повелитель мой, благосклонней стать?

О убийца мой! Расскажу кому о любви своей?
Как обманут тот, кто печалится, коль любовь мала!
Моя страсть все больше, и слез моих все сильнее ток,
И разлуки дни, что текут, сменяясь, так тянутся!

Правоверные! За влюблённого отомстите вы,
Друга бдения. Уж терпенья стан опустел совсем.
Дозволяет ли, о желанный мой, то любви закон,
Чтоб далёк был я, а другой высок в единенья стал?

И могу ли я наслаждаться миром вблизи него?
О, доколь любимый стараться будет терзать меня?»

И когда женщина слышала третью касиду, она вскрикнула, и разорвала свою одежду, и упала на землю без памяти в третий раз, и опять стали видны следы ударов бичами. И календеры воскликнули: «Чтобы нам не входить в этот дом и переночевать на свалке! Наша трапеза расстроена тем, от чего разрывается сердце». И халиф обратился к ним и спросил: «Почему это?» – и они сказали: «Наше сердце смущено этим делом». – «Разве мы не из этого дома?» – спросил халиф. «Нет, – отвечали они, – мы увидели это место только сейчас». И халиф удивился и воскликнул: «Но тот человек, что подле вас, знает их дело!» Он мигнул

носильщику, и того спросили об этом, и носильщик сказал: «Клянусь Аллахом, все мы в любви одинаковы! Я вырос в Багдаде, но в жизни не входил в этот дом до сегодняшнего дня, и моё пребывание у них – диво». – «Мы считали, клянёмся Аллахом, что ты принадлежишь к ним, а теперь видим, что ты такой же, как мы», – сказали они. И халиф вскричал: «Нас семеро мужчин, а их трое женщин, и у них нет четвёртого! Спросите их, что с ними, и если они не ответят по доброй воле, то ответят насильно». И все согласились с этим, но Джафар сказал: «Не таково моё мнение! Оставьте их – мы у них гости, и они поставили нам условие, и мы его приняли, как вы знаете. Предпочтительней молчать об этом деле. Ночи осталось уже немного, и каждый из нас пойдёт своею дорогою». Он мигнул халифу и сказал ему: «Осталось не больше часу, а Завтра ты их призовёшь пред лицо своё и спросишь их». Но халиф поднял голову и закричал гневно: «Мне не терпится больше. Пусть календеры их спросят!» – «Моё мнение не таково», – сказал Джафар. И они стали друг с другом переговариваться о том, кто же спросит женщин раньше, и они, наконец, сказали: «Носильщик!»

Тут госпожа жилища спросила их: «О люди, о чем вы шепчетесь?» И носильщик поднялся и сказал: «О госпожа моя, эти люди хотели бы, чтобы ты рассказала им историю собак: в чем дело, отчего ты их мучаешь, а потом плачешь и целуешь их, и рассказала бы также о твоей сестре, и почему её били бичами, как мужчину? Вот их вопросы к тебе».

И женщина, госпожа жилища, спросила гостей: «Правда ли то, что он говорит про вас?» И все отвечали: «Да», – кроме Джафара, который промолчал. И когда женщина услышала их слова, она воскликнула: «Поистине, о гости, вы обидели меня великой обидой! Ведь мы раньше условились с вами, что те, кто станут говорить о том, что их не касается, услышат то, что им не понравится! Недостаточно вам, что мы ввели вас в наш дом и накормили нашей пищей? Но вина не на вас, вина на том, кто привёл вас к нам». Затем она обнажила руки, ударила три раза об пол и воскликнула: «Поторопитесь!»

Вдруг открылась дверь чулана, и оттуда вышли семь рабов с обнажёнными мечами в руках. «Скрутите этих многоречивых и привяжите их друг к другу!» – воскликнула она. И рабы сделали это и сказали: «О почтённая госпожа, прикажи нам снять с них головы». – «Дайте им ненадолго отсрочку, пока я спрошу их, кто они, прежде чем им собьют головы», – сказала женщина.

И носильщик воскликнул: «О покров Аллаха! О госпожа моя, не убивай меня по вине других! Все они погрешили и сделали преступление, кроме меня. Клянусь Аллахом, наша ночь была бы хороша, если бы мы избежали этих календеров, которые, войди они в населённый город, превратили бы его в развалины. Ведь говорит же поэт:

Прекрасно прощенье от властных всегда,
Особенно тем, кто защиты лишён.
Прошу я во имя взаимной любви:
Одних за Других ты не вздумай убить».

И когда носильщик кончил говорить, женщина засмеялась...» И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Когда же настала одиннадцатая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что женщина засмеялась от гнева и, обратившись ко всем, сказала: „Расскажите мне свою историю, – вашей жизни остался только час. Если бы вы не были знатыми и вельможами своего народа или судьями, вы, наверно, не осмелились бы на это“.

«Горе тебе, о Джафар, – сказал тогда халиф, – осведоми её о нас, а иначе мы будем убиты по ошибке. И говори с ней получше, или нас постигнет несчастье!» «Это лишь часть того, что ты заслуживаешь», – отвечал Джафар. И халиф закричал на него: «Для шуток своё время, а для дела своё!»

А между тем женщина подошла к календерам и спросила их: «Вы братья?» – и они ответили: «Нет, клянёмся Аллахом, мы только факиры и чужеземцы».

«Ты родился кривым?» – спросила она одного из них, и он ответил: «Нет, клянусь Аллахом! Со мной случилась изумительная история и диковинное дело, и у меня вырвали глаз, и моя повесть такова, что, будь она написана иглами в уголках глаза, она стала бы назиданием для поучающихся». И она спросила второго и третьего, и они ответили то же, что первый, и сказали: «Клянёмся Аллахом, о госпожа, все мы из разных стран, и мы сыновья царей и правителей над землями и рабами». И тогда она обратилась к ним и сказала: «Пусть каждый из вас расскажет нам свою историю и причину своего прихода к нам, а потом пригладит голову и отправится своей дорогой».

И носильщик выступил первым и сказал: «О госпожа моя, я носильщик, меня нагрузила эта закупщица и пошла со мной от дома виноторговца к лавке мясника, а от лавки мясника к торговцу плодами, а от него к бакалейщику, а от бакалейщика к продавцу сладостей и москательщику, от них же сюда, и у меня случилось с вами то, что случилось. И вот весь мой рассказ, и конец!» И женщина засмеялась и сказала: «Пригладь свою голову и иди!» – И носильщик воскликнул: «Но уйду, пока не услышу рассказов моих товарищей!»

Рассказ первого календера (ночи 11-12)

Тогда выступил вперёд первый календер и сказал ей: «О госпожа моя, знай, что причина того, что у меня обрит подбородок и выбит глаз, вот такая: мой отец был царём, и у него был брат, и брат этот царствовал в другом городе. И совпало так, что моя мать родила меня в тот же день, как родился сын моего дяди, и прошли лета, годы и дни, и оба мы выросли. И я посещал моего дядю и жил у него многие месяцы, и сын моего дяди оказывал мне крайнее уважение и резал для меня скот и процеживал вино. И однажды мы сели пить, и когда напиток взял власть над нами, сын моего дяди сказал мне:

«О сын моего дяди, у меня к тебе большая просьба, и я хочу, чтобы ты мне не прекословил в том, что я намерен сделать». – «С любовью и охотой», – ответил я ему.

И он заручился от меня великими клятвами и в тот же час и минуту встал и, ненадолго скрывшись, возвратился, и с ним была женщина, покрытая изаром, надушённая и украшенная драгоценностями, которые стоили больших денег. И он обернулся ко мне, и сказал: «Возьми эту женщину и пойди впереди меня на такое-то кладбище (а кладбище он описал мне, и я узнал его). Пойди с ней к такой-то гробнице и жди меня там», – сказал он. И я не мог прекословить и не был властен отказать ему, так как поклялся ему. И я взял женщину и отправился и пришёл к гробнице вместе с нею, и когда мы уселись, пришёл сын моего дяди, и у него была чашка с водой и мешок, где был цемент и кирка. И он взял кирку и, подойдя к одной могиле, вскрыл её и перенёс камни в сторону, а потом он стал рыть киркой землю в гробнице и открыл плиту из железа величиной с маленькую дверь и поднял её, и под ней обнаружилась сводчатая лестница.

Потом он обратился к женщине и сказал: «Перед тобой то, что ты избираешь». И женщина спустилась по этой лестнице, а он обернулся ко мне и сказал: «О сын моего дяди, доверши твою милость. Когда я спущусь, опусти падо мной дверь и насыпь на неё снова землю, как она была, и это будет завершением милости. А этот цемент, что в мешке, и воду, в чашке, замеси и вмажь камни, как раньше, вокруг могилы, чтобы никто не увидел их и не сказал: „Эту могилу открывали недавно, а внутри она старая“. Я уже целый год над этим работаю, и об этом никто не знает, кроме Аллаха. Вот в чем моя просьба». Потом он воскликнул: «Не дай Аллах тосковать по тебе, о сын моего дяди!» – и спустился по лестнице.

Когда он скрылся с глаз, я опустил плиту и сделал то, что он приказал мне, и могила стала такой же, как была, а я был словно пьяный. И я возвратился во дворец моего дяди (а дядя мой был на охоте и ловле) и проспал эту ночь. А когда наступило утро, я стал размышлять о прошлой ночи и о том, что случилось с моим двоюродным братом, и раскаялся, когда раскаяние было бесполезно, что сделал это с ними и послушался его, и мне думалось, что это был сон. И я стал спрашивать о сыне моего дяди, но никто ничего не сообщил мне о нем, и я вышел на кладбище к могилам и принялся разыскивать ту гробницу,

но не узнал её. Я непрестанно кружил от гробницы к гробнице и от могилы к могиле, пока не подошла ночь, но не нашёл к ней дороги. И я вернулся в замок и не ел и не пил, и моё сердце беспокоилось о сыне моего дяди, так как я не знал, что с ним. Я огорчился великим огорчением и лёг спать и провёл ночь до утра в заботе, а потом я второй раз пошёл на кладбище, думая о том, что я сделал с сыном моего дяди, и раскаиваясь, что послушал его. Я обошёл все могилы, но не узнал ни могилы, ни гробницы, и почувствовал раскаяние. И в таком положении я оставался семь дней, так и не зная пути к гробнице, и моё беспокойство увеличивалось, так что я едва не сошёл с ума.

И я нашёл облегчение лишь в том, что решил уехать и вернуться к отцу. Но в тот час, когда я достиг города моего отца, поднялась у городских ворот толпа людей, и меня скрутили, и я пришёл от этого в полное удивление – я ведь был сыном правителя города, а они слугами моего отца и моими прислужниками, – и меня охватил великий страх перед ними. И я сказал в душе: «Глянь-ка, что это случилось с моим отцом?» – и спросил тех, кто схватил меня, в чем причина этого, но они не дали мне ответа. А через некоторое время один из них (а он был моим слугою) сказал мне: «Твоего отца обманула судьба, и войска восстали против него, и везирь убил его и сел на его место. И мы подстерегали тебя по его приказу».

Они взяли меня, лишившегося сознания от тех вестей, которые я услышал об отце, и я предстал перед везирем.

А между мною и везирем была старая вражда, и причиною этой вражды было вот что. Я очень любил стрелять из самострела, и когда я однажды стоял на крыше моего дворца, на крышу дворца везирия вдруг спустилась птица, а везирь тоже стоял там. Я хотел ударить птицу, и вдруг пуля пролетела мимо и попала в глаз везирию и выбила его, по воле судьбы и рока, подобно тому, как говорится в одном древнем изречении:

Мы шли по тропе, назначенной нам судьбою, Начертан кому судьбой его путь – пройдёт им; Кому суждено в одной из земель погибнуть, Не встретит тот смерть в земле другой наверно.

И когда у везирия был выбит глаз, – продолжал календер, – он не мог ничего сказать, так как мой отец был царём города, и вот причина вражды между мной и им. И когда я встал перед ним со скрученными руками, он велел отрубить мне голову, и я спросил его: «За какой грех ты меня убиваешь?» И везирь отвечал: «Какой грех больше этого?» – и показал на свой выбитый глаз. «Я сделал это нечаянно», – сказал я, и везирь воскликнул: «Если ты сделал это нечаянно, то я сделаю это нарочно!» Потом он сказал: «Подведите его!» И меня подвели к нему, и он протянул палец к моему правому глазу и вырвал его, и с того времени я стал кривым, как вы меня видите. После этого он велел скрутить мне руки и положить меня в сундук и сказал палачу: «Возьми его, обнажи свой меч, отправляйся с ним за город и убей его. Пусть его съедят звери и птицы!» И палач вынес меня и, выйдя из города в пустыню, вынул меня из сундука, а у меня были скручены руки и скованы ноги. Палач хотел Завязать мне глаза и после того убить меня, но я горько заплакал, так что довёл его до слез, и, посмотрев на него, я сказал такие стихи:

«Считал я кольчугой вас надёжной в защиту мне
От вражеских стрел; но вы лишь были концами их.
А я-то рассчитывал при всякой беде на вас,
Когда не могла помочь деснице шуйца моя.

Оставьте вдали вы то, что скажут хулители,
И дайте врагам моим метать в меня стрелами.
А если не станете от них охранять меня,
Молчите, не действуйте им в пользу иль мне во вред. –

И произнёс:

Не мало друзей считал для себя щитом я.
И были они, но только врагам, щитами.
И думалось мне, что меткие стрелы это.
И были они, но только во мне, стрелами».

А когда палач услышал мои стихи (а он был палачом у моего отца, и тот оказывал ему милости), он воскликнул: «О господин мой, как же мне сделать, я ведь подневольный раб!» Но потом он сказал мне: «Спасай свою жизнь и не возвращайся в эту землю, не то погибнешь сам и меня погубишь, подобно тому, как сказал поэт:

Спасай свою жизнь, когда поражён ты горем,
И плачет пусть дом о том, кто его построил.
Ты можешь найти страну для себя другую,
Но душу себе другую найти не можешь.

Дивлюсь я тому, кто в доме живёт позора,
Коль земли творца в равнинах своих просторны.
По важным делам гонца посылать не стоит:
Сама лишь душа добра для себя желает.

И шея у львов крепка потому лишь стала,
Что сами они все нужное им свершают».

Я поцеловал палачу руку и не верил в спасение, и потеря глаза казалась мне ничтожной, раз я спасся от смерти. Я отправился в путь и достиг города своего дяди и сообщил ему о том, что случилось с моим отцом и со мною, когда мне вырвали глаз, и мой дядя горько заплакал и воскликнул: «Ты прибавил заботу к моей заботе и горе к моему горю: твой двоюродный брат пропал, и я уже несколько дней не знаю, что с ним случилось, и никто мне ничего не сообщает о нем». И он так заплакал, что лишился чувств, и я опечалился о нем великой печалью. Он хотел приложить к моему глазу лекарство, но увидел, что он стал пустой впадиной, и воскликнул: «О дитя моё, ты заплатил глазом, но не душой!» И я не мог смолчать о моем двоюродном брате, который был его сыном, и сообщил ему обо всем, что случилось, и мой дядя очень обрадовался тому, что я сказал, услышав весть о своём сыне. «Пойдём, покажи мне гробницу», – сказал он, а я ответил: «Клянусь Аллахом, о дядя, я не знаю, в каком она месте! Я ходил после этого несколько раз и искал её, но не знаю, где она находится».

Потом я пошёл с моим дядей на кладбище и посмотрел направо и налево и узнал гробницу. И я сильно обрадовался, и мой дядя тоже, и я вошёл с ним в гробницу и, убрав землю, поднял плиту и спустился с моим дядей на пятьдесят ступенек, и когда мы достигли конца лестницы, вдруг на нас пошёл дым и затемнил нам зрение, и тогда мой дядя произнёс слова, говорящий которые не смутится: «Нет мощи и силы, кроме как у Аллаха, высокого, великого!» И мы пошли, и вдруг видим помещение, наполненное мукою, крупами и съестными припасами и прочим, а посреди покоя мы увидали занавеску, спущенную над ложем. И мой дядя посмотрел на ложе и увидел своего сына и женщину, спустившуюся с ним, которые лежали обнявшись, и они превратились в чёрный уголь, словно были брошены в ров с огнём. И, увидя это, мой дядя плюнул в лицо своему сыну и воскликнул:

«Ты заслужил это, о кабан! Таково наказание в здешней жизни, а остаётся наказание в жизни будущей, и оно сильнее и мучительней...»

И Шахразад устала рассказывать, и она прекратила дозволенные речи.

Двенадцатая ночь

Когда же настала двенадцатая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что календер рассказывал женщине, а все собравшиеся, и Джафар, и халиф слушали. „Потом мой дядя ударил своего сына башмаком, – продолжал календер, – (а тот лежал в виде чёрного угля), и я удивился его поступку и опечалился о моем двоюродном брате: как это он стал, вместе с женщиной, чёрным углём. И я сказал: «Ради Аллаха, о дядя, облегчи скорбь твоего сердца! Моё сердце и ум обеспокоены, и я скорблю о том, что случилось с твоим сыном, который превратился в чёрный уголь вместе с этой женщиной. Не довольно ли с них того, что случилось с ними, а ты ещё бьёшь его башмаком!»

«О сын моего брата, – отвечал мой дядя, – мой сын с самого детства был влюблён в свою сестру, и я запрещал ему быть с нею, и говорил в душе: „Они ещё маленькие!“ Когда же он вырос, между ними случилась мерзость, и я услышал об этом и не поверил, но все же взял и накричал на него как следует, и сказал ему: „Остерегайся таких мерзких поступков, которых никто не совершал ни до тебя, ни после тебя, а иначе мы будем опозорены и опорочены среди царей до самой смерти, и весть о нас разгласится путешественниками! Берегись совершить подобный поступок! Я разгневаюсь и убью тебя!“ Потом я отделил его от сестры, и сестру отделил от него, но проклятая любила его сильной любовью, и дьявол взял над ними власть и украсил в их глазах их поступки. Увидев, что я отделил от него сестру, мой сын вырыл для себя это помещение под землёй и выровнял его и перенёс туда, как ты видишь, съестные припасы. И он обманул мою бдительность и, когда я был на охоте, пришёл в это место, но преистинный возревновал к нему и к ней и сжёг их, а наказание в будущей жизни ещё сильнее и мучительней».

Он заплакал, и я заплакал вместе с ним, и он посмотрел на меня и сказал: «Ты мой сын вместо него!» И я поразмыслил немного о жизни земной и её превратностях, и о том, как везирь убил моего отца и сел на его место и вырвал мне глаз, и о диковинных событиях, что исполнились с моим двоюродным братом, и потом я заплакал, и мой дядя заплакал вместе со мной.

Затем мы поднялись наверх и опустили плиту и насыпали землю на место и сделали могилу такой, как она была прежде, и возвратились в наше жилище. Но не успели мы усесться, как услышали звуки барабанов, труб и литавр и бряцание оружия храбрецов, и крики людей, и лязг удил, и конское ржание, и мир покрылся мраком и пылью из-под копыт коней. И наш ум смутился, и мы не знали, в чем дело, и спросили о том, что случилось, и нам сказали: «Везирь, который захватил царство твоего отца, собрал солдат и снарядил войско и нанял кочевых рабов и пришёл к нам с войском, многочисленным, как пески, которого не счесть и не одолеть никому. Они ворвались в юрод внезапно, и жители не могли устоять и отдали им город». И мой дядя погиб, а я убежал в конец юрода и подумал: «Если я попаду ему в руки, он убьёт меня!» И печали мои множились и возобновились, и я подумал о событиях, происшедших с моим отцом и дядей, и о том, что теперь делать, и сказал себе: «Если я появлюсь, жители города и войска моего отца меня узнают, и будет мне смерть и гибель». И я нашёл спасение лишь в том, чтобы обрить усы и бороду, и, сбросив их и переменяв платье, вышел из города и направился в этот город, надеясь, что, может быть, кто-нибудь проведёт меня к повелителю правоверных, наместнику господна на земле, которому я мог бы рассказать и изложить своё дело и то, что со мной случилось.

Я достиг этого города в сегодняшний вечер и остановился, недоумевая, куда идти, и вдруг вижу, стоит этот календер. И я приветствовал его и сказал ему: «Чужеземец!» Он отвечал: «И я тоже чужеземец!» И когда мы так стояли, вдруг подошёл наш товарищ, вот этот третий, и поздоровался с нами и сказал нам: «Чужеземец!» – и мы отвечали: «И мы тоже чужеземцы». И мы пошли, и мрак налетел на нас, и судьба привела нас к вам. Вот причина того, что я обрил бороду и усы и что мне вырвали глаз.

«Пригладь свою голову и иди», – сказала ему женщина, но календер воскликнул: «Не уйду, пока не услышу рассказ других!» И все удивились его истории, и халиф сказал Джафару: «Клянусь Аллахом, я не видел и не слышал чего-либо подобного тому, что

случилось с этим календером!»

Рассказ второго календера (ночи 12-14)

Тогда выступил вперёд второй календер и поцеловал Землю и сказал: «О госпожа моя, я не родился кривым, и со мной случилась удивительная история, которая, будь она написана иглами в уголках глаза, послужила бы назиданием для поучающихся. Я был царём, сыном царя, и читал Коран согласно семи чтениям³³ и читал книги и излагал их старейшинам наук и изучал науку о звёздах и слова поэтов и усердствовал во всех науках, пока не превзошёл людей моего времени, и мой почерк был лучше почерка всех писцов. И слава обо мне распространилась по всем областям и странам и дошла до всех царей, и обо мне услышал царь Индии и послал к моему отцу, требуя меня, и отправил отцу подарки и редкости, подходящие для царей. И мой отец снарядил меня с шестью кораблями, и мы плыли по морю целый месяц, и, достигши берега, мы вывели коней, которые были с нами на корабле, и нагрузили подарками десять верблюдов и немного прошли. И вдруг, я вижу, поднялась и взвилась пыль, так что застлала края земли, и через час дневного времени пыль рассеялась, и из-за неё появились пятьдесят всадников – хмурые львы, одетые в железо. И мы всмотрелись в них и видим – это кочевники, разбойники на дороге, и когда они увидели, что нас мало и с нами десять верблюдов, нагруженных подарками для царя Индии, они ринулись на нас и выставили перед нами острия своих копий. И мы сделали им знаки пальцами и сказали им: «Мы посланцы великого царя Индии, не обижайте же нас!» Но они ответили: «Мы не на его Земле и не под его властью», – и они убили часть слуг, а остальные бежали, и я бежал, после того как был тяжело ранен. Кочевники отобрали у меня деньги и подарки, бывшие с нами, а я не знал, куда мне направиться, и был я велик и сделался низким. Я шёл, пока не пришёл к вершине горы, и приютился в пещере до наступления дня, и продолжал идти, пока не достиг города, безопасного и укрепленного, от которого отвернулся холод зимы и обратилась к нему весна с её розами. И цветы в нем взошли, и реки разлились, и защебетали в нем птицы, как сказал о нем поэт, описывая его:

Во граде том для живущих нет ужаса, И дружбою безопасность с ним связана, И сходен он с дивным садом разубранным, И жителям очевидна красота его.

Я обрадовался, что достиг этого города, так как утомился от ходьбы, и меня одолела забота, и я пожелтел, и моё состояние расстроилось, так что я не знал, куда мне идти. И я проходил мимо портного, сидевшего в лавке, и приветствовал его, и он ответил на моё приветствие, сказавши: «Добро пожаловать!» – и был со мною приветлив и обласкал меня и спросил, почему я на чужбине. И я рассказал ему, что со мной случилось, с начала до конца. Портной огорчился за меня и сказал: «О юноша, не открывай того, что с тобою, – я боюсь для тебя зла от царя этого города: он величайший враг твоего отца и имеет повод мстить ему».

Потом он принёс мне еду и напитки, и я поел, и он поел со мною, и я беседовал с ним весь вечер. Он отвёл мне место рядом со своей лавкой и принёс нужную мне постель и одеяло, и я провёл у него три дня, а потом он спросил: «Не знаешь ли ты ремесла, чтобы им зарабатывать?» – «Я законовед, учёный, писец, счётчик и чистописец», – ответил я, но портной сказал мне: «На твоё ремесло нет спроса в наших землях, и у нас в городе нет никого, кто бы знал грамоту или иную науку, кроме наживы». – «Клянусь Аллахом, – сказал я, – я ничего не знаю сверх того, о чем я сказал тебе». Тогда портной сказал: «Затяни пояс, возьми топор и верёвку и руби дрова в равнине. Кормись этим, пока Аллах не облегчит твою участь, и не дай им узнать, кто ты, – тебя убьют». Он купил мне топор и верёвку и отдал меня кому-то из дровосеков, поручив им обо мне заботиться, и я вышел с ними и рубил

³³ Под «семью чтениями» разумеются те варианты в чтении Корана, которые допускаются семью каноническими школами чтецов.

дрова целый день. И я принёс на голове вязанку и продал её за полдинара, и часть его я проел, а часть оставил, и я провёл в таком положении целый год.

А через год я однажды пришёл, по своему обычаю, на равнину и углубился в неё и увидел рощу, где было много дров. И я вошёл в эту роту и, найдя толстый корень, стал его окапывать и удалил с него землю, и тут топор наткнулся на медное кольцо, и я очистил его от земли, и вдруг вижу – оно приделано к деревянной опускной двери! Я поднял её, и под ней оказалась лестница, и я сошёл по этой лестнице вниз и увидел дверь и, войдя в неё, очутился во дворце, прекрасно построенном, с высокими колоннами. А во дворце я нашёл молодую женщину, подобную драгоценной жемчужине, разгоняющую в сердце горе, заботу или печаль, чьи речи утоляют скорби и делают безумным умного и рассудительного, – высокую ростом, с крепкой грудью, нежными щеками, благородным обликом и сияющим цветом лица, и лик её светил в ночи её локонов, а уста её блистали над выпуклостью груди, подобно тому, как сказал о ней поэт:

Черны её локоны, и втянут живот её,
А бедра – холмы песку, и стан – точно ивы ветвь.

И ещё:

Четыре тут для того лишь подобраны,
Чтоб сердце мне в кровь изранить и кровь пролить:
Чела её свет блестящий и пряди ночь,
И розы ланит прелестных, и тела блеск.

И, посмотрев на неё, я пал ниц перед её творцом, создавшим её столь красивой и прелестной, а девушка взглянула на меня и сказала: «Ты кто будешь: человек или джин?» – «Человек», – сказал я, и она спросила: «А кто привёл тебя в это место, где я провела уже двадцать пять лет и никогда не видала человека?» И, услышав её слова (а я нашёл их сладостными, и она захватила целиком моё сердце), я сказал ей: «О госпожа моя, меня привели сюда мои звезды для того, чтобы рассеять мою скорбь и Заботу». И я рассказал ей, что со мною случилось, от начала до конца, и она огорчилась моим положением и заплакала и сказала: «Я тоже расскажу тебе свою историю. Знай, что я дочь царя ЭФатамуса, владыки Эбеновых островов. Он выдал меня за сына моего дяди, и в ночь, когда меня провожали к жениху, меня похитил нфрит по имени Джирджис нбн Раджмус, внук тётки Иблиса, и улетел со мною и опустил в этом месте и перенёс сюда все, что мне было нужно из одежд, украшений, материй, утвари, кушаний и напитков и прочего. И каждые десять дней он приходит ко мне один раз и спит здесь одну ночь, а потом уходит своей дорогой, так как он взял меня без согласия своих родных. И он условился со мною, что, если мне что-нибудь понадобится ночью или днём, я коснусь рукою этих двух строчек, написанных на нише, и не успею убрать руку, как увижу его подле себя. Сегодня четыре дня, как он приходил, и до его прихода осталось шесть дней. Не хочешь ли ты провести у меня пять дней и потом уйти, за день до его прихода?» – «Хорошо, – сказал я, – прекрасно будет, если оправдаются грёзы!»

И она обрадовалась и поднялась на ноги и, взяв меня за руку, провела через сводчатую дверь и прошла со мною в баню, нарядную и красивую. И, увидев её, я снял с себя одежду, и женщина тоже сняла, и я вымылся и вышел, а она села на скамью и посадила меня рядом с собою. Потом она принесла мне сахарной воды с мускусом и напоила меня, а затем подала мне еды, и мы поели и поговорили. А после этого она сказала: «Ляг и отдохни, ты ведь устал». Я лёг, о госпожа моя, и забыл о том, что со мной случилось, и поблагодарил её. А проснувшись, я увидел, что она растирает мне ноги, и помолился за неё, и мы сели и немного поговорили. И она сказала: «Клянусь Аллахом, моя грудь был стеснена, так как я здесь одна под землёй и двадцать пять лет никого не видала, кто бы со мною поговорил. Хвала Аллаху, который послал тебя ко мне! О юноша, не хочешь ли ты вина?» – спросила она потом, и я

сказал: «Подавай!» И тогда она направилась в кладовую и вынесла старого, запечатанного вина. И она расставила зелень и проговорила:

«Если б ведом приход ваш был, мы б устлали
Кровью сердца ваш путь и глаз чернотой.
И постлали б ланиты вам мы навстречу,
Чтоб лежала дорога ваша по векам».

Когда она окончила стихи, я поблагодарил её, и любовь к ней овладела моим сердцем, и моя грусть и забота покинули меня, и мы просидели за беседой до ночи, и я провёл с нею ночь, равной которой не видел в жизни. А утром мы проснулись и прибавляли радость к радости до полудня, и я напился до того, что перестал себя сознавать. И я встал, покачиваясь направо и налево, и сказал ей: «О красавица, пойдём, я тебя выведу из-под земли и избавлю от этого джинна!» Но женщина засмеялась и воскликнула: «Будь доволен и молчи! Из каждых десяти дней день будет ифриту, а девять будут твои». И тогда я воскликнул, покорённый опьянением: «Я сию минуту сломаю эту нишу, на которой вырезана надпись, И пусть ифрит приходит, чтобы я убил его! Я привык убивать ифритов!»

И, услышав мои слова, женщина побледнела и воскликнула: «Ради Аллаха, не делай этого! – и произнесла:

Если дело несёт тебе злую гибель,
Воздержаться от дел таких будет лучше. –

А потом сказала:

К разлуке стремящийся, потише! –
Ведь конь её резв и чистой крови.
Терпи! Ведь судьба всегда обманет,
И дружбы конец – всегда разлука»

Но когда она окончила говорить стихи, я не обратил на её слова внимания и сильно ударил ногою о пишу...»

И Шахразад устал, и она прекратила дозволенные речи.

Тринадцатая ночь

Когда же настала тринадцатая ночь, она сказала: «Дошло до мен», о счастливый царь, что второй календер говорил женщине: «И когда я ударил ногою о нишу, о госпожа моя, я не успел очнуться, как везде потемнело и загремело и заблистало, и земля затряслась, и небо покрыло землю, и хмель улетел у меня из головы, и я спросил: „Что случилось?“ И женщина воскликнула: „Ифрит пришёл к нам! Не предостерегала ли я тебя от этого? Клянусь Аллахом, ты погубил меня! Спасай свою душу и поднимись там, где ты пришёл!“

И от сильного страха я забыл свой топор и башмак, и когда я поднялся на две ступеньки и оглянулся, чтобы посмотреть, земля вдруг раздалась, и из-под неё появился ифрит гнусного вида и сказал: «Что это за сотрясение, которым ты меня встревожила? Что с тобой случилось?» – «Со мной не случилось ничего, – ответила женщина. – У меня только стеснилась грудь, и мне захотелось выпить вина, чтобы моя грудь расправилась, и я выпила немного и встала за нуждой, но голова у меня была тяжёлая, и я упала на нишу». – «Ты лжёшь, шлюха!» – воскликнул ифрит и осмотрелся в помещении направо и налево, и увидел башмак и топор, и воскликнул: «Это явно принадлежит человеку! Кто к тебе приходил?» А женщина ответила: «Я только сейчас увидела это! Они, вероятно, зацепились за тебя». –

«Это бессмысленные речи, и ими меня не проведёшь, о блудница», – сказал ифрит и, обнажив женщину, он растянул её между четырех кольев и принялся её мучить и выпытывать у неё, что произошло.

И мне было не легко слышать её плач, и я поднялся по лестнице, дрожа от страха, а добравшись до верху, я опустил дверь, как она была, и прикрыл её землёю. И я до крайности раскаивался в том, что сделал, и вспоминал эту женщину и её красоту и то, как её мучил этот проклятый, с которым она провела уже двадцать пять лет, и что с ней случилось из-за меня одного. И я размышлял о моем отце и его царстве и о том, как я стал дровосеком, и как после ясных дней моя жизнь замутилась. Я заплакал и произнёс такой стих:

«И если судьба тебя поразит, то знай:
Сегодня легко тебе, а завтра труднее жить».

И я пошёл и пришёл к моему товарищу-портному и увидел, что, ожидая меня, он мучается, как на горячих сковородках. «Вчерашнюю ночь моё сердце было с тобою, – сказал он, – и я боялся, что тебя постигла беда от дикого зверя или чего другого. Слава Аллаху за твоё спасение!» И я поблагодарил его за его заботливость и пошёл в свою комнату и стал раздумывать о том, что со мной случилось, и упрекая себя за свою болтливость и за то, что толкнул ту нишу ногой.

И когда я так раздумывал, вдруг вошёл ко мне мой друг-портной и сказал мне: «О юноша, на дворе старик персиянин, который спрашивает тебя, и с ним твой топор и твой башмак. Он принёс их дровосекам и сказал им: „Я вышел, когда муэдзин призывал на утреннюю молитву, и наткнулся на эти вещи и не знаю, чьи они. Укажите мне, где их владелец?“ И дровосеки указали ему на тебя, узнав твой топор, и он сидит в моей лавке. Выйди же к нему, поблаговари его и возьми твой топор и твой башмак».

И, услышав эти слова, я побледнел и расстроился, и в это время земля в моей келье вдруг раздалась и появился персиянин, и оказалось, что это ифрит. Он пытал ту женщину крайней пыткой, но она ни в чем ему не призналась, и тогда он взял топор и башмак и сказал ей: «Если я Джирджис из потомства Ибдиса, то я приведу владельца этого топора и башмака!» И он пришёл с такой уловкой к дровосекам и вошёл ко мне и, не дав мне сроку, похитил меня и полетел и поднялся и опустился и погрузился под землёю, а я не сознавал самого себя. Потом он вошёл со мной во дворец, где я был, и я увидел ту женщину, которая лежала, растянутая между кольями и обнажённая, и кровь стекала с её боков. И из глаз моих полились слезы, а искрит взял эту женщину и сказал ей: «О развратница, не это ли твой возлюбленный?» Но женщина посмотрела на меня и сказала: «Я его не знаю и не видела его раньше этой минуты». – «И после такой пытки ты не признаешься!» – воскликнул ифрит. И женщина сказала: «Я в жизни его не видела, и Аллах не позволяет мне на него солгать». – «Если ты его не знаешь, – сказал ифрит, – возьми этот меч и сбей ему голову». И она взяла меч и подошла ко мне и встала у меня в головах, а я сделал ей знак бровью, и слезы текли у меня по щекам. И она поняла мой знак и мигнула мне и сказала: «Все это ты с нами сделал!» А я сказал ей знаками: «Сейчас время прощения», – и язык моего положения говорил:

«Мой взгляд на уста мои вещает, и ясно вам,
И страсть объявляет то, что в сердце скрываю я.
Когда же мы встретились, и слезы лились мои,
Безгласен я сделался, но взор мой о вас вещал.

Она указала мне, и понял я речи глаз,
И пальцем я дал ей знак, и был он понятен.
И все, что нам надобно, бровями мы делаем;
Молчим мы, и лишь любовь за нас говорит одна».

И когда я окончил стихи, о госпожа моя, девушка выронила из рук меч и воскликнула: «Как я отрублю голову тому, кого я не знаю и кто мне не сделал зла? Этого не позволяет моя вера!» И она отошла назад, а ифрит сказал: «Тебе не легко убить твоего возлюбленного, так как он проспал с тобой ночь, и ты терпишь такую пытку и не хочешь признаться! Но лишь сходное сочувствует сходному!» После этого ифрит обратился ко мне и сказал: «О человек, а ты не знаешь эту женщину?» – «А кто она такая?» – сказал я. – Я совершенно её не видел до этого времени». – «Так возьми меч и скинь ей голову, и я дам тебе уйти и не стану тебя мучить и удостоверюсь, что ты её совершенно не знаешь», – сказал ифрит. «Хорошо», – ответил я и, взяв меч, с живостью выступил вперёд и поднял руку. И женщина сказала мне бровью: «Я не погрешила перед тобой, – так ли ты воздашь мне?» И я понял, что она сказала, и сделал ей знак, означающий: «Я выкуплю тебя своей душой». А язык нашего положения написал:

«Как часто влюблённые взором своим
Любимой о тайнах души говорят,
И взоры их глаз говорят им:
«Теперь узнал я о том, что случилось с тобой».

Как дивны те взгляды любимой в лицо,
Как чудно хорош изъясняющий взор!
Вот веками пишет один, а другой
Зрачками читает посланье ею».

И из моих глаз полились слезы, и я бросил из рук меч и сказали «О сильный ифрит и могучий храбрец! Если женщина, которой недостаёт ума и веры, не сочла дозволенным скинуть мне голову, как может быть дозволено мне обезглавить её, когда я её в жизни не видел? Я не сделаю этого никогда, хотя бы мне пришлось выпить чашу смерти и гибели». – «Вы знаете, что между вами было дело! – вскричал ифрит, – и я покажу вам последствия ваших дел!» И, схватив меч, он ударил женщину по руке и отрубил её и затем ударил по другой и отрубил её, и он отсек ей четыре конечности четырьмя ударами, а я смотрел на это и был убеждён, что умру. И женщина сделала мне знак глазами, как бы прощаясь, а ифрит воскликнул: «Ты прелюбодействуешь глазами!» – и, ударив её, отмахнул ей голову. После этого ифрит обратился ко мне и сказал: «О человек, по нашему закону, если женщина совершила блуд, нам дозволено её убить, а я похитил эту женщину в ночь её свадьбы, когда ей было двенадцать лет, и она не знала никого кроме меня, и каждые десять дней я на одну ночь приходил к ней и являлся в образе персиянина. И убедившись, что она меня обманула, я убил её, а что до тебя, то я не уверен, что ты обманул меня с нею, но я никак не могу оставить тебя невредимым. Выскажи же мне своё желание».

И я обрадовался до крайности, о госпожа, и спросил: «Чего же мне пожелать от тебя?» И ифрит ответил: «Выбирай, в какой образ тебя обратить: в образ собаки, осла или обезьяны». И я сказал, жажда, чтоб он простил меня: «Клянусь Аллахом, если ты меня простишь, Аллах простит тебя за то, что ты простил мусульманина, который не сделал тебе зла». И я умолял его упорнейше с мольбой и плакал перед ним и говорил: «Я несправедливо обижен». Но ифрит воскликнул: «Не затягивай со мною твои речи! Я не далёк от того, чтобы убить тебя, но я предоставляю тебе выбор». – «О ифрит, – сказал я, – тебе более подходит меня простить. Прости меня, как внушивший зависть простил завистнику». – «А как это было?» – спросил ифрит.

Сказка о завистнике и внушившем зависть (ночь 13)

Говорят, о ифрит, – сказал я, – что в одном городе было два человека, жившие в двух смежных домах с общим простенком, и один из них завидовал другому и поражал его глазом

и силился повредить ему. И он все время ему завидовал, и его зависть так усилилась, что он стал вкушать мало пищи и сладости сна, а у того, кому он завидовал, только прибавлялось добра, и всякий раз» как сосед старался ему повредить, его благосостояние увеличивалось, росло и процветало. Но внушивший зависть узнал, что сосед завидует ему и вредит, и уехал от соседства с ним и удалился от его земли и сказал: «Клянусь Аллахом, я покину из-за него мир!» И он поселился в другом городе и купил себе там землю (а на этой улице был старый оросительный колодец), и построил для себя у колодца келью и, купив себе все, что ему было нужно, стал поклоняться Аллаху великому, предаваясь молитве с чистым сердцем.

И к нему со всех сторон приходили нуждающиеся и бедные, и слух о нем распространился в этом городе, и весть дошла до его соседа-завистника, и тот узнал о благе, которого он достиг, и о том, что вельможи города ходят к нему. И он вошёл в келью, и его сосед, внушивший зависть, встретил его пожеланием простора и уюта и оказал ему крайнее уважение. И тогда завистник сказал ему: «У меня с тобой будет разговор, и в нем причина моего путешествия к тебе. Я хочу тебя порадовать; встань же и пройди со мною по твоей келье». И внушивший Зависть поднялся и взял завистника за руку, и они прошли до конца кельи, и завистник сказал: «Вели твоим факирам, чтобы они пошли в свои кельи. Я скажу тебе только в тайне, чтобы никто не слышал нас». И внушивший зависть сказал факирам: «Войдите в свои кельи», и они сделали так, как он им приказал, а внушивший зависть прошёл немного с завистником и дошёл с ним до старого колодца. И завистник толкнул внушившего зависть и сбросил его в колодец, когда никто не знал этого, и пошёл своей дорогой, думая, что убил его.

А в колодце жили джинны, и они подхватили внушившего зависть и мало-помалу спустили его и посадили на камень и спросили один другого: «Знаете ли вы, кто это?» – «Нет», – ответили джинны. И тогда один из них сказал: «Это человек, внушивший зависть, который бежал от завистника и поселился в нашем городе. Он воздвиг ту келью и развлекал нас своими молитвами и чтением Корана, а завистник пришёл к нему и встретился с ним и ухитрился сбросить его к нам. А весть о нем дошла в сегодняшний вечер до султана этого города, и он решил Завтра посетить его ради своей дочери».

«А что с его дочерью?» – спросил кто-то из них. И говоривший сказал: «Она одержимая; в неё влюбился джинн Маймун ибн Дамдам, и если бы старец знал для неё лекарство, он бы наверное её исцелил. А лекарство для неё – самая пустая вещь». – «А какое же это лекарство?» – спросил кто-то из джинов. И говоривший ответил: «У чёрного кота, что у него в келье, есть на конце хвоста белая точка величиною с дирхем. Пусть возьмёт семь волосков из этих белых волос и окурит ими царевну, и марида уйдёт у неё из головы и никогда не воротится к пей, и она тотчас же вылечится».

И все это происходило, о ифрит, а внушавший зависть слушал. Когда же настало утро и взошла заря и Заблестала, нищие пришли к старцу и увидели, что он поднимается из колодца, и он стал великим в их глазах. А у внушившего зависть не было другого лекарства, кроме чёрного кота, и он взял из белой точки, что была у него на хвосте, семь волосков и спрятал их у себя. И едва взошло солнце, как прибыл царь со своими вельможами, а остальной свите приказал стоять. Когда царь вошёл к возбудившему зависть, тот сказал: «Добро пожаловать!» – и, велев ему подойти ближе, спросил: «Хочешь, я открою тебе, для чего ты ко мне прибыл?» – «Хорошо», – ответил царь. И старец сказал: «Ты прибыл, чтобы посетить меня, а в душе хочешь меня спросить о своей дочери». – «Да, праведный старец!» – воскликнул царь. И внушивший зависть сказал: «Пошли кого-нибудь привести её, и я надеюсь, что, если захочет Аллах великий, она сию же минуту исцелится».

И царь обрадовался и послал своих телохранителей, и они принесли царевну со скрученными руками, закованную в цепи, и возбудивший зависть посадил со и покрыл её покрывалом и, вынув волоса, окурил её ими. И тот, кто был над её головой, испустил крик и покинул её, а девушка пришла в разум и закрыла себе лицо и спросила: «Что это происходит и кто привёл меня в это место?» И султан обрадовался радостью, которой нет сильнее, и поцеловал её в глаза и поцеловал руки у старца, возбудившего зависть, а после того он

обернулся к вельможам своего царства и спросил их: «Что вы скажете? Чего заслуживает тот, кто исцелил мою дочь?» – «Жениться на пей», – отвечали они. И царь воскликнул: «Вы сказали правду!» Потом он выдал дочь замуж за внушившего зависть, и тот сделался зятем царя. А спустя немного умер везирь, и царь спросил: «Кого сделаем везирем?» – и ему сказали: «Твоего зятя». И ею сделали везирем, и ещё немного спустя умер султан, и когда спросили: «Кого сделаем царём?» – ответили: «Везиря». И везиря сделали султаном, и он стал царём и правителем.

Однажды царь сел на коня, и завистник проходил по его дороге, и вдруг видит: тот, кому он завидовал, в царственном великолепии, среди эмиров, везирей и вельмож своего царства! И взор царя упал на завистника, и он повернулся и сказал одному из своих везирей: «Приведи ко мне этого человека и не устрашай его». И везирь пошёл и привёл его соседа, завистника. А царь сказал: «Дайте ему тысячу москалей из моей казны и принесите ему двадцать тюков товаров и пошлите с ним стражника, чтобы он доставил его в город», – и потом он простился с ним и уехал, не наказавши его за то, что он сделал с ним.

Посмотри же, ифрит, как возбудивший зависть простил завистника и как тот сначала завидовал ему, потом причинил ему вред и отправился к нему и довёл до того, что бросил его в колодец, и хотел его убить, но он не воздал ему за его это, а простил ему и отпустил».

И я заплакал, о госпожа, перед ифритом горьким плачем, которого нет сильнее, и произнёс:

«Отпускай преступным: всегда мужи разумные
Одаряли злого прощением за зло его.
Я объял проступки все полностью и сверил их все,
Обоими же ты все виды прощенья – будь милостив.

И пусть тот, кто ждёт себе милости от высшего,
Отпускает низшим проступки их и прощает их».

«Чтобы тебя убить или простить, – сказал ифрит, – Я непременно заколдую тебя!» И он оторвал меня от земли и взлетел со мною на воздух, так что я увидел под собой землю, как чашку посреди воды. Потом он поставил меня на гору и, взяв немного земли, побормотал над нею и поколдовал и, осыпав меня ею, воскликнул: «Перемени этот образ на образ обезьяны!»

С того времени я сделался обезьяной столетнего возраста. И, увидев себя в этом гадком образе я заплакал ко самом себе, но был стоек против несправедливости судьбы, ибо знал, что время не благоволит никому. И я спустился с горы вниз и увидел широкую равнину и шёл до конца месяца, и путь мой привёл меня к берегу солёного моря. И я простоял некоторое время и вдруг вижу – корабль посреди моря, и ветер благоприятствует ему, и он идёт к берегу. И я скрылся за камнем на краю берега и подождал, пока пришёл корабль, и взошёл на него, и один из едущих воскликнул: «Уведите от нас этого злосчастливого!» – «Мы его убьём», – сказал капитан. А тот, другой, вскричал: «Я убью его вот этим мечом!» Но я схватил капитана за полу и заплакал, и мои слезы потекли, и капитан сжалился надо мною и сказал: «О купцы, эта обезьяна прибегла к моей защите, и я защищу её. Она под моим покровительством, и пусть никто её не беспокоит и не досаждаёт ей». И капитан стал обращаться со мной милостиво, и, что бы он ни говорил мне, я понимал и исполнял все его дела и служил ему на корабле, и он полюбил меня. Ветер благоприятствовал кораблю в течение пятидесяти дней, и мы пристали к большому городу, где было множество людей, сосчитать число которых может только Аллах.

И в тот час, когда мы прибыли, наш корабль остановился, и вдруг к нам явились невольники от царя города и поднялись на наше судно и поздравили купцов с благополучием и сказали: «Наш царь поздравляет вас с благополучием и посылает вам этот свиток бумаги, – пусть каждый из вас напишет на нем одну строчку». Дело в том, что у царя был

везирь-чистописец, и он умер, и султан поклялся и дал великие клятвы, что с дела с везирем лишь того, кто пишет так, как он. И они подали купцам бумажный свиток длиной в десять локтей и шириной в локоть, и каждый, кто умел писать, написал, до последнего. И тогда я поднялся, будучи в образе обезьяны, и вырвал свиток у них из рук, и они испугались, что я порву его, и стали меня гнать криками, но я сделал им знак: «Я умею писать!» И капитан знаками сказал им: «Пусть пишет; если он станет царапать, мы его прогоним от нас, а если напишет хорошо, я сделаю его своим сыном. Я не видел обезьяны понятливее, чем эта». И я взял калам³⁴ и, набрав из чернильницы чернил, написал почерком рика такое двестишье:

Судьбою записаны милости знатных,
Твоя ж не написана милость досель.
Так пусть же Аллах не лишит нас тебя –
Ведь милостей всех ты и мать и отец.

И я написал почерком рейхани:

Перо его милостью объемлет все области,
И все охватил миры своею он щедростью.
Нельзя Нил египетский сравнить с твоей милостью,
Что тянется к странам всем рукой с пятью пальцами.

И почерком сульс я написал:

Всяк пишущий когда-нибудь погибнет,
Но все, что пишут руки его, то вечно.
Не вздумай же ты своею писать рукою
Другого, чем то, что рад ты, воскреснув, видеть.

И ещё я написал почерком несхи:

И когда пришла о разлуке весть, нам назначенной
Переменной дней и судьбой, всегда превратной,
Обратились мы ко устам чернильниц, чтоб сетовать
На разлуки тяжесть концами острых перьев.

И дальше я написал почерком тумар:

Халифат не вечен для правящих, поистине,
А коль споришь ты, скажи же мне, где первые?
Благих поступков сажай посевы в делах своих;
Коль низложен будешь, посевы эти останутся

И почерком мухаккик я написал:

Открывши чернильницы величья и милостей,
Налей в них чернила ты щедрот и достойных дел.
Пиши же всегда добром, когда точно можешь ты,
Тогда вознесёшься ты высоко пером своим.

³⁴ Калам – тростниковое перо, употребляемое для писания арабским шрифтом.

Потом я подал им свиток, и они написали каждый по строчке, а после этого невольники взяли свиток и отнесли его к царю.

И когда царь посмотрел на свиток, ему ни понравился ничей почерк, кроме моего, и он сказал присутствующим: «Отправляйтесь к обладателю этого почерка, посадите его на мула и доставьте его с музыкой. Наденьте на него драгоценную одежду и приведите его ко мне». И, услышав слова царя, все улыбнулись, а царь разгневался и сказал: «О, проклятые, я отдаю вам приказание, а вы надо мной смеётесь!» – «О царь, – отвечали они, – нашему смеху есть причина». – «Какая же?» – спросил царь, и они сказали: «О царь, ты велел нам доставить к тебе того, кто написал этим почерком, но дело в том, что это написала обезьяна, а не человек, и она у капитана корабля». – «Правда ли то, что вы говорите?» – спросил царь, и они ответили: «Да, клянёмся твоей милостью!» И царь удивился их словам и затрясся от восторга и воскликнул: «Я хочу купить эту обезьяну у капитана!»

Потом он послал на корабль гонца и с ним мула, одежду и музыку, и сказал: «Непременно наденьте на него эту одежду, посадите его на мула и доставьте его с корабля!» И они пришли на корабль и взяли меня у каштана и, надев на меня одежду, посадили меня на мула, и люди оторопели, и город перевернулся из-за меня вверх дном, и все стали на меня смотреть.

И когда меня привели к царю и он меня встретил, я поцеловал трижды землю меж его рук, а потом он приказал мне сесть, и я присел на колени, и все присутствующие люди удивились моей вежливости, и больше всех изумился царь. Потом царь приказал народу уйти, и все удалились, и остался только я, его величество царь, евнухи и маленький невольник. И царь приказал, и подали скатерть кушаний, и на пей было все, что скачет, летает и спаривается в гнёздах: куропатки, перепёлки и прочие виды птиц. И царь сделал мне знак, чтобы я ел с ним, и я поднялся и поцеловал перед ним землю, а потом я сел и принялся есть, и затем скатерть убрали, и я семь раз вымыл руки и, взяв чернильницу и калам, написал такие стихи:

Постой хоть недолго ты у табора мисок,
И плачь об утрате ты жаркого и дичи.
Поплачь, о ката, со мной, – о них вечно плачу я –
О жареных курочках с размолотым мясом!

О горесть души моей о двух рыбных кушаньях!
Я ел на лепёшке их из плотного теста.
Аллаха достоин вид жаркого! Прекрасен он,
Когда обмакнёшь ты жир в разбавленный укус.

Коль голод трясёт меня, всегда поглощаю я
С почтеньем пирог мясной – изделие искусных
Когда развлекаюсь я и ем, я смущён всегда
Убранством и сменами столов и посуды.

Терпенье, душа! Судьба приносит диковины,
И если стеснит она, то даст облегченье.

Потом я поднялся и сел поодаль, и царь посмотрел на то, что я написал, и, прочтя это, удивился и воскликнул: «О диво! Это обезьяна, и у неё такое красноречие и почерк! Клянусь Аллахом, это самое диковинное диво!» Затем царю подали особый напиток в стеклянном сосуде, и царь выпил и протянул мне, и я поцеловал землю и выпил и написал на сосуде:

Был огнями сжигаем я на допросе,
Но в несчастье нашли меня терпеливым.

Потому-то всегда в руках меня носят
И прекрасных уста меня лобызают.

И ещё:

Похищает свет утра мрак, дай же выпить
Мне напитка, что ум людей отнимает.
Я не знаю – так ясен он и прозрачен, –
Он ли в кубке, иль кубок в нем пребывает.

И царь прочитал стихи и вздохнул и воскликнул: «Если б подобная образованность была у человека, он бы наверное превзошёл людей своего века и времени!» Потом он пододвинул ко мне шахматную доску и спросил: «Не хочешь ли сыграть со мной?» И я сделал головой Знак: «Да», – и, подойдя, расставил шахматы и сыграл с царём два раза и победил его, и ум царя смутился. А потом я взял чернильницу и калам и написал на доске такое двустишие:

Целый день два войска в бою жестоком сражаются,
И сражение их все сильнее кипит и жарче.
Но лишь только мрак пеленой своей их окутает,
На одной постели заснут они все вместе.

И когда царь прочитал это двустишие, он изумился и пришёл в восторг; его охватила оторопь, и он сказал евнуху: «Пойди к твоей госпоже Ситт-аль-Хусн и скажи ей: „Поговори с царём!“, чтобы она пришла и посмотрела на эту удивительную обезьяну». И евнух скрылся и вернулся вместе с царевной, и, посмотрев на меня, она закрыла лицо и сказала: «О батюшка, как могло быть приятно твоему сердцу прислать за мной, чтобы показывать меня мужчинам?»

«О Ситт-аль-Хусн, – сказал царь, – со мною никого нет, кроме маленького невольника и евнуха, который воспитал тебя, а я – твой отец. От кого же ты закрываешь своё лицо?» И она отвечала: «Эта обезьяна – гоноша, сын царя, и отца его зовут Эфтимарус, владыка Эбечовых островов. Он заколдован, его заколдовал ифрит Джирджис из рода Иблиса, а он убил его жену, дочь царя Эфитамуса. И тот, про кого ты говоришь, что он обезьяна, на самом деле муж, учёный и разумный». И царь удивился словам своей дочери и посмотрел на меня и спросил: «Правда ли то, что она говорит про тебя?» – и я сказал головою: «Да», – и заплакал. «Откуда же ты узнала, что он заколдован?» – спросил царь свою дочь, и она сказала: «Со мной была, когда я была маленькая, одна старуха, хитрая колдунья, и она научила меня искусству колдовать, и я его хорошо запомнила и усвоила. И я заучила сто семьдесят способов из способов колдовства, и малейшим из этих способов я могу перенести камни твоего города на гору Каф и превратить его в полноводное море, а обитателей его обратить в рыб посреди него». – «О дочь моя, – воскликнул царь, – заклинаю тебя жизнью, освободи этого юношу, и я сделаю его своим везирем, ибо это юноша умный и проницательный». – «С любовью и охотой», – отвечала царевна и взяла в руку нож и провела круг...»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Четырнадцатая ночь

Когда же настала четырнадцатая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что второй календер говорил женщине: „О царевна, о госпожа моя, взяла в руку нож, на котором были написаны еврейские имена, и начертила им круг посреди залы и в нем написала имена и заклинания и поколдовала и прочла слова понятные и слова непонятные, и

через минуту мир покрылся над нами мраком, и ифрит вдруг спустился к нам и своим виде и обличье, и руки у него были как вилы, ноги как мачты, а глаза как две огненные искры. И мы испугались его, и царица воскликнула: „Нет ни приюта тебе, ни уюта!“ – а ифрит принял образ льва и закричал ей: «О обманщица, ты нарушила клятву и обет! Разве мы не поклялись друг другу, что не будем мешать один другому?»

«О проклятый, и для подобного тебе у меня будет клятва?» – отвечала царица. И ифрит вскричал: «Получи то, что пришло к тебе!»

Тут лев разинул пасть и ринулся на девушку, но она поспешно взяла волосок из своих волос и потрясла его в руке и пошевелила над ним губами, и волос превратился в острый меч, и она ударила им льва, и он разделился на две части. И голова его превратилась в скорпиона, а женщина обратилась в большую змею и ринулась на этого проклятого, который имел вид скорпиона, и между ними завязался жестокий бой. И потом скорпион превратился в орла, а змея в ястреба, и она полетела за орлом и преследовала его некоторое время, и тогда орёл сделался чёрным котом, а девушка превратилась в полосатого волка, и они долго бились во дворце.

И кот увидел, что он побеждён, и превратился в большой красный гранат, и гранат упал на середину водоёма, бывшего во дворце, и волк подошёл к нему, а гранат взвился на воздух и упал на плиты дворца и разбился, и все зёрнышки рассыпались по одному, и земля во дворце стала полна зёрнышек граната. И тогда волк встряхнулся и превратился в петуха и стал подбирать зёрнышки и не оставил ни одного зёрнышка, но по предопределённому велению одно зёрнышко притаилось у края водоёма. И петух принялся кричать и хлопать крыльями и делал нам знаки клювом, но мы не понимали, что он говорит, и тогда он закричал на нас криком, от которого нам показалось, что дворец опрокинулся на нас, и стал кружить по всему полу дворца. Он увидел зерно, притаившееся у края водоёма, и ринулся на него, чтобы его склевать, но зёрнышко вдруг метнулось в воду, бывшую в водоёме, и, обратившись в рыбу, скрылось в глубине воды.

И тогда петух принял вид огромной рыбы и нырнул за рыбкою и скрылся на некоторое время, а потом мы услышали, что раздались крики, вопли, и перепугались.

И после этого появился ифрит, подобный языку пламени, и он разевал рот, из которого выходил огонь, и из его глаз и носа шёл огонь и дым. И девушка тоже вышла, подобная громадному огненному углю, и она сражалась с ним некоторое время, и огонь сомкнулся над ними, и дворец наполнился дымом. И мы скрылись в дыму и хотели погрузиться в воду, опасаясь сгореть и погибнуть, и царь воскликнул: «Нет мощи и силы, кроме как у Аллаха, высокого, великого! Поистине, мы принадлежим Аллаху и к нему возвращаемся! О, если бы мы не возложили на неё подобного ради освобождения этой обезьяны! Мы отягчили её великой тяготой с этим проклятым ифритом, которого не одолеть всем ифритам, существующим на земле! О, если бы мы не знали этой обезьяны, да не благословит Аллах её и час её появления! Мы хотели сделать добро ради великого Аллаха и освободить её от чар, и нас постигло сердечное мучение!»

А что до меня, госпожа моя, то язык был у меня связан, и я не мог ничего сказать царю, и не успели мы очнуться, как ифрит закричал из-под огня и оказался подле нас в зале. Он дунул нам в лицо огнём, но девушка настигла его и подула ему в лицо, и в нас попали искры от неё и от него, и её искры не повредили нам, а из его искр одна попала мне в глаз и выжгла его, а я был в образе обезьяны. И царю в лицо тоже попала искра из его искр и сожгла ему половину лица и бороду и нижнюю челюсть и вырвала нижний ряд зубов, а другая искра попала в грудь еврею и сожгла его, и он в тот же час и минуту умер, и мы убедились, что погибнем, и потеряли надежду на жизнь.

И мы были в таком состоянии и вдруг слышим, кто-то восклицает: «Аллах велик! Аллах велик! Он помог и поддержал и покинул того, кто не принял веру Мухаммеда, месяца веры!» И вдруг, оказалось, царица сожгла ифрита, и он стал кучей пепла. И девушка подошла к нам и сказала: «Принесите мне чашку воды!» И ей принесли чашку, и она проговорила что-то, чего мы не поняли, а потом брызнула на меня водой и сказала:

«Освободись, заклинаю тебя истиною истинного и величайшим именем Аллаха, и прими свой первоначальный образ».

И я встряхнулся, и вдруг вижу – я человек, каким был прежде, но только мой глаз пропал, а девушка воскликнула: «Огонь, огонь! О батюшка, я уже не буду жить! Я не привыкла биться с джиннами, а будь он из людей, я бы давно убила его. Я стала бессильна лишь тогда, когда гранат рассыпался, и я подобрала его зёрна, но забыла то зёрнышко, где был дух джинна, а если бы я его подобрала, он бы наверное тотчас же умер. Но я не знала этого, по воле судьбы и рока, и вдруг он явился, и у меня с ним был жестокий бой под землёю, в воде и в воздухе, и всякий раз, как я открывала над ним врата колдовства, он тоже открывал врата надо мною, пока не открыл надо много врат огня, а мало кто, когда открываются над ним врата огня, от него спасается. Но мне помогла против него судьба, и я сожгла его раньше себя, предложив ему прежде принять веру ислама. А что до меня, я умираю, и да будет Аллах для вас моим преемником».

И она стала звать к Аллаху о помощи и непрестанно призывала на помощь от огня, и вдруг тёмные искры поднялись к её груди и распространились до лица, и когда они достигли лица девушки, она заплакала и воскликнула:

«Свидетельствую, что нет бога, кроме Аллаха, и что Мухаммед-посланник Аллаха!» И потом мы взглянули на неё, и вдруг видим, – она стала кучею пепла рядом с кучею от ифрита. И мы опечалились о ней, и мне хотелось быть на её месте и не видеть, как это прекрасное лицо, сделавшее мне такое благо, превратилось в пепел, но приговор Аллаха неотвратим.

И когда царь увидел, что его дочь превратилась в кучу пепла, он выщипал остаток своей бороды, стал бить себя по лицу и разорвал на себе одежды, и я сделал так же, как он, и мы заплакали о девушке. И подошли придворные и вельможи царства и увидели султана в состоянии небытия и две кучи пепла. И они удивились и походили немного вокруг царя, а тот, когда очнулся, рассказал им, что случилось у его дочери с ифритом, и это было для них великим несчастьем, и женщины и девушки закричали, и царевну оплакивали семь дней.

И царь приказал выстроить над прахом своей дочери большой купол, и под ним зажгли свечи и светильники, а пепел ифрита развеяли по воздуху, чтобы проклял его Аллах. И после этого царь заболел болезнью, от которой был близок к смерти, и его болезнь продолжалась месяц, а потом он поправился, и его борода выросла, и он призвал меня и сказал: «О юноша, мы проводили время в приятнейшей жизни, в безопасности от превратностей судьбы, пока ты к нам не явился. О, если бы мы не сидели тебя и не видели твоей гадкой наружности! Из-за тебя мы претерпели лишения: во-первых, я лишился моей дочери, которая стояла сотни мужчин, а во-вторых, со мной случилось от огня то, что случилось, и я лишился своих зубов, и умер мой евнух. А ни раньше, ни после этого мы ничего от тебя не видели. По все от Аллаха, и нам и тебе; слава же Аллаху за то, что моя дочь освободила тебя и сама себя погубила! Но уходи, дитя моё, из моего города, достаточно того, что из-за тебя случилось. Все это было предопределено и мне и тебе, уходи же с миром, а если я ещё раз тебя увижу, я убью тебя».

И он закричал на меня, и я вышел от него, о госпожа, не веря в спасение, и не знал, куда идти. И в моем сердце прошло все то, что со мной случилось: как разбойники оставили меня на дороге, как я от них спасся и шёл месяц и вошёл в город чужеземцем и встретился с портным и с женщиной под землёю и спасся от ифрита, после того как он был намерен убить меня, и я вспомнил обо всем, что прошло в моем сердце, с начала до конца, и восхвалил Аллаха и воскликнул: «Ценою глаза, но не души!» И я сходил в баню, прежде чем выйти из города, и обрил себе бороду и надел чёрную власяницу и пошёл наугад, о госпожа моя, и каждый день я плакал и размышлял о бедствиях, случившихся со мною, и о потере глаза. И думая о случившемся со мною, я всякий раз плакал и говорил такие стихи:

«Всемиловитым клянусь, смущенья, сомненья нет,
Печали, не знаю как, меня окружили вдруг.

Я буду терпеть, пока терпенье само не сдаст;
Стерплю я, пока Аллах судьбы не решат моей.

Стерплю, побеждённый, я без стонов и жалобы,
Как терпит возжаждавший в долине в полдневный зной.
И буду терпеть, пока узнает терпение,
Что вытерпеть горшее, чем мирра, я в силах был.

Ничто ведь не горько так, как мирра, но будет ведь
Ещё боле горько мне, коль стойкость предаст меня.
И тайна души моей – толмач моих тайных дум,
И тайное тайн моих – о вас мысли тайные.

И скалы б рассыпались, коль бремя моё несли б,
И ветер не стал бы дуть, и пламя потухло бы.
И если кто скажет мне, что жизнь иногда сладка,
Скажу я: «Наступит день, что горше, чем мирры вкус».

И я скитался по странам и приходил в города и направился в Обитель Мира – Багдад, надеясь дойти до повелителя правоверных и рассказать ему, что со мной случилось. Я пришёл в Багдад сегодня вечером и нашёл моего первого брата, вот этого, стоящим в недоумении, и сказал ему: «Мир с тобою!» – и побеседовал с ним, и вдруг подошёл к нам наш третий брат и сказал нам: «Мир с вами, я чужеземец», – и мы отвечали: «Мы тоже чужеземцы и пришли сюда в эту благословенную ночь». И мы пошли втроём, и никто из нас не знал истории другого, и судьба привела нас к этому месту и мы вошли к вам. Вот причина того, что я обрил бороду и усы и лишился глаза».

«Поистине, твоя история удивительна, – сказала госпожа жилища. – Пригладь себе голову и уходи своей дорогой». – «Я не уйду, пока не услышу истории моих товарищей», – сказал второй календер.

Рассказ третьего календера (ночи 14-16)

И тогда выступил вперёд третий календер и сказал: «О благородная госпожа, моя история не такова, как истории этих двоих. Нет, моя история удивительнее и диковиннее, и я из-за неё обрил себе бороду и потерял глаз. Этих двоих поразила судьба и рок, а я своей рукой навлек на себя удар судьбы и заботу. А именно, я был царём, сыном паря, и мой отец скончался, и я взял власть после него и управлял и был справедлив и милостив к подданным.

И была у меня любовь к путешествиям по морю на корабле, а наш город лежал на море, которое было обширно, и вокруг нас были острова, большие и многочисленные, посреди моря. И у меня было в море пятьдесят кораблей торговых и пятьдесят кораблей поменьше, для прогулок, и сто пятьдесят судов, снаряжённых для боя и священной войны. И я захотел посмотреть на острова и вышел с десятью кораблями, взял запасов на целый месяц, и ехал двадцать дней, и когда наступила какая-то ночь, на нас подул противный ветер, и на море поднялись большие волны, которые бились одна о другую. И мы отчаялись в жизни, и нас покрыл густой мрак, и я воскликнул: «Не достоин похвалы подвергающийся опасности, даже если он и спасётся!» И мы стали звать к Аллаху великому и умолять его, а ветер все дул против нас, и волны бились, пока не показалась заря, и тогда ветер стих, и море успокоилось, а потом засияло солнце. И мы приблизились к острову и вышли на сушу и сварили себе кое-чего поесть и поели, а затем мы отдохнули два дня и ещё двадцать дней проехали. И воды смешались перед нами и перед капитаном, и капитан перестал узнавать море, и мы сказали дозорному: «Поднимись на мачту и осмотра море». И он влез на мачту и посмотрел и сказал капитану: «О капитан, я видел справа от меня рыбу на поверхности воды, а посмотрев

на середину моря, я заметил вдали что-то такое, что кажется по временам чёрным, по временам белым». И, услышав слова дозорного, капитан ударил своей чалмой о землю, стал рвать себе бороду и воскликнул: «Зияете, что мы все погибли и никто из нас не спасётся!»

И он принялся плакать, и мы все заплакали о себе, и я сказал: «О капитан, расскажи нам, что видел дозорный». — «Знай, о господин мой, — ответил капитан, — что мы сбились с дороги в тот день, когда против нас поднялись ветры и ветер успокоился лишь на следующий день утром. И мы простояли два дня и заблудились в море, и с той ночи прошёл уже двадцать один день, и нет для нас ветра, который бы снова пригнал нас туда, куда мы направляемся. А завтра к концу дня мы достигнем горы из чёрного камня, которую называют Магнитная гора (а вода насильно влечёт нас к её подножию), и наш корабль распадётся на части, и все гвозди корабля полетят к этой горе и пристанут к ней, так как Аллах великий вложил в магнитный камень тайну, именно ту, что к нему стремится все железное». И в этой горе много железа, а сколько — знает только Аллах великий, и с древних времён об эту гору разбивалось много кораблей. И вблизи моря стоит купол из жёлтой меди, утверждённой на десяти столбах, а на куполе находится всадник и конь из меди, а у этого всадника в руке медное копьё и на груди его повешена свинцовая доска, на которой вырезаны имена и заклинания. И губит людей, о царь, — говорит капитан, — именно всадник, сидящий на этом коне, и освобождение только тогда наступит, когда всадник упадёт с коня».

Потом, о госпожа моя, капитан заплакал горьким плачем, и мы убедились, что погибает несомненно, и каждый из нас простился со своими друзьями и сделал завещание, на случай, если они спасутся. И мы не заснули в эту ночь, а когда настало утро, мы приблизились к этой горе, и воды влекли нас к ней силой. И когда корабль оказался у подножия горы, он распался, и все железо и гвозди, бывшие в нем, вылетели и устремились к магнитному камню и застряли в нем, и к концу дня мы все кружились вокруг горы, и некоторые из нас утонули, а другие спаслись, но большинство потонуло, и те, что спаслись, не знали друг о друге, так как волны и противный ветер унесли всех в разные стороны.

А что до меня, о госпожа, то Аллах великий спас меня, так как ему угодны были мои несчастья, пытки и испытания, и я сел на доску из досок корабля, и ветер прибил её к горе вплотную, и я нашёл дорогу, ведущую на вершину горы и пробитую в ней наподобие лестницы. И тогда я произнёс имя Аллаха великого...»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Пятнадцатая ночь

Когда же настала пятнадцатая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что третий календер говорил женщине (а все собравшиеся были связаны, и рабы стояли, держа мечи над их головой): «И тогда я произнёс имя Аллаха и взывал к нему и умолял его и цеплялся за выбоины в горе, и когда я немного поднялся, Аллах соизволил, чтобы ветер утих в тот же час, и помог мне подняться, так что я уцелел и взобрался на гору. Но у меня был только один путь — к куполу, и я был крайне обрадован своему спасению.

Войдя под купол, я совершил омовение и молитву в два раката³⁵ и благодаря Аллаха за то, что я спасся, и потом я заснул под куполом и услышал во сне, что кто-то говорит: «О ибн Хадыб, когда ты проснёшься от сна, копай у себя под ногами: найдёшь лук из меди и три свинцовые стрелы с написанными на них заклинаниями. Возьми лук и стрелы и стреляй во всадника, который на куполе, и избавь людей от этого великого бедствия. И когда ты метнёшь стрелу во всадника, он упадёт в море, а лук его упадёт около тебя, и тогда возьми лук и зарой его в том месте, где стоит конь. И когда ты это сделаешь, море выступит из

³⁵ Ракат — часть мусульманского молитвенного акта, состоящая из ряда установленных телодвижений и благочестивых восклицаний.

берегов и поднимется и станет вровень с горой, и на нем появится челнок, в котором будет человек из меди (не тот, которого ты сбросил), и он подъедет к тебе с веслом в руке. Садись с ним и не произноси имени великого Аллаха, а он станет грести и проедет с тобою десять дней, пока не доставит тебя в Море Безопасности, а прибывши туда, ты найдёшь кого-нибудь, кто тебя приведёт в твою страну. И все это удастся тебе, если ты не назовёшь имени Аллаха».

И потом я пробудился от сна и с живостью встал и сделал так, как сказал мне голос. И выстрелил во всадник» и сбросил его в море, и его лук упал возле меня, и я взял лук и зарыл его. И тогда море взволновалось и поднялось и встало вровень с горой и сравнялось со мною, и не прошло более минуты, как я увидел челнок посреди моря, который шёл ко мне, и я восхвалил великого Аллаха.

И когда челнок доплыл до меня, я увидел человека из меди, на груди которого была свинцовая доска с вырезанными на ней именами и заклинаниями, и я вошёл в челнок молча, не говоря ничего. И человек грёб первый день и другой и третий, до конца десяти дней, и я посмотрел и увидел Острова Безопасности, и тогда я сильно обрадовался и от большой радости помянул Аллаха и воскликнул: «Во имя Аллаха! Нет бога, кроме Аллаха! Аллах велик!»

И когда я это сделал, челнок выбросил меня в море, а потом возвратился и повернул в море. А я умел плавать и проплыл весь этот день до ночи, так что мои руки утомились и плечи устали, и я обессилел и все время был в опасности. И я произнёс исповедание веры и убедился, что умру, но море заволновалось от ветра, и ко мне подошла волна, словно большая крепость, и подняла меня и выкинула, так что я оказался на суше, ибо так было угодно Аллаху. И я поднялся и выжал свою одежду и высушил её и разостлал на земле и проспал ночь, а когда наступило утро, я встал и осмотрелся, куда мне пойти. Я увидел рощу и, войдя в неё, обошёл её кругом, и оказалось, что то место, где я нахожусь, — небольшой остров, и море окружает его. И я воскликнул: «Всякий раз, как спасусь от беды, попадаю в ещё большую!»

И когда я раздумывал о своём деле, желая смерти, я увидел издали корабль с людьми, направляющийся к острову, на котором я находился. И я поднялся и залез на дерево, и вдруг корабль пристал вплотную, и с него сошли десять рабов, с которыми были заступы, и они пошли и, дойдя до середины острова, разрыли землю и откопали опускную дверь и, подняв её, открыли вход в подземелье. После этого они вернулись на корабль, и перенесли оттуда хлеб, муку, масло, мёд, скотину и утварь, необходимую для жилья, и рабы до тех пор ходили на корабль и обратно, переноса с корабля припасы и спускаясь вниз, пока по перенесли в яму все, что было на корабле. И после этого они сошли с корабля, неся с собою одежды что ни на есть лучшие, и среди них был старик, который прожил сколько прожил, и судьба потрепала его, но пощадила. И он был точно мёртвый и брошенный, в голубой тряпке, которую продували ветры с запада и востока, как сказал о нем поэт:

Потряс меня рок и как потряс-то! —
Ведь року присуща мощь и сила.
Я раньше ходил, не утомляясь,
Теперь не хожу и утомлён я.

И рука старца была в руке прекрасного юноши, вылитого в форме красоты и блеска и совершенства, так что его прелесть вошла в поговорку. И он был подобен свежей ветке и чаровал все сердца своей красотой и все умы похищал своей нежностью, как сказал о нем поэт, говоря:

Когда красу привели бы, чтоб с ним сравнить,
В смущенье бы опустила краса главу.

И если б её спросили: «Видала ли ты Подобного?» – то сказала б: «Такого? Нет!»

И они до тех пор шли, госпожа моя, пока не пришли к двери, и все спустились в подземелье и скрылись на час или больше, а потом поднялись наверх рабы и старик, но юноша не поднялся с ними, и они опустили дверь, как она была, и сошли на корабль и исчезли с моих глаз. И когда они уехали, я спустился с дерева и, подойдя к месту, которое они завалили, стал разрывать землю и переносить её, и терпеливо трудился, пока не убрал всю землю и не обнаружил дверь, и оказалось, что она деревянная, шириной в камень мельничного жернова. И я поднял дверь, и под нею оказалась каменная сводчатая лестница, и я удивился этому и спустился по лестнице и, войдя до конца её, увидел помещение, чистое и устланное всевозможными коврами и шёлковыми подстилками. И тот юноша сидел на высоком седалище, опершись на круглую подушку, и в руках у него было опахало, и перед ним стояли благовония и цветы, и он был один.

При виде меня лицо юноши пожелтело, а я приветствовал его и сказал: «Успокой свою душу и умерь свой страх: тебе не будет вреда! Я человек, как и ты, и сын царя, и судьба привела меня к тебе, чтобы я развлёк тебя в твоём одиночестве. Какова твоя история и что с тобой произошло, что ты поселился под землёю один?»

Убедившись, что я из его породы, юноша обрадовался, и краска возвратилась к нему, и он велел мне приблизиться, и сказал: «О брат мой, моя история удивительна!

Мой отец торговец драгоценными камнями, и у него есть товары и рабы и невольники-торговцы, которые ездят для него на кораблях с товарами в самые отдалённые страны, и у них есть караваны верблюдов и большие деньги. Но мой отец никогда не имел ребёнка, и однажды он увидел во сне, что у него родился сын, но жизнь его будет короткой. И он проснулся, крича и плача, а на следующую ночь моя мать понесла, и отец отметил время зачатия.

И дни её беременности кончились, и она родила меня.

Мой отец обрадовался и устроил пиры и стал кормить бедных и нуждающихся, так как я был послан ему в конце его жизни. И он собрал звездочётов и времяисчислителей и мудрецов того времени и знатоков рождений и гороскопов, и они исследовали положение звёзд в день моего рождения и сказали отцу: «Твой сын проживёт пятнадцать лет» к ему угрожают опасности, но если он от них спасётся, он будет жить долго. А причина его смерти в том, что в Море Гибели есть магнитная гора, на которой стоит конь и всадник из меди, а на груди всадника свинцовая доска.

И когда всадник упадёт с коня, твой сын умрёт, через пятьдесят дней после этого, убийца его будет тот, кто сойдёт всадника: это царь, и зовут его Аджиб ибн Хадыб».

И мой отец сильно огорчился. И он воспитывал меня наилучшим образом, пока я не достиг пятнадцати лет, а десять дней тому назад до него дошла весть, что всадник упал в море и что того, кто его сбросил, зовут Аджиб, сын царя Хадьтба, и мой отец испугался, что я буду убит, и перевёз меня в это место. Вот моя история и причина моего одиночества».

И, услышав эту историю, я изумился и сказал про себя: «Это все я сделал! Но клянусь Аллахом, я никогда его не убью». – «О господин мой, – сказал я, – да избавишься ты от болезни и гибели! Если захочет Аллах великий, ты не увидишь заботы, огорчения и расстройства. Я буду жить у тебя и прислуживать тебе и потом возвращусь своей дорогой, после того как пробуду с тобой эти дни».

И я просидел, беседуя с ним, до ночи, а потом я встал, зажёл большую свечу и заправил светильник, и мы сидели, поставив сначала кое-какую еду. И мы поели, и я встал и поставил сладости, и мы лакомились и сидели, беседуя друг с другом, пока не прошла большая часть ночи. И юноша лёг, и я укрыл его и тоже лёг, а наутро я поднялся и нагрел немного воды и осторожно разбудил юношу, и когда он проснулся, я принёс ему горячую воду, и он вымыл лицо и сказал: «Да воздаётся тебе за это благом, о юноша! Клянусь Аллахом, когда я спасусь от того, что со мной, и от того, чьё имя Аджиб ибн Хадыб, я заставлю моего отца вознаградить тебя. Если же я умру, мир тебе от меня».

«Да не наступит день, когда тебя поразит зло, и да назначит Аллах мой день раньше

твоего дня!» – ответил я, а затем я подал кое-какой еды, и мы поели, и я зажёл ему куренья, и он надушился, а после этого я сделал для него триктрак, и мы стали с ним играть. Потом мы поели сладкого и играли до ночи, и я зажёл свечи и подал ему и сидел, беседуя с ним, пока от ночи осталось мало, и юноша лёг, и я укрыл его и тоже лёг. И так продолжалось, о господин мой, дни и ночи, и в моем сердце возникла любовь к юноше, и я забыл свою заботу и сказал в душе: «Солгали звездочёты! Клянусь Аллахом, я не убью его».

И я служил юноше и разделял его трапезы и беседовал с ним до истечения тридцати девяти дней, а в ночь на сороковой день юноша обрадовался и сказал: «О брат мой, слава Аллаху, который спас меня от смерти, и это случилось по твоему благовонию и по благословению твоего прихода. Я прошу Аллаха, чтобы он вознаградил тебя и твою землю. Но я хочу, о брат мой, чтобы ты нагрел мне воды, я умоюсь и вымою себе тело». – «С любовью и охотой», – ответил я и нагрел ему воду в большом количестве и внёс её к юноше и хорошо вымыл ему тело мукой волчьих бобов и натёр его и прислуживал ему и переменял ему одежду и постлал для него высокую постель. И юноша подошёл и кинулся на постель и прилёг после бани и сказал: «О брат мой, отрежь нам арбуза и полей его соком сахарного тростника».

И я вошёл в кладовую и нашёл хороший арбуз, который лежал на блюде. И я заговорил с юношей и сказал ему: «О господин мой, нет ли у тебя ножа?»

«Вот он, над моей головой, на той верхней полке», – ответил юноша. И я встал, торопясь, и взял нож, схватив его за конец, и стал спускаться назад, и моя нога споткнулась, к я свалился на юношу с ножом в руке. И немедленно нож, сообразно тому, как было написано в безначальности, вонзился юноше в сердце, и он тотчас же умер.

И когда он закончил свой срок и я понял, что убил его, я испустил громкий крик, стал бить себя по лицу и разорвал на себе одежду и воскликнул: «Поистине, мы принадлежим Аллаху и к нему возвращаемся! О мусульмане, этому юноше осталось до истечения опасного срока в сорок дней, о котором говорили звездочёты и мудрецы, только одна ночь, и предел жизни этого красавца должен был наступить от моей руки! О, если бы мне не резать этого арбуза! Это поистине бедствие и печаль. Но пусть Аллах свершает дело, которое решено!..»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Шестнадцатая ночь

Когда же настала шестнадцатая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что Аджиб говорил женщине: „И, убедившись, что я убил его, я встал и поднялся по лестнице и насыпал обратно землю и окинул глазами море и увидел корабль, рассекавший море и направлявшийся к берегу. Я испугался и сказал: „Сейчас они придут и найдут их дитя убитым и узнают, что я убил его, и убьют меня несомненно!“ И, подойдя к высокому дереву, я влез на него и закрылся его листьями, и не успел я усестись на верхушке дерева, как появились рабы, и с ними появился тот дряхлый старик, отец юноши. И они подошли к тому месту и, сняв землю, нашли дверь и спустились и увидели, что юноша лежит и его лицо сияет после бани, и одет он в чистое платье и нож воткнут ему в грудь. И они закричали и заплакали и стали бить себя по лицу и взывать о горе и бедствии, и старец на долгий час лишился сознания, и рабы подумали, что после своего сына он не будет жить».

И они завернули юношу в его одежды и накинули на него шёлковый плащ и вышли к кораблю, и старец вышел позади них. И, увидав своего сына лежащим, он упал на землю и посыпал голову прахом и бил себя по лицу и вырывал себе бороду. И он подумал о смерти своего сына и заплакал ещё сильнее и лишился чувств, и тогда один из рабов поднялся и принёс кусок шёлковой материи, и старика положили на скамью и сели у него в головах, и все это время я был на дереве над их головой и смотрел, что происходит, и моё сердце поседело прежде, чем стала седою моя голова, из-за забот и печалей, перенесённых мною. И я произнёс:

«Велики блага тайные Аллаха,
Что скрыты от ума мужей разумных,
Как много дел тебе противны утром,
А вечером они приносят радость!

Как часто нам легко вслед за мученьем!
Так облегчи же грусть больного сердца!»

О госпожа моя, старец все был без сознания, пока не приблизился закат, а потом он очнулся, и, увидев своего сына, с которым случилось то, чего он боялся, он стал бить себя по липу и по голове и произнёс: «Разлукой с любимыми все сердце истерзано, И слезы из глаз моих струятся потоками.

Далеко желание ушло, о печаль моя,
Что ныне придумаю? Скажу что? Что сделаю?
О, если б не видел я ни разу возлюбленных!
Владыки мои, как быть? – Стеснились пути мои.

И как мне утешиться утехой, когда взыграл
Огонь страсти в душе моей и ярко пылает там?
О, если бы с ними я искал своей гибели!
Меж мною и ими связь, которой нельзя порвать.

Аллахом молю тебя, доносчик, помягче будь!
И пусть единение меж нами продлится век.
Как было прекрасно нам, когда единил нас дом
И жили в блаженстве мы четой неразлучною,
Пока не сразила нас стрела расставания.

А кто может вынести стрелу расставания?
Когда поразило те в любимом несчастье,
В едином во дни его, исполненном прелести,
Сказал я, а речь судьбы уж раньше промолвила:

«О, если б, дитя моё, не кончился жизни срок!
Каким бы путём тебя мне ветре гать немедленно?
Душой я бы выкупил тебя, если б приняли.
И если скажу – он солнце, – солнце заходит ведь.
А если скажу – луна, – луна ведь зашла уже.

О, грусть по тебе моя! О, горе от рока мне!
Нет жизни мне без тебя, так что ж развлечёт меня?
В тоске по тебе отец погиб твой; с тех пор как ты
Повергнут кончиною, стеснились пути мои.

И взоры завистников упали на пас в сей день.
Пусть тем же воздаётся им! Как скверны поступки их!»

Он издал крик, от которого дух его расстался с телом, и рабы закричали: «Увы, наш господин!» – и посыпали себе головы землёй и ещё сильнее заплакали. И они положили своего господина на корабле рядом с сыном и, распустив на судне паруса, скрылись с моих

глаз, и тогда я слез с дерева и спустился в подземелье и стал думать о юноше. И я увидел некоторые из его вещей и произнёс такое стихотворение:

«Я таю в тоске, увидя слезы любимых,
На родине их потоками лью я слезы.
Прошу я того, кто с ними судил расстаться,
Чтоб мне даровал когда-нибудь он свидание».

Потом, о госпожа моя, я вышел из подземелья, и днём я ходил по острову, а ночью спускался в помещение, И я провёл таким образом месяц, глядя на тот конец острова, что лежал к западу. И всякий раз, как проходил день, море становилось мельче, пока на западной стороне не стало мало воды и прилив её не прекратился. Когда же месяц прошёл до конца, море с тон стороны высохло, и я обрадовался и убедился в спасении. И войдя в оставшуюся воду, я вышел на берег материка и нашёл там кучи песку, в котором ноги верблюда погрузились бы по колено, и, укрепив свою душу, я пересёк эти пески и вдруг увидел огонь, блестящий издалика и пылавший ярким пламенем. И к направился к огню, надеясь найти облегчение, и произнёс:

«Надеюсь, что, может быть, судьба повернёт узду
И благо доставит мне, – изменчиво время, –
И помощь в надеждах даст и нужды свершит мои:
Ведь вечно случаются дела за делами».

Я пошёл на огонь и, подойдя к нему, вдруг увидел, что это дворец, и ворота его из жёлтой меди, и когда над ними засияло солнце, дворец засветился издали, и казалось, что это огонь. И я обрадовался, увидя его, и сел напротив ворот; и не успел я усесться, как появилось десять юношей, одетых в роскошные платья, и с ними глубокий старик, но только юноши были кривые на правый глаз. Я подивился их виду и тому, что они одинаково кривы, а юноши, увидя меня, пожелали мне мира и спросили меня, что со мной и какова моя история. И я рассказал им, что мне выпало и какие бедствия исполнились надо мной, и они изумились моему рассказу и взяли меня и привели во дворец. Я увидел вокруг дворца десять лож, и на каждом из них и постель и одеяло были голубые, а посреди них стояло небольшое ложе, на котором, подобно остальным, все тоже было голубое. И когда мы вошли, юноши поднялись на свои ложа, а старец взошёл на то маленькое, стоявшее посредине, и сказал: «О юноша, живи в этом дворце и не спрашивай о том, что с нами и об отсутствии у нас глаза». Потом старец поднялся и подал каждому еду в особом сосуде и питьё в отдельном кубке и мне также подал, а после этого они сидели и расспрашивали меня о моем положении, о том, что со мной случилось, и я им рассказывал, пока не прошла большая часть ночи.

И тогда юноши сказали: «О старец, не принесёшь ли ты то, что нам назначено? Время уже пришло». – «С любовью и охотой», – отвечал старец и, поднявшись, вышел в кладовую во дворце и скрылся, и возвратился, неся на голове десять блюд, каждое из которых было накрыто голубым покрывалом. И он подал каждому из юношей блюдо, затем зажёл десять свечей и поставил на каждое блюдо по свечке, а после этого он снял покрывала, и под ними оказался пепел, толчёный уголь и сажа от котлов. И все юноши обнажили руки и заплакали и застонали и вычернили себе лица и разорвали на себе одежду и стали бить себя по лицу и ударять себя в грудь, говоря: «Мы сидели развалившись, но болтливость нам навредила!» И они продолжали это, пока не приблизилось утро, и тогда старец поднялся и нагрел им воды, и они вымыли себе лица и надели другие одежды, чем прежде.

И когда я увидел это, о госпожа моя, мой ум пропал, и мысли мои смутились, и моё сердце обеспокоилось, и я Забыл о том, что со мной случилось, и не был в состоянии молчать, а заговорил с ними и спросил их: «Зачем это, после того как мы веселились и устали? Вы, слава великому Аллаху, в полном уме, а такие дела творят только одержимые.

Заклинаю вас самым дорогим для вас, не расскажете ли вы мне, что с вами и почему вы потеряли глаза и черните себе лица пеплом и сажей?» Но они обернулись и сказали: «О юноша, пусть не обманывает тебя твоя молодость! Откажись от твоего вопроса». После этого они поднялись, и я поднялся с ними, и старец подал кое-какой еды, и когда мы поели и блюда были убраны, они просидели, разговаривая, пока не приблизилась ночь.

И тогда старец поднялся и зажёл свечи и светильники, и подана была еда и питьё, и, окончив есть, мы просидели за разговорами и застольной беседой до полуночи, и юноши сказали старцу: «Поддай то, что нам назначено, – пришло время спать». И старец поднялся и принёс подносы с чёрным песком, и они сделали то же, что сделали в первую ночь.

И я прожил у них таким образом в течение месяца, и каждую ночь они чернили себе лица пеплом и мыли их и меняли одежду, и я дивился этому, и моё беспокойство до того увеличилось, что я отказался от еды и питья. И я сказал им: «О юноши, неужели вы не прекратите моей заботы и не расскажете, почему черните себе лица?» Но они ответили: «Соккрытие нашей тайны правильной». И я остался в недоуменье о их делах и отказывался от питья и пищи.

«Вы непременно должны мне рассказать о причине этого», – сказал я им, но они ответили: «В этом будет для тебя горе, так как ты станешь подобен нам». – «Это неизбежно должно быть, – сказал я, – а не то пустите меня, я уеду от вас к моим родным и не стану смотреть на это. Ведь пословица говорит: „Быть вдаль от вас лучше мне и прекрасней – не видит глаз, не печалится сердце“.

Тогда они пошли и зарезали барана и ободрали его и сказали мне: «Возьми эту шкуру с собой, залезь в неё и зашей её на себе. К тебе прилетит птица, которую называют Рухх, и поднимет тебя и положит на гору, а ты порви шкуру и выйди из пёс, и тогда птица тебя испугается и улетит и оставит тебя. Пройди полдня, и увидишь перед собою дворец, диковинный видом; войди в него, и ты достиг того, чего хочешь, ибо потому, что мы вошли в этот дворец, мы и черним себе лица и потеряли глаз. А если мы станем тебе рассказывать, наш сказ затянется, так как с каждым из нас случилась странная история, из-за которой был вырван правый глаз».

Я обрадовался этому, и они сделали со мной так, как сказали, и птица понесла меня и опустила со мной на гору, и я вышел из шкуры и шёл, пока не вошёл во дворец, и вдруг вижу – в нем сорок невольниц, подобных лунам, смотрящий на которые не насытится. И, увидав меня, все они сказали: «Приют тебе и уют! Добро пожаловать, о владыка наш, мы уже целый месяц ожидаем тебя! Слава же Аллаху, который привёл к нам того, кто достоин нас и кого мы достойны». Потом они посадили меня на высокое седалище и сказали: «От сего дня ты наш господин и судья над нами, а мы твои невольницы и послушны тебе, приказывай нам по твоему усмотрению».

И я удивился всему этому, а девушки принесли мне еды, и я поел с ними, и они подали вино и собрались вокруг меня. И пятеро из них встали и постлали циновку и расставили вокруг неё много цветов и плодов и закусок и принесли к этому вино, и мы сели пить, и девушки взяли лютню и стали петь под неё, и чаша и блюда заходили между нами. И меня охватила такая радость, что я забыл о заботах жизни земной и воскликнул: «Вот она, настоящая жизнь!»

И я пробыл с ними, пока не пришло время сна, и они сказали мне: «Возьми, кого выберешь из нас, чтобы спать возле тебя». И я взял одну из них, красивую лицом, с насурьмлёнными глазами и чёрными волосами и слегка раскрытыми устами и сходящимися бровями, и она была совершенна по красоте и походила на нежную ветвь или стебель базилики и ошеломляла и смущала ум, подобно тому, как поэт сказал о ней:

Сравнили мы с меткою её лишь по глупости,
И свойства сравнить её нельзя с газеленком нам.
Откуда возьмёт газель прекрасная стан её,
Откуда напиток тот медовый? Как чуден он!

И очи громадные, в любви смертоносные,
Влюблённых что в плен берут, убитых, измученных?
Люблю я любимую любовью язычества!
Не диво, что любящий ведёт как дитя себя.

И я повторил ей слова сказавшего:

«На красу лишь вашу взирает око моё теперь,
И ничто другое в душе моей не проносится.
Госпожа моя, лишь о страсти к вам ныне думаю,
И влюблённым в вас и скончаюсь я, и воскресну вновь!»

И я проспал с нею ночь, лучше которой не видел, а утром они меня свели в баню и вымыли меня и одели в лучшие одежды и подали нам еду и напитки, и мы поели и попили, и чаши ходили между нами до ночи. А потом и выбрал одну из них, красивую чертами и с нежными боками, как сказал о ней поэт, говоря:

На персях возлюбленной я вижу шкатулки две
С печатью из мускуса – мешают обнять они.
Стрелами очей своих она охраняет их,
И всех, кто враждебен им, стрелою разит она.

И я проспал с нею прекраснейшую ночь до утра, и, говоря кратко, о госпожа моя, я провёл у них в приятнейшей жизни целый год. А в начале следующего года они сказали мне: «О, если бы мы тебя не знали! Если ты нас послушаешь, в этом будет твоё благополучие». И они принялись плакать, а я удивился и спросил их: «Что случилось?» И они ответили: «Мы дочери царей, и мы здесь живём вместе уже много лет. Мы отлучаемся на сорок дней и проводим год за едой, питьём, наслаждениями и удовольствиями, а потом снова отлучаемся. Таков наш обычай, и мы опасаемся, что, когда нас не будет, если ослушаешься нашего приказания. Вот мы отдаём тебе ключи от дворца: в нем сорок сокровищниц; открой тридцать девять дверей, но берегись открыть сороковую дверь, – тогда ты расстанешься с нами». – «Я не открою её, если в этом разлука с вами», – ответил я.

Тогда одна из девушек подошла и обняла меня и заплакала и произнесла:

«Клянусь я, когда бы мы, расставшись, сошлись опять,
Судьбы б улыбнулось нам лицо всегда мрачное.
И если глаза мои могли б посмотреть на вас,
Судьбе извинил бы я грехи её прошлые. –

И произнесла ещё:

Когда подошла она проститься, душа её
В союзе была в тот день со страстью и нежностью.
И горько заплакала она свежим жемчугом,
Моя же слеза коралл, а все – ожерелье ей».

И, увидев, что она плачет, я воскликнул: «Клянусь Аллахом, я ни за что не открою дверь!» – и простился с нею, и они вышли и улетели, и я остался сидеть во дворце один.

Когда же подошёл вечер, я открыл первый покой и вошёл в него и увидел там помещение, подобное раю, и в нем был сад с зеленеющими деревьями и спелыми плодами, и птицы в нем перекликались и воды разливались. И моё сердце возвеселилось, и я стал ходить

между деревьями и вдыхать запах цветов и слушать пение птиц, прославлявших единого, могучего; и я увидел яблока всех оттенков, от алеющих до желтоватых, как сказал поэт:

Это яблоко как бы двух цветов одновременно:
Цвета щёк любимых и цвета тех, кого мучит страсть.

И я взглянул на айву и вдохнул её аромат, издевающийся над запахом мускуса и амбры, и она была такова, как сказал поэт:

В айве заключаются для мира все радости,
И выше плодов она других, как известно.
По вкусу – вино она, как мускус – по запаху,
И цветом – как золото, кругла же – как месяц.

Потом я посмотрел на абрикос, подобный отшлифованному яхонту, красота которого восхищает взор, а после того я вышел из этого покоя и запер дверь сокровищницы, как было. А на завтра я открыл другую сокровищницу и, войдя в неё, увидел обширную площадь, где были большие пальмы и бежал поток, по краям которого стлались кусты роз, жасмина, майорана, душистого шиповника, нарцисса и гвоздики. И ветры веяли над этими цветами, и благоухание их разносилось направо и налево, и меня охватило полное блаженство.

Потом я вышел оттуда и запер дверь сокровищницы, как было, и после этого я открыл дверь третьей сокровищницы и увидел там большую залу, выстланную разноцветным мрамором, драгоценными самоцветами и роскошными камнями, и в ней были клетки из райского дерева и сандала, в которых пели птицы: соловьи, голуби, дрозды, горлицы и певчие нубийки. И моё сердце возвеселилось от этого, и забота моя рассеялась, и я проспал в этом месте до утра.

А потом я открыл дверь четвёртой сокровищницы и очутился в большом помещении, где было сорок кладовых с открытыми дверями. И я вошёл туда и увидел жемчуга, яхонты, топазы, изумруды и драгоценные камни, которых не описать языком, и мой ум был ошеломлён, и я воскликнул: «Я думаю, что таких вещей не найти и в казне какого-нибудь царя!» И тогда моё сердце возрадовалось, и забота моя прекратилась, и я воскликнул: «Теперь я царь своего века, и эти богатства, по милости Аллаха, у меня, и под моей властью сорок девушек, у которых пет, кроме меня, никого».

И я не переставал ходить из помещения в помещение, пока не прошло тридцать девять дней, и за это время я открыл все сокровищницы, кроме той, куда мне запретили открывать дверь.

А моё сердце, о госпожа, было занято этой сокровищницей, которая была последней из сорока, и сатана, на моё несчастье, судил мне её открыть, и у меня не хватало терпения удержаться от этого (а до условного срока оставался лишь один день). И я подошёл к упомянутой сокровищнице и открыл дверь в неё и вошёл и почувствовал благоухание, подобного которому никогда не вдыхал. И этот запах опьянил мой ум, и я упал и пролежал в обмороке с час, а потом я укрепил своё сердце и вошёл в сокровищницу и увидел, что пол в ней усыпан шафраном, и нашёл там золотые светильники и цветы, распространяющие запах мускуса и амбры и пылавшие светом. И я увидел две большие курильницы, каждая из которых была наполнена алоэ и амброй с мёдом, так что помещение пропиталось их ароматом; и ещё я увидел, о госпожа, вороного коня, подобного мраку ночи, когда она стемнеет, и перед ним была кормушка из белого хрусталя с очищенным кунжутом и другая, такая же, полная розовой воды с мускусом. И конь был осёдлан и взнуздан, и седло его было из червонного золота. И, увидя коня, я подивился ему и сказал про себя: «За этим непременно должно быть скрыто великое дело!»

И сатана сбил меня с пути, и я вывел коня и сел на него, но он не тронулся с места, и я толкнул его ногой, но он не двинулся, и тогда я взял плетё и ударил ею коня, и конь,

почувствовав удар, заржал и издал крик, подобный грохочущему грому, и, распахнув два крыла, полетел со мной и скрылся на некоторое время от взоров в выси небес. Потом он опустился со мною на крышу и сбросил меня и, хлестнув меня по лицу своим хвостом, выбил мой правый глаз, который вытек мне на щеку.

И конь улетел от меня, а я спустился с крыши и нашёл тех десять кривых юношей, и они сказали мне: «Ни простора тебе, ни уюта!» И я ответил им: «Вот и я стал таким же, как вы; я хочу, чтобы вы дали мне блюдо с сажей и я мог бы вычернить себе лицо, и позволили бы мне сидеть с вами».

«Клянёмся Аллахом, ты не будешь сидеть у нас, – уходи отсюда!» – отвечали они, и когда они меня прогнали, моё положение стеснилось, и я стал размышлять о том, что протекло над моей головой.

И я вышел от них с печальным сердцем и плачущими глазами и говорил украдкой: «Я сидел развалившись, но болтливость мне повредила!» И я обрил себе бороду и усы и пустился бродить по землям Аллаха, и Аллах предначертал мне благополучие, пока я не прибыл в Багдад, в сегодняшний вечер.

И я нашёл этих двух, стоявших в недоумении, и поздоровался с ними и сказал: «Я чужеземец!» И они ответили: «Мы тоже чужеземцы!» И нас сошлось трое календеров, кривых на правый глаз. Вот, о госпожа, причина, почему я обрил подбородок и потерял глаз».

«Пригладь свою голову и уходи!» – сказала женщина, но календер воскликнул: «Не уйду, пока не услышу рассказа вот этих!» И после этого женщина обратилась к халифу, Джафару и Масруру и сказала им: «Расскажите нам вашу историю!»

И Джафар выступил вперёд и повторил ей ту историю, которую рассказал привратнице у входа, и, услышав его рассказ» женщина сказала: «Я дарю вас друг другу».

И все вышли, и когда они оказались в переулке, халиф спросил календеров: «О люди, куда вы теперь направитесь, когда заря ещё не заблестала?»

«Клянёмся Аллахом, о господин наш, мы не знаем, куда пойти», – отвечали они, и халиф сказал: «Идите переночуйте у нас!» И он сказал Джафару: «Возьми их и приведи ко мне завтра – мы запишем то, что случилось». И Джафар последовал приказанию халифа, а халиф поднялся к себе во дворец, но сон не брал его в эту ночь, и когда наступило утро, он сел на престол власти и, после того как явились вельможи царства, обратился к Джафару и сказал: «Приведи мне этих трех женщин, и сук, и календеров».

И Джафар встал и привёл их пред лицо халифа, и женщины зашли за занавеску, и Джафар обратился к ним и сказал: «Мы простили вас за милость, которую вы оказали нам раньше, не зная нас, но теперь я вас осведомлю.

Вы перед лицом пятого халифа из потомков аль-Аббаса³⁶, Харуна ар-Рашида, брата Мусы-аль-Хади, сына аль-Махди-Мухаммеда, сына Абу-Джафара-аль-Мансура, сына Мухаммеда, и брата Ас-Саффаха, сына Мухаммеда. Рассказывайте же ему одну только правду!»

Рассказ первой девушки (ночи 17-18)

И когда женщины слышали, что говорил Джафар от имени повелителя правоверных, старшая выступила вперёд и сказала: «О повелитель правоверных, со мной была история, которая, если бы написать её иглами в уголках глаза, наверное стала бы назиданием для поучающихся и наставлением для тех, кто принимает наставления...»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

³⁶ Аль-Аббас и б и Абд аль-Муталлиб – дядя пророка Мухаммеда, родоначальник династии Аббасидов, правившей восточным халифатом с 750 года до взятия Багдада монголами в 1258 году.

Семнадцатая ночь

Когда же настала семнадцатая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что женщина, выступив перед лицом повелителя правоверных, сказала: «Со мною была удивительная история, вот она:

Эти две чёрные суки – мои сестры, и нас было трое родных сестёр по отцу и матери, а эти две девушки: та, на которой следы ударов, и другая, закупавшая, – от другой матери. И когда наш отец умер, все взяли свою долю наследства, а через несколько дней скончалась моя матушка и оставила нам три тысячи динаров, и каждая из дочерей взяла своё наследство – тысячу динаров. Я была моложе их по годам. И мои сестры сделали приданое и вышли замуж, и каждая взяла себе мужа, и они прожили некоторое время, а затем оба мужа собрали товары, и каждый взял у своей жены тысячу динаров, и они все вместе уехали и бросили меня.

Их не было пять лет, и мужья их загубили деньги и разошлись и оставили жён в чужих землях, и через пять лет старшая пришла ко мне в образе нищенки, одетая в рваное платье и грязный старый изар, и она была в гнуснейшем состоянии. И когда она пришла ко мне, я не вспомнила её и не узнала, по потом, признав её, я спросила: «Что означает это положение?» И она ответила: «О сестрица, в словах нет больше пользы! Калам³⁷ начертал то, что было суждено!» И я послала её в баню и надела на неё одежду и сказала: «О сестрица, ты мне вместо матери и отца! Аллах благословил наследство, которое досталось мне с вами, и я его умножила и живу превосходно. Я и вы – это одно и то же». И я оказала ей крайнюю милость, и она прожила у меня целый год, И сердца наши были в тревоге о другой нашей сестре, и прошло лишь немного времени, и она явилась в состоянии ещё худшем, чем старшая сестра. И я сделала ей больше, чем первой, и им достались деньги из моих денег.

Но через некоторое время они сказали мне: «О сестрица, мы хотим замуж! Нет у нас терпенья сидеть без мужа». – «О, глаза мои, – ответила я, – нет добра в Замужестве! Хорошего мужчину теперь редко найдёшь, и я не вижу добра в том, что вы говорите. Вы ведь испытали замужество». Но они не приняли моих слов и вышли замуж без моего согласия, и я обрядила их из моих денег и покровительствовала им.

Они уехали со своими мужьями и прожили с ними небольшое время, а потом их мужья взяли то, что у них было, и уехали, оставив их. И сестры пришли ко мне улаженные, извинились и сказали: «Не взыщи с нас! Ты моложе нас по годам, но совершеннее по уму! Мы никогда больше не станем говорить о замужестве! Возьми нас к себе в служанки, чтобы у нас был кусок хлеба». – «Добро пожаловать, о сестрицы, у меня нет никого дороже вас», – ответила я и приняла их и оказала им ещё большее уважение, и мы провели так целый год.

Но и мне захотелось снарядить корабль в Басру³⁸, и я снарядила большой корабль и снесла туда товары и припасы и то, что нам было нужно на корабле, и сказала: «О сестрицы, хотите ли вы жить дома, пока я съезжу и вернусь, или вы поедете со мной?» – «Мы отправимся с тобой, мы не можем с тобой расстаться», – отвечали они, и я взяла их с собою. Я разделила свои деньги пополам и половину взяла, а другую половину отдала на хранение и сказала: «Может быть, с кораблём что-нибудь случится, а жизнь ещё будет продлена, и когда мы вернёмся, мы найдём кое-что, что нам поможет».

Мы путешествовали дни и ночи, и наше судно сбилось с пути, и капитан проглядел дорогу, и корабль вошёл не в то море, куда мы хотели, но мы некоторое время по знали этого. И ветер был хорош десять дней, а после стих. десяти дней дозорный поднялся

³⁷ По мусульманскому поверью, Аллах прежде всех вещей создал «калам» (перо), которым заранее записал всё, что произойдёт в будущем, до дня страшного суда.

³⁸ Басра – торговый город и порт в Ираке, к юго-востоку от Багдада, близ общего устья Тигра и Евфрата.

посмотреть и воскликнул: «Радуйтесь! – и опустил, довольный, и сказал: Я видел очертание города, и он похож на голубку».

Мы обрадовались, и не прошло часа дневного времени, как перед нами заблистал издали город. «Как называется город, к которому мы приближаемся?» – спросили мы капитана, и он сказал: «Клянусь Аллахом, не знаю! Я никогда его не видел и в жизни не ходил по этому морю. Но все обошлось благополучно, и вам остаётся только войти в этот город. Посмотрите, как будет с вашими товарами, и если вам случится продать – продавайте, и закупайте всего, что там есть, а если продать вам не придётся, мы отдохнём два дня, сделаем запасы и уедем». И мы пристали к городу, и капитан отправился туда и отсутствовал некоторое время, а потом он пришёл к нам и сказал: «Поднимитесь, идите в город и подивитесь творению и созданию Аллаха и взывайте о спасения от гнева его!»

И мы пошли в город, и, подойдя к городским воротам, я увидела у ворот людей с палками в руках и, приблизившись к ним, вдруг вижу – они поражены гневом Аллаха и превратились в камень! И мы вошли в юрод и увидели, что все, кто там есть, поражены гневом и превратились в чёрный камень, и нет там ни живого человека и ни горящего огня. И мы были ошеломлены этим и прошли по рынкам и увидели, что товары целы и что золото и серебро тоже осталось, как было, и обрадовались и сказали: «Быть может, за этим скрыто какоенибудь зло!»

И мы разошлись по улицам города, и каждая из нас Забывала о других, забирая деньги и материи, я же поднялась к крепости и увидела, что она хорошо устроена. И я вошла в царский дворец и увидела, что все сосуды там из золота и серебра, и тут же я увидела царя, который сидел среди своих придворных, наместников и везирей, и на нем были такие одежды, которые повергали в недоумение. И, подойдя к царю, я увидела, что он сидит на престоле, – выложенном жемчугом и драгоценными казнями, и на нем золотое платье, где каждый камешек светит, как звёздочка, а вокруг него стоят пятьдесят невольников, одетых в разные шелка, и в руках у них обнажённые мечи.

Посмотрев на это, я смутилась умом и прошла немного и вошла в помещение харима и увидела на стенах его занавески, вышитые золотыми полосами, а царицу я нашла лежащей, и она была одета в одежду, покрытую свежим жемчугом, и на голове у неё был венец, окаймлённый всевозможными камнями, а на шее – бусы и ожерелья. И все бывшие на ней одежды и украшения остались в своём виде, но она, от гнева Аллаха, превратилась в чёрный камень.

И я нашла открытую дверь и вошла в неё, и за нею оказалось помещение, возвышающееся на семь ступенек, и я увидела, что этот покой вымощен мрамором и устлан коврами, шитыми золотом. И там оказалось ложе из можжевельника, выложенное жемчугом и драгоценностями, с двумя изумрудами величиной с гранат, и над ним был опущен полог, унизанный жемчугом. И я увидела свет, исходивший из-за полога, и, поднявшись, нашла жемчужину, размером с гусиное яйцо, лежавшую на небольшой скамеечке, и она горела, как свеча, и распространяла сияние. И на этом ложе были постланы всевозможные шелка, приводившие в смятение смотрящего, я, увидев все это, я изумилась. И при виде зажжённых свеч я сказала: «Несомненно кто-нибудь зажжёт эти свечи».

А потом я пошла дальше и вошла в другое помещение и принялась осматривать покои и обходить их кругом, И меня охватило такое удивление, что я забыла самое себя и погрузилась в думы.

А когда подошла ночь, я захотела выйти, но не узнала двери и заблудилась и пришла обратно к ложу с пологом И села на ложе, а потом прикрылась одеялом и, прочитав сначала кое-что из Корана, хотела заснуть, но не могла, к мною овладела бессонница. И когда наступила полночь, я услышала чтение Корана красивым, но слабым голосом, и обрадовалась и пошла на голос, пока не дошла до какого-то помещения, но дверь в него я нашла закрытой. И, открывши дверь, я посмотрела в помещение и вдруг вижу: это молельня с михрабом, и в ней стоят горящие светильники и две свечи. И там был постлан молитвенный коврик, и на нем сидел юноша, прекрасный гидом, а перед ним лежал список

священной книги, и он читал вслух. И я изумилась, как это он спасся один из всех жителей города, и, войдя, приветствовала его, а он поднял глаза и ответил на моё приветствие.

И я сказала ему: «Прошу тебя и заклинаю тем, что ты читаешь в книге Аллаха, не ответишь ли ты мне на мой вопрос?» А юноша смотрел на меня и улыбался. «О рабыня Аллаха, – ответил он, – Расскажи мне, почему вошла ты в это помещение, и я расскажу тебе о том, что случилось со мною и с жителями этого города и почему я спасся».

Я рассказала ему свою историю, и он изумился, а потом я спросила его, что произошло с жителями этого города, и юноша отвечал: «О сестрица, дай мне срок!»

Он закрыл рукопись и положил её в атласный чехол и велел мне сесть с ним рядом, и я посмотрела на него, и вижу: он подобен сияющей луне в полнолуние и совершенен видом, с нежными боками и прекрасной внешностью, словно вылитый из сахара, и стройный станом, как сказано о нем в таких стихах:

Наблюдал однажды, ночной порой, звездочёт и вдруг
Увидал красавца, кичливого в одеждах.
Подарил Сатурн черноту ему его локонов
И от мускуса точки родинок на ланитах.

Яркий Марс ему подарил румянец ланит его,
А Стрелец – бросал с лука век его стрелы метко.
Даровал Меркурий великую остроту ему,
А Медведица – та от взглядов злых охраняла.

И смутился тут звездочёт при виде красот его,
А перед ним лобызала землю покорно.
И Аллах великий облачил его в одежду совершенства и
расшил её блеском
И красотой пушка его ланит. Как сказал о нем поэт:

Опьяненьем век и прекрасным станом клянусь его
И стрелами глаз, оперёнными его чарами.
Клянусь мягкостью я боков его и копьем очей,
Белизной чела и волос его чернотой клянусь.

И бровями теми, что сон сгоняет с очей моих,
Мною властвуя запрещением и велением.

И ланиты розой, и миртой нежной пушка его,
И улыбкой уст, и жемчужин рядом во рту его,
И изгибом шеи и дивным станом клянусь его,
Что взрастил граната плоды свои на груди его.

Клянусь бёдрами, что дрожат всегда, коль он движется
Иль спокоен он, клянусь нежностью я боков его.
Шелковистой кожей и живостью я клянусь его
И красою всей, что присвоена целиком ему.

И рукой его вечно щедрою, и правдивостью
Языка его, и хорошим родом и знатностью.
Я клянусь, что мускус, дознаться коль, – аромат его,
И дыханьем амбры нам веет ветер из уст его.

Точно так же солнце светящее, при сравнении с ним,
Нам напомнить может обрезок малый ногтей его.

И я взглянула на него взглядом, породившим во мне тысячу вздохов, и моё сердце проникнулось любовью к нему, и я сказала: «О господин мой, расскажи мне о том, что я тебя спросила».

«Слушаю и повинуюсь, – ответил юноша. – Если, рабыня Аллаха, что этот город – город моего отца, а он – царь, которого ты видела на престоле превращённым в чёрный камень вследствие гнева Аллаха. А царица, которую ты видела под пологом, моя мать, и все жители города были маги, поклонявшиеся огню, вместо могучего владыки, и они клялись огнём и светом, мраком и жаром, и вращающимся сводом небес. А у моего отца не было ребёнка, и я был послан ему в конце его жизни, и он воспитывал меня, пока я не вырос, и счастье шло впереди меня. У нас была старуха, далеко зашедшая в годах, мусульманка, тайно веровавшая в Аллаха и его посланника, но внешне соглашавшаяся с моими родными. И мой отец полагался на неё, видя её верность и чистоту, и оказывал ей уважение и все больше почитал её, и он думал, что она его веры. И когда я стал Большой, мой отец передал меня этой старухе и сказал ей: „Возьми его и воспитай и обучи его положениям нашей веры. Воспитай его как следует и ходи за ним“.

И старуха взяла меня и научила вере ислама, омовению по его правилам и молитве, и заставила меня твердить Коран и сказала мне: «Не поклоняйся никому, кроме великого Аллаха». А когда я усвоил это до конца, она сказала мне: «Дитя моё, скрывай это от твоего отца и не осведомляй его об этом, чтобы он тебя не убил». И я скрыл это от него и оставался в таком положении немного дней, как старуха умерла, а нечестие, преступность и заблуждение жителей города ещё увеличились.

И они пребывали в подобном состоянии, и вдруг слышат глашатая, возглашающего во весь голос, подобно грохочущему грому, который слышит и ближний и дальний: «О жители этого города, отвратитесь от поклонения огням и поклонитесь Аллаху, владыке милосердному». И жителей города охватил страх, и они столпились возле моего отца, который был царём в городе, и сказали ему: «Что это за устрашающий голос, который мы слышим? Мы потрясены сильным испугом». И мой отец ответил: «Пусть этот голос не ужасает и не пугает вас, и не отвратит вас от вашей веры», – и сердца их склонились к словам моего отца, и они не перестали усердно поклоняться огню и стали ещё больше преступны.

Прошёл год с того дня, когда они услышали голос впервые, и он явился им во второй раз, и его услышали, а также и в третий, в течение трех лет, каждый год по разу, но они не перестали предаваться тому же, что и прежде, пока их не поразило отмщение и ярость с небес, и после восхода зари они были обращены в чёрные камни вместе с их вьючными животными и скотом. И никто из жителей этого города не спасся, кроме меня, и с того дня, как случилось это событие, я в таком положении: молюсь, пощусь и читаю Коран. И у меня не стало терпения быть одному, никого не имея, кто бы развлёк меня».

И тогда я сказала ему (а он похитил моё сердце): «О юноша, согласишься ли ты отправиться со мной в город Багдад посмотреть на учёных законоведов, чтобы увеличились твои знания и разумения и мудрость? Знай, что служанка, стоящая пред тобою, – госпожа своего племени и повелительница мужей, слуг и челяди, и у меня есть корабль, гружённый товарами. Судьба закинула нас в этот город, и по этой причине мы узнали об этих делах, и нам выпало на долю встретиться».

Я до тех пор уговаривала его поехать и подлаживалась и хитрила с ним, пока он не согласился и не соизволил на это...»

И Шахразад устала, и она прекратила дозволенные речи.

Восемнадцатая ночь

Когда же настала восемнадцатая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что женщина до тех пор уговаривала юношу поехать с нею, пока он не сказал ей: „Хорошо“. «И тогда, – говорила женщина, – я провела ночь у его ног, не веря самой себе от радости.

Когда же настало утро, мы поднялись и пошли в кладовые и взяли оттуда лёгкое по весу и высокое по цене и спустились из крепости в город и встретили невольников и капитана, которые разыскивали меня. И, увидав меня, они обрадовались, и я рассказала им то, что видела, и сообщила им историю юноши и почему этот город навлёк гнев Аллаха и что случилось с ними. И все удивились этому, и когда мои сестры, вот эти две суки, увидал меня и со мною этого юношу, они позавидовали мне и пришли в гнев и замыслили против меня козни. Потом мы сошли на корабль, радуясь, нет, улетаая от радости из-за того, что мы нажили, а я больше всего радовалась юноше.

Мы стали ждать попутного ветра, и когда он подул, мы распустили паруса и поплыли. И мои сестры сидели с нами, и мы стали разговаривать, и они сказали мне: «О сестрица, что ты будешь делать с этим прекрасным юношей?» – а я ответила: «Я намерена взять его в мужа». Потом я обернулась к юноше и, обратившись к нему, сказала: «О господин мой, я хочу что-то тебе сказать; не перечь мне в этом. Когда мы прибудем в наш город, в Багдад, я предложу себя тебе в служанки, как жену, и ты будешь мне супругом, а я тебе супругой». И он ответил: «Слушаю и повинуюсь!» А я обратилась к сёстрам и сказала им: «Достаточно с меня этого гоноши, ведь то, что всякий из вас нажил, принадлежи г ему». И мои сестры отвечали: «"Ты хорошо сделала», – но затаили на меня зло.

И мы ехали не переставая, и ветер благоприятствовал нам, пока мы не выплыли из Моря Страха и не вступили в безопасные воды. И мы проехали ещё немкую дней и приблизились к городу Басре, и стены её блеснули нам, и нас настиг вечер. А когда нас охватил сон, мои сестры поднялись и взяли меня с моей постели и бросили в море, и то же самое они сделали с юношей, и он не умел хорошо плавать и утонул, и Аллах предначергал ему быть в числе мучеников. А что до меня, то лучше бы мне было утонуть вместе с ним, но Аллах предопределил мне быть среди спасшихся, и когда я оказалась в море, Аллах послал мне кусок дерева, и я села на него, и волны били меня до тех пор, пока не выбросили на берег острова.

Я шла по острову весь остаток этой ночи, а когда наступило утро, я увидела протоптанную тропинку, шириной в ногу человека, которая вела с острова на материк. А солнце уже взошло, и я высушила свою одежду на солнце и поела плодов, бывших на острове, и напилась там воды и пошла по этой дороге и шла до тех пор, пока не приблизилась к материку, и между мною и городом оставалось два часа пути.

И вдруг я вижу: ко мне устремляется змея, толщиной с пальму, и быстро ползёт, приближаясь ко мне, и я вижу, она мечется то вправо, то влево, и когда она подползла ко мне, язык у неё высунулся на целую пядь, и она влачилась в пыли во всю свою длину. А за змею гнался дракон, длинный и тонкий, с копьё длиною, и она убегала от него, поворачиваясь то вправо, то влево, но дракон уже схватил её за хвост, и у неё полились слезы и высунулся от быстрого бега язык. И меня охватила жалость к змее, и, взяв камень, я бросила его в голову дракону, и он тотчас же умер, а змея распахнула крылья и, взлетев на воздух, скрылась с моих глаз.

И я сидела, изумляясь тому, и почувствовала усталость, и меня охватила дремота, и я заснула на месте и много поспала, а проснувшись, я нашла у своих ног девушку и с нею двух сук, и она растирала мне ноги. Я запылилась её и села и сказала: «О сестрица, кто ты?» И она ответила: «Как ты скоро меня позабыла! Я та, кому ты сделала добро и оказала милость, убив моего врага. Я та змея, которую ты освободила от дракона. Я джинния, а этот дракон – джинн; он мой враг, и я спаслась от него только благодаря тебе. И когда ты меня спасла от него, я взлетела на воздух и направилась к кораблю, с которого тебя выбросили твои сестры, и все, что было на корабле, я перенесла в твой дом, а корабль потопила. Что же до твоих

сестёр, то я сделала их чёрными собаками: я знала обо всем, что случилось у тебя с ними, а юноша – он утонул».

Потом она понесла меня вместе с собаками и бросила нас на крышу моего дома, и я увидела все имущество, бывшее на корабле, посреди своего дома, и оттуда ничего не пропало. И после этого змея сказала мне: «Заклинаю тебя надписью, вырезанной на перстне господина нашего Сулеймана (мир с ним!), если ты не станешь ежедневно давать каждой из них триста ударов, я приду и сделаю тебя подобной им!» И я ответила: «Слушаю и повинуюсь!» И я не перестаю, о повелитель правоверных, бить их таким боем, но жалею их, и они знают, что на мне нет вины за то, что я бью их, и принимают моё оправдание.

Вот вам история и мой рассказ».

Рассказ второй девушки (ночь 18)

И халиф изумился этому и потом сказал второй женщине: «А ты, каковы причины ударов у тебя на теле?» И она ответила: «О повелитель правоверных, у меня был отец, и он скончался и оставил мне большие деньги, и я прожила после него недолго и вышла замуж за самого счастливого человека своего времени. И я пробыла с ним год, и он умер, и я унаследовала от него восемьдесят тысяч динаров золотом – мою долю по установлению закона, – и всех превзошла богатством, и слух обо мне распространился. И я сделала себе десять платьев, каждое платье в тысячу динаров. И когда я сидела в один из дней, вдруг входит ко мне старуха с отвислыми щеками, редкими бровями, выпученными глазами, сломанными зубами, угреватым лицом, гнойными веками, пыльной головой, сидящими волосами, шелудивым телом, качающимся выцветшими красками, и из носа у неё текло, и она была подобна тому, что сказал про неё, сказавший:

Старуха злая! Ей не простится юность,
И милости в день кончины она не встретит.
Ловка она так, что тысячу сможет мулов,
Когда бегут, на нитке привезть тончайшей.

И, войдя ко мне, старуха приветствовала меня и поцеловала передо мной землю, и сказала: «У меня дочь сирота, и сегодня вечером я устраиваю её свадьбу, и смотрины, а мы чужеземцы в этом городе и никого не знаем из его жителей, и наши сердца разбиты. Прибрати же воздаяние и награду от Аллаха, приди на её смотрины, чтобы госпожи нашего города, когда услышат, что ты пришла, тоже пришли. Ты этим залечишь её сердце, так как её сердце разбито, и у неё нет никого, кроме великого Аллаха». И она заплакала и поцеловала мне ноги и стала говорить такие стихи:

«Приходом своим почтили вы нас.
И это признать должны мы теперь.
Но скроетесь вы – и нам не найти
Преемников вам: замены вам нет».

И меня взяло сострадание и жалость, и я ответила: «Слушаю и повинуюсь!» – и сказала ей: «Я сделаю коечто для твоей дочери с соизволения великого Аллаха и открою её жениху не иначе, как в моих платьях, украшениях и драгоценностях». И старуха обрадовалась и склонилась к моим ногам, лобызая их, и воскликнула: «Да воздаст тебе Аллах благом и да залечит твоё сердце, как ты залечила моё! Но не беспокой себя этой услугой сейчас, о госпожа моя! Соберись к ужину, а я приду и возьму тебя». И она поцеловала мне руки и ушла, а я приготовилась и нарядилась, и вдруг старуха идёт и говорит: «О госпожа моя, городские госпожи уже явились, и я рассказала им, что ты придёшь, и они обрадовались и ждут тебя и стерегут твой приход». И я поднялась и завернулась в изар и взяла с собою моих

девушек и отправилась, и мы пришли в переулок, подметённый и обрызганный, где веял чистый ветерок. Мы подошли к высоким сводчатым воротам с мраморным куполом, крепко построенным на воротах дворца, который встал из земли и зацепился за облака, а на двери были написаны такие стихи:

Я жилище, что строилось для веселья,
Суждено мне весь век служить наслажденью,
Водоём посреди меня полноводный,
Его воды прогонят все огорченья.
Расцветают вокруг меня анемоны,
Розы, мирты, нарцисса цвет и ромашки.

И когда мы подошли к двери, старуха постучала, и нам открыли, и мы вошли и оказались в проходе, устланном коврами, где висели зажжённые светильники и стояли рядом свечи, и там были драгоценные камни и самоцветы. И мы прошли по проходу и вышли в помещение, которому не найти равного, и оно было устлано шёлковыми подстилками, и увешано зажжёнными светильниками, и там было два ряда свечей. А на возвышении стояло ложе из можжевельника, выложенное жемчугом и драгоценными камнями, а на ложе был атласный полог с застёжками, и не успели мы опомниться, как из полога вышла молодая женщина, и я взглянула на неё, о повелитель правоверных, и вижу – она совершеннее луны в полнолуние, и лоб её блестит, как сияющее утро, подобно тому, как поэт сказал о ней:

Достойна ты кесарских дворцов и похожа
На скромниц, что во дворце Хосроев живёт.
Румяных ланит своих являешь ты знамения,
О, прелесть тех дивных щёк, как кровь змеи алых!

О гибкая, сонная, с глазами столь томными!
Красою и прелестью ты всей обладаешь!
И кажется, прядь волос твоих на челе твоём –
Ночь горя, сошедшая на день наслажденья.

И женщина спустилась с ложа и сказала мне: «Добро пожаловать, приют и простор дорогой и почтённой сестре, тысячу раз добро пожаловать! – и произнесла такие стихи:

Коль ведать бы мог наш дом, кто ныне вошёл в него,
Он рад бы и счастлив был и ног лобызать бы след.
Сказал бы язык его тогда и воскликнул бы:
«Приют и уют всем тем, кто щедр был и милостив».

Потом она села и сказала мне: «О сестрица, у меня есть брат, и он увидел тебя на какой-то свадьбе или на празднике (а он юноша красивее меня), и его сердце полюбило тебя сильной любовью, так как ты обладаешь наиполнейшей долей совершенств и достоинств, и он прослышал, что ты госпожа твоего рода, а он также глава своего рода, и ему захотелось свить твою верёвку со своею. Он пошёл на эту хитрость, чтобы я встретила с тобою, и он желает взять тебя в жены по обычаю, установленному Аллахом и его посланником, а в дозволенном нет срама». И, услышав её слова, я увидела, что попала в этом доме, и ответила женщине: «Слушаю и повинуюсь!»

Тогда она обрадовалась и захлопала в ладоши, и открылась дверь, и вошёл юноша, прекрасный молодостью, в чистых одеждах, стройный станом, красивый, блистающий и совершенный, нежный и изящный, с бровью, как лик стрелка, и глазами, похищающими сердца дозволенными чарами, как сказал о нем поэт:

Своим ликом как лик луны он сияет,
Следы счастья блещут на нем, словно жемчуг.

А также достойны Аллаха слова сказавшего:

Явился он, о прекрасный, хвала творцу!
Преславен тот, кем он создан столь стройным был!
Все прелести он присвоил один себе
И всех людей красотой ума лишил,

Начертано красотой вдоль щёк его:
Свидетель я – нет красавца, опричь его!

И когда я на него посмотрела, моё сердце склонилось к нему, и я полюбила его, и он сел около меня, и мы немного поговорили, а потом женщина захлопала второй раз, и вдруг открылся чуланчик и из него вышел судья и четыре свидетеля, и они поздоровались и сели, и я написала мою брачную запись с юношей, и они ушли. И тогда юноша обратился ко мне и сказал: «Благословенный вечер!» – а потом он добавил: «О госпожа моя, я поставлю тебе условие». – «О господин мой, а что это за условие?» – спросила я. И он поднялся и принёс мне список Корана и сказал: «Поклянись, что ты ни на кого не взглянешь, кроме меня, и не будешь ни к кому иметь склонности!» И я поклялась в этом и юноша очень обрадовался и обнял меня, и любовь к нему целиком охватила моё сердце. И нам подали накрытую скатерть, и мы ели и пили, пока не насытились, и пришла ночь, и юноша взял меня и лёг со мною на постель, и мы провели ночь до утра в поцелуях и объятиях.

Мы прожили так в радости и наслаждении месяц, а через месяц я попросилась у него пойти на рынок и купить кое-что из тканей, и он разрешил мне пойти, и я завернулась в изар и взяла с собою ту старуху и девушку и пошла на рынок. И я села возле лавки молодого купца, которого знала старуха, и она сказала мне: «Это молодой мальчик; у него умер отец и оставил ему много денег, и у него есть разные товары, и что ты ни спросишь, все у него найдёшь. Ни у кого на рынке нет тканей лучше, чем у него». Потом она сказала ему: «Подай самые дорогие ткани, какие у тебя есть для этой госпожи», – и он ответил: «Слушаю и повинуюсь!» И старуха принялась его расхваливать, а я сказала: «Нам нет нужды в похвалах ему: мы хотим взять у него то, что нам нужно, и возвратиться в наше жилище. Подай нам то, что мы требовали, а мы выложим ему деньги». Но купец отказался что-либо взять и сказал: «Это вам сегодня принадлежит, как моим гостям». – «Если он не возьмёт денег, отдай ему его материи», – сказала старуха, но купец воскликнул: «Клянусь Аллахом, я ничего не возьму от тебя! Все это мой подарок за один поцелуй. Он для меня лучше всего, что в моей лавке». И старуха промолвила: «Что тебе пользы от поцелуя? – а потом сказала: Ты слышала, дочь моя, что сказал юноша? С тобой ничего не случится, если он получит от тебя поцелуй, а ты заберёшь то, что искала». – «Не Знаешь разве ты, что я дала клятву?» – ответила я, но старуха сказала: «Дай ему тебя поцеловать, а сама молчи; ты не будешь ни в чем виновата и возьмёшь эти деньги».

Она до тех пор расписывала мне это дело, пока я не согласилась. А потом я закрыла глаза и прикрылась от людей концом изара, а юноша приложил под изаром рот к моей щеке и, целуя меня, сильно меня укусил, так что вырвал у меня на щеке кусок мяса, и я лишилась чувств. И старуха положила меня к себе на колени, и, когда я пришла в себя, я увидела, что лавка заперта, а старуха проявляет печаль и говорит: «Аллах пусть отвратит худшее!» Потом она сказала мне: «Пойдём домой, укрепи свою душу, чтоб не быть опозоренной, а когда придёшь домой, ложись и притворись, что заболела, и накинь на себя покрывало, а я принесу тебе лекарство, и ты вылечишь этот укус и скоро выздоровеешь».

Через некоторое время я поднялась, будучи в крайнем раздумье, и меня охватил

сильнейший страх, и я пошла и мало-помалу дошла до своего дома и прикинулась больной.

И когда наступила ночь, вдруг входит мой муж и говорит: «Что с тобой случилось в эту прогулку, о госпожа моя?» – «Я нездорова, у меня болит голова», – сказала я, и он посмотрел на меня и зажёл свечу и приблизился ко мне и спросил: «Что это за рана у тебя на щеке, да ещё на мягком месте?» И я отвечала: «Когда я отпросилась и пошла сегодня купить тканей, меня прижал верблюд вязанкой дров, и она разорвала мне покрывало и, как видишь, поранило мне щеку; ведь дороги в этом городе узкие». – «Завтра я пойду к правителю и скажу, чтобы он повесил всех дровосеков в городе!» воскликнул мой муж. А я сказала: «Ради Аллаха, не бери на себя греха за когонибудь! Я ехала на осле, он споткнулся, и я упала на Землю и налетела на кусок дерева и ободрала щеку и поранила себя». – «Завтра я увижу Джафара Бармакида и расскажу ему эту историю, и он убьёт всех ослятников в этом городе», – воскликнул мой муж. А я сказала: «Ты хочешь всех погубить из-за меня, но то, что со мной случилось, было суждено и предопределено Аллахом». – «Это неизбежно должно быть!» – вскричал он, и был настойчив и поднялся на ноги, и я рассердилась и грубо заговорила с ним.

Тогда, о повелитель правоверных, он все понял и сказал: «Ты нарушила клятву!» И он издал громкий крик, и дверь распахнулась, и вошли семь чёрных рабов, и мой муж приказал им, и они стащили меня с постели и бросили посреди дома. И одному рабу муж велел взять меня за плечи и сесть в головы, и другому сесть мне на колени и схватить меня за ноги, а третий подошёл с мечом в руках и сказал ему: «О господин мой, я ударю её мечом и разрежу пополам, и каждый возьмёт по куску и бросит в реку Тигр, чтобы её съели рыбы. Таково воздаяние тем, кто неверен клятвам любви!» И гнев моего мужа ещё усилился, и он произнёс такие стихи:

«Коль буду делить любовь любимого с кем-нибудь,
Я душу любви лишу, хотя я погиб в тоске.
И ей, о другая, скажу: «Умри благородною!
Нет блага в любви, когда ты делишь с другим её».

Потом он сказал рабу: «Ударь её, о Сад», – и когда раб услышал это, он сел на меня и сказал: «О госпожа, произнеси исповедание веры и скажи нам, какие есть у тебя желания; сейчас конец твоей жизни». И я сказала ему: «О добрый раб, дай мне ненадолго сроку, чтобы завещать тебе», – и подняла голову и посмотрела, в каком я состоянии и в каком унижении после величия, и мои слезы побежали, и я горько заплакала, и мой муж посмотрел на меня взором гнева и произнёс:

«Гой скажи, что пресыщена и жестока,
Кто избрала других в любви, нам в замену:
«Ты наскучила раньше нам, чем тебе мы,
И довольно того уж с нас, что случилось».

И услышав это, о повелитель правоверных, я заплакала и посмотрела на него и произнесла такие стихи:

«Решили расстаться вы с любовью моей, и вот
Сидите спокойно вы, глаза мои сна лишив.
Связали вы дружбою мой глаз и бессонницу,
Без вас не утешится душа и не скрыть мне слез.

Ведь вы обещали мне, что верными будете,
Но, лишь овладев душой моей, обманули вы.
Ребёнком влюбилась я, не зная любви ещё,

Так дайте же жить вы мне – теперь научилась я.

Аллахом прошу, когда умру я, на гробовой
Доске напишите вы: «Здесь тело влюблённой».
Быть может, тоскующий, познавший любви печаль,
Пройдет близ могилы той и жалость почувствует».

И, окончив говорить, я заплакала, а мой муж, услышав это и видя, что я плачу, ещё больше разгневался и произнёс:

«Любимого бросил я не от пресыщения –
Напротив, свершил он грех, приведший к разлуке нас.
В любви пожелал придать он мне сотоварища.
А вера души моей не знает товарищей».

Когда же он окончил эти стихи, я стала плакать и умолять его и сказала про себя: «Обману его словами: может быть, он избавит меня от смерти, хотя бы даже взял все, что я имею». И я пожаловалась ему на то, что чувствую, и произнесла такие стихи:

«Когда б справедлив ты был, клянусь, не убил бы ты
Меня, по разлуки суд всегда ведь пристрастен.
Заставил меня нести ты бремя любви, но я
Слаба и бессильна так, что платье ношу едва».

И я не тому дивлюсь, что гибну, – дивлюсь тому,
Как тело моё узнать возможно, когда вас нет».

И окончив эти стихи, я заплакала, а мой муж посмотрел на меня, и стал кричать и ругать меня, и произнёс такие стихи:

«От нас отвлеклись совсем, сдружившись с другими, вы
И явно нас бросили – не так поступили мы.
Но вот мы оставим вас, как вы нас оставили,
И будем терпеть без вас, терпели как вы без нас».

Займёмся другими мы, раз вы занялись другим,
Но связи разрыв мы вам припишем, никак не нам».

И, окончив свои стихи, он закричал на раба и сказал ему: «Разруби её пополам и избавь нас от неё: нам нет в ней никакого проку». И пока мы спорили стихами, о повелитель правых (а я была убеждена, что умру, и отчаялась остаться в живых и вручила своё дело Аллаху великому), вдруг вошла та старуха и бросилась в ноги юноше и поцеловала их и заплакала и сказала: «О дитя моё, ради того, что я тебя воспитала и ходила за тобой, прости эту женщину! Она не совершила проступка, который требовал бы всего этого! А ты – человек молодой, я боюсь за тебя, если ты совершишь против неё грех; ведь сказано: всякий убийца будет убит. И что такое эта грязная женщина? Оставь её и выкинь из ума и сердца». И она заплакала и до тех пор приставала к нему, пока он не согласился и не сказал: «Я прощаю её, но я непременно должен оставить след, который был бы виден на ней всю остальную её жизнь».

Он приказал рабам, и они потащили меня и положили в растяжку, предварительно сняв с меня одежды, и сели на меня, а потом юноша поднялся и принёс ветку айвы я стал наносить мне ею удары по телу, и до тех пор бил меня по спине и бокам, пока я не лишилась

сознания от сильных ударов и не отчаялась остаться живой. Он велел рабам, когда наступила ночь, унести меня и взять с собою старуху, которая проведёт их к моему дому, и бросить меня в тот дом, где я жила раньше. И рабы сделали так, как приказал им их господин, и кинули меня в моем доме и ушли, а я пробыла без сознания, пока не засияло утро.

И стала я осторожно лечить себя мазями и лекарствами и вылечила своё тело, но ребра у меня остались точно побитые плетью, как ты видишь. И я пролежала больная и брошенная на постель, леча себя в продолжение четырех месяцев, пока не очнулась и не поправилась. Я пошла к тому дому, где со мной все это случилось, и оказалось, что он развалился, а переулок я нашла разрушенным от начала до конца, и дом стал куче мусора, и я не знала, что случилось. И я пришла к моей сестре, вот этой, что от моего отца, и нашла у неё этих двух чёрных собак, и я приветствовала её и рассказала, что со мной произошло, и все, что случилось, и она сказала мне: «О сестрица, кто же спасся от превратностей судьбы? Слава Аллаху, что дело окончилось спасением». И она произнесла:

«Всегда такова судьба – так будь терпеливым к ней,
Когда пострадаешь ты в деньгах иль в делах любви».

Потом она рассказала мне о себе и о том, что у неё случилось с двумя её сёстрами и чем это для неё кончилось, и я стала жить с нею. А затем к нам присоединилась эта женщина, закупщица, и она каждый день выходит и покупает нам те припасы, которые нам нужны на день и на вечер, и мы пробыли в таком положении до той самой ночи, что миновала. И наша сестра вышла, по обычаю, кое-что нам купить, и с нами случилось то, что случилось благодаря приходу носильщика и этих трех календеров. Мы поговорили с ними и ввели их к нам и оказали им уважение, и когда прошла лишь небольшая часть ночи, мы встретили трех почтённых купцов из Мосула, и они рассказали нам свою историю, и мы поговорили с ними и поставили им условие, а они нас ослушались. Но мы хороню отнеслись к ним и расспросили их, что с ними случилось, и они рассказали нам свою историю, и мы их простили, и они ушли от нас. А сегодня мы не успели опомниться, как уже оказались перед тобой. Вот наша история».

И халиф удивился этому рассказу и велел его записать и хранить его в сокровищнице...»

И Шахразад устало застывало утро, и она прекратила дозволенные речи.

Девятнадцатая ночь

Когда же настала девятнадцатая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что халиф приказал записать эту историю в канцеляриях и хранить её в казне государства, а потом он сказал первой женщине: „Есть ли у тебя сведения об ифритке, которая заколдовала твоих сестёр?“ – „О повелитель правоверных, – отвечала женщина, – она дала мне несколько своих волос и сказала: „Когда ты захочешь, чтобы я явилась, сожги из этих волос один волосок, и я быстро явлюсь к тебе, даже если бы я была за горой Каф“. – «Принеси мне волосы», – сказал халиф.

И женщина принесла их, и халиф сжёг волосок, и все услышали гуденье и треск, и вдруг появилась та джинния, а она была мусульманка. И она сказала: «Мир тебе, о преемник Аллаха!» И халиф отвечал: «И с вами мир и милость Аллаха и благословение его?» А джинния сказала: «Знай, что эта женщина оказала мне милость, и я не могу ей воздать за неё. Она спасла меня от смерти и убила моего врага, а я увидела, что с ней сделали её сестры, и сочла нужным отомстить им и заколдовала их в собак, после того как я хотела убить их, но побоялась, что это будет ей тяжело. А теперь, если тебе хочется освободить их, о повелитель правоверных, я их освобожу, в уважение тебе и ей, – я ведь принадлежу к мусульманам». – «Освободи же их, – сказал халиф, – а потом мы примемся за дело этой избитой женщины и

расследуем её историю, и если мне станет ясно, что она сказала правду, я отомщу за неё тому, кто её обидел». И ифритка сказала: «О повели геть правоверных, вот я освобожу их и укажу тебе, кто совершил это и обидел её и взял её деньги. Это самый близкий тебе человек».

Потом ифритка взяла чашку воды и произнесла над ней заклинания и проговорила слова, которых нельзя понять, а затем брызнула в морду собакам и сказала: «Вернитесь в ваш первоначальный человеческий образ» – и они снова приняли тот образ, который имели. И после этого ифритка сказала: «О повелитель правоверных, тот, кто побил эту женщину, – твой сын аль-Амин, брат аль-Мамуна³⁹. Он услышал об её красоте и прелести, и, расставив ей ловушку, взял её в жены дозволенным образом. На нем нет вины, что он её побил; он поставил ей условие и взял с неё великие клятвы, что она ничего не сделает, и он думал, что она нарушила клятву, и хотел её умертвить, но убоился великого Аллаха и избил её этими ударами и вернул её на её место. И такова история второй девушки, а Аллах лучше знает».

И, услышав слова ифритки и узнав о причине избиения женщины, халиф пришёл в полное удивление и воскликнул: «Да будет прославлен Аллах высокий, великий, который ниспослал мне это и освободил этих двух девушек от колдовства и мучения и даровал мне историю этой женщины! Клянусь Аллахом, я совершу дело, которое будет после меня записано!»

Он позвал к себе своего сына аль-Амина и спросил его об истории второй женщины, и аль-Амин рассказал ему все. А после этого халиф призвал судей и свидетелей и велел привести трех календеров и первую женщину и со двух сестёр, тех, что были заколдованы, и выдал всех трех замуж за трех календеров, которые рассказывали, что они сыновья царей, и сделал их своими придворными, и дал им все, в чем они нуждались, и назначил им жалованье и поселил их в Багдадском дворце. А побитую женщину он вернул своему сыну аль-Амину, и возобновил его брачную запись с нею, и дал ей много денег, приказав отстроить тот дом ещё лучше, чем он был. И халиф женился на закупщице и проспал с нею ночь, а наутро отвёл ей помещение и невольниц, чтобы прислуживать ей, и назначил ей помесячные выдачи и предоставил ей жилище среди своих наложниц. Народ дивился великодушию халифа, кротости его души и его мудрости, и после того халиф приказал записать все их истории».

И Дуньязада сказала своей сестре Шахразаде: «О сестрица, клянусь Аллахом, это хорошая и красивая сказка, равной которой никогда не было слыхано, но расскажи мне другую историю, чтобы мы могли провести остаток этой бессонной ночи». – «С любовью и охотой, если позволит мне царь!» – ответила Шахразада, и царь воскликнул: «Рассказывай свою историю и поторапливайся!»

Рассказ о трех яблоках (ночи 19-20)

Шахразада сказала: «Говорят, о царь времени и владыка веков и столетий, что халиф Харун арРашид призвал однажды ночью своего везира Джафара и сказал ему: „Я хочу спуститься в город и расспросить народ о поведении властвующих правителей, и всякого, на кого пожалуются, мы отставим, а кого похвалят, того наградим“. – „Слушаю и повинуюсь!“ – ответил Джафар, и халиф с Джафаром и Масруром спустились и прошли через весь город и стали ходить по улицам и по рынкам. Они проходили по какому-то переулку и увидели глубокого старика, на голове которого были сеть и корзина, а в руках – палка. И он шёл не торопясь и говорил такие стихи:

³⁹ Аль-Амин – сын и наследник Харуна ар-Рашида, правил с 809 по 813 год, когда был низложен своим братом – Мамуиоч. Царствование последнего, продолжавшееся до 833 года, является одною из блестящих эпох истории арабского халифата.

«Они говорят мне: «Средь прочих людей
Сияешь ты знанием, как лунная ночь».
А я им: «Избавьте от ваших речей!
Ведь ценится знание лишь с властью всегда».

И если б хотели меня заложить,
С чернилом, тетрадью и знанием моим,
За пищу дневную, – достичь не могли б
Принять залога до будущих дней.

А что до несчастных и бедных людей,
Печальна и пасмурна жизнь бедняка!
Как лето – не может он пищи найти,
Зимою жаровня лишь греет его.

Бегут на него придорожные псы,
И всякий презренный ругает его.
Когда же он сетует в горе мужам,
Никто среди тварей его не простит.

И если вся жизнь бедняка такова,
То лучшая доля в гробу его ждёт».

Услышав эти стихи, халиф сказал Джафару: «Посмотри на этого бедного человека и послушай его стихи! Они указывают, что он нуждается».

И халиф подошёл к нему и спросил: «О старец, каково твоё ремесло?» И старец ответил: «О господин мой, я рыбак, и у меня есть семья, и я вышел из дому в полдень, и до этого времени Аллах не уделил мне ничего на пропитание моей семьи. И я почувствовал отвращение к самому себе и пожелал смерти». – «Не хочешь ли возвратиться с нами к реке? – спросил халиф. – Встань на берегу Тигра и закинь твою сеть на моё счастье, и что ни вытянешь, я куплю это у тебя за сто динаров».

И рыбак обрадовался, услышав эти слова, и воскликнул: «Повинуюсь! Я вернусь с вами!»

И он возвратился с ними к реке и закинул сеть и подождал, а потом он потянул за верёвку и вытащил сеть, и в сети оказался запёртый сундук, тяжёлый весом. И халиф, увидав сундук, потрогал его и нашёл его тяжёлым и дал рыбаку сто динаров, и тот ушёл, а Масрур с везирем взяли сундук и принесли его во дворец. И они зажгли свечи (а сундук стоял перед халифом), и Джафар с Масруром подошли и взломали сундук, и в нем оказалась корзина из пальмовых листьев, зашитая красными шерстяными нитками. И они разрезали корзину и увидели в ней кусок ковра, а когда ковёр подняли, под ним нашли изар, а в изаре молодую женщину, подобную слитку серебра, убитую и разрубленную.

И когда халиф увидел её, он опечалился, и слезы потекли по его щекам, и он сказал, обратившись к Джафару: «О собака среди везирей! Людей убивают в моё время и бросают в реку, и это будет на моей ответственности в день воскресения. Я непременно возьму должное с того, кто убил эту женщину, и умерщвлю его зловещей смертью!» И продолжал: «Клянусь связью моего рода с халифами из сыновей аль-Аббаса, если ты не приведёшь мне того, кто её убил, чтобы я мог справедливо воздать ему за это, я непременно тебя повешу на воротах моего дворца, – тебя и сорок твоих родственников!»

И халиф сильно разгневался, а Джафар вышел и спустился в город, печальный, и говорил про себя: «Откуда мне узнать, кто убил эту женщину, чтобы привести убийцу к халифу? А если я приведу другого, это будет на моей ответственности. Не знаю, что мне и делать!»

И Джафар просидел у себя в доме три дня, а на четвёртый день халиф прислал к нему одного из придворных, требуя его; и Джафар пошёл к халифу, и тот спросил его: «Где убийца женщины?» – «О повелитель правоверных, не надсмотрщик я за убитыми, чтобы мне знать её убийцу», – сказал Джафар. И халиф рассердился и приказал повесить его у своего дворца, а глашатаю он велел кричать на улицах Багдада: «Кто хочет посмотреть, как будут вешать Джафара Бармакида, везиря халифа, и сорок Бармакидов из его родственников на воротах халифского дворца, тот пусть выйдет и посмотрит!»

И из всех улиц вышли люди посмотреть на казнь Джафара и его родных, и они не знали, за что их вешают. И построили виселицу и поставили их под нею, чтобы их повесить, и стали ждать разрешения халифа (а знаком был взмах платка халифа), и люди плакали по Джафару и его родственникам.

И в это время вдруг появился юноша, прекрасный видом и чисто одетый, с лицом как месяц и глазами словно у гурии, с сияющим лбом и румяными щеками, с молодым пушком и родинкой, словно кружок амбры, и он до тех пор расталкивал народ, пока не оказался перед Джафаром.

«Да будешь ты спасён от того, чтобы стоять здесь, о господин эмиров и убежище бедных! – воскликнул он. – Я тот, кто убил ту, которую мёртвой вы нашли в сундуке! Повесь же меня за неё и возьми с меня должное!»

И Джафар, услышав речь юноши и сказанные им слова, обрадовался своему освобождению и опечалился За юношу; и пока они разговаривали, вдруг видят – дряхлый старец, далеко зашедший в годах, расталкивает людей и проходит сквозь толпу. Он подошёл к Джафару и юноше и приветствовал их и (казал: «О везирь и высокий господин, не верь словам, которые говорит этот юноша! Поистине, никто не убил этой женщины, кроме меня! Воздай же мне за неё должное, или я потребую у тебя ответа перед лицом Аллаха великого, если ты этого не сделаешь!» Но тут юноша сказал: «О везирь, это дряхлый старец, выживший из ума, он не знает, что говорит. Я её убил! Возьми с меня за неё должное». – «О дитя моё, – сказал старец, – ты молод и жаждешь благ жизни, а я старик и утомлён жизнью. Я выкуплю тебя своей душой и выкуплю везиря и его родных. Никто не убивал эту женщину, кроме меня! Заклинаю тебя Аллахом, поторопись меня повесить! Для меня нет жизни после неё!»

И везирь, услышав это, изумился и, взяв с собою юношу и старика, поднялся с ними к халифу и поцеловал перед ним землю и сказал: «О повелитель правоверных, мы привели убийцу женщины». – «Где же он?» – спросил халиф. И Джафар ответил: «Этот юноша говорит, что он и есть убийца, а этот старик уверяет, что юноша лжёт, и говорит, что убил он. Вот они оба перед тобою».

И халиф посмотрел на юношу и старца и спросил: «Кто из вас убил женщину?» – «Я», – ответил юноша. Но старец вскричал: «Никто не убил её, кроме меня!» «Возьми их обоих и повесь», – сказал тогда халиф Джафару, но тот возразил: «Если убил один из них, то повесить другого будет несправедливо». – «Клянусь тебе тем, кто возвысил небеса и простёр землю, – я убил эту женщину», – сказал юноша и изложил обстоятельства убийства и описал то, что нашёл халиф в корзине, и халифу стало ясно, что именно юноша убил женщину.

И он удивился истории этих двоих и сказал: «По какой причине ты убил эту женщину, не имея права, и почему ты признался в убийстве, хотя тебя не били, и сам пришёл сюда и сказал: „Воздайте мне за неё должное!“?» – «Знай, о повелитель правоверных, – сказал юноша, что эта женщина – моя жена и дочь моего дяди, а этот старик – её отец, и он мой дядя. Я женился на ней, когда она была невинна, и Аллах наделил меня от неё тремя детьми мужского пола, и она любила меня и ходила за мной, и я не видал от неё дурного и тоже любил её великой любовью. И когда пришло начало этого месяца, она сильно заболела, и я призвал к ней врачей, и здоровье стало понемногу к ней возвращаться; и я захотел свести её в баню, но она сказала: „Мне чего-то хочется перед баней, и я очень этого хочу“. – „Слушаю и повинуюсь, – сказал я, – что же это такое?“ – „Мне хочется яблока, – сказала она, – я понюхаю его и откушу от него кусочек“.

И я тотчас же пошёл в город и стал искать яблок, но не нашёл их, и если бы штука стоила целый динар, я бы, наверное, купил. Это было для меня тягостно, и я пошёл домой и сказал моей жене: «О дочь моего дяди, клянусь Аллахом, я не нашёл ничего». И она расстроилась, будучи больна, и её болезнь в этот вечер очень усилилась.

И я провёл эту ночь в размышлениях, а когда настало утро, я вышел из дому и стал обходить сады один за другим, но не нашёл яблок. Мне повстречался старый садовник, и я спросил его о яблоках, и он сказал мне: «О дитя моё, это теперь редко найдёшь, и яблок нету. Их можно найти только в саду повелителя правоверных, что находится в Басре, и они у садовника, который бережёт их для халифа».

И я пошёл домой, и моя любовь и привязанность побудили меня собраться в путь, и я пропутешествовал туда и назад пятнадцать суток, ночью и днём, и принёс ей три яблока, которые я купил у басрийского садовника за три динара. И я вошёл и подал их жене, и она обрадовалась и оставила их около себя, и её болезнь и лихорадка усилились, и она все время хворала, пока не прошло десять дней, и после этого она выздоровела.

И я вышел из дому и отправился к себе в лавку и сидел за продажей и покупкой; и когда я сидел так, в полдень вдруг проходит мимо меня чёрный раб, а в руках у него яблоко из тех трех яблок, и он им играет. «О добрый раб, – спросил я его, – скажи, откуда ты взял это яблоко, чтобы и я мог достать такое же?» И раб засмеялся и ответил: «Я взял его у моей возлюбленной. Я отсутствовал и приехал и нашёл её больной, и у неё было три яблока, и она сказала мне: „Мой муж, этот рогатый, ездил ради них в Басру и купил их за три динара“. И я взял у неё это яблоко».

И когда я услышал слова раба, о повелитель правоверных, мир стал чёрен в моих глазах. И я встал, запер лавку и пришёл домой, лишившись рассудка от сильной ярости, и посмотрел на яблоки и нашёл только пару и спросил жену: «Где третье?» И она ответила: «Не знаю и не ведаю!» И тогда я убедился в истинности слов раба, и взял нож и – подошёл к моей жене сзади, не заговаривая с нею, и сел ей на грудь и перерезал ей ножом горло. И я отделил её голову от тела и поспешно положил её в корзину и покрыл изаром, а потом я зашил корзину и, накрыв её куском ковра, положил её в сундук и увёз её на своём муле и своей рукой бросил её в Тигр.

Заклинаю тебя Аллахом, о повелитель правоверных, поторопись повесить меня, – я боюсь, что она потребует от меня ответа в день воскресенья. И когда я бросил её в реку Тигр (а никто не узнал об этом), я увидел, что мой старший сын плачет (а он не знал, что я сделал с его матерью). «Что ты плачешь, дитя моё?» – спросил я его, и он сказал: «Я взял одно яблоко из тех, что были у матери, и пошёл с ним в переулочек поиграть с братьями, и вдруг высокий чёрный раб выхватил его у меня и спросил: „Эго откуда к тебе попало?“ „За ним ездил мой отец, – сказал я, – и привёз его из Басры для моей матери, которая больна, и он купил ей три яблока за три динара“. И раб взял яблоко и не обратил на меня внимания, а я повторил эти слова во второй раз и в третий, но раб не стал на меня смотреть и побил меня и унёс яблоко; и я испугался, что мать побьёт меня из-за яблока, и ушёл с братьями за город от страха, и нас застиг вечер, и я боюсь её. Заклинаю тебя Аллахом, батюшка, не говори ей ничего, – она станет ещё слабее, чем раньше».

И, услышав слова ребёнка, я понял, что этот раб выдумал ложь на дочь моего дяди, и убедился в том, что она убита безвинно. И я принялся горько плакать, и вдруг подошёл этот старец, мой дядя и её отец, и я рассказал ему о том, что случилось, и он сел со мной рядом и заплакал. И мы плакали до полуночи и принимали соболезнования пять дней, и по сегодняшней день мы печалимся о том, что я убил её безвинно. И все это произошло из-за раба, и вот почему она убита. Во имя твоих предков, поспеши убить меня, – для меня нет после неё жизни. Возьми же с меня за неё должное».

И халиф, услышав слова юноши, изумился и воскликнул: «Клянусь Аллахом, я никого не повешу, кроме этого проклятого раба, и я непременно совершу дело, которое исцелит страждущего и удовлетворит великого владыку...»

И Шахразад застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Двадцатая ночь

Когда же настала двадцатая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что халиф поклялся никого не вешать, кроме раба, так как юноша заслуживал оправдания, а потом халиф обратился к Джафару и сказал: „Приведи ко мне того проклятого раба, из-за которого совершилось это дело, а если не приведёшь, то будешь на его месте!“»

И Джафар спустился в город, плача и говоря себе: «Мне явились две смерти, и не всякий раз останется целый кувшин! В этом деле никак не изловчишься, но тот, кто меня спас в первый раз, спасёт меня и во второй раз! Клянусь Аллахом, я не буду выходить из дому три дня, а истинный бог сотворит, что пожелает!»

И Джафар провёл дома три дня, а на четвёртый день он призвал судей и свидетелей и простился, плача, со своими детьми; и вдруг пришёл к нему посланный от халифа и сказал: «Повелитель правоверных в сильнейшем гневе и послал за тобой. Он поклялся, что не пройдёт этот день, как ты будешь повешен».

И, услышав эти слова, Джафар заплакал, и его дети и рабы со всеми, кто был в доме, тоже заплакали, а покончив с прощанием, Джафар подошёл к своей младшей дочери, чтобы проститься с нею, так как он любил её больше всех других детей, и прижал её к груди и поцеловал её и заплакал о разлуке с нею.

И вдруг он почувствовал у неё за пазухой что-то круглое.

«Что это у тебя за пазухой?» – спросил он дочь. «О батюшка, – ответила она, – это яблоко, на котором написано имя господина нашего халифа. Его принёс наш раб Рейхан, и оно у меня уже четыре дня, и он отдал мне его, только взяв с меня два динара». И, услышав про этого раба и про яблоко, Джафар обрадовался и, сунув руку за пазуху своей дочери, вынул яблоко и узнал его и воскликнул: «Боже, о близкий помощник!»

И он велел привести раба, и тот явился, и Джафар сказал ему: «Горе тебе, Рейхан, откуда у тебя это яблоко?» – «Клянусь Аллахом, о господин мок, – отвечал раб, – если ложь спасает, то правда спасает и ещё раз спасает! Это яблоко я не украл ни из твоего замка, ни из замка его величества, ни из сада повелителя правоверных. Пять дней тому назад я проходил в городе по какому-то переулку и увидел малышей, которые играли, и у одного из них было это яблоко. Я выхватил его и побил ребёнка, а он расплакался и сказал: „О молодец, это яблоко моей матери; она больна и попросила у моего отца это яблоко, и он поехал за ним в Басру и привёз ей три яблока за три динара; и я украл у неё одно, чтобы поиграть с ним“. И он заплакал, но я не посмотрел на него и взял яблоко и пришёл сюда, и моя маленькая госпожа взяла его у меня за два динара золотом. Вот мой рассказ».

Услышав эту историю, Джафар удивился тому, что смятение и убийство женщины произошли из-за его раба, и опечалился, что раб имеет к нему отношение, но он был рад, что сам спасся, и произнёс такие стихи:

«И если в слуге тебя поразит несчастье, То сделай его за душу твою ты жертвой.

Ведь можешь найти ты слуг для себя немало, Души же другой найти для себя не можешь».

И он взял раба за руку и привёл его к халифу и рассказал ему его историю с начала до конца, и халиф пришёл в полное удивление и смеялся, пока не упал навзничь.

Он велел записать эту историю и пустить её в народ, и Джафар сказал ему: «Не дивись, о повелитель правоверных, этому рассказу, – он не удивительнее повести о везире Нур-ад-дине Али египетском и Шамс-ад-дине Мухаммеде, его брате». – «Подавайте – воскликнул халиф. – Какой рассказ удивительнее этого?» – «О повелитель правоверных, – сказал Джафар, – я расскажу её только с условием, что ты избавишь моего раба от казни». – «Если это будет удивительнее того, что случилось с нами, я подарю тебе его кровь, а если не будет удивительнее, я убью твоего раба», – молвил халиф.

Рассказ о везире Нур-ад-дине и его брате (ночи 20-24)

Знай, о повелитель правоверных, – начал Джафар, – что в минувшие времена был в земле египетской султан, справедливый и верный, который любил бедняков и проводил время с учёными; и у него был везирь, умный и опытный, сведущий в делах и управлении. Он был дряхлый старик и имел двух детей, подобных двум лунам, которым не было равных по красоте и прелести; и имя старшего было Шамс-ад-дин Мухаммед, а младшего звали Нур-ад-дин Али. И младший больше старшего выделялся красотой и прелестью, так что даже в некоторых странах прослышали о нем и приезжали в земли этого султана, чтобы посмотреть на его красоту.

И случилось так, что отец их умер, и султан опечалился о нем и обратил внимание на его детей, и приблизил их к себе, и наградил их, и сказал им: «Вы на месте вашего отца, пусть же не смущается душа ваша». И они обрадовались и поцеловали перед ним землю и принимали соблезнования по отцу до истечения месяца, а потом вступили в должность везиря, и власть оказалась в их руках, как была в руках их отца, и когда султан хотел путешествовать, один из них уезжал с ним.

И случилось в одну ночь из ночей (а ехать с султаном надо было старшему), что они разговаривали, и вот старший сказал младшему: «О брат мой, я хочу, чтобы мы с тобой женились в один вечер». – «Делай, что хочешь, о брат мой, я согласен с тем, что ты говоришь», – отвечал младший, и они согласились на этом, а потом старший сказал своему брату: «Если определит так Аллах, мы возьмём в жены двух девушек и войдём к ним в одну и ту же ночь, и они родят в один день, и если Аллах пожелает, твоя жена принесёт мальчика, а моя – девочку, и мы поженим их друге другом, и они станут мужем и женой». – «О брат мой, – спросил тогда Нур-ад-дин, – что ты возьмёшь от моего сына в приданое за твою дочь?» И Шамсад-дин отвечал: «Я возьму за мою дочь у твоего сына три тысячи динаров, три сада и три деревни, и если юноша составит брачную запись без этого – не будет хорошо». – «Что это за условие для приданого моего сына? – воскликнул Нур-ад-дин, услышав эти слова. – Не знаешь ты, что ли, что мы братья и что мы оба, по милости Аллаха, везири и занимаем одно и то же место? Тебе бы следовало предложить твою дочь моему сыну без приданого, а если уже приданое необходимо, назначить скольконибудь, напоказ людям. Ты же знаешь, что мужской пол достойней женского, а моё дитя мужского пола, и нас будут вспоминать из-за него в противоположность твоей дочери». – «А что же в ней плохого?» – спросил Шамс-аддин. И Нур-ад-дин сказал: «Нас не будут поминать ради неё среди эмиров. Но ты хочешь поступить со мной так же, как кто-то поступил с другим. Говорят, что кто-то пришёл к одному своему другу и обратился к нему с просьбой, и тот сказал: „Во имя Аллаха, мы удовлетворим твою просьбу, но только завтра“. И тогда просивший в ответ произнёс:

«Бывает, когда нужда до завтра отсрочена,
Понятливый знает уж, что прогнан бесславно он».

«Я вижу, ты дуришь и превозносишь своего сына над моей дочерью, – сказал ему Шамс-ад-дин. – Без сомнения, ты скудоумен и нет в тебе учтивости. Ты упоминаешь о разделении везирства, но я допустил тебя быть со мной везирем только из жалости к тебе, чтобы ты мне помогал и был мне пособником и чтобы не огорчить тебя. И раз ты говоришь подобные слова, клянусь Аллахом, я не отдам свою дочь за твоего сына, хотя бы ты дал столько золота, сколько она весит».

И Нур-ад-дин, услышав слова своего брата, рассердился и воскликнул: «Я тоже не женю своего сына на твоей дочери». Шамс-ад-дин сказал: «Я не соглашусь, чтобы он был её мужем! Если бы мне не надо уезжать, я бы проучил тебя как следует, но когда я вернусь из поездки, смотри! Я покажу тебе, чего требует моё достоинство!»

Услышав слова своего брата, Нур-ад-дин исполнился ярости, и все в мире исчезло для него, но он скрыл, что с ним происходит, и каждый из них провёл ночь в отдалении от другого. А когда настало утро, султан выступил в путь и поехал в Гизе⁴⁰ направляясь к пирамидам, и везирь Шамс-ад-дин сопровождал его.

Что же касается до его брата Нур-ад-дина, то он провёл эту ночь в наисильнейшем гневе, а когда наступило утро, он встал, совершил утреннюю молитву и отправился в свою сокровищницу и взял оттуда маленький мешок, который наполнил золотом. И он вспомнил слова своего брата и своё унижение перед ним и произнёс такие стихи:

«Постранствуй – в пути найдёшь замену покинутым.
Работай – ведь лишь в труде жизнь кажется сладкою,
Ни чести, ни счастья я не вижу на родине,
Лишь горе, – смени же край родной на чужбину ты.

Я вижу, что портится вода неподвижная:
Течёт копьё – вкусна она, когда ж не течёт – дурна.
Если бы не пряталась луна, то не стали бы
Всечасно искать её глаза наблюдающих»

Не выйдя из логова, не встретит добычи лев.
И только расставшись с луком, в цель попадёт стрела»
И золото, точно прах, лежит в своих россыпях,
А дерево райское на родине – как дрова.

Иное в чужой стране желанным является,
Иное в чужой стране даёт больше золота».

А окончив эти стихи, Нур-ад-дин приказал одному из своих слуг оседлать нубийского мула стёганым седлом (а это был мул пегий, со спиной высокой, словно возведённый купол, с золотым седлом и стремянами из индийской стали и с попоной, достойной Хосроев; и он походил на невесту, с которой сняли покрывало) и приказал положить на него шёлковый чепрак и молитвенный коврик, а мешок он повесил под коврик; и потом он сказал слугам и рабам: «Я хочу прогуляться за городом и поеду в сторону аль-Кальюбии;⁴¹ я проведу три ночи вне дома, и пусть никто из вас не следует за мною, у меня стеснение в груди». И он поспешно сел на мула, захватив с собою немного пищи, и выехал из Каира, направляясь в пустыню; и не настал ещё полдень, как он уже приехал в город Бельбейс. И он сошёл с мула и отдохнул и дал передохнуть мулу, и добыв в Бельбейсе немного пищи, съел её, а потом захватил из Бельбейса еды и корма для мула и направился в пустыню.

И когда наступила ночь, он уже въехал в город, называемый ас-Саидия⁴², и остался там на ночь и поел немного еды, а потом он положил под голову мешок, расстелил ковёр и лёг спать в помещении почтовой станции, и его одолевал гнев.

И он провёл ночь в этом месте, а когда настало утро, он сел на мула и погонял его, пока не прибыл в город Халеб⁴³, и остановился на каком-то постоялом дворе. И он провёл там

⁴⁰ Гизе – в средние века небольшой городок к западу от Каира; в настоящее время – предместье столицы Египта.

⁴¹ Аль-Кальюбия (точнее: аль-Кальюб) – город в десяти километрах к северу от Каира.

⁴² Бельбейс (Бильбис) и ас-Саидия – пункты остановки на пути из Каира в Сирию.

⁴³ Халеб (Алеппо) – город в Северной Сирии.

три дня и отдохнул и дал отдых мулу и погулял, а потом решил ехать дальше и сел на мула и выехал, не зная, куда направиться. И он ехал до тех пор, пока не достиг города Басры, сам того не зная, и остановился на постоялом дворе. И он снял с мула мешок и расстелил ковёр и отдал мула в сбруе привратнику, чтобы он поводил его. И привратник взял мула и стал его водить.

И случилось так, что везирь Басры сидел у окна своего дворца и увидел мула и пенную сбрую, которая была на нем, и решил, что это мул из свиты султана, на каких ездят везири или цари. И он стал думать об этом и пришёл в недоумение и сказал кому-то из своих слуг: «Приведи ко мне этого привратника».

И слуга пошёл и привёл привратника к везиру, и привратник выступил вперёд и поцеловал землю, и везирь (а он был глубокий старец) спросил привратника: «Кто владелец этого мула и каковы его приметы?» – «О господин мой, – отвечал привратник, – владелец этого чада – юноша, прекрасный чертами; он обладает величием и достоинством и принадлежит к детям купцов». Услышав эти слова привратника, везирь быстро поднялся и отправился на постоялый двор и приехал к юноше; и когда Нур-ад-дин увидел, что везирь направляется к нему, он поспешно встал и встретил его и поздоровался с ним. И везирь приветствовал его, и сошёл с коня и обнял Нур-ад-дина, и посадил его рядом с собой и сказал: «О дитя моё, откуда ты прибыл и чего ты хочешь?» – «О владыка, – отвечал Нур-ад-дин, – я прибыл из города Каира. Я был сыном тамошнего везиря, и отец мой переселился к милости Аллаха великого». И Нур-ад-дин рассказал везиру о том, что с ним случилось, от начала до конца, и добавил: «Я решил ни за что не возвращаться, пока не объеду все города и страны».

«О дитя моё, – сказал везирь, услышав его речи, – не слушайся своей души: ты ввергнешь себя в опасность. Земли в запустении, и я боюсь для тебя последствий злой судьбы».

Потом он положил мешок Нур-ад-дина на своего мула и, захватив чепрак и коврик, взял Нур-ад-дина с собой в свой дом. Он поселил его в нарядном помещении и оказал ему уважение и милость, и почувствовал к нему сильную любовь, и сказал ему: «О дитя моё, я стал старым человеком, и у меня нет детей мужского пола, но Аллах послал мне дочь, равную тебе по красоте. Я не допустил к ней многих женихов, но любовь к тебе запала мне в сердце; не согласишься ли ты взять мою дочь себе в служанки, чтобы она ходила за тобою, а ты был ей мужем? Если ты согласен на это, я пойду с тобою к султану Басры и скажу: „Вот сын моего брата“, – и приведу к тому, что ты будешь назначен везирем на моё место, а я сам стану сидеть дома; я старый человек».

Услышав слова везиря Басры, Нур-ад-дин опустил голову и сказал: «Слушаю и повинуюсь!» И везирь обрадовался и приказал своим слугам поставить ему еды и украсить большую приёмную комнату, где обычно справлялись свадьбы эмиров. Потом он собрал своих друзей и пригласил вельмож царства и басрийских купцов и, когда они явились, сказал им: «У меня был брат, везирь в египетских землях, и Аллах послал ему двух сыновей, а мне, как вы знаете, Аллах послал дочку. И мой брат завещал мне выдать мою дочь замуж за одного из его сыновей, и я согласился на это; и когда настало время выдавать дочку замуж, он прислал одного из своих сыновей, вот этого юношу, что присутствует здесь. И по прибытии его ко мне я решил написав его брачный договор с моей дочкой, и он войдёт в мой дом, так как он лучше, чем кто-нибудь чужой. А после этого если он захочет, то останется со мной, а если пожелает уехать, я отправлю его с моей дочерью к его отцу».

И все сказали: «Ты отлично решил!» – и посмотрели на юношу, и он им понравился, когда его увидели. И везирь призвал свидетелей и судей, и написали брачную запись, и зажгли куренья, и выпили сладкого питья, и побрызгали розовой водой, и ушли, а везирь велел своим слугам взять Нур-ад-дина и свести его в баню. И он дал Нур-ад-дину платье из своих собственных одежд и послал ему полотенца, чашки, курильницы и то, что ему было нужно; и когда Нур-ад-дин вышел и надел одежду, он стал подобен луне в четырнадцатую

ночь месяца. И, выйдя из бани, Нур-ад-дин сел на мула и ехал, не останавливаясь, до дворца везиря, и, войдя к везиру, поцеловал ему руки, и везирь приветствовал его...»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Двадцать первая ночь

Когда же настала двадцать первая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что везирь поднялся навстречу Нур-ад-дину и приветствовал его и сказал: „Войди сегодня вечером к твоей жене, а завтра я отправлюсь с тобою к султану, и я ожидаю для тебя от Аллаха всякого блага“. И Нур-ад-дин поднялся и вошёл к своей жене, дочери везиря.

Вот что было с Нур-ад-дином. Что же касается его брата, то он, путешествуя с султаном, отсутствовал некоторое время, а вернувшись, не нашёл брата. И он стал расспрашивать о нем слуг, и ему сказали: «В тот день, как ты уехал с султаном, он сел на мула, украсив его праздничной сбруей, и сказал: „Я еду в сторону аль-Кальюбии и пробуду в отсутствии день или два. Моя грудь стеснилась, пусть никто за мной не следует!“ И со дня его отъезда до сегодняшнего дня мы ничего о нем не слышали».

И Шамс-ад-дин расстроился из-за разлуки с братом и был сильно огорчён его исчезновением и сказал про себя: «Все это только из-за того, что я на него накричал в тот вечер! Он принял это к сердцу и уехал путешествовать. Непременно надо послать за ним следом!»

И он пошёл и осведомил об этом султана, и тот написал грамоты и послал почтовых гонцов к своим наместникам во всех землях, а Нур-ад-дин за те двадцать дней, что они отсутствовали, уехал в далёкие страны, и его искали, но не попали на слух о нем и вернулись.

И Шамс-ад-дин отчаялся найти брата и сказал: «Я преступил границы в своём разговоре с братом относительно брака наших детей. О, если бы этого не случилось! Все это произошло по моему малоумию и непредусмотрительности».

И через короткое время он посватался к дочери одного из каирских купцов и написал брачную запись и вошёл к своей жене. И случилось так, что ночь свадьбы Шамс-ад-дина и его жены была той ночью, когда Нур-ад-дин вошёл к своей жене, дочери везиря Басры, – и это произошло по воле Аллаха великого, дабы осуществился над тварями его приговор.

И стало так, как братья говорили: их жены понесли от них, и жена Шамс-ад-дина, везиря Каира, родила дочь, лучше которой не было видано в Каире, а жена Нур-ад-дина родила мальчика, прекраснее которого не видали в его время, как сказал о нем поэт:

О, как строен он! Волоса его и чело его
В темноту и свет весь род людской повергают.
Не кори его ты за родинку на щеке его:
Анемоны все точка чёрная отмечает.

А другой сказал:

Когда красу привели бы, чтоб с ним сравнить,
В смущенье бы опустила краса главу.

А если бы её спросили: «Видала ль ты Подобного?» – то сказала б: «Такого? Нет!»

И Нур-ад-дин назвал его Бедр-ад-дином Хасаном, и дед его обрадовался ему и устроил празднества и трапезы, достойные царских детей. А потом везирь Басры взял Нурад-дина и привёл его к султану, и Нур-ад-дин, подойдя, поцеловал перед ним землю. И был он красноречив, твёрд сердцем, прекрасен и милостив и произнёс такие стихи:

«Да будешь вечно счастлив ты, господин!
Да будешь жив, пока живут мрак и свет.
Когда зайдёт о помыслах речь твоих,
То пляшет время и рукоплещет рок».

И султан поднялся им навстречу и поблагодарил Нурад-дина за то, что он сказал, и спросил своего везиря: «Кто этот юноша?» И везирь рассказал ему его историю с начала до конца и сказал: «Это сын моего брата». – «Как же он сын твоего брата, а мы ничего о нем не слышали?» – спросил султан. И везирь сказал: «О владыка султан, у меня был брат, везирь в египетских землях, и он умер и оставил двух сыновей, и старший сел на его место везирем, а вот этот, его меньшей сын, прибыл ко мне. А я раньше поклялся, что выдам свою дочь только За него, и когда он приехал, я женил его на ней. Он юноша, а я стал дряхлым стариком, и мой слух сделался плох, и ослабла моя сообразительность, и я хотел бы от владыки нашего, султана, чтобы он поставил его на моё место. Это ведь мой племянник и муж моей дочери, и он достоин сана везиря, так как обладает верностью суждения и предусмотрительностью».

И султан посмотрел на Нур-ад-дина, который пришёлся ему по сердцу, и пожаловал ему то, чего хотел везирь. Он выдвинул его в везирстве и приказал дать ему великолепное платье, а кроме того, султан велел ему дать мула из своих личных и назначил ему выдачи и жалованье. И Нур-ад-дин поцеловал султану руку и отправился с тестем в своё жилище, и оба были до крайности обрадованы и говорили: «Это счастливый жребий новорождённого Хасана!» А потом, на следующий день, Нур-ад-дин пошёл к царю и поцеловал землю и произнёс:

«Будь же счастлив по-новому каждодневно
И успех знай, хоть строит враг тебе козни!
И да будут все дни твои вечно белы,
Дни тех же, кто враги тебе, – вечно черны!»

И султан приказал ему сесть на везирское место; и Нур-ад-дин сел и взялся за дела своей службы и стал разбирать случаи с людьми и их тяжбы, как делают обычно везири, – и султан смотрел на него и удивлялся его поступкам, и уму, и сообразительности, и распорядительности; и он полюбил его и приблизил к себе. А когда собрание разошлось, Нур-ад-дин пошёл домой и рассказал своему тестю о том, что было; и старик обрадовался. И Нур-ад-дин продолжал оставаться везирем и не покидал султана ни ночью, ни днём, и султан увеличил ему жалованье и пособия, так что обстоятельства Нур-ад-дина улучшились. И у него появились корабли, ездившие от его имени с товарами, и оказались рабы и невольники, и он возделал много имений, орошённых земель и садов.

А когда его сыну Хасану исполнилось четыре года, скончался старый везирь, отец жены Нур-ад-дина, и Нурад-дин устроил ему великолепный вынос и похоронил его. А после того Нур-ад-дин занялся воспитанием своего сына; и когда тот окреп и ему исполнилось семь лет, он призвал к нему учителя, и поручил ему научить его читать и дать ему образование и хорошо воспитать его. И учитель научил его читать и заставил усвоить полезное в знании, и Хасан повторял Коран в течение многих лет и становился все красивей и стройней, подобно тому, как сказано:

Вот луна, что в небе красы его полной сделалась,
С анемона щёк его солнце светит лучистое.
Красотой он всей целиком владеет, и кажется,
Что создания все красоту свою у него берут.

И учитель воспитал его во дворце его отца, и Хасан, с тех пор как вырос, не выходил из

дворца везиря.

И в один день из дней его отец, везирь Нур-ад-дин, взял его и одел в платье из числа роскошнейших одежд и, посадив на мула из числа лучших его мулов, отправился с ним к султану и ввёл его к нему. И царь посмотрел на Бедр-ад-дина Хасана, сына везиря Нур-ад-дина, который ему понравился, и полюбил его, а жители царства, когда Хасан проехал мимо них в первый раз, направляясь с отцом к царю, были поражены его красотой и сидели на его пути, выжидая, когда он поедет обратно, чтобы взглянуть на его красоту и прелесть и стройный стан, – как сказано:

Наблюдал однажды, ночной порой, звездочёт, и вдруг
Увидал красавца кичливого в одеждах.
И увидел он Близнецов, что щедро рассыпали
Чудеса красот, у него на теле блистающих.

Подарил Сатурн черноту ему его локонов
И от мускуса точки родинок на ланитах.
Яркий Марс ему подарил румянец ланит его,
А Стрелец бросал с лука век его стрелы метко.

Даровал Меркурий великую остроту ему,
А Медведица – та от взглядов злых охраняла,
И смутился тут звездочёт при виде красот его,
И упал он ниц, лобызая землю покорно.

И судья, увидев Хасана, пожаловал его и полюбил и сказал его отцу: «О везирь, следует и необходимо тебе всегда приводить его с собою!» И везирь отвечал: «Слушаю и повинуюсь!»

И Нур-ад-дин вернулся со своим сыном домой, и каждый день он поднимался с ним к султану.

А когда мальчик достиг пятнадцати лет, его отец, везирь Нур-ад-дин, заболел и призвал своего сына и сказал ему: «О дитя моё, знай, что здешний мир – обитель проходящая, а будущая жизнь вечна. Я хочу дать тебе коекакие наставления; пойми же, что я скажу тебе, и устрями на это свой разум».

И он принялся учить его хорошему обхождению с людьми и предусмотрительности, а потом Нур-ад-дин вспомнил брата и родные места и земли и заплакал о разлуке с любимыми и вытер слезы и произнёс такой стих:

«На разлуку вам жалуясь, что мы скажем?
А когда до тоски дойдём – где же путь наш?
Иль пошлём мы гонца за нас с изъяснением?
Но не может излить гонец жалоб страсти.

Иль стерпеть нам? Но может жить ведь влюблённый,
Потерявший любимого, лишь недолю.
Будет жить он в тоске одной и печали.
И ланиты зальёт свои он слезами.

О, сокрытый от глаз моих и ушедший,
Но живущий в душе моей неизменно,
Тебя встречу ль? И помнишь ли ты обет мой,
Что продлится, пока текут эти годы?

Иль забыл ты вдали уже о влюблённом,
Что довольно уже слез пролил, изнурённый?
Ах! Ведь если сведёт любовь нас обоих,
То продлятся упрёки наши не мало».

А окончив говорить стихи и плакать, он обратился к своему сыну и сказал: «Узнай, прежде чем я тебя оставлю, что у тебя есть дядя, везирь в Каире, которого я покинул и уехал без его согласия. Я хочу, чтобы ты взял свиток и записал то, что я тебе скажу».

И Бедр-ад-дин Хасан взял бумажный свиток и стал писать на нем, как сказал ему отец, и Нур-ад-дин продиктовал ему все, что с ним случилось, от начала до конца. И он записал для него время своей женитьбы и день, когда он вошёл к дочери везиря, а также время своего прибытия в Басру и встречи с везирем, и то, что ко дню кончины ему было меньше сорока лет. «И вот моё письмо к нему, и Аллах для него после этого мой преемник, – закончил он, а затем свернул бумагу и запечатал её и сказал: О дитя моё, Хасан, храни это завещание, ибо в этой бумажке указано твоё происхождение и род и племя, и если тебя постигнет какое-нибудь событие, отправляйся в Египет и спроси там о твоём дяде и узнай дорогу к нему и сообщи ему, что я умер на чужбине тоскующий».

И Бедр-ад-дин Хасан взял бумагу и свернул её и зашил в ермолку, между прокладкой и верхом, и намотал на неё тюрбан, плача о своём отце, с которым он расставался молодым. Нур-ад-дин сказал ему: «Я дам тебе пять наставлений. Первое из них: не знайся ни с кем – и спасёшься от зла, ибо спасение в уединении. Не посещай никого и не ведай ни с кем дел, – я слышал, как поэт говорил:

Уж не от кого теперь любви ожидать тебе,
И если обидит рок, не будет уж верен друг.
Живи ж в одиночестве и впредь никому не верь.
Я дал тебе искренний совет – и достаточно.

Второе: о дитя моё, не обижай никого, не то судьба тебя обидит. Судьба один день за тебя, один день против тебя, и земная жизнь – это заём с возвратом. Я слышал, как поэт говорил:

Помедли и не спеши к тому, чего хочешь ты,
И к людям будь милостив, чтоб милость к себе пришла.
Над всякой десницею десница всевышнего,
И всякий злодей всегда злодеем испытан был.

Третье наставление: блюди молчание, и пусть твои пороки заставят тебя забыть о пороках других. Сказано: кто молчит – спасётся, – а я слышал, как поэт говорил:

Молчанье красит, безмолвие охраняет нас,
А уж если скажешь – не будь тогда болтливым.
И поистине, если, раз смолчав, ты раскаешься,
То во сказанном ты раскаешься многократно»

Четвёртое: о дитя моё, предостерегу тебя, – не пей вина. Вино – начало всякой ему, вино губит умы. Берегись, берегись, не пей вина, ибо я слышал, как поэт говорил:

Вино я оставил и пьющих его
И стал для хулящих его образцом.
Вино нас сбивает с прямого пути,
И рту отворяет ворота оно.

Пятое наставление: о сын мой, береги деньги, и они сэберегут тебя; храни деньги – они сохранят тебя. Не трать без меры – будешь нуждаться в ничтожнейшем из людей. Береги дирхемы – это целительная мазь, ибо я слышал, как кто-то говорил:

Коль деньги мои скудны, никто не дрожит со мной,
А если побольше их – все люди друзья мне.
Как много друзей со мной за щедрость в деньгах дружат
И сколько, когда их нет, меня оставляют!»

И Нур-ад-дин не переставал учить своего сына Бедр-аддина Хасана, пока не вознёсся его дух; и печаль поселилась в его доме, и султан горевал о нем и все эмиры. И его похоронили.

А Бедр-ад-дин пребывал в печали по своему отцу в течение двух месяцев, не садясь на коня, не поднимаясь в диван и не встречаясь с султаном.

И султан разгневался на него и назначил на его меси) кого-то из придворных и посадил его везирем и приказал ему опечатать дома Нур-ад-дина, его владенья и поместья; и новый везирь принялся опечатывать все это и решил схватить его сына, Бедр-ад-дина Хасана, и отвести его к султану, чтобы тот поступил с ним согласно своему решению.

А среди войска был невольник из невольников покойного везиря, и, услышав об этом событии, он погнал своею коня и поспешно прибыл к Бедр-ад-дину Хасану, коюрого он нашёл сидящим у дверей своего дома, с печально опущенной головой и с разбитым сердцем. И невольник сошёл с коня перед Бедр-ад-дином, поцеловал ему руку и сказал: «О господин мой и сын моего господина, скорее, скорее, пока не постиг тебя рок!» И Бедр-ад-дин встревожился и спросил: «Что случилось?» И невольник сказал: «Султан на тебя разгневался и велел схватить тебя, и беда идёт к тебе за мною! Спасай же свою душу!» – «Есть ли у меня ещё время войти в дом и взять с собою кое-что из мирского, чтобы поддержать себя на чужбине?» – спросил Бедр-ад-дин. И невольник ответил: «О господин мой, поднимайся сейчас же и брось думать о доме! – и он поднялся и произнёс:

Спасай свою жизнь, когда поражены горем,
И плачет пусть дом о том, кто его построил.
Ты можешь найти страну для себя другую,
Но душу себе другую найти не можешь!

Дивлюсь я тому, кто в доме живёт позора,
Коль земли творца в равнинах своих просторны.
По важным делам гонца посылать не стоит:
Сама лишь душа добра для себя желает.

И шея у львов крепка потому лишь стала,
Что сами они все нужное им свершают».

И Бедр-ад-дин, услышав слова невольника, закрыл голову полой и вышел пешком, и, оказавшись за городом, он услышал, что люди говорят: «Султан послал своего нового везиря в дом везиря, который скончался, чтобы опечатать его имущество и дома и схватить его сына Бедр-ад-дина Хасана и отвести его к султану, чтобы тот его убил».

И люди опечалились из-за его красоты и прелести, а Бедр-ад-дин, услышав речи людей, пошёл наугад, не зная куда идти, и шёл до тех пор, пока судьба не пригнала его к могиле его отца.

И он вошёл на кладбище и прошёл среди могил, а потом сел у могилы своего отца и

накинул на голову полу фарджки⁴⁴. А она была заткана золотыми вышивками, и на ней были написаны такие стихи:

О ты, чей лик блистает так –
Росе подобен и звёздам он, –
Да будешь вечно великим ты,
Да не будет славе конца твоей!

И когда он был у могилы своего отца, вдруг подошёл к нему еврей, с виду как будто меняла, с мешком, в котором было много золота, и, приблизившись к Хасану басрийскому, спросил его: «О господин мой, что это ты, я вижу, расстроен?» – «Я сейчас спал, – ответил Бедрад-дин, – и видел моего отца, который упрекал меня за то, что я его не навещаю. И я встал испуганный и побоялся, что день пройдёт, а я не навещу его и это будет мне тяжело». – «О господин мой, – сказал еврей, – твой отец послал корабли для торговли, и некоторые из них прибыли, и я хочу купить у тебя груз первого из прибывших кораблей за эту тысячу динаров золотом». И еврей вынул мешок, полный золота, отсчитал оттуда тысячу динаров и отдал их Хасану, сыну везира, и сказал: «Напиши мне записку и приложи к пей печать».

И Хасан, сын везира, взял бумажку и написал: «Пишущий это, Хасан, сын везира, продал Исхаку, еврею, весь груз первого из кораблей его отца, который придёт, за тысячу динаров и получил плату вперёд». И еврей взял бумажку, а Хасан стал плакать, вспоминая, в каком он был величии, и произнёс:

«С тех пор как исчезли вы, друзья, – дом не дом мне!
О нет, и соседи мне теперь не соседи.
Теперь не друзья уж те, кого я там видывал,
И звезды небесные уж ныне не звезды.

Вы скрылись и сделали, исчезнув, весь мир пустым,
И мрачны, как скрылись вы, равнины и земли.
О, если бы ворон тот, чей крик нам разлуку нёс,
Гнёзда не нашёл себе и перьев лишился!

Утратил терпенье я в разлуке и изнурён.
О, сколько в разлуки день спадает покровов!
Посмотрим, вернутся ль к нам те ночи, что минули,
И будем ли мы, как встарь, с тобой в одном доме».

И он горько заплакал, и его застигла ночь, и Бедр-аддин приклонил голову к могиле своего отца, и его охватил сон; и взошла луна, и голова его скатилась с могилы, и он лежал на спине, и лицо его блистало в лучах месяца.

А в могиле обитали правоверные джинны, и одна джинния вышла и заметила спящего Хасана и, увидав его, изумилась его красоте и прелести и воскликнула: «Хвала Аллаху! Поистине, этот юноша должен быть из детей рая!»

И она взлетела в воздух, чтобы полетать кругом, как обычно, и увидела летящего ифрита, который её приветствовал, и спросила его: «Откуда ты летишь?» – «Оттуда», – ответил ифрит. И джинния сказала: «Не хочешь ли отправиться со мною, взглянуть на красоту юноши, что спит у могилы?» И ифрит молвил: «Хорошо». И они полетели и спустились у могилы, и джинния спросила: «Видал ли ты в жизни кого-нибудь прекрасней этого юноши?»

⁴⁴ Фарджия – верхняя одежда вроде халата с длинными и широкими рукавами.

И ифрит посмотрел на юношу и воскликнул: «Хвала тому, на кого нет похожего! Но если хочешь, сестрица, я расскажу тебе о том, что я видел». – «Что же это?» – спросила джинния. И ифрит сказал: «Я видел девушку, подобную этому юноше, в стране египетской: это дочь везиря Шамс-ад-дина. Ей около двадцати лет жизни, и она красива, прелестна, блестяща и совершенна, и стройна станом. И когда она перешла этот возраст, о ней услышал султан в Каире и призвал везиря, её отца, и сказал ему: „Знай, о везирь, до меня дошло, что у тебя есть дочь, и я хочу посватать её у тебя“.

И везирь ответил: «О владыка султан, прими мои извинения и сжался над моими слезами. Тебе известно, что мой брат Нур-ад-дин уехал от нас, и мы не знаем, где он, а он был моим товарищем по везирству; и причина его отъезда – гнев, потому что мы сидели с ним и говорили о браке и о детях, и он из-за этого рассердился, а я дал клятву в тот день, как её родила мать, около восемнадцати лет тому назад, что не выдам свою дочь ни за кого, кроме сына моего брата. А недавно я услышал, что мой брат женился на дочери везиря Басры и от неё родился сын, – и я ни за кого не выдам свою дочь, если не за него, в уважение к моему брату. Я записал, когда я женился, и когда моя жена понесла, и время рождения моей дочери, и она предназначена сыну своего дяди; а девушек для господина нашего султана много».

Услышав слова везиря, султан сильно разгневался и сказал: «Подобный мне сватает у подобного тебе дочку, а ты не отдаёшь её мне и приводишь жалкие доводы! Клянусь моей головой, я выдам её замуж лишь за ничтожнейшего из моих слуг наперекор твоему желанию!» А у султана был конюх – горбатый, с горбом спереди и горбом сзади, – и султан велел его привести и насильно написал его брачную запись с дочерью везиря и приказал ему войти к ней в ту же ночь и чтобы ему устроили шествие. И я оставил его среди невольников султана, которые зажигали вокруг него свечи и издевались над ним у дверей бани. А дочь везиря сидит и плачет среди нянек и прислужниц, и она больше всех похожа на этого юношу. А отца её заключили под стражу, чтобы он не пришёл к ней. И я не видел, сестрица, никого противнее этого горбуна. А девушка – она красивей юноши...»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Двадцать вторая ночь

Когда же настала двадцать вторая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что когда джинн рассказал джиннии, что султан написал брачную запись дочери везиря с горбатым конюхом и она „величайшем горе и что не найдётся подобного ей красотою, кроме этого юноши, джинния сказала: „Ты лжёшь! Этот юноша красивее всех людей своего времени“. Но ифрит возразил ей и воскликнул: „Клянусь Аллахом, сестрица, девушка красивее его, но никто не подходит к ней, кроме него, ибо они похожи друг на друга, как родные брат и сестра. Горе ей с этим горбатым!“ – „О брат мой, – сказала джинния, – давай поднимем его на себе и понесём его, и полетим с ним к той девушке, о которой ты говоришь, и посмотрим, кто из них красивее“. – «Слушаю и повинуюсь! Это правильные слова, и нет мысли лучше той, что ты высказала. Я понесу его“, – сказал ифрит и понёс Хасана и взлетел с ним на воздух; а ифритка полетела рядом, бок о бок с ним. И они опустились в городе Каире и положили юношу на скамью и разбудили его.

И Хасан пробудился от сна и увидел себя не в Басре и не на могиле отца. Он посмотрел направо и налево, и оказалось, что он действительно в другом городе, не в Басре; и он хотел крикнуть, но ифрит двинул его кулаком. Потом ифрит принёс ему роскошную одежду и надел её на него, и зажёл ему свечку, и сказал: «Знай, что это я принёс тебя, и я сделаю для тебя кое-что ради Аллаха. Возьми эту свечу и ступай к той бане и смешайся с толпой, и иди с нею до тех пор, пока не достигнешь помещения невесты, и тогда опереди всех и войди в помещение, никого не боясь. А как войдёшь, стань справа от горбатого жениха и, когда к тебе станут подходить служанки, певцы и няньки, опускай руку в карман – ты найдёшь его

полным золота, – забирай полной горстью и кидай всем. И всякий раз, когда сунешь руку в карман, ты найдёшь его полным золота. Давай же горстями всякому, кто к тебе подойдёт, и ничего не бойся. Уповай на того, кто тебя сотворил, – это все по велению Аллаха».

И, услышав слова ифрита, Бедр-ад-дин Хасан воскликнул: «Посмотри-ка, что это за девушка и какова причина такой милости!»

И он пошёл и зажёл свечу и подошёл к бане, и увидел, что горбун сидит на коне, и вошёл в толпу в этом наряде, прекрасный видом (а на нем была ермолка и тюрбан и фарджия, вышитая золотом). И он шёл в шествии, и всякий раз, как певицы останавливались и люди кидали им в бубны деньги, Бедр-ад-дин опускал руку в карман и находил его полным золота, – и он брал и бросал его в бубны певиц и наполнял бубны динарами. И умы певиц смутились, и народ дивился его красоте и прелести.

И так продолжалось, пока они не дошли до дома везиря, и привратники стали отгонять людей и не пускать их. Но певицы сказали: «Мы не войдём, если этот юноша не войдёт с нами, ибо он осыпал нас милостями. Мы не откроем невесту иначе, как в его присутствии!»

И тогда Хасана ввели в свадебную залу и посадили его на глазах у жениха-горбуна, и все жены эмиров, везирей и придворных выстроились в два ряда, и у каждой женщины была большая зажжённая свеча, и они стояли, накинув покрывала, справа и слева от свадебного ложа до портика – возле комнаты, откуда выходит невеста.

И когда женщины увидели Бедр-ад-дина Хасана, и его красоту, и прелесть, и лицо его, сиявшее, как молодой месяц, все они почувствовали к нему склонность, а певицы сказали присутствовавшим женщинам: «Знайте, что этот красавец давал нам одно только червонное золото. Не упустите же ничего, служа ему, и повинуйтесь ему в том, что он вам скажет». И женщины столпились около Хасана со свечами и смотрели на его красоту и завидовали его прелести; и каждой из них захотелось побыть у него в объятиях час или год. И когда ум покинул их, они подняли с лиц покрывала и сказали: «Благо тому, кому принадлежит этот юноша или над кем он властвует!»

И они стали проклинать горбатого конюха и того, кто был причиной его женитьбы на этой красавице, – и всякий раз, благословляя Бедр-ад-дина Хасана, они проклинали этого горбуна. А затем певицы забили в бубны и засвистали в свирели, – и появились прислужницы, и посреди них дочь везиря; её надушили и умастили, и одели, и убрали ей волосы, и окурили её, и надели ей украшения и одежды из одежд царей Хосроев. И среди прочих одежд на ней была одежда, вышитая червонным золотом, с изображением зверей и птиц, и она спускалась от её бровей, а на шею её надели ожерелье ценою в тысячи, и каждый камешек в нем стоил богатства, которого не имел тобба⁴⁵ и кесарь⁴⁶. И невеста стала подобна луне в четырнадцатую ночь, а подходя, она была похожа на гурию; да будет же превознесён тот, кто создал её блестящей! И женщины окружили её и стали как звезды, а она среди них была словно месяц, когда откроют его облака.

А Бедр-ад-дин Хасан басрийский сидел, и люди смотрели на него; и невеста горделиво приблизилась, покачиваясь, и горбатый конюх поднялся, чтобы поцеловать её, но она отвернулась и повернулась так, что оказалась перед Хасаном, сыном её дяди, – и все засмеялись. И видя, что она направилась в сторону Хасана Бедр-ад-дина, все зашумели и певицы подняли крик, а Бедр-ад-дин положил руку в карман и, взяв горсть золота, бросил её в бубны певицам; и те обрадовались и сказали: «Мы хотели бы, чтобы эта невеста была для тебя». И Хасан улыбнулся.

Вот! И все окружили его, а горбатый конюх остался один, похожий на обезьяну, и всякий раз, как ему зажигали свечку, она гасла, и у него не осталось голоса от крика, и он

⁴⁵ Тобба – согласно легенде, титул царей могущественного древнеарабского племени, обитавшего в Южной Арабии.

⁴⁶ Кесарями в средневековой арабской литературе именовали византийских императоров.

сидел в темноте, раздумывая про себя.

А перед Хасаном Бедр-ад-дином оказались свечи в руках людей, и когда Хасан увидел, что жених один в темноте и раздумывает про себя, а эти люди стоят кругом и горят эти свечи, он смутился и удивился. Но увидав дочь своего дяди, Бедр-ад-дин Хасан обрадовался и развеселился и посмотрел ей в лицо, которое сиял светом и блистало, особенно потому, что на ней было надето платье из красного атласа. И прислужницы открыли её в первом платье, и Хасан уловил её облик, и она принялась кичиться и покачиваться от чванства и ошеломила умы женщин и мужчин, и была она такова, как сказал поэт:

Вот солнце на тростинке над холмами
Явилось нам в гранатовой рубашке.
Вина слюны она дала мне выпить
И, щеки дав, огонь яркий погасила.

И это платье переменили и одели её в голубую одежду, и она появилась словно луна, когда луна засияет, с волосами как уголь, нежными щеками, улыбающимися устами и высокой грудью, с нежными членами и томными глазами. И её открыли во втором платье, и была она такова, как сказали о ней обладатели возвышенных помыслов:

В одеянье она пришла голубом к нам,
Что лазурью на свет небес так похоже,
И увидел, всмотревшись, я в одеянье
Месяц летний, сияющий зимней ночью.

Затем это платье переменили на другое и укрыли её избытком её волос и распустили её чёрные длинные кудри, и их чернота и длина напоминали о мрачной ночи, и она поражала сердца колдующими стрелами своих глаз.

И её открыли в третьем платье, и она была подобна тому, что сказал о ней сказавший:

Вот та, что закутала лицо своё в волосы
И стала соблазном нам, а кудри – как жало.
Я молвил: «Ты ночью день покрыла». Она же: «Нет!
Покрыла я лик луны ночной темнотою».

И её открыли в четвёртом платье, и она приблизилась, как восходящее солнце, покачиваясь от чванства и оборачиваясь, словно газель, и поражала сердца стрелами из-за своих век, как сказали о ней:

О, солнце красы! Она явилась взирающим
И блещет чванливостью, украшенной гордостью.
Лишь только увидит лик её и улыбку уст
Дневное светило – вмиг за облако скроется.

И она появилась в пятой одежде, подобно ласковой девушке, похожая на трость бамбука или жаждущую газель, и скорпионы её кудрей ползли по её щекам, и она являла свои диловины и потряхивала бёдрами, и завитки её волос были не закрыты, как сказали о ней:

Явилась она как полный месяц в ночь радости,
И члены нежны её и строен и гибок стан,
Зрачками прелестными пленяет людей она,
И жалость ланит её напомним о яхонте.

И тёмные волосы на бедра спускаются, –
Смотри берегись же змей, волос её вьющихся.
И нежны бока её, душа же её тверда,
Хотя и мягки они, но крепче скал каменных.

И стрелы очей она пускает из-под ресниц
И бьёт безошибочно, хоть издали бьёт она.
Когда мы обнимемся и пояса я коснусь,
Мешает прижать её к себе грудь высокая.

О, прелесть её! Она красоты затмила все!
О, стан её! Тонкостью смущает он ивы ветвь!

И её открыли в шестой одежде, зеленой, и своей стройностью она унизила копье, прямое и смуглое, а красотой своей она превзошла красавиц всех стран и блеском лица затмила сияющую луну, достигнув в красоте пределов желания. Она пленила ветви нежностью и гибкостью и пронзила сердца своими прекрасными свойствами, подобно тому, как сказал кто-то о ней:

О, девушка! Ловкость её воспитала!
У щёк её солнце свой блеск зелёный –
Явилась в зеленой рубашке она,
Подобной листве, что гранат прикрывает.

И молвили мы: «Как назвать это платье?»
Она же, в ответ нам, сказала прекрасно:
«Мы этой одеждой пронзали сердца
И дали ей имя «Пронзающая сердце»

И её открыли в седьмой одежде, цветом между шафраном и апельсином, как сказал о ней поэт:

В покрывалах ходит, кичась, она, что окрашены
Под шафран, сандал, и сафлор, и мускус, и амбры цвет.
Тонок стан её, и коль скажет ей её юность: «Встань!»,
Скажут бедра ей: «Посиди на месте, зачем спешить!»

И когда я буду просить сближенья и скажет ей
Красота: «Будь щедрой!» – чванливость скажет:
«Не надо!» – ей.

А невеста открыла глаза и сказала: «О боже, сделай его моим мужем и избавь меня от горбатого конюха!»

И её стали открывать во всех семи платьях, до последнего, перед Бедр-ад-дином Хасаном басрийским, а горбатый конюх сидел один; и когда с этим покончили, людям разрешили уйти, – и вышли все, кто был на свадьбе из женщин и детей, и никого не осталось, кроме Бедр-аддина Хасана и горбатого конюха. И прислужницы увели невесту, чтобы снять с неё одежды и драгоценности и приготовить её для жениха. И тогда конюх-горбун подошёл к Бедр-ад-дину Хасану и сказал ему: «О господин, сегодня вечером ты развлёк нас и осыпал нас милостями; не встанешь ли ты теперь и не уйдёшь ли?» – «Во имя Аллаха!» – сказал Хасан и вышел в дверь; но ифрит встретил его и сказал: «Постой, Бедр-ад-дин! Когда горбун

выйдет в комнату отдохновения⁴⁷, войди немедленно и садись за полог, и как только придёт невеста, скажи ей: «Я, твой муж и царь, только потому устроил эту хитрость, что боялся для тебя сглаза, а тот, кого ты видела, – конюх из наших конюхов». И потом подойди к ней и открой ей лицо и скажи: «Нас охватила ревность из-за этого дела!»

И пока Бедр-ад-дин разговаривал с ифритом, конюх вышел и пошёл в комнату отдохновения и сел на доски, и ифрит вылез из чашки с водой, в образе мыши, и пискнул: «Зик!» – «Что это такое?» – спросил горбун. И мышь стала расти и сделалась котом и промяукала: «Мяу-мяу!», и выросла ещё, и стала собакой и пролаяла: «Вау, вау!»

И, увидев это, конюх испугался и закричал: «Вон, несчастный!» Но собака выросла и раздулась и превратилась в осла – и заревела и крикнула ему в лицо: «Хак, хак!»

И конюх испугался и закричал: «Ко мне все, кто есть в доме!» Но осел вдруг стал расти и сделался величиной с буйвола, и занял все помещение, и заговорил человеческим голосом: «Горе тебе, о горбун, о зловоннейший!»

И у конюха схватило живот, и он сел на доски в одежде, и зубы его застучали друг о друга, а ифрит сказал ему: «На земле тебе тесно, что ли? Ты не нашёл на ком жениться, кроме как на моей возлюбленной?»

И конюх промолчал, а ифрит воскликнул: «Отвечай, не то я поселю тебя во прахе». – «Клянусь Аллахом, – сказал конюх, – я не виноват! Они меня заставили, и я не знал, что у неё есть возлюбленные буйволы, и я раскаиваюсь перед Аллахом и перед тобой».

И ифрит сказал: «Клянусь тебе, если ты сейчас выйдешь отсюда или заговоришь прежде, чем взойдёт солнце, я убью тебя! А когда взойдёт солнце, уходи своей дорогой и не возвращаясь в этот дом никогда».

После этого ифрит схватил конюха и сунул его в отверстие головой вниз и ногами вверх, и сказал: «Оставайся Здесь, и я буду сторожить тебя до восхода солнца».

Вот что произошло с горбуном. Что же касается Бедрад-дина Хасана басрийского, то он оставил горбуна и ифрита препираться и вошёл в дом и сел за пологом; и вдруг пришла невеста и с нею старуха, которая остановилась в дверях комнаты и сказала: «О отец стройности, встань, возьми залог Аллаха».

Потом старуха повернулась вспять, а невеста взойшёл за полог на возвышение (а её имя было Ситт-аль-Хусн) – я сердце её было разбито, и она говорила в душе: «Клянусь Аллахом, я не дам ему овладеть мною, даже если он убьёт меня!» И, войдя за полог, она увидела Бедр-ад-дина и сказала ему: «Любимый, ты все ещё сидишь! Я говорила себе, что ты и горбатый конюх будете владеть мною сообща». – «А что привело к тебе конюха и где ему быть моим соучастником относительно тебя?» – сказал Бедр-ад-дин Хасан. И девушка спросила: «Кто же мой муж: ты или он?» – «О Ситт-аль-Хусн, – сказал Бедр-ад-дин, – мы сделали это, чтобы посмеяться над ним: когда прислужницы и певицы и твои родные увидели твою редкостную красоту, твой отец нанял конюха за десять динаров, чтобы отвратить от тебя дурной глаз, и теперь он ушёл».

И, услышав от Бедр-ад-дина эти слова, Ситт-аль-Хусн обрадовалась, и улыбнулась, и рассмеялась тихим смехом, и сказала: «Клянусь Аллахом, ты погасил во мне огонь! Ради Аллаха, возьми меня к себе и сожми в объятиях».

А она была без одежды и подняла рубашку до горла, так что стал виден её перед и зад; и когда Бедр-ад-дин увидел это, в нем заволновалась страсть, и он встал, распустил одежду, а потом он отвязал кошель с золотом, куда положил тысячу динаров, взятую у еврея, завернул его в шальвары и спрятал под край матраца, а чалму он снял и положил на скамеечку и остался в тонкой рубахе (а рубаха была вышита золотом). И тогда Ситт-аль-Хусн поднялась к нему, притянула его к себе, и Бедр-ад-дин тоже привлёк её к себе и обнял её и велел ей охватить себя ногами, а потом он забил заряд, и пушка выстрелила и разрушила башню, и увидел он, что Ситт-аль-Хусн несверлеяная жемчужина и не объезженная другим кобылица.

⁴⁷ «Комната отдохновения», «покой уединения», «домик с водой» – отхожее место.

И он уничтожил её девственность и насытился её юностью, и вынул заряд и забил его, а кончив, он повторил это много раз, и она понесла от него.

И лотом Бедр-ад-дин положил ей руку под голову, и она сделала то же самое, и они обнялись и заснули, обнявшись, как сказал о них поэт в таких стихах:

Посещай любимых, и пусть бранят завистники!
Ведь против страсти помочь не может завистливый.
И Аллах не создал прекраснее в мире зрелища,
Чем влюблённые, что в одной постели лежат вдвоём.

Обнялись они, и покров согласия объемлет их,
И подушку им заменяют плечи и кисти рук.
И когда сердца заключат с любовью союз навек –
По холодному люди бьют железу, узнай, тогда.

И когда дружит хоть один с тобой, но прекрасный друг»
Проводи ты жизнь лишь с подобным другом и счастлив будь!
О, хулящие за любовь влюблённых – возможно ли
Поправленье тех, у кого душа испорчена?

Вот что было с Бедр-ад-дином Хасаном и Ситт-альХусн, дочерью его дяди. Что же касается до ифрита, то он сказал ифритке: «Подними юношу и давай отнесём его на место, чтобы утро не застигло нас. Время уже близко». И тогда ифритка подошла и подняла Хасана, когда он спал, и полетела с ним (а он был все в том же виде – в рубашке, без одежды); и она летела, и ифрит рядом с ней, пока утро не застигло их во время пути и муэдзины не закричали: «Идите к преуспеянию».

И тогда Аллах разрешил ангелам метать в ифрита огненные звезды, и он сгорел, а ифритка уцелела. И она опустила Бедр-ад-дина на том месте, где звезды поразили ифрита, и не полетела с ним дальше, боясь за него, а по predetermined велению они достигли Дамаска сирийского, и ифритка положила Хасана у одних из ворот и улетела. И когда настало утро и раскрылись ворота города, люди вышли и увидели красивого юношу, в рубахе и в ермолке, раздетого, без одежды, и от перенесённой бессонницы он был погружён в сон.

И люди, увидев его, сказали: «Счастлива та, что была возле него сегодня ночью! Что бы ему дотерпеть, пока он оденется!» А кто-то другой сказал: «Несчастливые дети родовитых! Этот молодец сейчас вышел из кабака по некоторому делу, но хмель осилил его, и он сбился с пути к тому месту, куда шёл, и, дойдя до городских ворот, нашёл их запертыми и заснул здесь».

И люди пустились в разговоры о нем. И вдруг ветер подул и поднял его рубашку над животом, и стал виден живот и плотный пупок и ноги и бедра его подобные хрустало, и люди сказали: «Хорошо, клянёмся Аллахом!»

И Бедр-ад-дин проснулся и увидел, что он у ворот города и что подле него люди, и удивился и воскликнул: «Где я, добрые люди, и почему вы собрались? Что у меня с вами случилось?» И ему сказали: «Мы увидели тебя во время утреннего призыва, и ты лежал и спал, и мы не знаем о твоём деле ничего, кроме этого».

«Где ты спал эту ночь?» – спросили его потом; и Бедр-ад-дин Хасан воскликнул: «Клянусь Аллахом, о люди, я проспал эту ночь в Каире!»

И тогда один человек сказал: «Ты ешь гашиш!» А другой воскликнул: «Ты сумасшедший! Ты ночевал в Каире, а утром ты спишь в городе Дамаске!» И Бедр-ад-дин отвечал: «Клянусь Аллахом, добрые люди, я совсем не лгу вам; вчера вечером я был в Египте, а вчерашний день находился в Басре». – «Хорошо!» – сказал кто-то; а другой сказал: «Этот юноша одержимый!» И над ним стали хлопать в ладоши, и люди заговорили друг с

другом и сказали: «Горе его молодости! Клянёмся Аллахом, в его безумии нет никакого сомнения!» Потом они сказали ему: «Сообрази и приди в разум». И Бедр-ад-дин сказал: «Я вчера был женихом в Египте». – «Может быть, ты грезил и видел все, о чем ты говоришь, во сне?» – спросили его; и Хасан усомнился в самом себе и воскликнул: «Клянусь Аллахом, это не сон, и мне не привиделись грёзы! Я пришёл, и невесту открывали передо мной, а конюх-горбун сидел тут же. О брат мой, это не сон; а если это сон, то где же кошель с золотом и где мой тюрбан, и моё платье, и одежда?»

И потом он встал и вошёл в город и прошёл по улицам и по рынкам, и люди толпились вокруг него и шли за ним следом, а он вошёл в лавку повара.

А этот повар был ловкий человек, то есть вор, но Аллах привёл его к раскаянию в воровстве, и он открыл себе харчевню; и все жители Дамаска боялись его из-за его сильной ярости.

И когда все увидели, что юноша вошёл в харчевню, народ рассеялся, боясь этого повара; а когда повар увидел Бедр-ад-дина Хасана и посмотрел на его красоту и прелесть, любовь к нему запала ему в сердце, и он спросил: «Откуда ты, молодец? Расскажи мне твою историю, – ты стал мне дороже, чем моя душа».

И Хасан рассказал ему о том, что случилось, с начала до конца; и повар сказал: «О господин мой Бедр-ад-дин, Знай, что это удивительное дело и диковинный рассказ. Но скрывай, дитя моё, что с тобою было, пока Аллах не пошлёт тебе облегчения; живи со мною в этом месте: у меня нет ребёнка, и я сделаю тебя своим сыном». – «Хорошо, дядюшка», – сказал Бедр-ад-дин. И тогда повар пошёл на рынок и купил Бедр-ад-дину роскошных платьев и одел его в них, а потом он отправился с ним к кади⁴⁸ и объявил, что Бедр-ад-дин его сын. И Бедр-аддин Хасан сделался известен в городе Дамаске как сын повара и стал сидеть у него в лавке и получал деньги, и положение его у повара таким образом упрочилось.

Вот что было с Бедр-ад-дином Хасаном и произошло с ним. Что же касается Ситт-аль-Хусн, дочери его дяди, то, когда взошла заря, она проснулась и не нашла подле себя Бедр-ад-дина Хасана. Она подумала, что он пошёл за нуждой, и просидела, ожидая его, некоторое время; и вдруг вошёл её отец, озабоченный тем, что случилось с ним из-за султана, – как тот насильно заставил его выдать дочь за своего слугу, за какой-то горбатый обломок конюха. И он говорил про себя: «Я убью мою дочь, если она дала этому проклятому овладеть собою!»

И, дойдя до её ложа, он остановился и сказал: «Ситталь-Хусн!» И она ответила: «Я здесь, к твоим услугам, о господин мой!» – и вышла, раскачиваясь от радости, и поцеловала перед ним землю, и её лицо стало ещё светлее и красивее, так как она обнимала того газеленка.

И, увидев, что она в таком состоянии, её отец сказал ей: «О проклятая, ты радуешься этому конюху!» И она улыбнулась, услышав слова своего отца, и ответила: «Ради Аллаха, довольно того, что вчера случилось! Люди смеялись надо мной и корили меня этим конюхом, не стоящим обрезка ногтя моего мужа. Клянусь Аллахом, я в жизни не знала ночи лучше вчерашней! Не смейся же надо мной и не напоминай мне про этого горбуна».

Услышав её слова, отец её исполнился гнева, и глаза его посинели, и он воскликнул: «Горе тебе, что это за слова ты говоришь! Конюх-горбун ночевал с тобою?» Но Ситт-аль-Хасан сказала: «Заклинаю тебя Аллахом, не поминай мне его, да проклянёт Аллах его отца, и не строй шуток! Конюха только наняли за десять динаров, и он взял свою плату и ушёл, а я зашла за полог и увидела моего мужа, который сидел там, а раньше меня открывали для него певички, и он оделял всех червонным золотом, так что обогатил бывших здесь бедняков. И я проспала ночь в объятиях моего мужа, ласкового нравом, обладателя чёрных глаз и сходящихся бровей».

К когда отец её услышал эти слова, свет покрылся мраком перед лицом его, и он

⁴⁸ Тарбуш – ермолка, на которую наматывается тюрбан.

воскликнул: «О нечестивая, что это ты говоришь, где твой разум?» И она ответила: «О батюшка, ты пронзил моё сердце! Довольно тебе тяготить меня! Знай, о муж, что взял мою невинность, и он вошёл в комнату отдохновения, а я уже понесла от него».

К тогда её отец поднялся изумлённый и пошёл в отхожее место и увидел горбатого конюха, который был соткнут головой в отверстие, а ноги его торчали вверх. И везирь оторопел, у видя его, и воскликнул: «Это не кто иной, как горбун! Эй, горбатый», – сказал он ему. И конюх ответил: «Тагум, тагум», – думая, что с ним говорит ифрит, а везирь закричал на него и сказал: «Говори, а не то я отрежу тебе голову этим мечом!» И тогда горбун сказал: «Клянусь Аллахом, о шейх ифритов, с тех пор как ты меня сюда сунул, я не поднимал головы! Ради Аллаха, сжался надо мной!» – «Что ты говоришь? – сказал везирь, услышав слова горбатого. – Я отец невесты, а не ифрит!» – «Хватит! – отвечал горбун. – Ты собираешься отнять у меня душу, но уходи своей дорогой, пока не пришёл к тебе тот, кто сделал со мной это дело. Вы привели меня лишь для того, чтобы женить меня на любовнице буйволов и возлюбленной ифритов. Да проклянет Аллах того, кто меня женил на ней и кто был причиной этого...»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Двадцать третья ночь

Когда же настала двадцать третья ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что горбатый конюх заговорил с везирем, отцом невесты, и сказал ему: „Да проклянет Аллах того, кто был этому причиной!“ А везирь сказал: „Вставай, выходи отсюда!“ Но горбун отвечал: „Что я, сумасшедший, что ли, чтобы уйти с тобою без позволения ифрита? Он сказал мне: „Когда взойдёт солнце, выходи и иди своей дорогой“. Что, взошло солнце или нет?“ – „Кто тебя сюда привёл?“ – спросил тогда везирь; и конюх сказал: „Я вчера пришёл сюда за нуждою, и вдруг из воды вылезла мышь и закричала на меня и стала расти, и сделалась буйволом. И он сказал мне слова, которые вошли мне в ухо, и оставил меня и ушёл, да проклянет Аллах невесту и тех, кто меня женил на ней!“

И везирь подошёл к конюху и вынул его из отверстия, и тот выбежал, не веря, что солнце взошло, и пошёл к султану и рассказал ему, что у него случилось с ифритом.

Что же касается везиря, отца невесты, то он вошёл в дом смущённый, не зная, что думать о деле своей дочери, и сказал ей: «Дочь моя, разъясни мне, что с тобою случилось?» И она сказала: «Жених, перед которым меня вчера открывали, провёл со мною ночь и взял мою девственность, и я понесла от него; и если ты мне не веришь, то вот на скамеечке его чалма, а его платье под матрацем, и в нем что-то завёрнуто, я не знаю что».

И, услышав эти слова, её отец вошёл под намёт и увидел чалму Бедр-ад-дина Хасана, сына своего брата, и тотчас же взял её в руки и повертел и сказал: «Это чалма везирей, – она сделана в Мосуле!» И он увидел ладанку, зашитую в тарбуше, и взял её и распорол, и, взяв одежду Хасана, нашёл в ней кошель, где была тысяча динаров.

И, открыв кошель, он увидел там бумагу и прочитал её, и это оказалась расписка еврея на имя Бедр-ад-дина Хасана, сына Нур-ад-дина Али каирского, и тысячу динаров он тоже нашёл.

И, прочитав эту записку, Шамс-ад-дин испустил крик и упал без сознания, а придя в себя и поняв сущность дела, он изумился и воскликнул: «Нет бога, кроме Аллаха, властного на всякую вещь!»

«О дочь моя, – спросил он, – знаешь ли ты, кто лишил тебя невинности?» И она ответила: «Нет». И тогда везирь сказал: «Это мой племянник, сын твоего дяди, а эта тысяча динаров – приданое за тебя. Хвала Аллаху! О, если бы я знал, как случилась эта история!» Потом он вскрыл зашитую ладанку и нашёл в ней исписанную бумажку, где были написаны числа почерком его брата, Нурад-дина каирского, отца Бедр-ад-дина Хасана.

И, увидев почерк своего брата, Шамс-ад-дин произнёс:

«Я таю с тоски, увидя следы любимых,
На родине их потоками лью я слезы.
Прошу я того, кто с ними судил расстаться,
Чтоб мне даровал когда-нибудь он свиданье».

А окончив стихи, он прочитал бумажку, бывшую в ладанке, и увидел в ней число того дня, когда Нур-ад-дин женился на дочери везиря Басры и вошёл к ней, и число дня рождения Бедр-ад-дина Хасана, и возраст Нур-ад-дина ко времени его смерти, – и изумился и затрясся от восторга; и, сличив то, что произошло с его братом, с тем, что случилось с ним самим, он увидел, что одно совпадает с другим и что его брак и брак Нур-ад-дина сходятся в числе и ночь их свадьбы и день рождения Бедр-ад-дина и его дочери Ситт-аль-Хусн тоже совпадают.

И он взял эту бумагу и пошёл с ней к султану и рассказал ему, что случилось, от начала до конца; и царь удивился и велел тотчас же записать это дело. И везирь просидел, ожидая сына своего брата, весь этот день, но он не пришёл, и на второй день и на третий тоже – до седьмого дня, и о нем не было вестей. И тогда везирь сказал: «Я непременно сделаю дело, которого ещё никто не делал!»

И он взял чернильницу и калам и начертил на бумаге расположение всей комнаты и обозначил, что кладовая находится там-то, а такая-то занавеска там-то, и записал все, что было в комнате, а потом он свернул запись и велел убрать вещи, а тюрбан, ермолку, фарджию и кошель он взял и убрал к себе, заперев их железным замком и запечатав их до той поры, пока не прибудет сын его брата, Хасан басрийский.

Что же до дочери везиря, то её месяцы кончились, и она родила мальчика, подобного луне и похожего на отца красотой, прелестью, совершенством и блеском, и ему обрезали пуповину и насурьмили глаза, и передали нянькам, и назвали Аджибом.

И день был для него точно месяц, а месяц – как год; и когда над ними прошло семь лет, везирь отдал его учителю и поручил ему воспитывать его, научить его чтению и дать ему хорошее образование. И Аджиб пробыл в школе четыре года и начал драться со школьниками, и ругал их, и говорил им: «Кто из вас мне равен? Я сын каирского везиря!» И дети собрались и пожаловались старшему на то, что терпели от Аджиба, и старший сказал им: «Завтра, когда он придёт, я научу вас, что сказать ему, и он закается ходить в школу. Когда он завтра придёт, сядьте вокруг него и говорите: „Клянёмся Аллахом, только тот будет играть с нами в эту игру, кто скажет, как зовут его мать и отца, а кто не знает имени своей матери и отца, тот сын греха и не будет играть с нами!“»

И когда наступило утро и они пришли в школу и явился Аджиб, дети окружили его и сказали: «Мы будем играть в одну игру, но только тот будет играть с нами, кто скажет нам имя своей матери и отца». И все ответили: «Хорошо!» И один сказал: «Меня зовут Маджид, а мою мать – Алавия, а отца Изз-ад-дин»; и другой тоже сказал такие же слова. И когда очередь дошла до Аджиба, он сказал: «Меня зовут Аджиб, мою мать – Ситт-аль-Хусн, а отца – Шамс-ад-дин, везирь в Каире». Но ему закричали: «Везирь тебе не отец!» – «Везирь правда мой отец», – возразил Аджиб; и тогда дети стали смеяться над ним и захлопали в ладоши и сказали: «Его отца не Знают! Вставай, уходи от нас, с нами будет играть только тот, кто знает, как зовут его отца».

И дети тотчас же разбежались и стали смеяться над Аджибом, и у него стеснилась грудь, и он задохнулся от плача. И старший сказал ему: «Мы знаем, что везирь – твой дед, отец твоей матери Ситт-аль-Хусн, но не твой отец. А твоего отца ты не знаешь, и мы тоже, так как султан выдал твою мать замуж за горбатого конюха, и пришли джинны и проспали с ней, – и у тебя нет отца, которого бы знали. Не думай же больше равняться с детьми в школе, пока не узнаешь, кто твой отец, а иначе ты будешь среди них сыном разврата. Не видишь ты разве, что сын торговца зовётся по отцу? А ты? Твой дед – везирь в Каире, а твоего отца мы не знаем и говорим: нет у тебя отца! Приди же в разум!»

И, услышав от старшего из детей эти слова и позорящие его речи, Аджиб тотчас же

поднялся и пошёл к своей матери, Ситт-аль-Хусн, и стал ей жаловаться плача, не плач мешал ему говорить. И когда его мать услышала его слова и рыдания, её сердце загорелось огнём, и она спросила: «О сын мой, почему ты плачешь? Расскажи мне, что с тобою случилось».

И Аджиб рассказал ей, что он услышал от детей и от старшего, и спросил: «Кто же мой отец, матушка?» – «Твой отец везирь в Каире», – сказала Ситт-аль-Хусн; но Аджиб воскликнул: «Не лги мне, везирь – твой отец, а не мой! Кто же мой отец? Если ты не скажешь мне правду, я убью себя этим кинжалом».

И, услышав упоминание об его отце, Ситт-аль-Хусн заплакала, вспоминая сына своего дяди и думая о том, как её открывали перед Бедр-ад-дином Хасаном басрийскую! и что с неё с ним случилось. И она произнесла такие стихи:

«Любовь в душе оставив, они скрылись,
И земли тех, кого люблю, – далеко.
Ушли они, и с ними ушло терпенье,
Расставшись со мною, и трудно уж мне быть стойким»

Уехали – и радость улетела,
Исчез мой покой – и нет уже мне покоя.
И слезы они пролили мои, расставшись,
И льются из глаз обильно они в разлуке.

Но если когда захочется мне их видеть
И долго их мне придётся прождать в волненье,
То вызову вновь я в сердце своём их образ,
И будут думы, страсть, тоска и горе.

О вы, чья память стала мне одеждой, –
Ведь, кроме страсти, нет у меня рубахи, –
Любимые, доколь продлится это
И долго ль меня вы будете сторониться?»

И она стала плакать и кричать, и сын её тоже; и вдруг вошёл к ним везирь, и при виде их слез его сердце загорелось, и он спросил: «Почему вы плачете?» И Ситт-аль-Хусн рассказала ему, что произошло у её сына с детьми в школе; и он тоже заплакал, вспомнив своего брата и то, что между ними было и что произошло с его дочерью, и не знал он, что таится за этим делом.

И везирь тотчас же пошёл и поднялся в диван и, войдя к царю, рассказал ему, что случилось, и попросил у него разрешения поехать и направиться в город Басру, чтобы расспросить о своём племяннике, и ещё он попросил султана написать ему указы во все земли, чтобы он мог взять сына своего брата, где бы он его ни нашёл.

И он заплакал перед султаном, и сердце султана сжалось, и он написал ему указы во все земли и области.

И везирь обрадовался и призвал на султана благословение, и тотчас же ушёл и снарядился для путешествия, захватив все необходимое и взяв с собою дочь и внука Аджиба. И везирь ехал первый день, и второй день, и третий, пока не прибыл в город Дамаск, и он нашёл там деревья и каналы, подобно тому, как сказал об этом поэт:

Когда пришлось нам прожить в Дамаске и ночь и день,
Судьба клялась, что подобной ночи не будет впредь.
И спали мы, а сумрак ночи беспечен был,
И с улыбкой утро седые ветви тянуло к нам.

И заря казалась в тех ветках нам словно жемчугом,
Что рукою ветра срывается и слетает вниз.
И читали птицы, а пруд страницей был для них,
И писали ветры, а облако точки ставило.

И везирь расположился на площади Камешков и расставил палатки и сказал своим слугам: «Мы отдохнём Здесь два дня!» И слуги пошли в город по своим делам: один – продать, другой – купить, этот – в баню, а тот – в мечеть сынов Омейи⁴⁹, равной которой нет в мире.

А Аджиб вышел с евнухом, и они пошли в город прогуляться, и евнух шёл сзади Аджиба с такой дубиной, что если бы ею ударить верблюда, он бы не встал.

И когда жители Дамаска увидели Аджиба и его стройный стан и блеск и совершенство (а он был мальчик редкой красоты – нежный и выхоленный, мягче северного ветра, и слаще чистой воды для жаждущего, и сладостнее здоровья для больного), за ним последовал весь народ, и сзади него бежали, и стали обгонять его, и садились на дороге, чтобы, когда он пройдёт, посмотреть на него. И раб, по предопределённому велению, остановился возле лавки его отца, Бедр-ад-дина Хасана. (А у того вырос на лице пушок, и ум его стал совершенным за эти двенадцать лет; и повар уже умер, и Бедр-ад-дин Хасан получил его деньги и лавку, так как тот признал его у судей и свидетелей своим сыном.) И в тот день, когда его сын с евнухом остановились возле лавки, Бедр-ад-дин посмотрел на своего сына и увидел, что он обладает величайшей красотой, его душа затрепетала, и кровь его взволновалась из-за призыва родной крови, и его сердце привязалось к нему.

А он сварил подслащённых гранатовых зёрнышек, и Аллахом внушённая любовь поднялась в нем, и он позвал своего сына Аджиба и сказал: «О господин, о тот, кто овладел моим сердцем и душой и взволновал все моё существо, не хочешь ли ты войти ко мне, чтобы залечить моё сердце и поесть моего кушанья?» – и из глаз его, помимо его воли, потекли слезы, и он подумал о том, чем он был и чем стал сейчас.

И когда Аджиб услышал слова своего отца, его сердце взволновалось, и он посмотрел на евнуха и сказал: «Моё сердце взволновано из-за этого повара; он как будто расстался с сыном. Войдём к нему, чтобы залечить его сердце, и съедим его угощение. Может быть, за то, что мы это сделаем, Аллах соединит нас с нашим отцом». Но евнух, услышав слова Аджиба, воскликнул: «Вот хорошо, клянусь Аллахом! Сын везирия будет есть в харчевне! Я отгоняю от тебя людей этой палкой, чтобы они на тебя не смотрели, и я не буду спокоен за тебя, если ты войдёшь когда-нибудь в эту лавку».

И, услышав эти слова, Бедр-ад-дин Хасан удивился и повернулся к евнуху, и слезы потекли по его щекам; и тогда Аджиб сказал евнуху: «Моё сердце полюбило его». Но евнух ответил: «Оставь эти речи и не входи!» И тут отец Аджиба обратился к евнуху и сказал ему: «О старший, почему тебе не залечить моё сердце и не войти ко мне? О ты, что подобен чёрному каштану с белой сердцевинкой, о ты, о ком сказал кто-то из описавших его...» И евнух рассмеялся и воскликнул: «Что ты сказал? Ради Аллаха, говори и будь краток!» И Бедр-аддин тотчас же произнёс такие стихи:

«Когда не был бы образован он и верен так,
Облачён бы не был он полной властью в домах вельмож.
И в гарем бы не был допущен он, о благой слуга!
Так прекрасен он, что с небес ему служат ангелы».

И евнух удивился этим словам и, взяв Аджиба, вошёл в харчевню, и Бедр-ад-дин Хасан

⁴⁹ Мечеть сынов Омейи или омейядская мечеть – один из замечательнейших памятников мусульманской архитектуры – была построена шестым халифом династия Омейядов Валидом I (правил с 705 по 715 год).

наполнил высокую миску гранатными зёрнышками (а они были с миндалём и сахаром), и оба стали есть вместе; и Бедр-ад-дин Хасан сказал: «Вы обрадовали нас, кушайте же на здоровье и в удовольствие!» Потом Аджиб сказал своему отцу: «Садись поешь с нами, может быть Аллах соединит нас, с кем мы хотим „; и Бедр-ад-дин Хасан спросил: „О дитя моё, несмотря на твой юный возраст, ты испытал разлуку с любимыми?“ «Да, дядюшка, – ответил Аджиб, – моё сердце сгорело от разлуки с любимым: это мой отец, и мы с моим дедом выехали и ищем его по разным странам. Горе мне! Когда мы соединимся?»

И он горько заплакал, и его отец заплакал из-за разлуки с ним, и ему вспомнилась разлука с любимыми и отдалённость от матери, и евнух тоже опечалился из-за него.

И они все поели и насытились, а после этого они вышли из лавки Бедр-ад-дина Хасана, и тот почувствовал, что душа его рассталась с телом и ушла с ними, и не мог вытерпеть без них одного мгновения.

И он запер лавку и пошёл за ними следом, не зная, что это его сын, и ускорил шаг, чтобы догнать их прежде, чем они выйдут из больших ворот; и евнух обернулся к нему и спросил: «Что тебе?» И Бедр-ад-дин Хасан сказал им: «Когда вы от меня ушли, я почувствовал, что душа моя отправилась с вами. А у меня дело в городе, за воротами, и мне захотелось проводить вас, чтобы сделать это дело и вернуться».

И тут евнух рассердился и сказал Аджибу: «Этого я и боялся! Мы съели кусочек, который был злосчастным и считается для нас благодеянием, и повар теперь следует за нами с места на место».

И Аджиб повернулся и, увидев за собой повара, пришёл в гнев и сказал евнуху: «Пусть его идёт по дороге мусульман, а когда мы выйдем к палаткам и увидим, что он за нами следует, мы отгоним его».

И он опустил голову и пошёл, и евнух сзади него; и Бедр-ад-дин Хасан следовал за ними до площади Камешков. И они приблизились к шатрам и обернулись и увидели Хасана позади себя, тогда Аджиб рассердился и испугался, что евнух все расскажет его деду.

И он исполнился гнева и огорчился тем, что про него скажут: «Он заходил в харчевню, и повар шёл за ним», – и обернулся и увидел, что глаза Хасана смотрят в его глаза, – и он стал как бы телом без души.

И Аджиб подумал, что его глаз – глаз недруга, или что он сын разврата, и, ещё больше рассердившись, взял камень и ударил им своего отца, и Бедр-ад-дин Хасан упал без чувств, и кровь потекла по его лицу.

И Аджиб с евнухом пошли к палаткам, а Бедр-ад-дин Хасан, придя в себя, вытер кровь и, оторвав кусок своей чалмы, завязал себе голову и стал упрекать себя и сказал: «Я обидел мальчика! Я запер лавку и пошёл за ним, и он решил, что я недруг». И он затосковал по своей матери, которая находилась в Басре, и заплакал о ней и произнёс:

«Прося справедливости, судьбу ты обидел бы:
Её не кори – не так её сотворили.
Бери что придётся ты и горе кинь в сторону,
И смуты и радости всегда в жизни будут».

После этого Бедр-ад-дин продолжал продавать кушанья, а везирь, его дядя, пробыл в Дамаске три дня, а потом уехал и направился в Химс я вступил туда, – и по дороге, где бы он ни останавливался, он все искал.

И он продолжал ехать, пока не прибыл в Диар-Бекр, и Мардшг, и Мосул⁵⁰, и не прерывал путешествия до города Басры. И, вступив туда, он пошёл к султану и встретился с ним, и султан оказал ему уважение и отвёл для него почётное жилище и спросил о причине его прибытия.

⁵⁰ Химс, Диар-Бекр, Мардин, Мосул – города в Сирии, на пути из Дамаска в Басру.

И везирь рассказал ему свою историю и прибавил, что везирь Нур-ад-дин Али – его брат, и султан призвал на него милость Аллаха и сказал: «О господин, он был моим везирем пятнадцать лет, и я очень любил его, и он умер и оставил сына, но тот пробыл здесь после его смерти только один месяц и исчез, и мы не получили о нем вестей. Но его мать у нас, так как она дочь моего старого везиря».

Услышав от царя, что мать его племянника здорова, везирь Шамс-ад-дин обрадовался и сказал: «О царь, я хочу повидаться с нею»; и царь тотчас же позволил ему, и Шамс-ад-дин вошёл к ней, в дом своего брата Нур-ад-дина. И он повёл взором по сторонам и поцеловал пороги в доме и подумал о своём брате Нур-ад-дине Али, который умер на чужой стороне, и заплакал и произнёс:

«В жилище хожу, в жилище хожу я Лейлы⁵¹,
Целую я там то ту, то другую стену.
Но любит душа не стены того жилища,
А любит душа того, кто живал в жилище».

И он прошёл через дверь в большой двор и увидел другую дверь, с каменными сводами, выложенную разным мрамором всех цветов, и прошёл по долгу и осмотрел его и обвёл его взором – и увидел имя своего брата Нур-ад-дина, написанное там золотыми чернилами.

И, подойдя к надписи, он поцеловал её и заплакал, и вспомнил о разлуке с братом и произнёс такие стихи:

«Расспрашивал солнце я о вас, лишь взойдёт оно,
И молнию вопрошал, едва лишь блеснёт она.
И сплю я, свиваемый и вновь развиваемый
Рукою тоски, но все ж на боль я не жалуясь.

Любимые, если время долго уж тянется,
То знайте – разлука на куски растерзала нас,
И если моим глазам вы дали б увидеть вас,
То было бы лучше так и мы б с вами встретились.

Не думайте, что другим я занят! Поистине,
Не может душа моя к другому любви вместить».

И он пошёл дальше и пришёл к комнате жены своего брата, матери Бедр-ад-дина Хасана басрийского. А она во время отсутствия сына, не переставая, рыдала и плакала, и когда годы продолжились над нею, она сделала сыну мраморную гробницу посреди комнаты и плакала над ней днём и ночью и спала только возле этой гробницы.

И когда везирь пришёл к её жилищу, он, остановившись за дверью, услышал, как она говорит над гробницей:

«Могила, исчезла ли в тебе красота его?
Погас ли в тебе твой свет, сияющий лик его?
Могила, могила, ты не сад и не свод небес, –
Так как же слились в тебе и месяц и ветвь?»

⁵¹ Лейла (ночь) – имя возлюбленной Кайса, прозванного «Меджнун» (бесноватый). Легенда об их любви очень популярна на Востоке; она легла в основу поэмы «Лейла и Меджнун» великого азербайджанского поэта Низами.

И когда она говорила, вдруг вошёл к ней везирь Шамс-ад-дин и поздоровался с нею и сообщил ей, что он брат её мужа, а потом он рассказал, что случилось, и разъяснил ей всю историю, и поведал, что её сын Бедрсад дин Хасан провёл целую ночь с его дочерью десять лет тому назад, а утром исчез. «А моя дочь понесла от твоего сына и родила мальчика, который со мной, и он твой внук и сын твоего сына от моей дочери».

И, услышав весть о своём сыне и увидев своего деверя, она упала к его ногам и стала целовать их, говоря:

«Награди Аллах возвестившего, что вы прибыли!
Он доставил мне наилучшее, что я слышала.
Будь доволен он тем, что порвано, подарила бы
Ему душу я, что истерзана расставанием».

Потом везирь послал за Аджибом, и когда он пришёл, его бабка обняла его и заплакала, и везирь Шамс-ад-дин сказал ей: «Теперь не время плакать, теперь время тебе собираться, чтобы ехать с нами в земли египетские. Быть может, Аллах соединит нас и тебя с твоим сыном и моим племянником!»

И она отвечала: «Слушаю и повинуюсь!» – и тотчас же поднялась и собрала свои вещи, и сокровища, и девушек и немедленно снарядилась; а везирь Шамс-ад-дин пошёл к султану Басры и простился с ним, и тот послал с ним подарки и редкости для султана Египта.

И Шамс-ад-дин тотчас же выехал и, достигнув окрестностей города Дамаска, остановился в Кануне⁵² и разбил палатки и сказал тем, кто был с ним: «Мы пробудем здесь неделю, пока не купим султану подарки и редкости».

И тогда Аджиб вышел и сказал евнуху: «О Ляик, мне хочется прогуляться! Пойдём отправимся на рынок, пройдем в Дамаск и посмотрим, что случилось с тем поваром, у которого мы ели, а потом ранили его в голову. Он ока зал нам милость, и мы дурно поступили с ним».

И евнух ответил: «Слушаю и повинуюсь!» И Аджиб вместе с евнухом вышел из палатки, движимый кровным влечением к отцу, и они тотчас же вошли в город и, не переставая, шли, пока не дошли до харчевни. И они увидели, что повар стоит в лавке (а время близилось к закату солнца), и случилось так, что он сварил гранатных зёрнышек. И когда они подошли к нему и Аджиб взглянул на него, он почувствовал к нему влечение и увидел след удара камнем у него на лбу, и сказал ему: «Мир тебе! Знай, что моё сердце с тобою». И внутри Бедр-ад-дина все взволновалось, когда он взглянул на мальчика, и сердце его затрепетало, и он склонил голову к земле и хотел и не мог повернуть язык во рту, а потом он поднял голову, униженно и смиренно, и произнёс такие стихи:

«Стремился к любимым я, но только увидел их –
Смутился и потерял над сердцем и взором власть.
И в страхе, с почтением понурил я голову,
И чувства свои я скрыть хотел, по не скрыл я их.

И свитками целыми готовил упрёки я, –
Когда же мы встретились, я слова не вымолвил».

Потом он сказал им: «Залечите моё сердце и поешьте моего кушанья. Клянусь Аллахом, едва я посмотрел на тебя, моё сердце затрепетало, и я последовал за гобой, будучи без ума». – «Клянусь Аллахом, ты нас любишь, сказал Аджиб, – и мы съели у тебя кусочек, а ты возложил на нас последствия этого и хотел нас опозорить. Но мы съедим у тебя

⁵² Канун – местечко к северу от Дамаска, где останавливались караваны путешественников.

что-нибудь, только с условием, что ты дашь клятву не выходить за нами и не преследовать нас. Иначе мы больше не вернёмся к тебе; а мы пробудем Здесь неделю, пока мой дед не купит подарки для царя».

И Бедр-ад-дин сказал: «Быть по-вашему!» И Аджиб с евнухом вошли в лавку, и тогда Бедр-ад-дин подал им мяску с гранатными зёрнышками, и Аджиб сказал: «Поешь с нами! Может быть, Аллах облегчит нашу тяготу». И Бедр-ад-дин обрадовался и стал есть с ними, уставясь в лицо Аджиба, и его сердце и чувства привязались к нему; но Аджиб сказал: «Не говорил ли я, что ты влюблённый и надоедливый! Довольно тебе глядеть мне в лицо!» И, услышав слова своего сына, Бедр-ад-дин произнёс:

«Для тебя в душе сохранил я тайну сокрытию:
Обвита молчаньем моим она, не узнать её.
И позорящий светоносный месяц своей красой
И той прелестью, что подобна утру светящему,

Твой блестящий лик в нас желанья будит, – конца им нет,
И сулит свиданья и долгие и частые.
Ужель растаю от жара я, раз твой лик – мой рай,
И умру ль от жажды, коль райский ключ мне слюна твоя»

И Бедр-ад-дин стал кормить то Аджиба, то евнуха, и они ели, пока не насытились, а потом встали, и Хасан басрийский поднялся и полил им на руки воды и, отвязав от пояса шёлковую салфетку, вытер им руки и опрыскал их розовой водой из бывшей у него фляги. И потом он вышел из лавки и вернулся с кружкой питья, смешанного из розовой воды с мускусом, и, поставив её перед ними, сказал: «Довершите вашу милость!»

И Аджиб взял и отпил и протянул кружку евнуху, и они пили, пока у них не наполнились животы, и оба насытились до сытости, необычайной для них. И после того они ушли и торопились, пока не достигли палаток, и Аджиб пошёл к своей бабке, матери его отца, Бедр-ад-дина Хасана, и она поцеловала его и подумала о своём сыне Бедр-ад-дине Хасане и вздохнула и стала плакать, и затем сказала:

«Я прежде надеялась, что снова мы встретимся, –
Ведь жить, когда вы вдали, мне больше не хочется,
Клянусь я, в душе моей одно лишь стремление к вам,
И тайны Аллах, господь, сокрытые ведаёт».

И затем она спросила Аджиба: «О дитя моё, где ты был?» И он ответил: «В городе Дамаске». И тогда она подала ему миску гранатных зёрнышек (а они были не очень сладкие) и сказала евнуху: «Садись с господином!»

И евнух воскликнул про себя: «Клянусь Аллахом, нет у пас охоты до еды!» – и сел; а что до Аджиба, то, когда он сел, его живот был наполнен тем, что он съел и выпил. И он взял кусок хлеба и обмакнул его в гранатные зёрнышки и съел, и нашёл их недостаточно сладкими, так как был сыт. «Фу! Что это за мерзкое кушанье!» – воскликнул он. И его бабка сказала: «О дитя моё, ты хулишь моё кушанье, а я сама его варила, и никто не умеет так его варить, как я, кроме твоего отца, Бедр-ад-дина Хасана». – «О госпожа, – сказал Аджиб, – твоя стряпня отвратительна! Мы сейчас видели в городе повара, который сварил таких гранатных зёрнышек, что их запах раскрывает сердца, а его кушанье хочется съесть целиком. А твоё кушанье в сравнении с ним ничего не стоит».

Услышав эти слова, бабка Аджиба пришла в сильный гнев и посмотрела на евнуха...

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Двадцать четвёртая ночь

Когда же наступила двадцать четвёртая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что бабка Аджиба, услышав его слова, разгневалась и посмотрела на евнуха и сказала ему: „Горе тебе! Ты испортил моего внука, так как заходил с ним в харчевню!“

И евнух испугался и стал отрицать и сказал: «Мы не Заходили в харчевню, а только проходили мимо». – «Клянусь Аллахом, мы заходили и ели, и его кушанье лучше твоего!» – сказал Аджиб; и тогда его бабка поднялась и рассказала об этом брату своего мужа и вызвала в нем гнев на евнуха.

И евнух явился к везирю, и тот сказал ему: «Зачем ты заходил с моим внуком в харчевню?»

И евнух испугался и сказал: «Мы не заходили!» Но Аджиб воскликнул: «Мы зашли и поели гранатных зёрнышек досыта, и повар напоил нас мёдом со снегом и с сахаром!» И везирь ещё больше разгневался на евнуха и спросил его, но тот все отрицал.

И тогда везирь воскликнул: «Если твои слова – правда, сядь и поешь перед нами!» И евнух подошёл и хотел есть, но не мог, и бросил кусок хлеба и сказал: «О господин мой, я сыт со вчерашнего дня!»

И везирь понял, что он ел у повара, и велел рабам повалить его, и принялся его больно бить.

И евнух завопил и сказал: «О господин, не бей меня, я расскажу тебе правду!» И тогда его перестали бить; и везирь воскликнул: «Говори по истине!» И евнух сказал: «Знай, что мы вошли в харчевню, когда повар варил гранатные зёрнышки, и он поставил их перед нами, и, клянусь Аллахом, я в жизни не ел ничего подобного им и не пробовал ничего сквернее того, что перед нами».

И мать Бедр-ад-дина Хасана рассердилась и сказала: «Непременно пойдя к этому повару и принеси от него миску гранатных зёрнышек! Покажи их твоему господину, и пусть он скажет, которые лучше и вкуснее». – «Хорошо!» – сказал евнух; и она тотчас дала ему миску и полдинара, и он отправился и, придя в харчевню, сказал повару: «Мы поспорили в доме моего господина о твоём кушанье, так как у них тоже готовили гранатные зёрнышки. Дай нам твоего кушанья на эти полдинара и берегись: мы наелись болезненных ударов за твою стряпню».

И Бедр-ад-дин Хасан засмеялся и сказал: «Клянусь Аллахом, этого кушанья никто не умеет готовить, кроме меня и моей матери, а она теперь в далёких странах!»

И он взял миску и налил в неё кушанье и облил его сверху мускусом и розовой водой, и евнух забрал миску и поспешно пришёл к ним.

И мать Хасана взяла кушанье и попробовала его, и, увидев, как оно вкусно и отлично состряпано, она узнала, кто его стряпал, и вскрикнула, а затем упала без чувств.

И везирь оторопел, а потом брызнул на неё розовой водой, – и через некоторое время она очнулась и сказала: «Если мой сын ещё на свете, то никто не сварит так гранатных зёрнышек, кроме него! Это мой сын, Бедр-ад-дин Хасан, наверно и несомненно, так как это кушанье могу готовить только я, и я научила Бедр-ад-дина его стряпать».

И, услышав её слова, везирь сильно обрадовался и воскликнул: «О, как я стремлюсь увидеть сына моего брата! Увидим ли, что судьба соединит нас с ним! Мы просим о встрече с ним одного лишь великого Аллаха!»

И везирь в тот же час и минуту поднялся и кликнул людей, бывших с ним, и сказал: «Пусть пойдут из вас двадцать человек к этой харчевне и разрушат её, а повара свяжите его чалмой и притащите силой ко мне, но не причиняйте ему вреда!»

И они сказали: «Хорошо!», а везирь тотчас же поехал в «Обитель счастья» и, повидавшись с наместником Дамаска, ознакомил его с письмами султана, которые были у него с собою; и наместник положил их на голову, сначала поцеловав их, а потом спросил: «А где же твой обидчик?» – «Это один повар», – отвечал везирь. И наместник тотчас же велел

своим придворным отправиться в его харчевню; и они пошли и увидели, что она разрушена и все в ней поломано, так как, когда везирь поехал во дворец, его люди сделали то, что он приказал, и сидели, ожидая возвращения везиря из дворца, а Бедр-ад-дин говорил: «Посмотри-ка! Что это такое нашли в гранатных зёрнышках, что со мной случилось подобное дело?»

И когда везирь вернулся от дамасского наместника (а тот разрешил ему взять своего обидчика и выехать с ним), он вошёл в палатку и потребовал повара, – и того привели, скрученного чалмой. И Бедр-ад-дин Хасан посмотрел на своего дядю и горько заплакал и сказал: «О господин мой, в чем мой грех перед вами?» – «Это ты сварил гранатные зёрнышки?» – спросил его везирь. «Да, – отвечал Бедр-ад-дин, – а вы нашли в них что-то, за что следует снять голову?» – «Это наилучшее и наименьшее возмездие тебе!» – воскликнул везирь. И Бедр-ад-дин сказал: «О господин мой, не сообщишь ли ты мне, в чем мой грех?» – «Да, сию минуту», – отвечал везирь, и потом он крикнул слугу и сказал: «Приведите верблюдов». И они взяли Бедр-ад-дина Хасана и положили в сундук, и заперли его, и поехали, и ехали, не переставая, до ночи. А потом они сделали привал, кое-чего поели и вынули Бедр-ад-дина и покормили его и положили обратно в сундук, – и так это продолжалось, пока они не достигли Камры⁵³.

И тогда Бедр-ад-дина Хасана вынули из сундука, и везирь спросил его: «Это ты варил гранатные зёрнышки?» – «Да, о господин мой», – отвечал Бедр-ад-дин; и везирь сказал: «Закуйте его!» И его заковали и снова положили в сундук и поехали, и когда прибыли в Каир, остановились в ар-Рейдании⁵⁴. И везирь велел вынуть Бедр-ад-дина Хасана из сундука и приказал позвать плотника и сказал ему: «Сделай для него деревянную куклу». – «А что ты будешь с ней делать?» – спросил Бедр ад-дин-Хасан. «Я повешу тебя на кукле и прибую тебя к ней гвоздями и повезу тебя по всему городу», – отвечал везирь. И Бедр-ад-дин воскликнул: «За что ты со мной это сделаешь?» – «За то, что ты скверно сварил гранатные зёрнышки, – сказал везирь. – Как мог ты их так сварить, что в них недоставало перцу?» – «И за то, что в них не хватало перцу, ты со мной все это делаешь! – воскликнул Бедр-ад-дин. – Недостаточно тебе было меня заточить! И кормили-то вы меня раз в день!» – «Не хватало перцу, и нет для тебя наказания, кроме смерти!» – сказал везирь. И Бедр-ад-дин изумился и опечалился о самом себе.

«О чем ты думаешь?» – спросил его везирь. «О бестолковых умах, подобных твоему, – отвечал Бедр-аддин. – Будь у тебя разум, ты бы не сделал со мною этих дел». – «Нам надо тебя помучить, чтобы ты больше не делал подобного этому», – сказал везирь, а Бедр-ад-дин Хасан возразил: «Поистине, ничтожнейшее из того, что ты со мной сделал, достаточно меня измучило!» Но везирь воскликнул: «Тебя непременно надо повесить!» А в это время плотник готовил куклу, а Бедр-ад-дин смотрел. И так продолжалось, пока не подошла ночь, и когда дядя Бедр-ад-дина взял его и бросил в сундук и сказал: «Это будет завтра!»

И он подождал, пока не убедился, что Бедр-ад-дин заснул, и, сев на коня, взял сундук, поставил его перед собою и въехал в город, и ехал, пока не прибыл к своему дому, и тогда он сказал своей дочери, Ситт-аль-Хусн: «Слава Аллаху, который соединил тебя с сыном твоего дяди! Поднимайся, убери комнату так, как она была убрана в вечер смотрины».

И она встала и зажгла свечи, а везирь вынул исчерченную бумажку, на которой он нарисовал расположение комнаты, и они поставили все на место, так что видевший не усомнился бы, что это та же самая ночь смотрины.

И после этого везирь приказал положить тюрбан Бедр-ад-дина Хасана на то же место, куда он положил его своей рукой, а также его шальвары и кошель, который был под тюфяком, а затем он велел своей дочери раздеться, так же как в ночь смотрины, и сказал:

⁵³ Камра – селение на пути из Дамаска в Каир.

⁵⁴ Ар-Рейдания – селение к северо-востоку от Каира.

«Когда войдёт сын твоего дяди, скажи ему: „Ты заставил меня ждать, уйдя в покой уединения!“ И пусть он с тобой переночует до утра, а тогда мы ему покажем записанные числа».

Потом везирь вынул Бедр-ад-дина из сундука, раньше сняв с его ног оковы и освободив его от того, что на нем было, так что он остался в тонкой ночной рубашке, без шальвар (а он спал, ничего не зная).

И по предопределённому велению Бедр-ад-дин перевернулся и проснулся и увидел себя в освещённом проходе и сказал себе: «Это испуганные грёзы!»

И он встал и прошёл немного до второй двери и посмотрел, – и вдруг, оказывается, он в той комнате, где перед ним открывали невесту, и видит балдахин, и скамеечку, и свой тюрбан, и вещи.

И, увидя это, Бедр-ад-дин оторопел и стал переступать с ноги на ногу и воскликнул: «Сплю я или бодрствую?»

И он принялся тереть себе лоб и с изумлением говорил: «Клянусь Аллахом, это помещение невесты, где её открывали для меня! Где же я? Я ведь был в сундуке!»

И пока он говорил сам с собою, Ситт-аль-Хусн вдруг подняла край полога и сказала: «О господин мой, не войдёшь ли ты? Ты задержался в покое уединения». И когда Бедр-ад-дин услышал её слова и увидел её, он рассмеялся и сказал: «Поистине, это спутанные грёзы!»

Потом он вошёл и стал вздыхать, размышляя о том, что случилось, и не зная, что думать, и все происшедшее стало ему неясно, когда он увидел свой тюрбан и шальвары и кошель, в котором была тысяча динаров.

«Аллах лучше знает! Это спутанные грёзы!» – воскликнул он. И тогда Ситт-аль-Хусн сказала ему: «Что это, ты, я вижу, смущён и удивлён? Не таким ты был в начале ночи!» И Бедр-ад-дин засмеялся и спросил: «Сколько времени меня с тобою не было?» И она воскликнула:

«Спаси тебя Аллах! Имя Аллаха вокруг тебя! Ты только вышел за нуждою и возвращаешься. Ты потерял ум!»

И Бедр-ад-дин, услышав это, засмеялся и сказал: «Ты права! Но когда я вышел от тебя, я забылся в домике с водой и видел во сне, что я сделался поваром в Дамаске и прожил там десять лет, и будто ко мне пришёл кто-то из детей вельможи и с ним был евнух...»

И тут Бедр-ад-дин Хасан пощупал рукой лоб и, найдя на нем след удара, воскликнул: «Клянусь Аллахом, о госпожа моя, это как будто правда, так как он ударил меня по лбу и ранил меня. Похоже, что это наяву было!»

Потом он сказал: «Когда мы обнялись и заснули, мне приснилось, будто я отправился в Дамаск без тюрбана и без шальвар и сделался поваром...» И он простоял некоторое время растерянный и сказал: «Я как будто видел, что я сварил гранатных зёрнышек, в которых было мало перцу... Клянусь Аллахом, я, наверно, заснул в комнате с водой и видел все это во сне!...»

«Заклинаю тебя Аллахом, что ты ещё видел во сне, кроме этого?» – спросила Ситт-аль-Хусн; и Бедр-ад-дин Хасан рассказал ей и добавил: «Клянусь Аллахом, если бы я не проснулся, они бы, наверное, распяли меня на деревянной кукле!» – «За что же?» – спросила Ситт-аль-Хусн. «За недостаток перца в гранатных зёрнышках, – ответил Бедр-ад-дин. – Они как будто разрушили мою лавку, разбили всю мою посуду и положили меня в сундук, а потом привели плотника, чтобы сделать для меня виселицу, так как они хотели меня повесить. Слава же Аллаху за то, что все это случилось со мною во сне, а не произошло наяву!»

И Ситт-аль-Хусн засмеялась и прижала его к своей груди, и он тоже прижал её к груди, а после, подумав, сказал: «Клянусь Аллахом, похоже на то, что это было несомненно наяву! Не знаю, в чем тут дело!»

И он заснул, недоумевая о своём деле, и то говорил: «Я грезил», то говорил: «Я бодрствовал», – и так продолжалось до утра, когда к нему вошёл его дядя, Шамс-аддин,

везирь, и поздоровался с ним.

И Бедр-ад-дин Хасан посмотрел на него и воскликнул: «Клянусь Аллахом, не ты ли это велел меня скрутить и прибить меня гвоздями и разрушить мою лавку из-за того, что в гранатных зёрнышках недоставало перцу?» И тогда везирь сказал ему: «Знай, о дитя моё, что истина выяснилась, и стало явно то, что было скрыто. Ты – сын моего брата, и я сделал это, чтобы убедиться, что ты тот, кто вошёл к моей дочери той ночью. А убедился я в этом только потому, что ты узнал комнату и узнал твою чалму и шальвары, и твоё золото и бумажку, что написана твоим почерком, ту, которую написал твой родитель, мой брат. Я не видел тебя прежде этого и не знал тебя, а твою мать я привёз с собою из Басры».

И после этого он бросился к Бедр-ад-дину и заплакал, и Бедр-ад-дин Хасан, услышав от своего дяди такие слова, до крайности удивился и обнял своего дядю, плача от радости. А потом везирь сказал ему: «О дитя моё, всему этому причиной то, что произошло между мной и твоим отцом», – и он рассказал ему, что случилось у него с бра том и почему тот уехал в Басру.

Затем везирь послал за Аджибом; и, увидев его, его отец воскликнул: «Вот тот, кто ударил меня камнем!» А везирь сказал: «Это твой сын». И тогда Бедр-ад-дин кинулся к нему и произнёс:

«Я немало плакал, когда случилось расстаться нам,
И пролили веки потоки слез в печали.
И поклялся я, что когда бы время свело нас вновь,
О разлуке я поминать не стал бы устами.

Налетела радость, но бурно так, что казалось мне,
Что от силы счастья повергнут я в слезы».

И когда он кончил свои стихи, вдруг подошла его мать и кинулась к нему и сказала:

«Мы сетовали при встрече на силу того, что скажем;
Не выразить ведь печали устами гонца вовеки».

А затем его мать рассказала ему, что случилось после его исчезновения, и Хасан рассказал ей, что он перенёс, – и они возблагодарили Аллаха великого за то, что встретились друг с другом.

Потом везирь Шамс-ад-дин отправился к султану, через два дня после того, как он прибыл, и, войдя к нему, поцеловал перед ним землю и приветствовал его, как приветствуют царей; и султан обрадовался и улыбнулся ему в лицо и велел ему приблизиться, а потом расспросил его о том, что он видел в путешествии и что с ним произошло во время поездки.

И Шамс-ад-дин рассказал ему всю историю от начала до конца; и султан сказал: «Слава Аллаху, что ты получил желаемое и возвратился невредимый к семье и детям! Я непременно должен увидеть твоего племянника Хасана басрийского, приведи его завтра в диван». – «Твой раб явится завтра, если захочет Аллах великий», – ответил Шамс-ад-дин, а затем пожелал султану мира и вышел; а вернувшись домой, он рассказал сыну своего брата, что султан пожелал его видеть, и Хасан басрийский сказал: «Раб послушен приказанию владыки!»

Словом, он отправился к его величеству султану со своим дядей Шамс-ад-дином и, явившись пред лицо его, приветствовал его совершеннейшим и наилучшим приветствием и произнёс:

«Вот землю целует тот, чей сан вы возвысит
И кто во стремлениях успеха достиг своих.
Вы славой владеете, – и те лишь удачливы,

Чрез вас кто надеется, быв низким, высоким стать».

И султан улыбнулся и сделал ему знак сесть, и он сел подле своего дяди Шамс-ад-дина; а потом царь спросил его об его имени, и Хасан сказал: «Я недостойнейший из твоих рабов, прозываемый Хасаном басрийским, молящийся за тебя ночью и днём».

И султану понравились его слова, и он пожелал испытать его, чтобы проявилось, каковы его знания и образованность, и спросил: «Хранишь ли ты в памяти како-нибудь описание родинки?» – «Да, – ответил Хасан и произнёс:

Любимый! Всякий раз, как его вспомню,
Я слезы лью, и громко я рыдаю.
Он с родинкой, что красотой и цветом
Зрачок очей напомнит или финик».

И царь одобрил это двустипшие и сказал Хасану: «Подавай ещё! Аллаха достоин твой отец, и да не сломаются твои зубы!» И Хасан произнёс:

«Клянусь точкой родинки, что зёрнышку мускуса
Подобна! Не удивись словам ты сравнившего, –
Напротив, дивись лицу, что прелесть присвоило
Себе, не забывши взять мельчайшего зёрнышка».

И царь затрясся от восторга и сказал ему: «Прибавь мне, да благословит Аллах твою жизнь!» И Хасан произнёс:

«О ты, чей лик украсила родинка,
Что мускусу подобна на яхонте, –
Не будь жесток и близость даруй ты мне,
Желание и пища души моей!»

«Прекрасно, о Хасан, ты отличился вполне! – воскликнул царь. – Разъясни нам, сколько значений имеет слово „аль-халь“ в арабском языке?»

«Да поддержит Аллах царя, пятьдесят восемь значений, а говорят – пятьдесят», – ответил Хасан. И царь сказал: «Ты прав! – а потом спросил: Знаешь ты, каковы отдельные качества красоты?» – «Да, – отвечал Хасан, – миловидность лица, гладкость кожи, красивая форма носа и привлекательность черт, а завершение красоты – волосы. И все это объединил ещё аш-Шихаб-аль-Хиджази в стихах, размером реджез. Вот они:

Липу краса, скажи, должна присуща быть,
И коже гладкость. Будь же проницательным!
За красоту все хвалят нос, поистине,
Глаза ж прекрасных знамениты нежностью.

Да! А устам присуща прелесть, сказано;
Пойми же то, да не утратишь отдых ты!
Язык быть должен острым, стан изящным быть,
Чертам лица быть следует красивыми.

Верх красоты же, говорится, – волосы.
Внемли же ты стихам моим и краток будь!»

И царь порадовался словам Хасана и обласкал его и спросил: «Что означает поговорка:

«Шуреих⁵⁵ хитрее лисицы?» И Хасан отвечал: «Знай, о царь, – да поддержит тебя Аллах великий, – что Шуреих в дни моровой язвы удалился в Неджеф⁵⁶, и когда он вставал на молитву, приходила лисица и, стоя против него, подражала ему, отвлекая его от молитвы. И когда это продлилось, он снял однажды рубаху и повесил её на трость, вытянув рукава. а сверху надел свой тюрбан и перевязал рубаху у пояса и поставил трость на том месте, где молился. И лисица, как всегда, пришла и встала напротив, а Шуреих подошёл к ней сзади и поймал её, – и сказано было, что сказано».

И, услышав то, что высказал Хасан басрийский, султан сказал его дяде, Шамс-ад-дину: «Поистине, сын твоего брата совершенен в области словесных наук, и я не думаю, чтобы подобный ему нашёлся в Каире!» И Хасан басрийский поднялся и облобызал землю перед султаном и сел, как садится невольник перед своим господином.

И султан, узнавши поистине, какие достались Хасану басрийскому знания в словесности, обрадовался великой радостью и наградил его почётной одеждой и назначил его на дело, которое могло бы помочь ему поправить своё положение; а после того Хасан басрийский поднялся и поцеловал землю перед султаном и, пожелав ему вечного величия, попросил позволения уйти вместе со своим дядей, везирем Шамс-ад-дином.

И султан позволил ему, и он вышел и пришёл со своим дядей домой, и им подали еду, и они поели того, что уготовил им Аллах, а затем, покончив с едой, Хасан басрийский вошёл в покой своей жены Ситт-аль-Хусн и рассказал ей, что с ним произошло в присутствии султана; и она воскликнула: «Он непременно сделает тебя своим сотрапезником и в изобилии пожалует тебе награды и подарки!»

По милости Аллаха ты блещешь светом своих совершенств, словно величайшее светило, где бы ты ни был, на суше или на море». – «Я хочу сказать ему хвалебную касыду, чтобы любовь ко мне увеличилась в его сердце», – сказал Хасан. И его жена воскликнула: «Ты это решил удачно! Подумай хорошенько и постарайся сказать получше. Я так и вижу, что он ответит тебе приязнью».

И Хасан басрийский удалился в сторонку и старательно вывел стихи, стройные по построению и прекрасные по смыслу. Вот они:

Высшей славы повелитель мой достиг,
И стезёй великих, славных он грядёт.
Справедливыми все страны сделал он,
Безопасными и путь закрыл врагам.

Это набожный и прозорливый лев;
Царь, ты скажешь, или ангел – он таков.
Все богатыми уходят от него,
Описать его в словах бессилен ты.

В день раздачи он сияет, как заря,
В день же боя тёмн он, как ночи мрак.
Его щедрость охватила шею нам,
Над свободными он милостью царит.

Да продлит Аллах надолго его век
И от гибельной судьбы да сохранит!

⁵⁵ Шуреих – законоводец первых времён ислама.

⁵⁶ Неджеф – небольшой город в пределах современного Ирака.

И, окончив писать эти стихи, он послал их его величеству султану с одним из рабов своего дяди, везиря Шамсад-дина; и царь ознакомился с ними, и его сердце обрадовалось им, и он прочёл их тем, кто был перед ним, и они восхвалили Хасана великой похвалой. А потом султан призвал его в свою приёмную и, когда он явился, сказал ему: «С сегодняшнего дня ты мой сотрапезник, и я назначаю тебе ежемесячно тысячу дирхемов, кроме того, что я определил тебе раньше».

И Хасан басрийский поднялся и трижды поцеловал перед султаном землю и пожелал ему вечной славы и долгой жизни. И после этого сан Хасана басрийского возвысился, и слух о нем полетел по странам, и он пребывал со своим дядей и семьёй в прекраснейшем состоянии и приятнейшей жизни, пока не застигла его смерть».

Услышав из уст Джафара эту историю, Харун ар-Рашид удивился и сказал: «Должно записать эти происшествия золотыми чернилами!»

Затем он отпустил раба и приказал назначить юноше на каждый месяц столько, чтобы его жизнь была хороша, и подарил ему от себя наложницу, и юноша стал одним из его сотрапезников.

Но это нисколько не удивительнее сказки о портном, горбуне, еврее, надсмотрщике и христианине, и того, что с ними случилось».

«А как это было?» – спросил царь.

Сказка о горбуне (ночи 25-34)

И Шахразада сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что был в древние времена и минувшие века и столетия в одном китайском городе портной, широкий на руку и любивший веселье и развлечения. Он выходил иногда вместе со своей женой на гулянье; и вот однажды они вышли в начале дня и, возвращаясь на исходе его, к вечеру, в своё жилище, увидели на дороге горбуна, вид которого мог рассмешить огорчённого и разогнать заботу опечаленного. Портной и его жена подошли посмотреть на него и затем пригласили его пойти с ними в их дом и разделить в этот вечер их трапезу; и горбун согласился и пошёл к ним.

И портной вышел на рынок (а подошла уже ночь) и купил жареной рыбы, хлеба, лимон и творогу, чтобы полакомиться, и, придя, положил рыбу перед горбуном. И они стали есть, и жена портного взяла большой кусок рыбы и положила его в рот горбуну, и закрыла ему рот рукой, и сказала: «Клянусь Аллахом, ты съешь этот кусок Зараз, одним духом, и я не дам тебе времени прожевать!»

И горбун проглотил кусок, и в куске была крепкая кость, которая застряла у него в горле, – и так как срок его жизни кончился, он умер...»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Двадцать пятая ночь

Когда же настала двадцать пятая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что жена портного положила горбуну в рот кусок рыбы, и так как его срок окончился, он тотчас же умер.

И портной воскликнул: «Нет мощи и силы, кроме как у Аллаха! Бедняга! Смерть пришла к нему именно так, через наши руки!» А жена его сказала: «Что значит это промедление? Разве не слышал ты слов сказавшего:

Зачем утешать себя я стану немислимым,
Теперь уж не встречу я друзей, чтоб беду снести.
И как на огне сидеть, ещё не пожухнувшем!
Клянусь, на огнях сидеть – пропащее дело!»

«А что же мне делать?» – спросил её муж; и она сказала: «Встань, возьми его на руки и накрой шёлковым платком, и я пойду впереди, а ты сзади, сейчас же, вечером, и ты говори: „Это мой ребёнок, а вот это – его мать; мы идём к лекарю, чтобы он посмотрел его“». Услышав эти слова, портной встал и понёс горбуна на руках, и жена его говорила: „Дитятко, спаси тебя Аллах! Что у тебя болит и в каком месте тебя поразила оспа?“ И всякий, кто видел их, говорил: „С ними больной ребёнок“. И они все шли и спрашивали, где дом лекаря, и им указали дом врача-еврея; и они постучали в ворота, и к ним спустилась чёрная невольница и открыла ворота и посмотрела – и вдруг видит: у ворот человек, который несёт ребёнка, и с ним женщина. „В чем дело?“ – спросила невольница; и жена портного сказала: „С нами маленький, и мы хотим, чтобы врач его посмотрел. Возьми эту четверть динара и отдай её твоему господину – пусть он сойдёт вниз и посмотрит моего ребёнка: на него напала болезнь“. И невольница пошла наверх, а жена портного вошла за порог и сказала мужу: „Оставь горбуна здесь, и будем спасать наши души“.

И портной поставил горбуна, прислонив его к стене, и вышел вместе со своей женой, а невольница вошла к еврею и сказала: «У ворот человек с каким-то больным, и с ним женщина. Они мне дали для тебя четверть динара, чтобы ты спустился, посмотрел его и прописал ему что-нибудь подходящее». И еврей, увидав четверть динара, обрадовался и поспешно встал и сошёл вниз в темноте, – и едва ступил ногой на землю, как наткнулся на горбуна, который был мёртв. И он воскликнул: «О великий! О Моисей и десять заповедей! О Ааросни Иисус, сын Ну на! Я, кажется, наткнулся на этого больного, и он упал вниз и умер. Как же я вынесу из дома убитого?» И он понёс горбуна и вошёл с ним в дом и сообщил об этом своей жене; а она сказала: «Чего же ты сидишь? Если ты просидишь здесь до того, как взойдёт день, пропали наши души, и моя и твоя. Поднимемся с ним на крышу и кинем его в дом нашего соседа-мусульманина». А соседом еврея был надсмотрщик, начальник кухни султана, и он часто приносил домой сало, и его съедали кошки и мыши, а если попадался хороший курдюк, собаки спускались с крыш и утаскивали его, и они очень вредили надсмотрщику, портя все, что он приносил.

И вот еврей и его жена поднялись на крышу, неся горбатого, и опустили его на землю. Они оставили его, прислонив вплотную к стене, и, спустив его, ушли; и не успели они опустить горбуна, как надсмотрщик подошёл к дому и отпер его и вошёл с зажжённой свечкой. Войдя в дом, он увидел человека, стоящего в углу, под вытяжной трубой, и сказал: «Ох, хорошо, клянусь Аллахом! Тот, кто крадёт мои запасы, – оказывается, человек!» И, обернувшись к нему, надсмотрщик воскликнул: «Это мясо и сало таскаешь ты, а я думал, что это дело кошек и собак! Я перебил всех кошек и собак на улице и взял на себя из-за них грех, а ты, оказывается, спускаешься с крыши». И, схватив большой молоток, он взмахнул им и подошёл к горбуну и ударил его в грудь – и увидал, что горбун умер. И надсмотрщик опечалился и воскликнул: «Нет, мощи и силы, кроме как у Аллаха, высокого, великого!» Он испугался за себя и сказал: «Прокляни Аллах сало и курдюки! И как это гибель этого человека совершилась от моей руки». А потом он взглянул на него – и видит: это горбатый. «Мало того, что ты горбун, ты стал ещё вором и крадёшь мясо и сало! – воскликнул надсмотрщик. – О покровитель, накрой меня своим благим покровом!» И он поднял горбуна на плечи и вышел с ним из дому на исходе ночи и нёс его до начала рынка, а там он поставил его возле лавки у проулка и бросил его и ушёл.

И вдруг появился христианин, маклер султана. Он был пьян и вышел, отправляясь в баню, так как хмель подсказал ему, что утренняя близко; и он шёл покачиваясь, пока не приблизился к горбуну. Он присел напротив него помочиться и вдруг бросил взгляд – и видит: кто-то стоит. А у христианина в начале этого вечера утащили тюрбан, и, увидя стоящего горбуна, он подумал, что тот хочет стянуть его тюрбан, и сжал кулак и ударил его по шее. И горбун упал на землю, и христианин кликнул сторожа рынка и от сильного опьянения бросился на горбуна и стал бить его кулаком и душить. И сторож пришёл и увидал, что христианин стоит коленями на мусульманине и колотит его, и спросил: «Что

такое с ним?» – «Он хотел утащить мой тюрбан», – отвечал христианин. «Встань, оставь его», – сказал сторож; и христианин поднялся, а сторож подошёл к горбуну и увидел, что он мёртвый, и воскликнул: «Клянусь Аллахом, хорошо! Христианин убивает мусульманина!» Затем сторож схватил христианина и, связав ему руки, привёл его в дочевали, а христианин говорил про себя: «О мессия, о дева, как это я убил его, и как быстро он умер, от одного удара!» – И хмель исчез, и пришло раздумье.

И маклер-христианин и горбун провели ночь, до утра, в доме вали, а утром вали пришёл и велел повесить убийцу и приказал палачу кричать об этом. И для христианина сделали виселицу и поставили его под нею, и палач подошёл и накинул на шею христианина верёвку и хотел повесить его, как вдруг надсмотрщик прошёл сквозь толпу и увидел христианина, которого собирались вешать, и он растолкал народ и крикнул палачу: «Не надо, это я убил его».

«За что же ты его убил?» – спросил надсмотрщика вали. И тот ответил: «Вчера вечером я пришёл домой и увидел, что он спустился по трубе и украл мои припасы, и тогда я ударил его молотком в грудь, и он умер, и я снёс его на рынок и поставил его в таком-то месте у такого-то проулка...

И он воскликнул: Недостаточно мне убить мусульманина, чтобы я ещё убил христианина! Не вешай никого, кроме меня!» И вали, услышав эти слова надсмотрщика, отпустил маклера-христианина и сказал палачу: «Повесь этого, согласно его признанию».

И палач снял верёвку с шеи христианина и накинул её на шею надсмотрщика: он поставил его под виселицей и хотел повесить, но вдруг врач-еврей прошёл сквозь толпу и закричал людям и палачу: «Не надо! Это я один убил его вчера вечером. Я был дома, и вдруг в ворота постучали мужчина и женщина, и с ними был этот горбун, больной. Они дали моей невольнице четверть динара, и она сообщила мне об этом и отдала мне деньги, а мужчина и женщина внесли горбуна в дом и положили его на лестницу и ушли. И я спустился, чтобы посмотреть, и наткнулся на него в темноте, и он упал с верха лестницы и тотчас же умер. И мы с женой взяли его и поднялись на крышу (а дом этого надсмотрщика – рядом с моим домом) и спустили его, мёртвого, в вытяжную трубу в доме надсмотрщика; и когда надсмотрщик пришёл, он увидел горбуна в своём доме и предположил, что это вор, и ударил его молотком, и горбун упал на землю, и надсмотрщик подумал, что убил его. Мало мне разве убить мусульманина неумышленно, чтобы я взял на свою ответственность жизнь другого мусульманина умышленно!»

Услышав слова еврея, вали сказал палачу: «Отпусти – надсмотрщика и повесь еврея». И палач взял еврея и положил верёвку ему на шею, но вдруг портной прошёл сквозь толпу и крикнул: «Не надо! Его убил не кто иной, как я! Я днём гулял и пришёл к вечеру и увидел этого пьяного горбуна, у которого был бубён, и он пел под него. Я пригласил его и привёл к себе домой, и купил рыбы, и мы сели есть; и моя жена взяла кусок рыбы, положила его горбуну в рот и всунула ему в горло, но кость стала ему поперёк горла, и он тотчас же умер. И мы с женой взяли его и принесли к дому еврея, и девушка спустилась и открыла нам ворота, и я сказал ей: „Скажи твоему господину: у ворот мужчина и женщина, и с ними больной, – поди посмотри его“. И я дал ей четверть динара, и она пошла к своему господину, а я внёс горбуна на верх лестницы, поставил его и ушёл вместе с женой; а еврей спустился и наткнулся на горбуна – и решил, что он убил его». И портной спросил еврея: «Правда?» И тот сказал:

«Да!» И тогда портной обратился к вали и сказал: «Отпусти еврея и повесь меня». И вали, услышав его слова, изумился происшествию с этим горбатым и воскликнул:

«Поистине, такое дело записывают в книгах! – А потом он сказал палачу: Отпусти еврея и повесь портного, по его признанию». И палач подвёл его и сказал: «Мы устали – одного подводим, другого отводим, а никого не вешают», – и накинул верёвку на шею портного.

Вот что было с этими. Что же касается горбуна, то он, говорят, был шутком султана, и тот не мог расстаться с ним: и когда горбун напился и пропадал эту ночь и следующий день

до полудня, султан спросил о нем у кого-то из присутствующих, – и ему сказали: «О владыка, мы принесли к вали мёртвого, и вали приказал повесить его убийцу; и когда он собирался его вешать, явился второй убийца и третий, и все говорили: „Я один убил его“, и каждый рассказывал вали о причине убийства. И султан, услыша эти слова, кликнул привратника и сказал ему: „Сходи к вали и приведи их всех ко мне“.

И привратник пошёл и увидел, что палач собирается вешать портного, и крикнул ему: «Не надо!» Он сообщил вали, что сказал царь, и взял его с собою, а также и горбуна, которого несли, и портного, и еврея, и христианина, и надсмотрщика, – и всех их привели к царю. И вали, представ перед лицом султана, поцеловал землю и рассказал ему, что случилось со всеми, – а в повторении пользы нет. И когда царь услышал рассказ, он удивился, его взяло восхищение, и он велел записать это золотыми чернилами, и он спросил присутствующих: «Слышали ли вы что-нибудь более удивительное, чем история этого горбуна?» И тогда выступил вперёд христианин и сказал: «О царь, наметь время, – если позволишь, я тебе расскажу о чемто, что случилось со мною, и это удивительнее и диковиннее, чем история горбуна». – «Расскажи нам то, что ты хочешь!» – сказал царь.

Рассказ христианина

О, царь времени, – начал христианин, – когда я вступил в эти земли, я пришёл с товарами, и предопределение привело меня к вам, но место моего рождения – Каир. Я из тамошних коптов⁵⁷ и воспитывался там, и мой отец был маклером; и когда я достиг возраста мужей, мой отец скончался и я сделался маклером вместо него. И вот в один из дней я сижу и вдруг вижу едет на осле юноша, которого нет прекрасней, одетый в роскошнейшие одежды. И, увидав меня, он пожелал мне мира, а я встал из уважения к нему; и он вынул платок, в котором было немного кунжута, и спросил:

«Сколько стоит ардебб⁵⁸ вот этого?» – «Сю дирхемов», – отвечал я; и юноша сказал: «Возьми грузчиков и мерильщиков и отправляйся к Воротам Победы, в хан аль-Джавали – ты найдёшь меня там». И он оставил меня и уехал и отдал мне кунжут с платком, где был образчик; и я обошёл покупателей, и каждый ардебб принёс мне сто двадцать дирхемов. И я взял с собою четырех грузчиков и отправился к юноше, которого нашёл ожидающим; и, увидев меня, он поднялся и открыл кладовую, и из неё взяли зерно; и когда мы его перемерили, то его оказалось пятьдесят ардеббов, на пять тысяч дирхемов. И юноша сказал: «Тебе за посредничество десять дирхемов за ардебб; получи деньги и оставь у себя четыре тысячи и пятьсот дирхемов для меня: когда я кончу продавать свои запасы, я приеду и возьму у тебя деньги». И я сказал «Хорошо!» – и поцеловал ему руки и ушёл от него, и мне досталась в этот день тысяча дирхемов.

А юноша отсутствовал месяц, и потом он пришёл и спросил меня: «Где деньги?» А я встал и приветствовал его и спросил: «Не хочешь ли ты чего-нибудь поесть у нас?» Но он отказался и сказал: «Приготовь деньги, я приду и возьму их у тебя», – и ушёл. А я приготовил ему деньги и сидел, ожидая его; и его не было месяц, и я подумал: «Этот юноша совершенство доброты». А через месяц он приехал верхом на муле, одетый в роскошное платье и подобный луне в ночь полнолуния; и он словно вышел из бани, и лицо его было как месяц – с румяными щеками, блестящим лбом и родинкой, словно кружок амбры, подобно тому, как сказано:

И солнце и месяц тут в созвездье одном слились,

⁵⁷ Копты – так средневековые арабские авторы называли потомков исконных обитателей древнего Египта в отличие от арабов.

⁵⁸ Ардебб – мера ёмкости, составляет приблизительно два гектолитра.

Во всей красоте своей и счастье взошли они;
За прелести их сильней смотрящие любят их.
О благо, когда их глас веселья к себе зовёт!

Изящною прелестью красот их закончен ряд,
И ум укрепляет их и скромность великая.
Аллаха благословляй, создавшего дивное!

Что хочет господь высот для тварей, то сотворит, И, увидев его, я поцеловал ему руки, и поднялся перед ним и призвал на него благословение, и спросил: «О господин, не возьмёшь ли ты свои деньги?» И юноша ответил: «А зачем торопиться? Я кончу свои дела и возьму их у тебя», – и ушёл. А я воскликнул: «Клянусь Аллахом, когда он в следующий раз придёт, я непременно приглашу его, так как я торговал на его дирхемы и добыл через них большие деньги!»

А когда наступил конец года, он приехал, одетый в ещё более роскошное платье, чем прежде; и я стал заклинять его зайти ко мне и отведать моего угощения. И юноша сказал: «С условием, чтобы то, что ты на меня потратишь, было из моих денег, которые у тебя». И я сказал: «Хорошо!» – и посадил его и сходил и приготовил какие следует кушанья и напитки и прочее, и принёс это ему и сказал: «Во имя Аллаха!» И юноша подошёл к столику и, протянув свою левую руку, стал со мною есть, – и я удивился этому. А когда мы кончили, я вымыл его руку и дал ему чем её вытереть, и мы сели за беседу, после того как я поставил перед ним сладости. И тогда я сказал: «О господин мой, облегчи мою заботу: почему ты ел левой рукой? Может быть, у тебя на руке что-нибудь болит?» И, услышав мои слова, юноша произнёс:

«О друг мой, не спрашивай о жарком волнении,
Что в сердце горит моем, – недуг обнаружишь ты мол.
Не доброю волею я Лейлу сменил теперь
На Сельму, но знай – порой нужда заставляет нас».

И он вынул руку из рукава, и вдруг я вижу – она обрубленная: запястье без кисти. И я удивился этому, а юноша сказал мне: «Но дивись и не говори в душе, что я ел с тобой левой рукой из чванства, отсечению моей правой руки есть диковинная причина». – «А что же причиною этому?» – спросил я; и юноша сказал: «Знай, что я из уроженцев Багдада, и мой отец там был знатен; и когда я достиг возраста мужей, я услышал рассказы странников, путешественников и купцов о египетских землях, и это осталось у меня в сердце. И когда мой отец умер, я взял много товаров и багдадских и мосульских и, собрав все это, выехал из Багдада; и Аллах предначертал мне благополучие, и я вступил в этот ваш город, – и потом он заплакал и произнёс:

Спасается ослепший от ямы той,
Куда слетит прозорливый, видящий!
Глупец порой от слова удержится,
Которое погубит разумного.

Кто верует, с трудом лишь прокормится:
Неверные, развратники – все найдут.
Что выдумать, как действовать молодцу?
Ведь так судил судящий, дарующий.

А окончив эти стихи, он сказал: «И я прибыл в Каир и сложил ткани в хане Масрура и, отвязав свои тюки, вынес их и дал слуге денег, чтобы купить нам чего-нибудь поесть, и

немного поспал; а поднявшись, я прошёлся по улице Бейн-аль-Касрейн и вернулся и проспал ночь. А наутро я встал и вскрыл тюк с тканями и сказал себе: „Пойду пройдуся по рынкам и посмотрю, как обстоят там дела!“ И я взял кое-какие ткани и дал их отнести одному из моих слуг и пошёл на рынок Джирджиса, и маклеры встретили меня (а они узнали о моем прибытии) и взяли у меня ткани и стали кричать, предлагая их; но они не принесли даже своей цены, и я огорчился этим. И староста маклеров сказал мне: „О господин, я знаю что-то, от чего тебе будет прибыль. Сделай так, как делают купцы, и отдай твои ткани в долг на несколько месяцев при писце, свидетеле и меняле. Ты будешь получать деньги каждый четверг и понедельник и наживёшь дирхемы: на каждый дирхем два, и, кроме того, посмотришь Каир и Нил“.

И я сказал: «Это правильная мысль!» – и, взяв с собою маклеров, отправился в хан, а они забрали ткани на рынок, и я продал их и записал за ними цепи и отдал бумажку меняле, взяв у него расписку, и вернулся в хан. И я провёл много дней, ежедневно, в течение месяца, завтракая с кубком вина и посылая за мясом барашка и сладостями; и наступил тот месяц, когда мне следовало получать, и каждый четверг и понедельник я отправлялся на рынок и садился возле лавок купцов, а меняла и писец уходили и приносили деньги после полудня, а я пересчитывал их, запечатывал кошельки, брал деньги и уходил в хан. И вот в один из дней (а это был понедельник) я вошёл в баню и, вернувшись в хан, отправился в своё помещение и позавтракал с кубком вина и поспал, а проснувшись, я съел курицу и надушился и пошёл в лавку одного купца, которого звали Бедр-ад-дин аль-Бустани. И, увидев меня, он сказал мне: «Добро пожаловать!» – и разговаривал со мной некоторое время, пока не открылся рынок.

И вдруг подошла женщина с гибким станом и гордой походкой, в великолепном головном платке, распространявшая благоухание; и она подняла покрывало, и я увидел её чёрные глаза, а женщина приветствовала Бедр-аддина, и тот ответил ей на приветствие и стоял, беседуя с нею; и когда я услышал её речь, любовь к ней овладела моим сердцем. А она сказала Бедр-ад-дину: «Есть у тебя отрез разрисованной ткани с золотыми прошивками?» И он вынул ей отрез из тех кусков, которые купил у меня, и они сошлись в цене на тысяче двухстах дирхемах. «Я возьму кусок и уйду и пришлю тебе деньги», – сказала тогда женщина купцу; но он возразил: «Нельзя, госпожа, вот владелец ткани, и я связан перед ним сроком». – «Горе тебе! – воскликнула женщина. – Я привыкла брать у тебя всякий кусок ткани за много денег и даю тебе нажить больше того, что ты хочешь, и присылаю тебе деньги». А купец отвечал: «Да, но я принуждён расплатиться сегодня же». И тогда она взяла кусок и бросила его в лицо Бедр-ад-дину и воскликнула: «Ваше племя никому не знает цены!» – и встала. С её уходом я почувствовал, что моя душа ушла с нею. И я поднялся и остановил её и сказал: «О госпожа, сделай милость, обрати ко мне свои благородные шаги!» И она воротилась, и улыбнулась, и сказала: «О, ради тебя возвращаюсь», – и села напротив, возле лавки.

И я спросил Бедр-ад-дина: «За сколько ты купил этот кусок?» – «За тысячу сто дирхемов», – отвечал он; и я сказал: «Тебе будет ещё сто дирхемов прибыли; дай бумагу, я напишу тебе расписку на эту цену». И я взял кусок ткани и написал Бедр-ад-дину расписку своей рукой и отдал женщине и сказал ей: «Возьми и иди; и если хочешь, принеси деньги в следующий рыночный день, а если пожелаешь – это тебе подарок, как моей гостье». – «Да воздаст тебе Аллах благом и да пошлёт тебе мои деньги и сделает тебя моим мужем!» – сказала женщина (и Аллах внял её молитве). А я воскликнул: «О, госпожа, считай этот отрез твоим, и тебе будет ещё такой же, но дай мне посмотреть на твоё лицо». И когда я взглянул ей в лицо взглядом, вызвавшим во мне тысячу вздохов, любовь к ней привязалась к моему сердцу, и я перестал владеть своим умом. А потом она опустила покрывало и взяла отрез и сказала: «О господин, не заставляй меня тосковать!» – и ушла; а я просидел на рынке до послеполуденного времени, и ум мой исчез и любовь овладела мною. И от силы охватившей меня любви я поднялся и спросил купца об этой женщине, и он сказал: «У неё есть деньги. Она дочь одного эмира, и отец её умер и оставил ей большое богатство».

И я простился с ним и ушёл и пришёл в хан, и мне подали ужин, но я вспомнил о той

женщине и не стал ничего есть и лёг спать. Но сон не шёл ко мне; и я не спал до утра и встал и надел не ту одежду, что была на мне раньше, и выпил кубок вина и поел немного на завтрак, и пошёл в лавку того купца. Я приветствовал его и сел у него, и молодая женщина, как обычно, пришла, одетая ещё более роскошно, чем раньше, и с ней была невольница. И она поздоровалась со мной, а не с Бедр-аддином, и сказала красноречивым языком, нежнее и слаще которого я не слышал: «Пошли со мной кого-нибудь, чтобы взять тысячу и двести дирхемов – плату за кусок ткани». – «А что же торопиться?» – сказал я ей, и она воскликнула: «Да не лишимся мы тебя!» – и отдала мне деньги; и я сидел и разговаривал с нею. И я сделал ей Знак, и она поняла, что я хочу обладать ею, и встала поспешно, испуганная, а моё сердце было привязано к ней. И я вышел с рынка следом за ней, и вдруг ко мне подошла девушка и сказала: «О господин, поговори с моей госпожой!» И я изумился и сказал: «Меня никто Здесь не знает». Но девушка воскликнула: «О господин, как ты скоро её забыл! Моя госпожа-та, что была сегодня в лавке такого-то купца». И я пошёл с девушкой на рынок менял; и, увидев меня, её госпожа привлекла меня к себе и сказала: «О мой любимый, ты проник мне в душу, и любовь к тебе овладела моим сердцем, и с той минуты, как я тебя увидела, мне не был приятен ни сон, ни питьё, ни пища». – «У меня в душе во много раз больше этого, и положение избавляет от нужды сетовать», – ответил я. И она спросила: «О любимый, у меня или же у тебя?» – «Я здесь человек чужой, – отвечал я, – и нет мне где приютиться, кроме хана. Если сделаешь милость пусть будет у тебя». И она сказала: «Хорошо; но сегодня канун пятницы и ничего не может получиться, – разве только завтра, после молитвы. Помолись, сядь на осла и спрашивай квартал аль-Хаббания, а когда приедешь, спроси, где дом Бараката – начальника, по прозвищу Абу-Шама, – я там живу. И не медли, я жду тебя».

И я обрадовался великою радостью, и потом мы расстались; и я пришёл в хан, где я жил, и провёл ночь без сна и не верил, что заря заблестала. И я встал и переменял одежду, и умастился, и надушился, и, взяв с собой пятьдесят динаров в платке, прошёл от хана Масрура до ворот Зубиле, а там сел на осла и сказал его владельцу: «Отвези меня в аль-Хаббанию». И он доехал в мгновение ока и очень скоро остановился у ворот в квартал, называемый квартал аль-Мункари; и я сказал ему: «Зайди в квартал и спроси дом начальника». И ослятник ушёл и недолго отсутствовал, и, вернувшись, сказал: «Заходи!» И я сказал ему: «Иди впереди меня к дому! Рано у гром придёшь сюда и отвезёшь меня, – сказал я потом ослятнику; и он отвечал: „Во имя Аллаха!“, и я дал ему четверть динара золотом.

И ко мне вышли две молоденькие девушки, высокогрудые девы, подобные лунам, и сказали мне: «Входи, наша госпожа тебя ожидает! Она не спала ночь, радуясь тебе». И я вошёл в верхнее помещение с семью дверями, вокруг которого шли окна, выходившие в сад, где были всевозможные плоды, и полноводные каналы, и поющие птицы; и все было выбелено султанской извёсткой, в которой человек видел своё лицо, а потолок был покрыт золотыми надписями, написанными лазурью, которые заключали прекрасные славословия и сияли смотрящим. А пол в комнате был выстлан пёстрым мрамором, и посреди был водоём, по краям которого находились чаши, литые из золота и извергавшие воду, похожую на жемчуг и яхонты; и помещение было устлано разноцветными шёлковыми коврами и уставлено скамейками. И, войдя, я сел...»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Двадцать шестая ночь

Когда же настала двадцать шестая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что юноша купец говорил христианину: „И, войдя, я сел и не успел я очнуться, как та женщина уже подошла – в венце, окаймлённом жемчугом и драгоценностями, разрисованная и расписанная. И, увидев меня, она улыбнулась мне к лицу, и обняла меня, и прижала к своей груди и, приложив рот к моему рту, стала сосать мой язык; и я делал так же. И она сказала:

„Это правда? Ты пришёл ко мне?“ И я отвечал ей: „Я твой раб!“ А она воскликнула: „Привет, добро пожаловать! Клянусь Аллахом, с того дня, как я тебя увидела, мне не был сладок сон и неприятно кушанье“. – «И мне также», – отвечал я; и мы сели и стали разговаривать, и я держал голову опущенной к земле от стыда. И вскоре мне подали на скатерти роскошнейшие кушанья: мясо в уксусе, поджаренную тыкву в пчелином меду и курицу с начинкой, и я поел с ней, и мы насытились, и мне подали таз и кувшин, и я вымыл руки; а потом мы надушились розовой водой с мускусом и сидели разговаривая, и она произнесла такие стихи:

«Если б введом приход ваш был, мы б устлали
Кровью сердца ваш путь и глаз чернотою
И постлали б навстречу вам наши щеки, –
Чтоб тянулась дорога ваша по векам».

И она жаловалась на то, что испытала, и я жаловался ей на то, что испытал, и любовь к ней овладела мною, и все деньги сделались для меня ничтожны. И мы играли, возились и целовались, пока не подошла ночь, и тогда девушки подали нам кушанье и вино, и вдруг вижу – это целый пир! И мы пили до полуночи, а затем легли и заснули, и я проспал с ней до утра, и в жизни не видел ночи, подобной этой. Когда же настало утро, я поднялся и бросил ей под постель платок, в котором были динары, и простился с ней и вышел, а она заплакала и сказала: «О господин мой, когда я опять увижу это прекрасное лицо?» И я сказал ей: «Я буду у тебя вечером». А выйдя, я нашёл ослятника, привёзшего меня вчера, который ждал меня у ворот, и сел с ним и приехал в хан Масрура, и сошёл, и дал ослятнику полдинара и сказал ему: «Приходи опять ко времени заката!» И он отвечал: «Хорошо!» И я позавтракал и пошёл взysкивать деньги за ткани, а потом возвратился и приготовил ей жареного ягнёнка и сладостей, а затем позвал носильщика, положил все это ему в корзину, заплатил ему и вернулся к своим делам и был занят до захода солнца.

А на закате ослятник пришёл ко мне, и я взял пятьдесят динаров, положил их в платок и пошёл к ней; и я увидел, что там вытерли мрамор и начистили медь и заправили светильники, зажгли свечи, разложили кушанья и процедили вино. И при виде меня моя возлюбленная закинула руки мне на шею и воскликнула: «Ты заставил меня тосковать!» А затем подали столы, и мы ели, пока не насытились, и девушки убрали столы и поставили вино. И мы пили, не переставая, до полуночи, а потом перешли в спальню и проспали до утра; и я поднялся и дал ей, как обычно, пятьдесят динаров и вышел от неё. И я увидел ослятника и поехал в хан, и поспал немного, а затем я встал и собрал ужин, и приготовил орехи и миндаль к рисовому пилаву, и жареный бронник, и взял свежих и сушёных плодов на закуску, и цветов – и отослал ей это; и, зайдя домой, взял пятьдесят динаров в платке и вышел и, как обычно, поехал с ослятником к её дому. И я вошёл, и мы поели и попили и спали до утра, а потом я поднялся и бросил ей платок и, как всегда, поехал в хан. И так продолжалось некоторое время; и вот однажды я провёл ночь и проснулся, не имея ни дирхема, ни динара. И я сказал себе: «Все это дело сатаны! – и произнёс такие стихи:

От бедности богатого меркнет свет,
Как солнца луч бледнеет в вечерний час.
Коль нет его, помянут не будет он,
А в стан придёт, так доли там нет ему.

На рынке он проходит украдкой,
И слезы льёт в пустыне он горькие.
Клянусь Аллахом, муж среди родичей,
Коль бедностью испытан он, – всем чужой!»

И я вышел из хана и прошёл по улице Бейн-аль-Касрейн и дошёл до самых ворот, и я

увидел, что люди стоят толпой и ворота забиты множеством народа. И по предопределённому велению я увидел солдата и невольно прижал его, и моя рука оказалась у его кармана, и я потрогал его и нащупал кошелек в том кармане, на котором лежала моя рука. И я почувствовал, что моя рука касается кошелька, и взял его из кармана солдата. И солдат заметил, что его карман стал лёгким, и положил туда руку, но ничего не нашёл там; и он обернулся ко мне и, подняв руку с дубиной, ударил меня по голове, и я упал на землю. И люди окружили нас и схватили за уздечку лошадь солдата и сказали: «Из-за тесноты ты ударил этого юношу таким ударом!» Но солдат закричал на них и сказал: «Это проклятый вор!» И тут я очнулся и услышал, что люди говорят: «Эго красивый юноша, он ничего не взял!» – некоторые верили, а другие не верили, и толки и пересуды умножились.

И люди потащили меня и хотели меня освободить из рук солдата; и по предопределённому велению вдруг въехали в ворота вали и начальник и стражники, и они увидели, что народ собрался около меня и солдата. И вали спросил: «В чем дело?» И солдат сказал: «Клянусь Аллахом, господин, это вор! У меня в кармане был голубой кошелек с двадцатью динарами, и он взял его, когда я был в толпе». – «А был с тобой кто-нибудь?» – спросил вали у солдата; и солдат ответил: «Нет!» И тогда вали крикнул начальника, и тот схватил меня, и покров Аллаха был с меня снят. И вали сказал начальнику: «Раздеть его!» И когда меня раздели, кошелек нашли в моем платье. А когда кошелек нашли, вали взял его и открыл и пересчитал деньги, и увидел, что в нем двадцать динаров, как и сказал солдат.

И вали рассердился и кликнул стражников, и меня подвели к нему, и он спросил: «О юноша, скажи правду, ты украл этот кошелек?» И я опустил голову к земле и сказал про себя: «Если скажу „не украл“, – но ведь он вытащил его из моего платья; а если скажу „украл“ – испытаю мучение». И я поднял голову и сказал: «Да, я взял его». И, услышав от меня эти слова, вали удивился и позвал свидетелей, и они явились и засвидетельствовали мои слова, – и все это происходило у ворот Зукбале. И вали отдал приказ палачу, и тот отрубил мне правую руку; и сердце солдата смягчилось, и он заступился за меня, и вали оставил меня и уехал. А люди остались около меня и дали мне выпить кубок вина, а солдат отдал мне кошелек и сказал: «Ты красивый юноша, не должно тебе быть вором». И после этого я произнёс:

«Аллахом клянусь, я не был вором, о верный брат,
И не из крадущих я, о лучший из тварей!
Внезапно превратностью судьбы поражён я был,
И мучим заботой я, нуждой и волненьем.

Не ты поразил меня, – стрелою господь метнул
И сбил с головы моей венец царской власти».

И солдат оставил меня и ушёл, отдав мне кошелек, и я тоже ушёл, и завернул свою руку в тряпку и положил её на пазуху; и моё состояние расстроилось, и цвет лица пожелтел из-за того, что со мной случилось. И я дошёл до дома той женщины, будучи нездоров, и бросился на постель; и женщина увидела, что у меня изменился цвет лица, и спросила: «Что у тебя болит и почему ты, я вижу, расстроен?» – «У меня болит голова, и мне нехорошо», – отвечал я. И тогда она разгневалась и обеспокоилась за меня и воскликнула: «Не сжигай моего сердца, господин мой. Сядь, подними голову и расскажи мне, что произошло с тобой сегодня? Мне видны на твоём лице многие слова». – «Избавь меня от разговоров», – сказал я. И она заплакала и воскликнула: «Ты как будто бы больше не хочешь меня! Я вижу, что ты не такой, как обычно». И я промолчал, а она стала разговаривать со мной, по я не отвечал ей.

А когда подошла ночь, она подала мне кушанье, но я отказался от него, боясь, что она увидит, что я ем левой рукой, и сказал: «Я не хочу сейчас есть!» – «Расскажи мне, что произошло с тобою сегодня и почему ты озабочен и разбиты твоё сердце и душа», – сказала она. И я ответил: «Сейчас я расскажу тебе не торопясь». И она подала мне вина и сказала:

«Вот тебе, это разгонит твою заботу! Непременно выпей и Расскажи мне, что случилось». – «Я обязательно должен рассказать тебе?» – спросил я; и он» ответила: «Да!» И тогда я сказал: «Если это непременно должно быть, напои меня твоей рукой». И она наполнила кубок, и я выпил его, и она наполнила его снова и протянула мне, и я принял его от неё левой рукой, и слезы побежали из моих глаз. И я произнёс:

«Когда Аллах захочет сделать что-нибудь
С разумным мужем, видящим и слышащим,
Он оглушит его и душу ослепит
Ему, и ум его, как волос, вырвет он.

Когда же приговор исполнится его,
Вернёт он ум ему, чтоб поучался он».

И, окончив стихи, я взял кубок левой рукой и заплакал, а она издала громкий крик и спросила: «Отчего ты плачешь? Ты сжёг мне сердце! Почему ты взял кубок левой рукой?» – «У меня на руке чирей», – отвечал я ей; и она сказала: «Вынь её, я тебе его проткну». Но я сказал: «Теперь не время его вскрывать! Не надоедай мне! Я не выну сейчас руки!»

Затем я выпил кубок, и она до тех пор поила меня, пока меня не одолел хмель и я не заснул на месте, и тогда она увидела мою руку без кисти и, обыскав меня, нашла у меня кошель с золотом; и её охватила такая печаль, какая ещё не охватывала никого, и она страдала из-за меня до утра. А пробудившись от сна, я увидел, что она приготовила мне отвар и подала его, – и вдруг я вижу, он из четырех куриц! – и дала мне выпить кубок вина; и я поел и выпил, и положил кошель, как обычно, и хотел выйти, но она спросила: «Куда идёшь?» – «В одно место, куда мне надо пойти», – отвечал я. Но она сказала: «Не уходи, садись!»

И когда я сел, она воскликнула: «Так твоя любовь дошла до того, что ты истратил все деньги и лишился кисти? Свидетельствую перед тобой – и свидетель тому Аллах! – что я с тобой не расстанусь! Ты скоро убедишься в истинности моих слов!» И она послала за свидетелями и, когда они явились, сказала им: «Напишите мою брачную запись с этим юношей и засвидетельствуйте, что я получила приданое». И они засвидетельствовали мой брачный договор с нею, и после того она сказала: «Засвидетельствуйте, что все мои деньги, которые в этом сундуке, и все какие у меня есть рабы и невольницы принадлежат этому юноше».

И они засвидетельствовали это, и я принял дарственную, и они ушли, получив сначала свою плату; а после этого она взяла меня за руку и, поставив меня около кладовой, открыла большой сундук и сказала мне: «Посмотри, что в сундуке». И я посмотрел – и вижу: он полон платков; а она сказала: «Это твои деньги, которые я брала у тебя. Всякий раз, как ты давал мне платок с пятьюдесятью динарами, я складывала его и бросала в этот сундук. Возьми свои деньги, они вернулись к тебе, и ты сегодня богат. Судьба поразила тебя из-за меня: ты потерял свою правую руку, – и я не могу возместить тебе этого. Даже если бы я пожертвовала своей душой, этого было бы мало; и у тебя надо мной преимущество. – И она сказала мне: Получи свои деньги». И я перенёс её сундук к своему и положил её деньги к своим деньгам, которые я давал ей, и моё сердце возрадовалось, и моя забота рассеялась. И я поцеловал мою жену и поблагодарил её, а она сказала: «Ты пожертвовал своей рукой из любви ко мне! Как я могу возместить тебе это? Клянусь Аллахом, если бы я отдала из любви к тебе свою душу, этого, наверное, было бы мало, и я не в состоянии должным образом воздать тебе».

После этого она отписала мне особою крепостью все какие имела носильные платья и драгоценности и вещи и провела эту ночь озабоченная моей заботой; и я рассказал ей все, что со мной случилось, и провёл с нею ночь. И когда прошло меньше месяца, её слабость увеличилась и болезнь её усилилась, и, проживши только пятьдесят дней, она оказалась

среди обитателей того света. И я обрядил её и похоронил в земле, и устроил над нею чтения Корана, и роздал за неё в виде милостыни много денег. А выйдя из её склепа, я увидел, что ей принадлежат большие богатства, владения и поместья; и в числе её складов был склад кунжута, часть которого я продал тебе, и потому не посещал тебя в течение этого времени, что продавал остальные запасы и все, что было в кладовых, и я до сих пор ещё не получил всех денег. Не возражай же против тою, что я тебе скажу, так как я поел твоей пищи: я дарю тебе деньги за кунжут, который находится у тебя. Вот причина отсечения моей правой руки и того, что я ел левой рукой».

«Ты был милостив и благодетелен», – сказал я ему. И он спросил: «Не хочешь ли ты отправиться со мной в мои земли? Я накопил товаров каирских и александрийских, и, может быть, ты согласишься сопровождать меня?» – «Хорошо, – сказал я и назначил ему сроком начало месяца, а затем я продал все, что имел, и купил других товаров и отправился вместе с юношей в эти земли, то есть в вашу страну. И юноша продал товары и купил вместо их другие в вашей стране и отправился в земли египетские, а мне на долю выпало побывать этой ночью здесь, – и со мной случилось на чужбине то, что случилось. Не удивительней ли это, о царь нашего времени, чем то, что произошло с горбуном?»

«Вас всех необходимо повесить», – сказал царь...»

И Шахразадку застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Двадцать седьмая ночь

Когда же настала двадцать седьмая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что царь Китая сказал: „Вас необходимо повесить!“ Тогда надсмотрщик подошёл к царю Китая и молвил: „Если ты мневеришь, я расскажу тебе историю, приключившуюся со мной. За это время, раньше чем я нашёл этого горбуна, и если она будет удивительнее его истории, подаришь ли ты нам наши души?“ – „Хорошо“, – отвечал царь. И надсмотрщик сказал:

Рассказ надсмотрщика (ночи 27-28)

Знай, что в прошлый вечер я был в одном собрании, где устроили чтение Корана и собрали законовевов; и когда чтецы прочитали и кончили, накрыли стол, и среди того, что подали, был засахаренный миндаль в уксусе. И мы подошли и начали есть миндаль, но один из нас отошёл и не стал есть его, и хотя мы заклинали его, он поклялся, что не будет есть миндаль. Мы все же заставляли его, и он воскликнул: «Не принуждайте меня, довольно того, что со мной случилось из-за того, что я поел миндаля! – И потом он произнёс:

На плечо возьми ты бубён и иди,
Коль сурьму такую любишь, так сурьмись».

А когда он кончил, мы спросили его: «Заклинаем тебя Аллахом, почему ты отказываешься есть миндаль?» И он ответил: «Если я уж непременно должен поесть его, то я его поем только после того, как вымою руки сорок раз мылом, сорок раз содой и сорок раз щёлоком, – а всего ею двадцать раз». И тогда хозяин пира приказал своим слугам принести воды и того, что требовал юноша, и гот вымыл руки так, как сказал я, а после того он подошёл и сел и протянул руку, как бы испуганный, и с отвращением коснулся миндаля и стал есть, заставляя себя. И мы пришли от этого в крайнее удивление. И рука юноши дрожала, и он выставил большой палец своей руки, – и вдруг мы видим: он обрублен, и юноша ест четырьмя пальцами.

И мы спросили его: «Заклинаем тебя Аллахом, что с твоим большим пальцем? Он так и создан Аллахом или его постигло несчастье?» И юноша отвечал: «О братья, таков не один

этот большой палец, но и другой, и на обеих ногах тоже. Да вот, посмотрите». И он обнажил большой палец на своей другой руке, и мы увидели, что он такой же, как на правой, и ноги его тоже без больших пальцев. И, увидев, что это так, мы ещё больше удивились и сказали ему: «Нам не терпится узнать твою историю, и почему отсечены твои пальцы, и зачем ты вымыл руки ею двадцать раз!»

«Знайте, – сказал тогда юноша, – что мой родитель был купец из богатых купцов Багдада во дни халифа Харуна ибн Рашида. Он страстно любил пить вино и слушать лютню и другие музыкальные инструменты и после смерти не оставил ничего. И я обрядил его и устроил чтения и тосковал по нем дни и ночи, а затем я открыл его лавку и увидел, что после него осталось лишь немного, и обнаружил за ним долги. Я уговорил заимодавцев подождать и смягчил их сердца, и стал торговать от пятницы до пятницы и отдавал заимодавцам; и таким образом продолжалось некоторое время, пока я не уплатил долги сполна, и я увеличивал свой капитал в течение дней и ночей. И вот однажды, в один из дней, я сижу и вдруг неожиданно вижу молодую женщину, прекрасней которой не видали мои глаза, и на ней украшения и драгоценности, и она едет на муле, и впереди неё раб и сзади раб. И она остановила мула у входа на рынок и вошла, и евнух последовал за ней и сказал: „О госпожа, входи и не дай никому узнать, что ты здесь, – ты разожжёшь против нас огонь гнева“. И евнух заслонял её, пока она смотрела лавки купцов, и она не нашла никого, кто бы уже открыл свою лавку, кроме меня, и подошла, и евнух следом за ней, и села возле моей лавки и приветствовала меня, – и я не слыхивал ничего прекраснее её слов и нежнее её речей. А потом она открыла своё лицо, и я увидел, что оно подобно месяцу, и я посмотрел на неё взглядом, вызвавшим у меня тысячу вздохов, и любовь к ней привязалась к моему сердцу. И я стал ещё и ещё взглядывать ей в лицо и произнёс:

«Скажи красавице, что в покрове шёлковом:
Поистине, смерть – отдых мне от мук моих.
О, дай мне близость – может, жив останусь я;
Вот руку я протянул уже к дарам твоим».

И, услышав эти стихи, она ответила мне:

«Утрачу терпенье я в любви, коль забуду вас,
И сердце, поистине, не знает любви к другим.
И если падёт мой взор когда-нибудь на других,
То пусть уж не знает он, вас встретивши, радости.

Клянусь я, что страсти к вам вовек не забуду я
И сердце печальное лишь встреча обрадует.
Любовью напоён был я чашею полною.
О, если бы, дав мне пить, любовь напоила вас!

Возьмите мой прах и дух, куда ни поедете,
И где остановитесь, предайте земле меня.
И имя моё затем скажите, – ответит вам
Стон долгий костей моих, услышавши голос ваш.

И если б сказали мне: «От бога что хочешь ты?» «Прощенья, – сказала б я, – Аллаха и вашего».

А окончив стихи, она спросила: «О юноша, есть ли у тебя красивые ткани?» И я отвечал: «Госпожа, твой раб беден, но подожди, пока купцы откроют лавки, и я принесу тебе то, что ты хочешь». И затем я стал с нею разговаривать, и погрузился в море влюблённости, и блуждал на путях любви к ней, пока купцы не открыли лавки, и тогда я поднялся и взял для

неё все, что она потребовала, а цена за это была пять тысяч дирхемов. И женщина отдала ткани евнуху, и евнух взял их, и они вышли из рынка, и ей подвели мула; и она уехала, не сказав мне, откуда она, а я постыдился заговорить с нею об этом. И купцы обязали меня уплатить, и я принял на себя долг в пять тысяч дирхемов.

И я пришёл домой, опьянённый любовью к той женщине; и мне подали ужин, и я съел кусочек – и вспомнил об её красоте и прелести, и хотел уснуть – но сон не пришёл ко мне. И я провёл в таком состоянии неделю, и купцы потребовали с меня деньги, но я уговорил их подождать ещё неделю; а через неделю она вдруг приехала верхом на муле, и с нею были евнух и два раба. И она приветствовала меня и сказала: «О господин мой, мы задержали плату за ткани! Приведи менялу и получи деньги». И меняла пришёл, и евнух выложил деньги, и я не взял их, и разговаривал с ней, пока не открылся рынок. И тогда она сказала: «Купи мне то-то и то-то». И я взял для неё у купцов, что она пожелала, и она забрала. Это и ушла, не заговорив со мною о деньгах; и когда она ушла, я раскаялся в этом, так как я забрал то, что он и потребовала, на тысячу динаров.

И после того как она скрылась из моих глаз, я сказал про себя: «Что это за любовь? Она дала мне пять тысяч дирхемов и взяла вещей на тысячу динаров!» И я почувствовал, что мне не хватит денег для купцов, и сказал:

«Купцы-то знают лишь меня одного! Эта женщина просто плутовка: она ввела меня в обман своей прелестью и красотой и, увидав, что я ещё молод, посмеялась надо мной, а я не спросил, где она живёт». И я все время беспокоился, и её отсутствие длилось больше месяца, и купцы требовали с меня и прижимали меня, и я пустил свои земли на продажу и внутренне решил погубить себя.

И однажды я сидел, размышляя, и не успел очнуться, как вижу – она сходит с мула у ворот рынка и входит ко мне. И при виде её мои заботы рассеялись, и я забыл, что со мной было, а она начала беседовать со мной, ведя прекрасные речи, и сказала: «Приведи менялу и отвесь деньги», и отдала мне с излишком плату за то, что взяла. А затем она пустилась со мной в разговоры, и я чуть не умер от счастья и радости.

И она спросила у меня: «Есть у тебя жена?» И я ответил: «Нет, я не знаю ни одной женщины», – и заплакал.

«Что ты плачешь?» – спросила она; и я отвечал: «Не беда!» А потом я взял несколько динаров и отдал их евнуху и попросил его быть посредником в этом деле. А он засмеялся и сказал: «Она влюблена в тебя больше, чем ты в неё. Ткани, которые у тебя она купила, ей не нужны, и она сделала это только из любви к тебе. Говори с ней, о чем хочешь, – она не будет тебе прекословить в том, что ты скажешь». А женщина видела, как я давал евнуху деньги.

И я вернулся и сел и сказал ей: «Будь милостива к твоему рабу и уступи ему в том, о чем он тебя попросит!» – и я высказал ей то, что было у меня на душе. И она ответила на мои слова согласием и сказала евнуху: «Ты принесёшь ему моё послание»; а мне она сказала: «Сделай так, как скажет тебе евнух». Затем она поднялась и ушла, а я вручил купцам их деньги, и им досталась прибыль, а мне на долю пришлось сожаление о том, что сведения о ней прервались; и я не спал всю ночь. Но прошло лишь немало дней, и ко мне пришёл евнух, и я оказал ему уважение и спросил его о ней; и он отвечал: «Она больна». – «Разъясни мне её обстоятельства», – попросил я евнуха; и он сказал: «Эту девушку воспитала Ситт-Зебейда, жена халифа Харуна ар-Рашида, – она из её невольниц. Она попросила у своей госпожи разрешения выходить и входить и достигла того, что стала управительницей; а затем она рассказала Ситт про себя и попросила выдать её за тебя замуж, но Ситт сказала: „Я не сделаю этого, пока не увижу этого юношу; если он на тебя похож, я выдам тебя за него замуж“. А сейчас мы хотим отвезти тебя во дворец, и если ты попадёшь во дворец, то добьёшься брака с нею; если же твоё дело раскроется – тебе снесут голову. Что ты на это скажешь?» – «Пойду с тобой», – ответил я, – и вытерплю то, что ты мне рассказал».

И тогда евнух сказал мне: «Когда наступит вечер, пойди в мечеть, помолись и переночуй там; это та мечеть, которую выстроила Ситт-Зубейда на реке Тигр». – «С любовью и охотой», – ответил я. И когда наступил вечер, я пошёл в мечеть, помолился там и

провёл ночь, а ко времени утренней зари вдруг явились два евнуха в челноке, и с ними были пустые сундуки. Они внесли их в мечеть, и один из них удалился, а один остался; и я всмотрелся в него и вдруг вижу: это тот, что был посредником между мною и ею. И через некоторое время к нам пришла та девушка – моя подруга; и когда она явилась, я встал и обнял её, а она поцеловала меня и заплакала, и мы немного поговорили. А потом она взяла меня и положила в сундук и заперла его, и затем подошла к евнуху, с которым было много вещей, и стала брать их и складывать в другие сундуки и запирала их один за одним, пока не сложила всего. И сундуки положили в челнок и поехали, направляясь к дворцу Ситт-Зубейды. И меня взяло раздумье, и я сказал про себя: «Я погиб из-за своей страсти! Достигну я желаемого или нет?»

И я стал плакать, находясь в сундуке, и взывать к Аллаху, чтобы он выручил меня из беды, а они все ехали, пока не оказались с сундуками у дверей покоев халифа, и сундук, в котором я был, понесли в числе других. И моя подруга прошла мимо нескольких евнухов, приставленных наблюдать над гаремом, и слуг и дошла до одного старого евнуха; и тот пробудился ото сна и закричал на девушку и спросил её: «Что это такое в этих сундуках?» – «Они полны вещей для Ситт-Эубейды», – ответила она. И евнух сказал: «Открой их один за одним, чтобы мне взглянуть, что лежит в них!» Но девушка возразила: «Зачем открывать их?» И тогда евнух закричал: «Не тани, эти сундуки необходимо открыть!» – и поднялся и сразу же начал открывать сундук, в котором был я. И меня понесли к евнуху, и тогда мой разум исчез, и я облился от страха, и моя вода полилась из сундука; и девушка сказала евнуху: «О начальник, ты погубил и меня и себя и испортил вещи, стоящие десять тысяч динаров! В этом сундуке разноцветные платья и четыре манна⁵⁹ воды Зезема⁶⁰, и сейчас вода потекла на одежды, которые в сундуке, и теперь в них полиняет краска». – «Бери твои сундуки и уходи, – сказал евнух, и слуги подняли мой сундук и поспешили уйти, а другие сундуки понесли вслед за моим. И когда они шли, до моих ушей вдруг донёсся голос, восклицавший: „Горе, горе! Халиф, халиф!“ И, услышав это, я умер живьём и произнёс слова, говорящий которые не смутится: „Нет мощи и силы, кроме как у Аллаха, высокого, великого! Вот беда, которую я сам себе устроил!“ И я услышал, как халиф спросил невольницу, мою подругу: „Горе тебе, что у тебя в этих сундуках?“ И она отвечала: „У меня в сундуках платья Ситт-Зубейды“. А халиф сказал: „Открой их мне!“ И, услышав это, я умер окончательно и подумал: „Клянусь Аллахом, этот день – последний в моей земной жизни! Если я останусь цел, то женюсь на ней и никаких разговоров, а если моё дело раскроется, мне отрубят голову! О!“ И я стал говорить: „Свидетельствую, нет бога, кроме Аллаха, и Мухаммед – посланник Аллаха...“

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Двадцать восьмая ночь

Когда же настала двадцать восьмая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что юноша начал говорить: „Свидетельствую, что нет бога, кроме Аллаха!“

И я услышал, – продолжал юноша, – как девушка сказала: «В этих сундуках доверенные мне вещи и одежды для Ситт-Зубейды, и она хочет, чтобы никто их не видел». Но халиф воскликнул: «Я непременно их открою и посмотрю, что в них!» И потом он кликнул евнухов и сказал им: «Подайте мне сундук». И я убедился, что погиб, без всякого сомнения, и мир исчез для меня. И евнухи стали подносить один сундук за другим, и халиф видел в них благовония, и ткани, и роскошные платья; и сундуки все открывали, а халиф

⁵⁹ Манн – мера ёмкости, приблизительно равная одному литру.

⁶⁰ Земзем – колодец в Мекке, воду которого правоверные мусульмане считают целебной.

смотрел на бывшие там платья и прочее, пока не остался лишь тот сундук, где был я. И они уже протянули руки, чтобы открыть его, но девушка поспешно подошла к халифу и сказала: «Этот сундук, который перед тобой, мы откроем только при Ситт-Зубейде. Это тот, где находится её тайна!» И, услышав эти слова, халиф приказал вносить сундуки, и евнухи подошли и унесли меня в сундуке, где я был, и поставили меня посреди комнаты между сундуками (а у меня высохла слюна). И моя подруга выпустила меня и сказала: «Нет для тебя беды и страха; расправь свою грудь и успокой своё сердце и посиди, пока не придёт Ситт-Зубейда, – быть может, я достанусь тебе на долю».

И я посидел немного и вдруг вижу, приближаются десять невольниц – девы, подобные месяцу, и становятся в два ряда, за ними идут ещё двадцать невольниц – высокогрудые девы, и между ними Ситт Зубейда, и она не может идти – столько на ней платьев и украшений. И когда она пришла, невольницы вокруг неё расступились, а я подошёл к ней и поцеловал перед нею землю. И она сделала мне знак сесть. И я сел перед нею, а она принялась меня расспрашивать и осведомилась о моем происхождении, и я ответил ей на её вопросы; и тогда она обрадовалась и воскликнула: «Наше воспитание не обмануло нас, девушка!»

«Знай, – сказала она мне потом, – что эта девушка у нас вместо дочери, и она – залог Аллаха, вверенный тебе». И я поцеловал перед нею землю, и Ситт-Зубейда согласилась на мой брак с девушкой. И она приказала мне пробыть у них десять дней, и я провёл у них это время, не видя девушки, и только одна из прислужниц приносила мне обед и ужин. А после этого срока Ситт-Зубейда посеветовалась с халифом относительно моей женитьбы на её невольнице, и халиф разрешил и приказал выдать ей десять тысяч динаров. И Ситт-Зубейда послала за свидетелями и судьёй, и скрепили мою брачную Запись с девушкой, а после этого приготовили сладости и роскошные кушанья и разнесли их по всем помещениям. Так прошло ещё десять дней, а через двадцать дней девушка сходила в баню, и потом подали столик с кушаньями, в числе которых было блюдо засахаренного миндаля в уксусе, политого розовой водой с мускусом, и подрумяненные куриные грудки, и прочее, ошеломляющее ум. И, клянусь Аллахом, я, не откладывая, налёг на миндаль и наелся им досыта и вытер руки, но забыл их: вымыть, и я сидел до тех пор, пока не наступил мрак; и зажгли свечи, и пришли певички с бубнами, и невесту все время открывали и одаривали золотом, пока она не обошла весь дворец, а после этого её привели и облегчили от бывших на ней одежд, и я остался с нею наедине в постели и обнял её, и не верил, что обладаю ею. Но она почувствовала от моих рук запах миндального кушанья и, почуяв его, издала громкий крик, и невольницы со всех сторон прибежали к ней, а я испугался и не знал, что случилось. И невольницы спросили её: «Что с тобой, сестрица?» И она отвечала: «Уведите от меня этого сумасшедшего! А я-то думала, что он разумен!» – «В чем же проявилось моё безумие?» – спросил я. И она воскликнула: «Сумасшедший, зачем ты поел миндаля и не вымыл руки? Клянусь Аллахом, я отплачу тебе за твой поступок! Разве может такой, как ты, обладать подобною мне!» И она взяла лежавший рядом с нею витой бич и стала бить меня им по спине и по сиденью, пока я не потерял сознания от множества ударов; а она сказала невольницам: «Возьмите его и отведите к правителю города: пусть отрежут ему руку, которую он не вымыл, поев миндаля!» И, услышав эти слова, я воскликнул: «Нет мощи и силы, кроме как у Аллаха. Мою руку отрежут за то, что я ел миндаль и не вымыл её!» И невольницы подошли к ней и сказали: «О сестрица, не взыщи с него на этот раз за его поступок!» Но она воскликнула: «Клянусь Аллахом, я непременно отрежу что-нибудь у него на теле!» И она ушла и исчезла на десять дней, так что я её не видел, а через десять дней она пришла и сказала мне: «О чернолихий, я научу тебя, как есть миндаль и не мыть рук!»

И она кликнула невольниц, и они связали мне руки, а девушка взяла острую бритву и отрезала мне большие пальцы, – как вы видите, господа, – и я потерял сознание. А затем она посыпала раны порошком, и кровь остановилась, и я стал говорить: «Не буду больше есть миндаля, пока не вымою рук сорок раз мылом, сорок раз содой и сорок раз щёлоком!» И она взяла с меня обещание, что я не стану есть миндаля раньше, чем не вымою руки так, как я сказал. И когда вы принесли этот миндаль, цвет моего лица изменился, и я про себя подумал:

«Из-за этого миндаля мне отрезали большие пальцы». А раз вы меня заставили, я и сказал: «Мне непременно надо исполнить то, в чем я поклялся».

«А что было с тобою после этого?» – спросили присутствующие. И юноша ответил: «Когда я поклялся ей, её сердце успокоилось, и я проспал с нею. И мы прожили некоторое время, а потом она сказала мне: „Нехорошо, что мы живём во дворце халифа, куда никто не вступал, кроме тебя, да и ты вошёл сюда только стараниями СиттЗубейды“. И она дала мне пятьдесят тысяч динаров и сказала: „Возьми эти деньги, пойд и купи нам просторный дом“. И я вышел и купил просторный дом, красивый и вместительный, и она перенесла туда все бывшие у неё в доме ценности и скоплённые ею богатства, ткани и редкости. Вот причина того, что мне отрезали большие пальцы».

И мы поели и ушли, а после этого с горбуном случилось то, что случилось, и вот мой рассказ, и больше ничего».

«Это не удивительнее, чем история горбуна; напротив, история горбуна удивительней этого, и всех вас необходимо повесить», – сказал царь. И тогда выступил вперёд еврей, поцеловал перед царём землю и молвил: «О царь времени, я расскажу тебе рассказ более удивительный, чем рассказ горбуна». – «Подавай, что у тебя есть», – сказал царь Китая. И еврей начал:

Рассказ врача-еврея (ночи 28-29)

Вот самое удивительное, что случилось со мною в юности. Я был в Дамаске сирийском и учился там; и вот однажды я сижу, и вдруг приходит ко мне невольник из дворца правителя Дамаска и говорит: «Поговори с моим господином!» И я вышел и пошёл с ним в жилище правителя, и, войдя, я увидел на возвышении под портиком можжевеловое ложе, украшенное золотыми полосками, и на нем лежал больной человек – юноша, невиданно прекрасный в его юности. И я сел у него в головах и помолился о его выздоровлении; и юноша сделал мне знак глазами, а я сказал ему: «О господин, дай мне твою руку, да сохранит тебя Аллах!» И он вынул свою левую руку, а я удивился этому и подумал: «О, диво Аллаха! Это красивый юноша из большого дома, и ему не хватает воспитанности! Вот это удивительно!» И я пощупал ему пульс и написал для него бумажку и заходил к нему в течение десяти дней; и он выздоровел, сходил в баню и помылся и вышел; и правитель наградил меня прекрасной наградой и назначил меня надзирателем у себя в больнице, что находится в Дамаске. И я пошёл в баню вместе с юношей и велел освободить всю баню, и слуги вошли с ним и сняли с него одежды; и когда юноша обнажился, я увидел, что его правая рука недавно отрублена, и в этом причина его болезни. И, увидав это, я стал удивляться и опечалился за него; а посмотрев на его тело, я увидел на нем следы ударов плетьюми, – и юноша из-за этого употреблял мази. И это взволновало меня, и волнение проявилось у меня на лице; и юноша взглянул на меня и понял, в чем дело, и сказал мне: «О лучший врач нашего времени, не удивляйся этому. Я расскажу тебе мою историю, когда мы выйдем из бани».

И когда мы вышли из бани и пришли домой и съели кушанья и отдохнули, юноша сказал: «Не хочешь ли ты развлечься на балконе?» И я отвечал: «Хорошо!» И тогда он велел рабам снести постели наверх и приказал им изжарить ягнёнка и принести нам плодов; и мы поели, и юноша ел левой рукой. «Расскажи мне твою историю», – сказал я ему.

«О врач нашего времени, – заговорил юноша, – послушай, что случилось со мной. Знай, что я из уроженцев Мосула, и отец моего отца умер и оставил десять сыновей, – и мой отец, о врач, был один из них, и был он старшим. И все они выросли и поженились, и моему отцу достался я, а девять его братьев не имели детей; и я рос и жил среди своих дядей, и они радовались мне великою радостью. И когда я вырос и достиг возраста мужей, я был однажды в соборной мечети Мосула (а был день пятницы, и мой отец находился с нами), и мы совершили пятничную молитву; и весь народ вышел, а мой отец и дяди остались сидеть и беседовали о диковинах разных стран и чудесах городов. И упомянули Каир, и мои дяди

сказали: „Путешественники говорят, что нет на земле города прекраснее, чем Каир с его Нилом“. И когда я услышал эти слова, мне захотелось в Каир. «Кто не видал Каира – не видал мира, – сказал мой отец. – Его земля – золото, и его Нил – диво; женщины его – гурии, и дома в нем – дворцы, а воздух там ровный, и благоухание его превосходит и смущает алоэ. Да и как не быть таким Каиру, когда Каир – это весь мир, и Аллаха достоин тот, кто сказал:

Покину ли я Каир и прелести благ его?
Какая ж земля потом желанною будет мне?
И страны оставлю ли, что кажутся полными
Таким благовонием, какого на кудрях нет?

И как же, когда красив он стал, точно райский сад,
Где всюду разбросаны циновки с подушками?
Вот город, красой своей чарующий ум и взор;
Найдёт то, что любит, там и скверный и набожный.

И преданных братьев там собрали достоинства,
А место собрания их походит на рощу пальм.
Каирны! Когда б Аллах судил разлучиться нам,
Да будут крепки тогда обеты взаимные.

Напомнить Каир ветрам вы бойтесь: для струн других Похитят они садов Каира дыхание. А если бы вы видели его сады по вечерам, когда склоняется над ними тень, – продолжал мой отец, – вы поистине увидали бы чудо и склонились бы к нему в восторге».

И они принялись описывать Каир и его Нил, – говорил юноша, – и когда они кончили и я услышал о таких достоинствах Каира, моё сердце осталось там. И окончив беседу, все поднялись и отправились в свои жилища, и я лёг спать в этот вечер, но сон не шёл ко мне из-за моего увлечения Каиром, и мне перестали быть приятны пища и питьё. И когда прошло немного дней, мои дяди собрались в Египет, а я плакал перед моим отцом, пока он не собрал мне товаров, и я поехал с дядями, и отец сказал им: «Не давайте ему вступить в Каир; пусть он продаёт свои товары в Дамаске!»

Потом я простился с отцом, и мы отправились и выехали из Мосула, и ехали до тех пор, пока не прибыли в Халёб, и, пробыв там несколько дней, мы выехали и достигли Дамаска и увидали, что это город с каналами, деревьями, плодами и птицами, подобный райскому саду, где есть всякие плоды. И мы остановились в одном из ханов, и мои дяди стали продавать и покупать и продали также и мои товары, и каждый дирхем принёс мне пять дирхемов, и я обрадовался прибыли. И мои дяди оставили меня и отправились в Египет, а я остался после них в Дамаске и жил в красиво построенном доме, описать который бессилён язык, и плата за него была два динара в месяц. И я проводил время за едой и питьём, пока не истратил бывшие со мной деньги. И вот в какой-то из дней я сижу у ворог дома, и вдруг подходит молодая женщина, одетая в роскошнейшее платье, прекраснее которой не видел мой глаз. И я подмигнул ей, и она немедленно оказалась за воротами; и когда она вошла, я вошёл с нею и закрыл за ней и за собой дверь, и она откинула с лица покрывало и сняла изар, и я нашёл редкостной её красоту, и любовь к ней овладела моим сердцем. И я встал и принёс столик с лучшими кушаньями и плодами и всем, что было нужно для трапезы; и когда я принёс это, мы поели и поиграли, а после игр выпили и опьянели, и потом я проспал с нею приятнейшую ночь до утра. И дал я ей десять динаров, но её лицо омрачилось, и она сдвинула брови и рассердилась и воскликнула: «Тьфу вам, мосульцы! Ты как будто думаешь, что я хочу твоих денег!» И она вынула из-за рубахи пятнадцать динаров и поклялась мне и воскликнула: «Клянусь Аллахом, если ты не возьмёшь их, я к тебе не вернусь!» И я принял от неё деньги, а она сказала: «О любимый, ожидай меня через три дня: между заходом солнца и вечерней молитвой я буду у тебя; приготовь же на эти динары такое же угощение». И она простилась

со мною, и мой ум исчез вместе с нею, а когда три дня прошли, она явилась, одетая в парчу, драгоценности и одежды, более великолепные, чем в первый раз. А я приготовил для нас трапезу раньше, чем она пришла, и мы поели и выпили и проспали, как обычно, до утра, и она дала мне пятнадцать динаров и сговорилась со мною, что через три дня придёт ко мне.

И я приготовил ей трапезу, и спустя несколько дней она явилась в платье ещё более великолепном, чем первое и второе, и спросила: «О господин мой, не красива ли я?» – «Да, клянусь Аллахом!» – ответил я. И она сказала: «Не позволишь ли ты мне привести с собою девушку лучше меня и моложе, чем я, годами, чтобы она поиграла с нами и посмеялась и развеселилось бы её сердце. Она давно уже скучает и просилась выйти со мною и провести со мной ночь». И, услышав её слова, я сказал: «Да, клянусь Аллахом!» И потом мы напились и проспали до утра, и она вынула пятнадцать динаров и сказала: «Прибавь к нашей трапезе что-нибудь для девушки, которая придёт со мной», – и затем она ушла. А когда наступил четвёртый день, я собрал для неё, как обычно, трапезу, и после заката она вдруг явилась, и с нею какая-то женщина, завёрнутая в изар. Они вошли и сели, и, увидев это, я произнёс:

«Как чудно и дивно наше время, –
Хулитель отсутствует, небрежный,
Любовь, и восторг, и опьянение:
От части того исчезнет разум.

Блестит луна за покрывалом,
И ветвь изгибается в одеждах,
И розы ланит её цветущи,
Нарцисс же очень её истомлен.

Безоблачна жизнь, как и люблю я.
И дружба с любимым совершенна!»

И я обрадовался и зажёл свечи и встретил их, радостным и счастливым; а они скинули бывшие на них одежды, и новая девушка открыла своё лицо, и я увидел, что она подобна полной луне, и прекраснее её я не видывал. И, поднявшись, я подал им еду и питьё, и мы поели и выпили, и я принялся кормить новую девушку и наполнять её кубок и пить с нею; и первая девушка втайне приревновала и воскликнула: «Клянусь Аллахом, не прекрасней ли эта девушка, чем я?» – «Да, клянусь Аллахом!» отвечал я. И она сказала: „Мне хочется, чтобы ты проспал с нею“. – „Твой приказ у меня на голове и на глазах!“ – отвечал я; и она встала и постлала нам, и я пошёл к девушке и проспал до утра. И я пошевелился и почувствовал, что я весь мокрый, и подумал, что вспотел, и стал будить девушку и потряс её за плечи, – и голова её скатилась с подушки. И ум мой улетел, и я воскликнул: „О благой покровитель, покрой меня!“ И, увидев, что она зарезана, я сел (а мир сделался чёрен в моих глазах) и стал искать свою прежнюю подругу, но не нашёл её и понял, что это она зарезала девушку из ревности ко мне.

«Нет мощи и силы, кроме как у Аллаха, высокого, великого! Как мне поступить?» – воскликнул я; и, подумав немного, я встал, снял с себя одежду и, выкопав посреди комнаты яму, взял девушку вместе с её драгоценностями и положил в яму и снова прикрыл её землёй и мраморными плитами. Потом я вымылся, надел чистую одежду и, взяв остаток своих денег, вышел из дома и Запер его, и пошёл к владельцу дома и, укрепив свою душу, отдал ему тысячу за год и сказал: «Я уезжаю к моим дядям в Каир».

И я поехал в Каир и встретился с моими дядями, и они обрадовались мне, и оказалось, что они уже продали все свои товары. «Почему ты приехал?» – спросили они. И я ответил: «Я соскучился по вас», – и не сказал им, что со мной есть немного денег. И я пробыл с ними год, любуясь на Каир и его Нил, и, наложив руку на оставшиеся у меня деньги, стал тратить их и пить и есть, пока не приблизилось время отъезда моих дядей. И тогда я убежал и

спрятался от них, и они искали меня, но не услышали обо мне вестей и сказали: «Он, должно быть, вернулся в Дамаск», – и уехали. А я вышел и жил в Каире три года, пока у меня ничего не осталось из моих денег. А я каждый год посылал хозяину дома плату за него, и через три года моя грудь стеснилась (а у меня оставалась только годовая плата за дом), и тогда я поехал и прибыл в Дамаск и остановился в Этом доме.

И хозяин его обрадовался мне; и я нашёл все комнаты запертыми, как и было, и открыл их и вынес вещи, находившиеся там, и нашёл под постелью, на которой я спал в ту ночь с зарезанной девушкой, золотое ожерелье, украшенное драгоценными камнями. Я взял его и вытер с него кровь убитой девушки и посмотрел на него и немного поплакал, а после этого я прожил два дня и на третий день пошёл в баню и переменял одежду. И у меня совсем не было денег. И однажды я пошёл на рынок, и дьявол нашептал мне – в осуществление предопределённого, – и, взяв ожерелье, я отправился на рынок и отдал его посреднику. И он поднялся, и посадил меня рядом с хозяином моего дома и, обождав, пока рынок оживился, взял ожерелье и стал предлагать его украдкой, без моего ведома.

И вдруг оказалось, что ожерелье ценное принесло две тысячи динаров. И тогда посредник пришёл и сказал: «Это ожерелье – медная подделка, изделие франков, и цена за него дошла до тысячи дирхемов». А я отвечал ему: «Да, мы выковали его для одной женщины, чтобы посмеяться над нею. Моя жена получила его в наследство, и мы хотим его продать. Пойди получи тысячу дирхемов...»

И Шахразад упустила слово, и она прекратила дозволенные речи.

Двадцать девятая ночь

Когда же настала двадцать девятая ночь, ока сказала: «Дошло до меня, о счастливый карь, что юноша сказал посреднику: „Получи тысячу дирхемов“».

И посредник, услышав это, понял, что дело с ожерельем сомнительное, и пошёл к старосте рынка и отдал его ему, а староста отправился к вали и сказал: «Это ожерелье у меня украли, и мы нашли вора, который одет в одежду детей купцов».

И не успел я очнуться, как меня окружили стражники и забрали и отвели к вали; и вали спросил меня об этом ожерелье, и я сказал ему то же, что сказал посреднику, и вали засмеялся и воскликнул: «Во всем этом ни слова правды!»

И не успел я опомниться, как меня уже обнажили и стали бить плетью по бокам, и удары жгли меня, и я сказал: «Я украл его!», думая про себя: «Лучше тебе сказать, что украл его. Я не скажу, что обладательницу ожерелья у меня убили, – меня убьют за неё».

И записали, что я украл ожерелье, и мне отрубили руку и прижгли обрубок в масле, и я лишился чувств; но мне дали выпить вина, и я очнулся и, взяв свою руку, пошёл домой. И хозяин сказал мне: «Раз с тобой случилось подобное дело, уйди из моего дома и присмотри для себя другое место, так как ты обвинён в воровстве». А я отвечал ему: «О господин мой, потерпи дня два или три, пока я присмотрю себе помещение». – «Хорошо», – сказал он и ушёл и оставил меня, а я остался сидеть и плакал и говорил: «Как я вернусь к родным с отрубленной рукой? Они не знают, что я невиновен! Может быть, Аллах совершит что-нибудь благое», – и я горько заплакал.

И когда хозяин дома ушёл от меня, мною овладело великое горе, и я прохворал два дня, а на третий день, не успел я очнуться, как явился хозяин дома и с ним несколько стражников и староста рынка, и он утверждал, что я украл ожерелье. И я вышел к ним и спросил их: «Что случилось?» А они, не дав мне сроку, связали меня и накиннули мне на шею цепь и сказали: «Ожерелье, которое было у тебя, отнесли правителю Дамаска, везирию и судье, и они сказали, что это ожерелье пропало у правителя три года назад вместе с его дочерью».

И, когда я услышал от них эти слова, у меня упало сердце, и я воскликнул: «Погибла твоя душа, нет сомнения! Клянусь Аллахом, я непременно расскажу правителю мою историю, и если захочет, он меня убьёт, а если захочет – простит меня».

И когда мы пришли к правителю, он велел мне встать перед собою и, увидев меня, посмотрел на меня краем глаза и сказал присутствующим: «Почему вы отрубили ему руку? Это несчастный человек, и нет за ним вины; вы обидели его, отрубив ему руку». И, когда я услышал эти слова, моё сердце окрепло и душа моя успокоилась, и я воскликнул: «Клянусь Аллахом, о господин мой, я совсем не вор! Меня обвинили этим великим обвинением и побили плетью среди рынка и принуждали меня сознаться, – и я солгал на себя и признался в краже, хотя и не виновен в ней». И правитель сказал: «Нет за тобой вины!», а затем он заключил под стражу старосту рынка и сказал ему: «Отдай этому цену его руки, иначе я тебя повешу и возьму все твои деньги!» И он кликнул стражников, и они взяли старосту и уволокли его, а я остался с правителем. Потом сняли с моей шеи цепь с разрешения правителя и развязали мне руки, и правитель посмотрел на меня и сказал: «О дитя моё, будь правдив со мной и расскажи мне, как к тебе попало это ожерелье? – И он произнёс:

Правдивым будь, хотя б потом истина
Огнём угрозы вечных мук жгла тебя».

«О господин мой, я скажу тебе правду», – ответил я и рассказал ему, что случилось у меня с первой девушкой и как она привела ко мне вторую и зарезала её из ревности, и изложил эту историю целиком. И, услышав это, правитель покачал головой и ударил правой рукой о левую и, положив на лицо платок, поплакал немного и произнёс:

«Я вижу, недуги мира множатся надо мной,
И тот, кто подвержен им, до смерти недужен.
За каждою встречей двух влюблённых – разлуки час,
А все, что предшествует разлуке, – немного».

И после этого он подошёл ко мне и сказал: «Знай, о дитя моё, что старшая девушка – моя дочь, и я охранял её с великой заботой, – а когда она стала взрослой, я послал её в Каир, и она вышла замуж за сына своего дяди; но он умер, и она приехала ко мне. И она научилась мерзостям у жителей Каира и приходила к тебе четыре раза, и потом она привела к тебе свою меньшую сестру, – а обе они родились от одной матери и любили друг друга. И когда со старшей случилось то, что случилось, она открыла свою тайну сестре, и та попросилась пойти с нею. А затем старшая вернулась одна, и я спросил про меньшую и увидел, что старшая плачет о ней; и она тайно сказала своей матери (а я был тут же), что случилось и как она зарезала свою сестру. И она все плакала и говорила: „Клянусь Аллахом, я не перестану плакать о ней, пока не умру!“ И так и было. Посмотри же, дитя моё, что произошло! Я хочу, чтобы ты не перечил мне в том, что я тебе скажу: „Я женю тебя на моей меньшей дочке, она не родная сестра тем двум, и она невинна; и я не потребую от тебя приданого и назначу вам от себя содержание, и ты будешь у меня на положении сына“.

«Хорошо, – сказал я, – могли ли мы думать!» И правитель тотчас же послал за судьёй и свидетелями и написал мою брачную запись, и я вошёл к его дочери, а он взял для меня у старосты рынка много денег, и я оказался у него на высочайшем месте. В этом году умер мой отец, и правитель послал от себя гонца, и тот привёз мне деньги, которые отец оставил, – и теперь я живу приятнейшей жизнью. Вот причина отсечения правой руки».

И я удивился этому и провёл у юноши три дня, и он дал мне много денег, и я уехал от него и прибыл в этот город, и жизнь моя здесь была хороша, и у меня с горбуном случилось то, что случилось».

«Это не более удивительно, чем история горбуна, – сказал царь Китая,
и мне непременно следует вас всех совесть, но остался ещё портной, качало всех грехов. Эй, портной, – сказал он, – если ты мне расскажешь что-нибудь более удивительное, чем эта история, я подарю вам ваши проступки».

И тогда портной выступил вперёд и сказал:

Рассказ портного (ночи 29-31)

Знай, о царь нашего времени, – вот самое удивительное, что со мной вчера случилось и произошло. Прежде чем встретить горбатого, я был в начале дня на пиру у одного из моих друзей, у которого собралось около двадцати человек из жителей этого города, и среди нас были ремесленники: портные, плотники, ткачи и другие. И когда взошло солнце, нам подали кушанье, чтоб мы поели; и вдруг хозяин дома вошёл к нам, и с ним юношачужеземец, красавец из жителей Багдада, одетый в какие ни на есть хорошие одежды и прекрасный, но только он был хромым. И он вошёл к нам и приветствовал нас, а мы поднялись перед ним, и он подошёл, чтобы сесть, но увидел среди нас одного человека, цирюльника, и отказался сесть и хотел уйти от нас. Но мы схватили этого юношу, и хозяин дома вцепился в него, и стал заклинать его, и спросил: «Почему ты вошёл и уходишь?» И юноша отвечал: «Ради Аллаха, господин мой, не противься мне ни в чем! Причина моего входа в этот злосчастный цирюльник, что сидит здесь». И, услышав эти слова, хозяин долга пришёл в крайнее удивление и сказал: «Как! этот юноша из Багдада, и его сердце расстроилось из-за этого цирюльника!» А мы посмотрели на юношу и сказали ему: «Расскажи нам, в чем причина твоего гнева на этого цирюльника?»

«О собрание, – сказал тогда юноша, – у меня с этим цирюльником в моем городе Багдаде произошло такое дело: это из-за него я сломал себе ногу и охромел, и я дал клятву, что больше никогда не буду находиться с ним в одном и том же месте или жить в городе, где он обитает, – и уехал из Багдада, и покинул его, и поселился в этом городе; и сегодняшнюю ночь я проведу не иначе как в путешествии».

«Заклинаем тебя Аллахом, – сказали мы ему, – расскажи нам твою историю!»

И юноша начал (а лицо цирюльника пожелтело): «О люди, знайте, что отец мой был одним из больших купцов Багдада, и Аллах великий не послал ему детей, кроме меня. И когда я вырос и достиг возраста мужей, мой отец преставился к милости великого Аллаха и оставил мне деньги, и слуг, и челядь, и я стал хорошо одеваться и хорошо есть. Но Аллах внушил мне ненависть к женщинам. И в какой-то из дней я шёл по переулкам Багдада» и мне встретилась на дороге толпа женщин, и я убежал и спрятался в тупике и присел в конце его на скамейку. И не просидел я минуты, как вдруг около дома, стоявшего там, где я был, открылось, и в нем показалась девушка, подобная луне в полнолуние, равной которой по красоте я не видел, и она поливала цветы, бывшие на окне. И девушка повернулась направо и налево и закрыла окно и ушла, и ненависть превратилась в любовь, и я просидел все время до заката солнца, исчезнув из мира. И вдруг едет кади нашего города, и впереди него рабы, а сзади слуги; и он сошёл и вошёл в дом, откуда показалась девушка, – и я понял, что это её отец. Потом я отправился в своё жилище огорчённый и упал, озабоченный, на постель; и ко мне вошли мои невольницы и сели вокруг меня, не зная, что со мной, а я не обратил к ним речи, и они заплакали и опечалились обо мне.

И ко мне вошла одна старуха и увидела меня, и от неё не укрылось моё состояние. Она села у моего изголовья и ласково заговорила со мной и сказала: «О дитя моё, скажи мне, что с тобой случилось, и я сделаю все для того, чтобы свести тебя с возлюбленной». И когда я рассказал ей свою историю, она сказала: «О дитя моё, это дочь кади Багдада, и она сидит взаперти; то место, где ты её видел, – её комната, а у её отца большое помещение внизу; и она сидит одна. Я часто к ним захожу, и ты познаешь единение с нею только через меня, – подтянись же!»

И, услышав её речь, я открыл свою душу. И мои родные обрадовались в этот день, и наутро я был здоров. И старуха отправилась и вернулась с изменившимся лицом и сказала: «О дитя моё, не спрашивай, что мне было от неё! Когда я сказала ей об этом, она ответила мне: „Если ты, злосчастная старуха, не бросишь таких речей, я, поистине, сделаю с тобою то, что ты заслуживаешь!“ Но я непременно вернусь к ней в другой раз». И когда я услышал это,

моя болезнь ещё усилилась.

А через несколько дней старуха пришла и сказала: «О дитя моё, я хочу от тебя подарка!» И когда я услышал от неё это, душа вернулась ко мне, и я воскликнул: «Тебе будет всякое благо!» А она сказала: «Вчера я пришла к девушке, и, увидев, что у меня разбито сердце и глаза мои плачут, она сказала мне: „Тётушка, что это у тебя, я вижу, стеснена грудь?“ И когда она сказала мне это, я заплакала и ответила: „О госпожа, я пришла к тебе от юноши, который тебя любит, и он из-за тебя близок к смерти“. И она спросила (а сердце её смягчилось): „Откуда этот юноша, о котором ты упомянула?“ И я ответила: „Это мой сын, плод моего сердца; он увидел тебя в окне несколько дней назад, когда ты поливала цветы, и, взглянув в твоё лицо, обезумел от любви к тебе; и когда я сказала ему в первый раз, что случилось у меня с тобою, его болезнь усилилась, и он не покидает подушек. Он не иначе как умрёт, несомненно“. И она воскликнула (л лицо её пожелтело): „И все это из-за меня?“ И я отвечала: „Да, клянусь Аллахом! Чего же ты хочешь?“ – „Пойди передай ему от меня привет и скажи, что со мной происходит во много раз больше того, что с ним, – сказала она. – Как будет пятница, пусть он придёт к дому перед молитвой, и когда он придёт, я спущусь, открою ему ворота и проведу его к себе, и мы немного побудем вместе с ним; и он вернётся раньше, чем мой отец приедет с молитвы“.

И когда я услышал слова старухи, мучения, которые я испытывал, прекратились и моё сердце успокоилось. Я дал ей одежды, которые были на мне, и она ушла, сказавши: «Успокой своё сердце»; а я молвил: «Во мне не осталось никакого страдания». И мои родные и друзья обрадовались моему выздоровлению.

И так продолжалось до пятницы. И вот старуха вошла ко мне и спросила о моем состоянии, и я сообщил ей, что нахожусь в добром здоровье, а затем я надела свои одежды и умастился и стал ожидать, когда люди пойдут на молитву, чтобы отправиться к девушке. И старуха сказала мне: «Время у тебя ещё есть, и если бы ты пошёл в баню и снял свои волосы, в особенности поело сильной болезни, это было бы хорошо». И я ответил ей: «Это правильно, но я обрею голову, а после схожу в баню».

И потом я послал за цирюльником, чтобы обрить себе голову, и сказал слуге: «Пойди на рынок и приведи мне цирюльника, который был бы разумен и не болтлив, чтобы у меня не треснула голова от его разговоров»; и слуга пошёл и привёл этого зловредного старца. И, войдя, он приветствовал меня, и я ответил на его приветствие, И он сказал мне: «Я вижу, ты отощал телом»; а я отвечал: «Я был болен». И тогда он воскликнул: «Да удалит от тебя Аллах заботу, горе, беду и печали!»

«Да примет Аллах твою молитву!» – сказал я: и цирюльник воскликнул: «Радуйся, господин мой, здоровье пришло к тебе! Ты хочешь укоротить волосы или пустить кровь? Дошло со слов ибн Аббаса – да будет доволен им Аллах! – что пророк говорил: „Кто подрежет волосок в пятницу, от того будет отвращено семьдесят болезней“; и с его же слов передают, что он говорил: „Кто в пятницу поставят себе пиявки, тот в безопасности от потери зрения и множества болезней“.

«Оставь эти разговоры, встань сейчас же, обрей мне голову, я человек слабый!» – сказал я; и цирюльник встал и, протянув руку, вынул платок и развернул его, – у вдруг в нем оказалась астроябля с семью дисками, выложенными серебром. И цирюльник взял её и, выйдя на середину дома, поднял голову к лучам солнца и некоторое время смотрел, а потом сказал: «Знай, что от начала сегодняшнего дня, то есть дня пятницы – пятницы десятого сафара, года шестьсот шестьдесят третьего от переселения пророка (наилучшие молитвы и привет над ним!) и семь тысяч триста двадцатого от времени Александра, – прошло восемь градусов и шесть минут, а в восхождении в сегодняшний день, согласно правилам науки счисления, Марс, и случилось так, что ему противостоит Меркурий, а это указывает на то, что брить сейчас волосы хорошо, и служит мне указанием, что ты желаешь встретиться с одним человеком, и это будет благоприятно, но после случатся разговоры и вещи, о которых я тебе не скажу».

«Клянусь Аллахом, – воскликнул я, – ты надоел мне и сделал мне нехорошее

предсказание, а я призвал тебя лишь затем, чтобы побрить мне голову! Пошевеливайся же, выбрей мне голову и не затягивай со мной разговор!» – «Клянусь Аллахом, – отвечал цирюльник, – если бы ты знал, что с тобой случится, ты бы ничего сегодня не делал. Советую тебе поступать так, как я тебе скажу, ибо я говорю на основании расчёта по звёздам».

И я сказал: «Клянусь Аллахом, я не видел цирюльника, умелого в науке о звёздах, кроме тебя, но я знаю и ведаю, что ты говоришь много пустяков. Я позвал тебя лишь для того, чтобы привести в порядок мою голову, а ты пришёл ко мне с этими скверными речами». – «Хочешь ли ты, чтобы я прибавил тебе ещё? – спросил цирюльник. – Аллах послал тебе цирюльника-звездочёта, сведущего в белой магии, в грамматике, синтаксисе, риторике, красноречии, логике, астрономии, геометрии, правоведении, преданиях и толкованиях Корана, и я читал книги и вытвердил их, принимался за дела и постигал их, выучил науки и познал их, изучил ремесла и усвоил их и занимался всеми вещами и брался за них. Твой отец любил меня за мою малую болтливость, и поэтому служить тебе моя обязанность; но я не болтлив, и не такой, как ты говоришь, и зовусь поэтому молчаливым, степенным. Тебе бы следовало восхвалить Аллаха и не прекословить мне, – я тебе искренний советчик, благосклонный к тебе, и я хотел бы быть у тебя в услужении целый год и чтобы ты воздал мне должное, и я не желаю от тебя платы за это».

И, услышав это от него, я воскликнул: «Ты убьёшь меня сегодня, несомненно...»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Ночь, дополняющая до тридцати

Когда же настала ночь, дополняющая до тридцати, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что юноша сказал цирюльнику: „Ты убьёшь меня в сегодняшний день!“ И цирюльник ответил: «О господин мой, я тот, кого люди называют Молчальником за малую болтливость в отличие от моих шести братьев, ибо моего старшего брата зовут аль-Бакбук, второго – аль-Хаддар, третьего – Факик, имя четвёртого – аль-Куз-аль-Асвани, пятого – аль-Фашшар, и шестого – Шакашик, а седьмого зовут ас-Самит⁶¹, – и это я».

И когда цирюльник продлил свои речи, – говорил юноша, – я почувствовал, что у меня лопается жёлчный пузырь, и сказал слуге: «Дай ему четверть динара, и пусть он уйдёт от меня, ради лика Аллаха! Не нужно мне брить голову!» Но цирюльник, услышав, что я сказал слуге, воскликнул: «Что это за слова, о господин! Клянусь Аллахом, я не возьму от тебя платы, пока не услужу тебе, и служить тебе я непременно должен! Я обязан тебе прислуживать и исполнять то, что тебе нужно, и я не подумаю взять с тебя деньги. Если ты не знаешь мне цены, то я знаю тебе цену, и твой отец, да помилует его Аллах великий, оказал нам милости, ибо он был великодушен. Клянусь Аллахом, твой отец послал за мной однажды, в день, подобный этому благословенному дню, и я вошёл к нему (а у него было собрание друзей), и он сказал мне:

«Отвори мне кровь!» И я взял астролябию и определил ему высоту и нашёл, что положение звёзд для него неблагоприятно и что пустить кровь при этом тяжело, и осведомил его об этом; и он последовал моим словам и подождал, а я произнёс во хвалу ему:

Пришёл к господину я, чтоб кровь отворить ему.

Но вижу, пора не та, чтоб телу здоровым быть.

И сел я беседовать о всяких диковинах,

И знания свои перед ним я мудро развёртывал.

⁶¹ В переводе имена братьев цирюльника значат: аль-Бакбук – болтун, аль-Хаддар – крикун, Факик – говорун, аль-Куз-аль-Асвани – ассуанский кувшин (то есть рот его постоянно открыт, как горлышко кувшина), аль-Фашшар – брехун, Шакашик – пустомеля; имя же самого цирюльника, ас-Самит, означает: молчальник.

По сердцу ему пришлось внимать мне, и молвил он:
«Ты знания прошёл предел, о россыпь премудрости!»
И я отвечал: «Когда б не ты, о владыка всех,
Излил на меня познания, не был бы мудрым я.

Владеешь ты щедростью, и даром, и милостью,
О кладезь познания, рассудка и кротости!»

И твой отец пришёл в восторг и кликнул слугу и сказал ему: «Дай ему сто три динара и одежду!» – и отдал мне все это; а когда пришёл похвальный час, я отворил ему кровь. И он не прекословил мне и поблагодарил меня, и собравшиеся, которые присутствовали, поблагодарили меня. И после кровопускания я не мог молчать и спросил его: «Ради Аллаха, господин мой, чем вызваны твои слова: „Дай ему сто три динара“?» И он ответил: «Динар за звездочетство, динар за беседу и динар за кровопускание, а сто динаров и одежду – за твою похвалу мне».

«Да помилует Аллах моего отца, который знал подобного тебе!» – воскликнул я; и этот цирюльник рассмеялся и сказал: «Нет бога, кроме Аллаха, Мухаммед – посол Аллаха! Слава тому, кто изменяет, по сам не изменяется! Я считал тебя разумным, но ты заговариваешься от болезни. Сказал Аллах в своей великой книге: „Подавляющие гнев и прощающие людям“, – и ты во всяком случае прощён. Я не ведаю причины твоей поспешности, и ты знаешь, что твой отец и дед ничего не делали без моего совета. Ведь сказано: советчик достоин доверия, и не обманывается тот, кто советуется; а одна поговорка говорит: у кого нет старшего, тот сам не старший. Порт сказал:

Когда соберёшься, что нужно, свершить, Советуйся с мудрым и слушай его. Ты не найдёшь никого, более сведущего в делах, чем я, и я стою на ногах, прислуживая тебе, и ты мне не наскучил, – так как же это я наскучил тебе? Но я буду терпелив с тобою ради тех милостей, которые оказал мне твой отец».

«Клянусь Аллахом, о ослиный хвост, ты затянул свои разговоры и продолжил надо мной свою речь! Я хочу, чтобы ты обрил мне голову и ушёл от меня!» – воскликнул я. И тогда цирюльник смочил мне голову и сказал: «Я понимаю, что тебя охватила из-за меня скука, но я не виню тебя, так как твой ум слаб и ты ребёнок, и ещё вчера я сажал тебя на плечо и носил в школу». – «О брат мой, заклинаю тебя Аллахом, потерпи и помолчи, пока моё дело будет сделано, и иди своей дорогой!» – воскликнул я и разорвал на себе одежды. И, увидев, что я это сделал, цирюльник взял бритву и начал её точить, и точил её, пока мой ум едва не покинул меня, а потом он подошёл и обрил часть моей головы, после чего поднял руку и сказал: «О господин, поспешность – от дьявола, а медлительность – от милосердия! – И он произнёс:

Помедли и не спеши к тому, чего хочешь ты, И к людям будь милостив, чтоб милость к себе найти, Над всякою десницею десница всевышнего, И всякий элодей всегда злодеем испытан был».

«О господин мой, – сказал он потом, – я не думаю, чтобы ты знал моё высокое положение: моя рука упадёт на головы царей, эмиров, везирей, мудрецов и достойных, ибо мне сказал поэт:

Ремесла – что нити камней дорогих,
А этот цирюльник – что жемчуг среди них»
Вознёсся над мудрыми он высоко
И держит под дланями главы царей».

И я воскликнул: «Оставь то, что тебя не касается, ты стеснил мою грудь и обеспокоил моё сердце!» А цирюльник спросил: «Мне кажется, ты торопишься?» – «Да, да, да!» –

крикнул я; и тогда он сказал: «Дай себе время: поспешность – от сатаны, и она порождает раскаяние и разочарование. Сказал кто-то – приветствие и молитва над ним! – лучшее из дел то, в котором проявлена медлительность! А мне, клянусь Аллахом, твоё дело внушает сомнение. Я желал бы, чтобы ты мне сообщил, на что ты вознамерился: я боюсь, что случится нечто другое. Ведь до времени молитвы осталось три часа. Я не хочу быть в сомнении насчёт этого, – добавил он, – но желаю знать время навверное, ибо, когда мечут слова в неведомое, – это позор, в особенности для подобного мне, так как среди людей объявилась и распространилась слава о моих достоинствах, и мне не должно говорить наугад, как говорят обычно звездочёты».

И он бросил бритву и, взяв астроябину, пошёл под солнце и долгое время стоял, а потом возвратился и сказал мне: «До времени молитвы осталось три часа – ни больше, ни меньше».

«Ради Аллаха, замолчи, – воскликнул я, – ты пронзил мою печень!» И цирюльник взял бритву и стал точить её, как и в первый раз, и обрил мне часть головы и сказал: «Я озабочен твоей поспешностью, и если бы ты сообщил мне о её причине, это было бы лучше для тебя: ты ведь знаешь, что твой отец и дед ничего не делали, не посоветовавшись со мною». И я понял, что мне от него нет спасения, и сказал себе: «Пришло время молитвы, а я хочу пойти к девушке раньше, чем народ выйдет с молитвы. Если задержусь на минуту – не знаю, каким путём войти к ней!»

«Сократись и оставь эти разговоры и болтовню, – сказал я, – я хочу пойти на пир к одному из моих друзей». И цирюльник, услышав упоминание о пире, воскликнул: «Этот день – день благословенный для меня! Вчера я пригласил несколько моих приятелей и забыл позаботиться и приготовить им что-нибудь поесть, а сейчас я подумал об этом. О, позор мне перед ними!»

«Не заботься об этом деле, раз ты узнал, что я сегодня на пиру, – сказал я. – Все, что есть в моем доме из кушаний и напитков, будет тебе, если ты закончишь моё дело и поспешишь обрить мне голову».

«Да воздаст тебе Аллах благом! Опиши мне, что у тебя есть для моих гостей, чтобы я знал это», – сказал цирюльник; и я ответил: «У меня пять родов кушанья, десять подрумяненных кур и жареный ягнёнок». – «Принеси это, чтобы мне посмотреть!» – воскликнул цирюльник; и я велел принести все это. И, увидев кушанья, он сказал мне: «Остаются напитки!» – «У меня есть», – отвечал я; и цирюльник воскликнул: «Принеси их!» И я принёс их, и он сказал: «Ты достоин Аллаха! Как благородна твоя душа! Но остаются ещё курения и благовония». И я дал ему свёрток, где был алоэ и мускус, стоящие пятьдесят динаров.

А времени стало мало, и моя грудь стеснилась, и я сказал ему: «Возьми это и обрежь мне всю голову, и заклиная тебя жизнью Мухаммеда, – да благословит его Аллах и да приветствует!» Но цирюльник воскликнул: «Клянусь Аллахом, я не возьму этого, пока не увижу всего, что там есть!» И я приказал слуге развернуть свёрток, и цирюльник выронил из рук астроябину и, сел на Землю, стал рассматривать благовония, куренья и алоэ, бывшие в свёртке, пока у меня не стеснилась грудь. А потом он подошёл, взял бритву и, обрив небольшую часть моей головы, произнёс:

«Ребёнок растёт таким, каким был его отец;
От корня, поистине, вздымается дерево.

Клянусь Аллахом, о дитя моё, – сказал он, – не знаю, благодарить ли тебя, или благодарить твоего отца, так как весь мой сегодняшний пир – это часть твоей милости и благодеяния. Но у меня нет никого, кто бы этого заслуживал, – у меня почтённые господа вроде Зваута – баневладельца, Салия – зерноторговца, Салита – торговца бобами, Суайда – верблюжатника, Сувейда – носильщика, Абу-Мукариша – банщика, Касима – сторожа и Карима конюха, Пкриши – зеленщика, Хумейда – мусорщика; и среди них нет человека

надоедливого, буйного, болтливое или тягостного, и у каждого из них есть пляска, которую он пляшет, и стихи, которые он говорит. Но лучше в них то, что они, как твой слуга и невольник, не Знают многоречивости и болтливости. Владелец бани – тот поёт под бубён нечто волшебное и пляшет и распевает: «Я пойду, о матушка, наполню мой кувшин!» Зерноторговец показывает умение ещё лучшее: и пляшет и поёт: «О плакальщица, владычица моя, ты ничего не упустила!» – и у всех отнимает душу, – так над ним смеются. А мусорщик так поёт, что останавливает птиц: «Новость у моей жены – точно в большом сундуке», и он красавец и весельчак, и о его красоте я сказал:

«За мусорщика я жизнь отдам из любви к нему.
Сколь нежен чертами он и гибок, как ветка!
Однажды его судьба послала, и молвил я
(А страсть то росла во мне, то снова спадала):

«Разжѣг в моем сердце ты огонь!» И ответил он:
«Не диво, что мусорщик вдруг стал кочегаром».

И каждый из них в совершенстве развлекает ум весѣлым и смешным. Но рассказ – не то, что лицезрение, – добавил он, – и если ты предпочтѣшь явиться к нам, это будет любезнее и нам и тебе. Откажись от того, чтобы идти к твоим друзьям, к которым ты собрался; на тебе ещё видны болезни, и, может быть, ты пойдѣшь к людям болтливым, которые говорят о том, что их не касается, или среди них окажется болтун, и у тебя заболит горло.

«Это будет когда-нибудь в другой день, – ответил я к засмеялся от гневного сердца. – Сделай моѣ дело, и я пойду, хранимый Аллахом всевышним, а ты отправляйся к своим друзьям: они ожидают твоего прихода».

«О господин, – сказал цирюльник, – я хочу только свести тебя с этими прекрасными людьми, сынами родовитых, в числе которых нет болтунов и многоречивых. С тех пор как я вырос, я совершенно не могу дружить с чем, кто спрашивает о том, что его не касается, и веду дружбу лишь с теми, кто, как я, немногословен. Если бы ты сдружился с ними и хоть один раз увидал их, ты бы оставил всех своих друзей». – «Да завершит Аллах благодаря и твою радость! Я непременно приду к ним в какой-нибудь день», – сказал я. И цирюльник воскликнул: «Я хотел бы, чтобы это было в сегодняшний день! Если ты решил отправиться со мною к моим друзьям, дай мне снести к ним то, что ты мне пожаловал, а если ты непременно должен идти сегодня к твоим приятелям, я отнесу эти щедроты, которыми ты меня почтил, и оставлю их у моих друзей, – пусть едят и пьют и не ждут меня, – а затем я вернусь к тебе и пойду с тобою к твоим друзьям. Между мной и моими приятелями нет стеснения, которое помешало бы мне их оставить; я быстро вернусь к тебе и пойду с тобою, куда бы ты ни отправился». – «Нет мощи и силы, кроме как у Аллаха, высокого, великого! – воскликнул я. – Иди к твоим друзьям и веселись с ними и дай мне пойти к моим приятелям и побыть у них сегодня: они меня ждут». – «Я не дам тебе пойти одному», – отвечал цирюльник. И я сказал: «Туда, куда я иду, никто не может пойти, кроме меня». Но цирюльник воскликнул: «Я думаю, ты условился с какой-нибудь женщиной, иначе ты бы взял меня с собою. Я имею на это больше права, чем все люди, и я помогу тебе в том, что ты хочешь; я боюсь, что ты пойдѣшь к чужой женщине и твоя душа пропадѣт. В этом городе, Багдаде, никто ничего такого не может делать, в особенности в такой день, как сегодня, п наш вали в Багдаде – человек строгий, почтѣнный».

«Горе тебе, скверный старик, убирайся! С какими словами ты ко мне обращаешься!» – воскликнул я. И цирюльник сказал: «О глупец, ты думаешь: как ему не стыдно! – и таишься от меня, но я это понял и удостоверился в этом, и я хочу только помочь тебе сегодня сам.

И я испугался, что мои родные и соседи услышат слога цирюльника, и долго молчал. А нас настиг час молитвы, и пришло время проповеди; и цирюльник кончил брить мне голову, и я сказал ему: «Пойди к твоим друзьям с этими кушаньями и напитками; я подожду, пока ты

вернёшься, и ты пойдёшь со мною».

И я не переставал подмазывать этого проклятого и обманывать его, надеясь, что он, может быть, уйдёт от меня, но он сказал: «Ты меня обманываешь и пойдёшь один и ввергнешься в беду, от которой тебе нет спасения. Аллахом заклинаю тебя, не уходи же, пока я не вернусь, и я пойду с тобой и узнаю, как исполнится твоё дело». – «Хорошо, не заставляй меня ждать», сказал я; и этот проклятый взял кушанья, напитки и прочее, что я дал ему, и ушёл от меня, и отдал припасы носильщику, чтобы тот отнёс их в его дом, а сам спрятался в каком-то переулке. А я тотчас же встал (а муэдзины уже пропели приветствие пророку) и надел свои одежды и вышел один, и пришёл в тот переулок и встал возле дома, в котором я увидал девушку, и оказалось, что та старуха стоит и ждёт меня. И я поднялся с нею в покой, где была девушка, и вошёл туда, и вдруг вижу: владелец дома возвратился к своё жилище с молитвы и вошёл в дом и запер ворот. И я взглянул из окна вниз и увидел, что этот цирюльник – проклятье Аллаха над ним! – сидит у ворот. «Откуда этот черт узнал про меня?» – подумал я; и в эту минуту, из-за того что Аллах хотел сорвать с меня покров своей защиты, случилось, что одна из невольниц хозяина дома совершила какое-то упущение, и он стал её бить, и она закричала, и его раб вошёл, чтобы выручить её, но хозяин побил его, и он тоже закричал. И проклятый цирюльник решил, что хозяин дома бьёт меня, и закричал, и разорвал на себе одежду, и посыпал себе голову землёю, и стал вопить и взывать о помощи. А люди стояли вокруг него, и он говорил: «Убили моего господина в доме кади!»

Потом он пошёл, крича, к моему дому, а люди шли за ним следом и оповестили моих родных и слуг; и не успел я опомниться, как они уже подошли в разорванной одежде, распустив волосы и крича: «Увы, наш господин!» А этот цирюльник идёт впереди них, в разорванной одежде, и кричит, а народ следует за ним. И мои родные все кричали, а он кричал среди шедших первыми, и они вопили: «Увы, убитый! Увы, убитый!» – и направлялись к тому дому, в котором был я.

И хозяин дома услышал шум и крик у ворот и сказал кому-то из слуг: «Посмотри, что случилось». И слуга вышел и вернулся к своему господину и сказал: «Господин, у ворот больше десяти тысяч человек, и мужчин и женщин, и они кричат: „Увы, убитый!“ – и показывают на наш дом». И когда кади услышал это, дело показалось ему значительным, и он разгневался и, поднявшись, вышел и открыл ворота. И он увидел большую толпу и оторопел и спросил: «О люди, в чем дело?» И мои слуги закричали ему: «О проклятый, о собака, о кабан, ты убил нашего господина!» И кади спросил: «О люди, а что сделал ваш господин, чтобы мне убить его?..»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Тридцать первая ночь

Когда же настала тридцать первая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что кади спросил: „Что сделал ваш господин, чтобы мне убить его? Вот мой дом перед вами“.

И цирюльник сказал ему: «Ты сейчас бил его плетью, и я слышал его вопли». – «Но что же он сделал, чтобы мне убить его, и кто его ввёл в мой дом, и куда, и откуда?» – спросил кади. И цирюльник воскликнул: «Не будь скверным старцем! Я знаю эту историю и все обстоятельства. Твоя дочь любит его, и он любит её, и когда ты узнал, что он вошёл в твой дом, ты приказал твоим слугам, – и они его побили. Клянусь Аллахом, или нас с тобою рассудит только халиф, или выведи к нам нашего господина, чтобы его родные взяли его раньше, чем я войду и выведу его от вас и ты будешь пристыжен».

И кади ответил (а он говорил словно взнузданный, и его окутал стыд перед людьми): «Если ты говоришь правду, входи сам и выведи его».

И цирюльник одним прыжком вошёл в дом; и, увидев, что он вошёл, я стал искать пути к выходу и бегству, но не нашёл его раньше, чем увидел в той комнате, где я находился,

большой сундук. И я влез туда и закрыл над собой крышку и задержал дыхание. А цирюльник вошёл в комнату и, едва войдя туда, снова стал меня искать и принялся соображать, в каком я месте, и, повернувшись направо и налево, подошёл к сундуку, где я был, и понёс его на голове, – и все моё мужество исчезло. Цирюльник торопливо пошёл; и поняв, что он не оставит меня, я открыл сундук и выбросился на землю и сломал себе ногу. И ворага распахнулись, и я увидел у ворот толпу.

А у меня в рукаве было много золота, которое я приготовил для дня, подобного этому, и для такого дела, как это, – и я стал сыпать это золото людям, чтобы они отвлеклись им. И люди стали хватать золото и занялись ими, а я побежал по переулкам Багдада направо и налево, и этот проклятый цирюльник бежал за мной, и куда бы я ни входил, цирюльник входил за мною следом и говорил: «Они хотели огорчить меня, сделав зло моему господину! Слава Аллаху, который помог мне и освободил моего господина? из их рук! Твоя неосмотрительность все время огорчала меня; если бы Аллах не послал меня тебе, ты бы не спасся от беды, в какую попал, и тебя бы ввергли в бедствие, от которого ты никогда бы не спасся. Сколько же ты хочешь, чтобы я для тебя жил и выручал тебя? Клянусь Аллахом, ты погубил меня своею неосмотрительностью, а ты ещё хотел идти один! Но мы не взыщем с тебя за твою глупость, ибо ты малоумен и тороплив».

«Мало тебе того, что случилось, – ты ещё бегаешь за мною и говоришь мне такие слова на рынках!» – воскликнул я, и душа едва не покинула меня из-за сильного гнева на цирюльника. И я вошёл в хан, находившиеся посреди рынка, и попросил защиты у хозяина, и он не пустил ко мне цирюльника. Я сел в одной из комнат и говорил себе: «Я уже не могу расстаться с этим проклятым цирюльником, и он будет со мною и днём и ночью, а у меня нет духу видеть его лицо!»

И я тотчас же послал за свидетелями и написал завещание своим родным, и разделил свои деньги, и назначил за этим наблюдающего, и приказал ему продать дом и земли, и дал ему указания о больших и о малых родичах, и выехал, и с того времени я странствую, чтобы освободиться от этого сводника. Я приехал и поселился в вашем городе и прожил здесь некоторое время, и вы пригласили меня, и вот я пришёл к вам и увидел у вас этого проклятого сводника на почётном месте. Как же может быть хорошо моему сердцу пребывать с вами, когда он сделал со мною такие дела и моя нога из-за него сломана?»

И после этого юноша отказался есть; и, услышав его историю, мы спросили цирюльника: «Правда ли то, что говорит про тебя этот юноша?» И он отвечал: «Клянусь Аллахом, я сделал это с ним вследствие моего знания, разума и мужества, и если бы не я, он бы, наверно, погиб. Причина его спасения – только во мне, и хорошо ещё, что пострадала его нога, но не пострадала его душа. Будь я многоречив, я бы не сделал ему добра, но вот я расскажу вам историю, случившуюся со мною, и вы поверите, что я мало говорю и нет во мне болтливости в отличие от моих шести братьев.

Рассказ цирюльника о самом себе (ночь 31)

Я был в Багдаде во времена аль-Мустапсира биллаха, сына аль-Мустади биллаха, и он, халиф, был в то время в Багдаде. А он любил бедняков и нуждающихся и сживал с учёными и праведниками. И однажды ему случилось разгневаться на десятерых преступников, и он велел правителю Багдада привести их к себе в день праздника (а это были воры, грабящие на дорогах). И правитель города выехал и схватил их и сел с ними в лодку; и я увидел их и подумал: «Люди собрались не иначе как для пира, и они, я думаю, проводят день в этой лодке за едой и питьём. Никто не разделит их трапезы, если не я!» И я поднялся, о собрание, по великому мужеству и степенности моего ума и, сойдя в лодку, присоединился к ним, и они переехали и высадились на другой стороне. И явились стражники и солдаты правителя с цепями и накинули их на шеи воров, и мне на шею тоже набросили цепь, – и не от мужества ли моего это случилось, о собрание, и моей малой разговорчивости, из-за которой я промолчал и не пожелал говорить? И нас взяли за цепи и поставили перед аль-Мустансиром

биллахом, повелителем правоверных, и он велел снести головы десяти человекам. И палач подошёл к нам, посадив нас сначала перед собою на ковре крови, и обнажил меч и начал сбивать голову одному за другим, пока не скинул голову десятерым, а я остался. И халиф посмотрел и спросил палача: «Почему ты снёс голову девяти?» И палач воскликнул: «Аллах спаси! Что бы ты велел сбить голову десяти, а я обезглавил бы девять!» Но халиф сказал: «Я думаю, ты снёс голову только девяти, а вот этот, что перед тобой, – это десятый».

«Клянусь твоей милостью, – ответил палач, – их десять!»

И их пересчитали, – говорил цирюльник, – и вдруг их оказалось десять. И халиф посмотрел на меня и спросил: «Что побудило тебя молчать в подобное время? Как ты оказался с приговорёнными и какова причина этого? Ты старец великий, но ума у тебя мало». И, услышав речи повелителя правоверных, я сказал ему: «Знай, о повелитель правоверных, что я – старец-молчальник, и у меня мудрости много, а что до степенности моего ума, моего хорошего разума и малой разговорчивости, то им нет предела; а по ремеслу я цирюльник. И вчерашний день, ранним утром, я увидел этих десятерых, которые направлялись к лодке, и смешался с ними и сошёл с ними в лодку, думая, что они устроили пир; и не прошло минуты, как появились стражники и наложили им на шею цепи, и мне на шею тоже наложили цепь, и от большого мужества я промолчал и не заговорил, – и это не что иное, как мужество. И нас повели и поставили перед тобой, и ты приказал сбить голову десяти; и я остался перед палачом, но не осведомил вас о себе, – и это не что иное, как великое мужество, из-за которого я хотел разделить с ними смерть. Но со мной всю жизнь так бывает: я делаю людям хорошее, а они платят мне самой ужасной отплатой».

И когда халиф услышал мои слова и понял, что я очень мужествен и неразговорчив, а не болтлив, как утверждает этот юноша, которого я спас от ужасов, – он так рассмеялся, что упал навзничь, и потом сказал мне: «О Молчальник, а твои шесть братьев так же, как и ты, мудры, учены и не болтливы?» – «Пусть бы они не жили и не существовали, если они подобны мне! – отвечал я. – Ты обидел меня, о повелитель правоверных, и не должно тебе сравнивать моих братьев со мною, так как из-за своей болтливости и малого мужества каждый из них ста! калек: один кривой, другой слепой, третий расслабленный, у четвертого отрезаны уши и ноздри, у пятого отрезаны губы, а шестой – горбун. Не думай, повелитель правоверных, что я болтлив; мне необходимо все изложить тебе, и у меня больше, чем у них всех, мужества. И с каждым из них случилась история, из-за которой он сделался калек, и я расскажу их все тебе.

Рассказ о первом брате цирюльника (ночь 31)

Знай, о повелитель правоверных, что первый из них (а это горбун) был по ремеслу портным в Багдаде, и он шил в лавке, которую нанял у одного богатого человека. А этот человек жил над лавкой, и внизу её дома была мельница. И однажды мой горбатый брат сидел в лавке и шил, и он поднял голову и увидел в окне дома женщину, подобную восходящей луне, которая смотрела на людей. И когда мой брат увидел её, любовь к ней привязалась к его сердцу, и весь этот день он все смотрел на неё и прекратил шитьё до вечерней поры. Когда же настал следующий день, он открыл свою лавку в утреннюю пору и сел шить, и, вдевая иглоу, он всякий раз смотрел в окно. И он опять увидел ту женщину, и его любовь к ней и увлечение ею увеличились. Когда же наступил третий день, он сел на своё место и смотрел на неё, и женщина увидела его и поняла, что он стал пленником любви к ней. Она засмеялась ему в лицо, и он засмеялся ей в лицо, а затем она скрылась от него и послала к нему свою невольницу и с нею узел с красной шёлковой материей.

И невольница пришла к нему и сказала: «Моя госпожа велит передать тебе привет и говорит: „Скрой нам рукою милости рубашку из этой материи и сшей её хорошо!“»

И он отвечал: «Слушаю и повинуюсь!» Потом он скроил ей одежду и кончил шить её в тот же день, а когда настал следующий день, невольница спозаранку пришла к нему и сказала: «Моя госпожа приветствует тебя и спрашивает, как ты провёл вчерашнюю ночь?»

Она не вкусила сна, так её сердце было занято тобою». И затем она положила перед ним кусок жёлтого атласа и сказала:

«Моя госпожа говорит тебе, чтобы ты скроил ей из этого куска две пары шальвар и сшил их в сегодняшний день».

И мой брат отвечал: «Слушаю и повинуюсь! Передай ей много приветов и скажи ей: „Твой раб послушен твоему повелению, приказывай же ему, что хочешь“».

И он принялся кроить и старательно шил шальвары, а через некоторое время она показала ему из окна и приветствовала его знаками, то закрывая глаза, то улыбаясь ему в лицо; и он подумал, что добьётся её. А потом она от него скрылась, и невольница пришла к нему, и он отдал ей обе пары шальвар, и она взяла их и ушла; и когда настала ночь, он кинулся на постель и провёл ночь до утра, ворочаясь. А утром он встал и сел на своё место, и невольница пришла к нему и сказала: «Мой господин зовёт тебя». И, услышав это, он почувствовал великий страх, а невольница, заметив, что он испуган, сказала: «С тобой не будет беды, а только одно добро! Моя госпожа сделала так, что ты познакомишься с моим господином». И этот человек очень обрадовался и пошёл с невольницей и, войдя к её господину, мужу госпожи, поцеловал перед ним землю, и тот ответил на его приветствие и дал ему много тканей и сказал: «Скрой мне и сшей из этого рубашки». И мой брат отвечал: «Слушаю и повинуюсь!» – и кроил до тех пор, пока не скроил до вечера двадцать рубашек; и он весь день не попробовал кушанья. И хозяин спросил его: «Какая будет за это плата?» А он отвечал: «Двадцать дирхемов». И тогда муж женщины крикнул невольнице: «Подай двадцать дирхемов!» И мой брат ничего не сказал. А женщина сделала ему знак, означавший: не бери от него ничего! И мой брат воскликнул: «Клянусь Аллахом, я ничего не возьму от тебя!» – и, взяв шитьё, вышел вон. А мой брат нуждался в каждом фельсе⁶², и он провёл три дня, съедая и выпивая лишь немного, – так он старался шить эти рубашки. И невольница пришла и спросила: «Что ты сделал?» И он отвечала «Готовы!» – и взял одежду, и принёс её к ним, и отдал мужу женщины, и тотчас же ушёл. А женщина осведомила своего мужа о состоянии моего брата (а мой брат не знал этого), и они с мужем сговорились воспользоваться моим братом для шитья даром и посмеяться над ним. И едва настало утро, он пришёл в лавку, и невольница явилась к нему и сказала: «Поговори с моим господином!» И он отправился с нею, а когда он пришёл к мужу женщины, тот сказал: «Я хочу, чтобы ты скроил мне пять фарджий!» И мой брат скроил их и, взяв работу с собою, ушёл. Потом он сшил эти фарджий и принёс их мужу женщины, и тот одобрил его шитьё и приказал подать кошель с дирхемами; и мой брат протянул уже руку, но женщина сделала из-за спины своего мужа знак: не бери ничего! Мой брат сказал этому человеку: «Не торопись, господин, времени довольно!» – и вышел от него и был униженнее осла, так как против него соединилось пять вещей: любовь, разорение, голод, нагота и усталость, а он только терпел. И когда мой брат сделал для них все дела, они потом схитрили и женили его на своей невольнице, а в ту ночь, когда он хотел войти к ней, ему сказали: «Переночуй до завтра на мельнице, будет хорошо!»

Мой брат подумал, что это правда так, и провёл ночь на мельнице один, а муж женщины пошёл и подговорил против него мельника, чтобы он заставил его вертеть на мельнице жёрнов.

И мельник вошёл к моему брату в полночь и стал говорить: «Этот бык бездельничает и больше не вертит жёрнов ночью, а пшеницы у нас много». И он спустился в мельницу и, наполнив насып пшеницей, подошёл к моему брату с верёвкой в руке и привязал его за шею и крикнул: «Живо, верти жёрнов, ты умеешь только есть, гадить и отливать!» – и взял бич и стал бить моего брата, а тот плакал и кричал, но не нашёл для себя помощника и перемалывал пшеницу почти до утра.

И тогда пришёл хозяин дома и, увидев моего брата привязанным к палке, ушёл, и

⁶² Фельс – мелкая медная монета.

невольница пришла к нему рано утром и сказала: «Мне тяжело то, что с тобой случилось; мы с моей госпожой несём на себе твою заботу». Но у моего брата не было языка, чтобы ответить, из-за сильных побоев и усталости.

После этого мой брат отправился в своё жилище; и вдруг приходит к нему тот писец, что написал его брачную запись, и приветствует его и говорит: «Да продлит Аллах твою жизнь! Таково бывает лицо наслаждений, нежности и объятий от вечера до утра!» – «Да не приветствует Аллах лжеца!» – воскликнул мой брат. – О, тысячу раз рогатый, клянусь Аллахом, я пришёл лишь для того, чтобы молоть до утра вместо быка!»

«Расскажи мне твою историю», – сказал писец; и мой брат рассказал, что с ним было, и писец сказал: «Твоя звезда не согласуется с её звездой, но если хочешь, я переменю тебе эту запись». – «Посмотри, не осталось ли у тебя другой хитрости!» – ответил мой брат и оставил писца и ушёл на своё место, ожидая, не принесёт ли ктонибудь работы ему на пропитание. Но вдруг приходит к нему невольница и говорит: «Поговори с моей госпожой!» – «Ступай, о дочь дозволенного, пет у меня дел с твоей госпожой!» – сказал мой брат; и невольница пошла и сообщила об этом своей госпоже. И не успел мой брат опомниться, как та уже выглянула из окна и, плача, воскликнула: «Почему, мой любимый, у нас нет с тобой больше дел?»

Но он не ответил ей, и она стала ему клясться, что все, что случилось с ним на мельнице, произошло не по её воле и что она в этом деле не виновата; и когда мой брат взглянул на её красоту и прелесть и услышал её сладкие речи, то, что с ним было, покинуло его, и он принял её извинения и обрадовался, что видит её. И он поздоровался и поговорил с нею и просидел некоторое время за шитьём, а после этого невольница пришла к нему и сказала: «Моя госпожа тебя приветствует и говорит тебе, что её муле сказал, что он сегодня ночует у своих друзей, и когда он туда уйдёт, или будешь у нас и проспишь с моей госпожой сладостную ночь до утра».

А муж женщины сказал ей: «Что сделать, чтобы отвратить его от тебя?» И она ответила: «Дай я придумаю для него другую хитрость и ослаблю его в этом городе».

(А мой брат ничего не знал о кознях женщин.) И когда наступил вечер, невольница пришла к нему и, взяв моего брата, воротилась с ним, и там женщина, увидав моего брата, воскликнула: «Клянусь Аллахом, господин мой, я очень стосковалась по тебе!» – «Ради Аллаха, скорее поцелуй, прежде всего!» – сказал мой брат. И едва он закончил эти слова, как явился муж женщины из соседней комнаты и крикнул моему брату: «Клянусь Аллахом, я расстанусь с тобой только у начальника охраны!» И мой брат стал умолять его, а он его не слушал, но повёл его к вали, и вали приказал побить его бичами и, посадив на верблюда, возить его по городу. И люди кричали о нем: «Вот воздаяние тому, кто врывается в чужой гарем!» И его выгнали из города, и он вышел и не знал, куда направиться; и я испугался и догнал его и обязался содержать его, и привёл его назад и позволил ему жить у меня до сей поры».

И халиф рассмеялся от моих речей и сказал: «Отлично, о Молчальник, о немногоречивый!» – и велел выдать мне награду, чтобы я ушёл. Но я воскликнул: «Я ничего не приму от тебя, раньше чем не расскажу, что случилось с остальными моими братьями, но не думай, что я много разговариваю».

Рассказ о втором брате цирюльника (ночи 31-32)

Знай, о повелитель правоверных, что моего второго брата аль-Хаддара звали Бакбак, и это расслабленный. В один из дней случилось ему идти по своим делам, я вдруг встречает его старуха и говорит ему: «О человек, постой немного! Я предложу тебе одно дело, и если оно тебе понравится, сделай его для меня и спроси совета у Аллаха». И мой брат остановился, и она сказала: «Я скажу тебе о чем-то и укажу тебе путь к этому, но пусть не будут многословны твои речи». – «Подавай свой рассказ», – ответил мой брат. И старуха спросила: «Что ты скажешь о красивом доме и благоухающем саде, где бежит вода, и о

плодах, вине и лице прекрасной, которую ты будешь обнимать от вечера до утра? Если ты сделаешь так, как я тебе указываю, то увидишь добро».

И мой брат, услышав её слова, спросил: «О госпожа, а почему ты направилась с этим делом именно ко мне из всех людей? Что тебе понравилось во мне?» И она отвечала моему брату: «Я сказала тебе – не будь многоречив! Молчи и пойдём со мною». И затем старуха повернулась, а мой брат последовал за нею, желая того, что она ему описала. И они вошли в просторный дом со множеством слуг, и старуха поднялась с ним наверх, и мой брат увидел прекрасный дворец.

И когда обитатели дома увидели его, они спросили: «Кто это привёл тебя сюда?» А старуха сказала: «Оставьте его, молчите и не смущайте его сердца, – это рабочий, и он нам нужен». Потом она пошла с ним в украшенную горницу, лучше которой не видали глаза; и когда они вошли в эту горницу, женщины поднялись и приветствовали моего брата и посадили его рядом с собою, а спустя немного он услышал большой шум, и вдруг подошли невольницы, и среди них девушка, подобная луне в ночь полнолуния. И мой брат устремил на неё взор и поднялся на ноги и поклонился девушке, а она приветствовала его и велела ему сесть; и он сел, она же обратилась к нему и спросила: «Да возвеличит тебя Аллах, есть в тебе добро?» – «О госпожа моя, все добро – во мне!» – отвечал мой брат. И она приказала подать еду, и ей подали прекрасные кушанья, и она стала есть. И при этом девушка не могла успокоиться от смеха, а когда мой брат смотрел на неё, она оборачивалась к своим невольницам, как будто смеясь над ним. И она выказывала любовь к моему брату и шутила с ним, а мой брат, осел, ничего не понимал, и от сильной страсти, одолевшей его, он думал, что девушка его любит и даст ему достигнуть желаемого.

И когда кончили с едою, подали вино, а потом явились десять невольниц, подобных месяцу, с многострунными лютнями в руках и стали петь на разные приятные голоса. И восторг одолел моего брата, и взяв кубок из её рук, он выпил его и поднялся перед нею на ноги; а потом девушка выпила кубок, и мой брат сказал ей: «На здоровье!» – и поклонился ей; и после этого она дала ему выпить кубок и, когда он выпил, ударила его по шее. И, увидя от неё это, мой брат вышел стремительно, а старуха принялась подмигивать ему: вернись! И он вернулся. И тогда девушка велела ему сесть, и он сел и сидел, ничего не говоря, и она снова стала бить его по затылку, но ей было этого недостаточно, и она приказала своим невольницам бить его, а сама говорила старухе: «Я ничего не видала лучше этого!» И старуха восклицала: «Да, заклинаю тебя, о госпожа моя!»

И невольницы били его, пока он не лишился сознания, а потом мой брат поднялся за нуждою, и старуха догнала его и сказала: «Потерпи немножко: ты достигнешь того, чего ты хочешь». – «До каких пор мне терпеть? Я уже обеспамятел от подзатыльников», – сказал мой брат; и старуха ответила: «Когда она захмелеет, ты достигнешь желаемого». И мой брат вернулся к своему месту и сел. И все невольницы, до последней, поднялись, и женщина приказала им окурить моего брата и опрыскать его лицо розовой водой, и они это сделали; а потом она сказала: «Да возвеличит тебя Аллах! Ты вошёл в мой дом и исполнил моё условие, а всех, кто мне перечил, я прогоняла. Но тот, кто был терпелив, достигал желаемого». – «О госпожа, – отвечал ей мой брат, – я твой раб и в твоих руках»; и она сказала: «Знай, что Аллах внушил мне любовь к веселью, и тот, кто мне повинуется, получает, что хочет». И она велела невольницам петь громким голосом, так что все бывшие в помещении исполнились восторга, а после этого она сказала одной девушке: «Возьми твоего господина, сделай, что нужно, и приведи его сейчас же ко мне».

И невольница взяла моего брата (а он не знал, что она с ним сделает), и старуха догнала его и сказала: «Потерпи, потерпи, осталось недолго!» И лицо моего брата просветлело, и он подошёл к девушке (а старуха все говорила: «Потерпи, ты уже достиг желаемого») и спросил старуху: «Скажи мне, что хочет сделать эта невольница?» И старуха сказала: «Тут нет ничего, кроме добра! Я – выкуп за тебя! Она хочет выкрасить тебе брови и срезать усы!» – «Краска на бровях сойдёт от мытья, – сказал мой брат, – а вот выдрать усы – это уже больно!» «Берегись ей перечить, – отвечала старуха, – её сердце привязалось к тебе». И мой

брат стерпел, чтобы ему выкрасили брови и выдрали усы, и тогда невольница пошла к своей госпоже и сообщила ей об этом, и та сказала: «Остаётся ещё одна вещь – сбрей ему бороду, чтобы он стал безволосым».

К невольница пришла к моему брату и сказала ему о том, что велела её госпожа, и мой дурак брат спросил: «А что мне делать с позором перед людьми?» И старуха ответила: «Она хочет это с тобой сделать только для того, чтобы ты стал безволосым, без бороды и у тебя на лице не осталось бы ничего колючего. В её сердце возникла большая любовь к тебе, терпи же: ты достигнешь желаемого».

И мой брат вытерпел и подчинился невольнице и обрил себе бороду, и девушка вывела его, и вдруг оказывается – он с накрашенными бровями, обрезанными усами, бритой бородой и красным лицом! И девушка испугалась его и потом так засмеялась, что упала навзничь и воскликнула: «О господин мой, ты покори меня этими прекрасными чертами!» И она стала заклинять его жизнью, чтобы он поднялся и поплясал; и мой брат встал и начал плясать, и она не оставила в комнате подушки, которою бы не ударила его, и все невольницы тоже били его плодами вроде померанцев и лимонов, кислых и сладких, пока он не упал без чувств от побоев, затрещин по Затылку и бросания.

И старуха сказала ему: «Теперь ты достиг желаемого. Знай, что тебе не будет больше побоев и осталось ещё только одно, а именно: у неё в обычае, когда она опьянеет, никому не давать над собою власти раньше, чем она снимет платье и шальвары и останется голой, обнажённой. А потом она велит тебе снять одежду и бегать и сама побежит впереди тебя, как будто она от тебя убегает, а ты следуй за ней с места на место, пока у тебя не поднимется зебб, и тогда она даст тебе власть над собою».

«Сними с себя одежду», – сказала она потом; и мой брат снял с себя все платье (а мир исчез для него) и остался нагим...

И Шахразадку застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Тридцать вторая ночь

Когда же настала тридцать вторая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что брат цирюльника, когда старуха сказала ему: „Сними с себя одежду“, – поднялся (а мир исчез для него) и снял с себя одежду и остался нагим, и тогда девушка сказала ему: „Вставай теперь и беги, и я тоже побегу, – и тоже разделась и воскликнула: Если ты чего-нибудь хочешь, следуй за мной!“ И она побежала впереди него, и он последовал за нею, и она вбегала в одно помещение за другим, и мой брат за ней, и страсть одолела его, и его зебб вёл себя, точно бесноватый. И она вбежала впереди него в тёмное помещение, и мой брат тоже за ней, и он наступил на тонкое место, и пол провалился под ним, и не успел мой брат опомниться, как оказался посреди улицы, на рынке кожевников, которые продавали и покупали кожи. И, увидев моего брата в таком виде – нагого, с поднявшимся зеббом, с бритой бородой и бровями и с красным лицом, торговцы закричали на него и захлопали в ладоши и стали бить его кожами, так что он лишился чувств. И его взвалили на осла и привезли к вали, и вали спросил их: „Кто это?“ И они сказали: „Он упал к нам из дома везиря в таком виде“. И тогда вали приказал дать ему сто ударов бичом по шее и выгнал из Багдада; и я вышел и догнал его и провёл его тайно в город, а затем я назначил ему то, что нужно для пропитания. И если бы не моё великодушие, я бы не стал терпеть подобного ему».

Рассказ о третьем брате цирюльника (ночь 32)

А что касается моего третьего брата, то его имя Факик, и он слепой. Судьба и предопределение привели его однажды к большому дому, и он постучал в ворота, надеясь, что владелец дома заговорит с ним и он попросит у него что-нибудь. И владелец дома спросил: «Кто у ворот?», но никто ему не ответил, и мой брат услышал, как он опять спросил

громким голосом: «Кто это?» Но мой брат не ответил ему и услышал, что он пошёл и дошёл до ворот, и открыл их, и спросил моего брата: «Что ты хочешь?» – «Чего-нибудь, ради Аллаха великого!» – сказал мой брат; и хозяин дома спросил: «Ты слепой?» – «Да», – отвечал мой брат; и тогда хозяин дома сказал ему: «Поддай мне руку», и брат подал ему руку, думал, что хозяин дома что-нибудь даст ему, а тот взял его руку и повёл его по лестнице, пока не довёл до самой верхней крыши, а мой брат предполагал, что он чем-нибудь его накормит и даст ему что-нибудь.

И, дойдя до конца, хозяин дома спросил моего брата: «Что ты хочешь, слепец?» И мой брат отвечал: «Хочу чего-нибудь ради Аллаха великого». – «Пошли тебе Аллах!» – сказал хозяин дома; и тогда мой брат воскликнул: «Эй ты, почему ты не сказал мне этого внизу?» А хозяин тогда отвечал: «О подлец, а ты почему не заговорил со мной сразу?» – А сейчас что ты хочешь со мною сделать?» – спросил его мой брат. «У меня ничего нет, чтобы дать тебе», – отвечал он; и мой брат сказал: «Спустишься со мною по лестницам». – «Дорога перед тобою», – сказал хозяин дома. И мой брат пошёл и до тех пор спускался, пока между ним и воротами не осталось двадцати ступенек, но тут его нога поскользнулась, и он упал к воротам и раскроил себе голову. И он вышел, не зная, куда направиться, и его догнали несколько его товарищей, слепых, и спросили: «Что досталось тебе в сегодняшний день?» И он рассказал им, что с ним произошло, а потом сказал: «О братья, я хочу взять немного из тех денег, что у меня остались, и истратить их на себя».

А владелец дома следовал за ним и слышал его слова, но мой брат и его товарищи не знали об этом человеке. И мой брат пришёл к своему дому и вошёл туда, и человек вошёл вслед за ним (а брат не знал этого), и мой брат сел, ожидая своих товарищей. И когда они вошли, он сказал им: «Заприте дверь и общитесь дом, чтобы не последовал за нами кто-нибудь чужой». И, услышав слова моего брата, тот человек встал и подтянулся на верёвке, свисавшей с потолка, а они обошли весь дом и никого не нашли. А потом они вернулись и сели рядом с моим братом, и, вынув бывшие у них деньги, сосчитали их, и вдруг их оказалось двенадцать тысяч дирхемов!

И они оставили деньги в углу комнаты, и каждый из них взял себе, сколько ему было нужно, а остаток денег они бросили на землю, а потом они поставили перед собой кое-какую еду и сели есть.

И брат услышал подле себя незнакомое жевание и сказал своим товарищам: «С нами чужой!» – и протянул руку, и его рука уцепилась за руку того человека – владельца дома. И они напали на него с побоями, а когда им надоело его бить, они принялись кричать: «О мусульмане, к нам вошёл вор и хочет взять наши деньги!»

И около них собралось много народу, и тот человек подошёл и привязался к ним и стал обвинять их в том же, в чем они обвиняли его, и зажмурил глаза, так что стал как будто слепым, как они, и никто не усомнился в этом. И он принялся кричать: «О мусульмане, я взываю к Аллаху и султану и прибегаю к Аллаху и к вали за советом!» И не успел он опомниться, как их всех окружили, и с ними моего брата, и погнали к дому вали.

И вали велел привести их к себе и спросил: «В чем ваше дело?» И этот человек сказал: «Смотри, но для тебя ничего не станет ясно без пытки! Начни с меня первого и попытай меня, а потом вот этого, моего поводыря», и он указал рукой на моего брата. И того человека протянули и побили четырьмя сотнями палок по заду, и побои причинили ему боль, и он открыл один глаз, а когда ему прибавили ударов, он открыл и второй глаз.

И вали спросил его: «Что это за дела, о проклятый?» И он отвечал: «Дай мне перстень пощады! Мы четверо притворяемся слепыми и обманываем людей, и входим в дома, и смотрим на женщин, и стараемся их погубить. У нас скопилась большая нажива – двенадцать тысяч дирхемов, и я сказал своим товарищам: „Дайте мне то, что мне следует, – три тысячи дирхемов“; а они побили меня и взяли мои деньги. И я прошу защиты у Аллаха и у тебя. Я имею больше всех права на мою долю, и мне хочется, чтобы ты узнал истинность моих слов. Побей каждого из них сильнее, чем ты бил меня, и они откроют глаза».

И тогда вали велел их пытать и начал прежде всего с моего брата, и его привязали к

лестнице, и вали сказал ему: «О негодяи, вы отрицаете милость Аллаха и утверждаете, что вы слепы!» – «Аллах, Аллах! – воскликнул мой брат, – клянусь Аллахом, пет среди нас зрячего!» И его били, пока он не обеспамятел; и вали сказал: «Оставьте его, пусть он очнётся, и побейте его снова, второй раз». А потом он велел дать каждому из его товарищей больше чем по триста палок, и зрячий говорил им: «Откройте глаза, а не то вас ещё будут бить!» А затем этот человек сказал вали: «Пошли со мною кого-нибудь, кто принесёт тебе деньги; эти люди не откроют глаз: они боятся позора перед людьми». И вали послал и взял деньги, и дал из них этому человеку три тысячи дирхемов – его долю, как он утверждал, и взял остальное, и он выгнал троих слепцов из города.

И я вышел, о повелитель правоверных, и догнал моего брата и спросил о его положении, и он рассказал мне то, о чем я тебе говорил, и я тайно ввёл его в город и украдкой стал выдавать ему что есть и что пить».

И халиф засмеялся, услышав мой рассказ, и сказал: «Дайте ему награду и пусть он уйдёт!» Но я воскликнул: «Клянусь Аллахом, я не возьму ничего, пока не изложу повелителю правоверных, что случилось с моими братьями! Я ведь мало говорю.

Рассказ о четвёртом брате цирюльника (ночь 32)

А что до моего четвёртого брата, о повелитель правоверных, – продолжал я, – (а это кривой) то он был мясником в Багдаде и продавал мясо и выращивал баранов, и к нему шли покупать мясо вельможи и люди состоятельные. И он нажил на этом большие деньги и приобрёл вьючных животных и дома и провёл таким образом долгое время. И однажды, в один из дней, он был у своей лавки, и вдруг подле неё остановился старик с большой бородой и подал ему несколько дирхемов и сказал: «Дай мне на это мяса», – и, отдав деньги, ушёл (а мой брат дал ему мяса). И он посмотрел на серебро старика и увидел, что его дирхемы белые и блестящие, и отложил их отдельно в сторону.

И старик продолжал ходить к нему пять месяцев, и мой брат бросал его дирхемы отдельно в сундук, но потом он пожелал их вынуть и купить на них баранов, и открыл сундук, по увидел, что все, что есть в нем, – белая нарезанная бумага.

И мой брат принялся бить себя по лицу и кричать; и народ собрался вокруг него, и он рассказал свою историю, и все удивились ей. А потом мой брат, как обычно, зарезал барана и повесил его перед лавкой и стал говорить: «Аллах! Если бы пришёл этот скверный старец!» И не прошло минуты, как старик подошёл со своим серебром, и тогда мой брат встал и вцепился в него и принялся вопить: «О мусульмане, ко мне! Послушайте мою историю с этим нечестивым!»

И, услышав его слова, старец спросил: «Что тебе приятнее: отстать от меня или чтобы я тебя опозорил перед людьми?» – «А чем ты меня опозоришь?» – спросил брат. «Тем, что ты продаёшь человеческое мясо за баранину», – отвечал старик. «Ты лжёшь, проклятый!» – воскликнул мой брат; и старик сказал: «Тот проклятый, у кого человек в лавке повешен». – «Если дело обстоит так, как ты сказал, мои деньги и моя кровь тебе дозволены», отвечал мой брат. И тогда старик сказал: «О собрание людей, если хотите подтверждения моим словам и моей правдивости – войдите в лавку». И люди ринулись в лавку моего брата и увидели, что тот баран превратился в повешенного человека; и, увидав это, они вцепились в моего брата и закричали: «О неверный, о нечестивый!» И самый дорогой для него человек колотил его и бил по лицу и говорил: «Ты кормишь нас мясом сынов Адама!», а старец ударил его по глазу и выбил его.

И люди понесли этого зарезанного к начальнику охраны, и старец сказал ему: «О эмир, этот человек режет людей, продаёт их мясо как мясо баранов, и мы привели его к тебе. Встань же и соверши правосудие Аллаха, великого, славного!» И мой брат защищался, но начальник не стал его слушать и велел дать ему пятьсот ударов палками, и у него взяли все деньги, а если бы не деньги, его бы, наверное, убили.

И мой брат поднялся и пошёл наобум и вошёл в большой город; он подумал: «Хорошо

бы сделаться башмачником», – и он открыл лавку и сидел, работая, чтобы прокормиться. И в один из дней он вышел по делу и услышал топот коней и спросил об этом, и ему сказали: «Это царь выезжает на охоту и ловлю». И мой брат стал смотреть на красоту царя, а взор царя встретился со взором моего брата, – и царь опустил голову и сказал: «К Аллаху прибегаю от зла этого дня!» – и повернул поводья своей лошади и воротился; и все слуги тоже воротились. А потом царь приказал слугам, и они догнали моего брата и больно побили его, так что он едва не умер. И мой брат не знал, в чем причина этого, и вернулся в своё жилище в невменяемом состоянии. И после этого он пошёл к одному человеку из слуг царя и рассказал ему, что с ним случилось, и тот так засмеялся, что упал навзничь, и сказал ему: «О брат мой, знай, что царь не в состоянии смотреть на кривого, в особенности если он крив на правый глаз; он его не отпустит раньше, чем убьёт».

Услышав такие слова, мой брат решил бежать из этого города, и поднялся и вышел из него, и переправился в другую местность, где никого не было, кто бы знал его, И провёл там долгое время. А после этого мой брат стал размышлять о своём деле. И однажды он вышел прогуляться и услышал за собою топот коней и сказал: «Пришло веление Аллаха!» И он стал искать места, где бы скрыться, но не нашёл, и посмотрел – и вдруг видит: закрытая дверь. И он толкнул эту дверь, и она упала, и мой брат вошёл и увидел длинный проход и вошёл туда. И не успел он опомниться, как двое людей вцепились в него, и они сказали моему брату: «Слава Аллаху, который отдал тебя нам во власть! О враг Аллаха, вот уже три ночи, как ты не даёшь нам спать и нам нет покоя, и ты заставил нас вкусить смерть!» – «О люди, в чем ваше дело?» – спросил мой брат; и они сказали: «Ты обманываешь нас и хочешь нас опозорить! Ты придумываешь хитрости и хочешь зарезать хозяина дома! Мало было тебе и твоим пособникам разорить его! Но вынь нож, которым ты каждую ночь грозишь нам!» И они обыскали его и нашли у него за поясом нож; и мой брат сказал им: „О люди, побойтесь Аллаха! Знайте, что моя история удивительна“. – „А какова твоя история?“ – спросили они. И он рассказал свою историю, желая, чтобы его отпустили. И они не стали слушать моего брата и не обратили внимания на его слова, и разорвали его одежду, и нашли на нем следы ударов плетью, и сказали: „О проклятый, вот следы ударов!“ И потом моего брата привели к вали, и мой брат сказал про себя: „Я попался за мои грехи, и никто не освободит меня, если не Аллах великий“. И вали спросил моего брата: „О несчастный, что побудило тебя на это дело? Ты вошёл в дом для убийства!“ И мой брат воскликнул: „Ради Аллаха прошу тебя, о эмир, выслушай мои слова и не торопись со мною!“ Но вали сказал: „Станем мы слушать слова вора, у которого на спине следы побоев! С тобой сделали такое дело не иначе как за большой грех“, – прибавил вали и велел дать моему брату сто ударов; и моего брата побили сотнею ударов и посадили на верблюда и кричали о нем: „Вот воздаяние, и наименьшее воздаяние, тому, кто врывается в чужие дома!“

И вали приказал выгнать его из города, и мой брат пошёл наобум, и, услышав об этом, я пошёл к нему и расспросил его, и он рассказал мне свою историю и то, что с ним случилось, и я все время ходил с ним кругом города, пока о нем кричали, а когда его выпустили, я пришёл к нему и взял его тайно и привёл в город и стал выдавать ему что есть и что пить.

Рассказ о пятом брате цирюльника (ночи 32-33)

А что касается моего пятого брата, то у него были отрезаны уши, о повелитель правоверных, и был он человек бедный и просил у людей по вечерам, а днём тратил выпрошенное. А отец наш был дряхлый старик, далеко зашедший в годах, и он умер и оставил нам семьсот дирхемов; и каждый из нас взял по сто дирхемов. И мой пятый брат, взяв свою долю, растерялся и не знал, что с нею делать; и когда он так раздумывал, вдруг пришло ему купить на эти деньги всякого рода стеклянной посуды и извлечь из неё пользу. И он купил на сто дирхемов стекла, поставил его на большой поднос и сел в одном месте продавать его. А рядом с ним была стена, и он прислонился к ней спиной и сидел,

размышляя о самом себе.

И он думал: «Моих основных денег в этом стекле – ею дирхемов, а я продам его за двести дирхемов и затем куплю на двести дирхемов стекла и продам его за четыреста дирхемов, и не перестану продавать и покупать, пока у меня не окажется много денег. И я куплю на них всяких товаров, драгоценностей и благовоний и получу большую прибыль, а после этого я куплю красивый дом, и куплю невольников и коней и золотые седла, и стану есть и пить, и не оставлю в городе ни одного певца или певицы, которых бы я не привёл к себе. И если захочет Аллах великий, я накоплю капитал в сто тысяч дирхемов...» И все это он прикидывал в уме, а поднос со стеклом стоял перед ним; и он думал дальше: «А когда денег станет его тысяч дирхемов, я пошлю посредниц, чтобы посвататься к дочерям царей и везирей, и посватаюсь к дочери везира, – до меня дошло, что она совершенна по красоте и редкой прелести, – и дам за неё в приданое тысячу динаров; и если её отец согласится – так и будет, а если не согласится – я возьму её силой, наперекор его носу. И когда она окажется в моем доме, я куплю десять маленьких евнухов, и куплю себе одежду из одежд царей и султанов, и сделаю себе золотое седло, которое выложу дорогими самоцветами, а потом я выведу, и со мною будут рабы – пойдут вокруг меня и впереди меня, и я поеду по городу, и люди будут меня приветствовать и благословлять меня. А потом я войду к везиру, отцу девушки (а рабы будут сзади меня, и впереди меня, и справа от меня, и слева от меня), и когда везир меня увидит, он поднимется мне навстречу и посадит меня на своё место, а сам сядет ниже меня, так как он мой тесть. А со мной будут два евнуха с двумя кошельками, в каждом кошельке по тысяче динаров, и я дам ему тысячу динаров в приданое за его дочь и подарю ему другую тысячу динаров, чтобы он знал моё благородство, и щедрость, и величие моей души, и ничтожность всего мирского в моих глазах. И если он обратится ко мне с десятью словами, я отвечу ему парой слов и уеду к себе домой. А когда придёт кто-нибудь из родных моей жены, я подарю ему денег и награжу его одеждой; а если он явится ко мне с подарком, я его верну ему и не приму, – чтобы знали, что я горд душой и ставлю свою душу лишь на её место. А потом я велю им привести меня в порядок, и когда они это сделают, я прикажу привести невесту и как следует все уберу в моем доме, а когда придёт время открывания, я надену самую роскошную одежду и буду сидеть в платье из парчи, облокотясь и не поворачиваясь ни вправо, ни влево, – из-за моего большого ума и степенности моего разума. И моя жена будет стоять предо мною, как луна, в своих одеждах и драгоценностях, и я не буду смотреть на неё из чванства и высокомерия, пока все, кто будет тут, не скажут: „О господин мой, твоя жена и служанка стоит перед тобой, соизволь посмотреть на неё, ей тягостно так стоять“. И они много раз поцелуют предо мною землю, и тогда я подниму голову и взгляну на неё одним взглядом, а потом опущу голову к земле. И её уведут в комнату сна, а я переменю свою одежду и надену что-нибудь лучшее, чем то, что на мне было; и когда невесту приведут ко мне, я не взгляну на неё, пока меня те попросят много раз, а потом я посмотрю на неё и опущу голову к земле, – и я все время буду так делать, пока её открывание не окончатся...»

И Шахразад застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Тридцать третья ночь

Когда же настала тридцать третья ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что брат цирюльника думал: „А потом я опущу голову к земле и все буду так делать, пока её открывание не кончится. А после я прикажу кому-нибудь из слуг подать кошель с пятью сотнями динаров, и когда невеста будет тут, я отдам его прислужницам и велю им ввести меня к невесте. И когда меня введут, я не стану смотреть на неё и не Заговорю с ней из презрения, чтобы говорили, что я горд душой. И её мать придёт и поцелует мне голову и руку и скажет: „О господин, взгляни на твою служанку, она хочет твоей близости, залечи же её сердце“. А я не дам ей ответа; когда она это увидит, она встанет и поцелует мне ноги

несколько раз и скажет: „О господин мой, моя дочь красивая девушка, которая ещё не видала мужчины, и когда она увидит в тебе такую сдержанность, её сердце разобьётся. Склонись же к ней и поговори с нею“. И она поднимется и принесёт мне кубок с вином, и её дочь возьмёт кубок, и когда она подойдёт ко мне, я оставлю её стоять перед собой, а сам облокочусь на вышитую подушку, не глядя на неё, – из-за величия своей души, – пока она мне не скажет, что я султан, высокий саном, и не попросит меня: „О господин мой, заклинаю тебя Аллахом, не отвергай кубка из рук твоей служанки, ибо я твоя невольница“. Но я ничего ей не отвечу; и она будет ко мне приставать и скажет: „Его обязательно надо выпить“, – и поднесёт его к моему рту; и я махну рукой ей в лицо и отпихну ногой и сделаю вот так!“ – и он взмахнул ногой, и поднос со стеклом упал (а он был на высоком месте) и свалился на землю, и все, что было на нем, разбилось.

И мой брат закричал и сказал: «Все это от величия моей души!» И тогда, о повелитель правоверных, он стал бить себя по лицу, и разорвал свою одежду, и начал плакать и бить себя; и люди смотрели на него, идя на пятничную молитву, и некоторые смотрели и жалели его, а другие о нем не думали. И мой брат был в таком состоянии: ушли от него и деньги и прибыль. И он просидел некоторое время плача; и вдруг видит – красивая женщина едет на муле с золотым седлом, и с нею несколько слуг, к от неё веет мускусом, а едет она на пятничную молитву. И когда она увидела стекло и состояние моего брата и его плач, её взяла печаль, и сердце её сжалилось над ним, и она спросила о его положении; и ей сказали: «С ним был поднос стеклянной посуды, благодаря которой он кое-как жил, и посуда разбилась, и его постигло то, что ты видишь». И тогда она позвала одного из слуг и сказала ему: «Дай то, что есть с тобой, этому бедняге»; и слуга дал моему брату кошелёк, где он нашёл пятьсот динаров, и когда они попали в его руки, он едва не умер от сильной радости.

И мой брат принялся благословлять ту женщину и вернулся в своё жилище богатым и сидел размышляя; и вдруг – стучат в дверь. И он встал и открыл и видит – незнакомая старуха. И она сказала ему: «О дитя моё, Знай, что время молитвы уже близко, а я не совершила омовения, и мне бы хотелось, чтобы ты меня пустил к себе в дом омыться». – «Слушаю и повинуюсь!» – сказал мой брат и вошёл и велел ей входить, и когда она вошла, он дал ей кувшин для омовения.

И мой брат сел, и сердце его трепетало от радости из-за динаров, и потом он завязал их в кошель; и когда он покончил с этим, старуха завершила омовение и, подойдя туда, где сидел мой брат, сотворила молитву в два rakata, а затем помолилась за моего брата хорошей молитвой. И он поблагодарил её за это и, протянув руку к динарам, дал ей два динара и сказал про себя: «Это от меня милостыня». И когда старуха увидела динары, она воскликнула: «Да будет Аллах превознесён! Почему ты смотришь на того, кто тебя любит, как на нищего? Возьми твои деньги, они мне не нужны, и положи их опять к себе на сердце; а если ты хочешь встретиться с той, кто тебе их дал, я сведу её с тобою – она моя подруга». – «О матушка, – спросил мой брат, – как ухитриться попасть к ней?» И она сказала: «О дитя моё, она имеет склонность к человеку богатому; возьми же с собой все свои деньги и следуй за мной, и я приведу тебя к тому, что ты хочешь. А когда ты встретишься с ней, употреби все, какие есть, ласки и приятные слова, и ты получишь из её прелестей И её денег все, что хочешь».

И мой брат взял с собой все своё золото и поднялся и пошёл с ней (и он сам не верил этому); а старуха все шла, и мой брат следовал за нею до одних больших ворот. И она постучала, и вышла невольница-гречанка и открыла ворота, и тогда старуха вошла и велела моему брату войти с нею, и он вошёл в большой дом и большую комнату, пол которой был устлан удивительными коврами, и там были повешены занавеси. И мой брат сел и положил золото перед собой, а свой тюрбан он положил на колени; и не успел он опомниться, как появилась девушка, лучше которой не видали смотрящие, и она была одета в роскошные одежды. И мой брат поднялся на ноги; и когда девушка увидела его, она засмеялась ему в лицо и сделала ему знак сесть. А потом она велела запереть дверь и, подойдя к моему брату, взяла его за руку, и они оба отправились и пришли к уединённой комнате и вошли в неё, и

оказалось, что она устлана разной парчой.

И мой брат сел, и ока села с ним рядом и немножко поиграла с ним, а затем она поднялась и сказала: «Не двигайся с места, пока я не приду!» – и скрылась от моего брата на некоторое время. И когда он так сидел, вдруг вошёл к нему чёрный раб огромного роста, и у него был обнажённый меч. «Горе тебе, – воскликнул он, – кто привёл тебя в это место и что ты здесь делаешь?» И когда мой брат увидел его, он не был в состоянии дать ему никакого ответа, и у него оцепенел язык, так что он не мог вымолвить слова. И раб взял его и снял с него одежду и до тех пор бил его мечом плашмя, пока он не упал без чувств на землю от побоев, и скверный раб подумал, что он прикончил его. И мой брат услышал, как он говорит: «Где солильщица?» И к нему подошла девушка, нёсшая в руке большое блюдо, где было много соли, и раб все время присыпал ею раны моего брата, но тот не двигался, опасаясь, что раб узнает, что он жив, и убьёт его и его душа пропадёт.

Потом невольница ушла, – говорил рассказчик, – и раб крикнул: «Где погребщица?» И старуха подошла к моему брату и потащила его за ногу в погреб и бросила его туда на множество убитых. И он провёл в этом месте два полных дня, и Аллах сделал соль причиной его жизни, так как она остановила кровь; и мой брат нашёл в себе силу, чтобы двигаться, и поднялся в погреб, и открыл над собою плиту (а он боялся), и вышел вон.

И Аллах даровал ему защиту, и брат вошёл в темноту и скрылся в этом проходе до утра, а когда наступило утреннее время, эта проклятая старуха вышла на поиски другой дичи, и брат вышел за нею следом, а она не знала этого. И он пришёл в своё жилище и не переставал лечиться, пока не выздоровел, и следил за старухой, все время смотря, как она хватала людей одного за другим и приводила их в тот дом, но ничего не говорил.

А потом, когда вернулись к нему его дух и сила, он взял тряпку, сделал из неё кошель, наполнил его стеклом и привязал к поясу. И он переоделся, чтобы его никто не узнал, и надел платье, и, взяв меч, спрятал его под платье, и когда увидел старуху, сказал ей на языке персиян: «О старуха, я чужеземец и прибыл сегодня в этот город и никого не знаю. Нет ли у тебя весов, вмещающих пятьсот динаров? Я тебе подарю немного из них». И старуха ответила: «У меня сын меняла, и у него есть всякие весы. Пойдём со мною, раньше чем он уйдёт со своего места, и он свешает твоё золото». – «Иди впереди меня!» – сказал мой брат; и она пошла, а брат сзади, и, подойдя к воротам, она постучала, и вышла та самая девушка и открыла ворота. И старуха засмеялась ей в лицо и сказала: «Я сегодня принесла вам жирный кусок мяса». И девушка взяла моего брата за руку и ввела его в то помещение, куда он входил прежде. И она немного посидела подле него и поднялась и сказала: «Не уходи, пока я не вернусь к тебе», и ушла. И не успел мой брат опомниться, как пришёл проклятый раб, и с ним был тот обнажённый меч. И он сказал моему брату: «Поднимайся, проклятый!» – И мой брат поднялся, и раб пошёл впереди него, а брат мой шёл сзади; и он протянул руку к мечу, что был у него под платьем, и ударил им раба, и скинул ему голову с плеч, потащил его за ногу к погребу и крикнул: «Где солильщица?» И тогда пришла девушка с блюдом, в котором была соль, и, увидав моего брата и в его руке меч, она бросилась бежать, но брат последовал за нею и ударил её и отрубил ей голову. А потом он закричал: «Где старуха?» И она пришла, и брат спросил её: «Узнаешь ты меня, скверная старуха?» А она отвечала: «Нет, господин». И мой брат сказал: «Я владелец денег, к которому ты пришла, и ты у меня омылась и помолилась и призвала меня сюда». – «Побойся Аллаха и подумай ещё о моем деле», – сказала старуха; но мой брат и не посмотрел на неё и так ударил её, что разрубил на четыре куска, а потом он вышел искать девушку; и когда она увидела его, её ум улетел, и она воскликнула: «Пощады!» И мой брат пощадил её.

«Что привело тебя к этому чёрному?» – спросил он тогда её; она сказала: «Я была невольницей одного купца, а эта старуха заходила ко мне, и я с нею подружилась. И в один из дней она сказала мне: „У нас свадьба, равной которой никто не видел, и я хочу, чтобы ты посмотрела на неё“. И я отвечала ей: „Слушаю и повинуюсь!“, потом я надела свою лучшую одежду и драгоценности и взяла с собою кошелек с сотнею динаров и пошла с нею, и она привела меня в этот дом. И, войдя, я не успела опомниться, как этот чёрный взял меня, и я в

таком положении уже три года из-за хитрости проклятой старухи». – «А есть у него что-нибудь в этом доме?» – спросил мой брат, и она сказала: «У него есть много, и если ты можешь это перенести, перенеси, попросив совета у Аллаха».

И мой брат поднялся и пошёл с нею, и она открыла сундуки, в которых были мешки, и мой брат впал в недоуменно, а девушка сказала ему: «Иди теперь и оставь меня здесь и приведи кого-нибудь, чтобы снести деньги». И мой брат вышел и нанял десять человек и пришёл к воротам, пошёл их открытыми и не увидел ни девушки, ни мешков, кроме немногих, – одни только ткани. Он понял, что девушка обманула его, и взял оставшиеся деньги и, открыв кладовые, забрал то, что в них было, и ничего не оставил в доме, и провёл ночь радостный.

А когда настало утро, он нашёл у ворот двадцать солдат, которые вцепились в него и сказали: «Вали тебя требует». И они взяли его, и мой брат стал проситься у них пройти в свой дом, но они не дали ему времени вернуться домой, и мой брат обещал им много денег, но они отказались. И они крепко связали его верёвкой и повели, и им встретился по дороге один его приятель, и мой брат уцепился за его полу и стал просить его постоять с ним, чтобы помочь ему освободиться из их рук. И этот человек остановился и спросил их, в чем с ним дело; и они сказали: «Вали приказал нам привести его к себе, и вот мы идём с ним». И друг моего брата попросил их освободить его, с тем что он даст им пятьсот динаров, и сказал им: «Когда вернётесь к вали, скажите ему: „Мы его не нашли“. Но они отвергли его слова и взяли моего брата, таща его вниз лицом, и привели его к вали; и когда вали увидел моего брата, он спросил его: „Откуда у тебя эти ткани и деньги?“ – „Я хочу пощады“, – сказал мой брат; и вали дал ему платок пощады, и тогда брат рассказал ему о том, что случилось и что произошло у него со старухой, с начала до конца, и о бегстве девушки и сказал вали: „А то, что я взял, возьми из этого, сколько хочешь, и оставь мне, на что кормиться“. И вали взял все деньги и ткани и побоялся, что весть об этом дойдёт до султана, и сказал моему брату: „Уходи из этого города, а не то я тебя повешу!“ И мой брат отвечал: „Слушаю и повинуюсь!“ – и ушёл в какой-то город, и на него напали воры и раздели его и побили и обрезают ему уши. И я услышал весть о нем и вышел к нему, и взял для него одежду, и привёл его тайно в город, и стал ему выдавать что пить и что есть.

Рассказ о шестом брате цирюльника (ночь 33)

А что касается моего шестого брата, о повелитель правоверных, то у него отрезаны губы. Он обеднел и вышел однажды поискать чего-нибудь, чтобы удержать в теле жизнь; и вот, когда он шёл какой-то дорогой, он вдруг видит прекрасный дом с широким, высоким портиком, а возле ворот – слуги и люди, приказывающие и запрещающие. И он спросил кого-то из стоявших там, и тот сказал: «Это дом одного из семьи Бармакидов». И тогда мой брат подошёл к привратникам и попросил у них чего-нибудь, и они сказали: «Войди в ворота дома – найдёшь то, что любишь, у нашего господина». И мой брат вошёл под портик и прошёл под ним и достиг дома, красивого до предела красоты и изящества, и посреди него был сад, подобного которому он не видел, а пол в нем был выложен мрамором, и повешены были там занавеси.

И брат мой остался в недоумении, не зная, куда направиться, и пошёл к возвышенной части покоя, и увидел человека с красивым лицом и бородой; и тот, увидев моего брата, поднялся к нему и приветствовал его и спросил его о его положении, и брат сообщил ему, что он нуждается.

И, услышав слова моего брата, этот человек проявил сильное огорчение и, взявшись рукою за свою одежду, разорвал её и воскликнул: «Я живу в этом городе, а ты в нем голодаешь! Мне не вынести этого!»

И он обещал ему всякие блага и сказал: «Ты непременно должен разделить со мной соль». И мой брат ответил: «О господин, у меня нет терпения, и я сильно голоден!» И хозяин крикнул: «Эй, мальчик, подай таз и кувшин! – и сказал: Подойди и вымой руки». И мой брат

поднялся, чтобы помыть руки, но не увидел ни таза, ни кувшина. А хозяин стал делать движения, точно он моет руки, и потом крикнул: «Подайте столик!» Но мой брат ничего не увидел. И тот человек сказал ему: «Пожалуйста, поешь этого кушанья, не стыдись!» – и стал делать движения, как будто он ест, и говорил моему брату: «Удивительно, как ты мало ешь! Не ограничивай себя в еде, я знаю, как ты голоден!» И мой брат стал делать вид, что ест, а хозяин говорил ему: «Ешь и смотри, как хорош и как бел этот хлеб». Но брат ничего не видел и думал про себя: «Этот человек любит издеваться над людьми». «О господин мой, – сказал ему мой брат, – я в жизни не видал хлеба белее и вкуснее этого». И он отвечал: «Его испекла невольница, которую я купил за шестьсот динаров». Потом хозяин дома крикнул: «Эй, мальчик, подай мясной пирог, первое кушанье, и прибавь в него жиру!» И спросил моего брата: «О гость, заклинаю тебя Аллахом, видел ли ты пирог лучше этого? Ради моей жизни, ешь, не стыдись! Эй, мальчик, – крикнул он затем, – подай нам мясо в уксусе и жирных куропаток!» И сказал моему брату: «Ешь, гость, ты голоден и нуждаешься в этом». И мой брат стал ворочать челюстями и жевать, а гот человек требовал кушанье за кушаньем, но ничего не приносили, и он только приказывал моему брату есть.

Потом он крикнул: «Эй, мальчик, подай нам цыплят, начинённых фисташками!» И сказал моему брату: «Заклинаю тебя жизнью, о мой гость, этих цыплят откармливали фисташками, – поешь же того, чему подобного ты никогда не ел, и не стыдись». – «О господин мой, это хорошо!» – отвечал мой брат; и хозяин стал подносить руку ко рту моего брата, как бы кормя его, и перечислял блюда, расхваливая их моему брату, который был голоден, и его голод ещё увеличился, так что ему хотелось хотя бы ячменной лепёшки. «Видел ли ты пряности лучше тех, что в этих кушаньях?» – спросил он потом; и мой брат ответил: «Нет, господин». И тот сказал: «Ешь хорошенько и не стыдись!» – «Мне уже довольно еды», – отвечал мой брат; и хозяин дома крикнул: «Уберите это и подайте сладости!» И сказал моему брату: «Поешь вот этого, это прекрасное кушанье, и покушай этих пышек. Заклинаю тебя жизнью, возьми эту пышку, пока с неё не стек сок». – «Да не лишусь я тебя, о господин мой!» – воскликнул мой брат и принялся расспрашивать его, много ли мускуса в пышках; и хозяин дома отвечал: «У меня обычно кладут в каждую пышку мискаль мускуса и полмискаля амбры». И при всем этом мой брат двигал головой и ртом и играл челюстями. «Ешь этот миндаль, не стыдись», – сказал хозяин дома; и мой брат отвечал: «О господин мой, с меня уже довольно, я не в состоянии что-нибудь съесть!» А хозяин дома воскликнул: «О гость, если хочешь чего-нибудь съесть и насладиться, Аллахом, Аллахом заклинаю тебя, не будь голоден!» – «О господин, – сказал мой брат, – как может быть голоден тот, кто съел все эти кушанья?» И потом мой брат подумал и сказал про себя: «Обязательно сделаю с ним дело, после которого он раскается в таких поступках!» А тот человек крикнул: «Подайте нам вино!» И слуги стали двигать руками в воздухе, точно подают вино. И хозяин подал брату кубок и сказал: «Возьми этот кубок, и если вино тебе понравится, скажи мне». – «О господин, – отвечал мой брат, – оно хорошо пахнет, но я привык пить старое вино, которому двадцать лет». – «Постучись-ка в эту дверь – ты сможешь несколько его выпить», – сказал хозяин; и мой брат воскликнул: «О господин, твоей милостью!» – и сделал движение рукой, как будто пьёт, а хозяин дома сказал: «На здоровье и в удовольствие!» Потом он сделал вид, что выпил, и подал моему брату второй кубок, и тот выпил и сделал вид, что опьянел, а затем мой брат захватил его врасплох и, подняв руку так, что стало видно белизну его подмышки, дал ему затрещину, от ко горой зазвенело в помещении. И он дал ему ещё затрещину, второй раз, и тот человек воскликнул: «Что это, негодяй?» И мой брат отвечал: «О господин мой, ты был милостив к твоему рабу, и ввёл его в свой дом и дал ему поесть пищи и напоил его старым вином, и он охмелел и стал буянить, но ты достаточно возвышен, чтобы снести его глупость и простить ему вину».

И, услышав его слова, хозяин дома громко рассмеялся и сказал: «Я уже долгое время потешаюсь над людьми и издеваюсь над друзьями, но не видел ни у кого такой выносливости и сообразительности, чтобы проделать со мною все эти дела. А теперь я простил тебя; будь же моим сотрапезником взаправду и никогда не расставайся со мной». И

он велел вынести множество сортов кушаний, которые упомянул вначале, и они с моим братом ели, пока не насытились, а затем они перешли в комнату для шитья; и вдруг там оказались невольницы, подобные лунам, и они стали петь на все голоса и под все инструменты, а потом оба принялись пить, и их одолел хмель; и тот человек подружился с моим братом так, что стал ему точно брат, и полюбил его великой любовью, и наградил его. А когда настало утро, они снова принялись за еду и питьё, – и так продолжалось в течение двадцати лет. А потом тот человек умер, и султан захватил его имущество и то, что было у моего брата, и султан отбирал у него деньги, пока не оставил его бедняком, ничего не имеющим.

И мой брат вышел, убегая наобум; и когда он был посреди дороги, на него напали кочевники и взяли его в плен. Они привели его к себе в стан, и тот, кто его забрал, стал его мучить и говорил ему: «Выкупи у меня твою душу за деньги, а не то я тебя убью!»; а мой брат плакал и говорил ему: «Клянусь Аллахом, у меня ничего нет! Я твой пленник, делай со мной, что хочешь».

И кочевник вынул нож и отрезал моему брату губы и все сильнее приставал к нему с требованиями. А у кочевника была красивая жена, и когда он выходил, она предлагала себя моему брату и старалась прельстить его, а он отказывался; но когда наступил один из дней и она стала соблазнять брата, он принялся играть с нею и посадил её к себе на колени. И в это время её муж вдруг вошёл к ней: и, увидав моего брата, воскликнул: «Горе тебе, проклятый, теперь ты хочешь испортить мою жену!» И он вынул нож и отрезал ему зёбб и, взвалив моего брата на верблюда, бросил его на горе и оставил.

И мимо него проходили путешественники, и они узнали его, и накормили и напоили, и сообщили мне, что с ним случилось; и я пришёл к нему и понёс его, и принёс его в город, и назначил ему всего достаточно. И вот я пришёл к тебе, о повелитель правоверных, и побоялся уйти отсюда, прежде чем расскажу тебе: это было бы ошибкой. Ведь за мною шесть братьев и я забочусь о них.

И когда повелитель правоверных услышал мою историю и то, что я рассказал ему о моих братьях, он засмеялся и сказал: «Твоя правда, о Молчальник, ты немногоречив, и в тебе нет болтливости, но теперь уходи из этого города и живи в другом!» – И он выгнал меня под стражей.

И я входил в города и обходил области, пока не услышал о его смерти и о том, что халифом стал другой, и тогда я пришёл в этот город; и оказалось, что мои братья уже умерли. И я пошёл к этому юноше и сделал с ним наилучшие дела, и если бы не я, его наверное бы убили, но он обвинил меня в том, чего во мне нет. И то, о собрание, что он передал о моей болтливости, – ложь. Из-за этого юноши я обошёл многие страны, пока не достиг этой земли и не застал его у вас, и не от моего ли это великодушия, о благое собрание?»

И когда мы слышали историю цирюльника и его многие речи и то, что он обидел этого юношу, мы взяли цирюльника и схватили его, и заточили, и сели, спокойные, и поели, и выпили, и пир продолжался до призыва к послеполуденной молитве. И потом я вышел и пришёл домой, и моя жена насупилась и сказала: «Ты веселишься и развлекаешься, а я грущу! Если ты меня не выведешь и не будешь со мной гулять остаток дня, я разорву верёвку нашей близости и причина нашей разлуки будет в тебе».

И я вышел с нею, и мы гуляли до вечера, а затем мы вернулись и встретили горбуна, который был пьян через край, и он говорил такие стихи:

«Стекло прозрачно, – и ясно, как вино,
Что они похожи, и смутно дело тут:
И как будто есть вино, а кубка нет,
И как будто кубок есть, а нет вина».

И я пригласил его и вышел купить жареной рыбы, и мы сели есть, а потом моя жена

дала ему кусок хлеба и рыбы и сунула их ему в рот, и заткнула его, и горбун умер; и я снёс его и ухитрился бросить его в дом этого врача-еврея, а врач изловчился и бросил его в дом надсмотрщика а надсмотрщик ухитрился и бросил на дороге христианина-маклера. Вот моя история и то, что я вчера пережил, – не удивительное ли это истории горбуна?»

И, услышав рту историю, царь Китая затряс головой от восторга и проявил удивление и сказал: «Эта история, что произошла между юношей и болтливым цирюльником, поистине лучше и прекраснее истории лгуна-горбуна!»

Потом царь приказал одному из придворных: «Поймите с портным и приведите цирюльника из заточения: я послушаю его речи, и он будет причиной освобождения вас всех; а этого горбуна мы похороним...»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Тридцать четвёртая ночь

Когда же настала тридцать четвёртая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что царь Китая сказал: „Приведите ко мне цирюльника, и он будет причиной вашей освобождения, а этого горбуна мы похороним, – ведь он со вчерашнего дня мёртвый – и сделаем ему гробницу“.

И не прошло минуты, как придворный с портным отправились в тюрьму и вывели оттуда цирюльника и шли с ним, пока не остановились перед царём. И, увидев цирюльника, царь всмотрелся в него – и вдруг оказывается: что дряхлый старик, зашедший за девяносто, с чёрным лицом, белой бородой и бровями, обрубленными ушами и длинным носом, и в душе его – глупость. И царь засмеялся от его вида и сказал: «О Молчальник, я хочу, чтобы ты рассказал мне какую-нибудь из твоих историй». И цирюльник спросил: «О царь времени, а какова история этого христианина, и еврея, и мусульманина, и мёртвого горбуна, который среди вас, и что за причина этого собрания?» – «А почему ты об этом спрашиваешь?» – сказал царь Китая; и цирюльник отвечал: «Я спрашиваю о них, чтобы царь узнал, что я не болтун и я не виновен в болтливости, в которой они меня обвиняют. Я тот, чьё имя Молчальник, и во мне есть доля от моего имени, как сказал поэт:

Не часто глаза твои увидят прозванного,
Чтоб не был, коль вступишься, в прозвание весь смысл его».

«Изложите цирюльнику историю этого горбуна и то, что случилось с ним в вечернюю пору и что рассказывали еврей, христианин, надсмотрщик и портной», – сказал царь; и они это сделали (а в повторении нет пользы!), и после этого цирюльник покачал головой и воскликнул: «Клянусь Аллахом, это, поистине, удивительная диковина! Откройте этого горбуна!»

И ему открыли горбуна, и он сел около него и, взяв его голову на колени, посмотрел ему в лицо и стал так смеяться, что перевернулся навзничь, а потом воскликнул: «Всякая смерть удивительна, но о смерти этого горбуна следует записать золотыми чернилами!» И все собравшиеся оторопели от слов цирюльника, и царь удивился его речам и спросил: «Что с тобой, о Молчальник? Расскажи нам». И цирюльник ответил: «О царь времени, клянусь твоей милостью, в лгуне-горбуне есть дух!» И цирюльник вынул из-за пазухи шкатулку и, открыв её, извлёк из неё горшочек с жиром и смазал им шею горбуна и жилы на ней, а потом он вынул два железных крючка и, опустив их ему в горло, извлёк оттуда кусок рыбы с костью, и когда он вынул его, оказалось, что он залит кровью. А горбун один раз чихнул, и вскочил на ноги, и погладил себя по лицу, и воскликнул: «Свидетельствую, что нет бога, кроме Аллаха, и что Мухаммед – посланник Аллаха!» И царь и присутствующие удивились тому, что они воочию увидели.

И царь Китая так смеялся, что лишился чувств, и присутствующие тоже; и султан

сказал: «Клянусь Аллахом, это удивительная история, и я в жизни не слышал диковиннее её!»

«О мусульмане, о все воины, – спросил потом султан, – видели ли вы в жизни, чтобы кто-нибудь умер и потом ожил? Если бы Аллах не послал ему этого цирюльника (а он был причиной его жизни), горбун наверное бы умер».

И все сказали: «Клянёмся Аллахом, это удивительная диковина!» А потом царь Китая приказал записать эту историю золотыми чернилами, и её записали и затем положили в казну царя. А после этого он наградил еврея, христианина и надсмотрщика, каждого из них драгоценной одеждой, и велел им уходить; и они ушли. А затем царь обернулся к портному и наградил его драгоценной одеждой и сделал своим портным; он назначил ему выдачи и помирил его с горбуном, и наградил горбуна дорогой и красивой одеждой и назначил ему выдачи, сделав его своим сотрапезником, а цирюльника он пожаловал и назначил его главным цирюльником царства и своим собутыльником. И они пребывали в сладостнейшей и приятнейшей жизни, пока не пришла к ним Разрушительница наслаждений и Разлучительница собраний.

Но это нисколько не удивительнее рассказа о двух везирях и Анис-аль-Джалис». – «А как это было?» – спросила Дуньязада.

Рассказ о двух везирях и Анис аль-Джалис (ночи 34-38)

Дошло до меня, о счастливый царь, – сказала Шахразада, – что был в Басре царь из Царей, который любил бедняков и нищих и был благосклонен к подданным и одаривал из своих денег тех, кто верил в Мухаммеда, да благословит его Аллах и да приветствует! И он был таков, как сказал о чем один:

Повелитель ваш, если конный враг кружит вокруг него, Поражает рать неприятелей
острорежущим, И в сердцах копьём он черты проводит. Столь гневен он, Когда видишь ты,
как он всадников под щитом разит.

И звали его царь Мухаммед ибн Сулейман аз-Зани, и у него было два везиря, один из которых прозывался аль Муин ибн Сави, а другого звали аль-Фадл ибн Хакан. И аль-Фадл ибн Хакан был великодушнейший человек своего времени и вёл хорошую жизнь, так что сердца соединились в любви к нему, и люди единодушно советовались с ним, и все молились о его долгой жизни – ибо в нем было чистое добро и он уничтожил зло и вред.

А везирь аль-Муин ибн Сави ненавидел людей и не любил добра, и в нем было одно зло, как о нем сказано:

Прибегай к достойным сынам достойных, – поистине,
Породит достойный и сын достойных-достойных.
И оставь злодеев, сынов злодеев, – поистине,
Породят злодеи, сыны злодеев – злодеев.

И люди, насколько они любили аль-Фадла ибн Хакана, настолько ненавидели аль-Муина ибн Сави.

И властью всемогущего случилось так, что царь Мухаммед ибн Сулейман аз-Зейни однажды сидел на престоле своего царства, окружённый вельможами правления, и позвал своего везиря аль-Фадла ибн Хакана и сказал ему: «Я хочу невольницу, которой не было бы лучше в её время и чтобы она была совершенна по красоте и превосходила бы других стройностью и обладала похвальными качествами».

И вельможи правления сказали: «Такую найдёшь только за десять тысяч динаров». И тогда султан крикнул своего казначея и сказал: «Отнеси десять тысяч динаров аль-Фадлу ибн Хакану!» – и казначей исполнил приказание султана.

А везирь ушёл, после того как султан велел ему ходить каждый день на рынок и передать посредникам то, что мы говорили, и чтобы не продавали ни одной невольницы

выше тысячи динаров ценою, пока её не покажут везирию. И невольниц не продавали, прежде чем их покажут везирию, но никакая невольница, что попадала к ним, не нравилась ему.

В один из дней вдруг пришёл ко дворцу везиря альФадла ибн Хакана посредник и, увидя его на коне, въезжающим в царский дворец, схватил его стремя и сказал:

«О ты, кто обычай царства снова воссоздал!
Везирь – о, да будешь ты обрадован вечно!
Умершую щедрость ты опять воскресил средь нас,
Да будут труды твои Аллаху приятны!»

«О господин, – сказал он потом, – то, что отыскать было прежде благородное повеление, – готово!» – и везирь воскликнул: «Ко мне с нею!» И посредник на некоторое время скрылся, и пришла с ним девушка стройная станом, с высокой грудью, насурьмлённым оком и овальным лицом, с худощавым телом и тяжкими бёдрами, в лучшей одежде, какая есть из одежд, и со слюной слаще патоки, и её стан был стройнее гибких веток и речи нежнее ветерка на заре, как сказал о ней кто-то:

Диковина прелести, чей лик, как луна средь звёзд,
Великая в племени газелей и нежных серн.
Властитель престола дал ей блеск и возвышенность,
И прелесть, и ум, и стан затем, что похож на ветвь,

И в небе лица её семь звёзд на щеке у ней,
Как стражи её хранят они от смотрящего.
И если захочет муж похитить хоть взгляд у ней –
Сожгут его демоны речей её жаром звёзд.

И когда везирь увидал её, он был ею восхищён до пределов восхищения, а затем он обратился к посреднику и спросил его: «Сколько стоит эта невольница?» – и тот ответил: «Цена за неё остановилась на десяти тысячах динаров, и её владелец клянётся, что эти десять тысяч динаров не покроют стоимости цыплят, которых она съела, и напитков, и одежд, которыми она наградила своих учителей, так как она изучила чистописание, и грамматику, и язык, и толкование Корана, и основы законовещения и религии, и врачевание, и времяисчисление, и игру на увеселяющих инструментах». – «Ко мне с её господином!» – сказал везирь, и посредник привёл его в тот же час и минуту, и вдруг, оказывается, он человек из персиян, который прожил, сколько прожил, и судьба потрепала его, но пощадила, как сказал о нем поэт:

Потряс меня рок и как потряс-то!
Ведь року присуща мощь и сила.
Я раньше ходил не уставая –
Теперь же устал, хоть не хожу я.

«Согласен ли ты взять за эту невольницу десять тысяч динаров от султана Мухаммеда ибн Сулеймана аз-Зейни?» – спросил везирь, и персиянин воскликнул: «Клянусь Аллахом, я предлагаю её султану ни за что – это для меня обязательно!» И тогда везирь велел принести деньги, и их принесли и отвесили персиянину.

И работорговец подошёл к везирию и сказал ему: «С разрешения нашего владыки везиря, я скажу!» – «Подавай, что у тебя есть!» – ответил везирь, и торговец сказал: «По моему мнению, лучше тебе не приводить этой девушки к султану в сегодняшний день: она прибыла из путешествия, и воздух над нею сменился, и путешествие поистерло её. Но оставь её у себя во дворце на десять дней, пока она не придёт в обычное состояние, а потом сведи её

в баню, одень её в наилучшие одежды и отведи её к султану – тебе будет при этом полнейшее счастье».

И везирь обдумал слова работорговца и нашёл их правильными. Он привёл девушку к себе во дворец и отвёл ей отдельное помещение и каждый день выдавал ей нужные кушанья, напитки и прочее, и она провела таким образом некоторое время.

А у везиря аль-Фадла ибн Хакана был сын, подобный луне, когда она появится, с липом как месяц и румяными щеками, с родинкой, словно точка амбры, и с зелёным пушком, подобно тому, как поэт сказал о нем, ничего не упуская:

Он луна, что взором разит своим, когда всмотрится.
Или, как ветвь – губящая стройностью, когда склонится.
Как у зипджей⁶³ кудри, как золото цвет лица его,
Он чертами нежен, а стан его на тростник похож.

О жестокость сердца и нежность стройных боков его!
Отчего нельзя от сердца к стану послать её?
Коль была бы нежность боков его в душе его,
Никогда бы не был жесток с влюблённым и злобен он.

О хулящий пас за любовь к нему, будь прощающим!
Кто отдаст мне тело, что взято в плен изнурением?
Виноваты здесь лишь душа и взоры очей моих;
Так забудь упрёки, оставь меня в этой горести!

И юноша не знал об этой невольнице, а его отец научил её и сказал: «О дочь моя, знай, что я купил тебя только как наложницу для царя Мухаммеда ибн Сулеймана аз-Зейни, а у меня есть сын, который не оставался на улице один с девушкой без того, чтобы не иметь с нею дело. Будь же с ним настороже и берегись показать ему твоё лицо и дать ему услышать твои речи». И девушка отвечала ему: «Слушаю и повинуюсь!» – и он оставил его и удалился.

А по предопределённому велению случилось так, что девушка в один из дней пошла в баню, что была в их жилище, и одна из невольниц вымыла её, и она надела роскошные платья, так что увеличилась её красота и прелесть, и вошла к госпоже, жене везиря, и поцеловала ей руку, и та сказала: «На здоровье, Анис аль-Джалнз! Хороша ли баня?» – «О госпожа, – отвечала она, – мне недоставало только твоего присутствия там». И тогда госпожа сказала невольницам: «Пойдёмте в баню!» – и те ответили: «Внимание и повиновение» И они поднялась, и их госпожа меж ними, и она поручила двери той комнаты, где находилась Анис аль-Джалис, там маленьким невольницам и сказала им: «Не давайте никому войти к девушке!» И они отвечали: «Внимание и повиновение!»

И когда Анис аль-Джалис сидела в комнате, сын везиря, а звали его Нар-ад-дин Али, вдруг пришёл и спросил о своей матери и о девушках, и невольницы ответили: «Они пошли в баню».

А невольница Анис аль-Джалис услышала слова Нурад дина Али, сына везиря, будучи внутри комнаты, и сказала про себя: «Посмотреть бы, что это за юноша, о котором везирь говорил мне, что он не оставался с девушкой на улице без того, чтобы не иметь с ней дело! Клянусь Аллахом, я хочу взглянуть на него!» И поднявшись (а она была только что из бачи), она подошла к двери комнаты и посмотрела на Нур-ад-дина Али, и вдруг оказывается – это юноша, подобный луне в полнолуние. И взгляд этот оставил после себя тысячу вздохов, и юноша бросил взгляд и взглянул на неё взором, оставившим после себя тысячу вздохов, и

⁶³ Зипджи – чернокожие жители о-ва Занзибара (в восточной Африке); нередко это название распространилось и на всех негров вообще.

каждый из них попал в сети любви к другому.

И юноша подошёл к невольницам и крикнул на них, л. они вбежали от него и остановились вдалеке, глядя, что он сделает. И вдруг он подошёл к двери комнаты, открыл её и вошёл к девушке и сказал ей: «Тебя мой отец купил для меня?» И она отвечала: «Да», – и тогда юноша подошёл к ней (а он был в состоянии опьянения), и взял её ноги (и положил их себе вокруг пояса, а она сплела руки на его шее и встретила его поцелуями, вскрикиваниями и заигрываниями, и он стал сосать её язык, и она сосала ему язык, и он уничтожил её девственность.

И когда невольницы увидели, что их молодой господин вошёл к девушке Анис аль-Джалис, они закричали и завопили, а юноша уже удовлетворил нужду и вышел, убегая и ища спасения, и бежал, боясь последствий того дела, которое он сделал. И, услышав вопли девушек, их госпожа поднялась и вышла из бани (а пот капал с неё) и спросила: «Что это за вопли в доме? – и, подойдя к двум невольницам, которых она посадила у дверей комнаты, она воскликнула: – Горе вам, что случилось?» И они, увидав его, сказали: «Наш господин Нур-ад-дин пришёл к нам и побил нас, и мы вбежали от него, а он вошёл к Анис аль-Джалис и обнял её, и мы не знаем, что он сделал после этого. А когда мы кликнули тебя, он убежал». И тогда госпожа подошла к Анис аль-Джалис и спросила её: «Что случилось?» – и она отвечала: «О госпожа, я сижу, и вдруг входит ко мне красивый юноша и спрашивает: „Тебя купил для меня отец?“ И я отвечала: „Да!“ – и клянусь Аллахом, госпожа, я думала, что его слова правда, – и тогда он подошёл ко мне и обнял меня». – «А говорил он тебе ещё что-нибудь, кроме этого?» – спросила её госпожа, и она ответила: «Да, и он взял от меня три поцелуя». – «Он не оставил тебя, не обесчестив!» – воскликнула госпожа и потом заплакала и стала бить себя по лицу, вместе с невольницами, боясь за Нур ад-дина, чтобы его не зарезал отец.

И пока это происходило, вдруг вошёл везирь и спросил, в чем дело, и его жена сказала ему: «Поклянись мне, что то, что я скажу, ты выслушаешь!» – «Хорошо», – отвечал везирь. И она повторила ему, что сделал его сын, и везирь опечалился и порвал на себе одежду и стал бить себя по лицу и выщипал себе бороду. И его жена сказала: «Не убивайся, я дам тебе из своих денег десять тысяч динаров, её цену». И тогда везирь поднял к ней голову и сказал: «Горе тебе, не нужно мне её цены, но я боюсь, что пропадёт моя душа и моё имущество». – «О господин мой, а как же так?» – спросила она. И везирь сказал:

«Разве ты не знаешь, что за нами следит враг, которого зовут аль-Муин ибн Сави? Когда он услышит об этом деле, он пойдёт к султану...»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Тридцать пятая ночь

Когда же настала тридцать пятая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что везирь говорил своей жене: „Разве ты не знаешь, что за нами следит враг, по имени аль-Муин ибн Сави, и когда он услышит об этом деле, он пойдёт к султану и скажет ему: „Твой везирь, который, как ты говоришь, тебя любит, взял у тебя десять тысяч динаров и купил на них девушку, равной которой никто не видел, и когда она ему понравилась, он сказал своему сыну: „Возьми её, у тебя на неё больше прав, чем у султана“. И он её взял и уничтожил её девственность. И вот эта невольница у него“. И царь скажет: „Ты лжёшь!“ – а он ответит царю: „С твоего позволения, я ворвусь к нему и приведу её тебе“. И царь прикажет ему это сделать, и он обыщет дом и заберёт девушку и приведёт её к султану, а тот спросит её, и она не сможет отрицать, и аль-Муин скажет: „О господин, ты знаешь, что я тебе искренний советчик, но только нет мне у вас счастья“. И султан изуродует меня, а все люди будут смотреть на это, и пропадёт моя душа“. И жена везиря сказала ему: „Не дай никому узнать об этом – это дело случилось втайне – и вручи своё дело Аллаху в этом событии“. И тогда сердце везиря успокоилось.

Вот что было с везирем. Что же касается Нур-ад-дина Али, то он испугался последствий своего поступка и проводил весь день в садах, а в конце вечера он приходил к матери и спал у неё, а перед утром вставал и уходил в сад. И так он поступал месяц, не показывая отцу своего лица. И его мать сказала его отцу: «О господин, погубим ли мы девушку и погубим ли сына? Если так будет продолжаться, то он уйдёт от нас». – «А как же поступить?» – спросил её везирь. И она сказала: «Не спи сегодня ночью и, когда он придёт, схвати его – и помирись. И отдай ему девушку – она любит его, и он любит её, а я дам тебе её цену».

И везирь подождал до ночи и, когда пришёл его сын, он схватил его и хотел его зарезать, но мать Нур-ад-дина позвала его и спросила: «Что ты хочешь с ним сделать?» – «Я зарежу его», – отвечал везирь, и тогда сын спросил своего отца: «Разве я для тебя ничтожен?» И глаза везиря наполнились слезами, и он воскликнул: «О дитя любви, как могло быть для тебя ничтожно, что пропадут мои деньги и моя душа?» И юноша отвечал: «Послушай, о батюшка, что сказал поэт:

Пусть и грешен я, по всегда мужи разумные
Одаряли грешных прощением всеобъемлющим.
И на что же ныне надеяться врагам твои и,
Коль они в почине, а ты по месту превыше всех?»

И тогда везирь поднялся с груди своего сына и сказал: «Дитя моё, я простил тебя!» – и его сердце взволновалось, а сын его поднялся и поцеловал реку своего отца, и тот сказал: «О дитя моё, если бы я знал, что ты будешь справедлив к Анис аль-Джалис, я бы подарил её тебе». – «О батюшка, как мне не быть к ней справедливым?» – спросил Нур-ад-дин.

И везирь сказал: «Я дам тебе наставление, дитя моё: не бери, кроме неё, жены или наложницы и не продавай её». – «Клянусь тебе, батюшка, что я ни на ком, кроме неё, не женюсь и не продам её», – отвечал Нур-ад-дин и дал в этом клятву и вошёл к невольнице и прожил с нею год. И Аллах великий заставил царя забыть случай с этой девушкой.

Что же касается аль Муина ибн Сави, то до него дошла весть об этом, но он не мог говорить из-за положения везиря при султани.

А когда прошёл год, везирь аль-Фадл ибн Хакан отправился в баню и вышел оттуда вспотевший, и его ударило воздухом, так что он слёг на подушки, и бессонница его продлилась, и слабость растеклась по нему.

И тогда он позвал своего сына Нур-ад-дина Али и, когда тот явился, сказал ему: «О сын мой, знай, что удел распределён и срок установлен, и всякое дыхание должно испить чашу смерти». И он произнёс:

«Умираю! Преславен тот, кто бессмертен!
Я уверен, что скоро мёртвым я буду.
Нет в деснице владыки смертного власти,
И тому лишь присуща власть, кто бессмертен».

«О дитя моё, – сказал он потом, – нет у меня для тебя наставления, кроме того, чтобы бояться Аллаха и думать о последствиях дел, и заботиться о девушке Анис аль-Джалис». – «О батюшка, – сказал Нур-ад-дин, – кто же равен тебе? Ты был известен добрыми делами и за тебя молились на кафедрах!»

И везирь сказал: «О дитя моё, я надеюсь, что Аллах меня примет!» И затем он произнёс оба исповедания⁶⁴ и был приписан к числу людей блаженства.

⁶⁴ То есть он произнёс обе части мусульманского исповедания веры: «Свидетельствую, что нет бога, кроме Аллаха, и Мухаммед – посланник Аллаха».

И тогда дворец перевернулся от воплей, и весть об этом дошла до султана, и жители города слышали о кончине аль-Фадла ибн Хакана, и заплакали о нем дети в школах. И его сын Нур-ад-дин Али поднялся и обрядил его, и явились эмиры, везири, вельможи царства и жители города, и в числе присутствующих на похоронах был везир аль-Муин ибн Сави. И кто-то произнёс при выходе похорон из дома:

«В день пятый расстался я со всеми друзьями
И мыли потом меня на досках от двери.
И сняли все то с меня, в чем прежде одет я был,
И снова надели мне одежду другую.

Снесли меня четверо на шеях в моленную,
И многие близ меня с молитвой стояли;
С молитвой нагробною, когда ниц не падают,
И все, кто мне другом был, о мне помолились.

Потом отнесли меня в жилище со сводами,
Где дверь не откроется, хоть кончится время».

И когда схоронили аль-Фадла ибн Хакана в земле и вернулись друзья и родные, Нур-ад-дин тоже вернулся со стенаниями и плачем, и язык его состояния говорил:

«В день пятый уехали они перед вечером,
Когда попрощались мы – простились и тронулись.
И только уехали – за ними душа ушла.

«Вернись», – я позвал её, – спросила: «Куда вернусь?
В то тело, где духа нет и крови иссякнул ток,
Где кости одни теперь гремят и встречаются?»

Ослепли глаза мои от плача безмерного,
И на уши туг я стал – не слышат они теперь».

И он пребывал в глубокой печали об отце долгое время и в один из дней, когда он сидел в доме своего отца, вдруг кто-то постучал в дверь. И Нур-ад-дин Али поднялся и отворил дверь, и вошёл один из сотрапезников и друзей его отца, и поцеловал Нур-ад-дину руку, и сказал: «О господин мой, кто оставил после себя подобного тебе, тот не умер, и такой же был исход для господина первых и последних. О господин, успокой свою душу и оставь печаль!»

И тогда Нур-ад-дин перешёл в покой, предназначенный для сидения с гостями, и перенёс туда все, что было нужно, и у него собрались его друзья, и он взял туда свою невольницу. И к нему сошлись десять человек из детей купцов, и он принялся есть кушанья и пить напитки и обновлял трапезу за трапезой и стал раздавать и проявлять щедрость.

И тогда пришёл к нему его поверенный и сказал ему: «О господин мой, Нур-ад-дин, разве не слышал ты слов кого-то: „Кто тратит не считая – обеднеет не зная“, а поэт говорит:

Я деньги храню и дальше от них гоняю –
Известно ведь мне, что дирхем – мой щит и меч моим
И если раздам я злейшим врагам богатство,
Сменю средь людей я счастье своё на юре.

Так съем же их я и выпью я их во здравье,

Не дав никому из денег моих ни фельса.
И буду хранить богатства свои от всех я,
Кто скверен душой и дружбы моей не хочет.

Приятнее так, чем после сказать дурному:
«Дай дирхем мне в долг, – я пять возвращу – до завтра.
А он отвратит лицо от меня, и будет
Душа тут моя подобна душе собаки.

Как низки muži, лишённые состоянья,
Хоть были бы их заслуги ярки, как солнце.

О господин, эти значительные траты и богатые подарки: уничтожают деньги», – сказал он потом.

И когда Нур-ад-дин Али услышал от своего поверенного эти слова, он посмотрел на него и ответил: «Из всего, что ты сказал, я не буду слушать ни слова! Я слышал, как поэт говорил:

Коль есть у меня в руках богатство и я не щедр,
Пусть будет рука больна и пусть не встаёт нога!
Подайте скупого мне, что славен стал скупостью,
И где, покажите, тот, что умер от щедрости!»

«Знай, о поверенный, – прибавил он, – я хочу, чтобы, если у тебя осталось достаточно мне на обед, ты не отягощал меня заботой об ужине».

И поверенный ушёл от него своей дорогой, а Нур-аддин Али предался наслаждениям, ведя приятнейшую жизнь, как и прежде, и всякому из его сотрапезников, кто ему говорил: «Эта вещь прекрасна!» – он отвечал: «Она твоя как подарок». А если другое говорил: «О господин мой, такой-то дом красив!» Нур-ад-дин отвечал ему: «Он подарок тебе».

И Нур-ад-дин до тех пор устраивал для них трапезу в начале дня и трапезу в конце дня, пока не провёл таким образом год. А через год, однажды, он сидит и вдруг слышит: девушка Анис аль-Джалис произносит стихи:

«Доволен ты днями был, пока хорошо жилось,
И зла не боялся ты, судьбой приносимого.
Ночами ты был храпим и дал обмануть себя,
Но часто, хоть ночь ясна, случается смутное».

Когда она кончила говорить стихотворение, вдруг постучали в дверь, и Нур-ад-дин поднялся, и кто-то из его сотрапезников последовал за ним, а он не знал этого. И, открыв дверь, Нур-ад-дин Али увидел своего поверенного и спросил его: «Что случилось?» И поверенный отвечал: «О господин мой, то, чего я боялся, – произошло». – «А как так?» – спросил Нур-ад-дин, и поверенный ответил: «Знай, что у меня в руках не осталось ничего, что бы стоило дирхем, или меньше, или больше, и вот тетрадь с расходами, которые я произвёл, и записи о твоём первоначальном имуществе».

И, услышав эти слова, Нур-ад-дин Али опустил голову к земле и воскликнул: «Нет мощи и силы, кроме как у Аллаха!»

Когда же тот человек, который тайком последовал за ним, чтобы подслушать, услышал слова поверенного, он вернулся к своим друзьям и сказал: «Что станем делать? Нур-ад-дин Али разорился».

И когда Аля Нур-ад-дин вернулся к ним, они ясно увидели у него на лице огорчение, и тут один из сотрапезников поднялся на ноги, посмотрел на Нур-ад-дина Али и спросил: «О

господин, может быть ты разрешишь мне уйти?» – «Почему это ты уходишь сегодня?» – спросил Нур-ад-дин, и гость ответил: «Моя жена рожает, и я не могу быть вдали от неё. Мне хочется пойти к ней и посмотреть её». И Нур-ад-дин позволил ему.

Тогда встал другой и сказал: «О господин мой Нур-аддин, мне хотелось бы сегодня быть у брата – он справляет обрезание своего сына».

И каждый стал отпрашиваться, с помощью выдумки, и уходил своей дорогой, пока не ушли все, и Нур-ад-дин Али остался один.

И тогда он позвал свою невольницу и сказал ей: «О Анис аль-Джалис, не видишь ты, что меня постигло?» – и рассказал ей, о чем говорил ему поверенный. А она отвечала: «О господин, уже много ночей назад намеревалась я сказать тебе об этих обстоятельствах, но услышала, что он произнёс такие стихи:

Коль щедро дарит тебя мир здешний – и ты будь щедр
На блага его ко всем, пока не изменит жизнь.
Щедроты не сгубят благ, пока благосклонна жизнь,
Когда ж отвернётся жизнь, скупым не продлить её.

И когда я услышала, что ты произносишь эти стихи, я промолчала и не обратила к тебе речи».

«О Анис аль-Джалис, – сказал ей Нур-ад-дин Али, – ты знаешь, что я раздарил свои деньги только друзьям, а они оставили меня ни с чем, но я думаю, что они не покинут меня без помощи». – «Клянусь Аллахом, – отвечала Анис аль-Джалис, – тебе не будет от них никакой пользы».

И тогда Нур-ад-дин воскликнул: «Я сейчас же пойду и постучусь к ним в дверь, быть может, мне что-нибудь от них достанется, и я сделаю это основой своих денег я стану на них торговать и оставляю развлечения и забавы».

И в тот же час и минуту он встал и шёл, не останавливаясь, пока не пришёл в тот переулок, где жили его десять друзей (а все они жили в этом переулке). И он подошёл к первым воротам и постучал, и к нему вышла невольница и спросила его: «Кто ты?» – и он отвечал ей: «Скажи твоему господину: „Нур-ад-дин Али стоит у двери и говорит тебе: «Твой раб целует тебе руки и ожидает твоей милости“».

И невольница вошла и уведомила своего господина, но тот крикнул ей: «Воротись, скажи ему: „Его нет!“ И невольница вернулась к Нур-ад-дину и сказала ему: „О господин, моего господина нет“».

И Нур-ад-дин пошёл, говоря про себя: «Если этот, сын прелюбодеяния, и отрёкся от себя, то другой не будет сыном прелюбодеяния». И он подошёл к воротам второго друга и сказал то же, что говорил в первый раз, но тот тоже сказался отсутствующим, и тогда Нур-ад-дин произнёс:

«Удалились те, кто, когда стоял ты у двери их,
Одарить тебя и жарким могли и мясом».

А произнеся этот стих, он воскликнул: «Клянусь Аллахом, я непременно испытаю их всех: может быть, среди них будет один, кто заступит место их всех!» И он обошёл этих десяти, но никто из них не открыл ему двери и не показался ему и не разломил перед ним лепёшки, и тогда Нур-ад-дин произнёс:

«Когда преуспеет муж, подобен он дереву,
И люди вокруг него, покуда плоды на нем.
По только исчезнет плод, как тотчас уходят все,
Оставив страдать его от пыли и зноя дней.

Погибель да будет всем сынам этих злых времён!
Среди десяти никто не чист помышлением».

Потом он вернулся к своей невольнице (а его горе увеличилось), и она сказала ему: «О господин, не говорила ли я, что они не принесут тебе никакой пользы!» И Нурад-дин отвечал: «Клянусь Аллахом, никто из них не показал мне своего лица, и ни один из них не признал меня». И тогда она сказала: «О господин, продавай домашнюю утварь и посуду, пока Аллах великий не приуготовит тебе чего-нибудь, и проживай одно за другим».

И Нур-ад-дин продавал, пока не продал всего, что было в доме, и у него ничего не осталось, и тогда он посмотрел на Анис аль-Джалис и спросил её: «Что же будем делать теперь?» – «О господин, – отвечала она, – моё мнение, что тебе следует сейчас же встать и пойти со мною на рынок и продать меня. Ты ведь знаешь, что твой отец купил меня за десять тысяч динаров; быть может, Аллах пошлёт тебе цену близкую к этой, а когда Аллах предопределит нам бить вместе, мы будем вместе».

«О Анис аль-Джалис, – отвечал Нур-ад-дин, – клянусь Аллахом, мне не легко расстаться с тобою на одну минуту». И она сказала ему: «Клянусь Аллахом, о господин мой, и мне тоже, но у необходимости свои законы, как сказал поэт:

Нужда порой заставляет в делах идти
Не той стезёй, что прилична воспитанным.
Такого нет, чтоб решился на средство он,
Коль нет причин, подходящих для средств таких.

И тогда Нур-ад-дин поднялся на ноги и взял Анис-ал-Джалис (а слезы текли у него по щекам, как дождь) и произнёс языком своего состояния:

«Постойте! Прибавьте мне хоть взгляд пред разлукою!
Отдал им сердце я, едва не погибшее
В разлуке; по если в том для вас затруднение,
Пусть гибну от страсти я – усилий не делаете».

А затем он пошёл и привёл Анис аль-Джалис на рынок и отдал её посреднику, сказав ему: «О хаджи⁶⁵ Хасан, знай цену того, что ты будешь предлагать». И посредник отвечал ему «О господин мой Нур-ад-дин, корни сохраняются!»

«Это не Анис аль-Джалис, которую твой отец купил у меня за десять тысяч динаров?» – спросил он потом, и Нур-ад-дин сказал: «Да».

Тогда посредник отправился к купцам, но увидел, что не все они собрались, и подождал, пока сошлись все купцы и рынок наполнился невольницами всех родов: из турчанок, франкских девушек, черкешенок, абиссинок, нубиянок, текрурок⁶⁶, гречанок, татарок, грузинок и других. И, увидав, что рынок полон, посредник поднялся на ноги и выступил вперёд и крикнул: «О купцы, о денежные люди, не все, что крупно – орех, и не все, что продолговато, – банан; не все красное – мясо и не все белое – жир! О купцы, у меня эта единственная жемчужина, которой нет цены. Сколько же мне выкрикнуть за неё?» – «Кричи четыре тысячи динаров и пятьсот», – сказал один из купцов, и зазыватель открыл ворота торгового двора четырьмя тысячами и пятьюстами динаров.

И когда он произносил эти слова, вдруг везирь альМуин ибн Сави прошёл по рынку, и,

⁶⁵ Хаджи (точнее: «хаджж») – паломник; так мусульмане называют тех, кто совершил или собирается совершить паломничество в Мекку.

⁶⁶ Текрурки – невольницы мусульманки родом из Теккуры (центральной и западной Африки).

увидав Нур-ад-дина Али, который стоял в конце рынка, он произнёс про себя: «Что это ибн Хакан стоит здесь? Разве осталось у этого висельника что-нибудь, на что покупать невольниц?» И он посмотрел кругом и услышал зазывателя, который стоял на рынке и кричал, а купцы стояли вокруг него, и тогда везирь сказал про себя: «Я думаю, он наверное разорился и привёл невольницу Анис аль-Джалис, чтобы продать её».

«О, как освежает она моё сердце!» – подумал он потом и позвал зазывателя, и тот подошёл к нему и поцеловал перед ним землю, а везирь сказал: «Я хочу ту невольницу, которую ты предлагаешь».

И зазыватель не мог прекословить и ответил ему: «О господин, во имя Аллаха!» – и вывел невольницу вперёд и показал её везиру.

И она понравилась ему, и он спросил: «О Хасан, сколько тебе давали за эту невольницу?» – «Четыре тысячи и пятьсот динаров, чтобы открыть торги», – отвечал посредник. И аль-Муин крикнул: «Подать мне четыре тысячи пятьсот динаров!»

Когда купцы услышали это, никто из них не мог набавить ни дирхема, наоборот, они отошли, так как знали несправедливость везиря. А аль-Муин ибн Сави посмотрел на посредника и сказал ему: «Что же ты стоишь? Пойди предложи от меня четыре тысячи динаров, а тебе будет пятьсот динаров».

И посредник подошёл к Нур-ад-дину и сказал ему: «О господин, пропала твоя невольница ни за что!» – «Как так?» – спросил Нур-ад-дин, и посредник сказал: «Мы открыли торг за неё с четырех тысяч пятисот динаров, но пришёл этот злодей аль-Муин ибн Сави, который проходил по рынку, и когда он увидел эту невольницу, она понравилась ему, и он сказал мне: „Предложи от меня четыре тысячи динаров и тебе будет пятьсот динаров“. Я думаю, он наверное узнал, что эта невольница твоя, и если он сейчас отдаст тебе за неё деньги – будет хорошо; но я знаю – он, по своей несправедливости, напишет тебе бумажку с переводом на кого-нибудь из своих управителей, а потом пошлёт к ним, вслед за тобою, человека, который им скажет: „Не давайте ему ничего“. И всякий раз, как ты пойдёшь искать с них, они станут говорить тебе: „Сейчас мы тебе отдадим“, – и будут поступать с тобою таким образом один день за другим, а у тебя гордая душа. Когда же им наскучат твои требования, они скажут: „Покажи нам бумажку“, – и возьмут от тебя бумажку и порвут её, и деньги за невольницу у тебя пропадут».

И, услышав от посредника эти слова, Нур-ад-дин Али посмотрел на него и сказал: «Как же поступить?» И посредник ответил: «Я дам тебе один совет, и если ты его от меня примешь, тебе будет полнейшее счастье». – «Что же это?» – спросил Нур-ад-дин. «Ты подойдёшь сейчас ко мне, когда я буду стоять посреди рынка, – отвечал посредник, – и возьмёшь у меня из рук невольницу и ударишь её и скажешь: „О девка, я сдержал клятву, которую дал, и привёл тебя на рынок, так как поклялся тебе, что ты непременно будешь выведена на рынок и посредник станет предлагать тебя!“ И если ты это сделаешь, может быть везирь и все люди попадутся на эту хитрость и подумают, что ты привёл её на рынок только для того, чтобы выполнить клятву». – «Вот это правильно!» – воскликнул Нур-ад-дин.

Потом посредник покинул его и пошёл на средину рынка и, взяв невольницу за руку, сделал знак везиру аль Муину ибн Сави и сказал: «О господин, вот её владелец подходит». А Нур-ад-дин пришёл и вырвал из его рук невольницу и ударил её и воскликнул: «Горе тебе, о девка, я привёл тебя на рынок, чтобы сдержать клятву! Иди домой и не перечь мне другой раз! Горе тебе! Нужны мне за тебя деньги, чтобы я стал продавать тебя! Если бы я продал домашнюю утварь, я выручил бы много больше, чем твоя цена».

А везирь аль-Муин ибн Сави, увидав Нур-ад-дина, сказал ему: «Горе тебе, разве у тебя ещё осталось что-нибудь, что продаётся или покупается?» И аль-Муин ибн дин хотел броситься на него, и тут купцы посмотрели на Нур-ад-дина (а они все любили его), и он сказал им: «Вот я перед вами, и вы знаете, как он жесток!» А везирь воскликнул: «Клянусь Аллахом, если бы не вы, я бы наверное убил его!» И все купцы показали Нур-ад-дину знаком глаза: «Разделайся с ним! – и сказали: – Ни один из нас не встанет между ним и тобою».

Тогда Нур-ад-дин подошёл к везирию ибн Сави (а Нурад-дин был храбрее) и стащил везирия с седла и бросил его на землю. А тут была месилка для глины, и везирь упал в неё, и Нур-ад-дин стал его бить и колотить кулаками, и один из ударов пришёлся ему по зубам, так что борода везирия окрасилась его кровью.

А с везирем было десять невольников, и когда они увидали, что с их господином делают такие дела, они схватились руками за рукоятки своих мечей и хотели обнажить их и броситься на Нур-ад-дина Али, чтобы разрубить его, но тут люди сказали невольникам: «Этот – везирь, а тот – сын везирия. Может быть, они в другое время помирятся, и вы будете ненавистны и тому и другому; а может быть, аль-Муину достанется ваш удар, и вы умрёте самой гадкой смертью. Рассудительней будет вам не вставать между ними».

И когда Нур-ад-дин кончил бить везирия, он взял свою невольницу и пошёл к себе домой, а что касается везирия, то он тотчас же ушёл, и его платье стало трех цветов: чёрное от глины, красное от крови и пепельное.

И, увидав себя в таком состоянии, он взял кусок циновки и накинул её себе на шею и взял в руки два пучка хальфы⁶⁷ и отправился и пришёл к замку, где был султан, и закричал: «О царь времени, обиженный, обиженный!»

И его привели перед лицо султана, и тот всмотрелся и вдруг видит – это старший везирь! «О везирь, – спросил султан, – кто сделал с тобою такие дела?» И везирь заплакал и зарыдал и произнёс:

«Ужели меня обидит судьба, коль жив ты,
И волки меня пожрут ли, скажи, коль лев ты?
В прудах твоих напьются ведь все, кто жаждет.
Возжажду ли я под сенью твоей, коль дождь ты?»

«О господин, – сказал он потом, – со всеми, кто тебя любит и служит тебе, бывает так!» И султан воскликнул: «Горе тебе, скорее скажи мне, как это с тобой случилось и кто сделал с тобою эти дела, когда уважение к тебе есть уважение ко мне!»

«Знай, о господин, – ответил везирь, – что я сегодня вышел на рынок, чтобы купить себе рабыню-стряпуху, и увидел на рынке девушку, лучше которой я не видел в жизни. И я хотел купить её для нашего владыки султана и спросил посредника про неё и про её господина, и посредник сказал мне, что она принадлежит Али, сыну альФадла ибн Хакана. А наш владыка султан дал раньше его отцу десять тысяч динаров, чтобы купить на них красивую невольницу, и он купил эту невольницу, и она ему понравилась, и он поспешил на неё для владыки нашего султана и отдал её своему сыну. А когда его отец умер, этот сын продавал все, какие у него были владения и сады и посуду, пока не разорился, и он привёл невольницу на рынок, намереваясь её продать, и отдал её посреднику, а тот сказал её предлагать, и купцы прибавляли за неё, пока её цена не дошла до четырех тысяч динаров. И тогда я подумал про себя: „Куплю эту невольницу для нашего владыки султана – ведь деньги за неё поначалу были от него“, и сказал: „О дитя моё, возьми от меня её цену – четыре тысячи динаров“. И когда он услышал мои слова, он посмотрел на меня и оказал: „О скверный старец, я продам её евреям и христианам, но тебе её не продам!“ И я сказал: „Я покупаю её не для себя, я её покупаю для нашего владыки султана, властителя нашего благоденствия“. И, услышав от меня эти слова, он рассердился и потянул меня и сбросил с коня, хотя я дряхлый старец, и бил меня своей рукою и колотил, пока не сделал меня таким, как ты видишь. И всему этому я подвергся лишь потому, что я пошёл купить для тебя эту невольницу».

И везирь кинулся на землю и стал плакать и дрожать, и когда султан увидал, в каком он состоянии, и услышал его слова, жила гнева вздулась у него между глаз. И он обернулся к

⁶⁷ Хальфа – травянистое растение, род ковыля.

вельможам царства, и вдруг перед ним встали сорок человек, разящие мечами, и султан сказал им: «Сейчас же идите к дому Али ибн Хакана, разграбьте и разружьте его и приведите ко мне Али и невольницу со скрученными руками и волоките их лицами вниз и приведите ко мне обоих!»

И они отвечали: «Внимание и повиновение!» – и надели оружие и собрались идти к дому Али Нур-ад-дина.

А у султана был один придворный по имени Алам-аддин Санджар, который раньше был невольником аль-Фадла ибн Хакана, отца Али Нур-ад-дина, а потом его должность менялась, пока султан не сделал его своим придворным. И когда он услышал приказание султана и увидал, что враги снарядились, чтобы убить сына его господина, это было для него не легко, и он удалился от султана и, сев на коня, поехал и прибыл к дому Нур-ад-дина Али. И он постучал в дверь, и Нур-ад-дин вышел к нему и, увидев его, признал его, а Алам-аддин сказал: «О господин, теперь не время для приветствий и разговоров; послушай, что сказал поэт:

Спасай твою жизнь, когда поражён ты горем,
И плачет пусть дом о том, кто его построил!
Ты можешь найти страну для себя другую,
А душу найти другую себе не можешь».

«О Алам-аддин, что случилось?» – спросил Нур-аддин, и придворный ответил: «Поднимайся и спасай свою душу, и ты и невольница! Аль-Муин ибн Сави расставил вам сеть, и когда вы попадёте к нему в руки, он убьёт вас обоих. Султан уже послал к вам сорок человек, разящих мечами, и, по моему мнению, вам следует бежать, прежде чем беда вас постигнет».

Потом Санджар протянул руку к своему поясу и, найдя в нем сорок динаров, взял их и отдал Нур-ад-дину и сказал: «О господин, возьми эти деньги и поезжай с ними. Будь у меня больше этого, я бы дал тебе, но теперь не время для упреков».

И тогда Нур-ад-дин вошёл к невольнице и уведомил её об этом, и она заломила руки, потом они оба тотчас же вышли за город (а Аллах опустил над ними свой покров), и пошли на берег реки, и нашли там судно, снаряжённое к отплытию.

А капитан стоял посреди судна и кричал: «Кому ещё нужно сделать запасы или проститься с родными или кто забыл что-нибудь нужное, – пусть делает это: мы отправляемся». И все ответили: «У нас нет больше дел, капитан». И тогда капитан крикнул команде: «Живее, отпустите концы и вырвите козья!» И Нурад-дин Али спросил его: «Куда это, капитан?» – «В Обитель Мира, Багдад», – отвечал капитан...»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Тридцать шестая ночь

Когда же настала тридцать шестая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что когда капитан сказал Али Нур-ад-дину: „В Обитель Мира, город Багдад“, Нур-ад-дин Али взошёл на судно, и невольница вошла вместе с ним, и они поплыли и распустили паруса, и судно вышло, точно птица с парюю крыльев, как сказал, и отлично сказал, кто-то:

Взгляни на корабль, и в плен возьмёт тебя вид его,
Гоняется с ветром он, несясь по теченью.
И, кажется, птица он, что крылья расправила
И с неба низринулась стремительно в воду.

И судно поплыло, и ветер был хорош, и вот что случилось с ними.

Что же до того, что было с невольниками, то они пришли к дому везиря Нур-ад-дина Али, сломали двери и вошли и обошли помещение, но не напали на их след, и тогда они разрушили дом и воротились и уведомили султана, и султан воскликнул: «Ищите их, в каком бы месте они ни были!» – и невольники отвечали: «Внимание и повиновение!»

Потом везир аль-Муин ибн Сави ушёл домой (а султан наградил его почётной одеждой), и его сердце успокоилось, и султан сказал ему: «Никто за тебя не отомстит, кроме меня», – а везир пожелал ему долгого века и жизни.

А затем султан велел кричать в городе: «О люди, все поголовно! Наш владыка султан повелел, что того, кто наткнётся на Али Нур-ад-дина, сына Хакана, и приведёт его к султану, он наградит почётной одеждой и даст ему тысячу динаров, а тот, кто его укроет или будет знать его место и не уведомит о нем, тот заслуживает наказания, которое его постигнет». И Нур-ад-дина Али начали искать, но о нем не пришло ни вестей, ни слухов, и вот что было с этими.

Что же касается Нур-ад-дина и его невольницы, то они благополучно достигли Багдада, и капитан сказал им: «Вот Багдад. Это безопасный город, и зима ушла от него с её холодом, и пришло к нему время весны с со розами, и деревья в нем зацвели, и каналы в нем побежали».

И тогда Нур-ад-дин Али со своей невольницей сошёл с судна и дал капитану пять динаров, и, покинув судно, они прошли немного, и судьбы закинули их к садам. И они пришли в одно место и увидели, что оно выметено и обрызгано, с длинными скамьями и висящими вёдрами, полными воды, а сверху был навес из тростника, во всю длину прохода, и в начале дорожки были ворота в сад, но только запертые.

«Клянись Аллахом, это прекрасное место!» – сказал Нур-ад-дин Али своей невольнице, и она отвечала: «О господин, посидим немного на этих скамьях и передохнем». И они подошли и сели на скамью и вымыли ноги и руки, и их ударило воздухом, и они заснули (преславлен тот, кто не спит!).

А этот сад назывался Сад Увеселения, и в нем был дворец, называемый Дворец Удовольствия и Изображений, и принадлежал он халифу Харуну ар-Рашиду. И халиф, когда у него стеснялась грудь, приходил в этот сад и во дворец и сидел там, и во дворце было восемьдесят окон, где было подвешено восемьдесят светильников, а посреди дворца был большой подсвечник из золота. И когда халиф приходил, он отдавал невольницам приказание открыть окна и приказывал девушкам и Иехаку ибн Ибрахиму анНадичу петь, и тогда его грудь расправлялась и проходила его забота.

А в саду был садовник, дряхлый старик, которого звали шейх Ибрахим, и когда он выходил по делу и видел в саду гуляющих с непотребными женщинами, он сильно сердился. И шейх Ибрахим дождался, пока в какой то день халиф пришёл к нему, и рассказал ему об этом, и халиф сказал: «Со всяким, кого ты найдёшь у ворот сада, делай что хочешь».

И когда настал тот день, шейх Ибрахим, садовник, – зашёл, чтобы исполнить одно случившееся ему дело, и увидел этих двоих, которые спали у ворот сада, покрыты одним изаром. «Клянусь Аллахом, хорошо! – сказал он,

они не знали, что халиф дал мне разрешение и приказ убивать всех, кого я найду здесь! Но я их ужасно отколочу, чтобы никто не приближался к воротам сада». И он срезал зеленую ветку и подошёл к ним и, подняв руку, так что стала видна белизна его подмышки, хотел их побить, но подумал и сказал про себя: «О Ибрахим, как ты будешь их бить, не зная их положения? Может быть, они чужеземцы или из странников и судьба закинула их сюда. Я открою их лица и посмотрю на них». И он поднял с их лиц изар и сказал себе: «Эти двое красивы, и мне не должно их бить», – и накрыл их лица и, подойдя к Нурад-дину Али, стал растирать ему ноги.

И Нур-ад-дин открыл глаза и нашёл у себя в ногах дряхлого старца, имевшего вид степенный и достойный, и когда Нур-ад-дин Али устыдился и поджал ноги и сел и, взяв руки шейха Ибрахима, поцеловал их. И шейх спросил его: «О дитя моё, ты откуда?» – и

Нур-ад-дин отвечал: «О господин мы чужеземцы», – и слезы избежали из его глаз. А шейх Ибрахим сказал: «О дитя моё, знай, что пророк, да благословит его Аллах и да приветствует, учил почитать чужеземца. О дитя моё, – продолжал он, – не пройдёшь ли ты в сад и не погуляешь ли в нём? – тогда твоя грудь расправится».

«О господин, а чей это сад?» – спросил Нур-ад-дин, и шейх Ибрахим ответил: «О дитя моё, этот сад я получил в наследство от родных». (А при этих словах у шейха Ибрахима была та цель, чтобы они успокоились и прошли в сад.) И, услышав слова шейха, Нур-ад-дин поблагодарил его та поднялся вместе с невольницей (а шейх Ибрахим шёл впереди них), и они вошли и увидели сад, да какой ещё сад! И ворота его были со сводами, точно портик, и были покрыты лозами, а виноград там был разных цветов – красный, как яхонт, и чёрный, как эбен. И они вошли под навес и нашли там плоды, росшие купами и отдельно, и на ветвях птиц, поющих напевы, и соловьёв, повторявших разные колена, и горлинок, наполнявших голосом это место, я дроздов, щебетавших как человек, и голубей, подобных пьющему, одурманенному вином, а деревья принесли совершённые плоды из всего, что есть съедобного, и каждого плода было по паре. И были тут абрикосы – от камфарных до миндальных и хорасанских, и сливы, подобные цвету лица прекрасных, и вишни, уничтожающие желтизну зубов, и винные ягоды двух цветов белые отдельно от красных, – и померанцы, цветами подобные жемчугам и кораллам, и розы, что позорят своей алостью щеки красивых, и фиалка, похожая на серу, вспыхнувшая огнями в ночь, и мирты и левкои и лаванда с анемонами, я эти цветы были окаймлены слезами облаков, и уста ромашек смеялись, и нарциссы смотрели на розы глазами негров, и сладкие лимоны были как чаши, а кислые – только ядра из золота. И земля покрылась цветами всех окрасок, и пришла весна, и это место засияло блеском, и поток журчал, и пели птицы, и ветер свистел, и воздух был ровный.

Потом шейх Ибрахим вошёл с ними в помещение, бывшее наверху, и Нур-ад-дин увидал, как красиво это помещение, и увидел свечи, уже упомянутые, что были в окнах, и вспомнил былые пиры и воскликнул: «Клянусь Аллахом, этот покой прекрасен!» И затем они сели, и шейх Ибрахим подал им еду, и они досыта поели и вымыли руки, а затем Нур-ад-дин подошёл к одному из окон и крикнул свою невольницу, и она подошла, и оба стали смотреть на деревья, обременённые всякими плодами.

А потом Нур-ад-дин обернулся к шейху Ибрахиму и спросил его: «О шейх Ибрахим, нет ли у тебя какого-нибудь питья? Ведь люди пьют, когда поедят». И шейх Ибрахим принёс им воды – прекрасной, нежной и холодной, но Нур-ад-дин сказал: «О шейх Ибрахим, это не то питьё, которого я хочу». – «Может быть, ты хочешь вина?» – спросил шейх. И когда Нур-ад-дин ответил: «Да», – он воскликнул: «Сохрани меня от него Аллах! Я уже тринадцать лет не делал этого, так как пророк, да благословит его Аллах и да приветствует, проклял пьющих вино и тех, кто ею выжимает, продаёт или покупает».

«Выслушай от меня два слова», – сказал Нур-ад-дин. «Говори», – отвечал старик, и Нур-ад-дин спросил: «Если какой-нибудь проклятый осел будет проклят, случится с тобою что-нибудь от того, что он проклят?» – «Нет», – отвечал старик. И Нур-ад-дин сказал: «Возьми этот динар и эти два дирхема, сядь на того осла и останись поодаль от лавки и, когда увидишь покупающего вино, позови его и скажи: „Возьми эти два дирхема и купи мне на этот динар вина и взвали его на осла“. И будет, что ты не нёс вино и не покупал, и с тобой из-за этого ничего не случится».

И шейх Ибрахим воскликнул, смеясь его словам: «Клянусь Аллахом, дитя моё, я и не видал никого остроумнее тебя и не слышал речей слаще твоих!» А потом шейх Ибрахим сделал тал, как сказал ему Нур-ад-дин, и тот поблагодарил его за это и сказал: «Теперь мы зависим от тебя, и тебе следует лишь соглашаться. Принеси нам то, что нам нужно». – «О дитя моё, – отвечал Ибрахим, – вот мой погреб перед тобою (а это была кладовая, предназначенная для повелителя правоверных), входи туда и бери оттуда, что хочешь, там больше, чем ты пожелаешь».

И Нур-ад-дин вошёл в кладовую и увидал там сосуды из золота, серебра и хрусталя,

выложенные разными дорогими камнями, и вынес их и расставил их в ряд и налил вино в кружки и бутылки, и он был обрадован тем, что увидел, и поражён. И шейх Ибрахим принёс им плоды и цветы, а затем он ушёл и сел поодаль от них, а они стали пить и веселиться.

И питьё взяло над ними власть, и глаза их стали влюблено переглядываться, и волосы у них распустились, и цвет лица изменился. И шейх Ибрахим сказал себе: «Что же я сижу вдали, отчего мне не сесть возле них? Когда я встречу у себя таких, как эти двое, что похожи на две луны?»

И шейх Ибрахим подошёл и сел в конце портика, и Нур-ад-дин Али сказал ему: «О господин, заклинаю тебя жизнью, подойди к нам!» – и шейх Ибрахим подошёл. А Нур-ад-дин наполнил кубок, и, взглянув на шейха Ибрахима, сказал: «Выпей, чтобы посмотреть, какой у него вкус!» – «Сохрани Аллах! – воскликнул шейх Ибрахим, – я уже тринадцать лет ничего такого не делал!» И Нур-ад-дин притворился, что забыл о нем, и выпил кубок и кинулся на землю, показывая, что хмель одолел его.

И тогда Анис аль-Джалис взглянула на шейха и сказала ему: «О шейх Ибрахим, посмотри, как этот поступил со мной», – а шейх Ибрахим спросил: «А что с ним, о госпожа?» И девушка отвечала: «Он постоянно так поступает со мною: попьёт недолго и заснёт, а я остаюсь одна, и нет у меня собутыльника, чтобы посидеть со мною За чашей, и некому мне пропеть над чашей». – «Клянусь, Аллахом, это нехорошо!» – сказал шейх Ибрахим (а его члены расслабли, и душа его склонилась к ней из-за её слов). А девушка наполнила кубок и, взглянув на шейха Ибрахима, сказала: «Заклинаю тебя жизнью, не возьмёшь ли ты его и не выпьешь ли? не отказывайся и залечи моё сердце».

И шейх Ибрахим протянул руку и взял кубок и выпил его, а она налила ему второй раз и поставила кубок на подсвечник и сказала: «О господин, тебе остаётся этот». – «Клянусь Аллахом, – ответил он, – я не могу его выпить! Довольно того, что я уже выпил!» Но девушка воскликнула: «Клянусь Аллахом, это неизбежно!» – и шейх взял кубок и выпил его, а потом она дала ему третий, и он взял его и хотел его выпить, как вдруг Нур-ад-дин очнулся и сел прямо...»

И Шахразадду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Тридцать седьмая ночь

Когда же настала тридцать седьмая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что Нур-ад-дин Али очнулся и сел прямо и сказал: „О шейх Ибрахим, что это такое? Разве я только что не заклинал тебя, а ты отказался и сказал: „Я уже тринадцать лет не делал этого“?“ И шейх Ибрахим отвечал, смущённый: „Клянусь Аллахом, я не виноват, это она сказала мне!“ – и Нур-ад-дин засмеялся.

И они сели пить, и девушка сказала потихоньку своему господину: «О господин, пей и не упрашивай шейха Ибрахима пить, я покажу тебе, что с ним будет». И она принялась наливать и поить своего господина, её господин наливал и поил её, и так они делали раз за разом, и шейх Ибрахим посмотрел на них и сказал: «Что это за дружба! Прокляни, Аллах, ненасытного, который пьёт, в нашу очередь! Не дашь ли и мне выпить, брат мой? Что это такое, о благословенный!» И они засмеялись его словам так, что опрокинулись на спину, а потом они выпили и напоили его и продолжали пить вместе, пока не прошла треть ночи.

И тогда девушка сказала: «О шейх Ибрахим, не встать ли мне, с твоего позволения, и не зажечь ли одну из этих свечей, что поставлены в ряд?» – «Встань, – сказал он, – ко не зажигай больше одной свечи», – и девушка поднялась на ноги и, начавши с первой свечи, зажгла все восемьдесят, а потом села. И тогда Нур-ад-дин спросил: «О шейх Ибрахим, а что есть у тебя на мою долю? Не позволишь ли мне зажечь один из этих светильников?»

И шейх Ибрахим сказал: «Встань, зажги один светильник и не будь ты тоже назойливым». И Нур-ад-дин поднялся и, начавши с первого, зажгёт все восемьдесят светильников, и тогда помещение заплясало. А шейх Ибрахим, которого уже одолел хмель,

воскликнул: «Вы смелее меня!» И он встал на ноги и открыл все окна, и они с ним сидели и пили вместе, произнося стихи, и дворец весь сверкал.

И определил Аллах, властный на всякую вещь (и веткой вещь он создал причину), что в эту минуту халиф посмотрел и взглянул на те окна, что были над Тигром, при свете месяца и увидел свет свечей и светильников, блиставший в реке. И халиф, бросив взгляд и увидев, что дворец в саду как бы пляшет из-за этих свечей и светильников, воскликнул: «Ко мне Джафара Бармакида!»

И не прошло мгновения, как тот уже предстал перед лицом повелителя правоверных, и халиф воскликнул: «О собака среди везирей! Ты отбираешь у меня город Багдад и не сообщаем тебе об этом?» – «Что это за слова?» – спросил Джафар. «Если бы город Багдад не был у меня отнят, – ответил халиф, – Дворец Изображений не город бы огнями свечей и светильников и не были бы открыты его окна! Горе тебе! Кто бы отважился совершить подобные поступки, если бы ты у меня не отнял халифат?»

И Джафар, у которого затряслись поджилки, спросил: «А кто рассказал тебе, что Дворец Изображений освещён и окна его открыты?» – и халиф отвечал: «Подойди ко мне и взгляни!»

И Джафар подошёл к халифу и посмотрел в сторону сада и увидал, что дворец светится от свечей в тёмном мраке. И он хотел оправдать шейха Ибрахима, садовника: быть может, это было с его позволения, так как он увидел в этом для себя пользу, и сказал: «О повелитель правоверных, шейх Ибрахим, на той неделе, что прошла, сказал мне: „О господин мой Джафар, я хочу справить обрезание моих сыновей при жизни повелителя правоверных и при твоей жизни“, – и я спросил его: „А что тебе нужно?“ – и он сказал мне: „Возьми для меня от халифа разрешение справить обрезание моих детей в замке“. И я отвечал ему: „Иди справляй их обрезание, а я повидаясь с халифом и уведомлю его об этом“. И он таким образом ушёл от меня, а я забыл тебя уведомить».

«О Джафар, – отвечал халиф, – у тебя была передо мной одна провинность, а теперь стало две, так как ты ошибся с двух сторон: во-первых, ты не уведомил меня об этом, а с другой стороны, ты не довёл шейха Ибрахима до его цели: он ведь пришёл к тебе и сказал тебе эти слова только для того, чтобы намекнуть, что он хочет немного денег, и помочь себе ими, а ты ему ничего не дал и не сообщил мне об этом».

«О повелитель правоверных, я забыл», – отвечал Джафар, и халиф воскликнул: «Клянусь моими отцами и дедами, я проведу остаток ночи только возле него! Он человек праведный и заботится о старцах и факирах и созывает их, и они у него собираются, и, может быть, от молитвы кого-нибудь из них нам достанется благо в здешней и будущей жизни. И в этом деле будет для него польза от моего присутствия, и шейх Ибрахим обрадуется». – «О повелитель правоверных, – отвечал Джафар, – время вечернее, и они сейчас заканчивают». Но халиф вскричал: «Хочу непременно отправиться к ним!» И Джафар умолк и растерялся и не знал, что делать.

А халиф поднялся на ноги, и Джафар пошёл перед ним, и с ним был Масрур, евнух, и все трое отправились, изменив обличье, и, выйдя из дворца халифа, пошли по улицам, будучи в одежде купцов, и достигли ворот упомянутого сада. И халиф подошёл и увидел, что ворота сада открыты, и удивился, и сказал: «Посмотри, Джафар! Как это шейх Ибрахим оставил ворота открытыми до этого Бремени! Не таков его обычай!»

И они вошли и достигли конца сада, остановились под дворцом, и халиф сказал: «О Джафар, я хочу посмотреть за ними, раньше чем войду к ним, чтобы взглянуть, чем они заняты, и посмотреть на старцев. Я до сих пор не слышу ни звука и никакой факир не поминает имени Аллаха».

И халиф посмотрел и увидел высокий орешник и сказал: «О Джафар, я хочу влезть на это дерево – его ветви близко от окон – и посмотреть на них», – и затем халиф полез на дерево и до тех пор цеплялся с ветки на ветку, пока не поднялся на ветвь, бывшую напротив окна. И он сел на неё и посмотрел в окно дворца и увидел девушку и юношу, подобных двум лунам (превознесён тот, кто сотворил их и придал им образ!) и увидал шейха Ибрахима,

который сидел с кубком в руке и говорил: «О владычица красавиц, в питьё без музыки нету счастья! Я слышал, как поэт говорил:

Пусти же вокруг большой и малый кубок,
Возьми его из рук луны светящей,
Не пей вина без музыки – я видел,
Что конь, и тот не может пить без свиста».

И когда халиф увидел, что шейх Ибрахим совершает такие поступки, жила гнева вздулась у него меж глаз» и он спустился и сказал Джафару: «Я никогда не видал праведников в таком состоянии! Поднимись ты тоже на это дерево и посмотри, чтобы не миновало тебя благословение праведных».

И, услышав слова повелителя правоверных, Джафар впал в недоумение, не зная, что делать, и поднялся на верхушку дерева и посмотрел, и вдруг видит Нур-ад-дина, шейха Ибрахима и невольницу, и у шейха Ибрахима в руках кубок. И, увидав это, Джафар убедился, что погиб, и спустился вниз и встал перед повелителем правоверных, и халиф сказал ему: «О Джафар, слава Аллаху, назначившему нам следовать явным указаниям закона!» И Джафар не мог ничего сказать от сильного смущения, а потом халиф взглянул на Джафара и сказал: «Посмотри-ка! Кто привёл этих людей на это место и то ввёл их в мой дворец? Но равных по красоте этому юноше и этой девушке никогда не видели мои глаза». – «Твоя правда, о владыка султан», – отвечал Джафар, который начал надеяться на прошение халифа Харуна ар Рашида, и халиф сказал: «О Джафар, поднимемся на ту ветку, что против них, и посмотрим на них!»

Оба поднялись на дерево и стали смотреть и слышали, что шейх Ибрахим говорил: «О господа мои, я оставил степенность за питьём вина, но это услаждает только при звуках струн». И Анис аль-Джалис ответила: «О шейх Ибрахим, клянусь Аллахом, будь у нас какие-нибудь музыкальные инструменты, наша радость была бы полной». И, услышав слова невольницы, шейх Ибрахим встал на ноги, и халиф сказал Джафару: «Посмотрим, что он будет делать!» – «Не знаю», – отвечал Джафар, а шейх Ибрахим скрылся и вернулся с лютней, и халиф всмотрелся в неё и вдруг видит – это лютня Абу-Исхака ан-Надима.

«Клянусь Аллахом, – воскликнул тогда халиф, – если эта невольница споёт скверно, я распну вас всех, а если она споёт хорошо, я их прощу и распну тебя одного». – «О боже, – сказал Джафар, – сделать так, чтобы она спела скверно!» – «Зачем?» – спросил халиф. «Чтобы ты распял нас всех, и мы бы развлекали друг друга», – отвечал Джафар, и халиф засмеялся его словам.

А девушка взяла лютню и осмотрела её и настроила её струны и ударила по ним, и сердца устремились к ней, а она произнесла:

«О те, кто готов помочь несчастным влюблённым!
Страстей и любви огонь и жжёт и клеймит нас.
И что б вы ни сделали, мы были достойны;
Просили защиты мы – не будьте злорадны.

Ведь горе постигло нас и с ним унижение,
И все, что хотите, нам вы можете сделать.
Какая же слава вам убить нас в дому своём?
Боюсь я, что с нами вы тогда согрешите».

«Клянусь Аллахом, хорошо, о Джафар! – воскликнул халиф, – я в жизни не слышал голоса певички, подобного этому!» А Джафар спросил: «Быть может, гнев халифа оставил его?» – «Да, оставил», – сказал халиф и спустился с дерева вместе с Джафаром, а потом он обратился к Джафару и сказал: «Я хочу войти и посидеть с ними и услышать пенье этой

девушки предо мной». – «О повелитель правоверных, – отвечал Джафар, – если ты войдёшь к ним, они, может быть, смутятся, а шейх Ибрахим – тот умрёт от страха». Но халиф воскликнул: «О Джафар, непременно научи меня, как мне придумать хитрость и войти к ним, чтобы они не узнали меня».

И халиф с Джафаром отправились в сторону Тигра, размышляя об этом деле, и вдруг видят, рыбак стоит и ловит рыбу под окнами дворца.

А как-то раньше халиф крикнул шейха Ибрахима и спросил его: «Что это за шум я слышу под окнами дворца?» – и шейх Ибрахим ответил: «Это голоса рыбаков». И тогда халиф сказал ему: «Пойди удали их отсюда», – и рыбаков не стали туда пускать.

А когда наступила эта ночь, пришёл рыбак, по имени Карим, и увидел, что ворота в сад открыты, и сказал: «Вот время небрежности! Я воспользуюсь этим и половлю теперь рыбу!» И он взял свою сеть и закинул её в реку, и вдруг халиф, один, остановился над его головой. И халиф узнал его и сказал: «Карим!» – и тот обернулся, услышав, что его называют по имени, и когда он увидел халифа, у него затряслись поджилки, и он воскликнул: «Клянусь Аллахом, о повелитель правоверных, я сделал это не для того, чтобы посмеяться над приказом, но бедность и семья побудили меня на то, что ты видишь!»

«Полови на моё имя», – сказал халиф. И рыбак подошёл, обрадованный, и закинул сеть и подождал, пока она растянется до конца я установится на дне, а потом он потянул её к себе и вытянул всевозможную рыбу.

И халиф обрадовался этому и сказал: «Карим, сними с себя одежду!» И тот скинул своё платье (а на нем был кафтан из грубой шерсти, с сотней заплаток, где было немало хвостатых вшей) и снял с головы тюрбан, который он вот уже три года не разматывал, но всякий раз, увидев тряпку, он нашивал её на него.

И когда он скинул свой кафтан и тюрбан, халиф снял с себя две шёлковые одежды – александрийскую и баальбекскую⁶⁸ – и плащ и фарджию и сказал рыбаку: «Возьми их и надень». А халиф надел кафтан рыбака и его тюрбан и прикрыл себе лицо платком и сказал рыбаку: «Уходи к своему делу», – и рыбак поцеловал ноги халифа, и поблагодарил его, и сказал:

«Ты был милостив, и не скрою я благодарности
И во всех делах целиком меня обеспечил ты.
Благодарен я на всю жизнь тебе, а когда умру,
За меня мой прах воззовёт в гробу с благодарностью».

И рыбак ещё не окончил своего стихотворения, как вши уже заползали по коже халифа, и тот стал хватать их с шеи правой и левой рукой и кидать, и сказал: «О рыбак, горе тебе, поистине много вшей в этом кафтане!» – «О господин, отвечал рыбак, – сейчас тебе больно, а пройдет неделя, и ты не будешь чувствовать их и не станешь о них думать». И халиф засмеялся и воскликнул: «Горе тебе! Оставлю я этот кафтан на теле!» – «Я хочу сказать тебе слово, – сказал рыбак. „Говори, что у тебя есть“, – отвечал халиф. „Мне пришло на ум, о повелитель правоверных, – сказал рыбак, – что раз ты захотел научиться ловить рыбу, чтобы у тебя было в руках полезное ремесло, этот кафтан тебе подойдет“.

И халиф засмеялся словам рыбака, а затем рыбак повернул своей дорогой, а халиф взял корзину с рыбой, положил сверху немного зелени и пришёл с нею к Джафари к остановился перед ним. И Джафар подумал, что это Карим, рыбак, и испугался за него и сказал: «Карим, что привело тебя сюда? Спасайся! Халиф сегодня в саду, и если он тебя увидит – пропала твоя шея». И, услышав слова Джафара, халиф рассмеялся, и когда он рассмеялся, Джафар узнал его и сказал: «Быть может, ты наш владыка султан?» – «Да, Джафар, – отвечал халиф, – ты мой везирь, и мы с тобой пришли сюда, а ты меня не узнал; гик как же узнает

⁶⁸ Баальбек (греческий Гелиополис) – город в Сирии, знаменитый своими шёлковыми тканями.

меня шейх Ибрахим, да ещё пьяный? Стой на месте, пока я не вернусь к тебе!» И Джафар отвечал: «Слушаю и повинуюсь!»

И потом халиф подошёл к дверям дворца и постучал лёгким стуком, и Нур-ад-дин сказал: «Шейх Ибрахим, в двери дворца стучат». – «Кто у дверей?» – спросил шейх Ибрахим. И халиф сказал: «Я, шейх Ибрахим», – и тог спросил: «Кто ты?» – и халиф ответил: «Я, Карим, рыбак. Я услышал, что у тебя гости, и принёс тебе немного рыбы. Она хорошая».

И, услышав упоминание о рыбе, Нур-ад-дин и его невольница обрадовались и сказали: «О господин, открой ему, и пусть он принесёт нам свою рыбу». И шейх Ибрахим открыл дверь, и халиф вошёл, будучи в обличий рыбака, и поздоровался первым, и шейх Ибрахим сказал ему: «Привет вору, грабителю и игроку! Пойди покажи нам рыбу, которую ты принёс!» И халиф показал им рыбу, и они посмотрели и видят – рыба живая, шевелится, и тогда невольница воскликнула: «Клянусь Аллахом, господин, эта рыба хороша! Если бы она была жареная!» «Клянусь Аллахом, госпожа моя, ты права! – ответил шейх Ибрахим и затем сказал халифу: Почему ты не принёс эту рыбу жареной? Встань теперь, изжарь её и подай нам». – «Сейчас я вам её изжарю и принесу», – отвечал халиф, и они сказали: «Живо!»

И халиф побежал бегом и, придя к Джафару, крикнул: «Джафар!» – «Да, повелитель правоверных, все хорошо?» – ответил Джафар, и халиф сказал: «Они потребовали от меня рыбу жареной». – «О повелитель правоверных, – сказал Джафар, – подай её, я им её изжарю». Но халиф воскликнул: «Клянусь гробницей моих отцов и дедов, её изжарю только я, своей рукой!»

И халиф подошёл к хижине садовника и, поискав там, нашёл все, что ему было нужно, даже соль, шафран и майоран и прочее и, подойдя к жаровне, повесил сковороду и хорошо поджарил рыбу, а когда она была готова, положил её на лист банана, и взял из сада лимон и сухих плодов, и принёс рыбу и поставил её перед ними.

И девушка с юношей и шейх Ибрахим подошли и стали есть, а покончив с сдой, они вымыли руки, и Нурад-дин сказал: «Клянусь Аллахом, рыбак, ты оказал нам сегодня вечером прекрасную милость!» И он положил руку в карман и вынул ему три динара из тех динаров, что дал ему Санджар, когда он выходил в путешествие, и сказал: «О рыбак, извини меня! Если бы ты знал меня до того, что со мной случилось, я бы, наверное, удалил горечь бедности из твоего сердца, но возьми это по мере благословения Аллаха!» И он кинул динары халифу, и халиф взял их и поцеловал и убрал (а при всем этом халиф желал только послушать девушку, когда она будет петь).

И халиф сказал Нур-ад-дину: «Ты поступил хорошо и был милостив, но я хочу от твоей всеобъемлющей милости, чтобы эта девушка спела нам песню, и я бы послушал». И тогда Нур-ад-дин сказал: «Анис аль-Джалис!» – и она отвечала: «Да!» – а он сказал ей: «Заклинаю тебя жизнью, спой нам что-нибудь ради этого рыбака, он хочет тебя послушать!»

И, услышав слова своего господина, девушка взяла лютню, настроила её струны, прошлась по ним и произнесла:

«О гибкая! Пальцами коснулась струн она
И душу похитила, до них лишь дотронувшись.
Запела, и пением вернула оглохшим слух,
И крикнул: «Поистине, прекрасно!» – немой тогда.

А потом она заиграла на диковинный лад, так что ошеломила умы, и произнесла такие стихи:

«Вы почтили нас, избрав жилищем город наш,
И прогнал ваш блеск потёмки мрачной ночи.
Так пристойно мне надуть мой дом и мускусом,
И камфарой, и розовой водою».

И халиф пришёл тут в восторг, и волнение одолело его, и от сильного восторга он не мог удержаться и воскликнул: «Хорошо, клянусь Аллахом! хорошо, клянусь Аллахом! хорошо, клянусь Аллахом!» – а Нур-ад-дин спросил его: «О рыбак, понравилась ли тебе невольница?» И халиф отвечал: «Да, клянусь Аллахом!» – и тогда Нур-аддин сказал: «Она мой подарок тебе, – подарок благородного, который не отменяет подарков и не берет обратно даров».

И затем Нур-ад-дин поднялся на ноги и, взяв плащ, бросил его рыбаку и велел ему выйти и уходить с девушкой, и девушка посмотрела на Нур-ад-дина и сказала: «О господин, ты уходишь не прощаясь! Если уже это неизбежно, постой, пока я с тобой прощусь и изъясню тебе своё состояние». И она произнесла такие стихи:

«Тоска и страдание и память о днях былых
Мне тело измучили и сделали призраком.
Любимый, не говори: «Без нас ты утетишься».
В одном положении я – страдания не кончились».

И если бы кто-нибудь мог плавать в слезах своих,
Наверно была б я тем, кто первый в слезах поплыл.
О те, к кому страсть теперь владеет душой моей,
Как смесь из вина с водой над чашею властвует –

Разлука приблизилась, которой боялась я,
О ты, к кому страсть с душой и сердцем игру вела!
О славный Хакана сын, нужда и мечта моя!
О ты, к кому страсть души на миг не оставила!

Ты ради меня врагом царю и владыке стал
И ныне вдали живёшь от близких и родины.
Не дай же Аллах тебе, владыка, скучать по мне!
Кариму ты дал меня, да будет прославлен он».

И когда она окончила стихотворение, Нур-ад-дин ответил ей такими стихами:

«В день разлуки она со мною простилась
И сказала, в волнении страсти рыдая:
«Что же будешь, когда уйду я, ты делать!»
Я ответил: «Спроси того, кто не умер».

И когда халиф услышал в стихах её слова: «Кариму ты дал меня», – его стремление к ней увеличилось, но ему стало тяжело и трудно разлучить их, и он сказал юноше: «Господин мой, девушка упомянула в стихах, что ты стал врагом её господину и обладателю. Расскажи же мне, с кем ты враждовал и кто тебя разыскивает». – «Клянусь Аллахом, о рыбак, – отвечал Нур-ад-дин, – со мной и с этой невольницей произошла удивительная история и диковинное дело, и будь оно написано иглами в уголках глаза, оно бы послужило назиданием для поучающихся!» И халиф спросил: «Не расскажешь ли ты нам о случившемся с тобою деле и не осведомишь ли нас о твоей истории? Быть может, тебе будет в этом облегчение, ведь помощь Аллаха близка». – «О рыбак, – спросил тогда Нур-ад-дин, – выслушаешь ли ты наш рассказ в нанизанных стихах в рассыпанной речи?» И халиф ответил: «Рассыпанная речь – слова, а стихи – нанизанные жемчужины».

И тогда Нур-ад-дин склонил голову к земле и произнёс такие стихи:

«Друг любимый, со сном давно я расстался,
И безмерно вдали от родины горе.
Мой родитель любил меня и был нежен,
По оставил меня и лёг он в могилу.

И случилось потом со мной дел немало,
И разбили совсем они моё сердце.
Приобрёл мне рабыню он с нежным телом,
Ветви ивы смущает стан её гибкий.

И наследство потратил я на рабыню
Или щедро раздал его благородным.
И в заботе я свёл её на продажу,
Хоть страдать от разлуки с ней не хотел я.

Но как только воззвал о ней зазыватель,
Набавлять стал старик один развращённый.
И разгневан я был тогда сильным гневом
И рабыню из рук наёмников вырвал.

И ударил злодей меня в сильной злобе,
И огнями раздора тут запылал он.
И рукой я от гнева бил его правой,
Вместе с левой, пока душа исцелилась.

И в испуге домой тогда я вернулся,
И укрылся, врагов боясь, в своём доме.
И правитель велел тотчас захватить нас,
Но привратник пришёл ко мне благородный,
Намекая, чтоб дальше я удалился
И исчез бы, завистникам на несчастье.

И ушли мы, покинув дом тёмной ночью,
И хотели жилья искать мы в Багдаде.
Лет со мною былых богатств уже больше,
Сверх того, что я дал, рыбак, тебе раньше.

Но даю я тебе любимую сердца –
Будь уверен, что душу я тебе отдал».

И когда он кончил свои стихи, халиф сказал ему: «О господин мой Нур-ад-дин, изложи мне твоё дело», – и Нур-ад-дин рассказал ему свою историю с начала до конца. И когда халиф понял, каково его положение, он спросил: «Куда ты сейчас направляешься?» – «Земля Аллаха обширна», – отвечал Нур-аддин. И халиф сказал: «Вот я напишу тебе бумажку, доставь её султану Мухаммеду ибн Сулейману аз-Зейни, и когда он прочтёт её, он ничем тебе не повредит и не обидит тебя...»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Тридцать восьмая ночь

Когда же настала тридцать восьмая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый

царь, что халиф сказал Нур-ад-дину Али: „Я напишу тебе записку, которую ты доставишь султану Мухаммеду ибн Сулейману аз-Зейни, и когда он прочтёт её, её не сделает тебе вреда“. И Нур-ад-дин Али воскликнул: „А разве есть в мире рыбак, который переписывается с царями? Подобной вещи не бывает никогда!“ – „Ты прав, – отвечал халиф, – но я скажу тебе причину: знай, что мы с ним читали в одной школе у одного учителя, и я был его старшим, а впоследствии его настигло счастье, и он стал султаном, а мою судьбу Аллах переменял и сделал меня рыбаком. По я не посылал к нему с просьбой без того, чтобы он не исполнил её, и если бы я каждый день посылал ему тысячу просьб, он бы их наверное исполнил“.

И, услышав его слова, Нур-ад-дин сказал: «Хорошо, пиши, а я посмотрю». И халиф взял чернильницу и калам и написал славословия, а вслед за тем: «Это письмо от Харуна ар-Рашида, сына аль-Махди, его высочеству Мухаммеду ибн Сулейману аз-Зейни, охваченному моей милостью, которого я сделал моим наместником над частью моего государства. Это письмо достигнет тебя вместе с Нур-ад-дином Али ибн Хаканом, сыном везиря, и в тот час, когда он прибудет к вам, сложи с себя власть и назначь его, и не перечь моему приказу. Мир тебе!»

Потом он отдал письмо Нур-ад-дину Али ибн Хакану, и Нур-ад-дин взял письмо и поцеловал его и положил в тюрбан и тотчас же отправился в путь, вот что с ним было.

Что же касается халифа, то шейх Ибрахим посмотрел на него, когда он был в образе рыбака, и воскликнул: «О самый низкий из рыбаков, ты принёс нам пару рыб, стоящих двадцать полушек, взяв три динара, и хочешь забрать и девушку тоже!» И халиф, услышав его слова, закричал на него и кивнул Масруру, и тот показался и ринулся на шейха. А Джафар послал одного мальчика из детей, бывших в саду, к дворцовому привратнику и потребовал от него царскую одежду, и мальчик ушёл и принёс одежду и поцеловал землю между руками халифа, и халиф снял то, что было на нем, и надел ту одежду.

А шейх Ибрахим сидел на скамеечке, и халиф стоял и смотрел, что будет, и тут шейх Ибрахим оторопел и растерялся и стал кусать пальцы, говоря: «Посмотри-ка! Сплю я или бодрствую?» – «О шейх Ибрахим, что означает твоё состояние?» – спросил халиф, и тогда шейх Ибрахим очнулся от опьянения и кинулся на землю и произнёс:

«Прости мне проступок мой, – споткнулась моя нога, –
Ведь ищет раб милости всегда у господ своих.
А сделал, что требует проступок, признавшись в нем,
Но где ж то, что требуют прощенье и милости?»

И халиф простил его и приказал, чтобы девушку доставили во дворец, и когда она прибыла во дворец, халиф отвёл отдельное помещение ей одной и назначил людей, чтобы ей служить, и сказал ей: «Знай, что я послал твоего господина султаном в Басру, и, если захочет Аллах великий, мы отправим ему почётную одежду и отошлём тебя к нему». Вот что случилось с этими.

Что же касается Нур-ад-дина Али ибн Хакана, то он ехал не переставая, пока не достиг Басры, а потом он пришёл ко дворцу султана и издал громкий крик, и султан услышал его и потребовал к себе. И представ между его руками, Нур-ад-дин поцеловал землю и вынул бумажку и подал её ему, и когда султан увидел заглавные строки письма, написанные почерком повелителя правоверных, он поднялся и встал на ноги и поцеловал их три раза и воскликнул: «Внимание и повиновение Аллаху великому и повелителю правоверных!»

Потом он призвал четырех судей и эмиров и хотел снять с себя власть, но вдруг явился везирь – тот, альМуин ибн-Сави. И султан дал ему бумажку, и везирь, прочтя её, изорвал её до конца и взял в рот и разжевал и выбросил, и султан крикнул ему, разгневанный: «Горе тебе, что тебя побудило к таким поступкам?» А везирь отвечал ему: «Клянусь твоей жизнью, о владыка султан, этот не видался не с халифом, ни с его везирем. Это висельник, злокозненный дьявол; ему попалась какая-то пустая бумажка, написанная почерком халифа,

и он приспособил её к своей цели. И халиф не посылал его взять у тебя власть, и у него нет ни благородного указа, ни грамоты о назначении. Он не пришёл от халифа, никогда, никогда, никогда! И если бы это дело случилось, халиф бы наверное прислал вместе с ним придворного или везиря, но он пришёл один».

«Так как же поступить?» – спросил султан, и везирь сказал: «Отошли этого юношу со мною, – я возьму его от тебя и пошлю его с придворным в город Багдад. И если его слова правда, он привезёт нам благородный указ и грамоту; если же он не привезёт их, я возьму должное с этого моего обидчика». И, услышав слова везиря альМуина ибн Сави, султан сказал: «Делай с ним что хочешь!»

И везирь взял его от султана и отвёл в свой дом, крикнул своих слуг, и они разложили его и били, пока он не обеспамятел. И он наложил ему на ноги тяжёлые оковы и привёл его в тюрьму и крикнул тюремщика, и тот пришёл и поцеловал землю между руками везиря (а этого тюремщика звали Кутейт). И везирь сказал ему: «О Кутейт, я хочу, чтобы ты взял и бросил его в один из подвалов, которые у тебя в тюрьме, и пытал бы его ночью и днём!» И тюремщик отвечал: «Внимание и повиновение!»

А потом тюремщик ввёл Нур-ад-дина в тюрьму и запер дверь, и после этого он велел обмести скамью, стоявшую за дверью, и накрыть её подстилкой и ковром и посадил на неё Нур-ад-дина и расковал его оковы и был к нему милостив. И везирь каждый день посылал к тюремщику и приказывал ему бить Нур-ад-дина, но тюремщик защищал его от этого в течение сорока дней.

А когда наступил день сорок первый, от халифа пришли подарки, и, увидав их, султан был ими доволен и посоветовался с везирем относительно них, и кто-то сказал: «А может быть, это подарки для нового султана?» И сказал везирь аль-Муин ибн Сави: «Самым подходящим было бы убить его в час его прибытия». И султан воскликнул: «Клянусь Аллахом, ты напомнил мне о нем! Пойди приведи его и отруби ему голову». И везирь отвечал: «Слушаю и повинуюсь! – и поднялся и сказал: Я хочу, чтобы в городе кричали: „Кто хочет посмотреть на казнь Нур-ад-дина пль ибн Хакана, пусть приходит ко дворцу!“ И придёт и сопровождающий и сопровождаемый, чтобы посмотреть, и я исцелю свою душу и повергну в горе Завистников». – «Делай что хочешь», – сказал ему султан.

И везирь пошёл, счастливый и радостный, и пришёл к вали и велел ему кричать, как мы упоминали.

А когда люди слышали глашатая, они огорчились и заплакали – все, даже мальчики в школах и торговцы в лавках. И люди вперегонки побежали захватить места, чтобы посмотреть на это, а некоторые пошли к тюрьме, чтобы прийти с Нур-ад-дином. Везирь же отправился с десятью невольниками в тюрьму, и тюремщик Кутейт спросил его: «Что ты хочешь, наш владыка везирь?» – «Приведи мне этого висельника», – сказал везирь, и тюремщик ответил: «Он в самом зловещем положении – так много я его бил».

А потом тюремщик вошёл и увидел, что Нур-ад-дин говорит такие стихи:

«Кто поможет мне, кто поддержку даст мне в горе?
Велика болезнь, нелегко найти лекарство.
Истомило сердце и душу мне отдаление
И друзей моих судьба сделала врагами.

И найду ль среди вас я, о люди, друга мне нежного,
Чтоб мог сжалиться и ответить он на зов мой?
Как ничтожна смерть для меня теперь с забытьём её,
И на благо жизни пресёк давно я надежду.

О господь мой, тем, кто ведёт нас всех, благовестником,
Тобой избранным, океаном знаний, владыкою
Всех ходатаев заклинаю я – отпусти мне грех

И спаси меня и тоску и горе смягчи мне».

И тогда тюремщик снял с него чистую одежду, надел на него две грязные рубахи и отвёл его к везирию, и Нурад-дин посмотрел, и вдруг видит, что это его враг, который стремится его убить. И, увидав его, он заплакал и спросил его: «Разве ты в безопасности от судьбы? Или не слышал ты слов поэта:

Где теперь Хосрой, где деспоты эти первые,
Что собрали клады? Но нет тех кладов и их уж нет!»

«Знай о везирь, – сказал он потом, – что лишь Аллах, да будет он превознесён и прославлен, творит то, что хочет». И везирь возразил: «О Али, ты пугаешь меня этими словами? Я сегодня отрублю тебе голову наперекор жителям Басры и не стану раздумывать, и пусть судьба делает что хочет. Я не посмотрю на твои увещания и посмотрю лишь на слова поэта:

Пусть судьба так делает, как хочет,
Спокоен будь о том, что судьба свершила.
А как прекрасны слова другого:
Кто прожил после врагов своих Хоть день – тот цели достиг
уже».

И потом везирь приказал своим слугам взвалить Нурад-дина на спину мула, и слуги, которым было тяжело это сделать, сказали Нур-ад-дину: «Дай нам побить его камнями и разорвать его, если даже пропадут наши души». Ко Нур-ад-дин Али отвечал им: «Ни за что не делайте этого. Разве вы не слышали слов поэта, сказавшего:

Прожить я должен срок, судьбой назначенный, А кончится ряд дней его – смерть мне,
И если б львы меня втащили в логово – До времени меня не сгубить им».

И потом они закричали о Нур-ад-дине: «Вот наименьшее воздаяние тому, кто возводит на царей ложное!» И его до тех пор возили по Басре, пока не остановились под окнами дворца, и тогда его поставили на ковре крови, и палач подошёл к нему и сказал: «О господин мой, я подневольный раб в этом деле. Если у тебя есть какое-нибудь желание – скажи мне, и я его исполню: твоей жизни осталось только на то время, пока султан не покажет из окна лицо».

И тогда Нур-ад-дин посмотрел направо и налево и назад и вперёд и произнёс:

«Я видел – уж тут палач, и меч, и ковёр его –
И крикнул: «Унижен я и в горе великом!
Ужель не поможет мне средь вас благосклонный друг? –
Спросил я, – так дайте же на призыв ответ мне».

Прошло уж мне время жить, и гибель пришла моя;
Но кто ради райских благ меня пожалеет
И взглянет, каков я стал, и муки смягчит мои,
И чашу с водой мне даст, чтоб меньше страдал я?»

И люди стали плакать о нем, и палач встал и взял чашку воды и подал её Нур-ад-дину, но везирь поднялся с места и ударил рукой кружку с водой и разбил её и закричал на палача, приказывая ему отрубить голову Нур-ад-дину.

И тогда палач завязал Нур-ад-дину глаза, и народ закричал на везирия, и поднялись вопли и умножились вопросы одних к другим, и когда все это было, вдруг взвилась пыль, и клубы её наполнили воздух и равнину.

И когда увидел это султан, который сидел во дворце, он сказал им: «Посмотрите, в чем дело», – а везирь воскликнул: «Отрубим этому голову сначала!» Но султан возразил: «Подожди ты, пока увидим, в чем дело».

А эта пыль была пыль, поднятая Джафаром Бармакидом, везирем халифа, и теми, кто был с ним, и причиной их прихода было то, что халиф провёл тридцать дней, не упоминая о деле Али ибн Хакана, и никто ему о нем не говорил, пока он не подошёл в какую-то ночь к комнате Анис аль-Джалис и не услышал, что она плачет и произносит красивым и приятным голосом слова поэта:

«Твой призрак всегда, вдали и вблизи, со мною,
А имя твоё не может язык покинуть».

И её плач усилился, и вдруг халиф открыл дверь и вошёл в комнату и увидел Анис аль-Джалис, которая плакала, а она, увидав халифа, упала на землю и поцеловала его ноги три раза, а потом произнесла:

«О ты, кто корнями чист и славен рождением,
О ветвь плодов вызревших, о древо цветущее!
Напомню обет тебе, что дать соизволил ты,
Прекрасный по качествам. Побойся забыть его!»

И халиф спросил её: «Кто ты?» – и она сказала:

«Я подарок тебе от Али ибн Хакана и хочу исполнения обещания, данного мне тобою, что ты пошлешь меня к нему с почётным подарком; я здесь теперь уже тридцать дней не вкусила сна».

И тогда халиф потребовал Джафара Бармакида и сказал ему: «Джафар, я уже тридцать дней не слышу вестей об Али ибн Хакане, и я думаю, что султан убил его. Но, клянусь жизнью моей головы и гробницей моих отцов и дедов, если с ним случилось нехорошее дело, я непременно погублю того, кто был причиной этому» хотя бы он был мне дороже всех людей! Я хочу, чтобы ты сейчас же поехал в Басру и привёз сведения о правителе Мухаммеде ибн Сулеймане аз-Зани и об Али ибн Хакане. Если ты пробудешь в отсутствии дольше, чем требует расстояние пути, – прибавил халиф, – я снесу тебе голову.

Ты знаешь, о сын моего дяди, о деле Нур-ад-дина Али и о том, что я послал его с письмом от меня. И если ты увидишь, о сын моего дяди, что правитель поступил не согласно с тем, что я послал сообщить ему, вези его и вези также везиря аль-Муина ибн Сави в том виде, в каком ты их найдёшь. И не отсутствуй больше, чем того требует расстояние пути».

И Джафар отвечал: «Внимание и повиновение!» – и затем он тотчас же собрался и ехал, пока не прибыл в Басру, и, обгоняя друг друга, устремились к царю Мухаммеду ибн Сулейману аз-Зейни вести о прибытии Джафара Бармакида.

И Джафар прибыл и увидел эту смуту, беспорядок и давку, и тогда везирь Джафар спросил: «Отчего эта давка?» И ему рассказали, что происходит с Нур-ад-дином Али ибн Хаканом, и, услышав их слова, Джафар поспешил подняться к султану и приветствовал его и осведомил его о том, зачем он приехал и о том, что если с Али ибн Хаканом случилось дурное дело, султан погубит тех, кто был причиной этому. После этого он схватил султана и везиря аль-Муина ибн Сави и заточил их и приказал выпустить Нур-ад-дина Али ибн Хакана и посадил его султаном на место султана Мухаммеда ибн Сулеймана аз-Зейни.

И он провёл в Басре три дня – время угощения гостя, – а когда настало утро четвёртого дня, Али ибн Хакан обратился к Джафару и сказал ему: «Я чувствую желание повидать повелителя правоверных». И Джафар сказал тогда царю Мухаммеду ибн Сулейману аз-Зейни: «Снаряжайся в путь, мы совершим утреннюю молитву и поедem в Багдад», – и царь отвечал: «Внимание и повиновение!»

И они совершили утреннюю молитву, и все поехали, и с ними был везирь аль-Муин

ибн Сави, который стал раскаиваться в том, что он сделал. А что касается Нур-аддина Али ибн Хакака, то он ехал рядом с Джафаром, и они ехали до тех пор, пока не достигли Багдада, Обителя Мира.

После этого они вошли к халифу и, войдя к нему, рассказали о деле Нур-аддина и о том, как они нашли его близким к смерти. И тогда халиф обратился к Али ибн Хакану и сказал ему: «Возьми этот меч и отруби им голову твоего врага».

И Нур-ад-дин взял меч и подошёл к аль-Муину ибн Сави, и тот посмотрел на него и сказал: «Я поступил по своей природе, ты поступи по своей». И Нур-ад-дин бросил меч из рук и посмотрел на халифа и сказал: «О повелитель правоверных, он обманул меня этими словами! – И он произнёс:

Обманул его я уловкою, как явился он, – Ведь свободного обмануть легко речью сладкою».

«Оставь его ты, – сказал тогда халиф и крикнул Масрур, – О Масрур, встань ты и отруби ему голову!» – и Масрур встал и отрубил ему голову.

И тогда халиф сказал Али ибн Хакану: «Пожелай от меня чего-нибудь». – «О господин мой, – отвечал Нурад-дин, – нет мне нужды владеть Басрой, я хочу только быть почтённым службою тебе и видеть твоё лицо». И халиф отвечал: «С любовью и удовольствием!»

Потом он позвал ту невольницу, Анис аль-Джалис, и она появилась перед ним, и халиф пожаловал их обоих и дал им дворец из дворцов Багдада и назначил им выдачи, а Нур-аддина он сделал своим сотрапезников, и тот пребывал у него в приятнейшей жизни, пока не застигла его смерть».

Рассказ о Ганиме ибн Айюбе (ночи 39-45)

Но рассказ о двух везирах и Анисаль-Джалис не удивительнее повести о купце и его детях», – продолжала Шахразада.

«А как это было?» – спросил Шахрияр.

И Шахразада сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что был в древние времена и минувшие века и столетия один купец, у которого водились деньги. Ещё был у него сын, подобный луне в ночь полнолуния, красноречивый языком, по имени Ганим ибн Айюб, поработённый, похищенный любовью. А у Ганима была сестра по имени Фитна, единственная по красоте и прелести. И их отец скончался и оставил им денег...»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Тридцать девятая ночь

Когда же настала тридцать девятая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что тог купец оставил им большое состояние и, между прочим, сто тюков шелка, парчи и мешочков мускуса⁶⁹, и на этих тюках было написано: «Это из того, что приготовлено для Багдада», – у купца было намерение отправиться в Багдад. А когда его взял к себе Аллах великий и прошло некоторое время, его сын забрал эти тюки и поехал в Багдад. Это было во времена халифа Харуна ар-Рашида. И сын простился со своей матерью, близкими и согражданами перед тем, как уехать, и выехал, полагаясь на Аллаха великого, и Аллах начертал ему благополучие, пока он не достиг Багдада, и с ним было множество купцов. И он нанял себе красивый дом и устлал его коврами и подушками и повесил в нем занавески и поместил в доме эти тюки и мулов и верблюдов и сидел, пока не отдохнул, а купцы и вельможи Багдада приветствовали его. А потом он взял узел, где было десять отрезков

⁶⁹ Мускус – вещество с резким своеобразным запахом, выделяемое одной из желез кабарги (млекопитающее из семейства оленей). Сохраняется в этой засушенной мешковидной железе.

дорогой материи, на которых была написана их цена, и отправился на рынок. И купцы встретили его словами: «Добро пожаловать!» и приветствовали его и оказали почёт и помогли ему спешиться и посадили рядом со старостой рынка. Потом Ганим подал старосте узел, и тот развязал его и вынул куски материи, и староста рынка продал для него эти отрезы. И Ганим нажил на каждый динар два таких же динара. Он обрадовался и стал продавать материи и обрезы, один за другим, и занимался этим целый год.

А в начале следующего года он подошёл к галерее⁷⁰, бывшей на рынке, и увидел, что ворота её заперты, и когда он спросил о причине этого, ему сказали: «Один из купцов умер, и все купцы ушли, чтобы быть на его похоронах. Не хочешь ли ты получить небесную награду, отправившись с ними?» И Ганим отвечал: «Хорошо!» – и спросил о месте погребения. И ему указали это место, и он совершил омовение и шёл с купцами, пока они не достигли места молитвы и не помолились об умершем, а потом все купцы пошли перед носилками на кладбище, и Ганим последовал за ними в смущении.

А они вышли с носилками из города и, пройдя меж гробниц, дошли до могилы и увидели, что родные умершего уже разбили над могилой палатку, принесли свечи и светильники. И затем мёртвого закопали, и чтецы сели читать Коран над его могилой, и купцы тоже сели, и Ганим ибн Айюб сел с ними, и смущение одолело его, и он говорил про себя: «Я не могу оставить их и уйду вместе с ними».

И они просидели, слушая Коран, до времени ужина, и им подали ужин и сладкое, и они ели, пока не насытились, а потом вымыли руки и остались сидеть на месте. Но душа Ганима была занята мыслями о его доме и товарах, и он боялся воров. И он сказал про себя: «Я человек чужой и подозреваемый в богатстве; если я проведу эту ночь вдали от дома, воры украдут деньги и тюки».

И, боясь за своё имущество, он встал и, попросив разрешения, ушёл от собравшихся, сказав, что идёт по важному делу. И он шёл по следам на дороге, пока не достиг ворот города, а в то время была полночь, и он нашёл городские ворота запертыми и не видал никого на дороге и не слышал ни звука, кроме лая собак и воя волков. И Ганим отошёл назад и воскликнул: «Нет мощи и силы, кроме как у Аллаха! Я боялся за свои деньги и шёл ради них, но нашёл ворота закрытыми и теперь боюсь за свою душу!»

После этого он повернул назад, чтобы присмотреть себе место, где бы проспать до утра, и увидел усыпальницу, окружённую четырьмя стенами, где росла пальма, и там была открывающаяся дверь из камня. И он вошёл в усыпальницу и хотел заснуть, но сон не шёл к нему. Его охватил страх и тоска, так как он был среди могил. И тогда он поднялся на ноги, и открыл дверь гробницы, и посмотрел – и вдруг видит: вдали, со стороны городских ворот, свет. И, пройдя немного, он увидал, что этот свет на дороге движется к той гробнице, где он находился. И тут Ганим испугался за себя и, поспешив закрыть дверь, стал взбираться на пальму, и влез наверх, и спрятался в её маковке.

А свет все приближался к гробнице понемногу, понемногу, пока совсем не приблизился к усыпальнице. Ганим присмотрелся и увидал трех негров: двое несли сундук, а у третьего в руках был фонарь и топор.

Когда они подошли к усыпальнице, один из негров, несших сундук, воскликнул: «Что это, Сауаб!», а другой негр отвечал: «Что с тобой, о Кафур?» И первый сказал: «Разве не были мы здесь в вечернюю пору и не оставили дверь открытой?» – «Да, эти слова правильны», – отвечал другой, и первый сказал: «А вот она закрыта и заперта на засов!» И тогда третий, который нес топор и свет (а звали его Бухейтом), сказал им: «Как мало у вас ума! Разве вы не знаете, что владельцы садов выходят из Багдада и гуляют здесь, и, когда их застанет вечер, они прячутся здесь и запирают за собой дверь, боясь, что чёрные, вроде нас, схватят их, изжарят и съедят?» И они ответили: «Ты прав; клянёмся Аллахом, нет среди нас умнее, чем ты». – «Вы мне не поверите, – сказал Бухейт, – пока мы не пойдём в гробницу и

⁷⁰ Имеется в виду крытый рынок, где лавки расположены в два ряда.

не найдём там кого-нибудь. Я думаю, что когда он заметил свет и увидел нас, он убежал со страху и забрался на верхушку этой пальмы».

И когда Ганим услышал слова раба, он произнёс про себя: «О, самый проклятый из рабов! Да не защитит тебя Аллах за этот ум и за все это знание! Нет мощи и силы, кроме как у Аллаха, высокого, великого! Что теперь освободит меня от этих негров?»

А те, что несли сундук, сказали тому, у которого был топор: «Влезь на стену и отвори нам дверь, о Бухейт, мы устали нести сундук на наших шеях. А когда ты откроешь нам дверь, тебе будет от нас один из тех, кого мы схватим. Мы изжарим его тебе искусно своими руками, так что не пропадёт ни капли его жира!» – «Я боюсь одной вещи, о которой я подумал по малости моего ума, – отвечал Бухейт. – Перебросим сундук за стену – ведь здесь наше сокровище». – «Если мы его бросим, он может разбиться», – возразили они, но Бухейт сказал: «Я боюсь, что в гробнице прячутся разбойники, которые убивают людей и крадут вещи, потому что, когда наступает вечер, они укрываются в таких местах и делят добычу». – «О малоумный, разве они могут войти сюда?» – сказали ему те двое, что несли сундук. Потом они понесли сундук и, взобравшись на стену, спустились и открыли дверь, а третий негр, то есть Бухейт, стоял перед ними с фонарём, топором и корзиной, в которой было немного цемента.

А после этого они сели и заперли дверь, и один из них сказал: «О братья, мы устали идти и носить, ставить и открывать и запирасть; теперь полночь, и у нас не осталось духу, чтобы вскрыть гробницу и закопать сундук. Вот мы отдохнём три часа, а потом встанем и сделаем то, что нам нужно, и пусть каждый расскажет нам, почему его оскопили, и все, что с ним случилось, с начала до конца, чтобы эта ночь скорее прошла, а мы отдохнули». И тогда первый, который нёс фонарь (а имя его было Бухейт), сказал: «Я расскажу вам свою повесть», и ему ответили: «Говори!»

Рассказ первого евнуха (ночь 39)

Братья, – начал он, – знайте, что, когда я был совсем маленький, работороговец привёз меня из моей страны, и мне было тогда только пять лет жизни. Он продал меня одному всенному, у которого была дочь трех лет от роду. И я воспитывался вместе с нею, и её родные смеялись надо мной, когда я играл с девочкой, плясал и пел для неё. И мне стало двенадцать лет, а она достигла десятилетнего возраста, но мне не запрещали быть вместе с нею.

И в один день из дней я вошёл к ней, а она сидела в уединённом месте и как будто только вышла из бани, находившейся в доме, так как она была надушена благовониями и куреньями, а лицо её походило на круг полной луны в четырнадцатую ночь. И девочка стала играть со мной, и я играл с нею (а я в это время почти достиг зрелости), и она опрокинула меня на землю, и я упал на спину, а девочка села верхом мне на грудь и стала ко мне прижиматься. И она прикоснулась ко мне рукой и во мне взволновался жар, и я обнял её, а девочка сплела руки вокруг моей шеи и прижалась ко мне изо всех сил. И не успел я опомниться, как я прорвал её одежду и уничтожил её девственность. И, увидев это, я убежал к одному из моих товарищей. А к девочке вошла её мать и, увидав, что с нею случилось, потеряла сознание, а потом она приняла предосторожности и скрыла и утаила от отца её состояние и выждала с нею два месяца, и они все это время звали меня и улещали, пока не схватили меня в том месте, где я находился, но они ничего не сказали её отцу об этом деле из любви ко мне. А потом её мать просватала её за одного юношу-цирюльника, который брил отца девушки, и дала за неё приданое от себя и обрядила её для мужа, и при всем этом её отец ничего не знал о её положении, и они старались раздобыть ей приданое. И после этого они неожиданно схватили меня и оскопили, а когда её привели к жениху, меня сделали её евнухом, и я шёл впереди неё, куда она ни отправлялась, все равно, шла ли она в баню, или в дом своего отца. А её дело скрыли, и в ночь свадьбы над её рубашкой зарезали птенца голубя, и я провёл у неё долгое время и наслаждался её красотой и прелестью, целуясь и

обнимаясь и лёжа с нею, пока не умерли и она, и её муж, и её мать, и её отец, а затем меня забрали в казну, и я оказался в этом месте и сделался вашим товарищем. Вот почему, о братья, у меня отрезали член, и конец».

Рассказ второго евнуха (ночи 39-40)

Второй негр сказал: «Знайте, о братья, что в начале моего дела, когда мне было восемь лет, я каждый год один раз лгал работорговцам, так что они между собой ссорились. И один работорговец впал из-за меня в беспокойство и отдал меня в руки посредника и велел ему кричать: „Кто купит этого негра с его пороком?“ – „А в чем его порок?“ – спросили его, и он сказал: „Он каждый год говорит одну ложь“. И тогда один купец подошёл к посреднику и спросил его: „Сколько давали за него денег с его пороком?“ И посредник отвечал: „Давали шестьсот дирхемов“. – „А тебе будет двадцать дирхемов“, – сказал тогда купец, и посредник свёл его с работорговцем, и тот получил от него деньги, а посредник доставил меня в дом этого купца и взял деньги за посредничество и ушёл.

И купец одел меня в подобающую мне одежду, и я прожил у него, служа ему, весь остаток этого года, пока не начался, счастливо, новый год. А год этот был благословенный, урожайный на злаки, и купцы стали ежедневно устраивать пиры, так что каждый день собирались у одного из них, пока не пришло время быть пиру у моего господина, в роще за городом.

И он отправился с купцами в сад и взял все, что было им нужно из еды и прочего, и они сидели за едой, питьём и беседой до полудня. И тогда моему господину понадобилась одна вещь из дому, и он сказал мне: «Эй раб, садись на мула, поезжай домой и привези от твоей госпожи такую-то вещь и возвращайся скорей!» И я последовал его приказанию и отправился в дом. И, приблизившись к дому, я принялся кричать и лить слезы, и жители улицы, большие и малые, собрались около меня. Жена моего господина и его дочери услышали мой крик, открыли ворота и спросили, в чем дело. И я сказал им: «Мой господин сидел у старой стены со своими друзьями, и стена упала на них, и когда я увидал, что с ними случилось, я сел на мула и скорее приехал, чтобы вам рассказать».

И, услышав это, его жена и дочери принялись кричать и рвать на себе одежду и бить себя по лицу. И соседи сошлись к ним, а что до жены моего господина, то она опрокинула все вещи в доме, одну на другую, и сломала полки и разбила окна и решётки и вымазала стены грязью и индиго и сказала мне: «Горе тебе, Кафур, пойдй сюда, помоги мне. Сломай эти шкафы и перебей посуду и фарфор и другое!»

И я подошёл к ней и стал с нею рушить полки в доме, со всем, что на них было, и обошёл крыши и все помещение, разрушая их, и бил фарфор и прочее, что было в доме, пока все не было поломано, и при этом я кричал: «Увы, мой господин!»

А потом моя госпожа вышла с открытым лицом, имея только покрывало на голове и ничего больше, и с нею вышли её дочери и сыновья, и они мне сказали: «Кафур, иди впереди нас и покажи нам то место, где находится твой господин, под стеною, мёртвый, чтобы мы могли извлечь его из-под обломков и принести его в гробу и доставить в дом и сделать ему хороший вынос».

И я пошёл впереди них, крича: «Увы, мой господин!» и они шли сзади меня с открытым лицом и головой и кричали «Ах, ах!» об этом человеке.

И на улице не осталось никого – ни мужчины, ни женщины, ни ребёнка, ни старухи, которая бы не шла с нами, и все они некоторое время били себя вместе с нами по лицу, горько плача. И я прошёл с ними весь город, и народ спрашивал, в чем дело, и они рассказывали, что услышали от меня, и люди говорили: «Нет мощи и силы, кроме как у Аллаха!» И кто-то сказал:

«Это не кто иной, как большой человек! Пойдёмте к вали⁷¹ и расскажем ему». И когда

⁷¹ Вали – начальник городской полиции.

они пришли к вали и рассказали ему...»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Ночь, дополняющая до сорока

Когда же настала ночь, дополняющая до сорока, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что когда они пришли к вали и все рассказали ему, вали поднялся и сел верхом и взял с собою рабочих с лопатами и корзинами, и они пошли, следуя за мной, и с ними множество народу.

И я шёл впереди них и бил себя по лицу и кричал, а моя госпожа и её дочери были сзади и вопили. И я побежал впереди них и опередил их, крича и посыпая себе голову пылью и ударяя себя по лицу, и вбежал в тот сад, и мой господин увидел меня, когда я бил себя по лицу и кричал: «Увы, моя госпожа! Ах! Ах! Ах! Кто мне теперь остался, чтобы пожалеть меня, после моей госпожи! О, если бы я был за неё выкупом!»

И, увидев меня, мой господин оторопел, и лицо его пожелтело, и он воскликнул: «Что с тобою, Кафур, в чем дело?» И я ответил ему: «Когда ты послал меня домой, я вошёл и увидел, что стена, которая в комнате, упала и свалилась на мою госпожу и её детей». – «И твоя госпожа не уцелела?» – спросил он меня. И я сказал: «Нет, клянусь Аллахом, о господин мой, никто из них не остался цел, и первую умерла моя старшая госпожа». – «А цела ли моя маленькая дочь?» – спросил он. И я отвечал: «Нет». И тогда он сказал: «А как поживает мул, на котором я езжу? Он уцелел?» – «Нет, клянусь Аллахом, о господин мой, – отвечал я, – стены дома и стены стойла упали на все, что там было, даже на овец, гусей и кур. Все они превратились в груды мяса, и их съели собаки, и никто из них не остался жив». – «И твой старший господин тоже не уцелел?» – спросил мой хозяин. «Нет, клянусь Аллахом, из них не уцелел никто, – сказал я, – в ту минуту не осталось ни дома, ни обитателей. Не осталось от них и следа. А что до овец, гусей и кур, то их съели кошки и собаки».

И когда мой хозяин услышал мои слова, свет стал мраком перед его лицом, и он не мог владеть ни своей душой, ни своим умом, и не был в силах стоять на ногах, – такая на него нашла слабость. И его спина подломилась, и он разорвал на себе одежду и выщипал себе бороду и скинул тюрбан со своей головы и, не переставая, бил себя по лицу, пока на нем не показалась кровь, и кричал: «А! О мои дети! Ах! О моя жена! Ах! Горе тому, с кем случилось то, что случилось со мной!»

И купцы, его товарищи, закричали из-за его крика и заплакали с ним, сочувствуя его состоянию, и порвали на себе одежду. И мой господин вышел из того сада, продолжая бить себя по лицу из-за беды, которая его постигла, и от сильных ударов он стал как пьяный. И когда он с купцами выходил из ворот, они вдруг увидели большое облако пыли и слышали крики и вопли и, посмотрев на тех, кто приближался, увидели, что это вали и стражники, и народ, и люди, которые смотрели, а родные купца, позади них, кричали и вопили, горько и сильно плача.

Первыми, кого встретил мой господин, были его жена и дети. Увидав их, он оторопел и засмеялся и ободрился и сказал им: «Каково ваше состояние? Что случилось с вами в нашем доме и что с вами произошло?» И, увидя его, они воскликнули: «Слава Аллаху за твоё спасение!» – бросились к нему, а его дети уцепились за него и кричали: «О наш отец! Слава Аллаху за твоё спасение, о батюшка!»

И жена его спросила: «Ты здоров? Слава Аллаху, который дал нам увидеть твоё лицо благополучным!» Она была ошеломлена, и её ум улетел, когда она его увидела. «О господин, как случилось, что ты цел, ты и купцы, твои друзья?» – спросила она. А купец сказал: «Что случилось с вами в нашем доме?» И жена отвечала: «У нас все хорошо, мы в добром здоровье, и наш дом не постигло никакое зло, но только твой раб Кафур приехал к нам с

непокрытой головой, в разорванной одежде, крича: „Увы, мой господин! Увы, мой господин!“ И когда мы спросили его: „Что случилось, Кафур?“ – он сказал: „На моего господина и его друзей, торговцев, упала стена в саду, и они все умерли“. – „Клянусь Аллахом, – воскликнул мой хозяин, – он сейчас пришёл ко мне, крича: „О моя госпожа! О дети моей госпожи!“ – и сказал: «Моя госпожа и её дети – все умерли».

И он посмотрел по сторонам и увидел меня с разорванным тюрбаном на голове, а я кричал и горько плакал и сыпал землю себе на голову, и тогда он позвал меня, и я пошёл к нему, и он воскликнул: «Горе тебе, скверный раб, сын развратницы, проклятый по породе! Что это за беды ты натворил! Но клянусь Аллахом, я непременно сдеру кожу с твоего мяса и отрежу мясо от твоих костей». – «Клянусь Аллахом, – отвечал я, – ты ничего не можешь со мною сделать, так как ты купил меня, несмотря на мой порок, и с этим условием. Свидетели будут свидетельствовать против тебя. Раз ты купил меня, несмотря на мой порок, и знал о нем, а заключался он в том, что я каждый год говорю одну ложь. Это – половина лжи, а когда год завершится, я скажу вторую половину, и будет целая ложь». – «О собака, сын собаки, о самый проклятый из рабов, – закричал на меня хозяин, – разве все это половина лжи! Это большое бедствие! Уходи от меня, ты свободен ради лика Аллаха!»⁷² – «Клянусь Аллахом, – сказал я, – если ты меня освободил, то я тебя не освобожу. Пока год не окончится, я не скажу остальной половины лжи. А когда я её закончу, отведи меня на рынок и продай за столько, за сколько ты меня купил, с моим пороком, но не освобождай меня, так как нет ремесла, которым я мог бы прокормиться. А этот вопрос, о котором я тебе сказал, относится к закону, и о нем упоминают законоведы в главе об освобождении раба».

И пока мы разговаривали, подошёл народ, люди и обитатели всей улицы, женщины и мужчины, чтобы высказать соболезнование, и пришёл вали со своими людьми, и мой господин и купцы пошли к вали и рассказали ему о происшествии и о том, что это только половина лжи.

И, услышав это от него, они нашли мою ложь великой и до крайности удивились и стали проклинать и бранить меня, а я стоял и смеялся и говорил: «Как мой господин убьёт меня, когда он купил меня с этим пороком?»

Придя в свой дом, мой господин нашёл его разрушенным, и это было делом моих рук, ибо я перебил в нем вещи, стоящие много денег. И жена его тоже была их, но она сказала своему мужу: «Это Кафур разбил посуду и фарфор».

И гнев моего хозяина увеличился, и он ударил рукою об руку и сказал: «Клянусь Аллахом, я в жизни не видал сына прелюбодеяния, подобного этому негру! Он говорит, что это половина лжи, так что же будет, если будет целая ложь? Он разрушит город или два города!»

И потом, от сильного гнева, он подошёл к вали, и тот Заставил меня претерпеть изрядную порку, так что я исчез из бытия и потерял сознание, а мой хозяин оставил меня в обмороке и привёл ко мне цирюльника, который оскопил меня и прижёг мне рану, и, очнувшись, я увидел себя евнухом. А мой господин сказал мне: «Как ты сжёг мне сердце, лишив меня самых дорогих для меня вещей, так и я сжёг твоё сердце, лишив тебя самого дорогого члена». И потом он взял меня и продал за самую дорогую цену, так как я стал евнухом⁷³, и я не переставал вносить смуту в тех местах, куда меня продавали, и переходил от эмира к эмиру и от вельможи к вельможе. Меня продавали и покупали, пока я не вступил во дворец повелителя правоверных, но моя душа разбита, и хитрости отказываются служить мне, ибо я лишился своих ядер».

И, услышав его речи, оба негра засмеялись и сказали: «Ты дерьмо, сын дерьма и лжёшь отвратительной ложью!» И потом они сказали третьему негру: «Расскажи нам твою

⁷² То есть без выкупа.

⁷³ Рабы-евнухи ценились дороже обыкновенных рабов.

историю». И тот сказал: «О сыны моего дяди, все, что вы рассказывали, – пустое. Вот я расскажу вам, почему мне отрезали ядра, хотя я заслуживал большего, чем это, так как я совершил блуд с моей госпожой и с сыном моего господина. По моя история длинная, и теперь не время её рассказывать⁷⁴, так как утро, о сыны моего дяди, близко, и, быть может, взойдёт день, а с нами ещё будет этот сундук, и мы окажемся опозоренными, и пропадут наши души. Откройте-ка дверь. Когда мы отопрём её и уйдём во дворец, я расскажу вам, почему мне отрезали ядра».

И он взобрался наверх и спустился со стены и отпер дверь, и они вошли и поставили свечу и стали рыть яму, по длине и ширине сундука, между четырьмя могилами, и Кафур копал, а Сауаб относил землю в корзинах, пока не вырыли яму в полчеловеческого роста, а потом они поставили в яму сундук и снова засыпали её землёй и, выйдя из гробницы, закрыли дверь и скрылись из глаз Ганима ибн Айюба.

И когда все установилось и никого не осталось и Ганим убедился, что находится там один, его сердце гонялось мыслью о том, что в сундуке, он сказал про себя: «Посмотрю-ка, что в этом сундуке!» По он выждал, пока Засверкала и заблестала заря и стал виден её свет, и тогда он спустился с пальмы и стал разгребать землю рукаст, пока не отрыл сундука и не вытащил его. А потом он взял большой камень и ударил им по замку и разбил его и, подняв крышку, посмотрел в сундук, и вдруг видит – там лежит молодая женщина, одурманенная банджем⁷⁵, и дыхание её поднимает и опускает её грудь.

Она была красива и прелестна, и на ней были украшения и драгоценности из золота и ожерелья из дорогих камней, стоившие царства султана, цену которых не покрыть деньгами. И, увидав её, Ганим ибн Айюб понял, что против этой девушки сговорились и одурманили её банджем, и, убедившись в этом, он старался до тех пор, пока не извлёк девушку из сундука и не положил её на спину.

И когда она вдохнула дуновение ветра и воздух вошёл ей в нос и в лёгкие, она чихнула и подавилась и закашлялась, и у неё из горла выпал кусок критского банджа, да такой, что если бы его понюхал слон, он наверное проспал бы от ночи до ночи. И она открыла глаза и обвела воругом взором и сказала нежными, ясными словами: «Горе тебе, ветер, нет в тебе утоления для жаждущего и развлечения для утолившего жажду! Где Захр-аль-Бустан?» Ко никто не ответил ей, и она обернулась назад и крикнула: «Сабиха, Шеджерет-ад-дурр, Нур-аль-худа, Паджмат-ас-субх! Горе тебе! Шахва, Нузха, Хульва, Зарифа, говорите!» Но никто не ответил ей, и тогда она повела глазами и воскликнула: «Горе мне! Ты хоронишь меня в могилах! О ты, который знает то, что в сердцах, и воздаёт в день воскресения и оживления! Кто это принёс меня из-за занавесей и покрывал и положил между четырех могил?»

А Ганим стоял при этом на ногах, и он сказал ей: «О госпожа, нет ни покрывал, ни дворцов, ни могил, здесь только твой раб, похищенный любовью, Ганим ибн Айюб, которого привёл к тебе знающий сокровенное, чтобы он спас тебя от этих горестей и добыл бы тебе все, до пределов желаемого». И он умолк, а девушка, убедившись, как обстоит дело, воскликнула: «Свидетельствую, что нет бога, кроме Аллаха, и свидетельствую, что Мухаммед – посланник Аллаха!» А потом она обернулась к Ганиму и, закрыв руками лицо, спросила нежными словами: «О благословенный юноша, кто принёс меня в это место? Вот я уже очнулась». – «О госпожа, – отвечал Ганим, – пришли три негра, евнуха, и принесли этот сундук».

И потом он рассказал ей обо всем, что с ним случилось, и как его застиг вечер и он стал причиной её спасения, а иначе она бы умерла, задохнувшись. А затем он спросил её, какова её история и в чем с нею дело, и она ответила: «О юноша, слава Аллаху, который послал мне

⁷⁴ Рассказ третьего евнуха отсутствует во всех известных нам списках книги «Тысячи и одной ночи».

⁷⁵ Бандж – наркотик, известный в Европе под названием «гашиш» (точнее-хашиш).

подобного тебе! Теперь вставай, положи меня в сундук и выйди на дорогу и, если найдёшь погонщика ослов или мулов, найми его свезти этот сундук, а меня ты доставь к себе домой, и, когда я окажусь в твоём доме, будет добро, и я расскажу тебе свою повесть и поведаю свою историю, и тебе достанется через меня благо».

И Ганим обрадовался и вышел из гробницы (а день уже засиял, и воздух заблестал светом, и люди вышли и стали ходить) и нанял человека с мулом и привёл его к гробнице и поднял сундук, положив в него сначала девушку (а любовь к ней запала в его сердце), и пошёл с нею, радостный, так как это было девушка ценою в десять тысяч динаров и на ней были одежды и украшения, которые стоили больших денег. И Ганим не верил, что достигнет своего дома, и внёс сундук и открыл его...»

И Шахразду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Сорок первая ночь

Когда же настала сорок первая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что когда Ганим ибн Айюб достиг с сундуком своего дома, он открыл его и вынул из него девушку, и она посмотрела и увидела, что это прекрасное помещение, устланное коврами радующих цветов, и увидела также материи, увязанные в тюки, и узлы, и прочее. И она поняла, что Ганим большой купец и имеет много денег, и открыла лицо, и посмотрела на него, и вдруг видит – это красивый юноша. И, увидав его, девушка его полюбила и сказала ему: „О господин, подай нам чего-нибудь поесть“. И Ганим отвечал ей: „На голове и на глазах!“⁷⁶ А потом он пошёл на рынок и купил жареного ягнёнка и блюдо сладостей и захватил с собой сухих плодов, на закуску, и свечей, и прихватил ещё вина и то, что было необходимо из сосудов для напитков, и цветов и пришёл домой со всеми этими покупками.

И когда девушка увидела его, она засмеялась и поцеловала его и обняла и принялась его ласкать, и его любовь увеличилась и обвилась вокруг его сердца. А потом они ели и пили, пока не подошла ночь.

И каждый из них полюбил другого, так как они были одних лет и одинаковой красоты. А когда наступила ночь, Ганим ибн Айюб, влюблённый, похищенный любовью, поднялся и зажёл свечи и светильники, и помещение осветилось. И он принёс сосуды с вином и расставил зелень и сел с ней и стал наливать и поить её, а она наливала и пила его. И оба они играли и смеялись и произносили стихи, и радость их увеличилась, и любовь друг к другу при казалась к ним – да будет превознесён ют, кто соединяет сердца! И они поступали так, пока не приблизилось утро. И сон победил их, и каждый из них спал в своём месте, пока не настало утро. И тогда Ганим ибн Айюб встал и вышел на рынок и купил все нужное: еду, питьё, зелень, мясо и вино и прочее – и принёс это в дом и сел с нею есть.

И они ели, пока не насытились, а после этого он принёс вино, и они пили и играли друг с другом, пока их щеки не покраснели, а глаза не почернели. И в душе Ганима ибн Айюба появилось желание поцеловать девушку и проспать с нею, и он сказал ей: «О госпожа, разреши мне один поцелуй с твоих уст, – может быть, он охладит огонь моего сердца». – «О Ганим, – сказала она, – потерпи, пока я напьюсь и исчезну из мира, и возьми от меня поцелуй тайно, чтобы я не узнала, что ты поцеловал меня». И она поднялась на ноги и сняла часть своей одежды и осталась сидеть в тонкой рубашке и шёлковом платке, и тогда страсть Ганима зашевелилась, и он спросил: «О госпожа, не разрешишь ли ты мне то, о чем я тебя просил?» – «Клянусь Аллахом, – отвечала она, – тебе это не годится, так как на перевязи моей одежды написаны тяжёлые слова». И сердце Ганима ибн Айюба разбилось, и его страсть усилилась, когда желаемое стало трудно достижимым, и он произнёс:

⁷⁶ Этими словами выражается безусловное повиновение.

«Просил я ту, по ком болел,
Одним лобзаньем боль унять.
«Нет, нет, – сказала, – никогда!»
Но я ответил ей: «Да, да!»

Она: «Охотою возьми,
Законным правом и смеясь».
«Насильно?» – я спросил, она ж
Сказала: «Нет, как щедрый дар».

Не спрашивай, что было, ты!
Аллах простит тебе, и все.
О нас что хочешь думай ты, –
Любовь от мыслей злых нежней,
И нету дела мне потом,
Открыл ли это враг, иль скрыл».

И после этого его любовь увеличилась, и огни вспыхнули в его сердце. Вот! А она защищалась от него и говорила: «Нет тебе ко мне доступа!» И они проводили время в любви и застольной беседе, и Ганим ибн Айюб потонул в море любовного безумия, она же стала ещё сильнее упорствовать и чиниться, пока не пришла ночь с её мраком и не опустила на них полы сна.

И Ганим встал и зажёл светильники и засветил свечи и обновил трапезу и зелень и, взяв ноги девушки, стал целовать их и нашёл, что они подобны свежему сливочному маслу. И он потёрся о них лицом и сказал: «О госпожа моя, сжался над пленником твоей любви, убитым твоими глазами! Моё сердце было бы невредимо, если бы не ты!» После этого он немного поплакал, и она сказала ему: «О господин мой и свет моих глаз, клянусь Аллахом, я люблю тебя и доверяю тебе, но я знаю, что ты меня не достигнешь». – «А в чем же препятствие?» – спросил он, и она сказала: «Сегодня ночью я расскажу тебе мою историю, и ты примешь мои извинения».

Потом она бросилась к нему и обвила его шею и поцеловала его и стала его уговаривать и обещала ему единение. И они до тех пор играли и смеялись, пока любовь друг к другу не овладела ими. И они продолжали пребывать в таком положении и каждую ночь спали на одной постели, но всякий раз, как Ганим требовал от неё единения, она сопротивлялась ему в течение целого месяца.

И сердцем каждого из них овладела любовь к другому, и у них не осталось терпения быть друг без друга, и когда наступила некая ночь из ночей, Ганим спал вместе с ней, и оба были опьянены. Он протянул руку к её телу и погладил его, а затем он провёл рукой по её животу и спустился до пупка, и тогда она пробудилась, и села прямо, и осмотрела свои одежды, и, увидев, что они завязаны, снова заснула. И Ганим погладил её рукой и спустился к её шальварам и перевязи и потянул её, и тогда девушка проснулась и села прямо, и Ганим сел рядом с ней, и она спросила его: «Чего это ты хочешь?» – «Я хочу с тобой поспать и чтобы мы насладились», – отвечал Ганим, и она сказала ему: «Теперь я объясню тебе моё дело, чтобы ты знал мой сан и тебе открылась моя тайна и стали явными мои оправдания». – «Хорошо», – отвечал Ганим. И тогда она разорвала подол своей рубашки и, протянув руку к перевязи, стягивавшей её одежду, сказала ему: «О господин, прочитай, что написано по краям этой перевязи». И Ганим взял перевязь в руку и взглянул на неё и увидел, что на ней вышито золотом: «Я твоя, а ты мой, о потомок дяди пророка!»⁷⁷ И, прочтя это, он опустил

⁷⁷ Дядя пророка – аль-Аббас ибн Абд-аль-Мутталиб – дядя пророка Мухаммеда, родоначальник династии Аббасидов, правившей восточным халифатом с 750 года до взятия Багдада монголами в 1258 году. Харун ар-Рашид был пятым халифом этой династии.

руку и сказал девушке: «Открой мне твоё дело!» И она отвечала: «Хорошо! Знай, что я наложница повелителя правоверных и моё имя Куталь-Кулуб. Повелитель правоверных воспитал меня в своём дворце, и я выросла, и халиф увидел мои качества, и красоту, и прелесть, которую даровал мне господь, и полюбил меня сильной любовью.

И он взял меня и поселил в отдельном помещении и назначил десять невольниц прислуживать мне, и подарил мне эти украшения, которые ты видишь на мне. И в один из дней халиф отправился в какую-то страну, и Ситт Зубейда⁷⁸ пришла к одной из невольниц, служивших мне, и сказала: «До тебя есть нужда». – «Л какая, о госпожа?» – спросила девушка, и Ситт Зубейда сказала: «Когда твоя госпожа Кут-аль-Кулуб заснёт, по ложи этот кусок банджа ей в ноздри или в её питьё и тебе будет от меня достаточно денег».

И невольница отвечала ей: «С любовью и охотой!» – и взяла от неё бандж, радуясь обещанным деньгам. Она была сначала невольницей Ситт Зубейды, а затем пришла ко мне и положила бандж в моё питьё. И когда настала ночь, я выпила его, и, как только бандж утвердился во мне, я упала на землю, и моя голова оказалась у моих ног, и я не успела опомниться, как уже оказалась в другом мире. А Ситт Зубейда, когда удалась её хитрость, положила меня в этот сундук и, тайно призвав негров, подкупила их так же, как и привратников, и отослала негров со мною в ту ночь, когда ты спал на пальме. И они сделали со мною то, что ты видел, и моё спасение пришло от тебя. Ты принёс меня в это место и оказал мне крайнюю милость. Вот моя повесть и мой рассказ, и я не знаю, что произошло с халифом в моё отсутствие. Знай же мой сан и не объявляй о моем деле».

И когда Ганим ибн Айюб услышал слова Кут-аль-Кулуб и убедился, что она наложница повелителя правоверных, он отодвинулся от неё, и его охватило почтение к сану халифа, и он сидел один, упрекая себя и раздумывая о своём деле и призывая своё сердце к терпению. Я он пребывал в растерянности, влюблённый в ту, до кого ему не было доступа, и плакал от сильной страсти, сетуя на пристрастие судьбы и её враждебность. (Да будет превознесён тот, кто занял сердце мыслью о любви и любимой!) И он произнёс:

«Знай – сердце влюблённого бранят за любимых,
И ум похищен его их прелестью дивной.
Спросили меня: «Каков вкус страсти?» – и молвил я»
«Сладка хоть любовь, но в ней таится мученье».

И тогда Кут-аль-Кулуб поднялась к нему и обняла его и поцеловала, и любовь к нему овладела её сердцем, и она открыла ему свою тайну, какова её любовь к нему и обвила руками шею Ганима и целовала его, но он защищался от неё, боясь халифа. И они поговорили некоторое время, утопая в море любви друг и другу, а когда взошёл день, Ганим поднялся и надел свои одежды и вышел, как обычно, на рынок. И он взял все, что было нужно, и вернулся домой и нашёл Кут-аль-Кулуб плачущей, но, увидев его, она перестала плакать, и улыбнулась, и сказала: «Ты заставил меня тосковать, о возлюбленный моего сердца! Клянусь Аллахом, этот час, когда ты отсутствовал, был точно год из-за разлуки с тобой! Вот я изъяснила тебе, каково моё состояние от сильной любви к тебе; подойди же теперь ко мне, оставь то, что было, и удовлетвори своё желание со мной». – «Прибегаю к защите Аллаха! – воскликнул Ганим, – этого не будет! Как сидеть собаке на месте льва! То, что принадлежит господину, для раба запрещено!»

И он вырвался от неё и сел подальше, на циновку, а она ещё больше полюбила его из-за его сопротивления. А потом она села с ним рядом и стала пить и играть с ним, и он опьянел, и девушка обезумела от желания принадлежать ему. И она запела и произнесла:

«Душа того, кто пленён любовью, терзается,

⁷⁸ Ситт Зубейда – любимая жена Харуна ар-Рашида.

Так доколе будешь вдали держаться, доколе же?
О ты, кто лик отвращаешь свои, хоть невинна я,
Ведь газель посмотрит всегда назад, убегая вдаль.

Отдаление и всегда разлука и вечно даль –
Ведь снести все это не может сразу юноша».

И Ганим ибн Айюб заплакал, и она заплакала из-за его плача, и они не переставали пить до ночи, а потом Ганим поднялся и постелил две постели, каждую в отдельном месте.

И Кут-аль-Кулуб спросила его: «Для кого эта вторая постель?» И он отвечал ей: «Эта – для меня, а другая – для тебя. С сегодняшней ночи мы будем спать только таким образом, ибо то, что принадлежит господину, для раба запрещено». – «О господин, – сказала она, – избавь нас от этого; все течёт по решению и предопределению». Но Ганим отказался, и огонь вспыхнул в сердце Кут-аль-Кулуб, и её страсть увеличилась, и она уцепилась за него и воскликнула: «Клянусь Аллахом, мы будем спать только вместе!» Но он отвечал: «Сохрани Аллах!» И одержал над ней верх и проспал один до утра, а Кут-аль-Кулуб испытывала великую любовь, и её страсть, влечение и влюблённость усилились.

И так они провели три долгих месяца, и всякий раз, как она приближалась к нему, он сопротивлялся ей и говорил: «То, что принадлежит господину, для раба запрещено!» Так продолжались для неё эти отсрочки с Ганимом, влюблённым, похищенным любовью, и её горести и печали увеличились, она произнесла, утомлённая дутою, такие стихи:

«Надолго ль, чудо прелести, жестокость?
Кто побудил тебя лик отвратить свой?
Все свойства прелести в себе собрал ты
И все виды красот себе присвоил.

Направил страсть ко всякому ты сердцу,
Но веки ты вручил ночному бдению.
Я знаю, плод с ветвей срывали прежде,
Но вижу, ветвь арака⁷⁹ нас сорвёшь ты.

Ловил обычно я газелей юных,
Но вижу, сам ты щитоносцев ловишь.
Всего страннее, – о, тебе скажу я, –
Что очарован я, а ты не знаешь.

Не будь же щедр на близость: я ревную
Тебя к тебе же, а к себе – тем паче.
И не скажу, куда жив, тебе я:
«Надолго ль, чудо прелести, жестокость?»

И они провели некоторое время в таком положении, и страх удерживал Ганима от девушки, и вот что было с Гатимом ибн Айюбом, влюблённым, похищенным любовью.

Что же касается Ситт Зубейды, то она, сделав с Кут-аль-Кулуб в отсутствие халифа такое дело, впала в смущение и стала говорить: «Что я скажу халифу, когда он приедет и спросит о ней, и каков будет мой ответ ему?» И она позвала старуху, бывшую у неё, и посвятила её в свою тайну и спросила её: «Что мне делать, раз с Кут-аль-Кулуб была

⁷⁹ Игра слов, основанная на одинаковом звучании слова «арака», которое переводится и как «я тебя вижу» и как название растения.

допущена крайность?» И старуха, поняв положение, ответила ей: «Знай, о госпожа, что приезд халифа близок, но пошли за плотником и вели ему сделать для тебя изображение мёртвой из дерева, и мы выроем могилу посреди дворца и похороним её. А ты построй над могилой часовню, где мы зажжём свечи и светильники, и прикажем всем, кто есть во дворце, одеться в чёрное. И вели твоим невольницам и евнухам, чтобы они, когда узнают, что халиф вернулся из путешествия, разостлали в проходах солому, а когда халиф войдёт и спросит, в чем дело, ему скажут: „Кут-аль-Кулуб умерла, – да увеличит Аллах воздаяние тебе за неё, – и она так дорога её госпоже, что та похоронила её в своём дворце“. И, услышав это, халиф заплачет, и ему станет тяжело, и он устроит по ней чтения и будет не спать ночей у её могилы, а если он подумает: „Дочь моего дяди, Зубейда, из ревности постаралась сгубить Кут-аль-Кулуб“, или им овладеет страсть, и он велит вынуть её из могилы, не пугайся этого: когда могилу разроют и обнаружат это изображение, подобное человеку, халиф увидит её, завернутую в роскошные пелены, но если он захочет снять с неё эти пелены, чтобы посмотреть на неё – удержи его от этого, и другие тоже будут его удерживать и скажут: „Видеть её срамоту запрещено!“ И тогда халиф поверит, что она умерла, и положит её обратно, и отблагодарит тебя за твой поступок, и ты освободишься, если захочет Аллах великий, из этой западни».

И, услышав слова старухи, Ситт Зубейда нашла их правильными и наградила старуху одеждой и велела ей так и сделать, дав ей сначала много денег. И старуха тотчас же принялась за дело и велела плотнику изготовить такое изображение, как мы упомянули. И когда изображение было готово, она принесла его Ситт Зубейде, и та завернула его в саван и похоронила и зажгла свечи и светильники и разостлала ковры вокруг могилы и оделась в чёрное и приказала рабыням также надеть чёрные одежды, и во дворце распространилась весть, что Кут-аль-Кулуб умерла.

А через некоторое время халиф вернулся и вошёл во дворец, и ему ни до чего не было дела, кроме Кут-аль-Кулуб. И он увидал, что слуги, евнухи и невольницы одеты в чёрное, и сердце халифа задрожало. А войдя во дворец, к Ситт Зубейде, он увидел, что и она одета в чёрное, и тогда халиф спросил, в чем дело, и ему рассказали о смерти Кут-аль-Кулуб, и он упал, потеряв сознание. А очнувшись, он спросил, где её могила, и Ситт Зубейда сказала ему: «Знай, повелитель правоверных, она была мне так дорога, что я похоронила её во дворце». И тогда халиф, в дорожной одежде, пошёл к могиле Кут-аль-Кулуб, чтобы навестить её, и увидал, что разостланы ковры и горят свечи и светильники. И, увидев это, он поблагодарил Ситт Зубейду за её поступок, но не знал, что думать об этом деле, и то верил, то не верил. А когда беспокойство овладело им, он приказал раскопать могилу и извлёк оттуда погребённую. И, увидав саван, он хотел его развернуть, чтобы посмотреть на неё, но побоялся Аллаха великого, и старуха сказала: «Положите её на место!» И после этого халиф сейчас же велел привести законовевов и чтецов и устроил над её могилой чтения и сидел подле могилы плача, пока не лишился чувств. И он сидел у её могилы целый месяц...

И Шахразду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Сорок вторая ночь

Когда же настала сорок вторая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что халиф не переставал приходить к могиле в течение месяца. И случилось так, что халиф вошёл в гарем, когда эмиры и везири разошлись по домам, и проспал немного, и у него в головах сидела невольница и обмахивала его опахалом, а другая невольница, у его ног, растирала их. И халиф спал и проснулся и открыл глаза и зажмурил их и услышал, как та невольница, что сидела в головах, сказал невольнице, бывшей у ног: „Послушай-ка, Хайзуран!“ И та ответила: „Да, Кадыб-аль-Бан!“ И первая сказала: „Наш господин не ведает, что случилось, он не спит, проводя ночи у гроба, где ничего нет, кроме обструганной деревяшки, которую сделал плотник“. – „А Кут-аль-Кулуб, что же с ней случилось?“ –

спросила другая. И первая девушка сказала ей: „Знай, что Ситт Зубейда послала с невольницей кусок банджа и одурманила Кут-аль-Кулуб. Когда бандж овладел ею, Ситт Зубейда положила её в сундук и велела Сауabu и Кафуру вынести его из гробницы“. И вторая невольница спросила: „Послушай, Кадыб-аль-Бан, разве госпожа Кут-аль-Кулуб не умерла?“ – „Нет, клянусь Аллахом, – да сохранит он её юность от смерти! – отвечала невольница. – Я слышала, как Ситт Зубейда говорила, что Кут-аль-Кулуб у одного юноши, купца, по имени Ганим ибн Айюб Дамасский, и что с сегодняшним днём она у него четыре месяца. А наш господин плачет и не спит ночей над гробом, в котором ничего нет“.

И они ещё долго говорили об этом, и халиф слушал их, а когда невольницы окончили разговор, халиф узнал все: и то, что могила поддельная, не настоящая, и то, что Кут-аль-Кулуб уже четыре месяца у Ганима ибн Айюба.

И халиф разгневался великим гневом и поднялся и вошёл к эмирам своего царства, и тогда Джафар Бармакид приблизился к нему и поцеловал перед ним землю, а халиф с гневом сказал ему: «Джафар, ступай с людьми и спроси, где дом Ганима ибн Айюба. Общайте его дом и приведите ко мне мою невольницу Кут-аль-Кулуб. Я непременно подвергну его пытке!» И Джафар отвечал вниманием и повиновением. И тогда Джафар отправился с толпою народа, и вали вместе с ним, и они шли до тех пор, пока не пришли к дому Ганима.

Ганим в это время выходил, чтобы принести котелок мяса, и протянул руку, чтобы съесть мясо вместе с Куталь-Кулуб, но девушка бросила взгляд и увидела, что беда окружила их дом со всех сторон. Везирь, вали, стражники и невольники с обнажёнными мечами, вынутыми из ножен, окружили его, как белое в глазу окружает чёрное. И тогда она поняла, что весть о ней дошла до халифа, её господина, и убедилась в своей гибели, и лицо её пожелтело, и прелести её изменились, и она посмотрела на Ганима и сказала ему: «О мой любимый, спасай свою душу!» – «Как мне поступить и куда я пойду, когда моё имущество и достаток в этом доме?» – отвечал Ганим; и она сказала: «Не медли, чтобы ты не погиб и не пропали твои деньги». – «О возлюбленная, о свет моего глаза, – отвечал Ганим, – как мне сделать, чтобы выйти, когда дом окружён?» И Кут-аль-Кулуб сказала ему: «Не бойся!» И, сняв с него платье, надела на него поношенную одежду и, принеся котелок, где было мясо, положила туда кусок хлеба и чашку с кушаньем и все это сложила в корзину, которую поставила Ганиму на голову, и сказала ему: «Выйди с помощью этой хитрости и не бойся за меня. Я знаю, насколько халиф у меня в руках». И, услышав слова Кут-аль-Кулуб и то, что она ему посоветовала, Ганим прошёл среди людей, неся корзину и то, что было в ней. И покровитель покрыв его, и он спасся от козней и бедствий, охраняемый своими чистыми намерениями.

А везирь Джафар, прибыв к дому, сошёл с коня и вошёл в дом и взглянул на Кут-аль-Кулуб, которая уже украсилась и разубралась и приготовила сундук золота, украшений, самоцветов и редкостей из того, что легко весом, но дорого по цене. И когда Джафар вошёл к ней и увидел её, она поднялась на ноги и поцеловала землю меж его рук и сказала ему: «О господин мой, издревле начертал калам то, что судил Аллах». И, увидев это, Джафар сказал ей: «Клянусь Аллахом, о госпожа, он поручил мне лишь схватить Ганима ибн Айюба». – «О господин, – отвечала она, – он собрал товары и отправился с ними в Дамаск, и я не имею о нем вестей. Я хочу, чтобы ты сохранил мне этот сундук; отвези его и отдай мне во дворце халифа». И Джафар отвечал: «Слушаю и повинуюсь». И он взял сундук и приказал отнести его. Кут-аль-Кулуб отправилась с ними во дворец халифа, окружённая уважением и почётом, и это было после того, как разграбили дом Ганима.

И Джафар рассказал халифу обо всем, что случилось, и халиф приказал отвести Кут-аль-Кулуб в тёмное помещение и поселил её там, приставив к ней одну старуху, чтобы исполнять её нужды, так как он думал, что Ганим развратничал с нею и делил с ней ложе. А потом халиф написал эмиру Мухаммеду ибн Сулейману аз-Зейни (а он был наместником в Дамаске) приказ такого содержания: «В час прибытия этого приказа ты схватишь Ганима ибн Айюба и пришлешь его ко мне». И когда приказ прибыл к эмиру, тот поцеловал его и приложил к своей голове, а затем он велел кричать на рынках: «Кто хочет пограбить, пусть

отправляется к дому Ганима ибн Айюба!» И люди пошли к дому и увидели, что мать Ганима и его сестра сделали ему могилу посреди дома и сидят возле неё, плача о нем. И их схватили и разграбили дом, а женщины не знали, в чем дело. И когда их привели к султану, тот спросил их о Ганиме, и они ответили: «Уже год или больше, как мы не можем ничего узнать о нем». И султан вернул их на прежнее место. Вот что было с ними.

Что же касается Ганима ибн Айюба, порабощённого, похищенного, то когда его имущество было разграблено, он осмотрел своё состояние и начал оплакивать себя так, что его сердце чуть не разорвалось от горя. Он вышел и шёл наугад до конца дня (а его голод усилился и ходьба утомила). Достигши какого-то селения, Ганим вошёл в него и направился в мечеть и, сев на циновку, прислонился спиной к стене и откинулся, будучи до крайности голоден и утомлён. И он пребывал так до утра, а сердце его еле билось от голода, и вши бегали по его потному телу. И от него стало дурно пахнуть, и его состояние ухудшилось.

Утром жители этого селения пришли совершить молитву и нашли Ганима, который лежал слабый и похудевший от голода, но на нем были явные следы бывшего богатства. И когда люди помолились и подошли к нему, они увидели, что он холодный и голодный, и дали ему старую одежду, у которой обносились рукава, и сказали: «О чужеземец, откуда ты будешь родом и какова причина твоей болезни?» И Ганим открыл глаза и заплакал, но не ответил им. И один из них ушёл (он понял, что Ганим голоден) и принёс ему чашку меду и пару лепёшек, и Ганим немного поел, а люди посидели у него, пока не взошло солнце, и ушли по своим делам. И он пребывал в таком положении месяц, оставаясь у них, и его слабость и болезнь увеличились, и люди плакали о нем и жалели его, и, посоветовавшись между собой, они сошлись на том, чтобы доставить его в больницу, которая в Багдаде. И пока это было так, вдруг подошли к Ганиму две женщины, нищенки (а это были его мать и сестра), и, увидав их, он отдал им хлеб, лежавший у его изголовья, и они проспали подле него эту ночь, а он так и не узнал их.

А когда наступил следующий день, жители селения пришли к нему и привели для него верблюда и сказали верблюжатнику: «Свези этого больного на верблюде, а когда достигнешь Багдада, положи его в воротах больницы: быть может, он исцелится и выздоровеет, а тебе достанется небесная награда».

И верблюжатник отвечал: «Внимание и повиновение!» И после этого Ганима ибн Айюба вынесли из мечети вместе с циновкой, на которой он лежал, и положили на верблюда. И его мать и сестра пришли посмотреть на него в числе прочих людей, не узнавая его, но потом они взглянули на него и всмотрелись внимательно и сказали: «Он похож на Ганима, нашего сына. Посмотреть бы, он ли этот больной, или нет».

А что до Ганима, так он очнулся только тогда, когда его везли на верблюде, привязанным верёвкой, и стал плакать и жаловаться, а жители селения смотрели на его мать и сестру, которые плакали о нем, не узнавая его. Мать и сестра Ганима продолжали свой путь и достигли Багдада, а верблюжатник вёз его до тех пор, пока не положил у ворот больницы, а потом он взял своего верблюда и уехал. И Ганим лежал у ворот до самого утра. И когда народ начал ходить по дороге, его увидели (а он стал тонок, как зубочистка), и люди смотрели на него. И пришёл староста рынка и отстранил от него людей и сказал: «Я стяжаю рай благодаря этому бедняге, ведь когда его снесут в больницу, его убьют в один день».

И он велел своим молодцам отнести Ганима, и его снесли в его дом, и староста постлал ему новую постель и положил новую подушку и сказал своей жене: «Ходи за ним хорошенько!» И она отвечала: «Хорошо, слушаю!» А затем она подобрала полы своей одежды, и согрела воды и вымыла Ганима и надела на него рубаху из рубах её невольниц и дала ему выпить чашку питья и брызнула на него розовой водой, и тогда Ганим очнулся и жалобно застонал – он вспомнил свою возлюбленную Куталь-Кулуб, – и его горести увеличились. Вот что было с ним. Что же касается Кут-аль-Кулуб, то когда халиф разгневался на неё...

И Шахразиду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Сорок третья ночь

Когда же настала сорок третья она сказала: «Дошло до меня, о ночь счастливый царь, что Кут-аль-Кулуб, когда халиф разгневался на неё и поселил её в тёмном месте, провела в таком положении восемьдесят дней. И случилось так, что в какой-то день халиф проходил мимо этого помещения и услышал, как Кут-аль-Кулуб произносит стихи, а окончив своё стихотворение, она сказала: „О мой любимый, о Ганим, как ты прекрасен и как воздержна твоя душа. Ты поступил хорошо с тем, кто был злодеем, и охранял честь того, кто погубил твою честь. Ты охранял его гарем, а он захватил тебя и захватил твоих близких, но неизбежно и тебе и повелителю правоверных встать перед праведным судьёй, и тебе будет оказана против него справедливость в тот день, когда будет судьёю владыка, – величие и слава ему, – а свидетелями будут ангелы“.

И когда халиф услышал её слова и уразумел её сетованья, он понял, что Кут-аль-Кулуб обижена, и вошёл в свой дворец и послал за нею Масрура, евнуха, и она явилась перед ним, понунив голову, с плачущим оком и печальным сердцем. И халиф сказал ей: «О Кут-аль-Кулуб, я вижу, ты жалуешься на меня и приписываешь мне несправедливость и утверждаешь, что я дурно поступил с тем, что хорошо поступил со мною. Кто же тот, кто охранил мою честь, а и подверг его честь позору, я кто охранил мой гарем, а я его гарем похитил?» – «Это Ганим ибн Айюб, он не приблизился ко мне с мерзостью или злом, клянусь тебе, о повелитель правоверных», – отвечала она. И халиф воскликнул: «Нет мощи и силы, кроме как у Аллаха! Пожелай от меня, Кут-аль-Кулуб, и ты получишь!» – «Я желаю от тебя моего любимого, Ганима ибн Айюба», – сказала Кут-аль-Кулуб.

И халиф подчинился её желанию, а она добавила: «И когда он явится, о повелитель правоверных, подари ему меня». – «Если он явится, я дам ему тебя в подарок от благородного, который не берет обратно дары», – отвечал халиф; и девушка сказала: «О повелитель правоверных, позволь мне поискать его, быть может, Аллах соединит меня с ним». И халиф промолвил: «Делай, что вздумает!» И Кут-аль-Кулуб обрадовалась и вышла, захватив с собою тысячу динаров золотом, и посетила шейхов и раздала за Ганима милостыню, а на второй день она пошла на рынок купцов и осведомила старосту рынка и дала ему денег, сказав: «Раздай их чужеземцам!» – и ушла.

А в следующую пятницу она пошла на рынок, взяв с собою тысячу динаров, и, придя на рынок золотых дел мастеров и торговцев драгоценностями, она позвала старосту и, когда тот явился, дала ему тысячу динаров и сказала: «Раздай их чужеземцам».

И надзиратель, то есть староста рынка, посмотрел на неё и спросил: «О госпожа, не согласишься ли ты пойти со мною в мой дом и посмотреть на того чужеземцаюношу, как он прекрасен и совершенен?» (А это был Ганим ибн Айюб, влюблённый, похищенный любовью, но надзиратель не знал его и думал, что это бедный человек, имеющий долги, чьё богатство расхищено, или влюблённый, расставшийся с любимыми.) И когда Кут-аль-Кулуб услышала его слова, её сердце затрепетало, и все внутри у неё заволновалось, и она сказала: «Пошли со мною кого-нибудь, кто бы доставил меня к твоему дому». И староста послал с нею маленького мальчика, который привёл её к тому дому, где был чужеземец, гость старосты. И Кут-аль-Кулуб поблагодарила его за это и, придя к дому, вошла в него и поздоровалась с женой старосты, и жена старосты поднялась и поцеловала перед нею землю, так как она узнала её.

И Кут-аль-Кулуб спросила: «Где больной, который у тебя?» И женщина заплакала и сказала: «Вот он, о госпожа! Клянусь Аллахом, он сын родовитых людей и на нем следы благосостояния; вот он, на постели». И Куталь-Кулуб повернулась и взглянула на него и увидела, что это как будто он самый, но она увидала, что он совершенно изменился и сильно похудел и отошал, так что сделался, как зубочистка.

И её охватило сомнение насчёт него, и она не была уверена, что это он, но её взяла жалость к нему, и она Заплакала и сказала: «Поистине, чужеземцы несчастны, даже если они

были эмирами в своей стране!» И ей стало тяжело из-за него; хотя она не знала, что это Ганим, сердце её из-за него болело. Она приготовила больному питьё и лекарство и посидела немного у его изголовья, а потом она уехала и отправилась во дворец.

И она стала ездить по всем рынкам, ища Ганима, а потом староста привёл его мать и сестру Фитну и вошёл с ними к Кут-аль-Кулуб и сказал: «О госпожа благодетельниц, в ваш город пришли в сегодняшний день одна женщина и её дочь; их лица прекрасны, и на них следы благосостояния, и бывшее счастье их ясно видно, но только они одеты в волосяную одежду, и у каждой из них висит на шее мешок, и глаза их плачут, и их сердца печальны. И вот я привёл их к тебе, чтобы ты их приютила и охранила от нищеты, так как они не достойны нищенства. И мы, если захочет Аллах, войдём из-за них в рай». – «Клянусь Аллахом, господин мой, ты внушил мне желание увидеть их. Где же они? – спросила Кут-аль-Кулуб. Ко мне их!» – сказала она старосте, и тот велел евнуху ввести женщин. И тогда Фитна и её мать вошли к Кут-аль-Кулуб.

И, увидев их (а они были прекрасны), она заплакала и воскликнула: «Клянусь Аллахом, это дети благосостояния, на них ясно видны следы богатства!»

И тут жена старосты сказала: «О госпожа, мы любим бедных и несчастных ради небесной награды, а этих, может быть, обидели стражники и отобрали их богатство и разрушили их жилище». И несчастные разразились сильным плачем и подумали о том, как они были богаты и как стали бедны и печальны, и вспомнили Ганима ибн Айюба, влюблённого, похищенного любовью, и, когда они заплакали, Кут-аль-Кулуб заплакала вместе с ними. И они сказали: «Просим Аллаха, чтобы он нас свёл с тем, с кем мы хотим, это мой сын, чьё имя Ганим ибн Айюб». И, услышав эти слова, Кут-аль-Кулуб поняла, что эта женщина – мать её возлюбленного, а другая – его сестра. И она заплакала так, что лишилась чувств, а очнувшись, она обратилась к женщинам и сказала: «С вами не будет беды! Сегодняшний день – начало вашего счастья и конец вашего несчастья, – не печальтесь же...»

И Шахразяду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Сорок четвёртая ночь

Когда же настала сорок четвёртая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о Сорок четвёртая счастливый царь, что Кут-аль-Кулуб ночь сказал им: „Не печальтесь!“; а потом она велела старосте взять их к себе в дом и сказать жене, чтобы она свела их в баню и одела в хорошую одежду и заботилась о них и почитала их крайним почётом. И дала ему немного денег. А на другой день Кут-аль-Кулуб села и поехала к дому старосты и вошла к его жене, а та поднялась и поцеловала ей руки и поблагодарила её за милость. И Кут-аль-Кулуб увидела, что жена старост сводила мать Ганима и его сестру в баню и переменяла бывшую на них одежду, и следы благосостояния стали видны на них.

И она посидела, разговаривая с ними, некоторое время, а потом спросила жену старосты о больном, который у неё, и когда та ответила: «Он в том же положении», Кут-аль-Кулуб сказала: «Пойдёмте посмотрим на него и навестим его».

И она с женой старосты и мать с сестрой Ганима вошли к нему и сели подле него. И когда Ганим ибн Айюб, влюблённый, похищенный, услышал, что они упоминают о Кут-аль-Кулуб (а его тело стало худым и кости его размякли), дух вернулся к нему, и он поднял голову с подушки и позвал: «О Кут-аль-Кулуб!» И она посмотрела на него и вгляделась и узнала его и вскрикнула: «Да, о мой любимый!» И Ганим сказал ей: «Приблизься ко мне», а она спросила: «Быть может, ты Ганим ибн Айюб, порабощённый, похищенный?» И Ганим отвечал ей: «Да, это я», и тут она упала в обморок, а когда его сестра Фитна и его мать услышали их слова, они вскричали: «О радость!» – и упали без чувств.

А потом они очнулись, и Кут-аль-Кулуб сказала: «Слава Аллаху, который свёл нас с тобой и с твоей матерью и сестрой!» – и подошла к нему и рассказала обо всем, что

случилось у неё с халифом.

«Я открыла правду повелителю правоверных, и он поверил моим словам и простил тебя, и в сегодняшний день он желает тебя видеть, – сказала она и добавила: – Он подарил меня тебе». И Ганим до крайности обрадовался этому. И Кут-аль-Кулуб сказала им: «Не двигайтесь, пока я не приду», – и тотчас же, в ту же минуту, поднялась и отправилась во дворец и привезла сундук, который она взяла из дома Ганима, и, вынув оттуда несколько динаров, дала их старосте и сказала: «Возьми эти деньги и купи для каждого из этих людей по четыре полных одежды из лучшей материи и двадцать платков и прочее, что им нужно». А потом она отвела их и Ганима в баню и велела их вымыть и приготовила им отвары и сок калгана и яблочной воды, когда они вышли из бани и надели одежды. И она провела у них три дня, кормя их куриным мясом с отварами и поя их водою с очищенным сахаром, а через три дня душа вернулась к ним, и она свела их в баню вторично и, когда они вышли, переменяла на них одежду и оставила их в доме старосты, а сама уехала во дворец.

И она попросила у халифа разрешения войти, и халиф позволил ей, и, войдя, она поцеловала перед ним землю и осведомила его об этом деле и о том, что появился её господин, Ганим ибн Айюб, влюблённый, похищенный, и его мать и сестра тоже явились.

И, услышав слова Кут-аль-Кулуб, халиф сказал евнухам: «Ко мне с Ганимом!» И Джафар отправился к нему, а Кут-аль-Кулуб опередила его и, войдя к Ганиму, сказала ему: «Халиф послал к тебе и требует тебя пред лицо своё». И она научила его быть красноречивым в речах и укрепить свою душу и говорить мягко, и одела его в роскошное платье и дала ему динары во множестве и сказала: «Будь очень щедр к приближённым халифа, когда будешь входить к нему».

И вдруг Джафар приблизился к нему на своём нубийском муле, и Ганим поднялся и встретил его и приветствовал и поцеловал перед ним землю, и звезда его счастья появилась и засияла. И Джафар взял его, и они долго ехали, он и Джафар, пока не вошли к повелителю правоверных. И когда они предстали перед ним, Ганим взглянул на везирей, эмиров» придворных, наместников, вельмож правления и обладателей могущества и высказался нежно и красноречиво, а затем он взглянул на халифа и, склонив голову к земле, произнёс такие стихи:

«Да будешь жив, о владыка высший саном,
Чьих подарков ряд и даров течёт чредою!
Не хотят они никого другого из кесарей
Видеть в месте сём, ни владык дворца Хосроев⁸⁰,

И цари слагают в пыли порогов палат его,
При приветствии, драгоценные короны,
А когда посмотрят они глазами в лицо ему,
Припадают в страхе к земле они брадою.

И приносят им заодно с прощеньем хоромы те,
И высокий чин, и султана сан преславный.
Для войск твоих тесны пустыни и мир людей –
Так разбей же лагерь в высотах ты Сатурна.

Да хранит тебя повелитель всех своей силою –
Ты душою твёрд и в делах своих расчётлив.
И всю гладь земли ты покрыл справедливостью,

⁸⁰ Хосрой – имя двух персидских царей из династии Сасанидов (III-VII вв.). Легенда приписывает им огромное богатство и могущество. Великолепный дворец в городе Ктесифоне на берегах Тигра, построенный в III в., о котором здесь, говорится, арабы называют «дворцом Кисры», то есть Хосроя.

И равняешь ею и дальних ты и близких».

И когда он окончил свои стихи, халиф возвеселился, и ему понравилось красноречие языка Ганима и нежность его выражений...»

И Шахразад устала, и она прекратила дозволенные речи.

Сорок пятая ночь

Когда же настала сорок пятая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что халифу понравилось красноречие и стихи и нежность выражений Ганима, и он сказал ему: „Приблизься ко мне!“ И когда Ганим приблизился, халиф молвил: „Изъясни мне твою историю и осведоми меня о твоём деле“. И Ганим сел и рассказал халифу о том, что случилось с ним в Багдаде; как он спал в гробнице и взял сундук у негров, когда они ушли, и поведал ему обо всем, что случилось, с начала до конца, – а в повторении нет пользы.

Халиф, узнавши, что Ганим говорит правду, наградил его и приблизил к себе и сказал: «Очисти меня от ответственности!» И Ганим снял с него ответственность и сказал: «О владыка султан, поистине раб и то, чем владею и его руки, принадлежат господину его». И халиф возрадовался. А потом он велел отвести Ганиму дворец и назначил ему выдачи и жалованья и дары многие, и затем перевёл его туда и перевёл его сестру и мать. И халиф прослышал о сестре его, Фитне, что она по красоте – искушение, и посватал её у Ганима, а Ганим сказал ему: «Она твоя служанка, а я твой раб». И халиф поблагодарил его и дал ему сто тысяч динаров. И он вызвал свидетелей и судью, и обе записи написали в один день, то есть запись халифа и Фитны и запись Ганима ибн Айюба с Кут-аль-Кулуб. И халиф с Ганимом вошли к своим жёнам в одну и ту же ночь. А наутро халиф приказал занести в летопись все, что случилось с Ганимом по его рассказу, с начала до конца, и на вечные времена сохранить в казне, чтобы читал тот, кто придёт после него, и изумлялся бы превратностям судеб, и вручил бы дела свои творцу ночи и дня.

Но это несколько не удивительнее повести о царе Омаре ибн ан-Нумане и его сыне Шарр-Кане, и другом его сыне, Дау-аль-Макане, и о случившихся с ними чудесах и диковинах».

Повесть о царе Омаре ибн ан-Нумане и его сыне ШаррКане, и другом сыне Дау-аль Макане, и о случившихся с ними чудесах и диковинах (ночи 45-145)

А какова их повесть?» – спросил царь.

И Шахразада сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что был в городе Мира⁸¹, в славное халифство Абдаль-Мелика ибн Мервана, царь, которого звали Омар ибн ан-Нуман. Он был из великих властителей и покорил царей – Хосроев и кесарей⁸², и нельзя было греться у его огня⁸³. И не гонялся с ним никто на ристалище, и когда он был гневен, из ноздрей его вылетали искры. Он овладел всеми землями, и Аллах подчинил ему всех рабов своих, и веления его исполнялись во всех городах, а войска его достигли отдалённейших краёв. И вошли под власть его и восток и запад и то, что меж ними, – и Хинд, и Синд, и

⁸¹ Город Мира – Багдад. Здесь имеет место анахронизм, каких немало в книге «1001 ночи»: город Багдад был заложен в 762 г., то есть через 58 лет после смерти упоминаемого здесь халифа.

⁸² Хосрой и кесари – персидские и византийские правители.

⁸³ То есть никто не мог устоять против огня его ярости.

Китай; и земля аль-Хиджаз и страна аль-Пемен; и острова Индии и Китая; и страны севера; Диар-Бекр и земля Мерных и острова морей, и все, какие есть на земле, знаменитые реки, – Сейхун и Джейхун⁸⁴, Нил и Евфрат.

И он послал своих послов в отдалённые города, чтобы они принесли ему верные сведения, и они вернулись и рассказали о том, что там справедливость, повиновение и безопасность, и люди молятся за султана Омара ибн ан-Нумана. Вот! А Омар ибн ан-Нуман, о царь времени, обладал великою знатностью, и к нему везли дары и редкости и подать из всех мест.

И был у него сын, которого он назвал Шарр-Каном, и был он более всех людей похож на него, и вырос он как бедствие из бедствий судьбы, и покорял доблестных и уничтожал соперников. И отец полюбил его великою любовью, больше которой не бывает, и поручил ему царствовать после себя. И Шарр-Кан рос и достиг возраста мужей, и стало ему двадцать лет жизни, и Аллах подчинил ему всех рабов – такова была сила его ярости и суровости. А у отца его Омара ибн ан-Нумана было четыре жены, согласно Книге и установлениям⁸⁵, но только ему не было дано от них сына, кроме Шарр-Кана, который был от одной из них, а остальные были бесплодны, и ни от одной из них он не имел ребёнка.

А вместе с этим у него было триста шестьдесят наложниц, по числу дней в году у коптов⁸⁶, и эти наложницы были из всех народов, и он устроил для каждой из них комнату (а эти комнаты были внутри дворца), и выстроил двенадцать дворцов, по числу месяцев в году, и сделал в каждом дворце тридцать комнат, так что всех комнат стало триста шестьдесят. И он поселил этих невольниц в тех комнатах и назначил каждой из наложниц одну ночь, которую он проводил у неё, и он приходил к ней только через целый год, и так он провёл некоторое время.

И его сын Шарр-Кан прославился во всех странах, и отец его радовался ему, и сила его увеличилась, и он преступил границы и возгордился и завоевал крепости и земли. И по предопределённому велению было так, что одна невольница из невольниц Омара ибн ан-Нумана понесла. И тягота её стала известна, и царь узнал об этом и обрадовался великою радостью и сказал: «Быть может, будут все мои дети и моё потомство мужским!» И он отметил время, когда она понесла, и стал ей оказывать благоволение.

И Шарр-Кан узнал об этом и сделался озабочен, и ему показалось великим это дело, и он сказал: «Явится тот, то будет оспаривать у меня царство! Если эта невольница родит дитя мужского пола, я убью его». Но мысли эти он скрыл в своей душе. Вот что было с Шарр-Каном.

Что же касается невольницы, то это была румийка⁸⁷, и её прислал в подарок царь румов, властитель Кайсарки⁸⁸, и прислал вместе с нею редкости во множестве. А имя её было Суфия, и была она прекраснее всех невольниц и красивее их лицом, и она лучше их всех соблюдала свою честь и обладала в избытке умом и блестящею прелестью. И она прислуживала царю в ту ночь, которую он проводил у неё, и говорила ему: «О царь, я желала

⁸⁴ Хинд – Индия, Синд – область в нижнем течении реки Инда, Диар-Бекр – область и город на правом берегу Тигра; Земля Чёрных – Судан; Сейхун и Джейхун – Сыр-Дарья и Аму-Дарья.

⁸⁵ Книга – Коран; установления – Сунна (правила поведения, установленные на основании преданий о словах и делах пророка Мухаммеда).

⁸⁶ Коптами арабы нарывали исконных обитателей Египта.

⁸⁷ Румами в странах Ближнего Востока называли жителей Византии.

⁸⁸ Кайсария – под этим названием у арабов известно два города: в Каледине (в 126») г. он был взят мусульманами и разрушен) и в Малой Азии.

бы от господ небес, чтобы он тебя наделил от меня ребёнком мужского пола, и я могла бы хорошо воспитать его и старательно образовать и уберечь».

А царь радовался, и её слова нравились ему. И она поступала так, пока не исполнились её месяцы, и тогда она села на седалище родов, а во время беременности она была праведна и хорошо соблюдала благочестие и молила Аллаха, чтобы он наделил её здоровым ребёнком и облегчил ей роды, и Аллах принял её молитву. А царь поручил евнуху сообщить ему, кого она родит: дитя мужского пола или женского. И сын его Шарр-Кан также послал кого-то, чтобы осведомить его об этом.

И когда Суфия родила, повитухи осмотрели новорождённого, и оказалось, что эта девочка с лицом яснее месяца. И они сообщили о ней присутствующим, и посланец царя воротился и рассказал ему, и посланец Шарр-Кана тоже рассказал ему об этом, и тот обрадовался великою радостью. А когда евнухи ушли, Суфия сказала повитухам: «Подождите со мною немного, я чувствую во внутренностях ещё что-то другое!» И она застонала, и роды пришли к ней вторично, но Аллах помог ей, и она родила второго младенца, и, когда повитухи осмотрели его, они увидели, что это дитя мужского пола, похожее на луну, с сияющим лбом и румяными, розовыми щеками.

И невольница, и слуги, и челядь обрадовались ему, а также и все, кто присутствовал при этом, и Суфия выкинула послед, а во дворце уже поднялись крики радости, и остальные невольницы услышали и позавидовали ей.

И эта весть дошла до Омара ибн ан-Нумана, и он возвеселился и обрадовался и, поднявшись, вышел и поцеловал Суфию в голову и посмотрел на новорождённого, а затем он склонился над ним и поцеловал его. А невольницы забили в бубны и заиграли на инструментах, и царь повелел, чтобы новорождённого назвали Дау-альМакан, а сестру его – Нузхат-аз-Заман. И его приказанию последовали и ответили вниманием и повиновением, и царь назначил младенцам, чтобы ходить за ними, кормилиц, и слуг, и челядь, и нянек и установил им выдачи сахара, напитков, масел и прочего, что описать бессилён язык.

И жители Багдада услышали о том, какими наделил Аллах паря детьми, и город украсился, и стали бить в литавры, и эмиры, везири и вельможи царства пришли и поздравили царя Омара ибн ан-Нумана с сыном Дау-аль-Маканом и дочерью Нузхат-аз-Заман. И царь благодарил их за это и наградил их и умножил им свои милости, одаряя их, и облагодетельствовал присутствующих, приближённых и простых. И в таком положении он пребывал, пока не прошло четыре года, и через каждые несколько дней он спрашивал о Суфии и её детях, а после четырех лет он приказал перенести к ней множество драгоценностей, одежд и украшений и денег и поручил ей воспитать детей и хорошо обучить их.

И при всем этом царевич Шарр-Кан не знал, что его отцу Омару ибн ан-Нуману было дано дитя мужского пола, и не ведал, что у его отца есть ребёнок, кроме Нузхат-аз-Заман, и от него скрывали сведения о Дау-аль-Макане, пока не прошли года и дни, а он был занят битвами с храбрецами и поединками с витязями. И вот в один из дней царь Омар ибн ан-Нуман сидит, и к нему входят придворные и, целуя землю меж его рук, говорят ему: «О царь, к нам пришли послы от царя румов, властителя Кустантынии великой⁸⁹, и они желают войти к тебе и предстать меж твоих рук. И если царь разрешит им войти, мы введём их, а иначе – нет возражения его приказу».

И царь разрешил им сойти, и когда они вошли, склонился к ним и встретил их и спросил, кто они и какова причина их прибытия, и гонцы поцеловали землю меж его рук и сказали: «О великий царь, щедрый на руку, Знай, что нас послал к тебе царь Афридун, властитель стран греческих и войск христианских, пребывающий в царстве аль-Кустантынии. Он извещает тебя, что ныне он ведёт жестокую войну с упорным гордецом – властителем Кайсарии, и причина этому в том, что одному из царей арабов случилось в

⁸⁹ Кустантыния великая – Константинополь.

древние времена, в один из своих походов, найти клад времён аль-Искандера⁹⁰, и он перевёз оттуда богатства неисчислимые, и среди того, что он нашёл, было три круглых драгоценных камня, величиною с яйцо страуса, и были они из россыпи белых, чистых камней, которым не найти равных. И на каждом камне были вырезаны греческими письменами дела тайные и им присущи многие полезные свойства и особенности, и одно из этих свойств то, что всякого младенца, на чью шею повесят один из этих камней, не поразит болезнь, пока этот камень будет висеть на нем, и не застонет он, и его не залихорадит.

И когда он нашёл их и наложил на них руку и узнал, какие были в них тайны, он послал царю Аффридуну в подарок некоторые редкости и деньги и, между прочим, эти три камня. И снарядил два корабля, на одном из которых были деньги, а на другом – люди, чтобы охранять эти подарки от случайных встреч в море. Но он знал, что никто не властен задержать его корабли, так как он царь арабов, и в особенности потому, что путь кораблей, на которых подарки, пролегает по морю, входящему в царство царя аль-Кустантынии, и эти корабли направляются к нему, а на побережье этого моря нет никого, кроме подданных великого царя Аффридуна.

И когда корабли были снаряжены, они поплыли и приблизились к нашим странам, и к ним вышли какие-то разбойники из этой земли, и среди них были войска от властителя Кайсариин. И они взяли все бывшие на кораблях редкости, и деньги, и сокровища, и три драгоценных камня, и перебили людей, и об этом узнал наш царь и послал на них войска, но они сломили его, и тогда он послал на них второе войско, сильнее первого, но и его также они обратили в бегство, и царь разгневался и поклялся, что непременно выйдет на них сам со всеми своими войсками и не вернётся от них, пока не превратит Кайсарию армян в развалины и не оставит их землю и все страны, которыми правит их царь, разрушенными.

И желаем мы от владыки века и времени, царя Омара ибн ан-Нумана, властителя Багдада и Хорасана, чтобы он поддержал нас своим войском, дабы досталась ему слава, и наш царь прислал тебе с нами подарки всякого рода и просит, чтобы царь сделал ему милость, приняв их, и оказал бы ему милостивую помощь. И потом посланцы облобызали землю меж его рук...»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Сорок шестая ночь

Когда же настала сорок шестая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что войска и посланцы, прибывшие от царя аль-Кустантынии, облобызали землю меж рук царя Омара ибн ан-Нумана, рассказав ему обо всем, и выложили ему подарки. А подарками были: пятьдесят невольниц из лучших земель румов и пятьдесят невольников, на которых были парчовые кафтаны с поясами из золота и серебра. И у каждого невольника в ухе было золотое кольцо с жемчужиной, ценою в тысячу мискалей⁹¹ золота, и у невольниц также и на них были одежды, которые стоили больших денег. И, увидав их, царь принял их и обрадовался и велел оказать почёт посланцам.

И он обратился к своим везилям и посоветовался с ними о том, что ему делать, и из среды их поднялся один везирь, – а это был дряхлый старец, по имени Дандан, – и поцеловал землю меж рук царя Омара ибн ан-Нумана и сказал: «О царь, самое лучшее в этом деле, чтобы ты снарядил большое войско, и поставил во главе его твоего сына Шарр-Кана, а мы будем перед ним слугами. И так поступить, по-моему, всего лучше по двум причинам: вопервых, царь румов прибег к твоей защите и прислал тебе подарки, которые ты принял. А

⁹⁰ То есть Александра Македонского.

⁹¹ Мискаль – приблизительно равняется 4,5 грамма.

вторая причина та, что враг не отважится вторгнуться в наши земли, и, если твоё войско защитит царя румов и будет разбит его враг, это дело припишут тебе, и оно станет известно во всех землях и странах, и в особенности, когда весть об этом дойдёт до морских островов и об этом прослышат жители Магриба⁹², они понесут тебе дары, редкости и деньги».

Услышав это, царь остался доволен речами своего везира и нашёл их правильными и наградил его и сказал: «С подобными тебе советуются цари, и должно тебе быть в передовых войсках, а моему сыну Шарр-Кану в задних рядах войск!» И потом он велел призвать своего сына Шарр-Кана, и тот, явившись, поцеловал землю меж рук своего отца и сел, и царь рассказал ему об этом деле и поведал, что сказали посланцы и что высказал везирь Дандан. И он приказал ему приготовиться и снарядиться в путь и не перечить везирию Дандану в том, что тот будет делать, и велел ему выбрать из своих войск десять тысяч всадников в полном вооружении, стойких в боях и тяготах. И Шарр-Кан последовал тому, что сказал ему отец Омар ибн ан-Нуман, и тотчас же поднялся и выбрал из своих войск десять тысяч всадников. А потом он пошёл в свой дворец и сделал смотр войскам и роздал им деньги и сказал: «Срок вам три дня», и они поцеловали землю меж его рук, покорные его приказу, и ушли от него и принялись готовиться и снаряжаться.

А Шарр-Кан вошёл в кладовые с оружием и взял вес, что было ему нужно из доспехов и вооружения, после чего направился в конюшни и выбрал коней, меченых и других. Так они проводили три дня, и потом войска вступили в окрестности города Багдада. И Омар ибн ан-Нуман вышел, чтобы проститься со своим сыном Шарр-Каном, и тот поцеловал перед ним землю, и царь подарил ему семь мешков денег. И, обратившись к везирию Дандану, он поручил ему войска своего сына Шарр-Кана, и везирь поцеловал землю меж его рук и ответил ему вниманием и повиновением. И царь обратился к своему сыну Шарр-Кану и велел ему советоваться с везирем обо всех делах, и Шарр-Кан согласился на это, а его отец вернулся и вошёл в город.

И после этого Шарр-Кан велел начальникам сделать смотр, и они выстроили войска, а числом было их десять тысяч всадников, кроме тех, что следовали за ними. И потом войска тронулись и забили барабаны, и зазвучали трубы, и развернулись знамёна и стяги. И царевич Шарр-Кан поехал, и везирь Дандан был рядом с ним, а знамёна трепетали над их головами. И они двигались без остановки, предшествоваемые послами, пока день не повернул на закат и не приблизилась ночь. И тогда они спешили и отдохнули и провели эту ночь, а когда Аллах засветил утро, они сели на коней и поехали, ускоряя ход, в течение двадцати дней, а послы указывали им дорогу. А на двадцать первый день они подошли к долине, распространившейся во все стороны, обильной деревьями и растениями и обширно раскинувшейся. И прибытие их в эту долину случилось ночью. И Шарр-Кан приказал им спешиться и оставаться в этой долине три дня, и войска спешили и разбили палатки, и воины рассеялись направо и налево. Везирь Дандан, а с ним послы Афридуна, властителя аль-Кустантынии, расположился среди этой долины. А что до царя Шарр-Кана, то он, когда войско прибыло, постоял некоторое время, пока все не спешили и не рассеялись по долине. А потом он отпустил поводья своего коня и хотел осмотреть эту долину и нести охрану сам, следуя наставлениям отца, — они ведь подошли к стране румов, к земле врага. И он отправился один, приказав сначала своим невольникам и приближённым расположиться подле везирия Дандана, и ехал на своём коне по краю долины, пока не прошло четверти ночи.

И Шарр-Кан устал, и сон одолел его, и он был не в силах даже понукать своего коня, а у него была привычка спать на коне. И когда сон налетел на него, он уснул, и конь нёс его, не останавливаясь, до полуночи и вошёл в какую-то рощу, а в этой роще было много деревьев. И Шарр-Кан не проснулся, пока его конь не ударил копытом о землю. Только тогда Шарр-Кан пробудился и увидел себя среди деревьев, и месяц взошёл над ним и осветил оба края неба. И Шарр-Кан пришёл в недоумение, увидав себя в этом месте, и произнёс слова,

⁹² Магриб (запад) – так арабы называют северо-западную Африку.

говорящий которые не смутится, то есть: «Нет мощи и силы, кроме как у Аллаха, высокого, великого!» И пока он пребывал в таком состоянии, страхась диких зверей, вдруг лунный свет распространился над лугом, подобным одному из лугов рая, и он услышал прекрасные речи и громкий шум и смех, пленяющий умы мужей.

И царь Шарр-Кан сошёл со своего коня и привязал его в деревьях и шёл, пока не приблизился к струящемуся потоку воды. И тут он услышал слова женщины, говорившей по-арабски: «Клянись мессией, нехорошо это от вас! Всякую, кто произнесёт одно слово, я повалю и скручу поясом! Вот!» А Шарр-Кан шёл на голоса и дошёл до конца этого места и вдруг видит: течёт река, порхают птицы, носятся лани и играют звери. А птицы на разных языках изъясняют свойства счастья. И это место было оплетено разными растениями, как сказал о нем кто-то из описывающих его в таком двустии:

Тогда лишь прекрасен мир, когда вся земля цветёт
И воды поверх неё текут безудержно.
Творение господ, великого, властного,
Дары нам дающего и всякую милость.

И Шарр-Кан взглянул на это место и видит: там монастырь, а в монастыре – крепость, возвышающаяся в воздухе, в сиянии месяца, а посредине крепости – река, из которой вода течёт в эти сады, и тут же – женщина, а перед нею десять невольниц, подобных месяцам, одетых: в одежды и украшения, ошеломляющие взор. И все они были такие, как сказано о них в таких стихах:

Луг сияет – так там много
Дев прекрасных, белоснежных.
Он красивей и прекрасней
От невиданных красавиц.

Все невинные коварны,
Полны неги и жеманства,
Распускают вольно кудри,
Что кистям лозы подобны.

И чаруют всех очами, Что кидают метко стрелы.
Горделивы, смертоносны Для мужей они могучих.

И Шарр-Кан посмотрел на этих десять девушек и увидел среди них красавицу, подобную полной луне, с чёрными волосами, блестящим лбом, большими глазами и выющимися кудрями, совершенную по существу и по свойствам, как сказал о ней поэт в таких стихах:

Сияет нам она чарующим взором
И станом стыдит своим самхарские копья⁹³.
Она появляется с лицом нежно-розовым,
И прелесть красот её во всем разнородна.

И кажется, будто прядь волос над челом её –
Мрак ночи, спустившийся на день наслаждения.

⁹³ Самхарские копья доставлялись в Аравию из местности Самхара, на побережье Северной Африки. Арабское предание возводит это название к имени некоего Самхара, славившегося своим мастерством в их изготовлении.

И Шарр-Кан услышал, как она говорила невольницам: «Подойдите, чтобы я поборолась с вами, раньше чем скроется месяц и придёт утро». И каждая из них подходила к девушке, и та сразу же повергала её на землю, и скручивала ей руки поясом. И она до тех пор боролась с ними и валила их, пока не поборолла всех.

И тогда к девушке обратилась старуха, стоявшая перед ней, и эта старуха сказала ей, как бы гневаясь на неё: «О развратница, ты радуешься тому, что поборолла девушек, я вот старуха, а повалила их сорок раз. Чего же ты чванишься? По если у тебя есть сила, чтобы побороться со мной, поборись, и я встану и положу твою голову между твоими ногами». И девушка с виду улыбнулась, хотя внутренне исполнилась гнева на неё, и встала и сказала: «О госпожа моя, Зат-ад-Давахи, заклинаю тебя мессией, будешь ли ты бороться вправду, или ты шутишь со мной?» И она ответила: «Да...»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Сорок седьмая ночь

Когда же настала сорок седьмая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что когда девушка спросила Зат-ад-Давахи: „Заклинаю тебя мессией, будешь ли ты бороться вправду, иди ты шутишь со мной?“ – та ответила: „Напротив, я буду с тобой бороться вправду“, а Шарр-Кан смотрел на них.

«Вставай бороться, если у тебя есть сила», – сказала девушка. И когда старуха услышала это, она разгневалась сильным гневом, и волосы на её теле поднялись, точно иглы ежа, а потом она вскочила, и девушка поднялась к ней, и старуха воскликнула: «Клянусь мессией, я буду с тобой бороться только обнажённой, о развратница!»

А затем старуха взяла шёлковый платок, развязала свою одежду и, сунув руки под платье, сняла его со своего тела, после чего она скрутила платок и обвязала его вокруг пояса и стала похожа на плешистую ифритку⁹⁴ или пятнистую змею. И она обратилась к девушке и сказала: «Сделай так же, как я сделала!» И при всем этом Шарр-Кан смотрел на них, и вглядывался в уродливый образ старухи и смеялся.

И когда старуха сделала это, девушка, не торопясь, поднялась и, взяв йеменский платок, дважды обвязалась им и засучила свои шальвары, так что стала видна пара ног из мрамора и над ними хрустальный холм, мягкий и блестящий, и живот, как бы усеянный анемонами, из складок которого веяло мускусом, и груди с сосками, подобные паре плодов граната.

И старуха склонилась к ней, и они схватились друг с другом. И Шарр-Кан поднял голову к небу и стал молиться Аллаху, чтобы девушка победила старуху. И девушка забралась под старуху и, взяв её левой рукой за перевязь на поясе, а правой рукой за шею и горло, подняла её на руках, и старуха стала вырываться из её рук, желая освободиться, и упала на спину, и её ноги поднялись вверх, так что при свете луны стали видны её волосы. И она пустила два ветра, один из которых зарылся в землю, а другой дымом поднялся к небу. И Шарр-Кан стал так смеяться над нею, что упал на землю, а затем он встал, обнажил меч и повернулся направо и налево, но не увидел никого, кроме старухи, брошенной на спину.

И Шарр-Кан подумал про себя: «Не солгал тот, кто назвал тебя Зат-ад-Давахи! Это случилось, хотя ты знала, какова со сила с другими». А затем он приблизился к ней, чтобы послушать, что произойдёт между ними.

И девушка подошла к старухе и накинула на неё тонкий шёлковый плащ и одела её в её платье и извинилась перед ней, говоря: «О госпожа моя Зат-ад-Давахи, я хотела только повалить тебя и не хотела всего того, что с то Зою случилось, но ты выскользнула у меня из

⁹⁴ Ифриты или джинны – в арабском фольклоре добрые или злые духи.

рук. Да будет же слава Аллаху за спасение!» Но старуха не дала ей ответа и встала и ушла от стыда, и шла до тех пор, пока не скрылась с глаз, и невольницы остались, брошенные, связанные, а девушка стояла одна.

И Шарр-Кан проговорил про себя: «Всякому уделу есть причина. На меня напал сон, и конь привёл меня в это место только из-за моего счастья. Быть может, эта девушка и те, что с нею, будут мне добычей». И он направился к коню и сел на него и ударил его ногою, и копь помчался с ним, как стрела, когда она слетела о лука, и в руках Шарр-Кана был его меч, вынутый из ножен, и юноша кричал: «Аллах велик!»

И когда девушка увидала его, она поднялась на ноги и стала на берег потока (а шириной он был в шесть локтей, по мерке рабочим локтем⁹⁵), и прыгнула и оказалась на другом берегу. И она поднялась и крикнула, возвысив голос: «Кто ты, о человек? Ты прервал нашу радость, и, когда ты обнажил свой меч, ты словно ринулся на целое войско. Откуда ты и куда направляешься? Будь правдив в речах, ибо правдивость для тебя полезней, и не лги: лживость – качество скверных. Нет сомнения, что ты сбился в эту ночь с дороги и приехал в это моею, и спустился отсюда – величайшая для тебя удача. Ты сейчас находишься на лугу, и, если бы мы крикнули здесь один раз, к нам наверное пришли бы четыре тысячи патрициев⁹⁶. Скажи же нам, чего ты хочешь: если ты желаешь, чтобы мы тебя вывели на дорогу, мы выведем тебя, а если ты хочешь подарка, мы тебя одарим».

И, услышав её слова, Шарр-Кан ответил: «Я чужеземец, из мусульман; сегодня ночью я отправился один в поисках добычи и не нашёл добычи лучше этих десяти девушек в эту лунную ночь. Я возьму и приведу их к моим товарищам». – «Знай, – ответила ему девушка, – что до этой добычи тебе не добраться. Эти девушки, клянись богом, тебе не добыча! Не говорила ли я тебе, что ложь отвратительна?» – «Умен тот, кто поучается на примере другого», – отвечал Шарр-Кан. И она воскликнула: «Клянусь мессией, если б я не боялась, что от моих рук случится твоя гибель, я бы наверное закричала криком, от которого луг наполнился бы конными и пешими, по я жалею чужеземца. И если ты хочешь добычи, то я требую от тебя: сойди с коня и поклянись мне твоей верой, что ты не приблизишься ко мне ни с каким оружием. Мы с тобой поборемся, и если ты меня повалишь, клади меня на твоего коня и бери нас всех, как добычу. Если же повалю тебя я, ты будешь в моей власти. Поклянись же мне в этом, я боюсь от тебя обмана; ведь говорится в преданиях: раз вероломство врождённо, верить всякому – слабость. Если ты поклянёшься мне, я перейду на другую сторону и приду и подойду к тебе».

И Шарр-Кан, которому хотелось её захватить, сказал про себя: «Она не знает, что я витязь среди витязей». И затем он крикнул ей и сказал: «Бери с меня клятву, чем хочешь и тем, чему доверяешь, что я не пойду к тебе ни с чем дурным, пока ты не пригодишься и не скажешь мне: „Приблизься, чтобы мне побороться с тобой“». И тогда я пойду, и если ты повалишь меня, то у меня есть деньги, чтобы себя выкупить, а если повалю тебя я, то это будет величайшая добыча!»

И девушка отвечала: «Я согласна на это». И Шарр-Кан, смутившись, воскликнул: «Клянусь пророком, – да благословит его Аллах и да приветствует, я тоже согласен». И тогда девушка сказала: «Поклянись же тем» кто вложил души в тела и дал людям законы, что ты мне не сделаешь никакого зла и только поборешься, а иначе ты умрёшь вне веры ислама». – «Клянусь Аллахом, – воскликнул Шарр-Кан, – если бы меня приводил к клятве кадий, то будь он даже кадием кадиев⁹⁷, он не взял бы с меня таких клятв!» – и он поклялся всем, чем она хотела, и привязал своего коня среди деревьев, будучи погрузён в море размышлений, и

⁹⁵ Локоть (рабочий) – установленная в средневековом Египте мера длины, равнялась приблизительно 0,5 м.

⁹⁶ Патриций – так арабы называли христианских рыцари, стоявших во главе отряда в десять тысяч.

⁹⁷ Кадий (кади) – судья; кадий кадиев – главный судья столичного города.

воскликнул: «Слава тому, кто сотворил её из ничтожной воды!» А затем ШаррКан укрепился и приготовился к единоборству и сказал девушке: «Переходи и переправься через реку!», но она ответила ему: «Нет мне к тебе переправы! Если хочешь, переправься ты ко мне». – «Я не могу этого сделать», – отвечал Шарр-Кан, и девушка сказала: «О юноша, я приду к тебе».

И затем она подобрала полы и прыгнула и оказалась подле него, на другом берегу реки. И Шарр-Кан приблизился к ней и склонился и захлопал в ладоши, но он был ошеломлён её красотой и прелестью, и видел образ, который выдубила листьями джиннов рука всемогущества и воспитала рука вышней заботливости, и обвевали его ветры счастья, и встретило при рождении счастливое сочетание звёзд.

И девушка подошла к нему и крикнула: «Эй, мусульманин, выступай бороться, прежде чем взойдёт заря!» и она обнажила руку, похожую на свежий сыр, и местность осветилась от неё. Вот! А Шарр-Кан впал в смущение и нагнулся и захлопал в ладоши, и она тоже захлопала в ладоши и вцепилась в него, и он вцепился в неё. И они обнялись и схватились и стали бороться, и он положил руку на её худощавый бок, и его пальцы погрузились в складки её живота, и члены его расслабли, и он оказался у места желаний, и ей стало ясно, что Шарр-Кан ослаб, и он задрожал, как персидский тростник при порывистом ветре, и тогда девушка подняла его и ударила об землю и села ему на грудь задом, подобным песчаному холму, и Шарр-Кан перестал владеть своим умом. И девушка сказала ему: «О мусульманин, убийство христиан у вас дозволено, но что ты скажешь о том, чтобы быть лишённым жизни?» И Шарр-Кан отвечал: «О госпожа моя, что до твоих слов о лишении меня жизни, то оно, наверное, запретно, так как наш пророк Мухаммед, – да благословит его Аллах и да приветствует! – запретил убивать женщин, детей, старцев и монахов». – «Если вашему пророку было такое откровение, – отвечала девушка, – то нам должно вознаградить его за это. Вставай же, я дарю тебе твою душу, ибо не пропадает милость, оказанная человеку». И она поднялась с груди Шарр-Кана, и тот встал, отряхая со своей головы пыль от одной из обладательниц кривого ребра, а она наклонилась к нему и сказала: «Не смущайся! Как же так, что у того, кто вступает в землю румов, желая добычи, и помогает царям против царей, нет силы, чтобы защититься от обладательницы кривого ребра?» – «Это не от моей слабости, – отвечал Шарр-Кан, – и ты повалила меня не своей силой. Это красота твоя повергла меня. Если ты соблаговолишь ещё на одну схватку, это будет для меня милостью». И девушка засмеялась и сказала: «Я согласна на это, но невольницам уже наскучило быть связанными и устали их руки и бока. Лучше будет, если я развяжу их. Может быть, борьба с тобою в эту схватку Затянется».

И она подошла к невольницам и развязала им плечи и сказала им на языке румов: «Уйдите в такое место, где БЫ будете в безопасности, пока не пройдёт у этого мусульманина охота до вас». И невольницы ушли. И ШаррКан смотрел на них, а они глядели на обоих оставшихся. А затем оба они подошли друг к другу, и Шарр-Кан приложил свой живот к её животу, и когда его живот оказался на её животе и девушка почувствовала это, она подняла его на руках быстрее разящей молнии и кинула на землю, и он упал на спину, а девушка сказала ему: «Встань, я дарю тебе твою душу во второй раз. В первый раз я оказала тебе милости ради твоего пророка, ибо он объявил недозволенным убивать женщин, а во второй раз – ради твоей слабости и твоих юных лет и потому, что ты чужеземец. Но я дам тебе наставление: если есть в войске мусульман, пришедшем от Омара ибн ан-Омана и присланном им царю аль-Кустантынии, кто-нибудь сильнее тебя, пришли его ко мне и скажи ему обо мне, ибо борьба бывает разных родов и степеней и способов, например притворный способ, а также обгонки, и спешивание, и хватание за ноги, и кусанье за бедра, и рукопашный бой, и переплетенье ног».

«Клянусь Аллахом, о госпожа моя, – ответил Шарр-Кан (а его гнев на неё ещё усилился), – будь я мастер ас-Сафади, или мастер Мухаммед Кималь, или ибн ас-Садди в его лучшее время, я бы не запомнил всех этих способов, которые ты упомянула! Клянусь Аллахом, о госпожа моя, ты повалила меня не своей силой, но когда ты соблазнила меня своим задом (а мы, жители Ирака, любим крутые бедра), у меня не осталось ни ума, ни

зоркости. Если ты хочешь со мной побороться так, чтобы мой ум был при мне, остаётся ещё лишь одна схватка по правилам этого ремесла, ибо моя живость вернулась ко мне в эту минуту».

И, услышав его слова, она сказала: «Чего ты хочешь достичь этой борьбой, о побеждённый? Иди сюда и знай, что этой схватки будет уже довольно».

И затем она нагнулась и призвала его на борьбу, и Шарр-Кан тоже нагнулся над нею и взялся уже не на шутку, остерегаясь ослабеть. И они поборолись немного, и девушка нашла в нем силу, которой она не знала в нем прежде, и сказала ему: «О мусульманин, ты решил быть осторожным?» – «Да, отвечал Шарр-Кан, – ты ведь знаешь, что мне осталась с тобою только эта схватка, а после каждый из нас уйдёт своей дорогой». И она засмеялась, и Шарр-Кан тоже засмеялся ей в лицо, а когда это случилось, девушка быстро схватила его за бедро, неожиданно для него, и бросила его на землю, так что он упал на спину. И тогда она стала над ним смеяться и сказала: «Ты ешь отруби? Или ты, как бедуинский колпак⁹⁸, валяешься от толчка, или как надувной мячик падаешь от ветра? Горе тебе, злополучный!» Потом она сказала: «Иди к войску мусульман и пришли нам другого, так как ты мало стоек, и кричи о нас среди арабов и персов, турок и дейлемитов: пусть всякий, у кого есть сила, придёт к нам». И она прыгнула и оказалась на другой стороне потока и, смеясь, сказала Шарр-Кану: «Мне тяжело расставаться с тобой, о мой владыка! Уходи к твоим товарищам до утра, чтобы не пришли к тебе витязи и не взяли тебя на зубцы копий. А ты у тебя нет силы защититься от женщины, так как же ты защитишься от доблестных мужей?»

И Шарр-Кан пришёл в смущение и сказал ей (а она повернулась, уходя от него, и направилась к монастырю): «О госпожа, уйдёшь ли ты и оставишь ли влюблённого чужеземца несчастным с разбитым сердцем?» И она обернулась к нему, смеясь, и сказала: «Что тебе нужно? Я согласна на твою просьбу». – «Как могу я, вступив на твою землю и насладившись сладостью твоей милости, вернуться, не поев твоей пищи и твоих кушаний? Ведь я стал одним из твоих слуг», – сказал Шарр-Кан, и девушка ответила: «В милости отказывает только дурной! Пожалуй, во имя бога, на голове и на глазах! Садись на твоего коня и поезжай по берегу потока, напротив меня – ты у меня в гостях».

И Шарр-Кан обрадовался и поспешил к своему коню и сел и, не останавливаясь, ехал напротив неё (а она шла напротив него), пока не достиг моста, сделанного из тополевых брёвен, и там были блоки, подвешенные на железных цепях с замками на крючьях. И Шарр-Кан посмотрел на этот мост и вдруг видит: те невольницы, которые были с девушкой и боролись, стоят и ждут её. И, подойдя к ним, девушка заговорила с одной из них на языке румов и сказала: «Пойди к нему, возьми его коня за узду и переведи его к монастырю» И Шарр-Кан двинулся (а девушка перед ним) и переправился через мост, и его ум был ошеломлён тем, что он увидел, и он говорил себе: «О, если бы я это знал и если бы везирь Дандан был со мной в этом месте, чтобы могли его глаза посмотреть на эти красивые лица!»

И он обернулся к той девушке и сказал ей: «О диковина прелести, теперь у меня на тебя двойное право: право дружбы и право того, кто пришёл в твоё жилище и принял твоё гостеприимство. Я под твоей властью и руководством. Что, если бы ты соблаговолила поехать со мной в страну ислама, чтобы посмотреть на всех храбрых владык и узнать, кто я?» И девушка, услышав его слова, разгневалась на него и сказала: «Клянусь мессией, я считала тебя обладателем здравого ума, а теперь узнала, насколько испорчено твоё сердце! Как может быть для тебя допустимо сказать слово, восходящее к обману, и как я могу это сделать, зная, что, когда я окажусь у вашего царя Омара ибн ан-Нумана, я уже но вырвусь от него? Ведь за его стенами и в его дворцах: нет подобной мне, хотя бы он был владельцем Багдада и Хорасана⁹⁹, у которого двенадцать дворцов, и в каждом дворце невольницы, по

⁹⁸ Так называли слабосильных, изнеженных юношей.

⁹⁹ Хорасан – область в восточном Иране.

числу дней в году, а дворцов числом столько, сколько в году месяцев. И если я окажусь у него, он меня по устрасит, так как по вашей вере мы вам дозволены, как сказано в ваших книгах, которые говорят: то, чем завладели ваши десницы... Так как же ты говоришь мне такие слова! А что до твоих слов: «Ты посмотришь на доблестных мусульман», то, клянусь мессией, ты сказал слово неверное! Я видела ваше войско, когда вы приближались к нашей земле два дня тому назад. Когда вы подошли, я увидела, что вы построились не так, как строятся цари, и что вы просто – набранные шайки. Что же до твоих слов: «И ты и знаешь, кто я», то я сделаю тебе милость не ради твоего высокого сана, а поступлю так ради славы. Подобный тебе не говорит этого подобной мне, хотя бы ты был Шарр-Кан, сын Омара ибн ан-Нумана, который появился здесь в это время».

«А ты знаешь Шарр-Кана?» – спросил он её, и она сказала: «Да, и я Знала о его прибытии с войсками, число которых десять тысяч всадников, и это потому, что его отец Омар ибн ан-Нуман послал с ним его войско, чтобы поддержать царя аль-Кустантынии „ – «О госпожа моя, – сказал Шарр-Кан, – заклинаю тебя тем, что ты исповедуешь из твоей веры, расскажи мне о причине этого, чтобы мне стала ясна правда во лжи и то, на ком лежит вина за это“.

И девушка ответила: «Клянусь твоей верой, если бы я не боялась, что распространится весть о том, что я из дочерей румов, я бы наверное подвергла себя опасности и вступила бы в единоборство с десятью тысячами всадников и убила бы их предводителя, везира Дандана, и Захватила бы их вождя Шарр-Кана, и в этом не было бы позора для меня, но только я читала книги и изучила правила вежества по речениям арабов; я не буду хвалиться перед тобою доблестью, хотя ты видел моё знание, и искусство, и силу, и превосходство в борьбе. И если бы явился Шарр-Кан вместо тебя этой ночью и ему бы сказали: „Перескочи этот поток!“ – он бы не мог этого сделать, и я бы хотела, чтобы мессия бросил его ко мне в этот монастырь, и я бы вышла к нему в виде мужа и взяла бы его в плен и заковала бы в цепи...» И Шахразад устала, и она прекратила дозволенные речи.

Сорок восьмая ночь

Когда же настала сорок восьмая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что христианская девушка сказала Шарр-Кану эти слова, которые он услышал, а именно: „Если Шарр-Кан попадётся мне в руки, я выйду к нему в виде мужа и закую его в цепи и оковы, после того как возьму его в плен в седле“. И когда Шарр-Кан услышал эти слова, его взяла гордость и гнев и ревность витязей, и ему захотелось объявить ей о себе и броситься на неё, но её красота оттолкнула его от неё, и он произнёс:

«И когда свершит молодой красавец единый грех,
Приведут красоты ходатаев ему тысячу».

И девушка пошла, и Шарр-Кан за ней следом, и он посмотрел на спину девушки и видал её ягодицы, которые бились друг о друга, как волны в содрогающемся море, и произнёс такие стихи:

«Защитник в чертах её стирает все это её,
Сердца с ним считаются, когда бы вступился очи
Вглядевшись в неё, вскричал я вдруг в удивлении:
«Явилась луна в ту ночь, когда в полноте она.
И если б боролся с ней царицы Билкис ифрит¹⁰⁰,

¹⁰⁰ Билкис – по арабскому преданию, царица Савская, супруга царя Соломона. Соломон, узнав о существовании «всем одарённой» царицы племени Саба, приказал своему ифриту доставить к нему её

Хоть славен он силою, в минуту сражён бы был».

И они шли, не останавливаясь, пока не достигли сводчатых ворот, своды которых были из мрамора, и девушка открыла ворота и вошла, и Шарп-Кан с нею, и они пошли по длинному проходу, со сводчатым потолком в виде десяти арок, и под каждой аркой был светильник из хрусталя, горевший, как луч огня. И невольницы встретили девушку в конце прохода с благовонными свечами, и на головах их были повязки, вышитые драгоценными камнями всевозможных родов. И она пошла, предшествуемая невольницами, а Шарп-Кан шёл сзади, пока они не достигли монастыря, и Шарп-Кан увидел, что в этом монастыре кругом стоят лежа, одно против другого, и над ними опущены занавеси, окаймлённые золотым шитьём, а пол монастыря выстлан пёстрым мрамором разных сортов, и посредине его водоём с водою, в котором двадцать четыре золотых фонтана, и из них бьёт вода, подобная серебру.

А на возвышении Шарп-Кан увидел ложе, устланное царским шёлком, и девушка сказала ему: «Взойди, о мой владыка, на это ложе».

И Шарп-Кан взойшёл на ложе, а девушка удалилась и некоторое время отсутствовала, и Шарп-Кан спросил о ней кого-то из слуг, и ему сказали: «Она ушла в свою опочивальню, а мы будем прислуживать тебе, как она нам велела». Потом они подали ему дикий кушанье, и он ел, пока не насытился, а после этого ему принесли золотой таз и кувшин из серебра, и он помыл руки, а душа его была с его войском, так как он не знал, что случилось с ним после него, и ему вспомнилось также, что он забыл наставления своего отца. И он находился в неведении и раскаивался в том, что сделал, пока не взошла заря и не явился день. И тогда он стал вздыхать и печалиться о своих поступках и погрузился в море дум, и произнёс:

«Рассудка не лишён был я, – ныне же
В смущенье я.
Что делать мне, как мне быть?
Когда б любовь совлек с меня кто-нибудь,
Я б сам силен и властен был здоровым стать,
Душа моя от страсти с пути сошла, –
Люблю! В беде Аллах лишь поможет мне».

И когда он окончил свои стихи, вдруг показалось большое шествие. Посмотрев, он увидел больше чем двадцать невольниц, подобных месяцам, окружавших ту девушку, а она среди них была как луна меж звёзд. И они заслоняли эту девушку, на которой была царская парча, а стан её был повязан затканым поясом, шитым разными драгоценными камнями, и этот пояс сжимал её бока, и выставлял её ягодицы, так что они были подобны холму из хрусталя под веткой из серебра, а груди её походили на пару плодов граната. И когда Шарп-Кан увидел это, его ум едва не улетел от радости, и забыл он своё войско и своего везиря. И он всмотрелся в её голову, и увидел на ней сетку из жемчужин, перемежающихся с разными драгоценными камнями, и невольницы справа и слева от неё принимали её помы, а она кичливо покачивалась. И тут Шарп-Кан вскочил на ноги, увидя её красоту и прелесть, и закричал: «Берегись, берегись этого пояса!» А затем он произнёс такие стихи:

«О, гибкая, с тяжёлыми бёдрами,
Гибка она, и грудь её нежна.
Таит она любовь спую тщательно, –
Но чувств своих таить я не буду.
Ряд слуг её идёт, за ней следуя:

великолепный трон; вслед за троном к Соломону явилась и сама царица.

Жемчужины на нити и порознь».

И девушка долгое время смотрела на него, и вновь и вновь на него взглядывала, пока не удостоверилась, кто он, и не узнала его, и тогда она сказала, после того как подошла к нему: «Это место озарено и освящено тобой, о Шарр-Кан! Какова была твоя ночь, о богатырь, после того, как мы ушли и оставили тебя? Ложь для царей недостаток и порок, в особенности для царей великих, – продолжала она. – Ты Шарр-Кан, сын царя Омара ибн ан-Нумана, не скрывай же твоей тайны и твоего положения и но Заставляй меня после этого ничего слушать, кроме правды, ибо ложь порождает ненависть и вражду. Стрела судьбы пронзила тебя, и тебе надлежит покориться и быть довольным».

И когда она сказала это, Шарр-Кан не мог отрицать и подтвердил правдивость её слов и сказал: «Я Шарр-Кан, сын Омара ибн ан-Нумана, которого подвергла пытке судьба и закинула в это моею; делай же теперь что хочешь».

И девушка опустила голову к земле на долгое время, а потом обратилась к Шарр-Кану и сказала: «Успокой свою душу и прохлади свои глаза, ты мой гость, и между тобою и нами есть хлеб и соль. Ты под моей защитой и покровительством, будь же спокоен! Клянусь мессией, если бы обитатели земли пожелали повредить тебе, они бы наверное не достигли до тебя раньше, чем изошёл бы из-за тебя мой дух! Ты под охраной мессии и моей охраной».

И она села возле него и стала с ним забавляться, пока его страх не рассеялся и он не понял, что если бы у неё было желание убить его, она бы наверное это сделала прошлой ночью. А потом она заговорила с одной из невольниц на языке румов, и та на некоторое время скрылась и потом пришла к ней, и с ней была чаша и столик с кушаньями. По Шарр-Кан медлил есть и подумал про себя: «Быть может, она что-нибудь положила в это кушанье». И девушка поняла его тайные мысли и сказала: «Клянусь мессией, это не так, и в этом кушанье нет ничего из того, что ты подозреваешь! И если бы у меня было желание тебя убить, я бы уже убила тебя к этому времени». И она подошла к столику и съела от каждого кушанья кусочек, и тогда Шарр-Кан стал есть, и девушка обрадовалась и ела с ним, пока они не насытились. И они вымыли руки, а вымыв руки, девушка поднялась и велела невольнице принести цветы и сосуды для питья, – золотые, серебряные и хрустальные, – и чтобы питье было всевозможных и разнообразных видов и качеств, и невольница принесла ей все, что она потребовала. И девушка наполнила первый кубок и выпила его раньше ШаррКана, так сделала и с кушаньем, а затем она наполнила кубок вторично и подала Шарр-Кану, который его выпит, и сказала ему: «О мусульманин, посмотри, каково тебе в приятнейшей и сладостнейшей жизни». И она до тех пор пила с ним и поила его, пока его разумение не исчезло...» И Шахразад устало сказала, и она прекратила дозволенные речи.

Сорок девятая ночь

Когда же настала сорок девятая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что девушка до тех пор пила и поила Шарр-Кана, пока его разумение не исчезло от вина и от опьянения любовью к ней, а потом она сказала невольнице: „Марджана, подай нам какие-нибудь музыкальные инструменты“. И невольница отвечала: „Слушаю и повинуюсь!“ – и, скрывшись на мгновение, принесла дамасскую лютню, персидскую арфу, татарскую флейту и египетский канун¹⁰¹. И девушка взяла лютню, настроила её и, натянувши струны, запела под псе нежным голосом, мягче ветерка и слаще вод Таснима¹⁰², идущим от здорового сердца, и произнесла такие стихи:

¹⁰¹ Канун – многострунный инструмент (вроде гуслей).

¹⁰² Тасним – по мусульманским преданиям, райский источник.

«Аллах да простит очам твоим! Сколько пролили
Они крови любящих и сколько метнули стрел!
Я чту тех возлюбленных, что злы были с любящим, –
Запретно жалеть его и быть сострадательным.
Да будет здоров глаз тех, кто ночь по тебе не спал,
И счастливо сердце тех, кто страстью к тебе пленён!
Судил ты убить меня – ведь ты повелитель мой, –
И жизнью я выкуплю судью и властителям.

И потом каждая из невольниц поднялась со своим инструментом и стала говорить под него стихи на языке румов. И Шарр-Кан возликовал. А после этого девушка, их госпожа, тоже запела и спросила его: «О мусульманин, разве ты понял, что я говорю?» – и Шарр-Кан ответил: «Нет, по я пришёл в восторг лишь из-за красоты твоих пальцев», а девушка засмеялась и сказала: «Если я спою тебе по-арабски, что ты станешь делать?» – «Я не буду владеть моим умом!» – воскликнул Шарр-Кан, и она взяла лютню и, изменив напев, произнесла:

«Вкусить разлуку так горько,
И будет ли тут терпенье?
Представилось мне три горя:
Разлука, даль, отдаленье!
Красавца люблю – пленён я
Красой, и горька разлука»

А окончив свои стихи, она посмотрела на Шарр-Кана и увидела, что Шарр-Кан исчез из бытия, и он некоторое время лежал между ними брошенный и вытянутый во всю длину, а потом очнулся и вспомнил о пенни и склонился от восторга. И они стали пить и играли и веселились до тех пор, пока день не повернул к закату и ночь не распустила крылья. И тогда она поднялась в свою опочивальню, и Шарр-Кан спросил о ней, и ему сказали: «Она ушла в опочивальню», а он воскликнул: «Храпи и оберегай её Аллах!»

А когда наступило утро, невольница пришла к нему и сказала: «Моя госпожа зовёт тебя к себе». И Шарр-Кан поднялся и пошёл за нею, и когда он приблизился к помещению девушки, невольницы ввели его с бубнами и свирелями, и он дошёл до большой двери из слоновой кости, выложенной жемчугом и драгоценными камнями. И они вошли туда и увидели другое обширное помещение, в возвышенной части которого был большой портик, устланный всякими шелками, а вокруг портика шли открытые окна, выходившие на деревья и каналы, и в помещении были статуи, в которые входил воздух и внутри их двигались инструменты, так что смотрящему казалось, что они говорят. И девушка сидела и смотрела на них и, увидя Шарр-Кана, поднялась на ноги ему навстречу и, взяв его за руку, посадила его с собою рядом и спросила, как он провёл ночь, и Шарр-Кан поблагодарил её.

И они сидели разговаривая, и девушка спросила его: «Знаешь ли ты что-нибудь, относящееся к влюблённым, порабощённым любовью?» – «Да, я знаю некоторые стихи», – ответил Шарр-Кан, и девушка сказала: «Дай мне их послушать». И тогда Шарр-Кан произнёс:

«Во здравье да будет Азза¹⁰³, хвори не знает пусть!
Все с честью моей она считает дозволенным!
Аллахом клянусь, едва я близко, – бежит она,

¹⁰³ Азза – возлюбленная поэта Кусейира (умер в начале VIII в.), воспетая им в стихах.

И много когда прошу я, мало даёт она.
В любви и тоске моей по Аззе, когда смогу
Помехи я устранить и Азза одна со мной,
Подобен я ищущим прикрытья под облаком:
Как только заснут они, – рассеется облако».

И девушка, услышав это, сказала:

«Кусейир был явно красноречив и целомудрен.
Он превосходно восхвалил Аззу, когда сказал:
«И когда бы Азза тягалась с солнцем во прелести
Пред судьёй третейским, решил бы дело ей в пользу он.
По немало женщин с хулой на Аззу бегут ко мне –
Пусть не сделает бог ланиты их её обую».

И говорят, что Азза была до крайности красива и прелестна, – добавила она и потом молвила:

– О царевич, если ты
Знаешь что-нибудь из речей
Джамиля Бусейны¹⁰⁴, скажи нам».

И Шарр-Кан отвечал: «Да, я знаю их лучше всех, – и произнёс из стихов Джамиля такие стихи:

Они говорят. «Джамиль, за веру сразись в бою»
К каким же бойцам стремлюсь я, кроме красавиц?
Ведь всякая речь меж них звучит так приветливо,
И, ими поверженный, как мученик гибнет.
И если спрошу: «О, что, Бусейна, убийца мой,
С любовью моей?» – она ответит: «Все крепнет!»
А если скажу: «Отдай рассудка мне часть, чтобы мог
Я жить!» – то услышу я в ответ: «Он далеко!»
Ты хочешь убить меня, лишь этого хочешь ты,
А я лишь к тебе стремлюсь, к единственной цели».

Услышав это, девушка воскликнула: «Ты отличился, царевич, и отличился Джамиль! Что хотела сделать с Джамилем Бусейна, когда он сказал это полустышие:

«Ты хочешь убить меня,
Лишь этого хочешь ты?»

«О госпожа, – отвечал Шарр-Кан, – она хотела сделать с ним то же, что ты хочешь сделать со мной, хотя даже и это тебя не удовлетворяет». И она засмеялась, когда Шарр-Кан сказал ей эти слова, и они, не переставая, пили, пока день не повернул к закату и не приблизилась мрачная ночь. И тогда девушка встала и ушла в свою опочивальню и заснула, и Шарр-Кан проспал в своём месте, пока не настало утро. А когда он очнулся, к нему, как обычно, пришли невольницы с бубнами и музыкальным я инструментами и поцеловали

¹⁰⁴ Джамиль – известный поэт, современник Кусейира. Бусейна – его возлюбленная. Джамиль с Бусейной и Кусейр с Аззой – классические любовные пары, о которых сохранилось в арабской литературе много трогательных повестей.

землю меж его рук и сказали: «Во имя Аллаха! Пожалуй, наша госпожа призывает тебя явиться к ней».

И Шарр-Кан пошёл, окружённый невольницами, бывшими в бубны и игравшими. И он вышел из этого покоя и вошёл в другой покой, больший, чем первый, и в нем были изображения и рисунки птиц и зверей, которых по описать.

И Шарр-Кан удивился, как искусно отделано это помещение, и произнёс:

«Мои соперник рвёт из плодов её ожерелий
Жемчуга груди, что оправлены чистым золотом.
О поток воды, на серебряных слитках льющийся.
О румянец щёк, на топазе лиц расцветающий!
И мне кажется, что фиалки цвет здесь напомнил нам
Синеvu очей, что охвачены сурьмы кольцами».

И при виде Шарр-Кана девушка встала и, взяв его под руку, посадила с собою рядом и сказала: «Искусен ли ты, о сын царя Омара ибн ан-Нумана, в игре в шахматы?» И Шарр-Кан сказал: «Да, но не будь ты такова, как сказал поэт:

Скажу я, а страсть меня то скрутит, то пустит вновь,
И мёда любви глоток смягчает мне жажду.
Любимой я шахматы принёс, и играл со мной
То белых, то чёрных ряд, по я недоволен.
И кажется, что король на месте ладьи стоит,
«И хочет как будто он с ферзями сразиться.
А если прочту когда я смысл взгляда глаз её,
Жеманство очей её, друзья, меня губит».

Затем она пододвинула ему шахматы и стала с ним играть. И Шарр-Кан, всякий раз, как он хотел посмотреть, как она ходит, смотрел на её лицо и ставил коня на место слона, а слона на место коня. И она засмеялась и сказала: «Если ты играешь так, то ты ничего не умоешь», а Шарр-Кан отвечал: «Это первая игра, не считай её!»

И когда она его обыграла, он снова расставил фигуры и стал с ней играть, и она обыграла его во второй раз и в третий раз, и в четвёртый, и в пятый, и повернулась к нему И сказала: «Ты во всем побеждён!» – «О господа, – отвечал Шарр-Кан, – тому, кто играет с тобой, как не быть побеждённым?» А затем она велела принести кушанье, и они поели и вымыли руки, и им подали вино, и они выпили, и после этого она взяла канун (а она была умелой в игре на кануне) и произнесла такие стихи:

«Судьба то отпустит пас, то снова пас скрутит
И как бы влечёт к себе и вновь отгоняет.
Так пей же, пока судьба прекрасна, коль можешь ты
Со мной не расстаться вновь, и пей безудержно!»

И они продолжали так поступать, пока не подошла ночь, и в этот день было лучше, чем в первый день, а когда ночь приблизилась, девушка ушла в свою опочивальню. И возле Шарр-Кана остались только невольницы, и он бросился на землю и проспал до утра.

И невольницы, по обычаю, пришли к нему с бубнами и музыкальными инструментами, и, увидав их, Шарр-Кан поднялся и сел. А невольницы взяли его и пошли с ним и привели его к девушке. И при виде его она поднялась на ноги, взяла его за руку и посадила с собою рядом и спросила его о том, как он провёл ночь, и Шарр-Кан пожелал ей долгой жизни, а она взяла лютню и произнесла:

«Оставь стремление к разлуке ты –
Горька ведь вкусом всегда она.
И солнца луч в предзакатный час
От мук разлуки желтеет весь».

И когда они были в таком состоянии, они вдруг услышали шум и увидели мужей, теснившихся друг к другу, и патрициев, в руках которых блестели обнажённые мечи, и все говорили на языке румов: «Ты попался нам, о ШаррКан, будь же уверен в своей гибели!» И, услышав эти слова, Шарр-Кан подумал: «Клянусь Аллахом, эта девушка устроила хитрость и дала мне отсрочку до тех пор, пока пришли её люди, те витязи, которыми она меня устрашала. Но я сам ввергнул себя в гибель!»

И он обернулся к девушке, чтобы упрекнуть её, и увидел, что её лицо изменилось и побледнело, и она вскочила на ноги и крикнула им: «Кто вы?» И патриций, предводительствовавший ими, ответил ей: «О благородная царица и единственная жемчужина, разве не знаешь ты, кто подле тебя?» И девушка сказала: «Я не знаю его. Кто же он, этот человек?» – «Это разрушитель городов и господин витязей, это Шарр-Кан, сын царя Омара ибн анНумана. Это тот, кто завоевал крепости и завладел всеми неприступными местами, – отвечал предводитель. – Сведение о нем дошло до царя Хардуба, твоего отца, от старухи госпожи Зат-ад-Давахи. И царь, твой отец, убедился потом из рассказа старухи. И вот ты помогла войску румов, захватив этого зловещего льва!»

И, услышав слова патриция, девушка посмотрела на него и спросила: «Как твоё имя?» И он отвечал: «Моё имя Масура, сын твоего раба Маусуры ибн Кашарда, патриция среди патрициев». – «Как же ты вошёл ко мне Грёз позволения?» – спросила она. «О госпожа, – отвечал предводитель, – когда я достиг дверей, меня не задержали ни придворный, ни привратник, напротив – все привратники поднялись и пошли впереди нас, как это обычно бывает; когда же приходит кто-нибудь не из нас, они оставляют его стоять у дверей, пока не испросят ему разрешения войти. Но теперь не время затягивать разговор. Царь ждёт нашего возвращения с этим царём, в котором сила войск ислама, чтобы убить его, и тогда его войска уйдут в то место, откуда они пришли, и нам не придётся утомляться, сражаясь с пичи».

И, услышав эти слова, девушка воскликнула: «Поистине, эти речи нехороши, но солгала госпожа Зат-ад-Давахи и сказала ложные слова. Она не знает о нем истины! Я клянусь мессией, что тот, кто у меня, не Шарр-Кан и не пленный, но это человек, который к нам пришёл и явился и попросил нашего гостеприимства, и мы приняли его, как гостя. И если бы мы удостоверились, что это подлинно Шарр-Кан и твёрдо убедились бы, что это именно он без сомнения, то ему, но его благородству, не подобает моё покровительство. Не заставляйте же меня обманывать моего гостя и не позорьте меня среди людей. Но ты пойди к царю, моему отцу, облобызай перед ним землю и расскажи ему, что дело не таково, как говорила госпожа Затад-Давахи». – «О Абриза, я не могу вернуться к царю иначе, как с его соперником, – отвечал патриций Масура, и девушка сказала ему гневно: „Горе тебе, вернись к нему с ответом, на тебе не будет упрёка!“ Но Масура отвечал: „Я вернусь только с ним“. И тогда цвет лица Абризы изменился, и она сказала ему: „Не будь многоречив и болтлив! Этот человек вошёл к нам, полагаясь на себя в том, что он может напасть один на сто всадников, и если бы я сказала ему: „Ты Шарр-Кан, сын царя Омара ибн ан-Нумана“, – он ответил бы: „Да!“ Но я не дам нам напасть на него; если же вы на него нападёте, он не отойдёт от вас, не перебив всех, кто есть в этом месте. Вот он у меня, и вот я приведу его к вам с его мечом и щитом“.

И патриций Масура ответил ей: «Если я в безопасности от твоего гнева, то я не в безопасности от гнева твоего отца. И когда я увижу Шарр-Кана, я дам знак витязям, и они возьмут его в плен, и мы его отведём к царю, униженного!» – «Не будет этого, – вскричала Абриза, – это образец глупости. Этот человек один, а вас сто. Если вы хотите схватиться с ним, то выходите на него один за другим, чтобы царю стало ясно, кто среди вас храбрец...»

И Шахразаду застигло утро, и сна О прекратила дозволенные речи.

Ночь, дополняющая до пятидесяти

Когда же настала ночь, дополняющая до пятидесяти, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что царевна Абриза сказала патрицию: „Этот человек один, а вас сотня, и если вы хотите схватиться с ним, то показывайтесь ему один за одним, чтобы царю стало ясно, кто среди вас храбрец“. – „Клянусь мессией, – воскликнул патриций Масура, – ты сказала истину! Но никто не выйдет на него первым, кроме меня!“ – „Подожди, – сказала Абриза, – пока я пойду к нему и осведомлю его о ваших речах и посмотрю, каков будет его ответ. Если он согласится, это хорошо, а если откажется, то нет для вас к нему пут. И я, и мои девушки, и те, кто в монастыре, будут за него выкупом“.

И она пришла к Шарр-Кану и рассказала ему, что было, и он улыбнулся, поняв, что она никому не говорила о его деле и что весть о нем распространилась и дошла до царя не по её желанию. И он снова начал упрекать себя и подумал: «Как это я выкинул свою душу в страну румов!»

И, услышав слова девушки, он сказал ей: «Выходить на меня один за одним им непосильно. Отчего бы им не выйти на меня десяток за десятком?» – «Такая ловкость была бы обидой, – отвечала девушка, – пусть один выходит на одного». И когда Шарр-Кан услышал это, он вскочил на ноги и пошёл к ним, и с ним были его меч и военные доспехи.

И тут патриций вскочил и бросился на него, и Шарр-Кан встретил его, как лев, и ударил его в плечо, так что меч вышел, сверкая, из его спины и кишок. И когда девушка увидела это, значение Шарр-Кана увеличилось в её глазах, и она поняла, что, когда она его свалила, он был повергнут не её силой, а её прелестью и красотой. И девушка подошла к патрициям и сказала: «Отомстите за вашего товарища!» И тогда к Шарр-Кану вышел брат убитого, – а это был упорный великан, – и Шарр-Кан, не дав ему сроку, ударил его мечом в плечо, и меч вышел, сверкая, из его кишок. И девушка крикнула: «О рабы мессии, отомстите за вашего товарища!»

И они до тех пор выходили, один за другим, а Шарр-Кан играл с ними своим мечом, пока он не убил пятьдесят патрициев, а девушка смотрела на них. И Аллах закинул страх в душу тех из них, кто остался, и они отступили перед поединком и не дерзали выходить на Шарр-Кана, но бросились на него все сразу, и он тоже бросился на них с сердцем крепче камня и смолот их, как мелет молотилка, и похитил их умы и души. И девушка закричала своим невольницам и спросила их: «Кто ещё остался в монастыре?» И они ответили: «Не осталось никого, кроме привратников». И царевна пошла навстречу Шарр-Кану и взяла его в объятия, и Шарр-Кан отправился с нею во дворец после того, как окончил схватку. А из патрициев немногие уцелели, спрятавшись в кельях монастыря. И когда девушка увидела этих немногих, она поднялась и ушла от Шарр-Кана, а затем вернулась, одетая в кольчугу из узких колец, с острым индийским мечом в руках, и сказала: «Клянусь мессией, я не пожалею самой себя для моего гостя и не оставлю его, даже если буду опорочена из-за этого в странах румов».

И, взглядевшись внимательно в витязей, она увидела, что Шарр-Кан убил из них восемьдесят, а убежало двадцать. Увидав, что он сделал с людьми, она воскликнула: «Подобным тебе похваляются витязи! Ты достоин Аллаха, о Шарр-Кан!» А он после этого встал и, вытирая с меча кровь убитых, произнёс такие стихи:

«Как много войск в сражение я рассеял
И витязей львам отдал на съеденье!
О том, как встарь они со мной сражались,
В день жарких битв, спросите вы всех тварей
Их львов в Сою поверг я и оставил
В пыли земной на тех полях широких».

И когда он окончил свои стихи, девушка подошла, улыбаясь, и поцеловала ему руку и сняла кольчугу, бывшую на ней, а Шарр-Кан спросил её: «О госпожа моя, зачем ты надела эту кольчугу и обнажила свой меч?» – «Чтобы защитить тебя от этих злодеев», – ответила девушка. А затем она позвала привратников и спросила их: «Как вы дали приближённым царя войти в моё жилище без позволения?» – «О царевна, – ответили привратники, – обычно нам по нужно было спрашивать у тебя разрешения для послов царя, в особенности для великого патриция». А она отвечала: «Я думаю, вы хотели лишь опозорить меня и убить моего гостя!»

И она велела Шарр-Кану отрубить им головы, и он отрубил им головы, и тогда она сказала остальным своим слугам, что они заслуживают большего, чем это.

А затем она обратилась к Шарр-Кану и сказала ему: «Теперь тебе стало ясно то, что было скрыто. Сейчас я осведомлю тебя о моей истории. Знай, что я дочь царя румов Хардуба, и имя моё Абриза. А старуха, которую зовут Зат-ад-Давахи, – моя бабка, мать моего отца. Это она осведомила моего отца о тебе, и она непременно придумает хитрость, чтоб погубить меня, тем более что ты убил витязей моего отца, а про меня стало известно, что я отделилась и присоединилась к мусульманам. Правильней будет мне поскорей уехать отсюда, пока Зат-ад-Давахи не настигла меня. Но я хочу, чтобы ты мне оказал такую же милость, какую я оказала тебе: вражда между мною и моим отцом возникла из-за тебя, не пропусти же ничего из моих слов: все это произошло только из-за тебя».

И когда Шарр-Кан услышал эти слова, его ум улетел от радости, и его грудь расправилась, и он развеселился и воскликнул: «Клянусь Аллахом, никто до тебя не доберётся, пока в моей груди есть дух! Но можешь ли ты вытерпеть разлуку с отцом и с родными?» – «Да», – отвечала она.

И Шарр-Кан поклялся ей, и они дали обещание друг другу, и тогда она сказала: «Теперь моё сердце успокоилось, но для тебя осталось ещё одно условие». – «А какое?» – спросил он, и она ответила: «Ты вернёшься с войском в твою страну». И Шарр-Кан воскликнул: «О госпожа, мой отец Омар ибн ан-Нуман послал меня сражаться с твоим отцом из-за тех богатств, которые он захватил, а в числе их были три больших камня с многими благословенными свойствами». – «Успокой свою душу и прохлади глаза, – сказала девушка. – Я расскажу тебе эту историю и осведомлю тебя о причине нашей вражды с царём аль-Кустантыни. У нас бывает каждый год праздник, называемый праздником монастыря. Тогда здесь собираются со всех краёв цари и дочери вельмож и купцов и их жены и живут здесь семь дней. И я приезжаю в числе их. А когда между нами возникла вражда, мой отец запретил мне бывать на этом празднике в течение семи лет. И случилось так, что в каком-то году дочери вельмож всех стран приехали из своих дворцов и монастырь на этот праздник, следуя обычаю. И среди прибывших на праздник была дочь аль-Кустантынии, прекрасная девушка по имени Суфия. И они провели в монастыре шесть дней, а на седьмой день все уехали. И Суфия сказала: „Я вернусь в аль-Кустантынию только морем!“ И ей снарядили корабль, и она взошла на него со своими приближёнными, и распустили паруса и поплыли. И когда они плыли, вдруг поднялся ветер и сбил корабль с пути. А в этом месте, по предопределению судьбы, был корабль христиан с Камфарного острова, и на нем пятьсот вооружённых франков¹⁰⁵, и они уже находились в море некоторое время. И когда христианам блеснули паруса корабля, где находилась Суфия и девушки, бывшие с ней, они поспешно бросились к нему. Не прошло и часу, как они подплыли к кораблю, накинули на него крючья и повлекли его, и, распустив паруса, направились к своему острову. Но они удалились не на много, и вдруг ветер изменился, и обернулся на них, и понёс их на мель. И ветер разорвал их паруса и сильно привлёк их к нам. И мы вышли на них и сочли их своей добычей и захватили их и перебили. Мы взяли все сокровища и редкости и сорок девушек,

¹⁰⁵ Франками арабы называли обитателей Европы.

среди которых была Суфия, дочь царя. И мы захватили их и доставили девушек моему отцу, не зная, что среди них находится дочь паря Аффридуна, царя аль-Кустантынии. И мой отец выбрал из них десять девушек и в числе их царевну, остальных раздал своим приближённым. Потом он отобрал пять девушек и меж ними царевну и послал их в подарок твоему отцу, Омару ибн ан-Нуману, и с ними немного сукна, шерстяных одежд и шёлковых румских материй. И отец твой принял подарки и выбрал из пяти невольниц Суфию, дочь царя Аффридуна. И когда наступило начало этого года, отец Суфии написал письмо моему отцу словами, которых не подобает упоминать, и угрожал и бранил его, говоря: «Два года тому назад вы захватили у меня корабль, который был в руках разбойников и воров из одного франкского отряда и на корабле была моя дочь Суфия, и с нею около шестидесяти невольниц. И вы не осведомили меня и никого не прислали известить меня об этом. А я не могу объявить об этом деле, так как боюсь, что позор моей чести будет известен всем царям, ибо моя дочь обесчещена, и я скрывал это до сего года. Я написал некоторым разбойникам-франкам и спросил их, на островах какого паря она находится. И они ответили мне: „Клянёмся богом, мы не увозили её из твоей страны, но мы слышали, что её вырвал из рук каких-то разбойников царь Хардуб“. И они рассказали ему все дело. И Аффридун говорил в письме, которое он написал моему отцу: „Если вы не хотите со мной враждовать и не намерены меня опозорить и обесчестить мою дочь, то в час прибытия моего письма к вам пришлите мою дочь ко мне! Если же вы пренебрежёте моим письмом и ослушаетесь моего повеления, я неминуемо воздам вам за ваши скверные поступки и Злые деяния“.

И это письмо пришло к моему отцу, и, когда он его прочитал и понял, в чем дело, ему стало тяжело. И он раскаялся, что по незнанию держал у себя Суфию, дочь царя Аффридуна, среди тех девушек и не вернул её отцу. И он не знал, как ему поступить, так как он уже не МОР после такого большого срока послать к царю Омару ибн ан-Нуману и потребовать у него девушку, тем более что мы слышали, малое время тому назад, что царь был наделён детьми от своей невольницы, которую зовут Суфия, дочь царя Аффридуна.

И, поразмыслив, мы поняли, что это письмо есть великая беда, и отец не мог ничего придумать кроме того, чтоб написать ответ царю Аффридуну, извиняясь и принося ему клятвы, так как он не знал, что его дочь находилась среди девушек, бывших на том корабле. А затем он объяснил ему, что она послана царю Омару ибн ан-Нуману, которому достались от неё дети.

И когда послание моего отца дошло до Аффридуна, царя аль-Кустантынии, он стал вставать и садиться, и ревел и пускал пену и кричал: «Как это он захватил мою дочь и она сделалась подобна невольнице и переходила из рук в руки и оказалась у царей, которые познали её без брачной записи! Клянусь мессией и истинной верой, я не отступлюсь, пока не отомщу и не сниму с себя позор. Поистине, я совершу дело, о котором будут рассказывать после меня рассказчики!»

И царь Аффридун выжидал до тех пор, пока не придумал хитрость и не расставил великие козни: он послал послов к твоему отцу Омару ибн ан-Нуману и передал ему те речи, что ты сейчас слышал, с тем, чтобы твой отец снарядил тебя и войска, которые с тобою, и послал бы к нему, и он мог бы схватить тебя с твоими войсками. А что до трех камней, о которых он говорил твоему отцу в своём послании, то в этом нет правды: они были у Суфии, его дочери, и мой отец отобрал их у неё, когда она оказалась в его власти вместе с другими девушками, что были с ней, и подарил их мне, и сейчас они у меня. Отправляйся же к своим войскам и поверни их назад, прежде чем они углубятся и зайдут далеко в земли франков и румов! Если вы углубитесь в их страны, ваши пути станут тесны и вы не найдёте освобождения из их рук до дня воздаяния и возмездия. Я знаю, что войска твои стоят на месте так, как ты приказал им стоять три дня назад, хотя они потеряли тебя в это время и не знают, что им делать».

И, услышав эти слова, Шарп-Кан на некоторое время исчез из мира, размышляя, а затем он поцеловал руку царевны Абризы и воскликнул: «Слава Аллаху, который послал мне тебя и сделал тебя причиной моего спасенья и спасенья тех, кто со мной! Но мне тяжело

расстаться с тобой. Я не знаю, что с тобою случится, если я оставлю тебя». – «Отправляйся теперь к своему войску и возвращайся с ним назад, – сказала Абриза, – и если послы с войском, схвати их, пока дело выяснится. Вы вблизи от ваших земель, а через три дня я нагоню вас, и вы вступите в Багдад, и тогда мы все будем вместе».

И затем, когда Шарр-Кан хотел удалиться, она сказала ему: «И обет, который между нами, – не забудь ею», – и она встала, чтобы проститься с ним и обняться и погасить пламя тоски. И она просилась с ним и обняла его и заплакала сильным плачем и произнесла такие стихи:

«Я прощался в ней и утёр рукою правую,
И прижал её рукою левою, обнимая.
Она молвила: «Иль позор не страшен?» Ответил я:
«В день прощания для влюблённого нет позора».

А затем Шарр-Кан расстался с царевной Абризой и вышел из монастыря, и ему подвели его копя, и он сел и выехал, направляясь к мосту. И, достигнув его, он проехал по мосту и въехал в рощу, а когда он миновал её и проехал луг, он вдруг увидал трех всадников. И он насторожился, и обнажил меч, и осторожно стал продвигаться, но когда всадники приблизились к нему и они посмотрели друг на друга, они узнали Шарр-Кана, а он взглянул на них и вдруг видит: один из них – везирь Дандан и с ним два эмира. И когда они увидели Шарр-Кана и узнали его, они спешили и приветствовали его. И везирь спросил его о причине его отсутствия. Тогда Шарр-Кан рассказал им обо всем, что у него случилось с царевной Абризой с начала до конца, прославляя при этом Аллаха великого.

А после этого Шарр-Кан сказал: «Удалимся из этих стран; послы, которые прибыли с нами, ушли от нас сообщить своему царю о нашем прибытии. Быть может, за ними уже гонятся и сейчас схватят нас».

И Шарр-Кан велел прокричать среди войск об отъезде, и все тронулись, и двигались, не переставая, и ускоряли ход, пока не миновали долину. А послы отправились к своему царю и рассказали ему о прибытии Шарр-Кана. И царь снарядил войско, чтобы схватить его и тех, кто был с ним. Вот что было с послами и царём.

Что же касается до Шарр-Кана, везиря Дандана и двух эмиров, то эти четверо подъехали к войску и закричали: «Трогайтесь, трогайтесь!» И войска тотчас же тронулись и ехали день и второй день и третий день и двигались, не переставая, пять дней, а затем расположились в долине, поросшей лесом, и отдыхали некоторое время, и после этого двинулись дальше и ехали в течение двадцати пяти дней, пока не приблизились к своим землям. И, достигнув этих мест, они стали спокойны за свои души и спешили, чтобы отдохнуть. И к ним вышли жители тех земель с угощением и кормом для животных и запасами. И войска простояли два дня и двинулись дальше в свои земли. Но Шарр-Кан остался с сотней всадников. А везиря Дандана он сделал эмиром, и войска отравились с ним. И когда после их отъезда прошёл день, Шарр-Кан решил двинуться в путь и сел на коня, и его сто всадников сели тоже, и они проехали два фарсаха¹⁰⁶ и достигли узкого места между двумя горами и вдруг увидали перед собой облака пыли и праха. И они сдерживали своих копей в течение часа, пока пыль не рассеялась и не показалось сто всадников – хмурые львы, залитые в железо и кольчуги. И, приблизившись к Шарр-Кану и к тем, кто был с ним, они закричали: «Клянёмся Юханной и Мариам¹⁰⁷, мы достигли того, к чему стремились! Мы спешили за вами ночью и днём и прибыли в это место раньше вас! Сходите с ваших коней, отдайте нам ваше оружие и вручите нам ваши души, чтобы мы подарили вам ваши жизни!»

¹⁰⁶ Фарсах – расстояние, которое проходит каравая в течение одного часа – от 4,5 до 6 км.

¹⁰⁷ Юханна и Мариам – арабская форма христианских имён Иоанн и Марин.

И когда Шарр-Кан слышал эти слова, глаза вылезли у него на темя, его щеки покраснели, и он воскликнул: «О христианские собаки, вы осмелились прийти в нашу страну и пройти по нашей земле? Но вам недостаточно этого, и вы подвергаете себя опасности и обращаетесь к нам с этой речью! Или вы думаете, что вырветесь из наших рук и возвратитесь в ваши земли?» И он крикнул ста всадникам, которые были с ним, и сказал: «Вот вам эти собаки, их столько же числом, сколько вас!» И, обнажив меч, бросился на них.

И сто всадников бросились вместе с ним, и франки встретили их с сердцами крепче камня, и люди столкнулись с людьми, и храбрецы напали на храбрецов, и завязался тесный бой и жестокая стычка, и велик был ужас, и прекратились слова и разговоры.

И они бились и сражались и разили мечами, пока день не повернул на закат и не приблизилась тёмная ночь. И тогда они отошли друг от друга. И Шарр-Кан встретился со своими товарищами и увидел, что только четверо получили раны, но они оказались благополучными. И Шарр-Кан сказал им: «Клянусь Аллахом, я всю жизнь погружаюсь в ревущее море боя и сражаюсь с мужами, но не видал никого более стойких в единоборстве при встречах с бойцами, чем эти храбрецы!» И ему ответили: «Знай, о царь, что среди них есть один франкский воин, их предводитель, который доблестен и глубоко разит копьём, но он, клянёмся Аллахом, не коснулся нас, ни больших, ни малых, и всякого, кто оказывался перед ним, он как будто не замечал и не сражался с ним. Но клянёмся Аллахом, если бы он захотел нас убить, он убил бы нас всех!»

И Шарр-Кан растерялся, узнав о таких делах и услышав такие слова витязей. «Завтрашний день, – сказал он, – мы построимся и сразимся с ними поодиночке: нас ведь сотня и их сотня, и мы попросим помощи против них у господ небес». И они провели эту ночь, согласившись на этом.

Что же до франков, то они собрались вокруг своего предводителя и сказали ему: «Сегодня мы не добились желаемого с этими людьми». – «Завтра, ответил предводитель, – мы выстроимся и сразимся с ними один за одним». И они провели ночь, согласившись на этом.

И оба войска стояли на страже, пока Аллах великий не засветил утра. И царь Шарр-Кан сел на коня, и его сто всадников тоже сели, и все явились на поле и увидели, что франки уже выстроились для боя. И Шарр-Кан сказал своим товарищам: «Наши враги задумали прежнее. Вот они, выезжайте к ним!» Но тут глашатай франков закричал: «Наш бой сегодняшней день будет таким: пусть храбрец из вас выступит на храбреца из нас!» И тогда один витязь из товарищей Шарр-Кана выехал и погнал коня между рядами и крикнул: «Нет ли бойца, нет ли противника? Пусть не выходит против меня ленивый и слабый!» И ещё не закончил он своих слов, как на него уже вылетел витязь из франков, залитый в доспехи, и одежды его были золотые, и сидел он на пепельном коне, и на щеках этого франка не было растительности. И он погнал своего коня и остановился посреди поля и вступил с противником в бой мечом и копьём. И не прошло часу, как франк уже ударил его копьём, скинул его с коня и взял в плен и увёл его, униженного. И его люди обрадовались этому и не дали ему выйти на поле и выставили другого. И к нему вышел другой боец из мусульман, брат пленного, и стал против него на поле, и оба кидались друг на друга недолгое время, а затем франк напал на мусульманина и, обманув его, ударил его задним концом копья, сбросил с коня и взял в плен.

И мусульмане не переставали выходить, один за другим, а франк брал их в плен, пока день не повернул «а закат и не наступила мрачная ночь, из мусульман попало в плен двадцать витязей. И когда Шарр-Кан увидел это, ему стало тяжело, и он собрал своих товарищей и сказал им: „Что это за напасть постигла нас! Я выйду завтрашний день на поле и потребую поединка с предводителем франков. Я посмотрю, что было причиной его вступления в наши земли, и остерегу его от сражения с нами. И если он отвергнет эго, мы сразимся с ним, а если заключит мир, мы помиримся с ним“.

И они провели ночь в этом положении. А когда Аллах великий засветил утро, оба войска сели на коней, и оба отряда выстроились, и Шарр-Кан хотел выйти на поле, как вдруг видит, что из франков больше половины спешили перед одним из витязей, и они шли

перед ним, пока не оказались среди поля. И Шарр-Кан всмотрелся в этого витязя и вдруг видит, что витязь, их предводитель, одет в голубой атласный кафтан и лицо его подобно луне, когда она засияет, а поверх кафтана у него кольчуга с узкими кольцами и в руке его отточенный меч, а сидит он на вороном коне с белым пятном во лбу, величиной с дирхем, и у этого франка нет растительности на щеках. И витязь ударил своего коня пяткой и выехал на середину поля и сделал мусульманам знак, говоря на чистом арабском языке: «О Шарр-Кан, сын царя Омара ибн анНумана! О ты, что овладел крепостями и разрушил города, выступи на бой и сражение и выходи к тому, кто равен тебе на поле. Ты господин своего племени, и я господин своего племени. И тому из нас, кто победит своего противника, будут повиноваться люди побеждённого».

И он не закончил ещё своих слов, как Шарр-Кан выступил к нему с сердцем, полным гнева, и, погнав своего коня, он приблизился к франку и накинута на него, как разъярённый лев. И франк встретил его на поле с опытностью и умением и схватился с ним, как схватываются витязи, и они стали сражаться и биться копьями и убегали и снова нападали и схватывались и отражали, подобные двум столкнувшимся горам или двум бьющимся морям. И сражение продолжалось, пока день не повернул на закат и не наступила мрачная ночь. И тогда каждый из них расстался со своим противником и вернулся к своим товарищам. И Шарр-Кан, возвратившись к своим: людям, сказал им: «Я никогда не встречал подобного этому всаднику, по только я заметил в нем одно свойство, которого не видал ни у кого, кроме него: когда он увидит на своём противнике место для убийственного удара, он поворачивает копьё и ударяет задним концом. Я не знаю, что у нас будет с ним, по я желал бы, чтобы в нашем войске были подобные ему и его товарищам».

И Шарр-Кан проспал ночь, а когда наступило утро, франк вышел к нему и спешился посреди поля, а Шарр-Кан подошёл к нему, и они принялись биться и погрузились в сражение и бой, и шеи всех протянулись к ним, и они сражались и бились и разили копьями, пока день не повернул на закат и не наступила мрачная ночь. И тогда они разошлись и вернулись к своим людям. И каждый из них стал рассказывать товарищам, что он перенёс от своего противника. И франк сказал своим войнам: «Завтра решится дело!»

И они проспали эту ночь до утра, а затем оба витязя сели на коней и бросились друг на друга и сражались до полудня, а потом франк исхитрился и, ударив коня пяткой, потянул за повод, и конь споткнулся и сбросил его. И Шарр-Кан наклонился над своим соперником и хотел ударить его мечом, боясь, что дело с ним затянется. Но франк закричал ему и сказал: «О Шарр-Кан, не таковы бывают витязи! Так поступает побеждённый женщинами!» И когда Шарр-Кан услышал от витязя эти слова, он поднял глаза и пристально посмотрел на него и увидел, что это царевна Абриза, с которой у него случилось в монастыре то, что случилось. И, узнав её, он выпустил меч из руки и, поцеловав перед ней землю, спросил: «Что побудило тебя на эти поступки?» И Абриза ответила: «Я хотела испытать тебя на поле и посмотреть, крепок ли ты в бою и сражении, а все те, кто со мной, – мои девушки» и все они невинные девы, но они одолели твоих витязей в жарком бою. Если б мой конь подо мной не споткнулся, ты увидел бы мою силу и стойкость».

И Шарр-Кан улыбнулся её словам и сказал ей: «Слава Аллаху за спасение и за то, что мы встретились с тобой, о царица времени!» И потом царевна Абриза крикнула своим девушкам и велела им спешиться, отпустив сначала их двадцать пленников из людей Шарр-Кана, которых они взяли. И девушки последовали её приказанию и облобызали землю перед обоими. И Шарр-Кан сказал: «Подобных вам цари приберегают на случай беды». А затем он сделал знак своим людям, чтоб они приветствовали её, и они все спешились и поцеловали землю меж рук царевны Абризы (а они уже поняли, в чем дело). А потом двести всадников сели на коней и ехали ночью и днём в течение шести дней, пока не приблизились к своей стране. И Шарр-Кан приказал царевне Абризе и её девушкам снять бывшие на них одежды франков...»

И Шахразадку застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Пятьдесят первая ночь

Когда же настала пятьдесят первая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что Шарр-Кан приказал царевне Абризе и её девушкам снять бывшие на них одежды и одеться в платья румских девушек. И они это сделали, а затем он послал отряд своих людей в Багдад оповестить своего отца Омара ибн ан-Нумана о своём прибытии и сообщить ему, что с ним царевна Абриза, дочь царя Хардуба, царя румов, чтоб он послал её встретить».

А затем они тотчас же и в ту же минуту спешили на том самом месте, куда прибыли, и Шарр-Кан тоже спешил, и они проспали до утра. А когда Аллах великий засветил утро, Шарр-Кан сел на коня вместе с теми, кто был с ними, и царевна Абриза со своим войском тоже села на копей, и они направились к городу. И вдруг приблизился везирь Дандан во главе тысячи всадников, чтобы встретить царевну Абризу с Шарр-Каном (а они вышли им навстречу по приказанию царя Омара ибн ан-Нумана).

И, приблизившись, они направились к ним и поцеловали перед ним землю, а затем оба сели на коней, и воины тоже сели и поехали, сопровождая их, и вступили в юрод и отправились во дворец. И Шарр-Кан вошёл к своему отцу, а тот поднялся и обнял его, и спросил его о происшедшем.

И Шарр-Кан рассказал ему, что говорила царевна Абриза и что произошло у него с нею и как она оставила своё царство и рассталась со своим отцом.

«Она предпочла отправиться с нами и жить у нас, – говорил он, – и царь аль-Кустантыний хотел устроить с нами хитрость из-за своей дочери Суфии, так как царь румов сообщил ему её историю и почему она была подарена тебе, а царь румов не знал, что она дочь царя Аффридуна, царя аль-Кустантынии. И если бы он это знал, он бы не подарил её тебе, но, напротив, возвратил бы её отцу. И мы спаслись от этих дел, – говорил Шарр-Кан своему отцу, – только из-за этой девушки, Абризы, и я не видал никого доблестней её».

И он начал рассказывать своему отцу о том, что у него с нею случилось, от начала до конца, и о борьбе, и о поединке. И когда Омар ибн ан-Нуман услышал это от своего сына Шарр-Кана, Абриза стала великой в его глазах, и ему захотелось увидеть её. И он потребовал Абризу, чтобы расспросить её, и Шарр-Кан пошёл к ней и сказал: «Царь зовёт тебя!», и она ответила вниманием и повиновением. И тогда Шарр-Кан взял её и привёл к отцу, а царь сидел на своём престоле. И он велел выйти всем, кто был возле него из вельмож царства, и около него остались только евнухи, и тогда дева Абриза вошла и поцеловала землю меж рук царя Омара ибн ан-Нумана и изъяснилась прекрасными словами. И царь удивился её красноречию и поблагодарил её за то, что она сделала его сыну Шарр-Кану. И он приказал ей сесть, и она села и открыла лицо. И когда царь увидал её, ум улетел у него из головы; а затем он велел ей подойти и приблизил её к себе и отвёл особый дворец для неё и её невольниц, и назначил ей и её девушкам выдачи.

И он стал расспрашивать её о трех драгоценных камнях, о которых было упомянуто прежде. И Абриза сказала: «Вот, они со мной, о царь времени!» И, поднявшись, она отправилась в своё помещение и развязала свои пожитки и достала ларчик, из которого она вынула золотую коробку и, открыв её, вынула оттуда три драгоценных камня и поцеловала их и отдала царю, и ушла и взяла с собой его сердце.

А после её ухода царь послал за своим сыном Шарр-Каном. И когда тот явился, дал ему один камень из трех камней, и Шарр-Кан спросил его о двух других, и царь ответил: «О дитя моё, я дал один камень твоему брату Дау-аль-Макану, а другой я отдал Нузхат-аз-Заман твоей сестре». И, услышав, что у него есть брат по имени Дау-аль-Макан (а он знал только о своей сестре Нузхатаз-Заман, Шарр-Кан обратился к своему отцу и спросил:

«О царь, разве у тебя есть сын, кроме меня?» – «Да, и ему теперь шесть лет от роду», – отвечал царь. И он рассказал Шарр-Кану, что его брата зовут Дау-аль-Макан, а сестру – Нузхат-аз-Заман и что они рождены в один раз, и Шарр-Кану было тяжело это слышать, но он сохранил горечь в тайне и сказал отцу своему: «По благословию Аллаха великого!» И

он бросил камень из рук и отряс свои одежды. И его отец спросил его: «Что это я вижу, ты расстроился, услышав об этом? Ведь ты же будешь владеть царством после меня, и я заставил свои войска поклясться тебе, и эмиров моего правления я привёл к присяге. А этот камень из трех камней принадлежит тебе».

И Шарр-Кан опустил голову к земле и устыдился спорить со своим отцом, а затем он принял от нею камень и поднялся, не зная, как поступить от сильного гнева. К он шёл до тех пор, пока не вошёл во дворец царевны Абризы, и когда он приблизился, она поднялась перед ним и поблагодарила его за его поступки и призвала благословение на него и на его отца. И она села и посадила его рядом с собой, и когда он уселся, царевна увидела на его лице гнев и начала расспрашивать его, и он рассказал ей, что у его отца родились от Суфии двое детей мужского и женского пола, и мальчика он назвал Дау-аль-Макан, а девочку – Нузхат-аз-Заман он дал им два камня, а мне он дал один, – говорил Шарр-Кан, – и я оставил этот камень. И я узнал о spoём брате и сестре только теперь, а им, оказывается, уже шесть лет. И когда я узнал об этом, меня охватил гнев. И вот я рассказал тебе а причине моего гнева и не скрыл от тебя ничего. Теперь я боюсь, что он женится на тебе, так как он тебя полюбил, и я увидел в нем признаки желанья взять тебя. Что ты скажешь, если он этого захочет?» – «Знай, о ШаррКан, – отвечала царевна, – что твой отец не имеет надо мной власти и не может взять меня без моего согласия, а если он возьмёт меня насильно, я убью себя. А что касается до трех камней, то мне не пришло на ум, что он пожалует хоть один из них кому-нибудь из своих детей, я думала, что он их положит в свою казну вместе с сокровищами. Но я хочу от тебя милости: подари мне тот камешек, который твой отец дал тебе, если он у тебя».

И Шарр-Кан отвечал вниманием и повиновением и отдал ей камень. И царевна сказала ему: «Не бойся!» – и поговорила с ним некоторое время. «Я боюсь, – сказала она, – что мой отец услышит, что я у вас, и не станет медлить и будет стремиться найти меня. И он сговорится с царём Афридуном из-за его дочери Суфии, и они придут к вам с войсками, и будет великая тревога». – «О госпожа! – сказал Шарр-Кан, услышав это. – Если ты согласна остаться у нас, не думай о них, даже если бы собрались против нас все, кто есть на суше и на море». – «В этом будет только одно добро, – отвечала она; – если вы будете ко мне милостивы, я останусь у вас, а если будете злы, покину вас».

И затем она приказала невольницам принести коекакой еды, и подали столик, и Шарр-Кан поел немного, а потом он отправился в своё жилище, озабоченный и огорчённый. Вот что было с Шарр-Каном.

Что же касается до его отца, Омара ибн ан-Нумана, то, когда его сын ушёл от него, он встал и вошёл к своей невольнице Суфии, неся с собой те два камешка. И, увидав его, она встала и стояла на ногах, пока он не сел. И к нему подошли его дети – Дау-аль-Макан и Нузхатаз-Заман. Увидев их, он поцеловал их и повесил на шею каждого из них один камень; и дети обрадовались и поцеловали ему руки и подошли к своей матери, и она тоже обрадовалась и пожелала царю долгой жизни. И царь спросил её: «А почему ты за все время не сказала мне, что ты дочь царя Афридуна, царя аль-Кустантынии. Я увеличил бы свои милости к тебе и умножил бы твоё благосостояние и возвысил бы твоё место». И, услышав это, Суфия сказала: «О царь, а чего бы мне хотеть больше и выше, чем моё место у тебя? Я засыпана твоими милостями и благами, и Аллах наделил меня от тебя двумя детьми мужского и женского пола». И царю Омару ибн ан-Нуману понравились её слова. И потом он ушёл от неё и отвёл ей с детьми диковинный дворец и приставил к ней челядь и слуг, и законников, и мудрецов, и звездочётов, и врачей, и костоправов и велел служить ей, и оказал им большое уважение и проявил к ним крайнюю милость. А потом он отправился во дворец своей власти, где творил суд между людьми. Вот что было у него с Суфией и её детьми.

Что же касается до царя Омара ибн ан-Нумана и его дел с царевной Абризой, то его охватила любовь к ней, и он был влюблён в неё и ночью и днём. И каждый вечер он ходил к ней и беседовал с нею и намекал ей словами, по она не давала ему ответа и говорила: «О царь времени, мне нет сейчас охоты до мужчин». И когда он увидел её сопротивление, его

страсть усилилась и любовь и тоска увеличились. И, истомлённый этим, он призвал своего везиря Дандана и сообщил ему, как велика в его сердце любовь к царевне Абризе, дочери царя Хардуба, и рассказал ему, что она не оказывает ему повиновения и что любовь к ней убила его, но он ничего от неё не получил.

И, услышав это, везирь Дандан сказал царю: «С наступлением ночи возьми с собой кусочек банджа весом в мискаль, войди к ней и выпей с ней немного вина, и когда придёт время кончать застольную беседу и питьё, дай ей последний кубок и положи туда этот бандж и заставь её выпить его. Поистине, она не дойдёт до своего ложа раньше, чем бандж возьмёт над ней власть. И тогда ты войдёшь к ней и соединишься с ней и достигнешь твоей цели. Вот каково моё мнение». – «Прекрасно то, что ты мне посоветовал!» ответил царь.

И затем он направился в свою кладовую и взял кусок очищенного банджа, да такой, что если бы его понюхал слон, он бы проспал от года до года. И он положил бандж за пазуху и, выждав, пока прошла малая часть ночи, вошёл к царевне Абризе в её дворец, и, увидав его, она встала перед ним на ноги, но царь приказал ей сесть. И она села, а царь сел подле неё и стал с ней разговаривать про вино. И она разостлала скатерть с вином и расставила перед ним сосуды и зажгла свечи и приказала подать закуски и сладости, и плоды, и все, в чем они нуждались. И они стали пить, и царь беседовал с нею, пока опьянение не проникло в голову царевны Абризы. Когда царь это понял, он вынул кусок банджа из-за пазухи и, положив его между пальцами, наполнил своей рукой кубок и выпил его, а потом налил его второй раз и сказал царевне Абризе: «За твою дружбу!» – и бросил кусок банджа в кубок, а она не знала этого. И царевна Абриза взяла кубок и выпила его. Не прошло и часа, как царь понял, что бандж овладел ею и похитил её разумение. И он подошёл к ней и увидел, что она лежит на спине (а она сняла с ног шальвары) и подол её рубахи приподнят. И когда царь увидел её в таком состоянии (а он нашёл у неё в головах свечу и у её ног свечу, освещавшую то, что у неё между бёдер), преграда встала между ним и его умом, и сатана нашёптывал ему, так что он не мог владеть собою и, снявши шальвары, упал на девушку и уничтожил её девственность. А потом он поднялся с неё и вошёл к одной из её невольниц, которую звали Марджана, и сказал ей: «Войди к твоей госпоже, поговори с нею».

И девушка вошла к своей госпоже и увидела, что у той течёт по ногам кровь и что она брошена на спину, и тогда она взяла в руку платок из её платков и прибрала свою госпожу, вытерши с неё кровь, и проспала эту ночь подле неё. А когда Аллах великий засветил утро, невольница Марджана вымыла лицо своей госпожи и её руки и ноги, и, принеся розовой воды, омыла ею лицо Абризы и её рот, и тогда царевна Абриза чихнула и зевнула и извергнула бандж, и кусок банджа выпал из неё, как шарик. И затем Абриза омыла лицо и рот и спросила Марджану: «Скажи мне, что со мной было?» И невольница рассказала ей о том, что с ней произошло. И тогда Абриза поняла, что царь Омар ибн ан-Нуман лежал с нею и познал её и что его хитрость с нею удалась. И она сильно огорчилась из-за этого и затворилась от всех и сказала своим невольницам: «Не пускайте никого, кто захочет ко мне войти, и говорите: „Она больна“, а я посмотрю, что сделает со мною Аллах великий».

До везиря Омар ибн ан-Нумана дошла весть о том, что царевна Абриза больна, и он послал ей питья и сахар и мази, и царевна провела многие месяцы, затворившись. А потом огонь царя охладел, и её тоска по ней погасла, и он воздерживался от неё, а Абриза понесла от него, и месяца её тягости проходили, и беременность её стала явной, и живот её увеличился, и мир стал для неё тесен. И она сказала своей невольнице Марджане: «Знай, что не люди меня обидели; это я навлекла на себя беду, расставшись с моим отцом, матерью и царством. Мне отвратительна жизнь, и мой дух сломлен, и у меня не осталось больше бодрости и силы. Раньше, когда я садилась на моего копя, я справлялась с ним, а теперь я не могу сесть на коня, и если я рожу у вас, я буду опозорена пред моими невольницами, и все, кто есть во дворце, узнают, что он взял мою невинность прелюбодеянием. И когда я вернусь к моему отцу, то с каким лицом я его встречу и ворочусь к нему? Как прекрасны слова поэта:

О, чем развлекаюсь, коль нет ни близких, ни родины,

Ни чащи, ни дома нет и нет сотоварища»

И Марджана ответила: «Повеление принадлежит тебе, и я тебе повинуюсь!» И тогда Абриза сказала: «Я хочу сейчас же выйти, тайно, чтобы никто не знал обо мне, „хроме тебя, и вернуться к отцу и матери. Ведь когда мясо мёртвого начинает вонять, подле него остался только близкие, и Аллах сделает со мной то, что хочет“. – „Прекрасно то, что ты делаешь, о царица!“ – сказала Марлям ша. И Абриза собралась, скрывая свою тайну, и выждала несколько дней, пока царь не выехал на охоту и ловлю, а его сын Шарр-Кан не отправился в крепости, чтобы пробыть там некоторое время. И тогда она обратилась к своей невольнице Марджане и сказала ей: „Я хочу выехать сегодня ночью, но что мне делать против судьбы? Я чувствую, что подходит разрешение и роды; если я останусь ещё пять дней или четыре, то рожу здесь и не смогу отправиться в мои земли, но что было написано у меня на лбу“. И она подумала немного и сказала Марджане: „Присмотри нам человека, с которым мы бы поехали и он бы служил нам в пути. У меня нет силы носить оружие“. – „Клянусь Аллахом, госпожа, – ответила Марджана, – я не знаю никого, кроме чёрного раба, которого зовут аль-Гадбан. Он из рабов царя Омара ибн ан-Нумана, и он храбрец и приставлен к воротам нашего дворца, и царь велел ему прислуживать нам, и мы осыпали его милостями. Вот я выйду и поговорю с ним об этом деле и обещаю ему денег и скажу ему: „Если ты захочешь остаться у нас, мы женим тебя на ком пожелаешь“. Он раньше мне говорил, что был разбойником на дороге, и если он нас послушается, мы достигнем желаемого и прибудем в наши земли“. – „Позови его ко мне, я поговорю с ним“, – сказала царица, и Марджана вошла и позвала: „О Гадбан, Аллах даст тебе счастье, если ты согласишься на то, что скажет тебе моя госпожа“. И она взяла её за руку и подвела к Абризе. И аль-Гадбан, увидав её, поцеловал си руки, а когда Абриза увидела его, её сердце устремилось от него, но она сказала себе: „У необходимости свои законы!“ И обратившись к аль-Гадбану, она заговорила с ним, хотя её сердце устремлялось от него, и сказал: „О Гадбан, будет ли нам от тебя помощь против коварства судьбы? Если я открою тебе моё дело, будешь ли ты скрывать его?“ А когда раб взглянул на Абризку, она задела его сердцем, и он сейчас же полюбил её и мог лишь сказать: „О госпожа, если ты мне что-нибудь прикажешь, я не отступлюсь от этого“. – „Я хочу, – сказала Абриза, – чтобы ты сейчас взял меня и вот эту мою невольницу и оседлал бы нам выючных верблюдов и пару голов коней из коней царя и положил бы на каждого коня мешок денег и немного пищи. Ты поедешь с нами в нашу страну, и если ты останешься с нами, я женю тебя на той, кого ты выберешь из моих невольниц, а если пожелаешь возвратиться в твою страну, мы тебя женим и отдадим в твою землю, кто тебе полюбится, а кроме того, ты получишь достаточно денег“.

И, услышав эти слова, аль-Гадбан обрадовался сильной радостью и воскликнул: «О госпожа, я буду служить вам своими глазами и поеду с вами и оседлаю вам коней!» И он пошёл, радостный, и сказал себе: «Я достиг того, чего желал от них, а если они мне не подчинятся, я убью их и возьму деньги, которые будут с ними». И он затаил это в своей душе, а потом он ушёл и вернулся, и с ним было два навьюченных верблюда да три головы коней, и он сидел (па одном из них. И он подошёл к царице Абризке и подвёл к ней коня, а она села на одного из них и на другого посадила Марджану, а сама она мучилась от родов и не могла владеть собою от сильной боли. И аль-Гадбан, не переставая, ехал с ними в ущельях гор, днём и ночью, пока между ними и её страной не остался один день пути. И тогда к ней подошли роды, и она не могла задержать их и сказала аль-Гадбану: «Спусти меня на землю: роды подошли!» И она крикнула Марджане: «Сойди, сядь подо мной и помоги мне родить!» И тогда Марджана сошла с коня, и аль-Гадбан также сошёл с коня и привязал поводья обоих коней. И царица Абриза спустилась со своего коня, исчезая из мира от сильной боли в родах. И когда аль-Гадбан увидел, что она сошла на землю, сатана встал перед лицом его, и он обнажил меч перед Абризкой и сказал: «О госпожа, пожалей меня и дай мне близость с тобою!» И Абриза, услышав его слова, обернулась к нему и воскликнула:

«Мне остаются только чёрные рабы, после того как я не соглашалась па царей и

вождей...»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Пятьдесят вторая ночь

Когда же настала пятьдесят вторая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что царица Абриза сказала рабу аль-Гадбану: „Мне остаются только чёрные рабы, после того как я не соглашалась на царей и вождей“, и разгневалась на него и воскликнула: „Горе тебе, что это за слова ты говоришь! Горе тебе, не произноси ничего такого в моем присутствии! Знай, что я не соглашусь ни на что из того, что ты говорил, даже если бы мне дали выпить чашу гибели. Но подожди, пока я приберу новорождённого и приберусь сама и выкину послед, а потом, если ты со мной справишься, делай, что хочешь. И если ты сей же час не оставишь мерзкие речи, я убью себя своею рукой и расстанусь с жизнью и отдохну от всего этого“.

И она произнесла: «Оставь меня, Гадбан, с меня довольно
Одной борьбы с превратностями рока!
Господь мой запретил мне делать мерзость,
И он сказал: «В огне приют строптивых».

И дел дурных не склонна совершать я,
Оставь же, не гляди дурным ты оком,
А если не оставишь со мной мерзость,
Не охранишь моей для бога чести, —
Сородичей я кликну во весь голос
И привлеку и близких и далёких.

Разрежут пусть меня клинком йеменским —
Развратному не дам себя увидеть,
Хоть был бы он свободным и великим, —
Не то, что раб, отродье непотребных».

И когда аль-Гадбан услышал эти стихи, он разгневался сильным гневом, его глаза покраснели, лицо его сделалось цвета пыли, его ноздри раздулись и губы отвисли, и он стал ещё более отвратителен. И он произнёс такие стихи:

«О, не оставь меня, прошу, Абриза,
Убитым от любви йеменским взором¹⁰⁸
Суровостью твоей душа разбита,
Худеет тело, кончилось терпенье.
Твой взор сердца, как чарами, пленяет —
Мой ум далеко, а тоска так близко.
И если землю войском ты наполнишь,
Я все равно желанного достигну».

И когда Абриза услышала его слова, она заплакала сильным плачем и воскликнула: «Горе тебе, о Гадбан! Разве до того дошла твоя сила, что ты обращаешь ко мне такие речи! О дитя прелюбодеянья, о питомец непотребства! Или ты считаешь, что люди все равны?» И,

¹⁰⁸ Взгляд Абризы сравнивается здесь с йеменским клинком, который разит без промаха.

услышав он её все это, скверный раб разгневался, и глаза его покраснели, и, подойдя к ней, он ударил её мечом по шее и убил её, и погнал её коня, взяв сначала деньги, и спас свою душу в горах. Вот что было с аль-Гадбаном.

Что же касается до царевны Абризы, то она родила дитя мужского пола, подобное месяцу, и Марджана взяла его, прибрала и положила рядом с матерью, и дитя схватило её соски, когда она была мёртвая. И Марджана закричала великим криком, разорвала на себе одежды и посыпала прахом свою голову и била себя по щекам, пока из лица её не выступила кровь, и она кричала: «Увы, моя госпожа! О моё горе! Ты пала от руки чёрного раба, который ничего не стоит, и при твоей то доблести!»

И она плакала, не переставая, и вдруг поднялась пыль и застлала края неба, и эта пыль рассеялась, и из-за неё показалось большое войско. А это войско было войском царя Хардуба, отца царевны Абризы. А причиною этого было то, что когда он услышал, что его дочь со своими девушками убежала в Багдад и находится у царя Омара ибн ан-Нумана, он выступил со своими людьми, чтобы разузнать о дочери у проезжих путешественников, если от её видели у царя Омара ибн ан-Нумана. И когда он выступил и удалился от своего города на один день пути, он увидел вдали трех всадников и направился к ним, что бы спросить их, откуда они едут, и узнать веет о своей дочери (а он увидел вдали тех троих – свою дочь, её невольницу и раба аль-Гадбана, и направился к ним, чтобы расспросить их). И когда он к ним направился, раб испугался за себя и убил Абризку и обратился в бегство. А её отец, приблизившись, увидел, что она убита и её невольница плачет над нею. И он бросился со своего коня и упал на землю, лишившись сознания, и все бывшие с ним витязи, эмиры и везири спешили и тот час же разбили шатры в горах и поставили царю Хардубу круглый шатёр со сводом, и вельможи царства встали снаружи этого шатра. А когда Марджана увидела своего господина, она узнала его, и её плач усилился, а царь, очнувшись от обморока, спросил её, как было дело. И она рассказала ему всю историю.

«Тот, кто убил твою дочь, – чёрный раб из рабов Омара ибн ан-Нумана», сказала она и рассказала, что сделал царь Омар ибн ан-Нуман с его дочерью.

И когда царь Хардуб услышал это, мир стал чёрен перед лицом его, и он горько заплакал, а потом он велел подать носилки и понёс на них свою дочь и отправился в Кайсарию, и её внесли во дворец.

А затем царь Хардуб вошёл к своей матери Зат-ад-Давахи и сказал ей: «Так-то поступают мусульмане с моей дочерью! Царь Омар ибн ан-Нуман берет её невинность силой, а после того её убивает чёрный раб из его рабов! Клянусь мессией, мы непременно должны отомстить ему за мою дочь, и я сниму позор с моей чести, а не то я убью себя своей рукой».

И он горько заплакал, а его мать Зат-ад-Давахи сказала ему: «Никто не убил твою дочь, кроме Марджаны. Она тайно её ненавидела. Не печалься о том, чтобы нам отомстить за неё. Клянусь мессией, я не отступлю от царя Омара ибн ан-Нумана, прежде чем не убью его и его детей. И поистине, я сделаю с ним дело, на которое бессильны хитрецы и храбрые. О нем будут рассказывать рассказчики во всех концах и во всех местах! Но тебе должно следовать моему приказу во всем, что я тебе скажу, ибо тот, кто твёрдо решился, достигнет того, чего хочет». И царь ответил: «Клянусь мессией, я никогда не буду перечить тебе в том, что ты скажешь!» И она сказала: «Приведи ко мне невольниц высокогрудых, невинных и приведи мне мудрецов нашего времени! И пусть они учат их мудрости и вежеству с царями и умению вести беседу стихами, и говорят с ними о премудростях и наставлениях. И мудрецы должны быть мусульманами, чтобы передать им рассказы о древних арабах и истории халифов и повести о прежних владыках ислама. И если мы проведём за этим четыре года, мы наверное достигнем желаемого. Продли же терпенье и подожди, – ведь говорит кто-то из арабов: „Отомстить спустя сорок лет – не долго“. А мы, когда обучим этих девушек, достигнем от нашего врага чего захотим, ибо он предаётся любви, и невольниц у него триста шестьдесят шесть, к которым прибавилась сотня твоих лучших девушек, что были с покойницей, твоей дочерью. И когда невольницы обучатся тому, о чем я тебе говорила, я возьму их с собой и

уюду с ними».

И царь Хардуб, услышав слова своей матери Зат-адДавахи, обрадовался, встал и поцеловал её в голову, а потом он в ту же минуту послал путешественников и посланцев в отдалённые страны, чтобы привести к нему мусульманских мудрецов. И они последовали его приказу и приехали в далёкие страны, и привезли ему мудрецов и учёных, которых он требовал. И когда мудрецы предстали перед Хардубом, он оказал им крайнее уважение и одарил их почётными платьями и назначил им выдачи и жалованье и обещал им большие деньги, когда они обучат девушек. И затем он привёл к ним девушек...»

И Шахразад устала, и она прекратила дозволенные речи.

Пятьдесят третья ночь

Когда же настала пятьдесят третья ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что когда учёные и мудрецы явились к царю Хардубу, он оказал им великий почёт и, приведя к ним девушек, приказал обучить их мудрости и вежеству и они последовали его приказу.

Бот что было с царём Хардубом. Что же касается царя Омара ибн ан-Нумана, то, вернувшись с охоты и ловли и войдя во дворец, он стал искать царевну Абризду, но не нашёл её, и никто не рассказал ему о ней и не осведомил его о том, что было. И ему стало от этого тяжело, и он воскликнул: «Как может быть, чтобы девушка вышла из дворца и никто о ней не знал бы! Если таковы дела в моем царстве, то пользы от него нет, и нет в нем устроителя. И я не выйду снова на охоту и ловлю, пока не пошлю людей к воротам, чтобы охранять их!» И его печаль усилилась, и грудь у него стеснилась из-за разлуки с царевной Абризой.

И пока все это было с ним, сын его Шарр-Кан прибыл из путешествия, и отец осведомил его о случившемся и рассказал ему, что Абриза убежала, когда он был на охоте и ловле. И Шарр-Кан огорчился великим огорчением. А затем царь стал каждый день навещать своих детей и оказывать им благоволение. И призвал мудрецов и учёных, чтобы они обучали его детей, и назначил им выдачи. И когда Шарр-Кан увидел это, он пришёл в великий гнев и позавидовал брату и сестре, так что следы гнева показались на лице его, и он непрестанно болел из-за этого. И в один день из дней отец сказал ему: «Что это, я вижу, ты становишься все слабее телом и желтее лицом?» И Шарр-Кан отвечал ему: «О батюшка, всякий раз, как я вижу, что ты приближаешься к себе моего брата и сестру и оказываешь им милости, меня охватывает зависть, и я боюсь, что зависть моя увеличится и я убью их, а ты убьёшь меня, когда я убью их. И болезнь моего тела и изменение цвета лица из-за этого. Я хочу от твоей милости, чтобы ты дал мне крепость вдаль от других крепостей, где я и провёл бы остаток моей жизни. Ведь говорит сказавший поговорку: „Быть вдаль от любимого лучше мне и прекраснее; не видит око – не грустит сердце“. И он опустил голову к земле.

Когда царь Омар ибн ан-Нуман услышал его речи и понял причину его немощи, он стал его уговаривать и сказал: «О сын мой, я согласен на это. В моем царстве нет крепости больше Дамаска, и я отдаю её тебе во власть от сего часа».

И он призвал писцов в тот же час и минуту и приказал написать указ о назначении своего сына Шарр-Кана правителем Дамаска Сирийского, и они записали это, И Шарр-Кана снарядили, и он взял с собою везира Дандана, и отец его велел везиру управлять владениями Шарр-Кана и поручил ему вести все его дела и пребывать подле него. А затем отец простился с ним, и простились эмиры и вельможи царства, и Шарр-Кан двинулся со своим войском и прибыл в Дамаск. И когда он достиг города, жители забили в литавры и затрубили в трубы, и город окрасили и встретили Шарр-Кана большим шествием, где вельможи правой стороны шли справа, а вельможи левой стороны – слева.

Вот что было с Шарр-Каном. Что же касается до его родителя, Одыра ибн ан-Нумана, то после отбытия его сына и Шарр-Кана мудрецы пришли к нему и сказали: «О властитель

наш, твои дети изучили науку и в совершенстве освоили мудрость, вежество и правила обхождения». Царь возрадовался великой радостью и пожаловал мудрецов. И он увидел, что Дау-аль-Макан вырос и стал большой, и сел на коня и достиг возраста четырнадцати лет. Он рос, занятый делами веры и благочестия, и любил бедняков и людей науки и знатоков Корана. И жители Багдада полюбили его, мужчины и женщины. И вот однажды через Багдад проходил иракский караван с носилками¹⁰⁹, чтобы совершить паломничество и посетить могилу пророка, – да благословит его Аллах и да приветствует! И когда Дау-аль-Макан увидел шествие, сопровождавшее носилки, ему захотелось совершить паломничество. И он вошёл к своему отцу и сказал: «Я пришёл к тебе, чтобы попросить разрешения отправиться в паломничество». Но отец запретил ему это и сказал: «Подожди до следующего года, мы отправимся с тобою».

И, убедившись, что это дело затягивается, Дау-аль-Макан вошёл к своей сестре Нузхат-аз-Заман и увидел её стоящей на молитве, и, когда она совершила молитву, он сказал ей: «Меня убивает желание отправиться в паломничество к священному дому Аллаха и посетить могилу пророка, – молитва над ним и привет! Я спросил у отца позволения, но он запретил мне это, и я намерен взять немного денег и уйти в паломничество тайно, не осведомляя об этом отца». – «Заклинаю тебя Аллахом, – кликнула его сестра, – возьми меня с собою! Не лишай меня посещения могилы пророка – да благословит его Аллах и да приветствует!» И Дау-аль-Макан сказал ей: «Когда спустится мрак, выходи отсюда и не говори об этом никому».

И когда наступила полночь, Нузхат-аз-Заман встала, взяла немного денег и, надев мужскую одежду (а она достигла того же возраста, что и Дау-аль-Макан), прошла, не останавливаясь, до ворот дворца и увидела, что её брат Дау-аль-Макан уже снарядил верблюдов, и он сел и посадил её, и они поехали ночью и смешались с караваном и ехали до тех пор, пока не оказались посреди иракского каравана. И они непрерывно двигались (а Аллах начертал им благополучие), пока не вступили в Мекку Почти таеую и остановились на горе Арафат¹¹⁰, и совершили обряды паломничества, и затем пошли посетить могилу пророка¹¹¹, – да благословит его Аллах и да приветствует, – и посетили её.

А после этого они хотели возвратиться с паломниками в свою страну, и Дау-аль-Макан сказал сестре: «Сестрица, мне хочется посетить Иерусалим и друга Аллаха, Ибрахима¹¹², да будет с ним мир!» – «И мне также», – отвечала она, и они согласились на этом.

И Дау-аль-Макан вышел и нанял себе и ей верблюдов в караване иерусалимлян, и они снарядились и отправились с караваном. И в ту же ночь на сестру его напала горячка с ознобом, и она захворала, а потом поправилась, и он тоже захворал. И Нузхат-аз-Заман ухаживала за ним во время его болезни. И они шли непрерывно, пока не вступили в Иерусалим, и болезнь Дау-аль-Макана усилилась, и слабость его увеличилась. И они остановились там в хане и наняли себе помещение, где и расположились, а недуг Дау-аль-Макана становился все сильнее, так что истомил его, и он исчез из мира. И сестра его, Нузхат-аз-Заман огорчилась этим и воскликнула: «Нет мощи и силы, кроме как у Аллаха, высокого, великого! Таков приговор Аллаха!»

¹⁰⁹ Караван паломников в Мекку сопровождали богато разукрашенные носилки, имеющие вид ящика, в который кладётся свиток всего Корана или части его.

¹¹⁰ Гора Арафат – название горы и долины к востоку от Мекки. Здесь паломники совершают предписанную обрядом «остановку», во время которой громко молятся и читают Коран.

¹¹¹ Могила Мухаммеда находится в Медине. Сюда стекается огромное множество паломников, хотя посещение её не считается обязательным.

¹¹² Ибрахим – по библии Авраам. «Другом Аллаха» Авраам назван в Коране.

И так она жила с братом в этом месте, и болезнь его все усиливалась, а сестра ходила за ним и тратила на себя и на него последнее. И деньги, бывшие у неё, вышли, и она обеднела, так что у неё не осталось ни дирхема, и тогда она послала мальчика из хана на рынок с кое-какими материями, и он продал их, а деньги она истратила на своего брата. А потом она продала ещё кое-что и все время продавала свои пожитки, вещь за вещь, пока у неё не осталось и рваной циновки. И тогда она заплакала и воскликнула: «Аллаху принадлежит власть и донныне и впредь!» И брат сказал ей: «Сестрица, я почувствовал в себе здоровье, и мне хочется немного жареного мяса», и она отвечала ему: «Клянусь Аллахом, о брат мой, нет у меня смелости побираться. Завтра я пойду в дом какого-нибудь вельможи и стану служить и заработаю что-нибудь нам на пропитание». И потом она подумала немного и сказала: «Мне не легко будет расстаться с тобою, когда ты в таком состоянии, но я пойду против воли». А её брат воскликнул: «Станешь ли униженной после величия? Нет мощи и силы, кроме как у Аллаха!» И он заплакал, и она тоже заплакала и сказала: «О брат мой, мы чужеземцы, и мы прожили здесь целый год, но никто не постучался к нам в дверь. Или нам умирать с голоду? Я думаю одно: пойду и буду сложить и принесу тебе что-нибудь, чем мы будем кормиться, пока ты не выздоровеешь от твоей болезни, а потом мы отправимся в нашу страну».

И она немного поплакала, и брат её тоже плакал, лёжа на подушках, а затем Нузхат-аз-Заман поднялась и покрыла себе голову куском плаща (а это была одежда погонщика верблюдов, которую её владелец забыл у них) и, поцеловав брата в голову, обняла его и вышла, плача, и она не знала, куда пойти. И она ходила, а брат ожидал её, и уже приблизилось время вечера, но Нузхат-аз-Заман не возвращалась. И брат её пролежал, ожидая её, пока не настал день, но она не вернулась к нему, и он провёл в таком положении два дня, и ему стало от этого тяжело, и сердце его встревожилось за сестру, и голод его усилился. Он вышел из комнаты и, крикнув мальчика из хана, сказал ему: «Я хочу, чтобы ты снёс меня на рынок». И мальчик отнёс его и бросил на рынке. И жители Иерусалима собрались вокруг юноши и стали плакать о нем, увидя его в таком состоянии. И он сделал им знак, прося чего-нибудь поесть, и ему принесли от одного из купцов, что был на рынке, несколько дирхемов, купили кое что и накормили. А потом его подняли и положили у одной из лавок, разостлав кусок циновки, а у изголовья его поставили кувшин.

Когда же подошла ночь, все люди ушли от него, унося с собою заботу о нем. А в полночь юноша вспомнил о своей сестре, и его недуг усилился, и он перестал есть и пить и исчез из бытия. И люди на рынке поднялись и взяли для него у купцов тридцать дирхемов серебром, и наняли верблюда и сказали верблюжатнику: «Взвали этого человека на верблюда, доставь его в Дамаск и свежи в больницу; может быть, он выздоровеет и поправится». И верблюжатник ответил: «На голове!» А затем он сказал себе: «Как я поеду с этим Больным, когда он близок к смерти?» И он вывез его в какое-то место и скрывался с ним там до ночи, а потом бросил его на кучу навоза возле топки одной из бань и ушёл своей дорогой.

Когда же настало утро, истопник бани поднялся на работу и увидел Даль Макана, лежавшего на спине, и подумал: «Почему они бросили этого мертвеца как раз здесь!» И он пихнул его ногой, и Дау-аль-Макан шевельнулся, и тогда истопник воскликнул: «Наедятся хашиша и валяться где попало!» И он взглянул в лицо юноше и видел, что у него на щеках нет растительности и что он красив и прелестен, и когда его взяла жалость к юноше, и он понял, что это больной и чужеземец. «Нет мощи и силы, кроме как у Аллаха! – воскликнул он. – Я совершил грех из-за этого юноши, а пророк, – да благословит его Аллах и да приветствует, – наставлял почитать чужеземца, в особенности если он болен». И, подняв юношу, он принёс его в своё жилище, и вошёл с ним к своей жене, и велел ей ходить за ним и постлать ему ковёр, и она постлала и положила ему под голову подушку, а затем она принесла воды и вымыла юноше руки, ноги и лицо.

А истопник пошёл на рынок и принёс немного розовой воды и сахару, и прыснул розовой водой в лицо Дау-аль-Макану и напоил его водой с сахаром. А потом он вынул для него чистую рубаху и надел её на него. И юноша почувствовал веяние здоровья, и исцеление

направилось к нему, и он опёрся на подушку, а истопник обрадовался и воскликнул: «Слава Аллаху за выздоровление этого юноши! Боже, прошу тебя, силою твоей сокрытой тайны сделай, чтобы спасение этого юноши было от моих рук...»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Пятьдесят четвёртая ночь

Когда же настала пятьдесят четвёртая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что истопник воскликнул: „О боже, прошу тебя, силою твоей сокрытой тайны сделан так, чтобы спасение этого юноши было делом моих рук!“»

И истопник ходил за ним три дня, поя его сахаром и ивовым соком и розовой водой, и был с ним ласков и кроток, пока здоровье не разлилось по его телу. И Дау-аль-Макан открыл глаза, и тогда истопник вошёл к нему и увидел, что эк сидит и выглядит бодро, я спросил: «Каково тебе, дитя моё, в этот час?» И Дауаль-Макан ответил: «Слава Аллаху, я в этот час во здравии и благополучии по воле Аллаха великого!» И истопник прославил за это владыку, И, отправившись на рынок, купил юноше десять цыплят, принёс их своей жене и сказал: «Режь ему каждый день по две птицы – рано утром одну и в конце дня одну». И они поднялась, зарезала ему цыплёнка и, сварив его, принесла юноше, накормила его и дала выпить отвара. А когда он кончил есть, она подала горячей воды, и Дау-аль-Макан вымыл руки и прилёг на подушку, а она накрыла его плащом, и он проспал до времени заката. И тогда жена истопника сварила другого цыплёнка и принесла его юноше и разняла цыплёнка и сказала: «Ешь, дитя моё!» И когда он ел, вдруг вошёл её муж и, увидев, что она кормит юношу, сел у его изголовья и спросил: «Каково тебе теперь, дитя моё?» – «Слава Аллаху за выздоровление, да воздаст тебе Аллах за меня благом», – ответил Дау-аль-Макан. И истопник обрадовался, а потом он вышел и принёс ему фиалковое питьё и розовую воду и напоил его. А этот истопник работал каждый день в бане за пять дирхемов, и ежедневно он покупал юноше на дирхем сахару, розовой воды, фиалкового питья и ивового сока и на дирхем покупал цыплят, и он ухаживал за юношей, пока не прошёл месяц и следы ею болезни не исчезли и здоровье не направилось к нему.

И истопник с женой обрадовался выздоровлению Дауаль-Макана и сказал ему: «О дитя моё, не хочешь ли пойти со мною в баню?» И когда юноша ответил «Хорошо!», истопник пошёл на рынок, привёл ослятника и, посадив Дау-аль-Макана на осла, поддерживал его, пока по достиг с ним бани. И когда он посадил его и, отведя осла к топке, пошёл на рынок и купил листьев лотоса и бобовой муки, а потом он сказал Дау-аль-Макану: «О господин, во имя Аллаха, войди, я вымою тебя».

И они вошли в баню, и истопник принялся тереть Дауаль-Макану ногу и стал мыть ему тело лотосом и мукой¹¹³, но пришёл банщик, которого хозяин послал к Дау-аль-Макану, и увидел, что истопник моет его и трёт ему ноги.

И банщик подошёл к нему и сказал: «Это ущерб для хозяина»¹¹⁴, а истопник ответил: «Клянусь Аллахом, хозяин осыпал нас своими милостями!» И банщик стал брить Дауаль-Макану голову, а потом юноша с истопником вымылись, после чего истопник привёл его в своё жилище и надел на него тонкую рубаху и одежду из своих одежд, красивый тюбан и тонкий пояс и обернул его шею платком.

А жена истопника зарезала для него двух цыплят и сварила их. И когда Дау-аль-Макан пришёл и сел на постель, истопник поднялся и, распустив сахар в ивовом соке, напоил его, а потом подали скатерть и истопник стал делить цыплят на части и кормил Дау-аль-Макана и

¹¹³ Бобовую муку употребляют вместо мыла, а листья лотоса – вместо мочалки.

¹¹⁴ Истопник нанёс ущерб хозяину тем, что вымыл Дау-аль-Макана сам, не заплатив банщику.

поил его отваром, пока тот не насытился. И юноша вымыл руки и, прославив Аллаха великого за выздоровление, сказал истопнику: «Ты тот, кого Аллах великий соблаговолил послать мне, и он сделал моё спасение делом твоих рук». И истопник отвечал ему: «Оставь эти речи и скажи нам, по какой причине ты прибыл в этот город и откуда ты? Я вижу на твоём лице следы благоденствия». – «Скажи мне, как ты нашёл меня, и я расскажу тебе мою историю», – ответил Дау-аль-Макан. И истопник сказал: «Что до меня, то я, отправляясь на работу, нашёл тебя на навозной куче рано утром возле входа в баню. Я не знаю, кто бросил тебя там. И я взял тебя к себе, и вот вся моя история».

«Слава тому, кто оживляет кости, когда они истлели! – воскликнул Дау-аль-Макан. – О брат мой, ты оказал милость достойному её и сорвёшь богатые плоды. А в каком я теперь городе?» – спросил он потом истопника, и тот ответил: «Ты в городе Иерусалиме». И тогда Дау-аль-Макан вспомнил, что он на чужбине, и, подумав о разлуке со своей сестрой, он заплакал и открыл свою тайну истопнику. И он рассказал ему свою историю и произнёс:

«Любовью обременён я ими сверх сил моих,
И вот из-за них теперь я стражду, как в судный день.
О, сжальтесь, ушедшие, над кровью души моей,
Ведь сжалились после вас злорадные надо мной»
Не будьте скупыми вы и взгляд подарите мне –
Он муку смягчит мою и страсть чрезмерную.
И душу мою просил без вас потерпеть, но мне
Сказала душа: «Отстань! Терпеть мне не свойственно!»

И потом он ещё сильнее заплакал, а истопник сказал ему: «Не плачь и прославь Аллаха великого за спасение и выздоровление». А Дау-аль-Макан спросил: «Сколько дней отсюда до Дамаска?» – «Шесть дней», – ответил истопник. И Дау-аль-Макан молвил: «Не согласишься ли ты отослать меня туда?» – «О господин, – воскликнул истопник, – как я отпущу тебя одного, когда ты человек молодой и чужеземец? Если ты хочешь отправиться в Дамаск, то я тот, кто поедет с тобою. И если моя жена послушает меня и будет повиноваться, я останусь там, так как мне не легко с тобой расстаться».

Потом истопник сказал своей жене: «Не хочешь ли ты отправиться со мною в Дамаск Сирийский, или ты останешься здесь, пока я буду с моим господином в Дамаске Сирийском и не возвращусь к тебе? Он стремится в Дамаск Сирийский, а мне, клянусь Аллахом, не легко расстаться с ним, и я боюсь для него зла от разбойников с дороги». – «Я поеду с вами», – ответила ему жена»

И истопник воскликнул: «Слава Аллаху за согласие! Дело закончено!»

А потом он поднялся и продал свои пожитки и пожитки жены...

И Шахразату застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Пятьдесят пятая ночь

Когда же настала пятьдесят пятая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что истопник и его жена сговорились с Дау-аль-Маканом отправиться в Дамаск, а потом истопник продал свои пожитки и пожитки своей жены, купил верблюда и нанял осла и посадил на него Дау-аль-Макана, и они поехали, и ехали непрерывно шесть дней, пока не вступили в Дамаск, и прибыли туда в конце дня. И истопник пошёл и купил, по обычаю, кое-какой еды и напитков, и они провели таким образом пять дней, а после этого жена истопника проболела немного и отошла к милости великого Аллаха, и это было тяжело Дау-аль-Макану, так как он привык к ней, пока она ходила за ним.

И когда она умерла, истопник печалился по ней великой печалью, и Дау-аль-Макан, посмотрев на него, увидел, что он опечален, и сказал ему: «Не горюй, мы все войдём в эту

дверь». И истопник обернулся к нему и воскликнул: «Да воздаст тебе Аллах благом, о дитя моё! Аллах великий возместит нам, по своей милости, и прогонит от нас печаль! Не хочешь ли, дитя моё, выйдем и погуляем в Дамаске, чтобы развлеклось твоё сердце». – «Будь по-твоему», – ответил Дау-аль-Макан. И истопник поднялся и вложил свою руку в руку Дау-аль-Макана, и они вышли и пришли к стойлам дамасского вали и увидели верблюдов, нагруженных сундуками, коврами и парчовыми материями, и осёдланных коней и бактрийских верблюдов и рабов, негров и белых, и народ суетился и толкался. И Дау-аль-Макан воскликнул: «Посмотрите-ка! Чьи это невольники, верблюды и материи?» И он спросил одною из слуг: «Кому эти подарки?» И спрошенный ответил ему: «Это дары дамасского эмира, которые он хочет послать царю Омару ибн ан-Нуману вместе с податью Сирии». И когда Дау-аль-Макан услышал эти слова, его глаза наполнились слезами, и он произнёс:

«О ушедшие с глаз моих, вы навеки
В моем сердце кашли себе пребыванье.
Вашу прелесть не вижу я, и живётся
Мне не сладко, – тоска моя неизменна.
Если встретить судил Аллах мне вас снова,
В долгой речи о страсти вам расскажу я».

А окончив своя стихи, он заплакал, и истопник сказал ему: «О дитя моё, мы едва уверились, что выздоровление пришло к тебе! Успокой же свою душу и не плачь, я боюсь возврата твоей болезни!»

И он, не переставая, уговаривал его и шутил с ним, а Дау-аль-Макан вздыхал и печалился о том, что он на чужбине и в разлуке с сестрой и со своим царством, и лил слезы. А потом он произнёс такие стихи:

«Благ жизни бери в запас, – покинешь ведь ты её,
И знай, несомненно смерть к тебе снизойти должна.
Твоё благоденствие – соблазн и печаль одна,
И жизнь в этом мире вся тщетна и бессмысленна.
Поистине, наша жизнь – стоянка для путника:
Под ночь прибывает он, а утром снимается».

И Дау-аль-Макан стал плакать и стенать о том, что он на чужбине, а истопник плакал о разлуке со своей женой, но он не переставал уговаривать Дау-аль-Макана, пока не наступило утро. А когда взошло солнце, истопник спросил его: «Ты как будто вспомнил свою страну?» И Дау-аль-Макан ответил: «Да, и я не могу оставаться здесь. Поручаю тебя Аллаху. Я отправляюсь с этими людьми и буду идти с ними понемногу, понемногу, пока не достигну своей земли». – «И я с тобою! – воскликнул истопник, – я не могу тебя покинуть! Я сделал себе милость и хочу завершить её, служа тебе!» – «Да воздаст тебе за меня Аллах благом!» – отвечал Дау-аль-Макан и обрадовался, что истопник едет с ним. А затем истопник тотчас же вышел и купил себе другого осла, а верблюда продал. И он приготовил припасы и сказал Дау-аль-Макану: «Поезжай на этом осле, а когда устанешь ехать верхом, сойди и иди пешком».

И Дау-аль-Макан воскликнул: «Да благословит тебя Аллах, и да поможет он мне воздать тебе тем же! Ты сделал мне столько добра, сколько никто не сделает своему брату». А затем истопник выждал, пока спустится мрак, и они взвалили свои припасы и пожитки на осла и поехали.

Вот что было с Дау-аль-Маканом и истопником. Что же касается до его сестры, Нузхат-аз-Заман, то она, покинув своего брата Дау-аль-Макана, вышла из хана, где они жили в Иерусалиме, и, завернувшись в плащ, пошла, чтобы кому-нибудь услужить и купить брату

жареного мяса, которого ему захотелось. И она вышла, плача, и не знала, куда направиться, и сердце её было обеспокоено и пребывало у брата. И она вспомнила близких и родину и стала молить Аллаха великого, чтобы он отклонил это испытание, и произнесла такие стихи:

«Спустилась на землю ночь,
И вновь взволновала страсть
Недуги во мне мои, и боль шевелит тоска.
Печаль расставания в душе поселилась,
И ввергнута в небытие любовью и страстью я.
Волнует любовь меня, сжигает тоска меня,
А слезы открыли то, что прежде скрывала я.
Не знаю, как хитростью добиться сближения,
Чтоб слабость и хворь мою могла удалить она.
Ведь в сердце моем огни тоской разжигаются
И пламенем адских кар терзают влюблённого,
Хулящий меня за все бывшее!
Довольно уж, Что приговор я терплю, каламом начертанный.
Любовью моей клянусь, вовек не утешусь я,
А клятва людей любви правдива всегда была.
Рассказчикам про любовь скажи обо мне, о ночь,
И, зная, свидетельствуй, что я не спала совсем».

И затем Нузхат-аз-Заман, сестра Дау-аль-Макана, заплакала и пошла, оглядываясь направо и налево, и вдруг видит старика, едущего из пустыни, и с ним пять человек арабов-кочевников. И этот старец оглянулся на Нузхат-аз-Заман и увидел, что она красива, а на голове у неё рваный плащ, и, удивлённый её красотой, сказал про себя: «Поистине, это красавица, ошеломляющая ум, но она живёт в грязи! И будь она из жительниц этого города или чужестранка, мне не обойтись без неё!»

И старец следовал за нею понемногу, понемногу, пока не встретился ей на пути в одном узком месте. И он кликнул её, чтобы спросить, что с нею, и сказал: «О доченька, ты свободная или невольница?» И, услышав его слова, девушка посмотрела на него и воскликнула: «Заклинаю тебя жизнью, не причиняй мне новых печалей!» А старец сказал: «Мне досталось шесть дочерей, и пять из них умерли, а одна жива, и она моложе всех годами. Я подошёл к тебе спросить, из этой ли ты страны, или чужеземка, я хочу взять тебя и приставить к ней, чтобы ты развлекала её, а она забыла бы с тобою печаль по сёстрам. И если у тебя никого нет, я сделаю тебя как бы одной из них, и ты станешь подобна моим детям».

Услышав эти речи, Нузхат-аз-Заман подумала: «Быть может, я буду в безопасности у этого старца», а затем она опустила голову от стыда и сказала: «О дядюшка, я дочь арабов, чужеземка, и у меня есть больной брат. Я пойду с тобою к твоей дочери с условием, что буду у неё днём, а ночью стану уходить к брату. Если ты примешь это условие, я пойду к тебе, так как я чужеземка и была великой в своём народе, по стала униженной и презренной. Я пришла с братом из стран аль-Хиджаза и боюсь, что мой брат не знает, где я».

Услышав её слова, кочевник сказал про себя: «Клянусь Аллахом, я получил то, что хотел!», а затем он обратился к ней и сказал: «У меня нет никого дороже тебя, и я только хочу, чтобы ты развлекала мою дочь днём, а с началом ночи ты будешь уходить к брату. Если же захочешь, перенеси его к нам». И бедуин¹¹⁵ непрерывно успокаивал её сердце и говорил с нею мягкими речами, пока она не почувствовала склонности к нему и не согласилась у него служить. Он пошёл впереди неё, и она последовала за ним, а старец мигнул тем, кто был с ним, и они опередили их и приготовили там верблюдов, нагрузив на

¹¹⁵ Бедуин в переводе означает житель пустыни, кочевник.

них тюки и положив сверху воду и припасы, так что когда старец с девушкой прибыли к ним, они погнали верблюдов и поехали.

А этот бедуин был сын разврата, пресекающий дороги и предающий друзей, разбойник, коварный и хитрый, и не было у него ни сына, ни дочери; он только проезжал по дороге и встретил эту бедняжку по предопределению великого Аллаха. И бедуин всю дорогу разговаривал с нею, пока не вышел из города Иерусалима в окрестности и не встретился со своими товарищами. И оказалось, что они уже снарядили верблюдов. И тогда бедуин сел на верблюда, посадил Нузхат-аз-Заман сзади себя, и они ехали всю ночь. И Нузхат-аз-Заман поняла, что его слова были хитростью против неё и что бедуин её обманул, и она плакала и кричала полую ночь, а они ехали по дороге, направляясь в горы, так как боялись, что их кто-нибудь увидит.

И когда настало время, близкое к рассвету, они сошли с верблюдов, и бедуин подошёл к Нузхат-аз-Заман и сказал ей: «О горожанка, что это за плач? Клянусь Аллахом, если ты не замолчишь, я буду тебя бить, пока ты не погибнешь, о девка из города!» И, услышав эти слова. Нузхат-аз-Заман почувствовала отвращение к жизни и пожелала смерти. И, обратившись к бедуину, она воскликнула: «О скверный старец, о седой из геенны! Я доверилась тебе, а ты обманул меня и хочешь меня измучить!» А бедуин, услышав её слова, закричал: «О девка, и у тебя есть язык, чтобы отвечать мне!» И он подошёл с бичом и стал бить её, восклицая: «Если ты не замолчишь, я убью тебя!» И Нузхат-аз-Заман на время умолкла, а затем она вспомнила брата и своё бывшее благоденствие и тайком заплакала.

А на другой день она обратилась к бедуину и сказала ему: «Как это ты сделал со мною такую хитрость и привёл меня в эти пустынные горы? Чего ты от меня хочешь?» И когда бедуин услышал её слова, его сердце ожесточилось, и он воскликнул: «О скверная девка, и у тебя есть язык, чтобы отвечать мне!» – и, взяв бич, опустил его на её спину и бил её, пока она не обеспамятела. И тогда девушка припала к его ногам и стала целовать их, и старик отбросил бич и принялся её ругать, говоря: «Клянусь моим колпаком, если я увижу или услышу, что ты плачешь, я отрежу тебе язык и засуну его тебе в кусе, о городская девка!»

И Нузхат-аз-Заман смолчала и не ответила ему, так как ей было больно от побоев, и она села на корточки и спрятала голову в ворот рубахи и стала думать о своём положении и о том, как она унижена после величия и сколько испытала побоев. И вспомнив о своём брате, который болен и одинок, и о том, что они оба на чужбине, она облила щеки слезами и заплакала тайком и произнесла:

«Обычай судьбы таков: то к нам, то от нас идёт;
Недолго судьба людей в одном положении.
Всему, что на свете есть, предельны» назначен срок,
И также для всех людей кончаются сроки.
Доколе же мне скосить стеснение и ужасы?
О горе! вся жизнь моя – стеснение и ужас.
Не дай, Аллах, счастья дням, когда я знатна была
Так долго, но в знатности таился позор мой.
Желанья обмануты, прервались мечты мои!
Разлукой разорваны все прежние связи.
О, тот, кто проходит мимо дома, где кров мой был,
Скажи от меня ему, что слезы обильны».

А когда она окончила свои стихи, бедуин поднялся к ней и высказал ей ласку и пожалел её. Он вытер ей слезы и дал ей ячменную лепёшку и сказал: «Я не люблю тех, кто мне отвечает в пору гнева. Ты впредь не отвечай мете такими мерзкими словами, и я продам тебя хорошему человеку, как я, который будет обращаться с тобою хорошо, как и я поступал с тобою».

И Нузхат-аз-Заман ответила ему: «Ты хорошо сделаешь». А потом, когда ночь

показалась ей длинной и голод стал жечь её, она съела немного этой ячменной лепёшки, а с наступлением полуночи бедуин приказал своим людям трогаться...»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Пятьдесят шестая ночь

Когда же настала пятьдесят шестая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что бедуин дал Нузхат-аз-Заман ячменную лепёшку и обещал, что продаст её такому же хорошему человеку, как он, и девушка сказала: „Ты хорошо сделаешь“, а когда наступила полночь и голод стал жечь её, она съела немного ячменной лепёшки. А затем бедуин приказал своим людям трогаться, и они нагрузили верблюдов, а бедуин сел на верблюда и посадил Нузхат-аз-Заман сзади, и они поехали и ехали непрерывно в течение трех дней, а через три дня вступили в город Дамаск и остановились в хане султана, возле ворот наместника. А у Нузхат-аз-Заман изменился цвет лица от печали и утомления с дороги, и она заплакала из-за этого. И тогда бедуин подошёл к ней и сказал: „О горожанка, клянусь моим колпаком, если ты не бросишь плакать, я никому не продам тебя, кроме как еврею!“ Потом он встал и, взяв её за руку, отвёл её в какое-то помещение, а сам пошёл на рынок и стал ходить по купцам, что торгуют невольницами, и заговаривал с ними, говоря им: „У меня есть девушка, которую я привёл с собою, а брат её болен, и я послал его к моим родным в Иерусалим, чтобы они его лечили, пока он не выздоровеет. И я желаю её продать, а она, с того дня как заболел её брат, все плачет, и ей тяжело быть в разлуке с ним. И я хочу, чтобы тот, кто купит её, говорил с нею мягко и сказал бы ей: „Твой брат у меня в Иерусалиме, больной“. Я сбавлю за это на неё цену“.

И один из купцов поднялся и спросил: «Сколько ей лет?» И бедуин ответил: «Она невинна и достигла зрелости, умна, образованна, сообразительна, красива и прелестна, но с тех пор как я отослал её брата в Иерусалим, её сердце занято мыслью о нем, и её прелести изменились и её вид стал другим». Услышав это, купец пошёл с бедуином и сказал ему: «Знай, о шейх арабов, что я пойду с тобою и куплю у тебя невольницу, которую ты прославляешь и расхваливаешь за ум, образованность, красоту и прелесть. И я дам тебе цену за неё, но я поставлю тебе условия и, если ты их примешь, заплачу тебе её цену наличными. Если же ты не примешь их, я верну тебе невольницу обратно». – «Если хочешь, – отвечал бедуин, – отведи её к султану. Ставь мне какие хочешь условия – скажи только, когда ты её приведёшь к царю Шарр-Кану, сыну царя Омара ибн ан-Нумана, властителя Багдада и земли Хорасана, она, может быть, придётся ему по сердцу, и он отдаст тебе её цену и умножит твою прибыль за неё». – «А у меня, – сказал купец, – есть к нему просьба: написать мне разрешение из дивана, чтобы с меня не брали пошлины, и ещё написать своему отцу, Омару ибн ан-Нуману, рекомендательное письмо. И если он примет от меня девушку, я тотчас же отвешу¹¹⁶ тебе её цену» – «Я принял это условием, – сказал бедуин. И оба пошли и пришли к тому месту, где была Нузхат-аз-Заман, и бедуин остановился у двери помещения и крикнул ей: „Эй, Наджия!“ (а он назвал её этим именем), и, услышав его голос, она заплакала и не ответила ему. И бедуин обернулся и сказал купцу: „Вон она сидит, делай с ней что хочешь! Подойди к ней и взгляни на неё и будь с ней ласков, как я учил тебя“.

И купец подошёл к ней с приятным видом и увидел, что она небывалой красоты и прелести и к тому же знает арабский язык. И тогда купец сказал: «Если она такова!» как ты её описал мне, я достигну благодаря ей у султана того, чего хочу».

«Мир с тобою, о дочка, каково тебе?» – сказал он потом, и Нузхат-аз-Заман обернулась к нему и ответила: «Это было начертано в Книге». И она посмотрела на него и видит – это

¹¹⁶ В мусульманских землях деньги в средние века не отсчитывались, а отвешивались, так как монеты делались из очень мягкого сплава и золото быстро стиралось.

человек степенный и красивый лицом, и тогда она сказала про себя: «Я думаю, он пришёл меня купить. Если я не дамся ему, я останусь у этого злодея, и он сгубит меня побоями. Как бы то ни было, лицо этого человека красиво, и от него скорее можно ждать добра, чем от этого грубого бедуина. А может быть, он пришёл, только чтобы послушать мои речи. Я отвечу ему хорошим ответом». И при всем этом глаза её смотрели в землю, а затем она подняла свой взор к купцу и сказала ему нежными словами: «И с тобою мир, о господин, и милость Аллаха и благословение его – так повелел отвечать пророк, – да благословит его Аллах и да приветствует! А что до твоих слов „каково тебе?“ – то, если хочешь узнать, что со мною, желай этого только твоим врагам». И она умолкла, и когда купец услышал её слова, ум его улетел от радости, и, обернувшись к бедуину, он спросил его: «Сколько она стоит? Поистине, она благородна!» И бедуин рассердился и крикнул: «Ты испортил мне девушку этими словами! Зачем ты говоришь, что она благородная, когда она – отребье невольниц и происходит из самых низких: людей? Я не продам её тебе!» И купец, услышав его слова, понял, что он малоумен, и сказал: «Сдержи свой нрав! Я куплю её, несмотря на те недостатки, о которых ты говоришь!» – «А сколько ты мне дашь за неё?» – спросил бедуин. – «Сыну даёт имя только отец; требуй же ты, сколько тебе хочется!» – ответил торговец. Но бедуин воскликнул: «Будешь говорить только ты!» И тогда купец подумал: «Этот бедуин – сухоголовый крикун! Клянусь Аллахом, я не знаю ей цены, но она покорила моё сердце своим красноречием и прекрасной внешностью, а если она пишет и читает, то в этом завершение милости для неё и для того, кто купит её. По этот бедуин не знает, какая ей йена».

И, обернувшись к бедуину, он сказал: «О шейх арабов, я дам за неё двести динаров, целиком тебе в руки, но считая налогов и доли султана». И, услышав это, бедуин пришёл в сильный гнев и закричал на купца: «Поднимайся И иди своей дорогой! Клянусь Аллахом, если бы ты дал мне двести динаров за тот кусок плаща, который на ней надет, я бы не продал его тебе. И я не стану больше её продавать, а оставлю её у себя пасти верблюдов и молоть на мельнице!» И он крикнул девушке: «Пойди сюда, вонючая, я не продаю тебя!» А затем обернулся к купцу и сказал:

«Я считал, что ты из знающих людей! Клянусь моим колпаком, если ты не уйдёшь, я заставлю тебя услышать то, что тебе не понравится». – «Поистине, этот бедуин одержимый и не знает ей цены, – подумал купец. – Я сейчас ничего не скажу ему о её цене; будь он человеком разумным, он не говорил бы: „Клянусь моим колпаком!“ Клянусь Аллахом, она стоит царства Хосроя, и со мной нет платы за неё, но если он потребует с меня больше, я дам ему сколько он захочет, хотя бы он взял все, что у меня есть». И, обернувшись к бедуину, он сказал ему: «О шейх арабов, будь терпелив и сдержи свою душу. Скажи мне, что у тебя есть из её одежды?» – «А какая одежда годится для этой девки? – воскликнул бедуин. – Клянусь Аллахом, и этого плаща, в который она завернута, для неё много». – «С твоего позволения я открою ей лицо и поворочаю её, как люди ворочают невольницу при покупке», – сказал купец, и бедуин отвечал: «Делай с нею, что хочешь, сохрани Аллах твою молодость! Осмотри её снаружи и изнутри, и, если хочешь, сними с неё одежду и погляди на неё голую». – «Сохрани Аллах, я взгляну только на её лицо», – сказал купец и подошёл к девушке, смущённый её красотой и прелестью...»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Пятьдесят седьмая ночь

Когда же настала пятьдесят седьмая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что купец подошёл к Нузхат-аз-Заман и, смущённый её красотой и прелестью, и, сев с нею рядом, сказал ей: „О госпожа моя, как твоё имя?“ – „Ты спрашиваешь о моем сегодняшнем имени или о прежнем?“ – спросила девушка. „А у тебя есть два имени?“ –

сказал купец, и девушка ответила: «Да, моё имя до этого было Нузхат-аз-Заман¹¹⁷, а сегодня моё имя Гуссат-аз-Заман»¹¹⁸.

И когда купец услышал эти слова, его глаза наполнились слезами, и он спросил: «А есть у тебя больной брат?» – «Да, клянусь Аллахом, господин мой, – отвечала она, – но время разлучило меня с ним, когда он был в Иерусалиме». И купец растерялся, увидя её ум и нежность её разговора, и сказал про себя: «Прав был бедуин в том, что говорил!» А Нузхат-аз-Заман вспомнила своего брата, больного, на чужой стороне, и свою разлуку с ним, когда он был нездоров, и не знала она, что с ним случилось. И ей вспомнилось, как произошло у неё это дело с бедуином и что она далеко от матери и отца и своего царства, и слезы побежали по её щекам, и она не стала сдерживать их потока и произнесла такие стихи:

«Где б ты ни был, храпим да будешь Аллахом
О ушедший, но в сердце вечно живущий!
И да будет Аллах к тебе всюду близок,
Охраняя от бед тебя и несчастий.
Скрылся ты, и глаза мои так тоскуют,
И струятся, и как ещё, мои слезы.
Если б знать мне, в каком краю и стране ты
Обитаешь, в каком дому или стане!
Если жизни ты воду пьёшь, свеж, как роза,
Мне напитком лишь горькие служат слезы.
Если спишь ты когда-нибудь, знай, что уголь
Ночи долгой лежит меж мною и постелью.
Моё сердце все вынесет, – не разлуку –
Все другое снести ему уж не тяжко».

Услыхав сказанные ею стихи, купец заплакал и протянул руку, чтобы утереть слезы с её щёк, но она закрыла лицо и сказала: «Берегись этого, господин!»

А кочевник сидел и смотрел на неё, когда она закрыла лицо от купца, хотевшего утереть слезы на её щеке. И он подумал, что девушка не даёт ему себя осмотреть, и, вскочив, подбежал к ней с верблужьим поводом, бывшим у него, и поднял руку и ударил её по плечам, и удар оказался так силен, что она упала на землю вниз лицом. И камешек на земле попал ей в бровь и пробил её, так что кровь потекла по её лицу, и она испустила громкий крик и почти лишилась сознания, и заплакала, и купец заплакал с нею. «Я непременно куплю эту девушку, хотя бы ценою её было столько золота, сколько в ней веса. Я избавлю её от этого злодея!» – воскликнул купец. И он принялся ругать бедуина, а девушка была в бесчувствии. И, придя в себя, она вытерла с лица слезы и кровь и повязала голову, и, подняв взор к небу, стала взывать к своему владыке с опечаленным сердцем. И она произнесла:

«О, сжальтесь над благородною,
Что в притеснение низкой стала.
И плачет, и слез потоки льёт,
И молвит: «Не спастись от рока!»

А кончив эти стихи, она обратилась к купцу и сказала ему тихим голосом: «Ради Аллаха, не оставляй меня у этого злодея, который не знает Аллаха великого! Если я проведу у него эту ночь, я убью себя своей рукой. Избавь же меня от него, Аллах избавит тебя от огня

¹¹⁷ Услада времени.

¹¹⁸ Горе времени.

геенны». И купец поднялся и сказал бедуину: «О шейх арабов, эта девушка не то, что тебе нужно; продай мне её за сколько хочешь». – «Бери её, – отвечал бедуин, – и давай плату за неё, а не то я её отведу на кочевье и заставлю её собирать навоз и пасти верблюдов». – «Я дам тебе пятьдесят тысяч динаров», – предложил купец, но бедуин ответил: «Аллах великий поможет!» – «Семьдесят тысяч динаров», – сказал купец. «Аллах поможет! – отвечал бедуин, – это меньше денег, затраченных на неё. Она съела у меня ячменных лепёшек на девяносто тысяч динаров». – «И ты, и твоё племя за всю жизнь не съели на тысячу динаров ячменя! – воскликнул купец. – Я скажу тебе одно слово, и если ты не согласишься, укажу на тебя наместнику Дамаска, и он возьмёт у тебя девушку силой». – «Говори», – молвил бедуин, и купец сказал: «За сто тысяч динаров». – «Я продал её тебе за такую цену и считаю, что купил на эти деньги соли», – сказал бедуин. И, услышав это, купец рассмеялся и пошёл в своё убежище и принёс ему деньги. Он отдал их бедуину, и тот взял их, думая про себя: «Обязательно съезжу в Иерусалим; может быть, я найду её брата, и привезу его и продам», а потом он сел и ехал, пока не прибыл в Иерусалим». Он отправился в хан и спросил о её брате, но не нашёл его – и вот то, что с ним было. Что же касается купца и Нузхат-аз-Заман, то купец, получив девушку, накинул на неё кое-что из своей одежды и пошёл с ней в своё жилище...»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Пятьдесят восьмая ночь

Когда же настала пятьдесят восьмая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что купец, получив Нузхат-аз-Заман от бедуина, пошёл с нею в своё жилище и одел её в роскошнейшие одежды. А потом он взял её и отправился с нею на рынок, где набрал ей драгоценностей, какие она пожелала, и, сложив их в кусок атласа, положил его перед Нузхат-аз-Заман и сказал: „Все это для тебя. И я хочу только, чтобы ты, когда я приведу тебя к султану, наместнику Дамаска, осведомила его о иене, за которую я тебя купил (пусть этого было мало за один твой ноготь!). А когда ты окажешься у него и он купит тебя у меня, расскажи ему, что я для тебя сделал, и попроси у него для меня султанскую грамоту с рекомендацией. Я отправлюсь с нею к его отцу, владыке Багдад“, Омару ибн ан-Нуману, и он не позволит брать с меня пошлины за материю и за все, чем я буду торговать».

Услышав его слова, Нузхат-аз-Заман заплакала и зарыдала, и купец сказал ей: «О госпожа, я вижу, что всякий раз, как я вспоминаю о Багдаде, твои глаза льют слезы. У тебя там есть кто-нибудь, кого ты любишь? Если это купец или кто иной, расскажи мне о нем; я знаю всех, кто там есть, и купцов и других. А если хочешь послать письмо, я ему доставлю его». – «Клянусь Аллахом, у меня там нет знакомых, ни купцов, ни других, я знаю только царя Омара ибн ан-Нумана, владыку Багдада», – отвечала девушка.

И, услышав её слова, купец засмеялся и очень обрадовался и воскликнул про себя: «Клянусь Аллахом, я достиг того, чего желаю! А тебя раньше предлагали ему?» – спросил он. «Нет, но я воспитывалась вместе с дочерью, – отвечала девушка. – Я была ему дорога, и он оказывал мне большое уважение. И если ты желаешь, чтобы царь Омар ибн ан-Нуман написал тебе то, что ты хочешь, принеси мне чернильницу и перо, и я напишу для тебя письмо, а ты, как войдёшь в город Багдад, вручи это письмо из рук в руки царю Омару ибн ан-Нуману и скажи ему: „Твою невольницу, Нузхат-аз-Заман, попирали превратности дней и ночей, так что она продавалась из места в место. Она передаёт тебе привет“. А если он спросит тебя обо мне, скажи ему, что я у наместника Дамаска».

И купец удивился её красноречию, и его любовь к ней увеличилась. «Я думаю, – сказал он, – что люди обманули твой ум и продали тебя за деньги. Хранишь ли ты в памяти Коран?» – «Да, – отвечала девушка, – и я знаю философию и врачеванье и введение в науку и

„Изъяснение“ врача Галена¹¹⁹ на «Афоризмы» Гиппократ, и я его тоже толковала. Я читала «Тезкире», изъясняла «Бурхан», читала «Трактат о простых лекарствах» ибн аль-Байтара¹²⁰, рассуждала о «Мекканском Каноне» ибн Сины, разгадывала загадки, чертила фигуры, рассуждала о геометрии и хорошо усвоила анатомию. Я читала книги шафиитов¹²¹, предания и грамматику, вела прения с учёными и рассуждала обо всех науках, и я сильна в логике, красноречии, счёте и составлении календарей, знаю духовные науки и время молитвы, и уразумела все эти науки».

Потом Нузхат-аз-Заман сказала купцу: «Принеси мне чернильницу и бумагу! Я напишу письмо, которое поможет тебе в твоём путешествии и избавит тебя от нужды в подорожных». И, услышав эти слова, купец закричал: «Прекрасно, прекрасно! О, счастье того, в чьём дворце ты будешь!» А потом он взял чернильницу, бумагу и медный калам и принёс ей все это, поцеловав землю из уважения к ней. И Нузхат-аз-Заман взяла свиток и калам и написала такие стихи:

«Я вижу, что сон бежит, летя от очей моих;
Не ты ли бессоннице глаза научил мои?
Зачем, коль тебя я вспомню, в сердце огонь горит?
Всегда ли влюблённый так любовь вспоминал свою?
Аллах наши дни вспои, что сладостны были так!
Ушли! Но их сладостью не сыто желание.
Я ветер с мольбой прошу, ведь ветер песет всегда
От страсти безумному из стран ваших новости,
Вам любящий сетует, лишённый защитника!
Разлука вершит дела, и камень дробящие».

А потом, кончив писать эти стихи, она написала такие слова:

«Говорит та, которую уничтожили думы и истощила бессонница, в чьём мраке не найти огня, и не отличает она ночи ото дня, ворочаясь на ложе разлуки и насурмянясь иглой бессонницы. И наблюдает она звезды и пронзает взором мрак, и растаяла она от дум и от истощения, и долог рассказ о её положении, и нет ей помощника, кроме слез».

И она написала такие стихи:

«Если заворкует голубь утром в ветвях густых,
Шевелится уж во сне убийца – тоска моя.
И только вздохнёт, тоскуя, страстно стремящийся
К любимым, уже сильней становится грусть моя»
На страсть я тем сетую, в ком нет ко мне милости.
Как часто душа и плоть любовью разлучены!»

А затем глаза её пролили слезы, и она написала такое двестишье:

«Любовь извела тоской в разлуки день тело мне:
Когда разлучились мы – расстался мой глаз со сном.

¹¹⁹ Гален – знаменитый греческий врач, жил во II в. Многие труды посвятил комментированию сочинений своего, ещё более славного предшественника Гиппократ (ум. в IV в. до н. э.)

¹²⁰ Ибн аль-Байтар – арабо-испанский ботаник, жил в XII-XIII вв.

¹²¹ Шафииты – приверженцы одного из четырех «правовверных» мусульманских толков, основателем которого был Мухаммед ибн Идрис-ан-Шафни (ум. в 820 г.).

Я телом так худ, что хоть и муж я, но видеть ты
Едва ли могла б меня, не слыша речей моих».

И она пролила из глаз слезы и затем написала внизу квитка: «Это письмо от той, кто вдали от близких и родных, от опечаленной сердцем и душой Нузхат-аз-Заман. А потом она свернула свиток и подала его купцу, и тот взял его и поцеловал, и, узнав, что в нем написано, он обрадовался и воскликнул: „Да будет превознесён тот, кто придал тебе образ...“

И Шахразад устали застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Пятьдесят девятая

Когда же настала пятьдесят девятая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что Нузхат-аз-Заман написала письмо и подала его купцу, а тот взял его и прочёл и, узнав его содержание, воскликнул: „Да будет превознесён тот, кто придаст тебе образ!“

И он стал оказывать ей ещё большее уважение и целый день был с нею ласков; когда же приблизилась ночь, он пошёл на рынок, принёс кое-чего и накормил девушку, а потом он пошёл с нею в баню и, приведя к ней банщицу, сказал: «Когда кончишь мыть ей голову, одень её в одежды и пришли сказать мне об этом». И банщица отвечала:

«Слушаю и повинуюсь!» А купец принёс девушке кушаний и плодов и свечей и поставил все это на скамейку в бане, и, когда банщица кончила мыть девушку, она надела на неё одежду, и Нузхат-аз-Заман вышла из бани и села на скамейку в предбаннике, а банщица послала уведомить её. И Нузхат-аз-Заман выйдя, увидела, что столик с едой уже подан, и они с банщицей поели плодов и кушаний, а остаток отдали рабочему в бане и сторожу. Потом девушка проспала до утра, а купец переночевал в стороне от неё, в другом месте. А проснувшись, он разбудил Нузхат-аз-Заман и принёс ей тонкую рубашку. И он взял головной платок в тысячу динаров и вышитое платье из турецких одежд, и сапожки, расшитые червонным золотом и унизанные жемчугом и драгоценными камнями, а в уши девушки он вдел золотые кольца в тысячу динаров, украшенные жемчугом. Он надел ей на шею, между грудями, золотое ожерелье, и цепь из амбры, спускающуюся ниже груди, до пупка, а на этой цепи было десять шариков и девять полумесяцев, и посередине каждого полумесяца был оправленный рубин. И эта цепь стоила три тысячи динаров, а каждый шар – двадцать тысяч дирхемов, и вся одежда, в которую купец облачил девушку, обошлась в большие деньги.

И, одев её, купец приказал ей украситься, и она убралась в лучшие украшения, и опустила на глаза покрывало, и пошла, а купец пошёл впереди неё, и когда люди увидели её, они были ошеломлены её красотой и говорили: «Благословен Аллах, лучший из творцов! Счастье тому, у кого эта девушка». И купец шёл, а Нузхат-аз-Заман шла сзади, пока он не вошёл к султану Шарр-Кану, а войдя к нему, он поцеловал землю меж его рук и сказал: «О счастливый царь, я привёл тебе в подарок девушку, диковинную по качествам, которой нет равных в наше время; она обладает и прелестью и милостью!» – «Дай мне увидеть её воочию», – сказал царь. И купец вышел и привёл девушку, и она шла за ним, пока он не поставил её перед царём Шарр-Каном.

И когда тот увидел её, кровь устремилась к родной крови, хотя Нузхат-аз-Заман покинула его, когда была маленькой и он не видал её; только через некоторое время после её рождения он услышал, что у него есть сестра, по имени Нузхат-аз-Заман, и брат, по имени Дау-аль-Макан, и возненавидел их обоих, боясь, что они отнимут у него царство. Вот почему он мало знал о них. А купец, подведя к нему девушку, сказал: «О царь времени, она чудо красоты и прелести, так что нет ей соперниц в её время, и при этом она знает все пауки, и светские, и гражданские, и точные». – «Возьми за неё столько, за сколько ты её купил, и оставь её, и иди своей дорогой», – сказал царь купцу. И тот ответил: «Слушаю и повинуюсь, но напиши указ, чтобы мне никогда не платить десятины с моих товаров». – «Я сделаю это прежде всего, – молвил царь, – но скажи мне, сколько ты отвесил в уплату за неё?» – «Я

отвесил за неё сто тысяч динаров и надел на неё одежду на сто тысяч динаров», – ответил купец. И, услышав это, царь сказал: «Я дам тебе за неё больше этого»

И затем он позвал своего казначея и сказал ему: «Дай этому купцу триста двадцать тысяч динаров, – пусть ему будет сто двадцать тысяч динаров прибыли». А потом султан Шарр-Кан призвал четырех судей и вручил купцу деньги в их присутствии, а судьям он сказал: «Беру вас в свидетели, что я освободил эту невольницу и желаю взять её в жены». И судьи составили свидетельство об её освобождении, а потом они написали её брачную запись, и царь бросал на головы присутствующих золото во множестве, и слуги и евнухи подбирали деньги, которые царь кидал им.

А после этого царь Шарр-Кан велел написать купцу указ, вручив ему сначала деньги, и написал постановление на вечные времена, чтобы ему никогда не платить со своей торговли ни десятины, ни пошлины, и чтобы никто во всем царстве не причинил ему зла. И затем он велел дать ему великолепную одежду...

И Шахразад застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Ночь, дополняющая до шестидесяти

Когда же настала ночь, дополняющая до шестидесяти, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что царь Шарр-Кан приказал написать купцу указ, вручив ему сначала деньги, и написал постановление на вечные времена, чтобы ему не платить со своей торговли десятины и чтобы никто в царстве не причинил ему зла, и велел дать ему великолепную одежду. И все ушли, и у него остались только судьи и купец. И Шарр-Кан сказал судьям: „Я хочу, чтобы вы послушали речи этой девушки, указывающие на её образованность и знания и осведомлённость во всем, о чем говорил этот купец, и проверили истинность его слов“. – „Это не плохо“, – ответили судьи. И царь велел опустить занавес, чтобы закрыть себя и тех, кто был с ним, от девушки и сопровождающих, и все женщины, бывшие с девушкой за занавесом, начали поздравлять её и целовать ей руки и ноги, узнав, что она стала женой царя, а затем они принялись ходить вокруг неё и сняли с неё платье, облегчив её от тяжести одежды, и смотрели на её красоту и прелесть. И жены эмиров и везирей прослышали, что царь Шарр-Кан купил невольницу, которой нет равной по красоте, знанию и мудрости и искусству считать и что она объяла все пауки, и царь отвесил в уплату за неё триста двадцать тысяч динаров.

И он освободил её и написал свой брачный договор с ней, и призвал четырех судей для испытания девушки, чтобы она им ответила на то, о чем её спросят, вступив с всю в диспут.

И женщины отпросились у своих мужей и пошли во дворец, где была Нузхат-аз-Заман и, войдя к ней, они увидели, что евнухи стоят перед нею. И когда Нузхат-аз-Заман увидела жён эмиров, везирей и вельмож, которые входили к ней, она поднялась на ноги и пошла им навстречу, а невольницы встали сзади неё, и она встретила женщин словами: «Добро пожаловать!» – и улыбнулась им в лицо, пленив их сердца, а затем она обещала им великие блага, и рассадил их по местам, словно она воспитывалась вместе с ними. И они удивились, как она умна и образованна при своей прелести и красоте, и говорили одна другой: «Это не невольница! Нет, это царевна, дочь царя!»

И они сидели, возвеличивая её сан, и говорили ей:

«О госпожа, наш город озарён тобою, и ты оказала почёт нашей местности и стране и родине и царству. И это горство – твоё царство, и дворец – твой дворец, и мы все – твои невольницы. Ради Аллаха, не лишай нас твоих милостей и лицемерия твоей красоты!» И девушка поблагодарила их за это.

И при всем том занавеска была опущена, отделяя её и женщин, бывших с нею, от царя Шарр-Кана, четырех судей и купца, которые сидели рядом с царём. И царь Шарр-Кан позвал её и сказал: «О царица, великая в своё время, этот купец приписывает тебе знания и образованность и утверждает, что ты сведуща во всех науках, даже и в шуме о звёздах. Дай

нам услышать что-нибудь из того, о чем ты упоминала этому купцу, и изложи из этого немного глав».

Услышав его слова, девушка сказала: «Слушаю и повинуюсь, о царь! Первая глава – о делах управления и достоинствах царей и о том, что подобает вершителям судеб и какие должно иметь им качества, угодные Аллаху. Знай, о царь, что хорошие свойства права объединены в делах веры и мирской жизни. Никто не достигнет вершин иначе, как через жизнь долгую, ибо она – прекрасный путь к будущей жизни, а обстоятельства дальнего мира украшаются деяниями его обитателей; занятия же людей делятся на четыре разряда: властвование, торговля, земледелие и ремесла.

Властвующему приличествует совершённое умение управлять и безошибочная проницательность, ибо властьсержень благополучия в здешней жизни, она есть путь к жизни будущей. Аллах великий предназначил жизнь для рабов своих, подобно запасам для путника, помогающим достичь цели. И надлежит всякому человеку брать от неё в той мере, чтобы приблизиться к Аллаху, и не следовать к Этому своей душе и своим страстям. И если бы люди брали от благ мира по справедливости, наверное бы прекратились распри; но люди захватывают их насилием, следуя своим страстям, так возникают из увлечений их тяжбы. И нужен им поэтому властитель, чтобы устанавливал он справедливость между ними и устраивал их дела. И если бы царь не удерживал людей друг от друга, сильный наверно одолел бы слабою.

Говорил Ардешир:¹²² «Вера и власть – близнецы, вера – сокровище, а власть – страж». Установления веры и умы людей указывают, что людям надлежит назначить власть, которая защищала бы обиженную от обидчика и оказывала бы справедливость слабому против сильного, сдерживая злобу преступных и насильников.

И знай, о царь, что каковы достоинства султана, таково и время.

Сказал посланник Аллаха, – да благословит его Аллах и да приветствует: «Если два сословия среди людей праведны, – и люди будут праведны, а если они не праведны, то неправедны и люди, – это учёные и эмиры».

Сказал некий мудрец: «Царей бывает три рода: царь благочестивый, царь, оберегающий святыни, и царь, предающийся страстям. Что до царя благочестивого, то он понуждает подданных следовать их вере, и ему должно быть благочестивей всех, так как он тог, чьему примеру подражают в делах благочестия. И людям надлежит повиноваться его велениям, согласным с законами; он не должен ставить гневного на то же место, что и довольного, будучи покорён судьбе.

А царь, охраняющий святыни, – тот печётся о делах мирских и о делах веры, заставляет людей следовать закону и блюсти человечность. Он должен соединять в руках меч и перо, ибо кто отступит от начертанного пером, – оступится нога его. И царь выпрямляет искривлённое остриём меча и распространяет справедливость среди всех тварей.

Что же до царя, предающегося страстям, то нет у него веры, кроме удовлетворения своей страсти, и не страшится он гнева своего владыки, давшего ему власть. Исход же царства его – уничтожение, а предел его преступлений – обитель гибели.

Сказали мудрецы: «Царь нуждается во многих людях, а люди нуждаются в одном человеке. Поэтому необходимо ему знать их качества, чтобы мог он привести разногласия их к согласию и объять их своей справедливостью и осыпать их милостями». И знай, о царь, что Ардешир, называемый Джабр Шедид¹²³ (а он третий из царей персов), покорил все области и разделил их на четыре части. И он сделал себе поэтому четыре перстня – по перстню на каждую часть своего царства. И первый перстень был перстень моря, стражи и охраны, и он

¹²² Ардешир – имя трех персидских царей из династии Сасанидов. Здесь имеется в виду Ардешир I, правивший в 226-241 гг.

¹²³ жаркий уголь.

написал на нем: «Власть»; второй перстень был перстень подати и сбора денег, и он написал на нем: «Процветание»; третий перстень был перстень продовольствия, и на нем было написано: «Изобилие», а четвёртый перстень был перстень жалоб, и на нем он написал: «Справедливость». И эти обычаи остались и утвердились у персов, пока не появился ислам.

Хосрой написал своему сыну, который был во главе его войска: «Не будь слишком щедр к своему войску, – оно перестанет нуждаться в тебе...»

И Шахразадю застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Шестьдесят первая ночь

Когда же настала шестьдесят первая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что Хосрой написал своему сыну: «Не будь слишком щедр к своему войску, – оно перестанет нуждаться в тебе. И не стесняй его, чтобы оно не стало тяготиться тобою. Одаряй его даром умеренным и награждай его милостиво; при изобилии будь щедр к не стесняй в беде.

Рассказывают, что один араб-кочевник пришёл к аль-Мансуру¹²⁴ и сказал ему: «Мори свою собаку голодом, и она пойдёт за тобою». И аль-Мансур разгневался на араба, услышав это от него, но Абуль-Аббас ат-Туси сказал ему: «Я боюсь, что кто-нибудь другой махнёт ей лепёшкой и она пойдёт за ним и оставит тебя», И гнев альМансура утих, и он понял, что это слово безошибочное, и велел дать арабу подарок.

Знай, о царь, что халиф Абд-аль-Мелик ибн Мерван написал своему брату Абд-аль-Азизу, когда отправил его в Египет: «Наблюдай за твоими писцами и за придворными. Писцы скажут тебе о положении, от придворных ты узнаешь дворцовые обряды, а уходящий от тебя познакомит тебя с твоим войском».

Когда Омар ибн аль-Хаттаб¹²⁵, – да будет доволен им Аллах! – нанимал слугу, он ставил ему четыре условия: «Не ездить на вьючных лошадях, не носить тонких одежд, не проедать военной добычи и не откладывать молитвы». Сказано: нет богатства лучше разума; нет разума лучше предвидения и рассудительности; нет пользы, равной поддержке свыше; нет торговли, равной добрым делам; нет прибыли, равной награде Аллаха; нет благочестия выше соблюдения предела закона; нет знания, равного размышлению; нет подвижничества выше исполнения предписаний веры; нет веры выше скромности; нет расчёта выше смирения и нет чести выше знания. Береги голову с тем, что она содержит, и тело с тем, что оно вмещает, и почни о смерти и испытании.

Сказал Алий¹²⁶, – да почит Аллах лик его: «Бойтесь дурных женщин и будьте от них настороже. Не советуйтесь с ними в делах, но не скупитесь на милость к ним, чтобы они не пожелали учинить козни». И сказал он: «Кто оправит умеренность, тот смутится умом». И ему принадлежат изречения, которые мы приведём, если захочет великий Аллах.

Говорил Омар, – да будет доволен им Аллах: «Женщин бывает три рода: жена, предавшаяся Аллаху, богобоязненная, любящая и плодовитая, помогающая мужу против судьбы и не помогающая судьбе против мужа; и другая, что печётся о дитяти, но не больше того; и третья – цепь, которую Аллах накладывает на чью хочешь шею. Мужчин бывает также три рода: муж разумный, когда он действует согласно своему мнению; и другой – разумней его, который, если случится с ним чтонибудь, последствий чего он не знает, идёт к

¹²⁴ Аль-Мансур (754-775) – второй халиф из династии Аббасидов, отличавшийся необычайной скупостью.

¹²⁵ Омар ибн аль-Хаттаб (634-644) – второй из «правоверных» халифов. Предание приписывает ему известные слова: «Когда не знаешь, как поступить, спроси совета у женщины и поступи наоборот».

¹²⁶ Алий (Али ибн Абу-Талиб) (656-661) – четвёртый «правоверный» халиф.

людям, правильно мыслящим, и поступает по их совету; и третий – нерешительный, не знающий прямого пути и не подчиняющийся наставнику.

Справедливость необходима во всех вещах, даже невольницы нуждаются в справедливости; приводят же как пример разбойников с дороги, которые постоянно обижают людей; если бы они не были справедливы друг к другу и не соблюдали правил при дележе, их порядок наверно бы нарушился. Говоря кратко, владыка благородных качеств – великодушные и благонравие, и как прекрасны слова поэта:

Дарами и кротостью над племенем юноша
Царит, и легко тебе ему быть подобным.

А другой сказал:

Устойчивость – в кротости, величье – в прощении,
Спасенье – в правдивости для тех, кто правдивым был.
Кто хочет хвалу снискать деньгами, пусть будет тот
В ристании щедрости всегда впереди других.

И затем Нузхат-аз-Заман говорила об управлении парей, пока присутствующие не сказали: «Мы не видели никого, кто бы рассуждал об управлении так, как эта девушка. Быть может, она скажет нам что-нибудь об ином предмете».

И Нузхат-аз-Заман услышала и поняла, что они сказали, и молвила: «Что же до отдела о вежестве, то это обширное поле, ибо в вежестве слияние всех совершенства.

Случилось, что к Муавии¹²⁷ вошёл один из его сотрапезников и упомянул о жителях Ирака и их здравых суждениях. А жена Муавии Мейсун, мать Язида, слушала их разговор. И когда он ушёл, она сказала: «О повелитель правоверных, мне хотелось бы, чтобы ты разрешил людям из Ирака войти к тебе и поговорить с тобою, а я послушаю их речи». – «Посмотрите, кто есть у дверей», – сказал Муавия, и ему ответили: «Бену-Темим». – «Пусть войдут», – молвил халиф.

И они вошли, и с ними был аль-Ахиф ибн Кайс¹²⁸. (Подойди ближе, Абу-Бахр, – сказал Муавия (а он велел опустить занавеску, чтобы и Мейсун могла слушать их). – О Абу-Бахр, что ты мне посоветуешь?» – спросил он. И аль Ахнар ответила: «Разделяй волосы пробором, подстригай усы, подрезай ногти, выщипывай волосы под мышками, брей лобок, и всегда употребляй зубочистку – в этом семьдесят две добродетели. И пусть омовение в пятницу будет очищением от того, что было между двумя пятницами...»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Шестьдесят вторая ночь

Когда же настала шестьдесят вторая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что аль-Ахнаф ибн Кайс сказал Муавии, когда тот спросил его: „И всегда употребляй зубочистку, ибо в этом семьдесят две добродетели, а омовение в пятницу – очищение от того, что было между двумя пятницами“. – „А что ты посоветуешь себе самому?“ – спросил Муавия. „Ступать ногами по земле, передвигать их, не торопясь, и наблюдать за ними оком“, – ответил аль-Ахнаф. А Муавия продолжал: „Как ты поступаешь, когдаходишь к

¹²⁷ Муавия ибн Абу-Суфьян (661-680) – первый халиф из династии Омейядов.

¹²⁸ Аль-Ахнаф ибн Кайс – вождь племени Бену-Темим во времена халифа Мурави. Его имя Абу-Бахр – означает: отец моря.

людям из твоего племени, стоящим ниже эмиров?» – „Я скромно склоняю голову, приветствую первый, оставляю то, что меня не касается, и мало говорю“, – отвечал аль-Ахнаф.

«А как ты поступаешь, входя к равным себе?» – спросил халиф. И аль-Ахнаф ответил: «Я слушаю, когда они говорят, и не нападаю, когда они нападают». – «А как ты держишь себя, когдаходишь к твоим повелителям?»

«Я приветствую их, не делая знака, и жду ответа; если мне велят приблизиться, я приближаюсь, а если отдаляют меня, отдаляюсь», – ответил аль-Ахнаф.

И Муавия спросил: «Как ты поступаешь с твоей женой?» – «Уволь меня от этого, повелитель правоверных», – сказал аль-Ахнаф. Но Муавия воскликнул: «Заклинаю тебя, расскажи мне!» И аль-Ахнаф сказал: «Я обращаюсь с ней хорошо, проявляю к ней дружбу и щедро одаряю – ведь женщина создана из кривого ребра». – «А что ты делаешь, когда хочешь познать её?» – спросил халиф. И аль-Ахнаф сказал: «Я говорю с ней, пока она сама не пожелает, и целую её, пока она не заволнуется, и если бывает то, о чем ты знаешь, я валю её на спину. И когда капля утверждается в её лоне, я говорю: „О боже, сделай её благословенной и не делай её несчастной, но придай ей прекрасный образ“. А потом я поднимаюсь с неё для омовения и лью воду на руки, а затем обливаю тело и воздаю хвалу Аллаху за дарованное мне благо». – «Ты отличился в ответе! – воскликнул Муавия. – Скажи теперь о своих нуждах». – «Мне нужно, чтобы ты был богобоязнен, управляя своими подданными, и оказывал им равную справедливость», – ответил аль-Ахнаф и, поднявшись, удалился из покоев Муавии. И когда он ушёл, Мейсуп сказала: «Если бы в Ираке был только он, этого бы Ираку довольно».

А вот, – продолжала Нузхат-аз-Заман, – частила из того, что относится к вежеству. Знай, о царь, что Муайкиб управлял казной в халифат Омара ибн аль-Хаттаба...

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Шестьдесят третья ночь

Когда же настала шестьдесят третья ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что Нузхатаз-Заман говорила: „Знаю, о царь, что Муайкиб управлял казной в халифат Омара ибн аль-Хаттаба, и случилось так, что он увидел сына Омара и дал ему дирхем из государственной казны. „Я дал ему дирхем, – рассказывал он, – и ушёл домой, и вот я сижу, и приходит ко мне посланный от Омара. И я испугался и отправился к нему и вдруг вижу тот дирхем у него в руке. „Горе тебе, о Муайкиб, – сказал он мне, – я нашёл кое-что, касающееся твоей души“. – „А что же это, повелитель правоверных?“ – спросил я, и он ответил: „В день воскресения ты будешь тягаться за этот дирхем с народом Мухаммеда, да благословит его Аллах и да приветствует“».

Написал Омар Абу-Мусе аль-Ашари¹²⁹ письмо такого содержания: «Когда это моё письмо придёт к тебе, отдай людям то, что им принадлежит, и доставь мне остальное», – и он это сделал. Когда же стал халифом Осман¹³⁰, прибыл к нему с податью. И когда подать сложили перед Османом, пришёл его сын и взял оттуда дирхем. И Зияд заплакал, а Осман спросил его: «Почему ты плачешь?» И Зад сказал: «Я доставил Омару то же самое, и когда его сын взял дирхем, Омар велел отнять его у него, а твой сын взял, и я не видел, чтобы ему сказали что-нибудь или отняли у него дирхем». И Осман отвечал: «А где ты встретишь подобного Омару?»

Передавал Зейд ибн Аслам, что его отец говорил: «Однажды ночью шёл я с Омаром, и

¹²⁹ Абу-Муса аль-Ашари – правитель Басры и Куфы при первых «правоверных» халифах.

¹³⁰ Осман (644-656) – последний «правоверный» халиф. Его правление кончилось народным восстанием.

мы подошли к пылающему огню. И Омар сказал мне: „Аслам, я думаю, это путники, измученные холодом. Пойдём к ним“. И мы пошли и пришли к этим людям и увидели женщину, которая жгла огонь под котелком, а с ней были плачущие дети. И Омар сказал им: „Мир вам, люди света (он не хотел сказать – «люди огня»¹³¹, что с вами?)» – «Нас мучит холод и мрак ночи», – ответила женщина. И Омар спросил: «А что плачут эти дети?»

«От голода», – сказала женщина. «А что это за котёл?» – продолжал Омар. «Я их успокаиваю этим, – ответила она, – и поистине Аллах спросит о них Омара ибн аль-Хаттаба в день воскресения». – «А откуда Омару знать о них?» – воскликнул халиф. И женщина отвечала: «Как же он вершит дела людей и пренебрегает ими!»

И Омар обернулся ко мне, – продолжал Аслам, – и сказал: «Пойдём!» – и мы поспешно пошли и пришли к Дому Расхода, и Омар взял куль муки и кувшин жиру и сказал мне: «Взвали это на меня». – «Я понесу за тебя, повелитель правоверных», – ответил я. Но Омар спросил: «А понесёшь ты за меня мою тяжесть в день воскресения?»

И я взвалил на него припасы, и мы поспешно пошли и бросили куль возле женщины. А затем Омар взял немного муки и то и дело говорил женщине: «Подай мне ещё». И он раздувал огонь под котлом (а у него была большая борода, и я видел, как дым выходит из просветов в ней), пока похлёбка не сварилась, и, взяв кусок жиру, кинул его туда и сказал женщине: «Корми их, а я буду студить кушанье». И они ели до тех пор, пока не наелись досыта, и Омар оставил ей остальную муку и, обращаясь ко мне, сказал: «Аслам, я видел, что они плакали от голода, и мне не хотелось уйти, не выяснив, откуда свет, который я заметил...»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Шестьдесят четвёртая ночь

Когда же настала шестьдесят четвёртая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что Нузхатаз-Заман говорила: „Говорят, что Омар проходил мимо пастуха-невольника и стал у него торговать овцу, но пастух сказал: „Они не мои“. – „Ты тот, кого мне нужно!“ – вскричал Омар и купил этого пастуха и освободил его и воскликнул: «О боже, так же, как ты даровал мне малое освобождение, даруй мне освобождение величайшее».

Говорят, что Омар ибн аль-Хаттаб кормил слуг молоком, а сам ел грубую пищу, и одевал их в мягкое, а сам носил жёсткое. Он давал людям, сколько им следовало, и прибавлял им, одаряя их. Одному человеку он дал четыре тысячи дирхемов и прибавил ещё тысячу, и ему сказали: «Не прибавишь ли ты своему сыну, как прибавил этому человеку?» – «Отец этого был твёрд в день Охода»¹³², – ответил Омар.

Говорил аль-Хасан: «Омару принесли много денег, и к нему пришла Хафса¹³³ и сказала: «Повелитель правоверных, а где доля твоих родственников?»

«Хафса, – ответил Омар, – Аллах велит не забывать о доле моих родственников, но выдавать её из денег мусульман, – это нет! О Хафса, ты делаешь угодное твоей родине, но гневишь твоего отца!» И она ушла, волоча подол.

Говорил сын Омара: «В каком-то году я молил господу, чтобы он показал мне моего

¹³¹ Благочестивые арабы избегали употреблять слово «огонь», ибо с ним связано представление об адских муках.

¹³² Оход – гора близ Мекки. Здесь в 625 г. произошло сражение между приверженцами Мухаммеда и изгнавшими его из «священного» города мекканцами. Победа осталась за Мухаммедом.

¹³³ Хафса – дочь халифа Омара, одна из жён Мухаммеда.

отца, и, наконец, я увидел его, вытирающим со лба пот. И я спросил его: „Каково тебе, батюшка?“ – и он отвечал: „Если бы не милость господя, твой отец наверное бы погиб“.

И затем Нузхат-аз-Заман сказала: «Послушай, о счастливый царь, второй отдел первой главы: предание о последователях пророка и других праведниках. Говорил аль-Хасан из Басры: „Не покидает душа человека здешнего мира без того, чтобы не сожалел он о трех вещах: что не пользовался тем, что собрал, не достиг того, на что надеялся, и не заготовил себе много запасов для путешествия, которое он предпринимает“.

Спросили Суфьяна:¹³⁴ «Может ли быть человек подвижником, когда у него есть имущество?» И он сказал: «Да, если он стоек в испытаниях и благодарит Аллаха, будучи одаряем».

Говорят, что когда к Абд-Аллаху ибн Шеддаду явилась смерть, он призвал своего сына Мухаммеда и стал наставлять его и сказал: «О сын мой, я вижу, что глашатай смерти воззвал ко мне. Тебе надлежит быть богобоязненным, тайно и явно воздавать Аллаху благодарение и быть правдивым в речах: благодарение возвещает о приросте благ, а богобоязненность – лучший запас, как сказал кто-то:

Блаженства я в том, чтобы деньги собрать, не вижу,
И тот лишь блажен, кто верит, страшась Аллаха.
Боязнь Аллаха – лучший запас, по правде.
И кто страшится, тем Аллах прибавит».

Затем Нузхат-аз-Заман сказала: «Да послушает царь рассказы из второго отдела первой главы». – «А что это за рассказы?» – спросили её. И она сказала: «Когда Омар ибн Абд-аль-Азиз¹³⁵ стал халифом, он пришёл к своим родным и, взяв то, что у них было, сложил это в казну. Тогда Омейяды устремились к его тётке Фатиме, дочери Мервапа, и та послала сказать ему: «Мне необходимо встретиться с тобою». И она приехала к нему ночью, и Омар помог ей сойти на землю и, когда она уселась, сказал ей: «О тётушка, говорить лучше тебе, так как нужда у тебя. Расскажи же мне, что ты хочешь?» – «О повелитель правоверных, – отвечала она, – тебе более приличествует говорить, и суждение твоё обнаруживает скрытые мысли». И сказал тогда Омар ибн Абдаль-Азиз: «Аллах великий послал Мухаммеда как милость одним и наказание другим; потом он избрал для него пребывание близ себя и взял его к себе...»

И Шахразад устало говорила, и она прекратила дозволенные речи.

Шестьдесят пятая ночь

Когда же настала шестьдесят пятая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый пары, что Нузхатаз-Заман говорила: «И сказал тогда Омар ибн Абд-аль-Азиз: «Аллах послал Мухаммеда, – да благословит его Аллах и да приветствует! – как милость одним и наказание другим, а затем он избрал для него пребывание подле себя и взял его к себе, и оставил он людям реку, чтобы пить из неё. Потом стал халифом, после него, Абу-Бекр Правдивый¹³⁶ и оставил реку такою, как она была, и делал то, что угодно Аллаху. За ним правил Омар и совершал деяния и был усерден усердием, непосильным ни для кого. Но когда стал халифом Осман, он отвёл от реки поток, а потом правил Муавия, и он отвёл от неё многие потоки, а также отводил их, после него, Язид и сыны Мервана: Абд-аль-Мелик, аль-Валид и Сулейман, и большая река высохла. И вот власть пришла ко мне, и я хочу сделать реку такою же, как она была».

¹³⁴ Суфьян – богослов и аскет, жил в VIII в.

¹³⁵ Омар ибн Абд-аль-Азиз – халиф из династии Омейядов, отличался чрезвычайным благочестием.

¹³⁶ Абу-Бекр Правдивый (632-634) – первый «правоверный» халиф.

И Фатима сказала: «Я хотела только с тобой поговорить и побеседовать, но если твои слова таковы, я ничего не скажу тебе». И она вернулась к Омейядам и сказала им: «Вкусите последствия того, что вы сделали, породнившись с Омаром».

Говорят, что когда к Омару ибн Абд-аль-Азизу явилась смерть, он собрал своих детей вокруг себя, и Маслам а ибн Абу-аль-Мелик сказал ему: «О повелитель правоверных, как ты оставляешь своих детей бедняками, когда ты их пастырь? Никто не мешает тебе, пока ты жив, дать им из казны столько, чтобы им было довольно, и так лучше, чем оставить это правителю, следующему за тобой».

И Омар посмотрел на Масламу взором гневного и удивлённого и сказал: «О Маслама, я отказывал им в дни нашей жизни, так как же мне быть несчастным из-за них после смерти? Среди моих сыновей одни – мужи, покорные Аллаху великому, и Аллах устроит их дела, другие – ослушники, и я не таков, чтобы помогать им в их ослушании. О Маслама, я присутствовал с тобою при погребении одного из сынов Мервана, и сои отягчил мои глаза близ пего, и я увидел во сне, что он подвергся одному из наказаний Аллаха, великого, славного. И это ужаснуло и устрасило меня, и я дал обет Аллаху, что не буду поступать, как поступал он, если получу власть. Я был усерден в этом в течение моей жизни и надеюсь, что получу прощение от моего господина».

Говорил Маслама: «Один человек скончался, и я был на его погребении. Когда погребение окончилось, сои отягчил мои глаза, и я увидел, в грёзах спящего, покойника в саду, где текут реки, и на нем белые одежды. И он подошёл ко мне и сказал: „О Маслама, ради подобного этому пусть действуют действующие!“ И вроде этого было сказано многое».

Говорил кто-то из верных людей: «Я доил овец в халифат Омара ибн Абд-аль-Азиза, и однажды мне повстречался пастух, и среди его овец я увидел волка или даже несколько волков. Я подумал, что это собаки (а я раньше не видел волков), и спросил его: „Что ты делаешь с этими собаками?“ – „Это не собаки, это волки“, – отвечал он».

«А разве волки не вредят скоту?» – спросил я. И пастух ответил: «Если голова в порядке, то и тело в порядке».

Говорил Омар ибн Абд-аль-Азиз проповедь на кафедре из глины, и, прославив Аллаха великого и восхвалив его, он сказал такие слова: «О люди, будьте праведны втайне, чтобы были вы праведны с вашими братьями явно, воздерживайтесь в земных делах и знайте, что нет между человеком и Адамом живого среди мёртвых. Умер Абуаль-Мелик и те, кто до него. Умрёт Омар и те, кто после него. О повелитель правоверных, не подложить ли тебе подушку, чтобы ты немного опёрся на неё?» – сказал ему Маслама. И Омар ответил: «Я боюсь, что она будет грехом на моей шее в день воскресения».

И он издал единый вопль и упал без памяти, и Фатима крикнула: «Эй. Мариам, эй, Музахим, эй, такое-то, посмотрите на этого человека!»

И, подойдя, она стала лить на него воду и плакала, пока он не очнулся от обморока, а очнувшись, он увидел, что женщина плачет, и спросил её: «Отчего ты плачешь, Фатима?» – «О повелитель правоверных, – отвечала она, – я увидела тебя, повергнутого перед нами, и вспомнила, что ты будешь повергнут после смерти перед Аллахом великим и оставишь этот мир и покинешь нас. Вот почему я плачу». – «Довольно, Фатима, ты превзошла меру! – сказал Омар и поднялся, но опять упал, и Фатима прижала его к себе и воскликнула: „Ты мне За мать и отца, повелитель правоверных! Мы все не смеем говорить с тобой“».

Потом Нузхат-аз-Заман сказала своему брату Шарр-Кану и четырём судьям: «Заключение второго отдела первой главы...»

И Шахразуду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Шестьдесят шестая ночь

Когда же настала шестьдесят шестая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что Нузхатаз-Заман говорила своему брату ШаррКану, не узнавая его, в присутствии

четырех судей и купца „Заключение второго отдела первой главы“: «Случилось, что Омар ибн Абд-аль-Азиз написал собравшимся на празднество: «А после славословил: беру в свидетели Аллаха в священный месяц, в священном городе в день великого паломничества¹³⁷, что я не виновен в обидах, причинённых вам, и во вражде того, кто вам враждебен, если я сделал это или имел такое намерение, или до меня дошло сведение об этом, или что-либо из этого было мне известно, я надеюсь, что найдётся возможность прощения. Но нет от меня разрешения обижать других, ибо я буду спрошен о каждом обиженном. И если правитель среди моих правителей отступит от истины и поступит не по писанию и не по установлениям, не обязаны вы повиноваться ему, пока он не вернётся к истине.

Говорил он, – да будет доволен им Аллах: «Я не хотел бы быть освобождённым от смерти, ибо это последнее, за что награждается правоверный».

Говорил кто-то из верных людей: «Я прибыл к повелителю правоверных Омару ибн Абд-аль-Азизу, когда он был халифом, и увидел перед ним двенадцать дирхемов. Он приказал положить их в казну, и я сказал ему: „О повелитель правоверных, ты ввергнул своих детей в нищету и сделал их семьёй, у которой ничего нет. Отчего ты не прикажешь выдать что-нибудь им и тем, кто беден из членов твоего дома?“ – „Подойди ко мне“, – сказал Омар.

И когда я подошёл к нему, он молвил: «Твои слова: „ты вверг своих детей в нищету, дай же им что-нибудь и тем, кто беден из людей твоего дома“, – неправильны, ибо Аллах мне преемник для моих детей, и для бедных членов моего дома, и он за них поручитель. Они же – мужи, либо страшась Аллаха, – и тем Аллах найдёт выход, – либо предавшиеся грехам, а я не стану укреплять их в ослушании Аллаху».

И затем он послал за детьми и призвал их к себе (а их было двенадцать мужчин). И когда он увидел их, из глаз его полились слезы, и он сказал: «Поистине, ваш отец меж двух дел: либо вы будете богаты и отец ваш войдёт в огонь, либо вы обеднеете и ваш отец войдёт в рай. Но приятнее вашему отцу войти в рай, чем видеть вас богатыми. Уходите, да храпит вас Аллах; я поручаю ваше дело Аллаху!»

Говорил Халид ибн Сафван: «Правитель Ирака и Йемена Юсуф ибн Омар сопровождал меня к халифу Хишаму ибн Абд-аль-Мелику. И я прибыл к нему, когда он выехал, вместе со своими близкими и слугами и остановился в одном месте. И для него разбили шатёр, и когда люди сели по местам, я подошёл к халифу со стороны ковра и стал на него смотреть, и мой глаз встретил его глаз, и я сказал: „Да завершит Аллах свою милость к тебе, повелитель правоверных, и да направит дела, на тебя возложенные, по прямому пути, и да не примешает обиды к твоей радости. Я не нахожу для тебя, повелитель правоверных, наставления, более красноречивого, нежели предание о царе, бывшем прежде тебя“.

И халиф сел прямо (а он сидел облокотившись) и сказал: «Подавай, что у тебя есть, ибн Сафван!»

И тот начал: «О повелитель правоверных, один царь выехал, прежде тебя, в один из предшествующих годов, в эту землю и спросил своих собеседников: „Видели ли вы подобное тому, что есть у меня, и даровано ли кому-нибудь то же, что даровано мне?“ А подле него был переживший других человек из „носителей доказательства, помогающих в истине и шествующих по её стезе, и он сказал: „О царь, ты спросил о великом деле. Позволишь ли мне ответить?“ – „Да“, – сказал царь. И человек спросил: „Считаешь ли ты то, что есть у тебя, непреходящим или преходящим?“ – „Оно преходяще“, – ответил царь. „Так почему же ты, как я вижу, восторгаешься тем, чем пользоваться ты будешь недолго, а ответчиком за это будешь долго, и при расчёте за это уалатишь залогом?“ – спросил тот человек. „Куда же бежать и к чему стремиться?“ – воскликнул царь. И человек ответил: «Пребывай в твоём царстве и действуй, повинаясь Аллаху великому, или надень рубище и

¹³⁷ Паломничество считается «великим», когда день остановки у горы Арафат приходится на пятницу.

поклоняйся твоему господу, пока не придёт твой срок. А когда настанет утро, я явлюсь к тебе. И этот человек, – продолжал Халид ибн Сафван, – постучал на заре в дверь царя и видит, что тот сложил с себя венец и снаряжается в странствие, – так подействовало на него наставление праведника. И Хишам ибн Абд-аль Мелик заплакал горьким плачем, так что омочил себе бороду, и велел спать то, что на нем было, и сидел в своём дворце. И слуги и приближённые пришли к Халиду ибн Сафвану и сказали ему «Так ты поступил с повелителем правоверных! Ты испортил ему) наслаждение и смутил ему жизнь“.

И затем Нузхат-аз-Заман сказала Шарр-Кану: «А сколько в этой главе наставлений! Поистине, я бессильна привести все, что есть в этой главе, за одну беседу...»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Шестьдесят седьмая ночь

Когда же настала шестьдесят седьмая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что Нузхатаз-Заман говорила Шарр-Кану: „О царь, сколько ещё в этой главе наставлений! Поистине, я не в силах привести все, что есть в этой главе за одну беседу. Но с течением дней, о царь времени, будет все хорошо“.

И судьи сказали: «О царь, эта девушка – чудо времени и единственная жемчужина века и столетий. Мы не слышали о подобной ей во все времена и за всю нашу жизнь». И они простились с царём и ушли, и тогда ШаррКан обратился к своим слугам и сказал им: «Принимайтесь за устройство свадьбы и тотчас готовьте кушанья всех родов». И они сейчас же исполнили его приказанья и приготовили всякие кушанья, а Шарр-Кан велел жёнам эмиров, везирей и вельмож царства не уходить и присутствовать при открывании невесты и на свадьбе. И едва настал предвечерний час, как уже разложили скатерть со всеми кушаньями, какие желательны душе и усладительны для глаз – жарким, гусями и курами, и все люди ели, пока не насытились. И всем певицам в Дамаске было приказано прийти, а также старшим невольницам царя, умевшим петь, и все они явились во дворец. И когда пришёл вечер и опустился мрак, зажгли свечи от ворот крепости до ворот дворца, справа и слева, и эмиры, везири и вельможи пошли перед царём Шарр-Каном, а певицы и прислужницы взяли девушку, чтобы украсить её и одеть, но увидели, что она не нуждается в украшении.

А царь Шарр-Кан вошёл в баню и, выйдя оттуда, сел на ложе, и невесту открывали перед ним в семи платьях, а потом с неё сняли одежды и стали учить её тому, чему учат девушек в ночь, когда их отводят к мужу. И ШаррКан вошёл к ней и взял её невинность, и она понесла от него в тот же час и минуту и сообщила ему об этом. И Шарр-Кан сильно обрадовался и приказал мудрецам записать день зачатия, а утром он сел на престол, и явились вельможи его царства и поздравили его. И Шарр-Кан призвал своего личного писца и повелел ему написать письмо своему родителю, Омару ибн ан-Нуману, о том, что он купил невольницу, умную и образованную, которая объяла все отрасли мудрости и что он пришлёт её в Багдад, чтобы она посетила его брата Дау-аль-Макана и сестру, Нузхат-аз-Заман. Он написал, что освободил девушку и составил свой брачный договор с нею, и вошёл к ней, и она понесла от него. И он восхвалил её ум, а затем он послал привет брату и сестре везиря Дандана и прочим эмирам. И он запечатал письмо и отправил его к отцу с гонцом на почтовых. И этот гонец отсутствовал целый месяц, а потом вернулся с ответом и подал его Шарр-Кану.

И Шарр-Кан взял его и прочитал и вдруг видит, – там написано, после имени Аллаха: «Это письмо от растерявшегося и смущённого, который потерял детей и покинул родину, от царя Омара ибн ан-Нумана к сыну ШаррКану. Знай, что после твоего отъезда мне стало тесно на земле, так что я не могу терпеть и не в состоянии хранить тайну. И это потому, что я уехал на охоту и ловлю, а Дау-аль-Макан просился у меня отправиться в аль-Хиджаз, но я убоился превратностей времени и не позволил ему ехать до будущего или следующего за

ним года. И когда я уехал на охоту и ловлю, я отсутствовал целый месяц...»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Шестьдесят восьмая ночь

Когда же настала шестьдесят восьмая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что царь Омар ибн ан-Нуман говорил в своём письме: „Когда я уехал на охоту и ловлю, я отсутствовал месяц и, возвратившись, увидел, что твой брат и сестра взяли немного денег и тайком отправились с паломниками в паломничество. И когда я узнал об этом, простор сделался для меня тесен и я стал, о дитя моё, ожидать возвращения паломников, надеясь, что, может быть, твой брат и сестра придут с ними. И паломники вернулись, и я спросил о них, но никто ничего не рассказал мне. И я надел одежды печали, заложил свою душу и лишился сна и утопаю в слезах моих очей“. И он написал такие стихи:

«Ваш призрак уйти теперь по хочет на миг один,
И в сердце отвёл ему я место почётное.
Надеюсь, вернётесь вы – не то я не прожил бы
И мига, и призрак ваш один мне покой несёт».

И, между прочим, он написал в своём письме: «А после привета тебе и тем, кто с тобою, сообщаю тебе, что ты не должен быть небрежен, распытывая новости, – это для нас позорно».

И, прочтя письмо, Шарр-Кан опечалился за своего отца и обрадовался исчезновению сестры и брата, и взял письмо и вошёл к своей жене Нузхат-аз-Заман. А он не знал, что это его сестра, и она не знала, что Шарр-Кан её брат, хотя он все время посещал её, ночью и днём, пока не прошли полностью её месяцы.

И она села на седалище родов, и Аллах облегчил ей разрешение, и у неё родилась дочь. И Нузхат-аз-Заман послала за Шарр-Каном и, увидав его, сказала ему: «Вот твоя дочь, назови её, как хочешь». – «У людей в обычае давать своим детям имя на седьмой день после их рождения», – ответил Шарр-Кан. И затем он нагнулся к своей дочери и поцеловал её и увидел, что у неё на шее повешена жемчужина из тех трех жемчужин, которые царевна Абриза привезла из земли румов. И когда Шарр-Кан увидал, что эта жемчужина висит на шее его дочери, разум покинул его, и им овладел гнев. Он вперил глаза в жемчужину и хорошо рассмотрел её, а затем он взглянул на Нузхат-аз-Заман и спросил: «Откуда попала к тебе эта жемчужина, о невольница?»

И, услышав от Шарр-Кана эти слова, Нузхат-аз-Заман воскликнула: «Я твоя госпожа и госпожа всех тех, кто находится во дворце! Я царица, дочь царя, и теперь прекратилось сокрытие, и дело стало явным, и выяснилось, что Нузхат-аз-Заман дочь царя Омара ибн ан-Нумана». И когда Шарр-Кан услышал эти слова, на него напала дрожь, и он опустил голову к земле...»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Шестьдесят девятая ночь

Когда же настала шестьдесят девятая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что когда Шарр-Кан услышал эти слова, его сердце встревожилось, и лицо его пожелтело, и на него напала дрожь, и он опустил голову к земле. И, поняв, что Нузхат-аз-Заман и его сестра и они от одного отца, он лишился чувств, а очнувшись, он пришёл в изумление, но не осведомил царевну о себе. „О госпожа, – спросил он её, – ты дочь царя Омара ибн ан-Нумана?“ – „Да“, – отвечала она ему. И Шарр-Кан сказал ей: „Расскажи

мне, почему ты рассталась со своим отцом и тебя продали?»

И она рассказала ему обо всем, что с ней случилось, с начала до конца: и как она оставила брата больным в Иерусалиме и как бедуин похитил её и продал купцу. И когда Шарр-Кан услышал это, он убедился, что Нузхатаз-Заман его сестра и они от одного отца.

«Как же это я женился на своей сестре! – подумал он. – Клянусь Аллахом, мне необходимо выдать её за кого-нибудь из моих придворных. А если что-нибудь выяснится, я скажу, что развёлся с нею раньше, чем стал её мужем, и выдам её за старшего из придворных». И, подняв голову, он вздохнул и сказал: «О Нузхат-аз-Заман, ты действительно моя сестра. И я скажу: „Прошу прощения у Аллаха за тот грех, в который мы впали. Я Шарр-Кан, сын царя Омара ибн ан-Нумана“. И Нузхатаз-Заман взглянула на Шарр-Кана и хорошенько всмотрелась в него, и, узнав его, она почти лишилась рассудка и с плачем стала бить себя по липу и воскликнула: „Нет мощи и силы, кроме как у Аллаха! Мы впали в великий грех! Что делать и что я скажу отцу и матери, когда они меня спросят: «Откуда у тебя эта дочь?»»

«Лучше всего, – сказал Шарр-Кан, – выдать тебя за царедворца и дать тебе воспитывать мою дочь у него, в его доме, чтобы никто не узнал, что ты моя сестра. Это предопределил нам Аллах великий ради дела, угодного ему, и мы будем сокрыты, только если ты выйдешь за этого царедворца раньше, чем кто-нибудь узнает».

И он стал её уговаривать и целовать её в голову, и она спросила: «А как же мы назовём дочку?» А Шарр-Кан отвечал: «Назови её Кудья-Факан». И он выдал Нузхат-аз-Заман замуж за старшего царедворца и перевёл её в его дом вместе с дочерью. И девочку воспитали на плечах невольниц и давали ей питьё и разные порошки.

А брат Нузхат-аз-Заман, Дау-аль-Макан, был все это время с истопником в Дамаске. И вот в какой-то день прибыл на почтовых гонец от царя Омара ибн ан-Нумана к царю Шарр-Кану, и с ним было письмо. И Шарр-Кан взял письмо и прочитал, и в нем после имени Аллаха, стояло: «Знай, о славный царь, что я сильно опечален разлукою с детьми, так что лишился сна и меня не покидает бессонница. Я посылаю тебе это письмо. Сейчас же по прибытии его приготовь нам деньги и подать и пошли с ними ту невольницу, которую ты купил и взял себе в жены. Я хочу её видеть и услышать её слова, так как к нам прибыла из земли румов старуха праведница и с нею пять невольниц, высокогрудых дев. Они овладели науками и знанием и всеми отраслями мудрости, которые надлежит знать человеку, – язык бессилён описать все виды науки, добродетели и мудрости. И, увидав девушек, я полюбил их великой любовью и захотел, чтобы они были в моем дворце и под моей властью, так как им не найдётся равных у прочих царей. И я спросил старую женщину об их цене, и она мне ответила: „Я продам их только за подать Дамаска“. Клянусь Аллахом, я не считаю, что это большая цена за них (каждая из девушек стоит всех этих денег). И я согласился на это и ввёл их в мой дворец, и они находятся в моей власти. Поторопись же с податью, чтобы женщина отправилась в свои земли, и пришли к нам твою невольницу – пусть она состязается с девушками перед мудрецами. И если она одолеет их, я пришлю её к тебе и подать Багдада вместе с нею...»

И Шахразуду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Ночь, дополняющая до семидесяти

Когда же настала ночь, дополняющая до семидесяти, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что царь Омар ибн ан-Нуман говорил в своём письме: „И пришли к нам твою невольницу, пусть она состязается с девушками перед мудрецами, и если она победит их, я пришлю её к тебе, а вместе с нею подать Багдада“.

И когда Шарр-Кан узнал об этом, он обратился к своему зятю и сказал ему: «Приведи невольницу, которую я дал тебе в жены!» И Нузхат-аз-Заман пришла, и Шарр-Кан ознакомил её с письмом и сказал ей: «О сестрица, что ты думаешь об ответе?» – «Верное мнение – твоё

мнение», – ответила Нузхат-аз-Заман. А затем она, стосковавшаяся по близким и родине, сказала: «Отошли меня вместе с моим мужем, царедворцем, чтобы я могла рассказать отцу мою повесть и поведать о том, что произошло у меня с бедуином, который продал меня купцу, и сообщить ему, что купец продал меня тебе, а ты выдал меня за царедворца после того, как освободил меня».

И Шарр-Кан ответил: «Пусть будет так!» А затем он взял свою дочь Кудьш-Факан и отдал её нянькам и слугам и принялся готовить подать, которую он вручил царедворцу, приказав ему отправиться с девушкой и податью в Багдад.

И Шарр-Кан назначил ему носилки, в которых бы он сидел, а для девушки он назначил другие носилки. И царедворец ответил ему: «Слушаю и повинуюсь!» А Шарр-Кан снарядил верблюдов и мулов и написал письмо и отдал его царедворцу. Он простился со своей сестрой Нузхат-аз-Заман (а жемчужину он у неё отобрал и повесил её на шею своей дочери на цепочке из чистого золота); и царедворец выехал в ту же ночь. И случилось так, что Дау-аль-Макан и с ним истопник вышли прогуляться возле шатра. И они увидели бактрыйских верблюдов, нагруженных мулов и светильники и светящие фонари. И Дау-аль-Макан спросил об этих тюках и их владельце, и ему сказали: «Это подать Дамаска, и она едет к царю Омару ибн ан-Нуману, владыке города Багдада». – «А кто предводитель этого каравана?» – спросил Дау-аль-Макан. «Старший царедворец, что женился на девушке, которая преуспела в науке и мудрости», – сказали ему.

И тут Дау-аль-Макан горько заплакал и задумался, вспоминая свою мать, и отца, и сестру, и родину. «Нет больше здесь для меня места, – сказал он истопнику. – Я отправлюсь с этим вот караваном и пойду понемногу, пока не достигну родины». – «Я не был спокоен за тебя на пути из Иерусалима в Дамаск, так как же я спокойно отпущу тебя в Багдад! – воскликнул истопник. – Я буду с тобою вместе, пока ты не достигнешь свой цели!» – «С любовью и охотой», – ответил Дау-аль-Макан.

И истопник принялся снаряжать его и оседлал ему осла и положил на осла его мешок, а в мешок он сложил кое-какие запасы. И, затянув пояс, он приготовился и стоял, пока мимо него не прошли все тюки. А царедворец ехал на верблюде, и пешая свита окружала его. И Дау-аль-Макан сел на осла истопника и сказал истопнику: «Садись со мной», по тот отвечал: «Я не сяду, во буду служить тебе». – «Ты непременно должен немного проехать на осле», – воскликнул Дау-аль-Макан. И тот ответил: «Пусть будет так, если я устану». – «Ты увидишь, брат мой, как я вознагражу тебя, когда приеду к своим родным», – сказал Дау-аль-Макан. И они ехали непрерывно, пока не взошло солнце, а когда настало время полуденного отдыха, придворный приказал сделать привал. И путники спешили и отдохнули и напоили своих верблюдов, а затем он велел отправляться.

И через пять дней они достигли города Хама и остановились и пробыли там три дня...

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Семьдесят первая ночь

Когда же настала семьдесят первая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что они провели в городе Хама три дня, а потом поехали и ехали непрерывно до тех пор, пока не достигли другого города, в котором провели три дня, а затем они поехали и вступили в Диар-Бекр, и на них повеял ветерок Багдада. И Дау-аль-Макан вспомнил о своей сестре Нузхат-аз-Заман, об отце и о матери и подумал, как он вернётся к отцу без сестры, и заплакал и застонал и начал жаловаться, и его печали усилились. И он произнёс такие стихи:

«О други, доколь терпеть и медлить придётся мне?
И нету ко мне от вас гонца, чтоб поведать мне.
Ведь дни единения так кратки, поистине!
О, если б разлуки срок короче мог сделаться!

Вы, за руку взяв меня, откиньте одежд покров –
Увидите, как я худ, но скрыть худобу хочу.
И если кто скажет мне: «Утешься!» – скажу ему:
«Клянусь, не утешусь я до дня воскресенья».

И истопник сказал ему: «Прекрати этот плач и стенания, мы близко от шатра царедворца». Но Дау-альМакан воскликнул: «Я обязательно должен говорить какие-нибудь стихи, быть может огонь в моем сердце погаснет». – «Ради Аллаха, – сказал истопник, – оставь печаль, пока не прибудешь в свою страну, а потом делай, что хочешь. Я буду с тобою, где бы ты ни был». – «Клянусь Аллахом, я не перестану», – воскликнул Дау-альМакан и обратился лицом в сторону Багдада.

А луна сияла и изливала свой свет, и Нузхат-аз-Заман не спала этой ночью; она беспокоилась и вспоминала о своём брате Дау-аль-Макане и плакала. И, плача, она вдруг услышала, как её брат Дау-аль-Макан плакал и говорил такие стихи:

«Луч блеснул зарниц йеменских,
И тоскою я охвачен
По любимом, бывшем близко,
Что поил привета чашей.
Он напомнил о метнувшем
Мне стрелу в моем жилище,
О сияние зарницы,
Возвратятся ль дни сближенья?
О хулигель, не брани же!
Испытал меня господь мой
Тем возлюбленным, что скрылся,
И судьба меня сразила,
И ушла услада сердца,
Когда время отвернулось.
Поит он меня заботой,
Неразбавленную в чаше,
И себя я вижу, друг мой,
Мёртвым прежде единенья.
Время! К нам с любовью детской
Воротись скорей с приветом,
С безопасностью счастливой.
От стрелы, меня сразившей,
Кто поможет чужеземцу,
Что с испуганным спит сердцем?
Одинок в своём он горе,
Потеряв Усладу Века¹³⁸.
Овладели нами силой
Руки сыновей разврата».

А окончив свои стихи, он закричал и упал без чувств. Вот что было с ним.

Что же касается Нузхат-аз-Заман, то она этой ночью бодрствовала, так как ей вспомнился в этом месте её брат. И, услышав среди ночи голос, она отдохнула душой и поднялась, обрадованная, и позвала евнуха. «Что тебе надо?» – спросил он. И Нузхат-азЗаман отвечала: «Пойди и приведи мне того, кто говорит эти стихи». – «Я не

¹³⁸ Имя Нузхат-аз-Заман в переводе значит: «услада века» (времен).

слышал его», – сказал евнух...»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Семьдесят вторая ночь

Когда же настала семьдесят вторая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что когда Нузхатаз-Заман услышала стихи своего брата, она позвала старшего евнуха и сказала ему: „Пойди приведи мне того, кто говорил эти стихи“. – „Я не слышал его и не знаю, кто он. И все люди спят“, – отвечал евнух. По Нузхат-аз-Заман сказала: „Всякий, кого ты увидишь бодрствующим, и есть тот, кто говорил стихи“.

И евнух стал искать и увидел, что не спят только истопник и Дау-аль-Макан (а он был в забытии). И когда истопник увидел, что евнух стоит над его головой, он испугался его, а евнух спросил: «Это ты говорил стихи? Моя госпожа услышала тебя». И истопник подумал, что госпожа рассердилась из-за того, что говорили стихи, и испугался и отвечал: «Клянусь Аллахом, это не я!» – «Л кто же это говорил? – спросил евнух, – укажи мне его, ты его знаешь, так как ты не спал».

И истопник испугался за Дау-аль-Макана и подумал: «Может быть, этот евнух ему чем-нибудь повредит». – «Клянусь Аллахом, я не знаю его», – сказал он. И евнух воскликнул: «Клянусь Аллахом, ты лжёшь! Здесь нет никого, кто бы сидел и не спал, кроме тебя. Ты знаешь его!» – «Клянусь Аллахом, – отвечал истопник, – я скажу тебе правду. Тот, кто говорил стихи, – человек, проходивший по дороге; это он испугал и встревожил меня, воздай ему Аллах!» – «Если ты знаешь его, – сказал евнух, – проводи меня к нему, я его схвачу и приведу к носилкам, в которых наша госпожа, или ты сам схвати его своей рукой». – «Уйди, а я приведу его к тебе», – сказал истопник.

И евнух оставил его и удалился. Он вошёл к своей госпоже и сообщил ей об этом и сказал: «Никто его не знает, это только прохожий на дороге». И Нузхат-аз-Заман промолчала. Что же касается Дау-аль-Макана, то, очнувшись от обморока, он увидел, что луна достигла середины неба, и на него повеял предрассветный ветерок и взволновал в нем горести и печали.

И Дау-аль-Макан прочистил голос и хотел говорить стихи, а истопник спросил его: «Что это ты хочешь делать?» – «Я хочу сказать какие-нибудь стихи, чтобы погасить огонь моего сердца», – ответил Дау-аль-Макан. А истопник сказал: «Ты не знаешь, что со мной случилось! Я только потому спасся от смерти, что уговорил евнуха». – «А что же было? Расскажи мне, что случилось», – спросил Дау-аль-Макан.

И истопник ответил: «О господин, ко мне пришёл евнух, когда ты был без чувств, и у него была длинная палка миндального дерева. Он всматривался в лица людей, которые спали, и спрашивал, кто говорил стихи, но никого не нашёл бодрствующим, кроме меня. И когда он спросил меня, я сказал: „Это прохожий на дороге“. И евнух ушёл, и Аллах спас меня от него, а иначе он убил бы меня. И он сказал мне: „Когда ты услышишь его ещё раз, приведи его к нам“.

Услыхав это, Дау-аль-Макан заплакал и воскликнул: «Кто помешает мне говорить стихи! Я буду говорить, и пусть со мной случится то, что случится! Я близко от моей страны и не стану ни о ком думать». – «Ты хочешь только погубить свою душу!» – воскликнул истопник. Но Дау-аль-Макан сказал: «Я непременно буду говорить!» И тогда истопник вскричал: «С этого места между нами легла разлука! Я намеревался не расставаться с тобою, пока ты не вступишь в твой город и не встретишься со своим отцом и матерью! Ты пробыл у меня полтора года, и я не причинил тебе ничего дурного. Что это тебя подпало говорить стихи, когда мы до крайности устали от ходьбы и бессонницы! Все люди прилегли отдохнуть от усталости, и они нуждаются во сне». – «Я не отступлюсь от того, что делаю!» – воскликнул Дау-аль-Макан. И горести взволновали его, и он обнаружил затаённое и произнёс такие стихи:

«Постой у жилища ты, приветствуя стан пустой,
И к ней воззови – ответ, быть может, подаст она.
И если обитает тебя ночь тоски по ней,
Во урагане зажги огонь от пламени страсти ты.
Не диво, что коль шуршит змеёю пушок его,
Я жгучий укус сорву, срывая румянец губ.
О рай! Ты покинут был душой моей нехотя!
Блаженства навек я жду, не то б я погиб в тоскою.

И ещё он произнёс такие два стиха:

«Мы жили, и были дни нам верными слугами.
И жили мы вместе все в жилище прекраснейшем.

А окончив свои стихи, он издал три крика и упал на землю без чувств, и истопник поднялся и накрыл его. А Нузхат-аз-Заман, услышав первые стихи, вспомнила своего брата, отца и мать, а услышав вторые стихи, заключающие упоминание её имени, имени её брата и их общего обиталища, она заплакала и кликнула евнуха и сказала ему: «Горе тебе! Тот, кто произнёс стихи в первый раз, произнёс их и во второй раз, и я слушала его близко от себя. Клянусь Аллахом, если ты не приведёшь его ко мне, я разбужу царедворца, и он тебя побьёт и выгонит! Но возьми эти сто динаров, отдай их тому человеку и приведи его ко мне, только ласково, не причиняя ему вреда. А если он не согласится, дай ему этот мешок с тысячей динаров; если же он откажется – оставь его и узнай, где он находится и какое его ремесло и из каких он земель. И возвращайся ко мне скорее и не пропадай...»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Семьдесят третья ночь

Когда же настала семьдесят третья ночь третья ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что Нузхатаз-Заман послала евнуха искать того человека и сказала ему: „Берегись возвратиться ко мне и сказать: „Я не нашёл его!“ И евнух вышел и стал колотить людей и топтать их в палатках, но не нашёл никого бодрствующим, – все люди от усталости спали. Но, дойдя до истопника, он увидел, что тот сидит с непокрытой головой, и, приблизившись к нему, схватил его за руку и спросил: „Это ты говорил стихи?“ И истопник испугался за себя и сказал: „Нет, клянусь Аллахом, о начальник людей, это не я!“ – «Я не оставлю тебя, – сказал евнух, – пока ты не покажешь мне того, кто говорил стихи. Я боюсь гнева моей госпожи, если вернусь к ней без него“.

Услышав слова евнуха, истопник испугался за Дауаль-Макана и, горько плача, сказал евнуху: «Клянусь Аллахом, это не я, и я его не знаю, я только слышал, как один человек, прохожий на дороге, говорил стихи. Не впадай из-за меня в грех: я чужеземец и пришёл вместе с вами из Иерусалима, города друга Аллаха». – «Пойдём со мной. Расскажи это моей госпоже своими устами. Я никого не видел бодрствующим, кроме тебя», – сказал евнух. И истопник воскликнул: «Разве ты не пришёл и не видел меня там, где я сижу? Ты знаешь моё место, и никто не может никуда тронуться, – его схватят сторожа. Иди же к себе, и если ты с этой минуты ещё раз услышишь, что кто-нибудь говорит стихи, – все равно, далеко он или близко, – это буду я или кто-нибудь, кого я знаю. И ты узнаешь о нем только от меня). Потом он поцеловал евнуху голову и стал его уговаривать. И евнух оставил его, но, обойдя один раз кругом лагеря, он спрятался и встал позади истопника, боясь вернуться к своей госпоже без пользы.

А истопник подошёл к Дау-аль-Макану, разбудил его и сказал: «Поднимайся, садись, я

расскажу тебе, что случилось». И Дау-аль-Макан поднялся, и истопник рассказал ему, что произошло, и юноша воскликнул: «Оставь меня, я больше не буду раздумывать и ни с кем не стану считаться: моя страна близко». – «Почему ты слушаешься своей души и сатаны? Ты никого не боишься, но я боюсь и за тебя и за себя», – сказал истопник. «Заклинаю тебя Аллахом, не говори больше никаких стихов, пока не вступишь в свою страну. Я не думал, что ты в таком состоянии. Разве ты не знаешь, что эта госпожа, жена царедворца, хочет тебя прогнать, потому что ты встревожил её? Она, кажется, больна или не спит, устав с дороги и далёкого пути. Вот уже второй раз она посылает евнуха искать тебя».

Но Дау-аль-Макан не посмотрел на слова истопника, а закричал третий раз и произнёс такие стихи:

«Оставил я хулителей,
Хулою их встревоженный,
Хулят они, не ведая,
Что этим подстрекают лишь.

Сказал доносчик: «Он забыл!»
Я молвил: «В любви к родине!»
Сказали: «Как прекрасен он!»
Я молвил: «О, как я влюблён!»
Сказали: «Как возвышен он!»
Я молвил: «Как унижен я!»
Хоть выпью чашу гибели!
Не подчинюсь хулителю,
Что за любовь корит к ней».

А пока юноша говорил стихи, евнух слушал его, притаившись, и едва он перестал говорить и дошёл до конца, как евнух уже был над его головой. И при виде его истопник убежал и встал поодаль, смотря, что произойдёт между ними.

И евнух сказал: «Мир вам, о господин!» И Дау-аль-Макан отвечал: «И с вами мир и милость Аллаха и его благословение!» – «О господин», – сказал евнух...

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Семьдесят четвёртая ночь

Когда же настала семьдесят четвёртая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что евнух сказал Дау-аль-Макану: „О господин, я приходил к тебе сегодня ночью три раза, так как моя госпожа звала тебя к себе“. – „А откуда эта сука, которая меня требует, прокляни её Аллах и прокляни он её мужа вместе с нею!“ – воскликнул Дау-аль-Макан и напустился на евнуха с бранью, а евнух не мог ему отвечать, так как госпожа велела ему не обижать юношу и привести его только по собственному желанию, а если он не пойдёт, дать ему сто динаров.

И евнух повёл мягкие речи и говорил ему: «О господин, возьми это и пойдём со мной! О дитя моё, мы не погрешили перед тобою и не обидели тебя. Нужно только, чтобы твои благородные шаги привели тебя со мною к моей госпоже. Ты получишь от неё ответ и вернёшься во здравии и благополучии. Для тебя будет у нас великая радость».

Услышав это, юноша поднялся и пошёл среди людей, переступая через них, а истопник шёл за ним и смотрел на него и говорил про себя: «Пропала его юность! Завтра его повесят!»

И истопник шёл до тех пор, пока не приблизился к тому песту, куда они направлялись (а они не видели его). И тогда он остановился, думая: «Как низко будет, если он скажет на меня: „Это он сказал мне – говори стихи“».

Вот что было с истопником. Что же касается Дау-аль-Макана, то он до тех пор шёл с евнухом, пока не достиг места. И тогда евнух вошёл к Нузхат-аз-Заман и сказал ей: «О госпожа, я привёл тебе того, кого ты требовала. Это юноша красивый лицом, и на нем следы благоденствия». И когда Нузхат-аз-Заман услышала это, её сердце затрепетало, и она воскликнула: «Пусть он скажет какие-нибудь стихи, чтобы я услышала его вблизи, а потом спроси, как его имя и из какой он страны».

И евнух вышел и сказал ему: «Говори, какие знаешь, стихи, госпожа здесь вблизи слушает тебя. А после я спрошу тебя о твоём имени, твоей стране и твоём положении». – «С любовью и охотой, – отвечал Дау-аль-Макан, – но если ты спросишь о моем имени, то это стёрлось, и образ мой исчез, и тело моё истощено. А моя повесть – начало её неизвестно и конец её нельзя изложить. И вот я точно пьяный, который выпил много вина, не скупясь для себя, и его охватило похмелье, так что он блуждает, сам себя потеряв, не зная, что делать и утонув в море размышлений».

Услышав эти слова, Нузхат-аз-Заман заплакала, и её плач и стоны умножились. «Спроси его, не покинул ли он кого-нибудь из любимых, например отца и мать?» – сказала она евнуху. И тот спросил его, как приказала ему Нузхат-аз-Заман.

И Дау-аль-Макан ответил: «Да, я покинул их всех, и мне всех дороже моя сестра, с которой меня разлучил рок».

Нузхат-аз-Заман промолчала, услышав, что он произнёс эти слова. И потом она воскликнула: «Аллах великий да сведёт его с теми, кого он любит!..»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Семьдесят пятая ночь

Когда же настала семьдесят пятая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что Нузхат-аз-Заман, услышав слова юноши, воскликнула: „Аллах да сведёт его с теми, кого он любит!“ А потом она сказала евнуху: „Скажи ему, что я хочу послушать рассказ о его разлуке с близкими и родиной“».

И евнух сказал юноше то, что велела ему госпожа. И Дау-аль-Макан принялся вздыхать и произнёс такие стихи:

«Поистине, к ней любовь – подруга всех любящих.
Почту я тот дом, где Хипд жилище нашла себе.
Любовь к ней – любви иной не знает весь род людской,
И «прежде» у неё нет, и нет у неё «потом».
И кажется прах долин мне мускусом с амброю,
Когда пробежит по нем красавицы Хипд нога.
Примет мой возлюбленной на холмике в таборе,
Великой во племени – вокруг все рабы её.
О други, ведь лучше нет под вечер стоянки нам.
Постоите! Вот ивы ветвь, вот вежа забытая.
Спросите же сердце вы моё: ведь поистине
Со страстью дружит оно, нельзя отклонить её.
Усладу времени, Аллах, вспой облаков дождём,
И вечно пусть в толще их раскатыстый гром громит».

Когда же он окончил свои стихи и Нузхат-аз-Заман услышала его, она приподняла край занавеса носилок и посмотрела на юношу. И когда её взор упал на его лицо, она угнала его и, убедившись, что это он, вскрикнула: «О брат мой, о Дау-аль-Макан!» И он тоже посмотрел на неё и узнал её и закричал: «О сестрица, о Нузхат-аз-Заман!» И Нузхат-аз-Заман бросилась к нему, и он принял её в объятия, и оба упали без чувств. И когда евнух увидел их в таком

состоянии, он удивился и накинуд на них что-то, чтобы прикрыть их. Он подождет, пока они пришли в себя, и когда оба очнулись от забытья, Нузхат-аз-Заман очень обрадовалась и её заботы и горести прошли. И радости сменяли в ней одна другую, и она произнесла такие стихи:

«Дал клятву рок, что смущать мне жизнь вечно будет он»
Ты нарушила свой обет, судьба, искупи же грех!
Наступило счастье, любимый мой помогает мне!
Поднимайся же на зов радости, подбери подол!
Не считал я раем кудрей его лишь до той поры,
Пока с алых губ не напился я воды Каусара».

Услышав это, Дау-аль-Макан прижал сестру к груди, и от чрезмерной радости из глаз его полились слезы, и он произнёс такие стихи:

«Мы оба равны в любви, но только она порой
Терпеть может с твёрдостью, во мне же нет твёрдости.
Она опасается угрозы завистников,
А я без ума тогда, когда угрожают мне».

И они посидели немного у входа в носилки, а потом Нузхат-аз-Заман сказала: «Войдём внутрь носилок. Расскажи мне, что произошло с тобою, а я расскажу тебе, что было со мной».

И когда они вошли, Дау-аль-Макан сказал: «Расскажи сначала ты!» И Нузхат-аз-Заман поведала ему обо всем, что было с нею с тех пор, как она покинула его в хане, и что произошло у неё с бедуином и купцом: как купец купил её у бедуина и отвёл её к брату Шарр-Кану и продал её ему. И Шарр-Кан освободил её, после того как купил, и, написав свою брачную запись с нею, вошёл к ней. И как царь, её отец, прослышал о ней и прислал к Шарр-Кану, требуя её. И затем она воскликнула: «Слава Аллаху, пославшему тебя ко мне! Мы как вышли от нашего отца вместе, так и вернёмся вместе!»

Потом она сказала ему: «Мой брат Шарр-Кан выдал меня замуж за этого царедворца, чтобы он меня доставил к моему отцу. Вот что выпало мне с начала и до конца. Расскажи же мне ты, что случилось с тобою после того, как я ушла от тебя».

И Дау-аль-Макан рассказал ей все, что с ним произошло, от начала до конца: как Аллах послал ему истопника и как тот поехал вместе с ним и тратил на него свои деньги. И рассказал, как истопник служил ему ночью и днём, и Нузхат-аз-Заман поблагодарила истопника за это. «О сестрица, – сказал потом Дау-аль-Макан, – этот истопник совершил для меня такие дела, которых никто не делает для возлюбленных и отец не делает для сына. Он сам голодал, а кормил меня, и шёл пешком, а меня сажал. И то, что я живу, – дело его рук». – «Если захочет Аллах великий, мы воздадим ему за это, чем можем», – отвечала Нузхатаз-Заман.

Потом она кликнула евнуха, и тот явился и поцеловал Дау-аль-Макану руку, и Нузхат-аз-Заман сказала ему: «Возьми подарок за добрую весть, о благой лицом, так как моя встреча с братом случилась благодаря тебе. Кошелек, который у тебя, и то, что в нем, – твоё. Иди и приведи ко мне скорее твоего господина!» И евнух обрадовался и, отправившись к царедворцу, вошёл к нему и позвал его к своей госпоже. И когда он привёл его, царедворец пошёл к своей жене, Нузхат-аз-Заман, и нашёл у неё её брата и спросил о нем. И Нузхат-аз-Заман рассказала ему, от начала до конца, что случилось с ними, и добавила: «Знай, о царедворец, что ты взял не невольницу – ты взял дочь царя Омара ибн ан-Нумана. Я Нузхат-аз-Заман, а это мой брат, Дау-аль-Макан».

И когда царедворец услышал от неё эту повесть и уверился в истинности её слов и явная правда сделалась ему ясна, он убедился, что стал зятем царя Омара ибн ан-Нумана, и

произнёс про себя: «Мне судьба получить наместничество какой-нибудь страны!»

Потом он приблизился к Дау-аль-Макану и поздравил его с благополучием и со встречей с сестрой, а затем тотчас же приказал своим слугам приготовить Дау-аль-Макану шатёр и коня из лучших коней. И сестра юноши сказала ему: «Мы приблизились к нашей стране, и я останусь наедине с братом, чтобы нам вместе отдохнуть и насытиться друг другом, пока мы не достигли нашей земли; ведь мы уже долгое время в разлуке». – «Будет так, как вы хотите», – отвечал царедворец и послал им свечей и всяких сладостей и вышел от них. А Дау-аль-Макану он прислал три платья из роскошнейших одежд. И он шёл пешком, пока не пришёл к носилкам (а он знал свой сан), и Нузхат-аз-Заман сказала ему: «Пошли за евнухом и вели ему привести истопника. И пусть он приготовит ему коня, чтобы ехать, и назначит ему трапезу, утром и вечером, и велит ему не расставаться с нами». И царедворец послал за евнухом и приказал ему это сделать, и евнух отвечал: «Слушаю и повинуюсь!» И затем он взял своих молодцов и ходил, ища истопника, пока не нашёл его в конце лагеря (а он седлал осла, чтобы убежать), и слезы текли по его щекам от страха и от печали из-за разлуки с Дау-аль-Маканом, и он говорил: «Я предупреждал его, ради Аллаха, но он меня не послушал. Посмотри-ка! Каково-то ему!» И он не закончил ещё своих слов, как евнух уже стоял у его головы, а слуги окружили его, и когда истопник заметил, что евнух стоит возле его головы и увидал кругом его молодцов, лицо его пожелтело, и он испугался...

И Шахразад устала говорить, и он? прекратила дозволенные речи.

Семьдесят шестая ночь

Когда же настала семьдесят шестая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что истопник хотел оседлать осла и убежать, и стал говорить сам с собою и сказал: „Посмотрика! Каково-то ему...“ И он не закончил ещё своих слов, как евнух уже стоял возле его головы, а кругом были его молодцы. И истопник обернулся, и когда он увидел евнуха возле себя, у него задрожали поджилки, и он испугался и сказал, возвысив голос: „Не знал он, как велико то благо, которое я ему сделал! Я думаю, что он указал на меня евнуху и этим слугам и сделал меня сообщником в грехе!“ По евнух вдруг закричал на него и сказал: „Кто это говорил стихи! О лжец, как это ты говоришь мне: „Я не говорил стихов и не знаю, кто их говорил“, а это твой товарищ говорил их. Я не покину тебя отсюда и до Багдада, и то, что случилось с твоим товарищем, случится и с тобой!“

Услышав слова евнуха, истопник воскликнул: «То, чего я боялся, случилось!» И произнёс такой стих:

«Чего опасался я – случилось!
Мы все возвращаемся к Аллаха!»

Потом евнух крикнул слугам: «Спустите его с осла!» А истопника сняли с осла и привели его коня, и он сел и поехал вместе с караваном, и слуги кольцом окружили его, и евнух сказал им: «Если у него пропадёт единый голосок, это будет ценою жизни одного из вас!» И потихоньку он добавил: «Оказывайте ему почёт и не унижайте его!»

А истопник, видя кругом себя этих молодцов, отчаялся в жизни и, обернувшись к евнуху, сказал: «О начальник, я ему не брат и не близкий! Этот юноша не мой родственник – я только истопник в бане и нашёл его брошенные на навозной куче и больным!»

И караван шёл, а истопник плакал и строил насчёт тебя тысячу предположений, и евнух шёл с ним рядом и не о чем не сообщал ему, а только говорил: «Ты встревожил нашу госпожу, говоря стихи вместе с этим юношей, но не бойся за себя!» И он исподтишка подсмеивался над истопником. А когда делали привал, им приносили еду, и он ел с истопником из одной посуды. А после трапезы евнух приказывал слугам принести кувшин с сахарным питьём и отпивал из него, а потом он давал истопнику, и тот тоже отпивал. Но у

него не высыхала слеза, так он боялся за себя и печалился о разлуке с Дау-аль-Маканом и о том, что случилось с ними на чужбине.

И они ехали. А царедворец то был у входа в носилки, чтобы услужить Дау-аль-Макану, сыну царя Омара ибн ан-Нумана, и его сестре Нузхат-аз-Заман, то поглядывал на истопника, пока Нузхат-аз-Заман с братом Дау-аль-Маканом разговаривали и сетовали. И они непрерывно ехали и приблизились к своей стране настолько, что между ними и их землёю осталось лишь три дня. И к вечеру они сделали привал и отдохнули и пробыли на привале до тех пор, пока не заблестала заря, и тогда они проснулись и хотели грузиться, как вдруг показалась великая пыль, от которой потемнел воздух, так что стало темно, будто тёмной ночью. И царедворец закричал: «Подождите, не нагружайте». И, сев на коней вместо со своими слугами, направился к этой пыли. И когда они к ней приблизились, из-за неё показалось влачащееся войско, подобное бурному морю, где были стяги, знамёна, и барабаны, и всадники, и витязи. И царедворец удивился этому. И когда в войске увидели их, от него отделился отряд в пятьсот всадников, и они подошли к царедворцу и тем, кто был с ним, и окружили их. И вокруг каждого невольника из невольников царедворца встали пять всадников.

«Что случилось и откуда это войско, которое делает с нами такие дела?» – спросил царедворец. И ему сказали: «Кто ты такой, откуда ты идёшь и куда направляешься?» – «Я царедворец эмира Дамаска, царя Шарр-Кана, сына царя Омара ибн ан-Нумана, властителя Багдада и земли Хорсана, иду от него с податью и подарками, направляясь к его отцу в Багдад», – отвечал царедворец. И, услышав его слова, воины отпустили платки на лица и заплакали и сказали: «Царь Омар ибн ан-Нуман умер, и умер не иначе, как отравленным. Иди, с тобою не будет беды, и встреться с его старшим везирем Данданом!»

Услышав эти речи, царедворец горько заплакал и воскликнул: «О разочарование нам от этого путешествия!» И он плакал вместе с теми, кто был с ним, пока они не смешались с войском. И тогда у везиря Дандана испросили царедворцу разрешение войти, и тот позволил. И везирь приказал разбить свои шатры и, сев на ложе среди палатки, велел царедворцу сесть. Когда тот сел, он спросил, какова его повесть. И царедворец рассказал ему, что он царедворец эмира Дамаска и привёз дары и дамасскую подать. И везирь Дандан заплакал при упоминании об Омаре ибн ан-Нумане. А затем везирь Дандан сказал царедворцу: «Царь Омар ибн ан-Нуман умер отравленным. И после его смерти люди не решили, кому отдать власть после него, и даже стали убивать один другого. Но их удержали вельможи и благородные и четверо судей. Люди сговорились, чтобы никто не прекословил указанию четырех судей, и состоялось соглашение, что мы пойдём в Дамаск и достигнем сына Омара ибн ан-Нумана, царя Шарр-Кана, и приведём его и сделаем султаном в царстве его отца. Но среди них есть множество людей, которые хотят его второго сына. Говорят, что его имя Дауаль-Макан и что у него есть сестра по имени Нузхат-аз-Заман. Они отправились в земли аль-Хиджаз. Прошло уже пять лет, как никто не напал на слух о них».

Услышав это, царедворец понял, что случай, происшедший с его женой, – истина. Он опечалился великой печалью о смерти султана, но все же он был очень рад, в особенности тому, что прибыл Дау-аль-Макан, так как он будет султаном в Багдаде вместо своего отца...»

И Шахразад застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Семьдесят седьмая ночь

Когда же настала семьдесят седьмая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что когда царедворец Шарр-Кана услышал, что говорил везирь Дандан о царе Омаре ибн ан-Нумане, он опечалился, но все же был рад за свою жену и её брата Дау-аль-Макана, так как тот будет султаном в Багдаде вместо своего отца.

И царедворец обратился к везиру Дандану и сказал ему: «Поистине, то, что случилось с вами, чудо из чудес. Знай, о великий везирь, тем, что вы встретили меня, Аллах избавил вас

от тягот и дело вышло так, как вы желаете, легчайшим способом. Аллах воротил вам Дау-альМакана и его сестру Нузхат-аз-Заман, и все устроилось и облегчилось».

Услышав эти слова, везирь сильно обрадовался и сказал: «О царедворец, расскажи мне их историю! Что произошло с ними и почему они отсутствовали?»

И царедворец рассказал ему историю Нузхат-аз-Заман, которая стала его женой, и поведал, что было с Дау-альМаканом, от начала до конца. Когда он кончил рассказывать, везирь Дандан послал за эмирами, везирями и вельможами царства и сообщил им обо всем. И они очень обрадовались и удивились такому совпадению. А затем они все собрались и, придя к царедворцу, встали перед ним и облобызали землю меж его рук, и с этого времени везирь подходил к царедворцу и вставал перед ним. А потом царедворец собрал большой диван и сел вместо с везирем Данданом на трон, и перед ними были все эмиры, вельможи и обладатели должностей, стоявшие сообразно своим степеням. И после того распустили сахар в розовой воде и выпили. И эмиры сели совещаться и разрешили остальным воинам всем вместе выезжать и ехать понемногу вперёд, пока совет закончится и их нагонят. И воины облобызали землю меж рук царедворца и сели на коней, и перед ними были военные знамёна. А когда вельможи закончили совещание, они поехали и нагнали войска.

И царедворец приблизился к везиру Дандану и сказал ему: «По-моему, мне следует пойти вперёд и опередить вас, чтобы приготовить султану подходящее место и уведомить его, что вы прибыли и избрали его над собою султаном вместо его брата Шарр-Кана». – «Прекрасно решение, которое ты принял!» – отвечал везирь. И царедворец встал, а везирь Дандан поднялся из уважения к нему и предложил ему подарки, заклиная его их принять. Тогда эмиры и обладатели должностей тоже поднесли ему подарки и призвали на него благословение и сказали: «Может быть, ты поговоришь о нашем деле с султаном Дауаль-Маканом, чтобы он оставил нас пребывать в наших должностях?» И царедворец согласился на то, о чем его просили. А затем он велел своим слугам отправляться, и везирь Дандан послал шатры вместе с царедворцем и приказал постельничим поставить их за городом, на расстоянии одного дня. И они исполнили его приказание. И царедворец сел на коня, до крайности обрадованный, и говорил про себя: «Сколь благословенно это путешествие!» И его жена стала великой в его глазах, и Дау-аль-Макан также. И он поспешал в путь и достиг места, отстоящего от города на один день, и там он велел сделать привал, чтобы отдохнуть и приготовить место, где бы мог сидеть султан Дау-аль-Макан, сын царя Омара ибн ан-Нумана.

А сам он расположился поодаль, вместе со своими невольниками, и приказал слугам испросить для него у госпожи Нузхат-аз-Заман разрешения войти к ней. И когда её спросили об этом, она разрешила. Тогда царедворец вошёл к ней и свиделся с нею и её братом. Он рассказал им о смерти их отца и о том, что главари государства назначили Дау-аль-Макана над собою царём вместо его отца, Омара ибн ан-Нумана, и поздравил его с царской властью. И брат с сестрой заплакали об утрате отца и спросили, почему он был убит. «Сведения у везиря Дандана, – отвечал царедворец, – завтра он со всем войском будет здесь. А тебе, о царь, остаётся только поступать так, как тебе указали, ибо они все выбрали тебя султаном, и если ты этого не сделаешь, они поставят султаном другого, и ты не будешь в безопасности от того, кто станет вместо тебя султаном. Может быть, он тебя убьёт, или между вами возникнет распря, и власть уйдёт из ваших рук».

И Дау-аль-Макан на некоторое время потупил голову и затем сказал: «Я согласен, так как от этого дела нельзя быть в стороне». Он убедился, что царедворец говорил правильно, и сказал ему: «О дядюшка, а как мне поступить с моим братом Шарр-Каном?» – «О дитя моё, – отвечал царедворец, – твой брат будет султаном Дамаска, а ты султаном Багдада. Укрепи же мою решимость и приготовься». И Дау-аль-Макан принял его совет.

А затем царедворец принёс ему платье из одежд царей, которое привёз везирь Дандан, подал ему кортик и вышел от него. Он приказал постельничим выбрать высокое место и поставить там большую просторную палатку для султана, чтобы он там сидел, когда явятся к нему эмиры. И велел поварам приготовить роскошные кушанья и подать их, а водоносам он

приказал расставить» сосуды с водой.

А через час полетела пыль и застлала края неба, а потом эта пыль рассеялась и за нею показалось влачащееся войско, подобное бурному морю...»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Семьдесят восьмая ночь

Когда же настала семьдесят восьмая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что царедворец приказал постельничим разбить просторную палатку, чтобы люди могли собраться у царя. И они разбили большую палатку, как обычно делают для царей. И когда они кончили работать, вдруг налетела пыль и воздух развеял её, и за нею показалось влачащееся войско. И стало ясно, что это войско Багдада и Хорасана, и во главе его везирь Дандан, и все они радуются, что Дауаль-Макан стал султаном. А Дауаль-Макан был одет в царские одежды и опоясан мечом торжеств, и царедворец подвёл ему коня, и он сел со своими невольниками, и все, кто был в шатрах, шествовали перед ним.

И он вошёл в большую палатку и, сев, приложил кортик к бедру, и царедворец почтительно стоял перед ним, и невольники встали у прохода, ведущего в шатёр, с обнажёнными мечами в руках. А потом приблизились войска, и солдаты попросили разрешения войти. И когда царедворец испросил для них разрешение у султана Дауаль-Макана, тот позволил и велел им входить десятком за десятком. Царедворец сообщил войскам об этом, и они отвечали вниманием и повиновением и встали все в проходе, а десять из них вошли. И царедворец прошёл с ними и ввёл их к султану Дауаль-Макану. И, увидав его, они почувствовали страх и почтение, но Дауаль-Макан встретил их наилучшим образом и обещал им всякое благо.

И они поздравили его с благополучием, призывая на него благословение, и дали ему верные клятвы, что не ослушаются его приказа. А затем они облобызали перед ним землю и удалились, и вошёл другой десяток воинов, и султан поступил с ними так же, как с первыми.

И они непрестанно входили, десятком за десятком, пока остался только везирь Дандан, и, войдя, он облобызал землю меж рук Дауаль-Макана, и тот поднялся и подошёл к нему и сказал: «Добро пожаловать везирию, престарелому родителю! Поистине, твои деяния – деяния славного советчика, а устройство дел в руке всемилостивого, пресведущего».

Затем он сказал царедворцу: «Выйди сей же час и вели накрыть столы». И приказал призвать все войско, и солдаты явились и стали пить и есть. А потом Дауаль-Макан сказал везирию Дандану: «Прикажи войскам стоять десять дней, чтобы я мог уединиться с тобою и ты мог бы рассказать мне о причине убийства моего отца».

И везирь последовал слову султана и сказал: «Это непременно будет!» А потом он вышел на середину лагеря и велел войскам стоять десять дней. И они исполнили его приказанье. И везирь дал им разрешение гулять и велел» чтобы никто из прислуживающих не входил к царю для услуг в течение трех дней. И все люди стали молиться и пожелали Дауаль-Макану вечной славы.

А после того везирь пришёл к нему и рассказал о том, что было. И Дауаль-Макан подождал до ночи и вошёл к своей сестре Нузхат-аз-Заман и спросил её: «Знаешь ты, почему убили моего отца, или не знаешь о причине этого, как это было?» И Нузхат-аз-Заман отвечала: «Я не знаю о причине этого».

И она велела повесить шёлковую занавеску, а Дауаль-Макан сел по другую сторону от неё и приказал привести везирия Дандана. И когда тот явился, сказал ему: «Я хочу, чтобы ты подробно рассказал мне о причине убийства моего отца, царя Омара ибн ан-Нумана».

«Знай, о царь, – сказал везирь Дандан, – что, когда царь Омар ибн ан-Нуман воротился из своей поездки на охоту и ловлю и прибыл в город, он спросил о вас, но не нашёл вас. И он понял, что вы отправились в паломничество, и огорчился из-за этого, и его гнев увеличился, и грудь стеснилась, и он провёл полгода, расспрашивая о вас всех приходивших и

уходивших, но никто не сказал ему о вас. И вот в один из дней мы были перед ним (а со дня вашего исчезновения прошёл уже целый год), и вдруг явилась к нам старуха благочестивого вида, и с нею пять девушек, высокогрудых девственниц, подобных луне и облагающих красотой и прелестью, описать которую бессилён язык. И при совершенной своей красоте они читали Коран и знали философию и рассказы о древних. И эта старуха попросила разрешения войти к царю. И когда он позволил ей, она вошла и поцеловала землю меж её рук (а я сидел рядом с царём).

И когда старуха вошла, царь приблизил её к себе и увидел на ней слезы воздержной жизни и благочестия, и, усевшись, она обратилась к нему и сказала: «Знай, о царь, что со мною пять девушек, равных которым не владел ни один царь, ибо они разумны, красивы, прелестны и совершенны. Они читают Коран с его разночтениями и знают науки и рассказы о минувших народах. И вот они стоят перед тобою, служа тебе, о царь времени, а при испытании возвышается человек либо унижается. И покойный твой отец посмотрел на девушек, и их вид обрадовал его. „Каждая из вас, – сказал он им, – пусть расскажет мне, что знает из преданий об ушедших людях (и прежде бывших народах)...“

И Шахразад устала, и она прекратила дозволенные речи.

Семьдесят девятая ночь

Когда же настала семьдесят девятая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что везирь Дандан говорил царю Дау-аль-Макану: „И покойник, твой отец, посмотрел на девушек, и вид их обрадовал его, он сказал им: „Каждая из вас пусть расскажет мне что-нибудь из преданий об ушедших людях и прежде бывших народах“. И одна из них выступила вперёд, поцеловав перед ним землю, и сказала: „Знай, о царь, что воспитанному надлежит избегать лишних речей и украшаться добродетелями. Он должен исполнять предписания и сторониться великих грехов и быть в этом прилежным, как прилежен тот, кто погибнет, если будет уклоняться от этого. Основа вежества – благородные свойства. Знай, что главная основа земной жизни – стремление к вечной жизни, а цель жизни – поклонение Аллаху. И надлежит тебе быть добрым с людьми и не уклоняться от этого обычая, ибо людям величайшего сана больше всего нужна рассудительность. А царь в ней более нуждается, нежели чернь, так как чернь пускается в дела, не ведая о последствиях. Тебе следует жертвовать, на пути Аллаха, и твоей душой и твоим имуществом. И знай, что враг – это соперник, которого ты оспариваешь и можешь убедить при помощи доводов и остерегаешься его. А что до друга, то между ним и тобою нет судьбы, который бы рассудил вас, кроме доброго права. Выбирай для себя друга после того, как испытаешь его, и если он принадлежит к братьям будущей жизни, пусть хранит и соблюдает внешность закона, зная его внутреннюю сущность по мере возможности. Если же он из братьев здешней жизни, то пусть будет свободен и правдив, не невежествен и не злобен. Ибо невежда заслуживает, чтобы от него убежали его родители. А лжец не будет другом, так как слово «садик» (друг) взято от «садык» (правда), а правда возникает в глубине сердца. Так как же может он изрекать ложь языком? Знай, что следование закону полезно для того, кто так поступает; люби же твоего друга, если он таков, и не порывай с ним. А если он проявит что-нибудь для тебя неприятное, то ведь он не жена, с которой можно развестись, а потом снова взять её обратно, – нет, сердце его как стекло: если оно треснет, его не соединить. Аллах достоин сказавший:

Охранять стремись от обид сердца ты друзей своих:
Возвратить их вновь, убегут когда, – затруднительно.
И поистине, коль уйдёт любовь, то людей сердца –
Точно стёклышко: раз сломается, уж не слить его.

И девушка сказала в конце своей речи, указывая на пас: «Люди разума говорили: „Лучшие друзья те, кто сильнее всех в добрых советах; лучшие из действий те, что прекраснее всех последствиями; и лучшая хвала та, что исходит из уст мужей“. Сказано: не пристало рабу пренебрегать благодарением Аллаху особенно за две милости: здоровье и разум. Сказано также: кто чтит свою душу, для того ничтожны его страсти, а кто возвеличивает мелкие несчастья, того Аллах испытывает великими бедами. Кто повинуется страстям – губит права Аллаха, а кто слушает сплетника – губит друга. Если кто думает о тебе хорошо – оправдай его мнение. Кто далеко заходит в споре – грешит, а кто не остерегается несправедливостей, тому грозит меч». Вот я расскажу тебе кое-что о достоинствах судей. Зиви, царь, что присудить должное будет полезно только после установления вины. И надлежит судье ставить людей на должное им место, чтобы благородный не стремился обижать, а слабый не отчаивался в справедливости. И следует ему также возлагать доказательство на обвиняющего, а клятву – на отрицающего. Мировая допускается между мусульманами, кроме той мировой, которая позволяет запретное или запрещает дозволенное. Если ты сегодня в чем-либо сомневаешься – обратись к своему разуму и различи в этом верный путь, чтобы возвратиться к истине. Истина – обязанность, возложенная на нас, и вернуться к истине лучше, чем упорствовать в ложном. А затем знай примеры из прошлого, разумей постановления и ставь тяжущихся перед собою на равном месте, и пусть останавливается твой взор на истине. Поручи свои дела Аллаху, великому и славному, и потребуй улики от обвинителя. И если улика явится, ты возьмешь для него должное, а иначе возьми клятву с обвиняемого: таков суд Аллаха. Принимай свидетельство правомочных мусульман друг против друга, ибо Аллах великий повелел судьям судить по внешности, а он сам заботится о тайном. И следует судье воздержаться от суда при сильной боли или голоде и стремиться, творя суд между людьми, к лику Аллаха возвышенного, ибо тот, чьи намерения чисты и кто в мире со своей душой, тому довольно Аллаха в делах с другими людьми.

Сказал аз-Зухри: «Три свойства, если они есть у судьи, требуют его устранения: почитание дурных, любовь к похвалам и нежелание отставки».

Омар ибн Абд-аль-Азиз отставил одного судью, и тот спросил его: «За что ты меня отставил?» – «До меня дошло о тебе, – сказал Омар, – что твои слова больше, чем твой сан».

Рассказывают, что дославный аль-Кскандер сказал своему судье: «Я назначил тебя на должность и поручил тебе этим мой дух, мою честь и мою доблесть. Охраняй же эту должность своей душой и разумом». А своему повару он сказал: «Тебе дана власть над моим телом, заботься же о нем, как о своей душе». И сказал он своему писцу: «Ты распоряжаешься моим умом, охраняй же меня в том, что ты за меня пишешь».

Потом первая девушка отошла и выступила вторая...»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Ночь, дополняющая до восьмидесяти

Когда же настала ночь, дополняющая до восьмидесяти, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что везирь Дандан говорил Дау-альМакану: «А затем отошла назад первая девушка и выступила вторая и поцеловала землю меж рук царя семь раз, а потом сказала:

«Говорил Лукман своему сыну: „Три рода людей узнаются лишь при трех обстоятельствах: не узнать кроткого иначе, как во гневе, ни доблестного иначе, как на войне, ни друга твоего иначе, как при нужде в нем“.

Сказано: «Обидчик кается, если его и хвалят люди, а обиженный в мире, если его и порицают люди».

Сказал Аллах: «Не считай тех, кто радуется им дарованному и любит, чтобы их хвалили за то, чего они не делали, – не считай, что они в убежище от пытки, – им будет мучение болезненное».

Сказал пророк, – молитва и привет с ним: «Деяния судятся по намерениям, и всякому мужу будет то, на что он вознамерился». И ещё сказал он, – мир с ним: «Подлинно в теле есть кусочек, и если он хорош, хорошо и все тело, а если он испортится, портится и все тело. Так! И кусочек этот – сердце. И диковиннее всего, что есть в человеке, – сердце его, ибо в нем руководство его дедами. И если в сердце подымется жадность – погубит человека желание. И если овладеет им печаль – убьёт его грусть. А если велик будет его гнев – усилится его вспыльчивость. Если же оно счастливо удовлетворением – не опасен гнев человеку. И если сердце постигнет страх человека заботит горесть. А если поразит его беда – на него нападает грусть. И если наживёт он имущество – часто отвлекает оно его от поминания его господ. Если же он подавлен нуждой – его занимают заботы. Когда же мучает его грусть – он обессилен слабостью, и во всяком положении нет для него добра ни в чем, кроме поминания Аллаха и заботы о том, чтобы добыть средства для здешней жизни и устроить жизнь будущую».

Спросили одного мудреца: «Кто из людей в наихудшем положении?» И он отвечал: «Тот, в ком страсть одолела мужество и чьи помыслы удалились в высоты, так что его знания расширились, а оправдания уменьшились».

Как хорошо то, что сказал Кайс:

«И меньше других людей мне нужен назойливый,
Что мнит всех заблудшими, не зная и сам пути.
И деньги и качества займы лишь даны тебе;
Ведь то, что сокрыто в нас, мы все на себе несём.
И если, берясь за дело, в дверь ты не в ту войдёшь,
Заблудишься, а войдя, где нужно, свой путь найдёшь».

Потом девушка сказала: «Что же до рассказов о подвижниках, то Хишам ибн Бишр говорил: „Я спросил Омара ибн Убейда: „В чем истинное подвижничество?“ И он отвечал мне: „Это изъяснил посланник божий, – да благословит его Аллах и да приветствует! – в словах своих: «Подвижник тот, кто не забывает о могиле и испытании и предпочитает вечное преходящему; кто не считает «завтра» в числе своих дней и относит себя к числу умерших»».

Известно, что Абу-Зарр¹³⁹ говорил: «Бедность мне любезнее богатства, и болезнь мне любезнее, чем здоровье».

И сказал кто-то из слушавших: «Да помилует Аллах Абу-Зарра!» А я скажу: «Кто уповает на хороший выбор Аллаха великого, тот будет доволен положением, которое выбрал для него Аллах. Говорил кто-то из верных людей: „Ибн Абу-Ауфа совершал с нами утреннюю молитву и стал читать: „О, завернувший в плащ...“ и, дойдя до слов его – велик он! – „и когда будет вострублено в трубу“, он упал мёртвый“».

Говорят, что Сабит аль-Бунани так плакал, что его глаза едва не пропали, и к нему привели человека, чтобы лечить его. «Я буду его лечить с условием, чтобы он меня слушался», – сказал этот человек. И Сабит спросил: «А в чем?» – «В том, чтобы не плакать», – отвечал лекарь. И Сабит сказал: «А какой прок от моих глаз, если они не будут плакать?»

Один человек сказал Мухаммеду ибн Абд-Аллаху: «Дай мне наставление...»

И Шахразад устало сказала, и она прекратила дозволенные речи.

Восемьдесят первая ночь

Когда же настала восемьдесят первая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый

¹³⁹ Абу-Зарр – один из сподвижников Мухаммеда.

царь, что везирь Дандан рассказывал Дау-аль-Макану: „И вторая девушка говорила твоему покойному отцу, Омару ибн ан-Нуману: „Один человек сказал Мухаммеду ибн Абд-Аллаху: „Дай мне наставление“. И тот ответил: „Моё наставление тебе: будь в этой жизни владыкой воздержанным, а до будущей жизни рабом жадным“. – «Как так?» – спросил человек. И Мухаммед ответил: «Воздержный в этой жизни владеет и вольной жизнью в будущем».

Говорил Гаус ибн Абд-Аллах: «Было два брата среди сынов Израиля, и один спросил другого: „Какое самое страшное дело ты сделал?“ – „Я проходил мимо гнёзда с птенцами, – отвечал тот, – и, взяв оттуда одного из птенцов, бросил его обратно в гнездо, но не к тем птенцам, от которых я взял его; это самое страшное дело, которое я сделал“. – „А какое дело самое страшное из того, что сделал ты?“ – „Что до меня, – отвечал ему брат, – то вот самое страшное дело, которое я совершаю: вставая на молитву, я боюсь, что делаю это только ради награды“. А отец слышал их речи и воскликнул: „О боже, если они говорят правду, возьми их к себе!“ И сказал кто-то из разумных: „Поистине, эти двое из числа достойнейших детей».

Говорил Сапд ибн Джубейр: «Я был вместе с Фудалой ибн Убейдом и сказал ему: „Дай мне наставление“, а он отвечал: „Запомни из моих слов две черты: не придавай Аллаху никого в товарищи и не обижай ни одну из тварей Аллаха“. И он произнёс такое двустипение:

«Таким, каким хочешь, будь –
Аллах многомилостив.
Заботы оставь свои – ведь в жизни дурными
Два дела лишь должно счесть, – не будь же ты
Близок к ним, –
Придача богов других и к людям жестокость».

А сколь прекрасны слова поэта:

«Когда ты не взял с собой запас благочестия
И встретишь по смерти тех, кто им запастись успел»
Ты каяться будешь в том, что с ними несходен ты,
И в том, что запаса ты не сделал, подобно им».

Затем выступила третья девушка, после того как отошла вторая, и сказала:

«Поистине, глава о подвижничестве очень обширна, но я расскажу из неё кое-что, что мне вспомнится со слов благочестивых предков.

Сказал кто-то из знающих: «Я радуюсь смерти и не уверен, что найду в ней отдых. Но я знаю, что смерть стоит между мужем и его делами, и я надеюсь, что добрые дела будут удвоены, а злые дела прекратятся».

Когда учёный Ата-ас-Сулами заканчивал наставление, он начинал трястись, дрожать и горько плакать. Его спросили: «Почему эго?» И он отвечал: «Я собираюсь приступить к великому делу, а именно – стать перед лицом великого Аллаха, чтобы поступать сообразно с моим наставлением. Поэтому-то Али Звина-аль-Абидин¹⁴⁰, сын аль-Хусейна, дрожал, вставая на молитву, и когда его спросили об этом, он сказал: «Разве знаете вы, перед кем я встаю и к кому обращаюсь?»

Говорят, что рядом с Суфьяном ас-Саури жил один слепой человек, и когда наступал месяц рамадан¹⁴¹, он выходил с людьми молиться, но молчал и оставался дольше других. И говорил Суфьян: «Когда настанет день воскресения, приведёт людей Корана, и они будут выделены среди других тем признаком, что им оказано будет большое уважение».

¹⁴⁰ Али Звин-аль-Абидин – внук халифа Алиа, отличался чрезвычайным благочестием.

¹⁴¹ Рамадан – месяц поста, девятый месяц мусульманского года.

Говорил Суфьян: «Если бы душа утвердилась в сердце как следует, оно бы наверно взлетело от радости, стремясь к раю, и от печали и страха перед огнём».

И говорят со слов Суфьяна, что он сказал: «Смотреть в лицо несправедливому – грех».

Затем третья девушка отошла и выступила четвёртая и сказала:

«А вот и я расскажу кое-что из того, что мне вспомнится из рассказов о праведниках».

Передают, что Бишр Босоногий¹⁴² говаривал: «Я слышал, как Халид¹⁴³ говорил: «Берегись тайного многобожия!» – «А что такое тайное многобожие?» – спросили его. И он сказал: «Если кто-нибудь из вас молится и очень долго длит поясные и земные поклоны, то снова становится нечистым».

Говорил кто-то из знающих: «Добрые дела искупают злые», а Ибрахим говорил: «Я пробил Бишра Босоногого открыть мне кое-что из тайн истинной жизни, и он сказал мне: „О сынок, этой науке нам не следует учить всякого: из каждой сотни – пять, как подать с денег“». И я нашёл его слова прекрасными и одобрил их, – говорил Ибрахим ибн Адхам, – и однажды я молюсь и вижу – Бишр тоже молится. И я встал сзади него, творя поклоны, пока не прокричал муэдзин¹⁴⁴. И тут поднялся человек в обтрёпанной одежде и сказал: «О люди, берегитесь вредоносной правды, и нет зла в полезной лжи; в необходимости нет выбора, и не помогут слова при отсутствии блага, как не повредит молчание, когда оно есть». Однажды я увидел, – говорил Ибрахим, – как у Бишра упал даник¹⁴⁵, и я встал и подал ему вместо него дирхем, но он сказал: «Я не возьму его». – «Это вполне дозволено», – сказал я. И Бишр отвечал: «Я не променяю на блага здешней жизни блага жизни будущей. Рассказывают, что сестра Бишра Босоногого отправилась к Ахмеду ибн Ханбалью...¹⁴⁶»

И Шахразад устала, и она прекратила дозволенные речи.

Восемьдесят вторая ночь

Когда же настала восемьдесят вторая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что везирь Дандан рассказывал Дау-аль-Макану: „И девушка говорила твоему отцу, что сестра Бишра Босоногого отправилась к Ахмеду ибн Ханбалью и сказала ему: „О Имам веры, мы прядём ночью и работаем для жизни днём. Мимо нас редко проходят стражники Багдада со светильниками, а мы сидим на крыше и прядём при свете их. Запретно ли это нам?“ – „Кто ты?“ – спросил её Ахмед ибн Ханбаль. „Сестра Бишра Босоногого“, – отвечала она. И ибн Ханбаль воскликнул: «О семейство Бишра, я не перестаю усматривать благочестие в ваших сердцах»».

Говорил кто-то из знающих: «Когда Аллах хочет своему рабу добра, он открывает ему врата дела».

Когда Малик ибн Динар проходил по рынку и видел что-нибудь, чего ему хотелось, он говорил: «О душа, черни, я не соглашусь на то, чего ты желаешь!» И говорил он: «Да будет доволен Аллах, спасение души в том, чтобы перечить ей, а беда для души в том, чтобы ей

¹⁴² Ишр Босоногий-подвижник и знаток предании, жил в 767-814 гг.

¹⁴³ Халид ибн аль-Валид – полководец первых времён ислама, прозванный за неустрашимость «Меч Аллаха».

¹⁴⁴ Муэдзин – служитель мечети, особым возгласом призывающий правоверных на молитву.

¹⁴⁵ Даник – мелкая монета, 716 дирхема.

¹⁴⁶ Ахмед ибн Ханбаль – основатель наиболее консервативного из четырех мусульманских толков – толка ханбалитов.

следовать».

Говорил Мансур ибн Аммар: «Однажды я совершил паломничество и направлялся в Мекку через Куфу, а ночь была тёмная. И вдруг я услышал, как кто-то кричит в глубине ночи: „О боже, клянусь твоей славой и величием, совершив грех, я не хотел тебя послушаться, и я не отрицаю бытия твоего. Это прегрешение ты судил мне совершить в твоей предвечной безначальности. Прости же мне то, в чем я преступил; я послушался тебя по неведению!“ И, окончив молиться, он произнёс такой стих из Корана: „О те, кто уверовал, охраняйте себя и ваших близких от огня, топливо которого – люди и камни...“, и я услышал шум падения, причины которого я не знал, и уехал. А когда настал следующий день, мы шли по дороге и увидели похоронное шествие, и за ним шла старуха, силы которой ушли. Я спросил её об умершем, и она сказала: „Это похороны одного человека, который вчера проходил мимо нас, когда мой сын стоял и молился. И он прочёл стих из книги Аллаха великого, и у этого человека лопнул жёлчный пузырь, и он умер“.

Затем четвёртая девушка отошла и выступила пятая и сказала:

«А вот я расскажу кое-что из того, что мне вспомнится из рассказов о праведных предках.

Говорил Маслам ибн Динар: «Если исправить тёмные мысли, простятся и малые и великие прегрешения. И если вознамерится раб оставить грехи – придёт к нему милость Аллаха». И говорил он: «Всякое благо, которое но приближает к Аллаху, есть бедствие, и малое в здешней жизни отвлекает от многого в будущей, а многое в здешней жизни заставляет забыть о малом в жизни будущей».

Спросили Абу-Хазима: «Кто счастливейший из людей?» И он сказал: «Человек, жизнь которого проходит в повиновении Аллаху». – «А кто глупейший из людей?» – спросили его. И он ответил: «Тот, кто продаёт свою будущую жизнь за здешнюю жизнь другого».

Передают, что когда Муса¹⁴⁷ – мир с ним! – пришёл к воде Мадьянитов¹⁴⁸, он сказал: «Господи, я нуждаюсь во благе, которое ты мне ниспослал!» И Муса просил своего господа, но не просил людей. И пришли две девушки, и он напоил их скотину и не пустил пастухов вперёд. И девушки, вернувшись, рассказали об этом своему отцу, Шуайбу, – мир с ним! А тот сказал: «Может быть, он голоден?» – и он велел одной из них: «Воротись к нему и позови его!» И девушка, придя к Мусе, закрыла лицо и сказала: «Мой отец зовёт тебя, чтобы дать тебе награду за то, что ты принёс нам воды». Но Муса не желал этого и не хотел следовать за нею. А это была женщина с большим задом, и ветер подымал её одежду, так что Мусе был виден её зад, и он зажмурился глазами. И потом он сказал ей: «Будь сзади, а я пойду впереди тебя». И она шла сзади, пока он не вышел к Шуайбу – мир с ним!

Когда ужин был приготовлен...

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Восемьдесят третья ночь

Когда же настала восемьдесят третья ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что везирь Дандан рассказывал Дау-аль-Макану: „И пятая невольница говорила твоему отцу: „И Муса – мир с ним! – вошёл к Шуайбу, когда ужин был приготовлен. И Шуайб сказал ему: „О Муса, я хочу дать тебе награду за то, что ты принёс им воды. А Муса отвечал: „Я из людей того дома, где не продают деяния будущей жизни за все золото и серебро на земле“. – «О юноша, – ответил Шуайб, – ты ведь мой гость, а мой обычай и обычай моих

¹⁴⁷ Муса – библейский Моисей.

¹⁴⁸ Мадьяниты – жители города Мадьяна, в Северной Аравии, которых, по Корану, постигла жестокая кара за неповиновение пророку Шуайбу.

отцов почтить гостя, накормив его пищей“. И Муса поел, а затем Шуайб нанял его на время восьми паломничеств, то есть лет, и как плату за это предназначил ему в жены одну из своих дочерей. И работа Мусы для Шуайба была за неё выкупом, как сказал Аллах великий, говоря за Шуайба: «Я хочу женить тебя на одной из этих моих двух дочерей за то, что ты прослужишь у меня восемь паломничеств. И если ты завершишь десяток, это будет от тебя, а я не хочу тебя затруднять“.

Один человек сказал своему другу, которого он долго не видел: «Ты заставил меня тосковать, так как я давно не видел тебя». – «Меня отвлек от тебя ибн Шихаб, – ответил его друг. – Знаешь ли ты его?» – «Да, – сказал спрошенный, – он уже тридцать лет мой сосед, но я с ним не заговариваю». – «Ты забыл Аллаха и потому забыл соседа, а если бы ты любил Аллаха, то любил бы и соседа, – ответил ему друг. – Разве ты не знаешь, что сосед имеет такие же права на соседа, как родственник?»

Говорил Хузейфа: «Мы вступим в Мекку вместе с Ибрахимом ибн Адхамом, и Шакик аль-Бальхи тоже совершал паломничество в этом году. Мы встретились во время обхода, и Ибрахим спросил Шакика: „Как вы поступаете в ваших землях?“ – „Когда имеем – едим, а когда голодаем – терпим“, – ответил Шакик. И Ибрахим воскликнул: „Так делают собаки из Балха! Мы же, когда имеем, почитаем Аллаха, а когда голодаем, воздаём ему хвалу“. И Шакик сел перед Ибрахимом и сказал ему: „Ты мой наставник“.

Говорил Мухаммед ибн Имран: «Один человек спросил Хамима Глухого: „Что заставляет тебя полагаться на Аллаха?“ И тот отвечал: „Два обстоятельства: я знаю, что мой удел не съест никто, кроме меня, и моя душа спокойна о нем. И я знаю также, что я сотворён не без ведома Аллаха, и потому я в смущении перед ним“.

Затем пятая девушка отошла, и выступила старуха, и, поцеловав землю меж рук твоего отца девять раз, сказала:

«Ты слышал, о царь, что они все говорили о подвижничестве. Я последую их примеру и расскажу часть того, что дошло до меня о великих предках.

Говорят, что имам аш-Шафии разделял ночь на три части: первая треть для науки, вторая для сна и третья – для ночной молитвы.

А имам Абу-Ханифа бодрствовал полночи, и один человек указал на него, когда он проходил, и сказал другому: «Этот бодрствует всю ночь». И, услышав это, имам сказал: «Мне стыдно перед Аллахом, что приписывается мне то, чего во мне нет». И стал после этого бодрствовать всю ночь.

Говорил ар-Раби: «Аш-Шафии целиком произносил Коран в течение месяца рамадана семьдесят раз, и все это во время молитвы».

Говорил аш-Шафии – да будет доволен им Аллах! – «Я десять лет не ел досыта ячменного хлеба, так как сытость ожесточает сердце, уничтожает сообразительность, навлекает сон и делает сытого слишком слабым, чтобы стоять на молитве».

Передают со слов Абд-Аллаха ибн Мухаммеда ас-Суккари, что он говорил: «Я беседовал с Омаром, и он сказал мне: „Я не видел человека благочестивей и красноречивей, чем Мухаммед ибн Идрис-аш-Шафии. Случилось, что я вышел вместе с аль-Харисом ибн Лабибом ас-Саффаром, – а аль-Харис был учеником аль-Музани, – и у него был прекрасный голос. И он прочёл слова Аллаха – велик он: «Бог день, когда они не заговорят и не будет им позволено оправдаться). И я увидел, что у имама аш-Шафии изменился цвет лица и волосы поднялись на его коже, и он сильно задрожал и упал без сознания. Придя в себя, он воскликнул: «У Аллаха ищу спасения от того, чтобы быть на месте лжецов и в толпе небрежущих. О боже, перед тобою смиряются сердца знающих! О боже, подари мне прощение моих грехов по твоей щедрости и укрась меня твоим покровом и прости мне моё неумение по величию лика твоего!“ А затем я поднялся и ушёл.

Говорил кто то из верных людей: «Когда я пришёл в Багдад, аш-Шафии был там. Я сел на берегу, чтобы омыться для молитвы, и вдруг мимо меня прошёл человек и сказал мне: „О молодец, совершай хорошо омовение, и Аллах даст тебе хорошее и в здешней жизни и в будущей“. И я обернулся и вижу – идёт человек, за которым следует толпа. Я поторопился с

омовением и пошёл по его следам, и он обернулся ко мне и спросил: „Есть у тебя какая-нибудь нужда?“ – „Да, – ответил я, – научи меня тому, чему научил тебя Аллах великий“. – „Знай, – сказал человек, – что тот, кто правдив с Аллахом – спасается, а кто любит свою веру – уцелеет от гибели. Кто воздержан в здешней жизни, глаза того прохладятся в жизни будущей“. – „Не прибавить ли тебе ещё?“ – спросил он. И когда я ответил: „Да“, он сказал: „Будь воздержан в этой жизни и жаден до будущей. Будь правдив в твоих делах и спасёшься со спасающимися“. И он ушёл, а я спросил о нем, и мне сказали: „Это имам аш-Шафии“.

Имам аш-Шафии говорил: «Я хотел бы, чтобы люди извлекли пользу из моего знания с тем, чтобы ничто потом не приписывалось мне...»

И Шахразату застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Восемьдесят четвёртая ночь

Когда же настала восемьдесят четвёртая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что везирь Дандан рассказывал Дау-аль-Макану: „И старуха говорила твоему отцу: «Имам аш-Шафии говорил: «Я хотел бы, чтобы люди извлекли пользу из моего знания с тем, чтобы ничто потом не приписывалось мне. Споря с кемнибудь, – говорил он, – я всегда хотел, чтобы Аллах великий поддержал его в истине и помог ему её проявить. Я никогда ни с кем не спорил иначе, как для того, чтобы проявить истину, и я не думаю о том, изъяснит ли Аллах истину моими устами или устами моего соперника“.

И говорил он – да будет доволен ям Аллах! – «Если ты боишься из-за знания твоего стать гордым, вспомни, чьего благоволения ты ищешь и какого блага желаешь и какой кары страшишься».

Сказали Абу-Ханифе: «Повелитель правоверных АбуДжафар аль-Мансур поставил тебя судьёй и назначил тебе десять тысяч дирхемов». И Абу-Ханифа не согласился. Когда же настал день, в который было назначено принести ему деньги, он совершил утреннюю молитву, а затем закрылся одеждой и не говорил. И к нему пришёл посол от повелителя правоверных с деньгами и, войдя к Абу-Ханифе, обратился к нему, но тот не ответил. И посол халифа сказал: «Эти деньги дозволены». Но Абу-Ханифа ответил: «Я знаю, что они мне дозволены, но я не хочу, чтобы мне в сердце запала любовь к притеснителям». – «А если бы ты вошёл к ним и старался уберечься от любви к ним», – сказал посол. И Абу-Ханифа ответил: «Я не уверен, что, войдя в море, не замочу своей одежды». А вот слова аш-Шафии, – да будет доволен им великий Аллах! –

«Душа моя, коль речи мои ты примешь,
Богатою ты и славною вечно будешь.
Мечты оставь и страстные ты желанья!
Как часто мечта влечёт за собой погибель»

А вот слова Суфьяна ас-Саури из его наставления Алню ибн аль-Хасану ас-Сулами: «Будь правдив и берегись лжи, обмана, лицемерия и заносчивости, ибо Аллах уничтожает праведное дело одним из этих свойств. Не заимствуй своей веры ни от кого, кроме тех, кто оберегает свою веру, и да будет твой собеседник из воздержанных в этой жизни. Вспоминай чаще о смерти и учащай просьбу о прощении. Проси у Аллаха благополучия на оставшийся срок твоей жизни и будь искренним советчиком всякому правоверному, когда он спросит тебя о делах своей веры; бойся обмануть правоверного, ибо кто обманул правоверного, тот обманул Аллаха и его посланника. Оставь споры и препирательства; брось то, что внушает тебе сомнение, ради того, что для тебя несомненно, и будешь благополучен. Призывай к благому и удерживай от порицаемого – будешь возлюбленным Аллаха; укрась свои тайные мысли – Аллах украсит твои явные действия; принимай оправдания оправдывающихся и не

питай ненависти ни к кому из мусульман; сближайся с тем, кто порывает с тобою, и прощай обижающим тебя – будешь товарищем пророков, пусть будет твоё дело вручено Аллаху и в тайном и в явном. Бойся Аллаха, как боится тот, кто знает, что умрёт и восстанет и что ему суждено воскреснуть и стоять перед всесильным. И знай, что ты идёшь к одной из обителей: либо в возвышенный рай, либо в жаркий огонь».

Потом старуха села рядом с девушками, а твой покойный отец, услышав их слова, понял, что они достойнейшие женщины своего времени. И он увидел их красоту и прелесть и великое образование и приблизил их к себе и, обратившись к старухе, оказал ей почёт и отвёл ей и девушкам тог дворец, где была царица Абриза, дочь царя румов, и прислал им то, что им было нужно из благ.

И они пробыли у него десять дней, и старуха с ними. И всякий раз, как царь входил к ней, он находил её погруженной в молитву, и ночь она выстаивала, а днём постилась. И в сердце царя запала любовь к ней, и он сказал мне: «О везирь, поистине эта старуха из числа праведниц, и велико почтение к ней в моем сердце!»

А когда настал одиннадцатый день, царь встретился с нею, чтобы отдать ей деньги за девушек, и она сказала: «О царь, знай, что цена этих девушек выше того, о чем люди заключают сделки, но я не потребую за них ни золота, ни серебра, ни драгоценных камней, мало это будет или много».

И, услышав её слова, твой отец удивился и спросил: «О госпожа, а какова цена за них?». И старуха ответила: «Я продам их только за пост в течение целого месяца, чтобы ты днём постился, а ночью стоял бы на молитве ради Аллаха великого. И если ты это сделаешь – они твоя собственность в твоём дворце, и делай с ними, что хочешь».

И царь удивился её совершенной праведности, воздержанию и благочестию, и она стала великой в его глазах, и он воскликнул: «Да сделает Аллах эту праведную женщину нам полезной!»

А потом он условился с нею, что пропустится месяц, как она его обязала, и старуха молвила: «А я помогу тебе молитвами и буду за тебя молиться. Принеси мне кувшин воды».

И царь велел принести ей кувшин воды, и она взяла его и стала над ним читать и бормотать и просидела немного, говоря слова, которых мы не понимали и ничего не уразумели в них. А затем она накрыла кувшин лоскутом материк, запечатала его и, подав его твоему отцу, сказала: «Когда ты пропустишься первые десять дней, разреши пост в одиннадцатую ночь, выпив то, что в этом кувшине: питье извлечёт из твоего сердца любовь к здешнему миру и наполнит его светом и верой. А завтра я уйду к моим друзьям, людям невидимого мира, – я стосковалась по ним, – и вернусь к тебе, когда пройдут первые десять дней».

И твой отец взял кувшин, а затем он поднялся и выбрал отдельное помещение во дворце, куда и поставил кувшин, а ключ он положил за пазуху. Люди невидимого мира – святые.

И когда пришёл день, царь стал поститься, а старуха ушла своей дорогой...

И Шахразад застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Восемьдесят пятая ночь

Когда же настала восемьдесят пятая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что везирь Дандан говорил Дау-аль-Макану: „И когда пришёл день, царь стал поститься, а старуха ушла своей дорогой. И царь завершил десятидневный пост, а на одиннадцатый день он открыл кувшин и выпил из него и нашёл, что питье приятно действует на его душу. А когда пришли вторые десять дней месяца, явилась старуха, и у неё был кусок сладкого в зеленом листе, не походившем на листья деревьев. Она вошла к царю и приветствовала его. И царь, увидя её, поднялся и сказал: „Добро пожаловать, праведная госпожа!“ – «О царь, – отвечала она, – люди невидимого мира приветствуют тебя. Я

рассказала и про тебя, и они возрадовались и посылают тебе эти сласти – они из сластей будущей жизни. Вкуси же от них в конце дня“.

И твой отец обрадовался великою радостью и воскликнул: «Слава Аллаха, который сделал моими братьями людей невидимого мира!» А потом он поблагодарил старуху и поцеловал ей руки из уважения и оказал девушкам величайший почёт.

И минуло двадцать дней, как твой отец постился, а в конце двадцатую дня старуха пришла к нему и сказала: «Знай, о царь, я рассказала невидимым людям о нашей любви и сообщила им, что я оставила девушек у тебя, и они очень обрадовались, что красавицы находятся у царя, подобного тебе, так как они, когда видят их, усердно возносят за них молитвы, исполняемые Аллахом. Я хочу отправиться с ним к невидимым людям, чтобы их благое дыхание коснулось девушек, и, может быть, они вернутся к тебе с сокровищами земли. И по окончании твоего поста ты позаботишься об их одеждах. И те деньги, которые они тебе принесут, помогут тебе в твоих нуждах».

Услышав слова старухи, твой отец поблагодарил её за это и сказал: «Если б я не боялся перечить тебе, я не согласился бы ни на сокровища, ни на что другое. Но когда ты уходишь с ними?» – «В двадцать седьмую ночь, – отвечала старуха, – а вернусь я к тебе в начале месяца, когда ты уже завершишь свой пост и пройдёт время очищения девушек и они будут твои, под твоей властью. Клянусь Аллахом, цена каждой из этих девушек во много раз больше твоего царства». – «Я знаю это, о праведная госпожа», – ответил царь. А старуха после этого сказала: «Ты непременно должен послать со мной кого-нибудь, кто тебе дорог, чтобы он нашёл утешение и получил благословение невидимых людей». – «У меня есть невольница румийка, по имени Суфия, и она меня наделила двумя детьми, девочкой и мальчиком, но они исчезли несколько лет тому назад, – отвечал царь. – Возьми её вместе с девушками, чтобы ей досталось благословение...»

И Шахразадку застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Восемьдесят шестая ночь

Когда же настала восемьдесят шестая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что везирь Дандан рассказывал Дау-аль-Макану:

«И твой отец сказал старухе, когда она потребовала у него девушек: „У меня есть невольница румийка, по имени Суфия, и она меня наделила двумя детьми, девочкой и мальчиком, но они исчезли несколько лет назад. Возьми её с собою, чтобы ей досталось благословение. Быть может, невидимые люди помолятся За неё Аллаху, чтобы он возвратил ей детей и она свиделась бы с ними“.

И старуха воскликнула: «Прекрасно то, что ты сказал!» А когда твой отец стал близок к концу поста, старуха сказала ему: «О дитя моё, я отправляюсь к невидимым людям, приведи же мне Суфию».

И царь позвал её, и она тотчас же явилась. И когда царь передал её старухе, та присоединила её к прочим девушкам. А затем она вышла в свою горницу и, вышеся запечатанный кубок, подала его царю и сказала: «Когда наступит тридцатый день, пойди в баню, а потом выйди из неё, войди в одну из тех комнат, что в твоём дворце, выпей этот кубок и засни. Ты достигнешь тогда того, чего желаешь, и мир тебе от меня».

И царь обрадовался и поблагодарил старуху и поцеловал ей руки, и она сказала ему: «Поручаю тебя Аллаху». – «А когда я увижу тебя, о благочестивая госпожа? Я хотел бы не разлучаться с тобою», – сказал царь. И старуха призвала на него благословение и отправилась с невольницами и царицей Суфией.

А царь прожил после этого три дня, и показался новый месяц, и тогда царь поднялся и пошёл в баню и, выйдя оттуда, вошёл в одну из комнат во дворце и велел никому не входить и запер дверь. И он выпил кубок и лёг спать, а мы сидели, ожидая его до конца дня, но он не вышел из комнаты. «Быть может, он устал от бани, бессонных ночей и многодневного поста

и потому спит», – сказали мы и прождали его до следующего дня, но он не вышел» Тогда мы встали у дверей в комнату и начали говорить, возвысив голос, и думали, что, может, он проснётся и спросит, в чем дело. Но этого не случилось. И мы сорвали дверь и вошли к нему и увидели, что он уже разложился и его мясо сгнило и кости раскрошились. И когда мы увидели его в этом состоянии, нам стало тяжело, и мы взяли кубок и нашли на его крышке кусок бумаги, на котором было написано: «Кто сделал зло, о том не будут тосковать. Таково воздаяние тому, кто строит козни дочерям царей и портит их. Мы оповещаем всякого, кто прочтёт эту бумажку, что Шарр-Кан, прибыв в наш город, восстановил против нас царевну Абризуну, но ему было недостаточно этою, и он взял её от нас и привёз к вам, и потом отослал с чёрным рабом, и тот убил её. И мы нашли её убитой в пустыне и брошенной на землю. Так не поступают цари. И воздаянием тому, кто это сделал, будет то, что случилось с ним. Не подозревайте никого в его убийстве: убила его ловкая распутница, имя которой Зат-ад-Давахи. И вот я забрала жену царя, Суфию, и отправилась с ней к её родителю Афридуну, царю альКустантынии. Мы непременно нападём на вас и убьём вас и отнимем у вас ваши жилища; вы погибнете до последнего, и не останется среди вас живущих в домах или раздувающих огонь, кроме тех, кто поклоняется кресту и поясу»¹⁴⁹.

И, прочитав этот листок, мы узнали, что старуха обманула нас, и её хитрость с нами удалась. И тут мы стали кричать и бить себя по лицу и плакать, но от плача не было нам никакой пользы.

И среди войск возникло разногласие о том, кого сделать над собою султаном. И некоторые хотели тебя, а другие твоего брата Шарр-Кана. И мы пребывали в несогласии целый месяц. А затем некоторые из нас объединились, и мы захотели отправиться к твоему брату Шарр-Кану и ехали до тех пор, пока не нашли тебя. Вот почему умер султан Омар ибн ан-Нуман».

Когда везирь Дандан кончил свои речи, Дау-аль Макан я сестра его Нузхат-аз-Заман заплакали, и царедворец также заплакал, а затем он сказал Дау-аль-Макану: «О царь, от плача нет никакой пользы, и польза для тебя лишь в том, чтобы укрепить своё сердце, усилить свою решимость и утвердить своё господство. Ибо, поистине, тот, то оставил подобное тебе, не умер».

И тогда Дау-аль-Макан перестал плакать и велел поставить престол перед входом в палатку. А затем он приказал выстроить войска, и царедворец встал сбоку, и все оруженосцы встали позади, а везирь Дандан впереди него. И каждый эмир и вельможа знал своё место.

А потом Дау-аль-Макан сказал везирию Дандану: «Расскажи мне о казнохранилищах моего отца». – «Слушаю и повинуюсь», – отвечал везирь и осведомил его о казнохранилищах и о сокровищах и драгоценностях, находящихся там, и показал ему, сколько в его казне денег, И Дау-аль-Макан выдал войскам деньги¹⁵⁰ и одарил везирия Дандана роскошным платьем и сказал ему: «Ты остаёшься на своём месте». И везирь поцеловал землю меж его рук и пожелал ему долгой жизни.

Потом Дау-аль-Макан наградил эмиров, а затем он сказал царедворцу: «Покажи мне подать Дамаска, которую ты везёшь с собою». И царедворец показал ему сундуки с деньгами, редкостями и драгоценными камнями.

И Дау-аль-Макан взял их и роздал войскам...»

И Шахразяду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

¹⁴⁹ Иноверцы в землях ислама должны были носить в качестве отличительного знака широкий пояс. Мусульмане принимали этот пояс, как и крест, за предмет религиозного поклонения.

¹⁵⁰ Первой заботой нового султана было раздать своим телохранителям деньги, имеющиеся в казне, чтобы хотя на время обеспечить себе верность войск.

Восемьдесят седьмая ночь

Когда же настала восемьдесят седьмая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что Дау-аль-Макан велел царедворцу показать ему подать Дамаска, которую он вёз. И царедворец показал ему сундуки с деньгами, редкостями и драгоценностями. Дау-аль-Макан взял их и роздал все войскам, ничего не оставив. И эмиры поцеловали землю меж его рук и пожелали ему долгой жизни, говоря: „Мы не видели царя, который бы давал подобные подарки“. Потом они отправились в свои шатры, а наутро Дау-аль-Макан велел им выезжать, и они ехали три дня, а на четвёртый день увидели Багдад и вступили в город, и оказалось, что он украшен. И султан Дау-аль-Макан вошёл во дворец своего отца и сел на престол. И войска и везирь Дандан и царедворец из Дамаска встали перед ним, и тогда Дау-аль-Макан приказал своему личному писцу написать письмо его брату Шарр-Кану и упомянуть в нем о том, что случилось, с начала до конца, а в конце написать: „Тотчас, как прочитаешь это письмо, снаряжайся и явись с твоими войсками: мы отправимся в поход на неверных, чтобы отомстить за нашего отца и снять с себя позор“. А затем он свернул и запечатал письмо и сказал везиру Дандану: „Никто, кроме тебя, не отправится с этим письмом, но тебе надлежит говорить с Шарр-Каном мягко и сказать ему: «Если ты желаешь царства твоего отца, – оно твоё, а брат твой будет твоим наместником в Дамаске, как он сообщил нам“.

И везирь Дандан вышел и собрался в путь, а потом Дау-аль-Макан велел отвести истопнику роскошное помещение и постелить лучшие циновки (а у этого истопника длинная история).

Однажды Дау-аль-Макан выехал на охоту и ловлю и воротился в Багдад. И один из эмиров предложил ему чистокровных коней и прекрасных невольниц, которых бессилён описать язык. И одна из этих невольниц понравилась султану, и он уединился с нею и вошёл к ней в эту ночь, и она тотчас же понесла от него.

А через некоторое время везирь Дандан воротился из путешествия и рассказал Дау-аль-Макану про его брата Шарр-Кана, что тот идёт к нему. «Тебе следует выйти и встретить его», – сказал он султану. И Дау-аль-Макан отвечал: «Слушаю и повинуюсь». И он выступил со своими приближёнными из Багдада и продвинулся на один день пути и разбил свои палатки, ожидая брата, а к утру царь Шарр-Кан прибыл с войском Дамаска, где были неустрашимые витязи и свирепые львы и разящие храбрецы.

И когда подошли конные отряды и налетели облачка пыли и приблизились полки и затрепетали торжественные стяги, Шарр-Кан со своей свитой вышел навстречу Дау-аль-Макану, и тот, увидев своего брата, хотел спешиться, но Шарр-Кан стал его заклинять не делать этого. И он сам спешился и прошёл несколько шагов, и когда он оказался перед Дау-аль-Маканом, тот бросился к нему, и Шарр-Кан прижал его к груди. И они громко заплакали и стали утешать друг друга, а потом оба сели на коней и ехали вместе с войском, пока не приблизились к Багдаду. И они спешили, и Дау-аль-Макан со своим братом Шарр-Каном, вошли в царский дворец и провели там ночь, а наутро Дау-аль-Макан вышел и приказал собирать войска со всех сторон и объявить поход и священную войну¹⁵¹.

И затем стали ждать, пока придут войска со всех земель, и всякому, кто являлся, оказывали почёт и обещали хорошее, пока не прошёл таким образом целый месяц, а люди все шли непрерывными толпами.

И потом Шарр-Кан сказал своему брату: «О брат мой, расскажи мне свою повесть». И Дау-аль-Макан осведомит его обо всем, что ему выпало, с начала до конца, и о том, такую милость оказал ему истопник. «Вознаградил ли ты его за его милость?» – спросил Шарр-Кан. И Дау-аль-Макан ответил: «О брат мой, я не вознаградил его до сего времени, но я его

¹⁵¹ Ведение священной войны против неверных с целью распространения ислама силой оружия вменяется мусульманской общине в религиозную обязанность. В позднейшие времена мусульманские владыки широко использовали религиозный фанатизм своих подданных для завоевания новых территорий.

награжу с волею Аллаха великого, когда вернусь из похода...»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Восемьдесят восьмая ночь

Когда же настала восемьдесят восьмая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что Шарр-Кан спросил своего брата Дау-аль-Макана: „Вознаградил ли ты истопника за его милость?“ И ют отвечал: „О брат мой, я не вознаградил его до сего времени, но я его награжу, если захочет Аллах великий, когда вернусь из похода и освобожусь“.

И Шарр-Кан узнал, что его сестра, царевна Нузхатаз-Заман была правдива во всем, что она рассказала. И он скрыл своё дело с нею и послал ей привет с царедворцем, и она тоже послала с ним привет, пожелала ему счастья и осведомилась о своей дочке, Кудыя-Факап. И Шарр-Кан сообщил ей, что девочка в безопасности и в полнейшем здравии и благополучии, и Нузхат-аз-Заман восхвалила и поблагодарила Аллаха великого. А Шарр-Кан обратился к своему брату за советом, выступать ли им, но Дау-аль-Макан отвечал: «О брат мой, когда войска соберутся полностью и придут отовсюду кочевники». И затем он велел заготовить припасы и доставить военное снаряжение.

А потом Дау-аль-Макан вошёл к своей жене, которая носила уже пять месяцев, и отдал её под начало учёных и счётчиков, назначив им жалование и выдачи. А на третий месяц по прибытии сирийских войск он двинулся и путь, когда явились кочевые арабы, и все войска отовсюду, и войска, и отряды отправились, и полки потянулись непрерывно, и имя главы войска дейлемитов было Рустум, а главу турецкого войска звали Бахрам.

И Дау-аль-Макан поехал посреди войска, и справа от него был его брат, Шарр-Кан, а слева – царедворец, его зять. Они ехали в течение целого месяца и каждую неделю делали привал в каком-нибудь месте и отдыхали там три дня, так как людей было много. И они ехали таким образом, пока не достигли земель румов. И жители селений и деревень и нищие убежали и устремились в аль-Кустантынию.

И когда Афридун, их царь, прослышал о случившемся, он поднялся и направился к Зат-ад-Давахи, а это она измыслила хитрость и, отправившись в Багдад, убила царя Омара ибн ан-Нумана и потом взяла своих девушек и царевну Сусрию и вернулась с ними всеми в свою страну. Когда же она вернулась к своему сыну, царю румов, и почувствовала себя в безопасности, она сказала ему «Прохлади твои глаза! Я отомстила за твою дочь, царевну Ибризу, убила царя Омара ибн ан-Нумана и привезла Сутю. Поднимайся теперь, поезжай к царю аль-Кустантынии и возврати ему Суфию, его дочь. Осведоми его о том, что случилось, чтобы мы все были настороже и приготовили бы военное снаряжение. Я поеду вместе с тобою к фридуну, царю аль-Кустантынии. Мне думается, что мусульмане не устоят в бою с нами». – «Дай срок, пока они приблизятся к нашим землям, а мы подготовимся», – отвечал царь румов, а затем они стали собирать людей и снаряжаться. И когда пришла к ним весть о мусульманах, они были уже готовы и собрали людей, и в передовых отрядах отправилась Зат-ад-Давахи.

И когда они достигли аль-Кустантынии, её величайший царь, царь Афридун, прослышал о прибытии Хардуба, царя румов, и вышел к нему навстречу. И, встретившись с царём румов, Афридун спросил его, как он поживает и почему он явился. Хардуб осведомил его, какие хитрости предлагала его мать Зат-ад-Давахи, которая убила царя мусульман и отняла у него царевну Суфию, и сказал: «Мусульмане собрали войска и пришли, и мы хотим быть все, как одна рука, и встретить их». И царь Афридун обрадовался прибытию своей дочери и убийству Омара ибн ан-Нумана. Он послал во все области, требуя подкрепления, и сообщил всем, почему был убит Омар ибн ан-Нуман. И войска христиан устремились к нему, и не прошло трех месяцев, как полностью собралось войско румов, а потом подошли и франки из разных краёв: французы, немцы, дубровничане, жители Зары, венецианцы,

генуэзцы и прочие войска желтолицых¹⁵².

И когда войска собрались и на земле стало тесно от их множества, величайший царь Афридун приказал им выступать из аль-Кустантынии, и они отправились, и, выступая, войска их следовали через город десять дней. И они шли, пока не остановились в просторной долине ан-Нумана (а эта долина была вблизи от солёного моря), и стояли три дня, а на четвёртый день они хотели трогаться. Но к ним пришли вести о приближении войск ислама, защитников народа лучшего из людей¹⁵³. И они пробыли в долине ещё три дня, а на четвёртый день увидели взлетевшую пыль, которая застилала края неба. И не прошло часа дневного времени, как эта пыль рассеялась и разорвалась в воздухе на клочки и улетела, и мрак её разогнали звезды зубцов копий и молнии белых клинков, и из-за неё показались исламские знамёна и мухаммеданские стяги, и приблизились витязи, подобные разлившемуся морю и одетые в кольчуги, которые ты сочтёшь за облака, покрывающие луну.

И тогда войска встали друг против друга, и оба моря столкнулись, и глаза встретились с глазами, и первый, кто выступил на бой, был везирь Дандан с войсками Сирии (а их было тридцать тысяч всадников). И с везирем были предводитель дейлемитов Рустум и глава турок Бахрам с двадцатью тысячами. И сзади них шли люди, пришедшие с солёного моря, одетые в тяжёлые кольчуги и подобные открытой луне в тёмную ночь. И христиане принялись кричать: «О Иса, о Мариам, о крест» (будь он проклят!), и обрушились на везиря Дандана и на бывшие с ним сирийские войска.

А все это случилось по измышлению Зат-ад-Давахи, ибо царь обратился к ней перед тем, как выступить, и спросил: «Как поступить и что придумать? Ведь ты виновница этого тяжёлого дела». И она сказала ему: «Знай, о великий царь и грозный волхв, я укажу тебе дело, которое не в силах измыслить Иблис¹⁵⁴, даже если он призовет на помощь свои поверженные рати...»

И Шахразату застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Восемьдесят девятая ночь

Когда же настала восемьдесят девятая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что все это было по измышлению старухи, ибо царь обратился к ней перед тем, как выступить, и спросил её: „Как поступить и что придумать? Ведь ты виновница этого тяжёлого дела“. И она сказала ему: „Знай, о великий царь и грозный волхв, я укажу тебе дело, которое бессилён придумать Иблис, даже если он призовет на помощь свои поверженные рати. Пошли пятьдесят тысяч человек, и пусть они сядут на корабли и едут по морю, до самой Дымовой горы, и остаются там, не трогаясь с места, пока не придут к вам знамёна ислама, и тогда расправляйтесь с ними. А потом выйдут на них войска с моря и будут сзади них, а мы встретим их с суши, и никто из них не спасётся, и прекратится наша забота и будет нам вечный мир“.

И царь Афридун одобрил план старухи и воскликнул: «Твой план – прекрасный план, о госпожа хитроумных стариц и прибежище волхвов, когда подымаются смуты!»

И когда войско ислама налетело на них в этой долине, они не успели опомниться, как

¹⁵² Дубровничане – жители города Дубровник на Адриатическом море, который осаждали мусульманские войска. Зара (Задар) – в середине века столица королевства Далмации, на северо-западе Балганского полуострова. Желтолицы – презрительное название европейцев.

¹⁵³ То есть защитник арабов – народа пророка Мухаммеда.

¹⁵⁴ Иблис – дьявол.

уже огонь пылал в шатрах и мечи работали среди тел; а потом подошли войска Багдада и Хорасана, – сто двадцать тысяч всадников, и в передовых отрядах был Дау-аль-Макан.

И, увидя их, войска неверных, бывшие в море, вышли к ним из воды и последовали за ними. И Дау-аль-Макан, увидав их, воскликнул: «Обратитесь на неверных, о племя избранного пророка, и сразитесь с людьми нечестия и вражды, повинувшись милостивому, милосердному!»

А тут подошёл Шарр-Кан с другими отрядами мусульманских войск, числом около ста двадцати тысяч, а войск неверных было около тысячи тысяч и шестисот тысяч. И когда мусульмане соединились друг с другом, их сердца укрепились, и они закричали: «Поистине, Аллах обещал нам поддержку и пригрозил неверным покинуть их!» А затем столкнулись мечи и зубцы, и Шарр-Кан прорвал ряды и ворвался в гущу тысяч, и бился боем, от которого поседеют дети. И он гарцевал среди неверных и работал остроережущим мечом, возглашая: «Аллах велик!», пока не прогнал врагов обратно к берегу моря.

И тела их утомились, и Аллах дал победу вере ислама, и люди сражались, без вина пьяные. В этой стычке было убито сорок пять тысяч неверных, а мусульман погибло три тысячи пятьсот. И лев веры, царь Шарр-Кан, не спал в эту ночь, ни он, ни его брат, Дау-аль-Макан, – напротив, они подбодряли людей и обходили раненых, поздравляя их с победой и наградой по воскресений. Вот что было с мусульманами.

Что же касается царя Афридуна, царя аль-Кустантынии, и царя румов с его матерью, старухой Зат-ад-Давахи, то они собрали эмиров войска и говорили между собой: «Мы бы достигли цели и излечили бы нашу душу, по обольщению нашей многочисленностью – вот что нас предало».

И Зат-ад-Давахи сказала им: «Вам будет польза лишь в том, чтобы искать благоволения мессии и придерживаться правой веры. Клянусь мессией, войску мусульман придал силу лишь этот сатана, царь Шарр-Кан!» – «Я намерен, – сказал царь Афридун, – выстроить завтра против них войска и выпустить на них знаменитого витязя, Луку ибн Шамлута, ибо он, если выступит против царя Шарр-Кана, убьёт его и убьёт других витязей, так что из них не останется ни одною. А сегодня вечером я хочу окурить вас святейшим ладаном».

И, услышав его слова, начальники облобызали землю. А ладан, который он разумел, был кал великого патриарха отрицающего, отвергающего. И они соперничали за обладание им и одобрили его мерзкие свойства, и патриархи румов посылали его во все области своих земель в шёлковых лоскутках, и смешивали его с мускусом и благовониями, и когда слух об этом доходил до царей, они брали кал по тысяче динаров за каждую драхму, и цари даже посылали его разыскивать, чтобы окуривать им невест. И патриархи смешивали его со своим калом, так как кала великого патриарха не хватало на десять областей. А величайшие цари клали немного этого кала в сурьму для глаз и лечили им больных и страдающих животом. И когда настало утро и засияло и заблестало светом, витязи поспешили в бой копьями...»

И Шахразуду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Ночь, дополняющая до девяноста

Когда же настала ночь, дополняющая до девяноста, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что, когда настало утро и засияло светом и заблестало, витязи поспешили в бой копьями, а царь Афридун призвал своих приближённых патрициев и вельмож своего царства и наградил их и начертил крест на их лицах и окурив их тем ладаном, о котором упомянуто раньше, то есть калом великого патриарха и коварного волхва. А окурив их, он призвал к себе Луку ибн Шамлута, которого называют меч мессии. И, окурив его калом и потом натерев им его небо, он дал ему кал понюхать и выпачкал им его щеки, а остатком кала он намазал ему усы. А в земле румов не было значительнее человека, чем этот проклятый Лука, и не было лучшего стрелка и бойца мечом и копьём в день схватки, и он отличался гнусной наружностью, и лицо его было как морда осла, а образ, как образ

обезьяны. Его внешность – внешность соглядая, и близость к нему тяжелее, чем разлука с любимым; от ночи ему досталась мрачность, от льва – зловонное дыхание, и от тигра – наглость, а неверие оставило на нем клеймо. И он подошёл к царю Африду, поцеловал ему ноги и встал перед ним, и царь Африда сказал ему: „Я хочу, чтобы ты выступил против Шарр-Кана, царя Дамаска, сына Омара ибн ан-Нумана, и отвёл от нас к облегчил эту беду“. И Лука отвечал: „Слушаю и повинуюсь!“ И царь начертил на его лице крест и объявил, что победа достанется ему вскорости.

И Лука ушёл от царя Африды, и потом этот проклятый Лука сел на рыжего коня, и на нем была красная одежда и золотая кольчуга, выложенная драгоценными камнями, и нес он копьё с тремя зубцами, словно он проклятый Иблис в день уничтожения племён¹⁵⁵. И он и его нечестивое племя тронулось в путь, как бы гонимое в огонь, и среди них был глашатай, который возглашал поарабски: «О народ Мухаммеда, – да благословит его Аллах и да приветствует! – пусть выходит из вас лишь один ваш витязь, меч ислама Шарр-Кан, правитель Дамаска Сирийского!» И он не закончил ещё своих слов, как вдруг на равнине раздался гул, звуки которого слышали все люди, и конский топот рассеял войска, напоминая о дне Хонейна¹⁵⁶» И злодеи испугались и повернули шеи в сторону шума, и вдруг оказалось, что это царь Шарр-Кан, сын царя Омара ибн ан-Нумана. Когда его брат Дау-аль-Макан увидал этого проклятого на поле и слышал глашатая, он обернулся к своему брату Шарр-Кану и сказал ему: «Они хотят тебя». И Шарр-Кан отвечал: «Если так, это мне тем любезней». И, убедившись в этом и услышав глашатая, который кричал на поле: «Пусть не выходит ко мне никто, кроме Шарр-Кана!», мусульмане поняли, что этот проклятый – витязь румских земель и что он поклялся очистить Землю от мусульман, а иначе он будет в числе понёсших потерю, ибо это он жёг сердца, и его злобы боялись войска турок, дейлемитов и курдов.

И тут Шарр-Кан вышел к нему, подобный ярму льву, а сидел он на хребте чистокровного коня, похожего на испуганного газеленка. И он погнал его к Луке и, оказавшись подле него, потряс в руке копьё, подобное змеехидне, и произнёс такие стихи:

«У меня есть рыжий, узде послушный, воинственный,
И отдаст тебе, сколько хочешь ты, он из сил своих.
И копьё прямое, остёр и гибок зубец его,
И как будто мать всех превратностей на древке его,
И клинок индийский, отточенный, – обнажив его,
Словно молнию, что мелькает в небе, увидишь ты».

И Лука не понял значения этих речей и силы нанизанных слов; нет, он ударил себя рукою по лицу из уважения к кресту, нарисованному на нем, а затем поцеловал её и, направив дротик на Шарр-Кана, бросился на него. Он подкинул дротик одной рукой так, что он скрылся из глаз смотрящих, и поймал его другой рукой, как делают чародеи, а потом бросил им в Шарр-Кана. И дротик вылетел из его руки, как сверкающая огненная стрела. И люди зашумели и испугались за Шарр-Кана. Но когда дротик подлетел близко к Шарр-Кану, он схватил его в воздухе, и умы людей смутились.

А затем Шарр-Кан потряс дротик той рукой, которой он взял его у христианина, так что едва не сломал его, и подбросил его в воздух, и дротик скрылся из глаз, но он поймал его другой рукой быстрее мгновения ока, и издал вопль, исходивший из глубины сердца, и

¹⁵⁵ Намёк на Коран, где в X суре (главе) говорится, что племена Ад и Самуд были уничтожены за неповиновение пророкам, посланным к ним.

¹⁵⁶ Хонейн – долина близ Мекки, где произошла битва между войсками Мухаммеда и непокорными ему бедуйскими племенами. Об этом событии рассказывается в Коране.

воскликнул: «Клянусь тем, кто создал семь небосводов, я ославлю этого проклятого во всех странах!»

И он бросил в него дротик, и Лука хотел сделать с дротиком то же, что и Шарр-Кан, и протянул руку, чтобы поймать дротик в воздухе, но Шарр-Кан поспешил метнуть в него второй дротик и ударил его, и дротик попал в середину креста, бывшего у него на лице, и Аллах устремил его душу в огонь, скверное это обиталище!¹⁵⁷ И когда неверные увидели, что Лука ибн Шамлут упал убитый, они стали бить себя по лицу и кричать: «О горе! О гибель!» И зывали о помощи к патриархам монастырей...»

И Шахразату застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Девяносто первая ночь

Когда же настала девяносто первая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что, когда неверные увидели, что Лука ибн Шамлут упал убитый, они стали бить себя по лицу и кричать: „О горе! О гибель!“ И зывали о помощи к патриархам монастырей, восклицая: „Где кресты?“ И монахи стали молиться, а потом они все объединились против Шарр-Кана и, выставив острые мечи и копья, ринулись в бой и сражение.

И войско встретилось с войском, и груди оказались под ударами копыт, и заработали острые мечи и копья, и плечи и кисти ослабели, и кони как будто были созданы без ног, и глашатай войны непрестанно зывал, пока не устали руки и день не ушёл и не приблизилась ночь с её мраком. И оба войска расстались, и все витязи были от сильного боя и ударов копьём, как пьяные. И земли наполнились убитыми, и тяжелы были раны, и раненых не отличить было от мёртвых.

А потом Шарр-Кан встретился со своим братом Дауаль-Маканом и царедворцем и везирем Данданом, и сказал своему брату Дау-аль-Макану и царедворцу: «Поистине, Аллах открыл врата погибели для неверных. Слава же Аллаху, господу миров!» – «Мы не перестанем воздавать хвалу Аллаху за то, что он снял печаль с арабов и персов, – ответил Дау-аль-Макан брату, – и люди, поколение за поколением, будут рассказывать о том, что ты сделал с проклятым Лукой, искажителем Евангелия, и о том, как ты поймал копьё в воздухе и поразил врага Аллаха среди людей. И слава твоя будет вечна до конца времён». – «О великий царедворец и грозный храбрец», – сказал потом Шарр-Кан. И царедворец ответил ему: «Я здесь!» И Шарр-Кан молвил: «Возьми с собою везиря Дандана и двадцать тысяч всадников и пройди с ними к морю расстояние в семь фарсахов. Двигайтесь скорее, чтобы быть близко от берега и чтобы между вами и врагом было два фарсаха. Укрывайтесь в ложбинах, пока не услышите, как шумят неверные, выходя с кораблей, и до вас не донесутся крики со всех сторон, когда между нами и ими заработают копья. И когда вы увидите, что наши войска повернули вспять, как бы убегая, и неверные ползёт за ними со всех сторон, даже со стороны моря и шатров, будьте в засаде; но едва ты увидишь знамя с надписью: „Нет бога, кроме Аллаха. Мухаммед – посол Аллаха, да благословит его Аллах и да приветствует!“ – подними зеленое знамя, крикни: „Аллах велик!“ и несись на них сзади и постарайся, чтобы неверные не встали между убегающими и морем». – «Слушаю и повинуюсь», – ответил придворный. И они сговорились об этом деле в тот же час, а потом войска снарядились и отправились, и царедворец взял с собою везиря Дандана и двадцать тысяч человек, как велел Шарр-Кан.

А когда настало утро, враги сели на коней, обнажив мечи, подвязав копья и неся оружие, и люди рассыпались по холмам и котловинам, и священники закричали, и головы обнажились, и взвились кресты на парусах кораблей, и воины направились к берегу со всех сторон. Они вывели коней на сушу и собрались нападать и убегать, и мечи заблистали, и

¹⁵⁷ Цитата из Корана, где в XIV главе, стих 34, говорится: Геенна – будут они (неверные) жариться там, и скверное это обиталище.

толпы двинулись, и засверкали молнии копий на кольчугах, и завертелся жёрнов гибели над головами пеших всадников, и головы летели с туловищ, и языки немели, и глаза покрывались мраком, и лопались жёлчные пузыри. И мечи работали, и черепа отлетали, и отсекались запястья, и кони погружались в кровь, и воины хватали Друг Друга за бороду, и войска ислама призывали благословение и привет Аллаха на господина людей и возглашали хвалу милосердому за дарованные им милости. А войска неверных возглашали хвалу кресту и поясу, и выжимкам и выжимателю, и священникам и монахам, и вербному воскресенью и митрополиту.

И Дау-аль-макан с Шарп-Каном отступили назад, и воины повернули вспять и показали врагам, что бегут, и войска неверных поползли на них, думая, что они разбиты, и приготовились биться и сражаться. И люди ислама возвысили голос, читая начало главы о Короне, и убитые были растоптаны под ногами коней. И глашатай румов кричал: «О рабы мессии, исповедующие правую веру, о слуги первосвященителя, поддержка свыше явилась нам! Войска ислама склонились к бегству. Не поворачивайтесь же к ним спиной, но пусть овладеют мечи их затылками! Не прекращайте преследования, иначе вы отступитесь от мессии, сына Мариам, который заговорил в колыбели!»

И Афридун, царь аль-Кустантынии, подумал, что войска неверных побеждают, и он не знал, что это искусный Замысел мусульман. Он послал к царю румов весть о победе и говорил ему: «Нам помог только кал великого патриарха, когда запах его повеял и с бород и с усов и разлился среди всех рабов креста, присутствующих и отсутствующих. Клянусь чудесами, твоей дочерью Абризой, назарейанкой, служанкой Мариам, и водами крещения, я не оставлю на земле ни одного бойца за веру, и я твёрдо принял это злое намерение».

И гонец отправился с этим посланием, а неверные закричали друг другу: «Отомстите за Луку!...»

И Шахразату застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Девяносто вторая ночь

Когда же настала девяносто вторая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что неверные закричали друг другу: „Отомстите за Луку!“ А царь румов стал кричать: „Отомстим за Абризку!“ И тогда царь Дау-аль-Макан крикнул: „О рабы владыки воздающего, бейте неверных и отступников белыми клинками и серыми копьями!“ И тогда мусульмане вновь повернули на неверных и заработали среди них режущим и секущим. И глашатай мусульман взывал: „На врагов веры, о любящий пророка, избранника! Вот время сделать угодное всеблагодару, всепрощающему! О надеющийся на спасение в день устрашающий, поистине рай под сенью мечей!“

И вот Шарп-Кан со своими воинами ринулся на неверных и отрезал им путь к бегству и гарцевал и кружил между рядами. И вдруг всадник, прекрасно изогнувшийся, расчистил в войске неверных круг и стал гарцевать среди нечестивых, разя мечом и копьём, и наполнил землю головами и телами. И неверные уstraшились его боя и склонили шеи под его разящими ударами, — а он опоясался двумя мечами, взором и острым клинком, и подвязал два копы, — копьё на древке и свой стан, — и обильные кудри его заменяли войско, обильное числом, как сказал о нем поэт:

Прекрасны кудри длинные лишь тогда,
Когда их пряди падают в битвы день —
На плечи юных с копьями у бедра,
Что длинноусых кровью напоены.

А другой говорит:

Сказал я ему, когда он меч подвязал себе:
«Довольно ведь лезвий глаз, и острый не нужен меч».
Он молвил: «Клинок очей влюблённым назначен,
А меч предназначен тем, кто счастья в любви по знал».

И, видя его, Шарп-Кан воскликнул: «Заклинаю тебя Кораном и знаменьями всемилостивого, кто ты, о витязь из витязей? Своими деяниями ты ублаготворил воздающего владыку, которого одно дело не отвлекает от другого, когда обратил в бегство людней неверия и беззакония». И витязь воззвал к нему, говоря: «Ты вчера заключил со мною союз, как ты скоро забыл меня!» И он откинул с лица покрывало, так что стала явна его скрытая красота, и вдруг оказалось, что это Дау-аль-Макан.

И Шарп-Кан обрадовался ему, но только он побоялся, что бойцы стеснятся вокруг нею и храбрецы обрушатся на него, и будет это из-за двух причин: во-первых, так как он молод годами и был укрыт от дурного глаза, и, во-вторых, потому, что его жизнь – величайшая опора царства. «О царь, – сказал он ему, – ты подверг себя опасности. Подведи твоего коня вплотную к моему коню. Я считаю, что враги тебе опасны, и лучше, чтобы ты не выходил из-под знамён, и мы могли бы метать во врагов твои верные стрелы».

«Я хочу быть равен тебе в бою и не жалею себя, сражаясь перед тобой!» – воскликнул Дау-аль-Макан. И затем войска ислама обрушились на неверных и охватили их со всех сторон и бились с ними, как должно биться, и сломили они мощь неверия, непокорства и нечестия. И царь Аффридун опечалился, увидя, какое постигло румов дурное дело. А они повернули спины и предались бегству, направляясь к кораблям. И вдруг с берега моря вышли на них войска, и во главе их был везирь Дандан, повергающий храбрецов, который разил их мечом и копьём вместе с эмиром Бахрамом – начальником сирийских племён, предводителем двадцати тысяч львов.

И войска ислама окружили неверных и сзади и спереди. И отряд мусульман обратился против тех, что были на кораблях, и ввергли их в гибель, так что они пробросались в море, и перебили их великое множество, больше ста тысяч патрициев, и не спасся из их храбрецов ни малый, ни великий. И захватили их корабли с бывшими на них деньгами, сокровищами и грузом – все, кроме двадцати кораблей, – и в этот день мусульмане забрали добычу, какой не захватывал никто в минувшие времена, и ничьё ухо не слышало о подобном сражении и бое. И среди захваченного было пятьдесят тысяч коней, кроме сокровищ и прочей добычи, которую не объять ни счётом, ни числением, и как нельзя сильнее обрадовались они победе и поддержке, которую послал им Аллах.

Вот что было с ними. Что же касается беглецов, то они добрались до аль-Кустанынии, а к обитателям её пришла раньше весть, что это царь Аффридун побеждает мусульман. И старуха Зат-ад-Давахи сказала: «Я знаю, что мой сын, царь румов, не будет среди беглецов, и не страшится он войск ислама и обращает жителей земли в христианскую веру». И старуха приказала великому царю Аффридуну украсить город, и жители проявили радость и пили вино и не знали они, что было суждено.

И посреди их радостей вдруг закаркал над ними ворон горя и печалей, и приблизились двадцать бежасних кораблей, и на одном из них был царь румов. И Аффридун, царь аль-Кустанынии, встретил их на берегу, и ему рассказали, что их постигло, и велик был их плач, и раздавались их стенания, и радость сменилась печалью и горем.

И рассказали Аффридуну, что Луку ибн Шамлута поразила превратность судьбы и ударила его стрела гибели, бьющая без промаха. И вырос тогда перед царём Аридуном судный день, и узнал он, что заблуждения их не исправил. И поднялись среди румов причитания, и решимость их ослабела, и заплакали плакальщики, и со всех сторон поднялись стенания и плач. И царь румов вошёл к царю Аффридуну и рассказал ему об истинных обстоятельствах и о том, что бегство мусульман было обманчивое и притворное, и сказал: «Не жди, что придут ещё войска, кроме тех, которые уже прибыли». Услышав эти слова, царь Аффридун упал без чувств, и нос его оказался у него под ногами, а потом он сказал:

«Быть может, мессия разгневался на них и привёл к ним мусульман».

И великий патриарх, пришёл к царю, озабоченный, и тот сказал ему: «Отец наш, на наше войско напала гибель, и мессия воздал нам». – «Не огорчайтесь и не печальтесь, – ответил ему патриарх, – наверное, кто-нибудь из вас совершил проступок перед мессией и все были наказаны за его прегрешение. По теперь мы станем читать за вас в церквах молитвы, пока эти мухаммеданские войска не будут отброшены».

А затем после этого пришла старуха Зат-ад-Давахи и сказала: «О царь, поистине войско мусульман многочисленно, и мы получим победу над ними только хитростью. Я намерена устроить коварство и обман и отправлюсь к войскам ислама. Быть может, я достигну того, чего хочу от предводителя, и убью их витязя, как убила его отца. А если моя хитрость с ним удастся, никто из его войска не вернётся в свою сторону, – все они сильны лишь из-за него. Но я хочу, чтобы христиане, жители Сирии, которые выходят продавать свои товары всякий месяц и всякий год, помогли мне – через них исполнится моё желание». – «В какое время ты хочешь, чтобы было это дело?» – спросил царь. И старуха велела ему привести к ней сто человек из Неджрана¹⁵⁸ сирийского. И когда их привели к царю, тот сказал им: «Не знаете ли вы, что испытали христиане от мусульман?» – «Да, знаем», – отвечали они. И царь сказал: «Знайте, что эта женщина подарила себя мессии, и теперь она вознамерилась отправиться с вами в обличий единобожников, чтобы устроить хитрость, польза от которой обратится на нас и помешает мусульманам до нас добратся. Подарите ли вы себя мессии, а я вам дам кантар¹⁵⁹ золота? Кто из вас останется цел, тому будут деньги, а кто умрёт, тому воздаст мессия». – «О царь, мы подарили себя мессии, и мы – выкуп за тебя», – отвечали они. И тогда старуха взяла все нужные ей зелья и положила их в воду и кипятила их на огне, пока не осело чёрное вещество, и, подождав, пока зелья остынут, она прикрыла их краем длинного платка. А затем она надела поверх одежды плащ, обшитый шнурком, и взяла в руки чётки, вошла к царю, и не узнал её ни он, ни кто-либо из сидевших с ним. И она открыла лицо, и все, находившиеся в зале, восхвалили её за хитрость. И сын её обрадовался и воскликнул: «Да не лишит нас мессия твоего лица!» И старуха выехала с христианами, что были из Кеджрана сирийского, и они двинулись, направляясь к войску Багдада...»

И Шахразад устало застывало утро, и она прекратила дозволенные речи.

Девяносто третья ночь

Когда же настала девяносто третья ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что, услышав эти слова, царь Афридун упал без чувств, и его кос оказался у него под ногами.

И когда он очнулся от обморока, страх затряс мешок его желудка, и он пожаловался старой Зат-ад-Давахи. А эта проклятая была кудесница из кудесниц, искусная в колдовстве и обмане, распутница, хитрица, развратница и обманщица. У неё был зловонный рот, красные веки, жёлтые щеки, мрачный облик, гнойливые глаза, паршивое тело, волосы с проседью, горбатая спина и бледный цвет лица, и из носа у неё текло. Но она читала писания ислама и путешествовала к священному храму Аллаха, – все для того, чтобы уразуметь верования Корана. И два года она исповедовала еврейство в Иерусалиме, чтобы усвоить коварство людей и джиннов. И она – опасность из опасностей и бедствие из бедствий, нечестивая по вере, непокорная никакой религии. И чаще всего она жила у своего сына Хардуба, царя румов, из-за невинных девушек, так как она любила прижиматься, и если это запаздывало, она впадала в небытие. И всякую девушку, которая ей нравилась, она обучала этой

¹⁵⁸ Неджран – небольшое местечко к югу от Дамаска.

¹⁵⁹ Кантар – равен приблизительно 44 кг.

премудрости и натирала шафраном, и девушка от крайнего наслаждения ненадолго лишалась чувств. И тем, кто её слушался, она благодетельствовала, и внушала своему сыну склонность к ней; тех же, кто её не слушался, она ухитрялась погубить. И этому она научила Марджану, Рейхану и Утруджу, невольниц Абризы. А царица Абриза не терпела старухи и ненавидела лежать с нею, так как у неё из подмышек шёл скверный запах, а её ветры были зловоннее падали, и тело её было грубее пальмового лыка. И тех, кто лежал с нею, старуха соблазняла драгоценностями и обучением науке. Абриза же отдалялась от неё, прибегая к мудрому и знающему. И Аллаха достоин тот, кто сказал:

О, униженно перед богатыми упadaющий
И над бедными возносящий кичливо!
О, желающий, набирая деньги, уродство скрыть,
Благовоньями не покрыть ветров дурнушке!
Но вернёмся к рассказу о её кознях и хитрых проделках.

И вот она отправилась, и с нею отправились вельможа христиан и войска их, и они двинулись к войску ислама. А после её отъезда царь Хардуб вошёл к царю Аффридуну и сказал ему: «О царь, не нужен нам ни великий патриарх, ни его молитвы! Лучше сделаем так, как придумала моя мать Зат-ад-Давахи, и посмотрим, что она учинит с войсками мусульман при её беспредельной хитрости. Они со своей силой подходят к нам и скоро будут перед нами и окружают нас».

И когда царь Аффридун услышал эти слова, страх стал велик в его сердце, и в тот же час и минуту он написал во все христианские области, говоря: «Надлежит, чтобы никто из людей христианской веры и приверженцев креста, особенно жители укреплений и крепостей, не оставался сзади; напротив, пусть придут к нам все – и пешие, и конные, и женщины, и дети. Войско мусульман попирает нашу землю; спешите же, спешите, пока не пришла беда!»

Вот что было с этими. Что же касается старухи Зат-ад-Давахи то она выступила со своими людьми за город и «дела их как мусульманских купцов. И она взяла с собою сотню мулов, нагруженных аптиохийскими материями, мадипским атласом, царской парчой и другими тканями, и взяла от царя Аффридуна письмо такого содержания: это купцы из сирийской земли, которые были в наших странах. Не должно никому причинять им зла и брать с них десятину, пока они не достигнут своей страны и безопасного места, ибо от купцов процветают земли и они не враги и не разбойники».

А затем проклятая Зат-ад-Давахи сказала тем, кто был с нею: «Я хочу устроить хитрость, чтобы погубить мусульман». И они ответили ей: «О царица, приказывай нам, что хочешь, мы тебе покорны, и да не сделает мессия тщетными твои дела!»

И старуха надела одежду из белой мягкой шерсти и стала тереть себе лоб, пока на нем не сделалось большое клеймо. Она намазала его жиром и устроила так, что оно стало испускать сильный свет. А проклятая была худа телом, и глаза её провалились, и она заковала себе ноги на ступни и пошла, и шла до тех пор, пока не достигла войска мусульман. Тогда она сняла с ног цепи (а они оставили следы у неё на икрах), и смазала их драконовой кровью¹⁶⁰, а затем она велела своим людям покрепче побить её и положить в сундук, и сказала: «Кричите слова единобожия¹⁶¹, вам не будет от этого большой беды». – «Как мы побьём тебя, когда ты наша госпожа Зат-ад-Давахи, мать славного царя?» – спросили её. И она отвечала: «Осуждения не найдёт тот, кто в нужник пойдёт, когда необходимо, – запретное допустимо! А после того, как положите меня в сундук, возьмите

¹⁶⁰ Драконова кровь – смолистое вещество, покрывающее плод одного из видов пальмы, которая растёт на островах Суматра и Борнео.

¹⁶¹ То есть исповедание веры у мусульман: «Нет бога, кроме Аллаха, и Мухаммед – посол Аллаха».

его, среди прочих товаров, нагрузите на мулов и везите все это через мусульманское войско, не боясь ничего дурного. А если вам: преградит дорогу кто-нибудь из мусульман, отдайте ему мулов с товарами и идите к их царю Дау-аль-Макану. Попросите у него помощи и скажите: „Мы были в стране неверных, и они ничего не взяли от нас, – наоборот, они написали постановление, чтобы никто не препятствовал нам, – так как же вы отбираете от нас товары? И вот письмо царя румов, где сказано, чтобы никто не делал нам дурного“. И если он спросит: „А что вы нажили в стране румов на ваш товар?“ – скажите ему: „Мы нажили освобождение одного подвижника, который был в погребке под землёй и провёл там около пятнадцати лет, взывая о помощи, но не получая её; напротив, неверные пытали его ночью и днём, а нам это не было ведомо, хотя мы прожили в аль-Кустантынии некоторое время и продавали свои товары и купили другие. И, снарядившись, мы решили отправиться в нашу страну и провели ночь, разговаривая о путешествии. А наутро мы увидели образ, изображённый на стене, и, подойдя, всмотрелись в него, и вдруг это изображение пошевелилось и сказало: „О мусульмане, есть среди вас кто-нибудь, кто вступит в сделку с господом миров?“ – „А как это?“ – спросили мы. И изображение осветило: «Аллах дал мне речь, чтобы укрепить вашу уверенность и заставить вас подумать о вашей вере. Выходите из страны неверных и отправляйтесь к войску мусульман, ибо там меч всемилостивого и витязь своего времени, царь Шарр-Кан, и он тот, кто завоюет аль-Кустантынию и погубит людей христианской веры. И когда вы пройдёте трехдневный путь, вы увидите пустынь, называемую пустынь Матруханны. И там, в этой пустыни, есть келья. Пойдите туда с чистыми намерениями и ухитритесь в неё проникнуть силой вашей решимости, так как в ней один человек – богомolec из Иерусалима, по имени Абд-Аллах. Он из благочестивейших людей и творит чудеса, устраняющие сомнения и неясность. Его обманул какой-то монах и заточил в погреб, где он уже долгое время, и спасение его угодно господу рабов, так как освободить его – лучший подвиг за веру“.

И, уговорившись со своими людьми об этом рассказе, старуха сказала:

«И когда царь Шарр-Кан обратит к вам свой слух, скажите ему: „И, услышав от изображения эти слова, мы поняли, что тот богомolec...“

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Девяносто четвёртая ночь

Когда же настала девяносто четвёртая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что старуха Зат-ад-Давахи, договорившись со своими людьми об этом рассказе, сказала: «А когда царь Шарр-Кан обратит к вам свой слух, скажите ему: «И, услышав от изображения эти слова, мы поняли, что тот богомolec один из величайших праведников и искренних рабов Аллаха. Мы проехали три дня и увидели пустынь и свернули и направились к ней и пробыли там день, продавая и покупая, как делают обычно торговцы, а когда день повернул на закат и приблизилась мрачная ночь, мы направились в ту келью, где был погреб, и слышали, как богомolec, после чтения стихов Корана, произнёс такие стихи:

«Я к терпению призываю сердце, и грудь тепла, и течёт в душе огорчения море, залив все.

Если нет спасенья, то лучше смерть, даже скорая:

Ведь поистине мне приятней гибель, чем бедствия.

О блеск молнии, посетишь коль близких и родину,

И сияние красоты их яркой затмит тебя,

От меня скажи: «Как нам встретиться? Разорили нас

Войны долгие, и к залогу дверь уже рапорта».

Передай привет ты возлюбленным и скажи ты им:

«Далеко я ныне, и в церкви румов закован я».

И когда вы достигнете со мной войска мусульман и я окажусь среди них, увидите, какую я тогда устрою хитрость, чтобы обмануть их и убить до последнего», – говорила старуха. И, услышав её слова, христиане поцеловали ей руки и положили её в сундук, побив её сначала, из уважения к ней, жестоким и болезненным боем, так как мы считали подчинение ей обязательным. А потом, как мы и помянули, они направились с нею к войску мусульман.

Вот все, что было с этой проклятой Зат-ад-Давахи и со людьми. Что же касается мусульманских войск, то после того как Аллах помог им против врагов и воины захватили богатства и сокровища, бывшие на судах, они уселись и стали беседовать, и Дау-аль-Макан сказал своему брату: «Аллах дал нам победу за нашу справедливость и подчинение друг другу. Последуй же, о Шарр-Кан моему приказанию, повинуюсь Аллаху, великому, славному: я намерен убить десять царей за моего отца, зарезать пятьдесят тысяч румов и вступить в аль-Кустантынию».

И его брат Шарр-Кан ответил: «Моя душа выкупит тебя от смерти, и война с неверными для меня неизбежна, даже если бы я оставался в их землях мною лет. Но у меня, о брат мой, есть в Дамаске дочь по имени Кудья-Факан, и моё сердце охвачено любовью к ней. Она – диковина своего времени, и ей ещё предстоят дела». – «И я тоже оставил свою невольницу беременной на сносях, – ответил Дау-аль-Макан, – и я не знаю, чем наделит меня Аллах. Обещай же мне, о брат мой, что если Аллах пошлёт мне дитя мужского пола, ты позволишь, чтобы твоя дочь Кудья-Факан была женою моему сыну, и дай мне в этом верные клятвы». – «С любовью и охотой, – отвечал Шарр-Кан и протянул руку к своему брату, говоря: – Если у тебя будет дитя мужского пола, я отдам за него мою дочь Кудья-Факан».

И Дау-аль-Макан обрадовался этому, и они стали поздравлять друг друга с победой над врагами, и везирь Дандан поздравил Шарр-Кана и его брата и сказал им: «Знайте, о цари, Аллах дал нам победу потому, что мы подарили Аллаху, великому, славному, наши души и покинули близких и родных. По-моему, лучше всего нам двинуться за врагами и ожидать их и сразиться с ними. Быть может, Аллах даст нам достигнуть желаемого, и мы истребим наших врагов. А если хотите, садитесь на мои корабли и идите морем, а мы пойдём сушей и будем стойки в бою и сражении во время схватки».

И везирь Дандан, не переставая, подстрекал их к бою и произнёс слова сказавшего:

Лучше благ всех – когда врагов убиваю
Иль на спинах копей несусь, нападая.
Или если гонец придёт от любимой,
Иль любимый, что сам пришёл, без условия».

И слова другого:

«Коль буду я жив, войну возьму себе в матери,
И в братья – копё моё, в отцы же – мой меч возьму,
Бок о бок со встрёпанным, что смехом встречает смерть,
Как будто убитым быть стремится и хочет он».

А окончив эти стихи, везирь Дандан воскликнул: «Слава тому, кто укрепил нас своей великой поддержкой и отдал нам в добычу серебро и чистое золото!» И Дауаль-Макан велел войскам трогаться, и они двинулись, направляясь к аль-Кустантынии. И ускорили они ход и подошли к просторному лугу, где было все, что есть прекрасного: и резвящиеся звери, и бегающие газели, а воины пересекли многие пустыни, и вода у них вышла шесть дней назад. И, приблизившись к этому лугу, они увидели там полноводные ручьи и спелые плоды, и ту землю, подобную райскому саду, что убралась в свой убор и украсилась, и ветви её упились вином росы и закачались, соединяя сладость райского потока с нежностью ветерка и

ошеломляя разум и око, как сказал поэт:

Посмотри на сад ты сверкающий – и подумаешь,
Что разостлан плащ на земле его зелёный.
Если взор очей обратишь к нему, то увидишь ты
Только пруд большой, где вода, кружась, гуляет.
И о душевным оком узришь величье в ветвях его:
Над главой твоей, где бы ни был ты, будет знамя.

Или, как сказал другой:

Поток-щека, от лучей блестящих румяная,
И ползёт на ней молодой пушок – тень ивы.
На ногах ветвей, как браслет, вода обвивается,
Серебром сияя, цветы же – как короны.

И Дау-аль-Макан взглянул на этот луг, где сплетались деревья и пышно цвели цветы и пели птицы, и позвал своего брата Шарр-Кана и сказал ему: «О браг мой, поистине в Дамаске нег подобного места. И мы по двинемся отсюда раньше чем через три дня, чтобы мы могли отдохнуть и войска ислама ободрились бы и укрепили мы свои души для встречи со скверными нечестивцами». И они остались в этом моею и, будучи там, вдруг услышали издали голоса. И когда Дау-аль-Макан спросил о них, ему сказали: «Это караван купцов из земель сирийских, который расположился в этом месте для отдыха. Может быть, воины повстречали их и, возможно, взяли что-нибудь из их товаров, так как эти купцы были в землях неверных».

А через некоторое время пришли купцы, крича и взывая к царю о помощи. И, увидя это, Дау-аль-Макан приказал привести их, и они предстали перед ним и сказали: «О царь, мы были в землях неверных, и они ничего не отняли у нас. Так как же наши братья мусульмане грабят паше имущество, когда мы в их землях? Увидев ваши войска, мы приблизились к ним, и они забрали паши товары. Вот мы рассказали тебе, что с нами случилось».

И потом купцы вынули письмо царя аль-Кустантынии, а Шарр-Кан взял его и прочитал и сказал купцам: «Мы возвратим вам то, что у вас взяли, но вам не следовало возить товары в страны неверных». – «О владыка, – сказали купцы, – Аллах направил нас в их страны, чтобы нам досталось то, что не досталось ни одному завоевателю, ни даже вам в ваших походах». – «А что же досталось вам?» – спросил Шарр-Кан. И купцы ответили: «Мы скажем об этом только наедине, так как, если это дело станет известным среди людей, может случиться, что кто-нибудь узнает об этом, и это будет причиной нашей гибели и гибели всех мусульман, отправившихся в страны румов».

И купцы принесли сундук, в котором была проклятая Зат-ад-Давахи, и Дау-аль-Макан с браюм взяли их и уединились с ними, и купцы рассказали им о подвижнике и стали так плакать, что довели их до плача...»

И Шахразату застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Девяносто пятая ночь

Когда же настала девяносто пятая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что когда Дау-аль-Макан и его брат Шарр-Кан уединились с ними, христиане, бывшие в обличье купцов, рассказали им о подвижнике и так плакали, что довели царей до плача. А они рассказывали так, как их научила кудесница Зат-ад-Давахи.

И сердце Шарр-Кана размягчилось, и он почувствовал жалость к подвижнику, и приверженность к Аллаху великому поднялась в нем. «Освободили вы этого отшельника иди

он до сей поры в пустыни?» – спросил он купцов. И они сказали: «Нет, мы освободили его и убили начальника пустыни, так как боялись за себя, а потом мы поспешили убежать, страшаясь гибели. И верные люди рассказали нам, что в этом монастыре целые кантары золота, серебра и драгоценностей». А потом они принесли сундук и вынули оттуда эту проклятую, и она была точно стручок кассии¹⁶², – так она почернела и исхудала, опутанная цепями и оковами.

И, у видя её, Дау-аль-Макан и присутствовавшие подумали, что это кто-нибудь из лучших богомольцев и достойнейших подвижников, особенно потому, что лоб у неё светился от жира, которым она намазалась. И Дау-аль-Макан и его брат горько заплакали и, поднявшись, поцеловали ей руки и стали рыдать, но она сделала им знак и сказала: «Бросьте этот плач и послушайте мои речи». И братья прекратили плач, следуя её приказанию, и она сказала: «Знайте, я доволен тем, что сделал со мной мой владыка, так как я считаю постигшее меня несчастье испытанием от него, – велик он и славен, – а кто не стоек в беде и испытаниях, нет тому достуна в езды блаженства. И я хотел бы вернуться в мою страну не от горя, из-за несчастий, которые постигли меня, а чтобы умереть под копытами копей и бойцов за веру, которые по будут живы, а не мертвы».

И она произнесла такие стихи:

«Вот крепость-гора Синай, и битвы огонь горит,
А ты – Моисей и время – время беседы.
Так брось же свой посох, – он пожрёт все творенья их не
бойся, верёвка их змеёю не станет.
И строки врагов в бою читай, точно суры, ты,
А меч – ивой на шеях их стихи вырезает».

И когда старуха окончила свои стихи, слезы полились у неё из глаз, а лоб с жиром сиял ярким светом. И Шарр-Кан поднялся и поцеловал её руки и принёс ей пищу, но она отказалась и сказала: «Я не разговлялся уже пятнадцать лет, как же могу я нарушить пост в этот час, когда мой владыка даровал мне освобождение из плена неверных и отвратил от меня то, что тяжелее пытки огнём? Я подожду до времени заката». Когда же настала вечерняя пора, Шарр-Кан с Дау-аль-Маканом принесли ей еду и сказали ей: «Ешь, подвижник», а она ответила: «Теперь не время есть, теперь время поклоняться владыке воздающему».

И она простояла в михрабе¹⁶³ на молитве, пока не прошла ночь. И делала так три дня, вместе с ночами, и присаживалась она только при заключительном приветствии¹⁶⁴. И когда Дау-аль-Макан увидел, что она поступает так, хорошие мысли о ней овладели его сердцем, и он сказал Шарр-Кан: «Поставь этому богомольцу кожаный шатёр и назначь постельничего, чтобы служить ему».

А на четвёртый день она потребовала еду, и ей подали все кушанья, какие желательны душе и усладительны для глаз, но она съела из этого лишь одну лепёшку с солью и затем принялась поститься. А когда пришла ночь, она встала на молитву.

И Шарр-Кан сказал Дау-аль-Макану: «"Этот человек совсем отказался от жизни и если бы не война, я бы не покидал его и служил бы ему, поклоняясь Аллаху, пока не предстану

¹⁶² Кассия – растение из семейства бобовых, имеющее стручки бурого цвета.

¹⁶³ Михраб – ниша в стене мечети, оказывающая, в каком направлении находится Мекка.

¹⁶⁴ Заключительное приветствие – слова: «Мир с вами и милость Аллаха» – молящийся произносит, закончив последний ракат молитвы. (Ракат – совокупность движений и благочестивых восклицаний, из которых состоит мусульманская молитва.)

пред ним. Я хочу войти к нему в шатёр и побеседовать с ним немного». – «И я тоже, – сказал Дауаль-Макан, – но мы завтра отправляемся в поход на аль-Кустантынию и не найдём времени такого, как это». – «Я тоже хочу увидеть этого подвижника, – сказал везирь Дандан, – может быть, он помолится, чтобы я окончил жизнь в войне за веру и предстал бы пред господом. Поистине, я отказываюсь от земной жизни».

И когда спустилась ночь, они вошли в шатёр этой кудесницы авт-ад-Давахи и увидели, что она стоит и молится. И, подойдя к ней, они стали плакать, жалея её, но она не обращала на них внимания, пока не настала ночь. А тогда она закончила молитву заключительным приветствием и, обратившись к ним, поздоровалась с ними и спросила: «Зачем вы пришли?» И они сказали ей: «О богомолец, не слышал ты разве, как мы плакали около тебя?» – «Тот, кто стоит перед лицом Аллаха, не существует в бытии и не слышит ничьего голоса и никого не видит», – отвечала старуха. И они молвили! «Мы хотим, чтобы ты рассказал нам, почему ты был в плену, и молился за нас сегодня ночью, – это лучше для нас, чем владеть аль-Кустантынией». Услышав их слова, старуха воскликнула: «Клянусь Аллахом, не будь вы эмирами мусульман, я вовсе ничего не рассказал бы вам об этом, ибо я жалуюсь только Аллаху! Но вот я расскажу вам, почему я был в плену.

Знайте, что я находился в Иерусалиме кое с кем из святых и боговдохновенных людей, но я не превозносился перед ними, так как Аллах – да будет он возвеличен и прославлен! – даровал мне смирение и воздержанность. И случилось, что я отправился ночью к морю и пошёл по воде, и гордость вошла в меня не знаю откуда, и я сказал себе: «Кто, подобно мне, идёт по воде?» И с того времени моё сердце огрубело. И Аллах наслал на меня любовь к путешествиям. И я отправился в земли румов и ходил по их странам целый год, не оставляя места, где бы я не поклонялся Аллаху. И достигнув той местности, я поднялся на гору, где была пустынь одного монаха по имени Матрухания. И, увидев меня, он вышел ко мне и поцеловал мне руки и ноги и сказал: «Я увидел тебя, когда ты вошёл в землю румов, и ты возбудил во мне желание посетить страны ислама». А затем он взял меня за руки и ввёл в эту пустынь и пришёл со мною в тёмную келью. И когда я вступил в неё, он поймал меня врасплох и запер меня за дверь. Он оставил меня в келье сорок дней без еды и питья и хотел уморить меня. И случилось, что в какой-то день пришёл в эту пустынь патриций по имени Дикьянус, с десятью слугами, и ещё с ним была его дочь по имени Тамасиль, красавица бесподобная. И когда они вошли в пустынь, монах Матруханна рассказал им обо мне, и патриций сказал: «Выведите его. На нем не осталось достаточно мяса, чтобы насытиться птицам». И они открыли дверь этой тёмной кельи и увидели, что я стою в михрабе и молюсь, читая Коран, славословя и умоляя Аллаха великого. И, увидав меня в этом положении, Матруханна сказал: «Поистине, это колдун из колдунов!»

И когда румы услышали эти слова, они все поднялись и вошли ко мне. И Дикьянус со своими людьми подошёл и жестоко побил меня. И тогда я пожелал смерти и стал укорять себя, говоря: «Вот воздаяние тем, кто превозносится и гордится, когда господь их пожаловал им нечто, для них непосильное! О душа, в тебя вошла гордость и заносчивость! Не знаешь ты разве, что гордость гневит господя и ожесточает сердца и ввергает человека в огонь?» А затем пеня заковали и вернули на моё место (а было оно в пологе под полом этой комнаты). И каждые три дня мне бросали ячменную лепёшку и давали глоток воды. И всякий месяц или два месяца патриций приезжал и заходил в эту пустынь. И его дочь Тамасиль выросла, – а когда я увидел её, ей было девять лет, и я провёл в плену пятнадцать лет, так что всего ей стало двадцать четыре года жизни, – и нег в наших странах или в землях румок никого лучше неё. Её отец боялся, что царь возьмёт у него дочь, так как она отдала себя мессии, но она ездила со своим отцом на коне в обличье мужей-витязей, и нет ей равной по красоте, и те, кто видел её, не знают, что она девушка.

А её отец сложил её богатства в этом монастыре, ибо каждый, у кого есть какие-нибудь ценные сокровища, складывает их в этой пустыни. И я видел там золото, серебро и драгоценные камни всякого рода и всевозможные сосуды и редкости, количество которых не исчислит никто, кроме Аллаха великого. Вы более достойны владеть ими, чем эти неверные;

возьмите же то, что есть в монастыре, и раздайте это мусульманам, в особенности бойцам за веру.

А когда эти купцы прибыли в аль-Кустантынию и продали свои товары, с ними заговорило изображение на стене по милости, оказанной мне Аллахом. И они пришли в монастырь и убили монаха Матруханпу, подвергнув его сначала жесточайшей пытке, и они ташили его за бороду, пока он не указал им, где я.

И когда они взяли меня, и у них не было другого пути, кроме бегства, так как они боялись гибели. А завтра вечером Тамасиль, как обычно, приедет в пустынь, и её отец нагонит её, вместе со слугами, так как он боится за неё; и если вы хотите присутствовать при этом, возьмите меня, я пойду перед вами и передам вам богатство и казну патриция Дикьянуса, которая находится на этой горе: я видел, как нечестивые вынимали золотые и серебряные сосуды и пили из них, и видел у них девушку, которая пела им по-арабски (горе мне, если бы этот прекрасный голос раздался при чтении Корана!). Хотите, войдите в монастырь, спрячьтесь там, пока не придёт туда Дикьянус и с ним его дочь, и возьмите её, – она годится только для царя времени – Шарр-Кана или для царя Дау-аль-Макана».

Услышав её слова, все обрадовались, кроме везира Дандана, который не поверил старухе, и слова её не вошли в его ум, но он побоялся заговорить с нею из уважения к царю. И он был смущён её словами, и на лице его виднелись признаки недоверия, а старуха Зат-ад-Давахи сказала: «Я боюсь, что приедет патриций и увидит эти войска на лугу и не осмелится войти в монастырь». И султан велел двинуть войска по направлению к аль-Кустантинии. И Дау-аль-Макан сказал: «Я хочу взять с собою сотню всадников и много мулов, и мы отправимся к той горе, чтобы нагрузить их богатствами, которые в пустыни».

А затем он послал в ют же час и минуту к старшему царедворцу и велел ему явиться к себе, а также призвал начальников турок и дейлемитов и сказал им: «Когда настанет утро, отправляйтесь в аль-Кустантынию, и ты о вельможа, будешь замещать меня при решениях и планах, а ты, Рустум, заменишь моего брата в бою. Не давайте никому знать, что мы не с вами, а через три дня мы нагоним вас».

Затем он выбрал сотню всадников из храбрецов и удалился вместе со своим братом Шарр-Каном, везирем Данданом и сотней конных. И они взяли с собою мулов и сундуки, чтобы везти деньги...»

И Шахразату застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Девяносто шестая ночь

Когда же настала девяносто шестая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что Шарр-Кан и его брат Дау-аль-Макан, везирь Дандан и сто конных поехали к монастырю, который им описала проклятая Зат-ад-Давахи, и взяли с собою мулов и сундуки, чтобы везти деньги. А когда наступило утро, старший царедворец крикнул среди войск клич о выезде, и войска двинулись, думая, что Шарр-Кан, Дау-аль-Макан и везирь с ними, и не зная об их отъезде в монастырь.

Вот что было с этими. Что же касается Шарр-Кана, его брата Дау-аль-Макана и везира Дандана, то они простояли на месте до конца дня, и нечестивые люди Зат-ад-Давахи ехали тайком, после того как вошли к ней, поцеловали у неё руки и ноги и попросили разрешения уехать. А она позволила и велела им устроить какие она хотела хитрости. Когда же спустился мрак, старуха поднялась и сказала Дау-аль-Макану и его людям: «Идёмте со мной на гору и захватите немного войска!» И они повиновались и оставили на склоне горы пять всадников, а остальные пошли впереди Зат-ад-Давахи, которая окрепла от большой радости.

И Дау-аль-Макан говорил: «Да будет превознесён тот, кто дал силу этому подвижнику, равного которому мы не видели».

А кудесница послала царю аль-Кустантинии письмо на крыльях птицы, осведомляя его о том, что случилось, и в конце письма она говорила: «Я хочу, чтобы ты послал мне десять

тысяч всадников из румских храбрецов; пусть идут крадучись по склону горы, чтобы их не увидели войска ислама. И, придя в монастырь, укроются там, пока я не явлюсь к ним, и со мной будет царь мусульман и его брат. Я обманула их и привела сюда вместе с везирем и сотней всадников, не больше. Я передам им кресты, которые в монастыре. Я решила убить монаха Матруханну, так как хитрость удастся, только если он будет убит. А когда моя хитрость исполнится, не достигнет родины из мусульман ни обитатель дома, ни раздувающий огонь, а Матруханна будет выкупом за людей христианской веры и приверженцев креста. Слава же мессии в начале и конце!»

И когда это письмо достигло аль-Кустантынии, смотритель почтовых голубей принёс записку царю Афридуну, и тот, прочтя её, немедленно послал войско, снабдив каждого воина конём, верблюдом, мулом и припасами, и велел им направиться к тому монастырю и, достигнув известного им укрепления, укрыться там.

Вот что было с этими. Что же касается царя Дау-аль-Макана, его брата Шарр-Кана, везира Дандана и войска, то они прибыли к монастырю и, войдя туда, увидели монаха Матруханну, и тот подошёл, чтобы посмотреть, кто они. И тогда подвижник воскликнул: «Убейте этого проклятого!» И они ударили его мечом и заставили выпить чашу гибели. А затем проклятая повела их к месту, где были приношения, и они извлекли оттуда ещё больше редкостей и драгоценностей, чем она им описала, и, собрав все это, положили в сундуки и погрузили на мулов.

А что до Тамасиль, то она не явилась, ни она, ни её отец, так как они боялись мусульман, и Дау-аль-Макан провёл, ожидая её, и этот день, и второй день, и третий день. И тогда Шарр-Кан воскликнул: «Клянусь Аллахом, моё сердце занято мыслью о войсках ислама, и я не знаю, что с ними!» И его брат сказал ему: «Мы захватили эти богатства, и мы не думаем, что Тамасиль или кто-нибудь другой приедет в монастырь после того, как с войсками румов случилось то, что случилось. И надлежит нам удовольствоваться тем, что уготовил нам Аллах, и отправиться! Может быть, Аллах поможет нам завоевать Кустантынию». И затем они спустились с горы, и Зат-ад-Давахи не могла им воспрепятствовать, так как боялась, что они разгадают её обман.

И они ехали, пока не достигли входа в ущелье, и вдруг, оказывается, старуха посадила там засаду из десяти тысяч всадников, и, увидев мусульман, они окружили их со всех сторон и направили на них копья и обнажили белые клинки, и неверные закричали слова неверия и наложили на тетивы стрелы зла. И Дау-аль-Макан с братом Шарр-Каном и везирем Данданом посмотрели на это войско и увидели, что это войско великое, и вскричали: «Кто сообщил этим воинам о нас?» – «О брат мой, – сказал Шарр-Кан, – теперь не время для речей, – теперь время разить мечом и метать стрелы! Усиьте же вашу решимость и укрепите ваши души, ибо это ущелье подобно улице с двумя воротами. Клянусь господином арабов и не арабов, не будь это место узким, я бы уничтожил их, хотя бы их было сто тысяч всадников!» – «Знай мы это, мы бы наверное взяли с собой пять тысяч всадников», – сказал Дау-аль-Макан. И везирь Дандан молвил: «Если бы с нами было в этом узком месте десять тысяч всадников, от них не было бы никакой пользы, но Аллах поможет нам против них. Я знаю это узкое ущелье, и мне известно, что в нем много убежищ, так как я проходил здесь во время похода с царём Омаром ибн ан-Нуманом. Когда мы осаждали аль-Кустантынию, мы находились в этом ущелье, и тут протекает вода холоднее снега. Поднимайтесь же, Выйдем отсюда, прежде чем войска неверных умножатся против нас и будут раньше нас на вершине горы. Они станут кидать на нас камни, и мы не достигнем желаемого».

И они стали поспешно выезжать из ущелья, а подвижник посмотрел на них и сказал: «Что это за боязнь, раз вы продали свои души Аллаху великому, идя по пути его?! Клянусь Аллахом, я провёл под землёй пятнадцать лет и не возроптал на Аллаха за то, что он со мною сделал. Сражайтесь же на пути Аллаха, и кто из вас будет убит, ему приют в раю, а кто убьёт – к чести ведёт его усердие».

И когда они услышали от подвижника эти слова, их забота и горе прошли, и они стояли твёрдо, пока неверные не двинулись на них со всех сторон. И мечи заиграли на их шеях, и

заходила между ними чаша гибели. И мусульмане, повинуюсь Аллаху, бились жестоким боем и работали среди врагов его зубцами и наконечниками. Дау-альМакан разил мужей и повергал храбрецов и рубил им головы – пятёрку за пятёркой, десяток за десятком, так что погубил неверных в числе неисчислимом и ко множестве бесконечном. И в это время он вдруг увидел, что проклятая делает бойцам знаки мечом и ободряет их, и всякий, кто боялся, бежал к ней. А она кивала неверным, чтобы они убили Шарр-Кана, и они кидались убивать его о гряд за отрядом, но на всякий отряд, нёсшийся на него, он нападал сам и обращал его в бегство. И за одним нёсся другой отряд, и Шарр-Кан мечом обращал его вспять. И он подумал, что побеждает по благословению этого богомольца, и сказал про себя: «Поистине, Аллах посмотрел на него оком заботливости и укрепил мою волю против спорных благодаря его чистым намерениям! Я вижу, они меня боятся и не могут подступиться ко мне: напротив, всякий раз, как они на меня кинутся, они поворачивают спины и обращаются в бегство».

И войска бились остаток дня, до конца дневного времени, а когда пришла ночь, они расположились в одной из пещер в этом ущелье, испытав много бед и закиданные камнями, и было убито из них в этот день сорок пять человек. А сойдясь друг с другом, они стали искать подвижника, но не увидели ни следа его. Им стало из-за этого тяжело, и они сказали: «Быть может, он погиб мученически». И Шарр-Кан молвил: «Я видел, как он укреплял витязей господними указаниями и охранял их Знаменами всемилостивого». И когда они разговаривали, вдруг пришла проклятая Зат-ад-Давахи, и в руках у неё была голова великого патриция, предводителя двадцати тысяч. А это был непокорный притеснитель и дерзкий сажана, которого убил стрелою один турок, и Аллах немедленно поверг его дух в огонь, и, увидя, что сделал тот мусульманин с их товарищем, неверные бросились на него и привели его к гибели, изрубив мечами, и Аллах немедленно послал его душу в рай. А проклятая отрезала голову этому патрицию и принесла её и бросила перед Шарр-Каном, царём Дау-аль Маканом и везирем Данданом. И, увидя старуху, Шарр-Кан вскочил на ноги и воскликнул: «Слава Аллаху, что ты спасся и мы тебя видим, о богомолец, подвижник и боец за веру!» А старуха сказала: «О дитя моё, я искал в сегодняшней день мученической смерти и кидался на войска неверных, но они страшились меня. А когда вы разошлись, меня взяла ревность за вас, и я кинулся на старшего патриция, их предводителя, который один считался за тысячу всадников, и ударил его и сбросил ему голову с тела, и ни один неверный не мог подойти ко мне близко. И я принёс вам его голову...»

И Шахразду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Девяносто седьмая ночь

Когда же настала девяносто седьмая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что проклятая Зат-ад-Давахи, взяв голову патриция, главы двадцати тысяч неверных, принесла её и кинула перед Дау-аль-Маканом, его братом Шарр-Каном и везирем Данданом и сказала: „Когда я увидел, каково вам, меня взяла ревность за вас, и я бросился на старшего патриция, ударил его мечом и скинул ему голову. И никто из неверных не мог подойти ко мне близко. Я принёс вам его голову, чтобы ваши души окрепли для боя с неверными и вы ублажили бы своими мечами господа рабов. Я хочу, чтобы вы занялись битвой, а сам пойду к вашему войску, даже если оно у ворот аль-Кустантынии, и приведу вам оттуда двадцать тысяч всадников, которые погубят этих нечестивых“. – „А как же ты пойдёшь к ним, о подвижник, когда долина со всех сторон заперта неверными?“ – спросил Шарр-Кан. И проклятая сказала: „Аллах укроет меня от их глаз, и они меня не увидит, а кто и видит, не осмелится подойти ко мне: я в это время исчезну, по воле Аллаха, и он сразится за меня со своими врагами“. – „Ты сказал правду, подвижник, так как я был свидетелем этому, – ответил Дау-аль-Макан, – и если ты можешь отравиться в начале ночи, это будет для нас лучше“. – „Л уйду сейчас же, – сказала старуха, – и если ты хочешь пойти со мною, невидимый никем, – поднимайся. А коли пойдёт с нами твой брат, мы возьмём и его, по

никого другого: сень святого покроеет только двоих“. – „Что до меня, то я не оставлю моих товарищей, – сказал Шарп-Кан, – но если мой брат согласится, – не беда, чтобы он пошёл с тобою и освободился из этой теснины: ведь он – крепость мусульман и меч господа миров. Если захочет, пусть берет с собою везиря Дандана или кого он выберет, и пришлёт нам десять тысяч всадников в помощь против этих злодеев“.

И они столковались и сошлись на этом, а потом старуха сказала: «Дайте срок – я пойду раньше вас и посмотрю, что с неверными: спят они или бодрствуют». Но ей ответили: «Мы выйдем только с тобою и вручаем своё дело Аллаху». – «Если я вас послушаюсь, не упрекайте меня, но корите только себя самих, – сказала старуха. – Я думаю, вам следует дать мне срок, и я узнаю, что с ними».

И Шарп-Кан молвил: «Иди и не мешкай, мы ждём тебя». И Зат-ад-Давахи ушла, а Шарп-Кан после ухода заговорил со своим братом и сказал ему: «Не будь этот подвижник чудотворцем, он бы не убил того патрицияпритеснителя! В этом достаточное доказательство силы этого подвижника, и мощь неверных сломилась поелю убийства патриция: он ведь был непокорный притеснитель и дерзкий сатана». И когда они беседовали о чудесах отшельника, вдруг проклятая Зат-ад-Давахи вошла к ним и обещала им победу над неверными, и они поблагодарили подвижника, не зная, что это хитрость и обман. И затем проклятая спросила: «А где царь времени Дауаль-Макан?» И он ответил ей: «Я здесь». А она сказала: «Возьми с собою твоего везиря и ступай за мною – мы пойдём в аль-Кустантынию».

А Зат-ад-Давахи рассказала неверным, какую она устроила хитрость, и они обрадовались до крайности и сказали: «Наши души успокоятся только после убийства их царя за убийство патриция, так как у нас не было воина доблестнее его». И когда скверная старуха Зат-ад-Давахи рассказала им, что она приведёт к ним царя мусульман, они сказали: «Когда ты его приведёшь, мы возьмём его к царю Афрудуну».

А потом старуха Зат-ад-Давахи отправилась, и Дауаль-Макан и везирь Дандан отправились с нею, а она шла впереди них и говорила: «Идите с благословения Аллаха великого». И они ответили ей согласием, и пронзила их стрела судьбы и рока. И она шла с ними до роки, пока не оказалась посреди войска неверных и не достигла упомянутого узкого ущелья. И войска румов смотрели на них, но не причиняли им зла, ибо проклятая так им велела. И когда Дау-аль Макан и везирь Дандан увидели воинов неверных и узнали, что неверные видят их, но не делают им зла, везирь Дандан воскликнул: «Клянусь Аллахом, это чудо подвижника! Нет сомнения, что он из числа избранных». – «Клянусь Аллахом, – сказал Дау-альМакан, – я думаю, что неверные слепы, так как мы видим их, а они нас не видят». И пока они восхваляли подвижника и поминали его чудеса, воздержание и благочестие, вдруг неверные ринулись на них, окружили и схватили их и спросили: «Есть ли с вами ещё кто-нибудь, кроме вас двоих, чтобы нам схватить и его?» – «Разве вы не видите ещё вот этого человека, который перед нами?» – спросил везирь Дандан. Но неверные воскликнули: «Клянёмся мессией, монахами, католикосом и митрополитом, мы не видим никого, кроме вас двоих! „И тогда Дау-аль-Макан вскричал: «Клянусь Аллахом, то, что с нами случилось, – наказание нам от Аллаха великого...“

И Шахразад устала, и она прекратила дозволенные речи.

Девяносто восьмая ночь

Когда же настала девяносто восьмая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что неверные схватили паря Дау-аль-Макана и везиря Дандана и спросили их: „Есть ли с вами кто-нибудь, кроме вас двоих, чтобы нам схватить его?“ И везирь Дандан сказал: „Разве вы не видите ещё вот этого человека, который схватил?“ – „Клянёмся мессией, монахами, католикосом и митрополитом, мы не видим никого, кроме нас двоих!“ – воскликнули неверные, и затем они наложили им на ноги цепи и назначили людей сторожить их там, где они спали.

А старуха Зат-ад-Давахи скрылась с их глаз, и они стали вздыхать и говорили друг другу: «Поистине, преклонение праведникам приводит их к большему, чем это, и в наказание нам – беда, которая нас постигла».

Вот что было с Дау-аль-Маканом и везирем Данданом. Что же касается до паря Шарр-Кана, то он проспал эту ночь, а когда наступило утро, он встал и совершил утреннюю молитву, и затем он и бывшие с ним войска поднялись и приготовились к бою с неверными. И Шарр-Кан скреплял их сердца и обещал им всякие блага. И они двинулись и достигли неверных, и, увидев их издали, неверные закричали: «О мусульмане, мы взяли в плен вашего султана и его везиря, который устраивает ваши дела. И если вы не отступите от боя с нами, мы убьём вас до последнего. Если же вы отдадите нам ваши души, мы пойдём с вами к нашему царю, и он помирится с вами на том, что вы не выйдете из нашей страны и не отправитесь в ваши земли. И вы не будете ничем нам вредить, а мы не будем вредить вам. Если вы согласны, это будет удача, если же откажетесь – будет вам только смерть. Мы вас уведомили, и вот наше последнее слово к вам».

И когда Шарр-Кан услышал их слова и удостоверился, что его брат и везирь Дандан взяты в плен, ему стало от этого тяжело, и его силы ослабли, и он убедился в своей гибели и сказал про себя: «Посмотри-ка! Почему это их взяли в плен? Случилось ли им дурно обойтись с отшельником, или они прекословили ему, или что там ещё с ними?» А затем мусульмане поднялись на бой с неверными и убили из них великое множество. И в этот день можно было отличить храброго от труса. Окрасились мечи и копья, и неверные слетелись к ним отовсюду, как мухи слетаются к вину. А Шарр-Кан и его люди непрестанно сражались и бились, как бьются те, кто не боится смерти не упускает удобного случая, пока долина не потекла от крови и земля не наполнилась убитыми.

Когда же настала ночь, войска разошлись, и каждый отряд ушёл на своё место, и мусульмане воротились в ту пещеру, и была очевидна их неудача и поражение, так как осталось их мало. И только на Аллаха и на мечи могли они положиться. И убито было в этот день из них тридцать пять всадников из эмиров и вельмож, хотя от их меча пали тысячи неверных, пеших и конных.

И, узнав все это, Шарр-Кан почувствовал, что дело стало плохо, и спросил своих людей: «Как поступить?»

И его люди сказали ему: «Будет лишь то, чего хочет Аллах великий».

А на второй день Шарр-Кан сказал оставшимся воинам: «Если вы выйдете на бой, никто из вас не уцелеет, так как у нас осталось лишь немного воды и пищи. У меня есть замысел, указывающий верный путь: обнажите мечи, выйдите и встаньте у входа в эту пещеру и отражайте всякою, кто подступит к вам. Быть может, подвижник уже прибыл к войску мусульман и приведёт нам десять тысяч всадников, которые нам помогут в сражении с неверными, и, может быть, неверные не увидели его и тех, кто был с ним». И люди Шарр-Кана ответили ему: «Это и есть правильное мнение, и в верности его нет сомнения». А потом воины вышли и заняли вход в пещеру и встали по бокам его, и всякого из неверных, кто хотел войти к ним, они убивали.

И принялись они отражать неверных от входа и стойко бились с ними, пока день не ушёл и не пришла ночь с её мраком...»

И Шахразадку застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Девяносто девятая ночь

Когда же настала девяносто девятая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что мусульманские воины заняли вход в пещеру и, встав по бокам её, принялись отражать неверных от входа. И всякого, кто хотел ринуться на них, они убивали. И они стойко бились с неверными, пока день не повернул на закат и не пришла ночь с её мраком, и подле царя Шарр-Кана осталось лишь двадцать пять человек, не больше.

И неверные говорили друг другу: «Когда кончатся эти дни? Мы устали биться с мусульманами!» И один из них сказал: «Поднимемся и бросимся на них – их осталось только двадцать пять человек. А если мы не справимся с гимн, то сожжём их огнём. Если они подчинятся и сдадутся, мы заберём их в плен, а коли они откажутся, мы сделаем их дровами для огня, чтобы они были назиданием для проницательных. Да не благословит мессия их отца и да не будет обитель христиан их приютом!»

И они принесли дров ко входу в пещеру и подожгли их огнём. И тогда Шарп-Кан и бывшие с ним убедились, что погибнут, и сдались.

И когда это случилось, патриций, глава неверных, обратился к тому, кто советовал перебить мусульман, и сказал: «Они будут убиты только перед царём Аффридуном, чтобы утолить его жажду мести. Нам следует оставить их у нас пленными, а завтра мы отправимся с ними в аль-Кустантынию и отдадим их царю Аффридуну, и он сделает с ними, что захочет».

И неверные сказали: «Вот оно, правильное мнение!» А затем пленных велели скрутить и поставили над ними стражу. Когда же спустился мрак, неверные занялись весельем и едой и велели подать вина и пили, пока все не опрокинулись навзничь. А Шарп-Кан и его брат Дау-аль-Макан были закованы, как и все храбрецы, бывшие с ними, и Шарп-Кан посмотрел на брата и сказал ему: «О брат мой, как освободиться?» И Дау-аль-Макан отвечал: «Клянусь Аллахом, не знаю; мы стали подобны птицам в клетках». И Шарп-Кан рассердился и вздохнул от сильного гнева и потянулся. Тогда его узы разорвались, и, освободившись от пут, он подошёл к начальнику стражи и взял ключи от цепей у него из-за пазухи и развязал Дау-аль-Макана и везиря Дандана и остальных воинов».

А затем он обернулся к своему брату Дау-аль-Макану и везирию Дандану и сказал: «Я хочу убить троих из этих стражников. Мы возьмём их одежду, наденем её я примем обличье румов и пройдем среди них, так что никого из пас не узнают, и отправимся к нашему войску». – «Этот замысел неправилен, – сказал Дау-аль-Макан. – Я боюсь, что если мы убьём их, кто-нибудь услышит их хрип, и неверные проснётся и перебьют нас. Вернее будет, чтобы мы вышли из ущелья». И они согласились на это. И когда они немного отъехали от ущелья, то увидели привязанные коней, владельцы которых спали. И Шарп-Кан сказал своему брату: «Каждый из нас должен взять коня. А их было двадцать пять человек, и они взяли двадцать коней, и Аллах наслал на неверных сон ради мудрой цели, ему ведомой. А потом Шарп-Кан стал вытаскивать у неверных оружие – мечи и копья, пока не набрал довольно, и они сели на взятых ими коней и послали, а неверные думали, что никто не может расковать Дау-аль-Макана, его брата и бывших с ними воинов и что они не в состоянии убежать».

И когда все освободились от плена и оказались в безопасности, Шарп-Кан прибыл к своим воинам и нашёл их ожидающими его, и они стояли словно на огне, погруженные из-за него в глубокое раздумье. И Шарп-Кан обратился к ним и сказал: «Не бойтесь, Аллах сокрыл нас! У меня есть замысел, который, может быть, верен». – «А какой же?» – спросили его, и он сказал: «Я хочу, чтобы вы поднялись на гору и воскликнули бы все единым возгласом: „Аллах велик!“ И кричали бы: „Пришли к ним войска мусульманские!“ И мы все возопим единым голосом: „Аллах велик!“ – и рассеется от это скопище румов. И они не найдут тогда для себя хитрости, так как они пьяны, и подумают, что войска ислама окружили их со всех сторон и приметались к ним. И они примутся колоть друг друга мечами, одурев от опьянения и сна. Мы их порубим их же мечами, и меч будет до утра гулять среди них». – «Этот замысел неправилен, – сказал Дауаль Маках, – а правильно будет нам идти к нашему войску, не произнося ни слова. Если мы крикнем: „Аллах велик!“ – они проснутся и настигнут нас, и никто из нас не спасётся». – «Клянусь Аллахом, если они проснутся, нам не будет от этого беды, и я хочу, чтобы вы согласились с моим замыслом – от него будет только добро!» – воскликнул Шарп-Кан. И все ответили согласиём, и они поднялись на вершину горы и возгласили: «Велик Аллах!» И горы, деревья и камни возгласили вместе с ними, страшась Аллаха. И неверные услышали это славословие и закричали...»

И Шахразату застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Ночь, дополняющая до ста

Когда же настала ночь, дополняющая до ста, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что ШаррКан сказал: „Я хочу, чтобы вы согласились с этим моим замыслом – от него будет одно только добро“. И все ответили согласием и поднялись на вершину горы и возгласили: „Велик Аллах!“ И горы, деревья и камни возгласили вместе с ними, страшась Аллаха, и неверные услышали это и стали кричать друг на друга и надели оружие, восклицая: „Враги налетели на нас, клянёмся мессией!“

И они перебили друг друга в таком количестве, которое знает лишь Аллах великий, а наутро стали искать пленных, но не нашли и следа их. И предводители сказали воинам: «С вами сделали это дело пленные, которые были у нас, устремитесь же за ними, пока не настигнете их, и заставьте их выпить чашу бедствия. Пусть не будет вам от этого ни страха, ни смущения».

И они сели на коней и погнались за мусульманами. И через мгновение они их настигли и окружили.

И когда Дау-аль-Макан увидел это, его охватил великий испуг, и он сказал: «То, чего я боялся, случилось, и нам не останется никакого выхода, кроме боя!» А ШаррКан все время молчал и не говорил. И затем Дау-аль-Макан спустился с вершины горы и воскликнул: «Аллах велик!» И люди его закричали вместе с ним и решили сражаться и продать свои души, повинаясь господу рабов. И когда это было, вдруг услышали они голоса, кричавшие: «Нет бога, кроме Аллаха! Аллах велик! Молитва и привет благовестнику, увещателю!» И, обернувшись в сторону голосов, они увидели, что подходят войска мусульман и отряды единобожников¹⁶⁵.

И при виде их сердца воинов окрепли, и Шарр-Кан понёсся на неверных, восклицая вместе с единобожниками, бывшими с ним: «Нет бога, кроме Аллаха! Аллах велик!» И земля затряслась, как при землетрясении, и войска неверных рассеялись по склонам гор. И мусульмане преследовали их, рубя и разя и отделяя головы от тела, и Дау-аль-Макан со своими людьми, не переставая, рубил головы неверным, пока день не повернул на закат и не пришла ночь с её мраком. А затем мусульмане сошлись и провели в радости всю ночь.

Когда же настало утро и засияло светом, и заблестало, они увидели Бахрама, предводителя турок, и Рустума, предводителя дейлемитов, которые подходили к ним с двадцатью тысячами всадников, подобных хмурым львам. И, увидев Дау-аль-Макана, всадники спешили и приветствовали его и облобызали землю меж его рук. И Дау-аль-Макан сказал им: «Радуйтесь победе мусульман и гибели племени неверных». И они поздравили друг друга с благополучием и великой наградой при воскресении.

А причину их прибытия туда было вот что. Когда эмир Бахрам и эмир Рустум и старший царедворец отправились с мусульманскими войсками, развернув знамёна над головою, и достигли аль-Кустантынии, они увидели, что неверные забрались на стены и заняли башни и укрепления, приготовившись к бою во всякой неприступной крепости, узнав, что подходят мусульманские войска и мухаммеданские знамёна. А они слышали бряцанье оружия и гул криков. И, посмотрев, увидели мусульман и слышали топот копыт их копей за пылью, и вдруг оказалось, что они – точно стая саранчи или изливающиеся облака. И румы слышали голоса мусульман, читавших, Коран и прославлявших Аллаха. А узнали об этом неверные потому, что так устроила старуха Зат-ад-Давахи по своей лживости, распутству, скрытности и коварству.

И когда войска подошли, подобные морю из-за множества пеших, конных, женщин и

¹⁶⁵ Мусульмане считают единобожниками только самих себя. Христиане, по их мнению, многобожники, так как одним из основных догматов христианства является догмат троичности, противоречащий мусульманскому понятию о единобожии.

детей, эмир турок сказал эмиру дейлемитов: «О эмир, нам опасны враги, которые на стенах. Посмотри на эти башни и на толпу людей, подобную ревущему морю, где бьются волны! Поистине, этих неверных сто раз столько, сколько нас, и мы опасаемся, что какой-нибудь лазутчик расскажет им, что нет с нами султана. Поистине, грозят нам враги, несметные числом, помощь которым не прекращается, том более что отсутствуют царь Дау-аль-Макан и его брат и славнейший везирь Дандан. Узнав, что их нет, румы пожелают захватить нас, и уничтожат нас мечом до последнего, и не спасётся из нас спасающийся. Разумно будет, чтобы ты взял десять тысяч всадников из мосульцев и турок и отправился с ними в пустынь Матруханны, что на лугу Малуханны, за нашими братьями и товарищами. Послушаетесь меня, – будете причиною их освобождения, если неверные стеснили их, а не послушаетесь, – так нет на мне упрёка. А когда отправитесь, возвращайтесь к нам поскорее, ибо рассудительность в том, чтобы опасаться».

И упомянутый выше эмир согласился с этими речами и выбрал двадцать тысяч всадников, и они поехали, пересекая дороги, к названному лугу и знаменитой пустыни. Вот что было причиною их прибытия.

Что же касается старухи Зат-ад-Давахи, то, ввергнув султана Дау-аль-Макана, его брата Шарр-Кана и везира Дандана в руки нечестивых, эта распутица взяла коня, села на него и сказала неверным: «Я хочу настигнуть войско мусульман и ухитриться погубить его, так как оно находится в аль-Кустантынии. Я скажу им, что их товарищи погибли. Когда они услышат это от меня, их единение распадется и их полчища рассеются. И потом я пойду к царю Афридуну, властителю аль-Кустантынии, и к моему сыну, царю Хардубу, владыке румов, и расскажу им об этом, и они выйдут со своими войсками к мусульманам и погубят их, не оставив из них никого».

И она отправилась и всю ночь непрерывно скакала на этом коне, а когда наступило утро, она увидела войско Бахрама и Рустума. И, войдя в чащу, она спрятала своего коня, и вышла, и прошла немного, говоря про себя: «Быть может, мусульманские войска вернулись разбитые после боя под аль-Кустантынией». Но, приблизившись к войскам, она посмотрела и вгляделась в их знамёна и увидела, что они не опущены. И она поняла, что мусульмане идут не разбитые и не боятся за своего царя и товарищей. И, убедившись в этом, она поспешила к ним быстрым бегом, как непокорный сатана, и, добежав до них, крикнула: «Спешите, спешите, о войска милосердного, на сражение с племенем сатаны!» И, увидев её, Бахрам подъехал к ней и спешил и поцеловал перед нею землю. «О друг Аллаха, что нового идёт за тобой?» – спросил он. И она сказала: «Не спрашивай о дурных делах и жестоких ужасах! Когда наши товарищи взяли богатства из пустыни Матруханны, они хотели отправиться в аль-Кустантынию, но против них вышло влачащееся войско неверных, несущее беду».

И затем проклятая повторила рассказ об этом, чтобы их смутить и испугать, и сказала: «Большинство их погибло, и их осталось лишь двадцать пять человек», – «О подвижник, когда ты покинул их?» – спросил Бахрам.

«Сегодня ночью»¹⁶⁶, – отвечала она. И Бахрам воскликнул: «Превознесён тот, кто скрутил для тебя далёкие земли, когда ты шествовал на ногах, опираясь на ветвь пальмы! Но ты один из крылатых святых, вдохновлённых открытым им велением». И он сел на своего коня, ошеломлённый, смущённый тем, что услышал от лгуньи и обманщицы, повторяя: «Нет мощи и силы, кроме как у Аллаха! Даром пропали наши тяготы и стеснена у нас грудь, и взят в плен наш султан и те, кто с ним!»

И они устремились, пересекая земли днём и ночью, вдоль и поперёк, а когда настало время рассвета, они приблизились ко входу в ущелье и увидели Дау-аль-Макана и брата его Шарр-Кана, которые кричали: «Нет бога, кроме Аллаха! Аллах велик! Благословение и

¹⁶⁶ У мусульман новый день наступает в момент заката голица. Понятия «день» и «ночь» в арабском языке часто сливаются и обозначают весь период времени от одного заката солнца до другого.

привет благовестнику, увещателю!»

И Бахрам со своими людьми понёсся, и они окружили неверных, как поток окружает безводную степь, и завопили воплем от которого свалились храбрецы и раскололись юры. А когда настало утро и засияло светом и заблестало, на них пахнуло веянием и благоуханием Дауаль Макана, и они узнали друг друга, как было сказано раньше. И они поцеловали землю перед Дау-аль-Маканом и его братом Шарр-Каном, и Шарр-Кан рассказал им о том, что случилось в пещере, и они удивились этому.

А потом они сказали друг другу: «Поспешим в альКустантынию: мы оставили там наших товарищей и сердца наши с ними». И они ускорили шаг, уповая на всемилостивого, всеведущего. И Дау-аль-Макан укреплял мусульман в твёрдости, произнося такие стихи:

«О, слава тебе! Хвалы и славы достоин ты,
И помощь даруй навек, господь мой, в делах моих!
Я вырос в земле чужой, далёкой, и был ты мне
Защитником, и врагов судил одолеть ты мне.
Ты дал и богатство мне, и счастье, и власть паря,
И меч подвязал ты мне победы и доблести.
И сенью ты царственной навек осветил меня,
Обильных щедрот твоих поток на меня излил.
Ты спас от всего меня, что страшным казалось мне.
Советами Старшего, везиря храбрейшего,
Твоею мы милостью на румов нажились,
Одетые в красное вернулись к себе они.
И вид показал врагам, что в бегство я бросился,
Но снова вернулся к ним, несясь точно быстрый лев
Оставил я в поле их, поверженных на землю,
Как будто не от вина – от смерти хмельны они.
И в руки попали нам суда, до единого,
И власть получили мы на суше и на море.
И вскоре явился к нам подвижник-молитвенник,
Чья сила известна всем, в пустыне и в городе.
Явились мы с мессию ко всем, кто не верует,
И ныне среди людей известны дела мои.
Убили враги средь нас бойцов, и достались им
Пресветлые горницы в раю над потоками».

И когда Дау-аль-Макан окончил свои стихи, его брат Шарр-Кан поздравил его с благополучием и восхвалил его за деяния, а затем они отправились, поспешая в пути...

И Шахраду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Сто первая ночь

Когда же настала сто первая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что Шарр-Кан поздравил брата Дау-аль-Макана со спасением и восхвалил его За деяния, а потом они отправились к своим войскам.

Вот что было с ними. Что же касается старухи Затад-Давахи, то она, повстречав войско Бахрама и Рустума, вернулась в рощу, взяла своего коня и, сев на него, быстро помчалась, пока не приблизилась к мусульманским войскам, осаждавшим аль-Кустантынию. А потом она сошла с коня, взяла его и пришла с ним к шатру, где был царедворец. И тот, увидав её, поднялся ей навстречу, сделал ей знак, кивнув головой, и сказал: «Добро пожаловать богомольцу-подвижнику!» А затем он спросил её, что случилось, и она рассказала ему свою

устрашающую повесть и гибельную ложь и сказала: «Я боюсь за эмира Рустама и эмира Бахрама. Я встретил их с войсками по дороге и послал к царю и его людям. С ними было двадцать тысяч всадников, а неверных больше, чем их, и я хочу, чтобы ты сейчас же послал отряд твоих воинов – пусть они скорее соединятся с ними, иначе они погибнут все до последнего. Спешите, спешите!» – торопила она.

И когда царедворец и мусульмане услышали от неё эти слова, их решимость ослабла, и они заплакали. А Зат-ад-Давахи сказала им: «Просите помощи у Аллаха и будьте стойки в этой беде! Вам должно подражать вашим предкам из народа Мухаммеда, рай с дворцами уготован Аллахом для тех, кто умрёт мучениками, а смерть неизбежна для всякого, но умереть в войне за веру более похвально»¹⁶⁷.

Услышав слова проклятой Зат-ад-Давахи, царедворец позвал брата эмира Бахрама, – а это был витязь по имени Теркаш, – выбрал ему десять тысяч всадников, хмурых храбрецов, и велел ему отправляться. И Теркаш двинулся в путь и ехал, пока не приблизился к мусульманам.

А когда наступило утро, Шарп-Кан увидал облако пыли и испугался за мусульман и воскликнул: «Это войско, что подходит к нам, войско мусульман, – и тогда это явная победа, – или это войско из войск неверных. Но неотвратимо то, что суждено». И он пришёл к своему брату Дау-аль-Макану и сказал ему: «Не бойся ничего! Я выкуплю тебя своей душой от гибели! Если это войска из войск ислама, то это тем большая милость. Если же это наши враги, то с ними неизбежно сразиться. Но я хочу обратиться перед смертью к богомольцу и попросить его помолиться, чтобы я умер не иначе, как мучеником».

И когда они разговаривали, вдруг показались знамёна, на которых было написано: «Нет бога, кроме Аллаха, Мухаммед-посол Аллаха!» И Шарп-Кан закричал: «Как дела мусульман?» И ему ответили: «Здоровы и благополучны! Мы пришли только из страха за вас». И предводитель войска сошёл с коня, поцеловал землю перед Шарп-Каном и спросил: «О мой владыка, как поживает султан, везирь Дандан, Рустум и мой брат Бахрам? Все ли они целы?» – «Все благополучно, – отвечал Шарп-Кан. – А кто вас осведомил о нашем деле?» – спросил он затем. И предводитель ответил: «Подвижник. Он сказал, что встретил моего брата Бахрама и Рустума и послал их к вам, но говорил нам, что неверные окружили их, и врагов много. А и вижу, что дело обстоит как раз наоборот, и вы победители». – «А как добрался до вас подвижник?» – спросили Теркаша. И он ответил: «Он шествовал на ногах и прошёл за день и ночь расстояние в десять дней пути для спешащего всадника». – «Нет сомнения, что это друг Аллаха. Где же он?» – спросил Шарп-Кан. «Мы оставили его с войсками из людей правоверных, и он подстрекал их бороться с людьми неверия и непокорства», – ответили ему, и Шарп-Кан обрадовался. И они воздали хвалу Аллаху за своё спасение и спасение подвижника, и призвали милость Аллаха, и сказали: «Это было начертано в писании».

А затем они двинулись, поспешая в пути, и когда они шли, вдруг взлетело облако пыли, заставшее все концы земли и помрачившее день. И Шарп-Кан посмотрел на него и сказал: «Я боюсь, что неверные сломили войска ислама: эта пыль застлала восток и запад и наполнила землю с обеих сторон». А потом за этой пылью показался столб из мрака, мрачнее, чем чёрные дни, и он все приближался. И конные и пешие поспешили, чтобы посмотреть, в чем причина этого злого дела, и увидели, что это подвижник, уже упомянутый. И все, теснясь, стали целовать ему руки, а он кричал: «О народ лучшего из людей, светоча во мраке! Неверные обманули мусульман! Нагоните же войско единобожников и спасите их из рук неверных злодеев: они ринулись на них, и постигло их унижительное наказание, когда были они спокойны в своём месте!»

И когда Шарп-Кан услышал это, его сердце взлетело от сильного биения, и он сошёл со

¹⁶⁷ Смерть на поле брани считается у мусульман наиболее почётной. Хадисы (предания о делах и речах Мухаммеда) описывают награды, которые получают за это мученики в раю.

своего коня растерянный. А потом он поцеловал подвижнику руки и ноги, и то же сделал брат его Дау-аль-Макан и остальные воины, пешие и конные, кроме везира Дандана: тот не сошёл с коня и сказал: «Клянусь Аллахом, моё сердце бежит от этого подвижника! Я не знаю о чересчур благочестивых ничего, кроме скверного. Оставьте же его и нагоните ваших товарищей мусульман, ибо этот человек – один из пропавших от врат милости господа миро». Сколько раз я ходил походом с царём Омаром ибн ан-Нуманом и попираю землю в этих местах!» – «Оставь, эти скверные мысли! – воскликнул Шарр-Кан. – Не видал ты разве, как этот богомолец побуждал мусульман к бою, невзирая на мечи и стрелы? Не клевети на него, ибо клевета порицается и мясо праведных опасно для хулителей. Посмотри, как он подстрекал нас на сражение! Если бы Аллах великий не любил его, он не сократил бы для нею путь в далёкую землю, ввергнув его прежде в жестокое мучение».

Затем Шарр-Кан велел привести отшельнику нубийского мула и сказал ему: «Садись, подвижник, благочестивый богомолец». Но тот не согласился и отказался сесть, выказывая себя подвижником, чтобы достичь цели. И они не знали, что этот распутный подвижник тот, о подобном котором сказал поэт:

Постился, молился он, чтоб цель достичь своей, А сделав дела, забыл и пост и молитвы.

И этот подвижник все шествовал между конными и пешими, точно лисица, хитрящая, чтобы похитить добычу, и, возвышая голос, читал Коран и прославлял милосердного.

И они шли до тех пор, пока не приблизились к войскам ислама, и Шарр-Кан увидел, что они разбиты и царедворец собирается бежать и спастись, и меч неверных работает среди чистых и нечистых...»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Сто вторая ночь

Когда же настала сто вторая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что когда Шарр-Кан настиг мусульман, они были разбиты и царедворец собирался бежать и спастись, и меч работал среди чистых и нечестивых. А причину беспомощности мусульман было то, что когда проклятая Зат-ад-Давахи, враг веры, увидела, что Бахрам и Русум с их войсками отправились к Шарр-Кану и его брату Дау-аль-Макану, она поехала к войску мусульман и послала эмира Теркаша, как уже было раньше упомянуто. И хотела она этим разделить войска мусульман, чтобы они стали слабее. А затем она оставила их и отправилась в аль-Кустантынию и крикнула во весь голос патрициям румов: „Спустите верёвку, я привяжу к ней письмо, а вы доставьте его вашему царю Придуну, чтобы он и мой сын, царь румов, прочли его и действовали согласно его приказанию и запрещению“. И ей спустили верёвку, и она привязала к ней письмо, и содержание его было: „От великой беды и величайшей напасти, Зат-ад-Давахи, царю Аффридуну. А затем я придумала вам хитрость, чтобы погубить мусульман, – будьте же спокойны, я взяла их в плен и захватила их сутана и везира. А затем я отправилась к их войскам и рассказала об этом, и мощь их сломилась и их сила ослабла. Я обманула войска, осаждающие аль-Кустантынию, и отослала двенадцать тысяч всадников с эмиром Теркашем, кроме взятых в плен, так что мусульман осталось лишь немного. Нужно, чтобы вы вышли на них со всем вашим войском в течение оставшегося дня и налетели на них в их палатах. Но только выходите обязательно вместе и перебейте их до последнего. Поистине, мессия обратил на вас свой взор и дева смягчилась к вам, и я надеюсь, что мессия не забудет деяний, которые я совершила“.

И когда письмо её дошло до царя Аффридуна, он сильно обрадовался и сейчас же послал привести царя румов, сына Зат-ад-Давахи, и прочитал ему письмо, и тот обрадовался и воскликнул: «Посмотри, каковы козни моей матери: они избавляют нас от ужаса страшного дня». – «Да не лишит нас мессия вида твоей матери!» – воскликнул царь Аффридун и велел патрициям кричать о выезде. Весть об этом распространилась в аль-Кустантынии, и войска христиан и приверженцев креста выступили, обнажив мечи, и прокричали слова неверия и

ереси, не признавая господа рабов. И, увидав это, царедворец воскликнул: «Румы приблизились к нам, и они знают, что наш султан отсутствует! Быть может, они бросятся на нас, а большинство наших войск отправилось к царю Дау-аль-Макану!»

И царедворец разгневался и вскричал: «О войска мусульман и защитники твёрдой веры, если вы побежите, то погибнете, а будете стойки – победите. Знайте, доблесть в том, чтобы устоять, а Аллах пошлёт облегчение. Да благословит нас Аллах и да посмотрит на вас оком милости!»

И тогда мусульмане закричали: «Аллах велик!» И единобожники издали вопль, и жернова войны завертелись, рубя и разя, и заработали мечи и копья, и наполнились кровью долины и равнины, и священники и монахи стали служить обедни, затянули пояса и подняли кресты. А мусульмане громко превозносили владыку воздающего и кричали, читая Коран. И племя милосердного сшиблось с племенем сатаны, и головы полетели с плеч, и прекрасные ангелы окружили народ избранного пророка, и мечи не переставали работать, пока не ушёл день и не пришла ночь с её мраком. И неверные окружили мусульман и решили, что избежали унижительной пытки. Многобожники жадно взирали на правоверных, пока не взошла и не стала видна заря. И тогда царедворец с войсками сел на коней, надеясь, что Аллах поможет ему, и народ смешался с народом, и война поднялась на ноги, и полетели головы, и доблестный был стоек и шёл вперёд, а трус, повернув спину бежал, и судья смерти судил и решал, пока храбрецов не повыбивали из сёдел и не наполнились мёртвыми луга.

И мусульмане отошли со своего места, и румы овладели частью их палаток и жилищ, и правоверные решили отступить, повернуть и бежать. И в это время вдруг прибыл Шарп-Кан с войсками мусульман и заменами единобожников, и, приблизившись к ним, Шарп-Кан понёсся на неверных, и за ним последовал Дау-аль-Макан, а вслед за ними помчались везирь Дандан, эмир дейлемитов Рустум, Бахрам и брат его Теркаш. И когда неверные увидали это, их умы улетели и разум их исчез, только пыль взвилась, наполнив все концы, и лучшие из мусульман соединились с их пречистыми товарищами. И Шарп-Кан свиделся с царедворцем, восхвалил его за стойкость и поздравил его с вышней поддержкой и победой. И обрадовались мусульмане, и сердца их укрепились, и они понеслись на врагов. преданные Аллаху в бою. И, когда неверные увидали мухаммеданские знамёна, на которых написаны слова о предании себя исламу, они закричали: «О бедствие! о гибель! – и стали взывать к патриархам в монастырях, призывая Юханну и Мариам и крест, – будь он проклят! – и руки их не поднимались на бой. И царь Афридун подъехал к парю румов, и один из них встал справа, а другой слева, и подле них был знаменитый витязь по имени Лявия, который встал посередине, и они выстроились для схватки, хотя были испуганы и потрясены. И мусульмане построили свои войска, и Шарп-Кан обратился к своему брату Дау-аль-Макану и сказал ему: „О царь времени, они несомненно хотят поединка, а это предел наших желаний. Ию я хотел бы поставить вперёд тех из войска, у кого твёрдая решимость, ибо разумный замысел – половина жизни“. – „Что же ты хочешь, о обладатель верного мнения?“ – спросил султан. И Шарп-Кан сказал: „Я хочу быть в середине войска неверных так, чтобы везирь Дандан был слева, ты – справа, а эмир Бахрам на левом крыле. Ты же, о великий царь, будешь под знамёнами и стягами, так как ты паша опора, и на тебя, после Аллаха, мы полагаемся. И все мы выкупим тебя от колкого злого дела“. И Дау-аль-Макан поблагодарил его за это, и поднялись крики, и воины обнажили мечи, и когда это было так, вдруг появился из войска румов витязь и приблизился, и воины увидали, что он сидит верхом на мелко шагающем муле, уносящем всадника из-под ударов мечей, и чепрак его был из белого шелка, и на кем был молитвенный коврик кашмирской работы. А на спине мула сидел старец, прекрасный своей сединой и величественный видом, и одет он был во власяницу из белой шерсти. И он ускорял ход и погонял мула, пока не приблизился к войску мусульман, и тогда он сказал: „Я посланец к вам всем, а на посланце лежит лишь оповещение. Дайте же мне безопасность, и я передам вам послание“. – „Ты в безопасности, не страшись же рубящего меча и разящего копьё“, – отвечал Шарп-Кан, и тогда старец спешился и, сняв с шеи крест перед султаном, поклонился ему поклоном ожидающего милости и сказал: „Я посланец царя Афридуна. Я

увещевал его воздержаться и не губить образы человеческие и храмы всемилостивого, и разъяснил ему, что правильнее не проливать крови и ограничиться поединком двух витязей, и он согласился на это и говорит вам: «Я выкуплю моё войско собственной душой, пусть царь мусульман сделает, как я, и выкупит своё войско жизнью. Если он убьёт меня, не останется у войск неверных твёрдости, а если я убью его, не останется твёрдости у войска ислама».

Услышав эти слова, Шарр-Кан воскликнул: «О монах, мы согласны на это, ибо это и есть справедливость, которой не должно противоречить. Вот я выступлю против него и понесусь на него, ибо я витязь мусульман, а он витязь неверных. Если он убьёт меня, то получит победу, и войскам мусульман останется только бегство. Возвращаясь же к нему, о монах, и скажи ему: „Поединок будет завтра, так как мы пришли сегодня усталые от пути, а после отдыха не будет ни упрёка, ни порицания“. И монах вернулся, радостный, и, прибыв к царю Афрудуну и царю румов, рассказал им об этом. И царь Афридун до крайности обрадовался, и прошли его горести и печали. „Нет сомнения, – сказал он про себя, – что этот ШаррКан лучше их всех рубит мечом и разит копьём, и если я убью его, их решимость сломится и сила их ослабнет“. А Зат-ад-Давахи писала об этом царю Афридуно и говорила: „Шарр-Кан – витязь среди доблестных и доблестный среди витязей“. И она предостерегала Афридуна от ШаррКана. А Афридун был великий витязь, так как он сражался разными способами: метал камни и стрелы и бил железным столбом и не боялся великой беды, и, услышав от монаха, что Шарр-Кан согласен на поединок с ним, он едва не взлетел от сильной радости, так как он верил в себя и знал, что никому его не осилить. И неверные провели эту ночь в радости и восторге и пили вино, а когда встало утро, приблизились всадники с серыми копьями и белыми клинками. И вдруг видят они выступает на поле витязь верхом на коне из чистокровных коней в боевой сбруе и с сильными ногами. На витязе была железная кольчуга, припасённая для великой беды, а на груди его было зеркало из драгоценных камней, а в руке меч и кленовое копье из диковинных изделий франков. И витязь открыл лицо и сказал: „Кто знает меня, тому досталось от меня довольно, а кто меня не знает, увидит, кто я. О, Афридун, осенённый благословением Зат-ад-Давахи“.

И не окончил он ещё своих речей, как выступил перед ним витязь мусульман Шарр-Кан, верхом на рыжем коне, стоящем тысячу червонным золотом. И на нем были доспехи, украшенные жемчугом и драгоценностями, и опоясан он был индийским мечом с драгоценными камнями, рассекающим шеи и облегчающим трудные дела. И он погнал своего коня меж рядами, а витязи взирали на его очами, и воззвал он к Афридуно, говоря: «Горе тебе, проклятый! Или ты считаешь меня таким, как те витязи, которыми ты встретился, не устоявшие против тебя на поле в жарком бою?» И затем каждый из них понёсся на другого, и оба были подобны столкнувшимся горам или сшибшимся морям. Они приближались и отдалялись, сходились вплотную и расходились, и в шутку, и не в шутку, вступали и отступали, рубя и разя. И войска глядели на них, одни говорили, что победит Шарр-Кан, а другие говорили, что победит Афридун. И витязи сражались до тех пор, пока не прекратились слова и речи. И когда поднялась пыль и день ушёл и солнце стало желтеть, тогда царь Афридун крикнул Шарр-Кану: «Клянусь мессией и истинной верой, ты витязь упорный и храбрец воинственный, но только ты обманщик, и твой нрав не таков, как нрав лучших людей. Я вижу, что дела твои не похвальны и бой твой – не бой вождя, и твои люди возводят твой род к рабам. Вот тебе вывели другого коня, и ты снова ринешься в бой. А я, клянусь моей верой, измучился, сражаясь с тобою. Если ты хочешь сражаться со мною в сегодняшний вечер, не меняй ни доспехов, ни коня, – пусть витязям станет явно твоё благородство и умение биться».

И, услышав эти речи, Шарр-Кан разгневался из-за слов своих товарищей, которые возводили его род к рабам, и, обернувшись к ним, хотел дать им знак и приказать, чтобы они не меняли ему коня и доспехи, как вдруг Афридун взмахнул копьем и пустил им в Шарр-Кана. А тот обернулся назад и никого не увидел, и понял, что это была хитрость проклятого, и он быстро повернул лицо, а копье настигло его, но он уклонился от него,

опустив голову на уровень луки седла, так что копьё попало ему в грудь. А грудь у Шарр-Кана была высокая, и копьё ободрало кожу на его груди, и он издал единый вопль и исчез из мира.

И обрадовался проклятый Афридун и понял, что он убил его, и закричал неверным с радостью, и заволновались люди беззакония, и заплакали люди правок веры, и когда Дау-аль-Макан увидел, что его брат склоняется на копе и едва не падает, он послал к нему витязей, и храбрецы вперегонку помчались к нему и привели его к Дауаль-Макану. И неверные понеслись на мусульман, и оба войска встретились, и ряды смешались, и заработали острые йеменские клинки, и быстрее всех был подле Шарр-Кана везирь Дандан...»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Сто третья ночь

Когда же настала сто третья ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что царь Дау-аль-Макан, увидав, как проклятый ударил его брата Шарр-Кана копьём, решил, что от умер, и послал к нему витязей, и быстрее всех был возле Шарр-Кана везирь Дандан, эмир турок Бахрам и эмир дейлемитов. Они настигли его, когда он наклонился, покидая с коня, и поддерживали его и возвратились с ним к его брату Дау-аль-Макану, а потом они поручили его слугам и вернулись разить и рубить.

И сильнее стал бой, и поломались концы копий, и превратились речи и разговоры, видна была только льющаяся кровь и сброшенные с плеч головы, и меч непрестанно работал на головах. И распря все усиливалась, пока не прошла большая часть ночи, и оба отряда устали сражаться, и раздался клич: «Расходись!» И всякий отряд вернулся к себе в палатки, и все неверные отправились к воему царю Афридуну и поцеловали перед ним землю, и священники и монахи поздравили его с победою над ШаррКаном. А потом царь Афридун вступил в аль-Кустантытию и сел на престол своего царства, и царь Хардуб пришёл к нему и сказал: «Да укрепят мессия твою руку и да не перестанет помогать тебе, и да возьмёт он праведной матери Зат-ад-Давахи, которая молится за тебя. За что мусульмане уже не устоят после Шарр-Кана». – «Завтра, – сказал Афридун, – будет конец, когда я выйду на бой и вызову Дау-аль-Макана и убью его. Их войска повернут тогда спину и обратятся в бегство».

Вот что было с неверными. Что же до войск ислама, то когда Дау-аль-Макан вернулся в палатки, то ему не было не до кого дела, кроме своего брата. И, войдя к нему, он нашёл его в наихудшем положении и в ужаснейшей беде, и позвал везиря Дандана, Рустума и Бахрама, чтобы посоветоваться. И они пришли к нему и выразили мнение, что следует призвать врачей, чтобы лечить Шарр-Кана, и сказали: «Время не подарит такого, как он!»

И они просидели у него всю ночь без сна, а к конце ночи к ним пришёл плачущий подвижник, и, увидя его, Дау-аль-Макан поднялся к нему навстречу, а подвижник погладил рукою рану его брата и прочитал кое-что из Корана, заклиная рапу знаменами всемилостивого. И он неотступно был подло него до утра, бодрствуя, и тогда Шарр-Кан очнулся, открыл глаза, повернул язык во рту и заговорил.

И султан Дау-аль-Макан обрадовался и воскликнул: «Ему досталось благословение через подвижника!» А Шарр-Кан произнёс: «Слава Аллаху за выздоровление! Я сейчас во здравии, а этот проклятый сделал со мной хитрость, и если бы я не склонился быстрее молнии, копьё наверное пронзило бы мне грудь. Слава же Аллаху, который спас меня. А каково положение мусульман?» – «Они плачут по тебе», – отвечал Дау-аль-Макан. «Я в добром Здравье, – сказал Шарр-Кан, – но где же подвижник?» А подвижник сидел у его изголовья и сказал: «У тебя в головах». И Шарр-Кан обернулся к нему и поцеловал ему руки. И подвижник сказал ему: «О дитя моё, соблюдай прекрасную стойкость, и Аллах увеличит воздаяние тебе, ибо воздаётся по мере трудности». И ШаррКан сказал: «Помолись за меня». И подвижник стал за него молиться.

А когда наступило утро и появилась заря и заблистала, мусульмане вышли на поле битвы, а неверные приготовились рубить и разить. И войска ислама выступили, ища боя и сражения, обнажив оружие. И царь Дау-аль-Макан с Аффридуном хотели кинуться друг на друга, но когда Дау-аль-Макан выехал на поле, с ним выехали везирь Дандан и царедворец с Бахрамом и сказали ему: «Мы – выкуп за тебя!» И он воскликнул: «Клянусь священным храмом и Земземом и Местом Ибрахима¹⁶⁸, я не откажусь выйти к этим мужланам!» И, оказавшись на поле, он заиграл мечом и копьём так, что ошеломил витязей и изумил оба войска. Он понёсся на правое крыло и убил там двух патрициев. И на левом крыле он тоже убил двух патрициев, и, встав посреди поля, крикнул: «Где Аффридун? Я заставлю его вкусить унижительную пытку!» И проклятый хотел повернуть назад, подавленный. Царь Хардуб увидал его в таком состоянии и стал заклинать его не выезжать и сказал: «О царь, вчера был твой бой, а сегодня мой бой, – я не посмотрю на его доблесть». И он выехал с острым мечом в руке, и под ним был конь, подобный Абджару, что принадлежал Антару¹⁶⁹, и это был конь вороной, горячий, как сказал поэт:

Вот кровный конь – со взором он гоняется,
Как будто бы судьбу догнать стремится он.
И масть его нам чёрной, мрачной кажется,
Как ночь черна, когда сгустится мрак ночной.
Своим он ржаньем всех волнует слышащих;
Как гром оно гремит, когда в высотах буря.
Гоняясь с ветром, первым он примчался бы
И блеску молний обогнать невмочь его.

Потом каждый из них кинулся на противника, укрываясь от его ударов, и выказал чудеса, которые он таил себе. И они наступали и отступали, пока не стеснились груди и не истощилось терпение судьбы. И тогда Дау-аль-Макан вскрикнул и ринулся на царя армян Хардуба и ударил его ударом, скинувшим ему голову и прервавшим его дыхание. И неверные, увидев это, вместе понеслись на него, и все направились к нему, и Дау-аль-Макан встретил их на поле в жарком бою, и сеча и удары продолжались до тех пор, пока кровь не полилась потоками. И мусульмане закричали: «Аллах велик! Нет бога, кроме Аллаха, молитва да будет над благовестителем и увещателем!» И сражались жестоким боем, и Аллах ниспослал победы правоверным и посрамление неверным. И везирь Ашдан закричал: «Отомстите за царя Омара ибн ан-Нумана и за сына его Шарр-Кана!» И обнажил голову и крикнул туркам – а подле него было больше десяти тысяч всадников, – и они понеслись за ним, все как один, и неверные не нашли для себя ничего кроме бегства, и повернули спины, и заработал среди них остро рубящий меч. И убили из них около пятидесяти тысяч всадников, а в плен взяли больше этого, и множество народу было убито в жестокой давке при входе в ворота. А затем румы заперли ворота и взобрались на стены, боясь пытки, а отряды мусульман вернулись, поддержанные Аллахом, победоносные, и они пришли к шатрам, и царь Дау-аль-Макан вошёл к своему брату и нашёл его в наилучшем состоянии и пал ниц, благодаря преславного всевышнего. И, приблизившись к своему брату, он поздравил его со спасением. А Шарр-Кан сказал ему: «Мы все под благословением этого подвижника, обращающегося к Аллаху. И вы победили только благодаря его принятой молитве, ибо он сегодня все время сидел и молился за победу мусульман...»

¹⁶⁸ Священный храм – мечеть в Мекке; Земзем – священный колодец в Мекке; Место Ибрахима – небольшое сооружение, где хранится камень, на котором якобы стоял Ибрахим, библейский Авраам.

¹⁶⁹ Антар – доисламский поэт, герой арабских рыцарских легенд. О его похождениях рассказывается в романе объёмом более чем в тридцать томов.

И Шахразадку застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Сто четвёртая ночь

Когда же настала сто четвёртая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что Дау-аль-Макан, войдя к своему брату Шарр-Кану, нашёл его сидящим, и богомолец был подле него. И он обрадовался и, обратившись к брату, поздравил его со спасением. А Шарр-Кан сказал: „Мы все под благословением этого подвижника, и вы победили благодаря молитве за вас: он сегодня не двинулся с места, молясь за мусульман. А я нашёл в душе силу, когда услышал ваше славословие, и понял, что вы победили врагов. Расскажи же мне, о брат мой, что выпало тебе на долю“. И Дау-аль-Макан рассказал ему, что у него произошло с проклятым Хардубом, и поведал, что убил его и он отправился к проклятию Аллаха. И Шарр-Кан восхвалил его и превознес его рвение.

И когда Зат-ад-Давахи, бывшая в обличье подвижника, услышала об убиении её сына, царя Хардуба, цвет о лица переменялся на жёлтый, и закапали из глаз её сильные слезы. Но, однако, она скрыла это и показала мусульманам, что она рада и плачет от сильной радости, потом она сказала себе: «Клянусь мессией, от моей жизни не будет больше проку, если я не сожгу его сердца за его брата Шарр-Кана, как он сжёг моё сердце из-за поры христианской веры и приверженцев Христа – царя Хардуба». Но она скрыла свои мысли.

А везирь Дандан, царь Дау-аль-Макан и царедворец остались сидеть у Шарр-Кана, приготовляя ему пластыри и мази и давая ему лекарство, и здоровье направилось к нему, и все очень обрадовались и сообщили об этом войскам, и мусульмане возликовали и говорили: «Завтра он сядет с нами на коня и примет участие в осаде». А потом Шарр-Кан сказал сидевшим подле него: «Вы сегодня сражались и устали от боя, вам следует пойти к себе и поспать». И они ответили согласием, и каждый из них ушёл к себе в шатёр. Возле Шарр-Кана остались лишь немногие слуги и старуха Зат-ад-Давахи. И Шарр-Кан поговорил с нею, а затем он прилёг уснуть, и слуги также, и сон одолел их, и они заснули, как мёртвые.

Вот что было с Шарр-Каном и его слугами. Что же касается старухи Зат-ад-Давахи, то после того, как они заснули, она одна осталась бодрствовать в палате. И она посмотрела на Шарр-Кана и увидела, что он погружён в сон, и, вскочив на ноги, она вынула отравленный кинжал, такой, что, будь он положен на камень, он наверное расплавил бы его, и, вытащив его из ножен, подошла к изголовью Шарр-Кана, провела кинжалом по его шее и зарезала его, отделив ему голову от тела.

А затем она вскочила на ноги и, подойдя к спящим слугам, отрезала им головы, чтобы они не проснулись. И после того вышла из палатки и пошла к шатру султана. Но, увидев, что сторожа не спят, она направилась шатру везиря Дандана и нашла его читающим Коран. И когда взор везиря встретился с её взором, он сказал: «Добро пожаловать богомольцу-подвижнику!» И, услышав от везиря, она почувствовала в сердце тревогу и сказала: «Я поэтому пришёл сюда в это время, что услышал голос одного из друзей Аллаха, и я ухожу к нему». И она повернулась, уходя, а везирь Дандан воскликнул про себя: «Клянусь Аллахом, я последую за подвижником сегодня ночью!» И он поднялся и пошёл за нею, и, когда проклятая услышала его шаг, она поняла, что он идёт сзади, и испугалась, что опозорится. Если я не обману его хитростью, я буду опозорена», – подумала она, и обратилась к нему издали и сказала. «О, везирь, я иду за этим другом Аллаха, чтобы узнать его, и когда я его узнаю, я спрошу для тебя позволения подойти к нему, и приду и скажу тебе. Я боюсь, что если ты пойдёшь со мной, не спросивши его позволения, он почувствует ко мне неприязнь, увидав тебя со мною». И везирь, услышав её слова, постыдился ответить ей и оставил её и вернулся к себе в палатку. Он хотел заснуть, но сон не был ему приятен и мир едва не рушился на него. И тогда он вышел из палатки и сказал про себя: «Пойду к Шарр-Кану и поговорю с ним до утра». И он пошёл и, войдя к Шарр-Кану, увидел, что кровь течёт, как из трубы, и слуги зарезаны. И везирь издал крик, который встревожил спящих, и

люди поспешили к нему и, увидев лившуюся кровь, подняли плач и стенания. И тогда султан Дау-аль-Макан проснулся и спросил, что случилось, и ему сказали: «Твой брат Шарр-Кан и слуги убиты». И он поспешно поднялся и, войдя в палатку, увидел кричащего везира Дандана и нашёл тело своего брата без головы – и исчез из мира. И тогда все воины закричали и заплакали и стали ходить вокруг Дау-аль-Макана, и он очнулся и, посмотрев на Шарр-Кана, заплакал громким плачем, и то же сделали везир и Рустум и Бахрам. А что до царедворца, то он кричал и очень много плакал, а потом пожелал уехать, так как испытывал ужас. «Не знаете вы, кто сделал это с моим братом и почему я не вяжу подвижника, удалившегося от дел мира?» – спросил Дау-аль-Макан. И везир воскликнул: «А кто навлёт такие печали, как не этот сатана-подвижник! Клянусь Аллахом, моё сердце бежало от него, так как я знаю, что всякий, кто далеко заходит в благочестии, – человек скверный и коварный». И он повторил царю свою повесть и рассказал, что хотел последовать за подвижником, но тот ему не дал этого сделать.

И люди подняли плач и стенания и умоляли близкого, внимающего, чтобы он отдал им в руки этого подвижника, не признающего знамений Аллаха, и они обрядили Шарр-Кана и закопали его на упомянутой горе, печальась об его славных достоинствах...»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Сто пятая ночь

Когда же настала сто пятая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что они обрядили Шарр-Кана и закопали его на упомянутой горе, печальась о его славных достоинствах. А затем они стали ждать, чтобы открылись ворота города, но их не открывали, и на стенах не было видно ничего следа. И они удивились до крайности, и царь Дау-аль-Макан воскликнул: „Клянусь Аллахом, я не двинусь, пока не отомщу за моего брата Шарр-Кана и не разрушу аль-Кустантынию и не перебью христианских царей, даже если настигнет меня гибель и я отдохну от этой низкой жизни!“

Потом он велел принести богатства, захваченные в пустыни Матруханны, собрал войска и разделил деньги, не оставив никого, кому бы не дал достаточно денег. А затем он призвал из каждого отряда по триста всадников и сказал им: «Пошлите жалованье домой, так как я останусь здесь у этого города, пока не отомщу за моего брата Шарр-Кана, хотя бы я умер в этом месте».

И, услышав от него эти слова, воины взяли деньги, которые он дал им, и ответили ему: «Слушаем и повинемся!» А Дау-аль-Макан призвал гонцов и дал им письма и велел передать их и доставить деньги в дома воинов, сообщив их родным, что они здоровы и спокойны. «Расскажите, что мы осаждаем аль-Кустантынию и разрушим её или умрём; хотя бы пробыли здесь месяцы и годы, мы не тронемся отсюда, не завоевав её», – сказал им Дау-аль-Макан и велел везиру Дандану написать письмо его сестре Нузхат-аз-Заман. «Сообщи ей о том, что с нами случилось и каково нам, – сказал он, – и поручи ей заботиться о моем сыне. Когда я выступил, моя жена была близка к родам, и сейчас она не иначе, как родила. И если, как я слышал, ей послан сын, пусть гонцы возвращаются скорее и привезут мне эту весть». И он подарил гонцам немного денег, и они взяли их и отправились в тот же час и минуту, и люди вышли проститься с ними и поручили им беречь деньги.

А когда они отправились, царь обратился к везиру Дандану и велел ему отдать людям приказ подползти близко к стенам, и они подползли, но никого не нашли на стенах и удивились этому. И султан был озабочен этим и стал печалиться о разлуке со своим братом Шарр-Каном и не знал, что думать о подвижнике-обманщике. И они провели так три дня и никого не увидели.

Вот что было с мусульманами. Что же до румов и до причины их уклонения от боя в эти три дня, то Зат-ад-Давахи, убив Шарр-Кана, поспешно пошла и, придя к стенам, закричала сторожам на языке румов, чтобы они спустили ей верёвку. «Кто ты?» – спросили

её. И она отвечала: «Я Зат-ад-Давахи!» И её узнали и спустили ей верёвку, а она привязала себя к ней, и её подняли. И, прибыв к румам, она вошла к царю Аффридуну и спросила его: «Что это я слышала от мусульман? Они говорили, что мой сын Хардуб убит».

«Да», – отвечал Аффридун. И старуха закричала и заплакала, и плакала до тех пор, пока не довела до плача Аффридуна и тех, кто был у него, а затем она рассказала Аффридуну, что зарезала Шарр-Кана и тридцать слуг. И Аффридун обрадовался и поблагодарил её, целуя ей руки, и пожелал ей быть стойкой, потеряв сына. «Клянусь мессией, – воскликнула она, – я не удовлетворяюсь, убив собаку из мусульманских собак в отместку за царя из царей времени! Я непременно устрою хитрость и измыслю козни, которыми убью султана Дау-аль-Макана, везиря Дандана, и царедворца, и Рустума, и Бахрама, и десять тысяч витязей из войск ислама. О, царь времени, – сказала она потом, – я хочу справить печаль по моему сыну и порвать пояс и сломать кресты». А Аффридун отвечал си: «Делай, что хочешь, я не буду прекословить тебе ни в чем. Если бы ты и долгое время печалилась по твоём сыне, этого было бы мало. Мусульмане, если они захотели бы нас осаждать лета и годы, не добьются от нас того, чего хотят, и им достанется лишь усталость и труд».

И проклятая, покончив с бедствиями, которые она учинила, и с несчастьями, ею самую придуманными, взяла чернильницу и бумагу и написала: «От Шавахи Зат-ад-Давахи достойным мусульманам: „Знайте, что я входила в ваши земли и примешала свою скверну к вашему благородству. Прежде я убила вашего царя Омара ибн ан-Нумана, посреди его дворца, и также убила многих его людей в сражении при ущелье и пещере, а последние, кого я убила, – это Шарр-Кан и его слуги. И если поможет мне время и будет послушен мне сатана, я непременно убью султана и везиря Дандана. И если вы хотите после этого остаться целы – уезжайте, если же вы хотите гибели ваших душ – не уклоняйтесь от пребывания здесь. И хоть бы вы остались здесь лета и годы, вы не достигнете от нас желаемого. Мир вам!“»

И, написав письмо, она провела в печали по царю Хардубе три дня, а на четвёртый день позвала патриция и приказала ему взять эту записку, привязать её к стреле и пустить к мусульманам. А после этого она пошла в церковь и стала плакать и причитать о потере сына, и она сказала тому, кто воцарился после пего: «Я непременно убью Дау-аль-Макана и всех врагов ислама!»

Вот что было с нею. Что же до мусульман, то они провели три дня, огорчённые и озабоченные, а на четвёртый день они посмотрели на стены и вдруг видят – патриций с деревянной стрелой, а на конце её письмо. И они подождали, пока патриций пустил им стрелу, и султан велел везирию Дандану прочитывать письмо. И когда тот прочитал его и Дау-аль-Макан услышал, что в нем написано, и понял его смысл, глаза его пролились слезы, и он закричал, мучаясь из-за её коварства, а везирь сказал: «Клянусь Аллахом, моё сердце бежало от неё!» – «Как могла эта распутница схитрить с нами два раза! – воскликнул султан. – Но клянусь Аллахом, я не тронусь отсюда, пока не наполню ей фардж расплавленным свинцом и не заточу её, как птиц заточают в клетке, а потоп привяжу за волосы и распну на воротах аль-Кустантыии!» И он вспомнил своего брата и заплакал горьким плачем.

А неверные, когда старуха направилась к ним и рассказала, что случилось, обрадовались убиению ШаррКана и спасению Зат-ад-Давахи. Мусульмане же поиериулись к воротам аль-Кустаптынии, и султан обещал им, если он завоюет город, разделить его богатства между ними поровну. Вот! А у султана не высохали слезы о? печали по брату, и худоба обнажила его тело, так что он стал, точно зубочистка. И везирь Дандан вошёл к нему и сказал: «Успокой свою душу и прохлади глаза! Твой брат умер не раньше своего срока, и нет пользы от этой печали. Как прекрасны слова поэта:

Не свершится что – не свершить того ухищренья, Никогда, а то, чему быть должно, то будет.

Чему быть должно, совершится то своевременно И невежда лишь угнетён всегда бывает. Оставь же плач и стенания и укрепи своё сердце, чтобы нести оружие». – «О везирь,

моё сердце огорчено смертью моего отца и брата и тем, что мы вдали от наших земель. Поистине, мой ум занят мыслью о подданных», – сказал Дау-аль-Макан. И везирь и присутствующие заплакали. И они провели некоторое время, осаждая аль-Кустантынию, и когда это было, вдруг пришли из Багдада вести с одним эмиром царя, гласившие, что жена царя Дау-аль Макана наделена сыном и что Нузхат-азЗаман, сестра царя, назвала его Кан-Макан, и с этим мальчиком произойдут великие дела, так как в нем уже увидели чудеса и диковины. И царица приказала учёным и проповедникам молиться за вас на кафедрах, после каждой молитвы, и передаёт вам: «Мы в добром здравье, и дожда много, и твой товарищ истопник в полном довольстве и изобилии, и у него есть слуги и челядь, но он до сих пор не знает, что с тобой случилось! Мир тебе!» И Дау-аль-Макан воскликнул: «Теперь моя спина укрепилась, так как я наделён сыном, имя которого Кан-Макан...»

И Шахразад устала, и она прекратила дозволенные речи.

Сто шестая ночь

Когда же настала сто шестая ночь, она сказала:

«Дошло до меня, о счастливый царь, что когда к царю Дау-аль-Макану пришла весть о рождении сына, он обрадовался великой радостью и воскликнул: „Теперь окрепла моя спина, так как я наделён сыном, имя которому Кан-Макан. Я хочу оставить печаль и совершить в память моего брата чтение Корана и благие дела“, – сказал он везирию Дандану. И тот ответил: „Прекрасно то, что ты пожелал!“ А затем царь велел разбить палатки на могиле своего брата и собрать тех, кто читает Коран, и одни стали читать, а другие поминали Аллаха до утра. А затем султан Дау-аль-Макан подошёл к могиле своего брата Шарр-Кана и пролил слезы и произнёс такие стихи:

«Его вынесли, и всяк плачущий позади него
Был сражён, как Муса, когда гора низверглась¹⁷⁰
И пришли к могиле, и мнилось нам, будто гроб его
В сердце каждого, чей господь един, закопан.
И не думал я, пока жив ты был, что увижу я,
Как уносится на руках людей гора Радва¹⁷¹»
Никогда! И, прежде чем в землю ты закопан был,
Я не знал, что звезды зайти под землю могут»
И жилец могилы – он может ли быть заложником
В обители, где и блеск и свет сияют?
Похвалы ему оживить его обещали вновь,
Когда умер он, и как будто жив он снова.

А окончив свои стихи, Дау-аль-Макан заплакал, и все люди заплакали с ним, а потом он подошёл к могиле и бросился на неё, ошеломлённый, а везирь Дандан произнёс слова поэта:

«Оставивши тленное, достиг ты извечного,
И много людей, как ты, тебя обогнали ведь,
И был безупречен ты, покинувши мир земной,

¹⁷⁰ Намёк на заимствованное из талмуда сказание о том, как бог, желая испугать неверных, вырвал гору из земли и потряс ею над их головами.

¹⁷¹ Радва – гора близ Мекки.

И с тем, что обрыцешь ты в блаженстве, забудешь жизнь.
Охраню был ты нам от недругов яростных,
Лишь только стрела войны стремилась сразиться в бою,
Все в мире считаю я пустым и обманчивым!
Высоки стремленья тех, кто ищет лишь господя!
Так пусть же господь престола в рай приведёт тебя,
И место там даст тебе, в обители истинной!
Утратив тебя теперь, вздыхаю я горестно
И вижу – грустят восток и запад, что нет тебя».

И везирь Дандан, окончив свои стихи, горько заплакал, и из глаз его посыпались слезы, как нанизанные жемчуга, а затем выступил вперёд человек, бывший сотрапезником Шарр-Кана, и стал так плакать, что его слезы стали похожи на залив, и он вспомнил благородные поступки Шарр-Кана и произнёс стихотворение в пятистишиях:

«Где же дар теперь, когда длань щедрот под землёй твоя
И недуги злые мне сушат тело, как нет тебя?
О вожак верблюдов, да будешь рад ты! Не видишь ли,
Написали слезы немало строк на щеках моих?
Ты заметил их? Услаждают вид их глаза твои?
Поклянусь Аллахом, не выдам я мысли тайные
О тебе, о нет, и высот твоих не касалась мысль
Без того, чтоб слезы глаза мне жгли и лились струёй.
Но хоть раз один отведу коль взор, на других смотря,
Пусть натянет страсть повод век моих, когда спят они.

Когда этот человек окончил свои стихи, Дау-аль-Макан заплакал вместе с везирем Данданом, и воины подняли громкий плач, а затем они ушли в палатки, а султан обратился к везиру Дандану, и они стали советоваться о делах сражения.

И так они провели дни и ночи, и Дау-аль-Макан мучился заботой и горем, и однажды он сказал: «Я хочу послушать рассказы о людях, предания о царях и повести о безумных от любви – быть может, Аллах облегчит сильную заботу, охватившую моё сердце, и прекратит этот плач и причитания».

И везирь отвечал ему: «Если твою заботу облегчит только слушание рассказов о царях, диковинных преданий и древних повестей о безумных от любви и других, то это дело лёгкое, так как при жизни покойного твоего отца у меня не было иного занятия, кроме рассказов и стихов. И сегодня вечером я расскажу тебе о любящей и любимом, чтобы расправилась твоя грудь».

И когда Дау-аль-Макан услышал слова везиря Дандана, он стал ждать только прихода ночи, желая услышать, какие расскажет везирь Дандан предания. И когда подошла ночь, он велел зажечь свечи и светильники и принести нужные кушанья, напитки и курильницы, и ему принесли все это. А затем он послал за везирем Данданом, и когда тот пришёл, царь послал за Бахрамом, Рустамом, Теркашем и старшим царедворцем, и они явились. И когда все предстали перед ним, он обернулся к везиру и сказал ему: «Знай, о везирь, что ночь пришла и развернула и опустила на нас свои покровы, и мы хотим, чтобы ты рассказал нам, какие обещал, повести». – «С любовью и охотой», – сказал везирь...»

И Шахразаду застало утро, и она прекратила дозволенные речи.

Сто седьмая ночь

Когда же настала сто седьмая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь,

что, призвав везиря, царедворца, Рустума и Бахрама, царь Дау-аль-Макан обернулся к везирию Дандану и сказал ему: „Знай, о везирь, что ночь подошла и развернула и опустила на нас свои покровы, и мы хотим, чтобы ты рассказал нам, какие обещал, повести“. – «С любовью и охотой, – отвечал везирь. – Знай, о счастливый царь, что дошла до меня повесть о любящем и любимом и посреднике между ними, а также о чудесах и диковинках, с ними случившихся, и прекращает она заботу в сердцах и рассеивает горе, подобное горю Якуба¹⁷². Вот она.

Повесть о Тадж-аль-Мулуке (ночи 107-136)

Был в минувшие время город позади гор Испаханских¹⁷³, называемый Зелёным городом, и был там царь по имени Сулейман-шах. И был он щедр, благодетелен и справедлив, прямодушен, достоин и милостив. И путники отовсюду шли к нему, и слава о нем распространилась во всех концах и странах света. И он провёл, царствуя, долгое время, в спокойствии и величии, но только не имел потомства и жён. И был у него везирь, близкий к нему по свойствам в отношении щедрости и даров, и случилось так, что в один день среди дней он послал за своим везирем и призвал его пред лицо своё и сказал: «О везирь, поистине стеснилась моя грудь и истомилось терпение и ослабела моя стойкость, так как я без жены и ребёнка, и не таков путь царей, правящих над людьми – и эмиром и бедняком, – ибо они радуются, оставив детей, и умножается ими число их и сила. Сказал пророк, – да благословит его Аллах и да приветствует: „Женитесь, плодитесь, размножайтесь: я буду хвалиться вами перед пародами в день воскресенья“. Каково же твоё мнение, о везирь? Посоветуй мне какой-нибудь разумный способ».

И когда везирь услышал эти слова, из глаз его полились, струясь, слезы, и он воскликнул: «Далеко от меня, о царь времени, чтобы заговорил я о том, что присуще всемилостивому! Или ты хочешь, чтобы я вошёл в огонь из-за гнева владыки всемогущего? Купи невольницу». – «Знай, о везирь, – отвечал ему царь, – что когда царь купит невольницу, не зная её родами по ведая её племени – неизвестно ему, низкого ли она происхождения, чтобы ему отстранить её, или она из почтённой среды и может стать его наложницей. А когда он придёт к обладанию ею, она может понести от него, и окажется дитя лицемером, притеснителем и кровопроливцем. И невольница будет подобна болотистой земле: если посадить на ней растение, оно скверно вырастет и плохо укрепитя. И такое дитя подвергнется гневу своего владыки, не делая того, что он повелевает и не сторонясь того, что он запрещает. И не буду я никогда этому причиной, купив невольницу, а желаю, чтобы ты посватал мне девушку из царских дочерей, род которой был бы известен и красота прославлена. Если ты укажешь мне знатную родом и благочестивую девушку, дочь мусульманских владык, я к ней посватаюсь и женюсь на ней в присутствии свидетелей, чтобы досталось мне благоволение господина рабов». «Поистине, Аллах исполнил твою нужду и привёл тебя к желаемому, – отвечал везирь. – Знай, о царь, – сказал он, – до меня дошло, что у царя Зар-шаха, владыки Белой земли, есть дочь превосходной красоты, описать которую бессильны слова и речи. И не найти ей подобия в наше время, так как она совершенна до пределов – со стройным станом, насурьмлёнными глазами, длинными полосами, тонкими боками и тяжёлыми бёдрами, и, приближаясь, она искушает, а отворачиваясь, – убивает. И она захватывает сердце и око, как сказал о ней поэт:

О стройная! Стан её ветвь ивы смутит всегда.
Ни солнце, ни серп лупы не сходны с лицом её.

¹⁷² Якуб – библейский Яков, отец Иосифа Прекрасного.

¹⁷³ Испахан – город и провинция в центральном Иране.

Слюна её – словно мёд, что смешан с пьянящим был
Вином, и в устах её жемчужин нанизан ряд.
И станом стройна она, как гурия райская,
Прекрасно лицо её, и темны глаза её.
И сколько убитых есть, погибших в тоске по ной!
Кто любит её, тех путь опасен и страха поли.
Живу я – она мне смерть – назвать не хочу её!¹⁷⁴ –
Умру без неё, так жизнь не будет щедра ко мне».

И, окончив описание этой девушки, везирь сказал царю Сулейман-шаху: «По-моему, о царь, тебе следует послать к отцу её посланца, понятливого, сведущего в делах и испытанного превратностями судьбы, чтобы он уговорил со отца выдать её за тебя замуж, ибо ей нет соперниц и в дальних землях, ни в ближних, и подлинно достанется тебе её красивое лицо и будет доволен тобою великий господь. Дошло ведь, что пророк – да благословит его Аллах и да приветствует! – сказал: „Нет монашества в исламе“».

И тут пришла к царю полная радость, и грудь его расширилась и расправилась, и прекратилась его забота и горе, и он обратился к везирию и сказал: «Знай, о везирь, что никто не отправится для этого дела, кроме тебя, из-за совершенства твоего ума и твоей благовоспитанности. Пойди же в твоё жилище, закончи твои дела и соберись завтра, чтобы посватать за меня эту девушку, которой ты занял мой ум. И не возвращайся ко мне иначе, как с нею!» И везирь отвечал: «Слушаю и повинуюсь!»

А затем везирь отправился в своё жилище и приказал принести подарки, подходящие для царей: дорогие камни, пенные сокровища и другое из того, что легко на вес, по тяжко по цене, и арабских копий, и давидовы кольчуги¹⁷⁵, и сундуки с богатствами, описать которые бессильны слова.

И их нагрузили на мулов и верблюдов, и везирь поехал, а с ним сто белых рабов и сто чёрных рабов и сотня рабынь, и развернулись над его головой знамёна и стяги. А царь повелел ему приехать обратно через малый срок времени. И после отъезда везирия царь Сулейман-шах был как на огневых сковородках, захваченный любовью к царевне и ночью и днём.

А везирь днём и ночью свивал под собою землю, в степях и пустынях, пока между ним и тем городом, куда он направился, не остался один лишь день. И тогда он остановился на берегу реки и, призвав одного из своих приближённых, велел ему отправиться скорее к царю Захр-шаху и уведомить царя о его приезде.

И приближённый ответил: «Слушаю и повинуюсь!» И поспешно отправился в тот город, и, когда он прибыл туда, случилось так, что во время его прибытия царь Захр-шах сидел в одном из мест для прогулок перед воротами города. И царь увидел гонца входящим и понял, что это чужеземец. Он приказал привести его пред лицо своё, И, явившись, посланец рассказал ему о прибытии везирия величайшего царя Сулейман-шаха, владыки зеленой земли и гор Испаханских. И царь Захр-шах обрадовался и сказал посланному: «Добро пожаловать!» И взял его и отправился во дворец. «Где ты покинул везирия?» – спросил он его, и гонец сказал: «Я покинул везирия в начале дня на берегу такой-то реки, и завтра он прибудет к тебе, – да продлит Аллах тебе навсегда свою милость и да помилует твоих родителей!» И царь Захршах приказал одному из своих везирей взять большую часть его приближённых, царедворцев, наместников и вельмож царства и выйти с ними навстречу прибывшему, в знак уважения к царю Сулейман-шаху, так как приказ его исполнялся по всей земле.

Вот что было с царём Захр-шахом. Что же касается везирия, то он оставался на месте до

¹⁷⁴ Из суеверного страха поэт оговаривается, не желая упоминать о смерти.

¹⁷⁵ По преданию, Давид, отец Соломона, получил от Аллаха в дар умение выделывать кольчуги.

полуночи, а потом тронулся, направляясь к городу, и, когда заблистало утро и засияло солнце над холмами и равнинами, он не успел опомниться, как везирь царя Захр-шаха, его царедворцы, вельможи правления и избранные сановники царства явились к нему и встретились с ним на расстоянии нескольких фарсахов от города. И везирь убедился, что его нужда будет исполнена, и приветствовал тех, кто встретил его, а они непрестанно шли впереди него, пока не прибыли ко дворцу царя и не дошли, предшествуя ему, до седьмого прохода, – а это было место, куда не въезжал верховой, так как оно было близко от царя. И везирь спешил и шествовал на ногах, пока не дошёл до высокого портика, а на возвышении под этим портиком было мраморное ложе, украшенное жемчугом и драгоценными камнями, и стояло оно на четырех ножках из слоновых клыков. И на ложе этом была атласная зелёная подушка, обшитая червонным золотом, а над ложем возвышался шатёр, расшитый жемчугом и драгоценными камнями, и царь Захр-шах сидел на этом ложе, и вельможи стояли перед ним.

И когда везирь вошёл к нему и оказался пред лицом его, он укрепил свою душу и освободил свой язык, проявив красноречие везирей и заговорив словами велеречивых...»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Сто восьмая ночь

Когда же настала сто восьмая ночь, она сказала:

«Дошло до меня, о счастливый царь, что когда везирь царя Сулейман-шаха вошёл к дарю Захр-шаху, он укрепил свою душу, освободил свой язык и проявил красноречие везирей и заговорил словами велеречивых и указал на царя тонким указанием, произнеся такие стихи:

«Он явился к нам, изгибая нежно в одеждах стан,
И росой щедрот омочил он плод и сорвавших плод.
Он чарует пас, и бессильны чары и ладанки
Против взглядов глаз, нам колдующих волшебством своим.
Не корите же – ты скажи хулящим, – поистине,
Во всю жизнь мою я любви к нему не могу забыть,
И душа моя, обманув меня, лишь ему верна,
И ночной покой тяготится мною, любя его,
Только ты, о сердце, со мной теперь из сочувствия, –
Пребывай же с ним и оставь меня в одиночестве.
Ничего ушам неохота слышать теперь моим;
Лишь хвалам Захр-шаху стремлюсь внимать я со всех сторон.
Этот царь таков, что когда всю жизнь ты истратил бы
За один лишь взгляд на лицо его, ты богат бы был,
А когда б решил помолиться ты за царя того,
Ты увидел бы, что с тобою все говорят: «Аминь!»
Обитатели всех земель его! Правоверными
Не сочту я тех, кто покинет их, в край другой стремясь».

Когда везирь окончил эти нанизанные стихи, царь Захр-шах приблизил его к себе и оказал ему крайнее уважение. Он посадил его с собою рядом, улыбнулся ему в лицо и почтил его ласковыми речами, и они просидели так до утренней поры, и потом подали трапезу в этом же портике, и они ели, пока не насытились, а затем трапезу убрали, и все, кто был в этом покое, вышли и остались только приближённые. И когда везирь увидел, что покой опустел, он поднялся на ноги и восхвалил царя и поцеловал землю меж его рук, а потом сказал: «О великий царь и грозный господин, я направился к тебе и явился ради дела,

которое даст тебе мир, добро и счастье. Я пришёл к тебе как посланный и сват и хочу получить твою дочь, знатную родом и племенем, для царя Сулейманшаха, справедливого, прямодушного, милостивого и благодетеля, владыки этой земли и гор Испаханских. Он прислал тебе многочисленные дары и дорогие редкости и желает стать твоим зятем. А ты, стремишься ли ты также к этому?»

И он умолк, ожидая ответа. И когда царь Захр-шах услышал эти слова, он поднялся на ноги и облобызал чинно землю, и присутствующие удивились смирению паря перед послом, и ошеломлён был их разум. А потом царь восхвалил высокого и милостивого, и сказал, продолжая стоять: «О великий везирь и благородный господин, послушай, что я скажу. Мы – царя Сулейман-шаха подданные, и породниться с ним для нас почётно, и мы жаждем этого. Моя дочь – служанка из служанок его, и величайшее желание моё, чтобы стал он моей поддержкой в нужде и опорой». И потом он призвал судей и свидетелей, и они засвидетельствовали, что царь Сулейман-шах уполномочил своего везира заключить брак. И царь Захр-шах Заключил договор своей дочери, предовольный.

А потом судьи утвердили брачный договор и пожелали супругам успеха и удачи, и тогда везирь поднялся и велел принести доставленные им подарки и дорогие редкости и дары и поднёс все это царю Захр-шаху, а после того царь принялся снаряжать свою дочь, оказывая везирию уважение, и собрал на свои пиры и великих и низких.

И он устраивал торжества два месяца, не упустив ни чего, что радует сердце и око. И когда все нужное для невесты было полностью готово, царь приказал выставить шатры.

Их разбили вне города и сложили материи в сундуки и приготовили румийских невольниц и прислужниц-турчанок, а царь отослал вместе с невестой ценные сокровища и дорогие камни. И, кроме того, он сделал ей носилки из червонного золота, вышитые жемчугом и драгоценностями, и назначил для одних этих носилок двадцать мулов, чтобы их везти. И стали эти носилки подобны горнице среди горниц, и владелица их была точно гурия из прекрасных гурий, а купол над ними напоминал светлицу из райских светлиц. И сокровища и богатства увязали, и они были нагружены на мулов и верблюдов. И царь Захршах проехал с отъезжающими расстояние в три фарсаха, а потом он простился с везирем и с теми, кто был с ним, и вернулся в родной город, радостный и спокойный. А везирь поехал с царской дочерью и непрестанно проезжал остановки и пустыни...»

И Шахразату застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Сто девятая ночь

Когда же настала сто девятая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что везирь отправился с дочерью царя и поехал, непрестанно проезжая остановки и пустыни и ускоряя ход и ночью и днём, пока между ним и его страной не осталось три дня пути. И тогда он послал человека, чтобы известить царя Сулейман-шаха о прибытии невесты. И гонец поспешно поехал и, прибывши к царю, сообщил ему, что невеста прибыла. И царь обрадовался и наградил посланца и велел войскам выходить в великолепном шествии навстречу невесте и тем, кто с нею, в знак уважения, и чтобы они были в лучших одеяниях и развернули бы над головам знамёна.

И войска исполнили его приказание. И глашатай закричал, чтобы в городе не оставалось ни девушки-затворницы, ни почитаемой госпожи, ни разбитой старухи, которая бы не вышла встречать невесту. И они все вышли навстречу ей, и знатные среди них старались ей услужить. Они сговорились отвести её к ночи в царский дворец, а вельможи царства решили украсить дорогу и стояли, пока невеста не проследовала мимо, в предшествии евнухов, и невольницы шли перед нею. И одета она была в платье, которое дал ей отец. Когда она приблизилась, войска окружили её, справа и слева, и носилки с нею двигались до тех пор, пока не достигли дворца. И никого не осталось, кто бы не вышел посмотреть на неё, и начали бить в барабаны, играть копьями и трубить и трубы. И вокруг

веял аромат благовоний, и трепетали знамёна, и кони неслись вперегонку, пока шествие не прибыло к воротам дворца.

И слуги поднесли носилки к потайной двери, и местность осветилась блеском царевны, и во все стороны засияли драгоценности, украшавшие её. А когда подошла ночь, евнухи открыли вход в палатку и встали вокруг входа, а потом пришла невеста, и она, среди рабынь, была как месяц среди звёзд, или бесподобная жемчужина между нанизанным жемчугом.

И она вошла внутрь шатра, где ей поставили мраморное ложе, украшенное жемчугом и драгоценными камнями, и села на это ложе, и тогда вошёл к ней царь (а Аллах заронил в его сердце любовь к девушке) и уничтожил её девственность, и прошло тогда его волнение и угнетённость.

И он пробыл подле неё около месяца, и она понесла от него в первую же ночь, а когда месяц окончился, царь вышел и сел на престол своего царства и справедливо судил своих подданных, пока не исполнились её месяцы.

А в конце последней ночи девятого месяца, на заре, пришли к ней потуги, и она села на кресло разрешения. И Аллах облегчил ей роды, и она родила мальчика, на котором блестели признаки счастья. И когда царь услышал о сыне, он обрадовался великой радостью и подарил возвестившему об этом большие деньги и, счастливый, отправился к мальчику и поцеловал его меж глаз, радуясь его чудной красоте. И на нем оправдались слова поэта:

Крепостям величия послал Аллах в этом юноше
Льва сурового, и звезду послал небесам властей.
Его видеть рад и престол царя, и копьё зубец,
И толпа людей, и войска в рядах, и лань быстрая.
Не сажай его на грудь женщины – ведь поистине
Он найдёт потом спину лошади более лёгкою.
Отлучи его от груди её – он найдёт потом
Кровь врагов своих самым сладостным из напитков всех.

И затем няньки взяли этого младенца, обрезали ему пуповину, насурьмили ему глаза и назвали его Тадж-аль-Мулук-Харан¹⁷⁶. И был он вскормлен сосцом изнеженности и воспитан в лоне счастья.

И дни беспрестанно бежали, и годы шли, пока не стало ему семь лет, и тогда царь Сулейман-шах призвал учёных и мудрецов и повелел им обучать своего сына чистописанию, мудрости и вежеству. И они провели за этим несколько лет, пока мальчик не научился тому, что было нужно. И когда он узнал все, что требовал царь, тот взял его от законоведов и учителей и привёл ему наставника, чтобы тот научил его ездить на коне. И наставник обучал его этому, пока ему не стало четырнадцать лет. И когда юноша выезжал за каким-нибудь делом, все, кто его видели, были очарованы...»

И Шахразад устро, и она прекратила дозволенные речи.

Сто десятая ночь

Когда же настала сто десятая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что Тадж-аль-Мулук-Харан, сын царя Сулейман-шаха, стал искусен в езде на коне и превзошёл людей своего времени крайней прелестью, и он был так прекрасен, что когда он выезжал по какому-нибудь делу, все, кто его видели, очаровывались им. И о нем слагали стихи и благородные люди позорились, влюбляясь в него, такую он отличался сияющей

¹⁷⁶ Тадж-аль-Мулук – означает «Венец царей». Персидское слово «харан» является точным переводом арабского слова «Будур» – то есть «полные луны», употребляемого как имя.

красотой, и сказал о нем поэт:

Обнялись мы с ним, и упился я его запахом:
Он – молодая ветвь, что напоена ветром веющим.
Точно пьяный он, что вина не выпил, а только лишь
От пьянящей влаги слюны его охмелел он вдруг.
Оказалась прелесть, вся полностью, им пленённою,
И поэтому все сердца пленил этот юноша.
Я клянусь Аллахом, забвение не придёт на ум,
Пока жизни цепь тяготит меня, да и позже нет.
Если жив я буду-то буду жив, лишь любя его,
А умру – так смерть от любви придёт, – как прекрасна смерть!

А когда ему стало восемнадцать лет, зелёный пушок пополз по родинке на его румяной щеке и украсило её родимое пятно, подобное точке амбры, и юноша похищал умы и взгляды, как сказал о нем поэт:

Он преемником по красе своей стал Иосифу
И влюблённых всех устрашает он, появившиеся.
О, постой со мной и взгляни, – быть может, увидишь ты
На щеке его халифата знак – знамя чёрное¹⁷⁷.

Или, как сказал другой:

Не увидят очи прекраснее твои зрелища,
Среди всех вещей, что увидеть могут люди,
Чем то пятнышко, ещё юное, на щеке его
Разрумяненной, ниже глаз его столь чёрных.

Или, как сказал другой:

Дивлюсь я на роднику – огню она молится.
Как маг, во щеки не жжёт, в неверье упорная.
Ещё удивительней посланник в глазах его,
Что знамения подтвердит, хоть, право, волшебник он.
Но вовсе не свежим пухом блещет щека его,
А жёлчью из лопнувших с тоски по нем печеней.

Или, как сказал другой:

Я дивлюсь вопросам людей разумных, в какой земле
Вода жизни пьётся и где течёт поток её.
Её вижу я: на устах газели изнеженной,
Чьи так сладки губы и свеж пушок, на них выросший.
И дивлюсь я, если б встретил Муса на месте том,
Этих струй поток он не вытерпел бы наверное.

И когда он сделался таким и достиг возраста мужей, его красота ещё увеличилась. А

¹⁷⁷ Чёрное знамя было эмблемой аббасидской династии. Первые халифы Аббасиды выбрали чёрный цвет как выражение скорби по убитым потомкам халифа Алиа, мстителями за которых они якобы выступали.

затем у Тадж-аль-Мулука Харана появились любимцы и друзья, и всякий, кто стремился к нему приблизиться, надеялся, что юноша станет султаном после смерти отца, а он будет у него эмиром.

Тадж-аль-Мулук привязался к охоте и ловле и не прекращал её ни на один час. И его отец Сулейман-шах запрещал ему это, боясь бедствий пустыни и диких зверей, но юноша не слушался его. И случилось, что он сказал своим слугам: «Возьмите корму на десять дней», – и они последовали его приказанию.

Повесть о любящем и любимом (ночи 112-128)

Однажды Тадж-аль-Мулук поехал со свитой на охоту и ловлю. И они ехали пустыней и непрерывно подвигались четыре дня, пока не приблизились к земле, покрытой зеленью, и увидели они там резвящихся зверей, деревья со спелыми плодами и полноводные ручьи. И Тадж-аль-Мулук сказал своим приближённым: «Поставьте здесь сети и растяните их широким кругом, а встреча будет у начала круга, в таком-то месте». И его приказанию последовали и, расставив сети, растянули их широким кругом, и в круг собралось множество разных зверей и газелей, и звери кричали, ревели и бегали перед конями.

И тогда на них пустили собак, барсов и соколов. И стали бить зверей стрелами, попадая в смертельные места. И ещё не дошли до конца загона, как было захвачено много зверей, а остальные убежали.

А после этого Тадж-аль-Мулук спешил к воде и приказал принести дичь и разделил её, отобрав для своего отца Сулейман-шаха наилучших зверей, отослал их ему, а часть он раздал своим вельможам.

И он провёл ночь в этом месте, а когда наступило утро, к ним подошёл большой караван, где были рабы и слуги и купцы. И этот караван остановился у воды и зелени. И, увидев путников, Тадж-аль-Мулук сказал одному из своих приближённых: «Принеси мне сведения об этих людях и спроси их, почему они остановились в этом месте». И гонец отправился к ним и сказал: «Расскажите нам, кто вы, и поторопитесь дать ответ». И они отвечали: «Мы купцы и остановились здесь для отдыха, так как место нашего привала далеко от нас, и мы расположились здесь, доверяя царю Сулейман-шаху и его сыну. Мы знаем, что всякий, кто остановился близ его владений, в безопасности и может не опасаться. С нами дорогие материи, которые мы привезли для его сына Тадж-аль-Мулука».

И посланный вернулся к царевичу и осведомил его, в чем дело, и передал ему то, что слышал от купцов. А царевич сказал ему: «Если с ними есть что-нибудь, что они привезли для меня, то я не вступлю в город и не двинусь отсюда, пока не осмотрю этого!»

И он сел на коня и поехал, и невольники его поехали за ним, и когда он приблизился к каравану, купцы поднялись перед ним и пожелали ему победы и успеха и вечной славы и превосходства. А ему уже разбили палатку из красного атласа, расшитую жемчугом и драгоценными камнями. И поставили ему царское сиденье на шёлковом ковре, вышитом посередине изумрудами. И Тадж-аль-Мулук сел, а рабы встали перед ним. И он послал к купцам и велел им принести все, что у них есть, и они пришли со своими товарами. Тадж-аль-Мулук осмотрел все, и выбрал то, что ему подходило, и заплатил им деньги сполна. А затем он сел на коня и хотел уехать, но его взор упал на караван, и он увидел юношу, прекрасного молодостью, в чистых одеждах, с изящными чертами, и у него был блестящий лоб и лицо, как месяц, но только красота этого юноши поблекла и его лицо покрыла бледность из-за разлуки с любимыми...»

И Шахразад застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Сто одиннадцатая ночь

Когда же настала сто одиннадцатая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый

царь, что взор Тадж-альМулука упал на караван. И он увидел юношу, прекрасного молодостью, в чистых одеждах, с изящными чертами, но только красота этого юноши поблекла, и лицо его покрыла бледность из-за разлуки с любимыми, и умножились его стоны и рыдания, и из глаз его текли слезы, и он говорил такие стихи:

«В разлуке давно уж мы, и делятся тоска и страх,
И слезы из глаз моих, о друг мой, струей текут.
И с сердцем простился я, когда мы расстались с ней,
И вот я один теперь, – надежд нет и сердца нет.
О други, постойте же и дайте проститься с той,
Чья речь исцеляет вмиг болезни и недуги».

И когда юноша окончил свои стихи, он ещё немного поплакал и лишился чувств; и Тадж-аль-Мулук смотрел на него, изумляясь этому. А придя в себя, юноша бросил бесстрашный взор и произнёс такие стихи:

«Страшитесь очей её – волшебна ведь сила их,
И тем не спаситесь уже, кто стрелами глаз сражён.
Поистине, чёрный глаз, хоть смотрит и томно он,
Мечи рубит белые, хоть остры их лезвия.
Не будьте обмануты речей её нежностью –
Поистине, пылкость их умы опьяняет нам.
О нежная членами! Коснись её тела шёлк,
Он кровью покрылся бы, как можешь ты видеть сам,
Далеко от ног её в браслетах до нежных плеч.
И как запах мускуса сравнить с её запахом?»

И затем он издал вопль и лишился чувств, и Таджаль-Мулук, увидя, что он в таком отчаянии, растерялся и подошёл к нему, а юноша, очнувшись от обморока и увидав, что царевич стоит над ним, поднялся на ноги и поцеловал перед ним землю.

«Почему ты не показал нам своих товаров?» – спросил его Тадж-аль-Мулук; и юноша сказал: «О владыка, в моих товарах нет ничего подходящего для твоего счастливого величества». Но царевич воскликнул: «Обязательно покажи мне, какие есть у тебя товары, и расскажи мне, что с тобою. Я вижу, что глаза твои плачут и ты печален сердцем; и если ты обижен, мы уничтожим эту несправедливость, а если на тебе лежат долги, мы заплатим их. Поистине, моё сердце из-за тебя сгорело, когда я увидал тебя».

Потом Тадж-аль-Мулук велел поставить две скамеечки; и ему поставили скамеечку из слоновой кости, оплетённую золотом и шёлком, и постлали шёлковый ковёр. И Тадж-аль-Мулук сел на скамейку, а юноше велел сесть на ковёр и сказал ему: «Покажи мне твои товары». – «О владыка, – отвечал юноша, – не напоминай мне об этом: мои товары для тебя не подходят». Но Тадж-альМулуку воскликнул: «Это неизбежно». И он велел кому-то из своих слуг принести товары, и их принесли, против воли юноши, и при виде их у юноши потекли слезы, и он заплакал, застонал и стал жаловаться, и, испуская глубокие вздохи, произнёс такие стихи:

«Клянусь твоих глаз игрой, сурьюмою клянусь на них,
И станом твоим клянусь, что нежен и гибок так,
Вином твоих уст клянусь и сладостью мёда их
И нравом твоим клянусь, что нежен и гибок так, –
Коль призрак твой явится мне ночью, мечта моя,
Он слаще мне, чем покой от страха дрожащему».

Потом юноша развернул товары и стал их показывать Тадж-аль-Мулуку кусок за куском и отрез за отрезом, и среди прочего он вынул одежду из атласа, шитую золотом, которая стоила две тысячи динаров. И когда он развернул эту одежду, из неё выпал лоскут, и юноша поспешно схватил его и положил себе под бедро. И он забыл все познаваемое и произнёс такие стихи:

«Когда исцеленье дашь душе ты измученной
Поистине, мир Плеяд мне ближе любви твоей!
Разлука, тоска и страсть, любовь и томленье,
Отсрочки, оттяжки вновь – от этого гибнет жизнь.
Любовь не живит меня, в разлуке мне смерти нет,
Вдали – не далеко я, не близок и ты ко мне,
Ты чужд справедливости, и нет в тебе милости,
Не дашь ты мне помощи – бежать же мне некуда.
В любви к вам дороги все мне тесными сделались,
И ныне не знаю я, куда мне направиться».

И Тадж-аль-Мулук крайне удивился стихам, сказанным юношей, и не знал он причины всего этого. А когда юноша взял лоскут и положил его под бедро, Тадж-аль-Мулук спросил его: «Что это за лоскут?» – «О владыка, – сказал юноша, – я отказывался показать тебе мои товары только из-за этого лоскута: я не могу дать тебе посмотреть на него...»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Сто двенадцатая ночь

Когда же настала сто двенадцатая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что юноша сказал Тадж-аль-Мулуку: „Я отказывался показать тебе свои товары только из-за этого лоскута: я не могу дать тебе посмотреть на него“. Но Тадж-аль-Мулук воскликнул: „Я непременно на него посмотрю!“ И стал настаивать и разгневался. И юноша вынул лоскут из-под бедра и заплакал и застонал и стал жаловаться, и, испуская многие стенания, произнёс такие стихи:

«Не надо корить его – от брани страдает он.
Я правду одну сказал, но слушать не хочет он.
Аллаху вручаю я в долине луну мою
Из стана; застёжек свод – вот место восхода ей.
Простился с ней, но лучше б с жизнью простился я,
А с ней не прощался бы – так было б приятней мне.
Как часто в разлуки день рассвет защищал меня,
И слезы мои лились, и слезы лились её.
Аллахом клянусь, не лгу. В разлуке разорван был
Покров оправдания, но я зачиню его.
И телу покоя нет на ложе, и также ей
Покоя на ложе нет с тех пор, как расстались мы.
Во вред нам трудился рок рукою злосчастною,
Он счастья меня лишил, и не дал он счастья ей.
Заботу без примеси лил рок, наполняя нам
Свой кубок; и пил я то, что выпить и ей пришлось».

А когда он окончил свои стихи, Тадж-аль-Мулук сказал ему: «Я вижу твоё тяжёлое состояние. Расскажи мне, отчего ты плачешь при взгляде на этот лоскут?» И, услышав

упоминание о лоскуте, юноша вздохнул и сказал: «О владыка, моя история диковинна, и у меня случилось чудесное дело с этим лоскутом и его владелицей и той, что нарисовала эти рисунки и изображения». И он развернул тот лоскут, и вдруг на нем оказалось изображение газели, вышитое шёлком и украшенное червонным золотом, а напротив неё – изображение другой газели, которое было вышито серебром, и на шее у неё было ожерелье из червонного золота и три продолговатых выдолбленных топаза.

И, увидев это изображение и как оно хорошо исполнено, Тадж-аль-Мулук воскликнул: «Да будет превознесён Аллах, научивший человека тому, чего он не знал!» И к сердцу его привязалось желание услышать историю этого юноши. «Расскажи мне, что у тебя случилось с обладательницей этой газели», – попросил он его, и юноша начал:

«Знай, о владыка, что мой отец был купцом и не имел ребёнка, кроме меня. А у меня была двоюродная сестра, с которой я воспитывался в доме моего отца, так как её отец умер. И перед смертью он условился с моим отцом женить меня на ней; и когда я достиг зрелости мужчин, а она зрелости женщин, её не отделили от меня, и меня не отделили от неё. А потом отец поговорил с матерью и сказал: „В этом году мы напишем запись Азиза и Азизы“; и он сговорился с нею об этом деле и начал готовить припасы для свадебных пиршеств. И при всем том мы с моей двоюродной сестрой спали в одной постели и не знали, как обстоит дело, она была более рассудительна, Знающая и сведуща, чем я.

И тогда мой отец собрал все необходимое для торжества, и осталось только написать брачную запись и войти к моей двоюродной сестре; он захотел написать запись после пятничной молитвы и отправился к своим друзьям из купцов и другим и уведомил их об этом, а моя мать пошла и пригласила своих подруг-женщин и позвала родственников. И когда пришёл день пятницы, комнату, где должны были сидеть, помыли и вымыли в ней мраморный пол, и в нашем доме разостлали ковры и поставили там все, что было нужно, завесив сначала стены тканью, вышитой золотом; и люди сговорились прийти к нам в дом после пятничной молитвы, и мой отец пошёл и приготовил халву и блюда со сладостями, и осталось только написать запись.

А мать послала меня в баню и послала за мной новое платье из роскошнейших одежд; и, выйдя из бани, я надел это роскошное платье, а оно было надушено, и когда я надел его, от него повеяло благовонным ароматом, распространившимся по дороге. Я хотел пойти в мечеть, но вспомнил об одном моем товарище и вернулся поискать его, чтобы он пришёл, когда будут делать запись, и я говорил себе: «Займусь этим делом, пока подойдёт время молитвы».

И я вошёл в переулок, в который я ещё никогда не входил; а я был потный после бани из-за новой одежды, бывшей на мне, и пот тёк, и от меня веяло благоуханием. Я сел в начале переулочка отдохнуть и разостлал под собою платок с каёмкой, который был у меня, и мне стало очень жарко, и мой лоб вспотел, и пот лился мне на лицо, но я не мог обтереть его с лица платком, так как платок был разостлан подо мной.

Я хотел взять фарджию и обтереть ею щеку, но вдруг, не знаю откуда, упал на меня сверху белый платок. А этот платок был нежнее ветерка, и вид его был приятней исцеления для больного, и я схватил его рукой и поднял голову вверх, чтобы посмотреть, откуда упал этот платок. И глаза мои встретились с глазами обладательницы этой газели...»

И Шахразад застигло, утро, и она прекратила дозволенные речи.

Сто тринадцатая ночь

Когда же настала сто тринадцатая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что юноша говорил Тадж-аль-Мулуку: «И я поднял голову вверх, чтобы посмотреть, откуда этот платок, и глаза мои встретились с глазами обладательницы этой газели. И вдруг, я вижу, высунулась она из окна с медной решёткой, и мои глаза не видали ничего прекраснее её, и, в общем, мой язык бессилён её описать. И, увидев, что я взглянул на неё, она положила

палец в рот, а затем взяла свой средний палец и приложила его вплотную к указательному пальцу и оба пальца прижала к своему телу, между грудями, а затем она убрала голову из окна, закрыла створку окошка и ушла. И в моем сердце вспыхнул огонь, и разгорелось великое пламя, и взгляд на неё оставил после себя тысячу вздохов, и я в растерянности не слышал, что она сказала, и не понял, какие она делала знаки.

И я взглянул на окошко во второй раз, но увидел, что оно захлопнуто, и прождал до захода солнца, но не услышал ни звука и не увидал никого. И, отчаявшись увидеть её, я встал с места и захватил платок, и когда я развернул его, от него повеяло запахом мускуса, и меня охватил от этого запаха великий восторг, так что я стал как будто в раю. А затем я расстелил платок перед собою, и оттуда выпал тонкий листок бумаги, и когда я развернул листок, оказалось, что он пропитан благовонным ароматом и на нем написаны такие стихи:

Послал я письмо к нему, на страсть его сетуя,
И почерк мой тонок был, – а почерков много.
Спросил он: «Мой друг, скажи, твой почерк – что случилось с
ним?
Так нежен и тонок он, едва его видно».
Я молвил: «Затем, что сам и тонок и худ я стал:
Таким-то вот почерком влюблённые пишут».

Прочитав эти стихи, я устремил взор очей на красоту платка и увидел на одной из его каёмок вышитые строчки такого двустишия:

Написал пушок – о, как славен он среди писцов других –
На щеках его пару тонких строк рейханом¹⁷⁸
«О, смущение для обеих лун, коль он явится!
А согнётся он – о, позор ветвям смущённым!»

А на другой каёмке были вышиты строки такого двустишия:

Написал пушок тёмной амброю на жемчужине
Пару тонких строк, как на яблоке агатом:
«Убивают нас зрачки томные, лишь взглянут на нас,
Опьяняют нас щеки нежные, не вино».

И когда я увидел, какие были на платке стихи, в моем сердце вспыхнуло пламя огня и увеличились мои страсть и раздумье. И я взял платок и бумажку и принёс их домой, не зная хитрости, чтобы соединиться с нею, и не мог я, в любви, говорить о подробностях.

Я добрался до дому только тогда, когда прошла часть ночи, и увидел, что дочь моего дяди сидит и плачет; и, увидав меня, она вытерла слезы и подошла ко мне и сняла с меня одежду и спросила, отчего меня не было. И она рассказала мне: «Все люди (эмиры, вельможи, купцы и другие) собрались в нашем доме, и явились судьи и свидетели, и они съели кушанья и просидели немного, ожидая твоего прихода, чтобы написать брачную запись, а когда они отчаялись, что ты придёшь, то разошлись и ушли своей дорогой. Твой отец, – говорила она, – сильно рассердился, из-за этого и поклялся, что он напишет запись только в будущем году, так как он истратил на это торжество много денег. А что было с тобой сегодня, что ты задержался до этого времени и случилось то, что случилось из-за твоего отсутствия?» – спросила она потом. И я ответил: «О дочь моего дяди, не спрашивай, что со мной случилось!» – и рассказал ей про платок и все сообщил ей с начала до конца. И

¹⁷⁸ Рейхан – растение базилик, а также особый вид почерка.

она взяла бумажку и платок и прочитала, что было на них написано, и слезы потекли по её щекам, и она произнесла такие стихи:

Коль скажет кто: «Свободна страсть вначале», —
Ответь: «Ты лжёшь: все в страсти — принуждение,
А принуждение не несёт позора».
И это верно, — так гласят преданья,
Что не подделаны, коль разобрать их.
Захочешь, скажешь: сладостная пытка,
Иль боль внутри, иль сильные побои,
Иль мечь, иль счастье, или вожденье,
Что души услаждает или губит, —
Я спутался в противопоставленьях.
А вместе с тем пора любви — как праздник,
Когда уста её смеются вечно,
И веянье духов её отменно.
Любовь прогонит все, что нас испортит, —
В сердца холопов низких не вселится».

Потом она спросила: «Что же она сказала тебе и какие сделала знаки?» И я отвечал: «Она не произнесла ничего, а только положила палец в рот и потом приложила к нему средний палец и прижала оба пальца к груди и показала на землю, а затем она убрала голову из окна и заперла окно. И после этого я её не видел, но она взяла с собою моё сердце, и я просидел, пока не скрылось солнце, ожидая, что она выглянет из окна второй раз, но она этого не сделала, и, отчаявшись, я ушёл из того места и пришёл домой. Вот моя повесть, и я хочу от тебя, чтобы ты мне помогла в моем испытании».

И Азиза подняла голову и сказала: «О сын моего дяди, если бы ты потребовал мой глаз, я бы, право, вырвала его для тебя из века. Я непременно помогу тебе в твоей нужде, и ей помогу в её нужде: она в тебя влюблена так, как и ты влюблён в неё». — «А как истолковать её знаки?» — спросил я; и Азиза ответила: «То, что она положила палец в рот, указывает, что ты у неё на таком же месте, как душа в её теле, и что она вопьётся в близость к тебе зубами мудрости. Платок указывает на привет от любящих возлюбленным; бумажка обозначает, что душа её привязалась к тебе, а прижатие двух пальцев к телу между грудями значит, что она говорит тебе: через два дня приходи сюда, чтобы от твоего появления прекратилась моя забота. И знай, о сын моего дяди, что она тебя любит и доверяет тебе, и вот какое у меня толкование её знакам, а если бы я могла выходить и входить, я бы, наверное, свела тебя с нею в скорейшем времени и накрыла бы вас своим подолом».

И, услышав это от Азизы, — говорил юноша, — я поблагодарил её за её слова и сказал себе: «Потерплю два дня». И я просидел два дня дома, не выходя и не входя, и не ел и не пил, и я положил голову на колени моей двоюродной сестры, а она утешала меня и говорила: «Укрепи свою решимость и отвагу, успокой сердце и ум...»

И Шахразад устала, и она прекратила дозволенные речи.

Сто четырнадцатая ночь

Когда же настала сто четырнадцатая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что юноша говорил Тадж-аль-Мулуку: „А когда эти два дня окончились, дочь моего дяди сказала мне: «Успокой свою душу и прохладя глаза! Укрепи свою решимость, надень платье и отправляйся к ней, как назначено“».

Потом она поднялась, дала мне переодеться и окурила меня, а затем она укрепила во мне силу и ободрила мне сердце, и я вышел, и шёл, пока не вошёл в тот переулок. Я посидел

немного на лавочке, и вдруг окно распахнулось, и я своими глазами увидел ту женщину. И тут я обмер, а очнувшись, я укрепил свою волю и ободрился сердцем и взглянул на неё второй раз, но исчез из мира; а придя в себя, я увидел, что женщина держит в руке зеркало и красный платок. И, увидев меня, она засучила рукава и, раздвинув свои пять пальцев, ударила себя по груди ладонью и пятью пальцами, а затем она подняла руки и выставила зеркало из окна, после чего она взяла красный платок и ушла с ним, а вернувшись, три раза опустила его из окна в переулок, опуская и поднимая его, и потом скрутила платок и свернула его рукою и наклонила голову. А затем она убрала голову из окна и заперла окно, и ушла, не сказав мне ни единого слова; напротив, она оставила меня растерянным, и я не знал, какие она делала знаки.

Я просидел до вечерней поры, а потом пришёл домой, около полуночи, и я увидел, что дочь моего дяди положила щеку на руку и глаза её льют слезы, и она говорила такие стихи:

«Что за дело мне, что хулители за тебя бранят!
Как утешиться, если строен ты, как ветвь тонкая?
О видение, что украло душу и скрылся!
Для любви узритской¹⁷⁹ спасенья нет от красавицы.
Как турчанки очи – глаза её, и разят они
Сердца любящих, как не рубит меч с острым лезвием.
Ты носить меня заставляешь бремя любви к тебе,
Но рубашку я уж носить не в силах, – так слаб я стал.
И я плакал кровью, слова услышав хулителей:
«Из очей того, кого любишь ты, тебе меч грозит».
Если б сердцем был я таков, как ты! Только телом я
На твой стан похож – оно сгублено изнурением.
О эмир! Суров красоты надсмотрщик – глаза твоя,
И привратник – бровь – справедливости не желает знать,
Лгут сказавшие, что красоты все Юсуф взял себе, –
Сколько Юсуфов в красоте твоей заключается!
И стараюсь я от тебя уйти, опасаясь глаз
Соглядатаев, во доколе мне принуждать себя?»

И когда я услышал её стихи, мои заботы увеличились, и умножились мои горести, и я упал в углу комнаты, а Азиза встала и перенесла меня, а потом она сняла с меня одежду и вытерла моё лицо рукавом и спросила меня, что со мной случилось.

И я рассказал ей обо всем, что испытал от той женщины, и она сказала: «О сын моего дяди, изъяснение знака ладонью и пятью пальцами таково: приходи через пять дней; а её знак зеркалом и опусканием и поднятием красного платка и то, что она высунула голову из окна, означает: сиди возле лавки красильщика, пока к тебе не придёт мой посланный».

И когда я услышал эти слова, в моем сердце загорелся огонь, и я воскликнул: «Клянусь Аллахом, о дочь моего дяди, ты права в этом объяснении! Я видел в переулке красильщика-еврея!»

И я заплакал, а дочь моего дяди сказала мне: «Укрепи свою решимость и будь твёрд сердцем; другой охвачен любовью несколько лет и стоек против жара страсти, а ты влюблён только пять дней, так почему же ты так горюешь?»

И она принялась утешать меня речами и принесла мне еду, и я взял кусочек и хотел его съесть, но не мог. И я отказался от питья и еды и расстался со сладостью сна, и моё лицо пожелтело, и красоты мой изменились, так как я прежде не любил и вкушал жар любви

¹⁷⁹ Узриты – люди из племени Бену-Узра, отличались, как говорят сказания, особой чистотой и верностью в любви. От названия этого племени произошло имя «Азра», увековеченное Гейне и Рубинштейном.

только в первый раз. И я ослаб, и дочь моего дяди ослабла из-за меня, и она рассказывала мне о состоянии влюблённых и любящих, чтобы меня утешить, каждую ночь, пока я не засну, а просыпаясь, я находил её не спящей из-за меня, и слезы бежали у неё по щекам.

И я жил так, пока не прошли эти пять дней, и тогда дочь моего дяди нагрела мне воды и выкупала меня, и надела на меня одежду, и сказала: «Отправляйся к ней. Да исполнит Аллах твою нужду и да приведёт тебя к тому, чего ты хочешь от твоей любимой!»

И я пошёл, и шёл до тех пор, пока не пришёл к началу того переулочка, а день был субботний, и я увидел, что лавка красильщика заперта. Я просидел подле неё, пока не прокричали призыв к предзакатной молитве; и солнце пожелтело, и призвали к вечерней молитве, и настала ночь, а я не видел ни следа той женщины и не слышал ни звука, ни вести. И я испугался, что сижу один, и поднялся и шёл, точно пьяный, пока не пришёл домой, а войдя, я увидел, что дочь моего дяди, Азиза, стоит, схватившись одной рукой за колышек, вбитый в стену, а другая рука у неё на груди, и она испускает вздохи и говорит такие стихи:

«Сильна бедуинки страсть, родными покинутой,
По иве томящейся и мирте Аравии!
Увидевши путников, огнями любви она
Костёр обеспечит им, слезами бурдюк нальёт, –
И все ж не сильнее любви к тому, кого я люблю,
Но грешной считает он меня за любовь мою».

А окончив стихи, она обернулась и увидела меня, и, вытерев слезы рукавом, улыбнулась мне в лицо и сказала: «О сын моего дяди, да обратит Аллах тебе на пользу то, что он даровал тебе! Почему ты не провёл ночь подле твоей любимой и не удовлетворил твоё желание с нею?» А я, услышав её слова, толкнул её ногою в грудь, и она упала на стену и ударилась лбом о косяк, а там был колышек, и он попал ей в лоб. И, посмотрев на неё, я увидел, что её лоб рассечён и течёт кровь...»

И Шахразадку застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Сто пятнадцатая ночь

Когда же настала сто пятнадцатая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что юноша говорил Тадж-аль-Мулуку: „Когда я ударил дочь моего дяди в грудь ногою, она наткнулась на косяк, и колышек попал ей в лицо, и она раскроила себе лоб, и потекла кровь. И она промолчала и не сказала ни слова, но тотчас же встала и, оторвав лоскуток, заткнула им рану, повязала её повязкою и вытерла кровь, лившуюся на ковёр, как ни в чем не бывало, а потом она подошла ко мне и улыбнулась мне в лицо и сказала нежным голосом: „Клянусь Аллахом, о сын моего дяди, я говорила это, не смеясь над тобою и над нею! Я мучилась головной болью, и у меня было в мыслях пустить себе кровь, а сейчас моей голове стало легче, и лоб облегчился. Расскажи мне, что с тобою было сегодня“».

И я рассказал обо всем, что мне выпало из-за этой женщины, и, рассказавши, заплакал, но Азиза молвила: «О сын моего дяди, радуйся успеху в твоём намерении к осуществлению твоих надежд! Поистине, это знак согласия, и он состоит в том, что она скрылась от тебя, так как желает тебя испытать: стоек ты или нет и правда ли ты любишь её, или нет. А завтра отправляйся на прежнее место и посмотри, что она тебе укажет; ты близок к радостям, и твои печали прекратились».

И она принялась утешать меня в моем горе, а я все больше огорчился и печалился. А потом она принесла мне еду, но я толкнул поднос ногою, так что все блюда разлетелись по сторонам, и воскликнул: «Все, кто влюблён, одержимые, и они не склонны к пище и не наслаждаются сном!» Но дочь моего дяди, Азиза, сказала: «Клянусь Аллахом, о сын моего дяди, – это признак любви!» – и у неё потекли слезы. Она подобрала черепки от блюд и

остатки кушанья и стала развлекать меня рассказами, а я молил Аллаха, чтобы настало утро. А когда утро наступило и засияло светом и заблестало, я отправился к той женщине и торопливо вошёл в переулочек и сел на лавочку. И вдруг окошко распахнулось, и она высунула голову из окна, смеясь, а затем она скрылась и вернулась, и с ней было зеркало, кошель и горшок, полный зелёных растений, а в руках у неё был светильник. И первым делом она взяла в руки зеркало и, сунув его в кошель, завязала его и бросила в комнату, а затем опустила волосы на лицо и на миг приложила светильник к верхушкам растений, а после того взяла все это и ушла, запев окно. И моё сердце разрывалось от этого и от её скрытых знаков и тайных догадок, а она не сказала мне ни слова, и моя страсть от этого усилилась и любовь и безумие увеличились.

И я вернулся назад с плачущим оком и печальным сердцем, и вошёл в свой дом, и увидел, что дочь моего дяди сидит лицом к стене. И сердце её горело от забот и огорчений и ревности, но любовь помешала ей сказать мне что-нибудь о своей страсти, так как она видела, что я влюблён и безумен. И я посмотрел на неё и увидел у неё на голове две повязки: одна из-за удара в лоб, а другая – на глазу, так как он стал у неё болеть от долгого плача. И она была в наихудшем состоянии и, плача, говорила такие стихи:

«Аллахом клянусь, друзья, владеть не могу я тем,
Что Лейле¹⁸⁰ Аллах судил, ни тем, что судил он мне.
Другому он дал её, а мне к ней любовь послал;
Зачем не послал он мне другое, чем к Лейле страсть?»

А окончив стихи, она посмотрела и увидела меня, продолжая плакать, и тогда она вытерла слезы и поднялась ко мне, но не могла говорить, таково было её волнение.

И она помолчала некоторое время, а потом сказала: «О сын моего дяди, расскажи мне, что выпало тебе в этот раз»; и я рассказал ей обо всем, что случилось, и тогда она воскликнула: «Терпи, пришла пора твоей близости с нею, и ты достиг исполнения твоих надежд! Тем, что она показала тебе зеркало и засунула его в кошель, она говорит тебе: когда нырнёт в темноту солнце; а опустив волосы на лицо, она сказала: когда придёт ночь и опустится тёмный мрак и покроет свет дня – приходи. А её Знак горшком с цветами говорит: когда придёшь, войди в сад за переулком; а знак свечою означает: когда войдёшь в сад, жди там; и где найдёшь горящий светильник, туда и отправляйся, и садись возле него, и жди меня: поистине, любовь к тебе меня убивает».

И, услышав слова дочери моего дяди, я воскликнул от чрезмерной страсти и сказал: «Сколько ты ещё будешь обещать и я стану ходить к ней, не достигая цели? Я не вижу в твоём объяснении правильного смысла!»

И дочь моего дяди засмеялась и сказала: «У тебя должно остаться терпения лишь на то, чтобы вытерпеть остаток этого дня, пока день не повернёт на закат и не придёт ночь с её мраком, и тогда ты насладишься единением и осуществлением надежд, и это – слова истины без лжи. – И она произнесла такое двустишие:

Всех дней складки – пусть расправятся,
И в дома забот не ставь ноги.
Сколько дел нам не легко достичь,
Но за ними близок счастья миг».

И потом она подошла ко мне и стала утешать меня мягкими речами, но не осмеливалась принести мне какойнибудь еды, боясь, что я на неё рассержусь, и не надеялась

¹⁸⁰ Лейла (ночь) – имя возлюбленной Кайса, прозванного Меджнун (бесноватый). Легенда об их любви очень популярна на Востоке; она легла в основу поэмы «Лейла и Меджнун» великого азербайджанского поэта Низами, жившего в XII веке.

она, что я склонюсь к ней. Она только хотела подойти ко мне и снять с меня платье, а потом она сказала мне: «О сын моего дяди, сядь, я расскажу тебе что-нибудь, что займёт тебя до конца дня; и если захочет Аллах великий, не придёт ещё ночь, как ты уже будешь подле твоей любимой».

Но я не стал смотреть на неё и принялся ждать прихода ночи и говорил: «Господи, ускорь приход ночи!» А когда пришла ночь, моя двоюродная сестра горько заплакала и дала мне зёрнышко чистого мускуса и сказала: «О сын моего дяди, положи это зёрнышко в рот¹⁸¹ и когда ты встретишься со своей любимой и удовлетворишь с нею свою нужду и она разрешит тебе то, что ты желаешь, скажи ей такой стих:

О люди влюблённые, Аллахом молю сказать,
Что сделает молодец, коль сильно полюбит он?»

А потом она поцеловала меня и заставила поклясться, что я произнесу этот стих из стихотворения, только когда буду выходить от этой женщины; и я отвечал: «Слушаю и повинуюсь». И я вышел вечерней порой, и пошёл, и шёл до тех пор, пока не достиг сада. И я нашёл его ворота открытыми, и вошёл, и увидел вдали свет, и направился к нему; и, дойдя до него, я увидел большое помещение со сводом, над которым был купол из слоновой кости и чёрного дерева, и светильник был подвешен посреди купола. А помещение устлано было шёлковыми коврами, шитыми золотом и серебром, и тут была большая горящая свеча в подсвечнике из золота, стоявшая под светильником, а посередине помещения был фонтан с разными изображениями, а рядом с фонтаном – скатерть, покрытая шёлковой салфеткой, подле которой стояла большая фарфоровая кружка, полная вина, и хрустальный кубок, украшенный золотом. А возле всего этого стоял большой закрытый серебряный поднос. И я открыл его и увидел на нем всевозможные плоды: фиги, гранаты, виноград, померанцы, лимоны и апельсины; и между ними были разные цветы: розы, жасмины, мирты, шиповник и нарциссы и всякие благовонные растения.

И я обезумел при виде этого помещения и обрадовался крайней радостью, и моя забота и горесть прекратились, но только я не нашёл там ни одной твари Аллаха великого...

И Шахразадку застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Сто шестнадцатая ночь

Когда же настала сто шестнадцатая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что юноша говорил Тадж-аль-Мулуку: «И я обезумел при виде этого помещения и обрадовался крайней радостью, но только я не нашёл там ни одной твари Аллаха великого и не видел ни раба, ни невольницы и никого, кто бы заботился обо всем этом или сохранял эти вещи. И я сидел в этом покое, ожидая прихода моей любимой, пока не прошёл первый час ночи, и второй час, и третий – а она не приходила. И во мне усилились муки голода, так как я некоторое время не ел пищи из-за сильной любви; и когда я увидел это место и мне стало ясно, что дочь моего дяди правильно поняла знаки моей возлюбленной, я отдохнул душою и почувствовал муки голода. И возбудили во мне желание запахи кушаний, бывших на скатерти, когда я пришёл в это место, и душа моя успокоилась относительно единения с любимой, и захотелось мне поесть. Я подошёл к скатерти и поднял покрывало и увидел посередине её фарфоровое блюдо с четырьмя подрумяненными курицами, облитыми пряностями, а вокруг блюда стояли четыре тарелки: одна с халвой, другая с гранатными зёрнышками, третья с баклавой¹⁸² и четвёртая с пышками, и на этих тарелках было и

¹⁸¹ Азиз должен был держать зёрнышко мускуса во рту для того, чтобы не забыть произнести эти стихи.

¹⁸² Баклана – восточные сладости.

сладкое и кислое. И я поел пышек и съел кусочек мяса и, принявшись за баклаву, съел немного и её, а потом я обратился к халве и съел её ложку, или две, или три, или четыре, и съел немного курятины и кусок хлеба. И тогда мой живот наполнился, и суставы у меня расслабли, и я слишком размяк, чтобы не спать, и положил голову на подушку, вымыв сначала руки, и сон одолел меня, и я не знаю, что случилось со мной после этого. И я проснулся только тогда, когда меня обжёт жар солнца, так как я уже несколько дней не вкушал сна; и, проснувшись, я нашёл у себя на животе соль и уголь. Я встал на ноги и стряхнул одежду и повернулся направо и налево, но не увидел никого, и оказалось, что я лежал на мраморных плитах, без постели, и я смутился умом и огорчился великим огорчением, и слезы побежали у меня по щекам, и я опечалился о самом себе. И, поднявшись, я отправился домой, и когда пришёл туда, то увидел, что дочь моего дяди ударяет рукой в грудь и плачет, проливая слезы и соперничая с облаками, что льют дождь, и она говорила такие стихи:

«Дует ветер из мест родных, тихо вея;
И дыханьем любовь в душе взволновал он.
Ветер с востока! Пожалуй к нам поскорее!
Всем влюблённым удел есть свой и удача.
Коль могла бы обнять тебя – обняла бы,
Как влюблённый любимой стан обнимает.
Коль не вижу я брата лик, пусть отнимет
Жизни радость совсем Аллах, и довольно.
Если бы знать мне, растаяло ль его сердце,
Как моё, от огня любви пламенея.

А увидев меня, она поспешно встала и вытерла слезы, и обратилась ко мне с мягкой речью, и сказала: «О сын моего дяди, ты охвачен любовью, и Аллах был к тебе милостив, внушив той, кого ты любишь, любовь к тебе, а я в слезах и в горе из-за разлуки с тобой. Кто меня упрекнёт и кто оправдает? Но Аллах да не взыщет с тебя из-за меня!»

Потом она улыбнулась мне и, сняв с меня одежду, расправила её и сказала: «Клянусь Аллахом, это не запах того, кто наслаждался со своею любимой! Расскажи же мне, что с тобой случилось, о сын моего дяди!» И я рассказал ей обо всем, что случилось со мною, и она второй раз улыбнулась гневной улыбкой и воскликнула: «Поистине, моё сердце полно боли! Пусть не живёт тот, кто делает тебе больно! Эта женщина сильно превозносится над тобою, и, клянусь Аллахом, о сын моего дяди, я боюсь для тебя зла от неё. Знай, о сын моего дяди, объяснение соли такое: ты потонул во сне и похож на скверное кушанье, отвратительное для души, и тебя следует посолить, чтобы ты не был извергнут обратно. Ты объявляешь себя благородным влюблённым, а сон для влюблённых запрещен, и твои притязания на любовь лживы. Но и её любовь к тебе тоже лживая, так как, увидя, что ты спишь, она не разбудила тебя; если бы её любовь была искренна, она бы, наверное, тебя разбудила. А что до угля, то объяснение этого знака такое: очерни Аллах твоё лицо, раз ты ложно объявил себя любящим; ты – молодое дитя, и у тебя только и заботы, что поесть, попить да поспать. Вот объяснение её знаков, да освободит тебя от неё великий Аллах!»

Услышав эти слова, я ударил себя рукою в грудь и воскликнул: «Клянусь Аллахом, это и есть истина, так как я спал, а возлюбленные не спят! Я сам себе обидчик, и больше всего повредили мне сон и еда! Что теперь будет?»

И я сильно заплакал и сказал дочери моего дяди: «Укажи мне, что сделать, и пожалей меня – пожалеет тебя Аллах! – иначе я умру». А дочь моего дяди любила меня великой любовью...»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Сто семнадцатая ночь

Когда же настала сто семнадцатая ночь, она сказала:

«Дошло до меня, о счастливый царь, что юноша говорил Тадж-аль-Мулуку: „И я сказал дочери моего дяди: „Укажи мне, что сделать, и пожалей меня – пожалеет тебя Аллах!“ А она любила меня великой любовью, и ответила: «На голове и на глазах! Но только, о сын моего дяди, я много раз говорила тебе: если бы я могла входить и выходить, я бы, наверное, свела тебя с нею в ближайшее время и накрыла бы вас своим подолом, и я поступаю с тобою так лишь для того, чтобы ты был доволен. Если захочет Аллах великий, я не пожалею крайних усилий, чтобы свести вас; послушай же моих слов и повинуйся моему приказу. Иди в то самое место и сиди там, а когда будет время вечера, сядь там же, где ты сидел, и остерегайся что-нибудь съесть, так как пища навлекает сон. Берегись же заснуть; она придёт к тебе только после того, как минует четверть ночи, да избавит Аллах тебя от её зла!»

Услышав эти слова, я обрадовался и стал молиться Аллаху, чтобы прошла ночь, а когда ночь прошла, я хотел уходить, и дочь моего дяди сказала мне: «Если встретишься с нею, скажи ей тот прежний стих, когда будешь уходить». И я ответил: «На голове и на глазах!» – и вышел и пошёл в сад, и увидел, что помещение убрано так, как я видел в первый раз, и там было все, что нужно из кушаний, закусок и напитков, цветов и прочего. Я поднялся в это помещение и почувствовал запах кушаний, и моей душе захотелось их, и я удерживал её несколько раз, но не мог удержать. И я встал и, подойдя к скатерти, сиял покрывало и увидел блюдо кур, вокруг которого были четыре тарелки кушаний четырех сортов. И я съел по кусочку от каждого кушанья, и съел немного халвы и кусок мяса, и выпил шафранной подливки, которая мне понравилась, и я пил её много, черпая ложкой, пока не насытился и не наполнил себе живот. А после этого мои веки опустились, и, взяв подушку, я положил её под голову, думая: «Может быть, я прилягу на неё и не засну». Но глаза мои сомкнулись, и я заснул и не проснулся раньше, чем взошло солнце; и я нашёл у себя на животе игральную кость, палочку для игры в таб, финиковую косточку и семечко сладкого рожка. И в помещении не было никакой подстилки или чего-либо другого, и казалось, что там ничего не было.

И я встал, стряхнул с себя все это, и вышел рассерженный, и шёл, пока не дошёл до дому. И я увидел, что дочь моего дяди испускает глубокие вздохи и говорит такие стихи:

«Худ я телом, и ранено моё сердце,
И струятся вдоль щёк моих слез потоки,
И любимый упорен так в обвиненьях,
Но прекрасный что сделает-то прекрасно.
О сын дяди! Наполнил ты страстью сердце, –
Мои очи от горьких слез заболели».

И я начал бранить дочь моего дяди и ругать её, и она заплакала, а потом вытерла слезы и, подойдя ко мне, поцеловала меня и стала прижимать меня к груди, а я отстранялся от неё и укорял себя.

«О сын моего дяди, – сказала она мне, – ты, кажется, заснул сегодня ночью». И я отвечал ей: «Да, а проснувшись, я нашёл игральную кость, палочку для игры в таб, финиковую косточку и семечко сладкого рожка, и я не Знаю, почему она так сделала». И я заплакал и, обратившись к Азизе, сказал: «Растолкуй мне, на что она указывает этими знаками, и скажи, что мне делать. Помогите мне в том, что со мной случилось!» – «На голове и на глазах! – сказала она. – Палочкой от таба, которую она положила тебе на живот, она указывает, что ты пришёл, а твоё сердце отсутствовало; и она как будто говорит тебе: любовь не такова, не причисляй же себя к любящим. А косточкой финика она говорит тебе:

если бы ты был влюблён, твоё сердце, наверно, горело бы от любви, и ты не вкушал бы сладости сна, ибо любовь сладка, как финик, и зажигает в душе уголь. Рожковым семечком она тебе указывает, что сердце любимого утомилось, и говорит тебе: терпи разлуку с нами, как терпел Иов». Когда я услышал это толкование, в моей душе вспыхнули огни и в моем сердце усилились горести, и я вскричал: «Аллах предопределил мне спать, так как у меня мало счастья! О дочь моего дяди, – сказал я потом, – заклинаю тебя жизнью, придумай мне хитрость, чтобы я мог добраться до неё». И Азиза заплакала и отвечала: «О Азиз, сын моего дяди, моё сердце полно дум, и я не могу говорить. Но иди сегодня вечером в то же место и остерегайся уснуть, тогда ты достигнешь желаемого. Вот так лучше всего поступить, и конец». – «Если захочет Аллах, я не засну и сделаю так, как ты мне велишь», – сказал я; и дочь моего дяди поднялась и принесла мне пищу, говоря: «Поешь теперь вдоволь, чтобы у тебя не осталось желания». И я поел досыта, а когда пришла ночь, Азиза принесла мне великолепное платье, одела меня в него и взяла с меня клятву, что я скажу той женщине упомянутый стих, и предостерегла меня от сна. А потом я вышел от дочери моего дяди и отправился в сад и пошёл в помещение. Я посмотрел на сад и стал открывать себе глаза пальцами и трясти головой, а когда пришла ночь...»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Сто восемнадцатая ночь

Когда же настала сто восемнадцатая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что юноша говорил Тадж-аль-Мулуку: „И я вошёл в сад и поднялся в помещение, и посмотрел на сад. И когда пришла ночь, я стал открывать себе глаза пальцами и трясти головой. Я проголодался оттого, что не спал; и на меня повеяло запахом кушаний, и мой голод усилился, и тогда я направился к скатерти и, сняв покрывало, съел от каждого кушанья по кусочку. Я съел кусок мяса и, подойдя к фляге с вином, сказал себе: „Выпью кубок!“, и выпил, а потом выпил второй и третий, до десяти, и меня ударило воздухом, и я упал на землю, как убитый, и пролежал так, пока не настал день. И я проснулся и увидел себя вне сада, и на животе у меня был острый нож и железный дирхем. И я испугался, и взял их и принёс домой, и увидел, что дочь моего дяди говорит: „Поистине, я в этом доме бедная и печальная, нет мне помощника, кроме палача!“

И, войдя, я упал во всю длину, и выронил из рук нож и дирхем, и лишился чувств; а очнувшись от обморока, я осведомил Азизу о том, что со мною произошло, и сказал ей: «Я не достиг желаемого!» И она сильно опечалилась за меня, увидев, что я плачу и мучаюсь, и сказала: «Я уже обессилела, советуя тебе не спать, ты не слушаешь моих советов. Мои слова тебе ничем не помогут». – «Заклинаю тебя Аллахом, растолкуй мне, на что указывает нож и железный дирхем!» – сказал я ей; и она отвечала: «Железным дирхемом она указывает тебе на свой правый глаз и заклинает тебя им и говорит: „Клянусь господом миров и моим правым глазом, если ты вернёшься другой раз и уснёшь, я зарежу тебя этим ножом!“ И я боюсь для тебя зла от её коварства, о сын моего дяди, и моё сердце полно печали о тебе, но я не могу говорить. Если ты знаешь, что, вернувшись к ней, не заснёшь, – возвращайся к ней и берегись сна, тогда ты получишь то, что тебе нужно; если же ты знаешь, что, вернувшись к ней, заснёшь, как всегда, и после этого пойдёшь к ней и вправду заснёшь, – она тебя зарежет».

«А как же мне поступить, о дочь моего дяди? Прошу тебя, ради Аллаха, помоги мне сегодня ночью!» – воскликнул я, и она сказала: «На глазах и на голове! Но только если ты послушаешься моих слов и будешь повиноваться моему приказу, нужда твоя будет исполнена». – «Я слушаю твои слова и повинуюсь твоему приказу!» – воскликнул я; и она сказала: «Когда настанет время уходить, я скажу тебе». А затем она прижала меня к груди и, положив меня в постель, до тех пор растирала мне ноги, пока меня не охватила дремота, а когда я погрузился в сон, она взяла опахало, села около изголовья и обвевала моё лицо до

конца дня. А под вечер она разбудила меня; и, проснувшись, я увидел, что она у моего изголовья с опахалом в руках и так плачет, что слезы промочили ей одежду, но, увидев, что я проснулся, она вытерла слезы и принесла кое-какой еды; и когда я стал отказываться, сказала мне: «Разве я не говорила тебе: „Слушайся меня и ешь“. И я принялся есть, не противореча ей, и она клала мне пищу в рот, а я жевал, пока не наполнился, и потом она напоила меня отваром грудной ягоды с сахаром и, вымыв мне руки, осушила их платком и обрызгала меня розовой водой. И я сидел с ней в полном здоровье, а когда смерклось, она надела на меня одежду и сказала: „О сын моего дяди, бодрствуй всю ночь и не засыпай; она придёт к тебе сегодня только в конце ночи, и если захочет Аллах, ты сегодня ночью встретишься с нею. Но не забудь моего наставления“. И она заплакала, и моему сердцу стало больно за неё, что она так много плачет. „Какое же это наставление?“ – спросил я; и она сказала: „Когда будешь уходить от неё, скажи ей стих, который я раньше говорила“. И я ушёл от неё радостный, и отправился в сад, и вошёл в помещение сытый, и сел, и бодрствовал до четверти ночи. А затем ночь показалась мне длинной, как год, и я сидел, бодрствуя, пока не прошло три четверти ночи и закричали петухи, и я почувствовал сильный голод из-за долгого бдения. И я подошёл к столику и ел, пока не насытился, и голова моя отяжелела, и я захотел заснуть, но вдруг увидел свет, который приближался издалека. Тогда я встал, вымыл руки и рот и разбудил свою душу, и через малое время вдруг та женщина приходит с десятью девушками, и она между ними – как луна между звёзд. На ней было платье из зеленого атласа, вышитое червонным золотом, и она была такова, как сказал поэт:

Кичится с любимыми, одета в зеленое,
Застёжки расстёгнуты и кудри распущены.
«Как имя?» – я ей сказал, она мне ответила:
«Я та, что всех любящих сердца прижгла углями».
И стал я ей сетовать на то, что терпел в любви.
Она ж: «Не знаешь ты, что камню ты плачешься?»
«Пусть камень – душа твоя, – в ответ я сказал тогда, –
Заставил ведь течь Аллах из камня воды поток».

И, увидев меня, она засмеялась и воскликнула: «Как это ты не заснул и сон не одолел тебя? Раз ты бодрствовал всю ночь, я знаю, что ты – влюблённый, так как примета любящих – не спать ночью в борьбе со страстями».

Затем она обратилась к невольницам и подмигнула им, и те удалились; а она подошла ко мне, и прижала меня к груди и поцеловала меня, а я поцеловал её, – и это была ночь радости для сердца и прохлады для взора, как сказал о ней поэт:

Век приятнее я не знал ночей, чем такая ночь,
Когда кубок мой не стоял совсем без дела.
Различил я сон и глаза мои в эту ночь совсем,
По браслет ножной я с серьгою свёл надолго.

И мы легли вместе и проспали до утра, и тогда я хотел уйти, но он схватила меня и сказала: «По стой, я тебе что то скажу...»

И Шахразду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Сто девятнадцатая ночь

Когда же настала сто девятнадцатая ночь, она сказала: «Дошло до маня, о счастливый царь, что юноша говорил Тадж-аль-Мулуку: „Когда я хотел уйти, она схватила меня и сказала: «Постой, я тебе что то расскажу и дам тебе наставление“».

И я остановился, а она развязала платок и, вынув оттуда этот лоскут, разостлала его передо мною, и я увидел там изображение газели вот такого вида, и до крайности удивился и взял его. И мы с кою условились, что я буду приходить к ней каждую ночь в этот сад, а потом я ушёл от неё радостный и от радости забыл тот стих, который мне поручила сказать дочь моего дяди. А та женщина, давая мне лоскут с изображением газели, сказала:

«Это работа моей сестры». – «Как же имя твоей сестры?» – спросил я её, и она ответила: «Её имя – Нураль-Худа; храни этот лоскут». И я простился с нею, и удалился радостный, и пошёл, а войдя к дочери моего дяди, я увидел, что она лежит; но, увидав меня, она встала (а слезы её лились) и подошла ко мне, и поцеловала меня в грудь, и спросила: «Сделал ли ты так, как я тебе поручила, и сказал ли стих?» – «Я забыл его, и меня от него отвлекло не что иное, как изображение этой газели», – ответил я и кинул лоскут перед Азизой, а она поднялась и села, будучи не в состоянии терпеть, и, проливая из глаз слезы, сказала такие два стиха:

«К разлуке стремящийся, потише!
Не дай обмануть тебя объятьям!
Потише! Обман ведь свойствен року,
И дружбы конец – всегда разлука».

А окончив говорить стихи, она сказала: «О сын моего дяди, подари мне этот лоскуток!» И я подарил его ей, а она взяла его и разостлала и увидела, что на нем. А когда мне пришло время уходить, дочь моего дяди сказала: «Иди, сопровождаемый благополучием, а когда будешь уходить от неё, скажи ей стих из стихотворения, который я тебе сказала раньше, а ты его забыл». – «Повтори его!» – сказал я ей; и она повторила, и после этого я пошёл в сад и поднялся в помещение, где нашёл эту женщину ожидающей. И, увидев меня, она поднялась, поцеловала меня и посадила к себе на колени, и мы поели и выпили и удовлетворили свои желания, как раньше, а когда наступило утро, я сказал ей тот стих, то есть:

«О люди влюблённые. Аллахом прошу сказать,
Что делает молодец, коль сильно полюбит он?»

И когда она услышала его, из глаз её пролились слезы, и она сказала:

«Скрывает он страсть свою и тайну хранит свою,
И терпит во всех делах смиренно и стойко он».

А я запомнил этот стих, радуясь, что исполнил просьбу дочери моего дяди, и вышел, и, придя к ней, нашёл её лежащей, а моя мать сидела у её изголовья и плакала о том, что с ней случилось. И когда я вошёл к Азизе, моя мать сказала мне: «Пропади ты, о двоюродный брат! Как это ты оставляешь дочь своего дяди, когда ей нехорошо, и не спрашиваешь о её болезни!»

А дочь моего дяди, увидя меня, подняла голову и села и спросила: «О Азиз, сказал ли ты ей стих, который я говорила тебе?» – «Да», – отвечал я ей; и, услышав его, она заплакала, и она сказала мне другой стих, а я его запомнил. «Скажи мне его», – попросила Азиза; и когда я сказал ей стих, она горько заплакала и произнесла такое двестишье:

«Но как же скрывать ему, коль страсть ему смерть несёт
И сердце его что день, то вновь разрывается?
Стремился к терпению он смиренно, но мог найти
Лишь боль для души своей, любовью истерзанной.

Когда ты войдёшь к ней, как обычно, скажи ей эти два стиха, которые ты услышал», –

сказала дочь моего дяди; а я ответил ей: «Слушаю и повинуюсь». И затем я пошёл к ней, как всегда, в сад, и между нами было то, что было, и описать это бессилён язык. А собираясь уйти, я сказал ей те два стиха до конца, и когда она их услышала, слезы потекли у неё из глаз, и она произнесла слова поэта:

«А если он не найдёт терпенья, чтобы тайну скрыть,
По-моему, только смерть пристойна тогда ему».

И я запомнил этот стих и пошёл домой, а войдя удочери моего дяди, я увидел, что она лежит без чувств, а моя мать сидит у неё в головах. Но, услышав мой голос, Азиза открыла глаза и спросила: «О Азиз, сказал ли ты ей стихи?» – «Да», – отвечал я; и, услышав их, она сказала мне такой стих: «А если он не найдёт...» и так далее. И когда дочь моего дяди услышала его, она вторично лишилась чувств, а очнувшись, она произнесла два такие стиха:

«Я слышу и слушаюсь! Умру! Передайте же
Привет от меня тому, кто счастья лишил меня.
Во здравье да будет тем, кто счастливы, счастье их,
А бедной влюбившейся лишь скорбь суждено глотать».

А потом, когда настала ночь, я отправился, по обыкновению, в сад и нашёл ту женщину ожидающей меня. Мы сели, поели и выпили, и сделали наше дело, и проспали до утра, а собираясь уйти, я повторил ей то, что сказала дочь моего дяди; и, услышав это, она испустила громкий крик и расстроилась и сказала: «Ах, клянусь Аллахом, та, что сказала эти стихи, умерла!» – и она заплакала и спросила: «Горе тебе, в каком ты родстве со сказавшей этот стих?» – «Она дочь моего дяди», – отвечал я. И женщина воскликнула: «Ты лжёшь, клянусь Аллахом! Если бы она была дочерью твоего дяди, ты бы испытывал к ней такую же любовь, как она к тебе! Это ты её убил. Убей тебя Аллах, как ты убил её! Клянусь Аллахом, если бы ты рассказал мне, что у тебя есть двоюродная сестра, я не приблизила бы тебя к себе!» – «О, она толковала мне знаки, которые ты мне делала, и это она научила меня, как мне с тобою сблизиться и как поступать с тобою. Если бы не она, я бы не достиг тебя», – сказал я. «Разве она знала про пас?» – спросила женщина; и я сказал: «Да». И тогда она воскликнула: «Да погубит Аллах твою молодость, как ты ей погубил её юность! Иди посмотри на неё», – сказала она потом. И я пошёл с расстроенным сердцем и шёл до тех пор, пока не достиг нашего переулка. И я услышал вопли и спросил, что такое, и мне сказали: «Мы нашли Азизу за дверью мёртвой».

И я вошёл в дом, и, увидя меня, моя мать сказала: «Грех за неё на твоей совести и лежит на твоей шее!

Да не отпустит тебе Аллах её крови...»

И Шахразад устали, и она прекратила дозволенные речи.

Ночь, дополняющая до ста двадцати

Когда же настала ночь, дополняющая до ста двадцати, она сказала: дошло до меня, о счастливый царь, что юный Азиз говорил Тадж-аль-Мулуку: «И я вошёл в дом, и, увидя меня, моя мать сказала: „Грех за неё на твоей совести! Да не отпустит тебе Аллах её кровь! Пропади ты, о двоюродный брат!“»

А потом пришёл мой отец, и мы обрядили Азизу, и вынесли её, и проводили носилки на кладбище, где её закопали; и мы устроили над её могилой чтения Корана и пропели у могилы три дня. И затем мы вернулись и пришли домой, и я грустил о ней, и моя мать подошла ко мне и сказала: «Я хочу знать, что ты с ней такое сделал, что у неё лопнул жёлчный пузырь! О дитя моё, я все время её спрашивала, отчего она больна, но она ничего

мне не сообщила и не рассказала мне ни о чем. Заклинаю тебя Аллахом, Расскажи же мне, что ты с ней сделал, почему она умерла». – «Я ничего не сделал», – отвечал я. И моя мать воскликнула: «Да отомстит тебе за неё Аллах! Она ничего не сказала мне, но скрывала своё дело, пока не умерла, простив тебе; и когда она умирала, я была у неё, и она открыла глаза и сказала мне: „О жена моего дяди, да сочтёт Аллах твоего сына неповинным за мою кровь и да не взыщет с него за то, что он со мной сделал! Аллах только перенёс меня из преходящей обители здешней жизни в вечную обитель будущей жизни!“ И я сказала ей: „О дочь моя, да сохранит он тебя и твою юность!“ – и стала её расспрашивать, почему она захворала, но она ничего не сказала, а потом улыбнулась и молила: „О жена моего дяди, скажи твоему сыну, когда он захочет уйти туда, куда уходит каждый день, чтобы он, уходя оттуда, сказал такие два слова: „Верность прекрасна, измена дурна!“ В этом моя защита для него, чтобы я была за него заступницей и при жизни и после смерти“. Потом она дала мне для тебя одну вещь и заставила меня поклясться, что я тебе её дам, только если увижу, что ты плачешь о ней и рыдаешь; и эта вещь у меня, и когда я увижу тебя в таком состоянии, как она сказала, я отдам её тебе».

И я попросил: «Покажи мне её», но моя мать не согласилась, а потом я отвлёкся мыслью о наслаждениях и не вспоминал о смерти дочери моего дяди, так как был легкомыслен и хотел проводить целые ночи и дни у моей возлюбленной. И едва я поверил, что пришла ночь, как пошёл в сад и нашёл эту женщину точно на горячих сковородках от долгого ожидания.

И едва она меня увидела, как уцепилась за меня и поспешила броситься мне на шею и спросила про дочь моего дяди; а я ответил: «Она умерла, и мы устроили по ней поминанья и чтения Корана, и после её смерти прошло уже четыре ночи, а сегодня – пятая».

И, услышав это, она закричала, заплакала и воскликнула: «Не говорила ли я тебе, что ты убил её! Если бы ты рассказал мне о ней до её смерти, я бы, наверное, вознаградила её за милость, которую она мне сделала. Она сослужила мне службу и привела тебя ко мне, и если бы не она, мы бы с тобой не встретились. Я боюсь, что тебя постигнет несчастье за грех, который ты совершил с нею». – «Она сняла с меня вину перед смертью», – ответил я и рассказал ей о том, что сообщила мне мать; и тогда женщина воскликнула: «Ради Аллаха, когда пойдёшь к твоей матери, узнай, что у неё за вещь!» – «Моя мать говорила, – сказал я, – что дочь моего дяди перед смертью дала ей поручение и сказала: „Когда твой сын захочет пойти в то место, куда он обычно уходит, скажи ему такие два слова: „Верность прекрасна, измена дурна“».

И женщина, услышав это, воскликнула: «Да помилует её Аллах великий! Она избавила тебя от меня, а я задумала причинить тебе вред. Но теперь я не стану вредить тебе и тебя расстраивать!» И я удивился этому и спросил: «Что ты хотела раньше со мною сделать, хотя между нами возникла любовь?» И она отвечала: «Ты влюблён в меня, но ты молод годами и прост и в твоём сердце нет обмана, так что ты не знаешь нашего коварства и козней. Будь она жива, она, наверное, была бы тебе помощницей, так как она виновница твоего спасения и спасла тебя от гибели. А теперь я дам тебе наставление: не говори, не заговаривай ни с кем из подобных нам, ни со старой, ни с молодой. Берегись и ещё раз берегись: ты простака и не знаешь козней женщин и их коварства. Та, что толковала тебе знаки, умерла, и я боюсь, что ты попадёшь в беду и не встретишь никого, кто бы спас тебя от нас после смерти дочери твоего дяди...»

И Шахразадку застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Сто двадцать первая ночь

Когда же настала сто двадцать первая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что юноша говорил Тадж-аль-Мулуку: „И женщина сказала мне: „Я боюсь, что ты попадёшь в беду и не встретишь никого, кто бы освободил тебя от неё. О печаль моя по

дочери твоего дяди! О, если бы я знала её раньше её смерти, чтобы воздать ей за добро, которое она мне сделала! Я навещу её могилу, да помилует её Аллах великий! Она скрыла свою тайну и не выдала того, что знала, и если бы не она, ты бы никогда не достиг меня. Я хочу от тебя одну вещь“. – „Какую?“ – спросил я; и она сказала: „Вот какую: приведи меня к её могиле, чтобы я могла посетить её гробницу, где она лежит, и написать на ней стихи“. – „Завтра, если захочет Аллах великий“, – ответил я, и затем я пролежал с нею эту ночь, и она через каждый час говорила мне: „О, если бы ты рассказал мне о дочери твоего дяди раньше её смерти!“ – «А что значат эти слова, которые она сказала: «Верность прекрасна, измена дурна““?) – спросил я; но она мне не ответила.

А когда настало утро, она поднялась и, взяв мешок с динарами, сказала мне: «Встань и покажи мне её могилу, чтобы я могла её посетить и написать на ней стихи. Я построю над могилой купол и призову на Азизу милость Аллаха, а эти деньги я раздам как милостыню за её душу». – «Слушаю и повинуюсь», – отвечал я ей и затем пошёл впереди неё, а она пошла за мною и стала раздавать милостыню, идя по дороге; и, подавая милостыню, она каждый раз говорила: «Это милостыня за душу Азизы, которая скрывала тайну, пока не выпила чашу гибели, но она не открыла тайны своей любви». И она все время раздавала деньги из мешка, говоря: «За душу Азизы», пока не вышло все, что было в мешке. И мы дошли до могилы, и, увидав могилу, она заплакала и бросилась на неё, а затем она вынула стальной резец и маленький молоточек и стала чертить тонким почерком по камню, лежавшему в изголовье гробницы. И она вывела на камне такие стихи:

Могилу увидел я в саду обветшалую,
Цветов анемона семь на ней выросло.
Спросил: «Чья могила здесь?» Земля мне ответила:
«Будь вежлив! В могиле той влюблённый покоится».
Я молвил: «Храни Аллах, о жертва любви, тебя,
И дай тебе место он в раю, в вышних горницах»,
Несчастливы влюблённые! На самых могилах их
Скопился прах низости, забыты людьми они.
Коль мог бы, вокруг тебя развёл бы я пышный сад
И всходы поил бы я слезами обильными».

И потом она ушла, плача, и я пошёл с нею в сад, а она сказала мне: «Ради Аллаха, не удаляйся от меня никогда!» И я отвечал: «Слушаю и повинуюсь!»

И потом я усердно стал посещать её и заходить к ней, и всякий раз, когда я у неё ночевал, она была со мной добра, и оказывала мне почёт, и спрашивала о словах, которые дочь моего дяди, Азиза, сказала моей матери, а я повторял их ей. И я продолжал так жить, поедая, выпивая, сжимая, обнимая и меняя платье из мягких одежд, пока я не потолстел и не разжирел, и не было у меня ни заботы, ни печали, и я забыл о своей двоюродной сестре.

И так продолжалось целый год. А в начале нового года я пошёл в баню, и привёл себя в порядок, и надел роскошное платье, а выйдя из бани, я выпил кубок вина и стал нюхать благовоние моих одежд, облитых всевозможными духами, – и на сердце у меня было легко, и не знал я обманчивости времени и превратностей случая. А когда пришло время ужина, мне захотелось отправиться к той женщине, и я был пьян и не знал, куда мне идти.

И я пошёл к ней, и хмель увёл меня в переулочек, называемый переулком Начальника; и, проходя по этому переулочку, я посмотрел и вдруг вижу: идёт старуха, и в одной руке у неё горящая свеча, а в другой свёрнутое письмо...»

И Шахразадку застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Сто двадцать вторая ночь

Когда же настала сто двадцать вторая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что юноша, по имени Азиз, говорил Тадж-аль-Мулуку: «И, войдя в переулок, называемый переулком Начальника, я посмотрел и вдруг вижу – идёт старуха, и в одной руке у неё горящая свеча, а в другой свёрнутое письмо. И я подошёл к ней и вдруг вижу – она плачет и говорит такие стихи:

«Посланник с прощением, приют и уют тебе!
Приятно как речь твою мне слышать и сладостно!
О ты, что принёс привет от нежно любимого,
Аллах да хранит тебя, нока будет ветер дуть!»

И, увидев меня, она спросила: «О дитя моё, умеешь ли ты читать?» И я ответил ей по своей болтливости: «Да, старая тётушка». И тогда она сказала: «Возьми это письмо и прочти мне его», – и подала мне письмо. И я взял письмо и развернул его и прочитал ей, и оказалось, что в этом письме содержится от отсутствующих привет любимым!

И, услышав это, старуха обрадовалась и развеселилась и стала благословлять меня, говоря: «Да облегчит Аллах твою заботу, как ты облегчил мою заботу!» – а затем она взяла письмо и прошла шага два. А мне приспело помочиться, и я сел на корточки, чтобы отлить воду, и потом поднялся, обтёрся, опустил полы платья и хотел идти, – как вдруг старуха подошла ко мне и, наклонившись к моей руке, поцеловала её и сказала: «О господин, да сделает господь приятной твою юность! Прошу тебя, пройди со мною несколько шагов до этих ворот. Я передала своим то, что ты сказал мне, прочтя письмо, но они мне не поверили; пройди же со мною два шага и прочти им письмо из-за двери и прими от меня праведную молитву». – «А что это за письмо?» – спросил я. «О дитя моё, – отвечала старуха, – оно пришло от моего сына, которого нет со мной уже десять лет. Он уехал с товарами и долго пробыл на чужбине, так что мы перестали надеяться и думали, что он умер, а потом, спустя некоторое время, к нам пришло от него это письмо. А у него есть сестра, которая плачет по нем в часы ночи и дня, и я сказала ей: „Он в добром здоровье“; но она не поверила и сказала: „Обязательно приведи ко мне кого-нибудь, кто прочтает это письмо при мне, чтобы моё сердце уверилось и успокоился мой ум“. А ты знаешь, о дитя моё, что любящий склонён к подозрению; сделай же мне милость, пойди со мной и прочти это письмо, стоя за занавеской, а я кликну его сестру, и она послушает из-за двери. Ты облегчишь наше горе и исполнишь нашу просьбу; сказал ведь посланник Аллаха (да благословит его Аллах и да приветствует!): „Кто облегчит огорчённому одну горесть из горестей мира, тому облегчит Аллах сотню горестей“; а другое изречение гласит: „Кто облегчит брату своему одну горесть из горестей мира, тому облегчит Аллах семьдесят две горести из горестей дня воскресенья“. Я направились к тебе, не обмани же моей надежды».

«Слушаю и повинуюсь, ступай вперёд», – сказал я; и она пошла впереди меня, а я прошёл за нею немного и пришёл к воротам красивого большого дома (а ворота его были выложены полосами красной меди). И я остановился за воротами, а старуха крикнула по-иноземному; и не успел я очнуться, как прибежала какая-то женщина с лёгкостью и живостью, и платье её было подобрано до колен, и я увидел пару ног, смущающих мысли и взор. И она была такова, как сказал поэт:

О, платье поднявшая, чтобы ногу увидеть мог
Влюблённый и мог понять, как прочее дивно.
Бежит она с чашею навстречу любимому, –
Людей искушают ведь лишь чаша и кравчий.

И ноги её, подобные двум мраморным столбам, были украшены золотыми браслетами, усыпанными драгоценными камнями. А эта женщина засучила рукава до подмышек и обнажила руки, так что я увидел её белые запястья, а на руках её была пара браслетов на

замках с большими жемчужинами и на шее ожерелье из дорогих камней. И в ушах её была пара жемчужных серёг, а на голове платок из полосатой парчи, окаймлённый дорогими камнями; и она заткнула концы рубашки за пояс, как будто бы только что работала. И, увидав её, я был ошеломлён, так как она походила на сияющее солнце, а она сказала нежным и ясным голосом, слаще которого я не слышал: «О матушка, это он пришёл читать письмо?» – «Да», – отвечала старуха. И тогда девушка протянула мне руку с письмом, а между нею и дверью было с полшеста расстояния¹⁸³, и я вытянул руку, желая взять у неё письмо, и просунул в дверь голову и плечи, чтобы приблизиться к ней и прочесть письмо; и не успел я очнуться, как старуха упёрлась головой мне в спину и втокнула меня (а письмо было у меня в руке), и, сам не знаю как, я оказался посреди дома и очутился в проходе. А старуха вошла быстрее разящей молнии, и у неё только и было дела, что запереть ворота...»

И Шахразад упустило утро, и она прекратила дозволенные речи.

Сто двадцать третья ночь

Когда же настала сто двадцать третья ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что юноша Азиз говорил Тадж-аль-Мулуку: „Когда старуха втокнула меня, я не успел очнуться, как оказался в проходе, старуха вошла быстрее разящей молнии, и у неё только и было дела, что запереть ворота. Женщина же, увидев, что я внутри дома, подошла ко мне и прижала меня к груди и опрокинула на землю, и села на меня верхом и так сжала мне живот руками, что я обмер, а затем она обхватила меня руками, и я не мог от неё освободиться, потому что она меня сильно сжала. И потом она повела меня (а старуха шла впереди с зажжённой свечой), и мы миновали семь проходов, и посла того она пришла со мною в большую комнату с четырьмя портиками, под которыми могли бы играть в мяч всадники. И тогда она отпустила меня и сказала: „Открой глаза!“ И я открыл глаза, ошеломлённый оттого, что она меня так сильно сжимала и давила, и увидел, что комната целиком построена из прекраснейшего мрамора, и вся устлана шёлком и парчой, и подушки и сиденья в ней такие же. И там были две скамейки из жёлтой меди и ложе из червонного золота, украшенное жемчугом и драгоценными камнями, и сиденья, и это был дом благоденствия, подходящий лишь для такого царя, как ты.

«О Азиз, – спросила она меня потом, – что тебе любезнее, смерть или жизнь?» – «Жизнь, – ответил я. И она сказала: „Если жизнь тебе любезнее, женись на мне“. – „Мне отвратительно жениться на такой, как ты“, – воскликнул я, но она ответила: „Если ты на мне женишься, то спасёшься от дочери Далилы-Хитрицы“.

«А кто такая дочь Далилы-Хитрицы?» – спросил я; и она, смеясь, воскликнула: «Это та, с кем ты дружишь к сегодняшнему дню год и четыре месяца, да погубит её Аллах великий и да пошлёт ей того, кто сильнее её! Клянусь Аллахом, не найдётся никого коварнее её! Сколько людей она убила до тебя и сколько натворила дел! Как это ты спасся от неё, продравшись с нею все это время, и как она тебя не убила и не причинила тебе горя!»

Услышав её слова, я до крайности удивился и воскликнул: «О госпожа моя, от кого ты узнала о ней?» – «Я знаю её так, как время знает свои несчастья, – отчала она, – но мне хочется, чтобы ты рассказал мне все, что у тебя с ней случилось, и я могла бы узнать, почему ты от неё спасся».

И я рассказал ей обо всем, что произошло у меня с той женщиной и с дочерью моего дяди Азизой, и она призвала на неё милость Аллаха, и глаза её прослезились.

Она ударила рукой об руку, услышав о смерти моей двоюродной сестры Азизы, и воскликнула: «На пути Аллаха погибла её юность! Да воздаст тебе Аллах за неё добром! Клянусь Аллахом, о Азиз, она умерла, а между тем она – виновница твоего спасения от

¹⁸³ Шест-мера длины, приблизительно 3,5 м.

дочери Далилы Хитрицы, и если бы не она, ты бы, наверное, погиб.

Я боюсь за тебя из-за её коварства, но мой рот закрыт, и я не могу говорить». – «Да, клянусь Аллахом, все это случилось», – сказал я. И она покачала головой и воскликнула: «Не найдётся теперь такой, как Азиза!» – «А перед смертью, – сказал я, – она завещала мне сказать той женщине два слова, не более, а именно:

«Верность прекрасна, измена дурна».

Услышав это, женщина вскричала: «Клянусь Аллахом, о Азиз, эти-то два слова и спасли тебя от неё и от убийства её рукой! Теперь моё сердце успокоилось за тебя: она уже тебя не убьёт. Твоя двоюродная сестра выручила тебя и живая и мёртвая. Клянусь Аллахом, я желала тебя день за днём, но не могла овладеть тобою раньше, чем теперь, когда я с тобою схитрила и хитрость удалась. Ты пока ещё простак, не знаешь коварства женщин и хитростей старух». – «Нет, клянусь Аллахом!» – воскликнул я. И она сказала: «Успокой свою душу и прохлади глаза! Мёртвый успокоен, а живому будет милость! Ты – красивый юноша, и я хочу иметь тебя только по установлению Аллаха и его посланника (да благословит его Аллах и да приветствует!). Чего ты ни захочешь из денег или тканей, все быстро к тебе явится, и я не буду ничем утруждать тебя. И хлеб у меня тоже всегда испечён, и вода – в кувшине, и я только хочу от тебя, чтобы ты делал со мною то, что делает петух». – «А что делает петух?» – спросил я; и она засмеялась и захлопала в ладоши, и смеялась так сильно, что упала навзничь, а потом она села прямо и воскликнула: «О свет моих глаз, разве ты не знаешь ремесла петуха?» – «Нет, клянусь Аллахом, я не знаю ремесла петуха», – ответил я. И она сказала: «Вот ремесло петуха: ешь, пей и топчи!»

И я смутился от её слов, а потом спросил: «Это ремесло петуха?» А она сказала: «Да, и теперь я хочу от тебя, чтобы ты затянул пояс, укрепил решимость и любил изо всей мочи». И она захлопала в ладоши и крикнула: «О матушка, приведи тех, кто у тебя находится». И вдруг старуха пришла с четырьмя правомочными свидетелями, неся кусок шёлковой материи.

И она зажгла четыре свечи, а свидетели, войдя, приветствовали меня и сели; и тогда женщина встала и закрылась плащом и уполномочила одного из свидетелей заключить брачный договор. И они сделали запись, а женщина засвидетельствовала, что она получила все приданое, предварительное и последующее, и что на её ответственности десять тысяч дирхемов моих денег...

И Шахразад утих, и она прекратила дозволенные речи.

Сто двадцать четвёртая ночь

Когда же настала сто двадцать четвёртая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что юноша говорил Тадж-аль-Мулуку! „И когда написали запись, она засвидетельствовала, что получила все приданое, предварительное и последующее, и что на её ответственности десять тысяч дирхемов моих денег, а затем она дала свидетелям их плату, и они ушли откуда пришли. И тогда женщина ушла и, сняв с себя платье, пришла в тонкой рубашке, обшитой золотой каймой, и взяла меня за руку, и поднялась со мной на ложе, говоря: «В дозволенном нет срама».

А потом мы проспали до утра, и я хотел выйти, но вдруг она подошла и сказала, смеясь: «Ой, ой! – ты думаешь, что входят в баню так же, как выходят из неё¹⁸⁴. Ты, наверное, считаешь меня такой же, как дочь Далилы-Хитрицы. Берегись таких мыслей! Ты ведь мой муж по писанию и установлению, а если ты пьян, то отрезвись и образумься! Этот дом, где ты находишься, открывается лишь на один день каждый год. Встань и посмотри на большие ворота».

¹⁸⁴ На мусульманском Востоке за пользование баней платят при выходе, а не при входе.

И я подошёл к большим воротам и увидел, что они заперты и заколочены гвоздями, и, вернувшись к ней, я рассказал ей, что они заколочены и заперты, а она сказала: «О Азиз, у нас хватит муки, крупы, плодов, гранатов, сахару, мяса, баранины, кур и прочего на много лет, и с этой минуты ворота откроются только через год. Я знаю, что ты увидишь себя выходящим отсюда не раньше чем через год». – «Нет мощи и силы, кроме как у Аллаха!» – воскликнул я. И она сказала: «А чем же здесь тебе плохо, если ты знаешь ремесло петуха, о котором я тебе говорила?»

И она засмеялась, и я также засмеялся и послушался её и сделал, что она сказала. И я стал у неё жить и исполнял ремесло петуха: ел, пил и любил, пока не прошёл год – двенадцать месяцев. А когда год исполнился, она понесла от меня, и я получил через неё сына.

А в начале следующего года я услышал, что открывают ворота. И вдруг люди внесли хлебцы, муку и сахар. И я хотел выйти, но она сказала мне: «Потерпи до вечерней поры, и как вошёл, так и выйди». И я прождал до вечерней поры и хотел выйти, испуганный и утращённый, и вдруг она говорит: «Клянусь Аллахом, я не дам тебе выйти, пока не возьму с тебя клятву, что ты вернёшься сегодня ночью, раньше чем запрут ворота».

Я согласился на это, и она взяла с меня верные клятвы, мечом, священным списком и разводом¹⁸⁵, что я вернусь к ней, а потом я вышел от неё и отправился в тот сад. И я увидел, что ворота его открыты, как всегда, и рассердился и сказал про себя: «Я отсутствовал целый год и пришёл внезапно и вижу, что здесь открыто, как прежде. Я обязательно войду и погляжу, прежде чем пойду к своей матери, – теперь ведь время вечернее», и я вошёл в сад...»

И Шахразад устало говорила, и она прекратила дозволенные речи.

Сто двадцать пятая ночь

Когда же настала сто двадцать пятая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что Азиз говорил Тадж-аль-Мулуку: „И я вошёл в сад и шёл, пока не пришёл в ту комнату, и я увидел, что дочь Далилы-Хитрицы сидит, положив голову на колени и подперев щеку рукою, и цвет её лица изменился и глаза впали. И, увидев меня, она сказала: „Слава Аллаху за спасение!“ – и хотела подняться, но упала от радости; и я устыдился её и опустил голову. А потом я подошёл к ней, поцеловал её и спросил: „Как ты узнала, что я приду к тебе сегодня вечером?“ – «Я не знала об этом, – сказала она. – Клянусь Аллахом, вот уж год, как я не ведаю вкуса сна и не вкушаю его! Каждую ночь я бодрствую в ожидании тебя, и это со мною случилось с того дня, как ты от меня ушёл и я дала тебе платье из новой ткани и ты обещал, что сходишь в баню и придёшь. Я просидела, ожидая тебя, первую ночь и вторую ночь и третью ночь, а ты пришёл только после такого долгого времени. Я постоянно жду твоего прихода, таково уж дело влюблённых. Я хочу, чтобы ты рассказал мне, почему ты отсутствовал весь этот год“».

И я рассказал ей. И когда она узнала, что я женился, её лицо пожелтело, а потом я сказал: «Я пришёл к тебе сегодня вечером и уйду раньше, чем взойдёт день». И она воскликнула: «Недостаточно ей того, что она устроила с тобой хитрость и вышла за тебя замуж и заточила у себя на целый год! Она ещё взяла с тебя клятву разводом, что ты вернёшься к ней этой ночью, раньше наступления дня, и её душа не позволяет тебе повеселиться у твоей матери или у меня! Ей не легко, чтобы ты провёл у когонибудь из нас одну ночь, вдали от неё, так каково же той, от кого ты ушёл на целый год, хотя я и знала тебя раньше, чем она. Но да помилует Аллах дочь твоего дяди Азизу! С ней случилось то, что не случилось ни с кем, и она вынесла то, что никто не вынес, и умерла обиженная тобою. А это

¹⁸⁵ Клятва разводом считается одной из самых сильных клятв у мусульман.

она защитила тебя от меня. Я думала, что ты меня любить, и отпустила тебя, хотя могла и не дать тебе уйти целым и с жирком и была в силах тебя заточить и погубить».

И она горько заплакала, и разгневалась, и, вся ошетинившись, посмотрела на меня гневным взором. И когда я увидел её такою, у меня затряслись поджилки, и я испугался её, и она стала точно ужасная гуль, а я стал точно боб на огне. А потом она сказала: «Нет мне больше от тебя проку, после того как ты женился и у тебя появился ребёнок; ты не годишься для дружбы со мною, так как мне будет польза только от холостого, а женатый мужчина – тот не принёс нам никакой пользы. Ты продал меня за этот вонючий пучок цветов! Клянусь Аллахом, я опечалю через тебя эту распутницу, и ты не достанешься ни мне, ни ей!»

Потом она издала громкий крик, и не успел я очнуться, как пришли десять невольниц и бросили меня на землю; и когда я оказался у них в руках, она поднялась, взяла нож и воскликнула: «Я зарежу тебя, как режут козлов, и это будет тебе самым малым наказанием за то, что ты сделал со мною и с дочерью твоего дяди раньше меня».

И, увидев, что я в руках её невольниц и щеки мои испачканы пылью и рабыни точат нож, я уверился в своей смерти...»

И Шахразад устало закрыла глаза, и она прекратила дозволенные речи.

Сто двадцать шестая ночь

Когда же настала сто двадцать шестая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что везирь Дандан рассказывал Дау-аль-Макану: „И юноша Азиз говорил Тадж-аль-Мулуку: „И, увидев, что я в руках её невольниц и щеки мои испачканы пылью и рабыни точат нож, я уверился в своей смерти и воззвал к этой женщине о помощи, но она стала лишь ещё более жестока и приказала невольницам скрутить меня. И они скрутили меня и, бросив на спину, сели мне на живот и схватили меня за голову, и две невольницы сели мне на колени, а две другие взяли меня за руки, она же встала с двумя невольницами и приказала им меня бить. И они били меня, пока я не обеспамятел и не ослаб мой голос, а очнувшись, я сказал про себя: „Поистине, умереть зарезанным лучше и легче, чем эти побои!“ И я вспомнил слова дочери моего дяди, которая говорила: «Да избавит тебя Аллах от её зла!» – и стал кричать и плакать, пока не прервался мой голос и у меня не осталось ни звука, ни дыхания. А потом она наточила нож и сказала невольницам: «Обнажите его!»

И вдруг владыка внушил мне произнести те слова, которые говорила дочь моего дяди и завещала мне сказать. «О госпожа, – воскликнул я, – разве ты не знаешь, что верность прекрасна, а измена дурна?» И, услышав это, она воскликнула и сказала: «Да помилуй тебя Аллах, о Азиза! Да воздаст ей Аллах за её юность раем! Клянусь Аллахом, она была тебе полезна и при жизни и после смерти и спасла тебя от моих рук при помощи этих слов. Но я не могу отпустить тебя так и непременно должна оставить на тебе след, чтобы причинить горе этой распутнице и срамнице, которая спрятала тебя от меня». И она крикнула невольницам и велела им связать мне ноги верёвкой, а затем сказала им: «Сядьте на него верхом!», и они это сделали. И тогда она ушла и вернулась с медной сковородкой, которую подвесила над жаровней с огнём и налила туда масла и поджарила в нем серу (а я был без чувств), и потом она подошла ко мне, распустила на мне одежду и перевязала мои срамные части верёвкой и, схватив её, подала её двум невольницам и сказала: «Тяните за верёвку!» И они потянули, а я потерял сознание, и от сильной боли я оказался в другом, нездешнем мире, а она пришла с железной бритвой и оскопила меня, так что я стал точно женщина. И затем она прижгла место отреза и натёрла его порошком (а я все был без памяти), а когда я пришёл в себя, кровь уже остановилась.

И женщина велела невольницам развязать меня и дала мне выпить кубок вина, а потом сказала: «Иди теперь к той, на которой ты женился и которая поспешила отдать мне одну ночь! Да помилует Аллах дочь твоего дяди, которая была виновницей твоего спасения и не открыла своей тайны. Если бы ты не произнёс её слов, я наверное бы тебя зарезала! Уходи

сейчас же, к кому хочешь! Мне нужно было от тебя только то, что я у тебя отрезала, а теперь у тебя не осталось для меня ничего. Мне нет до тебя охоты, и ты мне не нужен! Поднимайся, пригладь себе волосы и призови милость Аллаха на дочь твоего дяди!»

И она пихнула меня ногой, и я встал, но не мог идти, и я шёл понемногу, пока не дошёл до дому и, увидя, что двери открыты, я свалился в дверях и исчез из мира.

И вдруг моя жена вышла и подняла меня, и внесла в комнату, и она увидела, что я стал как женщина. А я заснул и погрузился в сон и, проснувшись, увидел себя брошенным у ворот сада...»

И Шахразад устала, и она прекратила дозволенные речи.

Сто двадцать седьмая ночь

Когда же настала сто двадцать седьмая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что везирь Дандан рассказывал царю Дау-аль-Макану: „И юноша Азиз говорил Тадж-альМулуку: «И когда я веч ал и очнулся, я увидел, что был брошен у ворот сада. Я поднялся, стенаю и охая, и шёл, пока не пришёл к моему жилищу, и, войдя в него, я нашёл мою мать плачущей по мне, и она говорила: «Узнаю ли я, дитя моё, в какой ты земле?»“ И я подошёл и кинулся к ней, а она посмотрела на меня и, узнав меня, увидела, что я нездоров и моё лицо стало жёлтым и чёрным.

А я вспомнил о дочери моего дяди и о добре, которое она мне сделала, и уверился, что она меня любила, и заплакал, и моя мать тоже заплакала. «О дитя моё, твой отец умер», – сказала моя мать; и тогда я ещё сильнее расстроился и так заплакал, что лишился чувства, а очнувшись, я посмотрел на то место, где сживала дочь моего дяди, и снова заплакал и едва не лишился чувств от сильного плача.

И я продолжал так плакать и рыдать до полуночи; и моя мать сказала: «Твой отец уже десять дней как умер»; а я ответил ей: «Не стану никогда ни о ком думать, кроме дочери моего дяди! Я заслужил все то, что со мной случилось, раз я пренебрёг ею, хотя она меня любила». – «Что же с тобой случилось?» – спросила моя мать. И я рассказал ей, что со мной произошло, и она немного поплакала, а затем она принесла мне кое-чего съестного, и я поел немного и выпил, и повторил ей свою повесть, рассказав обо всем, что мне выпало. И она воскликнула: «Слава Аллаху, что с тобой случилось только это и она тебя не зарезала!»

Потом мать принялась меня лечить и поить лекарствами, пока я не исцелился и не стал вполне здоров и тогда она сказала мне: «О дитя моё, теперь я вынесу тебе то, что твоя двоюродная сестра положила ко мне на сохранение. Эта вещь принадлежит тебе, и Азиза взяла с меня клятву, что я не покажу тебе её раньше, чем увижу, что ты вспоминаешь свою двоюродную сестру и плачешь и что разорвана твоя связь с другою. А теперь я знаю, что эти условия исполнились».

И она встала и, открыв сундук, вынула оттуда лоскут с изображением этой нарисованной газели (а это был тот лоскут, который раньше я подарил Азизе), и, взяв его, я увидел, что на нем написаны такие стихи:

Красавица, кто тебя нас бросить заставил?
От крайней любви к тебе убит измождённый.
А если не помнишь нас с тех пор, как расстались мы,
То мы – Аллах знает то! – тебя не забыли.
Ты мучишь жестокостью, но мне она сладостна;
Подаришь ли мне когда с тобою свиданье?
И прежде не думал я, что страсть изнуряет нас
И муку душе несёт, пока не влюбился.
И только когда любовь мне сердце опутала,
Я страсти стал пленником, едва ты взглянула,

Смягчились хулители, увидя любовь мою,
А ты не жалеешь, Хинд, тобой изнурённых.
Аллахом мечта моя, клянусь, не утешусь я,
В любви коль погибну я – тебя не забуду!

Прочитав эти стихи, я горько заплакал и стал бить себя по щекам; а когда я развернул бумажку, из неё выпала другая записка, и, открыв её, я вдруг увидел, что там написано: «Знай, о сын моего дяди, я освободила тебя от ответа за мою кровь и надеюсь, что Аллах позволит тебе соединиться с тем, кого ты любишь. Но если с тобой случится что-нибудь из-за дочери Далилы-Хитрили, не ходи опять к ней и ни к какой другой женщине и терпи свою беду. Не будь твой срок долгим, ты бы, наверное, давно погиб; но слава Аллаху, который назначил мой день раньше твоего дня. Привет мой тебе. Береги этот лоскут, на котором изображение газели; не оставляй его и не расставайся с ним: этот рисунок развлекал меня, когда тебя со мной не было...»

И Шахразад устала, и она прекратила дозволенные речи.

Сто двадцать восьмая ночь

Когда же настала сто двадцать восьмая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что везирь Дандан рассказывал царю Дау-аль-Макану: „И юноша Азиз говорил Тадж-аль-Мулуку: «Я прочитал то, что написала мне дочь моего дяди, наставляя меня, и она говорила: «Береги эту газель, и пусть она не покидает тебя – она меня развлекала, когда тебя со мной не было. Заклинаю тебя Аллахом, если ты овладеешь той, что нарисовала газель, держись от неё вдали, не давай ей к тебе приблизиться и не женись на ней. Если же она не достанется тебе и ты не сможешь овладеть ею и не найдёшь к ней доступа, не приближайся после неё ни к одной женщине. Знай, обладательница этой газели рисует одну газель ежегодно и посылает её в отдалённые страны, чтобы распространилась весть о ней и о прекрасной её работе, которую бессильны исполнить жители земли. А к твоей возлюбленной, дочери Далилы-Хитрицы, попала эта газель, и она стала поражать ею людей и показывать её им, говоря: «У меня есть сестра, которая это вышивает». А она лгунья, раз говорит это, разорви Аллах её покров!»

Вот тебе моё завещание, и я оставляю его тебе лишь потому, что знаю: мир будет для тебя тесен после моей смерти, и, может быть, ты удалишься из-за этого на чужбину и станешь ходить по странам и услышишь о той, что вышила этот образ; и тогда твоя душа пожелает узнать её, и ты вспомнишь меня, но от этого не будет тебе пользы, и ты узнаешь мне цену только после моей смерти. И знай, что владелица этой газели – дочь царя Камфарных островов и госпожа благородных».

Прочитав этот листок и поняв его содержание, я заплакал, и моя мать заплакала из-за моих слез, и я все смотрел на листок и плакал, пока не пришла ночь. И я провёл таким образом год, а через год купцы из моего города снарядились в путь (а это те люди, с которыми я еду в караване). И моя мать посоветовала мне собраться и поехать с ними: может быть, я развлекусь и уйдёт мол печаль. «Расправь свою грудь и брось эту печаль и отлучись на год, два или три, пока вернётся караван, быть может твоё сердце развеселится и прояснится твой ум», – сказала она и до тех пор уговаривала меня ласковыми словами, пока я не собрал своих товаров и не отправился с купцами.

А у меня никогда не высохали слезы за все путешествие, и на всякой остановке, где мы останавливались, я развёртывал этот лоскут и рассматривал газель на нем, вспоминая дочь моего дяди, и плакал о ней, как ты видишь. Она любила меня великой любовью и умерла в горести из-за меня, так как я сделал ей только зло, а она сделала мне только добро. И когда купцы вернутся, я вернусь вместе с ними, и моей отлучке исполнится целый год, который я провёл в великой печали. Мои заботы и горести возобновились ещё и оттого, что я проезжал

через Камфарные острова, где хрустальная крепость, – а их семь островов и правит ими царь по имени Шахраман, у которого есть дочь Дунья. И мне сказали: «Она вышивает газелей и та газель, которая у тебя, из её вышивок». И когда я узнал об этом, моя тоска усилилась и я потонул в море размышлений, сжигаемый огнём, и стал плакать о себе, так как я сделался подобен женщине и мне уже не придумать никакой хитрости, раз у меня не осталось той принадлежности, что бывает у мужчин. И с тех пор, как я покинул Камфарные острова, глаза мои плачут и сердце моё печально; я уже долго в таком положении и не знаю, можно ли мне будет вернуться в мой город и умереть подле моей матери, или нет. Я уже насытился жизнью».

И он застонал и зажаловался и взглянул на изображение газели, и слезы побежали и потекли по его щекам, и он произнёс такие два стиха:

«Сказали мне многие – придёт облегчение.
«Доколе, – я зло спросил, – придёт облегчение?»
Сказали: «Со временем». Я молвил: «Вот чудо-то!
Кто жизнь обеспечит мне, о слабый на доводы?»

И сказал слова другого:

«С тех пор как расстались мы, – Аллаху то ведомо, –
Я плакал так горестно, что слез занимал я».

Сказали хулители: «Терпи, ты достигнешь их».

«Хулители, – я спросил, – а где же терпенье?» И вот моя повесть, о царь. Слышал ли ты рассказ диковиннее этого?» – спросил юноша, и Тадж-аль-Мулук крайне удивился, и когда он услышал историю юноши, в его сердце вспыхнули огни из-за упоминания о Ситт Дунья и её красоте...»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Повесть о Тадж-аль-Мулук (продолжение)

Сто двадцать девятая ночь

Когда же настала сто двадцать девятая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что везирь Дандан рассказывал Дауаль-Макану: «И, услышав историю юноши, Тадж-аль-Мулук крайне удивился, и в его сердце вспыхнули огни, когда он услышал о прелести Ситт Дунья и узнал, что она вышивает газелей, и его охватила великая страсть и любовь.

«Клянусь Аллахом, – сказал он юноше, – с тобою случилось дело, подобного которому не случилось ни с кем, кроме тебя, но тебе дана жизнь, и ты должен её прожить. Я хочу тебя спросить о чем-то». – «О чем?» – спросил Азиз. И Тадж-аль-Мулук молвил: «Расскажи мне, как ты увидел ту женщину, которая сделала эту газель». – «О владыка, – сказал Азиз, – я пришёл к ней хитростью, и вот какою: когда я вступил с караваном в её город, я уходил и гулял по садам – а там было много деревьев, и сторож этих садов был великий старик, далеко зашедший в годах. Я спросил его: „О старец, чей это сад?“ И сторож сказал мне: „Он принадлежит царской дочери Ситт Дунья, и мы находимся под её дворцом. Когда она хочет погулять, она открывает потайную дверь и гуляет в саду и нюхает запах цветов“. – „Сделай милость, позволь мне посидеть в этом саду, пока она не придёт и не пройдёт мимо – быть может, мне посчастливится разок взглянуть на неё?“ – попросил я. И старец молвил: „В этом нет беды“. И когда он сказал мне это, я дал ему немножко денег и сказал: „Купи нам

чего-нибудь поесть“.

И он взял деньги, довольный, и, открыв ворота, вошёл и ввёл меня вместе с собою, и мы пошли и шли до тех пор, пока не пришли в приятное место, и старик сказал мне: «Посиди здесь, а я схожу и вернусь к тебе и принесу немного плодов».

И он оставил меня и ушёл, и некоторое время его не было, а потом он вернулся с жареным ягнёнком, и мы ели, пока не насытились, а моё сердце желало увидеть эту девушку. И когда мы сидели так, дверь вдруг распахнулась, и старик сказал мне: «Вставай, спрячься». И я поднялся и спрятался, и вдруг чёрный евнух просунул голову в калитку и спросил: «Эй» старик, есть с тобою кто-нибудь?» – «Нет», – отвечал старик. «Запри ворота в сад», – сказал тогда евнух, и старец запер ворота сада, и вдруг Ситт Дунья появилась из потайной двери, и когда я увидел её, я подумал, что луна взошла на горизонте и засияла. И я смотрел на неё некоторое время и почувствовал стремление к ней, подобное стремлению жаждущего к воде, а немного спустя она заперла дверь и ушла. И тогда я вышел из сада и направился домой, и я знал, что мне не достичь её и что я не из её мужчин, особенно раз я стал как женщина и у меня нет принадлежности мужчин. Она царская дочь, а я купец, – откуда же мне достичь такой, как она, или ещё кого-нибудь?

И когда мои товарищи собрались, я тоже собрался и поехал с ними. А они направлялись в этот город, и когда мы достигли здешних мест и встретились с тобою, ты спросил меня и я рассказал тебе. Вот моя повесть и то, что со мной случилось, и конец».

И когда Тадж-аль-Мулук услышал эти речи, его ум и мысли охватила любовь к Ситт Дунья, и он не знал, что ему делать. Он поднялся и сел на коня и, взяв Азиза с собою, вернулся в город своего отца, и отвёл Азизу дочь и отправил ему туда все, что нужно из еды, питья и одеяний и, покинув его, удалился в свой дворец, и слезы бежали по его щекам, так как слух заменяет лицезрение и встречу. И Тадж-аль-Мулук оставался в таком состоянии, пока его отец не вошёл к нему, и он увидел, что царевич изменился в лице и стал худ телом и глаза его плачут. И царь понял, что его сын огорчён из-за чего-то, что постигло его, и сказал: «О дитя моё, расскажи мне, что с тобою и что такое случилось, что изменился цвет твоего лица и ты похудел телом». И царевич рассказал ему обо всем, что случилось и что он услышал из повести Азиза и повести о Ситт Дунья, и сказал, что он полюбил её понаслышке, не выдав её глазами. И отец его молвил: «О дитя моё, она дочь царя, и страны его от нас далеко! Брось же это и войди во дворец твоей матери...»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Ночь, дополняющая до ста тридцати

Когда же настала ночь, дополняющая до ста тридцати, она сказала:

«Дошло до меня, о счастливый царь, что везирь Дандан рассказывал Дау-аль-Макану: „И отец Тадж-аль-Мулука сказал ему: „О дитя моё, её отец царь, и земли его от нас далеко! Брось же это и войди во дворец твоей матери – там пятьсот невольниц подобных лунам; какая из них тебе понравится, ту и бери. Или же возьмём и сосватаем за тебя какую-нибудь из царских дочерей, которая будет лучше её“. – „О батюшка, – отвечал Тадж-аль-Мулук, – не хочу другую, совсем! Эта вышла газель, которую я видел, и мне не обойтись без неё, а иначе я пойду блуждать по степям и пустыням и убью себя из-за неё“. – „Дай срок, пока я пошлю к её отцу и посватаю её у него, – сказал ему отец. – Я исполню твоё желание, как я сделал для себя с твоей матерью; быть может, Аллах приведёт тебя к желаемому, а если её отец не согласится, я потрясу его царство войском, конец которого будет у меня, а начало у него“».

Потом он позвал юношу Азиза и спросил: «О дитя моё, ты знаешь дорогу?» – «Да», – отвечал Азиз. «Я хочу, чтобы ты поехал с моим везирем», – сказал царь, и Азиз ответил: «Слушаю и повинуюсь, о царь времени!» Потом царь призвал своего везиря и сказал: «Придумай мне план для моего сына, и пусть он будет хорош. Отправляйся на Камфарные

острова и сосватай дочь их царя за моего сына». И везирь отвечал: «Слушаю и повинуюсь!»

А Тадж-аль-Мулук вернулся в своё жилище, и его страсть ещё увеличилась, и состояние его ухудшилось, и отсрочка показалась ему долгой, а когда над ним опустилась ночь, он стал плакать, стонать и жаловаться и произнёс:

«Ночной уж спустился мрак, и слез велики войска,
И ярок огонь любви, горящий в душе моей.
Коль ночи вы спросите, они вам поведают,
Другим ли я занят был – не грустью тоскливою.
Ночами я звёзд стада пасу от любви моей,
А слезы с ланит моих бегут, как градинок ряд.
Один ведь остался я, и нет никого со мной!
Подобен я любящим без близких и родичей».

А окончив свои стихи, он лежал некоторое время без чувств и очнулся только к утру. И пришёл слуга его отца, и встал у его изголовья, позвал его к родителю.

И Тадж-аль-Мулук пошёл с ним, и, увидав его, отец юноши нашёл, что цвет его лица изменился, и принялся его уговаривать быть стойким и обещал свести его с царевной, а потом он снарядил Азиза и своего везиря и дал им подарки. И они ехали дни и ночи, пока не приблизились к Камфарным островам. И тогда они остановились на берегу реки, и везирь послал от себя гонца к царю, чтобы сообщить ему об их прибытии. И гонец отправился, и прошло не более часу, как придворные царя и его эмиры выехали к ним навстречу на расстояние одного фарсаха: и, встретив их, ехали впереди их, пока не ввели их к царю. И прибывшие поднесли ему подарки и пробыли у него, как гости, три дня. А когда настал четвёртый день, везирь вошёл к царю и, встав перед ним, рассказал ему о деле, по которому он прибыл. Царь был в недоумении, какой дать ответ, так как его дочь не любила мужчин и не желала брака. Он посидел некоторое время, опустив голову к земле, а потом поднял голову и, призвав одного из евнухов, сказал ему: «Пойди к твоей госпоже Дунья и повтори ей то, что ты слышал, и расскажи, зачем прибыл этот везирь». И евнух поднялся и пошёл и ненадолго скрылся, а потом он вернулся к царю и сказал: «О царь времени, когда я пришёл и рассказал Ситт Дунья, что слышал, она сильно рассердилась и, поднявшись на меня с палкой, хотела разбить мне голову, и я бегом убежал от неё. И она сказала мне: „Если мой отец заставит меня выйти замуж, я убью того, за кого я выйду“. И тогда её отец сказал везирю и Азизу: „Вы слышали и знаете – расскажите же это царю и передайте ему привет. Моя дочь не любит мужчин и не желает брака...“

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Сто тридцать первая ночь

Когда же настала сто тридцать первая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что царь Шахраман сказал везирю и Азизу: „Передайте царю при кет и расскажите ему, как вы слышали, что моя дочь не желает брака“. И они ушли назад без всякого проку и ехали до тех пор, пока не прибыли к царю и не рассказали ему, что случилось.

И тогда царь велел военачальникам кликнуть клич войскам о выступлении на бой и на войну, но везирь сказал ему: «О царь, не делай этого – за тем царём не г вины. Когда его дочь узнала об этом, она прислала сказать: „Если мой отец заставит меня выйти замуж, я убью того, за кого выйду и убью себя после него“. Отказ исходит только от неё».

И, услышав слова везиря, царь испугался за Тадж-аль-Мулука и сказал: «Если я стану воевать с её отцом и захвачу царевну, а она убьёт себя, мне не будет от этого никакой пользы». – И потом царь уведомил своего сына, Тадж-аль-Мулука, и тот, узнав об этом, сказал своему отцу: «О батюшка, мне нет мочи терпеть без неё! Я пойду к ней и буду

стараться с ней сблизиться, даже если я умру, я не стану делать ничего другого». – «А как же ты пойдёшь к ней?» – спросил его отец. «Я пойду в обличье купца», – ответил Тадж-аль-Мулук. И царь сказал: «Если это неизбежно, то возьми с собою везиря и Азиза». Потом царь вынул для него кое-что из своей казны и приготовил ему на сто тысяч динаров товара. И везирь с Азизом сговорились с царевичем, а когда наступила ночь, Тадж-аль-Мулук и Азиз отправились в дом Азиза и переночевали тут ночь там. А сердце Тадж-аль-Мулука было похищено, и не была ему приятна пища и сон – наоборот, на него налетели думы, и его потрясло томление по любимой. И он прибег к творцу, чтобы тот послал ему встречу с нею, и стал плакать, стонать и произнёс:

«Посмотрим, удастся ли сойтись после дали –
На страсть я вам жалуюсь, и вам говорю я:
«Тогда вы мне вспомнились, когда беззаботна ночь,
И отняли сон вы мой, а люди все спали».

А окончив свои стихи, он разразился сильным плачем, и Азиз заплакал вместе с ним, вспоминая дочь своего дяди, и они продолжали так плакать, пока не настало утро. А потом Тадж-аль-Мулук поднялся и пошёл к своей матери, одетый в дорожные одежды. И мать спросила его, что с ним, и когда он повторил ей весь рассказ, она дала ему пятьдесят тысяч динаров и простилась с ним, и он ушёл от неё, после того как она пожелала ему благополучия и встречи с любимыми. А затем Тадж-аль-Мулук вошёл к своему отцу и попросил разрешения выезжать, и отец его позволил и дал ему пятьдесят тысяч динаров, и царевич приказал поставить себе шатёр за городом, и ему поставили шатёр, где он пробыл два дня, а потом уехал.

И Тадж-аль-Мулук подружился с Азизом и говорил ему: «О брат мой, я не могу больше расстаться с тобою». И Азиз отвечал: «И я также, и я хотел бы умереть у твоих ног, но только, о брат мой, моё сердце занято мыслью о матери». – «Когда мы достигнем желаемого, будет одно лишь добро», – ответил Тадж-аль-Мулук. И они поехали, и везирь наставлял Тадж-аль-Мулука быть стойким, а Азиз развлекал его сказками, говорил стихи и рассказывал летописи и истории, и они шли быстрым ходом ночью и днём в течение двух полных месяцев. И путь показался Тадж-аль-Мулуку долгим, и огни разгорелись в нем сильнее, и он произнёс:

«Путь долог, и велики волненья и горести,
И в сердце моем любовь великим огнём горит.
Клянусь, о мечта моя, желаний предел моих,
Клянусь сотворившим нас из крови сгустившейся,
Я бремя любви к тебе несу, о желанная,
И горы высокие снести не могли б его,
О жизни владычица, убила любовь меня,
И мёртвым я сделался – дыханья уж нет во мне.
Когда б не влекла меня надежда познать тебя,
Не мог бы спешить теперь в пути я, стремясь к тебе».

А окончив свои стихи, Тадж-аль-Мулук заплакал, и Азиз заплакал вместе с ним, так как у него было ранено сердце, и сердце везиря размягчилось из-за их плача. «О господин, – сказал он, – успокой свою душу и прохлади глаза – будет тебе только одно добро». А Тадж-аль-Мулук воскликнул: «О везирь, время пути продлилось! Скажи мне, сколько между нами и городом?»

«Осталось лишь немного», – сказал Азиз. И они ехали, пересекая долины и кручи, степи и пустыни. И вот в одну из ночей Тадж-аль-Мулук спал и увидел во сне, что его любимая с ним, и он обнимает её и прижимает к груди, и он проснулся испуганный и

устрашённый, с улетевшим умом, и произнёс:

«О други, блуждает ум, и слезы текут струёй,
И страсть велика моя, и вечно со мной любовь.
Я плачу теперь, как мать, дитя потерявшая;
Когда наступает ночь, стенаю как голубь я.
И если подует ветер с земель, где живёте вы,
Прохладу я чувствую, до нас доходящую.
Привет вам я буду слать, пока летит горлинка
И дует восточный ветер и голубя слышен стон».

И когда Тадж-аль-Мулук окончил говорить стихи, к нему пошёл везирь и сказал: «Радуйся – это хороший знак! Успокой своё сердце и прохлади глаза – ты обязательно достигнешь своей цели».

И Азиз тоже подошёл к нему и стал уговаривать его потерпеть, и развлекал его, разговаривая и рассказывая ему сказки, и они спешили в пути и продолжали ехать в течение дней и ночей, пока не прошло ещё два месяца.

И вот в какой-то день солнце засияло над ними, и им блеснуло вдали что-то белое. Тадж-аль-Мулук спросил Азиза: «Что это там белое?» И Азиз отвечал ему: «О владыка, это белая крепость, а вон город, к которому ты направляешься». И Тадж-аль-Мулук обрадовался, и они ехали до тех пор, пока не приблизились к городу, а когда они подъехали ближе, Тадж-аль-Мулук возвеселился до крайности, и прошли его горести и печали. А затем они вошли в город, будучи в обличий купцов (а царевич был одет как знатный купец), и пришли в одно место, которое называлось жилище купцов, – а это был большой хан. «Здесь помещение купцов?» – спросил Тадж-аль-Мулук Азиза, и тот ответил: «Да, это тот хан, где я стоял», – и они остановились там и, поставив своих животных на колени, сняли с них поклажу и сложили свои пожитки в кладовые. Они провели там четыре дня, чтобы отдохнуть, а потом везирь посоветовал им нанять большой дом, и они согласились на это и сняли себе просторно построенный дом, предназначенный для развлечений. И они поселились там, и везирь с Азизом стали придумывать какой-нибудь способ для Тадж-аль-Мулука, а Тадж-аль-Мулук был растерян и не знал, что делать. И везирь нашёл такой способ, чтобы Тадж-аль-Мулук стал купцом на рынке материй.

И, обратившись к Тадж-аль-Мулуку и Азизу, он сказал: «Знайте, что если мы будем так сидеть здесь, мы не достигнем желаемого и не исполним того, что нам нужно. Мне пришло на ум нечто, и в этом, если захочет Аллах, будет благо». – «Делай, что тебе вздумается, – ответили ему Тадж-аль-Мулук и Азиз, – на старцах лежит благословение, а ты к тому же совершал всякие дела. Скажи же нам, что пришло тебе на ум». И везирь сказал Тадж-аль-Мулуку: «Нам следует нанять для тебя лавку на рынке материй, где ты будешь сидеть и торговать, ибо всякому – и знатному и простому – нужна ткань и кусок материи. Ты будешь находиться в этой лавке и сидеть там, и твоё дело устроится, если захочет великий Аллах, тем более что внешность твоя красива. Но только сделай Азиза у себя приказчиком и посади его с собою в лавке, чтобы он подавал тебе отрезки материи». Услышав эти слова, Тадж-аль-Мулук воскликнул: «Поистине, это правильный и хороший план!» И затем он вынул дорогую купеческую одежду, надел её и пошёл, а слуги его шли сзади, и одному из них он дал с собою тысячу динаров, чтобы устроить все нужное в лавке. И они шли до тех пор, пока не достигли рынка материй.

И когда купцы увидели Тадж-аль-Мулука, посмотрели на его красоту и прелесть, они пришли в недоумение и говорили: «Подлинно, Ридван¹⁸⁶ открыл врата рая и забыл об этом,

¹⁸⁶ Ридван – по мусульманскому преданию, ангел, охраняющий врата рая. Смысл этой фразы заключается в том, что Тадж-аль-Мулук представляется людям таким же красивым, как райские юноши.

и этот редкостно красивый юноша вышел оттуда». А другие говорили: «Может быть, он из ангелов». И, подойдя к купцам, они спросили, где лавка старосты, и им указали, и они шли, пока не пришли к старосте, к приветствовали его, и староста и те из купцов, кто был с ним, встали и посадили их и оказали им почтение из-за везиря: они увидели, что это человек пожилой и уважаемый, и с ним юный Тадж-аль-Мулук и Азиз. И купцы говорили друг другу: «Этот старик несомненно отец двух этих юношей». – «Кто из вас староста рынка?» – спросил их везирь. И купцы ответили: «Вот он». И тут староста подошёл, и везирь, посмотрев на него, увидел что это великий старец, достойный и степенный, обладатель слуг и рабов, белых и чёрных.

И староста приветствовал их, как приветствуют любимых, и усердно выказывал им уважение, и, посадив их с собою рядом, спросил: «Есть ли у вас нужда, которую мы были бы счастливы исполнить?» – «Да, – отвечал везирь, – я человек старый, далеко зашедший в годах, и со мной вот эти два юноши. Я путешествовал с ними по всем областям и странам. Вступив в какой-нибудь город, я всегда остаюсь в нем целый год, чтобы они могли осмотреть его и узнать его обитателей. Я прибыл в ваш город и избрал его местопребыванием, и я хочу получить от тебя лавку, и пусть это будет лавка хорошая, из лучших помещений, где я бы мог посадить их, чтобы они поторговали, осмотрели бы этот город, усвоили бы нравы его жителей и научились бы продавать и покупать, брать и отдавать».

И староста отвечал: «В этом нет беды!» А староста посмотрел на юношей и возрадовался им и полюбил их великой любовью: этот староста увлекался смертоносными взорами, и любовь к сынам превосходила в нем любовь к дочерям, и он был склонён к мужеложству. «Вот прекрасная дичь! Слава тому, кто сотворил их из ничтожной капли и придал им образ!» – подумал он и встал перед ними, прислуживая им, как слуга. А затем он приготовил им лавку, которая находилась посреди крытой галереи, и не было у них на рынке лавки лучше и виднее, так как это была давка разубранная и просторная с полками из слоновой кости и чёрного дерева. А потом староста отдал ключи везирю, бывшему в обличье старого купца, и сказал ему: «Бери, господин! Да сделает её Аллах жилищем благословенным для твоих детей!» И везирь взял у него ключи. А затем они отправились в хан, где были сложены их пожитки, и приказали слугам перенести все бывшие у них товары и материи в ту лавку...

И Шахразад устала, и она прекратила дозволенные речи.

Сто тридцать вторая ночь

Когда же настала сто тридцать вторая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что, взяв ключи от лавки, везирь, и вместе с ним Тадж-аль-Мулук и Азиз, отправились в хан и приказали слугам перенести бывшие у них товары, материи и редкости – а их было много и стоили они целой казны; и все это перенесли, а потом они пошли в лавку, сложили там свои пожитки и проспали эту ночь. Когда же настало утро, везирь взял обоих юношей и свёл их в баню, и они искупались и вымылись, надели роскошные одежды, надушились, и насладились баней до конца. А каждый из юношей был блестяще красив и, будучи в бане, оправдывал слова поэта:

О радость прислужнику, чьи руки касаются
Их тела, рождённого меж влагой и светом.
Всегда в ремесле своём искусство являет он,
Когда даже с камфары срывает он мускус¹⁸⁷,

¹⁸⁷ С камфарой сравниваются белоснежные тела юношей, которые моются в бане; мускус – катышки грязи под мочалкой банщика.

И потом они вышли из бани.

А староста, услышав, что они пошли в баню, сел и стал ожидать их, и вдруг они подошли, подобные газелям: их щеки зарделись, и глаза почернели, а лица их сверкали, и были они, словно пара сияющих лун или две плодоносные ветви. И, увидев их, староста поднялся на ноги и воскликнул: «О дети мои, да будет баня вам всегда приятна!» И Тадж-аль-Мулук ответил ему нежнейшим голосом: «Пошли тебе Аллах приятное, о родитель мой! Почему ты не пришёл к нам и не выкупался вместе с нами?» И потом оба склонились к руке старосты и поцеловали её и шли впереди него, пока не пришли к лавке, из чинности и уважения к нему, так как он был начальником купцов рынка и раньше оказал им милость, отдав им лавку. И когда староста увидел их подрагивающие бедра, в нем поднялась великая страсть, и он стал пыхтеть и храпеть и не мог больше терпеть, и вперил в них глаза и произнёс такое двустишие:

«Читает душа главу о божестве едином в них¹⁸⁸,
И негде прочесть ей тут о многих божествах главу.
Не диво, что, тяжкие, дрожат на ходу они, –
Ведь сколько движения в том своде вертящемся».

И ещё он сказал:

«Увидел мой глаз – идут по земле они.
О, пусть бы прошли они вдвоём по глазам моим!»

Услыхав это, юноши стали заклинять его, чтобы он пошёл с ними в баню во второй раз, и староста, едва поверив этому, поспешил в баню, и они вошли с ним, а везирь ещё не выходил из бани. И, услышав голос старосты, он вышел и встретил его посреди бани и пригласил его, но староста отказался, и тогда Тадж-аль-Мулук схватил его за руку с одной стороны, а Азиз взял его за руку с другой стороны, и они ввели его в другую комнату. И этот скверный старик подчинился им, и его безумие ещё увеличилось, и Тадж-аль-Мулук поклялся, что никто другой не вымоет его, а Азиз поклялся, что никто, кроме него, не будет поливать его водой.

И старик отказывался, а сам желал этого, и везирь сказал ему: «Они твои дети, дай им тебя вымыть и выкупать». – «Да сохранит их тебе Аллах! – воскликнул староста, – клянусь Аллахом, благословение и счастье поселились в нашем городе, когда пришли вы и те, кто с вами!»

И он произнёс такие два стиха:

«Явился ты – и вся земля в зелени,
Цветут цветы перед взором смотрящего.
Кричит земля и все её жители:
«Приют тебе и радость, пришедший к нам!»

И его поблагодарили за это, и Тадж-аль-Мулук все время мыл его, а Азиз поливал его водой. И староста думал, что душа его в раю. А когда они кончили ему прислуживать, он призвал на них благословение и сел рядом с везирем, как будто для того, чтобы поговорить с ним, а сам смотрел на Тадж-аль-Мулука и Азиза. А потом слуги принесли им полотенца, и они вытерлись, надели своё платье и вышли из бани, и тогда везирь обратился к старосте и

¹⁸⁸ То есть душа при виде их не думает ни о ком и не признаёт над собой других богов.

сказал ему: «О господин, поистине баня – благо жизни!» – «Да сделает её Аллах здоровой для тебя и для твоих детей и да избавит их от дурного глаза! – воскликнул староста. – Помните ли вы что-нибудь из того, что сказали про баню красноречивые?» – «Я скажу тебе два стиха, – ответил Тадж-аль-Мулук и произнёс: – Жизнь в хаммаме¹⁸⁹ поистине всех приятней, Только места немного в нем, к сожалению, Райский сад там, где долго быть неприятно, И геенна, войти куда – наслаждение».

А когда Тадж-аль-Мулук окончил свои стихи, Азиз сказал: «Я тоже помню о бане два стиха». – «Скажи их мне», – молвил старик. И Азиз произнёс:

«О дом, где цветы цветут из скал твердокаменных!
Красив он, когда, светясь, огни вокруг него горят.
Геенной сочтёшь его, хоть райский он, вправду, сад.
И часто встречаются там солнца и луны».

Когда Азиз окончил свои стихи, староста, которому понравилось то, что он сказал, посмотрел на их красоту и красноречие и воскликнул: «Клянусь Аллахом, вы обладаете всей прелестью и красноречием, но послушайте вы меня!» И он затянул напев и произнёс такие стихи:

«Как прекрасно пламя, и пытка им услаждает нас,
И живит она и тела и души людям!
Подивись же дому, где счастья цвет всегда цветёт,
Хоть огонь под ним, пламенея ярко, пышет.
Кто придёт туда, в полной радости будет жить всегда,
И пролились в нем водоёмов полных слезы».

И потом он пустил взоры своих глаз пастись на лугах их красоты и произнёс такие два стиха:

«Я пришёл к жилищу, и вижу я: все привратники
Мне идут навстречу, и лица их улыбаются.
И вошёл я в рай, и геенну я посетил потом,
И Ридвану я благодарен был и Малику»¹⁹⁰.

Услышав это, все удивились таким стихам, а потом староста пригласил их, но они отказались и пошли к себе домой, чтобы отдохнуть от сильной жары в бане. Они отдохнули, поели и выпили и провели всю ночь в своём жилище, как только возможно счастливые и радостные. А когда настало утро, они встали от сна, совершили омовение, сотворили положенные молитвы и выпили утренний кубок. Когда же взошло солнце и открылись лавки и рынки, они поднялись, вышли из дому и, придя на рынок, открыли лавку. А слуги уже убрали её наилучшим образом: они устлали её подушками и шёлковыми коврами и поставили там две скамеечки, каждая ценою в сто динаров, и накрыли их царским ковром, обшитым кругом золотою каймой, а посреди лавки были превосходные ковры, подходящие для такого места. И Тадж-аль-Мулук сел на одну скамеечку, а Азиз на другую, а везирь сел посреди лавки, и слуги стояли пред ними. И жители города прослышали про них и столпились возле них, и они продали часть товаров и материй, и в городе распространилась молва о Тадж-аль-Мулуке и его красоте и прелести.

¹⁸⁹ Хаммам – баня.

¹⁹⁰ Малик – по мусульманскому преданию, ангел, стоящий у ворот рая.

И они провели так несколько дней, и каждый день люди приходили все в большем количестве и спешили к ним. И везирь обратился к Тадж-аль-Мулуку, советуя ему скрывать свою тайну, и поручил его Азизу, и ушёл домой, чтобы остаться с собою наедине и придумать дело, которое бы обернулось им на пользу; а Тадж-аль-Мулук с Азизом стали разговаривать, и царевич говорил Азизу: «Может быть, кто-нибудь придёт от Ситт Дунья».

И Тадж-аль-Мулук проводил так дни и ночи, с беспокойной душой, не зная ни сна, ни покоя, и страсть овладела им, и усилились его любовь и безумие, так что он лишился сна и отказался от питья и пищи, а был он как луна в ночь полнолуния. И вот однажды Тадж-аль-Мулук сидит, и вдруг появляется перед ним женщина-старуха...

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Сто тридцать третья ночь

Когда же настала сто тридцать третья ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что везирь Дандан говорил Дау-аль-Макану: «И вот однажды Тадж-аль-Мулук сидит, и вдруг появляется перед ним старуха.

Она приблизилась (а за нею шли две невольницы) и шла до тех пор, пока не остановилась у лавки Тадж-аль-Мулука, и, увидав, как он строен станом, прелестен и красив, она изумилась его красоте и налила себе в шальвары. «Слава тому, кто сотворил тебя из ничтожной капли и сделал тебя искушением для смотрящих!» – воскликнула она. А потом, взглядевшись в юношу, сказала: «Это не человек, это не кто иной, как вышний ангел!»

И она подошла ближе и поздоровалась с Тадж-аль-Мулуком, а он ответил на её приветствие и встал на ноги, улыбаясь ей в лицо, и все это он сделал по указанию Азиза. Потом он посадил старуху с собою рядом и стал овеивать её опахалом, пока она не отошла и не отдохнула, и тогда старуха обратилась к Тадж-аль-Мулуку и спросила: «О дитя моё, о совершённый по свойствам и качествам, из здешних ли ты земель?» – «Клянусь Аллахом, госпожа, – ответил Тадж-аль-Мулук ясным, нежным и прекрасным голосом, – я в жизни не вступал в эти края прежде этого раза и остался здесь только для развлечения». – «Да будет тебе почёт среди прибывших! Простор и уют тебе! – воскликнула старуха. – А какие ты привёз с собою материи? Покажи мне что-нибудь красивое; прекрасные ведь привозят только прекрасное». Когда Тадж-аль-Мулук услышал эти слова, его сердце затрепетало, и он не понял смысла её речей, но Азиз подмигнул ему и сделал знак, и Тадж-аль-Мулук сказал: «У меня все, что ты захочешь, и со мною есть все материи, подходящие только царям и царским дочерям. Расскажи мне, для кого то, что ты хочешь, чтобы я мог показать тебе материи, подходящие для тех, кто будет владеть ими (а говоря это, он хотел понять смысл речей старухи).

«Я хочу материю для Ситт Дунья, дочери царя Шахрамана», – сказала она. И, услышав имя своей любимой, Тадж-аль-Мулук сильно обрадовался и приказал Азизу: «Принеси мне такую-то кипу!» И когда тот принёс кипу и развязал её перед ним, Тадж-аль-Мулук сказал старухе: «Выбери то, что ей годится, таких тканей не найти её у других купцов». И старуха выбрала материй на тысячу динаров и спросила: «Почём это?» (а она разговаривала с юношей и чесала ладонью между бёдрами), и Тадж-аль-Мулук сказал ей: «Разве буду я с тобой торговаться об этой ничтожной цене! Слава Аллаху, который дал мне узнать тебя!» – «Имя Аллаха на тебе! – воскликнула старуха. – Прибегаю к господину небосвода от твоего прекрасного лица! Лицо прекрасно и слово ясно! На здоровье той, кто будет спать в твоих объятиях и сжимать твой стан и насладится твоей юностью – особенно если она красива и прелестна, как ты».

И Тадж-аль-Мулук так засмеялся, что упал навзничь и воскликнул: «О, исполняющий нужды через развратных старух! Это они исполняют нужды!» – «О дитя моё, как тебя зовут?» – спросила старуха. «Меня зовут Тадж-аль-Мулук», – отвечал юноша. «Это имя царей и царских детей, а ты в одежде купцов», – сказала она. И Азиз молвил: «Его родители

и близкие так любили его и так дорожили им, что называли его этим именем!» – «Ты прав! – воскликнула старуха, – да избавит вас Аллах от дурного глаза и от зла врагов и завистников, хотя бы красота ваша пронзала сердца!» И потом она взяла материи и пошла, ошеломлённая его красотой и прелестью и стройностью его стана.

И она ушла и пришла к Ситт Дунья и сказала ей: «О госпожа, я принесла тебе красивую материю». – «Покажи её мне», – сказала царевна, и старуха молвила: «О госпожа, вот она, пощупай её, глаз мой, и посмотри на неё». И когда Ситт Дунья увидела материю, она изумилась ей и воскликнула: «О нянюшка, это прекрасная материя! Я не видала такой в нашем городе». – «О госпожа, – ответила старуха, – продавец её ещё лучше. Кажется, Ридван открыл ворота рая и забылся и оттуда вышел прекрасный юноша, тот, что продаёт эти материи. Я хочу, чтобы он сегодня ночью проспал около тебя и был бы между твоих грудей. Он привёз в наш город дорогие материи, чтобы повеселиться, и он искушение для тех, кто видит его».

И Ситт Дунья засмеялась словам старухи и воскликнула: «Да посрамит тебя Аллах, скверная старуха! Ты заговариваешься, и у тебя не осталось больше ума. Дай мне материю, я посмотрю на неё хорошенько», – сказала она потом, и старуха дала ей материю, и, посмотрев на неё второй раз, царевна увидела, что её мало, а цена её велика, и материя ей понравилась, так как она в жизни такой не видала. «Клянусь Аллахом, это прекрасная материя!» – воскликнула она, и старуха сказала: «О госпожа, если бы ты видала её обладателя, ты наверное узнала бы, что он красивей всех на лице земли». – «Ты спрашивала его, нет ли у него нужды? Пусть он осведомит нас о ней, и мы её исполним», – сказала царевна. И старуха ответила, покачивая головой: «Аллах да сохранит твою проницательность! Клянусь Аллахом, у него поистине есть нужда! Да не потеряешь ты своего знания! А есть ли кто-нибудь, кто свободен и избавлен от нужды!» – «Пойди к нему, – сказала ей Ситт Дунья, – передай ему привет и скажи: „Ты почтил своим приходом нашу землю и наш город, и какие у тебя есть нужды, мы их исполним. На голове и на глазах!“

И старуха вернулась к Тадж-аль-Мулуку в тот же час, и, когда он увидел её, его сердце улетело от радости и веселья, и он поднялся ей навстречу и, взяв старуху за руки, посадил её с собою рядом. И старуха присела и, отдохнув, рассказала ему, что ей говорила Ситт Дунья. И, услышав это, Тадж-аль-Мулук обрадовался до крайней степени, и его грудь расширилась и расправилась, и веселье вошло в его сердце. «Моя нужда исполнена!» – подумал он и сказал старухе: «Может быть, ты возьмёшь от меня письмо к ней и принесёшь мне ответ». – «Слушаю и повинуюсь», – ответила старуха. И тут царевич приказал Азизу: «Поддай мне чернильницу и бумагу и медный калам!» И когда Азиз принёс ему эти принадлежности, он взял калам в руки и написал такие стихи:

«Пишу я тебе, надежда моя, посланье
О том, как страдать в разлуке с тобою я должен,
И в первой строке: огонь разгорелся в сердце.
Вторая строка: о страсти моей и чувстве.
А в третьей строке: я жизнь потерял и стойкость,
В четвёртой строке: а страсть целиком осталась.
А в пятой строке: когда вас увидит глаз мой?
В шестой же строке: когда же придёт день встречи?»

А под этим он подписал: «Это письмо от пленён и в тюрьме томления заточён, быть из неё освобождён, если встречи и дит он, после того как в разлуке был разлукою с милыми терзаем и пыткой любви пытаем».

И он пролил слезы из глаз и написал такие два стиха:

«Пишу я тебе, и слезы мои струятся,
И нету конца слезам моих глаз вовеки,

На милость творца надежду пока храню я –
Быть может, с тобой и встретимся мы однажды».

Потом он свернул письмо и, запечатав его, отдал старухе и сказал ей: «Доставь его Ситт Дунья!» И она отвечала: «Слушаю и повинуюсь!» А затем Тадж-аль-Мулук дал ей тысячу динаров и сказал: «О матушка, прими это от меня в подарок, в знак любви», – и она взяла их от него и призвала на него милость и ушла. И она шла до тех пор, пока не пришла к Ситт Дунья, и та, увидав её, спросила: «О нянюшка, о каких нуждах он просит, мы исполним их». – «О госпожа, – ответила старуха, – он прислал со мною это письмо, и я не знаю, что в нем». И царица взяла письмо, прочитала его и, поняв его смысл, воскликнула: «Откуда это и до чего я дошла, если этот купец посылает мне письма и просит встречи со мною!» И она стала бить себя по лицу и воскликнула: «Откуда мы явились, что дошли до торговцев! Ах, ах! Клянусь Аллахом, – воскликнула она, – если бы я не боялась Аллаха, я бы наверное убила его и распяла бы на дверях его лавки».

«А что такого в этом письме, что оно так встревожило тебе сердце и расстроило твой ум? – спросила старуха. – Глянь-ка, жалобы ли там на обиду или требование платы за материю?» – «Горе тебе, там не то: там только слова любви и страсти! – воскликнула царица. – Все это из-за тебя, а иначе откуда этот сатана узнал бы меня». – «О госпожа, – ответила старуха, – ты сидишь в своём высоком дворце, и не достигнет тебя никто, даже летящая птица. Да будешь ты невредима, и да будет твоя юность свободна от упреков и укоризны. Что тебе от лая собак, когда ты госпожа, дочь господина? Не взыщи же с меня за то, что я принесла тебе её письмо, не зная, что есть в нем. Тебе лучше будет, однако, дать ему ответ и пригрозить ему убийством. Запрети ему так болтать – он с этим покончит и не вернётся ни к чему подобному». – «Я боюсь, что, если я напишу ему, он позарится на меня», – сказала Ситт Дунья. По старуха молвила: «Когда он услышит угрозы и застрашивание, он отступится от того, что начал». – «Подать чернильницу, бумагу и медный калам!» – крикнула тогда царица, и, когда ей подали эти принадлежности, она написала такие стихи:

«О ты, утверждающий, что любишь и сна лишён
И муки любви узнал и думы тяжёлые
Ты просишь, обманутый, сближенья у месяца;
Добьётся ли кто-нибудь желанного с месяцем?
Тебе я ответ даю о том, чего ищешь ты.
Будь скромн! Опасности ты этим подверг себя.
А если вернёшься ты ко прежним речам твоим,
Придёт от меня к тебе мученье великое.
Клянусь сотворившим нас из крови сгустившейся
У солнцу и месяцу подавшим блестящий свет, –
Поистине, коль опять вернёшься к речам твоим,
Я, право, распну тебя на пальмовом дереве»

Потом она свернула письмо, дала его старухе и сказала: «Отдай это ему и скажи: „Прекрати такие речи!“ И старуха ответила: „Слушаю и повинуюсь!“ И она взяла письмо, радостная, и пошла к себе домой и переночевала дома, а когда настало утро, она отправилась в лавку Тадж-аль-Мулука и нашла его ожидающим. И при виде её он едва не улетел от радости, а когда она приблизилась, он поднялся ей навстречу и посадил её рядом с собой. И старуха вынула листок и подала его юноше, со словами: „Прочитай, что тут есть! – и прибавила: – когда Ситт Дунья прочла твоё письмо, она рассердилась, то я уговорила её и шутила с ней, пока не рассмешила её, и она смягчилась к тебе и дала тебе ответ!“ И Таджаль-Мулук поблагодарил её за это и велел Азизу дать ей тысячу динаров, а затем он прочитал письмо и, поняв его, разразился сильным плачем, и сердце старухи размягчилось, и

ей стало тяжело слышать его плач и сетования. „О дитя моё, что в этом листке заставило тебя плакать?“ – спросила она, и юноша отвечал: „Она грозит мне, что убьёт и распнёт меня, и запрещает мне посылать ей письма, а если я не буду писать – смерть будет для меня лучше, чем жизнь. Возьми же ответ на её письмо, и пусть она делает, что хочет“. – „Да будет жива твоя молодость! – воскликнула старуха. – Я непременно подвергнусь опасности вместе с тобою, но исполню твоё желание и приведу тебя к тому, что у тебя на уме“. – „За все, что ты сделаешь, я вознагражу тебя, и ты найдёшь это на весах моих поступков, – ответил Тадж-аль-Мулук. – Ты опытна в обращении с людьми и знаешь все нечистые способы. Все трудное для тебя легко, а Аллах властен над всякой вещью“.

И потом он взял листочек и написал на нем такие стихи:

«Она угрожает мне убийством, – о смерть моя,
Но гибель мне отдых даст, а смерть суждена мне.
Смерть слаще влюблённому, чем жизнь, что влачится так,
Коль горем подавлен он и милой отвергнут.
Аллахом прошу я вас, придите к любимому –
Лишён он защитников, он раб ваш, пленённый,
Владыки, смягчитесь же за то, что люблю я вас!
Кто любит свободного, всегда невиновен».

Потом он глубоко вздохнул и так заплакал, что старуха тоже заплакала. А затем она взяла у него листок и сказала: «Успокой твою душу и прохлади глаза! Я непременно приведу тебя к твоей цели...»

И Шахразад устало закрыла глаза, и она прекратила дозволенные речи.

Сто тридцать четвёртая ночь

Когда же настала сто тридцать четвёртая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что когда Тадж-аль-Мулук заплакал, старуха сказала ему: „Успокой свою душу и прохлади глаза, – я непременно приведу тебя к твоей цели“. А потом она поднялась и, оставив его на огне, отправилась к Ситт Дунья и увидела, что у той изменился цвет лица от гнева из-за письма Тадж-аль-Мулука. И старуха подала ей письмо, а она ещё более разгневалась и сказала: „Не говорила ли я тебе, что он будет желать нас!“ – „А что такое эта собака, чтобы ему желать тебя?“ – воскликнула старуха. И Ситт Дунья сказала ей: „Пойди и скажи ему: „Если ты будешь впредь посылать мне письма, я отрублю тебе голову!“ – «Напиши ему эти слова в письме, а я возьму письмо с собою, чтобы стал сильнее его страх“, – сказала старуха. И Ситт Дунья взяла листок и написала на нем такие стихи:

«О ты, кто небрежен был к превратности случая
И близости с милыми достигнуть бессилён был»
Ты хочешь обманутый, достигнуть Медведицы,
Но светлого месяца не мог ты достичь ещё,
Так как же надеешься и хочешь быть близок к нам
И жаждешь счастливым быть, сжимая наш тонкий стай?
Забудь же ты эту цель, страшась моей ярости
В день мрачный, когда глава седою становится».

Потом она свернула письмо и подала его старухе, а старуха взяла его и пошла к Тадж-аль-Мулуку. И юноша, увидев её, поднялся на ноги и воскликнул: «Да не лишит меня Аллах благословения твоего прихода!» – «Возьми ответ на твоё письмо», – сказала старуха. И юноша взял листок и, прочитав его, горько заплакал и воскликнул: «Я хотел бы, чтобы

кто-нибудь убил меня теперь, и я бы отдохнул! Поистине, смерть для меня легче, чем то, что теперь со мною!» И он взял чернильницу, калам и бумагу и написал письмо, где вывел такие стихи:

«Желанная! Не стремись далёкой и грубой быть!
Приди же к любимому, в любви утонувшему.
Не думай, что жить могу, когда ты сурова так,
И дух мой с любимыми покинуть готов меня».

Потом юноша свернул письмо и отдал его старухе и сказал ей: «Не взыщи с меня, – я утомил тебя без пользы». И он велел Азизу дать старухе тысячу динаров и молвил: «О матушка, за этим письмом последует или полное сближение, или полный разрыв». А старуха ответила: «О дитя моё, я хочу для тебя только добра и желаю, чтобы она была у тебя, ибо ты месяц, сияющий ярким светом, а она восходящее солнце. Если я не соединю вас, нет пользы от моей жизни. Я провела жизнь в коварстве и обмане и достигла девяноста лет. Так неужели же не хватит у меня сил свести двоих для запретного дела?» И она попрощалась с ним, успокоив его сердце, и ушла, и шла до тех пор, пока не пришла к Ситт Дунья, а листок она спрятала в волосах. И усевшись подле неё, она почесала голову и сказала: «О госпожа, может быть, ты поищешь у меня в волосах, я давно не ходила в баню». И Ситт Дунья обнажила руки до локтей, распустила волосы старухи и принялась искать у неё в голове, и листок выпал из её волос. И Ситт Дунья увидела его и спросила: «Что это за листок?», и старуха ответила: «Наверное, когда я сидела в лавке того купца, эта бумажка прицепилась ко мне. Дай мне её, я её отнесу ему: может быть, там счёт, который ему нужен». И Ситт Дунья развернула листок, и прочла его и поняла его содержание, и сказала старухе: «Это хитрость из твоих хитростей. Если бы ты не была моей воспитательницей, я бы сейчас ударила тебя. Аллах наслал на меня этого купца, и все, что со мной случилось, из твоей головы. Не знаю, из каких земель пришёл к нам этот купец, но никто, кроме него, не может отважиться на такое. Я боюсь, что моё дело раскроется, тем более что это человек не моей породы и не ровня мне». И старуха приблизилась к ней и сказала: «Никто не может говорить такие слова из страха перед твоей яростью и уважения к твоему отцу. Не будет беды, если ты ему ответишь». – «О нянюшка, – воскликнула царевна, – как осмелился этот сатана на такие речи, не боясь ярости султана? Не знаю, что с ним делать: если я прикажу его убить – это будет несправедливо, а если я оставлю его – он сделается ещё более дерзким». – «Напиши ему письмо, может быть, он отступится», – сказала старуха. И тогда царевна потребовала листок бумаги, чернильницу и калам и написала такие стихи:

«Продлился упрёков ряд, и дурь тебя гонит,
И долго ль рукой своей в стихах запрещать мне?
Запретил желание твоё лишь усилили,
И будешь доволен ты, коль тайну я скрою.
Скрывай же любовь свою, открыть не дерзай её,
А слово промолвишь ты, я слушать не буду.
А если вернёшься ты ко прежним речам своим,
То птица-разлучница, найдёт тебя с криком.
И смерть к тебе ринется уж скоро, жестокая;
Приют под землёй тогда найдёшь ты навеки.
И близких оставил ты, обманутый, в горести,
В разлуке с тобой они весь век свой проплачут».

Потом она свернула письмо и отдала его старухе, и та взяла его и пошла к Тадж-аль-Мулуку и отдала ему письмо. И юноша, прочтя письмо, понял, что у царевны жестокое сердце и что он не достигнет её. И он пожаловался на это везирю и потребовал от

него хорошего плана, и везирь сказал ему: «Знай, что тебе будет полезно с нею только одно: напиши ей письмо и призови на неё гнев Аллаха». – «О брат мой, о Азиз, напиши ей за меня, как ты знаешь», – сказал юноша. И Азиз взял листок и написал такие стихи:

«Господь! – пятью старцами молю я – спаси меня
И ту, кем испытан я, заставь горевать по мне!
Ты знаешь, что пламенем весь воздух мне кажется, –
Любимый жесток ко мне, не знающий жалости.
Доколь буду нежен с ней в моем испытании?
Довольно терзать меня дано ей, бессильного?
Блуждаю в мученьях я, конца тем мученьям нет,
Не вижу помощника; господь, ты поможешь мне
Доколе стараться мне забыть, что люблю её,
И как мне забыть её, раз стойкость ушла в любви?
О ты, что мешаешь мне усладу познать в любви,
Тебе не опасна ли беда и превратности?
Ведь радостна жизнь твоя, а я за тобой ушёл
От близких и родины и ныне в краю чужом».

Потом Азиз свернул письмо и подал его Тадж-аль-Мулуку, и когда тот прочёл письмо, оно ему понравилось, и он отдал его старухе, а та пошла с ним и, войдя к Ситт Дунья, подала ей письмо. И царевна, прочтя письмо и поняв содержание, сильно разгневалась и воскликнула: «Все, что случилось со мной, вышло из головы этой скверной старухи!» И она кликнула невольниц и евнухов и сказала им: «Схватите эту проклятую, коварную старуху и побейте её сандалиями!» И они били её сандалиями, пока она не обеспамятела, а когда старуха очнулась, царевна сказала ей: «О скверная старуха, если бы я не боялась Аллаха великого, я бы, право, убила тебя! Побейте её ещё раз», – сказала она потом, и старуху били, пока она не лишилась чувств, а затем царевна велела тащить её по земле и выбросить за ворота. И старуху поволокли, лицом вниз, и бросили перед воротами, а очнувшись, она пошла, то идя, то сядясь, и дошла до своего жилища.

И она подождала до утра, а потом поднялась и пошла к Тадж-аль-Мулуку и рассказала ему обо всем, что случилось с нею, и царевич, которому стало тяжело от этого, сказал ей: «Нам тягостно, о матушка, то, что случилось с тобою, но все суждено и предопределено». А старуха молвила: «Успокой свою душу и прохлади глаза! Я не перестану стараться, пока не сведу тебя с ней и не приведу тебя к этой распутнице, которая сожгла меня побоями». – «Расскажите мне, почему она ненавидит мужчин», – сказал Тадж-аль-Мулук. «Потому что она видела сон, который вызвал эту ненависть», – ответила старуха. «А какой это сон?» – спросил Тадж-аль-Мулук. И старуха сказала: «Как-то ночью она спала и увидела, что охотник поставил на земле сети и насыпал вокруг них пшеницы, а сам сел поблизости, и не осталось птицы, которая бы не подлетела к этим сетям. А среди этих птиц она увидела двух голубков, самца и самку. И царевна смотри на сети и видит, что нога самца завязла в сетях, и он начал биться, и все птицы разлетелись от него и умчались, по его жена вернулась к нему, покружилась над ним, опустилась и подошла к сети (а охотник не замечал её). И она стала клевать то колечко, в котором завязла нога самца, и тянула его клювом, пока не освободила ногу голубка из сетей, и они оба улетели. И после этого пришёл охотник и исправил сети и сел поодаль. И прошло не более часа, как птицы прилетели, и в сетях завязла самка. И все птицы улетели от неё, и среди них самец, и он не вернулся к своей самке, и пришёл охотник и захватил самку и зарезал её. И царевна пробудилась от сна, испуганная, и воскликнула: „Все самцы таковы, как этот: в них нет добра – и во всех мужчинах нет добра для женщин!“

И когда она кончила рассказывать, Тадж-аль-Мулук сказал ей: «О матушка, я хочу на неё посмотреть один разок, хотя бы была мне от этого смерть! Придумай же хитрость, чтобы

мне увидеть её». – «Знай, – сказала старуха, – что у неё есть сад, под дворцом, для её прогулок, и она выходит туда один раз каждый месяц, из потайной двери. Через десять дней настанет ей время выйти на прогулку. И когда она захочет выйти, я приду и уведомя тебя, чтобы ты пошёл и встретился с нею. Постарайся не покидать сада: может быть, когда она увидит твою красоту и прелесть, к её сердцу привяжется любовь к тебе. Ведь любовь-главная причина единения». И Тадж-аль-Мулук отвечал: «Слушаю и повинуюсь!» А затем он, вместе с Азизом, поднялся и вышел из лавки, и взял с собой старуху, и они пошли к своему жилищу и показали его старухе. И Тадж-аль-Мулук сказал Азизу: «О брат мой, нет мне надобности в лавке! То, что мне было от неё нужно, уже сделано, и я дарю тебе её со всем, что есть в ней, так как ты ушёл со мною на чужбину и оставил твою страну». И Азиз принял от него это. А потом они сидели и разговаривали, и Тадж-аль-Мулук стал расспрашивать Азиза о его диковинном положении и о том, что случилось с ним. И Азиз рассказывал, что ему довелось испытать, а затем они пришли к везиру и сообщили ему, что решил Тадж-аль-Мулук. «Как поступить?» – спросили они его, и он сказал: «Идёмте в сад», – и тогда каждый из них надел лучшее, что у него было, и они вышли, а сзади них шли три невольника, и они отправились в сад и увидели, что там много деревьев и полноводные каналы, и увидели садовника, который сидел у ворот. И они приветствовали садовника, и тот ответил на их приветствие, и тогда везирь протянул ему сто динаров и сказал: «Я хочу, чтобы ты взял это на расходы и купил нам чего-нибудь поесть. Мы чужеземцы, и со мной эти юноши, и мне захотелось с ними прогуляться». Садовник взял деньги и сказал: «Входите и гуляйте – сад весь ваше владение. Посидите, пока я вам принесу чего-нибудь поесть».

Потом он отправился на рынок, а везирь с Тадж-аль-Мулуком и Азизом, когда садовник ушёл на рынок, вошли внутрь сада, и через часок садовник вернулся с жареным ягнёнком и хлебом, точно хлопок, и сложил это перед ними, и они поели и попили, а затем садовник принёс им сладостей, и они полакомились и вымыли руки и сидели, разговаривая. «Расскажи мне про этот сад: твой ли он, или ты его нанимаешь?» – спросил везирь. «Он не мой, он принадлежит царской дочери, Ситт Дунья», – ответил старик. «А сколько тебе платят каждый месяц?» – спросил везирь, и садовник отвечал: «Один динар, не больше». И везирь оглядел сад и увидел там высокий дворец, но только он был ветхий. «О старец, – сказал он, – я хочу сделать здесь добро, за которое ты будешь меня вспоминать». – «А какое ты хочешь сделать добро?» – спросил старик, и везирь, сказал: «Возьми эти триста динаров». И, услышав упоминание о золоте, садовник воскликнул: «О господин, что хочешь, то и делай, а везирь дал ему денег и сказал: „Если захочет Аллах великий, мы сделаем добро в этом месте“». И затем они вышли от него и пришли в своё жилище и проспали эту ночь, а назавтра везирь призвал белильщика и рисовальщика и хорошего золотых дел мастера, принёс им все, какие было нужно, инструменты и, приведя их в сад, приказал им выбелить этот дворец и разукрасить его всякими рисунками. А затем он велел принести золота и лазури и сказал рисовальщику: „Нарисуй посередине этой стены образ человека-охотника, и как будто он расставил сети и туда попали птицы и голубка, которая завязла клювом в сетях“.

И когда рисовальщик разрисовал одну сторону и кончил рисовать, везирь сказал ему: «Сделай на другой стороне то же, что на этой, и нарисуй образ одной только голубки в сетях и охотника, который взял её и приложил нож к её шее, а с другой стороны нарисуй большую хищную птицу, которая поймала самца-голубя и вонзила в него когти». И рисовальщик сделал это, и когда они покончили со всем тем, о чем упоминал везирь, тот отдал им плату, и они ушли, а везирь и те, кто был с ним, тоже удалились, и, попрощавшись с садовником, отправились в своё жилище. И они сидели за беседой, и Тадж-аль-Мулук сказал Азизу: «О брат мой, скажи мне какие-нибудь стихи, может быть моя грудь расправится и покинут меня эти думы и охладает пламя огня в моем сердце». И тогда Азиз затянул напев и произнёс такие стихи:

«Все то, что влюблённые сказали о горестях,
Я все испытал один, и стойкость слаба моя.

А если слезой моей захочешь напиться ты, –
Обильны моря тех слез для жажды томящихся.
Когда же захочешь ты взглянуть, что наделала
С влюблённым рука любви, на тело взгляни моё».

Потом он пролил слезы и произнёс такие стихи:

«Кто гибких не любит шей и глаз поражающих,
И мнит, что знал радости он в жизни, – ошибся тот.
В любви заключается смысл высший, и знать его
Средь тварей лишь тем дано, кто сам испытал любовь.
Аллах не сними с души любви ко любимому
И век не лиши моих бессонницы сладостной!»

А после он затянул напев и произнёс:

«Говорит в „Основах“ Ибн Сина нам, что влюблённые
Исцеление обретут себе в напевах
И во близости с тем, кто милым равен и близок к ним,
И помочь должны и плоды, и сад, и вина.
Попытался раз исцеление я с другим найти,
Помогали мне и судьба моя и случай,
Но узнал я лишь, что любви болезнь убивает нас
И лечение, что Ибн Сина дал, – лишь бредни».

А когда Азиз окончил свои стихи, Тадж-аль-Мулук удивился, как он красноречиво и хорошо их произнёс, и воскликнул: «Ты рассеял часть моей заботы!» А везирь сказал: «Древним выпадало на долю то, что изумляет слушающих». – «Если тебе пришло на ум что-нибудь в таком роде, дай мне услышать, что помнишь, из этих нежных стихов, и продли беседу», – сказал Тадж-аль-Мулук. И везирь затянул напев и произнёс:

«Раньше думал я, что любовь твоя покупается
Иль подарками, иль красою лиц прекрасных.
И считал, глупец, что любовь твою мне легко добыть,
Хоть не мало душ извела она высоких,
Но увидел я, что любимого одаряешь ты,
Раз избрав его, драгоценными дарами.
И узнал тогда, что уловками не добыть тебя,
И накрыл главу я крылом своим уныло.
И гнездо любви для жилья с тех пор я избрал себе,
А наутро там и под вечер там я вечно».

Вот что было с этими, а что до старухи, то она уединилась в своём доме. И царевне захотелось прогуляться в саду (а она выходила только со старухой), и, послав за нею, она помирилась с ней и успокоила её и сказала: «Я хочу выйти в сад и взглянуть на деревья и плоды, чтобы моя грудь расширилась от запаха цветов». И старуха ответила: «Слушаю и повинуюсь! Но я хочу пойти домой и надеть одежду, а потом приду к тебе». – «Иди домой и не мешкай», – отвечала царевна. И старуха вышла от неё и направилась к Тадж-аль-Мулуку и сказала: «Собирайся, надень твои лучшие одежды и ступай в сад. Иди к садовнику, поздоровайся с ним и спрячься в саду». – «Слушаю и повинуюсь!» – сказал царевич, и старуха условилась с ним, какой она подаст ему знак.

Потом она пошла к Ситт Дунья, и после её ухода, везирь и Азиз одели

Тадж-аль-Мулука в платье из роскошнейших царских одежд, стоившее пять тысяч динаров, и повязали ему стан золотым поясом, украшенным дорогими камнями и драгоценностями, а потом они пошли в сад, и, придя к воротам, увидели, что садовник сидит там. И, увидя царевича, садовник встал на ноги и встретил его с уважением и почётом и, открыв ему ворота, сказал: «Войди, погуляй в саду». Но не знал он, что царская дочь придёт в этот день в сад.

И Тадж-аль-Мулук вошёл в сад и провёл там не больше часа; и вдруг он услышал шум, и не успел он очнуться, как евнухи и невольницы вышли из потайной двери. И садовник, увидя их, пошёл к Тадж-аль-Мулуку и сообщил ему о приходе царевны и сказал: «О владыка, как быть? Пришла царевна, Ситт Дунья». – «С тобой не будет беды, я спрячусь где-нибудь в саду», – ответил царевич. И садовник посоветовал ему спрятаться как можно лучше. А потом он оставил его и ушёл. И когда царевна с невольницами и старухой вошла в сад, старуха сказала себе: «Пока евнухи с нами, мы не достигнем цели!» «О госпожа, – обратилась она к царевне, – я скажу тебе что-то, в чем будет отдых для твоего сердца». – «Говори, что у тебя есть», – отвечала царевна, и старуха сказала: «О, госпожа, эти евнухи сейчас тебе не нужны, и твоя грудь не расправится, пока они будут с нами. Отошли их от нас». – «Твоя правда», – ответила Ситт Дунья и отослала евнухов. А спустя немного она пошла по саду, и Тадж-аль-Мулук стал смотреть на неё и на её красоту и прелесть, а она не знала об этом. И, взглядывая на неё, он всякий раз терял сознание при виде её редкой красоты, а старуха потихоньку уводила царевну, беседуя с ней, пока не привела её ко дворцу, который везирь велел разрисовать. И царевна подошла к дворцу и поглядела на рисунки и, увидев птиц, охотника и голубей, воскликнула: «Слава Аллаху! Это как раз то, что я видела во сне!» И она стала рассматривать изображения птиц, охотника и сетей, дивясь им, и сказала: «О нянюшка, я порицала мужчин и питала к ним ненависть, но посмотри, как охотник зарезал самку, а самец освободился и хотел вернуться к ней и выручить её, но ему повстречался хищник и растерзал его». А старуха прикидывалась незнающей и отвлекала царевну разговором, пока они не приблизились к тому месту, где спрятался Тадж-аль-Мулук. И тогда она показала ему знаком, чтобы он вышел под окна дворца. А Ситт Дунья в это время бросила взгляд и заметила юношу и увидела его красоту и стройность стана. «О нянюшка, – воскликнула она, – откуда этот прекрасный юноша?» И старуха ответила: «Не знаю, но только я думаю, что это сын великого царя, так как он достиг пределов красоты и обладает крайнею прелестью».

И Ситт Дунья обезумела от любви к нему, и распались цепи сковывавших её чар, и ум её был ошеломлён красотой и прелестью юноши и стройностью его стана. И зашевелилась в ней страсть, и она сказала старухе: «О нянюшка, право, этот юноша красив!» И старуха ответила: «Твоя правда, госпожа!» И потом старуха сделала знак царевичу, чтобы он шёл домой. А в нем уже запыхал огонь страсти, и охватили его любовь и безумие. И он шёл, не останавливаясь, и, простившись с садовником, отправился домой, и стремление к любимой взволновалось в нем, но он не стал перечить приказу старухи. Он рассказал везиру и Азизу, что старуха сделала ему знак идти домой, и оба стали уговаривать его потерпеть и говорили: «Если бы старуха не знала, что от твоего возвращения будет благо, она не указала бы тебе так сделать».

Вот что было с Тадж-аль-Мулуком, везирем и Азизом. Что же касается царской дочери, Ситт Дунья, то её одолела страсть, и велики стали её любовь и безумие, и она сказала старухе: «Я знаю, что свести меня с этим юношей можешь только ты». – «К Аллаху прибегаю от сатаны, побитого камнями!» – воскликнула старуха. «Ты не хотела мужчин, так как же постигло тебя бедствие от любви к нему? Но клянусь Аллахом, никто не годится для твоей юности, кроме него». – «О нянюшка, – сказала Ситт Дунья, – пособи мне и помоги сойтись с ним, и у меня будет для тебя тысяча динаров, и одежда в тысячу динаров, а если ты не поможешь мне сблизиться с ним, я умру несомненно». – «Иди к себе во дворец, а я постараюсь свести вас и пожертвую своей душою, чтобы вас удовлетворить», – сказала старуха. И тогда Ситт Дунья пошла во дворец, а старуха отправилась к Таджаль-Мулуку, и

царевич, увидя её, поднялся и встретил её с уважением и почётом. Он посадил старуху с собою рядом, и она сказала ему: «Хитрость удалась!» И поведала, что произошло у неё с Ситт Дунья.

«Когда же будет встреча?» – спросил царевич, и она отвечала: «Завтра», – и Тадж-аль-Мулук дал ей тысячу динаров и одежду в тысячу динаров, и она взяла это и ушла.

И она шла, пока не пришла к Ситт Дунья, и царевна спросила: «О нянюшка, какие у тебя вести о любимом?» И старуха сказала ей: «Я узнала, где он живёт, и завтра я буду с ним у тебя». И Ситт Дунья обрадовалась и дала ей тысячу динаров и платье в тысячу динаров, и старуха взяла их и ушла к себе домой и проспала там до утра. А потом она вышла и, направившись к Тадж-аль-Мулуку, одела его в женскую одежду и сказала: «Ступай за мной и шагай покачиваясь, но иди не торопясь и не оборачивайся к тем, кто будет с тобою говорить». И, дав Тадж-аль-Мулуку такое наставление, старуха вышла, и он вышел за нею, одетый, как женщина, и она стала его учить и подбадривать его в дороге, чтобы он не боялся. И она шла, а царевич за нею, пока они не пришли к воротам. И тут старуха вошла, а царевич за ней, и прошли они через двери и проходы, пока не миновали семь дверей. А подойдя к седьмой двери, она сказала Тадж-аль-Мулуку: «Укрепи своё сердце, и когда я крикну тебя и скажу: „Эй, девушка, проходи!“ – иди, не медля, и поторопись, а как войдёшь в проход, посмотри налево – и увидишь помещение со множеством дверей. Отсчитай пять дверей и войди в шестую: то, что ты желаешь, находится там». – «А ты куда идёшь?» – спросил Тадж-аль-Мулук, и старуха сказала: «Я никуда не иду, но, может быть, я опоздаю к тебе, и меня задержит старший евнух, и я заговорю с ним».

И она пошла, а царевич за нею, и достигла тех дверей, у которых сидел старший евнух. И евнух увидел со старухой Тадж-аль-Мулука в образе невольницы и спросил её: «Что это за невольница с тобою?» – «Это невольница, про которую Ситт Дунья слышала, что она знает всякую работу, и царевна хочет купить её», – отвечала старуха. Но евнух воскликнул: «Я не знаю ни невольницы, ни кого другого, и никто не войдёт раньше, чем я обыщу его, как велел мне царь...»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Сто тридцать пятая ночь

Когда же настала сто тридцать девятая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что евнух сказал старухе: „Я не знаю ни невольницы, ни кого другого, и никто не войдёт раньше, чем я обыщу его, как велел мне царь“. И старуха воскликнула с гневным видом: „Я знаю, что ты умный и воспитанный, а если ты теперь переменялся, я сообщу царевне, что ты не пускал её невольницу“. И потом она крикнула Тадж-аль-Мулуку: „Прходи, девушка!“ И царевич прошёл внутрь прохода, как она ему велела, а евнух промолчал и ничего не сказал.

А затем Тадж-аль-Мулук отсчитал пять дверей и, войдя в шестую, увидел Ситт Дунья, которая стояла и ждала его. И царевна, увидев Тадж-аль-Мулука, узнала его и прижала юношу к груди, и он прижал её к своей груди, а потом к ним вошла старуха и нашла способ отослать невольниц, боясь срама. «Будь ты привратницей», – сказала Ситт Дунья старухе, и потом она уединилась с Тадж-аль-Мулуком, и они, не переставая, обнимались, прижимались и сплетали ноги с ногами до самой зари. А когда приблизилось утро, Ситт Дунья вышла и заперла за собою дверь, а сама вошла в другую комнату и села там, как всегда. И невольницы пришли к пей, и она исполнила их просьбы и поговорила с ними, а потом сказала им: «Выйдите теперь от меня – я хочу развлечься одна». И невольницы вышли, а царевна пошла к Тадж-аль-Мулуку, а после пришла к ним старуха с коекакой едой, и они поели и ласкались до самой зари, а старуха заперла к ним дверь, как и в первый день, и они не прекращали этого в течение месяца.

Вот что было с Тадж-аль-Мулуком и Ситт Дунья. Что же касается везира и Азиза, то,

когда Тадж-аль-Мулук отправился во дворец царской дочери и провёл там столько времени, они поняли, что он не выйдет оттуда и погибнет несомненно. «О родитель мой, что ты будешь делать?» – спросил Азиз везиря, и тот сказал: «О дитя моё, это дело трудное, и если мы не воротимся к его отцу и не уведомим его об этом, он будет упрекать нас».

И они в тот же час и минуту собрались и направились к Земной земле и стране Двух Столбов, где была столица царя Сулейман-шаха, и пересекали долины ночью и днём, пока не вошли к царю Сулейман-шаху и не рассказали ему, что случилось с его сыном: с тех пор, как он вошёл в замок царской дочери, они не имели вестей о нем. И тогда перед царём предстал судный день и его охватило сильное раскаяние, и он велел кликнуть в своём царстве клич о войне, и войска выступили в окрестности города, и для них поставили палатки, и царь сидел в своём шатре, пока войска не собрались со всех областей. А подданные любили его за великую справедливость и милости, и он выступил во главе войска, которое застлало горизонт, и отправился на поиски своего сына Тадж-аль-Мулука.

Вот что было с этими. Что же касается Тадж-аль-Мулука и Ситт Дунья, то они провели так полгода, каждый день все сильнее любя друг друга, и Тадж-аль-Мулука охватила столь великая страсть, безумие, любовь и волнение, что он изъяснил ей затаённое и сказал: «Знай, о возлюбленная сердца и души: чем дольше я остаюсь у тебя, тем сильнее моё безумие, любовь и страсть, так как я не достиг желаемого полностью». – «А чего ты желаешь, о свет моего глаза и плод моей души? – спросила она. – Если ты хочешь не только обниматься и прижиматься и обвивать ноги ногами – сделай то, что тебе угодно, – ведь нет у Аллаха для нас сотоварищей». – «Не этого я хочу, – сказал Тадж-аль-Мулук. – Я желаю рассказать тебе, кто я в действительности. Знай, что я не купец, – нет, я царь, сын царя, и имя моего отца – великий царь Сулейман-шах, который послал везиря послов к твоему отцу, чтобы посватать тебя за меня, а когда весть об этом дошла до тебя, ты не согласилась».

И он поведал ей свою повесть с начала до конца, – а в повторении нет пользы, – и сказал: «А теперь я хочу отправиться к моему отцу, чтобы он послал посланного к твоему родителю и посватал тебя у него, и тогда мы успокоимся».

Услышав эти речи, Ситт Дунья сильно обрадовалась, так как это сходилась с её желанием, и они заснули, согласившись на этом. И случилось, по предопределённому велению, что в эту ночь, в отличие от других ночей, сон одолел их, и они проспали, пока не взошло солнце.

А в это самое время царь Шахраман сидел на престоле своего царства, и эмиры его правления были перед ним, как вдруг вошёл к нему староста ювелиров с большою шкатулкою в руках. Он подошёл и раскрыл шкатулку перед царём и вынул из неё маленький ларчик, стоивший сто тысяч динаров – столько было в нем жемчуга, яхонтов и смарагдов, которых не мог иметь ни один царь в какой-нибудь стране. И царь, увидев шкатулку, подивился её красоте и, обернувшись к старшему евнуху, у которого случилось со старухой то, что случилось, сказал ему: «Эй, Кафур, возьми этот ларчик и отнеси его Ситт Дунья!» И евнух взял его и ушёл. И он достиг комнаты царевны и увидел, что дверь её заперта и старуха спит на пороге. «До такого часа вы ещё спите!» – воскликнул евнух, и старуха, услышав его слова, пробудилась от сна и испугалась. «Постой, я принесу тебе ключ», – сказала она и выбежала куда глаза глядят, убегая от евнуха, и вот все, что было с нею.

Что же касается евнуха, то он понял, что старуха смутилась, и, сорвав дверь, вошёл в комнату и увидел Ситт Дунья в объятиях Тадж-аль-Мулука, и оба они спали. Увидев это, евнух не знал, что делать, и собирался вернуться к царю, но тут Ситт Дунья проснулась и увидела его. И она изменилась в лице, побледнела и воскликнула: «О Кафур, покрой то, что покрыл Аллах!», а евнух ответил: «Я не могу ничего скрывать от царя!»

Потом он запер к ним дверь и вернулся к царю, и царь спросил его: «Отдал ли ты ларчик твоей госпоже?» – а евнух ответил: «Возьми ларец, вот он! Я не могу ничего от тебя скрыть! Знай, что я увидел подле Ситт Дунья красивого юношу, который спал с нею в одной постели, и они были обнявшись».

И царь велел привести обоих, и когда они явились к нему, крикнул: «Что это за дела?»

И его охватил сильный гнев, и, взяв плеть, он собирался ударить ею Тадж-альМулука, но Ситт Дунья бросилась к нему и сказала своему отцу: «Убей меня раньше его». И царь выбрал девушку и велел отвести её в её комнату, а потом он обратился к Тадж-аль-Мулуку и спросил его: «Горе тебе, откуда ты и кто твой отец и как ты дерзнул посягнуть на мою дочь?» – «Знай, о царь, – ответил Тадж-аль-Мулук, – если ты убьёшь меня, то погибнешь, и расклетесь и ты и жители твоего царства». И царь спросил: «А почему это?» И юноша отвечал: «Знай, что я сын паря Сулейман-шаха, и ты не узнаешь, как он уже подойдёт к тебе с конными и пешими». Услышав эти слова, царь Шахраман захотел отложить убийство юноши и посадил его в тюрьму, чтобы посмотреть, правильны ли его слова. Но везирь сказал ему: «О царь нашего времени, по-моему следует поспешить с убийством этого мерзавца, – он ведь осмелился посягнуть на царских дочерей».

И тогда царь крикнул палачу: «Отруби ему голову, он обманщик!» И палач взял Тадж-аль-Мулука, затянул на нем верёвки и поднял руки, спрашивая разрешения эмиров, один и другой раз, так как он хотел, чтобы случилось промедление. И царь закричал на него: «До каких пор ты будешь спрашивать? Если ты ещё раз спросишь, я отрублю тебе голову!» И палач поднял руку, так что стали видны волосы у него под мышкой, и хотел отсечь голову юноше...»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Сто тридцать шестая ночь

Когда же настала сто тридцать шестая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что палач поднял руку, так что стали видны волосы у него под мышкой, и хотел отсечь голову юноше, но вдруг раздались громкие крики, и люди стали закрывать лавки. „Не спеши!“ – сказал тогда царь палачу и послал выяснить, в чем дело. И посланный ушёл и, вернувшись, сказал: „Я видел войска, подобные ревушему морю, где бьются волны, и конница скачет так, что трясётся земля, и я не знаю, что это такое“. И царь оторопел и испугался, что у него отнимут его царство, и, обратившись к своему везиру, спросил его: „Разве никто из наших воинов не выступил против этого войска?“ – и не успел он закончить своих слов, как его царедворцы вошли к нему и с ними послы приближавшегося царя, среди которых был везирь. И везирь первый приветствовал царя, а тот поднялся перед прибывшими на ноги и приблизил их к себе и спросил, за каким делом они прибыли. И везирь поднялся и, подойдя к царю, сказал ему: „Знай, тот, кто вступил к твою землю, – царь, не похожий на предшествующих царей и на прежде бывших султанов“. – „Кто же он?“ – спросил царь, и везирь ответил: „Этот царь справедливый и прямодушный, о чьих высоких помышлениях распространяют весть путешественники, это – султан Сулейманшах, властитель Зеленой Земли и Двух Столбов и Гор Исфаханских. Он любит справедливость и правое решение и не любит притеснения и несправедливости, и он говорит тебе, что его сын у тебя в твоём городе. А это последний вздох его сердца и плод его души, и если он окажется невредимым это и нужно, а тебе да будет слава и благодарность. Если же он исчез из твоей страны или с ним что-нибудь случилось, – услышь весть о гибели и разрушении твоих земель, ибо твой город станет пустыней, где каркают вороны. Вот я сообщил тебе его послание, и конец“.

Услышав от посланного эти слова, царь Шахраман почувствовал в душе тревогу и испугался за свою власть. Он кликнул вельмож своего царства, везирей, царедворцев и наместников и, когда они явились, сказал им: «Горе вам, идите и ищите этого молодца!»

А Тадж-аль-Мулук был в руках палача, и он обмер от великого страха, который ему пришлось испытать. И тут посланный огляделся и увидел сына своего царя на ковре крови и узнал его. И он поднялся и кинулся к царевичу, а за ним и другие посланцы, а потом они подошли, развязали его узы и стали целовать ему руки и ноги. И Тадж-аль-Мулук открыл глаза и, узнав везиря своего отца и своего друга Азиза, упал без чувств от сильной радости. А

царь Шахраман не знал, что делать, и испытал жестокий страх, убедившись, что это войско пришло из-за юноши. И он встал и, подойдя к Тадж-аль-Мулуку, поцеловал его в голову, и глаза его прослезились. «О дитя моё, – сказал он, – извини меня и не взыщи со злодея на деяния его. Пожалей мои седины и не разрушай моего царства». И Тадж-аль-Мулук приблизился к нему, поцеловал ему руку и сказал: «С тобой не будет беды, – ты мне вместо родителя, но берегись, чтобы не случилось что-нибудь с моей возлюбленной Ситт Дунья». – «О господин, – ответил царь, – не бойся за неё, ей будет только радость». И царь стал извиняться перед юношей и уговаривать его и везиря царя Сулейман-шаха, и он обещал везирию большие деньги, если он скроет от царя то, что видел.

Потом царь Шахраман приказал своим вельможам взять Тадж-аль-Мулука, отвести его в баню и одеть в платье из лучших своих одежд и поскорее привести его. И они сделали это и, отведя юношу в баню, одели его в то платье, которое назначил ему царь Шахраман, а затем его привели в залу, и, когда царевич вошёл к царю Шахраману, тот встал перед ним сам и велел встать всем вельможам своего царства, служа ему.

И Тадж-аль-Мулук сел и принялся рассказывать везирию своего отца и Азизу о том, что случилось с ним, и везирь и Азиз сказали: «А мы за это время отправились к твоему родителю и рассказали ему, что ты вошёл во дворец царской дочери и не вышел, и твоё дело стало нам неясно. И, услышав об этом, он снарядил войска, и мы прибыли в эти земли, и наше прибытие принесло тебе крайнее облегчение, а нам радость». И царевич сказал им: «Добро всегда приходит через наши руки и в начале и в конце!»

Вот! А царь Шахраман вошёл к своей дочери Ситт Дунья и увидел, что она завывает и плачет о Тадж-аль-Мулуке. И она взяла меч и воткнула его рукояткою в землю, а острие его приложила к верхушке сердца, между грудями, и, наклонившись, стояла над мечом и говорила: «Я обязательно убью себя и не буду жить после моего любимого!» И когда её отец вошёл к ней и увидел её в таком состоянии, он закричал: «О госпожа царских дочерей, не делай этого и пожалей твоего отца и жителей твоего города!» И он подошёл к ней и сказал: «Избавь тебя Аллах от того, чтобы из-за тебя случилось с твоим отцом дурное». И рассказал ей о всем происшедшем и о том, что её возлюбленный, сын царя Сулейман-шаха хочет на ней жениться. «Дело сватовства и брака зависит от твоего желания», – сказал он, и Ситт Дунья улыбнулась и ответила: «Не говорила ли я тебе, что он сын султана, и я непременно заставлю его распять тебя на доске ценою в два дирхема». – «О дочь моя, пожалей меня, пожалеет тебя Аллах», – сказал ей отец. И она воскликнула: «Живо, иди скорей и приведи мне его быстро, не откладывая!»

«На голове и на глазах!» – отвечал ей отец и быстро вернулся от неё и, придя к Тадж-аль-Мулуку, потихоньку передал ему эти слова. И они поднялись и пошли к ней, и, увидев Тадж-аль-Мулука, царевна обняла его в присутствии отца, и приникла к нему, и поцеловала его, говоря: «Ты заставил меня тосковать!» А потом она обратилась к отцу и спросила: «Видел ли ты, чтобы кто-нибудь перешёл меру, восхваляя это прекрасное существо? А он к тому же царь, сын царя и принадлежит к людям благородным, охраняемым от гнусности». И тогда царь Шахраман вышел и своей рукой закрыл к ним дверь. Он пошёл к везирию царя Сулейман-шаха и тем, кто был вместе с ним из послов, и велел им передать их царю, что его сын во благе и радости и живёт сладостнейшею жизнью со своей возлюбленной, и послы отправились к царю, чтобы передать ему это. А после царь Шахраман велел вынуть подношения, угощение и припасы для войск царя Сулейман-шаха, и, когда все то, что он приказал, было выпито, царь вывел сотню коней, сотню верблюдов, сотню невольников, сотню наложниц, сотню чёрных рабов и сотню рабынь и пригнал все это в подарок царю. А сам он сел на коня с вельможами своего царства и приближёнными, и они выехали за город, а когда султан Сулейман-шах узнал об этом, он поднялся и прошёл несколько шагов ему навстречу. А везирь с Азизом сообщили ему, в чем дело, и царь Сулейман-шах обрадовался и воскликнул: «Слава Аллаху, который привёл моё дитя к желаемому!» А потом царь Сулейман-шах взял царя Шахрамана в объятия и посадил его рядом с собою на престол, и они стали разговаривать между собою и пустились в беседу.

После этого им подали еду, и они ели, пока не насытились, а затем принесли сладости, которыми они полакомились, и плоды свежие и сухие, и они поели этих плодов. И не прошло более часа, как Тадж-аль-Мулук пришёл к ним в великолепных одеждах и украшениях, и его отец, увидя его, поднялся и обнял и поцеловал юношу, и поднялись все, кто сидел, и цари посадили юношу между собою и просидели часок за беседою. И царь Сулейман-шах сказал царю Шахраману: «Я хочу написать запись моего сына с твоею дочерью при свидетелях, чтобы весть об этом распространилась, как установлено обычаем. И царь Шахраман отвечал ему: „Слушаю и повинуюсь!“

И тогда царь Шахраман послал за судьёй и свидетелями, и они явились и написали запись о браке Тадж-аль-Мулука и Ситт Дунья, и роздали бакшиш¹⁹¹ и сахар и зажгли куренья и благовония. И был это день веселья и радости, и радовались этому все вельможи и воины, а царь Шахраман принялся обрядовать свою дочь.

Тадж-аль-Мулук сказал своему отцу: «Этот юноша, Азиз, – благородный человек, и он сослужил мне великую службу, так как он трудился вместе со мной и сопровождал меня в путешествии. Он привёл меня к моей цели и терпел вместе со мной испытания и меня уговаривал терпеть, пока моё желание не было исполнено. Он со мной уже два года, вдали от своей страны, и я хочу, чтобы мы приготовили ему здесь товары и он уехал бы с залеченным сердцем, ибо его страна близко». – «Прекрасно то, что ты решил!» – сказал ему отец. И тогда Азизу приготовили сотню тюков самых роскошных и дорогих материй, и Тадж-аль-Мулук оказал ему благоволение и пожаловал ему большие деньги.

И он простился с ним и сказал: «О брат и друг мой, возьми эти тюки и прими их от меня в подарок, как знак любви. Отправляйся в твою страну с миром!»

И Азиз принял от него материи и поцеловал землю перед ним и перед его отцом, и простился с ними. И Тадж-аль-Мулук сел на коня вместе с Азизом и провожал его три мили. А потом он распрощался с ним и заклинал его впоследствии вернуться, а Азиз сказал: «Клянусь Аллахом, о господин, если бы не моя мать, я бы не покинул тебя. Но не оставляй меня без вестей о себе!» – «Будь по-твоему, – сказал Тадж-аль-Мулук и потом воротился. А Азиз ехал до тех пор, пока не прибыл в свою страну, и, вступив в неё, он поехал дальше и прибыл к своей матери. И оказалось, что она устроила могилу посреди дома и посещала эту могилу, и когда Азиз вошёл в дом, он увидел, что его мать расплела волосы и распустила их над гробницей, плача и говоря:

«Поистине, стоек я во всяких превратностях,
И только от бедствия разлуки страдаю я.
А кто может вытерпеть, коль друга с ним больше нет,
И кто не терзается разлукою скорою?»

И она испустила глубокий вздох и произнесла:

«Почему, пройдя меж могилами, я приветствовал
Гроб любимого, но ответа мне он не дал?»
И сказал любимый: «А как ответ мог я дать тебе,
Коль залогом я средь камней лежу во прахе?
Пожирает прах мои прелести, и забыл я вас
И сокрылся я от родных своих и милых».

И когда она так говорила, вдруг вошёл Азиз и подошёл к ней, и при виде его она упала без чувств от радости. И Азиз полил ей лицо водой, и она очнулась и взяла его в объятия, и прижала к груди, и Азиз тоже прижал её к груди и приветствовал её, а старушка

¹⁹¹ Дать бакшиш – соответствует русскому «дать на чай».

приветствовала его и спросила, почему он отсутствовал.

И Азиз рассказал ей обо всем, что с ним случилось, с начала до конца, и поведал ей, что Тадж-аль-Мулук дал ему денег и сто тюков товаров и материй, и она обрадовалась этому. И Азиз остался с матерью в своём городе и плакал о том, что сделала с ним дочь Далилы Хитрицы, которая его оскопила.

Вот что выпало на долю Азиза. Что же касается Таджаль-Мулука, то он вошёл к своей любимой Ситт Дунья и уничтожил её девственность. А потом царь Шахраман стал снаряжать свою дочь для поездки с её мужем, и принесли припасы и подарки и редкости и все это нагрузили и поехали. И царь Шахраман ехал вместе с ними три дня, чтобы проститься, но царь Сулейман шах заклинал его вернуться, и он возвратился. И Тадж-аль-Мулук с отцом, женою и войском ехали непрерывно, ночью и днём, пока не приблизились к своему городу. И вести об их прибытии побежали, сменяя друг друга, и город для них украсили...»

И Шахразату застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Сто тридцать седьмая

Когда же настала сто тридцать седьмая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что когда царь Сулейман-шах приблизился к своему городу, город украсили для него и его сына. А потом они вступили в город, и царь сел на престол своего царства, и его сын Тадж-аль-Мулук был рядом с ним. И он стал давать и одаривать и выпустил тех, кто был у него заточён. А потом его отец сделал вторую свадьбу, и песни и развлечения продолжались целый месяц, и прислужницы открывали Ситт Дунья, и ей не наскучило, что её открывают, а им не наскучило смотреть на неё. А потом Тадж-аль-Мулук вошёл к своей жене, свидевшись сначала с отцом и матерью. И они жили сладостнейшей и приятнейшей жизнью, пока не пришла к ним Разрушительница наслаждений».

Повесть о царе Омаре ибн ан-Нумане (продолжение)

И Дау-аль-Макан сказал везиру Дандану: «Поистине, подобный тебе развлекает печальное сердце и, беседуя с царями, идёт наилучшим путём в обращении с ними.»

А в это время они осаждали аль Кустантинию, пока не прошло над ними четыре года, и они стосковались по родным землям, и войска стали тяготиться, и им надоело не спать ночами, осаждая город, и воевать ночью и днём.

И царь Дау-аль-Макан велел привести Бахрама, Рустума и Теркаша и, когда они явились, сказал им. «Знай те, что мы провели здесь эти годы и не достигли цели, даже напротив, увеличились наши заботы и горести. Мы пришли, чтобы отомстить за царя Омара ибн ан Немана, и был убит среди нас мой брат Шарр-Кан, так что из этой печали стало две печали и из этой беды – две беды. А виновница всего этого – старуха Зат-ад-Давахи. Это она убила султана в его царстве и взяла его жену, царицу Суфию, но ей недостаточно было всего этого, и она обманула нас и зарезала моего брата. А я обещал и дал великие клятвы, что непременно отомщу. Что же вы скажете? Поймите эту речь и дайте мне ответ».

И все склонили головы и ответили: «Самое правильное мнение у везира Дандана».

И тогда везир Дандан подошёл к царю Дау-аль-Макану и сказал ему: «Знай, о царь времени, что от нашего пребывания здесь нет больше пользы, и лучше всего нам отправиться на родину и остаться там некоторое время, а потом мы вернёмся и выступим походом на рабов идолов». – «Прекрасно такое мнение! – сказал Дау-аль-Макан. – Люди стосковались и хотят видеть свои семьи, и я тоже взволнован тоскою по сыну Кан-Макану и дочери моего брата Кудья-Факан. Она в Дамаске, и я не знаю, что с нею случилось».

Услышав это, воины обрадовались и призвали благословение на везира Дандана. А потом царь Дау-аль-Макан велел глашатаю кричать, чтобы выступили через три дня. И

воины стали снаряжаться, а на четвёртый день забили в литавры и развернули знамёна, и везирь Дандан выступил в передовых войсках, а царь в середине, и рядом с ним был старший царедворец.

И войска двинулись и шли непрерывно, ночью и днём, пока не достигли города Багдада, и люди обрадовались их прибытию, и прекратилось их горе и несчастье. И оставшиеся встретились с отсутствовавшими, и все эмиры разошлись по домам, а царь поднялся во дворец и пошёл к своему сыну Кан-Макану, который уже достиг семи лет и стал выходить и садиться на коня. И царь отдохнул после путешествия и пошёл в баню вместе со своим сыном Кан-Маканом, а потом вернулся и сел на престол своего царства, и везирь Дандан встал перед ним, а эмиры и приближённые встали перед царём, служа ему.

И тогда Дау-аль-Макан потребовал своего друга истопника, который был к нему добр на чужбине, и его привели. И когда он предстал перед ним, царь поднялся из уважения к его достоинствам и посадил его рядом с собою. И царь рассказывал везирию о том, какую милость и добро оказал ему истопник, и эмиры возвеличили его, и везирь тоже его возвеличил. А истопник потолстел и разжирел от еды и безделья, и шея у него стала, как шея слона, а лицо – как живот дельфина, и он стал глуповатым, так как не выходил из помещения, где жил, и не узнал царя.

И царь обратился к нему и, улыбнувшись ему в лицо, приветствовал его наилучшим приветствием и воскликнул: «Как ты скоро меня забыл!» И тогда истопник пробудился и пристально посмотрел на царя и, взглядевшись, узнал его, вскочил на ноги и сказал: «О приятель, кто сделал тебя султаном?»

И царь рассмеялся, а везирь подошёл к истопнику и изложил ему, в чем дело, и сказал: «Он был твоим братом и другом, а теперь стал царём земли, и тебе непременно будет от него великое добро. Вот я научу тебя: когда он тебе скажет: „Пожелай чего-нибудь“, – желай только самого большого, потому что ты ему дорог». – «Я боюсь», – возразил истопник, – что пожелаю от него такого, на что он не согласится или что не сможет мне дать». – «Все, чего ты ни пожелаешь, он тебе даст и с тобой ничего не будет», – отвечал везирь. И истопник воскликнул: «Клянусь Аллахом, я непременно пожелаю то, что у меня на уме. Я каждую ночь вижу это во сне и надеюсь, что Аллах великий мне это дарует». – «Успокой своё сердце», – сказал везирь. – Клянусь Аллахом, если бы ты пожелал стать правителем Дамаска вместо его брата, он даровал бы тебе это место и сделал бы тебя правителем».

Тут истопник встал на ноги, а Дау-аль-Макан сделал ему знак сесть, но тот отказался и воскликнул: «Храни Аллах! Кончились дни, когда я сидел в твоём присутствии!» – «Нет», – отвечал царь, – они продолжают и поныне. Ты был виновником того, что я остался жив, и клянусь Аллахом, если ты меня попросишь – чего бы ты ни пожелал, я дам это тебе. Так проси у Аллаха, а потом у меня».

«О господин, я боюсь», – сказал истопник. По царь воскликнул: «Не бойся!», а истопник молвил: «Я боюсь» что пожелаю чего-нибудь, чего ты мне не даруешь». И царь засмеялся и спросил: «А что же? Клянусь Аллахом,

продолжал он, – если бы ты пожелал половину моего царства, я, право, разделю бы его с тобою. Проси же, чего желаешь, и оставь разговоры». – «Я боюсь», – проговорил истопник, и, когда царь сказал: «Не бойся!», он опять молвил: «Я боюсь пожелать чего-нибудь, чего ты не сможешь мне дать».

Тут царь рассердился и воскликнул: «Проси чего хочешь!» И истопник сказал: «Прошу у Аллаха и затем у тебя: напиши указ, чтобы я был надзирателем над всеми истопниками, что в городе Иерусалиме».

И султан и все присутствующие засмеялись и сказали ему: «Пожелай другого!» И истопник воскликнул: «О господин, не говорил ли я тебе, что я боюсь пожелать чего-нибудь, чего ты мне не даруешь или не сможешь мне дать!» А везирь ткнул его кулаком во второй раз и в третий, но истопник каждый раз говорил: «Я желаю...»

И султан сказал: «Проси и поторопись!» – «Я прошу, чтобы ты сделал меня главным над всеми мусорщиками в городе Иерусалиме или в городе Дамаске!» – сказал истопник. И

все присутствующие повалились на спину от смеха, а везирь стал бить истопника, и тот обернулся к нему и спросил: «Кто ты такой, что бьёшь меня, когда я не виноват? Ведь это ты говорил мне: „Пожелай что-нибудь большое!“ Пустите меня уехать в мою страну», – сказал он потом.

И султан понял, что он забавляется, и, подождав немного, обратился к нему и сказал: «О брат мой, пожелай от меня что-нибудь большое, достойное нашего сана». – «О царь времени, – сказал истопник, – я прошу у Аллаха и затем у царя, чтобы ты назначил меня наместником Дамаска вместо твоего брата». – «Аллах даровал это тебе», – сказал царь, и истопник поцеловал перед ним землю.

И царь приказал поставить ему сиденье на подобающем месте и пожаловал ему одежду наместника, и написал об этом постановление, приложив к нему печать, и потом сказал везиру Дандану: «Никто не поедет с ними, кроме тебя, а когда ты пожелаешь воротиться и приедешь, привези с собою дочь моего брата, Кудья-Факан». – «Слушаю и повинуюсь», – отвечал везирь. И он взял истопника и ушёл с ним и собрался в путешествие, а царь велел привести истопнику слуг и челядинцев и приготовить новые носилки и султанское облачение, и сказал эмирам: «Кто любит меня, пусть оказывает этому человеку уважение и поднесёт ему большой подарок». И эмиры поднесли ему, каждый по мере своей возможности.

И султан назвал истопника аз-Зибликан и прозвал его аль-Муджахид¹⁹². И когда пожитки были все собраны, истопник вышел, а вместе с ним вышел везирь Дандан, чтобы проститься с царём и попросить у него разрешения выезжать. И царь поднялся и обнял его и внушил ему быть справедливым с подданными, а потом он велел ему приготовиться к войне через два года, и они простились друг с другом. И владыка аль-Муджахид, по имени аз-Зябликан, поехал после того, как царь Дау-аль-Макан внушил ему быть добрым с подданными, и эмиры подарили ему невольников и слуг, число которых достигло пяти тысяч. И они поехали вслед за ним, а старший царедворец, предводитель турков Бахрам, предводитель дейлемитов Рустум и предводитель арабов Теркаш тоже поехали, служа ему, чтобы проститься с ним, и ехали три дня, а потом воротились в Багдад.

А султан аз-Зибликан, везирь Дандан и бывшие с ними войска ехали до тех пор, пока не достигли Дамаска, а туда уже прибыли на крыльях птиц вести о том, что царь Дауаль-Макан сделал властителем Дамаска султана, которого зовут аз-Змбликан, и дал ему прозвание аль-Муджахид, и когда он достиг Дамаска, для него украсили город, и все, кто был в Дамаске, вышли посмотреть. И султан вошёл в Дамаск, и шествие было великолепно, и, поднявшись в крепость, он сел на престол, а везирь Дандан стоял, прислуживая ему, и осведомлял его о чинах эмиров и их должностях, и эмиры входили к нему и целовали ему руки, призывая на него благословение. И султан обошёлся с ними милостиво и роздал почётные одежды, дары и подарки, а потом он открыл кладовые и роздал деньги всем воинам, великому и малому, и творил суд и был милостив.

А потом аз-Зибликан стал готовить в путь дочь султана Шарр-Кана, госпожу Кудья-Факан, и велел дать ей парчовые носилки, и везиря Дандана он также снарядил и предложил ему столько-то денег, но везирь Дандан отказался и сказал ему: «Ты стал недавно царь и, может быть, будешь нуждаться в деньгах; мы потом примем от тебя деньги для священной войны или для чего другого».

И когда везирь Дандан приготовился к путешествию, султан аль-Муджахид сел на коня, чтобы проститься с везирем Данданом, и привёл Кудья-Факан, которую он посадил в носилки, и послал с нею десять невольниц, чтобы ей прислуживать. А когда везирь Дандан уехал, царь аль-Муджахид вернулся в свои владения, чтобы управлять ими и заботиться о военных припасах, ожидая времени, когда царь Дау-аль-Макан пришлёт за ними.

¹⁹² Аз-Зибликан (от зибль – навоз) – шутовское прозвище, намёк на профессию истопника (топливо для бани обычно служит на Востоке высушенный навоз). Аль-Муджахид означает: боец за веру.

Вот что было с султаном аз-Зибликаном. Что же касается везиря Дандана, то он с Кудья-Факан непрестанно проезжал остановки и ехал до тех пор, пока через месяц не достиг ар-Рухбы¹⁹³. А после он тронулся в путь и подъехал к Багдаду, и послал известить Дау-аль-Макана о своём прибытии. И тот сел на коня и выехал ему навстречу, и везирь Дандан хотел сойти с коня, но царь заклинал его не делать этого. Он погнал своего коня и, оказавшись рядом с везирем, спросил его про аз-Зибликана аль-Муджахиду, и везирь сообщил ему, что тот в добром здоровье, и уведомил царя о прибытии Кудья-Факан, дочери его брата Шарр-Кана. И Дау-аль-Макан обрадовался и воскликнул: «Отдохни теперь от тягот путешествия три дня, а потом приходи ко мне», и везирь отвечал: «С любовью и охотой!»

А потом везирь отправился в своё жилище, а царь поднялся во дворец и вошёл к дочери своего брата Кудья-Факан (а она была восьмилетней девочкой), и, увидев её, он обрадовался и опечалился, вспомнив об её отце, и приказал скроить ей платья и дал ей великолепные украшения и драгоценности, и велел поселить её вместе со своим сыном Кан-Маканом.

И стали они расти умнейшими и храбрейшими людьми своего времени, но только Кудья-Факан росла сообразительной, умной и опытной в последствиях дел, а Кан-Макан рос щедрым и великодушным, но никогда не раздумывал о последствиях. И оба подросли, и им стало по десять лет, и Кудья-Факан начала садиться на коня и выезжала с сыном своего дяди в поле, гоняясь и углубляясь в пустыню, и они учились биться мечом и разить копьём, пока оба не достигли двенадцати лет.

А потом царь стал помышлять о войне, и он вполне снарядился и приготовился и, позвав везиря Дандана, сказал ему: «Знай, что я задумал одно дело и хочу тебя осведомить о нем. Поторопись же дать мне ответ». – «Что такое, о царь времени?» – спросил везирь Дандан, и царь сказал: «Я хочу сделать моего сына Кан-Макана султаном, и порадоваться на него при жизни, и сражаться за него, пока меня не настигнет смерть. Каково же твоё мнение?»

И везирь Дандан поцеловал землю меж рук Дау-аль-Макана и ответил ему: «Знай, о царь и султан, владыка века и времени, – то, что пришло тебе на ум, прекрасно, но только для этого не настало ещё время по двум причинам: во-первых, твой сын Кан-Макан юн годами, а во-вторых, кто сделает своего сына султаном при жизни, тот живёт после этого недолго. Таков мой ответ». – «Знай, о везирь, – ответил царь, – мы поручим сына заботам старшего царедворца, который женился на моей сестре и стал мне вместо брата». – «Делай, что тебе вздумается, – сказал везирь, – мы покорны твоему приказанию».

И царь велел привести старшего царедворца, а также вельмож своего царства и сказал им: «Вот мой сын Кан-Макан. Вы знаете, что он витязь среди людей своего времени и нет ему соперников в резне и сече, и я сделал его над вами султаном, а старший царедворец ему дядя, и он его опекун».

«О царь времени, – воскликнул царедворец, – я лишь росток, посеянный твоею милостью!» А Дау-аль-Макан сказал: «О царедворец, мой сын Кан-Макан и моя племянница Кудья-Факан – двоюродные брат и сестра, и я выдал её за него замуж». И он сделал присутствующих свидетелями, а затем перенёс к своему сыну такие сокровища, описать которые бессилён язык. И после этого он вошёл к своей сестре Нузхат-аз-Заман и известил её об этом, и она обрадовалась и воскликнула: «Оба они мои дети, да сохранит тебя Аллах и да проживёшь ты для них, пока тянется время!» – «О сестрица, – сказал царь, – я удовлетворил при жизни желания сердца и спокоен за моего сына, по тебе надлежит заботиться о нем и присматривать за его матерью».

И он поручил придворным и Нузхат-аз-Заман заботиться о своём сыне, дочери своего брата и своей жене в течение ночей и дней, ибо убедился, что близка чаша гибели, и не сходил с подушек, а царедворец стал творить суд над рабами и городами.

А через год царь призвал своего сына Кан-Макана и везиря Дандана и сказал: «О дитя

¹⁹³ Ар-Рухба – городок на Ефрате.

моё, этот везирь – отец тебе после меня. Знай, что я отправляюсь из обители преходящей в обитель вечную; я достиг того, чего хотел от жизни, но в моем сердце осталась печаль, которую Аллах удалит твоими руками». – «А что это за печаль, о батюшка?» – спросил царя его сын, и царь ответил: «О дитя моё, ведь я умру, не отомстив старухе по имени Зат-адДавахи за твоего деда, Омара ибн ан-Нуман, и дядю твоего, царя Шарр-Кана. И если Аллах дарует тебе поддержку, не засыпай раньше, чем отомстишь и не снимешь позор, нанесённый неверными. Берегись коварства старухи и внимай тому, что скажет тебе везирь Дандан, ибо он опора нашего царства с давних времён».

И сын паря внял его словам, и глаза Дау-аль-Макана пролили слезы, а болезнь его усилилась, и дела царства перешли в руки царедворца, его зятя, а это был человек старый. И он начал судить, приказывать и запрещать, и правил целый год, а Дау-аль-Макана мучила болезнь, и недуги терзали его четыре года. И старший царедворец пробыл это время у власти, и он был угоден жителям царства и вельможам правления, и во всех землях молились за него.

Вот что было с Дау-аль-Маканом и царедворцем. Что же касается царевича Кан-Макана, то у него только и было дела, что ездить на коне, играть копьем и разить стрелами, как и у дочери его дяди, Кудья-Факан. А она выезжала вместе с ним с начала дня и до наступления ночи, и потом уходила к своей матери, а он уходил к своей и находил её сидящей у изголовья своего отца и плачущей. И он прислуживал отцу всю ночь до утра, а потом, как всегда, выезжал с дочерью своего дяди. И страдания Дауаль-Макана продлились, и он плакал и произносил такие стихи:

«Пропала мощь, и время моё минуло,
И стал я теперь подобен тому, что видишь.
В дни славы своей сильнейшим я был в народе,
И всех я быстрее своих достигал желаний.
А ныне смотрю пред смертью моей на сына,
Хочу, чтоб на месте моем стал царём он.
Разит он врагов, чтоб им отомстить жестоко,
Рубя их мечом и острым зубцом пронзая.
А я не гоюсь ни в шутку, ни в дело,
Коль вновь не вернёт владыка небес мне душу».

А окончив говорить стихи, он положил голову на подушку, и его глаза смежились, и он заснул и увидел во сне, что кто-то говорит ему: «Радуйся, ибо твой сын наполнит землю справедливостью и овладеет ими, и будут покорны ему рабы». И он пробудился от сна, радуясь той благой вести, которую услышал, а через несколько дней к нему постучалась смерть, и поразило людей Багдада известие о его кончине, и оплакивал его и низкий и великий.

Но время пронеслось над именем его, словно его и не было, и изменилось положение Кан-Макана: жители Багдада низложили его и посадили с семьёю в какое-то помещение, где они были одни. И, увидя это, мать Кан-Макана почувствовала величайшее унижение и воскликнула: «Я отправлюсь к старшему царедворцу и надеюсь на милость всеблагого, всеведущего!»

И, выйдя из своего жилища, она пришла к дому царедворца, который стал султаном, и увидела, что он сидит на ковре. Она подошла к его жене Нузхат-аз-Заман и стала горько плакать и сказала: «Поистине, нет у мёртвого друга! Да не заставит вас Аллах испытать нужду, пока идут века и годы, и да не перестанете вы справедливо судить избранных и простых! Твои уши слышали и глаза твои видели, в каком мы жили могуществе, славе, почёте, богатстве и благоденствии, а теперь рок повернулся против нас, и судьба и время нас обманули, поступив с нами как враги. Я пришла к тебе, ища твоей милости, после того как сама оказывала благодеяния, ибо, когда умирает мужчина, его жены и дочери бывают

унижены». И потом она произнесла такие стихи:

«Довольно с тебя, что смерть являет нам дивное,
Но жизнь отошедшая от нас навсегда ушла.
Подобны сей жизни дни привала для путника –
К воде их источника подмешаны бедствия.

И сердцу всего больней утрата великих тех, Кого окружили вдруг превратности грозные», И Нузхат-аз-Заман, услышав эти слова, вспомнила своего брата Дау-аль-Макана и его сына Кан-Макана и, приблизив его мать к себе, обошлась с нею милостиво и сказала: «Клянусь Аллахом, я теперь богата, а ты бедна, и клянусь Аллахом, мы не заходили тебя проводить лишь из опасности разбить твоё сердце, чтобы тебе не показался наш подарок милостыней. Но ведь все наше добро от тебя и от твоего мужа, и наш дом – твой дом, а жилище наше – твоё жилище. Тебе будет то, что будет нам, и на тебе лежит то, что лежит на нас».

Потом она подарила ей роскошную одежду и отвела ей во дворце покои смежные с своими покоями. И старуха жила у них приятнейшей жизнью вместе со своим сыном Кан-Маканом, которого Нузхат-аз-Заман одела в царские одежды, и она назначила им невольниц, чтобы им прислуживать. А потом, спустя недолгое время, Нузхат-аз-Заман рассказала своему мужу про жену её брата Дау-аль-Макана, и глаза его прослезились, и он воскликнул: «Если хочешь посмотреть, какова будет жизнь после тебя, посмотри, какова она после другого! Приюти же её с почётом...»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Сто тридцать восьмая ночь

Когда же настала сто тридцать восьмая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что когда Нузхат-аз-Заман рассказала царедворцу про жену её брата, тот воскликнул: „Приюти же её с почётом и преврати её бедность в богатство!“

Вот что было с Нузхат-аз-Заман, её мужем и матерью Кан-Макана. Что же касается Кан-Макана и дочери его дяди, Кудья-Факан, то они сделались старше и выросли и стали, как две плодоносные ветви или две блестящие луны, и достигли возраста пятнадцати лет. И Кудья-Факан была одной из красивейших девушек, покрытых покрывалом: с прекрасным лицом, овальными щеками, худощавым станом, тяжёлыми бёдрами, высокая ростом, с устами слаще вина и слюною, как Сельсебиль¹⁹⁴. И она была такова, как сказал о ней кто-то в таком двустишии:

И мнится, слюна её – вино наилучшее,
А кисти лозы её с уст сладостных сорваны.
Согнётся – склоняются её виноградины.
Прославлен её творец. Нельзя описать её.

И Аллах великий объединил в ней все прелести: её стан Заставлял стыдиться ветви, и розы просили пощады у её щёк, а слюна издевалась над чистым вином; и красавица возбуждала радость в сердцах, как сказал о ней поэт:

Прекрасная свойствами, красой совершённая!
Смущают глаза её сурьму и сурмящихся.

¹⁹⁴ Сельсебиль – по мусульманским преданием, райский источник.

И кажется, взор её в душе её любящих, Как меч, что в руке Али, всех верных правителя
Что же касаемся Кан-Макана, то он был на редкость красив и превосходен по своему
совершенству, и не было ему подобного по красоте, и храбрость блистала в его глазах,
свидетельствуя за него, а не против него, и склонялись к нему суровые сердца. Его глаза
были черны, а когда показались его молодые усы и у него появился пушок, много было
сказано о нем стихов, подобных вот этим:

Я невинен стал, как покрылся он молодым пушком,
И смутился мрак на щеках его, как прошёл по ним.
Газеленок он; когда смотрит глаз на красу его,
Обнажает взор на смотрящего свой кинжал тотчас.

А вот слова другого:

Начертали души возлюбленных на щеках его
Муравьёв следы, и кровь алая стала ярче липь.
Подивись им! Вот страдальцы то! На огне живут
И одеты ведь лишь в зелёный шёлк в этом пламени.

И случилось, что в один праздничный день Кудья-Факан вышла справить праздник к
каким-то своим родственникам из вельмож. И невольницы окружали её, и окутала её
красота, а роза её щеки завидовала её родинке, и ромашки улыбались с её сверкающих уст. И
Кан-Макан принялся ходить вокруг неё и устремлял на неё взоры (а она была подобна
блестящей луне), и он укрепил свою душу и, заговорив языком стихов, произнёс:

«Когда ж исцелится дух разлукой убитого
И будут уста любви смеяться разлуке вслед
О, если б мог я знать, просплю ли хоть ночь одну
С любимую вместе я, что делит любовь мою»

И Кадья-Факан, услышав эти стихи, стала его укорять и упрекать и приняла гордый вид
и, разгневавшись на Кан-Макана, сказала ему: «Ты упоминаешь обо мне в этих стихах, чтобы
осрамить меня среди твоих родных! Клянусь Аллахом, если ты не воздержишься от таких
речей, я, право, пожалуюсь на тебя старшему царедворцу, султану Хорасана и Багдада,
справедливому и праводушному, чтобы он подверг тебя позору и унижению».

И Кан-Макан промолчал, рассердившись, и вернулся в Багдад разгневанный, а
Кудья-Факан пришла в свой дворец и пожаловалась матери на сына своего дяди, и та сказала
ей: «О дочь моя, может быть он не хотел тебе зла, и разве он не сирота? И к тому же он не
сказал ничего порочащего тебя. Берегись же говорить об этом кому-нибудь; может быть,
слух дойдёт до султана, и он сократи г его жизнь и погасит воспоминание о нем и сделает его
подобным вчерашнему дню, о котором память ушла».

А в Багдаде распространилась молва о любви Кан-Макана и Кудья-Факан, и женщины
стали говорить об этом, и у Кан-Макана стеснилась грудь и ослабли терпение, и мало
осталось у него мужества. Он не таил от людей, что с ним происходит, и хотел открыть, как
страдает его сердце от разлуки, но боялся упреков и гнева Кудья-Факан. И он произнёс:

«Когда б боялся укоров я той,
Чьё чистое сердце теперь смущено,
Терпел бы я долго, как терпит больной
Всю боль прижиганья, к здоровью стремясь...»

И Шахразадy застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Сто тридцать девятая ночь

Когда же настала сто тридцать девятая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что когда старший царедворец сделался султаном, его называли царь Сасан, и он сел на престол своего царства и стал хорошо обращаться с людьми. И вот однажды он сидел, и дошли до него стихи Кан-Макана, и опечалился он о том, что миновало, и вошёл к своей жене Нузхат-аз-Заман и сказал ей: „Поистине, соединить траву и огонь – очень опасно, и мужчины не должны доверяться женщинам, пока глядят глаза и мигают веки. Сын твоего брата, Кан-Макан, достиг возраста мужей, и ему не следует позволять входить к носящим на ногах браслеты, и ещё необходимо запретить твоей дочери быть с мужчинами, так как подобных ей должно отделять“. – „Ты прав, о разумный царь“, – сказала Нузхат-аз-Заман.

И когда наступил следующий день, Кан-Макан пришёл, как обычно, к своей тётке Нузхат-аз-Заман и поздоровался с ней, а она ответила на его привет и молвила: «О дитя моё, я должна сказать тебе слова, которых не хотела бы говорить, но я тебе расскажу об этом наперекор самой себе». – «Говори», – молвил Кан-Макан, и она сказала: «Царедворец, твой отец и отец Кудья-Факан, услышал, какие ты сказал о ней стихи, и приказал отделить её от тебя. И если тебе, о дитя моё, будет что-нибудь от нас нужно, я вышлю тебе это из-за двери. Не смотри на Кудья-Факан и не возвращайся больше сюда от сего времени».

И Кан-Макан, услышав такие слова, поднялся и вышел, не вымолвив ни одного слова. Он пошёл к своей матери и передал ей, что говорила его тётка, и мать его сказала: «Это произошло оттого, что ты много говоришь! Ты знаешь, что слух о твоей любви к Кудья-Факан уже разнёсся, и молва об этом всюду распространилась. Как это ты ешь их пищу, а потом влюбляешься в их дочь!» – «А кто её возьмёт, кроме меня, раз она дочь моего дяди и я имею на неё больше всех прав?» – сказал Кан-Макан, но его мать воскликнула: «Прекрати эти речи и молчи, чтобы не дошёл слух до царя Сасана! Тогда ты и её лишишься и погибнешь, и испытаешь много печалей. Сегодня вечером нам ничего не прислали на ужин, и мы умрём с голоду. Если бы мы жили в другом городе, мы бы наверное погибли от мук голода или от позора нищенства».

И когда Кан-Макан услышал от матери эти слова, его печаль усилилась, и глаза его пролили слезы, и он стал стонать и жаловаться и произнёс:

«Уменьши упрёки ты свои неотступные,
Ведь любит душа моя лишь ту, кто пленил её,
Терпения от меня ни крошки не требуй ты.
Аллаха святилищем клянусь, я развёлся с ним!
Запретов хулителей суровых не слушал я
И вот исповедую любовь мою искренно.
И силой заставили меня с ней не видеться.
Клянусь милосердным я: не буду развратником!
И кости мои, клянусь, услышавши речь о ней,
Походят на стаю птиц, коль сзади их ястребы.
Скажи же хулящий нас за чувство: «Поистине,
О дяди родного дочь, влюблён я в лицо твоё!»

А окончив эти стихи, он сказал своей матери: «Для меня нет больше места здесь, подле тётки и этих людей! Нет, я уйду из дворца и поселюсь в конце города».

И его мать покинула с ним дворец и поселилась по соседству с какими-то нищими, а мать Кан-Макана ходила во дворец царя Сасана и брала там пищу, которой они и питались.

А потом Кудья-Факан осталась как-то наедине с матерью Кан-Макана и спросила её:

«О тётушка, как поживает твой сын?» И старуха отвечала ей: «О дочь моя, глаза его плачут и сердце его печально, и он попал в сети любви к тебе!» И она сказала ей стихи, которые произнёс Кан-Макан, и Кудья-Факан заплакала и воскликнула: «Клянусь Аллахом, я рассталась с ним не из-за слов его и не из ненависти. Все это потому, что я боялась зла для него от врагов. И тоскую я о нем во много раз сильнее, чем он обо мне, и язык мой не может описать, какова моя тоска. Если бы не болтливость его языка и трепет его души, мой отец не прекратил бы своих милостей к нему и не подверг бы его лишениям. Но жизнь людей изменчива, и терпенье во всяком деле – самое прекрасное. Быть может, тот, кто судил нам расстаться, дарует нам встречу!» И она произнесла такое двестишье:

«О дяди сын, я страсть переживаю
Такую же, как та, что в твоём сердце.
Но от людей любовь свою я скрыла,
О, почему любовь свою не скрыл ты?»

Услышав это, мать Кан-Макана поблагодарила её и, призвав на неё благословение, ушла и сообщила обо всем своему сыну Кан-Макану, и он ещё сильнее стал желать девушку, и его душа ободрилась после того, как он перестал надеяться и остыло его дыхание. «Клянусь Аллахом, я не хочу никого, кроме неё, – сказал он и произнёс:

– Укоры оставь – словам бранящих не внемлю я.
И тайну открыл я ту, что раньше я скрыть хотел.
И ныне далеко та, чьей близости я желал,
И очи не спят мои, она же спокойно спит».

И затем проходили дни и ночи, а жизнь Кан-Макана была словно на горячих сковородах, пока не минуло в его жизни семнадцать лет, и красота его стала совершенна, и он исполнился изящества. И однажды ночью он не спал, и начал говорить сам с собою, и сказал: «Что я буду молчать о себе, пока не растаю, не видя моей возлюбленной! Нет у меня порока, кроме бедности! Клянусь Аллахом, я хочу уехать из этой страны и бродить по пустыням! И жить в этом городе пытка, и нет у меня здесь ни друга, ни любимого, который бы развлёк меня. Я хочу утешиться, уехав с родины на чужбину, пока не умру и не избавлюсь от этих унижений и испытаний». И потом он произнёс такие стихи:

«Пусть душа моя все сильнее трепещет – оставь её!
Безразлично ей, что унижена перед врагом она.
Извини меня, ведь душа моя – точно рукопись,
И заглавием, нет сомнения, служат слезы ей.
Вот сестра моя, словно гурия, появилась к нам,
И Ридван ей дал разрешение, чтоб с небес сойти.
Кто осмелится ей в глаза взглянуть, не боясь мечей
Поражающих, – не спастись тому от вражды её.
Буду ездить я по земле Аллаха без усталости,
Чтоб добыть себе пропитание, ею прогнанный.
И поеду я по земле просторной к спасению,
И душе найду я дары другие, отвергнутый.
И вернусь богатым, счастливый сердцем и радостный.
И сражаться буду я с храбрыми за любимую.
Уже скоро я пригоню добычу, назад идя,
И накинусь я на соперника с полной силою».

А потом Кан-Макан ушёл, идя босой, пешком, в рубахе с короткими рукавами, а на

голове у него была войлочная ермолка, ношенная уже семь лет, и взял он с собой сухую лепёшку, которой было уже три дня. И он вышел в глубоком мраке и пришёл к воротам аль-Азадж в Багдаде и встал там, а когда открылись городские ворота, первый, кто вышел из них, был Кан-Макан. И пошёл он скитаться куда глаза глядят по пустыням и ночью и днём.

А когда пришла ночь, мать стала искать его и нигде не нашла, и мир сделался для неё тесен, несмотря на его простор, и ничто уже не радовало её. И она прождала его первый день, и второй день, и третий день, пока не прошло десять дней, но не услышала вести о нём, и стеснилась у неё грудь, и она стала кричать и вопить и воскликнула: «О дитя моё, о друг мой, ты вызвал во мне чувство печали. Я слишком много пережила и потому удалилась от суеты этого мира. Но после твоего ухода я не желаю ни пищи, ни сна. Теперь мне остались только слезы! О дитя моё, из каких стран я буду кликать тебя и какой город приютил тебя?» И затем она глубоко вздохнула и произнесла такие стихи:

«Мы знали: не будет вас, и будем мы мучиться,
И лук расставания направил на нас стрелу.
Седло затянув своё, меня они бросили,
Чтоб смертью терзалась я, покуда в песках они.
Во мраке ночном ко мне донёсся стон голубя,
Чья шея украшена, и молвила: «Тише!» – я.
Я жизнью твоей клянусь, будь грустно ему, как мне,
Не вздумал бы украшать он шею и красить ног.
Ведь бросил мой друг меня, и после я вынесла
Заботы и горести; не бросят меня они».

После этого она отказалась от питья и пищи, и усилились её плач и рыдания, и она плакала на людях и довела до слез рабов Аллаха и всю страну. И люди стали говорить: «Где твои глаза, о Дау-аль-Макан?» И сетовали на пристрастие судьбы, и говорили они: «Посмотреть бы, что же случилось с Кан-Маканом, почему он удалился с родины и изгнан отсюда, хотя его отец насыщал голодных и призывал к справедливости и праводушию».

И плач и стоны его матери усилилась, и весть об этом дошла до царя Сасана...

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Ночь, дополняющая до ста сорока

Когда же настала ночь, дополняющая до ста сорока, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что до царя Сасана дошли через старших эмиров сведения о том, что случилось с Кан-Маканом, и они сказали ему: „Это сын нашего царя и потомок царя Омара ибн ан-Нумана, и стало нам известно, что он покинул родину для чужбины“. И, услышав это, царь Сасан разгневался на эмиров и приказал удавить и повесить одного из них, и страх перед ним запал в сердца остальных вельмож, и никто из них не смел заговорить. Потом Сасан вспомнил, что Дау-аль-Макан оказал ему милости и поручил ему заботиться о своём сыне, и опечалился он о Кан-Макане и сказал: „Его непременно надо разыскать во всех странах“.

И он призвал Теркаша и велел ему выбрать сотню всадников, взять их и поискать Кан-Макана. И Теркаш удалился и отсутствовал десять дней, а потом вернулся и сказал: «Я не узнал вестей о нём и не напал на его следы, и никто мне ничего про него не рассказал». А царь Сасан опечалился из-за того, что он так поступил с Кан-Маканом. Что же касается матери юноши, то она потеряла покой, и терпение не повиновалось ей, и прошло над нею двадцать долгих дней.

Бог что было с этими. Что же касается Кан-Макана, то, выйдя из Багдада, он растерялся и не знал, куда идти. Он шёл по пустыне три дня один, но видя ни пешего, ни всадника, и сон

улетел от него, и бессонница его усилилась, и думал он о близких и родине. И стал он питаться растениями с земли и пил воду из рек, и отдыхал каждый полдень, во время жары, под деревьями. И он сошёл с этой дороги на другую и шёл по ней три дня, а на четвёртый день он приблизился к земле, где долины были покрыты свежей травой и украшены растительностью, и склоны их были прекрасны, а земля эта напилась из чаши облаков под звуки грома и крик голубей, и склоны её зазеленели, и прекрасны стали её равнины.

И Кап-Макан вспомнил город своего отца, Багдад, и в тоске произнёс:

«Я вышел в надежде вернуться опять,
По только не знаю, когда я вернусь,
Бежал я из дома, её полюбив,
Раз то, что случилось, нельзя устранить».

И, окончив свои стихи, он заплакал, и потом вытер слезы и поел растений, и помылся и совершил обязательные молитвы, которые пропустил за это время, и просидел в том месте, отдыхая, целый день. А когда пришла ночь, он лёг спать и проспал до полуночи, и потом проснулся и услышал голос человека, который говорил:

«Лишь в том ведь жизнь – чтобы мог ты видеть улыбки блеск
С уст возлюбленной и лицо её прекрасное.
Ведь о ней молились в церквах своих епископи,
Пред нею ниц стараясь поскорее пасть.
И легче смерть, чем с возлюбленной расставание,
Чей призрак в ночь бессонною не явится.
О, радость сотрапезников, сойдутся коль –
И возлюбленный и любящий там встретятся.
Особенно как весна придёт и цветы её,
Приятно время! Даёт оно, чего хочешь ты.
О вы, пьющие золотистое, подымитесь же!
Вот земли счастья, и струи вод изобильны в ночи».

Когда Кан-Макан услышал эти стихи, в нем взволновались горести, и слезы ручьями побежали по его щекам, и в сердце его вспыхнуло пламя. Он хотел посмотреть, кто произнёс эти слова, но никого не увидел во мраке ночи, и тоска его усилилась, и он испугался, и волнение охватило его. И он ушёл с этого места, и спустился в долину и пошёл по берегу реки и услышал, как обладатель того голоса испускает вздохи и говорит такие стихи:

«Коль горе в любви таил ты прежде из страха,
Пролей же в разлуки день ты слезы свободно.
Меж мной и любимым союз заключён любви,
Всегда к ним поэтому стремиться я буду.
Стремлюсь я сердцем к ним, и страсти волнение
Приносит прохлады мне, как ветры подуют.
О Сада, запомнит ли браслеты носящая,
Расставшись, обет былой и верные клятвы?
Вернутся ль когда-нибудь дни давние близости,
Расскажет ли всяк из нас о том, что он вынес?
Сказала: «Любовью к нам сражён ты?» – и молвил я:
«А скольких – храни тебя Аллах! – ты сразила?»
Не дай же Аллах очам увидеть красу её,
Коль вкусит в разлуке с ней дремоты усладу:
О, гнало змеи в душе! Одно лишь спасенье ей:

Лишь близость и была бы ей лекарством».

И когда Кан-Макан второй раз услышал, как знакомый голос говорит стихи, и никого не увидел, он понял, что говоривший – влюблённый, как и он, и лишён близости с тем, кого любит. «Этот может положить свою голову рядом с моей, и я сделаю его своим другом здесь, на чужбине!» – подумал он. И, прочистив голос, крикнул: «О шествующий в эту мрачную ночь, приблизься ко мне и Расскажи мне свою повесть; быть может, ты найдёшь во мне помощника в испытании!»

И говоривший, услышав эти слова, крикнул: «О ты, ответствующий на мой призыв и внимающий моей повести, кто ты среди витязей, – человек или джинн? Поспешь мне ответить раньше, чем приблизится к тебе гибель, ибо вот уже около двадцати дней иду я по этой пустыне и не вижу человека и не слышу голоса, кроме своего!»

Услыхав эти слова, Кан-Макан подумал: «Повесть этого человека подобна моей повести, я тоже иду двадцать дней и не вижу человека и не слышу ничьего голоса. Я не отвечу ему, пока не настанет день», – сказал он себе и промолчал.

А говоривший крикнул: «О зовущий, если ты из джиннов, то иди с миром, а если ты человек, то подожди, пока взойдёт заря и наступит день, и уйдёт ночь с её мраком». И кричавший остался на своём месте, а Кан-Макан на своём, и они все время говорили друг другу стихи и плакали обильными слезами, пока не настал светлый день и не ушёл мрак ночи. И тогда Кан-Макан посмотрел на говорившего и увидел, что это араб из пустыни, и был он юноша по годам, одетый в потёртую одежду и опоясанный мечом, который заржавел в ножнах, и все в нем говорило о влюблённости.

И Кан-Макан подошёл и, приблизившись к юноше, приветствовал его, а бедуин ответил на его привет и пожелал с уважением ему долгой жизни. Но, увидев, что Кан-Макан по виду бедняк, он счёл его нищим и сказал: «О молодец, какого ты племени и от кого из арабов ведёшь свой род? Какова твоя повесть и почему ты шёл ночью, когда это дело храбрецов? Ты говорил мне ночью слова, которые может сказать только благородный витязь и неустрашимый храбрец, а теперь твоя душа в моих руках. Но я пожалею твои молодые годы и сделаю тебя моим товарищем, и ты будешь у меня в услужении».

И, услышав, как он грубо говорит, хотя раньше проявил умение слагать стихи, Кан-Макан понял, что бедуин его презирает и осмелел с ним, и тогда сказал ему ясно и ласково: «О начальник арабов, оставим мои молодые годы, и Расскажи мне, почему ты идёшь ночью в пустыне и говоришь стихи. Ты сказал мне, что я буду служить тебе, кто же ты такой и что побудило тебя говорить так?» – «Слушай, молодец, – сказал бедуин, – я Саббах ибн Раммах ибн Химмам, и моё племя из арабов Сирии, и у меня есть двоюродная сестра по имени Неджда, – кто видел её, к тому приходило счастье. Мой отец умер, и воспитывался я у дяди, отца Неджмы, и когда я вырос и выросла дочь моего дяди, он отделил её от меня и меня отделил от неё, так как видел, что я беден и у меня мало денег. И я пошёл к вельможам арабов и начальникам племён и натравил их на него, и мой дядя устыдился и согласился отдать мне мою двоюродную сестру, но только поставил условие, чтобы я дал за неё в приданое пятьдесят голов коней, пятьдесят одnogорбых верблюдов, гружённых пшеницей, столько же верблюдов, гружённых ячменём, десять рабов и десять невольниц. Он возложил на меня непосильное бремя и запросил слишком много в приданое. И вот я иду из Сирии в Ирак и уже двадцать дней не видал никого, кроме тебя. Я решил пойти в Багдад и посмотреть, как выйдут оттуда зажиточные и знатные купцы, и я выйду следом за ними, ограблю их имущество, убью их людей и угоню их верблюдов с тюками! А ты из каких людей будешь?»

«Твоя повесть подобна моей повести, – отвечал Кан-Макан, – но мой недуг опаснее твоего, так как моя двоюродная сестра – дочь царя и её родным недостаточно получить от меня то, о чем ты говорил, и ничто такое их не удовлетворит!» – «Ты, верно, слабоумный или помешанный от сильной любви! – воскликнул Саббах. – Как может дочь твоего дяди быть царевной, когда ты не похож на потомка царей и ты просто нищий». – «О начальник

арабов, – сказал Кан-Макан, – не дивись этому! Что прошло, то прошло. А если хочешь знать, то я Кан-Макан, сын царя Дау-аль-Макана, внук царя Омара ибн анНумана, владельца Багдада и земли Хорасана. Время озлобилось на меня, и мой отец умер, и султаном стал царь Сасан, и я вышел из Багдада тайком, чтобы ни один человек меня не увидел. Вот я уже двадцать дней никого, кроме тебя, не видел. Твоя повесть подобна моей повести, и твоя работа подобна моей заботе».

И, услышав это, Саббах вскричал: «О, радость! Я достиг желаемого, и не нужно мне сегодня наживы, кроме тебя, так как ты из потомков царей, хоть вышел в виде нищего. Твои родные обязательно будут искать тебя, и когда они тебя найдут у кого-нибудь, то за большие деньги тебя выкупят. Живее! Поворачивай спину, молодец, и иди передо мной!» – «Не делай этого, о брат арабов, – сказал Кан-Макан, – мои родные не дадут, чтобы меня выкупить, ни серебра, ни золота, ни медного дирхема. Я – человек бедный, и нет со мной ни малого, ни многого. Брось же свои повадки и возьми меня в товарищи. Пойдём в землю иракскую и будем бродить по всем странам; может быть, мы достанем приданое и выкуп и насладимся поцелуями и объятиями наших двоюродных сестёр».

Услышав эти слова, бедуин Саббах разгневался, и усилились его высокомерие и ярость. «Горе тебе! – воскликнул он, – как смеешь ты ещё отвечать мне! О гнуснейшая из собак, поворачивай спину, а не то я тебя помучаю!» Но Кан-Макан улыбнулся и сказал: «Как это я повернусь к тебе спиной! Нет разве в тебе справедливости и не боишься ты поношения от бедуинов, если погонишь такого человека, как я, пленником, в позоре и унижении, не испытав его на поле, чтобы узнать, витязь он или трус».

И Саббах засмеялся и воскликнул: «О, диво Аллаха! Ты по годам юноша, но речами старик, ибо такие слова исходят только от разящего храбреца. Какой же ты хочешь справедливости?» – «Если ты желаешь, чтобы я был твоим пленником и служил тебе, – ответил Кан-Макан, – брось своё оружие, скинь одежду, пойдёшь ко мне и поборись со мною, и тот, кто побороет соперника, получит от него что пожелает и сделает его своим другом». – «Я думаю, – сказал Саббах и рассмеялся, – что твоя болтливость указывает на близость твоей гибели».

И он поднялся, кинул оружие, подобрал полы и подошёл к Кан-Макану, и тот тоже подошёл к нему, и они стали перетягиваться, и бедуин увидел, что Кан-Макан превосходит его и перетягивает, как кантар перетягивает динар. Он посмотрел, твёрдо ли стоят на земле его ноги, и увидел, что они точно два врытых минарета или вбитые палки, или горы, вросшие в землю, и тогда он понял, что руки его коротки, и раскаялся, видя, что скоро будет повержен, и сказал про себя: «О, если бы я сразился с ним оружием!»

А потом Кан-Макан схватил его и, справившись с ним, потряс его, и бедуин почувствовал, что кишки рвутся у него в животе, и закричал: «Убери руки, о молодец!» Но Кан-Макан не обратил внимания на его слова и встряхнул его, поднял с земли и направился с ним к реке, чтобы кинуть его туда.

И бедуин закричал: «О храбрец, что ты намерен сделать?», а Кан-Макан отвечал: «Я хочу кинуть тебя в эту реку: она принесёт тебя в Тигр, а Тигр будет течь с тобою в канал Исы, а канал Исы приведёт тебя в Евфрат, закинет тебя к твоей стране, и твои родные увидят и признаю г тебя и уверятся в твоём мужестве, искренности и любви». – «О витязь долин, – вскричал Саббах, – не совершай деяний скверных людей! Отпусти меня ради жизни дочери твоего дяди, красы прекрасных!»

И Кан-Макан положил его на землю, и бедуин, увидя, что он свободен, подошёл к своему мечу и щиту и взял их, а потом долго сидел, советуясь со своей душой, как обмануть Кан-Макана и напасть на него. И Кан-Макан понял это по его глазам и крикнул: «Я знаю, что родилось в твоём сердце, когда ты овладел своим мечом и щитом! В борьбе у тебя руки коротки и нет у тебя ловкости, а если бы ты гарцевал на коне и кинулся на меня с мечом, ты бы давно уже был убит. Я предоставляю тебе то, что ты выберешь, чтобы не осталось в твоём сердце порицания: дай мне щит и кинься на меня с мечом – или ты убьёшь меня, или я убью тебя». – «Возьми его, вот он!» – крикнул бедуин и, бросив ему щит, обнажил меч и ринулся

на Кан-Макана, а тот взял щит в правую руку и встречал им меч, защищаясь.

И Саббах бил его и говорил: «Остаётся ещё только вот этот удар!» Но выходило, что удар не убивал, и Кан-Макан принимал его на щит, и удар пропадал даром. А сам Кан-Макан не ударял бедуина, так как ему было нечем бить, и Саббах до тех пор бил его мечом, пока не утомилась его рука.

И его противник понял это и, ринувшись на него, обхватил его и потряс и бросил на землю и, повернув его спиной, скрутил его перевязью ножен. Он потащил его за ноги и направился с ним к реке, и Саббах закричал: «Что ты хочешь делать со мною, о юноша, витязь своего времени и храбрец на поле битвы?» – «Разве не говорил я тебе, что хочу отправить тебя по реке к твоим родным и близким, чтобы твой ум не был занят ими, а их ум не был бы занят тобой, и ты бы не опоздал на свадьбу твоей двоюродной сестры», – сказал Кан-Макан. И Саббах застонал и заплакал и закричал: «Не делай этого, о витязь своего времени! Отпусти меня, и пусть я буду одним из твоих слуг!» И он стал плакать и жаловаться и произнёс:

«Покинул я близких всех; как долго вдали я был!
О, если бы знать я мог, умру ль на чужбине!
Умру, и не будут знать родные, где я убит;
Погибну в стране чужой, не видя любимых».

И Кан-Макан пожалел его и сказал: «Обещай мне и дай обет и верную клятву, что ты будешь мне хорошим товарищем и пойдёшь со мною вместе по всякому пути».

И Саббах сказал: «Хорошо!» и обещал ему это, и Кан-Макан отпустил его. И Саббах поднялся и хотел поцеловать руку Кан-Макана, но тот не дал ему этого сделать.

Тогда бедуин развязал свой мешок и, вынув оттуда три ячменные лепёшки, положил их перед Кан-Маканом, и сел с ним на берегу реки, и оба поели вместе, а окончив есть, они совершили омовение и помолились и сидели, разговаривая о том, что они испытали от своих родных и от превратностей времени.

«Куда ты направляешься?» – спросил Кан-Макан, и Саббах ответил: «Я направляюсь в Багдад, в твой город, и останусь там, пока Аллах не пошлёт мне её приданое». – «Вот дорога перед тобою, а я останусь здесь», – сказал Кан-Макан, и бедуин простился с ним и направился по багдадской дороге, а Кан-Макан поднялся и сказал про себя: «О душа, с каким лицом мне возвращаться в бедности и нужде! Клянусь Аллахом, я не приду назад, но неизбежно для меня облегчение, если захочет Аллах великий!»

А потом он пошёл к реке и совершил омовение и помолился, и, падая ниц, он прикоснулся лбом к земле и воззвал к своему господу, говоря: «Бог мой, что низводишь капли и посылаешь пищу червям на камнях, прошу тебя, пошли и мне мой удел по твоему могуществу и благой милости!» А потом он закончил молитву приветствием, и все пути были для него тесны.

И он сидел, оборачиваясь направо и налево, и вдруг видит: всадник подъезжает на коне, согнув спину и опустив поводья. И Кан-Макан сел прямо, и через минуту подъехал к нему всадник (а он был при последнем издыхании и не сомневался в своём конце, так как у него была глубокая рана). И когда он подъехал, слезы текли по его щекам, как из устья бурдюков.

«О начальник арабов, – сказал он Кан-Макану, – возьми меня, пока я жив, себе в друзья, ибо ты не найдёшь подобного мне, и дай мне немного воды напиться, хотя не следует раненому пить воду, особенно когда исходит он кровью и испускает дух. Если я останусь жив, я дам тебе чем излечить твоё горе и бедность, а если умру, ты будешь счастлив от твоего хорошего намерения».

А под этим всадником был конь из чистокровных коней, которого не в силах описать язык, и ноги его были как мраморные колонны, и когда Кан-Макан взглянул на этого всадника и его коня, его охватило волнение, и он сказал про себя: «Поистине, коня, подобного этому, не найти в теперешнее время!» Потом он помог всаднику сойти и был с

ним ласков и дал ему проглотить немного воды, и, подождав, пока он отдохнул, обратился к нему и спросил: «Кто сделал с тобою такие дела?»

«Я расскажу тебе правду, – ответил всадник. – Я – конокрад и разбойник, всю жизнь краду лошадей и похищаю их ночью и днём, и зовут меня Гассан – бедствие для всех кобылиц и коней. Я услышал об этом коне, что был в землях румов у царя Аффридуна (а он дал ему имя аль-Катуль и прозвал его Меджнун¹⁹⁵, и поехал из-за него в аль-Кустантынию и стал его высматривать. И когда я был у дворца, вдруг вышла старуха, уважаемая у румов, чьё приказание у них исполняется, и зовут её Шавахи, Зат-ад-Давахи, и достигла она предела в обманах. И с нею был этот конь, а сопровождало её только десять рабов, не более, чтобы прислуживать ей и ходить за конём. И направилась она в Багдад и Хорасан, желая попасть к царю Сасану, чтобы попросить у него мира и безопасности.

И я вышел за нею следом, позарившись на коня, и непрестанно шёл за ними, но не мог подойти к коню, так как рабы усиленно стерегли его. И наконец они достигли этой земли, и я испугался, что они вступят в город Багдад. И когда я советовался со своей душой, как украсть коня, вдруг поднялась пыль, заставшая края неба, и, рассеявшись, эта пыль открыла пятьдесят всадников, которые собрались, чтобы ограбить на дороге купцов. А во главе их был храбрец подобный терзающему льву, которого зовут Кахрдаш, и на войне он точно лев, что разгоняет храбрецов, как бабочек...»

И Шахразад устало сказала, и она прекратила дозволенные речи.

Сто сорок первая ночь

Когда же настала сто сорок первая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что раненый всадник говорил Кан-Макану: „И Кахрдаш напал на старуху и тех, кто был с нею, и ринулся на них и закричал и устремился, и не прошло минуты, как он связал десятерых рабов и старуху и, взяв у них коня, поехал с ними, радостный, и я сказал про себя: «Пропали мои труды, и я не достиг цели!»“

Потом я стал выжидать, чтобы посмотреть, что будет дальше, а старуха, увидав себя в плену, заплакала и сказала начальнику Кахрдашу: «О благородный витязь и храбрый лев, что ты будешь делать со старухой и с рабами? Ты ведь достиг чего хотел, забравши коня».

И она обманула его мягкими речами и поклялась, что пригонит к нему коней и овец, и тогда Кахрдаш отпустил рабов и старуху и уехал со своими людьми, а я следовал за ними, пока они не достигли этих земель, и все поглядывал на коня и ехал за ними. И наконец я нашёл путь к коню и украл его и сел на него верхом и, вынув из торбы плетень, ударил его. Но едва люди увидели меня, они подъехали и, окружив меня со всех сторон, стали разить стрелами и копьями, но я был твёрд на коне, а он отбивался, защищая меня, передними и задними ногами, пока не унёс меня от них, точно спущенная стрела или падающая звезда.

Но только мне досталось несколько ран, и я уже три дня на спине коня не вкушаю сна и не наслаждаюсь пищей. Мои силы иссякли, и мир стал для меня ничтожен, а ты оказал мне милость и пожалел меня. Ты, я вижу, наг телом и явно скорбишь, хотя на тебе видны следы благоденствия. Кто же ты, откуда ты прибыл и куда направляешься?»

И Кан-Макан ответил ему: «Моё имя Кан-Макан, я сын паря Дау-аль-Макана, сына царя Омара ибн ан-Нумана. Мой отец умер, и я воспитывался сиротой, а после него взял власть человек скверный и стал царём над низким и великим». И он рассказал ему свою повесть, с начала до конца, и конокрад, который пожалел его, воскликнул: «Клянусь Аллахом, ты человек великого рода и большой Знатности и ты ещё совершишь дела и станешь храбрейшим из людей своего времени! Если ты можешь свезти меня, сидя на коне сзади, и доставить меня в мою страну, тебе будет почёт в этой жизни и награда в день

¹⁹⁵ Аль-Катуль – означает: убивающий. Меджнун одержимый джиннами, бесноватый.

призыва. У меня не осталось сил, чтобы удержать мою душу, и если наступит другая жизнь, то ты достойнее иметь коня, чем кто-нибудь иной». – «Клянусь Аллахом, – отвечал КанМакан, – если бы я мог снести тебя на плечах и поделиться с тобою жизнью, я бы это сделал и без коня, ибо я из тех, что оказывают милость и помогают огорчённому. Ведь совершение добра ради Аллаха великого отгонит семьдесят бедствий от творящего. Соберись же в путь и положишься на милостивого и всеведущего».

И он хотел поднять его на коня, уповая на Аллаха, подателя помощи, но конокрад сказал: «Подожди немного! – и, зажмурив глаза, поднял руки и воскликнул: – Свидетельствую, что нет бога, кроме Аллаха, и свидетельствую, что Мухаммед-посланник Аллаха! О великий, – продолжал он, – прости мне мой великий грех, ибо не простит греха великого никто, кроме великого!»

И он приготовился к смерти и произнёс такие стихи:

«Рабов обижал я, по землям кружа,
И жизнь проводил, упиваясь вином.
В потоки входил я, коней чтоб украсть,
И спины ломал я, дурное творя.
Дела мои страшны, и грех мой велик,
И кражей Катуля я их завершил.
Желанной я цели стремился достичь,
Похитив коня, но напрасен мой труд.
И целую жизнь я коней уводил,
Но смерть всемогущий Аллах мне судил.
И кончил я тем, что страдал и устал
Для блага пришельца, что беден и сир».

А окончив свои стихи, он закрыл глаза, открыл рот и, испустив крик, расстался со здешним миром. И Кан-Макан поднялся и вырыл ему яму и зарыл его в землю, а затем он подошёл к коню, поцеловал его и вытер ему морду и обрадовался сильною радостью и воскликнул: «Никому не посчастливилось иметь такого коня, и нет его у царя Сасана!»

Вот что было с Кан-Маканом. Что же касается царя Сасана, то до него дошли вести о том, что везирь Дандан вышел из повиновения вместе с половиною войск, и они поклялись, что не будет над ними царя, кроме Кан-Макана. И везирь взял со своих войск верные обеты и клятвы к ушёл с ними на острова Индии и к берберам¹⁹⁶ и в страну чёрных, и присоединились к ним войска, подобные полноводному морю, которым не найти ни начала, ни конца. И везирь решил направиться с ними в город Багдад и овладеть этими странами и убить тех из рабов, что будут прекословить ему, и поклялся, что не вложит меча войны обратно в ножны, пока не сделает царём Кан-Макана.

И когда эти вести дошли до царя Сасана, он утонул в море размышлений и понял, что все в царстве обернулись против него, и малые и великие, и усилились его заботы и умножились его горести. И он открыл кладовые и роздал вельможам своего царства деньги. И желал он, чтобы Кан-Макан явился к нему, и он привлёк бы к себе его сердце ласкою и милостью и сделал бы его эмиром над войсками, которые не вышли из повиновения, чтобы погасить эти искры от огня, зажжённого везирем Данданом.

А Кан-Макан, когда до него дошли через купцов такие вести, поспешно вернулся в Багдад на спине того коня. И царь Сасан сидел на своём престоле, растерянный, и вдруг он услышал о прибытии Кан-Макана. И все войска и вельможи Багдада выступили ему навстречу, и жители Багдада все вышли, и встретили Кан-Макана и шли перед ним до

¹⁹⁶ Берберы – туземные обитатели северной Африки. После завоевания этой части Африки арабами берберы приняли их веру и язык.

дворца, целуя пороги. И невольницы с евнухами пошли к его матери и обрадовали её вестью о прибытии сына, и она пришла к нему и поцеловала его меж глаз, а он сказал: «О матушка, дай мне пойти к моему дяде, царю Сасану, который осыпал меня подарками и милостями».

Вот! А умы обитателей дворца и вельмож пришли в смущение от красоты того коня, и они говорили: «Не владел подобным конём никакой человек!» И Кан-Макан вошёл к царю Сасану и поздоровался с ним, и тот встал, а Кан-Макан поцеловал его руки и ноги и предложил ему коня в подарок. И царь сказал ему: «Добро пожаловать! – и воскликнул: – Приют и уют моему сыну Кан-Макану! Клянусь Аллахом, мир стал тесен для меня из-за твоего отсутствия! Слава Аллаху за твоё спасение!»

И Кан-Макан призвал на царя милость Аллаха. А потом царь взглянул на коня, названного Катулем, и узнал, что это тот конь, которого он видел в таком-то и таком-то году, когда осаждал поклонников креста вместе с отцом Кан-Макана, Дау-аль-Маканом, и был убит его дядя ШаррКан. «Если бы твой отец мог завладеть им, он наверное купил бы его за тысячу коней, – сказал он, – но теперь слава возвратилась к его семье, и мы принимаем коня и дарим его тебе. Ты достойнее всех людей иметь его, так как ты господин витязей».

Потом царь Сасан велел принести почётные одежды для Кан-Макана и привёл ему коней, а затем он назначил ему во дворце самое большое помещение, и пришли к нему слава и радость. И царь дал Кан-Макану большие деньги и оказал ему величайшее уважение, так как он боялся везира Дандана.

И Кан-Макан обрадовался тому, что Прекратилось его унижение и ничтожество. Он вошёл в свой дом и пришёл к матери и спросил её: «О матушка, как живётся дочери моего дяди?» И она сказала: «О дитя моё, в мыслях о твоём отсутствии я забыла обо всех, даже о твоей любимой, особенно потому, что она была виновницей твоей отлучки и моей разлуки с тобою». И Кан-Макан пожаловался ей и сказал: «О матушка, пойди к ней и попроси её, может быть она подарит мне один взгляд и прекратит мою печаль», но мать ответила: «Все это – желание гнуть шею мужей; оставь же то, что приведёт к беде! Я к ней не пойду и не войду к ней с такими словами».

Услышав это от своей матери, Кан-Макан передал ей рассказ конокрада о том, что старуха Зат-ад-Давахи вступила в их земли и хочет войти в Багдад, и сказал: «Это она убила моего дядю и деда, и мне надлежит обязательно отомстить ей и снять с себя позор».

Потом он оставил свою мать и пошёл к одной старухе, неверной, развратной, жадной хитрице по имени Садана, и пожаловался ей на то, что чувствует, и на любовь к дочери своего дяди, Кудья-Факан, и попросил её пойти к ней и уговорить девушку. И старуха ответила ему: «Слушаю и повинуюсь!» – и, расставшись с ним, она пошла во дворец Кудья-Факан и уговорила и смягчила её сердце к его участи. И затем она вернулась к нему и сказала: «Кудья-Факан приветствует тебя и обещает, что в полночь придёт к тебе...»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Сто сорок вторая ночь

Когда же настала сто сорок вторая ночь, Шахразада сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что старуха, придя к Кан-Макану, сказала ему:

«Дочь твоего дяди приветствует тебя, и она придёт к тебе сегодня в полночь».

И Кан-Макан обрадовался и сидел, ожидая исполнения обещания дочери своего дяди, Кудья-Факан. И едва настала полночь, как она пришла к нему в чёрном шёлковом плаще и, войдя, пробудила его от сна и воскликнула: «Как это ты утверждаешь, что любишь меня, а сам ни о чем не думаешь и спишь себе в наилучшем состоянии!» И Кан-Макан проснулся и воскликнул: «О желание сердца, я спал только потому, что хотел, чтобы твой призрак посетил меня!»

И тогда она стала укорять его мягкими словами и произнесла такие стихи:

«Коль искренен был бы ты в любви,
Ко сну склониться не мог бы ты,
Утверждающий, что путь любящих
Ты прошёл в любви и страстях твоих!
Поклянусь Аллахом, о дяди сын,
Не сомкнёт очей сильно любящий!»

Услышав это от дочери своего дяди, Кан-Макан устыдился и, поднявшись, стал оправдываться. И они обнялись и стали сетовать на мучения разлуки и продолжали это, пока не взошла заря и не разлилась по краям неба. И тогда Кудья-Факан собралась уходить, и Кан-Макан заплакал и, испуская глубокие вздохи, произнёс такие стихи:

«О ты, посетившая за долгой разлукою –
Жемчужины уст твоих рядами нанизаны.
Лобзал я раз тысячу тебя, обнимал твой стан,
А ночью щека моя так близко к твоей была,
Пока не пришла заря, что нас разлучить должна,
Как острый меча клинок, из ножен блеснувший вдруг».

А когда он окончил свои стихи, Кудья-Факан простилась с ним и вернулась в свои покои. Она рассказала некоторым невольницам о своей тайне, и одна из них пошла к царю и осведомила царя Сасана, и тот отправился к Кудья-Факан и, войдя к ней, обнажил над нею меч, желая убить её. Но её мать, Нухат-аз-Заман, вошла и сказала царю: «Заклинаю тебя Аллахом, не делай ей дурного! Если ты сделаешь с ней дурное, весть об этом распространится среди людей, и ты будешь опозорен между царями своего времени. Знай, что Кан-Макан не дитя прелюбодеянья, и он воспитывался с нами. Он обладает честью и мужеством и не совершит поступка, достойного укора. Подожди же и не торопись! Среди жителей дворца и обитателей Багдада распространились вести о том, что везирь Дандан ведёт войска со всех земель и привёл их, чтобы сделать царём Кан-Макана».

«Клянусь Аллахом, – отвечал царь, – я непременно ввергну Кан-Макана в беду, чтобы его не носила земля и не осеняло небо! Я оказал ему милость и хорошо обращался с ним только из-за жителей моего царства и вельмож, чтобы они не склонились к нему, и ты скоро увидишь, что будет». И он оставил её и вышел, обдумывая дела своего царства.

Вот что было с царём Сасаном. Что же касается Кан-Макана, то он пришёл на другой день к своей матери и сказал: «О матушка, я решил совершать набеги и грабить на дорогах, и угонять коней, скотину, рабов и невольников, а когда моё богатство умножится и станет хорошим моё положение, я посватаю мою двоюродную сестру, Кудья-Факан, у моего дяди, царя Сасана».

«О дитя моё, – сказала ему мать, – чужие богатства не лежат без охраны перед тобой, и за них придётся бить мечами и разить копьями, и охраняют их люди, которые пожирают зверей и опустошают земли, ловят львов и охотятся на барсов!» Но Кан-Макан воскликнул: «Не бывать тому, чтобы я отказался от своего намерения раньше, чем достигну желанной цели!»

А потом он послал старуху уведомить Кудья-Факан о том, что он уезжает, чтобы раздобыть приданое, достойное её, и сказал старухе: «Обязательно спроси её и принеси мне ответ». И старуха отвечала: «Слушаю и повинуюсь!» – и отправилась к девушке и, вернувшись с ответом, сказала: «Она придёт к тебе в полночь».

И Кан-Макан просидел без сна до полуночи, и его охватило волнение, и он не заметил, как девушка вошла к нему со словами: «Моя душа выкупит тебя от бессонницы!» И тогда он поднялся перед нею и воскликнул: «О желание сердца, моя душа выкупит тебя от всех зол!» И он осведомил её о том, на что решился, и девушка заплакала, а Кан-Макан сказал ей: «Не плачь, о дочь дяди! Я буду просить того, кто судил нам расстаться» чтобы он нам ниспослал

встречу и поддержку».

И затем Кан-Макан собрался выезжать и, придя к своей матери, попрощался с ней, вышел из дворца, подвязал свой меч и надел тюрбан и наличник, а после того сел на своего коня Катудя и проехал через город, походя на луну.

И он достиг ворот Багдада и вдруг видит: его товарищ; Саббах ибн Раммах выезжает из города. И, увидев КанМакана, он побежал рядом с его стремением и приветствовал его, и Кан-Макан ответил на его приветствие, а Саббах сказал ему: «О брат мой, как тебе достались этот конь и меч и одежда, а я до сих пор ничего не имею, кроме меча и щита?» – «Охотник возвращается лишь с такой дичью, какую хотел поймать, – отвечал Кан-Макан. – Через час после разлуки с тобой мне досталось счастье. Не хочешь ли пойти со мною, питая чистые намерения и сопутствовать мне в этой пустыне?»

«Клянусь господином Каабы, я буду теперь называть тебя только владыкой!» – воскликнул Саббах и побежал перед его конём, держа на руке меч и с мешком за плечами, а Кан-Макан ехал сзади.

Так они углублялись в пустыню четыре дня и ели пойманных газелей и пили воду из ручьёв, а на пятый день приблизились к высокому холму, под которым были луга и проточный пруд, и там находились верблюды, коровы, овцы и кони, которые заполнили холмы и долины» а их детёныши играли вокруг загона. И при виде этого Кан-Макан сильно обрадовался, и грудь его исполнилась веселья, и он вознамерился вступить в бой, чтобы захватить верблюдиц и верблюдов.

«Нападём на этот скот, оставленный его обладателями. И сразись ты вместе со мною, с ближними и дальними, чтобы получить свою долю, захватив животных», – сказал он Саббаху. Но Саббах воскликнул: «О владыка, ими владеет множество людей, и среди них есть храбрецы, конные и пешие, и если мы бросимся в это страшное дело, нам грозит великая опасность. Никто из нас не вернётся к своей семье целым, и мы оставим наших двоюродных сестёр одинокими».

И Кан-Макан засмеялся и понял, что Саббах трус. Он оставил его и спустился с холма, намереваясь сделать набег, и закричал, и произнёс нараспев такие стихи:

«Клянусь семьёй я Нумана, мы доблестны,
Владыки мы, что снимают всем головы!
И если бой предстоит нам, горячий бой,
На поле битвы мы твёрдо всегда стоим.
Бедняк всегда спит спокойно, средь нас живя,
Лица нужды он не видит ужасного.
Надеюсь я, что поддержку окажет мне
Владыка царей, создавший весь род людской».

И затем он понёсся на этих верблюдиц, словно распалённый верблюд, и погнал всех верблюдов, коров, овец и коней. И поспешили к нему рабы с блестящими мечами и длинными копьями, и в первых рядах их был всадник – турок, сильный в бою и сече, знающий, как работать тёмными копьями и белыми клинками. И он понёсся на КанМакана и крикнул ему: «Клянусь Аллахом, если бы ты знал, чей это скот, ты не совершил бы таких поступков!

Знай, что эти животные принадлежат отряду румов, морских храбрецов, и полку черкесов¹⁹⁷, из которых все мрачные смельчаки и их сто витязей, что вышли из повиновения всем султанам. У них украли коня, и они поклялись, что не вернутся отсюда без него».

¹⁹⁷ На переднеазиатском Востоке «черкесами» называли вообще всех обитателей Кавказа и южной России. В истории арабского Египта черкесы играли выдающуюся роль. Из их среды вышли первые представители так называемой черкесской династии Мамлюков.

Услышав это, Кан-Макан закричал: «О мерзавцы! Вот он, конь, которого вы разумеете и ищите и желаете из-за него со мною сразиться! Выступайте же на меня все вместе и делайте, что хотите!»

Потом он крикнул меж ушей Катуля и вылетел на них, словно гуль. И Кан-Макан повернулся к одному всаднику, ударил его копьём и скинул, вырвав ему почку, и направился ко второму, и к третьему, и к четвёртому и лишил их жизни, и тогда рабы устрешились его, а он крикнул: «О дети развратниц, гоните скот и коней, а не то я окрашу зубцы моего копья вашей кровью!»

И они погнали скот и устремились вперёд, и тут спустился к Кан-Макану Саббах и стал громко кричать и сильно обрадовался, но вдруг поднялась пыль и полетела, Застилая края неба, и показалась под нею сотня всадников, словно хмурые львы. И Саббах убежал и забрался на верхушку холма, покинув долину, и стал смотреть на бой, говоря: «Я витязь только для забавы и в шутку!»

А сто всадников обступили Кан-Макана и окружили его отовсюду и со всех сторон, и один из них выступил к нему и спросил: «Куда ты направляешься с этим скотом?» – «Я возьму его и уведу, и ты лишишься его, – ответил Кан-Макан. – Если хочешь, сражайся, но знай, что перед этими животными устрашающий лев и благородный муж, и меч, который режет всюду, куда ни повернётся».

Услышав эти слова, всадник посмотрел на Кан-Макана и увидел, что он подобен неустрашимому льву, но лицо его – словно луна, восходящая в четырнадцатую ночь, и доблесть сияет меж его глаз. А этот всадник был предводителем тех ста всадников, и имя его было Кахрдаш. И он увидел, что Кан-Макан, вместе с полною доблестью, наделён редкими прелестями и что красота его походит на красоту возлюбленной Кахрдаша, по имени Фатин. А она была из женщин, прекраснейших лицом, и Аллах даровал ей такую красоту, и прелесть, и благородные качества, и всякие тонкие свойства, что её бессилён описать язык, и сердца людей были заняты ею.

А витязи того племени страшились её ярости, и храбрецы той земли боялись и почитали её. И она дала клятву, что выйдет замуж и даст над собою власть лишь тому, кто осилит её. А Кахрдаш был в числе тех, кто сватался к ней, но она сказала своему отцу: «Ко мне приблизится лишь тот, кто меня осилит на поле битвы и на месте сражения и боя копьями».

И Кахрдаш, услышав эти слова, побоялся сразиться с девушкой, опасаясь позора. Но кто-то из его друзей сказал ему: «Ты обладаешь всеми свойствами красоты и прелести, и, если бы ты сразился с нею и она оказалась сильнее тебя, ты бы одолел её, так как, увидев твою красоту и прелесть, она побежит перед тобой, чтобы ты завладел ею. Ведь у женщины всегда есть желание мужчины, и тебе известно это обстоятельство». Но Кахрдаш не согласился и отказался биться с нею, и продолжал отказываться от боя, пока у него не случилась встреча с Кан-Маканом. И он подумал, что Кан-Макан – его любимая Фатин, и испугался (а Фатин ведь полюбила его, узнав о его красоте и доблести). И, подойдя к Кан-Макану, он воскликнул: «Горе тебе, Фатин! Ты пришла, чтобы показать мне свою доблесть, сойди же с коня, чтобы я поговорил с тобою! Я угнал этот скот, и обманывал товарища, и грабил на дороге витязей и храбрецов – и все это ради твоей красоты и прелести, которой нет равной. Выйди же за меня замуж, и тебе будут служить царские дочери, и ты станешь царицей земель».

Когда Кан-Макан услышал эти слова, огни его гнева запылали, и он закричал: «Горе тебе, чужеземная собака, забудь Фатин и то, что ты предполагаешь, и выходи на бой и сечу. И ты скоро окажешься в пыли». И он стал гарцевать и кидаться, и продлил и продолжил это, и Кахрдаш, увидев это, понял, что перед ним благородный витязь и неустрашимый храбрец. И ему стала явна ошибка в его предположениях, когда он увидел на его щеке молодой пушок, походивший на мирту, что выросла меж красных роз.

И он убоялся его нападения и сказал тем, кто был с ним: «Горе вам! Пусть кто-нибудь из вас ринется на него и покажет ему острый меч и дрожащее копьё! И знайте, что биться

толпою против одного – позор, даже если это доблестный витязь и властитель отражающий».

И тогда понёсся на него витязь – лев, под которым был вороной конь с белыми ногами и отметиной на лбу, величиной с дирхем, ошеломляющий ум и взор, словно это Абджар¹⁹⁸, принадлежащий Антару, как сказал о нем поэт:

Прибежал к тебе тот самый конь, что был в бою,
Могучий конь, и смешал он землю и высь небес.
И как будто бы его в лоб ударил свет утренний,
Отомстив ему, и проник тот свет во внутрь его.

И он понёсся и устремился на Кан-Макана, и они гарцевали, сражаясь, некоторое время, и бились боем, ошеломляющим мысль и ослепляющим взоры. И Кан-Макан опередил его и ударил ударом храброго, который сбил с него тюрбан и налобник и проник до головы, и витязь склонился с коня, точно верблюд, когда он падает.

А потом вышел на Кан-Макана второй витязь и понёсся на него, и также третий, четвёртый и пятый, и Кан-Макан поступил с ними, как с первым, а после того на него понеслись остальные, и усилилось их смятение и увеличилось их сокрушение, но прошло не более часа, как он подобрал их всех зубцами своего копья.

И Кахрдаш, увидев такие дела, устрасился переселения в другой мир и понял, что дух Кан-Макана твёрд. Он подумал, что перед ним единственный среди храбрецов, и сказал Кан-Макану: «Я подарил тебе твою кровь и кровь моих товарищей! Возьми же скота, сколько хочешь, и уходи своей дорогой. Я помиловал тебя из-за прекрасной твоей твёрдости, и тебе лучше остаться жить». – «Да не лишишься ты великодушия! – воскликнул Кан-Макан, – но только брось такие речи! Спасай свою душу. Не бойся упрёков, но не желай вернуть добычу и шествуй прямым путём к спасенью».

Тут гнев Кахрдаша усилился, и его охватило нечто, приводящее к гибели. «Горе тебе! – крикнул он Кан-Макану, – если бы ты знал, кто я, ты бы не выговорил таких слов в пылу схватки. Спроси обо мне. Я ярый лев, по имени Кахрдаш, который грабил великих царей, пересекал дорогу всем путникам и забирал имущество всех купцов. Тот конь, который под тобою, – то, что я ищу, и желаю я, чтобы ты меня осведомил, как ты до него добрался и овладел им». – «Знай, – ответил ему Кан-Макан, – что этот конь шёл к моему дяде, царю Сасану. И вела его старая старуха, и с нею десять рабов, которые ей прислуживали, и ты напал на неё и отнял у неё коня. А мы должны ей отомстить за моего деда, царя Омара ибн ан-Нумана и за дядю моего, царя Шарр-Кана». – «Горе тебе, а кто твой отец и нет ли у тебя матери?» – воскликнул Кахрдаш. И Кан-Макан ответил: «Знай, что я – Кан-Макан, сын Дау-аль-Макана, сына Омара ибн ан-Нумана».

И, услышав это, Кахрдаш воскликнул: «Не удивительно, что ты совершенен и соединил доблесть и красоту!»

Отправляйся без опаски: твой отец был милостив и добр к нам», – молвил он. Но Кан-Макан сказал: «Клянусь Аллахом, о ничтожный, я не буду уважать тебя, пока не осилю в жарком бою на поле!»

И бедуин рассердился, и оба они понеслись друг на друга и закричали, и кони их наострили уши и подняли хвосты, и они сшибались и бились до тех пор, пока оба не решили, что небо расколосось. И они сражались, как бодливые бараны, и обменивались ударами копий, и Кахрдаш направил удар, но Кан-Макан уклонился от него, а потом он обернулся на бедуина и ударил его в грудь, и копьё вышло из его спины.

И Кан-Макан собрал коней и добычу и крикнул рабам: «Ну, гоните скорее!» И тут Саббах спустился вниз и, подойдя к Кан-Макану, сказал ему: «Ты отличился, о витязь своего времени! Я молился за тебя, и Аллах внял моей молитве». Потом Саббах отрезал Кахрдашу

¹⁹⁸ Абджар – конь легендарного храбреца Антара.

голову, и Кан-Макан засмеялся и сказал: «Горе тебе, Саббах, я думал, что ты витязь в бою и в сече!» А Саббах ответил: «Не забудь уделить твоему рабу от этой добычи: быть может, я достигну таким образом брака с дочерью моего дяди Неджмой». – «Ты обязательно получишь свою долю, – ответил Кан-Макан, – но сторожи добычу и рабов».

А потом Кан-Макан поехал и направился в свои земли и ехал непрерывно ночью и днём, пока не приблизился к городу Багдаду. И все войска узнали его и увидели, какая с ним добыча и богатство, а голова Кахрдаша была у Саббаха на копье. И купцы узнали голову Кахрдаша и обрадовались и говорили: «Аллах избавил от него людей, так как он был разбойник на дороге». И они дивились его убиению и призывали на убийцу его милость Аллаха. И жители Багдада приходили к Кан-Макану и расспрашивали его, какие дела с ним случились, и он рассказал им, и все мужи стали его бояться, и страшились его витязи и храбрецы.

А потом он погнал бывший с ним скот, и пригнал его ко дворцу, и воткнул подле ворот дворца копье, на котором была голова Кахрдаша, и стал одарять людей и роздал им коней и верблюдов. И жители Багдада полюбили его, и сердца их склонились к нему. А потом он обратил взор на Саббаха и поселил его в одном просторном помещении и отдал ему кое-что из добычи, а после того он пошёл к своей матери и рассказал ей, что случилось с ним в его странствиях.

А до царя дошла весть о Кан-Макане, и он ушёл из своего приёмного зала и, уединившись с приближёнными, сказал им: «Знайте, я хочу открыть вам тайну и рассказать о себе то, что скрыто, знайте, Кан-Макан будет виновником нашего удаления из этих земель, ибо он убил Кахрдаша, хотя ему были подвластны отряды курдов и турок, и наше дело с ним приведёт к гибели, так как большинство наших войск – его близкие. Вы знаете, что сделал везирь Дандан: он не признал моих милостей после всех благодеяний и обманул меня, дав клятвы. До меня дошло, что он набрал войска в странах и решил сделать Кан-Макана султаном, так как власть султана принадлежала его отцу и деду. Он наверное убьёт меня, без всякого сомнения».

Услышав эти слова, его приближённые сказали: «О царь, Кан-Макан для этого слишком ничтожен, и если бы мы не знали, что он твой воспитанник, никто из нас не обратил бы на него взора. Знай, что мы перед тобою, и, если ты хочешь его убить, мы убьём его, а если желаешь удалить его, мы его удалим». И царь, услышав их речи, воскликнул: «Убить его, вот что будет правильно, но только надо обязательно взять с вас верные клятвы!» И приближённые поклялись, что они обязательно убьют Кан-Макана, и тогда везирь Дандан придёт и услышит о его убийстве, силы его станут слишком слабы для того, чтобы осуществить свои намерения.

И когда они дали царю в этом обет и клятву, тот оказал им величайший почёт и ушёл в свой дом, а предводители оставили царя, но войска отказались садиться на коней и сходить с них, пока не увидят, что будет, ибо они видели, что большинство войска за везиря Дандана.

А затем весть об этом дошла до Кудья-Факан, и её охватило великое огорчение. Она послала к старухе, которая обычно приносила ей вести от сына её дяди, и когда та явилась, приказала ей пойти к Кан-Макану и рассказать ему, что произошло. И старуха пришла к Кан-Макану и приветствовала его, и Кан-Макан обрадовался ей, а она передала ему эту весть. И, услышав её, он сказал: «Передай от меня привет дочери моего дяди и скажи ей: „Земля принадлежит Аллаху, великому, славному, и он даёт её кому хочет из своих рабов!“ Как прекрасны слова сказавшего:

Аллах один властвует! Кто ищет желанного,
Тех гонит он силою, и будет их дух в аду.
Коль я иль другой бы мог хоть с палец земли иметь,
Во власти тогда Аллах имел бы товарищей».

И старуха вернулась к дочери его дяди и сообщила ей, что сказал Кан-Макан, и

осведомила её, что он остался и городе.

А царь Сасан стал поджидать его выезда из Багдада, чтобы послать за ним кого-нибудь, кто убьёт его. И случилось, что Кан-Макан выехал на охоту и ловлю, и Саббах выехал с ним, так как он не разлучался с Кан-Маканом ни ночью, ни днём. И Кан-Макан поймал десять газелей, и в числе их была газель с чёрными глазами, которая стала поворачивать голову направо и налево, и Кан-Макан выпустил её.

«Зачем ты выпустил эту газель?» – спросил его Саббах, и Кан-Макан засмеялся, и выпустил остальных, и сказал Саббаху «Благородно отпускать газелей, у которых есть детёныши, а эта газель поворачивалась только потому, что оставила детёнышей, и я выпустил её и выпустил остальных в уважение к ней». – «Отпусти меня, чтобы я мог уйти к моим родным», – сказал Саббах. Но Кан-Макан засмеялся и ударил его задним концом копья в сердце, и Саббах упал, извиваясь, как дракон.

И пока они так забавлялись, вдруг поднялась пыль, и из-за неё появились скачущие кони и витязи и храбрецы. А случилось это потому, что люди рассказали царю Сасану, что Кан-Макан выехал на охоту и ловлю, и он послал эмира дейлемитов, по имени Джамы, и с ним двадцать всадников и, дав им денег, приказал убить Кан-Макана. И, приблизившись, они понеслись на него, и Кан-Макан понёсся на них и перебил их до последнего. И царь Сасан сел на коня и поехал и догнал этих воинов, и увидел он, что они убиты, и удивился, и вернулся назад, и вдруг жители города схватили его и крепко связали.

А Кан-Макан после этого уехал с того места, и Саббах, бедуин, отправился с ним, и они ехали и вдруг увидели на дороге юношу у дверей дома. И Кан-Макан обратился к нему с приветствием, и юноша ответил на его привет, а потом он вошёл в дом и вышел с двумя чашками, в одной из которых было молоко, а в другой – похлёбка, и масло через края её переливалось. Он поставил обе чашки перед Кан-Маканом и сказал ему: «Окажи нам милость, поешь нашей пищи». Но Кан-Макан отказался есть, и юноша спросил его: «Что с тобою, о человек, что ты не ешь?» – «На мне обет», – отвечал Кан-Макан, и юноша спросил: – «А почему ты дал обет?» И Кан-Макан сказал: «Знай, что царь Сасан несправедливо и по вражде отнял у меня царство, хотя оно и принадлежало раньше моему отцу и деду. Он завладел царством после смерти моего отца и не подумал обо мне, так как я был юн годами, и я дал обет, что не стану есть ничьей пищи, пока моя душа не исцелится, отомстив обидчику». – «Радуйся, – сказал юноша, – Аллах исполнил твой обет. Зияй» что царь Сасан пойман и заточён, и я думаю, что он скоро умрёт». – «В каком он доме заключён?» – спросил Кан-Макан, а юноша ответил: «В том высоком доме с куполом».

И Кан-Макан увидел высокий дом и заметил, что в него входят люди и бьют Сасана по лицу, и тот глотает муку гибели. И юноша поднялся и прошёл до этого дома с куполом и увидел, что там есть, а потом он вернулся на своё место и, сев за еду, поел немного и положил остаток мяса в пищевой мешок. А затем он сел и сидел на месте до тех пор, пока не настала тёмная ночь и не заснул юноша, который его угостил.

После этого Кан-Макан пошёл в дом, где находился Сасан. А вокруг были собаки, сторожившие его, и одна из собак прыгнула на Кан-Макана, но тот бросил ей кусок мяса, бывшего у него в мешке, и все время бросал собакам мясо, пока не дошёл до дома с куполом. И он пробрался к царю Сасану и положил ему руку на голову, и Сасан спросил его громким голосом: «Кто ты?» А Кан-Макан отвечал ему: «Я – Кан-Макан, которого ты стремился убить, но Аллах направил на тебя твоё же злое измышление. Разве не достаточно было тебе взять моё царство и царство моего отца и деда, что ты старался убить меня?»

И тогда царь Сасан стал клясться ложными клятвами, что он не старался его убить и что это слова неправильные, и Кан-Макан простил его и сказал: «Следуй за мною!» Но Сасан ответил: «Я не могу сделать ни одного шага по слабости моих сил». – «Если так, – сказал Кан-Макан, – возьмём пару коней, сядем на них, ты и я, и поедem в пустыню».

Потом он сделал так, как сказал, и сев на коня, вместе с Сасаном, ехал до утра, а затем они помолились и снова отправились и ехали так, пока не достигли одного сада. И они посидели там, беседуя, и Кан-Макан обратился к Сасану и сказал ему: «Осталось ли в твоей

душе из-за меня что-нибудь неприятное?» И Сасан отвечал: «Нет, клянусь Аллахом!» И тогда они сговорились, что вернутся в Багдад. И Саббах, бедуин, сказал им: «Я опережу вас, чтобы порадовать людей».

И он поехал вперёд, оповещая женщин и мужчин, и люди вышли к ним с бубнами и флейтами, и выехала вперёд Кудья-Факан, подобная луне, сияющей светом во мраке неба. И Кан-Макан встретил её, и душа устремилась к душе, и тело стосковалось по телу, и у людей этого времени не было иных разговоров, как о Кан-Макане, и витязи засвидетельствовали, что он храбрейший из людей того времени, и говорили: «Неправильно, чтобы был над нами султаном кто-нибудь, кроме Кан-Макана, и должно, чтобы вернулась к нему власть его деда, как было!»

Что же касается Сасана, то он пошёл к Нузхат-аз-Заман, и она сказала: «Я вижу, люди только и говорят, что о Кан-Макане, и они наделяют его такими свойствами, каких не в силах выразить язык». – «Слышать – не то, что видеть, – отвечал Сасан. – Я видел его и не увидел в нем ни одного качества из качеств совершённых, но не все говорят, что слышат. А люди подражают один другому, расхваливая его и выражая любовь к нему. И Аллах вложил в уста людей такие похвалы Кан-Макану, что сердце жителей Багдада склонилось к нему. А везирь Дандан, предатель и обманщик, собрал для него войска со всех земель, но кто будет владеть землями и согласится быть под началом правителя-сироты, у которого нет сана?» – «На что же ты вознамерился?» – спросила его Нузхат-аз-Заман, и он сказал: «Я намерен убить его, и везирь Дандан уйдёт назад ни с чем, не достигнув своей цели; он признает мою власть и подчинится мне, и ему не останется ничего иного, как только служить мне». – «Дурно обманывать даже посторонних, так как же можно это делать с близкими? – сказала Нузхат-аз-Заман. – Правильно будет, чтобы ты женил его на твоей дочери Кудья-Факан. Послушай, что сказано было в минувшие времена:

Возвысит когда судьба над тобой другого,
А ты, хоть высок и знатен он стал, достойней, –
Отдай ему то, что должно ему по месту,
И даст он тебе, далёк будешь ты иль близок.
Другим не скажи, что знаешь о нем дурного –
Ты будешь из тех, кто блага творить не хочет.
Ведь сколько скрыто лучших, чем невеста,
Но только судьба невесте пришла на помощь».

Когда Сасан услышал от неё такие речи и понял эти нанизанные стихи, он поднялся в гнев и воскликнул: «Если бы убить тебя не было позором и бесчестьем, я бы скинул тебе голову мечом и остыло бы твоё дыхание!» А она сказала ему: «Раз ты на меня гневаешься, то знай, – я шучу с тобой!» И она вскочила и стала целовать ему голову и руки и сказала: «То правильно, что ты думаешь, и скоро мы с тобой измыслим хитрость, чтобы убить его».

И, услышав от неё такие слова, Сасан обрадовался и сказал: «Поторопись с этой хитростью и облегчи мою горесть! Ворота хитростей стали тесны для меня». – «Я скоро придумаю тебе, как погубить его душу!» – сказала она, и Сасан спросил: «Чем?» И она отвечала: «С помощью нашей невольницы, по имени Бакун. Она в коварстве знает много способов. А эта невольница была одна из сквернейших старух, чья вера не позволяла не делать скверного. Она воспитала Кан-Макана и Кудья-Факан, и Кан-Макан питал к ней большую склонность, и от крайней любви к ней он спал у её ног».

И царь Сасан, услышав от своей жены эти слова, воскликнул: «Поистине, это решение будет правильно!» А потом он призвал невольницу Бакун и, рассказав ей, что случилось, велел ей постараться убить Кан-Макана и обещал ей все прекрасное. И старуха сказала: «Твоему приказанию повинуются, но я хочу, о владыка, чтобы ты дал мне кинжал, напоенный водой гибели, и я потороплюсь погубить его». – «Пусть добро сопутствует тебе!» – воскликнул царь и принёс ей кинжал, который едва ли не опережал приговор судьбы.

А эта невольница слышала рассказы и стихи, и запомнила диковины и повести, и она взяла кинжал и вышла из дома, раздумывая, в чем будет для Кан-Макана гибель, и пришла к нему, когда он ждал исполнения обещания госпожи Кудья-Факан. А этой ночью он вспомнил о дочери своего дяди, Кудья-Факан, и в его сердце вспыхнули огни любви к ней.

Когда он сидел так, вдруг входит к нему невольница Бакун и говорит: «Пришла пора единения и миновали дни разлуки!» И Кан-Макан, услышав это, спросил её: «Как поживаете, Кудья-Факан?» И Бакун отвечала: «Знай, что она охвачена любовью к тебе». И тогда КанМакан поднялся и пожаловал ей свою одежду и обещал ей все прекрасное, а она сказала ему: «Знай, что я буду у тебя сегодня ночью и расскажу тебе, какие я слышала речи, и развлеку тебя рассказом о всех влюблённых, которые заболели от страсти». – «Расскажи мне историю, которая обрадует моё сердце и от которой пройдёт моя скорбь», – сказал Кан-Макан, и Бакун ответила: «С любовью и удовольствием».

И она села с ним рядом (а тот кинжал был у неё в одежде) и сказала: «Знай, вот самое усладительное, что когда-либо слышали мои уши».

Рассказ о любителе хашиша (ночи 142-143)

Один человек предавался любви к красавицам и тратил на них деньги, пока совсем не обеднел и у него совершенно ничего не осталось. И мир сделался для него тесен, и стал он ходить по рынкам и искать, чем бы ему прокормиться, и, когда он ходил, вдруг острый гвоздь воткнулся ему в палец и оттуда потекла кровь, и тогда он сел и, вытерев кровь, перевязал палец и потом поднялся на ноги, крича.

И он проходил мимо бани и вошёл туда и снял с себя одежду, а оказавшись внутри бани, он увидел, что там чисто, и сел возле водоёма и до тех пор поливал себе водою голову, пот не устал...»

И Шахразад у застигло утро, и от прекратила дозволенные речи.

Сто сорок третья ночь

Когда же настала сто сорок третья ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что бедняк сел возле водоёма и до тех пор поливал себе водой голову, пока не устал. И тогда он подошёл к холодному бассейну, но не нашёл там никого, и, оставшись один, он вынул кусок хашиша и проглотил его.

И хашиш растёкся у него в мозгу, и он покатился на мраморный пол, и хашиш изобразил ему, что знатный начальник растирает ему ноги, а два раба стоят над его головой – один с чашкой, а другой с принадлежностями для бани – всем тем, что нужно банщику. И, увидев это, бедняк сказал про себя: «Эти люди как будто ошиблись насчёт меня, или они из нашего племени – едят хашиш».

Потом он вытянул ноги, и ему представилось, что банщик говорит ему: «О господин мой, подходит время тебе подниматься: сегодня твоя смена». И бедняк засмеялся и воскликнул про себя: «Чего Аллах захочет, то будет, о хашиш!» – а потом он сел молча. И банщик взял его за руку и повязал ему вокруг пояса чёрный шёлковый платок, а рабы пошли сзади него с чашками и его вещами, и шли с ним, пока не привели его в отдельную комнату, и зажгли там куренья.

И он увидел, что комната полна всяких плодов и цветов, и ему разрезали арбуз и посадили его на скамеечку из чёрного дерева, и банщик, стоя, мыл его, а рабы лили воду. А затем его как следует натёрли и сказали ему: «О владыка наш, господин, будь здоров всегда!» А после того все вышли и закрыли за собой дверь, и, когда бедняку представилось все это, он поднялся и отвязал платок с пояса и так смеялся, что едва не потерял сознание. И он продолжал смеяться некоторое время и сказал про себя: «Что это они обращаются ко мне, как к везирию и говорят: „О владыка наш, господин?“ Может быть, они сейчас напутали, а

потом узнают меня и скажут: „Это голыш!“ – и досыта надают мне по шее!»

Затем он выкупался и открыл дверь, и ему представилось, что к нему вошёл маленький невольник и евнух, и невольник был с узлом. И невольник развязал узел и вынул три шёлковые салфетки, и одну из них он накинул ему на голову, другую на плечи, а третью повязал ему вокруг пояса. А евнух подал ему деревянные башмаки, и он надел их, и к нему подошли невольники и евнухи и стали поддерживать его, и, пока это происходило, он все смеялся. И он вышел и вошёл под портик и увидел там великолепное убранство, подходящее только для царей, и к нему поспешили слуги и усадили его на сиденье и до тех пор растирали ему ноги, пока сон не одолел его.

А заснув, он увидел у себя в объятиях девушку, и поцеловал её и положил её себе между бёдер и сел с нею, как мужчина садится с женщиной, и, взяв в руку свой закар, он притянул к себе женщину и подмял её под себя...

И вдруг кто-то говорит ему: «Проснись, голодранец, уже пришёл полдень, а ты спишь!» И он открыл глаза и увидел себя у холодного бассейна, и толпа вокруг него смеялась над ним, а его айр поднялся и салфетка на поясе развязалась. И ему стало ясно, что все это пучки сновидений и привиделись они из-за хашиша. И он огорчился и, взглянув на того, кто его разбудил, сказал ему: «Ты бы подождал, пока я вложу его». И люди закричали: «Не стыдно тебе, пожиратель хашиша, ты спишь, а твой закар поднялся!» И его колотили, пока у него не покраснела шея, и он был голоден и попробовал вкус счастья во сне».

И Кан-Макан, услышав от невольницы эти речи, так засмеялся, что упал навзничь и сказал Бакун: «О нянюшка, это удивительный рассказ, и я не слышал такой истории, как эта. Знаешь ли ты ещё другие?» И она отвечала: «Да». И невольница Бакун продолжала рассказывать Кан-Макану всякие небывалые рассказы и смешные диковинки, и сон одолел его, а эта невольница до тех пор сидела у его изголовья, пока не прошла большая часть ночи.

И тогда она сказала про себя: «Вот время поймать случай!» И, поднявшись, обнажила кинжал и подскочила к Кан-Макану, желая зарезать его, но вдруг вошла к ним мать Кан-Макана. И, увидав её, Бакун поднялась и пошла ей навстречу, и её охватил страх, и она стала трястись, словно её забрала лихорадка.

И когда мать Кан-Макана увидала её, она изумилась и пробудила от сна своего сына, а тот, проснувшись, нашёл свою мать сидящей у него в головах, и приход её был причиной его жизни. А пришла его мать потому, что Кудья-Факан слышала тот разговор, когда сговаривались убить Кан-Макана, и сказала его матери: «О жена моего дяди, иди к своему сыну, пока его не убила распутница Бакун». И она рассказала старухе обо всем, что случилось, от начала до конца, и та пошла, ничего не понимая и не ожидая, и вошла в ту минуту, когда Кан-Макан спал, а Бакун бросилась к нему, желая его зарезать.

А Кан-Макан, проснувшись, сказал своей матери: «Ты пришла, о матушка, в хорошее время, и моя няня Бакун у меня сегодня ночью». И он обернулся к Бакун и спросил: «Заклинаю тебя жизнью, знаешь ли ты сказку лучше тех, которые ты мне рассказывала?» И невольница ответила: «И куда тому, что я тебе рассказывала раньше, до того, что я тебе расскажу теперь? Оно ещё лучше, но я расскажу тебе об этом в другое время».

И Бакун поднялась, не веря в спасенье, и Кан-Макан сказал ей: «Иди с миром!» – а она догадалась по своему коварству, что мать Кан-Макана осведомлена о случившемся. И Бакун ушла своей дорогой.

Тогда родительница Кан-Макана сказала: «О дитя моё, сегодня благословенная ночь, так как Аллах спас тебя от этой проклятой». – «Как так?» – спросил Кан-Макан, и она рассказала ему, в чем дело, с начала до конца, а Кан-Макан воскликнул: «О матушка, для того, кто останется жив, нет убийцы, и если его убивают, он не умрёт. Но осторожнее всего будет нам уехать от этих недругов, и Аллах сделает, что хочет».

Когда же настало утро, Кан-Макан вышел из города и встретился с везирем Данданом, а после его ухода у царя Сасана случилась размолвка с Нузхат-аз-Заман, которая заставила и Нузхат-аз-Заман тоже выехать из города. И она съехала с Кан-Маканом, и возле них собрались все вельможи царя Сасана, которые были на их стороне, и они сидели, измышляя

хитрости, и мнения их сошлись на том, чтобы идти походом на царя румов и отомстить ему.

И тогда они пошли походом на румов и после многих дел, рассказ о которых долог, попали в плен к царю Румзану, царю румов. И когда настало некое утро, царь Румзан приказал привести Кан-Макана и везиря Дандана с их людьми и, когда они явились, посадил их с собою рядом и велел принести столы. И столы принесли, и они поели и попили и успокоились после того, как были уверены, что умрут, когда он велел привести их, и они говорили тогда друг другу: «Он послал за нами только потому, что хочет нас убить».

И после того, как они успокоились, царь сказал им: «Я видел сон и рассказал его монахам, и они сказали: „Тебе не растолкует его никто, кроме везиря Дандана“. И тогда везирь Дандан спросил: „Добро ли ты видел, о царь времени?“ И царь сказал: „Я видел, о везирь, что был я в яме, подобной чёрному колодцу, и люди пытали меня, и я хотел встать, но, поднявшись, упал на ноги и не мог выйти из той ямы. А потом я обернулся и увидел в яме золотой пояс и протянул руку, чтобы взять его, а подняв его с земли, я увидел, что это два пояса, и я обвязал ими свой стан, и вдруг они превратились в один пояс. Вот, о везирь, мой сон и то, что я видел в сладких грёзах“. – «Знай же, о владыка султан, – сказал везирь Дандан, – твой сон указывает на то, что у тебя есть брат, или племянник, или двоюродный брат, или кто-нибудь из твоей семьи, от твоей крови и плоти и во всяком случае он из начальников».

Услышав эти слова, царь посмотрел на Кан-Макана, Нузхат-аз-Заман, Кудья-Факан и везиря Дандана и всех пленных, что были с ними, и сказал про себя: «Когда я отрублю этим головы, сердца их войск разорвутся из-за гибели их товарищей, а я скоро вернусь в мою страну, чтобы власть не ушла у меня из рук». И он твёрдо решился на это и позвал палача и велел ему отрубить КанМакану голову в тот же час и минуту, но в этот миг появилась нянька царя и спросила его: «О счастливый царь, что ты намерен сделать?»

«Я намерен убить этих пленных, которые в моих руках, и потом кинуть их головы их товарищам, – отвечал царь, – а потом я с моими людьми брошусь на них единым скопищем, и мы перебьём тех, кого перебьём, а остальных обратим в бегство. И это будет решительная битва, и я вскоре вернусь в мою страну, раньше, чем случатся у меня в царстве одни дела после других».

И, услышав эти слова, нянька обратилась к царю и сказала на языке франков: «Как можешь ты убить сына твоего брата, твою сестру и дочь твоей сестры?» И когда царь услышал от няньки такие речи, он разгневался сильным гневом и сказал: «О проклятая, не знаешь ты разве, что моя мать убита, а отец мой умер отравленным, и ты дала мне ладанку и сказала: „Эта ладанка принадлежала твоему отцу“. Почему ты не рассказала мне правду?»

«Все, что я тебе рассказывала, – правда, – ответила старуха, – но только моё дело диковинно и наша повесть с тобою удивительна.

Моё имя Марджана, а имя твоей матери – Абриза, и она была красива и прелестна. О её доблести слагаются поговорки, и доблестью своей она прославилась среди храбрецов. А что касается твоего отца, то это царь Омар ибн ан-Нуман, властитель Багдада и Хорасана, и это можно сказать без сомнения и колебания, не бросая камней в неизвестное. Он послал своего сына Шарп-Кана в один из походов, вместе с этим везирем Данданом, и с ними было то, что уже было, и брат твой Шарп-Кан поехал впереди войск и удалился один от воинов, и оказался у твоей матери, царицы Абризы, в её дворце. А мы вошли с нею в уединённое место, чтобы побороться, и он встретил нас, когда мы были заняты этим делом, и тогда он поборолся с твоей матерью, и она одолела его своей блестящей красотой и доблестью. И мать твоя принимала его, как гостя, пять дней в своём дворце. Но до её отца дошла весть об этом от её матери, старухи Шавахи, по прозвищу Зат-ад-Давахи.

А мать твоя приняла ислам благодаря брату твоему Шарп-Кану, и он взял её и тайком отправился с нею в город Багдад, и я с Рейханой и ещё двадцать невольниц были с нею, и мы все приняли ислам благодаря царю Шарп-Кану. И когда мы вошли к царю Омару ибн ан-Нуману и он увидал твою мать, царевну Абризу, и любовь к ней запала в его сердце, и однажды ночью он вошёл к ней и остался с нею один, и она понесла тебя.

А с твоею матерью были три ладанки, которые она отдала твоему отцу, и одну ладанку он дал своей дочери Нузхат-аз-Заман, другую твоему брату Дау-аль-Макану, а третью он отдал твоему брату, царю Шарр-Кану, и царица Абриза взяла её у него и сохранила для тебя.

А когда приблизились роды, твоя мать затосковала по своей семье и сообщила мне свою тайну. И она свиделась с чёрным рабом, по имени аль-Гадбан, и тайком рассказала ему все дело и соблазнила его деньгами, чтобы он с нами отправился. И раб взял нас и вывез из города и убежал с нами (а роды твоей матери приблизились). И когда мы приехали в уединённое место, в начале нашей страны, у неё начались потуги, чтобы родить тебя. И душа раба подсказала ему постыдное, и он подошёл к твоей матери и, подойдя к ней, стал склонять её на мерзость, а она закричала на него великим криком и испугалась его, и от сильного испуга тотчас же родила тебя.

А в это время в пустыне, со стороны наших земель, поднялась пыль, которая взвилась и полетела, застилая небо со всех сторон, и раб испугался, что погибнет, и ударил царицу Абризку мечом и убил её от сильного гнева, а потом сел на коня и отправился своей дорогой.

И когда раб уехал, пыль рассеялась и показался твой дед, царь Хардуб, царь румов, и увидел твою мать, а свою дочь, в этом месте убитую, лежащую на земле. И это показалось ему тяжким и великим, и он спросил меня, почему её убили и отчего она тайком ушла из страны своего отца, и я рассказала ему обо всем, с начала и до конца, и в этом причина вражды между обитателями земли румов и обитателями земли багдадской. А после этого мы унесли твою мать, которая была убита, и похоронили её, а тебя унесла я и воспитала тебя и повесила на тебя ладанку, что была у царевны Абризы.

А когда ты вырос и достиг возраста мужей, мне нельзя было рассказывать тебе истину об этом деле, так как, если бы я рассказала тебе об этом, между вами наверное поднялись бы войны. Твой дед велел мне хранить это в тайне, и я не властна была нарушить приказ твоего деда, царя Хардуба, царя румов.

Вот почему я скрывала от тебя это дело и не осведомила тебя о том, что царь Омар ибн ан-Нуман – твой отец. А когда ты стал править независимо, я все рассказала тебе, и я могла осведомить тебя только теперь, о царь времени. Я поведала тебе тайну и разъяснение, и вот какие у меня вести, а ты лучше знаешь, как тебе поступить».

А пленные слышали все эти речи рабыни Марджаны, няньки паря. И Нузхат-аз-Заман в тот же час и минуту вскрикнула и сказала: «Этот царь Румзан – мой брат от моего отца. Омара ибн ан-Нумана, и мать его – царица Абриза, дочь царя Хардуба, царя румов, а эту невольницу, Марджану, я хорошо знаю!»

И когда царь Румзан услышал это, его охватила ярость, и он не знал, как ему поступить. И в тот же час и минуту он велел привести к себе Нузхат-аз-Заман, и когда он увидел её, кровь устремила к родной крови, и он спросил Нузхат-аз-Заман, какова её история. И она рассказала свою историю, и слова её совпали со словами его няньки Марджаны, и царь узнал наверное, что он из людей Ирака действительно и без сомнения и что отец его – царь Омар ибн ан-Нуман, и он тотчас же поднялся и развязал верёвки на своей сестре Нузхат-аз-Заман. И она подошла к нему и поцеловала ему руки, и глаза её прослезились. И царь заплакал, и братская нежность охватила его, и сердце его устремилось к султану КанМакану.

И он поднялся на ноги и взял меч из рук палача, и пленные, увидав это, убедились, что погибнут. И царь велел поставить их перед собою и развязал их узлы, а потом он сказал своей няньке Марджане: «Расскажи этим людям то, что ты рассказала мне». И его нянька Марджана ответила: «Знай, о царь, что этот старец – везирь Дандан и что он лучший свидетель за меня, так как он знает истину в этом деле. И она тотчас обратилась к пленным и к тем, кто присутствовал из владык румов и франков, и рассказала им эту историю, а царица Нузхат-аз-Заман, везирь Дандан и бывшие с ними пленники подтверждали её правдивость в этом.

А в конце рассказа невольница Марджана бросила взгляд и увидела на шее султана Кан-Макана ту самую третью ладанку, подругу двух ладанок, что были у царицы Абризы, и она узнала её и издала громкий вопль, от которого загудело на равнине, и сказала царю: «О

дитя моё, знай, что моё убеждение стало ещё вернее, так как ладанка на шее у этого пленного сходна с той ладанкой, которую я повесила тебе на шею, и подобна ей. А этот пленник – сын твоего брата, то есть Кан-Макан».

А затем невольница Марджана обратилась к Кан-Макану и сказала ему: «Покажи мне эту ладанку, о царь времени», и Кан-Макан снял ладанку с шеи и подал её той невольнице, няньке царя Румзана, и Марджана взяла её и спросила о третьей ладанке, и Нузхат-аз-Заман отдала её ей. И когда обе ладанки оказались в руках невольницы, она подала их царю Румзану, и тому стала явна истина и несомненное доказательство, и он убедился, что он дядя султана Кан-Макана и что отец его – царь Омар ибн ан-Нуман.

И в тот же час и минуту он поднялся к везиру Дандану и обнял его, а потом он обнял царя Кан-Макана, и поднялись крики великой радости, и в тот же час распространились радостные вести, и забили в литавры, и задудели в дудки, и великою стала радость.

И воины Ирака и Сирии услышали, как румы кричат от радости, и все до последнего сели на коней, и царь аз-Зябликан тоже сел, говоря про себя: «Погляжу-ка, что за причина этих криков радости в войсках франков и румов!» А что касается войск Ирака, то они приблизились и вознамерились сражаться и выстроились на поле и на месте сражения и боя, а царь Румзан обернулся и увидел, что войска приближаются и готовятся к бою, спросил о причине этого. И ему рассказали, в чем дело, и тогда он велел Кудья-Факан, дочери его брата Шарр-Кана, в тот же час и минуту отправиться к войскам Сирии и Ирака и уведомить их, что состоялось соглашение и выяснилось, что царь Румзан – дядя султана Кан-Макана.

И Кудья-Факан сама отправилась, прогнав от себя злые мысли и печали, и по прибытии к царю аз-Зябликану приветствовала его и осведомила о том, какое произошло соглашение, и сказала, что царь Румзан, как выяснилось, её дядя и дядя султана Кан-Макана. И по прибытии к нему она увидела, что глаза царя плачут, и он боится за эмиров и вельмож, и рассказала ему всю повесть, с начала до конца, и они сильно обрадовались, и прекратились их печали.

И царь аз-Зябликан сел на коня, вместе со всеми сановниками и вельможами, и царевна Кудья-Факан поехала впереди них и привела их к шатру царя Румзана. И они вошли к нему и увидели, что он сидит с султаном Кан-Маканом, и царь Румзан и везирь Дандан советовались с Кан-Маканом о том, как поступить с царём аз-Зябликаном, и сговорились, что отдадут ему город Дамаск сирийский, поставят его, по обычаю, над ним правителем, а сами уйдут в землю иракскую.

И они сделали царя аз-Зябликана наместником в Дамаске сирийском и велели ему отправиться туда, и он отправился в Дамаск со своими войсками, и его провожали некоторое время, чтобы проститься с ним, а после этого вернулись на своё место.

А затем кликнули среди войск клич о выступлении в страны Ирака, и оба войска собрались вместе, и цари сказали друг другу: «Наши сердца отдохнут, и мы утолим наш гнев, только если отомстим и снимем с себя позор, оплатив старухе Шавахи, по прозвищу Зат-ад-Давахи».

И после этого царь Румзан уехал со своими вельможами и приближёнными, а султан Кан-Макан обрадовался, найдя своего дядю, царя Румзана, и призвал милость Аллаха на невольницу Марджану, которая осведомила их друг о друге. И они отправились и шли до тех пор, пока не прибыли в свою землю, и старший царедворец Сасан услышал о них и вышел и поцеловал руку царя Румзана, и тот наградил его почётной одеждой.

А потом царь Румзан сел на престол и посадил сына своего брата, султана Кан-Макана, рядом с собою, и Кан-Макан сказал своему дяде, царю Румзану: «О дядюшка, это царство годится лишь для тебя», но тот отвечал ему: «Сохрани Аллах, чтобы я соперничал с тобою из-за власти!»

И тогда везирь Дандан посоветовал им, чтобы оба они были во власти равны, и каждый управлял бы день, и они согласились на это...»

И Шахразату застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Сто сорок четвёртая ночь

Когда же настала сто сорок четвёртая ночь, Шахразада сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что цари сговорились, что каждый из них будет править день, а затем устроили пиры и закололи животных и великою стала их радость. И они прожили таким образом некоторое время, и при всем этом султан Кан-Макан проводил ночи со своей двоюродной сестрой Кудья-Факан.

А после этого времени они сидели, радуясь тому, что их дела устроились и пришли в порядок, как вдруг показалась пыль, которая поднялась и полетела и застлала края неба, и к ним пришёл один купец, взывая и прося о помощи, и он кричал: «О цари времени, как мог я остаться цел в стране неверных, а в вашей стране меня ограбили, хотя эта страна справедливости и безопасности?» И царь Румзан обратился к нему и спросил его, что с ним, и купец сказал: «Я купец среди купцов и уже долгое время нахожусь вдали от родных мест. Вот уже около двадцати лет, как я углубился в чужие страны. Со мною есть письмо из города Дамаска, которое написал мне покойный царь Шарр-Кан, и случилось это потому, что я ему подарил невольницу. А когда я приблизился к этим странам, со мною было сто тюков редкостей из Индии, которые я вёз в Багдад, ваш священный город и место безопасности и справедливости, и на нас напали арабы кочевники, с которыми были курды, собравшиеся из всех стран, и они перебили моих людей и разграбили моё имущество, и вот рассказ о том, что со мною».

И купец заплакал перед царём Румзаном и стал жаловаться, восклицая: «Нет мощи и силы, кроме как у Аллаха!» И царь пожалел его, и смягчился к нему, и сын его брата, царь Кан-Макан, тоже пожалел купца, и оба дали ему клятву, что выступят против разбойников.

И они выступили против них во главе сотни всадников, каждый из которых считался за тысячу мужей (а тот купец ехал впереди них, указывая дорогу), и продолжали ехать весь этот день и всю ночь, до зари, и, приблизившись к долине с полноводными реками, изобилующей деревьями, они увидели, что разбойники рассеялись по этой долине и поделили между собою тюки того купца, но часть тюков осталась. И тогда сто всадников ринулись на них и окружили их со всех сторон, и царь Румзан закричал на них, вместе со своим племянником Кан-Маганом, и прошло не более часа, как всех разбойников забрали в плен, а было их около трехсот. И когда их взяли в плен, у них отобрали бывшее у них имущество купца и, накрепко связав их, доставили их в город Багдад.

И царь Румзан и его племянник царь Кан-Макан сели смее на один престол, а затем всех разбойников поставили перед ними, и они спросили их, кто они такие и кто их начальник, и бедуины сказали: «У нас нет начальников, кроме трех человек, которые собрали нас всех со всех сторон и земель». – «Укажите нам этих самых людей», – сказали цари, и бедуины указали их. И тогда цари велели их схватить и отпустить остальных людей, отобрав у них сначала все бывшие с ними товары, которые и вручили купцу. И купец осмотрел материи и товары и увидел, что четверть их погибла, но ему обещали возместить все, что у него пропало.

Тогда купец вынул два письма, одно из которых было написано почерком Шарр-Кана, а другое почерком Нузхат-аз-Заман (а этот купец купил Нузхат-аз-Заман у бедуина, когда она была невинна, и подарил её брату Шарр-Кану, и у неё случилось с братом то, что случилось). И царь Кан-Макан прочитал оба письма и узнал почерк своего дяди Шарр-Кана и выслушал историю своей тётки Нузхат-аз-Заман. И он вошёл к ней с тем вторым письмом, написанным ею для купца, у которого пропали товары, и рассказал ей его историю с начала до конца. И Нузхат-аз-Заман узнала его и признала свой почерк, и она выставила купцу угощение и поручила его заботам своего брата, царя Рузмана, и своего племянника, царя Кан-Магана. И тот приказал дать ему денег, рабов и слуг, чтобы ему прислуживать, а Нузхат-аз-Заман прислала ему сто тысяч дирхемов денег и пятьдесят тюков товаров и одарила его подарками и послала за ним, требуя его, а когда купец явился, она вышла к нему и приветствовала его и

осведомила его о том, что она дочь царя Омара ибн ан-Нумана и что брат её – царь Румзан, а сын её брата – царь Кан-Макан.

И купец сильно обрадовался этому и поздравил её с благополучной встречей и поцеловал её руки, благодаря её за её поступок, и воскликнул: «Клянусь Аллахом, доброе дело не пропадёт за тобой!» А потом Нузхат-аз-Заман вошла в свои личные покои, а купец оставался у них три дня, и затем он простился с ними и уехал в земли сирийские.

А после того цари велели привести трех воров, которые были предводителями разбойников, и спросили их, кто они. И один из них выступил вперёд и сказал: «Знайте, что я человек из бедуинов и стою на дороге, чтобы похищать детей и невинных девушек, и продаю их купцам. Я делаю это в течение долгого времени до сих дней, но сатана подзадорил меня, и я сошёлся с этими двумя несчастными и собрал бедуинский и городской сброд, чтобы грабить деньги и пресекать дорогу купцам». – «Расскажи нам самое удивительное из того, что ты выдывал, когда похищал детей и девушек», – сказали ему, и бедуин молвил:

«Вот самое удивительное, что случилось со мною, о цари времени. Двадцать два года тому назад я украл в один день из дней девушку из девушек Иерусалима, и была эта девушка красива и прекрасна, но только она была служанка, и на ней была рваная одежда, а голову её покрывал кусок плаща. Я увидел, как она выходит из хана, и тотчас же хитростью похитил её и, положив её на верблюда, уехал с ней вперёд. Я рассчитывал, что увезу её к моим родным в пустыне и оставлю её пасти у меня верблюдов и собирать в долине навоз. Она горько плакала, и я подошёл к ней и больно побил её и, взяв её, отвёз в город Дамаск. И один купец увидел её со мною, и, когда он её увидел, его ум смутился, и ему понравилось красноречие девушки, и он захотел купить её у меня и все время прибавлял за неё цену, пока я не продал ему девушку за сто тысяч дирхемов.

И когда я отдал её ему, я убедился, что она весьма красноречива, и до меня дошло, что купец одел её в красивую одежду и предложил её владыке, правителю Дамаска, и тот дал ему два раза столько, сколько он отдал мне. Вот, о цари времени, самое удивительное, что со мною приключилось, и, клянусь жизнью, такой цены мало за эту девушку!»

Услышав эту историю, цари удивились, а когда Нузхат-аз-Заман услышала, что рассказывал бедуин, свет стал мраком перед лицом её, и она закричала своему брату Румзану: «Это тот самый бедуин, который похитил меня в Иерусалиме, без сомнения!»

И затем Нузхат-аз-Заман рассказала им обо всех случившихся с нею из-за него на чужбине несчастьях, и о побоях, голоде, позоре и унижении и сказала: «Теперь мне позволительно его убить». И она вытащила меч и подошла к бедуину, чтобы убить его, но тот вдруг вскричал: «О цари времени, не давайте ей меня убивать, пока я не расскажу вам, какие со мной приключились диконины». – «О тётушка, – сказал ей тогда её племянник Кан-Макан, – дай ему рассказать нам историю, а после этого делай с ним, что хочешь».

И Нузхат-аз-Заман оставила его, а цари сказали: «Теперь расскажи нам историю». – «О цари времени, – спросил тогда бедуин, – если я расскажу вам диковинную историю простите ли вы меня?» И цари отвечали: «Да».

Рассказ бедуина Хаммада (ночь 144)

Бедуин принялся рассказывать им о самом диковинном, что выпало ему на долю, и сказал: «Знайте, что немного времени тому назад я как-то ночью сильно мучился бессонницей и мне не верилось, что наступит утро. Когда же утро настало, я поднялся, в тот же час и минуту опоясался мечом, сел на коня, привязал к ноге копьё и выехал, желая оправиться на охоту и ловлю. И мне повстречалась на дороге толпа людей, которые спросили меня о моей цели, и когда я сказал им о ней, они воскликнули: „И мы тоже тебе товарищи!“ И мы отправились все вместе, и когда мы ехали, вдруг перед нами появился страус.

И мы направились к нему, но он побежал перед нами, распахнув крылья, и нёсся, а мы за ним следом, до полудня, и, наконец, он завёл нас в пустыню, где не было ни

растительности, ни воды, и мы слышали там лишь свист змей, вой джиннов и крики гулей. И когда мы достигли этого места, страус скрылся от нас, и не знали мы, на небо ли он взлетел, или под землю провалился.

Мы повернули головы коней и хотели уезжать, но потом мы решили, что возвращаться во время такой сильной жары не хорошо и не правильно. А зной усилился над нами, и нам сильно хотелось пить, и кони наши остановились, и мы уверились, что умрём. И когда мы так стояли, мы вдруг увидели издали обширный луг, где резвились газели, и там был разбит шатёр, а рядом с шатром был привязан конь, и блестели зубцы на копьё, воткнутом в землю.

И души наши оправились после отчаянья, и мы повернули головы коней к этому шатру, стремясь к лугу и воде, и все мои товарищи направились к нему, и я был впереди них, и мы ехали до тех пор, пока не достигли того луга, и, остановившись у ручья, мы напились и напоили наших коней. И меня охватил пыл неразумия, и я направился ко входу в эту палатку и увидел юношу без растительности на щеках, подобного месяцу, и справа от него была стройная девушка, словно ветвь ивы. И когда я увидел её, любовь к ней запала мне в сердце.

Я приветствовал юношу, и он ответил на мой привет, и я спросил его: «О брат арабов, расскажи мне, кто ты и кто для тебя эта девушка, которая подле тебя?» И юноша потупил ненадолго голову, а потом поднял её и сказал: «Расскажи сначала мне, кто ты и что это за конные с тобою». И я ответил ему: «Я Хаммад ибн аль-Фазари-аль-Фариси, славный витязь, который считается среди арабов за пятьсот всадников. Мы вышли из нашего становища, направляясь на охоту и ловлю, и нас поразила жажда, и я направился ко входу в эту палатку, надеясь, что найду у вас глоток воды».

И, услышав мои слова, юноша обернулся к той красивой девушке и сказал ей: «Принеси этому человеку воды и что найдётся из кушанья», и девушка поднялась, волоча подол, и золотые браслеты бренчали у неё на ногах, и она спотыкалась, наступая на свои волосы. Она ненадолго скрылась и потом пришла, и в правой её руке был серебряный сосуд, полный холодной воды, а в другой – чашка, наполненная финиками, молоком и мясом зверей, какое нашлось у них.

И я не мог взять у девушки ни еды, ни питья, так сильно я полюбил её, и произнёс такие два стиха:

«И кажется, краска на пальцах её –
Как ворон, который стоит на снегу.
Ты солнце с луною увидишь на ней,
И солнце закрылось, и в страхе луна».

А поев и напившись, я сказал юноше: «О начальник арабов, знай, что я осведомил тебя об истине в моем деле и хочу, чтобы ты рассказал мне, кто ты, и осведомил бы меня об истине в твоём деле». – «Что до этой девушки, то она моя сестра», – сказал юноша. И я молвид: «Хочу, чтобы ты добровольно отдал мне её в жены, а не то я убью тебя и возьму её насильно».

И тут юноша на время потупил голову, а потом он поднял свой взор ко мне и сказал: «Ты прав, утверждая, что ты известный витязь и славный храбрец и лев пустыни, но если вы вероломно наброситесь на меня и убьёте и возьмёте мою сестру, это будет для вас позором. И если вы, как вы говорили, витязи, которые считаются за храбрецов и не опасаются войны и боя, дайте мне небольшой срок, пока я надену доспехи войны, опояшу себя мечом и привяжу копьё. Я сяду на коня, и мы с вами выедем на поле битвы. И если я одолею вас, я вас перебую до последнего, а если вы меня одолеете, то вы убьёте меня, и эта девушка, моя сестра, будет ваша».

Услышав его слова, я сказал ему: «Вот это справедливость, и у нас нет возражения!» И я повернул назад голову своего коня и стал ещё более безумен от любви к этой девушке. И, вернувшись к моим людям, я описал её красоту и прелесть, и красоту юноши, который подле неё, и его доблесть и силу души, и рассказал, как он говорил, что схватится с тысячей

всадников. И потом я осведомил моих товарищей обо всех богатствах и редкостях, которые находятся в палатке, и сказал им: «Знайте, что юноша один в этой земле только потому, что он обладает великой доблестью, и я предупреждаю вас, что всякий, кто убьёт этого молодца, возьмёт его сестру». – «Мы согласны на это», – сказали они, а зачем мои товарищи надели боевые доспехи, сели на коней и направились к юноше.

И оказалось, что он уже облачился в доспехи боя и сел на скакуна. И его сестра подскочила к нему и уцепилась за его стремя, обливая своё покрывало слезами и крича от страха за своего брата: «О беда, о погибель!» И она говорила такие стихи:

«Аллаху я жалуюсь в беде и несчастьи, –
Быть может, престола бог пошлёт им испуг и страх.
Хотят умертвить тебя, о брат мой, умышленно,
Хоть прежде сражения виновен и не был ты.
Узнали те всадники, что витязь бесстрашный ты
И доблестней всех в стране восхода и запада,
Сестру охраняешь ты, чья воля ослаблена.
Ты брат ей, и молится творцу за тебя она.
Не дай же недугам ты душой овладеть моей
А взять меня силою и в плен увести меня,
Аллахом клянусь тебе – не буду я в плене,
Коль нет там тебя со мной, хоть полон он будет благ.
Себя от любви к тебе убью я, влюблённая,
И буду в могиле жить, постелью мне будет прах».

И её брат, услышав эти стихи, заплакал горькими слезами и, повернув голову коня к сестре, ответил на её стихи, говоря:

«Постой, посмотри, явлю тебе я диковины,
С врагами когда сражусь и их сокрушу в бою.
И даже коль выедет начальник и лев среди них,
Чьё сердце всех доблестней, кто крепче душой их всех.
И вот напою его ударом я салабским,
Оставляю я в нем копьё до ручки вонзившимся,
И если не буду я, сестра, защищать тебя,
Мне лучше убитым быть и птицам добычей стать.
Сражусь за тебя в бою, насколько достанет сил,
И после рассказ о нас заполнит немало книг».

А окончив свои стихи, он сказал: «О сестрица, послушай, что я тебе скажу и что завещаю», и она ответила: «Слушаю и повинуюсь!» – а юноша молвил: «Если я погибну, не давай овладеть собою никому!» И тогда она стала бить себя по лицу и воскликнула: «Храни Аллах, о брат мой, чтобы я увидела тебя поверженным и позволила врагам овладеть мной!»

И тут юноша протянул к ней руку и поднял покрывало с её лица, и нам блеснул её образ, подобный солнцу, выглянувшему из-за облаков, и поцеловал её меж глаз, и попрощался с нею, а после этого он обернулся к нам и воскликнул: «О витязи, гости вы или хотите боя и сраженья? Если вы гости, то радуйтесь угощению, а если вы хотите блестящей луны, то пусть выходит ко мне из вас витязь за витязем в это поле за место сражения и боя!»

И тогда вышел к нему доблестный витязь, и юноша спросил его: «Как твоё имя и имя твоего отца? Клянусь, что я не убью того, чьё имя совпадёт с моим и чьего отца зовут так же, как моего! Если ты таков, то я отдам тебе девушку». И витязь сказал: «Моё имя Биляль»¹⁹⁹,

¹⁹⁹ Биляль – имя первого муэдзина в мусульманской общине. Это был абиссинский раб, объявивший себя

а юноша ответил ему, говоря:

«Ты лгал, сказав: „Меня зовут Бидялем“.
Ты ложь привёл и явную нелепость.
Коль ты разумен, слушай, что скажу я:
«Бойцов свергаю я в широком поле
Колющим, острым, месяцу подобным.
Терпи удар того, для гор кто страшен!»

И они понеслись друг на друга, и юноша ударил врага копьём в грудь так, что зубцы вышли из его спины. А затем выехал к нему ещё один воин, и юноша произнёс:

«О гнусный пёс, всегда покрытый грязью,
Как дорогого я сравню с дешёвым?
Ведь тот лишь храбрый лев и славен родом,
Кто на войне не думает о жизни».

И юноша, не дав противнику срока, оставил его потонувшим в собственной крови. И потом юноша крикнул: «Есть ли противник?» – и к нему выехал ещё один боец и пустился на юношу, говоря:

«К тебе я бросился, огонь в душе моей,
И от него зову друзей моих я в бой.
Владык арабов ты сегодня перебил,
Но выкупа себе в сей день ты не найдёшь».

И, услышав его слова, юноша ответил, говоря:

«Ты лжёшь, о самый скверный из шайтанов!
Обман и ложь изрёк ты этим словом!
Сегодня встретишь храброго с копьём ты
На поле битвы и горячей сечи».

И затем он ударил его в грудь, и зубцы копья показались из его спины, а потом юноша воскликнул: «Будет ли ещё противник?» – и к нему вышел четвёртый боец, и юноша спросил, как его имя. И когда витязь сказал: «Моё имя Хиляль»²⁰⁰, – юноша произнёс:

«Ошибся ты, в моё вошедши море,
И ложь сказал во всем ты этом деле.
Ты от меня стихи теперь услышишь,
И дух твой украду – ты не узнаешь».

И они понеслись друг на друга и обменялись двумя ударами, и удар юноши настиг витязя первый, и юноша убил его. И всякого, кто выезжал к нему, он убивал.

И когда я увидел, что мои товарищи перебиты, я сказал себе: «Если выйду к нему на бой, я с ним не справлюсь, а если убегу, я буду опозорен среди арабов». А юноша, не дав мне срока, ринулся на меня и, потянув меня рукою, свалил меня с седла, и я упал, ошеломлённый, а он поднял меч и хотел отрубить мне голову, и я уцепился за полу его

сторонником Мухаммеда.

²⁰⁰ Хиляль – означает, молодой месяц, полумесяц.

платья, а он понёс меня на руке, и я был у него в руках, точно воробей.

И когда девушка увидала это, она обрадовалась деяниям своего брата и, подойдя к нему, поцеловала его меж глаз, а он передал меня своей сестре и сказал ей: «Вот тебе, бери его и сделай хорошим его обиталище, так как он вступил к нам под начало!» И девушка схватила меня за ворот кольчуги и повела меня, как ведут собаку. Она развязала брату боевой панцирь и надела на него одежду, а потом она подставила ему скамеечку из слоновой кости, и он сел. «Да обелит Аллах твою честь и да сделает тебя защитой от превратностей», – сказала она юноше, а он ответил ей такими стихами:

«Сестра говорит, а в битве она видала,
Как блещет мой лоб, подобный лучам блестящим:
«Достоин был Аллаха ты, о витязь,
Пред чьим копьём согбенны львы пустыни».
И молвил я ей: «Спроси обо мне ты храбрых,
Когда бегут разящие мечами.
Известен я и счастьем и силой,
А разум ной вознёсся как высоко!
Сразился ты со львом, Хаммад, жестоким
И видел смерть ползущей, как ехидна».

Услышав его стихи, я впал в растерянность и взглянул на своё положение, к которому привёл меня плен, и душа моя стала для меня ничтожна. А потом я посмотрел на девушку, сестру юноши, и на её красоту и сказал себе: «Вот причина всей смуты!» И я подивился её прелести и пролил слезы и произнёс такие стихи:

«О друг мой, брось укоры и упрёки,
Упрёки я оставлю без внимания.
Я в девушку влюблён, едва явилась,
Любить её меня зовёт уж призыв.
А брат её в любви к ней соглядатай,
Решимостью и мощью он владеет».

И потом девушка принесла брату еду, и он позвал меня есть с ним, и я обрадовался и почувствовал себя в безопасности от смерти.

А когда брат её кончил есть, она принесла ему сосуд с вином, и юноша принялся за вино и пил, пока вино не заиграло у него в голове и лицо его не покраснело. И он обернулся ко мне и спросил: «Горе тебе, о Хаммад, знаешь ты меня или нет?» – «Клянусь твоей жизнью я стал лишь более несведущ!» – отвечал я, и он сказал: «О Хаммад, я Аббад ибн Тамим ибн Салаба. Поистине, Аллах подарил тебе твою душу и сохранил тебя для твоей свадьбы».

И он поднял за мою жизнь кубок вина, который я выпил, и поднял второй, и третий, и четвёртый, и я выпил их все, и он выпил со мною и взял с меня клятву, что я не обману его. И я дал ему тысячу пятьсот клятв, что никогда не стану его обманывать, но буду помощником.

И тогда он приказал своей сестре принести мне десять шёлковых одежд, и она принесла их и надела мне на тело, и вот одна из них надета на мне. И он велел ей привести верблюдицу из лучших верблюдиц, и девушка привела мне верблюдицу, нагруженную редкостями и припасами. И ещё он велел ей привести того рыжего коня, и она привела его. И юноша подарил мне все это, и я провёл у них три дня за едой и питьём, и то, что он мне дал, находится у меня до сего времени.

А через три дня он сказал мне: «О брат мой, о Хаммад, я хочу немного поспать и дать душе отдых, и я доверяю тебе свою жизнь. Если ты увидишь несущихся всадников, не пугайся их и знай, что они из племени Бену-Салаба и хотят со мной воевать». Потом он

положил себе меч под голову вместо подушки и заснул.

И когда он погрузился в сон, Иблис нашептал мне убить его, и я быстро встал и, вытянув меч у него из-под головы, ударял его ударом, который отделил ему голову от тела. И сестра его узнала об этом и, подскочив со стороны палатки, кинулась на тело своего брата, разрывая надетую на ней одежду, и произнесла такие стихи:

«Родным передай моим злосчастную эту весть, –
Того избежать нельзя, что вышний судья судил.
О брат мой, повержен ты и вот на земле лежишь,
И лик говорит твой нам о прелести месяца.
Злосчастливым был нам тот день, когда я их встретила,
И, долго врагов гоня, сломалось копье твоё.
Убит ты, и всадники с конём не потешатся,
И женщина не родит от мужа таких, как ты.
И ныне убийцею Хаммад твоим сделался,
И клятвы нарушил он, обет не исполнив свой.
И этим хотел достичь желаемой цели он,
Но лгал сатана во всем, что сделать велел ему».

А окончив свои стихи, она воскликнула: «О проклятый в обоих твоих дедах, зачем ты убил моего брата и обманул его? Он хотел возратить тебя в твою страну с припасами и подарками и также имел желание отдать меня тебе в жены в начале месяца». И, вынув бывший у неё меч, она поставила его ручкой на землю, а острие приложила к своей груди и налегла на него, так что меч вышел из её спины, и упала на землю мёртвая.

И я опечалился о ней и раскаивался, когда раскаяние было бесполезно, и плакал, а затем я поспешно вошёл в шатёр и, взяв то, что было легко нести и дорого ценилось, отправился своей дорогой. И от страха и поспешности я не подумал ни о ком из своих товарищей и не похоронил ни девушку, ни юношу. Эта история диковинней первой истории со служанкой, которую я похитил в Иерусалиме».

И когда Нузхат-аз-Заман услышала от бедуина эти слова, свет в глазах её стал мраком...

И Шахразадку застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Сто сорок пятая ночь

Когда же настала сто сорок пятая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что когда Нузхат-аз-Заман услышала от бедуина эти слова, свет в глазах её стал мраком, и, поднявшись, она обнажила меч и ударила им бедуина Хаммада в лопатку и вытащила меч из его шеи. И присутствующие сказали ей: „Почему ты поторопилась убить его?“ – а она воскликнула: „Слава Аллаху, который продлил мой срок настолько, что я отомстила своей рукой!“ И она велела рабам вытащить его за ноги и бросить собакам.

А после того обратились к остальным двум из этих трех, из которых один был чёрный раб, и спросили его: «А ты, как тебя зовут, скажи нам правду!» И он отвечал: «Меня зовут аль-Гадбан», и рассказал им о том, что у него произошло с царицей Абризой, дочерью царя Хардуба, царя румов, как он убил её и убежал. И раб ещё не закончил своей речи, как царь Румзан скинул ему голову мечом и воскликнул: «Слава Аллаху, который дал мне жизнь, и я отомстил за мою мать собственной рукой!» И он передал всем, что рассказала ему его нянька Марджана об этом рабе по имени аль Гадбан.

А после того обратились к третьему, и был это верблюжатник, которого наняли жители Иерусалима, чтобы свезти Дау-аль-Макана и доставить его в больницу Дамаска сирийского, и он бросил её у топки и ушёл своей дорогой.

«Расскажи нам твою повесть и говори правду», – сказали ему, и верблюжатник рассказал обо всем, что произошло у него с султаном Дау-аль Маканом, как он увёз его больного из Иерусалима, чтобы доставить его в Дамаск, и бросил его у больницы и как жители Иерусалима принесли ему деньги, и он взял их и убежал, кинув Дауаль Макана на куче навоза возле топки бани. И не окончил он ещё говорить, как султан Кан-Макан взял меч и, ударив верблюжатника, скинул ему голову и воскликнул: «Слава Аллаху, который сохранил мне жизнь, и я отомстил этому обманщику за то, что он сделал с моим отцом! Я слышал этот самый рассказ от моего отца».

И потом цари сказали друг другу: «Нам осталась только старуха Шавахи, по прозванию Зат-ад-Давахи, – она виновница этих испытаний, так как ввергла нас в бедствия. Кто поможет нам отомстить ей и снять позор?»

И царь Румзан, дядя царя Кан-Макана, сказал ему: «Она обязательно должна явиться!» И в тот же час и минуту царь Румзан написал письмо и послал его своей прабабке, старухе Шавахи, по прозванию Зат-ад-Давахи, и говорил ей в нем, что он овладел царством Дамаска, Мосула и Ирака, разбил войско мусульман и взял в плен их царей. «И я хочу, – говорил он, – чтобы ты всенепременно явилась ко мне с царевной Суфией, дочерью царя Афридуна, царя аль Кустантынии, и с кем хочешь из вельмож христиан, но без войска, так как в этих странах безопасно, ибо они стали нам подвластны».

И когда письмо дошло до старухи, она прочитала его и, узнав почерк царя Румзана, сильно обрадовалась, и в ют же час и минуту она собралась в путь вместе с царевной Суфией, матерью Нузхат-аз-Заман, и теми, кто им попутствовал, и они ехали, пока не достигли Багдада. И посланец выехал вперёд и сообщил об их прибытии.

И тогда Румзан сказал: «Наше благо требует, чтобы мы оделись в одежды франков и встретили старуху мы будем тогда в безопасности от её хитростей и обманов». И все ответили: «Слушаем и повинемся!» – и надели франкское платье. И когда Кудья-Факан увидела это, она воскликнула: «Клянусь господом, которому поклоняются, не знай я вас, я бы наверное сказала, что вы франки!»

А потом Румзан пошёл впереди них, и они вышли навстречу старухе, с тысячей всадников, и когда глаза уже встретились с глазами, Румзан сошёл с коня и поспешил к ней, а старуха, увидав Румзана, узнала его и, спешившись, обняла его за шею. И Румзан так сдавил ей рукой ребра, что чуть не сломал её, и старуха спросила его: «Что это такое, о дитя моё?» Но она ещё не закончила этих слов, как вышли к ним Кан-Макан и везирь Дандан, и витязи закричали на бывших с нею невольниц и слуг и забрали их всех и вернулись в Багдад.

И Румзан приказал украсить Багдад, и город украшали три дня, а потом вывели старуху Шавахи, по прозванию Зат-ад-Давахи, на голове которой был красный колпак из листьев, окаймлённый ослиным навозом, и впереди неё шёл глашатай и кричал: «Вот воздаяние тому, кто посягает на царей, сыновей царей и царских детей».

А затем её распяли на воротах Багдада, и когда её люди увидели, что с ней случилось, они все приняли ислам. И Кан-Макан, его дядя Румзан, Нузхат-аз-Заман и везирь Дандан удивились этой диковинной истории и велели писцам занести её в книги, чтобы её читали те, кто будет после них, и провели остальное время в сладчайшей и приятнейшей жизни, пока не пришла к ним Разрушительница собраний.

Вот и конец того, что до нас дошло о превратностях времени, постигших царя Омара ибн ан-Нумана, его сыновей Шарр-Кана и Дау-аль-Макана и сына его сына Кан-Макана и дочь его Нузхат-аз-Заман и её дочь Кудья-Факан».

Рассказы о животных и птицах (ночи 145-152)

И сказал потом царь Шахразде: «Хочу, чтобы ты мне теперь рассказала что-нибудь из рассказов о животных и птицах». А сестра её, Дуньязада, воскликнула: «Я не видела за все это время, чтобы у царя расправилась грудь когда-нибудь, кроме сегодняшней ночи, и я

надеюсь, что исход твоего дела с ним будет благополучен». А царя в это время настиг сон, и он заснул...

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Рассказ о гусыне и львёнке (ночь 146)

Сто сорок шестая ночь

Когда же настала сто сорок шестая ночь, Шахразада сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что был в древние времена и минувшие годы павлин, который ютился на берегу моря со своей женой. И место это изобиловало львами, и были там всякие звери, а деревья и реки были в том месте многочисленны.

И этот павлин с женою ютились ночью на одном дереве из этих деревьев, боясь зверей, а днём спозаранку вылетали, чтобы найти пропитание. И они жили так, пока их страх не усилился, и стали они искать другое место, где бы приютиться. И когда они искали такое место, вдруг показался остров, изобилующий деревьями и реками, и они опустились на этот остров, и поели и напились, и тогда вдруг подбежала к ним гусыня. В сильном испуге бежала она до тех пор, пока не прибежала к дереву, на котором был павлин с женой, и тогда только успокоилась.

И павлин не усомнился, что у этой гусыни удивительная история, и спросил её, что с нею и почему она боится, и гусыня сказала: «Я больна от ужаса и от страха перед сыном Адама. Берегись и ещё раз берегись сыновей Адама!» – «Не бойся, раз ты добралась до нас», – сказал ей павлин, и гусыня воскликнула: «Слава Аллаху, который облегчил мою заботу и горе благодаря вашей близости! Я пришла, желая вашей дружбы».

И когда она кончила говорить, жена павлина спустилась к ней и сказала: «Приют и уют! Добро пожаловать! С тобою не будет беды. Откуда достигнет нас сын Адама, когда мы на этом острове, который посреди моря? С суши он не может до нас добраться, а с моря ему нельзя к нам подняться. Радуйся же и расскажи нам, что постигло и поразило тебя от сына Адама».

«Знай, о пава, – сказала тогда гусыня, – что я всю жизнь провела на этом острове в безопасности, не видя дурного. И однажды ночью я заснула и увидела во сне образ сына Адама, который говорил со мной, и я говорила с ним. И я услышала, как кто-то говорит мне: «О гусыня, остерегайся сына Адама и не обманывайся его речами и тем, что он принесёт тебе: велики его хитрости и обманы! Берегись же всячески его коварства, ибо он обманщик и коварен, как сказал о нем поэт:

Языка концом он даст кубок тебе лакомый
И хитрит с тобой, как хитрит лиса прековарная.

Знай, что сын Адама может вытащить рыбу из моря и бросить в птиц глиняные пули и спалить своим коварством слона. От зла сына Адама не уцелеет никто, и не спасётся от него ни птица, ни зверь. И вот я сообщил тебе то, что я слышал о сыновьях Адама».

И я пробудилась от сна, испуганная и уstraшённая, и у меня до сих пор не расправилась грудь: так я боюсь для себя зла от сына Адама, чтобы он не провёл меня хитростью и не поймал бы меня в свои силки. И едва настал конец дня, как мои силы ослабли и исчезла моя решимость. А потом мне захотелось есть и пить, и я вышла побродить со смущённым умом и сжавшимся сердцем. И, дойдя до той горы, я нашла у входа в пещеру львёнка жёлтого цвета.

И когда этот львёнок увидел меня, он сильно обрадовался, и ему понравился мой цвет и то, что я приятна видом, и он закричал мне, говоря: «Подойди ко мне!» А когда я подошла, он спросил: «Как твоё имя и какой ты породы?» – «Моё имя гусыня, и я из породы птиц, –

отвечала я и потом спросила его: – Почему ты сидишь до сих пор на этом месте?» – а лвьёнок ответил: «Причина этого в том, что мой отец, лев, уже несколько дней предостерегает меня от сына Адама, и случилось так, что сегодня ночью я видел во сне образ сына Адама...»

И затем лвьёнок рассказал мне подобное тому, что я рассказала тебе, и, услышав его слова, я воскликнула: «О лев, я прибежала к тебе, ища убежища, чтобы ты убил сына Адама и принял бы твёрдое решение убить его, ибо я очень его боюсь и мой страх ещё сильнее оттого, что ты боишься сына Адама, хотя ты султан зверей».

И я продолжала, о сестрица, предостерегать лвьёнка от сына Адама и наставлять его, чтобы он его убил. И лвьёнок в тот же час и минуту встал с того места, где он был, и пошёл, а я пошла сзади него. И он бил себя хвостом по спине и все время шёл, а я шла сзади до разветвления дороги. И мы увидели, как взлетела пыль, а потом пыль рассеялась, и из-за неё показался бежавший голый осел, который то скакал и бежал, то начинал кататься в пыля.

И лев, увидав осла, окликнул его, и тот смиренно подошёл к нему, и лев спросил: «О животное с сумасбродным умом, какой ты породы и почему ты пришёл в это место?» – и осел отвечал: «О сын султана, по породе я осел, а пришёл в это место я потому, что убегаю от сына Адама». – «Ты боишься, что сын Адама убьёт тебя?» – спросил лвьёнок, и осел ответил: «Нет, о сын султана, я только боюсь, что он учинит со мною хитрость и сядет на меня верхом, так как у него есть вещь, которую он называет выучным седлом и кладёт мне на спину, и другая вещь, называемая подпругой, которую он завязывает у меня на животе, и ещё вещь, называемая подхвостником, которую он кладёт мне под хвост, и вещь, называемая уздой, которую он кладёт мне в рот. И он сделает мне стремена, которыми будет меня колоть, и заставит бежать сверх силы, и если я споткнусь, он будет меня проклинять, а если зареву, станет бранить меня. А потом, когда я состарюсь и не смогу бегать, он сделает мне деревянное седло и отдаст меня водоносам, и те будут возить на моей спине воду из реки в бурдюках и в другой посуде, вроде кувшинов. И я пребуду в позоре, унижении и утомлении, пока не умру, и тогда меня бросят на холмы собакам. Что же больше этой заботы и какое бедствие страшней этих бедствий?»

И когда я услышала, о пава, слова осла, перья поднялись на моем теле от страха перед сыном Адама, и я сказала лвьёнку: «О господин, осла простительно, и его слова ещё прибавили страха к моему страху».

«Куда ты теперь отправляешься?» – спросил лвьёнок осла, и тот ответил: «Я издали увидел сына Адама, как г раз перед тем, как засияло солнце, и убежал, спасаясь от него, и вот теперь я хочу убежать и буду бежать все время, так как очень боюсь его. Может быть, я найду себе место, чтобы укрыться от обманщика, сына Адама».

И пока осел разговаривал со лвьёнком, держа такие речи, и хотел с нами попрощаться и бежать, вдруг появилось перед нами облако пыли. И осел закричал и заревел и, взглянув в сторону пыли, пустил громкие ветры, а через минуту пыль рассеялась, открыв вороного коня с пятном на лбу, как дирхем. И у коня этого были прекрасные отметины и красивая белая шерсть на ногах, и он приятно ржал.

И конь нёсся до тех пор, пока не остановился перед лвьёнком, сыном льва, и, увидав его, лвьёнок восхитился им и спросил: «Какой ты породы, о благородный зверь, и почему ты мчишься по этой пустыне, широкой и длинной?» – «О господин зверей, – отвечал конь, – я конь из породы лошадей, а мчусь я и убегаю от сына Адама».

И лвьёнок изумился словам коня и сказал ему: «Не говори таких слов – это стыд и срам для тебя. Ты длинный и толстый, так как же ты боишься сына Адама при твоём большом теле и быстром беге, а я, хоть и мал телом, решил повстречаться с сыном Адама, броситься на него и съесть его мясо и успокоить страх этой бедной гусыни. А ты пришёл сейчас и растерзал моё сердце этими словами и отвратил меня от того, что я хотел сделать. Несмотря на твою величину, человек покорила тебя и не испугался твоей длины и ширины. А ведь если бы ты лягнула его, то наверное убил бы его, и он бы с тобой не справился, а выпил бы чашу смерти».

И конь засмеялся, услышав слова львёнка, и воскликнул: «Не бывать, не бывать, чтобы я его одолел, о сын царя! Пусть не обманывает тебя то, что я длинен, широк и толст в сравнении с человеком, ибо он по своей хитрости и коварству делает из пальмового лыка вещь, которая называется путами, и надевает их на мои четыре ноги, и привязывает меня к высокому колышку, и я вынужден стоять, привязанный к нему, и не могу ни сесть, ни лечь. А когда же человек хочет на меня сесть, он кладёт на спину мне для своих ног вещь из железа, называемую стремянем, и вещь, называемую седлом, и привязывает его двумя подпругами у меня под животом, а мне в рот он вкладывает железную вещь, которая называется уздечкой, и ещё привязывает что-то из кожи, что он называет удилом. И когда он садится в седло на моей спине, он берет удила в руку и направляет и ведёт меня ими, погоняя меня ударами стремян в бока, пока не окровавит их. Не спрашивай же, о сын султана, что я вытерпел от сына Адама! А если я состарюсь, и моя спина отощает, и я не смогу быстро бегать, он продаст меня мельнику, чтобы я вертел жёрнов. И я буду вертеть жёрнов на мельнице ночью я днём, пока не одряхлею. И тогда мельник продаст меня мяснику, и тот меня зарежет, сдерёт с меня шкуру и выщиплет хвост и продаст его на решета и сита, а жир мой он вытопит».

Услышав слова коня, львёнок стал ещё более гневен и озабочен и спросил: «Когда ты оставил сына Адама?» И конь отвечал: «Я оставил его в полдень, и он идёт за мной следом».

И пока львёнок разговаривал с конём, держа такие речи, вдруг поднялась пыль и потом рассеялась, и из-за неё появился несущийся и бегущий верблюд, который рычал и бил ногами о землю, и он делал так до тех пор, пока не достиг нас. И львёнок, увидав, что он велик и толст, подумал, что это сын Адама, и хотел на него прыгнуть, но я предупредила его: «О сын султана, это не сын Адама, это только верблюд, и он как будто бы убегает от сына Адама».

И пока я вела со львёнком такие речи, о сестрица, верблюд приблизился к нему и приветствовал его, а львёнок ответил на его привет и спросил: «Какова причина твоего прихода в это место?» – «Я пришёл, убегая от сына Адама», – отвечал верблюд. И львёнок воскликнул: «Как, ты, такой большой и длинный, и широкий, боишься сына Адама! Ведь если бы ты один раз лягнул его, ты бы его наверное убил».

«О сын султана, – отвечал верблюд, – знай, что у сына Адама есть хитрости, с которыми не справиться, и одолеть его может только смерть. Он продевает мне в нос кольцо с верёвкой, которую называет уздой, а вокруг моей головы он обвязывает повод и отдаёт меня младшему из своих детей, и маленький ребёнок тянет меня за верёвку, хотя я большой и громадный. Он нагружает на меня самые тяжёлые тюки и отправляется со мною в долгое путешествие, и употребляет меня для трудных работ часть ночи и дня. А когда я стану старым и дряхлым и сломлюсь, человек не сохранит ко мне дружбы, а, напротив, продаст меня мяснику, и тот зарежет и продаст мою кожу кожевникам, а мясо харчевникам. Не спрашивай же, что я терплю от сына Адама!»

«Когда ты оставил сына Адама?» – спросил львёнок, и верблюд отвечал: «Я оставил его на закате и думаю, он придёт после моего ухода и, не найдя меня, побежит искать; отпусти же меня, о сын султана, и я побегу по степям и пустыням». – «Подожди немного, о верблюд, – сказал львёнок, – и посмотри, как я его разорву и накормлю тебя его мясом. Я обглодаю его кости и выпью его кровь». – «О сын султана, – ответил верблюд, – я боюсь для тебя зла от сына Адама, ибо он обманщик, и он коварен». И верблюд произнёс слова поэта:

«Тяжёлый сосед когда поселится к людям,
Несчастливым тогда возможно одно – уехать».

И пока верблюд разговаривал со львёнком, ведя такие речи, вдруг поднялась пыль и через минуту рассеялась, обнаружив коротенького старика с нежной кожей, и на плече у него была корзинка с плотничьими принадлежностями, а на голове он нёс ветку дерева и восемь досок. Он вёл за руку маленьких детей и шёл поспешными шагами, и он шёл до тех пор, пока

не приблизился к львёнку.

И, увидев его, о сестрица, я упала от сильного испуга, а львёнок, тот встал и пошёл ему навстречу. И когда он дошёл до него, человек засмеялся ему в морду и сказал ясным языком: «О благородный царь с широкой рукой, да сделает Аллах счастливым твой вечер и твой путь и да прибавит тебе доблести и силы! Защити меня от того, что меня постигло и поразило злом, ибо я не нашёл себе защитника, кроме тебя».

И потом плотник встал перед львёнком и принялся плакать, стонать и жаловаться, и львёнок, услышав его плач и сетованья, сказал: «Я защищу тебя от того, чего ты боишься. Но кто тебя обидел и кто ты будешь, о зверь, подобного которому я в жизни не видел, а я никого не видал прекраснее тебя внешностью и красноречивее языком? Каково твоё дело?». – «О господин зверей, – ответил человек, – я плотник, а тот, кто обидел меня, сын Адама, и утром после сегодняшней ночи он будет у тебя в этом месте».

И когда львёнок услышал от плотника эти слова, свет сменился мраком перед лицом его, и он начал храпеть и хрипеть, и глаза его стали метать искры, и он закричал: «Клянусь Аллахом, я, право, не буду спать эту ночь до утра и не вернусь к отцу, пока не достигну своей цели! – И он обратился к плотнику и сказал: – Я вижу, что твои шаги коротки, но я не могу разбить твоё сердце, так как я великодушен. Я думаю, ты не можешь идти рядом со зверями. Расскажи же мне, куда ты идёшь».

«Знай, – отвечал плотник, – что я иду к везиру твоего отца – барсу, ибо он, узнав, что сын Адама ступил на эту землю, испугался великим страхом и прислал ко мне гонца из зверей, чтобы я сделал ему дом, где он мог бы жить и приютиться, и чтобы до него не мог бы добраться ни один из сыновей Адама. И когда гонец пришёл ко мне, я взял эти доски и отправился к нему».

И когда львёнок услышал слова плотника, его взяла зависть к барсу, и он воскликнул: «Клянусь жизнью, ты непременно должен сделать мне из этих досок дом, прежде чем ты сделаешь дом для барса, а когда ты кончишь для меня работу, иди к барсу и сделай ему, что он хочет».

Но плотник, услышав от львёнка эти слова, сказал: «О господин зверей, я ничего не могу для тебя сделать, раньше чем я не сделаю барсу то, что он хочет. А потом я приду служить тебе и сделаю для тебя дом, который будет тебе крепостью от врага». – «Клянусь Аллахом, я не дам тебе уйти отсюда, пока ты не сделаешь мне из Этих досок дом!» – воскликнул львёнок.

И потом он бросился к плотнику и прыгнул на него, желая пошутить с ним, и, ударив его лапой, сбросил корзину с его плеча, а плотник упал без чувств. И львёнок стал смеяться над ним и воскликнул: «Горе тебе, о плотник! Ты слабый, и нет у тебя сил, и тебе простительно, если ты боишься сына Адама». А плотник, когда упал на спину, сильно рассердился, но скрыл это от львёнка из страха перед ним. И, сев прямо, плотник засмеялся в морду львёнку и сказал: «Вот я сделаю тебе дом!»

И плотник взял доски, которые были с ним, и сколотил дом, сделав его по мерке львёнка, а дверь в него он оставил открытой. Он придал ему вид сундука и сделал в нем большое отверстие, над которым приделал большую крышку, а в крышке просверлил много дырок. А потом он вынул несколько остроконечных гвоздей и сказал львёнку: «Войди в дом через это отверстие, чтобы я мог его примерить».

И львёнок обрадовался и пошёл к отверстию, но увидел, что оно узкое, а плотник сказал ему: «Войди и встань на колени передних и задних лап». И львёнок сделал это и вошёл в сундук, но конец его хвоста остался снаружи. И львёнок хотел высунуться назад и выйти, но плотник сказал ему: «Не торопись и подожди, пока я посмотрю, вместит ли дом и твой хвост вместе с тобою». И львёнок послушался, и плотник свернул хвост львёнка и запихал его в сундук и, быстро наложив крышку на отверстие, приколотил её.

И львёнок закричал: «О плотник, что это за узкий дом ты мне сделал! Дай мне из него выйти!» – «Не бывать, не бывать! Не поможет раскаяние в том, что миновало! Ты не выйдешь отсюда! – отвечал плотник, и потом он засмеялся и сказал львёнку: – Ты попал в

клетку, и нет для тебя спасенья из тесной клетки, о самый гадкий из зверей». – «О брат мой, что это за речи ты ко мне обращаешь?» – сказал львёнок, а плотник отвечал: «Знай, собака пустыни, что ты попался туда, куда боялся, и судьба тебя туда бросила, и не поможет тебе осторожность».

И когда львёнок услышал его слова, о сестрица, он понял, что это сын Адама, от которого его предостерегал наяву его отец и во сне голос. И я тоже уверилась, что Это он, наверное и без сомнения. И я испугалась великим испугом и отошла от него немного, высматривая, что он сделает со львёнком. И я увидела, о сестрица, что сын Адама вырыл яму в том месте, недалеко от сундука, где был львёнок, и кинул его туда, а сверху он набросал хворосту и поджог его огнём. И мой страх, о сестрица, стал велик, и я уже два дня бегу от сына Адама и боюсь его».

Рассказ о газеленке и паве (ночь 147)

И когда пава услышала от гусыни эти слова... И Шахразадку застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Сто сорок седьмая ночь

Когда же настала сто сорок седьмая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что, когда пава услышала от гусыни эти слова, она крайне удивилась и сказала:

«О сестрица, ты в безопасности от сына Адама, так как мы на острове из морских островов, к которому не пройти сыну Адама. Оставайся же у нас, пока не облегчит Аллах и твою участь».

«Я боюсь, что меня поразит поражающий и от того, что суждено, не освободится убегающий!» – сказала гусыня. Но пава молвила: «Живи у нас, ты такая же, как и мы».

И она до тех пор уговаривала гусыню, пока та не села и не сказала: «О сестрица, ты знаешь, как мала моя стойкость, и если бы я не увидела тебя здесь, я бы не села». И пава сказала: «Если что-нибудь написано у нас на лбу, мы испытаем это сполна, и если приблизится наш срок, то кто нас вызволит? Не умрёт душа, пока не исчерпает свой надел и не пройдёт назначенный ей срок».

И пока они разговаривали так, вдруг поднялась пыль, и гусыня закричала и спустилась на море, говоря: «Остерегайся, остерегайся, даже если не убежишь от судьбы и приговора!»

И через минуту пыль рассеялась, и из-за неё появился газеленок, и гусыня с павой успокоились, и пава сказала ей: «О сестрица, то, что ты увидела и чего остерегалась, – газеленок. Вот он подходит к нам, и нет нам от него беды, так как газель ест только травы, растущие на земле, и как ты из породы птиц, так и он из породы зверей. Успокойся же и не будь озабочена: забота истощает тело».

И не закончила ещё пава своих слов, как газеленок уже достиг их, ища тени под сенью дерева, и, увидев паву и гусыню, он приветствовал их и сказал им: «Я пришёл сегодня на этот остров, и не видал я земли более плодородной и лучшего жилья». И он предложил птицам быть вместе и подружиться с ними. И когда пава и гусыня увидели, как он любит их, они проявили к нему ласку и пожелали дружить с ним, и дали друг другу в этом верные клятвы. И стали они жить в одном жилище и есть одну пищу и вместе пить.

И жили они в безопасности и ели и пили, пока не прошёл мимо них корабль, заблудившийся в море, и корабль пристал близко от них, и люди вышли и рассеялись по острову. И они увидели газеленка, паву и гусыню, собравшихся вместе, и направились к ним. И пава, увидя их, забралась на дерево и потом полетела по воздуху, а газеленок умчался в пустыню, гусыня же осталась стоять остолбеневшая, и её ловили, пока не поймали. И она закричала: «Не помогла мне осторожность против судьбы и приговора!» И люди унесли её на свой корабль.

А когда пава увидела, что случилось с гусыней, она покинула этот остров, говоря: «Я вижу, что бедствия высматривают всякого, и если бы не этот корабль, не пришлось бы мне расстаться с этой гусыней, которая была из лучших моих друзей».

И пава улетела и встретила с газеленком, и тот приветствовал её и поздравил со спасением, и спросил про гусыню, и пава ответила: «Её захватили враги, и я не хотела оставаться на этом острове после неё».

И она заплакала о разлуке с гусыней и произнесла:

«День разлуки в куски порвал моё сердце,
Пусть же сердце порвёт Аллах дня разлуки».

И ещё она сказала такой стих:

«Хотела бы я, чтоб близость опять вернулась,
Сказала я ей, что случилось со мной в разлуке».

И газеленок огорчился великим огорчением и уговорил паву не улетать. И они с газеленком остались жить в безопасности и ели и пили, но только все время грустили о разлуке с гусыней.

И газеленок сказал однажды паве: «О сестрица, я понял, что те, кто сошли к нам с корабля, виновники нашей разлуки и гибели гусыни. Берегись же их и остерегайся коварства и обмана сыновей Адама». И пава ответила:

«Я твёрдо знаю, что гусыня погибла лишь оттого, что перестала хвалить Аллаха. Я ведь говорила ей: „Боюсь за тебя, потому что ты бросила славословие, ибо все, что сотворено Аллахом, хвалит его, а кто пренебрежёт славословием – будет наказан гибелью“.

И газеленок, услышав слова павы, воскликнул:

«Да сделает Аллах прекрасным твоё лицо!» – и принялся славить Аллаха, не переставая ни на минуту. А говорят, что славословье газеленка такое: «Хвала судящему, обладателю могущества и власти!»

Рассказ о голубях и богомольце (ночь 148)

Случилось, что какой-то богомалец поклонялся богу на одной горе, а на этой горе ютилась чета голубей. И богомалец делил свою пищу на две половины...»

И Шахразату застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Сто сорок восьмая ночь

Когда же настала сто сорок восьмая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что богомалец делил свою пищу на две половины, и половину он назначал для себя, а половину – для той четы голубей. И богомалец молился, чтобы у них было большое потомство, и потомство их умножилось, и голуби стали ютиться только на той горе, где был богомалец. А причиной пребывания голубей вместе с богомольцем было то, что голуби много хвалят Аллаха. А говорят, что голуби кричат при славословье: „Хвала творцу тварей, дающему пропитание, воздвигшему небеса, простёршему земли!“

И чета голубей пребывала со своим потомством в приятнейшей жизни, пока богомалец не умер. И тогда расстались голуби, бывшие вместе, и рассеялись по городам, селениям и горам.

Рассказ о богомольце и ангеле (ночь 148)

Говорят, что где-то в горах жил один человек – пастух, и обладал он верою, разумом и воздержанностью. И были у него овцы, которых он пас, пользуясь их молоком и шерстью. А на той горе, где ютился пастух, было много деревьев, пастбищ и львов, и эти звери не имели силы против пастуха и его овец. И он жил на этой горе спокойно, не заботясь о мирских делах, так как он был счастлив и предавался молитве и поклонению творцу.

И предопределил ему Аллах заболеть сильной болезнью, и тогда этот богомолен вошёл в пещеру на горе, а овцы днём выходили на пастбище и к ночи возвращались в пещеру. И Аллах великий захотел испробовать этого пастуха и испытать его послушанье и стойкость и послал к нему ангела. И ангел вошёл к нему в образе прекрасной женщины и сел перед ним.

И когда пастух увидал женщину, которая сидела возле него, волосы поднялись на его теле, и он спросил: «О женщина, что побудило тебя прийти сюда? Мне нет до тебя никакого дела, и между мною и тобою нет ничего».

«О человек, – ответила она, – не видишь ты разве, как красива я и прелестна и как хорошо от меня пахнет? Или ты не знаешь, что нужно женщинам от мужчин и мужчинам от женщин? Что же удерживает тебя, когда я избрала твою близость и мне любезно единение с тобой?»

Я пришла к тебе послушная и не буду тебе отказывать, и нет возле нас человека, которого бы мы боялись. Я хочу оставаться с тобой, пока ты пребываешь на этой горе, и буду тебе подругой. И я предлагаю тебе себя потому, что ты нуждаешься в услугах женщины. И если ты познаешь меня, пройдёт твоя болезнь и вернётся к тебе здоровье, и ты будешь раскаиваться, что избегал близости к женщинам в прежней твоей жизни. Я дала тебе добрый совет; прими же его и приблизься ко мне».

«Уходи от меня, о женщина, о коварная обманщица! – вскричал пастух. – Я не доверяю тебе и не подойду к тебе, и нет мне нужды быть с тобою близким и познать тебя, ибо тот, кто пожелает тебя, отказывается от другой жизни, а кто желает другой жизни, тот откажется от тебя, так как ты искушала первых и последних. Аллах великий наблюдает за своими рабами, и горе тому, кто будет испытан общением с тобой!»

И женщина отвечала: «О ты, что сбился с прямой дороги и потерял верный путь, обрати ко мне своё лицо и взгляни на мои прелести и воспользуйся моей близостью, как делали мудрецы, бывшие раньше тебя. Они были более опытные, чем ты, и правильнее тебя мыслили, но все же не отвергли, как отверг ты, наслаждения женщинами. Напротив, они стремились познать женщин и сблизиться с ними, а ты отказался от этого. И не ухудшило это их веры и земной жизни. Отступись же от твоего мнения и восхвалишь последствия этого».

И пастух сказал: «Все, что ты говоришь, я отрицаю и ненавижу, и все, что ты высказываешь, я отвергаю, ибо ты коварная обманщица, и нет для тебя ни обета, ни верности. Сколько затаила ты мерзости под твоей красотой, сколько праведников ты искушала, и было последствием дела их раскаяние и погибель. Отступись же от меня, о ты, для кого благо в порче других!» И он натянул на лицо плащ, чтобы не видеть её лица, и предался поминанию своего господа, и когда ангел увидел, как прекрасна его покорность, он вышел от него и поднялся на небо.

А поблизости от пастуха находилось селение, где был человек из праведников, который не знал, где обитает пастух. И он увидел во сне, что кто-то как будто говорит ему: «Близко от тебя, в таком-то месте, живёт праведный человек, иди к нему и будь покорён его приказу».

И когда наступило утро, праведник вышел, направляясь к нему, и зной усилился над ним, и он пришёл к дереву, возле которого бежал источник воды, и, присев там, стал отдыхать под тенью этого дерева. И вдруг звери и птицы пришли к этому источнику, чтобы напиться, но, увидав спящего богомольца, они побежали от него и умчались назад, и тогда богомолец воскликнул: «Нет мощи и силы, кроме как у Аллаха! Я могу отдохнуть здесь, лишь причиняя вред этим птицам и зверям».

И он поднялся и говорил, укоряя себя: «Сегодня этим животным помешало то, что я сидел в этом месте! Какое же оправданье у меня перед моим творцом и творцом Этих зверей

и птиц? Я ведь стал причиной того, что они убежали от водопоя и от своего надела и пастбища! О, стыд мой перед господом в день, когда он воздаст рогатой овце за безрогую!» И он заплакал и произнёс такие стихи:

«Аллахом клянусь, коль люди могли бы видеть,
К чему рождены – не спали б они беспечно!
Умрут, воскреснут и на суд сойдутся,
Затем – угрозы и великий ужас.
А мы, веленья и запреты слыша,
Спим наяву, как отроки в пещере»²⁰¹

И он заплакал о том, что сидел под деревом и не дал птицам и зверям пить, и пошёл и странствовал наугад, пока не пришёл к пастуху. И, войдя к нему, он приветствовал его, и пастух ответил на его приветствие и обнял его и заплакал. «Что привело тебя в это место, куда никто из людей ко мне не входит?» – спросил он богомольца, и тот ответил: «Я увидел во сне кого-то, кто описал мне твоё обиталище и велел мне к тебе отправиться и приветствовать тебя, и я пришёл к тебе, последовав тому, что мне было приказано».

И пастух принял праведника, и его душе была приятна дружба с ним, и они жили на горе, поклоняясь Аллаху в этой пещере, и прекрасно было их поклонение. И они пребывали в этом месте, поклоняясь своему господу, и питались мясом овец и их молоком, не имея ни богатства, ни сынов, пока не пришла к ним несомненная истина, и вот конец рассказа о них».

«О Шахразада, – сказал тут царь, – ты лишила меня желания властвовать и заставила меня раскаяться в том, что я совершил, убив женщин и девушек. Знаешь ли ты какие-нибудь рассказы о птицах?» И она отвечала: «Да!»

Рассказ о водяной птице и черепахе (ночь 148)

Рассказывают, о счастливый царь, что одна птица полетела и поднялась ввысь, а затем опустилась на скалу посреди воды, а вода была текучая. И птица стояла и вдруг увидела труп человека, который вода привлекла и прибила к той скале, а труп распух и поднялся на поверхность воды. И водяная птица приблизилась к нему и увидела, что это труп сына Адама, и нашла на нем следы ударов мечами и разящими копьями. И сказала себе водяная птица: «Думаю, что этот убитый был злым, и соединились против него люди и убили его и избавились от него и от его зла».

И водяная птица недоумевала и дивилась, и когда она так стояла, вдруг ястребы и орлы окружили этот труп со всех сторон, и водяная птица, увидя это, опечалилась сильной печалью и воскликнула: «Нет мне терпенья пребывать здесь!» И она улетела, ища места, где бы приютиться до тех пор, пока этот труп не исчезнет и хищные птицы не уйдут от него.

И так она летала, пока не увидела поток, посреди которого росло дерево. И птица опустилась на него, огорчённая, грустная и печальная из-за разлуки с родными местами, и думала: «Печали непрестанно преследуют меня! Я успокоилась, когда увидела труп, и сильно обрадовалась и сказала: „Вот пропитание, которое послал мне Аллах!“ Но стала радость моя огорчением, а веселье заботой и печалью. И взяли у меня труп хищные птицы и растерзали его и преградили мне путь к нему. Так как же я могу надеяться избежать горестей в этой жизни и довериться ей? Ведь говорится в поговорке: „Здесьняя жизнь – дом того, у кого нет дома“. Обманут жизнью тот, кто лишён разума и доверяет ей богатство и детей своих, и семью свою, и друзей своих, и не перестаёт обманутый ею кичливо ходить по земле,

²⁰¹ Намёк на легенду Корана о семи спящих отроках, в которой рассказывается о том, как семь юношей, обитателей языческого города, верные единому богу, скрываются в пещере. Аллах низводит на них сон, продолжающийся триста девять лет.

пока не окажется он под нею и не посыплет его прахом самый дорогой для него и ближайший к нему человек. И нет для мужа ничего лучшего, чем стойкость в заботах и кознях жизни. Я покинула своё жилище и родные места, не желая расстаться с братьями, любимыми и друзьями».

И когда птица размышляла, вдруг подошла черепахасамец и спустилась в воду и, приблизившись к водяной птице, приветствовала её и спросила: «О госпожа, что отстранило и удалило тебя от родного места?» – «То, что там поселились враги; нет терпенья разумному вынести соседство с врагом своим, – отвечала птица. – Как прекрасны слова одного из поэтов:

Тяжёлый сосед когда поселится к людям, Несчастливым тогда возможно одно – уехать», «Если дело обстоит так, как ты описала, и положение таково, как ты сказала, – молвила черепаха, – то я всегда буду рядом с тобою и не покину тебя, и стану исполнять твои желания и во всем служить тебе. Ведь сказано: „Нет тоски сильнее, чем тоска чужеземца, оторванного от семьи и родины“; и ещё говорится: „С разлукою с праведными не сравнится никакое бедствие“. И лучшее, чем может разумный утешить свою душу, – дружба на чужбине и стойкость в беде и горести. И я надеюсь, что ты восхвалишь мою дружбу с тобою, и я стану тебе слугой и помощником».

Услышав слова черепахи, водяная птица ответила ей:

«Ты права в том, что сказала, и, клянусь жизнью, я чувствовала после разлуки боль и заботу, когда была далеко от своих мест и рассталась с близкими и друзьями. Поистине, в разлуке назидание для тех, кто поучается, и она наводит на размышление тех, кто размышляет, и если не найдёт молодец друзей, которые его утешат, покинет добро его навсегда и укрепится зло навеки. И не останется для разумного ничего другого, как утешаться с друзьями от забот во всех случаях и постоянно хранить терпение и стойкость, это два похвальных качества, помогающие против несчастья и превратностей судьбы и прогоняющие при всяком деле страх и печаль». – «Берегись печали, – сказала ей черепаха, – она испортит тебе жизнь и уничтожит твоё мужество».

И они продолжали разговаривать друг с другом, и водяная птица сказала черепахе: «Я все время боюсь превратностей судьбы и ударов случая». И черепаха, услышав слова водяной птицы, подошла к ней, поцеловала её между глаз и сказала: «Племя птиц всегда получает благословение из-за тебя и узнает добро, советуясь с тобою; почему же ты несёшь заботы и несчастье?»

И она до тех пор старалась рассеять страх водяной птицы, пока та не успокоилась, а потом водяная птица полетела туда, где был труп, и, достигнув того места, не увидела там ни хищных птиц, ни трупа – одни только кости. И она возвратилась и рассказала черепахе об уходе врага из тех мест и молвила: «Знай, я хочу вернуться на своё место, чтобы насладиться жизнью с друзьями, ибо нет терпения у разумного быть в разлуке с родиной».

И они – пришли в то место и не нашли там ничего внушающего страх, и водяная птица произнесла:

«Ведь не мало бед будут юноше слишком тягостны,
Но Аллах хранит у себя от них спасенье.
И теснят они, но когда захватят кольца их,
Вдруг придёт спасенье, хоть думал я, что спасенья нет».

И обе они зажили на этом острове. И водяная птица была радостна и спокойна, и вдруг прислала к ней судьба голодного сокола, и он ударил её один раз когтем в живот и убил, и не помогла ей осторожность, когда кончился срок.

И причина её гибели в том, что она пренебрегла славословием. И говорят, что она славословила так:

«Хвала господу нашему за то, что он обогатил и сделал бедным». Вот каков рассказ о водяной птице и хищных птицах».

«О Шахразада, – сказал царь, – своим рассказом ты прибавила мне наставлений и назиданий. А есть ли у тебя какие-нибудь рассказы о зверях?»

Рассказ о лисице и волке (ночи 149-150)

Шахразада сказала: «Да! Знай, о царь, что волк и лисица поселились в одной норе и ютились там вместо и проводили там ночи, и волк притеснял лисицу. И они провели так некоторое время.

И случилось, что лисица посоветовала волку быть мягче и бросить дурное и сказала ему: «Знай, если ты будешь продолжать твои преступления, Аллах, может быть, отдаст тебя во власть сыну Адама, а он хитёр, злокознен и коварен, и ловит птиц в воздухе, и рыб в воде, и рубит горы и переносит их с места на место, и все это по своей хитрости и коварству. Будь же мягок и справедлив и оставь зло и преступление – это будет приятнее для твоей жизни».

Но волк не принял её слов и ответил ей грубо и сказал: «Что это ты рассуждаешь о больших и значительных делах!» И потом он ударил лисицу таким ударом, что она упала без памяти. А очнувшись, она засмеялась волку в морду и принялась перед ним извиняться за дурные речи и сказала ему такие два стиха:

«Коль раньше грех свершила с вами я,
Любя вас, и дурное сделала,
Я раскаялась в том, что сделала, и прощение
Вы даруйте злему, коль явится с повинной он».

И волк принял извинения лисицы и перестал на неё злиться и сказал:

«Не говори о том, что тебя не касается: услышишь то, что тебе не понравится...»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Сто сорок девятая ночь

Когда же настала сто сорок девятая ночь, Шахразада сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что волк сказал лисице: „Не говори о том, что тебя не касается: услышишь то, что тебе не понравится“. И лисица ответила: „Слушаю и повинуюсь! Я далека от мысли, чтобы говорить то, что тебе не нравится. Ведь сказал мудрец: «Не говори о том, о чем тебя не спрашивают, и не отвечай на то, к чему тебя не зовут. Оставь то, что тебя не касается, для того, что тебя касается, и не расточай дурным дружеских советов – они воздадут тебе за это злом“.

Однако, когда лисица слушала слова волка, она улыбнулась ему в морду, но затаила против него коварство и подумала: «Я непременно постараюсь быть виновницей гибели этого волка!»

И она терпела от волка обиды и говорила в душе: «Поистине, наглость и клевета будут причиной гибели и ввергнут в сети затруднений. Ведь сказано: „Кто нагл, тот теряет, кто невежда, тот раскаивается, а кто страшится – спасается“. Справедливость – черта благородных, и мужество – почётнейшее стяжание. Мне следует быть обходительной с этим преступником: он неизбежно будет повергнут».

И потом лисица сказала волку: «Господь прощает рабу согрешившему и принимает раскаяние раба своего, если он совершил грехи. Я – слабый раб и, советуя, причинила тебе обиду, но если бы ты знал, какая мне досталась боль от твоей пощёчины, ты бы наверное понял, что и слон её не вынес бы и не мог бы её стерпеть. Но я не жалуясь на боль от этой пощёчины из-за той радости, которую она мне доставила, ибо, хотя она и привела меня к великому страданию, последствия его были радостны. Сказал мудрец: „Удар учителя сначала очень тяжёл, но потом он слаще очищенного мёда“.

«Я простил твой грех и извинил твою оплошность, – сказал волк. – Остерегайся моей силы и проявляй ко мне рабскую преданность. Ты узнала, как я подчиняю себе тех, кто со мной враждует». И лисица пала ниц перед волком и воскликнула: «Да продлит Аллах твою жизнь, и да подчинишь ты себе тех, кто с тобою враждует!» И она продолжала бояться волка и была с ним обходительна и услужлива.

И однажды лисица пришла к винограднику и увидала в стене брешь. Эта брешь показалась лисе подозрительной, и она сказала: «Поистине, тому, что здесь брешь, наверное есть причина! Говорится в поговорке: „Кто увидит в земле щель и не отойдёт в сторону, опасаясь приблизиться к ней, тот обольщён самим собою и подвергает себя гибели“». Известно, что некоторые люди делают в винограднике изображение лисицы и даже ставят перед ним виноград на блюде, чтобы увидала это лисица и подошла бы к изображению и попала бы в беду. Я вижу к этой брешу ухищрение, а пословица говорит: „Осторожность – половина ловкости“. А осторожность в том, чтобы мне понаблюдать за этой брешью и посмотреть: может быть, я найду возле неё уловку, приводящую к гибели. И пусть не побудит меня жадность ввергнуть себя в погибель».

И лисица подошла к отверстию и осторожно обошла вокруг него, со вниманием его рассматривая. И оказалось, что это большая яма, которую вырыл хозяин виноградника, чтобы ловить туда зверей, которые портят виноградники. И лисица сказала: «Ты получила то, на что рассчитывала!» Она увидала, что яма покрыта чем-то тонким и мягким, и отошла от неё, говоря: «Слава Аллаху, что я её остереглась, и я надеюсь, что в неё упадёт мой враг, волк, который сделал горестной мою жизнь. И тогда виноградник освободится, и я буду в нем одна и независима и проживу там безопасно». И лисица потрясла головой и громко засмеялась и произнесла:

«Если б мне теперь увидеть
Злого волка в этой яме!
Долго он смущал мне сердце
И поил насильно горьким.
Если б я жива осталась
И окончилась жизнь волка,
Виноградник опустел бы
И нашла б я в нем добычу»

А окончив эти стихи, она пустилась поскорее бежать и, придя к волку, сказала ему: «Аллах облегчил для тебя доступ в виноградник без труда, и это из-за твоего счастья. На здоровье тебе то, что Аллах послал тебе и помог без труда овладеть этой дозволенной добычей и обильным уделом». – «А что указывает на то, о чем ты говоришь?» – спросил волк лисицу. И она ответила: «Я пришла к винограднику, и оказалось, что его владелец умер и его растерзали волки, и я вошла в сад и увидела, что плоды созрели на деревьях».

И волк не усомнился в словах лисицы, и его охватила алчность, и он поднялся и пришёл к расщелине, и жадность обманула его. А лисица лежала распластавшись, как мёртвая, и она произнесла такой стих:

«Желаешь сближения ты с Лейлой²⁰², но подлинно
Склоняют желания достойных мужей главу».

И когда волк пришёл к расщелине, лисица сказала ему: «Войди в виноградник, ты избавлен от нужды взбираться и рушить стену сада. Аллаху принадлежит завершение

²⁰² Лейла (ночь) – имя возлюбленной Кайса, прозванного «Меджнун» (бесноватый). Легенда об их любви очень популярна на Востоке; она легла в основу поэмы «Лейли и Меджнун» великого азербайджанского поэта Низами.

милости!» И волк пошёл, желая войти в виноградник, и, дойдя до середины прикрытия над ямой, провалился в неё. И лисица сильно задрожала от радости и веселья, и прошли её горести и печали, и она затянула напев и произнесла такие стихи:

«Смягчилось время в беде ко мне.
Оно сжалилось, ведь горю давно.
И досталось мне, что хотела я,
И исчезло то, что страшит меня.
Я простить готова грехи все те,
Что свершил твой враг уж давно со мной.
Для волка ныне спасенья нет
От несчастий этих губительных.
В винограднике я одна теперь,
И мне глупых в нем нет товарищей».

И она поглядела в яму и увидала, что волк плачет, раскаиваясь и печалась о себе, и заплакала вместе с ним, и тогда волк поднял голову к лисице и спросил её: «Из жалости ли ко мне ты плачешь, о Абу-ль-Хосейн?»²⁰³ – «Нет, клянусь тем, кто бросил тебя в эту яму, – ответила лисица. – Я плачу о том, что ты прожил долгую жизнь раньше этого, и печалюсь, что ты не упал в эту яму раньше сегодняшнего дня. И если бы ты упал в неё раньше, чем я с тобой встретилась, я была бы спокойна и отдыхала бы, но ты был пощаждён до определённого срока и известного времени».

И волк сказал как бы шутя: «О поступающий дурно, пойдёшь к моей матушке и расскажи ей, что со мною случилось. Может быть, она придумает, как меня освободить». Но лисица ответила: «Тебя погубила твоя сильная жадность и великая алчность. Ты упал в яму, из которой никогда не спасёшься. Разве не знаешь ты, о невежественный волк, что говорит сказавший ходячую поговорку: „Кто не думает о последствиях, тому судьба не друг и не в безопасности он от гибели“».

«О Абу-ль-Хосейн, – сказал волк, – ты проявил любовь ко мне и хотел моей дружбы, и боялся моей мощи и силы. Не храни на меня злобы за то, что я с тобой сделал: ведь кто властен и прощает, награда тому у Аллаха. И поэт сказал:

Досей же ты доброе, хоть места и нет ему.
Напрасным добру не быть, куда б ни сажать его.
Поистине, доброе, хоть долго растёт оно,
Пожнёт только тот, кто сам посадил его».

Но лиса сказала: «О глупейшее из животных, о дурак среди зверей пустыни, забыл ты, как ты притеснял меня и был горд и превозносился? Ты не соблюдал обязанностей дружбы и не внял словам поэта:

Не будь же обидчиком, коль властен и мощён ты,
Ведь близко к обидчику граница возмездия.
Коль дремлют глаза твои – обиженный бодрствует:
Зовёт на тебя он месть, а око творца не спит».

«О Абу-ль-Хосейн, – сказал волк, – не взыщи с меня За прежние грехи: прощенья ищут у благородных и содеяние добра – лучшее из сокровищ. Как прекрасны слова поэта:

²⁰³ Абу-ль-Хосейн – буквально: «Отец маленькой крепости» – прозвище лисицы.

Спеши сотворить добро, когда только властен ты,
Не всякий ведь будешь миг на доброе властен ты».

И волк продолжал унижаться перед лисицей и говорил ей: «Может быть, ты можешь чем-нибудь спасти меня от гибели?» Но лисица отвечала ему: «О глупый волк, обольщённый, коварный обманщик, не желай спасения – это воздаяние и месть за твои скверные поступки». И она смеялась, оскалив зубы, и произнесла такие два стиха «Не надо обманов больше, Желанного не достигнешь, Что хочешь ты – невозможно, Ты сеял – пожни же гибель».

И волк сказал: «О кроткая среди животных, я слишком доверяю тебе, чтобы ты оставила меня в этой яме». И он стал плакать и жаловаться и пролил из глаз слезы и произнёс такие два стиха:

«О ты, кто десницу мне не раз уж протягивал,
О тот, чьих подарков ряд исчислить числом нельзя,
Как только превратностью судьбы поражён я был,
Всегда находил твою я руку в своей руке».

«О глупый враг, – сказала лисица, – как ты дошёл до мольбы, смирения, унижения и покорности после гордости, заносчивости, несправедливости и притеснения? Я дружила с тобой, страшась твоей вражды, и льстила тебе, только желая от тебя милости, а теперь тебя поразило наказание и постигла тебя месть». И она произнесла такое двустишие:

«О ты, теперь стремящийся к обману,
Как скверно думал ты, так и попался.
Вкуси ж беду от горьких испытаний
И будь с волками вечно в одном стаде».

«О кроткая, – взмолился волк, – не говори языком враждебных и не взирай их глазами. Будь верна обету дружбы со мною, пока не минует время встречи. Пойди и раздобудь мне верёвку и один край её привяжи к дереву, а другой край спусти ко мне, и я уцеплюсь за верёвку и, может быть, спасусь от того, что меня постигло. Я отдам тебе все сокровища, какими обладают мои руки». Но лисица сказала: «Ты уж много раз говорил о том, что не даст тебе спасения. Ты не получишь от меня ничего. Вспомни, какое зло ты совершал прежде и какие затаил обманы и козни. А теперь ты близок к тому, чтобы быть побитым камнями. Знай, что душа твоя покидает этот мир и оставляет его и уходит из него, а потом ты отправишься туда, где гибель и обитель зла, и плохое то будет жилище!»

«О Абу-ль-Хосейн, – сказал волк, – пусть возвратится наша дружба, и не упорствуй в ненависти и злобе. Знай: кто спас душу от гибели, тот оживил её, а кто оживил душу, тот как бы оживил всех людей. Не стремись к притеснению – мудрые запрещают это. И нет притеснения более явного, чем то, что я нахожусь в этой яме, глотаю горечь смерти и вижу гибель. Ты можешь освободить меня из сетей затруднения: будь же щедра, освободи меня и сделай мне добро».

«О жестокий и грубый, – сказала ему лисица, – я сравниваю твои хорошие слова и заявления с твоими дурными намерениями и поступками и уподобляю тебя соколу с куропаткой». – «А как это было?» – спросил волк.

И лисица сказала: «Однажды я вошла в виноградник, чтобы поесть винограду, и, будучи там, увидела сокола, который ринулся на куропатку, и когда он вцепился в куропатку и поймал её, куропатка вырвалась от него и, уйдя в своё гнездо, спряталась там. И сокол последовал за ней и крикнул ей: „О глупая, я увидал тебя голодную, и пожалел тебя и подобрал тебе зёрен в пустыне, и я для того схватил тебя, чтобы ты поела. А ты убежала от меня, и я вижу, что твоё бегство принесёт тебе только лишения. Покажись же, возьми зёрна,

которые я тебе принёс, и поешь их на здоровье и на пользу“.

И, услышав речи сокола, куропатка поверила ему и вылетела, а сокол вонзил в неё когти и крепко захватил её ими.

И куропатка спросила: «Это и есть то, что ты, как говорил, принёс мне из пустыни? И ты ещё сказал: „Ешь на здоровье и на пользу!“ Ты солгал мне. Да сделает Аллах моё мясо, которое ты съешь, убийственным ядом в твоём животе». И когда сокол съел куропатку, у него попадали перья, и силы его ослабели, и он тотчас же умер.

Знай же, – продолжала лисица, – кто роет своему брату колодец, скоро сам упадёт в него. А ты обманул меня сначала».

И волк отвечал лисе: «Брось говорить такие слова и приводить поговорки, и не напоминай мне о скверных делах, которые я делал прежде. Довольно с меня и того дурного, что со мною случилось: я попал в такое место, что меня пожалеет и враг, а не только друг. Придумай же для меня хитрость, чтобы я выбрался отсюда, и окажи мне в этом помощь, а если это тебе трудно, то ведь друг выносит ради друга самый тяжёлый труд и подвергает опасности свою душу, чтобы спасти его от гибели. Говорится же: заботливый друг лучше единоутробного брата. И если ты найдёшь средство спасти меня и я спасусь, право, я соберу для тебя припасы, которые будут тебе защитой, а потом я научу тебя диковинным хитростям, которыми ты откроешь себе изобильные виноградники и сорвёшь плоды плодоносных деревьев. Успокой же душу и прохлади глаза!»

Но лисица сказала ему, смеясь: «Как хорошо, что мудрецы предупредили о таких глупых, подобных тебе!» И волк спросил: «А что же сказали мудрецы?»

И лисица ответила: «Мудрецы говорят, что у кого грубое тело и грубая натура, тот далёк от разума и близок к невежеству. А что до твоих слов, о самообольщенный, коварный и грубый, что друг переносит затруднения, чтобы выручить друга, то они правильны, как ты и сказал. Но они показали мне, что ты невежествен и малоумен: как я могу быть тебе другом, когда ты меня обманывал? Разве ты считал меня другом, когда я была твоим злорадным врагом? Эти слова страшнее удара стрелой, если ты поразмыслишь. А что касается твоих слов о том, что ты дашь мне припасы, которые будут мне защитой, и научишь меня хитростям, которые приведут меня в плодородные виноградники и помогут мне оборвать плодоносные деревья, то почему, о вероломный обманщик, ты не придумаешь для себя хитрость, чтобы избавиться от гибели?»

Как ты далёк от того, чтобы быть самому себе полезным, и так я далека от того, чтобы принять твои дружественные слова. Если ты знаешь хитрость, то ухитрись избавить себя от этого дела, от которого я прошу Аллаха тебя подольше не спасать.

Ну подумай же, о глупец: ведь если у тебя есть хитрость, то избавь себя от смерти, а не поучай других. Но ты подобен человеку, которого поразила болезнь и к которому пришёл человек, больной такой же болезнью, чтобы лечить его. И пришедший спросил: «Не хочешь ли, я тебя вылечу от твоей болезни?» – а первый сказал ему: «А не начать ли тебе лечение с себя самого», – и пришедший оставил его и ушёл. И ты, о глупый волк, такой же. Будь на своём месте и терпи то, что тебя постигло».

Услышав слова лисицы, волк понял, что ему не будет от неё добра, и заплакал о себе и сказал: «Я был небрежен к тому, что делал, но если Аллах избавит меня от Этой горести, я раскаюсь, что притеснял тех, кто слабее меня, и оденусь в шерстяное рубище²⁰⁴ и поднимусь на гору, поминая Аллаха великого и боясь его наказания, и отстранюсь от всех зверей и стану кормить бойцов за веру и бедняков».

И он принялся рыдать и плакать, и сердце лисицы смягчилось, и когда она услышала его мольбы и слова, указывающие, что он раскаялся в своих преступлениях и гордости, её взяла жалость. И лисица подпрыгнула от радости и встала на краю ямы, а потом она села на задние лапы и опустила хвост в яму, и тогда волк поднялся и, протянув лапу к хвосту

²⁰⁴ Шерстяное рубище – одежда, типичная для мусульманских мистиков – суфиев.

лисицы, потянул её к себе, и она оказалась вместе с ним в яме.

«О безжалостная лисица, – сказал тут волк, – как ты могла злорадствовать обо мне, раз ты была со мной в дружбе и под моей властью? А теперь ты попала со мной в яму, и наказание спешит к тебе. Сказали мудрецы: „Если кто из вас поносит своего брата за то, что тот сосёт собаку, наверное сам будет сосать её“. А как прекрасны слова поэта:

Когда судьба идёт на людей с войсками,
К другим, чтоб бежать, верблюдов она приводит,
Скажите же тем, злорадствует кто: «Очнитесь!
Что вынесли мы, то вам претерпеть придётся».

А смерть в толпе – лучшее дело, и я ускорю твою смерть раньше, чем ты увидишь мою смерть».

И лисица сказала себе: «Ах, ах, я попала вместе с Этим притеснителем, и в таком положении необходимо коварство и обман! Говорят ведь: „Женщина готовит свой убор для дня праздника“, и пословица гласит: „Я приберёг тебя, о слезинка, на случай беды!“ Если я не изловчусь с этим жестоким зверем, я погибну, несомненно. А как хороши слова поэта:

Живи обманом – теперь пора,
Сыны которой как львы в берлоге,
Открой же трубы коварства ты,
Чтоб в ход пошли колёса жизни,
И срывай плоды, а не будет их,
Так довольствуйся ты травой сухой».

И лисица сказала волку: «Не торопись убивать меня – не таково воздаяние мне, и ты расквасишься, о могучий зверь, обладатель мощи и сильной ярости. А если ты подождёшь и внимательно рассмотришь то, что я тебе расскажу, ты узнаешь, к какой я стремилась цели. Если же ты поторопишься меня убить, тебе ничего не достанется, и мы оба умрём здесь». – «О коварная обманщица, а чем ты надеешься спасти меня и себя, что просишь отсрочить твою смерть? Осведоми меня и расскажи мне, к какой цели ты стремишься», – воскликнул волк.

И лисица сказала: «Что касается цели, к которой я стремлюсь, то тебе не должно воздать мне за неё хорошим: когда я услышала, что ты обещаешь и признаешь свою былую вину и печалишься о том, что прежде не раскаялся и не делал добра, и узнала, что ты дал обет, если спасёшься, не обижать больше друзей и прочих, перестать есть виноград и другие плоды, постоянно быть смиренным, обрезать себе когти и обломать клыки, одеться в шерсть и приносить жертву Аллаху великому, – тогда меня взяла жалость к тебе, так как лучшее слово – самое правдивое.

Я желала твоей гибели, но когда услышала, что ты раскаялся и дал такие обеты, если Аллах спасёт тебя, я сочла долгом избавить тебя от твоей беды и спустила к тебе хвост, чтобы ты за него уцепился и спасся бы. Но ты не оставил своей обычной грубости и жестокости и не искал спасенья и мягкости. Ты так потянул меня, что я подумала, что дух из меня вышел, и мы с тобою оказались в обители гибели и смерти. Нас спасёт только одна вещь, и если ты согласишься на это, мы с тобою избавимся – и я и ты. А после этого тебе следует выполнить то, что ты обещал, и я буду тебе товарищем».

«А на что я должен согласиться?» – спросил волк, и лисица ответила: «Встань прямо, а я взберусь тебе на голову, так что буду почти вровень с поверхностью земли, и я прыгну и окажусь наверху. И я пойду и принесу тебе что-нибудь, за что ты зацепишься, и тогда ты спасёшься». – «Я не доверяю твоим советам, – сказал волк, – так как мудрецы говорили: „Кто ставит доверие на место Злобы, делает ошибку, а кто доверяет существу неверному – тот обманут“. Кто испытывает уже испытанного, того постигнет раскаяние и пропадут его

дни напрасно, а кто не различает разных положений, поступая в каждом из них, как должно, но действует во всех делах одним способом, у того будет мало удачи и многими будут его бедствия. А как хороши слова поэта:

Пусть всегда дурною будет мысль твоя,
Ведь дурная мысль разумней мыслей всех.
Нет беды для человека горестней,
Чем творить добро другим, веря им.

А вот слова другого:

Ты мыслей дурных держись, – лишь ими спасаешься ты.
Живёт кто проснувшимся, тот мало узнает бед,
Врага ты с улыбкою встречай и приветливо,
В душе же готовь ему войска, чтоб сразиться с ним.

А вот слова третьего:

Враждебнее всех к тебе ближайший соратник твой,
Людей берегись же всех, дружи лишь с опаскою,
И ждать от судьбы добра – лишь слабость, поистине,
Так жди же дурного ты и бойся судьбы своей».

И лисица сказала волку: «Думать дурное непохвально ни в каком случае, а думать хорошее – черта совершённых, и следствием этого будет спасенье от ужасов. Тебе надлежит, о волк, сделать хитрость, чтобы спастись от того, что тебя постигло, и нам вместе спастись лучше, чем умереть. Оставь дурные мысли и злобу, ибо если ты станешь доверчив, то может быть два исхода: либо я принесу тебе что-нибудь, за что ты зацепишься и спасёшься, либо я обману тебя и спасусь, а тебя оставлю. А это невозможно, так как я боюсь подвергнуться тому, чему ты подвергся, и это будет наказание за обман. Говорится ведь в поговорках: „Верность прекрасна, измена дурна“. Тебе следует мне довериться, так как мне известно о превратностях судьбы. Не откладывай же и примени хитрость, чтобы освободить нас – дело слишком затянулось, чтобы вести о нем долгие разговоры».

И волк сказал: «Хоть я и мало доверяю твоей верности, но я понял, что ты задумала и пожелала меня спасти, когда услышала, как я раскаиваюсь. И тогда я сказал себе: „Если она правдива в своих утверждениях, то она исправила то, что сделала скверного, а если она лжёт – то воздаяние ей у её господ“». Я соглашусь на то, что ты советуешь, и если ты меня обманешь, то обман будет причиною твоей гибели».

Потом волк встал в яме прямо и, взяв лисицу на плечи, поднял её вровень с поверхностью земли, и лисица спрыгнула с плеч волка и выскочила на землю, а оказавшись вне ямы, она упала без чувств.

«О мой друг, – сказал волк, – не будь небрежна с моим делом и не откладывай моего избавления».

Но лисица стала смеяться и хохотать и воскликнула: «О ты, обольщённый, я попала тебе в руки только в наказание за шутки и насмешки над тобою: когда я услышала, как ты раскаиваешься, восторг и радость сделали меня мягкосердной, и я стала прыгать и плясать, и мой хвост опустился в яму, и ты потянул меня к себе, и я к тебе упала. А потом Аллах великий спас меня от тебя, и почему мне не помочь твоей гибели, – ты ведь из племени сатаны. Я вчера видела во сне, что пляшу на твоей свадьбе, и рассказала это толкователю снов, а он сказал мне: „Ты попадёшь в западню и спасёшься из неё“. И я поняла, что когда я попала в твои руки и спаслась – это было в соответствии с моим сном. И ты знаешь, обольщённый глупец, что я твой враг, так как же ты хочешь, по твоему малоумию и

глупости, чтобы я тебя спасла, хотя ты слышал мои грубые речи? И как я буду стараться спасти тебя, когда мудрые сказали: „Смерть нечестивого – отдых людям и очищение земли“. Но если бы я не боялась перенести от верности большие страдания, чем страдания от обмана, я бы наверное придумала, как спасти тебя»

Услышав слова лисицы, волк укусил себе лапу от раскаяния...»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Ночь, дополняющая до ста пятидесяти

Когда же настала ночь, дополняющая до ста пятидесяти, Шахразада сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что когда волк услышал слова лисицы, он укусил себе лапу от пятидесяти раскаяния, а затем смягчил свои речи, видя, что это неизбежно, но никакой пользы от этого не было.

И тогда волк сказал лисице тихим голосом: «Вы, племя лисиц, говорите слаще всех и приятнее всех шутите, и это все твои штуки, но не во всякое время хорошо шутить», а лисица ответила: «О глупец, для шуток есть предел, которого не переходит тот, кто шутит. Не думай, что Аллах отдаст меня тебе, после того как он уже спас меня из твоих рук».

«Тебе следует желать моего спасения из-за нашей прежней братской дружбы, и если ты меня спасёшь, я обязательно воздам тебе добром», – сказал волк, и лисица ответила: «Мудрецы говорили: „Не братайся с нечестивым глупцом – он тебя обезобразит, а не украсит, и не братайся с лжецом: если ты проявишь хорошее, он это скроет, а если проявишь злое – разгласит“. И сказали мудрецы: „Для всего есть хитрость, кроме смерти, – все можно исправить, кроме испорченной сущности, и все можно отразить, кроме судьбы“.

А относительно воздаяния, которое я, ты говоришь, заслужила от тебя, то я сравню тебя по воздаянию со змеей, убежавшей от змеелова. Один человек увидел её испуганною и спросил: «Что с тобою, о змея?» – и она ответила: «Я убежала от змеелова, и он ищет меня; если ты спасёшь меня от него и скроешь меня у себя, я воздам тебе хорошим и сделаю с тобою все доброе».

И человек взял её, желая награды, жадный до воздаяния, и положил её за пазуху. А когда змеелов прошёл и удалился своей дорогой и то, чего змея боялась, миновало, Этот человек сказал ей: «Где награда? Я спас тебя от того, чего ты боялась и остерегалась». И змея отвечала: «Скажи мне, в какой член и в какое место мне тебя ужалить – ты знаешь, что наше воздаяние не идёт дальше этого». И потом она ужалила его один раз, и он умер.

И тебя, о глупец, я сравнила с той змеей и человеком.

Разве не слышал ты слов поэта:

Не верь человеку ты, коль в сердце его вселил
Ты гнев, но считаешь ты, что минула ярость.
Ехидна, поистине, хоть кольца нежны её,
Наружно мягка к тебе, но яд затаила».

И волк сказал ей: «О красноречивая, о прекрасная лицом, не забывай, кто я и как люди меня боятся. Ты знаешь, что я налетаю на крепости и обрываю виноградники, – сделай же то, что я тебе велел, и стой передо мной, как раб перед господином». Но лисица воскликнула: «О глупый и невежественный, стремящийся к тщетному, я дивлюсь, как ты глуп и тупоголов, раз ты велишь мне тебе служить и стоять перед тобой, точно я твой раб, и ты купил меня за деньги. Ты скоро увидишь, что тебя постигнет – тебе проломают голову камнями и сломают твои предательские зубы».

А потом лисица взошла на холм, возвышавшийся над виноградником, и стала кричать людям в винограднике и кричала до тех пор, пока не разбудила их. И они заметили лисицу и поспешно, толпой, пришли к ней, и лисица стояла на месте, пока они не приблизились к ней

и к яме, где был волк. А потом лисица бросилась бежать, и хозяева виноградника посмотрели в яму и, увидав там волка, принялись бросать в него тяжёлые камни и до тех пор били его камнями и палками и кололи зубцами копий, пока не убили.

И когда они ушли, лисица вернулась к яме и остановилась у места убиения волка, и, увидав, что волк мёртв, она стала качать головой от сильной радости и произнесла такие стихи:

«Похитила волка жизнь судьба и взяла её.
Далеко душа его да будет пропавшая!
Как долго, Абу-Сирхан²⁰⁵, хотел ты убить меня,
А ныне пришло к тебе несчастье, и близко так.
И в яму свалился ты, и всякий, упав в неё,
Услышит, что смерти ветер там дует порывистый».

И лисица осталась в винограднике одна, спокойная, не боясь бедствий, пока не пришла к ней смерть, и вот какова была повесть о волке с лисицей.

Рассказ о мыши и ласке (ночь 150)

Рассказывают, что мышь и ласка жили в жилище одного крестьянина, а этот крестьянин был беден. И случилось так, что один из друзей крестьянина заболел, и врач прописал ему очищенный кунжут. Он попросил у одного из своих приятелей кунжута. И приятель дал немного кунжута этому бедному крестьянину, чтобы тот очистил его для больного. И крестьянин пришёл к своей жене и велел ей приготовить кунжут, и она вымочила его, разбросала и высушила и приготовила.

Когда ласка увидела этот кунжут, она подошла к нему и весь день таскала его в свою нору, пока не перенесла большую часть.

И женщина пришла и увидела, что кунжута явно убавилось, и стояла, дивясь этому, а потом она села, чтобы выследить, кто придёт к кунжуту, и узнать, почему его не хватает. И ласка пришла и, увидев сидящую женщину, поняла, что та выслеживает её, и сказала в душе: «Поистине, этот поступок будет иметь дурные последствия! Я боюсь, что эта женщина за мной следит, а кто не думает о последствиях, тому судьба не друг. Я обязательно сделаю хорошее дело, которым проявлю свою невиновность и смою все скверное, что я сделала».

И она стала выносить кунжут из своей норки и приходила и клала его к остальному кунжуту. И женщина застала её и, увидав, что ласка так делает, сказала: «Не она виновница пропажи кунжута, так как она приносит его из норки того, кто его утащил, и кладёт его на другой кунжут. Она сделала нам добро, возвратив кунжут, а тому, кто сделал добро, воздаётся только добром. Но я буду следить за вором, пока он не попадётся, и я узнаю, кто он».

А ласка поняла, что было в мыслях этой женщины, и отправилась к мыши и сказала ей: «О сестрица, нет добра в том, кто не блюдёт соседства и не твёрд в любви». И мышь отвечала: «Да, мой друг. Благо тебе и соседству с тобой! По какова причина этих слов?» – «Хозяин дома, – отвечала ласка, – принёс кунжут, и они с семьёй поели его и насытились, и осталось его ещё много. И все, кто имеет душу, взяли от него. А если ты тоже возьмёшь кунжута, ты будешь иметь на него больше права, чем те, кто его уже взяли».

И это понравилось мышке, и она запищала и заплясала и заиграла ушами и хвостом, и ей захотелось отведать кунжута. И она тотчас же вышла из норки и увидала, что кунжут высушен и очищен и сияет белизной, а женщина сидит и наблюдает за ним, но мышь не

²⁰⁵ Абу-Сирхан – прозвище волка, буквально: «Отец зари»; первые лучи зари арабы иногда называют: «Волчий хвост».

подумала о последствиях этого дела. И женщина приготовила дубинку, а мышь не могла сдержать себя, и забралась в кунжут и стала есть его, наслаждаясь. А женщина ударила её дубинкой и разбила ей голову, и причиной её смерти была её жадность и пренебрежение к последствиям своего дела».

И царь сказал: «О Шахразада, клянусь Аллахом, это хороший рассказ! Знаешь ли ты рассказ о прекрасной дружбе и соблюдении её, когда трудно избавиться от гибели?» И Шахразада ответила: «Да!»

Рассказ о вороне и коте (ночь 150)

Дошло до меня, что ворон и кот побратались. А они сидели под деревом и вдруг увидели пантеру, подходившую к дереву, под которым они находились. И они Заметили её только тогда, когда она подошла близко к дереву.

И ворон взлетел на верхушку дерева, а кот остался стоять растерянный. «О друг мой, – спросил он ворона, – знаешь ли ты какую-нибудь хитрость, чтобы освободить меня, как я на тебя надеюсь?» И ворон отвечал: «Братья прибегают к братьям только тогда, когда нужна от них хитрость, если случится дурное дело. А как хороши слова поэта:

Тот верный друг, кто будет заодно с тобой
И пользу принесёт тебе во вред себе.
И, если поразил тебя судьбы удар,
Чтоб быть с тобою, душу растерзает он».

А близ дерева были пастухи с собаками. И ворон улетел и стал бить крыльями о землю и каркать и кричать, а потом он подлетел к пастухам, и ударил крылом по морде одну из собак и поднялся немного, и собаки побежали за ним, преследуя его. И пастух поднял голову и увидел, что птица летит близко от земли и падает, и последовал за нею. И ворон летел лишь настолько высоко, чтобы спастись и избавиться от собак, и побуждал их растерзать его, а потом он поднялся немного выше, и собаки следовали за ним, пока он не прилетел к дереву, под которым была пантера.

И когда собаки увидели пантеру, они прыгнули на неё, и пантера бросилась бежать; а она ведь хотела съесть кота. И этот кот спасся от неё благодаря хитрости своего друга ворона.

Эта сказка, о царь, указывает на то, что любовь искренних друзей спасает и выручает от бед и от наступления гибели.

Рассказ о вороне и лисице, о блохе и мыши, о соколе и о воробье (ночи 150-152)

Рассказывают ещё, что одна лисица жила в норке на горе, и всякий раз, как у неё рождались детёныши и крепки, она съедала их от голода, а если бы она не съедала детёнышей и оставляла бы их и сидела бы возле них, охраняя и оберегая их, она бы умерла с голоду, и Это мучило её.

А на верхушке этой горы ютился ворон, и лисица сказала себе: «Хочу завязать с этим вороном дружбу, и пусть он развлекает меня в одиночестве и помогает мне искать пропитания, так как для него возможно то, чего я не могу».

И лисица подошла к ворону и стала от него близко, чтобы он мог слышать её слова, и поздоровалась с ним, а потом сказала: «О сосед, поистине сосед мусульманин имеет двойное право на своего соседа мусульманина: право защиты и право единой веры – ислама. Знай, о мой друг, что ты мне сосед, и у меня есть перед тобой обязанность, которую следует исполнить, тем более что мы давно соседи, и мне в сердце вложена любовь к тебе, которая призывает меня быть с тобою ласковой и побуждает меня искать с тобой братства. Каков же

твой ответ?»

И ворон отвечал лисице: «Лучшее из слов – самое правдивое. Но, может быть, твой язык говорит о том, чего нет в твоём сердце. Я боюсь, что твоя дружба будет только на языке, а вражда будет скрыта в сердце, ибо ты – пожирающий, а я – пожираемый, и нам следует быть в отдалении от взаимной любви и близости. Что же побуждает тебя стремиться к недостижимому и искать того, чего не будет? Ты из породы зверей, а я из породы птиц, и такое братство не будет полным и верным».

«Кто знает, где место благородных, и умеет избирать среди них, тот и получит, может быть, пользу от друзей, – отвечала лисица. – Я хочу близости к тебе и избрала дружбу с тобою, чтобы один из нас был помощником другому в наших делах, и последствием нашей дружбы будет успех. Я знаю рассказы о прекрасной дружбе, и если ты хочешь, чтобы я их рассказала тебе, я расскажу». – «Я позволяю тебе сообщить их, – отвечал ворон. – Говори же и Расскажи их мне, а я выслушаю внимательно, чтобы узнать, с какой целью их рассказывают».

«Слушай, о мой друг, – сказала лисица, – о блохе и мыши есть рассказ, указывающий на то, о чем я тебе сказала». – «А как это?» – спросил ворон. И лисица ответила:

«Говорят, что мышь жила в доме одного купца, который вёл большую торговлю и имел много денег. И однажды блоха залезла ночью в постель этого купца и нашла его тело мягким, и блоха почувствовала жажду и стала пить его кровь. И купец почувствовал боль от блохи и пробудился от сна и стал звать своих невольниц и кое-кого из слуг, и они поспешили и, засучив рукава, стали искать блоху. А блоха, почуяв, что её ищут, обратилась в бегство и, увидя нору мышки, вошла туда.

И когда мышка увидела её, она спросила: «Что привело тебя сюда, когда ты не такое существо, как я, и не из моей породы, и тебе угрожает грубость, ссоры и обиды?» А блоха ответила: «Я бежала в твоё жилище, спасал душу от смерти, и пришла к тебе, ища защиты. Мне нет нужды до твоего дома, и тебя не постигнет от меня зло, которое бы заставило тебя уйти из твоего дома. Я надеюсь вознаградить тебя за милость, и скоро ты узнаешь и восхвалишь последствия того, о чем я тебе говорю». А мышь, услышав слова блохи...»

И Шахразад устала, и она прекратила дозволенные речи.

Сто пятьдесят первая ночь

Когда же настала сто пятьдесят первая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что мышь, услышав слова блохи, ответила: «Если дело таково, как ты описала и рассказала, успокойся здесь. И тебя ожидает дождь благополучия, и ты найдёшь лишь то, что тебя порадует, и постигнет тебя лишь то, что меня постигнет. Я отдала тебе свою дружбу. Так не жалею о крови купца, которая тебе не досталась, и не печалься о том, что не будешь пить её. Будь довольна тем достатком в жизни, который для тебя найдётся, – это безопаснее. Я слышала, о блохе, как один поэт из увещателей говорил такие стихи:

Стезей одиноких и скромных я шёл
И жизнь с чем придётся свою проводил.
Я жил куском хлеба, водицы глотком,
Щепоткою соли, лохмотья носил.
И если Аллах облегчит мою жизнь –
Прекрасно, – а нет, рад тому я, что есть».

И, услышав слова мыши, блоха ответила: «О сестрица, я выслушала твоё наставление и подчиняюсь и повинуюсь тебе. У меня нет силы перечить тебе, пока не пройдёт моя жизнь в осуществлении этого прекрасного намерения». И мышь отвечала: «Любить искренно – достаточно хорошее намерение».

И любовь возникла между ними и текла непрестанно. И блоха стала после этого

ютиться в постели купца, но не переходила меры дозволенного, а днём она пряталась с мышкой в её жилище.

И случилось, что купец однажды вечером принёс домой много динаров и начал их рассматривать. И когда мышь услышала звон денег, она высунула голову из норы и стала смотреть на них, пока купец не положил их под подушку и не лёг спать.

И тогда мышь сказала блохе: «Разве не видишь ты возможный случай и великую удачу? Есть ли у тебя хитрость, которая поможет нам достичь желаемого с этими динарами?» – «Тому, кто стремится к цели, хорошо иметь силу, чтобы достичь её, – отвечала блоха. – Но если он слаб для этого, он подвергается тому, чего опасается, и, будучи слабым, не достигнет желаемого, даже если сила придуманной им хитрости будет полной. Так бывает с воробьём, который подбирает зёрна и попадает в сеть, и охотники ловят его. И у тебя нет силы взять динары и вынести их из дома, и у меня нет силы на это. Нет, я даже не могу снести единого динара из них. Делай с динарами, что знаешь».

И мышь ответила: «Я приготовила в моей норе семьдесят выходов, через которые я выйду, если захочу выйти, а для сокровищ я приготовила надёжное место, и, если ты ухитришься увести купца из дома, я не сомневаюсь в удаче с помощью судьбы». – «Я обязуюсь увести его из дома», – сказала блоха.

А затем она отправилась к постели купца и укусила его устрашающим укусом, подобного которому купец раньше не чувствовал. И блоха удалилась в такое место, где была в безопасности от купца, а купец проснулся и стал искать блоху, но не нашёл её. Тогда он лёг на другой бок, но блоха укусила его ещё сильнее, чем в первый раз, и купец потерял сон и, покинув своё ложе, вышел и заснул на лавочке у дверей своего дома, и не проснулся до утра.

И тогда мышь стала переносить деньги и не оставила ничего, а когда наступило утро, купец стал подозревать людей и делать предположения».

И потом лиса сказала ворону: «Знай, что я говорю тебе это, о ворон зоркий, разумный и опытный, только для того, чтобы тебе досталась награда за твою милость ко мне, как мыши досталась награда за её милость к той блохе. Посмотри, как она наградила её и воздала ей наилучшим воздаянием».

И ворон отвечал: «Если благодетель хочет, он благодетельствует или не благодетельствует, и не обязательно благодетельствовать тому, кто стремится завязать связь посредством разлуки. И если я окажу тебе милость, хотя ты мой враг, я буду причиной разлуки с моей собственной душой. И ты, о лисица, коварна и обманчива, а тот, кому присущи коварство и обман, не соблюдает договора, а кто не соблюдает договора – тому нет пощады».

Недавно я узнал про тебя, что ты обманула одного из своих друзей – волка – и устраивала ему козни, пока не погубила его своим обманом и хитростью. Ты сделала с ним так, хотя он из твоей породы, и ты долгое время дружила с ним и не пощадила его. Так как же я доверюсь твоей искренней дружбе? Если ты сделала это с другом, который твоей же породы, так как же ты поступишь с врагом, который не из твоей породы? Тебя со мною можно уподобить лишь соколу с охотничьими птицами».

«А как это?» – спросила лисица.

И ворон сказал: «Говорят, что один сокол был упорным притеснителем и его боялись все хищники и никто не спасался от него...»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Сто пятьдесят вторая ночь

Когда же настала сто пятьдесят вторая ночь, Шахразада сказала:

«Дошло до меня, о счастливый царь, что ворон сказал: «Говорят, что один сокол был упорным притеснителем в дни своей юности, и его боялись хищники среди птиц и на суше и никто не спасался от его зла. И было много случаев его несправедливости и притеснения, и

сокол этот имел обычай обижать всех птиц А когда годы прошли над ним, его силы ослабли и разрушилась его мощь, он стал голодать. И его муки усилились, а когда не стало у него пищи, он решил прилететь на сборище птиц и есть то, что от них останется. Так стал он добывать пищу хитростью после силы и мощи.

Вот и ты также, о лисица, если лишишься силы, то не лишишься хитрости, и я не сомневаюсь, что, ища моей дружбы, ты хитришь, чтобы добыть себе пищу. А я не из тех, кто протянет и положит свою руку в твою, так как Аллах даровал мне силу в крыльях, осторожность в душе и зоркость в глазах.

Знай, что тот, кто уподобляется более сильному, чем он, – устаёт и нередко погибает. И я боюсь, что, если ты станешь сравнивать себя с более сильным, чем ты, с тобою случится то, что случилось с воробьём». – «А что случилось с воробьём? Заклинаю тебя Аллахом, расскажи мне его историю», – попросила лисица.

И ворон сказал: «Дошло до меня, что воробей пролетал над пастбищем овец. Он увидел это пастбище и остановился, разглядывая его, и вдруг большой орёл ринулся на ягнёнка из маленьких ягнят и унёс его в когтях и улетел.

И когда воробей увидел это, он захлопал крыльями и сказал: «Я сделаю то тебе, что сделал этот!» И он возгордился собою и сравнил себя с тем, кто больше его, и в тот же час полетел и опустился на жирного барана с обильной шерстью. А шерсть барана сбилась, потому что он лежал на своей моче и навозе, и стала точно выплюнутая.

И воробей, опустившись на спину барана, захлопал крыльями, и его ноги запутались в шерсти, и он хотел улететь, но не мог высвободиться.

И все это происходило, а пастух видел, что сначала произошло с орлом и что потом случилось с воробьём. И он подошёл к воробью, сердитый, и, схватив его, выщипал ему перья из крыльев, привязал ему к ноге нитку и принёс его своим детям и бросил им его. И кто-то из детей спросил: «Что это?» – и пастух ответил: «Он уподобил себя тому, кто выше его, и погиб».

И тебя также, о лисица, я предостерегу: не уподобляй себя тому, кто сильнее тебя, – ты погибнешь. Вот каковы мои речи, уходи же от меня с миром».

И когда лисица потеряла надежду подружиться с вороном, она повернула назад, стеноя от печали и скрежеща зубами от сожаления. И когда ворон услышал её плач и стоны и увидел, как она грустна и печальна, он спросил её: «О лисица, что тебя постигло, что ты скрежещешь зубами?» И лисица ответила: «Я скрежещу зубами, так как увидела, что ты хитрее меня».

И потом она, повернув назад, обратилась в бегство и направилась в свою нору. Вот какова была, о царь, их история».

«О Шахразада, как прекрасны и приятны эти рассказы, – воскликнул царь. – А знаешь ли ты какие-нибудь наставительные повести?»

И Шахразада сказала:

Рассказ про ежа и вяхиря (ночь 152)

Рассказывают ещё, что ёж устроил жилище около пальмы, а на ней поселился вяхирь со своей женой. И свили они там гнездо, и жили приятною жизнью. И ёж говорил про себя: «Вот вяхирь и его жена едят плоды с пальмы, а я не нахожу к этому пути. Но надо обязательно устроить с ними хитрость».

И вырыл ёж у подножья пальмы нору и сделал её жилищем для себя и для своей жены, а рядом он устроил мечеть и стал уединяться там, выказывая благочестие и богомольность и пренебрежение к миру.

И вяхирь видел, что ёж поклоняется богу и молится, и сердце его смягчилось из-за его великого воздержания. «Сколько лёг ты живёшь так?» – спросил он. «Тридцать лет», – отвечал ёж. «А что ты ешь?» – продолжал вяхирь. «Что упадёт с пальмы», – сказал ёж. «А во что ты одет?» – спросил вяхирь, и ёж ответил: «В иглы, жёсткостью которых я пользуюсь». –

«А почему ты предпочёл это место другому?» – спросил вяхирь. «Я выбрал его не на дороге, чтобы направить заблудшего и научить незнающего», – ответил ёж. И вяхирь сказал ему: «Я думал, что ты не таков, но теперь я хочу того, что есть у тебя».

«Поистине, – отвечал ёж, – я боюсь, что твои слова будут противоположны твоим поступкам и ты станешь подобен земледельцу, который, когда пришло время посева, не спешил сеять и говорил себе: „Я боюсь, что дни не приведут меня к желаемому и, поторопившись сеять, я погублю добро“. А когда пришло время жатвы и он увидел, как люди гибнут, ему стало жаль, что он упустил время, отстав от других, и он умер от горя и печали».

И вяхирь спросил ежа: «А что мне делать, чтобы освободиться от пут здешнего мира и предаться только поклонению господу?» И ёж отвечал: «Приготовляйся к будущей жизни и будь воздержан в пище». А вяхирь воскликнул: «Но как мне быть, когда я птица и не могу залететь дальше пальмы, на которой моя пища? А если бы я мог Это сделать, я бы не знал места, где поселиться». – «Ты можешь отрясти столько фиников с пальмы, что тебе хватит запаса на год, и тебе и твоей жене. А сам поселись в гнезде под пальмой и проси у Аллаха хорошего наставления, – сказал ёж. – Потом примись за те финики, которые ты отряс, и перенеси их все и спрячь, чтобы питаться ими во время недостатка. И если финики кончатся, а твоя отсрочка будет продлена, обратись к воздержанной жизни». – «Да воздаст тебе Аллах благом за твоё хорошее намерение, когда ты напомнил мне о будущей жизни и вывел меня на верный путь!» – воскликнул вяхирь.

А затем вяхирь и его жена до тех пор трудились, сбрасывая финики, пока на пальме ничего не осталось. И тогда ёж нашёл чем питаться и обрадовался и, наполнив плодами своё жилище, спрятал их, чтобы их есть. И он говорил себе: «Когда вяхирю и его жене понадобятся эти припасы, они попросят их у меня и пожелают того, что у меня есть, полагаясь на моё воздержание и благочестие. А услышав мои советы и наставления, они подлетят ко мне близко, и я поймаю их и съем. И тогда это место останется пустым, и плоды будут падать с пальмы, и мне их хватит».

А потом вяхирь и его жена спустились с пальмы, сбросив все бывшие на ней плоды, и увидели, что ёж перенёс их все в свою нору. И вяхирь сказал ежу: «О праведный ёж, увещатель и советник, мы не видим следа фиников и не знаем других плодов, чтобы ими питаться». А ёж ответил: «Может быть, они улетели по ветру; но пренебречь пропитанием ради пропитающего – в этом сущность успеха. Ведь тот, кто прорезал углы рта, не оставит рта без пищи».

И он продолжал давать им такие наставления и проявлял благочестие красивыми словами, пока птицы ему не доверились, и, приблизившись к нему, они пошли в отверстие гнезда, не боясь его коварства. И тут ёж подскочил к входу, скрежеща зубами. И когда вяхирь увидел его явный обман, он воскликнул: «Как далеко сегодня от вчера! Разве не знаешь ты, что у обиженных есть защитник? Берегись же коварства и обмана, чтобы тебя не постигло то, что постигло обманщиков, которые строили козни купцу». – «А как это было?» – спросил ёж. И вяхирь сказал:

Рассказ о купце и двух злодеях (ночь 152)

Дошло до меня, что один купец из города, называемого Синда, обладал большим имуществом. Он связал тюки и приготовил товары и выехал в какой-то город, чтобы продать их там. И за ним последовали два человека из злокозненных. Они нагрузили какое у них нашлось имущество и товары и сказали купцу, что они тоже из купцов, и поехали с ним.

И когда сделали привал на первой остановке, эти люди сговорились обмануть купца и взять то, что у него было. А потом каждый из них задумал в душе устроить со своим товарищем хитрость и обмануть его, и оба они говорили про себя: «Если я обману моего товарища, моё время будет безоблачно, и я заберу все это имущество».

И они затаили друг против друга дурные намерения, и один из них взял кушанье и

положил туда яду, а другой сделал то же со своим кушаньем, и оба они предложили друг другу своего кушанья и поели и вместе умерли. А эти люди сживали с купцом и беседовали с ним, и, когда они исчезли и заставили себя ждать, купец стал их разыскивать, чтобы узнать, что с ними, и нашёл их мёртвыми. И тогда он узнал, что это хитрецы, которые хотели обмануть его, и хитрость их обратилась против них самих. Так купец остался невредимым и взял то, что с ними было».

И царь сказал: «Ты обратила мои мысли, о Шахразада, на то, чем я пренебрегал. Прибавь же мне этих притчей».

И она сказала:

Рассказ в ткаче и фокуснике (ночь 152)

Дошло до меня, о царь, что у одного человека была обезьяна, а этот человек был вор. И когда он приходил на какой-нибудь рынок в том городе, где он жил, то не уходил оттуда без большой наживы. И случилось так, что однажды он увидел человека, который нёс скроенные платья, чтобы продать их. И этот человек стал выкликать платья на рынке, но никто не приценился к ним, и всякий раз, как он предлагал их кому-нибудь, их неизменно отказывались купить.

И случилось так, что вор, у которого была обезьяна, увидел человека со скроенными платьями, а тот завернул их в кусок полотна и присел отдохнуть от усталости. И обезьяна стала играть перед ним, пока он не отвлёкся, смотря на неё, и вор утащил у него узел с материей, а потом он взял обезьяну и пошёл в пустынное место и, развязав узел, увидал там эти скроенные платья.

Он завязал эти платья в дорогое полотно и пошёл на другой рынок и предложил на продажу полотно и то, что в нем было, поставив условием, чтобы его не развязывали. Он соблазнял людей малой ценой за этот узел, и один человек увидел его, и узел ему понравился из-за его ценности.

Он купил узел с таким условием и ушёл с ним домой, полагая, что купил удачно, и когда его жена увидела узел, она спросила его: «Что это?» – и он ответил: «Это дорогая вещь, которую я купил ниже её цены, чтобы продать её и взять за неё прибыль». – «О ты, обманутый, – сказала ему жена,

разве такую вещь продают за меньшую цену, если она не краденая? Не знаешь ты разве, что тот, кто покупает вещь, не видя её, делает ошибку и становится подобен ткачу».

«А какова история ткача?» – спросил её муж, и она сказала: «Дошло до меня, что в одном селении был ткач, и он работал, но добывал пищу лишь с трудом.

И случилось, что один богатый человек, живший поблизости от его селения, устроил пир и позвал людей, и ткач тоже пришёл. И он увидел, что людям, одетым в мягкие одежды, предлагают роскошные кушанья, и хозяин дома даже величает их, видя, как они хорошо одеты. И тогда ткач сказал себе: «Если бы я променял своё ремесло на другое, более лёгкое по работе, более высокое по степени и с большей оплатой, я бы наверное собрал большие деньги и купил бы роскошные одежды, чтобы возвысить мой сан я стать великим в глазах людей, и сделаться таким, как эти люди».

И потом ткач увидел, как какой-то фокусник из забавников, присутствовавших на пиру, поднялся и влез на высокую стену, уходящую ввысь, а затем кинулся оттуда на землю и стада на ноги. Я тут ткач сказал себе: «Обязательно сделаю то, что сделал этот, и не буду слаб для этого!»

И он поднялся и влез на стену и бросился оттуда и, достигнув земли, сломал себе шею и тотчас же умер.

Я рассказала тебе об этом лишь для того, чтобы ты клал свою еду той стороной, которую ты знаешь и узнал вполне, и чтобы тебя не взяла жадность, и ты бы не захотел того, что не по тебе».

И муж отвечал ей: «Не всякий, кто знает, спасётся своими знаниями, и не всякий

невежда гибнет от невежества. Я видывал, как змеелова, сведущего в змеях и знающего о них, иногда жалит змея и убивает, но справляется с нею тот, кто не знает о них я не сведущ в их повадках».

И он не согласился с женою и купил эти вещи и стал придерживаться этого обычая, и докупал у воров за бесценок, пока не попал в подозрение и не погиб от этого.

Рассказ о воробье и павлине (ночь 152)

В эти же времена был воробей, который приходил каждый день к одному из царей птиц и все время прилетал к нему по утрам и по вечерам, так что стал первым из приходящих и последним из уходящих от него.

И случилось так, что множество птиц собралось на одной высокой горе, и одни из них говорили другим: «Нас стадо много, и умножились наши несогласия, и необходимо вам „меть царя, который разбирал бы наши дела: тогда ваша слова станут едины и прекратятся наши несогласия“.

А тот воробей пролетал мимо, и он посоветовал им сделать царём павлина (а это был тот царь, которого он часто посещал). И птицы избрали павлина и сделали его царём над собою, и павлин был к ним милостив и назначил воробья своим писцом и везирем, и воробей иногда прекращал пребывание у павлина и разбирал дела.

И однажды воробья не оказалось у павлина, и тот взволновался великим волнением, и когда это было так, воробей вдруг вошёл к нему. «Что задержало тебя, хотя ты ближайший из наших подданных и самый дорогой для нас из них?» – спросил павлин. И воробей ответил: «Я видел одно дело, и оно показалось мне тёмным и испугало меня». – «А что же ты видел?» – спросил павлин.

«Я видел человека с сетью, который укрепил её у моего гнёзда и крепко вколотил колышки, а посередине сет он насыпал зёрен и сел поодаль от неё», – отвечал воробей. И я сидел, глядя, что он будет делать, и, пока я там сидел, вдруг появился журавль с женой, которых судьба и рок туда пригнали. И они упали в середину сети и стали кричать, я охотник поднялся и забрал их. Это встревожило меня, и вот почему я отсутствовал, о царь времени. И я не буду больше жить в этом гнезде, так как боюсь сети».

«Не уходи со своего места: осторожность не поможет тебе против судьбы», – сказал павлин. И воробей последовал его приказанию и сказал: «Я буду терпеть и не уйду, повинаясь царю». И воробей продолжал опасаться За себя и взял свою пищу к павлину и ел, пока не насытился, и запил пищу водой.

А потом воробей удалился. И в какой-то день он летел и увидел, что два воробья дерутся на земле. «Как могу я быть везирем царя и видеть, что воробьи дерутся около меня! – воскликнул он. – Клянусь Аллахом, я помирю их!» И он направился к ним, чтобы их помирить, и охотник перевернул свою сеть на них всех, и тот воробей попал в середину сети.

И охотник взял его и дал своему товарищу и сказал: «Держи его крепко, он жирный, и я не видал лучше его». И воробей подумал: «Я попался туда, куда боялся попасть, и я был в безопасности только у павлина. Не помогла осторожность против постигшей судьбы, и некуда бежать от рока осторожному. Как хороши слова поэта:

Не бывать чему, не свершить того даже хитростью
Никогда, а то, чему быть должно, то будет.
И наступит то, чему быть должно, своевременно,
А незнающий, тот всегда обманут будет».

«О Шахразада, – сказал царь, – прибавь мне таких рассказов». И Шахразада ответила: «В следующую ночь, если царь сохранит мне жизнь, да возвеличит его Аллах...»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Повесть об Али ибн Беккаре и Шамс-ан-Нахар (ночи 153-169)

Сто пятьдесят третья ночь

Когда же настала сто пятьдесят третья ночь, Шахразада сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что в древние времена и минувшие века и годы, в халифате царя Харуна ар-Рашида, был один человек, купец, у которого был сын по имени Абу-ль-Хасан Али ибн Тахир.

И человек этот имел много денег и делал обильные дары. А сын его был красив лицом, и поведение его было любезно людям. И сын купца входил во дворец халифа без разрешения, и все наложницы и невольницы халифа любили его. Он был сотрапезником царя, говорил ему стихи и рассказывал диковинные рассказы, однако продолжал продавать и покупать на рынке купцов.

А у лавки его обычно сидел юноша из детей персов, которого звали Али ибн Беккар. И юноша этот был красив станом, изящен видом и совершенен по внешности: с розовыми щеками, сходявшимися бровями и нежной речью и улыбающимися устами, и он любил веселье и развлечения.

И случилось как-то, что оба они сидели, разговаривая и веселясь, и вдруг появились десять невольниц, точно луны, и каждая из них отличалась красотой и стройностью стана, а среди них была женщина, верхом на муле, осёдланном вышитым седлом с золотыми стремянами. И на этой женщине был тонкий изар²⁰⁶, а стан её охватывал шёлковый пояс с золотой каймой. И была она такова, как сказал о ней поэт:

И кожа её шелкам подобна, а речь её
Нежна и приятна нам, не вздор и не проповедь.
Глазам же её Аллах «Явитесь!» сказал, и вот
Явились они, пьяня сердца, как вино пьянит.
Любовь к ней! Пускай сильнее всечасно тоска моя!
В любви утешение – в день судный найду тебя!

И когда невольницы достигли лавки Абу-ль-Хасана, та женщина сошла с мула и, сев возле лавки, приветствовала его, и он тоже приветствовал её. И когда Али ибн Беккар её увидел, она похитила его ум. И он хотел уйти, но она сказала ему: «Сиди на месте! Мы приехали к тебе, а ты уходишь! Это несправедливо!» «Клянусь Аллахом, о госпожа, – ответил он, – я бегу от того, что увидел, и язык обстоятельств говорит:

Как солнце она, что на небе живёт,
Утешь же ты душу благим утешеньем!
Подняться не можешь ведь ты до неё,
Спуститься к тебе она тоже не может».

И когда женщина слышала это, она улыбнулась и спросила Абу-аль-Хасана: «Как имя этого юноши и откуда он?» И Абу-ль-Хасан отвечал: «Он чужеземец». – «Из какой страны?» – спросила она. «Он сын царя персов, и зовут его Али ибн Беккар, – ответил торговец, – а чужеземцу надлежит оказывать уважение». – «Когда моя невольница придёт к тебе, приведи его ко мне», – сказала женщина. И Абу-аль-Хасан отвечал: «На голове и на глазах!»²⁰⁷ – и

²⁰⁶ Изар – кусок полотняной или шёлковой ткани, в который заворачиваются арабские женщины, выходя на улицу.

²⁰⁷ Формула безусловного повиновения у мусульман.

потом женщина поднялась и отправилась своей дорогой. И вот что было с нею.

Что же касается Али ибн Беккара, то он не знал, что сказать. А через час невольница пришла к Абу-аль-Хасану и сказала ему: «Моя госпожа требует тебя вместе с твоим товарищем». И Абу-аль-Хасан поднялся и взял с собою Али ибн Беккара, и они пошли во дворец Харуна ар-Рашида.

И невольница ввела их в комнату и посадила, и они немного побеседовали. И вдруг перед ними поставили столы, и они поели и вымыли руки. А затем невольница принесла им вино, и они опьянели.

И после того она велела им подниматься. И они пошли с нею, и невольница ввела их в другую комнату, построенную на четырех столбах. И эта комната была устлана разными подстилками и украшена всевозможными украшениями, точно палата из палат в раю. Оба юноши оторопели, увидав такие редкости, и, пока они смотрели на эти диковины, вдруг появились десять невольниц, словно луны, которые гордо раскачивались, ошеломляя взоры и смущая умы, и встали в ряд, подобные райским гуриям.

А через короткое время вдруг появились другие десять невольниц и приветствовали их обоих. В руках этих невольниц были лютни и инструменты для забавы и радости. И все невольницы сели и настроили струны, и поднялись перед гостями, и играли на лютнях, и пели, и говорили стихи, и каждая из них была искушением для рабов Аллаха.

И пока это происходило, вдруг появилось ещё десять невольниц, подобных им: высокогрудые ровесницы, черноглазые, с румяными щеками, сходящимися бровями и мягкими членами, – искушение для богомольцев и услада для взирающих. И на них были всякие разноцветные шелка и одежды, ошеломляющие и искушающие разум. И они встали у дверей, а после них пришли другие десять невольниц, прекраснее их, и на них были красивые одежды, не подходящие ни под какое описание. И невольницы тоже встали у дверей. А потом из дверей вышли двадцать невольниц, среди которых была невольница по имени Шамс-ан-Нахар, подобная луне среди звёзд. И она качалась от удовольствия и изнеженности, опоясанная избытком своих волос. На ней была голубая одежда и шёлковый изар с каёмками из золота и драгоценных камней, а стан её охватывал пояс, украшенный всякими драгоценностями.

И она шла, кичливо раскачиваясь, пока не села на ложе. И когда Али ибн Беккар увидел её, он произнёс такие стихи:

«Из-за этой болезнь моя началась,
И продлилась любовь моя и влюблённость.
Перед нею душа моя, вижу, тает
От любви к ней, и всем видны мои кости».

А окончив эти стихи, он сказал Абу-аль-Хасану: «Если бы ты хотел сделать мне добро, то рассказал бы мне об этой красавице. Тогда, прежде чем войти сюда, я укрепил бы свою душу и внушил бы ей быть стойкою в том, что её постигнет».

И он стал плакать, стонать и жаловаться, а Абу-аль-Хасан отвечал: «О брат мой, я хотел тебе только добра, по я боялся, что если я скажу тебе заранее, тебя охватит любовь, которая оттолкнёт тебя от встречи с ней и встанет между ней и тобою. Успокой же душу и прохлади глаза – она обращает лицо к тебе и добивается встречи с тобою». – «Как зовут эту женщину?» – спросил Али ибн Беккар. И Абу-аль-Хасан ответил: «Её имя Шамс-ан-Нахар, и она из любимиц повелителя правоверных Харуна ар-Рашида, а это место – дворец халифа».

И Шамс-ан-Нахар села и стала рассматривать прелести Али ибн Беккара, и он – тоже рассматривал её красоту, и любовь друг к другу охватила обоих. И Шамс-ан-Нахар велела всем невольницам сесть по местам. И каждая из них села напротив окна, и Шамс-ан-Нахар велела им петь, и одна из невольниц взяла лютню и произнесла:

«Ты послание второй раз пришли,
И ответ возьми ты открыто свой.
Пред тобой, о царь дивной прелести,
Я стою, на страсть свою жалуясь.
О владыка мой, о душа моя,
О жизнь моя драгоценная,
Пожалуй мне поцелуй один –
Подари его или дай взаймы!
Я верну его, не лишишься ты
Самого его, – каким был, верну.
А захочешь ты прибавления,
Так возьми его, с душой радостной.
О надевший мне платье гордости,
Будь же счастлив ты в платье радости!»

И Али ибн Беккар пришёл в восторг и сказал ей: «Прибавь мне ещё таких стихов!» И невольница пошевелила струны и произнесла такое стихотворение:

«Ты часто далёк, о мой любимый,
И глаз научил мой долго плакать.
О счастье очей моих, о радость –
Желаний предел моих и веры!
О, сжался над тем, чьи очи тонут
В слезах опечаленного страстью».

А когда она окончила свои стихи, Шамс-ан-Нахар сказала другой невольнице: «Дай нам послушать что-нибудь». И та затянула напев и произнесла такие стихи:

«От взоров хмелею я, не винами я пьяна,
И стана его изгиб с собою мой сон увёл.
Не тешит меня вино – утешусь лишь кудрями;
Вином не взволнована – чертами лица его,
И волю мою сломил кудрей завиток его,
А то, что одето в плащ, похитило разум мой».

И когда Шамс-ан-Нахар услышала стихи, произнесённые невольницей, она долго вздыхала, и стихи ей понравились. А потом она велела петь другой невольнице. И та взяла лютню и произнесла:

«Лицо его светилу неба – соперник,
Вода юности на лице его сочится.
И отметил пух на щеках его два ряда письмён,
И весь смысл любви в них изложен до предела,
Закричала прелесть, лишь только он повстречался мне:
«Вот он, расшитый вышивкой Аллаха!»

А когда она окончила свои стихи, Али ибн Беккар сказал невольнице, бывшей близко от него: «Скажи ты, о невольница, и дай нам услышать что-нибудь!» И она взяла лютню и произнесла:

«Время близости слишком коротко –

Для отяжек этих и игр твоих,
Разлука часто губит нас –
Прекрасный так не делает,
Ловите же миг счастья вы –
Любви приятен будет час».

А когда она окончила свои стихи, Али ибн Беккар сопровождал их обильными слезами. При виде его плача, жалоб и стонов Шамс-ан-Нахар загорелась страстью и любовью, и её погубило увлечение и безумие любви. И она поднялась с ложа и подошла к дверям покоя, и Али ибн Беккар встал и пошёл ей навстречу, и они обнялись и упали без памяти. И невольницы подошли к ним и подняли их и внесли их в покои и обрызгали розовой водой. А когда они очнулись, то не нашли Абу-аль-Хасана, который прятался за краем ложа. «Где же Абу-аль-Хасан?» – спросила невольница, и тот показался ей из-за ложа. Шамс-ан-Нахар пожелала ему мира и воскликнула: «Я прошу Аллаха, чтобы он дал мне возможность наградить тебя, о творец милости!»

А потом она обратилась к Али ибн Беккару и сказала: «О господин, любовь я не чувствовала бы вдвойне; но для нас нет ничего иного, кроме стойкости против того, что нас постигло». – «О госпожа, – ответил Али ибн Беккар, – встреча с тобою мне приятна, и взгляд на тебя не потушит во мне пламени, и ничто не устранил любви к тебе, овладевшей моим сердцем, кроме гибели моей души».

И он заплакал» и слезы бежали по его щеке, словно рассыпанные жемчужины, и, увидев, что он плачет, Шамс-ан-Нахар заплакала с ним вместе. И тогда Абу-аль-Хасан воскликнул: «Клянусь Аллахом, я дивлюсь вам и недоумеваю! Поистине, то, что происходит, удивительно и диковинно! Вы так плачете, когда вместе, что же будет, когда вы расстанетесь и разлучитесь? Теперь не время печали и плача, – прибавил он, – нет, теперь время быть вместе и радоваться. Веселитесь же и развлекайтесь, но не плачьте!»

Потом Шамс-ан-Нахар сделала знак одной невольнице, и та ушла и вернулась с прислужницами, которые несли столик с серебряными блюдами, где были всякие роскошные кушанья. И они поставили стол перед ними, и Шамс-ан-Нахар принялась есть и кормить Али ибн Беккара, и они ели, пока не насытились. А затем столик был убран, и они вымыли руки, и принесли курильницы с разными курениями – алоэ, амброй и неддом, а также принесли кувшины с розовой водой. И они надушились и воскурили благовония, и им принесли подносы из резного золота, где были всевозможные напитки и плоды, свежие и сухие, желательные душе и усаждающие глаз, а после того принесли агатовый таз, полный вина.

И Шамс-ан-Нахар выбрала десять невольниц, которым она велела находиться при них, и десять невольниц из числа певиц, а остальным позволила разойтись. И она приказала невольницам играть на лютне. И они сделали так, как она велела, и одна из них произнесла:

«Как дух мой, мне дорог тот, кто мне возвратит привет
Со смехом, и вновь придёт любовь за отчаяньем.
Руками страстей теперь покров с моих тайн уже спят,
Открыли хулителям, что в сердце моем, они.
И слезы из глаз моих меж мною и им стоят,
Как будто бы слезы глаз со мной влюблены в него».

А когда она окончила стихи, Шамс-ан-Нахар поднялась и, наполнив кубок, выпила его, а потом она налила кубок и дала его Али ибн Беккару...»

И Шахразад устроило утро, и она прекратила дозволенные речи.

Сто пятьдесят четвёртая ночь

Когда же настала сто пятьдесят четвёртая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что Шамс-ан-Нахар наполнила кубок и дала его Али ибн Беккару, а потом она велела невольнице петь, и та произнесла такие стихи:

«Похожи слеза моя, коль льётся, и влага вин,
И то же, что в кубке есть, глаза мои льют струей.
Не знаю, клянусь творцом, то око ли льёт вино
Струёю обильною, иль слезы я пил свои».

А когда она окончила стихи, Али ибн Беккар выпил свой кубок и возвратил его Шамс-ан-Нахар, а та наполнила его и подала Абу-аль-Хасану, который выпил кубок. А потом она взяла лютню и сказала: «Никто не будет петь над моим кубком, кроме меня!» И натянула струны и произнесла такое стихотворение:

«Диковинных слез струя дрожит на щеках его,
И страсти его огни, пылая, в груди горят.
Он плачет, коль близко вы, боясь отдаления,
И слезы его текут, коль близко вы иль вдали. —

И слова другого:

Мы твой выкуп, о кравчий наш, облачённый
Красотою от звёзд чела и до пяток.
Солнце светит из рук твоих, и плеяды
Между уст — а над воротом светит месяц.
Твои чаши оставили меня пьяным,
И пускают их в круг ходить твои очи.
Разве в дивном бытии своём не луна ты
В полнолуние, что смерть несёт всем влюблённым?
Или бог ты, что жизнь подаст или сгубит —
Расставаясь, с кем хочешь ты, и встречаясь?
Все красоты Аллах творил из тебя лишь,
Прелесть ветра из свойств твоих сотворил он.
Не земное создание ты, но напротив —
Вышний ангел, ниспосланный всех создавшим».

И когда Али ибн Беккар, Абу-аль-Хасан и присутствующие услышали стихи Шамс-ан-Нахар, они едва не улетели от восторга. И они стали играть и смеяться, и когда Это было так, вдруг приблизилась невольница, дрожащая от страха, и сказала: «О госпожа, слуги халифа у двери. Это Афиф и Масрур и Марджан и другие евнухи, которых я не знаю». И, услышав эти слова, невольницы чуть не умерли от испуга, но Шамс-ан-Нахар засмеялась и сказала: «Не бойтесь!»

И потом она приказала невольнице: «Отвечай им, пока мы не выйдем отсюда». И велела запереть двери и опустить над дверями занавески. И, заперев дверь в комнату, она вышла через потайную дверь в сад, и села на своё ложе, и приказала невольнице растирать себе ноги, а другим невольницам она велела разойтись по своим местам. И потом она приказала оставшейся девушке позвать тех, кто был у двери, чтобы они вошли, и вошёл Масрур и те, кто был с ним, а было их двадцать, с мечами в руках. Они приветствовали Шамс-ан-Нахар, и она спросила их: «Зачем вы пришли?» И евнухи ответили: «Повелитель правоверных приветствует тебя. Он стосковался, не видя тебя, и передаёт тебе, что у него было сегодня торжество и большое веселье и он хочет, чтобы в завершение радости ты была с ним в этот час. Ты ли придёшь к нему, или он придёт к тебе?»

И Шамс-ан-Нахар поднялась и поцеловала землю и сказала: «Слушаю и повинуюсь приказу повелителя правоверных!» И затем она велела призвать надсмотрщиц и девушек и, когда они пришли, сделала вид, что собирается поступить так, как повелел халиф. А её помещение было готово для приёма халифа, и она сказала евнухам: «Идите к повелителю правоверных и передайте ему, что я ожидаю его после того, как приготовлю для него ковры и нужные вещи».

И евнухи поспешно отправились к повелителю правоверных, а что касается Шамс-ан-Нахар, то она сняла с себя одежды и, выйдя к своему возлюбленному Али ибн Беккару, прижала его к груди и попрощалась с ним. И он горько заплакал и сказал: «О госпожа, это прощание – причина моей гибели и гибели моей души, но я прошу Аллаха, чтобы он наделил меня стойкостью в любви, которою он испытал меня». – «Клянусь Аллахом, – отвечала Шамс-ан-Нахар, – никто не подвергнется гибели, кроме меня! Ты выйдешь на рынок и встретишься с теми, кто тебя утешит, и будешь охранен, и страсть твоя будет скрыта, а я подвергнусь заботам и тяготам и не найду никого, кто бы утешил меня, тем более что я обещала халифу встретиться с ним. Быть может, меня постигнет из-за этого большая опасность, так как я тоскую по тебе и люблю тебя и в тебя влюблена и печалюсь о разлуке с тобою. Каким языком я буду петь и с каким сердцем явлюсь к халифу? Какими словами буду я беседовать с повелителем правоверных и какими глазами взгляну на место, где тебя нет? Как я буду на пиру, где тебя не будет, и с удовольствием буду ли я пить вино, когда тебя нет?» И Абу-аль-Хасан сказал ей: «Не смущайся и терпи и не будь небрежна, разделяя трапезу с повелителем правоверных сегодня вечером. Не выказывай ему невнимания и будь стойкой!»

И пока они разговаривали, пришла невольница и сказала: «О госпожа, пришли слуги халифа!» И Шамс-ан-Нахар поднялась на ноги и сказала невольнице: «Возьми Абу-аль-Хасана и его товарища и отправляйся с ними в верхнюю светлицу, которая выходит в сад, и оставь их там, пока не наступит темнота, а потом ухитрись как-нибудь их вывести».

И невольница взяла их и привела в светлицу и, заперев дверь, ушла своей дорогой, а они оба сели и стали смотреть в сад.

И вдруг пришёл халиф, предшествуемый почти сотнею евнухов с мечами в руках, и вокруг него было двадцать невольниц, точно луны, и на них были самые роскошные, какие есть, одежды, и на голове у каждой из них был венец, окаймлённый жемчугами и яхонтами, и все они держали в руках зажжённые свечи. И халиф шёл посреди них, а они окружали его со всех сторон, и перед ним шли Масрур и Афиф и Васиф, а он шествовал среди них, покачиваясь.

И Шамс-ан-Нахар и невольницы, бывшие с нею, поднялись и встретили халифа у ворот сада, целуя перед ним землю, и они до тех пор шли перед ним, пока не сели на ложе, а невольницы и евнухи, бывшие в саду, все встали перед ним. И явились прекрасные девушки и прислужницы, неся в руках зажжённые свечи, благовония, курения и музыкальные инструменты, а царь приказал певицам сесть, и они сели по своим местам. И Шамс-ан-Нахар пришла и села на скамеечку, рядом с ложем халифа, и стала разговаривать с ним, и при всем этом Абу-аль-Хасан и Али ибн Беккар смотрели и слушали, а халиф не видел их.

А потом халиф принялся шутить и играть с Шамс-ан-Нахар, и они наслаждались и радовались, и царь велел открыть помещение, и его открыли и распахнули окна и зажгли свечи, и там стало светло, как днём.

А затем евнухи стали переносить посуду для питья. «И я увидел такую посуду и такие редкости, – говорил Абу-аль-Хасан, – каких не видывали мои глаза. Это была посуда из золота, серебра и прочих драгоценных металлов и камней, которых нет сил описать, и мне даже представлялось, что я во сне – так я был ошеломлён тем, что видел».

Что же касается Али ибн Беккара, то с того времени, как с ним рассталась Шамс-ан-Нахар, он лежал на земле от сильной страсти и любви. А очнувшись, он стал смотреть на эти вещи, которым не найти равных, и сказал Абу-аль-Хасану: «О брат мой, я боюсь, что халиф нас увидит или узнает о нас, и больше всего я боюсь за тебя, а что до меня,

то про себя я знаю, что я погиб несомненно, и гибель моя от одной лишь любви и страсти и чрезмерного увлечения и любовного безумия и оттого, что я расстался с любимой после сближения. Но я надеюсь, что Аллах освободит нас из этой западни».

И Али ибн Беккар с Абу-аль-Хасаном до тех пор смотрели на халифа и на то, как он веселится, пока приготовления к пиру не были закончены. А потом халиф обратился к одной из невольниц и сказал: «Подавай, о Гарам, самую волнующую музыку, какую знаешь». И невольница взяла лютню и, настроив её, произнесла:

«Сильна бедуинки страсть, родными покинутой,
По иве томящейся и мирте Аравии.
Увидевши путников, огнями любви она
Костёр обеспечит им, слезами бурдюк нальёт.
И все ж не сильнее любви к тому, кого я люблю,
По грешной считает он меня за любовь мою».

И когда Шамс-ан-Нахар услышала эти стихи, она склонилась со скамеечки, на которой сидела, и упала на землю без памяти и исчезла из мира. И невольницы встали и подняли её, и когда Али ибн Беккар увидел это из светлицы, он упал без чувств. И Абу-аль-Хасан сказал: «Поистине, судьба разделила страсть между вами поровну!»

И когда они разговаривали, вдруг пришла к ним та невольница, что привела их в светлицу, и сказала: «О Абу-аль-Хасан, поднимайся с своим товарищем и уходите: мир стал тесен для нас, и боюсь, что халиф узнает про вас. Если вы не уйдёте сей же час, мы умерли!» – «А как может этот молодец уйти со мной, когда у него нет сил встать?» – спросил Абу-аль-Хасан, и девушка принялась брызгать на Али ибн Беккара розовой водой, и он очнулся от обморока.

И тогда Абу-аль-Хасан поднял его, а невольница его поддерживала, и они спустились с ним из светлицы и немного прошли. А потом невольница открыла маленькую железную дверь и вывела через неё Абу-аль-Хасана и Али ибн Беккара, и они увидели скамейку на берегу Тигра и сели. И невольница захлопала в ладоши, и к ней подъехал человек в маленьком челноке, и она сказала ему: «Возьми этих юношей и доставь их на другой берег». И они сели в челнок. И когда человек начал грести и они отдалились от сада, Али ибн Беккар посмотрел на дворец халифа, сад и беседку и простился с ними таким двусмысленным:

«Прощаясь, протягивал я руку ослабшую –
Другая рука была на сердце, под пеплом,
Последним не будет пусть свидание это нам,
И пищей последнею не будет та пища».

А затем невольница сказала матросу: «Поторопись с ними». И тот стал грести, ускоряя ход, а невольница была с ними...»

И Шахразад устроил утро, и она прекратила дозволенные речи.

Сто пятьдесят пятая ночь

Когда же настала сто пятьдесят пятая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что матрос стад грести, направляясь к другому берегу, а невольница была с ними. И они пересекли реку в этом месте и переправились на другой берег и вышли на берег и пошли. И невольница попрощалась с ними и сказала: „Я хотела не расставаться с вами, но я не могу идти дальше“».

И потом невольница вернулась, а что касается Али ибн Беккара, то он свалился и упал перед Абу-аль-Хасаном и не мог встать. «Это место не надёжное, и мы можем опасаться, что

погибнем здесь из-за воров и разбойников и детей беззакония», – сказал ему Абу-аль-Хасан, и Али ибн Беккар поднялся и немного прошёл, но не мог идти.

А у Абу-аль-Хасана были в этой стороне друзья, и он направился к верному человеку, с которым был дружен, и постучал к нему в дверь. И этот человек поспешно вышел к нему и, увидя обоих, сказал им: «Добро пожаловать!» – и ввёл их в своё жилище. Он усадил их и стал с ними разговаривать и спросил их, где они были, и Абу-аль-Хасан сказал: «Мы вышли в такое время, так как с одним человеком я вёл дела, и за ним остались мои деньги. До меня дошло, что он хочет уехать с моим добром, и я вышел сегодня вечером и направился к нему. Я сдружился с этим моим товарищем, Али ибн Беккаром, и мы пришли сюда, думая, что, может быть, увидим его, но он спрятался, и мы его не видали. И мы вернулись с пустыми руками без ничего, и нам было тяжело возвращаться в такое время ночи, и мы не знали, куда нам пойти, и пришли к тебе, зная твою дружбу и твои прекрасные обычаи». – «Добро пожаловать, привет вам!» – ответил хозяин дома и постарался выказать им уважение, и они провели у него остаток ночи.

Когда же настало утро, они вышли от него и продолжали идти, пока не достигли города. Они вошли в город и прошли мимо дома Абу-аль-Хасана, и тот принялся заклинять своего друга Ади ибн Беккара и привёл его к себе домой. Они прилегли немного на постель, а проснувшись, Абу-аль-Хасан приказал своим слугам устлать дом роскошными коврами. И они это сделали.

А потом Абу-аль-Хасан сказал про себя: «Я обязательно должен утешить юношу и развлечь его, ведь я лучше, чем кто-нибудь другой, знаю, каково ему».

И Абу-аль-Хасан приказал подать воды для Али ибн Беккара, и принесли воды, и Али поднялся и совершил омовение и обязательные молитвы, которые он пропустил за день и за вечер, а потом он сел и стал развлекаться разговором с Абу-аль-Хасаном. И когда Абу-аль-Хасан увидел это, он подошёл к нему и сказал: «О господин, в твоём положении лучше всего тебе остаться сегодня вечером у меня, чтобы расправилась твоя грудь и рассеялась охватившая тебя печаль и тоска. Повеселись с нами, – может быть, горение твоего сердца успокоится». – «Поступай, о брат мой, как тебе вздумается, – ответил Али ибн Беккар. – Я, во всяком случае, не спасусь от того, что меня постигло; делай же то, что делаешь».

И Абу-аль-Хасан поднялся и позвал своих слуг и вызвал своих близких друзей. Он послал за певицами и музыкантами, и, когда они пришли, приготовили им кушанья и напитки, и они провели за едой, питьём и весельем остаток этого дня до вечера. А затем зажгли свечи, и между ними заходили чаши дружбы и завязалась беседа, и им стало хорошо, и одна из певиц взяла лютню и произнесла:

«Стрелою очей меня поразило время,
И был я сражён, и милых я всех оставил.
Упорствовал рок, и стойкость моя ослабла,
А раньше ведь был я верный всему отгадчик».

И, услышав слова певицы, Али ибн Беккар упал на землю без памяти и пролежал в обмороке, пока не поднялась заря. Когда же заблистал день, Али ибн Беккар очнулся и пожелал уйти к себе домой, и Абу-аль-Хасан не стал его удерживать, боясь плохих последствий. Его слуги привели Али ибн Беккару мула и посадили его, и он сел, а Абу-аль-Хасан с несколькими слугами ехал вместе с ним, пока не привёз его домой.

Когда же Али ибн Беккар успокоился в своём доме, Абуаль-Хасан прославил Аллаха за спасение из этой западни и сидел с ним, утешая его. Но Али ибн Беккар не мог владеть собою от сильной страсти и любви. И Абу-аль-Хасан поднялся и, простившись с ним, ушёл в своё жилище...»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Сто пятьдесят шестая ночь

Когда же настала сто пятьдесят шестая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что Абу-альХасан простился с Али ибн Беккаром, и тог сказал ему: „О брат мой, не оставляй меня без вестей“. И Абуаль-Хасан отвечал: „Слушаю и повинуюсь!“»

А затем Абу-аль-Хасан ушёл, и, придя в свою лавку, открыл её и стал поджидать вестей от Шамс-ан-Нахар, но никто не принёс ему ничего. И он провёл эту ночь в своём доме, а когда настало утро, он встал и отправился к дому Али ибн Беккара и, придя к нему, нашёл его на постели. Его окружали друзья, и врачи были подле него, и каждый из них прописывал ему что-нибудь и щупал ему руку.

Когда же Абу-аль-Хасан вошёл и Али увидел его, и улыбнулся, и Абу-аль-Хасан поздоровался с ним и спросил, как он поживает. Он просидел у него, пока люди не вышли, и потом спросил его: «Что все это значит?» И Али ибн Беккар отвечал: «Распространился слух, что я болея, и мои друзья прослышали об этом, и у меня нет силы, которая помогла бы мне встать и ходить, чтобы уличить во лжи тех, кто считает меня больным. Я все время лежу здесь, как ты меня видишь, и мои друзья пришли посетить меня. Но видел ли ты девушку, о брат мой, и слышал ли от неё какие-нибудь вести?»

«Я не видел её с того дня, как расстался с ней на берегу Тигра», – ответил Абу-альХасан. И потом он сказал: «О брат мой, берегись позора и оставь этот плач».

«О брат мой, я не владею собою», – ответил Али ибн Беккар, а затем он произнёс:

На кисти её есть то, чего я достичь не мог, –
Рисунок на коже рук – он стойкость сломил мою.
Стрелы своих глаз она страшилась для рук своих
И вот облачила их в кольчугу сплетённую.
И руку мою взял врач, не зная, и молвил я:
«Поистине, в сердце боль – пусти ж мою руку ты».
Кричит она призраку, что был и ушёл от нас:
«Аллах, каково ему? Прибавить иль скрыть не смей».
Сказал он: «Он был таков, что если бы жаждал он.
И крикнула б ты: «Не пей!» – не стал бы он пить тогда».
И тут пролила она с нарциссов жемчужины²⁰⁸
На розы, и в пурпур рук вонзила градинок ряд»

А окончив свои стихи, он сказал: «О Абу-аль-Хасан, мне послана беда, от которой я был в безопасности, и нет мне отдыха лучше смерти». И Абу-аль-Хасан ответил ему: «Потерпи, может быть Аллах тебя вылечит».

А затем Абу-аль-Хасан ушёл от него и отправился к себе в лавку и открыл её, и, просидев лишь немного, он увидел, что та невольница подходит к нему и приветствует его. И он ответил на её приветствие и, взглянув на неё, увидел, что она идёт с трепещущим сердцем, озабоченная, и на ней видны следы горести. «Приют-уют тебе! Как поживает Шамс-ан-Нахар?» – спросил он, и невольница ответила: «Я расскажу тебе, что с ней, но в каком состоянии Али ибн Беккар?» И Абу-аль-Хасан рассказал ей обо всем, что было и чем завершилось его дело. И невольница опечалилась и огорчилась и завздыхала, удивляясь этим делам.

А затем она сказала: «Моя госпожа в ещё более удивительном состоянии. Когда вы отправились и ушли, я вернулась, и моё сердце трепетало за вас, и мне не верилось, что вы спасётесь. А вернувшись, я нашла мою госпожу лежащей в беседке, и она не говорила и не

²⁰⁸ С нарциссом арабские поэты часто сравнивают глаза. Жемчужины – слёзы.

отвечала никому, а повелитель правоверных сидел у её изголовья и не мог никого найти, кто бы ему рассказал о ней, и он не знал, что с ней случилось. А она пролежала без памяти до полуночи, и потом очнулась, и повелитель правоверных спросил её: „Что случилось с тобой, о Шамс-ан-Нахар, и что тебя постигло сегодня ночью?“ И, услышав слова халифа, Шамс-ан-Нахар поцеловала ему ноги и воскликнула: „О повелитель правоверных, да сделает меня Аллах выкупом за тебя! Меня охватило нездоровье, и огонь вспыхнул у меня в теле, и я лишилась чувств из-за моих страданий, и не знаю я, что со мной было“. – „Что ты ела сегодня днём?“ – спросил халиф. И она сказала: „Я позавтракала чем-то, чего никогда не ела“. А затем она сделала вид, что стала сильнее, и приказала подать чего-нибудь выпить и выпила и после того попросила царя вернуться к веселью. И царь сел на своё ложе в беседке, и помещение было приведено в порядок, и когда я пришла к ней, она спросила меня про вас, и я рассказала ей, что я с вами сделала, и повторила ей стихи, которые сказал на прощанье Али ибн Беккар, и она заплакала, украдкой, и приумолкла. А потом халиф сел и приказал одной из невольниц петь, и она произнесла:

«Клянусь, не сладка мне жизнь, когда удалились вы,
О, если бы знать я мог, как вам без меня жилось!
И слезы мои теперь могли бы из крови быть,
Коль плакали вы по мне слезами обычными».
И, услышав эти стихи, моя госпожа упала на скамью без
памяти...»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Сто пятьдесят седьмая ночь

Когда же настала сто пятьдесят седьмая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что невольница говорила Абу-аль-Хасану: „И когда моя госпожа услышала эти стихи, она упала на скамью без памяти, а я схватила её за руку и побрызгала ей в лицо розовой водой, и когда она очнулась, я сказала ей: „О госпожа, не срывай покрыва с себя и с тех, кого вмещает твой дворец. Ради жизни твоего возлюбленного будь терпелива“. – «Разве может быть в этом деле что-нибудь хуже смерти? Я ищу её, и в ней для меня отдых», – сказала она. И когда мы так разговаривали, одна невольница вдруг пропела слова поэта:

«Сказали: „Терпение, быть может, нам отдых даст!“
Я молвил: «А как терпеть, когда мы расстались с ним?»
Союз укрепил он наш взаимный, и клялся я
Порвать узы стойкости в прощальном объятии».

А когда невольница кончила свои стихи, моя госпожа упала без памяти, и халиф увидел это и поспешно подошёл к пей и велел убрать напитки и чтобы все невольницы воротились в свои комнаты, а сам оставался у неё весь остаток ночи, пока не наступило утро. И повелитель правоверных позвал врачей и лекарей и велел им лечить Шамс-ан-Нахар, не зная, какова её страсть и любовь, и я осталась с нею, пока мне не показалось, что она поправилась. Вот что меня задержало и помешало прийти к вам. Я оставила у неё много её приближённых, чьи сердца беспокоятся о ней, и она велела мне пойти к вам, узнать новости об Али ибн Беккаре и вернуться».

Услышав её слова, Абу-аль-Хасан удивился и воскликнул: «Клянусь Аллахом, я рассказал тебе все новости о нем! Возвращайся к твоей госпоже и передай ей привет и уговаривай её хорошенько быть терпеливой. Побуждай её к этому и скажи ей: „Скрывай тайну!“ И передай ей, что я узнал о её деле и что это дело трудное, где нужна

сообразительность». И невольница поблагодарила Абу-льХасана и ушла.

Вот что было с нею.

Что же касается Абу-аль-Хасана, то он просидел в своей лавке до конца дня, а когда день прошёл, он поднялся и, выйдя из своей лавки, запер её и пришёл к дому Али ибн Беккара. Он постучал в дверь, и к нему вышел один из слуг и ввёл его. Когда он вошёл к Али ибн Беккару, тот улыбнулся и обрадовался его приходу и воскликнул: «О Абу-аль-Хасан, ты заставил меня тосковать, не придя ко мне сегодня! Моя душа залог за тебя на всю оставшуюся мне жизнь».

«Брось эти речи, – ответил Абу-аль-Хасан, – если бы твоё исцеление было в моих руках, я бы, право, сделал Это прежде, чем ты бы меня попросил, и если бы тебя можно было выкупить, я выкупил бы тебя своей душой. А сегодня приходила невольница и рассказала, что Шамсан-Нахар не могла прийти в то время, так как у неё был халиф. И невольница мне рассказала обо всем, что было с её госпожой».

И Абу-аль-Хасан передал ему все, что он слышал от невольницы, и Али ибн Беккар крайне опечалился и заплакал, а затем он обратился к Абу-аль-Хасану и сказал ему: «Заклинаю тебя Аллахом, о брат мой, помоги мне в моем испытании и научи меня, какую применить хитрость. Прошу тебя, сделай милость и переночуй у меня сегодня ночью, чтобы я мог развлечься с тобою».

И Абу-аль-Хасан последовал его приказанию и согласился переночевать у него, и они провели вечер разговаривая. А когда спустилась ночь, Али ибн Беккар начал вздыхать и плакать и жаловаться, и затем он пролил слезы и произнёс такие стихи:

«Твой призрак в глазах моих, а имя в устах моих,
А место – в душе моей, так как ты уходишь?
Печалюсь о том лишь я, что жизни проходят дни
И нам не достанется свидание на долю. –

И слова другого:

Мой надёжный шлем раздробила ты остриём очей,
И копьём ты стана пронзила панцирь терпения.
И открыла нам из-под мускуса твоей родинки
Зари камфару, что пронзает амбры глубокий мрак.
Испугавшись, сгрызла кораллы ты свежим жемчугом,
И жемчужины в пруду сахара поселился.
Ты вздохнула горько, и в грудь рукой ты ударила,
След оставив там, и увидел то, что не видел я.
Из коралла перья чернилами – амброй серою –
На листке хрустальном пять ровных строчек вывели.
О повязанный мечом истинным, – коль глядит она –
Берегись удара очей её сокрушающих.
И удара ты, о копьё носящий, страшишься её,
Если ринется на тебя она с копьём стройности».

Окончив эти стихи, Али ибн Беккар испустил громкий крик и упал без памяти. И Абу-аль-Хасан подумал, что дух оставил его тело. И он пролежал без сознания, пока не начал восходить день, а потом он очнулся и поговорил с Абу-аль-Хасаном, и Абу-аль-Хасан просидел у него до зари. А после того он поднялся и ушёл, и, придя в свою лавку, открыл её, и вдруг та невольница пришла к нему и остановилась подле него.

И когда Абу-аль-Хасан взглянул на неё, она знаком поздоровалась с ним, и он ответил на её приветствие, и тогда невольница передала ему привет от своей госпожи и спросила: «Как поживает Али ибн Беккар?» – «О добрая невольница, – ответил Абу-аль-Хасан, – не

спрашивай, что с ним и как он сильно влюблён: он не спит ночью и не отдыхает днём, и его изнурила бессонница и одолела тоска, и его положение не обрадует любимого». И невольница сказала ему: «Моя госпожа приветствует тебя и его, и она написала ему записку. Её положение ещё хуже, чем его положение. Она отдала мне записку и сказала: „Не приходи ко мне без ответа и сделай так, как я тебе велела“. И вот она, эта записка, у меня. Не хочешь ли ты отправиться со мною к нему, и мы возьмём у него ответ?» – «Слушаю и повинуюсь», – сказал Абу-аль-Хасан. И затем он запер лавку и, взяв с собою невольницу, вышел с нею оттуда, куда вошёл. И они шли до тех пор, пока не достигли дома Али ибн Беккара, и тогда Абу-аль-Хасан оставил невольницу стоять у ворот и вошёл...»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Сто пятьдесят восьмая ночь

Когда же настала сто пятьдесят восьмая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что Абу-аль-Хасан пошёл с невольницей к дому Али ибн Беккара и, оставив её у ворот, вошёл в дом. И Али ибн Беккар, увидя его, обрадовался, а Абу-аль-Хасан сказал ему: „Я пришёл потому, что такой-то прислал к тебе свою невольницу с запиской, содержащей привет тебе, и он говорит в ней, что не приходит к тебе из-за одного обстоятельства. А невольница стоит у двери. Позволишь ли ты ей войти?“ – „Введите её!“ – сказал Али. И Абу-аль-Хасан подмигнул ему, что это невольница Шамс-ан-Нахар, и Али ибн Беккар понял знак.

А когда невольница вошла, он поднялся и обрадовался и спросил её знаками: «Как поживает твой господин, да исцелит и да излечит его Аллах!» А она ответила: «Хорошо!» А затем вынула записку и подала её юноше. И Али ибн Беккар взял записку, поцеловал её и, развернув, прочитал, а потом отдал Абу-аль-Хасану, и тот увидел, что в ней написаны такие стихи:

«Мой посланный тебе скажет все новости,
Что скажет он, пусть заменит свидание.
Влюблённую в тебя страстно оставил ты,
И бодрствуют неизменно глаза её.
Я стойкою быть стараюсь в несчастьи,
Но тварь отразить не может судьбы удар.
Будь счастлив и не забудь ты души моей,
О, если бы век не скрылся ты с глаз моих!
Взгляни, как ты худ стал телом и болен как,
И знай, каково мне ныне, по тем следам».

А далее: «Без пальцев письмо я тебе выводила и без языка с тобою говорила. Говорить если вкратце, глаза мои сна не знают, и сердце моё думы не покидают. И как будто здоровьем вовек я не наслаждалась и с печалью не расставалась, и словно не видела зрелищ красивых и в жизни дней не проводила счастливых. Я как будто из любви сотворена и из печалей и горестей создана, недуги мои сменяются, и страсть моя умножается. И страсть моя велика, и вздымается в сердце тоска, и я стала такою, как сказал поэт:

Душа моя связана, а мысли развязаны,
Глаза мои бодрствуют, а тело устало.
Терпенье оставило, разлука приблизилась,
И ум помутился мой, а сердце украли.

И знай, что жалобы и стенанья не погасят огня испытанья, но развлекают больного,

измученного страданием разлуки. И утешаюсь я, повторяя слово: сближение. Как прекрасны слова из стихотворенья:

Когда не найдёшь в любви прощенья и гнева ты –
То где наслаждение письмом и посланьями?»

И когда Абу-аль-Хасан прочёл эту записку, слова её взволновали его, и смысл её поразил в самое уязвимое место.

А затем Али ибн Беккар дал невольнице ответную записку, и когда она взяла её, он сказал: «Передай твоей госпоже мой привет и осведоми её о моей любви и страсти; скажи ей, что любовь смешалась у меня с мясом и костями и что я нуждаюсь в друге, который бы спас меня из моря гибели и освободил меня от этих сетей. Время и его превратности мне враждебны; найдётся ли помощник, который выручит меня из этих несчастий?»

И он заплакал, и невольница тоже заплакала от его слез и простилась с ним и вышла от него. И Абу-аль-Хасан вышел с ней вместе, и они простились. Она ушла своей дорогой, а Абу-аль-Хасан отправился в свою лавку, открыл её и сел там по обыкновению...

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Сто пятьдесят девятая ночь

Когда же настала сто пятьдесят девятая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что Абу-аль-Хасан простился с невольницей и отправился в свою лавку, открыл её, и сел там по обыкновению.

А усевшись на своё место, он почувствовал, что сердце его сжалось и стеснилась грудь. И он не знал, как ему поступить. Так он провёл в размышлении остаток дня и вечер, а на следующий день отправился к Али ибн Беккару и просидел у него, пока народ не ушёл. Тогда он спросил Али ибн Беккара, как он поживает, и тот принялся сетовать на любовь и на охватившую его страсть и волнение, и произнёс слова поэта:

«И прежде меня о муках любви стонали,
Живой и мертвец страшились всегда разлуки.
Но все же такого, что в сердце моем таится,
Не видывал я, не слыхивал я вовеки. –

И слова поэта:

Любя тебя, то вынес я, чего не знал,
Влюбившись в Лейлу, Кайс её безумный.
Но за зверями по степям не гнался я,
Как делал Кайс: безумствуют ведь разном».

И Абу-аль-Хасан воскликнул: «Я не видел и не слышал о подобном тебе в любви! Как может быть такое волнение и слабость в движениях, когда ты увлёкся возлюбленной, отвечающей тебе! Каково же будет, если ты полюбишь возлюбленную, не согласную с тобою, которая будет тебя обманывать, и это раскроется?»

И эти слова понравились Али ибн Беккару, и он доверился им и поблагодарил Абу-аль-Хасана. А у Абу-аль-Хасана был друг, осведомлённый о его деле с Али ибн Беккаром, который знал, что они заодно, и никто, кроме него, не знал, что происходит между ними. Он приходил к Абу-аль-Хасану и спрашивал, как поживает Али ибн Беккар, а спустя малое время он спросил про девушку, и Абу-аль-Хасан обманул его и сказал: «Она позвала его к себе, и между ними было то, больше чего не бывает, и это последнее, что дошло до

меня про них. А сам для себя я придумал дело и план, который хочу изложить тебе». – «Какой же это план?» – спросил друг Абу-аль-Хасана. И Абуаль-Хасан ответил: «Знай, о брат мой, про меня известно, что я обделываю много дел между мужчинами и женщинами, но я боюсь, о брат мой, что это дело раскроется и станет причиной моей гибели и захвата моего имущества, и посрамят мою честь и честь моей семьи. По моему мнению, мне надо собрать деньги и, снарядившись, отправиться в город Басру и жить там, пока я не увижу, что станется с ними, а обо мне никто не узнал. Любовь овладела Этими двумя, и между ними пошла переписка. Дело в том, что ходит от одного к другому невольница, которая скрывает их тайны, но я боюсь, что ей это наскучит и она выдаст тайну кому-нибудь, и тогда весть о них распространится, и это приведёт к моей гибели и будет причиной того, что я пропаду и не окажется у меня оправдания перед людьми».

И его друг отвечал ему: «Ты рассказал мне об опасном деле, которого страшится разумный и сведущий. Да избавит тебя Аллах от того зла, которого ты боишься и опасаясь, и да спасёт тебя от последствий, которые тебя страшат! А твой план – он правилен».

И Абу-аль-Хасан отправился к себе домов и стал справлять свои дела и снаряжаться в путь в город Басру, и не прошло трех дней, как он уже устроил дела и выехал, направляясь в Басру. И его друг пришёл через три дня его навестить, но не нашёл его. И когда он спросил о нем соседей, ему сказали: «Он отправился в Басру три дня назад, так как у него есть дела с тамошними купцами. Он поехал требовать с должников и скоро вернётся».

И тот человек растерялся и не знал, куда идти, и воскликнул: «О, если бы я не разлучался с Абу-аль-Хасаном!» Потом он придумал способ, чтобы пробраться к Али ибн Беккару, и, придя к его дому, сказал одному из слуг: «Попроси для меня у твоего господина разрешения войти и передай ему привет».

И слуга вошёл и рассказал своему господину об этом человеке, а потом вернулся к нему и разрешил ему войти к Али ибн Беккару. И тот человек вошёл и увидел, что Али ибн Беккар лежит на подушках. Он приветствовал его, и Али ибн Беккар ответил на его приветствие и сказал ему: «Добро пожаловать!»

Затем тот юноша извинился перед ним за то, что не приходил к нему все это время, и сказал: «О господин, между мною и Абу-аль-Хасаном дружба, и я доверял ему свои тайны и ни на минуту не расставался с ним, но я отлучился на три дня по некоторым делам с несколькими товарищами, и затем пришёл к Абу-аль-Хасану и нашёл его лавку запертой, и тогда я спросил о нем соседей, и они сказали, что он отправился в Басру. Я не знаю лучшего его друга, чем ты; ради Аллаха, скажи мне, что с ним».

И когда Али ибн Беккар услышал слова юноши, у него изменился цвет лица, и он взволновался и воскликнул: «Я не слышал до сего дня о его путешествии, и если дела таковы, как ты говоришь, мне достанутся тяготы! – И он произнёс:

Я плакал о радостях, что мною упущены,
И были любимые не врозь, но все вместе.
Сегодня же разлучил нас с ними жестокий рок,
И ныне я слезы лью о людях любимых».

А потом Али ибн Беккар опустил голову, размышляя, а через минуту поднял голову и сказал одному из своих слуг: «Пойди в дом Абу-аль-Хасана и спроси, пребывает ли он здесь, или уехал, а если скажут: „Уехал!“, спроси, в какую сторону он отправился».

И слуга ушёл и ненадолго скрылся, а затем пришёл к своему господину и сказал: «Когда я спросил об Абу-аль-Хасане, его родные рассказали, что он уехал в Басру, но я нашёл там невольницу, которая стояла у двери, и, увидав меня, она меня узнала, а я не узнал её. Она спросила: „Ты слуга Али ибн Беккара?“ И я отвечал: „Да“. И она сказала: „У меня есть послание к нему от самого дорогого для него человека“. И она пришла со мною и стоит у дверей». – «Введи её!» – сказал Али ибн Беккар. И слуга пошёл и привёл девушку, и тот

человек, который был у Али ибн Беккара, посмотрел на невольницу и нашёл её красивой. И невольница подошла к Али ибн Беккару и приветствовала его...»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Ночь, дополняющая до ста шестидесяти

Когда же настала ночь, дополняющая до ста шестидесяти, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что невольница, войдя к Али ибн Беккару, подошла к нему и приветствовала его и заговорила с ним потихоньку, а он клялся и уверял, во время разговора, что не говорил этого, и затем невольница простилась с ним и ушла. А тот человек, друг Абу-аль-Хасана, был ювелир, и когда невольница ушла, он нашёл время для разговора и сказал Али ибн Беккару: „Наверное, и нет сомнения в том, что во дворце халифа тебя разыскивают или между тобою и ею есть дело“. – „А кто тебя осведомил об этом?“ – спросил Али ибн Беккар. И юноша ответил: „Я знаю эту девушку – она невольница Шамс-ан-Нахар. Когда-то давно она приносила мне записку, где было написано, что Шамс-ан-Нахар желает жемчужное ожерелье, и я послал ей ожерелье за дорогую цену“.

Услышав эти слова, Али ибн Беккар так взволновался, что все испугались, как бы он не погиб, но потом он оправился и спросил: «О брат мой, ради Аллаха, прошу тебя, скажи мне, откуда ты её знаешь?» – «Брось приставать с вопросами, – ответил ювелир». Но Али ибн Беккар воскликнул: «Я не отступлю от тебя, пока ты не расскажешь мне правду!» – «Я расскажу тебе, – ответил торговец, – чтобы тебя не взяло подозрение и не поразила бы тебя из-за моих слов тоска. Я не скрою от тебя тайны и изложу тебе все дело по правде, но с условием, что ты мне расскажешь, что с тобою и почему ты болен».

И Али ибн Беккар рассказал ему о себе и прибавил: «Клянусь Аллахом, о брат мой, меня побуждает скрывать моё дело от других только опасение, так как люди срывают покровы друг с друга». И тогда ювелир сказал Али ибн Беккару: «Я хотел с тобою встретиться лишь потому, что сильно люблю тебя и всегда тревожусь о тебе. Мне жалко твоё сердце, которое страдает от мучения разлуки, и, может быть, я буду твоим другом взамен моего приятеля Абу-аль-Хасана, пока он в отлучке. Успокой же свою душу и прохлади глаза!»

И Али ибн Беккар поблагодарил его за это и произнёс такие два стиха:

«Когда б объявил себя я стойким в разлуке с ним,
Открыли бы ложь мою рыдания и слезы.

И как утаить могу я слезы, текущие
По впадинам щёк моих в разлуке с любимым?»

И он помолчал некоторое время, а потом спросил ювелира: «Знаешь ли ты, что сказала мне потихоньку невольница?» – «Клянусь Аллахом, нет, о господин!» – отвечал ювелир. И Али ибн Беккар сказал: «Она утверждает, что я посоветовал Абу-аль-Хасану отправиться в Басру и что я придумал таким образом хитрость, чтобы прекратилась наша переписка и связь. Я клялся ей, что этого не было, но она не поверила мне и ушла к своей госпоже, сохраняя прежнее подозрение, так как она прислушивалась к мнению Абу-аль-Хасана и повиновалась ему». – «О брат мой, – отвечал ювелир, – по состоянию невольницы я понял об Этом деле и догадался о нем, но если пожелает Аллах великий, я буду тебе помощником в том, что ты хочешь». – «А кто может мне помочь, – воскликнул юноша, – и что ты с нею сделаешь, когда она бежит, как зверь в пустыне?» – «Клянусь Аллахом, – сказал ювелир, – я не премину приложить старания, чтобы тебе помочь и придумать, как бы тебе пробраться к ней, без вреда и не снимая завесы с этого дела».

А затем он попросил разрешения удалиться, и Али ибн Беккар сказал ему: «О брат мой,

тебе надлежит хранить тайну». И он посмотрел на него и заплакал, а ювелир простился с ним и ушёл...»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Сто шестьдесят первая ночь

Когда же настала сто шестьдесят первая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что ювелир простился с юношей и ушёл, и не знал он, что сделать, чтобы помочь Али ибн Беккару. И он шёл, раздумывая, и увидел бумажку, брошенную на дороге. Он взял её и посмотрел адрес и прочитал его и видит, он гласит: „От младшего влюблённого к старшему любимому“. И, развернув бумажку, он увидал, что на ней написаны такие два стиха:

«Пришёл посланец ко мне, любовью маня твоей,
Я думал – верней всего, что как-то ошибся он.

И радостен не был я, но стал ещё горестней,
Ведь знал я, что мой гонец не выказал разума».

А затем: «Знай, о господин, что я не ведаю причины прекращения переписки между нами, и если ты выказал суровость, то я встречу её верностью, а если любовь от тебя ушла, то я храню любовь, несмотря на отдаление. Я с тобою такова, как сказал поэт:

Гордись – снесу; будь жесток – стерплю; возносись –
склонюсь;
Назначай – приму; говори – я слышу; вели – я раб».

И когда он читал записку, вдруг подошла та невольница, оглядываясь направо и налево, и она увидала бумажку в руках ювелира и воскликнула: «О господин, эту бумажку я уронила». Но он ничего не ответил ей и двинулся вперёд, а невольница следовала за ним, пока он не подошёл к своему дому.

И он вошёл, а невольница вошла за ним и сказала:

«О господин, отдай мне эту записку и верни её – это у меня она выпала». – «О добрая девушка, – отвечал ювелир, повернувшись к ней, – не бойся и не печалься. Аллах ведь покровитель и любит покровительствовать. Расскажи мне, в чем дело; поистине, я хранитель тайн, но я возьму с тебя клятву, что ты не скроешь от меня ничего о твоей госпоже. Может быть, Аллах поможет мне исполнить её желания и облегчит трудные дела, пользуясь моею рукой».

И, услышав его слова, девушка сказала: «О господин, не пропадёт тайна, которую ты хранишь, и не окончится неудачей дело, если ты стараешься его исполнить. Знай, что моё сердце склонилось к тебе, и я открою тебе мою тайну, а ты отдай мне бумажку». И она рассказала ему всю историю и сказала: «Аллах тому, что я говорю, свидетель», а ювелир воскликнул: «Ты права, так как мне известны корни этого дела».

И он рассказал ей историю Али ибн Беккара, и то, как он узнал его тайные мысли, и поведал ей обо всем деле, с начала до конца. И, услышав это, невольница обрадовалась, и они сговорились, что она возьмёт записку и отдаст её Али ибн Беккару, а обо всем, что случится, расскажет ювелиру, вернувшись к нему.

И ювелир отдал бумажку невольнице, которая взяла её и запечатала, как раньше, и сказала: «Моя госпожа Шамсан-Нахар отдала мне её запечатанной, а когда Али ибн Беккар прочитает её и даст мне ответ, я приду к тебе».

Потом невольница простилась с ним и отправилась к Али ибн Беккару, которого она

нашла ожидающим. Она отдала ему бумажку, и он прочитал её и написал ответное письмо, которое отдал девушке, и та взяла его и вернулась к ювелиру.

И ювелир взял письмо и, сломав печать, прочитал его и увидел, что там написаны такие два стиха:

«Послания, что наш гонец всегда у себя хранил,
Исчезли, и сердится гонец наш на нас теперь,

Так выберите гонца от вас ко мне верного,
Умел чтоб правдивым быть, а лгать не умел совсем».

А после: «Я не совершил обмана и не погубил доверенного, не проявил суровости, не оставил верности, не нарушил договора и не прерывал любви. Я не расставался с печалью, и после разлуки нашёл себе лишь гибель, и я совсем не знаю, о чем вы говорите, и люблю только то, что вы любите. Клянусь знающим все скрытое и тайну, – я стремлюсь только встретиться с любимым, и моё дело – скрывать страсть, даже если я стану болен от недугов. Вот рассказ о том, каково мне, и конец».

Когда ювелир прочёл эту бумажку и понял, что в ней написано, он горько заплакал, а невольница сказала ему: «Не выходи отсюда, пока я не вернусь к тебе: Али ибн Беккар заподозрил меня кое в чем, но это ему простительно. А я хочу свести тебя с моей госпожой Шамс-анНахар какой бы то ни было хитростью. Я оставила её лежащей, и она ждёт от меня ответа».

Потом невольница ушла к своей госпоже, а ювелир провёл ночь со взволнованным сердцем.

Когда же настало утро, он совершил утреннюю молитву и сидел, ожидая её прихода, и вдруг видит, она приближается, радостная, и входит к нему. «Что нового, о девушка?» – спросил он её, и она отвечала: «Я ушла от тебя к моей госпоже и отдала ей записку, которую написал Али ибн Беккар, а моя госпожа прочитала записку и, поняв её смысл, смутилась и не знала, что думать, а я сказала ей: „О госпожа моя, не бойся, что дела, которые между вами, испортятся из-за отсутствия Абу-аль-Хасана. Я нашла кого-то, кто заступит его место, и он лучше его и выше саном и более пригоден для сокрытия тайны“. И я рассказала ей, что произошло у тебя с Абу-аль-Хасаном и как ты подлачился к нему и к Али ибн Беккару, и как эта записка у меня выпала и ты наткнулся на неё, и ещё я рассказала ей, на чем мы с тобою порешили».

И ювелир удивился до крайности, а невольница сказала ему: «Моя госпожа желает услышать твои речи, чтобы они подтвердили ей, какие обеты вы с Али ибн Беккаром дали друг другу. Собирайся же идти со мной к ней сию же минуту».

Услышав слова невольницы, ювелир увидел, что это будет большая опасность и великое дело, которое нельзя предпринять и начать внезапно, и сказал невольнице: «О сестрица, я из детей простого народа и не таков, как Абу-ль-Хасан, так как Абу-аль-Хасан был высок саном, славен и знаменит и вхож во дворец халифа, где нуждались в его товарах. А что до меня, то Абу-аль-Хасан мне рассказывал, а я дрожал перед ним из-за его рассказа. И если твоя госпожа желает со мной поговорить, то это должно быть не во дворце халифа, а далеко от жилища повелителя правоверных. Мой разум не подчиняется мне, чтобы исполнить то, о чем ты говоришь». И он отказался идти с нею, а невольница ручалась ему за безопасность и говорила: «Не бойся и не страшись беды».

И тогда он решился пойти с нею, но у него подогнулись ноги и задрожали руки, и он воскликнул: «Сохрани Аллах от того, чтобы я пошёл с тобою, и у меня нет силы для Этого!» И тогда невольница сказала ему: «Успокой своё сердце! Если тебе тяжело пойти во дворец халифа и ты не можешь отправиться со мною, то я заставлю её прийти к тебе. Не двигайся же с места, пока я не приду к тебе с нею».

Потом невольница ушла и отсутствовала лишь недолго и возвратилась к ювелиру, и

сказала ему: «Берегись, чтобы у тебя не оказалось кого-нибудь из слуг или невольниц». А он отвечал: «У меня нет никого, кроме чёрной невольницы, старой годами, которая мне прислуживает». И невольница поднялась и заперла дверь, ведущую от ювелира к его служанке, а слуг ювелира она выслала из дому.

Потом она вышла и вернулась, и с ней была девушка, которая шла сзади. Она ввела её в дом ювелира, и дом стал благоухать от духов. И, увидя её, ювелир поднялся на ноги и поставил ей скамеечку с подушкой, и девушка села, а он сел напротив неё. И девушка просидела некоторое время, ничего не говоря, пока не отдохнула, а потом она открыла лицо, и ювелиру показалось, что солнце засияло в его жилище. И она спросила свою невольницу «Это тот человек, про которого ты мне говорила?» – «Да», – отвечала невольница. И девушка обернулась к ювелиру и спросила его: «Как ты живёшь?» – «Хорошо, в молитвах за твою жизнь и жизнь повелителя правоверных», – отвечал он, и Шамс-ан-Нахар молвила: «Ты заставил нас прийти к тебе и осведомить тебя о тайнах, которые есть у нас». Затем она спросила его о родных и семье, и ювелир открыл ей все обстоятельства своей жизни и сказал: «У меня есть ещё дом, кроме этого дома, который я назначил для встреч с друзьями и братьями, и там нет никого из моих, кроме той служанки, про которую я говорил твоей невольнице».

Потом Шамс-ан-Нахар принялась его расспрашивать, как он узнал о начале всей истории и о деле Абу-аль-Хасана и почему тот уехал. И ювелир рассказал ей, что пришло Абу-аль-Хасану на ум и побудило его выехать, и Шамс-ан-Нахар стала вздыхать о разлуке с Абу-аль-Хасаном и сказала: «О такой-то, знай, что души людей сходны в страстях, и одни люди стоят других. Не может исполниться дело без слов, не достигается цель без старания, и достаётся отдых только после труда...»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Сто шестьдесят вторая ночь

Когда же настала сто шестьдесят вторая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что Шамс-ан-Нахар говорила ювелиру: „Отдых достаётся лишь после труда, и успех сопутствует только благородным. Теперь я посвятила тебя в наше дело, и в твоей власти сорвать с нас покров, но нет благородства больше твоего. Ты знаешь, что эта невольница хранит мою тайну, и поэтому она занимает у меня большое место. Я избрала её для важных дел, и пусть не будет для тебя никого выше её. Осведоми её о своих делах и будь спокоен – ты в безопасности от того, чего ты боишься из-за нас, и не будешь ты заперт в таком месте, которое бы она тебе не открыла. Она станет приходить к тебе от меня с новостями для Али ибн Беккара, а ты будешь посредником при передаче вестей между нами“.

Потом Шамс-ан-Нахар поднялась (а она едва могла подняться) и пошла. И ювелир шёл перед ней, пока она не достигла ворот его дома, а затем он вернулся и сел на своё место, насмотревшись на её красоту, которая его ошеломила, и услышав её слова, от которых смутился его ум, и её образованность и изящество поразили его. И он просидел, раздумывая о свойствах девушки, пока душа его не успокоилась, и тогда он потребовал пищи и поел, чтобы удержать дух в теле, а затем он переменял одежду и, выйдя из дому, направился к юноше Али ибн Беккару.

Он постучал в ворота, и слуги не замедлили встретить его и шли перед ним, пока не привели его к своему господину. И ювелир нашёл его лежащим на постели. И, увидя ювелира, Али сказал: «Ты заставил ждать себя и прибавил заботы к моей заботе». А затем он отослал слуг своих и велел запереть двери и сказал ювелиру: «Клянусь Аллахом, о брат мой, я не сомкнул глаз с того дня, как мы с тобою расстались. Невольница приходила вчера ко мне с запечатанной запиской от своей госпожи Шамс-ан-Нахар».

И Али ибн Беккар рассказал ему обо всем, что произошло у него с невольницей, и

воскликнул: «Клянусь Аллахом, я растерялся и не знаю, что делать, и мало у меня терпения! Абу-аль-Хасан был мне другом, так как он знал невольницу». Услышав его слова, ювелир засмеялся, и Али ибн Беккар спросил его: «Как можешь ты смеяться моим словам, когда я обрадовался тебе и сделал тебя защитой против превратностей?»

И он принялся вздыхать и плакать и произнёс такие стихи:

«Над плачем смеётся он моим, увидав меня –
Стерпев, что я вытерпел, он сам бы заплакал.
Над любящим сжалится в его испытаниях
Лишь тот, кто, как он, в тоске и долго страдает,
Любовь и печаль, и стон, и мысль, и тоска моя
По милом, что в уголках души обитает.
В душе поселился он и бросить не мог её
На миг, но как ценно мне его пребыванье!
И друга иного я взамен не хочу его,
И, кроме него, никто мне не был любимым».

Когда ювелир услышал от него такие слова и понял эти нанизанные стихи, он заплакал из-за его плеча и рассказал ему о том, что случилось у него с невольницей и её госпожой с тех пор, как он её покинул. И Али ибн Беккар прислушивался к его словам, и при каждом слове, которое он слышал, цвет его лица переходил от бледного к алому, и тело его то становилось сильнее, то ослабевало. А когда ювелир дошёл до конца рассказа, Ибн Беккар заплакал и воскликнул: «О брат мой, я, во всяком случае, погибаю! О, если бы мой срок был близок и я избавился бы от этого! Но я прошу у тебя милости – будь мне помощником и успокоителем во всех делах, пока Аллах захочет, чего захочет – я не стану ни словом перечить тебе».

«Ничто не погасит в тебе этого огня, кроме встречи с той, кем ты увлёкся, – сказал ювелир, – но это произойдёт не в таком опасном месте. Нет, встреча будет у меня, в том помещении, куда приходила невольница и её госпожа. Это тот дом, который она сама себе выбрала, и я хочу свести вас друг с другом, чтобы вы могли пожаловаться на муки любви, перенесённые вами». – «О господин, – отвечал Али ибн Беккар, – делай что хочешь, награда тебе у Аллаха! Поступай же так, как найдёшь правильным, и не затягивай, чтобы я не умер от этих огорчений!»

И я провёл у него эту ночь, развлекая его рассказами, пока не взошёл день и не настало утро», – говорил ювелир...

И Шахразад устала, и она прекратила дозволенные речи.

Сто шестьдесят третья ночь

Когда же настала сто шестьдесят третья ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что ювелир говорил: „И я провёл у него эту ночь, развлекая его рассказами, пока не взошёл день, а потом я совершил утреннюю молитву, выйдя от него, направился к себе домой. И я успел просидеть лишь немного, пока пришла невольница. Она приветствовала меня, а я отвечал на её приветствие и рассказал ей о том, что произошло у меня с Али ибн Беккаром“.

«Знай, – сказала невольница, – что халиф уехал от нас и в нашем доме нет никого. В нем будет лучше, и мы будем вернее скрыты». – «Твои слова правильны, но все же тот дом не таков, как этот. Мой дом больше подходит для нас и лучше нас скроет», – сказал я, и невольница отвечала: «Верное мнение – твоё мнение! Я иду к моей госпоже, чтобы передать ей твой рассказ и изложить ей то, что ты говоришь».

И она поднялась и ушла и, придя к своей госпоже, изложила ей весь разговор, а потом

она воротилась в моё жилище и сказала мне: «Дело вышло так, как ты говорил; приготовь же для нас помещение и ожидай нас». Потом она вынула из-за пазухи мешок с динарами и сказала: «Моя госпожа тебя приветствует и говорит тебе: „Возьми Этот мешок и трать из него на все, что понадобится по обстоятельствам“».

И я поклялся, что не возьму ничего из денег, а невольница взяла мешок и вернулась к своей госпоже, и сказала ей: «О госпожа, он не принял денег, но отдал их мне». И госпожа её ответила: «Не беда!»

А после ухода невольницы, – говорил ювелир, – я поднялся и пошёл в свой второй дом и переправил туда всю нужную утварь и роскошные ковры, и перенёс в этот дом фарфоровые, стеклянные, серебряные и золотые сосуды. Я приготовил все, что требовалось из еды и питья, и когда невольница пришла и увидела, что я сделал, это ей понравилось, и она велела мне привести Али ибн Беккара. «Его не приведёт никто, кроме тебя», – сказал я ей. И она пошла и привела его в превосходнейшем состоянии, и прелесть его была светла.

И я встретил его словами: «Добро пожаловать!» – рассказывал ювелир, – и, усадив его на подходящую скамейку, поставил перед ним немного очищенных цветов в фарфоровых и хрустальных сосудах разного цвета. А потом я разостлал перед ним скатерть со всякими кушаньями, вид которых расправляет грудь, и сел с ним разговаривать, чтобы утешить его. Невольница же ушла и отсутствовала до вечера, а после заката солнца она вернулась, и с ней была Шамс-ан-Нахар и две служанки, и больше никого. И когда она увидела Али ибн Беккара и Али ибн Беккар увидел её, он поднялся на ноги и обнял её, и она тоже его обняла, и оба упали на землю без сознания и пролежали с час времени.

А очнувшись, они принялись жаловаться друг другу на мученья разлуки и потом сидели и разговаривали, ведя ясные, мягкие и нежные речи, и взяли немного благовоний. И после того они стали благодарить меня за то, что я сделал, и я спросил их: «Не хотите ли чего-нибудь поесть?» – «Хорошо!» – отвечали они. И я принёс им кушанья, и они ели, пока не насытились, и вымыли руки.

И я перевёл их после того в другое помещение и принёс им вина, и они выпили и опьянели и наклонились друг к другу. И Шамс-ан-Нахар сказала: «О господин, доверши свою милость – принеси нам лютню или какой-нибудь музыкальный инструмент, чтобы наша радость стала в этот час полной». – «На голове и на глазах!» – ответил я и, поднявшись, принёс лютню. И Шамс-ан-Нахар взяла её и настроила, а потом положила лютню на колени и искусно ударила по ней, поднимая в душе огорчения и увеселяя печального. А затем она произнесла такие два стиха:

«Не спал я, как будто бы люблю я бессонницу,
И таю, как будто бы недуг для меня рождён.
Бежит по щеке слеза и жжёт, как огнём, её.
О, если бы знать я мог, расставшись, сойдёмся ль мы!»

И затем она принялась петь стихи, так что смутила разум. Пела она восхитительные стихотворения на разные голоса, и дом едва не плясал от великого восторга – такие она проявила чудеса в своём пении. И у нас не осталось ни разума, ни мыслей, и когда мы хорошо уселись и чаши Заходили между нами, невольница затянула напев и произнесла такие стихи:

«Обещал любимый свиданье мне, и исполнил он
В такую ночь, что за ряд ночей сочту я»
О ночь дивная! – даровал нам рок ей подобную,
А доносчики и хулители не знали,
И любимый спал, мой сжимая стан рукой правую,
И от радости обняла его я левой,
И, обняв его, упивалась я его уст вином,

И достался мне и медовый сок и улей!»

И когда мы утопали в море радости, – говорил ювелир, – вдруг вошла к нам, вся дрожа, маленькая служанка, и сказала: «О госпожа, подумай, как тебе уйти: люди окружили нас и настигли, и мы не знаем, какая Этому причина».

Услышав это, я встал испуганный, и вдруг слышу, одна невольница кричит: «Пришла беда!» И стада земля для меня тесна, при всем своём просторе. И я взглянул на ворота, но не нашёл там пути. Я подскочил к воротам соседа и спрятался и увидел, что люди вошли в мой дом, и поднялся великий шум.

Я подумал тогда, что весть о нас дошла до халифа и он послал начальника стражи, чтобы схватить нас и привести к нему. И я растерялся и просидел за воротами соседа до полуночи, не имея возможности выйти оттуда, где я был. И поднялся хозяин дома, и, увидев меня, испугался и почувствовал из-за меня великий страх. Он вышел из дома и подошёл ко мне, держа в руке обнажённый меч, и спросил: «Кто это У нас?» А я ответил ему: «Я твой сосед, ювелир».

И он узнал меня и повернул назад, а потом принёс свет и, подойдя ко мне, сказал: «О брат мой, нелегко было мне то, что случилось с тобою сегодня вечером!» «О брат мой, – спросил я его, – осведоми меня, кто был в моем доме и вошёл туда и сломал ворота? Я убежал к тебе и не знаю, как было дело». И сосед мой ответил: «Воры, которые забрались вчера к нашим соседям и убили такого-то и забрали его деньги, видели, как ты переносил свои вещи и принёс их в этот дом. Они пришли к тебе, взяли то, что у тебя было, и убили твоих гостей».

И мы с моим соседом встали и пошли в мой дом, – говорил ювелир, – и увидели, что дом пуст и в нем ничего не осталось. И я расстроился и воскликнул: «Что до вещей, то я не беспокоюсь об их пропаже, даже если это вещи, которые я одолжил у моих друзей! Не беда: друзья узнают, что я не виноват, так как моё имущество пропало и дом и разграблен. А вот что касается Али ибн Беккара и любимицы повелителя правоверных – я боюсь, что их дело станет известно, и это будет причиной гибели моей души».

И я обернулся к соседу и сказал ему: «Ты мой брат и сосед и покрываешь мой срам – что же ты мне посоветуешь сделать?» – «Вот что я тебе посоветую: выжидай! – сказал этот человек. – Те, что вошли в твой дом и взяли твои деньги, перебили лучший отряд из дворца халифа и отряд людей от начальника стражи, и правительственные стражники ищут их по всем дорогам. Может быть, они их повстречают, и тогда то, что ты хочешь, достанется тебе без труда».

И ювелир, услышав это, вернулся в свой другой дом, где он жил...

И Шахразад устала, и она прекратила дозволенные речи.

Сто шестьдесят четвёртая ночь

Когда же настала сто шестьдесят четвёртая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что ювелир, услышав эти слова, вернулся в свой другой дом, где он жил, и говорил себе: „Со мной случилось то, чего убоился Абу-аль-Хасан. Он вот уехал в Басру, а я попался“».

И весть эта распространилась среди людей, и люди стали приходить к нему со всех сторон, и некоторые злорадствовали, а другие оправдывали его и разделяли его горе. И ювелир жаловался им и не ел и не пил, так ему было тяжело.

И вот однажды он сидел и горевал, и вдруг вошёл к нему один из его слуг и сказал: «У ворот человек, который Зовёт тебя, и я его не знаю».

И ювелир вышел и поздоровался с пришедшим, и оказалось, что этот человек ему незнаком. «У меня с тобой будет разговор», – сказал этот человек. И ювелир ввёл его в дом и спросил: «Что у тебя за разговор?» А человек ответил: «Пойдём со мной в твой другой

дом». – «А разве ты знаешь мой другой дом?» – спросил ювелир. «Все, что с тобой случилось, мне известно, – отвечал пришедший, – и ещё я знаю нечто такое, чем Аллах облегчит твою заботу». И я подумал про себя: «Пойду с ним, куда он хочет».

И мы отправились и пришли к дому, но человек, увидев Этот дом, сказал: «У него нет ни ворот, ни привратника, и в нем нельзя сидеть. Пойдём в другое место». И этот человек ходил с места на место, и я за ним, пока не пришла ночь, и я ни о чем его не спрашивал. И он все шёл, и я шёл с ним, пока мы не вышли на равнину, и человек говорил мне: «Следуй за мной!» – и ускорил шаги, а я торопился за ним и укреплял своё сердце, чтобы идти.

И мы пришли к реке и сели в лодку, и матрос стал грести и переправил нас на другой берег. И тогда этот человек вышел из лодки, и я вышел за ним. Он взял меня за руку и повёл по улице, на которую я в жизни не заходил, и не знал я, в какой она стороне. А затем человек остановился у ворот одного дома, открыл их и, войдя, ввёл меня с собою и запер ворота на железный замок. И он провёл меня по проходу, и мы вошли к десяти человекам, которые все были, как один, и это были братья.

И мы приветствовали их, – рассказал ювелир, – и они ответили на наш привет и велели нам сесть, и мы сели, а я уже погиб от сильной усталости. Мне принесли розовой воды и обрызгали мне лицо и дали мне выпить вина, а потом мне принесли пищу, и некоторые из этих людей поели со мной вместе, и я подумал: «Если бы в пище было что-нибудь вредное, они не ели бы со мной». А когда мы вымыли руки, каждый вернулся на своё место.

И эти люди спросили меня: «Знаешь ли ты нас?» – «Нет, – ответил я, – я в жизни вас не видел, и даже не видел того, кто привёл меня к вам, и никогда не видывал я этого места». – «Расскажи нам, что с тобою было, и не лги ни в чем», – сказали они, и я ответил: «Знайте, что мои обстоятельства дивны и дело моё удивительно. Знаете ли вы обо мне что-нибудь?»

«Да, мы те, что взяли прошлой ночью твои вещи, и мы забрали твоего друга и ту, что пела с ним», – сказали они. И я воскликнул: «Да опустит Аллах на вас свой покров! Где мой друг и та, что с ним пела?» И они показали мне рукою в сторону и сказали: «Там, но клянёмся Аллахом, о брат наш, их тайна неизвестна никому из нас, кроме тебя, и с тех пор, как мы привели их, мы их не видели до сего времени, и мы не спрашивали их, кто они, так как видели их величие и достоинство. А вот тот человек, который помешал нам их убить. Расскажи же нам о них истину и можешь не опасаться за себя и за них».

Услышав эти слова, – говорил ювелир, – я едва не погиб от страха и ужаса и сказал им: «О братья, знайте, что когда великодушие пропадёт, оно найдётся только у вас, и если у меня будет тайна, распространения которой я буду бояться, её скроет ваша грудь!» И я стал прибавлять им в этом смысле, а потом я нашёл, что поспешить с рассказом будет полезнее и лучше, чем скрывать его, и стал им рассказывать обо всем, что мне выпало, пока не дошёл до конца рассказа. И, услышав мою повесть, они спросили: «А тот юноша – Али ибн Беккар, а та девушка – Шамс-ан-Нахар? И я ответил им: „Да“.

И им стало тяжело, и они встали и извинились перед нами обоими, а потом они сказали мне: «Часть того, что мы взяли из твоего дома, пропала, а это остаток». И мне отдали большую часть вещей и обязались возратить их на место, ко мне домой, и вернуть мне остальное, и моё сердце успокоилось, но только воры разделились надвое; часть их была за меня, а часть против меня. Потом мы вышли из Этого дома, и вот что было со мною.

Что же касается Али ибн Беккара и Шамс-ан-Нахар, то они были близки к гибели от сильного страха. А затем я пошёл к Али ибн Беккару и Шамс-ан-Нахар и поздоровался с ними и сказал им: «Если бы узнать, что случилось с невольницей и двумя прислужницами и куда они ушли!» И оба ответили: «Мы о них ничего не знаем».

И мы продолжали идти, пока не достигли того места, где была лодка, и нас посадили в неё, и вдруг оказывается, это та лодка, в которой мы переехали. И матрос грёб до тех пор, пока не доставил нас на другой берег, и нас спустили на сушу, но не успели мы усесться на берегу и отдохнуть, как отовсюду и со всех сторон нас окружили всадники, точно орлы. И тогда те, что были с нами, поспешно вскочили, подобно орлам, и лодка вернулась за ними, и они сошли в неё, и матрос двинулся с ними, и они оказались посреди реки и уехали, а мы

остались на суше, на берегу реки, и не могли ни двинуться, ни стоять спокойно. «Откуда вы?» – спросили нас конные, и мы не Знали, что ответить, и тогда, – говорил ювелир, – я сказал им: «Те, кого вы видели с нами, – разбойники. Мы их не знаем, мы – певцы. Они хотели нас схватить, чтобы мы им пели, и мы освободились от них только благодаря обходительности и мягким речам. Они сейчас нас отпустили, и с ними было то, что вы видели».

И всадники посмотрели на Шамс-ан-Нахар и Али ибн Беккара и сказали мне: «Ты не правдив в своих речах, а если ты говоришь правду – Расскажи нам, кто вы, откуда, где ваше место и в каком квартале вы живёте».

И я не знал, что сказать им, – говорил ювелир, – и тогда Шамс-ан-Нахар вскочила и, подойдя к начальнику конных, потихоньку заговорила с ним, и он сошёл со своего коня и, посадив на него девушку, взял коня за узду и повёл, а другой сделал то же самое с юношей Али ибн Беккаром и со мною также. И предводитель всадников провёл нас до одного места на берегу реки, и тут он закричал на каком-то наречии, и к нему вышла из пустыря толпа людей, и с ними были две лодки.

И предводитель посадил нас в одну из них и сам сел с нами, а его люди сели в другую лодку, и нас везли до тех пор, пока не достигли дворца халифа (а мы боролись со смертью от сильного ужаса). И мы поехали, не останавливаясь, и приехали в одно место, откуда могли попасть к себе, и тогда мы вышли на сушу и пошли, и вместе с нами было несколько конных, которые развлекали нас, пока мы не пришли домой. А когда мы вошли в дом, всадники, бывшие с нами, простились и уехали своей дорогой, а что до нас, то мы вошли к себе и не могли двинуться из дома, и не отличали утра от вечера, и мы были в таком состоянии, пока не настало утро.

Когда же пришёл конец дня, Али ибн Беккар упал без памяти, и женщины и мужчины стали плакать по нем, а он лежал неподвижно. И кто-то из его родных пришёл ко мне, и меня разбудили и сказали: «Расскажи нам, что с нашим сыном и что значит то состояние, в котором он сейчас!» – «О люди, сказал я им, – выслушайте мои слова...»

И Шахразад устала, и она прекратила дозволенные речи.

Сто шестьдесят пятая ночь

Когда же настала сто шестьдесят пятая ночь» она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что ювелир сказал им: „О люди, выслушайте мои слова и не делайте со мною дурного! Подождите, он очнётся и сам расскажет вам свою историю“. И я заговорил с ними сурово и стал их пугать, что осрамлю их. Я когда мы так разговаривали, Али ибн Беккар вдруг зашевелился на постели. И его родные обрадовались, и народ ушёл от него (а мне его близкие не дали уйти), и затем ему обрызгали лицо розовой водой, и, когда он очнулся и вдохнул воздух, его принялись спрашивать, что с ним, а он стал рассказывать, но его язык не мог быстро отвечать.

А затем он показал знаком, чтобы меня отпустили домой. И меня отпустили, и я вышел, не веря спасению. Я шёл до дому, идя между двух человек, и пришёл к своим родным. И, увидав меня в таком виде, они подняли вопли и стали бить себя по лицу, но я сделал им рукой знак: «Молчите!» – и они замолчали. А те два человека ушли своей дорогой. И я опрокинулся на постель и проспал остаток ночи, и очнулся лишь ко времени зари, и тогда я увидел, что родные собрались вокруг меня.

«Что с тобой случилось и поразило тебя злом?» – спросили они. А я сказал: «Принесите мне чего-нибудь выпить!» И они принесли мне вина, и я пил его, пока не напился вдоволь, а затем я сказал: «То, что было – было!» И они ушли своей дорогой. А я извинился перед моими друзьями и спросил их, вернулось ли что-нибудь из того, что пропало из моего дома. И они сказали: «Часть возвращена, и случилось это так: пришёл какой-то человек и бросил вещи в ворота дома, и мы его не видели».

И я стал утешать свою душу и провёл у себя два дня, будучи не в силах выйти из дому, а затем я ободрился и пошёл и пришёл в баню, чувствуя сильную усталость, и сердце моё было занято мыслями об Али ибн Беккаре и Шамс-ан-Нахар. А я не слышал о них ничего все это время и не мог пробраться в дом Али ибн Беккара, а у себя дома я не имел покоя, так как боялся за самого себя.

Затем я покаялся Аллаху великому в том, что совершил, и прославил его за своё спасение, а спустя некоторое время душа подговорила меня отправиться в ту сторону и через часок вернуться.

И когда я хотел идти, я увидел женщину, которая стояла, и вдруг оказывается, – это невольница Шамс-ан-Нахар! Узнав её, я пошёл и торопился, идя, но она последовала за мною, и меня охватил из-за неё страх. И всякий раз, как я вглядывался в неё, меня брал – испуг, а невольница говорила мне: «Постой, я тебе что-то расскажу!» Но я не обращал на неё внимания. И я дошёл до мечети, стоявшей в одном месте, где не было людей, и тогда девушка сказала мне: «Войди в эту мечеть, – я скажу тебе словечко, и не бойся ничего!»

И она стала заклинять меня, и я вошёл в мечеть, а она вошла сзади. Я совершил молитву в два rakata, а потом подошёл к девушке, испуская вздохи, и спросил её: «Что тебе?» А она спросила, что со мною. Я рассказал, что мне выпало, и передал ей, что случилось с Али ибн Беккаром, а потом я спросил её: «Какие у тебя вести?»

И она сказала: «Знай, что, когда я увидела, как люди сломали ворота твоего дома и вошли, я испугалась их и побоялась, что они от халифа и заберут нас с моей госпожой и мы сейчас же погибнем. И я убежала по крышам вместе с двумя прислужницами, и мы бросились и оказались у каких-то людей. Мы убежали к ним, и они доставили нас во дворец халифа в самом скверном состоянии, а там мы скрыли наше дело и ворочались весь вечер на углях нашего беспокойства, пока не спустилась ночь.

И тогда я открыла дверь к реке и, позвав матроса, который увёз нас той ночью, сказала ему: «Мы не знаем, что с нашей госпожой, свези меня в лодке, – я поеду и поищу её на реке – может быть, я услышу что-нибудь о ней».

И матрос повёз меня в челноке и поехал со мною, и я все время ездила по реке, пока не наступила полночь. И я увидела лодку, направлявшуюся к той двери, и в ней был человек, который грёб, и с ним другой человек, стоявший на ногах, а между ними лежала женщина. И тот человек грёб, пока они не достигли берега, и когда женщина вышла, я всмотрелась в неё и вдруг вижу – это Шамс-ан-Нахар. И я подошла к ней, оторопев от радости, когда увидела её, после того как пресеклись мои надежды...»

И Шахзаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Сто шестьдесят шестая ночь

Когда же настала сто шестьдесят шестая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что невольница говорила ювелиру: «И я оторопела от радости после того, как пресеклись мои надежды. А когда я подошла к ней, она велела мне дать тысячу динаров человеку, который её привёз. И затем я с двумя прислужницами понесла её, и мы бросили её на постель. И она провела эту ночь в расстроенном состоянии, а когда наступило утро, я не давала невольницам и евнухам войти к ней и до неё добраться в течение всего дня.

А на другой день она оправилась от того, что с нею было, и я увидела, что она словно вышла из могилы. Я обрызгала ей лицо розовой водой, переменяла одежду и вымыла руки и ноги. Я ухаживала за ней, и заставила её съесть немного пищи и выпить немного вина, так как у неё не было ни к чему охоты.

Когда же она подышала воздухом и здоровье вернулось к ней, я стала упрекать её и сказала: «О госпожа, посмотри и сжался над собою! Ты видела, что с нами случилось, и тебе достались затруднения, которых достаточно! Ты ведь была близка к гибели!»

«Клянусь Аллахом, добрая девушка, – сказала она мне, – смерть, по-моему, легче, чем

то, что со мною случилось! Я была бы убита, без сомнения. Ведь когда воры вывели нас из дома ювелира, они спросили меня: „Кто ты будешь?“ – а я ответила: „Я невольница из певиц“, – и они мне поверили. Потом спросили Али ибн Беккара, кто он такой, и он отвечал: „Я из простых людей“. И они нас взяли, и мы шли с ними, пока они не привели нас в своё жилище, и мы торопились, идя с ними, так как очень боялись. И приведя нас в своё жилище, они осмотрели меня и увидели, какие на мне одежды, ожерелья и драгоценности, и, заподозрив меня, сказали: „Поистине, таких ожерелий не бывает у какой-нибудь певицы! Будь правдива и скажи нам истину: каково твоё ремесло?“

И я ничего им не ответила и сказала в душе: «Теперь они меня убьют из-за моих украшений и драгоценностей!» И я не произнесла ни слова, а разбойники обернулись к Али ибн Беккару и спросили его: «А ты кто будешь и откуда ты – твой вид не таков, как у простых людей». Но он промолчал, и мы скрыли наше положение и стали плакать.

И Аллах смягчил сердца воров, и они спросили нас: «Кто владелец дома, в котором вы были?» – «Его владелец – такой-то ювелир», – сказали мы. И один из воров воскликнул: «Я хорошо знаю его и его дом – он живёт во втором своём доме, и я берусь тотчас привести его к вам».

И они сговорились, что поместят меня в одно место, одну, а Али ибн Беккара поместят в другое место, тоже одного, и сказали нам: «Отдыхайте и не бойтесь, что ваше дело раскроется, вы в безопасности».

А потом их товарищ отправился к ювелиру и привёл его, и ювелир разъяснил им наше дело, и мы с ним свиделись. И один из воров пригнал для нас лодку, и нас посадили в неё и переправились с нами на другой берег и выбросили нас на сушу и уехали. И приехали конные из ночной стражи и спросили нас: «Кто вы такие?» И я поговорила с начальником конных и сказала ему: «Я Шамс-ан-Нахар, любимица халифа. Я выпила вина и пошла к одной моей знакомой, жене везиря, и пришли разбойники и взяли меня и привели в это место, а увидав вас, они бросились бежать. И я могу наградить вас».

И когда начальник конных услышал мои слова, он узнал меня, и, сойдя со своего коня, посадил меня, и то же самое сделал с Али ибн Беккаром и ювелиром. И в сердце моем теперь пылает огонь беспокойства, в особенности из-за ювелира, товарища Али ибн Беккара. Сходи же к нему, передай ему от меня привет и расспроси его про Али ибн Беккара».

И я заговорила с нею и стала её укорять за то, что она совершила, и предостерегала её и сказала: «О госпожа, бойся за себя». Но она закричала на меня и рассердилась из-за моих слов. А потом я ушла от неё и пришла к тебе, но не нашла тебя. Я боялась пойти к ибн Беккару и осталась стоять, подстерегая тебя, чтобы спросить о нем, узнать, каково ему. Прошу тебя по твоей милости – возьми у меня сколько-нибудь денег – ты ведь, наверное, Занял у твоих друзей вещи, а они у тебя погибли, так что тебе нужно возместить людям за их утварь, которая у тебя пропала».

И я ответил ей: «Слушаю и повинуюсь, ступай!» – рассказывал ювелир, – и мы с нею шли, пока не подошли к моему дому. «Постой здесь, пока я не вернусь к тебе», – сказала девушка...»

И Шахразад устала, и она прекратила дозволенные речи.

Сто шестьдесят седьмая ночь

Когда же настала сто шестьдесят седьмая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что девушка сказала ювелиру: „Постой здесь, пока я не вернусь к тебе“, – и ушла, а потом возвратилась с деньгами – продолжал ювелир, – и спросила: „О господин, где мы с тобою встретимся?“ А я отвечал ей: „Я пойду и сейчас же отправлюсь к себе домой, и ради тебя я придумаю что-нибудь, как тебе свидеться с Али ибн Беккаром, – к нему ведь теперь затруднительно добратся“. – „Скажи, в какое место мне прийти?“ – спросила девушка. И я ответил ей: „Ко мне домой“.

И потом она попрощалась со мною и ушла, а я понёс деньги и, принеся их домой, сосчитал их, и оказалось, что денег пять тысяч динаров. Я отдал своим родным из них немного и тем, чьи вещи были за мною, я дал, взамен их, денег.

А потом я поднялся и, взяв с собою моих слуг, отправился к тому дому, из которого пропали вещи. Я привёл каменщиков и плотников и строителей, и они сделали дом снова таким же, каким он был, и я поселил там свою невольницу и забыл, что со мною случилось. И затем я пошёл и пришёл к дому Али ибн Беккара.

И когда я достиг его, ко мне подошли слуги ибн Беккара и сказали: «Наш господин ищет тебя ночью и днём, и он обещал нам, что всякого, кто тебя приведёт к нему, он отпустит на волю. И они ходят и разыскивают тебя, но не знают, в каком ты месте. К нашему господину вернулось здоровье, и он то приходит в себя, то впадает в беспамятство, а когда он приходит в сознание, то вспоминает тебя и говорит: „Пусть его непременно приведут ко мне на один миг!“ – и опять падает без чувств.

И я отправился к нему со слугой, – говорил ювелир, – и оказалось, что он не в состоянии говорить. И, увидав его, я сел у его изголовья, а он открыл глаза и при виде меня заплакал и воскликнул: «Привет тебе! Добро пожаловать!» Я поддержал его и посадил и прижал к своей груди, а он сказал мне: «Знай, о брат мой, с тех пор как я слёг, я не садился. Слава же Аллаху за то, что я увидал тебя!»

И я до тех пор поддерживал его, – говорил ювелир, – пока не поставил на ноги и не заставил пройти несколько шагов.

И он переменял одежду и выпил питьё, и все это для того, чтобы успокоилось его сердце. А когда я увидел на нем признаки здоровья, я рассказал ему, что было с невольницей (а меня никто не слышал), и потом я сказал: «Укрепи свой дух и силу, я знаю, что с тобою». И он улыбнулся, а я сказал ему: «Ты найдёшь лишь то, что тебя обрадует и исцелит». Затем Али ибн Беккар приказал подать кушанье и, когда его подали, сделал знак своим слугам, и те разошлись, а он сказал мне: «О брат мой, видел ли ты, что меня поразило?» И он извинился передо мною и спросил меня, каково мне было это время. И я рассказал ему о том, что со мною случилось, с начала до конца.

И Али ибн Беккар удивился, а затем он сказал слугам: «Принесите мне то-то и то-то». И ему принесли дорогие подстилки и копры и прочую домашнюю утварь из золота и серебра – больше того, что у меня пропало, и ибн Беккар отдал мне эти вещи, а я отослал их домой.

Я остался у Али ибн Беккара на ночь, а когда заблистало утро, он сказал мне: «Знай, что все имеет конец, и конец любви – смерть или единение, а я ближе к смерти. О, если бы я умер раньше того, что случилось! Ведь если бы Аллах не был к нам милостив, мы были бы посрамлены, и я не знаю, что приведёт меня к избавлению от того, что со мною. Если бы не страх перед Аллахом, я бы, наверное, ускорил свою гибель²⁰⁹. Знай, о брат мой, я как птица в клетке, и душа моя несомненно погибнет от горестей, но ей назначено определённое время и установленный срок».

И он стал плакать и сетовать и произнёс:

«Довольно с влюблённого тех слез, что уж пролиты,
Прогнала печаль давно терпение всякое.
Скрывающий тайное в душе собирал его,
Но око рассеяло все то, что им собрано».

²⁰⁹ Мусульмане считают самоубийство величайшим грехом, и случаи добровольного лишения себя жизни среди них крайне редки. Объясняется это характером мусульманской религии: взаимоотношения между божеством и людьми представляют своего рода торговую сделку; душа правоверного составляет собственность Аллаха и находится у последнего как залог за деятельность человека на земле; преждевременно лишив себя жизни, человек посягает на то, что принадлежит не ему, а божеству, и совершает грех, который уже нельзя искупить в земной жизни.

А когда он кончил говорить эти стихи, я сказал ему:

«О господин, знай, что я намереваюсь уйти домой, – быть может, невольница вернётся ко мне с вестями». – «В этом нет беды, – сказал Али ибн Беккар, – но только скорее возвращайся и расскажи мне все, – ты видишь, в каком я состоянии».

И я простился с ним, – говорил ювелир, – и ушёл к себе домой, и не успел я как следует усесться, как пришла невольница, задыхаясь от слез. «Что с тобой?» – спросил я её, и она сказала: «О господин, знай: нас постигло то, что постигло, и случилось дело, которого мы боялись. Когда я вчера ушла от тебя, я нашла мою госпожу разгневанной на одну из тех двух прислужниц, которые были с нами в тот вечер, и она велела побить её, я девушка испугалась и убежала от своей госпожи; она вышла, и её встретил один из тех, что поставлены сторожить у ворот, и схватил и хотел вернуть её обратно к её госпоже, но девушка намекнула ему словами, и сторож обошёлся с ней ласково и выспросил, что с ней было. И девушка рассказала ему, что с ними произошло».

И весть об этом дошла до халифа, и он приказал перевести мою госпожу Шамс-ан-Нахар и все, что у неё есть, во дворец и поставить двадцать евнухов сторожить её. Я с нею до сих пор не видалась и не сообщила ей о причине Этого, и я подозреваю, что все произошло из-за этого случая. Я испугалась за себя и растерялась, о господин, и не знаю, как поступить и как ухитриться в нашем с нею деле. У неё нет никого, кто бы лучше хранил тайну и был ближе к её сокрытию, чем я. Ступай же, господин, к Али ибн Беккару и расскажи ему об этом...»

И Шахразад устала, и она прекратила дозволенные речи.

Сто шестьдесят восьмая ночь

Когда же настала сто шестьдесят восьмая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что невольница говорила ювелиру: „У моей госпожи нет никого, кто был бы ей ближе и лучше хранил бы тайну, чем твой господин и отправляйся поскорей к Али ибн Беккару; расскажи ему об этом, чтобы он был готов и остерегся бы. А когда дело раскроется, мы придумаем, как поступить для спасения наших душ“».

И меня охватила от этого великая забота, – говорил ювелир, – и бытие моё покрылось мраком из-за слов девушки.

И невольница собралась уходить, и я спросил её: «Как же поступить, когда в этом деле не осталось времени?» А она сказала мне: «Следует поспешить к Али ибн Беккару, если он твой друг и ты хочешь его спасения. Тебе надлежит поскорее сообщить ему об этом деле и не Затягивать для него срока и не быть на далёком расстоянии, а мне должно позаботиться о том, чтобы разведать новости».

Потом она простилась со мной и вышла. И когда невольница ушла, я поднялся и вышел за ней следом и отправился к Али ибн Беккару. Я увидел, что он тешит свою душу надеждами на единение и развлекается несбыточными мечтами. Увидав, что я быстро вернулся к нему, он воскликнул: «Я вижу, что ты вернулся ко мне сейчас же!» – «Потерпи и брось свои думы!» – сказал я ему. – Случилось событие, которое сулит гибель твоей души и имущества».

И когда он услышал эти слова, лицо его изменилось, и он встревожился и воскликнул: «О брат мой, расскажи мне, что произошло!» – «О господин мой, – отвечал я, – знай, что случилось то-то и то-то и ты несомненно погиб, если пробудешь в этом доме до конца дня». И Али ибн Беккар оторопел, и дух едва не покинул его тело, а затем после этого он воскликнул: «Поистине, мы принадлежим Аллаху и к нему возвращаемся!» – и спросил: – Что мне делать, о брат мой, и каково твоё мнение?» – «Моё мнение, – ответил я, – такое: возьми с собою денег, сколько можешь, и тех слуг, которым доверяешь, и пойдём в другие земли раньше, чем кончится сегодняшний день». – «Слушаю и повинуюсь!» – сказал мне Али ибн Беккар.

А потом он вскочил смущённый, не зная, что делать, и то шёл, то падал. Он захватил, что мог, попросил прощения у своих родных, завещал им то, что было ему нужно, и взял с собою трех нагруженных верблюдов, а затем он сел на своего коня, и я сделал то же самое, что сделал он. И мы выехали украдкой, переодетые, и поехали и продолжали ехать весь остальной день и ночь, а когда пришёл конец ночи, мы сложили наши тюки, спутали верблюдов и заснули.

И усталость опустила на нас и заставила нас забыть о самих себе, и вдруг нас окружили воры и взяли все, что с нами было. Они перебили слуг, когда те захотели защитить нас, и оставили нас на месте в сквернейшем виде, после того как забрали наше имущество, угнали всех животных и уехали.

И когда мы с Али ибн Беккаром остались одни, то мы Поднялись и пошли, пока не настало утро, и тогда мы достигли одного города и, войдя в него, направились в мечеть. Мы вошли в неё нагие и просидели в углу мечети весь остальной день, а когда пришла ночь, мы переночевали там, без еды и питья.

И наступило утро, и мы совершили утреннюю молитву и сидели, и вдруг вошёл человек и приветствовал нас. Он сотворил молитву в два rakata, а затем обернулся к нам и спросил: «О люди, вы чужеземцы?» – «Да, – сказали мы, – и воры преградили нам дорогу и раздели нас» и мы пришли в этот город и не знаем в нем никого, кто бы приютил нас». – «Не хотите ли пойти со мной в мой дом?» – спросил этот человек.

И тогда, – говорил ювелир, – я сказал Али ибн Беккару: «Пойдём с ним мы спасёмся от двух дел: во-первых, мы боимся, что кто-нибудь войдёт к нам в эту мечеть и узнает нас, и мы будем посрамлены, а во-вторых, мы люди иноземные и нет нам места, где бы приютиться». – «Делай, что хочешь», – отвечал Али ибн Беккар. А тот человек сказал нам второй раз: «О бедняки, послушайте меня и идите со мной в мой дом!» И я ответил ему: «Слушаю и повинуюсь!»

И этот человек подарил нам кое-что из своей одежды и одел нас, извиняясь перед нами, и был с нами ласков, и мы пошли с ним к его дому. Он постучал в ворота, и вышел маленький евнух и открыл ворота, и этот человек, хозяин дома, вошёл, я мы вошли за ним. Потом он велел принести узел, где были платья и тюрбаны, и надел на нас две одежды и дал нам два тюрбана, и мы повязали их и сели.

И вдруг пришла невольница со столиком и, поставив его перед нами, сказала: «Ешьте!» – и мы поели немного и столик убрали. Мы пробыли у этого человека, пока не пришла ночь. И тогда Али ибн Беккар принялся вздыхать и сказал: «Знай, о брат мой, я погиб несомненно, и я хочу завещать тебе нечто. А именно: когда увидишь, что я умер, войди к моей матушке и расскажи ей и вели ей прийти сюда для того, чтобы принимать соболезнования по мне и быть здесь, когда меня будут обмывать. И накажи ей быть стойкой в разлуке со мною».

И потом он упал без памяти, а очнувшись, он услышал, как невольница пела вдали и говорила стихи, и стал прислушиваться, внимая её голосу, а сам то обмирал, то приходил в себя, то плакал от скорби и печали из-за того, что его постигло. И он услышал, как невольница, которая пела, произнесла такие стихи:

«Поспешила разлука вновь разлучить нас
После дружбы и близости и согласия
Разлучили превратности нас ночные;
Если б знать мне, когда придёт наша встреча!
О, как горько за близостью расставанье!
Если б только влюблённый им не терзался!
Горесть смерти – минута лишь, и проходит,
А разлука с любимыми – вечно в сердце.
Коль могли бы добаться мы до разлуки,
То разлука вкусила бы вкус разлуки».

Услышав стихи, произнесённые невольницей, Али ибн Беккар издал вопль, и дух его расстался с его телом.

И когда я увидел, что он умер, – говорил ювелир, – я поручил его заботам хозяина дома и сказал ему: «Знай, я уйду в Багдад передать об этом его матери и близким, чтобы они пошли обрядить его». Потом я пришёл в Багдад и, зайдя домой, переменял на себе одежду, а затем я пришёл в дом Али ибн Беккара. И когда его слуги увидели меня, они подошли ко мне и стали меня расспрашивать про ибн Беккара, а я попросил их, чтобы они испросили мне разрешение войти к его матери. И она позволила мне войти, и я вошёл и приветствовал её и сказал: «Поистине, Аллах распоряжается душами по своей власти. И когда он решит какое-нибудь дело, некуда убежать от решения его, и не бывало, чтобы умерла душа иначе, как по изволению Аллаха, в срок, установленный в записи».

И мать Али ибн Беккара предположила по этим словам, что её сын умер, и заплакала сильным плачем, а потом она воскликнула: «Ради Аллаха, прошу тебя, скажи мне, скончался ли мой сын?» И я не мог дать ей ответа из-за плача и великой горести. Увидев, что я в таком состоянии, мать Али ибн Беккара задохнулась от плача и затем упала на землю без памяти. А очнувшись от обморока, она спросила: «Что было с моим сыном?» – и я воскликнул: «Да сделает Аллах великий твою награду за него!»

И потом я рассказал ей, как было с ним дело, от начала до конца. «Поручил ли он тебе что-нибудь?» – спросила его мать, и я ответил ей: «Да», и рассказал, какое он дал мне поручение. «Поторопись обрядить его», – сказал я ей. И когда мать Али ибн Беккара услышала мои слова, она упала без памяти, а очнувшись, она принялась за то, что я наказал ей сделать.

Затем я ушёл от неё домой и пошёл по дороге, раздумывая о прекрасной юности Али ибн Беккара и его великой любви. И когда я так шёл, вдруг какая-то женщина схватила меня за руку, и я посмотрел на неё и узнал невольницу...

И Шахразяду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Сто шестьдесят девятая ночь

Когда же настала сто шестьдесят девятая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что ювелир говорил: «И вдруг какая-то женщина схватила меня за руку, и я всмотрелся в неё и вижу – это невольница, которая приходила от Шамс-ан-Нахар, и она была охвачена скорбью. И мы узнали друг друга и плакали вместе, пока не пришли к тому дому.

И я спросил её: «Узнала ли ты о том, что с юношей Али ибн Беккаром?»

«Нет, клянусь Аллахом!» – отвечала она. И я рассказал ей, что случилось и как было дело, и мы все время плакали. И потом я спросил её: «А как поживает твоя госпожа?»

И она отвечала: «Повелитель правоверных не стал слушать ничьих слов о ней, так как он сильно любил её и её поступки он толковал прекрасным образом. И халиф сказал ей: „О Шамс-ан-Нахар, ты мне дорога, и я стерплю Это от тебя наперекор твоим врагам“, – и велел обставить для неё комнату с вызолоченными стенами и прекрасное помещение. И моя госпожа зажила у него после Этого приятнейшею жизнью, пользуясь великим благоволением. И случилось в один из дней, что халиф сел, как обычно, за питьё, и наложницы явились пред лицо его, и он усадил их по местам, и Шамс-ан-Нахар посадил с собою рядом (а у неё пропало терпенье, и страданье её увеличилось). И халиф приказал одной из невольниц петь, и она взяла лютню, наладила её и настроила и, ударив по струнам, произнесла такие стихи:

«Зовущий нередко звал к любви, и внимала я,
И слезы чертили страсть чертой на щеке моей.
И кажется, слезы глаз вещают, что чувствуем –
Что скрыл я, открыл их ток, скрыв то, что открыть я мог.

Так как же стремиться скрыть любовь и таить её?
Покажет ведь, что со мной, безмерная страсть моя.
Приятна теперь мне смерть, раз милых лишился я,
Узнать бы, что ныне им приятно, как нет меня!»

И, услышав, как невольница говорит эти стихи, Шамсан-Нахар не могла сидеть и упала без памяти. И халиф кинул кубок и привлёк её к себе и закричал, а невольницы зашумели, и повелитель правоверных стал переворачивать Шамс-ан-Нахар и шевелить её, и вдруг оказалось, что она мертва.

И повелитель правоверных опечалился из-за её смерти великой печалью и приказал сломать все бывшие в комнате сосуды и лютни и увеселяющие музыкальные инструменты. А когда Шамс-ан-Нахар умерла, он положил её к себе на колени и провёл подле неё всю остальную ночь.

Когда же взошёл день, он обрядил её и велел её обмыть и завернуть в саван и похоронить и печалился о ней великой печалью, но не спросил, что с ней было и какое случилось с нею дело».

Потом невольница сказала ювелиру: «Прошу тебя, ради Аллаха, извести меня в тот день, когда прибудет похоронное шествие Али ибн Беккара, чтобы я могла присутствовать на его погребении». И он отвечал ей: «Что касается меня, то ты меня найдёшь в каком хочешь месте, а вот ты – где я найду тебя и кто может до тебя добраться в том месте, где ты находишься?» И невольница сказала ему: «Когда умерла Шамс-ан-Нахар, повелитель правоверных отпустил её невольниц на свободу, со дня её смерти, и меня тоже, среди них, и мы находимся у её гробницы, в таком-то месте».

И я поднялся, – говорил ювелир, – и пришёл к могиле Шамс-ан-Нахар и посетил её, а потом ушёл своей дорогой и ожидал похорон Али ибн Беккара, пока шествие не прибыло.

И жители Багдада вышли хоронить его, и я вышел с ними и увидел ту невольницу среди женщин, и она горевала сильнее всех. И в Багдаде не было похорон великолепнее этих, и мы шли в большой тесноте, пока не достигли могилы и не закопали его на милость великого Аллаха.

И я не перестаю посещать его могилу и могилу Шамсан-Нахар, – сказал ювелир. – И вот вся повесть о том, что с ними было, да помилует их обоих Аллах!»

Но это не удивительнее повести о царе Шахрамане».

«А как это было?» – спросил Шахразаду царь...

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Повесть о царе Шахрамате, сыне его Камар-аз-Замане и царевне Будур (ночи 170-249)

Ночь, дополняющая до ста семидесяти

Когда же настала ночь, дополняющая до ста семидесяти, Шахразада сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что был в древние времена и минувшие века и столетия царь, которого звали царь Шахраман. И был он обладателем большого войска и челяди и слуг, но только велики сделались его годы, и кости его размякли, и не было послано ему ребёнка.

И он размышлял про себя и печалился и беспокоился и пожаловался на это одному из своих везирей и сказал: «Я боюсь, что, когда умру, царство погибнет, так как я не найду среди моих потомков кого-нибудь, чтобы управлять им после меня». И тот везирь отвечал ему: «Быть может, Аллах совершит впоследствии нечто; положишься же на Аллаха, о царь, и взмолишься к нему».

И царь поднялся, совершил омовение и молитву в два rakata и воззвал к великому Аллаху с правдивым намерением, а потом он призвал свою жену на ложе и познал её в это

же время, и она зачала от него, по могуществу Аллаха великого.

А когда завершились её месяцы, она родила дитя мужского пола, подобное луне в ночь полнолуния, и царь назвал его Камар-аз-Заманом²¹⁰ и обрадовался ему до крайней степени. И он кликнул клич, чтобы город украсили, и город был украшен семь дней, и стучали в барабаны и били в литавры. А младенцу царь назначил кормилиц и нянек, и воспитывался он в величии и неге, пока не прожил пятнадцать лет. И он превосходил всех красотой и прелестью и стройностью стана и соразмерностью, и отец любил его и не мог с ним расстаться ни ночью, ни днём.

И отец мальчика пожаловался одному из своих везирей на великую любовь свою к сыну и сказал: «О везирь, поистине я боюсь, что дитя моё, Камар-аз-Замана, постигнут удары судьбы и случайности, и хочу я женить его в течение моей жизни». – «Знай, о царь, – ответил ему везирь, – что жениться значит проявить благородство нрава, и правильно будет, чтобы ты женил твоего сына, пока ты жив, раньше, чем сделаешь его султаном».

И тогда царь Шахраман воскликнул: «Ко мне моего сына Камар-аз-Замана!» И тот явился, склонив голову к земле от смущения перед своим отцом. И отец сказал ему: «О Камар-аз-Заман, я хочу тебя женить и порадоваться на тебя, пока я жив», – а юноша ответил: «О батюшка, знай, что нет у меня охоты к браку и душа моя не склонна к женщинам, так как я нашёл много книг и рассуждений об их коварстве и вероломстве. И поэт сказал:

А коли вы спросите о жёнах, то истинно
Я в женских делах премудр и опытен буду.
И если седа глава у мужа иль мало средств,
Не будет тогда ему в любви их удела.

А другой сказал:

Не слушайся женщин – вот покорность прекрасная,
Несчастлив тот юноша, что жёнам узду вручил:
Мешают они ему в достоинствах высшим стать,
Хотя бы стремился он к науке лет тысячу».

А окончив свои стихи, он сказал: «О батюшка, брак – нечто такое, чего я не сделаю никогда, хотя бы пришлось мне испытать чашу гибели».

И когда султан Шахраман услышал от своего сына такие слова, свет стал мраком перед лицом его, и он сильно огорчился...»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Сто семьдесят первая ночь

Когда же настала сто семьдесят первая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что когда царь Шахраман услышал от своего сына такие слова, свет стал мраком перед лицом его, и он огорчился, что его сын Камар-аз-Заман не послушался, когда он посоветовал ему жениться. Но из-за сильной любви к сыну он не пожелал повторить ему эти речи и гневить его, а, напротив, проявил заботливость и оказал ему уважение и всяческую ласку, которой можно привлечь любовь к сердцу. А при всем этом Камар-аз-Заман каждый день становился все более красив, прелестен, изящен и изнежен.

И царь Шахраман прождал целый год и увидел, что тот сделался совершенен по красноречию и прелести, и люди теряли из-за него честь. Все веющие ветры разносили его

²¹⁰ Камар-аз-Заман – значит «Луна времени».

милости, и стал он в своей красоте искушением для влюблённых и по своему совершенству – цветущим садом для тоскующих. Его речи были нежны, и лицо его смущало полную луну, и был он строен станом, соразмерен, изящен и изнежен, как будто он ветвь ивы или трость бамбука. Его щека заменяла розу и анемон, а стан его – ветку ивы, и черты его были изящны, как сказал о нем говоривший:

Явился он, и сказали: «Хвала творцу!»
Прославлен тот, кем он создан столь стройным был»
Прекрасными всеми всюду владеет он,
И все они покоряться должны ему,
Слюна его жидким мёдом нам кажется,
Нанизанный ряд жемчужин – в устах его.
Все прелести он присвоил один себе
И всех людей красотою ума лишил.
Начертано красотою вдоль щёк его:
«Свидетель я, – нет красавца опричь его».

А когда Камар-аз-Заману исполнился ещё один год, его отец призвал его к себе и сказал ему; «О дитя моё, не выслушаешь ли ты меня?» И Камар-аз-Заман пал на Землю перед своим отцом из почтительного страха перед ним, и устыдился и воскликнул: «О батюшка, как мне тебя не выслушать, когда Аллах мне велел тебе повиноваться и не быть ослушником?»

«О дитя моё, – сказал ему тогда царь Шахраман, – Знай, что я хочу тебя женить и порадоваться на тебя при жизни и сделать тебя султаном в моем царстве прежде моей смерти».

И когда Камар-аз-Заман услышал это от своего отца, он ненадолго потупил голову, а потом поднял её и сказал: «О батюшка, такое я не сделаю никогда, хотя бы пришлось мне испытать чашу гибели. Я знаю и уверен, что великий Аллах вменил мне в обязанность повиноваться тебе, но, ради Аллаха, прошу тебя, не принуждай меня к браку и не думай, что я женюсь когда-либо в моей жизни, так как я читал книги древних и недавно живших и осведомлён о том, какие их постигли от женщин искушения, бедствия и беспредельные козни, и о том, что рассказывают про их хитрости. А как прекрасны слова поэта:

Распутницей кто обманут,
Тому не видать свободы,
Хоть тысячу он построит
Покрытых железом замков.
Ведь строить их бесполезно,
И крепости не помогут,
И женщины всех обманут –
Далёких так же, как близких,
Они себе красят пальцы
И в косы вплетают ленты
И веки чернят сурьюю,
И пьём из-за них мы горесть,

А как прекрасны слова другого:

Право, женщины, если даже звать к воздержанию их, –
Кости мёртвые, что растерзаны хищным ястребом.
Ночью речи их и все тайны их тебе отданы,
А наутро ноги и руки их не твои уже.

Точно хан²¹¹ они, где ночуешь ты, а с зарёй – в пути,
И не знаешь ты, кто ночует в нем, когда нет тебя».

Услышав от своего сына Камар-аз-Замана эти слова и поняв эти нанизанные стихи, царь Шахраман не дал ему ответа вследствие своей крайней любви к нему и оказал ему ещё большую милость и уважение.

И собрание разошлось в тот же час, и, после того как собрание было распущено, царь позвал своего везиря и уединился с ним и сказал ему: «О везирь, поведай мне, как мне поступить с моим сыном Камар-аз-Заманом, как женить его...»

И Шахразад устала, и она прекратила дозволенные речи.

Сто семьдесят вторая ночь

Когда же настала сто семьдесят вторая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что царь потребовал к себе везиря и уединился с ним и сказал ему: „О везирь, скажи мне, как мне поступить с моим сыном Камар-аз-Заманом. Я спросил у тебя совета насчёт его брака, и это ты мне посоветовал его женить, прежде чем я сделаю его султаном. Я говорил с сыном о браке много раз, но он не согласился со мною; посоветуй же мне теперь, о везирь, что мне делать?“ – „О царь, – ответил везирь, – потерпи ещё год, а потом, когда ты захочешь заговорить с твоим сыном об этом деле, не говори тайком, но заведи с ним речь в день суда, когда все везири и эмиры будут присутствовать и все войска будут стоять тут же. И когда эти люди соберутся, пошли в ту минуту за твоим сыном Камар-аз-Заманом и вели ему явиться, а когда он явится, скажи ему о женитьбе в присутствии везирей и вельмож и обладателей власти. Он обязательно устыдится и не сможет тебе противоречить в их присутствии“.

Услышав от своего везиря эти слова, царь Шахраман обрадовался великою радостью и счёл правильным его мнение и наградил его великолепным платьем. И царь Шахраман не говорил со своим сыном Камар-аз-Заманом год о женитьбе. И с каждым днём из дней, что проходили над ним, юноша становился все более красив, прекрасен, блестящ и совершенен, и достиг он возраста близкого к двадцати годам, и Аллах облачил его в одежду прелести и увенчал его венцом совершенства. И око его околдовывало сильнее, чем Харут²¹², а игра его взора больше сбивала с пути, чем Тагут²¹³. Его щеки сияли румянцем, и веки издевались над острорежущим, а белизна его лба говорила о блестящей луне, и чернота волос была подобна мрачной ночи. Его стан был тоньше летучей паутины, а бедра тяжелее песчаного холма; вид его боков возбуждал горсть, и стан его сетовал на тяжесть бёдер, и прелести его смущали род людской, как сказал о нем кто-то из поэтов в таких стихах:

Я щекой его и улыбкой уст поклонюсь тебе
И стрелами глаз, оперёнными его чарами»
Клянусь мягкостью я боков его, остриём очей,
Белизной чела и волос его чернотой клянусь.
И бровями теми, что сон прогнали с очей моих,
Мною властвуя запрещением и велением,

²¹¹ Хан – постоянный двор для купцов.

²¹² Харут и Марут – имена ангелов, которым, как говорится в Коране, была дарована способность очаровывать и соблазнять людей, а также учить их колдовству.

²¹³ Тагут (преступление) – одно из наименований дьявола.

И ланиты розой и миртой нежной пушка его,
И улыбкой уст и жемчужин рядом во рту его,
И изгибом шеи и дивным станом клянусь его,
Что взрастил гранатов плоды своих на груди его,
Клянусь бёдрами, что дрожат всегда, коль он движется,
Иль спокоен он, клянусь нежностью я боков его;
Шелковистой кожей и живостью я клянусь его,
И красою всей, что присвоена целиком ему,
И рукой его, вечно щедрою, и правдивостью
Языка его, и хорошим родом, и знатностью.
Я клянусь, что мускус, дознаться коль, – аромат его,
И дыханьем амбры нам веет ветер из уст его.
Точно так же солнце светящее не сравнится с ним,
И сочту я месяц обрезком малым ногтей его».

И затем царь Шахраман слушал речи везиря ещё год, пока не случился день праздника...»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Сто семьдесят третья ночь

Когда же настала сто семьдесят третья ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что царь Шахраман послушался совета везиря и ждал ещё год, пока не случился день праздника. И пришёл день суда, и зал собраний царя наполнился тогда эмирами, везирями, вельможами царства и воинами и людьми власти, а затем царь послал За своим сыном Камар-аз-Заманом, и тот, явившись, три раза поцеловал землю меж рук своего отца и встал перед ним, заложив руки за спину.

И его отец сказал ему: «Знай, о дитя моё, что я послал за тобой и велел тебе на сей раз явиться в это собрание, где присутствуют перед нами все вельможи царства, только для того, чтобы дать тебе одно приказание, насчёт которого ты мне не прекословь. А именно: ты женишься, ибо я желаю женить тебя на дочери какого-нибудь царя и порадоваться на тебя прежде моей смерти».

Услышав это от своего отца, Камар-аз-Заман опустил ненадолго голову к земле, а затем поднял голову к отцу, и его охватили в эту минуту безумие юности и глупость молодости, и он воскликнул: «Что до меня, то я никогда не женюсь, хотя бы мне пришлось испытать чаши гибели, а что касается тебя, то ты старец великий по годам, но малый по уму! Разве ты не спрашивал меня о браке раньше сегодняшнего дня уже дважды, кроме этого раза, а я не соглашался на это?»

Потом Камар-аз-Заман разъединил руки, заложенные за спину, и засучил перед своим отцом рукава до локтей, будучи гневен, и сказал своему отцу много слов, и сердце его волновалось, и его отец смутился, и ему стало стыдно, так как это случилось перед вельможами его царства и воинами, присутствовавшими на празднике. А потом царя Шахрамана охватила ярость царей, и он закричал на своего сына, так что устрасил его, и крикнул невольникам, которые были перед ним, и сказал им: «Схватите его!»

И невольники побежали к царевичу, обгоняя друг друга, и схватили его и поставили перед его отцом, и тот приказал скрутить ему руки, и Камар-аз-Замана скрутили и поставили перед царём, и он поник головой от страха и ужаса, и его лоб и лицо покрылись жемчугом испарины, и сильное смущение и стыд охватили его.

И тогда отец стал бранить и ругать его и воскликнул: «Горе тебе, о дитя прелюбодеяния и питомец бесстыдства! Как может быть таким твой ответ мне перед моей стражей и воинами! Но тебя ещё до сих пор никто не проучил...»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Сто семьдесят четвёртая ночь

Когда же настала сто семьдесят четвёртая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что царь Шахраман сказал своему сыну Камар-аз-Заману: „Как может быть таким твой ответ мне перед моей стражей и воинами! Но тебя ещё до сих пор никто не проучил! Разве ты не знаешь, что если бы поступок, который совершён тобою, исходил от простолюдина из числа простых людей, Это было бы с его стороны очень гадко?“

Потом царь велел своим невольникам развязать скрученного Камар-аз-Замана и заточить его в одной из башен крепости. Тогда его взяли и отвели в древнюю башню, где была разрушенная комната, а посреди комнаты был развалившийся старый колодец. И комнату подмели и вытерли там пол и поставили в ней для Камар-аз-Замана ложе, а на ложе ему постлали матрас и коврик и положили подушку и принесли большой фонарь и свечу, так как в этой комнате было темно днём.

А затем невольники ввели Камар-аз-Замана в это помещение и у дверей комнаты поставили евнуха. И Камар-аз-Заман поднялся на ложе, с разбитым сердцем и печальной душой, и он упрекал себя и раскаивался в том, что произошло у него с отцом, когда раскаяние было ему бесполезно. «Прокляни, Аллах, брак и девушек и обманщиц женщин! – воскликнул он. – О, если бы я послушался моего отца и женился! Поступи я так, мне было бы лучше, чем в этой тюрьме».

Вот что было с Камар-аз-Заманом. Что же касается его отца, то он пребывал на престоле своего царства остаток дня, до времени заката, а затем уединился с везирем и сказал ему: «Знай, о везирь, ты был причиной всего того, что произошло между мной и моим сыном, так как ты посоветовал мне то, что посоветовал. Что же ты посоветуешь мне делать теперь?» – «О царь, – ответил ему везирь, – оставь твоего сына в тюрьме на пятнадцать дней, а потом призови его к себе и вели ему жениться: он не будет тебе больше противоречить...»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Сто семьдесят пятая ночь

Когда же настала сто семьдесят пятая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что везирь сказал царю Шахраману: „Оставь твоего сына в тюрьме на пятнадцать дней, а потом призови его к себе и вели ему жениться: он не будет тебе больше противоречить“.

И царь последовал совету везиря. Он пролежал эту ночь с сердцем, занятым мыслью о сыне, так как любил его великой любовью, ибо не было у него другого ребёнка. А к царю Шахраману всякую ночь приходил сон только тогда, когда он клал руку под голову своему сыну Камар-аз-Заману. И царь провёл эту ночь с умом расстроенным из-за сына, и он ворочался с боку на бок, точно лежал на углях дерева – гада²¹⁴, и его охватило беспокойство, и сон не брал его всю эту ночь. И глаза его пролили слезы, и он произнёс такие стихи:

«Долга надо мною ночь, а сплетники дремлют.
«Довольно тебе души, разлукой смущённой, –
Я молвил (а ночь моя ещё от забот длинней), –
Ужель не вернёшься ты, сияние утра? –

²¹⁴ Гада – кустарник из семейства тамарисковых; он растёт в песках, горит ярким огнём и даёт очень горячие угля.

И слова другого:

Как заметил я, что
Плеяд глаза сном смежаются,
И укрылся звезда Севера дремотой,
А Медведица в платье горести обнажила лик, —
Тотчас понял я, что свет утренний скончался».

Вот что было с царём Шахраманом. Что же касается Камар-аз-Замана, то когда пришла к нему ночь, евнух подал ему фонарь, зажёл для него свечу и вставил её в подсвечник, а потом он подал ему кое-чего съестного, и Камар-аз-Заман немного поел. И он принялся укорять себя за то, что был невежой по отношению к отцу, и сказал своей душе: «О душа, разве ты не знаешь, что сын Адама — заложник своего языка и что именно язык человека ввергает его в гибель?»

А потом глаза его пролили слезы, и он заплакал о том, что совершил. С болящей душой и расколовшимся сердцем он до крайности раскаивался в том, как он поступил по отношению к отцу, и произнёс:

«Знай: смерть несут юноше оплошности уст его,
Хотя не погибнет муж, оплошно ступив ногой,
Оплошность из уст его снесёт ему голову,
А если споткнётся он, — здоров будет со временем».

А когда Камар-аз-Заман кончил есть, он потребовал, чтобы ему вымыли руки, и невольник вымыл ему руки после еды, и затем Камар-аз-Заман поднялся и совершил предзакатную и ночную молитву²¹⁵ и сел...»

И Шахразату застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Сто семьдесят шестая ночь

Когда же настала сто семьдесят шестая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что Камар-аз-Заман, сын царя Шахрамана, совершил предзакатную и ночную молитву и сидел на ложе, читая Коран. Он прочёл главы „О корове“, „Семейство Имрана“, „Я-Син“, „Ар-Рахман“, „Благословенна власть“, „Чистосердечие“ и „Главы-охранительницы“ и закончил молением и возгласом: „У Аллаха ищу защиты!“

А потом он лёг на ложе, на матрас из мадинского атласа, одинаковый по обе стороны и набитый иракским шёлком, а под головой у него была подушка, набитая перьями страуса. И когда он захотел лечь, он снял верхнюю одежду и, освободившись от платья, лёг в рубаше из тонкой вощёной материи, а голова его была покрыта голубой мервской повязкой. И в тот час этой ночи Камараз-Заман стал подобен луне, когда она бывает полной в четырнадцатую ночь месяца. Потом он накрылся шёлковым плащом и заснул, и фонарь горел у него в ногах, а свеча горела над его головой, и он спал до первой трети ночи, не зная, что скрыто для него в неведомом и что ему предопределил ведающий сокровенное.

И случилось по предопределённому велению и заранее назначенной судьбе, что эта башня и эта комната были старые, покинутые в течение многих лет. И в комнате был римский колодец, где пребывала джинния, которая жила в нем. А звали её Маймуна, и была

²¹⁵ Мусульмане молятся пять раз в сутки: между рассветом и восходом солнца, в полдень, перед закатом солнца, между закатом солнца и наступлением сумерек и после наступления темноты.

она из потомства Иблиса проклятого и дочерью Димирьята, одного из знаменитых царей джиннов...»

И Шахразаду застигло утро, в она прекратила дозволенные речи.

Сто семьдесят седьмая ночь

Когда же настала сто семьдесят седьмая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что эту джиннию звали Маймуна, и была она дочерью Димирьята, одного из знаменитых царей²¹⁶ джиннов.

И когда Камар-аз-Заман проспал до первой трети ночи, эта ифритка поднялась из римского колодца и направилась к небу, чтобы украдкой подслушивать²¹⁷, и, оказавшись на верху колодца, она увидела свет, который горел в башне, в противность обычаю. А ифритка эта жила в том месте долгий срок лет, и она сказала про себя: «Я ничего такого здесь раньше не видела», – и, увидев свет, она изумилась до крайности, и ей пришло на ум, что этому обстоятельству непременно должна быть причина.

И она направилась в сторону этого света и, увидев, что он исходит из комнаты, подошла к ней и увидела евнуха, который спал у дверей комнаты. А войдя в комнату, она нашла там поставленное ложе и на нем спящего человека, и свеча горела у него в головах, а фонарь горел у его ног. И ифритка Маймуна подивилась этому Свету и мало-помалу подошла к нему и, опустив крылья, встала у ложа.

Она сняла плащ с лица Камар-аз-Замана и взглянула на него и некоторое время стояла, ошеломлённая его красотой и прелестью, и оказалось, что сияние его лица сильнее света свечи, и лицо его мерцало светом, и глаза его, во сне, стали как глаза газели, и зрачки его почернели и щеки зарделись и веки расслабили, а брови изогнулись, как лук, и повеяло от него благовонным мускусом, как сказал о нем поэт:

Я лобзал его, и чернели томно зрачки его,
Искусители, и щека его алела.
О душа, коль скажут хулители, что красе его
Есть подобие, так скажи ты им: «Подайте!»

И когда ифритка Маймуна, дочь Димирьята, увидела его, она прославила Аллаха и воскликнула: «Благословен Аллах, лучший из творцов!» (А эта ифритка была из правоверных джиннов.) Она продолжала некоторое время смотреть в лицо Камар-аз-Замана, восклицая: «Нет бога, кроме Аллаха!» – и завидуя юноше, завидуя его красоте и прелести, и потом сказала про себя: «Клянусь Аллахом, я не буду ему вредить и никому не дам его обидеть и выкуплю его от всякого зла! Поистине, это красивое лицо достойно лишь того, чтобы на него смотрели и прославляли за него Аллаха. Но как могло случиться, что родные положили его в это разрушенное место; если бы к нему сейчас явился кто-нибудь из наших маринов, он наверное погубил бы „его“.

Потом ифритка склонилась над Камар-аз-Заманом и поцеловала его между глаз, а после этого она опустила плащ ему на лицо и, накрыв его, распахнула крылья и полетела в сторону неба. Она вылетела из-под сводов той комнаты и продолжала лететь по воздуху, поднимаясь ввысь, пока не приблизилась к нижнему небу²¹⁸. И вдруг она услышала хлопанье крыльев в

²¹⁶ Джинны, ифриты, марины – в арабском фольклоре добрые или злые духи.

²¹⁷ По арабскому поверью, джинны иногда взлетают к небу, чтобы тайком подслушать разговоры ангелов и узнать будущее людей.

²¹⁸ По народному поверью, отразившемуся в Коране, землю осеняют семь небес, лежащих одно над другим.

воздухе и направилась на этот шум. И когда она приблизилась, то оказалось, что Это ифрит, которого звали Дахнаш, и Маймуна низверглась на него, как низвергается ястреб.

И когда Дахнаш почуял её и узнал, что это Маймуна, дочь царя джиннов, он испугался, и у него затряслись поджилки. И он попросил у неё защиты и сказал ей: «Заклинаю тебя величайшим, благороднейшим именем, и вышним талисманом, что вырезан на перстне Сулеймана²¹⁹, будь со мною мягкой и не вреди мне!»

И Маймуна услышала от Дахнаша эти слова, и сердце её сжалилось над ним, и она сказала: «Ты заклинаешь меня, о проклятый, великою клятвой, но я не отпущу тебя, пока ты не расскажешь, откуда ты сейчас прилетел».

«О госпожа, – ответил ифрит, – знай, что прилетел я из крайних городов Китая и с внутренних островов. Я расскажу тебе о диковине, которую я видел в эту ночь, и если ты найдёшь, что мои слова – правда, позволь мне лететь своей дорогой и напиши мне твоей рукой свидетельство, что я твой вольноотпущенник, чтобы мне не причинил зла никто из племени джиннов – летающих, вышних, нижних или ныряющих».

И Маймуна спросила его: «Что же ты видел этой ночью, о лжец, о проклятый? Рассказывай и не лги мне, желая спастись от меня своей ложью. Клянусь надписью, вырезанной в гнезде перстня Сулеймана ибн Дауда, – мир с ними обоими! – если твои слова не будут правдивы, я вырву тебе перья своей рукой, порву твою кожу и переломая тебе кости!» И ифрит Дахнаш, сын Шамхураша крылатого, ответил ей; «Я согласен, о госпожа, на это условие...»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Сто семьдесят восьмая ночь

Когда же настала сто семьдесят восьмая ночь, она сказала: «Дошло меня, о счастливый царь, что Дахнаш ответил Маймуне: «Я согласен, о госпожа, на это условие, – а потом он сказал: – Знай, о госпожа, что этой ночью я улетел с внутренних островов в землях китайских (а это земля царя аль-Гайюра, владыки островов и земель и семи дворцов). И у этого Варя я видел дочку, лучше которой не сотворил Аллах в её время. Я не могу тебе описать её, так как мой язык не имеет сил, чтобы её описать как должно, но я упомяну о некоторых её качествах приблизительно. Её волосы – как ночь разлуки и расставанья, а лицо её – точно дни единенья, и отлично описал её тот, кто сказал:

Распустила три она локона из волос своих Ночью тёмною и четыре ночи явила нам, И к луне на небе лицом она обратилась, И явила мне две луны она одновременно.

И нос её – как острие полированного меча, а щеки – точно алое вино. Её щеки похожи на анемон, и губы её – точно кораллы или сердолик, её слюна желаннее вина, и вкус её погасит мучительный огонь. Её языком движет великий разум и всегда готовый ответ, и грудь её – искушение для тех, кто её видит. Слава же тому, кто её сотворил и соразмерил!

И две руки её круглые и гладкие, как сказал о ней поэт, охваченный любовью:

И кисти, которые, браслетов не будь на них,
Текли бы из рукавов, как быстрый ручей течёт.

«Земель» существует также семь: та земля, на которой мы обитаем, – высшая и находится ближе прочих к «нижнему небу».

²¹⁹ Сулейман ибн Дауд (Соломон, сын Давидов) – один из любимых героев мусульманской повествовательной литературы. На перстне Сулеймана, по преданию, было вырезано так называемое величайшее из девяноста девяти имён Аллаха, знание которого будто бы давало ему власть над джиннами, птицами и ветрами.

А груди её точно две шкатулки из слоновой кости, сиянье которых заимствуют луна и солнце. И живот у неё в свёрнутых складках, как складки египетских материи, расшитых парчой, и складки эти подобны бумажным свиткам. И доходит это все до тонкого стана, подобного призраку воображения, а он покоится на бёдрах, похожих на кучи песку, и сажают они её, когда она хочет встать, я пробуждают её, когда она хочет спать, как сказал поэт (и хорошо сказал):

И бедра её ко слабому прикрепились,
А бедра ведь те и к ней и ко мне жестоки.
Как вспомню я их, меня поднимут они тотчас,
Её же они, коль встанет она, посадят.

И этот таз обременяет две ляжки, округлённые и гладкие, а икры её – точно столбы из жемчуга, и все это носят ноги, тонкие и заострённые, как острие копья, – творение заботливого, судящего. И подивился я их малым размерам: как могут они носить то, что над ними? И я был краток в описании и кончаю его, боясь затянуть...»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Сто семьдесят девятая ночь

Когда же настала сто семьдесят девятая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что ифрит Дахнаш ибн Шамхураш говорил ифритке Маймуне: „И я был краток в описании её, боясь его затянуть“.

И, услышав описание этой девушки и её красоты и прелести, Маймуна изумилась, а Дахнаш сказал ей: «Поистине, отец этой девушки могучий царь, витязь нападающий, погружающийся в шум битв и ночью и днём. И не страшится он смерти и не боится кончины, ибо он жестокий несправедливец и мрачный видом покровитель.

Он обладает войсками и отрядами, областями, островами, городами и домами, и зовут его царь аль-Гайюр, владыка островов, морей и семи дворцов. И любил он свою дочь, ту девушку, которую я описал тебе, сильной любовью. Из-за своей любви к ней он свёз к себе богатства всех царей и построил ей семь дворцов – каждый дворец особого рода: первый дворец – из хрусталя, второй – из мрамора, третий – из китайского железа, четвёртый дворец – из руд и драгоценных камней, пятый – из глины, разноцветных агатов и алмазов, шестой дворец – из серебра и седьмой – из золота.

И он наполнил эти семь дворцов разнообразными, роскошными коврами из шелка, золотыми и серебряными сосудами и всякой утварью, которая нужна царям. И он приказал своей дочери жить в каждом из этих дворцов часть года, а затем переезжать в другой дворец. А имя её – царевна Будур²²⁰.

И когда красота царевны сделалась знаменита и молва о ней распространилась по странам, все цари стали посылать к её отцу, сватая у него девушку. И отец советовался с нею и склонял её к замужеству, но разговоры о замужестве были ей отвратительны. И она говорила своему отцу: «О батюшка, нет у меня никакой охоты выходить замуж. Я госпожа, правительница и царица, и правлю людьми и не хочу мужчины, который будет править мною».

И всякий раз, как она отказывалась выйти замуж, желание сватавшихся все увеличивалось. И тогда все цари внутренних островов Китая принялись посылать её отцу подарки и редкости и писать ему относительно брака с нею. И отец много раз советовал ей выйти замуж, но девушка прекословила ему и была с ним дерзка, и разгневалась на него и

²²⁰ Будур (множественное число от «бедра») – «полные луны».

сказала: «О батюшка, если ты ещё раз заговоришь со мной о замужестве, я пойду в комнату, возьму меч и воткну его рукояткой в землю, а острие я приложу к животу и обопрюсь на него, так что оно выйдет из моей спины, и убью себя».

И когда отец услышал от дочери эти слова, свет стал мраком пред лицом его, и сердце его загорелось из-за дочери великим огнём. Он испугался, что она убьёт себя, и не знал, как быть с нею и с царями, которые к ней посватались.

«Если уж тебе никак не выйти замуж, воздержись от того, чтобы входить и выходить», – сказал он ей, и затем ввёл её в комнату, заточил её там и приставил, чтобы сторожить её, десять старух управительниц. Он запретил ей появляться в тех семи дворцах и сделал вид, что гневен на неё, а ко всем царям он отправил письма и известил их, что разум девушки поражён бесноватостью. И сейчас год, как она в заточении».

А потом ифрит Дахнаш сказал ифритке Маймуне: «Я отправляюсь к ней каждую ночь, о госпожа, и смотрю на неё и наслаждаюсь её лицом, и целую её, спящую, меж глаз. Из за любви к ней я не причиняю ей вреда или обид и не сажусь на неё, так как её юность прекрасна и прелесть её редкостна и каждый, кто увидит её, приревнует к самому себе. Заклинаю тебя, о госпожа, воротись со мною и посмотри на её красоту, прелесть и стройность, и соразмерность, а после этого, если захочешь меня наказать и взять в плен, сделай это: ведь и приказ и запрет принадлежит тебе».

И ифрит Дахнаш поник головой и опустил крылья к земле, а ифритка Маймуна, посмеявшись над его словами и плюнув ему в лицо, сказала: «Что такое эта девушка, про которую ты говоришь? Она только черепок, чтобы мочиться! Фу! Фу! Клянусь Аллахом, я думала, что у тебя диковинное дело или удивительная история, о проклятый! А как же было бы, если бы ты увидел моего возлюбленного! Я сегодня ночью видела такого человека, что, если бы ты его увидел хоть во сне, ты бы наверное стал расслабленным и у тебя потекли бы слюни». – «А что за история с этим юношей?» – спросил её Дахнаш.

И Маймуна сказала: «Знай, о Дахнаш, что с этим юношей случилось то же, что случилось с твоей возлюбленной, о которой ты говорил: его отец много раз приказывал ему жениться, а он отказывался, и когда он не послушался отца, тот рассердился и заточил его в башне, где я живу. И сегодня ночью я поднялась и увидела его». – «О госпожа, – сказал Дахнаш, – покажи мне Этого юношу, чтобы я посмотрел, красивей ли он, чем моя возлюбленная, царевна Будур, или нет. Я не думаю, что найдётся в теперешнее время подобный моей возлюбленной». – «Ты лжёшь, о проклятый, о сквернейший из маридов и презреннейший из чертей! – воскликнула ифритка. – Я уверена, что не найдётся подобного моему возлюбленному в этих землях...»

И Шахразад устала, и она прекратила дозволенные речи.

Ночь, дополняющая до ста восьмидесяти

Когда же настала ночь, дополняющая до ста восьмидесяти, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что ифритка Маймуна сказала ифриту Дахнашу: „Я уверена, что не найдётся подобного моему возлюбленному в этих землях. Сумасшедший ты, что ли, что сравниваешь свою возлюбленную с моим возлюбленным?“ – „Заклинаю тебя Аллахом, госпожа, полети со мной и посмотри на мою возлюбленную, а я вернусь с тобою и посмотрю на твоего возлюбленного“, – сказал ей Дахнаш.

И Маймуна воскликнула: «Обязательно, о проклятый, ты ведь коварный черт! Но я полечу с тобой и ты полетишь со мной только с каким-нибудь залогом и с условием, что, если твоя возлюбленная, которую ты любишь и превозносишь сверх меры, окажется лучше моего возлюбленного, о котором я говорила и которого я люблю и превозношу, – этот залог будет тебе против меня. Но если окажется лучше мой возлюбленный, – залог будет мне против тебя».

«О госпожа, – отвечал ей ифрит Дахнаш, – я принимаю от тебя это условие и согласен

на него. Отправимся со мною на острова». – «Нет! Место, где мой возлюбленный, ближе, чем место твоей возлюбленной, – сказала Маймуна. – Вот он, под нами. Спустишься со мною, чтобы посмотреть на моего возлюбленного, а потом мы отправимся к твоей возлюбленной».

И Дахнаш сказал: «Внимание и повиновение!» – а затем они спустились вниз и сошли в круглое помещение, которое было в башне. И Маймуна остановила Дахнаша возле ложа и, протянув руку, подняла шёлковое покрывало с лица Камар-аз-Замана, сына царя Шахрамана, и лицо его заблестало, засверкало, засветилось и засияло. И Маймуна взглянула на него и в тот же час и минуту обернулась к Дахнашу и воскликнула: «Смотри, о проклятый, и не будь безобразнейшим из безумцев! Мы – женщины, и он для нас искушение».²²¹ И Дахнаш посмотрел на юношу и некоторое время его разглядывал, а потом он покачал головой и сказал Маймуне: «Клянусь Аллахом, госпожа, тебе простительно, но против тебя остаётся ещё нечто другое: положение женщины не таково, как положение мужчины. Клянусь Аллахом, поистине твой возлюбленный более всех тварей сходен с моей возлюбленной по красоте и прелести, блеску и совершенству, и оба они как будто вместе вылиты в форме красоты».

И когда Маймуна услышала от Дахнаша эти слова, свет стал мраком пред лицом её, и она ударила его крылом по голове крепким ударом, который едва не порешил его, так он был силен. А затем она воскликнула: «Клянусь светом лика его величия, ты сейчас же отправишься, о проклятый, и возьмёшь твою возлюбленную, которую ты любишь, и быстро принесёшь её в это место, чтобы мы свели их обоих и посмотрели бы на них, когда они будут спать вместе, близко друг от друга. И тогда нам станет ясно, который из них красивее и прекраснее другого. А если ты, о проклятый, сейчас же не сделаешь того, что я тебе приказываю, я сожгу тебя моим огнём, и закидаю тебя искрами, и разорву тебя на куски, и разбросаю в пустынях, и сделаю тебя назиданием для оседлого и путешествующего». – «О госпожа, – сказал Дахнаш, – я обязан сделать это для тебя, но я знаю, что моя возлюбленная красивее и усладительнее».

После этого ифрит Дахнаш полетел, в тот же час и минуту, и Маймуна полетела с ним, чтобы стеречь его, и они скрылись на некоторое время, а потом оба прилетели, неся ту девушку.

А на ней была венецианская рубашка, тонкая, с двумя Золотыми каёмками, и была она украшена диковинными вышивками, а по краям рукавов были написаны такие стихи:

Три вещи мешают ей прийти посетить наш дом
(Страшны соглядатаи и злые завистники):
Сиянье чела её, и звон драгоценностей,
И амбры прекрасный дух, что в складках сокрыт её.
Пусть скроет чело совсем она рукавом своим
И снимет уборы все, но как же ей с потом быть?

И Дахнаш с Маймуном до тех пор несли эту девушку, пока не опустили её и не положили рядом с юношей Камар-аз-Заманом...»

И Шахразадку застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Сто восемьдесят первая ночь

Когда же настала сто восемьдесят первая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что ифрит Дахнаш и ифритка Маймуна до тех пор несли царевну Будур,

²²¹ Эту фразу, вероятно, следует понимать в том смысле, что при одинаковой красоте женщина кажется лучше, чем мужчина.

пока не опустились и не положили её рядом с юношей Камар-аз-Заманом на ложе. И они открыли их лица, и оба более всех людей походили друг на друга, и были они словно двойники или несравненные брат и сестра, и служили искушением для богобоязненных, как сказал о них ясно говорящий поэт:

О сердце, одного красавца не любя,
Теряя разум в ласках и мольбах пред ним;
Полюби красавцев ты всех зараз – и увидишь ты:
Коль уйдёт один, так другой придёт тотчас к тебе.

А другой сказал:

Глаза мои видели, что двое лежат в пыли,
Хотел бы я, чтоб они на веки легли мои.

И Дахнаш с Маймуном стали смотреть на них, и Дахнаш воскликнул: «Клянусь Аллахом, хорошо, о госпожа! Моя любимая красивей!» – «Нет, мой возлюбленный красивей!» – сказала Маймуна. – Горе тебе, Дахнаш, ты слеп глазами и сердцем и не отличаешь тощего от жирного. Разве сокроется истина? Не видишь ты, как он красив и прелестен, строен и соразмерен? Горе тебе, послушай, что я скажу о моем возлюбленном, и если ты искренно любишь ту, в кого ты влюблён, скажи про неё то, что я скажу о моем любимом».

И Маймуна поцеловала Камар-аз-Замана меж глаз многими поцелуями и произнесла такую касыду²²².

«Что за дело мне до хулителя, что бранит тебя?
Как утешиться, когда ветка ты, вечно гибкая?
Насурьмлён твой глаз, колдовство своё навевает он,
И любви узритской²²³ исхода нет, когда смотрит он.
Как турчанки очи: творят они с сердцем раненым
Даже большее, чем отточенный и блестящий меч.
Бремя тяжкое на меня взвалила любви она,
Но, поистине, чтоб носить рубаху, я слишком слаб.
Моя страсть к тебе, как и знаешь ты, и любовь к тебе
В меня вложена, а любовь к другому – притворство лишь,
Но имей я сердце такое же, как твоя душа,
Я бы не был тонок и худ теперь, как твой гибкий стан,
О луна небес! Всею прелестью и красой её
В описаниях наградить должно средь других людей.
Все хулители говорили мне: «Кто такая та,
О ком плачешь ты?» – и ответил я: «Опишите!» – им.
О жестокость сердца, ты мягкости от боков её
Научиться можешь, и, может быть, станешь мягче ты»
О эмир, суров красоты надсмотрщик – глаза твои,
И привратник-бровь справедливости не желает знать.
Лгут сказавшие, что красоты все Юсуф²²⁴ взял себе –

²²² Касыда – длинное поэтическое произведение торжественного или лирического характера, хвалебная ода.

²²³ Узритам – людям из племени Бену-Узра – легенды приписывают особую верность и чистоту в любви.

²²⁴ Юсуф – арабское имя Иосифа Прекрасного, упомянутого в библии.

Сколько Юсуфов в красоте твоей заключается!
Я для джиннов страшен, коль встречу их, но когда с тобой
Повстречаюсь я, то трепещет сердце и страшно мне»
И стараюсь я от тебя уйти, опасаясь глаз
Соглядатаев, но доколе мне принуждать себя?
Черны локоны и чело его красотой блестит,
И прекрасны очи, и стан его прям и гибок так».

И, услышав стихи Маймуны о её возлюбленном, Дахнаш пришёл в великий восторг и до крайности удивился...»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Сто восемьдесят вторая ночь

Когда же настала сто восемьдесят вторая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что когда ифрит Дахнаш услышал стихи Маймуны, он затрясся от великого восторга и воскликнул: „Поистине, ты хорошо сказала о том, кого ты любишь и прекрасно описала его, и я тоже обязательно не пожалею стараний и, как могу, скажу что-нибудь о моей возлюбленной“.

Потом Дахнаш подошёл к девушке Будур, поцеловал её меж глаз и, посмотрев на Маймуну и на Будур, свою возлюбленную, произнёс такую касыду (а он сам себя не сознавал):

«За любовь к прекрасной хулят меня и бранят они –
Ошибаются, по неведению ошибаются!
Подари сближение влюблённому! Ведь поистине,
Если вкусит он расставание, так погибнет он.
Поражён слезами, влюбившись, я, и силён их ток,
И как будто кровь из-под век моих изливается.
Не дивись тому, что испытывал я в любви своей,
Но дивись тому, что был узан я, когда скрылись вы.
Да лишусь любви я, коль скверное я задумаю!
Пусть любовь наскучит, иль будет сердце неискренно! –

И ещё слова поэта:

Опустел их стан и жилища их в долине,
И повержен я, и элодей мой удалился.
Я пьян вином любви моей, и пляшет
В глазах слеза под песнь вожака верблюдов.
Я стремлюсь к счастью и близости, и уверен я,
Что блаженство я лишь в Будур найду счастливой.
Не знаю я, на что из трех стану сетовать,
Перечислю я, вот послушай, я считаю:
На глаза её меченосные иль на стаи её,
Что копьё несёт, иль кудрей её кольчугу.
Она молвила (а я спрашивал о ней всякого,
Кого встречу я из кочевых и оседлых):
«Я в душе твоей, так направь же взор в её сторону

И найдёшь меня», – и ответил я: «Где дух мой?»

Услышав от Дахнаша эти стихи, Маймуна сказала: «Отлично, о Дахнаш, но кто из этих двух лучше?» – «Моя возлюбленная Будур лучше, чем твой возлюбленный», – ответил Дахнаш. И Маймуна воскликнула: «Ты лжёшь, проклятый! Нет, мой возлюбленный лучше, чем твоя возлюбленная!» – «Моя возлюбленная лучше», – сказал Дахнаш. И они до тех пор возражали друг другу словами, пока Маймуна не закричала на Дахнаша и не захотела броситься на него.

И Дахнаш смирился перед нею и смягчил свои речи и сказал: «Пусть не будет тяжела для тебя истина! Прекратим твои и мои речи: каждый из нас свидетельствует, что его возлюбленный лучше, и оба мы отворачиваемся от слов другого. Нам нужен кто-нибудь, кто установит между нами решение, и мы положимся на то, что он скажет». – «Я согласна на это», – сказала Маймуна.

А затем она ударила рукой об землю, и оттуда появился ифрит – кривой, горбатый и шелудивый, с глазами, прорезанными на лице вдоль, а на голове у него было семь рогов и четыре пряди волос, которые спускались до пяток. Его руки были как вилы, ноги как мачты, и у него были ногти как когти льва и копыта как у дикого осла. И когда этот ифрит появился и увидел Маймуну, он поцеловал перед ней землю, а потом встал, заложив руки за спину, и спросил: «Что тебе нужно, о госпожа, о дочь царя?» – «О Кашкаш, – сказала она, – я хочу, чтобы ты рассудил меня с этим проклятым Дахнашем».

И затем она рассказала ему всю историю, с начала до конца, и тогда ифрит Кашкаш посмотрел на лицо этого юноши и на лицо той девушки и увидел, что они спят обнявшись и каждый из них положил руку под шею другого, и они сходны по красоте и одинаковы в прелести. И марида Кашкаш посмотрел на них и подивился их красоте и прелести, и, продлив свои взгляды на юношу и девушку, обернулся к Маймуне и произнёс такие стихи:

«Посещай любимых, и пусть бранят завистники –
Ведь против страсти помочь не может завистливый,
И Аллах не создал прекраснее в мире зрелища,
Чем влюблённые, что в одной постели лежат вдвоём.
Обнялись они, и покров согласия объёмлет их,
А подушку им заменяют плечи и кисти рун»
И когда сердца заключат с любовью союз навек –
По холодному люди бьют железу, узнай, тогда,
И когда дружит хоть один с тобой, он прекрасный друг:
Проводи же жизнь ты с подобным другом и счастлив будь.
О хулящие за любовь влюблённых, возможно ли
Исправление тех, у кого душа испорчена?
О владыка мой, милосердый бог, дай нам свидеться
Перед кончиною хоть на день один, на единственный!»

Потом ифрит Кашкаш обратился к Маймуне и Дахнашу и сказал им: «Клянусь Аллахом, если вы хотите истины, то я скажу, что оба они равны по красоте, прелести, блеску и совершенству, и отличить их можно только по полу – мужскому и женскому. Но у меня есть другой способ: разбудим одного из них так, чтобы другой не знал, и тот, кто загорится любовью к своему соседу, будет ниже его по красоте и прелести». – «Это мнение правильное!» – воскликнула Маймуна, а Дахнаш сказал:

«Я согласен на это!»

И тогда Дахнаш принял образ блохи и укусил Камар-аз-Замана, и тот вскочил со сна, испуганный...»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Сто восемьдесят третья ночь

Когда же настала сто восемьдесят третья ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что Дахнаш принял образ блохи и укусил Камар-аз-Захана, и тот вскочил со сна испуганный и стал драть ногтями укушенное место на шее, – так сильно оно горело. Он повернулся на бок и увидел, что кто-то лежит с ним рядом, и дыхание его ароматнее благоухающего мускуса, а тело его мягче масла, и изумился Этому до пределов изумления.

И, поднявшись, он сел прямо и взглянул на то существо, которое лежало с ним рядом, и оказалось, что это девушка, точно бесподобная жемчужина или воздвигнутый купол, со станом как буква алиф²²⁵, высокая ростом и выдающейся грудью и румяными щеками, как сказал про неё поэт:

Четыре здесь для того только собраны,
Чтоб сердце моё изранить и кровь пролить
Свет лба её и мрак ночи кудрей её,
И розы щёк, и сиянье улыбки уст,

А вот слова другого:

Являет луну и гнётся она, как ива,
Газелью глядит, а дышит как будто амброй.
И будто горе любит моё сердце
И в час разлуки с ним соединится.

И Камар-аз-Заман увидел Ситт Будур, дочь царя альГайюра, и увидел её красоту и прелесть, когда она спала рядом с ним, и увидел на ней венецианскую рубашку (а девушка была без шальвар) и на голове её – платок, обшитый золотой каймой и униженный дорогими камнями, а в ушах её – пару колец, светивших как звезды, и на шее – ожерелье из бесподобных жемчужин, которых не может иметь ни один царь. И он посмотрел на неё глазами, и ум его был ошеломлён.

И зашевелился в нем природный жар, и Аллах послал на него охоту к соитию, и юноша воскликнул про себя: «Что захотел Аллах, то будет, а чего не хочет он, того не будет!» А потом он протянул руку к девушке и, повернув её, распустил ворот её рубахи, и явилось ему её тело, и он увидел её груди, подобные двум шкатулкам из слоновой кости, и любовь его к ней ещё увеличилась, и он почувствовал к ней великое желание.

И Камар-аз-Заман начал будить девушку, но она не просыпалась, так как Дахнаш отяжелил её сон. И тогда Камар-аз-Заман принялся трясти её и шевелить, говоря: «О любимая, проснись и посмотри, кто я, – я Камар-азЗаман!» Но девушка не пробудилась и не шевельнула головой.

И тогда Камар-аз-Заман подумал о ней некоторое время и сказал про себя: «Если моё спасенье правильно, то это та девушка, на которой мой родитель хочет меня женить, а прошло уже три года, как я отказываюсь от этого. Если хочет этого Аллах, когда придёт утро, я скажу отцу: „Жени меня на ней, чтобы я ею наслаждался, и все тут...“

И Шахразду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Сто восемьдесят четвёртая ночь

²²⁵ Алиф – первая буква арабского алфавита – изображается в виде вертикальной черты.

Когда же настала сто восемьдесят четвёртая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что Камар-аз-Заман сказал про себя: „Клянусь Аллахом, я утром скажу отцу: „Жени меня на ней, чтобы я наслаждался!“ – и не дам пройти половине дня, как уже достигну с ней близости и буду наслаждаться её прелестью и красотой“».

Потом Камар-аз-Заман наклонился к Будур, чтобы поцеловать её. И джинния Маймуна задрожала и смутилась, а ифрит Дахнаш, – тот взлетел от радости. Но затем Камар-аз-Заман, когда ему захотелось поцеловать девушку в рот, устыдился Аллаха великого и, повернув голову, отвратил от неё лицо и сказал своему сердцу: «Терпи!»

И он подумал про себя и сказал: «Я подожду, чтобы не оказалось, что мой отец, когда разгневался на меня я заточил меня в этом месте, привёл ко мне эту девушку и велел ей спать со мной рядом, желая испытать меня ею. Он, может быть, научил её, чтобы, когда я стану её будить, она не спешила проснуться, и сказал ей: „Что бы ни сделал с тобой Камар-аз-Заман, – расскажи мне“».

Или мой отец стоит где-нибудь, спрятавшись, чтобы смотреть на меня, когда я его не вижу, и видит все, что я делаю с этой девушкой, а утром он будет меня бранить и скажет мне: «Как ты говоришь: „Нет мне охоты жениться!“ – а сам целовал эту девушку и обнимал её?» Я удержу свою душу, чтобы не раскрылось моё сердце отцу, и правильно будет мне не касаться сейчас этой девушки и не смотреть на неё. Но только я возьму у неё что-нибудь, что будет у меня залогом и воспоминанием о ней, чтобы между нами остался какой-нибудь знак».

Потом Камар-аз-Заман поднял руку девушки и снял с её маленького пальца перстень, который стоил много денег, так как камень его был из великих драгоценностей, и вокруг него были вырезаны такие стихи:

Не подумайте, что забыть я мог обещании;
Сколько времени вы бы ни были в отдалении
Господа мои, будьте щедрыми, будьте кроткими;
Целовать смогу я уста, быть может, и щеки вам.
Но клянусь Аллахом, уйти от вас не моту уж я,
Даже если бы перешли предел вы любви моей.

Потом Камар-аз-Заман снял этот перстень с маленького пальца царевны Будур и надел его на свой маленький палец, а затем он повернул к девушке спину и заснул.

И, увидя это, джинния Маймуна обрадовалась и сказала Дахнашу и Кашкашу: «Видели ли вы, какую мой возлюбленный Камар-аз-Заман проявил воздержанность с этой девушкой? Вот как совершенны его достоинства! Посмотри, как он взглянул на эту девушку с её красотой и прелестью – и не поцеловал её и не обнял и не протянул к ней руки, – напротив, он повернул к ней спину и заснул». – «Да, мы видели, какое он проявил совершенство», – сказали они.

Тогда Маймуна превратилась в блоху и, проникнув в одежды Будур, возлюбленной Дахнаша, прошла по её ноге, дошла до бедра и, пройдя под пупком расстояние в четыре кирата²²⁶, укусила девушку.

И та открыла глаза и, выпрямившись, села прямо и увидела юношу, который спал рядом с ней и храпел во сне, и был он из лучших созданий Аллаха великого, и глаза его смущали прекрасных гурий, а слюна его была сладка на вкус и полезнее терьяка²²⁷. Рот сто

²²⁶ Слово «кират» (взято арабами с греческого) первоначально означало зёрнышко рожкового дерева. Как мера поверхности, «четыре кирата» равны площади, покрытой четырьмя зёрнышками.

²²⁷ Терьяк (собственно: противоядие) – обычное в Египте название опиума.

походил на печать Судеймана²²⁸, его уста были цветом как коралл, и щеки подобны цветам анемона, как сказал кто-то в таких стихах:

Утешился я, забыв Навар или Зейнаб
Для мирты пушка его вод розой ланиты;
Люблю газеленка я, одетого в курточку,
И нет уж любви во мне для тех, кто в браслетах.
Мой друг и в собраниях и в уединении
Не тот, что дружит со мной в домашнем покое.
Хулящий за то, что я и Зейнаб в Хинд забыл, –
Блестит, как заря в пути, моя невиновность.
Согласен ли ты, чтоб в плен повал я ко пленнице,
Живущей, как в крепости, за прочной стеною.

И когда царица Будур увидела Камар-аз-Замана, её охватили безумие, любовь и страсть.»

И Шахразад застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Сто восемьдесят пятая ночь

Когда же настала сто восемьдесят пятая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что когда царица Будур увидела Камар-аз-Замана, её охватили безумие, любовь и страсть, и она воскликнула про себя: „О позор мне: этот юноша – чужой, и я его не знаю! Почему он лежит рядом со мною на одной постели?“»

Потом она взглянула на него второй раз и всмотрелась в его красоту и прелесть и воскликнула: «Клянусь Аллахом, это красивый юноша, и моя печень едва не разрывается от любви к нему! О, позор мой с ним! Клянусь Аллахом, если бы я знала, что это тот юноша, который сватал меня у отца, я бы его не отвергла, но вышла бы за него замуж и насладилась бы его прелестью». И она посмотрела ему в лицо и сказала: «О господин мой, о свет моего глаза, пробудись от сна и воспользуйся моей красотой и прелестью!»

И потом она пошевелила его руку, но джинния Маймуна опустила над ним крылья и сделала сон его непробудным, и Камар-аз-Заман не проснулся. А царица Будур принялась его трясти, говоря ему; «Заклинаю тебя жизнью, послушайся меня, пробудись от сна и взгляни на нарцисс и на зелень. Насладись моим животом и пупком, играй со мной и дразни меня от этой минуты до утра. Заклинаю тебя Аллахом, встань, господин, обопрись на подушку и не спи!»

Но Камар-аз-Заман не дал ей ответа, а, напротив, захрапел во сне, и девушка воскликнула: «Ой, ой, ты гордишься своей красотой, прелестью, изяществом и нежностью, но как ты красив, так и я тоже красива! Что же ты делаешь? Разве они тебя научили от меня отворачиваться, или мой отец, скверный старик, тебя научил и не позволил тебе и взял с тебя клятву, что ты не заговоришь со мной сегодня ночью?»

Но Камар-аз-Заман не раскрыл рта и не проснулся, и девушка ещё больше его полюбила, и Аллах вдохнул в её сердце любовь к Камар-аз-Заману. Она посмотрела на него взглядом, оставившим в ней тысячу вздохов, и сердце её Забилось, и внутри неё все затрепетало, и члены её задрожали. И она сказала Камар-аз-Заману: «Скажи мне что-нибудь, о мой любимый, поговори со мной, о возлюбленный, ответь мне и скажи, как тебя зовут. Ты похитил мой разум!»

Но при всем этом Камар-аз-Заман был погружён в сон и не отвечал ей ни слова, и

²²⁸ Соломонова печать – растение из семейства лилейных, с цветком которого сравниваются уста юноши.

царевна Будур вздохнула и сказала: «Ой, ой, как ты чванишься!»

А потом она стала его трясти и повернула его руку и увидела свой перстень на его маленьком пальце, и тогда она издала крик, сопровождая его ужимками, и воскликнула: «Ах, ах! Клянусь Аллахом, ты мой возлюбленный и любишь меня. И похоже, что ты отворачиваешься от меня из чванства, хотя ты, мой любимый, пришёл ко мне, когда я спала (и я не знаю, что ты со мной делал), и взял мой перстень, но я не сниму моего перстня с твоего пальца!»

И она распахнула ворот его рубашки и, склонившись к нему, поцеловала его, а затем она протянула к нему руку, чтобы поискать и посмотреть, нет ли на нем чего-нибудь, что она могла бы взять. Но она ничего не нашла и опустила руку ему на грудь, и рука её скользнула к животу, так мягко было его тело, а потом она опустила руку к пупку и попала на его срамоту. И сердце девушки расколосось, и душа её затрепетала, и поднялась в ней страсть, так как страсть женщин сильнее, чем страсть мужчин, и девушка смутилась.

А потом она сняла перстень Камар-аз-Замана с его пальца и надела его себе на палец вместо своего перстня, и поцеловала Камар-аз-Замана в уста, и поцеловала ему руки, и не оставила на нем места, которого бы не поцеловала. И после этого она придвинулась к нему и взяла его в объятия и обняла его и положила одну руку ему под шею, а другую под мышку и, обняв его, заснула с ним рядом...»

И Шахразад застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Сто шестая ночь

Когда же настала сто восемьдесят шестая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что когда Будур заснула рядом с Камар-аз-Заманом и с нею было то, что было, Маймуна сказала Дахнашу: „Видел ты, о проклятый, какое проявил мой возлюбленный высокомерие и гордость и что делала твоя возлюбленная из любви к моему возлюбленному? Нет сомнения, что мой возлюбленный лучше твоей возлюбленной, но все-таки я тебя прощаю“.

Потом она написала ему свидетельство, что отпустила его, и, обернувшись к Кашкашу, сказала: «Подойди вместе с Дахнашем, подними его возлюбленную и помоги ему снести её на место, так как ночь прошла и от неё осталось лишь немного». – «Слушаю и повинуюсь!» – сказал Кашкаш. И затем Кашкаш с Дахнашем подошли к царевне Будур и, зайдя под неё, поднялись и улетели с нею, и принесли её на место и уложили на постель. А Маймуна осталась одна и смотрела на Камар-аз-Замана, который спал, пока от ночи не осталось только немного, я потом она удалилась своим путём.

А когда показалась заря, Камар-аз-Заман пробудился от сна и повернулся направо и налево, но не нашёл около себя девушки. «Что это такое? – сказал он себе. – Похоже, что мой отец соблазнял меня жениться на той девушке, которая была подле меня, а после тайком взял её от меня, чтобы увеличилось моё желание жениться». И он кликнул евнуха, который спал у дверей, и сказал ему: «Горе тебе, проклятый, поднимайся на ноги!» – и евнух встал, одурев от сна, и подал таз и кувшин. И Камар-аз-Заман поднялся и вошёл в место отдохновения и, исполнив нужду, вышел оттуда, омылся, совершил утреннюю молитву и сел и стал славить великого Аллаха.

А потом он посмотрел на еву и увидел, что тот стоит перед ним, прислуживая ему, и воскликнул: «Горе тебе, о Сауаб, кто приходил сюда и взял девушку, что была рядом со мною, когда я спал?» – «О господин, что это за девушка?» – спросил евнух, и Камар-аз-Заман отвечал: «Девушка, которая спала подле меня сегодня ночью».

И евнух испугался его слов и воскликнул: «Клянусь Аллахом, не было подле тебя ни девушки, ни кого другого! Откуда вошла к тебе девушка, когда я сплю у двери и она заперта? Клянусь Аллахом, господин, не входил к тебе ни мужчина, ни женщина». – «Ты лжёшь, злосчастный раб! – воскликнул Камар-аз-Заман. – Разве ты достиг таких степеней,

что тоже хочешь обмануть меня и не говоришь мне, куда ушла девушка, которая спала подле меня сегодня ночью, и не рассказываешь, кто взял её у меня?»

И евнух сказал, испугавшись его: «Клянусь Аллахом, я не видел ни девушки, ни юноши». А Камар-аз-Заман сильно сердился на слова евнуха и воскликнул: «О проклятый, мой отец научил тебя хитрить. Подойди-ка ко мне». И евнух подошёл к Камар-аз-Заману, а Камар-аз-Заман схватил его за ворот и ударил об землю, и евнух пустил ветры. А потом Камар-аз-Заман встал на него коленями и пнул его ногой и так сдавил ему горло, что евнух обеспамятел.

А после этого Камар-аз-Заман поднял его и, привязав к верёвке колодца, стал спускать его, пока он не достиг воды, и опустил его туда (а тогда были дни зимние и очень холодные), и евнух погрузился в воду, а потом Камар-аз-Заман вытянул его и опустил во второй раз. И он все время погружал евнуха в воду и выдёргивал его оттуда, и евнух Звал на помощь, кричал и вопил. А Камар-аз-Заман говорил ему: «Клянусь Аллахом, о проклятый, я не подниму тебя из этого колодца, пока ты мне не сообщишь и не расскажешь об этой девушке и о том, кто взял её, когда я спал...»

И Шахразад устала, и она прекратила дозволенные речи.

Сто восемьдесят седьмая ночь

Когда же настала сто восемьдесят седьмая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что Камар-аз-Заман сказал евнуху: „Клянусь Аллахом, я не подниму тебя из этого колодца, пока ты мне не сообщишь и не расскажешь об этой девушке и о том, кто её взял, когда я спал“.

И евнух сказал ему, после того как увидел смерть воочию: «О господин, выпусти меня, и я расскажу тебе по правде и сообщу тебе всю историю». И тогда Камар-аз-Заман вытянул его из колодца и поднял его, а евнух исчез из мира от холода и пытки, погружения и боязни утонуть, и от побоев, которые он перетерпел. И он принялся дрожать, как тростинка на сильном ветру, и его зубы судорожно сжались. А платье его вымокло, и тело его измазалось и покрылось ссадинами от колодезных стен, и оказался он в гнусном положении, и Камар-аз-Заману стало тяжело видеть его таким.

А когда евнух увидел себя на липе земли, он воскликнул: «О господин, дай мне снять с себя одежду, – я её выжму и расстелю на солнце и надену другую, и потом быстро приду к тебе и расскажу тебе все дело по правде».

«О злой раб, – воскликнул Камар-аз-Заман, – если бы ты не взглянул в глаза смерти, ты бы не признался в истине и не сказал бы этого! Иди сделай свои дела и возвращайся ко мне скорей и Расскажи мне все по правде».

И тут раб вышел, не веря в спасение, и до тех пор бежал, падая и вставая, пока не вошёл к царю Шахраману, отцу Камар-аз-Замана. И он увидел, что тот сидит, и везирь рядом с ним, и они беседуют о Камар-аз-Замане, и царь говорит везиру: «Я сегодня ночью не спал, так моё сердце было занято мыслью о моем сыне Камар-аз-Замане. Я боюсь, что его постигнет беда в старой башне. Зачем надо было его заточать?» И везирь ответил ему: «Не бойся! Клянусь Аллахом, с ним совершенно ничего не случится! Оставь его в заточении на месяц времени, пока нрав его не смягчится и не будет сломлена его душа и не успокоится его гнев».

И когда они разговаривали, вдруг вошёл евнух в таком виде, что царь встревожился из-за него, а евнух сказал ему: «О владыка султан, у твоего сына улетел разум, и он стал бесноватым и сделал со мною то-то и то-то, так что я стал таким, как ты видишь. И он говорит мне: „Девушка ночевала подле меня в сегодняшнюю ночь и тайком ушла; где же она?“ И заставляет меня рассказать про неё и про то, кто её взял, а я не видел ни девушки, ни юноши, и дверь всю ночь была заперта, а я спал у двери, и ключ был у меня под головой, и я своей рукой открыл ему утром».

Услышав такие слова о своём сыне Камар-аз-Замане» царь Шахраман вскричал: «Увы, мой сын!» – и разгневался сильным гневом на везиря, который был виновником во всем, что случилось, и сказал ему: «Вставай, выясни, что с моим сыном, и посмотри, что случилось с его разумом».

И везирь встал и вышел, спотыкаясь о полы платья, от страха перед гневом царя, и пошёл с евнухом в башню (а солнце уже поднялось), и вошёл к Камар-аз-Заману и увидел, что тот сидит на ложе и читает Коран.

Он приветствовал его, и сел с ним рядом, и сказал ему: «О господин, этот скверный евнух рассказал нам о деле, которое нас огорчило и встревожило, и царь разгневался из-за этого». – «А что же он вам про меня рассказал, что расстроило моего отца? – спросил Камар-аз-Заман. – По правде, он расстроил лишь меня одного». – «Он пришёл к нам в непохвальном состоянии, – отвечал везирь, – и сказал твоему отцу некие слова, да будешь ты далёк от них! – и этот раб солгал нам такое, чего не подобает говорить о тебе. Да сохранит Аллах твою юность, и да сохранит он твой превосходный ум и красноречивый язык, и пусть не проявится от тебя дурное!» – «О везирь, а что же сказал про меня этот скверный раб?» – спросил Камар-аз-Заман, и везирь отвечал: «Он рассказал нам, что твой разум пропал и что ты будто бы сказал ему, что подле тебя была прошлой ночью девушка и ты заставлял его рассказать, куда она ушла, и мучил его, чтобы он это сделал».

И, услышав эти слова, Камар-аз-Заман разгневался сильным гневом и сказал везирию:

«Мне стало ясно, что вы научили евнуха тем поступкам, которые он совершил...»

И Шахразадду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Сто восемьдесят восьмая ночь

Когда же настала сто восемьдесят восьмая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что, услышав слова везиря, Камар-аз-Заман разгневался сильным гневом и сказал везирию: „Мне стало ясно, что вы научили евнуха тем поступкам, которые он совершил, и не позволили ему рассказать мне о девушке, что спала подле меня сегодня ночью. Но ты, о везирь, умнее евнуха, – расскажи же мне тотчас, куда пропала та девушка, которая спала этой ночью у меня в объятиях. Ведь это вы её послали ко мне ж велели ей спать в моих объятиях, и я проспал с нею до утра, а проснувшись, я не навёл её. Где же она теперь?“ – „О господин мой, Камар-аз-Заман, имя Аллаха да будет вокруг тебя! – воскликнул везирь. – Клянусь Аллахом, мы никого к тебе не посылали сегодня ночью, и ты спад один, и дверь была заперта, а евнух спал за дверью. К тебе не приходила ни девушка, ни кто-нибудь другой. Укрепи же свой ум и возвратись к разуму, о господин, и не занимай Этим твоего сердца“.

И Камар-аз-Заман, который рассердился на везиря, воскликнул: «О везирь, эта девушка – моя возлюбленная, и она красавица с чёрными глазами и румяными щеками, которую я обнимал всю сегодняшнюю ночь!» И везирь удивился словам Камар-аз-Замана и спросил: «Ты видел сегодня эту девушку глазом наяву или во сне?» – «О скверный старец, – воскликнул Камар-аз-Заман, – а ты думаешь, я видел её ухом? Я видел её своими глазами, наяву, и поворачивал её рукою и провёл с нею без сна половину всей ночи, смотря на её красоту, прелесть, изящество и нежность. Но только вы научили её и наставили, чтобы она не говорила со мной, и она притворилась спящей. И я проспал рядом с ней до утра, а когда проснулся, не нашёл её».

«О господин мой, Камар-аз-Заман» – сказал везирь, – может быть, это дело было во сне, и окажется, что это спутанные грёзы или призраки, привидевшиеся от того, что ты поел разных кушаний, или наущения проклятых дьяволов». – «О скверный старец! – воскликнул Камар-аз-Заман. – Так ты тоже насмехаешься надо мной и говоришь мне: „Это, может быть, спутанные грёзы“, когда евнух уже признался и сказал мне: „Сейчас я вернусь и расскажу тебе всю историю этой девушки“.

И Камар-аз-Заман в тот же час и минуту встал и, подойдя к везиру, захватил его бороду рукою (а борода у него была длинная), а схватил её и навернул на руку и, потянув везира за бороду, свалил его с ложа и уронил на землю. И везир почувствовал, что дух из него выходит, так сильно ему рвали бороду. А Камар-аз-Заман не переставал пихать его ногами и бить кулаками в грудь и в ребра, и колотить по затылку, и едва не погубил его.

И тогда везир сказал про себя: «Если раб-евнух освобожден от этого одержимого с помощью лжи, то я более достоин сделать это, чем он. Я тоже освобожусь от мальчика ложью: иначе он меня погубит. Вот я солгу ему и освобожусь: он бесноватый, нет сомнения в его бесноватости!» И он обратился к Камар-аз-Заману и сказал ему: «О господин, не взыщи с меня: твой отец велел мне скрывать от тебя историю этой девушки. Но сейчас я обессилел и утомился, и мне больно от побоев, так как я старый человек и нет у меня терпения и силы выносить удары. Дай мне срок, и я поведаю и расскажу тебе историю девушки».

Услышав это от везира, Камар-аз-Заман перестал бить его и спросил: «А почему ты расскажешь мне историю Этой девушки только после унижения и побоев? Вставай, о скверный старец, и расскажи мне её историю». – «Ты спрашиваешь о той девушке, обладательнице красивого лица и изящного стана?» – спросил его везир. И Камар-аз-Заман ответил: «Да! Расскажи мне про неё, о везир, кто привёл её ко мне и положил её со мною рядом, и кто взял её от меня ночью, и куда она ушла сейчас. Расскажи, чтобы я сам к ней отправился».

И если мой отец, царь Шахраман, совершил со мною такие поступки и испытал меня красотой этой девушки, чтобы я на ней женился, я согласен жениться на ней и избавить от этого свою душу. Он ведь сделал со мною все Это только потому, что я отказывался жениться. Но вот я согласен жениться и ещё раз согласен жениться. Уведомь же об этом моего отца, о везир, и посоветуй ему женить меня на этой девушке – я не хочу никого другого, и моё сердце любит только её. Вставай и поспеши к моему отцу и посоветуй ему ускорить мою женитьбу, а потом сейчас же возвращайся ко мне с ответом».

И везир сказал ему: «Хорошо!» – и не верил он, что вырвался из его рук, а потом он поднялся и вышел из башни, спотыкаясь на ходу от сильного страха и испуга, и бежал до тех пор, пока не вошёл к царю Шахраману...

И Шахраду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Сто восемьдесят девятая ночь

Когда же настала сто восемьдесят девятая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что везир вышел из башни и бежал до тех пор, пока не вошёл к царю Шахраману. А когда он пришёл к нему, царь спросил его: „О везир, что тебя постигло и кто поразил тебя злом, и почему, я вижу, ты смущён и прибежал испуганный?“ – „О царь, – отвечал везир, – я пришёл к тебе с новостью“. – „Какою же?“ – спросил царь, и везир сказал: „Знай, что у твоего сына Камар-аз-Замана пропал разум и его постигло безумие“».

И когда царь услышал слова везира, свет стал мраком перед его лицом, и он воскликнул: «О везир, разъясни мне, каково его безумие!» – «О господин, слушаю и повинуюсь!» – сказал везир, и затем он осведомил царя о том, что Камар-аз-Заман совершил то-то и то-то и рассказал ему, что у него с ним случилось.

«Радуйся, о везир! За твою новость о том, что мой сын обезумел, я отсеку тебе голову и прекращу к тебе милости, о сквернейший из везирей и грязнейший из эмиров! Я знаю, что ты виноват в безумии моего сына, так как дал мне совет и указал способ, скверный и несчастный в начале и в конце. Клянусь Аллахом, если с моим сыном произойдёт какая-нибудь беда или он станет безумным, я обязательно приколочу тебя гвоздями к куполу дворца и дам тебе вкусить превратности!»

Потом царь поднялся на ноги и пришёл с везирем в башню. Он вошёл к Камар-аз-Заману, и когда они оба пришли к нему, Камар-аз-Заман вскочил на ноги и

поспешно спустился с ложа, на котором сидел, и поцеловал отцу руки, и потом он отошёл назад и склонил голову к Земле, заложив руки за спину, и остановился перед своим отцом и простоял так некоторое время, а затем он поднял голову к отцу и слезы побежали из его глаз и потекли по его щекам, и он произнёс:

«Коль свершил я прежде оплошность с вами когда-нибудь
Или сделал с вами я что-нибудь непохвальное,
То раскаялся я в грехе моем, и прощение
Ведь объемлет злого, когда приходит с повинной он».

И тогда царь встал и обнял своего сына Камар-аз-Замана и, поцеловав его меж глаз, посадил его рядом с собою на ложе и обернулся к везирию и, взглянув на него глазом гнева, воскликнул: «О собака среди везирей, как ты говоришь на моего сына Камар-аз-Замана то-то и то-то и возбуждаешь против него моё сердце?» И царь обратился к своему сыну и спросил его: «О дитя моё, как называется сегодняшний день?» – «О батюшка, сегодня день субботы, а завтра воскресенье, а затем понедельник, а затем вторник, а затем среда, а затем четверг, а затем пятница», – отвечал Камар-аз-Заман. И царь воскликнул: «О дитя моё, о Камар-аз-Заман, слава Аллаху, что твой ум невредим! А как называется по-арабски тот месяц, что теперь у нас?» – «Он называется Зу-ль-Када, а за ним следует Зу-ль-Хиджже, а после него – Мухаррам, а после Сафар, а после – месяц Раби первый, а после – месяц Раби второй, а после – Джумада первая, а после – Джумада вторая, а после – Раджаб, а после – Шабан, а после – Рамадан, а после него Шавваль», – отвечал Камар-аз-Заман.

И царь обрадовался сильной радостью и плюнул в лицо везирию и сказал ему: «О дурной старец, как ты утверждаешь, что мой сын сошёл с ума, а оказывается, что сошёл с ума один лишь ты!» И тут везирь покачал головой и хотел говорить, но потом ему пришло в голову подождать немного, чтобы посмотреть, что будет. А царь затем сказал своему сыну: «О дитя моё, что это за слова ты говорил евноху и везирию, когда сказал им: „Я сегодня ночью спал с красивой девушкой?“ Что это за девушка, про которую ты говорил?»

И Камар-аз-Заман засмеялся словам своего отца и сказал: «О батюшка, знай, что у меня не осталось сил переносить насмешки. Не прибавляйте же больше ничего, ни одного слова: моя душа стеснилась от того, что вы со мной делаете. И узнай, отец, и будь уверен, что я согласен жениться, но с условием, чтобы вы женили меня на той девушке, которая спала возле меня сегодня ночью. Я уверен, что это ты прислал её ко мне и возбудил во мне страсть к ней, а потом послал за вей перед утром и взял её от меня»

«Имя Аллаха да будет вокруг тебя, о дитя моё! Да охранит он твой разум от безумия!» – воскликнул царь.»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Ночь, дополняющая до ста девяноста

Когда же настала ночь, дополняющая до ста девяноста, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что царь Шахраман сказал своему сыну Камар-аз-Заману: „Имя Аллаха да будет вокруг тебя, о дитя моё. Да сохранит он твой разум от безумия! Что это за девушку, ты говоришь, я прислал к тебе сегодня ночью, а потом послал взять её от тебя перед утром? Клянусь Аллахом, дитя моё, я не ведаю об Этом деле! Заклинаю тебя Аллахом, Расскажи мне: спутанные ли это грёзы, или привиделось после кушаний? Ты провёл сегодня ночь с умом, запятым мыслью о женитьбе и смущённый речами о ней, – прокляни Аллах женитьбу и час её создания, и прокляни он того, кто её посоветовал! Наверное в нет сомнения, что твоё настроение было смущено из-за брака, и ты увидел во сне, что тебя обнимает красивая девушка, а теперь уверен в душе, что видел её наяву. Все это, о дитя моё, спутанные грёзы!“

«Брось эти речи и поклянись мне Аллахом, творцом всеведущим, сокрушающим

притеснителей и погубившим Хосроев²²⁹, что ты не знаешь девушки и её местопребывания», – сказал Камар-аз-Заман. И царь воскликнул: «Клянусь великим Аллахом, богом Мусы и Ибрахима²³⁰, я этого не знаю, и нет у меня об этом сведений, и все это спутанные грёзы, которые ты видел во сне!» – «Я приведу тебе сравнение, которое ясно покажет тебе, что это было наяву», – сказал Камар-аз-Заман...»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Сто девяносто первая ночь

Когда же настала сто девяносто первая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что Камараз-Заман сказал своему отцу: „Я приведу тебе сравнение, которое ясно покажет тебе, что это было наяву. Я спрашиваю тебя: случилось ли кому-нибудь видеть во сне, что он сражается и ведёт жестокий бой, а потом пробудиться от сна и найти у себя в руке меч, вымазанный кровью?“ – „Нет, клянусь Аллахом, о дитя моё, этого не случилось“, – отвечал царь.

И тогда Камар-аз-Заман сказал своему отцу: «Я расскажу тебе, что произошло со мною.

Сегодня ночью мне привиделось, будто я пробудился от сна в полночь и нашёл девушку, которая спала подле меня, и стан её был, как мой стан, и вид её был, как мой вид, и я обнял её и повернул своей рукой, и взял её перстень и надел его себе на палец, а свой перстень я сиял и надел ей на палец. И я заснул подле неё и воздержался от неё, стыдясь тебя и боясь, что это ты послал её, чтобы испытать меня, и я подумал, что ты где-нибудь спрятался, чтобы посмотреть, что я с ней делаю. И поэтому я постыдился поцеловать её в рот, от стыда перед тобою, и мне казалось, что ты соблазняешь меня жениться.

А потом я пробудился, на рассвете, от сна и не увидел и следа девушки и не знал о ней ничего. И случилось у меня с евнухом и с везирем то, что случилось. Как же может быть это сном или ложью, когда дело с перстнем – истина? Если бы не перстень, я бы думал, что это сон, но вот её перстень у меня на маленьком пальце. Посмотри на перстень, о царь, сколько он стоит?»

И Камар-аз-Заман подал перстень своему отцу, и тот взял перстень и всмотрелся в него и повертел его, а затем он обратился к своему сыну и сказал: «В этом перстне – великое уведомление и важная весть, и поистине, то, что случилось у тебя с девушкой сегодня ночью, – затруднительное дело. Не знаю, откуда пришло к нам это незваное, и виновник всей этой смуты один лишь везирь. Заклинаю тебя Аллахом, о дитя моё, подожди, пока Аллах облегчит тебе эту горесть и принесёт тебе великое облегчение. Ведь кто-то из поэтов сказал:

Надеюсь, что, может быть, судьба повернёт узду
И благо доставит мне, – изменчиво время! –
И помощь в надеждах даст, и нужды свершит мои –
Ведь вечно случаются дела за делами.

О дитя моё, я убедился сейчас, что нет в тебе безумия, но дело твоё диковинно, и освободит тебя от него лишь Аллах великий».

«Заклинаю тебя Аллахом, о батюшка, – сказал Камар-аз-Заман, – сделай мне добро и разузнай для меня об этой девушке. Поторопись привести её, а не то я умру с тоски и никто не будет знать о моей смерти». Потом Камар-аз-Заманом овладела страсть, и, повернувшись

²²⁹ Хосрой – имя двух персидских царей из династии Сасаидов. Легенда приписывает им огромное богатство и могущество.

²³⁰ Муса и Ибрахим – библейские Моисей и Авраам, о которых упоминается также и в Коране.

к своему отцу, он произнёс такое двустишие:

«Когда обещание любви вашей ложно,
Влюблённого хоть во сне тогда посетите.
Сказали: «Как призраку глаза посетить его,
Когда запрещён им сон и к ним не допущен?»»

А затем, произнеся эти стихи, Камар-аз-Заман обернулся к своему отцу, смиренно и огорчённо, и пролил слезы и произнёс такие стихи...»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Сто девяносто вторая ночь

Когда же настала сто девяносто вторая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что Камараз-Заман, сказав своему отцу эти стихи, стал плакать, сетовать и вздыхать из глубины пораненного сердца и произнёс ещё такие стихи:

«Страшитесь очей её – волшебна ведь сила их,
И тем не спастись уже, кто стрелами глаз сражён.
Не будьте обмануты речей её нежностью:
Поистине, пылкость их умы опьяняет нам.
О нежная! Если бы щекой коснулась роз она,
Заплакала бы, и дождь лился бы из глаз её.
И если бы ветерок во сне пролетел над ней»
Летя, он всегда бы нёс её благовония.
Скорбят ожерелия, что пояс звенит её,
Когда онемел браслет на каждой из рук её.
Захочет браслет ножной серьгу лобызать её –
И все в ней сокрытое предстанет очам любви,
Меня за любовь хулят, не зная прощения,
Что пользы от глаз, когда они не прозорливы?
Хулитель, позор тебе, ты несправедлив ко мне!
Все взоры склоняет вниз краса газеленочка».

А когда он кончил говорить стихи, везирь сказал царю: «О царь века и времени, до каких пор будешь ты сидеть подле твоего сына, удалившись от войск? Быть может, нарушится порядок в твоём царстве, так как ты удалился от вельмож царства. Разумный, когда на его теле разнообразные раны, должен лечить опаснейшую из них, и, по моему мнению, тебе следует перевести твоего сына отсюда во дворец, выходящий на море, и ты будешь удаляться туда к своему сыну. А для дивана и для выезда ты назначишь во всякую неделю два дня – четверг и понедельник, и станут входить к тебе в эти дни эмиры, везири, придворные и вельможи царства, и остальные воины и подданные, чтобы изложить тебе свои дела, и ты будешь исполнять их нужды, судить их, брать и отдавать, и приказывать и запрещать. А остаток недели ты будешь подле твоего сына Камараз-Замана и останешься в этом положении, пока Аллах не пошлёт тебе и ему облегчения. О царь, берегись превратностей времени и ударов случая, разумный всегда настороже. А как хороши слова поэта:

Доволен ты днями был, пока хорошо жилось,
И зла не страшился ты, судьбой приносимого,
Ночами ты был храним и дал обмануть себя,

Но часто, хоть ночь ясна, случается смутное.
О люди, пусть будет тот, кому благосклонный рок
Лишь помощь оказывал, всегда осторожен!»

Услышав от везиря эти слова, царь счёл их правильным и полезным для себя советом, и они произвели на него впечатление. Он испугался, что нарушится порядок в его царстве, и в тот же час и минуту поднялся и приказал перевести своего сына из этого места во дворец, выходящий на море.

А этот дворец был посреди моря, и туда проходили по мосткам шириной в двадцать локтей. Вокруг дворца шли окна, выходящие на море, и пол в нем был выстлан разноцветным мрамором, а потолок был покрыт разными прекраснейшими маслами и разрисован золотом и лазурью.

И Камар-аз-Заману постлали во дворце роскошную шёлковую подстилку и вышитые ковры, а стены в нем покрыли избранной парчой и опустили занавески, окаймлённые жемчугами. И Камар-аз-Заман посадили там на ложе из можжевельника, украшенное жемчугами и драгоценностями, и Камар-аз-Заман сел на это ложе, но только от постоянных дум о девушке и любви к ней у него изменился цвет лица, и его тело исхудало, и перестал он есть, пить и спать и сделался точно больной, который двадцать лет болен.

И его отец сидел у его изголовья и печалился о нем великой печалью, и каждый понедельник и четверг царь давал разрешения эмирам, придворным, наместникам, вельможам царства, воинам и подданным входить в этот дворец, и они входили и исполняли обязанности службы и оставались подле него до конца дня, а затем уходили своей дорогой. А царь приходил к своему сыну в тот покой и не расставался с ним ни ночью, ни днём и проводил таким образом дни и ночи.

Вот что было с Камар-аз-Заманом, сыном царя Шахрамана. Что же касается царевны Будур, дочери царя аль-Гайюра, владыки островов и семи дворцов, то когда джинны принесли её и положили на её постель, она продолжала спать, пока не взошла заря. И тогда она проснулась от сна и села прямо и повернулась направо и налево, но не увидела юноши, который был в её объятиях, и сердце её взволновалось, и ум покинул её.

И она закричала великим криком, и проснулись все её невольницы, няньки и управительницы и вошли к ней, и старшая из них подошла к царевне и сказала: «О госпожа моя, что такое тебя постигло?» И Будур ответила ей: «О скверная старуха, где мой возлюбленный, прекрасный юноша, который спал сегодня ночью у меня в объятиях? Расскажи мне, куда он ушёл».

И когда управительница услышала от неё эти слова, свет стал мраком перед лицом её, и она испугалась гнева царевны великим страхом. «О госпожа моя Будур, что Это за гадкие речи?» – спросила она. И Ситт Будур воскликнула: «О скверная старуха, где мой возлюбленный, красивый юноша, со светлым лицом, изящным станом, чёрными глазами и сходящимися бровями, который спал подле меня сегодня ночью, с вечера и пока не приблизился восход солнца?» – «Клянусь Аллахом, – ответила управительница, – я не видела ни юноши, ни кого другого. Ради Аллаха, о госпожа, не шути таких шуток, выходящих за предел, – не то потому, что гибнут наши души. Может быть, эта шутка дойдёт до твоего отца, и кто тогда вызволит нас из его рук...»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Сто девяносто третья ночь

Когда же настала сто девяносто третья ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что управительница сказала госпоже Будур: „Ради Аллаха, о госпожа, не шути таких шуток, выходящих за предел, – может быть, эта шутка дойдёт до твоего отца, и кто тогда вызволит нас из его рук?“ Но царевна Будур сказала ей: „Юноша ночевал подле

меня сегодня ночью, и он лучше всех людей лицом“, а управительница воскликнула: „Да сохранит Аллах твой разум! Никто не ночевал подле тебя сегодня ночью“.

И тогда Будур взглянула на свою руку и нашла у себя на пальце перстень Камар-аз-Замана, а своего перстня не нашла. «Горе тебе, проклятая женщина, – сказала она управительнице, – ты лжёшь мне и говоришь, что никто не ночевал у меня, и клянёшься мне Аллахом впустую?» И управительница ответила: «Клянусь Аллахом, я тебе не лгала и не клялась впустую!» А Ситт Будур разгневалась на неё и, вынув меч, бывший подле, ударила им управительницу и убила её. И тогда евнухи, невольницы и рабыни закричали на царевну и пошли к её отцу и осведомили его о том, что с ней.

И царь в тот же час и минуту пришёл к своей дочери Ситт Будур и спросил её: «О дочь моя, что с тобой случилось?» – а она отвечала: «О батюшка, где тот юноша, что спал со мною сегодня ночью?» И разум улетел у неё из головы, и она стала ворочать глазами направо и налево, а потом разорвала на себе одежду до подола. И когда её отец увидел такие поступки, он велел девушкам схватить царевну. И её схватили и заковали и надели на шею железную цепь и привязали её у окна и оставили её.

Вот что было с царевной Будур. Что же касается её отца, царя аль-Гайюра, то, когда он увидел, что случилось с его дочерью Ситт Будур, мир стал для него тесен, так как он любил её, и стало на душе у него тяжело.

И тогда он позвал врачей и звездочётов и обладателей перьев²³¹ и сказал им: «Кто исцелит мою дочь от того, что с нею, я женю того на ней и отдам ему половину моего царства, а тому, кто подойдёт к ней и не исцелит её, я отрублю голову и повешу её на воротах дворца».

И всякому, кто входил к царевне и не исцелял её, царь рубил голову и вешал её на воротах дворца, пока не отрезали из-за неё головы сорока человекам из врачей и не распяли сорок человек звездочётов. И все люди отступились от неё, и все врачи оказались бессильными её вылечить. И дело её стало трудным для людей наук и обладателей перьев.

А затем Ситт Будур, когда увеличились её волнение и страсть и измучили её любовь и безумие, пролила слезы и сказала такие стихи:

«Любовь к тебе, о месяц, – мой обидчик,
И мысль о тебе во мраке ночном – мучитель.
И ночью лежу, а в рёбрах моих – как пламя,
Что жаром своим на адский огонь похоже.
Испытана я чрезмерных страстей гореньем,
И стало теперь мученье от них мне карой. –

Потом вздохнула и произнесла ещё:

Привет мой возлюбленным во всех обиталищах,
И подлинно, я стремлюсь в жилище любимых.
Привет мой вам – не привет того, кто прощается,
Шлю много приветов я – все больше и больше.
И правда, люблю я вас и вашу страну люблю,
Но я от того далёк, чего я желаю».

А когда Ситт Будур кончила говорить эти стихи, она стала плакать, пока у неё не заболели глаза и щеки её не побледнели, и она провела в таком положении три года.

А у неё был молочный брат по имени Марэуван, который уехал в дальние страны и не был с нею все это время. И он любил её любовью более сильной, чем братская любовь, и,

²³¹ То есть учёных, составляющих гороскопы и пишущих талисманы.

приехав, вошёл к своей матери и спросил про свою сестру Ситт Будур, и мать сказала ему: «О дитя моё, твою сестру постигло безумие, и прошло три года, как на шее у неё железная цепь, и все врачи и мудрецы бессильны излечить её».

И, услышав это, Марзуван воскликнул: «Мне обязательно нужно войти к ней: может быть, я узнаю, что с нею, и смогу её вылечить!» И когда мать Марзувана услышала его слова, она сказала: «Ты непременно должен к ней войти, но дай срок до завтра, и я как-нибудь ухитрюсь устроить твоё дело».

Потом его мать пешком отправилась во дворец Ситт Будур и встретилась с евнухом, поставленным у ворот, и дала ему подарок и сказала: «У меня есть дочь, которая воспиталась с госпожой Будур, и я выдала её замуж, а когда с твоей госпожой случилось то, что случилось, сердце моей дочери привязалось к ней. И я хочу от твоей милости, чтобы моя дочка на минутку пришла к ней, посмотреть на неё, а потом она вернётся туда, откуда пришла, и никто о ней не узнает». И евнух отвечал: «Это возможно не иначе, как ночью. После того, как султан придёт посмотреть на свою дочь, приходи и ты с твоей дочкой».

И старуха повелевала евноху руку и ушла к себе домой и подождала до вечера следующего дня. И когда время настало, она поднялась в тот же час и минуту и, взяв своего сына Марзувана, одела его в платье из женских одежд, а потом она вложила его руку в свою и повела его во дворец. И она до тех пор шла с ним, пока не привела его к евноху, после ухода султана от его дочери. И когда евнух увидел старуху, он поднялся на ноги и сказал ей: «Входи и не сиди долго!»

И старуха вошла со своим сыном, и Марзуван увидел Ситт Будур в таком состоянии и поздоровался с нею, после того как мать сняла с него женские одежды. И Марзуван вынул книги, которые были с ним, и зажёл свечу и прочёл несколько заклинаний.

И тогда Ситт Будур посмотрела на него и узнала его и сказала: «О брат мой, ты уезжал и вести от тебя прекратились». – «Верно, – отвечал Марзуван, – но Аллах благополучно привёл меня назад. И я хотел уехать второй раз, но удержали меня от этого лишь те вести, которые я про тебя слышал. Моё сердце сгорело из-за тебя, и я к тебе пришёл в надежде, что, может быть, я тебя освобожу от того, что с тобою случилось». – «О брат мой, – сказала Будур, – ты думаешь, то, что меня постигло, безумие?» – «Да», – отвечал Марзуван. И Будур сказала: «Нет, клянусь Аллахом! А дело таково, как сказал поэт:

Сказали: «Безумен ты от страсти к возлюбленным».
Сказал я: «Жить в радости дано лишь безумным».
Очнуться влюблённые не могут уж никогда,
К безумным же изредка приходит припадок.
Безумен я! Дайте мне того, кто мой отнял ум,
И если безумие пройдёт, не корите».

И тут Марзуван понял, что она влюблена, и сказал ей: «Расскажи мне твою историю и то, что тебя постигло. Может быть, в моих силах сделать что-нибудь, в чем будет твоё освобождение...»

И Шахразду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Сто девяносто четвёртая ночь

Когда же настала сто девяносто четвёртая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что Марзуван сказал госпоже Будур: «Расскажи мне твою историю и то, что с тобой случилось. Может быть, Аллах научит меня чему-нибудь, в чем будет твоё освобождение.

И Ситт Будур отвечала: «О брат мой, слушай мою историю. Однажды ночью я пробудилась от сна, в последнюю треть ночи, и села прямо и увидела рядом с собой юношу,

прекраснейшего, какой есть среди юношей... Язык устанет его описывать. И подобен он ветви ивы или трости камыша... И я подумала, что мой отец дал ему приказ испытать меня, так как отец склонял меня выйти Замуж, когда меня сватали у него цари, а я отказывалась. Вот это и помешало мне разбудить юношу: я боялась, что если я что-нибудь сделаю или обниму его, он, может быть, расскажет моему отцу об этом. А проснувшись, я увидела у себя на руке его перстень вместо моего перстня, который он у меня взял. Вот мой рассказ и причина моего безумия: моё сердце, о брат мой, привязалось к нему с тех пор, как я его увидела, и от великой любви и страсти я не вкушаю пищи сна, и нет у меня иного дела, как только лить слезы и плакать и говорить стихи ночью и днём».

И она пролила слезы и произнесла такие стихи:

«Приятны ль мне услады после страсти,
Когда в сердцах пастбище той газели?
Влюблённых кровь – ему пустяк пустейший,
Душа измученных по нем лишь тает.
Ко взорам его ревную своим и к мыслям,
И часть меня над частью соглядатай.
И веки у него бросают стрелы,
Разят они, в сердца к вам попадая»
До смерти я смогу ль его увидеть,
Коль в здешней жизни мне найдётся доля?
Храню я тайну, но слеза доносит,
Что чувствую, и знает соглядатай.
Он близок – близость с ним, увы, далеко,
Далёк он – мысль о нем от меня близко».

Потом Ситт Будур сказала Марзувану: «Вот видишь, брат мой, что же ты со мною сделаешь, раз меня такое постигло?» И Марзуван опустил ненадолго голову к земле, дивясь и не зная, что делать, а потом он поднял голову и сказал: «Все, что с тобой случилось, – истина, и история с тем юношей сделала мой разум бессильным. Но я пойду по всем странам и буду искать, как тебя излечить. Быть может, Аллах сделает твоё исцеление делом моих рук. Но только терпи и не горюй!» Затем Марзуван простился с Будур и пожелал ей твёрдости, и вышел от неё, а она говорила такие стихи:

«Твой призрак по душе моей проходит,
Хоть путь далёк, шагами посещённых.
Мечты тебя лишь к сердцу приближают,
Как молнию сравнить с очками зорких?
Не будь далёк, ты – свет моего глаза:
Когда уйдёшь, не будет ему света».

А Марзуван пошёл в дом своей матери и проспал эту ночь, а утром он собрался в путешествие, и поехал и, не переставая, ездил из города в город и с острова на остров в течение целого месяца. И он вступил в город, называемый ат-Тайраб, и пошёл, выведывая у людей новости в надежде, что найдёт лекарство для царевны Будур. И всякий раз, как он входил в город или проходил по нему, он слышал, что царевну Будур, дочь царя аль-Гайюра, поразило безумие, но, достигши города ат-Тайраба, он услышал весть о Камар-аз-Замане, сыне царя Шахрамана, что он болен и что его поразило расстройство и безумие.

И Марзуван, услышав это, спросил, как называется его город, и ему сказали: «Он находится на островах Халидан, и до них от нашего города целый месяц пути по морю, а сушею шесть месяцев». И Марзуван сел на корабль, направлявшийся на острова Халидан, и ветер был для него хорош в течение месяца, и они подъехали к островам Халидан. Но когда

они приблизились и им оставалось только пристать к берегу, вдруг налетел на них сильный ветер и сбросил мачты и порвал ткань, так что паруса упали в море, и перевернулся корабль со всем тем, что в нем было...»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Сто девяносто пятая ночь

Когда же настала сто девяносто пятая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что когда корабль перевернулся со всем тем, что в нем было, каждый занялся самим собою, а что касается Марзувана, то волны бросали его, пока не принесли к подножию царского дворца, где был Камар-аз-Заман.

И по предопределённому велению случилось так, что Это было в тот день, когда к царю Шахраману собирались вельможи его правления и господа его царства, чтобы служить ему. И царь Шахраман сидел, а голова его сына была у него на коленях, и евнух отгонял от него мух. А прошло уже два дня, как Камар-аз-Заман не разговаривал, не ел и не пил, и сделался он тоньше веретёна.

И везирь стоял у его ног, возле окна, выходящего на море, и он поднял взор и увидел, что Марзуван близок к гибели из-за больших волн и находится при последнем вздохе. И сердце везиря сжалось над ним, и он подошёл к царю и, вытянув к нему шею, сказал: «Я прошу у тебя позволения, о царь, спуститься во двор и открыть ворота дворца, чтобы спасти человека, который потонет в море, и вывести его из затруднения к облегчению. Может быть, Аллах по причине этого освободит твоего сына от того, что с ним». – «О везирь, – отвечал ему царь, – довольно того, что случилось с моим сыном из-за тебя и по твоей вине. Может быть, ты вытащишь этого утопающего и он узнает о наших обстоятельствах и увидит моего сына, когда он в таком положении, и станет злорадствовать надо мною. Но, клянусь Аллахом, если этот утопающий выйдет из воды и увидит моего сына, уйдёт и станет говорить с кем-нибудь о наших тайнах, я обязательно отрублю тебе голову раньше, чем ему, так как ты, о везирь, виновник того, что случилось с нами в начале и в конце. Делай же, как тебе вздумается».

И везирь поднялся и открыл потайную дверь дворца, ведущую к морю, и, пройдя по мосткам двадцать шагов, вышел к морю и увидел, что Марзуван близок к смерти. И везирь протянул к нему руку и, схватив его за волосы на голове, потянул за них, и Марзуван вышел из моря в состоянии небытия, и живот его был полон воды, а глаза выкатились. И везирь подождал, пока дух вернулся к нему, а затем снял с него одежду и одел его в другую одежду, а на голову ему он повязал тюрбан из тюрбанов своих слуг, и потом он сказал ему:

«Знай, что я был причиною того, что ты спасся и не утонул. Не будь же причиною моей смерти и твоей смерти...»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Сто девяносто шестая ночь

Когда же настала сто девяносто шестая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что когда везирь сделал с Марзуваном то, что сделал, он сказал ему: „Знай, что я был причиною того, что ты спасся, не будь же ты теперь причиною моей смерти и твоей смерти“. – „А как так?“ – спросил Марзуван. И везирь сказал: „Ты сейчас поднимешься и пройдёшь между эмирами и везирями, и все они будут молчать, ничего не говоря, из-за Камар-аз-Замана, сына султана“.

И, услышав о Камар-аз-Замане, Марзуван все вспомнил, так как он слышал рассказы о нем в других странах и пришёл сюда в поисках его, но он притворился незнающим и спросил везиря: «А кто такой Камар-аз-Заман?» – и везирь отвечал ему: «"Это сын султана

Шахрамана, и он болен и лежит в постели; ему нет покоя, и он не ест, не пьёт и не спит ни ночью, ни днём. Он близок к смерти, и мы отчаялись, что он будет жить, и уверились в его близкой кончине. Берегись же долго глядеть на него и смотреть не на то место, куда тыставишь ногу: иначе пропадёт твоя и моя душа».

«Ради Аллаха, о везирь, – сказал Марзуван, – я надеюсь, что ты расскажешь мне об этом юноше, которого ты мне описал. В чем причина того, что с ним?» – «Я не знаю причины, – отвечал везирь, – но только его отец три года назад просил его, чтобы он женился, а Камараз-Заман отказался, и отец разгневался на него и заточил его. А наутро юноша стал утверждать, что он спал и видел рядом с собою девушку выдающейся красоты, чью прелесть бессилён описать язык, и сказал нам, что снял с её пальца перстень и сам надел его, а ей надел свой перстень. И мы не знаем того, что скрыто за этим делом. Заклинаю же тебя Аллахом, о дитя моё, когда поднимешься со мною во дворец, не смотри на царского сына и иди своей дорогой: сердце султана полно гнева на меня».

И Марзуван подумал: «Клянусь Аллахом, это и есть то, что я ищу! А потом Марзуван пошёл сзади везиря и пришёл во дворец, и везирь сел у ног Намар-Замана, а Марзуван – у того не было другого дела, как идти, пока он не остановился перед Камар-аз-Заманом и не посмотрел на него. И везирь умер живьём от страха и стал смотреть на Марзувана и подмигивать ему, чтобы он шёл своей дорогой. Но Марзуван притворился, что не замечает его, и смотрел на Камараз-Замана. И он убедился и узнал, что это тот, кого он ищет...»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Сто девяносто седьмая ночь

Когда же настала сто девяносто седьмая ночь, она сказала. «Дошло до меня, о счастливый царь, что когда Марзуван посмотрел на Камар-аз-Замана и узнал, что это тот, кого он ищет, он воскликнул: „Слава Аллаху, который сделал его стан подобным её стану и его щеку такой, как её щека, и цвет его лица таким же, как у неё!“

А Камар-аз-Заман открыл глаза и стал прислушиваться к словам Марзувана, и, когда Марзуван увидел, что Камар-аз-Заман прислушивается к его словам, он проговорил такие стихи:

«Я вижу, взволнован ты и стонешь в тоске своей,
И склонён устами ты красоты хвалить её.
Любовью охвачен ты иль стрелами поражён?
Так держит себя лишь тот, кто был поражён стрелой.
Меня напои вином ты в чаше, и спой ты мне,
Сулейму и ар-Ребаб и Танум ты помяни.
О, солнце лозы молодой – дно кружки звезда его,
Восток-рука кравчего, а запад – уста мои.
Ревную бока её к одежде её всегда,
Когда надевает их на тело столь нежное.
И чашам завидую, уста ей целующим,
Коль к месту лобзания она приближает их.
Не думайте, что убит я острым был лезвием, –
Нет, взгляды разящие метнули в меня стрелу.
Когда мы с ней встретились, я пальцы нашёл её
Окрашенными, на кровь дракона похожими,
И молвил: «Меня уж нет, а руки ты красила!
Так вот воздаяние безумным, влюбившимся!»

Сказала она и страсть влила в меня жгучую Словами любви, уже теперь нескрываемое:

«Клянусь твоей жизнью я, не краской я красила,
Не думай же обвинять в обмане и лжи меня.
Когда я увидела, что ты удаляешься, –
А ты был рукой моей в кистью и пальцами, –
Заплакала кровью я, расставшись, и вытерла
Рукою её, и кровь мне пальцы окрасила»,
И если б заплакать мог я раньше её, любя,
Душа исцелилась бы моя до раскаянья,
Но раньше заплакала она, в заплакал я
От слез её и сказал: «Заслуга у первого
Меня не браните вы за страсть и ней – поистине,
Любовью клянусь, по ней жестоко страдаю я.
Я плачу о той, чей лик красоты украсили,
Арабы в персы ей не знают подобия.
Умна как Лукман²³² она, ликом как у Юсуфа,
Ноет как Давид она, как Марьям, воздержана.
А мне – горесть Якова, страданья Юсуфа,
Несчастье Иова и беды Адамовы²³³,
Не надо казнить её! Коль я от любви умру,
Спросите её: «Как кровь его ты пролить могла?»»

И когда Марзуван произнёс эту касыду, он низвёл на сердце Камараз-Замана прохладу и мир, и тот вздохнул и повернул язык во рту и сказал своему отцу: «О батюшка, позволь этому юноше подойти и сесть со мной рядом...»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Сто девяносто восьмая ночь

Когда же настала сто девяносто восьмая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что Камар-аз-Заман сказал своему отцу: „О батюшка, пусти этого юношу подойти и сесть со мной рядом“. И когда султан услышал от Камар-аз-Заман эти слова, он обрадовался великой радостью, а ведь раньше его сердце встревожилось из-за Марзувана, и он задумал в душе обязательно отрубить ему голову. И теперь он услышал, что его сын заговорил, и то, что с ним было, прошло, и он поднялся и привлёк к себе юношу Марзувана и посадил его рядом с Камар-аз-Заманом.

И царь обратился к Марзувану и сказал ему: «Слава Аллаху за твоё спасение!» А Марзуван ответил: «До сохранит тебе Аллах твоего сына!» – и пожелал царю добра. «Из какой ты страны?» – спросил его царь, и он ответил: «С внутренних островов, из земель царя аль-Гайюра, владыки островов, морей и семи дворцов». И царь Шахраман сказал ему: «Может быть, твой приход будет благословенным для моего сына и Аллах спасёт его от того, что с ним». – «Если пожелает Аллах великий, будет только одно добро», – отвечал Марзуван.

А потом он обратился к Камар-аз-Заману и сказал ему на ухо, незаметно для паря и для

²³² Лукман – легендарный мудрец, которому предание приписывает арабскую обработку басен Эзопа. Его именем названа одна из глав Корана.

²³³ Юсуф (Иосиф), Давид, Марьям (Мария), Яков (Иаков), Юиус (Иона), Иов, Адам – библейские персонажи, рассказы о которых перешли в коран и арабскую литературу.

вельмож правления: «О господин мой, укрепи свою душу и сделай своё сердце сильным и прохлады свои глаза. Той, из-за кого ты стал таким, – не спрашивай, каково ей из-за тебя. Но ты скрыл свою любовь и заболел, а что до неё, то она объявила о своей любви и все сказали, что она бесноватая. И теперь она в заточении, и на шее у неё железная цепь, и она в наихудшем состоянии, но если захочет (Аллах великий, ваше излечение будет делом моих рук».

И когда Камар-аз-Заман услышал эти слова, дух вернулся к нему и его сердце окрепло, и он оживился и сделал знак своему отцу, чтобы тот посадил его, и царь едва не взлетел от радости. Он подошёл к сыну и посадил его, и Камар-аз-Заман сел, а царь махнул платком, так как боялся за своего сына, и все эмиры и везири ушли. И царь положил Камар-аз-Заману две подушки, и тот сел, облокотившись на них, а царь велел надушить дворец шафраном, а потом он приказал украсить город и сказал Марзувану: «Клянусь Аллахом, о дитя моё, твоё появление счастливо и благословенно», – и проявил к нему крайнее уважение.

Затем царь потребовал для Марзувана кушанья, и их подали, и Марзуван подошёл и сказал Камар-аз-Заману: «Подойди поешь со мною», – и Камар-аз-Заман послушался его и подошёл и стал есть с ним, и при всем этом царь благословлял Марзувана и говорил: «Как прекрасно, что ты пришёл, о дитя моё!» А когда отец Камар-аз-Замана увидел, что его сын стал есть, его радость и веселье увеличились, и он сейчас же вышел и рассказал об этом матери юноши и жителям дворца. И во дворце забили в барабаны при радостной вести о спасении Камар-аз-Замана. И царь велел кликнуть клич, чтобы город украсили, и город был украшен, и люди обрадовались, и был то великий день. А затем Марзуван провёл эту ночь подле Камар-аз-Замана, и царь переночевал с ними, радостный, и ему было весело...»

И Шахразад устала, и она прекратила дозволенные речи.

Сто девяносто девятая ночь

Когда же настала сто девяносто девятая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что царь Шахраман провёл эту ночь с ними – так он был рад исцелению своего сына. А когда наступило утро и царь Шахраман ушёл и Марзуван остался один с Камар-аз-Заманом, он рассказал ему всю историю, с начала до конца, и сказал: „Знай, что мне знакома та, с которой ты был вместе, и зовут её Ситт Будур, дочь царя аль-Гайюра“.

А затем он рассказал ему с начала до конца о том, что произошло с госпожой Будур, и поведал о крайней её любви к нему и сказал: «Все, что произошло у тебя с твоим отцом, случилось и у неё с её отцом. Ты, без сомнения, её возлюбленный, а она – твоя возлюбленная. Укрепи же твою волю и сделай сильным твоё сердце – я приведу тебя к ней и скоро сведу вас вместе. И я сделаю с вами так, как сказал поэт:

Когда друзья друг друга покинули
И долго уж их ссора продлилась,
Я скреплю меж ними вновь дружбы связь,
Как гвоздь скрепляет лезвия ножниц».

И Марзуван до тех пор убеждал Камар-аз-Замана быть сильным, и ободрял его и утешал и побуждал есть и пить, пока тот не поел кушаний и не выпил напитков, дух его вернулся к нему, и возвратились его силы, и он спасся от того, что его постигло. И все это время Марзуван развлекал его стихами и рассказами, пока Камар-аз-Заман не поднялся на ноги и не пожелал пойти в баню. И Марзуван взял его за руку и свёл в баню, и они вымыли себе тело и почистились...»

И Шахразад устала, и она прекратила дозволенные речи.

Ночь, дополняющая до двухсот

Когда же настала ночь, дополняющая до двухсот, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что когда Камар-аз-Заман, сын царя Шахрамана, пошёл в баню, его отец приказал выпустить заключённых, радуясь этому, и наградил роскошными одеждами вельмож своего царства и роздал бедным милостыню, и велел украсить город, и город был украшен семь дней.

А потом Марзуван сказал Камар-аз-Заману: «Знай, о господин мой, что я прибыл от Ситт Будур и цель моего путешествия в том, чтобы освободить её от её недуга. Нам остаётся лишь придумать хитрость, чтобы отправиться к ней, так как твой отец не может с тобой расстаться, и, по моему мнению, тебе следует завтра попросить у отца разрешения поехать на охоту в пустыню. Захвати мешок, полный денег, сядь на коня и возьми с собою подставу, и я тоже, как и ты, сяду на коня. А своему отцу ты скажи: „Я хочу прогуляться в равнине я поохотиться, я посмотрю пустыню и проведу там одну ночь“. И когда мы выедем, то отправимся своей дорогой, и не давай никому из слуг следовать за нами».

И Камар-аз-Заман воскликнул: «Прекрасен такой план!» – и обрадовался великой радостью, и его спина укрепилась. И он вошёл к своему отцу и рассказал ему все это, и царь позволил ему поехать на охоту и сказал: «О дитя моё, тысячу раз благословен тот день, который дал тебе силу. Я согласен на твою поездку, но только переночуй там одну лишь ночь, а завтра приезжай и явись ко мне: ты знаешь, что жизнь приятна мне лишь с тобою, и мне не верится, что ты поправился от болезни. Ты для меня таков, как сказал об этом поэт:

И если б иметь я мог на каждую ночь и день
Ковёр Сулеймана²³⁴ и Хосроев могучих власть, –
Все это не стоило б крыла комариного,
Когда бы не мог мой глаз всегда на тебя взирать».

Потом царь снарядил своего сына Камар-аз-Замана и снарядил вместе с ним Марзувана и приказал, чтобы им приготовили четырех коней и двугорбого верблюда для поклажи, и одногорбого, чтобы нести воду и пищу. И Камар-аз-Заман не позволил никому с ним выехать, чтобы служить ему. И отец простился с сыном и прижал его к груди и поцеловал и сказал: «Ради Аллаха, прошу тебя, не отлучайся больше чем на одну ночь: сон для меня в эту ночь будет запрещен, ибо я чувствую так, как сказал поэт:

Сближенье с тобою – блаженство блаженств,
Мученье мучений – страдать без тебя.
Я жертва твоя! Если грех мой – любовь
К тебе, то проступок велик мой, велик.
Как я, ты горишь ли огнями любви?
Они меня жарят, как пытки в аду».

«О батюшка, если захочет Аллах, я проведу там только одну ночь, – сказал Камар-аз-Заман, а затем он простился с отцом и уехал. И Камар-аз-Заман с Марзуваном выехали, сев на коней (а с ними был двугорбый верблюд, нагруженный поклажей, и одногорбый верблюд с водой и пищей), и направились в пустыню...»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

²³⁴ Легенда приписывает Сулейману (Соломону) обладание чудесным ковром-самолётом, который был соткан джиннами из зелёного шёлка и золота. «Этот ковер, – гласит предание, – носил, кроме самого Сулеймана, его войска, выючных животных, коней, верблюдов и всех (!) людей, джиннов и диких зверей, а войска было у него тысяча тысяч и сопровождала его тысяча тысяч. И ковер летел между небом и землёй и переносил Сулеймана, куда тот хотел, быстро или медленно, по его желанию».

Двести первая ночь

Когда же настала двести первая ночь, она сказала». «Дошло до меня, о счастливый царь, что Камар-азЗаман с Марзуваном выехали и направились в пустыню и ехали от начала дня и до вечера, а потом остановились, поели, попили и накормили животных и отдыхали некоторое время. А затем они сели на коней и поехали, и ехали, не останавливаясь, три дня, а на четвёртый день появилась перед ними просторная местность, где были густые заросли, и они остановились там. И Марзуван зарезал верблюда и коня и разрубил их мясо на куски и очистил кости от мяса, а потом он взял у Камар-аз-Замана его рубашку и одежду, порвал их на куски и вымазал в крови коня, и взял кафтан Камар-аз-Замана, тоже порвал его и вымазал в крови и бросил у разветвления дороги.

А потом они попили, поели и двинулись дальше. И Камар-аз-Заман спросил Марзувана: «Что это ты сделал, о брат мой, и какая будет от этого польза?» – и Марзуван отвечал ему: «Знай, что когда нас не будет ещё одну ночь после той ночи, на которую мы взяли позволение, и мы не явимся, твой отец, царь Шахраман, сядет на коня и поедет за нами следом. И когда он доедет до этой крови, которую я разлил, и увидит твою разорванную рубашку и одежду и на них кровь, он подумает, что тебя постигла беда от разбойников или зверей пустыни, и перестанет надеяться на твоё возвращение и вернётся в город. А мы достигнем этой хитростью того, чего хотим». И Камар-азЗаман сказал: «Клянусь Аллахом, это прекрасная хитрость! Ты хорошо сделал!»

И потом они ехали в течение дней и ночей, и все это время Камар-аз-Заман, оставаясь наедине с собою, жаловался и плакал, пока не возрадовался, узнав, что земля его возлюбленной близко. И он произнёс такие стихи:

«Сурова ли будешь с тем, не мог кто забыть тебя
На час, и откажешь ли, когда я желал тебя?
Не знаю пусть радости, когда обману в любви,
И если я лгу, то пусть разлуку узнаю я!
Вины ведь за мною нет, чтоб ты холодна была,
А если вина и есть, пришёл я с раскаяньем.
Одно из чудес судьбы – что ты от меня бежишь:
Ведь дни непрестанно нам приносят диковины».

Когда же Камар-аз-Заман кончил говорить стихи, Марзуван сказал ему: «Посмотри, вот показались острова Варя аль-Гайюра, и Камар-аз-Заман обрадовался и поблагодарил его, поцеловал его и прижал к груди. Когда же они достигли островов и вступили в город, Марзуван поместил Камар-аз-Замана в хане, и они отдыхали после путешествия три дня, а затем Марзуван взял Камар-азЗамана и свёл его в баню и одел его в одежду купцов. Он достал для него золотую дощечку, чтобы гадать на песке²³⁵, и набор принадлежностей, и астроблюбу из серебра, покрытого золотом, и сказал: «Поднимайся, о господин мой! Встань под царским дворцом и кричи: „Я счётчик, я писец, я тот, кто знает искомое и ищущего, я мудрец испытанный, я звездочёт превосходный! Где же охотники?“ И когда царь услышит тебя, он пошлёт за тобою и приведёт тебя к своей дочери, царевне Будур, твоей возлюбленной, а ты, войдя к ней, скажи ему: „Дай мне три дня сроку, и если она поправится – жени меня на ней, а если не поправится – поступи со мной так же, как ты поступил с теми, кто был прежде меня“. И царь согласится на это. Когда же ты окажешься у царевны,

²³⁵ Гаданье на песке – один из распространённых на средневековом Востоке способов предсказания будущего.

осведоми её о себе, и она окрепнет, увидя тебя, и прекратится её безумие, и она поправится в одну ночь. Накорми её и напои, и отец её возрадуется её спасенью и женит тебя на ней и разделит с тобою своё царство, так как он взял на себя такое условие. Вот и все!»

Услышав от него эти слова, Камар-аз-Заман воскликнул: «Да не лишусь я твоих милостей!» – И взял у него принадлежности и вышел из хана, одетый в ту одежду (а с ним были те принадлежности, о которых мы упоминали), и шёл, пока не остановился под дворцом царя аль-Гайюра.

И он закричал: «Я писец, и счётчик, я тот, кто знает искомое и ищущего, я тот, кто открывает книгу и подсчитывает счёт, я толкую сны и вычерчиваю перьями клады. Где же охотники?»

И когда жители города услышала эти слова, они пришли к нему, так как уже долго не видели писцов и звездочётов, и встали вокруг него и принялись его рассматривать. И они увидели, что он до крайности красив, нежен, изящен и совершенен, и стояли, дивясь его красоте и прелести, и стройности и соразмерности. И один из них подошёл к нему и сказал: «Ради Аллаха, о прекрасный юноша с красноречивым языком, не подвергай себя опасности и не бросайся в гибельное дело, желая жениться на царевне Будур, дочери царя аль-Гайюра. Взгляни глазами на эти повешенные головы – их обладатели были все убиты из-за этого».

Но Камар-аз-Заман не обратил внимания на его слова и закричал во весь голос: «Я мудрец, писец, звездочёт и счётчик!» – и все жители города стали удерживать его от такого дела, но Камар-аз-Заман вовсе не стал смотреть на них и подумал: «Лишь тот знает тоску, кто сам борется с нею!» И он принялся кричать во весь голос: «Я мудрец, я звездочёт...»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Двести третья ночь

Когда же настала двести третья ночь²³⁶, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что Камар-аз-Заман не обратил внимания на слова жителей города и стал кричать: „Я писец, я счётчик, я звездочёт!“ И все жители города рассердились на него и сказали: „Ты просто глупый юноша, гордец и дурак. Пожалей свою юность и молодые годы, и прелесть и красоту!“ Но Камар-аз-Заман продолжал кричать: „Я звездочёт и счётчик – есть ли охотники?!“

И когда Камар-аз-Заман кричал, а люди его останавливали, царь аль-Гайюр услышал его голос и шум толпы, и сказал везиру: «Спустись, приведи к нам этого звездочёта». И везирь поспешно спустился и, взяв Камар-аз-Замана из толпы людей, привёл его к царю. И, оказавшись перед царём аль-Гайюром, Камар-аз-Заман поцеловал Землю и произнёс:

«Собрал ты в себе одном прославленных восемь свойств, –
Так пусть же тебе судьба всегда их даёт как слуг:
То слава, и истина, и щедрость, и набожность,
И слово, и мысль твоя, и знатность, и ряд побед».

И царь аль-Гайюр посмотрел на него и усадил его с собой рядом и, обратившись к нему, сказал: «Ради Аллаха, о дитя моё, если ты не звездочёт, то не подвергай себя опасности и не входи сюда, приняв моё условие, ибо я обязался всякому, кто войдёт к моей дочери и не исцелит её от недуга, отрубить голову, а того, кто её исцелит, я женю на ней. Так пусть не обманывает тебя твоя красота и прелесть. Аллахом клянусь, если ты её не вылечишь, я непременно отрублю тебе голову!» – «Пусть так и будет! – отвечал Камар-аз-Заман. – Я согласен и Знал об этом раньше, чем пришёл к тебе».

²³⁶ В оригинале за ночью 201-й непосредственно следует 203-я – характерная ошибка писца.

И царь аль-Гайюр призвал судей засвидетельствовать Это и отдал Камар-аз-Замана евнуху и сказал ему: «Отведи его к Ситт Будур!» И евнух взял Камар-аз-Замана За руку и пошёл с ним по проходу, и Камар-аз-Заман опередил его, и евнух побежал, говоря ему: «Горе тебе, не ускоряй гибели своей души! Я не видел звездочёта, который бы ускорял свою гибель, кроме тебя, но ты не знаешь, какие перед тобой напасти». Но Камар-аз-Заман отвернул лицо от евнуха...»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Двести четвёртая ночь

Когда же настала двести четвёртая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что евнух говорил Камар-аз-Заману: „Потерпи и не торопись!“ – но Камар-аз-Заман отвернул от него лицо и произнёс такие стихи:

«Хоть я знающий, но не знаю, как описать тебя,
И растерян я, и не ведаю, что сказать теперь.
Коль скажу я: «Солнце» – заката нет красоте твоей
Для очей моих, но закатится солнце всякое.
Совершенство так красота твоя! Описать её,
Кто речист, бессилен, – смутит она говорящего».

Потом евнух поставил Камар-аз-Замана за занавеской висевшей на двери, и Камар-аз-Заман спросил его: «Какой способ тебе приятнее: чтобы я вылечил и исцелил твою госпожу отсюда или чтобы я пошёл к ней и вылечил её по ту сторону занавески?» И евнух изумился его словам и сказал: «Если ты вылечишь её отсюда, это увеличит твои достоинства».

Тогда Камар-аз-Заман сел за занавеской и, вынув чернильницу и калам, взял бумажку и написал на ней такие слова: «Это письмо от того, кого любовь истомила и страсть погубила, и печаль изнурила, кто на жизнь надежды лишился и в близкой кончине убедился. И нет для сердца его болезного помощника и друга любезного, и для ока, что ночью не спит, нет никого, кто заботу победит. И днями он в пламени сгорает, а ночами, как под пыткой, страдает, и тело его худоба изводит, но гонец от любимого не приходит».

А потом он написал такие стихи:

«Пишу, и душа моя тебя поминает лишь,
И веки сгоревшие не слезы, а кровь струят.
Печаль и страдания на тело надели мне
Рубаху томления, и в ней я влачу его.
Я сетовал на любовь, любовью терзаемый,
И нет для терпения местечка в душе моей.
К тебе обращаюсь я: «Будь щедрой и кроткою
И сжался» – душа моя в любви разрывается».

А под стихами он написал такие созвучия: «Сердец исцеленье – любимым единенье. Кого любимый терзает, того Аллах исцеляет. Кто из нас иль из вас обманщиком будет, тот желаемого не добудет. Нет лучше, чем любящий и верный любимому, что суров безмерно».

И он написал, подписываясь: «От безумно влюблённого, любящего, смущённого, любовью и страстью возбуждённого, тоской и увлечением пленённого Камар-аз-Замана, сына Шахрамана, – единственной во все времена, что среди прекрасных гурий избрана, госпоже Будур, чей отец – царь аль-Гайюр. Знай, что ночи провожу я в бденье, а дни свои влачу в смущенье, больной, истощённый, любящий, увлечённый, многие вздохи

испускающий, обильные слезы проливающий, любовью пленённый, тоской умерщвлённый, с душою, разлукой прожжённой, страсти заложник, недугов застольник. Я бодрствующий, чьё око сном не смежается, влюблённый, чьи слезы не прекращаются, и огня сердца моего не погасить, а пламени страсти не сокрыть».

А потом Камар-аз-Заман написал на полях письма вот какой превосходный стих:

«Привет мой из сокровищ благ господних
«Тому, кто держит и мой дух и сердце».

И ещё он написал:

«Хоть слово в подарок мне вы дайте и, может быть,
Меня пожалеете, и дух мой смирится.
И правда, от страсти к вам, влюблённый, считаю я
Пустым то, что пережил – моё унижение.
Аллах, сохрани же тех, к кому отдалён мой путь!
Я скрыл свои чувства к ним в достойнейшем месте.
Но вот свои милости послала ко мне судьба,
И ныне закинут я к порогу любимой.
Я видел Буду со мной на ложе лежащую
Светила луна моя в лучах её солнца».

А потом Камар-аз-Заман, запечатав это письмо, написал на месте адреса такие стихи:

«Письмо ты спроси о том, что пишет перо моё, –
Поведают письмена любовь и тоску мою.
Вот пишет рука моя, а слезы текут из глаз,
И жалуется любовь бумаге из-под пера.
Пусть вечно течёт слеза из глаз на бумаги лист,
Коль слезы окончатся, польётся за ними кровь».

А заканчивая письмо, он, наконец, написал ещё:

«Я перстень послал тебе, что в день единения
Я взял своему взамен, – пришли же мне перстень мой».

Потом Камар-аз-Заман положил перстень Ситт Будур в свёрнутую бумажку и отдал её евнуху, а тот взял её и вошёл с нею к своей госпоже...»

И Шахразадю застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Двести пятая ночь

Когда же настала двести пятая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что Камар-аз-Заман положил перстень в бумажку и отдал её евнуху, а тот взял её и вошёл к Ситт Будур. И царевна взяла бумажку из рук евнуха и, развернув её, увидала, что в ней её перстень, – он самый, и прочитала бумажку, а когда она поняла её смысл, то узнала, что письмо от её возлюбленного и что это он стоит за занавеской. И её ум улетел от счастья, и грудь её расправилась и расширилась, и от избытка радости она произнесла такие стихи:

«Горевала я, как пришлось с тобой разлучиться нам,
И пролили веки потоки слез в печали.

И поклялась я, что когда бы время свело нас вновь,
О разлуке бы поминать не стал язык мой.
Налетела радость, но бурно так, что казалось мне,
Что от силы счастья меня повергла в слезы.
О глаза мои, ныне слезы лить уж привычно вам,
И вы плачете и от радости и с горя».

А когда Ситт Будур окончила свои стихи, она тотчас поднялась и, упёршись ногами в стену, с силой налегла на железный ошейник и сорвала его с своей шеи, а потом она порвала цепи и, выйдя из-за занавески, бросилась к Камар-аз-Заману и поцеловала его в рот, как клюются голуби, и, обняв его от сильной любви и страсти, воскликнула: «О господин мой, явь это или сон? Неужели Аллах послал нам близость после разлуки? Слава же Аллаху за то, что мы встретились после того, как потеряли надежду!»

И когда евнух увидал, что она в таком состоянии, он выбежал бегом и, придя к царю аль-Гайюру, поцеловал землю меж его рук и сказал: «Знай, о мой владыка, что этот звездочёт – шейх звездочётов и учение их всех. Он вылечил твою дочку, стоя за занавеской и не входя к ней». – «Посмотри хорошенько, верная ли это весть!» – сказал царь. И евнух ответил: «О господин, встань и взгляни на неё, она нашла в себе столько сил, что порвала железные цепи и вышла к звездочёту и принялась его целовать и обнимать».

И тогда царь аль-Гайюр поднялся и вошёл к своей дочери, а та, увидав его, встала на ноги, закрыла себе голову и произнесла такое двустихие:

«Не люблю зубочистку я, потому что,
Её вспомнив, скажу всегда: «Без тебя я!»
А арак, тот любезен мне, потому что,
Его вспомнив, скажу всегда: «Тебя вижу!»²³⁷

И тогда отец её до того обрадовался её благополучию, что едва не улетел, и он поцеловал дочь меж глаз, так как любил её великой любовью. И царь аль-Гайюр обратился к Камар-аз-Заману и спросил его, кто он, и сказал: «Из каких ты земель?» И Камар-аз-Заман рассказал царю о своём происхождении и сани и осведомил его о том, что его отец – царь Шахраман. А затем Камар-аз-Заман рассказал ему всю историю, с начала и до конца, и поведал ему обо всем, что приключилось у него с Ситт Будур и как он взял у неё с пальца её перстень и надел ей свой перстень. И царь аль-Гайюр изумился и воскликнул: «Поистине, вашу историю надлежит записать в книгах, чтобы её читали после вас поколения за поколениями!»

И потом царь аль-Гайюр призвал судей и свидетелей и написал брачную запись госпожи Будур с Камар-аз-Заманом и велел украсить город на семь дней. А после этого разложили скатерти с кушаньями и устроили празднества и украсили город, и все воины надели самые роскошные платья, и забили в литавры и застучали в барабаны, и Камар-аз-Заман вошёл к Ситт Будур, и её отец обрадовался её исцелению и выходу её замуж и прославил Аллаха, пославшего ей любовь к красивому юноше из царских сыновей.

И царевну раскрывали перед Камар-аз-Заманом, и оба они были похожи друг на друга красотой, прелестью, изяществом и изнеженностью. И Камар-аз-Заман проспал подле неё эту ночь и достиг того, чего желал от неё, а она удовлетворила своё стремление к нему и насладились его красотой и прелестью, и они обнимались до утра. А на другой день царь устроил званый пир и собрал на него всех жителей внутренних островов и внешних, и разостлал для них скатерти с роскошными кушаньями, и столы были расставлены в течение

²³⁷ В подлиннике игра слов, основанная на созвучии: «сивак» – зубочистка, и «сивака» – «другой», «не ты». Второе созвучие; «арак» – название растения и «арака» – «я тебя вижу».

целого месяца.

А после того, как сердце Камар-аз-Замана успокоилось, и он достиг желаемого и провёл таким образом с Ситт Будур некоторое время, ему вспомнился его отец, царь Шахраман. И он увидел во сне, что отец говорит ему: «О дитя моё, так ли ты поступаешь со мною и делаешь такие дела?» И произносит ему, во сне, такое двестишнее:

«Луна во мраке страшит меня отдалением,
Поручила векам стеречь она стадо звёзд своих»
Дай срок, душа! Ведь, может быть, и придёт она.
Потерпи же, сердце, когда прижгли, как клеймом, тебя».

И Камар-аз-Заман, увидав во сне своего отца, который упрекал его, был наутро озабочен и печален, и Ситт Будур спросила его, и он рассказал ей о том, что видел...»

И Шахразиду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Двести шестая ночь

Когда же настала двести шестая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что когда Камараз-Заман рассказал Ситт Будур о том, что видел во сне, она вошла с ним к своему отцу, и они рассказали ему об этом и попросили позволения уехать. И царь позволил Камар-аз-Заману уехать, но Ситт Будур сказала: „О батюшка, я не вытерплю разлуки с ним“. И тогда её отец отвечал: „Поезжай с ним!“ – и позволил ей оставаться с Камар-аз-Заманом целый год, с тем чтобы после этого она приезжала навещать отца ежегодно.

И царевна поцеловала отцу руку, и Камар-аз-Заман также, а потом царь аль-Гайюр принялся снаряжать свою дочь и её мужа, и приготовил им припасы и все нужное для путешествия, и вывел им меченных коней и одnogорбых верблюдов, а для своей дочери он велел вынести носилки, и он нагрузил для них мулов и верблюдов и дал им для услуг чёрных рабов и людей, и извлёк для них все то, что им было нужно в путешествии. А в день отъезда царь аль-Гайюр попрощался с Камар-аз-Заманом и одарил его десятью роскошными золотыми платьями, шитыми жемчугом, и предоставил ему десять коней и десять верблюдиц и мешок денег и поручил ему свою дочь Ситт Будур, и выехал проводить их до самого дальнего острова.

Потом он простился с Камар-аз-Заманом и вошёл к своей дочери Ситт Будур, которая была на носилках, и прижал её к груди и поцеловал, плача и говоря:

«К разлуке стремящийся, потише:
Улада влюблённого – объятья.
Потише: судьба всегда обманет,
И дружбы конец – всегда разлука».

И потом он вышел от своей дочери и пришёл к её мужу, Камар-аз-Заману, и стал с ним прощаться и целовать его, а затем он расстался с ним и возвратился с войском в свой город, после того как приказал им трогаться.

И Камар-аз-Заман со своей женой Ситт Будур и теми, кто с ними был из сопровождающих, ехали первый день, и второй, и третий, и четвёртый, и двигались, не переставая, целый месяц. И остановились они как-то на лугу, обширно раскинувшемся, изобиловавшем травой, и разбили там палатки, и поели и попили и отдохнули. И Ситт Будур заснула и Камар-аз-Заман вошёл к ней и увидел, что она спит, а на теле её шёлковая рубашка абрикосового цвета, из-под которой все видно, а на голове у неё платок из золотой парчи, шитый жемчугом и драгоценными камнями. И ветер поднял её рубашку, которая задралась выше пупка, и стали видны её груди и показался живот, белее снега, и каждая впадина в его

складках вмещала унцию орехового масла, И любовь и страсть Камар-аз-Замана увеличилась, и он произнёс:

«Когда бы сказали мне (а знойный бы ветер жёг,
И в сердце и в теле всем огонь бы и жар пылал):
«Что хочешь и жаждешь ты: увидеть влюблённых
Иль выпить глоток воды?» – в ответ я сказал бы: «Их!»

И Камар-аз-Заман положил руку на перевязь одежды Будур и, потянув перевязь, развязал её, так как сердце его пожелало царевну. И он увидел красный камень, как драконова кровь, привязанный к перевязи, и, отвязав камень, посмотрел на него и заметил на нем имена, вырезанные в две строчки письменами нечитаемыми. И Камар-аз-Заман удивился и сказал про себя: «Если бы камень не был для неё великою вещью, она бы не привязала его таким образом на перевязи своей одежды и не сохранила бы его в самом дорогом для себя месте, чтобы не расставаться с ним. Посмотреть бы, что она с этим камнем делает и какова тайна, скрывающаяся в нем!»

Потом Камар-аз-Заман взял камень и вышел из шатра, чтобы посмотреть на него при свете...»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Двести седьмая ночь

Когда же настала двести седьмая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что Камар-аз-Заман взял камень, чтобы посмотреть на него при свете, и стал его разглядывать, держа его в руке. И вдруг низринулась на Камар-аз-Замана откуда-то птица и выхватила камень у него из рук, и полетела, и опустилась с камнем на землю. И Камар-аз-Заман испугался за камень и побежал вслед за птицей, а птица побежала так же быстро, как бежал Камар-аз-Заман. И Камар-аз-Заман все время следовал за нею с одного места в другое, и с холма на холм, пока не пришла ночь и в воздухе не стемнело. И птица заснула на высоком дереве, а Камар-аз-Заман остановился под ним и был в замешательстве. А душа его растаяла от голода и утомления, и он почувствовал, что погибает, и хотел вернуться, но не знал, где то место, откуда он пришёл, и мрак налетел на него.

И Камар-аз-Заман воскликнул: «Нет мощи и силы, кроме как у Аллаха, высокого, великого!» – а затем он лёг и проспал до утра под деревом, на котором была птица. И пробудился он ото сна и увидел, что птица проснулась и улетела с дерева. И Камар-аз-Заман пошёл за Этой птицей, а она отлетала понемногу, вровень с шагами Камар-аз-Замана. И юноша улыбнулся и воскликнул: «О диво Аллаха! Эта птица вчера отлетела на столько, сколько я пробежал, а сегодня она поняла, что я утомился и не могу бежать, и стала лететь вровень с моими шагами! Клянусь Аллахом, это, поистине, удивительно, но я непременно последую за этой птицей! Она приведёт меня либо к жизни, либо к смерти, и я последую за ней, куда бы она ни направилась, так как она во всяком случае остановится только в населённых местах».

И Камар-аз-Заман пошёл за птицей (а птица каждую ночь ночевала на дереве) и следовал за нею в течёт» десяти дней, и питался он плодами земли, пил из ручьёв. А на десятый день он приблизился к населённому городу. И птица вдруг мотнулась, быстро как взор, и влетела в этот город и скрылась из глаз Камар-аз-Замана, и тот не знал, что с нею, и не понимал, куда она пропала.

И Камар-аз-Заман удивился и воскликнул: «Хвала Аллаху, который охранил меня, и я достиг этого города!» Потом он сел возле канала и вымыл руки, ноги и лицо и немного отдохнул, и вспомнилось ему, в каком он был покое и блаженстве, вместе с любимой, и посмотрел он на то, как теперь утомлён и озабочен и голоден, в отдалении и разлуке, и слезы

его полились, и он произнёс:

«Хоть таил я то, что пришлось снести мне, но явно все,
И сон глаз моих заменила ныне бессонница.
И воскликнул я, когда дум чреда утомила дух:
«О судьба моя, не щадишь меня и не милуешь,
И душа моя меж мучением и опасностью!
Если б царь любви справедливым был, относясь ко мне,
От очей моих навсегда мой сон не прогнал бы он,
Господа мои, пожалейте же изнурённого
И помилуйте прежде славного, что унизился
На путях любви, и богатого, нынче бедного.
Я хулителей, за тебя коривших, не слушался,
И глухим я сделал мой слух совсем и закрыл его».
Они молвили: «Ты влюблён в красавца», – а я в ответ:
«Я избрал его средь других людей и оставил их».
Перестаньте же! Коль судьба постигнет, не видит взор».

Потом Камар-аз-Заман, окончив говорить стихи и отдохнув, поднялся и шёл понемногу, пока не вступил в город...»

И Шахразад устала говорить, и она прекратила дозволенные речи.

Двести восьмая ночь

Когда же настала двести восьмая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что когда Камар-аз-Заман окончил говорить стихи и отдохнул, он вошёл в городские ворота, не зная, куда направиться. Он прошёл город насквозь, с начала до конца (а вошёл он в ворота, ведущие из пустыни), и шёл до тех пор, пока не вышел из морских ворот, и никто его не встретил из жителей города (а город был на берегу моря). И Камар-аз-Заман вышел из морских ворот и все шёл, пока не дошёл до городских садов и рощ. Он вошёл под деревья и пошёл дальше и, придя к одному саду, остановился у ворот.

И к нему вышел садовник и поздоровался с ним, и Камар-аз-Заман ответил на его приветствие, а садовник сказал ему «Добро пожаловать! – и воскликнул! – Слава Аллаху за то, что ты пришёл нетронутый жителями этого города! Войди же скорее в сад, пока тебя не увидал никто из его обитателей!»

И тогда Камар-аз-Заман вошёл в этот сад, потеряв разум, и спросил садовника: «Что за история с жителями этого города и в чем дело?» И садовник ответил: «Знай, что здешние жители все маги²³⁸. Ради Аллаха, расскажи мне, как ты пришёл в это место и какова причина твоего прихода в нашу страну».

И Камар-аз-Заман рассказал садовнику обо всем, что с ним случилось, с начала до конца, и садовник до крайности изумился и сказал: «Знай, о дитя моё, что страны ислама далеко отсюда, и от них до нас четыре месяца пути по морю, а по суше так целый год. У нас есть корабль, который снимается раз в год и уезжает с товарами к берегам земель ислама, и отсюда он едет в море Эбеновых островов, а оттуда к островам Халидан, где царствует царь Шахраман».

Тут Камар-аз-Заман немного подумал и понял, что самое подходящее для него жить в саду, у садовника, и работать у него в помощниках. «Возьмёшь ли ты меня к себе

²³⁸ Магами (маджус) мусульмане называют огнепоклонников, последователей древнеиранской религии зороастризма.

помощником в этот сад?» – спросил он садовника, и тот сказал: «Слушаю и повинуюсь!» И садовник научил его, как отводить воду к грядкам и к деревьям, и Камараз-Заман принялся отводить воду и обрезать траву косою. И садовник одел его в короткий голубой кафтан до колен, и Камар-аз-Заман остался у него, поливая кусты и плача обильными слезами. И не имел он покоя ни ночью, ни днём, так как был на чужбине, и о возлюбленной своей говорил он стихотворения. И среди того, что он сказал, были такие стихи:

Обет вы давали нам – исполните ли его?
И слово сказали вы – поступите ли вы так?
Не спали мы – так велит нам страсть, – когда спали вы,
А спящие не равны с неспящими никогда.
Мы знали и раньше, – страсть свою вы таить могли,
Но сплетник вас подстрекнул, сказав, и сказали вы.
Возлюбленные души – и в гневе и в милости,
Что с вами бы ни было, вы цель моя, только вы!
Есть люди, кому вручил я дух мой измученный,
О, если бы сжалились и милость явили мне.
Не всякое око ведь, как око моё, горит,
И любит не всякая душа, как моя душа.
Жестоки вы были и сказали: «Любовь ведь зла!»
Вы правы, так сказано и было, да правы вы.
Спросите влюблённого – вовек не нарушит он
Обета, хотя б огонь в душе и пылал его,
И если противник мой в любви меня судит сам –
Кому я посетую, кому я пожалуюсь?
И если бы не был я любовью разорён,
То сердце моё в любви безумным бы не было.

Вот что было и случилось с Камар-аз-Заманом, сыном паря Шахрамана. Что же касается его жены Ситт Будур, дочери царя аль-Гайюра, то она, пробудившись от сна, стала искать своего мужа, Камар-аз-Замана, и не нашла его. И она увидела, что её шальвары развязаны, и, посмотрев на узелок, к которому был прикреплён камень, увидела, что он развязан, а камень исчез. «О диво Аллаха, – подумала она, – где мой муж? Он, кажется, взял камень и ушёл, не зная, какая в камне тайна. Узнать бы, куда это он ушёл! Но, наверное, случилось диковинное дело, которое заставило его уйти, – иначе он не мог бы расстаться со мною ни на минуту. Прокляни Аллах этот камень и прокляни час его создания!»

Потом Ситт Будур подумала и сказала про себя: «Если я выйду к людям и осведомлю их об исчезновении моего мужа, они позарятся на меня. Здесь непременно нужна хитрость». И она поднялась и надела одежду своего мужа, Камар-аз-Замана, и надела такой же тюрбан, как его тюрбан, и обулась в сапоги, и накрыла лицо покрывалом, а потом она посадила в свои носилки невольницу и, выйдя из шатра, кликнула слуг. И ей подвели коня, и она села верхом и велела погрузить тяжести и, когда они были погружены, приказала трогаться, и они выступили. Так Будур скрыла это дело, и никто не усомнился, что это Камар-аз-Заман, так как она походила на него и станом и лицом.

И Будур со своими людьми ехала, не переставая, в течение дней и ночей, пока они не приблизились к городу, выходившему к солёному морю. И тогда она остановилась в окрестностях города и велела разбить палатки в этом месте, для отдыха, а затем расспросила об этом городе, и ей сказали:

«Это Эбеновый город, владеет им царь Арманус, а у него есть дочь по имени Хаят-ан-Нуфус...»

И Шахразату застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Двести девятая ночь

Когда же настала двести девятая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что когда Ситт Будур остановилась в окрестностях Эбенового города, чтобы отдохнуть, царь Арманус послал от себя посланца, чтобы выяснить, что это за царь остановился за стенами его города. И когда посланец прибыл к путникам, он спросил их, и ему сказали, что это царский сын, который сбился с дороги, а направлялся он к островам Халидан, принадлежащим царю Шахраману.

И посланный вернулся к царю Арманусу и рассказал ему, в чем дело. И, услышав это, царь Арманус вышел с избранными своего царства навстречу прибывшему. А когда он подъехал к шатрам, Ситт Будур спешила, и царь Арманус тоже спешил, и они приветствовали друг друга. И царь ввёл Ситт Будур в свой город и поднялся с нею во дворец и приказал разложить скатерти и расставить столы с кушаньями и яствами и велел перевести воинов Ситт Будур в Дом гостей, и они провели там три дня.

После этого царь вошёл к Ситт Будур (а она в этот день сходила в баню и открыла лицо, подобное луне в полнолуние, так что люди впали из-за неё в соблазн, а народ потерял стыд, увидав её) и подошёл к ней (а она была одета в шёлковую одежду, вышитую золотом, унизанную драгоценными камнями) и сказал: «О дитя моё, знай, что я стал совсем дряхлым старцем, а мне в жизни не досталось ребёнка, кроме дочери, которая походит на тебя прелестью и красотой. Я теперь не в силах управлять царством, и оно принадлежит тебе, о дитя моё, и если эта моя земля тебе нравится и ты останешься здесь и будешь жить в моих землях, я женю тебя на моей дочери и отдам тебе моё царство, а сам отдохну».

И Ситт Будур опустила голову, и лоб её вспотел от стыда, и она про себя сказала: «Как теперь поступить, раз я женщина? Если я не соглашусь и уеду от него, это не безопасно – он, может быть, пошлёт за мною войско, которое убьёт меня. А если я соглашусь, то, может быть, буду опозорена. К тому же я потеряла моего любимого, Камар-аз-Замана, и не знаю, что с ним. Одно мне спасение – промолчать и согласиться, и оставаться у него, пока Аллах не совершит дело, которое решено».

И после этого Ситт Будур подняла голову и выразила царю Арманусу внимание и повиновение. И царь обрадовался этому и велел глашатаю кричать по Эбеновым островам о торжестве и украшении, и собрал придворных, наместников, эмиров, везирей, вельмож своего царства и судей города и отказался от власти и сделал султаном Ситт Будур. Он одел её в царскую одежду, и эмиры все вошли к Ситт Будур, не сомневаясь, что это юноша и мужчина, и каждый, кто смотрел на неё, замочил себе шальвары из-за её чрезмерной красоты и прелести.

И когда Ситт Будур стала султаном, из-за неё пробили в литавры от радости, и она села на свой престол, царь Арманус принялся обряжать свою дочь Хаят-ан-Иуфус. А через немного дней Ситт Будур ввели к Хаят-ан-Нуфус, и они были точно две луны, взошедшие в одно время, или два встретившиеся солнца. И заперли двери и опустили занавески после того, как им зажгли свечи и постлали постель.

И тогда госпожа Будур села с госпожой Хаят-ан-Нуфус и вспомнила своего возлюбленного, Камар-аз-Замана, и усилилась её печаль. И она заплакала от разлуки с ним и его отсутствия и произнесла:

«О вы, кто отсутствует, тревожна душа моя!
Ушли вы, и в теле нет дыхания, чтоб вздохнуть.
Ведь прежде зрочки мои томились бессонницей,
Разлились они в слезах – уж лучше бессонница!
Когда вы уехали, остался влюблённый в вас,
Спросите же вы о нем – в разлуке что вынес он?
Когда б не глаза мои (их слезы лились струёй),

Равнины земли мой пыл зажжёт бы наверное.
Аллаху я жалуюсь на милых, утратив их,
И страсть и волнение в них не вызвали жалости.
Пред ними мой грех один – лишь то, что люблю я их:
В любви есть счастливые, но есть и несчастные».

А окончив говорить, Ситт Будур села рядом с госпожой Хаят-ан-Нусуф и поцеловала её в уста, и затем, в тот же час и минуту, она поднялась, совершила омовение и до тех пор молилась, пока Ситт Хаят-ан-Нуфус не заснула, и тогда Ситт Будур легла в её постель и повернула к ней спину и лежала так до утра. Когда же настал день, царь и его жена вошли к своей дочери и спросили её, каково ей, и она рассказала им о том, что видела и какие слышала стихи.

Вот что было с Хаят-ан-Нуфус и её родителями. Что же касается царицы Будур, то она вышла и села на престол своего царства. И поднялись к ней эмиры и все предводители и вельможи царства, и поздравляли её с воцарением, и поцеловали землю меж её рук и пожелали ей счастья. А Ситт Будур улыбнулась и проявила приветливость и наградила их, и оказала эмирам и вельможам царства уважение, увеличив их поместьями и свиту. Так все люди полюбили её и пожелали ей вечной власти, и они думали, что она мужчина.

И стала она приказывать и запрещать, и творила суд и выпустила тех, кто был в тюрьмах, и отменила пошлины, и она до тех пор сидела в месте суда, пока не настала ночь. И тогда она вошла в помещение, для неё приготовленное, и нашла Ситт Хаят-ан-Нуфус сидящей, и, сев рядом с нею, потрепала её по спине, и приласкала и поцеловала её меж глаз, и произнесла такие стихи:

«Мои слезы все ль объявили то, что таил я, –
Изнурением обессилена моя плоть в любви.
Я любовь скрывал, но в разлуки день говорит о ней
Всем доносчикам облик жалкий мой, и не скрыть её.
О ушедшие, своей покинув стан, поклянусь я вам –
Тело все моё изнурили вы, и погиб мой дух.
Поселились вы в глубине души, и глаза мои
Слезы льют струёй, и кровь капает из очей моих.
Кого нет со мной, тех душой своей я купить готов,
Да, наверное, и любовь моя улетает к ним.
Вот глаза мои: из любви к любимым отверг зрачок
Сладкий отдых сна, и струит слезу непрерывно он.
Враги думали, что суров я буду в любви к нему, –
Не бывать тому, и ушами я не внимаю им!
Обманулись все в том, что думали, и с одним я лишь
Камар-аз-Заманом желанного достичь могу.
Он собрал в себе все достоинства; не собрал никто
Из царей минувших достоинств всех, ему свойственных.
Так он щедр и добр, что забыли все, каким щедрым был
Ман ибн Заида²³⁹ и как кроток был сам Муавия²⁴⁰.
Затянул я речь, и бессилен стих вашим прелестям
Описание дать, а не то бы рифм не оставил я».

²³⁹ Ман ибн Заида – арабский государственный деятель и полководец, умерший во второй половине VIII века. В арабской литературе сохранилось много преданий о безграничной щедрости Мана.

²⁴⁰ Муавия ибн абу-Суфьян – первый халиф из династии Омейядов (661-680).

Затем царица Будур поднялась на ноги и, вытерев слезы, совершила омовение и стала молиться, и молилась до тех пор, пока Ситт Хаят-ан-Нуфус не одолел сон и она не заснула. И тогда Ситт Будур подошла и легла рядом с нею и пролежала до утра, а потом она поднялась, совершила утреннюю молитву и, сев на престол своего царства, стала приказывать и запрещать и творила справедливый суд.

Вот что было с нею. Что же касается до царя Армануса, то он вошёл к своей дочери и спросил её, каково ей, и она рассказала ему обо всем, что с ней случилось, и сказала те стихи, которые говорила царица Будур. «О батюшка, – сказала она, – я не видела никого умнее и стыдливее моего мужа, но только он плачет и вздыхает». – «О дочь моя, – отвечал ей царь, – потерпи с ним – осталась только эта третья ночь, и, если он не познает тебя и не уничтожит твою девственность, у нас найдётся для него план и способ, и я сниму с него власть и изгоню его из нашей страны».

И он сговорился так со своей дочерью и задумал такой план...»

И Шахразад устало сказала, и она прекратила дозволенные речи.

Двести десятая ночь

Когда же настала двести десятая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что царь Арманус сговорился так со своей дочерью и задумал такой план. И подошла ночь, и царица Будур перешла с престола царства во дворец и вошла в то помещение, которое было ей приготовлено, и увидела она, что свечи зажжены и что госпожа Хаят-ан-Нуфус сидит там. И ей вспомнился её муж, и то, что с ним произошло со времени их разлуки за этот небольшой срок, и она заплакала, испуская непрерывные вздохи, и произнесла такие стихи:

«Я клянусь, что весть о беде моей наполняет мир,
Точно солнца луч, восходящего ночью мрачною.
Его знак вещает, но трудно нам понять его,
Потому тоска перестать не может расти моя.
Ненавижу я прелесть стойкости, полюбив его,
Но видал ли ты среди любящих ненавистников?
Взгляды томные поражают нас остриём своим
(А сильнее всех поражают нас взгляды томные).
Распустил он кудри и снял покров, и увидел я
Красоту его и чёрною и белою.
И болезнь моя и лечение – все в руке его,
Ведь недуг любви только тот излечит, кто хворь нагнал.
Поясок его полюбил за нежность бока его,
И из зависти бедра грузные отказались встать.
Его локоны на блестящем лбу уподобим мы
Ночи сумрачной, что задержана засиявшим днём».

А окончив говорить, она хотела встать на молитву, но вдруг Хаят-ан-Нуфус схватила её за подол и, уцепившись за неё, воскликнула: «О господин, не стыдно ли тебе перед моим отцом – он сделал тебе столько добра, а ты пренебрегаешь мною до этого времени».

И, услышав это, Ситт Будур села на своём месте прямо и сказала: «О моя любимая, что это ты говоришь?» – и Хаят-ан-Нуфус ответила: «Я говорю, что никогда не видела такого чванного, как ты. Разве все, кто красивы, так чванятся? Но я сказала это не для того, чтобы ты пожелал меня, а потому, что боюсь для тебя зла от царя Армануса: он задумал, если ты не познаешь меня сегодня ночью и не уничтожишь мою девственность, отнять у тебя утром

власть и прогнать тебя из нашей страны. А может быть, его гнев увеличится, и он убьёт тебя. И я, о господин мой, пожалела тебя и предупредила, а решение принадлежит тебе».

И, услышав от неё эти речи, царица Будур склонила голову к земле и не знала, что делать, а потом она подумала: «Если я не послушаюсь царя, то погибну, а если послушаюсь – опозорюсь. Но я сейчас царица всех Эбеновых островов, и они под моей властью, и мне не встретиться с Камар-аз-Заманом ни в каком другом месте, так как ему нет дороги в его страну иначе, как через Эбеновы острова. Я не знаю, что делать, и вручаю свою судьбу Аллаху (прекрасный он промыслитель!). Я же не мужчина, чтобы подняться и открыть ему невинную девушку!»

А затем царица Будур сказала Хаят-ан-Нуфус: «О любимая, все моё пренебрежение тобою и воздержание от тебя – против моей воли». И она рассказала ей обо всем, что с нею случилось, от начала до конца, и показала ей и молвила: «Ради Аллаха прошу тебя, защити ты меня и скрой мою тайну, пока Аллах не сведёт меня с моим возлюбленным Камар-аз-Заманом, а после этого будет что будет...»

И Шахразад устало говорила, и она прекратила дозволенные речи.

Двести одиннадцатая ночь

Когда же настала двести одиннадцатая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что госпожа Будур осведомила Хаят-ан-Нуфус о своей истории и велела ей все скрыть, и Хаят-ан-Нуфус выслушала её слова и изумилась её рассказу до крайних пределов. Она пожалела её и пожелала ей встретиться с её возлюбленным, Камар-аз-Заманом, и сказала ей: „О сестрица, не бойся и не мучайся! Терпи, пока Аллах не свершит своё дело, которое решено“. А потом Хаят-ан-Нуфус произнесла:

«Я тайну в груди храню, как в доме с запорами, К которым потерял ключ, а дом – за печатью.

Лишь тот может тайну скрыть, кто верен останется, И тайна сокрытою у лучших лишь будет», А окончив стихи, она сказала: «О сестрица, грудь свободных – могила для тайн, и я не выдам твоей тайны».

Затем они стали играть, обниматься и целоваться и проспали почти до призыва на молитву. И тогда Хаят-ан-Нуфус поднялась и, взяв птенца голубя, зарезала его над своей рубашкой и вымазала его кровью и, сняв шальвары, стала кричать. И её родные вошли к ней, и невольницы заголосили от радости, и пришла её мать и спросила, что с нею, и ходила вокруг неё и оставалась у неё до вечера.

Что же касается царицы Будур, то она утром встала и пошла в баню, и вымылась, и совершила утреннюю молитву, а потом она отправилась в Дом суда и, сев на престол царства, стала творить суд между людьми. И когда царь Арманус услышал радостные клики, он спросил, в чем дело, и ему рассказали, что его дочь лишена невинности, и обрадовался он этому, и его грудь расправилась и расширилась, и он сделал большой пир, и так они провели некоторое время. Вот то, что было с ними.

Что же касается царя Шахрамана, то когда его сын выехал на охоту и ловлю вместе с Марзуваном, как уже раньше рассказано, он стал ждать, но пришла ночь после их отъезда, и его сын не приехал. И царь Шахраман не спал в эту ночь, и она показалась ему долгой, и встревожился он крайней тревогою, и волнение его увеличилось, и не верилось ему, что зarya взойдёт, а когда настало утро, он прождал своего сына до полудня, но тот не приехал. И почувствовал царь, что наступила разлука, и жалость к сыну вспыхнула в нем, и он воскликнул: «Увы, мой сын!» – а потом так заплакал, что замочил слезами свою одежду, и произнёс из глубины расколовшегося сердца:

«Я с людьми любви постоянно спорил, пока я сам
Не почувствовал её сладости с её горечью.

И насильно выпить пришлось мне чашу разлуки с ним,
И унизился пред рабом любви и свободным я.
Поклялась судьба разлучить меня и возлюбленных,
И теперь исполнил суровый рок то, в чем клялся ой».

А окончив эти стихи, царь Шахраман вытер слезы и кликнул войскам клич, приказывая выезжать и спешить в долгий путь. И все воины сели на коней, и султан выступил, пылая по своему сыну, Камар-аз-Заману, и его сердце было полно печали. И они поскакали, и царь разделил войско на правое, левое, заднее и переднее и на шесть отрядов и сказал им; «Сбор завтра у перекрёстка дороги!»

И тогда войска рассеялись и поехали, и ехали, не переставая, остаток этого дня, пока не спустилась ночь. И они ехали всю ночь, до следующего полдня, пока не достигли пересечения четырех дорог, и не знали они, по какой дороге поехал Камар-аз-Заман, а затем они увидели остатки разорванной материи и заметили растерзанное Мясо и увидели, что ещё остались следы крови.

И, когда царь Шахраман увидел это, он издал великий крик из глубины сердца и воскликнул: «Увы, мой сын!» – и стал бить себя по лицу и щипать себе бороду и порвал на себе одежду. Он убедился в смерти своего сына, и усилились его стоны и плач, и войска заплакали из-за его плача и уверились, что Камар-аз-Заман погиб, и посыпали себе головы пылью.

И пришла ночь, а они все рыдали и плакали, так что едва не погибли. А сердце царя загорелось от пламени вздохов, и он произнёс такие стихи:

«Не корите вы огорчённого за грусть его,
Уж достаточно взволнован он печалью.
И плачет он от крайней грусти и мук своих,
И страсть его говорит тебе, как пылает он.
О счастье! Кто за влюблённого, клятву давшего
Изнурению, что всегда слезу будет лить из глаз?
Он являет страсть, потеряв луну блестящую,
Что сиянием затмевает ближних всех своих.
Но теперь дала ему смерть испить чашу полную
В день, как выехал, и далёк он стал от земли родной.
Бросил родину и уехал он на беду себе,
И прощания не узнал улады с друзьями он.
Поразил меня и отъездом он и жестокостью,
И разлукою, и мучением, нас покинувши.
Он отправился и оставил нас, простившись лишь,
Когда дал ему приют Аллах в садах своих».

А окончив стихи, царь Шахраман вернулся с войсками в свой город...»
И Шахразад застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Двести двенадцатая ночь

Когда же настала двести двенадцатая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что царь Шахраман, окончив говорить стихи, вернулся с войсками в свой город. Он убедился в гибели своего сына и понял, что на него напал и растерзал его либо зверь, либо разбойники.

И он велел кликнуть клич по островам Халидаи, чтобы надели чёрное, с горя по его сыне Камар-аз-Замане и сделал для него помещение, которое он назвал Дом печалей, и

каждый четверг и понедельник он творил суд над воинами и подданными, а на остальную неделю он входил в Дом печали и горевал по своём сыне, оплакивая его в стихах, и среди них были такие:

«День счастья – тот день, когда вы снова близки ко мне,
А день моей гибели – когда отвернётесь вы.
И если угрозою испуган я гибели,
То слаще спокойствия мне близость с любимыми».

И также такие слова:

«Я душой своей искуплю ушедших, – отъездом их
Они ранят сердце и порчею смущают.
Так пускай без мужа проводит радость весь должный срок.²⁴¹
Со счастьем, раз их нет, развёлся я трижды»²⁴²

Вот что было с царём Шахраманом. Что же касается дарицы Будур, дочери царя аль-Гайюра, то она сделалась царицей Эбеновой земли, и люди стали показывать на неё пальцами и говорили: «Это зять царя Армануса». И каждую ночь она спала с Ситт Хаят-ан-Нуфус и жаловалась на тоску по своём муже Камар-аз-Замане и, плача, описывала Хаят-ан-Нуфус его красоту и прелесть и желала, хотя бы во сне, сойтись с ним, и говорила:

«Аллаху известно, что когда разлучились мы,
Я плакал так, что слез пришлось занимать мне.
Сказали хулители: «Терпи, ты достигнешь их», –
А я им: «Хулители, откуда терпенье?»

Вот что было с царицей Будур. Что же касается Камар-аз-Замана, то он оставался в саду у садовника некоторое время, плача ночью и днём и произнося стихи и вздыхая о временах блаженства и ночах, исполненных желаний. А садовник говорил ему: «В конце года корабль отправится в земли мусульман».

И Камар-аз-Заман пребывал в таком положении, пока однажды не увидел, что люди собираются вместе» И он удивился этому, а садовник вошёл к нему и сказал: «О дитя моё, прекрати на сегодня работу и не отводи воду к кустам: сегодня праздник, и люди посещают друг друга. Отдохни же и поглядывай только за садом. Я хочу присмотреть для тебя корабль: остаётся лишь немного времени до того, как я пошлю тебя в земли мусульман».

Потом садовник вышел из сада, и Камар-аз-Заман остался один, и стал он думать о своём положении, и сердце его разбилось, и слезы его потекли. И Камар-аз-Заман заплакал горьким плачем, так что лишился чувств, а очнувшись, он встал и пошёл по саду, размышляя о том, что сделало с ним время, и о долгой разлуке и отдалении, и разум оставил его, и был он в смятении. И он споткнулся и упал, наткнулся лбом на корень дерева и ударился, и из его лба потекла кровь и смешалась со слезами. И Камар-аз-Заман вытер кровь, осушил слезы и перевязал лоб тряпкой и, поднявшись, стал ходить по саду, размышляя и потеряв разум.

А потом он взглянул на дерево, на котором ссорились две птицы. И одна из птиц поднялась и клюнула другую в шею, так что отделила ей голову от тела, и, взяв голову

²⁴¹ Должный срок – четыре месяца и пять дней – тот промежуток времени, в течение которого разведённая или вдова согласно учению ислама не может снова выйти замуж.

²⁴² То есть навсегда: произнеся формулу развода трижды, муж теряет право снова взять к себе разведённую жену.

птицы, улетела с нею, а убитая птица упала на землю перед Камар-аз-Заманом. И пока все это было, вдруг две большие птицы опустились к убитой, и одна встала у её головы, а другая около хвоста, и они опустили крылья и клювы и, вытянув к ней шеи, стали плакать. И тут Камар-аз-Заман заплакал о разлуке со своей женой, и ему вспомнился его отец, когда он увидел тех двух птиц, которые плакали по своём товарище...»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Двести тринадцатая ночь

Когда же настала двести тринадцатая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что Камараз-Заман заплакал от разлуки со своей женой и отцом, когда увидел двух птиц, которые плакали по своём товарище. А затем Камар-аз-Заман посмотрел на птиц и увидел, что они вырыли яму и закопали в ней убитую птицу и после того взлетели на воздух и скрылись на некоторое время, а потом вернулись, и с ними была птица-убийца. И они спустились с нею на могилу убитой и, насев на убийцу, убили её и, проткнув ей тело, вытянули ей кишки и пролили её кровь на могилу убитой птицы, и разбросали её мясо и разорвали её кожу, а то, что было в её внутренностях, они вытянули и раскидали по разным местам.

И все это происходило, а Камар-аз-Заман смотрел и удивлялся, и вдруг он бросил взгляд на то место, где убили птицу, и увидел там что-то блестящее. И он подошёл ближе, и оказалось, что это зоб той птицы, и Камараз-Заман взял его и вскрыл и нашёл там камень, который был причиной его разлуки с женой. И когда Камар-аз-Заман увидел и узнал камень, он упал без чувств от радости, а очнувшись, он воскликнул: «Хвала Аллаху! Вот хороший признак и весть о встрече с моей возлюбленной».

Он рассмотрел камень и провёл им перед глазами и привязал его к руке, радуясь доброй вести. А потом он поднялся и стал ходить, и ожидал садовника до ночи, но тот не пришёл. И Камар-аз-Заман проспал на его месте до утра, а затем поднялся, чтобы работать, и, подпоясавшись верёвкой из пальмовых волокон, взял топор и корзинку и прошёл через сад. Он подошёл к рожковому дереву и ударил его по корню топором, и от удара зазвенело. Тогда Камар-аз-Заман снял с корня землю и увидел опускную плиту...»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Двести четырнадцатая ночь

Когда же настала двести четырнадцатая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что когда Камар-аз-Заман поднял эту опускную плиту, он увидел под ней дверь и лестницу и, спустившись по ней, оказался в древнем помещении времён Ада и Самуды²⁴³. И помещение это было вытесано из камня, а по стенам его шли скамейки небесного цвета, и оказалось, что оно наполнено ярко-рдеющим червонным золотом. И тогда Камар-аз-Заман сказал про себя: «Ушло утомление, и пришли веселье и радость!» А потом Камар-аз-Заман поднялся из этого помещения в сад, на поверхность Земли, и опустил плиту обратно на место, как она была.

Он возвратился в сад и отводил воду к деревьям до конца дня, и тогда пришёл к нему садовник и сказал: «О дитя моё, радуйся возвращению на родину! Купцы собрались в путешествие, и корабль через три дня отъезжает в Эбеновый город (а это первый город из городов мусульман). И когда ты достигнешь его, ты пройдёшь сушею шесть месяцев и прибудешь к островам Халидан, на которых находится царь Шахраман».

²⁴³ Ад и Самуд – название древних мифических племён, упоминающихся в Коране.

И Камар-аз-Заман обрадовался и произнёс:

«Не бросайте тех, кто вдали от вас не привычен быть –
Вы пытаете, покидая их, безгрешного.
Другой, когда разлука длится, не помнит вас,
И менять готов свои чувства он, не то, что я»

Потом Камар-аз-Заман поцеловал садовнику руку и сказал: «О батюшка, как ты обрадовал меня» так и я тоже тебя обрадую великою радостью». И он рассказал ему про комнату, которую видел, и садовник обрадовался и сказал: «О дитя моё, я в этом саду уже восемьдесят лет и ничего не заметил, а ты у меня меньше года и увидел Это. Это твой клад. Он поможет тебе достигнуть твоих родных и соединиться с тем, кого ты любишь». – «Я непременно с тобою поделюсь», – ответил Камар-аз-Заман.

А затем он взял садовника и, введя его в помещение, показал ему золото. А было оно в двадцати кувшинах. И Камар-аз-Заман взял десять, и садовник десять. «О дитя моё, – сказал ему садовник, – наложи себе несколько мер воробьиных маслин, из тех, что в этом саду: их не найти в других землях, и купцы ввозят их во все страны. Положи золото в меры так, чтобы маслины были поверх золота, потом закрой меры и возьми их с собою на корабль».

И Камар-аз-Заман в тот же час и минуту поднялся, наложил пятьдесят мер маслин и положил туда золото, прикрыв его маслинами. А камень он положил, взяв его с собою, в одну из мер. И они потом с садовником сидели, разговаривая. И Камар-аз-Заман уверился в том, что встретится с любимыми и будет близок к родным, и сказал про себя: «Когда я достигну Эбенового острова, я поеду оттуда в землю моего отца и спрошу про мою возлюбленную Будур. Узнать бы, вернулась ли она в свою Землю, или поехала в земли моего отца, или же с ней случилась какая-нибудь случайность в дороге!» А потом он произнёс:

«В душе любовь оставив, они скрылись,
И земли тех, кого люблю, – далеко,
Далёк теперь и стан и обитатель,
Далеко цель пути – нет больше цели.
Ушли они – и с ними ушла стойкость,
Покой меня оставил и терпенье.
Уехали – и радость улетела,
Исчез покой – и нет уж мне покоя,
И слезы они пролили мои, расставшись,
И льётся из глаз обильно слеза в разлуке,
И если когда захочется мне их видеть
И долго мне придётся ждать в волненье,
То вызову вновь я в сердце своём их образ –
И будут думы, страсть, тоска и горе».

И потом Камар-аз-Заман сидел, ожидая, пока пройдут оставшиеся дни, и он рассказал садовнику историю с птицами и то, что с ними случилось, и садовник удивился. И они проспали до утра, а утром садовник заболел и проболел два дня, а на третий день его недуг увеличился, так что потеряли надежду на его жизнь, и Камар-аз-Заман сильно опечалился.

И пока это было так, вдруг пришёл капитан и моряки, и они спросили про садовника. И когда Камар-аз-Заман рассказал им, что тот болен, они спросили: «Где юноша, который хочет с нами ехать на Эбеновые острова?» – «Это невольник, стоящий перед вами», – отвечал Камар-аз-Заман. И он велел им перенести меры на корабль, и они перенесли их на корабль и сказали: «Поторопись – ветер хорош!» – а юноша отвечал им: «Слушаю и повинуюсь!»

Потом он перенёс на корабль мешок с едой и пищей и вернулся к садовнику, чтобы

проститься с ним, но нашёл его борющимся со смертью. И Камар-аз-Заман сел у него в головы и закрыл ему глаза, и дух садовника расстался с его телом. Тогда Камар-аз-Заман обрядил его и похоронил во прахе, на милость Аллаха великого, а потом он пошёл и отправился к кораблю, но увидел, что корабль распустил паруса и уехал, и он рассекал море, пока не скрылся из глаз. И Камар-аз-Заман был ошеломлён и стоял в замешательстве, не давая ответа и не обращаясь с речью, а потом он вернулся в сад и сел, озабоченный и огорчённый, посыпая голову прахом и ударяя себя по лицу...»

И Шахразад устала, и она прекратила дозволенные речи.

Двести пятнадцатая ночь

Когда же настала двести пятнадцатая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о великий царь, что Камараз-Заман, когда корабль уехал, возвратился в тот сад и сел озабоченный и огорчённый. Он нанял сад у его владельца и поставил себе под начало человека, который помогал ему поливать деревья, а сам отправился к опускной двери, спустился в помещение и сложил оставшееся золото в пятьдесят посуды, а сверху набросал маслин.

Он спросил про корабль, и ему сказали, что он отправляется только раз в год, и волнение Камар-аз-Замана увеличилось. И он опечалился из-за того, что с ним случилось, в особенности же из-за потери камня, принадлежавшего Ситт Будур, и плакал ночью и днём и говорил стихи.

Вот что было с Камар-аз-Заманом. Что же касается корабля, то ветер был для него хорош, и он достиг Эбенового острова. А по predetermined велению случилось, что царица Будур сидела у окна, выходившего на море и увидела корабль, когда он пристал к берегу. И сердце Будур затрепетало, и, сев верхом, вместе с эмирами и придворными и наместниками, она проехала на берег и остановилась у корабля. А уже шла разгрузка и переноска товаров в кладовые.

И Будур призвала капитана и спросила, что он привёз с собою, и капитан ответил: «О царь, у меня на корабле столько зелий, притираний, порошков, мазей, примочек, богатств, дорогих товаров, роскошных материй и йеменских ковров, что снести их не в силах верблюды и мулы. Там есть всякие благовония: и перец, и какуллийское алоэ, и тамаринды, и воробьиные маслины, которые редко встречаются в этих землях».

И когда царица Будур услышала упоминание о воробьиных маслинах, её сердце пожелало их, и она спросила владельца корабля: «Сколько с тобою маслин?» – «Со мною пятьдесят полных мер, – отвечал капитан, – но только их владелец не приехал с нами, и царь возьмёт из них, сколько захочет».

«Вынесите их на сушу, чтобы я посмотрел на них», – сказала Будур.

И капитан крикнул матросам, и они вынесли эти пятьдесят мер, и Будур открыла одну из них и увидела маслины и сказала: «Я возьму эти пятьдесят мер и дам вам их цену, сколько бы ни было». – «Этому нет цены в наших землях, – отвечал капитан, – но тот, кто их собрал, отстал от нас, а он человек бедный». – «А какая им цена здесь?» – спросила Будур. И капитан отвечал: «Тысячу дирхемов», – и тогда Будур сказала: «Я возьму их за тысячу дирхемов», – и велела перенести маслины во дворец.

А когда пришла ночь, она приказала принести одну меру и открыла её (а в помещении не было никого, кроме неё и Хаят-ан-Нуфус), а потом она поставила перед собою поднос и перевернула над ним меру, и в поднос высыпалась кучка червонного золота. И Будур сказала госпоже Хаят-ан-Нуфус: «Это не что иное, как золото!» – а потом она велела принести все меры и посмотрела их, и оказалось, что все они с золотом и что все маслины не наполняют и одной меры.

И Будур поискала в золоте и нашла в нем камень, и взяла его и осмотрела, и вдруг видит, что это тот камень, который был привязан к шнурку на её одежде и взят Камар-аз-Заманом.

И когда Будур убедилась в этом, она закричала от радости и упала без чувств...»
И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Двести шестнадцатая ночь

Когда же настала двести шестнадцатая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что когда царица Будур увидела этот камень, она закричала от радости и упала без чувств, а очнувшись, она сказала про себя: „Этот камень был причиной моей разлуки с моим возлюбленным Камар-аз-Заманом, но вот пришла благая весть!“ И она сообщила Ситт Хаят-ан-Нуфус, что обнаруженный камень несёт благую весть о встрече с любимым.

А когда настало утро, Будур села на престол царства и призвала капитана корабля, и тот, явившись, поцеловал землю меж её рук, а она спросила его: «Где ты оставил владельца этих маслин?» – «О царь времени, – отвечал капитан, – мы оставили его в стране магов, и он садовник в саду».

«Если ты не привезёшь его, то случатся с тобою и с твоим кораблём такие беды, которые сам не знаешь», – сказала Будур.

И потом она велела запечатать кладовые купцов и сказала им: «Владелец этих маслин – мой должник, и на нем лежит долг мне, и если вы его не приведёте, я непременно перебью вас всех и разорю вашу торговлю». И купцы обратились к капитану и обещали, что наймут его корабль, когда он ещё раз вернётся, и сказали ему: «Избавь нас от этого своенравного злодея!»

И капитан взошёл на корабль и распустил паруса, и Аллах предначертал ему благополучие, так что ночью он прибыл на остров и отправился в сад. А что касается Камар-аз-Замана, то ночь показалась ему долгой, и он вспомнил свою возлюбленную и сидел и плакал о том, что с ним случилось. И он подумал о своей возлюбленной и произнёс:

«Вот ночь, когда звезды стоят неподвижно,
И нет у ней силы, чтоб двинуться с места,
И длятся часы, как весь день воскресенья,
Для тех, кто рассвета в ту ночь выжидает».

А капитан постучал в дверь к Камар-аз-Заману, и когда Камар-аз-Заман открыл дверь и вышел к нему, моряки взяли его и привели на корабль. И они распустили паруса и поехали и ехали непрерывно в течение дней и ночей, а Камар-аз-Заман не знал, какая тому причина. И он спросил о причине, и ему сказали: «Ты должник царя, правителя Эбеновых островов и зятя царя Армануса, и украл у него деньги, о злосчастный!» И Камар-аз-Заман воскликнул: «Клянусь Аллахом, я в жизни не вступал в эти страны и не знаю их!»

И с ним ехали, пока не приблизились к Эбеновым островам, и его привели к Ситт Будур, и та, увидя Камар-аз-Замана, узнала его и сказала: «Оставьте его со слугами, пусть его сведут в баню». И она сняла запрет с купцов и наградила капитана великолепной одеждой, стоившей десять тысяч динаров.

И в эту ночь она пришла к себе во дворец и рассказала обо всем Хаят-ан-Нуфус и сказала ей: «Скрывай все это, пока я не достигну желаемого, и я сделаю дело, которое запишут и станут читать после нас царям и их подданным».

А когда она велела отвести Камар-аз-Замана в баню, его свели в баню и одели в царскую одежду. И Камар-аз-Заман, выйдя из бани, был подобен ветви ивы или звезде, смущающей своим появлением луну и солнце, и душа его вернулась к нему. А потом он отправился к Будур и вошёл во дворец, и Будур, увидав его, приказала своему сердцу терпеть, пока не исполнится то, что она хотела. И она пожаловала Камар-аз-Заману невольников, евнухов, верблюдов и мулов и дала ему мешок денег, и все время возвышала

Камар-аз-Замана со ступеньки на ступень, пока не сделала его казначеем.

Она вручила ему все деньги и была с ним приветлива и приблизила его к себе и сообщила эмирам о его сане, и они все полюбили его. И царица Будур стала каждый день увеличивать ему выдачи, и не знал Камар-аз-Заман, почему она его возвеличивала. И от такого множества денег он принялся дарить и проявлять щедрость, и служил царю Арманусу так, что тот полюбил его. И полюбили его также эмиры и все люди – и знатные, и простые – и стали клясться его жизнью. И при всем этом Камар-аз-Заман дивился, что царица Будур так возвеличивает его, и говорил про себя: «Клянусь Аллахом, этой любви обязательно должна быть причина, и, может быть, этот царь оказывает мне такой великий почёт ради дурной цели. Я непременно отпрошусь у него и уеду из его земли».

И он отправился к царице Будур и сказал ей: «О царь, ты оказал мне великое уважение; заверши же его и позволь мне уехать и возьми от меня все то, что ты мне пожаловал». И царица Будур улыбнулась и спросила: «Что вызывает в тебе желание уехать и броситься в опасности, когда ты в величайшем почёте и большой милости?» И Камар-аз-Заман отвечал ей: «О царь, этот почёт, если ему нет причины, – дивное дело, особенно потому, что ты назначил мне чины, которые должны принадлежать старцам, а я – малый ребёнок». – «Причина Этого, – сказала царица Будур, – то, что я люблю тебя из-за твоей чрезмерной и превосходной красоты, редкостной и блестящей прелести. И если ты позволишь мне то, чего я от тебя желаю, я ещё увеличу тебе почёт, подарки и милости и, хоть ты и молод годами, сделаю тебя везирем, как люди сделали меня над собою султаном, хотя мне всего столько лет. Не диво теперь, что главенствуют дети, и от Аллаха дар того, кто сказал:

«Как будто век наш из семейства Лота²⁴⁴ –
Он молодых охотно выдвигает».

И когда Камар-аз-Заман услышал эти слова, он застыдился, и щеки его покраснели, как пламя, и он воскликнул: «Нет мне нужды в таком почёте, ведущем к совершению запретного! Нет, я буду жить бедным деньгами, но богатым благородством и совершенством!» Но царица Будур воскликнула: «Меня не обманет твоя совестливость, происходящая от высокомерия и кичливости, и от Аллаха дар того, кто сказал:

«Напомнил я единенья время, и молвил он
«Доколе будешь речи длить жестокие?»
Но я динар показал ему, и сказал он стих:
«Куда бежать от участи, решённой нам?»

И Камар-аз-Заман, услышав эти слова и поняв нанизанные стихи, воскликнул. «О царь, нет у меня привычки к подобным делам, и нет сил нести такое бремя! Его бессилён вынести и старший, чем я, так как же быть мне при моих юных годах?» Но царица Будур, услышав эти слова, улыбнулась и сказала: «Поистине, вот предивная вещь! Ты ошибаешься, хоть правильно рассуждаешь! Раз ты молоденький, почему же ты боишься запретного и опасаясь совершить грех, когда ты не достиг ещё возраста ответственности, а за грех малолетнего нет ни взыскания, ни упрёка? Ты сам хотел услышать это доказательство, желая спорить. И обязательна для тебя моя просьба о сближении. Не отказывайся и не проявляй теперь нежелания, – ибо веление Аллаха – участь предопределённая. Я больше, чем ты, должен бояться впасть в заблуждение; и отличился тот, кто сказал:

«Мой пыл велик, а малый говорит, прося:

²⁴⁴ Библейский Лот, племянник Авраама, упоминается в Коране как пророк, посланный к своим соплеменникам, жителям города Содомы. Одним из пороков, которым предавалось племя Лота, было и мужеложство.

«Вложи его во внутрь и будь ты храбрым!»
И ответил я: «Ведь так нельзя!» – и сказал он мне;
«По мне, так можно», – и я познал, согласный»

И когда Камар-аз-Заман услышал эти слова, свет сменился мраком пред лицом его, и он воскликнул: «О царь, у тебя найдутся такие женщины и прекрасные девушки, подобных которым не найти в наше время. Не удовлетворишься ли ты ими вместо меня; обратись, к кому хочешь, и оставь меня».

«Твои слова правильны, – отвечала Будур, – но не утолить с женщинами боли мучения от любви к тебе. Испорченная натура повинуется недобрым советам. Оставь же препирательство и послушай слова сказавшего:

Не видишь: вот рынок и рядами плоды лежат,
И фиги берет один, другой – сикоморы.

А вот слова другого:

О ты, чей ножной браслет молчит и звенит кушак:
Доволен один, другой – о бедности сетует,
Ты ждёшь, что утешусь я, глупец, красотой её,
Но, быв прежде праведным, неверным не буду я,
Пушком я клянусь тебе, что кудри смутят её, –
С невинной красавицей тебя не забуду я!

А вот слова другого:

О красавец, любовь к тебе – моя вера,
Из всех толков избрал её я охотно,
Для тебя я покинул всех ныне женщин,
И монахом теперь меня все считают.

И слова другого:

Не равняй ты юнцов и жён и не слушай
Доносящих, что скажут всем: «Это мерзость!»
Меж женою, чьи ноги лик мой целуют,
И юнцом, что целует землю, – различье.

А вот слова другого:

Я жертва твоя! Тебя я избрал нарочно, –
Ведь кровь ты не льёшь, яиц никогда не носишь,
А если бы мы желали любить красавиц,
Для наших детей стал тесен бы край обширный.

И слова другого:

Она говорила мне, жеманясь и гневаясь.
Когда позвала меня за тем, что не вышло:
«Когда не полюбишь ты, как должен жену любить,
Смотри, не брани меня, коль станешь рогатым».

И слова другого:

Она молвила, когда я познать не хотел её:
«О ты глупец, о глупый до предела.
Не согласен ты, чтоб перед мой был тебе кыблою²⁴⁵, –
Повернись к тебе другой кыблою, угодной».

И слова другого:

И прямого пути из мрака заблуждения.
Прекрасно и отлично выразился сказавший:
«Кой в чем заподозрили нас люди, упорствуя своём
подозрении душою и сердцем.
Иди, подтвердим их мысль, чтоб снять с них тяжёлый грех,
Один только раз – потом мы каяться будем».

И затем она дала ему заверения и обещания и поклялась ему необходимо-сущим, что такое дело случится у неё ним один только раз во все время и что любовь к нему привела её к смерти и потере. И Камар-аз-Заман пошёл с нею с этим условием в уединённое место, чтобы погасить огни её страсти, а сам говорил: «Нет мощи и силы, кроме как у Аллаха, высокого, великого! Это предопределено славным, премудрым!»

А затем он распустил шальвары в крайнем смущении, и глаза его текли от сильного волнения. А Будур улыбнулась и ввела его с собою на ложе и сказала: «После сегодняшней ночи ты не увидишь порицаемого».

И она склонилась к нему, целуя и обнимая и сплетая ногу с ногою, и сказала: «Положи руку мне между бёдрами к тому, что тебе известно». И Камар-аз-Заман заплакал и сказал: «Я не умею ничего такого!» – а Будур воскликнула: «Ради моей жизни, сделай то, что я тебе велела!»

И Камар-аз-Заман протянул руку (а душа его вздыхала) и увидел, что её бедра мягче сливочного масла и нежнее шелка, и он ощутил наслаждение, касаясь их, и стал водить рукою во все стороны, пока не достиг купола, многоблагословенного и подвижного. И тогда он подумал:

«Может быть, этот царь двуполый и он не мужчина и не женщина?» – и сказал: «О царь, я не нахожу у тебя того, что есть у мужчин. Что же побудило тебя к таким поступкам?»

И царица Будур так засмеялась, что упала навзничь, и воскликнула: «О мой любимый, как ты скоро забыл ночи, которые мы провели вместе». И она дала ему узнать себя, и Камар-аз-Заман узнал, что это его жена, царица Будур, дочь царя аль-Гайюра, владыки островов и морей. И он обнял её, и она обняла его, и поцеловал её, и она поцеловала его, и они легли на ложе сближения и говорили друг другу такие стихи:

«И звала его я к сближению, шею гибкую
Изогнув к нему, чьи изгибы непрерывны,
И поила твёрдость души его её мягкостью.
И он просьбе внял, хоть отказывал упорно,
Побоялся он, чтоб хулители его видели,
Когда явится он в кольчуге им блестящей,
Бока сетуют на бедро его, нагрузившее,
Когда ходит он, его ногу, как верблюда.
Повязался он мечом режущим очей своих,

²⁴⁵ Кыбла – направление, куда мусульманину надлежит обращать своё лицо во время молитвы.

И кольчугу он на себя надел из мрака.
Аромат его шлёт благую весть, что явился он,
И бегу к нему, точно птица я из клетки.
И ланиты я подостлал в пути для подошв его,
И сурью праха он вылечит мне око»
Привязал я стяг обладания, обнимаясь с ним,
Непокорной я развязал узлы удачи.
И устроил праздник, и ответил мне на призыв мой
Лишь восторг один, от седых забот свободный.
И усеял месяц как звёздами уста его –
Пузырьками вин, что на лике влаги пляшут.
И в михрабе²⁴⁶ я наслаждения пребывал всегда
Подле той, чей дар вернёт к истине ослушных,
Поклянусь чудом «Рассвета» я на лице её:
Суру «Преданность»²⁴⁷ не забуду я вовеки!»

Потом царица Будур рассказала Камар-аз-Заману обо всем, что с нею случилось, от начала до конца, и он тоже рассказал ей обо всем, что с ним случилось. А после этого он перешёл к упрёкам и спросил её: «Что побудило тебя к тому, что ты сделала со мной сегодня ночью?» – а она отвечала: «Не взыщи с меня: я хотела лишь пошутить и увеличить веселье и удовольствие».

Когда же настало утро и засияло светом и заблестало, царица Будур послала к царю Арманусу, отцу царевны Хаят-ан-Нуфус, и рассказала ему об истине и о том, что она жена Камар-аз-Замана. Она рассказала ему свою историю и поведала о причине их разлуки и сообщила царю, что его дочь Хаят-ан-Нуфус девственна, как была. И когда царь Арманус, владыка Эбеновых островов, услышал историю царицы Будур, дочери царя аль-Гайюра, он изумился до крайней степени и приказал записать её золотыми чернилами. А затем он обратился к Камар-аз-Заману и спросил его: «О царевич, не хочешь ли ты стать моим зятем и жениться на моей дочери Хаят-ан-Нуфус?» И Камар-аз-Заман ответил: «Я посоветуюсь с царицей Будур: у неё надо мной неограниченное преимущество».

И когда он спросил у неё совета, Будур сказала: «Прекрасен этот план! Женись на ней, а я буду её служанкой, так как она оказала мне услугу, благодеяние, добро и милость, – тем более что мы в её жилище и нас засыпали милости её отца».

И, увидав, что царица Будур склонна к этому и у неё нет ревности к Хаят-ан-Нуфус, Камар-аз-Заман уговорился с ней об этом деле...»

И Шахразад уловил, что она прекратила дозволенные речи.

Двести семнадцатая ночь

Когда же настала двести семнадцатая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что Камар-аз-Заман уговорился со своей женой, царицей Будур, об этом деле и рассказал царю Арманусу, что царица Будур согласна и что она будет служанкой Хаят-ан-Нуфус».

И когда царь Арманус услышал от Камар-аз-Замана эти слова, он обрадовался сильной радостью. А потом он вышел и сел на престол своего царства и, призвав всех везирей, эмиров, придворных и вельмож правления, рассказал им историю Камар-аз-Замана и его

²⁴⁶ Михраб – ниша в стене мечети, указывающая, в каком направлении находится Мекка.

²⁴⁷ «Рассвет» и «Преданность» – названия сур (глав) Корана.

жены, царевны Будур, с начала до конца, и сказал, что он хочет выдать свою дочь, Хаят-ан-Нуфус, за Камар-аз-Замана и сделать его султаном над ними, вместо его жены, царицы Будур.

И все сказали: «Раз Камар-аз-Заман, оказывается, муж царицы Будур, которая была прежде него над нами султаном (а мы думали, что он зять нашего царя Армануса), тогда мы все согласны, чтобы он был над нами султаном, и мы будем его слугами и не выйдем из повиновения ему».

И царь Арманус обрадовался сильной радостью, а затем он призвал судей и свидетелей и главарей царства и заключил брачный договор Камар-аз-Замана с его дочерью Хаят-ан-Нуфус. И после этого он устроил торжества и объявил роскошные пиры и наградил дорогими одеждами всех эмиров и предводителей войск и роздал милостыню беднякам и нищим и выпустил всех заключённых. И люди обрадовались воцарению Камар-аз-Замана и стали молиться об его вечной славе, преуспейнии, счастии и величии.

А Камар-аз-Заман, сделавшись над ними султаном, отменил пошлыны²⁴⁸ и выпустил тех, кто оставался в тюрьмах, и поступал с народом достохвальным образом, и пребывал он со своими жёнами в блаженстве, радости, довольстве и веселье, проводя у каждой жены одну ночь. И так он прожил некоторое время, и рассеялись его заботы и печали, и забыл он своего отца, царя Шахрамана, и то величие и власть, которое знал с ним.

Рассказ об аль-Амджаде и аль-Асаде (ночи 217-247)

Аллах великий наделил Камар-аз-Замана от обеих его жён двумя детьми мужского пола, подобными двум светящим лунам. Старший из них был от царицы Будур, и звали его царь аль-Амджад, и младший – от царицы Хаят-ан-Нуфус, и звали его царь аль-Асад²⁴⁹, и аль-Асад был красивей своего брата аль-Амджада.

И они воспитывались в величии и изнеженности и, будучи образованны, научились чистописанию, наукам, искусству управления и верховой езде, так что дошли до высшего совершенства и до пределов красоты и прелести, и женщины и мужчины прельщались ими.

И стало им около семнадцати лет, и они не покидали друг друга: вместе ели и вместе спали, не расставаясь ни в какой час и ни в какое время, и все люди из-за этого им завидовали. И, когда достигли они возраста мужей и украсились совершенством, их отец, уезжая, стал сажать их поочерёдно в помещении суда, и каждый из них судил людей один день.

И случилось, по неизбежному велению и заранее назначенному приговору, что любовь к аль-Асаду, сыну Хаятан-Нуфус, запала в сердце царицы Будур, жены его отца, а любовь к аль-Амджаду, сыну царицы Будур, запала в сердце Хаят-ан-Нуфус, жены его отца. И каждая из женщин стала заигрывать с сыном другой жены и целовать его и прижимать к груди, и когда мать мальчика видела это, она думала, что это происходит от нежности и любви к детям. И страсть овладела сердцами женщин, и они прельстились мальчиками, и каждая, когда к ней входил сын другой жены, прижимала его к груди, и ей хотелось, чтобы он с ней не расставался.

И когда эта страсть продлилась над ними и они не находили пути к сближению, обе женщины отказались от питья и пищи и расстались со сладостью сна.

Вот однажды царь отправился на охоту и ловлю и приказал своим детям сесть на его место, чтобы судить, каждому по дню, как обычно...»

²⁴⁸ Многочисленные налоги и пошлыны были в средние века бичом для населения Египта. Поэтому первым актом нового султана почти всегда являлась отмена некоторых пошлын, взамен которых, однако, тотчас же вводились новые.

²⁴⁹ Аль-Амджад – значит славнейший; аль-Асад – счастливейший.

И Шахразадy застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Двести восемнадцатая ночь

Когда же настала двести восемнадцатая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что царь выехал на охоту и ловлю и приказал своим детям сесть на его место, чтобы судить, каждому по дню, как обычно. И в первый день сел, чтобы судить, аль-Амджад, сын царицы Будур, и стал приказывать, запрещать и назначать, и отставлять, и давать, и не давать.

И царица Хаят-ан-Нуфус, мать аль-Асада, написала ему письмо, в котором старалась смягчить и показать ему, что она привязана и влюблена в него, и поднимала завесу и осведомляла, что хочет его близости.

И взяв бумагу, она написала такие созвучия: «От несчастной влюблённой, печальной, разлучённой, чья юность из-за тебя скрылась и чьё мученье продлилось. Если бы я горе своё описала и ту печаль, что я испытала, и некую страсть переживала, и как плачу я и стенаю, себе сердце печальное разрывая, и как заботы мои сменяются и горести не прерываются, и как я от разлуки страдаю, с тоски и горя сгорая, – право, было бы долго в письме все это писать, и бессильны счётчики это сосчитать. Земля с небом для меня тесна стала, и на других я надеяться и рассчитывать перестала, и к смерти близка теперь я стала, и ужасы кончины испытала, и велико во мне пыланье и боль от разлуки и расставанья, и если б тоску свою я описала, на это бумаги бы недостало, и от великих бед и изнуренья я скажу такое стихотворенье:

«Коль стану описывать, какой я терплю огонь,
Недуг и любовь мою, тревогу, бессонницу,
Не хватит на всей земле ни свитков, ни перьев мне,
Чернил не останется, бумага исчезнет вся».

Потом царица Хаят-ан-Нуфус завернула эту бумагу в кусок дорогого шелка, пропитанного мускусом и шафраном, и положила с нею ленты из своих волос, которые ценностью были выше денег, а затем она завернула все это в платок и отдала это евноху и велела ему доставить платок царю аль-Амджаду...»

И Шахразадy застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Двести девятнадцатая ночь

Когда же настала двести девятнадцатая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что царица отдала платок с письмом евноху и велела ему доставить его царю аль-Амджаду. И этот евнох вошёл, не зная, что скрыто для него в неведомом, а знающий скрытое управляет как хочет.

И евнох, войдя к царю аль-Амджаду, поцеловал перед ним землю и подал ему письмо, передав ему поручение, и царь аль-Амджад взял платок и развернул его и увидел бумажку, которую раскрыл и прочитал, а поняв её смысл, он узнал, что у жены его отца перед глазами измена и она обманула его отца, царя Камар-аз-Замана.

И царевич разгневался великим гневом и стал порицать женщин за их дела и воскликнул: «Да проклянет Аллах женщин-обманщиц, которым недостаёт ума и веры!» – а затем он обнажил меч и сказал евноху: «О злой раб, и ты носишь письма, заключающие измену жены твоего господина! Клянусь Аллахом, нет в тебе добра, о чёрный по цвету и по

странице твоих грехов²⁵⁰, о гадкий по внешности и по гнусной природе!»

И он ударил его мечом по шее и отделил ему голову от тела. И платок с тем, что в нем было, он положил за пазуху. А потом он вошёл к своей матери и сообщил ей о том, что произошло. И стал ругать и бранить её, и сказал: «Все вы одна сквернее другой! Клянусь великим Аллахом, если бы я не боялся нарушить пристойность по отношению к моему отцу, Камар-аз-Заману, и брату, царю аль-Асаду, я бы наверное вошёл к ней и отрубил ей голову, как я отрубил голову её евнуху». И он вышел от своей матери, царицы Будур, в крайнем гневе.

А когда до царицы Хаят-ан-Нуфус дошёл слух о том, что сделал царевич с её евнухом, она стала ругать его и проклинять и задумала против него козни. А царевич аль-Амджад провёл эту ночь больной от гнева, огорчения и раздумья, и не были ему сладки ни еда, ни питьё, ни сон.

Когда же настало утро, его брат, царь аль-Асад, вышел и сел на престол своего отца, царя Камар-аз-Замана, чтобы судить людей (а его мать, Хаят-ан-Нуфус, сделалась больна, услышав, что царь аль-Амджад убил евнуха). И царь аль-Асад, воссев в этот день для суда, судил и был справедлив и назначал и отставлял и приказывал и запрещал и жаловал и оделял, и просидел он в помещении суда почти до захода солнца.

А царица Будур, мать царя аль-Амджада, послала за одной старухой из злокозненных старух и высказала ей то, что таилось в её сердце. И она взяла листочек, чтобы написать послание царю аль-Асаду, сыну её мужа, и посетовать на силу своей любви к нему и страсти, и написала такие созвучия: «От той, кто любовью и страстью убит, тому, чей лучше всех нрав и вид, в красоте своей превозносящемуся, изнеженностью кичащемуся, отвернувшемуся от ищущих сближения, не желающему близости тех, кто покорён в унижении, тому, кто суров и кому наскучил влюблённый, которого он измучил, – царю аль-Асаду, чья превосходная красота и прелесть безукоризненно чиста, чьё лицо как луна сияет, чей лоб ярко блестит и чей свет сверкает. Вот письмо моё к тому, кто от страсти моё тело размягчил и кожу с костями разлучил. Знай, что терпенье моё ослабело, и не знаю я, что мне делать; страсть и бессонница меня волнуют и терпенье и покой со мной враждуют. Печаль и бессонница меня не покидают, и страсть и любовь меня терзают, а изнурение и хворь не оставляют. Пусть душа моя тебя избавит, если убить влюблённого тебя позабавит, и пусть Аллах тебя вовек сохранит и от всякого зла оградит».

И после этих строк она написала такие стихи:

«Рассудило время, чтоб быть в тебя мне влюблённому,
О ты, чья прелесть как лик луны воссияла нам!
Красноречье ты и все прелести собрал в себе,
И в тебе одном, средь творений всех, светит блеск красот.
И согласна я, чтобы стал моим ты мучителем, –
Может, взгляд одни подарить ты мне не откажешься.
Кто умрёт, любовью к тебе убитый, лишь тот блажен;
Нету блага в том, кто любви и страсти не ведает!»

И ещё она написала такие стихи:

«О Асад, тебе, в любви сгорая, я сетую,
О, сжался над любящей, тоскою сжигаемой.
Доколе рука любви так будет играть со мной?
Доколе бессонница и думы, и страсть и хворь?

²⁵⁰ Имеется в виду страница «предвечной книги», посвящённая записи грехов этого евнуха. По мусульманскому поверию, у Аллаха имеется особая книга для записи поступков людей, где каждому созданию посвящена особая страница. На основании этой записи будет сведён с человеком счёт в день страшного суда.

То в море я, то стону от пламени жгучего
В душе, о мечта моя, – вот диво поистине!
Хулитель, оставь укоры! В бегстве ищи себе
От страсти спасения, из глаз проливай слезу.
Как часто в разлуке я кричал от любви: «О смерть!»
Но вопли и выкрики меня не избавили.
Хвораю в разлуке я – её мне не вынести –
Ты врач, помоги же мне в болезни чем следует.
Упрёки, хулители, оставьте и бойтесь вы,
Что может любви болезнь и вам принести конец».

Потом царица Будур пропитала листок с посланием благоухающим мускусом и завернула его в ленты из своих волос – ленты из иракского шелка с кисточками из зёрен зеленого изумруда, вышитые жемчугом и драгоценными камнями. И она вручила бумажку старухе и приказала ей отдать её царю аль-Асаду, сыну её мужа, паря Камар-аз-Замана, и старуха отправилась, чтобы ей угодить, и вошла к царю аль-Асаду в тот же час и минуту.

А когда старуха вошла, он был в одиночестве и взял от неё бумажку с тем, что в ней было, а старуха простояла некоторое время, ожидая ответа. И тогда царь аль-Асад прочитал бумажку и понял, что в ней заключается, а после того он завернул бумажку в ленты и положил её За пазуху. И он разгневался сильным гневом, больше которого не бывает, и стал проклинать обманщиц женщин. А потом он поднялся и, вынув меч из ножен, ударил старуху по шее и отделил ей голову от тела.

И затем он встал и пошёл и, войдя к своей матери, Хаят-ан-Нуфус, увидел, что она лежит на постели, больная после того, что с ней случилось, из-за царя аль-Амджада. И царь аль-Асад выбранил её и проклял, и вышел и встретился со своим братом, царём аль-Амджадом, и рассказал ему обо всем, что у него было с его матерью, царицей Будур. Он сказал, что убил старуху, которая принесла ему послание, и воскликнул: «Клянусь Аллахом, о брат мой, если бы я не стыдился тебя, я бы обязательно сию же минуту вошёл к ней и срубил бы ей голову с плеч».

И брат его, царь аль-Амджад, сказал ему: «Клянусь Аллахом, о брат мой, со мной случилось вчера, когда я сел на престол царства, то же, что случилось с тобой сегодня: твоя мать послала мне письмо, содержащее такие же речи». И он рассказал ему обо всем, что у него случилось с матерью царя аль-Асада, царицей Хаят-ан-Нуфус, и сказал: «Клянусь Аллахом, о брат мой, если бы я не стыдился тебя, я бы обязательно вошёл к ней и поступил бы с ней так же, как поступил с евнухом».

И они провели остаток этой ночи, разговаривая и проклиная женщин обманщиц, и посоветовали друг другу скрывать это дело, чтобы о нем не услышал их отец, Камар-аз-Заман, и не убил бы обеих женщин. И всю эту ночь, до утра, они были озабочены.

И когда настало утро, со своим войском прибыл царь с охоты и посидел немного на престоле царства, а потом он отправился в свой дворец и отпустил эмиров идти своей дорогой. И он вошёл в свои покои и увидел, что обе его жены лежат на постели, крайне ослабевшие (а они учинили против своих сыновей хитрость и сговорились погубить их души, так как они опозорились и боялись оказаться во власти своей оплошности). И когда царь увидал их в таком положении, он спросил: «Что с вами?» – и женщины поднялись и поцеловали ему руку и рассказали ему все дело наоборот, сказавши: «Знай, о царь, что твои сыновья, которые воспитались в твоей милости, обманули тебя с твоими жёнами и заставили тебя испытать унижение».

И когда Камар-аз-Заман услышал от своих женщин Эти слова, свет стал мраком перед лицом его, и он очень разгневался, и от сильного гнева ум его улетел, и он сказал жёнам: «Разъясните мне, как это было!»

И царица Будур сказала: «Знай, о царь времени, что твой сын аль-Асад, сын Хаят-ан-Нуфус, уже несколько дней посылал ко мне и писал мне и соблазнял меня на

разврат, и я удерживала его от этого, но он не переставал. И когда ты уехал, он налетел на меня, пьяный, с обнажённым мечом в руках, и ударил моего слугу и убил его, и сел мне на грудь держа меч в руках, и я побоялась, что он убьёт меня, если я стану ему противиться, как убил моего слугу, и он удовлетворил со мною своё желание насильно. И если ты не воздашь ему за меня должное, о царь, я убью себя своей рукой: нет мне нужды жить в этом мире после такого мерзкого дела!»

А Хаят-ан-Нуфус, плача и рыдая, также рассказала царю подобное тому, что рассказала его другая жена, Будур...»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Ночь, дополняющая, до двухсот двадцати

Когда же настала ночь, дополняющая до двухсот двадцати, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что царица Хаят-ан-Нуфус рассказала своему мужу, царю Камар-азЗаману, то же самое, что рассказала ему царица Будур, и сказала: „У меня тоже случилось с твоим сыном альАсадом такое же“, – а потом она принялась плакать и рыдать и воскликнула: „Если ты не воздашь ему за меня должное, я осведомлю об этом моего отца, царя Армануса!“

И обе женщины заплакали перед своим мужем, царём Камар-аз-Заманом, сильным плачем, и когда царь увидел, что его жены обе плачут, и услышал их речи, он уверился, что это правда, и разгневался сильным гневом, больше которого не бывает. И, поднявшись, хотел броситься на своих сыновей, чтобы убить их.

И ему повстречался его тесть, царь Арманус, который в эту минуту входил, чтобы приветствовать его, узнав, что он вернулся с охоты. И, увидев, что у Камар-аз-Замана в руке обнажённый меч и кровь капает из его ноздрей от сильного гнева, он спросил, что с ним. И Камар-азЗаман рассказал ему все, что случилось из-за его сыновей, аль-Амджада и аль-Асада, и воскликнул: «Вот я иду к ним, чтобы их убить наихудшим образом и изуродовать их самым худшим способом!»

И царь Арманус, его тесть, сказал, тоже разгневавшись на юношей: «Прекрасно будет то, что ты сделаешь, о дитя моё! Да не благословит Аллах их и всех детей, которые совершают такие поступки со своими отцами. Но только, дитя моё, говорит сказавший поговорку: „Кто не думает о последствиях, тому судьба не друг“. Они при всех обстоятельствах твои дети, и не должно тебе убивать их своей рукой и выпить горечь убийства и раскаиваться в их смерти, когда бесполезно будет раскаяние. Пошли одного из невольников: пусть он их убьёт в пустыне, когда их не будет у тебя перед глазами. Ведь говорится в поговорке: „Быть вдали от любимого лучше мне и прекраснее – не видит глаз, не печалится сердце“.

И, услышав от своего тестя, царя Армануса, такие речи, царь Камар-аз-Заман счёл их правильными. Он вложил меч в ножны и, вернувшись, сел на престол царства, я позвал своего казначея (а это был дряхлый старец, сведущий в делах и превратностях судеб) и сказал ему: «Пойди к моим сыновьям, аль-Амджаду и аль-Асаду, скрути их хорошенько, положи их в сундук и взвали на мула, а сам садись верхом, выезжай с ними на середину пустыни и зарежь их, и наполни мне два кувшина их кровью и скорее принеси мне». И казначей отвечал: «Слушаю и повинуюсь!»

В тот же час и минуту казначей поднялся и отправился к аль-Амджаду и аль-Асаду. И он встретил их по дороге, когда они выходили через дворцовый проход, одетые в лучшие платья и одежду, чтобы отправиться к своему отцу, царю Камар-аз-Заману, и приветствовать его и поздравить с благополучным возвращением после поездки на охоту. И, увидав юношей, казначей схватил их и воскликнул: «О дети мои, знайте, что я подневольный раб и что ваш отец отдал мне приказание. Послушны ли вы приказанию его?» И они ответили: («Да!» – и тогда казначей подошёл к ним и скрутил их и положил в сундуки и, взвалив их на

спину мула, выехал с ними из города.

И он до тех пор ехал с ними в пустыне, пока не приблизился полдень, и тогда он остановился в глухом пустынном месте. Сойдя с коня, он снял сундуки со спины мула и открыл их и вынул оттуда аль-Амджада и аль-Асада. И, увидав их, казначей горько заплакал из-за их красоты и прелести, а потом он обнажил меч и сказал им: «Клянусь Аллахом, о господа мои, тяжело мне совершить с вами скверный поступок, но эти дела мне простительны, так как я подневольный раб, и ваш отец, царь Камар-азЗаман, велел мне отрубить вам головы». И юноши сказали ему: «О эмир, делай так, как приказал тебе царь: мы вытерпим то, что судил нам Аллах, великий, славный, и ты не ответствен за нашу кровь».

Затем братья обнялись и простились друг с другом, и аль-Асад сказал казначею: «Ради Аллаха, о дядюшка, не Заставляй меня проглотить горесть по моем брате и испытать печаль о нем, но убей меня раньше него, и будет мне легче». И аль-Амджад сказал казначею то же, что сказал его брат, и стал его упрашивать, чтобы он убил его раньше брата: «Он моложе меня, не заставляй же меня вкусить печаль о нем».

И потом они оба заплакали сильным плачем, сильнее которого не бывает. И казначей тоже заплакал, глядя на их слезы...»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Двести двадцать первая ночь

Когда же настала двести двадцать первая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что казначей заплакал из-за их плача, а потом братья обнялись и простились друг с другом, и один из них сказал другому: „Это все – козни обманщиц – твоей матери и моей матери, – и вот воздаяние за то, как я поступил с твоей матерью и как ты поступил с моей матерью. Но нет мощи и силы, кроме как у Аллаха, высокого, великого! Поистине, мы принадлежим Аллаху и к нему возвращаемся!“»

Аль-Асад обнял своего брата и произнёс, испуская вздохи, такие стихи:

«О ты, к кому я, в страхе сетуя, стремлюсь,
Лишь ты для всех случайностей прибежище.
Одна мне хитрость – постучаться в дверь к тебе,
А отвергнут буду – в какую дверь стучаться мне?
О ты, чьих благ сокровища в словечке «будь»,
Пошли – ведь благо у тебя все собрано».

И когда аль-Амджад слышал плач своего брата, он заплакал и прижал его к груди и произнёс такое двестишестое:

«О ты, чья рука со мной всегда не одна была,
О ты, чьих подарков ряд превыше счисления,
Всегда, коль постигнут был я рока превратностью,
Я видел, что за руку ты тотчас меня берёшь».

А после этого аль-Амджад сказал казначею: «Прошу тебя ради единого покоряющего, царя покрывающего, убей меня раньше моего брата аль-Асада: может быть, мой огонь погаснет, не дай же ему разгореться». Но аль-Асад заплакал и воскликнул: «Раньше убит буду только я!» – и аль-Амджад сказал: «Лучше всего будет, если ты обнимешь меня, а я обниму тебя, чтобы меч, опустившись на нас, убил нас разом».

А когда они обнялись, повернувшись лицом к лицу, и прижались друг к другу, казначей связал их и привязал верёвками, плача, а затем он обнажил меч и воскликнул: «Клянусь Аллахом, о господа мои, мне тяжело убивать вас! Нет ли у вас пожелания, которое бы я

исполнил, или завещания, которое я бы выполнил, или же послания, которое я бы доставил?» – «Нет у нас ничего, – сказал альАмджад, – а что касается завещания, – я завещаю тебе положить моего брата аль-Асада снизу» а меня сверху, чтобы удар пал на меня сначала. А когда ты кончишь нас и прибудешь к царю и он тебя спросит: «Что ты слышал от них перед смертью?» – скажи ему: «Твои сыновья передают тебе привет и говорят, что ты не знаешь, невинны они или грешны. Ты убил их, не удостоверившись в их проступке и не рассмотрев их дела». А потом скажи ему такие два стиха:

«Знай, женщины-дьяволы, для нас сотворённые, –
Аллах, защити меня от козней шайтанов! –
Причина всех бед они, возникших среди людей,
И в жизни людей земной и в области веры».

Мы хотим от тебя лишь того, чтобы ты передал отцу эти два стиха, которые ты услышал», – сказал альАмджад...»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Двести двадцать вторая ночь

Когда же настала двести двадцать вторая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что альАмджад сказал казначею: „Мы хотим от тебя лишь того, чтобы ты передал отцу эти два стиха, которые ты слышал, и прошу тебя, ради Аллаха, потерпи с нами, пока я скажу брату ещё вот эти два стиха“.

И потом он горько заплакал и стал говорить:

«Цари, ушедшие от нас
В минувшем, служат назиданьем,
Ведь сколько этою стезёй
Больших и малых проходило!»

Услышав от аль-Амджада эти слова, казначей так сильно заплакал, что увлажнил себе бороду, а что до аль-Асада, то его глаза залились слезами, и он произнёс такие стихи:

«Судьба после самых дел следами их нас сразит –
Чего же оплакивать тела нам и образы?
Чем ночь отличается – оплошность, Аллах, прости! –
От ночи, обманутой рукою превратностей?
Зажгла против Ибн Зубейда козни свои судьба²⁵¹,
Хоть в храме у камня он защиты искал себе»
О, если бы, Амра жизнь избавив за Хариджу,
Алия избавила судьба за чью хочет жизнь!»²⁵²

²⁵¹ Ибн Зубейр (Абд-Аллах ибн аз-Эубейр) – внук халифа Абу-Бекра, оспаривал власть у первых халифов династии Омейядов. После смерти в 680 году халифа Муавии I Ибн Зубейр объявил себя халифом, но вынужден был бежать от сына Муавии, Язида, в Мекку, откуда получил прозвище «ищущий защиты у камня» («священного камня», находящегося в Мекке). Хариджа – египетский судья, убит по ошибке в 661 году фанатиком, принявшим его за завоевателя Египта Амра ибн аль-Аса. Халиф Алий (Али) и его будущий преемник, Муавия, также подверглись нападению; Али был тяжело ранен и умер, Муавия остался жив.

²⁵² Это стихотворение изобилует намёками на события первых времён ислама.

А затем он окрасил щеку ливнем слез и произнёс такие стихи:

«Поистине, ночь и день природой так созданы,
Обманы присущи им, и козни, и хитрости.
Обманное марево – для них только блеск зубов,
И мрак устрашающий для них лишь сурьма для глаз
Проступок пред ночью мой (противен мне нрав её!) –
Проступок меча, когда храбрец отступает вдруг».

А потом он стал испускать вздохи и произнёс такие стихи:

«О стремящийся к жизни низменной, поистине
Она смерти сеть и вместилище смущения.
Вот дом – когда смешит тебя сегодня он,
Ты плачешь завтра, – гибель тому дому!
Набегам рока нет конца; пленённых им
Не выкупить отвагой благородной.
Сколь многие, обманчивость презрев судьбы,
Враждебны стали ей, превысив силы,
По, щит к ним тылом повернув, она
В отместку нож их кровью напоила.
И знай, судьбы удары нас разят,
Хоть долог срок и лет судьбы не спешен.
Смотри ж, чтоб жизнь твоя напрасно не прошла
Неосторожно, по пренебреженью.
Порви ж любви и желаний узы – найдёшь тогда
Ты верный путь и блаженство тайн высоких».

И когда аль-Асад окончил эти стихи, он обнял своего брата аль-Амджада так, что они сделались как бы одним существом, а казначей обнажил меч и хотел ударить, но вдруг его конь умчался в пустыню (а он стоял тысячу динаров, и на нем было великолепное седло, стоящее больших денег). И казначей выронил из рук меч и побежал за своим конём...»

И Шахразад застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Двести двадцать третья ночь

Когда же настала двести двадцать третья ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что казначей побежал вслед за конём (а душа его пылала) и до тех пор бежал за ним, чтобы схватить его, пока конь не вошёл в заросль, и казначей вошёл в эту Заросль вслед за ним. И конь прошёл на середину заросли и ударил ногою об землю, и поднялась пыль, и взвилась, и взлетела вверх, а конь стал храпеть, сопеть и ржать и распалаться.

А в этой заросли был лев, очень страшный, безобразный видом, и у него глаза метали искры а морда была мрачная, и вид его ужасал души. И казначей обернулся и увидел, что этот лев направляется к нему. И не знал казначей, куда бежать из его лап, и не было у него меча. И казначей воскликнул: «Нет мощи и силы, кроме как у Аллаха, высокого, великого! Эта беда случилась со мной лишь из-за аль-Амджада и аль-Асада, и эта поездка была Злосчастной с самого начала!»

А аль-Амджада и аль-Асада палил зной, и они чувствовали сильную жажду, так что даже высунули языки. И они стали звать на помощь, но никто не помог им. И тогда они воскликнули: «О, если бы нас убили, мы избавились бы от Этого! Но мы не знаем, куда

умчался конь, и казначей побежал за ним и оставил нас связанными. Если бы он пришёл и убил нас, это было легче, чем выносить такую муку!»

«О брат мой, – сказал аль-Асад, – потерпи: скоро придёт к нам облегчение от Аллаха, великого, славного, ведь конь умчался не иначе как по милости Аллаха, а мучит нас только жажда».

И он встряхнулся и задвигался направо и налево, и его узы развязались, и тогда он поднялся и развязал узы своего брата, а затем взял меч эмира и сказал своему брату: «Клянусь Аллахом, мы не уйдём отсюда, пока не выясним и не узнаем, что с ним случилось!»

И они пошли по следам везиря, а следы привели их к Заросли, и братья сказали один другому: «Поистине, конь и казначей не прошли дальше этой заросли». – «Постой здесь, – сказал аль-Асад своему брату, – а я пойду в заросль и посмотрю эмира». Но аль-Амджад воскликнул:

«Я не дам тебе войти в неё одному, и мы войдём только оба! Если мы спасёмся, то спасёмся вместе, а если погибнем, то погибнем вместе».

И оба вошли и увидели, что лев уже бросился на казначея, и тот был под ним словно воробей, но только од молил Аллаха и показывал рукою на небо. И, когда аль-Амджад увидел это, он схватил меч и, бросившись на льва, ударил его мечом между глаз, и лев упал и растянулся на Земле.

Эмир поднялся, дивясь этому делу, и увидел аль-Амджада и аль-Асада, сыновей своего господина, которые стояли перед ним. И он кинулся им в ноги и воскликнул:

«Клянусь Аллахом, о господа мои, не годится, чтобы я допустил с вами крайность, убивши вас! Да не будет того, кто вас убьёт! Я выкуплю вас своей душой...»

И Шахразату застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Двести двадцать четвёртая ночь

Когда же настала двести двадцать четвёртая ночь, она сказала: Дошло до меня, о счастливый царь, что казначей сказал аль-Амджаду и аль-Асаду: «Я выкуплю вас своей душой!» – а затем он поднялся в тот же час и минуту и обнял их и спросил, каким образом они развязали на себе узы и явились. И братья рассказали ему, что они почувствовали жажду и узы развязались на одном из них, и тот развязал другого благодаря чистоте их намерений, а потом они пошли по следу и пришли к нему.

И казначей, услышав эти слова, поблагодарил братьев за их поступок и вышел с ними из заросли, и, оказавшись вне заросли, они сказали ему: «О дядюшка, сделай так, как тебе велел наш отец», но казначей воскликнул: «Не допусти Аллах, чтобы я приблизился к вам со злом! Знайте, что я хочу снять с вас одежду и одеть вас в свою одежду, а потом я наполню две бутылки кровью льва и пойду к царю и скажу ему: „Я убил их“. А вы идите странствовать по городам: земли Аллаха просторны, и знайте, о господа мои, что разлука с вами мне тяжела».

И потом все заплакали, – и казначей и оба юноши, – и они сняли с себя одежды, и казначей одел их в своё платье. И он отправился к царю, захватив с собою их платье, и завязал платье каждого в узел, и наполнил бутылки львиной кровью, и узлы он положил перед собою, на спину коня.

И казначей, простившись с братьями, поехал, направляясь в город, и ехал до тех пор, пока не вошёл к царю. Он поцеловал перед ним землю, и царь увидал, что лицо у него изменилось (а было это из-за того, что случилось у него со львом), и подумал, что это потому, что он убил его сыновей. И царь обрадовался и спросил его: «Сделал ли ты то дело?» И казначей ответил: «Да, о владыка наш!» – и протянул ему узлы, в которых была одежда и бутылки, наполненные кровью.

«Как они себя показали и поручили ли они тебе чтонибудь?» – спросил царь. И

казначей ответил: «Я нашёл их терпеливыми, отдавшимися тому, что их постигло, и они сказали мне: „Нашему отцу простительно. Передай ему от нас привет и скажи ему: „Ты не ответствен за то, что убил нас, и за нашу кровь“. И мы поручаем тебе передать ему такие два стиха“. Вот они:

«Знай, женщины-дьяволы, для нас сотворённые, –
Спаси же, Аллах, меня от козней шайтанов!
Причина всех бед они, возникших среди людей,
И в жизни людей земной и в области веры».

И, услышав от казначея эти слова, царь надолго опустил голову к земле, и понял он, что эти слова его детей указывают, что они были убиты несправедливо. И он подумал о кознях женщин и их хитростях и, взяв узлы, развязал их и принялся рассматривать одежду своих сыновей и плакать...»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Двести двадцать пятая ночь

Когда же настала двести двадцать пятая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о великий царь, что царь Камар-аз-Заман развязал узлы и стал рассматривать одежду своих сыновей и плакать. И он развернул одежду своего сына аль-Асада и нашёл у него в кармане бумажку, написанную почерком своей жены Будур, и в ней были ленты из её волос. И царь развернул бумажку и прочитал её и, поняв её смысл, узнал, что с сыном аль-Асадом поступлено несправедливо. Потом он обыскал свёрток одежды аль-Амджада и нашёл у него в кармане бумажку, написанную рукою своей жены Хаятан-Нуфус, и в бумажке были ленты из её волос. И он развернул бумажку и, прочитав её, понял, что с его сыном поступили несправедливо.

Тогда он ударил рукою об руку и воскликнул: «Нет мощи и силы, кроме как у Аллаха, высокого, великого! Я убил обоих своих детей безвинно». И он принялся бить себя по щекам, восклицая: «Увы, мои дети! Увы, долгая печаль моя!» – и велел построить две гробницы в одной комнате и назвал её Домом печалей. И он написал на гробницах имена своих детей и, бросившись на могилу аль-Амджада, заплакал и застонал и зажаловался и произнёс такие стихи:

«О месяц мой! Под прахом сокрылся он,
О нем рыдают звезды блестящие.
О ветвь моя! Не может, как нет её,
Изгиб коснуться взора смотрящего.
Очам не дам ревниво я зреть тебя,
Пока миров не стану других жильцом.
И утонул в слезах я бессонницы,
И потому в аду себя чувствую»

Потом он бросился на могилу аль-Асада и стал плакать и стонать и жаловаться и пролил слезы и произнёс такие стихи:

«Хотел бы я разделить с тобою смерть твою,
Но Аллах хотел не того, чего хотел я.
Зачернил я все меж просторным миром и взглядом глаз,
А все чёрное, что в глазах моих, – то стёрлось.
До конца излить не могу я слезы, коль плачу я, –

Ведь душа моя пошлёт им подкрепление.
О, смилуйся и дай увидеть ты там себя,
Где сходны все – и господа и слуги».

И после этого царь принялся ещё сильнее стонать и плакать, а окончив плакать и говорить стихи, он оставил любимых и друзей и уединился в доме, который назвал Домом печалей, и стал там оплакивать своих детей, расставшись с жёнами, друзьями и приятелями.

Вот что было с ним.

Что же касается аль-Амджада и аль-Асада, то они, не переставая, шли в пустыне и питались злаками земли, а пили остатки дождей в течение целого месяца, пока их путь не привёл их к горе из чёрного кремня, неведомо где кончавшейся. А дорога у этой горы разветвлялась: одна дорога пересекала гору посередине, а другая шла на вершину её. И братья пошли по дороге, которая вела наверх, и шли по ней пять дней, но не видели ей конца, и их охватила слабость от утомления, так как они не были приучены ходить по горам или в другом месте.

И когда они потеряли надежду достичь конца этой горы, братья вернулись и пошли по дороге, которая проходила посреди горы...»

И Шахразад устало сказала, и она прекратила дозволенные речи.

Двести двадцать шестая ночь

Когда же настала двести двадцать шестая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что когда аль-Амджад и аль-Асад, дети Камараз-Заман вернулись с дороги, шедшей по горе вверх, на ту дорогу, что проходила посреди горы, они шли по ней весь этот день, до ночи. И аль-Асад устал от долгой ходьбы и сказал своему брату: „О брат мой, я не могу больше идти, так как очень слаб“, – и аль-Амджад ответил: „О брат мой, укрепи свою душу: быть может, Аллах нам облегчит“.

И они прошли некоторое время ночью, и мрак стусился над ними, и аль-Асад почувствовал сильную усталость, сильнее которой не бывает, и сказал: «О брат мой, я устал и утомился от ходьбы», – и он бросился на землю и заплакал. И брат его аль-Амджад понёс его и то шёл, неся своего брата, то садился отдыхать, пока не наступило утро.

И тогда он поднялся с ним на гору, и они увидели там ручей текущей воды, а подле него гранатовое дерево и михраб, и не верилось им, что они это видят. А потом они сели у этого ручья, напились из него воды и поели гранатов с того дерева и спали в этом месте, пока не взошло солнце.

Тогда они сели и умылись в ручье и поели тех гранатов, что росли на дереве, и проспали до вечера, и хотели идти, но аль-Асад не мог идти, и у него распухли ноги. И братья пробыли в этом месте три дня, пока не отдохнули, а затем они шли по горе в течение дней и ночей, идя по вершине горы, и погибали, томясь жаждой.

Но, наконец, показался вдали город, и они обрадовались и продолжали идти, пока не достигли города, а приблизившись к нему, они возблагодарили Аллаха великого, и аль-Амджад сказал аль-Асаду: «О брат мой, сядь здесь, а я пойду и отправлюсь в город и посмотрю, что это за город и кому он принадлежит и где мы находимся на обширной земле Аллаха. Мы узнаем, через какие мы прошли страны, пересекая эту гору: ведь если бы мы шли вокруг её подножия, мы бы не достигли этого города в целый год. Хвала же Аллаху за благополучие». – «О брат мой, – сказал аль-Асад, – никто не спустится и не войдёт в этот город, кроме меня. Я выкуп за тебя, и, если ты меня оставишь и сейчас спустишься и скроешься от меня, я буду делать тысячу предположений и меня затопят мысли о тебе. Я не могу вынести, чтобы ты от меня удался». И аль-Амджад сказал ему: «Иди и не задерживайся!»

И аль-Асад спустился с горы, взяв с собой денег, и оставил брата ожидать его. И он

пошёл и шёл под горой, не переставая, пока не вошёл в город и не прошёл по его переулкам. И по дороге его встретил один человек

глубокий старец, далеко зашедший в годах, и борода спускалась ему на грудь и была разделена на две части, а в руках у старика был посох, и одет был старик в роскошную одежду, а на голове у него был большой красный тюрбан. И, увидев этого старика, аль-Асад подивился его одеянию и облику и, подойдя к нему, приветствовал его и спросил: «Где дорога на рынок, о господин мой?» – и когда старик услышал его слова, он улыбнулся ему в лицо и сказал:

«О дитя моё, ты как будто чужеземец?» – «Да, я чужеземец», – ответил ему аль-Асад...»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Двести двадцать седьмая ночь

Когда же настала двести двадцать седьмая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что старик, встретивший аль-Асада, улыбнулся ему в лицо и сказал: „О дитя моё, ты как будто чужеземец?“ – и аль-Асад отвечал ему „Да, я чужеземец“. – „О дитя моё, – сказал старик, – ты возвеселил наши земли и заставил тосковать земли твоих родных. Чего же ты хочешь на рынке?“ – „О дядюшка, – ответил аль-Асад, – у меня есть брат, которого я оставил на горе. Мы идём из далёких стран, и путешествию нашему уже три месяца, и когда мы подошли к этому городу, я оставил моего старшего брата на горе и пришёл сюда купить еды и ещё кое-чего и вернуться к брату, чтобы мы могли этим питаться“.

И старик сказал ему: «О дитя моё, радуйся полному благополучию и узнай, что я устроил пир и у меня много гостей и я собрал для пира самые лучшие и прекрасные кушанья, которых желают души. Не хочешь ли ты отправиться со мною в моё жилище? Я дам тебе то, что ты хочешь, и не возьму от тебя ничего и никакой платы и расскажу тебе о положении в этом городе. Хвала Аллаху, о дитя моё, что я нашёл тебя и никто тебя не нашёл, кроме меня». – «Совершай то, чего ты достоин, и поспеши, так как мой брат меня ожидает и его ум целиком со мной», – ответил аль-Асад.

И старик взял его за руку и повернул с ним в узкий переулок. И он стал улыбаться в лицо аль-Асаду и говорил ему: «Слава Аллаху, который спас тебя от жителей этого города!» – и до тех пор шёл с ним, пока не вошёл в просторный дом, где был зал.

И вдруг посреди нею оказалось сорок стариков, далеко зашедших в годах, которые сидели все вместе, усевшись кружком, и посреди горел огонь, и старики сидели вокруг огня и поклонялись ему, прославляя его.

И когда аль Асад увидел это, он оторопел и волосы на его теле поднялись, и не знал он, каково их дело, а старик закричал этим людям: «О старцы огня, сколь благословен Этот день!» Потом он крикнул: «Эй, Гадбан!» – и к нему вышел чёрный раб высокого роста, ужасный видом, с хмурым лицом и плоским носом. И старик сделал рабу знак, и тот повернул аль-Асада к себе спиной и крепко связал его, а после этого старик сказал рабу: «Спустишься с ним в ту комнату, которая под землёю, и оставь его там, и скажи такой-то невольнице, чтобы она его мучила и ночью и днём».

И раб взял аль-Асада и, отведя его в ту комнату, отдал его невольнице, и та стала его мучить и давала ему есть одну лепёшку рано утром и одну лепёшку вечером, а пить – кувшин солёной воды в обед и такой же вечером. А старики сказали друг другу: «Когда придёт время праздника огня, мы зарежем его на горе и принесём его в жертву огню».

Однажды невольница спустилась к нему и стала его больно бить, пока кровь не потекла из его боков и он не потерял сознание, а потом она поставила у него в головах лепёшку и кувшин солёной воды и ушла и оставила его. И аль Асад очнулся в полночь и нашёл себя связанным и побитым, и побои причиняли ему боль. И он горько заплакал и вспомнил своё

прежнее величие, и счастье, и власть, и господство, и разлуку с отцом и со своей былой властью...»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Двести двадцать восьмая ночь

Когда же настала двести двадцать восьмая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что аль-Асад увидел себя связанным и побитым, и причиняли ему боль. И он вспомнил своё прежнее величие, и счастье, и славу, и господство и заплакал и произнёс, испуская вздохи, такие стихи:

«Постой у следов жилья и там расспроси о нас –
Не думай, что мы в жильё, как прежде, находимся
Теперь разлучитель рок заставил расстаться нас,
И души завистников о нас не злорадствуют.
Теперь меня мучает бичами презренная,
Что сердце своё ко мне враждою наполнила.
Но, может быть, нас Аллах с тобою сведёт опять
И карой примерною врагов оттолкнёт от нас».

И, окончив свои стихи, аль-Асад протянул руку и нашёл у себя в головах лепёшку и кувшин солёной воды. Он поел немного, чтобы заполнить пустоту и удержать в себе дух, и выпил немного воды и до самого утра бодрствовал из-за множества клопов и вшей.

А когда наступило утро, невольница спустилась к нему и переменяла на нем одежду, которая была залита кровью и прилипла к его коже, так что кожа его слезла вместе с рубахой. И аль-Асад закричал и заохал и воскликнул: «О владыка, если это угодно тебе, то прибавь мне ещё! О господи, ты не пренебрежешь тем, кто жесток со мной, – возьми же с него за меня должное». И затем он испустил вздохи и произнёс такие стихи:

«К твоему суду терпелив я буду, о бог и рок,
Буду стоек я, коль угодно это, господь, тебе.
Я вытерплю, владыка мой, что суждено,
Я вытерплю, хоть ввергнут буду в огонь гада,
И враждебны были жестокие и злы ко мне,
Но, быть может, я получу взамен блага многие.
Не можешь ты, о владыка мой, пренебречь дурным,
У тебя ищу я прибежища, о господь судьбы!»

И слова другого:

«К делам ты всем повернись спиной,
И дела свои ты вручи судьбе.
Как много дел, гневящих нас,
Приятны нам впоследствии.
Часто тесное расширяется,
А просторный мир утесняется.
Что хочет, то и творит Аллах,
Не будь же ты ослушником.
Будь благу рад ты скорому –
Забудешь все минувшее».

А когда он окончил свои стихи, невольница стала бить его, пока он не потерял сознания, и бросила ему лепёшку и оставила кувшин солёной воды и ушла от него. И остался он одиноким, покинутым и печальным, и кровь текла из его боков, и он был закован в железо и далёк от любимых.

И, заплавав, он вспомнил своего брата и прежнее величие...»

И Шахразад застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Двести двадцать девятая ночь

Когда же настала двести двадцать девятая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что альАсад вспомнил своего брата и прежнее своё обличие и принялся стонать и жаловаться, и охать и плакать, и, проливая слезы, произнёс такие стихи:

«Дай срок, судьба! Надолго ль зла и враждебна ты
И доколе близких приводишь ты и уводишь вновь?
Не пришла ль пора тебе сжалиться над разлучённым
И смягчиться, рок, хоть душа, как камень, крепка твоя?
Огорчила ты мной любимого, тем обрадовал
Всех врагов моих, когда беды мне причинила ты,
И душа врагов исцелилась, как увидели,
Что в чужой стране я охвачен страстью, один совсем.
И мало им постигших меня горестей,
Отдаления от возлюбленных и очей больных,
Сверх того постигла тюрьма меня, где так тесно мне,
Где нет друга мне, кроме тех, кто в руки впивается,
И слез моих, что текут как дождь из облака,
И любовной жажды, огнём горящей, негаснущим.
И тоски, и страсти, и мыслей вечных о прошлых днях,
И стенания и печальных вздохов и горестных.
Я борюсь с тоской и печалью изводящими
И терзаюсь страстью, сажающей, поднимающей.
Не встретил я милосердного и мягкого,
Кто бы сжалился и привёл ко мне непослушного.
Найдётся ль друг мне верный, меня любящий,
Чтоб недугами и бессонницей был бы тронут он?
Я бы сетовал на страдания и печаль ему,
А глаза мои вечно бодрствуют и не знают сна.
И продлилась ночь с её пытками, и, поистине,
На огне заботы я жарюсь ведь пламенеющей.
Клопы и блохи кровь мою всю выпили,
Как пьют вино из рук гибкого, чьи ярки уста.
А плоть моя, что покрыта вшами, напечет вам
Деньги сироты в руках судей неправедных.
И в могиле я, шириной в три локтя, живу теперь,
То мне кровь пускают, то цепью тяжкой закован я,
И вино мне – слезы, а цепь моя мне музыка,
На закуску – мысли, а ложе мне – огорчения».

А окончив своё стихотворение, нанизанное и рассыпанное, он стал стонать и сетовать и вспомнил, каково было ему прежде и как постигла его разлука с братом. И вот то, что было с ним.

Что же касается его брата аль-Амджада, то он прождал своего брата аль-Асада до полудня, но тот не вернулся к нему, и тогда сердце аль-Амджада затрепетало, и усилилась у него боль от разлуки, и он пролил обильные слезы...

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Ночь, дополняющая до двухсот тридцати

Когда же настала ночь, дополняющая до двухсот тридцати, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что аль-Амджад прождал своего брата аль-Асада до полудня, но тот не вернулся к нему, и сердце аль-Амджада затрепетало, и усилилась боль от разлуки, и он пролил обильные слезы и стал плакать и кричать: „Увы, мой братец, увы, мой товарищ! О горе мне! Как я страшился разлуки!“

Потом он спустился с горы (а слезы текли у него по щекам) и вошёл в город, и шёл по городу, пока не достиг рынка. И он спросил людей, как называется этот город и кто его обитатели, и ему сказали: «Этот город называется Город магов, и жители его поклоняются огню вместо всесильного владыки». А потом аль-Амджад спросил про Эбеповый город, и ему сказали: «От него до нас расстояние по суше – год, а по морю – шесть месяцев, и царя его зовут Арманус, и теперь он сделался тестем одного султана и поставил его на своё место, а того царя зовут Камар-азЗаман, и он справедлив, милостив и щедр, и честен».

Когда аль-Амджад услышал упоминание о своём отце, он стал плакать, стонать и жаловаться и не знал, куда ему направиться. Он купил себе кое-чего поесть и зашёл в одно место, чтобы там укрыться, а затем сел и хотел поесть, но, вспомнив своего брата, заплакал и поел через силу, лишь столько, чтобы удержать в теле дух.

Затем он пошёл бродить по городу, чтобы узнать, что случилось с его братом, и увидел одного человека, мусульманина, портного в лавке. И он сел возле портного и рассказал ему свою историю, и портной сказал: «Если он попал в руки кому-нибудь из магов, ты его вряд ли увидишь. Может быть, Аллах сведёт тебя с ним. Не хочешь ли, о брат мой, поселиться у меня?» – спросил он его потом. И аль-Амджад сказал: «Хорошо!» – и портной обрадовался этому. И аль-Амджад провёл у портного несколько дней, и тот развлекал его и призывал к стойкости и учил его шить, пока юноша не сделался искусным.

Однажды аль-Амджад вышел на берег моря и вымыл свою одежду и, сходя в баню, надел чистое платье, а потом он вышел из бани и пошёл гулять по городу. И он встретил по дороге женщину, красивую и прелестную, стройную и соразмерную, на редкость прекрасную, которой нет подобия по красоте. И, увидав аль-Амджада, женщина подняла с лица покрывало и сделала ему знак бровями и глазами, бросая на него влюблённые взоры, и произнесла такие стихи:

«Потупил я взор, увидев, что тыходишь,
Как будто бы ты глаз солнца с небес, о стройный!
Поистине, ты прекраснее всех представших,
Вчера был хорош, сегодня ещё ты лучше.
И если б красу на пять разделить, то взял бы
Иосиф себе лишь часть, да и ту не полной».

И когда аль-Амджад услышал речи женщины, его сердце возвеселилось из-за неё, и члены его устремились к ней, и руки страстей стали играть с ним, и он произнёс, указывая на неё, такие стихи:

«Перед розой щёк, в защиту ей, терновый шип,
Так кто ж душе внушит своей сорвать его?
Не протягивай к ней руки своей, – надолго ведь

Разгорятся войны за то, что оком взглянули мы.
Скажи же той, кто, обида нас, соблазнила нас:
«Будь ты праведной, ты б сильнее ещё соблазнила нас»,
Закрывая лик, ты сбиваешь нас лишь сильнее с пути,
И считаю я, что с красой такой лучше лик открыть.
Её лик, как солнце, не даст тебе на себя взирать;
Лишь одетое тонким облаком, оно явится.
Исхудавшие охраняются худобой своей,
Так спросите же охранявших стан, чего ищем мы.
Коль хотят они истребить меня, перестанут пусть
Быть врагами нам и оставят нас с этой женщиной.
Не сразить им нас, если выступят против нас они,
Как разят глаза девы с родинкой, коль пойдут на нас».

Услышав от аль-Амджада это стихотворение, женщина испустила глубокие вздохи и произнесла, указывая на него, такие стихи:

«Стезёю расставанья ты пошёл, а не я пошла;
Любовь подари ты мне – пришла пора верности,
О ты, что жемчужиной чела как заря блестяшь
И ночь посылаешь нам с кудрей на висках твоих!
Ты образу идола заставил молиться нас,
Смутив им: уже давно ты смуту зажжёшь во мне.
Не диво, что жар любви сжёг сердце моё теперь –
Огня лишь достоин тот, кто идолам молится,
Без денег подобных мне и даром ты продаёшь,
Ух если продашь меня, так цену мою возьми».

И когда аль-Амджад услышал от неё такие слова, он спросил её: «Ты ли придёшь ко мне, или я приду к тебе?» – и женщина склонила от стыда голову к земле и прочитала слова его: «Велик он! Мужчины да содержат женщин на то, в чем Аллах дал им преимущество друг перед другом».

И аль-Амджад понял её намёк...

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Двести тридцать первая ночь

Когда же настала двести тридцать первая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что аль-Амджад понял намёк женщины и узнал, что она хочет пойти с ним туда, куда он пойдёт, и решил подыскать для женщины место, но ему было стыдно идти с ней к портному, своему хозяину.

И он пошёл впереди, а она – сзади, и он ходил с нею из переулка в переулок и из одного места в другое, пока женщина не устала и не спросила: «О господин, где твой дом?» – «Впереди, – отвечал аль-Амджад, – до него осталось немного». И он свернул с нею в красивый переулок и прошёл (а женщина позади него) до конца переулка, и оказалось, что он не сквозной. «Нет мощи и силы, кроме как у Аллаха, высокого, великого!» – воскликнул аль-Амджад, а затем он повёл глазами вокруг себя и увидел в конце переулка большие ворота с двумя скамьями, но только ворота были заперты.

И аль-Амджад сел на одну из скамей, и женщина села на другую и спросила: «О господин мой, чего ты дожидаться?» – и аль-Амджад надолго склонил голову к земле, а затем поднял голову и сказал: «Я жду моего невольника: ключ у него, и я сказал ему:

„Приготовь нам еду и питьё и цветов к вину, когда я выйду из бани“. И он подумал про себя: „Может быть, ей не захочется долго ждать, и она уйдёт своей дорогой и оставит меня в этом месте, и я тоже уйду своей дорогой“.

А когда время показалось женщине долгим, она сказала: «О господин, твой невольник заставил нас ждать, сидя в переулке», – и подошла к дверному засову с камнем. «Не торопись, подожди, пока придёт невольник!» – сказал ей аль-Амджад, но она не стала слушать его слов и, ударив камнем по засову, разбила его пополам – и ворота распахнулись. «И как это тебе пришло в голову это сделать?» – спросил её аль-Амджад, а она воскликнула: «Ой, ой господин мой, а что же случилось? Не твой ли это дом и не твоё ли жилище?» – «Да, – отвечал аль-Амджад, – но не нужно было ломать засов».

И потом женщина вошла в дом, а аль-Амджад остался, растерянный, так как он боялся хозяев дома, и не знал, что делать. «Почему ты не входишь, о свет моего глаза и последний вздох моего сердца?» – спросила его женщина, и аль-Амджад ответил: «Слушаю и повинуюсь, но только невольник задержался, и я не знаю, сделал ли он что-нибудь из того, что я ему приказал, или нет».

И он вошёл с женщиной в дом, в величайшем страхе перед хозяевами жилища. А войдя в дом, он увидел прекрасную комнату с четырьмя портиками, расположенными друг против друга. И в комнате были чуланчики и скамейки, устланные коврами из шелка и парчи, а посреди неё был драгоценный водоём, по краям которого были расставлены подносы, украшенные камнями и драгоценностями и наполненные плодами и цветами, а рядом с подносами были сосуды для питья, и, кроме того, там был подсвечник со вставленной в него свечой. И все помещение было полно дорогими материями, и там были сундуки и кресла, и на каждом кресле был узел, а на узле мешок полный дирхемов, золота и динаров, и дом свидетельствовал о благосостоянии его владельца, так как пол в нем был выстлан мрамором.

И когда аль-Амджад увидел это, он пришёл в замешательство и воскликнул про себя: «Пропала моя душа! Поистине, мы принадлежим Аллаху и к нему возвращаемся!» А что до женщины, то, увидев это помещение, она обрадовалась сильной радостью, больше которой не бывает, и сказала: «Клянусь Аллахом, о господин мой, твой невольник ничего не упустил: он вымел комнату, сварил кушанье и приготовил плоды, и я пришла в самое лучшее время». Но аль-Амджад не обратил на неё внимания, так как его сердце было отвлечено страхом перед хозяевами дома. И женщина сказала ему: «Ой, господин мой, сердце моё, чего ты так стоишь?» – а затем она испустила крик и дала аль-Амджаду поцелуй, щёлкнувший, как разбиваемый орех, и сказала: «О господин мой, если ты условился с другой, то я выпрямлю спину и буду ей служить».

И аль-Амджад засмеялся, хотя сердце его было полно гнева, а затем он вошёл и сел, отдуваясь и думая про себя: «О злое убийство, что ждёт меня, когда придёт хозяин дома!» И женщина села с ним рядом и стала играть и смеяться, и аль-Амджад был озабочен и нахмурен и строил насчёт себя тысячу расчётов, думая: «Хозяин дома обязательно придёт, и что я ему скажу? Он обязательно убьёт меня, без сомнения, и моя душа пропадёт».

А женщина поднялась и, засучив рукава, взяла столик и накрыла его скатертью и устала кушаньями и стала есть и сказала аль-Амджаду: «Ешь, о господин мой!» И аль-Амджад подошёл, чтобы поесть, но еда не была ему приятна, и он поглядывал в сторону двери, пока женщина не поела досыта. И она убрала столик и, подав блюдо с плодами, принялась закусывать, а затем подала напитки и, открыв кувшин, наполнила кубок и протянула его аль-Амджаду. И аль-Амджад взял кубок, говоря про себя: «Увы, увy мне, когда хозяин этого дома придёт и увидит меня!»

И глаза его были устремлены в сторону входа, и кубок был у него в руке, и когда он так сидел, вдруг пришёл хозяин дома. А это был мамлюк²⁵³, один из вельмож в городе, – он

²⁵³ Мамлюк – буквально «находящийся во владении». Так арабы называли белокожих невольников, которых во множестве покупали в мусульманском Египте султаны и их приближённые. Иноземцы-мамлюки, которых тысячами доставляли в столицу Египта, быстро обособились в замкнутую военную касту и постепенно сделались подлинными хозяевами страны фараонов.

был конюшим у паря, – и эта комната была приготовлена им для удовольствия, чтобы его грудь там расправлялась и он мог бы уединяться в ней с кем хотел. А в этот день он послал к одному из своих возлюбленных, чтобы тот пришёл к нему, и приготовил для него это помещение. И звали этого мамлюка Бахадур, и был он щедр на руку, раздавал милостыню и оказывал благодеяния. И когда он подошёл близко...»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Двести тридцать вторая ночь

Когда же настала двести тридцать вторая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что когда Бахадур, хозяин дома, конюший, подошёл к воротам дома и увидел, что ворота открыты, он стал входить понемногу-понемногу и, вытянув голову, посмотрел и увидел аль-Амджада и женщину, и перед ними блюдо с плодами и кувшины, я аль-Амджад в ту минуту держал кубок, а глаза его были направлены к двери. И когда глаза аль-Амджада встретились с глазами хозяина дома, его лицо пожелтело, и у него Задрожали поджилки, а Бахадур, увидев, что он пожелтел и изменился в лице, сделал ему знак, приложив ко рту палец, что значило: „Молчи и подойди ко мне!“

И аль-Амджад выпустил из руки кубок и поднялся, а женщина спросила его: «Куда?» – и он покачал головой и сделал ей знак, что идёт отлить воду, а потом он вышел в проход, босой, и, увидав Бахадур, понял, что это хозяин дома. И он поспешил к нему и поцеловал ему руки и воскликнул: «Ради Аллаха, господин мой, прежде чем причинить мне вред, выслушай, что я скажу». И затем он рассказал ему свою историю, с начала до конца, и сообщил, почему он покинул свою землю и царство, и сказал, что он вошёл в дом не по своей воле, но что эта женщина сломала засов и открыла ворота и совершила все эти поступки.

И когда Бахадур услышал слова аль-Амджада и узнал о том, что с ним случилось и что он царский сын, он почувствовал к нему влечение и пожалел его и сказал: «Выслушай, о Амджад, мои слова и повинуйся мне, и тогда я ручаюсь за твою безопасность от того, чего ты боишься, а если ты меня не слушаешься, я убью тебя». – «Приказывай мне, что хочешь, я не ослушаюсь тебя никогда, так как я отпущенник твоего великодушия», – ответил ему аль-Амджад. И Бахадур сказал: «Войди сейчас в дом и садись на то место, где ты был, и успокойся, а я войду к тебе (а зовут меня Бахадур), и когда я войду к тебе, начни меня ругать и кричать на меня и скажи: „Почему ты задержался до этого времени?“ – и не принимай от меня оправданий, но побей меня, а если ты меня пожалеешь, я лишу тебя жизни. Входи же и веселись, и все, что ты ни потребуешь, ты тотчас же найдёшь перед собой готовым. Проведи эту ночь, как ты любишь, а завтра отправляйся своей дорогой; все это я делаю из уважения к тому, что ты на чужбине, ибо я люблю чужеземцев и обязан оказывать им почёт».

И аль-Амджад поцеловал Бахадур, и вошёл, и лицо его облачилось в румянец и белизну, и, едва войдя, он сказал женщине: «О госпожа моя, ты развеселила моё обиталище, и это благословенная ночь». А женщина ответила: «Поистине, удивительно, что ты теперь проявил ко мне дружбу!» – «Клянусь Аллахом, о госпожа, – сказал аль-Амджад, – я думал, что мой невольник Бахадур взял у меня драгоценные ожерелья, каждое ожерелье ценою в десять тысяч динаров, а сейчас я вышел, раздумывая об Этом, и стал искать и нашёл их на месте. Я не знаю, почему мой невольник задержался до сего времени, и обязательно нужно будет его наказать».

И женщина успокоилась после слов аль-Амджада, и они стали играть, пить и веселиться, и наслаждались, пока не приблизился закат солнца. И тогда к ним вошёл Бахадур (а он переменял на себе одежду и подпоясался и надел на ноги туфли, как обычно для невольников) и, поздоровавшись, поцеловал землю и заложил руки за спину, понутив

голову, как тот, кто признает свою вину. И альАмджад взглянул на него гневным взором и сказал: «О сквернейший из невольников, почему ты опоздал?» – а Бахадур ответил: «О господин мой, я был занят стиркой платья и не знал, что ты здесь, так как мы сговорились с тобою встретиться вечером, а не днём». И аль-Амджад закричал на него и сказал: «Ты лжёшь, о сквернейший из невольников, клянусь Аллахом, я обязательно тебя побью!»

И он поднялся и, разложив Бахадура на полу, взял палку и стал осторожно бить его, но тут женщина встала, вырвала палку из его рук и принялась жестоко бить Бахадура, так что тому стало больно от побоев и у него потекли слезы. И он начал звать на помощь, скрипя зубами, а аль-Амджад кричал женщине: «Не надо!» – но та говорила: «Дай мне утолить мой гнев на него!» Потом альАмджад выхватил палку из рук женщины и оттолкнул её, а Бахадур поднялся, утёр с лица слезы и почтительно простоял некоторое время перед ними обоими, а затем он вытер в комнате пол и зажёл свечи.

И всякий раз, как Бахадур входил или выходил, женщина принималась ругать и проклинать его, а аль-Амджад сердился на неё и говорил: «Заклинаю тебя Аллахом великим, оставь моего невольника – он к этому не приучен». И они все время пили и ели, а Бахадур им прислуживал до полуночи, пока не устал от службы и побоев.

И он заснул посреди комнаты и стал храпеть и хрипеть, а женщина напилась пьяная и сказала аль-Амджаду: «Встань, возьми этот меч, что висит там, и отруби голову твоему невольнику, а если ты этого не сделаешь, я устрою так, что погибнет твоя душа». – «И что это тебе вздумалось убивать моего невольника?» – спросил аль-Амджад, и женщина воскликнула: «Удовольствие не будет полным, если я не убью его, и если ты не встанешь, встану я и убью его». – «Заклинаю тебя Аллахом, не делай этого», – сказал аль-Амджад, но женщина воскликнула: «Этого не миновать!»

И, взяв меч, она обнажила его и собралась было убить Бахадура. И аль-Амджад сказал про себя: «Этот человек сделал нам добро и защитил нас и был с нами милостив и сделал себя моим невольником; как же мы воздадим ему убийством? Не бывать этому никогда!» – «Если ты считаешь, что смерть моего невольника неизбежна, то я имею больше права убить его, чем ты», – сказал он женщине, а затем он взял меч у неё из рук и, подняв меч, ударил женщину по шее и отмахнул ей голову от тела.

И голова её упала на хозяина дома, и тот проснулся и сел и открыл глаза и увидел, что аль-Амджад стоит и меч в его руке окрашен кровью. Потом он взглянул на девушку и, увидев, что она убита, спросил про неё аль-Амджада, и тот повторил ему её историю и сказал: «Она отвергла все, кроме твоего убийства, и вот воздаяние ей». И Бахадур поднялся и поцеловал аль-Амджада в голову и сказал: «О господин, что, если бы ты простил её! Теперь остаётся только одно: сейчас же вынести её, пока не пришло утро».

И Бахадур подпоясался и, взяв труп женщины, завернул в халат, положил в корзину и понёс. «Ты чужеземец и никого не знаешь, – сказал он аль-Амджаду, – сиди же на месте и жди меня до зари. Если я вернусь, то непременно сделаю тебе много добра и постараюсь выяснить, что случилось с твоим братом, а если солнце взойдёт и я не вернусь к тебе, то знай, что со мною кончено. Мир тебе, и этот дом тогда твой, и тебе принадлежит все, какое есть в нем имущество и материи».

Потом Бахадур понёс корзину и вышел из дома. Он прошёл с корзиной по рынкам и направился с нею по дороге к солёному морю, чтобы бросить её туда, и, подойдя уже близко к морю, он обернулся и увидел, что вали стражники окружили его. И, узнав Бахадура, они удивились, а открыв корзину, увидели в ней убитую, и тогда они схватили Бахадура и всю ночь продержали его в железных цепях, до утра.

А потом они отвели его к царю, вместе с корзиной, которая была все в том же виде, и осведомили его, в чем дело, и, увидав это, царь очень рассердился и воскликнул:

«Горе тебе, ты постоянно так делаешь, – убиваешь людей и кидаешь их в море и забираешь все их имущество. Сколько ты уже совершил убийств раньше этого!» И Бахадур опустил голову...»

И Шахразиду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Двести тридцать третья ночь

Когда же настала двести тридцать третья ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что Бахадур опустил голову перед царём, и царь закричал на него и спросил: „Горе тебе, кто убил эту женщину?“ – „О господин мой, – отвечал Бахадур, – я убил её, и нет мощи и силы, кроме как у Аллаха, высокого, великого!“ И царь рассердился на него и велел его повесить, и палач увёл его, так как царь приказал ему это, и вали пошёл вместе с глашатаем, который кричал в переулках города, чтобы выходили смотреть на Бахадура, царского конюшего, и его водили по переулкам и рынкам.

Вот что было с Бахадуром. Что же касается аль-Амджада, то, когда наступил день и поднялось солнце, а Бахадур не вернулся к нему, он воскликнул: «Нет мощи и силы, кроме как у Аллаха, высокого, великого! Посмотреть бы, что с ним сделалось и что случилось» И когда он так размышлял, вдруг закричал глашатай, чтобы выходили смотреть на Бахадура (а его вешали среди дня), и, услышав Это, аль Амджад заплакал и воскликнул: «Поистине, мы принадлежим Аллаху и к нему возвращаемся! Он захотел погубить себя без вины, из-за меня, а ведь это я убил её. Клянусь Аллахом, не бывать этому никогда»

И он вышел из дома и запер его и шёл по городу, пока не пришёл к Бахадuru. И тогда он остановился перед вали и сказал ему. «О господин, не убивай Бахадура, – он невинен. Клянусь Аллахом, никто не убивал её, кроме меня» И, услышав его слова, вали взял его вместе с Бахадуром и отвёл обоих к царю и осведомил его о том, что он слышал от аль Амджада. Царь посмотрел на аль Амджада и спросил его: «Это ты убил женщину?» И аль Амджад ответил «Да!» – а царь сказал ему. «Расскажи мне, по какой причине ты убил её, и говори правду». – «О царь, – сказал аль-Амджад, – со мной случилась удивительная история и диковинное дело, и будь оно написано иглами в уголках глаз, оно было бы назиданием для поучающихся».

А затем он рассказал царю свою историю и поведал ему, что случилось с ним и с его братом, от начала до конца. И царь пришёл от этого в крайнее изумление и сказал ему: «Знай, я понял, что тебя можно простить. Не хочешь ли ты, о юноша, быть у меня везирем?» И аль-Амджад отвечал: «Слушаю и повинуюсь!» – и царь наградил его дорогими одеждами и подарил ему красивый дом и слуг и челядь и пожаловал ему все, в чем он нуждался, и назначил ему выдачи и жалованье, и велел ему расследовать, что с его братом аль-Асадом.

И аль-Амджад сел на место везира и творил справедливый суд, и назначал, и отставлял, и давал, и отбирал, и он послал по улицам города глашатая, чтобы тот кричал о его брате аль Асаде, и глашатай несколько дней кричал на площадях и рынках, но не услышал вести об аль-Асаде и не напал на его след.

Вот что было с аль-Амджадом.

Что же касается аль-Асада, то маги все время пытали его, ночью и днём, вечером и утром, в течение целого года, пока не приблизился праздник магов. И тогда маг Бахрам собрался в путешествие и снарядил корабль...»

И Шахразадy застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Двести тридцать четвёртая ночь

Когда же настала двести тридцать четвёртая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что когда маг Бахрам снарядил корабль для путешествия, он взял аль-Асада, положил его в сундук и запер его в нем и понёс его на корабль. А в ту» минуту, когда Бахрам переносил сундук, в котором был аль-Асад, аль-Амджад, по предопределённой судьбе, стоял и смотрел на море. И он увидел вещи, которые переносили на корабль, и душа его затрепетала, и он велел своим слугам подать ему коня и выехал с толпою своих людей и

отправился к морю.

И он остановился перед кораблём мага и велел тем, кто был с ним, взойти на корабль и обыскать его, и его люди вошли на корабль и обыскали его целиком, но ничего не нашли на нем. И они пришли и осведомили об Этом аль-Амджада, и тот сел на коня и повернул назад, направляясь домой, и когда он прибыл в своё жилище и вошёл во дворец, его сердце сжалось. И он окинул дом глазами и увидел там две строки, написанные на стене, и это было такое двустилие:

Любимые, коль скрылись вы из глаз моих,
То из сердца вы и души моей не скроетесь.
Но оставили за собой меня вы измученным,
И, у глаз моих отнявши сон, заснули вы.

И, прочитав эти стихи, аль-Амджад вспомнил своего брата и заплакал, и вот что было с ним.

Что же касается Бахрама-мага, то, взойдя на корабль, он заорал и закричал на матросов, чтобы поскорее распускали паруса. И они распустили паруса и поехали и ехали непрерывно в течение дней и ночей. А через каждые два дня Бахрам вынимал из сундука аль-Асада и давал ему поесть немного пищи и выпить немного воды. И они приблизились к Горе огня, и тут на них подул ветер, и море взволновалось, и корабль сбился с пути, и они пошли не по своей дороге и переехали в другое море.

Так они достигли города, построенного на берегу моря, и там была крепость с окнами, выходившими на море, а управляла этим городом женщина, которую звали царица Марджана. И капитан сказал Бахраму: «О господин, мы сбились с дороги, и нам обязательно нужно пристать к этому городу, чтобы отдохнуть, а после этого Аллах сделает, что хочет». И Бахрам отвечал: «Прекрасно то, что ты решил, и как ты решишь, так и сделай». – «Когда царица пришлёт спросить о нас, каков будет наш ответ?» – спросил капитан, и Бахрам ответил: «У меня этот мусульманин, который с нами; мы оденем его в одежду невольников и выведем его вместе с нами, и когда царица увидит его, она подумает и спросит: „Это невольник?“ – и я скажу ей: „Я продавец невольников и торгую ими. У меня было много невольников, и я продал их, и остался только Этот невольник“. – „Это прекрасные речи“, – отвечал капитан.

И потом они подплыли к городу, спустили паруса и укрепили якоря, и корабль остановился, и вдруг царица Марджана выехала к ним со своим войском и остановилась подле корабля и крикнула капитана. И капитан поднялся к ней и поцеловал землю меж её руками, а царица спросила его: «Что у тебя на этом корабле и кто есть с тобою?» – «О царица времени, – отвечал капитан, – со мною один торговец, который продаёт невольников», – и царица крикнула: «Ко мне его!»

И вот Бахрам вышел к ней, а аль-Асад был с ним и шёл сзади, в обличье невольника, и, подойдя к царице, Бахрам поцеловал землю и остановился перед ней. «Каково твоё дело?» – спросила его царица, и он ответил: «Я торговец рабами». И царица взглянула на аль-Асада и подумала, что это невольник. «Как твоё имя?» – спросила она его.

И аль-Асада задушил плач, и он ответил: «Моё имя альАсад».

И сердце царицы устремилось к юноше, и она спросила: «Умеешь ли ты писать?» – и аль-Асад ответил: «Да!»

И тогда царица подала ему чернильницу, калам и бумагу и сказала: «Напиши что-нибудь, а я посмотрю», – и альАсад написал такие два стиха:

«Что может придумать муж, раз вечно течёт судьба
Враждебно к нему во всем? – скажи, о смотрящий,
Бросает она его в пучину, связав его,
И молвит: «Смотри, смотри, в воде не промокни».

И когда царица прочитала бумажку, она пожалела аль-Асада и сказала Бахраму: «Продай мне этого невольника», но тот отвечал: «О госпожа, мне невозможно его продать, так как я продал всех моих невольников и у меня остался только этот». Тогда царица Марджана воскликнула: «Его непременно надо у тебя взять, либо купить, либо отобрать как подарок!» – «Я его не продам и не подарю!» – сказал Бахрам. Но царица взяла аль-Асада за руку и увела его и поднялась с ним в крепость и послала сказать Бахраму: «Если ты не отчалишь сегодня ночью от нашего города, я возьму все твоё достояние и разобью твой корабль».

И когда это послание прибыло к Бахраму, он очень огорчился и воскликнул: «Поистине, это нехорошее путешествие!» Потом он поднялся и снарядился и взял всего, что ему было нужно, и стал ожидать, когда придёт ночь, чтобы уехать, и сказал матросам: «Приготовьтесь и наполните бурдюки водой, и в конце ночи мы двинемся». Рассказ об аль-Амджаде и аль-Асаде

И матросы стали делать свои дела, ожидая ночи, и ночь пришла, и вот что было с матросами.

Что же касается царицы Марджаны, то она взяла аль-Асада и, приведя его в крепость, отворила окна, выходившие на море, и велела невольницам принести кушаний. И они принесли им кушаний, и оба поели, а затем царица велела подать вино...

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Двести тридцать пятая ночь

Когда же настала двести тридцать пятая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что царица Марджана велела невольницам подать вино, и они его подали, и царица стала пить вместе с аль-Асадом. И Аллах велик он и славен! – закинул ей в сердце любовь к Аль-Асаду, и она принялась наполнять кубки и поить его, пока не исчез его разум. И аль-Асад поднялся, желая исполнить нужду, и вышел из комнаты и, увидав открытую дверь, прошёл в неё и пошёл дальше, и путь привёл его к большому саду, где были всякие плоды и цветы. И аль-Асад сел под дерево и исполнил свою нужду, а потом он подошёл к водоёму, бывшему в саду, и опрокинулся навзничь (а одежда на нем была развязана), и его ударило воздухом, и он заснул, и пришла к нему ночь.

Вот что было с аль-Асадом. Что же касается Бахрама, то, когда наступила ночь, он крикнул матросам на корабле: «Распускайте паруса и поедem!» – а матросы ответили: «Слушаем и повинемся, но только подожди, пока мы наполним наши бурдюки, и тогда мы отчалим».

И затем матросы вышли с бурдюками, чтобы их наполнить, и обошли вокруг крепости, но увидели только стены, окружающие сад. И они взобрались на стены и спустились в сад и пошли по следам чьих-то ног, ведущим к водоёму, и, придя сюда, они увидели аль-Асада, опрокинувшегося навзничь. И матросы узнали его и обрадовались, и взяли юношу, наполнив сначала свои бурдюки, и соскочили со стены, поспешно принесли его к Бахраму и сказали: «Радуйся достижению желаемого и исцелению души. Твой барабан застучал, и твоя флейта засвистела: „Пленника, которого царица Марджана насильно отняла у тебя, мы нашли и принесли с собой“.²⁵⁴ И потом они бросили аль-Асада перед Бахрамом, и, когда Бахрам увидел юношу, его сердце улетело от радости, и его грудь расширилась и расправилась. И он наградил матросов и велел им поскорее распускать паруса, и они распустили паруса и поехали, направляясь к Горе огня, и ехали непрерывно до утра.

²⁵⁴ Намёк на одну из привилегий, которыми пользовались высшие чины при мамлюкском дворе. Некоторым эмирам разрешалось иметь оркестр, обычно состоящий из барабана, флейты и дудок.

Вот что было с ними. Что же касается царицы Марджаны, то, когда аль-Асад ушёл от неё, она прождала его некоторое время, но он не возвращался. И она стала его искать, но не нашла и следа его. И тогда царица зажгла свечи и велела невольницам искать юношу, а потом она сама вышла и, увидав, что сад открыт, поняла, что аль-Асад вошёл туда. И она пошла в сад и нашла возле водоёма сандалию аль-Асада. После этого она обошла весь сад, разыскивая юношу, но ничего о нем не узнала. И царица искала его во всех углах сада до утра, а потом она спросила про корабль, и ей сказали, что он ушёл в первую треть ночи. И царица поняла, что моряки взяли аль-Асада с собою, и разгневалась, и ей стало тяжело.

И она велела тотчас же снарядить десять больших кораблей и приготовилась к войне и взошла на один из десяти кораблей, и с нею вместе сели на корабли невольники и невольницы, и воины были снаряжены и надели прекрасное оружие и военные доспехи. И распустили паруса, и царица сказала капитанам: «Если вы нагоните корабль того мага, у меня будут для вас почётные одежды и деньги, а если не нагоните, я перебую вас до последнего».

И моряков охватил страх и великая надежда. И они проплыли на кораблях этот день, и эту ночь, и второй день, и третий день, а на четвёртый день они завидели корабль Бахрама-мага, и день ещё не закончился, как корабли окружили и обступили корабль мага.

А Бахрам в это время вывел аль-Асада и принялся его бить и пытаться, а аль-Асад призывал на помощь и в защиту, но не нашёл среди людей ни помощника, ни защитника, и сильные побои причиняли ему боль. И когда маг пытал его, он вдруг бросил взгляд и увидел, что корабли обступили его корабль и окружили его, как белое в глазу окружает чёрное, и понял он, что несомненно погибнет. И Бахрам вздохнул и воскликнул: «Горе тебе, о Асад, – все это из-за твоей головы!» – а затем он взял его за руку и велел своим людям бросить его в море и воскликнул: «Клянусь Аллахом, я непременно убью тебя раньше, чем умру!»

И тогда аль-Асада подняли за ноги и за руки и бросили посреди моря. Но Аллах – велик он и славен! – пожелал его спасти и не дал окончиться его сроку, и допустил он, чтобы аль-Асад нырнул и вынырнул, и юноша до тех пор бил руками и ногами, пока Аллах не облегчил его участь и не пришёл к нему на помощь. И аль-Асада ударила волна и унесла его далеко от корабля мага и прибила к берегу, и юноша вышел, не веря в своё спасение, а оказавшись на берегу, он снял с себя одежду и выжал её и разостлал и сел голый, плача о том, что с ним случилось, и о случившихся с ним бедствиях: побоях, пленении и изгнании. И он произнёс такое двестише:

«О боже, стойкость кончилась и хитрость:
Стеснилась стойкость, и порвалась верёвка!
Кому же бедным жаловаться, кроме
Владыки, о властителей властитель?»

А окончив стихи, он поднялся и надел свою одежду, не зная, куда идти и куда направиться. И стал он питаться злаками земли и плодами деревьев, а пил воду из ручьёв, и он шёл ночью и днём, пока не приблизился к какому-то городу. И аль-Асад обрадовался и ускорил шаг, и когда он подошёл к городу, его застиг вечер...

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Двести тридцать шестая ночь

Когда же настала двести тридцать шестая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что когда аль-Асад подошёл к городу, его застиг вечер и ворота города были уже закрыты. И по воле судьбы и рока случилось так, что это был тот город, где аль-Асад был в плену, а брат его аль-Амджад был там везирем у царя этого города. И, увидав, что город закрыт, аль-Асад пошёл по направлению к кладбищу, в сторону гробниц. Дойдя до

кладбища, он увидел гробницу без дверей и вошёл в неё и лёг там, закрыв лицо полой.

А Бахрам-маг, когда царица Марджана подплыла к нему на кораблях, разбил их своим коварством и колдовством и благополучно повернул к своему городу и в тот же час и минуту поплыл, радостный. И, плывя мимо кладбища, он сошёл с корабля, по воле судьбы и рока, и прошёлся среди могил, и увидел, что гробница, в которой лежал аль-Асад, открыта. И он удивился и воскликнул: «Обязательно загляну в эту гробницу!» – и заглянул туда и увидел рядом с гробницей аль-Асада, который спал, закрыв голову полой.

И Бахрам посмотрел ему в лицо и узнал его и воскликнул: «Разве ты до сих пор жив?» И затем он взял его и унёс к себе домой, а у него в доме был под землёй подвал, приготовленный для того, чтобы пытать мусульман. И была у него дочка по имени Бустан. И Бахрам наложил аль-Асаду на ноги тяжёлые оковы и посадил его в этот подвал, поручив своей дочери пытать его ночью и днём, пока он не умрёт, а затем он больно побил юношу и запер его в подвале и отдал ключи своей дочери.

И дочь его, Бустан, отперла подвал и спустилась туда, чтобы побить аль-Асада, и увидела она, что это юноша с изящными чертами, сладостный видом, с бровями, как лук, и чёрными зрачками, и любовь к нему запала ей в сердце, и она спросила юношу: «Как твоё имя?» – «Моё имя аль-Асад», – ответил он, и Бустан воскликнула: «Да будешь ты счастлив, и да будут счастливы твои дни! Ты не Заслуживаешь пыток и побоев, и я знаю, что ты обижен».

И она принялась развлекать его словами и расковала его цепи, а затем она стала расспрашивать его о вере ислама, и аль-Асад рассказал ей, что это вера истинная и прямая и что господин наш Мухаммед – творец блестящих чудес²⁵⁵ и явных знамений, а что огонь приносит вред, но не пользу. И он принялся рассказывать ей об исламе и его основах, и девушка подчинилась ему, и любовь к вере вошла ей в сердце, и Аллах великий пропитал её душу любовью к аль-Асаду.

И девушка произнесла оба исповедания и была причислена к людям счастья, и стала она кормить аль-Асада и поить его и разговаривала с ним, и они молились вместе. И девушка готовила ему отвары из куриц, пока он не окреп и не прошли его болезни и он не стал снова таким же здоровым, как был, и вот что случилось у него с дочерью Бахрама-мага.

Однажды дочь Бахрама вышла от аль-Асада и встала у ворот и вдруг слышит, глашатай кричит: «Всякий, у кого находится красивый юноша такого-то и такого-то вида и кто объявит о нем, получит все деньги, какие потребует, а всякий, кто держит его у себя и отречётся от этого, будет повешен на воротах своего дома и его имущество будет разграблено и кровь его прольётся безнаказанно».

А раньше аль-Асад рассказал Бустан, дочери Бахрама, обо всем, что с ним случилось, и, услышав слова глашатая, Бустан поняла, что аль-Асад и есть тот, кого ищут. И она вошла к нему и рассказала ему, в чем дело, и аль-Асад вышел и направился к дому везира, и, увидев везира, он воскликнул: «Клянусь Аллахом, этот везирь – мой брат аль-Амджад!»

И затем он вошёл, и женщина вошла за ним во дворец, и, увидев своего брата аль-Амджада, аль-Асад бросился к нему, и туг аль-Амджад узнал своего брата и тоже бросился к нему, и они обнялись, и мамлюки окружили их, сойдя со своих коней, и аль-Асад с аль-Амджадом обеспамятели на некоторое время. А когда они очнулись от обморока, аль-Амджад взял аль-Асада и поднялся с ним к султану и рассказал ему историю своего брата, и султан велел разграбить дом Бахрама...

И Шахразад устал, и она прекратила дозволенные речи.

Двести тридцать седьмая ночь

²⁵⁵ Несмотря на то, что сам пророк Мухаммед называл себя не чудотворцем, а только увещателем, легенды приписывают ему целый ряд чудес, большею частью аналогичных с чудесами, якобы совершёнными Христом.

Когда же настала двести тридцать седьмая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что султан приказал аль-Амджаду разграбить дом Бахрама и повесить его семью, и везирь послал для этого людей, которые отправились к дому Бахрама и разграбили его. И они привели его дочь к везиру, и тот проявил к ней уважение. И аль-Асад поведал своему брату обо всех пытках, которые ему пришлось вынести, и о том, какие милости оказала ему дочь Бахрама, и аль-Амджад проявил к ней ещё большее уважение. Затем аль-Амджад рассказал аль-Асаду обо всем, что произошло у него с той женщиной и как он избавился от повешения и стал везирем, а после этого каждый из них принялся жаловаться другому на то, что испытал, расставшись с братом.

И затем султан велел привести мага и приказал отрубить ему голову, и Бахрам спросил: «О величайший царь, твёрдо ли ты решил убить меня?» – «Да», – отвечал царь. И Бахрам сказал: «Подожди со мною немного, о царь!» – и после этого он склонил голову к земле, а затем поднял её и произнёс исповедание веры и принял ислам при содействии султана, и все обрадовались, что он принял ислам.

Потом аль-Амджад и аль-Асад рассказали Бахраму обо всем, что с ними случилось, и тот изумился и воскликнул: «О господа мои, собирайтесь в путешествие, и я поеду с вайй». И братья обрадовались этому и тому, что Бахрам принял ислам, и заплакали сильным плачем. «О господа мои, – сказал им Бахрам, – не плачьте: в конце концов вы нашли друг друга и соединились, как соединились Нима и Нум». – «А что случилось с Нимой и Нум?» – спросили Бахрама.

Повесть о Ниме и Нум (ночи 237-246)

Говорят, а Аллах лучше знает, – сказал Бахрам, – что был в городе Куфе²⁵⁶ один человек, из знатных его обитателей, которого звали ар-Раби ибн Хатим, и обладал он большими деньгами и жил привольно. И достался ему ребёнок, которого он назвал Нимат-Аллах²⁵⁷.

И вот в некий день был он на площадке работорговцев и вдруг увидел невольницу, выставленную для продажи, и на руках у неё была маленькая рабыня редкой красоты и прелести. И ар-Раби сделал знак работорговцу и спросил его: «За сколько идут эта невольница и её дочь?» – и работорговец ответил: «За пятьдесят динаров!» – «Напиши условие, возьми деньги и отдай их её владельцу», – сказал ар-Раби. И потом он отдал работорговцу цену девушки и дал ему плату за посредничество и, взяв невольницу и её дочь, отправился с ними домой.

И когда его жена, дочь его дяди, увидела невольницу, она спросила: «О сын дяди, что это за невольница?» – и ар-Раби ответил: «Я купил её, желая иметь эту маленькую, что у неё на руках. Знай, когда она вырастет, не будет в землях арабов и неарабов ей подобной, и никого лучше её».

И дочь его дяди сказала: «Прекрасно то, что ты решил!» – а затем она спросила невольницу: «Как твоё имя?» – «О госпожа, моё имя Тауфик», – отвечала невольница. «А как имя твоей дочери?» – спросила жена ар-Раби, и невольница отвечала: «Сад». И жена ар-Раби воскликнула: «Ты сказала правду! Ты счастлива, и счастлив тот, кто тебя купил!»

«О сын моего дяди, как ты её назовёшь?» – спросила она потом. И ар-Раби ответил: «Как ты выберешь», – и тогда она сказала: «Назовём её Нум»²⁵⁸, – и ар-Раби воскликнул:

²⁵⁶ Куфа – знаменитый в истории ислама город, расположенный в Ираке – нижней Месопотамии – к югу от развалин древнего Вавилона.

²⁵⁷ Нимат-Аллах – означает: милость Аллаха.

²⁵⁸ Нум – значит: счастье, благоденствие.

«Прекрасно то, что ты придумала!»

И маленькая Нум воспитывалась с Нимой, сыном арРаби, в одной колыбели, пока они не достигли возраста десяти лет. И каждый из них был красивее другого, и мальчик стал называть её: сестрица, а она называла его: братец.

А потом ар-Раби обратился к своему сыну Ниме, когда тот достиг этого возраста, и сказал ему: «О дитя моё, Нум тебе не сестра, наоборот, она твоя невольница, и я купил её на твоё имя, когда ты был в колыбели. Не зови же её с этого дня своей сестрой». И Нима сказал своему отцу:

«Если так, я женюсь на ней», – и затем он вышел к своей матери и осведомил её об этом, и та сказала: «О дитя моё, она твоя невольница». И Нима ибн ар-Раби вошёл к этой невольнице и полюбил её, и над ними прошло несколько лет, и пребывали они в таком положении. И не было в Куфе девушки красивее Нум и приятнее и изящнее её.

Она выросла и читала Коран, изучила науки и узнала способы игры на инструментах, и сделалась искусной в пении и владении увеселяющими инструментами, так что превзошла всех людей своего века.

И в один день из дней она сидела со своим мужем Нимой, сыном ар-Раби, в покоях питья, и, взяв лютню, натянула её струны и развеселилась и, заведя напев, произнесла такое двустиише:

«Когда ты – владыка мой, чьей милостью я живу,
И меч мой, срубающий превратностей голову, –
Не нужно ни Звида мне, ни Амра²⁵⁹ в защитники –
Тебя лишь, когда тесны вдруг станут пути мои».

И Нима пришёл в великий восторг и сказал ей: «Ради моей жизни, о Нум, спой нам под бубён и музыкальные инструменты!» И она затянула напев и пропела такие стихи:

«Поклянусь я тем, у кого в руках узда моя –
Не послушаюсь я в любви к нему хулящих.
И хулителей рассержу я всех, повинуюсь вам,
И расстанусь я с наслаждениями покоя.
И вырою для страсти к вам посреди души
Могилу я, и знать не будет сердце».

И юноша воскликнул: «От Аллаха твой дар, о Нум!»

И пока они пребывали в приятнейшей жизни, вдруг сказал аль-Хаджжадж²⁶⁰ во дворце наместничества: «Я обязательно должен ухитриться захватить эту невольницу, которую зовут Нум, и отослать её к повелителю правоверных, Абд-аль-Мелику ибн Мервану, так как в его дворце не найдётся никого, кто бы был ей подобен и пел лучше её».

И он позвал старуху надсмотрщицу и сказал ей: «Пойди в дом ар-Раби и повидайся с невольницей Нум и найди способ захватить её, так как на лице земли не найдётся ей подобной». И старуха вняла тому, что сказал альХаджжадж, и когда наступило утро, она надела свою шерстяную одежду и повесила себе на шею чётки, где число зёрен было тысячи, и взяла в руки посох и йеменский бурдюк...»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

²⁵⁹ Звиди Амр – имена, употребляемые арабами для обозначения неопределённых лиц (неизменно фигурируют в примерах, иллюстрирующих грамматические правила).

²⁶⁰ Аль-Хаджжадж ибн Юсуф – арабский полководец и государственный деятель эпохи Омейядов (VIII век), правитель нижней Месопотамии.

Двести тридцать восьмая ночь

Когда же настала двести тридцать восьмая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что старуха вняла тому, что сказал аль-Хадждадж, и когда наступило утро, она надела свою шерстяную одежду и повесила себе на шею чётки, где число зёрен было тысячи, и, взяв в руки посох и йеменский бурдюк, пошла восклицая: „Слава Аллаху и хвала Аллаху! Нет бога, кроме Аллаха! Аллах велик! Нет мощи и силы, кроме как у Аллаха, высокого, великого!“

И она все время славилАллаха и молилась (а сердце её было полно козней и хитростей), пока не достигла дома Нимы ибн ар-Раби ко времени полуденной молитвы.

И она постучала в дверь, и привратник открыл ей и спросил её: «Чего ты хочешь?» – и старуха ответила: «Я нищенка богомолица, и меня настигла полуденная молитва, и я хочу помолиться в этом благословенном месте». – «О старуха, – ответил привратник, – это дом Нимы ибн ар-Раби, а не собор и не мечеть». И старуха молвила: «Я знаю, что нет собора или мечети, подобного дому Пимы ибн ар-Раби; я надсмотрщица из дворца повелителя правоверных и ушла, чтобы молиться и странствовать». – «Я не дам тебе войти», – сказал привратник. Разговоры между ними умножились, и старуха вцепилась в привратника и воскликнула: «Помешают ли подобной мне войти в дом Нимы ибн ар-Раби, когда я захожу в дома эмиров и вельмож?»

И вдруг вышел Нима и, услышав их разговор, засмеялся и велел старухе войти за ним, и он вошёл, а старуха вошла сзади, и Нима привёл её к Нум. И старуха приветствовала её наилучшими приветствиями, а увидя Нум, она оторопела и изумилась её чрезмерной красоте и сказала ей: «О госпожа, призываю на тебя защиту Аллаха, который сравнял тебя с твоим господином в отношении красоты и прелести».

И затем старуха встала в михрабе и принялась кланяться, падать ниц и молиться, и прошёл день, и пришла ночь с её мраком, и тогда девушка сказала: «О матушка, дай отдых твоим ногам на часок», – а старуха ответила:

«О госпожа, кто ищет жизни будущей, тот утомляет себя в здешней жизни, а кто не утомляет себя в здешней жизни, тому не достичь обиталища чистых в жизни будущей».

Потом Нум подала старухе еду и сказала ей: «Поешь моего кушанья и помолись за меня о прощении и милости», а старуха сказала ей: «О госпожа, я пошусь, а что до тебя, то ты женщина, которой подобает есть, пить и радоваться, и Аллах простит тебя. Ведь сказал Аллах великий: „Кроме тех, кто раскается и совершит дело праведное“».

И девушка просидела со старухой, разговаривая, некоторое время, а потом Нум сказала Ниме: «О господин, упроси эту старуху остаться на время с нами. У неё на лице следы благочестия». – «Очисти ей место, куда бы она могла уходить для молитвы, и не давай никому входить к ней, – отвечал Нима. – Может быть, Аллах, славный и великий, поможет нам через её благословение и не разлучит нас».

И после этого старуха провела ночь, молясь и читая Коран до утра, а когда Аллах засветил утро, она пришла к Ниме и Нум и пожелала им доброго утра и сказала: «Поручаю вас Аллаху». – «Куда ты идёшь, о матушка? – спросила её Нум. – Мой господин приказал мне освободить для тебя помещение, где бы ты всегда могла поклоняться богу и молиться». – «Да сохранит его Аллах, и да продлит он своё благоволение к вам! – отвечала старуха.

Я хочу, чтобы вы наказали привратнику не мешать мне входить к вам; если захочет Аллах великий, я пойду странствовать по чистым местам и стану за вас молиться, после поклонения богу и молитвы, каждый день и каждый вечер».

И потом старуха вышла из дома, а девушка Нум плакала о разлуке с нею, и не знала, по какой причине она к ней пришла. И старуха отправилась к аль-Хадждаджу и пришла к нему, и тот спросил: «Что идёт за тобою?» – а старуха сказала: «Я посмотрела на эту невольницу и

увидела, что женщины не рожали в её время никого лучше её». И аль-Хаджжадж воскликнул: «Если ты сделаешь то, что я тебе приказал, тебе достанется от меня обильное благо». – «Я хочу от тебя полный месяц сроку», – сказала старуха, и аль-Хаджжадж отвечал: «Я даю тебе сроку месяц». Тогда старуха стала заходить в дом Нимы и его невольницы Нум...

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Двести тридцать девятая ночь

Когда же настала двести тридцать девятая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, старуха стала заходить в дом Нимы и Нум, и они оказывали ей все большее уважение. И старуха непрестанно, и вечером и утром, была у них, и все в доме говорили ей: „Добро пожаловать!“

И наконец, в один из дней, старуха осталась с девушкой наедине и сказала ей: «О госпожа моя, клянусь Аллахом, когда я прибуду в пречистые места, я буду за тебя молиться, и мне хотелось бы, чтобы ты была со мной и повидала старцев, достигших единения с Аллахом, и они помолились бы за тебя о том, чего ты хочешь».

И невольница Нум сказала ей: «Ради Аллаха, о матушка, возьми меня с собой», – тогда старуха ответила: «Попросись у твоей свекрови, матери Нимы». И девушка сказала своей свекрови: «О госпожа, попроси у моего господина, чтобы он пустил нас с тобою выйти в какой-нибудь день, вместе с моей матушкой-старушкой, чтобы помолиться и призвать Аллаха вместе с факирами в почитаемых местах». А когда пришёл Нима и сел, старуха подошла к нему и стала целовать ему руки и просить его, но он не позволял ей этого и не дал своего согласия.

И старуха благословила его и вышла из дома.

Когда же настал следующий день, старуха пришла (а Нимы не было в доме) и, обратившись к невольнице Нум, сказала ей: «Мы молились за тебя вчера; поднимайся сейчас же – ты прогуляешься и вернёшься прежде, чем придёт твой господин». И девушка сказала своей свекрови: «Прошу тебя ради Аллаха, позволь мне выйти с этой праведной женщиной, я посмотрю на друзей Аллаха в почитаемых местах и скоро вернусь, прежде чем придёт мой господин». – «Я боюсь, что узнает твой господин», – сказала мать Нимы, но старуха воскликнула:

«Клянусь Аллахом, я не дам ей присесть на землю! Она будет смотреть, стоя на ногах, и не замешкается».

И старуха увела девушку хитростью и привела её во дворец аль-Хаджжаджа и осведомила его о приходе девушки, поместив её сначала в комнату. И аль-Хаджжадж пришёл и посмотрел на неё и увидел, что она прекраснее всех людей своего времени и что он не видывал ей подобной. И Нум, увидав аль-Хаджжаджа, закрыла от него лицо, а аль-Хаджжадж, не оставив её, сейчас же позвал царедворца и, отрядив с ним пятьдесят всадников, велел ему взять девушку, посадить её на быстрого верблюда, отправиться с ней в Дамаск и вручить её повелителю правоверных Абд-аль-Мелику ибн Мервану. И он написал халифу письмо и сказал царедворцу: «Отдай ему это письмо, возьми ответ и поторопись вернуться ко мне».

И царедворец поспешно взял девушку, посадил её на верблюда и выехал, и отправился с нею, и девушка плакала от разлуки со своим господином. И они прибыли в Дамаск, и царедворец попросил разрешения войти к повелителю правоверных, и когда тот разрешил, царедворец вошёл к нему и рассказал историю с невольницей, и халиф отвёл ей комнату. А потом халиф вошёл в свой харим, увидел свою жену и сказал ей: «Аль-Хаджжадж купил мне невольницу из дочерей вельмож Куфы за десять тысяч динаров и прислал мне это письмо, а вместе с письмом прибыла невольница». И жена халифа сказала ему...

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Ночь, дополняющая до двухсот сорока

Когда же настала ночь, дополняющая до двухсот сорока, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что, когда царь рассказал своей жене историю невольницы, его жена сказала ему: „Да увеличит Аллах к тебе свою милость!“»

А потом сестра халифа Абд-аль-Мелика вошла к невольнице и, увидав её, воскликнула: «Клянусь Аллахом, не будет обманут тот, в чьём жилище ты находишься, хотя бы цена за тебя была сто тысяч динаров!» И невольница Нум спросила её: «О светлоликая, какого царя этот дворец и какой это город?» – и сестра халифа ответила:

«Это город Дамаск, а этот дворец – дворец моего брата, повелителя правоверных, Абд-аль-Мелика ибн Мервана».

«Ты как будто не знаешь этого?» – спросила она потом, и девушка ответила: «Клянусь Аллахом, госпожа, это было мне неизвестно». – «А тот, кто продал тебя и получил за тебя деньги, не осведомил тебя о том, что тебя купил халиф?» – воскликнула сестра халифа, и девушка, услышав эти слова, стала лить слезы и заплакала, и сказала про себя: «Удалась против меня хитрость!» И потом она подумала: «Если я стану говорить, никто мне не поверит. Лучше я буду молчать и потерплю, зная, что помощь Аллаха близка». И она поникла головой от стыда, и щеки у неё покраснели от следов путешествия и солнца.

И сестра халифа оставила её на этот день, а на другой день она пришла с материей и ожерельями из драгоценных камней и одела девушку. И тогда повелитель правоверных вошёл и сел с нею рядом, и сестра его сказала ему: «Посмотри на эту девушку, которой Аллах даровал совершенную красоту и прелесть». – «Сними с лица покрывало», – приказал халиф Нум, но она не сняла покрывала с лица, и халиф не увидел её лица, а увидел только её руки, и любовь к ней запала в его сердце. «Я войду к ней только через три дня, когда она с тобой подружится», – сказал он своей сестре и, поднявшись, вышел от девушки, и девушка принялась раздумывать о своём деле и вздыхать от разлуки со своим господином Нимой.

А когда пришла ночь, девушка заболела горячкой и не стала ни есть, ни пить, и её лицо и прелести изменились. И халифа осведомили об этом, и ему стало тяжело из-за девушки, и он направил к ней врачей и людей проницательных, но никто не знал, как её лечить.

Вот что было с нею. Что же касается её господина, Нима, то он пришёл домой и сел на постель и позвал: «Нум!» – но она ему не ответила. И он поспешно поднялся и позвал, но никто не вошёл к нему, и все невольницы в доме попрятались, боясь её господина. И Нима вышел к своей матери и увидел, что она сидит, положив щеку на руку, и спросил её: «О матушка, где Нум?» – и мать его сказала: «О дитя моё, она с той, кому её можно скорее доверить, чем мне: с той, старушкой праведницей. Она вышла с нею, чтобы посетить факиров, и вернётся». – «И когда это был у неё такой обычай?» – сказал Нима. – В какое время она ушла?» – «Она ушла утром», – отвечала мать Нимы. И Нима воскликнул: «Как ты ей это позволила?» – «Это старуха мне посоветовала», – сказала ему мать.

И Нима вскричал: «Нет мощи и силы, кроме как у Аллаха, высокого, великого!» И потом он вышел из дома, – а мир исчез для него, – и пришёл к начальнику стражи и сказал ему: «Ты хитришь со мною и похищаешь мою невольницу из моего дома! Я непременно пожалуюсь на тебя повелителю правоверных». – «А кто её увёл?» – спросил начальник стражи. И Нима ответил: «Старуха такого-то и такого-то вида, и на ней шерстяная одежда, а в руках у неё чётки, где число зёрен тысячи». – «Укажи мне эту старуху, и я освобожу твою невольницу», – сказал начальник стражи. И Нима воскликнул: «Но кто же знает эту старуху?» – «Никто не знает скрытого, кроме Аллаха, велик он и славен», – отвечал начальник стражи, и он понял, что это хитрая старуха от аль-Хаджжаджа. «Я требую мою невольницу только от тебя, и между мною и тобою будет аль-Хаджжадж», – сказал ему Нима, а начальник стражи ответил: «Иди к кому хочешь!»

И Нима пошёл во дворец аль-Хаджжаджа (а отец его был из числа вельмож Куфы), и

когда он достиг его дома, привратник аль-Хаджжаджа вошёл к аль-Хаджжаджу и осведомил его об этом деле. И когда Нима встал пред ним, аль-Хаджжадж спросил его: «Что с тобой?» «Со мною было такое-то и такое-то дело», – отвечал Нима. А аль-Хаджжадж сказал: «Подайте сюда начальника охраны, и мы прикажем ему поискать старуху».

Когда же начальник охраны явился пред лицо аль-Хаджжаджа (а тот знал, что начальник охраны знает старуху), аль-Хаджжадж сказал ему: «Я хочу, чтобы ты поискал невольницу Нимы ибн ар-Раби». И начальник стражи ответил: «Не знает сокрытого никто, кроме великого Аллаха!» – «Ты непременно должен отрядить конных и поискать эту невольницу на дорогах и поглядеть в городах», – сказал аль-Хаджжадж...»

И Шахразату застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Двести сорок первая ночь

Когда же настала двести сорок первая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что аль-Хаджжадж сказал начальнику охраны: „Ты непременно должен отрядить конных и посмотреть в городах и высмотреть девушку на дорогах и поискать эту девушку“, – а потом он обратился к Ниме и сказал: „Если твоя невольница не воротится, я дам тебе десять невольниц из моего дома и десять невольниц из дома начальника охраны. Иди искать невольницу“, – сказал он начальнику охраны.

И начальник охраны вышел, а Нима был озабочен и отчаялся в жизни. А он достиг возраста четырнадцати лет, и на щеках его не было растительности. И стал он плакать и рыдать и держался вдали от своего дома, и они с матерью не переставали плакать до самого утра. И отец Нимы обратился к нему и сказал: «О дитя моё, поистине аль-Хаджжадж устроил против девушки хитрость и захватил её, но от одного часа до другого Аллах доставляет помощь». И заботы Нимы увеличились, и не знал он, что говорил; и не понимал, кто к нему входит; и оставался он больным три месяца, и его состояние изменилось, и отец его отчаялся в нем, а врачи пришли к Ниме и сказали: «Нет для него другого лекарства, кроме невольницы».

И вот в один из дней его отец сидел, и услышал он про одного умелого врача, персиянина, которому люди приписывали большое искусство лечить и читать по звёздам и гадать на песке. И ар-Раби призвал этого врача, а когда он явился, посадил его с собою рядом и оказал ему уважение и сказал: «Посмотри, в каком состоянии мой сын». – «Дай руку», – сказал врач Ниме. И тот подал руку, и врач пощупал ему пульс и посмотрел ему в лицо, и засмеялся и, обратившись к его отцу, сказал: «У твоего сына нет ничего, кроме недуга в сердце».

«Ты прав, о врач, – ответил ар-Раби. – Посоветуйся о деле моего сына с твоим искусством, и расскажи мне все об его состоянии, ничего от меня не скрывая». И персиянин ответил: «Он привязался к одной девушке, а эта девушка в Басре или в Дамаске, и лекарство для твоего сына лишь в том, чтобы с нею встретиться». – «Если ты сведёшь их, у меня будет чем тебя обрадовать, и ты проживёшь всю жизнь с деньгами и в благоденствии», – сказал ар-Раби. И персиянин молвил: «Поистине, это дело близкое и нетрудное».

А потом он обернулся к Ниме и сказал: «С тобою не будет беды, укрепи же своё сердце, успокой душу и прохлады глаза! Выложи из твоих денег четыре тысячи динаров», – сказал он ар-Раби. И тот вынул деньги и вручил их персиянину, а персиянин сказал ему: «Я хочу, чтобы твой сын поехал со мною в Дамаск, и если захочет Аллах великий, я не вернусь иначе, как с девушкой». А затем персиянин обернулся к юноше и спросил его: «Как тебя зовут?» – и юноша ответил: «Нима», – и тогда персиянин сказал: «О Нима, сядь и пребывай под охраной Аллаха великого: Аллах соединит тебя с твоей возлюбленной».

И Нима сел прямо, а персиянин сказал ему: «Укрепи своё сердце. Мы выедем в этот же день. Ешь, пей и развлекайся, чтобы стать сильным для путешествия». А после Этого персиянин стал справлять свои дела и забрал все, что ему было нужно из редкостей, и он

взял у отца Нимы десять тысяч динаров и взял у него коней и верблюдов и все прочее, что нужно для перевозки тяжестей в пути.

А потом Нима простился со своим отцом и матерью и отправился с врачом в Халеб, но не напал там на след девушки. Затем они достигли Дамаска и прожили там три дня, после чего персиянин нанял лавку и уставил в ней полки тонким фарфором и крышками и украсил полки золотом и кусками дорогих материй. Он поставил перед собою сосуды и бутылки, в которых были разные масла и всякие лекарства, и вокруг бутылок он поставил кубки из хрусталя, а перед собою он положил доску и астрольбию.

И он оделся в платье врачей и лекарей и, поставив перед собою Ниму, одел его в рубаху и шёлковый плащ, и обвязал ему стан шёлковым полотенцем, вышитым золотом.

И потом персиянин сказал Ниме: «О Нима, ты с сегодняшнего дня мой сын; не называй же меня иначе как отцом, а я буду называть тебя только сыном», – и Нима отвечал: «Слушаю и повинуюсь!»

И жители Дамаска стали собираться перед лавкой персиянина, глядя на красоту Нимы и на красоту лавки и тех товаров, что были в ней. И персиянин разговаривал с Нимой по-персидски, а Нима тоже разговаривал с ним на этом языке, ибо он знал его, как обычно для детей вельмож. И этот персиянин сделался известен среди жителей Дамаска, и они стали описывать ему свои недуги, а он давал им лекарства. И ему приносили банки, наполненные мочой больных, и персиянин смотрел на неё и говорил:

«Тот, кто налил мочу, которая в этой банке, болен такойто и такой-то болезнью», – а больной говорил: «Поистине, этот врач прав!» Так персиянин стал лечить людям их болезни, и жители Дамаска собирались у него, и весть о нем распространилась в городе и в домах вельмож.

И вот в один из дней он сидит, и вдруг приближается к нему старуха верхом на осле, чепрак на котором был из парчи, украшенной драгоценными камнями. И старуха остановилась возле лавки персиянина и, привязав осла за уздечку, сделала персиянину знак и сказала: «Возьми меня за руку», – и персиянин взял старуху за руку, и она слезла с осла и спросила: «Это ты – персидский врач, прибывший из Ирака?» – «Да», – отвечал врач. И старуха сказала: «Знай, у меня есть дочь, и она больна». И старуха вынула банку и когда персиянин взглянул на то, что было в банке, он спросил: «О госпожа, скажи, как зовут Эту девушку, чтобы я мог вычислить её звезду и узнать, в какое время ей подойдёт пить лекарство». И старуха сказала: «О брат персов, её зовут Нум...»

И Шахразду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Двести сорок вторая ночь

Когда же настала двести сорок вторая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что персиянин, услышав имя Нум, начал считать и писать на руках и сказал: „О госпожа, я не пропишу ей лекарства, пока не узнаю, из какой она земли, из-за различия в воздухе. Осведомь же меня, в какой земле она воспиталась и сколько прошло лет её жизни“. – „Её жизни четырнадцать лет, а воспиталась она на земле Куфы, что в Ираке“, – отвечала старуха. И персиянин спросил: „А сколько месяцев она в этих краях?“ – и старуха ответила: „Она прожила в этих краях немного месяцев“.

И когда Нима услышал слова старухи и узнал имя своей пленницы, его сердце затрепетало, и он потерял сознание. А персиянин сказал старухе: «Ей подойдут такие-то и такие-то лекарства, а старуха молвила: „Смешай, что хочешь, и дай мне то, что ты писал, с благословения Аллаха великого“, – и бросила ему на прилавок десять динаров. И врач посмотрел на Ниму и велел ему приготовить для старухи лекарственные зелья, а старуха смотрела на него и говорила: „Защити тебя Аллах, о дитя моё, – твой вид подобен её виду“.

А потом старуха спросила персиянина: «О брат персов, это твой невольник или твой сын?» И персидский врач отвечал ей: «Это мой сын». А Нума собрал нужные зелья и

положил их в коробочку и, взяв бумажку, написал на ней такое двустиише:

«И если пожалует один только взгляд мне Нум, –
Пусть счастья не знает Суд, не будет прекрасной Джумль²⁶¹
Сказали: «Забудь её и двадцать возьми таких», –
Но нет ей подобия, её не забуду я».

Потом он засунул бумажку в коробочку и написал на крышке коробочки куфическим почерком:²⁶² «Я Нима ибн ар-Раби – куфиец», и поставил коробочку перед старухой.

Та взяла её и простилась с ними, и поехала обратно, направляясь во дворец халифа.

И когда старуха поднялась с зельями к девушке, она поставила перед ней коробочку с лекарствами и сказала:

«О госпожа, знай, что в наш город пришёл врач персиянин, и я не видела никого прозорливее и осведомленнее в делах болезней, чем он. Я назвала твоё имя, после того как он увидел банку, и он узнал, какая у тебя болезнь, и прописал тебе лекарство, а потом он отдал приказание своему сыну, и тот составил для тебя вот это лекарство. И в Дамаске нет никого красивее и изящнее, чем его сын, и ни у кого не найдётся лавки такой, как у него».

И Нум взяла коробочку и увидела, что на её крышке написано имя её господина и имя его отца, и, когда она увидела это, у неё изменился цвет лица, и она про себя воскликнула: «Нет сомнения, что владелец этой лавки пришёл из-за меня!» – «Опиши мне этого юношу», – сказала она старухе, и та ответила: «Его зовут Нима, и над правой бровью у него пятнышко, и одет он в роскошные одежды и обладает совершенной красотой». – «Подай мне лекарство, с благословения Аллаха великого и с его помощью», – сказала девушка и взяла лекарство и выпила его, смеясь, и сказала старухе: «Поистине, это благословенное лекарство!»

Потом она осмотрела коробочку и, увидав бумажку, повернула её и прочитала, а поняв её смысл, она уверилась, что тот юноша – её господин, и успокоилась душой и обрадовалась. И, увидав, что девушка засмеялась, старуха воскликнула: «Поистине, этот день – день благословенный!» – а Нум промолвила: «О надсмотрщица, я хочу чего-нибудь поесть и выпить». И старуха сказала невольницам: «Подайте вашей госпоже столы с роскошными кушаньями!» – и Нум подали столы, и она села есть.

Вдруг вошёл к ним Абд-аль-Мелик ибн Мерван, и, увидев, что девушка сидит и ест кушанья, он обрадовался, а надсмотрщица сказала ему: «О повелитель правоверных, поздравляем тебя с выздоровлением твоей невольницы Нум. В этот город прибыл один врач (я не видала никого осведомленнее в болезнях и лекарствах), и я принесла ей от него лекарство, которое она приняла один раз, и выздоровление пришло к ней, о повелитель правоверных». – «Возьми тысячу динаров и позаботься о лекарствах, чтобы её вылечить совсем», – сказал повелитель правоверных и вышел, радостный.

А старуха пошла в лавку персиянина и отдала ему тысячу динаров, осведомив его о том, что та девушка – невольница халифа. И она передала ему бумажку, которую написала Нум, а персиянин взял её и передал Ниме, а тот, увидев её, узнал почерк и упал без чувств. А придя в себя, он развернул бумажку и вдруг видит, в ней написано: «От девушки, чьё счастье похищено, чей разум обманут, от расставшейся с любимым сердца». А после того: «Ваше письмо пришло ко мне, и расправилась грудь, и возрадовался разум, и было так, как сказал поэт:

Письмо прибыло! – Пусть бы пальцев я не лишилась,

²⁶¹ Игра слов, основанная на нарицательном значении имён: Суд – значит «счастье», Джумль – «красота».

²⁶² Куфический почерк – твёрдый, угловатый шрифт, которым написано большинство дошедших до нас древних списков корана и сохранившихся надписей на камнях.

То письмо писавших, – их дух оно впитало.
И как будто Мусу вернули вновь его матери
Иль плащ Юсуфа принесли назад к Якубу»²⁶³.

И когда Нима прочитал эти стихи, его глаза наполнились слезами, и надсмотрщица спросила его: «О чем ты плачешь, о дитя моё? Да не заставит Аллах твои глаза плакать!» – «О госпожа, – сказал ей персиянин, – как моему сыну не плакать, когда эта девушка – его невольница, а он – её господин, Нима ибн ар-Раби из Куфы?

Выздоровление этой невольницы зависит от того, чтобы его увидеть, и нет у неё другой болезни, кроме любви к нему...»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Двести сорок третья ночь

Когда же настала двести сорок третья ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что персиянин сказал старухе: „Как моему сыну не плакать, когда эта девушка – его невольница, а он – её господин, Нима ибн ар-Раби из Куфы? Выздоровление этой невольницы зависит от того, чтобы его увидеть, и нет у неё другой болезни, кроме любви к нему. Возьми же себе, о госпожа, эту тысячу динаров (а у меня будет для тебя ещё больше) и посмотри на нас глазами милости. Мы не знаем, как исправить это дело, если не через тебя“. И старуха спросила Ниму: „Ты её господин?“ И Нима ответил:

«Да», – и старуха сказала: «Ты говоришь правду – она непрестанно поминает тебя».

И Нима рассказал старухе о том, что с ним случилось, с начала до конца, и старуха сказала: «О юноша, ты найдёшь встречу с нею только через меня», – а затем она села верхом, и в тот же час и минуту вернулась, и, войдя к девушке, посмотрела ей в лицо и засмеялась и сказала:

«О дочь моя, ты имеешь право плакать и хворать из-за разлуки с твоим господином Нимой ибн ар-Раби-куфийцем». – «Покров перед тобой поднят, и явилась тебе истина», – воскликнула Нум, а старуха сказала ей: «Успокой свою душу и расправь грудь! Клянусь Аллахом, я соединю вас, даже если из-за этого пропадёт моя душа!»

И потом она вернулась к Ниме и сказала ему: «Я воротилась к твоей невольнице и встретила с нею и нашла, что она тоскует по тебе больше, чем ты по ней, и повелитель правоверных хочет сойтись с нею, а она сопротивляется. Если у тебя твёрд дух и ты силен сердцем, то я сведу вас и подвергну себя опасности и придумаю уловку и устрою хитрость, чтобы ты мог войти во дворец повелителя правоверных и встретиться с девушкой, ведь она не может выходить». – «Да воздаст тебе Аллах благом!» – воскликнул Нима.

И потом старуха простилась с ним и, придя к девушке, сказала ей: «Душа твоего господина пропала из-за любви к тебе, и он хочет с тобою встретиться и достигнуть тебя. Что ты скажешь об этом?» – «У меня тоже пропала душа, и я хочу с ним встретиться», – ответила Нум. И тогда старуха взяла узел, в котором были украшения и драгоценности и платье из женских платьев и пришла к Ниме и сказала: «Пойдём в уединённое место».

Когда Нима вошёл с нею в комнату позади лавки, она расписала его и разукрасила ему кисти рук и вплела ему в волосы вышитые ленты, а потом она одела его в женскую одежду и разукрасила его самым лучшим из того, чем украшаются невольницы. И стал Нима подобен одной из райских гурий, и, когда надсмотрщица увидала его в таком обличье, она воскликнула: «Благословен Аллах, лучший из творцов! Клянусь Аллахом, ты, право,

²⁶³ Муса – арабская форма имени Моисей. В библии говорится, что Моисей после своего появления на свет был положен матерью в корзину, которую пустили плыть по Нилу. Корзина была выловлена дочерью фараона, которая решила воспитать мальчика и пригласила в кормилицы его собственную мать. Якуб и Юсуф – арабская форма имён Иаков и Иосиф.

прекраснее той девушки!» Потом она сказала: «Походи, выставя левую ногу и отставляя правую, и трясги бёдрами». И Нима стал ходить перед нею, как она ему велела. И, когда старуха увидела, что он знает женскую походку, она сказала:

«Подожди, пока я приду к тебе завтра вечером, если захочет Аллах великий, и возьму тебя и приведу во дворец, и когда ты увидишь привратника и евнухов, укрепи свою решимость, опусти голову и не говори ни с кем: я переговорю с ними вместо тебя, и найду у Аллаха поддержку».

Когда наступило утро, на следующий день, надсмотрщица пришла к Ниме и, взяв его, пришла с ним во дворец, и старуха вошла впереди, а Нима сзади, следом за нею.

И привратник хотел помешать ему войти, но старуха сказала ему: «О сквернейший из рабов, это невольница Нум, любимица повелителя правоверных. Как же ты не даёшь ей войти?» И она молвила: «Входи, девушка!» – и Нима вошёл со старухой, и они все время шли, до тех дверей, через которые можно было попасть во двор перед дворцом.

«О Нима, – сказала тогда старуха, – укрепи свою душу и сделай сильным твоё сердце. Войди во дворец, возьми налево, отсчитай пять дверей и войди в шестую – это дверь в помещение, приготовленное для тебя. Не бойся и, если кто-нибудь с тобою заговорит, не разговаривай с ним и не останавливайся». И потом старуха пошла с ним и достигла дверей, и её встретил привратник, поставленный у этих дверей, и спросил: «Что это за девушка?..»

И Шахразад упустила слово, и она прекратила дозволенные речи.

Двести сорок четвёртая ночь

Когда же настала двести сорок четвёртая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что привратник встретил старуху и спросил её: „Что это за девушка?“ – и старуха ответила ему: „Твоя госпожа хочет её купить“. – „Никто не войдёт иначе, как с позволения повелителя правоверных, – сказал евнух. – Возвращайся с ней назад, я не дам ей войти, потому что мне так приказано“. – „О великий привратник, – отвечала старуха, вложи разум себе в голову! Нум, невольница халифа, сердце которого привязано к ней, идёт к выздоровлению, и халиф не верит, что она поправилась. Она хочет купить эту невольницу, не мешай же ей войти, чтобы до Нум не дошло, что ты ей помешал: тогда она на тебя разгневается, и болезнь снова вернётся к ней. А если она на тебя разгневается, то найдёт причину, чтобы тебе отрубили голову“. Потом она сказала: „Входи, девушка, не слушай его слов и не говори царице, что привратник не позволял тебе войти“.

И Нима опустил голову и вошёл во дворец. И он хотел пойти влево, но ошибся и пошёл вправо и, желая отсчитать пять дверей и войти в шестую, отсчитал шесть дверей и вошёл в седьмую. И, войдя в эту дверь, он увидел помещение, устланное парчой, а на стенах его были шёлковые занавески, вышитые золотом, и там стояли курильницы с алоэ, амброй и благоухающим мускусом. А на возвышении Нима увидел ложе, устланное парчой, и сел на это ложе и увидал великую пышность, и не знал он, что написано для него в неведомом.

И пока он сидел и думал о своей судьбе вдруг вошла сестра повелителя правоверных, и с нею была её невольница. И, увидав сидящего юношу, сестра халифа подумала, что это девушка и, подойдя к Ниме, спросила его: «Кто ты будешь, о девушка, в чем твоё дело и кто привёл тебя в это место?» – и Нима ничего не сказал и не дал ей ответа. «О девушка, – сказала тогда сестра халифа, – если ты из любимиц моего брата и он разгневался на тебя, я за тебя попрошу и постараюсь смягчить его к тебе», – во Нима не дал ей ответа. И она сказала своей невольнице: «Постой у дверей комнаты и не давай никому войти», – а потом подошла к Ниме и взглянула на него и оторопела при виде его красоты.

«О девушка, – сказала она, – дай мне узнать, кто ты и как тебя зовут и почему ты вошла сюда: я не видала тебя в нашем дворце», – но Нима ничего не ответил. И тут сестра царя рассердилась и положила руку на грудь Нимы и не нашла у него груди. И она хотела раскрыть одежду Нимы, чтобы узнать, в чем его дело, и тогда Нима сказал ей: «О госпожа, я

твой невольник! Купи же меня, я становлюсь под твою защиту: защити же меня». – «С тобой не будет беды, – отвечала сестра халифа. – Кто же ты и кто привёл тебя сюда, в мою комнату?» – «О царица, – отвечал Нима, – я зовусь Нимой, сыном ар-Раби из Куфы, и я подверг свою душу опасности из-за моей невольницы Нум, с которой аль-Хадждадж схитрил и взял её и послал сюда».

«С тобой не будет беды», – сказала сестра халифа. А потом она кликнула свою невольницу и сказала: «Пойди в комнату Нум!»

Тем временем надсмотрщица пришла в комнату Нум и спросила её: «Приходил ли к тебе твой господин?» – «Нет, клянусь Аллахом!» – отвечала Нум. И старуха надсмотрщица сказала: «Может быть, он ошибся и вошёл в другую комнату и сбился с дороги к твоему помещению», – и тогда Нум воскликнула: «Нет мощи и силы, кроме как у Аллаха, высокого, великого! Кончился срок для нас всех, и мы погибли!»

Они сидели, размышляя, и, пока это было так, вдруг вошла к ним невольница сестры халифа и приветствовала Нум и сказала: «Моя госпожа зовёт тебя к себе в гости», – и Нум отвечала ей: «Слушаю и повинуюсь!» – «Может быть, твой господин у сестры халифа и покров снят», – сказала надсмотрщица. И Нум в тот же час и минуту встала и пошла к сестре халифа, и та сказала ей: «Вот твой господин сидит у меня: он как будто ошибся помещением. Но ни для тебя, ни для него не будет страха, если захочет Аллах великий». И, когда Нум услышала эти слова от сестры царя, её душа успокоилась, и она подошла к своему господину Ниме, а тот, увидав её, поднялся ей навстречу, и они обнялись...»

И Шахразад упустила нить, и она прекратила дозволенные речи.

Двести сорок пятая ночь

Когда же настала двести сорок пятая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что Нима, увидав невольницу Нум, поднялся ей навстречу, и они прижали друг друга к груди, а затем оба упали на землю без сознания. А когда они очнулись, сестра халифа сказала им: „Сядьте, и подумаем, как избавиться от той беды, в которую мы попали“. – „О госпожа, от нас – внимание и повиновение, а от тебя – приказ“, – отвечали они. И сестра халифа воскликнула: „Клянусь Аллахом, вас не постигнет от нас никакое зло!“

Затем она сказала своей невольнице: «Принеси кушанья и напитки», – и невольница принесла это. И тогда они сели и поели достаточно, чтобы насытиться, а затем сели пить. И заходили между ними чаши, и прекратились их печали, и Нима воскликнул: «О, если бы я знал, что будет потом», – а сестра халифа спросила: «О Нима, любишь ли ты Нум, свою невольницу?» – и он отвечал: «О госпожа, любовь к ней заставила меня сделать все это и подвергнуть себя опасности». А затем она спросила Нум: «О Нум, любишь ли ты своего господина Ниму?» – и Нум ответила: «О госпожа, от любви к нему растаяло моё тело и изменился мой вид». – «Клянусь Аллахом, вы любите друг друга, и пусть не будет того, кто разлучит вас! Успокойте же ваши души и прохладите глаза!» – воскликнула сестра халифа, и они обрадовались.

И Нум потребовала лютню, и ей принесли её, и, взяв лютню, она настроила её и ударила по ней один раз и, затянув напев, произнесла такие стихи:

«Когда разлучить враги хотели упорно нас,
Хоть мстить ни тебе, ни мне и не за что было им,
Набегами всякими терзали они наш слух, И мало защитников
нашлось и помощников, Со стрелами глаз твоих тогда я напал на
них, А сам захватил я меч, огонь и поток воды».

А потом Нум дала лютню своему господину Ниме и сказала ему: «Скажи нам стихотворение», – и Нима взял лютню, и настроил её и, затянув напев, произнёс такие стихи:

«Подобен бы месяц был тебе, но заходит он.
Лик солнца бы был, как ты, но только он с пятнами,
Дивлюсь я, – а сколько есть в любви всегда дивного,
Заботы не мало в ней, в ней страсть и страдание,
Дорога мне кажется столь близкой, когда иду
К любимой, но путь далёк, когда я иду назад».

А когда он кончил говорить стихи, Нум наполнила кубок и подала ему, и Нима взял кубок я выпил, а затем Нум наполнила другой кубок и подала его сестре халифа» и та выпила его, и взяла лютню и, настроив её, натянула струны и произнесла такие стихи:

«Печаль и грусть в душе моей поселились,
И внутри меня страсть великая так упорна.
Худ я телом так, что явно это стало всем.
Ведь любовью тело давно моё хворает».

И потом она наполнила кубок и подала его Ниме, а тот выпил и, взяв лютню, настроил на ней струны и произнёс такие стихи:

«О тот, кому дух я дал, а он стал терзать его!
Я вырвать его хотел, – но сил не нашёл в себе.
Поддай же влюблённому спасенье от гибели,
Пока не настала смерть, – и вот мой последний вздох».

И они, не переставая, говорили стихи под звуки струн и проводили время в наслаждении, блаженстве, радости и веселье, и пока это было так, вдруг вошёл к ним повелитель правоверных. И, увидав его, они встали и поцеловали землю меж его рук, и халиф, увидев Нум с лютней, воскликнул: «О Нум, слава Аллаху, который удалил от тебя бедствие и боль!» Потом он обернулся к Ниме, который был все в том же виде, и спросил: «Сестрица, кто эта девушка, которая рядом с Нум?» – «О повелитель правоверных, – отвечала ему сестра, – у тебя есть невольница, среди твоих любимиц, добрая нравом, и Нум не ест и не пьёт иначе, как с нею». И она произнесла слова поэта:

«Они разные, и сошлись они по различию –
Красота несходных всегда видна по несходству их».

«Клянусь Аллахом великим, – воскликнул халиф, – она так же красива, как Нум, и завтра я прикажу отвести ей комнату рядом с комнатой Нум и выдам ей ковры и циновки, и доставлю все, что ей подходит, из уважения к Нум».

И сестра халифа приказала подать кушанья и предложила их своему брату, и тот поел и сидел с ними за этим пиром и трапезой. И он наполнил кубок и сделал Нум знак, чтобы она сказала ему какие-нибудь стихи. И Нум взяла лютню, выпив сначала два кубка, и ударила по струнам, затянула напев и произнесла такие два стиха:

«Когда сотрапезник даст мне выпить и выпить вновь
Три кубка, наполненных бродящею влагой,
Я ставу влачить подол кичливо, как будто я,
Эмир правоверных всех, эмир над тобою».

И повелитель правоверных пришёл в восторг и наполнил ещё кубок и, подав его Нум, приказал ей спеть, и она, выпив сначала кубок, попробовала струны и произнесла такие

стихи:

«Вот лучший среди людей в дни наши, и нет ему
Подобного, чтобы мог тем делом прославиться.
Единственный в высоте, и славен престол его,
О царь и владыка наш, повсюду прославленный!
Владыка царей земных и всех без изъятия,
Обильно ты жалуешь без скуки и устали.
Господь сохрани тебя, назло и к тоске врагов,
Успех и победа пусть украсят звезду твою!»

И когда халиф услышал от Нум эти стихи, он воскликнул: «Клянусь Аллахом, хорошо! Клянусь Аллахом, прекрасно! От Аллаха твой дар, о Нум! Как красноречив твой язык и как ясна твоя речь!» И они пребывали в веселье и радости до полуночи, а затем сестра халифа сказала: «Послушай, о повелитель правоверных: я видала в какой-то книге рассказ про одного знатного вельможу». – «А что это за рассказ?» – спросил халиф.

И сестра его сказала: «Послушай, о повелитель правоверных. Был в городе Куфе юноша, по имени Нима ибн ар-Раби, и была у него невольница, и он любил её, и она любила его (а она воспиталась с ним на одной постели).

И когда они достигли зрелости, и ими овладела любовь друг к другу, судьба поразила их своей превратностью, и время подавило их своими несчастьями, и судило оно им расстаться. И доносчики схитрили с девушкой, и она вышла из дома своего господина, и её взяли и украли из его жилища, а потом укравший девушку продал её одному из царей за десять тысяч динаров. А девушка так же любила своего господина, как и он любил её, и её господин оставил свою семью и своё богатство и дом свой, и отправился искать девушку, и нашёл способ с нею встретиться и её увидеть, и он подвергал себя опасности...»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Двести сорок шестая ночь

Когда же настала двести сорок шестая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, как сестра повелителя правоверных говорила:

«Нима пребывал в разлуке со своей семьёй и родиной и нашёл способ встретиться со своей невольницей, и он подвергал себя опасности и не жалел своей души, пока не сумел встретиться с невольницей, а звали её Нум. И когда он встретился с нею, они не успели усесться, как вошёл к ним царь, купивший её у человека, который её украл, и он был поспешен с ними и велел их убить, не оказав им справедливости и не отсрочив над ними свой суд...» Что ты скажешь, о повелитель правоверных, о столь малой справедливости этого царя?» – «Поистине, это предивная вещь, и этому царю надлежало простить их, при своей мощи! – воскликнул повелитель правоверных. – Ему следовало помнить относительно них три вещи: во-первых, они любили друг друга, во-вторых, они находились в его жилище и в его руках, и, в-третьих, царю надлежит быть медлительным, творя суд над людьми. Так как же ему не медлить в деле, которое с ним связано? Этот царь совершил дело, не похожее на дела царей». – «О брат мой, – сказала сестра халифа, – ради царя небес и земли, прикажи Нум петь и послушай то, что она споёт». – «О Нум, спой мне», – воскликнул халиф. И Нум затянула напев и произнесла такие стихи:

«Обмануло время – всегда оно обманет,
Разит сердца и рождает думы время,
Разлучит оно после жизни вместе возлюбленных,
И увидишь ты на ланитах слез потоки,

Я жила и жили; и жизнь моя светла была,
Когда судьба свела нас, и обильна.
И я буду плакать и кровь и слезы струёю лить,
По тебе печалюсь и днями и ночами».

И, когда повелитель правоверных услышал эти стихи, он пришёл в великий восторг, и сестра его сказала ему:

«О брат мой, кто сам присудил себя к чему-нибудь, должен придерживаться этого и поступать по своему слову. И ты сам совершил над собою такой суд. – Потом она сказала: – О Нима, встань на ноги, и ты тоже встань, о Нум». И когда они встали, сестра халифа сказала:

«О повелитель правоверных, та, что встала, – это украденная Нум, которую похитил аль-Хаджжадж ибн Юсуф ас-Сакафи и прислал тебе, и солгал он, утверждая в своём письме, что купил девушку за десять тысяч динаров. А этот, что встал, – Нима ибн ар-Раби, её господин.

И я прошу тебя – из уважения к твоим пречистым предкам и ради Хамзы, Акиля и аль-Аббаса²⁶⁴ прости их и отпусти им их преступления. Подари их друг другу, чтобы получить за них награду и воздаяние. Они находятся в твоей руке и поели твоей пищи и выпили твоего питья, и я ходатайствую за них и прошу подарить мне их кровь».

«Ты права, – воскликнул халиф, – я так решил и не буду решать и потом брать назад!» – «О Нум, – спросил он затем, – это твой господин?» – и Нум ответила: «Да, о повелитель правоверных», – и тогда халиф молвил:

«С вами не будет беды, – я подарил вас друг другу!» – «О Нима, как ты узнал о её местопребывании и кто описал тебе это место?» – спросил халиф. И Нима сказал: «О повелитель правоверных, выслушай мою повесть и прислушайся к моему рассказу, и клянусь твоими отцами и пречистыми дедами, я ничего от тебя не скрою».

И затем он рассказал халифу обо всех бывших с ним делах и о том, что сделал персидский врач и что сделала надсмотрщица, как она ввела его во дворец, а он ошибся дверями...

И халиф до крайности удивился этому. «Ко мне персиянина!» – сказал он потом, и персиянина привели к халифу, и тот назначил его в число своих приближённых и наградил его одеждами и приказал выдать ему прекрасную награду и молвил: «Тому, кто это придумал, надлежит быть в числе наших приближённых».

А после этого халиф облагодетельствовал Ниму и Нум и оказал им милость и облагодетельствовал надсмотрщицу, и они прожили у него семь дней в радости, удовольствиях и приятнейшей жизни, и затем Нима попросил у халифа разрешения уехать, вместе со своей невольницей, и халиф разрешил им уехать в Куфу.

И они уехали, и Нима повидался со своим отцом и своей матерью, и жили они наилучшей и приятнейшей жизнью, пока не пришла к ним Разрушительница наслаждений и Разлучительница собраний».

Рассказ об аль-Амджаде и аль-Асаде (продолжение)

Когда аль-Амджад и аль-Асад слышали от Бахрама этот рассказ, они до крайности удивились и сказали:

«Поистине, этот рассказ удивителен...»

И Шахразуду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Двести сорок седьмая ночь

²⁶⁴ Хамза ибн Абд-аль-Мутталиб – дядя пророка Мухаммеда и один из первых его последователей. Акиль ибн Абу-Талиб – брат халифа Али. Аль-Аббас ибн Абд-аль-Мутталиб – дядя пророка Мухаммеда, родоначальник династии Аббасидов.

Когда же настала двести сорок седьмая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что когда аль-Амджад и аль-Асад услышали от Бахрама-мага, который принял ислам, эту историю, они до крайности ей удивились. И они проспали эту ночь, а когда наступило утро, аль-Амджад и аль-Асад сели на коней и отправились во дворец султана, чтобы рассказать ему о путешествии, и явились и пожелали войти к царю. И они попросили разрешения войти, и царь разрешил им, и когда они вошли, он оказал им почёт, и они сели беседовать.

И пока это было так, вдруг жители города начали кричать и вопить и звать на помощь, и царедворец вошёл к царю и осведомил его о том, что некий царь из царей расположился вокруг города со своими войсками. «И они обнажили оружие, и не знаем мы, каковы их намерения и желания».

И царь рассказал своему везиру аль-Амджаду и его брату аль-Асаду о том, что он услышал от царедворца, и аль-Амджад сказал: «Я выеду к нему и выясню, в чем с ним дело».

И аль-Амджад выехал в окрестности города и увидел царя, с которым было большое войско и конные мамлюки, и, увидев аль-Амджада, все поняли, что это посланный от даря города, и его взяли и привели пред лицо султана.

И когда аль-Амджад оказался перед царём, он поцеловал землю меж его рук и вдруг видит, этот царь – женщина, прикрывшая себе лицо покрывалом.

«Знай, – сказала она, – что нет у меня желания взять у вас этот город. И пришла я к вам лишь потому, что ищу одного безбородого невольника. И если я его найду у вас, с вами не будет беды, а если не найду, у меня с вами будет сильный бой». – «О царица, каков облик этого невольника, что с ним случилось и как его зовут?» – спросил аль-Амджад. И царица сказала: «Его зовут аль-Асад, а меня зовут Марджана. И этот невольник прибыл ко мне вместе с магом Бахрамом, и тот не согласился продать его, и я взяла его у него силой. И Бахрам напал на него и тайком взял его у меня ночью, что же касается его примет, то они такие-то и такие-то».

И когда аль-Амджад услышал это, он понял, что этот невольник – его брат, и сказал царице: «О царица, хвала Аллаху, который послал нам помощь! Этот невольник – мой брат!» И затем он рассказал ей свою историю и то, что случилось с ними в чужой стране, и поведал ей о причине ухода с Эбеновых островов, и царица Марджана удивилась этому и обрадовалась встрече с аль-Асадом и наградила его брата аль-Амджада, и потом аль-Амджад возвратился к царю и осведомил его о случившемся, и все обрадовались.

И царь с аль-Асадом выехали, желая встретиться с царицей, и, войдя к ней, сели беседовать, и пока это было так, вдруг поднялась пыль и затянула края неба, а через минуту эта пыль рассеялась, обнаружив влачащееся войско, подобное взбаламученному морю, и воины были одеты в кольчуги и оружие. И они направились к городу и окружили его, как кольцо окружает мизинец, и обнажили мечи. И аль-Асад с аль-Амджадом воскликнули:

«Поистине, мы принадлежим Аллаху и к нему возвращаемся! Что это за большое войско? Нет сомнения, это враги, и, если мы не сговоримся с царицей Марджаной, чтобы совместно вступить с ними в бой, они возьмут у нас город и убьют нас, и нет другой хитрости, как выйти к ним и разъяснить, в чем их дело».

И аль-Амджад выехал из городских ворот и проехал мимо войск царицы Марджаны, а достигнув второго войска, он увидел, что это войско его деда, царя аль-Гайюра, отца его матери, царицы Будур...»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Двести сорок восьмая ночь

Когда же настала двести сорок восьмая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что когда аль-Амджад достиг второго войска, он увидел, что это войско его

деда, царя аль-Гайюра, владыки островов и морей и семи дворцов.

И, оказавшись перед ним, аль-Амджад поцеловал землю меж его рук и передал ему послание, а царь сказал: «Моё имя царь аль-Гайюр, и пришёл я, странствуя по дорогам, так как время поразило меня и разлучило с моей дочерью Будур. Она рассталась со мной и уехала вместе с мужем своим, Камар-аз-Заманом, и с тех пор ко мне не вернулась, и я не слышал вестей ни о ней, ни о муже её, Камар-аз-Замане. Есть ли у вас сведения о них?»

И, услышав это, аль-Амджад склонил на некоторое время голову к земле, размышляя, и убедился он в том, что этот царь – его дед, отец его матери. И он поднял голову и поцеловал землю меж рук царя и рассказал ему, что он сын его дочери Будур. И, услышав, что он сын его дочери Будур, царь бросился к нему, и они стали плакать, а затем царь аль-Гайюр воскликнул: «О дитя моё, хвала Аллаху за благополучие, раз я встретился с тобой».

И аль-Амджад рассказал ему, что его дочь Будур в добром здоровье, и Камар-аз-Заман, отец его, также; и сообщил ему, что они в городе, который называется Эбеновый остров; и поведал царю о том, что его отец разгневался на него и на его брата и велел их убить, но что казначей пожалел их и оставил их, не убив. И царь сказал ему: «Я вернусь с тобою и твоим братом к твоему отцу и помирю вас и останусь с вами», – и тогда аль-Амджад поцеловал землю меж его рук и обрадовался.

И после этого царь аль-Гайюр наградил своего внука аль-Амджада, и тот, улыбаясь, вернулся к царю и поведал ему историю царя аль-Гайюра, и царь до крайности удивился этому. И потом он послал царю аль-Гайюру все нужное для приёма гостя: баранов, коней, верблюдов и корм и другое. И он выставил царице Марджане столько же, и её осведомили о случившемся, и она сказала: «Я с моим войском отправлюсь с вами и буду стараться вас помирить».

Повесть о Камар-аз-Замане и царице Будур (продолжение)

Пока это было так, вдруг поднялась пыль, которая затянула края неба, так что день почернел от неё, и слышали за этой пылью крики и вопли и ржание коней, и увидели блистающие мечи и выставленные зубцы копий. И когда новые войска приблизились к городу и увидели оба другие войска, они забили в барабаны, и при виде Этого царь воскликнул: «Сегодняшний день, поистине, день благословенный! Хвала Аллаху, который помирил нас с Этими двумя войсками. И если Аллах захочет, он помирит нас с этим войском также!» – «О Амджад и Асад, – сказал он потом, – выезжайте и разъясните нам дело с этими войсками. Поистине, это войско многочисленное, больше которого я не видал».

И оба, аль-Амджад и его брат аль-Асад, выехали, после того как царь запер ворота города, боясь войск, окруживших его, и открыли ворота и ехали, пока не прибыли к подошедшему войску, и оказалось, что это войско великое. И они подошли к войску и вдруг видят – это войско царя Эбенового острова, и в войске их отец Камар-аз-Заман, и, увидав его, оба брата поцеловали перед ним землю и заплакали. А Камар-аз-Заман, увидев юношей, бросился к ним и разразился сильным плачем. Он попросил у них прощения и некоторое время прижимал их к груди, а потом он рассказал им, какую он испытал после них сильную тоску, расставшись с ними.

И затем аль-Амджад и аль-Асад рассказали Камар-аз-Заману, что царь аль-Гайюр прибыл к ним, и Камар-аз-Заман сел верхом, во главе своих приближённых, взяв с собою своих сыновей, аль-Амджада и аль-Асада, и они ехали, пока не подъехали близко к войску царя аль-Гайюра. И один из них выехал вперёд к царю аль-Гайюру и рассказал ему, что Камар-аз-Заман прибыл.

И царь выехал ему навстречу, и они встретились друг с другом и подивились всем этим делам и тому, как они встретились в этом месте. И жители города устроили пиры и приготовили разные кушанья и сладости, и предоставили коней и верблюдов и угощение и корм и все, в чем нуждались войска.

И пока это было так, вдруг поднялась пыль, которая застлала края неба, и земля

задрожала под конями, и барабаны гудели, как порывистый ветер, и войско целиком было вооружено и в кольчугах, и все воины были одеты в чёрное, и среди них был глубокий старец, борода которого достигала до груди, и на нем были чёрные одежды.

И когда жители города увидели это большое войско, правитель города сказал царям: «Хвала Аллаху, что вы собрались по изволению Аллаха великого в один день и оказались все знакомыми. Что же это за влачащееся войско, которое заполнило землю со всех сторон?» – «Не бойся, – сказали ему цари, – нас трое царей, и у каждого царя многочисленное войско; если это враги, мы с ними сразимся, хотя бы к ним прибавилось ещё трижды столько».

И пока это было так, вдруг подъехал посланец от этих войск, направляясь к городу, и его поставили перед Камараз-Заман, царём аль-Гайюром, царицей Марджаной и тем царём, правителем города, и посланный поцеловал землю и сказал: «Это царь из земель персов, и он потерял много лет назад своего сына, и ходил, разыскивая его, по разным странам; если он найдёт его у вас, с вами не будет беды, если же он его не найдёт, у него с вами будет война, и он разрушит ваш город». – «До этого не дойдёт, – сказал Камар-аз-Заман, – но как зовут этого варя в землях персов?» – «Его зовут царь Шахраман, властитель островов Халидан, – отвечал посланный. – Он набрал эти войска в тех странах, через которые проходил, разыскивая в них своего сына».

И когда Камар-аз-Заман услышал слова посланного, он испустил громкий крик и упал без чувств и пробыл в обмороке некоторое время, а очнувшись, он заплакал сильным плачем и сказал аль-Амджаду и аль-Асаду и их приближённым: «Ступайте, о дети мои, с послом и приветствуйте вашего деда, царя Шахрамана, и порадуйте его вестью обо мне – он печалится, потеряв меня, и до сего времени носит из-за меня чёрные одежды». И он рассказал присутствующим царям обо всем, что с ним случилось в дни его юности, и все цари удивились этому. А затем они с Камар-аз-Заманом спешились и пришли к его отцу.

И Камар-аз-Заман приветствовал своего отца, и они обняли друг друга и некоторое время лежали без чувств от сильной радости. А когда они очнулись, Камар-аз-Заман рассказал своему отцу обо всем, что с ним произошло, и когда Камар-аз-Заман поведал ему обо всем, что случилось с ним и произошло с женой его, царевной Будур, и сыновьями его, аль-Амджадом и аль-Асадом, они вышли ко всем присутствующим и остальные цари приветствовали царя Шахрамана.

И Марджану воротили в её страну, выдав её сначала замуж за аль-Асада. Ей приказали не прерывать обмена посланиями, и она уехала. А потом аль-Амджада женили на Бустан, дочери Бахрама, и все отправились в Эбеновый город. И Камар-аз-Заман вошёл к своему тестю и осведомил его обо всем случившемся и о том, как он встретился со своими детьми и царь обрадовался и поздравил его с благополучием.

А затем царь аль-Гайюр, отец царицы Будур, вошёл к своей дочери и приветствовал её и утолил свою тоску по ней. И они прожили в Эбеновом городе целый месяц, и после этого царь аль-Гайюр с дочерью отправился в свою страну...

И Шахраду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Двести сорок девятая ночь

Когда же настала двести сорок девятая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что царь аль-Гайюр отправился с дочерью и людьми в свою страну и взял с собою аль-Амджада, и они двинулись в свои земли. И, расположившись в своём царстве, царь аль-Гайюр посадил аль-Амджада править страной вместо себя. И аль-Амджад правил страной деда и стал царём островов и морей и семи двorcов.

Что касается Камар-аз-Замана, то он посадил своего сына аль-Асада править вместо себя в городе его деда, царя Армануса, владыки Эбеновых островов, и дед согласился на это.

Потом Камар-аз-Заман собрался и поехал со своим отцом, царём Шахраманом, и они достигли островов Халидан. И город для них украсили и не переставали бить в литавры

целый месяц.

И Камар-аз-Заман сидел и управлял вместо своего отца, пока не пришла к ним Разрушительница наслаждений и Разлучительница собраний, а Аллах лучше знает».

И царь сказал Шахразаде: «Поистине, этот рассказ очень удивителен!» – а Шахразада ответила: «О царь, Этот рассказ не удивительнее, чем рассказ об Ала-ад-дине Абу-ш-Шамате». – «А каков рассказ об Ала-ад-дине Абуш-Шамате?» – спросил царь.

Рассказ об Ала-ад-дине Абу-ш-Шамате (ночи 249-270)

Дошло до меня, о счастливый царь, – сказала Шахразада, – что был в древние времена и минувшие века и годы один человек, купец в Каире, которого звали Шамс-ад-дин. И был он из лучших купцов и самых правдивых в речах, и имел слуг и челядь, и рабов и невольников, и большие деньги, и состоял старшиной купцов в Каире.

И была у него жена, и он любил её, и она его любила; но только он прожил с ней сорок лет, и не досталось ему от неё ни дочери, ни сына. И вот в один из дней он сидел в своей лавке, и увидел он, что у каждого из купцов был сын, или двое сыновей, или больше, и они сидели в лавках, как их отцы. А в тот день была пятница, и этот купец пошёл в баню и вымылся, как моются в пятницу, а выйдя, он взял зеркало цирюльника и посмотрел в него на своё лицо и воскликнул: «Свидетельствую, что нет бога, кроме Аллаха, и что Мухаммед – посланник Аллаха!» – а потом взглянул на свою городу и увидел, что белое в ней покрыло чёрное; и вспомнил он, что седина посланец смерти.

А его жена знала время его возвращения и мылась и приводила себя для него в порядок; и когда купец вошёл к ней, она сказала ему: «Добрый вечер!» Но он отвечал ей: «Я не видел добра!»

А жена купца сказала невольнице: «Поддай столик с ужином!» И невольница принесла еду, и жена купца сказала: «Поужинай, господин мой»; а купец отвечал: «Я не стану ничего есть!» – и пихнул столик ногой и отвернул лицо от жены.

«Почему это и что тебя опечалило?» – спросила его жена; и купец сказал: «Ты причина моей печали...»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Ночь, дополняющая до двухсот пятидесяти

Когда же настала ночь, дополняющая до двухсот пятидесяти, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что Шамс-ад-дин сказал своей жене: „Ты причина моей печали!“ – „Почему?“ – спросила его жена. „Потому, отвечал купец, – что, когда я сегодня открыл лавку, я увидел у каждого из купцов сына, или двух сыновей, или больше, и они сидели в лавках, как их отцы, и я сказал себе: „Поистине, тот, кто взял твоего отца, тебя не оставит!“ А в ту ночь, когда я вошёл к тебе, ты взяла с меня клятву, что я не женюсь ни на ком, кроме тебя, и не возьму себе в наложницы ни абиссинскую, ни румскую, ни какую-нибудь другую невольницу и не проведу ночи вдали от тебя, – но дело в том, что ты бесплодная и жить с тобой – все равно что с камнем“. – „Имя Аллаха да будет надо мною! – воскликнула жена купца. – Поистине, задержка от тебя, а не от меня, потому что твоё семя прозрачное“. – „А что с тем, у кого семя прозрачное?“ – спросил купец; и его жена отвечала: „Он не делает женщин беременными и не приносит детей“. – „А где то, чем замутить семя? Я куплю это, – может быть, оно замутит мне семя?“ – спросил купец; и жена его сказала: „Поищи у москательщиков“.

И купец проспал ночь, и утром он раскаялся, что упрекал свою жену, а она раскаялась, что упрекала его. И он отправился на рынок и нашёл одного москательщика и сказал ему: «Мир с вами!» И москательщик ответил на его привет, и купец спросил его: «Найдётся у тебя чем замутить мне семя?» – «У меня это было, да вышло, но спроси у соседа», – ответил

москательщик; и купец ходил и спрашивал, пока не опросил всех (а они над ним смеялись), и потом он вернулся к себе в лавку и сидел огорчённый.

А на рынке был один человек, гашишеед, начальник маклеров, который принимал опиум и барш²⁶⁵ и употреблял зелёный гашиш, и звали этого начальника шейх Мухаммед Симсим, и жил он в бедности. И всякий день он обычно приходил утром к этому купцу. И вот он пришёл, как обычно, и сказал ему: «Мир с вами!» И купец ответил на его приветствие сердито. «О господин, почему ты сердит?» – спросил Мухаммед; и купец рассказал ему обо всем, что случилось у него с женой, и сказал: «Я сорок лет женат, и моя жена не забеременела от меня ни сыном, ни дочерью, и мне сказали: „Она не беременеет потому, что у тебя семя прозрачное“. И я стал искать чего-нибудь, чтобы замутить себе семя, и не нашёл».

«О господин, – сказал Мухаммед, – у меня есть чем замутить семя. Что ты скажешь о том, кто сделает твою жену беременной от тебя после этих сорока лет, что минули?» – «Если ты это сделаешь, я окажу тебе милость и облагодетельствую тебя!» – отвечал купец. И Мухаммед сказал: «Дай мне динар!» – «Возьми эти два динара!» – воскликнул купец; и Мухаммед взял их и сказал ему: «Поддай мне эту фарфоровую миску». И купец дал ему миску, и Мухаммед отправился к торговцу травами и взял у него унции две румского мукаркара и немного китайской кубебы, и корицы, и гвоздики, и кардамона, и имбиря, и белого перцу, и горную ящерицу и истолок все это и вскипятил в хорошем растительном масле. И ещё он взял три унции крупинки ладана и с чашку чернушки и размочил, и сделал из всего этого тесто с румским пчелиным мёдом и, положив его в миску, вернулся к купцу и отдал ему миску.

«Вот чем можно замутить семя, – сказал он ему. – Тебе следует, после того как ты поешь мяса барашка и домашнего голубя, положив туда много горячительных приправ и пряностей, съесть этого теста на конце лопаточки, а потом поужинать и запить чистым разведённым сахаром».

И купец велел принести все это и отослал своей жене вместе с барашком и голубем, и сказал: «Приготовь это хорошенько и возьми замутитель семени и храни его у себя, пока он мне не понадобится и я его у тебя не потребую».

И жена купца сделала так, как он приказал ей, и поставила ему еду, и купец поел, а потом он потребовал ту миску и поел из неё, и ему понравилось, и он съел остаток, а затем он познал свою жену, и она зачала от него в ту ночь.

И над ней прошёл первый месяц, и второй, и третий, и крови прекратились и перестали идти, и жена купца узнала, что она понесла, и дни её прошли до конца, и её схватили потуги, и поднялись крики, и повитухе пришлось потрудиться при родах.

И повитуха охраняла новорождённого именами Мухаммеда и Али и сказала: «Аллах велик!» – и пропела ему в уши азан²⁶⁶, а потом она завернула младенца и передала его матери. И та дала ему грудь и стала его кормить, и младенец попил и насытился и заснул. И повитуха оставалась у них три дня, пока не сделали мамунию²⁶⁷ и халву, и её раздали на седьмой день. А потом рассыпали соль, и купец пришёл и поздравил свою жену с благополучием и спросил её: «Где залог Аллаху?» И она подала ему новорождённого редкой красоты – творение промыслителя вечнотворца; и было ему семь дней, но тот, кто видел его, говорил, что ему год.

И купец посмотрел младенцу в лицо и увидел сияющий месяц (а у него были родинки на обеих щеках) и спросил свою жену: «Как ты его назвала?» А она ответила: «Будь это

²⁶⁵ Барш – наркотическое средство.

²⁶⁶ Азан – призыв к молитве у мусульман.

²⁶⁷ Мамуния – пирог из сладкого теста.

девочка, её назвала бы я, то это сын, и никто не назовёт его, кроме тебя». А люди в те времена давали своим детям имя по предзнаменованию.

И вот, когда они советовались об имени, кто-то сказал своему товарищу: «О господин мой, Ала-ад-дин», и купец сказал жене: «Назовём его Ала-ад-дин Абу-ш-Шамат»²⁶⁸. И он назначил младенцу кормилиц и няnek, и младенец пил молоко два года, а потом его отняли от груди, и он стал расти и крепнуть и начал ходить по земле. А когда мальчик достиг семилетнего возраста, его отвели в подвал, боясь для него дурного глаза; и купец сказал: «Он не выйдет из подвала, пока у него не вырастет борода», и он назначил ему невольницу и раба, и невольница готовила ему стол, а раб носил ему пищу.

А потом купец справил обрезание мальчика и сделал великий пир, и после этого он позвал учителя, чтобы учить его, и тот учил мальчика письму и чтению Корана и наукам, пока он не стал искусным и сведущим.

И случилось, что раб принёс Ала-ад-дину в какой-то день скатерть с кушаньем и оставил подвал открытым, и тогда Ала-ад-дин вышел из подвала и вошёл к своей матери (а у неё было собрание знатных женщин). И когда женщины разговаривали с его матерью, вдруг вошёл к ним Этот ребёнок, подобный пьяному мамлюку из-за своей чрезмерной красоты. И, увидав его, женщины закрыли себе лица и сказали его матери: «Аллах да воздаст тебе, о такая-то! Как же ты приводишь к нам этого постороннего мамлюка? Разве ты не знаешь, что стыд – проявление веры?» – «Побойтесь Аллаха! – воскликнула мать мальчика. – Поистине, это мой ребёнок и плод моей души. Это сын старшины купцов, Шамс-ад-дина, дитя кормилицы, украшенное ожерельем, вскормленное корочками и мякишем». – «Мы в жизни не видали у тебя ребёнка», – сказали женщины. И мать Ала-ад-дина молвила: «Его отец побоялся для него дурного глаза и велел воспитывать его в подвале, под землёй...»

И Шахразад устала, и она прекратила дозволенные речи.

Двести пятьдесят первая ночь

Когда же настала двести пятьдесят первая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что мать Ала-ад-дина сказала женщинам: „Его отец побоялся для него дурного глаза пятьдесят первая и велел воспитывать его в подвале ночь под землёй. Может быть, евнух оставил подвал открытым, и он вышел оттуда, – мы не хотели, чтобы он выходил из подвала, пока у него не вырастет борода“.

И женщины поздравили мать Ала-ад-дина, а мальчик ушёл от женщин во двор при доме, а потом поднялся в беседку и сел там.

И когда он сидел, вдруг пришли рабы с мулом его отца, и Ала-ад-дин спросил их: «Где был этот мул?» И рабы сказали: «Мы доставили на нем товары в лавку твоего отца (а он ехал верхом) и привели его». – «Каково ремесло моего отца?» – спросил Ала-ад-дин. «Твой отец – старшина купцов в земле египетской и султан оседлых арабов», – сказали ему.

И Ала-ад-дин вошёл к своей матери и спросил её: «О матушка, каково ремесло моего отца?» – «О дитя моё, – отвечала ему мать, – твой отец – купец, и он старшина купцов в земле египетской и султан оседлых арабов, и его невольники советуются с ним, когда продают, только о тех товарах, которые стоят самое меньшее тысячу динаров, а товары, которые стоят девятьсот динаров или меньше, – о них они с ним не советуются и продают их сами. И не приходит из чужих земель товаров, мало или много, которые не попадали бы в руки твоему отцу, и он распоряжается ими, как хочет; и не увязывают товаров, уходящих в чужие земли, которые не прошли бы через руки твоего отца. И Аллах великий дал твоему отцу, о дитя моё, большие деньги, которых не счесть». – «О матушка, – сказал Ала-ад-дин, – хвала Аллаху, что я сын султана оседлых арабов и что мой отец – старшина купцов! Но

²⁶⁸ Абу-ш-Шамат – дословно: обладатель родинки.

почему, о матушка, вы сажаете меня в подвал и оставляете там запертым?» – «О дитя моё, мы посадили тебя в подвал только из боязни людских глаз; ведь сглаз – это истина, и большинство жителей могил умерли от дурного глаза», – ответила ему мать.

И Ала-ад-дин сказал: «О матушка, а куда бежать от судьбы? Осторожность не помешает predetermined, и от того, что написано, нет убежища. Тот, кто взял моего деда, не оставит и меня и моего отца: если он живёт сегодня, то не будет жить завтра; и когда мой отец умрёт и я приду и скажу: „Я – Ала-ад-дин, сын купца Шамс-аддина“, – мне не поверит никто среди людей, и старики скажут: „Мы в жизни не видели у Шамс-ад-дина ни сына, ни дочери“. И придут из казны и возьмут деньги отца. Да помилует Аллах того, кто сказал: „Умрёт муж, и уйдут его деньги, и презреннейший из людей возьмёт его женщин“. А ты, о матушка, поговори с отцом, чтобы он взял меня с собой на рынок и открыл мне лавку: я буду сидеть там с товаром, и он научит меня продавать и покупать, брать и отдавать». И мать Ала-ад-дина сказала: «О дитя моё, когда твой отец приедет, я расскажу ему об этом».

И когда купец вернулся домой, он увидел, что его сын, Ала-ад-дин Абу-ш-Шамат, сидит подле своей матери, и спросил её: «Почему ты вывела его из подвала?» И она сказала ему: «О сын моего дяди, я его не выводила, но слуги забыли запереть подвал и оставили его открытым. И я сидела (а у меня собрались знатные женщины) и вдруг он вошёл к нам». И она рассказала мужу, что говорил его сын. И Шамс-ад-дин сказал ему: «О дитя моё, завтра, если захочет Аллах великий, я возьму тебя на рынок; но только, дитя моё, чтобы сидеть на рынках и в лавках, нужна пристойность и совершенство при всех обстоятельствах».

И Ала-ад-дин провёл ночь, радуясь словам своего отца; а когда настало утро, Шамс-ад-дин сводил своего сына в баню и одел его в платье, стоящее больших денег, и после того как они позавтракали и выпили питьё, он сел на своего мула и посадил сына на мула позади себя и отправился на рынок.

И люди на рынке увидели, что едет старшина купцов, а позади него ребёнок мужского пола, подобный луне в четырнадцатую ночь, и кто-то сказал своему товарищу: «Посмотри на этого мальчика, который позади старшины купцов. Мы думали о нем благое, а он точно порей – сам седой, а сердце у него зеленое».

И шейх Мухаммед Симсим, начальник, прежде упомянутый, сказал купцам: «О купцы, мы больше не согласны, чтобы он был над нами старшим. Никогда!»

А обычно, когда старшина купцов приезжал из дому и садился в лавке, приходил начальник рынка и читал купцам фатиху²⁶⁹, и они поднимались и шли к старшине купцов и читали фатиху и желали ему доброго утра, и затем каждый из них уходил к себе в лавку. Но в этот день, когда старшина купцов сел, как всегда, в своей лавке, купцы не пришли к нему согласно обычаю.

И он крикнул начальника и спросил его: «Отчего купцы не собираются, как обычно?» И начальник ответил: «Я не люблю доносить о смутах, но купцы сговорились отстранить тебя от должности старшины и не читать тебе фатиху». – «А какая тому причина?» – спросил Шамс-ад-дин. И начальник сказал: «Что это за мальчик сидит рядом с тобою, когда ты старик и глава купцов? Что этот ребёнок – твой невольник или он в родстве с твоей женой? Я думаю, что ты его любишь и имеешь склонность к мальчику».

И Шамс-ад-дин закричал на него и сказал: «Молчи, да обезобразит Аллах тебя самого и твои свойства! Это мой сын». – «Мы в жизни не видели у тебя сына», – воскликнул Мухаммед Симсим. И купец сказал: «Когда ты принёс мне замутитель семени, моя жена понесла и родила этого мальчика, но из боязни дурного глаза я воспитывал его в подвале, под землёй, и мне хотелось, чтобы он не выходил из подвала, пока не сможет схватить рукою свою бороду. Но его мать не согласилась, и он потребовал, чтобы я открыл ему лавку и положил там товары и научил его покупать и продавать».

²⁶⁹ Фатиха («открывающая») – название первой главы Корана, которую мусульмане читают перед началом всякого важного дела.

И начальник пошёл к купцам и осведомил их об истине в этом деле, и они все поднялись и вместе с начальником отправились к старшине купцов и, став перед ним, прочитали фатиху и поздравили его с этим мальчиком.

«Господь наш да сохранит корень и ветку, – сказали они, – но когда бедняку среди нас достаётся сын или дочка, он обязательно готовит для своих друзей блюдо каши и приглашает знакомых и родственников, а ты этого не сделал». – «Это вам с меня причитается, и встреча наша будет в саду», – отвечал купец...»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Двести пятьдесят вторая ночь

Когда же настала двести пятьдесят вторая ночь, её сестра Дуньязада сказала ей: «О сестрица, dokonчи нам твой рассказ, если ты бодрствуешь, а не спишь». И Шахзада ответила: «С любовью и охотой! Дошло до меня, о счастливый царь, что старшина купцов обещал купцам трапезу и сказал им: „Наша встреча будет в саду“.

И когда наступило утро, он послал слугу в беседку и в дом, которые были в саду, и велел постлать там ковры и отправил припасы для стряпни: баранов, масла и прочее, что было нужно по обстоятельствам, и сделал два стола: стол в доме и стол в беседке.

И приготовился купец Шамс-ад-дин, и приготовился его сын Ала-ад-дин, и отец сказал ему: «О дитя моё, когда войдёт человек седой, я его встречу и посажу его за стол, который в доме, а ты, дитя моё, когда увидишь, что входит безбородый мальчик, возьми его и приведи в беседку и посади за стол». – «Почему, о батюшка? – спросил Ала-аддин. – Отчего ты готовишь два стола: один для мужчин, а другой для мальчиков?» – «О дитя моё, безбородый стыдится есть около мужей», – ответил Шамс-ад-дин. И его сын одобрил это.

И когда купцы стали приходить, Шамс-ад-дин встречал мужчин и усаживал их в доме, а его сын Ала-ад-дин встречал мальчиков и усаживал их в беседке. А потом поставили кушанья и стали есть и пить, наслаждаться и радоваться, и пили напитки и зажигали куренья, и старики сидели и беседовали о науках и преданиях.

И был между ними один купец, по имени Махмуд аль-Бальхи, – мусульманин по внешности, маг втайне, который стремился к скверному и любил мальчиков. Он посмотрел в лицо Ала-ад-дину взглядом, оставившим после себя тысячу вздохов, и сатана украсил в его глазах лицо мальчугана жемчужиной, и купца охватила страсть, волнение и увлечение, и любовь привязалась к его сердцу. (А этот купец, которого звали Махмуд аль-Бальхи, забирал ткани и товар у отца Ала-ад-дина.) И Махмуд аль-Бальхи встал пройтись и свернул к мальчикам, и те поднялись к нему навстречу. А Ала-ад-дину не терпелось отлить воду, и он поднялся, чтобы исполнить нужду, и тогда купец Махмуд обернулся к мальчикам и сказал им: «Если вы уговорите Ала-ад-дина поехать со мной путешествовать, я дам каждому из вас платье, стоящее больших денег», – и потом он ушёл от них в помещение мужчин. И пока мальчишки сидели, вдруг вошёл к ним Ала-ад-дин. И они поднялись ему навстречу и посадили между собою, на возвышение, и один из мальчиков сказал своему товарищу: «О Сиди Хасан, расскажи мне, откуда пришли к тебе твои деньги, на которые ты торгуешь?»

И Хасан отвечал: «Когда я вырос и стал взрослым и достиг возраста мужей, я сказал своему отцу: „О батюшка, приготовь мне товаров“; и он мне ответил: „О дитя моё, у меня ничего нет, но пойдя возьми денег у кого-нибудь из купцов и торгуй на них, и учись продавать и покупать, брать и давать“.

И я отправился к одному из купцов и занял у него тысячу динаров и купил на них тканей и отправился с ними в Дамаск. И я нажил в два раза больше и забрал в Дамаске товаров и поехал с ними в Халеб, и продал их и получил свои деньги вдвойне, а потом я забрал товаров в Халебе и поехал в Багдад, и продал их и нажил вдвое больше, и до тех пор торговал, пока у меня не стало около десяти тысяч динаров денег».

И каждый из мальчиков говорил своему товарищу то же самое, пока не настала очередь

и не пришлось говорить Ала-ад-дину Абу-ш-Шамату. И ему сказали: «А ты, о Сиди Ала-ад-дин?» И он ответил: «Меня воспитывали в подвале, под землёй, и я вышел оттуда в рту пятницу, и я хожу в лавку и возвращаюсь домой». – «Ты привык сидеть дома и не знаешь сладости путешествия, и путешествовать надлежит лишь мужам», – сказали ему. И он ответил: «Мне не нужно путешествовать, и нет для меня цены в удовольствиях». И кто-то сказал своему товарищу: «Он точно рыба: когда расстанется с водой, то умирает».

«О Ала-ад-дин, – сказали ему, – гордость детей купцов лишь в том, чтобы путешествовать ради наживы». И Ала-ад-дина охватил из-за этого гнев, и он ушёл от мальчиков с плачущими глазами и опечаленной душой и, сев на своего мула, отправился домой.

И его мать увидела, что он в великом гневе, с плачущими глазами, и спросила: «Что ты плачешь, о дитя моё?» И Ала-ад-дин отвечал: «Все дети купцов поносили меня и говорили мне: „Гордость детей купцов лишь в том, чтобы путешествовать ради наживы денег...“»

И Шахразад устала, и она прекратила дозволенные речи.

Двести пятьдесят третья ночь

Когда же настала двести пятьдесят третья ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что Ала-ад-дин сказал своей матери: „Все дети купцов поносили меня и говорили мне: „Гордость детей купцов лишь в том, чтобы путешествовать ради наживы...“». – „О дитя моё, – спросила его мать, разве ты хочешь путешествовать?“ И Ала-ад-дин отвечал: „Да!“ И тогда она сказала: „А в какой город ты отправишься?“ – «В город Багдад, – отвечал Ала-ад-дин. – Человек наживает там на том, что у него есть, вдвое больше».

И мать Ала-ад-дина сказала: «О дитя моё, у твоего отца денег много, а если он не соберёт тебе товаров из своих денег, тогда я соберу тебе товары от себя». – «Лучшее благо – благо немедленное, и если будет ваша милость, то теперь для неё время», – сказал Ала-ад-дин. И его мать призвала рабов и послала их к тем, кто увязывает ткани, и их увязали для Ала-ад-дина в десять тюков.

Вот что было с его матерью. Что же касается до его отца, то он огляделся и не нашёл своего сына Ала-ад-дина в саду и спросил про него, и ему сказали, что Ала-ад-дин сел на мула и уехал домой.

И тогда купец сел и отправился за ним, а войдя в своё жилище, он увидел связанные тюки и спросил о них; и жена рассказала ему, что произошло у детей купцов с её сыном Ала-ад-дином. «О дитя моё, – сказал купец, – да обманет Аллах пребывающего на чужбине! Сказал ведь посланник Аллаха, да благословит его Аллах и да приветствует: „Счастье мужа в том, чтобы ему достался надел в его земле“; а древние говорили: „Оставь путешествие, будь оно даже на милую“. Ты твёрдо решил путешествовать и не отступишься от этого?» – спросил он потом своего сына. И его сын ответил ему: «Я обязательно поеду в Багдад с товарами, а иначе я сниму с себя одежду и надену одежду дервишей и уйду странствовать по землям». – «Я не нуждаюсь и не терплю лишений, – наоборот, у меня много денег, – сказал его отец и показал ему все бывшее у него имущество, товары и ткани. – У меня есть для всякого города подходящие ткани и товары, – сказал он потом, и, между прочим, он показал ему сорок связанных тюков, и на каждом тюке было написано: „Цена этому тысяча динаров“. – О дитя моё, – сказал он, – возьми эти сорок тюков и те десять, которые у твоей матери» и отправляйся, храним Аллахом великим; но только, дитя моё, я боюсь для тебя одной чащи на твоём пути, которая называется Чаща Львов, и одной долины также, называемой Долина Собак, – души погибают там без снисхождения». – «А почему, о батюшка?» – спросил Ала-ад-дин; и его отец ответил: «Из-за бедуина, преграждающего дороги, которого зовут Аджлан». – «Мой удел – от Аллаха, и если есть у него для меня доля, меня не постигнет беда», – отвечал Ала-ад-дин.

А затем Ала-ад-дин с отцом сели и поехали на рынок вьючных животных; и вдруг один

верблюжатник сошёл со своего мула и поцеловал руку старшине купцов, говоря: «Клянусь Аллахом, давно, о господин мой, ты не нанимал нас для торговых дел». – «Для всякого времени своя власть и свои люди, – отвечал Шамс-ад-дин, – и Аллах да помилует того, кто сказал:

Вот старец на земле повсюду бродит,
И вплоть до колен его борода доходит.
Спросил я его: «Зачем ты так согнулся?»
И молвил он, ко мне направив руки:
«Я юность потерял свою во прахе
И вот согнулся, и ищу я юность».

А окончив эти стихи, он сказал: «О начальник, никто не хочет этого путешествия, кроме моего сына»; и верблюжатник ответил: «Аллах да сохранит его для тебя!»

А затем старшина купцов заключил союз между верблюжатником и своим сыном и сделал верблюжатника как бы отцом мальчика, и поручил ему заботиться о нем, и сказал: «Возьми эти сто динаров для твоих слуг».

И старшина купцов купил шестьдесят мулов, и светильник, и покрывало для Абд-аль-Кадира Гилянского²⁷⁰ и сказал Ала-ад-дину: «О сын мой, в моё отсутствие этот человек будет тебе отцом вместо меня, и во всем, что он тебе скажет, повинуйся ему».

И в этот вечер устроил чтение Корана и праздник в честь шейха Абд-аль-Кадира Гилянского, а когда настало утро, старшина купцов дал своему сыну десять тысяч динаров и сказал ему: «Когда ты вступишь в Багдад и увидишь, что дела с тканями идут ходко, продавай их; если же увидишь, что дела с ними стоят на месте, расходуя эти деньги».

И потом нагрузили мулов, и распрощались друг с другом, и отправились в путь, и выехали из города.

А Махмуд аль-Бальхи тоже собрался ехать в сторону Багдада и вывез свои тюки и поставил шатры за городом и сказал себе: «Ты насладишься этим мальчиком только в уединении, так как там ни доносчик, ни соглядатай не смутят тебя».

А отцу мальчика причиталась с Махмуда аль-Бальхи тысяча динаров – остаток одной сделки, и Шамс-ад-дин отправился к нему и простился с ним и сказал: «Отдай Эту тысячу динаров моему сыну Ала-ад-дину». И он поручил Махмуду о нем заботиться и молвил: «Он будет тебе как сын».

И Ала-ад-дин встретился с Махмудом аль-Бальхи...

И Шахразад застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Двести пятьдесят четвёртая ночь

Когда же настала двести пятьдесят четвёртая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что Ала-ад-дин встретился с Махмудом аль-Бальхи и Махмуд аль-Бальхи поднялся и велел повару Ала-ад-дина ничего не стряпать и стал предлагать Ала-ад-дину и его людям кушанья и напитки, а потом они отправились в путь».

А у купца Махмуда аль-Бальхи было четыре дома: один в Каире, один в Дамаске, один в Халебе и один в Багдаде; и путники ехали по степям и пустыням, пока не приблизились к Дамаску.

И когда Махмуд-аль-Бальхи послал к Ала-ад-дину своего раба и тот увидел, что юноша сидит и читает, подошёл и поцеловал ему руки. «Чего ты просишь?» – спросил Ала-ад-дин; и

²⁷⁰ Абд-аль-Кадир Гилянский – средневековый проповедник и мистик. Покрывало предназначалось для возложения на его могилу в Багдаде.

раб ответил: «Мой господин тебя приветствует и требует тебя на пир к себе в дом». – «Я посоветуюсь с моим отцом, начальником – Кемаль-аддином, верблюжатником», – сказал Ала-ад-дин; и когда он посоветовался с ним, идти ли ему, верблюжатник сказал: «Не ходи!»

А потом они уехали из Дамаска и вступили в Халеб, и Махмуд аль-Бальхи устроил пир и послал просить Алаад-дина, но юноша посоветовался с начальником, и тот опять запретил ему.

И они выступили из Халеба и ехали, пока до Багдада не остался всего один переход, и Махмуд аль-Бальхи устроил пир и прислал просить Ала-ад-дина.

И юноша посоветовался с начальником, и тот снова запретил ему, но Ала-ад-дин воскликнул: «Я обязательно пойду!»

И он поднялся и, подвязав под платьем меч, пошёл и пришёл к Махмуду аль-Бальхи, и тот поднялся ему навстречу и приветствовал его.

И он велел подать великолепную скатерть, уставленную кушаньями, и они поели и попили и вымыли руки. И Махмуд аль-Бальхи склонился к Ала-ад-дину, чтобы взять у него поцелуй, но Ала-ад-дин поймал поцелуй в руку и спросил: «Что ты хочешь делать?» – «Я тебя позвал, – ответил Махмуд, – и хочу сделать себе с тобой удовольствие в этом месте, и мы будем толковать слова сказавшего:

Возможно ль, чтоб к нам пришёл ты на миг столь краткий, Что сжарить яйцо иль выдоить коз лишь хватит, И с нами бы съел ты сколько найдётся хлеба, И взял бы себе ты денежек, сколько сможешь?

Тебе унести, что хочешь, с собой нетрудно, – Ладонь, или горсть, иль полную даже руку».

И затем Махмуд аль-Бальхи хотел насильничать над Ала-ад-дином, и Ала-ад-дин поднялся и обнажил меч и воскликнул: «Горе твоим сединам! Ты не боишься Аллаха, хоть и жестоко его наказание! Да помилует Аллах того, кто сказал:

Храни седины твои от скверны, грязнящей их:
Поистине, белое легко принимает грязь».

А произнеся этот стих, Ала-ад-дин сказал Махмуду аль-Бальхи: «Поистине, этот товар поручен Аллаху, и он не продаётся, и если бы я продавал этот товар другому за золото, я бы продал его тебе за серебро. Но, клянусь Аллахом, о скверный, я никогда больше не буду тебе товарищем!» Петом Ала-ад-дин вернулся к начальнику Кемаль-ад-дину и сказал ему: «Поистине, этот человек развратник, и я никогда больше не буду ему товарищем и не пойду с ним по одной дороге». – «О дитя моё, – отвечал Кемаль-ад-дин, – не говорил ли я тебе: не ходи к нему. Однако, дитя моё, если мы с ним расстанемся, нам грозит гибель; позволь же нам остаться в одном караване» – «Мне никак невозможно быть ему спутником в дороге», – сказал Ала-ад-дин, а затем он погрузил свои тюки и отправился дальше вместе с теми, кто был с ним.

И они ехали до тех пор, пока не спустились в долину; и Ала-ад-дин хотел там остановиться, но верблюжатник сказал: «Не останавливайтесь здесь! Продолжайте ехать и ускорьте ход: может быть, мы достигнем Багдада раньше, чем там запрут ворота. Ворота в Багдаде отпирают и запирают всегда по солнцу, – из боязни, что городом овладеют рафидиты²⁷¹ и побросают богословские книги в Тигр». – «О батюшка, – ответил Ала-ад-дин, – я выехал и отправился с товаром в этот город не для торговли, а чтобы посмотреть чужие страны». – «О дитя моё, мы боимся для тебя и для твоих денег беды от кочевников», – сказал верблюжатник; и Ала-ад-дин воскликнул: «О человек, ты слуга или тебе служат? Я не войду в Багдад иначе как утром, чтобы багдадские юноши увидели мои

²⁷¹ Рафидиты – одна из мусульманских сект, объединённых общим названием шиитов и враждебных представителям другого направления в исламе – суннитам. В средние века распри между шиитами и суннитами нередко доходили до вооружённых столкновений.

товары и узнали меня». – «Делай, как хочешь, я тебя предупредил, и ты сам знаешь, в чем твоё избавление», – сказал начальник. И Ала-ад-дин велел складывать тюки с мулов, и тюки сложили, и поставили шатёр, и все оставались на месте до полуночи.

И Ала-ад-дин вышел исполнить нужду и увидел, как что-то блеснит вдали, и спросил верблюжатника: «О, начальник, что это такое блеснит?»

И начальник сел прямо и взглянул, и, всмотревшись как следует, увидел, что блеснят зубцы копий и железо оружия и бедуинские мечи; и вдруг оказалось, что это арабы²⁷² и начальника арабов зовут шейх Аджлан АбуНаиб. И когда арабы приблизились к ним и увидели их тюки, они сказали друг другу: «Вот ночь добычи!»

И, услышав, что они говорят это, начальник Кемаль-ад-дин, верблюжатник, воскликнул: «Прочь, о ничтожнейший из арабов!» Но Абу-Наиб ударил его копьём в грудь, и оно вышло, блистая, из его спины.

И Кемаль-ад-дин упал у входа в палатку убитый; и тогда водонос воскликнул: «Прочь, о презреннейший из арабов!», но его ударили по руке мечом, который прошёл, блистая, через его сухожилия, и водонос упал мёртвый. И пока все это происходило, Ала-ад-дин стоял и смотрел.

А потом арабы повернулись и бросились на караван и перебили людей, не пощадив никого из отряда Ала-аддина, и взвалили тюки на спину мулов и уехали.

И Ала-ад-дин сказал себе: «Тебя убьёт только твой мул и вот эта одежда», – и стал снимать с себя одежду и бросил её на спину мула, пока на нем не остались рубаха и подштанники, и только.

И он повернулся ко входу в палатку и увидел перед собой пруд из крови, в котором струилась кровь убитых, и начал валяться в ней в рубахе и подштанниках, так что стал точно убитый, утопающий в крови.

Вот что было с Ала-ад-дином. Что же касается шейха арабов Аджлана, то он спросил у своих людей:

«О арабы, этот караван идёт из Каира или выходит из Багдада?..»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Двести пятьдесят пятая ночь

Когда же настала двести пятьдесят пятая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что бедуин спросил у своих людей: „О арабы, этот караван идёт из Каира или выходит из Багдада!“ И ему ответили: „Он идёт из Каира в Багдад“. – „Вернитесь к убитым, я думаю, что владелец каравана не умер“, – сказал он; и арабы вернулись к убитым и снова стали бить мёртвых мечами и копьями и дошли до Алаад-дина, который бросился на землю среди убитых.

И дойдя до него, они сказали: «Ты притворился мёртвым, но мы убьём тебя до конца», – и бедуин вынул копьё и хотел вонзить его в грудь Ала-ад-дину. И тогда Ала-ад-дин воскликнул про себя: «Благослови, о Абд-аль-Кадир, о гилянец!» – и увидел руку, которая отвела копьё от его груди к груди начальника Кемаль-ад-дина, верблюжатника, и бедуин ударил его копьём и не прикоснулся к Алаад-дину.

И потом они взвалили тюки на спину мулов и ушли, и Ала-ад-дин посмотрел и увидел, что птицы улетели со своей добычей. И он сел прямо и поднялся и побежал; и вдруг бедуин Абу-Наиб сказал своим товарищам: «О арабы, я вижу что-то вдали»; и один из бедуинов поднялся и увидел Ала-ад-дина, который убежал. «Тебе не поможет бегство, раз мы сзади тебя!» – воскликнул Аджлан и, ударив своего коня пяткой, поспешил за Ала-ад-дином.

А Ала-ад-дин увидал перед собой пруд с водой и рядом с ним водохранилище, и влез

²⁷² Здесь и в дальнейшем под названием «арабы» подразумеваются бедуины-кочевники.

на решётку водохранилища, и растянулся, и притворился спящим, говоря про себя: «О благой покровитель, опусти твой покров, который не совлекается».

И бедуин остановился перед водохранилищем и, поднявшись на стремянах, протянул руку, чтобы схватить Ала-ад-дина. И Ала-ад-дин воскликнул:

«Благослови, о госпожа моя Иафиса²⁷³, вот время оказать помощь!» И вдруг бедуина ужалил в руку скорпион, и он закричал и воскликнул: «Ах, подойдите ко мне, о арабы, я ужален».

И бедуин сошёл со спины коня, и его товарищи пришли к нему и опять посадили его на коня и спросили: «Что с тобой случилось?» И он отвечал: «Меня ужалил детёныш скорпиона»; и арабы увели караван и ушли.

Вот что было с ними. Что же касается Ала-ад-дина, то он продолжал лежать на решётке водохранилища, а что до купца Махмуда аль-Бальхи – то он велел грузить тюки и поехал, и ехал до тех пор, пока не достиг Чащи Львов. И он нашёл всех слуг Ала-ад-дина убитыми и обрадовался этому и, спешившись, дошёл до водохранилища и пруда. А мулу Махмуда аль-Бальхи хотелось пить, и он нагнулся, чтобы напиться из пруда, и увидел отражение Ала-ад-дина и шарахнулся от него. И Махмуд аль-Бальхи поднял глаза и увидел, что Ала-ад-дин лежит голый, в одной только рубашке и подштанниках. «Кто сделал с тобою такое дело и оставил тебя в наихудшем положении?» – спросил Махмуд. И Ала-ад-дин отвечал: «Кочевники». – «О дитя моё, – сказал Махмуд, – ты откупился мулами и имуществом. Утешься словами того, кто сказал: Когда голова мужей спасётся от гибели, то все их имущество-обрезок ногтей для них. Но спустись, о дитя моё, не бойся беды».

И Ала-ад-дин спустился с решётки водохранилища, и Махмуд посадил его на мула, и они ехали, пока не прибыли в город Багдад, в дом Махмуда аль-Бальхи. И Махмуд «велел свести Ала-ад-дина в баню и сказал ему: „Деньги и тюки – выкуп за тебя, о дитя моё; и если ты будешь меня слушаться, я верну тебе твои деньги и тюки вдвойне“».

А когда Ала-ад-дин вышел из бани, Махмуд отвёл его в комнату, украшенную золотом, где было четыре портика, и велел принести скатерть, на которой стояли всякие кушанья. И они стали есть и пить, и Махмуд склонился к Ала-ад-дину, чтобы взять у него поцелуй, но Ала-ад-дин поймал поцелуй рукой и воскликнул: «Ты до сих пор следуешь насчёт меня твоему заблуждению! Разве я не сказал тебе, что если бы я продавал этот товар другому за золото, я бы, наверное, продал его тебе за серебро?» – «Я даю тебе и товары, и мула, и одежду только ради такого случая, – отвечал Махмуд. – От страсти к тебе я в расстройстве, и от Аллаха дар того, кто сказал: Сказал со слов кого-то из старцев нам Абу-Биляль, наставник, что Шарик сказал:

«Влюблённые не могут любовь свою
Лобзаньями насытить без близости».

«Это вещь невозможная, – сказал Ала-ад-дин. – Возьми твоё платье и твоего мула и открой мне двери, чтобы я мог уйти».

И Махмуд открыл ему двери, и Ала-ад-дин вышел, и собаки лаяли ему вслед. И он пошёл и шёл в темноте, и вдруг увидел ворота мечети, и вошёл в проход, ведущий в мечеть, и укрылся там, – и вдруг видит: к нему приближается свет. И он всмотрелся и увидел два фонаря в руках рабов, предшествовавших двум купцам, один из которых был старик с красивым лицом, а другой – юноша. И Ала-ад-дин услышал, как юноша говорил старику: «Ради Аллаха, о дядюшка, возврати мне дочь моего дяди»; а старик отвечал ему: «Разве я тебя не удерживал много раз, а ты сделал развод своей священной книгой»²⁷⁴.

²⁷³ Иафиса – знаменитая мусульманская «святая».

²⁷⁴ То есть: «Ты так же часто говоришь о разводе, как читаешь священную книгу» (Коран).

И старик взглянул направо и увидел юношу, подобного обрезку луны, и сказал ему: «Мир с тобою!» И Ала-ад-дин ответил на его приветствие, а старик спросил: «О мальчик, кто ты?» – «Я Ала-ад-дин, сын Шамс-ад-дина, старшины купцов в Каире, – отвечал юноша. – Я попросил у отца товаров, и он собрал мне пятьдесят тюков товаров и материй...»

И Шахразад устали, и она прекратила дозволенные речи.

Двести пятьдесят шестая ночь

Когда же настала двести пятьдесят шестая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что Алаад-дин сказал: „Мой отец собрал мне пятьдесят тюков товаров и тканей и дал мне десять тысяч динаров, и я отправился и ехал, пока не достиг Чащи Львов. И на меня напали кочевники и забрали мои деньги и тюки; и я вошёл в этот город, не зная, где переночевать, и увидел это место и укрылся здесь“. – „О дитя моё, – молвил старик, – что ты скажешь, если я дам тебе тысячу динаров, и платье в тысячу динаров, и мула в тысячу динаров“. – „За что ты дашь мне это, о дядюшка?“ – спросил Ала-ад-дин. И старик сказал: „Этот мальчик, который со мною, сын моего брата, и у его отца никого нет, кроме него, а у меня есть дочь, кроме которой у меня никого не было, и зовут её Зубейда-лютнистка, и она красива и прелестна. Я выдал её замуж за этого юношу, и он её любит, но она ненавидит его, и однажды он не сдержал клятву, трижды поклявшись тройным разводом; и едва только его жена уверилась в этом, она покинула его. И он согнал ко мне всех людей, чтобы я вернул ему жену, и я сказал ему: „Это удастся только через заместителя“²⁷⁵. И мы сговорились, что сделаем заместителем какого-нибудь чужеземца, чтобы никто не корил моего зятя этим делом, и раз ты чужеземец – ступай с нами. Мы напишем тебе договор с моей дочерью, и ты проведёшь с ней сегодняшнюю ночь, а наутро разведёшься с ней, и я дам тебе то, о чем говорил».

И Ала-ад-дин сказал про себя: «Клянусь Аллахом, провести ночь с невестой, в доме и на постели, мне лучше, чем ночевать в переулках и проходах!» – и отправился с ними к кади. И когда кади взглянул на Ала-ад-дина, любовь к нему запала ему в сердце, и он спросил отца девушки: «Что вы хотите?» – «Мы хотим сделать его заместителем этого юноши для моей дочери, – отвечал отец девушки, – и напишем на него обязательство дать в приданое десять тысяч динаров. И если он переночует с нею, а наутро разведётся, мы дадим ему одежду в тысячу динаров, а если не разведётся, пусть выкладывает десять тысяч динаров».

И они написали договор с таким условием, и отец девушки получил в этом расписку, а затем он взял Ала-ад-дина с собою и одел его в ту одежду, и они пошли с ним и пришли к дому девушки. И отец её оставил Ала-ад-дина стоять у ворот дома и, войдя к своей дочери, сказал ей: «Возьми обязательство о твоём приданом – я написал тебе договор с красивым юношей по имени Ала-ад-дин Абу-ш-Шамат; заботься же о нем наилучшим образом». И потом купец отдал ей расписку и ушёл к себе домой.

Что же касается двоюродного брата девушки, то у него была управительница, которая заходила к Зубейделютнистке, дочери его дяди, и юноша оказывал ей милости.

«О матушка, – сказал он ей, – когда Зубейда, дочь моего дяди, увидит этого красивого юношу, она после уже не примет меня. Прошу тебя, сделай хитрость и удержи от него девушку». – «Клянусь твоей юностью, я не дам ему приблизиться к ней», – отвечала управительница, а затем она пришла к Ала-ад-дину и сказала ему: «О дитя моё, я тебе кое-что посоветую ради Аллаха великого; прими же мой совет. Я боюсь для тебя беды от этой девушки; оставь её спать одну, не прикасайся к ней и не подходи к ней близко». – «А

²⁷⁵ Согласно мусульманскому праву, муж, который трижды произнёс узаконенную формулу развода, может снова жениться на своей разведённой жене только в том случае, если она выйдет замуж за другого и вновь разведётся, хотя бы на следующий день. Такой временный супруг называется «заместителем», он может не согласиться на развод.

почему?» – спросил Ала-ад-дин. И управительница сказала: «У неё на всем теле проказа, и я боюсь, что она заразит твою прекрасную юность». – «Нет мне до неё нужды», – сказал Ала-ад-дин. А управительница отправилась к девушке и сказала ей то же самое, что сказала Ала-ад-дину. И девушка молвила: «Нет мне до него нужды! Я оставлю его спать одного, а наутро он уйдёт своей дорогой».

Потом она позвала невольницу и сказала ей: «Возьми столик с кушаньем и подай его ему, пусть ужинает»; и невольница снесла Ала-ад-дину столик с кушаньем и поставила его перед ним, и Ала-ад-дин ел, пока не насытился, а потом он сел и, затянув красивый напев, начал читать суру Я-Син²⁷⁶. И девушка прислушалась и нашла, что его напев похож на псалмы Давида, и сказала про себя: «Аллах огорчил эту старуху, которая сказала, что юноша болен проказой! У того, кто в таком положении, голос не такой. Эти слова – ложь на него».

И потом она взяла в руки лютню, сделанную в землях индийских, и, настроив струны, запела под неё прекрасным голосом, останавливающим птиц в глубине неба, и проговорила такие стихи:

«Люблю газеленка я, чей тѣмен и чѣрен глаз;
Когда он появится, ветвь ивы завидует.
Меня отвергает он, другая с ним счастлива, –
То милость господняя: даёт, кому хочет, он».

И Ала-ад-дин, услышав, что она проговорила такие слова, запел сам, когда закончил суру, и произнёс такой стих:

«Приветствую ту, чей стан одеждою служит ей,
И розы, в садах ланит привольно цветущие».

И девушка встала (а любовь её к юноше сделалась сильнее) и подняла занавеску; и, увидав её, Ала-ад-дин произнёс такое двестишье:

«Являет луну и гнѣтся она, как ива,
Газелью глядит, а дышит как будто амброй,
И мнится: горе любит моѣ сердце
И в час разлуки с ним соединится».

И потом она прошла, тряся бѣдрами и изгибая бока – творенье того, чьи милости скрыты, и оба они посмотрели друг на друга взглядом, оставившим после себя тысячу вздохов; и когда стрела её взора утвердилась у него в сердце, он произнёс такие стихи:

«Увидев на небе луну, я вспомнил
Ту ночь, когда мы близки с нею были,
Мы оба видели луну, но глазом
Она моим, а я – её глазами».

А когда она подошла к нему и между ними осталось лишь два шага, он произнёс такие стихи:

«Распустила три она локона из волос своих
Ночью тѣмною – и четыре ночи явила нам.
И к луне на небе лицом она обратилась –

²⁷⁶ Я-Син – название одной из глав Корана.

И явила мне две луны она одновременно».

И девушка приблизилась к Ала-ад-дину, и он сказал: «Отдались от меня, чтобы меня не заразить!» И тогда она открыла кисть своей руки, и кисть её разделялась надвое и белела, как белое серебро. «Отойди от меня, чтобы меня не заразить, ты болен проказой», – сказала она. И Алаад-дин спросил её: «Кто тебе рассказал, что у меня проказа?» – «Старуха мне рассказала», – ответила девушка. И Ала-ад-дин воскликнул: «И мне тоже старуха рассказывала, что ты поражена проказой!»

И они обнажили руки, и девушка увидала, что его тело – чистое серебро, и сжала его в объятиях, и он тоже прижал её к груди, и они обняли друг друга. А потом девушка взяла Ала-ад-дина и легла на спину и развязала рубашку, и у Ала-ад-дина зашевелилось то, что оставил ему отец, и он воскликнул: «На помощь, о шейх Закария, о отец жил!»

И он положил руки ей на бок и ввёл жилу сладости в ворота разрыва и толкнул и достиг врат завесы (а он вошёл через ворота победы), а потом он пошёл на рынок второго дня и недели, и третьего дня, и четвёртого, и пятого дня, и увидел, что ковёр пришёлся как раз по портику, и ларец искал себе крышку, пока не нашёл её.

А когда настало утро, Ала-ад-дин сказал своей жене: «О радость незавершённая! Ворон схватил её и улетел». – «Что значат эти слова?» – спросила она. И Алаад-дин сказал: «Госпожа, мне осталось сидеть с тобою только этот час». – «Кто это говорит?» – спросила она; и Ала-ад-дин ответил: «Твой отец взял с меня расписку на приданое за тебя, на десять тысяч динаров, и если я не верну их в сегодняшний день, меня запрут в доме кади, а у меня сейчас коротки руки даже для одной серебряной полушки из этих десяти тысяч динаров». – «О господин мой, власть мужа у тебя в руках или у них в руках?» – спросила Зубейда. «Она в моих руках, но у меня ничего нет», – отвечал Ала-ад-дин. И Зубейда сказала: «Это дело лёгкое, и не бойся ничего, а теперь возьми эти сто динаров; и если бы у меня было ещё, я бы, право, дала тебе то, что ты хочешь, но мой отец из любви к своему племяннику перенёс все свои деньги от меня в его дом, даже мои украшения он все забрал. А когда он пришлёт к тебе завтра посланного от властей...»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Двести пятьдесят седьмая ночь

Когда же настала двести пятьдесят седьмая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что женщина говорила Ала-ад-дину: „А когда он пришлёт к тебе завтра посланного от властей, и кади и мой отец скажут тебе: „Разводись!“, спроси их: „Какое вероучение позволяет, чтобы я женился вечером и развёлся утром?“ А потом ты поцелуешь кади руку и дашь ему подарок, и каждому свидетелю ты также поцелуешь руку и дашь десять динаров, – и все они станут говорить за тебя. И когда тебя спросят: „Почему ты не разводишься и не берёшь тысячу динаров, мула и одежду, как следует по условию, которое мы с тобою заключили?“ ты скажи им: „Для меня каждый её волосок стоит тысячи динаров, и я никогда не разведусь с нею и не возьму одежды и ничего другого“. А если кади скажет тебе: „Давай приданое!“, ты ответь: „Я сейчас в затруднении“; и тогда кади со свидетелями пожалеют тебя и дадут тебе на время отсрочку“.

И пока они разговаривали, вдруг посланный от кади постучал в дверь, и Ала-ад-дин вышел к нему, и посланный сказал: «Поговори с эфенди,²⁷⁷ твой тесть тебя требует».

И Ала-ад-дин дал ему пять динаров и сказал: «О пристав, какой закон позволяет, чтобы я женился вечером и развёлся утром?» – «По-нашему, это никак не допускается, – ответил пристав, – и если ты не знаешь закона, то я буду твоим поверенным». И они отправились в

²⁷⁷ Эфенди – господин; в данном случае – титул главного судьи.

суд, и кади спросил Ала-ад-дина: «Почему ты не разводишься и не берёшь того, что установлено по условию?» И Ала-ад-дин подошёл к кади и поцеловал ему руку и, вложив в неё пятьдесят динаров, сказал: «О владыка наш, кади, какое учение позволяет, чтобы я женился вечером и развёлся утром, против моей воли?» – «Развод по принуждению не допускается ни одним толком из толков мусульман», – отвечал кади. А отец женщины сказал: «Если ты не разведёшься, давай приданое – пятьдесят тысяч динаров». – «Дайте мне отсрочку на три дня», – сказал Ала-ад-дин; а кади воскликнул: «Срока в три дня недостаточно! Он отсрочит тебе на десять дней!»

И они согласились на этом и обязали Ала-ад-дина через десять дней либо отдать приданое, либо развестись.

И он ушёл от них с таким условием и взял мяса и рису, и топлёного масла, и всего, что требовалось из съестного, и отправился домой и, войдя к женщине, рассказал ей обо всем, что с ним случилось. «От вечера до дня случаются чудеса, – сказала ему женщина, – и от Аллаха дар того, кто сказал:

Будь же кротким, когда испытан ты гневом,
Терпеливым – когда постигнет несчастье,
В ваше время беременны ночи жизни
Тяжкой ношей, – они ведь рожают диво»

А потом она поднялась и приготовила еду и принесла скатерть, и они стали есть и пить, и наслаждаться, и веселиться; а после этого Ала-ад-дин попросил её сыграть какую-нибудь музыку, и она взяла лютню и сыграла музыку, от которой развеселится каменная скала, и струны взывали в помещении: «О любимый», и женщина пела и заливалась.

И так они наслаждались, шутили и веселились и радовались, – и вдруг постучали в ворота.

И женщина сказала Ала-ад-дину: «Встань посмотри, кто у ворот»; и он пошёл и открыл ворота и увидел, что перед ним стоят четыре дервиша. «Чего вы хотите?» – спросил он их; и дервиши сказали: «О господин, мы дервиши из чужих земель, и пища нашей души – музыка и нежные стихи. Мы хотим отдохнуть у тебя сегодня ночью, до утра, а потом пойдём своей дорогой, а тебе будет награда от Аллаха великого. Мы любим музыку, и среди нас нет никого, кто бы не знал наизусть касыд, стихов и строф». – «Я посоветуюсь», – сказал им Ала-ад-дин и вошёл и осведомил женщину, и она сказала: «Открой им ворота!»

И Ала-ад-дин открыл дервишам ворота и привёл их и посадил и сказал им: «Добро пожаловать!», а затем он принёс еду; но они не стали есть и сказали: «О господин, наша пища – поминание Аллаха в сердцах и слушание певиц ушами, и от Аллаха дар того, кто сказал: Желаем мы одного: чтоб встретились мы с тобой, есть-то особенность, животным присущая. Мы слышали у тебя нежную музыку, а когда мы вошли, музыка прекратилась. О, если бы увидеть, кто та, что играла музыку: белая или чёрная невольница или же дочь родовитых?» – «Это моя жена, – ответил Ала-ад-дин и рассказал им обо всем, что с ним случилось, и сказал: Мой тесть наложил на меня десять тысяч динаров ей в приданое, и мне дали десять дней отсрочки». – «Не печалься, – сказал один из дервишей, – и держи в мыслях только хорошее. Я шейх дервишской обители, и мне подчинены сорок дервишей, над которыми я властвую. Я соберу тебе от них десять тысяч динаров, и ты сполна выплатишь приданое, которое причитается с тебя твоему тестю. Но прикажи жене сыграть нам музыку, чтобы мы насладились и почувствовали бодрость, музыка для некоторых людей – пища, для некоторых – лекарство, а для некоторых – опахало».

А эти четыре дервиша были халиф Харун ар-Рашид, везирь Джафар аль-Бармак, Абу-Новас (аль-Хасан ибн Ханн)²⁷⁸ и Масрур – палач мести; и проходили они мимо Этого

²⁷⁸ Абу-Новас – знаменитый арабский поэт, умерший в начале IX века.

дома потому, что халиф почувствовал стеснение в груди и сказал своему везиру: «О везирь, мы хотим выйти и пройтись по городу, так как я чувствую стеснение в груди». И они надели одежду дервишей и вышли в город и проходили мимо этого дома, и, услышав музыку, захотели узнать истину об этом деле.

И гости Ала-ад-дина проводили ночь в радости и согласии, обмениваясь словами, пока не настало утро, и тогда халиф положил сто динаров под молитвенный коврик, а они попрощались с Ала-ад-дином и ушли своею дорогою.

И женщина подняла коврик и увидела под ним сто динаров и сказала своему мужу: «Возьми эти сто динаров, которые я нашла под ковриком, дервиши положили их, прежде чем уйти, и мы не знали об этом».

И Ала-ад-дин взял деньги и пошёл на рынок и купил на них мяса, и рису, и топлёного масла, и всего, что было нужно.

А на другой день он зажёл свечи и сказал своей жене: «Дервиши-то не принесли десяти тысяч динаров, которые они мне обещали. Это просто нищие».

И пока они разговаривали, дервиши вдруг постучали в ворота. И жена Ала-ад-дина сказала: «Выйди, открой им», – и Ала-ад-дин открыл ворота и, когда они вошли, спросил: «Вы принесли десять тысяч динаров, которые вы мне обещали?» – «О, ничего из них не удалось достать, – отвечали дервиши, – но не бойся дурного: если захочет Аллах великий, мы сварим тебе завтра химический состав²⁷⁹. Прикажи твоей жене дать нам послушать музыку, от которой ободрились бы наши сердца, так как мы любим музыку».

И Зубейда сыграла им на лютне музыку, от которой Заплясала бы каменная скала, и они провели время в наслаждении, радости и веселье, рассказывая друг другу разные истории; и когда взошло утро и засияло светом и Заблистало, халиф положил под коврик сто динаров, а потом они простились с Ала-ад-дином и ушли своей дорогой.

И они продолжали ходить к нему таким образом в течение девяти вечеров, и каждый вечер халиф клал под коврик сто динаров. А когда подошёл десятый вечер, они не пришли, и причиною их отсутствия было то, что халиф послал за одним большим купцом и сказал ему:

«Приготовь мне пятьдесят тюков тканей, которые привозят из Каира...»

И Шахразду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Двести пятьдесят восьмая ночь

Когда же настала двести пятьдесят восьмая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что повелитель правоверных сказал тому купцу: „Приготовь мне пятьдесят тюков материй, которые приходят из Каира, и пусть цена каждого тюка будет тысяча динаров. Напиши на каждом тюке, сколько он стоит, и пришли мне абиссинского раба“.

И купец доставил все, что халиф приказал ему, и потом халиф дал рабу таз и кувшин из золота, и путевые припасы, и пятьдесят тюков, и написал письмо от имени Шамс-ад-дина, старшины купцов в Каире, отца Ала-ад-дина, и сказал рабу: «Возьми эти тюки и то, что есть с ними, ступай в такой-то квартал, где дом старшины купцов, и спроси, где господин Ала-ад-дин Абу-ш-Шамат; люди укажут тебе и квартал и его дом».

И раб взял тюки и то, что было с ними, как велел ему халиф, и отправился.

Вот что было с ним. Что же касается двоюродного брата женщины, то он отправился к её отцу и сказал ему: «Идём сходим к Ала-ад-дину, чтобы развести с ним дочь моего дяди»; и они вышли и пошли с ним и отправились к Ала-ад-дину.

А достигнув его дома, они увидели пятьдесят мулов и на них пятьдесят тюков тканей, и раба, сидевшего на муле, и спросили его: «Чьи это тюки?»

«Моего господина Ала-ад-дина Абу-ш-Шамата, – ответил раб. – Его отец собрал для

²⁷⁹ Химический состав – то же, что у европейских алхимиков «философский камень».

него товары и отправил его в город Багдад, и на него напали арабы и взяли его деньги и тюки, и весть об этом дошла до его отца, и он послал меня к нему с другими тюками вместо тех, и прислал ему со мною мула, на которого нагружены пятьдесят тысяч динаров, и узел с платьем, стоящим больших денег, и соболью шубу, и золотой таз и кувшин». – «Это мой зять, и я проведу тебя к его дому», – сказал отец девушки.

А Ала-ад-дин сидел в своём доме сильно озабоченный, и вдруг постучали в ворота. «О Зубейда, – сказал Ала-аддин, – Аллах лучше знает! Поистине, твой отец прислал ко мне посланца от кади или от вали». – «Выйди и посмотри, в чем дело», – сказала Зубейда. И Ала-ад-дин спустился и открыл ворота и увидел своего тестя – старшину купцов, отца Зубейды, и абиссинского раба с коричневым лицом, приятного вида, который сидел на муле.

И раб спешился и поцеловал ему руки, и Ала-ад-дин спросил его: «Что ты хочешь?» И раб сказал: «Я раб господина Ала-ад-дина Абу-ш-Шамата, сына Шамс-ад-дина, старшины купцов в земле египетской, и его отец послал меня к нему с этим поручением», – и он подал ему письмо; и Ала-ад-дин взял его и развернул, и увидел, что в нем написано:

«О посланье, когда увидишь любимых,
Поцелуй ты сапог и пол перед ними.
Дай отсрочку, не будь ты с ними поспешен, –
Ведь и дух мой у них в руках и мой отдых.»

После совершенного приветствия и приветия и уважения от Шамс-ад-дина его сыну Абу-ш-Шамату. Знай, о дитя моё, что до меня дошла весть об убиении твоих людей и ограблении твоего имущества и поклажи, и я послал тебе вместо неё эти пятьдесят тюков египетских тканей, и одежду, и соболью шубу, и таз и кувшин из золота. Не бойся же беды! Деньги – выкуп за тебя, о дитя моё, и да не постигнет тебя печаль никогда. Твоей матери и родным живётся хорошо, они здоровы и благополучны и приветствуют тебя многими приветиями. И дошло до меня, о дитя моё, что тебя сделали заместителем у девушки Зубейды лютнистки и наложили на тебя ей в приданое пятьдесят тысяч динаров. Эти деньги едут к тебе вместе с тюками и твоим рабом Селимом».

Окончив читать письмо, Ала-ад-дин принял тюки и, обратившись к своему тестю, сказал ему: «О мой тесть, возьми пятьдесят тысяч динаров – приданое за твою дочь Зубейду, и возьми также тюки и распоряжайся ими: прибыль будет твоя, а основные деньги верни мне». – «Нет, клянусь Аллахом, я ничего не возьму, а что до приданого твоей жены, то о нем сговорись с ней», – отвечал купец; и Ала-ад-дин поднялся, и они с тестем вошли в дом, после того как туда внесли поклажу.

И Зубейда спросила своего отца: «О батюшка, чьи это тюки?» И он отвечал ей: «Это тюки Ала-ад-дина, твоего мужа, их прислал ему его отец вместо тех тюков, которые забрали арабы, и он прислал ему пятьдесят тысяч динаров, и узел с платьем, и соболью шубу, и мула, и таз и кувшин из золота, а что касается приданого, то решать о нем предстоит тебе».

И Ала-ад-дин поднялся и, открыв сундук, дал Зубейде её приданое; и тогда юноша, её двоюродный брат, сказал: «О дядюшка, пусть Ала-ад-дин разведётся с моей женой»; но её отец ответил: «Это уже больше никак не удастся, раз власть мужа в его руках».

И юноша ушёл огорчённый и озабоченный, и слёг у себя дома, больной, и было в этом исполнение его судьбы, и он умер.

Что же касается Ала-ад-дина, то, приняв тюки, он пошёл на рынок и взял всего, что ему было нужно: кушаний, напитков и топлёного масла, и устроил пир, как и всякий вечер, и сказал Зубейде: «Посмотри на этих лгунов дервишей: они обещали нам и нарушили обещание». – «Ты сын старшины купцов, и у тебя были коротки руки для серебряной полушки, так как же быть бедным дервишам?» – сказала Зубейда; и Ала-ад-дин воскликнул: «Аллах великий избавил нас от нужды в них, но я больше не открою им ворот, когда они придут к нам!» – «Почему?» – сказала Зубейда. – «Ведь благо пришло к нам после их прихода,

и всякую ночь они клали нам под коврик сто динаров. Мы обязательно откроем им ворота, когда они придут».

И когда свет дня угас и пришла ночь, зажгли свечи, и Ала-ад-дин сказал: «О Зубейда, начни, сыграй нам музыку». И вдруг постучали в ворота. «Встань посмотри, кто у ворот», – сказала Зубейда; и Ала-ад-дин вышел и открыл ворота и увидел дервишей. «А, добро пожаловать, лжецы, входите!», – воскликнул он; и дервиши вошли с ним, и он посадил их и принёс им скатерть с кушаньем, и они стали есть и пить, радоваться и веселиться.

А после этого они сказали ему: «О господин наш, наши сердца заняты тобою: что у тебя произошло с твоим тестем?» – «Аллах возместил нам превыше желания», – ответил Ала-ад-дин; и дервиши сказали: «Клянёмся Аллахом, мы за тебя боялись».

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Двести пятьдесят девятая ночь

Когда же настала двести пятьдесят девятая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что дервиши сказали Ала-ад-дину: „Клянёмся Аллахом, мы за тебя боялись, и нас удерживало лишь то, что у нас в руках не было денег“. – „Ко мне пришла помощь от моего господина, и мой отец прислал мне пятьдесят тысяч динаров и пятьдесят тюков тканей, ценою каждый в тысячу динаров, и платье, и соболью шубу, и мула, и раба, и таз и кувшин из золота, и между мной и моим тестем наступил мир, и жена моя мне принадлежит по праву, и хвала Аллаху за все это“, – ответил Ала-ад-дин.

А затем халиф поднялся, чтобы исполнить нужду, и везирь Джафар наклонился к Ала-ад-дину и сказал ему: «Соблюдай пристойность: ты находишься в присутствия повелителя правоверных». – «Что я сделал непристойного в присутствии повелителя правоверных и кто из вас повелитель правоверных?», – спросил Ала-ад-дин; и Джафар сказал: «Тот, кто разговаривал с тобой и поднялся, чтобы исполнить нужду, – повелитель правоверных, халиф Харун ар-Рашид, а я – везирь Джафар, а это – Масрур, палач мести, а это Абу-Новас аль-Хасан ибн Хани. Обдумай разумом, о Ала-ад-дин, и посмотри: на расстоянии скольких дней пути Каир от Багдада?» – «Сорока пяти дней», – ответил Ала-ад-дин; и Джафар сказал: «Твои тюки отняли у тебя только десять дней назад, так как же весть об этом достигла до твоего отца и он собрал тебе тюки, которые покрыли расстояние сорока пяти дней в эти десять дней?» – «О господин мой, откуда же это пришло ко мне?» – спросил Ала-ад-дин. «От халифа, повелителя правоверных, по причине его крайней любви к тебе», – ответил Джафар.

И пока они разговаривали, халиф вдруг вошёл к ним. И Ала-ад-дин поднялся и поцеловал перед ним землю и сказал: «Аллах да сохранит тебя, о повелитель правоверных, и да сделает вечной твою жизнь и да не лишит людей твоих милостей и благодеяний!» – «О Ала-ад-дин, – молвил халиф, – пусть Зубейда сыграет нам музыку ради сладости твоего благополучия». И Зубейда играла им на лютне музыку, чудеснейшую среди всего существующего, пока не возликовали каменные стены и не воззвали струны в комнате: «О любимый!»

И они провели ночь до утра в самом радостном состоянии, а когда наступило утро, халиф сказал Ала-ад-дину: «Завтра приходи в диван»²⁸⁰, и Ала-ад-дин ответил: «Слушаю и повинуюсь, о повелитель правоверных, если захочет Аллах великий и ты будешь в добром здоровье!» Ала-ад-дин взял десять блюд и, положив на них великолепный подарок, пошёл с ними на другой день в диван; и когда халиф сидел на престоле в диване, вдруг вошёл в двери дивана Ала-ад-дин, говоря такие стихи:

²⁸⁰ Слово «диван» – здесь употреблено в значения «собрание» (царедворцев султана); иногда этим словом обозначается место, где происходят подобные собрания.

«Приветствует пусть удача тебя в день всякий
С почётом, хоть завистник недоволен.
И будут дни твои всегда пусть белы,
А дни врагов твоих да будут черны».

«Добро пожаловать, о Ала-ад-дин», – сказал халиф и Ала-ад-дин ответил: «О повелитель правоверных, пророк – да благословит его Аллах и да приветствует! – принимал подарки, и эти десять блюд с тем, что есть на них, – подарок тебе от меня». И халиф принял от него это и велел дать ему почётную одежду и сделал его старшиной купцов и посадил его в диване, и когда он там сидел, вдруг вошёл его тесть, отец Зубейды.

И, увидев, что Ала-ад-дин сидит на его месте и на нем почётная одежда, он сказал повелителю правоверных: «О царь времени, почему этот молодец сидит на моем месте?» – «Я назначил его старшиной купцов, – сказал халиф. – Должности жалуются на срок, а не навеки, и ты отстранён». – «От нас и к нам идёт благо! – воскликнул отец Зубейды. – Прекрасно то, что ты сделал, о повелитель правоверных, и да поставит Аллах лучших из нас властителем наших дел. Сколько малых стало великими!» Потом халиф написал Ала-ад-дину грамоту и дал её вали, и вали отдал грамоту факелоносцу, и тот возгласил в диване: «Нет старшины купцов, кроме Ала-ад-дина Абу-ш-Шамата! Его слова должно слушать и хранить к нему почёт, и ему подобает уважение и почтение и высокое место»

А когда диван разошёлся, вали пошёл с глашатаем перед Ала-ад-дином, и глашатай кричал: «Нет старшины купцов, кроме господина Ала-ад-дина Абу-ш-Шамата» И они ходили с ним кругом по площадям Багдада, и глашатай кричал и говорил: «Нет старшины купцов, кроме господина Ала-ад-дина Абу-ш-Шамата»

А когда наступило утро, Ала-ад-дин открыл для раба лавку и посадил его в ней продавать и покупать, а что касается самого Ала-ад-дина, то он каждый день садился на коня и отправлялся в должность, в диван халифа...

И Шахразадду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Ночь, дополняющая до двухсот шестидесяти

Когда же настала ночь, дополняющая до двухсот шестидесяти, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что Ала-ад-дин садился верхом и отправлялся в должность, в диван халифа.

И случилось однажды, что он сидел, как всегда, на своём месте, и когда он сидел, вдруг кто-то сказал халифу «О повелитель правоверных, да живёт твоя голова после такого то твоего сотрапезника, – он представился к милости Аллаха великого, а твоя жизнь да будет вечна». – «Где Ала-ад-дин Абу-ш-Шамат?» – спросил халиф, и Ала ад дин предстал перед ним, и халиф, увидев Ала ад-дина, наградил его великолепной одеждой, сделал его своим сотрапезником и предписал выдавать ему содержание в тысячу динаров каждый месяц, и Ала-ад-дин жил у халифа, разделяя его трапезы.

И случилось так, что в один из дней он сидел, как всегда, на своём месте, служа халифу, и вдруг вошёл в диван эмир с мечом и щитом и сказал: «О повелитель правоверных, да живёт твоя голова после главы шестидесяти²⁸¹, – он умер в сегодняшний день». И халиф велел дать Ала-ад-дину почётную одежду и назначил его главой шестидесяти, на место умершего.

А у главы шестидесяти не было ни жены, ни сына, ни дочери, и Ала-ад-дин пошёл и наложил руку на его имущество; и халиф сказал Ала-ад-дину: «Похорони его в земле и

²⁸¹ «Глава шестидесяти» – военачальник, имевший свиту в шестьдесят всадников.

возьми все, что он оставил из денег, рабов, невольниц и слуг».

А затем халиф взмахнул платком, и диван разошёлся, и Ала-ад-дин вышел, и у его стремени был начальник Ахмед-ад-Данаф – начальник правой стороны у халифа, со своими сорока приспешниками, а слева от Ала-ад-дина был Хасан Шуман, начальник левой стороны у халифа, со своими сорока приспешниками.

И Ала-ад-дин обернулся к Хасану Шуману и его людям и сказал: «Будьте ходатаями перед начальником Ахмедом-ад-Данафом, – может быть, он примет меня в сыновья по обегу Аллаху». И начальник принял его и сказал: «Я и мои сорок приспешников будем ходить перед тобою в диван каждый день».

И Ала-ад-дин оставался на службе у халифа в течение нескольких дней, и в какой-то день случилось, что Ала-аддин вышел из дивана и пошёл к себе домой, отпустив Ахмеда-ад-Данафа и тех, кто был с ними, идти своей дорогой. И он сел со своей женой Зубейдой-лютнисккой и зажёл свечи, и после этого она поднялась, чтобы исполнить нужду, а Ала-ад-дин сидел на месте. И вдруг он услышал великий крик, и поспешно поднялся, чтобы посмотреть, кто это кричал, и увидел, что кричала его жена Зубейда-лютнискка и что она лежит на земле. И Ала-аддин положил руку ей на грудь, и оказалось, что она мертва.

А дом её отца был перед домом Ала-ад-дина, и отец услышал её крики и спросил: «В чем дело, господин мой Ала-ад-дин?» – «Да живёт твоя голова, о батюшка, после твоей дочери Зубейды, – ответил Ала-ад-дин, – но уважение к мёртвому, о батюшка, состоит в том, чтобы Зарыть его».

И когда настало утро, Зубейду схоронили в земле, и Ала-ад-дин стал утешать её отца, а отец утешал Ала-аддина.

Вот что было с Зубейдой-лютнисккой. Что же касается Ала-ад-дина, то он надел одежды печали и удалился из дивана, и глаза его стали плачущими, а сердце печальным.

И халиф спросил: «О везирь, по какой причине Алаад-дин удалился из дивана?» И везирь ответил: «О повелитель правоверных, он горюет по своей жене Зубейде и Занят, принимая соболезнования». – «Нам следует выказать ему соболезнование», – сказал халиф везирию; и везирь ответил: «Слушаю и повинуюсь!» И халиф с везирем и несколькими слугами вышли и сели верхом и отправились к дому Ала-ад-дина.

И Ала-ад-дин сидел и вдруг видит – халиф и везирь и те, кто был с ними, приближаются к нему. И он встал им навстречу и поцеловал землю перед халифом, и халиф сказал ему: «Да возместит тебе Аллах благом!» А Ала-аддин отвечал: «Да продлит Аллах для нас твою жизнь, о повелитель правоверных». – «О Ала-ад-дин, – спросил халиф, – почему ты удалился из дивана?» – «Из-за печали по моей жене Зубейде, о повелитель правоверных», – ответил Ала-ад-дин; и халиф сказал: «Прогони от души заботу. Твоя жена умерла по милости великого Аллаха, и печаль тебе ничем не поможет». – «О повелитель правоверных, я оставлю печаль по ней только тогда, когда умру и меня зароят возле неё», – сказал Ала-аддин; и халиф молвил: «Поистине, в Аллахе замена всему минувшему, и не освободят от смерти ни ухищрения, ни деньги! От Аллаха дар того, кто сказал:

Ведь всех, кто женой рождён, хоть длительно счастье их,
Когда-нибудь понесут на ложе горбатым,
И как веселиться тем и жить в наслаждении,
Кому на ланиты прах и землю насыплют?»

И халиф, кончив утешать Ала-ад-дина, наказал ему не удаляться из дивана и отправился в своё жилище, а Алаад-дин проспал ночь, а когда наступило утро, сел на коня и поехал в диван. И он вошёл к халифу и поцеловал перед ним землю, и халиф пошевелился ради Ала-ад-дина на престоле и сказал ему: «Добро пожаловать! – и приветствовал его и посадил его на место и молвил: – О Алаад-дин, ты мой гость сегодня вечером».

И потом он пошёл с ним к себе во дворец и, призвав одну невольницу по имени Кут-аль-Кулуб, сказал ей: «У Ала-ад-дина была жена по имени Зубейда, которая развлекала

его в горе и заботе. Она умерла по милости великого Аллаха, и я хочу, чтобы ты сыграла ему музыку на лютне...»

И Шахразадку застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Двести шестьдесят вторая ночь

Когда же настала двести шестьдесят вторая ночь²⁸², она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что халиф сказал невольнице Кут-аль-Куч „Я хочу, чтобы ты сыграла ему музыку на лютне, чудеснейшую среди всего существующего, и он бы утешился в заботе и печали“.

И невольница начала и сыграла диковинную музыку; и халиф молвил: «Что скажешь, Ала-ад-дин, о голосе этой невольницы?» – «У Зубейды голос лучше, чем у неё, но она искусница в игре на лютне, так что из-за неё ликуют каменные скалы», – ответил Ала-ад-дин. И халиф спросил: «Она тебе нравится?» – «Нравится, о повелитель правоверных», – ответил Ала-ад-дин; и халиф воскликнул: «Клянусь жизнью моей головы и могилой моих дедов, она подарок тебе от меня – и она и её невольницы».

И Ала-ад-дин подумал, что халиф шутит с ним, а наутро халиф вошёл к своей невольнице Кут-аль-Кулуб и сказал ей: «Я подарил тебя Ала-ад-дину»; и она обрадовалась этому, так как видела Ала-ад-дина и полюбила его.

Потом халиф перешёл из дворцового помещения в диван и, призвав носильщиков, сказал им: «Перенесите пожитки Кут-аль-Кулуб в дом Ала-ад-дина и посадите её в носилки вместе с её невольницами»; и они перевезли её с невольницами и пожитками в дом Ала-ад-дина и привели её во дворец, а халиф просидел в помещении суда до конца дня, и затем диван разошёлся, и он ушёл к себе во дворец.

Вот что было с халифом; что же касается Кут-аль-Кулуб, то, войдя во дворец Ала-ад-дина со своими невольницами (а их было сорок невольниц, кроме евнухов), она сказала двум евнухам: «Один из вас сядет на скамеечку справа от ворот, а другой сядет на скамеечку слева, и когда придёт Ала-ад-дин, поцелуйте ему руки и скажите ему: „Наша госпожа, Кут-аль-Кулуб, просит тебя во дворец. Халиф подарил её тебе вместе с её невольницами“.

И евнухи ответили: «Слушаем и повинемся!» – и сделали так, как она им велела. И когда Ала-ад-дин пришёл, он увидел двух евнухов халифа, которые сидели у ворот.

И он нашёл это диковинным и сказал про себя: «Может быть, это не мой дом? А иначе в чем же дело?» И евнухи, увидя его, поднялись и поцеловали ему руки и сказали: «Мы люди халифа, невольники Кут-аль-Кулуб. Она приветствует тебя и говорит тебе, что халиф подарил её тебе вместе с её невольницами. И она просит тебя к себе». – «Скажите ей: „Добро пожаловать тебе, но только, пока ты у него, он не войдёт во дворец, в котором ты находишься, так как то, что принадлежит господину, не годится для слуг“, – отвечал Ала-ад-дин, – и спросите её: „Как велики были твои расходы у халифа каждый день“.

И евнухи пошли к ней и спросили её об этом, и она сказала: «Каждый день сто динаров». И Ала-ад-дин подумал про себя: «Не было мне нужды, чтобы халиф дарил мне Кут-аль-Кулуб и я тратил бы на неё такие деньги, но, однако, тут не ухитришься». И Кут-аль-Кулуб провела у него несколько дней, и он выдавал ей каждый день сто динаров. И в один из дней Ала-ад-дин не явился в диван, и халиф сказал: «О везирь Джафар, я подарил Кут-аль-Кулуб Ала-ад-дину лишь для того, чтобы она его утешала в потере жены; почему же он удалился от нас?» – «О повелитель правоверных, – отвечал везирь, – правду сказал сказавший: кто встретит любимых, забудет друзей». И халиф молвил: «Может быть, его отсутствию есть оправдание. Мы навестим его».

²⁸² В оригинале за ночью 260 и следует 262-я.

А за несколько дней до этого Ала-ад-дин сказал везиру: «Я пожаловался халифу, что чувствую печаль по моей жене Зубейде-лютнице, и он подарил мне Кут-альКулуб». – «Если бы халиф не любил тебя, он бы тебе её не подарил, – сказал везирь. – А ты уже входил к ней, о Ала-ад-дин?» – «Нет, клянусь Аллахом, я ещё не входил к ней», – ответил Ала-ад-дин; и везирь спросил: «Почему Это?» А Ала-ад-дин молвил: «То, что годится господину, не годится для слуг».

Потом халиф и Джафар перерядились и пошли навестить Ала-ад-дина, и шли до тех пор, пока не пришли к нему.

И Ала-ад-дин узнал их и, поднявшись, поцеловал халифу руки; халиф, увидя его, обнаружил в нем признаки печали и сказал; «О Ала-ад-дин, какова причина печали, что охватила тебя? Разве ты ещё не входил к Кут-альКулуб?» – «О повелитель правоверных, – ответил Алаад-дин, – что годится господину, не годится для слуг, и я до сих пор не входил к ней и не отличаю в ней длины от ширины. Избавь же меня от неё!» – «Я желаю с ней повидаться и спросить её о её положении», – сказал халиф. И Ала-аддин ответил: «Слушаю и повинуюсь, о повелитель правоверных!» И халиф вошёл к Кут-аль-Кулуб...»

И Шахразату застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Двести шестьдесят третья ночь

Когда же настала двести шестьдесят третья ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что халиф вошёл к Кут-аль-Кулуб, и, увидав его, она поднялась и поцеловала перед ним землю. „Входил к тебе Алаад-дин?“ – спросил её халиф; и она ответила: „Нет, о повелитель правоверных. Я послала просить его, чтобы он вошёл, но он не согласился“.

И халиф велел ей возвратиться во дворец и сказал Ала-ад-дину: «Не удаляйся от нас!»

И потом халиф отправился к себе домой, а Ала-ад-дин проспал эту ночь, а утром он сел на коня и отправился в диван и занял место главы шестидесяти.

А халиф велел своему казначею выдать везиру Джафару десять тысяч динаров; и казначей дал ему это количество денег, и халиф сказал Джафару: «Поручаю тебе сходить на рынок невольниц и купить Ала-ад-дину невольницу на эти десять тысяч динаров». И Джафар последовал приказу халифа и вышел и, взяв с собою Ала-ад-дина, пошёл с ним на рынок невольниц.

И случилось, что в этот день вали Багдада, назначенный халифом (а звали его эмир Халид), пошёл на рынок, чтобы купить невольницу для своего сына, и причиной этого было вот что. У вали была жена по имени Хатун, и ему достался от неё сын, безобразный видом, которого звали Хабазлам Баззаза. И он достиг возраста двадцати лет и ещё не умел ездить на коне, а его отец был смельчак, неприступный владыка, и ездил на конях, и погружался в море ночного боя.

И однажды ночью Хабазлам Баззаза спал и осквернился, и он рассказал об этом своей матери; и та обрадовалась и сообщила об этом его отцу и сказала: «Я хочу, чтобы мы его женили: он стал годен для брака». – «Он безобразен видом, дурно пахнет, грязен и дик, и его не примет ни одна женщина», – ответил отец Хабазлама; и мать его сказала: «Мы купим ему невольницу».

И по велению, предопределённому Аллахом великим, в тот день, когда пошли на рынок везирь и Ала-ад-дин, туда потел и эмир Халид, вали, со своим сыном Хабазламом Баззазой; и когда они были на рынке, вдруг появилась с одним из посредников невольница – красивая, прелестная, стройная и соразмерная, и везирь сказал: «О посредник, предложи за неё тысячу динаров!»

И посредник прошёл с нею мимо вали, и Хабазлам Баззаза посмотрел на неё взглядом, оставившим после себя тысячу вздохов, и любовь к ней овладела им. «О батюшка, – сказал он, – купи мне эту невольницу». И посредник стал зазывать, а вали спросил, как зовут

девушку; и она отвечала: «Моё имя Ясмин». – «О дитя моё, – сказал ему отец, – если она тебе нравится, набавляй цену». – «О посредник, какова твоя цена?» – спросил он. «Тысяча динаров», – отвечал посредник. «С меня тысяча динаров и динар», сказал юноша. А когда очередь дошла до Ала-ад-дина, тот предложил за девушку две тысячи, и всякий раз, как юноша, сын вали, набавлял цену на динар, Ала-ад-дин прибавлял тысячу динаров.

И сын вали рассердился и спросил: «О посредник, кто набавляет против меня цену за эту девушку?» И посредник ответил: «Везирь Джафар хочет купить её для Алаад-дина Абу-ш-Шамата».

И Ала-ад-дин предложил за невольницу десять тысяч динаров, и хозяин уступил ему девушку и получил за неё деньги; и Ала-ад-дин взял невольницу и сказал ей: «Я освобождаю тебя ради лика Аллаха великого», – и затем он написал свой брачный договор с нею и отправился домой.

И посредник вернулся с платой за посредничество, и сын вали позвал его и спросил: «Где невольница?» – «Её купил Ала-ад-дин за десять тысяч динаров, и он освободил её и написал свой договор с нею», – отвечал посредник. И юноша огорчился, и печаль его увеличилась, и он вернулся домой больным от любви к ней, и бросился на постель, и расстался с пищей, и его любовь и страсть усилились.

И, увидев, что он заболел, мать его спросила: «Сохрани тебя Аллах, о дитя моё, какова причина твоей болезни?» – «Купи мне Ясмин, о матушка», – ответил он; и его мать сказала: «Когда пройдёт человек с цветами, я куплю тебе корзинку жасмину». – «Это не тот жасмин, который нюхают, это невольница по имени Ясмин, которую мне не купил отец!» – воскликнул юноша. И его мать спросила мужа: «Почему ты не купил ему эту невольницу?» – «Что годится господину, не годится для слуг. И у меня нет власти взять её: её купит не кто иной, как Ала-ад-дин, глава шестидесяти», – ответил вали.

И болезнь юноши усилилась, так что он перестал спать и расстался с пищей. И его мать повязалась повязками печали.

И когда она сидела в своём доме, горюя из-за сына, вдруг вошла к ней одна старуха, которую звали «мать Ахмед Камакима-вора». А этот вор просверлил средние стены, и карабкался на верхние стены, и похищал сурьму с глаз, и эти мерзкие качества были у него с самого начала; а потом его сделали начальником стражи, и он украл вещь и попался с нею, и вали напал на него и захватил его и доставил к халифу.

И халиф велел убить его на поляне крови, но Ахмед прибегнул к защите везиря (а ходатайство везиря перед халифом не отвергалось), и везирь заступился за него. И халиф спросил: «Как ты заступаешься за бедствие, которое вредит людям?» – «О повелитель правоверных, – сказал везирь, – заключи его в тюрьму. Тот, кто построил тюрьму, был мудрец, так как тюрьма-могила для живых и радость для врагов».

И халиф велел наложить на Ахмеда цепи и написать на его цепях: «Навеки, до смерти, и он будет раскован лишь на скамье обмывальщика»²⁸³ и Ахмеда посадили, закованного, в тюрьму.

А его мать была вхожа в дом эмира Халида, вали, и заходила к своему сыну в тюрьму и говорила ему: «Не говорила ли я тебе: „Отступись от запретного!“ А он отвечал ей: „Это предопределил мне Аллах, но когда ты, о матушка, пойдёшь к жене вали, пусть она заступится за меня перед ним“».

И когда старуха вошла к жене вали, она увидела, что та повязана повязками печали, и спросила: «О чем ты печалишься?» – «О гибели моего сына Хабазлама Баззазы», – ответила жена вали. «Сохрани Аллах твоего сына! А что с ним случилось?» – спросила старуха, и жена вали рассказала ей всю историю, и старуха спросила: «Что ты скажешь о том, кто сыграет шутку, в которой будет спасение твоего сына?» – «А что ты сделаешь?» – спросила жена вали; и старуха сказала: «У меня есть сын по имени Ахмед Камаким-вор, и он сидит

²⁸³ То есть скамье, на которой обмывают тела казнённых.

закованный в тюрьме, и на цепях у него написано: „Навеки, до смерти“. Встань и надень лучшее, что у тебя есть, и украсься самыми лучшими украшениями, и встретить своего мужа весело и приветливо, а когда он потребует от тебя того, что требуют мужчины от женщин, откажи ему и не давай этого сделать и скажи: „О диво Аллаха! Когда мужчине есть нужда до жены, он пристаёт к ней, пока не удовлетворит нужду с нею, а когда жене что-нибудь нужно от мужа, он не исполняет этого“. И муж спросит тебя: „А что тебе нужно?“ И ты скажи: „Сначала поклянись мне“; и когда он тебе поклянётся жизнью своей головы и Аллахом, скажи ему: „Поклянись разводом со мною“, – и не соглашайся, пока он не поклянётся тебе разводом; а когда он поклянётся тебе разводом, скажи ему: „У тебя в тюрьме заключён один начальник по имени Ахмед Камаким, и у него есть бедная мать, и она упала передо мной ниц и направила меня к тебе и сказала: «Пусть вали заступится за него перед халифом, чтобы халиф простил его, и ему бы досталась награда». И мать Хабазлама ответила ей:

«Слушаю и повинуюсь!» И когда вали вошёл к своей жене...»

И Шахразад устало сказала, и она прекратила дозволенные речи.

Двести шестьдесят четвёртая ночь

Когда же настала двести шестьдесят четвёртая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что, когда вали вошёл к своей жене, она сказала ему все это, и он поклялся ей разводом, и тогда она позволила ему, и он провёл подле неё ночь, а когда наступило утро, вали омылся и, совершив утреннюю молитву, пришёл в тюрьму и сказал: „О Ахмед Камаким, о вор, раскаиваешься ли ты в том, что сделал?“ – „Я раскаялся перед Аллахом и отступился и прошу сердцем и языком прощения у Аллаха“, – ответил Ахмед. И вали выпустил его из тюрьмы и взял его с собой в диван, закованного в цепи.

И он подошёл к халифу и поцеловал перед ним землю, и халиф спросил: «О эмир Халид, чего ты просишь?» И вали поставил Ахмеда Камакима, который шёл в цепях, перед халифом, и халиф спросил: «О Камаким, ты до сих пор жив?» – «О повелитель правоверных, – ответил Ахмед, – жизнь несчастного медлительна»; и халиф молвил: «О эмир Халид, зачем ты его привёл сюда?» – «У него бедная, одинокая мать, у которой никого нет, кроме него, – ответил эмир, – и она пала ниц перед твоим рабом, чтобы он походатайствовал у тебя, о повелитель правоверных, и ты бы освободил от цепей её сына. Он раскается в том, что было, и ты сделаешь его начальником стражи, как прежде». – «Ты раскаялся в том, что было?» – спросил халиф Ахмеда Камакима; и тот ответил: «Я раскаялся перед Аллахом, о повелитель правоверных»; и тогда халиф велел привести кузнеца и расковать цепи Ахмеда на скамье обмывальщика.

Он сделал Ахмеда начальником стражи и наказал ему хорошо вести себя и поступать прямо, и Ахмед поцеловал халифу руки и вышел с одеждой начальника стражи, и про него прокричали о том, что он начальник. И он пробыл некоторое время в своей должности, а потом его мать пришла к жене вали, и та сказала ей: «Слава Аллаху, который освободил твоего сына из тюрьмы здоровым и благополучным! Почему же ты не говоришь ему, чтобы он что-нибудь устроил и привёл бы невольницу Ясмин к моему сыну Хабазламу Баззазе?» – «Я скажу ему», – ответила старуха и, уйдя от неё, пришла к своему сыну. И она нашла его пьяным и сказала: «О дитя моё, причина того, чтобы ты освободился из тюрьмы, только в жене вали, и она хочет от тебя, чтобы ты что-нибудь для неё устроил и убил бы Ала-ад-дина Абу-ш-Шамата и привёл бы невольницу Ясмин к её сыну Хабазламу Баззазе».

«Это легче всего, что бывает, – ответил Ахмед. – Я обязательно устрою что-нибудь сегодня ночью».

А эта ночь была первой ночью месяца, и у халифа был обычай проводить её подле госпожи Зубейды²⁸⁴ по случаю освобождения невольницы, или невольника, или

²⁸⁴ Зубейда – одна из жён Харуна ар-Рашида.

чего-нибудь подобного этому, и ещё у халифа был обычай снимать царское платье и оставлять чётки и кортик и перстень власти и класть все это на престол в приёмной комнате.

А у халифа был золотой светильник с тремя драгоценными камнями, нанизанными на золотую цепочку, и этот светильник был халифу дорог. И халиф поставил евнухов сторожить одежду и светильник и остальные вещи и вошёл в комнату госпожи Зуббядма Ахмед Камаким-вор выждал, пока пришла полночь, и засияла звезда Канопус, и твари заснули, и творец опустил на них покрывало, а затем он обнажил меч и взял его в правую руку, а в левую взял крюк и, подойдя к приёмной комнате халифа, взял верёвочную лестницу, Закинул крюк на стену приёмной комнаты, взобрался по лестнице на крышу, и поднял подъёмную доску над комнатой, и спустился туда.

И он нашёл евнухов спящими и, одурманив их, взял одежду халифа, чётки, кортик, платок, перстень и светильник, на котором были камни, и вышел через то место, откуда вошёл, и отправился к дому Ала-ад-дина Абу-шШамата. А Ала-ад-дин в эту ночь был занят свадьбой с девушкой, и он вошёл к ней, и она ушла от него беременной.

И Ахмед Камаким-вор спустился в комнату Ала-аддина и, выломав мраморную доску в нижней части комнаты, выкопал под ней яму и положил туда часть вещей, а часть оставил у себя. Потом он заделал мраморную доску, как было, и вышел через то место, откуда вошёл, говоря про себя: «Я сяду и напьюсь, и поставлю светильник перед собой, и буду пить чашу при его свете».

И потом он отправился домой, а когда наступило утро, халиф вошёл в приёмную комнату и увидел, что евнухи одурманены, и разбудил их и протянул руку, но не нашёл ни одежды, ни перстня, ни чётки, ни кортика, ни платка, ни светильника.

И халиф разгневался из-за этого великим гневом и надел одежду ярости (а это была красная одежда), и сел в диване; и везирь подошёл и поцеловал перед ним землю и сказал: «Да избавит Аллах от зла повелителя правоверных!» И халиф воскликнул: «О везирь, зло велико». – «Что произошло?»

спросил везирь; и халиф рассказал ему обо всем, что случилось. И вдруг подъехал вали, и у его стремени был Ахмед Камаким-вор.

И вали нашёл халифа в великом гневе, а халиф, увидев вали, спросил его: «О эмир Халид, как дела в Багдаде?» – «Все благополучно и безопасно», – отвечал вали. «Ты лжёшь», – сказал халиф; и вали спросил: «Почему, о повелитель правоверных?» И халиф рассказал ему, что случилось, и молвил: «Ты обязан принести мне все Это!» – «О повелитель правоверных, – сказал вали, – червяки в уксусе оттуда происходят и там остаются и я чужой никак не может забраться в это место». – «Если ты не принесёшь мне эти вещи, я убью тебя», – сказал халиф; и вали молвил: «Прежде чем убивать меня, убей Ахмеда Камакима-вора, так как никто не знает воров и обманщиков, кроме начальника стражи».

И Ахмед Камаким поднялся и сказал халифу: «Заступись за меня перед вали, и я отвечаю тебе за того, кто украл, и буду выискивать его след, пока не узнаю, кто он. Но только дай мне двух судей и двух свидетелей: тот, кто сделал это дело, не боится ни тебя, ни вали, ни кого-нибудь другого». – «Тебе будет то, что ты просишь», – сказал халиф, – но только первый обыск будет в моем дворце, а потом во дворце везиря и во дворце главы шестидесяти». – «Ты прав, о повелитель правоверных, может быть окажется, что тот, кто сотворил эту проделку, воспитался во дворце повелителя правоверных или во дворце кого-нибудь из его приближённых», – сказал Ахмед Камаким. И халиф воскликнул: «Клянусь жизнью моей головы, всякий, у кого объявятся эти вещи, будет обязательно убит, хотя бы это был мой сын!»

И затем Ахмед Камаким взял то, что он хотел, и получил грамоту на право врываться в дома и обыскивать их.

И Шахразадку застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Двести шестьдесят пятая ночь

Когда же настала двести шестьдесят пятая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что Ахмед Камаким взял то, что он хотел, и получил фирман на право врываться в дома и обыскивать их. И он пошёл, держа в руках трость, треть которой была из бронзы, треть из меди и треть из железа, и обыскал дворец халифа и дворец везира Джафара и обходил дома царедворцев и привратников, пока не прошёл мимо дома Ала-ад-дина Абу-ш-Шамата.

И, услышав шум перед домом, Ала-ад-дин поднялся от Ясмин, своей жены, и вышел, и, открыв ворота, увидел вали в большом смущении. «В чем дело, о эмир Халид?» – спросил он; вали рассказал ему все дело, и Ала-ад-дин сказал: «Входите в дом и обыщите его». Но вали воскликнул: «Прости, господин! Ты верный, и не бывает тому, чтобы верный оказался обманщиком». – «Обыскать мой дом необходимо», – сказал Ала-ад-дин. И вали вошёл с судьями и свидетелями, и тогда Ахмед Камаким пошёл в нижнюю часть комнаты и, подойдя к мраморной плите, под которой он зарыл вещи, нарочно опустил на плиту трость. И плита разбилась, и вдруг увидели, что под нею что-то светится, и начальник воскликнул: «Во имя Аллаха! Как захочет Аллах! По благословению нашего прихода, нам открылось сокровище. Вот я спущусь к этому кладу и посмотрю, что там есть».

И судья со свидетелями посмотрели в это место и нашли все вещи полностью и написали бумажку, в которой стояло, что они нашли вещи в доме Ала-ад-дина, и приложили к этой бумажке свою печать.

И Ала-ад-дина приказали схватить, и сняли у него с головы тюрбан, и все его имущество и достояние записали в опись, и Ахмед Камаким схватил невольницу Ясмин (а она была беременна от Ала-ад-дина) и отдал её своей матери и сказал: «Передай её Хатун, жене вали».

И старуха взяла Ясмин и привела её к жене вали. И когда Хабазлам Баззаза увидел её, к нему снова пришло здоровье, и он в тот же час и минуту встал и сильно обрадовался.

И он приблизился к девушке, но она вытащила из-за пояса кинжал и сказала: «Отдались от меня, или я тебя убью и убью себя!»

И мать его Хатун воскликнула: «О распутница, дай моему сыну достигнуть с тобою желаемого!» А Ясмин сказала: «О сука, какое вероучение позволяет женщине выйти замуж за двоих и кто допустит собак войти в жилище львов?»

И страсть юноши ещё увеличилась, и он так ослаб от любви и волнения, что расстался с едой и слёг на подушки; и тогда жена вали сказала Ясмин: «О распутница, как это ты заставляешь меня печалиться о моем сыне? Тебя непременно надо помучить, а что до Ала-ад-дина, то его обязательно повесят». – «Я умру и буду любить его», – воскликнула невольница. И тогда жена вали сняла с неё бывшие на ней драгоценности и шёлковые одежды и одела её в парусиновые штаны и волосяную рубашку и поселила на кухне, сделав её одной из девушек-прислужниц.

«В наказание ты будешь колоть дрова, чистить овощи и подкладывать огонь под горшки», – сказала она; и Ясмин ответила: «Я согласна на всякую пытку и работу, но не согласна видеть твоего сына». И Аллах смягчил к вей сердца невольниц, и они стали исполнять за неё работу на кухне.

Вот что было с Ясмин. Что же касается Ала-ад-дина Абу-ш-Шамата, то его взяли с вещами халифа и повели, и вели до тех пор, пока не дошли с ним до дивана.

И халиф сидел на престоле и вдруг видит, что они ведут Ала-ад-дина, и с ним те вещи. «Где вы их нашли?» – спросил халиф; и ему сказали: «Посреди дома Ала-аддина Абу-ш-Шамата».

И халиф пропитался гневом и взял вещи, но не нашёл среди них светильника. И он спросил: «О Ала-ад-дин, где светильник?» И Ала-ад-дин отвечал: «Я не крал, и не знаю, и не видел, и нет у меня об этом сведений». И халиф воскликнул: «Как, обманщик, я приближаю

тебя к себе, а ты меня от себя отдаляешь, и я тебе доверяю, а ты меня обманываешь»? И затем он велел его повесить.

И вали вышел, а глашатай кричал об Ала-ад-дине: «Вот возмездие, и наименьшее возмездие, тем, кто обманывает прямоидущих халифов!» И люди собрались около виселицы.

Вот что было с Ала-ад-дином. Что же касается Ахмедаад-Данафа, старшего над Ала-ад-дином, то он сидел со своими приспешниками в саду; и пока они сидели, наслаждаясь и радуясь, вдруг вошёл к ним один человек – водонос из водоносов, которые в диване, и поцеловал Ахмеду-ад-Данафу руку и сказал: «О начальник Ахмед-ад-Данаф, ты сидишь и веселишься, а беда у тебя под ногами, но ты не знаешь, что произошло». – «В чем дело?» – спросил Ахмед-ад-Данаф; и водонос сказал: «Твоего сына по обету Аллаху, Ала-ад-дина, повели на виселицу». – «Какая будет у тебя хитрость, о Хасан Шуман?» – спросил Ахмед-ад-Данаф; и Хасан сказал: «Ала-ад-дин невиновен в этом деле, и это проделки какого-нибудь врага». – «Что, по-твоему, делать?» – спросил Ахмед-ад-Данаф. «Спасение его лежит на нас, если захочет владыка», – ответил Хасан; а затем Хасан Шуман пошёл в тюрьму и сказал тюремщику: «Выдай нам кого-нибудь, кто заслуживает смерти». И тюремщик выдал ему одного человека, более всех тварей похожего на Ала-ад-дина Абу-ш-Шамата, и Хасан закрыл ему голову, и Ахмед-ад-Данаф повёл его между собою и Али-Зейбаком, каирцем.

А Ала-ад-дина повели, чтобы повесить; и тут Ахмед-ад-Данаф подошёл к палачу и наступил ногою ему на ногу, и палач сказал ему: «Дай мне место, чтобы я мог сделать своё дело!»; а Ахмед-ад-Данаф молвил: «О проклятый, возьми этого человека и повесь его вместо Ала-ад-дина Абу-ш-Шамата: он несправедливо обижен, и мы выкупим Исмаила барашком»²⁸⁵.

И палач взял того человека и повесил его вместо Алаад-дина, а потом Ахмед-ад-Данаф и Али-Зейбак, каирец, взяли Ала-ад-дина и отвели в комнату Ахмедаад-Данафа.

И когда они вошли, Ала-ад-дин сказал: «Да воздаст тебе Аллах благом, о старший!» И Ахмед спросил его: «О Ала-ад-дин, что это за дело ты сделал?..»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Двести шестьдесят шестая ночь

Когда же настала двести шестьдесят шестая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что Ахмед-ад-Данаф спросил Ала-ад-дина: „Что это за дело ты сделал? Аллах да помилует сказавшего: того, кто тебе доверился, не обманывай, даже если ты обманщик. Халиф дал тебе у себя власть и назвал тебя верным и надёжным, почему же ты поступаешь с ним так и берёшь его вещи?“ – „Клянусь величайшим именем Аллаха, о старший“ – воскликнул Ала-ад-дин, – это не моя проделка, и я в ней неповинен и не знаю, кто это сделал!» – «Это дело сделал не кто иной, как явный враг, – сказал Ахмед-ад-Данаф, – и кто это сделал, тому воздаётся за это. Но тебе, Ала-ад-дин, нельзя больше пребывать в Багдаде: с царями не враждуют, о дитя моё; и кого ищут цари – о, как долги для того тягостны!» – «Куда я пойду, о старший?» – спросил Ала-ад-дин; и Ахмед-ад-Данаф молвил: «Я доставлю тебя в аль-Искандарию²⁸⁶ – это город благословенный, и подступы к нему зеленые, и жизнь там приятная». И Ала-ад-дин отвечал: «Слушаю и повинуюсь, о старший!» И тогда Ахмед-ад-Данаф сказал Хасану Шуману: «Будь настороже, и когда халиф спросит

²⁸⁵ Намёк на библейский рассказ о принесении в жертву Авраамом своего сына Исаака. Этот рассказ имеется и в Коране, но, по мусульманскому толкованию, в жертву был принесён не Исаак, а Исмаил – другой сын Авраама, которого отец «выкупил», зарезав барашка.

²⁸⁶ Аль-Искандария – арабское название города Александрии в Египте.

обо мне, скажи ему: он уехал объезжать земли».

После этого Ахмед взял Ала-ад-дина и вышел из Багдада, и они шли до тех пор, пока не достигли виноградников и садов. И они увидели двух евреев из откупщиков халифа, которые ехали верхом на мулах, и Ахмед-ад-Данаф сказал евреям: «Давайте плату за охрану». – «За что мы будем давать тебе плату?» – спросили евреи; и Ахмед сказал: «Я сторож в этой долине». И каждый из евреев дал ему сто динаров, а после этого Ахмед-ад-Данаф убил их и, взяв мулов, сел на одного, и Ала-ад-дин тоже сел на мула.

И они поехали в город Айяс²⁸⁷ и отвели мулов в хан и проспали там ночь, а когда настало утро, Ала-ад-дин продал своего мула и поручил мула Ахмеда-ад-Данафа привратнику; и они взошли на корабль в гавани Айяса и достигли аль-Искандарии.

И Ахмед-ад-Данаф с Ала-ад-дином вышли и пошли по рынку – и вдруг слышат: посредник предлагает лавку с комнатой внутри за девятьсот пятьдесят динаров.

«Даю тысячу», – сказал тогда Ала-ад-дин, и продавец уступил ему (а лавка принадлежала казне); и Ала-аддин получил ключи, и отпер лавку, и отпер комнату, и оказалось, что она устлана коврами и подушками, и он увидел там кладовую, где были паруса, мачты, канаты, сундуки и мешки, наполненные скорлупками и раковинами, стремена, топоры, дубины, ножи, ножницы и другие вещи, так как владелец лавки был старьевщиком.

И Ала-ад-дин Абу-ш-Шамат сел в лавке, и Ахмед-ад-Данаф сказал ему: «О дитя моё, лавка и комната и то, что в ней есть, стали твоим достоянием. Сиди же в ней, покупай и продавай – и не сомневайся, ибо Аллах великий благословил торговлю».

И Ахмед-ад-Данаф оставался у Ала-ад-дина три дня, а на четвёртый день он простился с ним и сказал: «Живи Здесь, пока я съезжу и вернусь к тебе с вестью от халифа о пощаде и высмотрю, кто проделал с тобой такую штуку».

И потом Ахмед-ад-Данаф отправился в путь и, достигнув Айяса, взял своего мула из хана и поехал в Багдад. И он встретился там с Хасаном Шуманом и его приспешниками и сказал: «О Хасан, халиф спрашивал обо мне?» И Хасан отвечал: «Нет, и мысль о тебе не приходила ему на ум». И Ахмед-ад-Данаф остался служить халифу и стал разведывать новости. И он увидел, что халиф обратился в один из дней к везиру Джафару и сказал ему: «Посмотри, о везирь, какое дело сделал со мной Ала-аддин». И везирь ответил ему: «О повелитель правоверных, ты воздал ему за Это повешением, и возмездие ему то, что его постигло». – «О везирь, я хочу выйти и посмотреть на него, повешенного», – сказал халиф; и везирь молвил: «Делай, что хочешь, о повелитель правоверных». И тогда халиф и с ним везирь Джафар пошли в сторону виселицы.

И халиф поднял глаза и увидел, что повешен не Алаад-дин Абу-ш-Шамат, верный, надёжный.

«О везирь, это не Ала-ад-дин», – сказал он; и везирь спросил: «Как ты узнал, что это не он?» А халиф ответил: «Ала-ад-дин был короткий, а этот длинный». – «Повешенный удлинняется», – отвечал везирь; и халиф сказал: «Ала-ад-дин был белый, а у этого лицо чёрное». – «Разве не знаешь ты, о повелитель правоверных, что смерти присуща чернота?» – молвил везирь; и халиф приказал спустить повешенного с виселицы, и когда его спустили, оказалось, что у него на обеих пятках написаны имена двух старцев²⁸⁸. «О везирь, – сказал халиф, – Ала-ад-дин был суннит, а этот рафидит». И везирь воскликнул: «Слава Аллаху, знающему сокровенное! Мы не знаем, Ала-ад-дин ли это, или кто другой». И халиф приказал зарыть повешенного, и его зарыли, и Ала-ад-дин стал забытым и забвенным. И вот то, что

²⁸⁷ Айяс – в средние века город и порт в Кидикии, на берегу Александрского залива.

²⁸⁸ То есть первых халифов – Абу-Бекра и Омара. Шииты, к которым принадлежал повешенный, считают их, а также третьего халифа. Османа, узурпаторами и поэтому часто пишут эти имена на пятках или подошве обуви, чтобы попирать их ногами. Сунниты, наоборот, признают первых трех халифов законными правителями.

было с ним.

Что же касается Хабазлама Баззазы, сына вали, то его любовь и страсть продлились, и он умер, и его закопали и схоронили в земле. А что до невольницы Ясмин – то её беременность пришла к концу, и её схватили потуги, и она родила дитя мужского пола, подобное месяцу.

«Как ты его назовёшь?» – спросили её невольницы. И она отвечала: «Будь с его отцом все благополучно, он бы дал ему имя, а я назову его Асланом!»²⁸⁹ И потом она вскармливала его молоком два года подряд и отлучила его от груди, и мальчик стал ползать и ходить. И случилось так, что в один из дней его мать занялась работой на кухне, и мальчик пошёл и увидел лестницу в комнату и поднялся по ней.

А эмир Халид сидел там, и он взял мальчика, и посадил его на колени, и прославил своего владыку за то, что он сотворил и создал в его образе, и он всмотрелся мальчику в лицо и увидел, что он больше всех тварей похож на Ала-ад-дина Абу-ш-Шамата.

А потом мать мальчика, Ясмин, стала искать его, и она поднялась в комнату и увидела, что эмир Халид сидит там, а ребёнок играет у него на коленях (а Аллах закинул любовь к мальчику в сердце эмира). И мальчик увидел свою мать и бросился к ней, но эмир Халид удержал его на коленях и сказал Ясмин: «Подойди, девушка!» И когда она подошла, спросил её: «Этот мальчик чей сын?» И она ответила: «Это мой сын, плод моего сердца». – «А кто его отец?» – спросил вали. «Его отец – Ала-ад-дин Абу-ш-Шамат, а теперь он стал твоим сыном», – ответила Ясмин. «Ала-ад-дин был обманщик», – сказал вали; и Ясмин воскликнула: «Да сохранит его Аллах от обмана! Невозможно и не бывать тому, чтобы верный был обманщиком». – «Когда этот ребёнок станет взрослым и вырастет и спросит тебя: „Кто мой отец?“ – скажи ему: „Ты сын эмира Халида, вали, начальника стражи“, – молвил эмир; и Ясмин ответила: „Слушаю и повинуюсь!“

А потом эмир Халид, вали, справил обрезание мальчика, и стал его воспитывать, и хорошо воспитал его. И он привёл ему учителя чистописца, и тот научил его чистописанию и чтению, и мальчик прочитал Коран в первый и второй раз и прочитал его полностью; и он называл эмира Халида: «батюшка».

И вали начал устраивать ристалища и собирал всадников и выезжал, чтобы учить мальчика способам боя, и показывал ему, в какие места бить копьём и мечом, пока Аслан не изучил до конца искусства ездить верхом и не обучился доблести, и не достиг возраста четырнадцати лет, и не дошёл до степени эмира.

И случилось, что Аслан встретился в какой-то день с Ахмедом Камакимом-вором, и они стали друзьями, и мальчик проводил его в кабак; и вдруг Ахмед Камакимвор вынул светильник с драгоценностями, который он взял из вещей халифа, и, поставив его перед собой, стал пить чашу при свете его, и напился. «О начальник, дай мне Этот светильник», – сказал ему Аслан. «Я не могу тебе его дать», – ответил Ахмед. И Аслан спросил: «Почему?» И Ахмед молвил: «Из-за него пропадали души». – «Чья душа из-за него пропала?» – спросил Аслан; и Ахмед сказал: «Был тут один, он приехал к нам сюда и сделался главой шестидесяти, и звали его Ала-ад-дин Абу-ш-Шамат, и он умер из-за этого светильника». – «А какова его история и по какой причине он умер?» – спросил Аслан; и Ахмед сказал: «У тебя был брат, по имени Хабазлам Баззаза, и он достиг шестнадцати лет и стал годен для женитьбы и потребовал от отца, чтобы тот купил ему невольницу...»

И Ахмед рассказал Аслану всю историю с начала до конца и осведомил его о болезни Хабазлама Баззазы и о том, что, по несправедливости, случилось с Ала-ад-дином. И Аслан сказал про себя: «Может быть, эта девушка Ясмин – моя мать; а отец мой не кто иной, как Ала-аддин Абу-ш-Шамат?»

И мальчик Аслан ушёл от Ахмеда печальный и встретил начальника Ахмеда-ад-Данафа; и, увидав его, Ахмед-ад-Данаф воскликнул: «Слава тому, на кого нет

²⁸⁹ Аслан – по-турецки «лев».

похожего». – «О старший, чему ты удивляешься?» – спросил его Хасан Шуман; и Ахмед-ад-Данаф ответил: «Наружности этого мальчика Аслана. Он больше всех тварей похож на Ала-ад-дина Абу-ш-Шамата».

И Ахмед-ад-Данаф позвал: «Эй, Аслан!» И когда тот отозвался, спросил его: «Как зовут твою мать?» – «Её зовут невольница Ясмин», – отвечал мальчик. И Ахмедад-Данаф воскликнул: «О Аслан, успокой твою душу и прохлади глаза! Никто тебе не отец, кроме Ала-ад-дина Абу-ш-Шамата. Но пойдй к твоей матери и спроси у неё про твоего отца». – «Слушаю и повинуюсь!»

ответил Аслан и пошёл к своей матери и спросил её; и она сказала: «Твой отец – эмир Халид»; а юноша воскликнул: «Никто мне не отец, кроме Ала-ад-дина Абу-ш-Шамата!»

И мать Аслана заплакала и спросила: «Кто тебе рассказал об этом, дитя моё?» И Аслан отвечал: «Мне рассказал об этом начальник Ахмед-ад-Данаф». И тогда Ясмин поведала ему обо всем, что случилось, и сказала: «О дитя моё, истинное стало явным, и скрылось ложное.

Знай, что твой отец – Ала-ад-дин Абу-ш-Шамат, но только воспитал тебя один лишь эмир Халид, и он сделал тебя своим сыном. О дитя моё, если ты встретишься с начальником Ахмедом-ад-Данафом, скажи ему: «О старший, прошу тебя ради Аллаха, отомсти вместо меня убийце моего отца Ала-ад-дина Абу-ш-Шамата». И Аслан вышел от своей матери и пошёл...»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Двести шестьдесят седьмая ночь

Когда же настала двести шестьдесят седьмая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что Аслан вышел от своей матери и пошёл и, войдя к начальнику Ахмедуад-Данафу, поцеловал ему руку.

«Что тебе, о Аслан?» – спросил Ахмед-ад-Данаф. И Аслан сказал: «Я узнал и убедился, что мой отец – Ала-ад-дин Абу-ш-Шамат, и хочу, чтобы ты отомстил вместо меня его убийце». – «Кто убил твоего отца?» – спросил Ахмед-ад-Данаф. «Ахмед Камаким-вор», – ответил Аслан. «А кто тебя осведомил об этом деле?» – спросил Ахмед; и Аслан сказал: «Я увидел у него светильник с драгоценностями, который пропал в числе вещей халифа, и сказал ему: „Дай мне этот светильник“; но он не согласился и сказал: „Из-за этого светильника пропадали души“, – и рассказал, что это он спустился и украл вещи и положил их в доме моего отца».

«Когда ты увидишь, что эмир Халид, вали, надевает одежду войны, – сказал Ахмед-ад-Данаф, скажи ему: „Одень меня так же“. И когда ты выедешь вместе с ним и покажешь перед повелителем правоверных какой-нибудь диковинный способ боя и халиф скажет тебе: „Пожелай от меня чего-нибудь, о Аслан“, – а ты скажи ему: „Я желаю, чтобы ты отомстил вместо меня за моего отца его убийце“. И халиф тебе скажет: „Твой отец жив – это Эмир Халид“; а ты скажи: „Мой отец Ала-ад-дин Абу-ш-Шамат, а эмиру Халиду я обязан только воспитанием“. Расскажи ему все, что произошло у тебя с Ахмедом Камакимом-вором, и скажи: „О повелитель правоверных, вели его обыскать“, – и я выну светильник у него из-за пазухи».

И Аслан сказал Ахмеду-ад-Данафу: «Слушаю и повинуюсь!» – и затем он ушёл и увидел, что эмир Халид собирается выехать в диван халифа.

«Я хочу, чтобы ты одел меня в одежды войны, такие же, как у тебя, и взял меня с собой в диван халифа», – сказал он. И эмир одел его и взял с собою в диван.

И халиф выехал с войсками за город и расставил шатры и палатки, и ряды выстроились, и выехали всадники с шаром и молотком, и когда какой-нибудь всадник ударял по шару молотком, другой всадник возвращал его к нему.

А среди войска был один лазутчик, которого подговорили убить халифа, и он взял шар и ударил по нему молотком, направив его в лицо халифу. И вдруг Аслан поймал шар вместо

халифа и ударил им того, кто его бросил, и шар попал ему между плеч, и он упал на землю. И халиф воскликнул: «Да благословит тебя Аллах, о Аслан!»

А потом они сошли со спин коней и сели на седалища, и халиф велел привести того, кто ударил по шару, и, когда тот человек предстал пред ним, спросил его: «Кто подговорил тебя на это дело? Ты враг или любящий?» – «Я враг и задумал убить тебя», – ответил лазутчик; и халиф сказал: «Какова причина этого? Разве ты не мусульманин?» – «Нет, я рафидит», – ответил лазутчик. И халиф велел его убить и сказал Аслану: «Пожелай от меня чего-нибудь!» А Аслан сказал: «Я желаю, чтобы ты отомстил вместо меня убийце моего отца». – «Твой отец жив, и он стоит на ногах», – сказал халиф; и Аслан спросил: «Кто мой отец?» – «Эмир Халид, вали», – ответил халиф; и Аслан воскликнул: «О повелитель правоверных, он мой отец только по воспитанию, и никто мне не родитель, кроме Ала-ад-дина Абу-ш-Шамата». – «Твой отец был обманщик», – сказал халиф. «О повелитель правоверных, – ответил Аслан, – не бывает тому, чтобы верный стал обманщиком. И в чем он тебя обманул?» – «Он украл мою одежду и то, что при ней было», – сказал халиф; и Аслан спросил: «О господин, когда ты лишился своей одежды и она вернулась к тебе, видел ли ты, что и светильник тоже к тебе возвратился?» – «Мы его не нашли», – ответил халиф; и Аслан молвил: «Я увидел светильник у Ахмеда Камакима-вора и попросил его у него, но он его мне не дал и сказал: „Из-за него пропадали души“. И он поведал мне про болезнь Хабазлама Баззасы, сына эмира Халида, и про его любовь к невольнице Ясмин, и про то, как он сам был освобождён от цепей, и рассказал мне, что это он украл одежду и светильник. И ты, о повелитель правоверных, отомсти вместо меня убийце моего отца». – «Схватите Ахмеда Камакима!» – сказал халиф. И когда его схватили, халиф спросил: «Где начальник Ахмед-ад-Данаф?» И тот явился, и халиф сказал ему: «Обыщи Камакима!» И Ахмед-ад-Данаф положил руку ему за пазуху и вынул оттуда светильник с драгоценностями.

И халиф воскликнул: «Подойди, обманщик! Откуда у тебя этот светильник?» – «Я купил его, о повелитель правоверных», – ответил Ахмед Камаким; и халиф спросил «Где ты его купил и кто мог обладать подобным ему, чтобы продать его тебе?»

И Ахмеда Камакима побили, и он сознался, что это он украл одежду и светильник, и халиф воскликнул: «Зачем ты сделал такое дело, обманщик, и погубил Ала-ад-дина Абу-ш-Шамата, когда он верный, надёжный?»

Потом халиф приказал схватить Ахмеда Камакима и вали, и тот сказал: «О повелитель правоверных, я обижен! Ты приказал мне его повесить, и я не имел сведений об этой проделке. Это устроили старуха – мать Ахмеда Камакима – и моя жена, и я ничего не знал. Я под твоей защитой, о Аслан».

И Аслан заступился за него перед халифом; и потом повелитель правоверных спросил: «Что сделал Аллах с матерью этого мальчика?» И вали ответил: «Она у меня». – «Я приказываю тебе, – сказал халиф, – чтобы ты велел твоей жене одеть его мать в её прежнюю одежду и украшения и вернуть ей положение госпожи. Сними печати с дома Ала-ад-дина и отдай сыну деньги и имущество его отца». И вали отвечал: «Слушаю и повинуюсь!» – и вышел и отдал своей жене приказание, и та одела Ясмин в её прежнюю одежду, и вали снял печати с дома Ала-ад-дина и передал Аслану ключи.

И потом халиф сказал: «Пожелай от меня чего-нибудь, о Аслан». И Аслан воскликнул: «Я желаю, чтобы ты соединил меня с отцом».

И халиф заплакал и сказал: «Самое вероятное, что твой отец и есть тот, кого повесили, и он умер. Но клянусь жизнью моих дедов, всякому, кто порадует меня вестью о том, что Ала-ад-дин ещё в оковах жизни, я дам все, чего он попросит».

И Ахмед-ад-Данаф выступил вперёд и поцеловал землю перед халифом и сказал: «Дай мне безопасность, о повелитель правоверных!» – «Ты в безопасности», – молвил халиф. И Ахмед-ад-Данаф сказал: «Я обрадую тебя вестью о том, что Ала-ад-дин Абу-ш-Шамат здоров и пребывает в оковах жизни». – «Что это ты говоришь!» – воскликнул халиф. «Клянусь жизнью твоей головы, – отвечал Ахмед-ад-Данаф, – мои слова истина! Я выкупил его другим человеком, который заслуживал смерти, и доставил в аль-Искандарию и открыл

ему лавку старьевщика». – «Поручаю тебе привести его», – сказал халиф...»

И Шахразад устало продолжила свои речи.

Двести шестьдесят восьмая ночь

Когда же настала двести шестьдесят восьмая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что халиф сказал Ахмеду-ад-Данафу: „Поручаю тебе привести его“; и Ахмед ответил: „Слушаю и повинуюсь!“ И халиф велел дать ему десять тысяч динаров, и Ахмед-ад-Данаф поехал, направляясь в аль-Искандарию.

Вот что было с Асланом. Что же касается его отца, Ала-ад-дина Абу-ш-Шамата, то он продавал все, что было у него в лавке, и там осталось лишь немного, и между прочим один мешок. И Ала-ад-дин развязал мешок, и оттуда выпал камень, наполняющий горсть, на Золотой цепочке, и он был о пяти сторонах, на которых были написаны имена и талисманы, похожие на ползающих муравьёв.

И Ала-ад-дин потёр эти пять сторон, но никто ему не ответил, и он сказал про себя: «Может быть, этот камень простой оникс?» – и он повесил камень в лавке.

И вдруг прошёл по дороге консул²⁹⁰ и поднял глаза и увидел, что висит этот камень. И он сел у лавки Ала-ад-дина и спросил его: «О господин, этот камень продаётся?» – «Все, что у меня есть, продаётся», – ответил Ала-ад-дин; и консул спросил: «Продашь ты мне его за восемьдесят тысяч динаров?» – «Аллах поможет!» – ответил Ала-ад-дин; и консул сказал: «Продашь ли ты его за сто тысяч динаров?» – «Я продам его тебе за сто тысяч динаров, плати деньги», – сказал Ала-ад-дин; и консул сказал: «Я не могу принести деньги с собой, когда в аль-Искандарии воры и стражники. Ты пойдёшь со мной на корабль, и я дам тебе деньги, а также кипу ангорской шерсти, кипу атласа, кипу бархата и кипу сукна».

И Ала-ад-дин поднялся и запер лавку, вручив сначала консулу камень, и отдал ключи своему соседу и сказал: «Возьми эти ключи к себе на сохранение, а я пойду на корабль с этим консулом и принесу деньги за мой камень. А если я задержусь и к тебе приедет начальник Ахмед-ад-Данаф, который поселил меня в этом месте, отдай ему ключи и расскажи ему об этом». И затем Ала-ад-дин отправился с консулом на корабль, и консул, приведя его на корабль, поставил скамеечку, посадил на неё Ала-ад-дина и сказал: «Подайте деньги!» – и отдал ему плату и те пять кип, которые он ему обещал. «О господин, – сказал он ему, – прошу тебя, утешь меня, съев кусочек или выпив глоток воды». И Ала-ад-дин сказал: «Если у тебя есть вода, дай мне напиться». И консул велел принести питьё, и вдруг в нем оказался дурман, и, выпив его, Ала-ад-дин опрокинулся на спину.

И тогда убрали сходни и опустили багры и распустили паруса, и ветер был им благоприятен, пока они не оказались посреди моря. И капитан велел поднять Ала-ад-дина из трюма, и его подняли и дали ему понюхать средство против дурмана, и Ала-ад-дин открыл глаза и спросил: «Где я?» – «Ты со мною, связанный и под моей охраной, и если бы ты тогда ещё раз сказал: „Аллах поможет!“, я бы, наверное, прибавил тебе», – ответил капитан.

И Ала-ад-дин спросил его: «Какое твоё ремесло?»

И капитан ответил: «Я капитан и хочу отвезти тебя к возлюбленной моего сердца».

И пока они разговаривали, вдруг появился корабль, где было сорок купцов из мусульман, и капитан направил к ним свой корабль и зацепил их корабль крючками и сошёл на него со своими людьми, и они ограбили их корабль и забрали его и отправились с ним в город Геную.

И капитан, с которым был Ала-ад-дин, направился к воротам одного дворца, выходившим на море, и вдруг оттуда вышла девушка, закрывшаяся покрывалом, и спросила

²⁹⁰ Консулами в средние века на Ближнем Востоке называли не только представителей европейских держав, но и вообще всех богатых европейцев.

его: «Привёз ли ты камень и его владельца?» – «Я привёз их», – отвечал капитан. И девушка сказала: «Поддай сюда камень». И капитан отдал ей камень, а потом он направился в гавань и выстрелил из пушек благополучия, и царь города узнал о прибытии этого капитана.

И он вышел к нему навстречу и спросил его: «Какова была твоя поездка?» – «Было очень хорошо, – отвечал капитан, – и мне достался корабль, где был сорок один купец из мусульман». – «Выведи их», – сказал царь; и капитан вывел купцов в цепях, и среди них был Ала-аддин. И царь с капитаном сели на коней и погнали купцов впереди себя, а прибыв в диван, они сели, и первого из купцов подвели к ним, и царь спросил: «Откуда ты, о мусульманин?» – «Из аль-Искандарии», – отвечал купец; и царь сказал: «Эй, палач, убей его!» И палач ударил его мечом и отрубил ему голову, и второму и третьему также, до конца всем сорока.

А Ала-аддин был последним из них, и он испытал печаль по ним и сказал про себя: «Да помилует тебя Аллах, Алаад-дин, кончилась твоя жизнь». – «А ты из какой страны?» – спросил его царь, и Ала-аддин ответил: «Из аль-Искандарии»; и тогда царь сказал: «Эй, палач, отруби ему голову»; и палач поднял руку с мечом и хотел отрубить голову Ала-аддину, и вдруг какая-то старуха, величественная видом, выступила пред лицо царя, и царь поднялся из уважения к ней, а она сказала: «О царь, не говорила ли я тебе, чтобы, когда капитан привезёт пленников, ты вспомнил о монастыре и подарил туда пленника или двух, чтобы прислуживать в церкви?» – «О матушка, – отвечал царь, – если бы ты пришла на минуту раньше! Но возьми этого пленника, который остался».

И старуха обернулась к Ала-аддину и сказала ему: «Будешь ли ты прислуживать в церкви, или я позволю царю убить тебя?» – «Я буду прислуживать в церкви», – отвечал Ала-аддин, и старуха взяла его и, выйдя с ним из дивана, направилась в церковь.

«Какую я буду делать работу?» – спросил Ала-аддин; и старуха ответила: «Утром ты встанешь и возьмёшь пять мулов и отправишься с ними в рощу, и нарубишь сухого дерева и наломаешь его и привезёшь на монастырскую кухню, а после этого ты свернёшь ковры и подметёшь и вытрешь плиты и мраморный пол и положишь ковры обратно, как было. Ты возьмёшь полардебба²⁹¹ пшеницы и просеешь, и замесишь, и сделаешь из неё сухари для монастыря, и возьмёшь меру чечевицы и просеешь её, и смелешь на ручной мельнице, и сваришь, а потом наполнишь четыре водоёма и будешь поливать из бочек, и наполнишь триста шестьдесят шесть мисок и размочишь в них сухари и польёшь их чечевицей, и снесёшь каждому монаху или патриарху его чашку...» – «Верни меня к царю, и пусть он меня убьёт, – это мне легче, чем такая работа!» – воскликнул Ала-аддин; и старуха сказала: «Если ты будешь работать и исполнишь работу, возложенную на тебя, ты избавишься от смерти, а если не исполнишь, я дам царю убить тебя». И Ала-аддин остался сидеть, обременённый заботой.

А в церкви было десять увечных слепцов, и один из них сказал Ала-аддину: «Принеси мне горшок»; и Алаад-дин принёс его горшок, и слепец наделал в него и сказал: «Выброси кал!» И Ала-аддин выбросил его, и старец воскликнул: «Да благословит тебя мессия, о служитель церкви!»

И вдруг старуха пришла и спросила: «Почему ты не исполнил работу в церкви?» И Ала-аддин сказал: «У меня сколько рук, чтобы я мог исполнить такую работу?» – «О безумный, – сказала старуха, – я привела тебя только для того, чтобы ты работал. О сын мой, – молвила она потом, – возьми эту палку (а палка была из меди, и на конце её был крест) и выйди на площадь, и когда встретишь вали города, скажи ему: „Я призываю тебя послужить церкви ради господина нашего мессии“, – и он не будет прекословить. И пусть возьмёт пшеницу и просеет и провеет и замесит и испечёт из неё сухари, а всякого, кто будет тебе прекословить, ты бей и не бойся никого». И Ала-аддин ответил: «Слушаю и повинуюсь!» – и сделал так, как она сказала, и так он принуждал работать даром и великих и

²⁹¹ Ардебб – мера ёмкости, приблизительно два гектолитра.

малых семнадцать лет.

И однажды он сидел в церкви, и вдруг та старуха вошла к нему и сказала: «Уходи вон из монастыря». – «Куда я пойду?» – спросил Ала-ад-дин; и старуха сказала: «Переночуй эту ночь в кабаке или у кого-нибудь из твоих друзей». И Ала-ад-дин спросил её: «Почему ты гонишь меня из церкви?» И старуха ответила: «Хусн Мариам, дочь царя Юханны, царя этого города, хочет посетить церковь, и не подобает, чтобы кто-нибудь сидел на её пути».

И Ала-ад-дин послушался старуху и поднялся и показал ей, будто он уходит из церкви, а сам говорил про себя: «О, если бы увидеть, такая ли дочь царя, как наши женщины, или лучше их! Я не уйду, пока не посмотрю на неё». И он спрятался в одной комнате, где было окно, выходившее в церковь. И когда он смотрел в окно, вдруг пришла дочь царя, и Ала-ад-дин посмотрел на неё взглядом, оставившим после себя тысячу вздохов, так как он увидел, что она подобна луне, выглядывающей из-за облаков. И с царевной была женщина...»

И Шахразад у застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Двести шестьдесят девятая ночь

Когда же настала двести шестьдесят девятая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что Ала-ад-дин посмотрел на дочь царя и увидел с ней женщину.

И царевна говорила этой женщине: «Ты развеселила нас, о Зубейда».

И Ала-ад-дин внимательно посмотрел на женщину и увидел, что это его жена, Зубейда-лютнистка, которая умерла. А потом дочь царя сказала Зубейде: «Сыграй нам на лютне»; и Зубейда ответила: «Я не сыграю тебе, пока ты не осуществишь моё желание и не исполнишь то, что ты мне обещала».

«А что я тебе обещала?» – спросила царевна; и Зубейда ответила: «Ты обещала мне свести меня с моим мужем, Ала-ад-дином Абу-ш-Шаматом, верным, надёжным». – «О Зубейда, – сказала царевна, – успокой свою душу и прохлади глаза и сыграй нам ради сладости единения с мужем твоим Ала-ад-дином». И Зубейда спросила: «А где он?» И царевна молвила: «Он в этой комнате и слушает наши речи».

И Зубейда сыграла на лютне музыку, от которой заплещет каменная скала; и когда Ала-ад-дин услышал это, горести взволновались в нем, и он вышел из комнаты, ринулся к женщинам и схватил свою жену Зубейду-лютницу в объятия.

И Зубейда узнала его, и они обнялись и упали на землю в обмороке, и царевна Хусн Мариам подошла к ним и брызнула на них розовой водой и привела их в чувство и воскликнула: «Аллах соединил вас!» – «Благодаря твоей любви, госпожа», – ответил Ала-ад-дин, и затем он обратился к своей жене Зубейде-лютнице, и сказал ей: «Ты же умерла, о Зубейда, и мы зарыли тебя в могилу! Как же ты ожила и пришла сюда?» – «О господин, – отвечала Зубейда, – я не умерла, меня похитил злой дух из джиннов и прилетел со мной в это место, а та, которую вы похоронили, – джинния, принявшая мой образ и прикинувшаяся мёртвой; и после того, как вы её похоронили, она прошла сквозь могилу и вышла из неё и улетела служить своей госпоже Хусн Мариам, дочери царя.

А что до меня, то меня оглушило, и, открыв глаза, я увидела себя возле Хусн Мариам, дочери царя (а она – вот эта женщина), и спросила её: «Зачем ты принесла меня сюда?» И она сказала: «Мне обещано, что я выйду замуж за твоего мужа, Ала-ад-дина Абу-ш-Шамата. Примешь ли ты меня, о Зубейда, чтобы я была ему другой женой и чтобы мне была ночь и тебе была ночь?» И я отвечала ей: «Слушаю и повинуюсь, госпожа моя, но где же мой муж?» А она сказала: «У него на лбу написано то, что предопределил ему Аллах, и когда он исполнит то, что написано у него на лбу, он непременно прибудет в это место, а мы станем развлекаться в разлуке с ним песнями и игрой на инструментах, пока Аллах не соединит нас с ним». И я провела у неё все это время, пока Аллах не соединил меня с тобою в этой церкви».

И после этого Хусн Мариам обратилась к Ала-ад-дину и сказала: «О господин мой Ала-ад-дин, примешь ли ты меня, чтобы я была тебе женою, а ты мне мужем?» – «О госпожа, я мусульманин, а ты христианка, как же я на тебе женюсь?» – ответил Ала-ад-дин. И Хусн Мариам воскликнула: «Не бывать, ради Аллаха, чтобы я была неверной! Нет, я мусульманка и уже восемнадцать лет крепко держусь веры ислама, и я не причастна ни к какой вере, противной вере ислама». – «О госпожа, – сказал Алаад-дин, – я хочу отправиться в свои земли». – «О Ала-аддин, – отвечала царевна, – я видела, что у тебя на лбу написаны дела, которые ты должен исполнить, и ты достигнешь своей цели. Аллах да поздравит тебя, о Ала-ад-дин: у тебя появился сын по имени Аслан, который теперь сидит на твоём месте возле халифа, и достиг он возраста восемнадцати лет. Знай, что явной стала правда и сокрылось ложное, и господь наш поднял покровы с того, кто украл вещи халифа, – это Ахмед Камаким – вор и обманщик, и он теперь заточён в тюрьме и закован в цепи. Узнай, что это я послала тебе камень и положила его для тебя в мешок, который был в лавке, и это я прислала капитана, который привёз тебя и камень. Знай, что этот капитан любит меня и привязан ко мне и требовал от меня близости, но я не соглашалась дать ему овладеть собою и сказала ему: „Я отдамся тебе во власть лишь тогда, когда ты привезёшь мне камень и его обладателя“. И я дала ему сто мешков денег и послала его в обличье купца, хотя он капитан, а когда тебя подвели для убийства, после того как убили сорок пленников, с которыми был и ты, я послала к тебе ту старуху». – «Да воздаст тебе Аллах нас всяким благом, и прекрасно то, что ты сделала!» – воскликнул Ала-ад-дин.

А после этого Хусн Мариам снова приняла ислам с помощью Ала-ад-дина; и, узнав истинность её слов, Ала-аддин сказал ей: «Расскажи мне, каково достоинство этого камня и откуда он». А Хусн Мариам сказала: «Этот камень – из сокровища, охраняемого талисманом, и в нем пять достоинств, которые будут нам полезны при нужде в своё время. Моя госпожа и бабка, мать моего отца, была колдуньей, разгадывавшей загадки и похищавшей то, что хранится в кладах, и к ней попал этот камень из одного клада. И когда я выросла и достигла возраста четырнадцати лет, я прочитала евангелие и другие книги и увидела имя Мухаммеда – да благословит его Аллах и да приветствует! – в четырех книгах: в торе, в Евангелии, в псалмах и в аль-фуркане²⁹², и уверовала в Мухаммеда и стала мусульманкой, и убедилась разумом, что не должно поклоняться, поистине, никому, кроме Аллаха великого, и что господу людей не угодна никакая вера, кроме ислама. А моя бабушка, когда заболела, подарила мне этот камень и осведомила меня о том, какие в нем пять достоинств. И прежде чем моей госпоже и бабке умереть, мой отец сказал ей: «Погадай мне на доске с песком и посмотри, каков будет исход моего дела и что со мною случится». И она сказала ему:

«Далёкий²⁹³ умрёт, убитый пленным, который прибудет из аль-Искандарии». И моя отец поклялся, что убьёт всякого пленника, который прибудет оттуда, и осведомил об этом капитана и сказал ему: «Непременно налетай на корабли мусульман и нападай на них, и всякого, кого ты увидишь из жителей аль-Искандарии, убивай или приводи ко мне». И капитан последовал приказанию царя и убил столько людей, сколько волос у него на голове.

И моя бабка умерла, и я выросла и погадала для себя на песке и задумала про себя кое-что и сказала: «Увидать бы, кто на мне женится!» И мне вышло, что на мне не женится никто, кроме одного человека по имени Ала-аддин Абу-ш-Шамат, верный, надёжный. И я подивилась этому и ждала, пока не пришла пора и я не встретилась с тобою».

Потом Ала-ад-дин женился на царевне и сказал ей: «Я хочу отправиться в свои земли»; и она ответила: «Если так, вставай, пойдём со мной!» – и она взяла Ала-ад-дина и спрятала его в одной из комнат дворца. А затем она вошла к своему отцу, и тот сказал ей: «О дочь

²⁹² Аль-фуркан – одно из обозначений Корана.

²⁹³ Слово «далёкий» употреблено здесь для того, чтобы не называть имени царя и не сказать прямо, что он убит.

моя, я сегодня очень удручён. Садись же, мы с тобой напьёмся!»

И она села, а царь велел подать вина, и царевна стала наливать, и поила его, пока он не исчез из мира, а потом она положила ему в кубок дурмана, и царь выпил кубок и опрокинулся навзничь.

И тогда царевна пришла к Ала-ад-дину, вывела его из той комнаты и сказала: «Вставай, пойдём, твой противник лежит навзничь, делай же с ним, что захочешь, я напоила его и одурманила».

И Ала-ад-дин вошёл и, увидев, что царь одурманен, крепко скрутил ему руки и заковал его, а потом он дал ему средство против дурмана, и царь очнулся...»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Ночь, дополняющая до двухсот семидесяти

Когда же настала ночь, дополняющая до двухсот семидесяти, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что Ала-ад-дин дал царю, отцу Хусн Мариам, средство против дурмана, и тот очнулся и увидал Ала-ад-дина и свою дочь сидящими верхом у него на груди. „О дочь моя, почему ты делаешь со мною такие дела?“ – сказал царь своей дочери; и она ответила: „Если я твоя дочь, то прими ислам. Я сделалась мусульманкой, и мне стала ясна истина, которой я придерживаюсь, и ложь, которой я сторонюсь. Я предала свой лик Аллаху, господу миров, и я не причастив ни к какой вере, противной вере ислама, ни в здешней жизни, ни в будущей. И если ты примешь ислам – в охоту и в удовольствие, а если нет – быть убитым тебе подобает более, чем жить“.

И Ала-ад-дин тоже стал убеждать царя, но тот отказался и был непокорен, и тогда Ала-ад-дин вынул кинжал и перерезал царю гордо от одной вены до другой вены. И он написал бумажку с изложением того, что было, и положил её царю на лоб, а потом он взял то, что легко снести и дорого ценится, и они пошли из замка и отправились в церковь.

И царевна принесла камень и положила руку на ту сторону, где было вырезано ложе, и потёрла её, и вдруг ложе встало перед нею.

И царевна с Ала-ад-дином и с его женой Зубейдойлютнисткой села на это ложе и воскликнула: «Заклинаю тебя теми именами, талисманами и волшебными знаками, что написаны на этом камне, поднимись с нами, о ложе!»

И ложе поднялось и полетело с ними до долины, где не было растительности; и тогда царевна подняла к небу остальные четыре стороны камня и повернула вниз ту сторону, где было написано «ложе», и ложе опустилось с ними на землю вниз.

И царевна повернула камень той стороной, где было нарисовано изображение шатра, и ударила по ней и сказала: «Пусть встанет в этой долине шатёр!» И шатёр встал перед ними, и они уселись в нем.

А это была долина пустынная, без всякой растительности и воды. И царевна обратила камень четырьмя сторонами к небу и воскликнула: «Во имя Аллаха, пусть вырастут здесь деревья и потечёт возле них море!» И деревья тотчас же выросли и возле них потекло шумное море, где бьются волны. И путники омылись в нем и помолились и напились, а затем царевна обратила к небу три стороны камня, кроме той, на которой было изображение скатерти с кушаньями, и сказала: «Ради имени Аллаха, пусть накроется скатерть!» И вдруг появилась накрытая скатерть, где были всякие роскошные кушанья, и путники стали есть и пить и насладились и возликовали.

Вот что было с ними. Что ж касается сына царя, то он пришёл разбудить отца и увидел, что тот убит. Он нашёл бумажку, которую написал Ала-ад-дин, и прочитал её и понял, что там было; а затем он стал искать свою сестру и не нашёл её. И он отправился к старухе в церковь и нашёл её и спросил про сестру; и старуха сказала: «Со вчерашнего дня я её не видела».

И тогда царевич вернулся к войскам и воскликнул: «На коней, о владельцы их!» – и

рассказал воинам о том, что случилось; и они сели на коней и ехали, пока не приблизились к тому шатру. И Хусн Мариам поднялась и увидела пыль, которая заслонила края земли, и после того, как пыль поднялась, улетела и рассеялась, вдруг появился брат царевны со своими воинами, и они кричали: «Куда ты направляешься, когда мы сзади вас?»

И женщина спросила Ала-ад-дина: «Насколько крепки твои ноги в боях?» И Ала-ад-дин ответил: «Как колышек в отрубях: я не умею биться и сражаться и не знаю мечей и копий».

И тогда Хусн Мариам вынула камень и потёрла ту сторону, на которой был изображён конь и всадник, – и вдруг из пустыни появился всадник, и он до тех пор дрался с воинами и бил их мечом, пока не разбил их и не прогнал.

И после этого та женщина сказала Ала-ад-дину: «Поедешь ты в Каир или в аль-Искандарию?» Ала-ад-дин отвечал: «В аль-Искандарию». И тогда они сели на ложе, и женщина произнесла заклинания, и ложе прилетело с ними и в мгновение ока опустилось в аль-Искандарию.

И Ала-ад-дин привёл женщин в пещеру и пошёл в аль-Искандарию, и принёс им одежду и надел её на них, и отправился в ту лавку с комнатой; а потом он вышел, чтобы принести им обед, и вдруг видит: начальник Ахмедад-Данаф едет из Багдада.

И Ала-ад-дин увидел его на дороге и встретил его объятиями и приветствовал его и сказал: «Добро пожаловать!» А потом начальник Ахмед-ад-Данаф обрадовал его вестью о его сыне Аслане и рассказал ему, что тот достиг возраста двадцати лет.

И Ала-ад-дин поведал ему обо всем, что с ним случилось, от начала до конца, и взял его в лавку с комнатой; и Ахмед-ад-Данаф удивился всему этому до крайних пределов.

И они проспали эту ночь до утра, а утром Ала-ад-дин продал лавку и приложил плату за неё к тому, что у него было. А затем Ахмед-ад-Данаф рассказал Ала-ад-дину, что халиф его требует, и Ала-ад-дин сказал: «Я еду в Каир, чтобы пожелать мира моему отцу и матери и родным». И они все сели на ложе и отправились в Каир счастливые.

Они спустились по Жёлтой улице, так как их дом находился в этом квартале, и постучали в ворота своего дома.

И мать Ала-ад-дина спросила: «Кто у ворот после утраты любимых?» И Ала-ад-дин ответил: «Я, Ала-ад-дин!» И его родные вышли и заключили его в объятия, а потом он ввёл в дом свою жену и внёс то, что с ним было, и после этого вошёл сам вместе с Ахмедом-ад-Данафом.

И они отдыхали три дня, и затем Ала-ад-дин пожелал отправиться в Багдад, и отец его сказал ему: «Останься, сын мой, у меня!» Но Ала-ад-дин ответил: «Я не могу быть в разлуке с моим сыном Асланом».

И он взял отца и мать с собою, и они отправились в Багдад. И Ахмед-ад-Данаф вошёл к халифу и обрадовал его вестью о прибытии Ала-ад-дина и рассказал ему его историю, и халиф вышел его встречать и взял с собой его сына Аслана.

И они встретили Ала-ад-дина объятиями, и халиф велел привести Ахмеда Камакима-вора, и его привели; и когда он предстал перед халифом, тот сказал: «О Ала-аддин, вот тебе твой противник!» И Ала-ад-дин вытащил меч и, ударив Ахмеда Камакима, отрубил ему голову.

И халиф устроил Ала-ад-дину великолепную свадьбу, после того как явились судьи и свидетели и был написан его договор с Хусн Мариам. И Ала-ад-дин вошёл к ней и увидел, что она жемчужина, ещё посверленная.

А потом халиф сделал его сына Аслана главой шестидесяти и наградил их всех роскошными одеждами, и жили они блаженнейшей и приятнейшей жизнью, пока не пришла к ним Разрушительница наслаждений и Разлучительница собраний».

Рассказ о Хатиме-ат-Таи (ночи 270-271)

А что касается рассказов о великодушных, то они очень многочисленны и к ним

принадлежит то, что рассказывают о великодушии Хатима ат-Таи²⁹⁴.

Когда он умер, его похоронили на вершине горы, и у его могилы вырыли два каменных водоёма и поставили каменные изображения девушек с распущенными волосами. А под этой горой была текучая река, и когда путники останавливались там, они всю ночь слышали крики, но наутро не находили никого, кроме каменных девушек. И когда остановился в этой долине, уйдя от своего племени, Зу-ль-Кура, царь химьяритов²⁹⁵, он пропел там ночь...

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Двести семьдесят первая ночь

Когда же настала двести семьдесят первая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что когда Зуль-Кура остановился в этой долине, он провёл там ночь. И, приблизившись к тому месту, он услышал крики и спросил: „Что за вопли на вершине этой горы?“ И ему сказали: „Тут могила Хатима ат-Таи, и над ней два каменных водоёма и изображения девушек из камня, распутивших волосы. Каждую ночь те, кто останавливается в этом месте, слышат эти вопли и крики“.

И сказал Зу-ль-Кура, царь химьяритов, насмехаясь над Хатимом ат-Таи: «О Хатим, мы сегодня вечером твои гости, и животные у нас опали».

И сон одолел его, а затем он проснулся, испуганный, и крикнул: «О арабы, ко мне! Подойдите к моей верблюдице!»

И, подойдя к нему, люди увидели, что его верблюдица бьётся, и зарезали её, зажарили и поели. А потом спросили царя, почему она пала, и он сказал: «Мои глаза смежились, и я увидел во сне Хатима ат-Таи, который подошёл ко мне с мечом и сказал: „Ты пришёл к нам, а у нас ничего не было!“ И он ударил мою верблюдицу мечом, и если бы мы не подоспели и не зарезали её, она бы, наверное, околела».

А когда настало утро, Зу-ль-Кура сел на верблюдицу одного из своих людей, а его посадил позади себя. В полдень они увидели всадника, ехавшего на верблюдице и ведшего на руке другую. «Кто ты?» – спросили его. И он ответил: «Я Ади, сын Хатима ат-Таи. Где Зу-ль-Кура, эмир химьяритов?» – спросил он потом. И ему ответили: «Вот он».

И Ади сказал ему: «Садись на эту верблюдицу, твою верблюдицу зарезал для тебя мой отец». – «А откуда тебе известно это?» – спросил Зу-ль-Кура. «Мой отец явился ко мне сегодня ночью, когда я спал, – ответил Ади, и сказал мне: „О Ади, Зу-ль-Кура, царь химьяритов, попросил у меня угощения, и я зарезал для него его верблюдицу; догони же его с верблюдицей, на которую он сядет, – у меня ничего не было“.

И Зу-ль-Кура взял её и удивился, сколь великодушен был Хатим ат-Таи, живой и мёртвый.

К числу рассказов о великодушных относится также рассказ о Мане ибн Заида.

Рассказ о Мане ибн Заида (ночи 271-272)

В один из дней Ман ибн Заида²⁹⁶ был на охоте и захотел пить, но не нашёл у своих

²⁹⁴ Хатим ат-Таи – полулегендарный герой и поэт домусульманской эпохи. Умер в начале VI века.

²⁹⁵ Химьяриты – южноарабское племя, могущественное в первые века нашей эры; его владения простирались на большую часть южной Аравии и некоторые области восточной Африки. Возвышение химьяритов связано с открытием прямого морского пути в Индию.

²⁹⁶ Ман ибн Заида – полководец и государственный деятель первых времён ислама (убит около 770 г.). Подобно Катиму ат-Таи славился своей щедростью.

слуг воды.

И когда это было так, вдруг подошли к нему три девушки, которые несли три бурдюка с водой...»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Двести семьдесят вторая ночь

Когда же настала двести семьдесят вторая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что к нему подошли три девушки с тремя бурдюками воды, и Ман попросил у них напиться, и они напоили его. И он приказал, чтобы слуги принесли девушкам подарки, но у них не нашлось денег, и тогда он дал каждой девушке по десять стрел из своего колчана, наконечники которых были из золота. И одна девушка сказала своей подруге: „Послушай, только Ман ибн Заида способен на такое. Пусть каждая из нас скажет стихи в похвалу ему“.

И первая девушка сказала:

«Приделал концы из золота он к стрелам,
И бьёт врагов он, щедрый, благородный.
Больным от ран несут они лечение
И саваны для тех, кто лёг в Могилу».

А вторая сказала:

«О воюющий! От щедрот великих руки его
Своей милостью и врагов объял и любимых он,
Были отлиты концы стрел его из золота,
Чтоб сражения не могли его доброты лишить».

И третья сказала:

«От щедрости он разит врагов своих стрелами,
С концами из золота чистейшего литыми,
Чтоб мог на лекарство их истратить пораненный
И саван купить могли б стрелой той убитому».

И говорят, что Ман ибн Заида выехал со своими людьми на охоту, и к ним приблизилась стая газелей. И охотники рассеялись, преследуя их, и Ман отделился от своих спутников в погоне за газеленком. Настигнув его, он спешил и прирезал газеленка, и увидел вдруг какого-то человека, который ехал из пустыни на осле. И Ман сел на своего коня и поехал навстречу этому человеку, и приветствовал его и спросил: «Откуда ты?» И человек ответил: «Я из земли Кудаа²⁹⁷. Уже несколько лет там неурожай, но в этом году собрали кое-что. И я посеял огурцы, и они уродились не в срок, и я собрал огурцы, которые считал наилучшими, и отправился к эмиру Ману ибн Заида, зная его щедрость и милость, о которой повествуют повсюду». – «Сколько ты надеялся получить от него?» – спросил Ман. И человек ответил: «Тысячу динаров». – «А если он скажет тебе: это много?» – спросил Ман. «Пятьсот динаров», – ответил человек. «А если он скажет: много?» – спросил Ман. «Триста динаров», – ответил человек. «А если он скажет: много?» – продолжал Ман. «Двести динаров», – сказал человек. «А если он скажет: много?» – спросил Ман. И человек ответил:

²⁹⁷ Кудаа – племена, обитавшие в северной Аравии.

«Сто динаров». – «А если он скажет: много?» – молвил Ман. И человек ответил: «Пятьдесят динаров». – «А если он скажет: много?» – спросил Ман. И человек ответил: «Тридцать динаров». – «А если он скажет: много?» – спросил Ман. «Тогда я поставлю моего осла в его гарем и вернусь к своей семье обманувшийся, с пустыми руками!» – ответил человек.

И Ман засмеялся и, погнав коня, настиг своих воинов, а спешившись около своего жилища, он сказал привратнику: «Когда к тебе подъедет на осле человек с огурцами, введи его ко мне». И через час подъехал этот человек, и привратник разрешил ему войти. Войдя к эмиру Ману, этот человек не узнал, что это тот, кого он встретил в пустыне, из-за его величавого и благородного вида и большого количества слуг и челяди (Ман сидел на престоле своей власти, и его слуги стояли справа от него и слева и впереди его).

И когда этот человек приветствовал эмира, тот сказал ему: «Что привело тебя, о брат арабов?» И человек молвил: «Я надеялся на эмира и принёс ему огурцы, когда им не время». – «Сколько ты рассчитывал получить от нас?» – спросил Ман. «Тысячу динаров», – ответил человек. И Ман сказал: «Это много!» – «Пятьсот динаров!» – сказал человек. И Ман ответил: «Много!» – «Триста динаров», – сказал человек. И Ман отвечал: «Много!» – «Двести динаров!» – сказал человек. И Ман отвечал: «Много!» – «Сто динаров!» – сказал человек. И Ман отвечал: «Много!» – «Пятьдесят динаров!» – сказал человек. И Ман отвечал: «Много!» – «Тридцать динаров!» – сказал человек. И Ман отвечал: «Много!»

И тогда прибывший воскликнул:

«Клянусь Аллахом, тот человек, который меня встретил в пустыне, был злосчастливым! Но не дашь же ты мне меньше, чем тридцать динаров?» И Ман засмеялся и промолчал, и тогда араб понял, что это – тот человек, который ему встретился в пустыне, и оказал: «О господин, если ты не велишь принести тридцать динаров, то воя осел привязан у ворот, а вот сидит Ман!»

И Ман так рассмеялся, что упал навзничь, а потом он позвал своего поверенного и сказал: «Дай ему тысячу динаров и пятьсот динаров и триста динаров и двести динаров и сто динаров и пятьдесят динаров и тридцать динаров, и пусть осел останется привязанным на том же месте!»

И араб был ошеломлён, и он получил две тысячи ея динаров и восемьдесят динаров, и да будет милость Аллаха над ними всеми!

Рассказ о городе Лабтайте (ночи 272-273)

И дошло до меня, о счастливый царь, что был город, называемый Лабтайт²⁹⁸, и это была обитель власти румов, и находился там дворец, постоянно запертый. И всякий раз» как у румов умирал царь и вступал вместо него другой царь, он приделывал ко дворцу крепкий замок. Так на воротах дворца оказалось двадцать четыре замка – от каждого царя по замку.

А после этого во дворце воцарился человек не из царской семьи. И захотел он отпереть эти замки, чтобы посмотреть, что во дворце. И вельможи царства стали удерживать его от этого и порицали его и бранили, но он не захотел подчиниться им и воскликнул:

«Отпереть этот дворец неизбежно!» И они пожертвовали ему все, что было у них из драгоценностей и сокровищ, чтобы он не отпирал дворца, но царь не отказался...»

И Шахразадду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Двести семьдесят третья ночь

Когда же настала двести семьдесят третья ночь, она сказала: «Дошло до меня, о

²⁹⁸ Под легендарным городом Лабтайтом имеется в виду одно из предместий древней испанской столицы Толедо.

счастливый царь, что жители царства пожертвовали этому царю все, какие были у них деньги и сокровища, только бы он не отпирал того дворца, но царь не отказался от намерения отереть его и, сняв замки, открыл ворота. И он нашёл во дворце изображения арабов на конях и верблюдах, и были на них свисающие тюрбаны, а опоясаны они были мечами и держали в руках длинные копья. Царь нашёл во дворце также книгу, и он взял эту книгу, и стал читать, и увидел, что в ней написано: „Когда отопрут эти ворота, одолеет страну племя арабов, обликом подобных этим изображениям; остерегайтесь и ещё раз остерегайтесь отпереть ворота!“

А был тот город в Андалусии, и завоевал его Тарик ибн Зияд в том же году, в халифство аль-Валида ибн Абд-аль-Мелика из сынов Оадеи, и убил он того царя наихудшим убийством, и разграбил его страну, и взял в плен женщин и юношей, и захватил все богатства. А нашёл он там великие сокровища: больше ста семидесяти венцов из жемчуга, яхонта и дорогих камней, и увидел там дворец, где всадники могли бы биться копьями, и обнаружил столько сосудов из золота и серебра, что их не охватить описанием. И там оказался тот столик, что принадлежал пророку Аллаха Сулейману, сыну Дауда, – мир с ними обоими! – и был этот столик, как говорят, из зеленого изумруда, и он до сих пор хранится в городе Риме, и кубки на нем из Золота, а блюда из агата. И нашёл он там псалмы, написанные греческими письменами на золотой бумаге, украшенной драгоценными камнями. И нашёл книгу, где говорилось о полезных свойствах камней и растений, о достоинствах городов и селений, и талисманах, и науке о химических составах из золота и серебра, и обнаружил другую книгу, где рассказывалось об искусстве выделки яхонтов и драгоценных камней и составлении ядов и противоядий и где было изображение земли, морей, и стран, и рудников. И оказалась во дворце большая комната, где хранилось много эликсира, драхма которого может превратить тысячу драхм серебра в чистое золото. И нашёл он там зеркало, большое, круглое и дивное, сделанное из разных составов для пророка Аллаха Сулеймана, сына Дауда, – мир с ними обоими! И когда посмотрит в него смотрящий, он увидит воочию все семь климатов²⁹⁹. И нашёл он в этом дворце помещение, где было столько карбункулов, что не охватить их счётом.

И согнали верблюдов, и Тарик свёз это все к аль-Валиду ибн Абд-аль-Мелику, и арабы рассеялись по городам этой земли, а это одна из величайших стран. И вот конец рассказа о Лабтайте.

Рассказ о халифе Хишаме и юноше (ночь 273)

Рассказывают также, что Хишам, сын Абд-аль-Мелика ибн Мервана³⁰⁰ как-то был на охоте и вдруг увидел газеленка. И он погнался за ним с собаками и, преследуя газеленка, увидел юношу из арабов-кочевников, который пас овец. «О юноша, перед тобой этот газеленок, он убежал от меня», – сказал Хишам, и юноша повернул к нему голову и молвил: «О, значения лучших не знающий, ты посмотрел на меня глазом умаляющим и заговорил со мною речью унижающей! Речью притесняющего твоя речь была, а поступки твои – поступки осла». – «Горе тебе, разве ты меня не знаешь?» – воскликнул Хишам. И юноша ответил: «Тебя я узнал, ибо невежей ты себя показал, сказав мне все это прежде приветия!» – «Горе тебе – я Хишам ибн Абд-аль-Мелик!» – воскликнул Хишам. И кочевник ответил: «Аллах не приблизь твой родной край и твоей могиле жизни не дай! Как много ты сказал и как мало уважения показал!»

И не закончил халиф своих слов, как воины окружили его со всех сторон, и все вместе

²⁹⁹ Арабские географы вслед за греками делили известные им земли на семь продольных поясов, или климатов (от греческого слова «клима» – склонение), с юга на север.

³⁰⁰ Хишам ибн Абд-аль-Мелик (724-743) – халиф из династии Омейядов.

сказали: «Мир тебе, о повелитель правоверных!» – «Сократите свои речи и стерегите этого юношу!» – сказал Хишам. И юношу схватили. Увидев так много царедворцев, везирей и вельмож царства, он не обратил на них внимания и не спросил про них, но опустил подбородок на грудь и смотрел туда, куда ступала его нога, пока не подошёл к Хишаму. И он остановился перед ним, и опустил голову к земле, и молчал, не приветствуя и воздерживаясь от слов. И один из слуг сказал ему: «О собака среди арабов, что мешает тебе пожелать мира повелителю правоверных?»

И юноша обернулся к слуге, гневный, и воскликнул: «О седло для осла, этому препятствует длина пути, и я вспотел, когда пришлось по ступенькам вверх идти!» И Хишам вскричал (а гнев его увеличился): «О юноша, ты явился в день, когда пришла твоя пора и одежда от тебя ушла, и жизнь твоя истекла!» – «Клянусь Аллахом, о Хишам, – воскликнул юноша, – если время моё суждено сократить, то срок уже нельзя продлить, и ни малым, ни многим не могут твои речи мне повредить!» – «Или ты достиг такой степени, о сквернейший из арабов, что ты отвечаешь повелителю правоверных на каждое слово словом?» – воскликнул царедворец, и юноша поспешно ответил: «Да поразит тебя наважденье, и да не оставит мученье и заблужденье! Или не слышал ты, что сказал Аллах великий: „В тот день, когда придёт всякая душа, оспаривая, чтобы защитить себя?“ И тут Хишам поднялся, сильно разгневанный, и воскликнул: „Эй“ палач, ко мне с головой этого юноши! Он много говорит о том, чего никто не вообразит!»

И палач взял юношу, и привёл его на ковёр крови³⁰¹, и обнажил меч над его головой, и сказал: «О повелитель правоверных, это твой раб, сам собою кичащийся и к могиле своей стремящийся. Отрублю ли я ему голову, не ответственный за его кровь?» – «Да», – сказал Хишам. И палач спросил у него позволения второй раз, и Хишам ему позволил. И палач спросил позволения в третий раз, и юноша понял, что, если Хишам на этот раз позволит ему, палач его убьёт. И он засмеялся, так что стали видны его клыки, и Хишам разгневался ещё больше и воскликнул: «О юноша, я думаю, ты помешанный! Не видишь ты разве, что расстаёшься с земной жизнью? Как же ты смеёшься, вдеваясь над собой?»

«О повелитель правоверных, – ответил юноша, – если Жизни моей суждено продлиться, то ни малое, ни многое те может мне повредить! Но мне пришли на память стихи, – выслушай их, – убить меня ты успеешь». – «Подыми и будь краток!» – воскликнул Хишам.

И юноша произнёс такие стихи:

«Говорили мне, что однажды сокол вцепился вдруг
В воробья в пустыне, что пригнан был судьбою»
И промолвил тут воробей в когтях того сокола
И он, в него вцепившись, уносился:
«Тебе подобный сыт не будет от меня,
А коль съешь меня, то поистине ведь мал я».
Улыбнулся сокол, в самом себе уверенный,
Из кичливости, и спаслась тогда пичужка».

И Хишам улыбнулся и воскликнул: «Клянусь моим родством с посланником Аллаха – да благословит его Аллах и да приветствует! – если бы он произнёс эти слова в первую же минуту и потребовал чего-нибудь, что меньше халифата, я бы, право, дал это ему! Эй, слуга, набей ему рот драгоценностями и дай ему хорошую награду!»

И слуга дал кочевнику великолепный подарок, и кочевник ушёл своей дорогой.

Рассказ об Ибрахиме ибн аль-Махди (ночи 273-276)

³⁰¹ Ковром крови называли коврик, на который ставили осуждённого перед казнью и куда стекала его кровь.

К числу хороших рассказов относится и такой: Ибрахим ибн аль-Махди³⁰², брат Харуна ар-Рашида, когда власть в халифате перешла к аль-Мамуну, сыну Харуна ар-Рашида, не присягнул ему, но отправился в ар-Рей³⁰³ и объявил халифом самого себя. И он провёл так один год и одиннадцать месяцев и двенадцать дней, и сын его брата, аль-Мамун, ожидал, что он вернётся к повиновению и присоединится к другим на пути общины, пока не отчаялся в его возвращении. И тогда аль-Мамун выехал с конными и пешими и вступил в ар-Рей, ища Ибрахима. И когда дошла до Ибрахима весть об этом, ему оставалось только прийти в Багдад и спрятаться, боясь за свою кровь. И аль-Мамун назначил тому, кто укажет, где Ибрахим, сто тысяч динаров.

«И когда я услышал об этой награде, – говорил Ибрахим, – я испугался за себя...»

И Шахразад устала, и она прекратила дозволенные речи.

Двести семьдесят четвёртая ночь

Когда же настала двести семьдесят четвёртая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что Ибрахим говорил: „И когда я услышал об этой награде, я испугался за себя и впал в замешательство. И я вышел из своего дома в полуденное время, изменив обличье, и не знал, куда мне направиться, и вошёл на улицу, не имевшую выхода, и воскликнул: „Поистине, мы принадлежим Аллаху и к нему возвращаемся! Я подверг тебя гибели! Если я вернусь по своим следам, меня заподозрят, так как у меня вид переодетого“. И я увидел в конце улицы чёрного раба, который стоял у ворот своего дома, и подошёл к нему и спросил: „Есть у тебя место, где бы я мог укрыться на час?“ – „Да“, – ответил он и открыл ворота. И я вошёл в чистый дом, где были циновки и подушки из кожи, а раб, приведя меня туда, запер за мною дверь и ушёл. И я заподозрил, что он услышал о награде за меня и подумал: „Он пошёл, чтобы на меня указать!“ И я стал кипеть, как вода в котле на огне, и раздумывал о своём деле, как вдруг вошёл негр, а с ним носильщик, у которого было все, что нужно: хлеб, мясо, и новые котлы, и принадлежности к ним, и новая кружка, и новые кувшины. И раб снял ношу с носильщика и затем, обратившись ко мне, сказал: «Да будет моя душа за тебя выкупом! Я отворяю кровь, и я знаю, что ты не побрезгуешь мною из-за того, что я делаю для пропитания. Вот тебе эти вещи, на которые не упала ничья рука. Поступай как тебе вздумается».

А я нуждался в пище, – говорил Ибрахим, – и сварил себе еду и не помню, чтобы я ел что-нибудь подобное этому. А когда я удовлетворил своё желание, негр сказал мне: «О господин, да сделает меня Аллах за тебя выкупом! Не хочешь ли вина, оно приятно душе и прогоняет заботу». – «Это мне не противно!» – ответил я, желая подружиться с кровопускателем. И негр принёс новые стеклянные сосуды, которых не касалась рука, и надушенный кувшин, и сказал: «Процеди себе сам, как ты любишь!»

И я процедил вино наилучшим образом, и негр принёс мне новый кубок, и плоды, и цветы в новых глиняных сосудах, а затем он сказал: «Позволишь ли мне сесть в сторонке и выпить одному вина, радуясь тебе и за тебя». – «Сделай так», – сказал я и выпил, и негр тоже выпил, и я почувствовал, что вино зашевелилось в нас. И кровопускатель сходил в чуланчик и вынес лютню, украшенную металлическими полосками, и сказал мне: «О господин, мой сан не таков, чтобы я просил тебя петь, но на твоём великом благородстве лежит долг передо

³⁰² Ибрахим ибн аль-Махди (774-839) – брат халифа Харуна ар-Рашида, на короткое время отнявший престол у своего племянника аль-Мамуна (последний правил с 813 по 833 год). Не будучи выдающимся государственным деятелем, Ибрахим обладал большими познаниями в музыке и поэзии и известен главным образом с этой стороны.

³⁰³ Город ар-Рей (разрушен в XIII веке) находился в северозападном Иране, близ теперешнего Тегерана.

мною, и если ты сочтёшь возможным почтить твоего раба, то тебе присущи высокие решения».

И я спросил его, не думая, что он меня знает: «А откуда ты взял, что я хорошо пою?» И негр ответил: «Да будет слава Аллаху? Этим наш владыка слишком известен! Ты мой господин Ибрахим ибн аль-Махди, наш вчерашний халиф, за которого аль-Мамун назначил сто тысяч динаров, но от меня ты в безопасности».

И когда негр сказал это, – говорил Ибрахим, – он сделался велик в моих глазах, и я утвердился в предположении о его благородстве и согласился удовлетворить его желание.

И, взяв лютню, я настроил её и стал петь, и мне пришла на ум мысль о разлуке с моим сыном и семьёй, и я заговорил:

«И надеюсь я, что кто Юсуфу его близких дал
И в тюрьме его, где он пленным был, возвысил,
Ответит нам, и снова вместе нас всех сведёт
Аллах, господь миров, могуч и властен».

И негром овладел чрезвычайный восторг, и жизнь показалась ему очень приятной (а говорят, что когда соседи Ибрахима слышали, как он говорит: «Эй, мальчик, седлай мула!» – их охватывал восторг). И когда душе негра стало приятно и его охватило веселье, он воскликнул: «О господин, разрешишь ли ты мне высказать то, что пришло мне на ум, хотя я и не из людей этого ремесла?» И я отвечал ему: «Сделай так, это следствие твоего великого вежества и благородства».

И он взял лютню и запел:

«Любимым я сетовал на то, как продлилась ночь;
Сказали они: «О как для нас коротка та ночь!»
И все потому, что сон глаза покрывает им
Так скоро, а нам очей всю ночь не закроет сон,
Когда наступает ночь-мученье для любящих, –
Нам грустно; им радостно, когда наступает ночь.
И если бы им пришлось терпеть, что стерпели мы,
На ложе, поистине, им было бы так, как нам».

И я воскликнул: «Ты отличился совершённым отличием, мой сердечный друг, и прогнал от меня боль печали. Прибавь же ещё таких безделок!»

И негр произнёс такие стихи:

«Когда не грязнит упрёк честь мужа, увидишь ты,
Что всякий прекрасен плащ, какой он наденет,
Она нас корит за то, что мало число таких,
Но я отвечаю ей: «Достойных немного!»
Не плохо, что мало нас, – сосед наш высок душой,
Тогда как у большинства соседи столь низки.
Мы люди, которым бой постыдным не кажется,
Когда биться вздумают Салуль или Амир³⁰⁴.
Желание умереть к нам срок приближает наш,
Они же не любят смерть, и сроки их долги.
Мы можем словам людей не верить, коль захотим,
Но верят словам они, когда говорим мы».

³⁰⁴ Салуль и Амир – арабские племена.

И, услышав от негра эти стихи, – говорил Ибрахим, – я удивился им до крайней степени, и великий восторг заставил меня склониться, и я заснул и проснулся только после вечерней молитвы. И я умыл лицо, и вернулся ко мне мысли о величии души этого кровопускателя и его хорошем умении себя вести, и я разбудил его и, взяв бывший со мною мешок, в котором были ценные динары, бросил его негру и сказал: «Поручаю тебя Аллаху – я ухожу от тебя! Прошу тебя, бери из этого мешка и трать на то, что тебя заботит, и тебе будет от меня великий дар, когда я окажусь в безопасности от страха».

Но негр отдал мне мешок обратно, – говорил Ибрахим, – и сказал: «О господин, бедняки из нашей среды не имеют у вас цены, но, следуя моему благородству, как могу я взять деньги за то, что время подарило мне твою близость и ты поселился у меня? И если ты будешь возражать этим словам и ещё раз кинешь мне кошелёк, я убью себя».

И я спрятал мешок в рукав, – говорил Ибрахим (и тяжело было мне нести его)...

И Шахразад устала говорить, и она прекратила дозволенные речи.

Двести семьдесят пятая ночь

Когда же настала двести семьдесят пятая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что Ибрахим ибн аль-Махди говорил: „И я спрятал мешок в рукав (и тяжело было мне нести его) и ушёл. А когда я дошёл до ворот дома, негр сказал мне: „О господин, здесь тебе укрываться лучше, чем где-либо ещё, и нет для меня тяготы содержать тебя; оставайся у меня, пока не поможет тебе Аллах!“»

И я вернулся и сказал: «С условием, что ты будешь тратить из этого кошелька». И негр дал мне понять, что он согласен на это условие, и я провёл у него несколько дней, ведя самую сладостную жизнь, и он ничего не брал из этого мешка. И я счёл зазорным оставаться у него на содержании и постыдился утруждать его и оставил его и ушёл, перерядившись в наряд женщины – башмаки и покрывало, – и вышел из его дома. Но когда я оказался на дороге, меня охватил страх, и очень сильный, и я пошёл, чтобы перейти мост, и оказался у одного места, обрызганного водой.

И вдруг увидал меня военный, из тех, что прислуживал мне, и узнал меня и крикнул: «Вот то, что нужно аль-Мамуну!» И уцепился за меня, и ради сладости жизни я толкнул его, и опрокинул вместе с конём на этом скользком месте, и стал он назиданием для поучающихся, и люди поспешили к нему. А я постарался идти скорее и, перейдя мост, вошёл в какую-то улицу. И я увидел у одного дома открытые ворота и в них женщину. И я сказал ей: «О госпожа, пожалей меня и спася мою кровь от проклятия, – я человек боящийся». А она отвечала: «Простор тебе и уют, входи!», и привела меня в горницу, и постлала мне и подала мне кушанье. «Пусть твой страх успокоится, ни едва тварь не узнает о тебе», – сказала она. И пока это было так, в ворота вдруг постучали сильным стуком. И женщина вышла и открыла ворота, и вдруг входит мой соперник, которого я толкнул на мосту, и голова у него завязана, и кровь бежит по его платью, а коня с ним нет. «Эй ты, что тебя постигло?» – спросила женщина. И военный сказал: «Я схватил того юношу, но он ускользнул от меня».

И он рассказал ей, как было дело, и женщина вынула лоскут и, разорвав его на куски, перевязала военному голову, а потом она постлала ему, и он лёг, больной. А она поднялась ко мне и сказала: «Я думаю, ты тот, о ком говорил этот военный». – «Да», – ответил я ей. И она молвила: «С тобой не будет беды», и вновь оказала мне уважение.

И я пробыл у неё три дня, а потом она сказала мне: «Я боюсь для тебя зла от этого человека: как бы он про тебе не узнал и не донёс бы о том, чего ты боишься. Спасай твою душу». И я попросил у неё отсрочки до ночи, и она молвила: «В этом нет беды!»

А когда пришла ночь, я надел женскую одежду и ушёл от неё. И я пришёл к дому одной вольноотпущенницы, принадлежавшей нам. Увидав меня, она стала плакать и причитать и

восхвалять Аллаха великого за моё спасение. И она вышла, как будто желая пойти на рынок, чтобы позаботиться об угощении, и я подумал доброе, но не успел я опомниться, как увидел, что идёт Ибрахим Мосульский³⁰⁵ со своими слугами и военными и впереди них женщина.

Я взгляделся в неё, и вдруг оказалось, что это моя отпущенница, владелица дома, в котором я находился, и она шла впереди них и передала меня им. И я увидел смерть воочию, и меня доставили в том наряде, в котором я был, к аль-Мамуну, и он собрал собрание для всех и велел ввести меня к нему. И войдя, я приветствовал его как халифа, но он воскликнул: «Да не даст тебе Аллах мира и да не продлит твою жизнь!» – «Не торопись, о повелитель правоверных, – ответил я. – Владыке мести дана власть возмездия и прощения, но только прощение ближе к благочестию, и Аллах поставил твоё прощение выше всякого прощения, как он поставил мой грех выше всякого греха. И если ты взыщешь, то по праву, а если простишь, то по милости».

И потом я произнёс такие стихи:

«Мой грех пред тобой огромен,
Но ты его ещё больше.
Возьмёшь или нет, что должно?
Прости его, будь же кроток.
И если в своём я деле
Достойным не был, то будь им».

И аль-Мамун поднял ко мне голову, – говорил Ибрахим, – и я поспешил сказать ему такие стихи:

«Свершил я грех превеликий,
Тебе же простить пристойно.
Простишь – это будет милость,
Накажешь – так справедливость».

И аль-Мамун опустил голову и произнёс:

«И если мой друг захочет меня прогневать,
И в ярости я своей подавлюсь слюною,
Его я прощу, и грех отпущу ему я,
Боясь, что потом без друга мне жить придётся».

И, услышав от него эти слова, – говорил Ибрахим, – я почуял благоухание милости по его чертам, и аль-Мамун обратился к своему сыну аль-Аббасу и брату своему АбуИсхаку и ко всем своим приближённым и спросил их: «Что вы думаете об этом деле?» И все посоветовали ему убить меня и были только несогласны насчёт способа моего убийства.

И аль-Мамун спросил Ахмеда ибн Халяда:³⁰⁶ «Что ты скажешь, Ахмед?» И тот сказал: «О повелитель правоверных, если ты его убьёшь, мы найдём подобных тебе, что убили подобных ему, а если простишь, мы не найдём подобных тебе, что простили такого, как он...»

И Шахразадку застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

³⁰⁵ Ибрахим Мосульский – знаменитый певец и музыкант эпохи Харуна ар-Рашида; появление его в настоящем рассказе – анахронизм, так как Ибрахим Мосульский умер задолго до описываемых здесь событий.

³⁰⁶ Ахмед ибн Халид (точнее: ибн Абу-Халид) – везирь аль-Мамуна, имевший на него значительное влияние.

Двести семьдесят шестая ночь

Когда же настала двести семьдесят шестая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что повелитель правоверных аль-Мамун, услышав слова Ахмеда ибн Халида, опустил голову и произнёс слова поэта:

«Мой народ убил моего Умейма брата,
И меня стрела, коль метну её, ударит».

И ещё он произнёс такие слова поэта:

«Прости же друга, когда смешал
Ответ удачный с ошибкой он,
Храни ты милость свою к нему,
Благодарен он иль презрел её.
Воздержись же от порицания,
Коль с пути сойдёт иль собьётся он.
Ты видишь – на одном ковре
С приятным скверное лежит,
И сладость века долгого
Слита с отравой седин,
И шип мы видим на ветвях
Среди собираемых плодов,
Кто совершенно не грешил,
И у кого одно добро?
Сынов ты времени узнай –
Увидишь – пало большинство».

«Услышав от него эти стихи, – говорил Ибрахим ибн аль-Махди, – я снял с головы покрывало и воскликнул: „Аллах велик!“ И прославил Аллаха великим прославлением. „Клянусь Аллахом, простил меня повелитель правоверных!“ – сказал я. И халиф произнёс: „С тобою не будет беды, о дядюшка“. А я молвил: „Мой грех, о повелитель правоверных, слишком велик, чтобы после него я мог выговорить извинение, а твоё прощение слишком велико для того, чтобы после него я мог произнести благодарность!“

И я затянул напев и произнёс такие стихи:

«Поистине, ведь творец достоинств собрал их всех
В седьмом имаме из ребра Адамова³⁰⁷,
И сердца людей пред тобою страха исполнены,
Обо всех из них печёшься ты, душой смирен,
Я ослушался (а верёвками заблуждения
Я притянут был), только жадностью влекомый.
Ты простил того, кому равного извинить нельзя,
Хоть заступники за него просить и не шли к тебе,
И ты сжалился над детками-цыплятами
И горестью их матери, в чьём сердце грусть»

³⁰⁷ Имам – духовный и светский владыка мусульманской общины, в данном случае то же, что халиф. «Седьмым имамом» аль-Мамун назван как седьмой правитель Аббасидской династии.

И сказал аль-Мамун: «Я скажу, подражая господину нашему Юсуфу – да будет с пророком нашим и с ним молитвы и привет! – Нет укора на вас в сей день, да простит вам Аллах, – он премилостивый из милостивцев! Я прощаю тебя и возвращаю твоё имущество и поместья, о дядюшка, и нет беды».

И я вознёс за него праведные молитвы и проговорил такие стихи:

«Имущество мне вернув, его ты не пожалел,
А прежде, чем возвратить его, ты мне кровь сберёг.
И если бы отдал я в угоду тебе и кровь,
И деньги, хотя бы снять мне обувь пришлось с ноги,
То было бы долгом лишь, к тебе возвратившимся,
Когда бы ты не дал в долг, тебя не корили бы.
И если б я не признал теперь твоих милостей,
Я был бы достойнее упрёков, чем ты щедрот».

И аль-Мамун оказал Ибрахиму уважение и милость и сказал: «О дядюшка, Абу-Исхак и аль-Аббас советовали мне убить тебя». И я молвил: «Они тебе добрые советчики, о повелитель правоверных, но ты совершил то, чего был достоин, и прогнал то, чего я боялся, тем, на что я надеялся». – «О дядюшка, – молвил аль-Мамун, – ты умертвил мою злобу жизнью твоего извинения, и я тебя прощаю и не заставляю тебя проглотить горечь попра́ка».

И аль-Мамун пал ниц и поднял голову и спросил: «О дядюшка, ты знаешь, почему я пал ниц?» – «Может быть, ты пал ниц, благодаря Аллаха за то, что он отдал тебя во власть твоего врага?» – ответил я. И аль-Мамун молвил: «Я хотел не этого – я благодарил Аллаха, который внушил мне простить тебя и быть к тебе милостивым. Расскажи же мне твою историю».

И я изъяснил ему моё дело и рассказал, что случилось у меня с кровопугкателем, и военным, и его женой, и отпущенницей, указавшей на меня. И аль-Мамун велел привести отпущенницу (а она была дома, ожидая, что ей пришлют награду).

И когда она предстала перед халифом, тот спросил: «Что побудило тебя сделать такое с твоим господином?» – «Жадность», – отвечала она. И халиф спросил: «Есть у тебя ребёнок или муж?» И она отвечала: «Нет!» И халиф велел сто раз ударить её бичом и навеки заточить. А потом он велел привести военного с женой и кровопускателя. И они явились, а аль-Мамун спросил военного, почему он так поступил. «Жадность до денег», – отвечал он, и аль-Мамун молвил: «Тебе следует быть кровопускателем». И приказал поместить его в лавку кровопускателя, где он научился бы делать кровопускания. А жене военного он оказал уважение и велел отвести её во дворец и сказал: «Это женщина умная, она пригодится для важных дел».

И потом он сказал кровопускателю: «Ты проявил такое благородство, что тебе следует оказать ещё большее уважение». И велел отдать ему дом военного и то, что в нем было, и наградил его почётной одеждой и приказал выдавать ему, сверх того, пятнадцать тысяч динаров ежегодно».

Рассказ об Абд-Аллахе сыде Абу-Килябы (ночи 276-279)

Рассказывают, что АбдАллах ибн Абу-Киляба выехал искать своих верблюдов, которые убежали. И во г он ехал по пустыням земель йеменских и по землям Саба³⁰⁸ и

³⁰⁸ Саба – название племени и области в юго-западной Аравии, славившейся своим плодородием и богатством. В руках сабейцев уже в VIII-VI веках до н.э. сосредоточилась мировая торговля благовониями, а также продуктами земледелия и драгоценными камнями. Торговое могущество сабейцев было подорвано открытием морского пути в Индию, которое привело к возвышению другого арабского племени мореходов-химьяритов.

оказался перед большим городом, вокруг которого было укрепление, а вокруг укрепления – дворцы, возвышавшиеся к небу. И, приблизившись к этому городу, АбдАллах подумал, что там есть обитатели, которых он спросит про своих верблюдов, и направился туда. Но, достигнув города, он увидел, что город пустынен и нет в нем ни человека.

«И я сошёл со своей верблюдицы», – говорил Абд-Аллах...

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Двести семьдесят седьмая ночь

Когда же настала двести семьдесят седьмая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что Абд-Аллах ибн Абу-Киляба говорил: „И я сошёл со своей верблюдицы, и связал ей ноги, и, ободрив свою душу, вступил в город и приблизился к крепости. И я увидел в крепости двое больших ворот, равных которым по величине и высоте не видано на свете. И были они украшены разными драгоценными камнями и яхонтами – белыми, красными и зелёными. И, увидев это, я удивился до крайней степени, и показалось мне все здесь великим. И я вошёл в крепость, испуганный и ошеломлённый, и увидел, что эта крепость длинная, вытянутая и обширная, как город. И там находятся высокие дворцы, и в каждом дворце есть покои, и все они выстроены из золота и серебра и украшены яхонтами, разноцветными камнями, топазами и жемчугом. И створы ворот в этих дворцах подобны по красоте створам ворот крепости. А земля там усыпана большими жемчужинами и шариками мускуса, амбры и шафрана. И когда я проник внутрь города и не увидел там никого из сыновей Адама, я едва не лишился чувств и не умер от страха. И я посмотрел с самых высоких горниц и дворцов и увидел, что под ними текут реки, а на площадях города плодоносные деревья и высокие пальмы, и в строениях его один кирпич золотой, другой серебряный. И я сказал тогда себе: «Нет сомнения, это и есть рай, обещанный в будущей жизни!»

И я стал собирать из песка жемчуга и мускус, и набрал их столько, сколько мог снести, и воротился в свою страну и осведомил об этом людей.

И дошёл этот слух до Муавии ибн Абу-Суфьяна³⁰⁹, а он был в те дни халифом в аль-Хиджазе. И халиф написал своему наместнику в Сана йеменский, чтобы тот призвал к себе того человека и расспросил бы его об истине в этом деле. И наместник Муавии призвал меня и осведомился обо мне и спросил, что со мной произошло. И я рассказал ему о том, что видел, и наместник послал меня к Муавии. И я ему тоже рассказал о том, что видел, но Муавии усомнился в моем рассказе. И тогда я показал ему жемчужины и шарики амбры, мускуса и шафрана. А они ещё сохраняли немного приятный запах, но только жемчуг пожелтел и цвет его изменился...

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Двести семьдесят восьмая ночь

Когда же настала двести семьдесят восьмая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что Абд-Аллах ибн Абу-Киляба говорил: „Но только жемчуг пожелтел и цвет его изменился“. И удивился Муавия ибн Абу-Суфьян, увидав у меня жемчуг и шарики мускуса и амбры, и послал к Кабу-аль-Ахбару³¹⁰, и призвал его и сказал: «О Каб-аль-Ахбар,

³⁰⁹ Муавия ибн Абу-Суфьян (правил 661-680 годы) – первый халиф династии Омейядов.

³¹⁰ Каб-аль-Ахбар («раввин Каб») – еврей из Пемепа, принявший ислам, считался большим знатоком древних легенд; умер за несколько лет до вступления Муавии на престол.

я позвал тебя для того, чтобы удостовериться в деле, которое я хочу проверить, и я надеюсь от тебя получить верные сведения». – «Слушаю, о повелитель правоверных!» – отвечал Каб-аль-Ахбар.

И Муавия оказал: «Знаешь ли ты, что существует город, построенный из золота и серебра, где колонны из топаза и яхонта, а песок – жемчуга и шарики мускуса, амбры и шафрана?» – «Да, о повелитель правоверных, – ответил Каб, – это Ирем многостолбный³¹¹, подобия которому не сотворено в землях, и построил его Шеддад, сын Ада старшего».

«Расскажи нам что-нибудь из рассказов о нем», – молвил Муавия.

И Каб-аль-Ахбар сказал: «У Ада старшего было двое сыновей, Шедид и Шеддад, и когда их отец умер, воцарились в землях после него Шедид и его брат Шеддад, и не было на земле царя, не находившегося у них в повиновении. И умер Шедид ибн Ад, и воцарился после него на земле его брат Шеддад, а он любил читать древние книги. И когда встретилось ему упоминание о будущей жизни и рае, о дворцах, горницах, деревьях, плодах и прочем из того, что есть в раю, душа Шеддада призвала его построить нечто подобное на земле. А ему были подвластны сто тысяч царей, и под властью каждого царя было сто тысяч правителей, а каждому правителю подчинялось сто тысяч воинов. И Шеддад призвал их всех пред лицо своё и сказал: „Я знаю из древних книг и рассказов описание края, который существует в будущей жизни, и хочу я сделать подобное ему в земной жизни. Отправляйтесь в самую лучшую и обширную равнину на земле и постройте мне там город из золота и серебра, и пусть песок в нем будет из топаза, яхонта и жемчуга. И под своды этого города подставьте столбы из топаза, и наполните город дворцами, и над дворцами сделайте горницы, и посадите под дворцами на улицах и площадях всякие деревья с разными спелыми плодами, и пустите под ними каналы в трубах из золота и серебра“. И все сказали ему: „Как можем мы сделать то, что ты описал нам, и как быть с топазами, яхонтами и жемчугом, которые ты упомянул?“ – „Разве не знаете вы, что цари земли мне послушны и под моей властью, и все, кто на земле, не прекословят моему велению?“ – спросил Шеддад. И они ответили: „Да, знаем“.

И Шеддад молвил: «Идите же в россыпи топаза, яхонта, жемчуга, золота и серебра, и добывайте их и собирайте Землю из россыпей, не щадя усилий. А кроме того, отберите для меня у людей такие камни, и не щадите и не милуйте никого. Остерегайтесь же ослушания!»

И он написал письмо всем царям всех земель, и велел им собрать у людей камни такого рода и отправиться к россыпям их и добывать дорогие камни, хотя бы даже со дна морей.

И их собирали ж течение двадцати лет, а число царей, властвовавших на земле, было триста шестьдесят. А затем Шеддад вывел измерителей, и мудрецов, и рабочих, и ремесленников из всех стран и земель, и они разошлись по степям, пустыням, странам и областям и достигли пустыни, где была большая равнина, чистая и свободная от холмов и гор. И там были текущие ручьи и бегущие каналы. И оказали они тогда: «Вот приметы той земли, которую царь приказал нам найти».

И они принялись застраивать эту землю, как приказал им Шеддад, царь земли, и застроили её вдоль и поперёк, и провели трубы для каналов, и поставили колонны так, как было упомянуто. И цари областей присылали в этот город на верблюдах, через пустыни и степи, и большими кораблями, по морю, яхонты, камни и жемчужины, большие и малые, и сердолик и яркие металлы. И к рабочим прибыло этих материалов столько, что не описать, не счесть и не определить.

И они провели, работая над этим, триста лет, а когда кончили, пришли к царю и осведомили его об окончании. И царь сказал: «Идите и постройте перед городом неприступную крепость, возвышающуюся и высокую, а вокруг крепости поставьте тысячу дворцов, и под каждым дворцом тысячу знамён, чтобы в каждом из этих дворцов находился

³¹¹ Со сказочным Иремом, упоминаемом в Коране, связала чрезвычайно распространённая легенда, один из вариантов которой представлен в настоящей сказке.

везирь».

И они тотчас же отправились и сделали это в двадцать лет, а затем явились к Шеддаду и осведомили его о достижении цели. И Шеддад велел своим везирям (а их была тысяча), а также своим приближённым и тем, кому он доверял из воинов и других, приготовиться к отъезду и переехать в Ирем многостолбный под предводительством царя мира Шеддада, сына Ада. И приказал тем, кто хочет из его жён и гарема – невольницам и слугам, – приниматься за сборы. И они провели в приготовлениях двадцать лет, и затем Шеддад отправился с сопровождающими его войсками...»

И Шахразату застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Двести семьдесят девятая ночь

Когда же настала двести семьдесят девятая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что Шеддад ибн Ад отправился с сопровождавшими его войсками, радуясь, что достиг желаемого. И он ехал, пока от него до Ирема многостолбного не осталось одного перехода.

И Аллах наслал на него и на бывших с ним неверных отрицателей вопль с небес своего могущества, и он погубил их всех своим великим гласом, и не достиг Шеддад и никто из бывших с ним этого города, и не подступил к нему, и Аллах стёр к нему дорогу. И город простоит, как был, на месте, пока не настанет судный час».

И подивился Муавия, когда Каб-аль-Ахбар рассказал ему этот рассказ, и спросил его: «Достигнет ли этого города кто-нибудь из людей?» И Каб-аль-Ахбар отвечал: «Да, один из подвижников пророка (молитва над ним и привет!). И обликом он подобен этому человеку, что сидит здесь, – нет ни сомнения, ни заблуждения».

Говорил аш-Шаби:³¹² «Рассказывают со слов учёных химьяритов в Йемене, что когда Шеддад и те, кто был с ним, погибли от вопля, после него воцарился его сын, Шеддад-младший, а его отец, Шеддад-старший, оставил его править вместо себя в земле Хадрамаут³¹³ и Саба. Когда он уехал со своими войсками в Ирем многостолбный и когда дошла до него весть о том, что его отец умер в дороге, прежде чем достигнуть города Ирема, он велел принести своего отца из этих пустынь в Хадрамаут и приказал вырыть для него могилу в пещере. И когда могилу вырыли, он положил его туда на ложе из золота, и накинул на него семьдесят плащей, тканых из золота и украшенных дорогими камнями, а в головах царя он положил золотую доску, на которой было написано такое стихотворение:

Поучайся, обольщённый
Своей жизнью долговечной.
Я Шеддад, потомок Ада,
Мощной крепости владыка.
Обладатель явной силы,
И могущества, и мощи.
Были люди мне послушны,
Страшась гнева и угрозы,
И над западом царил я
И востоком, властью сильный.
И призвал на верный путь нас
С наставлением пришедший,

³¹² Аш-Шаби – передатчик преданий, умер в начале VIII века.

³¹³ Хадрамаут – страна в юго-восточной Аравии, омываемая на юге Аденским заливом.

Но мы были непослушны
И вскричали: «Есть ли выход?»
И пришёл к нам вопль единый
С отдалённых небосводов,
Разбросало нас, как семя
Посреди полей пустынных,
И мы ждали, под покровом
Праха, дня угроз великих.

Говорил ас-Саалиб:³¹⁴ «И случилось, что двое людей вошли в эту пещеру, и нашли посреди неё лестницу, и, спустившись по ней, увидели могилу длиной в сто локтей, шириной в сорок локтей и высотой в сто локтей. И посреди этой могилы стояло золотое ложе, а на нем был человек большой телом, который занимал ложе во всю длину и ширину, и были на нем украшения и одежды, затканые золотом и серебром, а в головах у него лежала золотая доска с надписью. И эти люди взяли доску и унесли из этого места все, что могли унести: палки из золота и серебра и другое».

Рассказ об Исхаке Мосульском (ночи 279-282)

Рассказывают, что Исхак Мосульский³¹⁵ говорил: «Однажды вечером я вышел от аль-Мамума, направляясь домой, и меня стеснило желание помочиться, и я направился в переулок и встал помочиться, боясь, что мне что-нибудь повредит, если я присяду около стен. И я увидел какой-то предмет, подвешенный к дому, и потрогал его, чтобы узнать, что это такое, и увидел, что это большая корзина с четырьмя ушками, покрытая парчой. „Этому непременно должна быть причина!“ – сказал я про себя и впал в замешательство, не зная, что делать.

И опьянение побудило меня сесть в эту корзину, и вдруг владельцы дома потянули её вместе со мной, думая, что я тот, кого они поджидали. И они подняли корзину к верхушке стены, и вдруг, я слышу, четыре невольницы говорят мне: «Выходи, простор тебе и уют!» И одна невольница шла передо мной со свечкой, пока я не спустился в дом, где были убранные комнаты, подобных которым я не видел нигде, кроме халифского дворца. И я сел, и не успел я опомниться, как подняли занавески на одной стороне стены, и вдруг появились прислужницы, которые шли, держа в руках свечи и жаровни с куреньями из какуллийского алоэ³¹⁶, и посреди них шла девушка, подобная восходящей луне. И я поднялся, а она сказала: «Добро пожаловать тебе, о посетитель!» И затем она посадила меня и стала меня расспрашивать, какова моя история, и я сказал: «Я вышел от одного из моих друзей, и время обмануло меня, и по дороге меня прижала нужда помочиться. И я свернул в этот переулок и увидел брошенную корзину, и вино посадило меня в неё, и корзину со мной подняли в этот дом, и вот то, что со мной было. „Тебе не будет вреда, и я надеюсь, что ты восхвалишь последствия твоего дела“, – сказала женщина. А затем она спросила меня: „Каково твоё ремесло?“ – „Я купец на рынке Багдада“, – ответил я. „Знаешь ли ты какие-нибудь стихи?“ – спросила она, и я ответил: „Я знаю кое-что незначительное“. И девушка молвила: „Напомни из этого что-нибудь“. Но я отвечал: „Приходящий теряется, начни ты“. – „Ты прав“, – ответила девушка и произнесла нежные стихотворения, из тех, что сказаны древними и

³¹⁴ Ас-Саалиби – плодовитый и разносторонний писатель (ум. в 1038 г.).

³¹⁵ Исхак Мосульский – сын Ибрахима Мосульского, тоже знаменитый певец и музыкант (умер в 849 или 850 г.).

³¹⁶ Какуллийское алоэ добывается в местности Кахулла, на острове Суматра.

новыми, и было это из числа лучших их слов, а я слушал и не знал, дивиться ли её красоте и прелести, или тому, как она хорошо говорят. „Прошла охватившая тебя растерянность?“ – спросила потом девушка. И я ответил: „Да, клянусь Аллахом!“ И тогда она сказала: „Если хочешь, скажи мне что-нибудь из того, что ты знаешь“. И я сказал ей столько стихов древних поэтов, что этого было достаточно. И девушка одобрила меня и воскликнула: „Клянусь Аллахом, я не думала, что среди детей лавочников найдётся подобный тебе!“ А затем она приказала подать кушанья...»

И сказала Шахразаде сестра её Дуньязада: «Как сладостен твой рассказ, и прекрасен, и приятен, и нежен!»

И Шахразада ответила: «Куда этому до того, что я расскажу вам в следующую ночь, если буду жить и царь пощадит меня!...»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Ночь, дополняющая до двухсот восьмидесяти

Когда же настала ночь, дополняющая до двухсот восьмидесяти, Шахразада сказала: «Куда этому до того, что расскажу вам теперь, если царь пощадит меня».

«Закончи свой рассказ», – молвил царь. И Шахразада сказала: «С любовью и удовольствием.

Дошло до меня, о счастливый царь, что Исхак Мосульский говорил: «И затем девушка приказала принести кушанья. И их принесли, и она стала брать их и ставить передо мной (а в комнате были разные цветы и диковинные плоды, которые бывают только у царей). А потом она велела подать вино, и выпила кубок, и подала кубок мне, и сказала: „Теперь время для беседы и рассказов“.

И я пустился с нею беседовать и говорил: «Дошло до меня, что было то-то и то-то, и говорил некий человек того...» – и рассказал ей множество хороших рассказов. И женщина развеселилась от этого и сказала: «Поистине, я дивлюсь, как это человек из купцов помнит такие рассказы. Это ведь из бесед с царями». – «У меня был сосед, который беседовал с царями и был их сотрапезником, – отвечал я, – и когда он бывал не занят, я заходил к нему в дом, и он нередко мне рассказывал то, что ты слышала». – «Клянусь жизнью, ты хорошо запомнил!» – воскликнула девушка. И затем мы стали беседовать, и всякий раз, как я замолкал, начинала она, пока мы не провели так большую часть ночи, и пары алоэ благоухали.

И я был в таком состоянии, что если бы аль-Мамун мог его себе представить, он бы, наверное, взлетел, стремясь к нему. «Поистине, ты из самых тонких и остроумных людей, так как обладаешь редким вежеством, – сказала девушка. – Но теперь остаётся только одна вещь». – «Что же это?»

спросил я. И она молвила: «Бустби ты умел петь стихи под лютню!» – «Я предавался этому занятию в прошлом, но, не добившись удачи, отвернулся от него, хотя в моем сердце был жар, и мне бы хотелось лучше исполнить что-нибудь в этой комнате, чтобы эта ночь стала совершенной», – ответил я. И девушка сказала: «Ты как будто намекнул, чтобы принесли лютню?» – «Тебе решать, ты милостива, и это будет от тебя добром», – молвил я.

И девушка велела принести лютню, и спела таким голосом, равного которому по красоте я не слыхивал, с хорошим умением, отличным искусством в игре и превосходным совершенством. «Знаешь ли ты, чья это песня, и Знаешь ли ты, чьи стихи?» – спросила девушка. «Нет», – отвечал я. И она сказала: «Стихи такого-то, а напев – Исхака». – «А разве Исхак – я выкуп за тебя! – так искусен?» – спросил я. «Ах, ах! – воскликнула девушка. – Исхак выделяется в этом деле!» – «Слава Аллаху, который даровал этому человеку то, чего не даровал никому!» – молвил я. И девушка сказала: «А что бы было, если бы ты услышал эту песню от него!»

И мы продолжали проводить так время, а когда показалась заря, подошла к девушке

старуха – будто бы из её нянек – и сказала: «Время пришло!» И при этих словах девушка поднялась и молвила: «Скрывай то, что с нами было, так как собрания охраняются скромностью...»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Двести восемьдесят первая ночь

Когда же настала двести восемьдесят первая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что девушка сказала: „Скрывай то, что с вами было, так как собрания охраняются скромностью!“ И я воскликнул:

«Пусть буду я за тебя выкупом!» – «Мне не нужно наставлений!»

И потом я простился с девушкой, и она послала невольницу, которая шла передо мной до ворот дома и открыла мне, и я вышел и направился домой. И я сотворил утреннюю молитву и поспал, и ко мне пришёл посланный от аль-Мамуна, и я пошёл к нему и оставался весь день у него. Когда же пришло время вечера, я стал думать о том, что было со мной накануне – а это дело, от которого удержится только глупый, – и вышел, и пришёл к корзине, и сел в неё, и меня подняли в то место, где я был накануне. «Ты стал прилежен», – сказала девушка. И я воскликнул: «Я думаю, что был лишь небрежен!»

И затем мы принялись разговаривать, как делали в прошлую ночь, и беседовали и говорили стихи и рассказывали диковинные истории – она мне, а я ей – до самой зари. А потом я ушёл домой и совершил утреннюю молитву и поспал, и ко мне пришёл посланный от аль-Мамуна, и я отправился к нему и оставался весь день у него. И когда наступило время вечера, повелитель правоверных сказал мне: «Заклинаю тебя, посиди, пока я схожу по делу и приду». И когда халиф ушёл и скрылся, беспокойство поднялось во мне, и я вспомнил о том, что со мною было, и ничтожным показалось мне то, что достанется мне от повелителя правоверных. И я вскочил, чтобы уйти, и вышел бегом, и пришёл к корзине, и сел в неё, и её подняли со мною в комнату, и девушка сказала мне: «Может быть, ты наш друг?» И я воскликнул: «Да, клянусь Аллахом!» – «Ты сделал наш дом постоянным местопребыванием?» – спросила она. И я ответил: «Пусть буду я за тебя выкупом! Право на гостеприимство длится три дня, а если я вернусь после этого, моя кровь будет вам позволена».

И потом мы сидели, как и прежде, а когда время приблизилось, я понял, что аль-Мамун непременно меня спросит и удовлетворится, только узнав всю мою историю. И я сказал девушке: «Я вижу ты из тех, кому нравится пение, а у меня есть двоюродный брат, который красивее меня лицом, почётнее саном и более образован, и он лучше всех созданий Аллаха великого знает Исхака». – «Разве ты блюдолиз?» – спросила девушка. И я молвил: «Ты властна решать в этом деле». А она сказала: «Если твой двоюродный брат таков, как ты его описываешь, знакомство с ним не будет нам неприятно».

А потом пришло время, и я поднялся и ушёл и направился домой, но я не дошёл ещё до дому, как посланные аль-Мамуна ринулись на меня и грубо меня подняли...»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Двести восемьдесят вторая ночь

Когда же настала двести восемьдесят вторая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что Исхак Мосульский говорил: „Но я не дошёл ещё до дому, как посланные аль-Мамуна ринулись на меня, грубо подняли и повели к нему. И я увидел, что он сидит на скамеечке, разгневанный на меня. „О Исхак, ты выходишь из повиновения?“ – молвил он. И я сказал: „Нет, клянусь Аллахом, о повелитель правоверных!“ И он спросил: „Какова же твоя история? Расскажи мне правду“. – „Хорошо, но только наедине“, – отвечал

я. И аль-Мамун кивнул тем, кто стоял перед ним, и они отошли в сторону, и тогда я рассказал ему всю историю и сказал: „Я обещал ей, что ты придёшь“. И аль-Мамун отвечал: «Ты хорошо сделал».

А потом мы провели в наслаждениях весь день, и сердце аль-Мамуна привязалось к той девушке. И нам не верилось, что пришло время, и мы отправились, и я наставлял аль-Мамуна и говорил ему: «Воздерживайся называть меня перед ней по имени – в её присутствии я твой провожатый».

И мы условились об этом и шли, пока не достигли того места, где была корзина, и нашли там две корзины, и сели в них, и их подняли с нами в уже знакомое место. И девушка подошла и приветствовала нас, и, увидав её, аль-Мамун впал в замешательство из-за её красоты и прелести. И девушка принялась рассказывать ему предания и говорить стихи, а затем принесла вино, и мы стали пить, и девушка была приветлива с аль-Мамуном и радовалась ему, и он тоже был с нею приветлив и радовался ей.

Девушка взяла лютню и пропела песню, а потом спросила меня: «И твой двоюродный брат тоже из купцов?» – указав на аль-Мамуна. «Да», – ответил я, и она сказала: «Поистине, вы близки друг к другу по сходству!» И я отвечал ей: «Да!»

А когда аль-Мамун выпил три ритля³¹⁷, в него вошли радость и восторг, и он воскликнул и сказал: «О Исхак!» И я ответил ему: «Я здесь, о повелитель правоверных!» – «Спой эту песню!» – сказал аль-Мамун.

И когда девушка узнала, что это халиф, она направилась в одну из комнат и вошла туда. А когда я кончил петь, халиф сказал мне: «Посмотри, кто хозяин этого дома». И какая-то старуха поспешила ответить и молвила: «Он принадлежит аль-Хасану ибн Сахлю»³¹⁸. – «Ко мне его!» – воскликнул халиф, и старуха на минуту скрылась, и вдруг явился аль-Хасан. И аль-Мамун спросил его: «Есть у тебя дочь?» – «Да, её зовут Хадиджа», – отвечал аль-Хасан. «Она замужем?» – спросил аль-Мамун, и аль-Хасан ответил: «Нет, клянусь Аллахом!» И аль-Мамун сказал: «Тогда я сватаю её у тебя».

«Она твоя невольница, и власть над нею принадлежит тебе, о повелитель правоверных», – ответил аль-Хасан. И халиф молвил: «Я женюсь на ней за приданое в тридцать тысяч динаров наличными деньгами, которые отнесут к тебе сегодня под утро, И, когда ты получишь деньги, доставь нам твою дочь к вечеру». И ибн Сахль отвечал: «Слушаю и повинуюсь!»

И потом мы вышли, и халиф сказал мне: «О Исхак, не рассказывай никому эту историю!» И я скрывал её, пока аль-Мамун не умер. И ни над кем не соединилось столько, сколько соединилось надо мной в эти четыре дня, – я сидел с аль-Мамуном днём и сидел с Хадиджей ночью, и, клянусь Аллахом, я не видел среди мужей человека, подобного аль-Мамуну, и не знавал среди женщин девушки, подобной Хадидже, – нет, даже близкой к Хадидже по сообразительности, разуму и речам, а Аллах знает лучше!»

Рассказ о чистильщике и женщине (ночи 282-285)

Рассказывают также, что было время паломничества, и люди совершали обход, и когда народ толпился на дороге, вдруг один человек уцепился за покровы Каабы³¹⁹ и стал

³¹⁷ Ритль, как мера жидких тел, равняется приблизительно 0,5 литра.

³¹⁸ Аль-Хасан ибн Сахль – государственный деятель и полководец эпохи аль-Мамуна, по происхождению перс (ум. в 850 или 851 г.). При нём в аибадской столице, Багдаде, произошло народное восстание, которое аль-Хасан при поддержке состоятельных классов жестоко подавил.

³¹⁹ Кааба – священный храм мусульман, к которому совершают паломничество. Обычай увешивать Каабу коврами существует издревле; кусочки этих покрывал считаются талисманами. Обход вокруг Каабы – один из основных обрядов паломничества.

говорить из глубины сердца: «Прошу тебя, Аллах, чтобы она рассердилась на своего мужа и я познал бы её!»

И его услышало множество паломников и его схватили и привели к начальнику паломничества, после того как досыта накормили его ударами, сказали: «О эмир, мы нашли этого в почитаемых местах, и он говорил то-то и то-то!»

И начальник паломничества велел его повесить и сказал: «О эмир, ради посланника Аллаха, – да благословит его Аллах и да приветствует! – выслушай мою историю и мой рассказ, а после этого делай со мной что хочешь», – «Рассказывай!» – молвил эмир. И человек сказал: «Знай, о эмир, что я человек из чистильщиков и работаю на скотобойне и вывожу кровь и грязь на свалки. И случилось мне в один день из дней идти с моим ослом, который был нагружен, и я увидел, что люди бегут, и один из них мне сказал: „Зайди в этот переулок, чтобы тебя не убили“. И я спросил: „Что это люди бегут?“ И кто-то из слуг сказал мне: „Это гарем какого-то вельможи, и евнухи отгоняют с дороги и бьют всех подряд, без разбора“. И я зашёл с ослом в переулок...»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Двести восемьдесят третья ночь

Когда же настала двести восемьдесят третья ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что человек говорил: „И я вошёл с ослом в переулок и стоял, ожидая, пока разойдётся толпа. И я увидел евнухов с палками в руках и с ними около тридцати женщин, среди которых была одна, подобная ветви ивы или жаждущей газели, и она была совершенна по красоте, изяществу и изнеженности, и все ей прислуживали. И, дойдя до ворот того переулка, где я стоял, эта женщина взглянула направо и налево, а затем позвала одного евнуха. И когда тот предстал перед ней, сказала ему что-то на ухо, и вдруг евнух подошёл ко мне и схватил меня, и люди разбежались. И вдруг другой евнух взял моего осла и увёл его, а потом евнух подошёл и связал меня верёвкой и потащил меня за собою, и я не знал, в чем дело, а люди, что стояли за нами, кричали и говорили: „Аллах этого не позволяет! Это чистильщик, бедняк, почему его связали верёвками?“ И они говорили евнухам: „Пожалейте его, пожалеет вас Аллах, и отпустите его!“ А я говорил про себя: «Евнухи схватили меня только потому, что их госпожа почувствовала запах грязи и ей стало противно, или она беременная, или ей сделалось нехорошо. Нет мощи и силы, кроме как у Аллаха, высокого, великого!»

И я до тех пор шёл за ними, пока они не достигли ворот большого дома, и они вошли туда, а я за ними, и меня вели до тех пор, пока я не пришёл в большую комнату, – не знаю, как описать её красоту, – и она была устлана великолепными коврами. И затем женщины вошли в эту комнату (а я был около евнуха, связанный), и я сказал себе: «Они непременно будут меня пытаться в этом доме, пока я не помру. И не узнает о моей смерти никто!»

И потом меня отвели в прекрасную баню внутри дома, и когда я был в бане, вдруг вошли три невольницы и сели вокруг меня и сказали: «Сними твои тряпки». И я снял бывшие на мне лохмотья, и одна из девушек стала растирать мне ноги, а другая мыла мне голову, и третья разминала тело. А покончив с этим, они положили передо мной узел с одеждой и сказали: «Надень это!» И я воскликнул: «Клянусь Аллахом, я не знаю, как надеть!» И девушки подошли ко мне и одели меня, смеясь надо мною. А затем они принесли кувшины, полные розовой воды, и побрызгали на меня и я вышел с ними в другую комнату, и, клянусь Аллахом, я не знаю, как её описать, так много было в ней ценных украшений и ковров. А войдя в эту комнату, я увидел женщину, сидевшую на бамбуковом ложе...»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Двести восемьдесят четвёртая ночь

Когда же настала двести восемьдесят четвёртая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что человек говорил: «А войдя в эту комнату, я увидел женщину, сидевшую на бамбуковом ложе (а ножки его были из слоновой кости), и перед нею было множество невольниц. И, увидав меня, она поднялась и позвала меня, и я подошёл к ней, и она велела мне сесть, и я сел с нею рядом. И она приказала невольницам подать кушанья, и они мне подали роскошные кушанья всяких сортов, и я не знаю, как они называются и в жизни не знавал ничего подобного. И я насытился вдоволь, а после того как убрали миски и вымыли руки, женщина велела принести плоды, и они тотчас же появились перед нею, и она приказала мне есть, и я поел, а когда мы кончили есть, она велела нескольким невольницам принести бутылки с вином. И они принесли вина разных сортов и затем разожгли в курильницах всевозможные курения. И одна невольница, подобная месяцу, стала поить нас под напевы струн, и я опьянел вместе с той госпожой, которая сидела, и все это происходило, а я думал, что это грёзы и будто я во сне. А потом женщина сделала знак нескольким невольницам, чтобы нам постлали в одной из комнат, и нам постлали в том месте, где она велела. И женщина поднялась и, взяв меня за руку, отвела туда, где было постлано, и легла, и я пролежал с нею до утра, и всякий раз, как я прижимал её к груди, я чувствовал запах мускуса и благовоний, и думал, что я не иначе как в раю и что я грежу во сне.

А наутро женщина спросила меня, где моё жилище, и я отвечал: «В таком-то месте». И она велела мне уходить и дала мне платок, обшитый золотом и серебром, и к нему было что-то привязано: «Ходи на это в баню», – сказала она мне, и я обрадовался и сказал про себя: «Если в нем пять фельсов, то это мой обед на сегодняшний день».

И я вышел от этой женщины, как будто выходил из рая, и, придя в свой чулан, я развязал платок и нашёл там пятьдесят мискалей золота. И я зарыл их, и сел у ворот, купив сначала на два фельса хлеба и приправы. Пообедав, я стал размышлять о своём деле, и просидел так до вечерней поры, и вдруг пришла невольница и сказала мне: «Моя госпожа тебя требует!»

И я пошёл с невольницей к воротам того дома, и она спросила для меня позволения, и я вошёл и поцеловал землю меж рук той женщины, а она приказала мне сесть и велела принести кушанье и напитки, как обыкновенно, и затем я проспал с нею, согласно обычаю, установившемуся с прошлой ночи. А утром она дала мне второй платок с пятьюдесятью мискалями золота, и я взял его и вышел и, придя в чулан, зарыл золото. И я жил таким образом в течение восьми дней, приходя к ней каждый день вечером и выходя от неё в начале дня.

И когда я спал у неё восьмую ночь, вдруг вбежала бегом невольница и сказала мне: «Вставай, поднимись в эту комнату!» И я поднялся в комнату и увидел, что она выходит на самую дорогу. И я сидел, и вдруг послышался большой шум и топот коней в переулке; а в комнате было окно, возвышавшееся над воротами, и, посмотрев в него, я увидел юношу, подобного восходящему месяцу в ночь полтаоты, верхом на коне и перед ним были невольники и солдаты, которые шли, служа ему. И он подъехал к воротам и спешил и, войдя в комнату, увидел ту женщину сидящей на ложе, и поцеловал перед нею землю, а затем он подошёл к ней и поцеловал ей руки, но она не заговорила с ним. И юноша не переставал перед нею унижаться, пока не помирился, и он проспал подле неё эту ночь...»

И Шахразад устала и сказала: «Итак, и эта ночь кончилась. И она прекратила дозволенные речи.

Двести восемьдесят пятая ночь

Когда же настала двести восемьдесят пятая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что человек говорил: „Когда муж той женщины помирился с ней, он

проспал подле неё ночь, а когда настало утро, пришли к нему солдаты, и он выехал из ворот. И женщина поднялась ко мне и спросила: „Видел ли ты этого?“ И я отвечал: „Да!“ И она сказала: „Это мой муж. Но я расскажу тебе, что у меня с ним произошло. Случилось, что мы сидели с ним однажды в садике внутри дома, и вдруг он ушёл от меня и отсутствовал долгое время. И я заждалась его и подумала: „Быть может, он в доме уединения“. И пошла в дом уединения, но не нашла его. И я вошла в кухню и увидела невольницу и спросила её о нем, и она показала мне на него, а он лежал с девушкой из кухонной прислуги. И тут я поклялась великой клятвой, что непременно совершу блуд с грязнейшим и нечистоплотнейшим из людей. И в тот день, когда евнух схватил тебя, было четыре дня как я искала по городу кого-нибудь, кто бы был таков, и не нашла никого грязней в нечистоплотней тебя. И я позвала тебя, и было то, что было по приговору Аллаха над нами, и я освободилась от клятвы, которую дала“. И потом она сказала мне: «А когда мой муж ещё раз падёт на девушку и будет лежать с нею, я снова призову тебя для того, что у тебя со мной было».

И когда я услышал от неё эти речи и она метнула мне в сердце стрелы своих глаз» мои слезы так потекли, что поранили мне очи. И я произнёс слова поэта:

«Поцелуев мне десять дай с руки левой –
И над правой узнай её превосходство:
Ближе знает ведь левая место срама,
Обмывая всю грязь с него ежедневно».

И после этого она велела мне уходить от неё, и мне досталось от неё четыреста мискалей золота, и я расходуя их. И я пришёл сюда помолиться Аллаху – слава ему и величие! – чтобы её муж ещё раз вернулся к невольнице – быть может, и я вернусь тогда к тому, что было».

И, услышав рассказ этого человека, начальник паломничества отпустил его и сказал присутствующим; «Ради Аллаха, молитесь за него – ему простительно».

Рассказ о лже-халифе (ночи 285-294)

Рассказывают также, что халиф Харун ар-Рашид почувствовал в одну ночь из ночей сильное беспокойство и позвал своего везира Джафара Бармакида и сказал ему: «Моя грудь стеснилась, и я хочу сегодня ночью прогуляться по улицам Багдада и посмотреть на дела рабов Аллаха, с условием, что мы перерядимся в одежду купцов, чтобы не узнал нас никто из людей. И везир отвечал ему: „Слушаю и повинуюсь!“ И они поднялись в тот же час и минуту и, сняв бывшую на них роскошную одежду, надели одежду купцов, а было их трое: халиф, Джафар и Масрур, меченосец.

И они ходили с места на место, пока не достигли Тигра. И увидели они старика, сидевшего в челноке, и подошли и приветствовали его и сказали: «О старец, мы хотим от твоей милости и доброты, чтобы ты покатал нас в твоей лодке. Возьми в уплату этот динар...»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Двести восемьдесят шестая ночь

Когда же настала двести восемьдесят шестая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что они сказали старцу: „Мы хотим, чтобы ты покатал нас в твоей лодке. Возьми в уплату этот динар“. И старец ответил: „Кто это может кататься, когда халиф ар-Рашид выезжает каждый вечер на реку Тигр на маленьком судне, и с ним глашатай, который кричит: „О собравшиеся люди, все поголовно – большие и малые, избранные и простые, дети и юноши, – всякому, кто выедет на лодке и поедет по Тигру, я отрублю голову

или повешу на мачте!“ И, кажется, вы его сейчас увидите, его судно приближается“.

И халиф с Джафаром сказали: «О старец, возьми эти два динара и сведи нас в беседку из этих беседок на то время, пока не проедет лодка халифа!» И старец отвечал: «Давайте золото и положитесь на Аллаха великого».

И он взял золото и проплыл с ними немного, как вдруг приблизилась с середины Тигра лодка, и свечи и факелы в ней сияли. «Не говорил ли я вам, что халиф проезжает Здесь каждый вечер? – сказал старец и начал восклицать: – О покровитель, не снимай покровов!» И он ввёл этих троих в беседку и накинул на них чёрный плащ, и они стали смотреть из-под плаща и увидали на носу лодки человека, у которого в руках был факел из червонного золота, и он жёг на нем какуллийское алоэ. И на этом человеке был плащ из красного атласа, и на плече жёлтые вышивки, а на голове у него был мосульский тюрбан и на другом плече – мешок из зеленого шелка, полный какуллийского алоэ, которым он разжигал факел вместо дерева. А на корме лодки халиф увидел другого человека, одетого, как тот, и в руках у него был факел, как у того человека. И они увидели в лодке двести невольников, которые стояли справа и слева, и увидели поставленный там престол из червонного золота и прекрасного юношу, который сидел на нем, подобный месяцу, и одет он был в чёрную одежду с вышивками из жёлтого золота. И подле него был человек, подобный везирю Джафару, а рядом с ним стоял евнух, похожий на Масрура, и в руках у него был обнажённый меч. И ещё халиф увидел двадцать сотрапезников.

И, увидя все это, халиф сказал: «Джафар!» И Джафар ответил: «Я здесь, о повелитель правоверных!» – «Может быть, это один из моих сыновей – аль-Мамун или аль-Амин?» – сказал халиф. И затем он стал всматриваться в юношу, сидевшего на престоле, и увидел, что он совершенен по красоте, прелести, стройности и соразмерности. И, взглядевшись в него, халиф обернулся к везирю и сказал: «О везирь!» И везирь ответил: «Я здесь!» А халиф молвил: «Клянусь Аллахом, этот, что сидит, не забыл ничего в облике халифа, и тот, кто перед ним, подобен тебе, о Джафар, и евнух, что стоит с ним рядом, похож на Масрура, а эти сотрапезники – точно мои сотрапезники, и мой разум смущён этим делом...»

И Шахразад утробно застонала, и она прекратила дозволенные речи.

Двести восемьдесят седьмая ночь

Когда же настала двести восемьдесят седьмая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что халиф, увидав такое дело, смутился умом и воскликнул: „Клянусь Аллахом, я удивляюсь этому делу, о Джафар!“

И Джафар ответил: «И я, клянусь Аллахом, о повелитель правоверных!»

И затем челнок уехал и скрылся из глаз, и тогда старец выехал на своём челноке и воскликнул: «Слава Аллаху За благополучие, раз никто нас не встретил!» И халиф спросил его: «О старец, а халиф каждый вечер выезжает на Тигр?» – «Да, о господин, и он так делает уже целый год», – ответил старец. «О старец, – сказал халиф, – мы хотим от твоей милости, чтобы ты постоял здесь для нас в следующую ночь, и мы дадим тебе пять динаров золотом. Мы чужеземцы и ищем развлечения, а живём мы в аль-Халдаке»³²⁰. – «С любовью и охотой!» – молвил старец. И потом халиф, Джафар и Масрур ушли от старца во дворец и сняли бывшие на них одежды купцов и надели царственное одеяние, и каждый из них сел на своё место, и стали входить эмиры, везири, царедворцы и наместники, и зал наполнился народом.

А когда окончился день, и разошлись люди разных сословий, и каждый ушёл своей дорогой, халиф Харун альРашид сказал: «О Джафар, пойдём посмотреть на второго халифа». И Джафар с Масруром засмеялись и надели одежду купцов и вышли и пошли, крайне

³²⁰ Адъ-Хандак – большое селение в окрестностях Каира, место же действия сказки – Багдад.

весёлые, а вышли они через потайную дверь. И, достигнув Тигра, они увидели, что тот старик, владелец челнока, сидит и ожидает их. И они сошли к нему в лодку, и не успели они прождать с ним и часа, как подъехала лодка второго халифа и приблизилась к ним. И они обернулись, и стали внимательно рассматривать лодку, и увидели в ней двести невольников, кроме прежних, и факелоносцы кричали, как всегда. «О везирь, – оказал халиф, – это такая вещь, что если бы я услышал об этом, я бы не поверил, но я увидел это воочию!»

И потом халиф сказал владельцу того челнока, в котором они сидели: «Возьми, о старец, эти десять динаров и поезжай рядом с ними. Они освещены, а мы в тени, и мы их увидим и посмотрим на них, а они нас не увидят».

И старец взял десять динаров, и поплыл в своём челноке рядом с ними, и оказался под тенью их лодки...»

И Шахразад устала говорить, и она прекратила дозволенные речи.

Двести восемьдесят восьмая ночь

Когда же настала двести восемьдесят восьмая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что халиф Харун ар-Рашид сказал старцу: „Возьми эти десять динаров и поезжай рядом с ними“. И старец отвечал: „Слушаю и повинуюсь!“

А затем он взял динары и поехал, и они ехали в тени до садов. А достигнув садов, они увидели огороженную поляну, и лодка пристала у этой поляны. И вдруг оказалось: там стоят слуги и с ними мул, осёдланный и взнузданный. И второй халиф вышел и сел на мула и поехал среди своих сотрапезников. И факелоносцы закричали, и слуги занялись делами второго халифа, а Харун ар Рашид с Джафаром и Масруром вышли на сушу и прошли среди невольников и пошли впереди них. И факелоносцы бросили взгляд и увидели троих людей, одетых в одежды купцов и пришедших из чужих земель, и заподозрили их и мигнули на них, и их привели ко второму халифу. И, увидев их, тот спросил: «Как вы достигли этого места и что привело вас в такое время?» И они ответили: «О владыка, мы – люди из купцов и чужеземцы, и прибыли сегодняшней ночью, и вышли вечером пройтись, и вдруг вы подъехали, и пришли эти люди и схватили нас и поставили перед тобой, и вот наша история». – «С вами не будет беды, так как вы – чужеземцы, а если бы вы были из Багдада, я бы отрубил вам головы, – молвил второй халиф. И затем он обратился к своему везиру и сказал ему: – Возьми этих людей с собою: они наши гости сегодня вечером». – «Слушаю и повинуюсь, о владыка наш!» – сказал везирь. И затем он пошёл с ними, и они достигли высокого, великолепного замка, крепко построенного, каким не обладал султан: он вздымался из праха и цеплялся за крылья облаков, и ворота его были из текового дерева³²¹, украшенного рдеющим золотом. И входящий проникал через них в зал с водоёмом и фонтаном, и были там ковры и подушки и парчовые циновки и длинные матрасы. И там были опущенные занавески и подстилки, ошеломляющие ум и ослабляющие тех, кто говорит, и на двери были написаны такие два стиха:

Вот дворец стоит, с ним да будет мир и радость!
Наградили дни красотой его своею.
В нем и редкости и диковины всевозможные,
И не знают, как описать его, каламы.

И второй халиф вошёл, и с ним его люди, я сел на престол из золота, украшенный драгоценными камнями (а на престоле был молитвенный коврик из жёлтого шелка), и сели

³²¹ Тёк – мощное дерево с очень твёрдой древесиной, являющейся прекрасным кораблестроительным материалом.

его сотрапезники, а меченосец мести встал перед ним. И накрыли стол, и поели, и убрали посуду, и вымыли руки, и подали приборы для вина, и выстроились кувшины и чаши, и пошли вкруговую, и достигли халифа Харуна ар-Рашида, но тот отказался пить.

И второй халиф спросил Джафара: «Что это твой товарищ не пьёт?» И Джафар ответил: «О владыка, он уже давно не пил этого». – «У меня есть другое питьё, подходящее для твоего товарища, – это яблочный напиток», – сказал второй халиф, и затем он велел принести его, и его тотчас же принесли, и второй халиф подошёл к Харуну ар-Рашиду и сказал ему: «Всякий раз, как очередь дойдёт до тебя, пей это питьё».

И они не переставая веселились и пили вино, пока напиток не овладел их головами и не взял власть над их разумом...»

И Шахразадку застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Двести восемьдесят девятая ночь

Когда же настала двести восемьдесят девятая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что второй халиф и те, кто сидел с ним, не переставая пили, пока напиток не овладел их головами и не взял власть над их разумом. И халиф Харун ар-Рашид сказал своему везиру: „О Джафар, клянусь Аллахом, нет у нас сосуда, подобного этим сосудам! О, если бы я знал, каково дело этого юноши!“

И когда они потихоньку разговаривали, юноша вдруг бросил взгляд и увидел, что везирь шепчется с халифом, и сказал ему: «Говорить шёпотом – грубость». – «Тут пет грубости, – отвечал Джафар, – но только мой товарищ говорит мне: „Я путешествовал по многим землям, и разделял трапезу с величайшими царями, и дружил с военными, и не видел я трапезы лучше этой и ночи прекраснее этой, но только жители Багдада говорят: «Питьё без музыки нередко причиняет головную боль“.

И, услышав эти слова, второй халиф улыбнулся и развеселился. А у него в руках была тростинка, и он ударил ею по круглей подушке, и вдруг распахнулась дверь, и из неё вышел евнух, который нёс скамеечку из слоновой кости, украшенную рдеющим золотом. А сзади него шла девушка редкая по красоте, прелести, блеску и совершенству. И евнух поставил скамеечку, и девушка села на неё, подобная восходящему солнцу на чистом небе, и в руке у неё была лютня, изделие мастеров индийцев. И она положила её на колени и склонилась над нею, как склоняется мать над ребёнком, и запела под неё, сначала заиграв и пройдясь на двадцать четыре лада, так что ошеломила умы. И потом она вернулась к первому ладу и, затянув напев, произнесла такие стихи:

«И в сердце моем язык любви говорит тебе,
Вещает он про меня, что я влюблена в тебя,
Свидетели есть со мной-то дух мой измученный,
И веки горящие, и слезы бегущие.
И раньше любви к тебе не ведала я любви,
Но скор ведь Аллаха суд над всеми созданными».

И когда второй халиф услышал от невольницы это стихотворение, он закричал великим криком и разодрал на себе одежду до подола. И перед ним опустили занавеску и принесли ему другую одежду, лучше той, и он надел её и сел как раньше. И когда кубок дошёл до него, он ударил тростинкой по подушке, и вдруг распахнулась дверь и вышел из неё евнух, который нёс золотую скамеечку, и за ним шла девушка, лучше первой девушки. И она села на скамеечку, а в руках у неё была лютня, огорчающая сердце завистника. И пропела она под лютню такие два стиха:

«О, «как же мне вытерпеть, коль пламя тоски в душе,

И слезы из глаз моих – потоп, что течёт всегда!
Аллахом клянусь, уж нет приятности в жизни мне,
И как же быть радостной душе, где тоска царит?»

И когда юноша услышал это стихотворение, он закричал великим криком и разодрал на себе одежду до подола, и перед ним опустили занавеску и принесли ему другую одежду, и он надел её, и сел прямо, и вернулся к прежнему состоянию и стал весело разговаривать. Когда же до него дошёл кубок, он ударил по подушке тростинкой, и вышел евнух, сзади которого шла девушка лучше той, что была прежде неё, и у евнуха была скамеечка. И девушка села на скамеечку, держа в руках лютню, и пропела такие стихи:

«Сократите разлуку вы и суровость,
Клянусь вами, что сердце вас не забудет!
Пожалейте печального и худого, –
Страстно любит, в любви ума он лишился,
Изнурён он болезнями, страстью крайней,
И от бога желает он вашей ласки.
О те луны, кому в душе моей место, –
Как избрать мне других, не вас, среди тварей?»

И когда юноша услышал эти стихи, он закричал великим криком и разорвал на себе одежду, и перед ним опустили занавеску, и принесли ему другую одежду, и юноша вернулся к прежнему состоянию и продолжал сидеть с сотрапезниками. И кубки пошли вкруговую, и когда кубок дошёл до юноши, тот ударил по подушке, и дверь отворилась, и вышел евнух со скамеечкой, сзади которого шла девушка, и он поставил ей скамеечку, и девушка села и, взяв лютню, настроила её и пропела под неё такие стихи:

«Когда уйдёт разлука эта и ненависть?
И когда вернётся прошедшее опять ко мне?
Ведь вчера ещё одно жилище скрывало нас
С нашей радостью, и небрежны были завистники»
Обманул нас рок, и разрушил он единение,
И жилище наше в пустыню он превратил сперва.
Ты желаешь ли, чтоб забыла я, о хулигель, их,
Но я вижу, сердце не хочет слушать хулителей.
Прекрати упрёки, оставь меня с моей страстью –
Ведь не будет сердце свободным снова от дружбы к ним.
Господа, обет вы нарушили, изменили вы,
Но не думайте, что утешится после вас душа».

И когда второй халиф услышал то, что произнесла девушка, он закричал великим криком и разодрал то, что на нем было...»

И Шахразад усталило утро, и она прекратила дозволенные речи.

Двести девяностая ночь

Когда же настала ночь, дополняющая до двухсот девяноста, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что, когда второй халиф услышал стихотворение девушки, он закричал великим криком и разодрал на себе одежды и упал без памяти. И перед ним хотели опустить занавеску, как обычно, но верёвки застряли, и Харун ар-Рашид бросил взгляд на юношу и увидел у него на теле следы ударов плетьюми. И ар-Рашид сказал, посмотрев и

уверившись: „О Джафар, клянусь Аллахом, это красивый юноша, но только он скверный вор!“

И Джафар спросил его: «Откуда ты узнал это, о повелитель правоверных?» И халиф молвил: «Разве не видел ты, какие у него на боках следы от бичей?»³²² А потом перед юношей опустили занавеску и принесли ему одежду – не ту, что была на нем, – и он надел её и сел прямо, и сидел, как прежде, с сотрапезниками. И он бросил взгляд и увидел, что халиф и Джафар тихонько разговаривают, и спросил их: «О чем речь, молодцы?» И Джафар молвил: «О владыка, все хорошо, но только от тебя не скрыто, что этот мой товарищ – из купцов, и он путешествовал по всем областям и землям и вёл дружбу с вельможами и лучшими людьми, и он говорит мне: „Поистине, то, что проявил наш владыка халиф этой ночью, – великая расточительность, и я не видел во всех странах никого, кто бы совершил дела, подобные его делам: он ведь разорвал столько-то и столько-то одежд, каждая одежда в тысячу динаров, и это чрезмерная расточительность“. – „Эй ты, – сказал второй халиф, – деньги – мои деньги и материя – моя материя, и это – часть моей милости слугам и челяди. Каждая одежда, которую я разорвал, достанется кому-нибудь из сотрапезников, присутствующих здесь, и я назначил им, вместе со всякой одеждой, по пятьсот динаров“.

И везирь Джафар сказал: «Прекрасно то, что ты сделал, о владыка!»

И затем он произнёс такие два стиха:

«На руке твоей дом построили все достоинства,
И дозволил людям твои ты тратить деньги.
И когда ворота достоинств всех будут заперты,
Рука твоя для замков ключом послужит».

Услышав эти стихи от везира Джафара, юноша велел дать ему тысячу динаров и одежду, а затем кубки пошли между ними вкруговую, и вино было им приятно. И ар-Рашид сказал: «О Джафар, спроси его про удары, следы от которых у него на боках; посмотрим, что он тебе скажет в ответ». – «Не торопись, о владыка, и побереги себя; терпеть лучше», – молвил Джафар. Но халиф воскликнул: «Клянусь моей головой и могилой аль-Аббаса, если ты его не спросишь, я потушу твоё дыхание!»

И тут юноша обернулся к везиру и спросил его: «Что это вы с товарищем разговариваете потихоньку? Расскажи мне о вашем деле! – „Все хорошо“, – ответил Джафар. Но юноша воскликнул: „Прошу тебя, ради Аллаха, расскажите мне вашу историю и не скрывайте от меня ничего!“ И тогда Джафар сказал: „О владыка, он увидел у тебя на боках удары и следы бичей и плетей и удивился этому до крайних пределов и сказал: „Как это можно бить халифа!“ И он хочет узнать, в чем причина этого“.

И, услышав это, юноша улыбнулся и сказал: «Знайте, моя история удивительна и дело моё диковинно; будь оно написано иглами в уголках глаз, оно послужило бы назиданием для поучающихся».

И затем он стал испускать вздохи и произнёс такие стихи:

«Рассказ мой чудесен, все он дивное превзошёл,
Любовью клянусь, тесны мне стали все выходы!
Хотите вы выслушать меня, так послушайте,
И пусть все собрание повсюду безмолвствует,
Внимайте словам моим, ведь в них указание –
Поистине, речь моя правдива – не ложь она!
Повержен я страстию и сильной влюблённостью,

³²² По мусульманскому закону карой за воровство является отсечение правой руки. Наказание применяется, однако, лишь при соблюдении ряда условий; отсутствие хотя бы одного из них позволяет ограничиться бичеванием вора и взысканием с него убытков в пользу потерпевшего.

И лучите сразившая меня полногрудых всех.
Её насурмлеинный глаз подобен индийскому
Клинку, и разит она из лука бровей стрелой.
И сердцем почуял я, что здесь наш имам среди вас,
Халиф сего времени, потомок прекраснейших.
Второй же из вас, кого зовёте вы Джафаром, –
Везирь у халифа он, владыка, владыки сын.
А третий из вас – Масрур, палач воздаяния,
И если май слова не ложны, а истинны, –
Добился, чего хотел во всем этом деле я,
И радость со всех сторон мае в сердце пришла теперь».

И, услышав от юноши эти слова, Джафар поклялся ему, употребив двусмысленную клятву, что они – не те, кого он упомянул, а юноша засмеялся и сказал: «Знайте, о господа мои, что я не повелитель правоверных, и я назвал себя этим именем только для того, чтобы достичь того, чего я желаю от жителей этого города. Имя моё – Мухаммед Али, сын Али, ювелир. И мой отец был из числа Знатных, и он умер и оставил мне большое имущество: золото, серебро, жемчуг, кораллы, и яхонты, и топазы, и другие камни, и поместья, и бани, и рощи, и сады, и лавки, и печи, и рабов, и невольниц, и слуг. И случилось, что в какой-то день я сидел в своей лавке, окружённый слугами и челядью, и вдруг подъехала девушка верхом на муле, и прислуживали ей три невольницы, подобные лунам. И, приблизившись ко мне, она спешила подле моей лавки и села подле меня и спросила: „Ты ли Мухаммед, ювелир?“ И я ответил: „Да, это я, твой раб и невольник“. А она спросила: „Есть ли у тебя ожерелья из драгоценных камней, подходящие для меня?“ – „О госпожа, – отвечал я, – я тебе покажу и принесу тебе то, что у меня есть, и если тебе что-нибудь понравится, это будет счастьем для твоего раба, а если не понравится, то злой моею долей“.

А у меня было сто ожерелий из дорогих камней, и я показал ей их все, но ни одно ей не понравилось, и она сказала: «Я хочу чего-нибудь лучше, чем то, что я видела».

А у меня было маленькое ожерелье, которое мой отец купил за сто тысяч динаров, и не найти подобного ему ни у кого из великих султанов; и я сказал девушке: «О госпожа, у меня осталось ожерелье из камней и драгоценностей, равным которому не владел никто из великих и малых». – «Покажи мне его, – сказала девушка, и, увидав ожерелье, она воскликнула: – Вот то, что я ищу, и этого мне всю жизнь хотелось! Сколько оно стоит?» И я сказал: «Моему отцу оно стоило сто тысяч динаров». И девушка молвила: «Тебе будет пять тысяч динаров прибыли». – «О госпожа, ожерелье и его обладатель перед тобою, и нет у меня возражения!» – сказал я, и девушка молвила: «Прибыль обязательна, и это великая от тебя милость!»

А потом она тотчас же поднялась и поспешно села на мула и сказала мне: «О, господин, во имя Аллаха, пожалуй вместе с нами, чтобы взять деньги; твой сегодняшний день для нас подобен молоку!»³²³ И я поднялся и запер лавку и отправился с ней, хранимый Аллахом, и мы шли, пока не достигли её дома, и я увидел, что это дом, на котором ясны следы счастья. И ворота его были украшены золотом, серебром и лазурью, и на них были написаны такие два стиха:

О дом, пускай печаль в тебя не входит,
Господ твоих пусть время не обманет!
Прекрасен, дом, для всякого ты гостя,
Когда для гостя всюду стало тесно.

³²³ То есть бел, прекрасен, как молоко.

И девушка спешила и вошла в дом, а мне велела посидеть на скамье у ворот, пока не придёт меня. И я просидел немного у ворот дома, и вдруг вышла ко мне невольница и сказала: «Господин, войди в сени: скверно, что ты сидишь у ворот». И я поднялся и вошёл в сени и сел на скамеечку. И когда я сидел, вдруг вышла ко мне невольница и сказала: «О господин, моя госпожа говорит тебе: „Войди и посиди у дверей в зал, пока не получишь свои деньги“. И я поднялся и вошёл в комнату и просидел одно мгновение, и вдруг увидел золотую скамеечку, перед которой была опущена шёлковая занавеска. И эту занавеску вдруг подняли, и из-за неё появилась та девушка, что купила у меня ожерелье, и она открыла лицо, подобное кругу луны, а ожерелье было у неё на шее. И ум мой был восхищён, и сердце моё смутилось при виде этой девушки из-за её чрезмерной красоты и прелести; и, увидав меня, девушка поднялась со скамеечки и побежала ко мне и воскликнула: „О свет моего глаза, всякий ли, кто красив, как ты, не сжалится над своей любимой?“ – „О госпожа, – отвечал я, – красота вся в тебе, и она – одно из твоих свойств“. А девушка молвила: „О ювелир, Знай, что я тебя люблю, и мне не верилось, что я тебя приведу к себе!“ И затем она склонилась ко мне, и я поцеловал её, и она меня поцеловала и притянула меня к себе и кинула меня к себе на грудь...»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Двести девяносто первая ночь

Когда же настала двести девяносто первая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что ювелир говорил: „И затем она склонилась ко мне и поцеловала меня и притянула меня к себе и кинула меня к себе на грудь. И она поняла, по моему состоянию, что я хочу сближения с нею, и сказала: „О господин, желаешь ли ты соединиться со мной запретно? Клянусь Аллахом, пусть не будет того, кто совершит подобные прегрешения и удовлетворится дурными словами! Я – девушка невинная, и не приближался ко мне никто, и я неизвестна в городе. Знаешь ли ты, кто я?“ – «Нет, клянусь Аллахом, о госпожа!» – ответил я, и она сказала: «Я Ситт-Дунья, дочь Яхьи ибн Халида, Бармакида³²⁴, и брат мой – Джафар, везирь халифа».

И когда я услышал это, моё сердце отпрянуло от неё, и я воскликнул: «О госпожа, я не виноват, что напал на тебя: ты сама разохотила меня к сближению, приведя меня к себе!» – «С тобой не будет беды, – сказала девушка, – и ты непременно достигнешь желаемого так, как будет угодно Аллаху. Власть надо мной в моих руках, и кади заключит за меня брачный договор. Я хочу быть тебе женой и чтобы ты был мне мужем».

И потом она позвала кади и свидетелей и не пожалела стараний, и когда эти люди явились, сказала им: «Мухаммед Али, сын Али, ювелир, пожелал на мне жениться и дал мне это ожерелье в приданое, а я приняла его и согласилась». И они написали мой договор с девушкой, и я вошёл к ней, и она велела принести приборы для вида, и кубки пустили вкруговую в наилучшем порядке и с совершеннейшим умением, и когда вино засверкало у нас в головах, девушка велела невольнице-лютнице петь, и та взяла лютню и, заведя напев, произнесла такие стихи:

«Явился и показал луну и газель и ветвь,
Погибнет же пусть душа, в него не влюблённая!
Красавец! Хотел Аллах волнение погасить
Ланит его, началось другое волнение.
Я спорю с хулящими, когда говорят они

³²⁴ Яхья ибн Халид – второй представитель везирской династии Бармакидов, воспитатель и везирь халифа Харуна арРашида (годы правления 786-809), фактически державший в своих руках управление халифатом.

О нем, словно не люблю о нем поминания.
И слушаю о другом, когда говорят со мной
Прилежно, хоть таю сам, о том первом думая,
Пророк красоты! Все в нем – диковина прелести,
Но только лицо его – вот чудо великое,
Биляль его родинки³²⁵ на блюде щеки его
Стоит и из жемчуга чела его ждёт зари.
Хулитель, по глупости, желает, чтобы я забыл
Его, но я веровал, не буду неверным я».

И девушка пришла в восторг от исполненных невольницей песен на лютне и нежных стихов. И невольницы продолжали петь одна за другой и говорили стихи, пока не спели десять невольниц, и после того Ситт-Дунья взяла лютню и, затянув напев, произнесла такие стихи:

«Клянусь нежностью я боков твоих столь гибких, –
От огня страдаю разлуки я с тобою,
Пожалей же сердце, горящее любви пламенем,
О месяц полный в мраке предрассветном!
Подари сближенье с тобою мне, – постоянно я
Красоту твою при сиянье кубка вижу.
Как будто розы цвета всевозможного
Своей прелестью между белых мирт блистают».

А когда она окончила стихи, я взял у неё лютню и, ударив по ней на диковинный лад, пропел такие стихи:

«Прееславлен господь, что дал тебе все красоты,
И сделался я одним из тех, кто твой пленник,
О ты, чей пленяет взор весь род человеческий
Пощады для вас проси у стрел, что ты мечешь.
Две крайности – огонь и влага в рдеющем пламени –
Сошлись на щеке твоей по дивной природе.
Ты – пламя в душе моей, и счастье ты для неё»
О, как ты горька в душе и как ты сладка в ней?»

И, услышав от меня эту песню, девушка обрадовалась сильной радостью, а затем она отпустила невольниц, и мы пошли в наилучшее место, где нам постлали постель всевозможных цветов, И девушка сняла бывшие на ней одежды, и я уединился с нею уединеньем любимых, и увидел я, что она жемчужина несверленная и кобылица необъезженная, и обрадовался ей, и я в жизни не видел ночи приятнее, чем эта ночь...»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Двести девяносто вторая ночь

Когда же настала двести девяносто вторая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что Мухаммед ибн Али, ювелир, говорил: «И когда я вошёл к Ситт-Дунья,

³²⁵ Биляль – по происхождению эфиоп (отсюда уподобление его чёрной родинке) – согласно преданию, был первым муэдзином, служителем мечети, призывавшим верующих на молитву.

дочери Яхьи ибья Халида Бармакнда, я увидел, что она жемчужина несверленная и кобылица необъезженная, и произнёс такие два стиха:

«Я обнял её, как кольцо голубки³²⁶, рукой своей,
Только кисть была, чтобы покров поднять, свободна.
Поистине, вот успех великий! Все время мы
Обнимались с ней и расстаться не хотели».

И я пробыл с нею целый месяц и оставил лавку и близких и родные места, и в один день из дней она сказала мне: «О свет моего глаза, о Сиди Мухаммед, я решила сегодня пойти в баню. Оставайся же на этом ложе и не сходи с места, пока я не вернусь к тебе».

И она заставила меня поклясться в этом, и я сказал ей: «Слушаю и повинуюсь!» А затем она взяла с меня клятву, что я не двинусь с места, и, захватив своих девушек, ушла в баню, и, клянусь Аллахом, о братья, не успела она ещё дойти до конца переулка, как дверь вдруг отворилась и в неё вошла старуха и сказала: «О Сиди Мухаммед, Ситт-Зубейда зовёт тебя: она прослышала, как ты образован, остроумен и искусен в пении». – «Клянусь Аллахом, я не встану с места, пока не придёт Ситт-Дунья!» – ответил я. И старуха сказала: «О господин мой, не допусти, чтобы Ситт-Зубейда разгневалась на тебя и стала твоим врагом! Поднимись же, поговори с ней и возвращайся на твоё место».

И я тотчас же поднялся и пошёл, и старуха шла впереди меня, пока не привела меня к Ситт-Зубейде, а когда я пришёл к ней, она сказала: «О свет глаза, ты возлюбленный Ситт-Дунья?» – «Я твой невольник и раб!» – ответил я. И Ситт-Зубейда воскликнула: «Правду сказал тот, кто приписал тебе красоту, прелесть, образованность и совершенство! Ты выше описаний и слов! Но спой мне, чтобы я тебя услышала». – «Слушаю и повинуюсь!» – ответил я. И она принесла мне лютню, и я пропел под неё такие стихи:

«Ведь сердце влюблённого бранят за любимых,
И тело ограблено рукою недуга.
И всякий среди едущих, чьи кони уж взнузданы,
Влюблён, и возлюбленный его в караване.
Аллаху я поручил луну в вашем таборе –
Я сердцем люблю её, от глаз она скрыта.
Довольна иль сердится, как сладок каприз её!
Ведь все, что ни делает любимый, – любимо».

И, когда я кончил петь, она воскликнула: «Да сделает Аллах здоровым твоё тело и душистым твоё дыхание! Ты достиг совершенства в красоте, образованности и пенье! Поднимайся же и иди на своё место прежде, чем придёт Ситт-Дунья, – она не найдёт тебя и рассердится».

И я поцеловал землю меж рук Ситт-Зубейды и вышел, и старуха шла впереди меня, пока я не дошёл до той двери, через которую вышел, и я вошёл и подошёл к ложу, и увидел что Ситт-Дунья уже пришла из бани и спит на ложе. И я сел у её ног и стал их растирать, и Ситт-Дунья открыла глаза и, увидев меня, сдвинула ноги и толкнула меня и сбросила меня с ложа. «Обманщик, – сказала она мне, – ты нарушил клятву и не сдержал её! Ты обещал мне, что не сдвинешься с места, и нарушил обещание и ушёл к Ситт-Зубейде. Клянусь Аллахом, если бы я не боялась позора, я бы опрокинула её дворец ей на голову!»

И потом она сказала своему рабу: «О Сауаб, встань, отруби голову этому обманщику и лгуну – нет дам до него нужды!» И раб подошёл ко мне и, оторвав кусок от подола, завязал мне глаза и хотел отрубить мне голову...»

³²⁶ Имеется в виду красная полоса вокруг шеи голубей.

И Шахразадю застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Двести девяносто третья ночь

Когда же настала двести девяносто третья ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что Мухаммед ювелир говорил: „И раб подошёл ко мне и, оторвав кусок от подола, завязал мне глаза и хотел отрубить мне голову. И тогда поднялись невольницы Ситт-Дунья, большие и маленькие, и сказали ей: „О госпожа, это не первый, кто ошибся, не зная твоего нрава. Он не совершил греха, требующего убийства!“ – „Клянусь Аллахом, я непременно оставлю на нем след!“ – воскликнула она и затем велела побить меня. И меня били по рёбрам, и то, что вы видели, – следы этих побоев. А после этого она приказала меня вывести, и меня вывели и увели далеко от дворца и бросили. И я потащился и шёл мало-помалу, пока не дошёл до своего дома, и тогда я позвал лекаря и показал ему следы побоев, и он стал за мной ходить и постарался меня вылечить. И когда я выздоровел, я сходил в баню, и прошли мои боли и недуги. И я пришёл в лавку и взял все, что там было, и продал, и на эти деньги купил себе четыреста невольников, которых не собрал у себя ни один царь, и со мной стали выезжать каждый день двести из них. И я сделал этот челнок, истратив на него пять тысяч золотых динаров, и назвал себя халифом и дал каждому из бывших со мною слуг должность одного из приближённых халифа, и придал ему облик, подобный его облику, и я призывал всякого, кто прогуливался по Тигру, и рубил ему голову без отсрочки. И я живу таким образом целый год и не слышал вести о Ситт-Дунья и не напал на её след“.

И потом он заплакал и пролил слезы и произнёс такие стихи:

«Аллахом клянусь, всю жизнь её не забуду,
И близок лишь буду к тем, кто близость с ней даст мне!
Как будто она луна по сущности облика,
Преславен творец её, преславен создатель!
Я худ и печален стал, не сплю я из-за неё,
И сердце смутили мне красавицы свойства».

И когда Харун ар-Рашид услышал слова юноши и узнал, что тот влюблён, увлечён и охвачен страстью, он смутился от волнения и растерялся от удивления и воскликнул: «Слава Аллаху, который создал для всякой вещи причину!»

И затем они попросили у юноши позволения уйти, и тот позволил, и ар-Рашид задумал оказать ему справедливость и одарить его до крайней степени. И они удалились от юноши, направляясь в халифский дворец, и уселись, и переменили бывшую на них одежду, и надели одеяние торжеств.

И Масрур, палач мести, встал перед ними, и халиф сказал Джафару: «О везирь, ко мне того юношу».

И Шахразадю застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Двести девяносто четвёртая ночь

Когда же настала двести девяносто четвёртая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что халиф сказал везиру: „Ко мне того юношу, у которого мы были прошлой ночью!“ И везирь отвечал: „Слушаю и повинуюсь!“

И затем он отправился к юноше и приветствовал его и сказал: «Отвечай повелителю правоверных, халифу Харуну ар-Рашиду!» И юноша пошёл с ним во дворец, окружённый стражниками. А войдя к халифу, он поцеловал землю меж его рук и пожелал ему вечной

славы и успеха, и осуществления надежд, и постоянного счастья, и прекращения неудач и несчастий, и отличился он в том, что высказал, сказавши: «Мир тебе, о повелитель правоверных и защитник собрания верных!»

И затем он произнёс такие стихи:

«Пусть же будет дверь твоя Каабой вечно желанною,
А земля пред ней на лбах пусть будет знаком,
Чтобы в странах всех о тебе всегда кричать могли:
«Ты Ибрахим, а вот Макам, по правде!»³²⁷

И халиф улыбнулся ему в лицо, и ответил на его привет, и обратился к нему око уважения, и приблизил его к себе, и посадил его перед собою, и сказал: «О Мухаммед Али, я хочу, чтобы ты мне рассказал, что произошло с тобою сегодня ночью, – поистине, это чудо и редкостное диво».

И юноша отвечал: «Прости, о повелитель правоверных, дай мне платок пощады, чтобы утих мой страх и успокоилось моё сердце». А халиф сказал: «Тебе будет пощада от страха и печали». И юноша начал ему рассказывать о том, что досталось ему на долю, от начала до конца.

И халиф понял, что юноша влюблён в разлучён с любимой, и спросил его: «Хочешь ли ты, чтобы я вернул её тебе?» И юноша молвил: «Это будет милостью повелителя правоверных».

И затем он произнёс такие стихи:

«Целуй его пальцы ты, – не пальцы они совсем,
Скорее они ключи к достатку и благу.
За милость благодари его-то не милость ведь,
Скорее ожерелье на шеях красавиц».

И тогда халиф обратился к везиру и сказал ему: «О Джафар, приведи ко мне твою сестру Ситт-Дунья, дочь везира Яхьи ибн Халида!» И везир отвечал: «Слушаю и повинуюсь, о повелитель правоверных!»

И он в тот час и минуту привёл её, и когда она предстала перед халифом, тот спросил её: «Знаешь ли ты, кто это?» – «О повелитель правоверных, откуда женщинам знать мужчин?» – сказала Ситт-Дунья.

И халиф улыбнулся и молвил: «О Дунья, это твой возлюбленный Мухаммед Али, сын ювелира. Мы узнали, в чем дело, и слышали эту историю от начала до конца и поняли явное и тайное, и ничто от нас не скрылось, хотя его и скрывали». – «О повелитель правоверных, – сказала Ситт-Дунья, – это было начертано в книге, и я прошу прощения у Аллаха великого за то, что из-за меня произошло, а тебя прошу по твоей милости извинить меня».

И халиф Харун ар-Рашид засмеялся и призвал кади и свидетелей, и возобновил договор Ситт-Дунья с её мужем, Мухаммедом Али, сыном ювелира, и выпало ей на долю счастливейшее счастье и огорчение завистников. И халиф сделал Мухаммеда одним из своих сотрапезников, и проводили они жизнь в радости, наслаждении и благоденствии, пока не пришла к ним Разрушительница наслаждений и Разлучительница собраний.

Рассказ о мешке (ночи 294-296)

³²⁷ Макам (точнее «Макам Ибрахим» – «Место Ибрахима») – небольшое строение в ограде мекканского храма, где хранится камень, на котором будто бы стоял Ибрахим (библейский Авраам), построивший, согласно легенде, Каабу.

Рассказывают также, что халиф Харун ар Рашид в одну ночь из ночей был взволнован, и позвал он своего везиря, и когда тот предстал перед ним, сказал ему «О Джафар, я сегодня ночью был охвачен великим беспокойством, и моя грудь стеснилась, и я хочу от тебя чего-нибудь, что обрадовало бы моё сердце и расправило бы мою грудь». – «О повелитель правоверных, у меня есть друг, по имени Али-персиянин, и он знает рассказы и увеселяющие повести, которые радуют душу и отгоняют от сердца дурное», – сказал Джафар. И халиф воскликнул: «Ко мне его!» И Джафар отвечал: «Слушаю и повинуюсь!»

И потом Джафар вышел от халифа на поиски Алиперсиянина, и послал за ним, и когда Али явился, сказал ему: «Отвечай повелителю правоверных!» И Али отвечал: «Слушаю и повинуюсь!..»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Двести девяносто пятая ночь

Когда же настала двести девяносто пятая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что персиянин сказал: „Слушаю и повинуюсь!“ – и отправился с Джафаром к халифу. И когда он предстал перед халифом, ар Рашид позволил ему сесть, и он сел, и халиф сказал ему: „О Али, у меня стеснилась сегодня ночью грудь, а я слышал про тебя, что ты помнишь рассказы и повести, и хочу, чтобы ты мне рассказал что-нибудь, что прогонит мою заботу и развеселит мой ум“. – „О повелитель правоверных, рассказать ли тебе то, что я видел глазами, или то, что слышал ушами?“ – спросил Али. И халиф оказал: „Если ты что-нибудь видел, рассказывай!..“

«Слушаю и повинуюсь! – отвечал Али. – Знай, о повелитель правоверных, что я выехал в какомто году из своего города – а это город Багдад – и вместе со мной был слуга, у которого был небольшой мешок. Мы прибыли в один город, и пока я там продавал и покупал, вдруг какой то человек из курдов, жестокий преступник, набросился на меня и отнял у меня мешок и сказал: „Это мой мешок, и все, что там есть, моё достоянье!“ – „О собрание мусульман, освободите меня из рук нечестивейшего из обидчиков!“ – закричал я, и все люди сказали: „Идите к кади и примите его приговор с удовлетворением“. И мы отправились к кади, и я был согласен на его приговор. И когда мы вошли к кади и предстали перед ним, он спросил: „Из за чего вы пришли и в чем ваше дело?“ И я сказал: „Мы соперники и вызываем к твоему суду“ согласные на твой приговор». – «Который из вас жал об итак?» – спросил кади. Тогда курд выступил вперёд и сказал: «Да поддержит Аллах владыку нашего – кади! Этот мешок – мой мешок, и все, что в нем есть, – моё достоянье. Он пропал, и я нашёл его у этого человека». – «А когда он у тебя пропал?» – спросил кади. «Накануне, и я провёл ночь без сна из за его исчезновения», – ответил курд. «Если ты узнал этот мешок, расскажи мне, что в нем есть», – сказал кади. И курд ответил: «В этом мешке две серебряные иглы и разная сурьма для глаз, и плаюк для рук, и я положил туда два позолоченных горшка и два подсвечника, и там находятся две палатки, два блюда, две ложки две лампы, подушка, два ковра, два кувшина, поднос, два таза, котёл, две кружки, поварёшка, игольник, две торбы, кошка, две собаки, миска, два больших мешка, кафтан, две меховые шубы, корова, два телёнка, коза, пара ягнят, овца, пара козлят, два Зелёных шатра, верблюды, две верблюдицы, буйволица, пара быков, львица, два льва, медведица, две лисицы, скамеечка, два ложа, дворец, две беседки, сводчатый проход, два зала, кухня с двумя дверями и толпа курдов, которые засвидетельствуют, что этот мешок – мой мешок». – «Эй ты, а ты что скажешь?» – спросил кади. И я подошёл к нему (а курд ошеломил меня своими речами) и сказал: «О повелитель правоверных. Да возвеличит Аллах нашего владыку кади! У меня в этом мешке только разрушенный домик, и другой, без дверей, и собачья конура, и там школа для детей, и юноши, которые играют в кости, и палатки, и верёвки, и город Басра, и Багдад, и дворец Шеддада, сына Ада, и горн кузнеца, и сеть рыбака, и палки, и „одышки, и девушки, и юноши, и тысяча сводников, которые засвидетельствуют, что этот мешок – мой мешок“.

И когда курд услышал эти слова, он заплакал и зарыдал и воскликнул: «О владыка наш кади, этот мешок известен, и все, что в нем есть, описано! В этом мешке укрепления и крепости, журавли и львы, и люди, играющие в шахматы на досках, и в этом моем мешке кобыла и два жеребёнка, и жеребец, и два коня, и два длинных копья, и там находится лев, два зайца, город и две деревни, и девка, и два ловких всадника, и распутник в женском платье, и два висельника, и слепой, и два зрячих, и хромой, и два расслабленных, и священник с двумя дяконами, и патриарх, и два монаха, и кади, и два свидетеля, которые засвидетельствуют, что этот мешок – мой мешок». – «Что ты скажешь, Али? – спросил кади. И я исполнился гнева, о повелитель правоверных, и подошёл к кади и сказал: „Да поддержит Аллах владыку нашего – кади...“

И Шахразду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Двести девяносто шестая ночь

Когда же настала двести девяносто шестая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что персиянин говорил: «И я исполнился гнева, о повелитель правоверных, и подошёл к кади и сказал ему: «Да поддержит Аллах владыку нашего, кади! В этом моем мешке кольчуги и лезвия, и кладовые с оружием, и тысяча бодливых баранов, и там пастбище для скота, и тысяча лающих псов, и сады, и виноградники, и цветы, и благовония, и смоквы, и яблоки, кувшины и кубки, и картины, я статуи, и прекрасные невесты, и певичцы, и свадьбы, и суета и крик, и обширные области, и удачливые братья, и прекрасные товарищи – ас ними и мечи, и копья, и стрелы, и луки – и друзья, и любимые, и приятели, и товарищи, и клетки для орлов, и сотрапезники для питья, и тамбуры³²⁸, и свирели, и знамёна, и флаги, и дети, и девушки, и открытые невесты, и невольницы, певичцы, и пять абиссоинок, и три индуски, и четыре мединки, и двадцать румиек; пятьдесят турчанок, семьдесят персиянок, восемьдесят курдов и девяносто грузинок, и Тигр, и Евфрат, и сеть рыбака, и огниво, и кремь, и Ирем многостолбный, и тысяча распутников, и сводник, и ристалища, и стойла, и мечети, и бани, и каменщик, и столяр, и кусок дерева, и гвоздь, и чёрный раб с флейтой, и начальник, и стремянный, и города, и области, и сто тысяч динаров, я Куфа с аль-Анбаром³²⁹, и двадцать сундуков, полных материи, и пятьдесят кладовых для припасов, и Газза, и Аскалон³³⁰, и земля от Дамьетты до Асуана, и дворец Хосроя Ануширвана, и царство Сулеймана, и страны от долины Намана до земли Хорасана, и Балх, и Испахан. И страна от Индии до Земли чёрных³³¹. И в нем – да продлит Аллах жизнь владыки нашего кади! – исподнее платье и куски полотна и тысяча острых бритв, которые обреют бороду кади, если он не побоится меня наказать и постановит, что этот мешок не мой».

И когда кади услышал мои слова, его ум смутился и он воскликнул: «Я вижу, что вы

³²⁸ Тамбур – музыкальный инструмент типа мандолины.

³²⁹ Куфа – город на западном берегу Евфрата, к югу от развалил древнего Вавилова. Одно время был столицей халифата. Аль-Анбар – древний город в нижней Месопотамии.

³³⁰ Газза – город, знаменитый в истории крестовых походов, находится в юго-западной Палестине. Аскалон – город северней Газзы, на побережье Средиземного моря, тоже нередко упоминается в истории крестовых походов.

³³¹ Дамьетта и Асуан – города в Египте. Долина Намана – часто встречаемое у арабов географическое название. Местоположение неизвестно. Балх и Испахан – города в Иране. Земля чёрных (Судан) – та часть Африки, к югу от Сахары, куда проник ислам.

оба просто скверные люди или зиндики³³², вы играете с достоинством кади и законами и не боитесь порицаемого, так как не описывали описывающие и не слыхивали слышащие ничего удивительнее того, что вы сказали, и не говорил подобного этому говорящий! Клянусь Аллахом, от Китая до дерева Умм Гайлан, и от стран персов до земли Судан, и от долины Намана до земли Хорасана не уместить того, о чем вы оба упомянули, и не поверит никто тому, что вы утверждаете! Разве этот мешок – море, у которого нет дна, или день смотра³³³, когда соберутся чистые и нечестивые?

И потом кади велел открыть мешок, и я открыл его, и вдруг оказывается в нем хлеб, и лимон, и сыр, и маслины! И я бросил мешок перед курдом и ушёл».

И когда халиф услышал от Али-персиянина этот рассказ, он опрокинулся навзничь от смеха и хорошо наградил его.

Рассказ об Абу-Юсуфе (ночи 296-297)

Рассказывают, что Джафар Бармакид однажды вечером разделял с ар-Рашидом трапезу, и ар-Рашид сказал ему: «О Джафар, до меня дошло, что ты купил такую-то невольницу, а я уже давно стремлюсь купить её, так как она прекрасна до предела, и моё сердце занято любовью к ней. Продай мне её».

«Я её не продам, о повелитель правоверных», – ответил Джафар. «Ну так подари мне её», – молвил ар-Рашид. И Джафар сказал: «Не подарю!» И тогда ар-Рашид воскликнул: «Зубейда трижды разведена³³⁴ со мной, если ты не продашь мне невольницу или не подаришь мне её!» И Джафар оказал: «Моя жена трижды разведена со мной, если я тебе продам эту невольницу или подарю её тебе!»

А потом они опомнились от хмеля и поняли, что попали в великое дело, и были бессильны придумать какую-нибудь хитрость, и ар-Рашид воскликнул: «Вот происшествие, для которого не пригодится никто, кроме Абу-Юсуфа!»³³⁵ И его потребовали, а это было в полночь, и когда посланный пришёл, Абу-Юсуф поднялся, испуганный, и сказал про себя: «Меня призывают в такое время только ради какого-нибудь дела, постигшего ислам!»

И он поспешно вышел и сел на мула и сказал своему слуге: «Возьми с собой торбу; может быть, мул не получил весь свой корм, и, когда мы приедем в халифский дворец, привяжи ему торбу, и он будет есть оставшийся корм, пока я не выйду, если он не получил всего корма сегодня вечером». И слуга отвечал: «Слушаю и повинуюсь!»

И когда Абу-Юсуф вошёл к ар-Рашиду, тот встал перед ним и посадил его на ложе с собою рядом (а он не сажал с собою никого, кроме него) и сказал ему: «Мы потребовали тебя в такое время лишь для важного дела, и оно обстоит так-то и так-то, и мы бессильны придумать какую-нибудь хитрость».

«О повелитель правоверных, – сказал Абу-Юсуф, – это дело самое лёгкое, какое бывает! О Джафар, – молвил он, – продай повелителю правоверных половину невольницы и подари ему половину, и вы оба исполните таким образом клятву».

И повелитель правоверных обрадовался, и оба сделали так, как велел им Абу-Юсуф, а затем ар-Рашид воскликнул: «Приведите невольницу сейчас же!..»

³³² Зиндик – еретик, вольнодумец.

³³³ День смотра – один из многочисленных синонимов выражения «день страшного суда».

³³⁴ Клятва тройным разводом у мусульман считается одной из самых торжественных, и неисполнение её влечёт за собой окончательный развод, после которого муж не имеет права взять жену обратно. Зубейда – любимая жена Харуна арРашида.

³³⁵ Абу-Юсуф Якуб – знаменитый законовед (ум. в 828 г.), имел большое влияние на ар-Рашида.

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Двести девяносто седьмая ночь

Когда же настала двести девяносто седьмая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что халиф Харун ар-Рашид воскликнул: „Приведите невольницу сейчай же – я сильно тоскую по ней!“ И, когда невольницу привели к нему, он сказал кади Абу-Юсуфу: «Я хочу погнать её теперь же, я не могу терпеть, пока пройдёт законный срок очищения!³³⁶ Как быть?» – «Приведите мне невольника из невольников повелителя правоверных, которые ещё не были освобождены!» – сказал Абу-Юсуф. И когда ему привели невольника, он молвил: «Позволь мне женить его на невольнице, а потом он с ней разведётся, не входя к ней, и тебе будет дозволено познать её сейчас же, без срока очищения».

И это понравилось ар-Рашиду больше, чем первая хитрость, и, когда невольник явился, халиф сказал кади: «Я позволяю тебе заключить её брачный договор». И кади сделал обязательным для невольника брак, и тот принял условие. И после этого кади сказал ему: «Разведись с нею, и тебе будет сто динаров». Но невольник воскликнул: «Не сделаю!» И кади все прибавлял ему, а он отказывался, пока Абу-Юсуф не предложил ему тысячу динаров. И тогда невольник спросил кади: «Развод в моих руках, или в твоих руках, или в руках повелителя правоверных?» И кади ответил: «Да, он в твоих руках». И невольник воскликнул: «Клянусь Аллахом, я никогда этого не сделаю!» И гнев повелителя правоверных усилился, и он воскликнул: «Где хитрость, о Абу-Юсуф?» И кади Абу-Юсуф сказал: «О повелитель правоверных, не печалься – дело ничтожное! Отдай невольника во владение этой невольнице». – «Я отдал его ей во владение», – молвил халиф. И кади сказал невольнице: «Скажи: „Принимаю!“» И невольница сказала: „Принимаю!“ И тогда кади воскликнул: „Я постановляю их разлучить, так как невольник перешёл во владение невольницы и брак оказался расторгнутым!“

И повелитель правоверных встал на ноги и воскликнул: «Подобный тебе должен быть кадием во время моей жизни!» И он приказал принести подносы с золотом, и их принесли и высыпали перед ним, и халиф спросил кади: «Есть с тобою что-нибудь, во что положить золото?»

И кади вспомнил о торбе мула и велел её принести, и торбу наполнили золотом, и кади взял её и уехал домой, а когда наступило утро, он сказал своим друзьям: «Нет пути к вере и благам мира легче и ближе, чем путь знания, – я получил эти большие деньги за два или три вопроса».

Посмотри же, о поучающийся, как интересно это происшествие: в нем заключаются красивые черты – свобода обращения везира с ар-Рашидом, мудрость халифа и ещё большая мудрость кади. Да помилует же Аллах великий души их всех!

Рассказ об Халиде ибн Абд-Аллахе аль-Касри (ночи 297-299)

Рассказывают также, что Халид ибн Абд-Аллах аль-Касри был эмиром Басры и к нему пришла толпа людей, которые вцепились в юношу, обладавшего блестящей красотой, явной образованностью и великим умом; его облик был красив, и от него хорошо пахло, и отличался он спокойствием и достоинством.

И юношу подвели к Халиду, и тот спросил, какова его история, и ему сказали: «Это вор, которого мы застigli вчера в нашем жилище».

И Халид посмотрел на юношу, и ему понравилась его красота и чистота его одежды.

³³⁶ Срок очищения – время, в течение которого разведённая жена или невольница не может вступить в новый брак.

«Отпустите его!» – сказал он и подошёл к юноше и спросил, какова его история, и юноша сказал: «Эти люди были правдивы в том, что говорили, и дело обстоит так, как они сказали». – «Что побудило тебя на это, когда ты красиво одет и прекрасен внешностью?» – спросил его Халид, и юноша сказал: «Меня побудили на это жадность к мирским благам и приговор Аллаха – слава ему и величие!» – «Да потеряет тебя твоя мать! Разве не было в красоте твоего лица, в совершенстве твоего ума и в прекрасной образованности для тебя запрета, который бы удержал тебя от воровства?» – воскликнул Халид. «Оставь это, о эмир, и иди к тому, что повелел Аллах великий, – это воздаяние за то, что стяжали мои руки, и Аллах не обидчик для рабов», – сказал юноша.

И Халид молчал некоторое время, раздумывая о его деле, а затем он велел ему приблизиться и сказал: «Твоё признание в присутствии свидетелей меня смущает, и я не думаю, что ты вор. Может быть, у тебя есть какая-нибудь история, кроме кражи? Расскажи мне её». – «О эмир», – сказал юноша, – «Пусть не западёт тебе в душу что-нибудь, кроме того, в чем я перед тобою признался. У меня нет истории, которую я бы мог тебе рассказать, кроме того, что я вошёл в дом этих людей и украл, что мог, и меня настигли и отняли от меня украденное и привели меня к тебе».

И Халид велел заточить юношу и приказал глашатаю кричать в Басре: «Эй, кто хочет посмотреть, как будут наказывать такого-то вора и отрежут ему руку, пусть придёт с утра в такое-то место!» И когда юноша расположился в тюрьме и ему на ноги наложили железо, он испустил глубокие вздохи и пролил слезы и произнёс такие стихи:

«Грозил отсеченьем Халид руки моей,
Когда ему не скажу я, в чем дело с ней.
Сказал я: «Вовек не будет, чтоб выдал я
Все то, что таится в сердце из страсти к пей.
Пускай мне отрубят руку, – признался я, –
То легче, чем опозорить любимую».

И это слышали люди, сторожившие юношу, и они пришли к Халиду и рассказали ему о том, что случилось. А когда спустилась ночь, Халид приказал привести к себе юношу, и, когда тот явился, стал его допрашивать и увидел, что юноша умен, образован, понятлив, остроумен и сообразителен. Он велел принести юноше еду, и тот поел и поговорил с эмиром некоторое время, а потом Халид сказал ему: «Я знаю, что у тебя есть история, кроме кражи. Когда наступит утро и придут люди, и явится кади и спросит тебя насчёт кражи, отрицай её и скажи что-нибудь, что отвратит от тебя наказание посредством отсечения руки. Сказал же посланник Аллаха (да благословит его Аллах и да приветствует): „Отвращайте наказание при помощи сомнительных обстоятельств“.

И затем он велел отвести его в тюрьму...»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Двести девяносто восьмая ночь

Когда же настала двести девяносто восьмая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что Халид, после того как поговорил с юношей, велел отвести его в тюрьму, и юноша провёл там ночь. Когда же настало утро, люди пришли посмотреть, как будут отсекают юноше руку, и не осталось в Басре никого, ни мужчины, ни женщины, кто бы не пришёл, чтобы увидеть, как станут наказывать этого молодца. И приехал верхом Халид и с ним знатные жители Басры и другие, а затем эмир позвал судей и велел привести юношу. И он пришёл, ковыляя в своих оковах, и никто среди видевших его не мог не заплакать, и женщины возвысили голоса, рыдая. И судья велел заставить женщин замолчать и сказал юноше: „Эти люди утверждают, что ты вошёл к ним в дом и украл их имущество; может

быть, ты украл меньше облагаемого количества?“ – „Нет, я украл как раз столько“, – отвечал юноша. „Может быть, ты владел им совместно с этими людьми?“ – спросил судья, и юноша ответил: „Нет, оно (все принадлежит им, и я не имею на него права“. И тогда Халид рассердился, и сам подошёл к юноше, и ударил его бичом по лещу, и произнёс такой стих поэта:

«И хочет муж желанного добиться,
Но даст ему Аллах лишь то, что хочет».

И затем он позвал палача, чтобы отсечь руку юноше, и палач подошёл и вынул нож, а юноша вытянул руку, и палач приложил к ней нож, и вдруг выбежала из толпы женщин девушка, на которой были грязные одежды, и вскрикнула и бросилась к юноше, а затем она открыла лицо, подобное луне, и люди подняли великий шум, от которого едва не возникла смута, мечущая искры. И девушка крикнула во весь голос: «Заклинаю тебя Аллахом, о эмир, не торопись рубить, пока не прочтёшь этой бумажки!» И она подала ему бумажку, а Халид развернул её и прочёл, и вдруг оказалось, что на ней написаны такие стихи:

О Халид, влюблённый вот, любовью охваченный,
Из луков очей моих метнул в него взгляд стрелу,
И был поражён стрелой моих очей – ведь он
Друг страсти; болезнь её вздохнуть не даёт ему,
Признался он в том, чего не делал, как будто счёл,
Что лучше так поступить, чем облик явить любви,
Потише же с юношей печальным! Поистине,
Од выше других людей по свойствам, и он не вор.

И когда Халид прочёл эти стихи, он отошёл в сторону и удалился от людей и, призвав к себе женщину, спросил её, в чем тут дело, и она рассказала ему, что этот юноша любит её, и она любит его, и он только хотел посетить её, и пошёл к дому её родных, и бросил в дом камень, чтобы дать ей знать о своём приходе. И её отец к братья услышали шум от камня и вышли к юноше, и, когда юноша слышал их, он собрал всю материю и сделал вид, что он вор, чтобы прикрыть свою возлюбленную. И девушка говорила: «Когда его увидели при таких обстоятельствах, его взяли и сказали: „Вор!“ – и привели его к тебе. И он признался в воровстве и упёрся на этом, чтобы не опозорить меня. И такие дела совершил тот, кто сам себе бросил обвинение в воровстве из-за чрезмерного своего благородства и величия души». – «Поистине, он достоин того, чтобы ему помогли добиться желаемого!» – воскликнул Халид. А затем он позвал к себе юношу и поцеловал его между глаз и велел привести отца девушки и сказал ему: «О старец, мы были намерены исполнить приговор над этим юношей и отсечь ему руку, но Аллах – велик он и славен! – уберёт меня от этого. И я приказал выдать юноше десять тысяч дирхемов, так как он не пожалел своей руки, чтобы охранить твою честь и честь твоей дочери и уберечь вас обоих от позора. И я велел выдать твоей дочери десять тысяч дирхемов, так как она рассказала мне об истине в этом деле, и я прошу тебя, чтобы ты мне позволил выдать её за него замуж». – «О эмир» я позволяю тебе это», – сказал старец, и Халид прославил Аллаха, и восхвалил его, и произнёс прекрасную проповедь...»

И Шахразад застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Двести девяносто девятая ночь

Когда же настала двести девяносто девятая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что Халид прославил Аллаха и восхвалил его и произнёс прекрасную

проповедь, и сказал юноше: „Я женил тебя на такой-то девушке, присутствующей здесь, с её позволения и согласия и с разрешения её отца, за эти деньги а размере десяти тысяч дирхемов“. – „Я согласен на этот брак“, – ответил юноша. И затем Халид велел доставить деньги в дом юноши, неся их на подносах, и люди ушли, радостные. И я не видел дня диковинней этого! Началом его был плач и огорчения, а концом – веселье и радость.

Рассказ о Джафаре Бармакиде и продавце бобов (ночь 299)

Рассказывают также, что, когда Харун ар-Рашид распял Джафара Бармакида, он велел распять всякого, кто станет оплакивать Джафара или жалеть о нем. И люди воздерживались от этого. И случилось так, что некий бедуин, живший в далёкой пустыне, каждый год приходил с касыдой к упомянутому Джафару-аль-Бармаки, и тот давал ему тысячу динаров в награду за эту касыду, и бедуин брал их и уходил и расходовал эти деньги на свою семью до конца года. И этот бедуин пришёл, по обычаю, к Джафару с касыдой, и оказалось, что Джафар распят. И бедуин пошёл к тому месту, где распяли Джафара. Поставив свою верблюдицу на колени, он заплакал сильным плачем, и опечалился великой печалью, и произнёс касыду, и заснул. И он увидел во сне Джафара Бармакида, который говорил ему: «Ты утомил себя и пришёл к нам и нашёл нас в таком положении, как ты видишь, но отправляйся в Басру и спроси человека, которого зовут так-то и так-то среди купцов в Басре, и скажи ему: „Джафар Бармакид передаёт тебе привет и говорит: «Дай мне тысячу динаров по знаку боба»».

И когда бедуин пробудился от сна, он отправился в Басру и спросил про того купца и, встретившись с ним, передал ему, что сказал ему во сне Джафар, и купец так заплакал, что чуть не расстался с земной жизнью, а затем он оказал бедуину уважение и посадил его возле себя и сделал хорошим его жилище. И бедуин пробыл у него три дня в полном уединении. И когда он хотел уйти, купец дал ему тысячу пятьсот динаров и сказал: «Тысячу было приказано дать тебе, а пятьсот – от меня в уважение к тебе, и тебе будет каждый год тысяча динаров».

А уходя, бедуин сказал купцу: «Ради Аллаха прошу тебя, Расскажи мне историю боба, чтобы я знал его происхождение». И торговец сказал ему: «Я сначала жил в бедности и торговал варёными бобами на площадях Багдада, чтобы ухитриться прожить. И я вышел в один холодный, дождливый день, и не было у меня на теле ничего, что бы уберегло меня от холода, и я то дрожал от сильной стужи, то измокал под дождём, и был я в том гнусном состоянии, когда волосы встают дыбом.

А Джафар в этот день сидел во дворце, выходявшем на площадь, и подле него были его приближённые и любимцы. И взор его упал на меня, и он сжалился над моим положением и послал ко мне кого-то из своих людей, и тот взял меня и привёл к Джафару. И, увидав меня, Джафар сказал: «Продай бобы, которые у тебя есть, моим приближённым».

И я стал мерить бобы меркой, бывшей со мной, и всякий, кто брал мерку бобов, наполнял её золотом, пока не иссякло все, что у меня было, и в корзине не осталось ничего. И потом я собрал золото, которое мне досталось, и Джафар спросил меня: «Осталось ли у тебя скольконибудь бобов?» И я отвечал: «Не знаю!» И стал искать в корзине, но не нашёл там ничего, кроме одного боба.

И Джафар взял его у меня и расщепил на две половины и одну половину взял, а другую половину дал одной из своих любимиц и спросил её: «За сколько ты купишь половину этого боба?» – «За дважды столько, сколько Здесь золота», – сказала она. И я не знал, что думать, и сказал про себя: «Это невозможно!» И пока я удивлялся, невольница вдруг отдала приказание одной из своих девушек, и та принесла золота – два раза столько, сколько его было у меня. И Джафар сказал: «Я куплю ту половину, которую я взял, за дважды столько, сколько здесь всего золота». – «Бери плату за свои бобы, – сказал мне затем Джафар и отдал приказание одному из своих слуг, и тот собрал все деньги и положил их в мою корзину, и я взял их и ушёл. А потом я пришёл в Басру и стал торговать на бывшие у меня деньги, и

Аллах расширил мой достаток, и Аллаху принадлежит слава и милость. И если я буду давать тебе каждый год тысячу динаров – часть милости Джафара – это мне несколько не повредит».

Посмотри же, каковы достоинства Джафара, хвала ему живому и мёртвому, да будет над ним милость Аллаха великого!

Рассказ об Абу-Мухаммеде-лентяе (ночи 299-305)

Рассказывают также, что Харун ар-Рашид сидел в какой-то день на престоле халифата, и вдруг вошёл к нему слуга из евнухов, с которым был венец из червонного золота, украшенный жемчугом и драгоценностями, и на венце было столько всевозможных яхонтов и камней, что не оплатить их никакими деньгами. И этот евнух поцеловал землю меж рук халифа и сказал ему: «О повелитель правоверных, Ситт-Эубейда...»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

И сестра её сказала ей: «Как прекрасен твой рассказ» и хорош, и усладителен, и нежен!»

А Шахразада ответила: «Куда этому до того, что я расскажу вам в следующую ночь, если буду жить и царь пощадит меня!»

И царь сказал про себя: «Клянусь Аллахом, я не убью её, пока не услышу конец её рассказа!»

Трехсотая ночь

Когда же настала ночь, дополняющая до трехсот, сестра Шахразады сказала ей: «Докончи нам твой рассказ!»

И Шахразада ответила: «С любовью и удовольствием, если позволит мне царь».

«Рассказывай, Шахразада!» – молвил царь.

И Шахразада сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что слуга сказал халифу: „Ситт-Зубейда целует Землю меж твоих рук и говорит тебе, что ты знаешь, что она сделала этот венец, и для него нужен большой камень, который будет на верхушке его. Но она искала в своих сокровищницах и не нашла такого большого камня, как она хочет“.

И халиф сказал царедворцам и наместникам: «Поищите такой большой камень, какой хочет Зубейда!» И они стали искать, и не нашли ничего для неё подходящего, и известили об этом халифа, и у него стеснилась грудь, и он воскликнул: «Как это, я, халиф и царь царей земли, и не могу добыть одного камня! Горе вам, спросите купцов!»

И спросили купцов, и те сказали: «Не найдёт наш владыка халиф этого камня ни у кого. Есть он только у одного человека в Басре, которого зовут Абу-Мухаммедлентяй».

И халифу рассказали об этом, и он приказал своему везиру Джафару послать грамоту к эмиру Мухаммеду аз Зубейди, правителю Басры, чтобы тот снарядил Абу-Мухаммеда-лентяю и явился с ним пред лицо повелителя правоверных. И Джафар написал грамоту такого содержания и послал её с Масруром³³⁷.

Масрур отправился с грамотой в город Басру и вошёл к эмиру Мухаммеду аз Зубейди, и тот обрадовался ему и оказал ему крайнее уважение. И Масрур прочитал эмиру грамоту повелителя правоверных Харуна ар Рашида, и эмир сказал: «Слушаю и повинуюсь!»

А затем он послал Масрура с толпой своих людей к Абу-Мухаммеду-лентяю, и они отправились к нему и постучались к нему в дверь, и к ним вышел кто-то из слуг. И Масрур сказал ему: «Скажи твоему господину: „Повелитель правоверных тебя требует!“

И слуга вошёл и сообщил об этом Абу-Мухаммеду, и тот вышел и увидел Масрура,

³³⁷ Масрур-евнух – главный палач Харуна ар Рашида.

царедворца халифа, и с ним людей эмира Мухаммеда аз Зубейди. И Абу-Мухаммед облобызал землю меж рук Масрура и сказал: «Слушаю и повинуюсь повелителю правоверных, но войдите к нам!» И они ответили: «Мы можем это сделать только наскоро, как нам приказал повелитель правоверных, – он ожидает твоего прибытия».

И Абу-Мухаммед сказал: «Подождите немного, пока я соберусь».

И они вошли с ним в дом после усиленных стараний и больших упрасиваний и увидели в проходе занавески из голубой парчи, вышитой червонным золотом. А затем Абу-Мухаммед-лентяй велел нескольким своим слугам свести Масрура в баню, и они это сделали. И Масрур увидел, что стены и мраморный пол в бане – диковинные и что они украшены золотом и серебром, а вода в бане смешана с розовой водой. И слуги занялись Масруром и теми, кто был с ним, и прислуживали им наилучшим образом, а выйдя из бани, они облачились в одежды из парчи, затканые золотом, а затем Масрур и его люди вошли и увидели, что Абу-Мухаммед-лентяй сидит у себя во дворце, и над его головой повешены занавески из парчи, затканной золотом и украшенной жемчугом, а дворец устлан подушками, вышитыми червонным золотом, и Абу-Мухаммед сидит на скамеечке, которая стоит на ложе, украшенном драгоценными камнями. И когда вошёл к нему Масрур, Абу-Мухаммед сказал: «Добро пожаловать!» – и пошёл ему навстречу и посадил его рядом с собою. А затем он велел принести стол с кушаньями, и, когда Масрур увидел этот стол, он воскликнул: «Клянусь Аллахом, я никогда не видал у повелителя правоверных стола, подобного этому». А на столе были всевозможные кушанья, и все они были разложены в фарфоровые вызолоченные блюда. «И мы ели и пили и радовались до конца дня, – говорил Масрур, – и затем Абу-Мухаммед дал каждому из нас по пяти тысяч динаров, а когда настал следующий день, нас одели в зеленые раззолоченные одежды и оказали нам крайнее уважение».

А потом Масрур сказал Абу-Мухаммеду: «Мы не можем сидеть дольше этого срока, так как боимся халифа». И Абу-Мухаммед-лентяй молвил: «О владыка, подожди нас до завтра – мы соберёмся и поедем с вами».

И они просидели этот день и провели ночь до утра, а потом слуги оседлали мула Абу-Мухаммеда золотым седлом, украшенным всевозможным жемчугом и драгоценными камнями, и Масрур оказал про себя: «Посмотри-ка! Когда Абу-Мухаммед явится к халифу в таком обличье, спросит ли его халиф о причине подобного богатства?»

И йотом они простились с Абу-Мухаммедом аз-Зубейди и выехали из Басры и поехали, и ехали до тех пор, пока не достигли города Багдада. И когда они пришли к халифу и встали пред лицо его, он велел Абу-Мухаммеду сесть, и тот сел и проявил пристойность и сказал: «О повелитель правоверных, я привёз с собою подарок, чтобы услужить тебе; принести ли мне его с твоего позволения?» – «В этом не будет беды!» – сказал ар-Рашид. И Абу-Мухаммед велел привести сундук и открыл его и стал вынимать из него всякие редкости, и среди них были Золотые деревья с листьями из белого изумруда с плодами из красного и жёлтого яхонта и белого жемчуга, и халиф удивился этому. А затем Абу-Мухаммед велел привести второй сундук и вынул из него парчовую палатку, обшитую жемчугом, яхонтами, изумрудами, топазами и всякими драгоценными камнями, и ножки её были из молодого индийского алоэ, а полы этой палатки были украшены зелёными изумрудами. И в палатке были изображения животных всякого обличия, птиц и диких зверей, и эти изображения были украшены драгоценными камнями – яхонтами, изумрудами, топазами, бадахшанскими рубинами³³⁸ и всякими дорогими металлами, и, когда ар-Рашид увидел это, он обрадовался сильной радостью.

И сказал затем Абу-Мухаммед-лентяй: «О повелитель правоверных, не думай, что я доставил тебе все это, боясь чего-нибудь или чего-нибудь желая, – я только увидел, что я

³³⁸ Бадахшан – гористая местность в верхнем течении реки Аму Дарьи. Бадахшанские рубины славились в средние века во всем мусульманском мире.

человек простой, а это, увидел я, годится лишь для повелителя правоверных. И если позволишь, я покажу тебе кое-что из того, что я могу». – «Делай что хочешь, а мы посмотрим», – ответил ар-Рашид. И Абу-Мухаммед молвил: «Слушаю и повинуюсь!» И затем он пошевелил губами и помакал пальцами зубцы на стенах дворца, и они склонились к нему, а потом ей сделал им знак, и они вернулись на место. И он сделал глазами и перед ним подвиглись клетки с запертыми дверями, а потом он проговорил что-то, и вдруг ему ответили голоса птиц. И ар-Рашид изумился до крайних пределов и спросил: «Откуда у тебя все это, когда ты зовёшься просто Абу-Мухаммед-лентяй, и мне рассказывали, что твой отец был кровопускателем, который прислуживал в бане, и он не оставил тебе ничего?» – «О повелитель правоверных, – сказал Абу-Мухаммед, – выслушай мой рассказ...»

И Шахразадку застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Триста первая ночь

Когда же настала триста первая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что Абу-Мухаммед-лентяй сказал халифу: „О повелитель правоверных, выслушай мой рассказ – поистине, он удивителен и содержание его диковинно, и, будь он написан иглами в уголках глаза, он послужил бы назиданием для поучающихся“. – „Расскажи мне, что у тебя есть, и поведай мне об этом, – о Абу-Мухаммед“, – сказал ар-Рашид. И Абу-Мухаммед молвил: „Знай, о повелитель правоверных, – да увековечит Аллах твоё величие и мощь! – что рассказы людей о том, что я зовусь лентяем и что мой отец не оставил мне денег – правда, ибо мой отец был именно тем, что ты сказал – он был кровопускателем в бане. А я в детстве был самым ленивым из тех, кто находится на лице земли, и моя леность дошла до того, что, когда в дни жары я лежал и надо мной поднималось солнце, мне было лень встать и перейти в тень. И я провёл таким образом пятнадцать лет, а потом мой отец преставился к милости Аллаха великого и не оставил мне ничего, и моя мать прислуживала людям и кормила и поила меня, а я лежал на боку. И случилось, что в какой-то день мать вошла ко мне с пятью серебряными дирхемами и сказала: „О дитя моё, до меня дошло, что шейх Абу-ль-Музаффар решил поехать в Китай. А этот шейх любил бедных и был из людей добра, и моя мать сказала мне: „О дитя моё, возьми эти пять дирхемов, пойдём к нему и попросим его, чтобы он купил тебе что-нибудь в землях китайских – может быть, тебе достанется от этого прибыль по милости Аллаха великого. Но я поленился с ней идти, и она поклялась Аллахом, что, если я не встану, она не будет меня кормить и поить, и не войдёт ко мне, и оставит меня умирать от голода и жажды, и, услышав её слова, о повелитель правоверных, я понял, что она так и сделает, зная, как я ленив. „Посади меня!“ – сказал я ей, и она меня посадила (а глаза мои плакали). И тогда я сказал ей: „Принеси мне туфли!“ И когда она их принесла, я сказал: „Надень их мне на ноги!“ и она их надела, и я сказал: „Поддержи меня, и подними с земли!“ И она это сделала, и я сказал ей: „Подпирай меня, чтобы я мог идти!“ И она стала меня поддерживать, и я до тех пор шёл, путаясь в полах платья, пока мы не достигли берега моря. И мы приветствовали шейха, и я спросил его: „О дядюшка, ты Абу-ль-Музаффар?“ И он отвечал: „К твоим услугам!“ А я сказал: „Возьми эти дирхемы и купи мне на них что-нибудь в землях китайских – может быть, Аллах пошлёт мне на них прибыль“. – „Знаете ли вы этого юношу?“ – опросил своих людей Абу-ль-Музаффар, и они отвечали: „Да, его зовут Абу-Мухаммед-лентяй, и мы никогда не видали, чтобы он выходил из дому, кроме как сейчас“. И шейх Абу-ль-Музаффар молвил: „О дитя моё, давай деньги, с благословения Аллаха великого“. И он взял у меня деньги и сказал: „Во имя Аллаха!“ А я вернулся с матерью домой. И шейх Абу-ль-Музаффар отправился в путешествие с толпою купцов, и они ехали до тех пор, пока не прибыли в китайские земли. И шейх стал продавать и покупать, и после этого он собрался возвращаться со своими спутниками, кончив свои дела, и они ехали по морю три дня, и тогда шейх сказал своим товарищам: „Остановите корабль!“ – „Что случилось?“ – спросили его, и он молвил: «Знайте, что я забыл про деньги

Абу-Мухаммеда, которые со мною. Вернёмся и купим ему на них что-нибудь, что принесёт ему пользу!“ – «Просим тебя, ради Аллаха великого, не поворачивай назад, мы прошли очень большое расстояние, и нам выпали на долю великие ужасы и большие затруднения“, – сказали ему. Но он воскликнул: «Нам вернуться неизбежно!»

И тогда ему сказали: «Возьми у нас в несколько раз больше, чем прибыль с пяти дирхемов, но не возвращайся обратно». И Абу-ль Музаффар послушался, и ему собрали большие деньги. И они поехали дальше и приблизились к острову, где было много людей, и пристали к нему, и купцы сошли на берег, чтобы купить у них товары – металлы, драгоценные камни, жемчуга и другое. И Абу-ль-Музаффар увидел там сидящего человека, и перед ним много обезьян, среди которых была одна с выщипанной шерстью. И другие обезьяны, всякий раз как их хозяин отворачивался, хватали ошипанную обезьяну и били её и бросали хозяину, и тот бил их и связывал и мучил, и все обезьяны сердились на ту обезьяну и били её. И когда шейх Абу-ль-Музаффар увидел эту обезьяну, он пожалел её и опечалился.

«Продашь ли ты мне эту обезьяну?» – спросил он хозяина, и тот отвечал: «Покупай!» И тогда Абу-ль-Музаффар сказал: «У меня есть пять дирхемов, которые принадлежат одному ребёнку-сироте. Продашь ли ты мне за эту цену обезьяну?» – «Я продам её тебе, да благословит тебя Аллах!» – ответил владелец обезьян.

И Абу-ль-Музаффар получил от него обезьяну и отдал ему деньги. И рабы шейха взяли обезьяну и привязали её на корабле, а затем они распустили паруса и поехали на другой остров. И они пристали к нему, пришли водолазы, которые ныряют за драгоценностями, жемчугом и камнями и прочим, и купцы дали им деньги, и они стали нырять. И обезьяна увидела, что они так делают и, развязав на себе верёвки, прыгнула с корабля и нырнула вместе с ними. «Нет мощи и силы, кроме как у Аллаха, высокого, великого!» – воскликнул Абу-ль-Музаффар. – Пропала у нас обезьяна до счастья этого бедняка, для которого мы её купили».

И они отчаялись увидеть обезьяну, но потом все ныряльщики вынырнули, и вдруг обезьяна вынырнула с ними, и у неё в лапах были драгоценные камни. И она бросила их перед Абу-ль-Музаффаром, и тот удивился этому и воскликнул: «Поистине, в этой обезьяне великая тайна!» И затем они распустили паруса и ехали до тех пор, пока не достигли острова, который называется остров Зинджей³³⁹, – а это племя чёрных, которые едят мясо сыновей Адама, – и когда чёрные увидели их, они подплыли к ним в челноках, и пришли к ним и взяли всех, кто был на корабле, и связали и привели к царю. И тот велел зарезать множество купцов и их зарезали и съели их мясо, а остальные купцы проводили ночь в заточенье, и были они в великой тоске. И когда настало время ночи, обезьяна подошла к Абу-ль-Музаффару и развязала на нем узлы, и, увидев, что Абу-ль-Музаффар развязан, купцы воскликнули: «Может быть, с помощью Аллаха, наше освобождение будет делом твоих рук, о Абу-ль-Музаффар!» – «Знайте, – сказал Абу-ль-Музаффар, что меня освободил, по воле Аллаха великого, не кто иной, как эта обезьяна...»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Триста ночь

Когда же настала триста вторая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о ночь счастливый царь, что Абу-ль-Музаффар сказал: „Меня освободил, по воле Аллаха великого, не кто иной, как эта обезьяна, и я выкладываю ей тысячу динаров“. – „Мы тоже выложим ей каждый по тысяче динаров, если она нас освободит“, – сказали купцы. И обезьяна подошла к ним и стала развязывать одного за одним, пока не развязала всех, и купцы пошли на корабль и взошли на него, и оказалось, что корабль дел и ничего с него не пропало.

³³⁹ Остров Зинджей – остров Занзибар, у берегов Восточной Африки.

И они распустили паруса и поехали, и Абу-ль-Музаффар сказал: «О купцы, исполните то, что вы оказали и обещали обезьяне». И купцы ответили: «Слушаем и повинемся!»

И каждый из них дал обезьяне тысячу динаров, и Абуль-Музаффар вынул из своих денег тысячу динаров, так что у обезьяны набралось денег великое множество. И потом они отправились и прибыли в город Басру, и их встретили друзья, когда они сходили с корабля. И Абу-льМузаффар спросил: «Где Абу-Мухаммед-лентяй?»

Весть об этом дошла до моей матери, и, когда я лежал, моя мать вдруг пришла ко мне и сказала: «О дитя моё, шейх Абу-ль-Музаффар приехал и прибыл в город. Вставай же, отправляйся к нему, поздоровайся и спроси, что он для тебя привёз, – может быть, Аллах великий что-нибудь послал тебе». – «Подними меня с земли и подпирай меня, чтобы я мог выйти и пойти на берег», – сказал я. И потом я пошёл, путаясь в полах платья, и пришёл к шейху Абу-ль-Музаффару, и, увидав меня, он сказал: «Добро пожаловать тому, чьи дирхемы были причиной моего освобождения и освобождения этих купцов по воле Аллаха великого! Возьми эту обезьяну, – я купил её для тебя – и иди с нею домой, а я приду к тебе», – сказал он потом.

И я повёл обезьяну перед собой и пошёл, говоря про себя: «Клянусь Аллахом, вот поистине великий товар». И я пришёл домой и сказал матери: «Каждый раз, как я ложусь, ты приказываешь мне встать, чтобы торговать; осмотри же этот товар!»

Потом я сел, и, когда я сидел, ко мне пришли рабы Абу-ль-Музаффара и спросили: «Ты Абу-Мухаммед-лентяй?» – «Да», – ответил я им. И вдруг пришёл Абу-льМузаффар следом за ними, и я поднялся и поцеловал ему руки, а он сказал мне: «Пойдём со мною в мой дом», – «Слушаю и повинуюсь!» – ответил я. И я шёл с ним, пока не вошёл в его дом. И тогда он велел своим рабам принести деньги, и они принесли их, а Абу-ль-Музаффар сказал: «О дитя моё, Аллах послал тебе эти деньги из прибыли с тех пяти дирхемов».

И затем рабы понесли на головах сундуки с деньгами Абу-ль-Музаффара, и он дал мне ключи от этих сундуков и сказал: «Иди перед рабами к твоему дому – все эти деньги твои».

И я пошёл к моей матери, и она обрадовалась и сказала: «О дитя моё, Аллах великий послал тебе эти большие деньги; брось же так лениться, пойдя на рынок и торгуй».

И я бросил лениться и открыл лавку на рынке, и обезьяна стала сидеть со мной рядом на скамеечке. И когда я ел, она ела со мной, и когда я пил, она пила со мной, и каждый день, с утра, она исчезала до времени полудня, а потом приходила с мешком, в котором была тысяча динаров, и клала его со мной рядом и садилась. И она поступала так некоторое Бремя, пока у меня не собралось много денег, и я купил, о повелитель правоверных, имения и поля, и посадил сады, и купил невольников, рабов и невольниц. И случилось в какой-то день, что я сидел и обезьяна сидела со мной на скамеечке, и вдруг она стала поворачиваться направо и налево. И я сказал про себя: «Что с этой обезьяной!» И Аллах наделил обезьяну красноречивым языком, и она сказала: «О Абу-Мухаммед!»

И, услышав её слова, я сильно испугался, а обезьяна промолвила: «Не пугайся, я расскажу тебе про себя. Я марида³⁴⁰ из джиннов, и я пришла к тебе, так как ты в бедственном положении, и ты не знаешь, сколько у тебя денег. Но у меня случилась до тебя нужда, и в ней для тебя благо». – «Что это?» – спросил я. И обезьяна сказала: «Я хочу женить тебя на женщине, подобной лупе». – «А как это?» – спросил я. И обезьяна сказала: «Завтра надень твоё роскошное платье, садись на мула с золотым седлом и отправляйся на рынок торговцев кормом. Спроси лавку шерифа³⁴¹, и садись с ним рядом, и скажи ему: «Я пришёл к тебе, чтобы посвататься, и хочу взять твою дочку». И если он тебе скажет: «У тебя нет ни денег, ни положения, ни происхождения», – дай ему тысячу динаров; если же он тебе скажет:

³⁴⁰ Марида (ифрит, джинн) – злой или добрый дух в арабском фольклоре.

³⁴¹ Шерифы (букв. «знатные») – потомки аль-Хасана и аль-Хусейна, сыновей Али ибн Абу-Талиба и Фатимы, дочери пророка Мухаммеда.

«Прибавь!» – прибавь ему и соблазний его деньгами». И Абу-Мухаммед сказал: «Слушаю я повинуюсь, завтра я это сделаю, если захочет Аллах великий!»

И, поднявшись утром, – говорил Абу-Мухаммед, – я надел своё самое роскошное платье и сел на мула с золотым седлом и отправился на рынок торговцев кормом.

Я спросил лавку шерифа и нашёл его сидящим в своей лавке, и тогда я спешил и приветствовал его и сел подле него...»

И Шахразад застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Триста третья ночь

Когда же настала триста третья ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что Абу-Мухаммед-лентяй говорил: „И я спешил и приветствовал его и сел подле него, а со мной было десять человек рабов и невольников“. – „Может быть, у тебя есть до нас нужда, которую мы будем иметь счастье исполнить?“ – спросил меня шериф. И я сказал ему: „Да, у меня есть до тебя нужда“. – „Какая же у тебя нужда?“ – спросил шериф, и я ответил: „Я пришёл к тебе свататься и хочу взять твою дочку“. – „У тебя нет ни денег, ни положения, ни происхождения“, – сказал шериф. И Тогда я вынул мешок, где была тысяча динаров червонным золотом, и молвил: „Вот моё положение и происхождение. Сказал ведь пророк (да благословит его Аллах и да приветствует!): «Прекрасно положение, созданное богатством». А как хороши слова сказавшего:

«Кто имеет два только дирхема, у того уста
Научились речь вести всякую. Лишь скажет,
Уж идут к нему все друзья его, его слушая,
И я видывал, как меж нас он гордо ходит.
Но не будь тех денег, которыми так гордится он,
Ты увидел бы, что меж нас ему всех хуже.
Ведь богатому, если скажет он и неправильно,
Говорят: «Ты прав и неверно не сказал бы»
Бедняку, когда слово вымолвит и правдивое,
Говорят: «Ты лжёшь!» – и словам его не верят.
И поистине, ведь в любой стране могут дирхемы
Облекать людей и величьем и красою,
И они – язык для того, кто хочет красно сказать,
И оружие тем, кто сражаться захотел бы».

И когда шериф услышал от меня эти слова и понял Эти нанизанные стихи, он склонил на некоторое время голову к земле, а затем поднял голову и сказал: «Если это неизбежно, то я хочу от тебя ещё три тысячи динаров». И я отвечал: «Слушаю и повинуюсь!» И затем я послал кого-то из невольников в моё жилище, и он принёс мне деньги, которые потребовал шериф, и, увидав, что эти деньги прибыли к нему, шериф вышел из лавки и сказал своим слугам: «Заприте лавку!» А потом он позвал своих друзей с рынка к себе в дом и написал мою запись с его дочерью и сказал: «Через десять дней я тебя к ней введу».

И я пошёл в своё жилище радостный и, уединившись с обезьяной, рассказал ей о том, что со мной произошло, и она сказала: «Прекрасно то, что ты сделал!»

А когда приблизился срок, назначенный шерифом, обезьяна сказала мне: «У меня есть до тебя нужда, и если ты мне её исполнишь, ты получишь то, что хочешь». – «А что у тебя за нужда?» – спросил я. И обезьяна сказала: «В возвышенной части той комнаты, где будет твоя свадьба с дочерью шерифа, есть чулан и на двери его – медное кольцо, под кольцом – ключи. Возьми их и открой дверь – найдёшь железный сундук, на углах которого четыре флага – талисманы, – и между ними таз, полный денег, а рядом с ним – одиннадцать змей, и в тазу

связанный белый петух с раздвоенным гребнем, и там же лежит нож рядом с сундуком. Возьми нож, зарежь им петуха, порви флаги и переверни сундук, а после этого выйди к невесте и уничтожь её девственность. Вот что мне нужно от тебя». – «Слушаю и повинуюсь!» – сказал я. А затем я пошёл к дому шерифа и, войдя в ту комнату, увидел чулан, который описала мне обезьяна.

А оставшись наедине с невестой, я подивился её красоте и прелести, стройности и соразмерности, так как языки не могут описать её красоту и прелесть, и порадовался на неё сильной радостью; когда же настала полночь и невеста заснула, я поднялся и, взяв ключи, отпер чулан, взял нож, зарезал петуха, сбросил флаги и опрокинул сундук. И женщина проснулась и, увидав, что чулан отперт и петух зарезан, воскликнула: «Нет мощи и силы, кроме как у Аллаха, высокого, великого! Марид взял меня!» И не закончила она ещё своих слов, как марид стал кружить вокруг дома и похитил невесту. И тогда начался великий шум, и вдруг пришёл шериф, ударяя себя по лицу, и сказал: «О Абу-Мухаммед, что это за дело ты сделал с нами? Таково ли воздаяние нам от тебя? Я поставил этот талисман здесь в чулане, так как боялся для моей дочери зла от того проклятого – он стремился похитить её уже много лет и не мог этого сделать. Теперь для тебя не осталось места с нами, иди своей дорогой».

И я вышел из дома шерифа и пришёл к себе домой и стал искать обезьяну, но не нашёл её и не увидел и следа её. И понял я тогда, что она и есть тот марид, который взял мою жену и схитрил со мной, так что я сделал это дело с талисманом и петухом, которые мешали ему взять девушку. И я раскаялся, и порвал свои одежды, и стал бить себя по лицу, и никакая земля не была для меня просторна. И я в тот же час вышел и направился в пустыню, и шёл до тех пор, пока надо мной не опустился вечер, и не знал я, куда пойти. И когда мои мысли были заняты, приблизились ко мне две змеи – одна красная, другая белая, которые дрались между собой. И я взял с земли камень и ударил им красную змею и убил её, а она совершила насилие над белой. И потом белая змея скрылась на минуту и вернулась с десятью белыми змеями, и они подошли к змее, которая издохла, разорвали её на куски, так что осталась только голова, и ушли своей дорогой. И я прилёг, изнемогая от усталости, и, когда я лежал и думал, вдруг раздался голос, звук которого я слышал, но не видел его обладателя, и голос этот произнёс такие два стиха:

«Пушай же судьба бежит, узду натянув свою,
А ты пребывай всегда с душою свободной.
Меж тем как смежишь глаза и снова откроешь их,
Изменит Аллах одни дела на другие».

И когда я услышал это, меня охватило, о повелитель правоверных, нечто великое – раздумье, больше которого не бывает. И вдруг я услышал позади себя голос» который говорил такие два стиха:

«О мусульманин, внемлющий Корану,
Возрадуйся – пришла к тебе пощада.
Не бойся наваждений ты шайтана,
Ведь мы народ, чья вера-правоверье».

И я сказал: «Заклинаю тебя тем, кому ты поклоняешься, дай мне узнать, кто ты!» И говоривший принял образ человека и сказал мне: «Не бойся, твоё доброе дело дошло до нас, – а мы племя правоверных джиннов. Если у тебя есть нужда, расскажи нам о ней, и мы будем счастливы её исполнить».

И я отвечал: «У меня есть великая нужда, так как меня постигло большое несчастье, и кто тот, кому на долю выпало несчастье, подобное моему?» – «Может быть, ты Абу-Мухаммед-лентяй?» – спросил меня этот человек, и я ответил: «Да!» И человек сказал: «О Абу-Мухаммед, я брат белой змеи, врага которой ты убил. Нас четверо братьев по отцу и

по матери, и мы все благодарны тебе За твою милость. Знай, что тот, кто был в облике обезьяны и учинил с тобою хитрость, – мари́д из мари́дов-джиннов, и, если бы он не ухитрился на такую уловку, ему бы никогда не удалось захватить девушку – он долгое время её любит и хочет её взять, во ему препятствовал этот талисман. Если бы талисман остался цел, мари́д не мог бы добраться до девушки. Но не печалься об этом деле, – мы приведём тебя к ней и убьём мари́да – твоё благодеяние за нами не пропадёт».

И потом он издал великий вопль...»

И Шахразад у застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Триста четвёртая ночь

Когда же настала триста четвёртая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что ифрит сказал: „Твоё благодеяние не пропадёт. И потом он издал великий вопль ужасающим голосом, и вдруг к нему подошла толпа, и он спросил про обезьяну, и один из подошедших оказал: „Я знаю её местопребывание“. – „А где же её местопребывание?“ – спросил ифрит, и спрошенный ответил: „В медном городе, над которым не восходит солнце“. – «О Абу-Мухаммед, – сказал тогда ифрит, – возьми раба из наших рабов, и он донесёт тебя на своей спине и научит тебя, как захватить женщину. И знай, что это мари́д из мари́дов, и, когда он понесёт тебя, не поминай имени Аллаха, пока он тебя несёт, не то он убежит от тебя и ты упадёшь и погибнешь“.

И я отвечал: «Слушаю и повинуюсь!» И взял раба из их рабов, и тот нагнулся и сказал мне: «Садись верхом!» И я сел, а мари́д полетел со мной по воздуху, так что мир скрылся от нас, и я увидел звезды, подобные твёрдо стоящим горам, и слышал славословие ангелов на небе. А мари́д все это время разговаривал со мной и развлекал меня, отвлекая от поминания имени Аллаха великого. И когда я так летел, вдруг направился ко мне человек в зеленой одежде с кудрявыми волосами и светящимся лицом, и в руках у него был дротик, от которого летели искры. И этот человек быстро подлетел ко мне и замахнулся на меня угрожающим образом и сказал: «О Абу-Мухаммед, скажи: „Нет бога, кроме Аллаха, Мухаммед – посол Аллаха!“ а не то я ударю тебя этим дротиком».

А у меня разрывалась душа от того, что я молчал и не поминал Аллаха великого, и я сказал: «Нет бога, кроме Аллаха, Мухаммед – посол Аллаха!» И тогда этот человек ударил мари́да дротиком, и мари́д растаял и превратился в пепел, а я упал с его спины и полетел на землю и свалился в ревущее море, где бьются волны. И вдруг появилось судно, на котором было пять моряков. И, увидев меня, они ко мне подъехали и подняли на корабль и стали говорить со мною словами, которых я не понимал. Я сделал им знак, что не понимаю их речи. И они ехали до конца дня, а потом бросили сеть, поймали рыбу, изжарили её и накормили меня. И плыли они до тех пор, пока не привезли меня в свой город. И меня привели к их царю и поставили перед ним, и я поцеловал перед царём землю, и он наградил меня. А этот царь знал по-арабски, и он сказал мне: «Я сделаю тебя своим телохранителем». А я спросил его: «Как название этого города?» – «Он называется Хинад, – ответил царь, – и находится он в землях китайских».

Потом царь поручил меня вези́рю этого города и велел ему пройтись со мной по городу, – а жители этого города были в первые времена язычниками, и превратил их Аллах великий в камень, – и я прошёлся по городу и нигде не видел больше, чем там, деревьев и плодов. И я оставался в этом городе в течение месяца, а затем я пришёл к реке и сел на берегу её. И когда я сидел, вдруг подъехал всадник и спросил: «Ты Абу-Мухаммед-лентяй?» – «Да», – ответил я, и всадник сказал мне: «Не бойся, твоя милость достигла нас». – «Кто ты?» – спросил я всадника. И он молвил: «Я брат убитой змеи. Ты близок к месту, где та женщина, к которой хочешь проникнуть».

И затем он снял с себя одежду и надел её на меня и сказал: «Не бойся раб, который погиб под тобой, один из наших рабов». И потом этот всадник посадил меня сзади себя и

приехал со мной в пустынное место и сказал мне: «Сойди с коня и иди между этих двух гор, пока не увидишь медный город. Остановись вдали от него и не входи, пока я к тебе не вернусь и не скажу тебе, что делать». – «Слушаю и повинуюсь!» – отвечал я и сошёл с коня и шёл, пока не достиг одного города, и я увидел, что стены его из меди. И я стал ходить вокруг города, надеясь, что найду ворота, но ворот я так и не нашёл. А когда я ходил вокруг города, вдруг брат змеи подъехал ко мне и подал меч с талисманом, чтобы никто не увидел меня.

И затем он уехал своей дорогой, и его не было лишь короткое время. И вдруг поднялись крики, и я увидел много людей, у которых глаза были на груди. И они спросили меня: «Кто ты и как попал сюда?» И когда я рассказал им о происшедшем, они сказали: «Женщина, о которой ты говоришь, находится вместе с маридам в этом городе. Мы не знаем, что он с нею сделал, а мы – братья той змеи. Пойди к этому ручью, – сказали мне потом, – и посмотри, откуда вытекает вода, и следуй за нею, – ручей приведёт тебя в город».

И я сделал так, и пошёл, следуя за водой, и ручей привёл меня в погреб под землёю, и затем вышел оттуда, и увидел себя посреди города, и нашёл там ту женщину, сидящей на золотом ложе, и перед нею была занавеска из парчи. А за занавеской находился сад с деревьями из золота, и плоды на них были из дорогих камней – яхонта, топаза, жемчуга и коралла.

И когда эта женщина увидела меня, она меня узнала и первая поздоровалась со мной и спросила: «О господин, кто привёл тебя сюда?» И я рассказал ей о случившемся, и она сказала: «Знай, что этот проклятый, от великой любви ко мне, рассказал мне, что ему вредно и что полезно, и осведомил меня, что в этом городе есть талисман, которым он, если захочет погубить всех, кто в городе, то погубит. И что бы он ни приказал ифритам, они исполнят его приказание. А этот талисман – на столбе». – «А где столб?» – спросил я девушку. И она ответила: «В такомто месте». И я опросил её: «А что это будет за талисман?» И девушка отвечала: «Это изображение орла, и на нем надпись, которой я не понимаю. Поставь талисман перед собой и возьми жаровню с огнём и брось туда немного мускуса – поднимется дым, привлекающий ифритов, и после этого они все до одного встанут перед тобой. Поднимись же и сделай так, с благословения Аллаха великого».

И я ответил ей: «Слушаю и повинуюсь!» И встал, и пошёл к тому столбу, и сделал все, что она мне приказала, и ифриты пришли и появились передо мной и сказали:

«К твоим услугам, о господин: все, что ты нам прикажешь, мы сделаем!»

«Закуйте марида, который унёс эту женщину из её жилища», – сказал я им, и они отвечали:

«Слушаем и повинуемся!» И отправились к тому мариду, и заковали его, и крепко связали, а затем вернулись ко мне и сказали: «Мы сделали то, что ты нам приказал». И я велел им вернуться назад. Затем я возвратился к женщине и рассказал ей о том, что произошло, и спросил её: «О жена моя, пойдёшь ли ты со мною?» – «Да», – отвечала она, и тогда я поднялся с нею из погреба, в который я пошёл, и мы пошли и дошли до людей, которые указали мне, где она...»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Триста пятая ночь

Когда же настала триста пятая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что Абу-Мухаммед говорил: „И мы пошли и дошли до людей, которые указали мне, где женщина, и я сказал им: „Укажите мне дорогу, которая приведёт меня в мои земли“. И они указали мне дорогу и пошли со мной до берега моря и посадили на корабль. И ветер был для нас хорош. И на этом корабле плыли мы, пока не достигли города Басры. И когда женщина вошла в дом своего отца и родные увидели её, они сильно обрадовались ей. И тогда я окурив орла мускусом, и вдруг ифриты пришли ко мне отовсюду и сказали: «Мы к твоим услугам, что хочешь, то тебе и будет»».

И я велел им перенести все, какие есть в медном городе, богатства, металлы и драгоценные камни в мой дом в Басре. И они это сделали, а потом я приказал им привести мне ту обезьяну, и её привели, униженную и презираемую. И я спросил обезьяну: «О проклятая, почему ты меня предала?» А затем я велел посадить её в медный кувшин, и её посадили в узкий кувшин из меди и закупили его свинцом.

А я с моей женой зажил в наслаждении и радости, и у меня теперь, о повелитель правоверных, такие сокровища, диковинные камни и обильные богатства, что их не охватить счётом и не ограничить пределом. И если ты потребуешь сколько-нибудь денег или чего другого, я прикажу джиннам тотчас же привести тебе, и все это – по милости Аллаха великого».

И повелитель правоверных пришёл от этого в крайнее удивление, а затем он пожаловал Абу-Мухаммеду дары халифата взамен его подарка я оказал ему милости, подходящие для него.

Рассказ о великодушии Яхьи ибн Халида³⁴² (ночи 305-306)

Рассказывают также, что Харун ар-Рашид призвал одного из своих телохранителей, которого звали Салих (а было это до тех времён, когда ар-Рашид изменился к Бармакидам). И когда тот явился, сказал ему: «О Салих, иди к Мансуру и скажи ему: „У тебя тысяча тысяч дирхемов наших денег, и моё решение требует, чтобы ты доставил их нам сейчас же“. И я приказываю тебе, Салих, если у тебя не будет этих денег до предзакатной молитвы, отдели ему голову от тела и принеси мне».

И Салих отвечал: «Слушаю и повинуюсь!» А затем он отправился к Мансуру и сказал ему о том, что упомянул повелитель правоверных. «Я погиб, клянусь Аллахом! – сказал тогда Мансур.» – Ведь стоимость всех моих вещей и того, чем владеет моя рука, если продать это за самую дорогую цену, не превзойдёт ста тысяч. Откуда же я могу взять, о Салих, остальные девятьсот тысяч дирхемов?» – «Придумай для себя хитрость, которая тебя быстро освободит, а иначе ты погиб – я не могу тебе дать отсрочки ни на мгновение после того срока, который назначил халиф, и я не властен пренебречь чем-нибудь из того, что мне приказал повелитель правоверных, – сказал Салих. – Торопись же с хитростью, которая тебя освободит, прежде чем истечёт время.» – «О Салих, – сказал Мансур, – прошу тебя, сведи меня, по твоей милости, в мой дом проститься с детьми и семьёй и дать наставление близким».

И я пошёл с ним в его дом, – говорил Салих, – и он стал прощаться с семьёй, и поднялись вопли в его жилище, и раздались плач и крик и призывы о помощи к Аллаху великому. И я сказал Мансуру: «Мае пришло на ум, что Аллах пошлёт тебе помощь через руки Бармакидов. Пойдём со мной в дом Яхьи ибн Халида».

И мы пошли к Яхье ибн Халиду, и Мансур рассказал ему о своём положении, и Халид огорчился из-за этого и склонил на некоторое время голову к земле, а потом он поднял голову и, призвав своего казначея, спросил его: «Сколько дирхемов у нас в казне?» – «Около пяти тысяч дирхемов», – ответил казначей, и Яхья велел принести их, а потом он отправил к своему сыну аль-Фадлу посланного с письмом такого содержания: «Мне предлагают купить прекрасные поместья, которые никогда не придут в запустение; пришли нам сколько-нибудь дирхемов».

И аль-Фадл прислал ему тысячу тысяч дирхемов, и затем Яхья послал другого человека к своему сыну Джафару с письмом такого содержания: «У нас случилось важное дело, и нам нужно для него сколько-нибудь дирхемов».

И Джафар тотчас же послал ему тысячу тысяч дирхемов. И Яхья до тех пор посылал людей к Бармакидам, пока не собрал от них для Мансура большие деньги, а Салих и Мансур

³⁴² Яхья ибн Халид (ум. в 805 г.) – сын основателя везирской династии Бармакидов.

не знали об этом. И Мансур сказал Яхье: «О владыка, я схватился за твой подол и знаю, что получу эти деньги только от тебя, как обычно для твоего великодушия. Заплати же за меня остаток моего долга и сделай меня твоим вольноотпущенником». И Яхья потупился и заплакал и сказал: «Эй, мальчик, повелитель правоверных подарил когда-то нашей невольнице Дананир жемчужину большой ценности. Пойди к ней и скажи, чтобы она нам прислала эту жемчужину».

И слуга пошёл к невольнице и принёс жемчужину Яхье, и тот сказал: «О Салих, я купил эту жемчужину для повелителя правоверных у купцов за двести тысяч динаров, а повелитель правоверных подарил её нашей невольнице Дананир, лютнистке, и когда он увидит с тобой эту жемчужину, он узнает её и окажет тебе уважение и сохранит от пролития твою кровь ради нас и из уважения к нам. И теперь твои деньги собраны полностью, о Мансур».

И я понёс жемчужину и деньги к ар-Рашиду, – говорил Салих, – и Мансур был со мною. И когда мы были в пути, я вдруг услышал, как он говорит такой стих поэта:

«Не по любви спешат к ним мои ноги,
Но убоюсь я стрелы удара».

И я удивился его злему нраву, низости и испорченности и скверному его происхождению и рождению, и возразил ему и сказал: «Нет на лице земли лучших, чем Бармакиды, и нет никого сквернее и злее тебя! Они купили тебя у смерти и выручили тебя от гибели и сделали тебе милость, спасли тебя, а ты не благодаришь их и не хвалишь, и не поступаешь, как поступают свободные, но отвечаешь на их благодеяние такими словами!»

И потом я пошёл к ар-Рашиду и рассказал ему эту историю и осведомил его обо всем, что случилось...»

И Шахразду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Триста шестая ночь

Когда же настала триста шестая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что Салих говорил: „И я рассказал эту историю повелителю правоверных и осведомил его обо всем, что случилось. И ар-Рашид удивился великодушию Яхьи и его щедрости и благородству и гнусности Мансура и его низости, и велел вернуть жемчужину Яхье ибн Халиду, и сказал: «Все, что мы подарили, не годится нам брать назад“».

И Салих вернулся к Яхье ибн Халиду и упомянул ему о Мансуре и его дурном поступке, и Яхья сказал: «О Салих, когда человек беден, грудь его стеснена и мысли его заняты; что бы от него ни исходило, с него нельзя взыскивать, так как это возникает не в сердце». И он принялся искать оправданий Мансуру.

И Салих заплакал: «Не бывает, чтобы вращающий небосвод создавал для бытия людей, подобных тебе! О горе! Как может быть погребён под землёй тот, чей нрав подобен твоему нраву и чьё благородство таково, как твоё!»

И он произнёс такие два стиха:

«Спеши совершить добро всегда, коль задумаешь,
Ведь подлинно не всегда щедроты доступны нам.
Как часто препятствуя душе совершить добро,
Коль можно, покуда смерть помехой не явится».

Рассказ о подделанном письме (ночи 306-307)

Рассказывают также, что между Яхьей ибн Халидом и Абд-Аллахом ибн Маликом аль-Хузаи была тайная вражда, которой они не проявляли. Причиной вражды между ними было то, что повелитель правоверных Харун арРашид любил Абд-Аллаха ибн Малика великой любовью, и Яхья ибн Халид и его сыновья даже говорили, что Абд-Аллах околдовывает повелителя правоверных. И так прошло долгое время, и ненависть была в их сердцах. И случилось, что ар-Рашид поручил управление Арменией Абд-Аллаху ибн Малику аль-Хузан и отправил его туда. И когда он поселился в столице Армении, направился к нему человек из людей Ирака, и обладал этот человек избытком образования и проницательности и понятливости, но только уменьшилось то, что было у него в руках, и кончились у него деньги, и расстроилось его положение. Я од подделал письмо от имени Яхьи ибн Халида к Абд-Аллаху ибн Малику и поехал к нему в Армению, и, придя к дверям Абд-Аллаха, вручил письмо одному из его царедворцев. И царедворец взял письмо и отдал его Абд-Аллаху ибн Малику аль-Хузан, и тот развернул письмо и прочитал его и, пораздумав о нем, донял, что письмо ложное. И он велел привести того человека, и тот, явившись, призвал на него благословение и восхвалил его и людей, бывших в его собрании, и Абд-Аллах ибн Малик спросил его: «Что побудило тебя преодолеть трудности и отдаление и прибыть ко мне с подложным письмом? Но успокой твою душу, – мы не обманем твоего рвения». – «Да продлит Аллах век нашего владыки везиря! – отвечал этот человек. – Если для тебя тягостно моё прибытие, то не приводи доводов, чтобы отказать мне. Земля Аллаха обширна, и наделяющий всегда будет жив. А письмо, которое я тебе доставил от Яхьи ибн Халида, – настоящее, не подложное».

«Я напишу письмо моему поверенному в Багдаде и прикажу ему спросить, что это за письмо, которое ты мне принёс, и если оно окажется настоящим и подлинным, а не подложным, я назначу тебя эмиром в какую-нибудь из моих земель или дам тебе двести тысяч дирхемов с конями, породистыми верблюдами и почётной одеждой, если ты хочешь подарка. Если же письмо подложное, я прикажу, чтобы тебе дали две сотни палок и сбрили тебе бороду»³⁴³.

И потом Абд-Аллах велел отвести его в комнату и приносить ему туда все, что ему нужно, пока его дело не будет проверено. А затем он написал своему поверенному в Багдаде письмо такого содержания: «Ко мне прибыл человек с письмом, и он утверждает, что это письмо от Яхьи ибн Халида, а я предполагаю об этом письме дурное. Тебе не следует пренебрегать этим делом: сходи сам и проверь дело с письмом И поспеши дать мне ответ, чтобы мы могли отличить ложь от правды».

И когда письмо прибыло к поверенному в Багдад, он сел на коня...

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Триста седьмая ночь

Когда же настала триста седьмая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что поверенный Абд-Аллаха ибн Малика аль-Хузаи, когда письмо прибыло к нему в Багдад, тотчас же сел на коня и отправился к Яхье ибн Халиду.

И он нашёл его сидящим со своими сотрапезниками и приближёнными, и приветствовал его, и вручил ему письмо, и Яхья ибн Халид прочитал его и сказал поверенному: «Вернись ко мне завтра, и я напишу тебе ответ». И он обратился к своим сотрапезникам после ухода поверенного и спросил: «Как воздать тому, кто унёс от меня подложное письмо и пошёл с ним к моему врагу?» И каждый из сотрапезников сказал слово, и все они стали называть какой-нибудь способ пытки, но Яхья сказал им: «Вы ошибаетесь, и ваши советы – следствие низости вашего ума и его гнусности. Вы знаете, как близко место

³⁴³ Лишение бороды считалось у средневековых мусульман позором.

Абд-Аллаха к повелителю правоверных, и вам известно, каковы между ним и мною гнев и вражда. Аллах великий послал этого человека посредником для примирения нас и поддержал его в этом. Он послал его, чтобы погас в наших сердцах огонь гнева, который усиливается уже двадцать лет, и наши дела придут в порядок через его посредство. Для меня обязательно отплатить этому человеку подтверждением того, что он предполагает, и исправлением его дел, и я напишу письмо Абд-Аллаху ибн Малику аль-Хузан с пожеланием, чтобы он оказал ему ещё больший почёт и продолжал бы его возвеличивать и уважать».

И когда услышали это сотрапезники, они пожелали Яхье блага и удивились его великодушию и совершенному благородству, а он потребовал бумагу и чернильницу и написал Абд-Аллаху ибн Малику письмо своей рукой, в котором говорилось: «Во имя Аллаха милостивого, милосердного! Твоё письмо прибыло, – да продлит Аллах твою жизнь! – и я прочёл его и обрадовался твоему благополучию и возвеселился тому, что тебе хорошо и что ты вполне счастлив. Ты предположил, что тот благородный человек подделал письмо от меня и не несёт от меня никакого обращения, но дело обстоит не так, – письмо писал я, и оно не подложное, и я надеюсь, что по своему благородству и милости и прекрасной природе ты удовлетворишь мечты и надежды этого благородного и достойного человека и будешь соблюдать к нему должное уважение и приведёшь к исполнению его намерений. Отметь его своей полною милостью и щедрыми благодеяниями, и что ты ни сделаешь, все направится ко мне, и я буду за это тебе благодарен».

И затем он написал адрес и запечатал письмо и вручил поверенному, а поверенный послал его Абд-Аллаху, и когда тот прочёл его, он обрадовался тому, что в нем заключалось, и призвал того человека и сказал ему: «Которая из двух наград, обещанных мною для тебя, приятнее – я доставлю её тебе». – «Подарок мне приятнее всего», – отвечал человек. И Абд-Аллах велел дать ему двести тысяч дирхемов и десять арабских коней, – пять с шёлковыми попонами и пять с праздничными разукрашенными сёдлами, – и двадцать узлов с платьями, и десять невольников, верхом на конях, и подходящие к этому ценные камни. А потом Абд-Аллах пожаловал его и оказал ему милость и отправил его в Багдад в великолепном облачении, и, прибыв в Багдад, этот человек направился к воротам дома Яхьи ибн Халанда, прежде чем пойти к своей семье, и попросил разрешения войти к нему.

И привратник вошёл к Яхье и сказал ему: «О владыка наш, у наших ворот человек почтённого вида и красивой наружности, в прекрасном положении и со многими слугами, и он хочет войти к тебе».

И Яхья разрешил ему войти, и тот человек, войдя, поцеловал землю меж его руками, и Яхья спросил его: «Кто ты?» И человек сказал: «О господин, я тот, кто был мёртв от притеснений времени, и ты оживил меня в могиле превратностей и послал меня в рай исканий. Я тот, кто подделал письмо и доставил его Абд-Аллаху ибн Малику аль-Хузаи». – «Что же он с тобою сделал и что он дал тебе?» – опросил Яхья. И человек ответил: «Он дал мне из твоих рук, по прекрасной твоей природе и по твоей всеохватывающей доброте, всеобъемлющему великодушию, высокому помышлению и обширной милости, столько, что обогатил меня и наделил и одарил. И я привёз все его дары и подарки, и все они у твоих ворот, и повеление принадлежит тебе, и приговор в твоих руках». – «Твой поступок со мною прекраснее, чем мой поступок с тобой, – ответил Яхья. – Ты оказал мне большую милость и великое благодеяние, так как ты вражду, бывшую между мною и этим почтённым человеком, превратил в дружбу и любовь. Я подарю тебе столько же денег, сколько подарил тебе Абд-Аллах ибн Малик».

И затем он приказал дать ему столько же денег, коней и узлов с платьем, сколько дал Абд-Аллах, и вернулось к этому человеку его прежнее благосостояние, по величию души этих двух благородных.

Рассказ об учёном и халифе аль-Мамуне (ночи 307-308)

Передают также, что не было среди халифов из потомков аль-Аббаса халифа более

сведущего во всех науках, чем аль-Мамун³⁴⁴.

И было у него каждую неделю два дня, когда он устраивал диспуты учёных, и садились в его присутствии состязающиеся, из числа законоведов и богословов, по разрядам и чинам. И однажды, когда он сидел с ними, вдруг вошёл в собрание чужой человек в белых изношенных одеждах и поместился среди последних людей, усевшись сзади законоведов, на незаметное место. И начались прения и приступили к затруднительным вопросам, – а обычай у них был таков, что вопрос задавали присутствующим на собрании по очереди, одному за другим, и всякий, у кого находилось тонкое словцо или диковинная шутка, говорил её. И вопрос ходил по кругу, пока не дошёл до того чужого человека, и он заговорил и дал ответ лучший, чем ответы всех законоведов. И халиф одобрил его слова...»

И Шахразуду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Триста восьмая ночь

Когда же настала триста восьмая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что халиф аль-Мамун одобрил слова этого человека и приказал поднять его с того места на более высокое. И когда дошёл до него второй вопрос, он ответил ответом лучшим, нежели первый ответ, и аль-Мамун приказал поднять его на ещё более высокое место; когда же пошёл по кругу третий вопрос, этот человек дал ответ лучший и более правильный, нежели два первых ответа, и аль-Мамун приказал ему сесть к себе близко. А когда диспут кончился, принесли воду и вымыли руки, и подали кушанье, и поели, а затем законоведы поднялись и вышли. И аль-Мамун не позволил тому человеку выйти вместе с ними, и приблизил его к себе, и обласкал его, и обещал ему милость и благоволение. А затем приготовили покои пития, и явились прекрасные сотрапезники, и пошло по дугу вино. И когда дошла очередь до того человека, он вскочил на ноги и сказал: „Если позволит мне повелитель правоверных, я скажу одно слово“. – „Говори что хочешь“, – молвил аль-Мамун. И человек сказал: „Высокое мнение знает, – да увеличит Аллах его высоту! – что раб был сегодня в этом почтённом собрании, среди неведомых людей и низких собеседников, и что повелитель правоверных его призвал и приблизил из-за малой доли ума, который он проявил, и сделал его возвышающимся над степенью других, и привёл его к пределу, до которого не возносились его помыслы. А теперь он хочет разлучить его с той малой толикой ума, которая возвеличила его после униженности и дала ему изобилие после скудности. Но не будет того, и невозможно, чтобы позавидовал ему повелитель правоверных из-за той доли ума, проницательности и достоинства, которой он обладает, ибо, когда раб выпьет вина, удаляется от него разум, и приближается к нему неразумие, и похищается у него пристойность, и возвращается он на ту же презренную ступень, на какой был, и становится в глазах людей презренным, неведомым; и я надеюсь, что высокое мнение не похитит у раба этой жемчужины по своей милости, великодушию и величию и по прекрасной своей природе“.

И когда халиф аль-Мамун услышал от этого человека такие слова, он восхвалил его и поблагодарил, и усадил его на место, и почувствовал к нему уважение. Он приказал дать ему сто тысяч дирхемов и посадил его на коня и даровал ему роскошные одежды, и в каждом собрании он возвышал его и приближал к себе больше всех законоведов, пока он не стал выше их всех по степени и знатнее членом, а Аллах знает лучше.

Рассказ об Али-Шаре и Зумурруд (ночи 308-327)

³⁴⁴ Аль-Мамун – сын Харуна ар-Рашида. Его правление (813-833 годы) считается одной из блестящих эпох в истории средневековой арабской культуры.

Рассказывают, что был в древние времена и минувшие века купец из купцов в землях хорасанских, которого звали Маджд-ад-дин.

И имел он много денег, и рабов, и невольников, и слуг, но только достиг он шестидесяти лет жизни, и не досталось ему ребёнка. А после этого послал ему Аллах великий сына, и назвал он его Али. И когда мальчик вырос, стал он подобен луне в ночь полноты. Когда же он достиг возраста мужей и приобрёл все качества совершенных, его отец заболел смертельной болезнью и призвал к себе своего сына и сказал ему; «О дитя моё, приблизилось время моей гибели, и я хочу дать тебе наставление». – «А какое, о батюшка?» – спросил Али. И его отец сказал: «О дитя моё, завещаю тебе, – не общайся ни с кем из людей и сторонись того, кто навлекает вред и беду. Берегись злого собеседника – он подобен кузнецу: если тебя не обожжёт его огонь, повредит тебе его дым. А как хороши слова поэта:

Уж не от кого теперь любви ожидать тебе,
И если обманет рок, не будет уж верен друг,
Живи в одиночестве и впредь никому не верь –
Я дал тебе искренний совет – и достаточно.

И слова другого:

Все люди – недуг сокрытый,
На них ты не полагайся.
У них обманы и козни,
Когда ты про них узнаешь.

И слова другого:

От встреч с людьми мы только получаем
Пустую болтовню и пересуды.
Встречайся мало ты с людьми – и только,
Чтоб стать ученой иль дела поправить.

Или слова другого:

Когда людей испробует разумный –
Я раскусил их, – и их нрав узнает,
Увидит, что обманчива любовь их,
А вера их, увидит он, – притворство».

«О батюшка, я выслушал и повинуюсь. А ещё что мне делать?» – спросил Али. И его отец сказал: «Делай добро, когда можешь, и постоянно твори с людьми благие дела. Пользуйся случаем и расточай милости – не во всякое время удаются стремления, и как хороши слова поэта:

Не во всякий, ты помни, миг и минуту
Удаётся свершить дела нам благие.
Так спеши же навстречу им, когда можешь,
Опасаясь, что вновь придёт затрудненье».

И юноша сказал: «Я выслушал и повинуюсь...»

И Шахразад застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Триста девятая ночь

Когда же настала триста девятая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что юноша сказал своему отцу: „Я выслушал и повинуюсь. А что потом?“ И его отец сказал: «О дитя моё, сохраняй повинование Аллаху, он сохранит тебя; береги свои деньги и не будь неумеренным, если ты станешь неумеренно их тратить, будешь нуждаться в ничтожнейшем из людей. Знай, что человек стоит столько, сколько имеет его десница, а как хороши слова поэта:

Коль деньги мои скудны, не дружен со мной друг,
А если побольше их – все люди друзья мне.
Как много врагов моих за деньги со мной дрожат,
И сколько, как денег нет, друзей мне враждебны!»

«А потом что?» – спросил Али. И его отец сказал: «О дитя моё, советуйся с теми, кто старше тебя годами, и не спеши к тому делу, которого хочешь. Жалей того, кто ниже тебя – пожалеет тебя тот, кто выше тебя, – и не обижай никого – не то Аллах даст над тобою власть тому, кто тебя обидит. Как хороши слова поэта:

Сочетай с твоей ты другого мысль и советуйся –
От двух не скрыто правильное мнение,
Муж-зеркало, где лицо его отражается,
А в два зеркала может видеть он затылок.

И слова другого:

Помедли и не спеши к тому, чего хочешь ты,
И к людям будь милостив, чтоб милость к себе найти,
Над всякой десницею десница всевышнего,
И всякий злодей всегда злодеем испытан был.

Или слова другого:

Не будь притеснителем, когда только можешь ты –
Всегда притесняющий на лезвии мести.
Коль очи и спят твои, обиженный бодрствует,
Кляня тебя, и не спит глаз зорки» Аллаха.

И берегись пить вино – в нем начало всякого зла; вине прогоняет ум и бесчестит вьющего, и как хороши слова поэта:

Аллахом клянусь, вино не будет пьянить меня,
Пока связан с телом дух, и ясность со словом!
Стремиться к прохладному вину я не буду впредь,
И друга возьму себе и только из трезвых.

Вот моё наставление тебе. Держи его у себя перед глазами, и Аллах преемник мой для тебя».

И потом он обмер и некоторое время молчал, а очнувшись, попросил прощения у Аллаха и произнёс оба исповедания³⁴⁵, и представился к милости Аллаха великого. И

³⁴⁵ Исповедание мусульманской веры состоит из двух членов: «свидетельствую, что нет бога, кроме

заплакал о нем его сын и зарыдал, а потом принялся обряжать его, как подобает. И шли в похоронном шествии великие и малые, и чтецы стали читать, вставши вокруг гробницы, и сын не упустил ничего, что должно, и все сделал.

И затем об умершем помолились и похоронили его в земле, и написали на могиле такое двустиише:

Из праха создан, сделался живим ты, И научился ясности ты в речи.

Во прах вернувшись снова, стал ты мёртвым, Как будто праха и не покидал ты, И печалился по нем сын его Али-Шар сильной печалью, и принимал соболезнования, согласно обычаю знатных, и продолжал он печалиться по отце, пока не умерла его мать через малое время после отца. И он сделал для своей матери то же, что сделал для отца. И после этого он стал сидеть в лавке, продавая и покупая, и не общался ни с кем из тварей Аллаха великого, поступая по наставлению своего отца, и жид он так в течение года. А через год вошли к нему, с помощью хитрости, дети непотребных женщин и завели с ним дружбу, так что он склонился с ними к разврату и отвернулся от прямого пути. И стал он пить вино кубками, и ходил к красавицам и утром и вечером, и говорил про себя: «Отец собрал для меня эти деньги, и если я не буду их тратить, то кому же я их оставляю? Клянусь Аллахом, я буду делать лишь так, как сказал поэт:

Если будешь ты проводить весь век, Когда богатства, собирая их, То когда же тем, что собрать успел И скопил себе, насладишься ты?»

И Али-Шар непрестанно сыпал деньгами, в часы ночи и часы дня, пока не извёл все свои деньги и не обеднел. И положение его ухудшилось, и ум его замутился, и он продал лавку и помещение и прочее, а потом после этого он продал носильное платье и ничего не оставил себе, кроме одной смены одежды. И когда минуло опьянение и пришло размышление, он впал в горесть.

И однажды он просидел от утра до вечера, не вкушая пищи, и сказал себе: «Я обойду тех, на кого я тратил свои деньги: может быть, кто-нибудь из них меня накормит в сегодняшний день». И он обошёл всех друзей, но всякий раз, как он стучался к кому-нибудь в дверь, хозяин оказывался отсутствующим и прятался от Али, так что его стал жечь голод. И он пошёл на рынок купцов...»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Триста десятая ночь

Когда же настала триста десятая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что Али-Шара стал жечь голод, и он отправился на рынок купцов и увидел толпу людей, собравшихся тесным кольцом. И он сказал про себя: „Посмотрю-ка, что за причина тому, что эти люди собрались. Клянусь Аллахом, я не двинусь отсюда, пока не погляжу, что в этом круге!“ И подошёл к кругу и увидел высокую девушку со стройным станом, розовыми щеками и крепкой грудью, превосходившую людей своего времени красотой, прелестью, блеском и совершенством, как сказал о ней один из описывавших её:

Она была создана, как хочет, и вылита
По форме красоты самой – не меньше и не длинней.
Влюбилась в лицо её затем красота сама,
Разлука хулит её, надменность, предательство.
Луна – её лик, и ветка гибкая – стан её.
И мускус – дыхание, и твари подобной нет.
Она будто вылита в воде свежих жемчугов,
И в каждой конечности луна её прелести.

А имя этой невольницы было Зумурруд. И когда увидел её Али-Шар, он удивился её красоте и прелести и воскликнул: «Клянусь Аллахом, я не уйду, пока не увижу, до какого предела дойдёт цена за эту девушку, и не узнаю, кто её купил».

И он встал среди купцов, и те подумали, что он покупает, так как знали, что он богат деньгами, которые получил в наследство от родителей. И посредник встал подле невольницы и сказал: «О купцы, о люди с деньгами, кто откроет ворота цены этой девушки, госпожи лун и блестящей жемчужины, Зумурруд изготавливающей занавески, желанной для ищущего, услады для желающего? Открывайте ворота – нет ни упрёка на тех, кто откроет их, ни укора».

И один из купцов сказал: «За мной пятьсот динаров». А другой сказал: «И ещё десять». И сказал один старик по имени Рашид-ад-дин, – а он был голубоглазый³⁴⁶ безобразный по внешности: «И ещё сто». А другой сказал: «И ещё десять». И тогда Рашид-ад-дин воскликнул: «За тысячу!» И купцы заперли свои языки и замолчали. И посредник посоветовался с владельцем девушки, и тот сказал: «Клянусь, я продам её лишь тому, кого она выберет! Посоветуйся с нею».

И посредник подошёл к девушке и сказал: «О госпожа лун, этот купец хочет тебя купить». И девушка посмотрела на него и увидела, что он такой, как мы упомянули, и сказала посреднику: «Меня не продадут старику, которого дряхлость ввергла в наихудшее состояние. От Аллаха дар того, кто сказал:

Просил я лобзания, она же увидела,
Что сед я (а я тогда богато, счастливо жил),
И молвила, отвратясь поспешно: «О нет, клянусь
Я тем, кто из ничего весь род сотворил людской, –
Охоты до белизны седин не имею я,
И буду ль, пока жива, напихивать хлопком рот?»

И когда посредник услышал её слова, он сказал ей: «Клянусь Аллахом, тебе простительно, и цена за тебя десять тысяч динаров!»

И он осведомил хозяина девушки о том, что она не согласна быть проданной этому старику, и хозяин сказал: «Предложи ей кого-нибудь другого».

И выступил вперёд другой человек и сказал: «Продай мне её за ту цену, которую давал старец, негодный ей!» И девушка посмотрела на него и увидела, что у него крашеная борода, и сказала: «Что такое этот порок и бесславье и чернота лика седины!»

И она выразила удивление и произнесла такие стихи:

«Явил такой-то все, что мне явил он, –
Затылок, клянусь богом, туфлей битый,
И бороду, где для зверей просторно,
И рог, весь согнутый верёвкой крепкой.
О ты, влюбившийся в мой стаи и щеку,
О невозможном гредишь ты беспечно!
Пороками окрасил ты седины,
Скрываешь то, что есть, чтоб ухитриться,
С одной бородой уйдя, с другой приходишь,
Как будто ты показываешь тени³⁴⁷.

³⁴⁶ Арабы считают голубой цвет глаз зловещим признаком.

³⁴⁷ То есть фигурки теневого театра.

А как хороши слова поэта:

Сказала: «Ты седину покрасил». И молвил я:
«Я скрыл её от тебя, о зренье моё и слух».
Сказала она тогда со смехом: «Вот диво-то,
Подделка умножилась, проникла и в волосы».

И посредник, услышав её стихи, воскликнул: «Клянусь Аллахом, ты сказала правду!» А купец спросил: «Что она сказала?» И посредник повторил ему стихи, и купец понял, что правда против него, и отказался от девушки.

И выступил вперёд другой купец и сказал: «Предложи ей меня за ту цену, которую ты слышала». И она взглянула на него и увидела, что он кривой, и сказала: «Это кривой, и поэт сказал о нём:

С кривыми ты и день один не дружи,
Их лжи страшись, и злобы их бойся ты»
Коль было бы в кривых добро малое,
Не сделал бы слепыми их глаз Аллах».

«Будешь ли ты продана этому купцу?» – спросил девушку посредник. И она посмотрела на него и увидела, что он короткий, а борода у него свисает до пупка, и молвила: «Это тот, о ком поэт сказал:

Есть друг у нас, имеет он бороду –
Без пользы нам Аллах её вырастил.
Как будто ночь для нас она зимняя –
Предлинная, холодная, тёмная».

И тогда посредник сказал ей: «О госпожа, посмотри, кто тебе нравится из присутствующих, и скажи, чтобы я продал тебя ему». И девушка посмотрела на кружок купцов, и стала вглядываться в одного за другим, и её взор упал на Али-Шара...

И Шахразад упустила повод, и она прекратила дозволенные речи.

Триста одиннадцатая ночь

Когда же настала триста одиннадцатая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что когда взор девушки упал на Али-Шара, она посмотрела на него взглядом, оставившим после себя тысячу вздохов, и её сердце привязалось к нему, так как он был редкостно красив и приятнее» чем северный ветерок.

И она сказала: «О посредник, я буду продана только этому, – моему господину, чьё лицо прекрасно и стан строен, и сказал о нём один из описывающих:

Как прекрасен её лик,
И влюблённых корят потом,
Хоть хотели укрыть меня,
Пусть бы скрыли твой дивный лик!

Никто не будет владеть мною, кроме него, так как щеки его овальные, а влага уст его – Сельсебиль и слюна его излечивает больного, а прелести его смущают нанизывающего и рассыпающего, как сказал о нём поэт:

Слюна его – вино, а дыхание –
Что мускус, и камфора-улыбка.
Ридван³⁴⁸ его из райских врат выпустил –
Боялся он для гурий соблазна.
Корят его за гордость все ближние,
Но месяцу, коль горд он, прощают.

Он обладатель кудрявых волос и розовых щёк и колдующих взоров, о которых сказал поэт:

Газель обещала мне, что близость мне даст свою,
И сердце в волнении, и глаз в ожидании.
Глаза мне ручаются, что правду он обещал,
Но как обещание исполнят, усталые?

А другой сказал:

Говорят: «Пушка уже видна надпись вдоль щёк его,
Как любить его, коль уж выступил молодой пушок?
Я сказал: «Довольно корить меня, перестаньте же!
Коль верна та надпись, тогда она подделана!
И навеки рай нам дадут плоды со щеки его –
Доказательство – влага Каусара³⁴⁹ на устах его».

Услышав, какие стихи произнесла девушка о красоте Али-Шара, посредник удивился её красноречию и сиянию её блеска, и владелец её сказал ему: «Не удивляйся её блеску, который позорит дневное солнце, и тому, что она хранит в памяти нежные стихи: вместе с этим она читает великий Коран по семью чтениям³⁵⁰ и передаёт благородные предания в правильных изводах, и пишет семью почерками, и знает из наук то, чего не знает учёный пресведущий. Её руки лучше золота и серебра, – она делает шёлковые занавески и продаёт их и наживает на каждой пятьдесят динаров, и она изготавливает занавеску в восемь дней». – «О, счастье тому, у кого она будет в доме и кто сделает её своим тайным сокровищем!» – воскликнул посредник. И владелец девушки сказал: «Продай её всякому, кого она захочет!» И посредник вернулся к Али-Шару и поцеловал ему ругай и сказал: «О господин, купи эту невольницу – она тебя выбрала».

И он рассказал Али-Шару, каковы её качества и что она знает, и промолвил: «На здоровье тебе, если ты её купишь, – одарил тебя тот, кто не скупится на дары». И АлиШар промолчал некоторое время, смеясь над самим собою и говоря про себя: «Я не имею пищи, но я боюсь дурного от купцов, если скажу: „У меня нет денег, чтобы купить её“».

И девушка увидела, что Али-Шар опустил голову, и сказала посреднику: «Возьми меня за руку и отведи меня к нему; я покажу ему себя и соблазну его меня взять – меня не продадут никому, кроме него». И посредник взял девушку и поставил её перед Али-Шаром и сказал ему: «Как ты думаешь, о господин?» Но Али-Шар не дал ему ответа. «О господин мой

³⁴⁸ Ридван – по преданию, юноша, охраняющий врата рая.

³⁴⁹ Каусар (в переводе – изобилие, полнота) – по мусульманскому преданию, один из райских источников.

³⁵⁰ Под семью чтениями разумеются те варианты в чтении Корана, которые допускаются семью каноническими школами чтецов.

и возлюбленный моего сердца, почему ты меня не покупаешь? – спросила девушка. – Купи меня, и я буду причиной твоего счастья».

И Али-Шар поднял голову к девушке и спросил её: «Разве покупают по принуждению? Ты дорога, за тебя просят тысячу динаров». – «О господин, купи меня за девятьсот», – сказала девушка. И Али-Шар ответил: «Нет». И девушка сказала: «За восемьсот». И он ответил: «Нет». И она до тех пор сбавляла цену, пока не сказала ему: «За сто динаров!» И тогда он молвил: «Нет у меня полной сотни». И девушка засмеялась и спросила: «А сколько не хватает до твоей сотни?» И Али-Шар воскликнул: «Нет у меня ни сотни, ни сколько-нибудь! Клянусь Аллахом, я не владею ни белым, ни красным из дирхемов или динаров. Присмотри себе другого покупателя».

И когда девушка поняла, что у него нет ничего, она сказала ему: «Возьми меня за руку, как будто хочешь меня осмотреть в переулке». И Али-Шар сделал это, и тогда девушка вынула из-за пазухи кошель, где была тысяча динаров, и сказала: «Отвесь отсюда девятьсот в уплату за меня, а сотню оставь себе – она будет нам полезна».

И Али-Шар сделал так, как велела девушка, и купил её за девятьсот динаров, и отдал плату за неё из этого мешка, и ушёл с ней домой.

И, придя в его дом, она увидела, что это пустынная равнина, и там нет ни ковров, ни посуды. И она дала ему тысячу динаров и сказала: «Пойди на рынок и купи нам на триста динаров ковров и посуды».

И он сделал это, а потом девушка сказала: «Купи для нас кушаний и напитков...»

И Шахразад устала, и она прекратила дозволенные речи.

Триста двенадцатая ночь

Когда же настала триста двенадцатая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что девушка сказала: „Купи для нас кушаний и напитков на три динара“. И он сделал это, а потом она сказала ему: „Купи нам отрез шелка величиной с занавеску, золотых и серебряных ниток и ниток цветного шелка семи оттенков“.

И он сделал это, и тогда девушка постлала в доме ковры и зажгла свечи и села с ним пить и есть, и затем они пошли к постели и удовлетворили друг с другом своё желание. И они провели ночь, обнявшись, за занавесками и были таковы, как сказал поэт:

Посещай любимых, и пусть бранят завистники –
Ведь против страсти помочь не может завистливый.
Я видела во сне, что лежишь на ложе одном со мной,
И прохладой высшей из уст твоих наслаждался я,
Все, что видел я, правда-истина, я клянусь тебе,
И достигну я всего этого, назло недругам.
Не видали очи когда-нибудь лучше зрелища,
Чем влюблённых два, что на ложе мирно одном лежат,
Обнялись они, и покров согласия скрывает их,
И подушкой служат рука и кисть неизменно им,
И когда сердца привлекло друг к другу влечение,
По холодному люди бьют железу, узнай, тогда.
О хулящие за любовь влюблённых, поистине,
Разве можно сердце исправить вам, что испорчено?
И когда с тобой хоть один дружит дружбой чистою,
Только то и нужно. Живи же с этим единственным!

И они пролежали, обнявшись, до утра, и в сердце каждого из них поселилась любовь к другому. А затем девушка взяла занавеску и вышила её цветным шёлком и украсила

золотыми нитками и обшила её каймой с изображениями птиц. А по краям она вышила изображения животных и не оставила ни одного животного на свете, облик которого не изобразила бы на занавеске. И она провела, работая над занавеской, восемь дней, а когда занавеска была окончена, она скроила её и выгладила и отдала её своему господину и сказала: «Пойди на рынок и продай её за пятьдесят динаров купцу, но берегись её продать какому-нибудь прохожему – это будет причиной моей разлуки с тобой. У нас есть враги, которые о нас не забывают».

И Али-Шар сказал: «Слушаю и повинуюсь!» И пошёл с занавеской на рынок, и продал её купцу, как велела ему девушка, а затем он купил кусок материи и шёлк и золотые нитки, как обычно, и то, что им было нужно из пищи, и принёс это девушке и отдал ей остаток денег.

И каждые восемь дней она отдавала ему занавеску, которую он продавал за пятьдесят динаров, и так провели они целый год. А через год Али-Шар пошёл с занавеской на рынок, как обычно, и отдал её посреднику, и тому повстречался христианин, который дал ему шестьдесят динаров, но посредник отказался, и христианин все прибавлял, пока не сторговал занавеску за сто динаров, и он подкупил посредника десятью динарами. И посредник вернулся к Али-Шару и сообщил ему об этой цене, и стал хитрить с Али, чтобы тот продал занавеску христианину за такие деньги.

«О господин, не бойся этого христианина, тебе не будет от него беды», – оказал он Али. И купцы тоже напали на него, и он продал занавеску христианину, а сердце его было встревожено. И потом он взял деньги и пошёл домой и увидел, что христианин идёт за ним. «О христианин, чего ты идёшь за мной?» – спросил он. И христианин ответил: «О господин, у меня есть дело, и я иду в конец улицы. Аллах да не сделает тебя нуждающимся!»

И не подошёл ещё Али к своему дому, как христианин догнал его, и Али-Шар спросил: «О проклятый, почему ты за мной следуешь, куда бы я ни пошёл?» – «О господин, дай мне глоток воды, я хочу пить, а награда тебе будет от Аллаха великого», – сказал христианин. И Али-Шар подумал: «Это человек, находящийся под защитой³⁵¹, я он пришёл ко мне за глотком воды; клянусь Аллахом, я не обману его ожиданий...»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Триста тринадцатая ночь

Когда же настала триста тринадцатая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что Али-Шар подумал: „Это человек, находящийся под защитой, и он пришёл ко мне за глотком воды; клянусь Аллахом, я по обману его ожиданий“».

И затем он вошёл в дом и взял кувшин и невольница Зумурруд увидела его и спросила: «О любимый, продал ли ты занавеску?» – «Да», – ответил АляШар. И она спросила: «Купцу или прохожему на дороге? Моё сердце чует разлуку». – «Я продал её только купцу», – ответил Али-Шар. И девушка воскликнула: «Расскажи мне правду об этом деле, чтобы я могла исправить положение! Что это ты взял кувшин с водой?» – «Чтобы напоить посредника», – ответил Али-Шар. И девушка воскликнула: «Нет мощи и силы, кроме как у Аллаха высокого, великого!»

И затем она произнесла такие два стиха:

«К разлуке стремящийся, потише!
Не дай обмануть себя объятьям.
Потише! Обман присущ ведь року,
И дружбы конец – всегда разлука».

³⁵¹ Людьми под защитой или людьми договора мусульмане называли иноверцев.

А потом Али вышел с кувшином и увидел, что христианин входит в проход дома. «Как ты пробрался сюда, собака? – воскликнул Али-Шар. – Как ты смеешь входить в дом без моего позволения?» – «О господин, – ответил христианин, – нет различия между воротами и проходом, и я тронусь со своего места только для того, чтобы выйти, а от тебя будет милость, добро, щедрость и благодеяние».

И он взял кувшин с водой и выпил то, что в нем было, и после этого передал его Али-Шару, и Али-Шар взял кувшин и ожидал, что христианин уйдёт, но тот не поднимался. «Почему ты не встаёшь и не уходишь своей дорогой?» – спросил Али-Шар. И христианин оказал: «О господин, не будь из тех, кто сделал доброе дело и попрекает им, или из тех, о ком сказал поэт:

Удалились те, что, когда стоял ты у двери их,
Лучше щедрых всех, что хотел ты, исполняли.
А когда ты встал у дверей других, после их дверей,
Так глоткам воды попрекать тебя там стали.

«О владыка мой, – сказал он потом, – я напился и хочу, чтобы ты дал мне поесть чего бы то ни было, что есть в доме – все равно, будет это ломоть хлеба, или сухарь, или луковица».

«Вставай и не затевай ссоры, в доме ничего нет», – сказал Али. И христианин молвил: «О владыка, если в доме ничего нет, возьми эти сто динаров и принеси нам чего-нибудь с рынка – хотя бы одну лепёшку, чтобы у нас был хлеб и соль». – «Поистине, этот христианин сумасшедший! Я возьму у него эти сто динаров и принесу ему что-нибудь, что стоит два дирхема, и посмеюсь над ним», – подумал про себя Али-Шар. А христианин сказал: «О господин, я хочу только утолить голод, хоть бы сухой лепёшкой и луковицей. Лучшая пища та, которая отгоняет голод, а не роскошные кушанья, и как хороши слова поэта:

Утоляют голод лепёшкою засохшею,
Почему ж волнения сильны мои и горести?
Справедлива смерть – одинаково обращается
И с халифами и с несчастными она нищими!»

«Подожди здесь, я запру жильё и принесу тебе чего-нибудь с рынка», – сказал Али-Шар. И христианин молвил: «Слушаю и повинуюсь!»

И Али вышел, и запер комнаты, и повесил на дверь замок, и, взяв с собою ключ, пошёл на рынок. Он купил поджаренного сыру, белого мёда, бананов и хлеба и принёс это христианину, и когда христианин увидел это, он воскликнул: «О владыка, этого много и хватит на десять человек, а я один. Может быть, ты поешь со мной?» – «Ешь один, я сыт», – ответил Али-Шар. И христианин воскликнул: «О владыка, мудрые сказали: „Кто не ест со своим гостем, тот дитя прелюбодеяния“». И когда Али-Шар слышал от христианина эти слова, он сел и поел с ним немного. И он хотел принять руку...»

И Шахразад застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Триста четырнадцатая ночь

Когда же настала триста четырнадцатая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что Али-Шар немного поел с христианином, и хотел принять руку, и тогда христианин взял банан и очистил его и разломил на две половинки, и в одну половинку он положил очищенного банджа, смешанного с опиумом, драхма которого свалит слона, а потом он обмакнул половину банана в мёд и сказал: „О владыка, заклинаю тебя твоей верой,

возьми это“.

И Али-Шару было стыдно заставить его нарушить клятву, и он взял от него половинку банана и проглотил её, и едва она утвердилась у него в желудке, как его голова обогнала ноги, и он стал таким, как будто спит год. И, увидев это, христианин поднялся на ноги, точно плешиный волк или властвующая судьба, и, взяв у Али ключ от комнат, оставил его лежащим, а сам бегом побежал к своему брату и рассказал ему обо всем. А причину этого было то, что брат христианина был тот дряхлый старик, который хотел купить Зумурруд за тысячу динаров, а она не согласилась и высмеяла его в стихах. А был он внутренне неверным и наружно мусульманином и называл себя Рашид-ад-дином³⁵². И когда девушка высмеяла его и не согласилась, он пожаловался своему брату христианину, который ухитрился похитить девушку у её господина АлиШара (а имя его было Барсум). И он сказал: «Не печалься, я ухитрюсь добыть её для тебя, не потратив ни единого дирхема и динара», ибо он был кудесник, коварный обманщик и распутник. И Барсум до тех пор строил козни и хитрил, пока не устроил хитрость, о которой мы упомянули, и взял ключи, и пошёл к своему брату, и рассказал ему о том, что произошло.

И Барсум сел на мула и, взяв с собою своих слуг, отправился со своим братом к дому Али-Шара и захватил мешок с тысячей динаров, чтобы, когда встретит его вали, подкупить его.

И он отпер комнаты, и люди, бывшие с ним, бросились на Зумурруд и насильно взяли её, пригрозив ей смертью, если она заговорит, и оставили дом, как он был, ничего не взяв. А Али-Шара оставили лежать в проходе, и закрыли дверь, и положили ключ от комнат с ним рядом. И старик христианин отправился с девушкой к себе во дворец и поместил её среди своих невольниц и наложниц, и сказал ей: «О развратница, я тот старик, которого ты не захотела и которого ты высмеяла, а теперь я взял тебя, не отдав ни дирхема, ни динара». И она отвечала ему (а глаза её наполнились слезами): «Довольно с тебя Аллаха, о злой старец, раз ты разлучил меня с моим господином!» – «О развратница, о любовница, ты увидишь, какие я причиню тебе мученья! – воскликнул старик. – Клянусь Мессией и девой, если ты меня не послушаешь и не вступишь в мою веру, я буду тебя пытать всякими пытками!» – «Клянусь Аллахом, если ты изрежешь моё тело на куски, я не расстанусь с верой ислама, и, может быть, Аллах великий пошлёт мне близкую помощь – он ведь властен в том, что захочет, – ответила девушка. – Сказали разумные: „Пусть будет беда для тела, но не беда для веры“.

И тогда старик кликнул слуг и невольниц и сказал им: «Повалите её!» И девушку повалили, и старик без отдыха бил её жестоким боем, а она звала на помощь, но не получала помощи. А потом она перестала звать и говорила: «Довольно с меня Аллаха и достаточно!», пока не прервалось у неё дыхание и стали не слышны её стоны. Когда же старик утолил гнев своего сердца, он сказал слугам: «Стащите её за ноги и бросьте её на кухне и не кормите ничем!»

И проклятый проспал эту ночь, а когда настало утро, он потребовал девушку и снова стал её бить, а потом велел слугам бросить её на прежнее место, и они это сделали. И когда остыли на ней побои, она воскликнула: «Нет бога, кроме Аллаха, Мухаммед – посол Аллаха! Аллах моя опора, и благой он промыслитель!» А потом она стала взывать о помощи к владыке нашему Мухаммеду, да благословит его Аллах и да приветствует...»

И Шахразад устала, и она прекратила дозволенные речи.

Триста пятнадцатая ночь

Когда же настала триста пятнадцатая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый

³⁵² Рашид-ад-дин – буквально означает: «идущий прямым путём к вере (ислама)».

царь, что Зумурруд стала взывать о помощи к пророку, – да благословит его Аллах и да приветствует! – и вот то, что с ней было.

Что же касается Али-Шара, то он пролежал до следующего дня, а потом бандж улетел у него из головы, и он открыл глаза и крикнул: «Зумурруд!» Но никто ему не ответил. И он вошёл в комнату и увидел, что внутренность дома пуста и место посещения далеко³⁵³, и понял он, что это дело случилось с ним не иначе как из-за христианина. И он стал стонать, и плакать, и охать, и сетовать, и пролил слезы, и произнёс такие стихи:

«О любовь моя, не щадишь меня и не милуешь,
И душа моя меж мучением и опасностью!
Пожалейте же, господа, раба, что унизился
На путях любви, и богатого, обнищавшего,
Как быть стрелку, если вдруг враги ему встретятся,
И стрелу метнуть в них захочет он, но порвётся нить?
Коль над юношей соберётся вдруг много горестей
И накопится, то куда бежать от судьбы ему?
Сколько раз они говорили мне о разлуке с ней,
До падёт когда приговор судьбы, тогда слепнет взор».

А окончив это стихотворение, он испустил вздох и произнёс ещё такие стихи:

«Обиталище на холмистом стане оставила,
И стремится грустный к её жилищу, тоскующий.
Обратила взоры к родным местам, и влечёт её
Стан покинутый, чьи следы исчезли, разметанны.
И стоит она, вопрошая там, и даёт ответ
Отголосок ей: «Не найдёшь пути ты ко встрече с ним.
Он как молния – озарит лишь стан на единый таит
Я уйдёт опять, и тебе свой блеск не покажет «новь».

И Аля-Шар начал раскаиваться, когда раскаянье было ему бесполезно, и заплакал и разорвал на себе одежду, и, взяв в руки два камня, стал обходить город кругом, ударяя себя камнями по груди и крича: «О Зумурруд!»

И малыши бегали вокруг него и кричали: «Одержимый! Одержимый!» И все, кто его знал, плакали о нем и говорили: «Это такой-то. Что это с ним случилось?» И АлиШар пробыл в таком состоянии до конца дня, а когда опустилась над ним ночь, он проспал до утра в каком-то переулке, а с утра стал ходить с камнями по городу до конца дня. И после этого он вернулся к себе домой, чтобы переночевать там, и его увидела его соседка (а это была старая женщина из добрых людей) и спросила его: «О дитя моё, спаси тебя Аллах, когда ты помешался?»

И Али-Шар ответил ей такими двумя стихами:

«Сказали: „Безумно ты влюблён“. И ответил я:
«Поистине, жизнь сладка одним лишь безумным.
Оставьте безумие моё и подайте тех,
Кто мой отнял ум, а вылечат – не корите».

И старуха, его соседка, поняла, что он покинутый влюблённый, и сказала: «Нет мощи и силы, кроме как у Аллаха, высокого, великого! О дитя моё, я хочу, чтобы ты рассказал мне о

³⁵³ Выражение, часто употребляемое при описании жилища, внезапно покинутого любимым.

твоей беде – может быть, Аллах даст мне силу помочь тебе в ней, по своей воле». И Али-Шар рассказал ей обо всем, что у него случилось с Барсумом христианином, братом кудесника, называвшего себя Рашид-ад-дином, и, узнав об этом, она сказала: «О дитя моё, тебе простительно!»

И потом она пролила из глаз слезы и произнесла такие стихи:

«Достаточно в жизни сей влюблённые мучились»
Аллахом клянусь, в аду не будут страдать они!
Погибли они любя и в тайне храня любовь,
И были чисты они, гласят так предания».

А окончив своё стихотворение, она сказала: «О дитя моё, встань теперь и купи корзинку, – такую, как корзинки у ювелиров. И купи браслетов, перстней, колец и украшений, подходящих для женщин, и не скупись на деньги. Положи все это в корзину и принеси её, а я поставлю её на голову и пойду под видом посредницы, и буду ходить и искать девушку по домам, пока не нападу на весть о ней, если захочет Аллах великий».

И Али-Шар обрадовался словам старухи и поцеловал ей руки, а потом он поспешно ушёл и принёс ей то, что она потребовала. И когда это оказалось у неё, она поднялась и, надев заплатанную одежду, покрыла голову изаром медового цвета, взяла в руки посох и понесла корзину. И она ходила с места на место, из квартала в квартал и из улицы в улицу, пока не привёл её Аллах великий ко дворцу проклятого Рашид-аддина, христианина. И она услышала из дома стоны и постучалась в ворота...»

И Шахразду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Триста шестнадцатая ночь

Когда же настала триста шестнадцатая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что, когда старуха услышала из дома стоны, она ночь постучалась в ворота и к ней вышла невольница и отворила ей и приветствовала её, и старуха сказала ей: „У меня есть вещицы для продажи. Найдутся у вас люди, которые их купят?“ – „Да“, – отвечала ей невольница и ввела старуху в дом и посадила её, и девушки сели вокруг неё, и каждая из них что-нибудь у неё взяла. И старуха стала подлаживаться к девушкам и уступала им цену. И девушки были ей рады из-за её милости и мягких речей, а старуха оглядывала со всех сторон помещение, ища ту, что стонала. И взгляд её упал на стонавшую, и она проявила к девушкам любовь и оказала им милость и всмотрелась и увидела, что это брошенная Зумурруд. И старуха узнала её и заплакала и спросила невольниц: „О дети мои, почему эта девушка в таком состоянии?“ И невольницы рассказали ей всю историю и сказали: „Это не по нашей воле, но нам господин наш так приказал, а он теперь уехал“. – „О дети мои, – сказала старуха, – у меня к вам просьба, и вот какая: освободите эту бедняжку от верёвок до того времени, как узнаете о приезде вашего господина, а тогда вы свяжите её, как раньше, и вам достанется награда от господа миров“.

И невольницы ответили: «Слушаем и повинемся!» А затем они подошли к Зумурруд и развязали её и напоили и накормили, и старуха сказала: «О, если бы моя нога сломалась и я бы не вошла в ваш дом!»

А после этого она подошла к Зумурруд и сказала ей: «О дочка, да будешь ты благополучна! Аллах тебе поможет». И потом она рассказала ей, что пришла от её господина Али-Шара, и сговорила с Зумурруд, что та к завтрашнему вечеру приготовится и будет прислушиваться к шуму, и сказала ей: «Твой господин придёт к скамейке под дворцом и свистнет тебе, и, когда ты услышишь это, свистни ему и спустись к нему из окна по верёвке, и он возьмёт тебя и уйдёт с тобой».

И Зумурруд поблагодарила за это старуху, и та вышла и отправилась к Али-Шару, и

уведомила его и сказала: «Отправляйся следующей ночью, в полночь, в такой-то квартал – дом проклятого там, и признаки его такие-то и такие-то. И стань под дворцом и свистни, – она спустится к тебе, возьми её и уходи с ней куда хочешь».

И Али-Шар поблагодарил за это старуху, а затем он пролил слезы и произнёс такие стихи:

«Пусть бросят хулители все сплетни и толки,
Страдает душа моя, и тело худеет.
Ток слез, как предания, что звеньями связаны³⁵⁴
С источником, льётся то с трудом, то свободно.
О ты, чья свободна мысль от дум и забот моих,
Старанья оставь свои, меня вопрошая!
Знай – тот, чьи нежны уста, чей гибок и строен стаи,
Мне душу пленил навек и мёдом и ульем.
Не знает покоя дух, раз нет вас, не спят глаза,
И нет от надежд моих терпению пользы.
Оставлен заложником тоски огорчённым я
И между завистником мечусь и хулящим.
Утешиться – это то, чего я не ведаю,
Иной, кроме вас, на ум теперь не приходите

А окончив овсе стихотворение, он пролил из глаз слезы и произнёс такие два стиха:

«Награди Аллах возвестившего, что вы прибыли,
Ведь доставил он мне приятное для слуха,
Будь доволен он тем, что порвано, тогда отдал бы
Ему сердце я, что растерзано прощаньем».

А потом Али-Шар подождал, пока спустилась ночь и пришло условленное время, и отправился в тот квартал, который описала ему соседка, и увидел дворец, и узнал его, и сел под окном на скамейку. И его одолел сон, и он заснул (да будет прославлен тот, кто не спит!), а он долгое время не спал из-за охватившего его волнения, и стал точно пьяный. И когда он спал...»

И Шахразад устала, и она прекратила дозволенные речи.

Триста семнадцатая ночь

Когда же настала триста семнадцатая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что он спал, а один вор из числа воров вышел этой ночью на окраину города, чтобы что-нибудь украсть, и судьба забросила его ко дворцу этого христианина. И он обошёл вокруг дворца и не нашёл пути, чтобы туда подняться, и до тех пор ходил вокруг, пока не дошёл до той скамейки. И он увидел спящего Али-Шара и взял у него тюбан. И, взяв его, не успел опомниться, как Зумурруд выглянула из окна. И она увидела вора, стоявшего в темноте, и приняла его за своего господина и свистнула ему, и грабитель свистнул ей, и она спустилась к нему на верёвке с мешком, полным золота. И, увидав девушку, вор сказал про себя: „Поистине, вот удивительное дело, и причина его диковинна!“

А потом он взвалил мешок и девушку на плечи и исчез с ними, как поражающая

³⁵⁴ Намёк на «иснад», то есть цепь передатчиков, от имени которых сообщается то или иное предание о словах или делах Мухаммеда («хадис»).

молния. И девушка сказала ему: «Старуха мне рассказывала, что ты из-за меня ослабел, а ты вон сильнее коня». Но вор не дал ей ответа, и тогда она ощупала его лицо, и оказалось, что у него борода, точно банный веник, и он словно кабан, который проглотил перья, и концы их торчат у него из горла. И девушка испугалась его и спросила: «Кто ты такой?» И вор отвечал: «О шлюха, я ловкач Джаван-курд из шайки Ахмедаад-Данафа³⁵⁵, и вас сорок ловкачей, и все мы будем сегодня ночью мять тебе матку с вечера до утра». И, услышав его слова, Зумурруд заплакала, и стала бить себя по щекам, и поняла, что судьба одолела её и что нет для неё хитрости, кроме как вручить себя Аллаху великому. И она стала терпеть и подчинилась приговору Аллаха великого и сказала: «Нет бога, кроме Аллаха! Всякий раз как мы освободимся от одной заботы, мы попадаем в ещё большую».

А причиной прихода Джевана в это место было то, что он сказал Ахмеду-ад-Данафу: «О ловкач, я заходил в этот город ещё раньше, до этого, и знаю пещеру за городом, которая вместит сорок человек. Я хочу пойти туда раньше вас и отвести мою мать в эту пещеру, а потом я вернусь в город и украду там что-нибудь вам на счастье, и буду хранить это для вас, пока вы не придёте, и это будет вам от меня угощением в тот день».

И Ахмед-ад-Даваф сказал ему: «Делай что хочешь». И Джаван вышел раньше их и пришёл прежде них в то место и поместил свою мать в пещере. А выйдя из пещеры, он увидел спящего солдата, подле которого был привязан конь, и зарезал его и взял его платье и коня. И он взял оружие и одежду солдата и спрятал их в пещере у своей матери, и привязал коня, а потом он вернулся в город, и шёл до тех пор, пока не пришёл ко дворцу христианина и не сделал того, о чем было раньше упомянуто, взяв тюрбан Али-Шара и забрав его невольницу Зумурруд. И он бежал с ней, пока не посадил её подле своей матери, и тогда он сказал матери: «Сторожи её, пока я не вернусь к тебе завтра утром!» И ушёл...

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Триста восемнадцатая ночь

Когда же настала триста восемнадцатая ночь, она сказала: «Дошло меня, о счастливый царь, что Джеван-курд сказал своей матери: „Сторожи её, пока я не вернусь к тебе завтра утром“. И потом он ушёл, и Зумурруд сказала про себя: „Что это за небрежность, и отчего не спасти себя хитростью? Что же мне ждать, пока не придут эти сорок человек и не станут сменять на мне друг друга, так что сделают меня подобной кораблю, утонувшему в море?“

И она обернулась к старухе, матери Джевана-курда, и сказала: «О тётушка, не выйдешь ли со мной из пещеры, я поищу у тебя в голове на солнце». – «Да, клянусь Аллахом, доченька, – отвечала старуха, – я уже давно не была в бане, так как эти кабаны все время ходят со мною с места на место».

И Зумурруд вышла с нею и стала искать и убивать вшей в её голове, пока старуха не почувствовала себя приятно и не заснула. И тогда Зумурруд поднялась и надела одежду солдата, которого убил Джеван-курд, и опоясалась его мечом и навела его тюрбан, так что стала точно мужчина. А потом она села на коня и взяла с собой мешок с золотом и сказала про себя: «О благой покровитель, покрой меня ради сана Мухаммеда, да благословит его Аллах и да приветствует!» И она подумала: «Если я поеду в город, меня, может быть, увидит кто-нибудь из родных этого солдата, и мне не будет добра». И она отказалась от въезда в город и – поехала по безводной пустыне, и непрестанно подвигалась вперёд с мешком и конём, питаясь злаками земли и кормя ими коня, а пила она сама и поила коня из потоков. И так она ехала в течение десяти дней, а на одиннадцатый приблизилась к городу, прекрасному и безопасному, полному добра, от которого отвернулось время зимы с её холодом, и

³⁵⁵ Ахмед-ад-Данаф – популярный в арабской повествовательной литературе плут и вор, по-видимому историческая личность.

улыбалось время весны с её цветами и розами, и расцвели в городе цветы, и разлились потоки, и защебетали птицы. И когда Зумурруд достигла города и приблизилась к воротам, она увидела войска, эмиров и знатных жителей города, и удивилась, увидев их, и сказала про себя: «Все жители города собрались у ворот, какая этому может быть причина?» И она направилась к толпе. И когда она приблизилась, воины наперегонки бросились к ней и спешили и поцеловали землю меж её рук и сказали: «Аллах да дарует тебе победу, о наш владыка султан!» И выстроились перед нею обладатели должностей, и воины стали расставлять народ по местам и говорили: «Аллах да дарует тебе победу и да сделает твой приход благословенным для мусульман, о султан миров! Да укрепит тебя Аллах, о царь времени, о единственный в века и столетия!»

И Зумурруд спросила их: «В чем с вами дело, о жители города?» И царедворец ответил: «Одарил тебя тот, кто не скупится на дары, и сделал тебя султаном этого города и правителем над шеями всех, кто находится в нем. Знай, что обычай жителей этого города таков: когда умирает царь и у него нет сына, войска выходят за город и ждут три дня, и человека, который придет в город по той дороге, по какой ты пришел, они делают султаном над собою. Слава же Аллаху, который привел к нам человека из детей турок, прекрасного лицом, – если бы явился к нам человек и меньший, чем ты, он был бы султаном».

А Зумурруд обладала верным взглядом во всех своих делах, и она сказала: «Не думайте, что я из сыновей простых турок, нет, я из сыновей вельмож, но я разгневался на своих родных и ушел от них и оставил их. Посмотрите на этот мешок с золотом, который я привез с собою, чтобы раздавать из него милостыню беднякам и нищим». И её стали благословлять и обрадовались ей до крайней степени, и Зумурруд тоже обрадовалась и сказала про себя: «После того как я достигла этого...»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Триста девятнадцатая ночь

Когда же настала триста девятнадцатая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что Зумурруд сказала про себя: „После того как я достигла этого, Аллах, быть может, соединит меня с моим господином в этом месте – поистине, он властен в том, что захочет“.

И затем она поехала, и воины поехали с нею вместе и вступили в город и шли перед нею пешком, пока не привели её во дворец. И Зумурруд спешила, и эмиры и вельможи взяли её под мышки и посадили на престол, и поцеловали перед ней землю.

И когда Зумурруд села на престол, она велела открыть сокровищницы, и их открыли, и она раздала деньги всем воинам, и ей пожелали вечной власти, и стали повиноваться ей рабы и все жители страны. И некоторое время она правила так, повелевая и запрещая, и в сердцах людей возникло к ней большое почтение за её благородство и целомудрие. И она упразднила пошлины и выпустила тех, кто был в тюрьмах, и отменила несправедливости, и полюбили её все люди. Но всякий раз, как она вспоминала своего господина, она плакала и молила Аллаха, чтобы он соединил его с нею. И случилось, что она вспомнила его в какую-то ночь и вспомнила те дни, которые провела с ним, и пролила из глаз слезы и сказала такие стихи:

«Моя страсть к тебе все нова, хоть срок и долог,
Поток слез глаза растравил мои обильно.
Когда я плачу, от муки плачу любовной я.
В разлуке тяжко быть влюблённому ведь».

А окончив своё стихотворение, она вытерла слезы, поднялась во дворец и вошла в гарем и отвела рабыням и наложницам отдельные помещения и назначила им выдачи и жалованье, и сказала, что хочет сидеть в своём месте одна, постоянно предаваясь

благочестию. И она стала поститься и молиться, и эмиры говорили: «Поистине, вот султан, которому присуще великое благочестие!» А Зумурруд не оставила подле себя никого из челяди, кроме двух маленьких евнухов для услуг. И она просидела на престоле царства год, но не получала вести о своём господине и не напала на его след и беспокоилась из-за этого. И когда её беспокойство усилилось, она позвала везирей и царедворцев и велела им привести измерителей и строителей, чтобы они устроили ей под дворцом ристалище длиной в фарсах и шириной в фарсах, и они сделали то, что она приказала, в самое короткое время, и ристалище вышло точь-в-точь такое, как она хотела. И когда это ристалище было закончено, Зумурруд выехала туда и велела разбить там для себя большой шатёр, и расставить сиденья для эмиров, и приказала разложить на этом ристалище столы со всякими роскошными кушаньями. И сделали так, как она велела, а потом она приказала вельможам царства есть, и они поели, и Зумурруд сказала эмирам: «Когда появится серп нового месяца, я хочу, чтобы вы делали то же самое, и пусть в городе оповестят, чтобы никто не отпирал своей лавки, но все бы приходили есть с царского стола, а всякий, кто ослушается, будет повешен на воротах своего дома».

И когда наступил новый месяц, сделали так, как велела Зумурруд, и этот обычай продолжался до тех пор, пока не появился серп первого месяца в следующем году. И Зумурруд выехала на ристалище, и глашатай закричал: «О собрание людей, слушайте все: всякий, кто откроет свою лавку, или склад, или дом, будет тотчас же повешен жителям надлежит на воротах своего жилища. Всем прийти и есть с царского стола!»

И когда клич прокричали (а столы уже поставили), люди стали приходить толпами, и Зумурруд велела им сесть за столы и есть досыта всевозможных кушаний, и люди сели есть, как она приказала, а Зумурруд села на престол царства и смотрела на них, и каждый, кто садился за стол, говорил про себя: «Царь не смотрит ни на кого, кроме меня». И они ели, а эмиры говорили людям: «Ешьте и не стыдитесь! Царь это любит!» И люди ели, пока не насытились, и ушли, благословляя царя, и одни из них говорили другим: «Мы в жизни не видели султана, который бы так любил бедных, как этот султан!» И ему желали долгой жизни. И Зумурруд ушла к себе во дворец...»

И Шахразад устало говорила, и она (прекратила дозволенные речи.

Триста двадцатая ночь

Когда же настала ночь, дополняющая до трехсот двадцати, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, Зумурруд ушла к себе во дворец, радуясь тому, что она устроила, и думала про себя: „Если захочет Аллах великий, таким способом я нападу на весть о моем господине Али-Шаре“.

А когда начался следующий месяц, она сделала так же, как велел обычай, и поставили столы, и Зумурруд вышла и села на свой престол и велела людям садиться и есть. И она сидела на конце стола, а люди садились толпа за толпой и один за одним, и вдруг взгляд её упал на Барсума-христианина, который купил занавеску у её господина. И она узнала его и сказала: «Вот начало помощи и достижения желаемого!» А Барсум подошёл и сел среди людей. И он увидел блюдо сладкого риса, посыпанного сахаром (а оно стояло далеко от него), и потянулся к нему, и, протянув руку, взял блюдо и поставил его перед собой. И один человек, бывший с ним рядом, сказал ему: «Почему ты не ешь то, что перед тобой? Не стыдно тебе? Ты протягиваешь руку к тому, что от тебя далеко, или ты не стыдишься?» – «Я буду есть только это», – сказал Барсум. И человек ответил: «Ешь, да не сделает Аллах тебе приятным это кушанье!»

А один любитель гашиша сказал: «Пусть его ест рис, я тоже поем с ним». И тот человек воскликнул: «О самый скверный из гашишеедов, это не ваше кушанье, это кушанье эмиров! Оставьте же его, пусть оно достаётся тем, кому надлежит его есть».

Но Барсум его не послушался и, взяв горсть риса, положил его в рот и хотел взять

вторую, а царица смотрела на него. И она кликнула кого-то из солдат и сказала: «Приведите того, перед кем блюдо со сладким рисом, и не давайте ему съесть риса, который у него в руке, выбейте его из его руки».

И к Барсуму подошли четверо воинов и потащили его вниз лицом, выбив сначала рис из руки, и поставили перед Зумурруд и люди не стали есть и говорили один другому: «Клянёмся Аллахом, он преступник, так как не ел кушанья, подходящего для таких, как он». – «Я удовлетворюсь этой кашей, что стоит передо мной», – сказал один человек, а любитель гашиша воскликнул: «Хвала Аллаху, который не дал мне ничего взять с этого блюда со сладким рисом! Я ждал, когда тот человек отведаёт то кушанье и найдёт его приятным, но ему досталось то, что мы видели». И люди говорили друг другу: «Подождите, посмотрим, что с ним будет». И когда Барсума подвели к царице Зумурруд, она сказала: «Горе тебе среди голубоглазых! Как твоё имя и почему ты пришёл в нашу страну?»

И проклятый изменил своё имя (а он повязал белый тюрбан³⁵⁶) и сказал: «О царь, моё имя Али, а по ремеслу я ткач, и пришёл я в этот город для торговли». – «Подайте мне дощечку с песком и медный калам!» – сказала Зумурруд. И ей тотчас же принесли то, что она потребовала, и она взяла дощечку с песком и калам и стала гадать на песке, и начертила каламом изображение, похожее на изображение обезьяны, и после этого она подняла голову и некоторое время всматривалась в Барсума и сказала ему: «О собака, как ты это лжёшь царям! Разве ты не христианин и имя твоё не Барсум? Ты пришёл за чем-то, что ты разыскиваешь! Скажи же мне правду, а иначе, клянусь величием высшего господства, я отрублю тебе голову!»

И христианин стал запинаться, а эмиры и присутствующие сказали: «Этот царь умеет гадать на песке! Слава тому, кто даровал ему это!» И Зумурруд закричала на христианина и сказала ему: «Скажи правду, а не то я тебя погублю!» И христианин воскликнул:

«Прощенье, о царь времени! Ты правильно гадал на песке, и далёкий – христианин...»³⁵⁷

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Триста двадцать первая ночь

Когда же настала триста двадцать первая ночь, она сказала: «Дошло до о счастливый царь, что христианин сказал: „Прощенье, о царь времени, ты правильно гадал на песке, и далёкий – христианин“. И присутствующие эмиры и другие удивились тому, как царь отгадал, гадая на песке, и сказали: „Поистине, этот царь звездочёт! Нет в мире ему подобного!“ А потом царица велела содрать с христианина кожу и набить её соломой и повесить на воротах ристалища и вырыть яму за городом и сжечь там его мясо и кости и набросать сверху нечистоты и грязь, и ей сказали: „Внимание и повиновение!“ – и сделали все, что она велела.

И когда люди увидели, что постигло христианина, они сказали: «Награда ему то, что его постигло! Как злосчастен был для него этот рис!» И один из них оказал: «Далёкий пусть разведётся! Я в жизни не стану есть сладкого риса!» А любитель гашиша воскликнул: «Слава Аллаху, который избавил меня от того, что случилось с этим, и охватил меня, не дав поестъ этого рису!» И затем все люди вышли, объявив запретным садиться около сладкого риса, на

³⁵⁶ Цвет тюрбана указывал на принадлежность его владельца к той или иной религии. Постановления, предписывавшие неверным носить иную, чем у мусульман, одежду, издавались много раз, но очень быстро забывались.

³⁵⁷ Мусульмане, желая избежать произнесения некоторых нежелательных слов и фраз из суеверного страха прибегают к метафорическим или описательным оборотам. Для того чтобы рассказчик не был вынужден сказать «я христианин», здесь употреблено неопределённое слово «далёкий».

место этого христианина. И когда настал третий месяц, расставили, как обычно, столы и устали их блюдами, и царица Зумурруд села на престол, и воины встали, как всегда, страшась её ярости. И вошли, по обычаю, люди из жителей города и стали ходить вокруг стола, и смотрели на место того блюда, и один оказал другому: «Эй, хаджи Халиф!».³⁵⁸ И тот ответил: «Здесь, о хаджи Халид!» И первый сказал: «Сторонись этого блюда со сладким рисом и берегись брать с него – если ты съешь отсюда что-нибудь, будешь повешен».

И потом они сели вокруг стола и принялись за еду, и, когда они ели, царица Зумурруд сидела, и взгляд её вдруг упал на человека, который торопливо входил в ворота ристалища. И она всмотрелась в него и увидела, что это Джеван-курд, – вор, который убил солдата, а причиною его прихода было вот что.

Оставив свою мать, он ушёл к товарищам и сказал им: «Я получил вчера хорошую наживу, я убил солдата и взял его коня, и мне достался в тот вечер мешок, полный золота, и женщина, которая стоит больше, чем золото в мешке, и я сложил все это в пещере, у моей матери». И его товарищи обрадовались и пошли в пещеру в конце дня, и Джеван-курд шёл впереди них, а они сзади. И он хотел принести им то, о чем говорил, но увидел, что место пусто, и спросил свою мать об истине в этом деле. И она рассказала ему обо всем, что случилось. И курд стал кусать себе кулаки от горя и воскликнул: «Клянусь Аллахом, я буду искать эту развратницу и возьму её в том месте, где она есть, хотя бы она была в скорлупе от фисташки, и изолью свой гнев на неё!»

И он вышел её искать и ходил по странам, пока не вошёл в город царицы Зумурруд, но, войдя в город, он никого не нашёл и спросил каких-то женщин, смотревших из окон, и они осведомили его о том, что первого числа каждого месяца султан ставит стол, и люди приходят и едят с него, и указали ему ристалище, где устанавливали стол.

И курд поспешно пришёл и нашёл пустое место, чтобы сесть, только около блюда, раньше упомянутого, и сел, и блюдо оказалось перед ним, и он протянул к нему руку, и люди закричали на него и сказали: «О брат наш, что ты хочешь делать?» – «Я хочу поесть с этого блюда, чтобы насытиться», – ответил курд. И один человек сказал ему: «Если возьмёшь с этого, будешь повешен». Но курд воскликнул: «Молчи и не произноси таких слов!»

И потом он вытянул руку и придвинул к себе блюдо, а любитель гашиша, раньше упомянутый, сидел рядом! с ним, и, увидев, что курд потянул к себе блюдо, убежал со своего места, и гашиш улетел у него из головы, и он сел поодаль и воскликнул: «Нет мне надобности в этом блюде!» А Джеван-курд протянул к блюду руку (а она имела вид вороньей ноги), и зачерпнул ею из блюда, и она стала похожа на верблюжье копыто...

И Шахразад застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Триста двадцать вторая ночь

Когда же настала триста двадцать вторая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что Джеванкурд вынул из блюда руку, похожую на верблюжье копыто, смял в ней рис, так что он стал, точно большой апельсин, и бросил его торопливо в рот. И комочек проходил в горле, грохоча как гром, и да блюде стало видно дно. И тот, кто был с ним рядом, воскликнул: „Слава Аллаху, который не сделал меня твоим кушаньем – ты проглотил бы блюдо одним глотком!“ А любитель гашиша сказал: „Пусть ест, я вижу в кем образ повешенного“.

И он обратился к курду и сказал ему: «Ешь, да не сделает тебе Аллах еду приятной». И курд протянул руку за вторым куском и хотел смять его, как первый, и вдруг царица крикнула солдатам и сказала: «Приведите скорее этого человека и не давайте ему съесть рис, который у него в руке».

³⁵⁸ Хаджи – паломник, почётное прозвище мусульман, совершивших паломничество в Мекку.

И воины сбежались к нему (а он склонился над блюдом), и схватили его, и взяли, и он предстал перед царицей Зумурруд – И люди стали злорадствовать и говорили друг другу: «Он заслужил это, мы предупреждали его, а он не слушал предупреждений. Это место обещает смерть тому, кто на нем сидит, и этот рис приносит несчастье тому, кто его съест».

А царица Зумурруд спросила курда: «Как твоё имя, кто ты по ремеслу и почему пришёл в наш город?» И курд сказал: «О владыка султан, моё имя Осман, а по ремеслу я садовник. И причина моего прихода в этот город та, что я ищу вещь, которая у меня пропала». – «Ко мне доску с песком!» – сказала царица. И ей принесли доску, и она взяла калам и стала гадать на песке и всматривалась в него некоторое время, а потом подняла голову и сказала курду: «Горе тебе, о скверный! Как это ты лжёшь царям! Этот песок говорит мне, что твоё имя Джеван-курд и по ремеслу ты вор – берёшь и отнимаешь несправедливо достояние людей и убиваешь души, которые Аллах запретил убивать иначе, как за должное»³⁵⁹.

И затем она закричала на него и сказала: «О кабан, будь правдив в своём рассказе, иначе я отрублю тебе голову!» И когда курд услышал слова царицы, он стал жёлтым, и обнажились его зубы. И он подумал, что если окажет правду, то спасётся, и молвил: «Ты прав, о царь, но я раскаюсь теперь при твоей помощи и вернусь к Аллаху великому». – «Мне не дозволено оставить бедствие на дороге мусульман», – молвила царица. И потом она сказала кому то из своих людей: «Возьмите его, сдерите с него кожу и сделайте с ним то же самое, что вы сделали с подобным ему в прошлом месяце». И они сделали, что она им велела, и тогда любитель гашиша увидел, как солдаты схватили этого человека, он повернулся спиной к блюду с рисом и сказал: «Поистине, обращать к тебе лицо мое запретно!»

Окончив есть, люди удалились и разошлись по домам, а царица поднялась во дворец и позволила мамлюкам уйти.

Когда же начался третий месяц³⁶⁰, пришли, по обычаю, на ристалище люди, и им принесли кушанья, и все сели, ожидая разрешения, и вдруг вошла царица и села на престол и стала смотреть на собравшихся. И она увидела, что место около блюда с рисом пусто, хотя там могли бы поместиться четыре души, и удивилась этому. И царица повела вокруг глазами и бросила взгляд и вдруг увидела человека, который торопливо вошёл в ворота ристалища и продолжал торопиться, пока не встал у стола. И он не нашёл свободного места, кроме места возле блюда, и сел. И царица всмотрелась в него и увидела, что это тот проклятый христианин, который назвал себя Рашид-ад-дином, и подумала:

«Сколь благословенно это кушанье, в силки которого попался этот нечестивый!» А его приходу была диковинная причина – когда он вернулся из путешествия...»

И Шахразду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Триста двадцать третья ночь

Когда же настала триста двадцать третья ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что, когда проклятый, который назвал себя Рашидад-дином, вернулся из путешествия, его домочадцы рассказали ему, что Зумурруд исчезла, а с нею мешок денег. И, услышав эту весть, он разодрал на себе одежду и стал бить себя по лицу и выщипал себе бороду. И он послал своего брата Барсума её разыскивать. И когда вести о нем заставили себя ждать, Рашид-ад-дин сам вышел разыскивать своего брата и Зумурруд.

И судьбы закинули его в город Зумурруд и он вступил в этот город в первый день

³⁵⁹ Слегка изменённая цитата из Корана (гл. XVII, стих 35).

³⁶⁰ Явная описка переписчика – о наступлении третьего месяца уже говорилось раньше. Следует читать «новый» месяц.

месяца. Пройдя до улицам, он увидел, что город пуст и все его лавки затёрты. И он заметил в окнах женщин и спросил одну из них о жителях этого города, и ему оказали, что царь ставит стол для всех людей в начале каждого месяца, и люди едят за ним вместе, и никто не может сидеть у себя дома или в лавке. И женщины указали ему, где ристалище, и, войдя туда, он увидел, что люди толпятся около кушаний. И он нашёл для себя место только там, где стояло как всегда блюдо с рисом. И он сел и протянул руку, чтобы поест с того блюда, и царица крикнула кому-то из воинов и сказала «Подайте того, кто сел около блюда с рисом!» И его узнали, как обычно, и схватили и поставили перед царицей Зумурруд.

«Горе тебе, как твоё имя, кто ты по ремеслу и почему ты пришёл в наш город?» – спросила она. И христианин сказал: «О царь времени, моё имя Русту м, и нет у меня ремесла, так как я бедняк дервиш». – «Подайте мне доску с песком и медный калам!» – сказала царица слюем людям, и ей, как всегда, подали то, что она потребовала; и Зумурруд взяла калам и стала чертить им на доске с песком и провела некоторое время, всматриваясь в неё, а потом она подняла голову и сказала христианину: «О собака, как это ты лжёшь царям! Твоё имя Рашид-ад-динхристианин, а ремесло твоё в том, что ты учиняешь хитрости с невольницами мусульман и похищаешь их. Ты мусульманин наружно и христианин втайне. Говори правду, а если не скажешь правды, я отрублю тебе голову»

И христианин стал запинаться и сказал: «Ты прав, о царь времени!» И царица приказала разложить его и дать ему сто ударов бичом по каждой ноге, и тысячу ударов по телу, и потом содрать с него кожу и набить её паклей, а после этого вырыть яму за городом и сжечь его, и насыпать в яму грязи и нечистот. И сделали так, как она приказала, а потом царица позволила людям есть, и они поели.

А когда люди кончили есть и ушли своей дорогой, царица Зумурруд поднялась к себе во дворец и сказала: «Слава Аллаху, который избавил моё сердце от тех, кто меня обидел». И она поблагодарила творца земли и небес и произнесла такие стихи:

«Землёй они правили, и было правленье их
Жестоким, но вскоре уж их власти как не было,
Будь честны они, и к ним была бы честна судьба,
За зло воздала она злом горя и бедствия.
И ныне язык судьбы их видом вещает нам:
«Одно за другое; нет упрёка на времени».

И когда она окончила своё стихотворение, ей пришёл на мысль её господин Али-Шар, и она заплакала обильными слезами, а потом она вернулась к разуму и сказала про себя: «Быть может, Аллах, который отдал меня во власть моих врагов, пошлёт мне возвращенье любимых». И она попросила прощенья у Аллаха, великого, славного!

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Триста двадцать четвёртая ночь

Когда же настала триста двадцать четвёртая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что царица попросила прощенья у Аллаха, великого, славного, и сказала: „Быть может“ скоро Аллах сведёт меня с моим возлюбленным Али-Шаром! Он ведь властен во всех вещах и всеблаг и сведущ о своих рабах».

И она восхвалила Аллаха и продлила просьбы о прощении, и подчинилась случайностям судеб, уверившись, что всякому началу неизбежен конец, и произнесла слова поэта:

«Легко относиться ко всему. Ведь всех дел
В деснице господней, ты знаешь, судьба.

И то, что запретно, к тебе не придёт,
А что суждено, не уйдёт от тебя. –

И слова другого:

Распусти дней складки, – пусть расправятся, –
И в дома забот не ступай ногой.
Скольких дел нам не легко достичь,
Но за ним близок счастья час. –

И слова другого:

Будь же кротким, когда испытан ты гневом,
Терпеливым, когда постигнет несчастье.
В наше время беременны ночи жизни
Тяжкой ношей и дивное порождают. –

И слова другого:

Терпи, ведь в терпенье благо; если б ты знал о том,
Спокоен душой бы был, от боли бы не страдал.
И знай, если не решишь терпеть благородно ты,
Неволею вытерпишь все то, что чертил калам»³⁶¹.

А окончив своё стихотворение, она провела поело этого целый месяц, днём творя суд над людьми, приказывая и запрещая, а ночью плача и рыдая о разлуке со своим господином Али-Шаром. И когда показался новый месяц, она велела поставить на ристалище стол, по течению обычая, и села над людьми, и они ожидали разрешения начать еду, и место около блюда с рисом было пусто. И Зумурруд сидела на конце стола, устремив глаза к воротам ристалища, чтобы не пропустить всякого, кто войдёт, и говорила про себя:

«О тот, кто возвратил Юсуфа Якубу и устранил страдания Айюба³⁶², смилуйся и верни мне моего господина Али-Шара, по твоему могуществу и величию! Ты ведь властен во всех вещах, о господь миров, о водитель заблудших, о внимающий голосам, о ответствующий мольбам. Ответь мне, о господь миров!» И не закончила она ещё своей молитвы, как в ворота ристалища вошёл человек, стан которого был подобен ветви ивы, но только он исхудал телом, и желтизна блестела на нем, и был он прекрасней всех среди юношей, совершённый по разуму и образованности. И, войдя, он не нашёл пустого места, кроме места около блюда с рисом, и сел там, и, когда Зумурруд увидела его, у неё забилося сердце. И она как следует посмотрела на него, и ей стало ясно, что это её господин, Али-Шар, и захотелось ей закричать от радости, но она укрепила свою душу и побоялась опозориться перед людьми. И внутри у неё все трепетало, и сердце её волновалось, но она скрыла то, что было с ней.

А причину прихода Али-Шара было вот что. Когда он заснул на скамье и Зумурруд опустила и Джеванкурд похитил её, он проснулся и увидел, что голова у него не покрыта, и понял, что какой-то человек сделал ему зло и взял его тюрбан, пока он спал. И тогда он

³⁶¹ Имеется в виду тот предвечный калам (перо), который, по представлению мусульман, заранее записал всё, что произойдёт с людьми в земной жизни.

³⁶² Юсуф и Якуб (библейские Иосиф и Иаков) уже неоднократно упоминались на страницах «1001 ночи». Айюб – арабская форма имени Иова, о страданиях которого говорится в Коране. Мусульманские легенды значительно дополнили Коран, пользуясь данными библии и талмуда.

произнёс те слова, говорящий которые не смутится, а именно: «Поистине, мы принадлежим Аллаху и к нему возвращаемся!» А потом он вернулся к той старухе, которая рассказала ему о местопребывании Зумурруд и постучал к ней в дверь, и старуха вышла, и он до тех пор плакал перед ней, пока не упал без памяти. А придя в себя, он рассказал старухе обо всем, что его постигло, и старуха стала его ругать и бранить за то, что он сделал, и сказала: «Поистине, твоя беда и несчастье из-за тебя самого». И она до тех пор его упрекала, пока у него из ноздрей не полилась кровь и он не упал без памяти, а когда он очнулся от обморока...»

И Шахразад устала, и она прекратила дозволенные речи.

Триста двадцать пятая ночь

Когда же настала триста двадцать пятая ночь, ода сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что Али-Шар, очнувшись от обморока, увидел старуху, которая плакала из-за него и лила из глаз слезы. И затосковал он и произнёс такие два стиха:

«О, как горько возлюбленным расставанье
И как сладко для любящих единенье!
Всех влюблённых сведи, Аллах, снова вместе,
И меня охраня, господь, – я кончаюсь!»

И старуха опечалилась из-за него и сказала: «Сиди здесь, пока я не разузнаю кое-что для тебя; я скоро вернусь». И Али-Шар отвечал: «Слушаю и повинуюсь!»

И старуха оставила его и ушла и отсутствовала до полудня, а потом она вернулась к нему и сказала: «О Али, я думаю, что ты не иначе как помрёшь от своей печали, так как ты теперь увидишь твою возлюбленную только на смертном пути. Жители дворца, проснувшись утром, увидели, что окно, которое выходит в сад, высажено, и обнаружили, что Зумурруд исчезла и с ней мешок денег христианина. И когда я пришла туда, я увидела, что вали стоит у ворот дворца со своими людьми. Нет мощи и силы, кроме как у Аллаха, высокого, великого!»

И когда Али-Шар услышал от старухи эти слова, свет сменился мраком перед лицом его, и он отчаялся в жизни и убедился в своей кончине. И он не переставая плакал, пока не упал без памяти. А когда он очнулся, его стала терзать любовь и разлука, и он заболел тяжкой болезнью. И Али-Шар не покидал дома, а старуха приводила к нему врачей, поила его питьями и готовила ему отвары в течение целого года, пока дух не вернулся к нему, и тогда он вспомнил о том, что минуло, и произнёс такие стихи:

«Заботы собрались все, а милые разошлись,
И слезы текут спеша, и сердце горит моё.
Того велика любовь, не знает покоя кто
Любовью он изнурён, тоской и волнением.
Господь мои! Коль в чем-нибудь мне есть облегчение,
Пошли его мне скорей, пока я ещё дышу».

А когда наступил другой год, старуха сказала: «О дитя моё, эта грусть и печаль, что овладели тобой, не вернут тебе твоей возлюбленной. Поднимайся, укрепи свою душу и отправляйся на поиски Зумурруд – может быть, ты найдёшь на весте о ней».

И она до тех пор ободряла его и укрепляла, пока он не оживился, и тогда она сводила его в баню и напоила питьём и дала ему поесть курицы. И делала это с ним каждый день в течение месяца, пока Али-Шар не окреп. И он уехал и путешествовал до тех пор, пока не прибыл в город Зумурруд. И когда он вошёл в ристалище и сел возле кушанья, и протянул

руку, чтобы поест, людям стало жаль его, и они сказали: «О юноша, не ешь с этого блюда, со всяким, кто брал с него, случалась беда». – «Дайте мне поест с него, пусть со мной делают что хотят, может быть, я отдохну от этой томительной жизни», – отвечал Али-Шар и съел первый кусок. И Зумурруд хотела призвать его к себе, но ей пришло на ум, что он голоден, и она сказала про себя: «Мне подобает дать ему поест, чтобы он насытился».

И Али-Шар стал есть, и люди дивились на него и ожидали, что с ним случится беда. А когда он поел и насытился, Зумурруд сказала кому-то из евнухов: «Пойдите к этому юноше, что ест рис, и приведите его осторожно и скажите ему: „Поговори с царём об одном небольшом деле“. И евнухи отвечали: „Слушаем и повинемся!“ И пошли к Али-Шару и встали возле него и сказали: „О господин, пожалуйста, поговори с царём, и пусть твоя грудь расправится“.

И Али-Шар отвечал: «Слушаю и повинуюсь!» И потом он пошёл с евнухами...»

И Шахразду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Триста двадцать шестая ночь

Когда же настала триста двадцать шестая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что Али-Шар сказал: „Слушаю и повинуюсь!“

И затем он пошёл с евнухами, и люди стали говорить друг другу: «Нет мощи и силы, кроме как у Аллаха, высокого, великого! Посмотрим, что сделает с ним царь». И кто-то сказал: «Он не сделает с ним ничего, кроме добра, так как, если бы он хотел для него зла, он не дал бы ему поест досыта». И когда Али-Шар остановился перед Зумурруд, он приветствовал её и поцеловал землю меж её рук, а Зумурруд ответила на его привет и встретила его с уважением и спросила: «Как твоё имя, кто ты по ремеслу и почему ты пришёл в этот город?» – «О царь, – ответил юноша, – моё имя Али-Шар, и я из детей купцов, и страна моя – Хорасан, и пришёл я в этот город потому, что разыскиваю невольницу, которая у меня пропала, а она была мне дороже, чем мой слух и моё зрение. Моя душа привязана к ней, с тех пор как я её потерял. Вот моя история».

И потом он так заплакал, что потерял сознание, и царица велела брызнуть ему в лицо розовой водой, пока он не очнулся. А когда он очнулся от обморока, царица сказала: «Ко мне доску с песком и медный калам!» И их принесли, и она взяла калам и стала гадать на доске с песком и всматривалась в него некоторое время, а потом сказала юноше: «Ты был правдив в своих словах; Аллах вскоре соединит тебя с нею; не беспокойся».

И она велела царедворцу отвести юношу в баню, одеть его в красивую одежду из платьев царей, и посадить его на коня из избранных царских коней, и затем привести его к концу дня во дворец. И царедворец отвечал: «Слушаю и повинуюсь!» И, пропустив Али-Шара вперёд, он отправился с ним.

И люди стали говорить друг другу: «Что это с царём, почему он так ласково обошёлся с этим юношей?» И кто-то сказал: «Не говорил ли я вам, что он не сделает ему зла, так как у него красивый облик? С той минуты, как он подождал, пока юноша насытится, я узнал это».

И каждый из людей сказал что-нибудь по этому поводу, а потом разошлись своими дорогами. И Зумурруд не верилось, что наступит ночь и она уединится с возлюбленным своего сердца. Когда настала ночь, она вошла в то помещение, где ночевала, и сделала вид, что её одолел сон (а у неё обычно никто не спал, кроме двух маленьких евнухов, чтобы ей прислуживать). И, расположившись, она послала за своим возлюбленным Али-Шаром, а сама села на ложе, и свечи сияли у её изголовья и в ногах, и золотые лампы озаряли этот покой.

И когда люди услышали, что она за ним посылает, ни удивились, и каждый из них стал делать предположения и строить догадки, и кто-то сказал: «Царь во всяком случае привязался к этому юноше. Завтра он сделает его начальником войск».

И когда Али-Шара привели к царице, он поцеловал перед ней землю и призвал на неё

милость Аллаха, а она сказала про себя: «Я непременно пощучу с ним немного и не дам ему узнать себя».

«О Али, ты ходил в баню?» – спросила она потом, и Али ответил: «Да, о владыка наш!» – «Поешь этой курицы и мяса и выпей сахарной воды и питья, ты ведь устал, – а потом пойдй сюда», – сказала она. И АлиШар ответил: «Слушаю и повинуюсь!»

И потом он сделал так, как она велела, а когда он кончил есть и пить, царица сказала ему: «Поднимись ко мне на ложе и растирай меня». И Али-Шар стал растирать ей ноги и колени и увидел, что они мягче шелка, а царица сказала ему: «Поднимайся и растирай выше».

Но Али-Шар ответил: «Прощенье, владыка! Дальше колена я не пойду!» – «Ты мне противоречишь? Это будет для тебя злосчастная ночь», – сказала царица...

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Триста двадцать седьмая ночь

Когда же настала триста двадцать седьмая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что Зумурруд сказала своему господину АлиШару: „Ты мне противоречишь? Это будет для тебя злосчастная ночь! Напротив, тебе надлежит мне повиноваться, и я сделаю тебя моим возлюбленным и назначу тебя эмиром из моих эмиров“. – „О царь времени, в чем я должен тебе повиноваться?“ – спросил Али-Шар. И царица оказала: „Распусти одежду и ляг ничком“. – „Этого я в жизни не делал. И если ты меня заставишь, я буду тягаться об этом с тобою перед Аллахом в день воскресенья, – сказал АлиШар. – Возьми от меня все, что ты мне дал, и позволь мне уйти из твоего города“.

И затем он заплакал и зарыдал, а царица сказала ему: «Распускай одежду и ложись ничком, иначе я отрублю тебе голову». И Али-Шар сделал это, и она легла ему на спину, и он почувствовал что-то мягкое, мягче шелка и нежнее сливочного масла, и сказал про себя: «Этот царь лучше всех женщин».

И потом она побыла немного у него на спине и после этого опрокинулась на землю, и Али-Шар сказал про себя: «Слава Аллаху! Он, кажется, все такой же!» – «О Али, – сказала она, – у него в обычае пробуждаться, только если его касаются. Коснись же его, чтобы с ним это случилось, а иначе я тебя убью».

И она легла и положила на себя его руку, и оказалось, что под рукой нечто нежнее шелка, напоминающее своим жаром баню или сердце влюблённого, которого изнурила страсть. И Али-Шар сказал про себя: «У царя есть это! Вот дивное диво!» И к нему пришла страсть, и он взволновался до крайней степени, и, увидя это, Зумурруд засмеялась и захохотала и воскликнула: «О господин мой, все это произошло, и ты меня не узнаешь?» – «Кто же ты, о царь?» – спросил Али. И она оказала: «Я твоя невольница Зумурруд».

И когда Али-Шар узнал это, он обнял её и поцеловал и бросился на неё, как лев на овцу, и убедился, что это его невольница без сомнения. И он был все время у неё привратником и имамом в её михрабе, и она с ним клала неявные и земные поклоны и вставала и садилась, и сопровождала славословия вскриками и движениями. И услышали евнухи и пришли и посмотрели из-за занавесок, и увидели, что царь лежит, и с ним Али-Шар, и он двигается, а она вздыхает и заигрывает, и евнухи сказали: «Такое заигрыванье не заигрыванье мужчины. Может быть, этот царь женщина?» И они скрыли это дело и не объявили о нем никому. А наутро Зумурруд послала за своими воинами и вельможами царства и призвала их и сказала: «Я хочу отправиться в город этого человека; выберите себе наместника, который будет судить вас, пока я не вернусь». И они ответили Зумурруд вниманием и повиновением, и затем она начала собирать все нужное для поездки – пищу, деньги, припасы, подарки, верблюдов и мулов, – и выехала из города, и ехала до тех пор, пока не прибыла в город Али-Шара. И он вошёл в своё жилище, и стал одарять людей и раздавать милостыню и дарить и наделять, и ему достались от Зумурруд дети, и жил он с

нею в наилучшей радости, пока не пришла к ним Разрушительница наслаждений и Разлучительница собраний. Да будет же слава вечносущему без конца и хвала Аллаху во всяком положении!

Рассказ о Джубейре ибн Умейре и Будур (ночи 327-334)

Рассказывают также, что повелитель правоверных Харун ар-Рашид както ночью беспокоился, и ему трудно было заснуть, и он все время ворочался с боку на бок от сильного беспокойства. И когда это его обессилило, он призвал Масрура и сказал ему: «О Масрур, придумай, кто развлечёт меня в эту бессонницу». И Масрур ответил: «О владыка, не хочешь ли пойти в сад, который при доме, и поглядеть, какие там цветы, и посмотреть на Звезды, как они хорошо расставлены, и на луну, светящую над водой?» – «О Масрур, моя душа не стремится ни к чему такому», – ответил халиф. И Масрур сказал: «О владыка, у тебя во дворце триста наложниц и у каждой наложницы комната. Прикажи им вдвоём уединиться в своих комнатах, а сам ходи и смотри на них, когда они не будут стонать». – «О Масрур, – сказал халиф, – „Дворец – мой дворец, и невольницы – моё достояние, но только душа моя не стремится ни к чему такому“.

И Масрур сказал: «О владыка, вели учёным, мудрецам и стихотворцам явиться к тебе, и пусть они обсуждают вопросы и говорят стихи и рассказывают сказки и предания». Но халиф ответил: «Душа моя не стремится ни к чему такому». – «О владыка, – сказал Масрур, – прикажи слугам, сотрапезникам и остроумцам явиться к тебе, и пусть они тебя развлекают удивительными шутками». По халиф отвечал: «О Масрур, моя душа не стремится им к чему такому». И тут Масрур воскликнул: «О владыка, отруби мне тогда голову...»

И Шахразад устала, и она прекратила дозволенные речи.

Триста двадцать восьмая ночь

Когда же настала триста двадцать восьмая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что Масрур сказал халифу: „О владыка, отруби мне тогда голову – может быть, Это прогонит твою бессонницу и прекратит беспокойство, которое ты испытываешь“.

И ар-Рашид засмеялся его словам и сказал: «О Масрур, посмотри, кто у дверей из сотрапезников». И Масрур вышел, и потом вернулся и сказал: «О владыка, у двери Али ибн Мансур альХалии ад-Димашки». – «Ко мне его!» – воскликнул халиф. И Масрур ушёл и привёл ибн Мансура, и, войдя, тот сказал: «Мир тебе, о повелитель правоверных!» И халиф ответил на его приветствие и молвил: «О ибн Мансур, расскажи нам какой-нибудь из твоих рассказов». – «О повелитель правоверных, рассказать тебе то, что я видел воочию, или то, что я слышал?» – спросил ибн Мансур. «Если ты видел что-нибудь диковинное, расскажи нам, ибо рассказ не то, что лицемерие», – отвечал повелитель правоверных. И Али оказал: «О повелитель правоверных, освободи для меня твой слух и твоё сердце». – «О ибн Мансур, я слушаю тебя ухом, смотрю на тебя оком и внимаю тебе сердцем», – ответил халиф.

«О повелитель правоверных, – сказал тогда Али, – знай, что мне на каждый год назначено жалованье от Мухаммеда ибн Сулеймана аль-Хашими, султана Басры, и я отправился к нему по обычаю, и, прибыв к нему, увидел, что он собрался выезжать на охоту и ловлю. И я приветствовал его, и он ответил мне приветствием и сказал: „О ибн Мансур, поедем с нами на охоту“. Но я отвечал ему: „О владыка, нет у меня сил ехать верхом. Помести меня в доме гостей и поручи придворным и наместникам заботиться обо мне“.

И он сделал так и отправился на охоту, а мне оказали наивысшее уважение и угостили меня наилучшим угощением. А я сказал себе: «О диво Аллаха! Я уже давно прихожу из Багдада в Басру, но ничего не знаю в Басре, кроме дороги от дворца к саду и от сада ко дворцу. Как не воспользоваться мне таким случаем и не прогуляться по Басре, если не в этот раз? Я сейчас встану и пойду один по городу». И я надел свои самые роскошные одежды и

пошёл гулять по Басре. А тебе известно, о повелитель правоверных, что в ней семьдесят улиц длиной каждая в семьдесят фарзахов иракской мерой, и я заблудился в её переулках и почувствовал жажду. И я шёл, о повелитель правоверных, и вдруг вижу большую дверь с двумя кольцами из жёлтой меди, и на дверь были опущены красные парчовые занавески, а рядом с нею стояли две скамьи, а над нею была решётка для виноградных лоз, которые осеняли эту дверь. И я остановился, разглядывая это, и пока я стоял, я вдруг услышал голос и стоны, исходившим из печального сердца, и голос этот переливался в напеве и произносил такие стихи:

«Недугов и напастей вместилище плоть моя,
Виною тому газель, чей дом и земля вдали.
О ветры зарудские, что подняли грусть во мне,
Аллахом, творцом молю, вы в дом заверните мой.
Газель упрекните вы – укоры смягчат её,
Скажите получше вы, когда она будет вам
Внимать, и о любящих вы речь заведёте с ней.
Добро сотворите мне по вашей вы милости.
Намёк обо мне вы ей подайте в речах своих:
«Что случилось с рабом твоим? Его убиваешь ты
Разлукой, хоть нет вины за ним и послушен он.
Других не любил душой, без толку не говорил,
И клятв не нарушил он и не был жесток с тобой?»
Ответит она улыбкой, скажете мягко вы:
«Не дурно бы близостью тебе поддержать его,
Поистине, он в тебя влюблён, как и следует,
И око его не спит-рыдает и плачет од».
И если она согласна будет – в том наша цель,
А если увидите вы гнев на лице её,
То ей возразите вы, сказав: «Он неведом нам».

И я сказал про себя: «Если исполнивший эту песню красив, то он соединил в себе красоту, красноречие и прекрасный голос».

Потом я подошёл к двери и стал понемногу приподнимать занавеску, и вдруг увидел белую девушку, подобную луне в четырнадцатую ночь, – со сходящимися бровями, томными веками и грудями, как два граната, и уста её были нежны и подобны ромашке, а рот её походил на печать Сулеймана, и ряд зубов играл разумом нанизывающего и рассыпающего, как сказал о нем поэт:

О жемчуг в устах любимых, кем вложен ты,
Кто влагу вин и ромашку вложил в уста?
И кто у зари улыбку взял в долг твою,
И кто замком из коралла замкнул тебя?
Ведь всякий, кто тебя увидит, от радости
Кичится, а кто целует, как быть тому.

А вот слова другого:

О жемчуг в устах любимых,
Будь милостив ты к кораллу,
Над ним не превозносись ты,
Ты не был ли найден сирым?

А в общем, она объяла все виды красоты и стала искушением для женщин и мужчин; не насытится видом её красоты смотрящий, и такова она, как сказал о ней поэт:

Придя, она убивает нас, а уйдёт когда,
Людей в себя влюблёнными всех делает.
Она солнечна, луне подобна, но только ей
Суровость, отдаление не свойственны.
Сады Эдема в её рубашке открыты нам,
И луна на небе над воротом её высится.

И пока я смотрел на девушку через просветы занавески, она вдруг обернулась и увидела, что я стою у двери, и сказала своей невольнице: «Посмотри, кто у двери». И невольница поднялась и подошла ко мне и сказала: «О старец, или у тебя нет стыда, или седина Заодно с постыдным?» – «О госпожа, – ответил я ей, – что до седины, то о ней мы знаем, а что до постыдного, то не думаю, чтобы я пришёл с постыдным». – «А что более постыдно, чем врываться не в свой дом и смотреть на женщину из чужого гарема?» – спросила её госпожа. И я сказал ей: «О госпожа, для меня есть извинение». – «А какое извинение?» – спросила она. «Я чужеземец, мучимый жаждой, и жажда убила меня», – отвечал я. И девушка сказала: «Мы приняли твоё извинение...»

И Шахразад устало говорила, и она прекратила дозволенные речи.

Триста двадцать девятая ночь

Когда же настала триста двадцать девятая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что девушка сказала: „Мы приняли твоё извинение“. А затем она позвала какую-то невольницу и сказала ей: „О Лутф, дай ему выпить глоток из золотого кувшина“.

И невольница принесла мне кувшин из червонного золота, украшенный жемчугом и драгоценностями, полный воды, смешанной с благоухающим мускусом, и был покрыт кувшин платком из зеленого шелка. И я стал пить, затягиваясь питьём и украдкой поглядывая на девушку, и простоял долго, а потом я возвратил кувшин невольнице и продолжал стоять. «О старец, иди своей дорогой», – сказала девушка. И я отвечал ей: «О госпожа, мои мысли заняты». – «Чем же?» – спросила она. «Думами об изменчивости времени и превратностях случая», – отвечал я. «Ты имеешь на это право, ибо время приносит дивное, – молвила девушка. – Но какое из его чудес ты увидел, что думаешь о нем?» – «Я думаю о хозяине этого дома – он был моим другом при жизни», – отвечал я. «Как его имя?» – спросила она. И я сказал: «Мухаммед ибн Али, ювелир, и у него были большие деньги. Оставил ли он детей?» – «Да, он оставил дочь, которую зовут Будур, и она унаследовала все его деньги», – отвечала девушка. «И это ты его дочь?» – спросил я. И она ответила: «Да», – и засмеялась, а потом она сказала: «О старец, ты затянул речи; иди же своей дорогой». – «Уйти неизбежно, – ответил я, – но только я вижу, что твои прелести изменились. Расскажи мне о своём деле, может быть Аллах пошлёт тебе помощь через мои руки». – «О старец, – сказала девушка, – если ты из людей тайны, мы откроем тебе нашу тайну. Расскажи мне, кто ты, чтобы я знала, можно ли тебе доверять тайны, или нет. Поэт сказал:

Лишь тот может тайну скрыть, кто верста останется
И тайна сокрытою у лучших лишь будет.
Я тайну в груди храню, как в доме с запорами,
К которым потерял ключ, а дом за печатью».

«О госпожа, – ответил я, – если твоя цель узнать, кто я, то знай – я Али ибн Мансур аль-Халии, сотрапезник повелителя правоверных Харуна ар-Рашида».

И когда девушка услышала моё имя, она сошла с седалища и приветствовала меня и сказала: «Добро пожаловать тебе, о ибн Матасур. Теперь я тебе расскажу о своём положении и доверю тебе свою тайну. Я влюблённая, разлучённая». – «О госпожа, – сказал я ей, – ты красива и можешь любить только тех, кто прекрасен. Кого же ты любишь?» – «Я люблю Джубейра ибн Умейра аш-Шейбани, эмира племени Шейбан», – ответила девушка и описала мне юношу, лучше которого не было в городе Басре. И я спросил её: «О госпожа, было ли между вами сближение, или переписка?» – «Да, – отвечала девушка, – но он любил нас любовью языка, а не сердца и души, так как он не исполнил обещания и не соблюл договора». – «О госпожа, а в чем причина вашей разлуки?» – спросил я. И девушка отвечала: «Вот её причина. Однажды я сидела, и эта невольница расчёсывала мне волосы, а окончив их расчёсывать, она заплела мне косы, и ей понравилась моя красота и прелесть, и она нагнулась ко мне и поцеловала меня в щеку. А он в это время незаметно вошёл и видел это, и, увидав, что невольница целует меня в щеку, он тотчас же повернул назад, гневный, намереваясь навсегда разлучиться, и произнёс такое двустишие:

«Коль буду делить любовь любимого с кем-нибудь,
Оставлю любимого, один проживу я.
Добра нет в возлюбленном, когда он в любви своей
Того, чего любящий желает, не хочет».

И с тех пор как он ушёл, отвернувшись от меня, и до сего времени к нам не пришло от него ни письма, ни ответа, о ибн Мансур». – «Чего же ты хочешь?» – спросил я её. И она сказала: «Я хочу послать ему с тобой письмо, и если ты принесёшь мне ответ, у меня будет для тебя пятьсот динаров, а если ты не принесёшь мне ответа, тебе будет за то, что ты сходил, сто динаров». – «Делай что хочешь», – молвил я. И девушка сказала: «Слушаю и повинуюсь!» А потом она кликнула одну из своих невольниц и оказала: «Принеси мне чернильницу и бумагу». И невольница принесла ей чернильницу и бумагу, и девушка написала такие стихи:

«Любимый, что значит удаление и ненависть,
И где снисходительность и мягкость взаимная?
Зачем отвернулся ты, покинул меня теперь?
Лицо твоё уж не то, которое знала я.
Да, сплетники донесли про нас тебе ложное,
Ты внял их речам, они безмерно прибавили.
И если поверил ты речам их, то будь далёк,
Любимый, от этого – ты знаешь ведь лучше их.
Молю твоей жизнью я, – скажи мне, что слышал ты,
Ты знаешь, что говорят, и будешь ты справедлив.
И если действительно слова я сказала те, –
Словам объяснение есть, и разное значение слов.
Допустим, что слово то Аллахом ниспослано –
И Тора³⁶³ изменена людьми и испорчена.
Поддельного прежде нас немало уж сказано,
Ведь вот перед Яковом порочили Юсуфа.
И нам, и тебе, и мне, и также доносчику
Готовится грозный день, когда мы предстанем все».

Потом она запечатала письмо и подала его мне, и я взял его и пошёл к дому Джубейра

³⁶³ Тора – пятикнижие, первые пять книг библии.

ибн Умейра ашШейбани. И оказалось, что Джубейр на охоте, и я сел подождать его, и пока я сидел, вдруг он приехал с охоты, и когда я увидел его верхом, о повелитель правоверных, мой разум смутился от его красоты и прелести. И Джубейр обернулся и увидел, что я сижу у ворот его дома, и, увидев меня, сошёл с коня, и, подойдя ко мне, обнял меня и приветствовал, и представилось мне, что я обнял весь мир со всем, что в нем есть. Потом он вошёл со мной в дом и посадил меня на свою постель и велел подать столик. И подали столик из хорасанского клёша с золотыми ножками, и были на нем всякие кушанья и всевозможное мясо, пожаренное на сковородке или на вертеле, и подобное этому. И, усевшись за столик, я стал внимательно его разглядывать и увидел, что на нем написаны такие стихи...»

И Шахразадку застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Триста тридцатая ночь

Когда же настала ночь, дополняющая до трехсот тридцати, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что Али ибн Мансур говорил: «И, усевшись за столик Джубейра ибн Умейра аш-Шейбани, я стал внимательно его разглядывать и увидел, что на нем написаны такие стихи:

Постой с журавлями ты у табора мисок³⁶⁴,
И в стане расположись жаркого и дичи.
Поплачь о птенцах ката, – о них вечно плачу я, –
О жареных курочках с цыплятами вместе.
О горесть души моей о двух рыбных кушаньях
На свежей лепёшечке из плотного теста!
Аллаха достоин ужин тот! Как прекрасен он,
Коль зелень макаю я в разбавленный уксус,
И рис в молоке овец, куда погружаются
Все руки до самого предела браслетов.
Терпенье, душа! Аллах, поистине, милостив.
И если бессилен ты, он даст тебе помощь.

Потом Джубейр ибн Умейр сказал: «Протяни руку к нашему кушанью и залечи нам сердце, поев нашей пищи». – «Клянусь Аллахом, – ответил я ему, – „Я не съем ни одного кусочка твоего кушанья, пока ты не исполнишь моей нужды!“ – „Что у тебя за нужда?“ спросил он. И я вынул письмо, и, когда Джубейр прочитал его и понял, что в нем было, он разорвал его и кинул на землю и сказал мне: «О ибн Мансур, каковы бы ни были твои нужды, мы их исполним, кроме этой, которая относится к написавшей это письмо, – на её письмо нет у меня ответа».

И я поднялся сердитый, а он уцепился за мой подол и сказал мне: «О ибн Мансур, я расскажу тебе о том, что она тебе сказала, хотя меня и не было с вами». – «Что же она мне сказала?» – спросил я, и Джубейр ответил: «Разве не сказала тебе написавшая это письмо» «Если ты мне принесёшь от него ответ, у меня будет для тебя пятьсот динаров, а если не принесёшь мне от него ответ, у меня будет для тебя, за то, что ты сходил, сто динаров?» – «Да», – ответил я. И юноша сказал: «Сиди сегодня у меня – ешь, пей, наслаждайся и веселись и возьми себе пятьсот динаров». И я сидел у него и ел, и пил, и наслаждался, и веселился, и развлекал его рассказами, а потом я сказал: «О господин, нет в твоём доме музыки?»

³⁶⁴ Это стихотворение представляет собою пародию на классические поэмы – касыды.

«Мы уже долгое время пьём без музыки», – ответил он мне. А потом позвал кого-то из своих невольниц и крикнул: «О Шеджерет-ад-Дурр!» И невольница ответила ему из своей комнаты, а у неё была лютня – изделие индусов – завернутая в зелёный шёлковый чехол. И невольница пришла и села и, положив лютню на колени, прошлась по ней на двадцать одни лад, а затем она вернулась к первому ладу и, заведя напев, произнесла такие стихи:

«Кто не вкусил любви услады и горечи,
Отличить не может сближения от разлуки тот,
Точно так же тот, кто отклонится от путей любви,
Отличить не может пути крутого от ровного,
Неизменно я возражал влюблённым, покуда сам
Её горечи и услад её не изведаль я,
Я не выпил чаши насильно я её горечи,
Не унился перед рабам её и владыкой я.
Как часто ночь любимый проводил со мной,
И сосал я сладость слюны его из уст его.
Сколь краткой жизнь ночей любви для нас была.
С зарёю вместе вечер наступал её.
Дал обет злой рок, что заставит он разлучиться нас,
И теперь исполнил обет, им данный, суровый рок.
Так судило время, и нет отмены суду его.
Кто препятствовать господину станет в делах его?»

И когда невольница окончила своё стихотворение, её господин закричал великим криком и упал без памяти, а невольница сказала: «Да не взыщет с тебя Аллах, о старец! Мы долгое время пьём без музыки, боясь для нашего господина припадка, подобного этому. Но ступай в ту комнату и спи там».

И я отправился в комнату, которую она мне указала, и проспал там до утра, и вдруг пришёл ко мне слуга, у которого был мешок с пятью сотнями динаров и сказал мне: «Вот то, что обещал тебе мой господин, но только не возвращайся к девушке, которая послала тебя, и пусть будет, как будто ни ты не слышал об этой истории, ни мы не слышали». – «Слушаю и повинуюсь!» отвечал я и взял мешок и отправился своей дорогой, говоря про себя: „Девушка ждёт меня со вчерашнего дня. Клянусь Аллахом, я не премину вернуться к ней и расскажу ей, что произошло между мною и юношей, так как, если я не вернусь к ней, она, может быть, станет меня бранить и бранить всякого, кто пришёл из моей страны“.

И я отправился к девушке и нашёл её стоящей за занавеской, и, увидав меня, она сказала: «О ибн Мансур, ты не исполнил моей нужды?» – «Кто осведомил тебя об этом?» – спросил я. И она okazала: «О ибн Мансур, я открыла ещё и другое: когда ты подал ему бумажку, он разорвал её и бросил и сказал тебе: „О ибн Мансур, какие бы ни были у тебя нужды, мы все исполним, кроме того, что нужно писавшей эту бумажку – нет для неё у меня ответа“. И ты поднялся сердитый, и он вцепился в твой подол и сказал тебе: „О ибн Мансур, сиди у меня, сегодня ты мой гость. Ешь, пей, наслаждайся, и веселись, и возьми себе пятьсот динаров“. И ты сидел у него, ел и пил, и наслаждался, и веселился, и развлекал его рассказами, и невольница спела такуюто песню с такими-то стихами, и он упал без памяти».

И я спросил её, о повелитель правоверных: «Разве ты была с нами?» И она сказала: «О ибн Мансур, разве не слышал ты слов поэта:

Сердца влюблённых, право, имеют очи,
И видят то, что видящий не видит.

Но только, о ибн Мансур, ночь и день не сменяются над вещью без того, чтобы изменить её...»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Триста тридцать первая ночь

Когда же настала триста тридцать первая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что девушка сказала: „Но только, о ибн Мансур, ночь и день не сменяются над вещью без того, чтобы изменить её“.

И потом она подняла глаза к небу и сказала: «Боже мой и господин и владыка, как ты испытал меня любовью к Джубейру ибн Умейру, так испытай его любовью ко мне, если даже любовь перейдёт из моего сердца в его сердце».

И затем она дала мне сто динаров за мой путь, и я взял их и пошёл к султану Басры и увидел, что тот уже приехал с охоты. И я взял у него положенное и вернулся в Багдад.

Когда же наступил следующий год, я отправился в город Басру, чтобы попросить, как обычно, положенное мне жалованье, и султан дал мне положенное. И когда я хотел возвратиться в Багдад, я стал размышлять про себя о девушке Будур и сказал: «Клянусь Аллахом, я непременно пойду к ней и посмотрю, что произошло у неё с её другом».

И я пришёл к её дому и увидел, что у ворот подметено и полито, и что там стоят слуги, челядинцы и прислужники, и сказал про себя: «Быть может, забота в сердце девушки перелилась через край и она умерла, и поселился в её доме эмир из эмиров?» И я ушёл и вернулся к дому Джубейра ибн Умейра аш-Шейбани и знал, что скамьи перед ним обвалились, и не нашёл возле его дома слуг, как обычно, и тогда я сказал себе: «Быть может, он умер».

И я стал у ворот его дома и принялся лить слезы и оплакивать дом такими стихами:

«Владыки, что тронулись, и сердце идёт им всюду,
Вернитесь – вернётесь вы, вернётся и праздник мой.
Стою я у ваших врат, оплакиваю ваш дом,
И льётся слеза моя, и веки друг друга бьют,
И дом вопрошаю я, рыдая, и ставку их,
Где тот, кто и милости и щедрость оказывал?
Иди же путём своим, – любимые тронулись
С полей, и закиданы землёю они теперь.
Аллах, не лиши меня возможности видеть их
Красоты и вдоль и вширь, и свойства их сохрани!»

И пока я оплакивал жителей этого дома такими стихами, о повелитель правоверных, вдруг бросился ко мне из дома чёрный раб и сказал: «О старец, замолчи, да лишится тебя твоя мать! Что это ты, я вижу, оплакиваешь этот дом такими стихами?» – «Я знал, что он принадлежал одному из моих друзей», – ответил я. «А как его имя?» – спросил негр. И я ответил: «Джубейр ибн Умейр аш-Шейбани». – «А что же с ним случилось?» – воскликнул негр. «Слава Аллаху, вон он – по-прежнему богат и благоденствует и властвует, но только Аллах испытал его любовью к девушке, которую зовут Ситт-Будур, и он залит любовью к ней, и от сильной страсти и мучения он подобен большому брошенному камню. Если он проголодается, то не говорит: „Накормите меня“, а если захочет пить, не говорит: „Напоите меня“.

«Попроси для меня разрешения войти к нему», – сказал я. И раб ответил: «О господин, войдёшь ли ты к тому, кто разумеет, или к тому, кто не разумеет?» – «Я непременно войду к нему при всех обстоятельствах!» – сказал я, и раб вошёл в дом, чтобы спросить позволения, а потом он вернулся ко мне с разрешением. И я вошёл к Джубейру и увидал, что он подобен брошенному камню и не понимает ни знаков, ни объяснений. Я заговорил с ним, но он не заговорил со мною, и один из слуг его сказал мне: „О господин, если ты помнишь

какие-нибудь стихи, скажи их ему и возвысь голос, тогда он очнётся и обратится к тебе“.

И я произнёс такие два стиха:

«Позабыл ли ты о любви к Будур, или стоек все?
И не спишь ночей, или сон смежает глаза твои?
Если льются слезы твои струёй изобильною,
То знай – в раю навеки поселишься ты».

И, услышав это стихотворение, Джубейр открыл глаза и сказал: «Добро пожаловать, о ибн Мансур! Забава стала значительным делом». – «О господин, – спросил я, – есть ли у тебя нужда ко мне?» – «Да, – отвечал Джубейр, – я хочу написать ей письмо и послать его к ней с тобою. И если ты принесёшь мне ответ, у меня будет для тебя тысяча динаров, а если не принесёшь ответа, у меня будет для тебя, за то, что ты сходил, двести динаров». И я сказал ему: «Делай что тебе вздумается...»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Триста тридцать вторая ночь

Когда же настала триста тридцать вторая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что ибн Мансур говорил: „И я сказал ему: „Делай что тебе вздумается!“ И он позвал одну из своих невольниц и сказал: „Принеси мне чернильницу и бумагу!“ И когда она принесла ему то, что просил Джубейр, он написал такие стихи:

«Владыки, молю Аллахом, будьте помягче вы
Со мною, – любовь ума во мне не оставила.
Любовь овладела мной, и страсть к вам, поистине,
В болезни меня одела, ею унижен я.
Ведь прежде преуменьшал я силу любви своей,
Ничтожной, о господа, и лёгкой считал её.
Когда ж показала страсть мне волны морей своих,
По воле Аллаха тех простил я, кто знал любовь.
Хотите вы сжалиться – любовь подарите мне,
Хотите убить меня – припомните милость».

Потом он запечатал письмо и подал его мне, и я взял его и отправился к дому Будур. И я стал, как всегда, мало-помалу приподнимать занавеску и вдруг увидел десять невольниц, высокогрудых дев, подобных лунам, и госпожа Будур сидела между ними, точно месяц среди звёзд или солнце, когда оно раскроется от облаков, и не было у неё ни мучений, ни страданий. И когда я смотрел на неё и дивился этим обстоятельствам, она вдруг бросила на меня взгляд и увидав, что я стою у дверей, сказала: «Приют и уют!»

И я вошёл и приветствовал Будур и показал ей бумажку, и, прочитав её и поняв, что в ней было, девушка засмеялась и сказала: «Мне, о ибн Мансур, не солгал поэт, когда сказал:

Поистине, я любовь к тебе стойко выдержу,
Лака явится от тебя ко мне посланник.

О ибн Мансур, вот я напишу для тебя ответ, чтобы тот человек дал тебе то, что он обещал». – «Да воздаст тебе Аллах благом!» – сказал я ей. И она позвала одну из своих невольниц и сказала: «Принеси мне чернильницу и бумагу!» И когда невольница принесла ей то, что она потребовала, девушка написала Джубейру такие стихи:

«Почему обет соблюла я свой, а вы предали?
Как вы видели, справедлива я, и обидели.
Вы ведь первые на разрыв пошли с жестокостью,
И вы предали, и предательство от вас пошло.
Всегда в пустыне помнила обеты я,
Вашу честь всегда охраняла я и клялась за вас,
Но увидела своим оком я неприятное,
И слышала я про вас тогда вести скверные.
Унижать ли буду сама свой сан, чтоб поднять ваш сан?
Поклянусь творцом – уважали б вы – уважали б вас.
Отвращу я сердце от вас своё и забуду вас,
Отряхну я руки, на вас утратив надежды все».

«Клянусь Аллахом, о госпожа, – он далёк от смерти лишь до тех пор, пока не прочитает эту записку», – воскликнул я, и затем я разорвал бумажку и сказал девушке: «Напиши ему другие стихи». – «Слушаю и повинуюсь!» – ответила она и затем написала такие стихи:

«Я утешилась, и сладостен для глаза сон.
И со слов хулящих слыхала я о случившемся.
Согласилось сердце забыть о вас и утешиться,
И решили веки, когда вас нет, не бодрствовать.
Лгут сказавшие: «Отдаленье-горечь!» Поистине,
Мне даль на вкус как сахар сладкой кажется,
Ненавижу ныне я всякого, кто помянет вас,
Возражая мне, и дурное я ему делаю.
Я забыла вас всеми членами и утешилась –
Пусть узнает сплетник, пусть ведает, кто ведает».

«Клянусь Аллахом, о госпожа, он ещё не прочитает эту бумажку, как душа его расстанется с телом!» – воскликнул я. И девушка спросила: «О ибн Мансур, разве страсть дошла до такого предела, что ты сказал то, что сказал?» – «Если бы я сказал и больше, это была бы правда, прощение – черта благородных», – ответил я. И когда она услышала мои слова, её глаза наполнились слезами. И она написала ему записку (клянусь Аллахом, о повелитель правоверных, у тебя в диване нет никого, кто бы умел так хорошо писать, как она!) и написала в ней такие стихи:

Доколе обвиненья и причуды?
Завистников ты, клянусь, утолил всю злобу.
Быть может, я проступок совершила,
Не ведая, – скажи, о чем узнал ты;
Хотела бы я положить, любимый,
Тебя на месте сна для век и глаза,
Без примеси пила любви я чашу,
Не укоряй, увидев, что хмельна я».

А окончив писать письмо...»

И Шахразиду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Триста тридцать третья ночь

Когда же настала триста тридцать третья ночь, она сказала: «Дошло до меня, о

счастливый царь, что, окончив писать письмо и запечатав его, Будур подала его мне, и я сказал:

«О госпожа, поистине, это письмо исцелит больного и утолит жажду!»

А потом я взял письмо и вышел.

И девушка кликнула меня после того, как я вышел, и сказала: «О ибн Мансур, скажи ему: „Она сегодня вечером твоя гостя“. И я сильно обрадовался этому и пошёл с письмом к Джубейру ибн Умейру, и, войдя к нему, я увидел, что глаза его направлены к двери в ожидании. И я подал ему записку, и он развернул её и прочитал и понял то, что в ней было, и тогда он издал великий крик и упал без памяти, а очнувшись, спросил меня: „О ибн Мансур, она написала эту записку своей рукой, касаясь её пальцами?“

«О господин, а разве люди пишут ногами? – отвечал я.

И, клянусь Аллахом, о повелитель правоверных, мы с ним не закончили ещё своего разговора, как уже услышали звон её ножных браслетов в проходе, когда она входила.

И, увидав её, Джубейр поднялся на ноги, словно совсем не испытывал страданий, и обнял её, как лям обнимает алиф³⁶⁵, и оставила его слабость тех, кто над собою не властен. И потом он сел, а она не села, и я спросил её: «О госпожа, почему ты не садишься?» И она отвечала: «О ибн Мансур, я сяду лишь с тем условием, которое есть между нами». – «А что это за условие между вами?» – спросил я. «Тайны влюблённых не узнает никто», – отвечала девушка, и затем она приложила рот к уху Джубейра и что-то тихо сказала ему, и тот ответил: «Слушаю и повинуюсь!»

И затем Джубейр поднялся и стал шептаться с одним из своих рабов, и раб исчез ненадолго и вернулся, и с ним был кади и два свидетеля. И Джубейр поднялся и принёс мешок, в котором было сто тысяч динаров, и сказал: «О кади, заключи мой договор с этой женщиной при приданом в таком-то количестве». – «Скажи: „Я согласна на это“, – сказала ей кади. И она сказала: „Я согласна на это“. И договор заключили.

И тогда девушка развязала мешок и, захватив полную пригоршню, дала денег кади и судьям, а потом она подала Джубейру мешок с оставшимися деньгами. И кади с свидетелями ушли, а я просидел с ним и с нею, веселясь и развлекаясь, пока не прошла большая часть ночи. И тогда я сказал себе: «Они влюблённые и провели долгое время в разлуке – я сейчас встану и буду спать гденибудь вдали от них и оставлю их наедине друг с другом».

И я поднялся, но Будур уцепилась за мой подол и спросила: «Что сказала тебе твоя душа?» И я отвечал ей: «То-то и то-то». – «Сиди, а когда мы захотим, чтобы ты ушёл, мы тебя отпустим», – сказала она. И я просидел с нами, пока не приблизилось утро, и тогда она сказала: «О ибн Мансур, ступай в ту комнату, мы постлали тебе там ложе и постель, и оно будет тебе местом сна».

И я пошёл и проспал там до утра, а когда я проснулся утром, ко мне пришёл слуга с тазом и кувшином, и я совершил омовение и утреннюю молитву. И потом я сел, и когда я сидел, вдруг Джубейр и его возлюбленная вышли из бани, которая была в доме, и оба они выжимали кудри. И я пожелал им доброго утра и поздравил их с благополучием и пребыванием вместе, и сказал ему: «Это начинается с условия, кончается согласием». – «Ты прав, и тебе надлежит оказать уважение», – ответил он. И затем он кликнул своего казначея и сказал ему: «Принеси мне три тысячи динаров!»

И казначей принёс ему мешок, где было три тысячи динаров, и Джубейр сказал мне: «Сделай нам милость, (приняв это). А я отвечал: «Не приму, пока ты мне не расскажешь, почему любовь перешла от неё к тебе после такого великого отдаления». – «Слушаю и повинуюсь», – отвечал он. «Знай, что у нас есть праздник, который называется праздник новолетий, и в этот день все люди выходят и садятся в лодки и катаются по реке. И я выехал с друзьями прокатиться и увидел лодку, где было десять невольниц, подобных лунам, и эта

³⁶⁵ Лям и алиф – буквы арабского алфавита. Здесь говорится о последней букве алфавита, которая представляет собой лигатуру этих двух знаков.

Ситт-Будур сидела среди них, и с ней была её лютня. И она ударила по ней на одиннадцать ладов, а затем вернулась к первому ладу и произнесла такие два стиха:

«Огонь холоднее, чем огни в моем сердце,
И мягче утёс любой, чем сердце владыки.
Поистине, я дивлюсь тому, как он создан был –
Ведь тело его – вода, а сердце, как камень».

И я сказал ей: «Повтори двестише и напев – по она не согласилась...»

И Шахразад застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Триста тридцать четвёртая ночь

Когда же настала триста тридцать четвёртая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что Джубейр ибн Умейр говорил: „И я сказал ей: «Повтори двестише и напев“».

Но она не согласилась, и тогда я велел матросам забросать её, и они стали бросать в неё апельсинами так, что мы даже испугались, что потонет лодка, в которой она находилась.

И она уехала своей дорогой, и вот причина перехода любви из её сердца в моё сердце».

И я поздравил их обоих с тем, что они вместе, и взял мешок и то, что было в нем, и отправился в Багдад».

И расправила грудь халифа, и прошла мучившая его бессонница и стеснение в груди.

Рассказ о шести невольницах (ночи 334-338)

Рассказывают также, что повелитель правоверных аль-Мамун в один из дней был у себя во дворце, и призвал он всех особ своего государства и вельмож царства, и призвал к себе также стихотворцев и сотрапезников. И был среди его сотрапезников один сотрапезник по имени Мухаммед аль-Басри. И аль-Мамун обратился к нему и сказал: «О Мухаммед, я хочу, чтобы ты рассказал мне что-нибудь, чего я никогда не слышал». – «О повелитель правоверных, хочешь ли ты, чтобы я передал тебе рассказ, который я слышал ушами, или рассказал тебе о том, что я видел глазами?» – спросил Мухаммед, и аль-Мамун ответил: «Расскажи мне, о Мухаммед, о том, что более всего удивительно».

«Знай, о повелитель правоверных, – сказал тогда Мухаммед, – что был в минувшие дни человек из тех, что живут в благоденствии, и родина его была в Йемене, но потом он уехал из Йемена в наш город Багдад, и ему показалось хорошо жить в нем, и он перевёз в Багдад своих родных и своё имущество и семью. А у него были шесть невольниц, подобных лунам: первая – белая, вторая – коричневая, третья – упитанная, четвёртая – худощавая, пятая – жёлтая и шестая – чёрная, и все они были красивы лицом и совершенны по образованию, и знали искусство пения и игры на музыкальных инструментах. И случилось, что он призвал этих невольниц в какой-то день к себе и потребовал кушанье и вино, и они стали есть, и пить, и наслаждались, и радовались, и господин их наполнил кубок и, взяв его в руку, сделал знак белой невольнице и сказал: „О лик новой лупы, дай нам услышать сладостные слова“.

И она взяла лютню и настроила её и стала повторять на ней напевы, пока помещение не заплясало, а потом она завела напев и произнесла такие стихи:

«Мой любимый стоит всегда пред глазами,
Его имя начертано в моем сердце.
Его вспомню, так все во мне – одно сердце,
Его вижу, так все во мне – одно око.
Мне сказали хулители: «Позабудешь!»»

Я сказала: «Чему не быть, как же будет?»
Я сказала: «Уйди, хулитель, оставь нас,
Не старайся уменьшить то, что не мало».

И их господин пришёл в восторг и выпил свой кубок и дал выпить невольницам, а потом он наполнил чашу и, взяв её в руку, сделал знак коричневой невольнице и сказал: «О свет факела, чьё дыхание благовонно, — дай нам послушать твой прекрасный голос, внимающий которому впадает в соблазн!» И она взяла лютню и повторяла напевы, пока все в помещении не возликовало, и похитила сердца взглядами и произнесла такие стихи:

«Поклянусь тобою, других любить не буду
До смерти я, и любовь к тебе не предам я.
О полный месяц, прелестью закрывшийся,
Все прекрасные под твои идут знамёна.
Ты тот, кто превзошёл прекрасных нежностью,
Ты одарён творцом миров, Аллахом!»

И их господин, пришёл в восторг, и он выпил свою чашу и напоил невольниц, а потом он наполнил кубок и, взяв его в руку, сделал знак упитанной невольнице, и велел ей петь, перебирая напевы. И невольница взяла лютню и заиграла на голос, прогоняющий печали, и произнесла такие стихи:

«Коль впрямь ты простил меля, о тот, к кому я стремлюсь,
Мне дела нет до всех тех, кто сердится.
И если появится прекрасный твой лик, мне нет
Заботы о всех царях земли, если скроются.
Хочу я из благ мирских одной лишь любви Твоей,
О тот, к кому прелесть вся, как к предку возводится!»

И их господин пришёл в восторг и взял чашу и напоил невольниц, а потом он наполнил чашу и, взяв её в руку, сделал знак худощавой невольнице и сказал: «О гурия садов, дай нам послушать твои прекрасные слова!» И она взяла лютню и настроила её и перебрала напевы и произнесла такие стихи:

«Клянусь, на пути Аллаха³⁶⁶ то, что ты сделал мне,
Расставшись со мной, когда терпеть без тебя не в мочь.
Клянусь, нас судья в любви рассудит, и он воздаст
Мне должное за тебя, творя справедливый суд».

И их господин пришёл в восторг и выпил кубок и напоил невольниц, а потом он наполнил кубок и, взяв его в руку, сделал знак жёлтой невольнице и сказал: «О солнце дня, дай нам послушать твои нежные стихи!»

И она взяла лютню и ударила по ней наилучшим образом и произнесла такие стихи:

«Мой любимый, когда ему я являюсь,
Обнажает меч острый глаз предо мною.
Пусть хоть частью возьмёт Аллах с него долг мне,
Раз жесток он, а дух ведь мой в его власти.
Всякий раз, как стажу душе: «Его брось ты!»

³⁶⁶ На пути Аллаха — то есть «угодно Аллаху».

Все стремится душа моя лишь к нему же.
Лишь его средь других людей я желаю,
Но питает судьбы рука ко мне зависть».

И их господин пришёл в восторг и выпил и напоил невольниц, а затем он наполнил чашу и, взяв её в руку, сделал знак чёрной невольнице и сказал: «О чернота глаза, дай нам услышать хоть два слова». И она взяла лютню и настроила её и натянула струны и прошлась по ним на много ладов, а затем вернулась к первому ладу и, затянув напев, произнесла:

«О глаз, прошу, будь щедр, подари мне слезы,
В любви моей утратила жизнь совсем я.
Со страстью всякой я борюсь к любимым,
Но я влюблена, и радуется завистник.
Хулитель не даёт мне роз ланиты,
Когда душа моя стремится к розам.
Здесь чаши ходят вокруг с вином пьянящим,
И радость здесь, при музыке и лютне.
Пришёл ко мне любимый, увлеклась я,
И звезды счастья ярко нам сняли.
Но без вины задумал он расстаться,
А есть ли горше что-нибудь разлуки?
Его ланиты – сорванные розы;
Клянусь Аллахом, розы щёк прекрасны!
Когда б закон позволил яиц нам падать
Не пред Аллахом, пала бы ниц пред ним я».

И после этого рабыни поднялись и поцеловали землю меж рук их господина и сказали: «Рассуди нас, о господин».

И владелец их посмотрел на их красоту и прелесть и на их неодинаковый цвет, и восхвалил Аллаха великого и прославил его и потом сказал: «Каждая из вас читала Коран и научилась напевам и знает предания о древних и сведуща в историях минувших пародов, и я хочу, чтобы каждая из вас поднялась и указала рукой на свою соперницу – то есть белая укажет на смуглую, упитанная – на худощавую, жёлтая – на чёрную, – и пусть каждая из вас восхваляет себя и порицает свою подругу, а потом встанет её подруга и сделает с ней то же самое. И пусть это будут доказательства из почитаемого Корана и что-нибудь из преданий и стихов, чтобы мы увидели вашу образованность и красоту ваших речей». И невольницы ответили ему: «Слушаем и повинемся!..»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Триста тридцать пятая ночь

Когда же настала триста тридцать пятая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что невольницы сказали человеку из Йемена: „Слушаем и повинемся!“ И затем встала первая из них (а это была белая) и указала на чёрную и сказала: „Горе тебе, о чёрная!“ Передают, что белизна говорила: «Я свет блестящий, я месяц восходящий, цвет мой ясен, лоб мой сияет, и о моей красоте сказал поэт:

Бела она, с гладкими щеками и нежная,
Подобна по прелести жемчужине скрытой»
Как алиф прекрасный стан её, а уста её –

Как мим, а дуга бровей над нею – как нуны³⁶⁷,
И кажется, взгляд её – стрела, а дуга бровей –
Как лук, хоть и связан он бывает со смертью.
Коль явит ланиты нам и стан, то щека её –
Как роза и василёк, шиповник и мирта.
Обычно сажают ветвь в саду, как известно нам,
Но стана твоего ветвь – как много садов в нем!
Мой цвет подобен счастливому дню и сорванному цветку и
сверкающей звезде.

И сказал Аллах великий в своей славной книге пророку своему Мусе (мир с ним!):
«Положи руку себе за пазуху, она выйдет белою, без вреда»³⁶⁸.

И сказал Аллах великий: «А что до тех, чьи лица побелеют³⁶⁹, то в милости Аллаха они, и пребывают в ней вечно». Цвет мой – чудо, и прелесть моя – предел, и красота моя – завершение, и на подобной мне хороша всякая одежда, и ко мне стремятся души. И в белизне многие достоинства, как то, что снег нисходит с небес белым, и передают, что лучший из цветов белый, и мусульмане гордятся белыми тюрбанами, и если бы я стала припоминать, что сказано белизне во славу, изложение, право бы, затянулось. То, чего мало, но достаточно, – лучше, чем то, чего много и недостаточно. Но я начну порицать тебя, о чёрная, о цвет чернил и сажки кузнеца, и лица ворона, разлучающего любимых! Сказал поэт, восхваляя белизну и порицая черноту:

Не видишь ли ты, что жемчуг дорог за белый цвет,
А угля нам чёрного на дирхем мешок дают.
И лица ведь белые – те прямо вступают в рай,
А лицами чёрными геенна³⁷⁰ наполнена.

И рассказывается в одном из преданий, передаваемых со слов лучших людей, что Нух – мир с ним! – заснул в какой-то день, а дети его – Сам и Хам – сидели у его изголовья. И набежал ветер и приподнял одежды Нуха, и открылась его срамота, и Хам посмотрел на него и засмеялся и не прикрыл его, а Сам поднялся и прикрыл. И их отец пробудился от сна и узнал, что совершили его сыновья, и благословил Сама и проклял Хама. И побелело лицо Сама, и пошли пророки и халифы прямого пути и цари из потомков его, а лицо Хама почернело, и он ушёл и убежал в страну абиссинцев, и пошли чернокожие от потомков его. И все люди согласны в том, что мало ума у чёрных и говорит говорящий в поговорке: «Как найти чёрного разумного?»

И господин сказал невольнице: «Садись, этого достаточно, ты превзошла меру!» И потом он сделал знак чёрной, и она поднялась, и указала рукой на белую, и молвила: «Разве не знаешь ты, что приведено в Коране, низведённом на посланного пророка, слово Аллаха великого: „Клянись ночью, когда она покрывает, и днём, когда он заблестит!“ И если бы

³⁶⁷ Буква «алиф» имеет вид вертикальной линии, «мим» (между двумя буквами) похож на продолговатое колечко, «нун» (перевернутый) напоминает дугу.

³⁶⁸ Слова из Корана (гл. XXVIII, стих 32). В этом месте мусульманской священной книги говорится о беседе Аллаха с Моисеем, во время которой Аллах научил его чудесам с жезлом, и с переменной цвета руки (по мусульманским легендам Моисей был сыном негритянки и отличался тёмным цветом кожи). Эти чудеса должны были убедить фараона в пророческой миссии Моисея.

³⁶⁹ Цитата из Корана (гл. III, стих 103), Имеются в виду праведники в день страшного суда.

³⁷⁰ Геенна – мусульманский ад.

ночь не была достойнее, Аллах не поклялся бы ею и не поставил бы её впереди дня, – с этим согласны проникательные и прозорливые. Разве не знаешь ты, что чернота – украшение юности, а когда нисходит седина, уходят наслаждения и приближается время смерти? И если бы не была чернота достойнее всего, не поместил бы её Аллах в глубину сердца и ока. А как хороши слова поэта:

Люблю я коричневых за то лишь, что собран в них
Цвет юности и зёрна сердец и очей людских.
И белую белизну ошибкой мне не забыть,
От савана и седин всегда буду в страхе я.

А вот слова другого:

Лишь смуглые, не белые
Достойны все любви моей.
Ведь смуглость в цвете алых губ,
А белое – цвет лишаёв.

И слова другого:

Поступки чёрной – белые, как будто бы
Глазам она равна, владыкам света.
Коль ума лишусь, полюбив её, не дивитесь вы, –
Немочь чёрная ведь безумия начало.
И как будто цветом подобен я вороному в ночь, –
Ведь не будь её, не пришла б луна со светом.

И к тому же, разве хорошо встречаться влюблённым иначе как ночью? Довольно с тебя этого преимущества и выгоды. Ничто так не скрывает влюблённых от сплетников и злых людей, как чернота мрака, и ничто так не заставляет их бояться позора, как белизна утра. Сколько у черноты преимуществ, и как хороши слова поэта:

Иду к ним, и мрак ночей перед ними ходатай мой;
От них иду – белизна зари предаёт меня.

И слова другого:

Как много ночей со мной провёл мой возлюбленный,
И нас покрывала ночь кудрей темнотой своих.
Когда же блеснул свет утра, он испугал меня,
И милому я сказала: «Лгут маги, поистине».

И слова другого:

Пришёл он ко мне, закрывшись ночи рубашкою,
Шаги ускорял свои от страха, с опаскою,
И щеку я подостлал свою на пути его
Униженно, и подол тащил позади себя.
И месяца луч блеснул, почти опозорив нас,
Как будто обрезок он, от ногтя отрезанный.
И было, что было, из того, что не вспомню я,
Так думай же доброе, не спрашивай ни о чем.

И слова другого:

Лишь ночью встречает тех, с кем будет близка она,
Ведь солнце доносит все, а ночь – верный сводник.

И слова другого:

Нет, белых я не люблю, от жира раздувшихся,
Но чёрных зато люблю я, тонких и стройных,
Я муж, что сажусь верхом на стройно-худых коней
В день гонки; другие – на слонах выезжают.

И слова другого:

Посетил меня любимый
Ночью, обнялись мы оба
И заснули. И вдруг утро
Поднялся торопливо
Я прошу Аллаха: «Боже,
Мы хотим быть снова вместе!
Ночь пускай ещё продлится,
Раз мой друг лежит со мною!»

И если бы я стала упоминать о том, как хвалят черноту, изложение, право бы, затянулось, но то, что не велико и достаточно, лучше, чем то, что обильно и недостаточно. А что до тебя, о белая, то твой цвет – цвет проказы, и сближение с тобой – горесть, и рассказывают, что град и стужа в геенне, чтобы мучить людей дурных. А в числе достоинств черноты то, что из неё получают чернила, которыми пишут слова Аллаха. И если бы не чернота мускуса и амбры, благовония не доставлялись бы царям, и о них бы не поминали. Сколько у черноты достоинств, и как хороши слова поэта:

Не видишь ли ты, что мускус дорого ценится,
А извести белой ты на дирхем получишь куль?
Бельмо в глазу юноши зазорным считается,
Но, подлинно, чёрные глаза разят стрелами».

И её господин сказал ей: «Садись, этого достаточно!» И невольница села, и затем он сделал знак упитанной, и та поднялась...»

И Шахразад застигло утро, иона прекратила дозволенные речи.

Триста тридцать шестая ночь

Когда же настала триста тридцать шестая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что йеменец, господин невольниц, сделал знак упитанной невольнице, и она поднялась и указала рукой на худощавую, и обнажила свой живот, так что стали видны его складки и показалась округлость её пупка. А затем она надела тонкую рубашку, яз-под которой было видно все её тело, и сказала: «Слава Аллаху, который сотворил меня и сделал мой образ красивым и наделил меня жиром и прекрасной полнотой и уподобил меня ветвям и увеличил мою прелесть и блеск! Слава ему за то, что он даровал мне, и за то, что почтил

меня, когда помянул в своей великой книге, – велик он! – и привёл упитанного тельца³⁷¹. И он сделал меня подобной саду, где находятся сливы и гранаты. А жители городов желают жирных птиц, чтобы есть их, и не любят они птиц тощих, и сыны Адама хотят жирного мяса и едят его. Сколько в упитанности преимуществ, и как хороши слова поэта:

Прощайся с возлюбленной – снимаются путники –
Но можешь ли ты, о муж, проститься с возлюбленной?
Расаживает она по дому соседнему,
Как жирная курочка – порока и скуки нет.

И я не видела, чтобы кто-нибудь остановился возле мясника и не потребовал бы у него жирного мяса. Сказали мудрецы: «Наслаждение в трех вещах: есть мясо, ездить верхом на мясе и вводить мясо в мясо». А ты, о сухопарая, – твои ноги – точно ноги воробья или печная кочерга, ты крестовина распятого и мясо порченного, и нет в тебе ничего радующего ум, как сказал о тебе поэт:

Аллах от всего меля спаси, что б заставило
Лежать рядом с женщиной, сухою, как лыко пальч.
Все члены её – рога, бодают они меня
Во сне, и ослабнувшим всегда просыпаюсь я».

И её господин сказал ей: «Садись, этого достаточно!» И она села.

И господин сделал знак худощавой, и та поднялась, подобная ветви ивы, или трости бамбука, или стеблю базилика, и сказала: «Слава Аллаху, который сотворил меня и создал прекрасной и сделал близость со мною пределом стремлений и уподобил меня ветви, к которой склоняются сердца! Когда я встаю, то встаю легко, а когда сажусь, то сажусь изящно; я легкомысленна при шутке, и душе моей приятно веселье. И не видала я, чтобы кто-нибудь, описывая возлюбленного, говорил: „Мой любимый величиной со слона“. И не говорят: „Он подобен горе, широкой и длинной“. А говорят только: „У моего любимого стройный стан, и он высок ростом“. Немного пищи мне достаточно, и малость воды утоляет мою жажду. Мои игры легки и шутки прекрасны, я живее воробья и легче скворца, близость со мной – мечта желающего и улада ищущего, мой рост прекрасен и прелестна улыбка, я точно ветвь ивы, или трость бамбука, или стебель базилика, и нет по прелести мне подобного, как сказал обо мне сказавший:

Я с ветвью тонкой твой стан сравнил
И образ твой своей долей сделал.
Как безумный я за тобой ходи и –
Так боялся я соглядатаев.

Из-за подобных мне безумствуют влюблённые и впадает в смущенье тоскующий, и если мой любимый привлекает меня, я приближаюсь к нему, и если он наклоняет меня, я наклоняюсь к нему, а не на него. А ты, о жирная телом, – ты ешь, как слон, и не насыщает тебя ни многое, ни малое, и при сближении не отдыхает с тобою друг, и не находит он с тобою пути к веселью – величина твоего живота мешает тебя познать, и овладеть тобой не даёт толщина твоих бёдер. Какая красота в твоей толщине и какая в твоей грубости тонкость и мягкость? Подобаёт жирному мясу только убой, и нет в нем ничего, что бы требовало похвал. Если с тобою кто-нибудь шутит, ты сердишься, а если с тобою играют, –

³⁷¹ Слова из Корана (глава II, стих 26). Речь идёт о тельце, которого Ибрахим (Авраам) предложил посланцам Аллаха за то, что они возвестили о даровании ему ребёнка.

печалишься; заигрывая, ты сопишь, и когда ходишь, высовываешь язык, а когда ешь, не можешь насытиться. Ты тяжелее горы и безобразнее гибели и горя, нет у тебя движения и нет в тебе благословения, и только и дела у тебя, что есть и спать. Ты точно надутый бурдюк или уродливый слон, и когда ты идёшь в дом уединения, ты хочешь, чтобы кто-нибудь помыл тебя и выщипал на тебе волосы – а это предел лени и образец безделья. И, коротко говоря, нет в тебе похвального, и сказал о тебе поэт:

Грузна как бурдюк она с мочею раздувшийся,
И бедра её, как склоны гор возвышаются.
Когда в землях западных кичливо идёт она,
Летит на восток тот вздор, который несёт она».

И её господин сказал ей: «Садись, этого достаточно!» И она села, а он сделал знак жёлтой невольнице, и та поднялась на ноги и восхвалила Аллаха великого и прославила его и произнесла молитву и привет избранному им среди созданий, а затем она показала рукой на коричневую невольницу и сказала...»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Триста тридцать седьмая ночь

Когда же настала триста тридцать седьмая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что жёлтая невольница поднялась на ногу и восхвалила Аллаха великого и прославила его, а затем она указала рукой на коричневую невольницу и сказала ей:

«Я восхвалена в Коране, и описал мой цвет милосердный и дал ему преимущество над всеми цветами, когда сказал – велик он! – в своей ясной книге: „Жёлтая, чист её цвет, и радуется он взирающих...“³⁷² И цвет мой – чудо, красота моя – предел, и прелесть моя – совершенство, ибо мой цвет – цвет динара, цвет звёзд и светил, и цвет яблока и образ мой – образ прекрасных и имеет цвет шафрана, превозносящийся над всеми цветами, и образ мой необычен, и цвет мой удивителен. Я мягка телом и дорога ценою, и я объяла все виды красоты, и цвет мой дорог в этом мире, как чистое золото. И сколько во мне преимуществ, и о подобной мне сказал поэт:

Её желтизна блестит, как солнца прекрасный свет,
Динару она равна по виду красивому.
Не выразит нам шафран и части красот её,
О нет, и весь вид её возносится над луной.

А затем я начну порицать тебя, о коричневая цветом! Твой цвет-цвет буйвола, и видом твоим брезгают души, и если есть твой цвет в какой-нибудь вещи, то её порицают, а если он есть в кушанье, то оно отравлено. Твой цвет – цвет мух, и он отвратителен, как собака. Среди прочих цветов он приводит в смущенье и служит признаком горестей, и я никогда не слыхала о коричневом золоте, или жемчуге, или рубине. Уходя в уединение, ты меняешь цвет лица, а выйдя, становишься ещё более безобразной; ты не чёрная, которую знают, и не белая, которую описывают, и нет у тебя никаких преимуществ, как сказал о тебе поэт:

Цвет пыли, вот цвет её лица; то землистый цвет,
Как прах, облепляющий прохожего ноги.
Едва на неё я брошу глазом хоть беглый взгляд,

³⁷² Слова из Корана. Речь идёт о телице, обречённой на принесение в жертву.

Заботы усилятся мои и печали».

И её господин сказал: «Садись, этого достаточно!» – и она села. И господин её сделал знак коричневой невольнице, а она обладала прелестью и красотой, и была высока, соразмерна, блестяща и совершенна. И её тело было мягко, а волосы – как уголь. Она была стройна телом, розовощёка, с насурмленными глазами, овальными щеками, прекрасным лицом, красноречивым языком, тонким станом и тяжёлыми бёдрами. И сказала она: «Слава Аллаху, который не сделал меня ни жирной и порицаемой, ни худощавой и поджарой, ни белой, как проказа, ни жёлтой, как страдающий от колик, ни чёрной, – цвета сажи – но, напротив, сделал мой цвет любимцем обладателей разума. Все поэты хвалят коричневых на всех языках и дают их цвету преимущество над всеми цветами. Коричневый цветом имеет похвальные качества, и от Аллаха дар того, кто сказал:

У смуглых не мало свойств, и если б ты смысл их знал,
Твой глаз бы не стал смотреть на красных и белых.
Умелы в словах они, и взоры играют их;
Харута пророчествам и чарам учить бы могли³⁷³.

И слова другого:

Кто смуглого мне вернёт, чьи члены, как говорят,
Высокие, стройные самхарские копыя.
Тоскуют глаза его, пушок его шелковист;
Он в сердце влюблённого всегда пребывает.

И слова другого:

Я ценю, как дух, точку смуглую на лице его,
Белизна же пусть превосходит блеском месяца.
Ведь когда б имел он такую точку, но белую,
Красота его заменилась бы позором.
Не вином его опьяняюсь я, но, поистине,
Его локоны оставляют всех хмельными,
И красоты все одна другой завидуют,
И пушком его все бы стать они хотели.

И слова поэта:

Почему к пушку не склоняюсь я, когда явится
На коричневом, что копыю подобен цветом.
Но ведь всех красот завершение, – говорит поэт,
Муравьёв следы, что видны на неньюфаре³⁷⁴.
И я видывал, как влюблённые теряли честь
Из за родинки под глазом его чёрным.
И бранить ли станут хулители за того меня,
Кто весь родинка? – Так избавьте же от глупых!

³⁷³ Харут – по мусульманскому поверью, имя ангела, посланного Аллахом на землю и научившего людей колдовству.

³⁷⁴ Неньюфар – цветок кувшинки.

Мой образ прекрасен, и стан мой изящен, и цвет мой желанен для царей, и любят его все, и богатые и нищие. Я тонка, легка, прекрасна и изящна, нежна телом и высока ценою, и во мне завершилась красота, образованность и красноречие. Моя внешность прекрасна, язык мой красноречив, мои шутки легки, и игры мои изящны. А ты, – ты подобна мальве у ворот аль-Лук³⁷⁵ жёлтая и вся в жилах. Пропади ты, о котелок мясника, о ржавчина на меди, о видом подобная сове, о пища с дерева заккум! Тому, кто лежит с тобой, тесно дышать, и он погребён в могилах, и нет у тебя в красоте преимущества, как сказал о подобной тебе поэт:

Она очень жёлтая, хотя не больна она,
Стесняет она мне грудь, болит голова моя,
Когда не раскается душа, я срамлю её,
Целую ту жёлтую, и зубы она мне рвёт».

И когда она окончила своё стихотворение, её господин оказал ей: Садись, этого достаточно!» А после этого...»

И Шахразад устал, и она прекратила дозволенные речи.

Триста тридцать восьмая ночь

Когда же настала триста тридцать восьмая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что, когда невольница окончила своё стихотворение, её господин сказал: „Садись, этого довольно!“ А после этого он помирил невольниц и одел их в роскошные одежды, и подарил им дорогие камни, земные и морские, и не видал я, о повелитель правоверных, ни в какое время и ни в каком месте никого, краше этих прекрасных невольниц».

И когда аль-Мамун услышал эту повесть от Мухаммеда аль-Басри, он обратился к нему и спросил: «О Мухаммед, знаешь ли ты, где эти невольницы и их господин. Можешь ли ты купить их для нас?» И Мухаммед ответил ему: «О повелитель правоверных, до меня дошло, что их господин влюблён в них и не может с ними расстаться». – «Захвати для их господина по десять тысяч динаров за каждую девушку (а всего это составит шестьдесят тысяч динаров), и возьми их с собой, и отправляйся к нему, и купи у него невольниц», – сказал аль-Мамун. И Мухаммед аль-Басри взял у него эти деньги и отправился и, прибыв к господину невольниц, сказал ему, что повелитель правоверных желает купить у него этих девушек за столько-то.

Йеменец согласился их продать в угоду повелителю правоверных, и отослав невольниц к нему, и когда они прибыли к повелителю правоверных, он приготовил для них прекрасное помещение, и проводил с ними время. И девушки разделяли трапезу халифа, а он дивился их красоте и прелести и разнообразию их цветов и их прекрасным речам. И таким образом они провели некоторое время, а потом у их первого господина, который их продал, не стало терпения быть в разлуке с ними. И он послал письмо повелителю правоверных аль-Мамуну, где жаловался ему на то, какова его любовь к невольницам, и содержало оно такие стихи:

«Шесть прекрасных похитили мою душу,
Шесть прекрасных – привет я им посылаю.
Моё зренье и слух они, моя жизнь в них,
Мой напиток и кушанье и услада,
Не забуду сближения с красотой их,

³⁷⁵ Ворота аль-Лук находились в западной части средневекового Каира.

Сна приятность, когда их нет, удалилась.
Ах, как долго печалился и рыдал я,
Мне бы лучше среди людей не родиться!
О глаза, что украшены дивно веком!
Точно луки, – в меня они мечут стрелы».

И когда это письмо попало в руки халифа аль-Мамуна, он облачил девушек в роскошные одежды, дал им шестьдесят тысяч динаров и послал их к господину. И они прибыли к нему, и он им обрадовался до крайних пределов, больше чем деньгам, которые пришли с ними. И жил с ними наилучшей и приятнейшей жизнью, пока не пришла к ним Разрушительница наслаждений и Разлучительница собраний.

Повесть о Харунс ар-Рашиде и невольнице (ночи 338-340)

Рассказывают также, что халиф, повелитель правоверных Харун ар-Рашид, испытывал в какую-то ночь сильное беспокойство и впал в великое раздумье. И он поднялся с ложа и стал ходить по своему дворцу, и дошёл до одной комнаты с занавеской и поднял эту занавеску и увидел на возвышении ложе, а на ложе что-то чёрное, похожее на спящего человека, и справа от него была свеча и слева свеча. И халиф смотрел на это и удивлялся. И вдруг увидел он бутылку, наполненную старым ликом, и чашу рядом с ней, и когда повелитель правоверных увидел это, он изумился и сказал про себя: «Бывает разве такое убранство у подобных этому чёрному?» И затем он приблизился к ложу и увидел на нем спящую женщину, которая закрылась своими волосами. И халиф открыл её лицо и увидел, что она точно луна в ночь её полноты. И тогда халиф наполнил чашу вином и выпил его. За розы щёк женщины, и душа его склонилась к ней, и он поцеловал пятнышко, бывшее у неё на лице. И женщина пробудилась от сна и сказала: «Друг Аллаха, что случилось здесь, скажи?» И халиф ответил: «Это гость стучится, в стая к вам пришедший, чтобы до зари вы приняли его». И девушка молвила: «Хорошо, и зренье моё и слух – твой!» А затем она подала вино, и они выпили вместе, и девушка взяла лютню и настроила её и прошлась по струнам на двадцать один лад, и, вернувшись к первому ладу, затянула напев и произнесла такие стихи:

«Любви говорит язык в душе моей за тебя,
И всем сообщает он, что я влюблена в тебя.
Свидетель у меня есть, недуг изъясняет мой,
И раненая душа трепещет, покинув нас.
Любви не скрываю я, меня изнуряющее,
И страсть моя все сильнее, и слезы мои бегут.
А прежде, чем полюбить тебя, любви я не ведала,
Но быстро Аллаха суд создания его найдёт».

А окончив это стихотворение, девушка сказала: «Я обижена, о повелитель правоверных...»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Триста тридцать девятая ночь

Когда же настала триста тридцать девятая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что девушка сказала: „Я обижена, о повелитель правоверных!“ И халиф спросил: „А почему, и кто тебя обидел?“ И девушка ответила: „Твой сын уже давно купил меня за десять тысяч динаров и хотел подарить меня тебе, но дочь твоего дяди послала ему

упомянутые деньги и велела ему запереть меня от тебя в этой комнате“ – „Пожелай от меня чего-нибудь“, – сказал халиф. И невольница ответила: „Я желаю, чтобы ты был у меня завтра вечером“. – „Если захочет Аллах“, – молвил халиф и оставил её и ушёл. А когда наступило утро, он отправился в свою приёмную залу и послал за Абу-Новасом³⁷⁶, но не нашёл его, и тогда он послал одного царедворца спросить о нем. И царедворец увидел, что он задержан в винной лавке в обеспечение за тысячу дирхемов, которые он истратил на кого-то из безбородых. И царедворец спросил Абу-Новаса, что с ним, и тот рассказал ему свою историю и поведал о том, что произошло у него с безбородым красавцем, на которого он истратил эту тысячу дирхемов. «Покажи мне его, – сказал царедворец, – и если он этого заслуживает, то ты прощён». – «Подожди, и ты сейчас его увидишь», – отвечал Абу-Новас. И в то время как они разговаривали, этот безбородый вдруг явился и вошёл к ним. И на нем была белая одежда, а под ней красная одежда, а под ней чёрная одежда, и, когда Абу-Новас увидел его, он стал испускать вздохи и произнёс такие стихи:

«Явился он ко мне в рубашке белой,
Его зрачки и веки были томны.
И я сказал: «Вошёл ты без привета,
А я одним приветом был доволен,
Благословен одевший тебе щеки
Румянцем – все творит он, что желает!»
Он молвил: «Споры брось ты, – ведь господь мой
Творит невиданное бесконечно.
Моя одежда, как мой лик и счастье:
То бело, и то бело, и то бело».

И когда безбородый услышал эти стихи, он снял белую одежду с красной, и, увидав её, Абу-Новас выказал большое удивление и сказал такие стихи:

«Явился мне в рубашке он из мака –
Мой враг, хотя зовётся он любимым.
Сказал я в удивлении: «Ты месяц,
И к нам пришёл ты в дивном облаченье.
Румянец ли щеки тебя одел так,
Иль красил ты одежду кровью сердца?»
Сказал он: «Солнце кие дало рубашку,
Когда заря заката была близко,
Моя одежда, как вино и щеки:
То мак под маком, что покрыт был маком».

А когда Абу-Новас окончил своё стихотворение, безбородый снял красную одежду и остался в чёрной одежде, и, увидев это, Абу-Новас стал бросать на него частые взгляды и произнёс такие стихи:

«Явился он ко мне в рубашке чёрной,
И пред рабами он предстал во мраке.
И молвил я: «Вошёл ты без привета,
И радуется враг мой и завистник.
Твоя рубашка, кудри и удел мой –

³⁷⁶ Абу-Новас – один из значительнейших поэтов эпохи расцвета арабского халифата (убит около 810 г. н.э.).

То черно, и то черно, и то черно».

И когда царедворец увидел это, он понял, каково состояние Абу-Новаса и его страсть, и, вернувшись к халифу, рассказал ему об этих обстоятельствах. И халиф велел принести тысячу дирхемов и приказал царедворцу взять их и, вернувшись к Абу-Новасу, отдать за него деньги и освободить его от залога. И царедворец вернулся к Абу-Новасу и освободил его и отправился с ним к халифу, и, когда Абу-Новас встал перед ним, халиф сказал ему:

«Скажи мне стихи, где будет: друг Аллаха, что случилось здесь, скажи?» – «Слушаю и повинуюсь, о повелитель правоверных, – ответил Абу-Новас...»

И Шахразадку застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Триста сороковая ночь

Когда же настала ночь, дополняющая до трехсот сорока, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что Абу-Новас сказал: „Слушаю и повинуюсь, о повелитель правоверных!“ И затем произнёс такие стихи:

«Ночь продлилась, от заботы я не спал,
Похудел я, размышляя без конца.
Я поднялся и ходил то у себя,
То блуждая в помещениях дворца.
И увидел что-то чёрное я вдруг –
Это белая под прядями волос.
Месяц полный, что сияет и блестит,
Иль ветвь ивы, что прикрылась от стыда.
Выпил чашу я вина одним глотком,
А затем я пятнышко поцеловал.
И проснулась тут в смущении она,
И склонилась, точно ветка под дождём.
А затем, поднявшись, молвила она:
«Друг Аллаха, что случилось здесь, скажи?»
Я ответил ей: «То гость, пришедший в стан,
Думает найти приют здесь до зари».
И ответила в восторге: «Господин,
Гостя зрением и слухом я почту!»

И халиф сказал ему: «Убей тебя Аллах, ты как будто присутствовал при этом вместе с нами!»

И потом халиф взял его за руку и отправился с ним к невольнице, и, когда Абу-Новас увядал её (а на ней было голубое платье и голубой плащ), он пришёл в великое удивление и произнёс такие стихи:

«Скажи прекрасной в голубом плаще её:
«Аллаха ради, дух мой, мягче будь!
Поистине, когда с влюблённым друг суров,
Вздыхают в нем вздохи от волнения.
Ради прелести, что украшена белизной твоей,
Пожалей ты сердце влюблённого сгоревшее!
Над ним ты сжался, помоги ему в любви,
Речей глупца о нем совсем не слушай ты».

И когда Абу-Новас окончил своё стихотворение, невольница подала халифу вино, а затем она взяла в руки лютню и, затянув напев, произнесла такие стихи:

«Ты будешь ли справедлив к другим, коль жесток со мной –
В любви отдаляешься, другим наслаждение дав.
Найдись для влюбившихся судья, я бы жалобу
Ему принесла на вас – быть может, рассудит он.
И если мешаете пройти мне у ваших врат,
Тогда я привет вам свой пошлю хотя издали».

Потом повелитель правоверных велел давать Абу-Новасу много вина, пока прямой путь не исчез для него. И затем он дал ему кубок, и Абу-Новас отпил из него глоток и продолжал держать его в руке. И халиф приказал невольнице взять кубок из рук Абу-Новаса и спрятать его между ног, а халиф обнажил меч и, взяв его в руку, встал над Абу-Новасом и ткнул его мечом. И Абу-Новас очнулся и увидел обнажённый меч в руке халифа, и опьянение улетело у него из головы. «Скажи мне стихи и Расскажи в них о твоём кубке, а иначе я отрублю тебе голову!» – сказал халиф, и Абу-Новас произнёс такие стихи:

«Моя повесть всех ужасней –
Стала вдруг газель воровкой –
Кубок мой с вином украла –
В нем я лучший пил напиток –
И укрыла в одном месте –
Я в душе о нем страдаю.
Стыд назвать его мешает,
Но халифу есть в нем доля»

И повелитель правоверных сказал ему: «Убей тебя Аллах, откуда ты узнал это? Но мы приняли то, что ты сказал».

И он велел дать ему почётную одежду и тысячу динаров, а Абу-Новас ушёл радостный.

Рассказ о бедняке и собаке (ночи 340-341)

Рассказывают также, что у одного человека умножились долги, и положение его стеснилось, и он оставил родных и семейство и пошёл куда глаза глядят.

И он шёл не останавливаясь и через некоторое время приблизился к городу с высокими стенами и большими постройками, и вошёл туда униженный и разбитый, и голод его усилился, и путешествие утомило его. И он прошёл по площади и увидел толпу вельмож, которые ехали, и пошёл с ними, и они вошли в помещение, подобное покоям царя, и этот человек вошёл с ними. И они шли, пока не пришли к человеку, сидевшему на возвышенном месте, я он был великолепен обликом и весьма знатен, и его окружали слуги и евнухи, точно он из сыновей везирей. И, увидав пришедших, этот человек поднялся им навстречу и принял их с уважением.

И упомянутый человек пришёл в недоумение от этого и растерялся, увидав...»

И Шахразад застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Триста сорок первая ночь

Когда же настала триста сорок первая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что упомянутый человек пришёл в недоумение от этого и ночь растерялся, увидев

красивые постройку, слуг и челядь. И он стал отступать в замешательстве и горе, боясь за себя, и сел в стороне, подальше от людей, так что никто его не видел. И когда он сидел, вдруг пришёл человек с четырьмя собаками яз породы «охотничьих, и на них были всякие шелка и парча, а на шее золотые ошейники с серебряными цепочками. И человек привязал каждую собаку отдельно и затем скрылся. А потом он принёс каждой из них золотое блюдо, наполненное кушаньем из лучших кушаний, и поставил перед каждой собакой её блюдо, а после этого ушёл и оставил их. И тот человек от сильного голода стал смотреть на кушанья и хотел подойти к какой-нибудь собаке и поесть с ней, но ему мешал страх. Но потом едва из собак посмотрела на него, и Аллах великий внушил ей понятие о его состоянии, и собака отошла от блюда и сделала знак человеку, и он подошёл и ел, пока не насытился. И он хотел уйти, но собака сделала ему знак, чтобы он взял блюдо с оставшимся там кушаньем, и подвинула его лапой. И тогда человек взял блюдо и вышел из дома и ушёл, и никто за ним не последовал. И он отправился в другой город, и продал блюдо и купил на вырученные деньги товары, и поехал с ними в свою страну, и, продав то, что у него было, рассчитался с долгами, которые были у него. И достаток его умножился, и стал он жить в великом благоденствии под полным благословением.

И он прожил в своём городе некоторое время и после этого сказал себе: «Непременно поеду в город обладателя того блюда, и возьму для него прекрасные и подходящие подарки, и отдам ему стоимость блюда, которым меня пожаловала его собака!»

И он взял подарки, подходящие для того человека, и, Захватив с собой деньги, вырученные за блюдо, поехал и ехал в течение дней и ночей, пока не достиг этого города. И он вошёл в город и хотел встретиться с тем человеком и ходил по площадям, пока не пришёл к его жилищу, но увидел только ветхие развалины и вороньё, возвещающее о гибели, и дома опустевшие, и положение изменившееся, и обстоятельства ухудшившиеся. И сердце и ум его встревожились, и он произнёс слова сказавшего:

«Нет сокровищ больше в домах теперь, как больше нет
Благочестия в сердцах людей и знания.
Изменила облик долина свой, и газели в ней
Уж не те газели, и холмы – не те холмы».

И слова другого:

«Летит ко мне призрак Суд³⁷⁷ пугает меня, стучась
С зарёю, когда друзья спят крепко в пустыне.
Когда же проснулись мы и призрак унёсся вдаль,
Увидел я – пусто все и цель отдалена».

И тот человек посмотрел на эти развалины и увидел ясно, что сделала рука судьбы, и нашёл после самого дела лишь его след, и положение избавило его от нужды в рассказе. И он обернулся и вдруг заметил одного бедного человека в таком состоянии, что при виде его волосы поднимаются на коже и смягчаются каменистые скалы. И он спросил его: «Эй, ты, что сделали судьба и время с владельцем этих мест и где его сияющие луны и блестящие звезды? Какова причина произошедшего, и почему от этой постройки остались только стены?» И спрошенный ответил ему: «Этот человек тот бедняк, которого ты видишь, и он вздыхает от того, что его постигло, но разве не знаешь ты, что в словах посланника назидание для тех, кто им следует, я увещание для тех, кто ими руководится, и сказал он (да благословит его Аллах и да приветствует!): „Поистине, Аллах великий не возвышает что-либо в здешнем мире без того, чтобы не унижить потом. И если ты спрашиваешь о том,

³⁷⁷ Суд (счастье) – женское имя, ставшее в стихах нарицательным для возлюбленных.

какова причина этого дела, то в превратности судьбы нет удивительного. Я господин этих мест, и я воздвигнул их и владел ими и построил их, и я обладатель тех сияющих лун и роскошного убранства и превосходных редкостей и блестящих невольниц, но время отвернулось и увело слуг и имущество и повергло все в это измождённое состояние и поразило меня превратностями, которые оно скрывало. Но твоему вопросу неизбежно должна быть причина; расскажи же мне о ней и не удивляйся“.

И тот человек рассказал ему всю историю, испытывая мучение и горечь, и сказал: «Я принёс тебе подарок, желательный для души, и деньги за золотое блюдо, которое я взял, – оно стало началом моего богатства после бедности и того, что моё жилище стало благоустроенным после запустения и прекратились мои заботы и волнения». Но бедняк стал трясти головой, и причитать, и стонать, и жаловаться, и воскликнул: «О человек, я думаю, ты бесноватый, обо разумный не способен на такое. Как может быть, чтобы моя собака пожаловала тебе золотое блюдо, а я взял бы его обратно?! Взять обратно то, что пожаловала моя собака – дело удивительное» и будь я в величайшей заботе и болезни, клянусь Аллахом, от тебя не вернулась бы ко мне и вещь, стоящая обрезка ногтя! Ступай же туда, откуда пришёл, во здравии и благополучии!» И тот человек облобызал бедняку ноги и ушёл обратно, прославляя его, а, расставаясь с ним, при прощании он произнёс такие стихи:

«Удалились и люди все и собаки,
Мир да будет и над людьми и над осами!»

А Аллах знает лучше.

Рассказ о вали Хусам-ад-дине (ночи 341-342)

Рассказывают также, что был в крепости альИскандерии вали по имени Хусам-ад-дин, и, когда он сидел однажды вечером в своём зале, вдруг подошёл к нему один солдат и сказал: «Знай, о владыка наш, вали, что я вступил в этот город сегодня вечером и остановился в таком-то хане, и проспал там до трети ночи, а проснувшись, я нашёл свой мешок взрезанным и из него исчезнувшим кошель с тысячей динаров».

И не закончил ещё солдат своих слов, как вали послал за стражниками и велел им привести всех, кто был в хане, и приказал заточить их до утра.

Когда же пришло утро, он велел принести принадлежности для пытки, и призвал этих людей, и в присутствии солдата, владельца денег, хотел пытать их, но вдруг пришёл какой-то человек и, пройдя сквозь толпу, встал перед вали...»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Триста сорок вторая ночь

Когда же настала триста сорок вторая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что вали хотел их пытать, но вдруг пришёл какой-то человек и, пройдя сквозь толпу, встал перед вали и солдатом и сказал: „О эмир, отпусти всех этих людей, – они несправедливо обижены! Это я взял деньги солдата, и вот он, кошель, который я взял у него из мешка“.

И он вынул кошель из рукава и положил его перед вали и солдатом. И вали сказал солдату: «Возьми твои деньги и получи их – тебе не осталось уже пути к этим людям». А народ и все присутствующие стали восхвалять того человека и благословлять его. А потом тот человек сказал: «О эмир, ловкость не в том, что я сам пришёл к тебе и принёс кошель, – ловкость в том, чтобы второй раз взять кошель у этого солдата». И вали спросил его: «А как ты сделал это, ловкач?» – «О эмир, – отвечал человек, – я стоял в Каире на рынке менял и увидел этого человека, когда он менял золото и клал в кошель. Я следовал за ним из

переулка в переулок, но не нашёл пути к тому, чтобы взять у него деньги. А потом он уехал, и я следовал за ним из города в город и учинял с ним хитрости во время пути, но не мог взять у него деньги. Когда же он вступил в этот город, я следовал за ним, пока он не пришёл в тот хан, и тогда я поместился с ним рядом и следил за ним, пока он не заснул и я не услышал его храп. И я стал мало-помалу подходить к нему, и взрезал мешок этим ножом, и взял кошель».

И он протянул руку и взял кошель, лежавший перед вали и солдатом, и отошёл назад. А люди, вали и солдат смотрели на него и думали, что он им показывает, как он взял кошель из мешка. И вдруг этот человек побежал и бросился в пруд, и вали крикнул своим людям: «Догоните его!» И они побежали за ним следом, но не успели они ещё снять с себя одежды и спуститься по ступенькам, как ловкач уже ушёл своей дорогой. И его стали искать и не нашли (а это потому, что все переулки в аль-Искаидерии (выходят один в другой), и люди вернулись, не поймав ловкача. И вали сказал солдату: «Люди больше ничего не довольны тебе: ты узнал, кто твой обидчик, и получил твои деньги, но не уберёг их».

И солдат ушёл, и пропали его деньги, и люди освободились из рук солдата и вали, и было это по милости Аллаха великого»

Рассказ об ал-Насире и трех вали (ночи 342-344)

Рассказывают также, что аль-Малик-ан-Насир³⁷⁸ призвал в какой-то день трех вали – авали Каира, вали Булака и вали Старого Мисра³⁷⁹ и сказал им: «Я хочу чтобы каждый из вас рассказал мне о самом удивительном, что случилось с ним, пока он был вали...»

И Шахразад у застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Триста сорок третья ночь

Когда же настала триста сорок третья ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что аль-Малик-ан-Насир сказал трём вали: „Я хочу, чтобы каждый из вас рассказал мне о самом удивительном, что случилось с ним, пока он был вали“».

И они ответили ему вниманием и повиновением, а затем вали Каира оказал: «Знай, о владыка наш султан, вот самое удивительное, что случилось со мной, когда я был вали. В этом городе были два правомочных свидетеля³⁸⁰, которые свидетельствовали при кровопролитиях и ранениях. И они предавались любви к женщинам и питью вина и разврату. И я не мог уличить их, чтобы обвинить, и я был бессилен сделать это. Тогда я наказал виноторговцам, и торговцам сухими плодами, и фруктошникам, и продавцам свечей, и хозяевам домов разврата, чтобы они мне все рассказывали про этих свидетелей, когда они будут где-нибудь пить или развратничать оба вместе или отдельно, и если оба или один из них купит что-нибудь из вещей, предназначенных для питья, и не скрывали бы от меня этого. И торговцы отвечали: «Внимание и повиновение!»

И в один из дней случилось, что явился ко мне ночью человек и сказал: «О владыка, знай, что свидетели застали в таком-то месте, в такой-то улице, в доме такого-то человека за

³⁷⁸ Аль-Малик-ан-Насир («Царь победоносный») – прозвище нескольких египетских султанов, начиная с знаменитого противника крестоносцев Салах-ад-дина (Саладина) (1169-1193) и кончая ан-Насиром Хасадом (1354-1361).

³⁷⁹ Булаж, Каир и Старый Миср – в средние века названия различных частей египетской столицы.

³⁸⁰ По мусульманским законам, факт преступления должен быть засвидетельствован двумя мужчинами или одним мужчиной и двумя женщинами. Действительными считаются показания, данные только «правомочными» свидетелями, то есть лицами, пользующимися репутацией добродетельных и благонамеренных людей.

весьма дурным делом».

И я поднялся, переоделся и вместе с своим слугой пошёл к ним один, и со мной никого не было, кроме слуги. И я шёл до тех пор, пока не увидел перед собой ворота. И я постучал в них, и пришла невольница и открыла мне и спросила: «Кто ты?» Но я вошёл, не давая ей ответа, и увидел, что оба свидетеля и хозяин дома сидят, и с ними непотребные женщины и много вина. И, увидав меня, они поднялись мне навстречу и оказали мне уважение и посадили меня на почётном месте, говоря: «Добро пожаловать, дорогой гость и остроумный сотрапезник!» И встретили меня без страха и испуга. И после этого хозяин дома скрылся на минуту, а потом вернулся с тремя сотнями динаров, и он не испытывал никакого страха. И они сказали мне: «Знай, о владыка наш вали, что ты властен на большее, чем наш позор, и в твоих руках наказание для нас, но только это станет для тебя тяготой, и лучше всего тебе взять эти деньги и покрыть нас: ведь имя Аллаха великого – покровитель, и он любит среди рабов своих тех, кто покрывает, а тебе достанется награда и воздаяние». И я сказал себе: «Возьми у них это золото и покрой их на этот раз, а если ты будешь над ними властен в другой раз, отомсти им». И я польстился на деньги и взял их и оставил этих людей и ушёл и никто ничего не узнал. Но на следующий день, не успел я опомниться, как пришёл посланный от кади и сказал: «О вали, иди поговори с кади – он зовёт тебя!» И я поднялся и пошёл к кади, не зная в чем дело, а войдя к кади, я увидел, что те два свидетеля и хозяин дома, который дал мне триста динаров, сидят у него. И хозяин дома поднялся и потребовал от меня триста динаров, и не было у меня возможности отрицать, а хозяин дома вынул запись, и те два полномочных свидетеля засвидетельствовали, что за мной триста динаров. И кади поверил их свидетельству и приказал мне отдать эти деньги, и я не вышел от них раньше, чем они взяли от меня триста динаров. И я рассердился и задумал сделать с ними всякое зло, и пожалел, что не наказал их, и ушёл в крайнем смущении. И это самое удивительное, что случилось со мной, когда я был вали».

И поднялся вали Булака и сказал: «А что до меня, о владыка султан, то вот самое удивительное, что случилось со мной, когда я был вали. У меня набралось триста тысяч динаров долгу, и это мучило меня. Я продал то, что было за мной и передо мной, и то, что было у меня в руках, и набрал сто тысяч динаров, не больше...»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Триста сорок четвёртая ночь

Когда же настала триста сорок четвёртая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что вали Булака говорил: „Я продал то, что было за мной и передо мной, и набрал сто тысяч динаров, не больше, и пребывал в великом замешательстве. И сидел я в одну ночь из ночей у себя дома в таком состоянии, и вдруг кто-то постучал в ворота. И я сказал одному из слуг: „Посмотри, кто у ворот“. И он вышел и вернулся с лицом землистым и изменившимся, и у него дрожали поджилки. „Что тебя постигло?“ – спросил я его, и он ответил: „У ворот нагой человек в кожаной рубахе, и он с мечом и ножом у пояса, и с ним толпа людей такого же вида, и он требует тебя“. И я взял свой меч в руку и вышел посмотреть, кто это, и все оказалось так, как сказал слуга. „Что вам надо?“ – спросил я их, и они сказали: „Мы воры и добыли сегодня ночью великую добычу и назначили её тебе, чтобы ты помог себе ею в том деле, которым ты озабочен, и покрыл бы долг, лежащий на тебе“. И я спросил их: „А где же добыча?“ И они принесли мне большой сундук, полный сосудов из золота и серебра, и, увидев его, я обрадовался и сказал про себя: „Я покрою лежащий на мне долг, и мне останется ещё раз столько же!“ И я взял сундук и вошёл в дом и сказал себе: „Будет невеликодушно, если я дам им уйти без ничего!“ И, взяв сто тысяч динаров, я отдал их ворами и поблагодарил их за милость. И они взяли динары и ушли под покровом ночи своей дорогой, и никто не узнал о них. А когда настало утро, я увидел, что то, что лежит в сундуке, – медь, покрытая золотом и оловом, и все это стоит пятьсот дирхемов. И мне стало

очень тяжело, что динары, бывшие у меня, пропали, и прибавилось забот к моим заботам. Вот самое удивительное, что случилось со мной в то время, когда я был вали³⁸¹.

И поднялся вали Старого Мисра и сказал: «О владыка наш, султан, что до меня, то вот самое удивительное, что случилось со мной, когда я был вали. Я повесил десять воров, каждого на отдельную виселицу» и наказал сторожам стеречь их и не давать людям забрать кого-нибудь из них. А когда наступил следующий день, я пришёл на них посмотреть и увидел на одной виселице двоих повешенных. И я спросил сторожей: «Кто это сделал и где виселица, на которой был второй повешенный?» И сторожа стали отнекиваться, а когда я хотел их побить, они сказали: «Знай, о эмир, что мы вчера заснули, а проснувшись, увидели, что одного повешенного украли вместе с виселицей, на которой он висел. И мы испугались тебя и вдруг видим – едет феллах³⁸¹, и приближается к нам со своим ослом, и мы схватили его, и убили, и повесили вместо того, что украли с этой виселицы». И я удивился этому и спросил их: «А что было у феллаха?» И они отвечали: «У него был мешок на осле». – «А что в мешке?» – спросил я. И сторожа ответили: «Не знаем». И я сказал: «Ко мне это!» И мне принесли мешок, и я велел его открыть, и вдруг вижу – в нем человек, убитый и разрубленный. И, увидав это, я удивился и воскликнул: «Слава Аллаху! Причиной повешения этого феллаха была только его вина перед этим убитым, и не обидчик господь твой для рабов!»³⁸²

Рассказ о воре и меняле (ночи 344-345)

Рассказывают также, что у одного человека из менял был кошель, полный золота. И однажды он проходил мимо воров, и один из них сказал: «Я могу взять этот кошель». – «Как ты это сделаешь?» – спросили его, и он сказал: «Смотрите!» И затем он последовал за этим человеком до его жилища, и меняла вошёл и кинул кошель на скамью. А ему захотелось помочиться, и он вошёл в дом отдохновения, чтобы удовлетворить нужду, и сказал невольнице: «Поддай кувшин с водой!» И невольница взяла кувшин и последовала за менялой в дом отдохновения, оставив дверь открытой, и вор вошёл, и взял кошель, и ушёл к своим товарищам, и осведомил их о том, что случилось...

И Шахразад застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Триста сорок пятам ночь

Когда же настала триста сорок пятая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что вор взял кошель, и ушёл к своим товарищам, и осведомил их о том, что у него случилось с менялой и невольницей, и они сказали ему: „Клянёмся Аллахом, поистине, то, что ты сделал, – ловкость, и не всякий человек это может, но только меняла сейчас выйдет из дома отдохновения и не найдёт мешка и станет бить невольницу и мучить её тяжёлым мучением, и, кажется, ты не сделал дела, за которое тебя будут восхвалять. Если ты ловкач, то освободи девушку от побоев и мучений“. – „Если захочет Аллах великий, я выручу девушку и мешок“, – сказал вор. И затем он вернулся к дому менялы и увидел, что тот пытается невольницу из-за мешка. И он постучал в дверь, и меняла спросил: „Кто это?“ А вор ответил: „Я слуга твоего соседа на рынке“. И меняла вышел к нему и спросил: „Что тебе?“ И вор сказал: „Мой господин приветствует тебя и говорит: „Что это твои повадки переменялись? Как это ты бросаешь такой кошель, как этот, возле лавки и уходишь и оставляешь его? Если бы его нашёл кто-нибудь чужой, он бы взял его и ушёл“. И если бы

³⁸¹ Феллах (землепашец) – египетский крестьянин.

³⁸² Выражение, часто встречающееся в Коране.

мой господин не увидел его и не сохранил, кошель бы наверное пропал у тебя“.

И потом он вынул кошель и показал его меняле, и, увидав его, меняла воскликнул: «Это мой кошель, он самый!» – и протянул руку, чтобы взять его у вора, но тот сказал: «Клянусь Аллахом, я его тебе не дам, пока ты не напишешь моему господину записку, что ты получил от меня кошель. Я боюсь, он мне не поверит, что ты взял кошель и получил его, пока ты не напишешь ему записку и „не приложишь к ней печати“».

И меняла вошёл в дом, чтобы написать записку о прибытии мешка, как оказано, а вор ушёл с мешком своей дорогой, и невольница освободилась от наказания.

Рассказ о вали и работнике (ночи 345-346)

Рассказывают также, что Ала-ад-дин, вали Куса³⁸³, сидел однажды ночью у себя в доме, и вдруг человек, прекрасный обликом и видом и совершенный по внешности, пришёл к нему ночью, и с ним был слуга с сундуком на голове. И этот человек остановился у ворот и сказал кому-то из слуг эмира: «Войди и уведомя эмира, что я хочу с ним свидеться по одному делу».

И слуга вошёл и доложил об этом человеке, и эмир велел его ввести. И когда он вошёл, эмир увидел, что облик его великолепен и внешность прекрасна. И он посадил его рядом с собой и отвёл ему почётное место и спросил: «Что у тебя за дело?» И пришедший ответил: «Я человек из пересекающих дороги и хочу раскаться и вернуться к Аллаху великому через твои руки, и мне хочется, чтобы ты помог мне в этом, так как я под твоими глазами и под твоим взором. Со мною этот сундук, и в нем вещи, которые стоят около сорока тысяч динаров. Ты наиболее достоин их. Дай мне из оставшихся у тебя денег тысячу динаров, дозволенных мне, – я сделаю их основой моего состояния, они помогут мне при раскаянии и избавят меня от нужды в запретном, а награда тебе у Аллаха великого».

И потом он открыл сундук, чтобы вали увидел, что в нем, и он увидел золотые изделия и драгоценные камни и металлы и кольца и жемчуг. И это ошеломило вали, и он сильно обрадовался и кликнул своего казначея и сказал: «Принесён мешок!» (а в нем была тысяча динаров)...

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Триста сорок шестая ночь

Когда же настала триста сорок шестая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что вали кликнул своего казначея и сказал: „Принеси мешок!“ (а в нем была тысяча динаров). И когда казначей принёс этот мешок, вали отдал его человеку, и человек взял и поблагодарил вали и ушёл своей дорогой под покровом ночи. Когда же настало утро, вали призвал старосту ювелиров и, когда тот явился, показал ему сундук и бывшие в нем украшения, и оказалось, что все они из олова и меди. И он увидел, что камни, кольца и жемчуга – все стеклянное, и это было для вали тяжело, и он послал искать того человека, но никто не мог изловить его.

Рассказ об Ибрахиме и невольнице (ночи 346-347)

Рассказывают также, что повелитель правоверных аль-Мамун сказал Ибрахиму ибн аль-Махди: «Расскажи нам самое удивительное, что ты видел!» – «Слушаю и повинуюсь, о повелитель правоверных, – ответил Ибрахим. – Знай, что я однажды вывел прогуляться, и нога привели меня в одно место, где я почувствовал залах кушанья. И моя душа тосковала по

³⁸³ Кус – город в верхнем Египте, на восточном берегу Нила.

нему, и я остановился в замешательстве, о повелитель правоверных, и не мог ни уйти, ни войти в это помещение. И я поднял взор и вдруг вижу окно, а за окном рука и запястье, лучше которых я не видел. И мой ум улетел при виде их, и я забыл о запахе кушаний из-за этой кисти и запястья. И я стал придумывать хитрость, чтобы проникнуть в это помещение, и вдруг я увидел поблизости портного. И я подошёл к нему и приветствовал его, и он ответил на моё приветствие. И я спросил: „Чей это дом?“ И портной отвечал: „Одного купца“. – „А как его зовут?“ – спросил я. И портной ответил: „Его зовут такой-то, сын такого-то, и он разделяет трапезу только с купцами“.

И пока мы разговаривали таким образом, вдруг приблизились к нам два почтённых, приятных на вид человека, которые ехали верхом, и портной сказал мне, что они состоят в самой близкой дружбе с хозяином дома, и сообщил мне их имена. И я тронул своего копя и догнал этих людей и сказал им: «Пусть я буду за вас выкупом! Отец такого то вас заждался!»

И я поехал вместе с ними, и мы достигли ворот, к – а вошёл, и те два человека тоже вошли, к, увидав меня с ними, хозяин дома не усомнился, что я их друг, в сказал мне: «Добро пожаловать!» И посадил меня на самое высокое место. А затем принесли столик, и я сказал себе: «Аллах послал мне эти кушанья, но теперь остаются рука и запястье». А затем мы перешла для беседы в другое помещение, и я увидел, что оно полно всяких тонкостей, и хозяин дома стал проявлять ко мне ласку, и обращал ко мне речь, так как думал, что я гость ИЗ гостей, и гости тоже обращались со мной крайне ласково, полагая, что я друг хозяина дома. И все они были со мною ласковы, и мы выпили несколько кубков, и потом вышла к нам невольница, подобная ветви ивы, и была она крайне изящна и прекрасна по облику.

И она взяла лютню и, затянув напев, произнесла такие стихи:

«Не диво ли, что одно жилище объёмлет нас,
Но близко ты подойти не хочешь, и говорят
Одни лишь глаза, о тайнах сердца вещая нам,
И душах растерзанных, что в жарком огне горят.
И знаки даёт вам взор, подмигивает нам бровь,
И веки усталые, и руки, что шлют привет».

И она подняла во мне волнение, о повелитель правоверных, и меня охватил восторг при виде её красоты и нежности и от стихотворения, которое она пропела. И я позавидовал её прекрасному искусству и сказал: «За тобой ещё кое-что осталось, о невольница». И тогда она в гнев кинула лютню и сказала: «Когда это вы приводили глупцов на ваши собрания?»

И я раскаялся в том, что случилось, и увидел, что люди порицают меня, и сказал: «Миновало меня все, на что я надеялся!» И я нашёл способ отвести от себя упрёки только в том, что потребовал лютню и сказал: «Разъясню, что ода пропустила в песне, которую сыграла». И люди сказали: «Внимание и повиновение!» И принесли мне лютню, а я настроил на ней струны и пропел такие стихи:

«Вот тот, кто влюблён в тебя, и терпит тоску свою
Влюблённый, чьих еле струя по телу его течёт,
Рукою одной благого просит в надежде он
О счастье, другая же на сердце его лежит.
О, кто видел гибнущих страстями погубленных,
Которых погибель ждёт от глаз и десницы их».

И невольница вскочила и склонилась к моим ногам, целуя их, и воскликнула: «У тебя следует просить прощения, о господин! Клянусь Аллахом, я не знала, каково твоё место, и не слыхивала о таком искусстве!»

И люди стали оказывать мне уважение и почёт, придя в величайший восторг, и все принялись просить меня петь. И я спел волнующую песню, и люди сделались пьяными, и их

ум пропал, и их унесли в их жилища, и остался хозяин дома и невольница. И он выпил со мною несколько кубков и затем сказал: «О господин, моя жизнь пропала даром, раз я не знал подобного тебе раньше этого времени! Ради Аллаха, о господин, скажи, кто ты, чтобы я узнал моего сотрапезника, которого даровал мне Аллах сегодня ночью». И я стал говорить двусмысленно, не открывая ему своего имени, но он заклинал меня, и тогда я осведомил его, и, узнав моё имя, он вскочил на ноги...»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Триста сорок седьмая ночь

Когда же настала триста сорок седьмая ночь, Шахразада сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что Ибрахим ибн аль-Махди говорил: „И, узнав моё имя, хозяин дома вскочил на ноги и воскликнул: „Я дивился, что такие достоинства могут быть у кого-нибудь, кроме людей, подобных тебе, и время подарило мне милость, за которую я не в состоянии отблагодарить. Может быть, это сон, а если нет, то когда же мне надеяться, что посетит меня халиф в моем жилище и разделит со мной трапезу“. И я заклинал его сесть, и он сел и принялся меня расспрашивать о том, как я попал к нему, самым тонким образом, и я рассказал ему всю историю с начала до конца и не скрыл из неё ничего. „Что касается кушаний, то здесь я получил желаемое, а что до ладони и кисти, то я не достиг с ними того, чего хотел“, – сказал я. И хозяин дома воскликнул: „И руку и кисть – ты получишь, если пожелает Аллах великий!“ И потом он сказал: „О, такая-то, скажи такой-то, чтобы она спустилась“, – и стал звать своих невольниц одну за одной и показывал их мне. Но я не видал моей госпожи, и наконец хозяин дома сказал: „Клянусь Аллахом, о господин, никого не осталось, кроме моей матери и сестры, но, клянусь Аллахом, они непременно будут приведены к тебе и тебе показаны, чтобы ты их увидел“. И я удивился его благородству и широте его сердца и воскликнул: „Пусть я буду за тебя выкупом! Начни с сестры“. И он отвечал: «С любовью и удовольствием!» И затем спустилась его сестра, и он показал мне её руку, и вдруг я вижу – это она обладательница той кисти и запястья, которые я видел!

«Пусть я буду за тебя выкупом, – это та девушка, чью кисть и запястье я видел», – сказал я. И тогда хозяин дома велел слугам в тот же час и минуту привести свидетелей. И свидетелей привели, а потом он принёс два кошелька с золотом и сказала свидетелям: «Вот наш владыка Сиди Ибрахим ибн аль-Махди, дядя повелителя правоверных, сватает мою сестру, такую-то, и я беру вас в свидетели, что выдаю её за него замуж».

И он дал ей в приданое кошелёк с золотом и сказал мне: «Я выдал за тебя мою сестру такую-то за названное приданое». И я ответил: «Принимаю это и согласен». И он отдал один из кошельков своей сестре, а другой свидетелям. «О владыка, – сказал он мне потом, – я хочу приготовить тебе одну из комнат, чтобы ты спал там со своей женой». И я смутился, увидав его благородство, и постыдился уединиться с нею в его доме и сказал: «Снаряди её и отправь в моё жилище». И, клянусь тобою, о повелитель правоверных, он доставил ко мне столь обширное приданое, что для него были тесны наши комнаты, И потом она родила от меня этого мальчика, что стоит перед тобой».

И аль-Мамун удивился великодушию этого человека и воскликнул: «Его милость от Аллаха! Я никогда не слыхал о подобных ему!» И он велел Ибрахиму ибн аль-Махди призвать этого человека, чтобы посмотреть на него. И Ибрахим привёл его к аль-Мамуну, и тот расспросил его, и ему понравилось его остроумие и образованность. И он сделал его одним из своих приближённых, и Аллах – тот, кто делает и одаряет.

Рассказ о женщине с отрубленными руками (ночи 347-348)

Рассказывают также, что один царь из царей сказал жителям своего царства:

«Поистине, если подаст ктонибудь из вас какую-либо милостыню, я отрублю ему

руку!» И все люди стали из-за этого воздерживаться от милостыни, и никто не мог подать милостыню никому. И случилось, что один просящий пришёл однажды к женщине (а его мучил голод) и сказал ей: «По дай мне что-нибудь...»

И Шахразад у застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Триста сорок восьмая ночь

Когда же настала триста сорок восьмая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что просящий человек сказал женщине: „Подай мне что-нибудь!“ И она ответила: „Как же я тебе подам, когда царь отрубает руку всякому, кто подаёт?“ Но нищий воскликнул: „Прошу тебя, ради Аллаха великого, подай мне!“ И когда он попросил её ради Аллаха, женщина пожалела его и дала ему две лепёшки. И весть об этом дошла до царя, и он велел привести ту женщину. И когда она явилась, отрубил ей обе руки, и она отправилась домой. А потом через некоторое время царь сказал своей матери: „Я хочу жениться, жени меня на красивой женщине“. И она отвечала: „По соседству с нами есть женщина, лучше которой не найти, но только у неё большой недостаток“. – „А что?“ – спросил царь. И мать его сказала: „У неё огрублены руки“. – „Я хочу посмотреть на неё“, – сказал царь. И мать привела её к нему, и, когда царь посмотрел на неё, он прельстился ею и женился на ней и вошёл к ней. А это была та женщина, которая подала просившему две лепёшки, и царь отрубил ей из-за этого руки. И когда царь на ней женился, ей позавидовали другие его жены и написали царю письмо и наговорили про неё, что она распутница (а она родила мальчика). И царь написал своей матери письмо и приказал ей отвезти эту женщину в пустыню и оставить её там, а самой вернуться. И мать его сделала это, и завезла её в пустыню, и вернулась, а та женщина стала плакать о том, что с ней случилось, и рыдала как нельзя громче. И так она шла, а ребёнок был у неё на шее, и она проходила мимо потока и встала на колени, чтобы напиться из-за сильной жажды, охватившей её от ходьбы, утомления и печали. И когда она наклонилась, ребёнок упал в воду. И женщина села и заплакала о ребёнке горьким плачем. И пока она плакала, проходили мимо неё два человека, и они спросили её: „О чем ты плачешь?“ – „У меня был ребёнок на шее, и он упал в воду“, – отвечала она. И эти люди сказали: „Хочешь ли ты, чтобы мы его вытащили?“ – „Да“, – отвечала она. И они помолились Аллаху великому, я ребёнок вышел к ней невредимый, и не повредило ему ничего. „Хочешь ли ты, чтобы Аллах вернул тебе руки?“ – спросили женщину эти люди. И она ответила: „Да“. И тогда она помолилась Аллаху – велик он и славен! – и руки её вернулись к ней, даже лучше, чем были. А потом люди спросили женщину: „Знаешь ли ты, кто мы?“ И она ответила: „Аллах лучше знает“. И они сказали: „Мы те твои две лепёшки, которые ты падала просившему, и милостыня была причиной отсечения твоих рук. Хвали же Аллаха великого, который вернул тебе и сына и руки!“ И она восхвалила Аллаха великого и прославила его.

Рассказ о бедняке и женщине (ночи 348-349)

Рассказывают также, что был среди сынов Израиля богомольный человек, у которого была жена, прявшая хлопок. И он каждый день продавал пряжу и покупал хлопок, а на прибыль, какая получалась, покупал еду для своей семьи, которую съедали в тот же день. И однажды он вышел и продал пряжу, и его встретил один из его друзей и пожаловался на нужду, и тот человек отдал ему вырученные за пряжу деньги и вернулся домой без хлопка и без еды. И его спросили: «Где хлопок и еда?» И он сказал: «Меня встретил такой-то и пожаловался на нужду, и я отдал ему все деньги». – «Что же мы будем делать, когда нам нечего больше продать?» – спросили его. А у них была разбитая чашка и кувшин, и этот человек пошёл с ними на рынок, но никто у него ничего не купил. И когда он был на рынке, вдруг прошёл мимо него человек с рыбой...»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Триста сорок девятая ночь

Когда же настала триста сорок девятая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что этот человек взял чашку и кувшин и пошёл с ними на рынок, но никто у него ничего не купил. И когда он был на рынке, вдруг прошёл мимо него человек, и у него была одна рыба, вонючая и раздувшаяся, которую никто у него не покупал. И человек с рыбой спросил: „Продашь ты мне твою заваль за мою заваль?“ И человек с чашкой сказал: „Да“. И отдал ему чашку и кувшин и взял у него рыбу. И он принёс её своей семье, и его спросили: „Что мы будем делать с этой рыбой?“ И человек ответил: „Мы её изжарим и съедим, пока Аллах великий не пожелает для нас достатка“.

И рыбу взяли и вскрыли ей живот и нашли там жемчужное зерно и рассказали об этом старику, и он сказал: «Посмотрите – если оно просверлено, оно принадлежи! кому-нибудь из людей, а если оно не просверлено, то это дар, которым одарил нас Аллах великий». И посмотрели, и зерно оказалось непросверленным. И когда настало утро, старик отправился с жемчужиной к одному из своих друзей, человеку, сведущему в этом, и тот спросил: «О такой-то, откуда у тебя эта жемчужина?» – «Дар, которым одарил нас Аллах великий», – ответил старик. И тот человек сказал: «Она стоит тысячу дирхемов, и я дам тебе это, но пойдёшь с ней к такому-то – у него больше, чем у меня, денег и знания».

И старик пошёл с жемчужиной к тому человеку, и человек сказал: «Она стоит семьдесят тысяч дирхемов, не больше этого». И он дал ему семьдесят тысяч дирхемов и позвал носильщиков, и те несли старику деньги, пока он не достиг ворот своего дома. И подошёл к нему просящий и сказал: «Дай мне из того, что дал тебе Аллах великий». И старик ответил просящему: «Мы были вчера такими, как ты, возьми половину этих денег». И когда он разделил эти деньги на две части, и каждый взял свою часть, просящий сказал ему: «Удержи у себя свои деньги и возьми их, и да благословит тебя Аллах! Я посланец твоего господина – он послал меня к тебе, чтобы я испытал тебя». И старец воскликнул: «У Аллаха слава и благодеяние!» И он жил прекраснейшей жизнью вместе со своей семьёй до счерты.

Рассказ об Абу-Хассане-аз-Зияди (ночи 349-351)

Рассказывают также, что Абу-Хассан аз-Зияди говорил: «В какой-то день моя обстоятельства сильно стеснились до того, что пристал ко мне зеленщик, хлеботорговец и другие поставщики, и умножилось надо мною горе, и я не находил для себя хитрости. И когда я был в таком состоянии и не знал, что делать, вдруг вошёл ко мне один из моих слуг и сказал: „У ворот человек, паломник, который хочет войти к тебе“. – „Позволь ему“, – сказал я. И тот человек вошёл, и вдруг я вижу, это человек из Хорасана. И он приветствовал меня, и я возвратил ему привет, и затем он спросил: „Ты ли Абу-Хассан аз-Зияди?“ – „Да“, – ответил я, – а что тебе нужно?“ И человек сказал: „Я чужеземец и хочу совершить паломничество, а со мною много денег, и мне тяжело их нести. Я хочу положить у тебя эти десять тысяч дирхемов на то время, пока не закончу паломничества и не вернусь, и если караван возвратится и ты не увидишь меня, то знай, что я умер, и деньги подарок тебе от меня, а если я вернусь – они мои“. И я сказал ему: „Будь по-твоему, если захочет Аллах великий!“ И он вынул мешок, а я сказал слуге: „Принеси мне весы!“ И слуга принёс весы, и тот человек отвесил деньги и вручил их мне и ушёл своей дорогой, а я призвал поставщиков и заплатил мой долг...»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Триста пятидесятая ночь

Когда же настала ночь, дополняющая до трехсот пятидесяти, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что Абу-Хассая аз-Зияди говорил:

«А я призвал поставщиков и заплатил бывший на мне долг, и стад широко тратить, говоря про себя: „Пока он вернётся, Аллах пошлёт нам что-нибудь от себя“. А когда миновал день, слуга вошёл ко мне и сказал: „Твой друг хорасанец у ворот“. И я сказал: „Позволь ему!“ И хорасанец вошёл и сказал: „Я собирался в паломничество, но пришла ко мне весть о смерти моего отца, и я решил вернуться. Дай же мне деньги, которые я у тебя оставил вчера“.

И когда я услышал от него эти слова, меня охватила великая забота – совершенно никто не испытывал ей подобной, и я смеялся и не дал ему ответа. Если бы я стал отрицать, он взял бы с меня клятву, и был бы позор в последней жизни, а если бы я рассказал ему, что распорядился деньгами, он обесславил бы меня. И я сказал ему: «Да сделает тебя Аллах здоровым! Моё жилище не защищено, и не хранилище оно для этих денег. Когда я взял твой мешок, я послал его к тому, у кого он теперь. Возвращайся к нам завтра за ним, если захочет Аллах великий!»

И он ушёл от меня, и я провёл ночь в замешательстве, и сон не взял меня в эту ночь, и я не мог смежить век. И я поднялся к слуге и сказал ему: «Оседлай мне мула». Но он сказал: «О владыка, сейчас время после сумерек и ночи ещё несколько не прошло». И я вернулся в постель, но сон мне не давался. И я все время будил слугу, а тот возражал мне, пока не взошла заря. И слуга оседлал мне мула, и я сел, не зная куда ехать, и бросил поводья мулу на плечо и был занят мыслями и заботами, а мул шёл в восточную сторону Багдада. И когда я ехал, я вдруг заметил людей, которых я видел раньше, и уклонился от них в сторону и свернул на другую дорогу, но они последовали за мной. И, увидав, что я в тайласане³⁸⁴, они поспешили ко мне и спросили: «Знаешь ли ты жилище Абу-Хассана аз-Зияди?»

«Это я Абу-Хассан аз-Зияди», – ответил я им. И они сказали: «Отвечай повелителю правоверных!» И я пошёл с ними и вошёл к аль-Мамуну, и он спросил меня: «Кто ты?» – «Человек из сподвижников кади АбуЮсуфа, из фатоихоев, знатоков преданий», – ответил я. «Изложи мне твоё дело», – сказал аль-Мамун. И я изложил ему свою историю, и аль-Мамун заплакал сильным плачем и воскликнул: «Горе тебе! Не дал мне посланник Аллаха – да благословит его Аллах и да приветствует! – из-за тебя спать сегодня ночью! Когда я заснул в начале ночи, он сказал мне: „Помоги Абу-Хассану аз-Зияди!“ И я проснулся, но я не знал тебя. Потом я заснул, и он пришёл ко мне и сказал: „Горе тебе! Помоги Абу-Хассану аз-Зияди!“ И я проснулся, но я не знал тебя. Потом я заснул, и он пришёл ко мне, но я не знал тебя, и после я заснул, и он пришёл ко мне и сказал: „Горе тебе! Помоги Абу-Хассану аз-Зияди!“ И я не осмелился заснуть после этого и бодрствовал всю ночь, и разбудил людей и послал их тебя искать во все стороны».

Потом халиф дал мне десять тысяч дирхемов и оказал: «Это для хорасанца». И затем он дал мне ещё десять тысяч дирхемов и оказал: «Трать эти деньги широко и поправь ими свои дела». И после этого он дал мне ещё тридцать тысяч дирхемов и сказал: «Снаряди себя на это и, когда будет день выезда, приходи ко мне, я назначу тебя на должность».

И я вышел, а деньги были со мною, и пришёл в своё жилище и совершил там утреннюю молитву, и вдруг хорасанец явился. И я ввёл его в дом и вынес ему мешок и сказал: «Вот твои деньги». А он молвил: «Это не те самые деньги». – «Да», – ответил я. И он спросил: «Какова причина этого?» И я рассказал ему всю историю. И хорасанец заплакал и воскликнул: «Клянусь Аллахом, если бы ты сказал правду с самого начала, я не стал бы взыскивать с тебя, и теперь, клянусь Аллахом, я ничего не приму...»

И Шахразад устала, и она прекратила дозволенные речи.

³⁸⁴ Тайласан – кусок накрахмаленной материи, который наматывается поверх тюбана, так что концы его спадают на плечи. Сначала этот головной убор носили только судьи и богословы, позднее он стал принадлежностью костюма высших сановников при мамлюкском дворе.

Триста пятьдесят первая ночь

Когда же настала триста пятьдесят первая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что хорасанец сказал аз-Зияди: „Клянусь Аллахом, если бы ты сказал мне правду с самого начала, я не стал бы взыскивать с тебя, и теперь, клянусь Аллахом, я ничего не приму из этих денег, и они для тебя дозволены!“ И он ушёл от меня, и я привёл свои дела в порядок и отправился в день выезда к воротам аль-Мамуна и вошёл к нему. А он сидел, и когда я предстал перед ним, он велел мне приблизиться и вынул моё назначение из-под молитвенного ковра. „Вот тебе назначение на должность судьи в Медине-почитаемой, на западной стороне, от Ворот Мира, до того, чему нет конца. И я назначил тебе столько-то и столько-то на каждый месяц, – сказал он. – Бойся же Аллаха великого, сильного и помни о том, как позаботился о тебе посланник Аллаха, да благословит его Аллах и да приветствует!“ И люди изумились словам аль-Мамуна и спросили меня об их значении, и я рассказал им всю историю с начала до конца, и весть об этом распространилась среди людей».

И Абу-Хассан пребывал судьёй в Медине-почитаемой, пока не умер во дни аль-Мамуна, – милость Аллаха над ним!

Рассказ о ювелире и трех незнакомцах (ночь 351)

Рассказывают также, что у одного человека было много денег, но они у него пропали и он не имел ничего. И жена его посоветовала ему пойти к кому-нибудь из его друзей, чтобы исправить своё положение. И он пошёл к одному своему другу и упомянул ему о своей нужде, и тот одолжил ему пятьсот динаров, чтобы он открыл торговлю на них. А этот человек по началу стал ювелиром, и он взял золото и отправился на рынок драгоценностей и открыл лавку, чтобы продавать и покупать. И когда он сел в своей лавке, к нему пришли три человека и спросили его про отца, и он упомянул об его кончине, и тогда эти люди спросили его: «Оставил ли он какое-нибудь потомство?» – «Он оставил раба, который перед вами», – ответил ювелир, и пришедшие сказали: «А кто знает, что ты его сын?» – «Люди на рынке», – ответил ювелир. «Собери их, чтобы они засвидетельствовали, что ты его сын», – сказали пришедшие. И ювелир собрал людей, и они засвидетельствовали это. И тогда те три человека вынули мешок, в котором было около тридцати тысяч динаров и дорогие камни и ценные металлы, и сказали: «Это было нам поручено твоим отцом». И затем они ушли. А к ювелиру пришла женщина и потребовала у него некоторые из этих камней стоимостью в пятьсот динаров и купила их у него за три тысячи динаров. И ювелир продал ей камни. А затем он поднялся и, взяв пятьсот динаров, которые он занял у своего друга, отнёс их ему, и сказал: «Возьми пятьсот динаров, которые я у тебя занял, – Аллах помог мне и облегчил моё положение». Но его друг отвечал: «Я дал их тебе и выложил их ради Аллаха. Возьми эту бумажку и не читай её раньше, чем будешь в своём доме, и поступай так, как в ней сказано».

И ювелир взял деньги и бумажку и ушёл к себе домой, а развернув бумажку, он увидел, что в ней написаны такие стихи:

Мужи, что пришли к тебе сначала, – родные мне:

Отец его, брат и Салих, дядя мой, сын мой.

И то, что за деньги продал ты моей матери, И деньги и камни – все пришло от меня к тебе.

И этим я не хотел тебе унижения, Хотел лишь вознаградить тебя за смущение.

Рассказ о багдадце, который увидел сон (ночи 351-352)

Рассказывают также, что один человек в Багдаде обладал обильными благами и большими деньгами, и иссякли у него деньги, и изменилось его положение, и не стал он

иметь ничего, и добывал себе пищу лишь с большими стараниями. И однажды ночью он спал, подавленный и расстроенный, и увидел во сне говорящего, который сказал ему: «Твой достаток в Каире, ищи же его и отправляйся к нему». И этот человек поехал в Каир, и, когда он прибыл туда, его застиг вечер, и он заснул в мечети. А по соседству с мечетью был дом, и Аллах великий предопределил, чтобы шайка воров вошла в мечеть и пробралась оттуда в этот дом. И обитатели дома проснулись от движения воров и подняли крики, и вали со своими людьми помог им, и вору убежали. И вали вошёл в мечеть и увидел человека из Багдада, стоявшего в мечети, и схватил его и больно побил плетью, так что он едва не погиб, и заточил его. И он пробыл три дня в тюрьме, а затем вали призвал его и спросил: «Из какого ты города?» – «Из Багдада», – ответил человек. «А какова твоя нужда, из-за которой ты пришёл в Каир?» – спросил вали. И человек ответил: «Я увидел во сне говорящего, который сказал мне: „Твой достаток в Каире, отправляйся туда“. А придя в Каир, я увидел, что достаток, о котором он мне рассказывал, – это плети, которые достались мне от тебя».

И вали засмеялся так, что стали видны его клыки, в сказал: «О малоумный! Я три раза видел во сне говорящего, который говорил мне: „В Багдаде, в таком-то квартале, есть дом такого-то вида, и во дворе его садик, и там водоём, а под ним деньги в большом количестве; отправляйся к ним и возьми их, – и не поехал, а ты по своему малоумию ездил из города в город из-за сновидения, которое тебе привиделось, и это спутанные грёзы“. И потом он дал ему денег и сказал: „Помоги себе этим, чтобы возвратиться в свой город...“

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Триста пятьдесят вторая ночь

Когда же настала триста пятьдесят вторая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что вали дал багдадцу денег и сказал ему: „Помоги себе этим, чтобы возвратиться в свой город“. И человек взял их и вернулся в Багдад. А дом, который описал вали, был домом этого человека, и, прибыв в своё жилище, он стал копать под водоёмом и увидел большие деньги, и Аллах расширил его достаток, и это удивительное совпадение.

Рассказ об аль-Мутеваккиле и его невольнице (ночи 352-353)

Рассказывают также, что во дворце повелителя правоверных, аль-Мутеваккиля было четыреста наложниц: двести румиек и двести туземок и абиссинок. И Убейд ибн Тахир подарил аль-Мутеваккилю четыреста невольниц: двести белых и двести туземок и абиссинок. И среди них была невольница по имени Махбуба, из уроженок Басры, и была она превосходна по красоте и прелести, изяществу и изнеженности, и играла на лютне и хорошо пела и слагала стихи и писала отличным почерком. И аль-Мутеваккиль увлёкся ею и не мог вытерпеть без неё ни одной минуты. И когда невольница увидела его склонность к ней, она возгордилась и не была благодарна за милость. И аль-Мутеваккиль прогневался на неё великим гневом и покинул её, и не позволил обитателям дворца говорить с нею, и она прожила так несколько дней. А аль-Мутеваккиль чувствовал к ней склонность, и в какой-то день утром он сказал своим собеседникам: «Я видел сегодня ночью во сне, что помирился с Махбубой». И они ответили ему: «Мы ждём от Аллаха великого, что это будет наяву».

И в то время как они разговаривали, пришла одна служанка и тихо сказала что-то аль-Мутеваккилю, и тот вышел из залы и вошёл в покой женщин. А служанка, говоря потихоньку с аль-Мутеваккилем, вот что сказала ему: «Мы услышали из комнаты Махбубы пенье и игру на лютне и не знаем причину этого».

И когда аль-Мутеваккиль дошёл до её комнаты, он услышал, что невольница поёт под лютню, хорошо играя, и говорит такие стихи:

«Хожу по дворцу, не видя, кому бы я

Пожаловаться и слово сказать могла,
И кажется, что провинность свершила я,
И нет для меня спасенья и раскаяния.
Найдётся ли мне заступник пред тем царём,
Что в грёзах для примиренья пришёл ко мне?
Но, снова когда настала заря для вас,
К разлуке он вновь вернулся, порвав со мной».

И когда аль-Мутеваккиль услышал её слова, он удивился этим стихам и такому диковинному совпадению, что Махбуба увидела сон, совпадающий с его сном. И он вошёл к ней в комнату, и, когда он вошёл в её комнату и Махбуба услышала это» она поспешила подняться и склонилась к его ногам, целуя их, и сказала: «Клянусь Аллахом, о господин, я видела его происшествие во сне вчера ночью и, пробудившись от сна, сложила эти стихи». – «Клянусь Аллахом, я видел такой же сон!» – сказал аль-Мутеваккиль, и потом они обнялись и помирились, и аль-Мутеваккиль пробыл у неё семь дней с ночами. А Махбуба написала мускусом у себя на щеке имя аль-Мутеваккиля (а имя его было Джафар), и, увидав своё имя, написанное на её щеке мускусом, он произнёс:

«О мускусом „Джафар“ на щеке написавшая,
Души мне дороже, кто писал то, что вижу я!
И если персты её вдоль щёк строку вывели,
То в сердце моё они вложили не мало строк.
О ты, кого Джафар сам хранит среди других людей, –
Напитком твоим Аллах пусть Джафара напоит!»

И когда аль-Мутеваккиль умер, его забыли все невольницы, которые были у него, кроме Махбубы...»

И Шахразад устало сказала, и она прекратила дозволенные речи.

Триста пятьдесят третья ночь

Когда же настала триста пятьдесят третья ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что, когда аль-Мутеваккиль умер, его забыли все невольницы, которые были у него, кроме Махбубы, – она не переставала печалиться о нем, пока не умерла, и её похоронили с ним рядом, да помилует их всех Аллах!»

Рассказ о женщине и медведе (ночи 353-355)

Рассказывают также, что был во времена аль-Хакима биамр-Аллаха³⁸⁵ один человек в Каире, по имени Вардан, и был он торговец бараньим мясом. И одна женщина приносила ему каждый день динар, вес которого был близок к весу двух с половиной динаров египетскими динарами, и говорила ему: «Дай мне ягнёнка», – и приводила с собой носильщика с корзиной. И мясник брал у неё динар и давал ей ягнёнка, а она давала его нести носильщику и брала его с собой и уходила в своё жилище, а на следующий день на заре приходила. И этот мясник получал с неё каждый день динар, и она делала так долгое время. И в какой-то день мясник Вардан стал думать о её деле и сказал про себя: «Эта женщина каждый день покупает у меня на динар, не пропуская ни одного дня, и покупает на

³⁸⁵ Аль-Хаким биамр-Аллах («Судящий по велению Аллаха») – халиф из династии Фатимидов, правил 996-1021 годы.

деньги! Это удивительное дело!» Потом Вардан спросил носильщика в отсутствие женщины и сказал ему: «Куда ты ходишь каждый день с этой женщиной?» И носильщик ответил: «Я в крайнем удивлении из-за этой женщины. Она каждый день заставляет меня носить от тебя ягнёнка и покупает съестного, плодов, свечей и закусок ещё на динар, и берет у одного человека, христианина, две бутылки вина и даёт ему динар и заставляет меня все это нести. И я иду с нею к Садам Везира, и потом она завязывает мне глаза, чтобы я не видал на земле того места, куда я ставлю ногу, и берет меня за руку, и я не Знаю, куда она меня ведёт. И зачём она говорит мне: „Поставь здесь“. А у неё есть другая корзина, и она отдаёт мне пустую и берет меня за руку и возвращается со мной на то место, где она завязывала мне глаза повязкой, и развязывает её и даёт мне десять дирхемов». И мясник сказал: «Аллах да подаст ей помощь!» Но он стал ещё больше думать о её деле, и возросло его беспокойство, и он провёл ночь в большом волнении. И говорил Вардан-мясник: «И наутро она пришла ко мне, по обычаю, и дала мне динар и взяла ягнёнка и отдала его нести носильщику и ушла, а я поручил лавку мальчику и последовал за шей, так что она меня не видела...»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Триста пятьдесят четвёртая ночь

Когда же настала триста пятьдесят четвёртая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что Вардан-мясник говорил: „И я поручил мальчику и последовал за женщиной, так что она меня не видела, и все время смотрел на неё, пока она не вышла из Каира. И я крался за ней, пока она не достигла Садов Везира, а я все скрывался. И женщина завязала носильщику глаза, а я следовал за нею, пока она не пришла к горе. И она подошла к одному месту, где был большой камень, и сняла корзину с носильщика, и я подождал, пока она вернулась с носильщиком и пришла назад и вынула все, что было в корзине, и скрылась, и некоторое время её не было. И тогда я подошёл к тому камню и поднял его и вошёл и увидел за камнем открытую опускную дверь из меди и ступеньки, ведущие вниз. И я стал спускаться по этим ступенькам понемногу, понемногу, пока не дошёл до длинного прохода, где было много света, и шёл по нему, пока не увидел подобие двери, ведущей в комнату. И я осмотрелся по углам и увидел нишу со ступеньками за дверью комнаты, и поднялся по ним и увидел маленькую нишу с окошечком, выходившим в ту комнату. И, заглянув в комнату, я увидел, что женщина взяла ягнёнка и отрезала лучшие его части и стала их варить в котле, а остатки бросила большому медведю могучего вида. И медведь съел ягнёнка до конца, пока она стряпала. А потом женщина вдоволь поела и разложила плоды, свежие и сухие, и поставила вино, и стала пить из кубка и поить медведя из золотой чаши, пока её не охватил дурман опьянения. И тогда она сняла исподнее и легла, а медведь поднялся и упал на неё, и она давала ему лучшее, что есть у потомков Адама, пока он не кончил и не сел. Но потом он подскочил к ней и упал на неё, а окончив, сел и отдохнул, и он не прекращал этого, пока не сделал так десять раз, а после того они оба упали без памяти и стали неподвижны. И тогда я сказал в душе: „Вот время воспользоваться случаем!“ И спустился вниз, а со мной был нож, который режет кости прежде мяса. И, оказавшись подле них, я увидел, что у них не шевелится ни одна жилка из-за труда, который достался им. И, приложив нож к горлу медведя, я опёрся на него и прикончил медведя, отделил ему голову от тела, и раздался великий хрип, точно гром, и женщина проснулась, испуганная, и, увидав, что медведь зарезан, а я стою с ножом в руке, вскрикнула страшным криком, так что я подумал, что дух из неё вышел, и сказала мне: „О Вардан, это ли будет воздаянием за милость!“ – „О враг самой себе, – отвечал я, – разве для тебя нет мужчин, что ты делаешь это позорное дело?“ И она опустила голову, не давая ответа, не спуская глаз с медведя, голова которого была отделена от тела. «О Вардан, – сказала она потом, – что тебе любезнее – выслушать то, что я тебе скажу, – и это будет причиной твоего спасения...»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Триста пятьдесят пятая ночь

Когда же настала триста пятьдесят пятая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что женщина сказала: „О Вардан, что тебе любезнее – выслушать то, что я тебе скажу, – и это будет причиной твоего спасения и богатства до конца века, – или послушаться меня, и это будет причиной твоей гибели?“ – „Я выбираю внимание к твоим словам: скажи мне что хочешь“, – ответил я ей, и она сказала: „Зарежь и меня, как зарезал медведя! Возьми из этих сокровищ то, что тебе нужно, и иди своей дорогой“.

«Я лучше этого медведя, – сказал я ей. – Возвратись к Аллаху великому и покайся, и я женюсь на тебе, и мы проживём остаток нашей жизни на эти сокровища». – «О Вардан, далеко это! Как я буду жить после него? – воскликнула женщина. – Клянусь Аллахом, если ты меня не зарежешь, я непременно погублю твою душу». – «Не возражай мне – ты погибнешь: вот каково моё мнение, и конец! Я тебя зарежу, и ты пойдёшь к проклятию Аллаха!» – воскликнул я, и затем я потянул её за волосы и зарезал её, и она отправилась к проклятию Аллаха и ангелов и всех людей. А после того я осмотрелся и нашёл столько золота и камней и жемчуга, сколько не может собрать ни один из царей. И я взял корзину носильщика и наполнил её, насколько мог, а затем я прикрыл её платьем, которое было на мне, и понёс её и вышел из сокровищницы. И я пошёл и шёл, не останавливаясь, до ворот Каира, и вдруг приблизились ко мне десять человек из приближённых аль-Хакима биамр-Аллаха, и аль-Хаким был среди них. «Эй, Вардан!» – крикнул он мне, и я ответил: «К твоим услугам, о царь!» – «Убил ты медведя и женщину?» – спросил он, и я отвечал: «Да». И тогда он сказал: «Сними ношу с головы и успокойся душою, – все богатство, которое с тобою, – твоё, и никто не станет его у тебя оспаривать». И я поставил корзину перед ним, и он открыл её и увидел и сказал: «Расскажи мне их историю, хотя я и знаю её, как будто присутствовал там вместе с тобою».

И я рассказал ему обо всем, что случилось, а он повторял: «Ты сказал правду!» А потом он молвил: «О Вардан, пойдём к сокровищам!» И я пошёл с ним к сокровищам, и он увидел, что опускная дверь заперта, и сказал: «Подними её, о Вардан, эти сокровища никто не может открыть, кроме тебя, они охраняются твоим именем и твоим обликом». – «Клянусь Аллахом, я не могу открыть их!» – воскликнул я, но аль-Хаким сказал: «Подходи с благословения Аллаха!» И я подошёл к опускной двери, и назвал имя Аллаха великого, и протянул к ней руку, и она поднялась, точно была легче всего, что бывает. «Спустись и подними то, что там есть, – никто не спускался туда, кроме того, у кого твоё имя, твой образ и твои признаки, с тех пор как сокровище туда положено, и медведь и женщина убиты тобой. Так у меня записано, и я ожидал, что это произойдёт, и так оно и произошло», – сказал аль-Хаким.

И я спустился, – говорил Вардан, – и перенёс к нему все, что было в сокровищнице, а потом он потребовал выючных животных и погрузил все и дал мне мою корзину с тем, что в ней было, и я взял её и направился домой и открыл себе лавку на рынке».

А этот рынок существует и поныне и называется рынком Вардана³⁸⁶.

Рассказ о девушке и обезьяне (ночи 355-357)

Рассказывают также, что у одного из султанов была дочь, к сердцу которой привязалась любовь к чёрному рабу, и он уничтожил её девственность, и царевна полюбила совокупление и не могла прожить без этого и одной минуты. И она пожаловалась одной из управительниц, и та рассказала ей, что никто не совокупляется чаще, чем обезьяна. И случилось, что

³⁸⁶ Рынок Вардана находился в старом Каире. В географической литературе арабов название его связывается с личностью некоего Вардана-грека, который принимал участие в завоевании арабами Египта.

обезьянщик проходил под окнами девушки с большой обезьяной, и девушка открыла лицо и посмотрела на обезьяну и мигнула ей глазами, и обезьяна разорвала свои путы и цепи и поднялась к ней. И девушка спрятала её в одном месте у себя, и обезьяна проводила ночи и дни в еде, питьё и совокуплении. И отец девушки догадался об этом и хотел убить её...

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Триста пятьдесят шестая ночь

Когда же настала триста пятьдесят шестая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что, когда султан догадался о проделках своей дочери и хотел убить её, она узнала об этом и оделась в одежду невольников, и села на коня, и, взяв с собой мула, нагрозила на него столько золота, металлов и материй, что нельзя описать, и увезла обезьяну с собой, и ехала до тех пор, пока не достигла Каира. И она поселилась в одном из домов на равнине, и стала каждый день покупать мясо у одного юноши мясника, но она приходила к нему только после полудня с пожелтевшим цветом лица и изменившимся видом, и юноша говорил про себя: „У этого невольника неизбежно должно быть диковинное дело“.

И когда она однажды пришла, как обычно, и взяла мяса, юноша последовал за ней так, что она его не видела.

«И я все шёл за ней, а она меня не видела, – говорил юноша, – пока она не достигла своего жилья, которое было на равнине, и не вошла туда. И я стал смотреть на неё, стоя в стороне, и увидел, что она расположилась в своём помещении, зажгла огонь, приготовила мясо и вдоволь поела, а остаток мяса дала обезьяне, которая была с нею, и та съела сколько могла. И женщина сняла бывшую на ней одежду и надела самое роскошное женское платье из бывших у неё, и я понял, что она женщина. И затем она принесла вино и выпила и напоила обезьяну, и потом обезьяна падала на неё около десяти раз, пока женщина не обеспамятела, а после этого обезьяна прикрыла её шёлковым плащом и ушла на своё место. И я спустился в середину помещения, и обезьяна почуяла меня и хотела меня растерзать, но я поспешно вынул нож, бывший у меня, и проткнул им брюхо обезьяны. И женщина проснулась, утраченная и испуганная, и, увидев обезьяну в таком состоянии, закричала великим криком, так что едва не погубила себя, и затем упала без памяти. А очнувшись от обморока, она сказала мне: „Что побудило тебя к этому? Ради Аллаха, пошли меня вслед за нею!“ И я до тех пор уговаривал её и ручался ей, что я справлюсь с тем, с чем справлялась обезьяна, имевшая столь частые сношения, пока страх женщины не успокоился. И я женился на ней, но оказался слаб для этого и не мог этого вытерпеть, и пожаловался на своё положение одной старухе, и упомянул ей, каково было дело с женщиной. И старуха взялась устроить мне это дело и сказала: „Непременно принеси мне котелок и наполни его крепким уксусом, и принеси мне рятль молодого алоэ“. И я принёс ей то, что она просила, и старуха положила все в котелок, и поставила котёл на огонь, и дала тому, что в нем было, сильно закипеть, а потом велела мне иметь сношение с той женщиной, и я делал это, пока она не обеспамятела. И старуха подняла её, бесчувственную, и приблизила её фардж к отверстию котла, и дым из него поднялся и вошёл к ней в фардж, и оттуда что-то вышло. И я всмотрелся и вдруг вижу, это два червячка – один чёрный, другой жёлтый, и старуха сказала: „Первый вырос от сношений с негром, а второй вырос от сношений с обезьяной“. И когда женщина очнулась от обморока, она провела со мной некоторое время, не требуя сношений, и Аллах отвёл от неё это состояние, и я удивился этому...»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Триста пятьдесят седьмая ночь

Когда же настала триста пятьдесят седьмая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о

счастливый царь, что юноша говорил: „И Аллах отвёл от неё это состояние, и я удивился этому и рассказал ей всю историю“.

И женщина жила с этим человеком приятнейшей жизнью, в наилучшем наслаждении и взяла к себе старуху вместо матери. И она с мужем и со старухой пребывала в наслаждении и радости, пока не пришла к ним Разрушительница наслаждений и Разлучительница собраний. Да будет же слава живому, который не умирает, и в чьей руке видимое и невидимое царство!

Рассказ о коне из чёрного дерева (ночи 357-371)

Рассказывают, что был в древние времена великий царь, значительный саном, и было у него три дочери, подобные полным лунам и цветущим садам, и сын – словно месяц. И когда царь сидел в один из дней на престоле своего царства, вдруг вошли к нему трое мудрецов, и у одного из них был павлин из золота, у другого труба из меди, а у третьего конь из слоновой кости и эбенового дерева³⁸⁷. «Что это за вещи и какова польза от них?» – спросил царь. И обладатель павлина сказал: «Полезность этого павлина в том, что всякий раз, как пройдёт час ночи или дня, он хлопает крыльями и кричит». А обладатель трубы молвил: «Если трубу поставить на ворота города, она будет для него как страж, и, когда войдёт в этот город вор, она закричит на него, и его узнают и схватят за руки». А обладатель коня сказал: «О владыка, полезность этого коня в том, что если сядет на него верхом человек, то конь доставит его в какую он хочет страну». – «Я не награжу вас, пока не испытаю полезности этих вещей», – сказал царь, и потом он испытал павлина и убедился, что он таков, как говорил его обладатель, и испытал трубу и увидел, что она такова, как говорил её обладатель. И тогда царь сказал обоим мудрецам: «Пожелайте от меня чего-нибудь!» И они ответили: «Мы желаем, чтобы ты дал каждому из нас в жены дочь из твоих дочерей».

А потом выступил третий мудрец, обладатель коня, и облобызал землю перед царём и сказал: «О царь времени, награди меня так же, как ты наградил моих товарищей». – «Сначала я испытаю то, что ты принёс», – сказал царь. И тогда подошёл сын царя и сказал: «О батюшка, я сяду на этого коня и испробую его и испытаю его полезность». – «О дитя моё, испытывай его как хочешь», – ответил царь. И царевич поднялся и сел на коня и пошевелил медленно ногами, но конь не двинулся с места. «О мудрец, где же скорость его бега, о которой ты говоришь?» – спросил царевич. И тогда мудрец подошёл к царевичу и показал ему винт подъёма и сказал: «Поверни этот винт!» И царевич повернул винт, и вдруг конь задвигался и полетел с царевичем к облакам, и все время летел с ним, пока не скрылся. И тогда царевич растерялся и пожалел, что сел на коня, и сказал: «Поистине, мудрец сделал хитрость, чтобы погубить меня! Нет мощи и силы, кроме как у Аллаха, высокого, великого!»

И он стал осматривать коня и, разглядывая его, вдруг увидел на правом плече что-то похожее на петушину голову и то же самое на левом плече. И царевич сказал себе: «Я не вижу на коне ничего, кроме этих двух шпенёков». И стал поворачивать шпенёк, который был на правом плече; но конь полетел с ним скорее, поднимаясь по воздуху, и царевич оставил шпенёк. И он посмотрел на левое плечо и увидел другой шпенёк и повернул его; и, когда царевич повернул левый шпенёк, движения коня замедлилось и изменилось с подъёма на спуск, и конь все время понемногу, осторожно спускался с царевичем к земле...»

И Шахразад застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Триста пятьдесят восьмая ночь

Когда же настала триста пятьдесят восьмая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о

³⁸⁷ Эбеновое (или чёрное) дерево известно арабам с древних времён. Из него выделялись различные украшения, шахматные фигуры; ему приписывались и целебные свойства.

счастливый царь, что, когда царевич повернул левый шпенёк, движение коня замедлилась и изменилось с подъёма на спуск, и конь все время понемногу, осторожно спускался с царевичем на землю.

И когда царевич увидел это и узнал полезность коня, его сердце исполнилось веселья и радости, и он поблагодарил Аллаха великого за милость, которую он ему оказал, когда спас его от гибели. И он не переставая спускался весь день, так как во время его подъёма земля удалилась от него, и поворачивал морду коня, как хотел, пока конь спускался, и если желал – он спускался на коне, а если желал – поднимался.

И когда царевичу удалось то, что он хотел от коня, он направил его в сторону земли и стал смотреть на бывшие там страны и города, которых он не знал, так как никогда их не видел. И среди того, что он увидел, был город, построенный наилучшим образом, и стоял он посреди зеленой земли, цветущей, с деревьями и каналами, и царевич подумал про себя и сказал: «О, если бы я знал, как имя этому городу и в каком он климате!» И затем он принялся кружить вокруг этого города и рассматривать его справа и слева; а день повернулся, и солнце приближалось к закату, и царевич сказал себе: «Я не найду места, чтобы переночевать, лучше, чем этот город. Я переночую здесь, а наутро отправлюсь в моё царство и осведомлю моих родных и моего отца о том, что случилось, и расскажу ему, что видели мои глаза».

И он стал искать места, безопасного для себя и для своего коня, где бы его никто не увидел, и вдруг заметил посреди города дворец, возвышавшийся в воздухе, и дворец этот окружала толстая стена с высокими бойницами. И царевич сказал себе: «Поистине, это место прекрасно!» И стал двигать шпенёк, который опускал коня, и летел вниз до тех пор, пока не опустился прямо на крышу дворца. И тогда он сошёл с коня и восхвалил Аллаха великого и стал ходить вокруг коня, осматривая его и говоря: «Клянусь Аллахом! Поистине, тот, кто тебя сделал, искусный мудрец! И если Аллах продлит назначенный мне срок и возвратит меня целым в мою страну и к родным и сведёт меня с моим родителем, я сделаю этому мудрецу всякое добро и окажу ему крайнюю милость». И он просидел на крыше дворца, пока не узнал, что люди заснули, и его мучили голод и жажда, ибо с тех пор, как он расстался с отцом, он ничего не ел. И тогда он сказал себе: «В таком дворце, как этот, не может не быть припасов!» И оставил коня в одном месте и пошёл пройтись и поискать какой-нибудь еды. И он увидел лестницу и спустился по ней вниз и увидел двор, выстланный мрамором, и удивился он этому месту и тому, что оно хорошо выстроено, но только он не услышал во дворце никакого шума и не увидел живого человека.

И он остановился в замешательстве и стал смотреть направо и налево, не зная, куда направиться, а потом он сказал себе: «Нет для меня ничего лучшего, как возвратиться к тому месту, где мой конь, и переночевать там, а когда настанет утро, я сяду на коня и поеду...»

И Шахразадку застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Триста пятьдесят девятая ночь

Когда же настала триста пятьдесят девятая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что царевич сказал себе: „Нет для меня ничего лучшего как переночевать возле моего коня, а когда настанет утро, я сяду на коня и поеду“.

И когда он стоял, говоря своей душе такие слова, он вдруг увидел свет, который приближался к тому месту, где он стоял. И царевич всмотрелся в этот свет и увидел, что он движется с толпой невольниц, и среди них идёт сияющая девушка со станом, как буква алиф, напоминающая светлую луну, как сказал о ней поэт:

Пришла, не условившись, во мраке ночном она.
Подобно луне, на тёмном небе сияющей.
О стройная! Средь людей, похожих на нёс, нет

По блеску красы её и свету наружности,
Вскричал я, когда глаза узрели красу её:
«Хвала всех создавшему из крови сгустившейся!»
Её убережь от глаз людских я хочу, сказав:
«Скажи: „Сохрани меня, людей и зари господь!“»³⁸⁸

И была та девушка дочерью царя этого города, и отец любил её сильной любовью, и из-за своей любви к ней он построил этот дворец, и всякий раз, как у царевны стеснялась грудь, она приходила туда со своими невольницами и оставалась там день, или два дня, или больше, а потом возвращалась к себе во дворец. И случилось так, что она пришла в этот вечер, чтобы развлечься и повеселиться, и шла между своими невольницами, и с нею был евнух, опоясанный мечом. И когда она вошла в этот дворец, разостлали ковры и зажгли жаровни с курениями и стали играть и веселиться, и, когда все играли и веселились, царевич вдруг бросился на евнуха и ударил его один раз по лицу и повалил, и он взял его меч и бросился на невольниц, которые были с царевной, и разогнал их направо и налево.

И когда царевна увидела его красоту и прелесть, она сказала ему: «Может быть, ты тот, кто вчера сватал меня у отца, но он отказал тебе и говорил, что ты безобразен видом? Клянусь Аллахом, солгал мой отец, когда сказал такие слова, и ты не иначе как красавец!»

А сын царя Индии сватал царевну у её отца, но царь отказал ему, так как он был отвратителен видом, и царевна подумала, что это тот, кто её сватал. И она подошла к юноше и обняла его, и поцеловала, и легла с ним, и невольницы сказали ей: «О госпожа, это не тот, кто сватал тебя у отца, так как тот был безобразный, а этот красивый. И тот, кто сватал тебя у отца, а он отверг его, не годится, чтобы быть слугою у этого, и этот юноша, о госпожа, велик саном».

Потом невольницы подошли к лежавшему евнуху и привели его в чувство, и евнух вскочил, испуганный, и стал искать свой меч, но не нашёл его у себя в руке, и невольницы сказали ему: «Тот, кто взял у тебя меч и повалил тебя, сидит с царевной». А царь поручил этому евнуху охранять свою дочь, боясь для неё превратностей судьбы и ударов случая.

И евнух встал и подошёл к занавеске и поднял её, и увидел, что царевна сидит с царевичем и они разговаривают, и, увидев их, евнух сказал царевичу: «О господин мой, ты из людей или джиннов?» – «Горе тебе, о сквернейший из рабов! – воскликнул царевич. – Кая можешь ты считать детей царей Хосроев нечестивыми чертями?»

И он взял меч в руку и сказал: «Я зять царя, он женил меня на своей дочери и велел мне войти к ней». И евнух, услышав от него эти слова, молвил: «О господин, если ты из людей, как утверждаешь, то она годится только для тебя, и ты имеешь на неё больше прав, чем другой». Потом евнух отправился к царю, крича (а он разорвал на себе одежды и посыпал голову землёю). И когда царь услышал его крик, он спросил его: «Что такое тебя постигло? Ты встревожил мою душу. Расскажи мне поскорее и будь краток». – «О царь, – отвечал евнух, – помоги твоей дочери: над ней взял власть шайтан из джиннов в обличий человека, имеющий образ царского сына, иди же на него!» И когда царь услышал от евнуха эти слова, он вознамерился убить его и воскликнул: «Как, ты не досмотрел за моей дочерью, и её постигла эта напасть?» А потом царь отправился во дворец, где была его дочь, и, придя туда, (нашёл невольниц стоящими.

«Что случилось с моей дочерью?» – спросил он их. И осой отвечали: «О царь, мы сидели с ней и не успели опомниться, как на нас бросился этот юноша, что подобен полной луне (а мы никогда не видели более красивого лица), и в руках у него был обнажённый меч. И мы спросили его, кто он такой, и он утверждал, что ты женил его на своей дочери. И мы ничего не знаем, кроме этого, и не ведаем, человек он или джинн, но он целомудрен и вежлив и не делает скверного».

³⁸⁸ Слегка изменённая цитата из Корана.

И когда царь услышал их слова, его пыл остыл, и он стал поднимать занавеску понемногу, понемногу – и увидел, что царевич сидит с его дочерью, и они разговаривают, и образ у царевича самый прекрасный, и лицо его – как светящаяся луна.

И царь не мог удержаться из-за ревности к своей дочери, и поднял занавеску, и вошёл с обнажённым мечом в руке, и бросился на них, точно гуль, и, увидев его, царевич спросил царевну: «Это твой отец?» И она ответила: «Да...»

И Шахразад у застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Триста шестидесятая ночь

Когда же настала ночь, дополняющая до трехсот шестидесяти, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что царевич увидал царя с обнажённым мечом в руке (а он налетел на (них, точно гуль), и спросил царевну: „Это твой отец?“ И она отвечала: „Да!“ И тут царевич вскочил на ноги и, взяв в руки меч, закричал на царя страшным криком и ошеломил его и хотел броситься на него с мечом. И царь понял, что царевич стремительнее его, и вложил меч в ножны и стоял, пока царевич не дошёл до него, и тогда он встретил его ласково и спросил: „О юноша, ты из людей или джиннов?“ – „Если бы я не соблюдал обязанность перед тобою и уважение к твоей дочери, я бы пролил твою кровь! Как ты возводишь меня к шайтанам, когда я из детей царей Хосроев, которые, если бы захотели взять у тебя царство, потрясли бы твоё величие и власть и отняли бы у тебя все, что есть на твоей родине!“ – воскликнул царевич. И, услышав его слова, царь почувствовал к нему уважение и побоялся от него для себя зла. „Если ты из царских детей, как ты утверждаешь, – сказал он ему, – то как ты вошёл ко мне во дворец без моего позволения и опозорил моё достоинство и проник к моей дочери? Ты говоришь, что ты её муж, и утверждаешь, что я женил тебя на ней, а я убивал царей и царских сыновей, когда они сватались за неё. Кто тебя спасёт от моей ярости? Ведь если я кликну моих рабов и слуг и велю им убить тебя, они тотчас же тебя убьют. Кто же освободит тебя из моих рук?“ И царевич, услышав эти слова, сказал царю: „Поистине, я удивляюсь тебе и твоей малой проницательности! Разве ты желаешь для твоей дочери мужа лучше меня? И разве ты видел кого-нибудь твёрже меня душой и обильнее наградою и сильнее властью, войсками и помощниками?“ – „Нет, клянусь Аллахом, – отвечал царь, – но я хотел бы, о юноша, чтобы ты посватался за неё в присутствии свидетелей, и я бы женил тебя на ней, а если я женю тебя тайком, ты опозоришь меня с нею“. – „Ты хорошо сказал, – ответил царевич, – но только, о царь, если соберутся твои рабы, слуги и войска и меня убьют, как ты говорил, ты опозоришь сам себя, и люди будут верить тебе и не верить. И, по моему мнению, тебе должно поступить, о царь, так, как я укажу тебе“. – „Говори своё слово!“ – молвил царь. И царевич сказал ему: „Вот что я тебе скажу: либо мы с тобою сразимся один на один, и кто убьёт своего противника, тот будет ближе к власти и имеет на неё больше прав, – либо ты оставишь меня сегодня ночью, а когда настанет утро, выведешь ко мне свои войска и отряды слуг. Скажи мне, сколько их числом?“ – „Их числом сорок тысяч всадников, кроме рабов, которые принадлежат мне, и кроме их приближённых, а их числом столько же“, – ответил царь. И царевич сказал: „Когда наступит восход дня, выведи их ко мне и скажи им...“

И Шахразад у застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Триста шестьдесят первая ночь

Когда же настала триста шестьдесят первая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что царевич говорил царю: «Когда наступит восход дня, выведи их ко мне я скажи им: «Этот человек сватает у меня дочку с условием, что сразится с вами всеми.

И он утверждает, что одолеет вас и покорит и что вы с ним не справитесь». И потом

дай мне сразиться с ними; и если они меня убьют – это лучше всего скроет твою тайну и сохранит твою честь, а если я их одолею и покорю – то подобного мне пожелает царь «меть зятем». И царь, услышав слова царевича, одобрил его мнение и принял его совет, хотя он нашёл его слова странными и его ужаснуло намерение царевича сразиться со всеми войсками, которые он ему описал.

И затем они посидели, разговаривая, а после этого царь позвал евнуха и велел ему в тот же час и минуту пойти к везиру с приказанием собрать всех воинов и чтобы они надели оружие и сели на коней.

И евнух пошёл к везиру и передал ему то, что повелел царь, и тогда везир потребовал начальников войска и вельмож царства и приказал им садиться да коней и выезжать, надев военные доспехи; я вот то, что было с ними. Что же касается царя, то он не переставая разговаривал с царевичем, так как ему понравились его речи, разум и воспитанность.

И пока они разговаривали, вдруг настало утро, и царь поднялся и направился к своему престолу и велел своим воинам садиться на коней. Он подвёл царевичу отличного коня из лучших своих коней и велел, чтобы его оседлали и одели в хорошую сбрую, но царевич сказал ему: «О царь, я не сяду на коня, пока не взгляну на войска и не увижу их». – «Пусть будет, как ты желаешь», – ответил ему царь. И затем царь пошёл, а юноша шёл перед ним, и они дошли до площади, и царевич увидал войска и их многочисленность.

И царь закричал: «О собрание людей, ко мне прибыл юноша, который сватается за мою дочь, и я никогда не видал никого красивее его, и сильнее сердцем, и страшнее в гневе. Он утверждает, что одолеет вас и победит вас один, и заявляет, что, даже если бы вы достигли ста тысяч, вас было бы, по его мнению, лишь немного. Когда вы будете сражаться с ним, поднимите его на зубцы копий и на концы мечей – поистине, он взялся за великое дело!» И потом царь сказал царевичу: «О сын мой, вот они, делай с ними что хочешь». А юноша ответил ему: «О царь, ты несправедлив ко мне. Как я буду с ними сражаться, когда я пеший, а они на конях?» – «Я приказывал тебе сесть на коня, а ты отказался. Вот тебе кони, выбирай из них, которого хочешь», – сказал царь. «Мне не нравится ни один из твоих коней, и я сяду лишь на того, на котором я приехал», – отвечал царевич, «А где же твой конь?» – опросил царь. И царевич ответил: «Он над твоим дворцом». – «В каком месте моего дворца?» – спросил царь. И юноша отвечал: «На крыше». И, услышав это, царь воскликнул: «Вот первое проявление расстройтва твоего ума! Горе тебе! Как может быть конь на крыше? Но сейчас разъяснится, где у тебя правда, где ложь».

И царь обратился к кому-то из своих приближённых и сказал: «Ступай ко мне во дворец и доставь то, что ты найдёшь на крыше». И люди стали удивляться словам юноши и говорили один другому: «Как спустится этот конь с крыши по лестницам? Поистине, это нечто такое, чему подобного мы не слышали».

А тот, кого царь послал во дворец, поднялся на самый верх и увидел, что конь стоит там, и он не видывал коня лучше этого. И этот человек подошёл к коню и стал его рассматривать, и оказалось, что он из эбенового дерева и слоновой кости. А один из приближённых царя тоже поднялся с ним, и, увидав такого коня, они стали пересмеиваться и сказали: «И на коне, подобном этому, будет то, о чем упоминал юноша! Мы думаем, что он не иначе как бесноватый! Но его дело станет нам ясно...»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Триста шестьдесят вторая ночь

Когда же настала триста шестьдесят вторая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что приближённые царя, увидев коня, стали пересмеиваться и сказали: «И на коне, подобном этому, будет то, о чем упоминал юноша! Мы думаем, что он не иначе как бесноватый, но его положение станет нам ясно, и, может быть, его дело Велико!»

И потом они подняли коня и несли его на руках до тех пор, пока не принесли пред лицо

царя и не поставили его перед ним, и люди собрались возле коня, смотря на него и дивясь его прекрасному виду и красоте его седла и узды. И царю конь тоже понравился, и он удивился ему до крайних пределов, и потом он спросил царевича: «О юноша, это ли твой конь?» – «Да, о царь, это мой конь, и ты скоро увидишь в нем удивительное», – ответил юноша. И царь сказал ему: «Возьми твоего коня и садись на него». – «Я сяду на него, только когда воины от него удалятся», – оказал юноша. И царь приказал воинам, которые стояли вокруг коня, отдалиться от него на полет стрелы, и тогда юноша сказал: «О царь, вот я сяду на моего коня и брошусь на твои войска и разгоню их направо и налево и заставлю их сердце расколоться». – «Делай что хочешь, и не щади их, – они не пощадят тебя», – молвил царь. И царевич направился к своему коню и сел на него, и воины выстроились напротив него и говорили один другому: «Когда юноша будет между рядами, мы поднимем его на зубцы копий и на лезвия мечей». И один из них воскликнул: «Клянусь Аллахом, это беда! Как мы убьём этого юношу с красивым лицом и прекрасным станом!» А кто-то другой сказал: «Клянусь Аллахом, вы доберётесь до него только после великого дела! Юноша сделал такое дело только потому, что знает доблесть своей души и своё превосходство».

И когда царевич сел на своего коня, он повернул винт подъёма, и взоры потянулись к нему, чтобы видеть, что он хочет делать. И его конь заволновался и забился и стал делать самые дикие движения, которые делают кони, и внутренность его наполнилась воздухом, а затем конь поднялся и полетел по воздуху вверх. И когда царь увидел, что юноша поднимается и летит вверх, он крикнул своему войску: «Горе вам, хватайте его, пока он от вас не ушёл!» И его везири и наместники сказали ему: «О царь, разве кто настигнет летящую птицу? Это не иначе как великий колдун, от которого тебя спас Аллах. Прославляй же Аллаха великого за опасение от его рук!»

И царь вернулся к себе во дворец, после того как увидел то, что увидел, а придя во дворец, он пошёл к своей дочери и рассказал ей, что у него случилось с царевичем на площади, и увидел, что она очень печалится о нем и о своей разлуке с ним. А потом она заболела и слегла на подушки. И когда её отец увидел, что она в таком состоянии, он прижал её к груди и поцеловал между глаз и сказал ей: «О дочь моя, хвали Аллаха великого и благодари его за то, что он освободил нас от этого злокозненного колдуна!» И он стал повторять ей то, что видел, и рассказывать, каким образом царевич поднялся на воздух. Но царевна не внимала словам отца, и усилился её плач и стенания, и затем она сказала себе: «Клянусь Аллахом, я не стану есть пищи и пить питья, пока Аллах не соединит меня с ним». И отца девушки, царя, охватила из-за этого великая забота, и состояние его дочери было для него тяжело, и стал он печалиться о ней сердцем, но всякий раз, как он обращался к дочери с лаской, её любовь к царевичу только усиливалась...»

И Шахразад застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Триста шестьдесят третья ночь

Когда же настала триста шестьдесят третья ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что царь стал печалиться о ней сердцем, но всякий раз, как он обращался к дочери с лаской, её любовь к царевичу только усиливалась.

Вот что было с царём и его дочерью. Что же касается до царевича, то он поднялся на воздух и остался наедине с самим собою и стал вспоминать красоту и прелесть девушки. И он узнал от приближённых царя, как имя городу и имя царя и его дочери. И город этот был город Сана³⁸⁹.

И затем царевич ускорил ход и приблизился к городу своего отца и облетел вокруг города и направился к дворцу своего отца. Он спустился на крышу и оставил коня там, и,

³⁸⁹ Сана – древний город в южной Аравии.

спустившись к своему родителю, вошёл к нему и увидел, что он грустен и печален из-за разлуки с сыном. И когда отец царевича увидел его, он поднялся, и обнял его, и прижал к своей груди, и обрадовался ему великой радостью. А потом царевич, свидевшись с отцом, спросил его про мудреца, который сделал коня, и сказал: «О батюшка, что сделала с ним судьба?» И отец его ответил: «Да не благословит Аллах мудреца и ту минуту, когда я его увидел! Это он ведь был причиной нашей разлуки с тобою, и он в заточении, о дитя моё, с того дня, как ты скрылся от нас»

И царевич приказал освободить мудреца и вывести его из тюрьмы и привести к себе. И когда мудрец предстал пред ним, царевич наградил его одеждой благоволения и оказал ему крайнюю милость, но только царь не женил его на своей дочери. И мудрец разгневался великим гневом и пожалел о том, что сделал, и понял он, что царевич узнал тайну коня и как он двигается.

А потом царь сказал своему сыну: «Лучше всего, помоему, чтобы ты не приближался к этому коню и не садился на него никогда после сегодняшнего дня, так как ты не знаешь его свойств и обманываешься относительно него». А царевич рассказал своему отцу о том, что у него случилось с дочерью царя, обладателя власти в том городе, и что случилось у него с её отцом. И отец сказал: «Если бы царь желал убить тебя, он бы, наверное, тебя убил, но сроку твоей жизни суждено продление».

А потом в царевиче взволновалась горесть из-за любви к дочери царя, владыки Сана; и он подошёл к коню и сел на него и повернул винт подъёма, и конь полетел с ним по воздуху и вознёсся до облаков небесных. Когда же наступило утро, отец юноши хватился его и не нашёл, и он поднялся на крышу опечаленный и увидел своего сына, который поднимался по воздуху.

И царь опечалился из-за разлуки с сыном и стал всячески раскаиваться, что не взял коня и не скрыл его тайны, и подумал про себя: «Клянусь Аллахом, если вернётся ко мне мой сын, я не оставлю этого коня, чтобы успокоилось моё сердце относительно сына!» И он вернулся к плачу и стенаниям...

И Шахразадду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Триста шестьдесят четвёртая ночь

Когда же настала триста шестьдесят четвёртая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что царь вернулся к плачу и стенаниям, и вот то, что с ним было.

Что же касается его сына, то он до тех пор летел по воздуху, пока не остановился над городом Сана. Он опустился в том месте, где спустился в первый раз, и шёл украдкой, пока не достиг помещения дочери царя, но не нашёл ни девушки, ни её невольниц, ни евнуха, который её охранял, и ему стало от этого тяжело. И потом он принялся ходить по дворцу, ища царевну, и нашёл её в другой комнате, не в её помещении, где он с ней встретился, и царевна лежала на подушках, и вокруг неё были невольницы и няньки. И царевич вошёл к ним и приветствовал их, и, услышав его слова, царевна поднялась и обняла его и стала целовать его между глаз и прижимать к груди. «О госпожа, – сказал ей царевич, – ты заставила меня тосковать все это время». А царевна воскликнула: «Это ты заставил меня тосковать, и если бы твоё отсутствие продлилось, я бы погибла, без сомнения!» – «О госпожа, – спросил царевич, – как ты смотришь на то, что произошло у меня с твоим отцом и что он со мной сделал? Если бы не любовь к тебе, о искушение людей, я бы его, наверное, убил и сделал бы его назиданием для смотрящих. Но так же, как я люблю тебя, я люблю и его ради тебя». – «Как ты мог уйти от меня, и разве приятна мне жизнь без тебя?» – сказала девушка. И царевич спросил её: «Послушаешься ли ты меня и будешь ли внимать моим словам?» – «Говори что хочешь, я соглашусь на то, к чему ты меня призовёшь, и я не буду тебе ни в чем прекословить», – отвечала царевна. «Поедем со мною в мою страну и в моё царство», – сказал тогда царевич. И царевна ответила: «С любовью я удовольствием!»

И царевич, услышав её слова, сильно обрадовался и, взяв царевну за руку, заставил её обещать это, поклявшись именем Аллаха великого. А после этого он поднялся с нею наверх, на крышу дворца, и, усевшись на своего коня, посадил девушку сзади, прижал её к себе и крепко привязал, а потом повернул винт подъёма, который был на плече коня, и конь поднялся с ними на воздух. И невольницы закричали и осведомили царя, отца девушки, и её мать, и те поспешно поднялись на крышу дворца. И царь обратил взоры ввысь и увидел эбенового коня, который летел с ними по воздуху, и встревожился, и велика стала его тревога.

И он закричал и сказал: «О царевич, прошу тебя, ради Аллаха, пожалей меня и пожалей мою жену и не разлучай нас с нашей дочерью!» Но царевич не ответил ему. А потом царевич подумал, что девушка жалеет о разлуке с матерью и отцом, и спросил её: «О искушение времени, не хочешь ли ты, чтобы я вернул тебя к твоему отцу и матери?» Но она отвечала: «О господин, клянусь Аллахом, не хочу я этого! Я хочу быть лишь с тобою, где бы ты ни был, так как любовь к тебе отвлекает меня от всего, даже от отца и матери». И царевич, услышав её слова, обрадовался сильной радостью.

И он пустил коня с девушкой тихим ходом, чтобы не встревожить её, и летел с нею до тех пор, пока не увидел зелёный луг, на котором был ручей с текучей водой, И царевич спустился там, и они поели и попили, а затем царевич сел на коня и посадил девушку сзади, крепко привязав её верёвками, из страха за неё, и полетел с нею, и до тех пор летел по воздуху, пока не достиг города своего отца, и тогда его радость усилилась. А потом он захотел показать девушке обитель своей власти и царство своего отца и осведомить её о том, что царство его отца больше, чем царство её отца, и, опустившись в одном из садов, где гулял его отец, он отвёл её в беседку, приготовленную для его отца, и, поставив эбенового коня у дверей этой беседки, наказал девушке стеречь его: «Сиди здесь, пока я не пришлю тебе моего посланного, я иду к отцу, чтобы приготовить для тебя дворец и показать тебе свою власть», – сказал царевич. И девушка обрадовалась, услышав от него эти слова, и сказала: «Делай что хочешь!..»

И Шахразадуга застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Триста шестьдесят пятая ночь

Когда же настала триста шестьдесят пятая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что девушка обрадовалась, услышав от царевича эти слова, и сказала ему: „Делай что хочешь!“ И ей пришло на ум, что она вступит в город только с пышностью и почётом, как подобает таким, как она.

И царевич оставил её и шёл, пока не достиг города, и пришёл к своему отцу. И его отец, увядав его, обрадовался и пошёл к нему навстречу и сказал: «Добро пожаловать!» И царевич сказал своему отцу: «Знай, что я привёз царевну, о которой я тебя осведомил, и оставил её за городом, в одном из садов, и пришёл сообщить тебе о ней, чтобы ты собрал приближённых и выехал ей навстречу и показал бы ей твою власть и войска и телохранителей». И царь отвечал: «С любовью и удовольствием!» А затем, в тот же час я минуто, он приказал жителям украсить город прекрасными украшениями и одеждами и тем, что хранят в сокровищницах дари, и устроил для царевны помещение, украшенное зеленой, красной и жёлтой парчой, и усадил в этом помещении невольниц – индийских, румских и абиссинских, и выложил сокровища дивные.

А потом царевич покинул это помещение и тех, кто был в нем, и пришёл раньше всех в сад и вошёл в беседку, где оставил девушку, и стал искать её, до не нашёл, и не нашёл коня. И он стал бить себя по лицу, и разорвал на себе одежды, и принялся кружить по саду с ошеломлённым умом, но затем вернулся к разуму и сказал про себя: «Как она узнала тайну этого коня, когда я не осведомлял её ни о чем? Может быть, персидский мудрец, который сделал коня, напал на неё и взял её в отплату за то, что сделал с ним мой отец?»

И царевич призвал сторожей сада и спросил их, кто проходил мимо них, и сказал: «Видели ли вы, чтобы кто-нибудь проходил мимо вас и входил в этот сад?» И сторожа ответили: «Мы не видели, чтобы кто-нибудь входил в этот сад, кроме персидского мудреца, – он приходил собирать полезные травы». И, услышав их слова, царевич уверился, что девушку взял именно этот мудрец...»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Триста шестьдесят шестая ночь

Когда же настала триста шестьдесят шестая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что, услышав их слова, царевич уверился, что девушку взял именно этот мудрец. А по предопределённому велению было так, что, когда царевич оставил девушку в беседке в саду и ушёл во дворец своего отца, чтобы его подготовить, персидский мудрец вошёл в сад, желая собрать немного полезных трав, и почувствовал запах мускуса и благовоний, которыми пропиталось это место, – а это благоухание было запахом царевны. И мудрец шёл на этот запах, пока не достиг той беседки, и он увидел, что конь, которого он сделал своей рукой, стоит у дверей беседки. Когда мудрец увидел коня, его сердце наполнилось весельем и радостью, так как он очень жалел о коне, который ушёл из его рук. И он подошёл к коню и проверил все его части, и оказалось, что они целы. И мудрец хотел сесть на коня и полететь, но сказал себе: „Обязательно посмотрю, что привёз с собою царевич и оставил Здесь с конём“. И он вошёл в беседку и увидел сидящую царевну, и была она подобна сияющему солнцу на чистом небе. И, увидав её, мудрец понял, что эта девушка высокая саном и что царевич взял её и привёз на коне и оставил в этой беседке, а сам отправился в город, чтобы привести приближённых и ввести её в город с уважением и почётом. И тогда мудрец вошёл к девушке и поцеловал перед ней землю, и девушка подняла глаза и посмотрела на него и увидела, что он очень безобразен видом и облик его гнусен. „Кто ты?“ – спросила она его. И мудрец ответил: „О госпожа, я посланный от царевича. Он послал меня к тебе и велел мне перевести тебя в другой сад, близко от города“. И девушка, услышав от него эти слова, спросила: „А где царевич?“ И мудрец отвечал: „Он в городе у своего отца и придёт к тебе сейчас с пышной свитой“. – „О такой-то, – сказала ему девушка, – неужели царевич не нашёл никого, чтобы послать ко мне, кроме тебя?“ И мудрец засмеялся её словам и сказал ей: „О госпожа, пусть не обманывает тебя безобразие моего лица и мой гнусный вид. Если бы ты получила от меня то, что получил царевич, ты, наверное, восхвалила бы моё дело. Царевич избрал меня, чтобы послать к тебе, из-за моего безобразного вида и устрашающей наружности, так как он ревнует тебя и любит, а если бы не это – у него невольников, рабов, слуг, евнухов и челяди столько, что не счесть“.

И когда девушка слышала слова мудреца, они вошли в её разум, и она поверила ему и поднялась...»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Триста шестьдесят седьмая ночь

Когда же настала триста шестьдесят седьмая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что, когда персидский мудрец рассказал девушке об обстоятельствах царевича, она поверила его словам, и они вошли в её разум.

И она поднялась и вложила свою руку в руку мудреца и сказала: «О батюшка, что ты мне с собою привёз, на что бы я могла сесть?» И мудрец отвечал ей: «О госпожа, коня, на котором ты прибыла. Ты поедешь на нем». – «Я не могу ехать на нем одна», – сказала девушка. И когда мудрец слышал от неё это, он улыбнулся и понял, что захватил её. «Я сам сяду с тобой», сказал он ей и потом сел и посадил девушку сзади и прижал к себе и затянул

на ней верёвки, а она не знала, что он хочет с нею сделать.

И затем мудрец пошевелил винт подъёма, и внутренность коня наполнилась воздухом, и он зашевелился и задрожал, и поднялся вверх, и до тех пор летел, пока город не скрылся.

И девушка сказала: «Эй, ты, где то, что ты говорил про царевича, когда утверждал, что он тебя послал ко мне?» А мудрец отвечал: «Да обезобразит Аллах царевича! Он скверный и злой». – «Горе тебе! – воскликнула царевна. – Как ты перечишь приказу твоего господина в том, что он тебе приказал?» – «Он не мой господин, – ответил мудрец. – Знаешь ли ты, кто я?» – «Нет, я знаю о тебе лишь то, что ты дал о себе знать», – ответила царевна. И мудрец воскликнул: «Мой рассказ был только хитростью с тобой и царевичем. Я всю жизнь горевал об этом коне, который под тобою, – это моё создание, но царевич овладел им; а теперь я захватил его и тебя также и сжёг сердце царевича, как он сжёг моё сердце, и он впредь никогда не будет иметь над конём власти. Но успокой моё сердце и прохлади глаза я для тебя полезнее, чем он».

И царевна, услышав его слова, стала бить себя по лицу и закричала: «О горе! Мне не достался мой возлюбленный, и я не осталась у отца и матери!» И она горько заплакала от того, что её постигло, а мудрец непрестанно летел с нею в страну румов до тех пор, пока не опустился на зеленом лугу с ручьями и деревьями. И был этот луг близ города, а в городе был царь, высокий саном.

И случилось, что в тот день царь этого города выехал, чтобы поохотиться и прогуляться, и проезжал мимо того луга и увидел, что мудрец стоит, а конь и девушка стоят с ним рядом. И не успел мудрец опомниться, как налетели на него рабы царя и взяли его и девушку и коня и поставили всех перед царём, и когда царь увидел безобразную внешность мудреца и его гнусный облик и узрел красоту и прелесть девушки, он сказал ей: «О госпожа, какая связь между этим старцем и тобою?» И мудрец поспешил ответить и сказал: «Это моя жена и дочь моего дяди». Но девушка, услышав эти слова, объявила его лжецом и сказала: «О царь, клянусь Аллахом, я не знаю его и он мне не муж, но он взял меня насильно, хитростью». И когда царь услышал эти слова, он велел бить мудреца, и его так били, что он едва не умер. А потом царь велел отнести его в город и бросить в тюрьму, и с ним это сделали. И после этого царь отобрал у него девушку и коня, но он не знал, в чем дело с конём и как он движется.

Вот что было с мудрецом и с девушкой. Что же касается до царского сына, то он надел одежды путешествия и взял то, что ему нужно было из денег, и уехал, будучи в наихудшем состоянии. Он быстро пошёл, распутывая следы и ища девушку, и шёл из страны в страну и из города в город и спрашивал про коня из чёрного дерева. Всякий изумлялся ему и считал его слова удивительными.

И царевич провёл в таком положении некоторое время, но, несмотря на многие расспросы и поиски, не напал на след девушки и коня. А затем он отправился в город отца девушки и спросил про неё там, но не услышал о ней вести и нашёл отца девушки опечаленным из-за её исчезновения. И царевич вернулся назад и направился в земли румов и стал искать там девушку с конём и расспрашивать о ней...»

И Шахразад устроил, и она прекратила дозволенные речи.

Триста шестьдесят восьмая ночь

Когда же настала триста шестьдесят восьмая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что царевич направился в земли румов и стал искать следов девушки с конём и расспрашивать о них.

И случилось, он остановился в одном хане и увидел толпу купцов, которые сидели и разговаривали, и сел близко от них и услышал, что один из них говорит: «О друзья мои, я видел чудо из чудес». – «А что это?» – спросили его. И он сказал: «Я был в одном краю, в таком-то городе (и он упомянул название города, в котором была девушка), и услышал, как

его обитатели рассказывали диковинную повесть, и вот какую: царь города выехал в один из дней на охоту и ловлю вместе с толпою приближённых и вельмож, и, когда они выехали на равнину и проезжали мимо зеленого луга, они увидели там стоявшего человека, рядом с которым сидела женщина, и с ними был эбеновый конь. Что касается мужчины, то он был безобразен видом и обладал устрашающей наружностью, а девушка была красивая и прелестная, блестящая и совершенная, стройная и соразмерная. Ну а конь из эбенового дерева – это чудо, и не видели видевшие коня прекраснее и лучше изготовленного». – «И что же сделал с ними царь?» – спросили присутствующие. И купец сказал: «Мужчину царь схватил и спросил его про девушку, и тот стал утверждать, что это его жена и дочь его дяди, но девушка объявила его слова лживыми. И царь взял её у него и велел его побить и бросить в тюрьму. Что же касается эбенового коня, то я о нем ничего не знаю».

И когда царевич услышал слова купца, он подошёл к нему и стал расспрашивать осторожно и потихоньку, и тот сказал ему название города и имя его царя. И, узнав название города и имя его царя, царевич провёл ночь в радости, а когда настало утро, он выехал и поехал, и ехал до тех пор, пока не достиг того города. По когда захотел войти туда, привратники схватили его и хотели привести к царю, чтобы тот спросил его о его обстоятельствах, о причине его прихода в этот город и о том, какое он знает ремесло.

Но приход царевича в этот город случился в вечерний час, и было это такое время, когда нельзя было входить к царю или советоваться с ним. И привратники взяли его и привели в тюрьму, чтобы поместить его туда. И когда тюремщики увидели красоту царевича и его прелесть, им показалось нелегко свести его в тюрьму, и они посадили его у себя, вне тюрьмы. И когда принесли им еду, царевич поел с ними вдоволь, а окончив еду, они стали разговаривать, и тюремщики обратились к царевичу и спросили: «Из какой ты страны?» – «Я из страны Фарс³⁹⁰, страны Хоороев», – ответил царевич. И тюремщики, услышав его слова, засмеялись, и кто-то из них сказал: «О хосроец, я слышал речи людей и их рассказы и наблюдал их обстоятельства, но не видел и не слышал человека, более лживого, чем хосроец, который у нас в тюрьме». – «А я не видел более безобразной внешности и более отвратительного образа», – сказал другой. «Что вам стало известно из его лжи?» – спросил царевич. И тюремщики сказали: «Он утверждает, что он мудрец. Царь увидел его на дороге, когда ехал на охоту, и с ним была женщина невиданной красоты, прелести, блеска и совершенства, стройная и соразмерная, и был с ним также конь из чёрного дерева, и я никогда не видел коня лучше этого. Что же касается девушки, то она у царя, и он её любит, но только эта женщина бесноватая, и, если бы тот человек был мудрец, как он утверждает, он бы» наверное, её вылечил. Царь старательно её лечит, и его цель – вылечить её от того, что с нею случилось; что же касается коня из чёрного дерева, то он у царя в казне. А человек безобразный видом, который был с нею, – у нас в тюрьме.

И когда спускается ночь, он плачет и рыдает, горюя о себе, и не даёт нам спать...

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Триста шестьдесят девятая ночь

Когда же настала триста шестьдесят девятая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что люди, приставленные к тюрьме, рассказали царевичу о персидском мудреце, который был у них в тюрьме, и о том, как он плачет и рыдает. И царевичу пришло на ум придумать план, которым он достигнет своей цели. И когда привратники захотели спать, они отвели царевича в тюрьму и Заперли за ним дверь, и он услышал, что мудрец плачет и сетует о самом себе и говорит по-персидски в своих жалобах: „Горе мне за то, что я навлек на себя и на царевича, и за то, что я сделал с девушкой, когда не оставил её, но не

³⁹⁰ Страна Фарс – так арабы называли Персию.

добился желаемого. И все это потому, что я задумал дурное: я искал для себя того, чего я не заслуживаю и что не годится для подобного мне; а кто ищет того, что для него не годится, тот попадает туда, куда попал я“.

И когда царевич услышал слова персиянина, он заговорил с ним по-персидски и сказал ему: «До каких пор будет этот плач и завывание? Увидеть бы, постигло ли тебя то, что не постигло другого?» И персиянин, услышав слова царевича, стал ему жаловаться на своё положение и на тяготы, которые он испытывает. А наутро привратники взяли царевича и привели его к своему царю и уведомили царя, что царевич пришёл в город вчера, в такое время, когда нельзя было войти к царю.

И царь стал расспрашивать царевича и сказал ему: «Из какой ты страны, как твоё имя, какое у тебя ремесло, и почему ты прибыл в этот город?» И царевич ответил: «Что до моего имени, то оно по-персидски Хардже, а моя страна – страна Фарс, и я из людей науки, и в особенности знаю науку врачевания. Я исцеляю больных и бесноватых и хожу по разным землям и городам, чтобы приобрести знание сверх моего знания, и когда я вижу больного, я его исцеляю. Вот моё ремесло». И, услышав слова царевича, царь сильно им обрадовался и воскликнул: «О достойный мудрец, ты явился к нам в пору нужды до тебя». И он рассказал ему о случае с девушкой и сказал: «Если ты вылечишь и исцелишь её от бесноватости, тебе будет от меня все, что ты потребуешь». И когда царевич услышал слова царя, он сказал: «Да возвеличит Аллах царя! Опиши мне все, что ты видел в ней бесноватого, и расскажи, сколько дней назад приключилось с нею это беснование и как ты захватил её с конём и мудрецом». И царь рассказал ему об этом деле с начала до конца и потом сказал: «Мудрец в тюрьме». А царевич спросил: «О счастливый царь, что же ты сделал с конём, который был с нею?» – «О юноша, – ответил царь, – он у меня до сих пор хранится в одной из комнат». И царевич сказал себе: «Лучше всего, по-моему, осмотреть коня и увидеть его прежде всего; если он цел и с ним ничего не случилось, тогда исполнится все, что я хочу; а если я увижу, что движения его прекратились, я придумаю хитрость, чтобы освободить себя».

И потом он обратился к царю и сказал: «О царь, мне следует посмотреть упомянутого коня, может быть я найду в нем что-нибудь, что мне поможет исцелить девушку». – «С любовью и охотой!» – ответил царь, и затем он поднялся и, взяв царевича за руку, привёл его к коню. И царевич стал ходить вокруг коня и проверять его, смотря, в каком он состоянии, и увидел, что конь цел и что с ним ничего не случилось. И тогда царевич сильно обрадовался и воскликнул: «Да возвеличит Аллах царя! Я хочу войти к девушке и посмотреть, что с нею, и я прошу Аллаха и надеюсь, что излечение придёт через мои руки при помощи коня, если захочет Аллах великий». И затем он велел стеречь коня.

И царь пошёл с ним в комнату, где была девушка, и царевич, войдя к ней, увидел, что она бьётся и падает, как обычно, но она не была бесноватая и делала это для того, чтобы никто к ней не приближался.

И, увидев её в таком состоянии, царевич сказал ей: «С тобой не будет беды, о искушение людей». И затем он стал говорить с нею осторожно и ласково и дал ей узнать себя. И когда царевна узнала его, она вскричала великим криком, и её покрыло беспамятство, так сильна была радость, которую она испытала. А царь подумал, что этот припадок оттого, что она его испугалась. И царевич приложил рот к её уху и сказал: «О искушение людей, сохрани мою кровь и твою кровь от пролития и будь терпеливой и стойкой; поистине, вот место, где нужны терпение и умелый расчёт в хитростях, чтобы мы освободились от этого притеснителя-царя. А хитрость в том, что я выйду к нему и скажу: „Её болезнь – от духа из джиннов, и я тебе ручаюсь за её излечение“. И я поставлю ему условие, чтобы он расковал на тебе цепи, и тогда этот дух оставит тебя; и когда царь войдёт к тебе, говори с ним хорошими словами, чтобы он видел, что ты вылечишься при моей помощи, тогда исполнится все то, чего мы хотим». И девушка сказала: «Слушаю и повинуюсь!» И потом царевич вышел от неё и пошёл к царю, весёлый, и радостный, и сказал: «О счастливый царь, кончились, по твоему счастью, её болезни и её лечение, и я вылечил её для тебя. Поднимайся же и войди к ней, и смягчи твои слова, и обращай с ней бережно и обещай ей то, что её обрадует, – тогда

исполнится все то, чего ты от неё хочешь...»

И Шахразад у застигло утро, и ода прекратила дозволенные речи.

Триста семьдесят семидесятая ночь

Когда же настала ночь, дополняющая до трехсот семидесяти, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что, когда царевич представился мудрецом, он вошёл к девушке и дал ей узнать себя и рассказал ей о замысле, который он применит, и царевна сказала: „Слушаю и повинуюсь!“ А потом царевич вышел от неё и отправился к царю и сказал ему: „Поднимайся, иди к ней! Смягчи свои слова и пообещай ей то, что её обрадует, – тогда исполнится все, что ты от неё хочешь“.

И царь вошёл к девушке, и та, увидав царя, поднялась и поцеловала перед ним землю и сказала: «Добро пожаловать!» И царь сильно обрадовался этому, а затем он велел невольницам и евнухам заботливо прислуживать девушке и отвести её в баню и приготовить для неё украшения и одежды. И невольницы вошли к царевне и приветствовали её, и она ответила на их привет нежнейшим языком и наилучшими словами, а потом её одели в платья из одежд царей и надели ей на шею ожерелье из драгоценных камней.

И царевну повели в баню и прислуживали ей и затем её вывели из бани, подобную полной луне. И, придя к царю, она приветствовала его и поцеловала перед ним землю. И царя охватила при этом великая радость, и он сказал царевичу: «Все это по твоему благословию, да умножит Аллах для нас твои дуновения!» – «Она вполне исцелится и её дело завершится, – сказал царевич, – если ты выйдешь со всеми, кто есть у тебя из телохранителей и воинов, на то место, где ты нашёл её, и пусть с тобой будет конь из эбенового дерева, который был с нею: я заговорю там её духа, заточу его и убью, и он никогда к ней не вернётся». И царь отвечал ему: «С любовью и охотой!» И затем вынесли эбенового коня на тот луг, где нашли девушку, коня и персидского мудреца.

А потом царь и его войска сели на коней, и царь взял девушку с собою, и люди не знали, что он хочет делать. А когда все достигли того луга, царевич, который представился мудрецом, велел поставить девушку и коня далеко от царя и воинов, насколько достаёт взгляд, и сказал царю: «С твоего разрешения, я зажгу куренья и прочту заклинания и заточу здесь духа, чтобы он никогда к ней не возвращался; а потом я сяду на эбенового коня и посажу девушку сзади, – и когда я это сделаю, конь задвигается и поедет, и я доеду до тебя, и дело будет окончено. И после этого делай с нею что хочешь». И когда царь услышал его слова, он сильно обрадовался. А потом царевич сел на коня в поместил девушку сзади (а царь и все воины смотрели на него) и прижал её к себе и затянул на ней верёвки и после этого повернул винт подъёма – и конь поднялся с ним в воздух, и воины смотрели на царевича, тока он не скрылся с их глаз.

И царь провёл полдня, ожидая его возвращения, но царевич не вернулся, и царь потерял надежду и стал раскаиваться великим раскаянием и жалел о разлуке с девушкой, а потом он вернулся с войсками к себе в город.

Вот что было с ним. Что же касается царевича, то он направился к городу своего отца, радостный и довольный, и летел до тех пор, пока не опустился на его дворец. И он поселил девушку во дворце и успокоился насчёт неё, а потом он пошёл к своему отцу и матери и приветствовал их и осведомил о прибытии девушки, и они сильно обрадовались этому. И вот то, что было с царевичем, конём и девушкой.

Что же касается царя румов, то, возвратившись в свой город, он замкнулся у себя во дворце, печальный и грустный. И вошли к нему его везири, «я стало утешать его, и говорили: „Тот, кто взял девушку, – колдун, и слава Аллаху, который спас тебя от его колдовства и коварства“. И они не оставляли царя, пока тот не забыл невольницу. Что же касается царевича, то он устроил великие пиры для жителей города...»

И Шахразад у застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Триста семьдесят первая ночь

Когда же настала триста семьдесят первая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что царевич устроил великие пиры для жителей города, и провели они, празднуя, целый месяц, а затем царевич вошёл к девушке, и они обрадовались друг другу великою радостью. И вот то, что было с ними. А его отец сломал коня из эбенового дерева и прекратил его движения.

А потом царевич написал письмо отцу девушки и упомянул в нем о её обстоятельствах и рассказал, что он женился на ней и она находится у него в наилучшем положении. Он послал царю письмо с посланным и послал с ним подарки и дорогие редкости. И когда посланный достиг города отца девушки, то есть Сана в Йемене, он доставил письмо и подарки этому царю. А тот, прочитав письмо, сильно обрадовался и принял подарки и оказал уважение посланному, а потом он приготовил роскошный подарок для своего зятя, сына царя, и послал ему его с тем посланным. И посланный возвратился с подарком к царевичу и осведомил его о том, что царь, отец девушки, обрадовался, когда дошло до него сведение о его дочери, и его охватило великое веселье.

И царь стал каждый год писать своему зятю и одарять его, и они продолжали так делать, пока не скончался царь, отец юноши, и тот не взял власть после него в царстве. И был он справедлив к подданным и шёл с ними путём, угодным Аллаху. И подчинились ему страны, и повиновались ему рабы, и жили они сладостнейшей и самой здоровой жизнью, пока не пришла к ним Разрушительница наслаждений и Разлучительница собраний, разрушающая дворцы и населяющая могилы. Да будет же хвала живому, неумирающему, в чьей руке видимое и невидимое царство!

Рассказ об Унс-аль-Вуджуде и аль-Вард-фи-ль-Акмам (ночи 371-381)

Рассказывают также, что был в древние времена и минувшие века царь, высокий саном, обладатель величия и власти, и был у него везирь по имени Ибрахим, а у везиря была дочь редкой красоты и прелести, превосходившая всех блеском и совершенством, обладательница великого разума и блестящего образования. Она любила застольную беседу и вино и прекрасные лица и нежные стихи и редкие рассказы, и к любви звала умы нежность её свойств, как сказал о ней кто-то из описывавших её:

«Влюбился в неё – соблазн арабов и турок – я,
С ней споря о флексии, законах и вежестве.
И молвит она: «Предмет я действия – почему
Ты ставишь мне «и» в конце, а действующему – «а»?³⁹¹
Я молвил: «Себя и дух мой я за тебя отдам –
Ты разве не знаешь – жизнь теперь перевёрнута.
И если ты перемену станешь оспаривать,
То вот, посмотри, в «хвосте» «головки»³⁹² узлы теперь».

И было ей имя аль-Вард-фи-ль-Акмам, и причиной того, что её так называли, была её чрезмерная нежность и полнота её блеска, и царь любил разделять с ней трапезу из-за её

³⁹¹ Игра слов, основанная на правилах склонения имел в арабском языке.

³⁹² То есть «всё перевернулось». Слова в кавычках – термины средневековой арабской астрономии.

совершённой образованности. А у царя был обычай собирать вельмож своего царства и играть в шар. И в тот день, когда собирались люди, чтобы играть в шар, дочь везиря села у окна, чтобы посмотреть. И когда люди играли, она вдруг бросила взгляд и увидела среди воинов юношу, лучше которого не было по виду и по наружности – с сияющим лицом, смеющимися устами, длинными руками и широкими плечами. И девушка несколько раз обращала на него взоры и; не могла насытиться, глядя на него, и сказала она своей няньке: «Как имя этого юноши с красивыми чертами, который среди воинов?» И нянька ответила: «О дочь моя, все они красивые, который же среди них?» – «Подожди, я укажу тебе на него», сказала девушка, и затем она взяла яблоко и бросила им в юношу, и тот поднял глаза и увидел в окне дочь везиря, подобную луне во мраке, и не возвратился ещё к нему его взгляд, как любовь к девушке охватила его разум. И он произнёс слова поэта:

«Стрелок в меня метнул иль твои веки
Влюблённого, что видит тебя, сразили?
И стрела с зарубкой из войска ли летит ко мне,
Или, может быть, прилетела из окошка?»

А когда кончили играть, девушка спросила няньку: «Как имя того юноши, которого я тебе показала?» И нянька ответила: «Его имя – Унс-аль-Вуджуд». И девушка покачала головой. И она легла спать в своём месте, и распалились её мысли, и стала она испускать вздохи и произнесла такие стихи:

«Да, прав был тот, кто имя нарёк тебе
Унс-аль-Вуджуд³⁹³, о щедрый и сладостный!
О лик луны, лицом освещаешь ты
Все сущее, объемля сияньем мир.
Ты подлинно средь сущих единственный
Султан красот – тому есть свидетели,
И бровь твоя, как «нуны» очерчена,
Зрачок твой «сад»³⁹⁴, написанный любящим,
А стан – как ветвь: куда ни зовёшь его –
На все он склонён с равною щедростью.
Всех витязей ты превзошёл яростью,
И лаской, и красою, и щедростью».

А окончив своё стихотворение, она написала его на бумаге и завернула в кусок шелка, обшитый золотом, и положила под подушку. А одна из её нянек смотрела на неё, и она подошла к девушке и стала развлекать её разговором, пока та не заснула, а потом нянька украла бумажку из-под подушки и прочитала её и поняла, что девушку охватила любовь к Унс-аль-Вуджуду. А прочитавши бумажку, нянька положила её на место, и когда её госпожа, аль-Вард-фи-ль-Акмам, пробудилась от сна, она сказала ей: «О госпожа, я тебе добрая советчица и пекусь о тебе. Знай, что любовь сильна, и сокрытие её плавит железо и оставляет после себя болезни и недуги, и тому, кто откроет любовь, нет упрёка».

И аль-Вард-фи-ль-Акмам спросила её: «О нянюшка, а какое есть лекарство от страсти?» И нянька ответила: «Лекарство от неё – единение». – «А как же найти единение?» – спросила девушка. И (нянька сказала: «Его можно найти перепиской и мягкими речами и частыми приветствиями и пожеланиями, и это соединяет влюблённых и облегчает трудные

³⁹³ Унс-аль-Вуджуд – услада – мира.

³⁹⁴ Сад – одна из букв арабского алфавита, по форме несколько напоминает глаз.

деда. И если у тебя есть дело, о госпожа, то я ближе всех к сокрытию твоей тайны и исполнению твоей нужды и доставлю твоё послание».

И когда аль-Вард-фи-ль-Акмам услышала от неё эти слова, её ум улетел от радости, но она удержала себя от речей, чтобы посмотреть, пока не увидит конец своего дела, и сказала про себя: «Об этом деле никто от меня не узнал, и я открою его этой женщине только после того, как испытаю её». А женщина молвила: «О госпожа, я видела во сне, будто ко мне пришёл человек и сказал: „Твоя госпожа я Унс-аль-Вуджуд любят друг друга – возмись за дело, носи их послания и исполняй их нужды, скрывая их обстоятельства и тайны, – тебе достанется великое благо“. Вот я рассказала тебе о том, что видела, а власть принадлежит тебе».

И аль-Вард-фи-ль-Акмам спросила свою няньку, когда та рассказала ей сон...

И Шахразад устал, и она прекратила дозволенные речи.

Триста семьдесят вторая ночь

Когда же настала триста семьдесят вторая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что аль-Вард-фи-ль-Акмам спросила свою няньку, когда та рассказала ей сон, который видела: „Скрываешь ли ты тайны, о нянюшка?“ И та отвечала: „Как мне не скрывать тайн, когда я из лучших среди свободных?“ И тогда девушка вынула бумажку, на которой написала стихи, и сказала: „Ступай с этим посланием к Унс-аль-Вуджуду и принеси мне ответ от него“. И нянька взяла послание и отправилась с ним к Унс-аль-Вуджуду. И, войдя к нему, она поцеловала ему руки и приветствовала его самыми ласковыми речами, а затем она отдала ему бумажку, а Унс-аль-Вуджуд прочитал письмо и понял его смысл, и потом он написал на обороте такие стихи:

«Я сердце хочу развлечь в любви, и открываю я,
Но вид мой мою любовь и страсть открывает всем.
Коль слезы пролью, скажу: «То рана в глазах моих –
Хулитель чтоб не видал, не повял бы, что со мной».
И был я свободен прежде, вовсе любви не знал,
Теперь же влюбился я, и сердце полно любви.
Я повесть свою довёл до вас, и вам сетую
На страсть и любовь мою, чтобы сжалились надо мной.
Её начертал слезами глаз я – ведь, может быть,
О том, что вы сделали со мной, она скажет вам.
Аллах, сохрани лицо, красою одетое.
Луна – его раб, а звезды – слуги покорные.
При всей красоте её, подобной которой нет –
И ветви все учатся у ней её гибкости, –
Прошу вас, коль не возложит то на вас трудности,
Меня посетите вы – ведь близость мне ценна так.
Я душу вам подарил – быть может, вы примете;
Сближенье для меня – рай, разлука-геенна мне».

Потом он свернул письмо и поцеловал его и отдал женщине и сказал: «О няня, смягчи душу твоей госпожи». И та ответила: «Слушаю и повинуюсь».

И она взяла у него письмо и вернулась к своей госпоже и отдала ей бумажку, и аль-Вард-фи-ль-Акмам поцеловала её и подняла над головой, а затем она развернула письмо и прочла его и поняла его смысл и написала внизу такие стихи:

«О ты, чьё сердце любовью к нам охвачено, –

Потерпи, быть может в любви и будешь счастлив ты.
Как узнаем мы, что искренна любовь твоя,
И в душе твоей то же самое, что у нас в душе, –
Мы дадим тебе, свыше близости, близость равную,
Но препятствуют ведь сближению наши стражники.
Когда спустится над землёю ночь, от большой любви
Загорится пламя огней её в душе у нас.
И ложе наше прогонит сон, и, может быть,
Измучат муки жестокие все тело нам.
По закону страсти обязанность – таить любовь,
Опущенной завесы не вздымайте вы.
Моя внутренность уж полна, любви к газеленочку;
О, если бы не скрылся он из наших мест».

А окончив свои стихи, она свернула бумажку и отдала няньке, и та взяла её и вышла от аль-Вард-фи-ль-Акмам, дочери везиря. И её встретил царедворец и спросил: «Куда идёшь?» И старуха ответила: «В баню». А она испугалась его, и бумажка у неё выпала, когда она выходила из дверей, и смутилась.

Вот что было с нею; что же касается бумажки, то один евнух увидел её на дороге и поднял. А потом везирь вышел из гарема и сел на своё ложе. А евнух, который подобрал бумажку, направился к нему, и, когда везирь сидел на ложе, вдруг подошёл к нему этот евнух с бумажкой в руке и сказал ему: «О господин, я нашёл эту бумажку, обронённую в доме, и взял её».

И везирь взял бумажку у него из рук (а она была свёрнута), и развернул её, и увидел, что на ней написаны стихи, о которых было упомянуто раньше, и стал читать и понял их смысл, а потом он посмотрел, как они написаны, и увидел, что это почерк его дочери. И тогда он вошёл к её матери, так сильно плача, что увлажнил себе бороду, и его жена спросила его: «Отчего ты плачешь, о господин мой?» И везирь ответил: «Возьми эту бумажку и посмотри, что в ней». И жена везиря взяла бумажку и прочитала её и увидела, что бумажка содержит послание от её дочери аль-Вард-фи-ль-Акмам к Унс-аль-Вуджуду. И тогда к ней пришёл плач, но она поборола себя и удержала слезы и сказала везирию: «О господин, от плача нет пользы, и правильное решение в том, чтобы нам придумать какое-нибудь дело для защиты твоей чести и сокрытия обстоятельств твоей дочери».

И она стала утешать его и облегчать его печаль, и везирь сказал ей: «Я боюсь для моей дочери любви. Разве ты не знаешь, что султан любит Унс-аль-Вуджуда великой любовью, и моему страху в этом деле есть две причины. Первая – из-за меня самого, так как это моя дочь, а вторая – из-за султана, так как Унс-аль-Вуджуд-любимец султана, и, быть может, из-за этого произойдёт великое дело. Каково твоё мнение об этом?..»

И Шахразад устала, и она прекратила дозволенные речи.

Триста семьдесят третья ночь

Когда же настала триста семьдесят третья ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что, когда везирь рассказал жене о деле своей дочери и спросил её: „Каково твоё мнение об этом?“ – она сказала: „Подожди, пока я совершу молитву о совете“³⁹⁵. А потом она совершила молитву в два rakata, как установлено для молитвы о совете, и, окончив молитву, сказала своему мужу: «Посреди Моря Сокровищ есть гора,

³⁹⁵ Молитва о совете совершается, чтобы получить якобы от Аллаха совет при сомнении или нерешительности. Нередко она соединяется с гаданием по Корану.

называемая „Гора лишившейся ребёнка“ (а причина, по которой её так называли, ещё придёт), и никто не может добраться до этой горы без труда. Устрой же там для пашей дочери жилище».

И везирь сказал своей жене, что он построит на этой горе неприступный дворец и в нем будет жить его дочь. И к ней будут доставлять припасы ежегодно, из года в год, и поместят с ней людей, которые будут её развлекать и служить ей. И потом он собрал плотников и строителей и измерителей и послал их на ту гору, и они выстроили для девушки неприступную крепость, – подобной ей не видали видящие. А затем везирь приготовил припасы и верблюдов и вошёл к своей дочери ночью и приказал ей собираться в дорогу. И сердце её почуяло разлуку. И когда девушка вышла и увидала людей в обличье путешественников, она заплакала сильным плачем и стала писать на дверях, оповещая Унс-аль-Вуджуда, какое она испытала волнение, – от него дыбом встают волосы на коже и тают крепкие камни и текут слезы. А написала она такие стихи:

«Аллахом прошу, о дом, любимый когда пройдёт,
Под утро, приветствуя словами влюблённых,
Привет передай от нас ему благовонный ты,
Теперь ведь не знаем мы, где вечером будем,
Не знаю, куда сейчас меня увезти хотят, –
Со мною уехали поспешно, украдкой,
Во мраке ночном и птицы, сидя в ветвях густых,
Оплакивали меня и горько стенали.
И молвил язык судьбы за них: «О погибель нам,
Когда разлучили вдруг влюблённых и верных».
Увидев, что чаша дали снова наполнена
И чистым питьё её рок пить заставляет,
К нему подмешала я терпенье прекрасное,
Но вас мае терпение забыть не поможет».

А окончив свои стихи, она села и поехала вместе со своими людьми, пересекая степи, пустыни, равнины и кручи, пока не достигла Моря Сокровищ. И разбили палатки на берегу моря и построили для девушки большой корабль, и посадили её туда вместе с её женщинами. И везирь приказал, чтобы, после того как они достигнут горы и отведут девушку и её женщин во дворец, люди возвратились бы на корабле назад, а сойдя с корабля, сломали бы его. И они уехали и сделали все, что приказал везирь, и вернулись, плача о том, что случилось.

Вот что было с ними. Что же касается Унс-аль-Вуджуда, то он поднялся после сна и совершил утреннюю молитву, а затем сел на коня и отправился служить султану. И, как всегда, он проезжал мимо ворот везиря, надеясь, что, может быть, увидит кого-нибудь из приближённых везиря, которых он обычно встречал, и посмотрел на ворота и увидал, что на них написано стихотворение, ранее упомянутое.

И когда Унс-аль-Вуджуд увидел это стихотворение, мир исчез для него, и огонь загорелся в его груди, и он возвратился к себе домой, и не стало для него покоя, и его охватило нетерпение, и он тревожился и волновался, пока не пришла ночь. И Унс-аль-Вуджуд никому ничего не сказал и, перерядившись, вышел в темноту ночи и блуждал без дороги, не зная куда идёт. И он шёл всю ночь и следующий день, пока не усилился жар солнца и не запылали горы, и не почувствовал он сильную жажду. И увидел он дерево, и заметил подле него ручей с текучей водой, и направился к этому дереву, и сел на берегу ручья. И он хотел напиться, но вода не имела вкуса у него во рту, и цвет его лица изменился, и оно пожелтело, и ноги его распухли от ходьбы и утомления, и он горько заплакал и пролил слезы и произнёс такие стихи:

«Опьянён к любимым страстью любящий,
Чем сильнее влюблён, приятней тем ему.
И блуждает от любви и бродит он,
Не нужна ему ни пища, ни приют.
Как же будет жизнь приятна любящим,
Что покинули любимых, я дивлюсь?
Я ведь таю, когда страсть во мне горит,
И текут обильно слезы по щекам.
Их увижу ль, иль увижу в стане их
Человека, что излечит сердце мне?»

А окончив свои стихи, он так заплакал, что увлажнил землю, а затем, в тот же час и минуту, поднялся и пошёл бродить. И когда он шёл по степям и пустыням, вдруг вышел лев, шею которого душили волосы, и голова его была величиной с купол, и пасть шире, чем ворота, а клыки, точно бивня слона. И при виде льва Унс-аль-Вуджуд убедился, что умрёт и, обернувшись лицом к кыбле, произнёс исповедание веры и приготовился к смерти. А он знал из книг, что если смириться перед львом, то и лев перед тобой смиритсЯ, так как его укрощают хорошие слова и он делается гордым от похвал. И он начал говорить льву: «О лев из чащи, о храбрец пустыни, о витязь, о отец молодцов, о султан зверей, – я тоскующий влюблённый, и погубили меня любовь и разлука, и, расставшись с любимыми, я потерял верный путь. Выслушай же мои слова и сжался над моей любовью и страстью».

И лев, услышав его слова, отошёл назад и сел, опершись на хвост, и поднял к нему голову и стал играть хвостом и передними лапами. И когда Унс-аль-Вуджуд увидал эти движения, он произнёс такие стихи:

«Лев пустыни, умертвишь ли ты меня,
Прежде чем я встречу тех, чьим стал рабом?
Я не дичь, о нет, и жира нет на мне –
Потеряв любимых, я недужен стал.
С милыми расставшись, сердцем я устал
И подобен телу в саване теперь.
Абу-ль-Харис³⁹⁶, лев в бою, не дай же ты
Радости хулителям в тоске моей.
Я влюблённый, утопившийся в слезах,
И разлукой с милыми встревожен я.
И во мраке ночи ими занят я,
И любовь из бытия взяла меня».

А когда он окончил свои стихи, лев поднялся и пошёл к нему...»
И Шахразадy застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Триста семьдесят четвёртая ночь

Когда же настала триста семьдесят четвёртая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что когда Унс-аль-Вуджуд окончил свои стихи, лев поднялся и пошёл к с ласковым видом, и глаза его были полны слез, а подойдя к нему, он лизнул его языком и пошёл впереди него, сделав ему знак: „Следуй за мной!“

И Унс-аль-Вуджуд последовал за ним, и так они шли, пока лев не поднялся с ним на

³⁹⁶ Абу-ль-Харис – означает: отец захватывающего добычу.

гору. А потом лев спустился с этой горы, и юноша увидал следы прошедших в пустыне и понял, что это следы тех, кто шёл с альВард-фи-ль-Акмам. И он пошёл по следам. И когда лев увидел, что юноша пошёл по следам и понял, что это след людей, прошедших с его возлюбленной, он повернул назад и ушёл своей дорогой.

Что же касается Унс-аль-Вуджуда, то он шёл последу в течение дней и ночей, пока не пришёл к ревущему морю, где бились волны, и здесь след оборвался. И понял Унс-аль-Вуджуд, что дальше их путь пролегал по морю, и оборвались тут его надежды, и он пролил слезы и произнёс такие стихи:

«Далеко стремлений цель, и стойкость мала моя,
И как я найду их в пучине морской теперь?
И как буду стоек я, погибла когда душа –
От страсти к ним я со сном покончил для бдения,
С тех пор, как места родные бросив, ушли они, –
И сердце огнём горит моё, да и как горит!
Сейхуя и Джейхун³⁹⁷ ток слез моих, или сам Евфрат,
Превысит течение их потоп или дождь с небес,
И веки болят мои от слез, что текут из них,
А сердце спалил огонь и искры летучие,
Любви и страстей войска на сердце нажились,
А войско терпения разбито и вспять бежит,
Я душу свою подверг опасности, их любя,
И душу считал из них легчайшей я жертвою.
Аллах, не взыщи с тех глаз, что в стаде смотреть могли
На прелесть, которая светлее луны была!
И ныне повергнут я глазами огромными,
Чьи стрелы без тетивы вонзаются в сердце мне.
Обманут я мягкостью был членов, что нежны так,
Как нежна на дереве ветвь ивы зелёная.
Желал я сближенья с ними, чтобы помочь себе
В печальных делах любви, в заботе и горести.
По стал я, как прежде был, печален и горестен,
И все, что со мной случилось, – глаз искушение».

А окончив свои стихи, он так заплакал, что упал, покрытый беспамятством, и провёл в бесчувствии долгий срок, а потом очнулся и повернулся направо и налево, но никого не увидал в пустыне.

И Унс-аль-Вуджуд испугался диких зверей и поднялся на высокую гору, и когда он стоял на этой горе, он вдруг услышал голос – человека, который говорил в пещере. И Унс-аль-Вуджуд прислушался, и вдруг оказалось, что это богомолец, который оставил мир и углубился в благочестие, и юноша постучался к нему в пещеру три раза, но богомолец не ответил ему и не вышел. И тогда Унсаль-Вуджуд стал испускать вздохи и произнёс такие стихи:

«Достигну каким путём того, что желаю я,
И брошу заботы все и горе и тягости?
Все страхи и ужасы седым меня сделали,
И сердце и голова – седые в дни юности.
Помощника не нашёл себе я в любви моей

³⁹⁷ Сейхун и Джейхуа – арабское название рек Амударьи и Сыр-Дарьи.

И друга, чтоб облегчить тоску и труды мои.
И сколько в любви моей боролся со страстью я,
Но, мнится, судьба моя идёт на меня теперь.
О, сжальтесь над любящим, влюблённым, встревоженным,
Покинутым, что разлуки чашу до дна испил!
Огонь и в душе моей и в сердце погас уже,
И разум мой похищен разлукой и горестью.
И не было дня страшней, чем тот, когда я пришёл
В жилище их и увидел надпись на их дверях.
Так плакал я, что вспоил я землю волнением,
Но тайну свою сокрыл от ближних и дальних я.
Молящийся, что в пещере скрылся, как будто бы
Вкус страсти попробовал и ею был похищен, –
Коль после всего того, что ныне я испытал,
Достигну я цели, нет ни горя ни устал!»

А когда он окончил свои стихи, дверь пещеры вдруг открылась, и Унс-аль-Вуджуд услышал, кто-то говорит: «О милость!» И он вошёл в дверь и приветствовал богомольца, и тот ответил на его приветствие и спросил: «Как твоё имя?» – «Моё имя – Унс-аль-Вуджуд», – ответил юноша. И богомолец опросил: «А почему ты пришёл сюда?» И Унс-аль-Вуджуд рассказал ему свою историю с начала до конца и поведал ему обо всем, что с ним случилось, и богомолец заплакал и сказал ему: «О Унсаль-Вуджуд, я провёл в этом месте двадцать лет и не видел здесь никого до вчерашнего дня, а вчера я услышал плач и шум, и, посмотрев в сторону звуков, я увидел множество людей и палатки, расставленные на берегу моря, и люди построили корабль, и на него село несколько человек, и они поплыли по морю. А потом корабль вернулся с некоторыми из тех, кто сел на него, и они сломали корабль и ушли своей дорогой. И я думаю, что люди, которые уехали морем и не вернулись, и есть те, кого ты ищешь, о Унс-аль-Вуджуд. И забота твоя тогда велика, и беспокойство тебе простительно. Но не найдётся любящего, который не испытал бы печалей».

И затем богомолец произнёс такие стихи:

«Ты думал, Унс-аль-Вуджуд, что духом свободен я,
А страсть и любовь меня то скрутит, то пустит вновь.
Я страсть и любовь позвал давно уже, с малых лет,
Когда я ребёнком был, ещё молоко сосал.
Любовью я занят был срок долгий, узнал её:
Коль спросишь ты обо мне, так знает меня любовь.
И выпил я чашу страсти, горя и худобы,
И стад как бы стёртым я, так мягок я телом был.
Имел прежде силу я, но стойкость ушла моя,
И войско терпения разбито мечами глаз.
Сближенья нельзя желать в любви без жестокости,
Ведь крайности сходятся, ты знаешь, с начала дней,
Свершила любовь свой суд над всеми влюблёнными,
Забвенье запретно нам, как ересь мятежная».

А окончив говорить своё стихотворение, богомолец подошёл к Унс-аль-Вуджуду и обнял его...»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Когда же настала триста семьдесят пятая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что богомолец, окончив говорить своё стихотворение, подошёл к Унс-аль-Вуджуду и обнял его, и они так плакали, что горы загудели от их плача. И плакали они до тех пор, пока не упали, покрытые беспамятством. А очнувшись, они дали друг другу обет быть братьями ради Аллаха великого. И затем богомолец сказал Унс-аль-Вуджуду: „Сегодня ночью я помолюсь и спрошу для тебя у Аллаха совета“. И Унс-альВуджуд отвечал ему: „Внимание и повиновение!“

Вот что было с Унс-аль-Вуджудом. Что же касается аль-Вард-фи-ль-Акмам, то её привезли к горе и привели во дворец, и, взглянув на него, она увидела, как он устроен, и заплакала и сказала: «Клянусь Аллахом, это прекрасное место, но как недостаёт здесь любимого!»

И она увидела на острове птиц и велела одному из своих приближённых поставить силки и изловить нескольких, и всякий раз, как поймает, сажать птиц в клетки во дворце, и слуга сделал так, как она велела.

И аль-Вард-фи-ль-Акмам села у окна и стала вспоминать, что с ней случилось, и усилились её любовь, страсть и волнение, и она пролила слезы и сказала такое стихотворенье:

«О, кому же посетую на любовь я,
На разлуку о возлюбленным и печали
И на пламя внутри меня? Но все это
Я не выдам, – боюсь доносчиков злобных,
Зубочистке подобна я ныне стала
От разлуки и пламени и рыданий,
Где любимый, чтоб глазом мог он увидеть,
Что лишённым ума теперь я подобна?
Заточили они меня не по праву
В таком месте, что милому не добратся.
Прошу солнце я тысячу пожеланий
Передать, как взойдёт оно или сядет,
Дорогому, что лик луны затмевает
Красотою, а тонкостью – ветку ивы»
Если роза напомнит мне его щеки,
«Нет, – скажу я, – коль не моя, не похожа».
Его губы слюны ручей источают,
И несёт он в огне горящему влагу.
Как забуду, когда он дух мой и сердце,
Хворь, недуги несёт, и врач, и любимый?»

А когда спустился на землю мрак, её страсть усилилась, и она вспомнила о том, что прошло, и произнесла такие стихи:

«Спустился на землю мрак, и боль взволновала страсть,
Тоска растревожила во мне все страдания,
Разлуки волнение в душе поселилось,
И мысли повергнули меня в небытие опять.
Любовью взволнована, тоской сожжена я вся,
И слезы открыли тайну, мною сокрытую.
И – нет положения, которое знала б я –
Так кости тонки мои, больна и слаба я так.
И сердца моего ад огнями горит давно,

И зной его пламени мне печень терзает, жжёт.
Проститься я не имела власти с любимыми,
Покинув их, о печаль моя и страдания!
О нет, кто им передаст о том, что со мной теперь –
Готова я выдержать все то, что начертано!
Аллахом клянусь, в любви я век не забуду их,
Ведь клятва людей любви есть клятва достойная!
О ночь! – передай привет любимым ты от меня
И, зная, свидетельствуй, что я не спала совсем!»

Вот что было с аль-Вард-фи-ль-Акмам. Что же касается Унс-аль-Вуджуда, то богомолец сказал ему: «Спустись в долину и принеси мне лыка с пальм». И Унсаль-Вуджуд спустился и принёс лыка. Богомолец взял лыко и свил из него сеть, как для соломы, а потом сказал: «О Унс-аль-Вуджуд, в глубине долины есть кусты, которые растут и сохнут на корнях, – спустись туда и наполни эту сеть; завяжи её и брось в море, а сам сядь на неё и выезжай на простор моря, – быть может, ты достигнешь своей цели. Тот, кто не подвергает себя опасности, не достигнет того, к чему стремится».

И Унс-аль-Вуджуд отвечал: «Слушаю и повинуюсь!» А затем он простился с богомольцем и ушёл от него и приступил к исполнению того, что он приказал, испросив благословение старца.

И Унс-аль-Вуджуд пошёл в глубь долины и сделал так, как велел ему богомолец. А когда он доплыл на сети до середины моря, подул ветер и погнал его далеко, так что он скрылся из глаз богомольца. И он не переставая плыл по морской пучине, то поднимаемый одной волной, то опускаемый другой, и видел, какие в море диковины и ужасы, пока не выбросили его судьбы через три дня к Горе лишившейся ребёнка. И он вышел на сушу, точно оглушённый цыплёнок, страдая от голода и жажды, и увидел бегущие потоки, и птиц, чирикающих на ветвях, и плодоносные деревья, росшие парами и отдельно. И он поел плодов, и напился из потоков, и пошёл бродить, и увидел вдали что-то белое, и пошёл по направлению к нему. И, подойдя ближе, Унс-аль-Вуджуд увидел, что это дворец, неприступный и укреплённый. И он подошёл к воротам и увидел, что они заперты, и просидел возле них три дня, и, когда он сидел, вдруг ворота дворца открылись и оттуда вышел евнух. И он увидел Унс-аль-Вуджуда и спросил его: «Откуда ты и что тебя сюда привело?» И Унс-аль-Вуджуд ответил: «Я из Испахана. Я плыл по морю с товаром, и корабль, на котором я был, разбился, и волны выбросили меня на этот остров». И евнух заплакал и обнял юношу и сказал: «Да продлит Аллах твою жизнь, о лик любимых! Испахан – моя страна, и у меня там есть двоюродная сестра, которую я любил, когда был молод, и я сильно был влюблён в неё. И на нас напали люди сильнее нас и захватили меня вместе с прочей добычей (а я был маленький) и оскотили меня, а потом меня продали в евнухи, и вот я в таком положении...»

И Шахразуд застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Триста семьдесят шестая ночь

Когда же настала триста семьдесят шестая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что евнух, который вышел из дворца аль-Вард-фи-ль-Акмам, рассказал Унс-аль-Вуджуду обо всем, что случилось с ним, и сказал: „Люди, которые меня захватили, оскотили меня, и продали в евнухи, и вот я в таком положении“.

И после того как евнух приветствовал Унс-аль-Вуджуда и пожелал ему долгой жизни, он ввёл его во двор дворца. Унс-аль-Вуджуд увидел там большой пруд, окружённый деревьями и кустами, и во дворе были птицы в серебряных клетках с золотыми дверцами, и клетки эти были повешены на ветвях, и птицы в них щебетали, прославляя владыку

судящего. И Унсаль-Вуджуд подошёл к первой птице и взгляделся в неё, и вдруг это оказалась горлинка. И когда птица увидела юношу, она возвысила голос и сказала: «О благой!»

И Унс-аль-Вуджуда покрылоnesia. А очнувшись отnesia, он стал испускать вздохи и произнёс такие стихи:

«Горлинка, безумна ль тоже ты, как я?
Так спроси владыку и скажи: «Благой!»
Если б знать, – твой возглас от восторга ли,
Или же от страсти, что в душе живёт?
Ты поешь ли с горя, потеряв друзей,
Иль забыта ими и болеешь ты?
Или потеряла милых ты, как я?
Ведь жестокость-признак, что была любовь
Тех, кто вправду любит, охрани Аллах!
Их я не забуду, хоть бы я истлел»

А окончив свои стихи, он так заплакал, что упал, покрытыйnesia, а опомнившись, он шёл, пока не дошёл до второй клетки, и там он увидел вяхиря. И когда вяхирь увидел его, он проворковал: «О вечный, благодарю тебя!» И Унс-аль-Вуджуд стал испускать вздохи и произнёс такие стихи:

«О вяхирь, что промолвил, воркуя, мне:
«О вечный, благодарен я в горести!»
Возможно, что Аллах своей милостью
Сведёт меня с любимым в пути моем.
Бывал со мной медовых властитель уст,
И страсть мою ещё сильнее делал он.
И молвил я (а в сердце горел уже
Огонь любви, и душу он жёг мою,
И токи слез как кровь лились из очей,
И по щекам текли они струями):
«Нет тварей здесь» не знающих горестей,
Но все терпеть в беде моей буду я,
Когда Аллах – клянусь его силою! –
Сведёт меня с владыками, в светлый день,
Я все отдам, чтоб угостить любящих, –
Обычай их тадсов, каков обычай мой,
И выпущу из их темниц птичек я,
И горести докину для радости!».

А окончив свои стихи, он подошёл к третьей клетке и нашёл там соловья. И соловей защебетал при виде юноши, и тот, услышав его, произнёс такие стихи:

«Мне нравится соловьиный голое, – так нежен он,
Как голос влюблённого, от страсти погибшего.
О, сжальтесь над любящими! Сколько ночей они
От страсти волнуются и горя и напастей,
Как будто бы из любви великой сотворены, –
Ни утра, ни сна им дет, от страсти и горести.
Когда потерял я ум, влюбившись, прикован был
К любимому страстью я, когда ж я прикован был,

Ток слез полился, как цепь, и молвил я: «Цепи слез
Длинней теперь сделались, и ими прикован я.
Далеко они, и грусть все больше, и нет уже
Сокровищ терпения; тоскою встревожен я.
Коль будет рок справедлив и снова сведёт меня
С любимым, и вновь покров Аллаха покроет нас.
Одежду свою сниму я, милый чтоб видеть мог,
Как тело изнурено разлукой моей вдали».

А окончив свои стихи, он подошёл к четвёртой клетке и увидел в ней соловья другой породы, и соловей застонал и защебетал при виде Унс-аль-Вуджуда, а тот, услышав его щебетанье, пролил слезы и произнёс такие стихи:

«Соловья прекрасный голос на заре
Любящих забыть заставит прелесть струп.
На любовь Унс-аль-Вуджуд вам сетует
И на страсть, что стёрла след его совсем.
Часто слышали мы песни, что могли
От восторга сталь и камень размягчить,
И под утро ветерок вам весть давал
О садах, где расцвели уже цветы.
И вдыхать и слышать рады были мы
Ветерок и птичек пенье на заре.
Но мы вспомнили покинувших друзей
И пролили слез потоки, точно дождь.
И в душе зарделись пламя и огонь,
Загорелись, как искры уголёк.
Помешал Аллах влюблённым получить
От любимых или близость, или взгляд.
У влюблённых, право, оправданья есть,
Проницательный один лишь знает их».

А окончив свои стихи, он прошёл немного и увидел прекрасную клетку, – не было клетки лучше её – и, приблизившись, он нашёл в ней лесного голубя (а это вяхирь, известный среди птиц), и голубь щебетал от страсти, а на шее у него было ожерелье из драгоценных камней, редкостно красивое. И Унс-аль-Вуджуд всмотрелся в голубя и увидел, что он сидит в клетке, потеряв разум и ошеломлённый, и, увидав его в таком состоянии, юноша пролил слезы и произнёс вот эти стихи:

«О лесной мой голубь, шлю тебе привет,
Всех влюблённых Другу, от людей любви.
Сам влюблён в газель я стройную давно,
Чьи глаза острее лезвия меча,
Сожжены любовью сердце и душа,
Худоба владеет телом и болезнь,
Сладость пищи уж запретна для меня,
Как запретно сна приятность мне узнать.
Утешенье и терпение ушли,
А любовь, тоска и горе – те со мной.
Как мне будет жизнь приятна после них,
Когда в них моё желанье, цель и дух?»

А когда Унс-аль-Вуджуд окончил свои стихи...»
И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Триста семьдесят седьмая ночь

Когда же настала триста семьдесят седьмая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что, когда Унс-аль-Вуджуд окончил свои стихи, лесной голубь пробудился от оцепенения и, услышав его слова, стал кричать и стонать и умножил щебетанье и стоны, так что едва не заговорил с напеве, и язык обстоятельств сказал за него такие стихи:

«О влюблённый, ты на память мне привёл
Дни, когда погибла молодость моя,
И любимого, чей облик я любил,
Кто красою превосходной всех прельщал.
Его голос, тонкий, чистый, на ветвях
Он внимание к звукам флейты отвлекал.
Растянул силки ловец, поймал его,
И сказал он: «Чтоб оставил он меня».
Я же думал, что имеет жалость он
И смягчится, увидав мою любовь,
Но, Аллахом поражённый, грубо он
Разлучил меня с любимым навсегда.
И любовь моя все больше и сильнее,
И огнями отдаленья я горю.
Сохранит же пусть всех любящих Аллах,
Знал кто страсть и испытал тоску мою.
Коль увидит любящий, что в клетке я,
Над любимым сжалившись, мне волю даст».

Потом Унс-аль-Вуджуд обратился к своему другу испаханцу и спросил его: «Что это за дворец, что в нем есть и кто его построил?» И испаханец ответил: «Построил его везирь такого-то царя для своей дочери, боясь для неё случайностей времени и ударов случая, и поселил её вместе с её людьми, и мы отпираем дворец только раз в год, когда к нам приходят припасы». И Унс-аль-Вуджуд сказал себе: «Досталось мне желаемое, но срок долг!»

Вот что было с Уяс-аль-Вуджудом. Что же касается аль-Вард-фи-ль-Акмам, то ей не было приятно ни пить, ни есть, ни сидеть, ни спать, и она поднялась (а её страсть, волнение и увлечение усилились), и обошла все углы дворца, но не нашла для себя успокоения, и стала она лить слезы и произнесла такие стихи:

«Меня заперли жестоко от него
И вкусить в тюрьме мне дали страсть мою
И сожгли огнями страсти сердце мне,
Отвративши от любимых взоры глаз,
Заточили во дворце большом меня,
На горе, что родилась в пучине вод,
Коль хотели, чтоб забыла я его,
Так усилили страданье лишь в душе.
Как забуду я, раз все, что есть во мае,
Взгляд один на дик любимый причинил?
Целый день в печали горькой я живу,
Ночь же в мыслях о любимых провожу.

В одиночестве мне дума о нем друг,
Как подумаю, что встреча с ним вдали.
Если б знать мне после этого всего,
Согласится ли судьба, на что хочу?»

А окончив стихи, она поднялась на крышу дворца и, взяв баальбекские одежды, привязала себя к ним и спускалась, пока не достигла земли, – а она была одета в самые лучшие одежды, какие имела, и на шее у неё было ожерелье из драгоценных камней. И она шла по степям и пустыням, пока не дошла до берега моря. И увидела она рыбака в лодке, который ловил рыбу, и ветер забросил его к этому острову. И рыбак обернулся и увидел на этом острове аль-Вард-фи-ль-Акмам и, увидав её, испугался и уехал на своей лодке, убегая. И девушка стала его звать и делать ему знаки и произнесла такие стихи:

«Не бойся, о благой рыбак, дурного ты –
Поистине, я женщина, как люди все.
Хочу, чтобы на зов мой ты откликнулся
И повесть мою выслушал с начала ты.
О пожалей, хранимый богом, жар любви,
Увидишь коль любимого бежавшего.
Красавца полюбила я, чей чудный лик
Луну и солнце превзошёл сиянием.
Газель, когда увидит раз хоть взор его,
«Я раб твой», – скажет, снисхождения прося.
Написана красною вдоль щеки его
Строка с чудесным смыслом, но короткая:
«Кто видит свет любви, идёт тот правильно,
Кто заблудился, тот преступен, нечестив».
Коль хочет он пытать меня – прекрасно как!
Когда его увижу, то награда мне,
Как ожерелье из рубинов иль других
Камней, иль свежих жемчугов, иль яхонтов.
Желанное исполнит, может быть, мой друг
Душа моя растаяла, растерзана».

И когда рыбак услышал её слова, он стал плакать и стонать и жаловаться и вспомнил, что произошло в дни его юности, когда одолела его страсть, и сильна была его любовь, и велико было волнение и увлечение, и сожгли его огни любви. И он произнёс такие стихи:

«Клянусь страстью, оправданье где ясней:
Всеми членами я болен, слезы лью.
Вот глаза, во мраке ночи что не спят,
И сердца, что как кремь сечут огонь.
Испытали мы любовь, когда росли,
Отличали тяжкое от лёгкого,
А потом я продал душу, быв влюблён,
За сближение с любимым, что далёк,
И опасности подвергся, думая,
Что, быть может, торг мой будет выгодным.
Ведь обычно у влюблённых – кто купил
Близость с милым, тот сверхвыгодно купил».

А окончив эти стихи, рыбак подвёл лодку к берегу и сказал девушке: «Сойди в лодку, я

переправлюсь с тобой, в какое ты захочешь место». И аль-Вард-фи-ль-Акмам сошла в лодку, и рыбак поплыл с нею, но, когда он немного отъехал от берега, на лодку подул сзади ветер, и она пошла быстро, так что берег скрылся с их глаз, и рыбак не знал, куда едет. И ветер (продолжал усиливаться в течение трех дней, а потом он утих по изволению Аллаха великого, и лодка плыла с ними, пока не приплыла к городу на берегу моря...»

И Шахразад устала, и она прекратила дозволенные речи.

Триста семьдесят восьмая ночь

Когда же настала триста семьдесят восьмая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что, когда лодка с рыбаком и аль-Вард-фи-ль-Акмам приплыла к городу у моря, рыбак хотел пристать к берегу. А там был царь, отличавшийся великой яростью, звали его Дирбас. Он в это время сидел со своим сыном в царском дворце, и они смотрели в окно и обратили взоры в сторону моря и увидели эту лодку. И они вгляделись в неё и увидели там женщину, подобную луне на склоне неба, и в ушах у неё были кольца с дорогими бадахшанскими рубинами, а на шее ожерелье из драгоценных камней. И царь понял, что она из дочерей вельмож и царей, и спустился из дворца и вышел через ворота, которые вели к морю, и увидел, что лодка уже пристала к берегу и девушка спит, а рыбак укрепляет лодку у причала. И царь пробудил девушку от сна, и она проснулась плача, и царь спросил её: „Откуда ты и чья ты дочь и почему ты прибыла сюда?“ И аль-Вард-фи-ль-Акмам ответила ему: „Я дочь Ибрахима, везиря царя Шамиха, и причина моего прибытия сюда – дело великое и обстоятельство диковинное“. И она рассказала ему всю свою историю с начала до конца, совершенно не боясь его, а затем испустила вздохи и произнесла такие стихи:

«Мне веки поранила слеза, необычную
Создав во мне грусть, когда лилась и текла она,
Причиной тому был друг, в душе поселившийся
Навек, но с ним близости в любви не имела я.
Прекрасны черты его, блистают, цветут они,
Арабов и турок он красою затмит своей.
И солнце и месяц сам склонились перед ним
Влюблено, и вежливость пред ликом его блюдут,
Глаза его колдовством чудесным насурмлены,
И в них ты увидишь лук, для выстрела поднятый.
О тот, кому о себе сказала я все, прося
Прощенья, будь кроток с той, кем страсть забавляется!
Любовью закинута я в вашу страну теперь,
Решимость моя слаба, от вас я жду помощи.
Всегда благородные, когда в их страну придёт
Просящий о помощи, защиту в нужде дают»
Покрой же позор людей любви, о предел надежд,
И будь ты сближения влюблённых причиною!»

А окончив эти стихи, она рассказала царю свою историю с начала до конца, и затем пролила слезы и сказала такие стихи:

«Мы жили и видели в любви той чудесное
Весь год, а ведь сказано: как в Реджеб³⁹⁸ всегда живи,

³⁹⁸ Реджеб – седьмой месяц мусульманского года; ещё до ислама был месяцем перемирия; в течение этого времени воспрещались всякие военные действия и устраивались празднества, совпадающие с ярмаркой.

И разве не чудо то, что в утро отъезда их
Водою слезы моей я пламя в груди зажгла,
А веко очей моих дождём серебро лило,
А поле щеки моей златые ростки дало.
И мнится, шафрана цвет, по ней разошедшийся, –
С рубахи Иосифа, в крови перемазанной».

И когда царь услышал слова девушки, он убедился в её любви и страсти, и его взяла жалость к ней, и он сказал ей: «Нет для тебя страха и испугаты достигла желаемого, и я обязательно приведу тебя к тому, что ты хочешь, и доставлю тебе то, что ты ищешь. Выслушай же от меня такие слова».

И он произнёс:

«Дочь знатных, достигла ты пределов желания –
Весть радостную узнай и тягот не бойся ты.
Сегодня я соберу богатства и их пошлю
Я к Шамиху, и пошлю коней я и витязей.
Пошлю мешки мускуса, парчу отошлю ему,
И белое серебро пошлю я, и золото.
О да, и поведает ему обо мне письмо,
Что близким его хочу я родичем сделаться,
А ныне я приложу усилия, чтоб помочь
Приблизить к тебе все то, чего ты хотела бы.
Я долго любовь вкушал, и знаю я вкус её,
И ныне прощаю тех, кто чашу любви испил».

А окончив эти стихи, царь вышел к своим приближённым и, призвав везиря, связал тюки с несметными богатствами и велел ему отправляться к царю Шамиху и сказал: «Обязательно привези ко мне человека по имени Унсаль-Вуджуд и скажи царю: „Царь Дирбас хочет с тобой породниться, выдав свою дочь замуж за Унс-аль-Вуджуда, твоего приближённого. Его необходимо послать со мною, чтобы мы написали брачный договор царевны в царстве её отца“».

И потом царь Дирбас написал царю Шамиху письмо, где содержалось все это, и отдал его везирю и подтвердил, чтобы он привёз Унс-аль-Вуджуда, и сказал: «Если ты не привезёшь его ко мне, будешь отстранён от места». И везирь отвечал: «Слушаю и повинуюсь!»

И затем он отправился с подарками к царю Шамиху, а прибыв к нему, передал привет от царя Дирбаса и отдал письмо и подарки. И когда царь Шамах увидал дары и прочитал письмо и увидел имя Унс-аль-Вуджуда, он заплакал сильным плачем и сказал везирю, присланному к нему: «А где Унс-аль-Вуджуд? Он ушёл, и мы не знаем о нем ничего. Найди мне его, и я дам тебе во много раз большие подарки, чем ты привёз».

И потом он стал плакать, стонать и жаловаться и пролил слезы и произнёс такие стихи:

«Любимого мне верните!
Не надобно мне богатства!
Подарков я не желаю –
Ни жемчуга, ни рубинов.
Со мной жил полный месяц
На небе красот высоко;
Всех выше красотой и свойством,

С газелями несравнимый.
На ветку походит станом,
Плоды на которой – нега,
Но нет ведь тех свойств у ветки,
Что разум людей пленяют.
Я нянчил его ребёнком
На лохе забот в неги,
Теперь же о нем горюю,
Им заняты мои мысли».

А потом он обратился к везирию, который привёз дары и послание, и сказал ему: «Ступай к твоему господину и скажи ему, что прошёл уже год, как Унс-аль-Вуджуда нет, и господин не знает, куда он отправился, и не имеет о нем вестей». – «О владыка, – ответил везирь, – мой господин сказал мне: „Если не приведёшь его ко мне, будешь отстранён от везирства и не войдёшь в мой город“. Как же я вернусь без Унс-аль-Вуджуда?»

И тогда царь Шамах сказал своему везирию Ибрахиму: «Ступай с ним и с отрядом людей и разыщите Унс-аль-Вуджуда». И везирь отвечал: «Слушаю и повинуюсь!»

А затем он собрал отряд своих приближённых и взял с собою везиря царя Дирбаса, и они отправились искать Унс-аль-Вуджуда...»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Триста семьдесят девятая ночь

Когда же настала триста семьдесят девятая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что Ибрахим, везирь царя Шамаха, собрал отряд своих приближённых и взял с собою везиря царя Дирбаса, и они отправились искать Унс-аль-Вуджуда. И всякий раз, как они проходили мимо кочевых арабов или оседлого племени, они спрашивали: „Проходил ли здесь человек, которого зовут так-то и облик его такой-то?“ Но им отвечали: „Мы такого не знаем“.

И они опрашивали во всех городах и селеньях и искали на равнинах и на горах, в степях и в пустынях, пока не пришли к берегу моря. И они потребовали лодку и сели в неё и ехали, пока не достигли Горы лишившейся ребёнка. И тогда везирь царя Дирбаса опросил везиря царя Шамаха: «Почему рту гору так называли?» И везирь ответил: «Потому, что здесь поселилась в древние времена джинния, и была эта джинния из джиннов Китая. И она полюбила одного человека, и охватила её к нему страсть. Но джинния боялась своих родных. И когда увеличилась её страсть, она стала искать на земле места, где могла бы укрыть этого человека от своих близких, и нашла эту гору, пути к которой не может найти никто, ни человек, ни джинн. И она похитила своего возлюбленного и отнесла его на гору и стала улетать от своих и приходить к нему потихоньку. И так продолжалось долгое время, пока не родила она на этой горе много детей. И купцы, которые проезжали по морю мимо этой горы, слышали детский плач, похожий на плач матери, лишившейся детей (то есть потеряла их), и говорили: „Разве здесь есть лишившаяся ребёнка?“ И удивился везирь царя Дирбаса этим словам.

Путники шли, пока не дошли до дворца, и постучали в ворота, и ворота раскрылись, и к ним вышел евнух, и узнал Ибрахима, везиря царя Шамаха, и поцеловал ему руки, а потом везирь вошёл во дворец и увидел на дворе среди евнухов одного факира. И это был Унс-аль-Вуджуд. И везирь спросил: «Откуда этот человек?» И ему оказали: «Это купец. Его имущество утонуло, но он сам спасся. Он одержимый».

И везирь оставил его и вошёл во дворец, но не увидел и следа своей дочери. И тогда он начал расспрашивать невольниц, которые были там, и они сказали: «Мы не знаем, как она ушла, и она пробыла с нами короткое время».

И везирь пролил слезы и произнёс такие стихи:

«Вот жилище, где певали стаи птиц,
И порог его цветами был покрыт»
Но пришёл влюблённый плачущий к нему
И увидел, что открыта его дверь.
Если б знать мае, что я душу потерял
Близ жилища, чьи владельцы ушли!

Занято мыслью об исчезновении его дочери аль-Вард-филь-Акмам. И везирь царя Дирбаса пожелал отправиться в свою страну, не достигнув желаемого. И везирь Ибрахим, отец аль-Вард-фи-ль-Акмам, стал с ним прощаться, и везирь царя Дирбаса сказал ему: «Я хочу взять с собою этого факира – может быть, Аллах великий смягчит ко мне сердце царя по его благословию, ибо этот факир – восхищённый Аллахом. А потом я пошлю его в страну Испахан, так как она близко от нашей страны». – «Делай что хочешь», – сказал ему везирь Ибрахим, и каждый из них отправился своей дорогой. И везирь царя Дирбаса взял Унс-аль-Вуджуда с собой...»

И Шахразиду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Триста восьмидесятая ночь

Когда же настала ночь, дополняющая до трехсот восьмидесяти, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что везирь царя Дирбаса взял с собою Унс-аль-Вуджуда, покрытого беспамятством, и ехал с ним три дня, – а юноша был без чувств, – и его везли на мулах, и он не знал, везут его или нет.

А очнувшись от беспамятства, он спросил: «В какой я местности?» И ему сказали: «Ты вместе с везирем царя Дирбаса». А потом пошли к везиру и рассказали ему, что Унс-аль-Вуджуд очнулся. И везирь послал ему розовой воды и сахару, и Унс-аль-Вуджуда напоили и оживили его, и ехали до тех пор, пока не приблизились к городу царя Дирбаса. И царь послал сказать везиру: «Если Унс-аль-Вуджуда с тобою нет, не приходи ко мне никогда!» И везирь прочитал приказ царя, и ему стало от этого тяжело.

А везирь не знал, что аль-Вард-фи-ль-Акмам находится у царя, и не знал, почему его послали за Унс-аль-Вуджудом, и не знал, почему царь Дирбас хочет породниться с царём Шамихом.

И Унс-аль-Вуджуд не знал, куда его везут, и не знал, что везирь послан его искать. А везирь не знал, что это и есть Унс-аль-Вуджуд. И когда везирь увидел, что Унс-аль-Вуджуд очнулся, он сказал ему: «Царь послал меня по одному делу, и оно не исполнено, и, когда царь узнал о моем прибытии, он прислал мне письмо, в котором велел мне не вступать в город, если дело не исполнено».

«А в чем нужда царя?» – спросил Унс-аль-Вуджуд. И везирь рассказал ему всю историю. Тогда Унс-аль-ВудЖУД сказал ему: «Не бойся! Иди к царю и возьми меня с собою, я ручаюсь, что Унс-аль-Вуджуд придёт». И везирь обрадовался и воскликнул: «Правда ли то, что ты говоришь?» И Унс-аль-Вуджуд ответил: «Да!» И тогда везирь сел на коня и взял с собой Унс-аль-Вуджуда и поехал с ним к царю.

И когда они прибыли к царю, тот спросил везирия: «Где Унс-аль-Вуджуд?» И Унс-аль-Вуджуд сказал: «О царь, я знаю местопребывание Унс-аль-Вуджуда». И царь приблизил юношу к себе и спросил его: «А где он?» И Унс-аль-Вуджуд отвечал «Очень близко, но скажи мне, что ты от него хочешь, и я приведу его к тебе». – «С любовью и охотой, – ответил царь, – но только это дело требует уединения». И царь велел людям уйти и, войдя с Унс-аль-Вуджудом в уединённое место, рассказал ему всю историю, с начала до конца. И тогда Унс-аль-Вуджуд сказал ему «Принеси мне роскошную одежду и надень её на

меня, и я быстро приведу к тебе Унс-аль-Вуджуда».

И царь дал ему роскошное платье, и Унс-аль-Вуджуд надел его и сказал: «Я Унс-аль-Вуджуд, горе завидующих!» А потом он метнул в сердца взорами и произнёс такие стихи:

«Дружна в одиночестве со мною о милом мысль,
И гонит она тоску, хоть я в отдалении.
Глаза мои во слезах, и лишь когда лью слезу
Из глаз я, вздыхать легко мне снова становится,
Тоска моя так сильна, что равной ей не найти,
И дивны дела мои в любви и влюблённости.
И ночи я провожу без сна, не смыкая глаз,
И в страсти своей мечусь меж раем и племенем,
Терпенье прекрасное имел, но утратил я,
И только усилилась любовь и беда моя.
И телом я тонок стал от мук отдаления,
И страсть изменила облик мой и лицо моё.
И веки очей моих болят от текущих слез,
Из глаз не могу я слез струящихся удержать.
Уж нет больше хитростей, и душу утратил я,
И долго ли горести я буду испытывать?
И сердцем и головой я сед одинаково,
Тоскуя по господам, чья прелесть превыше всех.
Расстались мы, вопреки желанью и воле их,
Желают они со мной лишь встречи и близости.
О, если бы знать нам, после дали и горести
Подарит ли мне судьба с любимым сближение?
И дали свернёт ли свиток, ею развёрнутый,
Сотрёт ли все тяготы сближения радостью?
И будет ли милый мне в дому сотрапезником
И сменит ли печаль чистейшей отрадою».

А когда он окончил свои стихи, царь сказал ему: «Клянусь Аллахом, вы поистине верные влюблённые, как две звезды, сияющие в небе красоты, я дело ваше удивительно, и обстоятельства ваши диковинны!» И потом он рассказал Унс-аль-Вуджуду повесть аль-Вард-фи-ль-Акмам до конца, и юноша спросил его: «А где же она, о царь времени?» И царь ответил: «Она теперь у меня»

И царь призвал судью и свидетелей и заключил договор девушки с Унс-аль-Вуджудом и выказал ему почёт и оказал ему милости, а потом царь Дирбас послал посланного к царю Шамиху и известил обо всем, что случилось у него с Унс-аль-Вуджудом и аль-Вард-фи-ль-Акмам.

И царь Шамих до крайности обрадовался этому и послал письмо, где стояло: «Раз заключение договора произошло у тебя, подобает, чтобы празднество и вход мужа к жене были у меня». И потом он снарядил верблюдов, коней и людей и послал за Унс-аль-Вуджудом и аль-Вард-фи-ль-Акмам. И когда посланные пришли к царю Дирбасу, царь помог юноше и девушке большими деньгами и отослал их в сопровождении многих воинов. И они ехали, пока не достигли города, и был этот день днём зрелища, великолепнее которого не видали. И царь Шамих собрал всех певиц с инструментами для пения и устроил пиры, и так провели семь дней. Каждый день царь Шамих награждал людей роскошными одеждами и оказывал им милости. А потом Унс-аль-Вуджуд вошёл к аль-Вард-фи-ль-Акмам и обнял её, и они сидели и плакали от чрезмерного счастья и радости, и аль-Вард-фи-ль-Акмам произнесла такие стихи:

«Веселье пришло, уняв заботы и горести,
И вместе сошлись мы вновь на горе завистникам.
Сближения ветерок подул благовонный к нам,
И сердце он оживил, и тело, и все внутри.
И дружбы сияние блеснуло прекрасной нам,
И бьёт барабан о нас со всех четырех сторон.
Не думайте, что от горя ныне мы плачем с ним –
Напротив, от радости глаза наши слезы льют.
Ведь сколько увидели мы страхов, но все ушло,
И вытерпели мы все, что горести нам несло.
В минуту сближения забыла я навсегда
Все страхи и ужасы, седины несущие».

А когда аль-Вард-фи-ль-Акмам окончила своё стихотворение, они обнялись и оставались обнявшись, пока не упали без чувств...»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Триста восемьдесят первая ночь

Когда же настала триста восемьдесят первая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что, когда Унс-аль-Вуджуд и аль-Вард-фи-ль-Акмам встретились, они обнялись и оставались обнявшись, пока не упали без чувств от сладости встречи, а когда они очнулись от бесчувствия, Унс-аль-Вуджуд произнёс такие стихи:

«О, как сладостны мне ночи дивные,
Когда милый справедливым стал ко мне!
Непрерывной стала близость наша тут,
И разлуки прекращение пришло.
И судьба к нам благосклонная идёт,
Хотя раньше отклонялась от нас.
И знамёна счастье ставит нам свои –
В чаше пили мы без примеси его.
Мы сошлись и жаловались на тоску
И на ночи, что нам горе принесли.
Мы забыли все бывшее, господа,
Милосердый нам минувшее простил.
Как приятна и как сладостна вам жизнь!
Обладая, я сильнее лишь люблю».

А когда он окончил своё стихотворение, они обнялись и легли в уединении и проводили время за беседой, стихами и тонкими повестями и рассказами, пока не потонули в море страсти. И прошло над ними семь дней, и они не отличали ночи от дня из-за охватившего их крайнего наслаждения и радости, счастья и веселья, и были эти семь дней точно один день, за которым нет второго, и они узнали, что пришёл седьмой день только по появлению певиц с инструментами³⁹⁹. И аль-Вард-фи-ль-Акмам выразила великое удивление и произнесла такие стихи:

³⁹⁹ На седьмой день после свадьбы по мусульманскому обычаю жена принимает своих подруг, а муж – своих друзей. При этом на ту и на другую половину приходят певицы с музыкальными инструментами.

«Завистникам всем, доносчикам всем на злобу
Достигли того, что жаждали мы с любимым,
Добились мы сближения и объятий
И шелка, и парчи блестящей, новой,
На кожаной постели, что набита
Пером и пухом птиц, престранных видом,
И от нужды в вине нас избавляет
Слюна любимого, что слаще мёда»
Сближенье так приятно, что не знаем
Ни дальнего, ни близкого мы часа
Уж семь ночей над нами пролетели,
А мы не знаем, сколько их, вот диво!
Поздравьте же с неделей и скажите:
«Продли, Аллах, сближение с любимым!»

А когда она окончила стихи, Унс-аль-Вуджуд поцеловал её больше сотни раз, а затем он произнёс такие стихи:

«День радости пришёл и поздравлений,
Явился милый, от разлуки спасшись
Развлёк меня он радостью сближенья
И вед со мной приятную беседу.
И так меня вином поил он дружбы,
Что я исчез из мира, упоённый,
И радостно и весело легли мы,
И за вино взялись мы и за песни.
От крайнего восторга не умели
Мы отличить день первый от второго»
Во здравие любимому сближенье,
И пусть, как к нам, к нему придёт веселье,
Пусть горечи не знает он разлуки,
И пусть господь его, как нас, поздравит».

А когда Унс-аль-Вуджуд окончил это стихотворение, они поднялись и вышли из своих покоев и пожаловали людям деньги и одежды и стали давать и одарять. И альВард-фи-ль-Акмам приказала очистить для себя баню и сказала Унс-аль-Вуджуду: «О прохлада моих глаз, я хочу видеть тебя в бане, мы будем там наедине, и с нами никого не будет».

И увеличилась их радость, и аль-Вард-фи-ль-Акмам произнесла такие стихи:

«О ты, кто издавна владеешь мною
(А новое от старого не помощь)»
О ты, кому замены не найду я,
Друзей иных себе не пожелаю,
Пойдём-ка в баню, свет моего глаза,
Увидим рай мы там, посреди ада⁴⁰⁰»
А после алоэ и недд возьмём мы,

⁴⁰⁰ В мусульманской бане существует горячее и холодное отделение, между которыми находится комната с промежуточной температурой».

Чтобы повеял дух его прекрасный.
И все грехи судьбы мы ей отпустим,
Благодаря владыку всеблагого,
И я окажу, тебя увидя в бане:
«Любимый, на здоровье я на пользу!»

А когда аль-Вард-фи-ль-Акмам окончила своё стихотворение, они встали и пошли в баню и насладились в ней, и вернулись к себе во дворец и прожили там в приятнейших радостях, пока не пришла к ним Разрушительница наслаждений и Разлучительница собраний. Да будет же слава тому, кто не изменяется и не прекращается и к кому все дела возвращаются!

Рассказ об Абу-Новасе и трех юношах (ночи 381-383)

Рассказывают также, что Абу-Новас остался в один день из дней наедине с собою и приготовил роскошное помещение, где расставил всякие кушанья и всевозможные блюда — все, чего пожелают уста и язык. А потом он вышел пройтись и поискать возлюбленного, подобающего этому покою, и сказал: «Боже мой, господин и владыка, прошу тебя, приведи мне кого-нибудь, кто подходит для этого покоя и годится, чтобы разделить со мной трапезу в сегодняшний день».

И не закончил он ещё своих слов, как увидел трех безбородых красавцев, подобных юношам райских садов, но только цвета они были разного, а прелести их были сходны своей необычайности. И гибкость их членов возбуждала надежду согласно словам сказавшего:

Увидел я двух юношей и молвил: «Влюбился я в вас», а юноши спросили: «И деньги есть?» Сказал я: «Есть и щедрость» Тогда они сказали: «Дело близко»

А Абу-Новас следовал этому толку и веселился и развлекался с красавцами, и срывал он розы с каждой цветущей щеки, как сказал поэт:

Вот старец великий, который влюблѐн.
Хорошеньких любит и радости он.
Хоть был он мосульцем в пречистой земле,
Один только Халеб он помнит всегда⁴⁰¹.

И Абу-Новас пошёл к этим юношам и приветствовал их пожеланием мира, и они встретили его с наилучшим приветом и уважением, а потом хотели уйти в какую-то сторону, но Абу-Новас удержал их и произнёс такие стихи:

«К другому вы не бегите —
Со мною залежи блага.
Со мной блестящий напиток,
Монах его приготовил,
И есть у меня барашек
И всякого рода птицы.
Поешьте же и напейтесь
Вина, что заботы гонит,
Друг к другу любовь познайте,
И суньте меня меж вами».

⁴⁰¹ Жители города Халеба (Алеппо), в северной Сирии, по представлению остальных мусульман, отличались распушенностью нравов.

И когда он обманул юношей своими стихами, они почувствовали склонность удовлетворить его и ответили...»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Триста восемьдесят вторая ночь

Когда же настала триста восемьдесят вторая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что, когда Абу-Новас обманул юношей своими стихами, они почувствовали склонность удовлетворить его и ответили ему вниманием и повиновением. Они пошли с ним в его жилище и увидели, что все, что он описал в своих стихах, находится в доме, и сели и принялись есть и пить, и наслаждались и веселились. И они попросили Абу-Новаса рассудить, кто из них лучше по блеску и красоте и стройнее станом и соразмернее. И АбуНовас указал на одного из них, поцеловав его сначала два раза, и произнёс такие стихи:

«Я душу за родинку отдам на щеке его,
Откуда мне денег взять, чтоб родинку ту купить?
Преславлен, кто от волос очистил щеку его
И всей красоте отвёл жилище в той родинке!»

А потом он указал на второго, поцеловав его сначала в губы, и произнёс такие стихи:

«Возлюбленный! Он родинкой украшен,
Как мускусом на камфаре блестящей»
Её увидев, взор мой изумился,
Она же мне: «Молитесь о пророке!»⁴⁰²

А потом он указал на третьего, поцеловав его сначала десять раз, и произнёс такие стихи:

«В серебряном стакане плавит золото
Юнец, что выкрасил вином ладони.
Ходил он с кравчими и винной чашей,
Глаза же его с другими двумя ходили.
Прекрасный газеленок, дитя турок,
Влекут бока его Хонейна⁴⁰³ горы.
Хотя в «кривом» душа и обитает,
Но сердцем среди «движущих» живу я.
Любовь ведёт один в долины Бекра,
Другой в страну мечетей её тянет».

А каждый из двух молодцов уже выпил по два кубка, и, когда дошла очередь до Абу-Новаса, он взял кубок и произнёс такие два стиха:

⁴⁰² Молитесь о пророке – восклицание, обращаемое к тому, кто выражает какие-либо неблагочестивые чувства.

⁴⁰³ Хонейн – название долины близ Мекки – смысл этой строки: части тела, примыкающие снизу к бокам, так же тяжелы, как горы.

«Вино ты берёшь из рук газели изнеженной,
Что нежностью свойств тебе и винам подобна,
Вином насладиться могут пьющие лишь тогда,
Когда у поящего блистают ланиты».

И потом он выпил свою чашу, и она пошла кругом, и, когда очередь в другой раз дошла до Абу-Новаса, радость одолела его, и он произнёс такие стихи:

«Своим сотрапезником ты кубок с вином назначь,
Друг друга сменяющий, пей кубок за кубком.
Из рук яркоустого и дивно прекрасного,
Что нежен, когда поспит, как плод или мускус.
Вино ты бери из рук газели изнеженной –
Лобзанье щеки её приятней вина мне».

И когда опьянение одолело Абу-Новаса и он не мог отличить руки от головы, он склонился к юношам, целуя их и обнимая и свивая ноги с ногами, не задумываясь о грехе и позоре, и произнёс такие стихи:

«Вполне я наслаждаюсь лишь с юношей,
Что пьёт, и с ним прекрасные вместе.
Один поёт, другой же, когда его
Он тормозит, приветствует кубком.
И всякий раз, когда лобзанье нужно мне,
Кому-нибудь я губы целую.
На благо им! Приятен мой с ними день,
Дивлюсь я, как был он мне сладок.
И лью вино я чистым и смешанным
С условием: кто ляжет, тех любим!»

И когда они сидели так, вдруг кто-то постучал в дверь, и пришедшему позволили войти, и, когда он вошёл, оказалось, что это повелитель правоверных Харун ар-Рашид. И все поднялись перед ним и поцеловали землю меж его рук, и Абу-Новас очнулся от опьянения, так как боялся величия халифа.

И повелитель правоверных сказал ему: «Эй, Абу-Новас!» И Абу-Новас ответил: «Я здесь, о повелитель правоверных, да поддержит тебя Аллах!» И халиф спросил: «Что это за дело?» – «О повелитель правоверных, нет сомнения, что дела избавляют от нужды спрашивать», – ответил Абу-Новас. А халиф оказал: «О Абу-Новас, я спросил совета у Аллаха великого и назначил тебя кадием сводников». – «А тебе любезно такое назначение, о повелитель правоверных?» – спросил Абу-Новас. «Да», – отвечал халиф. И Абу-Новас спросил: «О повелитель правоверных, нет ли у тебя прошения, которое ты мне предъявишь?» И повелитель правоверных разгневался и, повернувшись, ушёл и оставил их, полный гнева. А когда спустилась ночь, повелитель правоверных провёл её в сильном гневе на АбуНоваса, а Абу-Новас провёл ночь самым радостным образом, развлекаясь и веселясь.

Когда же настало утро и светило засияло и заблестало, Абу-Новас распустил собрание и отослал юношей. Надев одежду торжеств, он вышел из дома и направился к повелителю правоверных. А повелитель правоверных имел обычай, распустив диван, приходить в приёмный зал. Затем он созывал туда поэтов, сотрапезников и музыкантов, и каждый садился на своё место, не преступая его. И случилось так, что в этот день халиф вышел из дивана в зал и призвал своих сотрапезников и посадил их на их места. А когда пришёл Абу-Новас и захотел сесть на своё место, повелитель правоверных позвал Масрура-меченосца и велел ему снять с Абу-Новаса одежду, привязать ему на спину ослиное

седло, а на голову надеть повод, и на зад подхвостник и водить его по комнатам невольниц...»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Триста восемьдесят третья ночь

Когда же настала триста восемьдесят третья ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что повелитель правоверных приказал Масруру-меченосцу снять с Абу-Новаса одежду и привязать ему на спину седло и надеть ему на голову повод и на зад подхвостник и водить его по комнатам невольниц и помещениям женщин и другим покоем, чтобы над ним смеялись, а после этого отрубить ему голову и привести её. И Масрур сказал: „Слушаю и повинуюсь!“ И принялся делать то, что велел ему халиф. Он стал водить Абу-Новаса по комнатам (а их было числом столько же, сколько дней в году), я Абу-Новас был смешон, и все, кто его видел, давали ему деньги, так что он вернулся не иначе, как с полным карманом денег. И когда он был в таком положении, вдруг приблизился Джафар Барматоид и вошёл к халифу (а он был в отлучке по важному делу повелителя правоверных) и увидел АбуНоваса в таком положении, и узнал его и сказал: „Эй, АбуНовас!“ И Абу-Новас ответил: „Это я, о владыка наш!“ А Джафар спросил его; „Какой ты совершил грех, что тебе досталось такое наказание?“ – „Я не совершил греха, – ответил Абу-Новас, – я подарил владыке халифу прекраснейшие из моих стихов, а он подарил мне прекраснейшую из своих одежд“. Услышав это, повелитель правоверных Засмеялся смехом, исходящим из сердца, полного гневом, и простил его и велел дать ему кошелёк денег.

Рассказ об Абд-Аллахе ибн Мамар (ночь 383)

Рассказывают также, что один из жителей Басры купил невольницу и отлично её воспитал и обучил. Он полюбил её великой любовью и истратил все свои деньги, развлекаясь и веселясь с нею так, что у него ничего не осталось, и жестокая бедность начала мучить его. И тогда (невольница сказала ему: «О господин, продай меня – ты нуждаешься из-за меня, и я сожалею, видя, как ты беден. Если ты продашь меня и будешь иметь полученные за меня деньги, это будет для тебя лучше, чем если я останусь. Может быть, Аллах великий расширит твой достаток»).

И хозяин невольницы согласился на это из-за своего стеснённого положения и повёл её на рынок. И посредник предложил девушку эмиру Басры (а звали его Абд-Аллах ибн Мамар ат-Тайми), и она ему понравилась, и он купил её за пятьсот динаров и отдал деньги господину. И когда господин невольницы взял их и хотел уйти, девушка заплакала и произнесла такие два стиха:

«Во здравие тебе те деньги, что приобрёл теперь,
А мне остаётся горе и размышление,
И я говорю душе, тоскующей горестно:
«Прибавишь, убавишь ты, – любимого уже нет»

И когда господин невольницы услышал эти слова, он стал испускать вздохи и произнёс такие стихи:

«Когда не найдёшь в делах уловки и хитрости
И смерть лишь останется тебе – извини тогда.
И утром и вечером лишь память о них мне друг,
И с сердцем я говорю, что крепко задумалось.
Привет тебе! Посетить не можем друг друга мы,

Сближение может быть лишь волей ибн Мамара».

И когда Абд-Аллах ибн Мамар услышал их стихи и увидел их огорчение, он воскликнул: «Клянусь Аллахом, я не буду помощником вашей разлуки, ясно, что вы друг друга любите. Возьми деньги и девушку, о человек, – да благословит тебя в этом Аллах! – разлука тягостна для влюблённых!..»

И оба поцеловали ему руки и ушли, и они пробыли вместе, пока не разлучила их смерть. Слава же тому, кого не постигает гибель!

Рассказ об узрите и его возлюбленной (ночи 383-384)

Рассказывают также, что был в племени Бену-Узра некий образованный человек, который ни одного дня не проводил без любви.

И случилось ему полюбить одну женщину, прекрасную станом. Несколько дней он посылал ей послания, но она была к нему сурова и чуждалась, пока страсть и любовь и волнение не измучили его вконец. И он заболел сильной болезнью и слёг на подушки и избегал сна, и люди узнали об этом, и распространилась молва о его любви...»

И Шахразду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Триста восемьдесят четвёртая ночь

Когда же настала триста восемьдесят четвёртая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что этот человек слёг на подушки и избегал сна, и люди узнали об этом, и распространилась молва о его любви.

И болезнь его усилилась, и велики стали его страдания, так что он едва не умер. И его родные и родные той женщины не переставали просить её, чтобы она его навестила, но она отказывалась, пока тот человек не приблизился к смерти. И ей рассказали об этом, и тогда она сжалилась над ним и оказала ему милость, посетив его. И когда он её увидел, из глаз его покатились слезы, и он произнёс с разбитым сердцем:

«Я жизнью молю твоей, носилки когда пройдут
Мои перед тобой (их четверо на плечах снесут), –
Последуешь ли за ними ты, чтобы приветствовать
Могилу погибшего и в яме зарытого?»

И женщина, услышав его слова, заплакала сильным плачем и воскликнула: «Клянусь Аллахом, я не думала, что любовь ко мне ввергнет тебя в руки гибели! Если бы я Знала это, я наверное тебе помогла бы и насладились близостью с тобой».

И когда тот человек услышал слова женщины, его слезы потекли, как из облака, льющего дождь, и он произнёс слова поэта:

«Пришла она, но уж смерть меж нею и мной стоит,
И близость дала она, но в близости пользы нет»

И потом он издал вопль и умер, а женщина упала на него, целуя его и плача, и плакала до тех пор, пока не впала в беспамятство, а очнувшись, завещала своим родным похоронить её, когда она умрёт в его могиле. И она пролила из глаз слезы и сказала такие стихи:

«И были мы на хребте земли, – жизнь ясна была –
И стал наш был нами горд, и дом наш и родина,
Но вот разлучили нас превратности времени,

И саван нас единит в утробе земли теперь».

А окончив свои стихи, она заплакала сильным плачем и не переставая рыдала, пока не упала без памяти. И она пробыла в бесчувствии три дня и умерла, и её похоронили в могиле того человека, и это одно из дивных совпадений в любви.

Рассказ о везире Бедр-ад-дине (ночь 384)

Рассказывают также, что у владыки Бедр-ад-дина, везира Йемена, был брат редкой красоты. Бедр-ад-дин стал искать человека, чтобы обучить своего брата, и нашёл старца, величавого, достойного, целомудренного и благочестивого, и поселил его рядом со своим жилищем. И старец провёл у него несколько дней, и ежедневно ходил из своего дома в дом владыки Бедр-ад-дина, чтобы учить его брата, а затем возвращался к себе домой. А потом в сердце старика запылала любовь к этому юноше и усилилась его страсть и поднялось в нем волнение, и однажды он пожаловался юноше на то, что с ним, и юноша сказал: «Как мне ухитриться, когда я не могу оставить брата ни ночью, ни днём – он постоянно со мною, как ты видишь!» – «Моё жилище рядом с твоим жилищем, – ответил старик, – и когда твой брат заснёт, ты можешь встать и уйти в покой уединения, и сделай вид, будто ты заснул, а потом подымись по стене на крышу, и я приму тебя из-за ограда. Ты пробудешь у меня один миг и вернёшься, и твой брат ничего не узнает». И юноша отвечал: «Слушаю и повинуюсь!» И старец приготовил всякие редкости, подходящие к сану юноши, и вот что было с ним.

Что же касается юноши, то он вошёл в покой уединения и подождал, пока его брат лёг на ложе, и, когда подошёл час ночного времени и брат погрузился в сон, юноша поднялся и подошёл к стене. И он увидел, что старик стоит и ждёт его, и тот протянул ему руку, и юноша взял его руку и вошёл в дом, а ночь была ночью полнолуния. И они сидели за трапезой, и между ними ходила чаша с вином. И старец запел, а луна бросала на них свои лучи. И пока они проводили время в веселье и радости, наслаждении, счастье и блаженстве, ошеломляющем ум и взоры и слишком великом для описания, владыка Бедр-ад-дин проснулся и не нашёл своего брата и поднялся испуганный и увидел, что дверь открыта. Тогда он вышел и услышал звуки разговора. Поднявшись по стене на крышу, он увидел свет, сиявший в доме, и тех двоих за чашей вина.

И старец услышал его (а чаша была у него в руках) и Затянул напев и произнёс такие стихи:

«Вино слюны своей он дал мне выпить,
Приветствуя пушкой и тем, что рядом.
И слал со мной, щека к щеке, обнявшись,
Красавец, среди сухих бесподобный.
И полная луна на нас смотрела,
Её спроси, – она не выдаст брата».

И владыка Бедр-ад-дин был столь кроток, что, услышав эти стихи, он воскликнул: «Клянусь Аллахом, я не выдам вас». И ушёл и оставил их в полнейшей радости.

Рассказ о школьнике и школьнице (ночи 384-385)

Рассказывают также, что мальчик и девочка учились читать в школе, и мальчика охватила любовь к девочке...»

И Шахразадку застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Когда же настала триста восемьдесят пятая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что мальчика охватила любовь к девочке, и он полюбил её сильной любовью. И вот наступил какой-то день, и в минуту, когда дети не видели, мальчик взял доску девочки и написал на ней такие два стиха: „Что можешь о том сказать, болезнью кто измождён, От крайней любви к тебе, и стал он смущённым. Он сетует на любовь, тоску и страдание, И то, что в душе его, сокрыть он не может“.

И когда девочка взяла свою доску, она увидела стихи, написанные на ней, и, прочитав их и поняв их смысл, она заплакала от жалости к мальчику и написала на доске под стихами мальчика такие строки:

«Когда мы влюблённого увидим, что измождён
Своею влюблённостью!», мы милость окажем.
И цели своей в любви достигнет свободно он,
Хоть будет враждебна нам и все, что бывает».

И случилось так, что учитель вошёл к ним, когда его не видели, и нашёл эту доску и взял её и прочитал то, что на ней было, и пожалел мальчика и девочку и написал под их надписями такие два стиха:

«С возлюбленным будь близка и кары не бойся ты, –
Влюблённый, поистине, в любви растерялся.
И что до учителя – не бойся его совсем, –
Поистине, испытал он страсть не однажды».

И случилось так, что господин одной невольницы вошёл в ту минуту в школу и нашёл доску девочки и взял её и прочитал написанные там слова девочки и мальчика и учителя, и тогда он тоже написал на доске, под всеми надписями, такие два стиха:

«Аллах да не разлучит навеки обоих вас,
И пусть растеряется доносчик, устанет.
Учитель же – поклянусь Аллахом, глаза мои
Не видели сводника успешней, чем этот!»

И потом господин невольницы послал за судьёй и свидетелями и написал её запись с юношей в этой же комнате и устроил пир и оказал им великую милость. Так пребывали они вместе, наслаждаясь и радуясь, пока не застигла их Разрушительница наслаждений и Разлучительница собраний.

Рассказ об аль-Муталаммисе (ночь 385)

Рассказывают также, что аль-Муталаммис⁴⁰⁴ убежал от ан-Нумана ибн аль-Мунзира и долго отсутствовал, так что подумали, что он умер.

У него была красивая жена, по имени Умейма, и её родные советовали ей снова выйти замуж, но она отказалась. Но родные не отступали и принуждали её выйти замуж, так как к ней сватались многие. И она согласилась, чувствуя к этому отвращение. И её выдали за одного человека из её племени, а она любила своего мужа аль-Муталаммиса великой любовью.

Наступила та ночь, когда её должны были отвести к человеку, за которого заставили

⁴⁰⁴ Аль-Муталаммис – известный доисламский поэт, жил во второй половине VI века.

выйти замуж. Но в эту ночь пришёл её муж аль-Муталаммис. Он услышал в стане Звуки свирелей и бубнов и увидел признаки торжества и спросил у кого-то из детей, что это за торжество, и ему сказали: «Умейму, жену аль-Муталаммиса, выдали за такого-то, и вот он входит к ней сегодня ночью».

И когда аль-Муталаммис услышал эти слова, он ухитрился войти к невесте среди прочих женщин и увидел, что жених и невеста на ложе, и жених уже подошёл к ней. И тогда она глубоко вздохнула и заплакала и произнесла такой стих:

«О, если б могла я знать, – случайностей много ведь, –
В какой ты земле живёшь теперь, Муталаммис мой».

А её муж, аль-Муталаммис, был из числа знаменитых поэтов, и он ответил ей такими словами:

«Я рядом с тобою здесь, Умейма, ты это знай.
К тебе лишь стремился я, привал когда делали».

И тогда жених все понял, и поспешно вышел, произнося такие слова:

«Во благе я прежде жил, а ныне – наоборот,
И свёл нас друг с другом дом просторный и комната».

И он покинул их и ушёл, и с женщиной остался аль-Муталаммис, её муж, и жили они жизнью самой хорошей, ясной, и счастливой, и приятной, пока их не разлучила смерть. Слава же тому, по чьему велению стоят земля и небеса!

Рассказ о Харуне ар-Рашиде и Ситт-Зубейде (ночи 385-386)

Рассказывают также, что халиф Харун ар-Рашид любил Ситт-Зубейду великой любовью. Он устроил ей место для прогулок и сделал там прудик с водой и доставил изгородь из деревьев и пустил в пруд воду со всех сторон, и деревья сплелись над ним так, что, если кто-нибудь подходил к этому пруду, чтобы помыться, его никто не видел из-за обилия листьев на деревьях. И случилось, что Ситт-Зубейда пришла однажды к пруду...

И Шахразад устроило утро, и она прекратила дозволенные речи.

Триста восемьдесят шестая ночь

Когда же настала триста восемьдесят шестая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что Ситт-Зубейда однажды пришла к пруду и стала смотреть на его красоту, и ей понравилось его сверканье и то, как сплелись над ним деревья. А было это в очень жаркий день, и Ситт-Зубейда сняла одежду и вошла в пруд и встала там (а вода не покрывала того, кто стоял в ней) и стала наполнять серебряный кувшин и поливать на себя. И халиф узнал об этом и вышел из своего дворца, чтобы подсмотреть за ней из-за листьев деревьев, и увидел её голую, и было видно у неё то, что бывает закрыто. И когда Ситт-Зубейда услышала повелителя правоверных, который был за листьями деревьев, и поняла, что он видел её голой, она повернулась и увидела его и, застыдившись, закрылась рукою, но не совсем, и её тело виднелось из-под руки. И халиф тотчас же повернулся, удивлённый этим, и произнёс такой стих:

«Глаз увидел моте гибель,
И горю я от разлуки».

И он не знал, что после этого сказать, и послал за АбуНовасом, призывая его. И когда поэт к нему явился, халиф сказал: «Скажи стихотворение, которое бы начиналось словами:

«Глаз увидел мою гибель
И горю я от разлуки».

И Абу-Новас сказал: «Слушаю и повинуюсь!» И в следующее мгновение сымпровизировал и произнёс такие стихи:

«Глаз увидел мою гибель,
И горю я от разлуки,
От газели, меня сразу
Взявшей в плен, под сенью сидра⁴⁰⁵,
Что водою обливалась
Из серебряных кувшинов.
Видя нас, его закрыла,
Но был виден из-под рук он,
О, когда б на нем побыть мне
Два часа или часочек».

И повелитель правоверных улыбнулся словам Абу-Новаса и оказал ему милость, и Абу-Новас ушёл от него довольный.

Рассказ о халифе, невольнице и Абу-Новасе (ночь 386)

Рассказывают также, что повелитель правоверных Харун ар-Рашид однажды ночью почувствовал сильное беспокойство. И он пошёл пройтись во все стороны по своему дворцу и увидел невольницу, которая покачивалась от опьянения (а халиф был влюблён в эту невольницу и любил её великою любовью). И он стал с ней играть и привлёк её к себе, и с неё упал плащ, и изар её развязался. И халиф стал просить её о сближении, и невольница сказала: «Дай мне отсрочку до завтрашнего вечера, о повелитель правоверных – я не приготовилась для тебя, так как не знала, что ты придёшь». И халиф оставил её и ушёл.

А когда пришёл день и засияли огни солнца, он послал к ней слугу, чтобы тот уведомил её, что халиф идёт к ней в комнату, но невольница послала сказать ему: «Слова ночные день уничтожает».

И ар-Рашид сказал своим сотрапезникам: «Скажите мне стих, где бы стояло: „Слова ночные день уничтожает“».

И они отвечали: «Слушаем и повинемся!»

И затем выступил вперёд ар-Раккаши и произнёс такие стихи: «Клянусь Аллахом, знай ты моё волнение, Покой ушёл бы от тебя тотчас же.

Ведь та оставила тебя безумным, Кто не идёт, но и не принимает.

А обещав, уйдёт и после скажет:

«Слова ночные день уничтожает».

А после этого вышел Абу-Мусаб к произнёс такие стихи:

«Когда проснулся ты с летящим сердцем
И, сна не зная, ночной покой утратил,
Ужели мало, что глаза льют слезы

⁴⁰⁵ Сидр – кустарник из семейства лотосовых, имеет вкусные ягоды.

И все внутри огонь, как тебя вспомню?
Но улыбнулся он и молвил гордо:
«Слова ночные день уничтожает».

А потом выступил Абу-Новас и произнёс такие стихи:

«Долга любовь, прервались посещения,
Открылись мы, не помогло признание,
Хмельною мне она явилась ночью,
Достоинством украсив опьянение.
И покрывало с плеч её упало
В игре, и плащ прозрачный развязался,
И ветер бедра всколыхнул крутые
И ветку с парюю гранатов малых.
И молвил: «Дай влюблённым обещанье».
Она же: «Завтра будет посещение»,
И утром я сказал: «Обет!» – и слышу:
«Слова ночные день уничтожает!»

И халиф приказал дать каждому из поэтов по кошельку денег, кроме Абу-Новаса. Ему он велел отрубить голову и сказал: «Ты был с нами во дворце ночью!» – «Клянусь Аллахом, – ответил Абу-Новас, – я не спал нигде, кроме своего дома, но твои слова указали мне на содержание стихов, и сказал Аллах великий, – а он самый правдивый из говорящих: „А стихотворцы – за ними следуют обманщики; разве не видишь ты, что они во всякой долине блуждают и что говорят они то, чего не делают?“

И халиф простил его и велел ему выдать два кошелька денег, и потом поэты ушли от него.

Рассказ о Мусабе ибн аз-Зубейре и Аише (ночи 386-387)

Рассказывают также про Мусаба ибн аз-Зубейра, что он нашёл АЗЗУ в аль-Медине (а она была из разумнейших женщин) и сказал ей: «Я намерен жениться на Аише, дочери Тальхи, и мне хочется, чтобы ты пошла к ней и посмотрела, какова её наружность».

И Азза пошла к ней и потом вернулась к Мусабу и сказала: «Я видела лицо прекраснее, чем здоровье. У неё большие глаза, под которыми нос с горбинкой, и овальные щеки, и рот, подобный плоду граната, и шея, точно серебряный кувшин, а под всем этим грудь с сосками, подобными двум гранатам, и под нею втянутый живот с пупком, точно шкатулка из слоновой кости, а зад у неё, как кучка песку, и плотные бедра, и голени, подобные двум мраморным столбам, но я только видела, что её ноги велики. Ты будешь проводить с ней время в минуту нужды».

И когда Азза приписала Аише такие качества, Мусаб женился на ней и вошёл к ней...»

И Шахразад устало застало утро, и она прекратила дозволенные речи.

Триста восемьдесят седьмая ночь

Когда же настала триста восемьдесят седьмая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что, когда Азза приписала Аише, дочери Тальхи, такие качества, Мусуб женился на ней и вошёл к ней. А потом Азза позвала Аишу и корейшитских⁴⁰⁶ женщин к

⁴⁰⁶ Корейшиты – арабское племя, обосновавшееся близ Мекки. Пророк Мухаммед был родом корейшит.

себе домой и пропела (а Мусаб стоял тут же) такие стихи:

«И женщин уста издают аромат,
Сладка их улыбка и их поцелуй,
Вкусила лишь мысли свои я о нем,
Но судят за мысли ведь судьи у нас»

А в ночь, когда Мусаб входил к ней, он ушёл от неё только после семи раз, и его встретила одна из его вольноотпущенниц, когда он проснулся утром, и сказала: «Я выкуп за тебя! Ты был совершенен во всем, даже в этом».

А одна женщина говорила: «Я была у Аиши, дочери Тальхи, и вошёл её муж, и Аишу потянуло к нему, и он упал на неё, а она начала храпеть и стала делать движения чудесные, невиданные и дикийвинные, а я слушала. А когда он вышел от неё, я сказала: „Как ты можешь это делать при твоём благородстве, происхождении и положении, когда я у тебя в доме?“ И она отвечала: „Женщина делает для своего мужа какие только может волнующие, дикийвинные движения, что же ты в этом порицаешь?“ – „Лучше, чтобы это было ночью“, – сказала я. И она отвечала: „Так днём бывает, а ночью я делаю ещё большее, так как, когда мой муж меня видит, в нем начинается двигаться страсть и поднимается похоть, и он тянется ко мне, а я ему послушна, и бывает то, что ты видишь“.

Дошло до меня, что Абу-ль-Асвад купил невольницу косоглазую, из местных уроженок, и был доволен ею. И его родные стали порицать её перед ним, и Абу-ль-Асвад удивился им и, подняв ладони вверх, произнёс такие два стиха:

«Её предо мной бранят, хотя в ней порока нет,
Вот только в глазах её как будто бы пятнышко.
Но если в глазах её и есть порок, то она
Стройна в верхней части тела и тяжела внизу».

Рассказ о Харуде ар-Рашиде и невольницах (ночь 387)

Рассказывают также, что повелитель правоверных Харун ар-Рашид был однажды ночью между двух невольниц, – мединки и куфийки. И куфийка стала растирать ему руки, а мединка растирала ему ноги, и протянула руки к его телу, и тогда куфийка сказала ей: «Я вижу, ты раньше нас взяла капитал для себя одной. Дай и мне мою долю». И мединка ответила: «Говорил мне Малик со слов Хишама ибн Урвы, который передавал со слов своего отца, что пророк говорил: „Кто оживит мёртвое, – принадлежит оно ему и его потомству“.

И тогда куфийка поймала мединку врасплох и оттолкнула её и взяла его всего обеими руками и сказала: «Говорил мне аль-Амаш со слов Хайсамы, передававшего со слов Абд-Аллаха ибн Масуда, что пророк говорил: „Дичь принадлежит тому, кто её поймал, а не тому, кто её согнал“.

Рассказывают также, что Харун ар-Рашид лежал с тремя невольницами – мекканкой, мединкой и иракийкой. И мединка протянула руку к его товару, и тогда меккатака вскочила и потянула его к себе, и мединка сказала ей: «Что это за преступление! Говорил мне Малик со слов аз-Зухри, который передавал слова Абд-Аллаха ибн Салима, слышанные от Сайда ибн Зада, что пророк, – да благословит его Аллах и да приветствует! – говорил: „Кто оживит землю мёртвую, тому она принадлежит!“ А мекканка сказала: „Передавал нам Суфьян слова Абу-з-Зинада, которые тот слышал от аль-Араджа, слышавшего их от Абу-Хурейры, что посланник Аллаха – да благословит его Аллах и да приветствует! – говорил: „Дичь принадлежит тому, кто её поймал, не тому, кто её согнал“. И иракская невольница оттолкнула их и воскликнула: «Это будет моё, пока не окончится ваш спор».

Рассказ о мельнике и его жене (ночи 387-388)

Рассказывают также, что у одного человека была мельница и был у него осел, который молол зерно. А у этого человека была злая жена, и он любил её, но она его не терпела, и любила она своего соседа, а тот её ненавидел и отказывался от неё. И её муж увидел во сне, что кто-то говорит ему: «Копай в таком-то месте, на кругу осла у мельницы – найдёшь сокровище». И, пробудившись от сна, он рассказал жене о своём сновидении и велел ей скрывать это дело, а она рассказала об этом своему соседу...»

И Шахразад у застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Триста восемьдесят восьмая ночь

Когда же настала триста восемьдесят восьмая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что жена мельника рассказала об этом своему соседу, которого любила, чтобы этим приблизиться к нему, и он обещал ей прийти к ней ночью. И он пришёл ночью и стал копать на кругу около мельницы, и они нашли сокровище и вынули его, и сосед женщины спросил её: „Как мы с этим поступим?“ – „Мы разделим это на две части поровну, и ты расстанешься с твоей женой, а я ухитрюсь и оставлю своего мужа, а потом ты на мне женишься, и, когда мы соединимся, мы сложим все деньги вместе, и они окажутся у нас в руках“, – ответила женщина. Но её сосед сказал: „Я боюсь, что сатана собьёт тебя с пути и ты возьмёшь не меня, – ведь золото в жилище, что солнце в мире. Правильное решение в том, чтобы все деньги были у меня и ты бы постаралась освободиться от мужа и прийти ко мне“. – „Я также боюсь того, чего боишься ты, и не отдам тебе моей доли денег, – это я тебе их указала“, – молвила женщина. И когда её сосед услышал эти слова, несправедливость побудила его убить женщину, и он убил её и бросил на то место, где был клад, но тут его застиг день и помешал ему спрятать женщину, и он подобрал деньги и вышел. И мельник пробудился от сна и не нашёл своей жены и пришёл на мельницу и, привязав осла к жёрнову, закричал на него, и осел пошёл и остановился. И мельник стал сильно бить осла, но всякий раз, как он его ударял, осел отступал назад, так как он пугался мёртвой женщины и не мог идти вперёд. А мельник не знал, почему осел останавливается. И он взял нож и много раз колот осла, но тот не двигался с места, и тогда мельник рассердился на него, стал бить его ножом в бока, и осел упал мёртвый.

А когда взошёл день, мельник увидал, что осел мёртв и что жена его мертва, и нашёл он её на месте клада, и усилился его гнев, так как клад пропал и погибли его жена и осел. И охватила его тогда великая забота, и все это от того, что он открыл жене свою тайну, а не скрыл от неё.

Рассказ о воре и простаке (ночь 388)

Рассказывают также, что один простак шёл, держа в руке узду своего осла, которого он вёл за собой, и его увидали два человека из ловкачей, и один сказал другому: «Я похищу осла у этого человека». – «Как ты его похитишь?» – спросил тот. И ловкач ответил: «Следуй за мной, и я покажу».

И он последовал за ним, а ловкач подошёл к ослу и отвязал повод и отдал его товарищу, и тот надел повод себе на шею и шёл за простаком до тех пор, пока не убедился, что его товарищ ушёл с ослом, и тогда он остановился. И простак потянул за повод, но человек не пошёл, и простак обернулся и увидел, что повод надет ему на шею. «Что ты такое?» – спросил его простак. И человек ответил: «Я твой осел, и у меня дивная история. У меня была мать, праведная старуха, и в какой-то день я пришёл к ней пьяный, и она сказала: „О дитя моё, раскайся перед Аллахом великим в этих грехах“. А я взял палку и побил мать, и она прокляла меня, и Аллах великий превратил меня в осла и отдал тебе в руки. И я провёл у

тебя все это время, а сегодня моя мать вспомнила обо мне, и Аллах смягчил ко мне её сердце, и она помолилась за меня, и Аллах снова сделал меня человеком, как прежде». – «Нет мощи и силы, кроме как у Аллаха, высокого, великого! – воскликнул простак. – Заклинаю тебя Аллахом, о брат мой, считай меня невиновным в том, что я с тобой сделал, – за езду на тебе и другое!»

И затем он пустил этого человека идти своей дорогой, и тот ушёл, а обладатель осла вернулся к себе домой, пьяный от заботы и огорчения. И жена спросила его: «Что тебя постигло и где осел?» И простак ответил: «Ты ничего не знаешь о деле с ослом? Я расскажу тебе его».

И он рассказал ей эту повесть, а жена воскликнула: «Горе нам от Аллаха великого! Как могло случиться такое, что мы заставляли себе служить сыновей Адама?» И потом она стала раздавать милостыню и просить у Аллаха прощенья, а тот человек просидел некоторое время дома, без работы. И жена его сказала: «До каких пор будет это сиденье дома, без работы? Иди на рынок, купи нам осла и работай на нем».

И её муж пошёл на рынок и остановился около ослов и вдруг видит, продают его осла! И, узнав осла, он подошёл к нему и приложил рот к его уху и сказал: «Горе тебе, злосчастный! Может быть, ты вернулся к пьянству или побил твою мать? Клянусь Аллахом, я больше никогда тебя не куплю!» А потом он оставил его и ушёл.

Рассказ о Ситт-Зубейде и Абу-Юсуфе (ночи 388-389)

Рассказывают также, что повелитель правоверных Харун ар-Рашид удалился однажды в полуденное время к себе в спальню, и, когда он поднялся на ложе, на котором спал, он увидел свежее семя у себя в постели. И это ужаснуло его, и его настроение сильно испортилось, и охватила его великая забота. И он позвал Ситт-Зубейду и, когда та явилась, спросил её: «Что это упало на постель?» И Ситт-Зубейда посмотрела и сказала: «Это семя, о повелитель правоверных». – «Скажи мне правду о причине этого семени, иначе я тебя сейчас же схвачу», – воскликнул халиф. И Ситт-Зубейда ответила: «Клянусь Аллахом, о повелитель правоверных, я не знаю этому причины, и я невиновна в том, в чем ты меня заподозрил!»

И ар-Рашид потребовал судью Абу-Юсуфа и рассказал ему историю и показал ему семя, и судья Абу-Юсуф поднял голову к потолку и увидел в нем щель и сказал: «О повелитель правоверных, у летучей мыши семя такое же, как у человека, и это семя летучей мыши».

И он потребовал копьё и, взяв его в руку, ткнул им в щель, и мышь упала. И подозрение оставило Харуна ар-Рашида...»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Триста восемьдесят девятая ночь

Когда же настала триста восемьдесят девятая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что, когда судья Абу-Юсуф взял в руки копьё и ткнул им в щель, летучая мышь упала. И подозрение оставило Харуна ар-Рашида, я стала ясна невиновность Зубейды, и она прищёлкнула языком от радости, что оказалась невиновна, и объявила Абу-Юсуфу, что даст ему хорошую награду. А у неё был большой плод, поспевший не вовремя, и она знала про другой такой же в саду, и спросила: „О имам веры, какой плод тебе приятнее – присутствующий или отсутствующий?“ – „По нашему толку, – ответил Абу-Юсуф, – отсутствующих её судят. Когда он явится, его будут судить“.

И Зубейда велела принести ему оба плода, и Абу-Юсуф поел того и другого, и, когда Зубейда спросила: «Какая между ними разница?», судья ответил: «Всякий раз, когда я хочу похвалить один из них, другой поднимается с доказательствами».

И, услышав его слова, ар-Рашид засмеялся и дал ему награду, и Зубейда тоже дала ему

награду, которую обещала, и Абу-Юсуф ушёл от них радостный. Посмотри же, каковы достоинства этого имама, и как пришла через его руки невиновность Зубейды и выяснение причины дела.

Рассказ об аль-Хакиме и купце (ночь 389)

«Хвала Аллаху, создавшему в числе наших подданных человека, достаток которого Аллах так расширил, что он кормит халифа и его приближённых, не приготавливая к этому, но лишь из остатков своего кушанья».

И затем он велел дать ему то, что было в казначействе из дирхемов, битых в этом году (а было их три тысячи тысяч и семьсот тысяч), и не сел на коня, пока их не принесли. И царь отдал деньги тому человеку и сказал: «Помогай себе ими в твоём положении – твоё благоденствие больше этого».

А потом он сел на коня и уехал.

Рассказ об Ануширване и женщине (ночи 389-390)

Рассказывают также, что справедливый царь Кисра Ануширван⁴⁰⁷ выехал однажды на охоту. Он отделился от приближённых, гонясь за газелью. И когда он помчался за газелью, то вдруг увидел вблизи деревню. А царю сильно хотелось пить, и он поехал в эту деревню и направился к воротам дома, стоявшего на его пути, и потребовал воды, чтобы напиться.

И к нему вышла женщина и увидела его и, вернувшись в дом, выжала один стебель сахарного тростника и смешала то, что выжала, с водой и налила воду в кубок, а в воду насыпала немного благовоний, похожих на пыль, и затем подала кубок Ануширвану. И царь посмотрел в кубок и увидел там что-то, похожее на пыль, и стал понемногу пить из кубка, пока не выпил до дна. А затем он сказал женщине: «О женщина, прекрасная это вода. Как она сладка! Если бы не этот сор, который был в ней и замутил её». – «О гость, – отвечала женщина, – я нарочно бросила в воду этот сор, который замутил её». – «А зачем ты это сделала?» – опросил царь. И женщина сказала: «Потому что я видела, что ты сильно хочешь пить, и побоялась, что ты выпьешь воду одним глотком, и это тебе повредит. Если бы в ней не было сора, ты бы, наверное, так и сделал».

И справедливый царь Ануширван изумился словам женщины и остроте её ума и понял, что сказанное ею есть следствие остроты ума и сообразительности и превосходного разума. «Из скольких стеблей ты выжала эту воду?» – спросил он женщину. И та ответила: «Из одного стебля». И Ануширван изумился и потребовал записку поземельной подати, которая приходилась с этой деревни, и увидел, что подать с неё небольшая. И задумал он по возвращении к себе в столицу увеличить подать с этой деревни и сказал: «Деревня, где в одном стебле столько воды, – как может быть подать с неё в столь малом количестве?»

А потом он уехал из этой деревни на охоту, и в конце дня вернулся обратно и проехал, уединившись, мимо тех ворот и потребовал воды, чтобы напиться.

И к нему вышла та самая женщина и, увидев царя, узнала его и вернулась, чтобы вынести ему воду, и замешкалась. И Ануширван поторопил её и спросил: «Почему ты замешкалась?..»

И Шахразад устала, и она прекратила дозволенные речи.

Триста девяностая ночь

Когда же настала ночь, дополняющая до трехсот девяноста, она сказала: «Дошло до

⁴⁰⁷ Кисра (Хосрой) Ануширван – один из царей династии Сасанидов (царствовал 531-579 гг.).

меня, о счастливый царь, что царь Ануширван поторопил женщину и спросил: „Почему ты замешкалась?“ И женщина отвечала: „Потому что из одного стебля я не смогла отжать столько, сколько тебе нужно, и я выжала три стебля, но из него тоже не вышло столько, сколько выходило из одного стебля“. – „А в чем причина этого?“ – спросил царь Ануширван. „Причина этого в том, что намерения султана изменились“, – ответила женщина. „Откуда это стало тебе известно?“ – спросил царь. И она сказала: „Мы слышали от разумных, что, когда меняются намерения султана, благоденствие изменяет людям и малым становится у них добро“. И Ануширван засмеялся и изгнал из своей души то, что он задумал для этих людей. И он тотчас же взял ту женщину в жены, так как ему понравилась крайняя острота её ума и сообразительность и красота её речей.

Рассказ о водоносе и жене ювелира (ночи 390-391)

Рассказывают также, что был в городе Бухаре некий водонос, который носил воду в дом одного ювелира. Носил он её так тридцать лет. А у этого ювелира была жена – до предела красивая и прекрасная, блестящая и совершенная, и ей приписывали благочестие, скромность и добродетель. И однажды водонос пришёл, как обычно, и налил воду в водохранилища, а женщина стояла посреди двора. И водонос приблизился к ней и взял её за руку и стал её тереть и мять, а потом ушёл и оставил женщину. И когда её муж пришёл с рынка, она сказала ему: «Я хочу, чтобы ты сказал мне, что ты сделал сегодня на рынке такого, что разгневал Аллаха великого». – «Я не сделал ничего, что могло разгневать Аллаха великого», – ответил муж. И женщина воскликнула: «Да клянусь Аллахом, ты сделал что-то, что гневит Аллаха великого! И если ты не расскажешь мне, что ты сделал, и не будешь правдив в рассказе, я не останусь в твоём доме, и ты не увидишь меня, и я не увижу тебя». – «Я расскажу тебе о том, что я сегодня сделал, по правде, – отвечал муж. – Я сидел, как обычно, в своей лавке, и вдруг пришла ко мне женщина и велела мне выковать для неё браслет и ушла. И я выковал ей браслет из золота и отложил его, а когда она пришла, я принёс ей браслет, и она высунула руку и надела браслет. И я смутился из-за белизны её руки и красоты её кисти, которая пленяет взор, и мне вспомнились слова поэта:

Вот рука её! Красотой браслетов блестит она,
Как огонь горят над водой они текучей.
А рука её, что охвачена ярким золотом, –
Как вода, огонь охватившая любовно.
И я взял её руку и помял её, и повертел».

И жена ювелира воскликнула: «Аллах велик! Зачем ты это сделал! Поистине, человек водонос, который ходил к нам в дом в течение тридцати лет, и не видел ты в нем обмана, взял меня сегодня за руку и стал её мять и вертеть». – «Попросим у Аллаха пощады, о женщина!

Я раскаиваюсь в том, что было, попроси же для меня прощения», – отвечал её муж. И женщина молвила:

«Да простит Аллах нам и тебе и да наделят он нас прекрасным здоровьем...»

И Шахразад устала, и она прекратила дозволенные речи.

Триста девяносто первая ночь

Когда же настала триста девяносто первая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что жена ювелира сказала: „Да простит Аллах нам и тебе и да наделит он нас прекрасным здоровьем“.

А когда настало следующее утро, пришёл тот человек водонос и бросился перед

женщиной на землю и стал валяться в пыли и извиваться перед нею и сказал: «О госпожа, сделай меня свободным от того, на что меня подстрекнул сатана, который сбил меня с пути и ввёл в заблуждение!» И женщина сказала ему: «Иди своей дорогой. Эта ошибка была не от тебя – причиною её был мой муж, так как он сделал то, что сделал в лавке, и Аллах отплатил ему за это».

И говорят, что ювелир, когда жена рассказала ему о том, что сделал с ней водонос, воскликнул: «Удар за удар! Если бы я прибавил, наверное прибавил бы и водонос!»

И эти слова стали поговоркой, ходячей среди людей. И подобает женщине быть заодно с мужем и явно и в тайне и удовлетворяться от него малым, если он не властен на многое, и следовать примеру Аиши-правдивой и Фатимы-ясноликой⁴⁰⁸ – да будет Аллах доволен ими обоими! – чтобы быть последовательницей благочестивых предков»

Рассказ о Ширин и рыбаке (ночь 391)

Рассказывают также, что Хосру⁴⁰⁹ (а это царь из царей) любил рыбу.

И однажды он сидел в своих покоях вместе с Ширив, своей женой и к нему пришёл рыбак с большой рыбой, и поднёс её Хосру.

И царю понравилась эта рыба, и он велел дать рыбаку четыре тысячи дирхемов, а Ширин сказала: «Плохо то, что ты сделал». – «А почему?» – спросил Хосру. И Ширин сказала: «Потому что, если ты после этого дашь кому-нибудь из своей челяди такое количество денег, он сочтёт это ничтожным и скажет: „Он дал мне столько же, сколько дал рыбаку“. А если ты дашь меньше, он скажет: „Он меня презирает и дал мне меньше, чем дал рыбаку“. – „Ты права, – сказал Хосру, – но дурно, когда царь берет обратно подаренное, и это уже пропало“. – „Я придумаю, как тебе получить подарок обратно“, – молвила Ширин.

«А как так?» – спросил царь. И она оказала: «Когда ты этого захочешь, позови рыбака и спроси его: „Эта рыба самец или самка?“ И если он скажет: „Самец“, – скажи ему: „Мы хотели только самку“. А если он скажет: „Самка“, – скажи: „Мы хотели только самца“.

И царь послал за рыбаком и тот вернулся (а этот рыбак обладал острым умом и сообразительностью), и царь Хосру спросил его: «Эта рыба самец или самка?» И рыбак поцеловал перед ним землю и ответил: «Эта рыба двуполоая – не самец и не самка».

И Хосру засмеялся его словам и приказал дать ему другие четыре тысячи дирхемов. И рыбак пошёл к казначею и получил от него восемь тысяч дирхемов, и положил их в мешок, который был с ним, и взвалил его на спину и хотел выйти, но у него выпал один дирхем. И рыбак снял мешок с плеча и нагнулся за дирхемом и взял его (а царь и Ширин смотрели на него). Ширин тогда и говорит царю: «О царь, видел ли ты скаредность этого человека и его низость: когда у него упал дирхем, ему нелегко было оставить его, чтобы его поднял кто-нибудь из слуг царя».

Царь, услышав её слова, почувствовал к рыбаку отвращение и воскликнул: «Ты права, о Ширин!» А зятем он велел вернуть рыбака и сказал ему: «О низкий помыслами! Ты не человек! Помнишь, как ты, сняв с плеча мешок с деньгами, нагнулся ради дирхема, поскупившись оставить его?»

И рыбак поцеловал землю и сказал: «Да продлит Аллах век царя! Я поднял этот дирхем с земли не потому, что он был для меня значителен, – я потому поднял его с земли, что на одной из его сторон изображение царя, а на другой стороне – его имя. Я боялся, что

⁴⁰⁸ Аиша – любимая жена Мухаммеда, дочь его преемника, халифа Абу-Бекра. Фатима – дочь Мухаммеда, бывшая замужем за четвёртым халифом Али (правил 656-661 годы), мать его сыновей, аль-Хасана и аль-Хусейна.

⁴⁰⁹ Хосру (Хосров) – персидский царь Хосрой II (годы правления 590-628) – из династии Сасанидов. Рассказ о его любви к Ширин послужил темой ряда поэтических произведений.

кто-нибудь наступит на него, не зная этого, и будет этим оскорблено имя царя и его изображение, и с меня взыщется за этот грех».

И царь удивился словам рыбака и нашёл прекрасным то, что он сказал, и велел дать ему ещё четыре тысячи дирхемов и приказал глашатаю кричать в царстве: «Не должно никому следовать мнению женщин, – кто последует их мнению, потеряет с каждым своим дирхемом ещё два дирхема».

Рассказ о Яхье ибн Халиде и его госте (ночи 391-392)

Рассказывают, что Яхья ибн Халид аль-Бармаки вышел из дворца халифа, направляясь домой, и увидел у ворот своего дома человека. И когда он приблизился, этот человек поднялся на ноги и приветствовал Яхью и сказал: «О Яхья, я нуждаюсь в том, что есть у тебя в руке, и я сделаю Аллаха моим ходатаем перед тобой!»

И Яхья велел отвести этому человеку место в своём доме и приказал своему казначею доставлять ему каждый день тысячу дирхемов, и чтобы кушанье ему было из его личных кушаний, и человек этот провёл таким образом целый месяц. И когда месяц кончился, к нему пришло тридцать тысяч дирхемов, и человек побоялся, что Яхья возьмёт у него деньги из-за их множества, и тайком ушёл...

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Триста девяносто вторая ночь

Когда же настала триста девяносто вторая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что тот человек взял деньги и тайком ушёл. И Яхье рассказали об этом, и он воскликнул: «Клянусь Аллахом, если бы он провёл у меня целую жизнь и весь свой век, я бы, право, не отказал ему в награде и не прекратил бы почёт и гостеприимство! Милости Бармакидов неисчислимы и достоинства их неисчерпаемы, в особенности Яхьи ибн Халида: он преисполнен славных достоинств, как сказал о нем поэт:

Я щедрость спросил: «Свободна ты?»

И сказала: «Нет, Рабыня в неволе я у Яхьи ибн Халида».

«Покупкою?» – я спросил. Сказала она: «О нет!

В наследство досталась я ему от отца к отцу»,

Рассказ об аль-Амине и невольнице (ночь 392)

Рассказывают, что у Джафара, сына Мусы аль-Хади⁴¹⁰, была невольница-лютница, по имени аль-Бедр-аль-Кебир.

И не было в то время никого прекраснее её лицом, стройнее станом, нежнее по качествам и искуснее в пении и игре на струнах. И была она до пределов красива и до конца изящна и совершенна. Про неё слышал Мухаммед аль-Амин, сын Зубейды⁴¹¹, и стал просить Джафара, чтобы тот продал ему эту девушку, но Джафар сказал: «Ты знаешь, что таким, как я, не подобает продавать невольниц и назначать цену за наложниц, и не будь она питомицей моего дома, я бы, право, отослал её к тебе и не пожалел бы её для тебя».

А потом Мухаммед аль-Амин, сын Зубейды, отправился однажды, с целью

⁴¹⁰ Муса аль-Хади – четвёртый халиф из династии Аббасидов.

⁴¹¹ Мухаммед аль-Амин – сын халифа Харуна ар-Рашида и его любимой жены Ситт-Эубейды.

повеселиться, в дом Джафара, и тот велел подать ему то, что хорошо иметь среди друзей, и приказал своей невольнице аль-Бедр-аль-Кебир спеть и повеселить аль-Амина. Девушка настроила инструменты и спела самые приятные напевы. И Мухаммед аль-Амин, сын Зубейды, принялся за питьё и увеселения и велел кравчим побольше поить Джафара, чтобы напоить его пьяным. И потом он взял девушку с собою и отбыл домой и не протянул к ней руки, а с наступлением утра он велел позвать Джафара. Когда тот пришёл, он поставил перед ним вино и приказал невольнице петь ему из-за занавески. И Джафар услышал её голос и узнал её и разгневался, но не проявил гнева из-за благородства своей души и возвышенности своих помыслов и не выказал никакой перемены. А когда их встреча окончилась, Мухаммед аль-Амин, сын Зубейды, велел кому-то из своих людей наполнить челнок, на котором приехал Джафар, дирхемами и динарами и дивными богатствами. И слуга сделал то, что приказал ему аль-Амин, и положил в челнок тысячу кошельков и тысячу жемчужин, каждая жемчужина ценою в двадцать тысяч дирхемов, и клал туда разные редкости, пока матросы не завопили и не сказали: «Лодка не может поднять больше ничего!»

И аль-Амин приказал доставить все это в дом Джафара. Таковы-то помыслы великих, да помилует их Аллах!

Рассказ о Сайде ибн Салиме аль-Бахили (ночи 392-393)

Рассказывают, что Сайд ибн Салим аль-Бахили говорил: «Моё положение стало трудным во времена Харуна ар-Рашида, и у меня собралось много долгов, которые тяготили мою жизнь, и я был бессилён расплатиться. И хитрости стали для меня тесны, и я впал в замешательство, не зная что делать, так как мне было очень затруднительно уплатить долги. А займодавцы окружили мои ворота, и толпились у меня взыскивавшие, и те, кому я был должен, не покидали меня. И иссякли мои хитрости, и усилились думы, и когда я увидел, что дела стали трудны и обстоятельства переменились, я направился к Абд-Аллаху ибн Малику аль-Хузан и попросил его подкрепить меня своими знаниями и привести меня к вратам облегчения своей прекрасной сообразительностью.

И сказал Абд-Аллах ибн Малик аль-Хузаи: «Никто не может освободить тебя от испытания, заботы, стеснения и горя, кроме Бармакидов». А я спросил его: «Кто может перенести их высокомерие и вытерпеть их самовластие?»

И Абд-Аллах ибн Малик сказал: «Вытерпи это, чтобы исправить своё положение...»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Триста девяносто третья ночь

Когда же настала триста девяносто третья ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что Абд-Аллах ибн Малик аль-Хузаи сказал Сайду ибн Салиму: „Вытерпи это, чтобы исправить своё положение“.

И я вышел от него и пошёл к аль-Фадлу и Джафару, сыновьям Яхьи ибн Халида, и рассказал им свою историю и изъяснил своё положение, и они сказали мне: «Да поддержит тебя Аллах своей помощью и да избавит тебя своей милостью от нужды в его тварях! Да осыплет он тебя великими милостями и да позаботится о твоём достатке прежде других – он властен в том, что желает, и с рабами своими милостив и пресведущ».

И я ушёл от них и вернулся к Абд-Аллаху ибн Малику со стеснённой грудью, смущённым умом и разбитым сердцем и повторил ему то, что они мне сказали, и Абд-Аллах ибн Малик молвил: «Тебе надлежит провести сегодняшний день у нас, и мы посмотрим, что определит Аллах великий».

И я просидел у него некоторое время, и вдруг пришёл мой слуга и сказал мне: «О господин, у наших ворот много мулов с тюками, и при них человек, который говорит: „Я поверенный аль-Фадла, сына Яхьи, и Джафара, сына Яхьи“». И Абд-Аллах ибн Малик

воскликнул: „Я надеюсь, что облегчение пришло к тебе! Поднимайся и посмотри, в чем дело“. И я поднялся и быстро побежал домой и увидел у ворот человека, у которого была бумажка, где было написано: „Ты был у нас, и мы слышали твои слова, и после твоего ухода мы направились к халифу и осведомили его о том, что обстоятельства заставили тебя унизиться до просьбы, и халиф приказал доставить тебе из казначейства тысячу тысяч дирхемов. И мы сказали ему: „Эти деньги он отдаст заимодавцам и заплатит ими долги. Но где он достанет деньги на свои расходы?“ И халиф приказал выдать тебе ещё триста тысяч дирхемов, и каждый из нас доставил к тебе из своих свободных денег тысячу тысяч дирхемов, а всего стало три тысячи тысяч и триста тысяч дирхемов, которыми ты поправишь свои обстоятельства и дела“.

Посмотри же на великодушные этих великодушных, да помилует их Аллах великий!

Рассказ о женщине и рыбе (ночи 393-394)

Рассказывают, что одна женщина устроила со своим мужем хитрость и вот какую: муж принёс ей рыбу в день пятницы и велел её сварить и продать после пятничной молитвы, а сам ушёл по своим делам. И к женщине пришёл её друг и попросил её быть на свадьбе, и она послушалась и положила рыбу в кувшин и ушла со своим другом из дому до другой пятницы, а муж разыскивал её всюду и спрашивал во всех домах, но никто не сказал ему, что с нею. А потом она пришла на другую пятницу и вынула рыбу живой и собрала людей и рассказала им эту историю...»

И Шахразад упустило утро, и она прекратила дозволенные речи.

Триста девяносто четвёртая ночь

Когда же настала триста девяносто четвёртая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что женщина пришла к своему мужу на другую пятницу и вынула из кувшина рыбу живой и собрала людей и рассказала им эту историю, и люди объявили её мужа лжецом и сказали: „Не может быть, чтобы рыба оставалась живой все это время“. И они подтвердили, что он сумасшедший, и заключили его в тюрьму и стали над ним смеяться, и тогда он пролил из глаз слезы и произнёс такие стихи:

«Старуха, в дурных делах занявшая должность, –
Порок на лице её свидетелем будет.
Коль кровь у ней, сводит всех, а если чиста –
блудит, Весь век она то блудит постыдно, то сводит!»

Рассказ о женщине и лживых старцах (ночи 394-395)

Рассказывают также, что была в древние времена и минувшие века праведная женщина среди сынов Израиля, и была эта женщина богомольна и благочестива, и ходила каждый день в молельню. А рядом с этой молельней был сад, и когда эта женщина входила в молельню, она заходила в сад и совершала там омовение. А в саду были два старика, которые сторожили его, и эти два старика влюбились в ту женщину и стали её соблазнять, но она отказалась, и тогда старики сказали ей: «Если ты не дашь нам над собой власть, мы засвидетельствуем, что ты прелюбодействовала». – «Аллах избавит меня от вашего зла», – сказала им женщина. И тогда старики открыли ворота сада и стали кричать, и люди пришли к ним отовсюду и спросили: «Что у вас случилось?» И старики сказали: «Мы нашли эту женщину с юношей, который развратничал с нею, и юноша ускользнул у нас из рук». А люди в те времена кричали о позоре прелюбодея три дня, а после того били его камнями. И

они три дня кричали о той женщине, чтобы опозорить её, а старики каждый день приближались к женщине и клали руки ей на голову и говорили: «Хвала Аллаху за то, что он ниспослал на тебя отмщенье!» И когда её хотели побить камнями, последовал за людьми Данияль⁴¹² (а было ему двенадцать лет, и это первое его чудо – молитва и привет ему и нашему пророку!) – и следовал за ними до тех пор, пока не настиг их и сказал: «Не торопитесь побивать её камнями, пока я не рассужу вас».

И ему поставили скамеечку, и потом он сел и разлучил стариков (а он первый, кто разлучил свидетелей) и спросил одного из них: «Что ты видел?» И старик рассказал ему, что случилось, и Данияль спросил его: «В каком месте сада?» И старик сказал: «В восточной стороне, под грушевым деревом». А потом Данияль спросил второго, что он видел, и старик рассказал ему, что случилось, и Данияль спросил: «В каком месте сада?..» И старик отвечал: «В западной стороне, под яблоней». И при всем этом та женщина стояла, подняв голову и руки к небу, и взывала к Аллаху об избавлении. И Аллах великий низвёл карающую молнию, и она сожгла обоих стариков. И Аллах великий сделал явной невинность женщины, и это первое из случившихся чудес пророка Аллаха Данияля, мир с ним!

Рассказ о Джафаре Бармакиде и больном старике (ночь 395)

Рассказывают также, что повелитель правоверных Харун ар-Рашид вышел в один из дней вместе с Абу-Якубом⁴¹³ – сотрапезником, Джафаром Бармакидом и Абу-Новасом, и они пошли по пустыне и увидели старца, опиравшегося на своего осла. «Спроси этого старика, откуда он?» – сказал Харун ар-Рашид Джафару. И Джафар спросил старика: «Откуда ты пришёл?» И тот отвечал: «Из Басры...»

И Шахразад устала, и она прекратила дозволенные речи.

Триста девяносто пятая ночь

Когда же настала триста девяносто пятая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что Джафар Бармакид спросил этого человека и сказал ему: „Откуда ты пришёл?“»

И тот старик отвечал: «Из Басры». – «А куда ты шествуешь?» – спросил Джафар. «В Багдад», – отвечал старик. «А что ты будешь там делать?» – спросил Джафар. И старик сказал: «Буду искать лекарства для моего глаза». – «О Джафар, подшути над ним», – сказал Харун ар-Рашид. «Если я буду с ним шутить, услышу от него неприятное», – отвечал Джафар. Но халиф воскликнул: «Заклинаю тебя, пошути с ним!» И тогда Джафар спросил старика: «Если я пропишу тебе полезное лекарство, чем ты меня вознаградишь?»

«Аллах великий вознаградит тебя тем, что для тебя лучше, чем моё вознаграждение», – ответил старец. И Джафар сказал: «Слушай, я пропишу тебе лекарство, которое я никому не пропишу, кроме тебя». – «А что же это?» – спросил старик. И Джафар сказал: «Возьми три унции дуновенья ветра и три унции лучей солнца и три унции отблеска луны и три унции света светильника, смешай все это и оставь лежать на ветру три месяца, а потом после этого положи это в ступку без дна и толки три месяца, а когда истолчёшь, положи это в расколотую чашку, и поставь чашку на ветер на три месяца, а потом употребляй это лекарство каждый день по три драхмы, когда будешь ложиться спать, и продолжай так три месяца, – ты выздоровеешь, если захочет Аллах великий».

⁴¹² Данияль – библейский Даниил.

⁴¹³ Абу-Якуб, по прозванию ан-Надим (застольник) – один из любимых сотрапезников халифа Харуна ар-Рашида; имя его часто упоминается на страницах «1001 ночи».

И когда старец услышал слова Джафара, он растянулся на своём осле и пустил зловредный ветер и сказал: «Возьми этот ветер в награду за то, что ты прописал мне лекарство. Когда я буду употреблять его и Аллах пошлёт мне здоровье, я дам тебе невольницу, которая станет тебе служить, пока ты жив, такой службой, что Аллах сократит её твой срок, а когда ты умрёшь и Аллах поспешит направить твою душу в огонь, эта невольница намажет тебе лицо своим дерьмом с горя по тебе и будет плакать и бить себя по лицу и рыдать и скажет, оплакивая тебя: „О холоднобородый, как холодна твоя борода!“»

И Харун ар-Рашид так рассмеялся, что упал навзничь и приказал дать этому человеку три тысячи дирхемов.

Рассказ о честном юноше (ночи 395-397)

Рассказывал шериф Хусейн ибн Райян, что повелитель правоверных Омар ибн аль-Хаттаб сидел в какой-то день, чтобы судить людей и творить суд над подданными, и подле него были вельможи из его сподвижников, люди верного мнения и догадки. И пока он сидел, вдруг подошёл к нему юноша из прекраснейших юношей, чисто одетый, и за него ухватились двое юношей – прекраснейшие юноши, которые тянули его за ворот. И они поставили его перед повелителем правоверных Омаром ибн аль-Хаттабом, и повелитель правоверных посмотрел на них и на юношу и велел им отпустить его и, приблизив его к себе, спросил юношей: «Какова ваша история?» – «О повелитель правоверных, – сказали они, – мы единоутробные братья и достойны следовать истине. У нас был отец, глубокий старик, обладавший хорошей проницательностью, и был он возвеличен среди племён, далёк от низостей и известен достоинствами. Он воспитал нас маленькими и оказал нам милости великие...»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Триста девяносто шестая ночь

Когда же настала триста девяносто шестая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что юноши сказали повелителю правоверных Омару ибн аль-Хаттабу: «Наш отец был возвеличен среди племён, отдалён от низостей и известен достоинствами. Он воспитывал нас сызмальства и оказал нам милости великие, и был он исполнен достоинств и добродетелей и достоин слов поэта:

Сказали мне: «Абу-с-Сакр Шейбана сын?» Молвил я:
«Нет, жизнью клянусь, Шейбан его порожденье.
Сколь часто ведь возвышал отца благородный сын
Адвана возвысил же посланник Аллаха»⁴¹⁴.

И он вышел однажды в свою рощу, чтобы прогуляться среди деревьев и сорвать спелые плоды на них, и этот юноша убил его и отклонился от прямого пути. Мы просим у тебя возмездия за то, что он совершил, и приговора, как повелел Аллах».

И Омар посмотрел на юношу утрашающим взором и сказал ему: «Ты выслушал речь этих юношей, что же ты скажешь в ответ?» А этот юноша был твёрд душой и смел на язык и снял одежду тревоги и совок одеяние беспокойства. И он улыбнулся и заговорил красноречивейшим языком и приветствовал повелителя правоверных прекрасными словами, а затем сказал: «Клянусь Аллахом, о повелитель правоверных, я храню в памяти то, что они

⁴¹⁴ То есть имя Адвана (легендарного родоначальника многих арабских племён) было возвышено его потомком, пророком Мухаммедом.

утверждают, и они правы в том, что сказали, когда рассказывали, что случилось, и было веление Аллаха predetermined судьбой. Но я расскажу перед тобой свою историю, а повеление принадлежит тебе.

Знай, о повелитель правоверных, что я из лучших и чистокровных арабов, которые благороднее всех, кто под звёздным небом. Я вырос в жилищах пустыни, и поразила моё племя чернота враждебных лет, и я пришёл в окрестности этого города с женой, скотом и детьми. Я шёл по дороге и проходил мимо рощ, и со мной шли благородные верблюдицы, дорогие для меня, и среди них был самец, благородный происхождением, с большим потомством и красивый вид, и этот самец дал обильный приплод и ходил среди них как царь, увенчанный венцом. И одна из верблюдиц убежала к роще отца этих юношей, а деревья в ней были видны через стену, и захватила одно дерево губами, и я отогнал её от этого сада. Вдруг в просветах стены показался старик, и от пламени его гнева летели искры, и в правой руке его был камень, и старец раскачивался, как лев, когда он появляется. И он ударил верблюда тем камнем и убил его, так как попал в смертельное место. И, увидав, как верблюд упал, я почувствовал, что в моем сердце загорелись уголья гнева, и взял тот самый камень и ударил им старика, и это было причиной его гибели, и ему вернулось то, что он совершил, ибо его убили тем, чем он убил. И когда попал в него камень, он закричал великим криком и издал болезненный вопль, а я поторопился уйти с того места. Но эти юноши схватили меня и привели к тебе, и вот я стою перед тобою». И сказал Омар: «Да будет доволен им Аллах великий! Ты признался в том, что сделал, и затруднительно избавление; необходимо возмездие, и не время теперь для спасения!» И юноша отвечал: «Слушаю и повинуюсь тому, что вы постановили, и согласен на то, чего требует закон ислама! Но у меня есть маленький брат, у которого был старый отец. Отец выделил ему перед смертью большие деньги и благородное золото и поручил его дела мне, призвав в свидетели Аллаха, и сказал: „Это принадлежит твоему брату и будет у тебя; береги его достояние как можешь“. И я взял эти деньги и закопал их, и никто не знает о них, кроме меня. И если ты теперь присудишь меня к убиению, деньги пропадут, и ты будешь виновником их пропажи, и маленький взыщет с тебя своё право в день, когда Аллах будет судить своих тварей. А если ты дашь мне три дня сроку, я поручу кому-нибудь вести дела мальчика и вернусь исполнить долг, у меня есть человек, который поручится за меня».

И повелитель правоверных опустил голову, а потом он посмотрел на присутствующих и сказал: «Кто поручится мне за него, что он вернётся обратно?» И юноша посмотрел на лица тех, кто был в собрании, и указал на Абу-Зарра⁴¹⁵ и сказал: «Этот за меня ответит и поручится за меня...»

И Шахразату застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Триста девяносто седьмая ночь

Когда же настала триста девяносто седьмая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что когда юноша указал на Абу-Зарра и сказал: этот за меня ответит и поручится за меня», – Омар, – да будет доволен им Аллах великий! – молвил: «О Абу-Зарр, слышал ли ты эти слова и поручишься ли ты мне за то, что этот юноша явится?» – «Да, о повелитель правоверных, – ответил Абу-Зарр, – я поручусь за него на три дня». И Омар согласился на это и позволил юноше уйти.

Когда же срок отсрочки приблизился к концу и время её почти истекло или даже прошло, а юноша ещё не вернулся в собрание Омара, сподвижники собрались вокруг халифа, как звезды вокруг луны, и пришёл Абу-Зарр. Оба противника юноши ждали и говорили: «Где обидчик, о Абу-Зарр? Вернётся ли тот, кто убежал? Но мы не сойдём с места, пока ты

⁴¹⁵ Абу-Зарр – один из сподвижников Мухаммеда.

не приведёшь его к нам, чтобы мы ему отомстили». – «Клянусь владыкой всеведующим, если три дня пройдут и юноша не явится, я выполню поручительство и отдам свою душу имаму», – сказал АбуЗарр. И Омар молвил (да будет доволен им Аллах!): «Клянусь Аллахом, если юноша опоздает, я совершу с Абу-Зарром то, что требует закон ислама!»

И полились слезы присутствующих, и раздались вздохи смотрящих, и поднялся великий шум. И знатные среди сподвижников предложили юношам взять выкуп и стяжать похвалу, но они отказались и не соглашались ни на что, кроме отпущения. И пока люди волновались и шумели, сожалея об Абу-Зарре, вдруг явился юноша и стал перед имамом и приветствовал его наилучшим приветом, и лицо его сияло и блестело, окаймлённое каплями пота. И он сказал повелителю правоверных: «Я передал мальчика братьям его матери и осведомил их о всех его обстоятельствах, и сообщил им, какие есть у него деньги, а затем я бросился в жар и зной и был верен верностью благородного».

И люди удивились его правдивости и верности и тому, что он пошёл навстречу смерти и был бесстрашен. И кто-то сказал юноше: «Как благороден, о юноша, и как ты верен обету и долгу!» А юноша ответил: «Разве вы не уверились, что, когда явится смерть, никто от неё не спасётся. Я был верен, чтобы не сказали: „Исчезла верность среди людей!“»

И сказал Абу-Зарр: «Клянусь Аллахом, о повелитель правоверных, я поручился за этого юношу, не зная, какого он племени, и я не видел его прежде, но когда он отвернулся от присутствующих и направился ко мне и сказал: „Вот кто поручится и ответит за меня“, – я не счёл пристойным отвергнуть его, и благородство отказалось обмануть его стремление, ибо не худо ответить стремящемуся, чтобы не сказали: „Исчезло достоинство среди людей!“»

И тогда сказали оба юноши: «О повелитель правоверных, мы подарили кровь нашего отца этому юноше, который заставил нас сменить отвращение на дружбу, чтобы не сказали: „Исчезла милость среди людей!“»

И обрадовался имам прощению юноши и верности его и исполнению им долга, и счёл великим мужество АбуЗарра, в отличие от бывших вместе с ними, и одобрил намерение юношей сделать благое дело. И он восхвалил их хвалою благодарящего и произнёс такие слова поэта:

«Кто доброе делает, тот будет вознаграждён,
И милость не пропадёт людей у Аллаха».

А затем он предложил уплатить юношам выкуп за их отца из казны, но они сказали: «Мы простили его, стремясь к лику Аллаха, а у кого намерения таковы, у тех вслед милости не идёт попрек или обида».

Рассказ об аль-Мамуне и пирамидах (ночи 397-398)

Рассказывают, что, когда аль-Мамун, сын Гаруна ар-Рашида, вступил в Каир-охраняемый, он захотел разрушить пирамиды, чтобы взять то, что в них есть, но, когда он попытался их разрушить, он не смог сделать это, хотя и очень старался и истратил на это большие деньги...»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Триста девяносто восьмая ночь

Когда же настала триста девяносто восьмая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что аль-Мамун очень старался разрушить пирамиды и истратил на это большие деньги, но не смог их разрушить, а только пробил в одной из них маленькое отверстие. И говорят, что аль-Мамун нашёл в отверстии, которое он пробил, деньги – числом столько, сколько он истратил на то, чтобы его пробить, ни больше, ни меньше. И Аль-Мамун

изумился этому, а затем он взял то, что там было, и отступился от своего намерения. А пирамид – три, и они из числа чудес света, и нет на лице земли им подобных по прочности, искусству постройки и высоте. И построены они из больших камней, и строители, которые их строили, просверливали камень с двух концов и вставляли в него стоймя железные палки, я просверливали второй камень и опускали его на первый, и плавил свинец и заливали им палки сверху, по правилам строительной науки, пока постройка не завершалась. И высота каждой пирамиды доходит до ста локтей, по мерке локтем, обычным в то время. А у пирамиды четыре грани, по одной с каждой стороны, сужающиеся к верхушке снизу вверх, и размер каждой стороны триста локтей.

И древние говорят, что внутри западной пирамиды тридцать кладовых из разноцветного кремня, наполненных дорогими камнями, обильными богатствами, диковинными изображениями и роскошным оружием, которое смазано жиром, приготовленным с мудростью, и не заржавеет до дня воскресения. И там есть стекло, которое свёртывается и не ломается, и разные смешанные зелья и целебные воды. А во второй пирамиде – рассказы о волхвах, написанные на досках из кремня, – для каждого волхва доска из досок мудрости и начертаны на этой доске его диковинные дела и поступки, а на стенах изображения людей, словно идолы, которые исполняют руками все ремесла, и сидят они на скамеечках.

И у каждой из пирамид есть сторож, который её сторожит, и эти сторожа охраняют пирамиды от ударов случайностей.

И смутили диковины пирамид обладателей проницательности и прозорливости, и много есть для описания их стихов, но не достанется тебе из них ничего стоящего. К этому относятся слова того, кто сказал:

Коль цари хотят, чтобы помнили величье их,
Говорят тогда языком они строений.
Иль не видишь ты – пирамиды крепко стоят ещё,
Не меняются под ударами событий.

И слова другого:

Посмотри же на пирамиды ты и послушай же,
Что доносят нам о годах они минувших.
Говорить могли б, так сказали бы они верно нам,
Что сделал рок и с мёртвыми и с последними.

И слова другого:

О други, найдётся ли под небом строение,
Похожее крепостью на те пирамиды две.
Постройки боится той судьба, а ведь все, что есть,
Теперь на лице земли судьбы опасается.
Гуляют глаза мои, дивясь на постройку их,
Но думаю не разгуляться с мыслью, зачем они.

И слова другого:

Где тот, что пирамиды был строителем,
Кто родом он, где бился он, повержен где?
Остаётся след от оставивших за собой следы,
А их самих настигает смерть, они падают.

Рассказ о воре, обокравшем вора (ночи 393-399)

Рассказывают также, что один человек был вором и покаялся Аллаху великому, и прекрасно было его раскаяние. И он открыл лавку, где продавал материи, и провёл так некоторое время. И случилось, что в один из дней он запер свою лавку и пошёл домой. И явился кто-то из хитрых воров и оделся в одежду хозяина и вынул из рукава ключи (а это было ночью) и сказал сторожу рынка: «Зажги мне эту свечу». И сторож взял свечу и ушёл, чтобы зажечь её...»

И Шахразуду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Триста девяносто девятая ночь

Когда же настала триста девяносто девятая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что сторож взял свечу и ушёл, чтобы зажечь его, а вор открыл лавку и зажёл другую свечу, бывшую у него, и когда сторож вернулся, он нашёл вора сидящим в лавке со счётной тетрадью в руках, вор смотрел в неё и считал что-то по пальцам. И он делал так до зари, а потом сказал сторожу: „Приведи мне верблюжатника с верблюдом, чтобы он свёз мне некоторые товары“. И сторож привёл ему верблюжатника с верблюдом, и вор взял четыре кипы материй и подал их верблюжатнику, и тот взвалил их на верблюда, а вор запер лавку и, дав сторожу два дирхема, пошёл за верблюжатником. Сторож думал, что это был хозяин лавки.

А когда наступило утро и засиял день, пришёл хозяин лавки, и сторож принялся его благословлять за дирхеми, но хозяин лавки стал отрицать то, что сторож говорил, и удивился этому. А открыв лавку, он увидел поток воска и брошенную тетрадь. И, осмотревшись, он обнаружил, что пропали четыре кипы материи. «Что случилось?» – спросил он сторожа, и тот рассказал ему, что делал вор ночью и как он разговаривал с верблюжатником про кипы, и хозяин лавки сказал ему: «Приведи мне верблюжатника, который носил с тобой на заре материю». И сторож отвечал: «Слушаю и повинуюсь!» и привёл ему верблюжатника. И хозяин лавки спросил его: «Куда ты возил утром материю?» – «К такой-то пристани, – отвечал верблюжатник, – и я сложил их на лодку такого-то. – „Пойдём со мной туда“, – сказал хозяин лавки. И верблюжатник пошёл с ним на пристань и сказал: „Вот лодка, а вот её владелец“. И хозяин лавки спросил лодочника: „Куда ты отвёз купца и материю?“ – „В такое-то место, – ответил лодочник. – Купец привёл верблюжатника, и тот нагрузил материю на своего верблюда и ушёл, и я не знаю, куда он направился“. – „Приведи мне верблюжатника, который увёз от тебя материю“, – сказал ему хозяин лавки, и лодочник привёл его, и хозяин лавки спросил: „Куда ты с купцом отвёз материи с лодки?“ – „В такое-то место“, – ответил верблюжатник. „Пойдём со мной туда и покажи мне то место“, – сказал хозяин лавки. И верблюжатник пошёл с ним в местность, далёкую от берега, и указал ему хан, в который он сложил материю, и кладовую того купца. И хозяин лавки подошёл к кладовой и открыл её и нашёл свои четыре кипы в таком же виде, неразвязанными, и подал их верблюжатнику. А вор положил свой плащ на материю, и хозяин материи его тоже отдал верблюжатнику, и тот взвалил все это на верблюда, а потом хозяин лавки запер кладовую и ушёл с верблюжатником.

И вдруг его встретил вор, и он последовал за ним, и, когда он сложил материю на лодку, вор сказал ему: «О брат мой, ты поручил себя Аллаху и взял свою материю, и из неё ничего не пропало; отдай же мне плащ».

И купец засмеялся и отдал ему плащ и не причинил ему огорчения, и каждый из них ушёл своей дорогой.

Рассказ о Масруре и ибн аль-Кариби (ночи 399-401)

Рассказывают, что повелитель правоверных Харун ар-Рашид однажды ночью испытывал сильное беспокойство. И сказал он своему везиру Джафару ибн Яхье Бармакиду: «Я сегодня ночью не сплю, и моя грудь стеснилась, и я не знаю, что делать». А его евнух, Масрур, стоял перед ним, и он засмеялся. И халиф спросил его: «Чему ты смеёшься? Смеёшься ли ты из презрения ко мне, или потому, что ты одержимый?» И Масрур отвечал: «О повелитель правоверных...»

И Шахразадку застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Четырехсотая ночь

Когда же настала ночь, дополняющая до четырехсот, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что Харун ар-Рашид спросил Масрура-меченосца: „Смеёшься ли ты из презрения ко мне, или потому, что ты одержимый?“ И Масрур отвечал: „Нет, клянусь Аллахом, о повелитель правоверных! Клянусь своей близостью к господину посланных, я сделал это не по своей воле. Я вышел вчера из дворца пройтись и дошёл до берега реки Тигра и увидел, что собрался народ. Я остановился и увидел человека, который смешил людей, и зовут его ибн аль-Кариби. И теперь я вспомнил его слова, и меня одолел смех, и я прошу у тебя прощенья, о повелитель правоверных“. – „Ко мне его сию же минуту!“ – воскликнул халиф. И Масрур поспешно вышел и пришёл к ибн аль-Кариби и сказал ему: „Отвечай повелителю правоверных“.

«Слушаю и повинуюсь!» – ответил ибн аль-Кариби. И Масрур сказал ему:

«Но с условием: когда ты придёшь к халифу и он пожалует тебе что-нибудь, то четверть из этого будет твоё, а остальное моё». – «Нет, тебе половина и мне половина», – сказал ибн аль-Кариби. Но Масрур отвечал: «Нет!»

И тогда ибн аль-Кариби сказал: «Тебе будет две трети, а мне треть!»

И Масрур согласился на это после больших колебаний, а затем ибн аль-Кариби вышел с ним, и, придя к повелителю правоверных, он приветствовал его, как приветствуют халифов, и встал перед ним. И повелитель правоверных сказал ему: «Если ты меня не рассмешишь, я ударю тебя этим мешком три раза». Тогда ибн аль-Кариби сказал про себя: «А что может быть от трех ударов этим мешком, если даже удары бича меня не терзают?» (А он думал, что мешок пустой.) И затем он повёл речи, которые могут рассмешить разгневанного, и стал рассказывать всякие смешные вещи, но повелитель правоверных не засмеялся и не улыбнулся. И тогда ибн аль-Кариби удивился и почувствовал тоску и испугался, а повелитель правоверных сказал ему: «Теперь ты заслужил удары». И он взял мешок и ударил ибн аль-Кариби один раз (а в мешке было четыре голыша, и каждый голыш весил два ритля), и удар пришёлся ему по шее, и он закричал великим криком и вспомнил об условии, которое было у него с Масруром, и сказал: «Прости, о повелитель правоверных! Выслушай от меня два слова». – «Говори, что пришло тебе на ум!» – молвил халиф. И ибн аль-Кариби сказал: «Масрур поставил мне условие, и я сговорился с ним о том, что из милости, которая достанется мне от повелителя правоверных, треть будет мне, а ему две трети, и он согласился на это только после больших стараний. И ты не наградил меня ничем, кроме ударов, и этот удар – моя доля, а два остальных удара – его доля. Я уже получил свою долю, а он – вон он стоит, о повелитель правоверных, – дай ему его долю».

И когда повелитель правоверных услышал его слова, он так рассмеялся, что упал навзничь, и, призвав Мансура, ударил его один раз, и Масрур закричал и сказал: «О повелитель право верных, доволен с меня одной трети, отдай ему две трети...»

И Шахразадку застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Четыреста первая ночь

Когда же настала четыреста первая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что Масрур сказал: „О повелитель правоверных, довольно с меня одной трети, отдай ему две трети...“

И халиф стал смеяться над ними и дал каждому по тысяче динаров, и они ушли, радуясь тому, что пожаловал им халиф.

Рассказ о благочестивом царевице (ночи 401-402)

Рассказывают, что у повелителя правоверных Харуна ар-Рашида был сын, который достиг шестнадцати лет жизни, и жил он отвратившись от мира, шествуя по пути постников и богомольцев. И он выходил на кладбище и говорил: «Вы владели миром, но не спасло это вас, и пришли вы к могилам. О, если бы только я мог знать, что вы сказали и что было вам сказано!»⁴¹⁶ И он плакал плачем испуганного и утраченного я произносил слова того, кто сказал:

Пугают меня носилки всегда и вечно,
И горько мне слышать плакальщиц рыданья.

И случилось, что его отец проезжал мимо него торжественным выездом, и его окружали везири и вельможи царства и обитатели его страны, и они увидели сына повелителя правоверных, и на теле его был кафтан из шерсти, а на голове плащ из шерсти, и одни люди говорили другим: «Этот юноша опозорил повелителя правоверных среди царей. Если бы халиф пожурил его, он наверное отступился бы от того, чем он занят».

И повелитель правоверных услышал их слова и заговорил об этом со своим сыном и сказал: «О сынок, ты позоришь меня тем, что ты делаешь». Но его сын посмотрел на него и ничего не ответил. А потом он взглянул на птицу, сидевшую на одной из бойниц дворца, и сказал: «О птица, заклинаю тебя тем, кто тебя сотворил, упав на мою руку». И птица опустилась на руку юноши. А потом он оказал ей: «Вернись на своё место!» И птица вернулась на место. «Упади на руку повелителя правоверных», – сказал ей царевице, но птица не захотела упасть на его руку. И юноша сказал своему отцу, повелителю правоверных: «Это ты опозорил меня среди друзей Аллаха своей любовью к здешнему миру, и я решил расстаться с тобой такой разлукой, что вернусь к тебе только в последней жизни».

И затем он спустился в Басру и работал там с рабочими, месил глину, и зарабатывал каждый день только дирхем и даник, и на даник он кормился, а дирхем раздавал милостыней.

Говорил Абу-Амир аль-Басри: «У меня в доме упала стена, и я вышел на стоянку рабочих, чтобы присмотреть человека, который бы поработал для меня. И мой взор упал на прекрасного юношу со светлым ликом, и я подошёл к нему и приветствовал его и сказал: „О любимый, хочешь ты работать?“ – „Да“, – ответил он. И я сказал: „Ступай со мной строить стену“. А юноша молвил: „На условиях, которые я тебе поставлю“. – „О любимый, а каковы твои условия?“ – спросил я. И юноша ответил: „Плата – дирхем и даник, и, когда прокричит муэдзин, ты отпустишь меня помолиться с людьми“. И я сказал: „Хорошо“. И взял его и пошёл с ним в дом, и он работал работой, подобной которой я не видел. И я напомнил ему об обеде. И он сказал: „Нет“. И я понял, что он постится, а услышав призыв на молитву, он сказал мне: „Ты знаешь условие?“ И я ответил: „Да“.

И тогда он распустил пояс и занялся омовением и совершил омовение, лучше которого я не видывал, а потом он вышел помолиться и помолился с народом, а после этого вернулся

⁴¹⁶ Намёк на допрос, которому, по мусульманскому поверью, подвергают умерших два ангела, Мункар и Накир, спускающиеся в могилу к покойнику.

к работе. Когда же раздался призыв к предзакатной молитве, он омылся и пошёл на молитву, а затем вернулся к работе, и я сказал ему: «О любимый, кончилось время работы – рабочие работают до предзакатной молитвы». Но он воскликнул: «Слава Аллаху! Моя работа до ночи». И не переставая работал до ночи.

Я дал ему два дирхема, и, увидев их, он спросил: «Что это?» И я ответил: «Это часть платы за твою старательную работу для меня!» Но он бросил мне дирхемы и сказал: «Я не хочу прибавки к тому, что было у словлено между нами».

И я стал его соблазнять, но не мог осилить и дал ему дирхем с даником, и он ушёл. Когда же настало утро, я рано пошёл на стоянку, но не нашёл его и спросил про него, и мне сказали: «Он приходит сюда только в субботу».

И когда пришла следующая суббота, я отправился к этому месту и нашёл его и сказал: «Во имя Аллаха! Пожалуй на работу!» А он молвил: «На условиях, которые ты знаешь». – «Хорошо», – сказал я. И пошёл с ним домой и встал и принялся смотреть на него, а он меня не видел. И он взял немного глины и положил её на стену, и вдруг камни стали ложиться друг на друга, и я воскликнул: «Таковы друзья Аллаха!»

И юноша проработал этот день, и сделал за день больше, чем прежде, и когда настала ночь, я дал ему его плату, и он взял её и ушёл.

Когда же пришла третья суббота, я пошёл на стоянку и не нашёл юноши, и спросил про него, и мне сказали:

«Он болен и лежит в палатке такой-то женщины». А эта женщина была старуха, известная своей праведностью, и у неё была палатка из тростника на кладбище. И я отправился к палатке и вошёл туда, и вдруг вижу, он лежит на земле и под ним ничего нет, и он положил голову на кирпич, и лицо его сияет светом. И я приветствовал его, и он возвратил мне приветствие, и тогда я сел у его изголовья, плача о том, что он молод годами и чужеземец и получил поддержку, повинувшись своему господу.

А потом я спросил его: «Есть у тебя в чем нужда?» И он ответил: «Да».

«Какая?» – спросил я. И юноша сказал: «Когда настанет завтрашний день, ты придёшь ко мне на заре и найдёшь меня мёртвым; ты обмоешь меня и выроешь мне могилу, и не скажешь об этом никому, а завернёшь ты меня в этот кафтан, который на мне, но сначала распори его и поищи в кармане: вынь то, что там есть, и храни это у себя, а когда ты помолишься обо мне и похоронишь, отправляйся в Багдад и выслежи, когда халиф Харун ар-Рашид выйдет, и отдай ему то, что ты найдёшь у меня в кармане, и передай ему мой привет».

И затем он произнёс исповедание веры и восхвалил своего господа красноречивейшими словами и произнёс такие стихи:

«Залог передай того, кончина к кому пришла;
Его ар-Рашиду дай – награда ведь в этом.
«Изгнанник, – скажи ему, – стремился увидеть вас,
Хоть долго вдали он был, но шлёт вам привет он.
Вдали он не из вражды к тебе или скуки, нет!
К Аллаху он ближе стал, целуя вам руку.
Вдали от тебя, отец, теперь он лишь потому,
Что чуждо душе его стремление к мирскому».

А после этого юноша принялся просить прощения у Аллаха...

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Четыреста вторая ночь

Когда же настала четыреста вторая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый

царь, что после этого юноша принялся просить прощения у Аллаха и воссылать привет господину благочестивых и прочитал некоторые стихи Корана, а потом произнёс такие стихи:

«О родитель мой, не дай счастьем обмануть себя:
Жизнь ведь кончится, а счастье прекратится.
А когда узнаешь о людях ты, чей плох удел,
То знай, что ты о них вопрошён будешь.
А когда снесёшь носилки ты на кладбище,
То знай, снесут тебя потом за ними».

Говорил Абу-Амир аль-Басри: «И когда юноша окончил своё завещание и стихи, я ушёл от него и отправился к себе домой. Когда же настало утро, я пошёл к нему на заре и увидел, что он уже умер, – да будет милость Аллаха над ним! И я обмыл его и распорол его карман и нашёл там яхонт, стоящий много тысяч динаров, и тогда я воскликнул про себя: „Клянусь Аллахом, этот юноша был до крайности воздержан в этой жизни!“ А потом, похоронив его, я отправился в Багдад и пришёл ко дворцу халифа и стал ждать выхода ар-Рашида. И когда он вышел и я встретил его на какой-то дороге, я отдал ему яхонт. И, увидав яхонт, ар-Рашид узнал его и упал, покрытый беспамятством. И слуги схватили меня, а когда ар-Рашид очнулся, он сказал слугам: „Отпустите его и отошлите со всею учтивостью во дворец“.

И слуги сделали так, как он им приказал, и, придя во дворец, халиф призвал меня и ввёл в свои покои и спросил: «Что делает владелец этого яхонта?» И я отвечал: «Он умер». И описал халифу его положение. И халиф начал плакать и воскликнул: «Сын воспользовался, а отец обманулся! – А потом он крикнул: – О такая-то!»

И к нему вышла женщина, и, увидев меня, она хотела уйти обратно, но халиф сказал ей: «Подойди сюда, тебе не будет от него дурного». И женщина вошла и поздоровалась, и халиф бросил ей яхонт, и, увидев его, женщина закричала великим криком и упала без чувств, а очнувшись от беспамятства, она сказала: «О повелитель правоверных, что сделал Аллах с моим сыном?» – «Расскажи ей про него», – сказал халиф. И его начали душить слезы, а я рассказал женщине про юношу, и она стала плакать и говорила слабым голосом: «Как я стремлюсь тебя встретить, о прохлада моего глаза! О, если бы я тебя напоила, когда ты не нашёл поющего! О, если бы я развлекала, когда ты не нашёл развлекающего».

И затем она пролила слезы и сказала такие стихи:

«Я плачу об изгнанном, что умер и был один,
И друга он не нашёл, на грусть чтобы сетовать.
И после величия и близости к милым всем
Остался он одинок, не видел он никого.
Все люди ведь видят то, что дни за собой таят,
И смерть никому из нас остаться не даст навек.
Изгнанник! Судил господь ему быть в изгнании,
И сделался от меня далёк он, хоть близок был.
Хоть смерть отняла надежду встретить тебя, мой сын,
Мы все-таки встретимся, день счёта когда придёт».

И я спросил: «О повелитель правоверных, разве это твой сын?» И халиф ответил: «Да. Раньше, чем я получил эту власть, он посещал учёных и сживал с праведниками, а когда я получил власть, он стал меня избегать и отдалился от меня. И я сказал его матери: „Этот ребёнок предан Аллаху великому, и, может быть, постигнут его беды, и он будет бороться с испытаниями. Дай ему этот яхонт, он найдёт его в минуту нужды“.

И она дала ему яхонт и упрашивала сына взять его, и тот исполнил её приказание и взял

его, а потом он оставил наш земной мир и исчез от нас, и отсутствовал, пока не встретил Аллаха, великого, славного, чистый и богобоязненный».

«Поднимайся, покажи мне его могилу!» – сказал мне потом халиф, и я вышел с ним, и шёл до тех пор, пока не показал ему могилу. И халиф стал так рыдать и плакать, что упал без чувств, а очнувшись от беспамятства, он попросил прощения у Аллаха и воскликнул: «Поистине, мы принадлежим Аллаху и к нему возвращаемся!» И помолился о благе своего сына. И затем он попросил меня о дружбе. И я сказал: «О повелитель правоверных, поистине в твоём сыне для меня величайшее назидание».

И я произнёс такие стихи:

«Изгнанник я, и нигде приюта мне больше нет.
Изгнанник я, хотя был бы я в родном городе!
Изгнанник я, ни семьи, ни сына у меня нет,
И больше ни у кого приюта я не найду!
Ищу я пристанища в мечетях, – нет, там живу,
И сердце оставить их не может моё вовек.
Да будет хвала Аллаху, господу всех миров,
За то, что он милостив и в теле оставил дух!»

Рассказ о влюблённом учителе (ночи 402-403)

Рассказывают также про одного из достойных, что он говорил: «Я проходил мимо школьного учителя, когда он учил детей писать, и увидел, что облик его прекрасен и он хорошо одет. И я подошёл к нему, и он встал и посадил меня рядом с собою, и я стал испытывать его в чтении, грамматике, поэзии и языке, и вижу – он совершенен во всем, что от него желательно. И тогда я сказал ему: „Да укрепит Аллах твою решимость! Ты знаешь все, что от тебя требуется!“ И потом я вёл с ним дружбу некоторое время, и каждый день обнаруживал в нем что-нибудь хорошее. И я сказал себе: „Поистине, удивительно ожидать это от учителя, который учит детей, а ведь разумные сошлись на том, что недостаёт ума у тех, кто учит детей“. И я расстался с учителем и каждые несколько дней навещал его и заходил к нему. И однажды я пришёл к этому учителю по привычке посещать его и увидел, что школа закрыта. Я спросил его соседей. И они сказали мне: „У него кто-то умер“. И тогда я подумал: „Нам следует его утешить“. И я пошёл к его воротам и постучал, и ко мне вышла невольница и спросила: „Что ты хочешь?“ – „Я хочу твоего господина“, – отвечал я. И невольница сказала: „Мой господин сидит один и горюет“. – „Скажи ему: „Твой друг, такой-то, просит пустить его, чтобы утешить тебя“, – оказал я. И невольница пошла и рассказала об этом учителю, и тогда тот сказал ей: „Дай ему войти!“ И она позволила мне войти, и я вошёл к нему и увидел, что он сидит один, с повязанной головой, и сказал: „Да увеличит Аллах твою награду! Это путь, неизбежный для всякого, и тебе следует быть стойким. Кто у тебя умер?“ – опросил я его потом. И он сказал: „Самый дорогой для меня человек и самый любимый“. – „Может быть, это твой отец?“ – спросил я. „Нет“, – отвечал учитель. „Твоя мать?“ – спросил я. И учитель сказал: „Нет“. – „Твой брат?“ – спросил я. „Нет“, – отвечал учитель. И я спросил: „Кто-нибудь из твоих близких?“ – „Нет“, – отвечал учитель. „Какая же у тебя с ним связь?“ – спросил я. „Это моя возлюбленная“, – отвечал учитель. И я подумал: «Вот первое доказательство его малоумия!»

А потом я сказал ему: «Найдётся другая, лучше её». И учитель ответил: «Я не видел её, и не знаю, будет ли другая лучше её, или нет». – «Вот и второе доказательство», – подумал я и спросил: «Как же ты влюблён в ту, кого не видел?» – «Знай, – отвечал учитель, – я сидел у окна, и вдруг по дороге прошёл человек, который пел такой стих:

«Умм-Амр⁴¹⁷ (да воздаст тебе Аллах своей милостью),
Верни мою душу мне, куда б она исчезла...»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Четыреста третья ночь

Когда же настала четыреста третья ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что учитель говорил: „И когда человек, проходивший по дороге, пропел стих, который я от него услышал, я сказал про себя: «Не будь эта Умм-Амр бесподобна в нашем мире, поэты не воспевали бы её“. И меня охватила любовь к ней. А через два дня этот человек прошёл мимо, и он говорил такой стих:

«Ушёл и осел, Умм-Амр он увёл с собою;
Назад не пришла, осел не вернулся тоже».

И я понял, что она ушла, и опечалился, и прошло уже три дня, как я горюю». И я оставил его и ушёл, убедившись в его малоумии.

Рассказ о глупом учителе (ночь 403)

Рассказывают также о малоумии учителей. Был один ученик в школе, и пришёл к нему знающий человек и стал его испытывать и увидел, что это законовед, грамматик, знаток языка и поэт, образованный, понятливый и приятный. И он удивился этому и оказал: «У тех, кто учит детей в школах, не бывает такого разума».

И когда он собрался уходить от учителя, тот сказал ему: «Ты мой гость сегодня вечером». И этот человек согласился быть гостем учителя, и они отправились к нему в дом. И учитель оказал ему уважение и принёс кушанье, и они поели и попили, а затем просидели за беседой до трети ночи, а после этого учитель приготовил гостю постель и удалился к себе в гарем. И гость прилёг и хотел заснуть, и вдруг в гареме поднялся крик, и гость спросил, в чем дело, и ему сказали: «С шейхом случилось великое дело, он при последнем вздохе!» – «Отведите меня к нему», – сказал гость. И его отвели к учителю, и, войдя к нему, он увидел, что учитель лежит без чувств и у него течёт кровь. И гость опрыскал его водой и, когда учитель очнулся, спросил его: «Что это такое? Ты ушёл от меня, до крайности довольный и здоровый телом, что же с тобой случилось?» И учитель отвечал: «О брат мой, уйдя от тебя, я сел и начал вспоминать творения Аллаха великого и сказал про себя: „Во всем, что создал Аллах, человеку есть польза, так как Аллах-слава ему! – сотворил руки, чтобы хватать, ноги, чтобы ходить, глаза, чтобы видеть, уши, чтобы слышать, и так далее, и только от этих ядер нет пользы. И я взял бритву, что была у меня, и отрезал их, и со мною случилось такое дело“.

И гость ушёл от него и сказал: «Прав тот, кто говорит, что у учителя, что учит детей, не бывает полного разума, хотя бы он и знал все науки».

Рассказ о неграмотном учителе (ночи 403-404)

Рассказывают также, что один служитель мечети не умел ни писать, ни читать, и он устраивал с людьми хитрости, и так добывал свой хлеб. И пришло ему на ум в один из дней открыть школу и учить в ней детей читать, он собрал доски и исписанные листы, и повесил

⁴¹⁷ Умм-Амр означает: мать Амра.

их в одном месте и увеличил свой тюрбан⁴¹⁸ и сел у ворот школы, и люди проходили мимо него и смотрели на его тюрбан, на доски и листы, и думали, что он хороший учитель, и приводили к нему своих детей. И учитель приказывал одному: «Пиши!» И другому: «Читай!» И дети обучали друг друга. И когда этот человек однажды сидел, по обычаю, в воротах школы, он вдруг увидел женщину, подходившую издали, а в руках у неё было письмо. И тогда он сказал про себя: «Наверное, эта женщина направляется ко мне, чтобы я прочёл письмо, которое у неё! Как же мне быть, когда я не умею читать по писанному?»

И он хотел выйти, чтобы убежать от женщины, но та подошла к нему, прежде чем он успел уйти, и спросила: «Ты куда?» – «Я совершу полуденную молитву и вернусь», – ответил учитель. И женщина сказала: «Полдень далеко! Прочитай мне это письмо!»

И учитель взял от неё письмо, держа его верхом вниз, и стал смотреть в него, и он то тряс тюрбаном, то хмурил брови, выказывая гнев.

А муж женщины находился в отсутствии, и это письмо было от него. Женщина, увидев учителя в таком состоянии, решила про себя: «Нет сомнения, что мой муж умер, и этот учитель боится мне сказать, что он умер».

«О господин, если он умер, скажи мне», – молвила она, но учитель потряс головой и промолчал. И женщина спросила его: «Разорвать мне одежду?»

«Разорви», – отвечал учитель. «Бить мне себя по лицу?» – спросила она. И учитель сказал ей: «Бей!» И тогда женщина взяла письмо из его рук и вернулась домой и стала плакать со своими детьми. И соседи услышали плач и спросили, что с ней, и им сказали: «К ней пришло письмо о смерти мужа».

И тогда один человек сказал: «Эти слова – ложь, так как её муж прислал мне вчера письмо, где извещает, что он здоров, во здравии и благополучии и что через десять дней он будет с нами». И этот человек тотчас же поднялся и спросил её: «Где письмо, которое пришло к тебе?» И женщина принесла ему письмо, а он взял его и прочёл и вдруг видит – в нем написано: «А после того: я во здравии и благополучии и через десять дней буду у тебя, и я послал вам одеяло и жаровню».

И женщина взяла письмо и вернулась к учителю и спросила его: «Что тебя побудило обманывать меня?» и она передала ему, что говорил сосед о благополучии её мужа, который послал ей одеяло и жаровню.

«Твоя правда! – отвечал учитель. – Прости меня, о женщина, я был в ту минуту сердит...»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Четыреста четвёртая ночь

Когда же настала четыреста четвёртая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что, когда женщина спросила у учителя: „Что тебя побудило обмануть меня?“ – он отвечал: „Я был в ту минуту сердит и занят умом и увидел: «Жаровня, завернутая в одеяло“, и решил, что он умер и его похоронили.

А женщина не поняла уловки и сказала: «Ты прощён», и взяла письмо и ушла.

Рассказ о царе и женщине (ночь 404)

Рассказывают, что один царь из царей вышел тайком, чтобы посмотреть, как живут его подданные, и пришёл к большому селению и вошёл туда один. А ему хотелось пить, и он остановился у ворот одного из домов этого селения и попросил воды, и к нему вышла

⁴¹⁸ Чем больше тюрбан, тем большим почётом пользуется носящий его. Большой тюрбан – отличительный признак учёных.

красивая женщина с кувшином и подала ему кувшин, и царь (напился воды. И когда царь посмотрел на женщину, он впал в искушение и стал соблазнять её. А женщина знала царя, и она ввела его к себе в дом и усадила его и вынесла ему книгу и сказала: «Посмотри это, пока я приберусь и вернусь к тебе».

И царь сел и стал читать книгу и вдруг видит, – там предостережение от распутства и те муки, которые Аллах уготовал людям прелюбодеяния. И волосы на коже царя поднялись, и он он раскаялся перед Аллахом великим и, кликнув женщину, отдал ей книгу и ушёл.

А муж женщины отсутствовал. И когда он пришёл, она рассказала ему о случившемся, и он смутился и сказал в душе: «Я боюсь, что у царя возникло до неё желание», и не осмеливался попирать её после этого. И так он провёл некоторое время, и женщина осведомила своих близких о том, что произошло у неё с мужем, и они привели его к царю. И, представ перед царём, родные женщины сказали: «Да возвеличит Аллах царя! Этот человек взял у нас в аренду землю для посева и сеял на ней некоторое время, а потом оставил её под паром, но он не уходит с неё и мы не можем сдать её тому, кто её засеет, и сам не засекает, и земле причиняет вред, и мы боимся, что она испортится из-за его пренебрежения, так как земля, когда её не засевают, портится». – «Что препятствует тебе засеять твою землю?» – спросил царь. И тот человек сказал: «Да возвеличит Аллах царя! До меня дошло, что лев ступил на эту землю, и я устрасился его и не мог приблизиться к своей земле. Я знаю, мне не в мочь справиться со львом и боюсь его».

И царь понял, в чем дело, и сказал: «О человек, лев не попирает твою землю, и земля твоя хороша для посева. Засевай же её, да благословит тебя Аллах! Лев не преступит против неё».

И потом царь велел дать ему и его жене хороший подарок и отпустил их обоих.

Рассказ об яйце птицы рухх (ночи 404-405)

Рассказывают также, что один человек из жителей Магриба путешествовал по странам и проезжал через пустыни и моря. И судьбы закинули его на один остров, где он провёл долгое время. Вернувшись в свою страну, привёз с собой перо из крыла птенца птицы рухх⁴¹⁹ – а этот птенец был ещё в яйце и не вышел из него в мир. И оно вмещало бурдюк воды, и говорят, что длина крыла птенца птицы рухх, когда он выходит из яйца, – тысяча сажений. И люди дивились этому перу, когда видели его. А имя того человека было Абд-ар-Рахман аль-Магриби, я известен он был под прозвищем Китаец, так как он долго жил в Китае. И он рассказывал чудеса, и, между прочим, он говорил, что однажды он ехал по Китайскому морю...

И Шахразад застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Четыреста пятая ночь

Когда же настала четыреста пятая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что Абд-ар-Рахман аль-Магриби-Китаец рассказывал чудеса, и, между прочим, говорил, что однажды ехал он по Китайскому морю с другими людьми, и они увидели вдали остров. И корабль их пристал к этому острову, и они увидели, что остров велик и обширен.

И люди, бывшие на корабле, вышли на этот остров, чтобы набрать воды и дров, и с ними был топор, верёвки и бурдюки, и тот человек сопровождал их. И они увидели на острове купол, большой белый и блестящий, длиною в сто локтей. И, увидав этот купол, люди направились к нему и подошли ближе и увидели, что это яйцо рухха. И они стали бить по нему топорами, камнями и палками, и яйцо раскололось, обнаружив птенца рухха. И

⁴¹⁹ Рухх – сказочная птица огромных размеров.

люди увидели, что он подобен твёрдо стоящей горе, и выдернули перо из его крыла (а они могли его выдернуть, только помогая друг другу, хотя перья этого птенца ещё не вполне образовались). А потом они взяли сколько могли мяса этого птенца и унесли с собой, и срезали бородку пера со стержня. И распустили паруса на корабле и ехали всю ночь, до восхода солнца, и ветер был благоприятен. И пока они так ехали, вдруг прилетела птица рухх, точно большое облако, и в когтях у неё был камень величиной с огромную гору, больше корабля. И когда птица рухх догнала корабль, она бросила этот камень на него и на людей. Но корабль бежал быстро и опередил камень, и камень упал в море, и падение его вызвало великий ужас. Но Аллах начертал путникам благополучие и спас их от гибели, и они сварили мясо птенца рухх и съели его. А среди путников были старики с белыми бородами, и на следующее утро они увидели, что их бороды почернели, и не стал седым после этого ни один из тех, кто ел это мясо. И говорили они, что причиной возвращения к ним юности и исчезновения седины было то, что палка, которой они мешали в котле, была из дерева стрел, а некоторые говорили, что причина этого – мясо птенца рухха, и это дивное диво.

Рассказ об Ади ибн Зейде и Марии (ночи 405-407)

Рассказывают, что у анНумана ибн аль-Мунзира, царя арабов, была дочь по имени Хинд, и она вышла в день пасхи (а это праздник христиан), чтобы причаститься в Белой церкви, и было ей одиннадцать лет жизни, и была она прекраснее всех женщин своего времени и века. А в этот день Ади ибн Зейд⁴²⁰ прибыл в альХиру от Кисры к ан-Нуману с подарками и вошёл в Белую церковь, чтобы причаститься. А он был высок ростом и нежен чертами, с прекрасными глазами и блестящими щеками, и с ним были люди его племени, а с Хинд, дочерью ан-Нумана, была невольница по имени Мария, и Мария любила Ади, но только не могла к нему приблизиться.

И когда Мария увидела его в церкви, она сказала Хинд: «Посмотри аа этого юношу, он, клянусь Аллахом, прекраснее всех, кого ты видишь». – «А кто он?» – спросила Хинд. И Мария ответила: «Ади ибн Зейд». И тогда Хинд, дочь ан-Нумана, сказала: «Я боюсь, что он меня узнает, если я подойду к нему, чтобы посмотреть поближе». – «Откуда ему тебя знать, раз он никогда тебя не видел?» – сказала Мария. И тогда Хинд подошла к Ади, а он шутил с юношами, которые были с ним, и превосходил их красотой и прекрасными речами и красноречивым языком и роскошью бывших на нем одежд. И, увидав его, Хинд впала в искушение, и ум её был ошеломлён, и цвет её лица изменился. Когда Мария заметила её склонность к нему, она сказала: «Поговори с ним!»

И Хинд поговорила с ним и ушла, и когда Ади увидел её и услышал её слова, он впал в искушение, и его ум был ошеломлён, и сердце его задрожало, и изменился цвет его лица, так что юноши его заподозрили. И Ади потихоньку сказал одному из них, чтобы он последовал за девушкой и разузнал для него её обстоятельства, и юноша пошёл за нею и затем вернулся к Ади и сказал ему, что это Хинд, дочь ан-Нумана.

И Ади вышел из церкви, не зная, от сильной любви, где дорога, и произнёс такие два стиха:

«О друзья, помогите мне ещё больше,
И направьте свой путь со мною в эти страны!
К землям Хинд поверните вы, благородной,
И уйдите и весть о нас передайте».

А окончив эти стихи, он ушёл в своё жилище и провёл ночь в беспокойстве, не попробовав вкуса сна...»

⁴²⁰ Ади ибн Зейд – поэт, христианин по происхождению. В 604 г. убит ан-Нуманом в тюрьме.

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Четыреста шестая ночь

Когда же настала четыреста шестая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что Ади, окончив стихи, ушёл в своё жилище и провёл ночь в беспокойстве, не попробовав вкуса сна. А утром ему повстречалась Мария. И, увидав её, Ади посмотрел на неё с приветливостью (а раньше он не обращал к ней взгляда) и спросил: „Что ты хочешь?“ – „У меня есть до тебя нужда“, – отвечала Мария. И Ади молвил: „Скажи, в чем дело! Клянусь Аллахом, ты не спросишь вещи, которую бы я тебе не дал“. И Мария рассказала ему, что она его любит и хочет с ним уединиться. И Ади согласился на это с условием, что она устроит хитрость с Хинд и сведёт её с ним.

И он привёл Марию в лавку виноторговца на одной из улиц аль-Хиры и упал на неё, и Мария вышла и пришла и сказала Хинд: «Не хочешь ли увидеть Ади?» – «А как это можно?» – спросила Хинд. «Страсть меня взволновала, и мне нет покоя со вчерашнего дня». – «Назначь ему такое-то место, и ты увидишь его из дворца», – сказала Мария. И Хинд молвила: «Делай что хочешь!»

И Мария сговорила с нею о месте, и Ади пришёл, и когда Хинд увидела его, она едва не упала сверху, а потом она сказала: «О Мария, если ты не приведёшь его ко мне сегодня ночью, я погибла». И она упала без чувств, и её прислужницы унесли её и внесли во дворец, а Мария поспешила к ал-Нумалу и передала ему историю Хинд, рассказав все по правде, и оказала, что Хинд лишилась разума из-за Ади. И она осведомила его о том, что, если он не выдаст Хинд замуж, она огорчится и умрёт от любви к нему, а это будет позором для ай-Нумана среди арабов, и нет иной хитрости и этом деле, как отдать её в жены Ади. И ан-Нуман опустил на некоторое время голову, размышляя о её деле, и несколько раз воскликнул: «Поистине, мы принадлежим Аллаху и к нему возвращаемся!» А затем он сказал: «Горе тебе! Как же ухитриться выдать её за него замуж? Мне не хочется первому заговорить с ним об этом». – «Он влюблён сильнее её и ещё больше её желает, и я ухитрюсь, чтобы он не знал, что тебе известно его дело, и ты не опозорил бы себя, о царь», – ответила Мария. А затем она пошла к Ади и рассказала ему об этом, и молвила: «Приготовь кушанье и позови царя и, когда питьё заберёт его, посватайся за Хинд – он тебя не отвергнет». – «Я боюсь, что это его разгневает и будет причиной вражды между нами», – сказал Ади. Но Мария молвила: «Я пришла к тебе лишь после того, как окончила разговор с ним». А потом она вернулась к ан-Нуману и сказала ему: «Потребуй, чтобы Ади угостил тебя в своём доме». И ал-Нуман отвечал: «В этом нет дурного!» И затем через три дня после этого ан-Нуман попросил Ади, чтобы он и его приближённые у него отобедали. И Ади согласился на это, и ан-Нуман отправился к нему в дом.

И когда вино забрало его, как оно забирает, Ади встал и посватался за Хинд, и ан-Нуман согласился и отдал её ему в жены, и Ади прижал её к себе через три дня. И Хинд прожила у него три года, и жили они сладостнейшей и приятнейшей жизнью...

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Четыреста седьмая ночь

Когда же настала четыреста седьмая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что Ади прожил с Хинд, дочерью ан-Нумана ибн аль-Мунзира, три года, и жили они сладостнейшей и приятнейшей жизнью, а затем ан-Нуман разгневался на Ади и убил его. И Хинд горевала о нем великим горем, а потом она построила себе монастырь в окрестностях аль-Хиры и сделалась монахиней и сидела там, рыдая и оплакивая Ади, пока не умерла. И монастырь её известен до сих пор в окрестностях аль-Хиры.

Рассказ о Дибиле и Муслиме ибн аль-Валиде (ночь 407)

Рассказывают, что Дибиль аль-Хузаи⁴²¹ говорил: «Я сидел у ворот квартала аль-Карх, и прошла мимо меня невольница, лучше которой и стройнее станом я не видывал, и она изгибалась на ходу и, изгибаясь, пленяла смотрящих. И когда мой взор упал на неё, мною овладело искушение, и душа моя задрожала, и я почувствовал, что сердце вылетает у меня из груди, и я произнёс, намекая на неё, такой стих:

«Глаза мои слезы льют струёю,
И сон моих век стеснён тоскою».

И девушка посмотрела на меня и отвернула лицо и быстро ответила мне таким стихом:

«То мало для тех, кого призвали,
Взглянув на них, взоры глаз истомных».

И она ошеломила меня быстротой своего ответа и красотой речи, и я сказал ей во второй раз такой стих:

«Но будет ли царь мой мягок сердцем
К тому, чья слеза струёю льётся?»

И девушка быстро ответила мне, без промедления, таким стихом:

«Коль хочешь от нас любви добиться, –
Любовь между нами долг взаимный».

И в мои уши не проникало ничего слаще этих слов, и я не видел лица ярче её лица. И я переменил в стихотворении рифму, чтобы испытать её, и, дивясь её словам, сказал ей такой стих:

«Как посмотришь ты, не порадует ли время
Единением, не сведёт ли страсть со страстью?»

И девушка улыбнулась (а я не видел рта прекраснее, чем у неё, и уст, слаще её уст) и быстро, без промедления, ответила мне таким стихом:

«Что же времени до суда меж нами, скажи ты мне?
Ты – время сам и встречей нас обрадуй».

И я быстро поднялся и стал целовать ей руки и оказал: «Я не думал, что время подарит мне такой случай. Идя же до моим следам без приказа и не испытывай отвращения, но по своей милости и из жалости ко мне».

И затем я подошёл, и она пошла сзади, но у меня не было в то время жилища, где я согласился бы встретиться с такой, как она. А Муслим ибн аль-Валид⁴²² был моим другом, и у него было хорошее жилище, и я направился к нему. И когда я постучал в ворота, он

⁴²¹ Дибиль («старая верблюдица») – прозвище порта аббасидского периода, Мухаммеда аль-Хузаи (765-860).

⁴²² Муслим ибн аль-Валид – выдающийся поэт, современник аль-Хузаи.

вышел, и я приветствовал его и сказал: «Для подобного времени приберегают друзей!» А он ответил мне: «С любовью и удовольствием! Входите!»

И мы вошли и увидели, что Муслим ибн аль-Валид в денежном затруднении, и он дал мне платок и сказал: «Отнеси его на рынок и продай и возьми, что нужно из кушаний и другого!»

И я поспешно отправился на рынок и продал платок и взял то, что было нам нужно из кушаний и прочего, а потом вернулся и увидел, что Муслим уже уединился с этой женщиной в погребке. И когда Муслим услышал меня, он подскочил ко мне и воскликнул: «Да воздаст тебе Аллах тем же, о Абу-Али, за ту милость, которую ты мне оказал, я да встретит тебя его награда, и да сделает это Аллах добрым делом из твоих добрых дел в день воскресения».

А потом он принял от меня кушанья и напитки и закрыл ворота перед моим лицом. И слова его разгневали меня, и я не знал, что делать, а он стоял за воротами и трясся от радости. И, увидав меня в таком состоянии, он сказал: «Ради моей жизни, о Абу-Али, кто это произнёс такой стих:

Спал я с нею, товарищ мой спал поодаль,
Телом чистый, но сердцем он осквернился».

И мой гнев на него усилился, и я отвечал: «Это тот, кто сказал такой стих:

Это тот, кто раз тысячу был рогатым,
Чьи рога возвышаются над Манафом»⁴²³.

И потом я принялся его ругать и бранить за его безобразное дело и малое благородство, а он молчал и не говорил, а когда я кончил его бранить, он улыбнулся и сказал: «Горе тебе, дурак! Ты вступил в моё жилище, продал мой платок и истратил мои деньги. На кого же ты сердишься, о сводник?»

И он оставил меня и ушёл к женщине, а я сказал: «Клянусь Аллахом, ты прав, относя меня к дуракам и сводникам!» И потом я ушёл от его ворот в великой заботе, и её след остаётся новым в моем сердце до сегодняшнего дня. И я не получил той женщины и не слышал о ней вестей».

Рассказ об Исхакке Мосульском и девушке (ночи 407-409)

Рассказывают, что Исхак, сын Ибрахима Мосульского, говорил: «Случилось так, что мне наскучило постоянно быть во дворце халифа и служить там, и я сел верхом и выехал утром, и решил объехать пустыню и прогуляться, и сказал моим слугам: „Когда придёт посланный от халифа или кто другой, скажите ему, что я с утра выехал по одному важному делу и что вы не знаете, куда я уехал“.

И потом я отправился один и объехал город, а день был жарким, и я остановился на улице, называемой аль-Харам...»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Четыреста восьмая ночь

Когда же настала четыреста восьмая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что Исхак, сын Ибрахима Мосульского, говорил:

⁴²³ Манаф – имя языческого божества, которому поклонялись до ислама предки Мухаммеда из племени корейтоитов. В данном стихе обыгрывается слово «манаф», которое значит «возвышение».

«И когда день стал жарким, я остановился на улице, называемой аль-Харам, чтобы поискать тени от солнечного зноя, а у дома было широкое крыло, выступавшее на дорогу. И не прошло много времени, как подошёл чёрный евнух, который вёл осла, и я увидел на нем девушку, ехавшую верхом, и под нею был платок, окаймлённый жемчужинами, и одета она была в роскошные одежды, дальше которых нет цели. И я увидел у девушки прекрасный стан, и томный взор, и изящные черты и спросил про неё кого-то из прохожих, и мне сказали, что это певица. И любовь привязалась к моему сердцу, когда я посмотрел на неё, и я не мог усидеть на спине моего животного. И затем девушка въехала во двор дома, у ворот которого я стоял, и я принялся размышлять о хитрости, которая привела бы меня к ней. И пока я стоял, вдруг приблизились два человека – прекрасные юноши, и попросили разрешения войти, и хозяин дома им позволил, и они спешили, и я тоже спешил и вошёл вместе с ними, и юноши подумали, что хозяин дома меня позвал. И мы просидели некоторое время, и нам принесли кушанье, и мы поели, а затем перед нами поставили вино. После этого вышла невольница с лютнею в руках и запела, а мы стали пить. И я поднялся, чтобы удовлетворить нужду, и хозяин дома спросил про меня тех двух людей, и они сказали ему, что они меня не знают, и тогда хозяин дома воскликнул: „Это блюдолиз, но он приятен видом! Обходитесь с ним хорошо!“

И потом я пришёл и сел на своё место, и невольница запела нежную песню и произнесла такие два стиха:

«Скажи газели, которая не газель совсем,
И телёночку насурмленному – не телёнок он!
Кто с мужчиной любит один лежать, тот не женщина,
Кто, как дева, ходит, поистине не мужчина тот».

И она исполнила это прекрасным образом, и присутствующие выпили, и пение им понравилось. И затем девушка спела несколько песен с диковинными напевами, и пропела, между прочим, песню, сложенную мной, и она произнесла такие два стиха:

«Разорённая ставка – Её бросил любимый:
Одинока она без них, Опустела, исчезла».

И вторую песню она исполнила лучше, чем первую. И потом она спела ещё несколько песен на диковинные напевы из старых и новых, и среди них была песня, сложенная мною с такими стихами:

«Тем скажи, кто ушёл, браня,
И далёк, сторонясь тебя:
«Ты добился того, чего
Ты добился, хоть ты шутил!»

И я попросил её повторить эту песню, чтобы исправить её, и ко мне подошёл один из тех двух людей и сказал: «Мы не видели блюдолиза более бесстыдного, чем ты. Ты не довольствуешься тем, что приходишь незванный, ты ещё пристаёшь с просьбами! Оправдывается поговорка: „Он блюдолиз и пристаёт с просьбами“».

И я потупился от стыда и не отвечал ему, и его товарищ стал удерживать его, но он не отставал от меня. А потом все встали на молитву, и я отступил немного и, взяв лютню, подвинтил колки и хорошо настроил её, и вернулся на своё место и помолился с ними. А когда мы кончили молиться, тот человек вернулся ко мне с укорами и упрёками и упорно задирает меня, а я молчал. И невольница взяла лютню и стала её настраивать, и что-то показалось ей подозрительным. «Кто настроил мою лютню?» – спросила она. И ей сказали: «Никто из нас не настраивал её». И она воскликнула: «Нет, клянусь Аллахом, её настроил

человек искусный, выдающийся в этом деле, так как он поправил струны и настроил её, как настраивает знающий своё искусство». – «Это я настроил её», – сказал я невольнице. И она молвила: «Заклинаю тебя Аллахом, возьми её и сыграй что-нибудь!»

И я взял лютню и сыграл на ней диковинную и трудную песню, едва не умерщвлявшую живых и оживлявшую мёртвых, и произнёс под лютню такие стихи:

«Было сердце у меня, и с ним жил я,
По сожгли его огнём и сгорело,
Не досталась её страсть мне на долю –
Достаётся ведь рабам лишь их доля.
Если то, что я вкусил, – яства страсти,
Несомненно, всяк вкусил их, кто любит...»

И Шахразад застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Четыреста девятая ночь

Когда же настала четыреста девятая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что, когда Исхак, сын Ибрахима, Мосулец, окончил свои стихи, среди собравшихся не осталось никого, кто бы не вскочил со своего места. „И они сели передо мной и сказали: „Заклинаем тебя Аллахом, господин наш, спой нам ещё одну песню“. А я отвечал им: „С любовью и удовольствием!“ И затем я сыграл как следует и произнёс такие стихи:

«О, кто же поможет сердцу, тающему в беде?
Печали со всех сторон верблюдов к нему ведут.
Запрета пускающим стрелу в глубь души моей
Вся кровь, им пролитая меж сердцем и рёбрами.
В разлуки день ясно стадо мне, что сближенье с ним,
Когда он далёк – лишь мысль, обманчиво-ложная.
Он пролил кровь, но её не пролил бы без любви,
И будет ли за ту кровь взыскатель и мститель мне?»

И когда он окончил свои стихи, среди собравшихся не осталось никого, кто бы не поднялся на ноги и не бросился бы потом на землю от сильного восторга, овладевшего им.

И я кинул лютню из рук, но люди сказали мне: «Ради Аллаха, не делай этого, дай нам услышать ещё одну песню, да прибавит тебе Аллах своей милости!» А я молвил: «О люди, что я буду прибавлять вам ещё песню, и ещё, и ещё! Но я осведомлю вас о том, кто я. Я Исхак, сын Ибрахима, Мосулец. Я надменен с халифом, когда он меня требует, а вы заставили меня в сегодняшний день выслушать грубости, которых я не люблю. Клянусь Аллахом, я не произнесу ни звука и не буду сидеть с вами, пока вы не выведете отсюда этого буяна!» – «От этого я тебя предостерегал, и этого для тебя боялся!» – сказал тогда товарищ этого человека, и потом его взяли за руку и вывели, а я взял лютню и спел им со всем искусством те песни, которые пела невольница. А после того я потихоньку сказал хозяину дома, что эта невольница запала мне в сердце и я не могу быть без неё. «Она твоя, но с условием», – отвечал хозяин. «А каково оно?» – спросил я. И хозяин молвил: «Чтобы ты пробыл у меня месяц, и тогда невольница и то, что ей принадлежит из одежд и украшений, – твои». – «Хорошо, я это сделаю», – отвечал я. И целый месяц я пробыл у него, и никто не знал, где я, и халиф искал меня во всех местах и не имел обо мне вестей. А когда месяц кончился, хозяин дома вручил мне невольницу и дорогие вещи, которые ей принадлежали, и дал мне ещё евнуха, и я пришёл с этим в моё жилище, и мне казалось, будто я владею всем миром, так сильно я радовался невольнице.

И потом я тотчас же поехал к аль-Мамуну, и, когда я явился к нему, он воскликнул: «Горе тебе, о Исхак, и где это ты был?» И я рассказал ему свою историю. И аль-Мамун воскликнул: «Ко мне этого человека, сейчас же!» И я указал его дом, и халиф послал за ним, и, когда этот человек явился, он спросил его, как было дело. И он рассказал все, и тогда халиф воскликнул: «Ты человек благородный, и правильно будет, чтобы тебе была оказана при твоём благородстве помощь».

И он велел дать ему сто тысяч дирхемов, а мне сказал: «О Исхак, приведи невольницу!» И я привёл её, и она стала петь халифу и взволновала его, и его охватила из-за неё великая радость.

«Я назначаю её очередь на каждый четверг, – сказал он. – Пусть она приходит и поёт из-за занавесей».

И халиф приказал выдать ей пятьдесят тысяч дирхемов, и, клянусь Аллахом, я много нажил в эту поездку и дал нажать другим».

Рассказ о юноше, певице и девушке (ночи 409-410)

Рассказывают также, что аль-Утби говорил: «Однажды я сидел, и у меня было собрание людей образованных. И стали мы вспоминать предания о людях, и разговор наш склонился к рассказам о любящих, и всякий из нас стал что-нибудь рассказывать. А среди собравшихся был один старец, который молчал. И когда ни у кого не осталось ничего, что бы он не рассказал, этот старец молвил: „Рассказать ли вам историю, подобной которой вы никогда не слышали?“ – „Да“, – отвечали мы. И старец оказал: „Знайте, что у меня была дочь, и она любила одного юношу, и мы не знали об этом, а юноша любил певицу, а певица любила мою дочь. И однажды я пришёл в одно собрание, где был этот юноша...“

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Четыреста десятая ночь

Когда же настала четыреста десятая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что старик говорил: «И в какой-то день я пришёл в одно собрание, где были этот юноша и певица, и она произнесла такие два стиха:

«Любви унижения знак – Влюблённых рыданье и плач.
Особенно плачут они, Коль сетовать некому им».

И юноша воскликнул: «Клянусь Аллахом, ты отлично спела, о госпожа. Позволишь ли ты мне умереть?» – «Да, если ты влюблённый», – сказала певица из-за занавески. И юноша положил голову на подушку и закрыл глаза. И, когда кубок дошёл до юноши, мы стали будить его и вдруг видим – он мёртв. И мы собрались около него, и замутилась наша радость, и мы огорчились и тотчас же разошлись. А когда я пришёл домой, моим родным показалось подозрительно, что я пришёл в столь необычное время. И я рассказал им, что случилось с юношей, чтобы удивить их этим. И дочь услышала мои слова и вышла из той комнаты, где был я, и вошла в другую комнату, и я вышел за ней и вошёл в ту комнату и увидел, что девушка прилегла на подушку так же, как я рассказывал про юношу. И я потрогал её и вдруг вижу – она умерла. И мы начали её обрывать и наутро вышли хоронить, и юношу тоже вынесли хоронить. И мы пошли по дороге на кладбище и вдруг видим третьи носилки, и мы спросили про них, и вдруг оказалось, что это носилки певицы: когда до неё дошла весть о смерти моей дочери, она сделала то же, что сделала та, и умерла. И мы похоронили их троих в один день, и это самое удивительное, что слыхано из рассказов о влюблённых».

Рассказ о влюблённых, погибших от любви (ночи 410-411)

Повествуют также, что аль-Касим ибн Ади рассказывал со слов одного человека из племени Бену-Тсмим, что тот говорил: «Однажды я вышел поискать заблудившуюся верблюдицу и пришёл к воде племени Бену-Тай, и увидел две толпы народа, одну около другой, и вдруг я слышу, что в одной толпе идёт такой же разговор, как и разговор людей другой толпы. И я всмотрелся и увидел в одной толпе юношу, которого испортила болезнь, и был он точно потёртый бурдюк. И когда я его рассматривал, он вдруг произнёс такие стихи:

«Зачем, зачем прекрасная не приходит –
То скупость от прекрасной или разлука?
Я заболел и всеми посещён был,
Но что же тебя с пришедшими не видел?
Была бы ты больна, я прибежал бы,
Угрозы бы меня не отдалили.
Тебя лишившись, среди них один я.
Утратить друга, мой покой, ужасно!»

И его слова услышала девушка из другой толпы и устремилась к нему, и её родные последовали за ней, но она стала от них отбиваться. И юноша услышал её и бросился к ней, но люди из той толпы устремились к нему и ухватились за него, и он стал от них вырываться, а девушка вырывалась от своих, пока они оба не освободились.

И тогда каждый из них бросился к другому, и они встретились между обеими толпами и обнялись и упали на землю мёртвые...»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Четыреста одиннадцатая ночь

Когда же настала четыреста одиннадцатая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что, когда юноша и девушка встретились между обеими толпами, они обнялись и упали на землю мёртвые. И вышел из палаток старец и остановился над ними обоими и произнёс: „Поистине, мы принадлежим Аллаху и к нему возвращаемся!“ И заплакал сильным плачем и воскликнул: „Да помилует вас обоих Аллах великий! Клянусь Аллахом, поистине, если вы не соединились при жизни, я соединяю вас после смерти!“ И он приказал обрядить их, и их вымыли и завернули в один саван, и вырыли им одну могилу, и люди помолились над ними, и их похоронили в – этой могиле, и ни в той, ни в другой толпе не осталось мужчины или женщины, которых я не видел бы плачущими об умерших и бьющими себя по лицу. И я спросил старика про этих двух, и он сказал: „Она – моя дочь, а он – сын моего брата, и любовь довела их до того, что ты видел“. – „Да направит тебя Аллах! Почему ты не поженил их?“ – воскликнул я. И старец сказал: „Я боялся срама и позора, и теперь они пали на меня!“

И это один из удивительных рассказов о любящих.

Рассказ об аль-Мубарраде и бесноватом (ночи 411-412)

Рассказывают, что Абу-ль-Аббас аль-Мубаррад⁴²⁴ говорил: «Я направился с несколькими людьми в альБерид по делу, и мы проезжали монастырь Езекииля и остановились под его сенью. И к нам подошёл человек и сказал: „В монастыре есть

⁴²⁴ Аль-Мубаррад – знаменитый филолог IX века.

бесноватые и среди них бесноватый, который изрекает мудрость. Если бы вы его увидели, вы, право, подивились бы его словам“.

И мы все поднялись и вошли в монастырь и увидели человека, который сидел в комнате на кожаном ковре, и он обнажил голову и устремил взор на стену. И мы приветствовали его, и он возвратил нам приветствие, не взглянув на нас глазом. И один человек молвил: «Скажи ему стихи: когда он слышит стихи, он начинает говорить».

И я произнёс такие два стиха:

«О прекраснейший из рождённых Евой на свет людей!
Не будь тебя, не прекрасен мир, не хорош бы был!
И тот, кому показал Аллах твой светлый лик,
Получил бы вечность, седин не зная и дряхлости!»

И, услышав от меня это, бесноватый повернулся к нам и произнёс такие стихи:

«Аллах знает ведь, что тоскую я,
Не могу открыть, что я чувствую,
Две души во мне – одна в городе,
А другая – та в другом городе,
И далёкая сходна с близкою,
И то чувствует, что я чувствую».

И затем он спросил: «Хорошо я сказал или плохо?» И мы ответили: «Ты сказал не плохо, а хорошо и прекрасно». И безумный протянул руку к камню, лежавшему возле него, и взял его, и мы подумали, что он кинет его в нас, и убежали от него, но бесноватый стал только бить себя камнем в грудь и говорил: «Не бойтесь? Подойдите ко мне ближе и выслушайте от меня что-то, и учитесь этому у меня».

И мы приблизились к нему, и он произнёс такие стихи:

«Своих светло-рыжих пред зарёй привела они,
Её посадили, и верблюды отправились.
Глава моя из тюрьмы любимую видели»
И в горести я сказал, а слезы текли мои,
Вот сад светло-рыжих! Поверни, чтобы простился я
В разлуке, – в прощанье с ней срок жизни моей сокрыт.
Обет я блюду, любовь мою не нарушил я,
О, если бы знал я, что с обетом тем сделали!»

А потом он посмотрел на меня и спросил: «Знаете ли вы, что они сделала?» И я сказал: «Да, они умерли, помилуй их Аллах великий!»

И лицо бесноватого изменилось, и он вскочил на ноги и воскликнул: «Как ты узнал об их смерти?» – «Будь они живы, они не оставили бы тебя так, в таком состоянии», – отвечал я. И бесноватый молвил: «Ты сказал правду, клянусь Аллахом, но мне тоже не мила жизнь после них». И потом у него задрожали поджилки, и он упал лицом вниз, и мы поспешили к нему и стали его трясти, и увидели, что он мёртв, да будет над ним милость Аллаха великого! И мы удивились и опечалились о бесноватом сильной печалью, а зчтём мы обрядили его и похоронили...»

И Шахразад устроила утро, и она прекратила дозволенные речи.

Четыреста двенадцатая ночь

Когда же настала четырёхста двенадцатая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что аль-Мубаррад говорил: „Когда этот человек упал мёртвый, мы опечалились о нём, и обрядили его и похоронили. А по возвращении в Багдад я пришёл к аль-Мутаваккилю, и он увидел следы слез у меня на лице и спросил: „Что это?“ И я рассказал ему всю историю, и ему стало тяжело, и он сказал: „Что побудило тебя к этому? Клянусь Аллахом, если бы я знал, что ты о нём не печалишься, я бы взыскал с тебя за него!“

И потом он горевал об этом весь остаток дня».

Рассказ о мусульманине и христианке (ночи 412-414)

Рассказывают, что АбуБекр ибн Мухаммед ибн аль-Анбари⁴²⁵ говорил: «Я выехал из аль-Анбара, в одно из моих путешествий, в Аморию⁴²⁶ в стране румов, и остановился по дороге в Монастыре Сияний, в селении поблизости от Аморви, и ко мне вышел начальник монастыря, глава монахов, которого звали Абд-аль-Масих⁴²⁷, и привёл меня в монастырь, где я нашёл сорок монахов. И они почтили меня в этот вечер хорошим угощением. А наутро я уехал от них, и я видел у них великое рвение и благочестие, какого не видал у других. И я исполнил то, что было мне нужно в Амории, и вернулся потом в аль-Анбар. А когда настал следующий год, я отправился в паломничество в Мекку и, совершая обход вокруг храма, вдруг увидал Абд-аль-Масиха, монаха, который тоже совершал обход, и с ним было пять его сподвижников-монахов.

И когда я узнал его как следует, я подошёл к нему и спросил: «Ты Абд-аль-Масих-Страшущийся?» И он ответил: «Нет, я Абд-Аллах Стремящийся»⁴²⁸. И я стал целовать его седины и плакать. А потом я взял его руку и, отойдя в угол священной ограды, сказал ему: «Расскажи мне, почему ты принял ислам». – «Это дивное диво, – ответил Абд-аль-Масих, – и вот оно. Несколько мусульман-подвижников проходили через селение, в котором находится наш монастырь, и они послали одного юношу купить им еды. И юноша увидал на рынке девушку-христианку, которая продавала хлеб, – а она была из прекраснейших женщин по виду. И, увидав эту женщину, он влюбился в неё и упал ничком без сознания. А очнувшись, он возвратился к своим товарищам и рассказал им о том, что его постигло. И он сказал: „Идите к вашему делу – я не пойду с вами“.

И они стали порицать и увещевать его, но юноша не посмотрел на них, и они ушли. А юноша пришёл в деревню и сел у дверей лавки той женщины, и она спросила его, что ему нужно, и юноша сказал, что он влюблён в неё, и христианка отвернулась от него. И юноша провёл на этом месте три дня, не вкушая пищи, и смотрел в лицо девушки. И когда та увидела, что он от неё не уходит, она пошла к своим родным и все рассказала про него. И на юношу натравили детей, и они стали кидать в него камнями и поломали ему ребра и рассекли голову, но он, при всем этом, не уходил. И тогда жители селения решили убить юношу; один человек пришёл ко мне и рассказал о его положении, и я вышел к нему и увидел, что он лежит. И я отёр кровь с его лица, и перенёс его в монастырь и стал лечить его раны, и он оставался у меня четырнадцать дней, а оказавшись в состоянии ходить, он ушёл из монастыря...»

⁴²⁵ Абу-Бекр ибн Мухаммед ибн аль-Анбари – филолог, рассказчик преданий (ум. в 939 или 940 г.).

⁴²⁶ Амория (Амориум) – византийский город в древней Фригии, на пути из Константинополя в Киликию, неоднократно подвергался осаде арабских войск; в 838 году был завоёван арабами и сравнён с землёй.

⁴²⁷ Абд-аль-Масих – значит: «раб Мессии».

⁴²⁸ Игра слов, основанная на двойном значении арабского слова «аррахиб», означающего «страшущийся» и «монах». «Абд-Аллах» – значит, «раб Аллаха».

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Четыреста тринадцатая ночь

Когда же настала четыреста тринадцатая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что монах Абд-Аллах говорил: „И я перенёс его в монастырь и стал лечить раны, и он оставался у меня четырнадцать дней, а оказавшись в состоянии ходить, он ушёл из монастыря, пошёл к дверям лавки той девушки и сидел, смотря на неё. И, увидав его, девушка вышла и сказала: „Клянусь Аллахом, я пожалела тебя! Не хочешь ли принять мою веру, и я выйду за тебя замуж!“ – „Спаси Аллах от того, чтобы я совлек с себя веру единобожия и принял веру многобожия!“ – воскликнул юноша. И девушка сказала: „Встань, войдя ко мне в дом, удовлетвори своё желание со мной и уходи прямым путём“. Но юноша отвечал: „Нет, я не таков, чтобы уничтожить двенадцать лет благочестия в одно мгновение страсти“. – „Тогда уходи от меня“, – сказала девушка. „Моё сердце мне не повинуется“, – ответил юноша. И девушка отвернула от него своё лицо. А потом дети догадались, где он, и, подойдя к нему, стали бросать в него камнями, и юноша упал ничком, говоря: «Поистине, покровитель мой Аллах, который ниспослал писание, и он покровительствует праведным».

И я вышел из монастыря, и отогнал детей от юноши, и приподнял с земли его голову, и услышал, что он говорит: «Боже мой, соедини меня с нею в раю». И я его повес в монастырь, и он умер, прежде чем я дошёл с ним до него, и тогда я вынос его из деревни и выковал ему могилу и похоронил его. А когда пришла ночь и миновала половина её, та женщина (а она была в постели); выпустила крик, и возле неё собрались жители селения и спросили её, что с ней, и она сказала: «Когда я спала, вдруг вошёл ко мне тот человек» мусульманин, и взял меня за руку и пошёл со мной в рай, но, когда он оказался со мною у ворот рая, сторож помешал мне войти и сказал: «Он запрещен для неверных».

И я приняла ислам благодаря юноше и вошла с ним в рай и увидела в раю дворцы и деревья, которые мне невозможно вам описать. И потом он отвёл меня в один дворец из драгоценного камня и сказала «Этот дворец мой и твой, и я не войду в него иначе, как с тобою, и через пять ночей ты будешь в нем подле меня, если захочет Аллах великий».

Потом он протянул руку к дереву, бывшему у ворот этого дворца, сорвал с него два яблока, дал их мне и сказал: «Съешь эти и спрячь другое, чтобы его увидели монахи». И я съела одно яблоко – и не видела я яблока лучше этого...»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Четыреста четырнадцатая ночь

Когда же настала четыреста четырнадцатая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что девушка говорила: „Когда он сорвал яблоки, он дал их мне и сказал: „Съешь это и спрячь другое, чтобы его увидели монахи“. И я съела одно яблоко, – и не видела я яблока лучше этого, – а потом он взял меня за руку и вышел со мною и довёл меня до моего дома. И, пробудившись от сна, – я почувствовала вкус яблока во рту, а второе яблоко у меня. И она вынула яблоко, и оно засияло во мраке ночи, точно яркая звезда. И женщину привели в монастырь, и она рассказала нам свой сон и вынула яблоко, и мы не видали чего-нибудь ему подобного среди всех плодов мира. И женщина взяла нож и разрешила яблоко на части, по числу моих товарищей, и мы не знали вкуса слаще и запаха приятнее, чем у него, и сказали мы: «Быть может, это сатана предстал перед ней, чтобы отвратить её от веры».

И родные взяли её и ушли, а потом она отказалась от еды и питья, и, когда настала пятая ночь, она встала с постели, вышла из дома и отправилась на могилу того мусульманина и бросилась на неё и умерла, и её родные не знали об этом. А когда наступило время утра,

пришли в селение два старика мусульманина в волосяной одежде, и с ними били две женщины, одетые так же, и старики сказали: «О жители селения, у вас находится святая Аллаха великого, из числа его святых, и она умерла мусульманкой. Мы о ней позаботимся, а не вы».

И жители селения стали искать эту женщину и нашли её на могиле, мёртвую, и сказали: «Это наша подруга, она умерла в вашей вере, и мы о ней позаботимся». А старики сказали: «Нет, она умерла мусульманкой, и мы о ней позаботимся». И усилились между ними препирательства и споры, и один из стариков сказал: «Вот признак того, что она мусульманка: пусть соберутся сорок монахов, которые в монастыре, и потянут её с могилы, и если они смогут поднять её с земли, тогда она христианка, а если они не смогут этого сделать, выступит вперёд один из нас и потянет её, и если она за ним последует, значит она мусульманка».

И жители селения согласились на это, и собрались сорок монахов и, ободря друг друга, подошли к девушке, чтобы поднять её, но не могли этого сделать. И тогда мы обвязали ей вокруг пояса толстую верёвку и потянули её, но верёвка оборвалась, а девушка не шевельнулась. И подошли жители селения и стали делать то же самое, но девушка не сдвинулась с места. И когда мы оказались не в силах это сделать никаким способом, мы сказали одному из старцев: «Подойди ты и подними её». И один из старцев подошёл к девушке и завернул её в свой плащ и сказал: «Во имя Аллаха, милостивого, милосердного, и ради веры посланника Аллаха да благословит его Аллах и да приветствует!» – и поднял её на руках. И мусульмане унесли девушку в пещеру, бывшую тут же, и положили её там, и пришли те две женщины и обмыли её и завернули в саван, а потом старцы снесли её и помолились над нею и похоронили её рядом с могилой мусульманина и ушли, и мы были свидетелями всего этого.

И, оставшись наедине друг с другом, мы сказали: «Подлинно, истина наиболее достойна того, чтобы ей следовать». И стала истина для нас ясна по свидетельству и лицезрению, и нет для нас более ясного доказательства правильности ислама, чем то, что мы видели своими глазами. И потом я принял ислам, и приняли ислам все монахи из монастыря, и жители селения тоже, и затем мы послали к жителям аль-Джеиры и призвали законоведа, чтобы он научил нас законам ислама и правилам веры, и пришёл к нам законовед, человек праведный, и научил нас благочестию и правилам ислама, и теперь обильно наше благо, и Аллаху принадлежит хвала и благодеяние».

Рассказ об Абу-Исе и Куррат-аль-Айн (ночи 414-418)

Рассказывают, что Амр ибн Масада говорил: «АбуИса, сын ар-Рашида, брат аль-Мамуя, был влюблён в Куррат-аль-Айн, невольницу Али ибн Хишама, и она тоже была влюблена в него, но Абу-Иса таил свою страсть и не открывал её, никому не жалуясь и никого не осведомляя о своей тайне, и было это из-за его гордости и мужественности. И он стремился купить Куррат-аль-Айн у её господина всякими хитростями, но не мог этого сделать. И когда его терпение было побеждено и усилилась его страсть и он был не в силах ухитриться в деле этой девушки, Абу-Иса вошёл к аль-Мамуну в день праздника, после ухода от него людей, и сказал: „О повелитель правоверных, если бы ты испытал своих предводителей сегодня, в неожиданное для них время, ты распознал бы среди них людей благородных меж прочими и узнал бы место каждого я высоту его помыслов“. (А хотел такими словами Абу-Иса лишь достигнуть пребывания с Куррат-аль-Айн в доме её господина.) „Это мнение правильное!“ – оказал аль-Мамун. И потом он велел оснастить лодку, которую называли „Крылатая“, и ему подвели лодку, и он сел в неё с толпой своих приближённых. И первый дворец, в который он вступил, был дворец Хумейда-длинного из Туса. И они вошли к нему во дворец, в неожиданное время, и нашли его сидящим...»

И Шахразату застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Четыреста пятнадцатая ночь

Когда же настала четыреста пятнадцатая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что аль-Мамун сел со своими приближёнными, и они ехали, пока не достигли дворца Хумейда-Длинного из Туса. И они вошли к нему во дворец в неожиданное время и нашли его сидящим на циновке, и перед ним находились певицы, в руках которых были инструменты для песен – лютни, свирели и другие.

И аль-Мамун посидел немного, а затем перед ним поставили кушанья из мяса выючных животных, среди которых не было ничего из мяса птиц, и аль-Мамун не стал ни на что смотреть.

«О повелитель правоверных, – сказал Абу-Иса, – мы пришли в это место неожиданно, хозяин не знал о твоём прибытии. Отправимся же в помещение, которое для тебя приготовлено и тебе подходит».

И халиф с приближёнными поднялся (а с ним вместе был его брат Абу-Иса), и они отправились к дому Али ибн Хишама.

И когда ибн Хишам узнал об их приходе, он встретил их наилучшим образом и поцеловал землю меж рук халифа, и затем он пошёл с ним во дворец и отпер покои, лучше которых не видали видящие: пол, колонны и стены были выложены всевозможным мрамором, который был разрисован всякими румскими рисунками, а на полу были постланы циновки из Синда⁴²⁹, покрытые басрийскими коврами, и эти ковры были изготовлены по длине помещения и по ширине его.

И аль-Мамун посидел некоторое время, оглядывая комнату, потолок и стены, и затем сказал: «Угости нас чемнибудь!» И Али ибн Хишам в тот же час и минуту велел принести ему около ста кушаний из куриц, кроме прочих птиц, похлёбок, жарких и освежающих. А после аль-Мамун сказал: «Напой нас чем-нибудь, о Али!» И Али принёс им вина, выкипяченного до трети, сваренного с плодами в хороших пряностях, в сосудах из золота, серебра и хрусталя, а принесли это вино в комнату юноши, подобные месяцам, одетые в александрийские одежды, вышитые золотом, и на груди их были повешены хрустальные фляги розовой воды с мускусом. И аль-Мамун пришёл от того, что увидел, в сильное удивление и сказал: «О Абу-ль-Хасан!» И тот подскочил к коврику и поцеловал его, а затем он встал перед халифом и сказал: «Я здесь, о повелитель правоверных!» И халиф молвил: «Дай нам услышать какиенибудь волнующие песни!» – «Слушаю и повинуюсь, о повелитель правоверных!» – ответил Али, и затем он сказал кому-то из своих приближённых: «Приведи невольниц-певиц!» И тот отвечал: «Слушаю и повинуюсь!» И евнух скрылся на мгновение и пришёл, и с ним было десять евнухов, которые несли десять золотых скамеечек, и они поставили их, и после этого пришли десять невольниц, подобных незакрытым лунам или цветущим садам, и на них была чёрная парча, а на головах у них были венцы из золота. И они шли, пока не сели на скамеечки, и стали они петь на разные напевы, и аль-Мамун взглянул на одну из невольниц и прельстился её изяществом и прекрасной внешностью.

«Как твоё имя, о невольница?» – спросил он. И девушка ответила: «Моё имя Саджахи, о повелитель правоверных». – «Спой нам, о Саджахи», – молвил халиф. И невольница затянула напев и произнесла такие стихи:

«Иду я, испуганный беседой с любимой,
Походкою низкого, двух львов увидавшего.
Покорность – мой меч, и сердце в страхе, влюблено? –
Страшны мне глаза врагов, глаза соглядатаев.
И к девушке я вхожу, что в неге воспитана,

⁴²⁹ Синд – арабское название долины реки Инда.

Похожей на лань холмов, дитя потерявшую».

«Ты отлично спела, о невольница! – сказал халиф. – Чьи это стихи!» – «Амра ибн Мадикариба аз-Зубейдй, а песня – Мабада»⁴³⁰, – отвечала невольница. И аль-Мамун, Абу-Иса и Али ибн Хишам выпили, а потом невольницы ушли, и пришли ещё десять невольниц, и на каждой из них была шёлковая, йеменские материи, затканые золотом. И они сели на скамеечки и стали петь разные песни, и аль-Мамун посмотрел на одну из невольниц, подобную лани песков, и спросил её: «Как твоё имя, о невольница?» И невольница отвечала: «Моё имя Забия, о повелитель правоверных». – «Спой нам, о Забия», – сказал аль-Мамун. И девушка защебетала устами и произнесла такие два стиха:

«Девы вольные, что постыдного не задумали –
Как газелей в Мекке ловить их нам запрещено.
За речь нежную их считают все непотребными,
Но распутничать им препятствует их вера».

О А когда она окончила свои стихи, аль-Мамун сказал ей: «Твой дар от Аллаха...»
И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Четыреста шестнадцатая ночь

Когда же настала четыреста шестнадцатая ночь, она оказалась: «Дошло до меня, о счастливый царь, что, когда невольница кончила декламировать, аль-Мамун сказал ей: „Твой дар от Аллаха! Чьи это стихи?“ – „Джерира, – ответила девушка, – а песня – ибн Сурейджа“⁴³¹.

И аль-Мамун и те, кто были с ним, выпили, и невольницы ушли. А после них пришли десять других невольниц, подобных яхонтам, и на них была красная парча, шитая золотом и украшенная жемчугом и драгоценными камнями, и были они с непокрытыми головами. И они сели на скамеечки и стали петь разные песни, и аль-Мамун посмотрел на невольницу среди них, подобную дневному солнцу, и спросил её: «Как твоё имя, о невольница?» – «Моё имя Фатии, о повелитель правоверных», – отвечала она. И халиф сказал ей: «Спой нам, о Фатин». И она затянула напев и произнесла такие стихи:

«Подари мне близость – ведь время ей пришло теперь,
Достаточно разлуки уж вкусила я.
Ты тот, чей лик все прелести собрал в себе,
Но терпение я покинула, на него смотря,
Я жизнь свою истратила, любя тебя,
О, если бы за это мне любовь иметь!»

«Твой дар от Аллаха, о Фатин! Чьи это стихи?» – спросил халиф. И девушка отвечала: «Ади ибн Зейда, а песня – древняя». И аль-Мамун с Абу-Исой и Ал и ибн Хишамом выпили. Затем эти невольницы ушли, и пришли после них десять других невольниц, подобные жемчужинам, и была на них материя, шитая червонным золотом, а стан их охватывали пояса, украшенные драгоценными камнями. И невольницы сели на скамеечки и стали петь разные

⁴³⁰ Амра ибн Мадикариб аз-Зубейди (умер, по преданию, в 643 г.) – поэт первых времён ислама. Мабад – известный певец.

⁴³¹ Джерир – знаменитый придворный поэт, славился своими сатирами. Ибн Сурейдж – известный певец.

песни. И аль-Мамун спросил одну из невольниц, подобную ветви ивы: «Как твоё имя, о невольница?» И девушка отвечала: «Моё имя Раша, о повелитель правоверных». – «Спой нам, о Раша», – сказал халиф. И девушка затянула напев и произнесла такие стихи:

«Как ветвь, темноглазый, тоску исцелит,
Газель он напомним, коль взглянет на нас.
Вино я пригубил» ладит его в честь,
И чашу тянул я, пока он не лёг,
Со мною на ложе проспал он тогда,
И тут я сказал: «Вот желанье моё!»

«Ты отлично спела, о девушка, – воскликнул аль-Мамун, – прибавь нам!» И невольница встала и поцеловала Землю меж рук халифа и пропела такой стих:

«Она вышла взглянуть на пир тихо-тихо,
В одеянье, пропитанном духом амбры».

И аль-Мамун пришёл от этого стиха в великий восторг, и, когда девушка увидела восторг аль-Мамуна, она стала повторять напев с этим стихом. А после этого аль-Мамун оказал: «Подведите Крылатую!» И хотел садиться и уехать, и тут поднялся Аля ибн Хишам и сказал: «О повелитель правоверных, у меня есть невольница, которую я купил за десять тысяч динаров, и она взяла все моё сердце. Я хочу показать её повелителю правоверных. Если она ему понравится и он будет ею доволен, она принадлежит ему, а нет пусть послушает её пение», – «Ко мне с нею!» – воскликнул, халиф, и вышла девушка, подобная ветви ивы, – у неё были глаза прельщающие и брови, подобные двум лукам, а на голове её был венец из червонного золота» украшенный жемчугом и драгоценными камнями, под которым была повязка и на повязке был выведен топазом такой стих:

Вот джинния, у неё есть джинн, чтоб учить её
Искусству разить сердца из лука без тетивы.

И эта невольница прошла, как блуждающая газель, и искушала она богомольного. И она шла до тех пор, пока не села на скамеечку...»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Четыреста семнадцатая ночь

Когда же настала четыреста семнадцатая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что девушка прошла, как блуждающая газель, и искушала она богомольного. И она шла до тех пор, пока не села на скамеечку.

Когда аль-Мамун увидел её, он изумился её красоте и прелести, и Абу-Иса почувствовал боль в душе, и цвет его лица пожелтел и вид его изменился.

«О Абу-Иса, сказал ему аль-Мамун, – твой вид изменился». И Абу-Иса ответил: «О повелитель правоверных, это по причине болезни, которая иногда на меня нападает». – «Знали ли ты эту невольницу раньше?» – спросил это халиф. И Абу-Иса ответил: «Да, о повелитель правоверных, и разве бывает сокрыт месяц?» – «Как твоё имя, девушка?» – спросила аль-Мамун. И невольница ответила: «Моё имя Куррат-аль-Айя, о повелитель правоверных!»

«Спой нам, о Куррат-аль-Айн», – сказал халиф. И девушка пропела такие два стиха:

«Вот уехали все возлюбленные ночью,
Они тронулись с паломниками под утро,

Раскинули палатки славы вокруг шатров
И завесились занавескою парчовой».

«Твой дар от Аллаха! – сказал ей халиф. – Чьи это стихи?» И девушка ответила: «Адбиля аль-Хузаи, а песня Зарзура-младшего».

И посмотрел на неё Абу-Иса, и слезы стали душить его, и удивились ему люди, бывшие в помещении, а девушка повернулась к аль-Мамуну и сказала: «О повелитель правоверных, позволишь мне переменить слова?» – «Пой что хочешь», – отвечал ей халиф. И она затянула напев и произнесла такие стихи:

«Когда лишь угоден ты, и друг твой с тобою хорош
Открыто – так тайно будь вернее ещё в любви.
И сплетников речь ты разъясни – не случается,
Чтоб сплетник не захотел влюблённого разлучить.
Сказали: «Когда влюблённый близок к любимому,
Наскучит он, а когда далёк он – любовь пройдёт».
Лечились по-всякому, но все же нездоровы мы,
И все же жить в близости нам лучше, чем быть вдали.
Но близость домов помочь не может совсем тогда,
Когда твой возлюбленный не знает к тебе любви».

А когда она окончила эти стихи, Абу-Иса сказал: «О повелитель правоверных...»
И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Четыреста восемнадцатая ночь

Когда же настала четыреста восемнадцатая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что, (когда Куррат-аль-Айн окончила эти стихи, Абу-Иса сказал: „О повелитель правоверных, выдав себя, мы находим отдых! Позволишь ли ты мне ответить ей?“ – „Да, говори ей что хочешь“, – ответил халиф. И Абу-Иса удержал слезы глаз и произнёс такие два стиха:

«Я промолчал, не высказал любви я,
И скрыл любовь от собственной души я.
И если любовь в глазах моих увидят,
То ведь луна светящая к ним близко».

И взяла лютню Куррат-аль-Айн и затянула напев и пропела такие стихи:

«Будь правдой все то, что утверждаешь,
Надеждой бы ты не развлекался,
И стоек перед девушкой бы не был,
Что дивна по прелести и свойствам
Но то, что теперь ты утверждаешь,
Одних только уст слова – не больше».

И когда Куррат-аль-Айн окончила эти стихи» Абу-Иса стал плакать, рыдать, жаловаться и дрожать, и затем он поднял к ней голову и, испуская вздохи, произнёс такие стихи:

«Одеждой скрыта плоть изнурённая,

В душе моей забота упорная.
Душа моя болезнью всегда больна,
Глаза мои потоками слезы льют,
И только лишь с разумным встречаюсь я,
Тотчас меня за страсть бранит горько он.
О господи, нет силы для этого!
Пошли же смерть иль помощь мне скорую».

Когда же Абу-Иса окончил эти стихи, Али ибн Хишам подскочил к его ноге и поцеловал её и сказал: «О господин, внял Аллах твоей молитве и услышал твои тайные речи, и согласен он на то, чтобы ты взял её со всем её достоинством, редкостями и подарками, если нет у повелителя правоверных до неё охоты. „Если бы у нас и была до неё охота, – сказал тогда аль-Мамун, мы бы, право, дали преимущество перед нами Абу-Исе и помогли бы ему в его стремлении“.

И потом аль-Мамун вышел и сел в Крылатую, а АбуИса остался сзади, чтобы взять Куррат-аль-Айн. И он взял её и уехал с нею в своё жилище, и грудь его расправилась.

Посмотри же, каково благородство Али ибн Хишама!

Рассказ об аль-Амине и невольнице (ночи 418-419)

Рассказывают также, что аль-Амин, брат аль-Мамуна, пришёл в дом своего дяди Ибрахима ибн АльМахди и увидал там невольницу, игравшую на лютне, – а она была из прекраснейших женщин. И склонилось к ней сердце аль-Амина, и это стало ясно по его виду для дяди его Ибрахима. И когда это стало ему ясно до его состоянию, он послал к нему эту девушку с роскошными одеждами и дорогими камнями. И, увидев её, альАмин подумал, что его дядя Ибрахим познал её, и сделалось ему уединение с ней из-за этого ненавистно, и он принял то, что было с нею из подарков, и возвратил ему девушку.

И Ибрахим узнал об этом от кого-то из евнухов и взял рубашку из вышитой материи, написал на её подоле золотом такие два стиха:

Клянусь я тем, перед кем все лбы падают,
Не знаю я, под одеждой что есть у ней.
И уст её не познал я и мысленно,
И были одни лишь речи и взгляды глаз.

А затем он надел эту рубашку на девушку и дал ей лютню и послал её к аль-Амину второй раз, и, войдя к нему, девушка облобызала землю меж рук халифа и настроила лютню и пропела под неё такие два стиха:

«Завесу ты поднял с души, дар вернув,
И всем ты открыл, что расстался со мной.
Но если не любишь того, что прошло
Отдай халифату минувшее в дар».

А когда она окончила свои стихи, аль-Амин посмотрел на неё и увидеть то, что было на подоле рубашки, и её мог он владеть своей душой...»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Четыреста девятнадцатая ночь

Когда же настала четыреста девятнадцатая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о

счастливый царь, что альАмин посмотрел на девушку и увидел то, что было на подоле рубашки. И он не мог владеть своей душой, и приблизил к себе девушку и поцеловал её, и отвёл ей комнату из числа комнат, и поблагодарил дядю своего Ибрахима, и пожаловал ему управление арРеем.

Рассказ об аль-Мутеваккиле и ибн Хакане (ночь 419)

Рассказывают также, что аль-Мутеваккиль выпил лекарство, и люди стали подносить ему диковинные подарки и всякие приношения, и аль-Фатх ибн Хакап подарил ему невинную невольницу высокогрудую из числа прекраснейших женщин своего племени и прислал вместе с нею хрустальный сосуд с красным питьём и красную чашку, на которой были написаны чернью такие стихи:

Как кончит имам целебное пить лекарство, Что хворь приведёт к здоровью и исцелению, Лекарством лучшим будет ему выпить Из этой чаши этой винной влаги, И сломит пусть печать ему отданной, – Оно полезно будет вслед лекарству.

А когда невольница вошла с тем, что было с нею, к халифу, у того находился Юханна, врач⁴³². Увидав эти стихи, врач улыбнулся и сказал: «Клянусь Аллахом, о повелитель правоверных, поистине, аль-Фатх лучше меня знает искусство врачевания! Пусть же не ослушается его повелитель правоверных я том, что ев ему провисал».

И халиф согласился с мнением врача, и употребил это лекарство, как того требовало содержание стихов, и исцелил его Аллах и оправдал её надежду.

Рассказ об учёной женщине (ночи 419-423)

Рассказывают также, что некий достойный человек говорил: «Я не видел женщины с более острым умом, лучшей сообразительностью, более обильным знанием, благородной природой и тонкими свойствами, чем одна женщина-увещательница из жителей Багдада, которую звали Ситт-аль-Машаих.

Случилось, что она пришла в город Хама, в год пятьсот пятьдесят первый⁴³³ и увещевала людей целительным увещанием, сидя на скамеечке, и заходили к ней в жилище многие из изучающих фикх⁴³⁴, обладателей знания и вежества, и беседовали с ней о предметах законоведения и вступали с ней в прения о спорных вопросах, и я пошёл к ней, и со мною был товарищ из людей образованных, и когда мы сели подле неё, она поставила перед нами поднос с плодами, а сама села за занавеску. А у неё был брат, прекрасный лицом, который стоял рядом с нами, прислуживая. И, поевши, мы начали беседу о законоведении, и я задал ей законоведный вопрос, заключавший разногласия между имамами, и женщина начала говорить в ответ, и я внимал ей, но мой товарищ смотрел на лицо её брата и разглядывал его прелести и не слушал её. А женщина смотрела на него из-за занавески. И, окончив говорить, она обратилась к нему и сказала: «Я думаю, что ты из тех, кто предпочитает мужчин женщинам».

«Так», – отвечал он. И она спросила: «А почему это?» И мой товарищ отцветил: «Потому что – Аллах поставил мужчину выше женщины...»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

⁴³² Юханна ибн Бахтишу – один из членов семьи врачей сирийцев, которые пользовались большой славой в эпоху первых аббасидских халифов.

⁴³³ Хама – город в Сирии. 561 и год продолжался в октябрь 1162 по ноябрь 1166 г.

⁴³⁴ Фикх – законоведение.

Четыреста двадцатая ночь

Когда же настала ночь, дополняющая до четырехсот двадцати, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что шейх ответил ей словами: „Потому то Аллах поставил мужчину выше женщины, а я люблю предпочитаемое и питаю неприязнь к предпочтённому“.

И женщина засмеялась, а затем она спросила: «Будешь ли ты справедлив ко мне в прении, если я вступлю с тобой в спор об этом предмете?» – «Да», – отвечал шейх. И женщина спросила: «В чем же доказательство предпочтения мужчины женщине?» – «В передаваемом и познаваемом, – отвечал шейх. – Что до передаваемого, то это Книга и Установления⁴³⁵, а в Книге слова его – велик он! – мужчины да содержат женщин⁴³⁶ на то, в чем дал им Аллах преимущество друг над другом. И слова его – велик он! – и если не будут двое мужчин, то мужчина и две женщины. И слова его – велик он! – относительно наследства: и если его братья и сестры, мужчины и женщины, то мужчине столько же, сколько на долю двух женщин. И Аллах – слава ему и величие! – поставил мужчину выше женщины в этих местах и поведал, что женщина – половина мужчины, так как он достойней её. А в Установлениях – то, что передают о пророке, – да благословит его Аллах и да приветствует! – который назначил виру за женщину в половину виры за мужчину. Что же касается познаваемого, то мужчина – действующий, а женщина предмет действия».

И увещательница молвила: «Ты отлично сказал, о господин, но клянусь Аллахом, ты высказал мои доводы против тебя своим языком и произнёс доказательства, которые против тебя, а не за тебя. А именно, Аллах – слава ему и величие! – поставил мужчину выше женщины одними лишь свойствами мужского пола, и в этом нет спора между мной и тобой. Но по этим свойствам равны и ребёнок, и мальчик, и юноша, и зрелый человек, и старик, и между ними в этом нет разницы, и если преимущество досталось им лишь благодаря свойствам мужского пола, твоей природе надлежит питать такую же склонность, и душе твоей так же отдыхать со старцем, как она отдыхает с мальчиком, раз между ними нет разницы в отношении мужского пола. Но между мной и тобой возникло разногласие лишь о желательных качествах в прекрасной дружбе и наслаждении, и ты не привёл доказательства преимущества в этом юноши над женщиной.

«О госпожа, – сказал ей шейх, – разве ты не знаешь, что юноше присуща стройность стана, розовые щеки, прекрасная улыбка и нежные речи. Юноши в этом достойнее женщин. А доказательство этому то, что передают со слов пророка, – да благословит его Аллах и да приветствует! – который сказал: „Не смотрите постоянно на безбородых, взгляд на них – взгляд на большеглазых гурий“. Предпочтение мальчика девушке не скрыто ни от кого из людей, и как прекрасны слова Абу-Новаса:

Вот меньшее из достоинств, присущих им:
Их кровь тебе не опасна и тягость их.

А вот слова поэта:

Сказал имам Абу-Новас (а ведь за ним
Стезей распутства и веселья следуют):
«Народ, душок их любящий, воспользуйся
Усладою, которой не найти в раю!»

⁴³⁵ Книга – Коран; Установления – Сунна (правила поведения, установленные на основании преданий о словах и делах пророка Мухаммеда).

⁴³⁶ Слова Корана, встречавшиеся в нескольких местах этой книги.

И также, когда описывающий старается, описывая невольницу, и хочет скорее сбыть её, упоминая её прекрасные черты, он сравнивает её с юношей...»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Четыреста двадцать первая ночь

Когда же настала четыреста двадцать первая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что шейх говорил: «И также, когда описывающий старается, описывая невольницу, и хочет скорее сбыть её, упоминая её прекрасные черты, он сравнивает её с юношей из-за его преимуществ, как сказал поэт:

Их бедра, как у мужчин. Коль любят, дрожат они,
Как ветвь сотрясается под северным ветром.

И если бы юноша не был достойнее и прекраснее, девушку не уподобляли ты ему. И знай – да хранит тебя Аллах великий! – что юношу легко вести, он согласен с желаниями, прекрасен в общении и по качествам, и склоняется от противоречия к согласию, в особенности если у неё пробивается пупок, и зеленеют его усы, и течёт алая юность до щеки его, так что становится он подобен новой луне. Как прекрасны слова Абу-Теммама⁴³⁷ Сказали мне сплетники: «Пушок на щеках его!»

Я молвил:

«Не говорите много! То не порок,
Коль бедра имеет он, что книзу его влекут,
И вьётся на жемчуге ланиты пух молодой,
И роза поклялась нам упорною клятвою,
Что щёк его не оставит диво их дивное.
Вот с ним я заговорил безгласными веками,
А то, что ответил он, – словечко его бровей.
Краса его та же все, как прежде я зная её,
А кудри хранят его от тех, кто преследует.
И слаще, прекраснее черты его той порой,
Когда заблестит пушок и юны его усы»
И все, кто бранит меня теперь за любовь к нему,
Коль речь о нас с ним зайдёт: «Он друг его», – говорят.

А вот слова аль-Харири⁴³⁸ – и он хорошо сказал:

Сказали хулители: «Зачем эта страсть к нему?
Не видишь ли – волосы растут на щеках его!»
Я молвил: «Клянусь Аллахом, если хулящий нас
Увидит в глазах его путь правый – не будет твёрд.
Кто жил на такой земле, где вовсе растений нет,
Уедет ли из неё, как время весны придёт?»

⁴³⁷ Абу-Теммам – известный поэт, живший в IX веке.

⁴³⁸ Аль-Харири (1054-1122) – автор знаменитого сборника новелл «Макамы» («Беседы», «Собрания»).

А вот слова другого:

Сказали хулители: «Утешился!» Лгут они!
К кому прикоснулась страсть, забыть тот не может,
Его не забыл бы я, будь розы одни на нем;
Так как же забуду я рейхан вокруг розы.

И слова другого:

О, как строен он! Глаза его и пушок его?
Заодно друг с другом людей лишают жизни.
Он пролил кровь мечом нарцисса отточенным,
А вожен перевязь его из мирты.

И слова другого:

Не вином его опьянялся я – его локоны
Людей всегда хмельными оставляют.
Его прелести завидуют одна другой,
И все они пушком бы быть желали.

Вот достоинства юношей, которые не дарованы женщинам, и достаточно в этом у юношей перед ними заслуги и преимущества».

«Да сделает тебя здоровым Аллах великий! – сказала женщина. – Ты сам себя обязал спорить и говорил, ничего не упуская, и привёл те доказательства, которые упомянул. Но теперь стала явна истина, не отклоняйся же от пути её, а если ты не удовлетворён доказательствами в общем, я тебе изложу их по отдельности. Заклинаю тебя Аллахом! Куда юноше до девушки и кто сравнивает ягнёнка с антилопой! Девушка нежна в речах и прекрасна станом, она подобна стеблю базилика, с улыбкой как ромашка и волосами как узда. Её щеки как анемон и лицо как яблоко, губы как вино и грудь как гранаты; её члены гибки как ветви, и она обладает стройным станом и нежным телом; нос её как блестящее острие меча, лоб её светел и брови сходятся, и глаза её насурмлены. Когда она говорит, свежий жемчуг рассыпается из её уст, и привлекает она сердца нежностью своих свойств, а когда она улыбнётся, подумаешь ты, что луна заблистала меж её губ; если же взглянет она, то мечи обнажаются в её глазах. У ней предел прелестей, я к ней стремятся кочующий и оседлый, и её губы румяны и нежнее сливочного масла и слаще на вкус, чем мёд...»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Четыреста двадцать вторая ночь

Когда же настала четыреста двадцать вторая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что женщина-увещательница, описывая девушку, говорила: „И её губы румяны и нежнее сливочного масла, и слаще на вкус, чем мёд“. А после этого она сказала: „И её грудь подобна большой дороге меж гор, и на ней соски, точно шкатулки из слоновой кости, и живот с нежными боками, подобный расцветающему цветку, с мягкими складками, покрывающими друг друга, и плотные бедра, словно столбы из жемчуга, и ягодицы, которые волнуются как хрустальное море или горы света, и у неё тонкие ноги, и руки, похожие на слитки самородного золота. О бедняга, куда людям до джиннов! Не знаешь ты разве, что цари-водители и благородные владыки всегда женщинам покорны и полагаются на них в наслаждении. А они говорят: „Мы овладели шеями и похитили сердца!“ Женщина скольких богатых сделала бедными и скольких великих унизила и скольких благородных превратила в

слуг! Женщины прельщают образованных, посрамляют благочестивых и разоряют богатых, и делают счастливых несчастными, но при всем том лишь сильнее у разумных к ним любовь и уважение, и не считают они это бедой и унижением. Сколько рабов ослушалось из-за них своего господина и прогневало отца и мать, и все это из-за победы страсти над сердцами. Разве не знаешь ты, о бедняга, что для женщин строятся дворцы и перед ними опускаются занавески; для них покупают невольниц, из-за них льются слезы, и для них готовят благовонный мускус, драгоценности и амбру. Ради них собирают войска и возводят беседки, для них копят богатства и рубят головы, и ют, кто сказал: „Земная жизнь означает: женщины“, был прав. А то, что ты упомянул из благородных преданий, было доводом против тебя, а не на тебя, таи как пророк – да благословит его Аллах и да приветствует! – сказал: „Не смотрите постоянно на безбородых: взгляд на них взгляд на большеглазых гурий“, – и уподобил безбородых большеглазым гуриям, а нет сомнения, что то, чему уподобляют, достойнее уподобляемого. Не будь женщины достойнее и прекраснее, с ними бы не сравнивали других. А касательно твоих слов, что девушку сравнивают с юношей, то дело обстоит не так; напротив, юношу сравнивают с девушкой и говорят: «Этот юноша – точно девушка». Стихи же, которые ты приводил в доказательство, возникают от уклона природных свойств в этом отношении. Что же касается преступников из потомков Лота⁴³⁹ и непослушных развратников, которых осудил в своей славной книге Аллах великий, не одобряя их отвратительных действий, то Аллах великий сказал: «Познаете ли вы мужчин среди людей и оставите ли вы сотворённых для вас вашим господом жён ваших? Нет, вы племя преступающее». Это те, кто сравнивают девушку с юношей, так как они погружены в разврат и непокорны и следуют своей душе и шайтану, и даже говорят, что женщина подходит для обоих дел сразу, и уклоняются от того, чтобы идти путём истины среди людей, как сказал старейшина их Абу-Новас:

Она стройна, подобная мальчику,
Годна и сыну Лота и бдуднику.

А касательно того, что ты упомянул о красоте растущего пушка и зеленеющих усов и о том, что юноша становится от них красивее и прелестнее, то, клянусь Аллахом, ты уклонился от пути и сказал неправильно, так как пушок изменяет красоту прелестей на дурное».

И затем ода произнесла такие стихи:

«Явился пушок на лице и отметил
За тех, кто любил и обижен им был.
Когда на лице его вижу я дым,
Всегда его кудри как уголь черны,
Когда вся бумага его уж черна,
Как думаешь ты, где же место перу?
И если другому его предпочтут,
То только по глупости явной судьи».

А окончив свои стихи, она сказала тому человеку: «Слава Аллаху великому...»
И Шахразду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Четыреста двадцать третья ночь

⁴³⁹ Библейский Лот, племянник Авраама. Одним из пороков, которым предавалось племя Лота, было мужеложство.

Когда же настала четыреста двадцать третья ночь, она сказала: «Дошло до мета, о счастливый царь, что женщина-увещательница, окончив своё стихотворение, сказала тому человеку: „Слава Аллаху великому! Как может быть от тебя скрыто, что совершённое наслаждение – в женщинах, и вечное и постоянное счастье бывает только с ними? И ведь Аллах – слава ему и величие! – обещал пророкам и святым в раю большеглазых гурий, и назначил их в награду за праведные дела, а если бы знал Аллах великий, что усладительно пользоваться другим, он этим наградил бы праведников и это бы им обещал. И сказал пророк: (да благословит его Аллах и да приветствует!) «Любезны мне из благ вашей жизни три: женщины, благовония и прохлада глаз моих – молитва“. И Аллах назначил юношей лишь слугами для пророков и святых в раю, так как рай – обитель счастья и наслаждения, а оно не бывает совершенно без услуг юношей. А употребление их не для услуг – это безумие и гибель, и как хороши слова того, кто сказал:

Нуждается коль мужчина в муже, это беда,
А склонные к вольным, те и сами свободны.
Как много изящных, ночь проспав вблизи мальчика,
Наутро окажутся торговцами грязью.
Как разница велика меж ними и тем, кто спал
С прекрасной, чей чёрный глаз чарует нас взором!
Поднявшись, даёт она ему благовония,
Которыми весь их дом пропитан бывает»

А потом она сказала: «О люди, вы вывели меня за пределы законов стыда и среды благородных женщин и привели к неподобающему для мудрых пустословию и непристойности. Но сердца свободных – могилы тайн, и собрания охраняются скромностью, а деяния судятся лишь по намерениям. Я прощу у великого Аллаха прощения для себя и для вас и для всех мусульман, – он ведь прощающий, всемилостивый!»

И затем она умолкла и ничего не отвечала нам после этого, и мы вышли от неё, радуясь тому, что приобрели полезное в беседе с нею, и жалея, что с нею расстались.

Рассказ об Абу-Сувейде и старухе (ночи 423-424)

Рассказывают также, что Абу-Сувейд говорил: «Случилось, что мы с толпою моих друзей вошли однажды в один сад, чтобы купить там кое-каких плодов, и увидели в углу сада старуху с прекрасным лицом, но только волосы у неё на голове были белые, и она расчёсывала их гребнем из слоновой кости. Мы стали около неё, и она не обратила на нас внимания и не прикрыла головы, и я сказал ей: „О старуха, если бы ты сделала свои волосы чёрными, ты была бы красивее девушки; что удерживает тебя от этого?“

И старуха подняла ко мне голову...»

И Шахразад устали от этого, и она прекратила дозволенные речи.

Четыреста двадцать четвёртая ночь

Когда же настала четыреста двадцать четвёртая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что Абу-Сувейд говорил: «Когда я сказал старухе эти слова, она подняла ко мне голову и, уставившись на меня глазами, ответила такими двумя стихами:

«Я окрасила то, что временем было крашено, –
Мой цвет сошёл, а краска дней осталась»

В те дни, когда в платье юности я куталась, Бывала я по-всякому любима», И я сказал ей: «От Аллаха твой дар, о старуха! Как ты правдива, когда предаёшься запретному, и как лжёшь, утверждая, что каешься в грехах!»

Рассказ об ибн Тахире и Мунис (ночь 424)

Рассказывают также, что Али ибн Мухаммеду ибн Абд-Аллаху ибн Тахиру показали невольницу по имени Мунис, которую продавали, и была она достойна и образованна и умела слагать стихи. «Как твоё имя, о девушка?» – спросил Али. И она ответила: «Да возвеличит Аллах эмира, моё имя Мунис». А эмир знал её имя раньше, и он опустил на некоторое время голову, а затем поднял голову к девушке и произнёс такой стих:

«Что скажешь о том, кого недуг истощил любви
К тебе, и он стал теперь смущён и растерян?»

«Да возвеличит Аллах эмира!» – ответила девушка. И она произнесла такой стих:

«Коль видим влюблённого, которого мучает
Любовный недуг, ему мы делаем милость».

И невольница понравилась Али, и он купил её за семьдесят тысяч дирхемов и сделал её матерью УбейдАллаха ибн Мухаммеда, обладателя достоинств.

Рассказ об Абу-ль-Айна и двух женщинах (ночь 424)

Говорил Абу-ль-Айна: «На нашей улице были две: женщины, и одна из них: любила мужчину, а другая любила безбородого юношу.

И однажды вечером они встретились на крыше одного из домов, который был близко от моего дома (а они не знали обо мне), и подруга безбородого сказала другой: «О сестрица, как ты терпишь его жёсткую бороду, когда он падает тебе на грудь при поцелуях и его усы попадают тебе на губы и на щеки?» – «О дурочка, – ответила другая, – разве украшает дерево что-нибудь, кроме листьев, а огурец что-нибудь, кроме пушка? Видела ли ты на свете что-нибудь безобразнее плешивого, общипанного? Не знаешь ты разве, что борода у мужчины – все равно, что кудри у женщины, и какая разница между щекой и бородой? Разве не знаешь ты, что Аллах-слава ему и величие! – сотворил на небе ангела, который говорит: „Слава Аллаху, который украсил мужчин бородой, а женщин кудрями!“ А если бы борода не была равна по красоте кудрям, он бы не соединил их, о дурочка!»

И подруга юноши вняла её словам и воскликнула: «Я забыла моего друга, клянусь господином Каабы!»

Рассказ о купце Али египтянине (ночи 424-434)

Рассказывают также, что был в городе Каире одна человек, купец, и было у него много имущества и наличных денег, и дорогие камни, и металлы, и владения неисчислимы, и звали его Хасан-ювелир, багдадец. И наделил его Аллах сыном с прекрасным лицом, стройным станом и румянными щеками, блестящим совершённым, красивым и прелестным, и назвал его отец Алием-египетским и научил его Корану и богословию и красноречию и хорошему поведению, и стал мальчик выделяться во всех науках, и был он подручным в торговле у отца.

«И постигла его отца болезнь, и ухудшилось его состояние, и убедился он, что умрёт, и призвал своего сына...»

И Шахразадку застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Четыреста двадцать пятая ночь

Когда же настала четыреста двадцать пятая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что купец-ювелир из Багдада, когда заболел и уверился в смерти, призвал своего сына, которому имя было Али-египетский, и сказал ему: «О дитя моё, поистине, дольная жизнь преходяща, а последняя жизнь вечна, и всякая душа вкусит смерть.

Теперь, о дитя моё, приблизилась ко мне кончина, и я хочу оставить тебе завещание, – если станешь поступать согласно ему, не прекратится твоя безопасность и счастье, пока не встретишь ты Аллаха великого, а если не станешь поступать согласно ему, постигнут тебя великие тяготы и раскаешься ты в том, что преступил мой завет». – «О батюшка, – отвечал ему сын, – как мне тебя не послушаться и не поступить согласно твоему завету, когда повиноваться тебе мне предписано и внимание к твоим словам для меня обязательно?»

И тогда отец ему сказал: «О дитя моё, я оставил тебе владения, поместья, утварь и деньги, которых не счесть, так что если бы ты стал расходовать из них каждый день пятьсот динаров, ничто от этого у тебя не убавилось бы, но только, о сын мой, надлежит тебе бояться Аллаха и следовать избранному – да благословит его Аллах и да приветствует! – в том, что, как передают, он повелел или запретил в своём законе. Будь прилежен в совершении добрых дел, расточай милости и дружи с людьми блага, праведниками и учёными. Заботься о бедняках и нищих, сторонись скаредности и скупости и дружбы злых и творящих дела сомнительные. Взирай на слуг твоих и на семью с кротостью, и на жену твою также, ибо она из дочерей вельмож и носит от тебя – быть может, Аллах тебя наделит от неё потомками праведными».

И он не переставал наставлять его и плакать, говоря:

«О дитя моё, проси Аллаха предоброго, господа великого престола, чтобы он освободил тебя от всякого стеснения, которое постигнет тебя, и послал бы тебе близкую помощь».

И заплакал юноша сильным плачем и воскликнул:

«О батюшка, я растаял от этих речей! Ты как будто говоришь слова того, кто прощается». – «Да, о дитя моё, – ответил ему отец, – я знаю своё положение: не забудь же того, что я завещал».

И затем этот человек стал произносить исповедание веры и читал Коран, пока не пришло время определённое, и тогда он сказал своему сыну: «Подойди ко мне ближе, о сын мой». И юноша подошёл к нему, и отец поцеловал его и вскрикнул, и покинула душа его тело, и преставился он к милости Аллаха великого. Крайняя горесть постигла тогда его сына, и поднялись вопли в его доме, и собрались у него друзья его отца, и юноша начал обрядовать его и приготавливать и сделал ему великолепный вынос. И носилки его снесли в молельню и помолились над ним, и пошли с носилками на кладбище, и закопали умершего, и почитали над ним, сколько пришлось, из великого Корана, и вернулись в его дом и стали утешать сына, а потом все ушли своей дорогой. И сын справлял по отцу пятничные обряды и устраивал чтения до конца сорока дней, и оставался в доме, не выходя никуда, кроме молельни, и от одной пятницы до другой пятницы он навещал своего отца. И он не прекращал молитв, чтений и поклонения Аллаху в течение некоторого времени, и наконец вошли к нему его сверстники из детей купцов, и приветствовали его и сказали: «До каких пор эта печаль, которой ты предаёшься, и прекращение дел и торговли и встреч с друзьями? Это продлилось над тобой, и постигнет из-за этого твоё тело великий вред».

А когда они вошли к нему, был с ними Иблис-проклятый, который нашёптывал им, и они стали уговаривать Али выйти с ними на рынок. И Иблис подстрекал его согласиться, пока юноша не согласился выйти с ними из дома...»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Четыреста двадцать шестая ночь

Когда же настала четыреста двадцать шестая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что дети купцов вошли к купцу Али-египетскому, сыну купца Хасана-ювелира, Четыреста и стали его уговаривать выйти с ними двадцать шестая да рынок, и он согласился на это, ради ночь дела, угодного Аллаху, – величие и слава ему! – и вышел с ними из дома, и они сказали ему: „Садись на твоего мула и поедem с нами в такой-то сад. Мы там погуляем, и пройдет твоя печаль и размышление“.

И юноша сел на мула и взял с собою раба и поехал с ними в сад, в который они направлялись, а когда они оказались в саду, один из них ушел и приготовил обед и принес его в сад, и все поели и стали веселиться и просидели, разговаривая, до конца дня, а потом они сели и уехали, и каждый из них отправился домой. И они проспали ночь, а когда наступило утро, юноши пришли к Али и сказали: «Пойдем с нами!» – «Куда?» – спросил он. И юноши ответили: «В такой-то сад – он лучше и приятнее, чем первый».

И Али сел верхом и поехал с ними в тот сад, в который они направлялись. Когда они оказались в саду, один из них ушел и приготовил обед и принес его в сад и принес вместе с обедом опьяняющего вина. И они поели, а затем подали вино, и юноши сказали Али-египетскому: «Вот это прогоняет печаль и снимает покров с радости». И они уговаривали его до тех пор, пока не взяли над ним верх. И он выпил с ними, и они продолжали беседовать и пить до конца дня, а потом отправились по домам, но только у Али-египетского сделалось от вина головокружение. И он вошел к своей жене, и та спросила: «Что это ты изменился?» И Али ответил: «Мы сегодня веселились и развлекались, и один из наших друзей принес нам воды, и мои товарищи её выпили, и я выпил с ними, и у меня сделалось такое головокружение». – «О господин, – сказала ему жена, – разве ты забыл завет своего отца? Ведь он запретил тебе общаться с сомнительными людьми». – «Это дети купцов, а не сомнительные люди, это люди удовольствия и веселья», – ответил Али. И он продолжал жить со своими друзьями таким образом, и каждый день они ездили в то или другое место, и ели и пили, пока ему не сказали: «Наша очередь кончилась и очередь теперь за тобой». – «Приют и уют, добро пожаловать!» – ответил Али и наутро принес полностью все, чего требовали обстоятельства, из еды и питья – вдвойне столько, сколько готовили они, и взял с собой поваров и слуг и кофейщиков, и они отправились на остров ар-Рауду к пиломеру и пробыли там целый месяц за едой, питьем, пением и развлечениями.

Когда же прошёл месяц, Али увидел, что он истратил внушительную сумму денег, но Иблис-проклятый обманул его и сказал: «Если бы ты тратил каждый день столько, сколько ты теперь истратил, твоих денег бы не убавилось». И Али не стал думать о деньгах и провёл таким образом три года, и жена его давала ему советы и напоминала ему о завете его отца, но юноша не слушал её, пока не вышли все наличные деньги, какие у него были. И тогда он стал брать драгоценные камни и продавать их и тратил вырученное за них, пока не израсходовал и это. А потом он принялся продавать дома и недвижимость, так что ничего у них не осталось. А когда все было продано, он начал продавать деревни и сады, один за другим, пока и это не ушло, и у него не осталось никакого имущества, кроме дома, в котором он жил. И стал он выламывать мрамор и балки, и кормился на это, пока не сгубил все, и тогда он посмотрел на себя и не нашёл ничего, что можно было бы продать. И он продал дом и истратил все деньги.

А после этого пришёл к нему тот, кто купил у него дом, и сказал: «Присмотри для себя помещение – мне нужен мой дом». И Али подумал и не нашёл у себя ничего, что бы нуждалось в помещении, кроме его жены (а она родила от него сына и дочь), и не осталось у него слуг, кроме него самого и его семьи. И он нанял себе комнату в каком-то дворе и стал в ней жить после величия и изнеженности, и множества слуг и денег. Теперь же не было у него пищи и на один день.

И жена его сказала ему: «От этого я предостерегала тебя и говорила: „Храни завет

твоего отца!“ Но ты не послушал моих слов. Нет мощи и силы, кроме как у Аллаха, высокого, великого! Откуда будет пища малым детям? Подымайся и обойди твоих друзей, сыновей купцов – может быть, они дадут тебе что-нибудь, чем мы сегодня прокормимся».

И Али поднялся и отправился к своим друзьям, одному за другим, но всякий из тех, к кому он направился, прятал от него своё лицо и заставлял его слушать слова неприятные и болезненные, и никто из них ничего ему не дал.

И Али вернулся к своей жене и сказал ей: «Они мне ничего не дали». Тогда она пошла к соседям, чтобы чего-нибудь у них попросить...»

И Шахразад устало продолжила свои рассказы.

Четыреста двадцать седьмая ночь

Когда же настала четыреста двадцать седьмая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что жена Али-египетского, сына купца Хасана-ювелира, когда её муж вернулся к ней ни с чем, пошла к соседям, чтобы попросить у них что-нибудь, чем бы им прокормиться в этот день, я отправилась к одной женщине, которую она знала в прежние дни. И когда она вошла к этой женщине и та увидела её состояние, она поднялась и приняла её приветливо и заплакала и спросила: „Что с вами случилось?“

И жена Али рассказала ей обо всем, что было с её мужем, и женщина воскликнула: «Добро пожаловать!

Приют и уют! Все, что тебе нужно, требуй от меня без возмещения!» – «Да воздаст тебе Аллах благом!» отвечала жена Али. И потом её соседка дала ей достаточно для неё и её семьи, чтобы содержать их целый месяц, и она взяла это и отправилась в своё помещение. И когда её муж увидел её, он заплакал и спросил: „Откуда у тебя это?“ И она ответила: „От такой-то. Когда я рассказала ей, что с нами произошло, она ничего не упустила и сказала: „Все, что тебе нужно, проси у меня“. – «Раз у тебя это есть, – сказал ей муж, – я пойду и отправлюсь в одно место – быть может, Аллах великий поможет нам“.

И он простился с женою и поцеловал детей и вышел, не зная, куда направиться, и шёл до тех пор, пока не достиг Булака. И он увидел там корабль, отплывавший в Дамиемту, и его увидел один человек, который был дружен с его отцом, и приветствовал его, и спросил: «Куда ты хочешь ехать?» – «Я хочу ехать в Дамиемту – у меня есть друзья, о которых я расспрошу, и я навещу их, а потом вернусь», – сказал Али.

И тот человек взял его к себе в дом и оказал ему уважение, и приготовил для него пищу, а потом он дал ему несколько динаров и посадил его на корабль, отправлявшийся в Дамиемту, а по прибытии туда Али сошёл с корабля, и не знал он, куда направиться. И он шёл, и увидел его человек из купцов и пожалел его и взял с собою в своё жилище, и Али пробыл у него некоторое время, а потом он сказал себе: «До каких пор будет это пребывание в чужих домах?» – и вышел – из дома того купца. И он увидел корабль, отплывавший в Дамаск, и тот человек, у которого он жил, приготовил ему пищу и посадил его на этот корабль, и Али ехал, пока не вступил в Дамаск.

И когда он шёл по улице, вдруг увидел его человек из людей добра и взял его в своё жилище, и Али прожил у него некоторое время, а после этого он вышел и увидел караван, направлявшийся в Багдад, и ему пришлось на ум уйти с этим караваном. И он вернулся к тому купцу, у которого жил, и простился с ним и выехал с караваном, и Аллах-слава ему и величие! – внушил одному из купцов к нему жалость, и тот взял его к себе. И Али пил и ел с ним, пока между ними и Багдадом не осталось расстояние в один день. И тогда на караван напала шайка перерезающих дороги, и они взяли все, что было у путников, и спаслись из них лишь немногие, и всякий, кто был в караване, укрылся в каком-нибудь месте, чтобы там приютиться.

А что до Али-египетского, то он направился в Багдад и достиг города на закате солнца, и не дошёл он ещё до городских ворот, как увидел, что привратники хотят запирать ворота.

«Дайте мне войти в город», – сказал он им. И привратники ввели его к себе и спросили: «Откуда ты пришёл и куда идёшь?» – «Я из города Каира, – ответил Али, – и со мной были товары, мулы, тюки, рабы и прислужники. Я опередил их, чтобы присмотреть место, где бы мне сложить свои товары. И когда я опередил их верхом на муле, мне повстречалась шайка разбойников, и они взяли моего мула и мои пожитки, и я спасся от них при последнем издыхании».

И привратники оказали ему почёт и сказали: «Добро пожаловать! Проведи у нас ночь до утра, а потом мы присмотрим для тебя подходящее место». И Али поискал у себя в кармане и нашёл динар, оставшийся от динаров, которые ему дал купец в Булаке и отдал этот динар одному из привратников и сказал ему: «Возьми его и разменяй и принеси нам чего-нибудь поесть». И привратник взял динар и пошёл на рынок и разменял деньги и принёс Али хлеба и вареного мяса. И Али поел с привратниками и проспал у них до утра. А затем один из привратников взял его и отправился с ним к одному человеку из купцов Багдада, и Али рассказал ему свою историю, и этот человек поверил ему и подумал, что он купец и с ним есть товары. И купец привёл Али к своей лавке и оказал ему почёт и, послав к себе домой, велел принести для него великолепное платье из своих одежд и сводил его в баню.

«И я пошёл с ним в баню, – говорил Али-египетский, сын купца Хасана-ювелира, – и когда мы вышли, он взял меня и отправился со мною в свой дом, и нам принесли обед, и мы поели и повеселились, а потом купец сказал одному из своих рабов: „О Масуд, возьми твоего господина и покажи ему те два дома, которые в таком-то месте. Какой из них ему понравится, от того дай ему ключи и приходи“.

И я пошёл с рабом, и мы пришли в улицу, где было три дома, стоявшие рядом, новые, запёртые, и раб отпер первый дом, и я осмотрел его, и мы вышли и пошли во второй дом, и раб отпер его, и я его осмотрел. «От которого из них дать тебе ключ?» – сказал раб. И я спросил: «А этот большой дом чей?» – «Наш», – сказал раб. И я молвил: «Открой его, мы его осмотрим». – «Нет тебе до этого нужды», – сказал раб. «А почему это?» – спросил я. И он сказал: «Потому что в нем обитают джинны, и всякий, кто в нем поселится, на утро оказывается мёртвым. Мы не открываем его ворот, чтобы вынести умершего, а поднимаемся на крышу одного из этих двух домов и так вынимаем мертвеца. Оттого и оставил его мой господин, и он сказал: „Я больше не отдам его никому“. – „Открой его для меня, чтобы я его осмотрел“, – сказал я и подумал про себя: „Вот то, что я ищу! Я“ переночую там и на утро буду мёртв и избавлюсь от того положения, в котором я нахожусь».

И раб открыл дом, и я вошёл туда и увидел, что это большой дом, которому нет подобного, и сказал рабу: «Я хочу только этот дом, дай мне ключ от него». – «Я не дам тебе ключа, пока не посоветуюсь с моим господином», – сказал раб...

И Шахразадку застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Четыреста двадцать восьмая ночь

Когда же настала четыреста двадцать восьмая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что раб сказал: „Я не дам тебе ключа, пока не посоветуюсь с моим господином“. И затем он отправился к своему господину и сказал ему: „Египетский купец говорит: „Я поселюсь только в большом доме“.

И купец поднялся и пошёл к Али-египетскому и сказал ему: «О господин, нет тебе нужды до этого дома». Но Али-египетский сказал: «Я поселюсь только в нем и не стану обращать внимания ни на какие слова!» – «Напиши между нами условие: если с тобой что-нибудь случится, мне не будет до тебя никакого касательства», – сказал купец. И Али молвил: «Пусть так». И купец призвал свидетеля из суда и написал Али условие и взял его к себе и отдал Али ключ. И Али взял ключ и вошёл в дом, и купец прислал ему с рабом постель, и раб постлал ему на каменной скамье, которая за воротами, и вернулся.

И после этого Али-египетский поднялся и вошёл в дом. И увидел во дворе колодец и над ним ведро, и, наполнив его, омылся и сотворил полагающиеся молитвы, а затем он немного посидел, и раб принёс ему ужин из дома своего господина и принёс ему светильник, свечу с подсвечником, таз, кувшин и кружку и оставил его и отправился в дом своего господина. И Али зажёл свечу и поужинал, чувствуя себя приятно, и совершил вечернюю молитву и потом сказал себе: «Вставай, поднимись наверх, возьми постель и ляг лучше там, чем здесь».

И он взял постель и отнёс её наверх, и увидел большую комнату, где потолок был позолочен, а пол и стены выложены разноцветным мрамором. И он постлал себе постель и сел почитать кое-что из великого Корана, и не успел он опомниться, как вдруг кто-то позвал его и говорит: «О Али, о ибн Хасан, спустить ли мне к тебе золото?» – «А где Золото, которое ты спустишь?» – спросил Али. И не сказал он ещё этого, как говоривший стал лить на него золото, точно из метательной машины, и золото не переставало литься, пока не наполнило комнату. А когда поток Золота прекратился, голос произнёс: «Освободи меня, чтобы я ушёл своей дорогой, – моя служба кончилась: я доставил тебе порученное». И Али сказал: «Заклинаю тебя Аллахом великим, расскажи мне, откуда взялось это золото». И голос ответил ему: «Это золото было заколдовано твоим именем с древних времён. Ко всякому, кто входил в этот дом, мы приходили и говорили: „О Али, о ибн Хасан, спустить ли нам золото?“ И он пугался наших слов и вскрикивал, и мы спускались к нему и ломали ему шею. А когда пришёл ты и мы назвали тебя по имени и назвали имя твоего отца и спросили тебя: „Спустить ли нам золото?“ – ты оказал: „А где золото?“ И мы поняли, что ты его владелец, и спустили его к тебе. А у тебя осталось ещё сокровище в земле аль-Йемен, и если ты поедешь туда и возьмёшь его, это будет для тебя самое лучшее. И я хочу, чтобы ты освободил меня теперь и я ушёл бы своей дорогой». – «Клянусь Аллахом, я не отпущу тебя, пока ты не принесёшь мне сюда то, что в стране аль-Йемен», – сказал Али. И говоривший спросил его: «А если я тебе принесу, освободишь ли ты меня и освободишь ли слугу этого сокровища?» – «Да», – ответил Али. «Поклянись мне», – сказал голос, и Али поклялся, и говоривший хотел удалиться, но Али-египетский сказал ему: «У меня есть до тебя нужда». – «Какая?» – спросил джинн. И Али сказал: «У меня остались жена и дети в Каире, на такой-то улице; тебе следует доставить их ко мне, спокойно, без вреда для них». – «Я доставлю их к тебе с пышностью, на носилках, со слугами и челядью, вместе с сокровищем, которое мы принесём тебе из аль-Йемена, если захочет Аллах великий», – отвечал джинн. И затем он взял у Али разрешение на три дня с тем, что все это тогда у него будет, и отправился.

А наутро Али стал искать в комнате место, где бы спрятать золото, и увидел на краю возвышенной части мраморную плиту, в которой был винт. И он повернул винт, и вдруг плита сдвинулась, и перед ним появилась дверь, и Али открыл её и вошёл и увидел большую кладовую, где были мешки, сшитые из материи. И он взял мешки и стал наполнять их золотом и сносил их в кладовую, пока не переправил все золото и не отнёс его в кладовую, и тогда он запер дверь и повернул ключ, и плита вернулась на место.

И Али вышел и спустился и сел на скамью, которая была за воротами, и пока он сидел, вдруг кто-то постучал в ворота. И Али поднялся и открыл ворота, и увидел, что это раб хозяина дома. И когда раб увидел, что Али сидит, он поспешно вернулся к своему господину...»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Четыреста двадцать девятая ночь

Когда же настала четыреста двадцать девятая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что, когда пришёл раб хозяина дома и постучал в ворота Али-египетского, сына купца Хасана, тот открыл ему двери, и, увидав, что Али сидит, раб поспешно вернулся к своему господину, чтобы его порадовать. А придя к своему господину, он сказал: „О

господин, купец, который поселился в доме, обитаемом джиннами, здоров и благополучен, и он сидит на скамейке, которая за воротами“.

И его господин поднялся радостный и отправился к тому дому, неся с собою завтрак. Увидев Али, он обнял его и поцеловал между глаз: «Что сделал с тобой Аллах?» И Али отвечал: «Добро, и я спал не иначе, как наверху в комнате, выложенной мрамором». – «А пришло к тебе что-нибудь, и ты что-нибудь видел?» – спросил хозяин. И Али отвечал: «Нет! Я прочитал сколько пришлось из великого Корана и спал до утра, а потом я поднялся, совершил омовение, помолился и сошёл вниз и сел на эту скамью». – «Слава Аллаху за благополучие!» – воскликнул хозяин. А затем он ушёл и прислал и нему рабов, невольников, невольниц и ковры, и они подмели ему дом, наверху и внизу, И постлали великолепные ковры, и у него остались трое невольников, трое рабов и четыре рабыни, чтобы прислуживать, а остальные отправились в дом своего господина. И когда услышали о дедах Али купцы, они прислали ему в подарок всякие прекрасные печи, даже из съестного, напитков и одежд, и взяли его к себе на рынок и спросили: «Когда придёт твоя кладь?» – «Через три дня она сюда вступит», – ответил Али. И когда три дня миновали, пришёл к нему служитель первого сокровища, который спускал к нему золото в доме, и сказал: «Поднимайся, встречай сокровище, которое я принёс тебе из аль-Йемена, и твою семью, и вместе с ними, среди сокровищ, богатства в виде великолепных товаров. И все, что есть с ними – и мулы, и кони, и верблюды, и слуги, и невольники, – все они из джиннов».

А этот прислужник отправился в Каир и увидел, что жена Али и его дети голые и голодные, и он вынес их на носилках за стены Каира, и одел их в великолепные одежды из тех, что были в йеменском сокровище. И когда он пришёл к Али и сообщил ему эту весть, Али поднялся и пошёл к купцам и сказал им: «Поднимайтесь, выйдем за город встречать караван, с которым наши товары, и почтите нас присутствием ваших женщин, чтобы они встретились с нашими женщинами». И купцы ответили ему: «Слушаем и повинуемся!» И послали за своими женщинами, и все вышли вместе и сели в саду из городских садов и сидели за беседой. И пока они разговаривали, вдруг поднялась из глубины пустыни пыль, и купцы встали посмотреть, что за причина этой пыли. И пыль рассеялась, и показались за нею мулы, и люди, и погонщики, и слуги, и фонарики. Они шли с пением и плясками, пока не пришли. И начальник погонщиков подошёл к Али-египетскому, сыну купца Хасана-ювелира, и поцеловал ему руку и сказал: «О господин, мы задержались в пути. Мы хотели войти вчера, но побоялись перерезывающих дороги и провели четыре дня, оставаясь на месте, пока не отвёл их от нас Аллах великий». И тогда купцы поднялись и сели на своих мулов и поехали с караваном, а женщины оставались позади возле женщин купца Алиегиптянина, пока те не поехали с ними. И они вступили в город в великолепном шествии, и купцы дивились на мулов, нагруженных сундуками, а жены купцов дивились на платье жены купца Али и её детей и говорили: «Поистине, это такие одежды, которым не найти подобных у царя Багдада и ни у кого другого среди всех царей, вельмож и купцов». И они ехали в шествии, мужчины с купцом Али-египетским, а женщины с его женой, пока не прибыли в дом...»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Четыреста тридцатая ночь

Когда же настала ночь, дополняющая до четырехсот тридцати, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что они ехали в шествии – мужчины с мужчинами, а женщины с его женой, пока не прибыли к дому. И тогда они спешили и, выведя мулов с их кладью на середину двора, сняли тюки и сложили их в кладовые, а женщины с женой Али поднялись в комнату и увидели, что она подобна густо заросшему саду и устлана великолепными коврами. И они сидели, радуясь и веселясь, и просидели до времени полудня, и тогда к ним подняли наверх обед из самых лучших, какие есть, кушаний и сластей, и женщины поели и напились великолепных напитков и надушились после этого розовой водой и куреньями, а

затем все простились с Али и разошлись по своим жилищам, и мужчины и женщины.

И когда купцы вернулись домой, они стали посылать Али подарки сообразно своему состоянию, а женщины принялись одаривать его жену, так что у них оказалось множество невольниц, рабов и невольников и всевозможные припасы вроде круп, сахару и прочих благ, которых не исчислить. А что до багдадского купца, владельца этого дома, где был Али, то он остался у Али и его не покинул и сказал ему: «Теперь прикажи рабам и слугам отвести мулов и других животных в какой-нибудь дом, чтобы они отдохнули». Но Али отвечал: «Они сегодня ночью уезжают в такое-то место».

И он дал им разрешение выйти за город, а когда наступит ночь, уйти. И едва джинны уверились, что он дал им на это разрешение, они простились с Али и вышли за город и полетели по воздуху в свои жилища. А купец Али просидел с хозяином дома, в котором он находился, до трети ночи, и потом их беседа прекратилась, и хозяин ушёл к себе. И Али поднялся к своим родным и приветствовал их и спросил: «Что случилось с вами после меня за это время?»

И его жена рассказала ему, как они терпели голод, наготу и усталость, и Али сказал: «Слава Аллаху за благополучие! А как вы приехали? – „О господин, – сказала ему жена, – я спала с детьми вчера ночью, и не успела я опомниться, как кто-то поднял с земли меня и детей, и мы стали лететь по воздуху, но нас не постигло зло. И мы летели до тех пор, пока не опустились на землю в одном месте, похожем на стан кочевых арабов, и мы увидели там нагруженных мулов и носилки на двух больших мулах, а вокруг них были слуги-мальчики и мужчины. И я спросила их: „Кто вы, и что это за тюки, и в каком мы месте?“ И они мне ответили: „Мы слуги купца Али-египтянина, сына купца Хасана-ювелира, и он послал нас, чтобы мы вас взяли и доставили к нему в город Багдад“. И я спросила: „А путь между нами и Багдадом далёкий или близкий?“ И они мне сказали: „Близкий, между нами и городом только темнота ночи“. И потом нас посадили в носилки, и едва наступило утро, как мы уже были возле вас, и нас не постиг никакой вред“. – „А кто дал вам эти одежды?“ – спросил Али. И она сказала: „Начальник каравана открыл сундук из тех сундуков, что были на мулах, и вынул из него эти платья, и одно платье он надел на меня, и на каждого из твоих детей он тоже надел по платью, а потом он запер сундук, из которого взял платья, и дал мне ключ от него и сказал: „Береги его, чтобы отдать его твоему мужу“. И вот он у меня спрятан“. И она вынула ключ, и Али спросил её: „Узнаешь ты этот сундук?“ – „Да, я его узнаю“, – ответила жена. И он поднялся и пошёл с ней в кладовые и показал ей сундуки, и она сказала: „Вот тот сундук, из которого он взял платья“.

И Али взял у неё ключ и вложил его в замок и открыл сундук и увидел в нем много платьев. Он нашёл там ключи от всех сундуков, и взял их оттуда и стал открывать сундуки один за другим и смотреть на лежавшие в них драгоценные камни и металлы из сокровищниц, которым не найти подобных ни у одного царя, а затем он запер сундуки и, взяв ключи от них, поднялся со своей женой в комнату и сказал ей: «Это по милости Аллаха великого».

И после этого он взял жену и отправился с ней к мраморной плите, в которой был винт, и повернул его и открыл дверь в кладовую, и, войдя туда с женою, показал ей золото, которое туда сложил. И жена спросила его: «Откуда пришло к тебе все это?» И Али ответил: «Это пришло ко мне по милости моего господина. Я ушёл от тебя из Каира...»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Четыреста тридцать первая ночь

Когда же настала четыреста тридцать первая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что, когда купец Али-египетский показал своей жене золото, она спросила: «Откуда пришло к тебе все это?»

И Али ответил: «Это пришло ко мне по милости моего господина. Я ушёл от тебя из

Каира, и пошёл, не зная куда направиться, и шёл до тех пор, пока не достиг Булака, и там я увидел корабль, отплывавший в Дамьетту, и сел на этот корабль. А когда я достиг Дамьетты, мне повстречался один человек, купец, который знал моего отца, и он принял меня и оказал мне уважение и спросил меня: „Куда ты держишь путь?“ И я отвечал ему: „Я хочу поехать в Дамаск сирийский – у меня там друзья...“

И Али рассказал своей жене о том, что с ним случилось, с начала до конца, и жена его сказала: «О господин, все это по благословенной молитве твоего отца, когда он молился за тебя перед, смертью и говорил: „Прошу Аллаха, чтобы он не вверг тебя в беду, не подав тебе близкой помощи! Да будет же слава Аллаху великому, который пришёл тебе на помощь и дал больше, чем то, что от тебя ушло. Ради Аллаха, о господин, не возвращайся к прежней дружбе с людьми сомнительных дел и бойся Аллаха великого и втайне и явно!“»

И она стала его наставлять, а Али сказал ей: «Я принял твоё наставление и прошу Аллаха великого, чтобы он отвратил от нас злых сверстников и оказал нам помощь в повиновении ему и следовании обычаям пророка, да благословит его Аллах и да приветствует!»

И Али с женой и детьми зажили приятнейшей жизнью, а потом он взял себе лавку на рынке купцов и сложил там коечто из драгоценных камней и дорогих металлов и сидел в лавке, и возле него были его дети и невольники, и сделался он почтеннейшим из торговцев в городе Багдаде.

И услышал о нем царь Багдада и прислал к нему посланного, требуя его, и, когда посланный пришёл, он сказал ему: «Отвечай царю, он тебя требует!» И Али отвечал: «Слушаю и повинуюсь!»

И затем он собрал для царя подарки и, взяв четыре блюда из червонного золота, наполнил их драгоценными камнями и металлами, подобных которым не найти у царей, и, захватив блюда, отправился с ними к царю. А войдя к нему, он поцеловал перед ним землю и пожелал ему вечной, славы и благоденствия, и отличился в том, что высказал. И царь сказал ему: «О купец, ты возвеселил наши страны» – «О царь, – молвил Али, – твой раб принёс тебе подарок, и он надеется, что по твоей милости ты его примешь». И потом он поставил все четыре блюда перед царём, и царь открыл их и посмотрел на них и увидел там такие камни, подобных которым у него не было, и цена их равнялась многим мешкам денег. «Твой подарок принят, о купец, и если захочет Аллах великий, мы отплатим тебе подобным же», – сказал царь, и Али поцеловал царю руку и ушёл от него.

А царь призвал вельмож своего царства и спросил их: «Сколько царей среди царей сватали мою дочь?» И ему ответили: «Много!» И царь спросил: «А подарил ли мне хоть кто-нибудь из них подобный подарок?» И все сказали: «Нет, так как не найдётся ни у кого из них ничего подобного этому».

«Я попрошу совета у Аллаха великого о том, чтобы выдать мою дочь замуж за этого купца. Что вы скажете?» – опросил царь. И ему ответили: «Дело будет таково, как ты согласишься».

И царь велел евнухам унести эти четыре блюда с тем, что на них было, и отнести их к нему во дворец, а потом он свиделся со своей женой и поставил блюда перед нею, и она открыла их и увидала на них нечто такое, подобного чему у неё никогда не было. «От какого это царя? – спросила она. – Может быть, это от одного из царей, которые сватались к твоей дочери?» – «Нет, – ответил ей Царь, – это от одного человека, каирского купца, который пришёл в наш город. Когда я услышал о его приходе, я послал к нему посланного, чтобы тот провёл его к нам, и мы бы стали с ним дружны – быть может, мы найдём у него какие-нибудь камни и купим их у него в приданое нашей дочери. И он последовал нашему приказанию и доставил нам эти четыре блюда, которые поднёс нам в подарок, и я увидел, что это красивый юноша, почтённый и обладающий совершенным умом и приятным видом, – чуть что не из сыновей царя. И когда я его увидел, моё сердце склонилось к нему, и моя грудь из-за него расширилась, и мне захотелось женить его на нашей дочери. Я показал этот подарок вельможам моего царства и спросил их: „Сколько царей сватались к моей

дочери?“ И они сказали: „Много!“ И тогда я спросил: „А разве ктонибудь принёс мне подобное этому?“ И все сказали: „Нет, клянёмся Аллахом, о царь времени, потому что ни у кого из них ничего такого не найдётся“. И я сказал им: „Я спрошу совета у Аллаха великого о том, чтобы отдать мою дочь ему в жены. Что вы скажете?“ И они отвечали: „Дело будет таково, как ты посмотришь“. – „Что же скажешь ты мне в ответ?..“

И Шахразад устал, и она прекратила дозволенные речи.

Четыреста тридцать вторая ночь

Когда же настала четыреста тридцать вторая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что царь города Багдада, показав своей жене подарок, рассказал ей о качествах купца Али-ювелира и о том, что он хочет женить его на своей дочери, и спросил её: „А что скажешь ты мне в ответ?“ И жена его ответила: „Власть у Аллаха и у тебя, о царь времени, что Аллах захочет, то и будет“. – „Если захочет Аллах великий, мы не выдадим её ни за кого, кроме этого юноши“, – сказал царь. И они проспали эту ночь, а когда наступило утро, царь вышел в диван и велел привести купца Али-египетского и всех купцов Багдада, и они все явились. И когда они предстали пред очами царя, тот велел им сесть, и они сели, а затем царь сказал: „Приведите судью дивана“. И судья явился к царю, и тот сказал: „Судья, напиши запись моей дочери с купцом Али-египтянином“. И Али-египтянин оказал: „Прощенье, о владыка наш султан! Не годится, чтобы был зятем царя купец, подобный мне“. – „Я пожаловал тебе это и сан везиря“, – сказал царь, и тотчас же облачил его в одежду везиря. И тогда Али сел на везирское кресло и сказал: „О царь времени, ты пожаловал мне это, и мне оказан почёт твоей милостью, но выслушай от меня слово, которое я тебе скажу“. – „Говори и не бойся“, – молвил царь. И Али сказал: „Раз вышел благородный приказ о выдаче твоей дочери замуж, надлежит, чтобы брак её был с моим сыном“. – „Разве у тебя есть сын?“ – спросил царь. „Да“, – ответил Али. И царь сказал: „Пошлая за ним сию же минуту!“ И Али отвечал: „Слушаю и повинуюсь!“

И он послал одного из своих невольников за сыном, и невольник привёл его, и сын Али, представ пред очами царя, поцеловал перед ним землю и встал, соблюдая вежливость, и царь посмотрел на него, и увидел, что он красивее его дочери и прекраснее её по стройности тела и соразмерности и блеску и совершенству. «Как твоё имя, о дитя моё?» – спросил он юношу. И тот ответил: «О владыка султан, моё имя Хасая!» А было его жизни тогда четырнадцать лет. И царь сказал судье: «Напиши запись моей дочери Хусн-аль-Вуджуд и Хасана, сына купца Алиегипетского». И судья написал его запись с нею, и дело завершилось наилучшим образом. И все, кто был в диване, ушли своей дорогой, и купцы шли вслед за везирем Алиегипетским, пока тот не достиг своего жилища (а он был в должности везиря).

И купцы поздравили его с этим и удалились своей дорогой, а везирь Али-египетский вошёл к своей жене, и та увидела, что он одет в облачение везиря, и спросила: «Что это?» И Али рассказал ей всю историю с начала до конца и сказал: «Царь выдал свою дочь за Хасана, моего сына». И жена его обрадовалась из-за этого великой радостью. И затем Али проспал эту ночь, а когда наступило утро, он поднялся в диван, и царь встретил его ласково и посадил с собою рядом и приблизил к себе и сказал: «О везирь, мы намерены устроить торжество и ввести твоего сына к моей дочери». – «О владыка султан, то, что ты считаешь хорошим, то хорошо», – ответил Али, и царь приказал устроить торжество, и город украсили, и торжество продолжалось тридцать дней, и все пребывали в блаженстве и радости, а по окончании тридцати дней Хасан, сын везиря Али, вошёл к дочери царя и наслаждался её красотой и прелестью. А что касается жены царя, то она, увидав мужа своей дочери, полюбила его сильной любовью и также обрадовалась великой радостью из-за его матери. И потом царь велел построить Хасану, сыну везиря, дворец, и ему быстро построили большой дворец, и сын везиря поселился там, и его мать проводила у него по несколько дней, а потом уходила домой.

И жена царя сказала своему мужу: «О царь времени, мать Хасана не может жить у своего сына и оставить везиря. И не может жить у везиря я оставить своего сына». – «Ты права», – ответил царь и велел построить третий дворец, рядом с дворцом Хасана, сына везиря. И построили третий дворец в короткий срок. И царь велел, чтобы имущество везиря перенесли в этот дворец. И его перенесли, и везирь поселился там. А все три дворца сообщались один с другим. И когда царь хотел поговорить с везирем, он приходил к нему вечером или посылал за ним. И так же делали Хасан, его мать и отец. И они жили все вместе в положении, угодном Аллаху, приятною жизнью...»

И Шахразад устала, и она прекратила дозволенные речи.

Четыреста тридцать третья ночь

Когда же настала четыреста тридцать третья ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что везирь и его сын продолжали жить некоторое время вместе, в положении, угодном Аллаху, приятнейшей жизнью. А затем на царя нашла слабость и усилилась его болезнь, и он призвал вельмож своего царства и сказал им: „На меня напала сильная болезнь и, может быть, это болезнь смертельная, и я призвал вас, чтобы с вами посоветоваться об одном деле. Посоветуйте же мне то, что сочтёте хорошим“. – „А каков замысел, о котором ты с нами советуешься, о царь?“ – спросили они. И царь сказал: „Я стал стар и заболел я опасаясь зла для царства из за своих недругов. И хочу я, чтобы вы все сошлись на ком-нибудь, и я бы присягнул ему на царство при жизни, и вы были бы спокойны“.

И все вельможи сказали: «Мы все сошлись на муже твоей дочери, Хасане, сыне везиря Али. Мы видим его разум, совершенство и понятливость, и он знает место великого и малого». – «Вы согласны на это?» – спросил царь. И вельможи сказали: «Да!» – «А может быть, вы говорите это передо мной из смущения, а за спиной моей говорите другое?» – спросил царь. И все вельможи сказали: «Клянёмся Аллахом, наши слова и явно и тайно одни и те же и не меняются, и мы порешили об этом со спокойным сердцем и расправившейся грудью». – «Если дело таково, – сказал царь, – то призовите завтра судью священного закона и всех царедворцев, наместников и вельмож царства ко мне и завершим дело наилучшим образом».

И вельможи сказали: «Слушаем и повинемся!» И ушли от царя и предупредили всех учёных и знатных лиц из эмиров. А когда настало утро, они пришли в диван и послали к царю, прося у него разрешения войти к нему. И царь позволил им, и они вошли и приветствовали его и сказали: «Мы все предстали пред очами твоими». И царь спросил их: «О эмиры Багдада, кого вы согласны поставить над собою царём после меня, чтобы я привёл к присяге его при жизни, перед смертью, в присутствии вас всех?» И все они сказали: «Мы сошлись на Хасане, сыне везиря Али и муже твоей дочери». – «Если дело таково, – сказал царь, – поднимайтесь все и приведите его ко мне». И все вельможи поднялись и пошли во дворец Хасана, и сказали ему: «Иди с нами к царю». – «Зачем?» – спросил их Хасан. И они сказали: «За делом, в котором будет устроение и для нас и для тебя».

И Хасан вышел с ними и вошёл к царю и поцеловал Землю меж его рук, и царь сказал ему: «Садись, дитя моё». И Хасан сел, и тогда царь сказал: «О Хасан, эмиры все вместе согласились насчёт тебя и сговорились, что сделают тебя над собою царём после меня, и я хочу привести людей к присяге тебе при жизни, чтобы закончить дело».

И тут Хасан встал и поцеловал землю меж рук царя и сказал ему: «О владыка наш царь, среди эмиров есть люди старше меня годами и выше саном избавьте меня от этого дела!» Но все эмиры сказали ему: «Мы согласны, чтобы только ты был царём над нами!» – «Мой отец старше меня, и мы с отцом – одно, и не годится ставить меня впереди его», – сказал Хасан. Но его отец молвил: «Я соглашусь лишь на то, на что согласились мои братья, а они согласились насчёт тебя и сговорились о тебе; не прекословь же приказу царя и приказу

твоих братьев».

И Хасан склонил голову к земле от стыда перед царём и перед своим отцом, и царь спросил эмиров: «Годен ли он вам?» И они ответили: «Годен!» И все прочитали после этого фатаху семь раз. А потом царь сказал: «О кади, напиши законное свидетельство об этих эмирах, что они согласились объявить султаном Хасана, мужа моей дочери, и что он будет над ними царём». И кади написал об этом свидетельство и подписал его, после того как все присягнули Хасану на царство, и царь присягнул ему и велел ему сесть на престол царства. И все поднялись и поцеловали руки царю Хасану, сыну везиря, и выразили ему повиновение, и Хасан творил в этот день великий суд, и наградил он вельмож царства роскошными одеждами. А потом диван разошёлся, и Хасан вошёл к отцу своей жены и поцеловал ему руки, и тот сказал ему: «О Хасан, тебе должно бояться Аллаха, управляя подданными...»

И Шахразиду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Четыреста тридцать четвёртая ночь

Когда же настала четыреста тридцать четвёртая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что царь и Хасан, когда покончил с диваном, вошёл к отцу своей жены и поцеловал ему руки, и тот сказал ему: „О Хасан, тебе должно бояться Аллаха, управляя подданными“. И Хасан отвечал: „Твоими молитвами за меня, о батюшка, достанется мне поддержка свыше“.

И потом он пошёл к себе во дворец, и его встретила его жена со своей матерью и прислужницами, и они поцеловали ему руки и сказали: «День благословенный!» И поздравили его с царской властью.

А затем Хасан вышел из своего дворца и пошёл во дворец своего родителя, и они сильно обрадовались тому, что Аллах пожаловал Хасану назначение на царство.

И отец Хасана наставлял его бояться Аллаха и быть кротким с подданными. И Хасан провёл эту ночь до утра радостный и довольный, а затем он совершил положенные молитвы, прочитал должную часть Корана и прошёл в диван, и прошли туда все воины и обладатели должностей.

И Хасан творил суд между людьми, призывая к благу и удерживая от порицаемого, и назначал и отставлял, и он не переставал судить до конца дня, а затем диван закончился наилучшим образом, и воины удалились, и всякий из них ушёл своей дорогой. А Хасан поднялся и пошёл во дворец и увидел, что отца его жены отяготила болезнь.

«С тобой не будет беды», – сказал он ему. И отец его жены открыл глаза и сказал: «О Хасан!» – «Я здесь, о господин», – отвечал Хасан. И старец молвил: «Теперь приблизился мой срок; заботься же о твоей жене и её родительнице, будь богобоязнен и почтителен к родителям.

Страшись величия царя судящего и знай, что Аллах повелевает быть справедливым и милостивым». И царь Хасан сказал ему: «Слушаю и повинуюсь!» И прежний царь прожил после этого три дня и преставился к милости Аллаха великого, и его обрядили и завернули в саван и устраивали по нем чтения и произнесения Корана до конца сорока дней. И царь Хасан, сын везиря, остался один правителем, и подданные обрадовались ему, и все дни его были радостью, а его отец все время был великим везирем правой стороны, и Хасан взял себе другого везиря, и обстоятельства выправились.

И оставался Хасан царём в Багдаде долгое время, и получил он от дочери царя троих детей мужеского пола, которые унаследовали власть после него. И жили они прекраснейшей и приятнейшей жизнью, пока не пришла к ним Разрушительница наслаждений и Разлучительница собраний. Да будет же слава тому, кому принадлежит вечность и в чьей руке отмена и утверждение!

Рассказ о старухе и паломнике (ночи 434-436)

Рассказывают, – продолжала Шахразада, – что один человек из паломников заснул долгим сном, а когда он проснулся, то не увидел даже следов своих спутников. И он поднялся и пошёл и сбился с дороги и, пройдя немного, нашёл палатку. И у входа в палатку он увидел старую женщину, а подле неё заметил спящую собаку. И человек приблизился к палатке и приветствовал старуху и попросил у неё поесть, и старуха сказала: «Пойди в ту долину и налови змей, сколько будет тебе нужно, а я их изжарю и накормлю тебя». – «Я не осмеливаюсь ловить змей, и я никогда не ел их», – сказал человек. И старуха молвила: «Я пойду с тобой и наловлю их, не бойся же!»

И она отправилась с ним (а собака следовала за нею) и наловила змей, сколько было нужно, и стала их жарить, и паломник не знал, как избежать такого угощения, и испугался голода и поел этих змей. А потом ему захотелось пить, и он попросил у старухи воды. И старуха сказала ему: «Вон перед тобою ручей, пей из него».

И человек пошёл к ручью и увидел, что вода в нем горькая, но он вынужден был пить эту воду, несмотря на сильную её горечь, так как его поразила жажда страшная.

И он напился, а затем вернулся к старухе и сказал ей: «Я дивлюсь на тебя, старуха, и на то, что ты пребываешь здесь и остаёшься в таком месте...»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Четыреста тридцать пятая ночь

Когда же настала четыреста тридцать пятая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что человек-паломник напился из ручья горькой воды, так как его поразила великая жажда, а потом он вернулся к старухе и сказал ей: „Дивлюсь я на тебя, о старуха, и на то, что ты пребываешь в этом месте и питаешься такой пищей я пью такую воду“.

«А каковы ваши страны?» – спросила его старуха, и паломник ответил: «В наших странах дома поместительные, просторные, и плоды спелые, сладкие, и воды обильные, вкусные, и кушанья прекрасные, и мясо жирное, и овцы многочисленные, и всякие хорошие вещи и прекрасные блага, подобные каким бывают только в раю, который описал Аллах великий своим праведным рабам».

«Я слышала все это, – молвила старуха. – Скажи мне, бывают ли у вас султаны, которые судят вас и притесняют своим приговором, когда вы под их властью.

А если кто-нибудь из вас согрешит, они берут ваше имущество и расточают его, а когда захотят, выгоняют вас из ваших домов и искореняют ваш род?» – «Это бывает», – ответил человек.

И старуха сказала: «Тогда, клянусь Аллахом, эти тонкие кушанья, и прекрасная жизнь, и сладостные блага при притеснениях и несправедливости будут проникающим ядом, а наши кушанья при безопасности окажутся полезным лекарством. Не слышал ты разве, что величайшие блага, после посвящения себя Аллаху, – здоровье и безопасность, а это бывает только, если султан, преемник Аллаха на земле, справедлив, если он хорошо умеет управлять. Прежде султану надлежало обладать даже незначительной важностью, так как подданные, видя его, уже боялись. А султану нынешнего времени должно обладать совершеннейшим искусством управления и полнейшею важностью, ибо подданные теперь не таковы, как прежде, и наше нынешнее время – время людей с непохвальными качествами и странными делами, и им приписывают глупость и жестокосердие, и они таят в себе ненависть и вражду. И если султан (прибегаю к Аллаху великому!) окажется среди них слабым или не умеющим управлять и не внушающим почтения, это несомненно будет причиной запустения страны. Говорится в поговорках: „Лучше притеснение от султана на сто лет, чем притеснение подданными друг друга хоть на один год“. И когда притесняют друг друга подданные, Аллах даёт над ними власть султану-притеснителю или царю-угнетателю.

Дошло до нас в преданиях, что аль-Хаджжадж ибн Юсуфу⁴⁴⁰ подали однажды просьбу, в которой было написано: «Бойся Аллаха и не притесняй рабов Аллаха всякими притеснениями». И когда аль-Хаджжадж прочитал эту просьбу, он поднялся на мимбар⁴⁴¹ (а он был красноречив) и сказал: «О люди, Аллах великий дал мне над вами власть за ваши деяния...»

И Шахразадку застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Четыреста тридцать шестая ночь

Когда же настала четыреста тридцать шестая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что, тогда аль-Хаджжадж ибн Юсуф прочитал эту просьбу, он поднялся на мимбар и сказал: «О люди, Аллах великий дал мне над вами власть за ваши деяния, и если бы я умер, вы не освободились бы от притеснения при столь дурных поступках, ибо Аллах великий сотворил подобных мне во множестве, и если буду не я, будет тот, кто ещё более меня злобен, сильнее притесняет и злее в ярости, как оказал поэт в этом смысле:

Над всякой десницею – десница всевышнего,
И всякий злодей всегда злодеем испытан был.
Притеснения бояться и справедливость – правильнее всего.
Просите Аллаха, чтобы исправил он ваши обстоятельства!

Рассказ о Таваддуд (ночи 436-462)

Рассказывают также, что жил в Багдаде один человек, сановитый, богатый деньгами и землями, и был он из больших купцов. И Аллах расширял над ним земные блага, но не принял его к желаемому и не дал ему потомства. И прошёл над ним долгий срок времени, и не было у него детей, ни девочек, ни мальчиков, и стали года его велики, и размякли у него кости, и согнулась его спина, и увеличилась его слабость и забота, и устранился он, что пропадут его имущество и состояние, если не окажется у него сына наследника, из-за которого его будут вспоминать.

И купец стал молить Аллаха великого, и постился днём, и простаивал ночи, и приносил обеты Аллаху, векому, живому, неизменно сущему, и посещал праведников, и умножил он мольбы к Аллаху великому. И внял ему Аллах, и принял его молитву, и умилился из-за его молений и сетований. И прошло лишь немного дней, и познал купец одну из своих жён, и понесла она от него этой же ночью, в тот же час и минуту, и завершила она свои месяцы, и сложила бремя, и принесла мальчика, подобного обрезку луны.

И тогда купец исполнил обеты, благодаря Аллаха, великого, славного, и выдал милостыню и одел вдов и сирот, а в вечер седьмой после рождения назвал он сына Абу-льХусном. И кормили его кормилицы, и нянчили его няньки, и носили его невольники и евнухи, пока мальчик не стал большой. И подрос он, и вырос, и сделался взрослым. И он выучил великий Коран и предписания ислама, и дела правой веры, и письмо, и поэзию, и счёт и научился метать стрелы; и стал он единственным в своё время и прекраснейшим из людей того века и столетия – красивый лицом, красноречивый языком. И он ходил,

⁴⁴⁰ Аль-Хаджжадж ибн Юсуф – арабский полководец и государственный деятель эпохи Омейядов (VII век), правитель Нижней Месопотамии.

⁴⁴¹ Мимбар – кафедра в мечети, на которую поднимается священнослужитель-имам, чтобы произнести проповедь.

покачиваясь от гибкости и стройности, и кичился, и жеманился, гордась – румянощекий, с блестящим лбом и зелёным пушком, как сказал про него один из поэтов:

Явился пушок весенний зрачкам моим,
И как удержаться розам с концом весны?
Не видишь ли ты: взрастила щека его
Фиалки, что вырастают меж листьями.

И он провёл с отцом долгое время, и его отец радовался ему и был весел. И достиг юноша зрелости мужчины, и тогда отец посадил его в один из дней перед собою и сказал ему: «О дитя моё, приблизился срок и наступило время моей кончины, осталось лишь встретить Аллаха, великого, славного. Я оставлю тебе твёрдого имущества, и деревень, и владений, и садов достаточно для детей твоих детей; страшись же Аллаха великого, о дитя моё, распоряжаясь тем, что я тебе оставил, и следуй лишь за теми, кто оказал тебе помощь».

И прошло лишь немного времени, и заболел этот человек и умер. И сын обрядил его наилучшим образом и похоронил его, и вернулся в своё жилище и сидел, принимая соболезнования, дам я ночи, и вдруг вошли к нему его друзья и сказали: «Кто оставил подобного тебе, тот не умер, и все, что миновало, – миновало, а принимать соболезнования годится лишь девушкам да женщинам, скрытым за завесой».

И они не оставляли Абу-ль-Хусна до тех пор, пока тот не сходил в баню, и тогда они вошли к нему и рассеяли его печаль...»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Четыреста двадцать седьмая ночь

Когда же настала четыреста тридцать седьмая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что Абу-ль-Хусн, сын купца, когда его друзья вошли к нему в баню и рассеяли его печаль, забыл завещание своего отца и одурел от множества денег.

И думал он, что судьба его останется все такой же и что нет деньгам прекращения.

И стал он есть и пить, и наслаждаться и веселиться, и награждать и одарять, и был щедр на золото, и постоянно ел куриц и ломал печати на сосудах и булькающих кувшинах, и слушал песни, и делал он так до тех пор, пока деньги не ушли и положение его не опустилось.

И исчезло все, что было перед ним, и раскаялся он и смутился и растерялся. И когда сгубил он то, что сгубил, не осталось у него ничего, кроме невольницы, которую оставил ему его отец среди того, что оставил.

А этой невольнице не было подобных по красоте, прелести, блеску и совершенству и стройности стана, и была она обладательницей знаний и качеств и достоинств, находимых приятными. Она превзошла людей своего века и столетия, став выше прекрасных по знаниям и поступкам, по гибкости и склонению стана. И при этом она была в пять пядей ростом, подруга счастья, и обе половины её лба походили на молодую луну в месяц шабан; брови у неё были тонкие и длинные, а глаза – как глаза газелей. Её нос походил на острие меча, щеки – на анемоны, а рот – на печать Сулеймана; зубы её были точно нанизанные жемчужины, а пупок вмещал унцию орехового масла. Её стан был тоньше, чем тело изнурённого любовью и недужного от скрытых страстей, а бедра были тяжелей куч песка, и в общем по красоте и прелести была она достойна слов того, кто сказал:

Обратясь лицом, всех прельстит она красотой своей,
Обратясь спиной, всех убьёт она расставанием.
Лунолика, солнцу равная, точно ивы ветвь,
Ни суровый вид, ни разлука, знай, ей несвойственны.

Сад эдема скрыт под одеждою её тонкою,
А над воротом в небесах луна возвышается.

Её кожа была чиста, и веяло от неё благоуханием, и казалось, что сотворена она из света и создана из хрусталя. Её щеки розовели, и строен был её рост и стан, как сказал про неё красноречивый и искусный поэт:

Она чванится и в серебряном и в сафлоровом,
И в сандаловом, что на розовом, шитом золотом.
Как цветок она, что в саду цветёт, иль жемчужина
В украшении, или девы лик в алтаре она.
Как стройна она! Если скажет ей её стройность: «Встань!»
Скажут бедра ей: «Посиди пока, будь медлительна!»
И когда просить буду близости, и краса шепнёт:
«Будь же щедрою!», а ей изнеженность: «Погоди!» – шепнёт.
Восхваляю того, кто красою всей наделил её,
А влюблённому речь хулителей дал в удел одну.

Она похищала того, кто её видел, прелестью своей красоты и влагой своей улыбки и метала в него свои острые стрелы из глаз; и при всем том она была красноречива в словах и хорошо нанизывала стихи.

И когда пропало все имущество Абу-ль-Хусна и стало явным его дурное положение, он провёл три дня, не пробуя вкуса пищи и не отдыхая во сне, и невольница сказала ему: «О господин, доставь меня к повелителю правоверных Харуну ар-Рашиду...»

И Шахразадку застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Четыреста тридцать восьмая ночь

Когда же настала четыреста тридцать восьмая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что невольница сказала своему господину: „о господин, доставь меня к Харуну ар-Рашиду, пятому из сынов аль-Аббаса, и потребуй от него в уплату за меня десять тысяч динаров, а если он найдёт эту цену слишком дорогой, скажи ему: „О повелитель правоверных, моя невольница стоит больше этого. Испытай её, и её цена станет великой в твоих глазах, так как этой девушке нет подобных, и она годится только для тебя“. И берегись, господин мой, продать меня за меньшую цену, чем я тебе сказала, – прибавила невольница, – её мало за такую, как я“.

А господин этой невольницы не знал ей цены, и не ведал он, что ей нет подобной в её время. И он доставил девушку к повелителю правоверных Харуну ар-Рашиду и предложил её ему и упомянул о том, что говорила невольница. И тогда халиф спросил: «Как твоё имя?» – «Моё имя Таваддуд», – отвечала невольница. «О Таваддуд, какие науки ты хорошо знаешь?» – спросил халиф. И девушка отвечала: «О господин, я знаю грамматику, поэзию, законоведение, толкование Корана и лексику, и знакома с музыкой и наукой о долях наследства, и счётом, и делением, и землемерием, и сказаниями первых людей⁴⁴². Я знаю великий Коран и читала его согласно семи, десяти и четырнадцати чтениям, и я знаю число его сур и стихов, и его частей и половин, и четвертей и восьмых, и десятых, и число, падений ниц. Я знаю количество букв в Коране и стихи, отменяющие и отменённые, и суры мекканские и мединские, и причины их ниспослания; я знаю священные предания, по

⁴⁴² Повесть о Таваддуд принадлежит к числу «книг-вопросников», весьма популярных в восточной и европейской средневековой литературе, и представляет собою краткую энциклопедию сведений, обладать которыми было необходимо образованному мусульманину.

изучению и по передаче, подкреплённые и неподкреплённые;⁴⁴³ я изучала науки точные, и геометрию, и философию, и врачевание, и логику, и риторику, и изъяснение и запомнила многое из богословия. Я была привержена к поэзии и играла на лютне, узнала, где на ней места звуков, и знаю, как ударять по струнам, чтобы были они в движении или в покое; и когда я пою и пляшу, то искушаю, а если приукрашусь и надушусь, то убиваю. Говоря кратко, я дошла до того, что знают лишь люди, утвердившиеся в науке».

И когда халиф Харун ар-Рашид услышал от девушки такие слова при юных её годах, он изумился красноречию её языка и, обратившись к владельцу девушки, сказал ему: «Я призову людей, которые вступят с ней в прения обо всем, что она себе приписала, и, если она им ответит, я дам тебе плату за неё с прибавкой; если же она не ответит, ты более достоин её». «О повелитель правоверных, с любовью и удовольствием!» – отвечал владелец девушки.

И повелитель правоверных написал правителю Басры, чтобы тот прислал к ему Ибрахима ибн Сайяра-ан-Назама⁴⁴⁴ (а это был величайший из людей своего времени в искусстве спорить, красноречии, поэзии и логике) и велел ему привести чтецов Корана, законоведов, врачей, звездочётов, мудрецов, зодчих и философов.

И прошло лишь малое время, и явились они во дворец халифата, не зная, в чем дело, и халиф призвал их в свою приёмную залу и велел им сесть, и они сели; и тогда халиф приказал привести невольницу Таваддуд. И девушка явилась и дала увидеть себя (а она была точно яркая звезда), и ей поставили скамеечку из золота, и тогда Таваддуд произнесла приветствие и заговорила красноречивым языком и сказала: «О повелитель правоверных, прикажи тем, кто присутствует из законоведов, чтецов, врачей, звездочётов, мудрецов, зодчих и философов, вступить со мной в прения».

И повелитель правоверных сказал им: «Я хочу от вас, чтобы вы вступили в прения с этой девушкой о её вере и опровергали бы её доказательства обо всем, что она себе приписала». И собравшиеся ответили: «Внимание и повиновение Аллаху и тебе, о повелитель правоверных!» И тогда девушка опустила голову и сказала: «Кто из вас факих⁴⁴⁵ знающий, чтец, сведущий в преданиях?» И один из присутствовавших ответил: «Я тот человек, которого ты ищешь». – «Спрашивай о чем хочешь», – сказала тогда невольница.

И факих спросил: «Ты читала великую книгу Аллаха и знаешь в ней отменяющее и отменённое и размышляла о её стихах и буквах?» – «Да», – ответила девушка. И факих сказал: «Я спрошу тебя об обязательных правилах и твёрдо стоящих установлениях. Расскажи мне, о девушка, об этом и скажи, кто твой господь, кто твой пророк, кто твой наставник, что для тебя кыбла, кто твои братья, каков твой путь и какова твоя стезя».

И девушка отвечала: «Аллах – мой господь, Мухаммед (да благословит его Аллах и да приветствует!) – мой пророк, Коран – мой наставник, Каба моя кыбла, правоверные – мои братья, добро – мой путь и сунна – моя стезя»⁴⁴⁶. И халиф удивился тому, что она сказала, и красноречию её языка при её малых годах.

⁴⁴³ При чтении Корана допускаются известные варианты, принятые той или иной школой чтецов. Каноническими обычно считаются семь чтений. Сурой называется каждая из ста четырнадцати глав Корана. Под «частями» Корана следует разуметь совокупность сур, которые мусульмане читают зараз в виде благочестивого урока. «Отменяющими» называются отдельные стихи Корана, в которых отменяется какое-либо ранее провозглашённое постановление. «Мекканскими» и «мединскими» суры Корана называются смотря по тому, где они были произнесены: на родине Мухаммеда – в Мекке или в Медине, куда он переселялся в 622 году. «Подкреплённые» и «неподкреплённые» – две категории хадисов (преданий о Мухаммеде), которые отличаются, по мнению мусульманских богословов, большей или меньшей степенью достоверности.

⁴⁴⁴ Ибрахим ибн Сайяр-ан-Наззам вольнодумец, умер около 845 года.

⁴⁴⁵ Факих – учёный, богослов.

⁴⁴⁶ Сунна – буквально обычай, правило, наставление; в данном случае означает обычай пророка Мухаммеда.

«О девушка, – сказал затем факих, – Расскажи мне, чем ты познала Аллаха великого!» – «Разумом, – ответила девушка». – «А что такое разум?»

опросил факих, и девушка отвечала: «Разумов два: разум дарованный и разум приобретённый...»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Четыреста тридцать девятая ночь

Когда же настала четыреста тридцать девятая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что девушка отвечала: „Разумов два: дарованный и приобретённый. Дарованный разум – это тот, который сотворил Аллах, великий и славный, чтобы направлять им на правый путь, кого он желает из рабов своих; а разум приобретённый – это тот, который приобретает муж образованием и хорошими познаниями“.

«Ты хорошо сказала! – молвил факих и затем спросил: – Где находится разум?» – «Аллах бросает его в сердце, – сказала девушка, – и лучи его поднимаются в мозг и утверждаются там».

«Хорошо! – молвил факих. – Скажи мне, через что ты узнала о пророке (да благословит его Аллах и да приветствует!)». И девушка отвечала: «Через чтение книги Аллаха великого, через знамения, указания, доказательства и чудеса».

«Хорошо! – молвил факих. – Расскажи мне об обязательных правилах и твёрдо стоящих установлениях»⁴⁴⁷. – «Что касается обязательных правил, ответила девушка, – то их пять: свидетельство, что нет бога, кроме Аллаха, единого, не имеющего товарищей, и что Мухаммед – его раб и посланник; совершение молитвы; раздача милостыни; пост в Рамадан и паломничество к священному храму Аллаха для тех, кто в состоянии его совершить. Что же до твёрдо стоящих установлений, то их четыре: ночь, день, солнце и луна; на них строится жизнь и надежда, и не знает сын Адама, будут ли они уничтожены с последним сроком».

«Хорошо! – сказал факих. – Расскажи мне, каковы обряды веры?» – «Обряды веры, – ответила девушка, – молитва, милостыня, пост, паломничество, война за веру и воздержание от запретного».

«Хорошо! – молвил факих. – Расскажи мне, с чем ты встаёшь на молитву?» – сказал он. И девушка ответила: «С намерением благочестия, признавая власть господина». – «Расскажи мне, – сказал факих, – сколько правил предписал тебе Аллах выполнить перед тем, как ты встанешь на молитву». И девушка отвечала: «Совершить очищение, прикрыть срамоту, удалить загрязнившиеся одежды, встать на чистом месте, обратиться к кыбле, утвердиться прямо, иметь благочестивое намерение и произнести возглас запрета: „Аллах велик!“

«Хорошо! – сказал факих. – Расскажи мне, как ты выходишь из дома твоего на молитву?» – «С намерением благочестия», – ответила девушка. «А с каким намерением ты входишь в мечеть?» – спросил факих, и девушка ответила: «С намерением служить Аллаху». – «А как ты обращаешься к кыбле?» – спросил факих. «Исполняя три правила и одно установление», – отвечала девушка.

«Хорошо! – сказал факих. – Скажи мне, каково начало молитвы, что в ней разрешает от запрета и что налагает запрет?» – «Начало молитвы, – отвечала девушка, – очищение; налагает запрет возглас запрета: „Аллах велик!“, а разрешает от него пожелание мира после молитвы». – «А что лежит на том, кто оставит молитву?» – спросил факих, и девушка отвечала:

⁴⁴⁷ Каноническое законодательство мусульман (по арабски – «шар», или «шариа»; отсюда русское «шариат») стремится регламентировать всю общественную и частную жизнь последователей ислама и содержит готовые предписания на любой случай бытовой практики.

«Говорится в «АсСахыхе»: ⁴⁴⁸ кто оставит молитву нарочно и умышленно, без оправдания, нет для того доли в исламе...»

И Шахразду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Ночь, дополняющая до четырехсот сорока

Когда же настала ночь, дополняющая до четырехсот сорока, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что, когда девушка произнесла слова священного предания, факих сказал: „Хорошо! Расскажи мне о молитве – что это такое?“»

И девушка ответила: «Молитва – связь между рабом и господином его, и в ней десять качеств: она освящает сердце, озаряет лицо, умиляет милосердного, гневит сатану, отвращает беду, избавляет от зла врагов, умножает милость, отвращает кару, приближает раба к его владыке и удерживает от мерзости и порицаемого. Молитва – одно из необходимых, обязательных и предписанных правил, и она – столп веры».

«Хорошо! – сказал факих. – Расскажи мне, что есть ключ молитвы?» – «Малое омовение», – отвечала девушка. «А что есть ключ малого омовения?»

«Произнесение имени Аллаха». – «А что есть ключ произнесения имени Аллаха?» – «Твёрдая вера». – «А что есть ключ твёрдой веры?» – «Упование на Аллаха», – «А что есть ключ упования на Аллаха?» – «Надежда». – «А что есть ключ надежды?» – «Повиновение». – «А что есть ключ повиновения?» – «Исповедание единственности Аллаха великого и признание за ним высшей власти».

«Хорошо! – сказал факих. – Расскажи мне о правилах малого омовения». И девушка отвечала: «Их шесть, по учению имама аш-Шафии, Мухаммеда ибн Идриса ⁴⁴⁹ (да будет доволен им Аллах!): благочестивое намерение при омовении лица, омовение рук и локтей, обтирание части головы, омовение ног и пяток и должный порядок при омовении. А установлении о нем десять: произнесение имени Аллаха, обмывание рук, прежде чем опустить их в сосуд, полоскание рта, втягивание воды носом, обтирание всей головы, обтирание ушей снаружи и внутри новою водой, промывание густой бороды, промывание пальцев на руках и ногах, обмывание правой стороны раньше левой, очищение тела трижды и непрерывность в омовении. А окончив омовение, должно сказать: «Свидетельствую, что нет бога, кроме Аллаха, единого, не имеющего товарищей, и что Мухаммед – его раб и посланник! Боже мой, причисли меня к кающимся, причисли меня к очищающимся. Слава тебе, боже мой! Хвалю тебе свидетельствую, что нет господ, кроме тебя, прошу у тебя прощения и каюсь перед тобою». Приводится в священных преданиях о пророке (да благословит его Аллах и да приветствует!), что он сказал: «Кто будет произносить это после каждого омовения, для того откроются восемь ворот рая, и войдёт он через которые хочет».

«Хорошо! – сказал факих. – А если захочет человек совершить омовение, какие будут подле него ангелы и дьяволы?» И девушка отвечала: «Когда приготовился человек к омовению и когда он поминает Аллаха великого в начале омовения, дьяволы убегают от него и получают над ним власти ангелы с палаткою из света, у которой четыре верёвки, и возле каждой верёвки ангел, прославляющий Аллаха великого и просящий прощения за человека, пока тот молчит или поминает Аллаха. Если же он не поминает Аллаха, великого, славного, при начале омовения и не молчит, над ним получают власть дьяволы, и уходят от него ангелы, и сатана нащёптывает ему до тех пор, пока не овладеет им сомнение и не станет

⁴⁴⁸ Ас – Сахых («Безупречный») – название двух наиболее популярных сборников преданий о словах и делах Мухаммеда.

⁴⁴⁹ Мухаммед аш-Шафии – богослов, основатель одного из мусульманских правоверных толков (умер в 820 г.)

омовение его недействительным. Говорил пророк (да благословит его Аллах и да приветствует!): „Правильное омовение прогоняет шайтана и оберегает от несправедливости султана“, и говорил также: „На кого снизойдёт беда, а он не совершил омовения, тот пусть упрекает только самого себя“.

«Хорошо! – сказал факих. – Расскажи мне, что должен сделать человек, когда пробудился он от сна?» – «Когда пробудился человек от сна, – отвечала девушка, – пусть вымоет себе руки трижды, прежде чем опустить их в сосуд».

«Хорошо! – сказал факих. – Расскажи мне о правилах большого омовения и об установлениях о нем». – «Правила большого омовения, – ответила девушка, – благочестивое намерение и покрытие водой всего тела, то есть доведение воды до всех волос и всей кожи; что же касается установления о нем, то прежде него должно совершить малое омовение и растереться и промыть волосы, я по словам некоторых, следует отложить мытьё ног до конца омовения». – «Хорошо!» – сказал факих...»

И Шахразад устало застывало утро, и она прекратила дозволенные речи.

Четыреста сорок первая ночь

Когда же настала четыреста сорок первая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что, когда девушка рассказала факиху о правилах большого омовения и установления о нем, факих оказал: „Хорошо! Расскажи мне о причинах омовения песком, о его правилах и установлениях о нем“. – „Что касается причин, – ответила девушка, – то их семь: отсутствие воды, опасение этого, нужда в воде, потеря дороги в пути, болезнь, лубки и рана. А правил его четыре: благочестивое намерение, употребление чистого песка, обтирание лица и обтирание обеих рук. Что же касается установления, вот они: произнесение имени Аллаха и омовение правой руки прежде левой“.

«Хорошо! – сказал факих. – Расскажи мне об условиях молитвы, её столпах и установлениях о ней». – «Что касается условий молитвы, – отвечала девушка, – то их пять: чистота членов, прикрытие срамоты, наступление должного времени, известное наверно или предполагаемое обращение в сторону кыблы, стояние на чистом месте. А столпы молитвы: благочестивое намерение, возглас запрета: „Аллах велик!“, пребывание стоя, если возможно, и произнесение „Фатихи“⁴⁵⁰ (во имя Аллаха, милостивого, милосердного! – один из её стихов, по учению имама ашШафии). Затем следует совершить поясной поклон, помедлить, выпрямиться, помедлить, пасть ниц, помедлить, присесть между двумя падениями ниц, помедлить, произнести последнее исповедание веры, присев для него и произнося при этом моление о пророке (да благословит его Аллах и да приветствует!), и возгласить первое приветствие, и, по словам некоторых, иметь благочестивое намерение о выходе с молитвы. Что же касается установления о молитве, то к ним относятся: азай, икама⁴⁵¹, поднятие рук при возгласе запрета: «Аллах велик!», вступительное моление, охранительный возглас и возглас: «Аминь!», чтение какой-нибудь суры после «Фатихи», возгласы: «Аллах велик!» при переменах положения, слова: «Да услышит Аллах тех, кто его хвалит! Господи наш, хвала тебе!» и громкая речь в своём месте, и тихая речь в своём месте, и первое исповедание, для которого следует сесть, и включение в него молитвы о пророке (да благословит его Аллах и да приветствует!), и молитва о семействе его при последнем исповедании и второе приветствие».

⁴⁵⁰ Фатиха (открывающая) – название первой суры Корана, имеющей у мусульман значение христианского «Отче наш».

⁴⁵¹ Азан (буквально: «возвешение») – призыв на молитву и на пятничное богослужение, возглашаемый служителем мечети, муэдзином. Икама – второй призыв к молитве, раздающийся в тот момент, когда молитва начинается.

«Хорошо! Скажи мне, с чего полагается подать на бедных?» – сказал факих. И девушка отвечала: «С золота, с серебра, с верблюдов, коров, овец, пшеницы, ячменя, проса, дурры, бобов, гороха, риса, изюма и фиников». – «Хорошо! – сказал факих. – Расскажи мне, с какого количества золота берётся подать на бедных?» И девушка отвечала: «Нет подати с того, что меньше двадцати мискалей, а если дойдёт до двадцати, то с них полагается полмискаля и с того, что больше – по такому же расчёту». – «Расскажи мне, с какого количества серебра полагается подать?» – сказал факих. И девушка отвечала: «Нет подати с того, что меньше двухсот дирхемов, и если дойдёт до двухсот, то с них полагается пять дирхемов, а с того, что больше, – по такому же расчёту». – «Хорошо! Расскажи мне, со скольких верблюдов полагается подать?» – сказал факих. И девушка отвечала: «С каждых пяти – одна овца, до двадцати пяти, а с двадцати пяти – годовалая верблюдица». – «Хорошо! – сказал факих. – Расскажи мне, со скольких овец полагается подать?» – «Когда дойдёт до сорока, с них одна овца», – отвечала девушка.

«Хорошо! – сказал факих. – Расскажи мне о посте⁴⁵² и его правилах». И девушка отвечала: «Правила поста: благочестивое намерение и воздержание от еды, питья, совокупления и намеренной рвоты, и пост обязателен для всякого совершеннолетнего, который свободен от месячных или послеродовых очищений. Он обязателен с той минуты, как увидят новый месяц или услышат об этом со слов очевидца, чья правдивость запала в сердце слышащего. И одно из обязательных условий поста – принятие благочестивого намерения каждую ночь. Что же касается до установлении о посте, то должно ускорять разговение, откладывая предрасветную трапезу и воздерживаться от разговора, кроме слов о добре, поминания Аллаха и чтения Корана». – «Хорошо! Расскажи мне, что не делает поста недействительным?» – сказал факих. И девушка отвечала: «Натирание жиром, употребление сурьмы, проглатывание дорожной пыли и слюны, истечение семени при поллюции или от взгляда на постороннюю женщину, кровопускание и употребление пиявок – это не делает поста недействительным».

«Хорошо! – сказал факих. – Расскажи мне о молитве в оба праздника»⁴⁵³. – «Два раката, – они установлены сунной, – без азана и икамы, – отвечала девушка, – но молящийся говорит: „На соборную молитву!“ – и произносит: „Аллах велик!“ – при первом ракате семь раз, кроме запретительного возгласа, а при втором – таять раз, кроме возгласа при вставании; это по учению имама аш-Шафии (да помилует его великий Аллах!), – и молящийся произносит исповедание веры...»

И Шахразату застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Четыреста сорок вторая ночь

Когда же настала четыреста сорок вторая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что, когда девушка рассказала факиху о молитве в оба праздника, факдх сказал: „Хорошо! Расскажи мне о молитве при затмении солнца и затмении луны“. И девушка отвечала: „Два раката, безазана и икамы; при каждом ракате молящийся дважды выпрямляется, делает два поклона и дважды падает ниц, и садится и произносит исповедание веры и возглас привета“. – „Хорошо! Расскажи мне про молитву о дожде“, – сказал факих. И девушка отвечала: „Два раката, без азана и икамы; имам произносит исповедание веры и возглас привета, затем говорит проповедь и просит прощения у Аллаха великого в том месте,

⁴⁵² Учение ислама предписывает соблюдать пост в течение всего месяца Рамадана (девятый месяц мусульманского лунного года).

⁴⁵³ У мусульман существует всего два официальных праздника в году: «великий праздник» («праздник жертвы») и «малый праздник» («праздник разговения» после поста).

где произносится возглас: „Аллах велик!“ – в проповедях на оба праздника, и переворачивает свой плащ, обращая его верхней частью (вниз, и вызывает к Аллаху и умоляет“. – „Хорошо! – сказал факих. – Расскажи мне о непарной молитве“. – „В непарной молитве, – ответила девушка, – самое меньшее – один ракат, а самое большее – одиннадцать“. – „Хорошо! – сказал факих. – Расскажи мне о молитве на заре“. – „В молитве на заре, – отвечала девушка, – самое меньшее – два раката, а самое большее – двенадцать ракатов“.

«Хорошо! – сказал факих. – Расскажи мне об отшельничестве». – «Оно является установлением, – отвечала девушка». – «А каковы его условия?» – спросил факих, и девушка сказала: «Питать благочестивое намерение, не выходить из мечети иначе как при нужде, не прикасаться к женщинам, поститься и воздерживаться от речи».

«Хорошо! Расскажи мне, когда обязательно паломничество?» – сказал факих. И девушка отвечала: «Когда человек достиг зрелости, находится в полном разуме, исповедует ислам и в состоянии совершить паломничество, и оно обязательно в жизни один раз, раньше смерти». – «Каковы правила паломничества?» – спросил факих. И девушка отвечала: «Наложение на себя запрета, остановка на Арафате, круговой обход, бег и бритьё или укорочение волос». – «А каковы правила посещения?» – спросил факих. И девушка отвечала: «Наложение запрета, круговой обход и бег». – «Каковы правила наложения запрета?» – спросил факих. И девушка отвечала: «Снятие с себя сшитой одежды, отказ от благовоний, прекращение бритья головы, стрижки ногтей, убийства дичи и сношений». – «А каковы установления о паломничестве?» – спросил факих. И девушка отвечала: «Возглас: „Я здесь!“, круговой обход по прибытии, прощальный обход, ночёвка в аль-Муздалифе и в Мина и бросание камешков»⁴⁵⁴.

«Хорошо! – сказал факих. – А что такое война за веру и каковы её основы?» – «Основа её, – отвечала девушка, – нападение на нас неверных, наличие имама и военного снаряжения и твёрдость при встрече с врагом, а установление о ней предписывает побуждать к бою по слову его (велик он!): „О пророк, побуждай правоверных к бою!“

«Хорошо! Расскажи мне о правилах торговли и установлениях о ней», – сказал факих. И девушка отвечала: «Правила торговли – предложение продать и согласие купить, и чтобы продаваемое было во власти продающего, а покупатель мог бы получить его, а также отказ от лихвы». – «А каковы установления о торговле?» – спросил факих. И девушка ответила: «Право отказа от сделки и выбора. Торгующиеся могут выбирать, пока они не разошлись». – «Хорошо! – сказал факих. – Расскажи мне о вещах, которые нельзя обменивать друг на друга». И девушка отвечала: «Я запомнила об этом верное предание со слов Нафи, ссылавшегося на посланника божьего (да благословит его Аллах и да приветствует!), который запретил обменивать сухие финики на свежие и свежие фиги на сухие, и вяленое мясо на свежее, и сливочное масло на топлёное, и все, что принадлежит к одному роду и съедобно, нельзя обменивать одно на другое».

И когда факих услышал слова девушки, он понял, что она остроумна, проницательна, сообразительна и сведуща в законоведении, преданиях, толковании Корана и прочем, и сказал про себя: «Мне обязательно надо её перехитрить и одолеть её в приёмной зале повелителя правоверных!»

«О девушка, – спросил он её, – что значит слово „вуду“ в обычном языке?» – «Слово „вуду“ в обычном языке значит „чистота“ и „освобождение от грязи“, – отвечала девушка.

⁴⁵⁴ Паломник, вступив в Мекку, сначала совершает так называемое «посещение» или «малое паломничество», в которое входят обряды: обход вокруг Кабы, участие в ритуальном беге между холмами Сафа и Марва и торжественное бритьё головы. Самое паломничество (хаджж) начинается после того, как паломники, выслушав в мекканской мечети напутственную проповедь, отправляются на гору Арафат, расположенную в четырех часах пути на восток от Мекки. Проведя день на горе Арафат, паломники ночуют в местечке аль-Муздалифа и отправляются в Мина, где на следующий день справляют «праздник жертвы», или «великий праздник». Затем паломники возвращаются в Мекку, где вторично совершают семикратный обход вокруг Кабы и участвуют в ритуальном беге.

„А что значит в обычном языке слово „салат“? – „Пожелание блага“. – „А что значит в обычном языке слово „гусль“? – „Очищение“. – „А что значит в обычном языке „саум“? – „Воздержание“. – „А что значит в обычном языке „закат“? – „Прибавление“. – „А что значит в обычном языке „хаджж“? – „Стремление к цели“. – „А что значит „джихад“? – „Защита“, – отвечала девушка, и оборвались доводы факиха...“

И Шахразаду застигав утро, и она прекратила дозволенные речи.

Четыреста сорок третья ночь

Когда же настала четыреста сорок третья ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что, когда оборвались доводы факиха, он поднялся на ноги и сказал: „Засвидетельствуй, о повелитель правоверных, что девушка более сведуща в законоведении, чем я“.

«Я спрошу тебя кое о чем, – сказала девушка. – Дай мне быстрый ответ, если ты знающий». – «Спрашивай!» – сказал факих, и девушка спросила: «Что такое стрелы веры?» – «Их десять, – отвечал факих, – первая – исповедание, то есть верование; вторая – молитва, то есть природное свойство; третья – подать на бедных, то есть чистота; четвёртая – пост, то есть щит; пятая – паломничество, то есть закон; шестая – война за веру, то есть избавление; седьмая и восьмая – побуждение и блатному и запрещение порицаемого, то есть ревность ко благу, девятая – общее согласие, то есть содружество, и десятая – искание знания, то есть достохвальный путь».

«Хорошо! – отвечала девушка. – За тобой остался ещё вопрос: что такое корни ислама?» – «Их четыре: здравые верования, искренность в стремлении к цели, память о законе и верность обету». – «Остался ещё вопрос, – сказала девушка, – ответишь – хорошо, а нет – я сниму с тебя одежду». – «Говори, девушка!» – сказал факих, и девушка спросила: «Что такое ветви ислама?» И факих помолчал некоторое время и ничего не ответил.

И девушка воскликнула: «Снимай с себя одежду, и я растолкую тебе это». – «Растолкуй, и я сниму для тебя с него одежду!» – сказал повелитель правоверных. И девушка молвила: «Их двадцать две ветви: следование книге Аллаха великого, подражание его посланнику (да благословит его Аллах и да приветствует!), прекращение вреда, употребление в пищу разрешённого, воздержание от запретного, исправление несправедливостей в пользу обиженных, раскаяние, знание закона веры, любовь к другу Аллаха⁴⁵⁵, следование ниспосланному, признание посланных Аллахом правдивыми, опасение перемены, готовность к последнему отъезду, сила истинной веры, прощение при возможности, крепость при болезни, терпение в беде, знание Аллаха великого, знание того, с чем пришёл его пророк (да благословит его Аллах и да приветствует!), непокорность Иблису-проклятому, борьба со своей душой и неповиновение ей и полная преданность Аллаху».

И когда повелитель правоверных услышал это от девушки, он велел снять с факиха его одежду и тайлесан⁴⁵⁶, и факих снял это и вышел, огорчённый и пристыженный перед повелителем правоверных.

А затем поднялся перед девушкой другой человек и сказал ей: «О девушка, послушай от меня несколько вопросов». – «Говори!» – сказала девушка, и факих спросил: «Что такое правильное вручение товара?» – «Когда известна цена, известен сорт и известен срок уплаты», – отвечала девушка.

«Хорошо! – сказал факих. – Каковы правила еды и установление о ней?»

⁴⁵⁵ Другом Аллаха назван в Коране Ибрахим, библейский Авраам.

⁴⁵⁶ Тайлесан – особого рода головной убор, носившийся преимущественно учёными.

«Правила еды, – сказала девушка, – сознание, что Аллах великий наделил человека и накормил его и напоил, и благодарность Аллаху великому за это». – «А что такое благодарность?» – спросил факих, и девушка отвечала: «Благодарность состоит в том, чтобы раб израсходовал вес, чем наградил его Аллах великий, на то, для чего он это сотворил». – «А каковы установления об еде?» – спросил факих, и девушка отвечала: «Произнесение имени Аллаха, омовение рук, еда сидя на левом бедре и тремя пальцами и вкушение того, что у тебя под рукой». – «Хорошо! – сказал факих. – Расскажи мне, в чем пристойность при еде?» И девушка отвечала «В том, чтобы класть в рот маленькие куски и редко смотреть на сидящего рядом». – «Хорошо» – сказал факих...»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Четыреста сорок четвёртая ночь

Когда же настала четыреста сорок четвёртая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что, когда девушка была опрошена о пристойности при еде и дала ответ, спрашивающий факих сказал ей: „Хорошо! Расскажи мне об убеждениях сердца и определении их через противоположное“. – „Их три, – отвечала девушка, – и противоположных определений тоже три. Первое убеждение – вера, а противоположное определение этого – отказ от многобожия; второе убеждение – сунна, а противоположное определение этого – отказ от новшеств; третье убеждение – покорность Аллаху, а противоположное определение этого – отказ от послушания его“.

«Хорошо! Расскажи мне, каковы условия малого омовения?» – сказал факих. И девушка отвечала: «Предание себя Аллаху, способность различать, чистота воды, отсутствие осязаемого препятствия и отсутствие препятствия по закону».

«Хорошо! – сказал факих. – Расскажи мне о вере». – «Вера, – отвечала девушка, – разделяется на девять отделов: вера в того, кому поклоняешься; вера в то, что ты раб; вера в особую сущность бога; вера в две горсти; вера в предопределение; вера в отменяющее; вера в отменённое; вера в Аллаха, его ангелов и посланников; вера в судьбу и предопределённое в благом и злом, сладостном и горестном».

«Хорошо! – сказал факих. – Расскажи мне о трех вещах, которые препятствуют трём другим вещам». – «Хорошо, – отвечала девушка. – Рассказывают о Суфьяне-ас-Саури⁴⁵⁷, что говорил: «Три вещи губят три другие вещи: пренебрежение праведниками губит будущую жизнь, пренебрежение царями губит душу, а пренебрежение тратами губит деньги».

«Хорошо! – сказал факих» – Расскажи мне о ключах небес и сколько на небесах ворот». И девушка ответила: «Сказал Аллах великий: „И открылось небо и были там ворота“, – а пророк (да благословит его Аллах и да приветствует!) сказал: „Не ведает числа ворот на небе никто, кроме того, кто сотворил небо, и нет ни одного сына Адама, для которого бы не было на небе двух ворот: через одни ворота нисходит его надел, а через другие ворота возносятся его деяния, и не замкнутся ворота его надела, пока не прервётся срок жизни его, и не замкнутся врата его деяний, пока не вознесётся его дух“.

«Хорошо! – сказал факих. – Расскажи мне, что вещь, что полувещь и что не вещь». И девушка отвечала: «Вещь – это правоверный; полувещь – это лицемер, а не вещь – это неверный».

«Хорошо! Расскажи мне про сердца», – сказал факих. И девушка отвечала: «Бывает сердце здоровое, сердце больное, сердце кающееся, сердце себя посвящающее и сердце светящее. Здоровое сердце – это сердце Друга Аллаха; сердце больное – это сердце неверного; сердце кающееся – это сердце богобоязненных, боящихся; сердце себя

⁴⁵⁷ Суфьян-ас-Саури – знаменитый мусульманский богослов VII века.

посвящающее – это сердце господина нашего Мухаммеда (да благословит его Аллах и да приветствует!); и сердце светящее – это сердце тех, кто за ним следует. А сердца учёных троякие: сердце, привязанное к здешнему миру, сердце, привязанное к последней жизни, и сердце, привязанное к своему владыке. Сказано также, что сердец три: сердце привязанное – а это сердце неверного, сердце потерянное – это сердце лицемера, и сердце твёрдое – это сердце правоверного. Сказано также, что их три: сердце, развёрнутое светом и верой, сердце, пораненное страхом разлуки, и сердце, боящееся быть покинутым». – «Хорошо!» – оказал факих...»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Четыреста сорок пятая ночь

Когда же настала четыреста сорок пятая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что, когда второй факих задал девушке вопросы и та ему ответила, он сказал: „Хорошо!“ – „О повелитель правоверных, – сказала тогда девушка, – он опрашивал меня, пока не утомился, а я задам ему два вопроса, и если он даст мне на них ответ, пусть так, а если нет, я возьму его одежду, и он уйдёт с миром“.

«Спрашивай меня о чем хочешь», – сказал факих. И девушка молвила: «Что ты окажешь о вере?» – «Вера, – ответил факих, – есть подтверждение языком и признание истины сердцем и действие членами. И сказал он (молитва над ним и привет!): „Не завершить правоверному веры, пока не завершится в нем пять качеств: упование на Аллаха, препоручение себя Аллаху, подчинение власти Аллаха, согласие на приговор Аллаха я чтобы были его дела угодны Аллаху, ибо тот, кто любил ради Аллаха и давал ради Аллаха и отказывал ради Аллаха, тот уверовал вполне“.

«Расскажи мне о правиле правил, о правиле в начале всех правил, о правиле, нужном для всех правил, о правиле, заливающим все правила, об установлении, входящем в правило, и об установлении, завершающем правило», – сказала девушка. И факих промолчал и ничего не ответил. И повелитель правоверных велел Таваддуд растолковать это и приказал факиху снять с себя одежду и отдать её девушке.

И тогда девушка сказала: «О факих, правило правил – это познание Аллаха великого; правило в начале всех правил – это свидетельство, что нет бога, кроме Аллаха, и что Мухаммед – посланник Аллаха; правило, нужное для всех правил, – это малое омовение; правило, заливающее все правила, это большое омовение от нечистоты. Постановление, входящее в правило, это промывание пальцев и промывание густой бороды, а постановление, завершающее правило, – это обрезанное.

И тут стало ясно бессилие факиха, и он поднялся на ноги и сказал: «Призываю Аллаха в свидетели, о повелитель правоверных, что эта девушка более сведуща, чем я, в законоведении и в прочем!» А потом он снял с себя одежду и ушёл, удручённый.

Что же касается истории с наставником и чтецом, то девушка обратилась к остальным учёным, которые присутствовали, и спросила их: «Кто из вас наставник и чтец, знающий семь чтений и грамматику и лексику?»

И чтец поднялся и сел перед нею и спросил: «Читала ли ты книгу Аллаха великого и утвердилась ли в знании её стихов, отменяющих и отменённых, твёрдо установленных и сомнительных, мекканских и мединских? Поняла ли ты её толкование и узнала ли ты её передачи и основы её чтения?» – «Да», – отвечала девушка.

И факих сказал: «Расскажи мне о числе сур в Коране: сколько там десятых, сколько стихов, сколько букв и сколько падений ниц? Сколько пророков в нем упомянуто, сколько в нем сур мединских и сколько сур мекканских и сколько в нем упомянуто существ летающих?» – «О господин, – ответила девушка, – что касается до сур в Коране, то их сто четырнадцать, и мекканских из них – семьдесят сур, а мединских – сорок четыре. Что касается десятых частей, то их шестьсот десятых и двадцать одна десятая; стихов в Коране –

шесть тысяч двести тридцать шесть, а слов в нем – семьдесят девять тысяч четыреста тридцать девять, и букв – триста двадцать три тысячи шестьсот семьдесят; и читающему Коран за каждую букву зачтётся десять благих дел. А падения ниц – их четырнадцать...»

И Шахразадку застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Четыреста сорок шестая ночь

Когда же настала четыреста сорок шестая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что, когда чтец спросил девушку про Коран, она ему ответила и сказала: „Что же до пророков, имена которых упомянуты в Коране, то их – двадцать пять: Адам, Нух, Ибрахим, Исмаил, Исхак, Якуб, Юсуф, аль-Яса, Юнус, Лут, Салих, Худ, Шуайб, Дауд, Сулейман, Зу-я-Кифль, Идрис, Ильяс, Яхья, Закария, Айюб, Муса, Харун и Мухаммед (да будет благословение Аллаха и его привет над ними всеми!). Что же касается летающих существ, то их – девять“. – „Как они называются?“ – спросил факих. И девушка отвечала: «Комар, пчела, муха, муравей, удод, ворон, саранча, Абабиль и птица Исы⁴⁵⁸ (мир с ним!), а это – летучая мышь».

«Хорошо! – сказал факих. – Расскажи мне, какая сура в Коране самая лучшая?» – «Сура о Корове», – ответила девушка. – «А какой стих самый великий?» – спросил факих. «Стих о престоле, и в нем пятьдесят слов, и в каждом слове пятьдесят благословений». – «А какой стих содержит девять чудес?» – спросил факих. И девушка сказала: «Слово его (велик он!): „Поистине, в создании небес и земли и в смене дней и ночей, и в кораблях, которые бегут по морю с тем, что полезно людям...“ и до конца стиха». – «Хорошо! – сказал факих. – Расскажи мне, какой стих самый справедливый». И девушка отвечала: «Слово его (велик он!): „Аллах приказывает быть справедливым и милостивым и оделять состоящих в родстве и запрещает мерзости, порицаемые дела и несправедливость“. – „А в каком стихе больше всего желания?“ – спросил факих. И девушка сказала: „В словах его (велик он!): „Не желает разве всякий муж из них войти в сад блаженства?“ – „А в каком стихе более всего надежды?“ – «В слове его (велик он!): «Скажи: «О рабы мои, что погрешили против самих себя, не отчаивайтесь в милости Аллаха: поистине Аллах прощает грехи полностью, ибо он всепрощающий, всемилостивый».

«Хорошо! Расскажи мне, по какому чтению ты читаешь?» – сказал факих. И девушка ответила: «По чтению обитателей рая, то есть по чтению Нафи».

«А в каком стихе солгали пророки?» – «В слове его (велик он!): „И они вымазали его рубашку ложной кровью“, – а они – это братья Юсуфа». – «А скажи мне, в каком стихе неверные сказали правду?» – спросил факих. И девушка ответила: «В слове его (велик он!): „И сказали евреи: „Христиане ни на чем не основываются“; и сказали христиане: „Евреи ни на чем не основываются“, а они читают писание – и все они сказали правду“, – „А в каком стихе Аллах говорит о самом себе?“ – спросил факих. И девушка ответила: „В слове его (велик он!): „И сотворил я джиннов и людей лишь для того, чтобы они мне поклонялись“. – „А в каком стихе слова ангелов?“ – «В слове его (велик он!): «Мы возглашаем тебе хвалу и восхваляем тебя».

«Расскажи мне о возгласе: „Прибегаю к Аллаху от дьявола, битого камнями!“ – и о том, что о нем сказано», – молвил факих. И девушка ответила: «Охранительный возглас – обязанность, которую Аллах повелел исполнять при чтении Корана, и указывает на это слово его (велик он!): „И когда ты читаешь Коран, прибегай к защите Аллаха от дьявола, битого камнями“, – „Расскажи мне, каковы слова охранительного возгласа и в чем разногласие относительно него?“ – спросил факих. И девушка сказала: „Некоторые произносят его,

⁴⁵⁸ В Коране рассказывается, что Аллах наделил Ису (Иисуса) способностью оживлять птиц, сделанных из глины.

говоря: „Прибегаю к Аллаху всеслышающему, всезнающему, от дьявола, битого камнями!“ А некоторые говорят: „К Аллаху всеильнейшему“. А лучше всего то, что гласит великий Коран и что дошло в установлениях. И пророк (да благословит его Аллах и да приветствует!), начиная читать Коран, говорил: „Прибегаю к Аллаху от дьявола, битого камнями!“ Рассказывают со слов Нафи, ссылавшегося на своего отца, что тот говорил: „Когда посланник Аллаха (да благословит его Аллах и да приветствует!) поднимался ночью молиться, он говорил: «Аллах превелик в своём величии, и хвала Аллаху премногая. Слава Аллаху поутру и вечером!» И говорил он: «Прибегаю к Аллаху от дьявола, битого камнями, и от наущения дьявола и внушений его». Передают про Ибн Аббаса⁴⁵⁹ (да будет доволен Аллах им и отцом его!), что он говорил: «Когда был впервые послан Джибриль пророку (да благословит его Аллах и да приветствует!), он научил его охранительному возгласу и сказал: „Скажи, о Мухаммед: „Прибегаю к Аллаху всеслышающему, всезнающему“; потом скажи: „Во имя Аллаха, милостивого, милосердного“, затем: „Читай во имя господя твоего, который создал“. А создал он человека из сгустка крови».

И когда чтец Корана услышал речи девушки, он изумился её словам и красноречию, уму и достоинствам и оказал ей: «О девушка, что ты скажешь о слове его (велик он!); „Во имя Аллаха, милостивого, милосердного?“ Стих ли это из стихов Корана?» – «Да, – отвечала девушка, – это стих Корана в суре „Муравей“ и стих между каждыми двумя сурами, и разногласие об этом среди (учёных велико». – «Хорошо!» – сказал факих...»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Четыреста сорок седьмая ночь

Когда же настала четыреста сорок седьмая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что, когда девушка ответила чтецу Корана и сказала, что о словах: „Во имя Аллаха, милостивого, милосердного!“ – великое разногласие среди учёных, чтец сказал: „Хорошо! Расскажи мне, почему не пишут в начале суры „Отречение“: „Во имя Аллаха, милостивого, милосердного?“ И девушка ответила: „Когда была ниспослана сура «Отречение» о нарушении договора, который был между пророком (да благословит его Аллах и да приветствует!) и многобожниками, пророк (да благословит его Аллах и да приветствует!) послал к ним Али ибн Абу-Талиба⁴⁶⁰ (да почтит Аллах его лик!), в день праздника, с сурой «Отречение», и Али прочитал её им, но не прочитал: «Во имя Аллаха, милостивого, милосердного!»

«Расскажи мне о преимуществе и благословенности слов: „Во имя Аллаха, милостивого, милосердного!“ – сказал факих. И девушка молвила: „Передают, что пророк (да благословит его Аллах и да приветствует!) говорил: „Если прочитают над чем-нибудь: „Во имя Аллаха, милостивого, милосердного!“, всегда будет в этом благословение“. И ещё передают слова его (да благословит его Аллах и да приветствует!): „Поклялся господь величия величием своим, что всякий раз, как произнесут над больным: „Во имя Аллаха, милостивого, милосердного!“, он исцелится от болезни“. И говорят, что, когда господь создал свой престол, он задрожал великим дрожанием, и написал на нем Аллах: „Во имя Аллаха, милостивого, милосердного!“, и утихло Дрожание его. И когда было ниспослано: „Во имя Аллаха, милостивого, милосердного!“ – на посланника Аллаха (да благословит его Аллах и да приветствует!), он сказал: „Мне не угрожают ныне три вещи: провалиться сквозь землю, быть превращённым и утонуть“. Достоинства этих слов велики и благословенность их

⁴⁵⁹ Абд-Аллах ибн Аббас – двоюродный брат Мухаммеда, знаменитый передатчик преданий и толкователь Корана, не стеснявшийся сам сочинять изречения, которые он приписывал пророку.

⁴⁶⁰ Али ибн Абу-Талиб – двоюродный брат и зять Мухаммеда, четвёртый халиф (годы правления 656-661).

многочисленна, так что долго было бы это излагать; и о посланнике Аллаха (да благословит его Аллах и да приветствует!) передают, что он сказал: „Приведут человека в день воскресения, и будет истребован от него отчёт, и не найдётся у него благого дела, и будет поведено ввергнуть его в огонь, и скажет он: „О боже мой, ты не был справедлив со мною!“ И скажет Аллах (велик он и славен!): „А почему так?“ – и ответит человек: «О господи, потому что ты назвал себя милостивым, милосердным и хочешь пытать меня огнём». И скажет ему тогда Аллах (да возвысится его величие!): «Я назвал себя милостивым, милосердным; отведите раба моего в рай по моему милосердию, ибо я – милосерднейший из милосердых».

«Хорошо! – сказал чтец Корана. – Расскажи мне о первом появлении слов: „Во имя Аллаха, милостивого, милосердного!“ И девушка сказала: „Когда начал Аллах великий ниспосылать Коран, писали: „Во имя твоё, боже мой!“, а когда ниспослал Аллах великий слова: „Скажи: „Взывайте к Аллаху, или взывайте к милостивому, как бы ни взывали к нему, у него имена прекраснейшие“, стали писать: „Во имя Аллаха милостивого!“ Когда же было ниспослано: «Господь ваш – господь единый, нет господа, кроме него, милостивого, милосердного», стали писать: «Во имя Аллаха, милостивого, милосердного!»

И когда чтец услышал слова девушки, он опустил голову и сказал про себя: «Вот, поистине, дивное диво! Как рассуждала эта девушка о первом появлении: „Во имя Аллаха, милостивого, милосердного!“ Клянусь Аллахом, мне непременно нужно с ней схитрить, может быть, я её одолею».

«О девушка, – сказал он ей, – ниспослал ли Аллах Коран весь сразу или он его ниспосылал по частям?» И она ответила: «Нисходил с ним Джибриль-верный (мир с ним!) от господа миров к пророку его Мухаммеду, господину посланных и печати пророков, с повелением и запрещением, обещанием и угрозой, рассказами и притчами в течение двадцати лет, отдельными стихами, сообразно с событиями».

«Хорошо! – сказал факих. – Расскажи мне о первой суре, которая была низведена на посланника Аллаха (да благословит его Аллах и да приветствует!)». И девушка отвечала: «По словам Ибн Аббаса, это – сура „О сгустке крови“, а по словам Джабира ибн Абд-Аллаха – сура „О завернувшемся в плащ“, а затем, после этого, были ниспосланы прочие суры и стихи». – «Расскажи мне о последнем стихе, который был ниспослан», – сказал чтец Корана. И девушка ответила: «Последний стих, ниспосланный пророку, „стих о лихве“, но говорят также, что это – слова: „Когда придёт поддержка Аллаха и победа...“

И Шахразяду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Четыреста сорок восьмая ночь

Когда же настала четыреста сорок восьмая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что, когда девушка ответила чтецу о последнем стихе, ниспосланном в Коране, чтец сказал: „Хорошо, расскажи мне о числе подвижников, которые собирали Коран при жизни посланника Аллаха (да благословит его Аллах и да приветствует!)“. И девушка отвечала: „Их четверо: Убейн ибн Каб, Зад ибн Сабит, Абу-Убейда-Амир ибн аль-Джаррах и Осман ибн Аффан (да будет доволен Аллах ими всеми!)“ – „Хорошо! – сказал чтец Корана. – Расскажи мне о чтецах, от которых заимствуют чтение“. И девушка отвечала: „Их четверо: Абд-Аллах ибн Масуд, Убейн ибн Каб, Муаз ибн Джабаль и Салим ибн Абд-Аллах“.

«А что ты скажешь о словах его (велик он!): „И то, что заколото перед воздвигнутыми“?»⁴⁶¹ – спросил чтец Корана. И девушка ответила: «Воздвигнутые – это

⁴⁶¹ Коран запрещает употреблять в пищу животных, которые «заколоты перед воздвигнутыми», то есть принесены в жертву идолам.

идолы, которых воздвигают и которым поклоняются помимо великого Аллаха (прибегаю к Аллаху великому!)). – «А что ты скажешь о словах его (велик он!): „Ты знаешь, что у меня в душе, а я не знаю, что у тебя в душе“?» – спросил чтец Корана, и девушка ответила: «Это значит: ты знаешь меня доподлинно и знаешь, что есть во мне, а я не знаю, что есть в тебе. И указание на это в словах его (велик он!): „Поистине, ты тот, кто знает скрытое“. А говорят также, что это значит: ты знаешь мою сущность, а я не знаю твоей сущности».

«А что ты скажешь о словах его (великой!): „О те, кто уверовал, не объявляйте запретными благ, которые разрешил ваш Аллах“?» – спросил чтец Корана. И девушка ответила: «Говорил мне мой шейх (да помилует его Аллах великий!) со слов ад-Даххака, что тот сказал: „Это люди из мусульман, которые сказали: «Отрежем наши мужские части и наденем власяницы», – и был ниспослан этот стих. А Катада⁴⁶² говорил, что он был ниспослан из-за нескольких сподвижников посланника божьего (да благословят его Аллах и да приветствует!) Али ибн Абу-Талиба, Османа ибн Мусаба и других, которые сказали: «Оскопим себя, оденемся в волос и станем монахами», – и был ниспослан этот стих».

«А что ты скажешь о словах его (велик он!): „И сделал Аллах Ибрахима другом“?» – спросил чтец Корана. И девушка ответила: «Друг – это нуждающийся, испытывающий в ком-нибудь нужду; а по словам других, это – любящий и преданный Аллаху великому, тот, чью преданность ничто не смущает».

И когда чтец Корана увидел, что слова девушки бегут, как бегут облака, и она не медлит с ответом, он поднялся на ноги и воскликнул: «Призываю в свидетели Аллаха, о повелитель правоверных, что эта девушка лучше меня знает чтение Корана и другое!» И тут девушка сказала: «Я задам тебе один вопрос, и если ты дашь на него ответ – пусть так, а иначе я сниму с тебя одежду». – «Спрашивай его!» – сказал повелитель правоверных. И девушка молвила: «Что ты скажешь о стихе, в котором двадцать три кафа, и о стихе, где шестнадцать мимов, и о стихе, где сто сорок айнов⁴⁶³, и о части Корана, в которой нет возгласа возвеличения?» И чтец Корана был бессилие ответить, и девушка молвила: «Снимай свои одежды!»

А когда он снял с себя одежды, девушка сказала: «О повелитель правоверных, стих, в котором шестнадцать мимов, находится в суре „Худ“, и это слова его (велик он!) – и сказано было: „О Нух, выходи с миром от нас и благословениями над тобою...“ и дальше до конца стиха; а стих, в котором двадцать три кафа, – в суре о Корове, и это – стих о долге; а стих, где сто сорок айнов, – в суре „Преграды“, и это – слова его (велик он!): „И выбрал Муса из племени своего семьдесят человек для назначенного нами времени, а у каждого человека ведь два глаза“. А часть, в которой нет возгласа возвеличения, это – суры: „Приблизился час и раскололся месяц“, „Всемилоостивый“ и „Постигающее“.

И чтец Корана снял бывшие на нем одежды и ушёл пристыженный...»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Четыреста сорок девятая ночь

Когда же настала четыреста сорок девятая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что, когда девушка одолела чтеца Корана, он снял с себя одежды и ушёл пристыженный.

И тогда к девушке подошёл искусный лекарь и сказал ей: «Мы покончили с наукой о вере; подбодри же свой ум для наук о телах и Расскажи мне о человеке: какова его природа,

⁴⁶² Катада – комментатор Корана, живший в VII веке.

⁴⁶³ Каф, мим и айн (глаз) – названия букв арабского алфавита. В древнеегипетском алфавите буква аяя имела форму глаза.

сколько у него в теле жил, и сколько костей, и сколько позвонков, и где первая жила, и почему назван Адам Адамом». И девушка отвечала: «Адам назван Адамом за свою смуглость, то есть за коричневый цвет лица; а говорят, потому что он сотворён из каменистой земли⁴⁶⁴, то есть из верхнего её слоя. Грудь Адама – из земли Кабы, голова его – из земли Востока, а ноги его – из земли Запада. У человека сотворено семь врат в голове его: это – два глаза, два уха, две ноздри и рот, и в нем устроены два прохода: передний и задний. И сделал Аллах глаза с чувством зрения, уши с чувством слуха, ноздри с чувством обоняния, рот с чувством вкуса, а язык сотворил он выговаривающим то, что в глубине души человека. И создал он Адама сложенным из четырех стихий: воды, земли, огня и воздуха. И у жёлтой жёлчи – природа огня, так как она горячая и сухая; у чёрной жёлчи – природа земли, так как она холодная и сухая; у мокроты – природа воды, так как она холодная и влажная; у крови – природа воздуха, так как она горячая и влажная. Аллах сотворил в человеке триста шестьдесят жил, двести сорок костей и три души: животную, духовную и природную, и каждой присвоил действие; и сотворил в человеке Аллах сердце, и селезёнку, и лёгкие, и шесть кишок, и печень, и две почки, и две ягодицы, и костный мозг, и кости, и кожу, и пять чувств: слух, зрение, обоняние, вкус и осязание. И сердце он поместил в левой стороне груди, а желудок поместил перед сердцем, и лёгкие сделал опахалом для сердца; а печень он поместил в правой стороне, напротив сердца. А кроме того, он создал перепонки и кишки и расположил грудные кости и сплёл их с рёбрами».

«Хорошо! – сказал лекарь. – Расскажи мне, сколько у человека в голове впадин?» – «Три впадины, – отвечала девушка, – и в них находятся пять сил, которые называют внутренними чувствами: способность к восприятию, способность к воображению, способность к представлению, способность мыслить и память». – «Хорошо, – сказал лекарь, – расскажи мне о костном осто́ве...»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Ночь, дополняющая до четырехсот пятидесяти

Когда же настала ночь, дополняющая до четырехсот пятидесяти, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что, когда лекарь сказал девушке: „Расскажи мне о костном осто́ве“, – она сказала: „Он состоит из двухсот сорока костей и разделяется на три части: голову, туловище и конечности. Голова разделяется на череп и лицо; череп состоит из восьми костей, к которым присоединяют четыре слуховые косточки, а лицо разделяется на верхнюю челюсть и нижнюю челюсть. Верхняя челюсть состоит из одиннадцати костей, а нижняя – из одной кости, к которой присоединяются зубы (а их тридцать два) и подъязычная кость. Что же касается туловища, то оно разделяется на позвоночную цепь, грудь и таз. Цепь состоит из двадцати четырех костей, которые называются позвонками, грудь состоит из грудной кости и рёбер, – а их двадцать четыре ребра, с каждой стороны по двенадцати. Таз же сложен из двух бедренных костей, крестца и копчика. А что до конечностей, то они разделяются на две верхних конечности и две нижних конечности. Каждая из верхних конечностей состоит, во-первых, из плеча, которое сложено из лопатки и ключицы; во-вторых, из предплечья, в котором одна кость; в-третьих, из руки, которая сложена из двух костей: лучевой и локтевой, и, в-четвёртых, из кости, которая состоит из запястья, пясти и пальцев. Запястье сложено из восьми костей, которые расположены в два ряда, по четыре кости в каждом, и пясть включает пять костей, а пальцев – числом пять, и каждый состоит из трех костей, называемых суставами, кроме большого пальца, который сложен только из двух суставов. Две нижних конечности состоят каждая, во-первых, из бедра, в котором одна кость; во-вторых, из голени, сложенной из трех костей: большой берцовой, малой берцовой и

⁴⁶⁴ Смуглость – по-арабски удма. Каменистая земля – адим.

коленной чашки; в-третьих, из ступни, которая, как кисть, состоит из пятки, плюсны и пальцев. Пятка сложена из семи костей, расположенных в два ряда: в первом – две кости, во втором – пять, а плюсна состоит из пяти костей. Пальцев – числом пять, и каждый из них сложен из трех суставов, кроме большого (он только из двух суставов)“.

«Хорошо, – сказал лекарь. – Расскажи мне об основе жил». – «Основа жил, – отвечала девушка, – сердечная жила, и от неё расходятся остальные жида. Их много, и знает их число лишь тот, кто их создал, и говорят, что их триста шестьдесят, как было сказано раньше. Аллах сделал язык толмачом, и глаза – светильниками, и ноздри – вдыхающими запах, и руки – хватающими. Печень – вместилище милости, селезёнка – смеха, а в почках находится коварство. Лёгкие – это опахала, желудок – кладовая, а сердце – опора тела: когда исправно сердце, исправно все тело, а когда оно портятся, портится все тело».

«Расскажи мне, – сказал лекарь, – каковы приметы и внешние признаки, которые указывают на болезнь в наружных и внутренних членах тела?» – «Хорошо, – отвечала девушка. – Если лекарь обладает понятливостью, он исследует состояние тела и узнает, щупая руки, твёрды ли они, горячи ли, сухи ли, холодны ли, или влажны. Во внешнем состоянии имеются признаки внутренних недугов; так, желтизна глаз указывает на желтуху, а сгорбленная спина – признак лёгочной болезни». – «Хорошо», – сказал лекарь...»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Четыреста пятьдесят первая ночь

Когда же настала четыреста пятьдесят первая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что, когда девушка описала лекарю внешние признаки, тот сказал: „Хорошо, а каковы внутренние признаки?“ И девушка молвила: „Определение болезней по внутренним признакам исходит из шести основ: во-первых – из поступков; во-вторых – из выделений тела; в-третьих – из болей; в-четвёртых – из места болей; в-пятых – из опухолей и в-шестых – из побочных обстоятельств“.

«Расскажи мне, что приводит боль к голове», – спросил лекарь. И девушка сказала: «Введение пищи поверх другой пищи, раньше чем переварится первая, и сытость вслед за сытостью – вот что погубило народы. Кто хочет долгой жизни, тот пусть рано обедает, и не поздно ужинает, и мало сходится с женщинами, и облегчает для себя вред, то есть не умножает кровопускания и отсасывания крови пиявками. И должен он разделить свою утробу на три трети: треть – для пищи, треть – для воды и треть – для дыхания, ибо кишки сынов Адама – в восемнадцать пядей, и шесть пядей должно назначать для пищи, шесть – для питья и шесть – для дыхания. А если он ходит с осторожностью, это более подобает ему и прекраснее для его тела и совершеннее, по слову Аллаха (велик он!): „И не ходи по земле горделиво“.

«Хорошо! – сказал лекарь. – Расскажи мне, каковы признаки разлития жёлтой жёлчи и чего следует из-за неё опасаться». – «Разлитие жёлтой жёлчи, – отвечала девушка, – узнается по жёлтому цвету лица, горечи во рту в сухости, слабой охоте к еде и быстроте биения крови, и опасна для больного ею; сжигающая горячка, воспаление мозга, чирьи, желтуха, опухоли, язвы в кишках и сильная жажда – вот признаки разлития жёлтой жёлчи».

«Хорошо! – сказал лекарь. – Расскажи мне, какие признаки чёрной жёлчи и чего следует из-за неё опасаться для больного ею, когда овладеет она телом?» И девушка отвечала: «От неё рождается ложная охота к еде, великое беспокойство, забота и тоска, и следует тогда человеку опорожниться; иначе зародится из-за неё меланхолия, слоновая болезнь, рак, боли в селезёнке и язвы в кишках».

«Хорошо! – сказал лекарь. – Расскажи мне, на сколько частей разделяется врачевание?» – «Оно разделяется на две части, – ответила девушка. – Одна из них – умение обращаться с больными телами, а вторая – знание, как вернуть их к здоровому состоянию». – «Расскажи мне, – сказал лекарь, – в какое время пить лекарство полезнее, чем в другое?» И девушка

ответила: «Когда потечёт сок в деревьях и завяжутся ягоды на лозах и когда взойдёт звезда счастья, тогда пришло время пользы от питья лекарства и будет прогнана болезнь». – «Расскажи мне, когда бывает так, что, если выпьет человек из нового сосуда, напиток окажется ему здоровее и полезнее, чем в другое время, и поднимется от него приятный и благоуханный запах», – спросил лекарь. И девушка ответила: «Когда он подождёт немного после вкушения пищи; ведь сказал поэт:

Не пей же ты после кушанья с поспешностью –
Потянешь тело к хвори ты уздою.
Потерпи, поевши, недолго ты, время малое –
И быть может, брат мой, получишь ты, что хочешь».

«Расскажи мне о пище, от которой не возникают болезни», – сказал лекарь. И девушка ответила: «Это пища, которую вкушают лишь после голода и, вкушая её, не наполняют ею рёбер, по слову Галена-врача:⁴⁶⁵ «Кто хочет ввести в себя пищу, пусть помедлит и затем не ошибётся».

И закончим мы словом пророка (молитва и привет над ним!) «Желудок – дом болезни, а диета – голова лекарств, и корень всякой болезни – расстройство, то есть несварение...»

И Шахразад устроило утро, и она прекратила дозволенные речи.

Четыреста пятьдесят вторая ночь

Когда же настала четыреста пятьдесят вторая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что, когда девушка сказала врачу: „Желудок – дом болезни, а диета – голова лекарств“, и дальше до конца хадиса, врач спросил её: „Что ты скажешь о бане?“ И девушка ответила: „Пусть не входит в неё сытый, и сказал пророк (да благословит его Аллах и да приветствует!): „Прекрасный дом – баня: она очищает тело и напоминает об огне“. – „В какой бане наилучшая вода?“ – спросил лекарь. И девушка сказала: «В той, где вода мягкая и обширен простор и приятен воздух, так что бывает в ней четыре воздуха: осенний, летний, зимний и весенний».

«Расскажи мне, какое кушанье наилучшее?» – молвил лекарь. И девушка ответила: «Кушанье, которое сделали женщины, над которым мало трудились и которое ты съел с удовольствием. И лучшее кушанье – сарид, по слову пророка (да благословит его Аллах и да приветствует!): „Превосходство сарида над кушаньями подобно превосходству Лиши над прочими женщинами“⁴⁶⁶. – «А какая из приправ наилучшая?» – спросил лекарь. И девушка ответила: «Мясо, во слову пророка (молитва над ним привет!); „Лучшая приправа – мясо, ибо в нем улада и в дольней жизни и в последней“. – „А какое мясо наилучшее?“ – спросил лекарь. И девушка ответила: „Барашек, во избегай вяленого мяса, так как в нем нет пользы. – „Расскажи мне о плодах“, – молвил лекарь. И девушка сказала: „Ешь их, когда наступает их время, и оставь их, когда окончилось их время“. – „А что ты скажешь о питьё воды?“ – спросил лекарь. И девушка молвила: «Не пей её несколько раз сряду и не выпивай её одним духом: тебе повредит из-за неё головная боль, и расстроят тебе всевозможные недуги. Не пей воды после выхода из бани и после сношения, не пей вслед за едой, раньше чем пройдёт пятнадцать минут для юноши, а для старца – сорок минут, и не пей после пробуждения от сна».

⁴⁶⁵ Гален – знаменитый греческий врач, жил во II веке.

⁴⁶⁶ Сарид – похлёбка, в которую накрошен хлеб и мясо. Аиша – любимая жена Мухаммеда, дочь его преемника, халифа Абу-Бекра.

«Хорошо! – сказал лекарь. – Расскажи мне о питье вина». – «Разве недостаточно удерживает тебя, – ответила девушка, – то, что приведено в книге Аллаха великого, там, где сказал он: – „Вино, и мейсир, в плоды, и гадательные стрелы – это лишь скверна из дел сатаны; сторонитесь этого, быть может вы преуспее“». И сказал он, великий: „Они спрашивают тебя о вине и мейсире; скажи: в них и прегрешение великое и полезности, но греха в них больше, чем пользы“. И сказал поэт:

О ты, что пьёшь вино, не стыдишься ли?
Ты пьёшь ведь то, что бог запретил нам.
Оставь вино, его не пей больше ты,
Ведь за него корил Аллах, право!
А другой сказал в том же смысле!
И пил я грех, пока не исчез мой разум
И плох напиток, раз исчез рассудок.

Что же касается полезных свойств, которые есть в вине, то оно дробит камни в почках, укрепляет кишки, прогоняет заботу, возбуждает великодушие, сохраняет здоровье, помогает пищеварению, делает здоровым тело, выводит болезни из суставов, очищает тело от вредных жидкостей, порождает восторг и радость, усиливает природный жар, укрепляет мочевой пузырь, придаёт крепость печени, открывает запоры, румянит лицо, очищает от нечистот голову и мозг и задерживает приход седины; и если бы Аллах (велик он и славен!) не запретил вина, не было бы на лице земли ничего, что могло бы заступить его место. А что до мейсира, то это – игра на ставку». – «А какое из вин самое лучшее?» – спросил лекарь. И девушка сказала: «То, которое пьют после восьмидесяти дней или больше, и выжато оно из белого винограда, и не примешано к нему воды: нет на лице земли ничего, ему подобного».

«Что ты скажешь об употреблении пиявок?» – спросил лекарь. И девушка ответила: «Это для тех, кто наполнен кровью, и нет в крови их убыли. Кто хочет поставить себе пиявки, пусть ставит их, когда убывает месяц, в день без облаков, ветра и дождя, и пусть это будет в семнадцатое число месяца, а если это совпадает с днём вторника, то пользы скажется больше. Нет ничего полезнее пиявок для мозга и глаз и для просветления рассудка...»

И Шахразду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Четыреста пятьдесят третья ночь

Когда же настала четыреста пятьдесят третья ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что, когда девушка описала полезные следствия употребления пиявок, врач сказал ей: „Расскажи мне, когда лучше всего ставить пиявки?“ И девушка ответила: „Их лучше всего ставить натошак: это увеличивает разум и память. Передают о пророке (молитва Аллаха над ним и привет!), что когда кто-нибудь жаловался ему на боль в голове или в ногах, он всегда говорил: „Поставь пиявки!“ А когда человек поставил себе пиявки, пусть не ест натошак солёного: это вызывает чесотку, и пусть не ест после них кислого“. – „А в какое время ставить пиявки считается дурным?“ – спросил лекарь. И девушка сказала: „В день субботы или в четверг, и кто поставит в эти дни пиявки, пусть упрекает только самого себя. Не должно ставить пиявок в сильную жару или жестокую стужу, и лучшие дни для этого – дни весны“.

«Расскажи мне о сношениях», – сказал лекарь.

И когда девушка услышала это, она промолчала и опустила голову, застыдившись, из уважения к повелителю правоверных; а потом она сказала: «Клянусь Аллахом, о повелитель правоверных, я не бессильна, но я смутилась, и ответ на это у меня на кончике языка». – «Говори, о девушка!» – молвил повелитель правоверных. И Таваддуд сказала врачу: «Поистине, в совокуплении – великие достоинства и похвальные дела: оно облегчает тело,

наполненное чёрной жёлчью, успокаивает жар страсти, привлекает любовь, веселит сердце и прекращает тоску, и умножать сношения в дни лета и осени вреднее, чем зимой или весной».

«Расскажи мне о пользе сношения», – молвил лекарь.

И девушка сказала: «Оно прекращает заботы и беспокойство, успокаивает страсть и гнев и полезно при язвах. Все это так, когда в природе человека преобладает холодность и сухость, а иначе частые сношения ослабляют зрение, и от них рождается боль в ногах, голове и спине. Берегись, берегись сношений со старухой: это – одно из дел убийственных; и говорил имам Али (да почитит Аллах лик его!): „Четыре вещи убивают тело и делают его дряхлым: ходить в баню, когда сыт, есть солёное, иметь сношение, наполнившись пищей, и совокупляться с больной – это ослабляет твои силы и делает твоё тело хворым“. Старуха – это убийственный яд, и кто-то сказал: „Берегись жениться на старухе, даже если у неё больше сокориш, чем у Каруна“⁴⁶⁷.

«А какое сношение самое приятное?» – спросил лекарь, и девушка сказала: «Когда женщина молода годами, прекрасна станом, с красивыми щеками, благородными предками и выдающейся грудью. Она прибавит силы здоровью твоего тела и будет такова, как сказал о ней кто-то из поэтов:

Только взглянешь ты – и научится всему она, По внушению, без указки и изъяснения, А когда помотришь на дивную красоту её – Её прелести и прекрасный сад заменят».

«Расскажи мне, в какое время хорошо иметь сношение?» – спросил лекарь. И девушка сказала: «Если ночью, то после того как переварится пища, а если днём, то после обеда». – «Расскажи мне, какие плоды наилучшие?» – спросил лекарь. И Таваддуд молвила: «Гранат и лимон». – «Расскажи мне про наилучший из овощей». – «Это – цикорий». – «А какие цветы самые лучшие?» – спросил лекарь. И Таваддуд ответила: «Роза и фиалка».

«Расскажи мне, где пребывает семя человека?» – сказал лекарь. «В человеке, – ответила девушка, – есть жила, которая поит все другие жилы, и влага собирается из трехсот шестидесяти жил, а потом она входит в левое яичко красной кровью и варится от жара составов в человеке и превращается в жидкость, густую и белую с запахом пальмового цвета». – «Хорошо! – сказал лекарь. – Расскажи мне теперь, какая птица испускает семя и имеет месячные». И девушка ответила: «Это нетопырь, то есть летучая мышь». – «Расскажи мне, какое существо, когда заточено, живёт, а когда вдохнёт воздух, то умирает?» – «Это рыба». – «Расскажи мне, какая змея носит яйца?» – сказал лекарь. И девушка отвечала: «Это дракон».

И лекарь ослаб от множества вопросов и умолк, и тогда девушка сказала: «О повелитель правоверных, он спрашивал меня, пока не обессилел, а я задам ему один вопрос, и если он не ответит, возьму у него одежду, как мне дозволенную...»

И Шахразду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Четыреста пятьдесят четвёртая ночь

Когда же настала четыреста пятьдесят четвёртая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что девушка сказала повелителю правоверных: „Он спрашивал меня, пока не обессилел, а я задам ему один вопрос, и если он не ответит, возьму у него одежду, как мне дозволенную“. И халиф молвил: „Спрашивай!“

«Что ты скажешь, – спросила девушка, – о вещи, похожей на землю своею округлостью, но её позвонки и их местопребывание скрыты от глаз. Она мала по цене и по сану, у неё узкая грудь и горло, она в цепях, хотя и не беглая, и крепко связана, хотя и не воровка; её ударили копьём, но не в битве, и ранили, но не в стычке; она ест один раз и пьёт воду во множестве; иногда её бьют без преступления и берут на службу без жалованья; она

⁴⁶⁷ Карун – библейский Корей, согласно легенде обладал огромными богатствами.

вместе после разлуки и смиренна не от низкопоклонства; она беременна, не имея в утробе ребёнка, и наклоняется, но не ложится на бок; она пачкается и очищается, бывает ранена в спину и изменяется; она сходится без члена и бывает повержена, не опасаясь. Она даёт отдых, и сама отдыхает, её кусают, но она не кричит; она благороднее, чем собутыльник, и дальше адского кипятка, она покидает свою жену ночью и обнимает её днём, а жилище её – уголки в домах благородных».

И лекарь промолчал и ничего не ответил; он растерялся, не зная, что делать, у него изменился цвет лица, и он опустил голову на некоторое время, не говоря ничего. «О лекарь», – сказала девушка, – говори, а иначе я сниму с тебя одежду». И лекарь поднялся и воскликнул: «О повелитель правоверных, засвидетельствуй, что эта девушка более сведуща, чем я, во врачевании и в прочем, и у меня нет силы против неё!» И он снял бывшие на нем одежды и выбежал бегом. И тогда повелитель правоверных сказал девушке: «Изъясни нам то, что ты сказала!» И девушка молвила: «О повелитель правоверных, это – пуговица и петля».

А что касается до её дел со звездочётом, то она сказала: «Кто из вас звездочёт, пусть встанет!» И звездочёт поднялся и сел перед нею, и, увидав его, девушка засмеялась и спросила: «Это ты звездочёт, счётчик и писец?» – «Да», – отвечал звездочёт. И девушка молвила: «Спрашивай о чем хочешь, а поддержка – от Аллаха».

«Расскажи мне, – молвил звездочёт, – о солнце, его восходе и закате». И девушка сказала: «Знай, что солнце восходит из источника с одной стороны и заходит в источник с другой стороны. Источник восхода – это восточные деления, а источник захода – деления западные, а тех и других по сто восемьдесят делений. Сказал Аллах (велик он!): „Истинно, не поклянусь я владыкой востоков и западов!“ И сказал он, великий: „Он тот, кто сделал солнце сиянием и луну светом и определил ей стояния, чтобы знали вы число лет и счисление. Луна – султан ночи, а солнце – султан дня, они гоняются, настигая друг друга“. Сказал Аллах великий; „Не подобает солнцу настигнуть луну, и ночь не опередит дня, каждый плывёт в своей сфере“. – „Расскажи мне: когда приходит ночь, каков бывает день, и когда приходит день, какова бывает ночь?“ – спросил звездочёт. И девушка сказала: „Аллах вводит ночь в день и вводит день в ночь“.

«Расскажи мне о стояниях луны», – сказал звездочёт. И девушка молвила: «Стояний её – двадцать восемь: аш-Шаратан, аль-Бутайн, ас-Сурейя, ад-Дабаран, аль-Хака, аль-Хана, аз-Зира, ан-Насра, ат-Тарф, аль-Джабха, аззубра, ас-Сарфа, аль-Авва, ас-Симака, аль-Гафр, аз-Забания, аль-Иклиль, аль-Кальб, аш-Шаула, ан-Нааим, аль-Бальда, Сад-аз-Забих, Сад-Балу, Сад-ас-Сууд, Сад-аль-Ахбия, аль-Фарг-аль-Мукаддам, аль-Фарг-аль-Муаххар и ар-Раша. Они расставлены по буквам Абджад, Хавваз до конца их, и в них глубокая тайна, которую знает только Аллах и тот, кто прочно утвердился в науке. Что же касается распределения их по двенадцати знакам Зодиака, то оно таково, что на каждый знак выпадает два стояния с третью. Аш-Шаратан, аль-Бутайн и треть ас-Сурейя приходятся на созвездие Овна; две трети ас-Сурейя с ад-Дабараном и двумя третями аль-Хака – на Вола; треть аль-Хака с аль-Хана и аз-Зира – на Близнецов; ан-Насра, ат-Тарф и треть аль-Джабха – на Рака; две трети аль-Джабха, аз-Забра и две трети ас-Сарфа – на Льва; треть ас-Сарфа с аль-Авва и ас-Симаком – на Деву; аль-Гафр, аз-Забания и треть аль-Иклиля – на Весы; две трети аль-Иклиля, аль-Кальб и две трети аш-Шаула – на Скорпиона; треть аш-Шаула, ан-Нааим и аль-Бальда – на Стрельца; Сад-аз-Забих, Сад-Балу и треть Сад-ас-Сууд – на Козерога; две трети Сад-ас-Сууда, Сад-аль-Ахбия и две трети аль-Мукаддама на Водолея; треть аль-Мукаддама, аль-Муаххар и ар-Раша – на Рыб...»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Четыреста пятьдесят пятая ночь

Когда же настала четыреста пятьдесят пятая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о

счастливый царь, что, когда невольница перечислила стояния и распределила их по знакам Зодиака, звездочёт сказал ей: „Хорошо, Расскажи мне теперь о движущихся звёздах, об их свойствах, о пребывании их в созвездиях, о счастливых среди них и несчастных и о том, где их стояния, возвышение и падение“.

«Время собрания тесно, – ответила девушка, – но я все же расскажу тебе. Что касается звёзд, то их семь: Солнце, Луна, Меркурий, Венера, Марс, Юпитер, Сатурн. Солнце – горячее, сухое, несчастливое в сочетании, счастливое в противоположении; оно остаётся в каждом созвездии тридцать дней. Луна – холодная, влажная, счастливая; остаётся в каждом созвездии два и дня с третью. Меркурий – смешанный, счастливый со счастливыми звёздами, несчастливый с несчастными; остаётся в каждом созвездии семнадцать дней с половиной. Венера – равномерная, счастливая; остаётся в каждом созвездии из созвездий двадцать пять дней. Марс – несчастливый; остаётся в каждом созвездии десять месяцев. Юпитер – счастливый; остаётся в каждом созвездии год. Сатурн – холодный, сухой, несчастливый; остаётся в каждом созвездии тридцать месяцев. Дом солнца – в созвездии Льва, возвышение его – в созвездии Овна и падение – в созвездии Водолея. Дом луны – в созвездии Рака, возвышение её – в созвездии Тельца, падение её в созвездии Скорпиона и ущерб её – в созвездии Козерога. Дом Сатурна – в Козероге и Водолее, возвышение его – в Весах, падение его – в созвездии Овна и ущерб его – в созвездии Рака и Льва. Дом Юпитера – в созвездиях Рыб и Стрельца, возвышение его – в созвездии Рака, падение его – в созвездии Козерога, а ущерб его – в созвездиях Близнецов и Льва. Дом Венеры – в созвездии Тельца, возвышение её – в созвездии Рыб, падение её – в созвездии Весов и ущерб её – в созвездии Овна и Скорпиона. Дом Меркурия – в созвездиях Близнецов и Девы; возвышение его – в созвездии Девы, падение его – в созвездии Рыб и ущерб его – в созвездии Тельца. Дом Марса – в созвездии Овна и Скорпиона, возвышение его – в созвездии Козерога, падение его – в созвездии Рака и ущерб его – в созвездии Весов».

И когда увидел звездочёт остроумие девушки, её знание и красоту её речей и понятливость, ему захотелось учинить с нею хитрость, чтобы пристыдить её перед повелителем правоверных. «О девушка, – спросил он её, – нейдёт ли в этом месяце дождь?»

И девушка опустила на некоторое время голову и долго размышляла, так что повелитель правоверных подумал, что она не в силах ответить звездочёту. И звездочёт сказал ей: «Почему ты не говоришь?» – «Я заговорю, – ответила девушка, – только если повелитель правоверных позволит мне говорить». И повелитель правоверных рассмеялся и спросил: «А почему так?» И девушка ответила: «Я хочу, чтобы ты дал мне меч, и я отрублю звездочёту голову, так как он – зиндик!»⁴⁶⁸ И повелитель правоверных засмеялся, и засмеялись те, кто был вокруг него, а девушка затем сказала: «О звездочёт, есть пять вещей, которых не знает никто, кроме Аллаха великого». И она прочитала: «Поистине, у Аллаха знание последнего часа, и он низводит дождь, и знает он о том, что в утробах, и не знает душа, что стяжает она себе завтра, и не знает душа, в какой земле умрёт; подлинно, Аллах всезнающ и пресведущ».

«Ты хорошо сказала! – воскликнул звездочёт, – и, клянусь Аллахом, я хотел лишь испытать тебя!» – «Знай, – молвила девушка, – что у составителей календарей есть указания и приметы, относящиеся к звёздам, смотря по тому, когда наступит год, и эти приметы испытаны людьми». – «А что это за приметы?» – спросил звездочёт. И девушка сказала: «У каждого дня из дней есть звезда, которая им владеет. Если первый день года – воскресенье, то этот день принадлежит солнцу, и это указывает (а Аллах лучше знает!) на несправедливость царей, султанов и начальников, на обилие грязи и скудость дождя и на то, что будут люди в великом смятении, и злаки будут хороши, кроме чечевицы (она погибнет), и не удастся виноград, и вздорожает лён, и будет дешева пшеница с начала месяца Туба и до конца Бармахата. И умножатся сражения между царями, и увеличатся блага в этом году, а Аллах знает лучше».

⁴⁶⁸ Зиндик – безбожник, вольнодумец.

«Расскажи мне о понедельник», – молвил звездочёт. И девушка сказала: «Понедельник – день луны, и указывает это на праведность властвующих делами и наместников и на то, что год будет обилен дождями и злаки будут хороши, и испортится льняное семя и будет дешева пшеница в месяце Кихак, и умножится моровая язва и падёт половина животных – баранов и коз, и обилен будет виноград и скуден мёд, и подешевеет хлопок, а Аллах лучше знает...»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Четыреста пятьдесят шестая ночь

Когда же настала четыреста пятьдесят шестая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что, когда девушка покончила с разъяснением понедельника, звездочёт сказал ей: „Расскажи мне о вторник!“ – и девушка молвила: „Вторник-день Марса, и указывает это на смерть великих людей и многую гибель и кровопролитие и дороговизну злаков и малость дождей; рыбы будет мало (её прибавится в некоторые дни и убавится в другие дни), и подешевеют мёд и чечевица, и вздорожает в этот год льняное семя, и удастся в этот год ячмень в отличие от других злаков, и умножатся битвы меж царями, и будет смерть кровавой, и умножится падеж ослов, а Аллах знает лучше“.

«Расскажи мне о среде!» – молвил звездочёт. И девушка сказала: «Среда день Меркурия, и указывает это на великое смятение, что случится среди людей, и на многочисленность врага, и что будут дожди равномерными, и испортится часть посевов, и умножится падеж скота и смерть детей, и увеличится убиение на море, и вздорожает пшеница, от месяца Бермуда до Мисра, и подешевеют остальные злаки, и умножатся гром и молния, и вздорожает мёд, и много будет пальмового цвета, и изобильны окажутся лён и хлопок, и вздорожают хрен и лук, а Аллах знает лучше».

«Расскажи мне про четверг!» – молвил звездочёт. И девушка сказала: «Четверг – день Юпитера, и указывает это на справедливость везирей и праведность кадиев, факиров и людей веры. Добра будет много, и умножатся дожди, плоды, деревья и злаки, подешевеют лён, хлопок, мёд и виноград и много будет рыбы, а Аллах знает лучше».

«Расскажи мне о пятнице!» – сказал звездочёт. И девушка молвила: «Пятница – день Венеры, и указывает это на несправедливость вельмож из джиннов и на речи лжи и клеветы. Будет много росы, и наступит хорошая осень в странах, и будет дешевизна в одних краях преимущественно перед другими, и умножится порча на суше и на море, и поднимется в цене льняное семя, и вздорожает пшеница в Хатуре и подешевеет в Амшире, и станет дорог мёд, и погибнут виноград и арбузы, а Аллах знает лучше».

«Расскажи мне о субботе!» – сказал звездочёт. И девушка молвила: «Суббота – день Сатурна, и указывает это на предпочтение к рабам и румам и тем, в ком нет добра, в чьей близости нет блага; дороговизна и засуха будут велики, и много будет облаков, и умножится смерть среди сынов Адама, и горе будет жителям Египта и Сирии от притеснения султана, и не велико станет благосостояние от посевов, погибнут злаки, а Аллах знает лучше».

После этого звездочёт умолк и опустил голову, а Таваддуд сказала: «О звездочёт, я задам тебе один вопрос, и если ты мне не ответишь, я возьму у тебя твою одежду». – «Говори!» – сказал звездочёт. И девушка спросила: «Где находится обиталище Сатурна?» – «На седьмом небе», – отвечал звездочёт. «А Юпитера?» – «На шестом небе». – «А Марса?» – «На пятом небе».

«А солнца?» – «На четвёртом небе». – «А Венеры?» – «На третьем небе».

«А Меркурия?» – «На втором небе». – «А луны?» – «На первом небе».

«Хорошо! – сказала девушка. – Осталось задать тебе ещё один вопрос».

«Спрашивай!» – сказал звездочёт, И девушка молвила: «Расскажи мне о звёздах – на сколько частей они разделяются?» И звездочёт промолчал и не произнёс ответа, а девушка сказала: «Снимай с себя одежду», – и звездочёт снял её. И когда девушка взяла одежду, повелитель правоверных сказал ей: «Изъясни нам этот вопрос», – и Таваддуд молвила: «О

повелитель правоверных, их три части: часть подвешена к ближнему небу, наподобие светильников, и она освещает землю; часть их мечут в дьяволов, когда они украдкой подслушивают (ведь сказал Аллах великий: „Мы украсили ближнее небо светильниками и сделали их снарядами для дьяволов“); а третья часть подвешена в воздухе, и она освещает моря и то, что есть в них».

«У нас остался один вопрос, – оказал звездочёт, – и если она отвертит, я признаю её преимущество». – «Говори!» – сказала девушка...»

И Шахразадду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Четыреста пятьдесят седьмая ночь

Когда же настала четыреста пятьдесят седьмая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что звездочёт молвил: „Расскажи мне о четырех взаимно противоположных вещах, основанных на четырех вещах, взаимно противоположных“. И девушка отвечала: «Это жар, холод, влажность и сухость. Аллах создал из жара огонь, природа которого жаркая, сухая: и создал он из сухости землю, природа которой холодная и сухая; и создал он из холода воду, а природа её холодная, влажная; и сотворил из влаги воздух, природа которого жаркая, влажная. Затем сотворил Аллах двенадцать башен:⁴⁶⁹ Овна, Тельца, Близнецов, Рака, Льва, Деву, Весы, Скорпиона, Стрельца, Козерога, Водолея и Рыб, и создал их сообразно четырём стихиям: три огненные, три земные, три воздушные и три водяные: Овен, Лев и Стрелец – огненные. Телец, Дева и Козерог – земные Близнецы, Весы и Водолей – воздушные, Рак, Скорпион и звездочёт поднялся и воскликнул: «Засвидетельствуй, что она более сведуща, чем я!» – и ушёл побеждённый. И тогда повелитель правоверных сказал: «Где философ?» И поднялся о дня человек и выступил вперёд и молвил: «Расскажи мне про Дахр, его название и дивя его, и про то, что о нем до вас дошло». – «Дахр, – сказала девушка, – это название, которым нарекаются часы ночи и дня, а они – мера течения солнца и луны по их оводам, как поведал Аллах великий, когда оказал он: „И знамение для них ночь, с которой совлекается день, и вот они тогда во мраке, и солнце течёт к обиталищу своему“. Таково определение Аллаха, великого, мудрого».

«Расскажи мне про сына Адама, как доходит до него неверие?» – спросил философ. И девушка молвила: «Передают о посланнике Аллаха (да благословит его Аллах и да приветствует!), что он сказал: „Неверие течёт в сыне Адама, как течёт кровь в жилах, когда поносит он дольную жизнь, и судьбу, и ночь, и последний час“. И сказал он (молитва над ним и привет!): „Пусть не поносят никто из вас судьбу: судьба – это Аллах, и пусть не поносит никто из вас дольную жизнь, чтобы не сказала она: „Да не поможет Аллах тому, кто меня хулит!“ И пусть не поносит никто из вас час последний, ибо идёт час, нет о нем сомнения. И пусть не поносит никто из вас землю, ибо она – чудо, по слову Аллаха (велик он!): «Из неё создали мы вас и в неё возвратим вас, и из неё изведём мы вас во второй раз».

«Расскажи мне о пяти созданиях, которые ели и пили, но не вышли из спины или брюха», – сказал философ, и девушка молвила: «Это Адам, Шимун, верблюдица Салиха, баран Исмаила и птица, которую увидал Абу-Бекр Правдивый в пещере».

«Расскажи мне о пяти созданиях в раю, которые не из людей, не из джиннов и не из ангелов», – сказал философ. И Таваддуд ответила: «Это волк Якуба, собака людей пещеры, осел аль-Узайра, верблюдица Саяиха я Дульдиль, мул пророка (да благословит его Аллах и да приветствует!»

«Расскажи мне, кто сотворил молитву не на земле и не на небе?» – сказал философ. И Таваддуд ответила: «Это Сулейман, когда он молился на своём ковре, летя по ветру».

«Расскажи мне, – сказал философ, – о человеке, который совершал утреннюю молитву

⁴⁶⁹ То есть знаков Зодиака.

и посмотрел на рабыню, и была она для него запретна; когда же наступил полдень, она сделалась ему дозволена; когда настало предзакатное время, она оказалась для него запретна, а когда наступил закат солнца, она стала ему дозволена; когда пришла ночь, она стала запретна, а когда настало утро, она сделалась для него дозволена». И девушка отвечала: «Это человек, который посмотрел утром на рабыню другого, и она была для него запретна. Когда наступил полдень, он её купил, и рабыня стала для него дозволенной; к полуденной молитве он освободил рабыню, и она стала для него запретна, к закату солнца он женился на ней, и она стала для него дозволена; с наступлением ночи он развёлся, и она стала для него запретна, а к утру он взял её назад, и она стала ему дозволена».

«Расскажи мне про могилу, которая двигалась с тем, кто был в ней», – сказал философ. И девушка ответила: «Это кит Юнуса, сына Маттая, когда он проглотил его».

«Расскажи мне о единой местности, над которой взошло солнце один раз и не взойдёт над нею закатом до дня воскресения», – сказал философ. И девушка молвила: «Это море, когда Муса ударил его своим жезлом; оно разделилось на двенадцать частей, по числу колея, и взошло над ним солнце, и не вернётся оно к нему до дня воскресенья...»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила позволенные речи.

Четыреста пятьдесят восьмая ночь

Когда же настала четыреста пятьдесят восьмая ночь, она оказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что философ сказал после этого девушке:

«Расскажи мне про первый подол, который волочился по лицу земли».

И Таваддуд молвила: «Это подол Агари, который она волочила от стыда перед Сарой, и стало это обычаем среди арабов».

«Расскажи мне о вещи, которая дышала, не имея в себе духа», – сказал философ. И девушка – молвила: «Вот слова Аллаха (велик он!): „И утром, когда оно дышит“».

«Расскажи мне, – сказал философ, – о летящих голубях, которые приблизились к высокому дереву, и часть их села на дерево, а часть – диод дерево. И оказали голуби, бывшие на дереве, тем, которые были под деревом: „Если поднимется один из вас, вас будет одна треть того, сколько нас всех, а если спустится один из нас, нас будет числом столько, сколько вас“». И девушка отвечала: „Голубей было всего двенадцать: на дерево из них село семь, а под дерево – пять, и если один поднимется, тех, которые наверху, будет дважды столько, сколько тех, что внизу; а если бы один спустился, нижних было бы ровно столько, сколько верхних, а Аллах знает лучше“». И философ снял с себя одежды и вышел, убегая.

Что же касается истории Таваддуд с ан-Наззамом, то девушка обратилась к присутствующим учёным и опросила: «Кто из вас может говорить обо всякой науке и отрасли знания?» И поднялся к ней аз-Наззам и сказал ей: «Не считай меня таким, как другие!» Но девушка воскликнула: «Самое верное, по-моему, то, что ты побеждён, так, как ты многое себе приписываешь! Аллах поможет мне против тебя, чтобы я сняла с тебя одежды, и если бы ты послал принести что-нибудь, во что бы тебе одеться, это, право, было бы для тебя лучше». – «Клянусь Аллахом! – воскликнул ан-Наззам, – я тебя одолею, и сделаю тебя притчей, которую люди будут передавать из поколения в поколение!»

«Искупи твою клятву!» – сказала девушка. И ан-Наззам молвил: «Расскажи мне о пяти вещах, которые Аллах великий создал прежде создания тварей». – «Это вода, земля, свет, мрак и плоды», – отвечала девушка.

«Расскажи мне о чем-нибудь, что создал Аллах рукой всемогущества». – «Это престол Аллаха, древо Туба⁴⁷⁰, Адам и сад вечного пребывания», – ответила девушка. – Их создал Аллах рукою своего всемогущества, а остальным творениям сказал Аллах: «Будьте!» – и они

⁴⁷⁰ Туба – название дерева, которое, по мусульманским верованиям, растёт в раю.

возникли».

«Расскажи мне, кто твой отец в исламе?» – «Мухаммед (да благословит его Аллах и да приветствует!)». – «А кто отец Мухаммеда?» – «Ибрахим, Друг Аллаха». – «Что такое вера ислама?» – опросил ан-Наззам. И Таваддуд ответила: «Свидетельство, что нет бога, кроме Аллаха, и что Мухаммед – посланник Аллаха».

«Расскажи мне, что твоё начало и что твой конец». – «Моё начало – капля нечистой влаги, а мой конём – грязная падаль, и начало моё – из земля, а конец мой – земля, – ответила девушка. – Сказал поэт:

Из праха создав, стал я человеком;
Вопрос и ответ-все выскажу я ясно.
Вернулся я во прах и был во прахе,
Из праха потому что был я создан».

«Расскажи мне о вещи, начало которой – дерево, а конец – дух», – сказал ан-Наззам. И девушка ответила: «Это посох Мусы, когда он бросил его в долине, и вдруг стал он змеею, бегущего по изволению великого Аллаха».

«Расскажи мне о словах Аллаха (велик он!): „И для меня есть в нем другие вещи“, – молвил ан-Наззам. И девушка сказала: „Муса сажал посох в землю, и он расцветал и приносил плоды, и давал ему тень от зноя и холода, и нёс его, когда он уставал, и охранял ему овец от зверей, когда спал он“.

«Расскажи мне о женщине от мужчины и о мужчине от женщины», – молвил ан-Наззам. И Таваддуд ответила: «Это Ева от Адама и Иса от Мартам».

«Расскажи мне о четырех огнях: об огне, который ест и пьёт; об огне, который ест, но не пьёт; об огне, который пьёт, но не ест, и об огне, который не ест и не пьёт». – «Огонь, который ест, но не пьёт, – отвечала девушка, – это огонь земного мира; огонь, который ест и пьёт, это огонь геенны; огонь, который пьёт, но не ест, это огонь солнца, а огонь, который не ест и не пьёт это огонь луны».

«Расскажи мне об открытом и запертом», – молвил ан-Наззам. И девушка ответила: «О Наззам, открытое – это то, что уготовленно суиной, а затёртое – то, что предписано постановлениями».

«Расскажи мне, – оказал ан-Наззам, – что означают слова поэта:

Живёт он в могиле: его пища – в главе его; Коль вкусит он этой пищи, заговорит сейчас, Встаёт или ходит од, то молча, то говоря, И вновь возвращается в могилу, откуда встал, Не жив он, чтоб заслужить почтение от людей.

Не мёртв он, чтоб заслужить слова сожаления».

«Это калам», – молвила девушка. «Расскажи мне, – сказал ан-Наззам, – что значат слова поэта, который молвил:

Карманы её круглы, и кровь её розова,
Два уха её алеют, рот широко открыт,
В ней идол, что, как петух, утробу её клюёт
Цена ей – полдирхема, оценим когда её».

«Это чернильница, – сказала девушка. И ан-Наззам молвил: «Расскажи мне о смысле слов поэта, который сказал:

Сказки людям знания, рассудка и вежества,
Факихам окажи, великим в знаньях и степенях:
«Поведайте мне вы все: что птицею создано
В землях чужеземных стран и в странах арабов всех?
У вещи той мяса нет, и кровь не струится в ней,

На ней не (найдёшь пера, и нету на ней пушка.
Вареной едят её, холодной её едят,
Едят её жареной, положат когда в огонь.
Два цвета мы видим в ней: один – как серебряный,
Другой же – прекрасный цвет, не сходно с ним золото.
Не кажется, что жива, не кажется, что мертва.
Скажите же мне, что это? Вот диво дивное!»

«Ты умножил вопросы о яйце, которому цена фельс», – сказала девушка. И ан-Наззам молвил: «Скажи мне, сколько слов обратил Аллах к Мусе?» – «Передают о пророке (да благословит его Аллах и да приветствует!), – отвечала девушка, – что он сказал: „Обратил Аллах к Мусе тысячу и пятьсот пятнадцать слов“.

«Расскажи мне о четырнадцати, которые говорили с господом миров», – сказал ан-Наззам. И девушка молвила: «Это семь небес и семь земель, когда сказали они: „Мы пришли послушные...“

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Четыреста пятьдесят девятая ночь

Когда же настала четыреста пятьдесят девятая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что, когда девушка сказала ан-Наззаму ответ, тот молвил: „Расскажи мне про Адама и первоначальное его создание“.

«Аллах создал Адама из глины, а глину – из пены, а пену – из моря, а море – из мрака, а мрак – из света, а свет – из рыбы, а рыбу – из скалы, а скалу – из яхонта, а яхонт – из воды, а вода создана всемогуществом, как сказал Аллах великий: „Ибо, поистине, веление его, если захочет он чего-нибудь, – в том, чтобы этому сказать: „Будь!“ – и оно бывает“.

«Расскажи мне о значении слов поэта, когда он сказал:

Вот-то, что ест, не имея рта и брюха.
Деревья и живое – ему пища.
Покормишь его – оно оживёт, взбодрится.
А дашь ему воды – так умирает».

«Это огонь», – сказала девушка. И ан-Наззам молвил: «Расскажи мне о значении слов поэта, когда он сказал:

Вот двое возлюбленных, услады лишённые,
Проводят они все ночи в тесном объятии.
Они берегут людей от всякой опасности.
А солнце когда взойдёт, сейчас расстаются».

«Это две половинки дверей», – сказала девушка. И ан-Наззам молвил: «Расскажи мне о воротах геенны». – «Их семь, – отвечала девушка, – и о них сказано в двух стихах стихотворения:

Джахаинам, затем Лаза, потом аль-Хатым – вот так!
Затем присчитай Сайр, и Сакар потом скажи.
За этим Джахим идёт, и вслед за ним – Хавия,
И вот тебе их число, коль кратко о нем сказать».

«Расскажи мне о словах поэта, когда он оказал:

И локоны за ней в длину влекутся,
Когда она приходит иль уходит;
А глаз её яств сна вкусить не может
И слез не льёт, струящихся обильно.
Одежд она в течение дней не знает,
Сама людей в одежды облачая».

«Это игла», – сказала девушка. А ан-Наззам молвил:

«Расскажи мне про ас-Сырат:⁴⁷¹ что это такое, какова его длина и какова его ширина?» – «Что до его длины, – ответила девушка, – то ода составляет три тысячи лет: тысячу – спускаются, тысячу – поднимаются и тысячу идут прямо. Он острее меча и тоньше волоса...»

И Шахразад устало, и она прекратила дозволенные речи.

Ночь, дополняющая до четырехсот шестидесяти

Когда же настала ночь, дополняющая до четырехсот шестидесяти, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что, когда девушка описала ан-Наззаму ас-Сырат, он молвил: „Расскажи мне, сколько у нашего пророка Мухаммеда (да благословит его Аллах и приветствует!) ходатайств?“

«Три ходатайства», – ответила девушка. «Был ли АбуБекр первым, кто принял ислам?» – «Да». – «Али принял ислам раньше Абу-Бекра?» – спросил тогда ан-Наззам». – «Али, – ответила девушка, – пришёл к пророку (да благословят его Аллах и да приветствует!), будучи сыном семя лет, и даровал ему Аллах знание верного пути, несмотря на его малые годы, и Али никогда не падал ниц перед идолом».

«Скажи мне, Али достойнее или аль-Аббас?» – спросил ан-Наззам. И тут девушка поняла, что это для неё ловушка, так как, если ода окажет: «Али достойнее, чем аль-Аббас»⁴⁷², – ей нет никакого оправдания перед повелителем правоверных. И она опустила на некоторое время голову, то краснея, то бледнея, и потом сказала: «Ты спрашиваешь меня о двух достойных людях, у каждого из которых есть преимущество. Вернёмся же к тому, чем мы были заняты». И когда услышал её халиф Харун ар-Рашид, он выпрямился и встал на ногах и воскликнул: «Ты хорошо сказала, клянусь господином Кабы, о Таваддуд!»

И тогда Ибрахим-ан-Наззам сказал ей: «Расскажи мне о значении слов поэта, который сказал:

И стан его строен так, и вкус его сладок всем,
Колье он напомним вам, во только без зубьев.
Все люди полезное себе из него берут.
Едят его по заходе дня в Рамадане».

«Сахарный тростник», – сказала девушка. И ан-Наззам молвил: «Расскажи мне о многих вопросах». – «О каких?» – спросила девушка. И он сказал: «Что слаще мёда? Что

⁴⁷¹ Ас-Сырат (собственно – дорога) – название моста, по которому умершие якобы переходят в потусторонний мир.

⁴⁷² Аль-Аббас ибн Абд аль-Мутталиб – дядя пророка Мухаммеда, родоначальник династии Аббасидов, к которой принадлежал Харун ар-Рашид.

острее меча? Что быстрее яда? Что такое услада на час? Что такое радость на три дня? Какой день самый приятный? Что такое радость на неделю? Что такое истина, которой не будет отрицать и придерживающийся ложного? Что такое тюрьма, как могила? Что такое радость сердца? Что такое козни души? Что такое смерть жизни? Что такое болезнь, которой не излечишь? Что такое позор, который не рассеется? Что такое животное, которое не ютится в жилище и обитает в развалинах и ненавидит сынов Адама, и созданы а нем черты семи великанов?»

«Слушай ответ на то, что ты сказал, и потом снимай с себя одежду, – я тебе это изъясню», – сказала девушка, и повелитель правоверных молвил: «Изъясни это и он снимет с себя одежду». – «Слаще мёда, – сказала девушка, – любовь к детям, которые почитают своих родителей. То, что острее меча, это язык. Быстрее яда – глаз дурно глядящего. Сладость на час – это сношение. Радость на три дня – эта нура⁴⁷³ для женщин. Самый приятный день – это день прибыли от торговли. Радость на неделю – это икхвобрачвая. Истина, которой не станет отрицать и придерживающийся ложного, – это смерть. Тюрьма, как могила, – это дурное дитя. Радость сердца – это жена, покорная мужу, а некоторые говорят – мясо, когда спускается оно к сердцу и сердце этому радуется. Козни души – это непослушный раб. Смерть жизни – это бедность. Болезнь, которой не излечишь, – это дурной нрав. Позор, который не рассеется, – это злая дочь. Что же касается животного, которое не ютится в жилище и обитает в развалинах и ненавидит сынов Адама и в сознании его есть черты семи великанов, то это – саранча: голова у неё – как у лошади, шея у неё – как у быка, крылья – как у орла, ноги как у верблюда, хвост – как у змеи, брюшко – как у скорпиона и рога – как у газели».

И изумился халиф Харун ар-Рашид остроумию девушки и её понятливости и сказал ан-Наззаму: «Снимай с себя одежду!» И ан-Наззам поднялся и воскликнул: «Призови в свидетели всех, кто присутствует в этом собрании, что девушка более сведуща, чем я и чем всякий учёный!» И он снял с себя одежды и сказал Таваддуд: «Возьми их, да не благословит тебя в них Аллах!» И повелитель правоверных велел принести одежду, чтобы ему одеться.

А затем повелитель правоверных сказал: «О Таваддуд, за тобой осталась ещё одна вещь из того, что ты обещала, и это шахматы». И он велел привести учителей игры в шахматы, в карты и в нард, и они явились. И шахматист сел с Таваддуд я между ними расставили ряды, и он двинул, и она двинула, и игрок не делал ни одного хода, который бы она вскоре не испортила...»

И Шахразадду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Четыреста шестьдесят первая ночь

Когда пае настала четыреста шестьдесят первая ночь, она оказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что, когда девушка стала играть с учителем в шахматы в присутствии повелителя правоверных Харуна арРашида, она портила всякий ход, который делал её противник, так что одолела его, и он увидел, что шах умер.

«Я хотел тебе поддаться, чтобы ты сочла себя знающей, – оказал он тогда, – но расставляй, и я тебе покажу!» И когда девушка расставила вторично, учитель сказал про себя: «Открой глаза, а не то она тебя одолеет!» И он стал выдвигать фигуры только с расчётом и играл до тех пор, пока Таваддуд не оказала ему: «Шах мат!» И когда игрок увидел это, он опешил от её остроты и понятливости. И девушка засмеялась и сказала ему: «О учитель, я побьюсь с тобой об заклад в этот третий раз, что сниму для тебя ферзя и правую башню и левого коня, и если ты меня одолеешь, возьми мою одежду, а если я тебя одолею, я возьму твою одежду». – «Я согласен на это условие», – оказал учитель.

⁴⁷³ Нура – средство для удаления волос.

И они расставили ряды, и Таваддуд сняла ферзя, башню и коня и оказала: «Ходя, учитель!» И учитель пошёл и сказал: «Почему мне не победить её после этой дачи вперёд!» И он задумал план, и вдруг девушка сделала немного ходов и провела себе ферзя и приблизилась к нему и пододвинула потоки и фигуры. Она отвлекла учителя и поддала ему фигуру, и он взял её, и тогда девушка оказала: «Мера полная и ноша разложена ровно! Ешь, пока не прибавишь сверх сытости! Не убьёт тебя, о сын Адама ничто, кроме жадности! Не знаешь ты разве, что я поддалась тебе, чтобы тебя обмануть! Смотри – вот шах умер. Снимай одежду!» – оказала она потом. И учитель попросил: «Оставь мне шальвары, награда тебе у Аллаха!» И он поклялся Аллахом, что не станет состязаться ни с кем, пока Таваддуд будет в царстве багдадском, а затем он снял с себя одежду и отдал её Таваддуд и ушёл.

И привели игрока в нард, и девушка сказала ему: «Если я тебя сегодня одолею, что ты мне дашь?» – «Я дам тебе десять одежд из кустактынийской парчи, обшитой золотом, и десять бархатных одежд и тысячу динаров, а если я тебя одолею, то я хочу от тебя только, чтобы ты написала мне записку о том, что я тебя одолел», – оказал игрок. «Перед тобою то, на что ты рассчитываешь», – оказала девушка. И игрок стал играть, и вдруг оказывается: он проиграл! И тогда он поднялся, лопоча по-франкски и говоря: «Клянусь милостью повелителя правоверных, подобной ей не найти во всех странах!»

После этого повелитель правоверных позвал владельцев музыкальных инструментов, и они явились, и повелитель правоверных спросил девушку: «Знаешь ли ты какие-нибудь музыкальные инструменты?» – «Да», – отвечала девушка, и халиф приказал принести лютню, поцарапанную, потёртую и оголённую, владеlec которой был истомлён разлукой, и об этой лютне сказал один из описывавших её:

Аллах, напои тот край, что древо певца взрастил.
И ветви его растут, и корень его хорош.
Поют над ним стаи птиц, пока оно зелено,
Красотка над ним поёт, когда оно высохнет.

И принесли лютню в чехле из красного атласа с жёлтой шёлковой кисточкой, и девушка развязала чехол и вынула лютню, и вдруг видит на ней вырезано:

Вот свежая ветвь, что стала лютней для девушки,
Поющей среди своих ровесниц в собраниях.
Поёт она, и звучит напев, и нам кажется,
Что звуки ей те внушали напев соловьёв в кустах.

И ода положила лютню на колени и опустила над нею грудь и склонилась, как склоняется мать, кормящая ребёнка, и ударила по струнам на двенадцать ладов, так что собрание взволновалось от восторга, и произнесла:

«Сократите разлуку вы и суровость,
Ведь душа не забыла вас, клянусь вами!
Пожалейте печального, что льёт слезы,
Знает страсть и безумен он от любви к вам».

И повелитель правоверных пришёл в восторг и воскликнул: «Да благословит тебя Аллах и да помилует того, кто тебя научил!» И девушка поднялась и поцеловала землю меж его рук. А затем повелитель правоверных велел привести деньги, а выложил владельцу девушки сто тысяч динаров и оказал: «О Таваддуд, пожелай от меня чего-нибудь!» – «Я желаю от тебя, – молвила девушка, – чтобы ты возвратил меня моему господину, который продал меня». – «Хорошо», – сказал халиф и возвратил девушку её хозяину, дав ей для неё самой пять тысяч динаров, и он сделал её господина своим сотрапезником на вечные

времена...»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Четыреста шестьдесят вторая ночь

Когда же настала четыреста шестьдесят вторая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что халиф дал девушке пять тысяч динаров и возвратил её к её господину, сделав его своим сотрапезником на вечные времена. И он отпускал ему на каждый месяц тысячу динаров, и тот жил с девушкой Таваддуд в приятнейшей жизни.

Дивись же, о царь, красноречию этой девушки, обилию её знаний и понятливости и преимуществу её во всех науках и посмотри на великодушие повелителя правоверных Харуна ар-Рашида: он дал её господину такие деньги и сказал ей: «Пожелай от меня!» – и когда она пожелала, чтобы он возвратил её к её господину, он её возвратил и дал ей пять тысяч динаров для неё самой и сделал её господина своим сотрапезником. Где найдётся такое великодушие после халифов Аббасидов, – да будет милость Аллаха великого над ними всеми!

Рассказ о царе и ангеле (ночь 462)

Рассказывают также, о счастливый царь, что один царь из царей, бывших прежде, захотел в некий день выехать верхом во главе всех людей своего царства и вельмож своего правления и показать народу чудеса своего празднества. И велел он своим приближённым, эмирам и вельможам правления, сделать приготовления к выезду и велел хранителю одежд принести из роскошнейших одежд то, что годится для царя в день его празднества, а также велел он привести своих коней, знаменитых, чистокровных, известных.

И сделали так, а затем царь отобрал те одежды, которые ему понравились, и тех коней, которых он одобрил, и надел одежды, и сел на кровного коня, и отправился во главе шествия, в воротнике, украшенном драгоценными камнями и всякими яхонтами и жемчугами. И стал он пускать коня вскачь посреди своих воинов и похвалялся в своём высокомерии и надменности, и пришёл к нему Иблис и положил руку на ноздрю его и вдунул ему в нос дуновение гордости и самодовольства; и возгордился царь и оказал в душе своей: «Кто в мире подобен мне?» И стал он высокомерен от довольства собою и гордости и проявлял презрение и гордился, превозносясь, и ни на кого не смотрел от высокомерия, гордости, самодовольства и кичливости.

И остановился перед ним человек в потёртой одежде и приветствовал его, но царь не возвратил ему приветствия, и схватил тогда этот человек поводья его коня, и царь оказал ему: «Убери руку! Разве не знаешь ты, чьи поводья схватил?» – «У меня есть к тебе слово», – сказал человек, и царь молвил: «Подожди, пока я сойду, и скажи, что тебе нужно». «Это тайна, – сказал человек, – и я скажу о ней только тебе на ухо». И царь склонил свой слух к этому человеку, и тот сказал ему: «Я ангел смерти и хочу взять твою душу». – «Дай мне отсрочку настолько, чтобы мне вернуться домой и попрощаться с родными, детьми, соседями и женою», – оказал царь, но ангел смерти молвил: «Нет, ты не вернёшься и никогда не увидишь их: прошёл срок твоей жизни». И он взял душу царя, когда тот был на спине своего коня, и царь упал мёртвый.

А ангел смерти ушёл оттуда и пришёл к одному праведному человеку, которым был доволен Аллах великий. И он приветствовал его, а человек возвратил ему приветствие, и ангел смерти сказал: «О праведный человек, у меня есть к тебе слово, и это тайна». – «Скажи, что тебе нужно, мне на ухо», – молвил праведник, и ангел сказал: «Я ангел смерти!» – «Добро пожаловать!» – воскликнул праведник. – Слава Аллаху за то, что ты пришёл! Я много раз ожидал, что ты ко мне придёшь, и продлилось отсутствие твоё над тоскующим по твоём приходе».

«Если у тебя есть дело, исполни его», – оказал ангел смерти, но праведник молвил: «Нет у меня дела более важного, чем встреча с господом моим (велик он и славен!)», – „Как, тебе любо, чтобы я взял твою душу? Мне поведено её взять так, как ты захочешь и изберешь“, – сказал ангел смерти. И праведник молвил: «Дай мне отсрочку, пока я совершу омовение и помолюсь, и когда я паду ниц, возьми мою душу, пока я буду лежать распростершись“.

И сказал ангел смерти: «Господь мой (велик он и славен!) приказал мне взять твою душу только так, как ты изберешь и захочешь, и я сделаю так, как ты оказал». И человек поднялся и совершил омовение и молитву, и взял ангел смерти душу его, когда он лежал распростершись, и перенёс его Аллах великий в место милости, благословения и прощения.

Рассказ о горделивом царе (ночь 463)

Рассказывают также, что один царь из царей собрал большие деньги, числа которых не счесть, и приобрёл многие вещи всякого рода, которые создал Аллах великий в здешнем мире, и все это для того, чтобы понежить свою душу. И когда захотел ей освободиться для наслаждения тем, что он накопил из полезных благ, построил он для себя высокий дворец, возвышавшийся и уходивший ввысь, который годился для царей и был для них подходящим, а затем устроил он во дворце двое крепких ворот и назначил во дворце слуг, войска и привратников, как хотел он. И приказал царь повару в какой-то день приготовить ему какое-нибудь из наилучших кушаний и собрал своих родных, челядинцев, приближённых и слуг, чтобы те у него поели и получили дары. И сел он на престол своего царства и владычества и опёрся на подушку и, обратившись к своей душе, сказал ей: «О душа, я собрал для тебя все блага мира; предайся же теперь наслаждению и вкуси от этих благ, поздравляемая с долгой жизнью и обильной долей счастья...»

И Шахразад упустила из виду, и она прекратила дозволенные речи.

Четыреста шестьдесят третья ночь

Когда же настала четыреста шестьдесят третья ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что царь заговорил со своей душой и сказал ей: „Вкуси от этих благ, поздравляемая с долгой жизнью и обильной долей счастья“. И не окончил он ещё того, о чем говорил со своей душой, как подошёл ко дворцу извне человек, одетый в поношенные одежды, и на шее у него висел мешок, как у нищего, который пришёл, чтобы получить пищу.

И подошёл этот человек и постучал кольцом на дворцовых воротах стуком великим и ужасающим, который едва не потряс дворца и не сдвинул престола с места, и слуги испугались и подскочили к воротам и закричали на стучащего: «Горе тебе! Что значит этот поступок и неблагопристойность? Подожди, пока царь поест, и мы дадим тебе из того, что останется!» И пришедший оказал слугам: «Скажите вашему господину: пусть он выйдет ко мне и поговорит со мною, у меня до него надобность и важное дело и настоятельная просьба». – «Отойди, о бедняк, – сказали слуги, – кто ты, чтобы приказывать нашему господину выйти к тебе?» – «Осведомьте его об этом», – сказал пришедший.

И слуги пошли к царю и осведомили его, а царь воскликнул: «И вы не прогнали его, не обнажили против него мечей и не выбрали его?» Но тут пришедший постучал в ворота ещё страшнее, чем в первый раз, и слуги поднялись с палками и оружием и бросились к нему, чтобы сразиться с ним. И пришедший крикнул на них криком и сказал: «Оставайтесь на местах ваших! Я ангел смерти!» И устрешили сердца их, и исчез их разум, и улетел рассудок их, и задрожали у них поджилки, и перестали двигаться члены их. И царь сказал им: «Скажите ему: пусть возьмёт кого-нибудь вместо меня и взамен мне», – но ангел смерти молвил: «Я не возьму заместителя и никого взамен. Я пришёл только ради тебя, чтобы тебя разлучить с теми благами, которые ты собрал, и деньгами, которые ты приобрёл и накопил».

И тут царь стал глубоко вздыхать и заплакал и воскликнул: «Прокляни, Аллах, деньги, которые соблазнили меня и мне повредили, препятствуя мне поклоняться моему господину! Я думал, что мне от них будет польза, а оказались они теперь для меня горестью и бедой. Вот я выхожу с пустыми руками, и останутся они моим вратам».

И Аллах дал деньгам способность речи, и сказали они: «По какой причине клянёшь ты нас? Кляни самого себя. Аллах великий создал нас и тебя из праха и вложил нас тебе в руки, чтобы ты запасся через нас для будущей жизни, раздавая нас как милостыню нуждающимся, беднякам и нищим и строя на нас монастыри, мечети, мосты и водопроводы, и были бы мы тебе помощью в последней обители. А ты собрал нас и накопил и ради страстей своих нас истратил, в не воздал ты нам должной хвалы, но отрёкся от нас. И теперь оставил ты нас твоим врагам и пребываешь в печали и раскаянии. В чем же наш грех, что ты нас поносишь?»

И потом ангел смерти взял душу царя, когда он был на престоле, раньше чем съел он кушанье, и пал царь мёртвым, свалившись с престола. Сказал Аллах великий: «А когда радовались они тому, что им было даровано, взяли мы их внезапно, и вот они в отчаянии».

Рассказ о царе-притеснителе (ночь 464)

Рассказывают также, что один царь притеснитель из царей сынов Ибраиля сидел в некий день на престоле своего царства. И увидел он человека, который вошёл к нему через ворота дома и имел вид неодобряемый и облик ужасающий. И стало противно царю, что ворвался к нему этот человек, и испугался он облика его и вскочил навстречу пришедшему и воскликнул: «Кто ты, о человек, и кто позволил тебе ко мне войти и приказал тебе прийти в мой дом?» – «Приказал мне хозяин дома, – ответил человек. – Не преградит мне дорогу преграждающий, не нужно мне для входа к царям позволения; не испугает меня власть султана и обилие телохранителей. Меня не сокрушит притеснитель, и никому не убежать от моей хватки. Я – разрушитель наслаждений и разлучитель собраний».

И когда услышал царь эти слова, пал он на лик свой, и заползал страх по его телу, и он упал, покрытый беспамятством, а очнувшись, спросил: «Ты ангел смерти?» – «Да», – ответил пришедший. И царь воскликнул: «Заклинаю тебя Аллахом, не дашь ли ты мне отсрочки на один день, чтобы попросил я прощения за грехи мои и искал бы извинения у моего господина и возвратил бы те деньги, что в казне моей, их владельцам, не обременяя себя тяготой отчёта за них и бедствием кары за них?»

И сказал ангел смерти: «Не бывать, не бывать! Нет для тебя пути к этому!..»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Четыреста шестьдесят четвёртая ночь

Когда же настала четыреста шестьдесят четвёртая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что ангел смерти сказал царю: «Не бывать! Нет для тебя пути к этому!»

И как дам я тебе отсрочку, когда дни твоей жизни сосчитаны и дыхания твои исчислены и время твоё установи записано?» – «Отсрочь мне на час», – сказал царь. И ангел ответил: «Этот час входит в счёт, и он прошёл, когда ты был беспечен, и окончился, а ты был рассеян. Ты получил свои дыхания полностью, и осталось тебе лишь дыхание единое». – «Кто будет подле меня, когда понесут меня в могилу?» – спросил царь. И ангел ответил: «Не будет подле тебя никого, кроме деяний твоих». – «Нет у меня деяний», – сказал царь. И ангел молвил: «Нет сомнения, что будет пребывание твоё в огне и исход твой – ко гневу всевластного».

И затем взял он его дух, и повергся царь, падая с престола своего, и упал на землю. И раздалась вопли среди жителей царства его, и возвысили они голоса и подняли крики и плач; а если бы знали они, что идёт царь ко гневу своего господина, был бы их плач по нем больше, и

вопли их сильнее и обильнее.

Рассказ о Зу-ль-Карнейне (ночь 464)

Рассказывают также, что Искандар Зу-ль-Карнейн⁴⁷⁴ проходил на своём пути мимо племени людей бедных, которые не владели ничем из вещей сего мира. Они рыли могилы для мертвецов у ворот их домов и во всякий час посещали эти могилы, сметали с них пыль и очищали их и ходили на могилы и поклонялись там великому Аллаху. И у них не было иной пищи, кроме травы и земных растений.

И послал к ним Искандар Зу-ль-Карнейн человека, призывая к себе царя этих людей, но тот не внял ему и сказал: «Нет мне до него надобности». И Зу-ль-Карнейн отправился к нему и спросил его: «Каково ваше состояние и на чем вы держитесь? Я не вижу у вас ничего из золота или серебра и не нахожу у вас никаких благ этого мира». – «Благами мира не насытятся никто», – ответил царь. И Искандар спросил его: «Почему вы роете могилы у ваших ворот?» – «Чтобы они были у нас перед глазами, – ответил царь, – и мы могли бы смотреть на них и обновлять воспоминание о смерти, не забывая о жизни будущей, и ушла бы любовь к земной жизни из сердец наших, и не отвлекла бы нас от поклонения господу нашему (велик он!).» – «Почему вы едите траву?» – спросил Искандар. И царь ответил: «Потому что мы не хотим делать наши утробы могилами для животных и потому что сладость кушанья не переходит дальше горда».

И затем он протянул руку и, вынув череп потомка Адама, положил его перед Искандаром и молвил: «О Зуль-Карнейн, знаешь ли ты, кому принадлежало вот это?» – «Нет», – отвечал Зу-ль-Карнейн. И царь сказал: «Этот череп принадлежал царю из царей сего мира, который обижал и притеснял своих подданных и людей слабых, и все своё время он отдавал накоплению суетных благ сего мира. И взял Аллах его душу и сделал огонь местопребыванием её, и вот голова этого царя».

И потом он протянул руку и положил перед Зу-ль-Карнейном другой череп и спросил: «Знаешь ли ты, кто это?» – «Нет», – отвечал Зу-ль-Карнейн. И царь молвил: «Это был царь из царей земли, и был он справедлив к подданным и заботился о жителях своей страны и царства. И взял Аллах его душу и поселил её в своём саду и возвысил её ступень». И затем царь положил руку на голову Зу-ль-Карнейна и молвил: «Посмотреть бы, которой из этих голов ты будешь!»

И заплакал Зу-ль-Карнейн сильным плачем и прижал царя к груди и воскликнул: «Бели ты желаешь дружбы со мною, я поручу тебе должность везиря и разделю с тобою моё царство!» – «Не бывать, не бывать! – воскликнул человек. – Нет у меня до этого охоты!» – «А почему?» – спросил его Искандар. И царь молвил: «Потому что все твари тебе вдали из-за денег и власти, которая дана тебе, и все они мне истинные друзья из-за моей неприхотливости и бедности, так как у меня нет ни власти, ни охоты до благ этой жизни и я не ищу их и не желаю. И нет у меня ничего, кроме удовлетворённости малым, и достаточно этого». И Искандар прижал царя к груди и поцеловал его между глаз и ушёл.

Рассказ о царе Ануширване (ночи 464-465)

Рассказывают также, что царь Ануширван⁴⁷⁵ показал вид, что болен, и послал надёжных людей, чтобы обойти края его царства и страны и отыскать старый кирпич в разрушенном селении, чтобы мог он им полечиться. И сказал он приближённым, что это прописали ему врачи. И посланные обошли все страны его царства и всю его землю и

⁴⁷⁴ Искандар Зу-ль-Карнейн («двурогий») – Александр Македонский.

⁴⁷⁵ Хосрой-Ануширван – имя персидского царя из династии Сасанидов (годы правления 517-539)

вернулись к нему и сказали: «Мы не нашли ни разрушенного места, ни старого кирпича». И Ануширван обрадовался этому и возблагодарил Аллаха и сказал: «Я хотел испытать мою страну и проверить моё царство и узнать, не осталось ли там разрушенного места, и благоустроить его. А теперь, раз не осталось в нем места, которое не было бы благоустроено, дела царства завершены, и обстоятельства в порядке, и благоустройство достигло степени совершенной...»

И Шахразад устало сказала, и она прекратила дозволенные речи.

Четыреста шестьдесят пятая ночь

Когда же настала четыреста шестьдесят пятая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что, когда к царю вернулись вельможи и сказали: „Мы не нашли во всем царстве разрушенного места“, – он возблагодарил Аллаха и сказал: „Теперь завершены дела в царстве, и все в порядке, и достигну благоустройство степени совершенной“.

Знай же, о царь, что эти древние цари помышляли и старались о благоустройстве своей страны лишь потому, что они знали, что чем царство благоустроенней, тем обильнее достаток подданных, а также потому, что знали они о том, что сказали учёные и провозгласили мудрецы; а это верно, и нет в этом сомнения, ибо сказали они: «Вера держится царём, царь держится войском, войско держится деньгами, а деньги держатся благоустройством страны, а благоустройство страны держится справедливостью к рабам Аллаха».

Древние цари не поддерживали никого при несправедливости и не допускали своих приближённых до преступлений, зная, что подданные не станут долго терпеть притеснения и что страны и местности разрушаются, когда имеют над ними власть обидчики, и жители их расходятся и убегают в другие страны. И возникают в царстве нехватки, и малым становится в стране приход, и очищается казна от денег, и становится печальной жизнь подданных. Ибо несправедливых неперестанно проклинали, так что не наслаждаются они властью в своём царстве, и спешат к ним губительные превратности.

Рассказ о праведной женщине (ночи 465-466)

Рассказывают также, что среди сынов Ираиля был судья из их судей, и была у него жена, редкостно красивая, обладавшая великой строгостью к себе, терпением и выносливостью. И пожелал этот судья выехать и посетить Иерусалим, и оставил он своего брата заместителем в должности судьи и поручил ему свою жену. А брат его услышал об её красоте и прелести и влюбился в неё.

И когда судья уехал, брат его отправился к его жене и стал её соблазнять, но она отказывалась и искала защиты в богобоязненности. И умножил брат судьи свои домогательства, но она все отказывалась. И когда у него исчезла надежда, он испугался, что она расскажет мужу о его поступках, когда тот возвратится, и призвал лживых свидетелей, чтобы они засвидетельствовали её прелюбодеяние. А затем он довёл это дело до царя того времени, и царь велел побить женщину камнями.

И вырыли яму, и женщину посадили туда и бросали в неё камнями, пока камни не покрыли её; и царь сказал: «Пусть эта яма будет её могилой».

Когда же опустилась ночь, женщина стала стонать от того, что её постигло, а мимо неё проходил человек, направлявшийся в одно селение; и, услышав её стоны, он подошёл к ней и вытащил её из ямы. Он снёс женщину к своей жене и велел ей её лечить. И жена его лечила женщину, пока она не исцелилась. А у жены этого человека был ребёнок, и она отдала его этой женщине, и та стала за ним ходить, и ребёнок спал с нею в другой комнате.

И увидел её однажды один из ловкачей и пожелал её, и стал посылать к ней, соблазняя её, но она отказывалась. И тогда он задумал её убить, и, придя к ней ночью, вошёл в её

комнату, когда она спала, а затем он ринулся на неё с ножом, но ему попался под руку ребёнок, и он зарезал его. И когда ловкач понял, что он зарезал ребёнка, его охватил страх, и он вышел из комнаты, и Аллах защитил от него женщину. А наутро она нашла ребёнка подле себя зарезанным, и пришла его мать и сказала: «Это ты его зарезала». А потом она побила её болезненным боем и хотела её зарезать, но пришёл её муж и спас эту женщину и оказал: «Клянусь Аллахом, ты этого не сделаешь!»

И женщина вышла, убегая, и не знала, куда направиться; а у неё были кое-какие деньги. И вот она проходила мимо какого-то селения и видит: собрались люди, и один человек распят на стволе дерева, но только он ещё в оковах жизни. И женщина спросила: «О люди, что с ним?» И ей ответили: «Он совершил грех, и не искупит его ничто, кроме его жизни или выкупа в столько-то и столько-то денег». – «Возьмите деньги и отпустите его», – сказала женщина.

И преступник раскаялся с её помощью и дал обет служить ей ради великого Аллаха, пока не возьмёт его смерть. И потом он построил для женщины келью и поселил её в ней, а сам рубил дрова и приносил женщине пищу; она же усердно поклонялась Аллаху, и когда приходил к ней больной или одержимый и она за него молилась, он тотчас же выздоравливал...»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Четыреста шестьдесят шестая ночь

Когда же настала четыреста шестьдесят шестая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что к этой женщине стали направляться люди, а она обратилась к поклонению Аллаху в своей келье. И было так, по приговору Аллаха великого, что брату её мужа, который побил её камнями, оказалась ниспослана болезнь на лице его, и женщину, которая её била, поразила проказа, а ловкача постигла болезнь, из-за которой он стал сиднем.

А судья, её муж, вернулся из паломничества и спросил своего брата про жену, и тот рассказал ему, что она умерла. И опечалился о ней судья и счёл, что она у Аллаха.

А потом люди прослышали об этой женщине и направлялись к её келье со всех концов земли, длинной и широкой. И судья сказал своему брату: «О брат мой, не направишься ли ты к этой праведной женщине? Может быть, Аллах пошлёт тебе при её помощи исцеление». И его брат ответил: «О брат мой, снеся меня к ней».

И услышал о ней муж той женщины, на которую пала проказа, и пошёл к этой женщине; и услышали родные ловкача-сидня о её деле и тоже пошли с ним к ней, и все они собрались у дверей её кельи. А она видела всех, кто приходил к её келье, из такого места, где её никто не видел. И пришедшие ждали её слугу, пока он не пришёл. И тогда они пожелали, чтобы он испросил им позволения войти к ней, и слуга сделал это. И женщина надела покрывало и закрылась и стала у дверей, смотря на своего мужа, его брата, вора и женщину; и она узнала их, по они её не узнали.

«Эй вы, – сказала она им, – вы не избавитесь от того, что с вами, пока не признаетесь в своих грехах. Когда раб признается в своих грехах, Аллах прощает его и даёт ему то, из-за чего он к нему пришёл».

«О брат мой, – сказал судья своему брату, – покайся Аллаху и не упорствуй в твоём ослушании: это полезнее для твоего избавления, и язык обстоятельств говорит такие слова:

Вот день, когда встретятся злодей и обиженный,
И тайну сокрытую откроет тогда Аллах.
Унизятся грешники в таком положении,
Но тех, кто послушен был, Аллах вознесёт туда,
Владыка и господин покажет нам истину,
Хотя бы и гневался ослушник, упорствуя

О, горе тому, кто враг владыке, гневят его,
Как будто не знает он Аллаха жестоких кар!
О ищущий славы, слава – горе тебе! – лишь в том,
Чтоб страх иметь к господу. Ищи же защиты в нем!»

И тогда брат судьи сказал: «Теперь я скажу правду: я сделал с твоей женой то-то и то-то, и вот мой грех». А прокажённая сказала: «У меня была одна женщина, и я приписала ей то, чего не знала наверное, и побила её нарочно. Вот мой грех». – «А я, – сказал сидень, – вошёл к одной женщине, чтобы убить её, после того как я её соблазнял, а она отказывалась от прелюбодеяния, и я зарезал ребёнка, который был подле неё. Вот мой грех».

И тогда женщина сказала: «Боже мой, как ты показал им унижение из-за ослушания, так покажи им величие из-за повиновения. Поистине, ты властен во всякой вещи!» И излечил их Аллах, – велик он и славен! И судья стал смотреть на женщину и разглядывать её, и она спросила, почему он смотрит, и судья сказал: «У меня была жена, и если бы она не умерла, я бы сказал, что это ты». И женщина дала ему узнать себя, и оба начали восхвалять Аллаха (велик он и славен!) за то, что он ниспослал им встречу, а затем все – и брат судьи, и вор, и женщина – стали просить у неё извинения, и она простила всех. И они поклонялись Аллаху в этом месте, прислуживая женщине, пока не разлучила их смерть.

Рассказ о женщине и ребёнке (ночь 467)

Рассказывают также, что кто-то из сейидов⁴⁷⁶ говорил: «Я обходил вокруг Кабы в тёмную ночь и вдруг услышал голос стенающего и говорившего от печального сердца, который восклицал: „О великодушный, окажи твою извечную милость! Поистине, моё сердце соблюдает завет!“ И моё сердце взлетело, услышав этот голос, таким взлётом, что я стал близок к смерти, и я пошёл по направлению голоса, и вижу: он принадлежит женщине.

«Мир с тобой, о раба Аллаха!» – сказал я ей. И она ответила: «И с тобой мир и милость Аллаха и благословения его!» А потом я оказал: «Спрошу тебя ради Аллаха великого: каков завет, который соблюдает твоё сердце?»

«Если бы ты не поклялся всесильным, – ответила женщина, – я бы не осведомила тебя о тайне. Посмотри, что лежит передо мной». И я посмотрел и вижу: перед нею лежит спящий ребёнок, который всхрапывает во сне. А женщина говорила: «Я вышла, беременная этим ребёнком, чтобы совершить паломничество к этому храму, и села на корабль, и поднялись на нас ужасающие волны, и осмелялись над нами ветры, и разбился наш корабль. И я спаслась на одной из досок и родила этого ребёнка, находясь на доске, и когда он лежал у меня на коленях, а воланы били меня...»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Четыреста шестьдесят седьмая ночь

Когда же настала четыреста шестьдесят седьмая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что женщина говорила: „Когда разбился корабль, я спаслась на одной из досок и родила этого ребёнка, находясь на доске. И когда он был у меня на коленях, а волны били меня, вдруг подплыл ко мне один человек из матросов корабля и, оказавшись со мною, молвил: „Клянусь Аллахом, я тебя полюбил, когда ты была на корабле, и теперь я оказался с тобою рядом; дай же мне над собою власть, а иначе я кину тебя в это море“. – „Горе тебе! – отвечала я. – Разве нет для тебя в том, что ты видел, напоминания и назидания!“ Но матрос воскликнул: „Я видывал подобное этому несколько раз и спасался, и я на это не посмотрю!“

⁴⁷⁶ Сейидами (буквально: господа) называются потомки внуков Мухаммеда-аль-Хасана и аль-Хусейна.

– „Эй ты, – сказала я матросу, – мы в беде, от которой надеемся спастись покорностью, а не послушанием!“ Но матрос пристал ко мне, и я испугалась и захотела его обмануть и оказалась: «Подожди, пока заснёт это дитя».

Но матрос взял ребёнка с моих колен и бросил его в море.

И когда я увидела, как он дерзок и что он сделал с ребёнком, моё сердце взлетело, и увеличилось моё горе. И я подняла голову к небу и сказала: «О ты, кто встаёт между мужем и сердцем его, встань между мною и этим львом. Ты ведь властен во всякой вещи!» И, клянусь Аллахом, не окончила я ещё говорить, как вышел из моря зверь и унёс матроса с доски, и я осталась одна, и усилились моё горе и печаль, так как я жалела моего ребёнка. И тогда я произнесла:

«О прохлада глаз, любимый мой сынок!
Он исчез, когда истерзан дух тоской.
Вижу: тело моё тонет, но душа
Точно жарится от горя и тоски.
Нет в печали облегченья мне ни в чем,
Кроме милостей твоих, опора всех!
Ты, господь мой, видишь ясно, что со мной,
Как страдаю от разлуки с сыном я,
Так сведи же нас, будь милостив ко мне,
На тебя надежда – мой крепчайший щит».

И я провела в таком состоянии день и ночь, а когда настало утро, я увидела паруса корабля, блестящие издали, а волны кидали меня, и ветры гнали меня, пока я не достигла этого корабля, паруса которого я увидела. И тогда люди, бывшие на корабле, взяли меня и положили на корабль, и я посмотрела и вдруг вижу: мой ребёнок находится среди них. И я бросилась к нему и сказала: «О люди, это – мой ребёнок! Откуда он попал к вам?» И они отвечали: «Мы ехали по морю, и вдруг корабль что-то задержало, и появился зверь, точно огромный город, и этот ребёнок сидел у него на спине, посасывая свой большой палец, и мы взяли его».

И, услышав это от них, я рассказала им свою историю и поведала о том, что со мной случилось; а потом я поблагодарила моего господина за то, что он мне даровал, и дала ему обет, что не удалюсь от его храма и не перестану ему служить, и о чем бы я его после этого ни попросила, он все мне давал».

И я протянул руку к кошельку расходов и хотел дать женщине денег, – продолжал говорить один из сейидов, – ко она воскликнула: «О пустой человек! Я рассказала тебе о милости Аллаха и его великодушных деяниях. Разве я возьму подарок из рук другого?»

И я не мог её заставить что-нибудь принять от меня и оставил её и ушёл от неё, говоря такие стихи:

«Как много у Аллаха благ сокрытых
И слишком тонких, чтобы постиг их умный!
Как часто лёгкое идёт за трудным,
И шлёт Аллах душе печальной помощь,
Как часто ты заботой занят утром,
А вслед за ней приходит к ночи радость!
Когда стеснятся для тебя все средства,
Единый, вечный, вышний – ему верь ты.
Проси пророка: всякий раб, ты знаешь,
Получит, если просит он пророка».

А женщина не переставала поклоняться своему господину и пребывала в его доме, пока

не застигла её смерть».

Рассказ о праведном невольнике (ночь 468)

Рассказывают также, что Малик ибн Динар⁴⁷⁷ (да помилует его Аллах!) говорил: «Однажды у нас в Басре долго не было дождя, и мы несколько раз выходили помолиться о нем, но не видели и признака ответа на наши молитвы. И мы с Ата-ас-Сулами, Сабитом-аль-Бунаии, Наджи-аль-Бакка, Мухаммедом ибн Вася, Айюбом-ас-Сахтияни, Хабибом-аль-Фарися, Хассаном ибн Абу-Синаном, Утбой-аль-Гулямом и Салихом-аль-Музаии вышли и отправились к молельне, и дети вышли из школ и стали молиться, но мы не увидели и признака ответа на нашу молитву. И настал полдень, и люди ушли, а мы с Сабитомаль-Бунани остались в молельне.

И когда стемнела ночь, мы увидели чернокожего с красивым лицом, тонкими ногами и большим животом, который подошёл, одетый в шерстяной плащ, и если бы оценить все, что было на нем одето, пена не дошла бы до двух дирхемов. Он привес воды и совершил омовение, а потом вошёл в михраб и сотворил молитву в два лёгких раката, в которой вставания и поклон и падения ниц были одинаковы. И затем он поднял взор к небу и сказал: «О мой господин и владыка, до каких пор будешь ты отвергать просьбы твоих рабов о том, что не уменьшит твоей власти? Разве вышло то, что у тебя есть, и истощилась казня твоего царства? Заклинаю тебя любовью твоей ко мне: не напоишь ли ты нас твоим дождём сейчас же».

И не закончил он ещё своих слов, – продолжал рассказчик, – как небо покрылось тучами, и пошёл дождь, ливший точно из отверстий бурдюков. И мы вышли из молельни, погружаясь в воду до колей...»

И Шахразад устроила, и она прекратила дозволенные речи.

Четыреста шестьдесят восьмая ночь

Когда же настала четыреста шестьдесят восьмая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что Малик ибн Динар говорил: „И не закончил он ещё своих слов, как небо покрылось облаками, и пошёл дождь, ливший точно из отверстий бурдюков, и мы вышли из молельни, погружаясь в воду до колей, и удивлялись на чернокожего. И я подошёл к нему, – говорил Малик, – и сказал ему: „Горе тебе, чернокожий! Не стыдно тебе того, что ты сказал?“ И чернокожий обернулся ко мне и спросил: „Что я такого сказал?“ И я молвил: „Ты сказал слова: «Ради твоей любви ко мне», а что дало тебе знать, что Аллах тебя любит?“

И чернокожий, – продолжал Малик, – воскликнул: «Отойди от меня, о тот, кто отвлёкся от самого себя! А где же я был, когда Аллах поддержал меня верой в единого бога и выделил меня, дал себя познать? Разве ты думаешь, что он поддержал меня этим не из-за своей любви ко мне? Его любовь ко мне такова же, как моя любовь к нему», – прибавил он. И я сказал ему: «Постой со мной немного, помилуй тебя Аллах!» Но чернокожий ответил: «Я невольник, и на мне лежит обязанность повиноваться моему меньшему владыке».

И мы пошли издали за ним следом, – говорил Малик, – и он вошёл в дом одного работорговца (а ночи уже миновала половина). И нам показалась длинной вторая половина её, и мы ушли. А когда настало утро, мы пришли к работорговцу и опросили его: «Есть ли у тебя молодой невольник, которого ты нам продашь, чтобы он нам прислуживал?» – «Да, – ответил работорговец, – у меня около ста слуг, и все они для продажи».

И он стал показывать нам одного слугу за другим, – говорил Малик, – пока не показал семьдесят слуг, но я не увидел среди них моего друга, а потом работорговец сказал: «У меня

⁴⁷⁷ Малик ибн Динар – богослов из Басры, живший в VII веке.

нет никого, кроме этих». И когда мы хотели уходить, мы вошли в одну разрушенную комнату за домом работорговца и вдруг видим: стоит тот чернокожий. «Он, клянусь господом Кабы!» – воскликнул я. И потом я вернулся к работорговцу и сказал ему: «Продай мне этого слугу!» – «О Абу-Яхья, – ответил работорговец, – это слуга злосчастный и бесполезный. Ночью у него нет другого дела, как плакать, а днём – раскаиваться». – «Поэтому я и хочу его», – оказал я.

И работорговец позвал чернокожего, и тот вышел, притворяясь сонным. «Возьми его за сколько хочешь, после того как снимешь с меня ответственность за все его пороки», – оказал мне работорговец. И я купил чернокожего за двенадцать динаров и опросил: «Как его имя?» – «Маймун», – отвечал работорговец. И я взял чернокожего за руку, и мы пошли, направляясь к моему жилищу.

И чернокожий обратился ко мне и спросил: «О мой меньшой господин, зачем ты меня купил? Клянусь Аллахом, я не гожусь, чтобы служить сотворённым». – «Я тебя выкупил, чтобы прислуживать тебе сам, и пусть это будет на моей голове», – ответил я. «А почему?» – спросил чернокожий. И я молвил: «Не ты ли был с нами вчера в молельне?» – «А разве ты проведаль обо мне?» – спросил чернокожий. И я ответил: «Я тот, кто обратился к тебе вчера с речами».

И чернокожий продолжал идти, пока не вошёл в мечеть, – говорил Малик, – и он сотворил там молитву в два раката и сказал: «Бог мой, господин и владыка, о тайне, что была между нами, проведаль сотворённые, и ты опозорил меня этим среди людей. Как же будет мне теперь приятна жизнь, раз узнали другие о том, что было между мной и тобой? Заклинаю тебя, возьми мою душу в сей же час». И потом он пал ниц, и я подождал его немного, но он не поднимал головы, и тогда я пошевелил его и вижу: он умер (да будет над ним милость великого Аллаха!).

И я вытянул ему руки и ноги и посмотрел на него и вижу: он улыбается, и белизна покрыла его черноту, лицо его светится, и видно на нем веселье. И когда мы на него дивились, вдруг вошёл в двери юноша и сказал: «Мир с вами! Да возвеличит Аллах нашу с вами награду из-за нашего брата Маймуя! Вот саван, заверяйте его». И он протянул мне две одежды, подобных которым я никогда не видел, и мы завернули в них чернокожего.

А у его могилы, – говорил Малик, – теперь молятся о воде и просят подле неё о нуждах Аллаха (велик он и славен!). Как сладостно то, что сказал в этом смысле один из поэтов:

Гуляют сердца познавших бога в саду небес,
Пред ним возвышаются завесы господние.
Коль в нем они пьют вино, струя его смешана
С Таснимом⁴⁷⁸ – той влагою, что близость к творцу даёт.
Течёт тогда тайна их меж ними и милыми,
И будет ограждена она от сердец других».

Рассказ о праведных супругах (ночи 469-470)

Рассказывают также, что был в числе сынов Ибраиля человек, из лучших среди них, и он усердно поклонялся своему господу и отказывался от земной жизни, выбросив её из своего сердца. И была у него жена, помогавшая ему в его делах и послушная ему во всякое время, и жили они тем, что делали подносы и опахала. Они работали целый день, а когда наступал конец дня, муж выходил, держа в руке то, что они наработали, и отправлялся ходить по улицам и дорогам, ища покупателя, чтобы продать ему это. А они постоянно постились.

⁴⁷⁸ Тасним – название источника, который, по мусульманским преданиям, протекает в раю.

И однажды, в какой-то день, они постились и целый день проработали, а когда наступил конец дня, муж вышел, как обычно, держа в руке то, что они наработала, и стал искать человека, который бы это у него купил. И он прошёл мимо ворот одного из сыновей земной жизни и людей благосостояния и сана (а этот продавец обладал белым лицом и прекрасным обликом), и его увидела жена владельца дома и полюбила его, и склонилось к нему со сердце сильною склонностью. А её муж был в отсутствии.

И она позвала свою служанку и сказала ей: «Быть может, ты схитришь с этим человеком и приведёшь его к нам». И служанка вышла к продавцу и позвала его, чтобы купить у него то, что он держал в руке, и повернула его с его дороги...»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Четыреста шестьдесят девятая ночь

Когда же настала четыреста шестьдесят девятая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что служанка вышла к этому человеку и позвала его и сказала: „Войди к моей госпоже: она хочет купить кое-что из того, что у тебя в руках, после того как ода это испытает и посмотрит“».

И человеку показалось, что женщина говорит правду, и он не увидел в этом дурного и вошёл и сел, как она ему приказала. И женщина заперла за ним дверь, и хозяйка её вышла из своей комнаты и схватила продавца за рубаху и потянула его к себе и ввела и сказала: «Сколько я ещё буду просить у тебя уединения! Моё терпение из-за тебя истощилось, а эта комната окутана благовониями, и кушанье приготовлено, и хозяин дома отсутствует в сегодняшний вечер. Я подарила себя тебе, а долго желали меня цари, предводители и обладатели мирских благ, но я не обращала ни на кого из них внимания».

И женщина затянула свои речи, а продавец не поднимал головы, смотря в землю от стыда перед Аллахом великим и боясь его болезненного наказания, как сказал поэт:

Как часто меж грехом, грехом великим,
И мной вставал лишь стыд перед Аллахом.
И был тот стыд мне от греха лекарством;
Когда исчезнет стыд, то нет лекарства.

И захотел этот человек избавиться от неё свою душу, но не смог. И тогда он сказал: «Я хочу от тебя чего-то». – «Чего ясе?» – спросила женщина, и он сказал: «Я хочу чистой воды, и я поднимусь с нею на самое высокое место в твоём доме, чтобы сделать одно дело и омыть нечистоту, которой я не могу тебе показать». – «Дом обширен, и в нем есть тайники и уголки, а домик чистоты приготовлен», – ответила женщина. Но продавец сказал: «Я хочу только подняться наверх». – «Поднимись с ним на самый высокий балкон в доме», – сказала женщина своей служанке.

И та поднялась с продавцом на самое высокое место и дала ему сосуд с водой и спустилась вниз. А человек совершил омовение и сотворил молитву в два rakata и посмотрел на землю, желая броситься, но увидал, что земля далеко, и испугался, что не достигнет её иначе, как разбившись, но затем он подумал об послушании Аллаха и наказании его, и ему показалось ничтожным пожертвовать своей душой и пролить свою кровь. «Бог мой и господин, – оказал он, – ты видишь, что снизошло на меня, и от тебя не скрыто моё состояние, ты ведь властен во всякой вещи!» И язык его состояния говорил в этом смысле:

Душа и сердце на тебя мне кажут,
И тайна тайн всегда тебе известна.
Заговоривши, вас я призываю,
А в час молчанья вам даю я знаки.

О тот, кому нельзя придать второго,
Пришёл к тебе влюблённый страстно, бедный.
Надеюсь я, и мысль крепит надежду,
А сердце, как ты знаешь, улетаёт.
Трудней всего, что будет – отдать душу,
Но это мне легко, раз так решил ты.
А если пошлѐшь, по милости, мне спасенье –
Моя надежда – ты на это властен.

Потом этот человек бросился с высоты балкона, и Аллах послал к нему ангела, который понёс его на крыльях и опустил его на землю целым без того, чтобы его постиг какой-нибудь вред. И когда человек утвердился на земле, он восхвалил Аллаха (велик он и славен!) за то, что он оказал ему защиту и даровал ему свою милость, и пошёл, не имея ничего, к своей жене; а он уже запоздал к ней.

И он вошёл, и с ним ничего не было, и его жена спросила о причине его опоздания и о том, что он унёс в руках, и спросила, что он с этим сделал и почему вернулся ни с чем. И её муж рассказал ей, какое ему представилось искушение, и поведал ей, что он бросился с того места и Аллах спас его. «Слава Аллаху, который отвратил от тебя искушение и встал между тобой и испытанием! – воскликнула его жена, и потом сказала: – О человек, соседи привыкли, что мы каждый вечер затапливаем нашу печь, и если они увидят вас сегодня без огня, они узнают, что у вас ничего нет. А благодарность Аллаху в том, чтобы скрывать нашу бедность и присоединить пост в сегодняшний вечер ко дню минувшему, а также простоять ночь ради Аллаха (велик од!)».

И она подошла к печи, наполнила её дровами и растопила её, чтобы обмануть этим соседок, и произнесла такие стихи:

«Я скрою тоску и страсть, меня охватившую,
И пламя огня зажгу, соседей чтоб обмануть.
На то, что судил господь, согласно буду я.
Быть может, увидит он позор мой и мне простит...»

И Шахразадку застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Ночь, дополняющая до четырехсот семидесяти

Когда же настала ночь, дополняющая до четырехсот семидесяти, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что, когда женщина разожгла огонь, чтобы обмануть соседей, она поднялась со своим мужем, и они совершили омовение и встали на молитву, и вдруг пришла одна из их соседок и попросила позволения зажечь огонь от их печи. „Вот тебе печь“, – сказали они ей. И женщина подошла к печи, чтобы взять огня, и закричала: „Эй, такая-то, поспевай к твоему хлебу, пока он не сгорел“. – „Ты слышал, что оказала эта женщина?“ – спросила жена мужа. „Сходи посмотри“, – отвечал он ей. И жена поднялась и пошла к печи и вдруг видит: она полна чистого, белого хлеба. И женщина взяла лепёшки и вошла к своему мужу, благодаря Аллаха великого за полное благо и великую милость, которую он им оказал, и они поели хлеба и напились воды, хваля Аллаха великого.

А потом женщина сказала своему мужу: «Пойдём помолимся Аллаху великому, быть может, он пошлёт нам что-нибудь, что нас избавит от труда добывать пропитание и утомляться от работы и поможет нам предаваться поклонению Аллаху и соблюдать повиновение ему». – «Хорошо», – ответил он. И потом мужчина помолился, а женщина сказала: «Аминь!» – после его молитвы, и вдруг крыша раздвинулась, и спустился вниз яхонт, который своим сиянием осветил дом. И муж с женой умножили благодарность

Аллаху и хвалу ему и очень обрадовались этому яхонту и помолились, сколько хотел Аллах великий.

А когда пришёл конец ночи, они заснули, и женщина увидала во сне, будто она вошла в рай и увидела много седалищ, выстроенных в ряд, и поставленных скамеечек и спросила: «Что это за седалища и скамеечки?» И ей было сказано: «Это седалище пророков, а вот скамеечки людей правдивых и праведных». – «А где скамеечка моего мужа, такого-то?» – спросила она. И ей сказали: «Вот она». И вдруг женщина видит, что сбоку скамеечки отверстие. «Что это за отверстие?» – спросила она. И ей сказали: «Это то отверстие, где был яхонт, который спустился к вам с крыши вашего дома».

И женщина пробудилась от сна, плача и горюя о недостатке в скамеечке её мужа, стоявшей между скамеечками правдивых, и оказала своему мужу: «О человек, помолись твоему господу, чтобы он снова вставил этот яхонт на его место: бороться с голодом и бедностью в течение этих немногих дней легче, чем то, чтобы было отверстие в твоей скамеечке среди скамеечек людей достойных». И муж её помолился господу, и вдруг яхонт взлетел, поднимаясь к крыше, а муж и жена смотрели на него. И они пребывали в бедности и благочестии, пока не встретили Аллаха, великого, славного!

Рассказ об аль-Хаджжадж и юноше (ночь 471)

Рассказывают также, что аль-Хаджжадж ибн Юсуф ас-Сакафи преследовал одного человека из вельмож, и когда он предстал меж его руками, аль-Хаджжадж сказал ему: «О враг Аллаха, Аллах дал мне над тобою власть!

И потом сказал: – Сведите его в тюрьму и закуйте в тесные и тяжёлые оковы и постройте над ним клетку: пусть он из неё не выходит и пусть никто не входит к нему».

И он приказал отправить этого человека в тюрьму. И привели кузнеца, и принесли оковы, и когда кузнец ударял молотком, этот человек поднимал голову, смотрел на небо и говорил: «Разве не ему принадлежит сотворение и власть?» И когда кузнец кончил заковывать этого человека, тюремщик построил над ним клетку и оставил его там одиноким и уединённым, и его охватило волнение и забота, и язык его состояния говорил:

О желанье хотящего – так хочу я –
Твоя милость всеобщая – мне опора.
От тебя не сокрыто то, что со мною,
Только взгляд твой – его и жду, и хочу я.
Заключили в тюрьму меня и пытали;
Горе мне одинокому и в изгнание.
Поминание, коль я один, мне утеха,
А не сплю я – оно меня развлекает.
Ты доволен – тогда ничто не заботит,
Ты ведь знаешь, что видишь ты в моем сердце.

А когда опустилась ночь, тюремщик оставил подле этого человека сторожей и ушёл домой, а утром он пришёл его проведать и вдруг видит, что оковы сброшены, а человека нет. И тюремщик испугался и уверился, что теперь он умрёт. Он пошёл домой и простился с семьёй к, положив в рукав свой саван и благовония, вошёл к аль-Хаджжаджу. И когда он остановился перед ним, аль-Хаджжадж почувствовал запах благовоний и спросил: «Что это такое?» – «О владыка, это я принёс их», – сказал тюремщик. «А что побудило тебя к этому?» – спросил аль-Хаджжадж.

И тюремщик рассказал ему о том человеке...»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Четыреста семьдесят первая ночь

Когда же настала четыреста семьдесят первая ночь, она оказалась: «Дошло до меня, о счастливый царь, что, когда тюремщик рассказал аль-Хаджжаджу о деле с тем человеком, аль-Хаджжадж спросил его: „Горе тебе, а ты слышал, чтобы он что-нибудь говорил?“ – „Да, – отвечал тюремщик, – когда кузнец ударял молотком, тот человек взглядывал на небо и говорил: „Разве не ему принадлежит сотворение и власть?“ И аль-Хаджжадж воскликнул: «Или не знаешь ты, что то, что он сказал в твоём присутствии, освободило его, когда тебя с ним не было!»

И язык его обстоятельств сказал в этом смысле такие стихи:

О господи, сколько бедствий ты от меня увёл!
Не будь тебя, я ни сесть не мог бы, ни снова встать!
Ведь сколько и сколько раз, которых не сосчитать,
Отвёл ты беду от нас! О сколько и сколько раз!

Рассказ о кузнеце (ночь 472)

Рассказывают также, что один человек из праведников узнал, что в каком-то селении есть кузнец, который кладёт руку в огонь и берет из него кусок раскалённого железа, и огонь не переходит на его руку. И праведник направился в это селение, спрашивая, где кузнец, и его провели к нему. И, взглянув на него и присмотревшись к нему, праведник увидел, что он делал то, что ему приписывали. И праведник отложил своё дело до тех пор, пока кузнец не кончил работать, а потом он пришёл к нему и приветствовал его и сказал: «Я хочу быть сегодня вечером твоим гостем». И кузнец отвечал: «С любовью и удовольствием!» – и привёл праведника в своё жилище и поужинал с ним, и они легли вместе, и праведник совершенно не видел, чтобы кузнец вставал ночью на молитву или поклонялся Аллаху.

«Может быть, он от меня скрывается», – сказал себе праведник и переночевал у него во второй и в третий раз, но увидел, что кузнец добавляет к обязательным молитвам только желательные и простаивает лишь небольшую часть ночи. «О брат мой, – сказал он ему, – я слышал о том, какую Аллах оказал тебе милость, и видел, что она проявляется на тебе. Но затем я посмотрел, каково твоё усердие в молитве, и не увидел, чтобы ты поступал как тот, через кого являются чудеса. Откуда же у тебя это?»

«Я расскажу тебе о причине этого, – сказал кузнец. – Я влюбился в одну девушку и очень любил её, и много раз её соблазнял, но не мог её осилить, так как она искала защиты в богобоязненности. И пришёл год засухи, голода и беды, и не стало пищи, и увеличился голод. И вот я сидел, и вдруг постучал в ворота стучащий, и я вышел и вижу: это стоит она. „О брат мой, – сказала она мне, – меня поразила сильный голод, и я поднимаю к тебе голову, чтобы ты накормил меня ради Аллаха“. – „Разве ты не знаешь, какова была моя любовь к тебе и что я из-за тебя вытерпел, – отвечал я. – Я не накормлю тебя ничем, пока ты мне не дашь над собою власти“. – „Смерть, но не оглашение Аллаха!“ – сказала она и вернулась к себе.

Но через два дня пришла снова и сказала мне то же, что в первый раз, а я сказал ей в ответ то же, что сказал сначала. И девушка вошла и села в комнате (а она была близка к гибели), и когда я поставил перед ней кушанье, её глаза прослезились, и она воскликнула: «Накорми меня ради Аллаха (велик он и славен!)». – «Нет, клянусь Аллахом, если ты мне не дашь над собою власти», – ответил я. И девушка сказала: «Смерть для меня лучше, чем наказание великого Аллаха!» И она поднялась, оставив кушанье...»

И Шахразату застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Четыреста семьдесят вторая ночь

Когда же настала четыреста семьдесят вторая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что женщина сказала тому человеку, когда он принёс ей кушанье: „Накорми меня ради Аллаха (велик он и славен!)“. И он ответил: „Нет, клянусь Аллахом, если ты не дашь мне над собою власти!“ – „Смерть, но не наказание Аллаха!“ – воскликнула девушка. И затем она поднялась и вышла, оставив кушанье и не съев ничего. И она говорила такие стихи:

«Единый, чьей милостью охвачены твари все,
Ты слышишь, я жалуюсь, ты видишь, что я терплю!
Бедою поражена и горькою я нуждой.
Лишь часть моих горестей мою бы прервала речь.
Подобна я жаждущей: пред взором её вода,
Но выпить де может глаз» не выпьет ни капли он.
Не тянет душа меня вкусить того кушанья,
Чья сладость исчезнет вся, а грех будет век со мной».

И после этого она отсутствовала два дня и пришла и постучалась в дверь, и я вышел и вдруг слышу, что голод прервал звук её голоса. «О брат мой, – сказала она, – хитрости меня изнурили, и я не могу показать лица никому из людей, кроме тебя. Не накормишь ли ты меня ради Аллаха великого?» – «Нет, если ты не дашь мне над собой власти», – сказал я, и девушка вошла и села в комнате. А у меня не было готового кушанья, и когда кушанье поспело и я положил его в чашку, милость Аллаха снизошла на меня, и я подумал: «Горе тебе! Вот женщина, которой недостаёт ума и веры, и она отказывается от пищи, хотя у неё нет сил, такой её поразил голод. Она отвергает тебя раз за разом, а ты не отходишь от слушания Аллаха великого».

И я потом воскликнул: «Боже мой, я раскаиваюсь перед тобой в том, что пришло мне в душу!» А затем я поднялся с кушаньем и вошёл к женщине и сказал ей: «Ешь! С тобой не будет беды, это принадлежит Аллаху (велик он и славен!)» – И женщина подняла глаза к небу и воскликнула: «Боже мой, если этот человек говорит правду, сделай его запретным для огня и в сей жизни и в последней! Ты ведь властен во всякой вещи и достоин того, чтобы внять молитве!»

И я оставил её, – продолжал кузнец, – и пошёл потушить огонь в жаровне (а время было зимнее и холодное), и уголёк упал мне на тело, но я не почувствовал боли по могуществу Аллаха, великого, славного. И мне в душу запала мысль, что молитва женщины принята, и я взял уголёк в руку, но он не обжёг меня, и тогда я пошёл к женщине и сказал: «Радуйся, Аллах внял твоей молитве...»

И Шахразадку застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Четыреста семьдесят третья ночь

Когда же настала четыреста семьдесят третья ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что кузнец говорил: „И я вошёл к женщине и сказал ей: „Радуйся, Аллах внял твоей молитве!“ И она выронила из руки кусок и воскликнула: «О боже, как ты показал нам то, чего я желала, и внял моей молитве за него, тёк возьми мою душу! Ты ведь властен во всякой вещи!» И Аллах взял душу девушки в эту же минуту (да будет над ней милость Аллаха!), и язык обстоятельств оказал в этом смысле:

Воззвала она, и внял её владыка:
Заблудшего, что звал его, простил он.

По милости её исполнив просьбу
О нем, все совершил он, как желала.
За милостью пришла к его воротам
И в горести к нему пути искала.
Но к страсти он склонился, и лишь похоть
Свою он с ней надеялся насытить.
Но он не знал, чего Аллах захочет,
Пришло раскаянье, хоть он не думал,
Достаток наш Аллах нам шлёт, и если
Он не идёт к тебе, – к нему направься».

Рассказ о богомольце и облаке (ночи 473-474)

Рассказывают также, что был среди сынов Ираиля человек из богомольцев, знаменитых благочестием, защищённых от греха, хвалимых за воздержанную жизнь. Когда он молился своему господу, тот внимал ему, и когда он его просил – одарял его и исполнял его желание. И этот человек странствовал в горах и простаивал ночи, и Аллах великий (да будет слава ему!) подчинил ему облако, которое шло за ним, куда бы он ни шёл, и лило на него обильную воду, и человек омывался ею и пил её. И это продолжалось до тех пор, пока рвение этого человека не ослабло в какое-то время, и Аллах отвёл от него это облако и отделил от него своё внимание. И велика стала печаль богомольца, и продлилась горесть его, и непрестанно тосковал он по прежней милости, что ему дарована, и вздыхал, и скорбел, и горевал.

И заснул он в одну дочь из ночей, и было ему во сне сказано: «Если ты хочешь, чтобы Аллах возвратил тебе твоё облако, отправляйся к такому-то царю, в такой-то город и попроси его, чтобы он за тебя помолился. Аллах великий (да будет слава ему!) возвратит тебе облако и пригонит его к тебе по благословению его праведных молитв». И затем говоривший произнёс такие стихи:

«Пойди же ты к доброму эмиру
С нуждой твоей, сильной и великой.
Он взмолится, и Аллах пригонит
Просимый дождь, льющийся обильно.
Возвысился меж царей он саном,
И так высок, что не знает равных.
Дела найдёшь у него такие,
Что принесут радость и веселье.
Иди к нему через степь и горы;
Едва вздохнёшь, отправляйся снова».

И этот человек шёл, пересекая земли, пока не вступил в тот город, который был назван ему во сне. И он спросил, где царь, и ему указали к нему дорогу. И человек пошёл ко дворцу и вдруг видит: у ворот дворца сидит слуга на большом кресле, одетый в великолепную одежду. И человек остановился и произнёс приветствие, и слуга ответил ему и опросил: «Что тебе нужно?» – «Я человек обиженный я пришёл к царю, чтобы подать ему мою просьбу», – ответил богомалец. И слуга оказал: «Сегодня тебе нет к нему пути: он назначил для людей с просьбам» один день в неделю, когда они к нему входят, и это день такой-то. Уходи же прямым путём и жди, пока не настанет этот день».

И богомалец не одобрил царя за то, что он скрывается от людей, и сказал: «Как может он быть другом из друзей Аллаха (велик он и славен!), когда он ведёт себя таким образом!» И богомалец ушёл и стал ожидать того дня, о котором ему сказали. И когда наступил тот

день, который назвал привратник, он пришёл и увидел у ворот людей, которые ожидали разрешения войти. И он стоял с ними, пока не вышел везирь в великолепной одежде, перед которым были слуги и рабы, и везирь оказал: «Пусть входят люди с просьбами!»

И они вошли, и богомолец вошёл среди них и видит: сидит царь, и перед ним вельможи его царства, которые стоят соответственно своему сану и степени. И везирь встал и начал подводить одного за другим, пока очередь не дошла до богомольца. И когда везирь подвёл его, царь взглянул на него и сказал: «Добро пожаловать человеку с облаком! Посиди, пока я не освобожусь для тебя». И тот не знал, что подумать о словах царя, и признал его высокую степень и достоинство. А когда царь рассудил людей и покончил с ними, он поднялся, и поднялся везирь и вельможи царства, а затем царь взял богомольца за руку и привёл к себе во дворец. И он увидел у ворот дворца чёрного раба в великолепной одежде, над головой которого висело оружие, и справа и слева были щиты и луки. И раб встал перед царём и поспешил навстречу его приказанию, исполняя его нужды, а потом он открыл ворота дворца, и царь вошёл (а рука богомольца была в его руке).

И вдруг он увидел перед собой маленькую дверь, и царь сам открыл её и вошёл в разрушенную комнату в великолепной постройке, а затем он вошёл в другую комнату, где не было ничего, кроме молитвенного коврика, чаши для омовения и нескольких пальмовых листьев. И потом царь снял с себя одежду, которая была на нем, и надел грубый халат из белой шерсти, а на голову он надел войлочный колпак. И он сел и усадил богомольца и крикнул своей жене: «О такая-то!» И та отвечала: «Я здесь!» – «Ты знаешь, кто сегодня наш гость?» – спросил царь. И жена его сказала: «Да, это человек с облаком». – «Выходи, тебе из-за него ничего не будет», – сказал ей царь.

И вдруг богомолец увидел, что эта женщина, подобная призраку, и лицо её блистает как месяц, и на ней шерстяной халат и покрывало...

И Шахразадку застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Четыреста семьдесят четвёртая ночь

Когда же настала четыреста семьдесят четвёртая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что, когда царь позвал свою жену, она вышла, и лицо её блистало как месяц, и на ней был грубый халат из шерсти и покрывало. „О брат мой, – спросил богомольца царь, – хочешь ли ты узнать нашу историю, или мы помолимся за тебя, и ты удалишься?“ – „Нет, я хочу услышать вашу историю, это для меня наиболее желательно“, – отвечал богомол. И царь сказал: „Мои отцы и деды сменялись в царстве и наследовали его, старший после старшего, пока они не умерли и власть не дошла до меня. И Аллах сделал это мне ненавистным, и мне захотелось странствовать по земле и предоставить дела людей им самим. Но потом я испугался, что к ним войдёт омота и погибнут законы я рассеется единство веры, и оставил я дело таким, как оно было. Я назначил каждому человеку известное жалованье и надел царскую одежду и посадил рабов у ворот, чтобы устроить людей зла и отгонять их от людей добра, и твёрдо установил наказания. А окончив все это, я вошёл в своё жилище, снял с себя эту одежду и надел то, что ты видишь. А вот это – дочь моего дяди, и она содействует мне в ведении воздержанной жизни и помогает мне предаваться благочестию. Мы делаем днём циновки из этих пальмовых листьев и на это можем разговестись под вечер, и над нами прошло около сорока лет, а мы все в таком же положении. Оставайся же с нами (помилуй тебя Аллах!), тюка мы не продадим наши циновки; ты разговеешься с нами и переночуешь у нас, а потом уйдёшь с тем, что тебе нужно, если пожелает великий Аллах“.

И когда наступил конец дня, пришёл слуга высокого роста и взял циновки, которые они сделали, и отправился с ними на рынок. Он продал их за кират и купил на него хлеба и бобов и принёс их, и богомолец разговелся с царём и его женой и переночевал у них, и они поднялись с полуночи я молились и плакали.

Когда же встала заря, царь оказал: «О боже, вот твой раб, и он просит тебя, чтобы ты возвратил ему его облако; ты ведь властен в этом. Боже мой, покажи, что ты ему внял, и возврати ему его облако!» И жена его сказала: «Аминь!» И вдруг облако выросло на небе. «Вот добрая весть!» – оказал царь. И богомолец простился с ними и ушёл, а облако шло за ним, как прежде. И после этого о чем бы богомолец ни просил Аллаха великого, он внимал ему из уважения к ним, и богомолец говорил такие стихи:

«У господа есть рабы, меж прочих избранные,
Чьё сердце в садах его премудрости шествует
Движение тела
их теперь остановлено Той тайной пречистою, которая в их груди.

Ты видишь, они молчат, покорные господу:
Как явное, тайны все увидел их тайный взор».

Рассказ о мусульманине и христианке (ночи 475-477)

Рассказывают также, что повелитель правоверных Омар ибн аль-Хаттаб (да будет доволен им Аллах!) снарядил войско из мусульман против врагов в Сирии, и они осадили одну из их крепостей жестокой осадой. А среди мусульман было два брата, которым Аллах даровал ярость и отвагу против врагов. И эмир этой крепости говорил своим царькам и храбрецам, которые перед ним стояли: «Если бы эти два мусульманина были взяты в плен или убиты, я бы избавил вас от остальных мусульман».

И враги не переставали устраивать этим мусульманам ловушки и хитрили, расставляя им козни и устраивая засады, и умножали подстерегавших их, пока одного из этих мусульман не взяли в плен, а другой не был убит как мученик. И пленного мусульманина доставили к эмиру этой крепости, и, посмотрев на него, он сказал: «Убийство этого человека будет бедой, а возвратить его мусульманам – нехорошо...»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Четыреста семьдесят пятая ночь

Когда же настала четыреста семьдесят пятая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что, когда враги доставили пленника мусульманина к эмиру крепости, тот посмотрел на него и сказал: „Убийство этого человека будет бедой, а возвратить его к мусульманам – нехорошо. Я хотел бы, чтобы он вступил в христианскую веру, как помощник нам и наша опора“».

И один из патрициев сказал: «О эмир, я соблазню его, и он отступит от своей веры. Арабы чувствуют большую любовь к женщинам, а у меня есть дочь, прекрасная и совершенная; если он её увидит, то, наверное, соблазнится ею». – «Он отдан тебе – уведи его», – сказал эмир. И патриции увёл его в своё жилище и одел девушку в одежды, которые увеличили её красоту и прелесть, а потом он привёл того человека и ввёл его в комнату. И подали кушанье, и христианская девушка стояла перед мусульманином точно служанка, послушная своему господину, ожидающая от него приказаний, которое она могла бы исполнить. И когда мусульманин увидел, что его постигло, он попросил защиты у Аллаха великого и опустил глаза и отвлёкся поклонением своему господину и чтением Корана.

А у него был хороший голос и умение, оставляющее в душе след, и христианская девушка полюбила его сильной любовью и увлеклась им с великой страстью. И юноша поступал так семь дней, и девушка говорила: «О, если бы он согласился, чтобы я вступила в ислам!» А язык со состояния говорил такие стихи:

От нас отвернётесь ли, коль сердце стремится к нам?

Я душу отдам за вас, и в сердце моем – ваш дом.
Согласна покинуть я семью моих родичей
И веру оставить, пред которой острейший меч.
Свидетельствую: «Аллах – нет бога опричь его
Крепко доказательство, сомнение рассеялось!
Быть может, решит он, чтоб стал близок небрежный к вам,
И сердцу прохладу даст, тоской изнурённому.

Ведь двери закрытые порой открываются, И грустью подавленным даётся желанное, И когда терпение девушки истощилось и стеснялась у неё грудь, она бросилась на землю перед юношей и воскликнула: «Прошу тебя ради твоей веры, не выслушаешь ли ты мои слова?» – «А что ты скажешь?» – спросил юноша. И девушка сказала: «Изложи мне учение ислама». И юноша изложил ей учение ислама, и она предалась Аллаху, а затем совершила очищение, и юноша научил её, как надо молиться. И, сделав это» девушка сказала: «О брат мой, я вступила в ислам только из-за тебя, желая твоей близости». – «Ислам, – отвечал юноша, – запрещает брак без двух правомочных свидетелей, приданого и опекуна, а я не найду ни свидетелей, ни опекуна, ни приданого. Если ты ухитришься сделать так, чтобы мы вышли из этого места, я надеюсь, что мы доберёмся до земель ислама, – и обещаю тебе, что у меня не будет в исламе другой жизни, кроме тебя». – «Я ухитрюсь», – сказала девушка.

И потом она позвала отца и мать и сказала им: «Сердце мусульманина смягчилось, и он пожелал принять веру. Я приближала его к тому, что он от меня хочет, но он сказал „Это неприятно мне в городе, где убили моего брата. Если бы я отсюда вышел и моё сердце утешилось бы, я сделал бы то, чего от меня хотят“. Не будет дурно, если вы выведете меня с ним в другой город, и тогда я ручаюсь вам и подарю то, что вы хотите».

И отец девушки пошёл к их эмиру и осведомил его об этом, и эмир обрадовался великой радостью и велел вывести девушку с юношей в то селение, о котором она упомянула. И они вышли, и, достигнув этого селения, они провели там весь день, а когда опустилась на них ночь, они тронулись в путь, перерезая дороги, как сказал кто-то из поэтов:

Сказали они: «Пришла пора отъезда!»
Я молвил. «Сколько раз грозят отъездом!»
Одно мне дело – ездить по пустыне
И отсекай в земле за милей милю.
В какую б землю милый ни поехал,
Туда вернусь я, бедный сын дороги.
Лишь страсть моя послужит мне вожатым
И верный путь без вожака укажет...»

И Шахразад застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Четыреста семьдесят шестая ночь

Когда же настала четыреста семьдесят шестая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что плавный мусульманин и девушка провели в селении остаток дня, а когда опустилась над ними ночь, они тронулись в путь, перерезая дороги, и шли всю эту ночь. А юноша сидел на быстром копе, и он посадил девушку сзади, и пересекал земли, пока не приблизилось утро. И тогда он свернул с дороги и опустил девушку на землю, и они омылись и совершили утреннюю молитву.

И когда это было так, они вдруг услышали бряцанье оружия, лязг удил, разговор людей и стук копыт. «О такая-то, – сказал юноша, – это наши преследователи, христиане настигли нас. Что тут придумать, когда конь так устал и утомился, что не может пройти и сажени?» –

«Горе тебе, разве ты утращён я напугался?» – спросила девушка. «Да», – отвечал юноша. И она сказала: «А где то, что ты рассказывал о могуществе твоего господа и о помощи его тем, кто просит о помощи? Пойдём сюда, будем умолять его и взывать к нему – может быть, он нам поможет своей помощью и настигнет нас его милость (велик он и славен)». – «Прекрасно, клянусь Аллахом, то, что ты сказала» – воскликнул юноша. И они стали умолять Аллаха великого, а юноша говорил такие стихи:

«Поистине, я в тебе нуждаюсь всечасно,
Хоть были б на голове венец и корона.
Ведь ты – величайшая нужда моя, и когда б
Достиг я, чего хочу, нужды я не знал бы.
Ведь нет ничего такого, в чем отказал бы ты, –
Нет, реки твоих щедрот текут изобильно.
Но я от тебя закрыт своим послушанием,
А свет всепрощения – о кроткий – сияет.
О грусть прогоняющий, беду прогони мою
Ведь если не ты, то кто заботу прогонит?»

И когда он молился и девушка говорила «Аминь!» – после его молитвы (а звук бега коней все приближался к ним), юноша вдруг услышал слова своего брата, убитого как мученик, который говорил: «О брат мой, не бойся и не печалься: послы прибыли к Аллаху, и он послал к вам своих ангелов, чтобы они были свидетелями при вашем браке. Аллах великий похваляется вами перед своими ангелами, и он даровал вам награду счастливых и мучеников и овил для вас землю. Завтра утром ты будешь в горах аль Медины, и когда ты встретишь Омара ибн альХаттаба (да будет доволен им Аллах!), передай ему от меня привет и скажи ему: „Да воздаст тебе Аллах за ислам благом! Ты был чистосердечен и усерден“.

И потом ангелы возвысили голоса, желая мира юноше и его жене, и оказали: «Аллах великий сделал её твоей женой на две тысячи лет раньше, чем создал отца вашего Адама (мир с ним!)».

И покрыла их радость, восторг, безопасность и веселье, и усилилась их вера, и твёрдо установился путь богобоязненных, и, когда поднялась заря, они совершили утреннюю молитву. А Омар ибн аль-Хаттаб (да будет доволен им Аллах!) совершал утреннюю молитву в конце ночи, и иногда он входил в михраб, а сзади него было два человека. И начинал он с суры «Скот» или суры «Женщины», и просыпался спящий, омывался омывающимися и подходил далёкий, и не кончал ещё Омар первого раката, как мечеть наполнялась людьми, и тогда он творил второй ракат, сопровождая его лёгкой сурой, чтение которой он ускорял.

Когда же наступил тот день, Омар прочитал при первом ракате молитвы лёгкую суру, ускоряя её чтение, при втором ракате тоже, а произнеся пожелание мира, он посмотрел на тех, кто был с ним, и сказал: «Выйдем встретить новобрачных!» И удивились люди, бывшие с ним, и не поняли его слов, и Омар пошёл впереди, а они шли за ним, и вышел к воротам аль-Медины. А тот юноша, когда показался свет, увидел возвышенности аль Медины и направился к воротам, а жена его шла за ним. И Омар и мусульмане встретили его и пожелали ему мира, а когда вошли в город, Омар (да будет доволен и Аллах!) приказал устроить свадебный пир. И пришли мусульмане и поели, и юноша вошёл к своей жене, и Аллах великий наделил его от неё детьми...»

И Шахразиду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Четыреста семьдесят седьмая ночь

Когда же настала четыреста семьдесят седьмая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что Омар ибн аль-Хаттаб (да будет доволен им Аллах!) приказал устроить

свадебный пир, и пришли мусульмане и доели, и юноша вошёл к своей жене, и Аллах наделил его от неё детьми, которые сражались на пути Аллаха и оберегали честь род и своей славой. Как прекрасно то, что сказано было в этом смысле:

Я вижу, ты у ворот горюешь и сетуешь,
Но перед просящими не слышишь ответа
Коль гневом ты поражён или горе пришло к тебе,
И двери любимого закрыты завесой,
К Аллаху ты воззови, несчастный, в день нынешний
И кайся, как каялись все люди Аллаху,
Быть может, прощенья дождь все смоем прошедшее.
Обильно на грешников польётся награда.
Ведь пленный спасается, хотя и закован он,
И те, кто в тюрьме сидит, находят свободу.

И они жили приятнейшей жизнью, в самой полной радости, пока не пришла к ним Разрушительница наслаждений и Разлучительница собраний.

Рассказ об Ибн аль-Хаввасе (ночь 478)

Рассказывают также, что Сиди⁴⁷⁹ Ибрахим ибн альХаввас (да будет над ним милость Аллаха!) говорил:

«Потребовала моя душа в какое-то время, чтобы я вышел в земли нечестивых. Я стал удерживать её, но она не дала себя удержать и не отказывалась от этого. И я старался прогнать от себя эту мысль, но она не уходила. И тогда я вышел и проходил через страны неверных, бродя по их землям, и попечение Аллаха укрывало меня, и забота его оберегала меня, и все христиане, которых я встречал, опускали передо мной взоры и отдалялись от меня.

И наконец я пришёл в один город из городов и увидел у ворот его множество рабов, надевших оружие, в руках которых были железные крючковатые палки. И рабы, увидав меня, поднялись на ноги и спросили меня: «Врач ли ты?» – «Да», – ответил я. И они сказали: «Отвечай царю!» И меня повели к нему, и вдруг я вижу: это – великий царь с прекрасным лицом. И когда я вошёл, он посмотрел на меня и спросил: «Врач ли ты?» – «Да», – ответил я. И царь сказал: «Отведите его к ней и осведомьте его об условии, прежде чем он к ней войдёт».

И меня вывели и сказали: «У царя есть дочь, которую поразило великое нездоровье, и врачи оказались бессильны её вылечить, и всякого врача, который входил к ней и лечил её, но его лечение не приносило пользы, царь убивал. Посмотри же, как ты решишь». – «Царь направил меня к ней, – сказал я, – введите же меня».

И меня подвели к дверям царевны, и когда я подошёл, постучали в них и вдруг слышат, она кричит из комнаты: «Введите ко мне врача, обладателя дивной тайны! – и потом произносит:

Открывайте двери – вот явился врач,
На меня взгляните – тайну знаю я.
О, доколе близкий будет отдался,
И доколе дальний будет близок к нам?
Среди вас в изгнание находилась я,

⁴⁷⁹ Сиди крещённое «сайиди») – мой господин – титул подвижников и людей благочестивой жизни. Женский род – ситт (госпожа) употребляется вообще для обозначения знатных женщин.

Близкого послал мне Правый, чтоб развлечь.
Связаны родством мы в вере нашей с ним;
Вот мы повидались, как влюблённых два.
Он позвал меня для встречи, и тогда
Был далёк от нас хулитель и злодей.
Бросьте же хулить, и брань оставьте вы,
Горе вам, не стаду вам я отвечать!
На конечное не стану я смотреть,
Лишь к тому, что будет вечно, я стремлюсь».

И вдруг некий престарелый старец быстро открыл двери и сказал: «Входи!» И я вошёл и увидел комнату, убранную всевозможными цветами, и занавес, опущенный в углу, а из-за занавеса были слышны слабые стоны, исходившие из похудевшего тела. И я сел напротив занавеса и хотел произнести приветствие, но вспомнил слова его (да благословит его Аллах и да приветствует!): «Не желайте первые мира евреям или христианам, а если встретили их на дороге, оттесняйте их на путь наиболее узкий», – я удержался. И девушка закричала из-за занавески: «Где приветствие единобожия и преданности Аллаху, о Хаввас?»

И я удивился этому, – говорил Хаввас, – и спросил девушку: «Как ты меня узнала?» И она ответила: «Когда чисты сердца и умы, говорит язык ясно о том, что скрыто в тайных мыслях. Я просила вчера Аллаха послать ко мне друга из числа друзей своих, при помощи которого мае будет освобождение, и раздался возглас из угла моей комнаты: „Не печалься, мы пошлём к тебе Ибрахима аль-Хавваса“».

«Что с тобою?» – спросил я девушку. И она сказала: «Уже четыре года как мне блеснула явная истина, и она – мой собеседник и друг, мой близкий и товарищ! И родные бросали на меня взоры и делали обо мне предположения и приписывали мне бесноватость, но все врачи среди них, что входили ко мне, нагоняли на меня тоску, и все посетители меня смущали». – «А что привело тебя к тому, чего ты достигла?» – опросил я. И девушка сказала: «Явные доказательства и ясные знамения: когда ясна для тебя дорога, ты увидишь и ведомого и водителя».

И когда я разговаривал с девушкой, вдруг пришёл тот старец, что был к ней приставлен, и опросил: «Что сделал твой врач?» И девушка сказала: «Он узнал болезнь и угадал лекарство...»

И Шахразяду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Четыреста семьдесят восьмая ночь

Когда же настала четыреста семьдесят восьмая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что старец, приставленный к девушке, войдя к ней, спросил: „Что сделал твой врач?“ И она ответила: „Он узнал болезнь и угадал лекарство“. И я увидел, что он рад и доволен, и он проявил ко мне милость и благоволение. Он пошёл к царю и рассказал ему обо всем, и царь побуждал его оказывать мне почёт, и я посещал девушку в течение семи дней.

И она наконец спросила меня: «О Абу-Исхак, когда же будет переселение в землю ислама?» И я ответил: «Как можно вывести тебя отсюда и кто отважится это сделать?» – «Тот, кто ввёл тебя ко мне и направил», – молвила девушка. И я воскликнул: «Прекрасно то, что ты сказала!»

И когда наступил следующий день, мы вышли из ворот крепости, и скрыл нас от глаз тот, чьё дело, когда захочет он чего-нибудь, сказать: «Будь!» – и оно бывает. И я не видел никого, кто бы лучше выносил пост и стояние на молитве, чем эта девушка, – говорил Ибн аль-Хаввас. – Она жила в соседстве со священным храмом Аллаха семь лет, а затем окончила она свой срок, и была земля Мекки ей могилой».

Да низведёт на неё Аллах милости и да помилует того, кто сказал такие стихи:

Когда привели ко мне врача и увидел он Следы изобильных слез и хвори томительной,
Покров он с лица мне снял, до видеть од мог под ним Лишь вздохи, и ни души, ни тела там
не было.

И молвил он:

«Этого нам вылечить нелегко.
Есть тайны ведь у любви, и их не узнать умом».

Сказали:

«Когда никто не знает, чем болен он,
И трудно болезни дать название посредством слов,
То как же лекарствами окажешь ты действие?»

«Оставьте, – ответил врач, – сужу я не разумом!»

Рассказ об одном из пророков (ночь 479)

Рассказывают также, что один из пророков поклонялся Аллаху на высокой горе, под которой бежал ручей. И днём он сидел на вершине горы, так что люди его не видели, и поминал Аллаха великого, смотря на людей, которые приходили к ручью. И когда, в какой-то день, этот пророк сидел и смотрел на ручей, он вдруг увидел всадника, который подъехал на своём коне и спешился и положил на землю мешок, висевший у коня да шее. Он отдохнул и напился воды и потом уехал и оставил мешок (а в мешке были динары).

И вдруг подошёл человек к ручью и взял мешок с деньгами и напился и ушёл невредимый. И пришёл после него дровосек, который нёс на спине тяжёлую вязанку дров, и сел у ручья, чтобы налиться воды, и вдруг первый всадник подъехал, опечаленный, и спросил дровосека: «Где мешок, который был здесь?» – «Я не знаю, что с ним», – отвечал дровосек, и всадник вынул меч и, ударив дровосека, убил его. Он стал искать у него в одежде, но ничего не нашёл и оставил его и уехал своей дорогой.

И тогда этот пророк воскликнул: «О господи, один взял тысячу динаров, а другой убит безвинной И Аллах ниспослал ему откровение: „Будь занят своим благочестием: управление царством не твоё дело. Отец этого всадника насильно отнял тысячу динаров из денег тоге человека, и я отдал сыну власть над деньгами его отца. А дровосек убил отца этого всадника, и я дал сыну возможность отомстить“. И сказал этот пророк: „Нет бога, кроме тебя! Хвала тебе! Ты знаешь скрытое...“

И Шахразадку застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Четыреста семьдесят девятая ночь

Когда же настала четыреста семьдесят девятая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что пророк, когда Аллах послал ему откровение: „Занимайся своим благочестием!“ и рассказал ему истину об этом деле, воскликнул: „Нет бога, кроме тебя! Хвала тебе! Ты знаешь скрытое!“

А кто-то сказал в этом смысле такие стихи:

Пророка увидел глаз все то, что случилось там,
И начал он спрашивать, что было причиною.
Глаза его видели, но только не понял он,
И молвил он: «Господи, убитый невинен ведь!
Один вот богатым стал, хотя не работал он,

А прежде покрыт он был одеждою нищего.
Другому досталась смерть, хоть был он недавно жил,
И не совершил греха, о всех, кто живёт, творец!»
«Те деньги-отца того, кого ты тогда видал, –
В наследство они ему достались, без тягости.
А тот дровосек убил отца того всадника,
И сын его отомстил, когда удалось ему.
О раб наш, забудь о том! У нас ведь, поистине,
В творении тайны есть, от глаза сокрытые.
Покорён веленьям будь, склонись пред величием,
Наш приговор ведь песет и пользу и вред нам всем».

Рассказ о перевозчике и праведном юноше (ночь 479)

Рассказывают также, что один из праведников говорил: «Я был перевозчиком на Ниле египетском и перевозил с восточного берега на западный. И в один из дней, когда я сидел в челноке, вдруг остановился подле меня старец со светящимся лицом и приветствовал меня. И я ответил на его приветствие, и он спросил меня: „Перевезёшь ли ты меня ради Аллаха великого?“ – „Да“, – отвечал я. И старец сказал: „А накормишь ли ты меня ради Аллаха?“ – „Да“, – отвечал я. И он вошёл в челнок, и я перевёз его на восточный берег.

А на старце было заплатанное рубище, и в руках у него были сума и посох. И, собираясь выйти из лодки, он сказал мне: «Я хочу возложить на тебя поручение». – «А какое?» – спросил я. И он сказал. «Когда наступит завтрашний день, тебе будет внушение, чтобы ты пришёл ко мне в полуденное время. И ты придёшь и найдёшь меня мёртвым под этим деревом. Обмой меня и заверни в саван, который найдёшь у меня под головой, а потом закопай меня, после того как помолишься надо мною, в этом песке. Возьми это рубище и суму и посох и, когда придёт к тебе человек и потребует их у тебя, отдай их ему».

И я удивился его словам, – продолжал праведник, – и проспал эту ночь, а наутро я стал ждать того времени, о котором упоминал старец, и когда пришло время полдня, я позабыл о том, что он мне говорил; а потом, к послеобеденной молитве, мне было ниспослано внушение, и я поспешно отправился и нашёл старца мёртвым под деревом. И я нашёл у него в головах новый саван, от которого веяло запахом мускуса, и омыл старца и завернул его в саван и, помолившись над ним, вырыл ему могилу и закопал его, а затем я переправился через Нил и пришёл на западный берег вечером, неся с собою рубище, суму и посох.

И когда заблистало утро и открыли ворота города, я увидел одного юношу, прежде вора, которого я знал; он был одет в тонкие одежды, и на руке его были следы хенны. И он шёл, пока не дошёл до меня, и тогда он спросил: «Ты такой-то?» – «Да», – ответил я. И он сказал: «Подавай то, что тебе было поручено». – «А что это?» – спросил я. И он сказал: «Рубище, сума и посох». – «А кто указал тебе на них?» – спросил я. И юноша молвил: «Я ничего не знаю, кроме того, что я провёл вчера ночь на свадьбе такого-то и не спал, распевая, пока не приблизилось время утра. И тогда я лёг отдохнуть, и вдруг какой-то человек остановился около меня и сказал: „Аллах великий взял душу такого-то, друга Аллаха, и поставил тебя на его место. Иди же к такому-то перевозчику и возьми у него рубище умершего, его суму и посох, он оставил их у него для тебя“.

И я вынул эти предметы, – говорил праведник, – и отдал их юноше, и тот снял с себя одежду и облачился в рубище, а потом он оставил меня и ушёл, и я заплакал, лишившись этого. А когда на меня опустилась ночь, я заснул и увидел во сне господина величия (благословен он и преславен!), и он сказал мне: «О раб мой, разве тяжело тебе, что я оказал милость одному из рабов моих и вернул его к себе? Это от меня милость, и я дарую её кому хочу, ибо я властен во всякой вещи». И тогда я произнёс такие стихи:

«Влюблённому с возлюбленным желать нечего:
Все желания, если знаешь ты, запретны.
Если хочет он с тобой сблизиться по милости
Иль опять уйдёт, то нет на нем упрёка.
Коль в разлуке с ним не узнаешь ты наслаждения,
Иди – остаться с ним не будет сладко.
Когда и близость и уход равны тебе,
Тогда ты сзади, – страсть вперёд уходит,
А если страсть над душой моей тебе власть даёт
Иль узда любви на смерть меня уводит,
Покидай тогда иль будь ты близок – едино все, –
Счастливому стоять ведь не позорно.
Любя тебя, хочу, чтобы ты доволен был,
И захочешь ты в отдаленье быть – это правильно».

Рассказ о царе и двух братьях (ночи 480-481)

Рассказывают также, что один человек из лучших сынов Ибраиля имел много денег, и был у него сын – праведный и благословенный. И пришла к этому человеку смерть, и сын его сел у его изголовья и сказал: «О господин мой, дай мне наставленье». И отец его сказал ему: «О сынок, не клянись Аллахом ни в благочестии, ни в нечестии». А затем этот человек умер, и остался сын после своего отца.

И прослышали о нем развратники из сынов Ибраиля, а люди приходили к нему и говорили: «За твоим отцом столько-то и столько-то моих денег, и ты об этом знаешь. Отдай мне то, что было на его ответственности, а если не отдашь, поклянись». И сын придерживался того, что было ему завещано, и отдавал пришедшему все, что тот требовал, и его не оставляли, пока не исчезли его деньги и не стала сильной его нужда.

А у этого юноши была жена, праведная и благословенная, и он имел от неё двух маленьких детей. И сказал он своей жене: «Люди умножали свои требования, и пока у меня было что отдать, чтобы защитить себя, я не жалел этого, но теперь у нас ничего не осталось, и если потребует от меня требующий, мы с тобой подвергнемся испытанию. Лучше всего будет, если мы спасём наши души и уйдём в такое место, где нас никто не знает, и будем себе поживать за спинами людей».

И он выехал с женой и двумя детьми в море, не зная, куда направиться, но судит Аллах, и никто не отвратит суда его! И язык судьбы этого человека говорил:

О ты, что дом оставил свой, страшась врагов,
Но пришло к тебе облегчение, когда вышел ты.
Не пугайся ты отдалённости: нередко ведь
Чужестранец славен, хотя не близко дом его.
Если был бы жемчуг всегда закрыт в своей ракушке,
Венец царей его жилищем не был бы.

И разбился корабль, и выплыл тот человек на одной доске, а женщина на другой доске, и каждый из детей тоже выплыл на доске. И разлучили их волны, и женщина попала в одно селение, и один из мальчиков попал в другое селение, а другого мальчика подобрали в море люди, бывшие на корабле; что же до её мужа, то волны бросили его к уединённому острову. И он вышел на остров и омылся водой из моря и произнёс азан и сотворил молитву...»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Ночь, дополняющая до четырехсот восьмидесяти

Когда же настала ночь, дополняющая до четырехсот восьмидесяти, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что, когда этот человек вы шёл на остров, он омылся водой из и произнёс азан и сотворил молитву, и вдруг вышли из моря разноцветные люди и стали молиться с ним. А окончив, он подошёл к дереву, бывшему на острове, и поел его плодов, и прекратился его голод, а затем он нашёл ручей с водой и напился её и прославил Аллаха (велик он и славен!). И он провёл три дня, молясь, и выходили люди и молились, как он молился, а когда прошли три дня, он услышал голос, который взывал к нему: „О человек праведный, чтящий своего отца, уважающий сан своего господина, не печалься! Аллах (велик он и славен) возместит тебе то, что ушло из твоих рук. На этом острове есть сокровища и богатства и полезные вещи, и хочет Аллах, чтобы ты их наследовал. Они на этом острове, в таком-то и в таком то месте; открой их, и я приведу с тебе корабли. Будь милостив к людям и призывай их к себе. Аллах (велик он и славен!) склонит к тебе сердца их“.

И человек пошёл к тому месту на острове, и открыл ему Аллах эти сокровища, и стали люди с кораблями приходить к нему, и он им оказывал великие благодеяния и говорил им: «Быть может, вы приведёте ко мне людей, я дам им то-то и то-то и назначу им то-то и то-то». И стали люди приходить к нему из стран и местностей, и не прошло над ним десяти лет, как остров сделался населённым, и этот человек стал даром, и всем, кто искал у него приюта, он оказывал милости, и распространилась молва о нем по земле и вдоль и вширь.

А ею старший сын послал к одному человеку, который его обучил и дал ему образование; другой же попал к человеку, который воспитал его и дал ему хорошее воспитание и обучил его торговле; что же до его жены, то она попала к одному человеку из купцов, а тот доверил ей свои деньги и обещал ей, что не обманет её и поможет ей в повиновении Аллаху (велик он и славен!). И купец путешествовал с вею на корабле в разные страны и брал её с собою, в какое бы место он ни захотел ехать.

И старший сын услышал о славе того паря и направился к нему, не зная, кто это. И когда он пришёл к царю, тот доверил ему свои тайны и сделал его своим писцом. И другой сын услышал про этого справедливого и праведного царя и направился к нему, тоже не зная, кто это. И когда он пришёл к царю, тот поручил ему смотреть за своими делами. И они провели некоторое время на службе у царя, и ни один из них не узнавал другого.

И купец, у которого была та женщина, услышал про царя и его милость и благодеяния людям и взял несколько роскошных материй и редкостей своей страны, которые считались диковинными, и ехал на корабле, и женщина была с ним, пока он не достиг берегов острова. И он пришёл к царю и поднёс свои подарки, и царь посмотрел на них и сильно им обрадовался, и приказал дать этому человеку роскошную награду. А среди подарков были зелья, и царь захотел, чтобы купец осведомил его об их названиях и рассказал бы ему, на что они годятся. И сказал царь купцу: «Останься у нас сегодня ночью...»

И Шахразад застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Четыреста в восемьдесят первая ночь

Когда же настала четыреста восемьдесят первая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что купец, когда царь сказал ему: „Останься у нас сегодня ночью“, молвил: „У меня есть на корабле заложница, и я обещал ей, что не доверю её дела никому, кроме меня. Это праведная женщина, и я стал счастливым её молитвами, и благословение явилось мне в её суждениях“. — „Я пошлю за ней верных людей, — сказал царь, — и они проведут близ неё ночь и будут охранять все, что у неё есть“.

И купец согласился на это и остался у царя, а царь послал к женщине своего писца и своего поверенного и сказал им «Идите и охраняйте сегодня ночью корабль этого человека,

если хочет того Аллах великий».

И они отправились и взошли на корабль, и один сел на корме, а другой сел на носу, и они поминали Аллаха (велик он и славен) некоторую часть ночи. А потом один сказал другому: «О такой-то, царь велел нам стеречь корабль, и мы боимся заснуть. Пойди сюда, поговорим о делах времени и о том, что мы видели из благ и испытаний». – «О брат мой, – сказал другой,

что до меня, то моё испытание в том, что судьба разлучила меня с моим отцом, матерью и братом, которого звали так же, как тебя, а было причиною этого то, что наш отец уехал из такого то города по морю и поднялись против нас ветры, и сменялись они, и разбился корабль, и разлучил нас Аллах».

И, услышав это, другой брат спросил: «А как звали твою мать, о брат мой?» – «Так-то», – ответил тот. «А как зовут твоего отца?» – опросил его брат, и он ответил: «Такого!» И тогда брат бросился к брату и воскликнул: «Клянусь Аллахом, ты, поистине, мой брат!» И каждый из братьев стал рассказывать другому, что случилось с ним в малолетстве.

А мать их слушала их разговор, но она скрыла своё дело и внушила своей душе терпение.

Когда же взошла заря, один из братьев сказал другому: «Пойдём, о брат мой, поговорим в моем доме». И тот сказал: «Хорошо!» – и они ушли. И пришёл тот человек и нашёл женщину в великой скорби и спросил её: «Что тебя поразило и постигло?» И женщина ответила: «Ты послал ко мне сегодня ночью людей, которые пожелали от меня дурного, и была я из-за них в великой скорби».

И купец разгневался и пошёл к царю и рассказал ему, что сделали его доверенные, и царь поспешно призвал их (а он их очень любил, так как убедился в их верности и благочестии). А затем он велел призвать женщину, чтобы она рассказала своими устами, как было с ними дело.

И женщину привели и доставили, и царь опросил её: «О женщина, что ты видела от этих доверенных людей?» – «О царь, – отвечала женщина, – прошу тебя ради Аллаха великого, господя вышнего престола, не прикажешь ли ты им повторить слова, которые они вчера сказали?» – «Говорите то, что вы говорили, и не скрывайте ничего!» – сказал им царь. И они повторили свои слова, и вдруг царь поднялся со своего ложа и вскрикнул великим криком, и бросился к юношам, и обнял их, и воскликнул: «Клянусь Аллахом, вы, поистине, мои дети!» И женщина открыла лицо и сказала: «А я, клянусь Аллахом, их мать!»

И они все встретились и жили самой сладостной и приятной жизнью, пока не погубила их смерть. Слава тому, кто спасает раба, когда тот к нему обращается, и не обманывает его надежд и упований. Как прекрасны слова, сказанные в этом смысле:

Для всякой и всех вещей назначено время,
И дело сотрёт Аллах, о брат, и проявит.
Не надо страшиться дел, которыми ты сражён,
Ведь тяжкие нам дела дадут облегченье.
Немало, знай, горестей несут нам во внешнем скорбь,
Но внутренне ведь они таят в себе радость.
И сколько униженных, противных глазам люден,
Но скрыты за низостью чудесные свойства.
Бот тот, что узнал тоску, и борется он с бедой,
Порою постигнут он бывает несчастьем.
Судьбою он разлучён был с теми, кого любил,
И все после долгих встреч рассеяны ныне.
Но дал ему благо бог и вновь их к нему привёл.
Ведь все, что случается, к владыке восходит.
Хвала же тому, кто всех покрыл своей милостью,

Чью близость вещают нам все признаки явно.
Он близок, по изъяснить, каков он, не может ум,
И долгий не может путь его к нам приблизить.

Рассказ об Абу-ль-Хасане и прокажённом (ночь 482)

Рассказывают также, что Абу-ль-Хасан-сукуновал говорил: «Я часто ходил в Мекку (да увеличит Аллах славу её!), и люди ходили за мной следом, так как я знал дорогу и помнил водопои. И случилось в некий год, что я захотел достигнуть священного храма Аллаха и посетить могилу пророка его (молитва над ним и привет!) и сказал про себя: „Я знаю дорогу и пойду один“.

И я шёл, пока не дошёл до аль-Кадисии⁴⁸⁰, я вступил туда и вошёл в мечеть и увидел там прокажённого, который сидел в михрабе. И, увидев меня, прокажённый сказал: «О Абу-ль-Хасан, я прошу разрешения сопутствовать тебе в Мекку». И я подумал: «Я бежал от спутников; как же я буду сопутствовать прокажённым?» – «Я не буду сопутствовать никому», – сказал я потом, и этот человек промолчал.

А когда наступило утро, я пошёл по дороге один и оставался одиноким, пока не достиг аль-Акабы;⁴⁸¹ и я вошёл в мечеть и, войдя туда, увидел в михрабе прокажённого. «Слава Аллаху! – подумал я, – как это он пришёл сюда раньше меня!» И прокажённый поднял ко мне голову и улыбнулся и оказал: «О Абу-ль-Хасан, делается для слабого то, чему дымитесь сильный!»

И я провёл эту ночь в недоумении из-за того, что увидел, а наутро я пошёл по дороге один. И, дойдя до Арафата, я направился в мечеть, и вдруг вижу: этот человек сидит в михрабе! И я бросился к нему и воскликнул: «О господин, прошу тебя мне сопутствовать!» – и принялся целовать ему ноги, но прокажённый сказал: «Нет мне к этому пути!» И я начал плакать и рыдать, когда сопутствовать ему стало для меня запретно, и прокажённый сказал мне: «Считай это ничтожным, бесполезно тебе плакать...»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Четыреста семьдесят вторая ночь

Когда же настала четыреста восемьдесят вторая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что Абу-ль-Хасан говорил: „Когда я увидел, что прокажённый сидит в михрабе, я бросился к нему и воскликнул: „О господин, прошу тебя мне сопутствовать!“ – и принялся целовать ему ноги, но прокажённый сказал: „Нет мне к этому пути“. И я принялся плакать и рыдать, когда сопутствовать ему стало для меня запретно, прокажённый сказал: „Считай это ничтожным, бесполезно тебе плакать и проливать слезы“ И затем произнёс такие стихи:

«Ты плачешь о дальности, но в дальности ты виной,
И просишь ответа ты, когда невозможен он.
Ты видел болезнь мою и внешний недуга знак
И молвил: «Хворает он, ни взад ни вперёд нейдёт
Не видишь ты, что Аллах (велик и славен он!)

⁴⁸⁰ Аль-Кадисия – город в нижней Месопотамии, к юговостоку от Куфы, одна из остановок на пути из Багдада в Мекку.

⁴⁸¹ Аль Акаба – ущелье близ Мекки.

Даёт своей милостью все то, чего просит раб,
Коль был бы подобен я тому, что увидел глаз,
И тело хворало бы так сильно, как кажется,
А пищи со мною нет, с которой бы мог дойти
До места, куда идут к владыке людей послы, –
То есть у меня творец, чьи милости скрыты все,
И нет ему равного, спастись от дето нельзя.
Иди же ты с миром, и оставь чужеземца ты,
Изгнанник, когда один-единый лишь друг ему».

И я ушёл от него, и всякий раз, как я после этого приходил на привал, я видел, что он опережал меня. А когда я достиг аль-Медины, след прокажённого от меня скрылся, и исчезли слухи о нем. И я встретил Абу-Язида Бистамского я Абу-Бекра аш-Шибли и нескольких шейхов и рассказал им мою историю и пожаловался им на то, что со мной случилось, и они сказали: «Не бывать тому, чтобы ты получил после этого возможность ему сопутствовать! Это Абу-Джафар-Прокажённый, во имя кого просят облака о дожде и по чьему благословению бывают приняты молитвы».

И когда я услышал от них эти слова, увеличилось моё стремление его встретить, и я стал просить Аллаха, чтобы он свёл меня с ним. И когда я стоял на Арафате, вдруг кто-то потянул меня сзади, и я повернулся, я вижу: это – тот человек. И, увидав его, я испустил великий крик и упал, покрытый беспамятством, а очнувшись, я не нашёл этого человека. И усилилась из-за этого моя тоска, и тесны сделались для меня дороги, и я стал просить Аллаха великого, чтобы дал он мне его увидеть.

И прошло лишь немного дней, и вдруг он потянул меня сзади, и когда я обернулся к нему, он сказал: «Заклинаю тебя, подойди ко мне и попроси о том, что тебе нужно». И я попросил его, чтобы он помолился обо мне тремя молитвами: первая – о том, чтобы Аллах сделал для меня любезной бедность, вторая – чтобы я не засыпал, имея определённый достаток, и третья чтобы дал мне Аллах взглянуть на его благородный лик. И он совершил для меня эти три молитвы и скрылся.

И Аллах внял его молитвам: во-первых, Аллах сделал бедность мою любезной, и, клянусь Аллахом, ничто в мире мне из более любезно, чем она; и, во-вторых, я уже столько-то лет не проводил ночь, имея определённый достаток, но при этом Аллах не заставлял меня терпеть нужду ни в чем. И, поистине, я надеюсь, что Аллах ниспослёт мне исполнение и третьей молитвы и услышит её так же, как услышал раньше обе другие – он ведь великодушен и всемилостив. Да помилует Аллах того, кто сказал:

Факир украшен молитвами и достоинством,
Одет же он лишь в тряпки и лохмотья.
Бледный лик его – украшение; ведь случается,
Что бледным кругом лик луны украшен.
Изнурён факир долгим бдением в часы ночей
И слезы льёт из глаз своих обильно,
И друг ему, в дому его – поминание,
И беседует ночами с ним всемогущий.
Факира просит о помощи всяк ищущий,
И также все животные и птицы.
Ради бедного посылает бог испытания,
Его милостью струя дождей нисходит.
Коль попросит о, чтоб пресёк Аллах беды горькие,
То погиб обидчик и смерть найдёт насильник.
Все создания больны болезнью тяжкою,
И он их врач, заботливый и щедрый.

Его лик сияет: коль взглянешь ты на лицо его,
Станет чистым сердце и свет его блеснёт там.
О стремящийся покинуть их, не зная их,
Отделен от них тяжкой ношей ты, несчастный.
Ты надеешься с ними вместе быть, во закован ты,
От желанного отдалён ты тяжкой ношей.
Если знал бы ты их достоинства, ты ваял бы им,
Из-за них бы лил из глаз ты слез потоки.
Людам с насморком ведь цветов не нюхать; поистине,
Одежде цену знает лишь посредник,
Так слеси к владыке, проси его о сближения,
Быть может, рок твоё поддержит рвенье.
Отдохнёшь тогда от вражды людей чрезмерной ты,
Получивши то, что желаешь ты и любишь.
Его милости обширны ведь для просящего,
И од – господь единый, покоритель».

Рассказ о Хасибе и царице змей (ночи 483-536)

Рассказывают также, что был в древние времена и минувшие века и годы мудрец из мудрецов греческих, и было этому мудрецу имя Данияль. И были у него ученики и последователи, и греческие мудрецы подчинялись его велению и полагались на его знания. Но при всем том не досталось Даниялю ребёнка мужеского пола.

И когда он, в одну ночь из ночей, размышлял про себя и плакал из-за отсутствия сына, который бы наследовал после него его науку, вдруг пришло ему на ум, что Аллах (слава ему и величие!) внимает зову тех, кто к нему обращается, и что нет у врат его милости привратника. Он наделяет, кого хочет, без счета и не отталкивает просящего, когда он его просит, а, напротив, даёт ему в изобилии и благо и милость. И попросил Данияль Аллаха великодушного (велик он!), чтобы дал он ему ребёнка, которого мог бы он оставить после себя и оказал бы ему обильные милости, а затем он вернулся к себе домой и познал свою жену, и понесла она от него в ту же ночь...»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Четыреста восемьдесят третья ночь

Когда же настала четыреста восемьдесят третья ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что греческий мудрец вернулся к себе домой и познал свою жену, и понесла она от него в ту же ночь. А потом, через несколько дней, он поехал на корабле в какое-то место, и корабль разбился, и пропали его книги в море, а сам он выплыл на доске от этого корабля. И было с ним пять листков, оставшихся от тех книг, что упали в море; и, вернувшись домой, он положил эти листки в сундук и запер их.

А беременность его жены стала видна, и сказал ей Данияль: «Знай, что подошла ко мне кончина и близко переселение из мира преходящего в мир вечный. Ты носишь и, может быть, родишь после моей смерти дитя мужеского пола. Когда ты его родишь, назови его Хасиб Карим-ад-дин и воспитай его наилучшим образом. А когда он вырастет и спросят тебя: „Какое оставил мне мой отец наследство?“ – отдай ему эти пять листков. Когда он прочтёт их и поймёт их смысл, он станет ученым человеком своего времени».

Затем Данияль простился со своей женой и издал вопль и расстался со здешним миром и тем, что есть в нем (да будет над ним милость Аллаха великого!). И заплакали о нем его родные и друзья, и омыли его, и сделали ему великолепный вынос, и закопали его, и

вернулись. А затем, через немного дней, его жена родила красивого ребёнка и назвала его Хасиб Карим-ад-дин, как завещал ей её муж. И когда она его родила, к ней привели звездочётов, и звездочёты высчитали его гороскоп и определили, какие звезды в восхождении, и сказали: «Знай, о женщина, этот новорождённый проживёт много дней, ню будет это после беды, которая с ним случится в начале жизни. Если он от неё спасётся, ему будет дано после этого знание мудрости».

И затем звездочёты ушли своей дорогой, а мать кормила сына молоком два года и отлучила его, и когда он достиг пяти лет, она поместила его в школу, чтобы он чему-нибудь научился. Но мальчик не научился ничему, и она взяла его из школы и поместила учиться ремеслу; во он не научился никакому ремеслу, и из его рук не выходила никакая работа. И его мать плакала из-за этого, и люди сказали ей: «Жени его: быть может, он понесёт заботу своей жены и примется за ремесло».

И мать Хасиба просватала ему одну девушку и женила его на ней, и он провёл так некоторое время, но не брался ни за какое ремесло. А у них были соседи – дровосеки; и они пришли к его матери и сказали: «Купи твоему сыну осла, верёвку и топор, и он пойдёт с нами на гору, и мы с ним будем рубить дрова; плата за дрова будет ему и нам, и он потратит на вас часть того, что достанется ему на долю». «И, услышав это от дровосеков, мать Хасиба сильно обрадовалась. Она купила своему сыну осла, верёвку и топор и, взяв Хасиба, отправилась с ним к дровосекам и отдала его им, поручив им о нем заботиться. „Не обременяй себя заботой об этом юноше, – сказали ей дровосеки, – господь наш наделит его: это сын нашего шейха“.

И затем они взяли его с собой и отправились на гору и стали рубить дрова и нагрузили своих ослов и вернулись в город. Они строга́ли дрова и израсходовали деньги на свои семейства, и потом они возвращались рубить дрова на второй день и на третий день, и делали это в течение некоторого времени.

И случилось так, что они отправились в какой-то день рубить дрова, и пошёл сильный дождь, и они убежали в большую пещеру, чтобы укрыться там от дождя. И Хасиб Карим-ад-дин ушёл от них и сидел один в той пещере, и стал он ударять по земле топором. И он услышал из-под топора, по звуку, что земля пустая, и, поняв, что под землёй пусто, принялся копать и через некоторое время увидел круглую плиту, в которой было кольцо. И, увидав это, Хасиб обрадовался и позвал своих товарищей дровосеков...»

И Шахразадy застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Четыреста восемьдесят четвёртая ночь

Когда же настала четыреста восемьдесят четвёртая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что Хасиб Карим-ад-дин, увидев плиту, в которой было кольцо, обрадовался и позвал своих товарищей дровосеков. И они пришли и увидели эту плиту и, поспешив к ней, вырвали её и нашли под ней дверь. И они открыли дверь, бывшую под плитой, и вдруг оказалось, что это колодец, наполненный мёдом пчёл. И дровосеки сказали один другому: „Вот колодец, наполненный мёдом, и нам остаётся только пойти в город, принести бурдюки и наполнить их этим мёдом. Мы продадим его и разделим его стоимость, а один из нас посидит около мёда, чтобы стеречь его от других людей“». – „Я посижу и постерегу его, пока вы сходите и принесёте бурдюки“, – сказал Хасиб.

И они оставили Хасиба Карим-ад-дина стеречь колодец и ушли в город. И они принесли бурдюки и наполняли их мёдом и, нагрузив ослов, вернулись в город и продали мёд, а потом они снова пришли к колодцу, во второй раз, и делали так в течение некоторого времени. Они ночевали в городе, возвращались к колодцу и наполняли бурдюки мёдом, а Хасиб Карим-ад-дин сидел и стерёг колодец. И дровосеки в один из дней сказали друг другу: «Нашёл-то колодец с мёдом Хасиб, и завтра он пойдёт в город пожалеется на нас и возьмёт плату за мёд и скажет: „Это я нашёл мёд“. Мы избавимся от этого, только если спустим его в

колодец, чтобы он наложил в бурдюки мёд, который там ещё есть, и оставим его там; он умрёт в тоске, и никто о нем не узнает».

И все они сговорились об этом деле и пошли, и шли до тех пор, пока не пришли к колодцу, и тогда они сказали Хасибу: «О Хасиб, спустись в колодец и собери нам мёд, который там остался». И Хасиб спустился в колодец и собрал оставшийся там мёд и крикнул: «Ташите меня, здесь ничего не осталось» Но никто из дровосеков не дал ему ответа; они нагрузили ослов и поехали в город, оставив Хасиба одного в колодце. И он стал звать на помощь и плакать, восклицая: «Нет мощи и силы, кроме как у Аллаха, высокого, великого! Я умру в тоске!»

Вот что было с Хасибом Каримом. Что же касается дровосеков, то, достигнув города, они продали мёд и пошли, плача, к матери Хасиба и сказали ей: «Да живёт твоя голова после твоего сына Хасиба!» – «А какова причина его смерти?» – спросила она. И дровосеки сказали: «Мы сидели на горе, и небо послало нам большой дождь, и мы приютились в пещере, чтобы укрыться там от дождя. И не успели мы очнуться, как осел твоего сына убежал в долину, и Хасиб пошёл за ним, чтобы вернуть его из долины, а там был большой волк, и он растерзал твоего сына и съел осла».

И, услышав слова дровосеков, мать Хасиба стала бить себя по лицу и сыпать землю себе на голову и принялась оплакивать своего сына, а дровосеки приносили ей каждый день еду и питьё.

Вот что было с матерью Хасиба, а что касается дровосеков, то они пооткрывали лавки и стали купцами и не переставая ели, пили, смеялись и играли. Что же касается Хасиба Карим ад дина, то он начал плакать и рыдать, и когда он сидел в колодце, будучи в таком состоянии, ВДРУГ упал на него большой скорпион. И Хасиб поднялся и убил скорпиона, и потом он подумал про себя и сказал: «Этот колодец был наполнен мёдом; откуда же пришёл этот скорпион?» И он встал, чтобы осмотреть то место, откуда упал скорпион, и стал поворачиваться в колодце направо и налево и увивал, что из того места, откуда упал скорпион, блистает свет. И Хасиб вынул бывший у него нож и расширил это отверстие, так что оно стало размером с окно. И тогда он вышел через него и шёл некоторое время внутри колодца.

И он увидел большой проход и прошёл по нему и увидел большую дверь из чёрного железа, на которой был серебряный замок, а в замке – ключ из золота. И Хасиб подошёл к двери и посмотрел в щели и увидел великий свет, блиставший из-за двери. И он взял ключ и отпер дверь и вошёл внутрь помещения и, пройдя немного, дошёл до большого бассейна и увидел, что в этом бассейне что то блещет, точно вода. И он шёл до тех пор, пока не достиг того, что блестело. И увидел он большой холм из зеленого топаза, а на холме было поставлено золотое ложе, украшенное различными драгоценными камнями...»

И Шахразадку застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Четыреста восемьдесят пятая ночь

Когда же настала четыреста восемьдесят пятая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что когда Хасиб Карим-ад-дин подошёл к холму, он увидел, что холм состоит из зеленого топаза я на нем поставлено золотое ложе, украшенное различными драгоценными камнями, а вокруг этого ложа стоят скамеечки: некоторые из серебра, а некоторые из зеленого изумруда. И, подойдя к этим скамеечкам, Хасиб вздохнул и стал их считать и увидел, что скамеек двенадцать тысяч. И он поднялся на ложе, поставленное посреди этих скамеечек, и сел на него и принялся дивиться на этот бассейн и поставленные скамеечки, и дивился до тех пор, пока его не одолел сон.

И он проспал немного и вдруг услышал шипение и свист и великий шум; и тогда он открыл глаза и сел и увидел на скамеечках больших змей, каждая из которых была длиною в сто локтей. И его охватил из-за этого великий испуг, и у него высохла слюна от сильного

страха, и отчаялся он в том, что будет жив, и сильно испугался.

И увидел он, что глаза каждой змея горят, как уголья, и змеи сидят на скамеечках; а обернувшись к бассейну, он увидел в нем маленьких змей, число которых знает лишь Аллах великий. И через некоторое время подошла к Хасибу большая змея, точно мул, и на сатане у неё было золотое блюдо, а посреди блюда лежала змея, сиявшая, как хрусталь, и лицо у неё было человеческое, и говорила она ясным языком.

И, приблизившись к Хасибу Карим-ад-дину, змея приветствовала его, и он ответил на её приветствие; и тогда подошла к блюду змея из тех змей, что были на скамеечках, и, подтаяв змею, бывшую на блюде, посадила её на одну из скамеечек. А затем та змея крикнула на змей на их языке, и все змеи упали со своих скамеечек и поклонились ей, и тогда она сделала им знак сесть, и они сели. А та змея сказала Хасибу Карим-ад-дину: «Не бойся нас, о юноша! Я – царица змей и их султанша».

И когда Хасиб услышал от змеи эти слова, его сердце успокоилось. Потом та змея приказала змеям принести какой-нибудь еды, и они принесли яблок, винограду, гранатов, фисташек, лесных и грецких орехов, миндалю и батанов и поставили это перед Хасибом Карим-ад-дином. «Добро пожаловать, о юноша! – сказала ему тогда царица змей. – Как твоё имя?» – «Моё имя – Хасиб Карим-ад-дин», – ответил юноша. И царица змей сказала: «О Хасиб, поешь этих плодов, у нас нет других кушаний, и не бойся нас совершенно!»

И, услышав от змеи такие слова, Хасиб поел досыта и восславил Аллаха великого. А когда он насытился едою, трапезу убрали, я царица змей сказала ему: «Расскажи мае, о Хасиб, откуда ты сам, откуда ты пришёл в это место и что с тобой случилось?»

И Хасиб рассказал ей обо всем, что случилось с его отцом, и как мать родила его и поместила в школу, когда ему было пять лет, и он ничему не научился из наук, и как она отдала его учиться ремеслу и купила ему осла и сделала его дровосеком, и как он нашёл медовый колодец я его товарищи-дровосеки оставили его в колодце и ушли, а на него упал скорпион, и он убил его и расширил то отверстие, из которого скорпион упал, и вышел из колодца и пришёл к железной двери и открыл её и шёл, пока не дошёл до царицы змей, с которой он разговаривает. «Вот мой рассказ с начала до конца, – сказал он потом, – и Аллах великий лучше знает, что случится со мной после всего этого».

И, услышав рассказ Хасиба Карим-ад-дина с начала до конца, царица змей сказала: «С тобой не случится ничего, кроме всяческого блага...»

И Шахразадку застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Четыреста восемьдесят шестая ночь

«Когда же настала четыреста восемьдесят шестая ночь, она сказала: „Дошло до меня, о счастливый царь, что царица змей, услышав рассказ Хасиба Карим-ад-дина с начала до конца, сказала ему: „С тобой не случится ничего, кроме всяческого блага, но я хочу от тебя, о Хасиб, чтобы ты посидел со мной некоторое время, пока я расскажу тебе мою историю и поведаю, какие случались со мною чудеса“. – «Слушаю и повинуюсь тому, что ты мне приказываешь!» – сказал Хасиб.

И тогда царица змей молвила: «Знай, о Хасиб, что был в городе Мисре⁴⁸² царь из сынов Ибраиля, и был у него сын, по имени Булукия. И был это царь знающий, благочестивый, согнувшийся над богословскими книгами, которые он читал; и когда он ослаб и приблизился к смерти, пришли к нему вельможи его царства, чтобы приветствовать его, и сели подле него и приветствовали его, и он сказал: «О люди, знайте, что приблизилось моё отбытие из здешнего мира в жизнь последнюю, и мне нечего вам поручить, кроме моего сына Булукии. Заботьтесь же о нем. – И затем воскликнул: – Свидетельствую, что нет бога,

⁴⁸² Миср (буквально: город) – название Египта вообще в его столицы, Каира, в частности.

кроме Аллаха!» – и издал вопль и расстался со здешней жизнью (милость Аллаха над ним!). И его обрядили и обмыли и похоронили, устроив ему великолепный вынос, и сделали его сына Булукию султаном, и был сын царя справедлив к подданным, и отдохнули люди в его время.

И случилось в один из дней, что он отпер казнохранилища своего отца, чтобы пройти по ним, и, открыв одно из этих казнохранилищ, он увидел там подобие двери. И он отпер эту дверь и вошёл, и вдруг оказалось, что за дверью маленькая комнатка, и в комнатке столб из белого мрамора, а на столбе – эбеновый сундук.

И Булукия взял его и открыл и нашёл в нем другой сундук, из золота, и, открыв его, он увидел в нем книгу. И он раскрыл книгу и прочитал её и нашёл в ней описание Мухаммеда (да благословит его Аллах и да приветствует!) и узнал, что Мухаммед будет послан в конце времён, и будет он господином первых и последних.

И когда прочитал Булукия эту книгу и узнал качества господина нашего Мухаммеда (да благословит его Аллах и да приветствует!), к сердцу его привязалась любовь к Мухаммеду. А после этого Булукия собрал вельмож сынов Ибраиля, кудесников, раввинов и монахов и осведомил их об этой книге и прочитал её им и сказал: «О люди, мае должно вынуть моего отца из могилы и сжечь его!»

И сказали ему его люди: «Почему ты сожжёшь его?»

И ответил Булукия: «Потому что он скрыл от меня эту книгу и не показал её мне, а он извлёк содержание её из Торы и свитков Ибрахима. Он положил эту книгу в казнохранилище и не осведомил о ней ни одного человека».

И сказали ему: «О царь наш, отец твой умер, и он теперь во прахе, и дело его вручено его господу. Не вынимай же его из могилы».

И, услышав такие слова от вельмож сынов Ибраиля, понял Булукия, что они не дадут ему власти над его отцом, и оставил он их и вошёл к своей матери и сказал ей: «О матушка, я увидел в казне моего отца книгу с описанием Мухаммеда (да благословят его Аллах и да приветствует!), а это-пророк, который будет послан в конце времён, и привязалась к моему сердцу любовь к нему. Я хочу странствовать по землям, чтобы встретиться с ним, и если я с ним не встречу, то умру от страсти и любви к нему». Потом он сиял свои одеяния и надел плащ и обувь невольников и сказал: «Не забывай меня, о матушка, в молитвах!» И его мать заплакала и сказала: «Каково будет нам после тебя?» А Булукия ответил: «У меня не осталось совсем терпения, и я вручил твоё и моё дело Аллаху великому».

И пошёл он странствовать, направляясь в Сирию (а никто из его людей не знал о нем), и шёл, пока не достиг берега моря. И он увидел корабль и сел на него вместе с другими путниками, и корабль шёл, пока они не подошли к одному острову. И едущие сошли с корабля на этот остров, и Булукия сошёл с ними, а затем он отдалился от них на острове и сел под дерево, и его одолел сон. И он заснул и пробудился от сна и пошёл к кораблю, чтобы сесть на него, и увидел, что корабль уже снялся с якоря. И увидел он на этом острове змей, подобных верблюдам или пальмам, и они поминали Аллаха (велик он и славен!) и молились о Мухаммеде (да благословит его Аллах и да приветствует!), крича: «Нет бога, кроме Аллаха! Хвала Аллаху!» И когда увидел это Булукия, он удивился до крайности...»

И Шахразад устроила, и она прекратила дозволенные речи.

Четыреста, восемьдесят седьмая ночь

Когда же настала четыреста восемьдесят седьмая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что, когда Булукия увидел змей, кричавших: „Хвала Аллаху! Нет бога, кроме Аллаха!“ – он удивился этому до крайности.

А змеи, увидев Булукию, собрались вокруг него, и одна из них опросила: «Кто ты будешь, откуда ты пришёл, как твоё имя и куда ты идёшь?» И Булукия отвечал ей: «Моё имя Булукия, я из сынов Ибраиля, и пошёл я блуждать из-за любви к Мухаммеду (да благословит

его Аллах и да приветствует!) и разыскиваю его. А кто такие будете вы, о благородные твари?» И змеи ответили ему: «Мы из жителей геенны, и создал нас Аллах великий в наказание нечестивым». – «А что привело вас в это место?» – опросил Булукия. И змеи сказали ему: «Знай, о Булукия, геенна так сильно кипит, что вздыхает в год два раза: раз зимою и раз летом, и знай, что великий жар происходит от сильных испарений её. И когда она выгоняет воздух, то выбрасывает нас из своей утробы, а когда она втягивает воздух, то возвращает нас туда». – «А есть в геенне змеи больше вас?» – опросил Булукия. И ему сказали: «Мы выходим с дыханием геенны только из-за нашей малости; в геенне все змеи такие, что, если бы самая большая из нас подошла к их носу, они бы нас не почувляли». – «Вы поминаете Аллаха и молитесь о Мухаммеде, – оказал им Булукия, – откуда вы знаете Мухаммеда? (да благословит его Аллах и да приветствует!)» – «О Булукия, – сказали змеи, – имя Мухаммеда написано на воротах рая, и если бы не он, не сотворил бы Аллах ни тварей, ни рая, ни огня, ни неба, ни земли, ибо Аллах сотворил все сущее только из-за Мухаммеда (да благословит его Аллах и да приветствует!) и сочетал его имя со своим во всяком месте. Из-за этого мы и любим Мухаммеда (да благословит его Аллах и да приветствует!)».

И когда Булукия услышал от змей эти слова, увеличилась его страсть и любовь к Мухаммеду (да благословит его Аллах и да приветствует!) и усилилась его тоска по нем, а затем Булукия простился со змеями и шёл до тех пор, пока не достиг берега моря. И он увидел корабль, ставший на якорь рядом с островом, и сел на него вместе с едущими, и корабль ушёл с ними, и они ехали до тех пор, пока не достигли другого острова. И Булукия вышел на этот остров и прошёл немного и увидел на нем змей, больших и маленьких, число которых знает лишь Аллах великий, и среди них была белая змея, белее хрусталя, которая сидела на золотом блюде, и блюдо это находилось на спине змеи, подобной слону. А белая змея была царицей змей, и это – я, о Хасиб».

И Хасиб спросил царицу змей и сказал ей: «Какой разговор был у тебя с Булукией?» И змея сказала: «О Хасиб, знай, что, увидав Булукию, я приветствовала его, и он ответил на моё приветствие, и тогда я спросила его: „Кто ты, каково твоё дело, откуда ты пришёл, куда ты идёшь и как твоё имя?“ – „Я из сынов Ибраиля, – ответил он, – моё имя – Булукия, и я странствую из-за любви к Мухаммеду (да благословит его Аллах и да приветствует!) и разыскиваю его. Я видел описание его достоинств в ниспосланных книгах“. Потом Булукия спросил меня и сказал: „Что ты такое, каково твоё дело и что это за змеи, которые вокруг тебя?“ И я ответила: „О Булукия, я – царица змей, и когда ты встретишься с Мухаммедом (да благословит его Аллах и да приветствует!), передай ему от меня привет!“

И потом Булукия простился со мной и сел на корабль и ехал до тех пор, пока не достиг Иерусалима. А в Иерусалиме был один человек, который овладел всеми науками и основательно изучил геометрию, астрономию, счисление, магию и науку, о духах. Он читал тору, евангелие, псалмы и свитки Ибрахи́ма, и звали его Аффаи, и он нашёл в одной из своих книг, что всякому, кто наденет перстень господина нашего Сулеймана, подчинятся люди, джинны, птицы, звери и все твари, а в какой-то книге он видел, что, когда скончался господин наш Сулейман, его положили в гроб и проехали с ним по семи морям, а перстень был у него на пальце, и никто из людей и джиннов не мог взять этот перстень, и ни один из едущих на кораблях не мог проехать к этому месту...»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Четыреста восемьдесят восьмая ночь

Когда же настала четыреста восемьдесят восьмая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что Аффан нашёл в какой-то книге, что никто из людей и джиннов не мог снять перстень с пальца господина нашего Сулеймана и никто из едущих на кораблях не мог проехать на корабле по семи морям, по которым провозили гроб Сулеймана. И он нашёл ещё в какой-то книге, что среди трав есть такая трава, что всякий, кто возьмёт её немного и

выжмет и возьмёт её сок и намажет им ноги, – пройдёт по любому морю, которое создал Аллах великий, и его ноги не промокнул. Но никто не сможет достать эту траву, если с ним не будет царицы змей.

И когда Булукия пришёл в Иерусалим, он сел в одном месте, поклоняясь Аллаху великому, и, когда он так сидел и поклонялся Аллаху, вдруг подошёл к нему Аффан и приветствовал его. И юноша ответил на его приветствие, и Аффан посмотрел на Булукию и увидел, что тот читает тору, сидя и поклоняясь Аллаху великому. И Аффан подошёл к нему и опросил: «О человек, как твоё имя, откуда ты пришёл и куда идёшь?» И юноша ответил ему:

«Моё имя – Булукия, я из города Мисра, и я вышел странствовать, ища Мухаммеда (да благословит его Аллах и да приветствует!)». – «Идём со мною в моё жилище, я приму тебя как гостя», – сказал Аффан Булукия.

И юноша ответил: «Слушаю и повинуюсь!»

И тогда Аффан взял Булукию за руку и привёл его в своё жилище и оказал ему крайний почёт, а затем юн сказал ему: «Расскажи мне, о брат мой, твою историю и откуда ты узнал о Мухаммеде (да благословит его Аллах и да приветствует!) и как охватила любовь к нему твоё сердце и ты отправился его искать. Кто указал тебе эту дорогу?» И Булукия рассказал ему свою историю с начала до конца.

И когда Аффан услышал его слова, разум едва его не покинул, и он удивился до крайней степени. А потом Аффан оказал Булукин: «Сведи меня с царицей змей, и я сведу тебя с Мухаммедом (да благословит его Аллах и да приветствует!). Время посольства Мухаммеда (да благословит его Аллах и да приветствует!) отдалённо, а когда мы овладеем царицей змей, мы посадим её в клетку и пойдём с ней за травами, которые в горах. Всякая трава, мимо которой мы пройдем, когда царица змей будет с вами, заговорит и расскажет нам о своих полезных свойствах, по могуществу Аллаха великого. Я нашёл у себя в книгах, что среди трав есть такая трава, что всякий, кто возьмёт её и растолчёт и возьмёт её сок и помажет свои ноги, пройдёт по любому морю, которое создал Аллах великий, и ноги у него не промокнул. Когда мы захватим царицу змей, она укажет нам эту траву, и, найдя её, мы её возьмём и растолчём и возьмём её сок, а затем мы отпустим змею идти своей дорогой. Мы помажем этим соком ноли и пройдем по семи морям и достигнем места погребения господина нашего Сулеймана и снимем у него с пальца перстень и будем управлять, как управлял наш господин Сулейман, и достигнем своей цели. А после этого мы войдем в море Мрака⁴⁸³ и напьемся воды жизни, и Аллах отсрочит нашу смерть до конца времени, и мы встретимся с господином нашим Мухаммедом (да благословит его Аллах и да приветствует!).

«И, услышав от Аффана такие слова, Булукия сказал: „О Аффан, я сведу тебя с царицей змей и покажу тебе, где её место“. И Аффан поднялся и сделал железную клетку и захватил с собою два кубка, один из которых он наполнил вином, а другой наполнял молоком. И Аффан с Булукией шли в течение дней и ночей, пока не достигли острова, на котором находилась царица змей. А потом Аффан и Булукия вышли на этот остров и прошли немного, и Аффан поставил клетку и установил в ней силки и поставил туда кубки, наполненные вином и молоком.

А потом они удалились от клетки и сидели спрятавшись некоторое время, и царица змей подошла к клетке и приблизилась к кубкам. И она всматривалась в них некоторое время и, почуяв запах молока, слезла со спины той змеи, на которой сидела, сползла с блюда и, войдя в клетку, подошла к кубку, в котором было вино, и отпила из него. И когда она отпила из этого кубка, у неё закружилась голова, и она затонула.

И, увидав это, Аффан подошёл к клетке и запер в ней царицу змей, и они с Булукией взяли её и пошли. Когда же царица змей очнулась, она увидала себя в железной клетке, стоявшей на голове человека, а рядом с человеком был Булукия. И, увидав Булукию, царица

⁴⁸³ Морем Мрака иногда называется у арабских космографов Атлантический океан.

змея воскликнула: «Таково-то воздаяние тем, кто не обижает сынов Адама». И Булукия дал ей ответ и сказал: «Не бойся нас, о царица змей, мы ничем тебя не обидим, но мы хотим, чтобы ты провела нас к одной траве среди трав: всякий, кто возьмёт её и растолчёт и извлечёт из неё сок и помажет им ноги, пройдёт по любому морю, которое создал Аллах великий, и ноги у него не промокнут. Когда же мы найдём эту траву, мы возьмём её и вернёмся с тобой на твоё место и отпустим тебя идти твоей дорогой».

Потом Аффан и Булукия пошли с царицей змей к горам, на которых росли травы, и обошли там все травы, и всякая трава начинала говорить и рассказывать о том, что в ней полезно, по изволению Аллаха великого. И когда они были заняты этим делом и травы говорили и справа и слева и рассказывали им о том, что в них полезно, вдруг одна трава заговорила и сказала: «Я такая трава, что всякий, кто возьмёт меня и растолчёт, и возьмёт мой сок и помажет им ноги, пройдёт по любому морю, которое сотворил Аллах великий, и ноги у него не промокнут».

И, услышав слова травы, Аффан снял с головы клетку, и они набрали этой травы достаточно и истолкли её и выжали и, собрав её сок, налили его в две стеклянные бутылки, которые спрятали, а тем, что осталось, они помазали себе ноги. Потом Булукия и Аффан взяли царицу змей и шли с ней в течение ночей и дней, пока не достигли того острова, на котором она была раньше. И Аффан открыл двери клетки, и царица вышла из неё, а выйдя, она спросила: «Что вы будете делать с этим соком?»

«Мы хотим, – оказали они ей, – помазать им ноги, чтобы перейти через семь морей и достигнуть места погребения господина нашего Сулеймана и снять у него с пальца перстень». – «Не бывать тому, чтобы вы могли взять перстень!» – воскликнула царица змей.

«А почему?» – спросили они. И она сказала: «Потому что Аллах великий сделал Сулейману милость, даровав ему этот перстень, и он выделил его этим потому, что Сулейман сказал: „Господи, подари мне власть, которая не подобает никому после меня: поистине, ты ведь есть даритель!“ Зачем вам этот перстень? Если бы вы взяли такой травы, что всякий, кто её поест, не умрёт до первого дуновения⁴⁸⁴ (а эта трава есть среди тех трав), она, право, была бы для вас полезней, чем та трава, которую вы взяли, так как вы не достигнете через неё вашей цели», – сказала она потом. И, услышав её слова, Аффан и Булукия раскаялись великим раскаянием и ушли своей дорогой...»

И Шахразяду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Четыреста восемьдесят девятая ночь

Когда же настала четыреста восемьдесят девятая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что когда Булукия и Аффан слышали слова царицы змей, они раскаялись великим раскаянием и ушли своей дорогой.

Вот что было с ними. Что же касается царицы змей, то она пришла к своим войскам и увидела, что блага у них пропали и сильные у них ослабли, а слабые умерли. И когда змеи увидели свою царицу среди них, они образовались и столпились вокруг неё и спросили: «Что с тобой случилось и где ты была?» И она рассказала им обо всем, что случилось у неё с Аффаном и Булукией. А после этого она собрала свои войска и отправилась с ними на гору Каф, так как зиму она проводила там, а лето в том месте, где её увидел Хасиб Карим-ад-дин.

После этого змея сказала: «О Хасиб, вот моя повесть и то, что со мной случилось». И Хасиб изумился словам змеи, а потом он сказал: «Я хочу от твоей милости, чтобы ты приказала одному из твоих помощников вывести меня на лицо земли, я пойду к моим родным». – «О Хасиб, – оказала змея, – нет для тебя ухода от нас, пока не наступит зима; тогда ты отправишься с нами на гору Каф и посмотришь там на холмы, пески, деревья и

⁴⁸⁴ То есть до первого звука трубы, возвещающего о наступлении конца мира.

птиц, которые прославляют единого, покоряющего, и посмотришь на маридов, ифритов и джиннов, число которых знает лишь Аллах великий».

Услышав слова царицы змей, Хасиб Карим-ад-дина стал огорчён и озабочен, а потом он сказал ей: «Осведоми меня об Аффане и Булукии: когда они расстались с тобой и ушли, переправились ли они через семь морей и достигли ли они места погребения господина нашего Сулеймана, или нет, а если они достигли места погребения господина нашего Сулеймана, то смогли ли они взять перстень, или нет?»

«Знай, – ответила ему царица змей, – что Аффан и Булукия, расставшись ею мной, намазали себе йоги тем соком и пошли по лицу моря и стали смотреть на морские чудеса. И они переходили с моря на море, пока не прошли семи морей, а когда они прошли эти моря, то увидели большую гору, возвышающуюся в воздухе; эта гора была из зеленого изумруда, и на ней бежал ручей, и вся земля её была из мускуса. И, достигнув этого места, они обрадовались и воскликнули: „Мы достигли нашей цели!“

А затем они пошли дальше и, дойдя до высокой горы, пошли по ней и увидели вдали на горе пещеру, над которой был большой купол, и из пещеры блистал свет. И, достигнув этой пещеры, они вошли в неё и увидели, что в ней стоит золотое ложе, украшенное различными драгоценными камнями, и вокруг ложа стоят скамеечки, число которых знает только Аллах великий. И они увидели господина нашего Сулеймана, который лежал на этом ложе, и на нем была зелёная шёлковая одежда, вышитая золотом и украшенная драгоценными металлами и камнями. Его правая рука лежала на груди, а перстень был у него на пальце, и сияние этого перстня было сильнее сияния драгоценностей, которые находились в этом помещении. Потом Аффан научил Булукию клятвам и заклинаниям и сказал ему: «Читай эти заклинания и не переставай их читать, пока я не возьму перстня».

И Аффан подходил к ложу, пока не приблизился к нему, и вдруг большая змея вышла из-под ложа и закричала (великим криком, от которого задрожало все помещение, и искры полетели у змеи изо рта. Потом змея сказала Аффану: «Если ты не повернёшь назад, ты погиб!» Но Аффан отвлекся заклинаниями и не испугался этой змеи. И змея дунула на него великим дуновением, которое чуть не сожгло пещеры, и воскликнула: «Горе тебе! Если ты не повернёшь назад, я тебя сожгу!» И когда Булукия услышал от змеи такие слова, (вышел из пещеры.

Что же касается Аффана, то он не испугался этого, а, напротив, подошёл к господину нашему Сулейману и, протянув руку, дотронулся до перстня и хотел снять его с пальца господина нашего Сулеймана, но вдруг змея дунула на Аффана и сожгла его, и он превратился в кучу пепла.

Вот что было с ним. Что же касается Булукии, то он упал, покрытый беспометством из-за этого дела...» и Шахразадэ застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Ночь, дополняющая до четырехсот девяноста

Когда же настала ночь, дополняющая до четырехсот девяноста, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что Булукия, увидав, что Аффан сгорел и превратился в кучу тепла, упал, покрытый беспометством, и господь (да возвысится слава его!) примазал Джibriль⁴⁸⁵ спуститься на землю, прежде чем змея подует на Булукию. И Джibriль поспешно спустился на землю и увидел, что Булукия без памяти, а Аффан сгорел от дуновения змеи. И Джibriль подошёл к Булукии и пробудил его от беспометства, и когда он очнулся, Джibriль приветствовал его и спросил: «Откуда вы пришли в это место?»

И Булукия рассказал ему свою повесть от начала до конца, и затем он сказал: «Знай, что я пришёл в это место только из-за Мухаммеда (да благословит его Аллах и да

⁴⁸⁵ Джibriль – арабская форма имени архангела Гавриила.

приветствует!), потому что Аффан рассказал мне, что он будет ниспослан в конце времён и что с ним встретится только тот, кто проживёт до той поры, а проживёт до той поры лишь тот, кто напьётся воды жизни, а это возможно, только если раздобудешь перстень Сулеймана (мир с ним!). И я сопровождал его до этого места, и случилось то, что случилось, и вот он сгорел, а я не сгорел. Я хочу, чтобы ты рассказал мне про Мухаммеда: где он находятся?» – «О Булукия, – сказал Джibriль, – иди своей дорогой, время Мухаммеда далеко».

И затем Джibriль тотчас же поднялся на небо, а что до Булукии, то он заплакал сильным плачем и раскаялся в том, что сделал. Он стал размышлять о словах царицы змей: «Не бывать тому, чтобы кто-нибудь мог взять перстень!» – и пришёл в смущение и заплакал, а затем он опустился с горы и пошёл, и шёл не переставая, пока не приблизился к берегу моря. И он просидел там некоторое время, дивясь на эти горы и острова, и провёл ночь в этом месте, а когда наступило утро, он намазал себе ноги тем соком, который они извлекли из травы, и сошёл в море и шёл по нему в течение дней и ночей, дивясь ужасам моря, его чудесам и диковинам.

И Булукия не переставая шёл по поверхности воды, пока не дошёл до одного острова, подобного раю, и тогда он вышел на этот остров и стал удивляться ему и его красоте. Он побродил по острову и увидел, что это – большой остров, на котором земля из шафрана я камушки из яхонта и роскошных металлов и ограды из жасмина, а растительность из прекраснейших деревьев и красивейших и наилучших цветов. Там протекали ручьи, и вместо дров там лежало камарское и какуллийское алоэ, а вместо камышей там рос сахарный тростник, вокруг которого цвели розы, нарциссы, жасмины, гвоздики, ромашки, лилии и фиалки, и всего этого были на острове разные сорта неодинакового цвета. И птицы щебетали на деревьях, и был этот остров прекрасен по качествам, обширен, обилен благами, и объят он все свойства и разновидности красоты. Щебетание его птиц было мягче жалобного звона второй струны лютни, деревья его вздымались вверх, птицы его говорили, каналы разливались, и ручьи бежали, и воды на нем были сладки. Там резвились газели, и водились дикие коровы, и птицы щебетали на ветвях, утешая влюблённого, потерявшего разум.

И подивился Булукия на этот остров и понял, что он сбился с дороги, по которой шёл в первый раз, когда с ним был Аффан. И он бродил по этому острову и гулял по нему до вечера, а когда наступила ночь, он влез на высокое дерево, чтобы поспать на нем, и стал думать о красоте этого острова.

И когда он был на верхушке дерева, вдруг море забилося, и из него появился огромный зверь, который закричал громким криком, так что животные, бывшие на острове, испугались этого крика. И Булукия посмотрел на этого зверя, сидя на дереве, и увидел, что это – зверь огромный, и стал дивиться на него. И не успел он очнуться, как через некоторое время вслед за зверем появились из моря животные разных видов, и в лапах у каждого из них был драгоценный камень, который сиял, точно светильник, так что на острове стало как днём от сияния этих камней. А спустя немного времени пришли из глубины острова звери, число которых знает только Аллах великий. И Булукия посмотрел на них и увидел, что это звери пустыни – львы, пантеры, барсы и другие сухопутные животные. И эти зверя земли не переставая приходили, люка не столпились вместе с морскими зверями на краю острова, и они разговаривали до утра, а когда наступило утро, они расстались друг с другом, и каждый из них ушёл своей дорогой.

И когда Булукия увидал их, он испугался и, слезая с дерева, отошёл к берегу моря, намазал себе ноги соком, который был у него, и вошёл во второе море. Он шёл по поверхности воды ночи и дни и дошёл до большой горы, а под горой находилась долина, которой не было конца, и камни в этой долине были магнитные, а из зверей были в ней львы, зайцы и пантеры. И Булукия (влез на эту гору и бродил по ней с места на место, пока не опустился над ним вечер, и тогда он присел под одним из холмиков и к этой горе, близ моря, и стал есть сухую рыбу, которую море выбрасывало.

И когда он сидел я ел эту рыбу, вдруг подошла к нему большая пантера и хотела его растерзать, и Булукия обернулся к этой пантере и увидел, что она бросается на него, чтобы

его растерзать, я тогда он намазал себе ноги соком, который был у вето, и вошёл в третье море, убегая от этой пантеры. И он пошёл в темноте по поверхности воды (а ночь была чёрная, с великим ветром) и шёл до тех пор, пока не подошёл к острову.

Он поднялся на этот остров и увидел там деревья, зеленые и высохшие, и тогда Булукия взял плодов с этих деревьев и поел, хваля Аллаха великого.

И он ходил по острову, прогуливаясь, до вечерней поры...»

И Шахразадду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Четыреста девяносто первая ночь

Когда же настала четыреста девяносто первая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что Булукия ходил, прогуливаясь по этому острову, до вечерней поры, а потом он заснул на острове. Когда же настало утро, он принялся осматривать остров со всех сторон и гулял по нему в течение десяти дней, а потом он пошёл на берег моря, намазал себе ноги и вошёл в четвёртое море. Он шёл по поверхности воды ночью и днём, пока не дошёл до одного острова, и он увидел, что земля на нем состоит из мягкого белого песка и там нет никаких деревьев или растений. И он прошёл немного по острову и увидел, что из хищников там есть только ястреба, которые гнездятся в этом песке.

И, увидев это, Булукая намазал себе ноги и вошёл в пятое море. И он пошёл по поверхности воды и шёл не переставая ночью и днём, пока не пришёл к маленькому острову, где земля и горы были как хрусталь, и там залегали жилы, из которых добывают золото. На острове были диковинные деревья, подобных которым Булукая не видел во время своих странствий, а цветы там были такого цвета, как золото. И Булукая вышел на этот остров и гулял по нему до вечерней поры, а когда спустился на него мрак, цветы начали светиться на острове, точно звезды. И подивился Булукия на этот остров и воскликнул: «Поистине, цветы, которые на этом острове, – те цветы, что высыхают на солнце и падают на землю; их обивает ветром, и они собираются под камнями и превращаются в эликсир, и их берут и делают из паях золото!»

И Булукия проспал на этом острове до утренней поры, а на восходе солнца он намазал ноги соком, который был с ним, и вошёл в шестое море. Он шёл ночи и дни, пока не приблизился к одному острову. И тогда он вышел на этот остров и, пройдя по нему некоторое время, увидел две горы, на которых было много деревьев, и плоды на этих деревьях были подобны человеческим головам, подвешенным за волосы. И увидел он там другие деревья, плоды которых были точно зеленые птицы, подвешенные за ноги, а были на острове и деревья, которые горели, как огонь, и плоды их были подобны алоэ, и всякий, на кого падала с них одна капля, обжигался. И увидел Булукия на острове плоды, которые плакали, и плоды, которые смеялись, и увидел он на этом острове много диковинок. И он прошёл к берегу моря и увидел большое дерево и просидел под ним до вечерней поры, а когда наступила тьма, он влез на это дерево и стал размышлять о творениях Аллаха.

И когда это было так, море вдруг забилося, и вышли оттуда морские девы, и у каждой в руке был драгоценный камень, который сиял, как утренняя заря. И они шли, пока не пришли под это дерево, и сели и стали играть, плясать и веселиться, и Булукия смотрел на них, когда они проводили так время. И они продолжали играть до утра, а когда настало утро, вошли в море.

И Булукия подивился на них и, сойдя с дерева, помазал ноги соком, который был у него, и вошёл в седьмое море. И он пошёл и шёл не переставая в течение двух месяцев я не видел ни горы, ни острова, ни суши, ни додины, ни берега, пока не перешёл это море. И он терпел великий голод, так что даже стал хватать в море рыбу и есть её сырой из-за сильного голода. И он шёл таким образом, пока не достиг острова, где деревья были многочисленны и потоки полноводны; и вышел на этот остров и стал ходить по нему, осматриваясь направо и налево (а было это на заре). И он шёл до тех пор, пока не подошёл к яблоне и тогда он

протянул руку, чтобы поесть плодов с дерева, и вдруг какой-то человек Закричал на него с этого дерева и сказал: «Если ты приблизишься к этому дереву и съешь с него что-нибудь, я разорву тебя пополам!»

И Булукия посмотрел на этого человека и увидел, что он – высокий, длиною в сорок локтей на локти людей того времени. И, увидев его, Булукия сильно испугался и не стал есть с этого дерева. «Почему ты не даёшь мне есть с этого дерева?» – спросил Булукия человека. И тот сказал: «Потому что ты – сын Адама, и Адам, твой отец, забыл совет Аллаха я послушался его и поел плодов с дерева». – «Что ты такое, чей это остров я деревья и как твоё имя?» – просил Булукия. И человек ответил: «Моё имя – Шарахия, а эти деревья и остров принадлежат царю Сахру. Я – один из его помощников, и он поручил мне охранять этот остров». Потом Шарахия увидел Булукию и сказал ему: «Кто ты и откуда ты пришёл в эти страны?» И Булукия рассказал ему свою историю с начала до конца. «Не бойся», – сказал Шарахия, и потом он прятнее ему кое-чего поесть, и Булукия ел, пока не насытился, а затем он простился с Шарахией и ушёл.

И он шёл в течение десяти дней, и когда он шёл среди гор и лесов, он вдруг увидел в воздухе густую пыль. И Булукия направился к этой пыли и услышал крики и удары и великий шум и продолжал идти на эту пыль, пока не пришёл к большой долине, длиною в два месяца пути. И тогда Булукия внимательно посмотрел в сторону этого крика и увидел людей верхом на конях, которые сражались друг с другом, и кровь так лилась между ними, что стала как река. Их голоса были точно гром, и в руках у них были копыя, мечи, железные дубины, луки и стрелы, и они сражались великим боем» И Булукию охватил сильный страх...»

И Шахразату застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Четыреста девяносто вторая ночь

Когда же настала четыреста девяносто вторая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что, когда Булукия увидал этих людей с оружием в руках, которые сражались великим боем, его охватил сильный страх, и он растерялся, не зная, что делать. И когда он стоял так, бойцы вдруг увидели его, и, увидав его, они оставили один другого и прекратили сражение, а затем к Булукии подошла толпа их, и, приблизившись к нему, они стали дивиться его виду. И подошёл к Булукии один всадник и спросил его: „Кто ты такой, откуда ты пришёл, куда ты идёшь и кто указал тебе эту дорогу, так что ты достиг наших стран?“ – „Я из сынов Адама, – отвечал им Булукия, – и пришёл, блуждая из-за любви к Мухаммеду (да благословит его Аллах и да приветствует!), но я сбился с дороги“. – „Мы никогда не видели сына Адама, и он не приходил в эту землю“, – ответил всадник, и все начали дивиться на Булукию и на его слова.

А потом Булукия опросил их и сказал: «Что вы такое, о твари?» – И всадник ответил ему: «Мы из джиннов». «О всадник, – опросил Булукия, – какова причина сражения между вами, где ваше жилище, как называется эта долина и эти земли?» – «Наше жилище – белая земля, – ответил ему всадник, – и каждый год Аллах великий приказывает нам приходить в эту землю и вести войну с неверными джиннами». – «А где белая земля?» – спросил Булукия. И всадник ответил: «За горой Каф, на расстоянии семидесяти пяти лет пути, а эта земля называется землёю Шеддада, сына Ада, и мы пришли сюда, чтобы вести здесь войну, и нет у нас другого дела, как возглашать славу Аллаху и святить его имя. У нас есть царь, которого зовут царь Сахр, и ты должен пойти с нами к нему, чтобы он тебя увидел и на тебя посмотрел».

И затем они пошли, и Булукия с ними, и пришли в свои жилища, и Булукия увидел большие шатры из зеленого шелка, число которых знает только Аллах великий, и увидел он, что среди них поставлен шатёр из красного шелка, объёмом в тысячу локтей, верёвки которого были из синего шелка, а колья – золотые и серебряные. И Булукия удивился этому

шатру, и его вели до тех пор, пока не подвели к нему, и оказалось, что это шатёр царя Сахра. И Булукию ввели в шатёр и привели к царю Сахру, и Булукия посмотрел на царя и увидел, что он сидит на большом ложе из червонного золота, украшенном жемчугом и драгоценными камнями, и справа от него – цари джиннов, а слева – мудрецы, эмиры, вельможи династии и другие. И, увидев Булукию, царь Сахр приказал ввести его к себе, и Булукию ввели к царю, и он подошёл и приветствовал его и поцеловал перед ним землю, и царь ответил на его приветствие и оказал ему: «Приблизься ко мне, о человек».

И Булукия приблизился к нему, так что оказался меж его руками, и тогда царь Сахр приказал поставить ему седалище рядом со своим, и ему поставили седалище подле царя, и царь Сахр велел ему сесть на это седалище; и когда Булукия сел, царь спросил его: «Что ты такое?» И Булукия ответил: «Я сын Адама из сынов Исраиля». – «Расскажи мне твою историю и поведай мне, что с тобой случилось и как ты пришёл в эту землю», – оказал царь. И Булукия рассказал ему обо всем, что с ним случилось во время его странствий, с начала до конца, и царь Сахр удивился его словам...»

И Шахразад устала, и она прекратила дозволенные речи.

Четыреста девяносто третья ночь

Когда же настала четыреста девяносто третья ночь, она оказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что, когда Булукия рассказал царю Сахру обо всем, что случилось с ним во время его странствий, с начала до конца, царь удивился этому. А затем он приказал постельничим принести трапезу, и они принесли трапезу и разложили её, и после этого они принесли блюда из червонного золота, блюда серебряные и блюда медные, и на некоторых блюдах было пятьдесят отварных верблюдов, на некоторых – двадцать верблюдов, а на других пятьдесят голов скота, а число этих блюд было тысяча пятьсот. И, увидев это, Булукия до крайности удивился, а потом джинны стали есть, и Булукия ел с ними, пока не насытился, и восхвалял Аллаха великого. А потом убрали кушанье и принесли плоды, и джинны поели, а затем после этого прославили Аллаха великого и помолились о пророке его Мухаммеде (да благословит его Аллах и да приветствует!).

И когда Булукия услышал упоминание о Мухаммеде, он изумился и сказал царю Сахру «Я хочу задать тебе несколько вопросов». – «Спрашивай о чем хочешь», – ответил царь Сахр. И тогда Булукия сказал ему: «О царь, что вы такое, откуда вы происходите и откуда знаете вы Мухаммеда (да благословит его Аллах и да приветствует!), что молитесь о нем и любите его?»

«О Булукия, – ответил ему царь Сахр, – Аллах великий создал адского огня семь слоёв, один над другим, и между каждым слоем тысяча лет пути. И первому слою он дал название Джаханнам и уготовал его для слушников из правоверных, которые умерли без покаяния; а название второго слоя – Лаза, и уготовал он его для неверных. Название третьего слоя – аль-Джахим, и Аллах уготовал его для Яджуджа и Маджуджа; название четвертого слоя – ас Сайр, и Аллах великий уготовал его для племени Иблиса; название пятого слоя – Сакар, и уготовал его Аллах для переставших молиться; название шестого слоя – аль-Хутама, и уготовал он его для евреев и христиан; название седьмого слоя – аль Хавия, и уготовал его Аллах для лицемеров. Вот каковы эти семь слоёв».

«Может быть, Джаханнам – самый лёгкий из всех по наказанию, так как это верхний слой?» – спросил Булукия. И царь Сахр ответил ему – «Да, он самый лёгкий из всех по наказанию, но вместе с тем в нем тысяча ценных гор и под каждой горой семьдесят тысяч огненных долин, а в каждой долине семьдесят тысяч огненных городов, а в каждом городе семьдесят тысяч огненных крепостей, а в каждой крепости семьдесят тысяч огненных помещений, а в каждом помещении семьдесят тысяч огненных ложей, а на каждом ложе семьдесят тысяч способов пытки. И нет среди всех слоёв адского огня, о Булукия, более легкой пытки, чем пытка Джаханнама, так как это – первый слой; что же до остальных, то

число разных пыток, которые в них заключаются, знает только Аллах великий».

И когда Булукия услышал от царя Сахра такие слова, он упал, покрытый беспамятством, а очнувшись от обморока, он заплакал и сказал «О царь, каково будет наше состояние?» – «О Булукия, – ответил ему царь Сахр, – не бойся и знай, что всякого, кто любит Мухаммеда, не сжигает огонь, и он освобождён ради Мухаммеда (да благословит его Аллах и да приветствует), и от всякого, кто принадлежит к его религии, огонь убегает. Что же до нас, то Аллах сотворил нас из огня. Когда Аллах впервые создал тварей в геенне, он сотворил двух существ из своего войска, одного из которых звали Халят, а другого – Малйт, и он создал Халита в образе льва, а Мадита – в образе волка. И хвост Малита имел образ жестокий и был белого с чёрным цвета, а хвост Халита имел образ мужеский и облик черепахи, и был хвост Халита длиною в двадцать лет пути. И потом Аллах великий приказал их хвостам соединиться друг с другом и совокупиться, и родились от них змеи и скорпионы, и жилище их в огне, чтобы пытал Аллах ими тех, кто туда попадёт. И эти змеи и скорпионы расплодились и размножились, и потом после этого Аллах великий приказал им соединиться и совокупиться второй раз, и они соединились и совокупились, и хвост Малита понёс от хвоста Халита, а когда он разрешился, у него родилось семь существ мужеского пола и семь существ женского пола. И их воспитывали, пока они не выросли, а когда они выросли, женские существа вышли замуж за мужские, и они слушались своего отца, кроме одного: он ослушался своего отца и превратился в червя, и этот червь и есть Иблис (да проклянёт его Аллах великий!). А был он из существ приближённых и поклонялся Аллаху великому, пока не поднялся на небо и приблизился он ко всемилостивому и стал главою приближённых...»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Четыреста девяносто четвёртая ночь

Когда же настала четыреста девяносто четвёртая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что Иблис поклонялся Аллаху великому и стал главою приближённых.

А когда Аллах великий создал Адама (мир с ним!), он приказал Иблису пасть перед ним ниц, но Иблис отказался, и Аллах великий прогнал его и проклял. И когда Иблис расплодился, пошли от него шайтаны. Что же до шести мужеских существ, которые были до него, то это – (правоверные джинны, и мы из их потомства, и вот каково наше происхождение, о Булукия».

И удивился Булукия словам царя Сахра, а потом он сказал ему: «О царь, я хочу, чтобы ты приказал одному из твоих помощников доставить меня в мою страну». – «Мы можем сделать что-нибудь такое, только если прикажет нам Аллах великий, – ответил ему царь Сахр, – но если ты хочешь уйти от нас, о Булукия, я велю привести тебе коня из моих лошадей и посажу тебя ему на спину и велю ему везти тебя до конца земель, мне подвластных; а когда ты достигнешь конца земель, мне подвластных, тебя встретят люди царя, которого зовут Барахья, и, увидя коня, они узнают его, сведут тебя с его спины и пошлют его обратно. Вот что мы можем и ничего больше».

Услышав эти слова, Булукия заплакал и сказал царю: «Делай что хочешь!» И царь велел привести ему коня, и Булукии привели коня и посадили юношу ему на спину и сказали: «Остерегайся сойти с его спины, ударить его или закричать ему в морду: если ты это сделаешь, он тебя по губит. Оставайся спокойно на нем верхом, пока он не остановится, а тогда сойди с его спины и уходи своей дорогой». – «Слушаю и повинуюсь!» – сказал Булукия.

А потом он сел на коня и ехал среди палаток в течение долгого срока, но проехал лишь мимо кухни царя Сахра. И Булукия увидел повешенные котлы, в каждый из которых было пятьдесят верблюдов, а под котлами пылал огонь. И когда увидел Булукия эти котлы и их величину, он стал в них вглядываться и дивился на них великим удивлением, все время разглядывая их. И царь посмотрел на него и увидел, что он дивится на эту кухню.

И подумал царь про себя, что Булукия голоден, и велел принести двух жареных верблюдов, и жареных верблюдов принесли и привязали их на спину коня, сзади Булукии.

А потом Булукия простился со всеми и ехал, пока не достиг конца земель, подвластных царю Сахру. И тогда конь остановился, и Булукия спешился, стряхивая дорожную пыль со своей одежды. И вдруг какие-то люди подошли к нему и, увидев коня, узнали его и взяли его с собой и пошли (а Булукия был с ними) и пришли к царю Барахии. И, войдя к царю Барахии, Булукия приветствовал его, и царь ответил на его приветствие.

А потом Булукия посмотрел на царя и увидел, что он сидит в большом шатре, окружённый воинами и витязями, и цари джиннов стоят от него справа и слева. И царь велел Булукии приблизиться к нему, и Булукия подошёл, а царь посадил его с собою рядом и велел принести трапезу. И Булукия посмотрел, каков царь Барахия, и увидел, что он подобен царю Сахру, а когда подали кушанья, все стали есть, и Булукия ел, пока не насытился, и прославил великого Аллаха. А потом трапезу убрали и принесли плоды и поели.

И после этого царь Барахия спросил Булукию и сказал ему «Когда ты расстался с царём Сахром?» – «Два дня тому назад», – отвечал Булукия. «А знаешь ли ты, – спросил царь Барахия Булукию, – расстояние в сколько дней ты проехал за эти два дня?» – «Нет», – отвечал Булукия. И царь Барахия сказал: «Расстояние в семьдесят месяцев...»

И Шахразату застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Четыреста девяносто пятая ночь

Когда же настала четыреста девяносто пятая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что царь Барахия сказал Булукии: „Ты проехал за эти два дня расстояние в семьдесят месяцев, но, только когда ты сел на коня, он испугался, поняв, что ты – сын Адама, и хотел сбросить тебя со спины, но его отягчили теми двумя верблюдами“. И, услышав от царя Барахии такие слова, Булукия удивился и прославил великого Аллаха за опасение.

А потом царь Барахия сказал: «Расскажи мне, что случилось с тобой и как ты прибыл в эти страны». И Булукия рассказал ему о том, что с ним случилось и как он пошёл странствовать и пришёл в эту землю, и когда царь услышал его слова, он удивился. И Булукия провёл у него два месяца».

Услышав слова царицы змей, Хасиб удивился до крайней степени, а затем он сказал ей: «Я хочу от тебя милости и благодеяния: прикажи одному из твоих помощников вывести меня на лицо земли, и я уйду к своим родным». – «О Хасиб Карим-ад-дин, – сказала ему царица змей, – знай, что, когда ты выйдешь на лицо земли, ты пойдёшь к своим родным и затем сходишь в баню и помоешься, и едва только ты кончишь мыться, я умру, так как это будет причиной моей смерти». – «Клянусь тебе, – воскликнул Хасиб, – я всю жизнь не пойду в баню, а когда мне станет необходимо помыться, я помоюсь дома!» – «Если бы ты дал мне сто клятв, – сказала царица змей, – я бы тебе не поверила. Этого дела не будет, и знай, что ты – сын Адама и нет для тебя обета, так как твой отец Адам дал обет Аллаху и нарушил свой обет. Аллах месил его глину сорок утр и приказал ангелам пасть перед ним ниц, а он после этого не исполнил обета и забыл его и ослушался приказания своего господина».

Услышав эти слова, Хасиб промолчал и стал плакать и провёл плача десять дней, а затем он сказал царице змей: «Расскажи мне, что случилось с Булукией после того, как он прожил два месяца у царя Барахии».

«Знай, о Хасиб, – сказала царица змей, – что после того, как Булукия пожил у царя Барахии, он простился с ним и шёл по пустыням ночью и днём, пока не достиг высокой горы, и он поднялся на эту гору, и увидел на вершине её большого ангела, который сидел на горе и поминал Аллаха великого и молился за Мухаммеда. А перед ангелом была доска, на которой было написано что-то белое и что-то чёрное, и он смотрел на доску, и было у него два крыла: одно – протянутое на восток, а другое – протянутое на запад.

И Булукия подошёл к ангелу и приветствовал его, и тот ответил на его привет, а после этого ангел спросил Булукию и сказал: «Кто ты, откуда ты пришёл, куда идёшь и как твоё имя?» – «Я из сынов Адама, из племени сынов Ибраиля, – ответил ему Булукия, – и странствую из любви к Мухаммеду (да благословит его Аллах и да приветствует!), а имя моё – Булукия». – «А что с тобой случилось, пока ты шёл в эту землю?» – спросил его ангел. И Булукия рассказал ему обо всем, что с ним случилось, и что он видел во время своих странствований, и, услышав от Булукии такие слова, ангел удивился.

А потом Булукия спросил ангела и сказал ему: «Расскажи мне ты тоже, что это за доска, и что на ней написано, и что это за дело ты делаешь, и как твоё имя?» И ангел отвечал: «Моё имя Микаиль, и мне поручено управлять днём и ночью, и это моё дело до дня воскресения». И, услышав эти слова, Булукия удивился им и внешности этого ангела в его величию и скромности его облика, а потом Булукия попрощался с ангелом и шёл днём и ночью, пока не достиг большого луга.

И он прошёл по этому лугу и увидел там семь рек и много деревьев, и удивился Булукия этому большому лугу и стал ходить по нему во все стороны. И он увидел на нем большое дерево, а под деревом четырех ангелов, и, подойдя к ним, он рассмотрел их облик и увидел, что у одного из них внешность – как у сынов Адама, а у другого – как у дикого зверя, у третьего же внешность – как у птиц, а у четвертого внешность – как у быка. И они заняты поминанием Аллаха великого, и каждый из них говорит: «Бог мой, господин и владыка, ради твоей истинности и ради сана твоего пророка Мухаммеда (да благословит его Аллах и да приветствует!) прости всякой твари, которую ты сотворил по моему подобию, и извини ей. Ты ведь властен во всем!»

И когда услышал Булукия от них эти слова, он удивился и ушёл от них, и шёл ночью и днём, пока не дошёл до горы Каф. И он взобрался на эту гору и увидел там большого ангела, который сидел и прославлял Аллаха великого, святя его имя и молясь за Мухаммеда (да благословит его Аллах и да приветствует!), и увидел он, что этот ангел что-то сжимает и выпускает и свивает и развивает. И когда он был занят этим делом, вдруг подошёл к нему Булукия и приветствовал его, и ангел ответил на его приветствие и спросил: «Что ты такое, откуда ты пришёл и куда ты идёшь и как твоё имя?» – «Я из сынов Ибраиля, сынов Адама, – ответил ему Булукия. – Моё имя – Булукия, и я странствую из-за любви к Мухаммеду (да благословит его Аллах и да приветствует!), но я сбился с дороги». И он рассказал ему все, что с ним случилось.

И когда Булукия кончил свой рассказ, он спросил ангела и сказал ему: «Кто ты такой, какая это гора и что это за дело, которым ты занят?» – «Знай, о Булукия, – ответил ему ангел, – что это гора Каф, которая окружает мир, и всякую землю, которую сотворил Аллах, я держу зажатой в руке. И когда Аллах великий хочет учинить на этой земле какое-нибудь землетрясение или недород, или урожай, или сражение, или примирение, он приказывает мне это сделать, и я делаю это, находясь на месте. Знай, что моя рука сжимает жилы земли...»

И Шахразад устала, и она прекратила дозволенные речи.

Четыреста девяносто шестая ночь

Когда же настала четыреста девяносто шестая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что ангел сказал Булукии: „И знай, что моя рука сжимает жилы земли“. – „А сотворил ли Аллах на горе Каф другую землю, кроме той, на которой ты находишься?“ – спросил Булукия ангела. И ангел ответил: „Да, он сотворил землю белую, как серебро, и никто не знает меры её протяжения, кроме Аллаха великого. Он населил её ангелами, чья еда и питьё – хвала Аллаху и освящение его имени и многие молитвы о Мухаммеде (да благословит его Аллах и да приветствует!). В вечер всякой пятницы они приходят на эту гору и собираются здесь и молятся Аллаху великому всю ночь, до времени утра, и они дарят награду за это прославление и освящение и поклонение согрешившим из народа Мухаммеда

(да благословит его Аллах и да приветствует!) и всякому, кто совершил пятничное омовение, и таковы будут их обстоятельства до дня воскресения“.

Потом Булукия спросил ангела и сказал ему: «Сотворил ли Аллах какие-нибудь горы позади горы Каф?» – «Да, – ответил ангел, – за горой Каф гора величиной в пятьсот лет пути, и состоит она из снега и града. Это она отводит от мира жар геенны, и если бы не эта гора, мир наверное бы сгорел от жара огня геенны. Позади горы Каф – сорок земель, каждая земля сорок раз такая, как мир, и одна земля – из золота, одна – из серебра и одна – из яхонтов, и всякая земля из этих земель имеет свой цвет. И Аллах населил эти земли ангелами, у которых нет иного дела, как восхвалять Аллаха, святить его имя и восклицать: „Нет бога, кроме Аллаха! Аллах велик!“ Они призывают Аллаха великого к народу Мухаммеда (да благословит его Аллах и да приветствует!) и не знают ни Евы, ни Адама, ни ночи, ни дня.

И знай, о Булукия, что земли расположены семью рядами, одна над другой, и Аллах сотворил ангела из ангелов своих (не знает его свойств и размеров никто, кроме Аллаха великого, славного!), который несёт семь земель на своих плечах. А под этим ангелом сотворил Аллах великий скалу, а под скалой Аллах великий сотворил быка, а под быком сотворил Аллах великий рыбу, а под рыбой сотворил Аллах великий большое море. И осведомил Аллах великий Ису (мир с ним!) об этой рыбе. И сказал ему Иса: «О господи, покажи мне эту рыбу, чтобы я посмотрел на неё». И приказал Аллах великий одному из ангелов взять Ису и свести его к этой рыбе, чтобы он посмотрел на неё; и пришёл этот ангел к Исе (мир с ним!) и привёл его к морю, в котором была эта рыба, и сказал: «Посмотри, о Иса, на эту рыбу!» И Иса посмотрел на рыбу и не увидел её, и прошла рыба мимо Исы, как молния. И, увидев это, Иса упал без памяти.

А когда он очнулся, Аллах ниспослал ему такие слова:

«О Иса, видел ли ты рыбу и знаешь ли ты, какой она длины и ширины?» И ответил Иса: «Клянусь твоим величием и славою, о господи, я её не видел, но прошёл мимо меня большой бык, размером в три дня пути, и не знал я, что это за бык». И сказал Аллах: «О Иса, то, что прошло мимо тебя и было размером в три дня пути, это только голова быка! И знай, о Иса, что я каждый день творю сорок рыб таких, как эта рыба». И, услышав эти слова, подивился Иса могуществу Аллаха великого.

Потом Булукия спросил ангела и сказал ему: «Что сотворил Аллах великий под морем, в котором эта рыба?» И ангел ответил ему: «Сотворил Аллах под этим морем большую пропасть, а под пропастью сотворил Аллах огонь, а под огнём сотворил Аллах большую змею по имени Фалак, и если бы не страх этой змеи перед Аллахом великим, она наверное проглотила бы все то, что над нею: и пропасть, и огонь, и ангела, и то, что он несёт на себе, и не почувствовала бы этого...»

И Шахразадку застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Четыреста девяносто седьмая ночь

Когда же настала четыреста девяносто седьмая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что ангел говорил Булукии, описывая змею: „И если бы не её страх перед Аллахом, она наверное бы проглотила все, что над нею: и пропасть, и огонь, и ангела, и то, что он несёт на себе, и не почувствовала бы этого. И когда создал Аллах великий эту змею, он ниспослал ей такие слова: „Я хочу оставить у тебя залог, береги же его!“ И змея сказала ему: „Делай что хочешь!“ И сказал Аллах той змее: „Открой рот!“ И змея открыла рот, и Аллах вложил ей в брюхо геенну и сказал: „Береги геенну до дня воскресения!“»

А когда придёт день воскресения, Аллах прикажет своим ангелам, и они придут с цепями и приведут на них геенну к месту сбора, и прикажет Аллах геенне открыть свои ворота, и откроет она их, и полетят оттуда большие искры, большие горы.

И, услышав от ангела эти слова, Булукия заплакал сильным плачем; а затем он простился с ангелом и пошёл в сторону запада, и шёл до тех пор, пока не дошёл до двух

существ. И увидел он, что они сидят и рядом с ними большие запертые ворота. И, приблизившись к ним, он увидел, что у одного из этих существ облик льва, а у другого – облик быка. И Булукия приветствовал их, и они ответили на его приветствие, а затем они спросили его и сказали: «Что ты такое, откуда ты пришёл и куда идёшь?» – «Я из сынов Адама, – ответил им Булукия, – и я странствую из-за любви к Мухаммеду, но только я сбился с дороги». Потом Булукия спросил этих существ и сказал им: «Что вы такое и что это подле вас за ворота?»

И они ответили: «Мы сторожа у этих ворот, которые ты видишь, и нет у нас дела, кроме как славить Аллаха и святить его имя и молиться за Мухаммеда (да благословит его Аллах и да приветствует!)». И, услышав эти слова, Булукия удивился и спросил: «Что находится за этими воротами?» И сторожа ответили: «Мы не знаем!» – «Заклинаю вас великим вашим господом, откройте мне эти ворота, и я посмотрю, что находится за ними», – сказал Булукия. И сторожа ответили: «Мы не можем их открыть, и не может их открыть никто из сотворённых, кроме Джибриля-верного (мир с ним!)».

И, услышав эти слова, Булукия взмолился к Аллаху великому и воскликнул: «О господи, приведи ко мне верного Джибриля, чтобы открыл он мне эти ворота и я посмотрел бы, что есть за ними!» И Аллах внял его молитве и повелел верному Джибрилю спуститься на землю и открыть Ворота Слияния Двух Морей, чтобы посмотрел на все Булукия. И спустился Джибриль к Булукии и приветствовал его и, подойдя к воротам, отпер их, а потом Джибриль сказал Булукии: «Войди в эти ворота, Аллах велел мне открыть их для тебя».

И Булукия вошёл в ворота и пошёл дальше, а Джибриль запер ворота и поднялся на небо. И Булукия увидел за воротами большое море – наполовину солёное, наполовину пресное, и море окружали две горы, и были эти горы из красного яхонта. И Булукия шёл, пока не дошёл до этих гор, и увидел он на них ангелов, занятых прославлением Аллаха и освящением его имени. И, увидав этих ангелов, Булукия приветствовал их, и они ответили на его приветствие, и тогда Булукия спросил их про море и про горы, и ангелы сказали ему: «Это место находится под престолом Аллаха, а это море заливают все моря на земле. Мы делим эту воду и гоним её в земли: солёную – в земли солёные, а пресную – в земли пресные. А эти горы создал Аллах для того, чтобы охранять эту воду, и таково будет наше дело до дня воскресения».

Потом ангелы спросили Булукию и сказали ему: «Откуда ты пришёл и куда идёшь?» И Булукия рассказал им свою историю с начала до конца. А потом Булукия спросил у ангелов дорогу, и они сказали: «Иди здесь по поверхности моря». И Булукия взял соку, который был у него, и помазал им ноги и простился с ангелами и пошёл по поверхности моря. И он шёл ночью и днём. И когда он шёл, он вдруг увидел прекрасного юношу, который шёл по поверхности моря. И Булукия подошёл к юноше и приветствовал его, и юноша ответил на его приветствие, и Булукия расстался с юношей и увидел четырех ангелов, которые шли по лицу моря, и ход их был подобен поражающей молнии. И Булукия пошёл вперёд и остановился на их дороге.

И когда ангелы дошли до него, Булукия приветствовал их и сказал: «Я хочу спросить вас, во имя великого, славного: как ваше имя, откуда вы пришли и куда вы идёте?» И один из ангелов сказал: «Моё имя – Джибриль, а имя второго – Исрафил, и третьего – Микаиль, а четвёртого – Исраиль. На востоке появился большой дракон, и этот дракон разрушил тысячу городов и сожрал их жителей, и Аллах великий приказал нам пойти к нему и схватить его и бросить в геенну». И Булукия удивился этим ангелам и их величию и пошёл по своему обычаю, и шёл ночью и днём, пока не пришёл к одному острову. И он вышел на этот остров и шёл по нему некоторое время...»

И Шахразадду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Когда же настала четыреста девяносто восьмая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что Булукия вышел на остров и шёл по нему некоторое время и увидел прекрасного юношу, лицо которого блистало светом, и, когда Булукия приблизился к этому юноше, он увидел, что тот сидит между двумя выстроенными гробницами и рыдает и плачет. И Булукия подошёл к нему и приветствовал его, а юноша ответил на его приветствие; и Булукия спросил юношу и сказал ему: „Что с тобой, как твоё имя и что это за построенные гробницы, между которыми ты сидишь? Что означает этот плач, тебя одолевший?“ И юноша обернулся к Булукии и заплакал сильным плачем, так что промочил слезами свою одежду, и сказал Булукии: „Знай, о брат мой, что повесть моя удивительна и история моя диковинна. Я хотел бы, чтобы ты сел подле меня и рассказал мне, что ты видел в жизни, почему ты пришёл в это место, как твоё имя и куда ты идёшь, и я тоже расскажу тебе свою историю“.

И Булукия сел рядом с юношей и рассказал ему обо всем, что выпало ему во время его странствований, с начала до конца, и рассказал, как умер его отец, оставив его, и как он отпер комнату и увидел в ней сундук, и как увидел он книгу, в которой было описание Мухаммеда (да благословит его Аллах и да приветствует!), и сердце его привязалось к нему, и он пошёл странствовать из-за любви к нему, и рассказал обо всем, что ему выпало до тех пор, пока не пришёл он к юноше. «Вот моя история полностью, а Аллах лучше знает правду, – сказал он, – и я не знаю, что случится со мною после этого».

И, услышав его слова, юноша вздохнул и сказал: «О несчастный, и что ты видел в своей жизни! Знай, о Булукия, что я видел господина нашего Сулеймана в его время и видел вещи, которых не счесть и не перечислить. Моя повесть удивительна, и история моя диковинна, и я хочу, чтобы ты посидел подле меня, пока я расскажу тебе мою историю и поведаю тебе, почему я сижу здесь».

И когда Хасиб услышал эти слова от змеи, он удивился и сказал: «О царица змей, ради Аллаха отпусти меня на волю и прикажи одному из твоих слуг вывести меня на лицо земли, а я дам тебе клятву, что не войду в баню всю мою жизнь». – «Это дело, которого не будет! – отвечала царица змей. – И я не поверю твоей клятве!» И, услышав это, Хасиб заплакал, и все змеи заплакали из-за него и стали просить за него царицу змей, говоря: «Мы хотим, чтобы ты приказала одной из нас вывести его на лицо земли, и он даст тебе клятву не ходить в баню всю жизнь».

А царицу змей звали Ямлиха. И когда Ямлиха услышала от них эти слова, она подошла к Хасибу и взяла с него клятву, и Хасиб дал ей клятву. А потом она приказала одной из змей вывести его на лицо земли. И когда эта змея пришла, чтобы вывести его, Хасиб сказал царице змей: «Я хочу, чтобы ты рассказала мне историю юноши, подле которого сел Булукия, увидя его сидящим между двух могил».

«Знай, о Хасиб, – сказала тогда царица змей, – что Булукия сел около этого юноши и рассказал ему всю свою историю, с начала до конца, чтобы юноша тоже рассказал ему свою повесть и поведал ему, что случилось с ним в жизни, осведомив его, почему он сидит меж могилами...»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Четыреста девяносто девятая ночь

Когда же настала четыреста девяносто девятая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что, когда Булукия рассказал юноше свою повесть, тот воскликнул: «И какие ты видал диковины, о несчастный! Я видал господина нашего Сулеймана в его время и видел диковины, которых не счесть и не перечислить.

Знай, о брат мой, что мой отец был царём, и звали его царь Тайгамус. Он правил страной Кабуль и племенем Бену-Шахлан, а в нем десять тысяч богатырей, и каждый богатырь из них правит сотнею городов и сотнею крепостей со стенами. И мой отец властвовал над семью султанами, и к нему несли деньги от востока до запада, и был он

справедлив в своём правлении. И Аллах даровал ему все это и ниспослал ему столь великую власть, но не было у него сына. И имел он в жизни одно желание: чтобы наделил его Аллах ребёнком мужеского пола и тот заменил бы его в царстве после смерти его.

И случилось в один из дней, что он потребовал к себе мудрецов, звездочётов и людей знания и составителей календарей и сказал им: «Посмотрите мой гороскоп: наделит ли меня Аллах при жизни ребёнком мужеского пола, который заменит меня в царстве!» И открыли звездочёты книги и вычислили его гороскоп и ту звезду, которая была для него в восхождении, и сказали: «Знай, о царь, что ты получишь ребёнка мужеского пола, и будет этот ребёнок только от дочери царя Хорасанского».

И когда услышал это от них Тайгамус, он обрадовался великою радостью и дал звездочётам и мудрецам большие деньги, которых не счесть и не исчислить, и они ушли своей дорогой. А у царя Тайгамуса был старый везирь, и был это великий богатырь, стоивший тысячи всадников, и звали его Айн Зар, и сказал ему Тайгамус: «О везирь, я хочу, чтобы ты собрался в путь в страну Хорасаи и посватал за меня дочь царя Бахравана, царя Хорасанского». И царь Тайгамус рассказал своему везирию Айн зару о том, что сообщили ему звездочёты. И, услышав слова царя Тайгамуса, везирь тотчас же ушёл и снарядился в путь. А потом он вышел за город с воинами, витязями и солдатами, и вот то, что было с везирем.

Что же касается царя Тайгамуса, то он собрал тысячу пятьсот вьюков шелка, драгоценных камней, жемчуга, яхонтов, золота, серебра и дорогих металлов и приготовил во множестве все нужное для свадьбы и, погрузив тюки на верблюдов и мулов, вручил их своему везирию Айн Зару и написал письмо такого содержания: «А после славословия – привет царю Бахравану! Знай, что мы собрали звездочётов, мудрецов и составителей календарей, и они рассказали нам, что нам достанется ребёнок мужеского пола, но будет этот сын только от твоей дочери. Вот я снарядил и посылаю к тебе везирия Айн Зара и с ним многие вещи из принадлежностей свадьбы, и я поставил моего везирия вместо себя в этом деле и поручил ему принять договор. Я хочу от твоей милости, чтобы ты исполнил просьбу везирия – это моя просьба. Не допускай же в этом деле пренебрежения или отсрочки; то благо, которое ты сделаешь, от тебя принято, но берегись ослушаться в этом. Знай, о царь Бахраван, что Аллах ниспослал мне власть над землёй Кабуль и сделал меня царём племени Бену-Шахлан и даровал мне великое царство, и, если я женюсь на твоей дочери, мы будем с тобою в царстве как один, и я стану посылать тебе ежегодно столько денег, что тебе хватит. Вот чего я хочу от тебя».

Потом царь Тайгамус запечатал письмо и передал его своему везирию Айн Зар и приказал ему ехать в страну Хорасан. И везирь ехал, пока не приблизился к городу царя Бахравана, и царя известили о прибытии везирия царя Тайгамуса. И, услышав это, царь Бахраван послал эмиров своего царства его встречать, и отправил с ними еду и питьё со всем прочим, и дал им корму для коней, и велел им ехать навстречу везирию Айн Зару. И они погрузили вьюки и ехали до тех пор, пока не подъехали к везирию, и тогда они сложили тюки, и воины и солдаты спешили и приветствовали друг друга. Они оставались на этом месте десять дней, занятые едой и питьём, а затем они сели на коней и поехали в город.

И царь Бахраван вышел встречать везирия царя Тайгамуса и обнял его и приветствовал и, взяв его с собою, направился в крепость, а потом везирь предложил вьюки и редкости и все богатства царю Бахравану и дал ему письмо. И царь Бахраван взял его и прочитал и узнал, что в нем сказано, и понял его смысл. Он обрадовался сильной радостью и сказал везирию: «Добро пожаловать! – и воскликнул: – Радуйся исполнению того, что ты хочешь! Если бы царь Тайгамус потребовал мою душу, я бы отдал её ему!» И царь Бахраван тотчас же пошёл к своей дочери и её матери и близким и осведомил их об этом деле и спросил у них совета, и они сказали ему: «Делай что хочешь!...»

И Шахразад устала, и она прекратила дозволенные речи.

Когда же настала ночь, дополняющая до пятисот, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что царь Бахраван посоветовался со своей дочерью и родственниками, и те сказали ему: „Делай как желаешь!“ А потом царь Бахраван вернулся к везиру Айн Зару и осведомил его о том, что его просьба удовлетворена. И везир провёл у царя Бахравана два месяца, и потом он сказал царю: „Мы хотим, чтобы ты пожаловал нам то, за чем мы к тебе пришли, и мы уедем в наши страны“. И царь ответил везиру: „Слушаю и повинуюсь!“ – а затем он велел устраивать свадьбу и готовить приданое. И сделали так, как он приказал, а после этого царь велел позвать везирей и всех эмиров из вельмож его царства, и все они явились, и царь приказал привести монахов и священников, и они пришли и заключили договор царской дочери с царём Тайгамусом. И царь Бахраван приготовил все нужное для путешествия и дал своей дочери подарки, редкости и драгоценности, описывать которые устанет язык, и приказал устлать коврами улицы города и украсить его самым лучшим образом. И везир Айн Зар уехал с дочерью царя Бахравана в свою страну.

И когда дошёл слух о его прибытии до царя Тайгамуса, он велел устраивать свадьбу и украшать город. А потом он вошёл к дочери царя Бахравана и уничтожил её девственность, и прошло лишь немного дней, и она зачала от него. Когда же завершились её месяцы, она родила дитя мужеского пола, подобное луне в ночь её полноты. И, узнав, что его жена родила прекрасного сына, царь Тайгамус обрадовался великою радостью. Он призвал мудрецов, звездочётов и составителей календарей и сказал им: «Я желаю, чтобы вы посмотрели гороскоп этого новорождённого и звезду, которая для него в восхождении, и рассказали бы мне, что он испытает в жизни».

И мудрецы со звездочётами вычислили его гороскоп и звезду, которая была для него в восхождении, и увидели, что дитя будет счастливым, но ему выпадут в начале жизни тяготы, и случится это, когда он достигнет пятнадцати лет. «И если он останется после этого жив, – сказали они, – то увидит великие блага и станет великим царём, больше своего отца, и увеличится его счастье, и погибнут его противники, и будет он жить приятной жизнью, а если умрёт, то нет пути к тому, что миновало, и Аллах лучше знает правду».

И когда услышал это царь, он обрадовался великою радостью и назвал сына Джаншахом. Он отдал его кормилицам и нянькам и дал ему хорошее воспитание, и, когда мальчик достиг пяти лет, отец научил его читать, и Джаншах стал читать евангелие. И научил его царь воевать и владеть копьём и мечом, когда было ему меньше чем семь лет, и стал мальчик выезжать на охоту и ловлю и сделался великим богатырём, совершённым во всех видах военной доблести. И всякий раз, как его отец слышал о его доблести во всех видах военного искусства, он радовался великою радостью.

И случилось однажды, что царь Тайгамус приказал своим воинам выезжать на охоту и ловлю, и выехали воины и солдаты, и сел на коня царь Тайгамус со своим сыном Джаншахом, и поехали они в степи и пустыни. И они занимались охотой и ловлей до вечера третьего дня, и попалась Джаншаху газель диковинного цвета и помчалась перед ним. И когда увидел Джаншах эту газель, которая мчалась перед ним, он последовал за ней и быстро понёсся ей вслед, когда она убегала. И отделились семь мамлюков Тайгамуса и поехали следом за Джаншахом, и когда они увидели своего господина, который спешил, мчась за газелью, они поспешно отправились за ним следом на быстрых конях и ехали до тех пор, пока не подъехали к морю. И все они ринулись за газелью, чтобы схватить её как добычу, и газель побежала от них и бросилась в море...»

И Шахразад устала, и она прекратила дозволенные речи.

Пятисот первая ночь

Когда же настала пятисот первая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что Джаншах и мамлюки ринулись за газелью, чтобы схватить её как добычу, но она

побежала от них и бросилась в море. А в этом море была рыбацья лодка, и газель прыгнула в неё, и Джаншах с мамлюками сошли с коней и, войдя в лодку, захватили газель и хотели вернуться с нею на сушу. Но вдруг Джаншах увидел большой остров и сказал мамлюкам, которые были с ним: „Я хочу отправиться на этот остров!“ И мамлюки сказали: „Слушаем и повинемся!“ – и поехали на лодке в сторону острова. И, подъехав к острову, вышли и стали гулять по нему, а потом они вернулись к лодке и, сев в неё, поехали с газелью к тому берегу, от которого они приплыли. И спустился над ними вечер, и они заблудились в море, и подул на них ветер и выгнал лодку на середину моря. А Джаншах с мамлюками проспали до утра и проснулись, не зная дороги, и все время плыли по морю.

Вот что было с ними. Что же касается царя Тайгамуса, отца Джаншаха, то он хватился своего сына, но не увидел его. И тогда он отрядил своих воинов ехать по разным дорогам, и стали они кружить, разыскивая сына царя Тайгамуса. И один отряд отправился к морю, и воины увидели мамлюка, который остался у коней, и подошли к нему и спросили про его господина и про шесть других мамлюков; мамлюк рассказал им о том, что с ними случилось. И воины взяли этого мамлюка и коней и вернулись к царю и рассказали ему об этом деле, и, услышав их слова, царь заплакал сильным плачем и сбросил с головы венец и стал кусать себе руки от горя. Он тотчас же поднялся и написал письма и разослал их по островам, которые в море, и, собрав его кораблей, посадил на них воинов и велел им кружить по морю и искать его сына Джаншаха. И потом царь взял остальных воинов и солдат и вернулся в город, и впал он в великое огорчение, а когда узнала обо всем мать Джаншаха, она стала бить себя по щекам и оплакивать своего сына.

Вот что было с ними. Что же касается Джаншаха и мамлюков, которые были с ним, то они не переставая блуждали по морю, а разведчики все время ездили по морю, разыскивая их, в течение десяти дней, но не нашли и вернулись к царю и рассказали ему об этом. А на Джаншаха и мамлюков, которые были с ним, подул сильный ветер, и он гнал лодку, в которой они находились, пока не пригнал их к одному острову. И Джаншах с шестью мамлюками вышли из лодки и ходили по этому острову, пока не пришли к ручью, бежавшему посередине острова, и они увидели издали человека, который сидел близ ручья, и, подойдя к нему, приветствовали его, и человек возвратил им приветствие. А потом он заговорил с ними словами, похожими на птичий свист; и, услышав речь этого человека, Джаншах удивился. И человек оглянулся направо и налево, и пока Джаншах с мамлюками дивились на него, он вдруг разделился на две половины, и каждая половина пошла в свою сторону.

И когда это было так, вдруг подошли к ним всякие люди, которых не счесть и не исчислить (а шли они со стороны горы). И они двигались до тех пор, пока не достигли ручья, и тут каждый из них разделился на две половины. И они подошли к Джаншаху и мамлюкам, чтобы их съесть. И когда Джаншах увидел, что они хотят его съесть, он побежал, и мамлюки побежали за ним следом. И эти люди последовали за ними и съели из мамлюков троих, а трое остались с Джаншахом. И Джаншах сел в лодку вместе с теми тремя мамлюками, и они толкнули лодку в середину моря и ехали ночью и днём, не зная, куда везёт их лодка.

А потом они зарезали газель и стали ею питаться, и ветер ударил по ним и бросил их к другому острову.

И, посмотрев на этот остров, они увидели на нем деревья, реки, плоды и сады, где были всевозможные фрукты, и каналы текли под деревьями, и был этот остров подобен раю. И когда Джаншах увидел этот остров, он ему понравился, и царевич спросил мамлюков: «Кто из вас выйдет на этот остров и посмотрит для нас, что там делается?» – «Я выйду и разведу для вас, что там делается, и вернусь к вам», – сказал один из мамлюков. Но Джаншах воскликнул: «Это дело, которого не будет! Вы выйдете втроём и разведаете, что делается на этом острове, а я посижу за вас в лодке, пока вы не вернётесь». После этого Джаншах высадил этих троих мамлюков, чтобы они разведали, что делается на острове...»

И Шахразату застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Пятьсот вторая ночь

Когда же настала пятьсот вторая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что мамлюки, выйдя на остров, ходили там на восток и на запад, но не нашли на острове никого.

И они дошли до середины острова и увидели вдали крепость из белого мрамора, и помещения в ней были из прозрачного хрусталя, а посередине этой крепости находился сад, где были плоды, сухие и свежие, для которых бессильны описания, и в саду были всякие цветы. И мамлюки увидели в этой крепости деревья и плоды, и птицы щебетали на этих деревьях, и был там большой пруд, а рядом с прудом – большой портик, под которым были поставлены седалища, и посреди этих седалищ стояло ложе из червонного золота, украшенное всевозможными драгоценностями и яхонтами. И когда мамлюки увидели, как прекрасна эта крепость и этот сад, они стали ходить в крепости направо и налево, но не нашли там никого. Потом они ушли из крепости и пошли к Джаншаху и осведомили его о том, что видели.

И когда Джаншах, сын царя, услышал от них это известие, он воскликнул: «Мне необходимо посмотреть на эту крепость!» После этого Джаншах вышел из лодки, и мамлюки вышли с ним, и они пошли и пришли к крепости и вошли туда, и Джаншах удивился красоте этого места. А потом они стали гулять по саду, и ели плоды, и ходили до вечера. А когда спустился на них вечер, они подошли к стоявшим там седалищам, и Джаншах сел на ложе, поставленное посередине, а седалища стояли от него справа и слева. И когда Джаншах сел на ложе, он принялся раздумывать и плакать о том, что покинул престол своего отца и расстался со своей страной и родными и близкими, и заплакали вокруг него его трое мамлюков.

И когда это было так, вдруг донёсся страшный крик со стороны моря, и они обернулись в ту сторону и увидели, что это кричат обезьяны, подобные кишашей саранче (а эта крепость и остров принадлежали обезьянам). И когда обезьяны увидели лодку, в которой приехал Джаншах, они потопили её у берега моря и пришли к Джаншаху, который сидел в крепости». И все это, о Хасиб, рассказывал Булукии юноша, сидевший между двумя могилами», – говорила царица змей. «А что сделал потом Джаншах с обезьянами?» – спросил её Хасиб.

И она сказала: «Когда Джаншах вошёл в крепость и сел на ложе (а мамлюки сидели от него справа и слева), пришли обезьяны и устроили их и испугали великим испугом. И потом толпа обезьян вошла к ним, и они шли вперёд, пока не приблизились к ложу, на котором сидел Джаншах. И они поцеловали перед ним землю и сложили руки на груди и постояли перед ним немного, а потом подошла толпа обезьян, которые вели газелей, и они зарезали их и, принеся в крепость, сняли с них шкуру, разрубили их мясо и жарили их, пока они не стали хороши для еды. Они положили их на золотые и серебряные блюда и поставили трапезу и сделали Джаншаху и его людям знак, чтобы они ели. И Джаншах сошёл с ложа и стал есть, и мамлюки и обезьяны ели с ним, пока не насытились едою, а потом обезьяны убрали трапезу с кушаньями и принесли плоды» и все поели их и прославили великого Аллаха.

А после этого Джаншах сделал знак старейшим из обезьян и сказал им: «В чем ваше дело и чьё это место?» И обезьяны ответили ему знаком: «Знай, что это место принадлежит господину нашему Сулейману, сыну Дауда (мир с ними обоими!). Он приходил сюда один раз каждый год и гулял здесь и уходил от нас...»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Пятьсот третья ночь

Когда же настала пятьсот третья ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь,

что обезьяны рассказали Джаншаху про крепость и сказали ему: „Это место принадлежало господину нашему Сулейману, сыну Дауда, и он приходил сюда каждый год один раз и гулял здесь и уходил от нас. – А после этого обезьяны сказали Джаншаху: – Знай, о царь, что ты сделался над нами султаном, и мы служим тебе. Ешь, пей, и все, что ты нам прикажешь, мы сделаем“. Потом обезьяны поднялись и поцеловали землю меж рук Джаншаха, и все ушли своей дорогой, а Джаншах спал на ложе, и его рабы спали вокруг него на седалищах до времени утра. И потом вошли к нему четыре везиры, предводители обезьян, и их воины, и наполнилось помещение, и пришедшие встали перед ним ряд за рядом. И везиры подошли и сделали знак Джаншаху, чтобы он творил между ними праведный суд. И потом обезьяны крикнули что-то друг другу и ушли, а часть их осталась у царя Джаншаха, чтобы служить ему. А после этого пришли обезьяны, с которыми были собаки в облике коней (а на голове у каждой собаки была цепь), и Джаншах подивился на этих собаки на огромность их тела. И везиры обезьян сделали Джаншаху знак, чтобы он сел и поехал с ними. И Джаншах и его трое невольников сели, и вместе с ними сели воины обезьян, и они двинулись, подобные кишащей саранче, и некоторые ехали верхом, а другие шли, и Джаншах подивился их делам.

И они все время шли к берегу моря, и когда Джаншах увидел, что лодка, в которой он ехал, потоплена, он обратился к везирям обезьян и спросил их: «Где лодка, которая была здесь?» – «Знай, о царь, – ответили они, – что, когда мы приехали к нашему острову, мы поняли, что ты будешь над нами султаном, и побоялись, что вы от нас убежите, когда мы от вас уйдём, и сядете в лодку. Поэтому мы её потопили». Услышав эти слова, Джаншах обратился к мамлюкам и сказал им: «Не осталось у нас хитрости, чтобы уйти от этих обезьян! Будем же терпеть то, что предопределил Аллах великий».

И они пошли, и шли до тех пор, пока не дошли до берега какой-то реки, а рядом с этой рекой стояла высокая гора. И Джаншах посмотрел на эту гору и увидел на ней множество гулей. Он обернулся к обезьянам и спросил их: «Что это за гули?» И обезьяны ответили: «Знай, о царь, что эти гули наши враги, и мы пришли, чтобы с ними сразиться». И Джаншах удивился этим гулям, которые сидели на конях, и их огромному телу, а у некоторых были головы коров, а у некоторых – головы верблюда. И когда гули увидели войска обезьян, они бросились на них и, остановившись у берега реки, стали кидать в них камнями, имевшими вид дубин, и начался между ними великий бой.

И когда Джаншах увидал, что гули побеждают обезьян, он крикнул мамлюкам и сказал им: «Поднимайтесь с луками и стрелами и мечите в них стрелы, пока не перебьёте их и не отгоните от нас». И мамлюки делали так, как велел им Джаншах, пока не постигло гулей великое огорчение, и было их перебито великое множество, и обратились они в бегство и бросились бежать. И когда обезьяны увидели, что Джаншах сделал такое дело, они спустились в реку и перешли её, и Джаншах вместе с ними, и прогнали гулей, так что те скрылись с глаз.

А Джаншах с обезьянами шли до тех пор, пока не достигли высокой горы, и Джаншах посмотрел на эту гору и увидел на ней мраморную доску, на которой было написано: «О тот, кто вступил на эту землю, ты станешь султаном над этими обезьянами, и тебе не удастся уйти от них, если ты не пройдёшь через восточный проход сбоку горы (а длиной он в три месяца пути). И будешь ты идти между диких зверей и гулей, и маридов, и ифритов, а после этого ты придёшь к морю, которое окружает весь мир. Или же пройдёшь ты через западный проход, длиною в четыре месяца пути, и в начале его долина муравьёв.

И когда ты достигнешь долины муравьёв и войдёшь в неё, остерегайся этих муравьёв, пока не достигнешь высокой горы. Эта гора пылает как огонь и идти по ней нужно десять дней», И когда увидал Джаншах эту доску...»

И Шахразад устроил, и она прекратила дозволенные речи.

Пятьсот четвёртая ночь

Когда же настала пятьсот четвёртая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что, увидав эту доску, Джаншах стал читать и увидел на ней то, о чем мы упомянули, а в конце надписи он нашёл слова: „И потом ты достигнешь большой, текучей реки, течение которой уносит с собой взор, так оно стремительно, и эта река каждую субботу высыхает. А возле реки есть город, все жители которого – евреи, отвергающие веру Мухаммеда, и нет среди них ни одного мусульманина, и нет на той земле города, кроме этого. А пока ты останешься у обезьян, они будут побеждать гулей. И знай, что на этой доске писал господин наш Сулейман, сын Дауда (мир с ними обоими!)“».

И когда прочитал это Джаншах, он заплакал горьким плачем, а затем он обратился к своим мамлюкам и осведомил их о том, что написано на доске. А после этого он поехал, и воины обезьян тоже поехали, окружая его, и они радовались победе над своими врагами. И все вернулись в крепость, и Джаншах пробыл в крепости султаном над обезьянами полтора года. А затем Джаншах велел войскам обезьян выезжать на охоту и ловлю, и они сели на своих коней, и Джаншах сел вместе с ними, и мамлюки его также. И они поехали по степям и пустыням и не переставая ездили с места на место, пока Джаншах не узнал долины муравьёв и не увидел знака, о котором было написано на мраморной доске. И, увидав его, он велел мамлюкам спешиться в этом месте, и они спешились, и воины обезьян тоже спешились, и они провели за едой и питьём десять дней.

А затем Джаншах остался ночью один со своими мамлюками и сказал им: «Я хочу, чтобы мы убежали и ушли в долину муравьёв. Мы пойдём в город евреев, и, может быть, Аллах спасёт нас от этих обезьян, и мы уйдём своей дорогой». И мамлюки сказали: «Слушаем и повинемся!» И Джаншах выждал, пока прошла малая часть ночи, и поднялся, и мамлюки поднялись вместе с ним и надели оружие и повязали вокруг пояса мечи, кинжалы и тому; подобные военные доспехи. И Джаншах вышел вместе с мамлюками, и они шли с начала ночи до утра. И когда обезьяны пробудились от сна, они не увидели ни Джаншаха, ни мамлюков и поняли, что те от них убежали. И поднялся отряд обезьян, и они сели и поехали в сторону восточного прохода, а другой отряд сел на коней и поехал в долину муравьёв.

И когда обезьяны ехали, они вдруг увидели Джаншаха и его мамлюков, которые приближались к долине муравьёв, и, увидев их, они поспешили им вслед. И когда Джаншах увидал обезьян, он побежал, и мамлюки тоже побежали, и они вошли в долину муравьёв, и не прошло часа, как обезьяны ринулись на них и хотели убить Джаншаха с его мамлюками, но вдруг муравьи выползли из земли, подобные кишачей саранче, и каждый муравей был величиной с собаку. И, увидев обезьян, муравьи бросились на них и съели из них множество, и было убито много муравьёв, но победа все же досталась муравьям. И муравей подходил к обезьяне и ударял её и разрубал пополам, а десять обезьян садились на одного муравья, хватали его и разрывали пополам. И шёл между ними великий бой до вечерней поры. А когда настало время вечера, Джаншах и мамлюки убежали в глубь долины...»

И Шахразду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Пятьсот пятая ночь

Когда же настала пятьсот пятая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что, когда пришёл вечер, Джаншах и мамлюки убежали в глубь долины и бежали до утра. Когда же настало утро, обезьяны приблизились к Джаншаху, и, увидав их, Джаншах крикнул мамлюкам: „Бейте их мечами!“ И мамлюки вытащили мечи и стали бить обезьян направо и налево. И выступила к ним большая обезьяна, у которой были клыки, как у слона, и, подойдя к одному из мамлюков, ударила его и разрубила пополам. И обезьяны во множестве напали на Джаншаха, и он бежал в конец долины и увидел там большую реку, а возле неё большого муравья. И когда муравей увидал приближающегося Джаншаха, он заступил ему дорогу. И вдруг один из мамлюков ударил муравья мечом и разрубил его пополам. И, увидев это, воины муравьёв во множестве бросились на мамлюка и убили его, и когда они были заняты

этим делом, вдруг обезьяны сошли с горы и во множестве бросились на Джаншаха.

И, увидав, что они бросились на него, Джаншах снял с себя одежду и вошёл в реку, и с ним вошёл мамлюк, который остался жив. Они плыли в воде до середины реки, и затем Джаншах увидел на берегу реки, на другой стороне, дерево. Он протянул руку к одной из его ветвей и схватил её, взобрался по ней и вышел на сушу, что же касается мамлюка, то его осилило течение и схватило его и разбило об гору. И Джаншах остался стоять на суше один, выжимая свою одежду и суша её на солнце, а у обезьян с муравьями возник великий бой, и затем обезьяны возвратились в свои земли.

Вот что было с обезьянами и муравьями. Что же касается Джаншаха, то он плакал до вечера, а затем он вошёл в пещеру и приютился в ней, и он очень боялся и чувствовал себя одиноким, лишившись своих мамлюков. И он проспал в этой пещере до утра, и потом пошёл, и шёл не переставая ночи и дни, питаясь травами, пока не дошёл до горы, которая горит как огонь. И, прядя к этой горе, он пошёл по ней и дошёл до реки, которая высыхает каждую субботу, а дойдя до этой реки, он увидел, что это река большая и возле неё большой город, и это город евреев, о котором, как он видел, было написано на доске.

И Джаншах оставался там, пока не пришёл день субботы и река не высохла, а потом он пошёл по реке и дошёл до города евреев, но не увидел там ни одного человека. И он шёл по городу, пока не дошёл до ворот одного дома, и, открыв их, он вошёл в дом и увидел, что его обитатели молчат и совершенно не разговаривают. «Я чужеземец и голоден», – сказал им Джаншах, и они ответили ему знаком: «Ешь и пей, но не разговаривай!» И Джаншах остался у них и поел и попил и проспал эту ночь, а когда наступило утро, хозяин дома приветствовал его и сказал: «Добро пожаловать! – и спросил: – Откуда ты пришёл и куда идёшь?» И когда Джаншах услышал слова этого еврея, он заплакал горьким плачем и рассказал ему свою историю и поведал о городе своего отца. И еврей удивился этому и сказал: «Мы никогда не слышали об этом городе, но мы слыхали от купцов с караванами, что там есть страна, которая называется страна Йемен». – «Эта страна, про которую тебе рассказывали купцы, недалеко от наших мест», – сказал Джаншах еврею. И еврей молвил: «Купцы, приходившие с этими караванами, утверждают, что срок путешествия из их страны сюда длится два года и три месяца». – «А когда придёт караван?» – спросил Джаншах, и еврей ответил: «Он придёт в будущем году...»

И Шахразату застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Пятьсот шестая ночь

Когда же настала пятьсот шестая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что, когда Джаншах спросил еврея о приходе каравана, тот ответил ему: „Он придёт в будущем году“. И, услышав его слова, Джаншах заплакал горьким плачем и стал горевать о самом себе и мамлюках, и о разлуке со своей матерью и отцом, и о том, что с ним случилось во время путешествия. „Не плачь, о юноша, – сказал ему еврей, – и живи у нас, пока не придёт караван. Мы отошлём тебя с ним на твою родину“. И, услышав от еврея такие слова, Джаншах прожил у него два месяца, и каждый день он выходил на улицы города и гулял по ним.

И случилось так, что он вышел однажды, по своему обычаю, и ходил по улицам города направо и налево, и вдруг он услышал, как какой-то человек зазывал и кричал: «Кто возьмёт тысячу динаров и девушку, прекрасную, редкостно красивую и прелестную, и будет делать для меня работу от утра до полудня?» – но никто не отвечал ему. И когда Джаншах услышал слова зазывателя, он сказал про себя: «Не будь эта работа опасной, наниматель не дал бы тысячи динаров и прекрасной девушки за то, чтобы поработать от утра до полудня». И он подошёл к зазывателю и сказал ему: «Я сделаю эту работу!» И когда зазыватель услышал от Джаншаха такие слова, он взял его и привёл к какому-то высокому дому. И они с Джаншахом вошли в этот дом, и Джаншах увидел, что это большой дом, и он нашёл там

еврея-купца, который сидел на скамеечке из эбенового дерева. И зазыватель остановился перед ним и сказал ему: «О купец, вот уже три месяца, как я кричу в городе, и никто не отозвался, кроме этого юноши».

И, услышав слова зазывателя, купец сказал Джаншаху: «Добро пожаловать! – и, взяв его, вошёл с ним в роскошное помещение и велел своим рабам принести ему кушанья. И рабы поставили трапезу и принесли разные кушанья, и купец с Джаншахом поели и вымыли руки, а потом принесли напитки, и они попили, а затем купец поднялся и принёс Джаншаху мешок, в котором была тысяча динаров, и привёл ему на редкость прекрасную девушку и сказал: „Возьми эту девушку и деньги за работу, которую ты сделаешь“. И Джаншах взял девушку и деньги и посадил девушку с собой рядом, и купец сказал ему: „Завтра ты сделаешь нам работу“.

И купец ушёл от них, а Джаншах проспал с девушкой ночь, а когда настало утро, он пошёл в баню. И купец приказал своим рабам принести ему шёлковую одежду, и ему принесли роскошную шёлковую одежду и ждали, пока он вышел из бани, и тогда его одели в эту одежду и привели в дом. И купец велел рабам принести арфу и лютню и напитки, и рабы принесли все это, и купец с Джаншахом пили, играли и смеялись, пока не прошли день, вечер и половина ночи, и после этого купец ушёл к себе в харим, а Джаншах проспал с девушкой до утра и потом пошёл в баню. Когда же он вернулся из бани, купец пришёл к нему и сказал: «Я хочу, чтобы ты сделал для нас ту работу». – «Слушаю и повинуюсь!» – сказал Джаншах.

И тогда купец велел своим невольникам привести пару мулов, и ему привели пару мулов, и он сел на одного из них и велел Джаншаху сесть на другого мула, и тот сел. И потом Джаншах с купцом ехали от утра до полудня и достигли высокой горы, высоте которой не было предела, и купец сошёл со спины мула и велел Джаншаху спешиться. И Джаншах спешился, а купец дал ему нож и верёвку и сказал: «Я хочу, чтобы ты зарезал этого мула». И Джаншах подобрал платье и подошёл к мулу и, накинув верёвку на четыре его ноги, свалил его на землю, и затем он взял нож и зарезал мула, и снял с него шкуру, и отрезал ему все четыре ноги и голову, так что он превратился в кучу мяса. И тогда купец сказал ему: «Я приказываю тебе вскрыть ему брюхо и войти туда.

Я зашью тебя в нем, и ты посидишь там некоторое время, и что бы ни увидел у него в брюхе, расскажи мне».

И Джаншах вскрыл мулу брюхо и вошёл туда, а купец зашил его в шкуру и оставил его и удалился...»

И Шахразад устала, и она прекратила дозволенные речи.

Пятьсот седьмая ночь

Когда же настала пятьсот седьмая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что купец зашил Джаншаха в брюхо мула, оставил его и удалился и спрятался у подножия горы. А через некоторое время спустилась к мулу большая птица и схватила его и полетела; и затем она спустилась с ним на вершину горы и хотела его съесть. И Джаншах почувствовал присутствие птицы и, прорвав брюхо мула, вышел из него, и птица испугалась, увидя Джаншаха, и улетела и отправилась своей дорогой. И Джаншах поднялся на ноги и стал смотреть направо и налево и не увидел никого, кроме мёртвых людей, высохших на солнце. „Нет мощи и силы, кроме как у Аллаха высокого, великого!“ – воскликнул про себя Джаншах, увидев все это.

И затем он посмотрел с горы вниз и увидел купца, который стоял под горой и смотрел на Джаншаха. И, увидав его, купец сказал: «Сбрось мне несколько камней, которые вокруг тебя, и я укажу тебе дорогу, по которой ты спустишься». И Джаншах сбросил ему из этих камней около двухсот, а были это яхонты, топазы и драгоценные рубины. И потом Джаншах сказал купцу: «Укажи мне дорогу, и я сброшу тебе ещё раз», – но купец собрал камни,

погрузил их на мула, на котором он приехал, и уехал, не дав Джаншаху ответа. И Джаншах остался на вершине горы один и стал звать на помощь и плакать.

Он провёл на горе три дня, а через три дня он поднялся на ноги и пошёл, и шёл поперёк горы два месяца, питаясь травами, росшими на горе. И он не переставал идти, пока не дошёл на своём пути до конца горы, а оказавшись у подножия горы, он увидел вдалеке долину, где были деревья, плоды и птицы, которые прославляли Аллаха, единого, покоряющего. И когда Джаншах увидел эту долину, он обрадовался великой радостью и направился в долину и шёл не переставая в течение некоторого времени, пока не дошёл до одной расщелины в горе, из которой вытекал поток. И Джаншах прошёл через все и достиг той долины, которую видел, находясь на горе. И, войдя в долину, он стал там ходить направо и налево, и ходил и смотрел до тех пор, пока не дошёл до высокого дворца, возвышающегося в воздухе.

И Джаншах приближался к этому дворцу пока не дошёл до его ворот, и он увидел там старца, прекрасного обликом, лицо которого блистало светом, а в руке у него был посох из рубинов, и этот старец стоял у ворот дворца. И Джаншах шёл, пока не приблизился к старцу, и тогда он приветствовал его, и старец ответил на его приветствие и сказал ему: «Добро пожаловать! – и молвил: – Садись, о дитя моё!» И Джаншах сел у ворот дворца, а старец спросил его и сказал: «Откуда ты пришёл в эту землю, которую никогда не попирали ногами сын Адама, и куда ты идёшь?» И, услышав слова старца, Джаншах заплакал горьким плачем из-за великих тягот, которые он перенёс, и плач задушил его. «О дитя моё, – сказал ему старец, – оставь плач, ты причинил боль моему сердцу». И старец поднялся и принёс Джаншаху кое-какой еды и поставил её перед ним и сказал: «Поешь этого!» И Джаншах поел и восхвалил Аллаха великого, а после этого старец спросил его и сказал: «О дитя моё, я хочу, чтобы ты рассказал твою историю и поведал мне, что с тобой случилось».

И Джаншах рассказал ему свою историю и поведал ему обо всем, что с ним случилось, от начала и до тех пор, пока он не дошёл до него, и, услышав слова Джаншаха, старец удивился сильным удивлением. «Я хочу от тебя, – сказал Джаншах старцу, – чтобы ты рассказал мне, кому принадлежит эта долина и этот большой дворец». – «Знай, о дитя моё, – отвечал старец, – что эта долина с тем, что в ней есть, и этот дворец со всем, что в нем заключается, принадлежат господину нашему Сулейману, сыну Дауда (мир с ними обоими!), а меня зовут шейх Наср, царь птиц. И знай, что господин наш Сулейман поручил мне этот дворец...»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Пятьсот восьмая ночь

Когда же настала пятьсот восьмая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что шейх Наср, царь птиц, говорил Джаншаху: „Знай, что господин наш Сулейман поручил мне этот дворец и научил меня речи птиц. Он сделал меня властным над всеми птицами, которые есть в мире, и каждый год птицы прилетают к этому дворцу, и мы производим им смотр, а потом они улетают. И в этом причина моего пребывания здесь“. Услышав слова шейха Насра, Джаншах заплакал горьким плачем и сказал: „О родитель мой, как мне ухитриться, чтобы уйти в мою страну?“ И старец ответил: „Знай, о дитя моё, что ты близко от горы Каф, и нет для тебя ухода из этого места раньше, чем прилетят птицы. Я поручу тебя одной из них, и она тебя доставит в твою страну. Сиди же у меня в этом дворце, ешь, пей и ходи по этим комнатам, пока не прилетят птицы“.

И Джаншах зажил у старца и стал ходить по долине и есть плоды, и гулять, и смеяться, и играть. И он пребывал в самой сладостной жизни некоторый срок времени, пока не приблизилась пора птицам прилететь из их мест, чтобы посетить шейха Насра. И когда узнал шейх Наср о скором прилёте птиц, он поднялся на ноги и сказал Джаншаху: «О Джаншах, возьми эти ключи и открой комнаты, которые есть во дворце, и смотри на то, что есть в них всех, кроме такой-то комнаты; остерегайся открыть её, а если ты меня ослушаешься и

откроешь эту комнату и войдёшь в неё, тебе не будет никогда блага». И он дал Джаншаху такое наставление и твёрдо внушил его ему и после этого ушёл от него встречать птиц. И когда птицы увидели шейха Насра, они устремились к нему и стали целовать ему руки, один род птиц за другим, – и вот что было с шейхом Насром.

Что же касается Джаншаха, то он поднялся на ноги и стал ходить вокруг дворца, смотря направо и налево, и открыл все комнаты, которые были во дворце. И он дошёл до той комнаты, открывать которую ему не велел шейх Наср, и посмотрел на двери этой комнаты, и они ему понравились. Он увидел на них золотой замок и сказал про себя: «Поистине, эта комната лучше всех других комнат, которые во дворце! Посмотреть бы, что такое в этой комнате, что шейх Наср не позволил мне туда входить! Я обязательно войду в эту комнату и посмотрю, что в ней! То, что предопределено рабу, он неизбежно получит все полностью».

И затем он протянул руку и, открыв комнату, вошёл в неё. И он увидел в ней большой бассейн, а на краю бассейна – маленький дворец, построенный из золота, серебра и хрусталя, и переплёт в его окнах были из яхонта, а плиты пола из зеленого топаза, бадахшанского рубина и изумруда, и эти драгоценные камни были вделаны в пол наподобие мраморных плит. И посередине этого дворца был бассейн из золота, наполненный водой. А вокруг этого бассейна стояли звери и птицы, сделанные из золота и серебра, и из брюха их текла вода, а когда дул ветер, он входил им в уши, и каждое изображение свистело на особом языке. А на краю бассейна был широкий портик, под которым стояло большое ложе из яхонта, украшенное жемчугом и драгоценными камнями, и на этом ложе стояла палатка из зеленого шелка, вышитая драгоценными камнями и металлами, и шириною она была в пятьдесят локтей, а внутри палатки была кладовая, в которой находился ковёр, принадлежавший господину нашему Сулейману (мир с ним!).

И Джаншах увидал вокруг этого дворца большой сад, в котором были деревья, плоды и каналы, а вокруг дворца были посажены белые и красные розы, базилик и всякие цветы, и когда дул ветер на эти деревья, их ветви покачивались. И увидал Джаншах в этом саду всевозможные деревья, зеленые и высохшие, и все это находилось в той комнате, и когда Джаншах увидел такое дело, он удивился до крайности и стал ходить по этому саду и по дворцу, смотря на диковины и редкости, которые там были. Он заглянул в большой бассейн и увидел, что камушки в нем из дорогих камней, ценных рубинов и благородных металлов, и увидел он в этой комнате вещи многие...»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Пятьсот девятая ночь

Когда же настала пятьсот девятая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что Джаншах увидел в этой комнате вещи многие и подивился на них. И он шёл, пока не вошёл во дворец, который находился в этой комнате, и поднялся на ложе, стоявшее под портиком на краю пруда, и вошёл в палатку, поставленную на ложе, и проспал в этой палатке некоторое время. А потом он проснулся, встал и пошёл, и вышел из ворот дворца и сел на скамеечку перед дворцовыми воротами, дивясь на красоту этого места.

И когда он так сидел, вдруг прилетели к нему по воздуху три птицы в виде голубей. И они опустились на край бассейна и немножко поиграли, а потом они сняли с себя бывшие на них перья и превратились в трех девушек, подобных луне, на которых нет в мире похожих. И они вошли в бассейн и стали плавать, играть и смеяться, и когда увидел их Джаншах, он изумился их красоте и прелести и стройности их стана. И они вышли на сушу и стали гулять по саду, и когда Джаншах увидал, что девушки вышли на сушу, его разум едва не исчез. И он поднялся на ноги и шёл, пока не дошёл до девушек, и, приблизившись к ним, приветствовал их, и они ответили на его приветствие. И Джаншах спросил их и сказал: «Кто вы, о славные госпожи, и откуда вы пришли?» И младшая ответила: «Мы пришли из царства Аллаха великого, чтобы погулять в этом месте». И Джаншах подивился на их красоту и сказал

младшей: «Умилосердись надо мной, смягчись ко мне и сжался над моим положением из-за того, что случилось со мной в жизни». Но девушка воскликнула: «Оставь такие речи и уходи своей дорогой!»

И, услышав эти слова, Джаншах заплакал сильным плачем, и усилились его вздохи, и он произнёс такие стихи:

«Явилась в саду она в зелёных одеждах мне,
Застёжки все развязав и волосы распустив.
Спросил я: «Как звать тебя?» Сказала она: «Я та,
Что сердце влюблённого как будто углём прижгла»,
И стал я ей сетовать на то, что терпел в любви,
И молвила: «Ты скале, не ведая, сетовал»,
И молвил я: «Если сердце было твоё скалой,
Заставил ведь течь Аллах из камня воды поток».

И когда девушки услышали от Джаншаха такие стихи, они стали смеяться, играть, петь и веселиться, а затем Джаншах принёс им плодов, и они поели и напились и проспали с Джаншахом эту ночь до утра. А когда на стало утро, девушки надели свои одежды из перьев и приняли облик голубей и полетели, уносясь своей дорогой. И когда Джаншах увидел, что они улетают и скрываются из глаз, его ум едва не улетел вместе с вами, и он испустил великий крик и упал, покрытый беспамятством.

Он провёл без чувств весь день, и, когда он лежал на земле, вдруг пришёл шейх Наср, после встречи с птицами, и стал искать Джаншаха, чтобы отослать его с птицами и чтобы он мог отправиться в свою землю, но не увидел его, и тогда шейх понял, что Джаншах входил в ту комнату. А шейх Наср сказал птицам: «У меня есть маленький мальчик, которого привела судьба из дальних стран в эту землю, и я хочу от вас, чтобы вы понесли его на себе и доставили в его страну». И птицы сказали: «Слушаем и повинуемся!» И шейх Наср искал Джаншаха, пока не подошёл к двери той комнаты, которую они запретил ему открывать, и увидел, что дверь открыта. И он вошёл и увидел, что Джаншах лежит под деревом и покрыт беспамятством, и тогда старец принёс благоухающих вод и обрызгал ими лицо Джаншаха, и тот очнулся от обморока и стал осматриваться...

И Шахразад застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Пятьсот десятая ночь

Когда же настала пятьсот десятая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что, когда шейх Наср увидел, что Джаншах лежит под деревом, он принёс благоухающих вод и обрызгал ими лицо Джаншаха, и тот очнулся от обморока и стал осматриваться направо и налево, но не увидел подле себя никого, кроме шейха Насра. И увеличились тогда его печали, и он произнёс такие стихи:

«Явилась она, как полный месяц в ночь радости,
И члены нежны её, и строен и гибок стан.
Зрачками прелестными пленяет людей она,
И алость уст розовых напомним о яхонте,
И тёмные волосы на бедра спускаются, –
Смотри берегись же змей волос её вьющихся!
И нежны бока её, душа же её жестка,
С возлюбленным крепче скал она твердокаменных.
И стрелы очей она пускает из-под ресниц,
И бьёт безошибочно, хоть издали бьёт она.

О, право, краса её превыше всех прелестей,
И ей среди всех людей не будет соперницы».

И, услышав от Джаншаха такие стихи, шейх Наср молвил: «О дитя моё, не говорил ля я тебе: „Не открывай этой комнаты и не входи в неё?“ Но расскажи, о дитя моё, что ты в ней видел, и поведай мне твою повесть, и сообщи мне о том, что с тобой случилось». И Джаншах рассказал ему свою историю и поведал ему о том, что случилось у него с тремя девушками, когда он тут сидел. И, услышав его слова, шейх Наср сказал ему: «О дитя моё, знай, что эти девушки – дочери джиннов, и каждый год они приходят в это место и играют и развлекаются до послеполуденного времени, а затем они улетают в свою страну». – «А где их страна?» – опросил Джаншах. И Наср ответил: «Клянусь Аллахом, о дитя моё, я не знаю, где их страна!»

Потом шейх Наср сказал Джаншаху: «Пойдём со мной и бодрись, чтобы я мог отослать тебя в твою страну с птицами, и оставь эту любовь». Но, услышав слова шейха, Джаншах испустил великий крик и упал, покрытый беспмятством, а очнувшись, он воскликнул: «О родитель мой, я не хочу уезжать в мою страну, пока не встречу с этими девушками. И знай, о мой родитель, что я не стану больше вспоминать о моей семье, хотя бы я умер перед тобой!» И он заплакал и воскликнул: «Согласен! видеть лицо тех, кого я люблю, хотя бы один раз в год!» И затем он стал испускать вздохи и произнёс такие стихи:

«О, если бы призрак их к влюблённым не прилетал,
О, если бы эту страсть Аллах не создал для нас
Когда жара бы не было в душе, если вспомню вас,
То слезы бы по щекам обильные не лились.
Я сердце учу терпеть и днями, и в час ночной,
И тело моё теперь сгорело в огне любви».

И потом Джаншах упал к ногам шейха Насра и стал целовать их и плакать сильным плачем и оказал ему: «Пожалей меня – пожалеет тебя Аллах, и помоги мне в моей беде». – «Аллах тебе поможет! О дитя моё, – сказал ему шейх Наср, – клянусь Аллахом, я не знаю этих девушек и не ведаю, где их страна. Но если ты увлёкся одной из них, о дитя моё, проживи у меня до такого же времени в следующем году, так как они прилетят в будущем году в такой же день. И когда приблизятся те дни, в которые они прилетают, сядь, спрятавшись в саду под деревом. И когда девушки войдут в бассейн и начнут там плавать и играть и отдалятся от своих одежд, возьми одежду той из них, которую ты желаешь. Когда девушки увидят тебя, они выйдут на сушу, чтобы надеть свою одежду, и та, чью одежду ты взял, окажет тебе мягкими словами с прекрасной улыбкой: „Отдай мне, о брат мой, мою одежду, чтобы я её надела и прикрылась ею“. Но если ты послушаешься её слов и отдашь ей одежду, ты никогда не достигнешь у неё желаемого: она её наденет и уйдёт к своим родным, и ты никогда не увидишь её после этого. Когда ты захватишь одежду девушки, береги её и положи её под мышку и не отдавай её девушке, пока я не возвращусь после встречи с птицами.

Я помирю тебя с ней и отошлю тебя в твою страну, и девушка будет с тобою. Вот что я могу, о дитя моё, и ничего больше...»

И Шахразад застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Пятьсот одиннадцатая ночь

Когда же настала пятьсот одиннадцатая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что шейх говорил Джаншаху: „Береги одежду той, которую ты желаешь, и не отдавай её девушке, пока я к тебе не вернусь после встречи с птицами. Вот что я могу, о

дитя моё, и ничего больше“. И когда Джаншах услышал слова шейха Насра, его сердце успокоилось, и он прожил у него до следующего года и считал проходившие дни, после которых прилетят птицы. И когда наступил срок прилёта птиц, шейх Наср подошёл к Джаншаху и сказал ему: „Поступай по наставлению, которое я тебе дал, в отношении одежды девушек; я ухожу встречать птиц“. – „Слушаю и повинуюсь твоему приказанию, о родитель мой!“ – ответил Джаншах. И затем шейх Наср ушёл встречать птиц. А после его ухода Джаншах поднялся и шёл, пока не вошёл в сад, и спрятался под деревом, так что никто его не видел.

И он просидел первый день и второй день и третий день, и девушки не прилетали, и Джаншах начал тревожиться, плакать и испускать стоны, исходившие из печального сердца, и плакал до тех пор, пока не потерял сознания. А через некоторое время он очнулся и стал смотреть то на небо, то на землю, то на бассейн, то на равнину, и сердце его дрожало от сильной страсти. И когда он был в таком состоянии, вдруг приблизились к нему по воздуху три птицы в образе голубей (но только каждый голубь был величиной с орда), и они опустились около бассейна и посмотрели направо и налево, но не увидели ни одного человека или джинна.

И тогда они сняли одежду и, войдя в бассейн, стали играть, смеяться и развлекаться, и были одинаковые, подобные слиткам серебра. И старшая из них сказала: «Я боюсь, о сестры, что кто-нибудь спрятался из-за нас в этом дворце». Но средняя молвила: «О сестра, в этот дворец со времени Сулеймана не входил ни человек, ни дживы». А младшая воскликнула, смеясь: «Клянусь Аллахом, сестрицы, если кто-нибудь здесь спрятан, то он возьмёт только меня!» И затем они стали играть и смеяться, а сердце Джаншаха дрожало от чрезмерной страсти. И он сидел, спрятавшись под деревом, и смотрел на девушек, а те его не видели. И девушки поплыли по воле и доплыли до середины бассейна, удалившись от своих одежд, и тогда Джаншах поднялся на ноги и помчался, как поражающая молния, и взял одежду младшей девушки, а это была та, к которой привязалось его сердце, и звали её Шамса.

И девушки обернулись и увидели Джаншаха, и задрожали их сердца, и они закрылись от юноши водой и, подойдя близко к берегу, стали смотреть на Джаншаха и увидели, что он подобен луне в ночь её полноты. «Кто ты и как ты пришёл в это место и взял одежду Ситт Шамсы?» – спросили они его. И Джаншах сказал: «Подойдите ко мне, и я расскажу вам, что со мной случилось». – «Какова твоя повесть, зачем ты взял мою одежду и как ты узнал меня среди моих сестёр?» – спросила его Ситт Шамса. И Джаншах молвил: «О свет моего глаза, выйди из воды, и я поведаю тебе мою историю и расскажу тебе, что со мной случилось, и осведомлю тебя, почему я тебя знаю». – «О господин мой, прохлада моего глаза и плод моего сердца, – сказала она ему, – дай мне мою одежду, чтобы я могла её надеть и прикрыться ею, и я к тебе выйду». – «О владычица красавиц, – отвечал ей Джаншах, – мне невозможно отдать тебе одежду и убить себя от страсти. Я отдам тебе одежду, только когда придёт шейх Наср, царь птиц».

И, услышав слова Джаншаха, Шамса сказала ему: «Если ты не отдашь мне мою одежду, отойди немного, чтобы мои сестры могли выйти на землю и наметь свои одежды и дать мне что-нибудь, чем прикрыться». – «Слушаю и повинуюсь!» – оказал Джаншах. И затем он ушёл от них и вошёл во дворец, а Ситт Шамса с сёстрами вышла на сушу, и они надели свои одежды. А затем старшая сестра Ситт Шамсы дала ей одежду из своих одежд, в которой Ситт Шамса не могла летать, и одела её в эту одежду. И Ситт Шамса поднялась, подобная восходящей луне и резвящейся газели, и шла до тех пор, пока не пришла к Джаншаху. Она нашла его сидящим на ложе и приветствовала его и, сев близ него, сказала: «О прекрасный лицом, это ты убил меня и убил себя самого! Но расскажи мне, что с тобою случилось, чтобы мы посмотрели, какова твоя повесть».

И, услышав слова Ситт Шамсы, Джаншах так заплакал, что обмочил слезами свою одежду. И когда Ситт Шамса поняла, что он охвачен любовью к ней, она поднялась на ноги и взяла Джаншаха за руку и, посадив его с собою рядом, вытерла ему слезы своим рукавом и сказала: «О прекрасный лицом, оставь этот плач и расскажи мне, что с тобою случилось». И

Джаншах рассказал девушке, что с ним случилось, и что он видел...»
И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Пятьсот двенадцатая ночь

Когда же настала пятьсот двенадцатая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что Ситт Шамса сказала Джаншаху: „Расскажи мне, что с тобой случилось“. И Джаншах рассказал ей обо всем, что с ним случилось. И, услышав его слова, Ситт Шамса вздохнула и сказала: „О господин, если ты в меня влюблён, отдай мне мою одежду: я надену её и полечу с сёстрами к моим родным и расскажу им, что с тобой случилось из-за любви ко мне, затем я к тебе возвращусь и доставлю тебя в твою страну“. И когда Джаншах услышал от девушки эти слова, он заплакал горьким плачем и воскликнул: „Дозволено ли тебе Аллахом несправедливо убить меня?“ – „О господин, почему я несправедливо убью тебя?“ – спросила девушка. И Джаншах отвечал: „Потому что, когда ты наденешь свою одежду и улетишь от меня, я тотчас же умру“.

И, услышав его слова, Ситт Шамса засмеялась, и её сестры тоже засмеялись, а затем она сказала ему: «Успокой свою душу и прохлади глаза! Я непременно выйду за тебя замуж!» И она нагнулась к Джаншаху и, обняв его, прижала его к груди и поцеловала между глаз и в щеку, и они простояли, обнявшись, некоторое время, а затем отошли друг от друга и сели на то же ложе. И старшая сестра Ситт Шамсы вышла из дворца в сад и, взяв плодов и цветов, принесла их им, и они стали есть, пить, наслаждаться, веселиться, смеяться и играть. А Джаншах был на редкость красив и прелестен, и прям, и строен стадом. И Ситт Шамса оказала ему: «О мой любимый, клянусь Аллахом, я люблю тебя великой любовью и никогда с тобой не расстанусь». И когда Джаншах услышал её слова, его грудь расправилась и губы улынулись. И они продолжали смеяться и играть и веселились и развлекались.

И вдруг пришёл шейх Наср после встречи с птицами, и, когда он подошёл к ним, все поднялись перед ним на ноги и приветствовали его и поцеловали ему руки. И шейх Наср сказал девушкам: «Добро пожаловать! – и молвил: – Садитесь!» И они сели. И тогда шейх Наср сказал Ситт Шамсе: «Поистине, этот юноша любит тебя великой любовью! Ради Аллаха, заботься же о нем; он из знатнейших людей и царский сын, и его отец правит землёю Кабуль и приобрёл великую власть».

И, услышав слова шейха Насра, Ситт Шамса ответила: «Слушаю и повинуюсь твоему приказу!» – а затем она поцеловала шейху Наору руки и стала перед ним, и Шейх Наср сказал: «Если ты правдива в твоих словах, поклянись мне Аллахом, что ты не обманешь его, пока останешься в оковах жизни». И Ситт Шамса дала ему великую клятву, что никогда не обманет Джаншаха и обязательно выйдет за него замуж, и, дав клятву, сказала: «Знай, о шейх Наср, что я никогда с ним не расстанусь». И когда Ситт Шамса поклялась шейху Насру, он поверял её клятве и оказал Джаншаху: «Слава Аллаху, который привёл её и тебя к согласию!» И Джаншах сильно обрадовался этому. И потом Джаншах и Ситт Шамса прожили у шейха Насра три месяца, проводя время в еде, питьё, играх и смехе...»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Пятьсот тринадцатая ночь

Когда же настала пятьсот тринадцатая ночь она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что Джаншах и Ситт Шамса прожили у шейха Насра три месяца, проводя время в еде, питьё, играх и великом веселье, а через три месяца Ситт Шамса сказала Джаншаху: „Я хочу, чтобы мы отправились в твою страну, ты на мне женишься, и мы там останемся“. – „Слушаю и повинуюсь!“

сказал Джаншах. И затем он посоветовался с шейхом Насром и оказал ему: «Мы хотим

отправиться в мою страну». И он рассказал ему о том, что говорила Ситт Шамса, и шейх Наср сказал ему: «Отправляйтесь в твою страну, и заботься о девушке». – «Слушаю и повинуюсь!» – отвечал Джаншах. А потом девушка попросила свою одежду и сказала: «О шейх Наср, прикажи ему дать мне мою одежду, чтобы я могла её надеть!» И шейх Наср сказал Джаншаху: «О Джаншах, отдай её одежду!» И Джаншах отвечал: «Слушаю и повинуюсь!»

И он поспешно поднялся и вошёл во дворец и, принеся одежду Ситт Шамсы, отдал её девушке. И та взяла от него одежду и надела её и сказала: «О Джаншах, садись мне на спину, закрой глаза и заткни уши, чтобы не слышать гуденья вращающегося небосвода. Схватись рудсами за мою одежду из перьев, сидя у меня на спине, и берегись упасть». И, услышав её слова, Джаншах сел ей на спину. И, когда она собралась лететь, шейх Наср сказал ей: «Постой, пока я опишу тебе страну Кабуль: я боюсь, что вы ошибётесь дорогой». И девушка стояла, пока шейх Наср не описал ей страну Кабуль, и он поручил ей заботиться о Джаншахе, а затем простился с ними, и Ситт Шамса простилась со своими двумя сёстрами и оказала им: «Отправляйтесь к нашим родным и осведомьте их о том, что случилось у меня с Джаншахом».

И потом она взлетела, в тот же час и минуту, и помчалась по воздуху, точно дуновение ветра или блистающая молния. И после этого её сестры полетели и отправились к своим родным и осведомили их о том, что случилось у Ситт Шамсы с Джаншахом. И с той минуты, как Ситт Шамса взлетела, она летела не переставая от зари до послеполуденного времени, и Джаншах сидел у неё на спине. А после полудня показалась вдалеке долина с деревьями и каналами, и девушка оказала Джаншаху: «Я хочу опуститься в эту долину на сегодняшнюю ночь, и мы посмотрим, какие есть там деревья и растения». – «Делай что хочешь», – ответил Джаншах.

И девушка спустилась по воздуху и села в этой долине, и Джаншах сошёл с её спины и поцеловал её меж глаз. И они посидели у одного из каналов некоторое время. А потом поднялись на ноги и стали ходить по долине, смотря на то, что там есть, и вкушая плоды, и гуляли до тех пор, пока не наступил вечер. И тогда они подошли к дереву и проспали возле него до утра, а утром Ситт Шамса поднялась и велела Джаншаху сесть к ней на спину, и Джаншах сказал: «Слушаю и повинуюсь!» И он сел девушке на спину, а она в тот же час и минуту взлетела с ним и летела не переставая от утра до полудня.

И они летели и вдруг увидели знают, о которых рассказывал им шейх Наср. И, увидав эти знаки, Ситт Шамса спустилась с вышины по воздуху на широкий луг с прекрасной растительностью, и были там резвящиеся газели, полноводные потоки и спелые плоды и широкие каналы. И когда девушка спустилась на этот луг, Джаншах сошёл с её спины и поцеловал её между глаз, а она сказала ему: «О любимый и прохлада моих глаз, знаешь ли ты, какое расстояние мы пролетели?» – «Нет», – ответил Джаншах. И девушка молвила: «Расстояние в тридцать месяцев пути». – «Слава Аллаху за благополучие!» – воскликнул Джаншах. И затем он сел, и девушка села с ним рядом, и они сидели за едой и питьём и играли и смеялись.

И когда они были заняты этим делом, вдруг подошли к ним двое мамлюков; один из них был тот, что остался у коней, когда Джаншах сел в рыбацью лодку, а другой был из тех мамлюков, которые были с Джаншахом на охоте и ловле. И, увидев Джаншаха, они узнали его и поздоровались с ним и сказали: «С твоего позволения, мы пойдём к твоему отцу и сообщим ему радостную весть о твоём прибытии». – «Идите к отцу и осведомите его об этом да привезите нам палатки, – сказал Джаншах. – Мы пробудем в этом месте семь дней, чтобы отдохнуть, пока шествие не выйдет к нам навстречу, и тогда мы войдём в город в великолепном шествии...»

И Шахразад застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Когда же настала пятьсот тринадцатая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что Джаншах сказал мамлюкам: „Пойдите к моему отцу и осведомите его обо мне и привезите нам палатки: мы пробудем в этом месте семь дней, чтобы отдохнуть, пока шествие не выйдет нам навстречу, и тогда мы войдём в город в великолепном шествии“. И мамлюки сели на коней и поехали к отцу Джаншаха и сказали: „Радостная весть, о царь времени!“ И когда царь Тайгамус услышал слова мамлюков, он спросил их: „Чем вы меня обрадуете? Разве прибыл мой сын Джаншах?“ – „Да, – отвечали мамлюки, – твой сын Джаншах пришёл после отсутствия, и он близко от тебя, на лугу аль-Каррани“.

И, услышав слова мамлюков, царь обрадовался сильной радостью и упал без памяти на землю, так сильно он был обрадован; а очнувшись, он приказал своему везиру наградить каждого из мамлюков роскошной одеждой и дать всякому из них большое количество денет. И везир отвечал ему: «Слушаю и повинуюсь!» – а затем он тотчас же поднялся и дал мамлюкам то, что велел царь, и сказал: «Возьмите эти деньги в воздаяние за радостную весть, которую вы принесли, все равно, солгали вы или сказали правду». – «Мы не лжецы, – отвечали мамлюки. – Мы сейчас с ним сидели и приветствовали его и целовала ему руки, и он велел привезти палатки. Он пробудет на лугу аль-Каррани семь дней, пока везирь, эмиры и знатные люди царства не выедут его встречать». – «А как поживает мой сын?» – опросил их царь. И они ответили: «С твоим сыном гурия, которую он как будто вывел из рая».

И, услышав эти слова, царь велел бить в литавры и трубить в трубы, и забили о радости. И царь Тайгамус разослал вестников по городу во все стороны, чтобы они порадовали мать Джаншаха и жён эмиров, везирей и знатных людей в царстве. И вестники рассыпались по городу и осведомили его обитателей о прибытии Джаншаха. А царь Тайгамус собрался со своими воинами и солдатами и отправился на луг аль-Каррани.

И когда Джаншах сидел рядом с Ситт Шамсой, вдруг подошли к ним войска, и Джаншах поднялся на ноги и шёл, пока не приблизился к ним. И, увидев Джаншаха, воины узнали его и, сойдя с коней, пошли пешком и приветствовали Джаншаха и поцеловали ему руки. И Джаншах шёл, предшествуемый воинами, пока не дошёл до своего отца; и когда царь Тайгамус увидел своего сына, од бросился со спиты коня и заключил Джаншаха в объятия и заплакал сильным плачем.

А затем он сел на коня, и его сын тоже сел, и воины пошли справа и слева, и они шли до тех пор, пока не пришли к берегу канала. И воины и солдаты спешили и поставили палатки, шатры и знамёна и забили в барабаны и засвистели в флейты и ударили в литавры; и заревели трубы. А затем царь Тайгамус приказал постельничим принести палатку из красного шелка и поставить её для Ситт Шамсы, и они сделали так, как он приказал. И тогда Ситт Шамса поднялась и, сняв свою одежду из перьев, пошла и дошла до этой палатки и села в ней. И когда она сидела, вдруг пришёл к ней царь Тайгамус, подле которого был его сын Джаншах. И, увидав царя Тайгамуса, Ситт Шамса поднялась на ноги и поцеловала землю меж рук царя. И царь сел и посадил своего сына Джаншаха справа, а Ситт Шамсу – слева от себя и сказал Ситт Шамсе: «Добро пожаловать!» И он спросил своего сына Джаншаха и молвил: «Расскажи мне, что случилось с тобою во время этой отлучки». И Джаншах рассказал ему обо всем, что с ним случилось, от начала до конца. И, услышав слова своего сына, царь удивился великим удивлением и, обернувшись к Ситт Шамсе, воскликнул: «Слава Аллаху, который дал тебе поддержку, и ты свела меня с моим сыном! Поистине, это и есть милость великая!..»

И Шахразадду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Пятьсот пятнадцатая ночь

Когда же настала пятьсот пятнадцатая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что царь Тайгамус сказал Ситт Шамсе: „Слава Аллаху, который дал тебе

поддержку, и ты свела меня с моим сыном! Поистине, это и есть милость великая! Но я хочу от тебя, чтобы ты попросила у меня чего желаешь, и я это сделаю из уважения к тебе“. – „Я прошу тебя построить дворец посреди сада, и чтобы под ним текла вода“, – сказала Ситт Шамса. И царь отвечал: „Слушаю и повинуюсь!“

И когда они разговаривали, вдруг подошла мать Джаншаха, и с нею были все жены эмиров, везирей и знатных людей в городе. А когда увидел её Джаншах, сын её, он вышел из палатки и встретил свою мать, и они постояли обнявшись некоторое время, а затем мать Джаншаха от крайней радости пролила из глаз слезы и произнесла такие два стиха:

«Налетела радость, и так сильна была она,
Что от силы счастья меня повергла в слезы.
О глаза мои, стали слезы вам привычными,
Вы плачете от счастья и от горя».

И они стали друг другу жаловаться на то, что перенесли, будучи в отдалении и мучаясь тоской, а затем родитель Джаншаха прошёл в свою палатку, а Джаншах с матерью прошли в свою палатку. И они сидели и беседовали друг с другом, и когда они сидели, вдруг пришли вестники о прибытии Ситт Шамсы, и они сказали матери Джаншаха: «Шамса идёт к тебе, и она шествует пешком и хочет тебя приветствовать». И, услышав это, мать Джаншаха поднялась на йоги и встретила Ситт Шамсу и приветствовала её, и они посидели некоторое время. А потом мать Джаншаха с Ситт Шамсой поднялись и пошли вместе с жёнами везирей и вельмож царства, и шли до тех пор, пока не дошли до палатки Ситт Шамсы, и тогда они вошли в палатку и посидели там. А царь Тайгамус роздал обильные подарки и оказал милость подданным, и он радовался своему сыну великою радостью.

И они пробыли в этом месте десять дней, проводя время за едой и питьём, в приятнейшей жизни, а после этого царь велел своим воинам уезжать и отправляться в город. И царь сел на коня, и воины и солдаты тоже сели, окружая его, и везири и царедворцы ехали справа и слева, и они ехали до тех пор, пока не вступили в город. И мать Джаншаха с Ситт Шамсой отправились в свои жилища, и город украсили наилучшим образом, и стали бить в тарелки и литавры, и в городе навешали украшений и тканей, и под копыта коней постлали роскошную парчу. И обрадовались вельможи царства и вынули все свои редкости, так что у смотрящих захватило дыхание, и накормили нищих и бедняков и устроили великое празднество, которое продолжалось десять дней. И Ситт Шамса, увидав это, обрадовалась великою радостью.

А потом царь Тайгамус прислал строителей и зодчих и сведущих людей и приказал им построить дворец в том саду, и они ответили ему вниманием и начали убирать этот дворец и завершили его наилучшим образом. И когда Джаншах узнал, что вышел приказ строить дворец, он велел строителям принести столб из белого мрамора и просверлить его и выдолбить, и придать ему вид сундука. И они это сделали, и тогда Джаншах взял одежду Ситт Шамсы, в которой она летала, и положил её в этот столб, а столб зарыл в фундамент дворца и велел строителям построить на них оводы, на которых стоял дворец.

И когда дворец был окончен, его устлали коврами, и это оказался великолепный дворец посреди сада, и каналы бежали под ним. А царь Тайгамус устроил в это время свадьбу Джаншаха, и вышел большой праздник, которому не было подобных. И Ситт Шамсу привели в этот дворец, и все присутствовавшие ушли своей дорогой, и когда Ситт Шамса вошла в этот дворец, она почувствовала запах своей одежды и перьев...»

И Шахразад устроил утро, и она прекратила дозволенные речи.

Пятьсот шестнадцатая ночь

Когда же настала пятьсот шестнадцатая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о

счастливый царь, что когда Ситт Шамса вошла в этот дворец, она почувствовала запах своей одежды из перьев, в которой она летала, и узнала, в каком месте она находится. И она захотела её взять и, дождавшись полуночи, когда Джаншах погрузился в сон, поднялась и пошла к столбу, на котором покоились своды, и стала копать рядом с ним. И она проникла к столбу, на котором находилась одежда, и, удалив свинец, который был на нем налит, вынула одежду и надела её и тотчас же полетела. Она села на верхушку дворца и сказала его обитателям: „Я хочу, чтобы вы привели ко мне Джаншаха и я бы простилась с ним“.

И Джаншаху рассказали об этом, и он пошёл к Ситт Шамсе и увидел, что она сидит на крыше дворца, одетая в свою одежду из перьев. «Как ты совершила такое дело?» – спросил он. И Ситт Шамса сказала: «О мой любимый, прохлада моего глаза и плод моего сердца, клянусь Аллахом, я люблю тебя великой любовью, и я очень радовалась, когда привела тебя в свою землю и страну и увидела твоего отца и твою мать. Если ты любишь меня, как я тебя люблю, приходи ко мне в Таких, крепость драгоценностей».

И затем, в тот же час и минуту, она взлетела и отправилась к своим родным, а Джаншах, услышав слова Ситт Шамсы, сидевшей на крыше дворца, едва не умер от горя и упал без памяти. И пошли к его отцу и осведомили его об этом, и отец его сел на коня и поехал во дворец и вошёл к своему сыну и увидел, что тот лежит на земле. И царь Тайгамус заплакал и понял, что его сын охвачен любовью к Ситт Шамсе. Он побрызгал ему на лицо розовой водой, и Джаншах очнулся и увидел рядом с собою своего отца. И он заплакал из-за разлуки со своей женой, и отец опросил его: «Что с тобою случилось, дитя моё?» И Джаншах ответил: «Знай, о батюшка, что Ситт Шамса – дочь джиннов, и я люблю её и увлечён ею и влюбился в её красоту. А у меня была её одежда, без которой она не может летать, и я взял её и спрятал в столбе, имевшем вид сундука, и залил его свинцом и вложил в фундамент дворца. И она подрыла фундамент и взяла одежду и надела её и полетела, а потом она села на крышу дворца и сказала мне: „Я люблю тебя, и я тебя привела в твою землю и страну, и ты встретился с твоим отцом и матерью. Если ты меня любишь, приходи ко мне в Таких, крепость драгоценностей“. А затем она улетела с крыши дворца и отправилась своей дорогой». – «О дитя моё, – сказал царь Тайгамус, – не обременяй себя заботой. Мы соберём людей торговли и путешествующих по странам и спросим их об этой крепости и, когда узнаем, отправимся туда и пойдём к родным Ситт Шамсы и попросим Аллаха великого, чтобы они её тебе отдали, и ты на ней женишься».

И затем царь в тот же час и минуту вышел и, призвав своих четырех везирей, оказал им: «Соберите всех, кто есть в городе из купцов и путешественников, и спросите их про Таких, крепость драгоценностей, и всякому, кто её знает и укажет к ней путь, я дам пятьдесят тысяч динаров». И, услышав эти слова, везири ответили: «Слушаем и повинемся!» – а затем, в тот же час и минуту, они ушли и сделали так, как приказал царь. И они стали спрашивать купцов, путешествующих по странам, про Тадони, крепость драгоценностей, но никто про неё им не рассказал, и они пришли к царю и сообщили ему об этом. И, услышав их слова, царь тотчас же, в ту же минуту, поднялся и велел привести к своему сыну Джаншаху прекрасных невольниц и девушек, владеющих инструментами, и наложниц, увеселяющих тем, чему нет подобного нигде, кроме как у царей, надеясь, что, может быть, он забудет о любви к Ситт Шамсе, и ему привели тех, кого он потребовал.

А после этого царь послал разведчиков и согладатаев во все стороны, острова и климаты, чтобы те расспросили о Таких, крепости драгоценностей, и посланные расспрашивали о ней два месяца. Но никто не рассказал им про неё, и они вернулись и осведомили царя об этом. И царь заплакал сильным плачем и пошёл к своему сыну и увидел Джаншаха среди наложниц и невольниц и обладательниц музыкальных инструментов (арфы, сантира и других), но он не забывал с ними Ситт Шамсы. «О дитя моё, – сказал ему царь, – я не нашёл никого, кто знает эту крепость, но я привёл к тебе девушек красивее Ситт Шамсы». И, услышав такие слова от своего отца, Джаншах заплакал и пролил из глаз слезы и произнёс такие два стиха:

«Терпенье ушло моё, а страсть остаётся,
И телом недужен я от страсти великой,
Когда же сведут меня дни долгие с Шамсою?
Ведь кости моя в огне разлуки истлели».

А у царя Тайгамуса была великая вражда с царём Индии; когда-то царь Тайгамус выступил против него и перебил его людей и похитил его богатства; и звали царя Индии – царь Кафид. И были у него воины, солдаты и витязи, а также была у него тысяча, богатырей, каждый из которых управлял тысячей племён, и в каждом племени из этих племён находилось четыре тысячи всадников. И было у него четыре везира, и пребывали под его властью цари, вельможи, эмиры и многочисленные войска. Он властвовал над тысячей городов, в каждом из которых была тысяча крепостей, и был великим царём, сильным яростью, и его войска наполняли всю землю.

И когда узнал царь Кафид, царь Индии, что царь Тайгамус занят любовью своего сына и пренебрёг правлением и властью и мало стало у него войск и сделался он огорчён и озабочен, так как его мысли были заняты любовью его сына, он собрал везирей, эмиров и вельмож царства и сказал им: «Разве вы не знаете, что царь Тайгамус нападал на наши земли и убил моего отца и моих братьев и ограбил наши сокровища, и среди вас нет никого, у кого он не убил близкого человека, не отнял богатства, не ограбил достатка или не взял в плен жён. Я сегодня услышал, что его мысли заняты любовью его сына Джаншаха и мало стало у него войск; настало для нас время отомстить ему. Снаряжайтесь же, чтобы к нему направиться, и готовьте военные доспехи, чтобы на него напасть. Не относитесь пренебрежительно к этому делу, нет, мы пойдём к нему и нападём на него и убьём его и его сына и овладеем его страной...»

И Шахразадку застигло утро, и ода прекратила дозволенные речи.

Пятьсот семнадцатая ночь

Когда же настала пятьсот семнадцатая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что царь Кафид, царь Индии, приказал своим воинам и солдатам выезжать на конях в страны царя Тайгамуса и сказал им. „Снаряжайтесь же, чтобы к нему отправиться, и готовьте военные доспехи, чтоб на него напасть. Не относитесь пренебрежительно к этому делу. Мы пойдём к нему и нападём на него и убьём его и его сына и овладеем его страдой“. Услышав от него эти слова, воины ответили: „Слушаем и повинемся!“ – и каждый из них стал готовить себе снаряжение. И они готовили доспехи и оружие и собирали войска в течение трех месяцев, и когда воины, солдаты и витязи собрались полностью, забили в литавры и задули в трубы и поставили знамёна и флаги, а потом царь Кафид вышел с воинами и солдатами и шёл до тех пор, пока не достиг окраин страны Кабуль (а это была страна царя Тайгамуса)» И когда достигли этой земли, её разграбили и учинили разврат с подданными и перерезали больших и взяли в плен малых.

И дошла весть об этом до царя Тайгамуса, и, услышав такую весть, он разгневался сильным гневом и собрал вельмож своего правления и везирей и эмиров своего царства и сказал им: «Знайте, что Кафид пришёл в наши земли и вступил в нашу страну и хочет сразиться с нами, и с ним солдаты, богатыри и ванны, число которых знает только Аллах великий. Каково ваше мнение?» – «О царь времена, – отвечали ему, – наше мнение таково, что нам следует выступить к нему и сразиться с ним, и отразить его от нашей страны». – «Готовьтесь к бою», – сказал им царь Тайгамус. И затем он вынул для них кольчуги, латы, шлемы и мечи и всевозможные военные доспехи, которые приносят смерть витязям и губят доблестных мужей, и воины, солдаты и витязи снарядились для боя и подняли знамёна и забили в литавры и задули в трубы и застучали в барабаны и засвистели в флейты.

И царь Тайгамус с своими войсками выступил навстречу царю Кафиду, и не переставал

царь Тайгамус идти с воинами и солдатами, пока они не приблизились к царю Кафиду. И царь Тайгамус спустился в долину, которая называлась Долина Захрана (а она лежала на краю земли Кабуль), и написал письмо, которое он послал с посланцем из своего войска царю Кафиду, и содержание его было такое: «А после славословия вот о чем мы уведомляем царя Кафида: ты поступил так, как поступают люди из черни, и если бы ты был царём, сыном царя, ты не совершил бы таких поступков, не пришёл бы в мою страну, не ограбил бы деньги людей и не учинял бы разврата с моими подданными. Разве не знаешь ты, что все это с твоей стороны насилие, и если бы я знал, что ты дерзнёшь против моего царства, я бы пришёл к тебе много раньше твоего прихода и не допустил бы тебя в мою страну. Но если ты повернёшь назад и прекратишь зло между нами – пусть так и будет, и прекрасно; если же не повернёшь, то выступай ко мне в пылу боя и будь твёрд передо мной, становясь на сечу и сражение».

И он запечатал письмо и отдал его одному наместнику из своего войска и послал с ним соглядатаев, которые должны были разузнать новости. И этот человек взял письмо и шёл с ним, пока не достиг царя Кафида; и, приблизившись к его местопребыванию, она увидел шатры, поставленные вдали, и были они сделаны из гладкого шелка, и увидел он зеленые шёлковые знамёна я увидел между палатками большую красную шёлковую палатку, вокруг которой было много войска. И посланец шёл до тех пор, пока не достиг этой палатки, и он спросил про неё, и ему сказали, что это – палатка царя Кафида. И этот человек посмотрел в средину палатки и увидел царя Кафида, который сидел на седалище, украшенном драгоценными камнями, и подле него были везири и вельможи царства. И, увидев это, посланец показал письмо, держа его в руках, и к нему подошла толпа воинов царя Кафида, и у него взяли письмо и принесли его царю.

И когда царь прочитал письмо и понял его смысл, он написал царю Тайгамусу ответ такого содержания: «А после славословия вот о чем уведомляем мы царя Тайгамуса: Нам непременно нужно отомстить, снять позор, разрушить земли и сорвать завесы, и перебить больших и полонить малых. А завтра я выйду на бой в поле, чтобы показать тебе, как биться и сражаться». И он запечатал письмо и вручил его послу царя Тайгамуса, и тот взял его и пошёл...»

И Шахразиду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Пятьсот восемнадцатая ночь

Когда же настала пятьсот восемнадцатая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что царь Кафид отдал ответ на письмо, которое послал ему царь Тайгамус, его посланному, и тот взял его и отправился обратно. И, придя к царю Тайгамусу, од поцеловал землю меж его рук и отдал ему письмо и рассказал о том, что видел, и сказал: „О царь времени, я видел всадников и витязей и пехотинцев, которых не счесть числом, и не кончается их протяжение“. И когда царь Тайгамус прочитал письмо и понял его смысл, он разгневался сильным гневом и приказал своему везиру Айн Зару сесть на коня с тысячей всадников, напасть в полночь на войска царя Кафида, глубоко проникнуть в них и перебить их. И везирь Айн Эар ответил ему: „Слушаю и повинуюсь!“ – и затем он сел на коня, вместе с воинами и солдатами, и они поехали в сторону царя Кафида.

А у царя Кафида был везирь, которого звали Гатрафан, и он приказал ему сесть на коня, взять пять тысяч всадников и отправиться с ними к войскам царя Тайгамуса и напасть на них и перебить их. И везирь Гатрафан сел на коня и сделал так, как велел ему царь Кафид. Он поехал с войском в сторону царя Тайгамуса, и они ехали до полуночи, пояса не покрыли половину пути. И вдруг везирь Гатрафан напал на везиря Айн Зара, и люди закричали на людей, и возник между ними великий бой. И они сражались друг с другом до времени утра, и когда наступило утро, войска царя Кафида обратились в бегство и повернули, убегая к нему.

И, увидев это, Царь Кафид разгневался великим гневом и оказал воинам: «Горе вам!

Что с вами случилось, что вы потеряли своих витязей?» И воины ответили: «О царь времени, когда везирь Гатрафан сел на коня и мы поехали к царю Тайгамусу, мы ехали до тех пор, пока не наступила полночь, и не проехали половины дороги. И тогда встретил нас Айн Зар, везирь царя Тайгамуса, и приблизился к нам, ведя с собою воинов и витязей, и произошла встреча близ долины Захрана; и не успели мы очнуться, как оказались посреди вражеского войска, и взоры встретились со взорами, и сражались мы в жестоком бою от полуночи до утра, и было убито много народу. И везирь Айн Зар кричал в морду слонам и бил их, и слоны шарахались из-за сильных ударов и топтали всадников и обращались в бегство. И один человек перестал видеть другого, так много летало пыли, и кровь лилась, как бурный поток, и если бы мы не пришли сюда, убегая, нас бы перебили до последнего». И, услышав это» царь Кафид воскликнул: «Да не будет для вас благословенно солнце и пусть разгневается оно на вас великим гневом!»

А везирь Айн Зар вернулся к царю Тайгамусу и рассказал ему обо всем этом, и царь Тайгамус поздравил его с благополучием и обрадовался великою радостью и велел бить в литавры и дуть в трубы. И затем он проверил своё войско, и вдруг оказалось, что убито двести всадников из числа доблестных силачей. Потом царь Кафид приготовил солдат и войска и армии и вышел на поле, и бойцы выстроились ряд за рядом и образовали полных пятнадцать рядов, по десять тысяч всадников в каждом, а с Кафидом было триста богатырей, которые сидели на слонах. И он отобрал витязей и доблестных мужей и поставил знамёна и флаги, и забили в литавры и задули в трубы, и выступили витязи, ища сражения.

Что же касается царя Тайгамуса, то он расставил войска ряд за рядом, и оказалось, что их десять рядов, по десять тысяч всадников в каждом ряду, и было у него сто богатырей, которые ехали от лезла справа и слева. И когда ряды построились, выступили вперёд все восхваленные воины, и войска сшиблись, и тесен стал простор земли для коней, и ударили в барабаны, и засвистели флейты, и забили в литавры, и задули в трубы. И ревел сигнал, и уши глохли от конского ржанья, и кричали люди во весь голод, и сгустилась пыль над их головами, и они сражались от начала дня, пока не наступил мрак, а потом разделились, а воины ушли в свои жилища...»

И Шахразад устала, и она прекратила дозволенные речи.

Пятьсот девятнадцатая почь

Когда же настала пятьсот девятнадцатая ночь, она оказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что войска разделились и ушли в свои жилища. И царь Кафид проверил своё войско, и оказалось, что бойцов убито пять тысяч, и царь разгневался великим гневом. И царь Тайгамус проверил свои войска, и оказалось, что было убито три тысячи из избранных его храбрецов, и, увидя это, он разгневался великим гневом.

Потом царь Кафид выехал на поле второй раз и сделал так же, как в первый раз, и каждый из царей искал для себя победы. И царь Кафид крикнул своим воинам и сказал. «Есть ли среди вас кто-нибудь, кто выступит на поле и откроет для нас врата боя и сражения?» И вдруг один витязь, по имени Баркик, подъехал верхом на слоне (а это был великий богатырь) и приблизился и, сойдя со спины слона, поцеловал землю меж рук царя Кафида и попросил разрешения выйти на поединок. И потом он сел на слона и погнал его на поле и закричал: «Есть ли соперник, есть ли противник, есть ли боец?»

И когда услышал это царь Тайгамус, он обратился к своим воинам и опросил их: «Кто из вас выступает против этого витязя?» И вдруг один всадник выехал из рядов верхом на коне с огромным телом и ехал, пока не приблизился к царю Тайгамусу, и он поцеловал перед ним землю и опросил у него разрешения на поединок. А потом он направился к Баркику, и, когда он подъехал к нему, Баркик воскликнул: «Кто ты будешь, чтобы издеваться надо мной и выступать против меня в одиночку, и как твоё имя?» — «Моё имя — Гаданфар ибн Камхиль», — отвечал боец. И Баркик оказал ему: «Я слышал про тебя, корда был в своей

стране. Можешь сразиться со мною меж рядов витязей?»

И, услышав его слова, Гаданфар вытащил из-под бедра железную дубину, а Баркик взял в руку меч, и они стали сражаться жестоким боем. И Баркик ударил Гаданфара мечом, и удар пришёлся по его шлему и не причинил ему вреда. И, увидя это, Гаданфар ударил Баркика дубиной, и его мясо смешалось с мясом слона. И подошёл к Гаданфару какой-то человек и воскликнул: «Кто ты такой, чтобы убивать моего брата?» – а затем он взял в руку стрелу и ударил ею Гаданфара, и удар пришёлся в бедро и пригвоздил к нему кольчугу. И, увидя это, Гаданфар обнажил меч и, ударив своего противника, разрубил его пополам, и тот упал на землю, утопая в крови. А затем Гаданфар повернулся и побежал к царю Тайгамусу. И, увидев это, царь Кафид закричал своим воинам и оказал: «Выходите на поле и сражайтесь со всадниками!»

И царь Тайгамус выступил со своими воинами и солдатами, и они стали сражаться жестоким боем, и кони ржали на коней, и люди кричали на людей, и обнажились мечи, и выступили вперёд все достохвальные воины, и всадники понеслись на всадников, и побежал трус с места сражения. И били в литавры, и дули в трубы, и люди слышали только шум криков и лязг оружия, и погибли в это время те из богатырей, что погибли. И они сражались таким образом, пока солнце не появилось в куполе небосвода. И тогда царь Тайгамус отошёл со своими воинами и солдатами и вернулся в свои палатки, и то же сделал Кафид. И царь Тайгамус проверил своих людей и увидел, что убито из них пять тысяч всадников и сломано у них четыре знамени. И когда царь Тайгамус узнал об этом, он разгневался великим гневом.

Что же касается царя Кафида, то он проверил свои войска и увидел, что убито шестьсот всадников из числа избранных храбрецов и сломано у них девять знамён. И затем бой между ними прекратился на три дня. А после этого царь Кафид написал письмо и послал его с посланным из своего войска к царю, которого звали Факунпес, и посланный отправился к нему. (А Кафид утверждал, что он его родственник со стороны матери.) И когда царь Факунпес узнал обо всем, он собрал своих воинов и солдат и направился к царю Кафиду...

И Шахразад устала, и она прекратила дозволенные речи.

Ночь, дополняющая до пятисот двадцати

Когда же настала ночь, дополняющая до пятисот Двадцати, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что царь Факун собрал своих воинов и солдат и отправился к царю Кафиду. И когда царь Тайгамус сидел и наслаждался, вдруг пришёл к нему один человек и сказал: „Я видел пыль, поднявшуюся вдали, которая взвилась на воздух“. И царь Тайгамус приказал отряду своих солдат выяснить, в чем дело с этой пылью, и они ответили: „Слушаем и повинемся!“ – и ушли и вернулись и сказали: „О царь, мы видели пыль, а через некоторое время её прибило ветром и разорвало, и из-под неё показалось семь знамён, и под каждым знаменем три тысячи всадников. И они направились в сторону царя Кафида“. И когда царь Факунчлес прибыл к царю Кафиду, он приветствовал его и спросил: „В чем с тобой дело и что это за бой ты ведёшь?“ А царь Кафид ответил ему: „Разве ты не знаешь, что царь Тайгамус – мой враг и убийца моих братьев и моего отца? Я пришёл, чтобы с ним сразиться и отомстить ему“. – „Да будет солнце для тебя благословенно!“ – воскликнул царь Фокун. А потом царь Кафид взял царя Факуна-дису и отправился с ним в свою палатку, радуясь великою радостью.

Вот что было с царём Тайгамусом и царём Кафадом. Что же касается царя Джаншаха, то он провёл два месяца, не видя своего отца и не позволяя входить к себе ни одной из невольниц, которые ему прислуживали, и охватила его из-за этого великая тревога. И он спросил одного из своих прислужников: «Что случилось с моим отцом, что он ко мне не приходит?» И ему рассказали о том, что случилось у его отца с царём Кафидом. «Приведите мне моего коня, и я поеду к отцу», – оказал Джаншах. И ему ответили: «Слушаем и повинемся!» – и привели ему коня. И когда конь предстал перед ним, Джаншах подумал: «Я

занят сам собою, и правильно будет, если я возьму моего коня и отправлюсь в город евреев. А когда я доберусь до него, Аллах облегчит мне встречу с тем купцом, который нанял меня на работу. Может быть, он сделает со мною то же, что и в первый раз; никто ведь не знает, где будет благо».

И он сел на коня и взял с собою тысячу всадников и поехал. И люди стали говорить: «Джаншах отправился к отцу, чтобы сражаться с ним вместе». И они уехали до времени вечера, а потом спешили на большом лугу и расположились там на ночь. И когда все заснули и Джаншах увидел, что все солдаты спят, он поднялся украдкой, затянул пояс, сел на коня и поехал по дороге в Багдад, так как он слышал от евреев, что каждые два года к ним приходит караван из Багдада. «Когда я доберусь до Багдада, – оказал он себе, – я поеду с караваном и достигну города евреев». И в его душе утвердилось такое решение, и он поехал своей дорогой.

И когда воины пробудились от сна, они не увидели ни Джаншаха, ни его коня, и сели на коней и ездили, разыскивая Джаншаха, направо и налево, но не нашли его следов. И тогда они вернулись к его отцу и рассказали ему о том, что сделал его сын, и царь Тайгамус разгневался великим гневом, так что изо рта у него едва не посыпалась искры, и сбросил с головы венец и воскликнул: «Нет мощи и силы, кроме как у Аллаха! Я потерял моего сына, а враг стоит напротив меня!» И цари и везири сказали ему: «Потерпи, о царь времени, вслед терпению всегда идёт благо».

А Джаншах из-за своего отца и разлуки с любимою сделался печален и озабочен, и сердце его было ранено, и глаза разъело от слез, и он не опал ни ночью, ни днём. Что же касается его отца, то, узнав, что все его воины и солдаты пропали, он отказался от войны со своим врагом и отправился в свой город и, вступив туда, запер ворота, укрепил городские стены и спасся бегством от царя Кафида. А Кафид каждый месяц подходил к городу, ища боя и распри, и проводил подле него семь ночей и восемь дней, а после того он уводил своих солдат и возвращался в палатки, чтобы полечить раненых мужей. Что же касается жителей города царя Тайгамуса, то после ухода врагов они занимались починкой оружия, укреплением стен и установкой метательных машин. И царь Тайгамус (с царём Кафидом провели так семь лет, и война между ними все продолжалась...)

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Пятьсот двадцать первая ночь

Когда же настала пятьсот двадцать первая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что царь Тайгамус с царём Кафидом провели так семь лет, и вот то, что было с ними.

Что же касается Джаншаха, то он все время ехал, пересекая степи и пустыни, и всякий раз, как подъезжал к какому-нибудь городу, спрашивал про Такни, крепость драгоценностей, но никто про неё не рассказывал, и все только говорили: «Мы никогда не слышали такого названия». А потом он стал спрашивать про город евреев, и один из купцов рассказал ему, что этот город на краю земель восточных, и сказал: «В этом месяце поезжай с нами в город Мизракан, он в Индии, а из этого города мы направимся в Хорасан, а оттуда поедem в город Шямун, а оттуда в Хорезм, и будет город евреев поблизости от Хорезма – между ними расстояние в один год и три месяца пути».

И Джаншах дождался, пока отправился караван, и ехал вместе с ним, пока не достиг города Мизракана, а вступив в этот город, он стал спрашивать про Такни, крепость драгоценностей, но никто ему ничего о ней не рассказал. И караван двинулся дальше, и Джаншах поехал с ним в Индию и вступил в город и стал спрашивать про Тадсви, крепость драгоценностей, но никто ему о ней не рассказал, и все говорили: «Мы никогда не слышали такого названия». И Джаншах терпел в дороге большие бедствия и тяжкие ужасы, и голод, и жажду, и он выехал из Индии и ехал до тех пор, пока не достиг страны Хорасан, и прибыл в

город Шимун и вступил туда и стал спрашивать про город евреев. И ему рассказали про него и описали туда дорогу, и он ехал дни и ночи, пока не доехал до того места, куда он бежал от обезьян. А потом он шёл дни и ночи и пришёл к той реке, которая была рядом с городом евреев, и сел на берегу её и выждал до дня субботы, когда река высохла по могуществу Аллаха великого.

И тогда он перешёл через реку и пошёл в дом того еврея, у которого он был в первый раз, и этот еврей и его семья приветствовали Джаншаха и обрадовались ему и принесли ему еду и питьё, а затем они спросили его: «Куда ты отлучался?» И он ответил: «В царство Аллаха великого». И Джаншах провёл у них эту ночь, а наутро пошёл гулять по городу и увидел зазывателя, который кричал: «О люди, кто возьмёт тысячу динаров и прекрасную девушку и будет у нас работать полдня?» – «Я сделаю эту работу», – оказал Джаншах, и зазыватель оказал ему: «Следуй за мною!»

И Джаншах следовал за ним, пока не пришёл к дому еврея-скупца, к которому он приходил в первый раз, и тогда зазыватель сказал купцу: «Этот парень сделает ту работу, которую ты хочешь». И купец приветствовал Джаншаха и сказал ему: «Добро пожаловать!» И взял его и привёл в харим и принёс ему еды и питья, и Джаншах поел и выпил; а затем купец дал ему деньги и красивую невольницу, и Джаншах проспал с нею эту ночь. А когда настало утро, он взял деньги и невольницу и отдал их еврею, в доме которого он ночевал в первый раз. И затем он вернулся к купцу, который дал ему работу, и купец сел на коня и они ехали до тех пор, пока не достигли высокой горы, уходившей ввысь. И купец вынул верёвку и нож и сказал Джаншаху: «Повали этого коня на землю!» И Джаншах повалил коня и связал верёвкой и ободрал его и отрубил ему ноги и голову, а затем он вскрыл коню брюхо, как приказал ему купец. И тогда купец оказал Джаншаху: «Войди в брюхо, и я зашью тебя в нем, и что бы ты там ни увидел, расскажи мне; это и есть работа, за которую ты взял плату».

И Джаншах вошёл в брюхо коня, и купец зашил его в нем и ушёл в место, отдалённое от коня, и спрятался там, а через минуту прилетела большая птица и спустилась по воздуху и, схватив коня, поднялась с ним к облакам небесным. И она опустилась на вершине горы и, усевшись на вершине, собралась есть коня, и когда Джаншах почувствовал это, он прорвал брюхо коня и вышел. И птица метнулась от него и улетела своей дорогой, и Джаншах взглянул и посмотрел, где купец, и увидел, что тот стоит под горой, подобный воробью. «Что ты хочешь, о купец?» – спросил его Джаншах. И купец молвил: «Сбрось мне несколько камней, которые вокруг тебя, и я укажу тебе дорогу, по которой ты спустишься». – «Так ты поступил со мною пять лет назад, и я перенёс голод и жажду, и мне достались великие тяготы и многое зло. И теперь ты вернулся со мною в это место и хочешь меня погубить! – крикнул Джаншах. – Клянусь Аллахом, я ничего тебе не сброшу». И затем Джаншах пошёл и направился по дороге, которая вела к шейху Насру, царю птиц...

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Пятьсот двадцать вторая ночь

Когда же настала пятьсот двадцать вторая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что Джаншах пошёл и направился по дороге, которая вела к шейху Насру, царю птиц. И он шёл не переставая дни и ночи, с плачущими глазами и опечаленным сердцем, и когда чувствовал голод, ел земные растения, а когда чувствовал жажду, пил воду из каналов. И наконец он достиг дворца господина нашего Сулеймана и увидел шейха Насра, сидевшего у ворот дворца, и подошёл к нему и поцеловал ему руки, и шейх Наср сказал ему: „Добро пожаловать! – и приветствовал его и спросил: – О дитя моё, что с тобой случилось, что ты пришёл в это место, когда ты отправился отсюда вместе с Ситт Шамсой, с прохлажденным оком и расширившейся грудью?“

И Джаншах заплакал и рассказал ему, что произошло из-за Ситт Шамсы, когда она улетела и сказала ему: «Если ты меня любишь, приходи ко мне в Такни, крепость

драгоценностей». И шейх Наср удивился этому и воскликнул: «Клянусь Аллахом, о дитя моё, я не знаю этой крепости и, клянусь господином нашим Сулейманом, я в жизни не слышал такого названия». – «Что же мне делать, когда я умер от любви и страсти?» – сказал Джаншах. И шейх Наср молвил: «Подожди, вот прилетят птицы, и мы спросим их про Такни, крепость драгоценностей. Может быть, кто-нибудь из них её знает».

И успокоилось сердце Джаншаха, и он вошёл во дворец и отправился в ту комнату, где находился бассейн и где он видел тех трех девушек. Он провёл у шейха Насра некоторое время. И однажды, когда он сидел, как обычно, шейх Наср вдруг сказал ему: «О дитя моё, приблизился прилёт птиц!» И Джаншах обрадовался этой вести. И прошло лишь немного дней, и птицы прилетели, и тогда шейх Наср пришёл к Джаншаху и сказал: «О дитя моё, выучи эти имена и подойди к птицам». И птицы прилетели и приветствовали шейха Насра, один вид птиц за другим, а потом шейх Наср спросил их о Такни, крепости драгоценностей, и каждая из птиц ответила: «Я в жизни не слыхала о такой крепости!» И Джаншах заплакал и опечалился и упал, покрытый беспамятством. И шейх Наср позвал большую птицу и сказал: «Доставь этого юношу в страну Кабуль!» – и описал ей эту страну и путь туда. И птица ответила: «Слушаю и повинуюсь!» И затем Джаншах сел ей на спину, а шейх Наср оказал ему: «Берегись и остерегайся наклониться набок: тебя разорвёт в воздухе, и заткни себе уши от ветра, чтобы тебе не повредил бег небосводов я гул морей».

И Джаншах послушался того, что оказал ему шейх Наср, и потом птица взвилась с ним и поднялась на воздух и летела один день и одну ночь. А затем она опустилась с ним на землю, где правил царь зверей, которого звали Шах Бадри, и сказала Джаншаху: «Мы сбились с дороги в ту страну, которую описывал шейх Наср». И она хотела взять Джаншаха и лететь с ним, но Джаншах сказал ей: «Уходи своей дорогой: и оставь меня в этой земле: я или умру здесь, или достигну Такни, крепости драгоценностей, и я не пойду в мою страну!» И птица оставила его у царя зверей Шаха Бадри и улетела своей дорогой, а Шах Бадри спросил Джаншаха и сказал ему: «О дитя моё, кто ты, и откуда ты прибыл с этой огромной птицей?»

И Джаншах рассказал ему обо всем, что с ним случилось от начала до конца, и царь зверей удивился его истории и воскликнул: «Клянусь господином нашим Сулейманом, я не знаю этой крепости, и всякого, кто укажет путь к ней, мы почтим, а тебя отошлём туда». И Джаншах заплакал горьким плачем и прождал недолгое время, и после этого пришёл к нему царь зверей, то есть Шах Бадри, и сказал: «Встань, о дитя моё, возьми эти доски и запомни то, что на них написано, а когда придут звери, мы спросим их про эту крепость...»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Пятьсот двадцать третья ночь

Когда же настала пятьсот двадцать третья дочь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что Шах Бадри, царь зверей, сказал Джаншаху: „Запомни то, что на этих досках, а когда придут звери, мы спросим их об этой крепости“. И прошло не более часу, и стали приходить звери, один вид за Другим, и они начали приветствовать царя Шаха Бадри, а потом он спросил их про Такни, крепость драгоценностей, и все звери ответили: „Мы не знаем этой крепости и не слыхали о ней“. И Джаншах стал плакать и горевать о том, что не улетел с птицей, которая принесла его от шейха Насра, и царь зверей сказал ему: „О дитя моё, не обременяй себя заботой! У меня есть брат, старше меня, которого зовут царь Шаммах, и он был в плену у господина нашего Сулеймана, так как он его не слушался. Нет никого среди джиннов больше его и шейха Насра, и, может быть, он знает эту крепость. Он властвует над джиннами, которые в этой стране“.

И потом царь зверей посадил Джаншаха на спину одного из них и послал с ним письмо к своему брату, в котором поручал ему заботиться о юноше. И этот зверь в тот же час и минуту пошёл, и он нёс Джаншаха дни и ночи, пока не принёс его к царю Шаммаху. И зверь

остановился в уединенном месте, вдали от царя, и Джаншах сошёл с его спины и шёл пешком, пока не дошёл до его величества царя Шаммаха. И он поцеловал ему руки и передал ему письмо, и царь прочитал его и понял его смысл и сказал Джаншаху: «Добро пожаловать! – и молвил: – Клянусь Аллахом, о дитя моё, я никогда в жизни не слышал об этой крепости и не видал её!» И Джаншах стал плакать и горевать, и царь Шаммах сказал ему; «Расскажи мне твою историю и сообщи мне, кто ты, откуда ты пришёл и куда идёшь?»

И Джаншах рассказал ему обо всем, что с ним случилось, с начала до конца, и Шаммах удивился его словам и сказал ему: «О дитя моё, я не думаю, что господин наш Сулейман слышал в своей жизни об этой крепости и видел её! Но я знаю, о дитя моё, на горе одного монаха, который стар жизнью, и ему подчиняются все птицы и зверя и джинны из-за многих его клятв: он все время прозвонит заклинания против царей джинов, и они слушаются его невольно из-за силы этих заклинаний и чар, которые он знает, и все птицы и звери идут служить ему. Вот я не слушался господина нашего Сулеймана, и он держал меня у себя в плену, и никто не одолел меня, кроме этого монаха (так сильны его козни, заклинания и чары), и я стал ему служить. И знай, что он странствовал по всем землям и климатам и знает все дороги, стороны, крепости и города, я не думаю, что от него скрыта хоть одна местность. Я пошлю тебя к нему, и, может быть, он укажет тебе, где эта крепость, а если он тебе её не укажет, то не укажет её тебе никто, так как ему подчиняются птицы, звери и горы, и все они к нему приходят. И его колдовство так сильно, что он сделал себе посох из трех кусков и втыкает его в землю и произносит заклинания над первым куском посоха, и выходит из него мясо, и выходят из него кровь; а затем он произносит заклинания над вторым куском посоха, и выходит из него свежее молоко; и произносит он заклинания над третьим куском посоха, и выходит из него пшеница и ячмень; а затем он выдёргивает посох из земли и уходит к себе в монастырь, и его монастырь называется Монастырь Алмазов. И этот монах и кудесник таков, что из его рук выходят изобретения всяких диковинных изделий, и он – колдун, кудесник, хитрей и скверный обманщик, и зовут его Ягмус. Он овладел всеми клятвами и заклинаниями, и я обязательно пошлю тебя к нему на огромной птице с четырьмя крыльями...»

И Шахразад устала, и она прекратила дозволенные речи.

Пятьсот двадцать четвёртая ночь

Когда же настала пятьсот двадцать четвёртая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что царь Шаммах говорил Джаншаху:

«Я обязательно пошлю тебя к монаху на огромной птице». И затем он посадил его на спину огромной птицы с четырьмя крыльями, каждое длиной в тридцать локтей хашимитскими локтями, и ноги у неё были, как ноги слова, но только она летала лишь два раза в год. А у царя Шаммаха был телохранитель, по имени Тамшун, который каждый день похищал для этой птицы двух верблюдов из земли иракской, чтобы накормить эту птицу. И когда Джаншах сел на спину этой птицы, царь Шаммах велел ей доставить его к монаху Ягмусу, и птица взяла Джаншаха к себе на спину и летела с ним ночи и дни, пока не достигла Горы Крепостей и Монастыря Алмазов. И Джаншах спешил близ этого монастыря и увидел в церкви монаха Ягмуса, который поклонялся там богу, и подошёл к нему и поцеловал землю и остановился перед ним.

И когда монах увидел его, он сказал: «Добро пожаловать, о дитя моё, о чужестранец! Расскажи мне, по какой причине ты пришёл в это место». И Джаншах заплакал и рассказал ему свою историю с начала до конца. И услышав его историю, монах удивился до крайности и воскликнул: «Клянусь Аллахом, о дитя моё, я в жизни не слышал об этой крепости и не видел никого, кто бы о ней слышал или видел её, хотя я существовал во времена Нуха, пророка Аллаха (мир с ним!), властвовал со времени Нуха до дней господина нашего Сулеймана ибн Дауда над зверями, птицами и джиннами. И я не думаю, чтобы Сулейман

слышал об этой крепости. Но потерпи, о дитя моё, пока придут птицы, звери и телохранители из джиннов, я их спрошу и, может быть, кто-нибудь из них о ней расскажет и принесёт нам известие о ней, и Аллах великий облегчит твоё состояние».

И Джаншах просидел подле монаха некоторое время. И когда од сидел, вдруг пришли к монаху все птицы, звери и джинны, и Джаншах с монахом стали их опрашивать про Такни, крепость драгоценностей, но ни один из них не сказал: «Я её видел или слышал о ней», – а напротив, все говорили: «Я не видел этой крепости и не слышал о ней». И Джаншах начал плакать и стонать и умолять Аллаха великого, и когда он был в таком состоянии, вдруг прилетела одна птица, последняя из птиц, чёрная цветом и огромная телом, и, опустившись по воздуху с вышины, она подошла и поцеловала у монаха руки. И монах опросил её про Такни, крепость драгоценностей. И птица сказала: «О монах, мы жили позади горы Каф на Хрустальной горе, в большой пустыне, и были мы с братьями малыми птенцами, и наши мать и отец каждый день вылетали и приносили нам пропитание. И случилось, что однажды они вылетели и отсутствовали семь дней, и усилился наш голод, а на восьмой день они прилетели к нам плача. И мы опросили их: „Почему вы отсутствовали?“ И они сказали: „На нас напал марида и схватил нас и унёс в Такни, крепость драгоценностей, и принёс к царю Шахлану, и, увидав нас, царь Шахлан хотел нас убить, но мы сказали: „Позади нас малые птенцы“, – и он освободил нас от казни. И если бы мой отец и моя мать были в оковах жизни, они бы, наверное, рассказали вам об этой крепости“».

Услышав эти слова, Джаншах заплакал сильным плачем и сказал монаху: «Я хочу, чтобы ты приказал этой птице доставить меня к гнезду её отца и матери, на Хрустальной горе, за горой Каф». И монах сказал птице: «О птица, я хочу, чтобы ты слушалась этого юношу во всем, что он тебе прикажет». И птица ответила монаху: «Слушаю и повинуюсь тому, что ты говоришь!» – а потом она посадила Джаншаха к себе на спину и полетела с ним, и летела она дни и ночи, пока не прилетела к Хрустальной горе. И тогда она опустилась на землю и провела на горе некоторое время, а затем она посадила Джаншаха на спину и полетела, и летела с ним два дня, пока не прилетела к той земле, где было гнездо...»

И Шахразад застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Пятьсот двадцать пятая ночь

Когда же настала пятьсот двадцать пятая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что птица летела с Джаншахом два дня, пока не прилетела к той земле, где было гнездо, и спустилась с ним там и сказала:

«О Джаншах, вот гнездо, в котором мы были». И Джаншах заплакал горьким плачем и сказал птице: «Я хочу, чтобы ты снесла меня и доставила в ту сторону, куда улетели твой отец и мать и откуда они приносили пропитание». – «Слушаю и повинуюсь, о Джаншах!» – ответила птица. И затем она подняла его на себе и полетела, и летела, не останавливаясь, семь ночей и восемь дней, пока не достигла высокой горы, и тогда она спустила его со своей спины и сказала: «Я не знаю за этой местностью больше никакой земли».

И Джаншаха одолел сон, и он заснул на вершине этой горы, а пробудившись от сна, он увидел вдали сверкание, наполнявшее своим светом воздух. И он растерялся, вдали этот блеск и сверкание, и не знал, что это блестит та крепость, которую он разыскивает, а между ним и ею было расстояние в два месяца, и построена она была из красного яхонта, а комнаты в ней были из жёлтого золота. И в крепости была тысяча башен, построенных из драгоценных металлов, которые извлекают из Моря Темноты, почему и была она названа Такни, крепостью драгоценностей, так как состояла из драгоценных камней и металлов. И это была большая крепость, и владыку её звали Шахлан, а он был отец трех девушек.

Вот что было с Джаншахом. Что же касается Ситт Шамсы, то, убежав от Джаншаха и отправившись к своему отцу, матери и родным, она рассказала им о том, что случилось у неё с Джаншахом, и поведала им его повесть, и осведомила их о том, что он странствовал по

земле и искал чудеса, и сообщила им о его любви к ней и о своей любви к нему, и о том, что произошло между ними, и, услышав от неё эти слова, её отец и мать сказали:

«Не дозволено тебе Аллахом совершить с ним такое дело!» И потом отец её рассказал об этом случае своим телохранителям из маринов-джиннов и сказал им: «Всякий, кто увидит человека, пусть приведёт его ко мне!»

А Ситт Шамса рассказала своей матери, что Джаншах влюблён в неё, и сказала: «Он обязательно придёт к нам, так как, когда я улетела с верхушки дворца его отца, я сказала ему: „Если ты меня любишь, приходи в Такни, крепость драгоценностей“.

И, увидав это сверканье и блеск, Джаншах пошёл по направлению к нему, чтобы узнать, что это такое. А Ситт Шамса послала одного из телохранителей по делу в сторону горы Кармус, и когда этот телохранитель шёл, он вдруг увидел существо человеческой породы. И, увидав его, джинн подошёл к нему и приветствовал его, и Джаншах испугался этого телохранителя, но все-таки ответил на его приветствие. «Как твоё имя?» – спросил джинн.

И Джаншах ответил: «Моё имя Джаншах. Я схватил одну джиннию, по имени Ситт Шамса, так как моё сердце привязалось к её красоте и прелести, и я люблю её великой любовью, и она убежала от меня после того, как вошла во дворец моего отца». И он, плача, рассказал мартаду обо всем, что случилось у него с Ситт Шамсой. И когда телохранитель увидал, что Джаншах плачет, его сердце сгорело, и он сказал ему: «Не плачь, ты достиг того, чего желал. Знай, что она любит тебя (великою любовью и осведомила своего отца и свою мать о твоей любви к ней, и все, кто есть в крепости, любят тебя из-за неё. Успокой же твою душу и прохлади глаза». И затем маринов посадил Джаншаха на плечи и летел с ним, пока не достиг Такни, крепости драгоценностей.

И пошли вестники к царю Шахлану и к Ситт Шамсе и к её матери, оповещая их о прибытии Джаншаха, и когда пришла к ним весть об этом, они обрадовались великою радостью, а затем царь Шахлан приказал всем телохранителям встречать Джаншаха и сел на коня вместе со всеми телохранителями, ифритами и маридами и выехал Джаншаху навстречу...»

И Шахразату застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Пятьсот двадцать шестая ночь

Когда же настала пятьсот двадцать шестая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что царь сел на коня и вместе со всеми телохранителями, ифритами и маридами выехал Джаншаху навстречу. И, приблизившись к Джаншаху, царь Шахлан, отец Ситт Шамсы, обнял его, а Джаншах поцеловал царю Шахлану руки. И царь приказал дать ему великолепную почётную одежду из разноцветного шелка, вышитую золотом и украшенную драгоценными камнями. Потом он надел ему венец, подобного которому не видел никто из царей человеческих, и велел привести ему великолепного коня из коней царей джиннов и посадил на него Джаншаха. И тот сел на коня, а телохранители ехали от него справа и слева, и ехал с царём в великолепном шествии, пока они не достигли ворот дворца. И Джаншах спешился в этом дворце и увидел, что это большой дворец, и стены его выстроены из драгоценных камней, яхонтов и дорогих металлов, а что до хрусталя, топазов и изумрудов, то они были вделаны в пол. И он стал дивиться на этот дворец и плакать, а царь и мать Ситт Шамсы вытирали ему слезы и говорили: „Уменьши плач и не обременяй себя заботой! Знай, что ты достиг того, чего желал“.

И когда Джаншах дошёл до середины дворца, его встретили прекрасные невольницы, рабы и слуги и посадили его на самое лучшее место, и стояли, прислуживая ему, а он не знал» что подумать о красоте этого помещения и стен, которые были построены из всевозможных металлов и дорогих камней. И царь Шахлан ушёл в те покои, где он сидел, и приказал невольницам и слугам привести к себе Джаншаха, чтобы тот посидел с ним, и

Джаншаха взяли и привели к нему. И царь поднялся ему навстречу и посадил его на престол, рядом с собой, а потом пронесли трапезу и поели и попили и вымыли румы. И после этого пришла к Джаншаху мать Ситт Шамсы и приветствовала его, сказав ему: «Добро пожаловать!» – и молвила: «Ты достиг своей цели после тягот, и заснул твой глаз после бессонницы. Слава Аллаху за твоё благополучие!» И затем она тотчас же пошла к своей дочери Ситт Шамсе и привела её к Джаншаху, и Ситт Шамса пришла к нему и приветствовала его и поцеловала ему руки и опустила голову от смущения перед ним и матерью и отцом. И пришли её сестры, которые были с нею во дворце, и поцеловали Джаншаху руки и приветствовали его. А потом мать Ситт Шамсы сказала: «Добро пожаловать, о дитя моё! Моя дочь Шамса сделала ошибку по отношению к тебе, но не взыщи с неё за то, что она совершила с тобою ради нас».

И, услышав от неё эти слова, Джаншах вскрикнул и упал, покрытый беспамятством, и царь подивился на него, а потом ему побрызгали на лицо розовой водой, смешанной с мускусом и щербетом, и он очнулся и посмотрел на Ситт Шамсу и сказал: «Слава Аллаху, который привёл меня к желаемому и потушил во мне огонь, так что не осталось огня в моем сердце». – «Да будешь ты опасен от огня, – сказала ему Ситт Шамса. – Но я хочу, о Джаншах, чтобы ты рассказал мне о том, что с тобою случилось после разлуки со мной и как ты пришёл в это место, когда большинство джиннов не знают о Такни, крепости драгоценностей. Мы не покорны никому из царей, и никто не знает дороги в это место и не слышал о нем».

И Джаншах рассказал ей обо всем, что с ним случилось и как он сюда пришёл, и осведомил их всех о том, что случилось у его отца с царём Кафидом. Он рассказал, какие видел он в дороге ужасы и диковины, и сказал девушке: «Все это случилось из-за тебя, о Ситт Шамса!» – «Ты достиг желаемого, – оказала ему мать девушки, – и Ситт Шамса – служанка, которую мы приведём к тебе».

И когда Джаншах услышал это, он обрадовался великою радостью, и после этого мать девушки сказала ему: «Если захочет Аллах великий, в следующий месяц мы устроим веселье и справим свадьбу и женим тебя на Шамсе, а потом ты отправишься с ней в твою страну, и мы дадим тебе тысячу маринов из телохранителей, таких, что если ты позволишь ничтожнейшему из них убить царя Кафида вместе с его народом, он сделает это в одно мгновение. И каждый год мы будем посылать к тебе такие существа, что если ты прикажешь одному из них погубить всех твоих врагов, он погубит их...»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Пятьсот двадцать седьмая ночь

Когда же настала пятьсот двадцать седьмая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что мать Ситт Шамсы говорила Джаншаху: „И каждый год ми будем посылать тебе такие существа, что, если ты прикажешь одному из них погубить всех твоих врагов, он погубит их до после него“. А потом царь Шахлан сел на престол и приказал вельможам своего царства устроить великое веселье и украсить город в течение семи дней, вместе с ночами. И они сказали ему: „Слушаем и повинемся!“ – и в тот же час ушли и принялись за приготовления к веселью. И они провели за приготовлениями два месяца, а после этого устроили свадьбу Ситт Шамсы, и это оказалось великое веселье, подобного которому не было. И потом Джаншаха ввели к Ситт Шамсе, и он провёл с нею два года в сладчайшей и приятнейшей жизни, за едой и питьём.

А затем он сказал как-то Ситт Шамсе: «Твой отец обещал нам, что мы уедем в мою страну и будем проводить там год и здесь год». И Ситт Шамса ответила: «Слушаю и повинуюсь!» А когда наступил вечер, она пошла к своему отцу и рассказала ему о том, что говорил ей Джаншах, и отец её молвил: «Слушаю и повинуюсь, но потерпи до начала следующего месяца, пока мы соберём для вас телохранителей». И она рассказала Джаншаху,

что говорил её отец, и Джаншах терпел в течение того срока, который тот назначил.

А после этого царь Шахлан позволил телохранителям выйти, чтобы служить Ситт Шамсе и Джаншаху и доставить их в страну Джаншаха. Он приготовил им большое ложе из красного золота, украшенное жемчугом и драгоценными камнями», на котором стояла палатка из золотого шелка, разрисованная во все цвета и украшенная дорогими камнями, красота которых смущала взирающих.

И Джаншах с Ситт Шамсой поднялись на это ложе, а потом царь выбрал четырех телохранителей, чтобы нести его, и они понесли ложе, и каждый телохранитель стал с одной стороны, а Джаншах с Ситт Шамсой сидели на ложе. И Ситт Шамса простилась со своей матерью и отцом, сёстрами и родными, и отец её сел на коня и поехал с Джаншахом, а телохранители пошли, неся это ложе.

И царь Шахлан шёл с ними до середины дня, а потом телохранители поставили ложе на землю, и все сошли с коней и простились друг с другом. И царь Шахлан поручил Джаншаху заботиться о Ситт Шамсе, а телохранителя» он поручил заботиться о них обоих.

А потом он приказал телохранителям нести ложе, и Ситт Шамса простилась с отцом, и Джаншах тоже простился с ним, и они отправились, а отец девушки вернулся назад. И отец дал Ситт Шамсе триста девушек из прекрасных наложниц и дал Джаншаху триста мамлюков из детей джиннов. И они отправились в тот же час после того, как все взойшли на это ложе и четыре телохранителя подвели его и полетели с ним между небом и землёй.

И они пролетали каждый день расстояние тридцати месяцев пути я летели таким образом в течение десяти дней. А среди телохранителей был один телохранитель, который знал страну Кабудь, и когда он увидел её, он приказал телохранителям спуститься в большой город, находившийся в этой стране, а был этот город городом царя Тайгамуса. И они спустились в него...»

И Шахразду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Пятьсот двадцать восьмая ночь

Когда же настала пятьсот двадцать восьмая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что телохранители опустили в город царя Тайгамуса с Джаншахом и Ситт Шамсой. А царь Тайгамус убежал от врагов и спасся бегством в свой город.

Он подвергся жестокой осаде, и царь Кафид стеснил его, и царь Тайгамус просил пощады у царя Кафида, но тот не дал ему пощады. И когда царь Тайгамус понял, что не осталось для него хитрости, чтобы спастись от царя Кафида, он захотел удавиться, чтобы умереть и избавиться от этой заботы и печали. И он поднялся и простился с везирями и эмирами и вошёл в свой дом, чтобы проститься с женщинами. И жители его царства стали плакать и рыдать и оплакивать его и кричать.

И когда происходило это дело, телохранители вдруг приблизились к дворцу, находившемуся внутри крепости, и Джаншах приказал им опустить ложе на середину приёмного зала. И они сделали так, как приказал им Джаншах, и Ситт Шамса с Джаншахом, невольницами и мамлюками сошла с ложа, и они увидели, что все жители города находятся в осаде, стеснении и великой горести. «О, любимая моего сердца и прохлада моего глаза, – сказал Джаншах Ситт Шамсе, – взгляни на моего отца, – он в наисквернейшем положении!» И когда Ситт Шамса увидела его отца и жителей царства в таком состоянии, она приказала телохранителям поразить воинов, которые их осадили, сильным ударом и перебить их, и сказала телохранителям: «Не оставляйте живым никого из них». И Джаншах сделал знак одному из телохранителей, сильному в ярости, по имени Караташ, и приказал ему принести царя Кафида, закованного в цепи.

И телохранители отправились к царю Кафиду и взяли с собой то ложе. И они летели до тех пор, пока не поставили это ложе на землю, а палатку они поставили на ложе. И они подождали до полуночи и затем бросились на царя Кафида и его воинов и принялись их

убивать. И один телохранитель брал десять или восемь воином, сидевших на спинах слонов, и взлетал с ними в воздух, а затем бросал их, и они разлетались на куски в воздухе.

А некоторые из телохранителей били солдат железными дубинами. А затем телохранитель, по имени Караташ, отправился в тот же час к палатке царя Кафида и бросился на него, когда он сидел на ложе, и взял его и взлетел с ним на воздух, и царь закричал от страха перед этим телохранителем, а тот летел с ним не переставая, пока не посадил его на ложе перед Джаншахом. И Джаншах велел четырём телохранителям подняться с ложем и поставить его на воздухе, и не успел царь Кафид очнуться, как увидел себя между небом и землёй. И он стал бить себя по лицу и дивиться на это» и вот что было с царём Кафидом.

Что же касается царя Тайгамуса, то, увидев своего сына, он едва не умер от радости и, испустив великий крик, упал, покрытый беспамятством. И ему побрызгали на лицо розовой водой, и когда он очнулся, они с сыном обнялись и заплакали сильным плачем (а царь Тайгамус не знал, что телохранители сражаются с царём Кафидом). И после этого Ситт Шамса поднялась и шла до тех пор, пока не дошла до царя Тайгамуса, отца Джаншаха, и она поцеловала ему руки и оказала: «О господин мой, поднимись на верхушку дворца и посмотри, как сражаются телохранители моего отца». И царь поднялся на верхушку дворца и сел вместе с Ситт Шамсой, и они стали смотреть на бой телохранителей, а те принялись избивать солдат вдоль и вширь. И один из них брал железную дубину и, ударив ею слона, разбивал его вдребезги вместе с тем, кто был на его спине, так что слонов нельзя было отличить от людей. А другие телохранителя пригоняли толпу людей, которые убегали, и кричали им в лицо, и они падали мёртвые, а некоторые хватали около двадцати всадников и поднимались с ними на воздух и бросали их на землю, и воины разбивались на куски. И при всем этом Джаншах и его отец с Ситт Шамсой смотрели на них и глядели на сражение...»

И Шахразату застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Пятьсот двадцать девятая ночь

Когда же настала пятьсот двадцать девятая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что Тайгасим сыном Джаншахом и жена его Ситт Шамса поднялись на верхушку дворца и стали смотреть на бой телохранителей с войсками царя Кафида. А царь Кафид смотрел на них, сидя на ложе, и плакал. И избиение его войск не прекращалось в течение двух дней, пока их всех не изрубили до последнего. А потом Джаншах велел телохранителям принести ложе и опустить его на землю посреди крепости царя Тайгамуса. И они принесли ложе и сделали так, как велел им их господин, царь Джаншах. А затем царь Тайгамус приказал одному из телохранителей, которого звали Шамваль, взять царя Кафида и надеть на него цепи и ошейник и запереть в чёрную башню, и Шамваль сделал так, как он приказал ему.

И царь Тайгамус велел бить в литавры и послал вестников к матери Джаншаха, и те пошли и известили её о том, что её сын прибыл и совершил все эти поступки. И она обрадовалась этому и села на коня и приехала, и, увидев её, Джаншах прижал её к груди, и она упала без чувств от сильной радости. И ей побрызгали на лицо розовой водой, и, очнувшись, она обняла своего сына и заплакала от чрезмерной радости. И когда Ситт Шамса узнала о её прибытии, она поднялась и шла до тех пор, пока не пришла к ней, и тогда она приветствовала её, и они держали друг друга в объятиях некоторое время, а затем стали разговаривать. А царь Тайгамус отпер ворота города и послал вестников во все стороны, и вести распространились по ним, и стали прибывать к царю подарки и великолепные редкости. И эмиры, воины и цари, которые правили в странах, приходили к царю, чтобы его приветствовать и поздравить его с такой победой и благополучием его сына.

И они пребывали в таком состоянии, и люди приносили им подарки и великолепные редкости в течение некоторого времени, а потом царь сделал великолепную свадьбу для

Ситт Шамсы во второй раз и велел украшать город и показывал Джаншаху девушку в драгоценностях и роскошных одеждах. И Джаншах вошёл к Ситт Шамсе и подарил ей сотню девушек из прекрасных наложниц, чтобы они ей прислуживали. А через несколько дней после этого Ситт Шамса отправилась к царю Тайгамусу и заступилась перед ним за царя Кафида и сказала: «Отпусти его, чтобы он вернулся в свою страну, а если случится из-за него зло, я прикажу одному из телохранителей похитить его и привести к тебе». И царь отвечал: «Слушаю и повинуюсь!» – а затем он послал Шамвалю приказание доставить к нему царя Кафида, и тот правел его к нему в цепях и путах.

И когда царь Кафид пришёл и поцеловал перед Тайгамусом землю, тот приказал освободить его из этих оков, и его освободили. А затем он посадил его на хромого коня и сказал: «Царица Шамса заступилась за тебя, уходи же в твою страну, и если ты вернёшься к тому, что делал раньше, она пошлёт за тобой телохранителя, и он приведёт тебя». И царь Кафид отправился в свою страну, будучи в наихудшем положении...»

И Шахразад устала, и она прекратила дозволенные речи.

Ночь, дополняющая до пятисот тридцати

Когда же настала ночь, дополняющая до пятисот тридцати, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что царь Кафид отправился в свою страну, будучи в наихудшем положении, а Джаншах жил со своим отцом и Ситт Шамсой сладостнейшей и приятнейшей жизнью, в наилучшей и полнейшей радости.

И все это рассказывал Булукии юноша, сидевший между двумя могилами, а затем он сказал ему: «Вот я и есть Джаншах, который все это увидел, о брат мой, о Булукия». И Булукия удивился его рассказу. А затем Булукия, странствующий из-за любви к Мухаммеду (да благословит его Аллах и да приветствует!), оказал Джаншаху: «О брат мой, а в чем дело с этими двумя могилами? По какой причине ты сидишь между ними и почему ты плачешь?» И Джаншах ответил ему и сказал: «Знай, о Булукия, что мы пребывали в сладостнейшей и приятнейшей жизни и в наилучшей и полнейшей радости и проводили в наших странах год, и в Такни, крепости драгоценностей, – год. И мы передвигались не иначе, как сидя на ложе, и телохранители несли его и летели между небом и землёй».

«О брат мой, о Джаншах, – опросил его Булукия, – а какой было длины расстояние между этой крепостью и вашей страной?» И Джаншах сказал ему в ответ: «Мы пересекали каждый день расстояние в тридцать месяцев пути и достигали крепости в десять дней. И мы провели в таком положении несколько лет, и случилось однажды, что мы отправились, как обычно, и достигли вот этого места. И мы опустились на ложе, чтобы поглядеть на этот остров, и сели на берегу реки и стали есть и пить, и Ситт Шамса сказала: „Я хочу помыться в этой реке!“ И она сияла с себя одежду, и невольницы тоже сняли одежду и сошли в реку и стали плавать, а я принялся ходить по берегу речки и оставил невольниц играть там с Ситт Шамсой. И вдруг большая акула из морских зверей ударила её по ноге, выбрав её среди невольниц, и девушка закричала и упала мёртвая в тот же час и минуту. И невольницы вышли из реки, убегая в палатку от этой акулы, а затем некоторые из них понесли Ситт Шамсу и принесли её в палатку, и она была мёртвая. И, увидев, что она мёртвая, я упал без памяти, и мне обрызгали лицо водой, и я очнулся и стал плакать над девушкой.

И я велел телохранителям взять ложе и отправиться к её родным и осведомить их о том, что с ней случилось, и они отправились к родным Ситт Шамсы и известили их о том, что с ней произошло. И родные её были в отсутствии лишь недолго и прибыли в это место, и они омыли девушку и завернули её в саван и похоронили её тут же и стали её оплакивать. Они пожелали взять меня с собой в свою страну, но я сказал отцу девушки: «Я хочу, чтобы ты вырыл для меня яму рядом с её могилой, и я сделаю эту яму могилой для меня. Может быть, когда я умру, меня закопают в ней рядом с Шамсой». И царь Шахлан велел одному из телохранителей это сделать, и тот сделал то, что я хотел. А затем они улетели от меня и

оставили меня плакать и рыдать над девушкой. Такова моя история, и вот почему я сижу между этими двумя могилами. – И он произнёс такие два стиха: – Друзья, вы уехали, и дом – уж не дом мне, О нет, и сосед благой – теперь не сосед мне!

И ныне мой прежний друг, которого знал я здесь, Не друг мне, и кажутся цветы не цветами».

Услышав от Джаншаха такие слова, Булукия удивился...

И Шахразад застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Пятисот тридцать первая ночь

Когда же настала пятьсот тридцать первая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что Булукия, услышав от Джаншаха эти слова, удивился и воскликнул: «Клянусь Аллахом, я думал, что я странствовал и кружил по земле, обходя её, но, клянусь Аллахом, я забыл о том, что видел, услышав твою историю!

А затем сказал Джаншаху: – Я хочу от тебя милости – благодеяния, о брат мой: укажи безопасную дорогу».

И Джаншах указал ему дорогу, и Булукия простился с ним и пошёл».

И все эти слова говорила царица змей Хасибу Каримад-дину. И сказал ей Хасиб Карим-ад-дин: «Как ты узнала все эти рассказы?» И она отвечала: «Знай, о Хасиб, что я послала в страны египетские большую змею двадцать пять лет тому назад и послала с ней письмо с приветствием Булукии, чтобы она доставила его ему. И эта змея отправлялась и доставила его Бянт-Шамух (а это была её дочь в земле египетской). И она взяла письмо и шла, пока не достигла Каира, и тогда она стала спрашивать людей о Булукии, и её привели к нему, и, прядя к нему и увидев его, она его приветствовала и дала ему это письмо. И Булукия прочитал письмо и понял его смысл, а затем он спросил змею: „Ты пришла от царицы змей?“ – „Да“, – отвечала она. И Булукия сказал: „Я хочу отправиться с тобой к царице змей, так как у меня есть до неё дело“. – „Слушаю и повинуюсь“, – сказала змея.

И затем она пошла с ним к своей дочери и приветствовала её, и после этого она простилась с ней и вышла от неё и сказала Булукии: «Зажмурь глаза!» И Булукия зажал глаза и открыл их и вдруг увидел, что он на той горе, где нахожусь я. И змея пошла с ним к той змее, которая дала ей письмо и приветствовала её, а змея спросила: «Доставила ты Булукии письмо?» – «Да, – отвечала змея, – я доставила его ему, и он пришёл со мной. Вот он». И Булукия подошёл и приветствовал эту змею и спросил её про царицу змей, и змея сказала ему: «Она отправилась на гору Каф со своими солдатами и воинами, а когда придёт лето, она вернётся в эту землю. И всякий раз как она отправляется на гору Каф, она назначает меня на своё место, пока не вернётся. Если у тебя есть просьба, то я её для тебя исполню». – «Я хочу от тебя, – сказал Булукия, – чтобы ты принесла мне такие растения, что всякий, кто истолчёт их и выпьет их сок, но ослабнет, не поседеет и не умрёт». – «Я не принесу их тебе, – отвечала змея, пока ты мне не расскажешь, что с тобой случилось после того, как ты расстался с царицей змей и отправился с Аффаном к месту погребения господина нашего Сулеймана».

И Булукия рассказал ей свою историю от начала до конца и осведомил её о том, что случилось с Джаншахом, и поведал ей его повесть, а потом он сказал: «Исполни мою просьбу, и я уйду в мои страны». – «Клянусь господином нашим Сулейманом, – сказала змея, – я не знаю дороги к этой траве!» И она приказала змее, которая привела Булукию, и оказала ей: «Доставь его в его страны!» И змея отвечала: «Слушаю и повинуюсь!» И затем она сказала Булукии: «Зажмурь глаза!» – и Булукия зажал глаза, и открыл их, и увидел себя на горе аль-Мукаттам, и пошёл, и пришёл в своё жилище. А когда царица змей вернулась с горы Каф, то змея, которую она поставила на своё место, пришла к ней и приветствовала её и оказала: «Булукия приветствует тебя!» – и рассказала ей все то, что передал ей Булукия о том, что он видел в своих странствиях и как он встретился с Джаншахом».

И царица змей сказала Хасибу Карим-ад-дину: «Вот что рассказали мне об этом деле, о Хасиб». И Хасиб воскликнул: «О царица змей, расскажи мне о том, что случилось с Булукией, когда он вернулся в Египет!» – «Знай, о Хасиб, – сказала ему царица змей, – что, расставшись с Джаншахом, Булукия шёл ночи и дни и пришёл к большому морю, и тогда он намазал ноли соком, который был у него, и пошёл по поверхности воды и пришёл к острову с деревьями, реками и плодами, который был подобен раю. И он стал ходить по этому острову и увидел большое дерево, листья которого были точно паруса на кораблях. И он подошёл к этому дереву и увидел, что под ним разложена скатерть, и на ней всевозможные блюда из роскошных кушаний, и увидел он на этом дереве птицу из жемчуга и зеленого изумруда, ноги которой были серебряные, клюв из красного яхонта, а перья из дорогих металлов, и эта птица прославляла Аллаха великого и молилась о Мухаммеде (да благословит его Аллах и да приветствует!)...»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Пятьсот тридцать вторая ночь

Когда же настала пятьсот тридцать вторая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что когда Булукия вышел на остров и увидел, что этот остров подобен раю, он стал ходить по нему во все стороны и увидал бывшие там диковинки и, между прочим, птицу из жемчуга и зеленого изумруда, с перьями из дорогих металлов, такую, как описана, и птица прославляла Аллаха великого и молилась о Мухаммеде (да благословит его Аллах и да приветствует!).

«И, увидев эту огромную птицу, – рассказывала царица змей, – Булукия спросил её: „Кто ты и каково твоё дело?“ И птица ответила: „Я из птиц райских. Знай, о брат мой, что Аллах великий вывел Адама из рая, и он вынес оттуда четыре листа, чтобы прикрыться ими. И упали они на землю, и один из них съели черви – и сделался из него шёлк, а другой съели газели и сделался из него мускус, а третий съели пчелы – и сделался из него мёд, четвёртый же упал в Индию и возникли из него пряности. Что же до меня, то я блуждала по всей земле, пока Аллах великий не послал мне этого места, и я осталась здесь. И каждую пятницу вечером и днём приходят сюда святые и кутбы, которые живут в этом мире, и они посещают это место и вкушают эту пищу (а она – угощение им от Аллаха великого, которое он им выставляет каждую пятницу вечером и днём, а затем этот стол возносится в рай, и он никогда не уменьшается и не изменяется)“.

И Булукия стал есть, а окончив еду, он восхвалил Аллаха великого, и вдруг приблизился к нему аль-Хидр (мир с ним!). И Булукия поднялся к нему навстречу и приветствовал его и хотел уходить, но птица сказала ему: «О Булукия, сиди в присутствии аль-Хидра (мир с ним!)». И Булукия сел, а аль-Хидр сказал ему: «Расскажи мне о своём деле и поведай мне свою повесть».

И Булукия рассказал ему все, от начала до конца, до тех пор, пока он не пришёл к нему и не достиг того места, в котором он сидит теперь перед аль-Хидром, и затем он спросил: «О господин, какова длина пути отсюда до Египта?» – «Расстояние в девяносто пять лет», – ответил аль-Хидр. И, услышав эти слова, Булукия заплакал, а потом он припал к рукам аль-Хидра и стал их целовать и воскликнул: «Спаси меня из этого изгнания, награда тебе у Аллаха! Я приблизился к гибели, и у меня не осталось никакой хитрости!» – «Помолись Аллаху великому, чтобы он разрешил мне доставить тебя в Египет, прежде чем ты погибнешь», – сказал аль-Хидр. И Булукия стал плакать и умолять Аллаха великого, и Аллах принял его молитву и внушил аль-Хидру (мир с ним!), чтобы он доставил Булукию к его родным.

И сказал тогда аль-Хидр (мир с ним!): «Подними голову, Аллах принял твою молитву и внушил мне, чтобы я доставил тебя в Египет. Уцепись за меня и схватись за меня руками и зажмурь глаза». И Булукия уцепился за аль-Хидра (мир с ним!) и схватился за него руками и

зажмурил глаза, и аль-Хидр (мир с ним!) сделал один шаг и потом сказал Булукии: «Открой глаза!» И Булукия открыл глаза и увидел, что он стоит у ворот своего дома. И затем он обернулся, чтоб проститься с аль-Хидром (мир с ним!), но не нашёл и следа его...»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Пятьсот тридцать третья ночь

Когда же настала пятьсот тридцать третья ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что Булукия, когда аль-Хидр (мир с ним!) доставил его к воротам его дома, открыл глаза и хотел проститься с ним, но не нашёл его. И он вошёл в свой дом, и когда его мать увидела его, она испустила громкий крик и упала от радости, и ей брызгали на лицо воду, пока она не очнулась, а очнувшись, она обняла своего сына и заплакала сильным плачем, а Булукия то плакал, то смеялся. И к нему пришли его родные и домочадцы и все его товарищи и стали его поздравлять с благополучием. И разнеслась по стране весть об этом, и стали приходить к нему подарки со всех концов, и забили барабаны, и засвистели флейты, и все радовались великой радостью. А после этого Булукия рассказал родным свою историю и поведал им обо всем, что с ним случилось, и о том, как аль-Хидр привёл его и доставил к воротам его дома, и все удивились этому и плакали до тех пор, пока им не надоело плакать».

И все это рассказала царица змей Хасибу Карим-аддину. И Хасиб Карим-ад-дин удивился этому и заплакал сильным плачем, а затем он сказал царице змей: «Я хочу отправиться в мою страну!» И царица змей ответила ему: «Я боюсь, о Хасиб, что, достигнув своей страны, ты нарушишь обет и не исполнишь клятву, которую ты мне дал, и пойдёшь в баню». И Хасиб поклялся ей другими верными клятвами, что всю жизнь не будет ходить в баню, и тогда царица змей приказала одной змее и сказала ей: «Выведи Хасиба Карим-ад-дина на лицо земли!» И змея взяла Хасиба и переходила с ним с места на место, пока не вывела его на лицо земли из под крышки заброшенного колодца, а затем он пошёл, и шёл, пока не дошёл до своего города.

И он отправился в свой дом (а было это в конце дня, когда пожелтело солнце) и постучал в ворота, и вышла его мать и открыла ворота и увидела своего сына, который стоял перед нею. И, увидев его, она вскрикнула от сильной радости и бросилась к нему и заплакала, и когда услышала её плач жена Хасиба, она вошла к ней и увидела своего мужа и приветствовала его и поцеловала ему руки. И они сильно обрадовались друг другу и вошли в дом, и когда они уселись и Хасиб посидел среди своих родных, он спросил о дровосеках, которые рубили с ним дрова и ушли и оставили его в колодце, и мать оказала ему: «Они пришли ко мне и сказали: „Твоего сына съел волк в долине“. Они сделались большими купцами и владеют именьями и лавками, мир стал для них просторен, и они каждый день приносят нам еду и питьё, и таково их обыкновение до сего времени». – «Завтра пойдёшь к ним, – сказал Хасиб, – и скажи им: „Хасиб Карим-аддин вернулся из путешествия; приходите его встречать и приветствовать его“».

И когда наступило утро, его мать пошла по домам дровосеков и оказала им то, что поручил ей сказать её сын.

И, услышав её слова, дровосеки изменились в лице и сказали ей: «Слушаем и повинемся!» И каждый из них дал ей шёлковую одежду, вышитую золотом, и они сказали ей: «Отдай их твоему сыну, пусть он их наденет, и скажи ему: „Они завтра к тебе придут“». И мать Хасиба сказала им: «Слушаю и повинуюсь!» – и вернулась от них к сыну и осведомила его об этом и отдала ему то, что дали ей дровосеки.

Вот что было с Хасибом Карим-ад-дином и его матерью. Что же касается дровосеков, то они собрали множество купцов и осведомили их о том, что произошло из-за них с Хасибом Карим-ад-дином, и спросили их: «Что нам теперь с ним делать?» И купцы ответили им: «Каждому из вас следует отдать ему половину своих денег и невольников», – и все согласились с этим мнением.

И каждый из них взял половину своих денег, и они все пошли к Хасибу и приветствовали его и поцеловали ему руки и отдали ему принесённое и сказали: «Это часть твоей милости, и мы стоим перед тобою!» И Хасиб принял от них деньги и оказал им: «То, что ушло, ушло! Это было суждено Аллахом, а то, что суждено, сильнее того, чего боишься!»

«Пойдём с нами, погуляем по городу и сходим в баню», – сказали ему купцы. И Хасиб ответил: «Я дал клятву, что не пойду в баню всю жизнь». – «Пойдём с нами к нам домой, мы тебя угостим», – сказали купцы. И Хасиб ответил: «Слушаю и повинуюсь!» А затем он поднялся и пошёл с ними к ним домой, и каждый из купцов угощал его один вечер, и они делали это в течение семи вечеров.

И стал Хасиб обладателем денег, имений и лавок, и вокруг него собирались купцы города, и он рассказывал им обо всем, что с ним случилось, и сделался он одним из знатных купцов. И он правел так некоторое время, и в один из дней случилось ему выйти, чтобы пройтись по городу. И вдруг один его товарищ (а он был банщик) увидел его, когда он проходил мимо ворот бани, и глаза встретились с глазами, и банщик приветствовал Хасиба и обнял его и воскликнул: «Сделай мне милость, войди в баню и разотрись, пока я приготовлю тебе угощение». – «Я дал клятву, что не буду ходить в баню всю жизнь», – ответил Хасиб. И банщик стал клясться и воскликнул: «Мои три жены разведены со мной трижды, если ты не войдёшь со мной в баню и не помоешься там!»

И Хасиб Карим-ад-дин смутился душою и сказал банщику: «Разве ты хочешь, брат мой, сделать моих детей сиротами, разрушить мой дом и возложить грех на мою шею?» И тогда банщик бросился к ногам Хасиба Каримад-дина и стал их целовать и воскликнул: «Я прибегаю к твоему соседству! Войди ко мне в баню, и грех будет на моей шее». И рабочие в бане и все, кто был там, собрались вокруг Хасиба Карим-ад-дина и стали его упрашивать и сняли с него одежду и ввели его в баню.

И едва только он вошёл туда и сел у стены и начал поливать себе голову водой, как пришли к нему двадцать человек и сказали: «Уходи от нас, о человек, ты ответчик перед султаном!» И они послали одного из них к везиру султана, и этот человек отправился к нему и осведомил везиря, и везирь сел на коня вместе с шестьюдесятью мамлюками, и они поехали и приехали в баню и встретились с Хасибом Карим-ад-дином. И везирь приветствовал его и оказал: «Добро пожаловать!» – и дал банщику сто динаров и приказал подвести Хасибу коня, чтобы он на нем ехал. А затем везирь сел на коня вместе с Хасибом, и люди везиря тоже сели, и они взяли Хасиба и ехали с ним, пока не приехали ко дворцу султана. И везирь и его люди спешили, и Хасиб тоже сошёл на землю, и он сел во дворце, и ему принесли трапезу, и все поели, выпили и вымыли руки. И везирь наградил Хасиба двумя почётными одеждами, каждая из которых стоила пять тысяч динаров, и сказал ему: «Знай, что Аллах послал тебя к нам и проявил к нам милость твоим приходом: султан стал близок к смерти от проказы, которая постигла его, и наши книги указывают, что жизнь его в твоих руках».

И Хасиб удивился этому делу, и везирь с Хасибом и вельможами царства прошёл через семь дворцовых ворот, и они вошли к царю. А царя звали царь Караздан, царь персов, и он царил над семью климатами, и было у него в услужения сто султанов, которые сидели на престолах из червонного золота, и десять тысяч богатырей, каждому из которых подчинялось сто наместников и сто палачей, державших в руках мечи и топоры. И они нашли этого царя лежащим, и лицо его было закутано в платок, и он стонал от сильной болезни. И когда Хасиб увидел такой порядок, его ум был ошеломлён видом царя Караздана, и он поцеловал перед ним землю и пожелал ему счастья, а потом подошёл к нему великий везирь, которого звали везирь Шамхур, и оказал ему: «Добро пожаловать!» – и посадил его на великолепный престол справа от царя Караздана...

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Пятьсот тридцать четвёртая ночь

Когда же настала пятьсот тридцать четвёртая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что везирь Шамхур подошёл к Хасибу и посадил его на престол справа от царя Караздана, и принесли трапезу, и все поели и попили и вымыли руки, а затем везирь Шамхур поднялся, и поднялись из-за него все, кто был в зале, проявляя почтение к нему. И везирь подошёл к Хасибу Карим-ад-дину и сказал ему: „Мы будем тебе прислуживать, и все, что ты потребуешь, мы тебе дадим; даже если бы ты потребовал половину царства, мы бы её тебе дали, так как исцеление царя в твоих руках“. И он взял его за руку и пошёл с ним к царю. И Хасиб открыл царю лицо и посмотрел на него и увидел, что царь в крайней болезни. И Хасиб удивился этому, а везирь склонился над рукой Хасиба, поцеловал её и оказал: „Мы хотим от тебя, чтобы ты вылечил этого царя, и все, что ты пожелаешь, мы тебе дадим. Это и есть то, что нам от тебя нужно“. – „Хорошо, – сказал Хасиб. – Я сын Данияля, пророка Аллаха, но я не знаю никакой науки. Меня поместили учиться ремеслу врачевания на тридцать дней, но я ничего из этого ремесла не выучил. Я хотел бы знать что-нибудь из этой науки и вылечить этого царя“. – „Не затягивай с нами разговора! – воскликнул везирь. – Если бы мы собрали всех мудрецов востока и запада, никто бы не вылечил царя, кроме тебя!“ – „Как же я его вылечу, когда я не знаю ни болезни сто, ни лекарства?“ – опросил Хасиб. И везирь сказал: „Лекарство для царя находится у тебя“. – „Если бы я знал для него лекарство, – сказал Хасиб, – я бы, право, его вылечил“. – „Ты знаешь его лекарство и знаешь отлично, – оказал везирь. – Его лекарство – царица змей, и ты знаешь, где она, и видел её и был у неё“.

И, услышав это, Хасиб понял, что причина всего этого – посещение бани, и стал раскаиваться, когда раскаяние было бесполезно, и оказал: «Как царица змей? Я её не знаю и никогда в жизни не слышал такого названия».

«Не отрицай, что ты её знаешь, – оказал везирь, – у меня есть указание, что ты знаешь её и пробыл у неё два года». – «Я не знаю её и её не видел и не слышал об этом деле, раньше чем услышал о нем от вас сию минуту», – отвечал Хасиб.

И везирь принёс книгу и открыл её и стал гадать, а затем он оказал: «Царица змей встретится с человеком, И он пробудет у неё два года и вернётся от неё и поднимется на лицо земли, и когда он войдёт в баню, у него почернеет живот. Посмотри себе на живот», – сказал он Хасибу. И тот взглянул себе на живот и увидел, что он чёрный. «У меня живот чёрный с тех пор, как меня родила моя мать», – сказал он везирию. И везирь воскликнул: «Я поставил у каждой бани трех мамлюков, чтобы они наблюдали за всяким, кто войдёт в баню, и смотрели ему на живот и осведомляли меня о нем. И когда ты вошёл в баню, они посмотрели тебе на живот и увидели, что он чёрный. И они послали ко мне, извещая об этом, и вам не верилось, что мы с тобой сегодня встретимся. У нас нет другой нужды, кроме того, чтобы ты нам показал то место, из которого ты вышел, а потом ты уйдёшь своей дорогой. Мы можем схватить царицу змей, и у нас есть кому её принести». Услышав эти слова, Хасиб раскаялся, что входил в баню, великим раскаянием, когда раскаяние было ему бесполезно, и эмиры и везиры умоляли его рассказать им, где царица змей, пока не ослабели, а Хасиб говорил: «Я не видел такого дела и не слышал о нем».

И тогда везирь потребовал палача, и его привели, и везирь велел ему снять с Хасиба одежду и побить его сильным боем. И палач делал это до тех пор, пока Хасиб не увидел воочию смерть из-за сильной пытки. А после этого везирь оказал ему: «У нас есть указание, что ты знаешь, где место царицы змей, зачем же ты это отрицаешь? Покажи нам то место, откуда ты вышел, и удались от нас. У нас есть кому схватить царицу змей, и тебе не будет вреда». И затем он стал его упрашивать и поднял его на ноги я велел дать ему одежду, вышитую червонным золотом и дорогими металлами. И Хасиб послушался приказания везирия и сказал: «Я покажу вам то место, из которого я вышел». И, услышав его слова, везирь обрадовался великой радостью. И он сел на коня со всеми эмирами, и Хасиб тоже сел на коня и поехал перед воинами, и они ехали до тех пор, пока не приехали к горе, а затем

Хасиб вошёл с ними в пещеру и стал плакать и горевать. И эмиры и везири сошли с коней и шли вслед за Хасибом, пока де пришли к колодцу, из которого Хасиб вышел.

И тогда везирь выступил вперёд и сел и зажёл курения и стая произносить заклинания и клятвы и дуть и бормотать (это был злокозненный волшебник и кудесник, который знал науку о духах и другие науки). А окончив первое заклинание, он стал читать второе заклинание и третье заклинание, и всякий раз, когда курения кончались, он бросал на огонь другие. Потом он сказал: «Выходи, о царица змей!» И вдруг вода в колодце ушла под землю, и открылась большая дверь, и раздался великий крик, подобный грому, так что подумали, что колодец обвалился, и все присутствующие упали на землю без памяти, а некоторые из них умерли.

И вышла из этого колодца огромная змея, точно слон, из глаз и изо рта которой летели искры, как угли, и на спине у неё было блюдо из червонного золота, украшенное жемчугом и драгоценными камнями, а посреди этого блюда сидела змея, озарявшая все помещение, и лицо у неё было, как у человека, и говорила она самым ясным языком, и была это царица змей. И она стала оборачиваться направо и налево, и взор её упал на Хасиба, и она опросила его: «Где же обет, который ты мне дал, и клятва, которою ты мне поклялся, говоря, что ты не пойдёшь в баню? Но не поможет хитрость против того, что предопределено, и что написано на лбу, от того не убежишь. Аллах вложил окончание моей жизни в твои руки, и так судил Аллах, и хотел он, чтобы я была убита, а царь Караздан исцелился от болезни».

И затем царица змей заплакала сильным плачем, и Хасиб заплакал вместе с ней. И когда везирь Шамхурпроклятый увидал царицу змей, он протянул к ней руку, чтобы схватить её, до она сказала: «Удержи свою руку, о проклятый, иначе я подую на тебя и превращу тебя в кучу чёрного пепла!» И она закричала Хасибу и сказала ему: «Подойди ко мне и возьми меня в руки и положи меня на это блюдо, которое с вами, и поставь его себе на голову. Умереть от твоей руки мне суждено от века, и нет у тебя хитрости, чтобы отразить мою смерть».

И Хасиб взял змею и понёс её на голове, и колодец опять стал таким, как был. И все вышли, и Хасиб нёс блюдо, в котором была змея, на голове. И когда они шли по дороге, царица змей оказала Хасибу потихоньку: «О Хасиб, послушай, какой я дам тебе добрый совет, хотя ты я нарушил обещание и не сдержал клятвы и совершил такие поступки, так как они были суждены от века» – «Слушаю и повинуюсь!» – сказал Хасиб. – «Что ты мне прикажешь, о царица змей?» – «Когда ты придёшь в дом везиря, – сказала змея, – он окажет тебе: „Зарежь царицу змей и разруби её на три куска!“ – а ты откажись и не делай этого и скажи ему: „Я не знаю, как резать“. Пусть он зарежет меня своей рукой и сделает со мной, что хочет. А когда он меня зарежет и разрубит на куски, к нему придёт посланец от царя Караздана и потребует, чтобы он явился к нему. И тогда везирь положит моё мясо в медный котелок и поставит котелок на жаровню и перед уходом к царю скажет тебе: „Зажги огонь под этим котелком, чтобы поднялась с мяса пена, и когда пена поднимется, возьми её налей в бутылку и подожди, пока она простынет, и выпей её. Когда ты её выпьешь, не останется у тебя в теле никакой боли. А когда поднимется вторая пена, сохрани её у себя в другой бутылке, и я приду от царя и выпью её из-за болезни, которая у меня в хребте“. И он даст тебе две бутылки я уйдёт к царю, а когда он уйдёт к нему, зажги огонь под котелком, чтобы поднялась первая пена, и возьми её и налей в бутылку и спрячь её у себя, но берегись её выпить; если ты её выпьешь, не будет для тебя блага. А когда поднимется вторая пена, налей её в другую бутылку и подожди, пояса она остынет, и сохрани её у себя, чтобы её выпить. А когда везирь придёт от царя и потребует от тебя вторую бутылку, дай ему первую и посмотри, что с ним произойдёт...»

И Шахразадду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Когда же настала пятьсот тридцать пятая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что царица змей дала Хасибу наставление не пить первой пены и сохранить вторую пену, и сказала ему: „Когда вернётся везирь от царя и потребует от тебя вторую бутылку, отдай ему первую и посмотри, что с ним произойдёт. А потом выпей сам вторую пену, и когда ты её выпьешь, станет твоё сердце обителью мудрости. А после этого вынь мясо и положи его на медное блюдо и дай его царю, чтобы он его съел, а когда он съест мясо и оно утвердится у него в животе, закрой ему лицо платком и подожди до полудня, пока его живот не простынет, и потом напои его вином; он снова станет здоров, как был, и вылечится от своей болезни по могуществу Аллаха великого. Слушайся наставления, которое я тебе дала, и всячески его придерживайся“.

И они шли до тех пор, пока не подошли к дому везиря, и везирь оказал Хасибу: «Войди со мной в дом!» И когда везирь с Хасибом вошли и воины разошлись и каждый из них ушёл своей дорогой, Хасиб снял с головы блюдо, в котором была царица змей. И везирь сказал ему: «Зарежь царицу змей». – «Я не знаю, как резать, – оказал Хасиб, – ив жизни никого не резал. Если у тебя есть желание её зарезать, зарежь её сам своей рукой». И везирь Шамхур поднялся и взял царицу змей из блюда, в котором она лежала, и зарезал её. И когда Хасиб увидел это, он заплакал горьким плачем, и Шамхур стал над ним смеяться и воскликнул: «О, лишившийся ума, как можешь ты плакать из-за того, что зарезана змея?»

А после того, как везирь её зарезал, он разрубом её на три куса и положил их в медный котелок, и вдруг пришёл к нему от царя мамлюк и сказал: «Царь тебя требует сию же минуту!» – «Слушаю и повинуюсь!» – ответил везирь и после этого он поднялся и принёс Хасибу две бутылки и сказал: «Зажги огонь под этим котелком, чтобы поднялась с мяса первая пена, а когда она поднимется, сними её с мяса и налей в одну из этих бутылок. Подожди, пока она остынет, и выпей её. Если ты её выпьешь, твоё тело станет здоровым, и не останется у тебя в теле боли или недуга. Когда же поднимется вторая пена, налей её в другую бутылку и храни её у себя, пока я не вернусь от царя, и тогда я её выпью, потому что у меня в хребте боль, которая, может быть, пройдёт, когда я выпью пену».

Затем он отправился к царю, подтвердив Хасибу это наставление. И Хасиб зажёл огонь под котелком, и когда поднялась первая пена, он снял её и налил в одну из двух бутылок, которую положил около себя. И он до тех пор разжигал огонь под котелком, пока не поднялась вторая пена, и тогда он снял её и налил во вторую бутылку и спрятал её у себя. А когда мясо поспело, он снял котелок с огня и сел и стал ждать везиря, и везирь пришёл от царя и спросил Хасиба: «Что ты сделал?» – «Работа кончена», – отвечал Хасиб. И везирь спросил его: «Что ты сделал с первой бутылкой?» – «Я сейчас выпил то, что в ней было», – ответил Хасиб. И везирь сказал: «Я вижу, что на твоём теле ничего не изменилось». – «Я чувствую, что моё тело, от темени до ног, как будто загорелось огнём», – отвечал Хасиб. И коварный везирь Шамхур скрыл от него, в чем дело, чтобы обмануть его, и сказал: «Поддай сюда оставшуюся бутылку: я выпью то, что в ней есть, и, может быть, я исцелюсь и вылечусь от болезни, которая у меня в хребте».

И затем везирь выпил то, что было в первой бутылке, думая, что это вторая, и не успел он её выпить до конца, как бутылка выпала у него из рук, и он распух сию же минуту. И оправдались на нем слова сказавшего поговорку: «Кто вырыл колодец для своего брата, упадёт в него».

И, увидев это дело, Хасиб удивился и побоялся выпить из второй бутылки, но затем он вспомнил наставление змеи и оказал про себя: «Если бы во второй бутылке было что-нибудь вредное, везирь не выбрал бы её для себя. Полагаюсь на Аллаха!» – воскликнул он и выпил то, что было в бутылке. И когда он выпил её, Аллах великий открыл у него в сердце источники мудрости и обнаружил перед ним сущность знания, и овладело им веселье и радость. И он взял мясо, которое было в котле, и положил его на медное блюдо и вышел из дома везиря.

И, подняв голову к небу, он увидел семь небес и все, что есть там, вплоть до логоса крайнего предела. И увидел он, как вращаются небосводы, и Аллах открыл ему все это. Он

увидал звезды, движущиеся и неподвижные, и подал, как движутся созвездия, и уразумел, каков облик суши и моря, я вывел отсюда науку измерения, и науку чтения по звёздам, и астрономию, и науку о небесных светилах, и исчисление, и все то, что с этим связано. Он узнал обо всем, что проистекает от затмения солнца и луны, и о прочем, а затем он посмотрел на землю и узнал, какие там есть металлы, растения и деревья, и узнал, какие у них всех особенности и полезные свойства, и вывел отсюда науку врачевания, белой магии и алхимии, и узнал, как делать золото и серебро.

И он шёл с этим мясом, пока не дошёл до царя Караздана, а войдя к нему, он поцеловал землю меж его рук и сказал ему: «Да будет цела твоя голова после твоего везира Шамхура!» И царь разгневался великим гневом из-за смерти своего везира и заплакал горьким плачем, я заплакали о нем везири, эмиры и вельможи царства, а затем царь Караздан сказал: «Везирь Шамхур сейчас был у меня в полном здоровье, а затем он ушёл, чтобы привести мне мясо, если оно хорошо сварилось. Какова же причина его смерти в этот час и какая с ним случилась случайность?» И Хасиб рассказал царю обо всем, что случилось с везирем, когда он выпил содержимое бутылки и распух, и живот у него раздулся, и он умер. И царь опечалился великой печалью и спросил Хасиба: «Каково же будет мне после Шамхура?» – «Не обременяй себя заботой, о царь времени, – ответил царю Хасиб. – Я тебя вылечу в три дня и не оставлю у тебя в тебе никакой болезни». И грудь царя Караздана расправилась, и он оказал Хасибу: «Я хочу исцелиться от этой беды, хотя бы через несколько лет».

И Хасиб поднялся и, принеся котелок, поставил его перед царём и взял кусок мяса царицы змей и дал его съесть царю Караздану, а потом он покрыл его и расстелил у него на лице платок и, сев рядом с ним, велел ему заснуть. И царь проспал от полудня до заката солнца, пока кусок мяса не совершил труд у него в животе. А затем Хасиб разбудил царя и дал ему выпить немного вина и велел ему спать. И царь проспал всю ночь до утра, а когда поднялся день, Хасиб сделал с ним то же самое, что сделал накануне, я он окормил ему эти три куска мяса в течение трех дней. И у царя стала сохнуть кожа и вся слезла, и тогда царь начал потеть так, что пот лил по нему с (йог (до головы, и исцелился, и у него на теле не осталось никакой болезни. «Необходимо пойти в баню», – сказал Хасиб и свёл царя в баню и вымыл ему тело я вывел его оттуда. И стало тело царя подобно серебряной трости, и вернулся он к прежнему здоровью и стал ещё здоровее, чем раньше.

И надел царь лучшие свои одежды и сел на престол и позволил Хасибу Карим-ад-дину сесть с ним, и Хасиб сел с ним рядом. И тогда царь велел расставить столы, и их расставили, и они поели и вымыли руки, а потом царь велел принести напитки, и принесли то, что он потребовал, и они с Хасибом выпили. И пришли все эмиры, везири и воины, и вельможи царства, и знатные люди из его подданных и стали его поздравлять с выздоровлением и благополучием. И забили в барабаны и украсили город из-за опасения царя, и когда все собрались у него для поздравлений, царь оказал: «О собрание везирей, эмиров и вельмож царства! Вот Хасиб Карим-ад-дин, который вылечил и меня от моей болезни. Знайте, что я назначил его великим везирем на место везира Шамхура...»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Пятьсот тридцать шестая ночь

Когда же настала пятьсот тридцать шестая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что царь сказал своим везирям и вельможам царства: „Тот, кто меня вылечил от моей болезни – Хасиб Карим-ад-дин, и я назначил его великим везирем вместо везира Шамхура. Кто любит его, тот любит и меня, кто почитает его, тот почитает и меня, и кто ему повинует, тот и мне повинует.“ – „Слушаем и повинуемся!“ – оказали все. И затем они все поднялись и стали целовать руки Хасиба Карим-ад-дина и приветствовать его и поздравлять с должностью везира.

А после этого царь наградил Хасиба роскошной одеждой почёта, затканной червонным

золотом и украшенной жемчугом и драгоценными камнями, самый маленький из которых стоил пять тысяч динаров, и подарил ему триста мамлюков и триста наложниц, которые сияли, как луны, и триста абиссинских рабынь и пятьсот мулов, нагруженных деньгами, и дал он ему скота и буйволов и коров столько, что бессильно всякое описание. А после всего этого он велел своим везирям, эмирам, вельможам царства, знатным людям страны и невольникам и простым своим поданным делать Хасибу подарки. И Хасиб Карим-ад-дин поехал, и поехали позади него везири, эмиры, вельможи царства и все воины и отправились к дому, который велел освободить для него царь. И затем он сел на седалище, и начали приходить к нему эмиры и везири и целовать ему руки и поздравлять его с должностью везиря, и все они стали ему прислуживать.

И мать Хасиба обрадовалась великой радостью и стала поздравлять его с должностью везиря; и пришли к нему его жены и поздравили его с благополучием и должностью везиря, и они радовались великой радостью, а потом пришли к нему его товарищи дровосеки и поздравили его с должностью везиря. И Хасиб сел на коня и поехал, и, пробыв ко дворцу везиря Шамхура, опечатал его дом и наложил руку на то, что в нем находилось, и описал его содержимое и перенёс все это в свой дом. И после того, как он не знал никакой науки и не умел читать написанное, он сделался знающим все науки по могуществу Аллаха великого, и распространилась весть о его знаниях. И стала его мудрость известна во всех странах, и сделался он знаменит глубокими познаниями во врачевании, астрономии, геометрии, чтении по звёздам, алхимии, белой магии, науке о духах и прочих науках.

И однажды он сказал своей матери: «О матушка, мой отец Данияль был человеком мудрым и достойным; расскажи мне, что он оставил из книг и прочего». И, услышав слова Хасиба, его мать (принесла сундук, в который его отец положил пять листков, оставшиеся от книг, утонувших в море, и сказала ему: «Твой отец не оставил никаких книг – только пять листков, которые он этом сундуке».

И Хасиб открыл сундук, взял эти пять листков и прочитал их и воскликнул: «О матушка, это пять листков из целой (книги, где же остаток её?» И его мать ответила: «Твой отец поехал со всеми своими книгами по морю, и корабль разбился, и книги его потонули, а его самого Аллах великий спас от потопления, и не осталось от его книг ничего, кроме этих пяти листков. А когда твой отец вернулся из путешествия, я спросила тебя, и он сказал мне: „Может быть, ты родишь мальчика, возьми же эти листки и спрячь их у себя, и когда мальчик вырастет и спросит тебя про моё наследство, отдай ему их и окажи: «Твой отец не оставил ничего, кроме этого. Вот эти листки»“.

И Хасиб Карим-ад-дин изучил все науки, и после этого он сидел, ел и пил, живя приятнейшей жизнью и наилучшим образом, пока не пришла к нему Разрушительница наслаждений и Разлучительница собраний. Вот и конец того, что дошло до нас о повести о Хасибе, сыне Данияля (да помилует его Аллах великий!), а Аллах лучше знает истину.

Сказка о Синдбаде-мореходе (ночи 536-566)

Но это не удивительнее, чем сказка о Синдбаде. А был во времена халифа, повелителя правоверных, Харуна ар-Рашида в городе Багдаде человек, которого звали Синдбад-носильщик. И был это человек, живший бедно, и носил он за плату тяжести на голове. И случилось, что в какой-то день он нёс тяжёлую ношу, – а была в этот день сильная жара, – и утомился Синдбад от своей ноши и вспотел, и усилился над ним зной. И проходил он мимо ворот одного купца, перед которыми было подметено и полито, и воздух там был ровный, и рядом с воротами стояла широкая скамейка. И носильщик положил свою ношу на эту скамейку, чтобы отдохнуть и подышать воздухом...»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Когда же настала пятьсот тридцать седьмая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что, когда носильщик положил свою ношу на эту скамейку, чтобы отдохнуть и подышать воздухом, и на него повеяло из ворот нежным ветерком и благоуханным запахом, и носильщик наслаждался этим, присев на край скамейки, и слышал он из этого помещения звуки струн лютни, и голоса, приводившие в волнение, и декламацию разных стихов с ясным смыслом, и внимал пению птиц, которые перекликались и прославляли Аллаха великого разными голосами, на всевозможных языках, и были то горлинки, персидские соловьи, дрозды, обыкновенные соловьи, лесные голуби и певчие куропатки.

И носильщик удивился в душе и пришёл в великий восторг, и, подойдя к воротам, он увидел внутри дома большой сад и заметил там слуг, рабов, прислужников и челядь и всякие вещи, которые найдёшь только у царей и султанов; и повеяло на него благоуханным запахом прекрасных кушаний всевозможных и разнообразных родов и прекрасных напитков. И он поднял взор к небу и воскликнул: «Слава тебе, о господи, о творец, о промыслитель, ты наделяешь кого хочешь без счета! О боже, я прошу у тебя прощения во всех грехах и раскаиваюсь перед тобой в моих недостатках. О господи, нет сопротивления тебе при твоём приговоре и могуществе, тебя не спрашивают о том, что ты делаешь, и ты властен во всякой вещи. Слава тебе! Ты обогащаешь, кого хочешь, и делаешь бедными, кого хочешь, ты возвышаешь, кого хочешь, и унижаешь, кого хочешь. Нет господа, кроме тебя! Как велик твой сан, и как сильна твоя власть, и как прекрасно твоё управление! Ты оказал милость, кому хотел из рабов твоих, и владелец этого дома живёт в крайнем благополучии, и наслаждается он тонкими запахами, сладкими кушаньями и роскошными напитками всевозможных видов. Ты судил твоим тварям, что хотел и что предопределил им: одни счастливы, а другие, как я, в крайней усталости и унижении. – И он произнёс:

О, сколько несчастных не знают покоя
И сладостной тени под сенью деревьев,
Усилилось ныне моё утомленье,
Дела мои дивны, тяжка моя ноша.
Другой же – счастливец, не знает несчастья,
И в жизни не нёс он и дня моей ноши.
Всегда наслаждается жизнью он,
Во славе и радости ест он и пьёт.
Все люди возникли из калди одной,
Другому я равен, и тог мне подобен,
Но все же меж нами различие есть, –
Мы столь же различны, как вина и уксус.
Но я говорю, не ропща на тебя:
«Ты – мудрый судья и судил справедливо».

А окончив произносить свои нанизанные стихи, Синдбад носильщик хотел поднять свою ношу и идти, и вдруг вышел к нему из ворот слуга, юный годами, с красивым: лицом и прекрасным станом, в роскошных одеждах. И он схватил носильщика за руку и сказал ему: «Войди поговори с моим господином, он зовёт тебя». И носильщик хотел отказаться войти со слугой, но не мог этого сделать. Он сложил свою ношу у привратника при входе в дом и вошёл со слугой, и увидел он прекрасный дом, на котором лежал отпечаток приветливости и достоинства, а посмотрев в большую приёмную залу, он увидел там благородных господ и знатных вольноотпущенников; и были в зале всевозможные цветы и всякие благовонные растения, и закуски, и плоды, и множество разнообразных роскошных кушаний, и вина из отборных виноградных лоз. И были там инструменты для музыки и веселья и прекрасные рабыни, и все они стояли на своих местах, по порядку; а посреди зала сидел человек знатный

и почтённый, щёк которого коснулась седина; был он красив лицом и прекрасен обликом и имел вид величественный, достойный, возвышенный и почтённый.

И оторопел Синдбад-носильщик и воскликнул про себя:

«Клянусь Аллахом, это помещение – одно из райских полей, это дворец султана или царя!» И затем он проявил вежливость и пожелал присутствующим мира, и призвал на них благословение, и, поцеловав перед ними землю, остановился, опустив голову...

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Пятьсот тридцать восьмая ночь

«Когда же настала пятьсот тридцать восьмая ночь, она сказала: „Дошло до меня, о счастливый царь, что Синдбад-носильщик, поцеловав перед ними землю, остановился, скромно опустив голову. И хозяин дома позволил ему сесть, и он сел, а хозяин приблизил его к себе и стал ободрять его словами, говоря: «Добро пожаловать!»“

Потом он велел подать ему роскошные кушанья, Прекрасные и великолепные, и Синдбад-носильщик подошёл и, произнеся имя Аллаха, стал есть, и ел, пока не поел вдоволь и не насытился, а потом он сказал: «Слава Аллаху во всяком положении!» – и вымыл руки и поблагодарил присутствующих. «Добро пожаловать, – сказал ему хозяин дома, – день твоего прихода благословен. Как твоё имя и каким ты занимаешься ремеслом?» – «О господин, – отвечал Синдбад, – моё имя – Синдбад-носильщик, и я ношу на голове чужие вещи за плату».

И хозяин дома улыбнулся и сказал ему: «Знай, о носильщик, что твоё имя такое же, как моё, я – Синдбадмореход. Но я хочу, о носильщик, чтобы ты дал мне услышать те стихи, которые ты говорил, стоя у ворот». И носильщик смутился и воскликнул: «Ради Аллаха» не взыщи с меня! Усталость и труд и малый достаток учат человека невежливости и неразумию». – «Не смущайся, – ответил ему хозяин дома, – ты стал моим братом. Скажи же мне эти стихи, они мне понравились, когда я услышал, как ты говорил их, стоя у ворот».

И носильщик сказал хозяину дома эти стихи, и они понравились ему, и он восторгался, слушая их.

«О носильщик, – сказал он, – знай, что моя история удивительна. Я расскажу тебе обо всем, что со мной было и случилось, прежде чем я пришёл к такому счастью и стал сидеть в том месте, где ты меня видишь. Я достиг такого счастья и подобного места только после сильного утомления, великих трудов и многих ужасов. Сколько я испытал в давнее время усталости и труда! Я совершил семь путешествий, и про каждое путешествие есть удивительный рассказ, который приводит в смущение умы⁴⁸⁶ Все это случилось по предопределённой судьбе, – а от того, что написано, некуда убежать и негде найти убежище.

Рассказ о первом путешествии (ночи 538-542)

Знайте, о господа, о благородные люди, что мой отец был купцом, и был он из людей и купцов знатных, и имел большие деньги и обильные богатства, и умер, когда я был маленьким мальчиком, оставив мне деньги, и земли, и деревни.

А выросши, я наложил на все это руку и стал есть прекрасную пищу и пить прекрасные напитки. Я водил дружбу с юношами и наряжался, надевая прекрасные одежды, и

⁴⁸⁶ Путешествие Синдбада-морехода – одна из самых популярных сказок «Книги тысячи и одной ночи» – не без основания названа некоторыми исследователями «арабской Одиссеей». Диковинные подробности семи странствий Синдбада заимствованы составителем писаного текста сказки из различных арабских космографий и «дорожников» (сочинения географа IX века Ибн Хордадбега «Книги путей и царств»; книги «Чудеса творений» аль-Казвини (XIII век) и «Чудеса Индии», сборника рассказов, вложенных в уста мореплавателя Бузурга ибн Шахрияра из Рамхурмуза (X век), и др.).

расхаживал с друзьями и товарищами, и думал я, что все это продлится постоянно и всегда будет мне полезно.

И я провёл в таком положении некоторое время, а затем я очнулся от своей беспечности и вернулся к разуму и увидел, что деньги мои ушли, а положение изменилось, и исчезло все, что у меня было. И, придя в себя, я испугался и растерялся и стал думать об одном рассказе, который я раньше слышал от отца, – и был это рассказ о господине нашем Сулеймане, сыне Дауда (мир с ними обоими!), который говорил: «Есть три вещи лучше трех других: день смерти лучше дня рождения, живой пёс лучше мёртвого льва, и могила лучше бедности».

И я поднялся и собрал все бывшие у меня вещи и одежды и продал их, а потом я продал мои земли и все, чем владели мои руки, и собрал три тысячи дирхемов.

И пришло мне на мысль отправиться в чужие страны, и вспомнил я слова кого-то из поэтов, который сказал:

По мере труда достигнуть высот возможно; Кто ищет высот, не знает тот сна ночами.

Нырять в море ищущий жемчужин, Богатство, власть за то он получает.

Но ищет кто высот без утомленья, Тот губит жизнь в бессмысленных стремленьях.

И тогда я решился и накопил себе товаров и вещей я всяких принадлежностей и кое-что из того, что было нужно для путешествия, и душа моя согласилась на путешествие по морю. И я сел на корабль и спустился в город Басру вместе с толпой купцов, и мы ехали морем дни и ночи и проходили мимо островов, переходя из моря в море и от суши к суше; и везде, где мы ни проходили, мы продавали и покупали и выменивали товары. И мы пустились ехать по морю и достигли одного острова, подобного саду из райских садов, и хозяин корабля пристал к этому острову и бросил якоря и спустил сходни, и все, кто был на корабле, сошли на этот остров. И они сделали себе жаровни и разожгли на них огонь и занялись разными делами, и некоторые из них стряпали, другие стирали, а третьи гуляли; и я был среди тех, кто гулял по острову.

И путники собрались и стали есть, пить, веселиться и играть; и мы проводили так время, как вдруг хозяин корабля стал на край палубы и закричал во весь голос: «О мирные путники, поспешите подняться на корабль и поторопитесь взойти на него! Оставьте ваши вещи и бегите, спасая душу. Убегайте, пока вы целы и не погибли. Остров, на котором вы находитесь, не остров, – это большая рыба, которая погрузилась в море, и нанесло на неё песку, и стала она как остров, и деревья растут на ней с древних времён. А когда вы зажгли на ней огонь, она почувствовала жар и зашевелилась, и она опустится сейчас с вами в море, и вы все потонете. Ищите же спасения вашей душе прежде гибели...»

И Шахразад устроила утро, и она прекратила дозволенные речи.

Пятьсот тридцать девятая ночь

Когда же настала пятьсот тридцать девятая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что капитан корабля закричал путникам и сказал им: „Ищите спасения вашей душе прежде гибели и оставьте вещи!“»

И путники услышали слова капитана и заторопились, и поспешили подняться на корабль, и оставили свои вещи и пожитки, и котлы, и жаровни. И некоторые из них достигли корабля, а некоторые не достигли, и остров зашевелился и опустился на дно моря со всем, что на нем было, и сомкнулось над ним ревущее море, где бились волны. А я был среди тех, которые задержались на острове, и погрузился в море вместе с теми, кто погрузился, но Аллах великий спас меня я сохранил от потопления и послал мне большое деревянное корыто, из тех, в которых люди стирали. И я схватился за корыто и сел на него верхом, ради сладости жизни, и отталкивался ногами, как вёслами, и волны играли со мной, бросая меня направо и налево. А капитан распустил паруса и поплыл с теми, кто поднялся на корабль, не обращая внимания на утопающих; и я смотрел на этот корабль, пока он не скрылся из глаз, и

тогда я убедился, что погибну.

И пришла ночь, и я был в таком положении и провёл таким образом один день и одну ночь, и ветер и волны помогли мне, и корыто пристало к высокому острову, на котором были деревья, свешивающиеся над морем. И я схватился за ветку высокого дерева и уцепился за неё, едва не погибнув, и, держась за эту ветку, вылез на остров.

И я увидел, что ноги у меня затекли и укусы рыб оставили на голених следы, но я не чувствовал этого, так сильны были моя горечь и утомление. И я лежал на острове, как мёртвый, и лишился чувств, и погрузился в оцепенение, и пробыл в таком состоянии до следующего дня.

И поднялось надо мной солнце, и я проснулся на острове и увидел, что ноги у меня распухли, но пошёл, несмотря на то что со мной было, то ползая, то волочаясь на коленях; а на острове было много плодов и ручьёв с пресной водой, и я ел эти плоды.

И я провёл в таком положении несколько дней и ночей, и душа моя ожила, и вернулся ко мне дух мой, и мои движения окрепли. И я принялся думать и расхаживать по берегу острова, смотря среди деревьев на то, что создал Аллах великий, и сделал себе посох из сучьев этих деревьев, на который я опирался, и я долго жил таким образом.

И однажды я шёл по берегу острова, и показалось мне издали какое-то существо. Я подумал, что это дикий зверь или животное из морских животных, и пошёл по направлению к нему, не переставая на него смотреть; и вдруг оказалось, что это конь, огромный на вид и привязанный на краю острова у берега моря.

И я приблизился к нему, и конь закричал великим криком, и я испугался и хотел повернуть назад; но вдруг вышел из-под земли человек и закричал на меня и пошёл за мной следом и спросил: «Кто ты, откуда ты пришёл и почему ты попал в это место?» – «О господин, – отвечал я ему, – знай, что я чужестранец, и я ехал на корабле и стал тонуть вместе с некоторыми из тех, кто был на нем, но Аллах послал мне деревянное корыто, и я сел в него, и оно плыло со мной, пока волны не выбросили меня на этот остров».

И, услышав мои слова, этот человек схватил меня за руку и сказал: «Пойдём со мной»; и я пошёл с ним, и он опустил со мной в погреб под землю и ввёл меня в большую подземную комнату, и потом он посадил меня посреди этой комнаты и принёс мне кушаний. А я был голоден и стал есть, и ел, пока не насытился и не поел вдоволь, и душа моя отдохнула.

И затем этот человек начал расспрашивать меня о моих обстоятельствах и о том, что со мной случилось; и я рассказал ему обо всех бывших со мной делах от начала до конца, и он удивился моей повести.

А окончив свой рассказ, я воскликнул: «Ради Аллаха, о господин, не взыщи с меня! Я рассказал тебе об истинном моем положении и о том, что со мной случилось, и хочу от тебя, чтоб ты рассказал мне, кто ты и почему ты сидишь в этой комнате, которая находится под землёй. По какой причине ты привязал того коня на краю острова?» – «Знай, – ответил мне человек, – что нас много, и мы разошлись по этому острову во все стороны.

Мы – конюхи царя аль-Михрджана⁴⁸⁷, и у нас под началом все его кони. Каждый месяц с новой луной мы приводим чистокровных коней и привязываем на этом острове кобыл, ещё не крытых, а сами прячемся в этой комнате под землёй, чтобы никто нас не увидел. И приходят жеребцы из морских коней⁴⁸⁸ на запах этих кобыл и выходят на сушу и осматриваются, но никого не видят, и тогда они вскакивают на кобыл и удовлетворяют свою нужду и слезают с них и хотят увести их с собой, но кобылы не могут уйти с жеребцами, так как они привязаны.

⁴⁸⁷ Аль-Михрджан – искажённое «махараджа», по-индийски – царь. Островами Махараджа арабские географы иногда называют Яву и острова Малайского архипелага.

⁴⁸⁸ Морские кони – вероятно, гиппопотамы.

И жеребцы кричат на них и бьют их головой и ногами и ревут, и мы слышим их рёв и узнаем, что они слезли с кобыл; и тогда мы выходим и кричим на них, и они нас путаются и уходят в море, а кобылицы носят от них и приносят жеребца или кобылку, которые стоят целого мешка денег, и не найти подобных им на лице земли. Теперь время жеребцам выходить, и если захочет Аллах великий, я возьму тебя с собой к царю аль-Михрджану...»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Ночь, дополняющая до пятисот сорока

Когда же настала ночь, дополняющая до пятисот сорока, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что конюх говорил Синдбаду-мореходу: „Я возьму тебя с собой к царю аль-Михрджану и покажу тебе нашу страну – знай, что если ты не встретился с нами, ты не увидел бы на этом острове никого другого и умер бы в тоске, и никто о тебе не знал бы. Но я буду причиной твоей жизни и возвращения в твою страну“.

И я пожелал конюху блага и поблагодарил его за его милости и благодеяния, и когда мы так разговаривали, вдруг жеребец вышел из моря и закричал великим криком, и затем он вскочил на кобылу, а окончив своё дело с нею, он слез с неё и хотел взять её с собой, но не мог, и кобыла стала лягаться и реветь. И конюх взял в руки меч и кожаный щит и вышел из за дверей этой комнаты, скликав своих товарищей и говоря им: «Выходите к жеребцу!» – и бил мечом по щиту.

И пришла толпа людей с копьями, крича, и жеребец испугался их и ушёл своей дорогой и спустился в море, точно буйвол, и скрылся под водой. И тогда конюх посидел немного, и вдруг пришли его товарищи, каждый из которых вёл кобылу; и они увидели меня около конюха и стали меня расспрашивать о моем деле, и я рассказал им то же самое, что рассказывал конюху, и эти люди подсели ко мне ближе и разложили трапезу и стали есть и пригласили меня, и я поел с ними, а потом они поднялись и сели на коней и взяли меня с собой, посадив меня на спину коня.

И мы поехали и ехали до тех пор, пока не прибыли в город царя аль-Михрджана, и конюхи вошли к нему и осведомили его о моей истории, и царь потребовал меня к себе. И меня ввели к царю и поставили перед ним, и я пожелал ему мира, и он возвратил мне моё пожелание и сказал: «Добро пожаловать!» – и приветствовал меня с уважением. Он спросил меня, что со мной было, и я рассказал ему обо всем, что мне выпало и что я видел, с начала до конца; и царь удивился тому, что мне выпало и что со мной случилось, и сказал: «О дитя моё, клянусь Аллахом, тебе досталось больше чем спасение, и если бы не долгота твоей жизни, ты бы не спасся от этих бедствий. Но слава Аллаху за твоё спасение!»

И затем он оказал мне милость и уважение и приблизил меня к себе и стал ободрять меня словами и ласковым обращением. Он сделал меня начальником морской гавани и велел переписывать все корабли, которые подходили к берегу; и я пребывал около царя и исполнял его дела, а он оказывал мне милости и благодетельствовал мне со всех сторон. Он одел меня в прекрасную и роскошную одежду, и я сделался его приближённым в отношении ходатайств и исполнения людских дел.

И я пробыл у него долгое время. Но всякий раз, когда я проходил по берегу моря, я спрашивал странствующих купцов и моряков, в какой стороне город Багдад, надеясь, что, может быть, кто-нибудь мне о нем скажет и я отправлюсь с ним в Багдад и вернусь в свою страну. Но никто не знал Багдада и не знал, кто туда отправляется, и я впал в смущение и тяготился долгим пребыванием на чужбине.

И я провёл так некоторое время; и однажды я вошёл к царю аль-Михрджану и нашёл у него толпу индийцев. Я пожелал им мира, и они возвратили мне моё пожелание и сказали: «Добро пожаловать!» – и стали расспрашивать меня про мою страну...»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Пятьсот сорок первая ночь

Когда же настала пятьсот сорок первая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что Синдбадмореход говорил: «Я расспрашивал про их страну, и они сказали, что среди них есть шакириты⁴⁸⁹ (а это самые почтённые люди), и они никого не обижают и никого не принуждают, и есть среди них люди, которых называют брахманами, и они никогда не пьют вина, но наслаждаются и живут безмятежно, развлекаясь и слушая музыку, и у них есть верблюды, кони и скот. И они рассказали мне, что народ индийцев разделяется на семьдесят два разряда, и я удивился этому крайним удивлением.

И я видел в царстве царя аль-Михрджана остров среди других островов, который называется Касиль, и там всю ночь слышны удары в бубны и барабаны; и знатоки островов и путешественники рассказывали мне, что жители этого острова – люди степенные, с правильным мнением. И видел я в этом море рыбу длиной в двести локтей и видел также рыбу, у которой морда была как у совы, и видал я в этом путешествии много чудес и диковин, но если бы я стал вам о них рассказывать, рассказ бы затянулся.

И я осматривал эти острова и то, что на них было, и однажды я остановился у моря, держа, как всегда, в руке посох, и вдруг приблизился большой корабль, где было много купцов. И когда корабль пришёл в гавань города и подплыл к пристани, капитан свернул паруса и пристал у берегу и спустил сходни, и матросы стали перевесить на сушу все, что было на корабле, и замешкались, вынося товары, а я стоял и записывал их.

«Осталось ли у тебя ещё что-нибудь на корабле?» – спросил я капитана корабля, и тот ответил: «Да, о господин мой, у меня есть товары в трюме корабля, но их владелец утонул в море около одного из островов, когда мы ехали по морю, и его товары остались у нас на хранение. Мы хотим их продать и получить сведения об их цене, чтобы доставить плату за них его родным в городе Багдаде, обители мира». – «Как зовут этого человека, владельца товаров?» – спросил я капитана; и он сказал: «Его зовут Синдбад-мореход, и он утонул в море». И, услышав слова капитана, я как следует взгляделся в него и узнал его и вскрикнул великим криком и сказал: «О капитан, знай, что это я – владелец товаров, о которых ты упомянул. Я Синдбад-мореход, который сошёл с корабля на остров со всеми теми купцами, что сошли, и когда зашевелилась рыба, на которой мы были, ты закричал нам, и взошли на корабль те, кто взошёл, а остальные потонули. Я был из числа утопавших, но Аллах великий сохранил меня и спас от потопления, послав мне большое корыто из числа тех, в которых путники стирали. Я сел в него и стал отталкиваться ногами, и ветер и волны помогали мне, пока я не достиг этого острова; и я вышел на него, и Аллах великий помог мне, и я встретил конюхов царя аль-Михрджана, и они взяли меня с собой и привезли в этот город. Они ввели меня к царю аль-Михрджану, и я рассказал ему свою историю, и царь оказал мне милость и сделал меня писцом в гавани этого города, и стал извлекать пользу из службы его, и был он со мною приветлив. А эти товары, которые с тобой, – мои товары и мой достаток...»

И Шахразад устроил, и она прекратила дозволенные речи.

Пятьсот сорок вторая ночь

Когда же настала пятьсот сорок вторая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что, когда Синдбад-мореход сказал капитану: „Эти товары, которые у тебя, – мои товары и мой достаток“, – капитан воскликнул: „Нет мощи и силы, кроме как у Аллаха, высокого, великого! Не осталось ни у кого ни честности, ни совести!“ – „О капитан, – спросил я его, – почему ты так говоришь? Ты ведь слышал, как я рассказал тебе

⁴⁸⁹ Шакириты (искажённое «кшатрии») – название одной из индийских каст (каста воинов).

мою историю“. – „А потому, – отвечал капитан, – что ты слышал, как я говорил, что у меня есть товары, владелец которых утонул, и ты хочешь их взять, не имея права, а это для тебя запрещено. Мы видели его, когда он тонул, и с ним было много путников, ни один из которых не спасся. Как же ты утверждаешь, что ты – владелец этих товаров?“ – „О капитан, выслушай мою историю и пойми мои слова, – моя правдивость станет тебе ясна, ибо, поистине, ложь-черта лицемеров“, – сказал я и затем рассказал капитану все, что со мной случилось с тех пор, как я выехал с ним из города Багдада и пока мы не достигли того острова, около которого потонули, и рассказал о некоторых обстоятельствах, случившихся у меня с ним; и тогда капитан и купцы уверились в моей правдивости и узнали меня и поздравили меня со спасением, и все сказали: „Клянёмся Аллахом, мы не верили, что ты спасся от потопления, но Аллах наделил тебя новой жизнью!“

И затем они отдали мне мои товары, и я увидел, что моё имя написано на них и из них ничего не отсутствует. И я развернул товары и вынул кое-что прекрасное и дорогое ценой, и матросы корабля снесли это за мной и принесли к царю как подарок. Я осведомил царя о том, что это тот корабль, на котором я был, и рассказал, что мои товары пришли ко мне в целости и полностью и что этот подарок взят из них; и царь удивился этому до крайней степени, и ему стала ясна моя правдивость во всем, что я говорил.

И царь полюбил меня сильной любовью и оказал мне большое уважение, и он подарил мне много вещей взамен твоего подарка. И затем я продал мои тюки и те товары, которые были со мной, и получил большую прибыль. Я купил в этом городе товары, вещи и припасы, и когда купцы в корабля захотели отправиться в путь, я погрузил все, что у меня было, на корабль и, войдя к царю, поблагодарил его за его милости и благодеяния и попросил у него возведения отправиться в мою страну, к родным. И царь простился со мной и подарил мне, когда я уезжал, много добра из товаров этого города, и я простился с ним и сошёл на корабль, и мы отправились с соизволения Аллаха великого.

И служило нам счастье, и помогала нам судьба, и мы ехали ночью и днём, пока благополучно не прибыли в город Басру. И мы высадились в этом городе и пробыли там недолгое время, и я радовался моему спасению и возвращению в мою страну.

После этого я отправился в город Багдад, обитель мира (а со мной было много тюков, вещей и товаров, имевших большую ценность), и пришёл в свой квартал, и пришёл к себе домой, и явились все мои родные, и товарищи, и друзья. И потом я купил себе слуг, прислужников, невольников, рабынь и рабов, и оказалось их у меня множество, и накупил домов, земель и поместий больше, чем было у меня прежде, и стал водиться с друзьями и дружить с товарищами усерднее, чем в первое время, и забыл все, что вытерпел: и усталость, и пребывание на чужбине, и труды, и ужасы пути.

И я развлекался наслаждениями и радостями, и прекрасной едой, и дорогими напитками и продолжал жить таким образом. И вот что было со мной в моё первое путешествие. А завтра, если захочет Аллах великий, я расскажу вам повесть о втором из семи путешествий».

Потом Синдбад-мореход дал Синдбаду сухопутному у себя поужинать и приказал выдать ему сто мискалей золотом и сказал ему: «Ты развеселил нас сегодня»; и носильщик поблагодарил его и взял то, что он ему подарил, и ушёл своей дорогой, раздумывая о том, что бывает и случается с людьми, и удивляясь до крайней степени.

Он проспал эту ночь в своём доме, а когда наступило утро, отправился в дом Синдбада-морехода и вошёл к нему, и тот сказал: «Добро пожаловать!» – и оказал ему уважение и усадил его подле себя. А когда пришли остальные его друзья, он предложил им кушаний и напитков, и время было для них безоблачно, и овладел ими восторг.

И Синдбад мореход начал говорить и сказал:

Рассказ о втором путешествии (ночи 542-546)

Знайте, о братья, что жил я сладостнейшей жизнью и испытывал безоблачную радость,

как я уже рассказывал вам вчера...»

И Шахразад устало заговорила, и она прекратила дозволенные речи.

Пятьсот сорок третья ночь

Когда же настала пятьсот сорок третья ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что Синдбадмореход, когда его друзья собрались у него, сказал им: «Я жил сладостнейшей жизнью, пока не пришло мне однажды на ум поехать в чужие страны, и захотелось моей душе поторговать и поглядеть на земли и острова и заработать, на что жить.

И я решился на это дело, и выложил много денег, и купил на них товаров и вещей, подходящих для путешествий, и связал их, и увидел прекрасный новый корабль с парусами из красивой ткани, где было много людей и отличное снаряжение. И вместе с множеством купцов я сложил на него свои тюки, и мы отправились в тот же день, и путешествие наше шло хорошо, и мы переезжали из моря в море и от острова к острову. И во всяком месте, к которому мы приставали, мы встречались с купцами, вельможами царства, продавцами и покупателями и продавали и покупали и выменивали товары.

И мы поступали таким образом, пока судьба не забросила нас к прекрасному острову, где было много деревьев, спелых плодов, благоухающих цветов, поющих птиц и чистых потоков, но не было там ни жилищ, ни людей, раздувающих огонь. И капитан пристал к этому острову, и купцы и путники вышли на остров и стали смотреть на бывшие там деревья и птиц, прославляя Аллаха, единого, покоряющего, и дивясь могуществу всесильного владыки. И я вышел на остров со всеми теми, кто вышел, и присел у ручья с чистой водой среди деревьев.

А со мной была кое-какая еда, и я сел в этом месте и стал есть то, что уделил мне Аллах великий; и ветерок в этом месте был приятен, и время казалось мне безоблачным. И меня взяла дремота, и я отдохнул в этом месте и погрузился в сон, наслаждаясь приятным ветром и благоуханными запахами, а затем я поднялся, но не увидел на острове ни человека, ни джинна: корабль ушёл с путниками, и не вспомнил обо мне из них никто – ни купец, ни матрос и они оставили меня на острове.

И я стал осматриваться направо и налево, но не увидел на острове никого, кроме себя, и овладела мною сильная грусть, больше которой не бывает, и у меня чуть не лопнул жёлчный пузырь от великой заботы, печалей и тягот.

А у меня не было с собой ничего из благ сего мира – ни кушаний, ни напитков, и остался я один, и душа моя устала. И я отчаялся в жизни и сказал про себя. «Не всякий раз остаётся цел кувшин, и если я уцелел в первый раз и встретил людей, которые взяли меня с собой с острова в населённое место, то на этот раз не бывать, чтобы я нашёл кого-нибудь, кто бы доставил меня в населённые страны».

И затем я стал плакать и рыдать, жалея о самом себе, и овладела мною грусть, и стал я упрекать себя за то, что я сделал, и за то, что начал это тягостное путешествие после того, как сидел и отдыхал в своём доме и своей стране, довольный и счастливый, имея прекрасные кушания, прекрасные напитки и прекрасную одежду и не нуждаясь ни в деньгах, ни в товарах.

И стал я раскаиваться, что выехал из города Багдада и отправился путешествовать по морю после того, как претерпел тяготы в первое путешествие и едва не погиб, и воскликнул «Поистине, мы принадлежим Аллаху, и к нему возвращаемся!» – и стал я как бы одним из бесноватых.

И я поднялся и стал ходить по острову направо и налево и не мог уже больше сидеть на одном месте, и затем я влез на высокое дерево и стал смотреть с него направо и налево, – но не видел ничего, кроме неба, воды, деревьев, птиц, островов и песков.

И я посмотрел внимательно, и вдруг передо мной блеснуло на острове что то белое и большое; и тогда я слез с дерева и отправился к этому предмету и шёл в его сторону до тех

пор, пока не дошёл до него, и вдруг оказалось, что это – большой белый купол, уходящий ввысь и огромный в окружности. И я подошёл к этому куполу и обошёл вокруг него, но не нашёл в нем дверей и не ощутил в себе силы и проворства, чтобы подняться на него, так как он был очень мягкий и гладкий.

И я отметил то место, где я стоял, и обошёл вокруг купола, вымеряя его окружность, и вдруг он оказался в пятьдесят полных шагов. И я стал придумывать хитрость, которая помогла бы мне проникнуть туда (а приблизилось время конца дня и заката солнца), и вдруг солнце скрылось, и воздух потемнел, и солнце загородилось от меня. И я подумал, что на солнце нашло облако (а это было в летнее время), и удивился и поднял голову, и, посмотрев в чем дело, увидел большую птицу с огромным телом и широкими крыльями, которая летела по воздуху, – и она покрыла око солнца и загородила его над островом.

И я удивился ещё больше, а затем я вспомнил одну историю...»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Пятьсот сорок четвёртая ночь

Когда же настала пятьсот сорок четвёртая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что Синдбад-мореход ещё больше удивился птице, увидав её над островом, и вспомнил одну историю, которую ему давно рассказывали люди странствующие и путешествующие, а именно: что на неких островах есть огромная птица, называемая рухх⁴⁹⁰, которая кормит своих детей слонами.

«И я убедился, – говорил Синдбад, – что купол, который я увидел, – яйцо рухха, и принялся удивляться тому, что сотворил Аллах великий.

И когда это было так, птица вдруг опустилась на этот купол и обняла его крыльями и вытянула ноги на земле сзади него и заснула на нем (да будет слава тому, кто не спит); и тогда я поднялся и, развязав свой тюрбан, снял его с головы и складывал его и свивал, пока он не сделался подобен верёвке, а потом я повязался им и, обвязав его вокруг пояса, привязал себя к ногам этой птицы и крепко затянул узел, говоря себе: «Может быть, эта птица принесёт меня в страны с городами и населением. Это будет лучше, чем сидеть здесь, на этом острове».

И я провёл эту ночь без сна, боясь, что я засну и птица неожиданно улетит со мной, а когда поднялась заря и взошёл день, птица снялась с яйца и испустила великий крик и взвилась со мной на воздух, летя вверх и поднимаясь, пока я не подумал, что она достигла облаков небесных. А потом птица стала спускаться и опустилась на какую-то землю и села на одном высоком, возвышенном месте, и, достигнув земли, я быстро отвязался от её ног, боясь птицы, – но птица не знала обо мне и меня не почувствовала.

И я развязал тюрбан и отвязался от птицы, дрожа, и пошёл по этой местности, а птица захватила что-то с земли в когти и полетела к облакам небесным. И я посмотрел на то, что она взяла, и увидел, что это огромная змея с большим телом, которую птица схватила и поднялась в воздух, и удивился этому.

И я стал ходить по этой местности и увидел, что я нахожусь на возвышении, под которым лежит большая, широкая и глубокая долина, а на краю её стоит огромная гора, уходящая ввысь, и никто не может видеть её верхушки, так она высока, и ни у кого нет силы подняться на её вершину.

И я стал упрекать себя за то, что сделал, и воскликнул: «О, если бы я остался на острове! Он лучше, чем эта пустынная местность, так как на острове нашлось бы для меня что-нибудь поесть из разных плодов, и я пил бы из рек, а в этом месте нет ни деревьев, ни плодов, ни рек. Нет мощи и силы, кроме как у Аллаха, высокого, великого! Всякий раз, как я

⁴⁹⁰ Рухх – сказочная хищная птица.

освобожусь от одной беды, я попадаю в другую, более значительную и тяжкую!»

И я поднялся, бодрясь, и стал ходить по этой долине и увидел, что земля в ней из камня алмаза, которым сверлят металлы и драгоценные камни и просверливают фарфор и оникс. Это камень крепкий и сухой, который не берет ни железо, ни кремнь, и никто не может отсечь от него кусок или разбить его чем-нибудь, кроме свинцового камня. И вся эта долина была полна змей и гадюк, каждая из которых была как пальма, и они были так велики, что если бы пришёл к ним слон, они бы, наверное, проглотили его. И эти змеи появляются ночью и скрываются днём, так как они боятся, что птица рухх или орёл их похитит и потом разорвёт, и я не знал, в чем причина этого.

И я оставался в этой долине, раскаиваясь в том, что сделал, и говорил про себя: «Клянусь Аллахом, я ускорил свою гибель!» И день надо мной повернул к закату, и стал я ходить по долине и высматривать себе место, где бы переночевать, и я боялся тех змей и забыл о еде и питьё, отвлекаясь мыслями о самом себе. И я заметил невдалеке пещеру и, подойдя к ней, увидел, что вход в пещеру узок, и я вошёл туда и нашёл у входа большой камень. Я толкнул его и загородил им вход в пещеру, будучи сам внутри её, и сказал про себя: «Я в безопасности, так как вошёл сюда, а когда взойдёт день, я выйду и посмотрю, что сделает всемогущество Аллаха».

И я осмотрелся в пещере и увидел огромную змею, которая лежала посреди неё на яйцах, и тут волосы встали дыбом у меня на теле, и я поднял голову и вручил своё дело судьбе и предопределению.

Я провёл всю ночь без сна, пока не взошла заря и не заблестала, и тогда я отодвинул камень, которым загородил вход в пещеру, и вышел из неё; и я был как пьяный, и у меня кружилась голова от долгой бессонницы, голода и страха. И я стал ходить по долине, будучи в таком состоянии, и вдруг упал передо мной большой кусок мяса. Но я не видел никого и удивился этому до крайности, и вспомнил одну историю, которую я слышал в давние времена от купцов, путешественников и странников. Они говорили, что в горах алмазного камня есть великие ужасы и никто, никто не может пройти к этому камню; но купцы, которые им торгуют, применяют хитрость, чтоб добраться до него: они берут овцу, режут её и обдирают, и рубят на куски её мясо и бросают его с горы в долину, – и мясо падает туда ещё влажное, и прилипают к нему эти камни. И купцы оставляют мясо до полудня, и спускаются к нему птицы – орлы и ястреба, и хватают его в когти, и поднимаются на вершину горы; и тогда приходят к ним купцы и кричат на них, и птицы улетают от мяса, а купцы приходят и отдирают от мяса камни, прилипшие к нему, – они оставляют мясо птицам и зверям, а камни уносят в свою страну. И никто не может ухитриться подойти к алмазным горам иначе, как такой хитростью...»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Пятьсот сорок пятая ночь

Когда же настала пятьсот сорок пятая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что Синдбадмореход рассказывал своим друзьям обо всем, что случилось с ним на алмазной горе, и говорил им, что купцы не могут добыть ни одного такого камня иначе, как хитростью, о которой он упоминал.

«И, посмотрев на тот кусок мяса» – продолжал Синдбад, – я вспомнил эту историю и подошёл к мясу и собрал много камней, которые засунул себе за пазуху и между платьем, и я выбирал камни и засовывал их себе за пазуху, за пояс, в тюрбан и одежду.

И вдруг я увидел ещё один большой кусок мяса, и тогда я привязал себя к нему тюрбаном и лёг на спину, положив мясо себе на грудь и крепко схватив его, так что мясо возвышалось над землёй. И вдруг орёл спустился к этому куску мяса и схватил его когтями и поднялся с ним на воздух, и я уцепился за это мясо; и орёл летел до тех пор, пока не поднялся на вершину горы и не сел там. И он хотел оторвать от мяса кусок, и вдруг раздался

сзади него страшный, громкий крик, и на горе застучали чем-то об дерево. И орёл встрепенулся и испугался и взлетел в воздух, и я отвязался от мяса (а одежда моя была вымазана кровью) и стал подле него; и вдруг тот купец, который кричал на орла, подошёл к мясу и увидел, что я стою, но не заговорил со мной и испугался меня и устранился.

И, подойдя к мясу, он стал его ворочать, но не нашёл на нем ничего, и тогда он испустил великий крик и воскликнул: «Нет мощи и силы, кроме как у Аллаха! У Аллаха ищем защиты от дьявола, битого камнями!»

И он горевал и ударял рукой об руку, говоря: «О горе, что это означает!» И я подошёл к нему, и он спросил: «Кто ты и почему ты пришёл на это место?» – «Не бойся и не страшись, – ответил я, – я человек из хороших людей и был купцом, и со мной случилась ужасная история, и диковинна повесть о причине прибытия моего на эту гору, и повесть об этой долине удивительна. Не бойся же, тебе будет от меня то, что тебя порадует. Со мной много алмазов, и я дам их тебе столько, что тебе хватит, и каждый мой кусок лучше всего, что могло тебе достаться. Не печалься же и не бойся».

И тогда этот человек поблагодарил меня и призвал на меня благословение и стал со мной разговаривать; и вдруг остальные купцы слышали, что я разговариваю с их товарищем, и пришли ко мне (а каждый купец бросил в долину свой кусок мяса). И, подойдя к нам, они приветствовали меня и поздравили со спасением и взяли с собой, и я сообщил им всю мою историю и рассказал о том, что претерпел в путешествии, и поведал им, почему я попал в эту долину. И затем я дал владельцу того мяса, к которому я привязался, многое из того, что было со мной, и он обрадовался и призвал на меня благословение и поблагодарил меня за это. «Клянёмся Аллахом, – сказали купцы, – он предназначил тебе новую жизнь! Никто из достигших этого места до тебя не спасся, но слава Аллаху за твоё спасение!» И они провели ночь в прекрасном и безопасном месте, и я провёл эту ночь вместе с ними, радуясь до крайней степени, что остался цел и спасся из долины змей и достиг населённых стран. А когда взошёл день, мы встали и пошли по этой большой горе и видели в долине множество змей. И мы шли до тех пор, пока не пришли в сад на большом и прекрасном острове, и в саду росли камфарные деревья, под каждым из которых могли найти тень сто человек. А когда кто-нибудь хочет добыть камфары, он сверлит на верхушке дерева дырку чем-нибудь длинным и собирает то, что из неё течёт, и льётся из неё камфарная вода и густеет, как клей, – это и есть сок камфарного дерева. И после этого дерево засыхает и идёт на дрова. А на этом острове есть одна порода животных, которых называют аль-каркаданны,⁴⁹¹ они пасутся на нем, как пасутся коровы и буйволы в нашей стране, но тело этих зверей крупнее, чем тело верблюда, и они едят траву.

Это большие звери, и у них один толстый рог посредине головы длиной в десять локтей, и на нем изображение человека. И ещё есть на этом острове животные из породы коров. А моряки, путешественники и странники, бродящие по горам и землям, рассказывали нам, что зверь, называемый аль-каркаданны, носит на своём роге большого слона и пасётся с ним на острове, и жир его течёт от солнечного зноя на голову аль-каркаданны и попадает ему в глаза, и аль-каркаданны слепнет. И он ложится на берегу, и прилетает к нему птица рухх и уносит его в когтях, и улетает с ним к своим детям, и кормит их этим зверем и тем, что у него на роге. Я видел на этом острове много животных из породы буйволов, подобных которым у нас нет; и в этой долине много алмазных камней, которые я принёс с собой и спрятал за пазуху.

И купцы дали мне взамен их товары и вещи и несли их для меня с собою и дали мне дирхемы и динары, и я шёл с ними, смотря на чужие страны и на то, что создал Аллах великий, и переходил из долины в долину и из города в город, и мы продавали и покупали, пока не достигли города Басры.

И мы пробыли там немного дней, а потом я пришёл в город...»

⁴⁹¹ Аль-каркадани – носорог.

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Пятьсот сорок шестая ночь

Когда же настала пятьсот сорок шестая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что когда Синдбад-мореход вернулся из отлучки и вступил в город Багдад, обитель мира, он пришёл в свой квартал и вошёл к себе домой, неся с собой много алмазных камней, и были с ним деньги и вещи и товары, имеющие вид. Он встретился со своими родными и близкими и стал раздавать милостыню и дарить и оделять, и сделал подарки всем своим родным и друзьям, и начал хорошо есть и хорошо пить и одеваться в красивые одежды и дружить и водиться с людьми, и позабыл обо всем, что претерпел. И жил он приятной жизнью, с ясным умом и расправившейся грудью, и проводил время в играх и увеселениях; и стал всякий, кто слышал о его прибытии, приходить к нему и расспрашивать об обстоятельствах путешествия и состоянии чужих стран. И Синдбад, рассказывая им, сообщал, что он испытал и претерпел, и дивился слушающий тому, как много он вынес, и поздравлял его со спасением.

Вот и конец того, что было с Синдбадом и случилось с ним во второе путешествие. «А завтра, – сказал он собравшимся, – если захочет Аллах великий, я расскажу вам об обстоятельствах третьего путешествия».

И когда Синдбад-мореход окончил свой рассказ Синдбаду сухопутному, все удивились ему и поужинали у него, и он приказал выдать Синдбаду сто мискалей золотом. И Синдбад взял их и ушёл своей дорогой, изумляясь тому, что пришлось вынести Синдбаду-мореходу.

И он восхвалил его и помолился за него у себя дома, а когда наступило утро и засияло светом и заблестало, Синдбад-носильщик поднялся и, совершив утреннюю молитву, отправился в дом Синдбада-морехода, как тот приказал ему.

Он пошёл к нему и пожелал ему доброго утра; и Синдбад-мореход сказал ему: «Добро пожаловать!» – и сидел с ним, пока не пришли к нему остальные его друзья и толпа его товарищей. И когда они поели, попили, насладились, поиграли и повеселились, Синдбад-мореход начал говорить и сказал:

Рассказ о третьем путешествии (ночи 546-550)

Знайте, о братья, и выслушайте от меня рассказ о третьем путешествии; он более удивителен, чем рассказы, услышанные в предыдущие дни, а Аллах лучше всех знает сокровенное и всех мудрее.

В минувшие и давно прошедшие времена я вернулся из второго путешествия и жил в крайнем довольстве и веселье, радуясь моему благополучию. Я нажил большие деньги, как я рассказал вам вчерашний день, и Аллах возместил мне все то, что у меня пропало; и я пробыл в Багдаде некоторое время, живя в крайнем счастье, радости, довольстве и веселье, и захотелось моей душе попутешествовать и прогуляться, и стосковалась она по торговле, наживе и прибыли, – душа ведь приказывает злое.

И я решился и купил много товаров, подходящих для поездки по морю, и связал их для путешествия и выехал с ними из города Багдада в город Басру. Я пришёл на берег реки и увидел большой корабль, где было много купцов и путников – все добрые люди и прекрасный народ, верующие, милостивые и праведные; и сел с ними на этот корабль, и мы поехали с благословения Аллаха великого, с его помощью и поддержкой, радуясь, в надежде на благо и безопасность. И ехали мы из моря в море и от острова к острову и из города в город, и в каждом месте, где мы проезжали, мы гуляли и продавали и покупали, и испытывали мы крайнюю радость и веселье. И в один из дней мы ехали посреди ревущего моря, где бились волны, и вдруг капитан, стоявший на краю палубы и смотревший на море, стал бить себя по лицу, свернул паруса корабля, бросил якоря, выщипал себе бороду и

разодрал на себе одежду и закричал великим криком. «О капитан, в чем дело?» – спросили мы его; и он сказал: «Знайте, о мирные путники, что ветер осилил нас и согнал с пути посреди моря, и судьба бросила нас, из-за нашей злой доли, к горе мохнатых. А это люди, подобные обезьянам, и никто из достигших этого места не спасся. И моё сердце чувствует, что мы все погибли».

И не закончил ещё капитан своих слов, как пришли к нам обезьяны и окружили корабль со всех сторон, и были они многочисленны, словно саранча, и распространились на корабле и на суше. И мы боялись, что, если мы убьём одну из них, или ударим, или прогоним, они нас убьют из-за своей крайней многочисленности (ведь многочисленность сильнее доблести); и страшились мы, что они разграбят наше имущество и товары. А это самые гадкие звери, и на них волосы точно чёрный войлок, и вид их устрашает, и никто не понимает их речи и ничего о них не знает. Они дичатся людей, и у них жёлтые глаза и чёрные лица; они малы ростом, и высота каждого из них – четыре пяди.

И обезьяны забрались на канаты и порвали их зубами и также порвали все канаты на корабле со всех сторон, и корабль накренился и пристал к их горе; и когда корабль оказался у берега, обезьяны схватили всех купцов и путников и вышли на остров и взяли корабль со всем, что на нем было, и ушли с ним своей дорогой, оставив нас на острове; и корабль скрылся от нас, и мы не знали, куда его увели.

И мы остались на этом острове и питались его плодами, овощами и ягодами и пили из рек, протекавших на нем, и вдруг показался перед нами выстроенный дом, стоявший посреди острова. И мы направились к нему и пошли в его сторону, – и вдруг оказалось, что это дворец с крепкими столбами и высокими стенами; его ворота с двумя створами были открыты, и сделаны они были из чёрного дерева. И мы вошли в ворота этого дворца и увидели обширное пространство, подобное широкому большому двору, и вокруг этого двора было много высоких дверей, а посередине его стояла высокая большая скамья, подле которой находились сосуды для стряпни, висевшие над жаровнями, а вокруг них лежало много костей. Но мы не увидели здесь никого и удивились этому до крайней степени. И мы посидели немного во дворе этого дворца, а затем заснули и спали от зари до захода солнца; и вдруг земля под нами задрожала, и мы услышали в воздухе гул, и вышло к нам из дворца огромное существо, имевшее вид человека, который был чёрного цвета и высокого роста и походил на громадную пальму. Его глаза были подобны двум горящим головням, и у него были клыки, точно клыки кабана, и огромный рот, точно отверстие колодца, и губы, как губы верблюда, которые свешивались ему на грудь, и два уха, точно громадные камни, спускавшиеся ему на плечи, а когти на его руках были точно когти льва.

И, увидев существо такого вида, мы исчезли из мира, и усилился наш страх, и увеличился наш испуг, и стали мы точно мёртвые от сильного страха, горя и ужаса...»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Пятьсот сорок седьмая ночь

Когда же настала пятьсот сорок седьмая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что, когда Синдбад-мореход и его товарищи увидели это существо с ужасным обликом, их охватил величайший страх и испуг. И когда этот человек ступил на землю, – говорил Синдбад, – он посидел немного на скамье, а затем поднялся и подошёл к нам. Он схватил меня за руку, выбрав меня среди моих товарищей купцов, и поднял одной рукой с земли и начал щупать и переворачивать, и я был у него в руке точно маленький кусочек.

И человек ощупал меня, как мясник щупает убойную овцу, и увидел, что я ослаб от великой грусти и похудел из-за утомления и пути и на мне совсем нет мяса, и выпустил меня из рук и взял другого из моих товарищей и стал его ворочать, как меня, и щупать, как меня щупал, – и тоже выпустил его; и он не переставал нас щупать и переворачивать одного за

другим, пока не дошёл до капитана, на корабле которого мы плавали.

А это был человек жирный, толстый, широкоплечий, обладавший силой и мощью, и он понравился людоеду, и тот схватил его, как мясник хватает жертву, и бросил его на землю и поставил на его шею ногу и сломал её. И потом он принёс длинный вертел и вставил его капитану в зад, так что вертел вышел у него из маковки, и зажёл сильный огонь и повесил над ним этот вертел, на который был воткнут капитан, и до тех пор ворочал его на угольях, пока его мясо не поспело. И он снял его с огня и положил перед собой и ровнял его, как человек разнимает цыплёнка, и стал рвать его мясо ногтями и есть, и продолжал это до тех пор, пока не съел мяса и не обглодал костей, ничего не оставив. И человек этот бросил остатки костей в уголь и затем, посидев немного, свалился и заснул на этой скамье и стал храпеть, как храпит баран или прирезанная скотина, и спал до утра, а затем поднялся и ушёл своей дорогой.

И когда мы убедились, что он далеко, мы начали разговаривать друг с другом и плакать о самих себе и сказали: «О, если бы мы утонули в море или съели бы нас обезьяны! Это было бы лучше, чем жариться на угольях! Клянёмся Аллахом, такая смерть – смерть скверная, но что хочет Аллах – то бывает! Нет мощи и силы, кроме как у Аллаха, высокого, великого! Мы умрём в тоске, и никто о нас не узнает, и нет для нас больше спасения из этого места!»

И потом мы поднялись, и вышли на остров, чтобы присмотреть себе место, куда бы могли спрятаться или убежать, и нам показалось легко умереть, если наше мясо не изжарят на огне.

Но мы не нашли себе места, чтобы укрыться в нем, а нас уже настиг вечер, и мы вернулись во дворец из-за сильного страха.

И мы посидели немного, и вдруг земля под нами задрожала, и пришёл тот чёрный человек и, подойдя к нам, стал нас ворочать одного за другим, как и в первый раз. И он щупал нас, пока один из нас ему не понравился, и тогда он схватил его и сделал с ним то же самое, что сделал с капитаном в первый раз: он изжарил его и съел, и заснул на скамье, и проспал всю ночь, храпя, как прирезанная скотина.

А когда взошёл день, он встал и ушёл своей дорогой, оставив нас, как обычно; и мы сошлись все вместе и стали разговаривать и говорили друг другу: «Клянёмся Аллахом, если мы бросимся в море и умрём от потопления, это будет лучше, чем умереть от сожжения, ибо такая смерть отвратительна!» – «Выслушайте мои слова, – сказал один из нас. – Мы должны ухитриться и убить этого человека и избавиться от забот и избавить мусульман от его вражды и притеснения». – «Послушайте, о братья, – сказал я, – если его непременно нужно убить, то нам следует перенести эти бревна к берегу и перетащить туда часть этих дров и сделать для себя судно, наподобие корабля, а после этого мы ухитримся его убить, сядем на судно и поедem по морю в любое место, куда захочет Аллах, или же мы будем сидеть в этом месте, пока не пройдёт мимо нас корабль, и тогда мы сядем на него. Если же мы не сможем убить этого человека, мы уйдём и поплывём по морю, – хотя бы мы утонули, мы избавимся от поджаривания на огне и убиения. Если мы спасёмся, то спасёмся, а если утонем, то умрём мучениками».

«Клянёмся Аллахом, это правильное мнение!» – сказали все; и мы сговорились об этом деле и начали действовать.

Мы вынесли бревна из дворца и сделали судно и привязали его у берега моря, а потом мы сложили туда коекакую пищу и вернулись во дворец; и когда наступил вечер, земля вдруг задрожала, и вошёл к нам тот чёрный людоед, подобный кусливой собаке. И он стал нас переворачивать и щупать одного за другим, и, взяв одного из нас, сделал с ним то же самое, что с предыдущим, и съел его, и заснул на скамье, и храп его был подобен грому.

И мы поднялись и взяли два железных вертела, из тех вертелов, что стояли тут же, и положили их на сильный огонь, так что они покраснели и стали как уголья, и мы крепко сжали их в руках и подошли к этому человеку, который спал и храпел, и, приложив вертела к его глазам, налегли на них все вместе с силой и решимостью и воткнули их ему в глаза, когда он спал. И глаза его ушли внутрь, и он закричал великим криком, так что наши сердца

устрашились, а затем он решительно встал со скамьи и начал искать нас, а мы убегали от него направо и налево; но он не видел этого, так как его глаза ослепли. И мы испугались его великим страхом и убедились в этот час, что погибнем, и потеряли надежду на спасение; а этот человек пошёл ощупью к воротам и вышел, крича, и мы были и величайшем страхе, и земля дрожала под нами от его громкого крика.

И этот человек вышел из дворца (а мы следовали за ним) и ушёл своей дорогой, ища нас, а потом он вернулся, и с ним была женщина, огромное его и ещё более дикого вида; и когда мы увидели его и ту, что была с ним, ещё более ужасную, чем он, мы испугались до крайней степени.

И, увидев нас, они поспешили к нам, а мы поднялись, отвязали судно, которое сделали, и, сев в него, толкнули его в море. А у каждого из этих двоих был громадный кусок скалы, и они бросали в нас камнями, пока большинство из нас не умерло от ударов; и осталось только три человека: я и ещё двое...»

И Шахразад устала говорить, и она прекратила дозволенные речи.

Пятьсот сорок восьмая ночь

Когда же настала пятьсот сорок восьмая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что, когда Синдбад-мореход сел на судно вместе со своими товарищами, чёрный и его подруга стали бросать в них камнями, и большинство людей умерло, и осталось из них только три человека.

«И судно пристало с нами к берегу, и мы шли до конца дня, – говорил Синдбад, – и пришла ночь, и мы были в таком положении. И немного поспали и пробудились от сна, и вдруг дракон огромных размеров с большим телом преградил, нам дорогу и, направившись к одному из нас, проглотил до плеч, а затем он проглотил остатки его, и мы услышали, как его ребра ломаются у дракона в животе, и дракон ушёл своей дорогой. Мы удивились этому до крайней степени и стали горевать о нашем товарище, испытывая великий страх за самих себя, и сказали: «Клянёмся Аллахом, вот удивительное дело: каждая смерть отвратительнее предыдущей. Мы радовались, что спаслись от чернокожего, но радость оказалась преждевременной. Нет мощи и силы, кроме как у Аллаха!

Клянёмся Аллахом, мы спаслись от чернокожего людоеда и от потопления, но как нам спастись от этой зловещей беды?» И затем мы поднялись и стали ходить по острову, питаясь плодами, пили воду из каналов, и пробыли там до вечера. И мы увидели большое и высокое дерево и, взобравшись на него, заснули на верхушке, и я поднялся на верхнюю ветку. Когда же настала ночь и стемнело, пришёл дракон и, осмотревшись направо и налево, направился к тому дереву, на котором мы сидели, и шёл до тех пор, пока не дошёл до моего товарища; он проглотил его до плеч и обвился вокруг дерева, и я слышал, как кости съеденного ломались в животе у дракона, а потом дракон проглотил его до конца, и я видел это своими глазами.

После этого дракон слез с дерева и ушёл своей дорогой, а я провёл на дереве остаток ночи; когда же поднялся день и появился свет, я сошёл с дерева, подобный мёртвому от сильного страха и испуга, и хотел броситься в море и избавиться от земной жизни, но жизнь моя не показалась мне ничтожной, так как жизнь для нас дорога. И я привязал к ногам, поперёк, широкий кусок дерева, и привязал ещё один такой же – на левый бок и другой такой же – на правый бок, и такой же я привязал на живот, и другой, длинный и широкий, я привязал себе на голову – поперёк, как тот, который был под ногами, и оказался я между этими кусками дерева, которые окружали меня со всех сторон. И я крепко обвязался и бросился на землю со всеми этими кусками дерева и лежал между ними, а они окружали меня, точно комната. И когда настала ночь, пришёл этот дракон, как обычно, и посмотрел на меня и направился ко мне, но не мог меня проглотить, так как я был в таком положении, окружённый со всех сторон кусками дерева.

И дракон обошёл вокруг меня, но не мог до меня добраться, а я это видел и был как

мёртвый от сильного страха и испуга, и дракон то удалялся от меня, то возвращался и делал это не переставая, но всякий раз, как он хотел до меня добраться и проглотить меня, ему мешали куски дерева, привязанные ко мне со всех сторон. И он делал так от заката солнца, пока не взошла заря и не появился свет и не засияло солнце, и тогда он ушёл своей дорогой в крайнем гневе и раздражении, а я протянул руку и отвязал от себя эти куски дерева, – и я как бы побывал среди мёртвых из-за того, что испытал от этого дракона.

И я поднялся и стал ходить по острову и, дойдя до конца его, бросил взгляд в сторону моря и увидел вдали корабль посреди волн. И я схватил большую ветку дерева и стал махать ею в сторону ехавших, крича им; и они увидели меня и сказали: «Нам обязательно следует посмотреть, что это такое, может быть это человек». И они приблизились ко мне и, услышав, что я кричу им, подъехали и взяли меня к себе на корабль. Они стали расспрашивать меня, что со мной случилось, и я рассказал им обо всем, что со мной произошло, с начала до конца, и какие я вытерпел бедствия; и купцы крайне удивились этому, а потом они одели меня в свои одежды и прикрыли мою срамоту и подали мне кое-какую еду, и я ел, пока не насытился. И меня напоили холодной пресной водой, и моё сердце оживилось, и душа моя отдохнула, и охватил меня великий покой, и оживил меня Аллах великий после смерти. И я прославил Аллаха великого за его обильные милости и возблагодарил его, и моя решимость окрепла после того, как я был убеждён, что погибну, и мне показалось даже, что все, что со мной происходит, – сон.

И мы продолжали ехать, и ветер был попутный, по воле Аллаха великого, пока мы не приблизились к острову, называемому ас-Салахита, и капитан остановил корабль около этого острова...»

И Шахразату застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Пятьсот сорок девятая ночь

Когда же настала пятьсот сорок девятая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что корабль, на который сел Синдбад-мореход, пристал к одному острову, и все купцы и путники сошли и вынесли свои товары, чтобы продавать и покупать.

«И хозяин корабля обратился ко мне, – говорил Синдбад-мореход, – и сказал мне: „Выслушай мои слова! Ты чужестранец и бедняк, и ты рассказывал нам, что испытал многие ужасы. Я хочу быть тебе полезным и помочь тебе добраться до твоей страны, и ты будешь за меня молиться“. – „Хорошо, – ответил я ему, – мои молитвы принадлежат тебе“. – „Знай, – сказал капитан, – что с нами был один путешественник, которого мы потеряли, и мы не знаем, жив он или умер, и не слышали о нем вестей. Я хочу отдать тебе его тюки, чтобы ты их продавал на этом острове и хранил бы их, а мы дадим тебе что-нибудь за твои труды и службу. А то, что останется из них, мы возьмём и, вернувшись в город Багдад, спросим, где родные этого человека, и отдадим им остаток товаров и плату за то, что продано. Не желаешь ли ты принять их и выйти с ними на этот остров, чтобы их продавать, как продают купцы?“ – „Слушаю и повинуюсь, о господин, тебе присущи милости и благодеяния“, – ответил я и пожелал капитану блага и поблагодарил его; и тогда он велел носильщикам и матросам вынести товары на остров и вручить их мне. И корабельный писец спросил его: „О капитан, что это за тюки выносят матросы и носильщики, и на имя кого из купцов мне их записывать?“ – „Напиши на них имя Синдбада-морехода, который был с нами и потонул у острова, и к нам не пришло о нем вестей, – сказал капитан. – Мы хотим, чтобы этот чужестранец их продал и принёс за них плату; мы отдадим ему часть её за его труды при продаже, а остальное мы повезём с собой в город Багдад; если мы найдём их владельца, мы отдадим их ему, а если не найдём, то отдадим его родным в городе Багдаде“. – „Твои слова прекрасны и мнение твоё превосходно“, – отвечал писец.

И когда я услышал слова капитана, который говорил, что эти тюки на моё имя, я воскликнул про себя: «Клянусь Аллахом, это я – Синдбад-мореход! Я тонул у острова вместе

с теми, кто утонул».

Затем я набрался стойкости и терпения, и когда купцы сошли с корабля и собрались, беседуя и разговаривая о делах купли и продажи, я подошёл к хозяину корабля и сказал ему: «О господин мой, знаешь ли ты, кто был владелец тюков, которые ты мне вручил, чтобы я их за него продал?» – «Я не знаю, каково его состояние, но это был человек из города Багдада, которого звали Синдбад-мореход, – отвечал капитан. – Мы пристали к одному острову, и подле него утонуло много народа с корабля, и он тоже пропал в числе других, у нас нет о нем вестей до сего времени».

И тогда я испустил великий крик и сказал: «О мирный капитан, знай, что это я – Синдбад-мореход! Я не утонул, но когда ты пристал к острову и купцы и путники вышли на сушу, я вышел с прочими людьми и со мной было кое-что, что я съел на берегу острова. И затем я отдыхал, сидя в том месте, и взяла меня дремота, и я заснул и погрузился в сон, а поднявшись, я не увидел корабля и не нашёл подле себя никого. Это имущество и эти товары – мои товары, и все купцы, которые торгуют камнем алмазом, видели меня, когда я был на алмазной горе, и засвидетельствуют, что я Синдбад-мореход, так как я рассказывал им свою историю и говорил им о том, что случилось у меня с вами на корабле, и я говорил им, что вы забыли меня на острове, спящего, а поднявшись, я не нашёл никого, и случилось со мной то, что случилось».

Услышав мои слова, купцы и путники собрались вокруг меня, и некоторые из них мне верили, а другие считали меня лжецом; и вдруг один из купцов, услышав, что я говорю о долине алмазов, поднялся и, подойдя ко мне, сказал купцам: «Выслушайте, о люди, мои слова! Я рассказывал вам о самом удивительном, что я видел в моих путешествиях, и говорил, что, когда мы бросили куски мяса в долину алмазов, я бросил свой кусок, следуя обычаю; и с моим куском прилетел человек, который уцепился за него. И вы мне не поверили, а, напротив, – объявили меня лжецом». – «Да, – отвечали ему, – ты рассказывал нам об этом деле, и мы тебе не поверили». – «Вот человек, который прицепился к моему куску мяса, – сказал купец. – Он подарил мне алмазные камни, которые дорого стоят, и подобных им не найти, и дал мне больше камней, чем раньше поднималось на моем куске мяса. Я взял его с собой, и мы достигли города Басры, и после этого он отправился в свою страну и простился с нами, а мы вернулись в наши страны. Это тот самый человек, и он сообщил нам, что его имя Синдбад-мореход, и рассказывал нам, как корабль ушёл, когда он сидел на острове. Знайте, что этот человек пришёл к нам сюда только для того, чтобы подтвердить слова, которые я говорил вам. Все эти товары – его достояние: он рассказывал нам о них, когда встретился с нами, и правдивость его слов стала ясна».

И, услышав слова этого купца, капитан поднялся и, подойдя ко мне, вглядывался в меня некоторое время, а потом спросил: «Каковы признаки твоих товаров?» – «Знай, – ответил я, – что признаки моих товаров такие-то и такие-то». И я рассказал капитану об одном деле, которое было у меня с ним, когда я сел на его корабль в Басре, и он убедился, что я Синдбад-мореход, и обнял меня, и пожелал мне мира, и поздравил меня со спасением. «Клянусь Аллахом, о господин мой, – воскликнул он, – твоя история удивительна и дело твоё диковинно, но слава Аллаху, который соединил нас с тобой и вернул тебе твои товары и имущество...»

И Шахразад устала, и она прекратила дозволенные речи.

Ночь, дополняющая до пятисот пятидесяти

Когда же настала ночь, дополняющая до пятисот пятидесяти, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что, когда капитану и купцам стало ясно, что он и есть именно Синдбад-мореход, капитан сказал ему: „Слава Аллаху, который вернул тебе твои товары и имущество!“

«И тогда, – продолжал Синдбад-мореход, – я умело распорядился своими товарами;

товар мой принёс в это путешествие большую прибыль, и я обрадовался великой радостью и поздравил себя со спасением и с возвращением ко мне моего богатства.

И мы продавали и покупали на островах, пока не достигли стран Синда. И там мы тоже продали и купили, и видел я в тамошнем море многие чудеса, которых не счесть и не перечислить; и среди того, что я видел в этом море, была рыба в виде коровы и нечто в виде осла, и видел я птиц, которые выходят из морских раковин и кладут яйца и выводят птенцов на поверхности воды, никогда не выходя из моря на землю.

А после этого мы продолжали ехать, по соизволению Аллаха великого, и ветер и путешествие были хороши, пока мы не прибыли в Басру. Я провёл там немного дней, и после этого прибыл в город Багдад и отправился в свой квартал и, придя к себе домой, приветствовал родных, друзей и приятелей; и я радовался моему спасению и возвращению к родным, в мою страну, землю и город, и раздавал милостыню, и дарил и одевал вдов и сирот, и собирал моих друзей и любимых, и проводил так время за едой, питьём и развлечениями и забавами. Я хорошо ел и пил, и дружил, и водился с людьми, и забыл обо всем, что со мной случилось, и о бедствиях и ужасах, которые я вытерпел, и я нажил в этом путешествии столько денег, что их не счесть и не исчислить. И вот самое удивительное, что я видел в это странствие. А завтра, если захочет Аллах великий, ты придёшь ко мне, и я расскажу тебе о четвёртом путешествии: оно удивительнее, чем те поездки».

Потом Синдбад-мореход велел, по обычаю, дать Синдбаду сухопутному сто мискалей золота и приказал расставлять столы; и их расставили, и все собравшиеся поужинали, дивясь рассказу Синдбада и тому, что с ним произошло. А после ужина все ушли своей дорогой, и Синдбад-носильщик взял то золото, которое приказал ему дать Синдбад-мореход, и ушёл по своему пути, дивясь тому, что он слышал от Синдбада-морехода. Он провёл ночь у себя дома, а когда наступило утро и засияло светом и заблестало, Синдбад-носильщик поднялся и, совершив утреннюю молитву, пошёл к Синдбаду-мореходу. Он вошёл к нему, и Синдбад-мореход приветствовал его и встретил радостно и весело и посадил с собой рядом; а когда пришли остальные товарищи Синдбада, подали еду, и все поели и попили и развеселились, и тогда Синдбад начал свою речь.

Рассказ о четвёртом путешествии

Знайте, о братья мои, что, вернувшись в город Багдад, я встретился с друзьями, родными и любимыми и жил в величайшем, какое бывает, наслаждении, веселье и отдохновении. Я забыл обо всем, что со мной было из-за великой прибыли, и погрузился в игры, забавы и беседы с любимыми друзьями, и жил я сладостнейшей жизнью.

И злая моя душа подсказала мне, чтобы отправился я путешествовать в чужие страны, и захотелось мне свести дружбу с разными людьми и продавать и наживать деньги.

И я решился на это дело и купил прекрасных товаров, подходящих для моря, и, связав много тюков, больше, чем обычно, выехал из города Багдада в город Басру.

Я сложил мои тюки на корабль и присоединился к нескольким знатым людям Басры, и мы отправились в путь. И корабль ехал с нами, с благословения Аллаха великого, по ревущему морю, где бились волны, и путешествие было для нас хорошо, и ехали мы таким образом дни и ночи, переезжая от острова к острову и из моря в море. Но в один из дней напали на нас ветры, дувшие с разных сторон, и капитан бросил корабельные якоря и остановил корабль посреди моря, боясь, что он потонет в пучине.

И когда мы были в таком положении и зывали к Аллаху великому и умоляли его, вдруг напал на нас порывистый и сильный ветер, который порвал паруса и разорвал их на куски, и потонули люди со всеми тюками и теми товарами и имуществом, которое у них было; и я тоже стал тонуть вместе с утопавшими и проплыл по морю полдня и уже отказался от самого себя, но Аллах великий приготовил для меня кусочек деревянной доски из корабельных досок, и я сел на неё вместе с несколькими купцами...»

И Шахразад застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Пятьсот пятьдесят первая ночь

Когда же настала пятьсот пятьдесят первая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что, когда корабль утонул, Синдбад-мореход выплыл на деревянной доске вместе с несколькими купцами. «И мы прижались друг к другу, – говорил он, – и плыли, сидя на этой доске и отталкиваясь в море ногами, и волны и ветер помогали нам.

И мы провели таким образом день и ночь, а когда настал следующий день, поднялся против нас на заре ветер, и море забушевало, и волнение и ветер усилились, и вода выбросила нас на какой-то остров; и мы были точно мёртвые от сильной бессонницы, утомления, холода, голода, страха и жажды.

Мы стали ходить по этому острову и увидели на нем множество растений и поели их немного, чтобы задержать дух в теле и напиться. И мы провели ночь на краю острова, а когда настало утро и засияло светом и заблестало, мы поднялись и стали ходить по острову направо и налево, и показалась вдали какая-то постройка.

И мы пошли к постройке, которую увидели издали, и шли до тех пор, пока не остановились у ворот; и когда мы там стояли, вдруг вышла к нам из ворот толпа голых людей, и они не стали с нами разговаривать, а схватили нас и отвели к своему царю. И тот приказал нам сесть, и мы сели, и нам принесли кушанье, которого мы не знали и в жизни не видели ему подобного. И душа моя не привяла этого кушанья, и я съел его немного, в отличие от моих товарищей, – и то, что я съел мало этого кушанья, было милостью от Аллаха великого, из-за которой я дожил до сих пор.

И когда мои товарищи начали есть это кушанье, их разум пошатнулся, и они стали есть точно одержимые, и их внешний вид изменился; а после этого им принесли кокосового масла и напоили их им и намазали, и когда мои товарищи выпили этого масла, у них перевернулись глаза на лице, и они стали есть это кушанье не так, как ели обычно. И я не знал, что думать об их деле, и начал горевать о них, и овладела мною великая забота, так как я очень боялся для себя зла от этих голых.

И я всмотрелся в них, и оказалось, что это маги, а царь их города – гульт, и всех, кто приходит к ним в город, кого они видят и встречают в долине или на дороге, они приводят к своему царю, кормят этим кушаньем и мажут этим маслом, и брюхо у них расширяется, чтобы они могли есть много. И они лишаются ума, и разум их слепнет, и становятся они подобны слабоумным, а маги заставляют их есть ещё больше этого кушанья и масла, чтобы они разжирили и потолстели, и потом их режут и кормят ими царя; что же касается приближённых царя, то они едят человеческое мясо, не жаря его и не варя.

И, увидев подобное дело, я почувствовал великую скорбь о самом себе и о моих товарищах, а разум у них был так ошеломлён, что они не понимали, что с ними делают.

И их отдали одному человеку, и тот брал их каждый день и выводил пастись на острове, как скотину; что же до меня, то от сильного страха и голода я стал слаб и болезнен телом, и мясо высохло у меня на костях; и маги, увидев, что я в таком положении, оставили меня и забыли, и никто из них не вспомнил обо мне, и я не приходил им на ум.

И однажды я ухитрился и вышел из этого места и пошёл по острову, удалившись оттуда, где я был раньше. И я увидел пастуха, который сидел на чем-то высоком посреди моря, и всмотрелся в него – и вдруг вижу: это тот человек, которому отдали моих товарищей, чтобы он их пас, и с ним было много таких, как они.

И, увидев меня, этот человек понял, что Я владею своим умом, и меня не постигло ничто из того, что постигло моих товарищей, и сделал мне издали знак и сказал: «Возвращайся назад и иди по дороге, которая будет от тебя справа. Ты выйдешь на султанскую дорогу». И я повернул назад, как этот человек показал мне, и, увидев справа от себя дорогу, пошёл по ней и шёл не переставая и я то бежал от страха, то шёл не торопясь. И я отдохнул и шёл таким образом, пока не скрылся с глаз того человека, который указал мне

дорогу, и я перестал его видеть, и он не видел меня, и солнце скрылось, и наступила тьма, и я сел отдохнуть и хотел заснуть, но сон не пришёл ко мне в эту ночь от сильного страха, голода и утомления, а когда наступила полночь, я поднялся и пошёл по острову, и шёл до тех пор, пока не взошёл день.

И наступило утро и засияло светом и заблестало, и взошло солнце над холмами и долинами; а я устал и чувствовал голод и жажду. И стал я есть траву я растения, и ел, пока не насытился и не задержал дух в теле, а после этого я поднялся и пошёл по острову, и шёл таким образом весь день и ночь; и всякий раз, когда я начинал чувствовать голод, я ел растения.

И я бродил семь дней с ночами, а на заре восьмого дня я посмотрел и увидел что-то издали. И я пошёл к тому, что увидел, и шёл до тех пор, пока не дошёл до этого после заката солнца; и тогда я всмотрелся в то, что увидел, стоя вдали (а сердце моё было испугано тем, что я испытал в первый и во второй раз), и вдруг оказалось, что это толпа людей, которые собирают зёрнышки перца; и я приблизился, и, увидев меня, они поспешили ко мне и обступили меня со всех сторон и спросили: «Кто ты и откуда ты пришёл?» – «Знайте, о люди, что я человек бедный», – ответил я. И я рассказал им обо всех ужасах и бедствиях, которые были и случились со мной, и о том, что я испытал...»

И Шахразадку застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Пятьсот пятьдесят вторая ночь

Когда же настала пятьсот пятьдесят вторая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что Синдбадмореход увидел толпу людей, которые собирали на острове перец, и они спросили его, что с ним, и он рассказал им обо всем, что с ним случилось и какие он испытал бедствия. И они сказали: „Клянёмся Аллахом, это дело диковинное! Но как ты спасся от чёрных и как ты прошёл мимо них на этом острове? Их много, и они едят людей, и никто от них не спасается, и ни один человек не может мимо них пройти“. И я рассказал им о том, что у меня случилось с чёрными и как они взяли моих товарищей и накормили их тем кушаньем, а я не ел его, и меня поздравили со спасением и подивились тому, что со мной случилось.

И эти люди посадили меня подле себя, а окончив своё дело, принесли мне немного хорошего кушанья, и я поел его (а я был голоден) и отдохнул у них некоторое время; а после этого меня взяли и посадили в лодку и перевезли на их острова, к их жилищам.

И меня представили их царю, и я пожелал ему мира, и он сказал мне: «Добро пожаловать!» – и проявил ко мне уважение и спросил, что со мной было. И я рассказал ему о бывших со мной делах и обо всем, что со мной случилось и произошло с того дня, как я вышел из города Багдада, до того времени, как я прибыл к царю. И царь этих людей до крайности удивился моему рассказу и тому, что со мной произошло, так же как и те, кто присутствовал в его зале; а потом он велел мне сесть подле себя, и я сел, и он приказал принести еду, и её принесли, и я съел столько, сколько было достаточно, и вымыл руки и поблагодарил Аллаха великого за милость и прославил его и воздал ему хвалу. А затем я вышел от царя и стал гулять по городу, и я увидел, что он благоустроен и в нем много жителей и богатств, и там немало кушаний, рынков и товаров и продающих, и покупающих; и обрадовался я, что достиг этого города, и душа моя отдохнула. И я привык к этим людям и стал пользоваться у них и у царя уважением и почётом большим, чем жители его царства и вельможи его города.

И увидел я, что все люди, и малые и великие, ездят на чистокровных конях без сёдел, и удивился этому и спросил царя: «Почему, о владыка мой, ты не едешь на седле?

Седло даёт отдых всаднику и укрепляет его силу». – «А что такое седло? – спросил царь. – Это вещь, которую мы в жизни не видали и никогда на ней не ездили». – «Не разрешишь ли ты мне сделать для тебя седло? Ты будешь на нем ездить и увидишь, как это

приятно», – сказал я. И царь ответил мне: «Сделай!» И тогда я сказал:

«Вели принести мне немного дерева». И царь приказал принести все, что я потребую, и я позвал ловкого плотника и стал сидеть с ним и учить его, как изготавливаются седла и как их делают.

И я взял шерсти и расчесал её и сделал из неё войлок, а потом я принёс кожу, обтянул ею седло и придал ей блеск, и после этого приладил к седлу ремни и привязал к нему подпруги.

А затем я призвал кузнеца и описал ему, как выглядит стремя, и кузнец выковал большие стремяна, и я отполировал их и вылудил оловом и подвязал к ним шёлковую бахрому. И после этого я поднялся, привёл коня из лучших царских коней и, привязав к нему это седло, повесил стремяна и взнуздal коня уздой и привёл его к царю.

И седло понравилось царю и пришлось ему по сердцу, и он поблагодарил меня и сел на седло, и его охватила из-за этого великая радость, и он дал мне много денег за мою работу. И когда везирь царя увидал, что я сделал это седло, он потребовал от меня ещё одно такое же; и я сделал ему такое же седло, и все вельможи правления и обладатели должностей стали требовать от меня сёдел, и я делал их им.

Я научил плотника делать седла и стремяна и продавал их вельможам и господам, и скопил я таким образом большие деньги, и моё место у этих людей стало великим; и они полюбили меня сильной любовью; и занял я высокое положение у царя и его приближённых, и вельмож города, и знатных людей царства.

И в какой-то день я сидел у царя, пребывая в крайней радости и величии; и когда я сидел, царь вдруг сказал мне: «Знай, о такой-то, что ты стал у нас почитаемым и уважаемым и сделался одним из нас, и мы не можем с тобой расстаться и не в состоянии перенести твоего ухода из нашего города. Я хочу от тебя одной вещи, в которой ты меня слушаешь и не отвергнешь моих слов». – «А чего ты хочешь от меня, о царь?» – спросил я. – Я не отвергну твоих слов, так как ты оказал мне благодеяние и милость и добро, и, слава Аллаху, я стал одним из твоих слуг». – «Я хочу, – сказал царь, – дать тебе прекрасную, красивую и прелестную жену, обладательницу богатства и красоты. Ты поселишься у нас навсегда, и я дам тебе жилище у себя, в моем дворце. Не прекословь же мне и не отвергай моего слова».

Услышав слова царя, я застыдился и промолчал и не дал ему ответа от великого смущения; и царь спросил меня: «Почему ты мне не отвечаешь, о дитя моё?» – «О господин, – отвечал я, – приказание принадлежит тебе, о царь времени!»

И царь в тот же час и минуту послал привести судью и свидетелей и тотчас женил меня на женщине, благородной саном и высокой родом, с большими деньгами и богатствами, великой по происхождению, редкостно красивой и прекрасной, владелице поместий, имуществ и имений...»

И Шахразадy застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Пятьсот пятьдесят третья ночь

Когда же настала пятьсот пятьдесят третья ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что царь женил Синдбада-морехода и заключил его брачный договор с одной великой женщиной.

«А потом, – говорил Синдбад, – он дал мне большой прекрасный отдельный дом и подарил мне слуг и челядь и установил мне жалованье и выдачи; и стал я жить в великом покое, веселье и радости и забыл о всех тяготах, затруднениях и бедах, которые мне достались. „Когда я поеду в свою страну, то возьму жену с собой, – подумал я. – Все, что суждено человеку, непременно случится, и никто не знает, что с ним произойдёт“.

И я полюбил жену, и она полюбила меня великой любовью, и между нами наступило согласие, и мы пребывали в сладостнейшей жизни и в приятнейшем существовании. И мы прожили так некоторое время, и Аллах великий лишил жены моего соседа, который был мне

другом, и я вошёл к нему, чтобы утешить его в его потере и увидел, что он в наихудшем состоянии, озабочен и утомлён сердцем и умом. И я стал ему соболезновать и утешать его и сказал ему: «Не печалься о твоей жене! Аллах великий даст тебе взамен благо и жену лучшую, чем она, и будет жизнь твоя долгой, если захочет Аллах великий». И сосед мой заплакал сильным плачем и сказал мне: «О друг мой, как я женюсь на другой женщине и как Аллах даст мне лучшую, чем она, когда моей жизни остался один день?» – «О брат мой, – ответил я ему, – вернись к разуму и не возвещай самому себе о смерти: ты ведь хорош, здоров и благополучен». – «О друг мой, – воскликнул сосед, – клянусь твоей жизнью, сегодня ты потеряешь меня и в жизни меня не увидишь!» – «А как это?» – спросил я. И сосед ответил: «Сегодня будут хоронить мою жену, и меня похоронят вместе с ней в могиле. В нашей стране есть такой обычай: если умирает женщина, её мужа хоронят с ней заживо, а если умирает мужчина, с ним хоронят заживо его жену, чтобы ни один из них не наслаждался жизнью после своего супруга». – «Клянусь Аллахом, – воскликнул я, – это очень скверный обычай, и никто не может его вынести!»

И когда мы вели этот разговор, вдруг пришло большинство жителей города, и они стали утешать моего друга в потере жены и его собственной жизни и начали обрядовать мёртвую, следуя своему обычаю. Они принесли ящик и понесли в нем женщину (а её муж был с ними), и вышли за город, и пришли в некую местность возле горы, у моря; и тогда они подошли к одному месту и подняли большой камень, и из-под камня показалась каменная крышка вроде закраины колодца, и они бросили женщину в отверстие, – и оказалось, что это большой колодец под горой. А потом они принесли её мужа, и, привязав ему под грудь верёвку из пальмового лыка, спустили его в этот колодец и спустили к нему большой кувшин с пресной водой и семь хлебных лепёшек. И когда его опустили, он отвязал от себя верёвку, и верёвку вытащили и закрыли отверстие колодца тем же большим камнем, как прежде, и все ушли своей дорогой, оставив моего друга подле его жены в колодце.

И я сказал про себя: «Клянусь Аллахом, эта смерть тяжелее, чем первая смерть!» А потом я пошёл к их царю и сказал: «О господин, как это вы хороните живого вместе с мёртвым в вашей стране?» И царь ответил: «Знай, что таков обычай в наших странах: когда умирает мужчина, мы хороним вместе с ним жену, а когда умирает женщина, мы хороним с ней её мужа заживо, чтобы не разлучать их при жизни и после смерти; и этот обычай идёт от наших дедов». – «О царь времени, – спросил я, – а если у чужеземца, как я, умирает жена, вы тоже поступаете с ним так, как поступили с тем человеком?» – «Да, – отвечал царь, – мы хороним его вместе с ней и поступаем с ним так, как ты видел».

И когда я услышал от него эти слова, у меня лопнул жёлчный пузырь от сильной печали и огорчения о самом себе, и мой ум смутился, и я стал бояться, что моя жена умрёт раньше меня и меня похоронят с нею при жизни. Но затем я стал утешать себя и сказал: «Может быть, я умру раньше неё, никто ведь не отличит опережающего от настигающего».

И я стал развлекаться какими-то делами. Но после этого прошёл лишь малый срок, и моя жена заболела и, прожив немного дней, умерла, и большинство жителей – пришло утешать меня и утешать родных моей жены в потере её, и царь пришёл утешать меня, следуя обычаю. А затем они привели обмывальщицу и обмыли женщину и одели её в наилучшие, какие у неё были, одежды, украшения, ожерелья, драгоценные камни и металлы, а одев мою жену, её положили в ящик и понесли, и пошли с ней к той горе, и подняли камень с отверстия колодца, и бросили в него мёртвую. А потом ко мне подошли все мои друзья и родственники жены и стали со мной прощаться, а я кричал, стоя между ними: «Я чужеземец, и нет у меня силы выносить ваши обычаи!» Но они не слушали моих слов и не обращали внимания на мои речи.

И они схватили меня и насильно связали и привязали со мной семь хлебных лепёшек и кувшин пресной воды, как полагалось по обычаю, и спустили меня в этот колодец, и вдруг оказалось, что это огромная пещера под горой. «Отвяжи от себя верёвки!» – сказали мне они; но я не согласился отвязаться, и они бросили ко мне верёвки, а затем прикрыли отверстие колодца тем большим камнем, который был на нем, и ушли своей дорогой...

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Пятьсот пятьдесят четвёртая ночь

Когда же настала пятьсот пятьдесят четвёртая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что, когда Синдбада-морехода опустили в пещеру вместе с его женой, которая умерла, вход в пещеру закрыли и все ушли своей дорогой.

«А что до меня, – говорил Синдбад, – то я увидел в этой пещере много мёртвых, издававших зловонный и противный запах, и стал упрекать себя за то, что я сделал, и воскликнул: „Клянусь Аллахом, я заслуживаю всего того, что со мной случается и что мне выпадает!“ И я перестал отличать ночь ото дня и стал питаться немногим, начиная есть только тогда, когда голод едва не разрывал меня, и не пил, раньше чем жажда становилась очень сильной, боясь, что у меня кончатся пища и вода. „Нет мощи и силы, кроме как у Аллаха, высокого, великого! – воскликнул я. – Что заставило меня, на беду мне, жениться в этом городе! Едва я скажу: вот я вышел из беды, как сейчас же попадаю в беду ещё большую. Клянусь Аллахом, такая смерть – смерть плохая! О, если бы я потонул в море или умер в горах – это было бы лучше такой скверной смерти!“

И я пребывал в таком состоянии, упрекая себя, и спал на костях мертвецов, взывая о помощи к Аллаху великому и желая себе смерти, но я не находил её, так мне было тяжело.

И я жил таким образом, пока голод не сжёг моего сердца и меня не спалила жажда и тогда я присел и, найдя ощупью хлеб, поел его немного и запил небольшим количеством воды. А после этого я поднялся на ноги и стал ходить по этой пещере и увидел, что она обширна, с пустыми пространствами, и на земле её много мертвецов и костей, тлеющих с древних времён. И я устроил себе местечко на краю пещеры, далеко от свежих мертвецов, и стал там спать, и моя пища уменьшилась, и у меня осталось её очень немного, а я ел раз в день или реже и один раз пил, боясь, что у меня кончатся вода и пища, прежде чем я умру.

И я продолжал жить таким образом. И вот в один из дней я сидел, и когда я сидел и раздумывал, что я буду делать, когда у меня кончится пища и вода, вдруг камень сдвинули с места, и из отверстия ко мне проник свет. «Посмотреть бы, в чем дело!» – воскликнул я, и вдруг увидел, что у верхушки колодца стоят люди и они опускают мёртвого мужчину и живую женщину, которая плачет и кричит о самой себе, и с нею опускают много пищи и воды. И я стал смотреть на эту женщину, а она меня не видела, и люди закрыли отверстие колодца камнем и ушли своей дорогой.

И я встал и, взяв в руку берцовую кость мёртвого мужчины, подошёл к женщине и ударил её костью по середине головы, и она упала на землю без памяти, и тогда я ударил её второй раз и третий, и она умерла. И я взял её хлеб и то, что с ней было, и увидел, что на ней много украшений, одежд и ожерелий из драгоценных камней и металлов. А взяв воду и пищу, бывшую у женщины, я сел в том месте, которое себе устроил в углу пещеры, чтобы там спать, и стал есть эту пищу понемногу, чтобы прокормить себя и не извести пищу быстро и не умереть с голоду и жажды.

И я оставался в этой пещере некоторое время, и всякий раз, как кого-нибудь хоронили, я убивал того, кого хоронили с ним заживо, и брал его пищу и питьё и питался этим.

И вот однажды я спал и пробудился от сна и услышал, что кто-то возится в углу пещеры. «Что это такое может быть?» – спросил я себя, и я встал и пошёл по направлению шума, захватив берцовую кость мёртвого мужчины; и когда шумевший почуял меня, он убежал и умчался, и оказалось, что это дикий зверь. И я шёл за ним до середины пещеры, и передо мной появился свет, светивший из маленькой щели, точно звезда, и он то появлялся, то скрывался.

И, увидев свет, я направился к тому месту и, подходя к нему, видел сквозь него свет, который все расширялся. И я убедился тогда, что это пролом в пещере, выходивший наружу, и сказал про себя: «Этому должна быть причина. Либо это другое отверстие, такое же, как

то, через которое меня опустили, либо в этом месте пролом». И я подумал про себя некоторое время и пошёл по направлению к свету; и вдруг оказалось что это брешь в хребте юры, которую проломил дикие звери. И они входили через неё в это место и ели мёртвых, пока не насытятся, а потом выходили через эту брешь.

И когда я увидел это, дух мой успокоился, тревога моей души улеглась, и сердце отдохнуло, и я уверился, что буду жив после смерти, и чувствовал себя, как во сне. И я трудился до тех пор, пока не вышел через этот пролом; и я увидел себя на берегу солёного моря, на вершине большой горы, которая отделяла море от острова и города, и никто не мог до неё добраться.

И я прославил Аллаха великого и возблагодарил его, и обрадовался великой радостью, и сердце моё возвеселилось, а потом я вернулся через брешь в пещеру и перенёс всю бывшую там пищу и воду, которую я накопил. Я взял одежды мёртвых и надел на себя кое-какие из них на те, которые были на мне, и взял из того, что было на мёртвых, – много разных ожерелий, драгоценных камней, жемчужных цепочек и украшений из серебра и золота, отделанных разными металлами и редкостями. Я завязал в свою одежду платья мертвецов и вынес через брешь на гору и стоял у моря; и каждый день я спускался в пещеру и осматривал её, и у всякого, кого хоронили, я отбирал пищу и воду и убивал его, все равно был ли это мужчина, или женщина; а потом я выходил через брешь и садился на берегу моря, ожидая, что Аллах великий поможет мне и пошлёт корабль, который пройдёт мимо меня. И я выносил из этой пещеры все украшения, которые видел, и завязывал их в одежду мертвецов, и провёл так некоторое время...»

И Шахразад устала, и она прекратила дозволенные речи.

Пятьсот пятьдесят пятая ночь

Когда же настала пятьсот пятьдесят пятая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что Синдбад-мореход выносил из пещеры все то, что он находил там из украшений и прочего, и он просидел на берегу моря некоторое время.

«И вот однажды я сидел на берегу моря, – говорил Синдбад, – и раздумывал о своём деле, и вдруг вижу – плывёт корабль посреди ревающего моря, где бьются волны.

И я взял в руку белую одежду из одежд мёртвых и, привязав её к палке, побежал на берег моря и стал делать этой одеждой знаки путникам, пока они не бросили взгляда и не увидели меня, когда я стоял на вершине горы. И они подплыли ко мне и услышали мой голос и послали ко мне лодку, в которой была толпа людей, ехавших на корабле; и, приблизившись ко мне, они спросит. «Кто ты и почему сидишь на этом месте? Как ты достиг этой горы, когда мы в жизни не видали, чтобы кто-нибудь подходил к ней?» – «Я купец, – отвечал я им. – Корабль, на котором я ехал, потонул, но я выплыл на доске, и со мной были мои вещи, и Аллах облегчил мне выход в этом месте с вещами благодаря моим стараниям и ловкости, после великого утомления». И они взяли меня с собой в лодку и погрузили все то, что я взял из пещеры и завязал в одежды и саваны, и отправились со мной и подняли меня на корабль к капитану вместе со всеми моими вещами. «О человек, – спросил меня капитан, – как ты пробрался к этому месту, когда это большая гора, за которой стоит большой город, а я всю жизнь плаваю по этому морю и проплываю мимо этой горы, но не вижу на ней никого, кроме зверей и птиц». – «Я купец, – отвечал я, – и был на большом корабле, который разбился, и все мои вещи – эти материи и одежды – стали тонуть, но я положил их на большую доску из корабельных досок, и моя судьба и счастье помогли мне подняться на эту гору, и я стал ожидать, пока кто-нибудь проедет и возьмёт меня с собой».

И я не рассказал этим людям, что со мной случилось в городе и пещере, боясь, что с ними на корабле окажется кто-нибудь из этого города. Затем я предложил хозяину корабля многое из моего имущества и сказал ему: «О господин, ты виновник моего спасения с этой горы, возьми же это от меня за ту милость, которую ты оказал мне». Но капитан не принял от

меня этого и сказал: «Мы ни от кого ничего не берём. Когда мы видим потерпевшего кораблекрушение на берегу моря или на острове, мы берём его к себе и кормим и поим и, сети он нагой, одеваем его, а когда мы приходим в безопасную гавань, мы даём ему что-нибудь от себя в подарок и оказываем ему милость и благодеяние ради лика Аллаха великого».

И тогда я пожелал ему долгой жизни, и мы ехали от острова к острову и из моря в море, и я надеялся спастись и радовался моему благополучию, но всякий раз, как я думал о пребывании моем в пещере вместе с женой, разум покидал меня. И мы благополучно достигли, по могуществу Аллаха, города Басры, и я вышел в город и оставался там немного дней, а после этого я прибыл в город Багдад и пришёл в свой квартал, и вошёл к себе в дом, и встретил родных и друзей и спросил их, что было с ними, и они обрадовались моему спасению и поздравили меня. И я сложил все вещи, которые у меня были, в кладовые и стал раздавать милостыню, и дарить, и одевать сирот и вдов, и жил в крайнем веселье и радости, и вернулся к прежней дружбе и товариществу и общению с друзьями, к забавам и ликованию.

Вот самое удивительное, что было со мной в четвёртое путешествие. Но поужинай у меня, о брат мой, и возьми себе обычное, а завтра ты придёшь ко мне, и я расскажу тебе, что со мной было и произошло в пятое путешествие, оно более удивительно и диковинно, чем предыдущие».

И затем Синдбад приказал выдать носильщику сто мискалей золотом и велел расставлять столы; и все поужинали и ушли своей дорогой, удивляясь до крайней степени ведь каждый рассказ был страшней, чем предыдущий.

А Синдбад носильщик отправился в своё жилище и провёл ночь до крайности весело и радостно, а когда настало утро и засияло светом и заблестало, Синдбад сухопутный поднялся и, совершив утреннюю молитву, пошёл и пришёл в дом Синдбада морехода. Он пожелал ему доброго утра, и Синдбад-мореход отвечал: «Добро пожаловать!» – и велел ему сесть возле себя.

И когда пришли остальные его товарищи, они поели и попили, и насладились, и повеселились, и пошла между ними беседа. И Синдбад мореход сказал:...

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Пятьсот пятьдесят шестая ночь

Когда же настала пятьсот пятьдесят шестая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что Синдбад-мореход начал речь о том, что с ним случилось и что ему выпало в пятое путешествие.

Рассказ о пятом путешествии

Знайте, о братья мои, что, вернувшись из четвёртого путешествия, я погрузился в веселье, радости и развлечения и забыл обо всем, что испытал, что со мной случилось и что я вытерпел, так сильно я радовался наживе, прибыли и доходу. И душа моя подговорила меня попутешествовать и посмотреть на чужие страны и острова, и я поднялся и решил на это и, купив роскошные товары, подходящие для моря, и связав тюки, вышел из города Багдада и отправился в город Басру. И я стал ходить по берегу и увидел большой, высокий и прекрасный корабль, и он мне понравился, и я купил его (а снаряжение его было новое) и нанял капитана и матросов и оставил моих рабов и слуг надзирать за ними. Я сложил на корабль мои тюки, и ко мне пришло несколько купцов, и они сложили свои тюки на мой корабль и дали мне плату, и мы поехали до крайности весёлые и довольные, радуясь надежде на благополучие и наживу.

И мы ехали с одного острова на другой и из одного моря в другое, смотря на острова и

страны, и выходили на сушу и продавали и покупали, и продолжали мы ехать таким образом, пока однажды не достигли большого острова, лишённого обитателей, где никого не было, и был этот остров разорён и пустынен. И на острове стоял большой белый купол огромного объёма, и мы вышли посмотреть на него, и вдруг видим – это большое яйцо рухха. И когда купцы подошли к нему и посмотрели на него (а они не знали, что это яйцо рухха), они стали бить его камнями, и яйцо разбилось, и оттуда вытекло много воды. И из яйца показался птенец рухха, и его вытащили из яйца и извлекли оттуда и зарезали, и получили от него много мяса; а я был на корабле, и они меня не осведомили о том, что сделали.

И один из едущих сказал мне. «О господин, встань и посмотри на это яйцо, которое ты принял за купол». И я поднялся, чтобы посмотреть на него, и увидел, что купцы бьют по яйцу. «Не делайте этого, – крикнул я им, появится птица рухх и разобьёт наш корабль и погубит нас!» Но они не послушались моих слов. И когда это было так, солнце вдруг скрылось, и день потемнел, и над нами появилось облако, затмившее воздух. И мы подняли головы, смотря на то, что встало между нами и солнцем, – и увидали, что это крылья рухха загородили от нас солнечный свет, и воздух потемнел. А когда прилетел рухх, он увидел, что его яйцо разбито, и закричал на нас, и прилетела его подруга, и обе птицы стали кружить над кораблём и кричать на нас голосом громче грома. И я закричал капитану и матросам и сказал им: «Отвяжите корабль и ищите спасения, пока мы не погибли!» И капитан поспешил и, когда купцы взошли на корабль, отвязал его, и мы поехали вдоль острова.

И, увидев, что мы поплыли по морю, рухх скрылся на некоторое время; и мы поплыли дальше и ускоряли ход корабля, желая спастись от птиц и выйти из их земли; но вдруг птицы последовали за нами и приблизились к нам, и в лапах у каждой было по большому камню с горы. И рухх сбросил на нас камень, который был у него, но капитан отвёл корабль в сторону, и камень немного не попал в него и упал в море. И корабль начал подниматься и опускаться (с такой силой упал камень в море), и мы увидели морское дно из-за силы его удара.

А потом подруга рухха бросила в нас камень, который был с нею (а он был меньше первого), и камень упал, по предопределённому велению, на корму корабля и разбил его, и руль разлетелся на двадцать кусков. И все, что было на корабле, утонуло в море, а я стал искать спасения, ради сладости жизни, и Аллах великий послал мне доску из корабельных досок, и я уцепился за неё и сел и принялся грести ногами, и ветер и волны помогали мне двигаться. А корабль потонул близ одного острова, посреди моря, и бросила меня судьба, по изволению Аллаха великого, к этому острову; и я выбрался на него, будучи при последнем вздохе и в положении мёртвого, – такую сильную перенёс я усталость, утомление, голод и жажду.

И я пролежал на берегу моря некоторое время, пока душа моя не отдохнула и сердце не успокоилось, а затем я пошёл по острову и увидел, что он подобен саду из райских садов: деревья на нем зеленели, каналы разливались, и птицы щебетали и прославляли того, кому принадлежат величие и вечность.

И было на этом острове много деревьев и плодов и разных цветов; и я ел эти плоды, пока не насытился, и пил из этих каналов, пока не напился, и тогда я воздал хвалу Аллаху великому и прославил его за это...»

И Шахразад застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Пятьсот пятьдесят седьмая ночь

Когда же настала пятьсот пятьдесят седьмая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что Синдбад-мореход, выйдя после кораблекрушения на остров, поел там плодов и напился из ручьёв и восхвалил Аллаха великого и прославил его.

«И я просидел таким образом на острове, – говорил Синдбад, – пока не наступил вечер и не пришла ночь, и тогда я поднялся, словно убитый, от охватившей меня усталости и

страха, и не слышал я на этом острове голоса и никого на нем не видел. И я пролежал на острове до утра, а затем встал на ноги и начал ходить между деревьями.

И я увидел оросительный колодец у ручья с текущей водой, а около него сидел красивый старик, и был этот старик покрыт плащом из древесных листьев. И я сказал про себя: «Может быть, этот старик вышел на остров, и он из числа утопавших, с которыми разбился корабль?» и приблизился к старику и приветствовал его; а он ответил на моё приветствие знаками и ничего не сказал. „О старец, – спросил я его, – почему ты сидишь в этом месте?“ И старец горестно покачал головой и сделал мне знак рукой, желая сказать: „Подними меня на шею и перенеси отсюда на другую сторону колодца“. И я сказал про себя: „Сделаю этому человеку милость и перенесу его туда, куда он хочет: может быть, мне достанется за это награда“.

И я подошёл к старику и поднял его на плечи и пришёл к тому месту, которое он мне указал, а потом я сказал ему: «Сходи не торопясь»; но он не сошёл с моих плеч и обвил мою шею ногами. И посмотрел я на его ноги и увидел, что они чёрные и жёсткие, как буйволова кожа.

И я испугался и хотел сбросить старика с плеч, но он уцепился за мою шею ногами и стал меня душить, так что мир почернел перед моим лицом, и я потерял сознание и упал на землю, покрытый беспмятством, точно мёртвый. И старик поднял ноги и стал бить меня по спине и по плечам, и я почувствовал сильную боль и поднялся на ноги, а старик все сидел у меня на плечах, и я устал от него.

И он сделал мне знак рукой: «Пойди к деревьям с самыми лучшими плодами!» И если я его не слушался, он наносил мне ногами удары, сильнее, чем удары бичом, и все время делал мне знаки рукой, указывая место, куда он хотел идти, а я ходил с ним. И если я медлил или задерживался, он бил меня, и я был у него точно в плену.

И мы вошли в рощу посреди острова, и старик мочился и испражнялся у меня на плечах и не сходил с них ни днём, ни ночью, а когда он хотел спать, то обвивал мне шею ногами и немного спал, а потом поднимался и бил меня. И я поспешно вставал и не мог его послушаться, так много я от него вытерпел, и только упрекал себя за то, что его понёс и пожалел.

И я жил таким образом, испытывая сильнейшую усталость, и говорил себе: «Я сделал ему добро, и обернулось оно на меня злом. Клянусь Аллахом, я во всю жизнь больше не сделаю никому добра!» – и просил смерти у Аллаха великого каждый час и каждую минуту, так велико было моё утомление и усталость. И я провёл таким образом некоторое время; но вот однажды я пришёл со стариком в одно место на острове и увидел там множество тыкв, среди которых было много высохших. И я взял одну большую сухую тыкву, вскрыл её сверху и вычистил, а потом я пошёл с ней к виноградной лозе и наполнил её виноградом, и заткнул отверстие, и, положив тыкву на солнце, оставил её на несколько дней, пока виноград не превратился в чистое вино. И я стал каждый день пить его, чтобы помочь себе этим против утомления из-за этого зловредного шайтана, и всякий раз, как я пьянел от вина, моя решимость крепла. И старик увидел меня однажды, когда я пил, и сделал мне знак рукой, спрашивая: «Что это?» И я ответил: «Это прекрасная вещь, она укрепляет сердце и развлекает ум». И я стал бегать и плясать со стариком между деревьями, и овладела мной весёлость из-за опьянения, и принялся я хлопать в ладоши и петь и веселиться. И, увидав меня в таком состоянии, старик сделал мне знак подать ему тыкву, чтобы он тоже мог из неё выпить, и я побоялся его и отдал ему тыкву, и он выпил то, что там оставалось, и бросил её на землю.

И овладело им веселье, и он стал ёрзать у меня на плечах, а затем он охмелел и погрузился в опьянение, и все его члены и суставы расслабили, так что он стал качаться у меня на плечах. И когда я понял, что он опьянел и исчез из мира, я протянул руку к его ногам и отцепил их от моей шеи, а затем я нагнулся к земле и сел и сбросил его на землю...»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Пятьсот пятьдесят восьмая ночь

Когда же настала пятьсот пятьдесят восьмая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что Синдбад мореход сбросил шайтана со своих плеч землю. «И мне не верилось, – говорил Синдбад, – что я освободился от избавился от того положения, в котором я был.

И я испугался, что старик очнётся от хмеля и будет меня обижать, и я взял большой камень, лежавший между деревьями, и, подойдя к старику, ударил его по голове, когда он спал, и кровь его смешалась с мясом, и он был убит (да не будет над ним милость Аллаха!). А потом я стал ходить по острову, и мой ум отдохнул, и я пришёл к тому месту на берегу моря, где был раньше. И я прожил на этом острове некоторое время, питаюсь его плодами и утоляя жажду из ручьёв, и высматривал корабль, который прошёл бы мимо. И вот однажды я сидел и думал о том, что со мной случилось и какие произошли со мной дела, и говорил про себя: «Посмотрим, сохранит ли меня Аллах целым и вернусь ли я в мои страны и встречу ли с родными и друзьями». И вдруг показался корабль посреди ревающего моря, где бились волны, и шёл до тех пор, пока не пристал к этому острову.

И путники сошли с корабля на остров, и я подошёл к ним; и, увидев меня, они все поспешно приблизились ко мне и собрались вокруг меня и стали расспрашивать меня, что со мной и почему я прибыл на этот остров; и я рассказал им о моем деле и о том, что со мной случилось, и они удивились этому до крайней степени и сказали: «Тот человек, который сидел у тебя на плечах, называется шейхом моря, и никто из тех, кто попадал под его ноги, не спасся, кроме тебя. Да будет же слава Аллаху за твоё спасение!»

И затем они принесли мне кое-какой еды, и я ел, пока не насытился, и мне дали одежду, которую я надел и прикрыл ею срамоту; а потом они взяли меня с собой на корабль, и мы ехали дни и ночи. И судьба бросила нас к городу с высокими постройками, где все дома выходили на море, – а этот город назывался городом обезьян, и когда наступала ночь, люди, которые жили в этом городе, выходили из ворот, ведших в море, садились в лодки и на корабли и ночевали в море, боясь, что обезьяны спустятся к ним ночью с гор.

И я вышел посмотреть на этот город, и корабль ушёл, а я не знал этого; и я стал раскаиваться, что вышел в этот город, и вспомнил моих товарищей и все то, что случилось со мной из-за обезьян в первый и во в горой раз.

И я сидел печальный и плакал; и подошёл ко мне человек из жителей этой страны и сказал мне: «О господин, ты как будто чужой в этих землях?» – «Да, – ответил я ему, – я чужестранец и бедняк. Я был на корабле, который пристал к этому берегу, и сошёл с него, чтобы посмотреть на город, и, вернувшись, не увидел корабля». – «Поднимайся, – сказал этот человек, – идём с нами и садись в лодку. Если ты будешь сидеть в городе ночью, обезьяны погубят тебя». – «Слушаю и повинуюсь!» – сказал я и в тот же час и минуту поднялся и сел в лодку с людьми, и они оттолкнулись от суши и удалились от берега на милю. И они провели так ночь, и я вместе с ними, а когда наступило утро, они вернулись на лодке в город и вышли, и каждый из них пошёл по своему делу, – таков был их неизменный обычай. Ко всякому, кто задерживался ночью в городе, приходили обезьяны и губили его, а днём обезьяны уходили за город. И они питались плодами в садах и спали на горах до вечерней поры и потом возвращались в город, и этот город находился в отдалённых странах чернокожих.

Вот одна из самых удивительных вещей, что случилась со мной в этом городе. Один человек из тех, с кем я провёл ночь в лодке, сказал мне: «О господин, ты чужой в этих землях, знаешь ли ты ремесло, которым мог бы заняться?» – «Нет, клянусь Аллахом, о брат мой, у меня нет ремесла, и я не умею ничего делать, – ответил я. – Я только купец, обладатель денег и богатства, и у меня был царственный корабль, нагруженный большими деньгами и товарами, и он разбился в море, и потонуло все, что там было, и я спасся от потопления только по изволению Аллаха. Аллах послал мне кусок доски, на которую я сел, и

это было причиной того, что я спасся от потопления». И этот человек встал и принёс мне мешок из хлопчатой бумаги и сказал: «Возьми этот мешок и наполни его голышами и выходи с толпой городских жителей, а я сведу тебя с ними и поручу им о тебе заботиться. Делай то же, что они делают, и, может быть, ты заработаешь что-нибудь, что тебе поможет уехать и вернуться в твою страну».

И потом этот человек взял меня и вывел за город, и я набрал маленьких камешков голышей и наполнил ими мешок; и вдруг я вижу, толпа выходит из города. И этот человек свёл меня с ними и поручил меня им и сказал:

«Он чужестранец, возьмите его с собой и научите его подбирать; может быть, он что-нибудь заработает, чтобы прокормиться, а вам будет награда и воздаяние»; и они сказали: «Слушаем и повинемся!» – и приветствовали меня и взяли меня с собой, и у каждого из них был мешок, такой же как у меня, полный голышей. И мы шли до тех пор, пока не достигли широкой долины, где было много высоких деревьев, на которые никто не мог влезть, и в этой долине было много обезьян, и, увидав нас, эти обезьяны убежали и забрались на деревья. И люди стали бросать в обезьян камнями, которые были у них в мешках, а обезьяны рвали с деревьев плоды и бросали ими в этих людей.

И я посмотрел на плоды, которые бросали обезьяны, и вдруг вижу – это индийские орехи. И, увидев, что делают эти люди, я выбрал большое дерево, на котором было много обезьян, и, подойдя к нему, стал бросать в них камнями, а обезьяны начали рвать орехи и бросать в меня ими, и я собирал их, как делали другие люди; и не вышли ещё все камни в моем мешке, как я уже набрал много орехов. А окончив свою работу, люди собрали все то, что у них было, и каждый из них понёс, сколько мог, а затем мы вернулись в город в течение оставшегося дня, и я пришёл к тому человеку, моему другу, который свёл меня с людьми, и отдал ему все, что я собрал, и поблагодарил его за милость. «Возьми это, – сказал он мне, – и продай и пользуйся ценой этого». И он дал мне ключ от одного помещения в его доме и сказал: «Сложи в этом месте те орехи, которые у тебя остались, и выходи каждый день с людьми, как ты вышел сегодня, и из тех орехов, которые ты будешь приносить, отбирай дурные и продавай и пользуйся их ценой, а остальные храни в этом месте: может быть, ты наберёшь столько, что это поможет тебе уехать». – «Награда тебе от Аллаха великого!» – оказал я ему.

И я стал делать так, как он мне говорил, и каждый день я наполнял мешок камнями и выходил с людьми и делал так, как они делали, и люди стали обо мне заботиться и указывали мне деревья, на которых было много плодов.

И я провёл так некоторое время, и у меня скопилось много хороших индийских орехов, и я продал множество их и выручил за них много денег и стал покупать все, что я видел и что приходилось мне по сердцу; и время моё было безоблачно, и везде в городе мне была удача и я продолжал жить таким образом.

И однажды я стоял у берега моря, и вдруг подошёл к городу корабль и пристал к берегу, и на корабле были купцы с товарами, и они стали продавать и покупать индийские орехи и другое, и я пошёл к моему другу, и осведомил его о прибытии корабля, и сказал ему, что я хочу уехать в мою страну. «Решение принадлежит тебе», – сказал он. И я простился с ним и поблагодарил его за его милость ко мне, а потом я пришёл к кораблю и, встретившись с капитаном, нанял у него корабль, сложил в него все бывшие у меня орехи и прочее, и корабль отправился...

И Шахразад устала, и она прекратила дозволенные речи.

Пятьсот пятьдесят девятая ночь

Когда же настала пятьсот пятьдесят девятая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что ночь Синдбад-мореход сошёл в городе обезьян на корабль и захватил бывшие у него индийские орехи и прочее и нанял корабль у капитана. «И корабль

отправился в этот же день, – говорил он, – и мы ехали от острова к острову и из моря в море, и на всяком острове, где мы приставали, я продавал орехи и выменивал их, и Аллах дал мне взамен больше, чем то, что у меня было и пропало.

И мы проходили мимо одного острова, где были корица и перец, и люди рассказывали нам, что они видели на каждой грозди перца большой лист, который давал ему тень и защищал его от дождя, когда шёл дождь, а когда дождь переставал, лист отгибался от грозди и повисал сбоку. И я взял с собой с этого острова много перца и корицы в обмен на орехи.

И мы проходили мимо острова аль-Асират (а это тот остров, на котором растёт камарское алоэ), и после него мимо другого острова, по которому нужно идти пять дней и там растёт китайское алоэ, которое лучше камарского. Жители этого острова хуже по образу жизни и по вере, чем жители острова камарского алоэ: они любят развратничать и пьют вино и не знают азана и свершения молитвы.

А после этого мы подъехали к жемчужным ловлям, и я дал ныряльщикам несколько индийских орехов и сказал им: «Нырните мне на счастье и на мою долю!» И они нырнули в заводь и вытащили много больших и дорогих жемчужин и сказали мне: «О господин наш, клянёмся Аллахом, твоя доля счастливая».

И я взял все, что они вытащили, на корабль, и мы поплыли, с благословения Аллаха великого, и плыли до тех пор, пока не прибыли в Басру. И я вышел в город и оставался там некоторое время, а потом я отправился оттуда в город Багдад, и вошёл в свой квартал, и пришёл к себе домой, и приветствовал моих родных и друзей, и они поздравляли меня со спасением. И я сложил в кладовые все товары и вещи, которые были со мной, и одел сирот и вдов и раздавал милостыню и одарял моих родных, друзей и любимых. И Аллах дал мне взамен в четыре раза больше, чем у меня пропало.

И я забыл обо всем, что со мной случилось, и о перенесённой мной усталости из-за великой прибыли и дохода и вернулся к тому, что делал раньше, дружа и общаясь с людьми. Вот самое удивительное, что случилось со мной в пятом путешествии, а теперь ужинайте».

Когда же кончили ужинать, Синдбад-мореход приказал выдать Синдбаду-носильщику сто мискалей золота, и тот взял их и ушёл, дивясь таким делам. И Синдбад-носильщик провёл ночь в своём доме, а когда наступило утро, он поднялся и совершил утреннюю молитву и пошёл, и пришёл в дом Синдбада-морехода. Войдя к нему, он пожелал ему доброго утра, и Синдбад-мореход велел ему сесть, и носильщик сидел возле него и все время с ним разговаривал, пока не пришли остальные его друзья. И они поговорили и расставили столы и стали есть, пить и наслаждаться и веселиться, и Синдбад-мореход начал им рассказывать о шестом путешествии.

Рассказ о шестом путешествии (ночи 559-563)

Знайте, о братья, любимые и друзья, – сказал он, – что, вернувшись из пятого путешествия, я забыл обо всем, что испытал, радуясь, веселясь, развлекаясь и наслаждаясь, и жил в крайнем счастье и радости.

И я продолжал жить таким образом. И вот в один из дней я сидел очень довольный, радостный и весёлый, и вдруг прошла мимо меня толпа купцов, на которых были видны следы путешествия. И вспомнил я тогда день возвращения из путешествия и мою радость при встрече с родными, друзьями и любимыми и радость при вступлении в мою страну, и захотелось моей душе попутешествовать и поторговать.

И я решил отправиться в путешествие и купил себе прекрасных и роскошных товаров, пригодных для моря, и, погрузив свои тюки, выехал из Багдада в город Басру.

И я увидел большой корабль, на котором были купцы и вельможи с прекрасными товарами, и сложил свои тюки вместе с ихними на этот корабль, и мы благополучно выехали из города Басры...»

И Шахразад устала и прекратила дозволенные речи.

Ночь, дополняющая до пятисот шестидесяти

Когда же настала ночь, дополняющая до пятисот шестидесяти, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что Синдбадмореход приготовил свои тюки и сложил их на корабль в городе Басре и уехал. «И мы путешествовали из места в место и из города в город, – говорил Синдбад, – и продавали и покупали и смотрели на чужие страны, и счастье в путешествии благоприятствовало нам, и мы добывали себе средства к жизни.

И однажды мы ехали, и вдруг капитан корабля стал вопить и кричать, и сбросил с себя тюрбан, и принялся бить себя по лицу, и выщипал себе бороду, и упал в трюм корабля от сильного горя и огорчения. И вокруг него собрались все купцы и путники и спросили его: «О капитан, в чем дело?» И он ответил им: «Знайте, о люди, что наш корабль сбился с пути и мы вышли из моря, в котором были, и вошли в море, где мы не знаем дороги, и если Аллах не пошлёт нам чего-нибудь, что нас освободит из этого моря, мы все погибнем. Молитесь же Аллаху великому, чтобы он освободил нас из этих обстоятельств!» Потом капитан поднялся на ноги и влез на мачту и хотел распустил паруса, и ветер усилился и повернул корабль кормой вперёд, и руль сломался близ высокой горы.

И капитан спустился с мачты и воскликнул: «Нет мощи и силы, кроме как у Аллаха, высокого, великого, и никто не может отразить предопределённое! Клянусь Аллахом, мы впали в великую беду, и не осталось для нас спасения и вызволения!»

И все путники стали себя оплакивать и прощаться друг с другом, так как их жизнь окончилась и надежды их прекратились. И корабль свернул к этой горе и разбился, и доски его разбросало, и все, что было на корабле, потонуло, а купцы упали в море, и некоторые из них утонули, а другие схватились за гору и вышли на неё. И я был в числе тех, кто вышел на гору, и я увидел, что она находится на большом острове, близ которого много разбитых кораблей, и на острове, у берега моря, много всяких богатств, выброшенных морем с разбившихся кораблей, ехавшие на которых потонули, и было там много вещей и имущества, выброшенного морем на берег острова и ошеломлявшего ум и рассудок.

И я вышел на этот остров и стал ходить по нему и увидел посреди него ручей с пресной водой, который вытекал из-под ближнего склона горы и исчезал в конце её, на другой стороне; и все путники вышли на эту гору и на остров и разошлись по нему, и разум их был ошеломлён, и стали они точно одержимые из-за множества вещей, которые они увидели на острове, на берегу моря.

И я увидел посреди этого ручья множество разных драгоценных камней, металлов, яхонтов и больших царственных жемчужин, и они лежали, как камешки в русле ручья, бежавшего посреди рощи, и все дно ручья сверкало из-за множества металлов и других драгоценностей.

И увидели мы на этом острове много наилучшего китайского и камарского алоэ, и бил на острове полноводный ключ из особого вида амбры, которая из-за сильного жара солнца текла, как воск, по берегам ручья и разливалась по берегу моря.

И выходили из моря звери и глотали её и погружались с нею в море; и амбра согревалась у них в брюхе, а потом они извергали её изо рта в море, и амбра застывала на поверхности воды, и её цвет и вид изменялись.

И волны выбрасывали её на берег моря и путешественники и купцы, которые знали, что такое амбра, собирали её и продавали. Что же касается чистой, непроглоченной амбры, то она течёт по берегам этого ручья и застывает на дне его, а когда восходит солнце, она начинает течь и оставляет после себя по всей долине запах, как от мускуса. Когда же солнце уходит, амбра застывает. И к этому месту, в котором находится сырая амбра, никто не может подойти и не в состоянии туда пробраться, так как горы окружают этот остров, и никто не в состоянии на них взойти.

И мы ходили по этому острову, глядя на то, что создал на нем Аллах великий из богатств, и не знали мы, что думать о нашем деле и о том, что мы видели, и испытывали мы

великий страх.

Мы собрали на берегу острова немного пищи и стали копить её и есть каждый день один раз или два, боясь, что пятна у нас кончится и мы помрём в тоске от сильного голода и страха. А всякого из нас, кто умирал, мы обмывали и завёртывали в одежды или ткани, которые море выбрасывало на берег острова, и из нас умерло множество людей, и осталась в живых только маленькая горсточка. Мы ослабли от боли в животе из-за морской воды, и когда мы прожили так ещё немного времени, все мои товарищи и друзья умерли один за другим, и всякого, кто умирал, мы хоронили. И, наконец, я оказался один на этом острове, и пищи осталось со мной немного, после того как её было много; и я стал плакать о самом себе и воскликнул: «О, если бы я умер раньше моих товарищей и они обмыли бы меня и похоронили! Нет мощи и силы кроме как у Аллаха, высокого, великого!...»

И Шахразду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Пятьсот шестьдесят первая ночь

Когда же настала пятьсот шестьдесят первая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что Синдбад-мореход похоронил всех своих товарищей и остался на острове один.

«И я провёл так ещё недолгое время, – говорил он, – а потом я встал и выкопал себе глубокую яму на берегу острова и подумал про себя: „Когда я ослабну и буду знать, что ко мне пришла смерть, я лягу в эту могилу и умру в ней, и ветер будет наносить на меня песок и закроет меня, и окажусь я погребённым в могиле“. И я стал упрекать себя за малый разум и за то, что я вышел из моей страны и моего города и поехал в чужие страны после того, что я перенёс в первый, второй, третий, четвёртый и пятый раз, и не было путешествия, в котором бы я не испытывал ужасов и бедствий тягостней и тяжелее ужасов, бывших раньше.

И я не верил, что спасусь и останусь цел, и каялся в том, что путешествовал по морю, и снова это делал; я ведь не нуждался в деньгах и имел их много, и то, что было у меня, я не мог бы извести или истратить даже наполовину во всю оставшуюся мне жизнь, – того, что было у меня, мне бы хватило с излишком.

И я подумал про себя и сказал: «Клянусь Аллахом, у этой реки должны быть начало и конец, и на ней обязательно должно быть место, через которое можно выйти в населённую страну. Правильное решение будет, если я сделаю себе маленькую лодку такого размера, чтобы я мог сесть в неё, и я пойду и спущу её на реку и поплыву, и если я найду себе освобождение, то буду свободен и спасусь, по изволению Аллаха великого, а если я не найду себе освобождения, то лучше мне умереть на этой реке, чем здесь».

И я стал горевать о самом себе; а затем я поднялся на ноги и пошёл собирать на острове бревна и сучья китайского и камарского алоэ и связывал их на берегу моря верёвками с кораблей, которые разбились. Я принёс одинаковые доски из корабельных досок, и наложил их на эти бревна, и сделал лодку шириной в ширину реки, или меньше её ширины, и хорошо и крепко связал их.

И я захватил с собой благородных металлов, драгоценных камней, богатств и больших жемчужин, лежавших как камешки, и прочего из того, что было на острове, а также взял сырой амбры, чистой и хорошей, сложил все это в лодку и сложил туда все, что я собрал на острове, и ещё захватил всю оставшуюся пищу, а затем я спустил эту лодку на реку и положил по обеим сторонам её две палки вроде весел и сделал так, как сказал кто-то из поэтов:

Покинь же место, где царит стеснение,
И плачет пусть дом о том, кто его построил.
Ведь землю можешь ты найти другую,
Но не найдёшь другой души вовеки.

Случайностями дней не огорчайся:
Придёт конец ведь всякому несчастью.
Кто должен умереть в талом-то месте,
Тот умереть в другой земле не может,
Не посылай гонца ты с важным делом –
Сама всегда себе душа советчик.

И я поехал на этой лодке по реке, раздумывая о том, к чему приведёт моё дело, и все ехал, не останавливаясь, к тому месту под горой, в которое втекала река. И я ввёл лодку в этот проход и оказался под горой в глубоком мраке, и лодка уносила меня по течению в теснину под горой, где бока лодки стали тереться о берега реки, а я ударялся головой о своды ущелья и не мог возвратиться назад. И я стал упрекать себя за то, что я сам с собою сделал, и подумал: «Если это место станет слишком узким для лодки, она едва ли из него выйдет, а вернуться назад нельзя, и я, несомненно, погибну здесь в тоске».

И я лёг в лодке лицом вниз – так было мне на реке тесно – и продолжал двигаться, не отличая ночи ото дня из-за темноты, окружавшей меня под горой, и страха и опасения погибнуть. И я продолжал ехать по этой реке, которая то расширялась, то сужалась, и мрак сильно утомил меня, и меня взяла дремота от сильного огорчения.

И я заснул, лёжа лицом вниз в лодке, и она продолжала меня везти, пока я спал (не знаю, долго или недолго); а затем я проснулся и увидел вокруг себя свет. И тогда я открыл глаза и увидел обширную местность, и моя лодка была привязана к берегу острова, и вокруг меня стояла толпа индийцев и абиссинцев. И, увидав, что я поднялся, они подошли и заговорили со мной на своём языке, но я не понимал, что они говорят, и думал, что это сновидение и все это во сне, – так велики были моя тоска и огорчение.

И когда они со мной заговорили, я не понял их речи и ничего не ответил им; тогда ко мне подошёл один человек и сказал мне на арабском языке: «Мир вам, о брат наш! Кто ты будешь, откуда ты пришёл и какова причина твоего прибытия в это место? Где ты вошёл в эти воды и что за страна позади этой горы? Мы знаем, что никто не может пройти оттуда к нам».

«А кто вы будете и что это за земля?» – спросил я. И человек сказал мне: «О брат мой, мы владельцы посевов и рощ и пришли поливать наши рощи и посевы, и увидели, что ты спишь в лодке, и поймали её и привязали у нас, ожидая, пока ты спокойно проснёшься. Расскажи нам, какова причина твоего прибытия в это место».

«Заклинаю тебя Аллахом, о господин, – сказал я ему, – принеси мне какой-нибудь еды – я голоден, а потом спрашивай меня, о чем хочешь». И он поспешно принёс мне еды, и я ел, пока не насытился и отдохнул, и мой страх успокоился, и я стал очень сыт, и дух мой вернулся ко мне.

И я произнёс: «Слава Аллаху во всяком положении!» – и обрадовался тому, что вышел из реки и прибыл к этим людям, и рассказал им обо всем, что со мной случилось, с начала до конца, и о том, что я испытал на этой узкой реке...»

И Шахразад устроилась, и она прекратила дозволенные речи.

Пятьсот шестьдесят вторая ночь

Когда же настала пятьсот шестьдесят вторая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что Синдбад-мореход вышел из лодки на берег острова и увидел там множество индийцев и абиссинцев. И он отдохнул от усталости, и люди попросили его рассказать свою историю, а затем эти люди заговорили друг с другом и сказали: „Непременно возьмём его с собой и покажем его нашему царю, – пусть он расскажет обо всем, что с ним случилось“.

«И они взяли меня с собой и повели вместе со мной мою лодку со всеми деньгами,

богатствами, драгоценными камнями, благородными металлами и украшениями, которые в ней были, – говорил Синдбад, – и ввели меня к своему царю и рассказали ему о том, что случилось! И царь приветствовал меня и сказал мне: „Добро пожаловать!“ – и спросил меня о моем положении и о случившихся со мной делах. И я рассказал ему обо всех делах, которые со мной произошли, и о том, что мне повстречалось, с начала до конца, и царь до крайности удивился этому рассказу и поздравил меня со спасением. И потом я пошёл и вынес из лодки много металлов, драгоценных камней, алоэ и сырой амбры и подарил это царю, и тот принял от меня этот подарок и оказал мне великое уважение. Он поселил меня у себя, и я завёл дружбу с лучшими людьми, и они возвеличили меня великим возвеличением, и я не покидал царского дворца. И люди, приходившие на этот остров, спрашивали меня о делах моей страны, и я рассказывал им о них и тоже расспрашивал о делах их страны, и они мне рассказывали. И однажды их царь спросил меня о положении моей страны и о правлении халифа в стране, где город Багдад, и я рассказал ему о его справедливости и законах, и царь удивился делам его и сказал: „Клянусь Аллахом, деяния халифа разумны и поведение его угодно Аллаху! Ты внушил мне любовь к нему, и я хочу приготовить для него подарок и послать его с тобой“. – «Слушаю и повинуюсь, о владыка наш!

Я доставлю к нему подарок и расскажу ему, что ты искренне его любишь», – ответил я. И я водворился у этого царя, живя в крайнем величии и уважении и ведя прекрасную жизнь в течение некоторого времени.

И однажды я сидел в царском дворце и услышал, что некие люди в городе снаряжают корабль и собираются плыть на нем в сторону города Басры.

«Ничто для меня так не подходит, как путешествие с этими людьми!» – сказал я себе и поспешно, в тот же час и минуту, поцеловал у царя руку и осведомил его о том, что желаю уехать с этими людьми на корабле, который они снарядили, так как я стосковался по моим родным и моей стране.

«Решение принадлежит тебе, – сказал царь, – а если ты хочешь остаться у нас, пусть будет так; нам досталась из-за тебя радость». – «Клянусь Аллахом, о господин мой, – отвечал я, – ты залил меня твоими милостями и благодеяниями, но я стосковался по родным, стране и семье». И царь, услышав мои слова, призвал купцов, которые снарядили корабль, и поручил им обо мне заботиться. Он сделал мне много подарков и отдал вместо меня плату за корабль и послал со мной большой подарок халифу Харуну ар-Рашиду в городе Багдаде; и затем я простился с царём и со всеми моими друзьями, которых я посещал, и сел на корабль с купцами, и мы поехали.

И ветер в путешествии был хорош, и мы уповали на Аллаха (слава ему и величие!) и ехали из моря в море и от острова к острову, пока благополучно не прибыли, по изволению Аллаха великого, в город Басру. И я сошёл с корабля и оставался на земле Басры в течение дней и ночей, пока не собрался, а потом я погрузил свои тюки и отправился в город Багдад, обитель мира.

И я вошёл к халифу Харуну ар-Рашиду и поднёс ему этот подарок и рассказал ему обо всем, что со мной случилось, а потом я сложил все мои богатства и вещи в кладовые и пошёл в свой квартал; и пришли ко мне мои родные и друзья, и я роздал всем родным подарки и начал подавать милостыню и дарить.

А через некоторое время халиф прислал за мной и стал меня спрашивать, что за причина этому подарку и откуда он. И я сказал: «О повелитель правоверных, клянусь Аллахом, я не знаю ни названия того города, откуда этот подарок, ни дороги в него, но когда потонул корабль, на котором я был, я вышел на остров и сделал себе лодку и спустился в ней по реке, протекавшей посреди острова».

И я рассказал халифу о том, что со мной случилось в это путешествие, и как я вырвался из этой реки и попал в город, и поведал о том, что со мной там было и почему меня прислали с подарком; и халиф удивился этому до крайней степени и приказал летописцам записать мой рассказ и положить его в казну, чтобы извлёк из него назидание всякий, кто увидит его.

А затем он оказал мне великое уважение, и я оставался в городе Багдаде, живя там, как

в первые времена, и забыл обо всем, что со мной случилось и что я испытал, с начала и до конца.

И я жил сладостнейшей жизнью, веселясь и развлекаясь. И вот что было со мной в шестом путешествии, о братья. Если захочет Аллах великий, я расскажу вам завтра о седьмом путешествии; оно диковиннее и удивительнее, чем все предыдущие». И затем Синдбад велел расставлять столы, и все поужинали у него, и он приказал выдать Синдбаду-носильщику сто мискалей золота; и тот взял их и ушёл своей дорогой, и все собравшиеся тоже ушли, удивляясь до крайней степени...»

И Шахразад устала, и она прекратила дозволенные речи.

Пятьсот шестьдесят третья ночь

Когда же настала пятьсот шестьдесят третья ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что Синдбад-мореход рассказал о шестом путешествии, и все ушли своей дорогой. А Синдбад-носильщик провёл ночь в своём жилище и затем совершил утреннюю молитву и пришёл в дом Синдбада-морехода, и явились остальные гости; а когда все собрались, Синдбад-мореход начал речь о седьмом путешествии и сказал:

Рассказ о седьмом путешествии (ночи 563-566)

Знайте, о люди, что, вернувшись после шестого путешествия я снова стал жить так, как жил в первое время, веселясь, развлекаясь, забавляясь и наслаждаясь, и провёл таким образом некоторое время, продолжая радоваться и веселиться непрестанно, ночью и днём: ведь мне досталась большая нажива и великая прибыль.

И захотелось моей душе посмотреть на чужие страны и поездить по морю и свести дружбу с купцами и послушать рассказы; и я решился на это дело и связал тюки из роскошных товаров для поездки по морю и свёз их из города Багдада в город Басру. И я увидел корабль, приготовленный для путешествия, на котором была толпа богатых купцов, и сел с ними на корабль и подружился с ними, и мы отправились, благополучные и здоровые, стремясь путешествовать. И ветер был для нас хорош, пока мы не прибыли в город, называемый город Китай, и испытывали мы крайнюю радость и веселье и беседовали друг с другом о делах путешествия и торговли.

И когда это было так, вдруг подул с носа корабля порывистый ветер и пошёл сильный дождь, так что мы прикрыли выюки войлоком и парусиной, боясь, что товары погибнут от дождя, и стали взывать к великому Аллаху и умолять его, чтобы он рассеял постигшую нас беду. И капитан корабля поднялся и, затянув пояс, подобрал полы и взобрался на мачту и посмотрел направо и налево, а затем он посмотрел на бывших на корабле купцов и стал бить себя по лицу и выщипал себе бороду: «О капитан, в чем дело?» – спросили мы его; и он ответил: «Просите у Аллаха великого спасения оттого, что нас постигло, и плачьте о себе! Прощайтесь друг с другом и знайте, что ветер одолел нас и забросил в последнее море на свете».

И затем капитан слез с мачты и, открыв свой сундук, вынул оттуда мешок из хлопчатой бумаги и развязал его, и высыпал оттуда порошок, похожий на пепел, и смочил порошок водой, и, подождав немного, понюхал его, а затем он вынул из сундука маленькую книжку и почитал её и сказал нам: «Знайте, о путники, что в этой книге удивительные вещи, которые указывают на то, что всякий, кто достигнет этой земли, не спасётся, а погибнет. Эта земля называется Климат царей, и в ней находится могила господина нашего Сулеймана, сына Дауда (мир с ними обоими!). И в ней водятся змеи с огромным телом, ужасные видом, и ко всякому кораблю, который достигает этой земли, выходит из моря рыба и глотает его со всем, что на нем есть».

Услышав от капитана эти слова, мы до крайности удивились его рассказу; и не

закончил ещё капитан своих речей, как корабль начал подниматься на воде и опускаться, и мы услышали страшный крик, подобный грохочущему грому. И мы испугались и стали как мёртвые и убедились, что сейчас же погибнем. И вдруг подплыла к кораблю рыба, подобная высокой горе, и мы испугались её, и стали плакать о самих себе сильным плачем, и приготовились умереть, и смотрели на рыбу, дивясь её ужасающему облику. И вдруг подплыла к нам ещё рыба, а мы не видали рыбы огромней и больше её, и мы стали друг с другом прощаться, плача о себе.

И вдруг подплыла третья рыба, ещё больше двух первых, что подплыли к нам раньше, и тут мы перестали понимать и разуметь, и ум наш был ошеломлён сильным страхом. И эти три рыбы стали кружить вокруг корабля, и третья рыба разинула пасть, чтобы проглотить корабль со всем, что на нем было, но вдруг подул большой ветер, и корабль подняло, и он опустился на большую гору и разбился, и все доски его разлетелись, и все выюки и купцы и путники утонули в море. И я снял все бывшие на мне одежды, так что на мне осталась одна лишь рубаха, и проплыл немного, и догнал доску из корабельных досок и уцепился за неё, а затем я влез на эту доску и сел на неё, и волны и ветры играли со мной на поверхности воды, а я крепко держался за доску, то поднимаемый, то опускаемый волнами, и испытывал сильнейшее мучения, испуг, голод и жажду.

И я стал упрекать себя за то, что я сделал, и душа моя утомилась после покоя, и я говорил себе: «О Синдбад, о мореход, ты ещё не закаялся, и всякий раз ты испытываешь бедствия и утомление, но не отказываешься от путешествия по морю, а если ты отказываешься, то твой отказ бывает ложным. Терпи же то, что ты испытываешь, ты заслужил все, что тебе досталось...»

И Шахразад устала, и она прекратила дозволенные речи.

Пятьсот шестьдесят четвёртая ночь

Когда же настала пятьсот шестьдесят четвёртая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что, когда Синдбад-мореход стал тонуть в море, он сел верхом на деревянную доску и сказал про себя: „Я заслужил все то, что со мной случается, и это было предопределено мне Аллахом великим, чтобы я отказался от моей жадности. Все то, что я терплю, происходит от жадности, – ведь у меня много денег“.

«И я вернулся к разуму, – говорил Синдбад, – и сказал: „В это путешествие я каюсь Аллаху великому преискренним раскаянием и не буду путешествовать и в жизни не стану упоминать о путешествии языком или в уме“. И я не переставал умолять Аллаха великого и плакать, вспоминая, в каком я жил спокойствии, радости, наслаждении, восторге и веселье. И я провёл таким образом первый день и второй, и, наконец, я выбрался на большой остров, где было много деревьев и каналов, и стал я есть плоды с этих деревьев и пил воду из каналов, пока не оживился и душа не вернулась ко мне, и решимость моя окрепла, и грудь моя расправилась.

И затем я пошёл по острову и увидел на противоположном конце его большой поток с пресной водой, но течение этого потока было сильное. И я вспомнил о лодке, на которой я ехал раньше, и сказал про себя: «Я непременно сделаю себе такую же лодку, может быть я спасусь от этого дела. Если я спасусь – желаемое достигнуто, и я закаюсь перед Аллахом великим и не буду путешествовать, а если я погибну – моё сердце отдохнёт от утомления и труда». И затем я поднялся и стал собирать сучья деревьев – дорогого сандала, подобного которому не найти (а я не знал, что это такое); и, набрав этих сучьев, я раздобыл веток и травы, росшей на острове, и, свив их наподобие верёвок, связал ими свою лодку и сказал про себя: «Если я спасусь, это будет от Аллаха!»

И я сел в лодку и поехал на ней по каналу и доехал до другого конца острова, а затем я отдалился от него и, покинув остров, плыл первый день и второй день и третий день. И я все лежал и ничего не ел за это время, но когда мне хотелось пить, я пил из потока; и стал я

подобен одуревшему цыплёнку из-за великого утомления, голода и страха. И лодка приплыла со мной к высокой горе, под которую втекала река; и, увидев это» я испугался, что будет так же, как в прошлый раз, на предыдущей реке, и хотел остановить лодку и выйти из неё на гору, но вода одолела меня и повлекла лодку, и лодка пошла под гору, и, увидев это, я убедился, что погибну, и воскликнул: «Нет мощи и силы, как у Аллаха, высокого, великого!» А лодка прошла небольшое расстояние и вышла на просторное место; и вдруг я вижу: передо мной большая река, и вода шумит, издавая гул, подобный гулу грома, и мчась, как ветер. И я схватился за лодку руками, боясь, что выпаду из неё, и волны играли со мной, бросая меня направо и налево посреди этой реки; и лодка спускалась с течением воды по реке, и я не мог её задержать и не был в состоянии направить её в сторону суши, и, наконец, лодка остановилась со мной около города, великого видом, с прекрасными постройками, в котором было много народа. И когда люди увидели, как я спускался на лодке посреди реки по течению, они бросили мне в лодку сеть и верёвки и вытянули лодку на сушу, и я упал среди них, точно мёртвый, от сильного голода, бессонницы и страха.

И навстречу мне вышел из собравшихся человек, старый годами, великий шейх, и сказал мне: «Добро пожаловать!» – и накинул на меня много прекрасных одежд, которыми я прикрыл срамоту; а затем этот человек взял меня и пошёл со мной и свёл меня в баню; он принёс мне оживляющего питья и прекрасные благовония. А когда мы вышли из бани, он взял меня к себе в дом и ввёл меня туда, и обитатели его дома обрадовались мне, и он посадил меня на почётное место и приготовил мне роскошных кушаний, и я ел, пока не насытился, и прославил великого Аллаха за своё спасение.

А после этого его слуги принесли мне горячей воды, и я вымыл руки, и невольницы принесли шёлковые полотенца, и я обсушил руки и вытер рот; и потом шейх в тот же час поднялся и отвёл мне отдельное, уединённое помещение в своём доме и велел слугам и невольницам прислуживать мне и исполнять все мои желанья и дела, и слуги стали обо мне заботиться.

И я прожил таким образом у этого человека, в доме гостеприимства, три дня, и хорошо ел, и хорошо пил, и сдыхал прекрасные запахи, и душа вернулась ко мне, и мой страх утих, и сердце моё успокоилось, и я отдохнул душой. А когда наступил четвёртый день, шейх пришёл ко мне и сказал: «Ты возвеселил нас, о дитя моё! Слава Аллаху за твоё спасение! Хочешь пойти со мной на берег реки и спуститься на рынок? Ты продашь свой товар и получишь деньги, и, может быть, ты купишь на них что-нибудь, чем станешь торговать».

И я помолчал немного и подумал про себя: «А откуда у меня товар и какова причина этих слов?» А шейх продолжал: «О дитя моё, не печалься и не задумывайся, пойдём на рынок; и если мы увидим, что кто-нибудь даёт тебе за твои товары цену, на которую ты согласен, я возьму их для тебя, а если товары не принесут ничего, чем бы ты был доволен, я сложу их у себя в моих кладовых до тех пор, пока не придут дни купли и продажи». И я подумал о своём деле и сказал своему разуму: «Послушайся его, чтобы посмотреть, что это будет за товар»; и затем сказал: «Слушаю и повинуюсь, о дядя мой шейх! То, что ты делаешь, благословенно, и невозможно тебе прекословить ни в чем».

И затем я пошёл с ним на рынок и увидел, что он разобрал лодку, на которой я приехал (а лодка была из сандалового дерева), и послал зазывателя кричать о ней...»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Пятьсот шестьдесят пятая ночь

Когда же настала пятьсот шестьдесят пятая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что Синдбад-мореход пришёл с шейхом на берег реки и увидел, что лодка из сандалового дерева, на которой он приехал, уже развязана, и увидел посредника, который старался продать дерево.

«И пришли купцы, – рассказывал Синдбад, – и открыли ворота цены, и за лодку

набавляли цену, пока она не достигла тысячи динаров, а потом купцы перестали набавлять, и шейх обернулся ко мне и сказал: „Слушай, о дитя моё, такова цена твоего товара в дни, подобные этим. Продашь ли ты его за эту цену, или станешь ждать, и я сложу его у себя в кладовых, пока не придёт время увеличения его цены и мы его про дадим?“ – „О господин, веление принадлежит тебе, делай же что хочешь“, – ответил я; и старец сказал: „О дитя моё, продашь ли ты мне это дерево с надбавкой в сто динаров золотом сверх того, что дали за него купцы?“ – „Да, – отвечал я, – я продам тебе этот товар“, – и получил за него деньги. И тогда старец приказал своим слугам перенести дерево в свои кладовые, и я вернулся с ним в его дом. И мы сели, и старец отсчитал мне всю плату за дерево и велел принести кошельки и сложил туда деньги и запер их на железный замок, ключ от которого он отдал мне.

А через несколько дней и ночей старец сказал мне: «О дитя моё, я предложу тебе кое-что и желаю, чтобы ты меня в этом послушал». – «А что это будет за дело?» – спросил я его. И шейх ответил: «Знай, что я стал стар годами и у меня нет ребёнка мужского пола, но есть у меня молоденькая дочь, прекрасная видом, обладательница больших денег и красоты, и я хочу выдать её за тебя замуж, чтобы ты остался с ней в нашей стране; а впоследствии я отдам тебе во владение все, что у меня есть, и все, чем владеют мои руки. Я ведь стал стар, и ты встанешь на моё место». И я промолчал и не сказал ничего, а старец молвил: «Послушайся меня, о дитя моё, в том, что я тебе говорю, я ведь желаю тебе блага. Если ты меня слушаешься, я женю тебя на моей дочери, и ты станешь как бы моим сыном, и все, что в моих руках и принадлежит мне, будет твоё, а если ты захочешь торговать и отправиться в твою страну, никто тебе не будет препятствовать, и вот твои деньги у тебя под рукой. Делай же так, как захочешь и изберешь». – «Клянусь Аллахом, о дядя мой шейх, ты стал как бы моим отцом, и я испытал многие ужасы, и не осталось у меня ни мнения, ни знания! – ответил я. – Веление во всем, что ты хочешь, принадлежит тебе». И тогда шейх приказал своим слугам я привести судью и свидетелей, и их привели, и он женил меня на своей дочери, и сделал для нас великолепный пир и большое торжество. И он ввёл меня к своей дочери, и я увидел, что она до крайности прелестна и красива и стройна станом, и на ней множество разных украшений, одежд, дорогих металлов, уборов, ожерелий и драгоценных камней, стоимость которых – многие тысячи тысяч золота, и никто не может дать их цену. И когда я вошёл к этой девушке, она мне понравилась, и возникла между нами любовь, и я прожил некоторое время в величайшей радости и веселье.

И отец девушки представился к милости великого Аллаха, и мы обрядили его и похоронили, и я наложил руку на все, что у него было, и все его слуги стали моим!»! слугами, подвластными моей руке, которые мне служили. И купцы назначили меня на его место, а он был их старшиной, и ни один из них ничего не приобретал без его ведома и разрешения, так как он был их шейхом, – и я оказался на его месте. И когда я стал общаться с жителями этого города, я увидел, что их облик меняется каждый месяц, и у них появляются крылья, на которых они взлетают к облакам небесным, и остаются жить в этом городе только дети и женщины; и я сказал про себя: «Когда придёт начало месяца, я попрошу кого-нибудь из них, и, может быть, они отнесут меня туда, куда сами отправляются».

И когда пришло начало месяца, цвет жителей этого города изменился, и облик их стал другим, и я пришёл к одному из них и сказал: «Заклинаю тебя Аллахом, унеси меня с собой, и я посмотрю и вернусь вместе с вами». – «Это вещь невозможная», – отвечал он. Но я не переставал уговаривать его, пока он не сделал мне этой милости, и я встретился с этим человеком и схватился за него, и он полетел со мной по воздуху, а я не осведомил об этом никого из моих домашних, слуг или друзей.

И этот человек летел со мной, а я сидел у него на плечах, пока он не поднялся со мной высоко в воздух, и я услышал славословие ангелов в куполе небосвода и подивился этому и воскликнул: «Хвала Аллагу, да будет слава Аллаху!»

И не закончил я ещё славословия, как с неба сошёл огонь и едва не сжёг этих людей. И все они спустились и бросили меня на высокую гору, будучи в крайнем гневе на меня, и улетели и оставили меня, и я остался один на этой горе и стал себя упрекать за то, что я

сделал, и воскликнул: «Нет мощи и силы, кроме как у Аллаха, высокого, великого! Всякий раз как я освобожусь из беды, я попадаю в беду более жестокою».

И я оставался на этой горе, не зная, куда направиться; и вдруг прошли мимо меня двое юношей, подобные лунам, и в руке каждого из них была золотая трость, на которую они опирались. И я подошёл к ним и приветствовал их, и они ответили на моё приветствие, и тогда я сказал им:

«Заклинаю вас Аллахом, кто вы и каково ваше дело?»

И они ответили мне: «Мы из рабов Аллаха великого», – и дали мне трость из червонного золота, которая была с ними, и ушли своей дорогой, оставив меня. И я остался стоять на вершине горы, опираясь на посох, и раздумывал о деле этих юношей.

И вдруг из-под горы выползла змея, державшая в пасти человека, которого она проглотила до пупка, и он кричал: «Кто освободит меня, того освободит Аллах от всякой беды!»

И я подошёл к этой змее и ударил её золотой тростью по голове, и она выбросила этого человека из пасти...»

И Шахразадку застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Пятьсот шестьдесят шестая ночь

Когда же настала пятьсот шестьдесят шестая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что Синдбад-мореход ударил змею золотой тростью, которая была у него в руках, и змея выбросила этого человека из пасти.

«И человек подошёл ко мне, – говорил Синдбад, – и сказал: „Раз моё спасение от этой змеи совершилось твоими руками, я больше не расстанусь с тобой, и ты будешь мне товарищем на этой горе“. – „Добро пожаловать!“ – отвечал я ему; и мы пошли по горе. И вдруг подошли к нам какие-то люди, и я посмотрел на них и увидел того человека, который унёс меня на плечах и летал со мной.

И я подошёл к нему и стал перед ним оправдываться и уговаривать его и сказал: «О друг мой, не так поступают друзья с друзьями!» И этот человек ответил мне: «Это ты погубил нас, прославляя Аллаха у меня на спине!» – «Не взыщи с меня, – сказал я, – это не было мне ведомо, но теперь я никогда не буду говорить».

И этот человек согласился взять меня с собой, но поставил мне условие, что я не буду поминать Аллаха и прославлять его у него на спине. И он понёс меня и полетел со мной, как в первый раз, и доставил меня в моё жилище; и моя жена вышла мне навстречу и приветствовала меня и поздравила со спасением и сказала: «Берегись впредь выходить с этими людьми и не води с ними дружбы: они братья шайтанов и не знают, как помянуть Аллаха великого». – «А почему жил с ними твой отец?» – спросил я; и она сказала: «Мой отец не принадлежал к ним и не поступал так, как они; и, по-моему, раз мой отец умер, продай все, что у нас есть, и возьми на вырученные деньги товар и затем отправляйся в твою страну, к родным, и я поеду с тобой: мне нет нужды сидеть в этом городе после смерти матери и отца».

И я стал продавать вещи этого шейха одну за другой, выжидая, пока кто-нибудь выедет из этого города, чтобы мне поехать с ним; и когда это было так, некоторые люди в городе захотели уехать, но не находили для себя корабля.

И они купили брёвен и сделали себе большой корабль, и я нанял его вместе с ними и отдал им плату полностью, а затем я посадил на корабль мою жену и сложил туда все, что у нас было, и мы оставили наши владения и поместья и уехали.

И мы ехали по морю, от острова к острову, переезжая из моря в море, и ветер был хорош во все время путешествия, пока мы благополучно не прибыли в город Басру. Но я не остался там, а нанял другой корабль и перенёс туда все, что со мной было, и отправился в город Багдад, и пошёл в свой квартал, и пришёл к себе домой, и встретил моих родных,

друзей и любимых. Я сложил в кладовые все бывшие со мной товары; и мои родные высчитали, сколько времени я был в отлучке в седьмое путешествие, и оказалось, что прошло двадцать семь лет, так что они перестали надеяться на моё возвращение. А когда я вернулся и рассказал им обо всех моих делах и о том, что со мной случилось, все очень удивились этому и поздравили меня со спасением, и я закаялся перед Аллахом великим путешествовать по суше и по морю после этого седьмого путешествия, которое положило конец путешествиям, и оно пресекло мою страсть. И я возблагодарил Аллаха (слава ему и величие!) и прославил его и восхвалял за то, что он возвратил меня к родным в мою страну и на родину. Посмотри же, о Синдбад, о сухопутный, что со мной случилось, и что мне выпало, и каковы были мои дела!»

И сказал Синдбад сухопутный Синдбаду-мореходу: «Заклинаю тебя Аллахом, не взыщи с меня за то, что я сделал по отношению к тебе!» И они жили в дружбе и любви и великом веселье, радости и наслаждении, пока не пришла к ним Разрушительница наслаждений и Разлучительница собраний, которая разрушает дворцы и наделяет могилы, то есть – смерть... Да будет же слава живому, который не умирает!

Повесть о медном городе (ночи 566-578)⁴⁹²

Дошло до меня также, что был в древние времена и минувшие века и годы в Дамаске Сирийском царь из халифов, по имени Абд-альМелик ибн Мервая. И сидел он однажды, и были у него вельможи его царства из числа царей и султанов, и начали они рассуждать о преданиях прежде бывших народов и вспомнили рассказы о господине нашем Сулеймане, сыне Дауда (мир над ними обоими) и о том, какую даровал ему Аллах великую силу и власть над людьми и джиннами и птицами и зверями и другими тварями, и сказали они: «Мы слышали от тех, кто был прежде нас, что Аллах (слава ему и величие!) никому не даровал того, что даровал он господину нашему Сулейману, и что достиг Сулейман того, чего не достиг никто: он даже заточал джинов, маринов и шайтанов в кувшины из меди, которые заливал о к свинцом и припечатывал своей печатью...»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Пятьсот шестьдесят седьмая ночь

Когда же настала пятьсот шестьдесят седьмая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что халиф Абд-аль-Мелик ибн Мервая беседовал со своими помощниками и вельможами своего царства, и вспоминали они господина нашего Сулеймана и власть, дарованную ему Аллахом, и сказал кто-то, что он достиг того, чего не достигал до него никто: он даже заточал маринов и шайтанов в медные кувшины и заливал их свинцом и припечатывал своей печатью.

И рассказывал Талиб ибн Сахль, что некий человек ехал на корабле вместе с толпой людей, и спустились они в страны Индии и ехали не переставая, пока не поднялся против них ветер. И направил их этот ветер к одной земле из земель Аллаха великого, а было это в темноте ночи. И когда заблистал день, вышли к ним из пещер в этой земле люди чёрного цвета с обнажённым телом, подобные зверям и не разумеющие речи. И был у них царь их же породы, и никто из них не знал по-арабски, кроме их царя. И когда увидели они корабль и тех, кто был на нем, царь вышел к ним в толпе своих приближённых и приветствовал их и

⁴⁹² Сказка о медном городе – образец распространенных в арабской повествовательной литературе рассказов о бренности всего земного. Главное действующее лицо этой сказки – эмир Муса ибн Носейр (а не Наср, как стоит в арабском тексте), наместник Магриба (севере западной Африки); под его начальством мусульманские войска завершили покорение Андалусии (Испании). Это произошло в 711-714 годах, при VI халифе династии Омеядов, Валиде I, сыне Абд аль Медика ибн Мервана (годы правления 685-705).

сказал им: «Добро пожаловать!» – и спросил их, какой они веры, и путники рассказали ему о себе, и царь молвил: «С вами не будет дурного!» А когда они спросили их об их вере, каждый из них исповедовал одну из религий, которые были раньше появления ислама и прежде посольства Мухаммеда (да благословит его Аллах и да приветствует!), и ехавшие на корабле сказали: «Мы не знаем, что ты говоришь, и не ведаем ничего о пере».

И сказал им тогда царь: «Не проникал к нам никто из сыновей Адама прежде вас», – и затем он угостил их мясом птиц и животных и рыбой, а у них не было другой еды, кроме этой. И потом люди, бывшие на корабле, пошли гулять по этому городу, и увидели они, что один рыбак опустил сеть в море, чтобы ловить рыбу, и вытянул её, и вдруг в ней оказался кувшин из земли, залитый свинцом и запечатанный печатью Сулеймана, сына Дауда (мир с ними обоими!). И рыбак вынул кувшин и разбил его, и стал выходить оттуда синий дым, который достиг облаков небесных, и послышался ужасающий голос, говоривший: «Прощение, прощение, о пророк Аллах!» И превратился этот дым в существо ужасного вида и устрашающего облика, голова которого доходила до вершины горы, а затем оно скрылось с глаз. Что же касается до ехавших на корабле, то у них едва не оторвалось сердце, а чернокожие те и не задумались об этом. И вернулся один человек к царю и спросил его об этом, и молвил царь: «Знай, что это один из джиннов, которых Сулейман ибн Дауд, когда гневался на них, заточал в такие кувшины и заливал их свинцом и бросал в море, и когда рыбак закидывает сеть, он большею частью вытаскивает такие кувшины, и если их разбить, из них выходит джин. И является ему мысль, что Сулейман жив, и кается он и говорит: „Прощение, о пророк Аллаха!“»

И подивился повелитель правоверных Абд-аль-Мелик ибн Мерван подобным речам и воскликнул: «Хвала Аллаху! Дарована Сулейману власть великая!»

А был среди тех, кто присутствовал на этом собрании, ан-Набига аз-Зубьяни⁴⁹³, и сказал он: «Правду говорил Талиб в том, что он рассказал, и указывают на это слова Первого мудреца:

«А вот Сулейман, когда сказал его бог ему:
«Восстань и халифом будь и правь ты с усердием!
И тех, кто покорён, ты почти за покорность их,
А тех, кто отверг тебя, навеки ты заточи».
И он сажал их в медные кувшины и бросал в море».

И нашёл повелитель правоверных эти речи прекрасными и воскликнул: «Клянусь Аллахом, поистине, хочу я увидеть какой-нибудь из этих кувшинов!» И сказал ему тогда Талиб ибн Сахль: «О повелитель правоверных, ты можешь это сделать, оставаясь в твоей стране. Пошли к брату твоему Абд-аль-Азизу ибн Мервану приказ, чтобы он доставил их тебе из страны запада. Пусть напишет Мусе, чтобы отправился он в страны запада, к той горе, о которой мы упоминали, и принёс тебе кувшины, которые ты требуешь. Отдалённейший конец его страны примыкает к этой горе».

И одобрил повелитель правоверных его мнение и сказал: «О Талиб, ты был прав в том, что говорил, и хочу я, чтобы ты был моим послом к Мусе ибн Насру с этим делом. Тебе будет белое знамя и какие хочешь богатства и почёт и прочее, и я тебе преемник для твоей семьи». – «С любовью и удовольствием, о повелитель правоверных», – ответил Талиб. И халиф молвил: «Ступай, с благословения Аллаха великого и с помощью его!»

И затем приказал он, чтобы написали письмо его брату Абд-аль-Азизу, наместнику в Египте, и другое письмо к Мусе, наместнику его в странах запада, с приказанием, чтобы отправился Муса лично искать Сулеймановы кувшины и оставил своего сына правителем в

⁴⁹³ Ан-Набига аз-Зубьяни – выдающийся поэт доисламской эпохи, появление которого в настоящем рассказе – обычный для «1001 ночи» анахронизм.

стране и чтобы взял он с собой проводников и расходовал деньги и набрал побольше людей, и пусть не допускает он в этом промедления и не отговаривается доводами. И халиф запечатал оба письма и отдал их Талибу ибн Сахлю и велел ему торопиться. И он поставил знамёна над его головой и дал ему денет и людей, конных и пеших, чтобы были они ему помощниками в его пути, и приказал назначить на содержание его дома все, что нужно.

И выступил Талиб, направляясь в Египет...»

И Шахразад застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Пятьсот шестьдесят восьмая ночь

Когда же настала пятьсот шестьдесят восьмая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что Халиб ибн Сахль и его товарищи выступили из Сирии, пересекая страны, и вошли в Египет. И встретил Талиба эмир Египта и поселил его у себя и оказывал ему величайшее уважение, пока он пребывал у него, а затем он послал с ним проводника в Верхний Египет, и прибыли они к эмиру Мусе ибн Насру. И, узнав об Этом, эмир вышел к нему и встретил его и обрадовался ему, и Талиб подал ему письмо, и Муса взял его и прочёл и понял его смысл и положил письмо себе на голову и сказал: „Слушаю и повинуюсь повелителю правоверных“.

И затем мнение их сошлось на том, чтобы призвать вельмож его царства, и когда они явились, Муса стал их расспрашивать о том, что он увидел в письме. И вельможи сказали: «О эмир, если ты хочешь, чтобы кто-нибудь провёл тебя на дорогу к этому месту, то призови шейха Абд-ас-Самада ибн Абд-аль-Каддуса ас-Самуди; это – человек знающий, и он много путешествовал и осведомлён о пустынях, степях и морях и их обитателях и диковинах и о землях и о странах. Призови его к себе, он проведёт тебя к тому, что ты хочешь».

И эмир приказал позвать Абд-ас-Самада, и тот предстал пред ним, и оказалось, что это – глубокий старец, одряхлевший от смены годов и лет. И эмир Муса приветствовал его и оказал ему: «О шейх Абд-ас-Самад, владыка наш повелитель правоверных Абд-аль-Мелик ибн Мервая поюелел нам то-то и то-то, а я мало осведомлён об этой земле. Мне говорили, что ты знаешь эти страны и дороги.

Есть ли у тебя желание исполнить приказ повелителя правоверных?» И старец молвил: «Знай, о эмир, что это дорога крутая, далёкая для отлучки, где мало проторённых путей». И спросил эмир: «Каково туда расстояние?» – «Расстояние в два года и несколько месяцев туда и столько же назад, – ответил старец, – и на этой дороге бедствия, ужасы, диковины и чудеса. А ты – человек, сражающийся с неверными, и страны наши близки от врага; может быть, христиане выступят в твоё отсутствие, и следует тебе оставить в царстве кого-нибудь, кто будет им управлять». И Муса ответил: «Хорошо!» И он оставил своего сына Харуна вместо себя в своём царстве, и привёл к присяге воинов ему и велел им не прекословить, а, напротив, слушаться сына своего во всем, что он им прикажет.

И воины выслушали его слова и послушались его, а был его сын Харун человеком великой ярости, доблестным вождём и неустрашимым храбрецом.

И шейх Абд-ас-Самад объяснил эмиру, что до того места, где находится то, что нужно повелителю правоверных, четыре месяца пути, и расположено оно на берегу моря, и там везде есть водопой, которые примыкают друг к другу, и есть там трава и ручьи. «Аллах облегчит нам это по благодати своей, о наместник повелителя правоверных», – сказал он. И эмир Муса спросил его: «Известно ли тебе, что кто-нибудь из царей вступил на эту землю раньше нас?» – «Да, о повелитель правоверных, – отвечал шейх, – эта земля принадлежала царю Искандарию, Дарану-румийцу».

И затем они отправились, и шли до тех пор, пока не достигли одного дворца, и шейх оказал: «Пойдём к этому дворцу, в котором назидание для всех, кто поучается». И эмир Муса подошёл ко дворцу вместе с шейхом Абд-ас-Самадом и особо приближёнными своими спутниками, и они достигли ворот дворца и увидели, что ворота открыты. А у ворот были

высокие колонны и ступени, две из которых были особенно широкие, и были они из разноцветного мрамора, подобного которому не видано, а потолки и стены были разрисованы золотом, серебром и драгоценным сплавом. И на воротах была доска, на которой было что-то написано по-гречески, и шейх Абд-ас-Самад спросил: «Прочитать ли мне это, о эмир?» – «Подойди и прочитай, да благословит тебя Аллах! Нам досталось добро в Этом путешествии только по твоей благодати!» – ответил эмир Муса. И шейх прочитал надпись, и вдруг это оказались такие стихи:

«...И люди те – что после деяний их
Оплаканы и власть свою бросили.
А вот дворец – последнюю даст он весть
О тех царях, что все в земле собраны.
Сгубила их, их разлучив, злая смерть,
Во прахе все погибло, что собрано.
И кажется, что кладь они скинули
Для отдыха, но быстро вновь двинулись».

И заплакал эмир Муса, так что его покрыло беспамятством, и воскликнул: «Нет бога, кроме Аллаха, живого, сущего без прекращения!» – а затем он вошёл во дворец и растерялся, увидя, как он прекрасен и хорошо выстроен. И он взглянул на бывшие там изображения и картины и вдруг увидел на других дверях написанные стихи. «Подойди, о шейх, и прочитай их», – сказал эмир Муса, и шейх подошёл и прочитал, и стихи были такие:

«Как много их обитало под сводам
В былые века и годы, и все ушло!
Взгляни же ты, что с другими содеяли
Превратности, когда беды сразили их.
Делили все, что собрали себе они,
Но, радости все покинув, ушли они.
Как были они одеты и ели как!
А ныне их поедает в могиле червь».

И заплакал эмир Муса горьким плачем, и пожелтел мир перед глазами его, и он воскликнул: «Поистине, мы созданы ради великого дела!» И они осмотрели дворец и увидели, что он свободен от обитателей и лишён людей и жителей, и дворы его были пустынные, и помещения его безлюдны, а посреди него стояла высокая постройка с куполом, уходящим ввысь, вокруг которой было четыреста могил. И подошёл эмир Муса к этим могилам и увидел среди них могилу, построенную из мрамора, на котором были вырезаны такие стихи:

«Как часто я медлил, как часто метался,
Как много я разных людей перевидал!
Как много я съел и как много я выпил,
Как много я слышал певиц в моей жизни!
Как много запретов, как много приказов
Я дал, и как много дворцов неприступных
Подверг я осаде, потом обыскал,
И много певиц я оттуда похитил.
По только, глупец, я предел перешёл,
Пытаясь добиться того, что не вечно.
Сочтись же, о муж, ты с душою своей
Пред тем, как испить тебе гибели чашу!

Ведь скоро засыплют могильной землёй
Тебя, и навеки лишишься ты жизни».

И заплакал эмир Муса и те, что были с ним, а затем он подошёл к постройке, и оказалось, что у неё восемь дверей из сандалового дерева с золотыми гвоздями, и они усыпаны серебряными звёздами и украшены благородными металлами и разными драгоценными камнями, и на первых дверях написаны такие стихи:

«Вое то, что оставил я, не щедростью отдано,
Но рок и судьбы закон людьми управляет.
Ведь долго я радость знал и долго блаженствовал,
Храня заповедное, как лев кровожадный.
Покоя не ведал я и зёрнышка не давал
Из жадности, хоть бы был в огонь я повергнут,
Пока не сразил меня predetermined рок –
Его ниспослал мне бог, творец и создатель.
И если уж суждена кончина мне скорая,
Не в силах я отразить её изобильем.
Нет пользы от воинов, которых я набирал,
Ни друг, ни соседи мне тогда не помогут.
Всю жизнь утомлён я был, путём своим шествуя,
Под сенью гибели, и в лёгком и в трудном.
К другому перед зарёй вернётся она опять,
Носильщик когда придёт к тебе и могильщик.
В деть смотра увидишь ты Аллаха наедине,
Под ношей твоих грехов, злодейств и проступков,
Так пусть не обманет жизнь тебя с её роскошью –
Смотря, что вершит она с семьёй и соседом».

И когда услышал эмир Муса эти стихи, он заплакал горьким плачем, так что его покрыло беспмятством, а очнувшись, он вошёл под купол и увидел там длинную могилу, ужасающую на вид, а на ней доску из китайского железа. И шейх Абд-ас-Самад подошёл к этой доске и стал читать, и вдруг видит, на ней написано: «Во имя Аллаха, вечного, бесконечного, не имеющего конца! Во имя Аллаха, который не рождает и не рождён, и не равен ему никто! Во имя Аллаха, обладателя величия и власти!

Во имя живого, который не умирает!..»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Пятьсот шестьдесят девятая ночь

Когда же настала пятьсот шестьдесят девятая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что шейх Абд-ас-Самад прочёл то, о чем мы упомянули, и увидел, что после этого на доске написано: „А после славословия: о достигший этих мест, поучайся, видя превратности времени и удары случайностей, и не дай себя обмануть жизни с её роскошью, ложью, клеветой, обманом и украшениями; она лстива, коварна, и обманчива, и все, что есть в ней, взято взаймы. Она отбирает занятое у занимающего, и подобна она пучкам видений спящего и грёзам грезящего, и точно марево она в равнине, которое сочтёт жаждущий за воду. Украшает её шайтан для человека до смерти его. Вот каковы свойства земной жизни; не доверяй же ей и не питай к ней склонности: она обманывает того, кто на неё опирается и в делах своих на неё полагается. Не попадайся в силки её и по цепляйся за подол её. Я обладал четырьмя тысячами рыжих коней и дворцом и женился на тысяче

девушек из дочерей царских, полногрудых дев, подобных луне, и осталась мне тысяча сыновей, подобных хмурым львам, и прожил я жизни тысячу лет, нежась умом и сердцем, и собрал деньги, добыть которые бессильны цари земные, и думал я, что счастье продлится без конца, но не успел я очнуться, как низошла к нам Разлучительница наслаждений и Разрушительница собраний, опустошающая жилище и разрушающая населённые дома, уничтожающая больших и малых, детей, сыновей и матерей. И жили мы в этом дворце спокойно, пока не постиг нас приговор господ мира, господ небес и господ земель, и поразил нас вопль явной истины, и стало умирать из нас каждый день двое, пока не погибло нас великое множество. И когда увидел я, что смерть вошла в дома наши и поселилась у нас и утопила нас в море гибели, я призвал писца и велел ему написать эти стихи и назидания и увещания и вывел их, с циркулем, на этих воротах, досках и могилах. А было у меня войско в тысячу тысяч поводьев и крепких людей с копьями и кольчугами, железными мечами и сильными руками, и приказал я им надеть ниспадающие кольчуги, и повязать режущие мечи, и прикрепить ужасающие копья, и сесть на горячих коней, и когда поразил нас приговор господ мира, господ земель и небес, я сказал им: „О люди, воины и солдаты, можете ли вы отразить то, что снизошло ко мне от царя покоряющего?“ И не было у воинов и солдат для этого силы, и сказали они: „Как будем мы сражаться с тем, кого не заграждает заграждающий, с обладателем ворот, у которых нет привратника?“ И молвил я: „Принесите мне деньги!“ (а было их тысяча колодцев, в каждом колодце по тысяче кинтаров червонного золота, и были там разные жемчуга и драгоценности и столько же белого серебра и сокровищ, собрать которые бессильны цари земли). И сделали это, и когда деньги принесли ко мне, я спросил: „Можете ли вы спасти меня всеми этими деньгами и купить мне на них один день, который я проживу?“ И не могли они этого и подчинились судьбе и предопределению, и я был терпелив, ради Аллаха, к приговору и испытанию, пока не взял Аллах моей души и не поселил меня в гробнице. А если ты опросишь о моем имени, то я – Куш, сын Шеддада, сына Ада-старшего“.

И на этой дороге были написаны ещё такие стихи:

«Коль вспомните меня через много лет вы,
Превратности когда друг друга сменят,
То я – Шеддада сын, людей владыка,
И всей земли со всякою страною.
Послушны мне врагов отряды мощные,
И Шам, и Миср, вплоть до земли Аднана⁴⁹⁴
Я был велик, царей их унижал я,
И жители земли меня боялись.
Племена я видел и войск отряды в руках моих,
И страх внушал я городам и людям.
И, сядясь верхом, я видеть мог, что солдат моих
На спинах конских тысяча есть тысяч.
Я владел деньгами, числа которых счесть нельзя,
Копил я их на случай перемены,
И мне думалось, будто выкуплю всем богатством я
Мой дух и жизни срок назначу новый.
Все отверг господь, и свою лишь волю исполнил он,
И теперь один я, лишён друзей и братьев,
И пришла ко мне смерть разлучница и снесла меня
Из дома славы в лоно униженья.
Я увидел все, что свершил я раньше, и вот теперь

⁴⁹⁴ Шам – Сирия. Миср – Египет. Аднан – мифический родоначальник некоторых арабских племён.

Я – залог за это и сам всему виновник.
Береги себя, когда будешь ты на краю могил,
Пути превратностей остерегайся».

И заплакал эмир Муса, и его покрыло беспамятством, когда увидел он, как погибали эти люди. И ходили потом они по дворцу и рассматривали ею залы и места прогулок, и вдруг увидели они столик на четырех ножках из мрамора, на котором было написано: «Ели за этим столом тысяча царей одноглазых и тысяча царей с здоровыми глазами, и все они покинули сей мир и поселились в могилах и гробницах». И записал эмир Муса все это и вышел, не взяв с собой из дворца ничего, кроме этого столика.

И воины двинулись, а шейх Абд-ас-Самад шёл впереди их и указывал им дорогу, и прошёл весь этот день, и второй, и третий и вдруг оказались они у высокого холма. И посмотрели они на него и увидели на нем всадника из меди, и на конце его копья было широкое сверкающее острие, которое едва не похищало взора, и было на нем написано: «О тот, кто прибыл ко мне, если ты не знаешь дороги, ведущей к медному городу, потри руку этого всадника: он повернётся и остановится. В какую сторону он обратится, в ту и иди, и пусть не будет на тебе страха и стеснения. Эта дорога приведёт тебя к медному городу...»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Ночь, дополняющая до пятисот семидесяти

Когда же настала ночь, дополняющая до пятисот семидесяти, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что, когда эмир Муса потёр руку дудника, он повернулся, точно похищающая молния, и обратился не в ту сторону, в которую они шли. И они повернули в эту сторону и пошли, и оказалось, что там настоящая дорога. И они пошли по ней и шли весь день и всю ночь, и пришли далёкие страны. И однажды они шли и вдруг увидели столб из чёрного камня и в нем существо, которое погрузилось в землю до подмышек, и было у него два больших крыла и четыре руки два из них – как руки людей, а две – как лапы льва, с когтями. И на голове у него были волосы, как конский хвост, и было у него два глаза, подобные углям, и третий глаз, на лбу, как глаз барса, и в даём сверкали огненные искры, и было это существо чёрное и длинное, и оно кричало: „Слава господу моему, который судил мае это великое испытание и болезненную пытку до дня воскресения!“

И когда люди увидали его, их разум улетел, и они оторопели при виде облика этого существа и повернулись, обратившись в бегство, и тогда эмир Муса оказал шейху Абд-ас-Самату: «Что это такое?» – «Я не знаю, что это», – ответил шейх. И эмир сказал ему: «Подойди к нему ближе и расследуй, в чем с ним дело. Может быть, он объяснит, что с ним, и, быть может, ты узнаешь, какова его повесть». – «Да направит Аллах эмира! Мы боимся его», – отвечал шейх. И эмир сказал: «Не бойтесь его; то, что с ним случилось, удерживает его от вас и от других».

И шейх Абд-ас-Самад подошёл к существу и сказал ему: «О человек, как твоё имя, в чем с тобой дело и кто положил тебя в это место в таком виде?» – «Что до меня, – отвечало существо, – то я – ифрит из джиннов, и имя моё – Дахиш сын аль-Амаша. Меня удерживает здесь господнее величие; и я заточён всемогуществом и буду подвергнут пытке до тех пор, пока хочет этого Аллах, великий и славный!» – «О шейх Абд-ас-Самад, спроси его, по какой причине он заточён в этом столбе», – сказал эмир Муса. И шейх спросил ифрита об этом.

И тот оказал: «Моя повесть удивительна. У одного из детей Иблиса был идол из красного сердолика, и я был поставлен сторожить его. А ему поклонялся царь из царей моря, высокий саном и великий значением, который вёл за собой солдат из джиннов тысячу тысяч, и они бились перед ним мечами и отвечали на его зов при бедствиях. А джинны, которые повиновались ему, были под моей властью и подчинялись мне, следуя моему слову, когда я им приказывал, и все они не были послушны Сулейману, сыну Дауда (мир с ними обоими!).

А я входил внутрь идола и приказывал и запрещал им. А дочь того царя любила этого идола, часто падала перед ним ниц и предавалась поклонению ему, и была она прекраснейшей из людей своего времени, обладательницей красоты, прелести, блеска и совершенства. И я описал её Сулейману (мир с ним!), и он послал к её отцу, говоря ему: „Выдай за меня твою дочь, сломай твоего идола из сердолика и засвидетельствуй, что нет бога, кроме Аллаха, и Сулейман – пророк Аллаха. Если ты это сделаешь, тебе будет то, что будет нам, и против тебя будет то, что против нас, а если ты откажешься, я приду к тебе с войсками, против которых у тебя не будет силы. Готовь же на вопрос ответ и надень облачение для смерти. Я приду к тебе с войсками, которые наполнят пустыню и сделают тебя подобным вчерашнему дню, который миновал“.

И когда пришёл к царю посланец Сулеймана (мир с ним!), царь стал нагл и высокомерен и превознесся в душе своей и возгордился и спросил своих везирей: «Что скажете вы о деле Сулеймана, сына Дауда? Он прислал ко мне, требуя мою дочь, и хочет, чтобы я сломал моего сердоликового идола и принял бы его веру». – «О великий царь, – отвечали везири, – может ли Сулейман сделать с тобой это, когда ты посреди этого великого моря? Если он придёт к тебе, он не сможет тебя одолеть: отряды из джиннов будут за тебя сражаться, и ты призовёшь на помощь твоего идола, которому ты поклоняешься; он поможет тебе против Сулеймана и окажет тебе поддержку, и правильно будет, если ты посоветуешься об этом с твоим господом (а они подразумевали идола из красного сердолика) и выслушаешь, каков будет его ответ. Если он посоветует тебе сражаться с Сулейманом, сражайся с ним, а если нет, так нет».

И тогда царь пошёл в тот же час и минуту и вошёл к своему идолу, принеся сначала жертву и зарезав животных, и пал перед идолом ниц и стал плакать, говоря:

«О господи, я силу твою знаю,
А Сулейман разбить тебя желает,
О господи, ищу твоей поддержки!
Приказывай – приказу я послушен!»

И говорил ифрит, половина которого была в столбе, шейху Абд-ас-Самаду, а окружавшие его слушали: «И я вошёл во внутренность идола, по своей глупости и малому разуму, не задумываясь о деле Сулеймана, и стал говорить такие стихи:

«Что до меня, мне Сулейман не страшен,
Ведь обо всех делах осведомлён я.
Коль хочет он войны, то выхожу я,
И дух его намерен я похитить».

И когда услышал царь мой ответ, его сердце ободрилось, и он решил воевать с Сулейманом, пророком Аллаха (мир ему!), и с ним сражаться, и когда пришёл посланец Сулеймана, царь побил его болезненным боем и отвечал ему отвратительным ответом и послал Сулейману угрозы, говоря ему через посланца: «Твоя душа внушила тебе мечтания! Станешь ли ты угрожать мне ложными словами? Или ты придёшь ко мне, или я приду к тебе». И посланец вернулся к Сулейману и осведомил его обо всем, что с ним было и досталось ему.

И когда услышал это пророк Аллаха Сулейман, его охватил сильный гнев, и поднялась в нем решимость, и собрал он свои войска из джиннов, людей, зверей, птиц и пресмыкающихся и велел везирию своему ад-Димиринту, ларю джиннов, собрать джиннов-маридов из всех мест, и тот собрал ему шестьсот тысяч шайтанов. И велел Сулейман Асафу, сыну Барахии, собрать свои войска из людей, и было количество их тысяча или больше. И приготовил он доспехи и оружие и сел во главе своих войск из джиннов и людей на ковёр, и птицы летели над его головой, и звери бежали под ковром, пока не

спустился он во владениях царя и не окружил его острова, наполнив землю войсками...»

И Шахразад устала говорить, и она прекратила дозволенные речи.

Пятьсот семьдесят первая ночь

Когда же настала пятьсот семьдесят первая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что ифрит говорил: «Когда расположился пророк Аллаха Сулейман (мир с ним!) со своими войсками вокруг острова, он послал к нашему царю, говоря ему:

«Вот я пришёл, отрази же от себя то, что тебя постигло, или войди ко мне в подчинение, признай, что я – божий посланник, разбей своего идола, молись единому, которому поклоняются, выдай за меня твою дочь законным образом и скажи ты сам и те, кто с тобою: „Свидетельствую, что нет бога, кроме Аллаха, и свидетельствую, что Сулейман – пророк Аллаха“. Если ты это окажешь, будет тебе пощада и благополучие, а если откажешься, не защитит тебя от меня то, что ты укрепился на этом острове, ибо Аллах (да будет он благословен и возвеличен!) повелел ветру повиноваться мне и приказал ему принести меня к тебе на ковре, и сделаю я тебя назиданием и примером для других».

И пришёл к нашему царю посланец и сообщил ему слова пророка Аллаха Сулеймана (мир с ним!), и ответил ему царь: «Нет пути к тому, что он от меня требует! Уведомь его, что я выхожу к нему». И вернулся посланец к Сулейману и передал ему такой ответ. А потом царь послал к жителям своей земли и собрал из джиннов, бывших под его властью, тысячу тысяч и присоединил к ним других – маридов и шайтанов, которые на морских островах и на вершинах гор; и снарядил свои войска и открыл хранилища оружия и роздал его им. Что же касается пророка Аллаха Сулеймана (мир с ним!), то он расставил свои войска и приказал зверям разделиться на две части и стать справа от людей и слева от них и велел птицам быть на островах, приказав им при нападении выкалывать глаза людей клювами и бить их по лицам крыльями, а зверям он велел рвать коней, и все ему отвечали: «Внимание и повиновение Аллаху и тебе, о пророк Аллаха!»

И потом Сулейман, пророк Аллаха, поставил для себя ложе из мрамора, украшенное драгоценными камнями и выложенное полосками из червонного золота, и поставил своего везиря Асафа, сына Барахии, на правой стороне, а везиря своего ад-Димврията – на левой стороне и царей людей – от себя оправа, а царей джиннов – от себя слева, а зверей, ехидн и змей – впереди себя, и они напали на нас единым нападением, и мы бились с Сулейманом на широком поле в течение двух дней, и пала на нас беда в день третий, и исполнился над нами приговор Аллаха великого.

А первый, кто напал на Сулеймана, был я, во главе моих войск. И я оказал моим соратникам: «Стойте на своих местах, а я выйду к ним и потребую боя с ад-Димирятом». И вдруг он выступил ко мне, подобный большой горе, и огни его полыхали, и дым его поднимался вверх. И он подошёл и бросил в меня огненную стрелу, и стрела его одолела мой огонь, и закричал он на меня великим кратком, и представилось мне, что небо на меня упало, и задрожали от его голоса горы. А затем он приказал своим людям, и те бросились на нас, как один человек, и мы бросились на них, и стали мы кричать друг на друга, и поднялись огни, и взвился вверх дым, и сердца едва не разрывались, и стала битва на ноги, и птицы начали сражаться в воздухе, и звери сражались на земле, а я бился с ад-Димирятом, пока он не обессилил меня и я не обессилил его.

А после этого я ослаб, и мои люди и воины оставили меня, и побежали мои дружины, и закричал пророк Аллаха Сулейман: «Возьмите этого великого притеснителя, злосчастного и гнусного!» – и понеслись люди на людей, и джинны на джиннов, и пало на нашего царя поражение, и стали мы добычей для Сулеймана. И войска его напали на наших воинов, окружённые зверями справа и слева, и птицы летали над нашими головами, вырывая людям глаза то когтями, то клювами, или ударяли их по лицу крыльями, а зверя рвали коней и терзали людей, пока большинство из них не оказалось на земле, и были они подобны стволам

пальм. А что до меня, то я полетел перед ад-Димирият, и он преследовал меня на расстоянии трех месяцев пути, пока не догнал, и я пал, как вы видите...»

И Шахразад застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Пятьсот семьдесят вторая ночь

Когда же настала пятьсот семьдесят вторая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что джинн, который был в колбе, рассказывал свою историю с начала и до тех пор, пока его не заточили в столбе. И его спросили: „Где дорога, ведущая в медный город?“ И он показал дорогу в город, и оказалось, что между ними и городом двадцать пять ворот, но ни одни из них не видны, и от них нельзя найти следа, и по виду они подобны куску горы или железа, вылитого в форму. И люди спешили, и сошли с коня эмир Муса и шейх Абд-Самад, и стали они стараться найти в городе ворота или обнаружить туда путь, но не достигли этого.

И тогда эмир Муса сказал: «О Талиб, какова хитрость, чтобы войти в этот город? Мы непременно должны узнать, где ворота, чтобы войти в них».

«Да направит Аллах эмира! – воскликнул Талиб. – Пусть эмир отдохнёт дня два или три, и если захочет Аллах великий, мы придумаем хитрость, чтобы проникнуть в этот город и войти туда». И тогда эмир Муса велел кому-то из своих слуг сесть на верблюдов и объехать вокруг города: может быть, он найдёт след ворот или местоположение дворца в том месте, где они остановились, и один из слуг эмира сел и ехал вокруг города два дня с ночами, ускоряя ход и не отдыхая, а когда наступил третий день, он приблизился к своим товарищам, оторопев от того, что увидел, какие стены длинные и высокие, и сказал: «О эмир, самое лёгкое место – то место, в котором вы находитесь».

И эмир Муса взял с собой Талиба ибн Сахля шейха Абд-ас-Самада, и они поднялись на гору напротив города, которая возвышалась над ним, и, поднявшись на эту гору, они увидели город, больше которого не видали глаза.

Дворцы его были высоки, и купола в нем уносились ввысь, и дома были хорошо построены, и реки текли, и деревья были плодоносны, и сады расцвели, и был это город с крепкими воротами, пустой, потухший, где не было ни шума, ни человека. Повсюду в нем свистели совы, и птицы царили над дворами его, и вороны каркали на улицах города и площадях, плача о тех, кто был там.

И эмир Муса остановился, скорбя о том, что город лишён жителей и не имеет обитателей и населения, и воскликнул: «Слава тому, кому не изменяет судьба и время, творящему тварей по своему могуществу!»

И когда он восхвалял Аллаха (велик он и славен!), вдруг бросил он взор в какую-то сторону и увидел семь досок из белого мрамора, которые блеснули издали. И он подошёл к ним, и оказалось, что они нарезаны и покрыты надписями. И тогда эмир велел прочитать то, что было на них написано, и шейх Абд-ас-Самад подошёл и вгляделся в надписи и прочитал их, и оказалось, что это увещания и назидания и предостережения для тех, кто обладает проницательностью. И на первой доске было написано греческим почерком: «О сын Адама, как небрежен ты к тому, что перед тобою! Тебя отвлекли от этого лета и годы, но разве не знаешь ты, что чаша гибели для тебя наполнена и вскоре ты её проглотишь? Посмотри же за собой, прежде чем войти в могилу. Где те, что царили над землями и унижали рабов и вели войска? Поразила их, клянусь Аллахом, Разрушительница наслаждений и Разлучительница собраний, Опустошительница населённых жилищ, и перенесла их из простора дворцов в теснины могил».

А внизу доски было написано:

«Где ныне цари и то, что в мире построили, –
Покинули то они, что строили на земле.

В могиле они лежат залогом за дело их,
И тлеют они в земле, бесславно погибшие.
Где войско, что защитить не может, бессильное?
Где то, что накоплено и собрало на земле?
Пришло к ним веление их господ быстро –
Богатство их не спасёт, поддержки ни в чем им нет».

И эмир Муса обеспамятел, и слезы потекли по его щекам, и он воскликнул: «Клянусь Аллахом, поистине, в отказе от благ мира – крайняя степень божьей поддержат и предел правоты!» И он велел принести чернильницу и бумагу и списал то, что было на первой доске, а затем он подошёл ко второй доске, и вдруг оказалось, что на ней написано: «О сын Адама, да не соблазнит тебя извечная безначальность и да не заставит тебя забыть о наступлении срока! Не знаешь ты разве, что сей мир-обитель гибели и ни для кого нет в нем вечного пребывания, а ты взираешь на него и предаёшься его утехам. Где цари, которые населили Ирак и царили над горизонтами, где те, что населили Исфахан и земли хорасанские? Позвал их вестник гибели и ответили они ему, и воззвал к ним вестник уничтожения, и воскликнули они: „Мы здесь!“ Не помогло им то, что они построили и воздвигли, и не защитило их то, что они собрали и приготовили».

А внизу доски были написаны такие стихи:

«Где ныне те, что построили и воздвигли
Эти горницы, которым нет подобных?
Они воинов и солдат собрали, страшась вкусить
Унижение от их господ, и унизились.
Где теперь Хосрой, чьи крепости неприступны так?
Мир оставили, как будто их и не было».

И заплакал эмир Муса и воскликнул: «Клянусь Аллахом, мы сотворены для великого дела!» – а затем он записал то, что было на доске, и приблизился к третьей доске...»

И Шахразад застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Пятьсот семьдесят третья ночь

Когда же настала пятьсот семьдесят третья ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что эмир Муса приблизился к третьей доске и увидел, что там написано: „О сын Адама, ты предаёшься любви к здешнему миру и пренебрегаешь велением твоего господ! Каждый день жизни твоей проходит, и удовлетворён ты этим и доволен. Приготовь же запас для дня возвращения и готовься дать ответ меж рук господ рабов!“

А внизу доски были написаны такие стихи:

«Где ныне тот, что застроил земли когда-то все,
И Синд⁴⁹⁵ и Хинд, и был врагом-притеснителем?
Абиссинцы, зииджи⁴⁹⁶ послушны были словам его,
И нубийцы также, и гордым был и кичливым он.
Не жди же ты вестей о том, что в могиле с ним:

⁴⁹⁵ Синд – название страны, лежащей в долине реки Инда (по-саискритоки-Синдху). Арабы завоевали эту страну в 711 году.

⁴⁹⁶ Зииджи – обитатели острова Зензибара, у восточного берега Африки.

Не бывать тому, чтобы нашёл об этом ты вестника!
Поражён он был смерти гибельной превратностью,
Не спас его дворец, ему построенный».

И эмир Муса заплакал сильным плачем, а затем он приблизился к четвёртой доске и увидел, что на ней написано: «О сын Адама, на сколько даст тебе отсрочку твой владыка, когда ты погружён в море развлечений? Благо всякого дня принадлежит тебе, пока не помрёшь ты. О сын Адама, пусть не обманывают тебя дни и ночи и часы развлечений с их беспечностью! Знай, что смерть тебя подстерегает и на плечи к тебе залезает; не проходит дня, чтобы не приветствовала она тебя утром и не желала тебе доброго вечера; остерегайся же её нападения и готовься к ней. Я как будто вижу тебя, когда погубил ты свою жизнь и извёл наслаждения бытия; послушай же моих слов и положишься на владыку владык! Нет у земной жизни устойчивости, и подобна она жилищу паука».

А внизу доски он увидел такие стихи:

«Где строитель высот земных, что воздвиг их,
И построил ряд крепких стен и возвысил?
Где те люди, что в крепости прежде жили?
Удалились, как путники, что расстались.
И залогом лежат в земле до минуты,
Когда будут испытаны тайны сердца.
Будет вечен один господь наш (велик он!),
И присущи все милости ему вечно».

И заплакал эмир Муса и записал все это и сошёл с горы, и предстала земная жизнь пред его глазами.

И когда пришёл он к своим воинам, они провели этот день, придумывая хитрость, чтобы войти в город, и сказал эмир Муса своему везиру Талибу ибн Сахлю и приближённым, окружавшим его: «Какова будет хитрость, чтобы нам войти в этот город и посмотреть на его диковинки? Может быть, мы найдём в нем что-нибудь, что приблизит нас к желанию повелителя правоверных?» И сказал Талиб ибн Сахль: «Да сделает Аллах вечным благодетельство эмира! Мы устроим лестницу и взберёмся на неё; может быть, мы достигнем ворот изнутри». – «Это приходило мне на мысль, и прекрасно такое мнение!» – отвечал эмир Муса.

И затем он позвал плотников и кузнецов и велел им выровнять бревна и сделать лестницу, покрытую железными пластинками. И они сделали её, и изготовили как следует, и просидели за работой целый месяц, и люди собрались вокруг лестницы и поставили её и придвинули к стене вплотную, и она пришлась как раз вровень с нею, как будто была сделана для этого раньше. И эмир Муса удивился и воскликнул: «Да благословит вас Аллах! Вы как будто примеряли её к стене, так хорошо вы её сработали!» А потом эмир Муса сказал своим людям: «Кто из вас поднимется по этой лестнице, взберётся по ней на стену и пройдёт и ухитрится опуститься вниз в город, чтобы посмотреть, как обстоит дело, а затем расскажет нам, как открыть ворота?» И кто-то сказал: «Я влезу, о эмир, и опущусь и открою ворота». И эмир Муса воскликнул: «Полезай, да благословит тебя Аллах!»

И этот человек полез на лестницу и добрался до самого верха, а затем он встал на ноги и, устремив глаза в город, захлопал в ладоши и вскрикнул во весь голос: «Ты прекрасен!» – и бросился внутрь города, и мясо его смешалось с костями. И эмир Муса воскликнул: «Вот поступок разумного, каков же будет поступок безумного? Если мы сделаем то же со всеми нашими товарищами, не останется из них никого, и мы не будем в силах исполнить то, что нам нужно и нужно повелителю правоверных. Отъезжайте, нет нам нужды до этого города!» И кто-то сказал тогда: «Может быть, другой будет устойчивее?» И поднялся второй человек, и третий, и четвёртый, и пятый, и они влезали по этой лестнице на стену один за другим,

пока не пропало из них двенадцать человек, и все делали то же, что первый.

И сказал тогда шейх Абд-ас-Самад: «Нет для этого дела дикого, кроме меня, и опытный не таков, как неопытный!» Но эмир Муса воскликнул: «Не делай этого! Я не дам тебе влезть на эту стену, так как, если ты умрёшь, ты будешь причиной смерти всех нас, и не уцелеет из вас никто; ты ведь – наш проводник». – «Может быть, то, что нам нужно, произойдёт благодаря мне, по воле великого Аллаха», – сказал шейх Абд-ас-Самад. И все люди сошлись на том, что он должен лезть, и шейх Абд-ас-Самад встал и подбодрил себя и со словами: «Во имя Аллаха, милостивого, милосердного» – стал подниматься по лестнице, поминая великого Аллаха и читая стихи спасения. И он достиг верхушки стены и захлопал в ладоши и устремил глаза в город, и люди все вместе закричали ему: «О шейх Абд-ас-Самад, не делай, не бросайся вниз! – и восклицали: – Поистине, мы принадлежим Аллаху и к нему возвращаемся! Если шейх Абд-ас-Самад упадёт, мы все погибли!» А шейх Абд-ас-Самад засмеялся громким смехом и просидел долгое время, поминая великого Аллаха и читая стихи спасения, а потом он встал на ноги и закричал во весь голос: «О эмир, с вами не будет беды! Аллах (велик он и славен!) отвратил от меня козни шайтана и ухищрения его, по благословению слов: „Во имя Аллаха милостивого, милосердного!“ И эмир спросил его:

«Что ты видел, о шейх?» И шейх ответил: «Когда я оказался на верхушке стены, я увидел десять девушек, подобных лунам, которые...»

И Шахразяду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Пятьсот семьдесят четвёртая ночь

Когда же настала пятьсот семьдесят четвёртая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что шейх Абд-ас-Самад говорил: „Когда я оказался на верхушке стены, я увидел десять девушек, подобных лунам, которые делали мне руками знаки: „Подойди к нам!“ – и мне представилось, что подо мною море воды. И я хотел броситься вниз, как сделали наши товарищи, но увидел, что они мертвы, и удержался от этого и стал читать кое-что из книги Аллаха великого, и отвратил Аллах от меня козий этих девушек, и они ушли, и я не бросился вниз, и Аллах защитил меня от их козней и чар. Нет сомнения, что это – колдовство и ловушка, которую устроили жители этого города, чтобы защитить его от тех, кто захочет к нему приблизиться и пожелает в него проникнуть. А вон напои товарищи лежат мёртвые“.

И затем он дошёл по стене до медных башен и увидел перед ними двое золотых ворот, на которых не было замков, и ничто не указывало, как их открыть, и шейх постоял, сколько хотел Аллах, и, всмотревшись, увидел посреди ворот изображение медного всадника с протянутой рукой, которой он как будто на что-то указывал, к на руке была какая-то надпись, и шейх Абд-ас-Самад прочитал её и увидел, что она гласит: «Потри гвоздь в лупке этого всадника двенадцать раз – ворота откроются».

И тогда он осмотрел всадника и увидел у него в пупке гвоздь, хорошо сделанный, основательный и крепкий, и потёр его двенадцать раз, и ворота тотчас же распахнулись с шумом, подобным грому.

И шейх Абд-ас-Самад вошёл в ворота (а это был человек достойный, знавший все языки и почерка) и шёл до тех пор, пока не вошёл в длинный проход. Он спустился из него по ступенькам и увидел помещение с красивыми скамьями, на которых лежали мёртвые люди, и в головах у них были роскошные щиты, отточенные мечи, натянутые луки и стрелы, наложенные на тетивы, а за воротами находились железные дубины и деревянные засовы и тонко сделанные замки и разные крепкие орудия.

И шейх Абд-ас-Самад сказал про себя: «Может быть, ключи у этих людей», – а затем он осмотрелся и вдруг заметил старца, по виду старейшего из них годами, который лежал на высокой скамье среди мертвецов. «Почём знать, не находятся ли ключи от города у этого старца?

Может быть, он – привратник города, а эти люди ему подвластны», – сказал шейх Абд-ас-Самад, и, приблизившись к старцу, он приподнял его одежду и увядал, что ключи висят у него на поясе. И, увидев ключи, Абд-ас-Самад обрадовался великой радостью, и его ум от такой радости едва не улетел. А потом шейх Абд-ас-Самад взял ключи и, подойдя к воротам, отпер замки и потянул ворота, засовы и другие орудия и замки открылись, и ворота распахнулись с громовым шумом, так как они были велики и ужасны и снабжены огромными запорами. И тут шейх Абд-ас-Самад воскликнул: «Аллах велик!» – и все повторили за ним этот возглас и обрадовались и возвеселились.

И эмир Муса обрадовался, что шейх Абд-ас-Самад опасен и ворота города открылись, и все начали благодарить шейха за то, что он сделал. И воины поспешили войти в ворота, и эмир Муса крикнул на них и сказал: «О люди, если мы войдём все, то не будем в безопасности от какого-нибудь случая! Пусть входит половина и остаётся сзади половина!» И эмир Муса вошёл в ворота, и с ним половина его людей, которые несли военные доспехи, и воины увидели своих товарищей мёртвыми и похоронили их, и увидели привратников, слуг, царедворцев и наместников, лежавших на шёлковых коврах, и все они были мёртвые. И они вошли на главный городской рынок и увидели рынок огромный, с высокими постройками, ни одна из которых не возвышалась над другими, и лавки были открыты, и весы повешены, и медь стояла рядами, и ханы были полны всяких товаров, и увидели воины, что купцы лежат подле лавок мёртвые, и у них высохла кожа, и сгнили кости, и стали они назиданием для всех, кто поучается.

И ещё увидели воины четыре особых рынка, где лавки были полны богатств. И сначала они пошли на шёлковый рынок и увидели там разноцветные шелка и парчу, затканную червонным золотом и белым серебром, но владельцы её были мертвы и лежали на кожаных коврах и только что не говорили. И воины оставили их и ушли на рынок драгоценных камней, жемчуга и яхонтов и, покинув его, пошли на рынок менял и увидели, что они мертвы и под ними всевозможные шелка и парча и лавки их полны золота и серебра. И они оставили их и пошли на рынок москательщиков и увидели, что лавки их полны всевозможных благовоний и мешочков мускуса, и амбры, и алоэ, и недда, и камфары, и прочего, но все люди там мёртвые, и у них нет ничего съестного.

И потом воины ушли с рынка москательщиков и увидели возле него разукрашенный и крепко построенный дворец и, войдя туда, увидели там развёрнутые знамёна и обнажённые мечи и натянутые луки и щиты, подвешенные на серебряных и золотых цепях, и шлемы, покрытые червонным золотом, а в проходах дворца стояли скамейки из слоновой кости, украшенные пластинками из яркого золота и покрытые парчой, а на них лежали люди, у которых кожа высохла на костях, и невнимательный счёл бы их спящими, но они умерли от отсутствия пищи и вкусили гибель.

И эмир Муса остановился, прославляя Аллаха великого и святя его имя, и смотрел, как красив этот дворец, как крепки его постройки и как диковинно он сделан, прекрасен обликом и умело выстроен. Он был обильно разрисован зеленой лазурью, и по стенам его были написаны такие стихи:

«Ты оком взгляни на то, что видишь, о сильный муж.
И будь осторожен ты, пока не пустился в путь.
Запасы ты приготовь благие, чтобы спастись;
Ведь все, кто в домах живёт, когда-нибудь тронутся.
Взгляни ты на тех людей, что дом свой украсили,
И вот за дела свои залогом в земле лежат.
Нет пользы от зданий им, которые строили,
И деяния их не спасли, как кончился жизни срок.
Надеялись все на то, что не было суждено,
Но в землю они ушли, и нет от надежд добра,
С высот их величия и сана сошли они

К позору теснин могильных – дурно жилище их!
И слышали они крик, когда схоронили их
«Где царственный ваш престол, венцы и одежды где?
Где лики тех девушек, что были сокрытыми
За плотной завесою, о ком поговорки шли».
Ответил на это прах могил вопрошающим –
«С ланит их ушли давно все розы прекрасные.
Не мало они в дни они съели и выпили,
Но после прекрасных яств их; может в могиле червь».

И эмир Муса так заплакал, что лишился сознания, а потом он приказал записать это стихотворение. И он вошёл во дворец...»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Пятьсот семьдесят пятая ночь

Когда же настала пятьсот семьдесят пятая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что эмир Муса вошёл во дворец и увидел большую залу и четыре просторные высокие комнаты, одну напротив другой, поместительные и расписанные золотом и серебром разного цвета, и посреди залы был большой мраморный бассейн, и над ним возвышался парчовый шатёр, и в комнатах были уголки, в которых находились богато украшенные бассейны и выложенные мрамором водоёмы, а под полом комнат текли потоки, и эта четыре потока бежали и сливались в большом бассейне, выложенном разноцветным мрамором.

И эмир Муса сказал шейху Абд-ас-Самаду: «Войдём в эти комнаты!» И они вошли в первую комнату и нашли, что она полна золота, белого серебра, жемчуга, драгоценных камней, яхонтов и дорогах металлов, и увидели там сундуки, наполненные красной, жёлтой и белой парчой. И затем они перешли во вторую комнату и открыли там кладовую, и оказалось, что она полна оружия и военных доспехов: раззолоченных шлемов, Давидовых кольчуг, индийских мечей, хеттских копий и хорезмских палиц и всевозможных других доспехов для боя и сечи.

А потом они перешли в третью комнату и нашли там много кладовых, на которых висели замки, скрытые за занавесками, расписанными всевозможными вышивками, и, открыв одну кладовую, они увидели, что она полна оружия, разукрашенного золотом и серебром и всякими драгоценными камнями. А оттуда они перешли в четвёртую комнату и увидели там много кладовых и, открыв одну из них, обнаружили, что она полна сосудов для еды и питья из всевозможного золота и серебра, и там находятся хрустальные миски и бокалы, украшенные свежим жемчугом, и сердоликовые чаши и прочее.

И они стали брать из этого то, что им годилось, и всякий воин унёс сколько мог. А когда они решили уходить из этих комнат, они увидели дверь из тека, в которой была вделана слоновая кость и чёрное дерево, и эта дверь, выложенная полосками из яркого золота, находилась посреди дворца, и перед ней была опущена шёлковая занавеска, украшенная всякими вышивками, и были на ней замки из белого серебра, которые открывались хитростью, без ключа. И шейх Абд-ас-Самад подошёл к замкам и отпер их своим умением и смелостью и превосходством, и люди прошли выложенный мрамором проход, по сторонам которого были повешены занавески с изображением разных зверей и птиц, и все они были сделаны из червонного золота и серебра, а глаза у них были из жемчуга и яхонта, и всякий, кто их видел, впадал в недоумение. И воины прошли в роскошно отделанную залу, и, увидав её, эмир Муса и шейх Абд-ас-Самад были поражены её отделкой. И они прошли через неё и увидели комнату, отделанную полированным мрамором и украшенную драгоценными камнями, так что смотрящий мог вообразить, что по мрамору

течёт вода, и если бы кто-нибудь пошёл по нему, он непременно бы поскользнулся.

И эмир Муса приказал шейху Абд-ас-Самаду накинуть что-нибудь на этот мрамор, чтобы по нему можно было ходить, и шейх сделал это и так ухитрился, что люди прошли. И они увидели в этой зале большой купол, выстроенный из камней, покрытых червонным золотом, прекратив с которого люди не видали среди того, что видели. А под этим куполом был большой великолепный свод из мрамора, вокруг которого были окна, разрисованные и украшенные, с решёткой из изумрудных прутьев, какой не мог иметь никто из царей. И под куполом стоял парчовый шатёр, поставленный на подпорках из червонного золота, а в шатре были птицы, с ногами из зеленого изумруда и под каждой птицей находилась сетка из свежего жемчуга, протянутая над бассейном. А у бассейна стояло ложе, украшенное жемчугом, драгоценными камнями и яхонтом, и на ложе покоилась девушка, подобная незакрытому солнцу, прекрасней которой не видели видящие. Она была в одеждах из свежего жемчуга, на голове у неё был венец из червонного золота и повязка из драгоценных камней, а на шее – драгоценное ожерелье, посреди которого сверкали яркие камни, и на лбу у неё были два камешка, издававшие свет, подобный свету солнца. И казалось, что эта девушка смотрит на людей и оглядывает их справа и слева...»

И Шахразад устала, и она прекратила дозволенные речи.

Пятьсот семьдесят шестая ночь

Когда же настала пятьсот семьдесят шестая ночь, она сказала: «Дошло меня, о счастливый царь, что когда эмир Муса увидел эту девушку, он до крайности удивился её красоте и смутился, видя её прелесть и румянец её щёк и черноту волос, и смотрящему, думалось, что она в живых, а не мёртвая. И он сказал ей: „Мир с тобою, о девушка!“ И Талиб ибн Сахль воскликнул: „Да исправит Аллах твоё дело! Знай, что эта девушка мёртвая, и нет в ней духа; как же она ответит на приветствие?“ И потом Талиб ибн Сахль оказал: „О эмир, это – изображение, мудро придуманное; ей вынули глаза, когда она умерла, и положили под них ртуть, а потом глаза вставили на место, и они блестят и как будто движутся под ресницами, и кажется смотрящему, что девушка мигает глазами, а она мёртвая“. – „Хвала Аллаху, который покарал рабов смертью!“ – воскликнул эмир Муса.

А у ложа, на котором лежала девушка, были ступеньки, и на ступеньках стояли два раба: один – белый, а другой – чёрный, и у одного в руке было оружие из стали, а в руке другого был меч, украшенный драгоценными камнями, который похищал взоры. И была перед рабами золотая доска с надписью, которую можно было прочесть, и она гласила: «Во имя Аллаха, милостивого, милосердного! Слава Аллаху, творцу человека, господину господ, первопричине всех причин! Во имя Аллаха, вечного, бесконечного, во имя Аллаха, определяющего судьбу и приговор! О сын Адама, как неразумен ты, долго питаешь надежду, и как забываешь ты о наступлении срока! Не знаешь ты разве, что смерть тебя уже позвала и спешит, чтобы схватить твой дух? Будь же готов к отбытию и запасись благами мира: через малое время ты его покинешь. Где Адам, отец людей, где Нух и его потомство, где цари Хосрой и Кесари, где цари Хинда и Ирака, где цари стран земных, где амалекиты, где великаны? Свободны стали от них земли, и покинули они семью и родных. Где цари арабов и неарабов? Все они умерли и превратились в тлен. Где господа, обладатели сана? Все они умерли. Где Карун и Хаман, где Шеддад, сын Ада, где Канаан и Обладатель кольев? Срезал их, клянусь Аллахом, срезающий жизнь и освободил от них землю. Приготовили ли они запас для дня возвращения и готовы ли ответить господам рабов? О ты, ест ты меня не знаешь, то я осведомлю тебя о моем имени и происхождении. Я – Тирмиз, сын дочери царей амалекитов, тех, что были справедливы на земле, и владел я тем, чем не владел никто из владык, и был справедлив при приговоре и творил суд правый среди людей и давал и одарял. Я прожил долгое время радостной и приятной жизнью и отпускал невольниц и рабов, пока не поразил меня удар гибели и де опустилась предо мною беда. Сменились над нами семь

лёг, в которых не сошло на нас воды с неба и не росла для нас трава на лице земли, я съели мы бывшую у нас пищу, а затем принялись за животных, ходящих по земле, и съели их, и ничего у нас не осталось. И тогда я велел принести деньги и, намеряв их мерой, послал с верными мужами, и они обошли все страны, не пропустив ни одного города, в поисках какой-нибудь пищи и не нашли её. И они вернулись к нам с деньгами после долгой отлучки, и тогда мы выставили наши богатства и сокровища и заперли ворота крепостей, которые в нашем городе, и отдались на суд господ, вручив наше дело владыке. И мы умерли, как ты видишь, и покинули то, что выстроили и накопили. Вот какова наша повесть, и после самого дела остаётся лишь след его».

И воины посмотрели на нижнюю часть доски и увидели, что там написаны такие стихи:

«Адама сын, пусть надежд игрушкой не будешь ты,
Ведь все, что руками накопил ты, покинешь ты.
Я вижу, что жаждешь ты благ мира и роскоши,
Искали и прежде их ушедшие первые.
Они добывали деньги правдой и кривою,
Но нет от судьбы защиты, если окончен срок.
Бели они воинов, толпой собирая их,
Но, деньги оставив и достройки, ушли они.
В теснины могильных плит и в прах они брошены
Залогом лежат они теперь за дела свои,
Подобные путникам, что кинули кладь свою
В ночной темноте у дома, где угощения нет,
И молвил хозяин: «Нет, о люди, стоянки вам
В сём доме, седлайте же, хоть вы и сложили кладь»,
Не радостен ни привал для них, ни отъезд теперь,
И в страхе все путники, и сердце трепещет их,
Готовь же запасы ты, чтоб завтра быть радостным,
Лишь в страхе перед господом нам следует действовать».

И заплакал эмир Муса, услышав эти слова, и прочитал дальше: «Клянусь Аллахом, страх божий – начало всех дел и доказательство истины и крепкая опора, и поддано, смерть – явная истина и несомненное обещание. В смерти, о человек, – возврат и возвращение. Поучайся же на примере тех, кто сошёл раньше тебя во прах, и спеши на путь возврата. Не видишь ли ты, что седины к могиле тебя призывает и белизна волос твоих о кончине тебе возвещает? Будь же бдителен и готов к отъезду и расчёту. О сын Адама, как жестоко твоё сердце и как заблуждаешься ты относительно твоего господ! Где люди, бывшие прежде – назидание для поучающихся? Где цари Китая – люди гнева и мощи? Где Ад ибн Шеддад и то, что он возвёл и построил? Где Нимруд, который был горд и заносчив? Где фараон, который отверг и отступил от веры? Всех их покорил смерть, не оставив от них следа, и не пощадила она ни малого, ни великого, ни мужчины, ни женщины: срезал их жизнь срезающий и ночь да день навивающий. Знай, о пришедший к этому месту, о тот, кто видел нас, что не должно соблазняться ничем из земной жизни и суеты её. Она – коварная обманщица, обитель гибели и соблазна, и счастье рабу, который помнит свои прегрешения и боится своего господина и хорошо поступает при сделке и приготовила запас для дня возвращения. Пусть тот, кто войдёт в наш город и достигнет его и кому облегчит Аллах вступление в него, берет из богатств его что может, но пусть не дотрагивается он ни до чего, что на моем теле: это – покров для моей срамоты и снаряжение моё против земной жизни. Пусть же убоится он Аллаха и не похищает с меня ничего: он сам себя погубит. Я сделала это и моим советом и поручением, которое я ему доверяю, и конец. Я прошу Аллаха, чтобы избавил он вас от злых бедствий и недугов...»

И Шахразадку застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Пятьсот семьдесят седьмая ночь

Когда же настала пятьсот семьдесят седьмая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что, услышав эти слова, эмир Муса заплакал горьким плачем и лишился чувств, а очнувшись, он велел записать все то, что увидел, и извлёк поучение из того, чему был свидетелем. А затем он сказал своим людям: „Принесите мешки и наполните их этим богатством и сосудами и редкостями и драгоценными камнями“. И Талиб ибн Оахль сказал эмиру: „О эмир, разве оставишь ты эту девушку и то, что есть на ней? Это ведь – вещи, которым нет подобных, и ни в какое время не найти равных им. Они дороже того, что ты взял из денег, и будут лучшим подарком, которым приблизишься ты к повелителю правоверных“. – „О такой-то, – воскликнул эмир Муса, – разве не слышал ты, что завещала девушка на этой доске? Больше того, она сделала это поручением, нам доверенным, а мы не из людей обмана“. – „Неужели мы оставим подобные богатства и драгоценные камни? – воскликнул Талиб. – Девушка мертва, и что она будет с этим делать, когда это – украшение земной жизни и красота для живых? Ты накроешь эту девушку одеждой из хлопчатой бумаги, и мы имеем больше прав, чем она, на её богатство“.

И затем он подошёл к лестнице и поднимался по ступенькам, пока не оказался между столбами и не очутился между теми двумя рабами, что стояли на ступеньках, и вдруг один из них ударил его по спине, а другой ударил его мечом, бывшим у него в руке, и снёс ему голову.

И Талиб упал мёртвый, и эмир Муса воскликнул: «Да не помилует Аллах твоего смертного ложа! Этих денег было достаточно, и жадность, нет сомнения, смеётся над испытывающим её!» И он велел воинам входить, и те вошли и нагрузили верблюдов этими богатствами и благородными металлами, а потом эмир Муса приказал им запереть ворота, как раньше. И люди пошли по берегу и подошли к высокой горе, которая возвышалась над морем, и было в ней много пещер.

И вдруг они увидели там чёрных людей, покрытых кожами, и на голове у них были кожаные бурнусы, и речь их была непонятна, и, увидав воинов, эти люди испугались и бросились бежать в пещеры, а их женщины и дети остались стоять у входа. «О шейх Абд-ас-Самад, – спросил тогда эмир Муса, – что это за люди?» И шейх ответил: – «Это те, кого ищет повелитель правоверных».

И воины остановились и разбили палатки и сложили богатства, и не успели они усесться, как царь чернокожих спустился к горе и подошёл к войску. А он знал по-арабски и, подойдя к эмиру Мусе, приветствовал его, и эмир возвратил ему приветствие и оказал ему почёт.

И царь чернокожих опросил эмира Мусу: «Вы – из людей или из джиннов?» И эмир Муса ответил: «Что до нас, то мы – из людей, вы – так, несомненно, джинны, ибо вы уединились да этой горе, отдалённой от всех тварей, и огромны телом». – «Нет, – отвечал царь чернокожих, – мы – народ из людей, дети Хама, сына Нуха (мир с ним!), а что касается до этого моря, то оно называется аль-Каркар». – «Откуда у вас знание, когда к вам не приходил пророк, получивший откровение?» – опросил эмир Муса. И царь ответил: «Знай, о эмир, что к нам является из этого моря человек, источающий свет, который озаряет края земли, и он кричит голосом, слышным для далёкого и близкого: „О дети Хама, устыдитесь того, кто видит и кого не видят, и скажите: нет бога, кроме Аллаха, Мухаммед – посол Аллаха! Я – Абу-льАббас аль-Хидр!“ А мы прежде этого поклонялись одному из нас, и призвал нас аль-Хидр к поклонению господу рабов».

И затем царь чернокожих оказал эмиру Мусе: «И альХидр научил нас словам, которые мы говорим». И эмир Муса спросил: «А что это за слова?» И царь ответил: «Нет бога, кроме Аллаха, единого, не имеющего товарищей; ему принадлежит власть и ему приличествует слава; он оживляет и умерщвляет, и он властен во всякой вещи». И мы приближаемся к

Аллаху только такими словами и не знаем других; и каждую ночь в пятницу мы видим свет на лице земли и слышим голос, который кричит: «Преславный, пресвятой господь ангелов и духа! Что хочет Аллах, то бывает, а чего не хочет он, того не бывает! Всякое благо – по милости Аллаха, и нет мощи и силы, кроме как у Аллаха, высокого, великого!»

И сказал тогда ему эмир Муса: «Мы – люди царя ислама, Абд-аль-Мелика ибн Мервана, и пришли мы из-за кувшинов, которые у вас, в вашем море, а в них заточены шайтаны со времён Сулеймана, сына Дауда (мир с ними обоими!). Царь приказал нам принести их несколько, чтобы он мог на них посмотреть и взглянуть на них». – «С любовью и удовольствием!» – отвечал царь чёрных.

А затем он угостил эмира мясом рыб и велел ныряльщикам выловить в море несколько Сулеймановых кувшинов, и они извлекли двенадцать кувшинов. И эмир Муса и шейх Абд-ас-Самад и воины обрадовались, что победило дело повелителя правоверных. И потом эмир Муса подарил царю чёрных много подарков и одарил его богатыми дарами, и царь чёрных одарил эмира Мусу подарками из морских чудес, имевших вид сынов Адама, и сказал: «Вас угощали в эти три дня мясом таких рыб». – «Мы обязательно должны взять с собой сколько-нибудь из них, чтобы посмотрел на них повелитель правоверных, – это больше ему понравится, чем Сулеймановы кувшины», – сказал эмир Муса, и затем они простились с царём чёрных и шли, пока не достигли стран Сирии.

И они вошли к повелителю правоверных Абд-аль-Мелику ибн Мервану, и эмир Муса рассказал ему обо всем, что он видел, и обо всех стихах, рассказах и назиданиях, которые ему довелось услышать, он сообщил ему историю Талиба ибн Сахля. И повелитель правоверных воскликнул: «О, если бы я был с вами я видел то же, что вы!»

И затем он взял кувшины и стал открывать кувшин за кувшином, и шайтаны выходили из них и говорили: «Прощение, о пророк Аллаха, мы никогда не вернёмся к подобным делам!» И удивился халиф всему этому. А что касается до морских дев, которыми их угощал царь чернокожих, то для них сделали деревянные водоёмы и наполнили их водой и положили туда дев, и они умерли от сильной жары. А затем повелитель правоверных велел принести деньги и разделил их между мусульманами...

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Пятьсот семьдесят восьмая ночь

Когда же настала пятьсот семьдесят восьмая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что повелитель правоверных Абд-аль-Мелик ибн Мерван, увидев кувшины и то, что в них было, удивился до крайней степени. Он велел принести деньги и разделил их между мусульманами и сказал: „Никому не даровал Аллах того, что даровал её Сулейману, сыну Дауда!“.

И затем эмир Муса попросил повелителя правоверных, чтобы он назначил его сына вместо него правителем подвластных ему стран, а сам он мог бы отправиться в Иерусалим священный, чтобы поклониться там Аллаху, и повелитель правоверных назначил его сына, а эмир Муса отправился в Иерусалим священный и умер там. И вот часть того, что дошло до нас из рассказа о медном городе, полностью, а Аллах знает лучше.

Дошло до меня также, что был в древние времена и минувшие века и годы царь из царей времени, имевший много войска и телохранителей и обладавший властью и богатством, но только достиг он в жизни долгого срока, и не досталось ему ребёнка мужского пола. И встревожился он из-за этого и прибег к посредничеству пророка (да благословят его Аллах и да приветствует!) перед Аллахом великим и попросил его, ради сана пророков, друзей и мучеников из приближённых рабов его, наделить его ребёнком мужского пола, чтобы унаследовал он власть после него и был прохладой его глаз. И затем он поднялся, в тот же час и минуту, и, войдя в покои, в которых он сидел, послал за дочерью своего дяди и сблизился с нею, и стала она беременной по изволению великого Аллаха. И

провела она так некоторое время, и пришла ей пора сложить свою ношу, и родила она дитя мужского пола, лицо которого было, как круг луны в четырнадцатую ночь месяца, а воспитывали мальчика до тех пор, пока не достиг он пяти лет жизни.

А был у этого царя человек мудрец из мудрецов искусных, по имени ас-Синдбад, и отдал ему царь мальчика. И когда тот достиг десяти лет жизни, мудрец стал учить его мудрости и вежеству, и сделался мальчик таким, что напето в то время не мог с ним сравняться в знании, вежестве и понятливости. И когда достиг его сын такого возраста, царь призвал к нему множество витязей арабов, чтобы они обучили его воинской доблести, и стал он искусен в этом и носился и гарцевал в пылу боя по полю и превзошёл людей своего времени и всех своих сверстников.

И в какой-то из дней тот мудрец посмотрел на звезды и увидел в гороскопе юноши, что, если тот проживёт семь дней и произнесёт одно слово, то в слове этом будет для него гибель. И пошёл мудрец к царю, отцу его, и осведомил об этом деле, и отец мальчика спросил: «Каково же будет верное мнение и предусмотрительное решение, о мудрец?» И мудрец сказал: «О царь, верное мнение и решение, по-моему, в том, чтобы поместить его в место развлечения, где слушают увеселяющие инструменты, и пусть он находится там, пока не пройдут семь дней».

И царь послал за одной рабыней из приближённых к нему (а она была прекраснейшей из рабынь) и поручил ей мальчика и сказал: «Возьми твоего господина во дворец и помести его у себя, и пусть он не выходит из дворца раньше, чем пройдёт семь дней». И рабыня взяла мальчика из рук царя и посадила его во дворец, а было в этом дворце сорок комнат и в каждой комнате десять рабынь, а у каждой из рабынь был какой-нибудь увеселяющий инструмент, и если одна из них начинала играть, дворец плясал от его звуков.

И вокруг дворца бежал поток, на берегах которого были посеяны всякие плоды и цветы. А этот мальчик отличался красотой и прелестью неописанной. И провёл он одну ночь, и увидела его та рабыня (любимица его родителя), и постучалась любовью к ней в сердце, и не могла она удержаться и бросилась к мальчику, но тот воскликнул: «Если захочет Аллах великий, когда я выйду к отцу, я расскажу ему об этом, и он убьёт тебя!»

И рабыня отправилась к царю и бросилась к нему с плачем и рыданиями, и царь спросил её: «В чем с тобой дело, о девушка? Как твой господин? Разве он не хорош?» – «О владыка, – отвечала девушка, – мой господин стал меня соблазнять и хотел убить меня, но я ему не далась и убежала от него, и я больше никогда не вернусь к нему или во дворец». И когда отец мальчика услышал эти слова, его охватил великий гнев, и он призвал к себе своих везирей и велел им убить мальчика. И стали везири говорить друг другу: «Царь упорствует в желании убить своего сына, во если он его убьёт, то, нет сомнения, станет раскаиваться после его убийства, так как он ему дорог: ведь уют сынов достался ему после утраты надежды. И потом он обратит на нас укоры и скажет нам: „Почему вы не придумали способа помешать мне убить моего сына?“ И мнение везирей сошлось на том, чтобы придумать способ помешать дарю убить его сына, и выступил вперёд первый везирь и сказал: „Я избавлю вас от зла царя на сегодняшний день“.

И он поднялся и пошёл и, войдя к царю, предстал меж его руками и попросил у него разрешения говорить, и когда царь позволил ему, везирь сказал: «О царь, если бы тебе было суждено иметь тысячу сыновей, все же не слушайся твоей души, убивая одного из них из-за слов невольницы, если она говорит правду или лжёт. Может быть, это её козий против твоего сына». – «А разве дошло до тебя что-нибудь о кознях женщин?» – упросил царь везиря. И тот ответил: «Да».

Рассказ первого везиря (ночи 578-579)

Дошло до меня, о царь, что один царь из царей времени предавался любви к женщинам, и однажды он уединения в своём дворце, и взор его упал на женщину, находившуюся на крыше своего дома, а была она обладательницей красоты и прелести. И когда увидел её царь,

он не удержал свою душу от любви. И он спросил про этот дом, и ему оказали: «Этот дом твоего везиря такого-то». И царь тотчас же поднялся и послал за своим: везирем, и когда тот предстал меж его руками, приказал ему отправиться в одну из областей царства, чтобы осмотреть её и затем вернуться. И везирь уехал, как приказал ему царь.

И когда он уехал, царь ухитрился войти в дом везиря, и, увидев его, та женщина его узнала и вскочила на ноги и поцеловала ему руки и ног, говоря: «Добро пожаловать!» – и остановилась поодаль от него, проявляя к нему почтение. И затем она спросила его: «О владыка, какова причина благословенного прихода, когда для подобной мне этого не бывает?» И царь ответил: «Причина в том, что любовь к тебе и тоска по тебе толкнули меня на это». И женщина поцеловала перед ним землю второй раз и сказала: «О владыка наш, я не гожусь быть служанкой кому-нибудь из слуг царя, откуда же мне будет от тебя столь великое благодеяние, что я заняла у тебя подобное место?» И царь протянул к женщине руку, и она молвила: «Это дело от вас не уйдёт, но потерпи, о царь, и останься у меня весь сегодняшний день, и я приготовлю тебе чего-нибудь поесть».

И царь сел на ложе везиря, – (говорил рассказчик, – и женщина поднялась на ноги и принесла ему книгу с увещаниями и наставлениями, чтобы царь почитал её, пока она приготовит кушанье. И царь взял книгу и стал её читать и нашёл в ней увещания и изречения, которые удержали его от прелюбодеяния и сломили его решимость свершить грех. А женщина, приготовив кушанье, поставила его меж рук царя (а было число блюд девяносто). И начал царь есть из каждого блюда по ложке, и кушанья были разных родов, во вкус их – один. И царь до крайности удивился этому и молвил: «О девушка, я вижу, что сортов много, а вкус их один». И женщина ответила: «Да осчастливит Аллах царя! Это – сравнение, которое я тебе предложила в назидание тебе». – «А какова причина этого?» – спросил царь. И женщина молвила: «Да исправит Аллах обстоятельства владыки нашего царя! В твоём дворце девяносто наложниц разного цвета, а вкус их – один».

И когда царь услышал эти слова, ему стало стыдно перед женщиной, и он тотчас же поднялся и вышел из её жилища, не приступив к ней со злом, и от смущения он позабыл свой перстень у неё под подушкой. И царь отправился к себе во дворец. И когда он сел у себя во дворце, прибыл в тот самый час везирь и подошёл к царю и, поцеловав землю меж его рук, осведомил его о делах, из-за которых царь его послал. И потом везирь ушёл и пришёл к себе домой и сел на своё ложе и положил руку под подушку и нашёл под нею перстень царя. И везирь поднял его и приложил к сердцу и держался вдали от женщины в течение целого года, не разговаривая с нею, а она не знала, в чем причина его гнева...»

И Шахразад устало говорила, и она прекратила дозволенные речи.

Пятьсот семьдесят девятая ночь

Когда же настала пятьсот семьдесят девятая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что везирь держался вдали от женщины в течение целого года и не разговаривал с нею, а она не знала причины его гнева. И когда это дело затянулось и она не знала, что этому причиной, она послала за своим отцом и осведомила его о том, что случилось у неё с мужем, который держится вдали от неё уже целый год.

И отец сказал ей: «Я пожалею на него, когда он будет в присутствии царя».

И однажды он вошёл и увидел везиря в присутствии царя, перед которым находился судья войска, и пожаловался на везиря и сказал: «Да исправит Аллах великий обстоятельства царя! Был у меня красивый сад, который я посадил своею рукой и истратил на него деньги, и стал он плодоносен, и хороши были его плоды. И подарил я его этому твоему везирию, и он съел из него то, что ему понравилось, а потом оставил его и не поливал, и высохли в нем цветы, и исчез его блеск, и изменилось его состояние».

И молвил (Везирь: «Этот человек был правдив в том, что сказал: я берег этот сад и ел его плоды, и однажды я подпел туда и увидел там след льва и испугался за себя я удалился из

сада». И понял царь, что след, который нашёл везирь, это перстень власти, забытый им в доме, и сказал царь везирию: «Возвращайся, о везирь, не боясь слабости и спокойно: лев не приближался к (твоему саду. До меня дошло, что он достиг его, но он не подступал к нему со злом, клянусь честью моих отцов и дедов!» И везирь отвечал: «Слушаю и повинуюсь!» А потом везирь вернулся к себе домой, послал за своей женой и помирился с нею, уверившись в её добродетели.

Дошло до меня также, что один купец много путешествовал и была у него красивая жена, которую он любил и ревновал от великой любви. И купил купец ей попугая, я этот попугай осведомлял своего господина о том, что случалось в его отсутствие. И когда купец однажды путешествовал, его жена привязалась к юноше, который приходил к ней, и она оказывала ему уважение и сближалась с ним во время отсутствия её мужа. А когда её муж вернулся после путешествия, попугай осведомил его о том, что случилось, и сказал: «О господин мой, юноша турок приходил к твоей жене в твоё отсутствие, и она оказывала ему крайнее уважение».

И этот человек решил убить свою жену, и когда его жена услышала об этом, она сказала: «О человек, побойся Аллаха и возвратись к разуму! Разве бывает у птицы разум или рассудок? Если ты хочешь, чтобы я это тебе разъяснила и ты отличил бы её ложь от правды, уйди на сегодняшний вечер и посиди у кого-нибудь из твоих друзей, а утром приходи к попугаю и спроси его, и узнаешь, правдив ли он в том, что говорит, или лжив». И человек поднялся и ушёл к одному из своих друзей и ночевал у него. А когда настал вечер, жена его пошла и, взяв кусок кожаного коврика, накрыла им клетку попугая и стала брызгать на этот коврик водой и обвевать его опахалом, и она придвигала к нему светильник, изображая сверканье молнии, и вертела ручную мельницу, пока не наступило утро.

И когда пришёл её муж, женщина оказала ему: «О господин, спроси попугая!» И купец подошёл к попугаю и стал с ним разговаривать и расспрашивать его о прошлой ночи, и попугай молотил: «О господин, а кто же видел и слышал что-нибудь прошлой ночью?» – «Почему?» – спросил его купец. И он ответил: «О господин, из-за сильного дождя, ветра, грома я молвой». – «Ты лжёшь», – сказал купец, – в прошедшую ночь ничего такого не было». – «Я рассказал тебе лишь то, что видел, чему был свидетелем и что слышал», – ответил попугай. И купец счёл ложью осе, что он говорил про жену, и хотел помириться с женою, но та оказала: «Я не помирюсь, пока ты не зарежешь этого попугая, который налгал на меня».

И купец зарезал попугая, а потом он прожил со своей женой немного дней и увидел однажды того юношу турка выходящим из его дома и узнал он тогда, что правду говорил попугай, а лгала его жена, и раскаялся, что зарезал попугая. И в тот же час и минуту он вошёл к своей жене и зарезал её и дал себе клятву, что не женится после неё ни на какой женщине, пока будет жив, и я осведомил тебя об этом, о царь, лишь для того, чтобы ты знал, что козни женщин велики и что поспешность порождает раскаяние».

И царь отказался от убиения своего сына. А когда настал следующий день, невольница пришла к нему и поцеловала землю меж его рук и оказала: «О царь, как ты пренебрёг моим правом, и цари слышали про тебя, что ты отдал приказание, а потом отменил его твой везирь? Повиновение царям в том, чтобы исполнять их приказы, и всякий знает твою справедливость и твоё правосудие. Возьми же за меня должное о твоего сына.

Первый рассказ невольницы (ночи 579-580)

Дошло до меня, что один сукновал выходил на берег Тигра, чтобы валять сукно, и с ним выходил его сын и опускался в реку и плавал там, и отец ему этого не запрещал. И однажды, когда он плавал, у него устали руки и он стал тонуть, и, увидев это, его отец вскочил и бросился к нему, но когда отец схватил его, мальчик уцепился за него, и оба утонули. Так и ты, царь: если ты не запретишь этого твоему сыну и не возьмёшь с него за меня должное, те боюсь, что вы оба утонете...»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Ночь, дополняющая до пятисот восьмидесяти

Когда же настала ночь, дополняющая до пятисот восьмидесяти, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что девушка рассказала царю историю о сукновале и его сыне и сказала: „Я боюсь, что утонешь ты и твой сын также“. А потом она молвила:

«Дошло до меня также о кознях мужчин, что один мужчина полюбил одну женщину, обладательницу красоты и прелести, у неё был муж, который её любил, и она тоже его любила. А была эта женщина праведная и целомудренная, и влюблённый мужчина не находил к ней пути, и затянулось над ним такое положение, и стал он придумывать хитрость. И у мужа этой женщины жил юноша, которого он воспитал в своём доме, и этот юноша был у него доверенным, и влюблённый человек пришёл к нему и до тех пор к нему подлаживался подарками и милостями, пока юноша не стал ему послушен в том, что он от него требовал.

И однажды человек оказал ему: «О такой-то, не введёшь ли ты меня к вам в дом, когда твоя госпожа уйдёт оттуда!» И юноша ответил: «Хорошо!» И когда его госпожа пошла в баню, а господин его ушёл в лавку, юноша пришёл к своему другу и, взяв его за руку, привёл в дом и показал ему все, что было в доме. А этот возлюбленный твёрдо решил подстроить женщине козни. Он взял с собой в посуде яичного белка и, подойдя к постели её мужа, вылил его на постель, когда юноша не смотрел на него, а потом вышел из дома и ушёл своей дорогой.

И через некоторое время пришёл муж этой женщины и подошёл к постели, чтобы отдохнуть, и увидел на ней какую-то сырость, и коснулся её рукой и, посмотрев на жидкость, подумал про себя, что это – мужское семя. И, взглянув на юношу гневным взором, он спросил его: «Где твоя госпожа?» – и юноша ответил: «Она пошла в баню и сейчас вернётся». И муж её уверился в своём предположении, и его разум одолела мысль, что это – мужское семя, и он сказал юноше: «Ступай же сию минуту и приведи твою госпожу!»

И когда она пришла, муж подскочил к ней и побил её жестоким боем, а затем он окрутил ей руки и хотел зарезать её. И женщина закричала соседям, и те прибежали к ней, и женщина сказала: «Этот человек хочет меня зарезать, а я не знаю за собой греха!» И соседи напали на её мужа и сказали ему: «Нет тебе к ней пути, и ты либо разведись с нею, либо удержи её с достоинством. Мы знаем её целомудрие, и она – наша соседка уже долгое время, и мы никогда не знали о ней дурного». – «Я видел в своей постели семя, подобное семени человека, и не знаю, что этому за причина», – оказал её муж. И один из присутствовавших поднялся и молвил: «Покажи мне его». И когда этот человек увидел жидкость, он сказал: «Поддай мне огня и посудину!» – и ему принесли это, и её взял белок и изжарил его на огне. И муж женщины поел его и дал поесть присутствовавшим, и присутствовавшие убедились, что это – яичный белок. И муж понял, что он несправедлив к жене и что она невиновна в этом.

А потом к нему пришли соседи и помирили его с женою, и не удалась хитрость того человека и козни, которые он придумал против женщины. Знай же, о царь, что таковы козни мужчины».

И царь велел убить своего сына.

Но выступил вперёд второй везирь и поцеловал меж рук царя землю и сказал ему: «Не торопись убивать твоего сына: он достался своей матери лишь после утраты надежды, и мы надеемся, что он будет сокровищем в твоём царстве и хранителем твоего богатства. Потерпи же с ним, о царь, может быть, у него есть доводы, которые он выскажет, а если ты поторопишься его убивать, ты раскаешься, как раскаялся купец». – «А как это было и какова его история, о везирь?» – спросил царь. И везирь сказал:

Рассказ второго везиря (ночи 580-581)

Дошло до меня, о царь, что был один купец, который соблюдал тонкость в еде и питьё. И поехал он однажды в какую-то страну, и когда он ходил по рынкам, то вдруг увидел старуху, у которой было две хлебных лелв-ки. «Продашь ли ты их?» – спросил он старуху, и она ответила: «Да». И купец сторговал лепёшки за самую дешёвую цену и купил их у старухи. Он ушёл с ними в своё жилище и съел их в тот же день, а когда наступило утро, он вернулся на то же самое место и опять увидел старуху с двумя лепёшками. Он купил у неё и эти две лепёшки и поступал так в течение двадцати дней. А затем старуха исчезла, и купец стал про неё спрашивать и не нашёл о ней вестей, но однажды, когда он был на одной из улиц» он вдруг увидел её. И он остановился и приветствовал старуху и спросил, почему она исчезла и кончились лепёшки. И когда старуха услышала его слова, она поленилась дать ответ, но купец стал заклинять её рассказать ему о своём деле.

И старуха молвила: «О господин, выслушай от меня ответ. Дело лишь в том, чего я служила у человека, у которого был рак в сланном хребте, и был у него врач, который брал муку, смешивал её с топлёным маслом и прикладывал к тому месту, которое болело, на всю ночь, пока не настанет утро. А я брала эту муку и делала из неё две лепёшки и продавала её тебе или другому. Этот человек умер и лепёшки у меня кончились».

И купец, услышав эти слова, воскликнул: «Поистине, мы принадлежим Аллаху и к нему возвращаемся, и нет мощи и силы, кроме как у Аллаха, высокого, великого!..»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Пятьсот восемьдесят первая ночь

Когда же настала пятьсот восемьдесят первая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что, когда старуха рассказала купцу, почему у неё были лепёшки, он воскликнул: „Нет мощи и силы, кроме как у Аллаха, высокого, великого!“ И этого купца рвало, пока он не заболел, и раскаялся он, но не принесло ему пользы раскаяние.

Дошло до меня, о царь, также о кознях женщин, что один человек стоял с мечом около царя из царей, а этот человек любил одну женщину. И он послал к ней однажды своего слугу с посланием, как это было между ними в обычае, и слуга сел подле женщины и стал с ней играть. И она нагнулась к нему и прижала его к груди, и слуга попросил у неё близости, и женщина послушалась его. И когда это было так, вдруг господин этого слуги постучал в дверь, и тогда женщина взяла слугу и бросила его в подвал, а затем она открыла дверь, и господин слуги вошёл с мечом в руке. И он сел на постель женщины, и она подошла к нему и стала с ним шутить и играть, прижимая его к груди и целуя его, и человек поднялся и познал женщину.

И вдруг постучался к ней в дверь её муж. «Кто это?» – спросил человек. И она ответила: «Мой муж». И человек спросил её: «Что мне делать и как ухитриться?» – «Поднимайся, обнажи меч, стань в проходе и ругай меня и брани, – сказала женщина, – а когда войдёт мой муж, уходи и отправляйся своей дорогой».

И человек сделал так, и муж женщины вошёл и увидел, что казначей царя стоит с обнажённым мечом в руке и бранит его жену и угрожает ей, а потом казначею при виде мужа стало стыдно, и он вложил меч в ножны и вышел из дома. «Что этому за причина?» – спросил человек свою жену, и та отвечала: «Благословен тот час, когда ты пришёл! Ты освободил правоверную душу от смерти. Дело лишь в том, что я сидела на крыше и пряла, и вдруг вошёл ко мне юноша, гонимый, потерявший рассудок, задыхающийся от страха смерти, а тот человек, обнажив меч, спешил за ним и торопился, преследуя его. И юноша упал передо мной, целуя мне руки и ноги, и сказал: „О госпожа, освободи меня от того, кто хочет меня убить безвинно!“ И я спрятала его у нас в подвале. И, увидав, что тот человек вошёл с обнажённым мечом, я стала отрицать, когда он опросил о юноше, и человек начал меня ругать и грозить мне, как ты видел. Слава Аллаху, который привёл тебя ко мне! Я не

знала, что делать, и подле меня никого не было, чтобы меня спасти». – «Прекрасно то, что ты сделала, о женщина, – сказал ей её муж, – награда тебе у Аллаха, и да возместит он тебе за твой поступок благом!»

Потом он подошёл к подвалу и позвал юношу, говоря: «Выходи, с тобой не будет беды!» И юноша вышел из подвала, боясь, а муж женщины говорил ему: «Отдохни душою, с тобою не будет беды!» И он принялся соболезовать юноше из-за того, что с ним произошло, а юноша призывал на этого человека благо. А потом они оба вышли, и не знали они, что придумала эта женщина. Знай же, о царь, что это – одна из женских козней, и берётесь полагаться на их слова».

И царь отказался от убиенная своего сына!

А когда наступил третий день, пришла к царю та рабыня, поцеловала землю меж его рук и сказала: «О царь, возьми за меня должное с твоего сына и не обращай внимания на слова твоих везирей. Поистине, в дурных везирях нет добра, и не будь таким, как царь, который положился на слова дурного везира из своих везирей». – «А как это было?» – опросил царь, и рабыня показала:

Второй рассказ невольницы (ночи 581-582)

Дошло до меня, о счастливый царь, обладатель правильного мнения, что у одного царя из царей был сын, которого он любил и уважал крайним уважением и предпочитал всем своим детям. И однажды этот сын сказал ему: «О батюшка, я хочу поехать на охоту и ловлю». И царь приказал снарядить его и велел одному из своих везирей выехать с ним, чтобы служить ему и исполнять все его дела во время поездки. И этот везирь взял все, что было нужно мальчику для поездки, и выехали с ними слуги, наместники и прислужники, и отправились они на охоту. И они достигли земли, покрытой зеленью, где была трава, пастбища и вода и водилось много дичи. И сын царя подъехал к везиру и осведомил его о том, какие развлечения ему нравились. И они пробыли в этой земле несколько дней, и сын царя жил наилучшей и приятнейшей жизнью.

А затем царевич приказал своим людям отправляться. И вдруг показалась перед ним газель, отбившаяся от своих подруг, и захотелось душе царевича изловить рту газель, и он сильно пожелал этого. «Я хочу последовать за этой газелью», – сказал он везиру. И везирь молвил: «Делай так, как тебе вздумалось!» И царевич погнался за газелью один, отделившись от других, и преследовал её весь день, пока не наступила ночь. И газель взобралась на крутое место, и стемнела над мальчиком ночь, и он хотел вернуться обратно, но не знал, куда направиться, и пребывал в смущении. И он ехал на спине своего коня, дека не наступило утро, но не нашёл себе помощи. И тогда он двинулся дальше и ехал, в страхе, голодный и жаждущий, и не знал, куда направиться, пока не дошёл над ним день до половины и не стал его палить зной.

И вдруг подъехал он к городу с высокими постройками и уходящими ввысь колоннами, и был этот город безлюден и разрушен, и не было там никого, кроме сов и воронов. И когда царевич стоял подле этого города, дивясь на его следы, он вдруг бросил взгляд и увидел под одной из стен города девушку, которая плакала. И царевич подошёл к ней и спросил. «Кто ты будешь?» И девушка отвечала: «Я – дочь ат-Темимы, дочери ат-Тайяха, царя Серой земли. Я вышла в один день из дней, чтобы исполнить какое-то дело, и похитил меня ифрит из джиннов и полетел со мною между небом и землёй. И поразила его огненная звезда, и он сгорел, а я упала сюда, и вот уже три дня, как я голодаю и жажду».

И когда увидела я тебя, мне захотелось жить...»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Когда же настала пятьсот восемьдесят вторая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что царевич, когда обратилась к нему дочь царя ат-Тайяха и сказала ему:

«Когда я увидела тебя, мне захотелось жить», – почувствовал к ней сожаление и посадил её сзади себя на коня и сказал: «Успокой свою душу и прохладя глаза! Если вернёт меня Аллах (слава ему и величие!) к моему племени и к моей семье, я отошлю тебя к твоим родным».

И царевич поехал, ища себе помощи, и девушка, сидевшая позади него, сказала: «О царевич, спусти меня, чтобы я могла исполнить нужду под этой стеной». И царевич остановился и опустил девушку и стал её ждать, а она спряталась за стеной и потом вышла, имея вид ужасающий. И когда царевич увидел её, волосы поднялись у него на теле, и разум его улетел, и испугался он девушки, и состояние его изменилось. А девушка вскочила и села на коня сзади царевича в самом что ни на есть ужасающем облике и сказала ему: «О царевич, почему это ты, я вижу, изменился в лице?» – «Я вспомнил о деле, которое меня заботит», – ответил царевич. И девушка молвила: «Призови на помощь войска твоего отца и его богатырей». Но царевич ответил: «Тот, кто меня заботит, не испугается войск и не станет думать о богатырях». – «Помоги себе деньгами твоего отца и его сокровищами», – сказала девушка. И царевич молвил: «Тот, кто меня заботит, не удовлетворится деньгами и сокровищам». – «Вы утверждаете, – молвила девушка, – что у вас есть на небе бог, который видит и невидим, и что он властен во всякой вещи». – «Да, у нас нет бога, кроме его», – отвечал царевич. И девушка сказала: «Помолись ему, может быть он освободит тебя от меня».

И царевич подыал взоры к небу и предался сердцем молитве и воскликнул: «Боже мой, я призываю тебя на помощь в том деле, которое меня заботит». И он указал рукою на девушку, и та упала на землю, сгорев точно уголёк. И царевич прославил Аллаха и поблагодарил его, и он до тех пор ускорял ход, а Аллах (хвала ему и величие!) облегчал ему путь и указывал ему дорогу, пока он не приблизился к своей стране и не прибыл в царство своего отца, после того как отчаялся в жизни.

И все это произошло по замыслу везиря, который уехал с ним, чтобы он погиб во время поездки, и Аллах великий помог ему. И я рассказала это тебе, о царь, только для того, чтобы ты знал, что у дурных везирей не чисты намерения и не хороши тайные мысли об их царях. Будь же настороже от подобного дела».

И царь внял невольнице и послушался её речей и велел убить своего сына, но вошёл третий везирь и сказал: «Я избавлю вас от зла царя на сегодняшний день».

А потом этот везирь вошёл к царю, поцеловал землю меж его руками и сказал: «О царь, я тебе искренний советчик и забочусь о тебе и о твоём царстве и выскажу тебе разумное мнение: не спеши убивать твоё дитя, ярохладу твоего глаза я плод твоего сердца. Может быть, был его проступок делом ничтожным, которое преувеличила перед тобою эта невольница. Дошло ведь до меня, что жители двух селений уничтожили друг друга из-за каили мёда». – «А как это было?» – спросил царь. И везирь оказал:

Рассказ третьего везиря (ночь 582)

Знай, о царь! Дошло до меня, что один охотник охотился на зверей в пустыне, и в какой-то день он вётел в одну из горных пещер и нашёл там яму, полную пчелиного мёда. И он набрал немного этого мёда в бурдюк, бывший у него, положил его на плечо и принёс в город, а с ним была охотничья собака, и была эта собака ему дорога. И этот охотник остановился у лавки торговца маслом и предложил ему мёд. И хозяин лавки купил мёд и, развязав бурдюк, вынул его оттуда, чтобы взглянуть на него. И из бурдюка вытекла капелька меду, и около все собрались мухи, и на них упала птица, а у масленника была кошка, и она подскочила к птице, и увидела её собака охотника и подскочила к кошке и убила её, и торговец ударил собаку и убил её, и охотник подскочил к торговцу и убил его, а за торговца маслом стояло селение, и за охотника стояло другое селение, и об этом

услышали люди и взяли оружие и доспехи и поднялись друг на друга в гневе, и ряды бойцов встретились, и ходил между ними меч до тех пор, пока не умерло из них множество людей – не знает числа их никто, кроме Аллаха великого!

Дошло до меня, о царь, в числе других рассказов о женских кознях, что муж одной женщины дал ей дирхем, чтобы купить на него рису. И она взяла дирхем и пошла к продавцу риса. И тот дал ей рис и стал с ней играть и подмитивать ей, говоря: «Рис хорош только с сахаром, и если ты хочешь его, войди ко мне на минутку». И женщина вошла к нему в лавку, и продавец риса сказал своему рабу: «Отвесь ей на дирхем сахару», – а потом сделал ему знак. И раб взял у женщины платок и, высыпав из него рис, положил вместо него земли, а вместо сахара он положил камней и завязал платок и оставил его подле женщины. И женщина вышла от продавца и взяла свой платок и ушла домой, думая, что в платке рис и сахар, а придя домой, она положила платок перед мужем, и тот нашёл там землю и камни.

И когда женщина принесла котелок, её муж сказал ей: «Разве мы тебе говорили, что у нас идёт постройка, что ты принесла нам земля и камней?» И, увидя это, жена поняла, что раб продавца сыграл с нею шутку, и сказала своему мужу (а она пришла с котелком в руке): «О человек, от заботы, которая поразила меня, я пошла принести сито, а принесла котелок». – «А что тебя озаботило?» – спросил её муж. И она сказала: «О человек, дирхем, что был у меня, выпал на рынке, и мне было стыдно перед людьми искать его, но не легко мне было, что дирхем пропадёт. И я собрала землю с того места, где упал дирхем, и хотела её просеять, и вот я пошла принести сито, а принесла котелок».

И она пошла и принесла сито и, дав его мужу, сказала: «Просей её, твой глаз здоровее моего глаза». И этот человек сидел и просеивал землю, пока его лицо и борода не наполнились пылью, но он не догадался о коварстве своей жены и о том, что из-за неё случилось.

Вот, о царь, один из примеров козней женщины. Посмотри на слова Аллаха великого: «Поистине, козни ваши велики!» А вот ещё слова его (хвала ему и величие!): «Поистине, козни сатаны были слабы!»

И когда услышал царь слова везира, они удовлетворили его и умилировали и отвратили от его страсти. И он думал о сказанных везирем слова Аллаха, и засияли огни благого совета в небесах его разума и мысли, и отказался он от упорного желания убить сына.

Но когда наступил четвёртый день, невольница вошла к парню и, поцеловав землю меж его руками, сказала: «О счастливый царь, обладатель правильного мнения, я показала тебе моё право воочию, но ты обидел меня и пренебрёг отмщением моему обидчику, так как он – твой сын и кровь твоего сердца. Но поддержит меня против него Аллах (слава ему и величие!), как поддержал Аллах царевича против везира и его отца». – «А как это было?» – спросил её царь. И она сказала:

Третий рассказ невольницы (ночи 582-584)

Дошло до меня, о царь, что у одного царя из ушедших царей был сын, и не было у него других детей. И когда достиг этот ребёнок зрелости, отёл женил его на дочери другого царя, и это была девушка, обладавшая красотой и прелестью. А у неё был двоюродный брат, который сватал её, но она не соглашалась выйти за него замуж. И когда он узнал, что царевна вышла замуж за другого, его взяла ревность. И двоюродный брат девушки решил послать подарки везирию того царя, который женил на этой девушке своего брата. И он послал везирию великие подарки и передал ему много денег и попросил его ухитриться заманить царевича в какую-нибудь ловушку, которая будет причиной его гибели. И он послал сказать везирию: «О везирь, я так ревную дочь моего дяди, что это побудило меня на подобное дело!» И когда подарки прибыли к везирию, тот послал сказать юноше: «Успокой свою душу и прохладя глаза: ты получишь от меня все, что ты желаешь».

А царь, отец девушки, прислал за царевичем, прося его прибыть в его страну, чтобы

войти к его дочери. И когда письмо прибыло к царевичу, его отец позволил ему отправиться и послал с ним того везиря, к которому пришли подарки, и отослал с ним тысячу всадников и подарки, и носилки, и шатры, и палатки. И везирь поехал с царевичем, затаив желание подстроить ему ловушку, и задумал он в сердце против него зло. И когда оказались они в пустыне, везирь вспомнил, что там в горах есть ручей с текучей водой, называемый Блестящим, и что всякий, кто попьёт из него, если это мужчина, обратится в женщину. И когда везирь вспомнил об этом, он приказал воинам спешиться поблизости от этого ручья, а сам сел на коня и сказал царевичу: «Не хочешь ли ты отправиться со мной и посмотреть на ручей с водой в этом месте?»

И царевич сел на коня и поехал с везирем своего отца, а больше с ним тихого не было. И они ехали до тех пор, пока не достигли этого ручья, и царевич сошёл с коня и вымыл руки и напился из ручья, и вдруг он сделался женщиной! И, узнав об этом, он стал кричать и плакать, так что лишился сознания. И везирь подошёл к нему и стал ему соболезновать в том, что его поразило, и говорить ему: «Что тебя поразило?» И мальчик рассказал ему, и когда везирь услышал его слова, он стал горевать и плакать. «Да защитит тебя Аллах великий от такого дела! Как постигло тебя подобное бедствие и поразило тебя столь великое несчастье, когда мы ехали, радуясь, что ты войдёшь к дочери царя! – воскликнул везирь. – Теперь я не знаю, отправляться ли нам к ней, или нет, и решение принадлежит тебе. Что же ты мне прикажешь?» – «Возвращаясь к моему отцу, – сказал юноша, – и расскажи ему, что со мной случилось; я не двинусь отсюда, пока не уйдёт от меня это дело, или умру в печали».

И царевич написал своему отцу письмо, осведомляя его о том, что с ним случилось, и везирь взял письмо и отправился назад, в город царя, оставив солдат и юношу и с ним войска, которые его сопровождали, и втайне он радовался тому, что сделалось с царевичем. И везирь вошёл к царю и осведомил его о случае с его сыном и передал ему его письмо, и царь опечалился о своём сыне великой печалью. А затем он послал к мудрецам и людям, знающим тайны, чтобы они разъяснили ему дело, которое случилось с его сыном, но ни один из них не дал ему ответа.

А везирь послал к двоюродному брату девушки с радостной вестью о том, что случилось с царевичем. И когда письмо прибыло к нему, тот юноша сильно обрадовался и ему захотелось жениться на дочери своего дяди, и он послал везирию великие подарки и большие деньги и поблагодарил его великой благодарностью.

Что же касается царевича, то он оставался у этого ручья три дня с ночами и не ел и не пил, и положился он в том, что с ним случилось, на Аллаха (слава ему и величие!), уповающий на которого не обманется. И когда наступила четвёртая ночь, вдруг появился перед ним всадник с вендом на голове, имевший вид царского сына, и этот всадник спросил царевича: «Кто привёл тебя сюда, о юноша!» И юноша осведомил его о том, что его поразило, и рассказал ему, что он ехал к своей жене, чтобы войти к ней, и сообщил ему также, что везирь привёл его к ручью с водой, и он напился из него, и случилось с ним то, что случилось. И пока юноша рассказывал, его все время одолевал плач, и он начинал плакать.

И когда всадник услышал его слова, он пожалел его и оказал: «Это везирь твоего отца сверг тебя в такую беду, так как про этот ручей не знает из людей никто, кроме одного мужчины». А затем всадник велел ему сесть на коня, и юноша сел, и всадник сказал ему: «Поедем со мной в моё жилище, ты будешь у меня гостем сегодня вечером». – «Окажи мне, кто ты, чтобы я поехал с тобой», – сказал юноша. И всадник ответил: «Я – сын царя джиннов, а ты – сын царя людей; успокой же душу и прохлади глаза тем, что прекратит твою заботу и горе: это для меня дело ничтожное».

И юноша отправился с ним в начале дня и пренебрёг своими воинами и солдатами и ехал с ним до полуночи, и тогда сын царя джиннов спросил его: «Знаешь ли ты, сколько мы проехали за это время?» – «Не знаю», – ответил юноша. И сын царя джиннов оказал ему: «Мы проехали расстояние в год пути для спешащего путешественника». И царевич удивился этому и спросил: «Что мне делать и как вернуться к моей семье?» И всадник ответил:

«Это не твоё дело, а моё дело, и когда ты исцелишься от твоей болезни, ты возвратишься к твоей семье быстрее, чем в мгновение ока, и это для меня дело ничтожное».

И юноша, услышав от джинна эти слова, взлетел от радости и подумал, что это – пучки сновидений. «Слава всевластному за то, что он делает несчастного счастливым!» – воскликнул он, сильно обрадовавшись...»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Пятьсот восемьдесят третья ночь

Когда же настала пятьсот восемьдесят третья ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что царь джиннов сказал сыну царя людей: „Когда ты исцелишься от твоей болезни, ты вернёшься к твоей семье быстрее, чем в мгновение ока“. И царевич обрадовался этому. И они ехали до тех пор, пока не настало утро. И вдруг увидели землю, покрытую зеленью и цветущую, с высокими деревьями, поющими птицами, прекрасными садами и великолепными дворцами. И сын царя джиннов сошёл с коня и приказал юноше спешиться и, взяв его за руку, вошёл с ним в один из этих дворцов, и царевич увидел высокую власть и сан и могущество. И он провёл у сына царя джиннов этот день за едой и питьём. А когда настала ночь, сын царя джиннов поднялся и сея на своего коня, и сын царя людей тоже сел с ним, и они выехали под покровом ночи, ускоряя ход, и ехали, пока не наступило утро.

И вдруг они оказались в чёрной земле, не населённой, полной скал и чёрных камней, подобной куску геенны, и сын царя людей спросил: «Как называется эта земля?»

И джинн ответил: «Она называется земля Чёрная, и принадлежит она царю из царей джиннов, по имени Двукрылый, на которого не может напасть никто из царей, и ни один из них не вступят в неё без его дозволения. Постой же на месте, пока мы не спросим у него позволения». И юноша остановился, а джинн скрылся на минуту и вернулся к нему. И они поехали, и ехали до тех пор, пока не достигли ручья с водой, вытекавшего из чёрных гор. «Сходи!» – сказал джинн юноше, и юноша сошёл с коня. И тогда джинн сказал ему: «Напейся из этого ручья». И юноша напился, а в тот же час и минуту снова стал мужчиной, как раньше, по могуществу Аллаха великого.

И юноша обрадовался сильной радостью, больше которой не бывает, и спросил джинна: «О брат мой, как называется этот ручей?» – «Он называется ручьём Женщин, – ответил джинн, – и всякая женщина, которая из него выпьет, сделается мужчиной. Воздай же хвалу Аллаху великому, поблагодари его за выздоровление и садись на коня». И царевич пал ниц, благодаря Аллаха великого, и они сели на коней и ехали, ускоряя ход, остаток дня, пока не возвратились в землю джиннов. И юноша провёл у него ночь в приятнейшей жизни, и они ели и пили, пока не пришла другая ночь.

И затем сын царя джиннов сказал ему «Хочешь ли ты вернуться к своей семье сегодня ночью?» – «Да, я хочу этого, так как это мне нужно», – ответил царевич. И тогда сын царя джиннов позвал одного из рабов своего отца, по имени Раджив, и сказал ему: «Возьми от меня этого юношу, посади его на плечо и не дай наступить утру раньше, чем он будет подле своего тестя и своей жены». – «Слушаю и повинуюсь, с любовью и удовольствием!» – ответил раб. А потом он скрылся на минуту и вернулся в образе ифрита, и когда юноша увидел его, его ум улетел, и он был ошеломлён. «С тобой не будет беды! – сказал ему сын царя джиннов, – садись на коня и взойди на нем к нему на плечо». – «Нет, я сяду, а коня оставлю у тебя», – ответил юноша. А потом он сошёл с коня и сел рабу на плечо, и сын царя джиннов сказал ему. «Зажмурь глаза!» И он зажмурил глаза, и раб полетел с ним между небом и землёй, и летел не переставая, а юноша не помнил себя, и не прошла последняя треть ночи, как юноша оказался над дворцом своего тестя. И когда он спустился на крышу дворца, ифрит оказал ему: «Сходи!» – и он сошёл. И ифрит молвил: «Открой глаза: вот дворец твоего тестя и его дочери».

И затем он оставил его и удалился, и когда засиял день и страх юноши утих, он

спустился с крыши дворца. И, увидев юношу сходящим с крыши, его тесть поднялся навстречу, дивясь, что увидел его на крыше дворца. «Мы видели, что люди входят в двери, а ты спускаешься с неба», – сказал он ему. И царевич ответил: «Было так, как захотел Аллах, слава ему и величие!» И царь удивился этому и обрадовался спасению царевича, а когда взошло солнце, тесть царевича приказал своему везирю устроить великое пиршество, и тот устроил пиршество, и свадьбу справили как следует. А потом царевич вошёл к своей жене и провёл у неё два месяца, и затем он уехал в город своего отца.

Что же касается двоюродного брата девушки, то он погиб от ревности и ярости, когда вошёл к ней сын царя. И Аллах (слава ему и величие!) помог царевичу против него и против везиря его отца. И он прибыл к своему отцу с женой в наилучшем состоящий и полном счастье, и отец встретил его со своими воинами и везирями. И я прошу Аллаха великого, чтобы он дал тебе победу над твоими везирями, о царь, и прошу тебя взять за меня должное за твоего сына».

И царь, услышав это от невольницы, приказал убить своего сына...»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Пятьсот восемьдесят четвёртая ночь

Когда же настала пятьсот восемьдесят четвёртая ночь, она оказалась: «Дошло до меня, о счастливый царь, что, когда рабыня рассказала это царю и сказала ему; „Прошу тебя взять за меня должное с твоего сына“, – он приказал убить его.

А было это в день четвёртый, и вошёл ж царю четвёртый везирь и поцеловал землю меж его руками и сказал: «Да укрепит Аллах царя и да поддержит его! О царь, помедли в том деле, на которое ты решился, ибо разумный не делает дела, не посмотрев, каковы его последствия, и говорит сказавший поговорку» «Кто не обдумывает последствий, тому судьба – не друг». Дошёл до меня, о царь, рассказ о кознях женщин. «А что до тебя дошло?» – спросил царь, и везирь ответил:

Рассказ четвёртого везиря (ночи 584-586)

Дошло до меня, о царь, что была одна женщина, красивая, прелестная, блестящая и совершенная, которой не было равных. И увидели её какие-то юноши соблазнители, и привязался к ней один из них и полюбил её великою любовью. А эта женщина воздержалась от прелюбодеяния, и не было у неё до этого охоты.

И случилось, что муж её уехал однажды в какую-то страну, и юноша стал каждый день по много раз посылать к ней, но она ему не отвечала. И юноша отправился к одной старухе, жившей поблизости, и приветствовал её и сел, я начал жаловаться на любовь, которая его поразила, и на страсть к этой женщине и говорить, что он хочет сближения с пего. «Я ручаюсь тебе за это, и с тобой не будет беды; я приведу тебя к тому, что ты хочешь, если пожелает Аллах великий», – сказала старуха. И, услышав эти слова, юноша дал ей динар и ушёл своей дорогой.

А когда настало утро, старуха пошла к той женщине и возобновила с ней дружбу и знакомство, и стала старуха заходить к ней каждый день, и обедала с ней, и ужинала, и брала у неё кушанье для своих детей. И эта старуха играла с женщиной и веселила её, пока не испортила её природу, и ей сделалась невозможно расстаться с старухой на один час. И случилось однажды, что старуха, выходя от женщины, взяла с собой хлеба, положила в него много жиру и перцу и кормила этим собаку в течение нескольких дней, и эта собака стала ходить за вей следом из-за её заботливости и милости.

И в какой-то день старуха взяла много переду и жиру и накормила им собаку. И когда собака поела, у неё стали слезиться глаза от острого перцу, и собака пошла следом за старухой, плача. А женщина до крайности удивилась и спросила старуху: «О матушка,

почему эта собака плачет?» – «О дочка, – отвечала старуха, – у неё удивительная история. Это была женщина, моя товарка и подруга, отличавшаяся красотой, прелестью, блеском и совершенством, и к ней привязался один юноша на её улице и почувствовал к ней сильную любовь и страсть, так что слёг на подушки. И он посылал к ней много раз, надеясь, что она смягчится к нему и пожалеет его, но она отказывалась, а я советовала ей и говорила: „О дочка, послушайся его во всем, что он тебе говорил, пожалей его и будь с ним ласкова“, – но она не приняла моего совета. И когда стало малым терпение этого юноши, он пожаловался кому-то из своих друзей, и те устроили с ней колдовство и переменили её человеческий образ на образ собаки. И когда она увидела, что ей досталось, в каком она состоянии и как изменился её образ (а не нашлось никого из тварей, кто бы над ней сжалился, кроме меня), она пришла ко мне в моё жилище и стала ко мне ласкаться и целовать мне руки и ноги, плача и рыдая.

И я узнала её и сказала ей: «Часто я тебе советовала, но не дали тебе мои советы никакой пользы...»

И Шахразад устало говорила, и она прекратила дозволенные речи.

Пятьсот восемьдесят пятая ночь

Когда же настала пятьсот восемьдесят пятая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что старуха рассказывала женщине историю собаки и осведомляла её об её положении с коварством и обманом, чтобы женщина согласилась исполнить её желание, и говорила: „И когда эта заколдованная собака пришла ко мне и стала плакать, я сказала ей: „Сколько я тебе советовала, но не дали тебе мои советы никакой пользы“. И когда я увидела её в таком положении, о дочка, мне стало её жаль, и я оставила её у себя. И вот она такая, как есть, и всякий раз, как она вспоминает о том, что было с ней прежде, она плачет о самой себе“.

И когда женщина услышала слова старухи, её охватил великий страх, и она воскликнула: «О матушка!» – клянусь Аллахом, ты испугала меня этим рассказом!» – «Чего ты боишься?» – спросила старуха. И женщина ответила! «Один красивый юноша увлёкся любовью ко мне и несколько раз ко мне присылал, а я отказывалась, и теперь я боюсь, что со мной случится то же, что случилось с этой собакой». – «Берегись, о дочка, прекословить, я очень боюсь за тебя, – молвила старуха. – Если ты не знаешь, где он живёт, то окажи мне, каков его облик, и я приведу его к тебе. Не позволяй ничьему сердцу вранья тебя огорчаться».

И женщина описала старухе юношу, а старуха притворялась незнающей и делала вид, что с ним незнакома, и потом она сказала: «Я пойду и буду о нем спрашивать». А выйдя от женщины, старуха пошла к юноше и сказала ему: «Успокой свою душу: я сыграла шутку с той женщиной. Завтра, в час пополудни, приходи и стой в начале улицы, пока я не приду. Я возьму тебя, и мы пойдём в её жилище, и ты повеселишься у неё остаток дня и всю ночь».

И юноша обрадовался сильной радостью и дал старухе два динара и сказал: «Когда я удовлетворю свою страсть, я дам тебе десять динаров». А старуха вернулась к женщине и сказала ей: «Я с ним познакомилась и поговорила об этом деле и увидела, что он очень на тебя сердится и намерен тебе повредить, и я все время уговаривала его прийти завтра к призыву на полуденную молитву». И женщина обрадовалась сильной радостью и воскликнула: «О матушка, если его сердце успокоится и он придёт ко мне в полдень, я дам тебе десять динаров». – «Ты узнаешь о его приходе только от меня», – отвечала старуха. И когда наступило утро, старуха сказала: «Приготовь обед, принарядись и надень самое дорогое, что у тебя есть, а я пойду и приведу его к тебе».

И женщина принялась наряжаться и готовить кушанье. А что до старухи, то она вышла и стала поджидать юношу, но тот не пришёл. И старуха походила, разыскивая его, но не нашла след его. И тогда она оказала про себя: «Что делать? Неужели еда, которую она приготовила, и деньги, которые она мне обещала, погибнут напрасно? Нет, я не дам этой

хитрости пропасть даром, а поищу кого-нибудь другого и приведу к ней!» И когда она так ходила по улице, она вдруг увидела красивого и прекрасного юношу, со следами путешествия на лице, и подошла к нему и приветствовала его и спросила: «Не желаешь ли кушаний и напитков и готовой для тебя женщины?»

«А где это?» – спросил человек. И старуха ответила: «У меня, в моем доме».

И человек пошёл со старухой, а та не знала, что он – муж той женщины. И, подойдя к дому, она постучала в ворота, и женщина отперла ей ворота. И когда старуха входила, она убежала, чтобы подготовиться, одеться и задушиться. И старуха ввела мужчину в комнату для гостей, будучи в великой досаде. А когда та женщина вошла и её взор упал на человека, рядом с которым сидела старуха, она поспешила придумать хитрость и обман и в тот же час и минуту сообразила, что делать.

Ода стянула с ноги башмак и сказала своему мужу: «Не таковы обеты между мною и тобой! Как это ты меня обманываешь и делаешь со мною такие дела! Когда я услышала о твоём приезде, я испытала тебя с помощью этой старухи и ввергла тебя в то, от чего я тебя предостерегала. Я теперь хорошо узнала, каковы твои дела, и ты нарушил обет, бывший между нами. Я до них пор думала, что ты чист, но увидела тебя своими глазами с этой старухой, и ты ходишь к распутным женщинам!» И она стала бить его башмаком по голове, а он отрекался от всего и клялся ей, что он в жизни её не обманывал и ничего не сделал из того, в чем она его заподозрила. И он не переставал клясться Аллахом великим, а жена била его и плакала и кричала: «Сюда, о мусульмане!» И он зажимал ей рот рукой, а она его кусала. И муж её стал перед ней унижаться и целовал ей руки и ноги, но она не соглашалась его простить и не переставала бить его рукой по шее.

А потом она подмигнула старухе, чтобы та удержала её руку. И старуха подошла к ней и стала целовать ей руки и ноги и, наконец, усадила их. И когда они сели, муж начал целовать старухе руки и говорил ей: «Да воздаст тебе Аллах великий благим благом за то, что ты меня от неё вызволила!» А старуха дивилась хитрости женщины и её коварству. Вот, о царь, один из примеров коварства женщин, их хитростей и козней.

И, услышав все это, царь извлёк назидание из рассказа везиря и отказался от убиения своего сына...

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Пятьсот восемьдесят шестая ночь

Когда же настала пятьсот восемьдесят шестая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что, когда четвёртый везирь рассказал царю этот рассказ, царь отказался от убиения своего сына.

Когда же настал пятый день, невольница вошла к царю, держа в руках кубок с ядом, и стала взывать о помощи и бить себя по щекам и по лицу и сказала: «О царь, или ты окажешь мне справедливость и возьмёшь с твоего сына за меня должное, или я выпью этот кубок яда и умру, и грех за меня останется к тебе привязанным до дня воскресения. Твои везири приписывают мне козни и коварство, но нет в мире никого коварнее их. Разве не слышал ты, о царь, рассказ о ювелире и невольнице?» – «А что произошло между ними, о девушка?» – опросил царь. И девушка сказала:

Четвёртый рассказ невольницы (ночи 586-587)

Дошло до меня, о счастливый царь, что был некий ювелир, предававшийся любви к женщинам и питью вина. И однажды он вошёл к одному своему другу и, посмотрев на стену в его доме, увидел нарисованное изображение девушки, лучше, прекрасней и изящней которой не видывали видящие. И ювелир стал часто взглядывать на неё, дивясь красоте этого образа, и любовь к изображению девушки запала ему в сердце, так что он заболел и стал

близок к гибели. И один из его друзей пришёл навестить его и, сев подле него, стал его расспрашивать, как он поживает и на что жалуется. И ювелир сказал: «О брат мой, вся моя болезнь и все, что меня поразило, – от любви. Я влюбился в изображение, нарисованное на стене у такого-то, моего друга». И приятель ювелира стал упрекать его и сказал: «Это от твоего малоумия! Как ты полюбил изображение на стене, которое не полезно, не вредно, не видят и не слышит, не берет и не отказывается?» – «Рисовавший изобразил её не иначе, как по подобию прекрасной женщины», – сказал ювелир. И его друг молвил: «Может быть, тот, кто её рисовал, создал её из своей головы». – «Как бы то ни было, я умираю от любви к ней, – сказал ювелир. – Если есть на свете существо, сходное с этим изображением, я надеюсь, что Аллах великий продлит мою жизнь до тех пор, пока я его не увижу.

И когда присутствовавшие ушли, они стали расспрашивать, кто рисовал эту женщину, и оказалось, что рисовавший её уехал в какую-то страну. И они написали ему письмо, жалуясь на положение их друга и спрашивая об этой картине и откуда она произошла: создал ли он её разумом, или видел ей подобие на свете. И рисовавший прислал им такой ответ: «Я нарисовал это изображение по подобию девушки, певицы одного везира, и она в городе Кашмире, в климате Индии».

И когда ювелир услышал об этом (а он жал в стране персов); он собрался и выехал, направляясь в страны Индия, и достиг того города после великих странствий. А вступав в этот город и расположившись там, он пошёл однажды к одному москательщику, жившему в этом Городе (а этот москательщик был человек острый, понятливый и разумный), и спросил про их царя и его поведение. «Что до нашего царя, – сказал москательщик, – то он справедлив, поступает хорошо, благодетельствует жителям своего царства и творит правый суд над подданными, и не любит он на свете только одних колдунов. Когда попадаетеся ему в руки колдун или колдунья, он бросает их в колодец за городом и оставляет их там голодать, пока они не умрут». Потом ювелир стал расспрашивать москательщика о везирях. И москательщик рассказал ему о жизни каждого везира и о том, как тот поступает, и наконец разговор привёл к той девушке-певице, и москательщик сказал: «Она у такого-то везира».

И ювелир после этого прождал несколько дней, пока не сумел придумать хитрость. А потом, в одну дождливую ночь, с громом и сильным ветром, он вышел, взяв с собой воровские принадлежности, и отправился к дому везира, господина той девушки. Он прицепил к стене крючьями лестницу и поднялся на крышу дворца, а взобравшись туда, он посмотрел на двор и увидел, что все невольницы спят, каждая на своём ложе. И он увидел ложе из мрамора, на котором лежала девушка, подобная луне, когда она засияет в четырнадцатую ночь месяца. И он направился к ней и сел у её изголовья, и снял с неё покрывало, и вдруг оказалось, что покрывало на ней золотое и в головах у неё свеча, и каждая из них в подсвечников из рдеющего золота, а свечи – из амбры. А под подушкой у девушки была серебряная шкатулка» в которой лежали все её украшения, и она стояла закрытая у неё в головах.

И ювелир вынул нож и ударил им девушку в ягодицу, причинив ей заметную рану. И девушка проснулась, испуганная и утращённая, и, увидав ювелира, побоялась кричать и молчала, думая, что он хочет взять её богатства.

«Возьми шкатулку с тем, что в ней есть, тебе нет пользы убивать меня, и я под защитой твоего благородства», – сказала она. И ювелир взял шкатулку с тем, что в ней было, и ушёл...

И Шахразад устала, и она прекратила дозволенные речи.

Пятьсот восемьдесят седьмая ночь

Когда же настала пятьсот восемьдесят седьмая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что, когда ювелир поднялся во дворец везира, он ударил девушку в ягодицу и ранил её, а потом он взял шкатулку, в которой были её украшения, и ушёл. Когда

же настало утро, он надел свои одежды и, захватив с собой шкатулку, в которой была украшения, пошёл к правителю этого города, поцеловал перед ним землю и сказал: «О царь, я человек тебе преданный, и родом я из земли хорасанской. Я пришёл, чтобы переселяться к твоему величеству, так как распространились вести о твоих кротких поступках и справедливости твоей к подданным, и захотелось мне быть под твоим знаменем. Я достиг этого города в конце сегодняшнего дня и, найдя ворота запёртыми, лёг перед ними.

И когда я был между оном и бодрствованием, я вдруг увидел четырех женщин, одна из которых была верхом на помеле, а одна верхом на опахале, и понял я, о царь, что это колдуньи, которые летят в твой город. И одна из них приблизилась ко мне и пихнула меня ногой и ударила меня лисьим хвостом, бывшим у неё в руке, и сделала мне больно. И охватил меня от удара гнев, и я ударил её бывшим у меня ножом и попал ей в ягодицу, когда она повернулась, уносясь. И когда я её ранил, она убежала, и у неё упала вот эта шкатулка с тем, что в ней есть, и я взял её и открыл и увидел в ней эти дорогие украшения.

Возьми их, мне нет в них надобности, так как я человек странствующий по горам, и я изгнал земную жизнь из своего сердца и отказался от мира с его благами и стремлюсь к лику Аллаха великого». И он оставил шкатулку перед царём и ушёл.

И когда он вышел от царя, царь открыл шкатулку и, вынув оттуда все украшения, стал их вертеть в руках и нашёл среди них одно ожерелье, которое он пожаловал тому везирю, господину девушки. И он призвал этого везиря и, когда тот явился, сказал ему: «Вот ожерелье, которое я тебе подарил». И, увидав ожерелье, везирь узнал его и сказал царю: «Да, а я подарил его одной моей невольнице-певице». – «Приведи мне эту девушку сейчас же!» – сказал царь везирю. И тот привёл девушку, и когда она явилась к царю, царь оказал: «Обнажи ей ягодицы и посмотри, есть там рана или нет». И везирь обнажил ягодицы девушки и увидел на них ножевую рану и сказал царю: «Да, о владыка, там есть рана». – «Это – колдунья, как сказал мне тот постник, наверное и без сомнения!» – сказал царь везирю. И потом царь велел бросить девушку в колодец колдунов, и её отправили в колодец в тот же день.

А когда наступила ночь и ювелир узнал, что его хитрость удалась, он пришёл к сторожу колодца, неся в руке мешок, в котором была тысяча динаров, и просидел, беседуя со сторожем, до первой трети ночи, а потом он начал с ним разговор и сказал: «Знай, о брат, что та девушка невиновна в беде, о которой рассказывают, и это я вверг её в несчастье». И он рассказал ему всю историю, с начала до конца, и затем сказал: «О брат мой, возьми этот мешок, в нем тысяча динаров, и отдай мне девушку: я уеду с ней в мою страну. Эти динары для тебя полезнее, чем заточение девушки; воспользуйся же наградой за нас, и мы оба будем призывать на тебя благо и безопасность». И сторож, услышав рассказ ювелира, до крайности удивился, какова его хитрость и как она удалась, и взял мешок с тем, что в нем было, и предоставил ювелиру девушку с условием, что он не пробудет с ней в этом городе ни одного часа. И ювелир сейчас же взял девушку и ехал, ускоряя ход, пока не прибыл в свою страну, достигнув желаемого.

Посмотри же, о царь, каковы козни мужчин и их хитрость. Твои везири удерживают тебя от того, чтобы взять за меня должное, а завтра мы будем с тобой стоять перед справедливым судьёй, и он возьмёт должное мне с тебя, о царь».

И царь, услышав слова девушки, приказал убить своего сына.

И вошёл к нему пятый везирь и поцеловал землю меж его руками и сказал: «О царь, великий саном, повремени и не торопись убивать твоего сына! Нередко за поспешностью следует раскаяние, и я боюсь, что ты будешь каяться, как каялся человек, который в жизни больше не смеялся». – «А как это было, о везирь?» – спросил царь. И везирь оказал:

Рассказ пятого везиря (ночи 587-591)

Дошло до меня, о царь, что был один человек из родовитых и благоденствующих, и были у него деньги и слуги, и рабы, и поместья, и умер он и представился к милости великого

Аллаха и оставил маленького сына. И когда мальчик вырос, он принялся есть и пить, и слушать музыку и песни, и проявлял щедрость и раздавал, и истратил деньги, которые оставил ему отец, так что все это богатство пропало...»

И Шахразадy застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Пятьсот восемьдесят восьмая ночь

Когда же настала пятьсот восемь восьмая ночь – она сказала: «О, счастливый царь, что когда пропало богатство, которое оставил ему отец, и от него ничего не осталось, юноша стал продавать рабов и невольников и поместья и истратил все, что у него было: и деньга отца и прочее, и так обеднел, что стал работать вместе с работами. И он провёл таким образом год. И когда, в один из дней, он сел у стены, поджидая, пока кто-нибудь его наймёт, вдруг приблизился к нему человек, прекрасный лицом и одеждой и приветствовал его, и юноша опросил: „О дядюшка, разве ты знал меня до сей поры?“ – „Я совсем не знаю тебя, о юноша, – отвечал подошедший, – во я вижу на тебе следы благоденствия, хотя ты теперь в таком положении“. – „О дядюшка, – отвечал юноша, – исполнился приговор и предопределение. Есть ли у тебя, о дядюшка, о светлоликий, какое-нибудь дело, для которого ты меня наймёшь?“ – „О дитя моё, – отвечал подошедший, – я хочу нанять тебя для дела нетрудного“. – „А что это такое, о дядюшка?“ – спросил юноша. И подошедший сказал: „Со мной десять старцев в одном доме, и нет у нас никого, кто бы исполнял наши просьбы. У нас для тебя столько еды и одежды, что тебе хватит, и ты будешь прислуживать нам, и будет тебе от нас то благо и те деньги, которые тебе достанутся, и, может быть, Аллах вернёт тебе через нас счастье“. – „Слушаю и повинуюсь!“ – ответил юноша. А старец оказал ему: „У меня есть одно условие“. – „А какое оно, твоё условие, о дядюшка?“ – опросил юноша. И старец сказал: „О дитя моё, такое, чтобы ты скрывал наши тайны и то, что ты у нас увидишь, и когда ты увидишь, что мы плачем, не спрашивай о причине нашего плача“. – „Хорошо, о дядюшка“, – ответил юноша. И тогда старец сказал ему: „О дитя моё, пойдём со мной, по благословению Аллаха великого!“

И юноша пошёл вслед за старцем, и тот привёл его к бабе и ввёл его туда и удалил с его тела бывшую на нем грязь, а затем старик послал человека, и тот привес красивое полотняное платье, и старец одел в него юношу и отправился с ним домой к своим людям. И когда юноша вошёл, он увидел себя в доме, высоко почтстроенном, с крепкими колоннами, обширном, с покоями, расположенными друг против друга, и залами, и в каждой зале был бассейн с водой, над которым щебетали птицы, а окна выходили со всех сторон в прекрасный сад в этом же дворе. И старец ввёл юношу в один из покоев, и юноша увидел, что он украшен разноцветным мрамором, и потолок в нем расписан лазурью и ярким золотом, а пол устлан шёлковыми коврами, и он нашёл там десять старцев, которые сидели друг против друга, одетые в одежды печали, и плакали и рыдали, и удивился им и решил спросить старца, но вспомнил условие и удержал свой язык.

И старец вручил юноше сундук, в котором было тридцать тысяч динаров, и оказал ему: «О дитя моё, трать на нас и на себя из этого сундука должным образом, пользуясь доверием, и почий, что я тебе посоветовал». И юноша отвечал: «Слушаю и повинуюсь!» И он тратил на старцев деньги в течение дней и ночей, и потом один из них умер, и его товарищи взяли его и обмыли и задёрнули в саван и похоронили в саду за домом, и смерть не переставала брать одного за одним, пока не остался только тот старец, который нанял юношу. И они с юношей жили в этом доме, и не было с ними третьего, и проявили таким образом несколько лет, а затем старец заболел.

И когда юноша потерял надежду, что он останется жив, он пришёл к нему и высказал ему своё горе, а потом сказал: «О дядюшка, я служил вам и не пропустил, прислуживая вам, ни одного часа в течение двенадцати лет, но был вам предан и ревностно прислуживал вам, как мог». – «Да, о дитя моё, – ответил старец, – ты прислуживал нам, пока не умерли эти

старцы и не представились к Аллаху, великому, славному, и нам не избежать смерти». – «О господин мой, – молвил юноша, – ты в опасности, и я хочу, чтобы ты осведомил меня, какова причина вашего плача и постоянных ваших рыданий и печалей и вздохов». – «О дитя моё, – отвечал старец, – нет тебе в этом никакой нужды; не заставляй же меня сделать то, чего я не могу. Я просил Аллаха великого, чтобы он дикого не испытывал моим испытанием, и если ты захочешь спастись от того, во что мы впали, не открывай вон той двери». И он указал ему рукою на дверь и предостерёг его, чтобы он не открывал её, и молвил: «А если ты хочешь, чтобы тебя поразило то, что поразило нас, открой её: ты узнаешь причину того, что ты видел от нас, так как будешь раскаиваться, когда раскаяние окажется бесполезно...»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Пятьсот восемьдесят девятая ночь

Когда же настала пятьсот восемьдесят девятая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что старей, оставшийся в живых после тех десяти, сказал юноше: „Остерегайся открыть эту дверь: ты расскаешься, когда раскаяние будет бесполезно“. И затем болезнь старца увеличилась, и он умер, и юноша обмыл его своей рукой и завернул в саван и зарыл его возле его товарищей. И юноша продолжал сидеть в этом помещении, запертом со всем тем, что там находилось, и несмотря на это, был он тревожен и размышлял о том, что случилось со старцем. И в один из дней он раздумывал о словах старца, который завещал ему не открывать двери, и вдруг пришло ему на ум взглянуть на неё. И он поднялся и пошёл в ту сторону и искал, пока не увидел маленькую дверь, на которой паук овил гнездо, а было на двери четыре стальных замка; и когда юноша посмотрел на неё, он вспомнил, от чего предостерегал его старец, и ушёл от двери. Но душа его стала его соблазнять открыть дверь, и он удерживался семь дней, но на восьмой день душа одолела его, и он воскликнул: „Обязательно открою дверь и посмотрю, что со мной из-за этого произойдёт! Приговора Аллаха великого и судьбы не отворать ничем, и никакое дело не случится, если не по воле его“.

И он поднялся и открыл дверь, сломав сначала замки. И, открыв дверь, он увидел узкий проход, и он пошёл по нему и шёл часа три, и вдруг вышел на берег большого потока. И юноша удивился этому и стал ходить по берегу, оглядываясь направо и налево, и вдруг большой орёл спустился по воздуху и поднял этого юношу в когтях и летел с ним между небом и землёй, пока не прилетел на остров посреди моря. И он бросил юношу на этом острове, а юноша впал в смущение, не зная, куда ему направиться.

И когда, в один из дней, он сидел, вдруг заблестели на море паруса судна, подобно звёздочке в небе, и мысли юноши привязались к этому судну, и понадеялся он, что в нем будет его опасение. И он стал смотреть на судно, и оно подплыло к нему близко. И когда судно подплыло, юноша усидел челнок из следовой кости и чёрного дерева с вёслами из сандала и алоэ, весь выложенный полосами из яркого золота, и в нем сидело десять невинных девушек, подобных лунам. И, увидев юношу, они вышли из челнока, стали целовать ему руки и оказали: «Ты – царь-жених!» А затем подошла к нему девушка, подобная незакрытому солнцу на безоблачном небе, державшая в руках шёлковый платок, в котором была царственная одежда и золотой венец, украшенный всевозможными яхонтами, и, подойдя, облачила его и увенчала венцом. И девушки понесли юношу на руках к челноку, и юноша увидел в нем всевозможные ковры из разноцветного шелка, и распустили паруса и поплыли по морским волнам.

«И, оказавшись с ними, – рассказывал потом юноша, – я решил, что это сон, и те знал я, куда они меня увозят, а когда они подплыли к берегу, я увидел, что на берегу полно войск, числа которых не знает никто, кроме Аллаха (слава ему и величие!), и воины одеты в кольчуги. И мне подвели пять меченых коней с золотыми сёдлами, украшенными всевозможными жемчугами и драгоценными камнями. И я взял одного из них и сел на него,

А четыре остальных пошли со мною. И когда я сел, сомкнулись у меня над головой знамёна и флаги, я застучали барабаны, и забили в литавры, и воины выстроились справа и слева, а я все повторял: „Сплю я или бодрствую?“ И я все время ехал, не веря, что меня окружает такое великолепие, и думая, что это – пучки сновидений, пока мы не подъехали к зеленому лугу, где были дворцы, сады, деревья, и каналы, и цветы, и птицы, прославлявшие Аллаха, единого, покоряющего».

И когда это было так, вдруг вышли из-за этих дворцов и садов воины, подобные этому, когда он низвергается, и наполнили этот луг. И, приблизившись к юноше, воины остановились. И из их среды выступил царь, который одни ехал верхом, а перед ним шли пешком некоторые его приближённые. Подойдя к юноше, этот царь сошёл с коня, и, увидев, что царь сошёл с коня, юноша тоже сошёл, и они приветствовали друг друга наилучшем приветствием, а затем снова сели на коней. И царь сказа! юноше: «Поезжай с нами, ты – мой гость». И юноша по ехал с царём, беседуя с ним, а свита выстроилась и ехала перед ними до царского дворца. А затем они спешили, и вошли во дворец...»

И Шахразад устала, и она прекратила дозволенные речи.

Ночь, дополняющая до пятисот девяноста

Когда же наста на ночь, дополняющая до пятисот девяноста, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что царь взял юношу, и они с ним поехали, окружённые свитой, и вошли во дворец, и рука юноши лежала в руке царя. И царь посадил его на золотой престол и сел подле него. И когда царь поднял с лица покрывало, оказалось, что это – девушка, подобная незакрытому солнцу на безоблачном небе: красивая, прелестная, блестящая и совершенная, высокомерная и жеманная. И юноша посмотрел и увидел великое счастье и изобильное довольство, и стал он дивиться красоте девушки и её прелести, а она сказала ему: „Знай, о царь, я – царица этой земли, и все воины, которых ты видел, и воины, кого ты видал среди них из всадников и пехотинцев, – женщины, и нет среди них мужчин. А мужчины у нас в этой земле пашут, сеют и жнут и работают, возделывают землю, застраивают города и заботятся о пользе людей, занятые всякими ремёслами; что же касается женщин, то они – судьи и обладатели должностей и воины“.

И юноша до крайности удивился этому, и когда они так разговаривали, вдруг вошёл везирь, и оказалось» что это сидящая старуха, чинная, величественная и достойная. «Приведи нам судью и свидетелей», – сказала царица. И старуха ушла для этого, а царица повернулась к юноше и стала с ним беседовать и развлекать его, рассеивая его тоску ласковыми словами. А потом она обратилась к нему и спросила: «Согласен ли ты, чтобы я была тебе женой?» И юноша поднялся и стал целовать землю меж руками царицы, но она ему не позволила, а юноша сказал: «О госпожа, я ничтожней слуг, которые тебе прислуживают!» – то царица молвила: «Разве ты не видишь всех этих слуг и воинов, и богатств, и сокровищ, и запасов, которые ты заметил?» – «Да, вижу», – отвечал юноша. И царица сказала: «Вое это – перед тобой, распоряжайся этим, давая и одаряя, чем тебе вздумается». А затем она показала на запертую дверь и сказала: «Распоряжайся всем этим, кроме вон той двери; не открывай её: когда ты её откроешь, будешь раскаиваться, но раскаяние не принесёт тебе пользы».

И не закончила она ещё своих слов, как явилась везирша и с нею судья и свидетели, и когда они пришли (а все это были старухи, с волосами, раопущенными по плечам, величественные и достойные) и предстали перед царицей, она велела им заключить её брачный договор, и её выдали замуж за юношу. И царица устроила пиры и собрала воинов, и когда поели и попили, юноша вошёл к ней и нашёл её невинной и девственной. Он уничтожил её девственность и прожил с нею семь лет в сладостнейшей, приятнейшей, счастливейшей и прекраснейшей жизни.

Но однажды, в какой-то день из дней, он вспомнил об открытии двери и сказал: «Если

бы за нею не было богатых сокровищ, лучше того, что я видел, жена не запретила бы мне её открывать». И он поднялся и открыл дверь и вдруг за нею оказалась та птица, которая унесла его с берега моря и спустила на остров. И когда птица увидела его, она воскликнула: «Нет простора для лица того, кто никогда не преуспеет!» И, увидев птицу и услышав её слова, юноша побежал от неё, но птица последовала за ним и, схватив его, пролетела с ним между небом и землёй расстояние в час, а потом спустила его в том месте, откуда она его похитила, и скрылась от него. А он посидел на месте, а потом разум вернулся к нему, и он вспомнил, какое он видел прежде счастье, величие и уважение и как воины ехали перед ним, а он приказывал и запрещал, и стал плакать и рыдать. И он пробыл на берегу моря, там, куда его спустила птица, два месяца, и хотелось ему вернуться к жене.

И когда, в одну из ночей, он не опал и печально раздумывал, вдруг раздался голос, звук которого он слышал, но не видел говорящего, и этот голос кричал: «Как велики были наслаждения! Не бывать, не бывать, чтобы вернулось к тебе то, что миновало! Умножь свои печали!» И, услышав это, юноша перестал надеяться, что встретит царицу и вернётся то счастье, которое он знал. А затем он вошёл в дом, где были старцы, и понял он, что с ними произошло то же, что произошло с ним, и в том была причина их плача и горя, и извинил их после этого. И юношу охватила печаль и забота, и он вошёл в ту залу и все время плакал и рыдал, пренебрегая едой, питьём и прекрасными запахами и перестав смеяться, и наконец он умер, и его похоронили рядом с теми старцами.

Знай же, о царь, что торопливость непохвальна, и она вызывает только раскаяние. Вот я даю тебе такой совет».

И, услышав эти слова, царь послушался их и отказался от убийства своего сына...

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Пятьсот девяносто первая ночь

Когда же настала пятьсот девяносто первая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что, когда царь услышал рассказ везира, он отказался от убийства своего сына.

Когда же настал шестой день, невольница вошла к парю, держа в руках обнажённый нож, и сказала: «Знай, о господн мой, что если ты не примешь моей жалобы и не соблюдёшь своего права и своей чести перед теми, кто обидел меня, — а это твои везири, которые утверждают, что женщины устраивают хитрости, козни и обманы, и стремятся погубить этим моё право и заставить царя пренебрегать моим делом... Но вот я докажу перед тобою, что мужчины коварнее женщин, рассказав о сыне одного царя, который остался наедине с женой купца». — «А что у него с нею произошло?» — спросил царь. И невольница сказала:

Пятый рассказ невольницы (ночи 591-593)

Дошло до меня, о счастливый царь, что был один купец очень ревнивый, и была у него жена — красивая и прелестная. И от великого страха за неё и ревности он не жил с вето в городах, а построил ей за городом дворец, стоявший вдали от строений, и возвысил его постройки и укрепил его колонны и сделал неприступными его ворота, снабдив их крепкими замками. И когда он хотел уйти, он запирали ворота и брал ключи и вешал их на шею.

И в какой-то день он был в городе, и сын царя этого города вышел прогуляться и пройтись и увидел это пустынное место. И он долго всматривался, и перед его глазами блеснул этот дворец, и царевич увидел в нем роскошно одетую женщину, которая выглянула из какого-то окна.

И когда юноша увидел её, он смутился из-за её красоты и прелести и пожелал к ней проникнуть, во это было невозможно. И он призвал слугу из своих слуг, и тот принёс ему чернильницу и бумагу, и царевич исписал её, говоря о своём состоянии и любви, и,

прикрепив бумагу к зубцам стрелы, метнул стрелу во дворец. И стрела упала перед женщиной, когда та ходила по саду, и она оказала одной из своих невольниц: «Беги скорее за этой бумажкой и подай её мне!» А она умела читать по писаному и, прочитав бумажку, поняла, что говорил ей царевич о поразившей его любви, тоске и страсти, и нашептала ответ на его записку, говоря, что к ней в сердце запала ещё большая любовь, чем любовь юноши. А затем она высунулась из окна дворца и увидала царевича и бросила ему ответ, и её тоска по нему усилилась, и царевич, увидав её, подошёл под окна дворца и сказал: «Брось мне нитку, я привяжу к ней этот ключ, а ты возьмёшь его к себе».

И женщина бросила царевичу нитку, и он привязал к ней ключ, а потом ушёл к своим везирям и пожаловался им, что любит эту женщину и не имеет силы терпеть без неё. «А какой же план ты прикажешь мне выполнить? – спросил один из везирей. И царевич сказал ему: „Я хочу, чтобы ты положил меня в сундук и поставил его во дворец того купца. Сделай вид, что этот сундук – твой, и я достигну того, что хочу от этой женщины, и пробуду у неё несколько дней, а затем ты потребуешь сундук обратно“. И везирь отвечал: „С любовью и удовольствием!“

И царевич пошёл в своё жилище и лёг в сундук, который был у него, а везирь запер сундук и принёс его во дворец купца. А купец, представ перед везирем, поцеловал ему руки и сказал: «Может быть, у нашего владыки везиря есть служба или нужда, которую мы будем счастливы дополнить?» – «Я хочу от тебя, – сказал везирь, – чтобы ты поставил этот сундук в самое дорогое для тебя место». И купец оказал носильщикам: «Несите его!» И сундук понесли, а купец внёс его во дворец и поставил в одну из овсах кладовых. А затем, после этого, он вышел по какому-то делу.

И тогда та женщина подошла к сундуку и открыла его бывшим у неё ключом, и из сундука вышел юноша, подобный месяцу, и, увидав его, женщина надела свои лучшие одежды и повела его в комнату для гостей, и они просидели за едой и питьём семь дней, и всякий раз, как являлся её муж, она клала царевича в сундук и запирала его. Но когда наступил какой-то день, царь опросил про своего сына, а везирь поспешно пошёл в дом купца и потребовал у него сундук...»

И Шахразад устала, и она прекратила досолённые речи.

Пятьсот девяносто вторая ночь

Когда же настала пятьсот девяносто вторая ночь, она оказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что, когда везирь явился в жилище купца потребовать сундук, купец поспешно вернулся против обыкновения к себе во дворец и постучал в дверь, и женщина услышала его и, взяв царевича, положила его в сундук, но, растерявшись, забыла его запереть. И когда купец пришёл к себе домой вместе с носильщиками, те подняли сундук за крышку, и он раскрылся, и в него заглянули, и вдруг увидели, что там лежит сын царя. И когда купец увидел и узнал его, он вышел к везирю и оказал: „Выходи и возьми царевича, никто из нас не может его схватить“. И везирь вошёл и взял его, и потом все ушли, и когда они ушли, купец развёлся с той женщиной и дал себе клятву, что никогда не женится.

Дошло до меня также, о счастливый царь, что один человек из людей образованных пришёл на рынок и увидел слугу, которого выкликали для продажи. Он купил его и привёл в своё жилище и сказал своей жене: «Заботись о нём». И слуга провёл у него некоторое время. И в какой-то день этот человек сказал своей жене: «Выйди завтра в сад пройтись, прогуляться и развлечься». И женщина ответила: «С любовью и удовольствием!» И когда слуга услышал это, он взял кушаний и приготовил их в течение этой ночи, а также приготовил напитки, закуски и плоды. А затем он вышел в сад и положил кушанья под одно дерево и напитки под другое дерево, и плоды и закуски он тоже положил под дерево, на пути жены его господина.

А когда наступило утро, тот приказал слуге отправиться со своей госпожой в сад и

приказал им взять с собой то, что им было нужно для еды, питья и плодов. И женщина вышла и села на коня, и слуга ехал с нею, пока они не достигли того сада. И когда они вошли туда, закаркал ворон, и слуга воскликнул: «Ты сказал правду!» И его госпожа спросила: «Разве ты понял, что сказал ворон?» – «Да, о госпожа», – ответил он. И его госпожа спросила: «Что же он говорит?» – «О госпожа, – отвечал слуга, – он говорит: „Под этим деревом стоит кушанье, приходите его поесть!“ – „Я вижу, ты знаешь язык птиц“, – сказала его госпожа, и слуга ответил: „Да“.

И его госпожа подошла к тому дереву и увидела приготовленное кушанье, и когда они его поели, она до крайности изумилась и подумала, что слуга знает птичий язык. И, поев этого кушанья, они стали гулять по саду, и закаркал ворон, и слуга сказал ему: «Ты сказал правду!» – «Что он говорит?» – спросила госпожа слугу. И тот ответил: «О госпожа, он говорит: „Под таким-то деревом кувшин с водой, надушённой мускусом, и старое вино“.

И женщина пошла с ним и нашла все это, и удивление её увеличилось, и слуга сделался великим в её глазах. И они сидели со слугою и пили, а когда напились, стали ходить по саду, и закаркал ворон, и слуга молвил: «Ты сказал правду!» – «Что говорит этот ворон?» – спросила госпожа слугу, и тот ответил: «Он говорит: „Под такимто деревом плоды и закуски“.

И они пошли к дереву и нашли все это и поели плодов и закусок, а затем они стали ходить по саду, и ворон закаркал, и слуга взял камень и бродил им в ворона. «Почему ты его бьёшь, и что он сказал?» – спросила госпожа. И слуга ответил: «О госпожа, он говорит слова, которых я не могу тебе сказать». – «Говори и не стыдись меня: между мною и тобою не стоит ничего», – ответила ему госпожа. И слуга стал говорить: «Нет!» – а она говорила: «Скажи!» – и заклинала его, и наконец он сказал: «Ворон говорит мне: „Сделай с твоей госпожой то, что с нею делает её муж“. И, услышав эти слова, госпожа его засмеялась так, что упала навзничь, и затем она воскликнула: „Дело нетрудное, и я не могу прекословить тебе в этом.“ И она подошла к дереву и разостлала под ним ковёр и позвала слугу, чтобы он удовлетворил с нею своё желание.

И вдруг оказался сзади него его господин, который смотрел на вето, и он позвал его и сказал: «Эй, мальчик, что это с твоей госпожой, что она тут лежит и плачет?» «О господин, – отвечал слуга, – она упала с дерева и умерла и не вернул её тебе никто, кроме Аллаха (слава ему и величие!). И ода прилегла здесь на минуту, чтобы отдохнуть». И когда женщина увидела рядом с собой своего мужа, она поднялась, притворяясь больной и жалуясь на боль и восклицая: «Ах, спина! Ах, бок! Пойдите сюда, о любимые, мне больше не жить?» И её муж растерялся и позвал слугу и оказал ему: «Поддай твоей госпоже коня и подсади её!» И когда она села, её муж взялся за одно стремя, а слуга за другое стремя, и муж говорил ей: «Аллах да вылечит тебя и да исцелят!»

Вот, о царь, одна из хитростей мужчин и их козней; пусть же не отвратят тебя твои везири от того, чтобы меня поддержать и взять за меня должное!» И невольница заплакала, и когда царь увидел, что она плачет (а она была ему дороже всех невольниц), он велел убить своего сына.

И вошёл к нему шестой везирь и поцеловал землю меж его руками и сказал: «Да возвеличит царя Аллах великий! Я тебе предан и советую тебе, чтобы ты повременил в деле твоего сына...»

И Шахразадку застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Пятьсот девяносто третья ночь

Когда же настала пятьсот девяносто третья ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что шестой везирь оказал царю: „О царь, повремени с убийством твоего сына – поистине ложь подобна дыму, а истина стоит на крепких столбах. Свет истины прогоняет мрак лжи, и знай, что козни женщин велики. Ведь оказал великий Аллах в своей

славной книге: „Поистине, козни ваши велики!“ Дошёл до меня рассказ о женщине, сделавшей с вельможами царства хитрость, подобной которой раньше её не делал совсем никто“. – „А как это было?“ – спросил царь. И везирь сказал:

Рассказ шестого везира (ночи 593-596)

Дошло до меня, о царь, что у одной женщины из дочерей купцов был муж, который часто путешествовал. И однажды её муж уехал в далёкую страну, и продлилось его путешествие. И стало это женщине невмоготу, и она полюбила прекрасного юношу из детей купцов, и женщина любила его, и он любил её великой любовью. И в какой-то день этот юноша поспорил с одним человеком, и тот пожаловался на него вали этого города, а вали посадил юношу в тюрьму. И дошло известие об этом до жены купца, его возлюбленной, и разум её из-за него улетел, и она поднялась и надела своя роскошнейшие одежды и пошла к жилищу вали и приветствовала его и подала ему бумажку, в которой писала: «Тот, кого ты посадил в тюрьму и заточил, – мой брат, такой-то, поспоривший с тем-то, и люди, которые свидетельствовали против него, свидетельствовали ложно. Он посажен в твою тюрьму несправедливо, и у меня нет никого, кто бы ко мне приходил я заботился о моем положении, кроме него, и я прошу от милости нашего владыки, чтобы он выпустил его из тюрьмы».

И когда вали прочитал эту бумажку, он посмотрел на женщину и полюбил её и сказал: «Войди в дом, и я велю привести его к тебе, а затем пошлю его к тебе, и ты возьмёшь его». – «О владыка, – отвечала женщина, – у меня нет никого, кроме Аллаха великого, и я – чужеземка и не могу входить ни в чей дом». – «Я не отпущу его, пока ты не войдёшь в дом и я не удовлетворю с тобой свою страсть», – сказал вали. И женщина ответила: «Если ты этого хочешь, то ты непременно должен прийти ко мне в моё жилище и посидеть и поспать и отдохнуть целый день». – «А где твой дом?» – опросил её вали. И она ответила: «В таком-то месте».

И затем она вышла от него (а сердце вали стало занято ею) и, выйдя, пошла к кади города и сказала ему: «О господни наш кади!» – «Да», – сказал кади. И женщина молвила! «Рассмотри моё дело, я награда тебе будет у Аллаха великого» – «Кто тебя обидел?» – спросил кади. И женщина ответила: «О господин, у меня есть брат, кроме которого у меня нет никого, и это заставило меня к тебе войти, так как вали посадил его в тюрьму и против него ложно засвидетельствовали, что он – обидчик. Я прошу тебя, чтобы ты походатайствовал за него у вали». И кади взглянул на женщину и полюбил её и оказал: «Войди в дом, к невольницам, и отдохни у нас немного, а мы пошлём к вали, чтобы он выпустил твоего брата, и если бы мы знали, сколько на нем лежит денег, мы бы дали их тебе от себя, чтобы удовлетворить нашу любовь, так как ты нам понравилась своими хорошими речами». – «Если так делаешь ты, о наш владыка, то мы не будем порицать других», – молвила женщина. И кади воскликнул: «Если ты не войдёшь к нам в дом, уходи своей дорогой!» – «Если ты хочешь этого, о владыка наш, то у меня в моем доме это будет более скрыто и лучше, чем у тебя в доме, так как там есть невольницы и слуги и приходящие и уходящие; я – женщина, и ничего не знаю об этих делах, но необходимость заставляет». – «А где твоё жилище?» – спросил кади. И женщина сказала: «В таком-то месте», старец и условилась с ним на тот же день, на который она условилась с вали.

И затем она пошла от кадя в дом везиря и подала ему просьбу и пожаловалась на беду своего брата, которого заточил вали, и везирь стал её соблазнять и оказал: «Мы удовлетворим с тобою наше желание и выпустим твоего брата». – «Если ты этого хочешь, то это будет у меня, в моем жилище, – ответила женщина. – Оно лучше покроет меня и тебя, и мой дом недалеко». – «А где твоё жилище?» – спросил везирь. И женщина ответила: «В таком-то месте», – и условилась с ним на тот же самый день.

А потом женщина пошла к царю того города и подала ему свою жалобу и попросила, чтобы выпустили её брата. «А кто его заточил?» – спросил царь. И женщина ответила: «Его заточил вали». И когда царь услышал её слова, она поразила его стрелой любви в сердце. И

он велел ей войти с ним во дворец, пока он пошлёт к вали и освободит её брата. «О царь, – оказала ему женщина, – это дело будет для тебя не трудно, либо по моей воле, либо насильно, и если царь захотел от меня этого, такова уже моя счастливая доля. Но если он придёт в моё жилище, то почтит меня, перенеся туда свои благородные шаги, как сказал поэт:

Друзья мои, видели ли вы, или слышали, чтоб тот посетил меня, чьи славны достоинства?»

«Мы не будем перечить твоему приказу», – сказал царь. И женщина условилась с ним на тот же день, который назначила другим, и сказала ему, где её жилище...»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Пятьсот девяносто девятая ночь

Когда же настала пятьсот девяносто четвёртая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что женщина, согласившись на предложение, сказала ему, где её жилище, и условилась с ним на тот же самый день, который назначила вали, кади и везирию, а затем она вышла от царя и пришла к одному столяру и сказала:

«Я хочу, чтобы ты сделал мне шкаф с четырьмя отделениями, одно над другим, и чтобы у каждого отделения была дверь, которая запирается. Скажи мне, какая за это плата, и я дам её тебе». – «Четыре динара, – отвечал столяр. – А если ты, о почтённая госпожа, пожалуешь мне сближение, то от тебя я не возьму ничего». – «Если уж это неизбежно, – сказала женщина, – то сделай мне пять отделений с замками». – «С любовью и удовольствием», – ответил столяр. И женщина сговорила с ним, что он принесёт ей шкаф в тот самый день. «О госпожа, – сказал столяр, – посиди, и возмёшь свою пещь сейчас же, а я после этого приду не торопясь». И женщина просидела у столяра, пока тот сделал ей шкаф с пятью отделениями, и ушла в своё жилище и поставила шкаф в то месте, где сидят гости. А затем она взяла четыре одежды и отнесла их к красильщику, и тот выкрасил каждую одежду в особый цвет, отличающийся от цвета других одежд. А женщина принялась готовить еду и питьё и цветы, плоды и благовония.

И когда пришёл день свидания, она надела самые лучшее свои одежды и нарядилась и надушилась, а затем она устлала комнату разными роскошными коврами и села поджидать, кто придёт. И вдруг вошёл к ней кади, прежде других. И, увидев его, женщина поднялась на ноги и поцеловала перед ним землю и взяла его и посадила на постель и легла с ним и стала с ним играть, и кади пожелал удовлетворения с ней, и она оказала ему «О господин, сними с себя одежду и тюрбан и надень эту жёлтую рубашку и покрой голову этим покрывалом, а мы принесём еду и питьё, и потом ты исполнишь все, что желаешь». И она взяла у кади одежду и тюрбан, и он надел рубашку и покрывало.

И вдруг кто то постучал в дверь. «Кто это стучит в дверь?» – спросил кади. И женщина сказала: «Это мой муж!» – «Что же делать, и куда я пойду?» – воскликнул кади. И женщина молвила: «Не бойся, я введу тебя в этот шкаф». – «Делай, что тебе вздумалось», – сказал кади, и женщина взяла его и ввела его в нижнее отделение и заперла. А потом она вышла к воротам и открыла их, и оказалось, что это – вали. И, увидев его, женщина поцеловала перед ним землю и взяла его за руку и посадила на ту же постель и сказала: «О господин, это место – твоё место, и этот дом – твой дом, а я – твоя невольница и одна из твоих служанок. Остаюсь у меня на весь день, скинь то, что на тебе надето, и надень эту красную одежду: это – одежда сна». И она повязала вали голову обрывком тряпки, бывшим у неё, и, взяв у него одежду, пришла к нему на постель и начала с ним играть, а он тоже стал играть с нею, а когда он протянул к женщине руку, она оказала: «О владыка наш, этот день – твой день, и никто его с тобой не разделит, но будь милостив я благодетелен и напиши мне бумажку, чтобы моего брата выпустили из тюрьмы, и тогда моё сердце успокоится». – «Слушаю и повинуюсь, на голове и на глазах!» – ответил вали и написал письмо своему казначею, в

котором говорил: «В час прибытия этого письма к тебе ты выпустишь такого-то безотлагательно; не допускай небрежности и не возражай носителю его ни одним словом». И он запечатал письмо, и женщина взяла его и стала играть с вали на постели.

И вдруг кто-то постучал в дверь. «Кто это?» – спросил вали, и женщина ответила: «Мой муж». И вали воскликнул: «Что мне делать?» – «Вэйди в этот шкаф, а я отправлю мужа и вернусь к тебе», – ответила женщина. И она взяла вали и ввела его во второе отделение и заперла его там, а кади, при всем этом, слышал их разговор. А потом женщина вышла к воротам и открыла их, и оказалось, что это – везирь. И, увидав его, женщина поцеловала землю между его руками и встретила его и поклонилась ему и сказала: «О господин мой, ты почтил нас, придя в наше жилище! Да не лишит нас Аллах твоего появления!» И она посадила его на постель и оказала: «Сними с себя одежду и тюрбан и надень эту лёгкую рубашку». И везирь снял с себя то, что на нем было, и женщина одела его в голубую рубашку и красный колпак, приговаривая: «О владыка, вот это – везирская одежда, оставь же её, пока ей не придёт время, а сейчас побудь в этой одежде для беседы, веселья и сна». И когда везирь надел её, женщина стала с ним играть на постели, и он тоже играл с нею и хотел исполнить свои желания, но она не позволяла ему и говорила: «О господин, это от нас не уйдёт!»

И когда они разговаривали, вдруг кто-то постучал в дверь, и везирь опросил женщину: «Кто это?» И она отвечала: «Мой муж». – «Что же придумать?» – опросил везирь. И женщина сказала: «Вставай, войди в этот шкаф, а я отправлю моего мужа и вернусь к тебе. Не бойся!» И она ввела его в третье отделение шкафа и заперла там и, выйдя, открыла дверь, и оказалось, что это пришёл царь. И, увидав его, женщина поцеловала перед ним землю и, взяв его за руку, привела его на середину комнаты и посадила на постель и оказала: «Ты почтил нас, о царь, и если бы мы предложили тебе весь мир и то, что в нем есть, это не стоило бы одного шага из твоих шагов к нам...»

И Шахразад устал, и она прекратила дозволенные речи.

Пятьсот девяносто пятая ночь

Когда же настала пятьсот девяносто пятая ночь, она оказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что, когда царь вошёл в дом женщины, она сказала ему: „Если бы мы подарили тебе весь мир и то, что в нем есть, это бы не стоило одного шага из твоих шагов к нам“. И царь сел на постель, и женщина молвила: „Дай мне позволение сказать тебе одно слово“. – „Говори, что желаешь“, – ответил царь. И она сказала: „Отдохни, о господин, и сними с себя одежду и тюрбан (а одежда царя, бывшая на нем в этот час, стоила тысячу динаров)“. И когда царь снял с себя одежду, женщина одела его в рваную рубаху, ценой в десять дирхемов, не больше, и стала его развлекать и играть с ним. И при всем этом люди, которые были в шкафу, слышали, что происходит, но никто из них не мог заговорить. И когда царь протянул руку к шее женщины и хотел удовлетворить с нею своё желание, она сказала ему: „Это дело от нас не уйдёт, и я ещё раньше обещала услужить тебя в этом покое, и тебе будет от меня то, что тебя обрадует“.

И когда они разговаривали, вдруг кто-то постучал в дверь, и царь воскликнул: «Удали его от нас с его согласия, или я выйду к нему и удалю его насильно». – «Этого не будет, о владыка, лучше потерпи, пока я удалю его самым хорошим умением», – сказала женщина. И царь молвил: «А мне что же делать?» И женщина взяла его за руку и ввела в четвёртое отделение и заперла там, а затем она вышла к дверям и открыла их, и оказалось, что это – столяр. И он вошёл и приветствовал женщину, и та сказала ему: «Что это за шкаф ты нам сделал?» – «А что с ним, о госпожа?» – спросил он, и женщина сказала: «Вот это отделение – узкое». – «О госпожа, оно широкое», – ответил столяр. И женщина оказала: «Войди и посмотри, ты в нем не поместишься». – «В нем поместятся четверо», – сказал столяр, и затем он вошёл в шкаф.

И когда он вошёл туда, женщина заперла его в пятом отделении и поднялась и, взяв бумажку вали, пошла с ней к казначею. И казначей взял бумажку и прочитал и поцеловал её и выпустил из тюрьмы того человека, возлюбленного женщины. И она рассказала ему, что она сделала, и юноша опросил: «А что же нам делать?» – «Мы уйдём из этого города в другой город,

сказала женщина, – нам нельзя после такого дела здесь оставаться». И они собрали то, что у них было, и погрузили на верблюдов и тотчас же уехали в другой город.

А что касается тех людей, то они просидели в отделениях шкафа три дня без еды. И им захотелось помочиться, так как они три дня не мочились, и столяр налил на голову султана, а султан налил на голову везиря, а везирь налил на голову вали, а тот налил на голову кади. И кади закричал и воскликнул: «Что это за грязь! Разве мало нам того, что с нами было, чтобы на нас ещё мочились!» И вали возвысил голос и сказал: «Да увеличит Аллах твою награду, о кади!» И, услышав его голос, кади узнал, что это – вали. А потом вали опять возвысил голос и сказал: «Что это за грязь!» И везирь возвысил голос и оказал: «Да увеличит Аллах твою награду, о вали». И, услышав его голос, вали узнал, что это – везирь. А затем везирь возвысил голос и сказал: «Что это за грязь!» И когда царь услышал слова везиря, он узнал его, но смолчал и скрыл своё присутствие, а везирь воскликнул: «Прокляни, Аллах, эту женщину за то, что она с нами сделала! Она созвала к себе всех вельмож царства, кроме царя!»

И, услышав это, царь крикнул ему: «Молчите! Я первый попал в сети этой разпутницы и развратницы!» И столяр, услышав их слова, сказал: «А я? В чем мой-то грех? Я сделал ей шкаф за четыре динара золотом и пришёл потребовать платы, и она схитрила со мной и ввела меня в это отделение и заперла там». И они стали разговаривать друг с другом и развлекать царя беседой, и развеяли его грусть.

И вдруг пришли позади этого дома и увидели, что он пустой, и оказали друг другу: «Вчера наша соседка, женщина такого-то, была здесь, а теперь мы не слышим в этом месте никаких голосов и не видим в нем человека. Сломайте ворота и посмотрите, в чем дело, чтобы не обвинил нас вали или царь и не посадил в тюрьму». И затем они сломали ворота и вошли и увидели деревянный шкаф, а в нем нашли людей, которые стонали от голода и жажды. И пришедшие стали говорить друг другу: «Неужели в этом шкафу джинн?» И один из них воскликнул: «Наберём дров и сожжём его огнём». – «Не делайте!» – закричал на них кади...»

И Шахразадку застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Пятьсот девяносто шестая ночь

Когда же настала пятьсот девяносто шестая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что, когда соседи хотели принести драв и сжечь шкаф, кади закричал на них: „Не делайте!“ И соседи сказали друг другу: „Джинны иногда меняют образ и говорят словами людей“. И, услышав их, кади прочитал кое-что из великого Корана и затем сказал пришедшим: „Подойдите к шкафу, в котором мы сидим!“ И когда они подошли, он сказал им: „Я – такой-то, а вы – такие-то и такие-то. И нас в шкафу целая толпа“. И соседи спросили кади: „А кто привёл тебя сюда? Расскажи нам, в чем дело“.

И кади осведомил их в чем дело, от начала до конца, и тогда они привели столяра. И столяр открыл отделение кади и вали, и везиря, и царя, и столяра, и все они были в той одежде, которая была на них надета. И они вышли из шкафа и посмотрели друг на друга, и каждый стал смеяться над другим, и потом они пошли искать женщину, но не нашли её. А женщина взяла все то, что было на них надето, и каждый из них послал к своим за одеждой. И им принесли платье, и они вышли, закрывшись им, к людям. Посмотри же, о владыка наш царь, какую хитрость сделала эта женщина с теми людьми.

Дошло до меня также, что был один человек, который хотел увидеть в своей жизни

Ночь могущества. И он посмотрел однажды ночью на небо и увидел ангелов, когда открылись врата небесные, и увидал, как всякая вещь пала яиц на своём месте. И, увидев это, он сказал своей жене: «О такая-то, Аллах показал мне Ночь могущества, а мне было ниспослано, что если я увижу её и сотворю три молитвы, они будут исполнены. Я опрашиваю у тебя совета: что мне оказать?» – «Скажи: „О боже, увеличь мне член!“ – посоветовала ему жена. И человек сказал это, и его член сделался точно тыквенная бутылка, так что этот человек не мог стоять, а его жена, когда он хотел её познать, бегала от него с места на место. И муж оказал ей: „Что же делать? Ты пожелала этого ради твоей страсти“. – „Я не хочу, чтобы он оставался таким длинным“, – сказала жена. И её муж поднял голову к небу и молвил: „О боже, спаси меня от этого дела и освободи меня!“

И человек сделался гладким, без члена. И, увидев это, жена оказала ему: «Нет мне до тебя нужды, раз ты стал без члена!» И её муж воскликнул: «Все это от твоего злосчастливого совета и дурного замысла! Было для меня у Аллаха три молитвы, которыми я достиг бы блага и в этой жизни и в будущей, и две молитвы пропали, осталась одна». – «Помолись Аллаху великому, чтобы он снова сделал тебя таким, каким ты был раньше!» – сказала ему жена. И человек помолился своему господу и стал опять таким, как был.

И все это, о царь, произошло по причине дурного замысла женщины, и я рассказал тебе об этом, чтобы ты убедила, что женщины глупы и слабы умом и замышляют дурное. Не слушай же их слов и не убивай своего сына, кровь твоего сердца. Ты сотрёшь воспоминание о себе после себя».

И царь воздержался от убиения своего сына.

А на седьмой день пришла та невольница и явилась к царю, крича. И она разожгла большой огонь, и её привели к царю, держа её за концы платья. И царь опросил её: «Почему ты это сделала?» И она отвечала: «Если ты не рассудишь меня с твоим сыном, я брошусь в этот огонь. Жизнь мне стала противна, и, прежде чем прийти к тебе, я написала завещание, раздала свои деньги и решила умереть, а ты будешь каяться всяческим раскаянием, как каялся царь, который пытал сторожиху бани». – «А как это было?» – спросил царь. И невольница сказала:

Шестой рассказ невольницы (ночи 596-598)

Дошло до меня, о царь, что была одна женщина, богомольная, воздержанная и благочестивая, и она заходила во дворец одного из царей, и её приход считали благословенным, и было ей у приближённых царя великое счастье. И однажды она вошла во дворец, согласно обычаю, и села рядом с женой царя, и та подала ей ожерелье ценой в тысячу динаров и сказала: «О девушка, возьми к себе это ожерелье и храни его, пока я не выйду из бани и не возьму его у тебя (а баня была во дворце)». И женщина взяла ожерелье и села в одно место в покоях царицы, ожидая, пока та сходит в баню, находившуюся в её жилище, и выйдет. А потом она положила ожерелье под молитвенный коврик и начала молиться. И прилетела птица и взяла ожерелье и положила его в щель в углу дворца, пока сторожившая выходила за нуждой. И женщина вернулась и не знала этого. И когда жена царя вышла из бани, она потребовала ожерелье у сторожихи, но та не нашла его и стала его искать, но не обнаружила и не нашла на его след. И сторожившая говорила: «Клянусь Аллахом, о дочка, ко мне никто не приходил, и когда я взяла ожерелье, я положила его под молитвенный коврик и не знаю, может быть, один из слуг увидал его и, воспользовавшись моей рассеянностью, когда я молилась, взял его, а знание об этом у Аллаха великого».

И когда услышал об этом царь, он приказал своей жене пытать сторожившую огнём и сильно побить её...»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Когда же настала пятьсот девяносто седьмая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что царь приказал своей жене пытаться сторожившую женщину огнём и сильно побить её, и царица стала её пытаться всякими пытками, но женщина ни в чём не признавалась и никого не обвиняла. И после этого царь приказал посадить её в тюрьму и заковать в цепи, и её заточили. А потом, в один из дней, царь сидел у себя во дворце, среди водоёмов, и его жена сидела с ним рядом, и вдруг взор царя упал на птицу, которая вытаскивала то самое ожерелье из щели в углу дворца. И царь кликнул одну невольницу, и она настигла птицу и отняла у неё ожерелье. И тогда царь понял, что сторожившая женщина обижена, и раскаялся в том, что он с ней сделал. И он велел привести её, и когда она явилась, принялся целовать её в голову, а затем стал плакать и просить прощения и горевать из-за того, что он с нею сделал. И он велел ей дать большие деньги, но женщина отказалась их взять, а затем она простила его и ушла и дала себе клятву, что не войдёт ни в чей дом. И она странствовала по горам и долинам и поклонялась Аллаху великому, пока не умерла.

Дошло до меня также, о царь, в числе рассказов о кознях мужчин, что два голубя, самец и самка, собрали зимой к себе в гнездо пшеницу и ячмень, а когда наступило время лета, зерно высохло и уменьшилось. И самец сказал самке: «Это ты съела зерно!» А она стала говорить: «Нет, клянусь Аллахом, я ничего не съела!» Но он не поверил ей и стал её бить крыльями и клевать клювом, пока не убил. А когда наступило холодное время, зёрна снова стали такими, как были, и самец понял, что он убил свою жену несправедливо и по вражде, и стал раскаиваться, когда раскаяние было ему бесполезно. И он лёг рядом с женой, рыдая по ней и плача и горюя, и отказался от еды и питья и заболел, и болел, пока не умер.

Дошёл до меня также, в числе рассказов о кознях мужчин против женщин, рассказ более удивительный, чем все эти». – «Подавай то, что у тебя есть», – воскликнул царь. И невольница сказала: «О царь, была одна девушка из дочерей царя, которой не было в её время равных по красоте, прелести, стройности, соразмерности, блеску и жеманству, и никто так не отнимал разум у мужчин, как она. И она говорила: „Нет мне равных в моё время!“ И все сыновья царей сватались к ней, но она не соглашалась взять из них никого, и было ей имя ад-Датма.

И говаривала она: «На мне женится только тот, кто меня покорит в пылу битвы, боя и сражения, и если кто-нибудь меня одолеет, я выйду за него замуж с радостным сердцем, а если я его одолею, то возьму его коня и оружие и одежду и напишу у него на лбу: „Этот отпущен такою-то“. И царские сыновья приходили к ней со всех мест, далёких и близких, но она одолевала их и позорила и отнимала у них оружие и клеймила их огнём.

И прослышал о ней сын одного из царей персов, по имени Бахрам, и направился к ней, покрыв далёкое расстояние, и взял с собой деньги, коней и людей и сокровища из царских сокровищ. И ехал, пока не прибыл к ней, а прибыв, он послал её отцу роскошный подарок, и царь проявил к нему приветливость и оказал ему величайший почёт. И затем царевич послал своих везирей сообщить ему, что он хочет посвататься к его дочери. И отец её прислал к нему гонца и сказал: «О дитя моё, что до моей дочери ад-Датма, то у меня нет над ней власти, так как она дала себе клятву, что выйдет замуж только за того, кто покорит её на поле битвы». – «Я приехал из моего города, зная это условие», – ответил ему царевич. И царь сказал: «Завтра ты с ней встретишься».

А когда пришёл завтрашний день, отец девушки послал к ней и попросил у неё разрешения войти. И, услышав обо всем, она приготовилась к бою и надела боевые доспехи и вышла в поле, и царевич вышел к ней навстречу и решил с ней сразиться. И люди прослышали об этом и пришли со всех мест и явились в этот самый день. И ад-Датма вышла одетая, подпоясанная и закрытая покрывалом, и царевич выступил к ней, будучи в наилучшем состоянии, одетый в крепчайшие военные доспехи и совершеннейшее снаряжение. И каждый из них понёсся на другого, и они долго гарцевали и бились продолжительное время, и царица нашла в царевиче храбрость и доблесть, которых не видала у других. И она испугалась, что царевич пристыдит её перед присутствующими, и

поняла, что он, несомненно, её одолеет, и захотела устроить козни и сделать с ним хитрость. И она открыла лицо, и вдруг оказалось, что оно светит ярче месяца, и когда царевич взглянул на неё, он оторопел, и его сила ослабла, и исчезла его решимость. А царевна, увидав это, понеслась на него и сорвала его с седла, и царевич, у неё в руках, стал подобен воробью в когтях орла, и её облик ошеломил его, и он не понимал, что с ним делается. И девушка взяла его коня и оружие и одежду и заклеила его огнём и отпустила.

И когда царевич очнулся от обморока, он провёл несколько дней, не прикасаясь ни к пище, ни к питью, и не спал от огорчения, и любовь к девушке овладела его сердцем. И он отправил своих рабов к отцу и написал ему в письме, что не может вернуться в свою страну, пока не добьётся того, что ему нужно, или он умрёт без этого. И когда письмо прибыло к его отцу, тот опечалился и хотел послать к царевичу воинов и солдат, но везири удержали его от этого и уговорили быть терпеливым.

А царевич, чтобы достичь своей цели, употребил хитрость. Он притворился дряхлым стариком и направился в сад царевны, куда она чаще всего заходила, и встретился с садовником и сказал ему: «Я чужеземец из далёких стран, и с юности и ещё до сей поры я хорошо умею обрабатывать землю и беречь растения и цветы, и никто, кроме меня, этого не умеет». И, услышав его слова, садовник обрадовался до крайней степени и привёл его в сад и приказал своим людям заботиться о нём. И царевич стал работать и выращивать деревья и заботиться о плодах. И в один из дней, когда это было так, вдруг вошли в сад рабы, с которыми были мулы, нагруженные коврами и посудой, и когда царевич спросил о причине этого, ему сказали: «Царская дочка желает погулять в этом саду». И царевич пошёл и взял украшения и одежды из своей страны, которые были у него, и принес их в сад, сел там и положил кое-что из этих сокровищ перед собой, а сам стал трястись, делая вид, что это от дряхлости...»

И Шахразад застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Пятьсот девяносто восьмая ночь

Когда же настала пятьсот девяносто восьмая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что персидский царевич притворился старым стариком, сев в саду, положил перед собой украшения и одежды и сделал вид, что трясётся от старости, дряхлости и слабости. А когда прошёл час, пришли невольницы и евнухи, и посреди них шла царевна, подобная месяцу среди звёзд, и они подошли и стали ходить по саду и рвать плоды, гуляя, и увидели человека, который сидел под деревом. И они подошли к нему (а это был царевич) и посмотрели на него, и вдруг видят, что это – старый старик, у которого трясутся руки и ноги, а перед ним лежат украшения и сокровища из царских сокровищ.

И, увидав его, девушки удивились ему и стали спрашивать его, что он делает с этими украшениями. И он сказал: «Я хочу жениться за эти украшения на какой-нибудь из вас». И девушки стали над ним смеяться и сказали: «Когда ты женишься, что ты станешь делать?» И царевич ответил: «Я поцелую мою жену один раз и разведусь с нею». – «Я выдала за тебя замуж вот эту девушку», – сказала царевна. И царевич поднялся, опираясь на палку, трясясь и спотыкаясь, и, поцеловав девушку, отдал ей украшения и одежды. И девушка обрадовалась, и все стали смеяться над царевичем, и потом ушли в своё жилище. А когда наступил следующий день, девушки вошли в сад и пришли к царевичу и увидели, что он сидит на том же месте и перед ним лежит ещё больше украшений и одежд, чем в первый раз. И они присели подле него и спросили: «О старец, что ты делаешь с этими украшениями?» И царевич ответил: «Я женюсь за них на одной из вас, как вчера». – «Я женила тебя на этой девушке», – сказала царевна. И царевич поднялся и поцеловал девушку и отдал ей украшения и одежды, и все ушли в свои жилища. И когда дочь царя увидала украшения и одежды, которые царевич дал девушкам, она сказала про себя: «Я имею больше всех прав на это, и со мной не будет от этого никакого вреда».

И когда настало утро, она вышла из своего жилища одна, приняв облик невольницы из невольниц, и, скрываясь, пришла к старцу и, придя к нему, сказала: «О старец, я – дочь царя, хочешь на мне жениться?» – «С любовью и удовольствием!» – отвечал царевич. И он вынул украшения и одежды более высокого качества и дороже ценой и отдал их царевне и поднялся, чтобы её поцеловать (а она чувствовала себя безопасно и спокойно). И, подойдя к ней, он с силой схватил её и ударил об землю и уничтожил её девственность и спросил: «Разве ты не узнаешь меня?» – «Кто ты?» – спросила царевна, и царевич ответил: «Я Бахрам, сын царя персов. Я изменил свой облик и удалился от родных и царства ради тебя». И девушка встала из-под него молча, не давая ответа и не обращаясь к нему с речью, после того, что её поразило, и она говорила про себя: «Если я его убью, его убийство не принесёт пользы». А затем она подумала и сказала про себя: «Мне возможно теперь только убежать с ним в его страну». И она собрала деньги и сокровища и послала к царевичу, уведомляя его об этом, чтобы он тоже снарядился и собрал свои деньги. И они сговорились, что такойто ночью отправятся, и сели на лучших коней и поехали под покровом ночи, и не наступило ещё утро, как они уже пересекли далёкие страны.

И они ехали до тех пор, пока не прибыли в страну персов и не оказались близ города отца юноши. И когда отец его услышал об этом, он встретил его с солдатами и воинами и обрадовался до крайней степени. А затем, через немного дней, он послал к отцу ад-Датма роскошные подарки и написал ему письмо, в котором уведомлял его, что его дочь находится у него, и требовал её приданое. И когда подарки прибыли к отцу девушки, он принял их и оказал привёзшим их крайний почёт и сильно обрадовался, а затем он устроил пиршество и, призвав судью и свидетелей, написал брачный договор своей дочери с царевичем. Он наградил послов, которые принесли письмо от царя персов, и послал своей дочери её приданое, и персидский царевич остался с ней, пока не разлучила их смерть.

«Смотри же, о царь, каковы козни мужчин против женщин! Я не откажусь от своего права, пока не умру!»

И царь приказал убить своего сына.

Но тут вошёл к нему седьмой визирь и, представ перед ним, поцеловал землю и сказал: «О царь, повремени, пока я не выскажу тебе мой совет. Тот, кто выжидает и медлит, достигает осуществления надежды и получает то, чего желает, а тому, кто торопится, достаётся раскаяние. Я видел, как наблудила эта женщина, побуждая царя ввергнуть себя в ужасы; а невольник, осыпанный твоей милостью и благами, тебе предан. Я знаю, о царь, о кознях женщин то, чего не знает никто, кроме меня, и до меня дошёл из этого рассказ о старухе и сыне купца. „А как это было?“ – спросил царь. И визирь сказал:

Рассказ седьмого везира (ночи 598-602)

Дошло до меня, о царь, что у одного купца было много денег, и был у него сын, дорогой для него. И в один из дней сын сказал своему отцу: «О батюшка, я пожелаю от тебя одно желание, которым ты меня обрадуешь». – «А что это, о дитя моё? Я дам это тебе, хотя бы был это свет моего глаза, чтобы привести тебя этим к тому, чего ты хочешь», – ответил ему отец. И сын сказал: «Я хочу, чтобы ты дал мне сколько-нибудь денег, и я поеду с купцами в страны Багдада, чтобы поглядеть на них и посмотреть на дворцы халифов. Дети купцов мне их описывали, и мне захотелось посмотреть на них». – «О сынок, кто будет стоек, если ты отлучишься?» – воскликнул отец юноши, но тот молвил: «Я сказал тебе эти слова, и неизбежно мне туда отправиться, с согласия или без согласия. В мою душу запала тоска, которая пройдёт только по прибытии в Багдад...»

И Шахразад устала, и она прекратила дозволенные речи.

Когда же настала пятьсот девяносто девятая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что сын царя⁴⁹⁷ сказал своему отцу: «Неизбежно уехать и прибыть в Багдад!» И когда отец его убедился в этом, он собрал ему товаров на тридцать тысяч динаров и отправил его путешествовать с купцами, которым он доверял, и поручил купцам о нем заботиться. А потом отец юноши простился с ним и вернулся в своё жилище, а юноша ехал со своими товарищами купцами, пока они не прибыли в Багдад, обитель мира.

А когда они достигли Багдада, юноша пошёл на рынок и нанял себе хороший, красивый дом, который смутил его разум и ошеломил его взор, – там были щебечущие птицы, и покои стояли один напротив другого, и пол был выложен разноцветным мрамором, а потолки украшены мадинской лазурью. Он спросил привратника о размере платы за дом: «Сколько в месяц?» И привратник отвечал: «Десять динаров». И юноша спросил: «Говоришь ли ты правду, или насмехаешься надо мной?» – «Клянусь Аллахом, – ответил привратник, – я говорю только правду. Всякий, кто поселится в этом доме, живёт там не больше недели или двух». – «А какая тому причина?» – спросил юноша. И привратник молвил: «О дитя моё, всякий, кто поселится в этом доме, выходит из него только больной или мёртвый. Этот дом прославился такими вещами среди всех людей, что никто не осмеливается в нем поселиться, и плата за него уменьшилась до такого размера».

Услышав это, юноша до крайности удивился и воскликнул: «В этом доме обязательно должно быть какое-нибудь обстоятельство, из-за которого там случается подобная болезнь или смерть!» Но потом он подумал про себя и, прибегнув к Аллаху от сатаны, битого камнями, прогнал из ума такое предположение и поселился в этом доме. И стал он продавать и покупать, и прошло над ним несколько дней, а он все жил в доме, и ничего не случилось с ним из того, что говорил привратник.

И когда он сидел в один из дней у ворот дома, прошла мимо него поседевшая старуха, подобная пятнистой змее. И она часто славословила и святила имя Аллаха, удаляя с дороги камни и другие препятствия. И старуха увидела юношу, сидевшего у ворот, и стала смотреть на него, дивясь на него, и юноша сказал ей: «О женщина, разве ты меня знаешь или сомневаешься во мне?» И, услышав слова юноши, старуха торопливо подошла к нему и приветствовала его и спросила: «Сколько времени ты живёшь в этом доме?» – «О матушка, два месяца», – отвечал юноша. И старуха молвила: «Этому-то я удивилась. Я не знаю тебя, о дитя моё, и ты меня не знаешь, и я не усомнилась о тебе, а удивилась потому, что все, кто жил в этом доме, кроме тебя, выходили оттуда мёртвыми или больными. Я не сомневаюсь, о дитя моё, что ты подвергаешь опасности свою молодость. Разве ты не поднимался во дворец вверх и не смотрел с балкона, который там есть?»

И затем старуха ушла своей дорогой, а юноша, когда старуха покинула его, стал размышлять о её словах и сказал про себя: «Я не поднимался во дворец вверх и не знал, что там есть балкон». И затем, в тот же час и минуту, он вошёл во дворец и стал ходить по углам комнат и наконец увидел в одном углу маленькую дверь, в засовах которой свил гнездо паук. И, увидав дверь, юноша сказал про себя: «Может быть, паук свил на этой двери гнездо лишь потому, что за нею гибель!» И он положился на слова Аллаха великого: «Скажи: „Не поразит нас ничто, кроме того, что начертал нам Аллах“, – и, открыв дверь, стал подниматься по маленькой лестнице, а дойдя до верха, увидел балкон. И он сел отдохнуть и осмотрелся и увидел изящное и нарядное помещение, в возвышенной части которого был высокий балкон, возвышавшийся над всем Багдадом, и на этом балконе находилась девушка, подобная гурии. И она овладела всем сердцем юноши и унесла его разум и сердце, оставив после себя страдания Айюба и печаль Якуба.

И когда юноша увидал её и хорошенько в неё всмотрелся, он подумал: «Может быть, люди говорят, что никто не жил в этом доме без того, чтобы умереть или заболеть, именно из-за этой женщины. О если бы я знал, в чем для меня избавление, – мой разум пропал!» И

⁴⁹⁷ В тексте – ошибка переписчика. Должно, конечно, стоять сын купца.

он спустился сверху, раздумывая, что ему делать, и сидел в доме, но ему не было покоя. И он вышел и сел у ворот, не зная, как ему поступить, и вдруг видит – идёт та старуха, поминая и прославляя по дороге Аллаха. И, увидав ему юноша поднялся на ноги и первый пожелал старухе мира и приветствовал её и сказал: «О матушка, я был здоров и благополучен, пока ты не посоветовала мне отпереть ту дверь, и я увидел балкон и отпер его и посмотрел сверху и увидел нечто, меня ошеломившее. И теперь я думаю, что погибну, и знаю, что нет для меня врача, кроме тебя».

И, услышав слова юноши, старуха засмеялась и молвила: «С тобою не будет беды, если захочет Аллах великий!» И когда она сказала ему эти слова, юноша вошёл в дом и вышел, неся в руках сто динаров, и сказал: «Возьми их, о матушка, и поступай со мной, как поступают господа с рабами. Скорее поспевай мне на помощь, – когда я умру, с тебя будет спрошено за мою кровь в день воскресения». – «С любовью и удовольствием! – ответила старуха. – Я только хочу, о дитя моё, чтобы ты поддержал меня маленькой помощью – этим ты достигнешь желаемого». – «А чего ты хочешь, о матушка?» – спросил юноша. И старуха ответила: «Я хочу, чтобы ты помог мне и пошёл на шёлковый рынок и спросил лавку Абу-ль-Фатха ибн Кайдама. И когда тебе его укажут, сядь у его лавки, поздоровайся с ним и скажи: „Дай мне покрывало, которое у тебя есть, разрисованное золотом“. (А у него в лавке нет покрывала лучше этого.) Купи у него это покрывало, о дитя моё, за самую дорогую цену и положи его у себя, а я приду к тебе завтра, если захочет Аллах великий». И затем старуха ушла, а юноша провёл ночь, ворочаясь, как на угольях гада.

Когда же настало утро, он положил за пазуху тысячу динаров и пошёл на шёлковый рынок и спросил, где лавка Абу-ль-Фатха. И один из купцов рассказал ему, и, придя к Абу-ль-Фатху, юноша увидел перед ним слуг, прислужников и челядь, и был купец на вид человек достойный, с обильными богатствами, и в довершение его счастья была у него та женщина, а ей нет подобных у царских сыновей. И, увидав Абу-ль-Фатха, юноша приветствовал его, и купец ответил на его приветствие и приказал ему сесть, и юноша сел подле него и сказал: «О купец, я хочу от тебя такое-то покрывало, чтобы взглянуть на него». И купец велел рабу принести из глубины лавки тюк с шёлком. И когда раб принёс тюк, Абу-ль-Фатх развязал его и вынул несколько покрывал, и юноша был поражён их красотой. И он увидел то самое покрывало и купил его у купца за пятьдесят динаров и, радостный, пошёл с ним домой...»

И Шахразад устала, и она прекратила дозволенные речи.

Ночь, дополняющая до шестисот

Когда же настала ночь, дополняющая до шестисот, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что, купив у купца покрывало, юноша взял его и пошёл с ним домой. И вдруг подошла та старуха, и, увидав её, юноша встал перед нею на ноги и дал ей покрывало. И старуха сказала ему: „Принеси мне уголёк из огня“. И юноша принёс ей огня, и старуха поднесла кончик покрывала к угольку и прожгла его с краю, а потом она свернула покрывало так же, как прежде, и, взяв его с собой, пошла к дому Абу-ль-Фатха, и, подойдя, она постучала в ворота. И когда та женщина услышала её голос, она поднялась и отперла ей ворота. А старуха водила дружбу с матерью этой женщины, и та знала её, потому что она была подруга её матери. „Что тебе нужно, о матушка, – спросила женщина. – Мать ушла от меня домой“. – „О дочка, – отвечала старуха, – я знаю, что твоя мать не у тебя, и я была у неё в доме, и пришла к тебе, только боясь, что пройдёт время молитвы. Я хочу здесь у тебя омыться, так как знаю, что ты чистоplotная и в доме у тебя чисто“.

И женщина позволила ей войти к себе, и старуха, войдя, приветствовала её и призвала на неё благословение, а потом она взяла кувшин и вошла в дом уединения и омылась и совершила в каком-то помещении молитву, а после этого прошла к той женщине и сказала ей: «О дочка, я думаю, что в том месте, где я молилась, ходили слуги, и оно нечисто.

Присмотри другое место, где бы мне помолиться. Я уничтожила ту молитву, которую сотворила раньше». И женщина взяла её за руку и сказала ей: «О матушка, пойдй помолись на моей постели, где сидит мой муж». И когда она привела её к постели, старуха начала молиться и взывать к Аллаху и кланяться, а потом она воспользовалась невниманием женщины и положила покрывало под подушку, так что та этого не видела. А кончив молиться, старуха призвала на женщину благословение и поднялась и вышла от неё.

Когда же наступил конец дня, пришёл купец, муж этой женщины, и сел на постель. И женщина принесла ему кушанье, и купец поел его вдоволь и вымыл руки, а затем он облокотился на подушку, и вдруг увидел, что изпод неё торчит кончик покрывала. И купец вынул покрывало из-под подушки и, посмотрев на него, узнал его. И он заподозрил женщину в бесстыдном и кликнул её и спросил: «Откуда у тебя это покрывало?» И его жена поклялась ему многими клятвами и сказала: «Ко мне никто не приходил, кроме тебя». И купец смолчал, опасаясь позора, и подумал: «Если я открою эту дверь, то опозорюсь в Багдаде (а этот купец бывал собеседником халифа, и ему оставалось только молчать, и он не сказал своей жене ни одного слова)». А имя этой женщины было Махзия, и купец кликнул её и сказал: «До меня дошло, что твоя мать лежит больная из-за боли в сердце, и все женщины у неё и плачут о ней. Она приказала, чтобы ты к ней подошла».

И женщина пошла к своей матери и, войдя в дом, нашла свою мать здоровой. И она посидела немного, и вдруг пришли носильщики, которые переносили её пожитки из дома купца, и они перенесли все вещи, бывшие у него в доме. И когда мать увидела это, она опросила: «О дочка, что с тобой случилось?» Но женщина скрыла от неё, и её мать заплакала и опечалилась из-за разлуки дочери с тем человеком.

А через несколько дней старуха пришла к той женщине, когда она была в доме, и с жалостью приветствовала её и спросила: «Что с тобой, о дочка, о моя любимая? Ты смутила мои мысли». И она вошла к матери женщины и спросила её: «О сестрица, что случилось и что за история у девушки с её мужем? До меня дошло, что он с нею развёлся; какой за ней грех, требующий всего этого?» – «Может быть, её муж вернётся к ней по твоему благословию, – сказала мать женщины. – Помолись же за неё, сестрица: ты постница и простаиваешь всю ночь». А потом девушка, её мать и старуха сошлись в доме и стали разговаривать, и старуха сказала: «О дочка, не носи заботы, если захочет Аллах великий, я сведу тебя с твоим мужем на этих днях».

И потом старуха отправилась к тому юноше и сказала ему: «Приготовь нам красивое помещение, я приведу к тебе ту женщину сегодня вечером». И юноша поднялся и принёс все, что им было нужно из еды и питья, и сел их дожидаться, а старуха пришла к матери женщины и сказала ей: «О сестрица, у нас свадьба, пошли девушку со мной, пусть она развлечётся и пройдут её огорчение и забота, а потом я верну её тебе такой же, какою взяла». И мать женщины поднялась и одела её в самое роскошное из её платьев, украсив её наилучшими украшениями и одеждами. И женщина вышла со старухой, а мать её шла с ними до ворот и наставляла старуху и говорила ей: «Берегись, чтобы её не увидел кто-нибудь из созданий Аллаха великого – ты ведь знаешь, каково место её мужа у халифа. Не задерживайся же и возвращайся в самом скором времени». И старуха взяла женщину и пришла с нею к дому юноши, а женщина думала, что это тот дом, где свадьба. И когда она вошла в дом и пришла в комнату гостей...»

И Шахразадку застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Шестьсот первая ночь

Когда же настала шестьсот первая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что когда женщина вошла в дом и пришла в комнату гостей, юноша вскочил ей навстречу и обнял её и стал целовать ей руки и ноги, и девушка была ошеломлена красотой юноши, и ей представилось что это помещение и все, что в нем есть из цветов, съестного и

напитков – сон. И старуха, увидя её растерянность, сказала: „Имя Аллаха над тобою, о дочка! Не бойся, я сижу и не покину тебя ни на одну минуту. Ты подходишь для него, и он подходит для тебя“. И женщина села в сильном смущении, а юноша до тех пор играл с нею и смешил её и развлекал стихами и рассказами, пока её грудь не расправилась и она не развеселилась. И она стала есть и пить, и когда вино показалось ей приятным, она взяла лютню и запела и склонилась и устремила к красоте юноши. И, увидав это, юноша опьянел без вина, и его душа показалась для него ничтожной, и старуха вышла от них.

А на заре она пришла к ним и пожелала им доброго утра и спросила женщину: «Какова была твоя ночь, о госпожа?» – «Было хорошо из-за твоих длинных рук и уменья сводничать», – ответила женщина, а старуха сказала ей: «Вставай, пойдём к твоей матери». И когда юноша услышал слова старухи, он выложил ей сто динаров и сказал: «Оставь её у меня на сегодняшнюю ночь». И старуха вышла от них и пошла к матери женщины и сказала ей: «Твоя дочь желает тебе мира. Мать невесты взяла с неё клятву, что она проведёт у неё сегодняшнюю ночь». «О сестрица, – сказала мать женщины, – пожелай мира им обоим. Если девушка довольна, то не беда, что она там переночует – пусть повеселится и придёт не торопясь, и я боюсь для неё только огорчения со стороны её мужа».

И старуха устраивала с матерью женщины хитрость за хитростью, пока не провела так семь дней, и каждый день она брала от юноши сто динаров. А когда эти дни прошли, мать женщины сказала старухе: «Поддай мне мою дочь сию же минуту, моё сердце занято ею! Время её отсутствия затянулось, и это мне подозрительно». И старуха вышла от неё, разгневанная её словами, и, придя к женщине, положила её руку в свою, и они вышли от юноши, когда тот спал на постели, охмелев от вина. И они пришли к матери женщины, и та встретила её весело и приветливо, обрадованная до крайности, и сказала: «О дочка, моё сердце занято тобою, и я напала на мою сестру со словами, которые её огорчили». – «Поднимайся и целуй ей руки и ноги – она была мне точно служанка и исполняла мои просьбы, – сказала женщина. – А если ты не сделаешь того, что я приказала, я тебе не дочь, а ты мне не мать». И мать девушки тотчас же поднялась и помирилась со старухой.

А юноша, очнувшись от опьянения, не нашёл женщины, но он был рад и тому, что получил, когда достиг своей цели. И потом старуха пошла к юноше и приветствовала его и спросила: «Что ты видел из моих поступков?» – «Прекрасно ты поступила и замыслила и придумала!» – воскликнул юноша. А старуха сказала: «Пойдём, исправим то, что мы испортили, и воротим эту женщину к её мужу – мы ведь были причиной их разлуки». – «А как мне поступить?» – спросил юноша. «Ты пойдёшь в лавку того купца, – отвечала старуха, – и сядешь возле него и поздороваяешься с ним, а я пройду мимо лавки. И когда ты меня увидишь, выйди поскорее из лавки, схвати меня и тяни за платье, и брани, и путай, и требуй с меня покрывало, и говори купцу: „О владыка, не помнишь ты того покрывала, которое я у тебя купил за пятьдесят динаров? Случилось, о господин, что моя невольница его надела и прожгла в одном месте с краю, и тогда она дала это покрывало этой старухе, чтобы та отдала его кому-нибудь заштопать, и старуха взяла его и ушла, и я её с того дня не видел“. – „С любовью и удовольствием!“ – ответил юноша.

А затем, в тот же час и минуту, он пошёл в лавку купца и посидел у него немного, и вдруг увидел, что старуха проходит мимо лавки, и в руках у неё чётки, которые она пересчитывает. И, увидав её, юноша поднялся на ноги и, выйдя из лавки, потянул старуху за платье и стал её ругать и бранить, а она отвечала ему мягко и говорила: «О дитя моё, тебе простительно!» И люди на рынке собрались вокруг них и стали спрашивать: «В чем дело?» И юноша отвечал: «О люди, я купил у этого купца покрывало за пятьдесят динаров, и невольница носила его один час, а потом она села, чтобы его окурить, и вылетела искра и прожгла покрывало с краю. И мы дали его этой старухе с тем, чтобы она отдала его кому-нибудь заштопать и возвратила нам, и с того времени мы никогда её не видали». И старуха воскликнула: «Этот юноша сказал правду! Да, я взяла у него покрывало и зашла с ним в один из домов, куда я обыкновенно захожу, и забыла его где-то в тех местах, и не знаю, где оно. А я женщина бедная, и я испугалась владельца этого покрывала и не

встречалась с ним». И при всем этом купец, муж той женщины, слушал их разговор...»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Шестьсот вторая ночь

Когда же настала шестьсот вторая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что когда юноша схватил старуху и стал говорить ей про покрывало, как она его научила, купец, муж той женщины, слышал их разговор с начала до конца. И когда купец узнал историю, которую придумали эта хитрая старуха с юношей, он поднялся на ноги и воскликнул: „Аллах велик! Прошу прощения у великого Аллаха за мои грехи и за то, что заподозрил мой ум!“ И он прославил Аллаха, который открыл ему истину, а затем он подошёл к старухе и спросил её: „Ты заходишь к нам?“ – „О дитя моё, – отвечала старуха, – я захожу и к тебе и к другим за милостыней, и с того дня никто не дал мне вестей об этом покрывале“. – „А ты спрашивала о нем кого-нибудь у нас в доме?“ – продолжал купец. И старуха молвила: „О господин, я ходила в дом и спрашивала, и мне сказали: „Купец развёлся с хозяйкой дома“, – и я вернулась и после уже никого не спрашивала до сегодняшнего дня“.

И купец обратился к юноше и сказал ему: «Освободи дорогу этой старухе – покрывало у меня». И он вынес покрывало из лавки и отдал его заштопать перед теми, кто присутствовал, а затем он пошёл к своей жене и дал ей немного денег и снова взял её к себе, после того как усиленно перед нею извинялся и просил прощения у Аллаха, и не знал он о том, что сделала старуха.

Вот одна из многих козней женщин, о царь». И затем везирь сказал: «Дошло до меня также, о царь, что кто-то из царских детей вышел наедине с собою, чтобы прогуляться, и проходил мимо зеленого сада, где были деревья, плоды и птицы, и каналы бежали по этому саду. И юноше понравилось это место, и он сел там, и, вынув сушёные плоды, бывшие у него, стал их есть, и когда он сидел так, то вдруг увидал большой дым, поднимающийся к небу в этом месте. И царевич испугался и встал и, взобравшись на одно из деревьев, спрятался там. И когда царевич залез на дерево, он увидел, что из середины реки вышел ифрит, на голове которого был мраморный сундук, а на сундуке – замок. И ифрит поставил сундук в саду и открыл его, и из сундука вышла девушка, подобная незакрытому солнцу на чистом небе, и была она из людей. И ифрит посадил девушку перед собой и стал на неё смотреть, а потом он положил голову ей на колени и заснул.

И девушка взяла голову ифрита и положила её на сундук, а потом она встала и начала ходить, и взор её упал на то дерево. И она увидела царевича и сделала ему знак спуститься, но царевич отказался спуститься, и девушка стала его заклинать и сказала: «Если ты не спустишься и не сделаешь со мной того, что я тебе скажу, я разбужу ифрита от сна и осведомлю его о тебе, и он погубит тебя в ту же минуту». И юноша испугался девушки и спустился вниз, и когда он спустился, девушка стала целовать ему руки и ноги и соблазнять его, чтобы он исполнил её нужду. И юноша согласился на её просьбу, и когда он выполнил её просьбу, девушка сказала ему: «Дай мне перстень, который у тебя на руке». И юноша отдал ей перстень, и она завернула его в шёлковый платок, который был у неё, а в платке было множество перстней – больше восьмидесяти, – и перстень царевича девушка положила среди них. «Что ты делаешь с этими перстнями, которые у тебя?» – спросил царевич. И девушка ответила: «Этот ифрит похитил меня из дворца моего отца и положил меня в этот сундук и запер на замок. И он ставит сундук со мною себе на голову, отправляясь куда бы то ни было, и едва может вытерпеть без меня одну минуту из-за сильной ревности, и не позволяет мне того, что я хочу. И когда я увидала это, я дала клятву, что никому не откажу в сближении. А этих перстней, которые со мною, столько же, сколько познало меня мужчин, так как у каждого, кто меня познал, я беру перстень и кладу его в этот платок. Отправляйся своей дорогой, – сказала она потом, – а я подожду кого-нибудь другого – ифрит ещё сейчас не встанет».

И юноша-царевич едва поверил этому, и он шёл своей дорогой, пока не пришёл к жилищу своего отца, а царь не знал о кознях девушки против его сына, и она не опасалась этого и не считалась с царём. И когда царь услышал, что перстень его сына пропал, он велел убить юношу, а потом он поднялся со своего места и пошёл к себе во дворец, и тут везири отклонили его от убийства его сына. И когда наступила некая ночь, царь послал за везирями, призывая их, и они все пришли, и царь поднялся им навстречу и поблагодарил их за то, что они раньше отклонили его от убийства сына, и юноша тоже поблагодарил их и сказал: «Прекрасно то, что вы придумали, чтобы мой отец пощадил мою душу, и я воздам вам благом, если захочет Аллах великий». И потом юноша рассказал везирям о причине пропажи перстня, и везири пожелали ему долгой жизни и высокого возвышения и удалились из приёмной залы.

«Посмотри же, о царь, каковы козни женщин и что они делают с мужчинами».

И царь отказался от убийства своего сына.

Рассказ о царевиче и семи везирях (Продолжение)

И когда наступило утро, отец царевича сел на престол в восьмой день, и вошёл к нему его сын, вложив руку в руку своего наставника ас-Синдибада, и поцеловал землю меж рук царя, а затем он заговорил красноречивейшим языком и восхвалил своего отца и его везирей и вельмож его правления и поблагодарил их и прославил. А в зале присутствовали учёные, эмиры, военные и знатные люди, и все присутствовавшие изумились ясности языка царевича, его красноречию и превосходному умению говорить. И когда отец царевича услышал это, он обрадовался сильной и великой радостью, а затем он позвал царевича и поцеловал его между глаз, и позвал наставника его ас-Синдбада и спросил его, почему его сын молчал в течение этих семи дней.

«О владыка, — отвечал наставник, — благо было в том, что он не говорил. Я боялся, что он будет убит в это время, и я узнал об этом деле, о господин, в день рождения царевича — когда я увидел его гороскоп, он указал мне на все это. А теперь зло отошло от него, по счастью царя». И царь обрадовался этому и спросил своих везирей: «Если бы я убил моего сына, грех был бы на мне, на невольнице или на наставнике ас-Синдбаде?» И присутствующие промолчали и не дали ответа, и наставник юноши, ас-Синдбад, сказал царевичу: «Дай ответ...»

И Шахразад упустило утро, и она прекратила дозволенные речи.

Шестьсот третья ночь

Когда же настала шестьсот третья ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что когда ас-Синдбад сказал царевичу: „Дай ответ, о дитя моё“, — царевич сказал:

Рассказ о невольнице и молоке (ночь 603)

Я слышал, что у одного купца остановились в доме гости, и хозяин послал невольницу купить для них на рынке молока в кувшине, и невольница взяла молока в кувшине и направилась обратно к дому своего господина. И когда она шла по дороге, пролетел над ней ястреб, нёсший в когтях змею, которую он сдавил, и со змеи упала в кувшин капля, а невольница не знала этого. И когда она пришла в дом, её господин взял у неё молоко и стал его пить вместе со своими гостями, и не успело молоко утвердиться у них в желудках, как они все умерли. Посмотри же, о царь, на ком был грех в этом случае?»

И один из присутствовавших сказал: «Грех на людях, которые пили», — а другой сказал: «Грех на невольнице, которая оставила кувшин открытым, без покрывала».

И ас-Синдбад, наставник мальчика, молвил: «А ты что скажешь об этом, о дитя моё?» —

«Я скажу, – ответил царевич, – что эти люди ошибаются: нет греха ни на невольнице, ни на собравшихся гостях, но только срок этих людей окончился вместе с их наделом, и была определена им смерть по причине этого происшествия».

И когда присутствовавшие услышали это, они до крайности удивились и возвысили голоса, желая царевичу блага, и сказали ему: «О владыка, ты дал ответ, которому нет подобных, и ты – учёный среди людей теперешнего времени». И, услышав их, царевич молвил: «Я не учёный, и, поистине, слепой старец и трехлетний ребёнок и пятилетний ребёнок умнее меня». – «Расскажи нам историю этих троих, которые умнее тебя, о юноша», – сказали присутствовавшие люди. И царевич молвил:

Рассказ о купце и слепом старце (ночи 603-605)

Дошло до меня, что был один купец с большими деньгами, который много путешествовал по всем странам. И захотелось ему поехать в какую-то страну, и он спросил людей, прибывших оттуда: «На каком товаре там можно много нажить?» – «На сандаловом дереве – оно там дорого продаётся», – ответили ему. И купец купил на все свои деньги сандалового дерева и отправился в тот город.

И когда он туда прибыл (а время его прибытия было в конце дня), он вдруг увидел старуху, которая гнала баранов, и, увидав купца, она спросила его: «Кто ты, о человек?» И купец ответил: «Я купец, чужеземец». – «Берегись жителей этого города, – сказала старуха, – это хитрецы и воры, и они обманывают чужеземца, чтобы одолеть его, и проедают то, что у него есть. И вот я дала тебе совет». И старуха покинула его.

А когда наступило утро, купца встретил один человек из жителей города и приветствовал его и спросил: «О господин, откуда ты прибыл?» – «Я прибыл из такого-то города», – отвечал купец. И горожанин спросил его: «А какой ты привёз с собою товар?» – «Сандаловое дерево, – отвечал купец. – Я слышал, что оно имеет у вас цену». – «Ошибся тот, кто тебе это посоветовал, – молвил горожанин. – Мы жжём под котелками только это сандаловое дерево, и у нас ему одна цена с дровами». И когда купец услышал слова этого человека, он опечалился и раскаялся, и вместе верил и не верил. И этот купец остановился в одном из городских ханов и стал разжигать свой сандал под котелком, и тот горожанин увидел его и спросил: «Не продашь ли ты этот сандал, по сколько захочет твоя душа за меру». – «Я продам его тебе», – отвечал купец. И человек перенёс весь его сандал к себе домой, а продавец намеревался взять столько золота, сколько покупатель возьмёт сандала.

А когда наступило утро, купец пошёл ходить по городу, и ему встретился человек, голубоглазый и кривой, один из городских жителей, и уцепился за него и сказал: «Это ты погубил мой глаз, и я ни за что тебя не отпущу!» И купец начал отрицать и воскликнул: «Это дело не удастся!» И вокруг них собрались люди и стали просить у кривого отсрочки до завтра, а тогда купец отдаст ему цену его глаза. И купец выставил за себя поручителя, и его отпустили, и он ушёл. А у него разорвалась сандалия, когда кривой тащил его, и он остановился у лавки башмачника и отдал ему сандалию и сказал: «Почини её, и тебе достанется от меня то, на что ты будешь согласен». И он ушёл и вдруг увидел людей, которые сидели и играли, и сел с ними рядом, от горя и заботы, и они попросили его поиграть, и он стал играть с ними. И они обратили победу против него, и обыграли его, и предложили ему на выбор: или выпить море, или выложить все свои деньги. И купец поднялся и сказал: «Отсрочьте мне до завтра», – и ушёл от них, озабоченный тем, что он сделал, и не зная, каково будет его положение.

И он сел в одном месте, раздумывая, озабоченный и огорчённый, и вдруг прошла мимо него та старуха. И она посмотрела на купца и сказала ему: «Может быть, жители города тебя одолели? Я вижу, ты озабочен тем, что поразило тебя». И купец рассказал ей обо всем, что с ним случилось, с начала до конца. И старуха спросила его: «Кто же тебя провёл с этим сандалом? Сандал у нас цедится по десять динаров за ритль. Но я придумаю для тебя способ, в котором, я надеюсь, будет спасение твоей душе. Иди к таким-то воротам; в том месте есть

один слепой шейх-сидень, умный, сведущий, старый, опытный. Все к нему приходят и спрашивают его о том, что собираются сделать, и он советует им то, в чем для них польза, так как он сведущ в кознях, колдовстве и плутовстве. Он ловкач, и ловкачи собираются у него ночью. Пойди же к нему и спрячься от твоих противников, чтобы ты слышал их разговор, а они тебя не видели. Он будет им рассказывать о побеждающей и побеждённой, и, может быть, ты услышишь от них какой-нибудь довод, который освободит тебя от твоих противников...»

И Шахразад упустила нить, и она прекратила дозволенные речи.

Шестьсот четвёртая ночь

Когда же настала шестьсот четвёртая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что старуха сказала купцу: „Пойди вечером к учёному, у которого собираются городские жители, и спрячься – может быть, ты услышишь какой-нибудь довод, который освободит тебя от твоих противников“.

И купец пошёл от неё в то место, о котором она ему рассказала, и спрятался там, и увидел того шейха, и сел близко от него. И когда прошло не больше часу, явились к шейху люди, которые хотели с ним судиться, и, представ перед ним, приветствовали его и поздоровались друг с другом и сели вокруг него, и купец, увидав их, нашёл среди пришедших четырех своих противников. И шейх предложил им кое-какой еды, и они поели, а затем каждый из них стал рассказывать шейху, что произошло с ним в этот день, и человек с сандалом выступил вперёд и рассказал шейху о том, что с ним в этот день случилось: как он купил у одного человека за бесценок сандал, и продажа состоялась с тем, чтобы наполнить меру чем продавец захочет. «Твой противник одолеет тебя», – сказал шейх. «А как он меня одолеет?» – спросил ловкач, и шейх ответил: «Если он тебе скажет: „Я возьму полную меру золота или серебра, – ты ему дашь?“ – „Дам, и я буду с прибылью“, – ответил ловкач. „Ну, а если он тебе скажет: „Я возьму полную меру блох, половину самцов, половину самок“, – что ты будешь делать?“ – спросил шейх. И ловкач понял, что он побеждён.

И затем выступил вперёд кривой и сказал: «О шейх, я увидел сегодня одного человека с голубыми глазами из чужой страны, и затеял с ним ссору, и уцепился за него, и сказал ему: „Это ты погубил мой глаз!“ И я не оставил его до тех пор, пока целая толпа народа мне не поручилась, что он ко мне вернётся и удовлетворит меня за мой глаз». – «Если он захочет одолеть тебя, то наверное одолеет», – сказал шейх. «Как же он меня одолеет?» – спросил кривой. И шейх ответил: «Он скажет тебе: „Вырви себе глаз, и я вырву себе глаз, а потом мы взвесим оба глаза. И если мой глаз будет равен твоему глазу, то ты прав в том, что утверждаешь. И ты будешь ему должен плату за его глаз и окажешься слепым, а он будет зрячим на другой глаз“. И кривой понял, что купец победит его таким доводом.

А затем выступил вперёд башмачник и сказал: «О шейх, я видел сегодня человека, который дал мне сандалию и сказал: „Почини мне её“. И я спросил его: „А разве ты не дашь мне плату?“ И человек сказал: „Почини сандалию, и тебе достанется от меня то, на что ты будешь согласен“. А я не буду согласен ни на что, кроме всех его денег». – «Если он захочет взять свою сандалию и ничего тебе не дать, он возьмёт её», – сказал шейх. «А как так?» – спросил башмачник. И шейх ответил: «Он скажет тебе: „Враги султана разбиты, противники его бессильны, и дети его и помощники многочисленны. Ты согласен или нет?“ И если ты скажешь: „Согласен“, – он возьмёт свою сандалию и уйдёт, а если ты скажешь: „Нет“, – он возьмёт сандалию и побьёт тебя ею по лицу и по затылку». И понял башмачник, что он будет побеждён.

И затем выступил человек, который играл с купцом на усмотрение выигравшего, и сказал: «О шейх, я встретил одного человека и сыграл с ним и обыграл его, и сказал ему: „Если ты выпьешь это море, я выложу тебе все мои деньги, а если не выпьешь – выкладывай

твои деньги мне“. – „Если он захочет тебя победить, то наверное победит“, – сказал шейх. „А как это?“ – спросил игрок. И шейх ответил: „Он скажет тебе: „Возьми горлышко моря в руку и подай его мне, а я его выпью“. И ты не сможешь, и он победит тебя таким доводом“. И купец, услышав это, узнал, какими доводами ему защищаться от своих противников. И потом все ушли от шейха, и купец направился в своё жилище.

А когда настало утро, пришёл к нему человек, который играл с ним на то, что он выпьет море. И купец сказал ему: «Подай мне горлышко моря, и я его выпью». И игрок не смог, и купец одолел его, и споривший выкупил себя сотнею динаров и ушёл. А потом пришёл башмачник и потребовал того, на что он будет согласен, и купец сказал ему: «Султан победил своих врагов и погубил своих противников, и дети его многочисленны. Ты согласен или нет?» – «Да, согласен», – отвечал башмачник, и купец взял свою обувь без платы и ушёл.

А затем к нему пришёл кривой и потребовал возмещения за свой глаз, и купец сказал ему: «Вырви себе глаз, и я вырву себе глаз, и мы их взвесим, и если они будут одинаковы, значит, ты прав и бери плату за свой глаз». – «Дай мне отсрочку», – сказал кривой. И он помирился с купцом на сотне динаров и ушёл.

А затем пришёл к купцу тот, кто купил у него сандал, и сказал ему: «Возьми цену твоего сандала». – «Что ты мне дашь?» – спросил купец. «Мы сговорились, что мера сандала пойдёт за меру чего-нибудь другого, – отвечал человек. – Если желаешь, возьми её полной золота или серебра». – «Я возьму только полную меру блох: половину самцов, половину самок», – сказал купец. И покупатель ответил: «Я не могу сделать ничего такого!»

И купец одолел его, и покупатель выкупил себя сотнею динаров, вернув сначала сандал купцу, и тот продал сандал, как хотел, и получил за него деньги и уехал из этого города в свою страну...»

И Шахразадку застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Шестьсот пятая ночь

Когда же настала шестьсот пятая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что купец продал свой сандал и получил за него деньги и уехал из этого города в свой город.

«Что касается трехлетнего ребёнка, – сказал царевич, – то был один человек, развратный и любивший женщин, который услышал об одной красивой и прекрасной женщине, обитавшей в другом городе. И человек отправился в тот город, где жила женщина, и взял с собой подарок и написал женщине записку, в которой описывал, какую сильную он испытывает тоску и страсть, и говорил, что любовь побудила его к ней переселиться и прибыть к ней. И женщина позволила ему к ней прийти. И когда этот человек пришёл к её жилищу и вошёл к ней, женщина поднялась на ноги и встретила его с почётом и уважением, и поцеловала ему руки, и угостила его таким угощением из съестного и напитков, больше которого не бывает.

А у этой женщины был маленький ребёнок трех лет жизни. И она оставила его и занялась варкой кушаний. И мужчина сказал ей: «Пойдём, ляжем!» И она ответила: «Мой ребёнок сидит и смотрит на нас». – «Это маленький ребёнок, он ничего не понимает и не умеет говорить», – сказал мужчина. И женщина молвила: «Если бы ты знал, как он понятлив, ты бы так не говорил». И когда мальчик увидел, что рис поспел, он заплакал сильным плачем, и мать спросила его: «О чем ты плачешь, о дитя моё?» – «Наложи мне рису и полей его маслом», – сказал мальчик. И его мать положила ему рису и полила его маслом, и мальчик поел и ещё раз заплакал. «О чем ты плачешь, о дитя моё?» – спросила его мать. И ребёнок сказал: «О матушка, положи мне в него сахару!»

И мужчина, рассердившись, воскликнул: «Поистине ты злосчастный ребёнок!» А мальчик отвечал: «Никто не злосчастный, кроме тебя, раз ты утомлялся и выехал из одного города в другой, стремясь к блуду. А что до меня, то я плакал потому, что у меня что-то было

в глаз, и я вывел это слезами, и потом поел рису с маслом и сахаром и насытился. Кто же из нас злосчастный?»

И, услышав это, мужчина устыдился слов маленького ребёнка. А потом пришло к нему увещание свыше, и он, в тот же час и минуту, стал пристойным и, никак не посягнув на женщину, удалился в свой город и раскаивался, пока не умер».

Рассказ о ребёнке и сторожихе (ночи 605-606)

А затем царевич сказал: «Что же касается пятилетнего ребёнка, то дошло до меня, о царь, что четыре купца соединились, имея тысячу динаров, и, смешав все деньги, положили их в один кошель и пошли покупать товар. И они увидели по дороге прекрасный сад и вошли туда, а кошель оставили у сторожихи сада и, войдя, погуляли там и стали есть, пить и веселиться. И один из них сказал: „У меня есть благовония; пойдём, вымоем голову в этой текущей воде и надушимся!“ – „Нам понадобится гребень“, – сказал другой. И кто-то ещё молвил: „Спроси сторожиху, может быть, у неё будет гребень“.

И один из купцов пошёл к сторожихе и сказал ей: «Дай мне кошель!» И сторожиха ответила: «Когда вы придёте все или твои товарищи прикажут мне его тебе отдать (а товарищи купца сидели в таком месте, что сторожиха их видела и слышала их разговор)». – «Она не соглашается ничего мне дать», – сказал купец своим товарищам. И те крикнули: «Дай ему!» И когда сторожиха услышала их слова, она отдала купцу кошель, и этот человек взял его и вышел, убегая.

И когда он заставил их ждать, купцы пошли к сторожихе и спросили: «Почему ты не даёшь ему гребня?» И сторожиха ответила: «Он спрашивал только кошель, и я отдала его не раньше, чем вы позволили, и ваш товарищ вышел отсюда и ушёл своей дорогой». И, услышав слова сторожихи, купцы стали бить себя по лицу и схватили сторожиху и сказали: «Мы позволили тебе дать ему только гребень!» – «Он не говорил мне про гребень», – ответила сторожиха. И купцы схватили её и донесли на неё кади и, придя к нему, рассказали всю историю, и кади обязал сторожиху вернуть кошель и объявил её обязанной всем её противникам...»

И Шахразад устало говорила, и она прекратила дозволенные речи.

Шестьсот шестая ночь

Когда же настала шестьсот шестая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что когда кади обязал сторожиху вернуть кошель и объявил её обязанной всем её противникам, она вышла смущённая, не видя себе дороги. И её встретил мальчик пяти лет жизни. И когда этот мальчик увидел, как она смущена, он спросил её: „Что с тобой, о матушка?“ Но она не дала ему ответа и пренебрегла им из-за его малых лет. И мальчик повторил свои слова один и другой, и третий раз, и женщина сказала: „Несколько человек пришли ко мне в сад и положили возле меня кошель с тысячей динаров и поставили мне условие, что я никому не отдам этот кошель иначе, как в присутствии их всех. А потом они пошли в сад походить и прогуляться. И один из них вышел и сказал мне: „Дай кошель!“ И я сказала ему: „Когда придут твои товарищи“. – „Я взял от них позволение“, – сказал он. Но я не согласилась отдать ему кошель, и тогда он крикнул своим товарищам: „Она не соглашается ничего мне дать“. И они сказали мне: „Дай ему!“ (а они были поблизости от меня). И я отдала этому человеку кошель, и он взял его и ушёл своей дорогой. И его товарищи заждались его и вышли ко мне и спросили: „Почему ты не даёшь ему гребень?“ И я ответила: „Он не говорил про гребень, он говорил только про кошель“. И они схватили меня и отвели к кади, и кади обязал меня вернуть кошель“.

«Дай мне дирхем, чтобы купить сладкого, и я скажу тебе что-то, в чем будет освобождение», – сказал мальчик. И женщина дала ему дирхем и спросила: «Какие есть у

тебя слова?» – «Возвращайся к кади, – ответил мальчик, – я скажи ему: „У меня с ними было условленно, что я отдам им кошель только в присутствии всех четырех“. И женщина воротилась к кади, – говорил царевич, – и сказала ему то, что ей говорил мальчик. И кади спросил: „Было у вас с нею так условленно?“ – „Да“, – отвечали купцы. И кади сказал: „Приведите ко мне вашего товарища и берите кошель“. И сторожиха благополучно вышла, и не случилось с ней беды, и она ушла своей дорогой».

И когда услышали слова юноши царь и везири и те, кто присутствовал в этом собрании, они сказали царю: «О владыка наш царь, твой сын превосходит людей своего времени!» И они пожелали юноше и царю блага. И царь прижал своего сына к груди и поцеловал его между глаз и спросил его, что у него было с невольницей. И царевич поклялся великим Аллахом и его благородным пророком, что это она соблазняла его. И царь поверил его словам и сказал: «Я отдаю её тебе на суд: если хочешь, убей её, или сделай с ней что хочешь». – «Я изгоню её из города», – сказал юноша своему отцу.

И царевич со своим родителем жили самой радостной и приятной жизнью, пока не пришла к ним Разрушительница наслаждений и Разлучительница собраний, и вот конец того, что дошло до нас из истории о царе, его сыне и невольнице и семи везирях».

Сказка о Джударе (ночи 607-624)

Дошло до меня также, – начала новую сказку Шахразада, – что один купец по имени Омар имел трех сыновей, старшего из которых звали Салим, младшего – Джудар, а среднего – Селим, и воспитывал их, пока они не сделались мужчинами. Но он любил Джудара больше, чем его братьев, и когда тем сделалось ясно, что он любит Джудара, их взяла ревность, и они возненавидели Джудара. И их отцу стало ясно, что они ненавидят своего брата. А отец их был стар годами, и испугался он, что, когда он умрёт, Джудару достанутся тяготы из-за его братьев. И он призвал нескольких людей науки и сказал: «Подайте мне мои деньги и материи!» И когда ему подали все его деньги и материи, он сказал: «О люди, разделите эти деньги и материи на четыре части, согласно постановлениям закона».

И имущество разделили, и отец дал каждому сыну долю и долю взял себе и сказал: «Вот моё имущество, я разделил его между ними, и для них не осталось ничего ни у меня, ни друг у друга, и когда я умру, между ними не возникнет разногласия, так как я разделил наследство при жизни. А то, что я взял себе, будет для моей жены, матери этих детей, и она станет помогать себе этим, чтобы прожить...»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Шестьсот седьмая ночь

Когда же настала шестьсот седьмая ночь» Шахразада сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что купец разделил свои деньги и материи на четыре доли и дал каждому из своих трех сыновей долю, а четвёртую долю взял себе и сказал: „Эта доля будет для моей жены, матери этих детей, и она станет помогать себе ею, чтобы прожить“.

А потом, через малое время, отец умер, и ни один из братьев не был доволен тем, что сделал их отец Омар, и все требовали прибавки от Джудара, говоря ему: «Деньги нашего отца у тебя!»

И Джудар с братьями принёс жалобу судьям, и пришли мусульмане, которые присутствовали во время дележа, и засвидетельствовали то, что знали, и судья не позволил братьям притеснять один другого. И Джудар потерял часть денег, и его братья из-за тяжбы тоже потеряли, и они оставили его на время, но потом снова начали строить козни. И Джудар понёс на них жалобу судьям, и они опять потеряли много из-за судей, и братья до тех пор искали управы друг на друга у одного притеснителя за другим и теряли деньги, пока не скормили всех своих денег притеснителям и все не стали бедняками. И затем братья Джудара

пришли к матери и стали над ней смеяться и отняли у неё деньги, и побили её и выгнали. И она пришла к своему сыну Джудару и сказала ему: «Твои братья сделали со мною то-то и то-то и взяли мои деньги!» – и стала проклинать их. И Джудар сказал: «О матушка, не проклинай их, Аллах воздаст каждому из них за их дела. Но я, о матушка, сделался бедняком, и мои братья тоже бедняки; тяжба заставляет терять деньги, а мы с ними много раз тягались перед судьями, и это не принесло нам никакой пользы, напротив, мы все потеряли, что оставил нам отец, и люди опозорили нас из-за наших препирательств. Неужели я стану ещё раз тягаться с ними по этому делу и мы подадим жалобу судьям? Этого не будет! Ты станешь жить у меня, и я оставлю тебе лепёшку, которую ем, а ты молись за меня, и Аллах наделит и меня и тебя. Оставь их – они потерпят от Аллаха за свои дела – и утешайся словом сказавшего:

Обидит если глупец тебя, оставь его
И жди поры удобной для отмщенья.
В стороне держись от обиды гнусной, – когда б гора
Обижала гору, обидчик был бы сломлен.

И он принялся успокаивать свою мать и уговаривать, и та согласилась и осталась у него. И Джудар взял сеть и стал ходить к реке и прудам и каждый день он шёл куданибудь, где плескалась вода. И один день он зарабатывал десять, другой – двадцать, а третий – тридцать и тратил деньги на свою мать, и хорошо ел, и хорошо пил. А у его братьев не было ни ремесла, ни купли, ни продажи, и вошло к ним поражающее и уничтожающее и бедствие постигающее. А они уже сгубили то, что отняли у матери, и оказались в числе несчастных нищих голодранцев. И иногда они приходили к матери и унижались перед ней и жаловались на голод, а сердце матери жалостливо, и она кормила их чёрствым хлебом, и если у неё было вчерашнее варево, она говорила: «Ешьте скорей и уходите раньше, чем придёт ваш брат; для него будет нелегко видеть вас, и это ожесточит его сердце против меня, вы опозорите меня перед ним». И братья торопливо ели и уходили.

И вот однажды они пришли к матери, и та поставила перед ними варево и хлеб, и они стали есть, и вдруг вошёл брат Джудар. И мать смутилась, и ей сделалось стыдно, она испугалась, что он на неё рассердится, и склонила голову к земле со стыда перед своим сыном, но Джудар улыбнулся братьям в лицо и сказал: «Простор вам, братья! Благословенный день! Как случилось, что вы меня посетили в этот благословенный день?» И он обнял их выказал к ним любовь и сказал: «Я не думал, что вы оставите меня тосковать, не придёте ко мне и не взглянете на меня и на вашу мать». И братья ответили: «Клянёмся Аллахом, о брат наш, мы стосковались по тебе, и нас прежде удерживал лишь стыд из-за того, что у нас с тобой случилось, но мы очень раскаивались. Это дело шайтана, прокляни его Аллах великий, и нет нам благословения ни в ком, кроме тебя и нашей матери...»

И Шахразду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Шестьсот восьмая ночь

Когда же настала шестьсот восьмая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что, когда Джудар пришёл домой и увидел своих братьев, он сказал им: „Добро пожаловать!“ И воскликнул: „Нет мне благословения ни в ком, кроме вас“. А его мать сказала: „О дитя моё, да обелит Аллах твоё лицо, и да умножит Аллах твоё благосостояние! Ты самый великодушный, о дитя моё!“ – „Добро вам пожаловать! – сказал Джудар. – Оставайтесь у меня – Аллах великодушен, добра у меня много“.

И он помирился с братьями, и те провели у него ночь и поужинали с ним, а на следующий день они позавтракали и Джудар взял сеть и вышел через ворота дающего победу. А его братья ушли и пропадали до полудня и пришли, и мать подала им обед, а

вечером пришёл их брат и принёс мясо и зелень. И они провели таким образом месяц, и Джудар ловил рыбу и продавал её и тратил деньги на мать и братьев, а те ели и забавлялись. И случилось в какой-то день, что Джудар понёс сеть к реке и кинул её и потянул, и сеть поднялась пустая, и тогда он забросил её во второй раз, и она опять поднялась пустая. И Джудар сказал про себя: «В этом месте нет рыбы!» И перешёл в другое место и закинул там сеть, и она поднялась пустая, и тогда он перешёл в другое место и переходил с утра до вечера, но не поймал даже маленькой рыбёшки. «Чудеса! – воскликнул он. – Рыба, что ли, в реке вышла, или этому другая причина?»

И он взвалил сеть на спину и пошёл назад, огорчённый и озабоченный, неся заботу о братьях и о матери и не зная, чем накормить их на ужин. И он проходил мимо пекарни и увидел, что люди толпятся за хлебом и в руках у них деньги, но хлебопёк не обращает на них внимания. И он остановился и вздохнул, и хлебопёк сказал ему: «Простор тебе, Джудар! Тебе надо хлеба?» И Джудар промолчал, а хлебопёк молвил: «Если у тебя с собой нет денег, бери хлеба вдоволь, тебе будет отсрочка». – «Дай мне на десять полушек хлеба», – сказал Джудар. «Возьми ещё и эти десять полушек, – молвил хлебопёк, – а завтра при носи мне на двадцать рыбы». – «На голове и на глазах!» – ответил Джудар и, взяв хлеб и десять полушек, купил на них кусок мяса и зелени. «Завтра владыка облегчит мою беду», – подумал он и пошёл в своё жилище.

И его мать сварила кушанье, и Джудар поужинал и лёг спать. А на другой день он взял сеть, и мать сказала ему: «Садись, позавтракай». И он ответил: «Завтракай ты с братьями». И ушёл к реке. И он закинул сеть в первый раз, и во второй, и в третий, и переходил с места на место, и делал это до послеполуденного времени, но ему ничего не попало. И тогда он поднял сеть и пошёл, огорчённый. А у него не было другой дороги, как мимо хлебопёка. И когда Джудар подошёл, хлебопёк увидел его и отсчитал ему хлеб и серебро и сказал: «Подойди, бери и ступай! Нет сегодня – будет завтра». И Джудар хотел извиниться перед ним, но хлебопёк сказал: «Иди, извинений не нужно, если бы ты что-нибудь поймал, улов был бы с тобой. Когда я увидел тебя ни с чем, я понял, что тебе ничего не досталось, а если тебе и завтра ничего не достанется, приходи, бери хлеба и не стыдись, тебе будет отсрочка».

И в третий день Джудар ходил по прудам до послеполуденного времени, но не поймал ничего, и тогда он пошёл к хлебопёку и взял у него хлеб и серебро. И он делал так семь дней подряд, а потом расстроился и сказал себе: «Пойду сегодня к пруду Каруна»⁴⁹⁸.

И он хотел закинуть сеть и не успел опомниться, как приблизился к нему магрибинец⁴⁹⁹, ехавший на муле, и был он одет в великолепную одежду, а на спине мула лежал вышитый мешок, и все на муле было вышито. И магрибинец сошёл со спины мула и сказал: «Мир тебе, о Джудар, сын Омара». И Джудар ответил: «И тебе мир, о господин мой, хаджи». – «О Джудар, – сказал магрибинец, – у меня есть к тебе просьба, и если ты меня послушаешься, то получишь большие блага и станешь по этой причине моим другом и исполнителем моих желаний». – «О господин мой хаджи, – ответил Джудар, – скажи мне, что у тебя на уме, я тебя послушаюсь и не стану тебе прекословить». «Прочитай „Фатиху“!»⁵⁰⁰ – сказал магрибинец. И Джудар прочитал с ним «Фатиху», а потом магрибинец вынул шёлковый шнурок и сказал Джудару: «Скрути мне руки и затяни шнурок покрепче, и брось меня в пруд, и подожди немного, и если увидишь, что я высуну из воды поднятую руку, прежде чем покажусь весь, накинь на меня сеть и вытащи меня поскорее;

⁴⁹⁸ Карун – имя сказочно богатого человека, упоминаемое в Коране. Пруд Каруна располагался к югу от средневекового Каира. С ним были связаны всевозможные легенды, одна из которых использована в настоящей сказке.

⁴⁹⁹ Магрибинец (Магриб – запад) – житель северо-западной Африки.

⁵⁰⁰ Фатиха – первая сура (глава), открывающая Коран.

если же ты увидишь, что я высунул ногу, знай, что я мёртв и оставь меня. Возьми тогда мула и мешок и пойди на рынок купцов; ты найдёшь там еврея по имени Шамиа, которому отдашь мула, а он даст тебе сто динаров. Возьми их, скрывай тайну и уходи своей дорогой».

И Джудар крепко скрутил магрибинца, а тот говорил ему: «Стягивай крепче. – И потом он сказал: – Толкай меня, пока не сбросишь в пруд». И Джудар толкнул его и сбросил. И магрибинец погрузился в воду, а Джудар постоял, ожидая его, некоторое время, и вдруг высунулись ноги магрибинца. И Джудар понял, что он умер, и взял мула и, оставив магрибинца, отправился на рынок купцов. Он увидел, что тот еврей сидит на скамеечке у входа в кладовую, и когда еврей увидел мула, он воскликнул: «Погиб человек! Его погубила одна лишь жадность», – сказал он потом и, взяв у Джудара мула, дал ему сто динаров и наказал ему хранить тайну, и Джудар взял динары и пошёл. Он забрал у хлебопёка сколько ему было нужно хлеба и сказал: «Возьми этот динар». И пекарь взял динар и сосчитал, сколько ему приходится, и сказал: «У меня остаётся для тебя хлеба ещё на два дня...»

И Шахразадку застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Шестьсот девятая ночь

Когда же настала шестьсот девятая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что, когда хлебопёк подсчитал с Джударом плату за хлеб, он сказал ему: „У меня для тебя осталось с динара ещё на два дня хлеба“.

И Джудар пошёл от него к мяснику и дал ему другой динар и, купив у него кусок мяса, сказал: «Оставь остаток с динара у себя на счёту», взял зелень и ушёл. И он увидел, что его братья требуют у матери чего-нибудь поесть, а та говорит:

«Потерпите, пока придёт ваш брат, у меня ничего нет», – и вошёл и сказал: «Берите, ешьте!»

И братья набросились на хлеб, точно гули, а Джудар отдал матери оставшееся золото и сказал: «Возьми, матушка, а когда придут мои братья, дай им денег, чтобы они купили себе поесть в моё отсутствие».

И он проспал ночь, а наутро взял сеть и пошёл к пруду Каруна, и остановился, и хотел закинуть сеть, и вдруг приблизился другой магрибинец, верхом на муле, ещё более нарядный, чем тот, что умер, и с ним был седельный мешок, а в мешке две шкатулки, и в каждом кармане по шкатулке.

«Мир тебе, о Джудар», – сказал магрибинец. И Джудар ответил: «И тебе мир, о господин мой хаджи!» И магрибинец спросил: «Приезжал ли к тебе вчера магрибинец верхом на таком же муле, как этот?» И Джудар испугался и стал отрицать и сказал: «Я никого не видел» (он боялся, что магрибинец спросит, куда он поехал, а если Джудар ответит, что он утонул в пруде, – магрибинец, может быть, подумает, это он его утопил! – и ему осталось только отрицать).

«О бедняга, – сказал магрибинец, – это мой брат, и он опередил меня».

«Я ничего не знаю», – сказал Джудар, и магрибинец спросил его: «Разве ты не связал его и не бросил в пруд и он не говорил тебе: „Если высунутся мои руки, набрось на меня сеть и вытащи меня поскорее, а если высунутся мои ноги, я буду мёртв, а ты возьми мула и отведи его к еврею по имени Шамиа, и он даст тебе сто динаров?“ И высунулись его ноги, и ты взял мула и отвёл его к еврею, и тот дал тебе сто динаров?» – «Если ты это знаешь, зачем же ты меня спрашиваешь?» – сказал Джудар. И магрибинец ответил: «Я хочу, чтобы ты сделал со мною то же, что сделал с моим братом».

И он вынул шёлковый шнурок и сказал Джудару:

«Свяжи меня и брось в пруд, и если со мной случится то же, что с моим братом, возьми мула, отведи его к еврею и возьми у него сто динаров». – «Подходи», – позвал его Джудар. И магрибинец подошёл, и Джудар связал его и толкнул, и тот упал в пруд и погрузился в воду. И Джудар подождал немного, и показались ноги, и тогда Джудар воскликнул: «Он умер в

несчастью. Если захочет Аллах, ко мне будут каждый день приезжать магрибинцы, и я стану их связывать, и они поумирают, а мне хватит с каждого мёртвого по сто динаров».

И он взял мула и пошёл, и когда еврей увидел его, он сказал: «И этот тоже умер!» И Джудар отвечал: «Пусть живёт твоя голова!» – «Вот воздаяние жадным», – сказал еврей и, взяв у Джудара мула, отдал ему сто динаров. И Джудар взял их и отправился к матери и отдал ей деньги. И мать спросила его: «О дитя моё, откуда у тебя эти деньги?» И Джудар рассказал ей, и она молвила: «Ты больше не пойдёшь к пруду Каруна: я боюсь за тебя из-за магрибинцев». – «О матушка, – сказал Джудар, – я бросаю их в пруд только с их согласия. Что же мне делать! Вот ремесло, которое приносит нам каждый день сто динаров, и я быстро возвращаюсь домой. Клянусь Аллахом, я не брошу ходить к пруду Каруна, пока не исчезнет след магрибинцев и никого не останется из них».

И на третий день он пошёл и остановился, и вдруг подъехал магрибинец верхом на муле и с мешком, и он был одет ещё наряднее, чем два первые.

«Мир тебе, о Джудар, о сын Омара», – сказал он. И Джудар подумал: «Откуда они все меня знают?» А потом он ответил на приветствие, и всадник спросил: «Проезжали ли в этом месте магрибинцы?» – «Двое», – ответил Джудар. «Куда они направились?» – спросил всадник. И Джудар ответил: «Я их связал и сбросил в этот пруд, и они утонули, и для тебя исход будет такой же». И магрибинец засмеялся и сказал: «О бедняга, у всякого живущего своя судьба!» И он сошёл с мула и сказал: «О Джудар, сделай со мной то же, что ты сделал с ними». – И вынул шёлковый шнурок, а Джудар сказал: «Выверни руки, чтобы я тебя связал: я спешу, и моё время ушло».

И магрибинец вывернул руки, и Джудар связал его и толкнул, и он упал в пруд, а Джудар остался стоять, ожидая, что будет. И вдруг магрибинец высунул руки и сказал Джудару: «Кидай сеть, о бедняга!» И Джудар накинул на него сеть и вытащил его, и вдруг оказалось, что магрибинец держит в каждой руке по рыбе, цвета красного как коралл. «Открой шкатулки», – сказал он Джудару. И Джудар открыл шкатулки, и магрибинец положил в каждую шкатулку по рыбе и закрыл шкатулки, а потом он обнял Джудара и поцеловал его в щеки, справа и слева, и воскликнул: «Да избавит тебя Аллах от всякой беды! Клянусь Аллахом, если бы ты не накинул на меня сеть и не вытащил меня, я не перестал бы держать этих рыб и погружался бы в воду, пока не умер, и я не мог бы выйти из воды». – «О господин мой, хаджи, – сказал Джудар, – заклинаю тебя Аллахом, Расскажи мне, каковы дела тех, что утонули раньше, и что такое поистине эти рыбы, и в чем дело с евреем...»

И Шахразад устала, и она прекратила дозволенные речи.

Шестьсот десятая ночь

Когда же настала шестьсот десятая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что, когда Джудар спросил магрибинца и сказал ему: „Расскажи мне про тех, что утонули раньше“, – магрибинец ответил: «О Джудар, знай, что те, кто утонул раньше – мои братья. И одного из них звали Абд-ас-Селлям, а второго – Абд-аль-Ахад. Меня же зовут Абд-ас-Самад, а тот еврей – наш брат, и его зовут Абд-ар-Рахим, но только он не еврей, а мусульманин, маликит⁵⁰¹ по исповеданию. Наш отец научил нас разгадывать загадки, открывать клады и колдовать. Мы упражнялись в этом до тех пор, пока не стали нам служить марида из джиннов и ифритов⁵⁰². Нас четверо братьев, и имя нашего отца – Абдаль-Вадуд,

⁵⁰¹ Маликит – последователь учения мусульманского юриста Малика ибн Анаса, умершего в конце VIII века. Юридическобогословская система Малика, считающаяся одним из четырех мусульманских «правовых толков», пользовалась большим распространением в Магрибе и мусульманской Испании.

⁵⁰² Ифриты, джинны, марида – добрые или злые духи в арабском фольклоре.

и отец наш умер и оставил нам много денег. И стали мы делить сокровища, деньги и талисманы и дошли до книг и разделили их, и возникло между нами разногласие из-за книги, называемой Сказания Древних⁵⁰³, которой нет подобия, и нельзя определить ей цены или уравновесить её драгоценными камнями, так как в ней упомянуты все клады и разрешены все загадки. Наш отец поступал согласно этой книги, а мы запомнили из неё немного, и у каждого из нас было желание завладеть ею, чтобы узнать то, что в ней содержится. И когда возникло между нами разногласие, явился к нам шейх нашего отца, который его воспитал и обучил колдовству и волхвованию, а звали его волхв Пресокровенный, и сказал нам: «Подайте книгу!» И мы подали ему книгу, и он молвил: «Вы дети моего сына, и невозможно, чтобы я кого-нибудь из вас обидел. Пусть тот, кто хочет взять эту книгу, пойдёт разыскивать клад аш-Шамардаля и принесёт мне круг небосвода, коробочку для сурьмы, перстень и меч. У перстня есть марид, который ему служит, по имени Грохочущий Гром, и над тем, кто владеет этим перстнем, не имеет власти ни царь, ни султан, и если он захочет овладеть всей землёй вдоль и поперёк, он будет на это властен. А что до меча, то, если он будет обнажён против войска и несущий его взмахнёт им, он обратит войско вспять, и если он скажет мечу, когда будет им взмахивать: „Перебей это войско!“ – из меча выйдет огневая молния и убьёт всех. Что же касается круга небосвода, то, если тот, кто им овладеет, захочет увидеть все страны от востока до запада, он увидит их и сможет это сделать, сидя на месте. И какую сторону он захочет увидеть, пусть к той стороне и направит он круг и посмотрит в него – он увидит её землю и обитателей, как будто она меж его рук. А если он разгневается на какой-нибудь город и направит круг на диск солнца с тем, чтобы сжечь его – этот город сгорит. Что же до коробочки для сурьмы, то всякий, кто насурьмит из неё глаза, увидит все клады. Но у меня есть для вас одно условие: всякий, кто окажется не в силах открыть этот клад, не будет иметь права на эту книгу, а тот, кто откроет клад и принесёт мне эти четыре сокровища, имеет право взять книгу».

И мы согласились на это условие, и волхв сказал нам: «О дети мои, знайте, что клад аш-Шамардаля находится под властью детей Красного царя. Ваш отец рассказывал мне, что он старался открыть этот клад, но не смог, и дети Красного царя убежали от него к одному из прудов в земле египетской, называемый прудом Каруна, и бросились в него. И ваш отец настиг их в Египте, но не мог их схватить, потому что они исчезли в пруде, а пруд тот заколдован...»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Шестьсот одиннадцатая ночь

Когда же настала шестьсот одиннадцатая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что волхв Пресокровенный рассказывал юношам историю и говорил: „И потом он вернулся побеждённый и не мог открыть клад аш-Шамардаля, подвластный детям Красного царя. И когда ваш отец оказался перед ними бессилён, он пришёл ко мне и стал жаловаться, и я начертил для него гадательную таблицу и увидел, что этот клад будет открыт только при помощи юноши из сынов Египта по имени Джудар, сын Омара, – он будет причиной поимки детей Красного царя, и будет этот юноша рыбаком, и встреча с ним произойдёт у пруда Каруна. И колдовство разрешится, только если Джудар свяжет обладателя счастья и бросит его в пруд, и он будет сражаться с детьми Красного царя, и тот, кому предназначено счастье, схватит их, а тот, кому счастья нет, погибнет, и его ноги покажутся из воды. У того же, кто останется цел, покажутся из воды руки, и будет нужно, чтобы Джудар накинул на него сеть и вытащил его из пруда. И мои братья сказали: „Мы

⁵⁰³ В названии этой книги, вероятно, следует видеть отголосок Корана, где неоднократно говорится, что неверчивые слушатели пророка Мухаммеда так называли его проповедь.

пойдём, даже если погибнем!“ И я сказал: „Я тоже пойду“. А что касается до нашего брата, который в обличье еврея, то он сказал: „Нет у меня к этому желания“. И мы договорились с ним, что он отправится в Египет в обличье еврея-купца, чтобы, когда кто-нибудь из нас умрёт в пруду, взять у Джудара мула и мешок и дать ему сто динаров. И когда пришёл к тебе первый из нас, его убили дети Красного царя, и они убили второго моего брата, но со мной они не справились, и я схватил их“. – „Где те, которых ты схватил?“ – спросил Джудар. И магрибинец сказал: „Разве ты их не видел? Я их запер в шкатулки“. – „Это рыбы“, – ответил Джудар. А магрибинец молвил: «Это не рыбы, а ифриты в обличий рыб. Знай, о Джудар, что клад можно отыскать лишь с твоей помощью: дослушаешься ли ты меня и пойдёшь ли со мной в город Фас и Микнас?⁵⁰⁴ Мы откроем клад, и я дам тебе то, что ты потребуешь – ведь ты стал моим братом, по обету Аллаху, – и ты вернёшься к твоей семье с весёлым сердцем».

«О господин мой, хаджи, – молвил Джудар, – у меня на шее мать и два брата...»

И Шахразад устала рассказывать, и она прекратила дозволенные речи.

Шестьсот двенадцатая ночь

Когда же настала шестьсот двенадцатая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что Джудар сказал магрибинцу: „У меня на шее мать и два брата, и я их содержу. Если я пойду с тобой, кто станет кормить их хлебом?“ – „Пустое, – отвечал магрибинец. – Если дело в расходах, то мы тебе дадим тысячу динаров, и ты отдашь их матери, чтобы она их тратила, пока ты не вернёшься в свою страну, – ведь если ты отлучишься, то вернёшься раньше, чем через четыре месяца“».

И когда Джудар услышал о тысяче динаров, он сказал: «Давай, о хаджи, тысячу динаров, я оставлю их матери и пойду с тобой». И паломник выложил ему тысячу динаров, и Джудар взял их и пошёл к своей матери и рассказал ей, что у него произошло с магрибинцем, и сказал: «Возьми рту тысячу динаров и трать их на себя ж на моих братьев! Я уезжаю с магрибинцем на запад и буду в отлучке четыре месяца, и мне достанется много добра. Помолись за меня, матушка». – «О дитя моё, – сказала ему мать, – ты заставляешь меня тосковать, и я боюсь за тебя». – «О матушка, – ответил Джудар, – не будет с тем, кого хранит Аллах, беды, а магрибинец – человек хороший». И он стал восхвалять его, и мать сказала: «Да смягчит Аллах к тебе его сердце! Поезжай с ним, о дитя моё, может быть, тебе что-нибудь достанется».

И Джудар простился с матерью и ушёл, а когда он прибыл к магрибинцу Абд-ас-Самаду, тот спросил его: «Ты советовался с матерью?» И Джудар отвечал: «Да, она меня благословила». – «Садись сзади меня», – сказал магрибинец. И Джудар сел на спину мула. И магрибинец ехал от полудня до предзакатного времени, и Джудар проголодался, но не видел у магрибинца ничего съестного. «О господин мой хаджи, – сказал он ему, – ты, может быть, забыл захватить съестного в дорогу». – «Ты голоден?» – спросил магрибинец. И Джудар ответил: «Да».

И тогда магрибинец с Джударом сошли с мула, и магрибинец сказал ему: «Сними мешок!» И Джудар снял мешок, а магрибинец спросил: «Чего тебе хочется, о брат мой?» – «А что есть?» – спросил Джудар. И магрибинец молвил: «Заклинаю тебя Аллахом, скажи мне, чего ты желаешь». – «Хлеба с сыром», – сказал Джудар. «О бедняга, – воскликнул магрибинец, – хлеб с сыром тебя не достоин. Попроси чего-нибудь лучшего!» – «По мне все сейчас хорошо», – сказал Джудар. И магрибинец спросил:

«Ты любишь подрумяненных цыплят?» – «Да», – ответил Джудар. «А любишь рис с мёдом?» – спросил магрибинец.

⁵⁰⁴ Фас (Фес) и Микнас (Мекнес) – города в Марокко, расположенные недалеко друг от друга. Рассказчик считает их одним городом. Средневековый Фас – излюбленное местопребывание марокканских султанов.

И Джудар ответил; «Да». И магрибинец говорил» «А любишь такое-то блюдо, и такое-то блюдо, и такое-то блюдо?» – пока не назвал ему двадцать четыре блюда кушаний. И Джудар сказал про себя: «Он одержимый. Откуда он принесёт мне кушанья, которые назвал, когда у него нет ни кухни, ни повара. Скажу ему лучше: „Хватит!“ И он сказал ему: „Хватит! Ты предлагаешь мне блюда, а я ни одного из них не вижу“. – „Простор тебе, Джудар“, – сказал магрибинец и, сунув руку в мешок, вынул золотое блюдо с двумя горячими подрумяненными цыплятами, а потом он сунул руку во второй раз и вынул золотое блюдо с кебабом⁵⁰⁵, и он до тех пор вынимал из мешка, пока не вынул все двадцать четыре кушанья, которые упомянул, и Джудар оторопел, а магрибинец сказал: «Ешь, бедняга!»

И Джудар воскликнул: «О господин, ты положил в этот мешок кухню и людей, которые варят?» И магрибинец засмеялся и сказал: «К этому мешку приворожён слуга, и если бы ты требовал каждый час тысячу блюд, слуга приносил бы их и тотчас же подавал бы». – «Прекрасный мешок!» – воскликнул Джудар. И затем они поели вдоволь, а то, что осталось, магрибинец вылил и положил пустые блюда обратно в мешок. И он сунул туда руку и вынул кувшин, и они с Джударом напились и омылись и совершили предзакатную молитву, а потом магрибинец положил кувшин обратно в мешок и сложил туда же шкатулки и, взвалив мешок на мула, сел и сказал Джудару: «Садись, поедем! О Джудар, – спросил он потом, – знаешь ли ты, сколько мы проехали от Мисра⁵⁰⁶ досюда?» – «Клянусь Аллахом, не знаю!» – ответил Джудар. И магрибинец молвил: «Мы проехали расстояние в целый месяц пути». – «Как так?» – спросил Джудар. «О Джудар, – промолвил магрибинец, – знай, что мул, который под нами, – мари́д из мари́дов джи́ннов, и он проходит в день расстояние в год, но ради тебя он шёл не торопясь». И потом они сели и ехали до заката, а когда наступил вечер, магрибинец вынул из мешка ужин, а утром он вынул завтрак, и они ехали таким образом в течение четырех дней, и двигались до полуночи, и потом делали привал и спали, а утром пускались в путь, и всего, чего бы Джудар ни захотел, он просил у магрибинца, и тот доставал ему все из мешка.

А на пятый день они достигли Фаса и Микнаса и вступили в город, и когда они вошли, всякий, кто встречал магрибинца, здоровался с ним и целовал ему руку. И так продолжалось до тех пор, пока магрибинец не дошёл до одних ворот, и он постучался, и ворота вдруг открылись, и за ними показалась девушка, подобная луне.

«О Рахма, о дочь моя, отопри нам дворец», – сказал магрибинец. И девушка ответила: «На голове и на глазах, о батюшка!» И вошла, тряся боками, и ум у Джудара улетел, и он воскликнул: «Это не иначе, как дочь царя!» И девушка отперла дворец, и магрибинец снял мешок с мула и сказал ему: «Уходи, да благословит тебя Аллах!» И вдруг земля расступилась, и мул опустился вниз, и земля снова стала такой, как была. «О покровитель! – воскликнул Джудар. – Слава Аллаху, который нас спас, когда мы были на спине этого мула!» И магрибинец сказал ему: «Не дивись, Джудар, я тебе говорил, что мул – ифрит. Но пойдём во дворец». И они вошли во дворец, и Джудар был ошеломлён обилием роскошных ковров и тем, что увидел там из редкостей и украшений из драгоценных камней и металлов.

И когда они сели, магрибинец приказал девушке и сказал ей: «О Рахма, подай такой-то узел!» И девушка поднялась и принесла узел и положила его перед своим отцом, а тот развязал узел и вынул из него одежду, стоившую тысячу динаров, и сказал Джудару: «Надевай, о Джудар, да будет тебе простор!» И Джудар надел эту одежду и стал подобен царю из царей запада. А магрибинец положил перед собой мешок и, сунув в него руку, вынимал из него блюда с разными кушаньями, пока не получилось скатерти с сорока блюдами, и сказал: «О господин, подойди, поешь и не взыщи с нас...»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

⁵⁰⁵ Кебаб – кушанье из мяса, зажаренного на вертеле.

⁵⁰⁶ Миср – одно из названий средневекового Каира.

Шестьсот тринадцатая ночь

Когда же настала шестьсот тринадцатая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что, когда магрибинец ввёл Джудара во дворец, он расстелил для него скатерть с сорока блюдами и сказал:

«Подойди, поешь и не взыщи с нас: мы не знаем, чего ты желаешь из кушаний. Скажи нам, чего тебе хочется, то мы тебе и подадим, не откладывая». – «Клянусь Аллахом, о господин мой, хаджи, я люблю всякие кушанья, и ничего мне не противно, – ответил Джудар, – не спрашивай меня ни о чем и подавай все, что придёт тебе на ум, а мне следует только есть».

И Джудар провёл у магрибинца двадцать дней, и тот каждый день одевал его в новую одежду, и еда появлялась из мешка, и магрибинец не покупал ни мяса, ни хлеба и не варил, а вынимал все, что нужно, из мешка, даже разные плоды. А на двадцать первый день магрибинец сказал:

«О Джудар, пойдём – сегодня день, назначенный для открытия клад аш-Шамардаля».

И Джудар вышел с ним, и они прошли до конца города, а затем вышли из него, и Джудар сел на мула, и магрибинец тоже сел на мула, и они ехали до времени полудня и подъехали к каналу с текучей водой. И тогда Абд-ас-Самад спешился и сказал: «Сходи, о Джудар!» И Джудар спешился, и Абд-ас-Самад крикнул: «Живо!» И сделал рукой знак двум рабам, и те взяли мулов, и каждый из рабов пошёл по дороге. И они ненадолго скрылись, а потом один из них вернулся с шатром и поставил его, а другой принёс ковры и постлал их в шатре, а вдоль стен шатра он положил подушки и подлокотники. И потом один из рабов ушёл и принёс две шкатулки, в которых находились рыбы, а второй принёс мешок, и магрибинец встал и сказал:

«Пойди сюда, о Джудар». И Джудар подошёл и сел подле него, и магрибинец вынул из мешка блюда с кушаньями, и они пообедали, а после этого магрибинец взял шкатулки и начал над ними колдовать, и рыбы в шкатулках заговорили и сказали: «Мы здесь, о волхв этого мира, помилуй нас!» И стали звать на помощь. А магрибинец все колдовал, пока шкатулки не разлетелись на куски, и куски не разнесло ветром. И тогда показалось двое связанных, которые кричали: «Пощади, о волхв этого мира! Что ты хочешь с нами сделать?» И магрибинец ответил: «Я хочу вас сжечь, но если вы мне обещаете открыть клад аш-Шамардаля – будете помилованы». И связанные отвечали: «Мы тебе обещаем, мы откроем клад, но с условием, что ты приведёшь рыбака Джудара. Клада не открыть иначе, как с его помощью, никто не может войти туда, кроме Джудара, сына Омара». – «Того, о ком вы говорите, я привёл, он здесь, он вас слышит и видит», – отвечал магрибинец, и те двое обещали ему, что откроют клад, и он отпустил их.

А затем он вынул тростинку и несколько дощечек из красного сердолика, которые положил рядом с тростинкой. Потом он взял жаровню, положил в неё углей, дунул на них раз, зажгёт в них огонь и, принеся куренья, сказал:

«О Джудар, я буду читать заклинания и брошу на огонь куренья, и когда я начну заклинания, я не смогу говорить: иначе заклинание будет недействительно. Я хочу научить тебя, что тебе делать, чтобы достигнуть желаемого». «Научи меня», – сказал Джудар. И магрибинец молвил:

«Знай, когда я начну колдовать и брошу куренья, вода в потоке высохнет, и ты увидишь золотые ворота, величиной с ворота города, с двумя кольцами из металла. Спустишься к воротам, постучишь лёгким стуком и подожди немного, потом постучишь в другой раз, стуком более тяжким, чем первый, а потом подожди немного и постучишь тремя ударами, следующими один за другим, и ты услышишь, как кто-то говорит: „Кто стучится в ворота клада, а сам не умеет разрешать загадки?“ А ты скажи: „Я, рыбак Джудар, сын Омара“, – и ворота распахнутся, и выйдет из них человек с мечом в руке и скажет тебе: „Если ты этот

человек, вытяни шею, чтобы я скинул тебе голову“. Вытяни шею, не бойся: когда он поднимет руку с мечом и ударит тебя, он упадёт перед тобой, и через некоторое время ты увидишь, что это – человек без духа. Тебе не будет больно от удара, и с тобой ничего не случится, но если ты ослушаешься этого человека, он убьёт тебя. А когда ты уничтожишь его чары повиновением, входи и увидишь ещё ворота. Постучись в них, и к тебе выйдет всадник на коне, и на плече у него будет копьё. И всадник спросит тебя:

«Что тебя привело сюда, куда не входит никто из людей и джиннов?» И взмахнёт над тобою копьём, а ты открой ему свою грудь, и он ударит тебя и сейчас же упадёт, и ты увидишь, что он – тело без духа. Но если ты ослушаешься его, он убьёт тебя. Затем войди в третьи ворота, и выйдет к тебе потомок Адама с луком и стрелами в руках, и он метнёт в тебя из лука, а ты открой ему свою грудь, и он поразит тебя и упадёт перед тобою бездыханным телом. Но если ты ослушаешься его, он убьёт тебя, затем войди в четвёртые ворота...»

И Шахразад застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Шестьсот четырнадцатая ночь

Когда же настала шестьсот четырнадцатая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что магрибинец говорил Джудару: „Войди в четвёртые ворота и постучись – они распахнутся, и к тебе выйдет лев, огромный телом, и бросится на тебя, и разинет пасть, показывая, что хочет тебя съесть, но ты не бойся и не беги, а когда лев дойдёт до тебя, дай ему руку – он сейчас же упадёт, и с тобой ничего не случится. А потом войди в пятые ворота, и к тебе выйдет чёрный раб и спросит тебя: „Кто ты?“ А ты скажи ему: „Я Джудар“. И раб скажет тебе: „Если ты этот человек, отпри шестые ворота“. А ты подойди к воротам и скажи:

«О Иса, скажи Мусе, чтобы он отпер ворота!» И ворота откроются. И тогда входи и увидишь двух драконов, одного справа, другого слева, и каждый из них разинет пасть и бросится на тебя. Протяни им руки, и каждый дракон укусит тебя за руку, а если ты ослушаешься, они убьют тебя. А потом подойди к седьмым воротам и постучись, к тебе выйдет твоя мать и скажет: «Добро пожаловать, о мой сын! Подойди, я с тобой поздороваюсь!» А ты скажи ей:

«Держись от меня вдали и сними с себя одежду!» И она скажет тебе: «О сын мой, я твоя мать, и у меня над тобой право кормления и воспитания – как же ты меня обнажаешь?» А ты скажи: «Если ты не снимешь с себя одежду, я убью тебя». И посмотри направо – увидишь меч, повешенный на стене; возьми его и обнажи над ней и говори ей: «Снимай!» И она будет тебя обманывать и унижаться перед тобой, но не жалеет её и, всякий раз как она что-нибудь снимет, говори ей: «Снимай остальное!» И не переставай угрожать ей убийством, пока она не снимет всего, что на ней есть, и не упадёт. Вот тогда ты можешь считать, что разрешил загадки и уничтожил чары и находишься в безопасности. Входи и увидишь золото, наваленное кучами внутри клада, но пусть тебя ничто из этого не прельщает. Посредине клада ты увидишь комнату, перед которой повешена занавеска, приподними её и увидишь волхва ашШамардаля лежащим на золотом ложе, и в головах у него будет что-то круглое, сверкающее, как луна. Это круг небосвода, а опоясан аш-Шамардаль мечом, и на пальце у него перстень, а на шее цепочка, на которой висит коробочка для сурьмы. Возьми эти четыре сокровища и берегись что-нибудь забыть из того, что я тебе назвал, и не ослушайся – будешь раскаиваться, и за тебя придётся тогда опасаться».

И магрибинец повторил ему своё наставление во второй, в третий и в четвёртый раз, и, наконец, Джудар сказал: «Я запомнил, но кто может устоять против чар, о которых ты упомянул, к вытерпеть такие великие ужасы?» – «О Джудар, не бойся, это все тела без духа», – отвечал магрибинец и стад его успокаивать. А Джудар воскликнул: «Полагаюсь на Аллаха!»

И затем магрибинец Абд-ас-Самад бросил в огонь порошки и некоторое время колдовал, и вдруг вода ушла, и показалось дно потока, и стали видны ворота клада. И Джудар спустился к воротам и постучал в них и услышал, как кто-то говорит: «Кто это стучит в ворота клада и не умеет разрешать загадки?» И Джудар сказал: «Я, Джудар, сын Омара». И ворота распахнулись, и к нему вышел тот человек и обнажил меч и сказал: «Вытягивай шею». И Джудар вытянул шею, и человек ударил его и упал. И то же было у вторых ворот и дальше, пока Джудар не уничтожил чары семи ворот. И тогда вышла его мать и сказала: «Будь здоров, о дитя моё!» И Джудар спросил: «Что ты такое?» И женщина сказала: «Я твоя мать, и у меня над тобой право кормления и воспитания, я носила тебя девять месяцев, о дитя моё». – «Снимай одежду», – сказал Джудар. И женщина молвила: «Ты мой сын, как же ты меня обнажаешь?» Но Джудар воскликнул: «Снимай, или я сниму тебе голову вот этим мечом». И он протянул руку и, взяв меч, обнажил его над женщиной и сказал ей: «Если ты не скинешь одежды, я убью тебя». И спор между ними затянулся, и, наконец, когда Джудар умножил угрозы, женщина скинула кое-что, и Джудар воскликнул: «Скидывай остальное», – и долго с ней спорил, пока она не скинула ещё кое-что, и дело продолжалось таким образом, и женщина говорила: «О дитя моё, обмануло в тебе воспитание!» Пока на ней не осталось ничего, кроме рубахи. И тогда она сказала: «О дитя моё, разве сердце у тебя каменное, и ты опозоришь меня, обнажив мою срамоту? О дитя моё, разве это не запрещено?» И Джудар сказал: «Твоя правда, не скидывай рубахи!» И едва произнёс он эти слова, как женщина закричала: «Он ошибся! Бейте его!» И на него посыпались удары, точно капли дождя, и слуги клада собрались вокруг него и задали ему порку, которой он не забывал всю жизнь, а потом его вытолкали и выбросили за ворота клада, и ворота замкнулись, как прежде. И когда Джудара выбросили за ворота, магрибинец тотчас же подхватил его, и воды потекли по-прежнему...

И Шахразад устала, и она прекратила дозволенные речи.

Шестьсот пятнадцатая ночь

Когда же настала шестьсот пятнадцатая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что, когда слуги клада побили Джудара и выбросили его за ворота и ворота замкнулись и поток побежал попрежнему, Абд-ас-Самад, магрибинец, поднялся и стал читать над Джударом, пока тот не пришёл в себя и не очнулся после забытья. И тогда магрибинец спросил его: „Что ты сделал, несчастный?“ И Джудар отвечал: „Я уничтожил все препятствия и дошёл до моей матери, и у меня с нею возник долгий спор, и она стала, о брат мой, скидывать одежду, и на ней не осталось ничего, кроме рубахи, и тогда она сказала мне: „Не позорь меня, ведь обнажать срамоту запрещено“. И я оставил на ней рубаху из жалости к ней, и вдруг она закричала: „Он ошибся! Бейте его!“ И вышли люди (я не знаю, где они были) и задали мне такую порку, что я был близок к смерти, и вытолкали меня, и я не знаю, что было со мной после этого“.

«Не говорил ли я тебе: не будь непослушен? – сказал магрибинец. – Ты причинил зло мне и себе самому. Если бы она сняла рубаху, мы бы достигли желаемого. А теперь ты пробудешь у меня до этого же дня в будущем году». И он тотчас же кликнул рабов, и те отвязали палатку и унесли её и, скрывшись ненадолго, вернулись с мулами. И Джудар с магрибинцем сели каждый на мула и вернулись в город Фас.

И Джудар стал жить у магрибинца и получал хорошую еду и хорошее питьё. И каждый день магрибинец одевал его в роскошную одежду, пока год не кончился и наступил назначенный день. «Вот тот день, – сказал тогда магрибинец, – пойдём!» И Джудар отвечал: «Хорошо!» И магрибинец вывел его за город, и они увидели тех двух рабов с мулами, и они сели и направились к потоку. И рабы поставили палатку и устлали её коврами, и магрибинец вынул скатерть, и они пообедали, а потом он вынул тростинку и дощечки, как в первый раз, и зажёл огонь и принёс куренья и сказал: «О Джудар, я хочу дать тебе наставление». – «О

господин мой, хаджи, – ответил Джудар, – если я забыл порку, то забыл и наставление». – «Помнишь ли ты наставление?» – спросил магрибинец. И Джудар отвечал: «Да!» И магрибинец молвил: «Береги свою душу и не думай, что та женщина – твоя мать, это – сторож клада в образе твоей матери, и он хочет заставить тебя ошибиться. Если в первый раз ты вышел живым, то в этот раз, если ты ошибёшься, тебя выкинут убитым». – «Если я ошибусь, то достоин того, чтобы меня сожгли», – сказал Джудар.

И тогда магрибинец насыпал порошок и стал колдовать. И поток высох, и Джудар подошёл к воротам и постучался, и ворота распахнулись, и он уничтожил семь охран и дошёл до своей матери, и та сказала ему: «Добро пожаловать, о сын мой!» И Джудар воскликнул: «Откуда я тебе сын, о проклятая? Скидывай одежду!» И женщина стала его обманывать и скидывала одну вещь за другой, пока на ней не осталось ничего, кроме рубахи, и Джудар воскликнул: «Скидывай, проклятая!» И она скинула рубаху и стада телом без духа. И Джудар вошёл и увидел золото, наваленное кучами, но не обратил ни на что внимания, и затем он вошёл в комнатку и увидел волхва аш-Шамардаля, который лежал, опоясанный мечом, с перстнем на пальце и коробочкой для сурьмы на груди, а в головах у него Джудар увидел круг небосвода. И он подошёл и отвязал меч и взял перстень, круг небосвода и коробочку и вышел, и вдруг заиграли для него музыку, и слуги клада закричали: «На здоровье тебе то, что тебе даровано, о Джудар!» И музыка играла, пока Джудар не вышел из клада, а когда он пришёл к магрибинцу, тот перестал заклинать и окуривать и поднялся и обнял Джудара и приветствовал его. И Джудар отдал ему четыре сокровища, и магрибинец взял их и кликнул рабов, и рабы взяли палатку и унесли её и вернулись с мулами, и Джудар с магрибинцем сели и въехали в город Фас. И магрибинец принёс мешок и стал вынимать из него кушанья, и перед ним оказалась полная скатерть, и тогда он сказал: «О брат мой! О Джудар, ешь!» И Джудар ел, пока не насытился, и магрибинец вылил остаток кушаний в другие блюда, а пустые положил обратно в мешок. И потом магрибинец Абдас-Самад сказал: «О Джудар, ты покинул свою землю и страну из-за нас и исполнил наше дело, и за нами осталось для тебя одно желание. Пожелай же того, что попросишь, Аллах великий даровал это тебе при нашем посредстве. Проси же, чего желаешь, и не стыдись, – ты заслужил». – «О господин мой, – сказал Джудар, – я желаю от Аллаха великого, а затем от тебя, чтобы ты дал мне этот мешок». – «Подай мешок», – сказал магрибинец. И Джудар подал мешок, и магрибинец сказал: «Возьми его, он твой по праву, и если бы ты пожелал другого, мы бы тебе дали. Но ведь из него, о бедняга, ты будешь пользоваться только пищей, а ты терпел с нами тяготы, и мы тебе обещали, что вернём тебя в твою страну с радостным сердцем. Из этого мешка ты будешь есть, и мы дадим тебе другой мешок, полный золота и драгоценных камней, и доставим тебя в твою страну, и ты сделаешься купцом. Одень себя и свою семью, и тебе не нужно будет денег, и есть ты с семьёй станешь из этого мешка. А поступать с ним нужно вот как: ты опустишь в него руку и скажешь: „Заклинаю тебя теми великими именами, которые над тобою, о слуга этого мешка, принеси мне такое-то блюдо!“ – И он принесёт тебе то, что ты потребуешь, хотя бы ты требовал каждый день тысячу блюд».

И потом магрибинец призвал раба с мулом и наполнил Джудару мешок – один карман золотом, другой драгоценными камнями и дорогими металлами и сказал: «Садись на этого мула, а раб пойдёт впереди тебя. Он будет показывать тебе дорогу, пока не приведёт тебя к воротам твоего дома. Когда ты приедешь, возьми мешки и отдай рабу мула, он приведёт его сюда. Не открывай никому своей тайны. Поручаем тебя Аллаху!» – «Да умножит Аллах тебе блага!» – сказал Джудар и, положив мешки на спину мула, сел и поехал, а раб пошёл впереди, и мул следовал за рабом весь день и всю ночь.

А на другой день утром Джудар въехал в Ворота Победы и увидел свою мать, которая сидела и просила у проходящих: «Чего-нибудь ради Аллаха!» И его разум улетел, и он сошёл со спины мула и бросился к своей матери, а та, увидев его, заплакала. И Джудар посадил её на спину мула, а сам шёл у стремени, пока не пришёл к дому. И тогда он снял свою мать на землю и взял мешки и оставил мула рабу, а тот ушёл к своему господину, так как этот раб был шайтан, и мул – тоже шайтан.

Что же касается Джудара, то ему было тяжело, что его мать просит, и, войдя в дом, он спросил: «О матушка, мои братья здоровы?» – «Здоровы», – ответила ему мать. И Джудар спросил: «Почему же ты просишь на дороге?» – «О сын мой, с голоду», – сказала ему мать. И Джудар молвил: «Я дал тебе, прежде чем уехать, сто динаров в первый день и сто динаров на другой день и дал тебе тысячу динаров в день отъезда». – «О дитя моё, – ответила ему мать, – твои братья схитрили со мной и отобрали их у меня и сказали: „Мы хотим купить на них припасы“. И отобрали у меня деньги и выгнали меня, и я стала просить на дороге из-за сильного голода». – «О матушка, – сказал Джудар, – с тобой не будет беды, раз я вернулся, не обременяй себя никакой заботой. Вот мешок, полный золота и драгоценностей, и добра у меня всякого много». И мать его сказала: «О дитя моё, ты счастливый, да будет доволен тобою Аллах и да увеличит он свои милости к тебе! Встань, о сын мой, принеси нам хлеба – я со вчерашнего дня очень голодна и без ужина». И Джудар засмеялся и воскликнул: «Да будет тебе просторно, о матушка, требуй, что ты захочешь, и я сейчас же тебе подам! Мне не надо покупать на рынке и не нужно никого, чтобы варить». – «О дитя моё, я ничего у тебя не вижу», – сказала ему мать. И Джудар молвил: «У меня в мешке всякие блюда». – «О дитя моё, все, что найдётся, задержит дух и теле», – сказала Джудару мать. И он молвил: «Твоя правда. Когда нет достатка, человек довольствуется самым малым, но когда достаток имеется, человеку хочется чего-нибудь хорошего. А у меня есть все, что можно найти. Требуй же, чего хочешь!» – «О дитя моё, горячего хлеба и кусок сыру», – попросила мать, и Джудар молвил: «О матушка, это не по твоему сану». – «Ты знаешь мой сан, накорми же меня тем, что к моему сану подходит», – сказала ему мать. И Джудар молвил: «О матушка, по твоему сану – подрумяненное мясо, и подрумяненные цыплята, и рисовый пилав с перцем, и ещё кишки с начинкой, и тыква с начинкой, и барашек с начинкой, и рёбрышки с начинкой, и лапша с миндалём, пчелиным мёдом и сахаром, и пирожки с патокой, и баклава».

И мать подумала, что он над ней смеётся и потешается, и сказала: «Ай-ай, что это с тобой случилось! Ты видишь сон или помешался?» – «Почему ты думаешь, что я помешался?» – спросил Джудар, и его мать сказала: «Потому что ты называешь мне всякие роскошные блюда, а кто сможет за них заплатить и кто сумеет их стряпать?» – «Клянусь жизнью, я обязательно должен накормить тебя всем, что я сейчас назвал!» – воскликнул Джудар, и его мать сказала: «Я не вижу здесь ничего!» – «Поддай мешок!» – сказал Джудар. И мать принесла ему мешок и пощупала его, и увидела, что он пустой. И она подала мешок Джудару, и тот опустил в него руку и стал вынимать оттуда полные блюда, пока не вынул все, что назвал. И тогда мать сказала: «О дитя моё, этот мешок маленький, и он был пустой и в нем ничего не было, а ты вынул из него все это. Где же были эти блюда?» – «О матушка, – отвечал Джудар, – знай, что этот мешок дал мне магрибинец. Он заколдован, и у него есть слуга, и когда кто-нибудь чего-нибудь захочет и произнесёт над мешком имена и скажет: „О слуга этого мешка, добавь мне такое-то блюдо!“ – он его принесёт». – «Не протянуть ли мне руку и не попросить ли у него тоже?» – спросила у Джудара мать. И он сказал: «Протяни руку!» И его мать протянула руку и сказала: «Заклинаю тебя теми именами, которые над тобою, о слуга мешка, принеси мне рёбрышко с начинкой!»

И она увидела, что в мешке появилось блюдо, и, опустив в мешок руку, взяла его, и оказалось, что на блюде отличное рёбрышко с начинкой.

А потом Джудар потребовал хлеба и всего, чего пожелала его мать, и сказал ей: «О матушка, когда кончишь есть, переложи остаток кушаний в другие блюда, а пустые блюда положи обратно в мешок: колдовство действует таким образом. А мешок береги».

И мать его унесла мешок и спрятала его, и Джудар сказал ей: «О матушка, скрывай тайну. Я оставляю мешок у тебя, и всякий раз, как тебе что-нибудь понадобится, вынимай из него. Раздавай милостыню и корми моих братьев – все равно в моем присутствии или в моем отсутствии».

И Джудар со своей матерью начал есть, и вдруг вошли к нему его братья. А до них дошёл слух обо всем от одного из жителей той же улицы, и он сказал им: «Ваш брат приехал верхом на муле, и впереди него шёл раб, и на Джударе была одежда, которой нет равной».

И тогда братья сказали друг другу: «О, если бы мы не огорчили нашу мать! Она обязательно ему расскажет о том, что мы с ней сделали. О, позор нам перед ним!» И один из братьев сказал: «Наша мать жалостливая, и если она ему рассказала, то наш брат ещё больше нас жалеет, и когда мы перед ним извинимся, он примет наши извинения». И братья вошли к Джудару, и тот поднялся на ноги и приветствовал их наилучшим образом и сказал: «Садитесь, ешьте!» И братья сели и начали есть, а они были слабые от голода. И они ели, пока не насытились, и потом Джудар сказал им: «О братья, возьмите остатки кушаний и разделите их между бедняками и нищими». – «О брат наш, – сказали братья, – оставь это нам на ужин». – «В пору ужина вам будет ещё больше», – молвил Джудар. И тогда братья вынесли остатки кушаний и говорили всякому бедняку, который проходил мимо них: «Бери, ешь!» – пока ничего не осталось. И они принесли блюда назад, и Джудар сказал матери: «Положи их в мешок...»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Шестьсот шестнадцатая ночь

Когда же настала шестьсот шестнадцатая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что, когда братья покончили с обедом, Джудар сказал своей матери: „Положи блюда в мешок“. А под вечер он пошёл в большую комнату и вынул из мешка трапезу в сорок блюд и вышел и, сев между братьями, сказал матери: „подавай ужин“. И его мать вошла в ту комнату и увидела, что блюда полны, и тогда она постлала скатерть и стала носить блюда, одно за другим, пока не принесла все сорок блюд полностью. И они поужинали, и после ужина Джудар сказал: „Возьмите, накормите нищих и бедняков“.

И братья взяли остатки кушаний и роздали их. А после ужина Джудар вынул сладости, и все поели, а тем, что после них осталось, Джудар велел накормить соседей, и на другой день то же было с завтраком. И так продолжалось десять дней, а затем Салим сказал Селиму: «Что за причина этому делу? Наш брат выставляет нам угощение утром, угощение в полдень и угощение на закате солнца, и к концу вечера – сладости, и все, что остаётся, он раздаёт беднякам. Это поступки султанов, и откуда пришло к нему такое счастье? Разве ты не спрашиваешь себя об этих разнообразных кушаньях и сладостях? Все, что остаётся, он делит между нищими и бедняками, и мы никогда не видели, чтобы он что-нибудь покупал или зажигал огонь, и у него нет ни кухни, ни повара». – «Клянусь Аллахом, я не знаю, – ответил его брат, – но знаешь ли ты кого-нибудь, кто бог рассказал нам об истине в этом деле?» – «Нам не расскажет никто, кроме нашей матери», – сказал Салим.

И они придумали хитрость и пришли в отсутствие брата к матери и сказали: «О матушка, мы голодны». – «Радуйтесь», – сказала их мать и, выйдя в большую комнату, попросила слугу принести мешок и вынула братьям горячих кушаний. «О матушка, – сказали братья, – эти кушанья горячие, а ты не стряпаешь и не вздуваешь огня». – «Они из мешка», – сказала мать. И братья спросили: «А что это за мешок?» И мать их молвила: «Этот мешок заколдован, и просить надо у его сторожа».

И она рассказала им, в чем дело, и сказала: «Скрывайте тайну!» И братья молвили: «Тайна скрыта, о матушка, но научи нас, как это делается». И мать научила их, и братья стали опускать руки в мешок и вынимать то, что они просили, а их брату это было неизвестно. И когда они поняли, какой это мешок. Салим сказал Селиму: «О брат мой, до каких пор мы будем жить у Джудара словно слуги и питаться его милостыней? Не сделать ли нам с ним хитрость? Возьмём этот мешок и завладеем им». – «А какова будет хитрость?» – спросил Салим. И Салим сказал: «Мы продадим брата начальнику Суэцкого моря»⁵⁰⁷. – «А как нам сделать, чтобы продать его?» – спросил Салим, и Салим сказал: «Я пойду с тобой к

⁵⁰⁷ Суэцким морем назван здесь Суэцкий залив, отделяющий Синайский полуостров от Египта.

этому начальнику, и мы пригласим его с двумя его людьми, а ты подтверждай то, что я буду говорить Джудару, и к концу вечера я покажу тебе, что я сделаю».

И они сговорились продать брата и пошли в дом начальника Суэцкого моря. И когда Салим и Селим вошли к начальнику, они сказали ему: «О начальник, мы пришли к тебе с делом, которое тебя порадует». – «Хорошо», – сказал начальник, и братья продолжали: «Мы братья, и у нас есть третий брат – шалопай, в котором нет добра. Наш отец умер и оставил нам изрядную долю денег, и когда мы разделили деньги, наш брат взял то, что ему досталось из наследства, и растратил на разврат и распутство, а обеднев, он стал на нас жаловаться властям и говорил нам: „Вы взяли мои деньги и деньги моего отца“. И мы стали судиться у судей и потеряли деньги, и он подождал немного и пожаловался на нас второй раз, и мы обеднели, но он не отстал от нас, и мы из-за него в тревоге. Мы хотим, чтобы ты его у нас купил». – «Вы можете ухитриться и привести его сюда, чтобы я скорее послал его в море?» – спросил начальник. И братья сказали: «Мы не можем его привести, но ты будешь у нас гостем и приведёшь с собой двоих, не больше. И когда наш брат заснёт, мы все пятеро нападём на него и схватим его и сунем ему в рот затычку, и ты его возьмёшь ночью и выйдешь с ним из дома, а потом делай с ним что хочешь». – «Слушаю и повинуюсь!» – сказал начальник. – Продадите вы его за сорок динаров?» – «Да», – отвечали братья. – После вечерней молитвы приходи в такую-то улицу и найдёшь одного из нас ожидающим». И начальник сказал: «Ступайте!» И они отправились к Джудару и подождали немного. А Салим подошёл к Джудару и поцеловал ему руку. «Что с тобой, брат?» – спросил Джудар. И Салим сказал: «Знай, что у меня есть приятель, и он много раз приглашал меня к себе домой, когда тебя не было, и сделал мне тысячу благодеяний. Он постоянно оказывал мне почёт, и мой брат это знает. Сегодня я поздоровался с ним, и он пригласил меня, и я сказал: „Я не могу оставить брата“. И тогда он сказал: „Приведи его с собой“, а я ответил: „Он на это не согласится, но если бы ты был у нас гостем вместе с твоими братьями...“ А его братья сидели подле него, и я пригласил их и думал, что я их приглашу, а они откажутся, но когда я пригласил его с братьями, он согласился и сказал мне: „Дождись меня у входа в молельню, я приду с братьями“. И я боюсь, что он придёт, и мне тебя стыдно. Не залечишь ли ты моё сердце и не угостишь ли их сегодня вечером? У тебя добра много, о брат мой, но если ты не согласен, позволь мне привести их в дом соседей». – «А зачем тебе приводить их в дом соседей?» – спросил Джудар. – Разве наш дом тесен, или нам нечего подать им на ужин? Стыдно тебе со мной советоваться, тебе нужно только попросить хороших кушаний и сладостей, и от них ещё останется. А если ты приведёшь людей и я буду в отлучке, то попроси у твоей матери, она выставит тебе кушаний с излишком. Ступай приведи их, опустились на нас благословения!»

И Салим поцеловал Джудару руку и ушёл, и сидел у дверей в молельню, пока не прошло время вечерней молитвы. И когда эти люди подошли к нему, он взял их и вошёл в дом. И, увидав их, Джудар сказал: «Добро пожаловать!» – и посадил их, и подружился с ними, и не знал он, что ждёт его из-за них в неведомом. И он потребовал от своей матери ужин, и она стала вынимать из мешка блюда, и Джудар говорил: «Подай такое-то блюдо!» – пока не оказалось перед ним сорок блюд.

И они поели вдоволь и скатерть убрали, и моряки думали, что все это угощение – от Салима, а когда прошла треть ночи, Джудар вынул для них сладости, и Салим им прислуживал, а Джудар и Селим сидели, пока им не захотелось спать. И Джудар поднялся и лёг спать, а другие тоже легли. И когда Джудар забылся, они встали и напали на него, и Джудар очнулся уже с затычкой во рту. И ему скрутили руки и понесли его и вынесли из дома под покровом ночи...»

И Шахразад устроил, что она прекратила дозволенные речи.

Шестьсот семнадцатая ночь

Когда же настала шестьсот семнадцатая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что Джудара взяли, и понесли и вынесли из дома под – покровом ночи и послали его в Суэц и наложили ему на ноги цепи. И стал он прислуживать и все молчал и служил, как служат пленники или рабы, в течение целого года. Вот что было с Джударом.

Что же касается его братьев, то, проснувшись утром, они вошли к своей матери и сказали ей: «О матушка, наш брат Джудар ещё не просыпался?» – «Разбудите его», – сказала мать, и братья спросили: «Где он спит?» – «С гостями», – отвечала мать. И братья сказали: «Может быть, он ушёл с гостями, когда мы спали, о матушка? Похоже, что наш брат нашёл вкус в пребывании на чужбине и захотел войти в клады. Мы слышали, как он разговаривал с магрибинцами, и те ему говорили: „Мы возьмём тебя с собой и откроем тебе клад“. – „А он виделся с магрибинцами?“ – спросила их мать, и они сказали: „А разве они не были у нас в гостях?“ – „Может быть, он и отправился с ними, – сказала их мать, – но Аллах выведет его на прямой путь. Он ведь счастливый и обязательно добудет добра“.

И она заплакала, и ей показалось тяжело расстаться с Джударом, и братья сказали ей: «О проклятая, неужели ты любишь Джудара такой любовью! Когда мы уходим или приходим, ты не радуешься и не печалишься. Разве мы не твои дети, как и Джудар?» – «Вы мои дети, – отвечала им мать, – но вы несчастные, и вы не сделали мне милости. С того дня, как умер ваш отец, я не видела от вас блага. А что до Джудара, то я видела от него великое благо, и он залечил моё сердце и оказал мне уважение, и мне следует о нем плакать, так как его милость лежит на мне и на вас».

Когда братья услышали эти слова, они стали ругать свою мать и бить её и, войдя в дом, принялись искать мешок, пока не наткнулись на него. И они взяли из одного кармана драгоценные камни, а из другого – золото и заколдованный мешок и сказали матери: «Это имущество нашего отца!» – «Нет, клянусь Аллахом, – отвечала им мать, – это имущество вашего брата Джудара, которое он принёс из страны магрибинцев». – «Ты лжёшь, – сказали братья, – это имущество нашего отца, и мы будем им распоряжаться!»

И они разделили найденное между собой, и у них возникло несогласие насчёт заколдованного мешка, и Салим сказал: «Я возьму его!» И Селим тоже сказал: «Я возьму его!» И началось между ними препирательство. И тогда мать сказала: «О дети мои, золото и драгоценности, которые были в мешке, вы разделили, а этого мешка не разделить и не уравновесить деньгами, а если разорвать его на два куска, его чары исчезнут. Оставьте его у меня, и я буду выставлять вам поесть во всякое время, а сама, между вами, удовольствуюсь кусочком и тем, что вы оденете меня во что-нибудь, по вашей милости. Каждый из вас начнёт торговое дело, и вы – мои дети, а я – ваша мать. Пусть останется все как было, побоимся позора: ведь, может быть, брат ваш придёт».

Но братья не послушались её и провели всю ночь в спорах. И их услышал один лучник⁵⁰⁸ из приближённых царя, – а он был приглашён в дом, по соседству с домом Джудара, где было открыто окно. И лучник выглянул из окна и услышал весь спор и те слова, которые говорили братья о дележе. Когда наступило утро, этот лучник пошёл к царю, – а звали царя Шамс-ад-Дауле, и он был в то время царём Египта. И когда лучник вошёл к нему, он рассказал о том, что услышал, и царь послал за братьями Джудара и велел привести их и кинуть под пытку, и они сознались, и царь отнял у них мешок и посадил их в тюрьму. А затем он назначил матери Джудара на каждый день столько благ, чтобы ей хватило, и вот то, что было с ними.

Что же касается Джудара, то он провёл целый год, прислуживая в Суэце, а через год они поднялись на корабль, и напал на них ветер, который кинул их корабль к одной горе, и корабль разбился, и все, что было на нем, потонуло, и никто не достиг суши, кроме Джудара,

⁵⁰⁸ Лучники (по-арабски – «каввас») – стражники, которые охраняли иностранных консулов при проезде их по городу; они обычно набирались из янычар (турецкие пехотные войска), которые в 1517 г. завоевали Египет. Упоминание о каввасах свидетельствует, что данная сказка приняла свою письменную, дошедшую до нас форму не раньше XVI века.

а остальные путники умерли. И когда Джудар достиг суши, он шёл до тех пор, пока не дошёл до кочевья арабов, и те спросили его, что с ним, и он рассказал им, что был моряком на корабле, и поведал им свою историю. А в кочевье был один купец из жителей Джидды⁵⁰⁹, и он сжалился над Джударом и сказал ему: «Не послужишь ли ты у нас, о египтянин, я буду тебя одевать и возьму тебя с собою в Джидду?»

И Джудар служил ему и ехал с ним, пока они не достигли Джидды, и купец оказал ему великий почёт, а потом купец, господин Джудара, захотел совершить паломничество и взял Джудара в Мекку. И когда они вступили туда, Джудар пошёл совершить круговой обход⁵¹⁰ в заповедном пространстве, и когда он совершал обход, он вдруг увидел своего приятеля магрибинца Абд-ас-Самада, который тоже совершал обход...

И Шахразад устала, и она прекратила дозволенные речи.

Шестьсот восемнадцатая ночь

Когда же настала шестьсот восемнадцатая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что, когда Джудар шёл, совершая круговой обход, он вдруг увидел своего приятеля магрибинца Абд-ас-Самада, который тоже совершал обход. И, увидав Джудара, магрибинец приветствовал его и спросил, как он поживает. И Джудар заплакал и рассказал ему о том, что с ним случилось. Тогда магрибинец взял его с собой и ввёл его в свой дом и оказал ему уважение и надел на него одежду, которой нет равной, и сказал: „Оставило тебя дурное, о Джудар“. Он погадал на песке, и стало ему видно то, что случилось с братьями Джудара, и он сказал: „Знай, о Джудар, что с твоими братьями случилось то-то и то-то, и они заточены в тюрьме царя Египта, но да будет тебе у меня просторно, пока ты не совершишь благочестивые обряды, и достанется тебе одно лишь добро“. – „О господин мой, – отвечал ему Джудар, – я пойду и попрошаюсь с купцом, у которого живу, и приду к тебе“. – „Должен ли ты деньги?“ – спросил магрибинец. И Джудар ответил: „Нет“. И тогда Абд-ас-Самад молвил: „Ступай простись с купцом и приходи тотчас же, хлеб налагает обязательства на сынов дозволенного“.

И Джудар пошёл и простился с купцом и сказал ему: «Я встретился с моим братом». – «Ступай приведи его, мы сделаем ему угощение», – сказал купец. И Джудар молвил: «Он не нуждается: он из людей благоденствия, и у него много слуг».

И купец дал Джудару двадцать динаров и сказал ему: «Очисти меня от ответственности». И Джудар простился с купцом и вышел. И вдруг он увидел одного бедного человека и отдал ему эти двадцать динаров. И он отправился к Абд-ас-Самаду, магрибинцу, и пробыл у него, пока они не исполнили обрядов паломничества, и магрибинец дал ему кольцо, которое Джудар взял из клада аш-Шамардаля, и сказал ему: «Возьми это кольцо, оно приведёт тебя к тому, что ты хочешь, ибо у него есть слуга по имени Грохочущий Гром, и если тебе что-нибудь понадобится из мирских благ, потри кольцо, и перед тобою явится этот слуга, и все, что ты ему прикажешь, он тебе сделает».

И он потёр перед Джударом кольцо, и к нему явился слуга и крикнул: «Я здесь, о господин, что ты потребуешь, то получишь! Построишь ли ты разрушенный город, или разрушишь построенный город, или убьёшь царя, или разобьёшь войско?» – «О Гром, – сказал ему магрибинец, – этот человек стал твоим господином, заботься о нём».

И затем он отпустил марида и сказал Джудару: «Потри кольцо, и перед тобой явится его слуга; приказывай ему все, что хочешь, и он не будет тебе прекословить. Отправляйся в твою страну и храни кольцо – ты перехитришь им твоих врагов. Не пренебрегай же

⁵⁰⁹ Джидда – порт на Красном море.

⁵¹⁰ Круговой обход вокруг Каабы – один из основных обрядов паломничества в Мекку.

ценностью этого кольца». – «О господин, – отвечал Джудар, – с твоего позволения, я поеду в мою страну». – «Потри кольцо, – молвил магрибинец, – слуга появится перед тобой, и ты сядешь ему на спину, и если ты скажешь ему: „Доставь меня сегодня же в мою страну“, он не ослушается твоего приказания».

И затем Джудар попрощался с Абд-ас-Самадом и потёр кольцо, и к нему явился Грохочущий Гром и сказал ему: «Я здесь, требуй и получишь!» – «Доставь меня в Египет в сегодняшний же день», – сказал Джудар. И слуга молвил: «Будь по-твоему». И поднял его и летел с ним от времени полудня до полуночи. А затем он опустился с ним в пределах дома его матери и ушёл. И Джудар вошёл к своей матери, и, увидав его, она поднялась и заплакала, и приветствовала его, и рассказала ему о том, что постигло его братьев от царя и как он их побил и отнял у них заколдованный мешок и мешок с золотом и драгоценностями. И когда Джудар услышал это, ему стало не легко, что его братья страдают. И он сказал своей матери: «Не печалься о том, что миновало; я сейчас покажу тебе, что я сделаю, и приведу моих братьев».

И затем он потёр кольцо, и явился к нему слуга и сказал: «Я здесь, требуй – получишь!» И Джудар сказал ему: «Я приказываю тебе привести ко мне моих братьев из тюрьмы царя». И слуга спустился под землю и вышел изпод неё лишь посреди тюрьмы. А Салим и Селим были в сильнейшем стеснении и великом горе из-за мук заточения, и они стали желать смерти, и один говорил другому: «Клянусь Аллахом, о брат мой, продлилась над нами беда! До каких пор будем мы в этой тюрьме? Умереть в ней – для нас избавление».

И когда это было так, земля вдруг расступилась, и вышел к ним Грохочущий Гром. Он поднял обоих братьев и спустился с ними под землю, и братья обмерли от сильного страха, а очнувшись, они увидели себя в своём доме и увидели, что их брат Джудар сидит там и мать его – с ним рядом. «Добро пожаловать, братья! – сказал Джудар. – Вы меня обрадовали».

И братья склонили лица к земле и стали плакать, и Джудар сказал им: «Не плачьте, шайтан и жадность привели вас к этому. И как вы могли меня продать? Но я утешаюсь, вспоминая о Юсуфе⁵¹¹ то, что сделали с ним братья, ещё страшней, чем ваш поступок со мной: они ведь бросили его в колодезь...»

И Шахразад застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Шестьсот девятнадцатая ночь

Когда же настала шестьсот девятнадцатая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что Джудар сказал своим братьям: „Как это вы сделали со мной такое дело? Но раскайтесь перед аллахом и попросите у него прощения, – он простит вас, ибо он – прощающий, милостивый. А я вас извинил, и да будет вам просторно! С вами не случится беды“.

И он стал их уговаривать и успокоил их сердца, и потом он принялся им рассказывать обо всем, что он вынес в Суэце, пока не встретился с шейхом Абд-ас-Самадом, и рассказал им о кольце, и братья сказали: «О брат наш, не взыщи с нас на этот раз, а если мы вернёмся к тому, что делали, поступай с нами как желаешь». – «Не беда! – сказал Джудар, – но расскажите мне, что сделал с вами царь». – «Он нас побил и угрожал нам, – сказали братья, – и взял от нас мешки». – «И он не остерёгся?» – воскликнул Джудар. И он потёр кольцо, и слуга явился к нему, и когда братья увидели это, они испугались и подумали, что Джудар велит слуге их убить, и пошли к своей матери и стали говорить: «О матушка, мы под твоей защитой, о матушка, заступись за нас!» – «О дети мои, не бойтесь!» – ответила им мать. И Джудар сказал слуге: «Я приказываю тебе принести мне все, что находится в казне царя из

⁵¹¹ Сказание о Юсуфе (библейский Иосиф), проданном своими братьями в рабство, составляет один из любимых сюжетов мусульманской повествовательной литературы.

драгоценных камней и прочего. Не оставляй там ничего и принеси заколдованный мешок и мешок с драгоценностями, которые царь отнял у моих братьев», – «Слушаюсь и повинуюсь», – ответил слуга и тотчас же исчез и забрал все, что было в казне, и принёс мешки с тем, что в них заключалось. И он положил все, что было в казне, перед Джударом и сказал ему: «О господин, я не оставил в казне ничего».

И Джудар приказал своей матери беречь мешок с драгоценностями и положил заколдованный мешок перед собой и сказал слуге: «Я приказываю тебе построить в сегодняшнюю ночь высокий дворец и покрыть его жидким золотом и устлать роскошными коврами, и пусть не взойдёт день, раньше чем ты все это кончишь». – «Будь потвоему», – сказал слуга и спустился под землю. И после этого Джудар вынул кушанья, и все поели и повеселились и легли спать.

Что же касается слуги, то он собрал своих помощников и велел им построить дворец. И одни стали ломать камни, другие строить, третьи белить, четвёртые рисовать, а пятый стлал ковры. И не взойшёл ещё день, как дворец был уже в полном порядке. И тогда слуга поднялся к Джудару и сказал: «О господин, дворец совершенно готов и в полном порядке, и если ты выйдешь посмотреть на него, то выходи».

И Джудар вышел со своей матерью и братьями, и они увидели этот дворец, которому не было равных, и красота его устройства ошеломляла ум. И Джудар обрадовался этому дворцу, который стоял на перекрёстке дороги, и он ничего на него не потратил. «Будешь ли ты жить в этом дворце?» – спросил он мать. И та сказала: «О дитя моё, буду!» И она призвала на него благословения.

И Джудар потёр кольцо и вдруг услышал, как слуга говорит: – «Я здесь!» – «Я приказываю тебе, – сказал Джудар, – привести мне сорок невольниц, белых и прекрасных, и сорок чёрных невольниц, и сорок белых невольников и сорок рабов». – «Будь по-твоему!» – отвечал слуга и ушёл с четырьмя десятками своих помощников в страны Хинд, Синд⁵¹² и Персию. И, всякий раз как они видели красивую девушку, они похищали её, и юношей тоже похищали. И слуга послал ещё сорок, и они привели прекрасных чёрных невольниц, а другие сорок привели негров, и все пришли в дом Джудара и наполнили его. А затем слуга показал невольников Джудару, и они ему понравились, и он сказал: «Принеси для каждого человека платье из роскошнейших одежд». – «Готово!» – сказал слуга. И Джудар молвил: «Принеси одежду, чтобы надеть моей матери, и одежду, чтобы надеть мне». И слуга принёс все это, и тогда Джудар одел невольниц и сказал им: «Вот ваша госпожа, целуйте у неё руку и не прекословьте ей. Служите ей, белые и чёрные!»

И он одел белых невольников, и те поцеловали у Джудара руку, и одел своих братьев, и Джудар стал подобием царя, а братья его – точно везири. А его дом был просторен, и он поселил Селима и его невольниц в одной стороне и Салима с его невольницами в другой стороне, а сам зажил с матерью в новом дворце, и каждый был в своём жилище, точно султан.

Вот что было с ними. Что же касается казначея царя, то он захотел взять из казны какие-то вещи, и вошёл и не увидел там ничего, напротив, он нашёл её подобной тому, что сказал некто:

Вот улыи пчелиные, что были населены, Но, пчелы когда ушли, они опустели.

И казначей издал великий вопль и упал без чувств, а очнувшись, он вышел из казны и оставил двери в неё открытыми и вошёл к царю Шамс-ад-Дауле и сказал: «О повелитель правоверных, вот о чем мы осведомляем тебя: казна опустела сегодня ночью». – «Что ты сделал с моими деньгами, которые были в моей казне?» – спросил царь. И везирь сказал: «Клянусь Аллахом, я ничего с ними не сделал и не знаю, по какой причине она опустела. Вчера я ходил туда и видел, что казна полна, а сегодня я увидел, что она пуста, и в ней ничего нет, и двери заперты, и их не повредили, и засов не сломан, и туда не входил вор». –

⁵¹² Хинд – Индия; Синд – область в нижнем течении реки Инда.

«А пропали мешки?» – спросил царь. И везирь сказал: «Да». И тогда ум улетел у царя из головы...»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Ночь, дополняющая до шестисот двадцати

Когда же настала ночь, дополняющая до шестисот двадцати, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что, когда казначей царя вошёл к нему и осведомил его о том, что все из казны пропало и мешки тоже, ум улетел у царя из головы, и он поднялся на ноги и сказал казначею: „Иди впереди меня“».

И казначей пошёл, а царь последовал за ним, и они вошли в казну, и царь не нашёл там ничего и огорчился и воскликнул: «Кто напал на мою казну и не побоялся моей ярости?» И он разгневался сильным гневом и вышел и собрал диван, и пришли старшины войска, и всякий из них думал, что царь гневается на него. И царь сказал: «О воины, знайте, что моя казна ограблена сегодня ночью, и я не знаю, кто совершил такие поступки и напал на меня, не боясь меня». – «А как так?» – спросили воины. И царь сказал: «Спросите казначея».

И казначея спросили, и он сказал: «Вчера она была полна, а сегодня я вошёл в неё и увидел, что она пуста, но дверь её не повредили и не взломали её».

И воины удивились таким словам, но не успели они ещё дать ответ, как лучник, который раньше донёс на Салима и Селима, вошёл к царю и сказал: «О царь времени, я всю ночь смотрел на каких-то строителей, которые строили, а когда взошёл день, я увидел выстроенный дворец, которому нет равных. И я спросил, и мне сказали, что Джудар прибыл к построил этот дворец, и у него есть невольники и рабы, и он принёс много денег и освободил своих братьев из тюрьмы, и теперь он у себя дома, точно султан. „Посмотрите в тюрьме“, – сказал царь. И люди посмотрели и не увидели Салима и Селима и вернулись и осведомили царя о том, что случилось, и царь сказал: „Ясно, кто мой обидчик! Кто освободил Салима и Селима из тюрьмы, тот взял и мои деньги“. – „О господин, а кто это?“ – спросил везирь. И царь сказал: „Это их брат Джудар. И он взял мешки. Но пошли, о везирь, к нему эмира с пятьюдесятью человеками, пусть они его схватят вместе с его братьями и наложат печати на все его имущество и приведут их ко мне, а я их повешу“. И царь разгневался сильным гневом и воскликнул: „Живо! Поскорей пошли к нему эмира, пусть он приведёт их ко мне, чтобы я их убил“».

«Будь терпелив, – сказал везирь, – Аллах терпелив и не торопится наказывать своего раба, когда тот его ослушается. С тем, кто, как говорят, построил дворец в одну ночь, не справится никто в мире. Я боюсь, что с эмиром случится из-за Джудара беда. Потерпи, пока я придумаю план, и мы увидим истину в этом деле. А того, чего ты желаешь, ты достигнешь, о царь времени». – «Придумай мне план, о везирь», – сказал царь. И везирь молвил: «Пошли к нему эмира и пригласи его, а я буду к нему внимателен и проявлю к нему любовь и стану его спрашивать, как он поживает, а после этого мы посмотрим: если его решимость сильна, мы устроим с ним хитрость, а если его решимость слаба, схватим его, и делай с ним что хочешь». – «Пошли пригласить его», – сказал царь. И везирь приказал эмиру по имени Осман отправиться к Джудару и пригласить его и сказать ему: «Царь зовёт тебя на угощение». – «И не приходи иначе, как с ним», – сказал ему царь. А этот эмир был дурак и превозносился в душе. И, выйдя, он увидел перед воротами дворца евнуха, который сидел на скамеечке. И когда эмир Осман подошёл ко дворцу, евнух не встал перед ним, будто к нему никто и не приближался, а с эмиром Османом было пятьдесят человек. И эмир Осман подошёл и сказал: «О раб, где твой господин?» И тот ответил: «Во дворце».

И когда эмир Осман говорил с ним, евнух сидел, облокотившись. И эмир Осман рассердился и сказал: «О скверный раб, разве тебе меня не стыдно? Я с тобой разговариваю, а ты лежишь как негодяй!» – «Иди и не будь многоречив», – сказал евнух. И когда эмир услышал от него эти слова, он пропитался гневом и, подняв свою дубинку, хотел ударить

евнуха, а он не знал, что это шайтан. И, увидав, что эмир вынул дубинку, евнух поднялся и бросился на него и отнял у него дубинку и ударил его четыре раза. И когда его пятьдесят человек увидели это, им стало тяжело, что их господина бьют, и они вытащили мечи и хотели убить раба. Но тот воскликнул: «Вы вынимаете мечи, о собаки!» И бросился на них, и всякого, кого он ударял дубинкой, он разбивал и топил в крови. И люди побежали перед рабом и бежали, а раб все бил их, пока они не удалились от ворот дворца, и тогда раб вернулся и сел на свою скамеечку, не обращая ни на кого внимания...»

И Шахразад устала говорить, и она прекратила дозволенные речи.

Шестьсот двадцать первая ночь

Когда же настала шестьсот двадцать первая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что, когда евнух прогнал эмира Османа, приближённого царя, и его людей и удалил их от ворот дома Джудара, он вернулся и сел на скамеечку у дворцовых ворот, не обращая ни на кого внимания. Что же касается эмира Османа и его людей, то они вернулись, бегущие и побитые, и остановились перед царём Шамс-ад-Дауле и рассказали ему, что с ними случилось. И эмир Осман сказал царю: „О царь времени, когда я подошёл к воротам дворца, я увидел евнуха, который сидел в воротах на золотой скамеечке, гордясь, и, увидев, что я подхожу к нему, он полулегал после того, как сидел прямо, и пренебрёг мною и не встал передо мною. И я стал с ним разговаривать, а он отвечал мне полужёстко. И меня взяла ярость, и я вытащил дубинку и хотел ударить его, но он отнял у меня дубинку и побил меня и побил моих людей и повалил их, и мы убежали от него и не могли с ним справиться“.

И царя охватил гнев, и он воскликнул: «Пусть пойдёт к нему сто человек!» И эти его человек отправились к рабу и пришли к нему, и раб встал на них с дубинкой и избивал их до тех пор, пока они не побежали перед ним. И тогда он вернулся и сел на свою скамеечку. И эти сто человек вернулись к царю и, придя к нему, рассказали ему обо всем и сказали: «О царь времени, мы побежали перед ним, боясь его». – «Пусть пойдут к нему двести!» – сказал царь. И они пошли, и раб разбил их, и когда они вернулись, царь сказал везиру: «Я обязываю тебя, о везирь, выйти с пятьюстами людей и поскорей привести ко мне этого евнуха, а также привести его господина Джудара и его братьев». – «О царь времени, – сказал везирь, – мне не нужно солдат, напротив, я пойду один без оружия». И везирь скинул оружие и надел белую одежду и, взяв в руки чётки, пошёл один. И он дошёл до дворца Джудара и увидел, что тот раб сидит, и, увидав его, подошёл к нему без оружия и вежливо сел с ним рядом и сказал: «Мир с вами!» И раб ответил: «И с тобой мир, о человек! Чего ты хочешь?» И когда везирь услышал, что раб говорит: «О человек», – он понял, что он из джинов, и задрожал от страха и сказал ему: «О господин, твой господин Джудар здесь?» – «Да, во дворце», – ответил раб. И везирь сказал: «О господин, пойди к нему и скажи: „Царь Шамс-ад-Дауле зовёт тебя. Он устраивает для тебя угощение и передаёт тебе привет и говорит, чтобы ты почтил его жилище и отведал его угощение“». – „Постой здесь, а я с ним поговорю“, – сказал раб. И везирь остался стоять, соблюдая пристойность, а марид вошёл во дворец и сказал Джудару: „Знай, о господин, что царь прислал к тебе эмира, и я побил его, и с ним было пятьдесят человек, и я обратил их в бегство. А затем он послал сто человек, и я побил их. И потом он послал двести человек, я обратил и их в бегство, и теперь он послал к тебе везиря, безоружного, и зовёт тебя к себе, чтобы ты съел его угощение. Что ты скажешь?“ – „Ступай приведи везиря сюда“, – сказал Джудар. И раб вышел из дворца и сказал везиру: „О везирь, поговори с моим господином“. – „На голове!“ – сказал везирь. А затем он пошёл и вошёл к Джудару и увидел, что тот величественнее царя и сидит на таких коврах, каких царь не может постлат. И мысли везиря смутились из-за красоты дворца и украшений в нем и ковров, и везирь казался в сравнении с Джударом бедняком. И он поцеловал перед ним землю и пожелал ему блага, и Джудар спросил: „Какое у тебя дело, о везирь?“ И везирь сказал: „О господин, царь Шамс-ад-Дауле тебя любит и шлёт тебе привет

и стремится взглянуть на твоё лицо. Он приготовил для тебя угощение – залечишь ли ты его сердце?»

«Если он меня любит, – сказал Джудар, – передай ему привет и скажи ему, чтобы он пришёл ко мне». – «На голове!» – отвечал везирь. И Джудар вынул кольцо и потёр его, и слуга кольца явился перед ним, и Джудар сказал: «Подай мне одежду из наилучших платьев!» И слуга принёс ему одежду, и Джудар сказал: «Надень её, о везирь!» И везирь надел её, и Джудар молвил: «Ступай осведоми царя о том, что я сказал».

И везирь вышел, одетый в эту одежду, равной которой он не надевал, и пошёл к царю и рассказал ему о положении Джудара и расхвалил дворец и все, что там было, и сказал: «Джудар пригласил тебя». – «Поднимайтесь, о воины», – сказал царь, и все поднялись, и тогда царь молвил: «Садитесь на коней и подайте мне моего коня, и мы отправимся к Джудару». И царь сел на коня и взял с собой воинов, и они отправились в дом Джудара.

Что же касается Джудара, то он сказал мариду: «Я хочу, чтобы ты привёл к нам ифритов из твоих помощников, в облике людей, и они были бы у нас свитой и стояли бы во дворе дома, чтобы царь увидел их, – и испугался, и устрасился, и сердце его задрожало бы, и он понял, что моя сила больше его силы».

И слуга привёл двести ифритов в облике солдат, опоясанных роскошным оружием, и все они были сильные и толстые. И когда царь прибыл, он увидел этих сильных и толстых людей, и его сердце устрасилось. И затем он поднялся во дворец и вошёл к Джудару и увидел, что тот сидит так, как не сидит ни один царь или султан, и он приветствовал его и приложил руки к голове, а Джудар не встал и не оказал ему уважения и не сказал ему: «Садись!» – но оставил его стоять...»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Шестьсот двадцать вторая ночь

Когда же настала шестьсот двадцать вторая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что, когда царь вошёл к Джудару, тот не поднялся к нему и не оказал ему уважения и не сказал „Садись!“ – но оставил его стоять. И царя охватил страх, и он не мог ни сесть, ни уйти и думал: „Если бы он меня боялся, он не выкинул бы меня из головы и, может быть, он мне повредит из-за того, что я сделал с его братьями“.

А потом Джудар сказал ему: «О царь времени, не дело таким, как ты, обижать людей и отбирать у них деньги». И царь воскликнул: «О господин, не взыщи с меня: жадность заставила меня это сделать, и исполнился приговор судьбы. Если бы не было греха, не было бы и прощения». И он стал оправдываться перед Джударом за то, что раньше сделал, и просить у него прощения и извинения, и среди своих оправданий он произнёс такие стихи:

«О достойных сын дедов, кроткий по нраву
Не кори нас за то, что мы совершили.
Если ты нас обидел, мы извиняем,
Если мы обижали, ты извини нас...»

И он унижался перед ним до тех пор, пока Джудар не сказал ему: «Да простит тебя Аллах!» – и не велел ему сесть. И царь сел, и Джудар надел на него одежду пощады и приказал своим братьям расставить столы, а после того как поели, он одел людей царя и оказал ему уважение, и затем царь приказал уходить и вышел из дома Джудара. И каждый день он приходил к Джудару и собирал диван только в доме Джудара, и увеличивалась между ними дружба и любовь.

И они провели таким образом некоторое время, а потом царь остался наедине с везирем и сказал ему: «О везирь, я боюсь, что Джудар убьёт меня и отнимет у меня царство». И везирь сказал ему: «О царь времени, что касается царства, то не бойся: положение Джудара

выше положения царя и овладение царством унижит его достоинство. А если ты боишься, что он убьёт тебя, то у тебя есть дочь, выдай её за него, и вы с ним будете в одинаковом положении». – «О везирь, ты будешь посредником между ним и мною», – сказал царь. И везирь молвил: «Пригласи его к себе, и мы будем проводить вечер в какой-нибудь комнате, а ты вели своей дочери нарядиться в самый роскошный наряд и пройти мимо комнаты; увидав её, он её полюбит. И когда мы поймём, что это случилось, я обращусь к нему и скажу ему, что это – твоя дочь, и заведу с ним разговор, как будто ты ничего не знаешь, и он посватает её у тебя. А когда ты женишь его на своей дочери, вы будете с ним как единое и ты окажешься от него в безопасности, а если он умрёт, ты наследуешь от него многое». – «Ты прав, о везирь», – сказал царь.

И он сделал угощение и пригласил Джудара, и тот пришёл в султанский дворец, и они просидели в великом веселье до конца дня. А царь послал к своей жене и велел ей нарядить дочь в самый роскошный наряд и пройти с нею мимо дверей комнаты, и жена его сделала так, как он сказал, и прошла со своей дочерью, и Джудар увидел её. А она обладала красотой и прелестью, и ей не было равных, и когда Джудар как следует в неё всмотрелся, он сказал: «Ах!» И его члены расслабли, и охватила его сильная любовь и страсть, и овладела им тоска и волнение, и цвет его лица пожелтел. «Да не будет с тобой беды, о господин! – сказал тогда везирь. – Что это» я вижу, ты расстроился и ахаешь?» – «О везирь, чья это дочка? Она похитила меня и отняла у меня разум!» – воскликнул Джудар. И везирь ответил: «Это дочь твоего друга – царя. Если она тебе нравится, я поговорю с ним, и он выдаст её за тебя замуж». – «О везирь, – сказал Джудар, – поговори с ним! Клянусь жизнью, я дам тебе все, чего ты попросишь, и дам царю все, чего он попросит, как выкуп за его дочь, и мы станем любящими родственниками». – «Ты непременно достигнешь своей цели», – сказал везирь. А затем везирь потихоньку поговорил с царём и сказал ему: «О царь времени, твой любимец Джудар хочет к тебе приблизиться, и он ищет через меня к тебе доступа, чтобы ты выдал за него свою дочь, Ситт-Асию. Не обмани же моих ожиданий и прими моё посредничество – все, чего ты попросишь как выкуп за неё, он тебе даст». – «Выкуп уже прибыл ко мне, – сказал царь, – а моя дочь – служанка для услуг ему, и я выдам её за него замуж, и милость при согласии будет от него...»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Шестьсот двадцать третья ночь

Когда же настала шестьсот двадцать третья ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что везирь сказал царю Шамсад-Дауле: „Джудар хочет к тебе приблизиться, женившись на твоей дочери“. И царь сказал ему: „Выкуп уже прибыл ко мне, – моя дочь – служанка для услуг ему, и милость при согласии будет от него“.

И они проспали эту ночь, а наутро царь собрал диван и призвал туда и избранных и простых, и явился Шейх-аль-ислам⁵¹³, и Джудар посватался к царской дочери. И царь сказал: «Выкуп уже прибыл». И написал брачный договор. И Джудар послал за мешком, в котором были драгоценности, и дал его царю как выкуп за его дочь. И забили барабаны, и запели флейты, и стали нанизывать ожерелья торжеств.

И Джудар вошёл к девушке, и стали они с царём как единое, и провели вместе несколько дней, а потом царь умер, и воины начали просить Джудара, чтобы он стал султаном, и все время соблазняли его, а он отказывался, но потом согласился, и его сделали султаном, и он велел построить мечеть на могиле царя Шамс-ад-Дауле и назначил деньги на

⁵¹³ Шейх-аль-ислам (наставник в исламе) – почётный титул, дававшийся первоначально всякому выдающемуся «муфти», верховному судье. С XVI века этот титул стали присваивать только муфти Константинополя, который являлся высшим религиозным и юридическим авторитетом в подвластных туркам землях.

её содержание. И мечеть эта находится в квартале лучников, а дом Джудара был в квартале йеменитов⁵¹⁴. И когда он стал султаном, он построил здание и мечеть, и квартал назвали его именем, и стал он называться квартал Джудара. И он пробыл царём некоторое время и сделал своих братьев везирями: Салима – везирем правой стороны и Селима – везирем левой стороны, и те провели так год, не больше. А потом Салим сказал Селиму: «О брат мой, до каких пер продлится это? Неужели мы проведем всю жизнь слугами Джудара и не порадуемся власти и счастьем, пока Джудар будет жив?» – «А как нам сделать, чтобы убить его и взять от него перстень и мешок?» – спросил Селим. И потом Селим сказал Салиму: «Ты умней меня, придумай же хитрость; может быть, мы убьем его». – «Если я придумаю хитрость, чтобы его убить, – сказал Салим, – согласишься ли ты, чтобы я был султаном, а ты везирем правой стороны и чтобы перстень был мне, а мешок тебе?» И Селим ответил: «Согласен!» И они сговорились убить Джудара из любви к благам мира и власти.

А потом Селим и Салим придумали против Джудара хитрость и сказали ему: «О брат наш, мы хотим похвалиться тобою. Войди же к нам в дом, и поешь нашего угощения, и залечи нам сердца».

И они обманывали его и говорили ему: «Залечи нам сердца и поешь нашего угощения», пока Джудар не сказал: «Это не плохо! В чьем же доме будет угощение?» И Салим ответил: «В моем доме, а когда ты съешь мое угощение, ты поешь угощение моего брата». – «Это будет не плохо!» – сказал Джудар и пошел с Салимом к нему в дом. И Салим поставил ему угощение и положил в него яду. И когда Джудар поел, мясо у него размякло, и он упал мертвый.

И тогда Салим поднялся, чтобы снять у него с пальца перстень, но перстень не поддавался, и Салим отрезал палец ножом, а потом он потер перстень, и марида явился к нему и сказал: «Я здесь, требуй, чего хочешь!» – «Возьми моего брата Селима и убей его, и унеси обоих, отравленного и убитого, и брось их перед воинами», – сказал Салим.

И марида взял Селима и убил его и поднял обоих убитых и вынес их и бросил перед начальниками войска. А они, сидели за трапезой на балконе дома и ели, и когда они увидели, что Джудар и Селям убиты, они отняли руки от кушаний, и их взволновал страх, и они спросили марида: «Кто совершил с царем и везирем такой поступок?» – «Их брат Салим», – ответил марида. И вдруг Салим вошел и сказал: «О воины, ешьте и веселитесь! Я овладел кольцом моего брата Джудара, а вот марида – слуга кольца, стоит перед вами. Я велел ему убить моего брата Селима, чтобы он не оспаривал у меня власти, так как он обманщик, и я боюсь, что он меня обманет. А вот Джудар, он теперь убит, и я стал над вами султаном. Согласны ли вы? Если нет, я потру кольцо, и слуга его перебьет вас, и больших и малых...»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Шестьсот двадцать четвертая ночь

Когда же настала шестьсот двадцать четвертая ночь, она сказала:

«Дошло до меня, о счастливый царь, что, когда Салим спросил воинов: „Согласны ли вы, чтобы я стал султаном? Если нет, я потру кольцо, и слуга его перебьет вас, и больших и малых“, – воины сказали ему: „Мы согласны, чтобы ты был царем и султаном“.

И Салим велел похоронить своих братьев и собрал диван, и некоторые люди шли вслед за похоронным шествием, а другие шли перед Салимом.

А когда пришли в диван, Салим сел на престол, и ему присягнули на царство, и после этого он сказал: «Я хочу написать брачный договор с женой моего брата». – «Когда пройдет

⁵¹⁴ В средневековых мусульманских городах население расселялось по племенному признаку, вследствие вражды между племенами, которая особенно резко проявилась между «кайситами» и «йеменитами». Именем «кайситов» обозначались северо-а рабские племена, наиболее могущественным из которых было племя Кайс. «Йеменитами» называли южно-арабские племена и вообще всех, кто враждовал с «кайситами».

время очищения», – сказали ему, но он воскликнул: «Я не знаю ни очищения, ни чего-нибудь другого! Клянусь жизнью моей головы, я непременно войду к ней сегодня ночью!»

И ему написали договор и послали уведомить жену Джудара, дочь царя Шамс-ад-Дауле, и та сказала: «Оставьте его, пусть входит».

А когда Салим вошёл к ней, она показала ему радость, и приняла его с пожеланиями простора, и положила ему в воду яд, и погубила его, а потом она взяла кольцо и сломала его, чтобы не владел им никто, и проткнула мешок. А затем она послала рассказать об этом шейхаль-исламу и послала сказать эмирам: «Выберите себе царя, чтобы он был над вами султаном».

И вот то, что дошло до нас из рассказа о Джударе, до конца и полностью.

Рассказ об Аджибе и Гарибе (ночи 624-680)

Дошло до меня также, что был в древние времена царь из великих царей по имени царь Кондемир. И был это царь доблестный и вождь неодолимый, но только был он дряхлым, престарелым старцем. И наделил его Аллах великий,

уже одряхлевшего, ребёнком мужского пола. И назвал его царь Аджибом⁵¹⁵ из-за его красоты и прелести и отдал его повитухам, кормилицам, рабыням и наложницам, и ребёнок рос и становился большим, и достиг он семи полных лет и годов.

И тогда отец назначил ему волхва из людей его веры и религии, и тот обучал мальчика в течение трех полных лет их закону и нечестию и тому, что нужно было знать, пока мальчик не стал сведущим, и не окрепла его решимость, и не стали здоровыми его мысли. И вырос он знающим, красноречивым, восхваляемым философам, и вступал в прения с учёными, и сживал с мудрецами. И когда его отец увидел это, он остался доволен. А потом он научил Аджиба ездить на конях, ранить копьём и бить мечом, и стал Аджиб доблестным наездником, с пока не исполнилось ещё его жизни десять лет, как он превзошёл людей своего времени во всех вещах и узнал способы боя и сделался упорным притеснителем и непокорным шайтаном. И, отправляясь на охоту и ловлю, он выезжал во главе тысячи всадников и совершал нападения на витязей и пересекал дороги и забирал в плен дочерей царей и начальников, и умножились жалобы на него его отцу.

И царь кликнул пятерых рабов и, когда они явились, сказал им: «Схватите этого пса!» И слуги бросились на Аджиба и скрутили его, и царь велел его побить, и его били, пока мир не исчез для него, и тогда царь заточил его в комнате, где нельзя было отличить неба от земли и длины от ширины.

И Аджиб провёл два дня и ночь в заточении, и тогда эмиры подошли к царю и, поцеловав перед ним землю, стали ходатайствовать за Аджиба и царь выпустил его. И Аджиб выждал десять дней и вошёл к отцу ночью, когда, он спал, и ударил его и скинул ему голову, а когда взошёл день, Аджиб сел на престол царства своего отца И приказал людям встать перед ним и облачиться в сталь и обнажить мечи, и поставил их справа и слева. Некогда вошли эмиры и предводители, они увидели, что их, царь убит, а его сын сидит на престоле царства, и смутились их умы, и Аджиб сказал им: «О люди, вы видели, что случилось с вашим царём. Кто будет мне повиноваться, тому окажу уважение, а кто меня ослушается, с тем я сделаю то же, что с отцом».

И, услышав его слова, эмиры испугались, что он их схватит, и сказали: «Ты наш царь и сын нашего царя». И они повелевали землю меж рук Аджиба и Аджиб поблагодарил их и обрадовался и велел выносить деньги и материи, и затем он награждал эмиров великолепными одеждами и осыпал их деньгами, и все они полюбили его и выразили ему покорность. И Аджиб награждал наместников и шейхов кочевых арабов, и непослушных ему, и послушных, и подчинились ему страны, и покорились ему рабы, и он управлял и приказывал и запрещал

⁵¹⁵ Аджиб – дивный, удивительный.

в течение пяти месяцев.

И однажды он увидел во сне видение и проснулся, испуганный и устрaшённaя, и сон не брал его, пока не наступило утро, и тогда Аджиб сел на престол, и войска встали перед ним справа и слева, и Аджиб призвал изъяснителей и звездочётов и сказал им: «Растолкуйте мне этот сон!» – «А что за сон ты видел, о царь?» – спросили его. И он сказал: «Я видел, будто мой отец передо мной, и его уд обнажился, и вышло из него что-то величиной с пчелу и стало увеличиваться, пока не сделалось подобно большому льву с когтями, точно кинжалы. И я испугался этого существа, и пока я дивился на него, оно вдруг бросилось на меня и ударило меня когтями и прорвало мне брюхо, и я проснулся, испуганный и устрaшённaя».

И изъяснители посмотрели друг на друга и подумали, какой дать ответ, а потом они сказали: «О великий царь, этот сон указывает, что от твоего отца родился младенец, и возникнет между вами вражда, и он тебя одолеет. Прими же предосторожности по причине этого сна».

И когда Аджиб услышал слова изъяснителей, он сказал: «У меня нет брата, которого я боялся бы, и ваши слова – ложь». – «Мы рассказали лишь о том, что знали», – ответили изъяснители. И Аджиб разгневался на них и побил их.

И он поднялся, и вошёл во дворец своего отца, и осмотрел его наложниц, и нашёл среди них одну рабыню, беременную уже семь месяцев, и тогда он приказал двум рабам из своих рабов: «Возьмите эту невольницу, пойдите с ней к морю и утопите её». И рабы взяли невольницу за руку и пошли с ней к морю и хотели её утопить, но, посмотрев на неё, они увидели, что она на редкость красива и прелестна, и сказали: «Зачем нам топить эту невольницу – мы отведём её в рощу и будем там жить в удивительном сводничестве!»

И они взяли невольницу и шли с ней дни и ночи, так что отделились от населённых мест, и отвели её в рощу, где было много деревьев, и плодов, и каналов. И их решение сошлось на том, чтобы удовлетворить с рабыней желание, и каждый из них говорил: «Я сделаю раньше!» И они стали спорить, и вдруг вышли к ним люди из чернокожих, и они обнажили мечи и бросились на рабов, и началось между ними сильное сражение и бой мечами и копьями. И они до тех пор сражались с рабами, пока не убили их, быстрее, чем в мгновение ока. А невольница стала бродить по роще одна, питаясь плодами, и пила она из рек, и пребывала в таком положении, пока не родила мальчика, смуглого, изящного и прекрасного, которого назвала Гарибом⁵¹⁶, так как он был на чужбине. И она оборвала младенцу пуповину, и завернула его в часть своей одежды, и стала его кормить, грустя сердцем и душой о своём прежнем величии и изнеженности...»

И Шахразадy застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Шестьсот двадцать пятая ночь

Когда же настала шестьсот двадцать пятая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что невольница осталась в роще, грустя сердцем и душой, и принялась кормить своего сына, несмотря на охватившую её крайнюю печаль и страх из-за её одиночества. И когда она была в некий день в таком состоянии, она вдруг увидела всадников и пеших людей с соколами и охотничьими собаками. А кони их были нагружены журавлями, цаплями, иракскими гусями, нырками, водяными птицами, зверями, зайцами, газелями, дикими коровами, птенцами страуса, рысями, волками и львами.

И это были арабы, которые вошли в рощу. И они увидели ту невольницу и у неё на коленях сына, которого она кормила, и приблизились к ней и спросили: «Ты из людей или из джиннов?» – «Из людей, о начальники арабов», – ответила невольница. И охотники осведомили об этом своего предводителя, а его звали Мирдас, начальник племени

⁵¹⁶ Гариб – иноземец, чужак.

Кахтан⁵¹⁷. И он выехал на охоту с пятью сотнями эмиров из своих соплеменников и родичей, и они охотились до тех пор, пока не наткнулись на эту невольницу.

И когда они увидели её, невольница рассказала им о том, что с ней случилось, с начала до конца, и царь удивился её делу и кликнул своих соплеменников и родичей, и они охотились до тех пор, пока не достигли становища племени Кахтан.

И Мирдас взял невольницу, и отвёл ей отдельное помещение, и приставил к ней пять рабынь, чтобы служить ей, – а он полюбил её сильной любовью. И он вошёл к ней и познал её, и она понесла с первой крови. И когда кончились её месяцы, она родила мальчика и назвала его Сахим-аль-Лайлы. И он воспитывался среди повитух вместе со своим братом, пока не вырос и не стал разумен опекаемый эмиром Мирдасом.

И эмир отдал обоих мальчиков факиху, и тот обучил их делам веры, а после этого эмир отдал их витязям арабов, и научил разить копьём и рубить мечом и метать стрелы. И не исполнилось ещё мальчикам пятнадцати лет, как они научились тому, что было им нужно, и превзошли всех храбрецов в стране, и Гариб нападал на тысячу витязей, и его брат Сахим-аль-Лайль тоже.

А у Мирдаса было много врагов, но его арабы были храбрее всех арабов, и все они были герои и витязи, и нельзя было греться у их огня⁵¹⁸.

А в соседстве с ним жил эмир из эмиров арабов по имени Хассан ибн Сабит, который был ему другом. И Ын посватался к одной из знатных женщин своего племени и пригласил всех своих товарищей и в числе их Мирдаса, начальника племени Кахтан. И Мирдас согласился, и взял с собой триста всадников из своего племени, и оставил четыреста всадников охранять гарем, и поехал, и прибыл к Хассану. И тот встретил его и посадил на самом лучшем месте. И все витязи приехали ради свадьбы, и Хассан устроил пир и веселился на своей свадьбе, а потом арабы уехали к своим жилищам.

Когда Мирдас подъехал к своему стану, он увидел двух убитых, и птицы парили над ними справа и слева. И сердце Мирдаса встревожилось, и он вошёл в стая, и встретил его Гариб, одетый в кольчугу, и поздравил с благополучием. «Что значат эти обстоятельства, о Гариб?» – спросил его Мирдас. И Гариб ответил: «Напал на нас аль-Хамаль ибн Маджид со своими людьми, во главе пятисот всадников».

А причиной этой стычки было вот что: у эмира Мирдаса была дочь по имени Махдия, лучше которой не видел видящий. И услышал о ней аль-Хамаль, начальник племени Бену-Набхан. И он сел на коня во главе пятисот всадников, и отправился к Мирдасу, и посватался к Махдни, но Мирдас не принял его сватовства и воротил аль-Хамаль обманувшимся. И аль-Хамаль выслеживал Мирдаса, пока тот не отлучился, приглашённый Хассаном. И тогда аль-Хамаль сел на коня во главе своих храбрецов, напал на племя Кахтан и убил множество витязей, а остальные храбрецы убежали в горы. А Гариб и брат его выехали с сотней конных на охоту и ловлю и вернулись не прежде, чем наступил полдень, и они увидели, что аль-Хамаль и его люди овладели станом и тем, что в нем было, и захватили женщин. И аль-Хамаль захватил Махдию, дочь Мирдаса, и угнал её среди пленных. И когда Гариб увидел это, его рассудок исчез, и он крикнул своему брату Сахим-аль-Лайлю: «О сын проклятой, он разграбил наш стан и захватил наш гарем! На врагов! Освободим пленных и женщин!»

И Сахим с Гарибом понеслись на врагов, во главе сотни всадников, и гнев Гариба все возрастал, и он косил головы и заставлял храбрецов пить гибель чашами. И он достиг аль-Хамаль и увидел Махдию пленной. И тогда он понёсся на аль-Хамаль и ударил его копьём и свалил с коня, и не наступило ещё предзакатное время, как он перебил большинство врагов, а остальные убежали.

⁵¹⁷ Племя Кахтана (или «сыны Кахтана») – южные арабы.

⁵¹⁸ То есть никто не мог устоять против огня их ярости.

И Гариб освободил пленных и возвратился к палаткам, неся голову аль-Хамалю на копье, и он говорил такие стихи:

«Я тот, кто всем известен в день сраженья,
И джинн земной боится моей тени.
Когда мечом взмахну рукой я правой,
То смерть из левой быстро поражает.
Моё копье – коль на него посмотрят,
Увидят там зубцы, как полумесяц.
Зовусь Гарибом я, храбрец в кочевье,
И не боюсь, когда людей немного».

И не окончил ещё Гариб своих стихов, как прибыл Мирдас и увидел убитых, над которыми парили птицы, справа и слева. И улетел тогда его разум, и задрожало у него сердце. Но Гариб утешил его и поздравил с благополучием, и рассказал обо всем, что постигло стан после его отъезда. И Мирдас поблагодарил сына за то, что он сделал, и воскликнул: «Не обмануло в тебе воспитание, о Гариб!»

И Мирдас расположился у себя в шатре, и начали жители стана восхвалять Гариба, говоря: «О эмир наш, если бы не Гариб, никто не спасся бы в стане». И Мирдас поблагодарил его за то, что он сделал...»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Шестьсот двадцать шестая ночь

Когда же настала шестьсот двадцать шестая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что, когда Мирдас вернулся в стан, его люди пришли к нему и стали восхвалять Гариба, и Мирдас поблагодарил сына за то, что он сделал. А когда Гариб узнал, что аль-Хамаль забрал Махдию в плен, он освободил её и убил аль-Хамалю, и девушка метнула в Гариба стрелами взоров, и он попался в сети любви, и сердце его её не забывало. И он утонул в любви и страсти, и покинула его сладость сна, и не наслаждался он ни питьём, ни едою, и он пускал своего коня вскачь и взбирался на горы и говорил стихи и возвращался к концу дня, и стали видны на нем следы любви и безумной страсти. И он открыл свою тайну одному из товарищей, и она распространилась по всему стану и дошла до Мирдаса. И тот стал метать молнии и громы, и вставать, и садиться, и храпеть, и хрипеть, и бранить солнце и луну, и воскликнул: „Вот возмездие тому, кто воспитывает детей разврата! Но если я не убью Гариба, покроет меня позор!“

И затем он посоветовался с одним из разумных мужей своего племени об убиении Гариба и открыл ему свою тайну, и тот сказал: «О эмир, он вчера освободил твою дочь из плена, и если его убийство неизбежно, исполни его рукою другого, чтобы не усомнился в тебе никто». – «Придумай хитрость, чтобы убить его, я узнаю, как его убить, только от тебя», – сказал Мирдас. И его советник молвил: «О эмир, выследи, когда он выедет на охоту и ловлю, возьми с собою сотню конных и устрой засаду в пещере. Не давай Гарибу этого заметить, пока он не подъедет, а тогда нападай на него и изруби. Так ты снимешь свой позор». – «Вот правильное мнение!» – воскликнул Мирдас.

И он выбрал из своих людей сто пятьдесят всадников, могучих амалекитян⁵¹⁹, и стал их наставлять и подстрекать к убийству Гариба. И он выслеживал юношу, пока тот не выехал поохотиться и не удалился в долины и горы. И Мирдас поехал со своими грозными всадниками и устроил засаду на пути Гариба, чтобы, когда тот будет возвращаться с охоты,

⁵¹⁹ Амалекитяне – одно из племён, населявших в древности Аравийский полуостров.

напасть на него и убить.

И когда Мирдас со своими людьми притаился между деревьями, вдруг напали на них пятьсот амалекитян, убили из них шестьдесят, девяносто взяли в плен, а Мирдаса скрутили.

А причиною этого было вот что: когда был убит альХамаль и его люди, те, кто уцелел, обратились в бегство и бежали до тех пор, пока не достигли его брата. И тогда они осведомили его о том, что случилось, и поднялся в нем гнев, и он собрал амалекитян и выбрал из них пятьсот человек, вышиною каждый в пятьдесят локтей, и отправился отомстить за своего брата. И он наткнулся на Мирдаса и его храбрецов, и случилось между ними то, что случилось. Забрав Мирдаса и его людей в плен, брат аль-Хамалья со своими людьми спешился и приказал им отдыхать и сказал: «О люди, идола облегчили нам отмщенье. Сторожите же Мирдаса и его людей, пока я не уведу их и не убью самым ужасным убиением».

И Мирдас увидел себя связанным и стал раскаиваться в том, что сделал, и сказал: «Вот воздаяние за вероломство!»

И люди заснули, радуясь победе, а Мирдас и его товарищи были связаны, они потеряли надежду на жизнь и убедились в своей смерти.

Вот что было с Мирдасом. Что же касается Сахим-альЛайля, то он вошёл к своей сестре Махдии, раненый, и она поднялась, встречая его, и поцеловала ему руки и сказала: «Да не отсохнут твои руки, и да не порадуются твои враги! Если бы не ты с Гарибом, мы не освободились бы из вражеского плена. Знай, о брат мой, что твой отец выехал со ста пятьюдесятью всадниками, и он хочет убить Гариба. А ты знаешь, что Гариб будет убит напрасно, так как он сохранил вашу честь и освободил ваше имущество».

И когда услышал Сахим эти слова, свет стал мраком перед его лицом, и он надел доспехи войны и, сев на коня, направился к тому месту, где охотился его брат. И он увидел, что Гариб убил много дичи, и подошёл к нему и поздоровался и сказал: «О брат мой, неужели ты выезжаешь, не уведомив меня?» – «Клянусь Аллахом, – ответил Гариб, – меня удержало от этого лишь то, что я увидел тебя раненым и хотел, чтобы ты отдохнул». – «О брат мой, остерегайся моего отца», – молвил Сахим. И потом он рассказал Гарибу обо всем, что случилось, и о том, что его отец выехал со ста пятьюдесятью всадниками, которые хотят его убить. «Да обратит Аллах его козни против его горла!» – воскликнул Гариб. И Гариб с Сахимом повернули обратно, направляясь к своему стану. И над ними опустился вечер, и они не сходили со спин коней, пока не подъехали к долине, где были те люди. И тогда они слышали ржанье коней во мраке ночи, и Сахим сказал: «О брат мой, это мой отец и его люди притаились в этой долине. Отъедем же от долины в сторону». И Гариб сошёл с коня и, бросив поводья своему брату, сказал: «Стой на месте, пока я не вернусь к тебе». И пошёл и увидел тех людей, и оказалось, что они не из его стана. И Гариб услышал, что они упоминают о Мирдасе и говорят: «Мы убьём его только в нашей земле». И он понял, что Мирдас лежит у них связанный, и воскликнул: «Клянусь жизнью Махдии, я не уйду, пока не освобожу её отца, и не буду её огорчать!»

И он до тех пор искал Мирдаса, пока не нашёл его, – а он лежал связанный верёвками. И тогда Гариб сел подле него и сказал: «Да спасёшься ты, о дядюшка, от этого позора и уз!» И когда Мирдас увидел Гариба, разум вышел из него, и он воскликнул: «О дитя моё, я под твоей защитой! Освободи меня по долгу воспитания». – «Когда я тебя освобожу, ты отдашь мне Махдию?» – спросил Гариб. И Мирдас сказал: «О дитя моё, клянусь тем, во что я верю, ода будет твоя, пока длится время!»

И тогда Гариб развязал его и сказал: «Иди к коням, твой сын Сахим там». И Мирдас ускользнул и пришёл к своему сыну Сахиму, и тот обрадовался ему и позддравил его со спасением. А Гариб развязывал одного человека за другим, пока не развязал девяносто всадников и все они оказались далеко от врагов. И Гариб прислал им доспехи и коней и сказал: «Садитесь на коней и рассыптесь, окружая врагов, и кричите, и пусть ваш крик будет: „О семья Кахтана!“ А когда враги очнутся, отдалитесь от них и рассыптесь вокруг них».

И Гариб выждал до последней трети ночи и закричал: «О семья Кахтана!» И его люди тоже закричали единым криком: «О семья Кахтана!» И горы ответили им, и врагам показалось, что эти люди на них набросились. И все они схватили оружие и накинулись друг на друга...»

И Шахразад застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Шестьсот двадцать седьмая ночь

Когда же настала шестьсот двадцать седьмая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что, когда люди аль-Хамаля пробудились от сна и слышали, как Гариб и его люди кричат: „О семья Кахтана!“, – им показалось, что – племя Кахтана напало на них, и они выхватили оружие и кинулись убивать друг друга. И Гариб со своими людьми отошёл назад, а враги его не переставали избивать друг друга, пока не взошёл день. И тогда Гариб, Мирдас и его девяносто храбрецов понеслись на уцелевших врагов и перебили из них множество, а остальные обратились в бегство.

И сыны Кахтана захватили разбежавшихся коней и приготовленные доспехи и отправились к себе в стан, и не верилось Мирдасу, что он освободился от врагов. И они ехали до тех пор, пока не прибыли в стан, и оставшиеся в стане встретили их и обрадовались их спасению. И прибывшие расположились в шатрах, и Гариб расположился у себя в палатке, и юноши из стана собрались подле него, и приветствовали его и большие и малые. И когда Мирдас увидел Гариба, окружённого юношами, он возненавидел его ещё больше, чем прежде, и, обратившись к своим приспешникам, сказал им: «Увеличилась в моем сердце ненависть к Гарибу, и огорчает меня, что эти люди собрались вокруг него. А завтра он потребует у меня Махдию».

И сказал тогда Мирдасу его советник: «О эмир, потребуй от него того, чего он не может сделать». И Мирдас обрадовался. И он проспал ночь до утра, а утром он сел на своё место, и арабы окружили его, и пришёл Гариб со своими людьми, окружённый юношами, и, подойдя к Мирдасу, поцеловал землю меж его рук, и Мирдас обрадовался и встал перед ним и посадил его рядом с собою. «О дядюшка, – сказал Гариб, – ты дал мне обещание, исполни же его». – «О дитя моё, – отвечал Мирдас, – она будет твоя, пока длится время, но только у тебя мало денег». – «О дядюшка, – сказал Гариб, – требуй чего хочешь. Я буду делать набег на эмиров арабов в их землях и становищах и на царей в их городах и принесу тебе деньги, которые заполнят землю от края и до края». – «О дитя моё, – сказал Мирдас, – я поклялся всеми идолами, что отдам Махдию только тому, кто за меня отомстит и снимет с меня позор!» И Гариб спросил его: «Скажи мне, о дядюшка, кому из царей ты должен отомстить, и я отправлюсь к нему и сломаю его престол об его голову». – «О дитя моё, – ответил Мирдас, – у меня был сын, храбрец из храбрецов, и он выехал с сотнею храбрецов, желая половить и поохотиться, и переезжал из долины в долину, и удалился в горы. И он достиг Долины Цветов и Дворца Хама, сына Шиса, сына Шеддада, сына Халида⁵²⁰, а в этом месте, о дитя моё, живёт один человек, чёрный, длинный, длиною в семь локтей, и он дерётся деревьями – вырывает дерево из земли и дерётся им. И когда мой сын достиг этой долины, к нему вышел этот великан и погубил его и сотню его всадников, и спаслись из них лишь трое храбрецов, которые пришли и рассказали нам о том, что случилось. И я собрал храбрецов и отправился сразиться с великаном, но мы не могли одолеть его, и я удручён и хочу отомстить за моего сына, и я поклялся, что отдам дочь в жены только тому, кто отомстит за моего сына».

И, услышав слова Мирдаса, Гариб сказал: «О дядюшка, я отправлюсь к этому

⁵²⁰ Ниже, на стр. 74, говорится, что этот дворец принадлежал Сасу, потомку Шеддада, сына Ада (сказку об Аде см. в IV томе нашего издания). Можно думать, что упоминание здесь о Хаме есть плод невнимательности переписчика.

амалекитянину и отомщу за твоего сына с помощью Аллаха великого!» И Мирдас молвил: «О Гариб, если ты его одолеешь, ты захватишь у него сокровища и деньги, которых не пожрут огни». – «Засвидетельствуй, что женишь меня, чтобы моё сердце стало сильным, и я пойду искать своего надела», – сказал Гариб. И Мирдас признал это и взял в свидетели старейшин стана.

И Гариб ушёл, радуясь осуществлению надежд, и вошёл к своей матери и рассказал, чего ему удалось достигнуть, и его мать молвила: «О дитя моё, знай, что Мирдас тебя ненавидит, и он посылает тебя к этой горе только для того, чтобы лишить меня звуков твоего голоса. Возьми меня с собой и уезжай из земли этого обидчика». – «О матушка, – сказал Гариб, – я не уеду, пока не достигну желаемого и не покорю своего врага».

И Гариб проспал всю ночь, а когда наступило утро я заснял свет и заблестало солнце, он едва успел сесть на коня, как пришли его друзья-юноши, – а их было двести могучих витязей, и они были в военных доспехах, – и закричали Гарибу: «Поезжай с нами, мы тебе поможем и будем тебя развлекать в дороге». И Гариб обрадовался им и сказал: «Да воздаст вам Аллах за нас благом! – И молвил: „Поезжайте, о друзья мои!“

И Гариб со своими товарищами ехал первый день и второй день, а затем, к вечеру, они спешились под высокой горой и задали коням корму. И Гариб скрылся от других я пошёл к горе и шёл до тех пор, пока не пришёл к пещере, в которой был виден свет. И он оказался в середине пещеры и увидел там старика, которому было триста сорок лёт жизни, и брови закрывали ему глаза, а усы закрывали ему рот. И когда Гариб посмотрел на этого старца, он почувствовал к нему уважение и удивился огромности его тела, а старец сказал ему: «О дитя моё, ты как будто из нечестивых, которые поклоняются камням вместо всевластного владыки, творца ночи и дня и вращающегося небосвода». И когда услышал Гариб слова старца, у него задрожали поджилки, и он спросил: «б старец, где находится этот владыка, чтобы я мог ему поклониться и насладиться лицезрением его?» – «О дитя моё, – отвечал старец, – этого великого владыку не видит никто в мире, а он видит, но невидим, и пребывает, он в вышнем обиталище. Он присутствует во всяком месте, во следах содеянного им, он – создатель созданий, промыслитель времён, и сотворил он людей и джиннов и послал пророков, чтобы вывести людей на правильный путь. Тех, кто ему покорён, вводит он в рай, а тех, кто ему не повинуется, вводит в огонь». – «О дядюшка, – сказал Гариб, – а что говорят те, кто поклоняется этому великому господу, который властен во всякой вещи?» – «О сынок, – ответил ему старей» – я из племени адитов, которые были преступны в землях, и стали они нечестивы, и послал к ним Аллах пророка на имени Худ, но они объявили его лжецом, и погубил их Аллах бесплодным ветром. А я уверовал, вместе с толпой людей из моего народа, и мы спаслись от наказаний. И жил я при самудянах⁵²¹ и при том, что случилось у них с их пророком Салихом, и послал Аллах великий после Салиха пророка по имени Ибрахим⁵²², друг Аллаха, к Нимруд, сыну Канана, и случилось у него с ним то, что случилось. И умерли мои родичи, которые уверовали, и стал я поклоняться Аллаху в этой пещере, и Аллах – велик он! – наделяет меня тем, на что я не рассчитываю». – «О дядюшка, – сказал Гариб, – что мне сказать, чтобы стать одним из приверженцев этого великого господи?» – «Скажи: нет бога, кроме Аллаха, Ибрахим-друг Аллаха!»⁵²³ – молвил старец. И

⁵²¹ Племена Ад и Самуд (адиты и самудяне) были уничтожены за неповиновение пророкам, посланным к ним. Об этом рассказывается в X суре Корана.

⁵²² Ибрахим – библейский Авраам, которому мусульмане, основываясь на словах из IV главы Корана, присвоили прозвище «друг Аллаха». О борьбе Ибрахима с царём Нимрудом (Немвродом), закончившейся полным поражением последнего, подробно рассказывается в мусульманских легендах.

⁵²³ Изменение второй части исповедания мусульманской веры объясняется тем, что время действия сказки об Аджибе и Гарибе должно происходить раньше рождения Мухаммеда.

Гариб предался Аллаху сердцем и умом⁵²⁴.

«Утвердилось в сердце твоём сладость ислама и веры», – сказал тогда старец. И он научил Гариба некоторым предписаниям и кое-чему из содержания свитков и спросил его: «Как твоё имя?» – «Моё имя – Гариб», – отвечал юноша, и старец молвил: «А куда ты направляешься, о Гариб?» И Гариб рассказал ему о том, что с ним случилось, от начала до конца, и дошёл до истории горного гуля⁵²⁵, в поисках которого он пришёл...»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Шестьсот двадцать восьмая ночь

Когда же настала шестьсот двадцать восьмая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что Гариб, приняв ислам, рассказал старцу обо всем, что с ним случилось, с начала до конца, и дошёл до истории гуля с гор, в поисках которого он пришёл сюда. И тогда старик сказал ему: „О Гариб, разве ты одержимый, что идёшь к горному гулю один?“ – „О владыка, со мною двести всадников“, – сказал Гариб. И старик воскликнул: „О Гариб, будь с тобою и десять тысяч всадников, ты бы с ним не справился!“

«Его имя – „Гуль, что ест людей“ (просим у Аллаха спасения!), и он из потомства Хама. Его отец – Хинди, который населил Индию, и по нему эта земля названа. Он оставил Гуля после себя и назвал его Садан-аль-Гуль, и стал он, о дитя моё, упорным притеснителем и непокорным шайтаном, для которого нет другой еды, кроме сынов Адама. И отец перед смертью запрещал ему это, но он не внял запрещению и стал ещё более преступен, и тогда отец выгнал его и изгнал из земель Индии после войн и великих тягот. И он пришёл в здешнюю землю и укрепился в ней и стал жить, пересекая дороги и приходящему и уходящему, а потом возвращается в своё жилище в этой долине. И досталось ему пятеро сыновей, толстых и могучих, – каждый из них нападает один на тысячу богатырей, – и собрал он деньги, и добычу, и коней, и верблюдов, и коров, которые заполнили долину. И я боюсь за тебя из-за этого гуля и прошу Аллаха великого поддержать тебя против него словами единобожия. Когда ты понесёшься на нечестивых, говори: „Аллах велик!“ – эти слова лишают неверных защиты».

Потом старец дал Гарибу стальную дубину весом в сто, ритлей и с десятью кольцами, – когда несущий дубину взмахивал ею, эти кольца гремели, точно гром, – и дал ему меч, выкованный из молнии, длиною в три локтя, а шириною в три пяди, – если ударить им скалу, её рассечёшь пополам, а также дал ему кольчугу, щит и свиток и сказал: «Иди к твоим людям и предложи им кедам».

И Гариб вышел, радуясь исламу, и шёл до тех пор, пока не достиг своих. И те встретили его приветом и спросили: «Что задержало тебя вдаль от нас?» И Гариб рассказал им обо всем, что с ним случилось, с начала до конца, и предложил им ислам, и все они предались Аллаху и проспали ночь до утра. И тогда Гариб сел на коня и поехал к старцу проститься, а простившись, он уехал и ехал до тех пор, пока не достиг своих. И вдруг появился всадник, закованный в железо, так что видны были лишь уголки его глаз, и понёсся на Гариба и сказал ему: «Скидывай то, что есть на тебе, о обломок арабов, а иначе я ввергну тебя в погибель!» И Гариб понёсся на него, и произошёл между ними бой, который делает седым младенца и плавит своим ужасом каменную скалу, и бедуин приподнял покрывало, и вдруг оказалось, что это – Сахим-аль-Лайль, брат Гариба по матери, сын Мирдаса!

⁵²⁴ «Предание себя» – буквальный перевод слова «ислам». Человек, предавший себя Аллаху, называется «муслим». От этого слова произошло название последователей ислама (мусульмане) на многих европейских языках.

⁵²⁵ Вопреки обычному представлению, что гуль есть существо женского пола, в данной сказке выступает гуль – мужчина.

А причиной его выезда и прибытия в это место было вот что. Когда Гариб отправился к горному гулю, Сахим был в отсутствии, и, вернувшись, он не нашёл Гариба. Он вошёл к своей матери и увидал, что она плачет, и спросил её, в чем причина её плача, и она рассказала ему о том, что случилось, и об отъезде его брата. Сахим не дал себе времени отдохнуть и, надев боевые доспехи, дел на коня и ехал, пока не приехал к своему брату. И случилось между ними то, что случилось. И когда Сахим открыл лицо, Гариб узнал его и пожелал ему мира и спросил: «Что побудило тебя на это?» И Сахим ответил: «Желание, чтобы ты узнал мой разряд в сравнении с тобой на боевом поле и мою силу в бою мечом и копьём.

И они поехали, и Гариб предложил Сахиму ислам, и Сахим предал себя Аллаху, и они ехали до тех пор, пока не приблизились к долине. И когда горный гуль увидал пыль от коней этих людей, он сказал: «О дети, садитесь на коней и приведите мне эту добычу». И пять сыновей его сели на коней и поехали к людям Гариба. И когда Гариб увидал, что эти пять амалекитян бросились на него, он ударил пяткой своего коня и крикнул: «Кто вы, какой вы породы и чего хотите?» И выступил вперёд Фальхун, сын Садана, гуля с гор, а это был старший из его сыновей, и сказал: «Сходите с коней и скрутите друг другу руки, мы погоним вас к нашему отцу, чтобы он одних из вас изжарил, а других сварил. Он уже долгое время не ел сына Адама».

И Гариб, услышав эти слова, понёсся на Фальхуна и взмахнул своей дубиной так, что кольца на ней загремели, точно грохочущий гром, и Фальхун оторопел, а Гариб ударил его дубиной. А этот удар был лёгкий и попал ему между лопаток, и Фальхун упал, словно высокая пальма. И Сахим с несколькими людьми бросился на Фальхуна и связал его, а потом они повязали ему вокруг шеи верёвку и потащили, словно корову. И когда братья Фальхуна увидели, что их брат – пленник, они бросились на Гариба, но тот взял в плен ещё троих, а последний сын гуля умчался и бежал до тех пор, пока не вошёл к своему отцу.

«Что позади тебя и где твои братья?» – спросил Садан. И его сын ответил: «Их взял в плен мальчик с ещё неначерченным пушком, но он вышиной в сорок локтей».

И, услышав слова своего сына, Садан, горный гуль, сказал: «Да не бросит солнце на вас благословения!» А затем он вышел из крепости, вырвал большое дерево и пошёл искать Гариба и его людей, идя пешком, так как кони не несли его из-за огромности его тела. И его сын последовал за ним, и они шли, пока не приблизились к Гарибу, и Садан бросился, без слова, на его людей и, ударив их деревом, размозжил пять человек. И он бросился на Сахима и ударил его деревом. Но Сахим уклонился, и удар пропал попусту. И тогда Садан рассердился, отбросил дерево и, ринувшись на Сахима, схватил его, как ястреб хватает воробья. И когда Гариб увидел, что его брат в руках Садана, он закричал: «Аллах велик! О сан Ибрахима, друга Аллаха и Мухаммеда, да благословит его Аллах и да приветствует!..»

И Шахразату застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Шестьсот двадцать девятая ночь

Когда же настала шестьсот двадцать девятая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что, когда Гариб увидал своего брата пленником в руках Садана, он закричал: „Аллах велик! О сан Ибрахима, друга Аллаха и Мухаммеда, да благословит его Аллах и да приветствует!“ И, повернув своего коня в сторону горного гуля, взмахнул дубиной так, что кольца на ней зазвенели. И Гариб воскликнул: „Аллах велик!“ И ударил Садана дубиной по ряду его рёбер, и тот упал на землю, покрытый беспомощностью, и Сахим выскользнул из его рук. И Садан очнулся не раньше, чем его скрутили и заковали, и, когда его сын увидел его в плену, он повернулся, убегая, но Гариб погнался за своим конем и ударил его дубиной между лопаток, и сын гуля упал со своего коня, и Гариб скрутил его и положил рядом с братьями и отцом, и их крепко связали верёвками и поволокли, точно верблюдов. И воины ехали, пока не достигли крепости, и они нашли её наполненной всяким

добром, имуществом и редкостями, и нашли там тысячу двести персов, связанных и закованных. И Гариб стал на престол гуля с горы – а он принадлежал раньше Сасу, сыну Шиса⁵²⁶, сына Шеддана, сына Ада – и поставил своего брата Сахима от себя справа, и его приближённые стали справа и слева.

А после этого он велел привести Садана, гуля с горы, и спросил его: «Каким ты себя видишь, о проклятый?» И Садан отвечал: «О господин, я в сквернейшем положении, в унижении и в умопомрачении. Я и мои дети связаны верёвками, точно верблюды». – «Я хочу, – сказал Гариб, – чтобы вы приняли мою веру, то есть веру ислама, и объявили единым владыку всеведущего, создателя света и мрака и создателя всякой вещи (нет бога, кроме него, владыки судящего!), и признали бы пророческий сан друга Аллаха Ибрахима-мир с ним!»

И приняли ислам Садан, гуль с горы, и его дети, и был ислам их прекрасным, и Гариб велел их развязать, и их освободили от уз. И тогда Садан-гуль заплакал и припал к ногам Гариба, целуя их, и его дети также, но Гариб удержал их от этого, и они встали вместе со стоящими. И Гариб сказал: «О Садан!» И Садан отвечал: «К твоим услугам, о владыка!» И Гариб спросил: «Каково дело этих чужеземцев?» – «О владыка, – отвечал Садан, – это моя дичь из стран персов, и они не одни». – «А кто же с ними?» – спросил Гариб. «О господин, – молвил Садан, – с ними дочь царя Сабура, царя персов, по имени Фахр-Тадж, и с нею сто невольниц, подобных лунам».

И Гариб, услышав слова Садана, изумился и спросил: «Как ты до них добрался?» И Садан отвечал: «О эмир, я выехал на охоту с моими сыновьями и пятью рабами из моих рабов, но мы не нашли по дороге дичи. И мы разъехались по степям и пустыням и оказались в одной стране из земель персов, и мы кружили, ища добычи, чтобы её захватить и не вернуться обманувшимися. И показалась перед нами пыль, и мы послали раба из наших рабов, чтобы он узнал истину, и раб скрылся на некоторое время, а затем вернулся и сказал: «О владыка, это царевна Фахр-Тадж, дочь царя Сабура⁵²⁷, царя Персов, турок «и дейлемитов, а с нею две тысячи всадников, и они едут». И я сказал рабу: «Ты возвестил о благе – нет добычи; больше такой Добычи!» И потом я с моими сыновьями понёсся на персов, и мы убили из них триста всадников и взяли в плен тысячу двести и захватили дочь Сабура и то, что было с нею из редкостей и богатств, и привезли их в эту крепость».

«И Гариб, услышав слова Садана, спросил его: „Совершил ли ты с царицей Фахр-Тадж грех?“ И Садан отвечал: „Нет, клянусь жизнью твоей головы, клянусь той верой, которую я принял!“ – „Ты поступил хорошо, о Садан, – сказал Гариб, – её отец-царь земли, и он обязательно соберёт и пошлёт за ней войска и разрушит страну тех, кто её захватил. А кто не обдумывает последствий, тому судьба не друг. Где же эта девушка, о Садан?“ – отвёл ей и её невольницам отдельный дворец», – ответил Садан. «Покажи мне это место», – сказал Гариб. И Садан ответил: «Слушаю и повинуюсь!» И Гариб с Садан-гулем встали и шли, пока не пришли ко дворцу царевны Фахр-Тадж. И они нашли её печальной, униженной и плачущей после величия и изнеженности. И когда взглянул на неё Гариб, он подумал, что месяц от него близко, и он возвеличил Аллаха, всеслышащего, премудрого, а Фахр-Тадж, взглянув на Гариба, увидела, что это могучий витязь, и доблесть блистала меж его глаз, свидетельствуя за него, а не против него. И царевна поднялась перед ним и поцеловала ему руки, а после рук припала к его ногам и сказала: «О богатырь нашего времени, я под твоей защитой! Защити меня от этого гуля; Я боюсь, что он уничтожит мою девственность и после этого съест меня. Возьми меня служить твоим рабыням». – «Ты в безопасности, пока не достигнешь страны твоего отца и места твоего величия», – сказал. Гариб. И царевна пожелала ему долгой жизни

⁵²⁶ Шис – арабская форма имени Сифа, третьего сына Адама.

⁵²⁷ Сабур (Шапур) – имя трех персидских царей из династии Сасанидов. Сабур I (годы правления 247-272) является строителем знаменитого дворца в Ктезифоне.

и славного возвышения.

И Гариб велел развязать персов, и их развязали а потом он обратился к Фахр-Тадж и спросил её: «Что привело тебя из твоего дворца в эти пустыни и степи, так что тебя взяли разбойники?» – «О владыка, – ответила царевна, – мой отец и жители его царства и стран турокдейлемитов и магов поклоняются огню, вместо всевластного владыки. У нас, в нашем царстве, есть монастырь, называемый Монастырём Огня. И в каждый праздник там собираются дочери магов и огнепоклонников и остаются там месяц, на все время праздника, а потом возвращаются в свои земли. И я выехала по обычаю с моими невольницами, и отец послал со мною две тысячи всадников, чтобы меня охранять, и на нас напал этот гуль и убил часть моих людей, а остальных взял в плен и заточил в этой крепости. Вот что случилось, о доблестный храбрец, да избавит тебя Аллах от превратностей времени». – «Не бойся, я доставлю тебя во дворец, к месту твоего величия», – сказал Гариб. И девушка благословила его и поцеловала ему руки и ноги.

А потом Гариб вышел от неё и велел оказывать ей уважение. И он проспал эту ночь, а когда настало утро, он поднялся и совершил омовение и молитву в два раката согласно вере отца нашего, друга Аллаха, Ибрахима – мир с ним! И то же сделали гуль и его сыновья, и все люди Гариба помолились за ним. А потом Гариб обратился к Садану и сказал ему: «О Садан, не покажешь ли ты мне Долину Цветов?» – «Хорошо, о владыка», – отвечал Садан. И потом Садан с сыновьями, и Гариб со своими людьми, и царевна Фахр-Тадж со своими невольницами поднялись и все вышли, и Садан приказал своим рабам и рабыням резать животных и стряпать обед и подать его среди деревьев. (А у него было сто пятьдесят невольниц и тысяча рабов, которые пасли верблюдов, коров и баранов.) И Гариб со своими людьми поехал в Долину Цветов, и, увидав её, Гариб нашёл в ней редкостные растения, росшие купами и отдельно, и птиц на ветвях, распевавших разные напевы, и соловей повторял звуки напевов, и горlinka, создание всемилостивого, наполняла своим голосом местность...»

И Шахразад у застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Ночь, дополняющая до шестисот тридцати

Когда же настала ночь, дополняющая до шестисот тридцати, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что, когда Гариб со своими людьми и гуль со своими людьми отправились в Долину Цветов, Гариб увидел там птиц и в числе их – горlinkу, создание всемилостивого, которая наполняла своими песнями местность, и соловья, щебетавшего прекрасным голосом, как человек, и дрозда, описывать которого устанет язык, и вяхиря, что волнует своими звуками человека, и голубя, которому отвечает ясным голосом попугай, и плодоносные деревья, имевшие всякого плода по паре, и гранаты на ветвях – кислые и сладкие, и абрикосы – миндальные и камфарные, и хорасанский миндаль, и сливы, ветки которых переплетались с ветками ивы, и апельсины, подобные огненным факелам, и толстокожие лимоны, сгибающиеся ветки, лимоны сладкие – лекарство для всякого, кто не ест, и кислые, что излечивают от желтухи, и финики – красные и жёлтые – создание Аллаха, великого саном. И о подобном этому говорит стихотворец, безумно влюблённый:

Когда птица там заливается своей песенкой,
Влечёт туда влюблённого с зарёю.
Ведь подобен он саду райскому, благовонному –
Там тень, плоды и струи вод текучих.

И Гарибу понравилась эта долина, и он приказал поставить там шатёр Фахр-Тадж, дочери Хосроев, и его поставили среди деревьев и устлали роскошными коврами.

И Гариб сел, и им принесли кушанье, и они ели, пока не насытились, а потом Гариб

сказал: «О Садан!» И когда тот ответил: «Я здесь, о владыка!» – он спросил: «Есть у тебя какое-нибудь вино?» – «Да, у меня полный водоём старого вина», – ответил Садан. «Принеси нам сколько-нибудь», – сказал Гариб. И Садан послал десять рабов, и они принесли много вина, и все стали пить и наслаждаться и веселиться.

И Гариб пришёл в восторг и вспомнил Махдию и произнёс такие стихи:

«Я вспомнил день близости, когда возле вас я был,
И сердце взволновано огнём увлечения.
Аллахом клянусь, что вас покинул не волей я.
Превратности времени поистине дивны.
Привет от меня и мир, и тысячу раз привет!
Поистине изнурён я ныне и скорбен».

И они ели, и пили, и развлекались три дня, а потом вернулись в крепость, и Гариб позвал Сахима, своего брата, и когда тот явился, сказал ему: «Возьми с собою сотню всадников и отправляйся к твоему отцу, матери и родичам – сынам Кахтана, и приведи их сюда, чтобы они здесь жили всю остальную жизнь. А я поеду в земли персов с царевной Фахр-Тадж к её отцу. А ты, о Садан, оставайся с твоими сыновьями в этой крепости, пока мы к тебе не вернёмся». – «А почему ты не берёшь меня с собою в земли персов?» – спросил Садан. И Гариб сказал: «Потому что ты взял в плен дочь Сабура, царя персов, и когда упадёт на тебя его глаз, он поест твоего мяса и попьёт твоей крови».

И, услышав это, Садан, гуль с горы, засмеялся громким смехом, подобным грохочущему грому, и воскликнул: «О владыка, клянусь жизнью твоей головы, если б собрались против меня персы и дейлемиты, я бы, право, напоил их напитком гибели» – «Это так, как ты говоришь, но сиди в своей крепости», пока я к тебе не вернусь», – сказал Гариб. И Садан ответил: «Слушаю и повинуюсь!»

И Сахим уехал, а Гариб отправился в страну персов, и с ним были его люди из; сынов Кахтана. И он поехал с царевной Фахр-Тадж и её людьми, и они двинулись, направляясь в города Сабура, царя персов, и вот что было с ними.

Что же касается царя Сабура, то он ожидал приезда своей дочери из Монастыря Огня, но она не вернулась, и обычный срок прошёл, и запылал в его сердце огонь. А у него было сорок везирей, и самым старым, знающим и сведущим из них был везирь по имени Дидан, и царь сказал ему: «О везирь, моя дочь задержалась, и не дошло до нас о ней сведения, а срок прибытия миновал. Пошли гонца в Монастырь Огня, чтобы он узнал причину задержки». И везирь отвечал: «Слушаю и повинуюсь!» А потом он вышел и, позвав начальника гонцов, сказал ему: «Отправляйся сейчас же в Монастырь Огня».

И гонец выехал и ехал, пока не достиг Монастыря Огня. Он стал расспрашивать монахов о царской дочери, и те сказали: «Мы не видели её в этом году». И тогда гонец вернулся по своим следам и, достигнув города

Исбанира⁵²⁸, вошёл к везиру и осведомил его о том, что было. И везирь вошёл к царю Сабуру и доложил ему, и перед царём поднялось воскресение, и он бросил свой венец на землю, выщипал себе бороду и упал на землю без чувств. И на него побрызгали водой, и он очнулся с плачущими глазами и опечаленным сердцем и произнёс такие стихи:

«Когда я призвал терпенье после тебя и плач,
Охотно ответ дал плач, терпенье же не дало.

⁵²⁸ Вместо Исбанира, как стоит в оригинале, следует читать «Асбанабр». Так называлась южная часть зимней резиденция персидских царей – Ктезифона, города в Вавилонии, который арабы, вместе с противоположащей Селевкией, объединяли названием «аль-Мадаин» – «города». Поэтому несколькими строками выше и сказано, что Гариб направился в «города царя персов», а самый город Исбанир в дальнейшем назван Исбанир-аль-Мадаин.

И если заставила судьба разлучиться нас.
Обычай судьбы таков, измена – черта её».

А затем царь призвал десять эмиров и велел им сесть на коней с десятью тысячами всадников и чтобы каждый отправился в один из климатов искать царевну ФахрТадж. И они сели на коней, и отправились со своими людьми в один из климатов. Что же касается матери Фахр-Тадж, то она и её невольницы облачились в чёрное, рассыпали пепел и сидели, плача и причитая.

Вот что было с этими...»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Шестьсот тридцать первая ночь

Когда же настала шестьсот тридцать первая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что царь Сабур послал своих воинов искать свою дочь, а её мать со своими невольницами облачилась в чёрное. Что же касается до Гариба и до того, что случилось с ним в дороге удивительного, то он ехал десять дней, а на одиннадцатый день перед ним появилась пыль и поднялась до облаков небесных. И Гариб позвал эмира, который властвовал над персами, и, когда тот явился, сказал ему: „Узнай для нас верные сведения, в чем причина этой пыли, что окутала небо“. И эмир сказал: „Слушаю и повинуюсь!“ И погнал своего коня, пока не въехал в облако пыли. И он увидал людей и спросил их, и один из них сказал: „Мы из племени Бену Хиталь, и эмир наш – ас-Самсам ибн аль-Джаррах. Мы ищем, чего бы пограбить, и нас пять тысяч всадников“.

И персиянин вернулся, торопя своего коня, и, прибыв к Гарибу, рассказал ему, в чем дело, и Гариб закричал сынам Хахтана и персам: «Берите оружие!» И они взяли оружие и двинулись. И кочевники встретили их с криками: «Добыча, добыча!» А Гариб закричал: «Да опозорит вас Аллах, о арабские собаки!»

И затем он понёсся и сшибся с ними, как могучий храбрец, крича: «Аллах великий! Эй, за веру Ибрахима, друга Аллаха, мир с ним!»

И возникло между ними сражение, и велик разгорелся рукопашный бой, и заходил кругом меч, и умножились толки и разговоры, и сражение продолжалось, пока день не повернул на закат. И наступил мрак, и бойцы отделились друг от друга, и Гариб проверил своих людей и увидел, что убито из сынов Хахтана пять человек и из персов – семьдесят три, а из людей ас-Самсама – больше пятисот всадников.

И ас-Самсам спешил, не желая ни кушанья, ни сна, и сказал своим людям: «В жизни я не видел такого боя. Этот юноша бьётся то мечом, то дубиной, – но я выйду к нему завтра на бой и призову его на место битвы и сражения и перережу этих арабов».

Что же касается Гариба, то, когда он вернулся к своим людям, его встретила царевна Фахр-Тадж, плачущая и испуганная тем, что произошло, и поцеловала его ногу в стремени и сказала: «Да не будет вреда твоим рукам и да не порадуются твои враги, о витязь нашего времени! Слава Аллаху, который сохранил тебя в сегодняшний день. Знай, что я боюсь для тебя зла от этих кочевников».

И Гариб, услышав её слова, засмеялся ей в ответ, и успокоил её сердце и ободрил её, и сказал: «Не бойся, царевна! Если бы враги наполнили эту пустыню, я бы уничтожил их силой высокого, высшего!»

И царевна поблагодарила его и пожелала ему победы над врагами, и ушла к своим невольницам, а Гариб спешил и смыл с рук и с одежды кровь нечестивых, и бойцы проспали ночь до утра, сторожа друг друга.

А затем оба войска сели на коней и направились к полю битвы и к месту боя и сражения. А впереди всех был на коне Гариб. И он погнал коня и, приблизившись к неверным, крикнул: «Выйдет ли ко мне противник, не ленивый, не слабый?» И вышел к нему

амалекитянин из могучих амалекитян, потомок племени адитов, и понёсся на Гариба и воскликнул: «Эй, обломок арабов, возьми то, что пришло к тебе, и радуйся гибели!»

А у него была железная палица весом в двадцать ритлей, и он поднял руку и ударил Гариба, но тот уклонился от удара, и палица ушла под землю на локоть. И когда амалекитянин наклонился для удара, Гариб стукнул его железной дубинкой и рассёк ему лоб. И противник его упал поверженный, и Аллах поспешил отправить его душу в огонь. И потом Гариб стал бросаться и гарцевать и искал поединка, и выехал к нему второй боец, и он убил его, и выехал третий, и десятый, и всякого, кто выезжал к нему, Гариб убивал.

И когда неверные увидели, как сражается Гариб и каковы его удары, они стали уклоняться от боя и отступать от него, и их эмир посмотрел и воскликнул: «Да не благословит вас Аллах!⁵²⁹ Я выйду к нему!»

И он надел боевые доспехи и погнал своего коня, пока не поравнялся с Гарибом на боевом поле, и тогда он сказал ему: «Горе тебе, арабская собака, разве твой сан дошёл до того, что ты выступаешь против меня на поле и убиваешь моих людей?» И Гариб в ответ ему молвил: «Перед тобою – сражение! Отомсти ж за убитых витязей!» И ас-Самсам понёсся на Гариба, и тот встретил его с широкой грудью и довольным сердцем, и они так бились дубинами, что ошеломили оба войска, и все бросали на них взоры. И они объехали вокруг поля и обрушили друг на друга удары. И что до Гариба, то он обманул ас-Самсама в бою и стычке, а что касается ас-Самсама» то удар Гариба упал на него и вдавил ему грудь и повалил его на землю убитым. И его люди напали на Гариба единым нападением, и Гариб понёсся на них и закричал: «Аллах велик! Он даёт победу и поддержку и лишает защиты тех, кто отвергает веру Ибрахима, друга Аллаха – мир с ним!..»

И Шахразату застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Шестьсот тридцать вторая ночь

Когда же настала шестьсот тридцать вторая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что Гариб, когда люди асСамсама напали на него сомкнутыми рядами, понёсся на них и закричал: „Аллах велик! Он даёт победу и поддержку и лишает защиты тех, кто не верует!“

И когда неверные услышали упоминание о владыке всевластном, едином, покоряющем, которого не постигают взоры, а он их постигает взоры⁵³⁰, они посмотрели друг на друга и сказали: «Что это за слова, от которых у нас задрожали поджилки и ослабла решимость и сократилась жизнь? Мы в жизни не слышали слов, приятнее этих!» И потом они сказали друг другу: «Отступите от боя, мы хотим спросить об этих словах». И они отступились от боя и сошли с коней, и старейшины их собрались и посоветовались и захотели отправиться к Гарибу. И они сказали: «Пусть пойдёт к нему десять человек из нас!» И выбрали десять самых лучших, и те пошли к палаткам Гариба.

Что же касается Гариба и его людей, то они расположились в палатках, дивясь, что враги отказались от боя. И когда это было так, вдруг подошли те десять человек и попросили позволения предстать меж рук Гариба: И они поцеловали ему руки и пожелали ему величия и долгой жизни, и Гариб спросил их: «Что это вы отступились от боя?» И они ответили: «О владыка, ты устранил нас словами, которые кричал нам». – «Какому бедствию вы поклоняетесь?» – спросил Гариб, и пришедшие ответили: «Мы поклоняемся Вадду, Суве и Ягусу⁵³¹, владыкам племени Нуха». – «А мы, – сказал Гариб, – поклоняемся только

⁵²⁹ Рассказчик, видимо, не всегда помнит, что действие повести происходит в доисламскую эпоху.

⁵³⁰ Часто повторяющаяся в повести о Гарибе и Аджибе цитата из Корана (глава VI, стих 103).

⁵³¹ Вадд, Сува и Ягус – имена трех идолов, о которых упоминается в XXI главе Корана (стих 22). По мнению

великому Аллаху, творцу всякой вещи и наделяющему все живое, который создал небеса и землю, утвердил горы, вывел воду из камней, взрастил деревья и наплодил зверей в пустынях. Он – Аллах, единый, покоряющий».

И когда пришедшие услышали слова Гариба, их груд» расправилась из-за слов единобожия, и они сказали: «Поистине, этот бог – великий владыка, милостивый, милосердый!» А потом они спросили: «Что нам сказать, чтобы стать мусульманами?» И Гариб молвил: «Скажите: „Нет бога, кроме Аллаха, Ибрахим-друг Аллаха“. И эти десять человек предали себя Аллаху истинным преданием. А потом Гариб сказал: „Если сладость ислама действительно у вас в сердцах, то идите к вашим людям и предложите им ислам. Если они примут ислам, то спасутся, а если откажутся, мы сожжём их огнём!“

И десять посланцев отправились к своим и, придя, предложили им ислам и объяснили, каков путь истины и правой веры. И те приняли ислам сердцем и языком, и побежали бегом к шатрам Гариба, и поцеловали землю меж его рук и пожелали ему величия и высоких степеней. И они сказали ему: «О наш владыка, мы стали твоими рабами. Приказывай нам что хочешь: мы тебе послушны и покорны и больше с тобой не расстанемся, так как Аллах вывел нас на правый путь твоими руками!»

И Гариб пожелал им благого возмещения и сказал: «Отправляйтесь к своим жилищам и трогайтесь в путь с вашим имуществом и детьми. Поезжайте раньше нас в Долину Цветов и в крепость Саса, сына Шиса, а я провожу Фахр-Тадж, дочь царя Сабура, царя персов, и вернусь к вам!»

И они ответили: «Слушаем и повинуемся!» И тотчас же уехали, направляясь к своему стану, радуясь, что приняли ислам. И они предложили ислам своим жёнам и детям, и те стали мусульманами. А потом они разобрали палатки, взяли своё имущество и скот и отправились в Долину Цветов, а Садан, гуль с горы, и его сыновья вышли и встретили прибывших. Гариб дал им наставление и сказал: «Когда к вам выйдет гуль с горы и захочет вас схватить, помяните Аллаха, творца всякой вещи. Когда Садан услышит поминание Аллаха великого, он отступит от боя и встретит вас приветом».

И когда Садан, гуль с горы, и его дети вышли навстречу прибывшим и хотели их схватить, те стали громко поминать Аллаха великого, и Садан встретил их наилучшей встречей. И он спросил их, как они поживают, и они рассказали о том, что произошло у них с Гарибом. И Садан обрадовался им и дал им кров и засыпал их милостями, и вот что было с ними.

Что же касается Гариба, то он двинулся в путь с царевной Фахр-Тадж и отправился в город Исбанир. И он ехал пять дней, а на шестой день он увидел перед собой пыль, и он послал человека из персов узнать верные новости, и тот поехал к облаку пыли, а потом вернулся скорее птицы, когда она взлетает, и сказал: «О владыка, это пыль от тысячи всадников, наших товарищей, которых царь послал разыскивать царевну Фахр-Тадж».

И Гариб, узнав об этом, приказал своим людям спешиться и разбить шатры, и они спешили и разбили шатры, а когда прибывшие подъехали к ним, люди царевны Фахр-Тадж встретили их и рассказали Туману, их начальнику, обо всем, осведомив его о царевне Фахр-Тадж. И когда Туман услышал о царевиче Гарибе, он вошёл к нему и поцеловал землю меж его рук и спросил, как поживает царевна, и Гариб послал его к ней в шатёр. И Туман вошёл к Фахр-Тадж, поцеловал ей руки и ноги и рассказал ей, что случилось с её отцом и матерью. И царевна рассказала ему обо всем, что с ней случилось, и о том, как Гариб освободил её от гуля с горы...»

И Шахразад устала, и она прекратила дозволенные речи.

Шестьсот тридцать третья ночь

комментаторов Корана, эти имена принадлежали праведным мужам, которым их родичи воздвигли памятники, ставшие со временем предметом поклонения.

Когда же настала шестьсот тридцать третья ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что царевна Фахр-Тадж рассказала Туману обо всем, что выпало ей на долю из-за гуля с горы и из-за пленения, и как Гариб освободил её, а иначе Садан её съел бы. Поэтому следует, – сказала она, – отдать Гарибу половину своего царства».

Потом Туман поднялся и поцеловал Гарибу руки и ноги и поблагодарил его за его милость и спросил: «С твоего позволения, о владыка, не вернуться ли мне в город Исбанир, чтобы обрадовать царя доброй вестью?» – «Отправляйся и возьми с него подарок за добрую весть», – сказал Гариб. И Туман поехал, а Гариб тронулся после него. И что касается Тумана, то он ускорял ход, пока не приблизился к Исбанир-аль-Мадаину, и он поднялся во дворец и поцеловал землю перед царём Сабуром, и царь спросил: «В чем дело, о вестник блага?» – «Я не скажу тебе, пока ты мне не дашь подарка», – сказал Туман. И царь воскликнул: «Обрадуй меня, и я тебя удовлетворю!»

«О царь времени, порадуйся царевне Фахр-Тадж», – сказал тогда Туман. И когда Сабур услышал упоминание о своей дочери, он упал, покрытый беспамятством, и на него побрызгали розовой водой, и он очнулся и закричал Туману: «Приблизься ко мне и обрадуй меня!» И Туман выступил вперёд и изложил ему все, что произошло с царевной Фахр-Тадж. И когда царь услышал от него такие слова, он ударил одной рукой об другую и воскликнул: «О бедняжка ФахрТадж!» А потом он приказал дать Туману десять тысяч динаров и пожаловал ему город Испахан с его округами.

Затем царь крикнул своих эмиров и сказал им: «Садитесь все на коней, и мы встретим царевну ФахрТадж!» А главный евнух осведомил её мать и всех женщин, и они обрадовались, и мать Фахр-Тадж наградила евнуха одеждой и дала ему тысячу динаров, и жители города услышали эту новость и украсили рынки и дома, И царь с Туманом сели на коней и ехали, пока не увидели Гариба, и царь Сабур спешился и прошёл несколько шагов навстречу Гарибу. И Гариб тоже спешился и пошёл к царю, и они обнялись и пожелали друг другу мира, и Сабур припал к рукам Гариба и стал их целовать, благодаря за благодеяния. И шатры поставили напротив шатров, и Сабур вошёл к своей дочери, и та поднялась и обняла его и стала ему рассказывать о том, что с ней случилось и как Гариб освободил её от схватившего её горного гуля. «Клянусь твоей жизнью, о владычица красавиц, я одарю его и засыплю дарами», – воскликнул её отец, и царевна сказала: «Сделай его своим зятем, о батюшка, чтобы он был тебе помощником против врагов: он ведь храбрец». (А она сказала эти слова лишь потому, что её сердце привязалось к Гарибу.) «О дочь моя, – сказал царь, – разве ты не знаешь, что царь Хирад-шах кинул парчу и подарил сто тысяч динаров, а он – царь Шираза и его округов и обладатель войск и солдат?»

И когда царевна Фахр-Тадж услышала слова своего отца, она воскликнула: «О батюшка, я не хочу того, о чем ты упомянул, а если ты принудишь меня к этому, я убью себя!» И царь вышел и отправился к Гарибу, и тот поднялся перед ним, а Сабур сел и не мог насытить своего взора Гарибом, и он говорил в душе: «Клянусь Аллахом, простительно, что моя дочь полюбила этого бедуина!»

А потом появилось кушанье, и все поели и промели ночь, а наутро поехали и ехали до тех пор, пока не прибыли в город. И царь въехал с Гарибом, стремени к стремени, и был из-за их прибытия великий день. А ФахрТадж вошла в свой дворец и место своего величия, и её мать встретила её вместе с невольницами, и те подняли радостные клики. И царь Сабур сел на престол своего царства и посадил Гариба от себя справа, и вельможи, царедворцы, эмиры, наместники и везири стали справа и слева. И они поздравили царя с благополучным возвращением его дочери, и царь сказал вельможам своего царства: «Кто любит меня, пусть одарит Гариба одеждой». И одежды посыпались на него, как дождь. И Гариб провёл в гостях десять дней, а потом он захотел уехать, и царь наградил его одеждой и поклялся своей верой, что Гариб уедет только через месяц. «О царь, – сказал Гариб, – я посватался к одной девушке из арабских девушек и хочу войти к ней». – «Кто из них лучше: твоя наречённая или Фахр-Тадж?» – спросил царь. «О царь времени, – отвечал Гариб, – где рабу до господина!» И

царь сказал: «Фахр-Тадж стала твоей служанкой, так как ты освободил её из когтей гуля и нет ей мужа, кроме тебя!» И Гариб поднялся и поцеловал землю и сказал: «О царь времени, ты – царь, а я – бедный человек, и, может быть, ты потребуешь тяжкого приданого?» – «О дитя моё, – сказал царь Сабур, – знай, что царь Хирад-шах, владыка Шираза и его округов, сватался к Фахр-Тадж и давал ей сто тысяч динаров, но я избрал тебя среди всех людей и сделал тебя мечом моего царства я щитом моей мести».

И потом царь обратился к вельможам своего племени и сказал: «Засвидетельствуйте, о люди моего царства, что я выдал мою дочь Фахр-Тадж за моего сына Гариба...»

И Шахразадку застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Шестьсот тридцать четвёртая ночь

Когда же настала шестьсот тридцать четвёртая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что Сабур, царь персов, сказал вельможам своего царства: „Засвидетельствуйте, что я выдал мою дочь Фахр-Тадж за моего сына Гариба!“ И потом царь подал Гарибу руку, и царица стала его женой. И Гариб сказал царю: „Назначь приданое, чтобы я его тебе доставил. У меня в крепости Саса богатства и сокровища, которых не счесть“. – „О дитя моё, – сказал Сабур, – я не хочу от тебя ни богатств, ни сокровищ; я возьму за неё в приданое только голову аль-Джамракана, царя Дешта и города аль-Ахваза“⁵³². – «О царь времени, – сказал Гариб, – я поеду и приведу моих людей и отправлюсь к твоему врагу и разрушу его страны!» И царь пожелал ему благого возмещения, и разошлись люди и вельможи.

А царь думал, что, если Гариб отправится к аль-Джамракану, царю Дешта, он никогда не вернётся. И когда настало утро, царь сел на коня, – и Гариб сел на коня, и Сабур приказал воинам садиться, и они сели и спустились на поле, и царь сказал им: «Поиграйте копьями и повеселите моё сердце!» И богатыри персов стали играть друг с другом, а потом Гариб сказал: «О царь времени, я хочу поиграть с витязями персов при одном условии». – «А какое у тебя условие?» – спросил царь. «Я надену на тело тонкую одежду и возьму копьё без зубцов, и нацеплю на него тряпку, обмокнутую в шафран, и пусть ко мне выезжают все храбрецы и богатыри, имея копьё с зубцами, и, если кто-нибудь из них меня одолеет, я подарю ему мой дух, а если я его одолею, я сделаю метку у него на груди и он выедет с поля».

И царь крикнул начальнику войска, чтобы он вывел вперёд персидских богатырей, и начальник отобрал тысячу двести персидских вельмож, выбрав их среди доблестных и храбрых, и царь сказал им на языке персиян: «Всякий, кто убьёт этого бедуина, пусть просит у меня, и я его удовлетворю!»

И они вперегонку устремились к Гарибу и понеслись на него, и возможно стало отличить правду от лжи и серьёзное от шутки. И Гариб воскликнул: «Полагаюсь на Аллаха, бога Ибрахима, друга Аллаха, бога всякой вещи, от которого ничто не скрыто, он – единый и покоряющий, непостижимый для взоров!» И выступил к нему амалекитянин из богатырей персов, и Гариб не дал ему времени твёрдо встать перед ним и отметил его, наполнив ему грудь шафраном. А когда он повернулся, Гариб ударил его копьём по шее, и он упал, и слуги унесли его с поля. И выступил к Гарибу второй, и он отметил его, и третий, и четвёртый, и пятый, и к нему выходил богатырь за богатырём, пока Гариб не отметил их всех, и поддержал его против них Аллах великий, и они ушли с поля. Потом была подана еда, и все поели, и принесли вино, и все выпили, и Гариб выпил, и ум его помутился. И он поднялся, чтобы удовлетворить нужду, и хотел вернуться, но заблудился и вошёл во дворец

⁵³² Дешт (степь) – название степного района, граничащего с аль-Ахвазом. Аль-Ахваз – главный город одноимённой провинции, входившей в государство Аббасидов. Область аль-Ахваз (древняя Сузиана, теперь-Хузистан) расположена в южной части Ирана и славилась производством тростникового сахара.

Фахр-Тадж. И когда она его увидела, ум её вышел, и она крикнула невольницам: «Уходите в ваши комнаты!» И невольницы разошлись и отправились в свои комнаты, а Фахр-Тадж встала и поцеловала Гарибу руку и сказала: «Простор моему господину, который освободил меня от гуля! Я – твоя невольница навсегда!» И она потянула его к постели и обняла его, и страсть Гариба усилилась, и он взял невинность Фахр-Тадж и проспал у неё до утра.

Вот что происходило, а царь думал, что Гариб ушёл. Когда же настало утро, Гариб вошёл к царю, и тот поднялся для него и посадил его с собой рядом, а потом вошли вельможи и поцеловали землю и встали справа и слева. И они стали разговаривать о доблести Гариба и говорили: «Слава тому, кто даровал ему доблесть при его малых годах!» И когда они беседовали, они вдруг увидели в окне дворца пыль от приближающихся коней. И царь закричал скороходам: «Горе вам, принесите мне сведения об этой пыли!» И один всадник ехал, пока не рассеялась пыль, и тогда он вернулся и сказал: «О царь, мы увидели в этой пыли сто всадников-витязей, и их эмира зовут Сахим-аль-Лайль».

И услышав эти слова, Гариб сказал: «О владыка, это мой брат, которого я посылал с одним делом. Я выезжаю ему навстречу». И Гариб сел на коня с сотней всадников из его родичей, сынов Кахтана, и с ним выехала тысяча персов, и поехал он в великом шествии, – нет величия, кроме как у Аллаха! И Гариб ехал до тех пор, пока не подъехал к Сахиму, и оба спешили и обнялись, а потом сели на коней. И Гариб спросил: «О брат мой, привёл ли ты своих людей в крепость Саса и Долину Цветов?» – «О брат мой, – отвечал Сахим, – когда этот вероломный пёс услышал, что ты овладел крепостью горного гуля, его досада усилилась, и он сказал: „Если я не уеду из этих земель, придёт Гариб и возьмёт мою дочь Махдню без выкупа!“ И затем он взял свою дочь и забрал своих родичей и жён и богатства и направился в землю иракскую. Он вступил в Куфу и встал под защиту царя Аджиба, и желает отдать ему свою дочь Махдию.

И когда Гариб услышал слова своего брата Сахим-аль-Лайля, его дух едва не вышел от огорчения, и он воскликнул: «Клянусь верой ислама, верой Ибрахима, друга Аллаха, клянусь великим господом, я поеду в землю иракскую и поставлю там войну на ноги!»

И они вступили в город, и Гариб со своим братом Сахимом поднялись в царский дворец и поцеловали землю. И царь привстал для Гариба и пожелал мира Сахиму, а потом Гариб рассказал царю, что случилось, и царь приказал отправить с Гарибом десять воевод, с каждым из которых было десять тысяч всадников из доблестных арабов и персов. И они собрались в три дня, а потом Гариб выехал и ехал, пока не достиг крепости Саса, и Садан, гуль с горы, вышел со своими сыновьями Гарибу навстречу.

А потом Садан и его сыновья спешили и поцеловали Гарибу ноги в стремях, и Гариб рассказал гулю с горы, что случилось, и Садан сказал: «О владыка, живи в твоей крепости, а я пойду с сыновьями и войсками в Ирак и разрушу город ар-Рустак⁵³³ и приведу к тебе все его войско связанным крепчайшими узами». И Гариб поблагодарил его и сказал: «О Садан, мы пойдём все!» И Садан обрадовался и сделал так, как велел Гариб, и они все поехали и оставили в крепости тысячу витязей, чтобы её охранять. И они двинулись, направляясь в Ирак, и вот то, что было с Гарибом.

Что же касается Мирдаса, то он шёл со своими людьми, пока не достиг земли иракской. И он взял с собой хороший подарок и пошёл с ним в Куфу и принёс его перед лицо Аджиба, а потом он поцеловал землю и пожелал ему того, чего желают царям, и сказал: «О господин, я пришёл искать у тебя защиты...»

И Шахразяду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Шестьсот тридцать пятая ночь

⁵³³ Рустак (перс.) – округ, область. Город с таким названием находился в области Фарс, т.е. Иране, и упоминается здесь, вероятно, по созвучию с предшествующим словом «Ирак».

Когда же настала шестьсот тридцать пятая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что Мирдас, появившись меж рук Аджиба, сказал: „Я пришёл искать у тебя защиты“. – „Кто тебя обидел? Я защищу тебя от него, хотя бы это был Сабур, царь персов, турок и дейлемитов“, – отвечал Аджиб. И Мирдас сказал: «О царь времени, меня обидел не кто иной, как мальчик, которого я воспитал на своих руках. Я нашёл его у груди матери, в одной долине, и женился на его матери, и она принесла от меня ребёнка. Я называл его Сахим-аль-Лайль, а имя её сына – Гариб, и он воспитывался у меня на коленях и вырос сжигающей молнией и великой бедой, и он убил Хассана, начальника Бену-Набхан⁵³⁴, уничтожил мужей и покорил витязей. А у меня есть дочь, подходящая только для тебя, и он потребовал её у меня, а я потребовал у него голову Садана, горного гуля, и он пошёл к нему и сразился с ним и взял его в плен, и Садан стал одним из его людей. И я слышал, что он принял ислам и призывает людей к своей вере, и он освободил дочь Сабура из плена гуля и овладел крепостью Саса, сына Шиса, сына Шеддада, сына Ада, а там сокровища первых и последних и клады людей, бывших прежде. И он поехал сопровождать дочь Сабура и вернётся только с богатствами персов».

И когда Аджиб услышал слова Мирдаса, его лицо пожелтело и состояние его изменилось, и он убедился в гибели своей души. «О Мирдас, – спросил он, – а мать этого мальчика с тобой или с ним?» – «Со мной, в моих шатрах», – отвечал Мирдас. «А как её имя?» – спросил Аджиб, И Мирдас ответил: «Её имя Нусра». И тогда Аджиб воскликнул: «Это она!» И Мирдас послал людей, чтобы привести её, и Аджиб взглянул на неё и узнал и воскликнул: «О проклятая, где рабы, которых я послал с тобою?» – «Они убили один другого из-за меня», – отвечала Нусра. И Аджиб вытащил меч и, ударив им, рассёк её на две половины. И женщину выволокли и выбросили, а в сердце Аджиба вошло беспокойство.

«О Мирдас, – сказал он, – жени меня на твоей дочери». – «Она – одна из твоих служанок, – сказал Мирдас, – я выдал её за тебя, а я – твой раб». – «Я хочу увидеть сына этой непотребной, чтобы погубить Гариба и дать ему вкусить всякие пытки», – сказал Аджиб. И он велел дать Мирдасу тридцать тысяч динаров в приданое его дочери, сто вышитых кусков шелка, затканых золотым шитьём, и сто отрезков с каймой, и платки, и золотые ожерелья. И Мирдас вышел с этим великолепным приданым и усердно принялся снаряжать Махдию.

Вот что было с этими. Что же касается Гариба, то он ехал, пока не прибыл в аль-Джезиру (а это – первый город в Ираке, город укрепленный, неприступный) и приказал располагаться возле этого города. И когда жители города увидели, что воины разбили лагерь, они заперли ворота и стали укреплять стены и, поднявшись к царю, уведомили его. И царь посмотрел сквозь бойницы дворца и увидал влачащееся войско, и все воины были персы. «О люди, чего хотят эти персы?» – спросил царь. И его люди сказали: «Не знаем».

А этого царя звали ад-Дамиг⁵³⁵, так как он поражал богатырей в стычках и на поле битвы. И был среди его помощников один ловкий человек, подобный огненной головне, которого звали Лев Степей. И царь позвал его и сказал: «Пойди к этим воинам и посмотри, в чем дело и чего они от нас хотят, и возвращайся поскорее».

И Лев Степей вышел, точно ветер, когда он поднимается, и достиг шатров Гариба. И встали несколько арабов и спросили его: «Кто ты и чего ты желаешь?» И он сказал: «Я посол и гонец от владыки города к вашему господину». И его повели и пошли с ним мимо палаток, шатров и знамён, пока не дошли до шатра Гариба. И тогда к Гарибу вошли и уведомили его, и он сказал: «Приведите его ко мне!» И гонца привели, и, войдя, он поцеловал землю и пожелал Гарибу вечной славы и жизни, и Гариб спросил его: «Какая у тебя нужда?» – «Я

⁵³⁴ В арабском тексте явная ошибка рассказчика. Как помнит читатель, «начальника племени Бену-Набхан», убитого Гарибом, звали не Хассан, а аль-Хамаль ибн Маджид.

⁵³⁵ Ад-Дамиг означает поражающий в голову.

посланец владыки города аль-Джезиры, аль-Дамига, брата царя Кондемира, владыки города Куфы и земли иракской», – ответил Лев Степей. И когда Гариб услышал слова гонца, слезы потекли у него потоком, и он посмотрел на гонца и спросил его: «Как твоё имя?» И гонец ответил: «Моё имя – Лев Степей». И Гариб сказал ему: «Иди к твоему владыке и скажи ему: „Имя хозяина этих шатров – Гариб, сын Кондемира, властителя Куфы, которого убил его сын, и он пришёл, чтобы отомстить Аджибу, вероломному псу“».

И гонец вышел и прибыл к царю ад-Дамигу, радостный, и поцеловал землю, и царь спросил его: «Что позади тебя, о Лев Степей?» – «О владыка, – отвечал гонец, – обладатель этого войска – сын твоего брата». И он пересказал царю весь разговор, и царь подумал, что он во сне. «Эй, Лев Степей!» – сказал он. И Лев Степей отвечал: «Да, о царь!» И царь спросил его: «То, что ты сказал – правда?» – «Клянусь жизнью твоей головы, это – правда», – ответил Лев Степей. И тогда царь приказал вельможам своего народа садиться на коней, и они сели, и царь тоже сел и поехал, и они подъехали к шатрам.

И когда Гариб узнал о прибытии царя ад-Дамига, он вышел к нему навстречу, и они обнялись и приветствовали друг друга, а потом Гариб вернулся с царём к палаткам, и они сели на места величия. Ад-Дамиг обрадовался Гарибу, сыну своего брата. И царь ад-Дамиг обратился к Гарибу и сказал ему: «В моем сердце печаль о мести за твоего отца, но нет у меня силы против пса – твоего брата, – так как его войска много, а моего войска мало». – «О дядюшка, – сказал Гариб, – вот я пришёл, чтобы отомстить и уничтожить позор и освободить от него земли». – «О сын моего брата, – сказал ад-Дамиг, – у тебя две мести: месть за твоего отца и месть за твою мать». – «Что с моей матерью?» – спросил Гариб. И ад-Дамиг ответил: «Её убил Аджиб, твой брат...»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Шестьсот тридцать шестая ночь

Когда же настала шестьсот тридцать шестая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что Гариб, услышав слова своего дяди ад-Дамига: „Твою мать убил Аджиб, твой брат“, – спросил его: „О дядюшка, а какова причина её убийства?“ И ад-Дамиг рассказал ему о том, что случилось с его матерью, и о том, как Мирдас выдал свою дочь за Аджиба и тот хочет войти к ней.

И когда Гариб услышал слова своего дяди, ум вылетел у него из головы, и его покрыло беспамятство, так что он едва не погиб, а очнувшись от обморока, он кликнул клич своему войску и сказал: «Все на коней!» – «О сын моего брата, – сказал ему ад-Дамиг, – подожди, пока я соберусь и сяду с моими людьми на коней и поеду с тобою у твоего стремени». – «О дядюшка, не осталось у меня терпения, – сказал Гариб. – Собирайся же, соединишься со мной в Куфе».

И потом Гариб поехал и достиг города Бабиля⁵³⁶, и жители испугались его. А в этом городе был царь по имени Джамак, и было под его властью двадцать тысяч всадников, и собрались к нему из селений пятьдесят тысяч всадников. И воины Гариба разбили палатки напротив Бабиля, и Гариб написал письмо и послал его властителю Бабиля, и гонец подъехал и, прибыв к городу, закричал: «Я гонец!» И привратник отправился к царю Джамаку и рассказал ему о гонце, и царь воскликнул: «Приведи его ко мне!» И привратник вышел и привёл гонца к царю, и гонец поцеловал землю и отдал Джамаку письмо. И Джамак распечатал его и прочитал и увидел в нем: «Слава Аллаху, господу миров, господу всякой вещи, наделителю всего живого, который властен во всякой вещи! От Гариба, сына царя Кондемира, властителя Ирака и земли Куфы царю Джамаку. В минуту прибытия к тебе этого письма пусть не будет твоим ответом ничто, кроме разбития идолов и признания

⁵³⁶ Бабиль – небольшой городок в Месопотамии, близ развалин древнего Вавилона.

единственности царя всеведущего, творца света и мрака, творца всякой вещи, который во всякой вещи властен. А если ты не исполнишь того, что я тебе приказал, я сделаю сегодняшний день для тебя самым злосчастливым из дней. Мир с теми, кто следует по правому пути и опасается последствий дурных дел, и повинуется владыке всевышнему, господу последней и первой жизни, который говорит вещи: „Будь!“ – и она возникает».

И когда Джамак прочитал это письмо, его глаза посинели, а лицо пожелтело, и он закричал на гонца и сказал ему: «Иди к твоему господину и скажи ему: „Завтра, под утро, будет бой и сеча и станет видно, кто доблестный витязь!“»

И гонец пошёл и осведомил Гариба о том, что было, и Гариб приказал своим людям подготовиться к бою, а Джамак велел поставить палатки против палаток Гариба. И воины выступили, подобно переполненному морю, и провели ночь с намерением сражаться, а когда наступило утро, оба войска на конях выстроились рядами и стали бить в литавры и погнали горячих коней и наполнили ими земли и пустыни.

И выступили вперёд богатыри, и первым, кто вышел на поле боя и стычки, был Садан, горный гуль, и он держал на плече ужасающее дерево и кричал, стоя между войсками: «Я Садан-гуль!» И он крикнул: «Есть ли мне противник? Есть ли соперник? Пусть не приходит ко мне ленивый и бессильный!» И закричал своим сыновьям: «Горе вам, принесите мне дров и огня, потому что я голоден!»

И они крикнули своим рабам, и те набрали дров и зажгли огонь посреди поля. И вышел к Садану человек из нечестивых, амалекитянин из преступных амалекитян, держа на плече дубину, подобную корабельной мачте, и понёсся на Садана, крича: «Горе тебе, о Садан!» И когда тот услышал слова амалекитянина, его качества испортились, и он взмахнул деревом так, что оно загудело в воздухе, и ударил им амалекитянина. И тот встретил удар дубиной, и дерево всей тяжестью опустилось вместе с дубиной амалекитянина на череп и разбило его, и амалекитянин упал, точно высокая пальма. И Садан закричал своим рабам: «Тащите этого жирного телёнка и жарьте его скорее!» И рабы поспешно содрали с амалекитянина кожу и зажарили его и подали Садану-гулю, и тот съел его и обглодал кости.

И когда увидели нечестивые, что Садан сделал с их товарищем, волосы поднялись на коже их тела, и состояние их изменилось, и цвет их сделался другим, и они стали говорить друг другу: «Всякого, кто выйдет к этому гулю, он съест и обглодает его кости и лишит дыхания земной жизни». И они воздержались от боя, испугавшись гуля и его сыновей, и повернулись, убегая и направляясь к своему городу. И тогда Гариб крикнул своим людям: «На беглецов!» И персы и арабы понеслись на царя Бабиля и его людей и обрушили на них удары меча и перебили из них двадцать тысяч или больше. И беглецы столпились в воротах, и из них было перебито множество, и они не могли запереть ворота, и арабы и персы бросились на них. И Садан взял дубину одного из убитых и взмахнул ею перед людьми и выехал на поле, а потом он бросился ко дворцу царя Джамака и, встав к царю лицом к лицу, ударил его дубиной, и царь упал на землю без чувств.

И Садан понёсся на тех, кто был во дворце, и превратил их в крошево, и тогда жители дворца закричали: «Пощады, пощады!..»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Шестьсот тридцать седьмая ночь

Когда же настала шестьсот тридцать седьмая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что Садан-гуль, ворвавшись во дворец царя Джамака, стал крошить тех, кто там был, и жители дворца закричали: „Пощады, пощады!“ – „Скрутите вашего царя“ – крикнул им Садан. И царя скрутили и понесли, и Садан погнал их перед собой, точно баранов, после того как большинство жителей города погибло от меча воинов Гариба, и поставил их перед Гарибом. И когда Джамак, царь Бабиля, очнулся от обморока, он увидел, что он связан, а гуль говорит: „Вечером я поужинаю этим царём Джамаком!“»

Услышав это, Джамак обратился к Гарибу и сказал ему: «Я под твоей защитой» – «Прими ислам – спасёшься от гуля и от пытки огнём, который не кончается», – сказал Гариб, и Джамак принял ислам сердцем и языком. Тогда Гариб велел развязать его узы, а потом Джамак предложил ислам своим людям, и все они сделали мусульманами и встали, прислуживая Гарибу.

И Джамак вошёл в свой город и выставил кушанья и напитки, и все провели ночь подле Бабиля, а когда наступило утро, Гариб приказал трогаться, и воины ехали, пока не достигли Мейяфарикина⁵³⁷, и они увидели, что город свободен от жителей. А обитатели города услышали о том, что случилось с Бабилем, и очистили свои земли и шли, пока не дошли до города Куфы. И они рассказали Аджибу, что случилось, и перед ним поднялось воскресение, и он собрал своих богатырей и рассказал им о прибытии Гариба и велел делать приготовления к бою с его братом. А он сосчитал своих людей, и их оказалось тридцать тысяч всадников и десять тысяч пеших. Затем он потребовал, чтобы явились другие, и явились к нему пятьдесят тысяч человек, конных и пеших. И Аджиб сел на коня во главе влачащегося войска и ехал пять дней, и он увидал, что войско его брата стоит в Мосуле, и поставил свои шатры перед его шатрами. И потом Гариб написал письмо и, обратившись к своим людям, спросил: «Кто из вас доставит это письмо Аджибу?» И Сахим вскочил на ноги и сказал: «О царь времени, я пойду с твоим письмом и принесу тебе ответ!» И Гариб дал ему письмо, и Сахим шёл, пока не дошёл до шатра Аджиба, и Аджибу сказали о нем, и он воскликнул: «Приведите его ко мне!» И когда Сахима привели к Аджибу, тот спросил: «Откуда ты пришёл?» И Сахим ответил: «Я пришёл к тебе от царя персов и арабов, зятя Кисры, царя земли, и он прислал тебе письмо. Дай на него ответ». – «Подай письмо!» – сказал Аджиб. И Сахим дал ему письмо, и Аджиб распечатал его и прочитал и нашёл в нем: «Во имя Аллаха, милостивого, милосердного! Мир другу Аллаха Ибрахиму! – А после того: – В минуту прибытия к тебе этого письма провозгласи единственным царядарителя, первопричину причин, движущего облака, и оставь поклонение идолам. Если ты примешь ислам, то будешь мне братом и повелителем над нами, и я отпущу тебе грех с моим отцом и моей матерью и не взыщу с тебя за то, что ты совершил, а если ты не сделаешь так, как я тебе приказал, я перережу тебе шею, разрушу твою страну и ускорю твою смерть. Я дал тебе совет, и да будет мир с тем, кто следует по правому пути и повинуется царю всевышнему».

И когда Аджиб прочитал слова Гариба и понял, какие в них угрозы, его глаза закатились под темя, и он заскрежетал зубами, и гнев его усилился. И он разорвал письмо и бросил его. И Сахиму стало тяжело, и он крикнул Аджибу: «Да высушит Аллах твою руку за то, что ты сделал!» И Аджиб закричал своим людям: «Схватите этого пса и зарубите его мечами!» И его люди ринулись на Сахима, а Сахим вытащил меч и бросился на них и убил больше пятидесяти богатырей. И Сахим шёл, разя мечом, пока не дошёл до своего брата Гариба. И Гариб спросил его: «Что с тобой, о Сахим?» И Сахим рассказал ему, что случилось, и Гариб воскликнул: «Аллах велик!» И исполнился гнева и забил в барабан войны. И сели на коней богатыри, и выстроились мужи, и собрались храбрецы и пустили коней плясать на поле, и мужи облачились в железо и нанизанные кольчуги и опоясались мечами и подвязали длинные копья, и Аджиб сел со своими людьми на коня, и народы понеслись на народы....

И Шахразату застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Шестьсот тридцать восьмая ночь

Когда же настала шестьсот тридцать восьмая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что, когда Гариб сел на коня со своими людьми, Аджиб тоже сел на коня со

⁵³⁷ Мейяфарикин – город в верхней Месопотамии, расположенный южнее истоков Тигра.

своими людьми, и народы понеслись на народы. И творил суд судья войны, и не был обидчиком в суде своём, и наложил он на уста свои печать, и не заговорил, и потекла кровь и полилась потоком, выводя на земле искусные узоры, и седыми стали народы, и усилился и закипел бой. Ноги скользили, твёрд был храбрец, бросаясь в бой, и поворачивался трус, бросаясь в бегство. Бойцы продолжали бой и сражение, пока не повернул день на закат и не пришла ночь с её мраком, забили тогда в литавры конца боя, и воины оставили друг друга, и оба войска вернулись в палатки и пропели там ночь.

А когда наступило утро, ударили в литавры боя и сечи, и надели воины боевые доспехи и опоясались прекрасными мечами, и подвязали коричневые копыя, и наложили гладкие, беспёрые стрелы, крича: «Сегодня не будет отступления!»

И построились воины, подобные полному морю, и первым, кто открыл ворота боя, был Сахим. Он погнал своего коня меж рядами, играя копыями и мечами и испробуя все способы боя, так что смутил обладателей разума. И он закричал: «Есть ли мне противник? Есть ли соперник? Пусть не приходит ко мне ленивый и слабый!» И выехал к нему всадник из нечестивых, подобный огненной головне. И Сахим не дал ему перед собою утвердиться и ударил его копьём и сбросил. И выехал к нему второй, – и он убил его; и третий, – и он его растерзал; и четвёртый, – и он его погубил. И он не переставал убивать всех, кто выезжал к нему, до полудня, и перебил двести богатырей. Тогда Аджиб крикнул своим людям и велел им нападать, и богатыри понеслись на богатырей, и великою стала стычка, и умножились толки и пересуды. И звенели начищенные мечи, и нападали люди на людей, и оказались они в наихудшем положении, и полилась кровь, и стали черепа для коней подковами.

И воины бились жестоким боем, пока день не повернул на закат и не пришла ночь с её мраком, и тогда они разошлись и отправились в свои палатки и проспали до утра. А затем оба войска сели на коней и хотели биться и сражаться, и мусульмане ожидали, что Гариб выедет, как всегда, под знамёнами, но он не выехал. И раб Сахима пошёл к шатру его брата и не нашёл его, и он спросил постельничих, и те сказали: «Мы ничего о нем не знаем».

И Сахим огорчился великим огорчением и выехал и осведомил воинов, и те отказались воевать и сказали: «Если Гариб исчез, его враг нас погубит!»

А причиной исчезновения Гариба было дивное дело, о котором мы расскажем по порядку. Вот оно.

Когда Аджиб вернулся после сражения со своим братом Гарибом, он позвал одного из своих помощников, которого звали Сайяр, и сказал ему: «О Сайяр, я берег тебя лишь для подобного дня. Я приказываю тебе войти в лагерь Гариба, пробраться к шатру царя и привести Гариба, показав мне этим свою ловкость». – «Слушаю и повинуюсь!» – ответил Сайяр. И он отправился и шёл до тех пор, пока не проник в шатёр Гариба, и ночь потемнела, и все люди ушли к своему ложу, а Сайяр при всем этом стоял, прислуживая. И Гарибу захотелось пить, и он потребовал у Сайяра воды, и тот подал ему кувшин с водою, смешав воду с банджем, и не кончил ещё Гариб пить, как его голова опередила ноги. И Сайяр завернул его в свой плащ и понёс и шёл, пока не вошёл в шатёр Аджиба. И Сайяр остановился меж рук Аджиба и бросил Гариба пред ним, и Аджиб спросил: «Что это, о Сайяр?» И Сайяр ответил: «Это твой брат Гариб».

И Аджиб обрадовался и воскликнул: «Да благословят тебя, идола! Развяжи его и приведи в чувство!» И Сайяр дал Гарибу понюхать уксусу, и тот очнулся и, открыв глаза, увидел, что он связан и находится не в своей палатке. И он воскликнул: «Нет мощи и силы, кроме как у Аллаха, высокого, великого!» И его брат закричал на него и сказал: «Ты обнажаешь на меня меч, о пёс, и хочешь моего убийства, и ищешь мести за твоего отца и мать! Я сегодня соединю тебя с ними и избавлю от тебя мир!» – «О собака из нечестивых, – воскликнул Гариб, – ты увидишь, против кого повернутся превратности и кого покорит покоряющий владыка, который знает о том, что в тайне сердец, и оставит тебя в геенне пытаемым и смущённым. Пожалей свою душу и скажи со мною: „Нет бога, кроме Аллаха, Ибрахим – друг Аллаха!“»

И когда Аджиб услышал слова Гариба, он стал храпеть и хрипеть и ругать своего

каменного бога и велел привести палача с ковриком крови.

И поднялся его везирь и поцеловал землю (а он был мусульманином втайне и нечестивым явно) и сказал: «О царь, повремени! Не спеши, пока мы не узнаем, кто победитель и кто побеждённый. Если мы выйдем победителями, то будем властны его убить, а если мы окажемся побеждены, то сохранение ему жизни будет силой у нас в руках». – «Прав везирь», – сказали эмиры...»

И Шахразад устало говорила, и она прекратила дозволенные речи.

Шестьсот тридцать девятая ночь

Когда же настала шестьсот тридцать девятая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что, когда Аджиб захотел убить Гариба, поднялся везирь и сказал: „Не спеши! Мы всегда властны его убить!“ И Аджиб велел заковать своего брата в оковы и путы, и повезти в своей палатке и повелевал сторожить его тысячу могучих богатырей.

А люди Гариба начали искать своего царя, но не нашли его. И когда наступило утро, они стали, словно бараны без пастуха. И Садан-гуль закричал: «О люди, надевайте доспехи войны и положитесь на нашего владыку, который отразит от вас врагов!»

И арабы и персы сели на коней, облачившись в железо и надев нанизанные кольчуги, и выступили начальники племён, и выехали вперёд обладатели знамён. И тут выехал Садан, гуль с горы, имея на плече дубину весом в двести ритлей и стал гарцевать и бросаться, восклицая: «О рабы идолов, выезжайте вперёд в сей день, ибо сегодня стычки. Кто знает меня, с того достаточно моего зла, а тому, кто меня не знает, я дам узнать себя. Я – Садан, слуга царя Гариба. Есть ли мне противник? Есть ли соперник? Пусть не приходит ко мне трус или слабый!»

И выступил богатырь из нечестивых, подобный огненной головне, и понёсся на Садана. И Садан встретил его, ударил дубиной и переломал ребра, и нечестивый упал на землю бездыханный. Тогда Садан закричал своим сыновьям и невольникам: «Разводите огонь и всякого, кто падёт из нечестивых, изжарьте. Приготовьте его и дайте ему доспеть на огне, а потом подайте мне, я им пообедаю!»

И рабы сделали так, как он велел, и, разжегши огонь посреди боевого поля, бросили туда убитого, и когда он поспел, подали его Садану, который разорвал зубами его мясо и обглодал кости.

И когда нечестивые увидели, что сделал Садан, горный гуль, они испугались великим испугом, и Аджиб закричал на своих людей и воскликнул: «Горе вам! Неситесь на этого гуля, бейте его мечами и рубите!» И на Садана понеслось двадцать тысяч, и люди окружили его и стали метать в него дротики и стрелы, и на нем оказалось двадцать четыре раны, и кровь его потекла на землю, и остался он один. И понеслись тогда богатыри мусульмане на нечестивых, призывая на помощь господу миров, и продолжали биться и сражаться, пока не окончился день, и тогда бойцы разошлись.

А Садан попал в плен, и был он точно пьяный от кровотечения, и его крепко связали и присоединили к Гарибу. И когда Гариб увидел Садана пленником, он воскликнул: «Нет мощи и силы, кроме как у Аллаха, высокого, великого! – и спросил: – О Садан, что значит это положение?» И Садан отвечал: «О владыка, Аллах – слава ему и величие! – судил затруднение и облегчение, и неизбежно то и другое!» И Гариб молвил: «Ты прав, о Садан».

А Аджиб проводил ночь радостный и говорил своим людям: «Садитесь завтра на коней и бросьтесь на войско мусульман, чтобы не осталось от них и следа». И его люди отвечали: «Слушаем и повинемся!»

Что же касается мусульман, то они провели ночь разбитые, плача о своём царе и Садане, и Сахим сказал им: «О люди, не огорчайтесь, помощь Аллаха великого близка!» И Сахим выждал до полуночи, а потом он направился к лагерю Аджиба и до тех пор проходил мимо шатров и палаток, пока не увидел Аджиба, который сидел на ложе своего величия,

окружённый вельможами. А Сахим при всем этом был в обличье постельничего. И он подошёл к зажжённым свечам и, сняв нагар со свечей, насыпал на них летучего банджа, а потом он вышел из шатра и подождал немного, пока дым от банджа не полетел на Аджиба и его вельмож и они не упали на землю, точно мёртвые.

И Сахим оставил их и, подойдя к палатке-тюрьме, увидел в ней Гариба и Садана, а подле неё тысячу богатырей, которых одолела дремота. И Сахим закричал: «Горе вам, не спите! Сторожите вашего обидчика и зажигайте факелы!» И Сахим взял факел, разжёг его куском дерева и наполнил банджем и, подняв факел, обошёл вокруг палатки, и от банджа полетел дым и вошёл людям в ноздри, и они все заснули, и все войско было одурманено дымом банджа. А у Сахим-аль-Лайля был уксус на губке, и он давал его нюхать пленникам, пока они не очнулись, и тогда он освободил их от цепей и пут, и они увидели его и благословили, радуясь ему. А затем они вышли, унеся от сторожей все оружие, и Сахим сказал им: «Идите в свой лагерь!» И они пошли, а Сахим вошёл в шатёр Аджиба, завернул его в свой плащ и понёс, идя по направлению к шатрам мусульман. И милостивый господь покрывал его, пока он не достиг шатра Гариба, и, придя, Сахим развернул свой плащ, и Гариб посмотрел, что в плаще, и увидел своего брата Аджиба, который был связан. И Гариб закричал: «Аллах велик, он даёт победу и поддержку!» А потом он пожелал Сахиму блага и сказал: «О Сахим, приведи его в чувство!»

И Сахим подошёл и дал Аджибу уксус с ладаном, и Аджиб очнулся от дурмана и открыл глаза и увидел себя связанным и закованным. И он опустил голову к земле...

И Шахразадю застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Ночь, дополняющая до шестисот сорока

Когда же настала ночь, дополняющая до шестисот сорока, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что, когда Сахим схватил Аджиба и одурманил его банджем и принёс его к брату Гарибу и разбудил, Аджиб открыл глаза и увидел себя связанным и закованным и опустил голову к земле. И Гариб сказал: „О проклятый, подними голову!“ И Аджиб поднял голову и увидел себя между персами и арабами, и его брат сидел на престоле власти, месте своего величия. И Аджиб молчал, ничего не говоря, и тогда Гариб закричал: „Оголите этого пса!“ И его оголили и опускали на него бичи, пока не ослабили его тела и не потушили его звука. И Гариб поставил сотню всадников сторожить его.

И когда Гариб кончил пытать своего брата, послышались в лагере нечестивых возгласы: «Нет бога, кроме Аллаха!» – «Аллах велик!» А причиною этого было вот что.

Царь ад-Дамиг, дядя Гариба, когда Гариб уехал от него из аль-Джезиры, оставался в городе после его отъезда десять дней, а потом он выехал с двадцатью тысячами всадников и ехал, пока не оказался близко от места стычки. И он послал своего скорохода-стремяного разузнать новости, и тот отсутствовал один день, а потом он вернулся и рассказал царю ад-Дамигу о том, что случилось у Гариба с его братом. И ад-Дамиг выждал, пока не наступила ночь, а потом он крикнул войску неверных: «Аллах велик!» – и наложил на них меч острорежущий. И Гариб со своими людьми услышал славословие и крикнул своему брату Сахим-аль-Лайлю: «Выясни, в чем дело с этим войском и какова причина криков: „Аллах велик!“ И Сахим шёл, пока не приблизился к месту стычки, и спросил слуг, и те сказали ему, что царь ад-Дамиг, дядя Гариба, прибыл с двадцатью тысячами всадников и сказал: „Клянусь другом Аллаха Ибрахимом, я не оставлю сына моего брата, но поступлю, как поступают доблестные. Я прогоню этот нечестивый народ и сделаю угодное всевластному владыке“. И он набросился со своими людьми, во мраке ночи, на нечестивых врагов.

Сахим же вернулся к своему брату Гарибу и рассказал ему, что сделал его дядя, и Гариб закричал своим людям: «Берите оружие, садитесь на коней и помогайте Моему дяде!» И воины сели на коней и ринулись на нечестивых и наложили на них меч острорежущий, и

не наступило ещё утро, как они перебили из нечестивых около пятидесяти тысяч и взяли в плен около тридцати тысяч, а остальные побежали по земле вдоль и вширь. И мусульмане вернулись, поддержанные Аллахом, победоносные, и Гариб сел на коня и встретил своего дядю ад-Дамига и пожелал ему мира и поблагодарил его за то, что он сделал.

«Посмотреть бы, – сказал ему ад-Дамиг, – пал ли этот пёс в стычке?» И Гариб ответил: «О дядюшка, успокой душу и прохлади глаза! Знай, что он у меня и связан».

И ад-Дамиг обрадовался сильной радостью, и они въехали в лагерь, и оба царя спешили и вошли в шатёр и не нашли Аджиба. И Гариб закричал и воскликнул: «О сын Ибрахима, друга Аллаха – мир с ним! – вот великий день! Сколь он ужасен!» А потом он крикнул постельничим: «Горе вам, где мой обидчик?» И они отвечали: «Когда ты уехал и мы поехали вокруг тебя, ты не приказывал нам заточить его». – «Нет мощи и силы, кроме как у Аллаха, высокого, великого!» – воскликнул Гариб. А его дядя сказал ему: «Не спеши и не носи заботы! Куда он уйдёт, когда мы его преследуем?»

Виновником бегства Аджиба был его слуга Сайяр, который скрывался в лагере. Ему не верилось, что Гариб выехал и не оставил в палатке никого, чтобы сторожить, своего обидчика. Выждав немного, он взял Аджиба, понёс его на спине и вышел в поле, а Аджиб был ошеломлён болью пытки. И Сайяр пошёл, ускоряя ход, и шёл от начала ночи до следующего дня, пока не добрался до ручья, возле яблони. И он спустил Аджиба со своей спины и вымыл ему лицо, а Аджиб открыл глаза и, увидав Сайяра, сказал ему: «О Сайяр, отнеси меня в Куфу. Я очнусь и соберу витязей, солдат и воинов и покорю ими своего врага. И знай, о Сайяр, что я голоден».

И Сайяр пошёл в чащу и поймал птенца страуса и принёс его своему господину. Он зарезал птицу и разрубил её и, набрав хворосту, ударил по кремню, разжёл огонь и изжарил птицу. Ею он накормил Аджиба, напоил из ручья, и душа вернулась к нему, и тогда Сайяр пошёл к стану каких-то кочевников, украл у них коня и, приведя его к Аджибу, посадил его на коня и отправился с ним в Куфу.

И они ехали несколько дней и подъехали близко к городу, и наместник вышел навстречу царю Аджибу и пожелал ему мира и увидел, что он слаб после пыток, которыми его пытал его брат. И царь вошёл в город и позвал врачей и, когда они явились, сказал им: «Вылечите меня скорее, чем в десять дней!» И они ответили: «Слушаем и повинемся!»

И врачи стали ухаживать за Аджибом, и он выздоровел и оправился после болезни, которой хворал, и пыток. А потом он велел своему везиру написать письма всем наместникам, и везир написал двадцать одно письмо и послал их наместникам, и те снарядили войска и направились в Куфу, ускоряя ход...»

И Шахразад устала, и она прекратила дозволенные речи.

Шестьсот сорок первая ночь

Когда же настала шестьсот сорок первая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что Аджиб послал письма, призывая войска, и они направились в Куфу и явились. Что же касается Гариба, то он опечалился, узнав о бегстве Аджиба, и послал за ним тысячу богатырей, которых рассыпал по всем дорогам. И они ехали день и ночь и не принесли об Аджибе сведений, а потом они вернулись и рассказали обо всем Гарибу. И тот стал искать своего брата Сахима, но не нашёл его, и побоялся он для него превратностей времени и огорчился великим огорчением. И пока это было так, вдруг вошёл к нему Сахим и поцеловал пред ним землю. Гариб, увидав его, поднялся и воскликнул: „Где ты был, о Сахим?“ – „О царь, – отвечал Сахим, – я достиг Куфы и увидел, что пёс Аджиб прибыл к месту своего величия и приказал врачам лечить себя от болезни, и его стали лечить, и он поправился и написал письма и послал их своим наместникам, и те привели к нему войска“.

И Гариб велел своим воинам выступать, и они сложили палатки и направились в Куфу, и, подойдя к ней, они увидели вокруг города войска, подобные переполненному морю, в

котором не отличить начала и конца. И Гариб со своими войсками расположился против войск неверных, и они разбили палатки и поставили знамёна, и покрыл оба войска мрак. И зажгли огни, и войска сторожили друг друга, пока не взошёл день, и тогда царь Гариб поднялся и совершил омовение и молитву в два rakata, согласно вере отца нашего Ибрахима, друга Аллаха – мир с ним! – и велел бить в барабаны войны. И барабаны застучали, и знамёна затрепетали, и воины надели кольчуги и сели на коней своих, объявляя о себе и вызывая на поле битвы.

Первым, кто открыл ворота боя, был царь ад-Дамиг, дядя царя Гариба, и он погнал своего коня меж рядами и стал видим между войсками, и играл копьями и мечами, пока не смутил витязей и не изумил воинов. И он закричал: «Есть ли мне противник? Пусть не приходит ко мне ленивый и слабый! Я – царь ад-Дамиг, брат царя Кондемира». И выехал к нему богатырь из витязей нечестивых, подобный горящей головне, и понёсся на ад-Дамига, ничего не говоря. И ад-Дамиг встретил его ударом копья в грудь, и зубцы вышли у него из плеча, и поспешил Аллах отправить его душу в огонь – и скверное это обиталище! И выехал к ад-Дамигу второй, и ад-Дамиг убил и его; и третий, и он убил третьего. И поступал он так, пока не перебил семьдесят шесть мужей-богатырей.

И тогда воздержались мужи и богатыри от поединка, и закричал на них нечестивый Аджиб и воскликнул: «Горе вам, о люди! Если вы выедете к нему все один за одним он не оставит из вас ни одного ни стоящим, ни сидящим. Нападите на него едиными рядами, чтобы сделать землю от врагов свободной и сбросить их головы под копыта коней!»

И тогда люди взмахнули ошеломляющим знаменем, и народы покрыли народы, и полилась кровь на землю и заструилась, и творил суд судья войны и не был в суде своём обидчиком. И твёрд был доблестный на месте боя, крепко утвердившись на ногах, и повернул и побежал нечестивый, и не верил он, что кончится день и придёт ночь с мрачной тьмою. И не прекращался бой и сражение и удары железом копий, пока не повернул день и не опустилась ночь с её мраком. И тогда неверные забили в барабан окончания, но Гариб не согласился кончить битву, а напротив, ринулся на многобожников, и последовали за ним правоверные, единобожники. И сколько порубили они годов и шей, сколько растерзали рук и рёбер, сколько раздробили колен и жил и сколько погубили мужей и юношей! И не наступило ещё утро, как неверные вознамерились бежать и уходить, и они обратились в бегство, когда раскололась блестящая заря, и мусульмане преследовали их до времени полудня, и взяли они в плен из них больше двадцати тысяч и привели их связанными. И Гариб расположился у ворот Куфы и велел глашатаю кричать в упомянутом городе о пощаде и безопасности для тех, кто оставит поклонение идолам и признает единым всеведущего владыку, творца людей и света и мрака. И тогда закричали на площадях, как говорил Гариб, о пощаде, и приняли ислам все, кто там был, и большие и малые. И все они вышли и вновь предались Аллаху перед царём Гарибом, и тот обрадовался до крайней степени, и его грудь расширилась и расправилась. И он спросил про Мирдаса и его дочь Махдию, и ему сказали, что царь стоял лагерем за Красной Герой. И Гариб послал за своим братом Сахимом и, когда тот явился, сказал ему: «Выясни, что с твоим отцом».

И Сахим сел на коня, не откладывая, и подвязал серое копье, ничего не упуская, и поехал к Красной Горе. И стал он искать и не нашёл ни вести о Мирдасе, ни следа его людей и увидел вместо них шейха из кочевых арабов, старого годами и сломленного обилием лет. И Сахим спросил его, что с теми людьми и куда они ушли, и шейх ответил: «О дитя моё, когда Мирдас услышал, что Гариб стал лагерем под Куфой, он испугался великим страхом и взял свою дочь и людей и всех своих невольниц и рабов и ушёл в эти степи и пустыни, куда он направился».

И, услышав слова шейха, Сахим вернулся к своему брату и осведомил его об этом. И Гариб огорчился великим огорчением. И он сел на престол царства своего отца и открыл его кладовые и роздал деньги всем храбрецам. И потом он остался в Куфе и разослал лазутчиков, чтобы выяснить, каковы дела Аджиба. И он велел призвать вельмож царства, и те пришли к нему, покорные, и жители города тоже, и он наградил вельмож роскошными одеждами и

велел им заботиться о подданных...»

И Шахразад устало говорила, и она прекратила дозволенные речи.

Шестьсот сорок вторая ночь

Когда же настала шестьсот сорок вторая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что Гариб награбил вельмож Куфы и велел им заботиться о подданных. И поехал он однажды на охоту и ловлю, и выехал с сотнею всадников и ехал, пока не приехал в долину с деревьями и плодами, где было много рек и птиц. И резвились в этой долине газели и лани, и стремилась туда душа, и благоуханья её оживляли расслабленных от превратностей. И охотники провели в этой долине день, и был это день цветущий, и переночевали там до утра, а после омовения Гариб совершил молитву в два rakata и восславил великого Аллаха и поблагодарил его.

И вдруг послышались крики и шум, раскатившийся по луку, и Гариб сказал Сахиму: «Разведай, в чем дело!»

И Сахим сейчас же пошёл и шёл, пока не увидел ограбленные богатства, уведённых коней и взятых в плен женщин и детей и не услышал криков. И он спросил кого-то из пастухов: «В чем дело?» И они сказали: «Это гарем Мирдаса, начальника сынов Кахтана, и его богатства и богатства племени, которые у него. Аль-Джамракан вчера убил Мирдаса и ограбил его и взял в плен его женщин и захватил имущество всего стана. У аль-Джамракана в обычае делать набеги и пересекать дороги, – это непокорный притеснитель, с которым не справляются ни кочевники, ни Вари, так как он – зло этого места».

И когда Сахим услышал, что его отец убит и женщины взяты в плен, а имущество разграблено, он вернулся к своему брату Гарибу и осведомил его об этом. И в Гарибе прибавилось огня к огню, и взволновались в нем ярость и желание снять позор и отомстить. И он выехал со своими людьми, ища удобного случая, и ехал, пока не увидал врагов. И тогда он закричал им: «Аллах велик над теми, кто преступен, вероломен и нечестив!» И убил при первом же налёте двадцать одного богатыря. А затем он остановился в самом горячем месте поля, с сердцем не трусливым, и крикнул: «Где аль-Джамракан? Пусть он выедет ко мне, чтобы я дал ему узнать вкус чаши гибели и освободил бы от него родные места!»

И не кончил ещё Гариб говорить, как аль-Джамракан выехал вперёд, подобный бедствию из бедствий или куску горы, одетой в сталь. А был это амалекитянин, очень высокий, и он налетел на Гариба, как налетает непокорный притеснитель, не произнеся ни слова, ни привета, а Гариб понёсся на него и встретил его, как кровожадный лев. У аль-Джамракана была тяжёлая, увесистая дубина из китайского железа, – если бы он ударил ею гору, то разрушил бы её, – и он поднял её в руке и ударил ею Гариба по голове, но Гариб уклонился от удара, и дубина опустилась на землю и ушла в неё на пол-локтя. А потом Гариб взял свою дубину и ударил ею аль-Джамракана по кисти его руки, так что размозжил ему пальцы и дубина выпала из его руки, и Гариб наклонился в седле и схватил дубину скорее хватающей молнии и ударил ею аль-Джамракана по рёбрам. И аль-Джамракан упал на землю, точно высокая пальма. А Сахим подскочил и скрутил ему руки и потащил на верёвке. И витязи Гариба устремились на витязей аль-Джамракана и убили пятьдесят человек, а остальные повернулись, убегая. И бегство их продолжалось до тех пор, пока они не достигли своего стана. И тогда они громко закричали, и все, кто был в крепости, сели на коней и выехали их встречать. Они спросили беглецов, в чем дело, и те сообщили им, что случилось. И когда люди аль-Джамракана слышали, что их господин взят в плен, они вперегонку поспешили ему на выручку и выехали, направляясь в долину.

А царь Гариб, когда аль-Джамракан был взят в плен и его храбрецы побежали, сошёл с коня и велел привести аль-Джамракана. И когда аль-Джамракан явился, он унизился перед Гарибом и воскликнул: «Я под твоей защитой, о витязь времени!» – «О пёс арабов! – воскликнул Гариб. – Разве ты пересекаешь дорогу рабам Аллаха великого и не боишься

господа миров?» – «О господин, а что такое господь миров?» – спросил аль-Джамракан. И Гариб воскликнул: «О пёс, какому из бедствий ты поклоняешься?» – «О господин, – отвечал аль-Джамракан, – я поклоняюсь богу из фиников с топлёным маслом и мёдом, а потом я его съедаю и делаю другого».

И Гариб так засмеялся, что упал навзничь, а потом он воскликнул: «О нечестивый, поклоняются только Аллаху великому, который создал тебя и создал все вещи и наделил все живое. Не скроется от него ничто, он властен во всякой вещи». – «А где этот великий бог, чтобы я мог ему поклониться?» – спросил аль-Джамракан. И Гариб сказал: «Эй, ты, знай, что этого бога зовут Аллах, и он тот, кто сотворил небеса и землю, взрастил деревья и заставил течь реки. Он сотворил зверей и птиц, и рай и адский огонь и скрылся от взоров, и он видит, но невидим. Он пребывает в вышнем обиталище, и он – тот, кто нас создал и наделил нас. Слава ему, нет бога, кроме него!»

И когда аль-Джамракан услышал слова Гариба, раскрылись уши его сердца и поднялись волосы на его коже, и он воскликнул: «О господин, а что мне сказать, чтобы стать одним из вас и быть угодным этому великому господу?» – «Скажи: нет бога, кроме Аллаха, Ибрахим, друг его, – посол Аллаха», – сказал Гариб. И аль-Джамракан произнёс исповедание и был записан в число людей счастья. «Вкусил ли ты сладость ислама?» – спросил Гариб, и аль-Джамракан ответил: «Да!» И тогда Гариб сказал: «Развяжите его узы». И его развязали, и аль-Джамракан поцеловал перед Гарибом землю и поцеловал Гарибу йогу.

И пока это было так, вдруг поднялась пыль, которая застлала края неба...

И Шахразад устала, и она прекратила дозволенные речи.

Шестьсот сорок третья ночь

Когда же настала шестьсот сорок третья ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что, когда аль-Джамракан принял ислам, он поцеловал землю меж рук Гариба, и пока это было так, вдруг поднялась пыль, которая застлала края неба. И Гариб сказал: „О Сахим, выясни, в чем дело, почему поднялась эта пыль?“ И Сахим вышел, точно птица, когда она взлетает, и исчез на некоторое время, а потом он вернулся и сказал: „О царь времени, это пыль от сынов Амира, товарищей аль-Джамракана“. И тогда Гариб сказал аль-Джамракану: „Садись на коня, встретить твоих людей и предложи им ислам. Если они тебя послушаются, то спасутся, а если откажутся, мы поработаем среди них мечом“.

И аль-Джамракан сел на коня и гнал его, пока не встретил своих товарищей. И он закричал им, и они узнали его и сошли с коней и пришли на ногах и сказали: «Мы радуемся твоему благополучию, о владыка наш». – «О люди, – сказал аль-Джамракан, – кто меня послушается – спасётся, а кто меня ослушается, того я сломаю этим мечом». – «Приказывай нам, что хочешь, – ответили они, – мы не ослушаемся твоего приказанья». – «Скажите со мною: „Нет бога, кроме Аллаха, Ибрахим – друг Аллаха!“ – сказал аль-Джамракан. И его люди спросили: „О владыка, откуда у тебя такие слова?“ И аль-Джамракан рассказал им, что случилось у него с Гарибом, и сказал: „О люди, разве вы не знаете, что я – ваш предводитель в пылу схватки, на месте боя и сражения и меня взял в плен один человек и дал мне вкусить позор и унижение“.

И когда люди аль-Джамракана услышали его речи, они произнесли слова единобожия, а затем аль-Джамракан отправился с ними к Гарибу, и они снова приняли ислам меж его рук и пожелали ему победы и величия, поцеловав сначала землю. И Гариб обрадовался и сказал: «Отправляйтесь к себе в стан и предложите ислам вашим родичам». Но аль-Джамракан и его люди воскликнули: «О владыка, мы больше не оставим тебя, но пойдём, приведём наших детей и вернёмся к тебе!» – «О люди, идите и соединитесь со мной в городе Куфе», – сказал Гариб. И аль-Джамракан и его люди сели на коней и достигли своего стана. И они предложили ислам своим женщинам и детям, и те предались Аллаху до последнего, а потом они разобрали шатры и палатки и погнали коней, верблюдов и баранов и пошли по

направлению к Куфе.

И Гариб тоже поехал, и когда он прибыл в Куфу, витязи встретили его торжественным шествием, и он вступил в царский дворец и сел на престол своего отца, а храбрецы встали справа и слева. И вошли к нему лазутчики и рассказали ему, что его брат прибыл к аль-Джаланду ибн Каркару, властителю города Омана и земли Йеменской. И когда Гариб услышал вести о своём брате, он кликнул своих людей и сказал им: «О люди, делайте приготовления, чтобы выехать через три дня!» И он предложил тридцати тысячам воинов, которых взяли в плен в первой стычке, принять ислам и отправиться с ними, и двадцать тысяч из них приняли ислам, а десять тысяч отказались, и Гариб убил их. И затем пришёл аль-Джамракан и его люди, и они поцеловали перед Гарибом землю, а Гариб наградил их прекрасными одеждами и сделал аль-Джамракана предводителем войска. «О Джамракан, – сказал он, – садись на коня с вельможами из твоих родичей и двадцатью тысячами всадников, иди впереди войска и отправляйся в страны аль-Джаланда ибн Каркара, властителя города Омана».

И аль-Джамракан отвечал: «Слушаю и повинуюсь!» И воины оставили своих женщин и детей в Куфе и двинулись в путь. А Гариб стал осматривать гарем Мирдаса, и его взгляд остановился на Махдии, которая была среди женщин, и он упал, покрытый беспамятством. И ему побрызгали на лицо розовой водой, и, очнувшись, он обнял её и вошёл с нею в комнату, где сидят, и они посидели и затем легли спать без прелюбодеяния. А когда наступило утро, Гариб вышел и сел на престол своего царства и наградил своего дядю ад-Дамига и сделал его наместником всего Ирака. И он поручил ему заботиться о Махдии, пока сам не вернётся из похода на своего брата. И ад-Дамиг послушался его приказания, и затем Гариб двинулся с двадцатью тысячами всадников и десятью тысячами пеших и пошёл, направляясь в земли Омана и страны Йемена.

Между тем Аджиб достиг города Омана со своими людьми, и жителям Омана стала видна пыль от бегущих, и аль-Джаланд ибн Каркар увидел эту пыль и велел скороходам выяснить, в чем дело. И скороходы исчезли на некоторое время, а потом вернулись и рассказали, что это скачет царь, которого зовут Аджиб, властитель Ирака.

Аль-Джаланд удивился приходу Аджиба в его землю, и когда он удостоверился в этом, он сказал своим людям: «Выходите и встречайте царя!»

И они вышли и встретили Аджиба и поставили для него палатки у ворот города. И Аджиб поднялся к аль-Джаланду плачущий и печальный сердцем (а двоюродная сестра Аджиба была женой аль-Джаланда, и он имел от неё детей). И когда аль-Джаланд увидел своего зятя в таком состоянии, он сказал: «Осведоми меня, в чем дело». И Аджиб рассказал ему обо всем, что у него случилось с братом, от начала до конца, и сказал: «О царь, он приказывает людям поклоняться господу небес и запрещает им поклоняться идолам и другим богам».

И когда аль-Джаланд услышал эти слова, он стал греховен и преступен и воскликнул: «Клянусь солнцем, владыкой сияний, я не оставлю ни единого из людей твоего брата! Где ты покинул этих людей и сколько их?» – «Я покинул их в Куфе. И их пятьдесят тысяч всадников», – ответил Гариб, и аль-Джаланд кликнул своих людей и своего везира Джевамерда и сказал ему: «Возьми с собой семьдесят тысяч всадников и отправляйся в Куфу к мусульманам и приведи их ко мне живыми, чтобы я измучил их всякими пытками».

И Джевамерд ехал с войском, направляясь в Куфу, первый день и второй день, до седьмого дня, и когда они ехали, они вдруг спустились в долину, где были деревья, реки и плоды. И Джевамерд велел своим людям остановиться...»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Шестьсот сорок четвёртая ночь

Когда же настала шестьсот сорок четвёртая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о

счастливый царь, что Джевамерд, когда аль-Джаланд послал его с войском в Куфу, проходил мимо долины, где были деревья и реки, он велел своим людям остановиться, и они отдыхали до полуночи, а затем Джевамерд приказал им трогаться и, сев на коня, опередил их и ехал до зари. И затем они спустились в долину, где было много деревьев и благоухали цветы, и пели птицы, и склонялись ветви. И сатана подул Джевамерду в бока, и он произнёс такие стихи:

«Я с войском моим вступлю в пучину любых боев,
И пленных я поведу упорною силою
И витязи всех земель узнают тогда, что я
Внушаю страх витязям, защитник моих людей.
Гариба возьму я в плен, в оковы одетого,
И радостно я вернусь, веселья исполненный.
Кольчугу надену я, доспехи возьму мои,
И в бой я пойду потом, разя во все стороны».

И не окончил ещё Джевамерд своих стихов, как выехал к нему из-за деревьев витязь, высоко поднимающий нос, как бы погрузившийся в железо, и закричал на Джевамерда и сказал: «Стой, о вор из арабов! Снимай одежду и доспехи, слезай с коня и спасай свою душу!»

И когда Джевамерд услышал эти слова, свет стал мраком перед лицом его, и он обнажил меч и бросился на альДжамракана и воскликнул: «О вор из арабов, ты пресекаешь мне дорогу, когда я – предводитель войска альДжаланда ибн Каркара и должен привести Гариба и его людей связанными!» И, услышав эти слова, аль-Джамракан вскричал: «Как это прохлаждает мне печень!» И понёсся на Джевамерда, говоря такие стихи:

«Я – витязь известный всем, когда закипит война,
Бойтся моих зубцов и стали мой недруг.
Вот я – Джамракан, надежда, если придёт беда,
И витязи знают все удар моих копий.
Гариб – мой эмир, иль нет – имам и владыка мой,
Герой он в бою, когда два войска столкнутся.
Имам, наделённый верой, постник, могучий он,
Врагов истребляющий на поле сраженья.
К религии Ибрахима всех призывает он.
Назло отвергающим Аллаха кумирам».

А когда аль-Джамракан выступил со своими людьми из города Кусры, он продолжал ехать десять дней, и на одиннадцатый сделали привал и стояли до полуночи. А затем аль-Джамракан приказал воинам трогаться, и они тронулись, а аль-Джамракан поехал впереди них и спустился в эту долину. И он услышал Джевамерда, который произносил стихи, упомянутые раньше, и бросился на него» точно сокрушающий лев, и, ударив его мечом, рассёк пополам. И он подождал, пока пришли предводители войска, и осведомил их о случившемся и сказал: «Разделитесь, и пусть каждые пять из вас возьмут по пяти тысяч человек и ездят вокруг долины, а я держусь с мужами Бену-Амир, и когда дойдут до меня первые ряды врагов, понесусь на них и закричу: „Аллах велик!“ А вы, когда услышите мой крик, неситесь на них, возглашая славословие, и бейте их мечами».

И предводители сказали: «Слушаем и повинемся!» И затем они объехали своих храбрецов и осведомили их об этом, и воины рассеялись по долине во все стороны, когда начала пробиваться заря. И вдруг враги приблизились, подобные стаду баранов, заполняя и равнины и горы, и тут аль-Джамракан и воины Бену-Амир понеслись, крича: «Аллах велик!» И услышали правоверные и нечестивые, и мусульмане закричали со всех сторон: «Аллах велик! Он даёт победу и поддержку и покидает тех, кто не верует!» И откликнулись горы и

холмы и все высохшее и зеленое, возглашая: «Аллах велик!» И неверные растерялись и начали бить друг друга остерегающим, и понеслись на них благие мусульмане, подобные горящим головням, и видны были только летящие головы, брызжащая кровь и растерявшиеся трусы. И нельзя ещё было рассмотреть лиц, как уже погибли две трети неверных, и поспешил Аллах отправить их души в огонь (и как скверен этот исход!), а остальные убежали и рассеялись по степям, и мусульмане преследовали их, беря в плен и убивая, до половины дня. И потом они возвратились, забрав в плен семь тысяч, а из неверных вернулись только тридцать шесть тысяч, и большинство их было ранено. И мусульмане возвратились, поддержанные Аллахом, победоносные, и они собрали коней, доспехи, грузы и палатки и послали их с тысячей всадников в Куфу...

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Шестьсот сорок пятая ночь

Когда же настала шестьсот сорок пятая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что, когда между аль-Джамраканом и Джевамердом произошёл бой, аль-Джамракан убил его и перебил его людей и взял в плен множество народа, и он захватил их имущество, коней и грузы и отослал их с тысячей всадников в Куфу. Что же касается адь-Джамракана и воинов ислама, то они сошли с коней и предложили ислам пленникам, и те предались Аллаху сердцем и языком, и воины аль-Джамракана освободили их от уз и обнялись с ними, обрадованные. И аль-Джамракан пошёл во главе большого войска и дал своим людям отдохнуть один день и одну ночь, а потом он двинулся с ними под утро, направляясь в земли аль-Джаланда ибн Каркара. А тысяча всадников с добычей шли до тех пор, пока не прибыли в Куфу, и они осведомили царя Гариба о том, что случилось, и Гариб обрадовался и возвеселился и, обратившись к горному гулю, сказал: „Садись на коня, возьми с собой двадцать тысяч человек и иди следом за аль-Джамраканом“.

И Садан-гуль со своими сыновьями сели на коней во главе двадцати тысяч всадников и направились в город Оман. А беглецы из нечестивых достигли этого города, плача и крича о горе и несчастий, и аль-Джаланд ибн Каркар оторопел и спросил их: «Что у вас за беда?» И они рассказали ему о том, что с ними произошло, и аль-Джаланд воскликнул: «Горе вам, а сколько их было?» – «О царь, – отвечали воины, – у них было двадцать знамён, а под каждым знаменем была тысяча всадников».

И аль-Джаланд, услышав эти слова, воскликнул: «Да не бросит солнце на вас благословения! О горе вам! Разве одолеют вас двадцать тысяч, когда вас семьдесят тысяч всадников, а Джевамерд стоит, в пылу битвы, трех тысяч!» И от сильного огорчения он вытащил меч и закричал на беглецов и крикнул тем, кто был при этом: «На них!» И его люди обнажили мечи и уничтожили беглецов до последнего и бросили собакам. А потом, после этого, аль-Джаланд кликнул своего сына и сказал ему: «Садись на коня с сотней тысяч всадников, отправляйся в Ирак и разрушь его до основания!»

А сына царя аль-Джеланда звали аль-Кураджан, и не было в войске его отца никого доблестнее: он один нападал на три тысячи всадников. И аль-Кураджан велел вынести свои палатки, и поспешили его богатыри, и вышли мужи и стали приготавливаться, и надели доспехи и выехали, следуя друг за другом. А аль-Кураджан ехал впереди войска» и был он доволен собой и говорил такие стихи:

«Вот я – Кураджан, моя слава гремит,
В степи, в городах я людей покорял,
И сколько бойцов, когда я их губил,
Хрипя, как коровы, валялись в пыли.
И сколько рассеял я вражеских войск,
И головы, точно шары, я катал.

Свершу непременно набег на Ирак
И недругов кровь, точно дождь, я пролью
Гариба возьму с его войском я в плен,
И будут примером для умных они».

И его люди шли двенадцать дней, и когда они вдруг увидели пыль, которая поднялась и закрыла края неба и страны, аль-Кураджан кликнул скороходов и сказал им: «Принесите мне сведения об этой пыли!» И скороходы шли, пока не вошли под знамёна, а потом они вернулись к аль-Кураджану и сказали: «О царь, это пыль мусульман!»

И аль-Кураджан обрадовался и спросил: «А вы их сосчитали?» И скороходы ответили: «Мы насчитали их знамён – двадцать». И аль-Кураджан воскликнул: «Клянусь моей верой, я не выпущу против них никого, но выйду к ним сам и брошу их головы под копыта коней!»

А эта пыль была пылью аль-Джамракана, и он посмотрел на войско нечестивых и увидел, что оно подобно переполненному морю. И он велел своим людям спешиться и ставить палатки, и они спешили и выставили знамёна, поминая владыку всеведущего, творца света и мрака, господя всякой вещи, который видит, но невидим, и находится он в вышнем обиталище, – величие и слава ему, нет бога, кроме него!

А неверные спешили и поставили палатки, и аль-Кураджан сказал им: «Делайте приготовления и берите доспехи и спите не иначе, как с оружием. А когда наступит последняя треть ночи, садитесь на коней и топчите эту маленькую горсточку».

А лазутчик аль-Джамракана стоял и слышал, что придумали неверные, и он вернулся и рассказал об этом аль-Джамракану, и тот обратился к своим храбрецам и сказал им: «Возьмите оружие и, когда придёт ночь, приведите мне мулов и верблюдов и принесите колокольчики, бубенцы и трещотки, и повесьте их на шею верблюдам и мулам (а в войске было больше двадцати тысяч верблюдов и мулов)». И мусульмане подождали, пока нечестивые погрузились в сон, а потом аль-Джамракан велел своим людям садиться на коней, и они сели, положившись на Аллаха и ища поддержки у господя миров, и аль-Джамракан сказал им: «Гоните верблюдов и вьючных животных к неверным и колите их зубцами копий».

И мусульмане сделали то, что он приказал, со всеми мулами и верблюдами, и те ринулись на палатки неверных, и колокольчики, бубенчики и трещотки гремели, а мусульмане мчались за животными, крича: «Аллах велик!»

И звенели горы и холмы, поминая возвышенного владыку, которому присущи величие и слава. И ринулись кони, услышав эту великую хитрость, и стали топтать шатры, когда люди спали...»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Шестьсот сорок шестая ночь

Когда же настала шестьсот сорок шестая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что, когда аль-Джамракан ринулся ночью на неверных со своими людьми, конями и верблюдами, а люди спали, многобожники поднялись, ошеломлённые, и, схватив оружие, стали бросаться друг на друга и дрались, пока большинство из них не было перебито. И они посмотрели друг на друга и не нашли ни одного убитого из мусульман, а наоборот, оказалось, что те на конях и вооружены. И поняли многобожники, что это – хитрость, учинённая против них, и аль-Кураджан закричал на уцелевших воинов и сказал им: „О сыны развратниц, то, что мы хотели сделать с ними, они сделали с нами, и их хитрость одолела нашу хитрость!“

И он хотел понестись на мусульман, но вдруг взвилась пыль, застилая края неба, и её подгоняли ветры, и она поднялась и раскинулась шатром и повисла в воздухе, и стало видно из-за пыли сверканье шлемов и блистание кольчуг, и под ними были все славные богатыри,

опоясанные индийскими мечами и с гибкими копьями. И когда неверные увидели эту пыль, они отступили от сражения, и каждый отряд послал скорохода, и скороходы побежали под пылью и, посмотрев, вернулись и рассказали, что это – мусульмане. А подходившее войско было то, которое послал Гариб с горным гулем, и впереди него ехал Садан. Он подъехал к лагерю мусульман-благих, и тогда аль-Джамракан и его люди понеслись, и они ринулись на неверных, подобные горящим головням, и начали работать среди них острыми мечами и трепещущими рудейвийскими копьями⁵³⁸, и почернел день, и ослепли взоры от множества пыли. И стоек был храбрец нападающий, и бежал трус убегающий, направляясь в степи и пустыни, и была кровь на земле, подобна потоку, и воины продолжали биться и сражаться, пока не кончился день и не пришла ночь с её мраком. А затем мусульмане отделились от неверных и расположились в палатках и поели кушанья. И они проспали до тех пор, пока не повернулась, уходя, ночь и не пришёл с улыбкою день, и тогда мусульмане совершили утреннюю молитву и выехали на бой. А когда люди аль-Курадждана прекратили бой и оказалось, что большинство их ранено и две трети из них уничтожены мечами и зубцами копий, аль-Кураджан сказал им: «О люди, завтра мы выедем на средину поля, к месту боя и сражения, и я схвачусь с доблестными на кругу».

И когда наступило утро и засияло светом и заблистало, оба войска сели на коней, и воины подняли громкие крики, обнажили оружие, протянули серые копья и выстроились для боя и сечи. И первым, кто открыл ворота боя, был аль-Кураджан, сын аль-Джаланда ибн Каркара. И он крикнул: «Пусть не подходит ко мне сегодня ленивый или слабый!» (При всем этом аль-Джамракан и Садан-гуль были под знамёнами.) И выехал предводитель племени Бену-Амир, и выступил против аль-Курадждана на средину поля, и они бросились друг на друга, как два барана, и бодались некоторое время. А потом аль-Кураджан ринулся на предводителя и схватил его за рукав одеяния и потянул и сорвал с седла. И он ударил предводителя об землю, и тот занялся самим собою, и неверные скрутили его и унесли в палатки.

А аль-Кураджан стал гарцевать и бросаться и искать стычки, и выступил к нему второй предводитель, и он взял его в плен. И аль-Кураджан брал в плен предводителя за предводителем, пока не забрал до полудня семь предводителей. И тогда аль-Джамракан закричал криком, от которого загудело все поле, и услышали его оба войска и ринулись на аль-Курадждана с сердцем, охваченным волнением, произнося такие стихи:

«Вот я, Джамракан, и силен я душой,
Всем витязям страшно со мною сразиться,
Я крепости рушил и их оставлял
В рыданиях и плаче о людях погибших,
О ты, Кураджан, следуй правым путём,
И путь заблужденья оставь ты навеки.
Единым ты бога признай, что вознёс
Ввысь небо и создал моря он и горы,
Предастся Аллаху коль раб, то найдёт
Приют он в раю и мук пытки избегнет».

И когда аль-Кураджан слышал слова аль-Джамракана, он стал храпеть и хрипеть и бранить солнце и луну и понёсся на аль-Джамракана, говоря такие стихи:

«Вот я, Кураджан, я – храбрец всех времён,
И лев из пустынь утращён моей тенью.

⁵³⁸ По народному преданию, название «рудейнийский» происходит от имени Рудейны – жены легендарного Самхара, которая, как и её муж, умела делать отличные копья. (Самхар в действительности не имя мастера, а название местности в Африке, откуда доставлялись в Аравию лучшие в те времена копья.)

И крепости брал я, и львов я ловил,
Всем витязям страшно со мною сразиться,
О ты, Джамракан, коль не веришь словам,
То вот пред тобою со мной поединок!»

И когда аль-Джамракан услышал его слова, он понёсся на него, сильный сердцем, и они так бились мечами, что зашумели ряды воинов, и разили друг друга копьями, и усилились их крики, и они бились и сражались, пока не прошло предзакатное время и день не стал уходить. И тогда аль-Джамракан ринулся на аль-Кураджана и, ударив его дубиной в грудь, бросил его на землю, точно ствол пальмы, и мусульмане связали его и потащили на верёвке, как верблюда. И когда нечестивые увидели своего господина в плену, их взяла ярость людей неведения⁵³⁹, и они понеслись на мусульман, желая выручить своего господина, и встретили их богатыри мусульман и оставили их валяться на земле, а уцелевшие бросились бежать, ища спасения, и был у них на затылке звенящий меч.

И мусульмане гнались за ними, пока не рассеяли по горам и степям. И затем они принялись за добычу, а было её много – и кони, и палатки, и другое, – и захватили они добычу, и какую добычу!

И потом мусульмане двинулись дальше, и аль-Джамракан предложил аль-Кураджану ислам и стал грозить и пугать его, но тот не принял ислама, и ему перерезали шею и подняли его голову на копье.

И затем мусульмане тронулись, направляясь в город Оман. Что же касается неверных, то они рассказали царю об убиении его сына и гибели войска. И когда аль-Джаланд услышал эту весть, он ударил венцом об землю и стал так бить себя по лицу, что из ноздрей у него показалась кровь, и упал на землю, покрытый беспамятством. И ему побрызгали на лицо розовой водой, и он очнулся и кликнул своего везира и сказал ему: «Пиши письма всем наместникам и вели им не оставить никого из бьющих мечом, разящих копьем и носящих лук. Пусть всех приведут сюда!»

И везир написал письма и послал их со скороходами, и наместники снарядились и выступили со влачащимся войском, числом в сто тысяч и восемьдесят тысяч. И они приготовили шатры, верблюдов и чистокровных коней и хотели трогаться, и вдруг видят – приближаются аль-Джамракан и Садан-гуль во главе семидесяти тысяч всадников, подобных хмурым львам, и каждый из них закован в железо.

И когда аль-Джаланд увидел, что мусульмане приближаются, он обрадовался и воскликнул: «Клянусь солнцем, обладателем сияний, я не оставлю врагам ни единого человека и никого, чтобы доставлять вести, и разрушу Ирак и отомщу за моего сына, витязя, набеги совершающего, и не остынет во мне огонь!» Затем он обратился к Аджибу и сказал ему: «О иракская собака, вот товар, который ты к нам ввёз! Клянусь тем, кому я поклоняюсь, если я не воздам должное моему врагу, я убью тебя наихудшим убиением».

И, услышав эти слова, Аджиб огорчился великим огорчением и стал упрекать себя. И он выждал, пока мусульмане спешили и поставили палатки и ночь стала тёмной (а он стоял вдали от палаток с теми, кто остался из его дружины), и сказал: «О сыны моего дяди, знайте, что, когда пришли мусульмане, мы с аль-Джаландом испугались до крайности, и я понял, что он не может меня защитить от моего брата или от кого другого. И моё мнение – нам следует уйти, когда заснут глаза, и мы направимся к царю Яруб ибн Кахтану⁵⁴⁰, так как у него

⁵³⁹ «Люди неведения» – доисламские арабы, немусульмане. «Временем неведения» арабы называют период, предшествующий появлению ислама.

⁵⁴⁰ Яруб ибн Кахтан-имя сына мифического родоначальника южно-арабских племён, Кахтана. С древнейших времён «сыны Кахтана» противопоставляли себя «потомкам Аднана» – северным арабам; борьба этих племенных групп, отражающая вековую вражду между землепашцами и кочевниками, крайне печально отразилась на позднейшей истории арабского народа.

больше войска и его власть сильнее».

И когда его люди услышали эти слова, они сказали: «Вот оно, правильное мнение!» И Аджиб приказал им зажечь огонь у входа в палатки и выступать во мраке ночи.

И они сделали так, как он приказал, и поехали, и не наступило ещё утро, как они уже пересекли далёкие страны. А наутро аль-Джаланд и двести шестьдесят тысяч одетых в панцири и погрузившихся в железо и нанизанные кольчуги забили в литавры войны и выстроились для боя и сражения, а аль-Джамракан с Саданом сели на коней во главе сорока тысяч всадников, могучих богатырей, и под каждым знаменем была тысяча сильных, превосходных витязей, передовых при нападении. И выстроились оба войска, ища сражения и боя, и обнажили мечи, и выставили зубцы гибких копий, чтобы выпить чашу гибели. И первым, кто открыл врата войны, был Садан, подобный твердокаменной горе или одному из маридов-джиннов. И выступил к нему богатырь из нечестивых, и он убил его и бросил на поле и крикнул своим сыновьям и слугам: «Разожгите огонь и изжарьте этого убитого!» И они сделали так, как он приказал, и подали убитого жареным, и Садан съел его и обглодал его кости, а нечестивые стояли и смотрели на него издали. И они воскликнули: «О солнце, обладатель сияний!» И испугались боя с Саданом, и аль-Джаланд крикнул своим людям: «Убейте эту гадину!» И выехал к Садану предводитель из нечестивых, и Садан убил его, и он убивал витязя за витязем, пока не убил тридцать витязей. И тогда отступились злые нечестивцы от боя с Саданом и сказали: «Кто сражается с джиннами и гулями!» И аль-Джаланд закричал: «Пусть нападут на него сто витязей и доставят его ко мне пленным или убитым».

И выступили сто витязей и понеслись на Садана и направили на него мечи и копья, и он встретил их с сердцем крепче кремня, провозглашая единственность владыки судящего, которого не отвлечёт одно дело от другого. И он закричал: «Аллах велик!» И ударял их мечом, пока не поскидывал с них головы, и не обернулся он на них больше одного раза, после того как убил из них семьдесят четыре витязя, а остальные бежали.

И аль-Джаланд закричал на десятерых предводителей, под каждым из которых была тысяча богатырей, и сказал им: «Закидайте его коня стрелами, чтобы он упал под него, и схватите его руками!» И на Садана бросились десять тысяч всадников, и он встретил их, сильный сердцем. И когда аль-Джамракан и мусульмане увидели, что неверные понеслись на Садана, они воскликнули: «Аллах велик!» И понеслись на них. И не успели они ещё достигнуть Садана, как его коня убили, а самого взяли в плен, и мусульмане нападали на неверных, пока не померк день и не ослепли глаза, и звенел острый меч, и твёрдо стоял каждый нападающий витязь, и охватила труса растерянность. И были мусульмане среди нечестивых, как белое пятно на чёрном быке...»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Шестьсот сорок седьмая ночь

Когда же настала шестьсот со» рок седьмая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что усилился бой между мусульманами и нечестивыми, так что стали мусульмане среди нечестивых, как белое пятно на чёрном быке, и они не прекращали боя и схватки, пока не приблизился мрак, и тогда они отделились друг от друга, и было убито из нечестивых много людей, которым нет числа. И аль-Джамракан и его люди вернулись, крайне опечаленные о Садане, и не были им приятны ни еда, ни сон. И они проверили своих людей, и оказалось, что убито из них меньше тысячи, и аль-Джамракан сказал» «О люди, я выйду на середину поля, к месту боя и сражения, и убью их богатырей, и захвачу их женщин, и возьму их в плен, и выкуплю ими Садана по изволению судящего владыки, которого не отвлечёт одно дело от другого». И успокоились сердца мусульман, и они обрадовались и разошлись по палаткам. Что же касается аль-Джаланда, то он поднялся и вошёл к себе в шатёр и сел на престол своего царства, и его люди окружили его, и тогда он позвал Садана, и

его привели к нему, и аль-Джаланд воскликнул: «О бешеный пёс и ничтожнейший из арабов, о носящий дрова⁵⁴¹, кто убил моё дитя аль-Курадждана, храбреца своего времени, убийцу соперников, повергающего богатырей?» – «Его убил аль-Джамракан, предводитель войска царя Гариба, господина витязей, и я изжарил его а съел, так как я был голоден», – ответил Садан. И когда аль-Джаланд услышал слова Садана, глаза его закатились под темя, и он велел отрубить Садану голову. И палач пришёл с этим намерением и подошёл к Садану, и тогда Садан потянулся в оковах и разорвал их и, бросившись на палача, выхватил у него меч, ударил его и скинул ему голову.

И он направился к аль-Джаланду, и тот бросился с престола и убежал. И тогда Садан напал на присутствующих и убил двадцать приближённых царя, а остальные предводители убежали. И поднялись крики в лагере неверных, а Садан ринулся на бывших там нечестивых и стал бить их направо и налево, и они разбежались перед ним и освободили ему проход, и Садан шёл, избивая врагов мечом, пока не вышел из их лагеря, направляясь в лагерь мусульман. И мусульмане слышали шум нечестивых и сказали: «Может быть, к ним пришло подкрепление?» И пока они недоумевали, вдруг подошёл к ним Садан. Они сильно обрадовались его приходу, и больше всех радовался ему аль-Джамракан, и он поздоровался с Саданом, и мусульмане тоже поздоровались с ним и поздравили его с благополучием.

Вот что было с мусульманами.

Что же касается нечестивых, то они возвратились со своим царём в его шатёр после ухода Садана. И царь сказал: «О люди, клянусь солнцем, обладателем сияний, клянусь мраком ночи и светом дня и бегучими звёздами, я не думал, что спасусь в сей день от убийства! Если бы я попал к нему в руки, он наверное съел бы меня, и я не стоил бы для него ячменя, или пшеницы, или злака из других злаков». – «О царь, – ответили ему, – мы не видели никого, кто бы делал то же, что этот гуль». – «О люди, – воскликнул царь, – когда наступит завтрашний день, наденьте снаряжение, сядьте на коней и растопчите их конскими копытами!»

Что же касается мусульман, то они собрались, радуясь поддержке Аллаха и освобождению Садана-гуля, и аль-Джамракан воскликнул: «Завтра на поле я покажу вам, каковы мои дела и что мне подобает. Клянусь другом Аллаха Ибрахимом, я убью их гнуснейшим убийством и буду ударять их острым мечом, пока не смутится среди них всякий понятливый. Я намерен напасть на правое и левое крыло. И когда вы увидите, что я ринулся на царя, который под знамёнами, несётся за мною решительно, чтобы свершил Аллах дело, которое решено».

И оба войска провели ночь, сторожа друг друга, а когда взошёл день и явилось смотрящим солнце, воины сели на коней быстрее, чем во мгновение ока, и закричал ворон разлуки, и посмотрели люди друг на друга. И воины выстроились для боя и сражения, и первым открыл врата боя аль-Джамракан и стал гарцевать и нападать, ища стычки.

И аль-Джаланд со своими людьми хотел понестись на врагов, но вдруг поднялась пыль, застилая края неба и омрачая день, и ударили её четыре ветра, и она разорвалась и разлетелась, и показались из-под неё витязи, закованные в кольчуги, храбрые богатыри, режущие мечи, разящие копыя и люди, точно львы, что ничего не страшатся и не боятся. И когда оба войска увидели эту пыль, они воздержались от боя и послали разузнать, в чем дело и откуда зги пришельцы, вздымающие такую пыль. И помчались скороходы и вошли под пыль и скрылись от взоров, а затем, через некоторое время, они вернулись, и скороход нечестивых рассказал им, что прибывшие – отряд мусульман с царём их – Гарибом. Скороход мусульман вернулся и рассказал о прибытии царя Гариба и его людей. И мусульмане обрадовались его прибытию и, погнав коней, встретили своего царя, а потом они

⁵⁴¹ Намёк на предпоследний стих CXI суры Корана: «А жена его будет носить дрова». Эта сура направлена против одного из злейших противников Мухаммеда, его дяди, Абд-аль-Уззы ибн Абд-аль-Мутталиба, прозванного Абу-Лахаб («отец пламени»). Ненависть к племяннику разжигала в нём жена, за что пророк предвещает ей «носить дрова», когда муж будет жариться на адском огне.

спешили и поцеловали землю меж его рук и пожелали ему мира...»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Шестьсот сорок восьмая ночь

Когда же настала шестьсот сорок восьмая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что воины мусульман, когда явился к ним царь Гариб, обрадовались сильной радостью, поцеловали землю меж его рук и стали здороваться с ним, окружая его, и Гариб сказал им: „Добро пожаловать!“ И обрадовался их благополучию. И они достигли лагеря и поставили шатры и знамёна, и царь Гариб сел на престол своей власти, окружённый вельможами царства, и они рассказали ему обо всем, что случилось с Саданом.

Что же касается нечестивых, то они собрались и стали искать Аджиба, но не нашли его ни между собой, ни в палатках. И они рассказали аль-Джаланду ибн Каркару о его бегстве, и поднялось на царя воскресение, и он укусил себе палец и воскликнул: «Клянусь солнцем, обладателем сияний, это вероломный пёс! Он убежал со своими скверными людьми в пустыни и степи. Но ничто уже не отразит этих врагов, кроме жестокого боя; укрепите же вашу решимость, ободрите сердца и остерегайтесь мусульман!»

Что же касается Гариба, то он сказал людям: «Укрепите решимость, ободрите сердца и призывайте на помощь господа, прося его помочь вам против врагов». – «О царь, – отвечали воины, – ты увидишь, что мы сделаем на поле битвы, в месте боя и сражения!»

И оба войска спали, пока не наступило утро, сияя светом и блистая, и солнце не засверкало над верхушками холмов и долинами, и тогда Гариб совершил молитву в два rakata, согласно вере Ибрахима, друга Аллаха – мир с ним! – и написал письмо, которое послал со своим братом Сахимом к нечестивым. И когда Сахим прибыл к ним, они спросили его: «Что ты хочешь?» И он отвечал: «Я хочу вашего повелителя». – «Постой, пока мы не спросим его о тебе», – сказали Сахиму. И он остановился, а нечестивые спросили о нем аль-Джаланда и рассказали ему о посылке Гариба. «Ко мне его!» – воскликнул царь. И Сахима привели к нему, и тогда царь спросил его: «Кто тебя послал?» И Сахим ответил: «Царь Гариб, которого Аллах сделал властителем над арабами и неарабами. Возьми его письмо и дай на него ответ».

И аль-Джаланд взял письмо, вскрыл его и прочитал в нем: «Во имя Аллаха, милостивого, милосердного, господа извечного, единого, великого, который знает о всякой вещи, господу Нуха, Салиха, Худа и Ибрахима и господу всякой вещи! Мир тем, кто следует правым путём и боится последствий дурного дела, кто повинуется царю всевышнему и следует путём истины и предпочёл последнюю жизнь первой! – А после того: – О Джаланд, не должно поклоняться никому, кроме Аллаха, единого, покоряющего, творца ночи и дня и вращающегося небосвода. Он послал пречистых пророков и заставил течь реки, он поднял небеса и распростёр землю, он взрастил деревья и наделил птиц в гнёздах и зверей в пустынях, он – Аллах – славный, всепрощающий, кроткий, покрывающий, которого не постигают взоры, навивающий ночь на день, который послал посланников и низвёл книги. И знай, о Джаланд, что нет веры, кроме веры Ибрахима, друга Аллаха. Прими же ислам – спасёшься от острого меча, а в последней жизни – от пытки огнём, а если откажешься от ислама, радуйся гибели и земель разрушению и следов твоих прекращению. И пошли ко мне пса Аджиба, чтобы я отомстил за отца и мать».

И когда аль-Джаланд прочитал письмо, он сказал Сахиму: «Скажи твоему господину, что Аджиб убежал со своими людьми и мы не знаем, куда он ушёл. А что до Джаланда, то он не откажется от своей веры, и завтра будет между нами бой, и солнце даст нам победу».

И Сахим вернулся к своему брату и осведомил его о том, что случилось, и мусульмане проспали до утра, а потом они взяли доспехи и оружие, сели на чистокровных коней и стали громко поминать царя, дающего победу, творца телес и душ. И они возгласили славословие и забили в боевые барабаны так, что задрожала земля, и выступили вперёд все

витязи-начальники и отважные богатыри, ища боя, и задрожала земля. И первым, кто открыл врата боя, был аль-Джамракан, и он погнал своего коня на поле битвы и стал играть мечом и стрелами, так что смутил обладателей разума, и потом закричал: «Есть ли мне противник? Есть ли соперник? Пусть не приходит сегодня ко мне ленивый или слабый! Я – убийца аль-Курадждана, сына аль-Джаланда! Кто выступит против меня, чтобы отомстить?»

И когда аль-Джаланд услышал упоминание о своём сыне, он закричал своим людям: «О дети развратниц, приведите ко мне этого витязя, который убил моего сына, чтобы я поел его мяса и попил его крови!» И понеслись на аль-Джамракана сто богатырей, и он убил большинство их и обратил в бегство их эмира, и когда аль-Джаланд увидел, что сделал аль-Джамракан, он закричал на своих людей и воскликнул: «Нападайте на него едиными рядами!» И они взмахнули устрашающим знаменем, и народы покрыли народы, и понёсся Гариб со своими людьми, и аль-Джамракан также, и сшиблись оба войска, подобно столкнувшимся морям. И работал йеменский меч с копьём, пока не растерзал груди и тела, и увидели оба войска ангела смерти воочию, и пыль поднялась до облаков, и оглохли уши, и онемел язык, и смерть окружила людей со всех сторон. И твёрдо стоял храбрец, и не выдерживал трус, и не прекращали войны боя и сражения, пока не повернул, уходя, день. И забили тогда в барабаны окончания, и оставили люди друг друга, и каждый отряд вернулся в свои палатки...»

И Шахразад устало застывало утро, и она прекратила дозволенные речи.

Шестьсот сорок девятая ночь

Когда же настала шестьсот сорок девятая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что, когда окончился бой и воины оставили друг друга и каждый отряд вернулся в свои палатки, царь Гариб сел на престол своего царства, в месте своей власти, и его сподвижники выстроились вокруг него, и он сказал своим людям: „Я опечален и огорчён бегством этого пса Аджиба, и не знаю я, куда он пошёл. Если я его не настигну и не отомщу ему, я умру от огорчения!“ И выступил тогда вперёд брат Гариба, Сахим-аль-Лайль, и поцеловал землю и сказал: „О царь, я пойду в лагерь нечестивых и раскрою дело вероломного пса Аджиба“. – „Иди и узнай истину о деле этого кабана!“ – сказал Гариб. И Сахим принял облик нечестивых и надел их одежду и стал как бы одним из них, а потом он направился к палаткам врагов и увидел, что они спят, пьяные от боя и сражения, и не осталось из них никого без сна, кроме сторожей. И Сахим прошёл в лагерь и ринулся к шатру царя и увидел, что тот спит и около него никого нет. И тогда Сахим подошёл и дал ему понюхать летучего банджа, и царь сделался как бы мёртвый. И Сахим вышел и привёл мула и, завернув царя в покрывало с постели, положил его на мула, а сверху накрыл его циновками, и пошёл и достиг шатра Гариба. И он вошёл к царю, и бывшие в шатре не узнали его и спросили: „Кто ты?“ И Сахим засмеялся и открыл лицо, и тогда его узнали. „Что побудило тебя к этому, о Сахим?“ – спросил Гариб. И Сахим сказал: „О царь, вот аль-Джаланд ибн Каркар“.

И затем он развязал его, и Гариб узнал аль-Джаланда и сказал: «О Сахим, разбуди его!» И Сахим дал аль-Джаланду укуса с ладаном, и тот выбросил из носа бандж и открыл глаза и увидел себя среди мусульман. «Что это за скверный сон?» – сказал он и закрыл глаза и заснул, но Сахим пнул его кулаком и воскликнул: «Открой глаза, о проклятый!» И аль-Джаланд открыл глаза и спросил: «Где я?» И Сахим сказал: «Ты пред царём Гарибом, сыном Кондемира, царя Ирака». И, услышав эти слова, аль-Джаланд воскликнул: «О царь, я под твоей защитой! Узнай, что нет за мною вины, и тот, кто вывел нас сражаться, – твой брат. Он бросил между нами с тобой вражду и убежал». – «А знаешь ли ты, где пролегает его дорога?» – спросил Гариб. И аль-Джаланд ответил: «Нет, клянусь солнцем, обладателем сияний, я не знаю, куда он пошёл!» И Гариб велел заковать аль-Джаланда и сторожить его, и все предводители отправились в свои палатки. И аль-Джамракан со своими людьми тоже

вернулся и сказал: «О дети моего дяди, я намерен сделать сегодня ночью дело, которым обелю своё лицо перед царём Гарибом». – «Делай что хочешь, мы покорны и послушны твоему приказу», – сказали воины. И аль-Джамракан молвил: «Возьмите оружие, а я буду с вами. И ступайте легко, не давая и муравьям узнать о себе, и рассыпьтесь вокруг шатров нечестивых, а когда услышите моё славословие, восславьте Аллаха и крикните: „Аллах велик!“ Потом отступите, направляясь к воротам города, и мы будем просить поддержки у Аллаха великого».

И воины вооружились полным вооружением и, выждав до полуночи, рассыпались вокруг нечестивых и подождали некоторое время. И вдруг аль-Джамракан ударил мечом по щиту и воскликнул: «Аллах велик!» – так, что долина загудела. И его люди сделали то же самое и закричали: «Аллах велик!» – так, что загудели долина и горы, и пески, и холмы, и все покинутые ставки, и проснулись нечестивые, ошеломлённые этим, и бросились друг на друга, и заходил между ними меч. А мусульмане отошли назад и направились к городским воротам и, перебив привратников, вошли в город и овладели им и тем, что в нем было из богатств и женщин.

Вот что случилось с аль-Джамраканом. Что же касается царя Гариба, то, когда он услышал крики: «Аллах велик!» – он сел на коня, и сели все воины до последнего. И Сахим выступил вперёд и приблизился к месту стычки. И он увидел, что Бену-Амир и аль-Джамракан совершили набег на нечестивых и напоили их чашею смерти, и вернулся и рассказал своему брату, и Гариб пожелал аль-Джамракану блага. А неверные нападали друг на друга остерегающимися мечами, не жалея усердия, пока не взошёл день, озаряя светом страны, и тогда Гариб крикнул людям: «Нападайте, о благородные, и удовлетворите всеведущего царя».

И понеслись чистые на нечистых, и заиграл меч, и разгулялось копье в груди всех лицемеров из нечестивых, и они захотели войти в город, но вышел к ним аль-Джамракан и его родичи, и грудь с грудью встретились они между горами, окружавшими их, и перебили людей бесчисленных, а остальные рассеялись в степях и пустынях...»

И Шахразад утробно сказала, и она прекратила дозволенные речи.

Ночь, дополняющая до шестисот пятидесяти

Когда же настала ночь, дополняющая до шестисот пятидесяти, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что, когда войска мусульман напали на нечестивых, они растерзали их остерегающимся мечом, и неверные рассеялись по степям и пустыням, и мусульмане до тех пор преследовали их с мечом, пока они не рассыпались по долинам и кручам. А затем мусульмане вернулись в город Оман, и царь Гариб вошёл во дворец аль-Джаланда и сел на престол его царства, и его сподвижники окружили его, стоя справа и слева. И он позвал аль-Джаланда, и к нему поспешили и привели его пред лицо царя Гариба, и тот предложил ему принять ислам, но аль-Джаланд отказался, и Гариб приказал распять его на воротах города, а потом в него бросали стрелы, пока он не стал точно ёж. А затем Гариб наградил аль-Джамракана и сказал ему: „Ты – правитель города и повелитель его и властен в нем вязать и разрешать: ты ведь завоевал его своим мечом и людьми“.

И аль-Джамракан поцеловал ногу Гариба и поблагодарил его и пожелал ему вечной победы, величия и счастья» а потом Гариб открыл казну и посмотрел, какие там богатства, и после этого он роздал деньги предводителям и мужьям – обладателям знамён и бойцам, и наделил женщин и детей, и раздавал деньги десять дней.

И после этого, однажды ночью, он спал и увидел во сне устрашающее видение и проснулся, испуганный и боящийся. И он разбудил своего брата Сахима и сказал ему: «Я видел во сне, что мы в долине и что эта долина – место обширное. И ринулись на нас две хищные птицы, больше которых я не видел в жизни, и ноги у них подобны копьям. И они бросились на нас, и мы их испугались. Вот что я видел».

И когда Сахим услышал эти слова, он сказал: «О царь, это – великий враг; охраняй себя от него».

И Гариб не спал остальную ночь, а когда наступило утро, он потребовал своего коня и сел, а Сахим спросил его: «Куда ты едешь, о брат мой?» И Гариб ответил: «Сегодня утром у меня стеснилась грудь, и я хочу проехать десять дней, чтобы моя грудь расправилась». – «Возьми с собой тысячу богатырей», – сказал ему Сахим. Но Гариб воскликнул: «Поеду только я и ты – никто больше!»

И тогда Гариб и Сахим сели на коней и поехали, направляясь к долинам и лугам, и они ехали от долины к долине и от луга к лугу, пока не проехали мимо одной долины, где было много деревьев, плодов и рек, где благоухали цветы, и птицы на ветвях пели на разные напевы, и соловей повторял свои колена приятным голосом, а горlinkа наполняла местность пением, и звуки соловья пробуждали дремлющего, и дрозд пел как человек, вяхирю и голубю отвечал ясным голосом попугай. И было среди древесных плодов – каждого съедобного плода по паре. И понравилась юношам эта долина, и они поели её плодов и напились из её каналов и присели под тенью деревьев.

И одолела их дремота, и они заснули – слава тому, кто не спит! И пока они спали, вдруг низринулись на них два могучих марида, и каждый из них положил одного человека себе на плечо, и они поднимались по воздуху ввысь, пока не оказались над облаками. И Сахим с Гарибом проснулись и увидели себя между небом и землёй, и они посмотрели, кто их несёт, и вдруг видят: это – два марида, и у одного из них голова, как у пса, а у другого, как у обезьяны, и он подобен пальме. И волосы у обоих, как конский хвост, и когти, как у льва. И когда Гариб и Сахим увидели эти обстоятельства, они воскликнули: «Нет мощи и силы, кроме как у Аллаха!»

Причиною всего этого было то, что у одного царя из царей джиннов по имени Муриш был сын по имени Саик, и он любил девушку из джиннов по имени Наджда. И Саик с Надждой встречались в этой долине в облике птиц. Гариб с Сахимом увидели Сайка и Наджду и подумали, что это птицы, и бросили в них стрелу. И стрела попала только в Сайка, и у него потекла кровь, а Наджда опечалилась о Сайке и схватила его и полетела, боясь, что её поразит то же, что поразило Сайка, и летела с ним до тех пор пока не бросила его у дверей дворца его отца. И привратники подняли Сайка и бросили его перед отцом, и когда Муриш посмотрел на своего сына и увидел стрелу у него в ребре, он воскликнул: «Увы, мой сын! Кто сделал с тобою это дело, я разрушу его страну и ускорю его гибель, хотя бы это был величайший из царей джиннов!»

И тогда Саик открыл глаза и молвил: «О батюшка, убил меня не кто иной, как человек из Долины Ручьёв». И не кончил он ещё говорить, как его дух поднялся, а отец стал так бить себя по лицу, что у него изо рта показалась кровь, и он кликнул двух маридов и сказал им: «Отправляйтесь в Долину Ручьёв и принесите мне всех, кто там есть!» И мариды полетели и достигли Долины Ручьёв и, увидев Гариба и Сахима, которые спали, схватили их и понесли, и доставили к Муришу.

И когда Сахим и Гариб пробудились от сна, они увидели себя между небом и землёй и воскликнули: «Нет, мощи и силы, кроме как у Аллаха, высокого, великого!..»

И Шахразад застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Шестьсот пятьдесят первая ночь

Когда же настала шестьсот пятьдесят первая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что мариды схватили Гариба и Сахима и принесли их к Муришу, царю джиннов, и когда их поставили перед Муришем, они нашли его сидящим на престоле своего царства, и был он подобен высокой горе, и на его теле было четыре головы: голова льва, голова слона, голова пантеры и голова барса. И мариды поставили Гариба и Сахима перед Муришем и сказали: „О царь, вот те, кого мы нашли в Долине Ручьёв“. И царь посмотрел на

них глазами гнева и стал хрипеть и храпеть, и из носа его полетели искры, и испугались его все, кто присутствовал. „О собаки из людей, вы убили моё дитя и зажгли огонь в моей печени!“ – воскликнул он. И Гариб молвил: – „А кто это твоё дитя, которое мы убили, и кто видел твоё дитя?“ – „Разве не вы были в Долине Ручьёв и не увидели моего сына в облике птицы и не бросили в него деревянную стрелу и он не умер?“ – воскликнул царь. И Гариб сказал: „Я не знаю, кто убил птицу! Клянусь великим господом, единственным, извечным, который знает о всякой вещи, клянусь другом Аллаха Ибрахимом, мы не видели птицы и не убили ни зверя, ни птицы!“

И когда Муриш услышал слова Гариба, который клялся Аллахом и его величием и пророком и другом его Ибрахимом, он понял, что Гариб – мусульманин. А Муриш поклонялся огню, вместо всевластного владыки, и он закричал своим людям и крикнул: «Принесите мне моего владыку!» И ему принесли печь из золота и поставили её перед ним и зажгли в ней огонь и бросили в печь зелья, и поднялось из печи пламя зеленое, пламя синее и пламя жёлтое. И распростёрся перед ним царь и все присутствующие, а Гариб и Сахим при всем этом возвещали единственность Аллаха великого и возвеличивали его и свидетельствовали, что Аллах властен во всякой вещи. И царь поднял голову и увидел, что Гариб и Сахим стоят и не пали ниц, и воскликнул: «О собаки, что это вы не падаете ниц?» И тогда Гариб вскричал: «О проклятые, падают ниц только перед владыкой, которому поклоняются, выводящему все сущее из небытия в бытие, извлекающему воду из твёрдой скалы, который внушает родителю нежность к новорождённому, которому не приписывают ни стояния, ни сидения, господу Нуха, Салиха, Худа и Ибрахима, друга Аллаха. Он – тот, кто создал рай и огонь и создал деревья и плоды, он – Аллах, единый, покоряющий».

И когда Муриш услышал эти слова, его глаза закатились под темя, и он крикнул своим людям: «Скрутите этих собак и принесите их в жертву моему владыке!» И Сахима с Гарибом скрутили и хотели бросить в огонь, и вдруг одна из бойниц дворца упала на печь, и она сломалась, и огонь потух и превратился в пепел, летающий по воздуху. И Гариб воскликнул: «Аллах велик! Он дал победу и поддержку и покинул тех, кто не верует! Аллах превыше тех, кто поклоняется огню, вместо всевластного владыки!» И тогда царь вскричал: «Ты – колдун и околдовал моего владыку, так что с ним случилось такое дело». – «О бесноватый, – сказал Гариб, – если бы у огня была тайна и доказательство, он бы защитил себя от того, что для него бедственно».

И царь, услышав его слова, зарычал и забушевал и стал ругать огонь и воскликнул: «Клянусь моей верой, я убью вас не иначе, как в нем!» И он приказал заточить Гариба и Сахима и, призвав сто маридов, велел им принести много дров и зажечь их огнём, и мариды сделали это, и запылал великий огонь, который горел до утра.

А затем Муриш сел на слона, находясь на золотом престоле, украшенном драгоценными камнями, и окружили его племена джиннов (а их много разных родов) и привели Гариба и Сахима, и когда юноши увидели пламя огня, они воззвали о помощи к единому, покоряющему, творцу ночи и дня, великому саном, которого не постигают взоры, а он постигает взоры, и он есть милостивый, пресведущий, и все время искали его защиты. И вдруг поднялось облако с запада до востока и пролилось дождём, как переполненное море, и погасило огонь. И испугались царь и его воины и вошли во дворец, и затем царь обратился к везирю и вельможам царства и спросил их: «Что вы скажете об этих людях?» И они сказали: «О царь, если бы они не стояли на истине, с огнём не случилось бы того, что случилось. Мы говорим, что они стоят на пути истины и правды. – „Стала и мне видна истина и явный путь, и поклонение огню – ложно! – воскликнул царь. – Если бы это был владыка, он бы наверное защитил себя от дождя, который его погасил, и от камней, которые сломали его печь, так что он превратился в пепел. Я уверовал в того, кто создал огонь, и свет, и тень, и жар. А вы что скажете?“ – „О царь, мы также следуем тебе, послушные и покорные“, – сказали вельможи, и царь призвал Гариба. И когда его привели, он поднялся и обнял его и поцеловал меж глаз и так же поцеловал Сахима. И воины столпились около Гариба и Сахима, целуя им руки и головы...»

И Шахразадку застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Шестьсот пятьдесят вторая ночь

Когда же настала шестьсот пятьдесят вторая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что, когда Муриш, царь джиннов, со своими людьми нашёл путь к исламу, он велел призвать Гариба и его брата Сахима и поцеловал их меж глаз. И вельможи его царства тоже толпились тут же, целуя юношам руки и головы. А потом царь Муриш сел на престол своего царства и посадил Гариба от себя справа, а Сахима – слева, и сказал: „О человек, что нам сказать, чтобы стать мусульманами?“ – „Скажите: «Нет бога, кроме Аллаха, Ибрахим – друг Аллаха“, – сказал Гариб. – Я царь со своими людьми принял ислам сердцем и языком, и Гариб стал учить их молитве.

А потом Гариб вспомнил своих людей и вздохнул, а царь джиннов сказал ему: «Ушло огорчение и исчезло, и пришли веселье и радость». – «О царь, – сказал Гариб, – у меня много врагов, и я боюсь из-за них за мой народ». И он рассказал ему о том, что случилось у него с братом его Аджибом, с начала до конца, а царь джиннов сказал ему: «О царь людей, я пошлю разведать для тебя вести о твоём народе и не дам тебе уйти, пока не смогу насладиться твоим лицом».

И он позвал двух могучих маринов, одного из которых звали аль-Кайладжан, а другого – аль-Кураджан, и когда марины явились и поцеловали землю, царь сказал им: «Отправляйтесь в Йемен и узнайте все о войсках и отрядах этих людей». И марины ответили: «Слушаем и повинемся!» И затем они отправились и полетели к Йемену.

Вот что случилось с Гарибом и Сахимом. Что же касается воинов мусульман, то наутро они с предводителями сели на коней и направились во дворец царя Гариба, чтобы ему служить, и евнухи сказали им: «Царь с братом сели зарёю на коней и уехали». И предводители сели и направились в долины и горы и до тех пор шли по следу, пока не достигли Долины Ручьёв. И они увидели брошенные доспехи Гариба и Сахима и их коней, которые паслись. И тогда предводители воскликнули: «Царь исчез в этом месте! О сан друга Аллаха Ибрахима!» И затем они разъехались и искали в долине и в горах три дня, но им не явилось никакой вести, и тогда они стали оплакивать юношей и позвали скороходов и сказали им: «Разойдитесь по городам, крепостям и укреплениям и узнайте вести о нашем царе». И скороходы сказали: «Слушаем и повинемся!» – и разошлись, и каждый из них направился в какой-нибудь климат.

А до Аджиба дошло через лазутчиков сведение о его брате, что он исчез и на весть о нем не напали, и Аджиб обрадовался исчезновению своего брата Гариба и возвеселился. И он вошёл к царю Ярубубу ибн Кахтану (а он искал у него защиты, и Ярубуб защитил его), и тот дал ему двести тысяч амалекитян, и Аджиб пошёл со своим войском и стал лагерем у Омана. И вышли к ним аль-Джамракан и Садан и сразились с ними, и было убито из мусульман множество воинов. И они вошли в город и заперли ворота и укрепили городские стены. И тут прилетели марины» – аль-Кайладжан и аль-Кураджан – и увидели, что мусульмане в осаде. И они выждали, пока пришла ночь, и заработали среди неверных острыми мечами из мечей джиннов, – каждый меч был длиною в двенадцать локтей, и если бы человек ударил им камень, он бы раздробил его», – и бросились на них, восклицая: «Аллах велик, он даёт победу и поддержку и покидает того, кто отверг веру Ибрахима, друга Аллаха!»

А потом они начали хватать неверных и умножили среди них убийство, и выходил из их ртов и ноздрей огонь. И неверные вышли из своих палаток и увидели вещи удивительные, от которых поднимаются волосы на теле, и помрачился их ум и улетел разум. И они схватили оружие и бросились друг на друга, а марины косили головы нечестивых, крича: «Аллах велик! Мы – слуги царя Гариба, друга царя Муриша, царя джиннов!» И меч ходил среди неверных, пока не наступила полночь, и показалось нечестивым, что все горы – ифриты. И они погрузили палатки, грузы и деньги на верблюдов и вознамерились уйти, и

первым побежал из них Аджиб...»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Шестьсот пятьдесят третья ночь

Когда же настала шестьсот пятьдесят третья ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что нечестивые вознамерились уйти, и первым побежал из них Аджиб. А мусульмане собрались, дивясь делу, которое случилось с неверными, и испугались племён джиннов, и марида до тех пор были на затылках неверных, пока не рассеяли их по степям и пустыням, И спаслись от ифритов лишь пятьдесят тысяч амалекитян из первоначальных двухсот тысяч, и направились они в свои земли, разбитые и израненные. А марида сказали мусульманам: „О воины, царь Гариб, ваш господин, и его брат желают вам мира, и они в гостях у царя Муриша, царя джиннов, и вскоре будут с вами“. И когда воины услышали весть о Гарибе и о том, что он здоров, они обрадовались сильной радостью и сказали маридам: „Да обрадует вас Аллах доброй вестью, о благородные духи!“

И потом марида вернулись и вошли к царю Гарибу и царю Муришу и, найдя их сидящими, рассказали им о том, что случилось и что они сделали, и цари пожелали им благого возмещения, и сердце Гариба успокоилось. И царь Муриш сказал ему: «О брат мой, я хочу провести тебя по нашей земле и показать тебе город Яфиса, сына Нуха⁵⁴², – мир с ним!» – «О царь, делай как тебе вздумается», – сказал Гариб. И царь велел привести юношам двух коней и сел с Гарибом и Сахимом и поехал, и поехала с ними тысяча марилов. И они двинулись, подобные куску горы, разрезанному вдоль, и гуляли по долинам и горам, пока не прибыли в город Яфиса, сына Нуха – мир с ним! И вышли им навстречу жители города, большие и малые, и встретили Муриша, и он вступил в город в великолепном шествии, а затем он поднялся во дворец Яфиса, сына Нуха, и сел на престол его царства. А престол этот был мраморный, с решётками из золотых тростей, а высотой – в десять ступеней, и был он устлан всевозможными цветными шелками. И когда жители города выступили перед ним, царь сказал им: «О семья Яфиса, сына Нуха, чему поклонялись ваши отцы и деды?» – «Мы нашли, что наши отцы поклоняются огню, и последовали им, и ты лучше это знаешь», – сказали жители. И царь молвил: «О люди, мы увидели, что огонь – творение из творений великого Аллаха, который сотворил всякую вещь. Когда я узнал это, я предался Аллаху, единому, покоряющему, творцу ночи и дня и вращающегося небосвода, которого не постигают взоры, а он постигает взоры, и он – милостивый и всеведущий. Примите же ислам – вы спасётесь от гнева всевластного, а в последней жизни – от пытки огнём».

И жители города предались Аллаху сердцем и языком, и Муриш взял Гариба за руку и показал ему дворец Яфиса, – как он построен и какие в нем диковины. И он вошёл в комнату оружия и показал ему оружие Яфиса, и Гариб увидел меч, повешенный на золотом колышке, и спросил: «О царь, это чей меч?» И царь ответил: «Это меч Яфиса, сына Нуха, которым он сражался с людьми и джинами. Его выковал мудрец Джардум, и он написал на его поверхности великие имена. Если ударить им по горе, он её разрушит. И называется этот меч аль-Махик:⁵⁴³ когда он опускается на человека, то губит его, а опускаясь на джинна, уничтожает его».

И когда услышал Гариб слова Муриша об упомянутых достоинствах этого меча, он сказал: «Я хочу посмотреть на этот меч». – «Перед тобою то, что ты хочешь», – ответил Муриш. И Гариб протянул руку и, взяв меч, вытянул его из ножен, и засверкал он, и заиграла

⁵⁴² Яфис – библейский Иафет, сын Ноя (Нуха). В дальнейшем повествовании город Яфиса носит название Джабарса.

⁵⁴³ Аль-Махик означает – губящий, уничтожающий.

смерть, блистая, по его лезвию. А было оно длиною в двенадцать пядей, а шириною в три пяди. И Гариб хотел взять меч, и царь Муриш сказал ему: «Если ты можешь им ударить, возьми его». И Гариб сказал: «Хорошо!» И взял меч в руку, и он был у него в руке точно посох, и присутствующие – люди и джинны – удивились и воскликнули: «Ты отличился, о господин витязей! Наложь свою руку на это сокровище, о котором вздыхают цари земли, и садись на коня, а я буду тебе показывать», – сказал Муриш. И Гариб сел на коня, и Муриш тоже сел, а люди и джинны последовали за ними, прислуживая...»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Шестьсот пятьдесят четвёртая ночь

Когда же настала шестьсот пятьдесят четвёртая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что царь Гариб и царь Муриш сели на коней в городе Яфиса, а люди и джинны последовали за ними, прислуживая им. И цари ехали мимо пустых дворцов и домов и покинутых площадей и ворот. А затем они вышли из ворот города и стали гулять в садах, где были плодоносные деревья и текущие реки, и говорящие птицы, которые прославляли того, кому принадлежит могущество и вечность. И они гуляли до тех пор, пока не наступил вечер, а потом вернулись и остались на ночь во дворце Яфиса, сына Нуха. И когда они туда прибыли, им подали столик, и они поели, и Гариб обратился к царю джиннов и сказал: „О царь, я намерен отправиться к моим людям и воинам. Я не знаю, каково им было после меня“.

И царь Муриш, услышав слова Гариба, воскликнул: «О брат мой, клянусь Аллахом, я не хочу с тобой расставаться и не дам тебе уйти раньше, чем через месяц, чтобы я мог насладиться твоим видом!» И Гариб не мог ему перечить и прожил целый месяц в городе Яфиса, а потом он поел и попил, и царь Муриш дал ему подарки из редкостей, дорогих металлов и драгоценностей: изумруды, бадахшанские рубины, камень алмаз и куски золота и серебра, а также мускуса и амбры и отрезы шелка, затканного золотом, и сделал Гарибу и Сахиму одежды из шёлковой материи, затканные золотом, а Гарибу он сделал венец, окаймлённый жемчугом и драгоценными камнями, которого не оценить никакой ценой. И затем он сложил все это в мешки и позвал пятьсот маринов и сказал им: «Собирайтесь выезжать завтра, чтобы мы проводили царя Гариба с Сахимом в их страну». И марины ответили: «Слушаем и повинемся!» И провели ночь с намерением ехать.

А когда настало время выезжать, вдруг появились кони и барабаны и ревущие трубы, и марины наполнили землю. А было их семьдесят тысяч маринов летающих и ныряющих, и их царя звали Баракан.

А прибытию этого войска была великая и дивная причина, и было это дело волнующее, необычайное, о котором мы расскажем по порядку.

Этот Баракан был властителем Сердоликового города и Золотого дворца, и он властвовал над пятью кувшинами, в каждом из которых было пятьсот тысяч маринов. Он и его племя поклонялись огню, вместо всевластного владыки. И этот царь был сыном дяди Муриша, а среди людей Муриша был один нечестивый марид, который принял ислам из лицемерия, и он скрылся в толпе своих родичей и ушёл, и шёл до тех пор, пока не достиг Долины Сердоликов. И он вошёл во дворец царя Баракана и поцеловал землю меж его рук и пожелал ему вечной славы и счастья, а потом он рассказал царю о принятии Муришем ислама. И Баракан спросил его, как он отступил от своей веры. И марид рассказал ему обо всем, что случилось. Когда Баракан услышал его слова, он стал храпеть и хрипеть и бранить солнце, луну и огонь, мечущий искры, и воскликнул: «Клянусь моей верой, я убью сына моего дяди, его народ и того человека и не оставлю из них никого!» И он кликнул племена джиннов и выбрал из них семьдесят тысяч маринов и шёл с ними, пока не дошёл до города Джабарса, и они окружили город, как нами упомянуто. И царь Баракан расположился напротив городских ворот и поставил свои палатки, и Муриш позвал одного марида и сказал:

«Подойди к этим воинам, посмотри, чего они хотят, и приходи ко мне скорее». И мари́д пошёл и вошёл в лагерь Баракана, и мари́ды поспешили к нему и спросили его: «Кто ты?» – «Посланец Муриша», – ответил мари́д. И его взяли и поставили перед Бараканом, и он пал перед ним ниц и сказал: «О владыка, мой господин послал меня к вам, чтобы я узнал, что с вами случилось». – «Вернись к твоему господину, – сказал Баракан, – и скажи ему: „Это сын твоего дяди Баракан пришёл тебя приветствовать...“»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Шестьсот пятьдесят пятая ночь

Когда же настала шестьсот пятьдесят пятая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что мари́д, посланец Муриша, войдя к Баракану, сказал: „Мой господин послал меня к тебе, чтобы я узнал, что с вами случилось“. И Баракан сказал ему: „Вернись к твоему господину и скажи ему: «Сын твоего дяди Баракан пришёл тебя приветствовать“».

И мари́д вернулся к своему господину и рассказал ему об этом, и Муриш сказал Гарибу: «Сиди на своём престоле, а я пойду поприветствую сына моего дяди и вернусь к тебе».

И он сел на коня и поехал, направляясь к шатрам, а Баракан сделал это из хитрости, чтобы Муриш вышел и он схватил бы его. И он поставил вокруг себя мари́дов и сказал им: «Когда вы увидите, что я его обнимаю, хватайте его и вяжите». И мари́ды сказали ему: «Слушаем и повинемся!» После этого царь Муриш приехал и вошёл в шатёр сына своего дяди, и тот поднялся и обнял его, и джинны ринулись на Муриша и скрутили его и заковали. И Муриш посмотрел на Баракана и спросил его: «Что это за обстоятельства?» И Баракан воскликнул: «О собака из джиннов, ты оставляешь свою веру и веру твоих отцов и дедов и вступаешь в веру, которой ты не знаешь!» – «О сын моего дяди, – сказал Муриш, – я увидел, что вера Ибрахима, друга Аллаха, истинна, а иная – ложна». – «А кто вам рассказал?» – спросил Баракан. «Гариб, царь Ирака, и он у меня на самом славном месте», – ответил Муриш. И Баракан воскликнул: «Клянусь огнём, и светом, и мраком, и жаром, я убью его и всех вас!»

И потом он велел его заточить, и когда слуга Муриша увидел, что постигло его господина, он повернулся, убежал в город и осведомил людей царя Муриша о том, что выпало их господину. И они закричали и вскочили на коней. И Гариб спросил: «В чем дело?» И его осведомили о том, что случилось, и он кликнул Сахима и сказал ему: «Оседлай мне коня из тех двух коней, которых мне дал царь Муриш». – «О брат мой, ты будешь сражаться с джиннами?» – спросил Сахим. «Да, – отвечал Гариб, – я буду сражаться с ними мечом Яфиса, сына Нуха, и попрошу помощи у господина нашего Ибрахима, друга Аллаха, – мир с ним! – он владыка всякой вещи и создатель её».

И Сахим оседлал Гарибу рыжего коня из коней джиннов, подобного крепости из крепостей, а потом Гариб взял боевые доспехи, вышел и сел на коня. И отряды джиннов тоже вышли, одетые в кольчуги. И Баракан со своими людьми сел на коня, и выстроились воины, и войска начали сражаться, и первым, кто открыл врата боя, был царь Гариб. Он погнал своего коня на боевое поле и обнажил меч Яфиса, сына Нуха, – мир с ним! – от которого исходит яркий свет, слепивший глаза всем джиннам, и запал из-за него в сердце их страх. И Гариб играл мечом, пока не ошеломил разум джиннов. А потом он закричал: «Аллах велик! Я – царь Гариб, царь Ирака! Нег веры, кроме веры Ибрахима, друга Аллаха!» И когда Баракан услышал слова Гариба, он воскликнул: «Вот кто изменил веру сына моего дяди и отвернул его от его веры. Клянусь моей верой, я не сяду на престол, пока не отрежу Гарибу голову, не потушу его дыхания и не верну сына моего дяди с его людьми к их вере. А кто будет мне перечить, того я погублю».

И он сел на слона, белого, цвета бумаги, подобного высокой башне, и закричал на него и ударил его стальным копьём, которое утонуло в его мясе. И слон заревел, и Баракан

направился к боевому полю и к месту боя и сражения, и приблизился к Гарибу и сказал ему: «О собака из людей, что привело тебя в нашу землю? Ты испортил сына моего дяди и его людей и вывел их из одной веры в другую! Знай – сегодняшний день – последний твой день в жизни».

И Гариб, услышав эти слова, воскликнул: «Прочь, ничтожнейший из джиннов!» И Баракан вытащил дротик и, взмахнув им, метнул его в Гариба, но промахнулся, и тогда он метнул второй дротик, и Гариб подхватил его и, взмахнув им, послал его к слону. И дротик вошёл слону в бок и вышел из другого бока, и слон упал на землю убитый, а Баракан свалился, точно высокая пальма. И Гариб не дал ему двинуться и ударил его мечом Яфиса, сына Нуха, по стволу его шеи, и Баракана покрыло беспамьятство. И марида устремились к нему и скрутили ему руки. И когда люди Баракана посмотрели на своего царя, они ринулись, желая его освободить, но Гариб понёсся на них, и понесли с ним правоверные джинны. От Аллаха доблесть Гариба – он ублаготворил царя отвечающего и утолил жажду мести заколдованным мечом, и всякий, кого он ударял, был сломлен, и дух его, не успев подняться, становился пеплом в огне! И правоверные бросились на нечестивых джиннов, и они стали кидать друг на друга огненные стрелы, и распространился дым. А Гариб гарцевал между ними, и они рассыпались перед ним. И царь Гариб достиг шатра царя Баракана, подле которого стояли аль-Кайладжан и аль-Кураджан, и крикнул маридам: «Развяжите вашего господина». И они развязали его и разбили его оковы...

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Шестьсот пятьдесят шестая ночь

Когда же настала шестьсот пятьдесят шестая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что царь Гариб крикнул аль-Кайладжану и аль-Кураджану: „Развяжите вашего господина!“ И они развязали его и разбили его оковы. И царь Муриш сказал им: „Принесите мне доспехи и приведите летающего коня!“

А у царя было два коня, летавших по воздуху, и он дал одного коня Гарибу, а другой остался у него. Ему привели коня после того, как он надел боевые доспехи, и они с Гарибом понесли, и кони летели под ними, а их люди летели сзади них, и цари кричали: «Аллах велик! Аллах велик!» И отвечали им земля, и горы, и долины, и холмы. И они вернулись назад, после того как было убито больше чем тридцать тысяч маринов и шайтанов, и вошли в город Яфиса. И цари сели на места величия и стали искать Баракана, но не нашли его, так как, когда они взяли его в плен, их отвлекло от него сражение. И один ифрит из слуг царя поспешил к нему, развязал его и пронёс, подняв его над людьми. И Баракан увидел, что некоторые из них убиты, а другие бегут. И ифрит полетел с ним по небу и спустился в Сердоликовом городе, в Золотом дворце, и царь Баракан сел на престол своего царства, и пришли к нему его люди, которые остались целы после убийства, и вошли к нему и поздравили его с благополучием.

«О люди, – сказал царь, – а где же благополучие, когда моё войско перебито, а меня взяли в плен и опорочили мою честь среди племён джиннов?»

«О царь, – ответили люди Баракана, – цари всегда поражаемы и поражают». И царь воскликнул: «Я неизбежно отомщу и сниму с себя позор, а иначе я стану позорищем племён джиннов».

И затем он написал письма и послал за жителями крепостей, и они пришли к нему, послушные и покорные. Баракан сделал им смотр, и оказалось, что их триста тысяч и двадцать тысяч маринов – великанов и шайтанов. «Какая у тебя нужда до нас?» – спросили они, и царь сказал: «Готовьтесь выступить через три дня». И джинны отвечали: «Слушаем и повинемся!»

Вот что было с царём Бараканом. Что же касается царя Муриша, то, когда он вернулся и начал искать Баракана и не нашёл его, ему сделалось тяжело, и он воскликнул: «Если бы мы

поставили сотню маринов сторожить его, он не убежал бы. Но, однако, куда он от нас уйдёт?» И потом Муриш сказал Гарибу: «Знай, о брат мой, что Баракан вероломен и он не станет медлить с отмщением, а он непременно соберёт свои отряды и приедет с ними к нам. И я хочу его настигнуть, пока он слаб после своего поражения».

«Вот оно, правильное мнение и дело непорицаемое!» – воскликнул Гариб. И Муриш сказал Гарибу: «О брат мой, пусть марины доставят вас в вашу страну, а меня оставьте воевать с неверными, чтобы облегчилась моя ноша». – «Нет, клянусь кротким, великодушным покровителем, я не уеду из этих земель, пока не уничтожу всех нечестивых джиннов и не поспешит Аллах направить их дух в огонь (и как скверен этот исход!), а спасётся лишь тот, кто поклоняется Аллаху, единому, покоряющему!» – воскликнул Гариб. «Но пошли Сахима в город Оман, может быть, он оправится от болезни» (а Сахим был болен). И Муриш закричал маридам: «Отнесите Сахима, эти деньги и подарки в город Оман!» И они ответили: «Слушаем и повинемся!» И понесли Сахима и подарки и направились в страны людей. А Муриш написал письма в свои крепости и ко всем наместникам, и они явились, – а числом их было сто тысяч и шестьдесят тысяч, – и собрались и пошли, направляясь в Сердоликовую страну к Золотому дворцу. И они покрыли в один день расстояние года пути и пришли в одну долину и расположились там на отдых и спали, пока не настало утро, а потом хотели трогаться, и вдруг появился отряд джиннов, и джинны закричали, и два войска встретились в этой долине и понеслись друг на друга, и началось между ними избиение, и усилилась схватка, и увеличилось потрясение, и дурными стали обстоятельства. И пришло значительное и ушло воображаемое, и прекратились толки и разговоры, и сократились долгие жизни, и впали нечестивые в унижение и умопомрачение. И понёсся Гариб, объявляя единственным единого, возвышенного, которому поклоняются, и стал рубить шеи, оставляя головы скатившимися в пыль, и не наступил ещё вечер, как было убито из нечестивых около семидесяти тысяч. И тогда ударили в литавры окончания, и воины оставили друг друга...».

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Шестьсот пятьдесят седьмая ночь

Когда же настала шестьсот пятьдесят седьмая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что, когда войска оставили друг друга и разошлись, Муриш и Гариб расположились в шатрах. Сначала они почистили себе оружие, затем им принесли ужин, и они поели и поздравили друг друга с благополучием (а в их войске было убито больше десяти тысяч маринов).

Что же касается Баракана, то он расположился у себя в шатре, горюя о своих убитых помощниках: «О люди, если бы мы провели, сражаясь с врагами, три дня, они бы нас уничтожили до последнего». – «А что же нам делать, о царь?» – спросили они его, и он сказал: «Ринемся на них во мраке ночи, когда они спят, и когда никто не сможет доставить вести о нас. Приготовьтесь же и киньтесь на ваших врагов, и понеситесь на них, как один человек». И люди Баракана сказали: «Слушаем и повинемся!»

И затем они стали готовиться к нападению. А среди них был один марида по имени Джандаль, сердце которого стало готовым для принятия ислама. И когда он увидел, на что вознамерились неверные, он ушёл от них и, войдя к Муришу и царю Гарибу, рассказал им, что неверные придумали. И Муриш обернулся к Гарибу и спросил его: «О брат мой, что делать?» И Гариб отвечал: «Сегодня ночью мы бросимся на неверных и рассеем их по пустыням и степям властью царя могучего».

И затем он позвал предводителей джиннов и сказал им: «Возьмите вы и ваши люди доспехи войны, и когда ниспадет мрак, выскальзывайте на ногах сотня за сотней и оставьте шатры пустыми и скройтесь в горах. А когда вы увидите, что враги между шатрами, нападайте на них со всех сторон. Укрепите вашу решимость и положитесь на вашего

господа. Вы будете поддержаны Аллахом, и я – с вами».

И пришла ночь, и неверные ринулись к палаткам, призывая на помощь огонь и свет, и когда они оказались между шатрами, правоверные бросились на нечестивых, призывая на помощь господу миров и восклицая: «О милостивейший из милостивых, о творец всех тварей!» И оставили их скошенными и остывшими. И не наступило ещё утро, как сделались неверные телами без духа, а те, кто остался жив, устремились в степи и долины. И вернулись Муриш с Гарибом, поддержанные Аллахом, победоносные, и разграбили имущество неверных и проспали ночь до утра, а потом пошли, направляясь в Сердоликовый город и Золотой дворец.

Что же касается Баракана, то, когда война обернулась против него и перебили большинство его людей во мраке ночи, он повернулся, убегая с теми, кто остался жив из его воинов, и достиг своего города. И он пошёл к себе во дворец и собрал свои отряды и сказал им: «О люди, тот, у кого что-нибудь есть, пусть берет это и присоединяется ко мне на горе Каф, у Синего царя, владыки Пёстрога дворца: он тот, кто за нас отомстит».

И люди Баракана взяли своих жён и детей и имущество и направились к горе Каф, а Муриш с Гарибом достигли Сердоликового города и золотого дворца и увидели, что ворота открыты и нет в городе никого, кто рассказал бы о нем что-нибудь. И Муриш взял Гариба с собою и стал ему показывать Сердоликовый город и золотой дворец. А фундамент городских стен был из изумруда, и ворота из красного сердолика, с серебряными гвоздями, а крыши его домов и дворцов были из алоэ и сандала. И вошедшие в город пошли и разошлись по его улицам и переулкам и достигли Золотого дворца. И они переходили из одного прохода в другой и вдруг увидели постройку из царственного бадахшанского рубина, полы в которой были из изумруда и яхонта! А Муриш с Гарибом вошли во дворец, ошеломлённые его красотой, и ходили с места на место, пока не прошли семь проходов. И когда они вошли внутрь дворца, то увидели четыре портика, каждый из которых не был похож на другой, а посреди дворца был бассейн из червонного золота, над которым были изображения золотых львов, и вода текла из их пастей. И увидели цари нечто смущающее мысли. Портник, находившийся в передней части зала, был устлан коврами, затканными цветным шёлком, и под ним стояли два престола из червонного золота, украшенные жемчугом и драгоценными камнями. И Муриш с Гарибом сели на престол Баракана и устроили в Золотом дворце большое торжество...»

И Шахразад устала, и она прекратила дозволенные речи.

Шестьсот пятьдесят восьмая ночь

Когда же настала шестьсот пятьдесят восьмая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что Муриш с Гарибом сели на престол Баракана и устроили большое торжество, а потом Гариб спросил Муриша: „Какой ты придумал план?“ – „О царь людей, – ответил Муриш, – я послал сто всадников узнать, где находится Баракан, чтобы мы пошли вслед за ним“.

И они пробыли в Золотом дворце три дня, пока не прилетели марида. И, вернувшись, они рассказали, что Баракан отправился на гору Каф просить защиты у Синего царя, и тот взял его под защиту. И Муриш спросил Гариба: «Что скажешь, о брат мой?» И тот ответил: «Если мы на них не ринемся, они ринутся на нас».

И Муриш с Гарибом приказали войскам готовиться к выступлению через три дня, и они привели себя в боевой порядок и хотели тронуться, и вдруг видят: марида, которые доставили Сахима и подарки, пришли к Гарибу и поцеловали землю. И Гариб спросил их про своих людей, и марида сказали: «Когда твой брат Аджиб убежал после стычки, он пошёл к Ярубуну ибн Кахтану и направился в земли Индии и, войдя к их царю, рассказал ему, что с ним случилось из-за его брата, и попросил у него защиты. И царь взял его под защиту и разослал письма ко всем своим местным, и собралось к нему войско, подобное переполненному

морю, – нет у него ни начала, ни конца, – и он намеревается разрушить Ирак».

И Гариб, услышав слова маридов, воскликнул: «Да погибнут неверные! Аллах великий даст победу исламу, и я им покажу бой и сражение». – «О царь людей, – сказал Муриш, – клянусь величайшим именем, я непременно пойду с тобой в твоё царство и погублю твоих врагов и приведу тебя к желаемому». И Гариб поблагодарил его, и они провели ночь с намерением выступить, а когда настало утро, они двинулись и пошли, направляясь к горе Каф. И они прошли весь день и направились к Пёстрому дворцу и мраморному городу, а этот город был построен из камней и мрамора, и построил его Барик ибн Факи, отец джиннов, и он же построил Пёстрый дворец, а назван он так потому, что построен из кирпича серебряного и кирпича золотого, и не выстроено подобного ему больше нигде на земле. И когда воины приблизились к мраморному городу и осталось от них до города полдня, они спешили для отдыха, и Муриш послал узнать новости. И скороход скрылся и, вернувшись, сказал: «О царь, в мраморном городе отрядов джиннов столько» сколько листьев на деревьях или капель дождя». – «Что же мы будем делать, о царь людей?» – спросил Муриш. И Гариб сказал: «О царь, раздели твоих людей на четыре части, и пусть они окружают вражеское войско и воскликнут: „Аллах велик!“ – а после того, как закричат славословие, пусть отступят от них. И будет это дело в половине ночи» и посмотрим, что произойдёт среда племён джиннов».

И Муриш призвал своих людей и разделил их так, как сказал Гариб, и они взяли оружие и ждали, пока не наступила ночь. А потом они пошли и окружили войско врагов и закричали: «Аллах велик! За веру Ибрахима, друга Аллаха, – мир с ним!» И неверные проснулись, уstraшённые этими словами, и схватили оружие и нападали друг на друга, пока не заблистала заря. И большая часть их погибла, а меньшая уцелела. И Гариб закричал правоверным джиннам: «Неситесь на тех, кто уцелел из нечестивых! Вот я – с вами, и Аллах – вам помощник!» И Муриш понёсся, и Гариб вместе с ним. И Гариб обнажал свой губящий меч из мечей джиннов и стал обрубать носы и сделал головы седыми и обратил врагов в бегство.

И он завладел Бараканом и ударом лишил его жизни и спешился, окрашенный его кровью. А потом он сделал то же самое с Синим царём. И когда взошёл день, не осталось от неверных ни людей, ни вестников. И Муриш с Гарибом вошли в Пёстрый дворец и увидели, что в его стенах один кирпич из золота, а другой из серебра, а пороги в нем хрустальные, и стоит он на фундаменте из зеленого изумруда.

И во дворце был бассейн с фонтаном, подле которого лежали шёлковые ковры, вышитые золотыми нитками и украшенные драгоценными камнями, и они увидели там богатства, которых не счесть и не описать. И они вошли в помещение гарема и увидели гарем чистый и прекрасный, и Гариб осмотрел его и увидел в числе бывших там женщин девушку, лучше которой он не видал, и на ней была одежда, стоившая тысячу динаров. И вокруг неё стояла сотня рабынь, которые приподнимали полы её платья золотыми крючками, и была она подобна луне среди звёзд. И когда Гариб увидал эту женщину, он смутился умом и растерялся и спросил одну из невольниц: «Кто будет эта девушка?» – «Это Каукаб-ас-Сабах⁵⁴⁴, дочь Синего царя», – ответили ему...»

И Шахразад устала, и она прекратила дозволенные речи.

Шестьсот пятьдесят девятая ночь

Когда же настала шестьсот пятьдесят девятая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что Гариб спросил одну из невольниц: „Кто эта девушка?“ И ему сказали: „Это Каукаб-ас-Сабах, дочь Синего царя“. И Гариб обратился к царю Муришу и сказал ему:

⁵⁴⁴ Каукаб-ас-Сабах значит – утренняя звезда.

„О царь джиннов, я хочу жениться на этой девушке“. И Муриш ответил: „И дворец и то, что есть в нем из богатств и детей, – нажива твоих рук, и если бы ты не сделал хитрости и не погубил бы Баракана и Синего царя с их людьми, они бы погубили нас до последнего. Деньги – твои деньги, и обитатели дворца – твои рабы“.

И Гариб поблагодарил Муриша за его хорошие слова и, подойдя к девушке, посмотрел на неё и как следует в неё взгляделся и полюбил её сильной любовью и забыл Фахр-Тадж, дочь царя Сабура, царя персов, турок и дейлемитов, и забыл Махдию. А матерью этой девушки была дочь царя Китая, которую Синий царь похитил из её дворца и лишил девственности, и она зачала от него и принесла ему девочку, и из-за её красоты и прелести царь назвал её Каукаб-ас-Сабах, и была она владычицей красавиц. И мать умерла, когда младенцу было сорок дней, и воспитывали её повитухи и евнухи, пока не стало ей семнадцать лет от роду. И случилось тогда это дело, и убили её отца, и полюбил её Гариб сильной любовью, и он вложил её руку в свою и вошёл к ней в тот же вечер и нашёл её девственной.

А эта девушка ненавидела своего отца, и она обрадовалась его убиению. И Гариб приказал разрушить Пёстрый дворец, и его разрушили, и Гариб разделил его богатства между джиннами, и досталась Гарибу двадцать одна тысяча кирпичей, золотых и серебряных, а из богатств и дорогих металлов ему досталось столько, что не счесть и не перечислить. Потом царь Муриш взял Гариба и стал ему показывать гору Каф и её диковины, и они направились к крепости Баракана и, достигнув этой крепости, разрушили её и поделили её богатства, и потом они направились к крепости Муриша и оставались там пять дней, И Гариб пожелал отправиться в свою страну, и Муриш сказал ему: «О царь людей, я пойду у твоего стремени и доставлю тебя в твою страну». – «Нет, клянусь другом Аллаха Ибрахимом, – воскликнул Гариб, – я не позволю тебе утомлять себя и не возьму из твоих людей никого, кроме аль-Кайладжана и аль-Курадджана». – «О царь, – сказал Муриш, – возьми десять тысяч всадников из джиннов, которые будут с тобою, чтобы служить тебе». – «Я возьму только тех, о ком я тебе сказал», – ответил Гариб. И тогда Муриш приказал тысяче маринов нести то, что досталось Гарибу из добычи, и сопровождать его до его царства, а двум маридам – аль-Кайладжану и аль-Кураджану – он велел быть с Гарибом и слушаться его. И ифриты ответили: «Слушаем и повинемся!» И Гариб сказал маридам: «Несите богатства и Каукаб-ас-Сабах». И хотел трогаться и сесть на своего летающего коня, но Муриш сказал ему: «Этот конь, о брат мой, живёт только в нашей земле, а когда он достигнет земли людей, он умрёт. Но у меня есть морской конь, которому не найти подобного в земле иракской и во всех странах».

И он велел привести этого коня, и его привели, и когда Гариб увидел его, конь стал преградой между ним и его разумом. Потом коня спутали, и аль-Кайладжан понёс его, а аль-Кураджан взвалил на себя сколько мог, и затем Муриш обнял Гариба и заплакал из-за разлуки с ним и сказал: «О брат мой, если выпадет тебе что-нибудь, что будет тебе не под силу, пришли за мной, и я приду к тебе с войском, которое разрушит землю и то, что на ней есть».

И Гариб поблагодарил его за милости и за самоотверженную преданность. И марида с Гарибом и конём прошли два дня и ночь, покрыв расстояние в пятьдесят лет пути, и приблизились к городу Оману. И они расположились близ города, чтобы отдохнуть, и Гариб обратился к аль-Кайладжану и сказал ему: «Пойди и добудь мне сведения о моих людях». И марида отправился и вернулся и сказал: «О царь, у твоего города войско неверных, подобное переполненному морю, и твои люди с ним сражаются. Они ударили в барабан войны, и аль-Джамракан выступил в поле».

И когда Гариб услышал эти слова, он воскликнул: «Аллах велик! – И сказал: – О Кайладжан, оседлай мне коня и подай мне доспехи и копьё! Сегодня можно будет отличить витязя от труса на месте боя в сражении».

И аль-Кайладжан поднялся и принёс Гарибу то, что он требовал, и Гариб взял военные доспехи и повязался мечом Яфиса, сына Нуха, и, сев на морского коня» направился к

войскам и отрядам. И аль-Кайладжан б альКураджаном сказали ему: «Дай себе отдых и позволь нам пойти к неверным и рассеять их по степям и пустыням, чтобы не осталось у них никого из людей и раздувающего огонь, с помощью Аллаха, высокого и всевластного». – «Клянусь другом Аллаха Ибрахимом, – воскликнул Гариб, – я позволю вам сражаться, только если буду на спине моего коня!»

А причину прихода этого войска было дивное дело...»

И Шахразад устало говорила, и она прекратила дозволенные речи.

Ночь, дополняющая до шестисот шестидесяти

Когда же настала ночь, дополняющая до шестисот шестидесяти, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что Гариб сказал аль-Кайладжану: „Пойди я узнай мне сведения о моих людях“. Я вернулся и сказал: „У твоего города стоит большое войско“.

А причиной его прихода было то, что Аджиб пришёл с войском Яруба ибн Кахтана и осадил мусульман и вышли аль-Джамракан и Садан и пришли к ним аль-Кайладжан с аль-Кураджаном и разбили войско неверных. И Аджиб обратился в бегство и сказал: «О люди, если вы вернётесь к Ярубу ибн Кахтану, когда его войско перебито и убит его сын, он скажет: „О люди, если бы не вы, моих людей и моего сына не убили бы“, – и убьёт нас до последнего. Моё мнение, что нам следует отправиться в страны Индии и войти к царю Тарканану, и он отомстит за нас».

И люди Аджиба сказали ему: «Веди нас, да благословит тебя огонь!» И они шли дни и ночи, пока не дошли до города Хинда. И они попросили разрешения войти к царю Тарканану, и тот позволил Аджибу войти, и Аджиб вошёл и поцеловал перед ним землю и пожелал ему того, чего желают царям, а потом сказал: «О царь, защити меня, да защитит тебя огонь, обладатель искр, и да охранит тебя мрак ночи мрачною тьмой».

И царь Индии посмотрел на Аджиба и спросил его: «Кто ты и чего ты хочешь?» И Аджиб сказал: «Я – Аджиб, царь Ирака. Мой брат меня обидел, он последовал вере ислама, и рабы стали ему послушны. Он овладел многими странами и все время гонял меня из одной земли в другую, и вот я пришёл к тебе искать защиты у тебя и у твоей власти».

И когда услышал царь Индии слова Аджиба, он стал вставать и садиться и воскликнул: «Клянусь огнём, я отомщу за тебя и никому не позволю поклоняться не огню, моему владыке!» И потом он кликнул своего сына и сказал ему: «О дитя моё, приготовься и иди в Ирак. Погуби всех, кто там находится, свяжи тех, кто не поклоняется огню, пытай их и уродуй, но не убивай, а приведи ко мне, чтобы я подверг их пыткам всякого рода: дал бы им вкусить унижение и сделал бы их назиданием для тех, кто поучается в наше время».

И затем царь выбрал восемьдесят тысяч бойцов на конях и восемьдесят тысяч бойцов на жирафах и послал со своим сыном десять тысяч слонов, на каждом из которых были носилки из сандала с решётками из золотых тростей, а пластинки и гвозди на этих носилках были золотые и серебряные. И на каждом носилке стоял престол из золота и изумруда, и ещё он послал колесницы с оружием – на каждой колеснице было восемь человек, сражавшихся всевозможным оружием. А сын царя был храбрецом своего времени, и не было ему в доблести соперника, и звали его Рад-Шах. И он собрался в десять дней, и воины ехали, подобные куче облаков, в течение двух месяцев, пока не достигли города Омана и не окружили его. И Аджиб радовался, думая, что он победит. А альДжамракан с Саданом и все богатыри вышли на середину поля, и ударили тогда в барабаны, и заржали кони, а альКайладжан наблюдал все это. И он вернулся и рассказал обо всем царю Гарибу, и тот тоже сел на коня, как мы упомянули, погнал своего скакуна и въехал в войско неверных, ожидая, кто к нему выступит и откроет врата войны. И выехал также Садан-гуль и потребовал поединка, и выступил к нему богатырь из богатырей Индии, и Садан не дал ему времени установиться и, ударив дубиной, раскрошил ему кости, и он растянулся на земле, затем выступил к Садану второй, и он убил его, и третий, и он повергнул его. И Садан до тех

пор убивал, пока не убил тридцать богатырей. И выступил тогда к нему богатырь из Индии по имени Батташ-аль-Акран⁵⁴⁵, а был это витязь своего времени, стоивший пяти тысяч витязей на поле битвы, в бою и сражении, и он был дядей царя Тарканана. И когда Батташ выступил против Садана, он сказал ему: «О вор из арабов, разве достиг твой сан того, что ты убиваешь царей Индии и её богатырей и берёшь в плен её витязей! Сегодняшний день – последний день твой в земной жизни».

И когда Садан услышал эти слова, его глаза покраснели, и он ринулся на Батташа и ударил его дубиной, но удар не удался, и Садан перевернулся, увлекаемый дубиной, и упал на землю, и не успел он опомниться, как был связан и закован, и нечестивые потащили его к себе в лагерь. И когда аль-Джамракан увидел своего товарища пленником, он воскликнул: «Эй, за веру Ибрахима, друга Аллаха!» И, ударив пяткой своего коня, понёсся на Батташ-аль-Акрана. И они гарцевали некоторое время, а затем Батташ бросился на аль-Джамракана и, потянув его за рукав, сорвал его с седла и бросил на землю. И его связали и потащили в лагерь нечестивых, и к Батташу все время выступал предводитель за предводителем, пока он не взял в плен двадцать четыре предводителя мусульман. И когда мусульмане увидели это, они огорчились великим огорчением, а Гариб, увидев, что постигло его богатырей, вытащил из-под колена золотую дубину весом в сто двадцать ритлей – а это была дубина Баракана, царя джиннов...»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Шестьсот шестьдесят первая ночь

Когда же настала шестьсот шестьдесят первая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что, когда царь Гариб увидел, что постигло его богатырей, он вытащил золотую дубину, принадлежавшую Баракану, царю джиннов, и погнал своего морского коня, и тот побежал под ним, как дуновение ветра. И Гариб устремился вперёд и, оказавшись на середине поля, крикнул: „Аллах велик! Он дал победу и поддержку и оставил тех, кто не признал веру Ибрахима, друга Аллаха!“ И затем он понёсся на Батташа и ударил его дубиной, и Батташ упал на землю, и Гариб обернулся к мусульманам и, увидав своего брата Сахим-аль-Лайля, сказал ему: „Свяжи этого пса!“ И когда Сахим услышал слова Гариба, он устремился к Батташу и крепко связал его и схватил. И богатыри мусульман принялись дивиться на этого витязя, а нечестивые спрашивали один другого: „Кто этот витязь, что вышел из их среды и взял в плен нашего товарища?“

А Гариб требовал поединка, и вышел к нему богатырь из индийцев, и Гариб ударил его дубиной, и он упал и растянулся на земле. И аль-Кайладжан с аль-Кураджаном связали его и передали Сахиму. И Гариб брал в плен одного богатыря за другим, пока не захватил пятьдесят два знатных предводителя. И кончился день, и забили в барабаны окончания, и Гариб уехал с поля и направился к лагерю мусульман, и первый, кого он встретил, был Сахим. И Сахим поцеловал ему ногу в стремени и воскликнул: «Да не отсохнут твои руки, о витязь времени! Скажи нам, кто ты, храбрец?» И тогда Гариб поднял с лица кольчатое забрало, и Сахим узнал его и сказал: «О люди, это – ваш царь и господин ваш Гариб, и он пришёл из земли джиннов».

И когда мусульмане слышали упоминание о своём царе, они соскочили на землю со спин коней и, подойдя к нему, стали целовать ему ноги в стремях и желали мира, радуясь его благополучию. И они вошли с ним в город Оман, и Гариб опустил на престол своего царства, и его люди окружили его, пребывая в крайней радости. И им подали еду, и они поели, и затем Гариб рассказал им обо всем, что с ним случилось на горе Каф из-за племён джиннов, и его люди удивились до крайней степени и прославили Аллаха за его спасение.

⁵⁴⁵ Батташ-аль-Акран означает – повергающий богатырей.

А аль-Кайладжан с аль-Кураджаном не покидали Гариба. Гариб велел своим людям уходить в опочивальни, и они разошлись по домам, так что не осталось подле него никого, кроме маридов, и Гариб спросил их: «Можете ли вы отнести меня в Куфу, чтобы я насладился моим гаремом, и вернуться со мною в конце ночи?» – «О господин, – ответили они, – это самое лёгкое, что ты требуешь». А между Куфой и Оманом было шестьдесят дней пути для спешащего всадника. И аль-Кайладжан сказал аль-Кураджану: «Я понесу его туда, а ты принесёшь его обратно». И аль-Кайладжан понёс Гариба, а аль-Кураджан полетел с ним рядом, и прошло не больше часа, как они достигли Куфы и свернули с Гарибом к воротам дворца.

И Гариб вошёл к своему дяде ад-Дамигу, и тот, увидав его, поднялся и приветствовал его. Потом Гариб спросил: «Как поживают моя жена Фахр-Тадж⁵⁴⁶ и моя жена Махдия?» И ад-Дамиг ответил: «Они здоровы и благополучны». И евнух вошёл и рассказал женщинам о прибытии Гариба, и они обрадовались и закричали и дали евнуху его подарок⁵⁴⁷, а потом вошёл царь Гариб, и женщины поднялись и приветствовали его. И они стали разговаривать, и пришёл ад-Дамиг, и Гариб рассказал ему о том, что случилось у него с джиннами, и ад-Дамиг и женщины удивились.

И Гариб проспал остаток ночи с Фахр-Тадж, а когда приблизилась заря, он вышел к маридам и простился с родными и жёнами и своим дядей ад-Дамигом, а потом он сел на спину аль-Кураджана, рядом с которым полетел аль-Кайладжан, и не рассеялся ещё мрак, как он уже был в городе Омане. И он надел боевые доспехи, вместе со своими людьми, и приказал открывать ворота. И вдруг подъехал витязь из лагеря нечестивых, и с ним были альДжамракан и Садан-гуль и взятые в плен предводители, которых он освободил. И он передал их Гарибу, царю мусульман, и мусульмане обрадовались их спасению, а затем они надели кольчуги и сели на коней (а уже ударили в литавры войны) и приготовились к бою и сражению. И неверные сели на коней и выстроились рядами...

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Шестьсот шестьдесят вторая ночь

Когда же настала шестьсот шестьдесят вторая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что, когда воины-мусульмане выехали в поле для боя и сражения, первый, кто открыл ворота войны, был царь Гариб. И он вытащил свой губящий меч – меч Яфиса, сына Нуха – мир с ним! – и погнал своего коня меж рядами и закричал: „Кто меня знает, с того довольно моего зла, а кто меня не знает, тому я дам узнать себя. Я – царь Гариб, царь Ирака и Йемена, я – Гариб, брат Аджиба“.

И когда услышал Рад-Шах, сын царя Индии, слова Гариба, он закричал предводителям: «Приведите ко мне Аджиба!» И его привели, и Рад-Шах сказал ему: «Ты знаешь, что эта смута – твоя смута и ты был причиною её. Вон твой брат на поле битвы, на месте боя и сражения. Выйди к нему и приведи мне его пленным; я посажу его на верблюда задом наперёд и буду уродовать, пока не достигну земель Индии». – «О царь, пошли к нему другого, я заболел», – сказал ему Аджиб. И когда РадШах услышал его слова, он стал храпеть и хрипеть и воскликнул: «Клянусь огнём, обладателем искр, и светом, и тенью, и жаром, если ты не выйдешь к твоему брату и не приведёшь его ко мне поспешно, я отрежу тебе голову и потушу твоё дыхание!»

⁵⁴⁶ Здесь описка в оригинале: вместо Фахр-Тадж, о предполагаемой смерти которой говорится несколько ниже, должно стоять: «Каукаб-ас-Сабах».

⁵⁴⁷ По арабскому обычаю, всякий, кто принёс радостное известие, имеет право на подарок, ценность которого зависит от важности сообщения и состояния дарителя.

И Аджиб выехал и погнал коня, укрепив своё сердце, и приблизился к брату на поле битвы и воскликнул: «О пёс арабов и гнуснейший из тех, кто вбивал колья в пятки, или ты соперничаешь с царями! Возьми же то, что пришло к тебе и порадуйся своей смертью!» И Гариб, услышав его слова, спросил его: «Кто ты из царей?» И Аджиб ответил: «Я – твой брат, и сегодняшний день – последний из твоих дней в земной жизни!»

И когда Гариб убедился, что это – его брат Аджиб, он вскричал: «О месть за моего отца и мать!» А затем он отдал аль-Кайладжану свой меч и понёсся на Аджиба и ударил его дубиной, нанеся удар непокорного притеснителя, так что едва не выбил ему ребра. И он схватил Аджиба за ворот и потянул его и сорвал с седла и ударил об землю. И оба марида устремились к нему и крепко связали и повели униженного, презренного. И при всем этом Гариб радовался пленению своего врага и говорил такие стихи:

«Добился я цели, и кончен мой труд,
Тебе благодарность и слава, господь!
Я вырос ничтожным, униженным, бедным,
Но все даровал, что хотел я, Аллах.
И в странах я царь, и рабов покорил я,
Но не было б так без тебя, нага господь!»

И когда Рад-Шах увидел, что случилось с Аджибом из-за его брата Гариба, он потребовал своего коня и надел боевые доспехи и кольчугу и выехал на поле битвы. И он гнал своего коня, пока не приблизился к царю Гарибу на месте боя и сражения, и тогда он закричал ему: «О гнуснейший из арабов и носящий дрова, или твой сан достиг того, что ты берёшь в плен царей и богатырей! Сойди с коня и свяжи себе руки, поцелуй мне ногу и освободи моих богатырей! Иди со мной в моё царство в оковах и цепях – тогда я тебя прощу и сделаю тебя шейхом⁵⁴⁸ в наших землях, и ты будешь иметь там кусок хлеба!»

И когда Гариб услышал его слова, он так рассмеялся, что упал навзничь и сказал: «О взбесившийся пёс и опаршивевший волк, ты увидишь, против кого обернутся превратности!» И он закричал Сахиму: «Приведи ко мне пленных!» И когда Сахим привёл их, Гариб отсек им головы. И тут Рад-Шах напал на Гариба нападением могучего и сшибся с ним, как сшибается непокорный притеснитель, и они возвращались, убегали и сшибались, пока не налетел мрак. И тогда ударили в барабаны окончания...»

И Шахразду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Шестьсот шестьдесят третья ночь

Когда же настала шестьсот шестьдесят третья ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что, когда ударили в барабаны окончания и бойцы разошлись, каждый из царей отправился к себе. И их стали поздравлять с благополучием, и мусульмане сказали царю Гарибу: „Не в обычае у тебя, о царь, затягивать бой“. И Гариб ответил: „О люди, я сражался с богатырями и с царями и не видел лучшего боя, чем у этого богатыря. Я хотел вытащить меч Яфиса, чтобы поразить им и искрошить кости и погубить последние дни своего врага, но отложил, думая, что возьму в плен и в исламе найдёт он долю свою“.

Вот что было с Гарибом. Что же касается до РадШаха, то он вошёл в шатёр и сел на свой престол, и вошли к нему вельможи его царства и спросили его про противника, и он сказал: «Клянусь огнём, обладателем искр, я в жизни не видел богатыря, подобного этому! Завтра я возьму его в плен и приведу его, униженного и презренного».

И воины проспали до утра, и ударили в барабаны войны, и приготовились к бою и

⁵⁴⁸ Шейх – буквально: старец; в данном случае – деревенский староста.

сражению: повязали мечи и подняли крики и, сев на породистых, могучих коней, выехали из лагеря и наполнили землю, холмы и долины и все обширные местности. И первым, кто открыл ворота боя и сражения, был отважный витязь и храбрый левцарь Гариб, и он стал гарцевать и нападать и воскликнул: «Есть ли мне соперник? Есть ли противник? Пусть не приходит ко мне сегодня ленивый или слабый!» И не закончил он ещё своих слов, как выступил к нему Рад-Шах, который сидел на слоне, подобном большому куполу. А на слоне был трон, привязанный шёлковыми шнурками, и слонятник сидел между ушами слона, и в руках у него был крюк, которым он ударял животное, и слон качался направо и налево. И когда слон приблизился к коню Гариба, тот увидал нечто, чего никогда не видел, и шарахнулся от него. Гариб сошёл с коня и отдал его аль-Кайладжану и, вытащив свой губящий меч, направился к РадШаху, пешим, и оказался перед слоном. А Рад-Шах, когда он боялся, что будет побеждён в схватке с богатырём из богатырей, всегда садился на слона и брал с собою одну вещь, называемую альвахак (она имеет вид сетки, широкой внизу и узкой вверху, и в нижней части её кольцо, в которое продет шёлковый шнур), направлялся к всаднику с конём, набрасывал на них сетку и тянул за шнур, и тогда верховой сходил с коня, и Рад-Шах брал его в плен. И он покорял витязей таким образом.

И когда приблизился к нему Гариб, Рад-Шах поднял руку с сеткой и распустил её над Гарибом, так что сетка развернулась над ним, и Рад-Шах потянул её, и Гариб оказался подле него на спине слона. И Рад-Шах закричал на слона, чтобы тот повернул обратно в лагерь. А альКайладжан с аль-Кураджаном не покидали Гариба, и, увидев, что случилось с их господином, они схватили слона, а Гариб при этом потянулся в сетке и разорвал её, и аль-Кайладжан с аль-Кураджаном ринулись на РадШаха и скрутили его и повели на верёвке из пальмового лыка. И люди бросились друг на друга, точно два бьющихся моря или две столкнувшиеся горы, и пыль поднялась до облаков небесных, и увидели воины воочию мрак смерти, и усилился бой, и полилась кровь. И воины продолжали жестоко сражаться и крепко биться и драться так, что сильнее нельзя, пока день не повернул на закат и не пришла ночь с её мраком. И тогда ударили в барабаны окончания, и воины оставили друг друга. А из мусульман, принимавших участие в сражении в этот день, было убито множество, и большинство получило раны, и досталось им это от бойцов, сидевших на слонах и жирафах. И это было тяжело Гарибу, и он приказал лечить раненых и, обратившись к вельможам из своих людей, спросил их: «Каково будет ваше мнение?» – «О царь, – сказали они, citrixнам повредили только слоны и жирафы, и если бы мы спаслись от них, то победили бы врага». И аль-Кайладжан с аль-Кураджаном сказали: «Мы оба вытащим мечи и бросимся на них и убьём много врагов».

И тогда выступил вперёд человек из жителей Омана (а он был советником у аль-Джаланда) и сказал: «О царь, это войско на моей ответственности, если ты будешь мне повиноваться и выслушаешь меня». И Гариб обернулся к предводителям и сказал им: «Что бы ни сказал вам этот мастер, слушайте его!» И предводители ответили: «Слушаем и повинемся...»

И Шахразуду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Шестьсот шестьдесят четвёртая ночь

Когда же настала шестьсот шестьдесят четвёртая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что царь Гариб сказал предводителям: „Во всем, что скажет вам этот мастер, слушайте его!“ И предводители отвечали: „Слушаем и повинемся!“ И тот человек выбрал десять предводителей и спросил их: „Сколько вам подчинено богатырей?“ И они ответили: „Десять тысяч“. И тогда он взял их и пошёл на склад оружия и, дав пяти тысячам из них ружья, научил, как из них стрелять.

И когда заблистала заря, неверные снарядились и выставили вперёд слонов и жирафов, и люди несли на себе полное вооружение. И они вывели зверей, и богатыри их стояли перед

войском, а Гариб со своими богатырями сел на коней, и кони построились рядами, и ударили в литавры, и выступили вперёд начальники, и вывели зверей и слонов. И тог человек закричал на стрелков, и они занялись стрелами и ружьями, и вылетели стрелы и свинец и вошли в ребра зверей, и звери заревели и повернули на богатырей и воинов и стали топтать их. А потом мусульмане бросились на нечестивых и окружили их от левой стороны до правой. И слоны начали топтать нечестивых и рассеяли их по степям и пустыням. И мусульмане шли у них на затылке, с мечами из индийской стали, и спаслись от слонов и жирафов только немногие, и царь Гариб вернулся со своими людьми, радуясь победе, а наутро они поделили добычу. И они провели в этом месте пять дней, а потом царь Гариб сел на престол царства и потребовал своего брата Аджиба и сказал ему: «О пёс, что это ты собираешь против нас, царей, когда властный во всякой вещи поддерживает меня против вас. Прими ислам – ты спасёшься, и я оставлю ради этого мечь за отца и мать и сделаю тебя царём, как ты был, а сам буду под твоей властью».

И Аджиб, услышав слова Гариба, сказал: «Я не расстанусь с моей верой!»

Тогда Гариб заключил его в железные цепи и приставил к нему сто могучих рабов. А потом он обратился к Рад-Шаху и спросил его: «Что ты скажешь о вере ислама?» И Рад-Шах ответил: «О владыка, я вступлю в вашу веру: не будь эта вера истинная и прекрасная, вы бы не одолели нас. Протяни руку, и я засвидетельствую, что нет бога, кроме Аллаха, и что друг Аллаха Ибрахим – посол Аллаха». И Гариб обрадовался принятию им ислама и спросил его: «Утвердилась ли в твоём сердце сладость веры?» И Рад-Шах ответил: «Да, о мой владыка». А потом Гариб сказал ему: «О Рад-Шах, отправишься ли ты в свою страну и царство?» – «О царь, – ответил РадШах, – мой отец убьёт меня, так как я вышел из его веры». – «Я пойду с тобой, – сказал Гариб, – и отдам тебе во власть твою землю, так что будут тебе послушны страны и рабы, с помощью Аллаха, великодушного, щедрого».

И Рад-Шах поцеловал Гарибу руку и ногу, и Гариб оказал милость придумавшему план, который был причиной поражения врага, и подарил ему много денег. А затем он обратился к аль-Кайладжану с аль-Кураджаном и сказал им: «О вожди джиннов!» И они ответили: «К твоим услугам!» И тогда Гариб сказал: «Я хочу, чтобы вы снесли меня в страны Индии». И марида отвечали: «Слушаем и повинемся!» И Гариб взял с собою аль-Джамракана с Саданом, которых понёс аль-Кураджан, а аль-Кайладжан понёс Гариба с Рад-Шахом, и они направились в страну Индии...»

И Шахразад застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Шестьсот шестьдесят пятая ночь

Когда же настала шестьсот шестьдесят пятая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что царь Гариб с аль-Джамраканом, Саданом-гулем и Рад-Шахом, когда марида понесли их, направились в страны Индии. И поднялись они в небо во время заката, и не пришёл ещё конец ночи, как они уже были в Кашмире⁵⁴⁹, и марида опустили их на один дворец, и они спустились по дворцовым лестницам. А до Тарканана дошла от беглецов весть о том, что случилось с его сыном и воинами, и узнал он, что они в великой заботе и что его сын не спит и ничем не наслаждается. И стал Тарканан раздумывать о своём деле и о том, что с ним случилось, и вдруг вошла к нему толпа прилетевших, и, увидев своего сына и тех, кто был с ним, царь оторопел, и его охватил страх перед маридами. И его сын Рад-Шах обратился к нему и воскликнул: «Куда, о изменник, о поклонник огня? Горе тебе! Оставь поклонение огню и поклонись царю всевластному, творцу ночи и дня, которого не постигают взоры!»

А когда его отец слушал эти слова, у него в руках была железная дубина, и он бросил

⁵⁴⁹ Кашмир – область в Индии. Рассказчик имеет в виду главный город этой области.

ею в Рад-Шаха, но тот уклонился от неё, и дубина попала в угол комнаты и разбила три камня. «О пёс, – сказал Тарканан РадШаху, – ты уничтожил войско, загубил твою веру и пришёл вывести меня из моей веры!»

И он бросился на Рад-Шаха, но Гариб встретил его и, ударив его по шее, свалил его, и аль-Кайладжан с альКураджаном крепко затянули на нем верёвки, а весь гарем его убежал. А затем Гариб сел на престол царства и сказал Рад-Шаху: «Суди твоего отца!» И Рад-Шах обратился к Тарканану и сказал ему: «О старец, заблуждающийся, прими ислам – и спасёшься от огня и от гнева всевластного владыки». Но Тарканан отвечал: «Я умру не иначе, как в своей вере!» И тогда Гариб вытащил свой губящий меч и ударил им Тарканана, и тот упал на землю двумя половинами, и поспешил Аллах отправить его дух в огонь. (О, как скверно это обиталище!) И Гариб приказал его повесить на воротах дворца, и его повесили: одну половину – справа и другую – слева, а потом они все вместе провели время до конца дня. И Гариб велел Рад-Шаху надеть царскую одежду, и тот надел её и сел на престол своего отца, и Гариб сел от него справа, а альКайладжан с аль-Кураджаном и аль-Джамракан с Саданом-гулем встали справа и слева. И царь Гариб сказал им: «Всякого из вельмож, кто войдёт, связывайте и не дайте никому из предводителей ускользнуть из ваших рук!» И они отвечали: «Слушаем и повинемся!»

И после этого предводители стали входить, направляясь в царский дворец для службы, и первый, кто вошёл, был старший предводитель. И он увидел, что царь висит, разрубленный на две половины, и растерялся и смутился, и его взяла оторопь, и тогда аль-Кайладжан бросился на него и, потянув его за ворот, повалил и скрутил. И затеи он потащил его во дворец и связал и поволок, и не взошло ещё солнце, как он связал триста пятьдесят предводителей и поставил их перед Гарибом. «О люди, – сказал им Гариб, – видели вы вашего царя повешенным на дворцовых воротах?» – «Кто сделал с ним это дело?» – спросили предводители, и Гариб сказал: «Я сделал с ним это при помощи великого Аллаха. И с тем, кто станет мне перечить, я сделаю то же самое». – «Чего ты от нас хочешь?» – спросили предводители. И Гариб сказал: «Я – Гариб, царь Ирака, я тот, кто погубил ваших богатырей. Рад-Шах принял веру ислама, и стал он великим царём и правителем над вами. Примите ислам – спасётесь, и не прекословьте – раскаетесь».

И они произнесли исповедание веры и были записаны в число людей счастья, и Гариб спросил их: «Истинна ли в ваших сердцах сладость веры?»

«Да», – отвечали предводители. И Гариб велел их развязать, и когда их развязали, наградил их и сказал: «Идите к вашим людям и предложите им ислам; кто примет ислам, того оставьте, а кто откажется, того убейте...»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Шестьсот шестьдесят шестая ночь

Когда же настала шестьсот шестьдесят шестая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что царь Гариб сказал воинам Рад-Шаха: „Идите к вашим людям и предложите им ислам; кто примет ислам, того оставьте, а кто откажется, того убейте“. И они ушли и собрали людей, которые были им подвластны и которыми они повелевали, и осведомили их о том, что было, а затем предложили им ислам, и воины предались Аллаху, кроме немногих, которых убили. И Гарибу рассказали об этом, и он прославил Аллаха великого и восхвалил его и сказал: „Хвала Аллаху, который облегчил нам это дело без боя!“

И Гариб оставался в Кашмире сорок дней, пока не подчинил себе страны и не разрушил дома огня и вместилища его. И вместо них он построил мечети, малые и соборные, а Рад-Шах связал в тюки множество редкостей и подарков, которых не описать, и отослал их на кораблях.

И затем Гариб сел на спину аль-Кайладжана, а Садан с аль-Джамраканом сели на спину аль-Кураджана, и, после того как все простились друг с другом, они полетели и летели до

конца ночи. И не заблестала ещё заря, как они уже были в городе Омане, и встретили их родичи и поздоровались с ними, радуясь им. И когда Гариб достиг ворот Куфы, он велел привести своего брата Аджиба, и когда его привели, велел его распять. И Сахим принёс железные крючья и вонзил их Аджибу под колени, и его повесили на воротах Куфы, а потом Гариб велел метать в него стрелы, и их метали, пока Аджиб не стал точно ёж. И затем Гариб вступил в Куфу и вошёл к себе во дворец и сел на престол своего царства и судил в этот день, пока время дня не окончилось. И тогда он вошёл в свой гарем, и Каукаб-ас-Сабах поднялась перед ним и обняла его, и невольницы поздравили его с благополучием, и Гариб оставался с Каукаб-ас-Сабах этот день и ночь.

А когда наступило утро, он встал, омылся и, совершив утреннюю молитву, сел на престол своего царства и начал приготовления к свадьбе с Махдией. И зарезали три тысячи баранов, две тысячи коров, тысячу коз, пятьсот верблюдов, пятьсот коней, четыре тысячи кур и много гусей. И была эта свадьба, подобно которой не устраивали в землях ислама в те времена.

И затем Гариб вошёл к Махдии и уничтожил её девственность и провёл в Куфе десять дней, а после этого он наказал своему дяде быть справедливым с подданными и выступил со своим гаремом и богатырями и ехал до тех пор, пока не доехал до кораблей с подарками и редкостями. И он роздал воинам корабли со всем тем, что в них было, и богатыри обогатились деньгами, и они шли до тех пор, пока не дошли до города Бабиля. И Гариб наградил своего брата Сахим-аль-Лайля и сделал его в этом городе султаном...

И Шахразад устала, и она прекратила дозволенные речи.

Шестьсот шестьдесят седьмая ночь

Когда же настала шестьсот шестьдесят седьмая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что царь Гариб наградил своего брата Сахима почётной одеждой и сделал его султаном в этом городе. Он провёл с ним десять дней, а потом выступил, и они ехали не переставая, пока не достигли крепости Садана-гуля, где отдохнули пять дней, а потом Гариб сказал аль-Кайладжану с аль-Кураджаном: „Отправляйтесь в Исбанир-аль-Мадаин, войдите во дворец Кисры и разузнайте новости о Фахр-Тадж. И подайте мне человека из приближённых царя, который рассказал бы, что случилось“. И марида сказали: „Слушаем и повинемся!“ А потом они оба отправились в Исбанираль-Мадаин. И когда они летели между небом и землёй, они вдруг увидели влачащееся войско, подобное переполненному морю, и аль-Кайладжан сказал аль-Кураджану? „Спустимся и узнаем, что это за войско“.

И они спустились и стали ходить между воинами и увидели, что это персы. И они спросили кого-то из людей, чьи это воины и куда они идут, и им сказали: «К Гарибу, чтобы его убить и убить всех, кто с ним». И когда марида услышали эти слова, они направились к шатру царя, предводителя этих воинов (а имя его было Рустум), и, подождя, пока персияне заснули на своих постелях и Рустум заснул на своём ложе, подняли его вместе с ложем и вылетели из крепости, и не пришла ещё полночь, как они уже были в лагере царя Гариба. И они подошли к его шатру и сказали: «Позволение!» И Гариб, услышав это, сел и сказал: «Позволение! Входите!» И марида вошли с ложем, а Рустум спал на нем. «Кто это спит?» – спросил Гариб, и марида сказали: «Это царь из царей персов, и с ним большое войско. Он пришёл, желая убить тебя и твоих людей, и мы принесли его к тебе, чтобы он тебе рассказал, о чем ты хочешь». – «Приведите мне сто богатырей», – сказал Гариб. И когда их привели, он сказал им: «Вытащите мечи и встаньте над головой этого персиянина». И они сделали так, как приказал Гариб. И Рустума разбудили, и он открыл глаза и увидел у себя над головой купол из мечей. И он зажмурил глаза и сказал: «Что это за скверный сон?» И аль-Кайладжан ткнул его кончиком меча, и Рустум сел и спросил его: «Где я?» – «Ты пред лицом царя Гариба, зятя царя персов. Как твоё имя и куда ты идёшь?» – спросил марида. И когда Рустум услышал имя Гариба, он подумал и сказал про себя: «Сплю я или бодрствую?» И Сахим

ударил его и сказал: «Почему ты не отвечаешь словами?» И тогда Рустум поднял голову и спросил: «Кто принёс меня из моего шатра, где я был среди моих людей?» – «Тебя принесли эти два марида», – сказал Гариб. И когда Рустум взглянул на аль-Кайладжана с аль-Кураджаном, он наклал себе в подштаиники, а марида бросились на него, оскалив клыки, и вытащили мечи и сказали: «Разве ты не подойдёшь и не поцелуешь землю перед царём Гарибом?» И Рустум испугался марида и убедился, что он не спит, и, поднявшись на ноги, поцеловал землю и сказал: «Да благословит тебя огонь, и да продлится твоя жизнь, о царь!» – «О пёс персиян, – сказал ему Гариб, – огню не поклоняются, так как он вредит и бывает полезен только для приготовления еды». – «А кому же поклоняются?» – спросил Рустум. И Гариб ответил: «Поклоняются Аллаху, который сотворил тебя и придал тебе образ и сотворил небеса и землю». – «А что мне сказать, чтобы стать одним из приверженцев этого господина и войти в вашу веру?» – спросил персиянин. И Гариб сказал: «Скажи: „Нет бога, кроме Аллаха, Ибрахим – друг Аллаха“». И Рустум произнёс исповедание и был записан в число людей счастья, а потом он сказал: „Знай, о мой владыка, что твой тесть, царь Сабур, искал твоего убийства и он послал меня с сотнею тысяч и приказал мне не оставить из вас никого“. И, услышав эти слова, Гариб воскликнул: „Таково ли воздаяние мне от него, когда я выручил его дочь из несчастья и гибели! Аллах вознаградит его за то, что он задумал! Но, однако, как твоё имя?“ – „Рустум, предводитель Сабура“, – ответил персиянин. И Гариб молвил: „И также предводитель моего войска. О Рустум, как поживает царевна Фахр-Тадж?“ – спросил он потом, и Рустум ответил: „Да живёт твоя голова, о царь времени!“ – „А какова была причина её смерти?“ – спросил Гариб. „О владыка, – ответил Рустум, – когда ты отправился к твоему брату, одна невольница пришла к царю Сабуру, твоему тестю, и спросила: „О господин, разве ты приказал Гарибу спать подле моей госпожи Фахр-Тадж?“ И царь воскликнул: „Нет, клянусь огнём!“ И вынул меч и вошёл к Фахр-Тадж и сказал ей: „О скверная, как это ты оставила этого бедуина спать подле тебя, когда он не дал тебе приданого и не справил свадьбу?“ – „О батюшка, это ты позволил ему спать подле меня“, – сказала Фахр-Тадж. „А он приближался к тебе?“ – спросил Сабур. И Фахр-Тадж промолчала и опустила голову к земле, и тогда Сабур закричал на повитух и невольниц и сказал им: „Скрутите эту распутницу и посмотрите на её фардж!“ И женщины скрутили Фахр-Тадж и посмотрели на её фардж и сказали: „О царь, её девственность исчезла!“ И царь понёсся на Фахр-Тадж и хотел её убить, но её мать поднялась и защитила её и сказала: «О царь, не убивай её: ты станешь позорищем, но заточи её в какомнибудь месте, чтобы она умерла».

И царь держал Фахр-Тадж в заточении, пока не налетела ночь, и тогда он послал её с двумя своими приближёнными и сказал им: «Удадитесь с нею и бросьте её в реку Джейхун⁵⁵⁰ и никому не рассказывайте».

И они сделали так, как приказал им царь, и скрылась память о Фахр-Тадж, и пришло её время...

И Шахразад застигло утро, я она прекратила дозволенные речи.

Шестьсот шестьдесят восьмая ночь

Когда же настала шестьсот шестьдесят восьмая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что, когда Гариб спросил про Фахр-Тадж, Рустум рассказал ему её историю и сообщил, что отец утопил её в реке. И когда Гариб услышал его слова, мир почернел у него в глазах, и его свойства стали дурными, и он воскликнул: „Клянусь другом Аллаха, я отправлюсь к этому псу и погублю его и разрушу его землю!“

И затем он послал письма аль-Джамракану, правителю Мейяфарикина и правителю Мосула, а потом обратился к Рустуму и спросил его: «Сколько с тобой войска?» – «Со мной

⁵⁵⁰ Джейхун – древнее название реки Аму-Дарья в Средней Азии.

сто тысяч витязей персов», – ответил Рустум. И Гариб сказал ему: «Возьми с собой десять тысяч и пойдёшь к своему народу и займёшь его войной, а я пойду за тобою следом». И Рустум сел на коня во главе десяти тысяч всадников из своего войска и отправился к своему народу, говоря про себя: «Я сделаю дело, которое обелит мне лицо перед царём Гарибом». И Рустум ехал семь дней и приблизился к лагерю персов, так что между ним и персами осталось полдня пути. И тогда он разделил своих воинов на четыре отряда и сказал им: «Окружите их войско и нападите на него с мечом». И воины ответили: «Слушаем и повинемся!» И они ехали от вечера до полуночи, пока не окружили войско персов, а те ничего не опасались после исчезновения от них Рустума. И мусульмане ринулись на них и закричали: «Аллах велик!» И персы очнулись ото сна, и заходил среди них меч, и поскользнулись их ноги, и разгневался на них царь всеведущий. И Рустум работал среди них, как огонь работает в сухом дереве, и не окончилась ещё ночь, как все войско персов превратилось в убитых, бегущих и раненых. И мусульмане захватили тяжести, и палатки, и казну с деньгами, и коней, и верблюдов. И они расположились в палатках персов и отдыхали, пока не прибыл царь Гариб. Когда царь увидел, что сделал Рустум и какую он придумал хитрость, чтобы перебить персов и разбить их войско, он наградил его и сказал: «О Рустум, это ты разбил персов, и вся добыча – твоя». И Рустум поцеловал царю руку и поблагодарил его, и они отдыхали весь этот день, а потом двинулись, направляясь в царство персов. А беглецы прибыли и вошли к царю Сабуру и пожаловались ему на горе и несчастье и дела ужасные, и Сабур спросил их: «Что вас постигло и кто поразил вас злом?» И они рассказали ему о том, что случилось и как враг налетел на них во мраке ночи, и Сабур спросил: «Кто же налетел на вас?» – «Налетел на нас не кто иной, как предатель твоего войска, так как он принял ислам, – сказали беглецы, – а что до Гариба, то он не пришёл к нам».

И когда царь услышал это, он бросил свой венец на землю и воскликнул: «Ничего мы не стоим после этого!» А потом он обратился к своему сыну Вард-Шаху и сказал ему: «О дитя моё, нет для этого дела никого, кроме тебя!» И Вард-Шах ответил: «Клянусь твоей жизнью, о батюшка, я обязательно приведу Гариба и вельмож его племени в узах и погублю всех, кто находится с ним». И он сосчитал своих воинов, и оказалось, что их двести двадцать тысяч, и они провели ночь с намерением выступить, а когда настало утро, они хотели трогаться, и вдруг поднялась пыль, которая забила края неба и застлала глаза смотрящим. А царь Сабур ехал проститься с сыном и, увидев эту великую пыль, он кликнул скорохода и сказал ему: «Разъясни, в чем дело с этой пылью?» И скороход поехал и вернулся, и сказал: «О владыка, это пришёл Гариб со своими богатырями!» И тогда сложили тюки, и люди выстроились для боя и сражения. А Гариб, приблизившись к Исбанир-аль-Мадаину и увидев, что персы вознамерились сражаться, призвал своих людей к бою и сказал: «Нападайте, да благословит вас Аллах!» И взмахнули знаменосцы знаменем, и арабы и персы покрыли друг друга, и народы покрыли народы, и полилась потоками кровь, и души увидели гибель, и выступал вперёд храбрец и бросался, и поворачивал трус, убегая. И продолжался бой и сражение, пока не повернул, уходя, день, и тогда ударили в барабаны окончания, и воины оставили друг друга. И царь Сабур велел поставить палатки у ворот города, и царь Гариб тоже поставил свои палатки напротив персов, и все расположились у себя в шатре...»

И Шахразадю застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Шестьсот шестьдесят девятая ночь

Когда же настала шестьсот шестьдесят девятая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что войска царя Гариба и войска царя Сабура отделились друг от друга, и каждый из воинов отправился к себе в шатёр. А когда наступило утро, воины сели на породистых могучих коней и подняли крики, взяв копья и облачившись в боевое снаряжение. И выступил вперёд богатырь-начальник и отважный лев Рустум, и он был первым, кто открыл врата боя. Он выгнал своего коня на середину поля и закричал: „Аллах

велик! Я – Рустум, предводитель богатырей арабов и персов! Есть ли мне противник? Есть ли соперник? Пусть не выходит ко мне сегодня ленивый или слабый!” И выступил к нему Туман из войска персов и понёсся на Рустума, и Рустум понёсся на Тумана, и произошли между ними ужасные стычки: Рустум подскочил к своему противнику и ударил его бывшей с ним дубиной, которая весила семьдесят ритлей, и вдавил ему голову в грудь. И Туман упал на землю убитый и в крови утопающий. И было это не легко для царя Сабура, и он велел своим людям нападать, и они напали на мусульман, взывая о помощи к солнцу, обладателю сияний, а мусульмане взывали к царю всевластному. И умножились персы против арабов и заставили их выпить чашу гибели. И тогда Гариб закричал и решительно выступил и, вынув свой губящий меч, меч Яфиса, понёсся на персиян. А аль-Кайладжан с аль-Кураджаном были у стремени царя Гариба, и царь не переставал возвращаться с мечом, пока не добрался до знаменосца. И тогда он ударил его по голове плащом, и знаменосец упал на землю, покрытый беспамятством, и марицы забрали его в свой лагерь. И когда персы увидели, что знамя упало, они повернули, убегая и направляясь к воротам города. И мусульмане преследовали их с мечами, пока не достигли ворот. И персы столпились в воротах, и погибло из них множество народу, и они не могли запереть ворота, и тогда Рустум, аль-Джамракан, Садан, Сахим, ад-Дамиг, аль-Кайладжан и аль-Кураджан и все богатыри-мусульмане и витязи-единобожники ринулись на еретиков персиян, потекла кровь нечестивых в переулках потоком. И тут персы закричали: „Пощады! Пощады!” И мусульмане сняли с них мечи, и персы побросали оружие и доспехи, и их погнали, как гонят баранов, к шатрам. А Гариб вернулся в свою палатку, снял оружие и надел одежду величия, смыв сначала кровь нечестивых, и затем сел на престол своего царства и потребовал паря персов. И его привели и поставили перед Гарибом, и тот сказал: „О пёс персиян, что побудило тебя на то, что ты сделал со своей дочерью? Как это та счёл, что я не гоюсь ей в мужья?” – „О царь, – ответил Сабур, – не взыщи с меня за то, что я сделал, я уже раскаялся. Я встретил тебя боем только из страха перед тобой”.

И, услышав эти слова, Гариб приказал разложить Сабура и побить его, и с ним делали то, что Гариб приказал, пока не прекратились его стоны, и тогда Сабура унесли к заключённым. А затем Гариб призвал персов и предложил им ислам, и стали мусульманами сто двадцать тысяч, а остальные погибли от меча. И приняли ислам все, кто был в городе из персов.

И Гариб сел на коня и въехал в великолепном шествии в Исбанир аль-Мадаин, и он сел на престол Сабура, царя персов, и стал награждать и дарить и раздавать добычу и золото, и роздал его персиянам, и те полюбили Гариба и пожелали ему победы, величия и долгой жизни. А потом мать Фахр-Тадж вспомнила свою дочь и устроила оплакивание, и дворец наполнился воплями и криками, и Гариб услышал причитавших и вошёл к ним и спросил: «В чем у вас дело?» И мать Фахр-Тадж выступила вперёд и сказала: «О господин, когда ты прибыл, я вспомнила мою дочку и сказала: „Если бы она была здорова, она бы порадовалась твоему прибытию”.

И Гариб поплакал о царевне и сел на престол и сказал: «Приведите ко мне Сабура!» И когда его привели, ковылявшего в оковах, Гариб сказал ему: «О пёс персиян, что ты сделал с твоей дочерью?» – «Я отдал её такомуто и такому-то и сказал им: „Утопите её в реке Джейхун”, – сказал Сабур. И Гариб позвал тех двух людей и спросил их: „То, что он говорит – правда?” – „Да, – ответили они, – но только, о царь, мы её не утопили, а пожалели её, отпустили и сказали ей: „Ищи спасения твоей души на берегу Джейхуна и не возвращайся в город: царь убьёт тебя и убьёт нас вместе с тобою”. Вот то, что известно нам...”

И Шахразиду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Ночь, дополняющая до шестисот семидесяти

Когда же настала ночь, дополняющая до шестисот семидесяти, она сказала: «Дошло до

меня, о счастливый царь, что те два человека рассказали царю Гарибу историю Фахр-Тадж и сказали: „Мы оставили её на берегу реки Джейхун“. И Гариб, услышав это, призвал звездочётов, и когда те явились, сказал им: „Погадайте на доске с песком и посмотрите, каково положение Фахр-Тадж: в оковах ли она жизни, или она умерла?“

И звездочёты погадали на доске с песком и сказали: «О царь времени, нам явилось, что царевна в оковах жизни и принесла дитя мужеского пола, и оба они у одного из племён джиннов, но она будет вдали от тебя двадцать лет. Сосчитай же, сколько времени ты в путешествии».

И Гариб высчитал время своего отсутствия, и оказалось, что прошло восемь лет, и тогда Гариб воскликнул: «Нет мощи и силы, кроме как у Аллаха, высокого, великого!» И он отправил послов в крепости и укрепления, которые были подвластны Сабуру, и жители их пришли покорные. И когда Гариб сидел у себя во дворце, он вдруг увидел, что поднялась пыль, которая застлала края неба, так что со всех сторон потемнело, и он кликнул аль-Кайладжана с аль-Кураджаном и сказал: «Принесите мне сведения об этой пыли!» И оба марида отправились и скрылись в облаке пыли и, схватив одного из всадников, привели его к Гарибу и поставили перед ним. «Спроси этого, он из их войска», – сказали они. И Гариб спросил его: «Чьё это войско?» – «О царь, – ответил пленник, – это войско царя Хирад-Шаха⁵⁵¹, владыки Шираза, который пришёл с тобой сразиться».

А причиною этого было то, что, когда произошла стычка между Сабуром, царём персов, и Гарибом, случилось то, что случилось: сын царя «Сабура убежал с горсточкой людей своего отца и шёл, пока не достиг города Шираза. И он вошёл к царю Хирад-Шаху и поцеловал землю (а слезы текли по его щекам), и Хирад-Шах сказал ему: „Подними голову, мальчик, и скажи мне, о чем ты плачешь“. – „О царь, – ответил юноша, – явился к нам царь из арабов по имени Гариб, захватил царство моего отца, перебил персов и заставил их выпить чашу гибели“. И он рассказал Хирад-Шаху, что произошло из-за Гариба, с начала до конца. И когда Хирад-Шах услышал слова сына Сабура, он спросил: „А моя жена здорова?“ – „Её взял Гариб“, – ответил царевич, и Хирад-Шах воскликнул: „Клянусь моей головой, я не оставлю на лице земли ни бедуина, ни мусульманина!“ И он написал письма и разослал их своим наместникам, и те пришли, и Хирад-Шах сосчитал воинов, и оказалось, что их восемьдесят пять тысяч. И потом он отпер склады и роздал людям кольчуги, оружие и доспехи и шёл с ними, пока они не достигли Исбанир-аль-Мадаина, и тогда они все расположились напротив городских ворот. И к Гарибу подошли аль-Кайладжан с аль-Кураджаном и поцеловали ему колено и сказали: „О владыка, залечи наши сердца и сделай это войско нашей долей“. – „Вот они перед вами!“ – сказал Гариб.

И тогда марида полетели и опустились возле шатра Хирад-Шаха и увидели его на престоле своей власти, и сын Сабура сидит от него справа, а предводители стоят вокруг него в два ряда и советуются, как перебить мусульман.

И аль-Кайладжан подошёл и схватил сына Сабура, а аль-Кураджан схватил Хирад-Шаха, и они полетели с ними к Гарибу, и тот велел бить их, пока они не исчезнут из бытия. А затем марида вернулись и, вытащив мечи, которых никто не мог поднять, опустились среди неверных, и Аллах поспешил отправить их души в огонь. (О, как скверно это обиталище!) И неверные замечали только два сверкающих меча, которые косили людей, как косят злаки, и никого не видели. И они вышли из палаток и поехали на неосёдланных конях, и марида преследовали их два дня и погубили из них множество народа. А потом марида вернулись и поцеловали Гарибу руку, и Гариб поблагодарил их за то, что они сделали, и сказал им: «Добыча, взятая у неверных, достанется вам одним, и никто не разделит её с вами». И марида пожелали Гарибу благополучия и ушли, и они собрали свои деньги и спокойно зажили у себя на родине.

Вот что было с Гарибом и его людьми...»

⁵⁵¹ В арабском тексте, по рассеянности переписчика, стоит «Вард-Шах».

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Шестьсот семьдесят первая ночь

Когда же настала шестьсот семьдесят первая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что, когда Гариб обратил в бегство Хирад-Шаха, он велел аль-Кайладжану с аль-Кураджаном взять их имущество, как добычу, которую никто с ними не разделит, и они собрали их деньги и зажили у себя на родине. Что же касается нечестивых, то они бежали, не останавливаясь, пока не достигли Шираза, и тогда они стали оплакивать тех, кто был убит.

А у царя Хирад-Шаха был брат по имени Сайран-волшебник, лучше которого никто в его время не умел колдовать. И он жил вдали от своего брата, в одной из крепостей, где было много деревьев, рек, птиц и цветов, и между ними и городом Ширазом было полдня пути. И бежавшие воины отправились в эту крепость и вошли к Сайрану-волшебнику, плача и крича, и он спросил их: «О чем вы плачете, о люди?» И его осведомили, в чем дело, и рассказали, как марида похитили его брата, Хирад-Шаха и сына Сабура. И когда услышал Сайран эти слова, свет сделался перед лицом его мраком и он воскликнул: «Клянусь моей верой, я убью Гариба и его людей и не оставлю из них ни единого человека и никого, чтобы доставлять вести!»

И затем стал произносить какие-то слова и звать Красного царя, и когда тот явился, сказал ему: «Пойди в Исбанир-аль-Мадаин и налети на Гариба, когда он будет сидеть на своём престоле!» И Красный царь отвечал: «Слушаю и повинуюсь!» И затем он шёл, пока не пробрался к царю Гарибу, и когда Гариб увидал его, он вытащил свой губящий меч и набросился на него вместе с аль-Кайладжаном и аль-Кураджаном, и они направились к войску Красного даря и убили пятьсот тридцать человек и ранили Красного даря глубокой раной. И Красный царь повернулся, убегая, и его люди тоже повернулись, израненные, и они шли до тех пор, пока не достигли Крепости Плодов и не вошли к Сайрану-волшебнику, крича о горе и несчастьи. «О мудрец, – сказали они ему, – у Гариба заколдованный меч Яфиса, сына Нуха, и всякий, кого он поражает, разбит, и с ним два марида с горы Каф, которых дал ему царь Муриш. Это он убил Баракана, когда тот вступил на гору Каф, и он убил Синего царя и погубил множество джиннов».

И когда волшебник услышал слова Красного царя, он сказал ему: «Уходи!» И Красный царь ушёл своей дорогой, а потом волшебник стал колдовать и, призвав марида по имени Заази, дал ему с драхму летучего банджа и сказал: «Иди в Исбанир-аль-Мадаин, отправляйся во дворец Гариба и прими образ воробья. Выслежи, когда Гариб заснёт, и когда подле него никого не будет, возьми бандж, положи его Гарибу в нос и принеси его ко мне». И марида сказал: «Слушаю и повинуюсь!» И шёл, пока не достиг Исбанир-аль-Мадаина, и тогда он отправился во дворец Гариба, приняв образ воробья, и сел на одно из окон дворца. Он подождал, пока пришла ночь и вельможи ушли в свои опочивальни, и когда Гариб заснул, марида спустился и, вынув толчёный бандж, всыпал его Гарибу в нос. И дыхание Гариба потухло, и марида завернул его в одеяло и поднял его и понёсся с ним, точно порывистый ветер, и не пришла ещё полночь, как он уже был в Крепости Плодов.

И он внёс Гариба к Сайрану-волшебнику, и Сайран поблагодарил его за то, что он сделал, и хотел убить Гариба, пока тот одурманен банджем, но один из людей Сайрана удержал его от его убийства и сказал: «О мудрец, если ты убьёшь его, джинны разрушат наши страны, так как царь Муриш, его друг, нападёт на нас со всеми своими ифритами». – «А что мы с ним сделаем?» – спросил Сайран, И тот человек сказал: «Брось его в Джейхун, одурманенного банджем, и Муриш не узнает, кто его бросил, и он потонет, и никто не будет о нем знать».

И Сайран приказал мариду отнести Гариба и бросить его в Джейхун...

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Шестьсот семьдесят вторая ночь

Когда же настала шестьсот семьдесят вторая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что марида понёс Гариба к Джейхуну и хотел бросить его в реку, но это было ему не легко. И он сделал деревянный плот, связал его верёвками и толкнул плот с Гарибом в поток, и течение подхватило плот, и он исчез.

Вот что было с Гарибом. Что же касается его людей, то они отправились утром ему прислуживать, но не нашли его и увидели его чётки на ложе. И они стали ждать, пока он выйдет, но он не вышел, и тогда они потребовали привратника и сказали ему; «Пойди в гарем и посмотри, где царь, – у него не в обычае пропадать до этого времени».

И привратник пошёл и спросил тех, кто был в гареме, и ему сказали: «Со вчерашнего дня мы его не видели». И тогда привратник вернулся к ожидавшим и рассказал им об этом. И они растерялись и стали говорить друг другу: «Посмотрим, может быть, он пошёл прогуляться в садах». И они спросили садовников: «Проходил ли мимо вас царь?» И те ответили: «Мы его не видели». И тогда приближённые Гариба огорчились и обыскали все сады и вернулись в конце дня плачущие.

И аль-Кайладжан с аль-Кураджаном стали кружить над городом, разыскивая Гариба, но не узнали о нем вестей и вернулись через три дня. И люди надели чёрное и стали жаловаться господину рабов, который делает что хочет, и вот то, что было с ними.

Что же касается Гариба, то он лежал на плоту, брошенный, и плот плыл по течению пять дней, а затем поток выбросил его в солёное море, и волны начали им играть, и внутренности Гариба встряхнуло, и бандж вышел из него. И Гариб открыл глаза и увидел, что он посреди моря и волны играют им, «и воскликнул: „Нет мощи и силы, кроме как у Аллаха, высокого, великого! Посмотри-ка! Кто это сделал со мной такое дело!“ И в то время, когда он не знал, что ему делать, вдруг появился плывущий корабль. Гариб помахал путникам рукавом, и те подплыли и взяли его и спросили: „Кто ты будешь и из какой ты страны?“ – „Накормите и напоите меня, чтобы ко мне вернулась душа, и я скажу вам, кто я“, – ответил Гариб. И ему принесли воды и пищи, и он поел и попил, и Аллах вернул ему разум. „О люди, какой вы породы и какая у вас вера?“ – спросил он потом. И путники ответили: „Мы из Курджей и поклоняемся идолу, которого зовут Минкаш“. – „Пропадите вы и тот, кому вы поклоняетесь, о собаки! Не должно поклоняться никому, кроме Аллаха, который сотворил всякую вещь и говорит вещи: „Будь!“ – и она возникает!“ – воскликнул Гариб. И тут путники напали на него с силой и бешенством и хотели его схватить, а он был без оружия, но всякого, кто его ударял, он сваливал и лишал жизни. И он повалил сорок человек, и тогда путники напали на него во множестве и крепко связали его и сказали: „Мы убьём его только на нашей земле и покажем его царю“.

И они ехали, пока не прибыли к городу Курджей...»

И Шахразду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Шестьсот семьдесят третья ночь

Когда же настала шестьсот семьдесят третья ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что люди, ехавшие на корабле, схватили Гариба и связали его, говоря: „Мы убьём его только на нашей земле“.

И потом они ехали, пока не достигли города Курджей. А тот, кто его построил, был жестокий амалекитянин, и он поставил у каждого ворот города по человеку из меди, сделанному с мудростью, и когда входил в город какойнибудь чужеземец, этот человек трубил в трубу, и всякий, кто был в городе, слышал это, и вошедшего схватывали и убивали, если он не вступал в их веру. И когда Гариб вступил в город, человек закричал великим криком и так заревел, что испугал сердце царя, и тот встал и вошёл к своему идолу и увидел,

что из его рта, носа и глаз выходит огонь и дым. А в брюхо идола вошёл шайтан, который говорил его языком и сказал: «О царь, к тебе попал один человек по имени Гариб, и он – царь Ирака. Он приказывает людям оставить их веру и поклоняться господу, и когда его к тебе приведут, не щади его».

И царь вышел и сел на престол, и вдруг привели Гариба, поставили его перед царём и сказали: «О царь, мы увидели, что этот юноша не верит в наших богов, и мы нашли его тонущим». И они рассказали царю историю Гариба, и царь сказал: «Пойдите с ним в дом большого идола и зарежьте его перед ним; может быть, он будет нами доволен». – «О царь, – сказал ему везирь, – зарезать его не хорошо: он умрёт в одну минуту». – «Мы заключим его в тюрьму, наберём дров и подожжём её», – сказал царь. И собрали дрова, жгли их до утра. И царь вышел вместе с жителями города и велел привести Гариба, и за ним пошли, чтобы его привести, но не нашли его. И посланные вернулись и осведомили царя о его бегстве, и царь спросил: «А как же он убежал». И ему сказали: «Мы увидели, что цепи и оковы сброшены, а двери заперты». И царь удивился и воскликнул: «На небо, что ли, он улетел или под землю провалился?» И ему ответили: «Не знаем!» – «Я пойду к моему богу и спрошу его про этого человека, он расскажет мне, куда он ушёл», – сказал царь.

И он встал и отправился к идолу, чтобы пасть перед ним ниц, но не нашёл его, и тогда он начал тереть себе глаза, говоря: «Ты спишь или бодрствуешь?» И он обратился к везиру и спросил: «О везирь, где мой бог и где пленник? Клянусь моей верой, о пёс среди везирей, если бы ты мне не посоветовал его сжечь, я бы его зарезал. Это он украл моего бога и убежал, и я обязательно отомщу!» И он вытащил меч и, ударив везиря, отрубил ему голову.

А исчезновению Гариба с идолем была диковинная причина. Вот она.

Когда царь заточил Гариба, его посадили в комнату рядом с беседкой, в которой был идол. И Гариб стал поминать Аллаха великого и просить у Аллаха великого, славного, помощи, и его услышал мари́д, приставленный к идолу, говорившему его языком, и его сердце смирилось, в он воскликнул: «О, позор мне перед тем, кто меня видит, а я его не вижу!» И он подошёл к Гарибу и припал к его ногам и спросил его: «О господин мой, что мне сказать, чтобы стать одним из твоих приверженцев и вступить в твою веру?» – «Скажи: „Нет бога, кроме Аллаха, Ибрахим – друг Аллаха“, – сказал Гариб. И мари́д произнёс исповедание и был зачислен в число обладателей счастья. А имя этого мари́да было Зальзаль ибн аль-Музальзиль, и его отец был одним из великих царей джиннов. И мари́д освободил Гариба от оков и понёс его с идолем, направляясь к верхнему воздуху...»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Шестьсот семьдесят четвёртая ночь

Когда же настала шестьсот семьдесят четвёртая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что, когда мари́д понёс Гариба вместе с идолем, он направился к верхнему воздуху, и вот то, что с ним было.

Что же касается царя, то он вошёл, чтобы спросить идола про Гариба, и не нашёл его, и случилось то, что случилось. И когда воины царя увидели, что произошло, они отвергли поклонение идолу и вытащили мечи и убили своего царя и напали друг на друга. Меч ходил между ними три дня, пока они не уничтожили один другого и не осталось из них только два человека. И один из них осилил другого и убил его, и подскочили к этому человеку дети и убили его, и они до тех пор колотили друг друга, пока не погибли все до последнего. И женщины и девушки бросились бежать и направились в селения и крепости, и сделался город пустым, и остались в нем только совы.

Вот что случилось с жителями города. Что же касается Гариба, то Зальзаль ибн аль-Музальзиль поднял его и направился с ним в свою страну, то есть на Камфарные острова, к хрустальному дворцу и заколдованному тельцу. А у царя аль-Музальзиля был пёстрый телёнок, которого он одевал в украшения и платья, затканые червонным золотом, и

он сделал его богом. И однажды аль-Музальзиль со своими людьми вошёл к телёнку и увидел его испуганным. «О бог мой, что тебя испугало?» – спросил он. И шайтан, бывший в брюхе телёнка, закричал и сказал: «О Музальзиль, твой сын склонился к вере друга Аллаха – Ибрахима, при помощи Гариба, властитель Ирака».

И затем он рассказал ему о том, что случилось, с начала до конца. И когда царь услышал слова телёнка, он вышел, недоумевая, и сел на престол своего царства и потребовал к себе вельмож правления, и они явились. И царь рассказал им, что он услышал от идола, и они удивились этому и спросили: «Что же нам делать, о царь?» И царь сказал: «Когда мой сын явится и вы увидите, что я его обнимаю, хватайте его». И вельможи отвечали: «Слушаем и повинемся!»

А потом, через два дня, Зальзаль вошёл к своему отцу, и с ним были Гариб и идол царя Курджей, и когда он уходил в дворцовые ворота, на него с Гарибом бросились и схватили и поставили перед царём аль-Музальзим. И царь посмотрел на своего сына взором гнева и сказал ему: «О пёс из джиннов, разве ты покинул твою веру и веру твоих отцов и дедов?» – «Я вошёл в истинную веру, а ты – горе тебе! – прими ислам, ты спасёшься от гнева всевластного владыки, творца ночи и дня», – ответил Зальзаль. И царь разгневался на своего сына и воскликнул: «О дитя прелюбодеяния, ты говоришь мне в лицо такие слова!»

И он велел его заточить, и его заточили, а потом царь обратился к Гарибу и сказал ему: «О обломок людей, как ты сыграл с разумом моего сына и вывел его из его веры?» – «Я вывел его из заблуждения на верный путь, из огня в рай, из нечестия к вере», – ответил Гариб. И царь закричал на марида по имени Сайяр и сказал ему: «Возьми этого пса и брось его в Долину Огня, чтобы он погиб».

А это была такая долина, что из-за крайней её жары и пылания её углей всякий, кто спускался в неё, погибал и не жил ни минуты, и окружала эту долину гора, высокая и гладкая, в которой не было прохода. И проклятый Сайяр подошёл и, подняв Гариба, полетел с ним и направился к пустынной четверти мира⁵⁵². И когда между ним и той долиной остался один час пути, ифрит устал нести Гариба и опустил его в долину, где были деревья, реки и плоды. И марида опустил, утомлённый, и Гариб сошёл с его спины (а он был спутан), и ифрит заснул от усталости и стал храпеть, и Гариб до тех пор трудился над узами, пока не освободился от них. И он взял тяжёлый камень и бросил его ифриту на голову, и камень искрошил ему кости, и он тотчас же погиб. И Гариб пошёл по этой долине...

И Шахразад устала, и она прекратила дозволенные речи.

Шестьсот семьдесят пятая ночь

Когда же настала шестьсот семьдесят пятая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что, когда Гариб убил марида, он пошёл по долине и увидел, что она находится на острове, посреди моря, широкий и есть на нем все плоды, каких желают уста и язык. И стал Гариб есть плоды в этой долине и пить из её каналов. И прошли в ней над ним лета и годы, и он хватал рыбу и ел. И провёл он таким образом в одиночестве и уединении семь лет, и когда, однажды, он сидел, вдруг спустились к нему по воздуху два марида, с каждым из которых был человек. И они увидели Гариба и сказали ему: „Эй, ты, кто будешь и из какого ты племени?“ А у Гариба отросли длинные волосы, и марида сочли, что он из джиннов, и спросили его, что с ним, и Гариб сказал: „Я не из джиннов“.

И он рассказал им, что с ним случилось, от начала до конца, и марида опечалились о нем, и один из ифритов сказал: «Оставайся на месте, пока мы доставим этих баранов нашему царю – одним из них он пообедает, а другим поужинает, – а потом мы вернёмся к тебе и

⁵⁵² «Пустынная четверть мира» (ар-Руб-аль-Хали) – одно из названий обширной пустыни, расположенной на юго-востоке Аравийского полуострова.

доставим тебя в твою страну». И Гариб поблагодарил их и спросил: «Где бараны, которые с вами?» И марида ответили: «Вот эти два человека». И тогда Гариб воскликнул: «Прибегаю к защите бога Ибрахима, друга Аллаха, господя всякой вещи, который во всякой вещи властен!»

И затем ифриты улетели, а Гариб сидел и дожидался марида. И через два дня марида принёс ему одежду и прикрыл его и понёс, и летел с ним к верхнему воздуху, пока мир не скрылся от него. И Гариб услышал славословие ангелов в воздухе, и в марида попала от них огненная стрела, и он стал убегать и направился к земле. И когда между ним и землёю оставалось расстояние полёта копья, стрела приблизилась к нему и настигла его. И Гариб поднялся и слез с плеча ифрита, которого настигла стрела, и он превратился в пепел. А Гариб опустился прямо в море и погрузился на глубину двух ростов человека и, поднявшись, плыл весь день и ночь и второй день, пока его душа не ослабела и он не убедился, что умрёт. И не наступил ещё третий день, и он отчаялся, что будет жив, как вдруг появилась перед ним высокая гора, и Гариб направился к ней и поднялся на неё. И он стал ходить по этой горе и питался растениями земли, и отдохнул день и ночь, а затем сошёл с горы и спустился позади неё. И он шёл два дня и достиг города, где были деревья, реки, стены и башни. И когда он достиг городских ворот, к нему подошли привратники и схватили его и привели к их царице.

А царицу звали Джаншах, и было ей пятьсот лет жизни. И всякого, кто входил в её город, показывали ей, и она брала его и ложилась с ним, а когда он кончал своё дело, она его убивала, и так она уже убила много людей. И когда ей привели Гариба, он ей понравился, и она спросила его: «Как твоё имя, какова твоя вера и из какой ты страны?» И Гариб ответил ей: «Моё имя – Гариб, царь Ирака, а вера моя – ислам». – «Выступи из твоей веры и вступи в мою веру, и я выйду за тебя и сделаю тебя царём», – сказала царица. И Гариб посмотрел на неё глазом гнева и воскликнул: «Пропади ты с твоей верой!» И тогда царица закричала на него и сказала: «Ты ругаешь моего идола, а он из красного сердолика и украшен жемчугом и драгоценностями!» И потом она сказала: «Эй, люди, заключите его в беседку идола, может быть, это смягчит его сердце!» И Гариба заключили в беседку идола и заперли его за дверями...»

И Шахразад устала, и она прекратила дозволенные речи.

Шестьсот семьдесят шестая ночь

Когда же настала шестьсот семьдесят шестая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что, когда Гариба заключили в беседку идола и заперли его за дверями и тюремщики ушли своей дорогой, Гариб посмотрел на идола и увидел, что он из красного сердолика, а на шее у него ожерелья из жемчуга и драгоценных камней. И Гариб подошёл к идолу и, подняв его, ударил им об землю, и идол превратился в груды обломков. А Гариб заснул и спал, пока не взошёл день. И когда наступило утро, царица села на свой престол и сказала: „Эй, люди, приведите ко мне пленника!“ И люди пошли к Гарибу и отперли беседку и, войдя, увидели, что идол разбит. И они стали так бить себя по лицу, что из уголков их глаз пошла кровь. А потом они подошли к Гарибу, чтобы схватить его, и Гариб ударил кулаком одного, и тот умер, и ударил другого и убил его и перебил так двадцать пять человек, а остальные убежали. И они вошли к царице Джаншах, крича, и та спросила: «В чем дело?» И они сказали: «Пленник разбил твоего идола и убил твоих людей». И они рассказали ей о том, что было, и царица ударила своим венцом об землю и воскликнула: «Нет больше идолам цены!» А потом она села на коня с тысячей богатырей и направилась к дому идола. И она увидела, что Гариб вышел из беседки и взял меч и стал убивать богатырей и повергать мужей. И когда Джаншах увидела Гариба и его храбрость, она утонула в любви к нему и воскликнула: «Нет мне нужды в идоле, и я хочу только, чтобы этот чужеземец полежал у меня на груди остаток моей жизни!»

И потом она сказала своим людям: «Отойдите от него и удалитесь!» И подошла и стала

бормотать. И локоть Гариба сделался неподвижным, и руки его ослабели, и меч выпал у него из руки. И его схватили и связали, униженного, презренного и растерявшегося, и потом Джаншах вернулась и села на престол своего царства и приказала своим людям уйти. И она осталась с Гарибом одна в помещении и сказала ему: «О пёс арабов, ты разбиваешь моего идола и убиваешь моих людей!» – «О проклятая, – ответил Гариб, – будь это бог, он бы наверное защитил себя». – «Ляг со мной, и я отпущу тебе то, что ты сделал», – сказала царица. И Гариб воскликнул: «Я не сделаю ничего такого!» – «Клянусь моей верой, я буду тебя пытаться жестокой пыткой!» – сказала тогда царица» И затем она взяла воды и, поколдовав над ней, брызнула ею Гариба, и он превратился в обезьяну. И царица стала его кормить и поить, и заточила его в комнате, и приставила к нему человека, который ходил за ним два года. А потом, в какой-то день, она позвала Гариба и велела привести его к себе и спросила: «Ты меня слушаешься?» И Гариб сказал ей головой: «Да». И царица обрадовалась и освободила его от чар. И она подала Гарибу еду, и Гариб поел с ней и стал с ней играть и целовать её, и царица доверилась ему. И когда пришла ночь, она легла и сказала Гарибу: «Вставай, делай своё дело». И Гариб ответил: «Хорошо». И, сев ей на грудь, схватил её за шею и сломал её, и он до тех пор не поднялся, пока из царицы не вышел дух. И он увидел открытую кладовую и вошёл туда и нашёл в ней отполированный меч и щит из китайского железа. И тогда он облёкся в полное вооружение и подождал до утра, а утром вышел и стал у ворот дворца. И пришли эмиры и хотели войти, чтобы служить, и увидели Гариба, одетого в боевые доспехи, и Гариб сказал им: «О люди, оставьте поклонение идолам и поклонитесь царю всеведущему, творцу ночи и дня, господу людей, оживителю костей, создателю всякой вещи, который во всякой вещи властен».

И когда нечестивые услышали эти слова, они ринулись на Гариба, но тот понёсся на них, как сокрушающий лев, и стал кружиться среди них и убил из них множество народа...»

И Шахразадку застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Шестьсот семьдесят седьмая ночь

Когда же настала шестьсот семьдесят седьмая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что Гариб понёсся на неверных и уничтожил их множество. И пришла ночь, и неверные умножились против Гариба, и все они устремились к нему и хотели его захватить. И вдруг тысяча маридов бросилась на нечестивых с тысячью мечей, и главой их был Зальзаль ибн аль-Музальзиль, который был в первых рядах войска. И мариды заработали среди нечестивых острыми мечами и напоили их из чаши гибели, и поспешил Аллах великий отправить их души в огонь, и не осталось из людей Джаншах никого, кто бы мог доставить вести. И закричали её помощники: „Пощады, пощады!“ – и уверовали в судящего владыку, которого не отвлечёт одно дело от другого, истребителя Хосроев, губителя великанов, господ жизни дольней и последней».

А потом Зальзаль поздоровался с Гарибом и поздравил его со спасением. И Гариб спросил его: «Кто тебя осведомил о моем положении?» – «О владыка, – ответил Зальзаль, – когда отец мой заточил меня и послал тебя в Долину Огня, я оставался в тюрьме два года, а потом он меня выпустил, и я провёл после этого год, а затем вернулся к тому, что было раньше, я убил моего отца, и войска мне подчинились, и вот уже год, как я над ними властвую. И как-то я заснул (а ты был у меня в мыслях) и увидел во сне, что ты сражаешься с людьми Джаншах, и тогда я взял эту тысячу маридов и пришёл к тебе». И Гариб удивился такому совпадению и взял деньги Джаншах и деньги её людей и поставил над городом своего правителя.

А мариды понесли деньги и Гариба, и они провели ночь не иначе, как в городе Зальзалья. И Гариб пробыл в гостях у Зальзалья шесть месяцев, а потом он захотел уехать. И тогда Зальзаль принёс подарки и послал три тысячи маридов, которые принесли деньги из города Курджей, и он положил подарки на деньги Джаншах. И затем Зальзаль велел маридам

нести подарки и деньги, а сам Зальзаль понёс Гариба, и они все направились к городу Исбанир-аль-Мадаин, и не пришла ещё полночь, как они были уже там. И Гариб посмотрел и увидел, что город осаждён и окружён влачащимся войском, подобным переполненному морю. И тогда он спросил Зальзаль: «О брат мой, какова причина этой осады и откуда это войско?» И потом Гариб опустился на крышу дворца и позвал: «Эй, Каукаб-ас-Сабах, эй, Махдия!» И они встали от сна, ошеломлённые, и спросили: «Кто зовёт нас в такое время?» – «Я, ваш владыка Гариб, творец дивного дела», – ответил Гариб. И когда обе женщины услышали слова своего владыки, они обрадовались, и рабыни с евнухами тоже.

И Гариб спустился, и женщины бросились к нему и заголосили, так что во дворце загудело, и пришли предводители из своих опочивален и спросили: «В чем дело?» – и, войдя во дворец, сказали евнухам: «Родила, что ли, одна из невольниц?»⁵⁵³ И евнухи ответили: «Нет, но радуйтесь: к вам прибыл царь Гариб».

И эмиры обрадовались, а Гариб поздоровался с женщинами и вышел к своим товарищам, и те бросились к нему и стали целовать ему руки и ноги, воздавая хвалу Аллаху великому и прославляя его. И Гариб сел на престол и призвал своих товарищей, и они явились и сели вокруг него, и Гариб спросил их про воинов, которые осадили их, и приближённые сказали: «О царь, вот уже три дня, как они осаждают нас, и с ними джинны и люди, и мы не знаем, чего они от нас хотят, и не было у нас с ними ни боя, ни разговора». – «Завтра мы пошлём к ним письмо и узнаем, чего они хотят», – молвил Гариб. И его приближённые сказали: «А имя их царя – МурадШах, и подвластны ему сто тысяч всадников и три тысячи пеших, и двести из племён джиннов».

А приходу этого войска была великая причина...

И Шахразату застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Шестьсот семьдесят восьмая ночь

Когда же настала шестьсот семьдесят восьмая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что прибытию этого войска и пребыванию его под городом Исбаниром была великая причина! Вот она. Когда царь Сабур отослал свою дочь с двумя людьми и сказал им: „Утопите её в Джейхуне“, – они вышли с нею и сказали ей: „Уходи своей дорогой и не показывайся твоему отцу: он убьёт нас и убьёт тебя“. И ФахрТадж пошла, недоумевающая и не зная, куда направиться, и говорила: „Где твои глаза, о Гариб, чтобы посмотреть, в каком я положении и что со мной!“

И она ходила из одной земли в другую и из долины в долину, пока не пришла в долину, где было много деревьев и каналов, а посреди поднималась крепость, высоко построенная, с колоннами, уходящими ввысь, и подобная райскому саду. И Фахр-Тадж направилась к этой крепости и вошла в неё и увидела, что она устлана шёлковыми коврами и вокруг много золотых и серебряных сосудов. И она нашла там сто рабынь из прекрасных невольниц. И когда эти невольницы увидели Фахр-Тадж, они поднялись перед нею и приветствовали её, считая, что она из девушек джиннов. И они спросили её, кто она, и ФахрТадж ответила им: «Я дочь царя персов». И рассказала о том, что с ней случилось. И когда невольницы услышали её слова, они опечалились о ней и стали успокаивать её сердце и сказали ей: «Успокой свою душу и прохлади глаза: тебе будет что поесть и попить и во что одеться, и мы все у тебя в услужении». И Фахр-Тадж пожелала им блага, а потом невольницы подали ей еду, и она ела, пока не насытилась. И Фахр-Тадж спросила невольниц: «А кто хозяин этого дворца и ваш повелитель?» И невольницы сказали ей: «Наш господин царь Сальсаль ибн Даль, и он приходит каждый месяц на одну ночь, а утром уходит управлять племенами

⁵⁵³ Такое предположение было вызвано возгласами радости, которые обыкновенно раздаются в гареме, когда рождается ребёнок.

джиннов».

И Фахр-Тадж провела у них пять дней и родила дитя мужского пола, подобное месяцу. И ему обрезали пуповину и насурьмили глаза, и назвали его Мурад-Шахом. И он стал расти на коленях своей матери, и через малое время прибыл царь Сальсаль, который ехал на слоне, белом, как бумага, величиной с высокую башню, и его окружали отряды джиннов. И царь вошёл во дворец, и его встретили сто его невольниц и поцеловали землю, и ФахрТадж была с ними. И царь посмотрел на неё и спросил невольниц: «Кто такая эта девушка?» И ему ответили: «Дочь Сабура, царя персов, турок и дейлемитов». – «Кто привёл её в это место?» – спросил царь, и невольницы рассказали ему, что с ней случилось. И царь опечалился и сказал: «Не печалься и потерпи, пока твой сын вырастет и станет большим, а потом я пойду в страну персов и срублю твоему отцу голову с плеч и посажу твоего сына на престол персов, турок и дейлемитов».

И Фахр-Тадж поднялась и поцеловала царю руки и пожелала ему блага, и она жила и воспитывала своего сына вместе с детьми царя.

И дети стали ездить на конях и выезжали на охоту и ловлю, и сын Фахр-Тадж научился охотиться на зверей, и охотился на хищных львов, и ел их мясо, так что его сердце сделалось крепче камня. И когда ему исполнилось пятнадцать лет жизни, его душа выросла в его глазах, и он спросил у своей матери: «О матушка, а кто мой отец?» – «О дитя моё, – ответила она, – твой отец – царь Гариб, царь Ирака, а я – дочь царя персов».

И затем она рассказала ему, что случилось, и, услышав это, мальчик спросил её: «А разве мой дед велел убить тебя и убить моего отца?» – «Да», – ответила ФахрТадж. И Мурад-Шах воскликнул: «Клянусь тем, чем я обязан тебе за воспитание, я пойду в город твоего отца и отрежу ему голову и принесу её тебе».

И Фахр-Тадж обрадовалась его словам...»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Шестьсот семьдесят девятая ночь

Когда же настала шестьсот семьдесят девятая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что Мурад-Шах, сын Фахр-Тадж, выехал с двумя сотнями маридов, с которыми он воспитывался, и стали они делать набеги и пересекать дороги, и ехали до тех пор, пока не приблизились к земле Ширазской. И тогда они напали на город, и Мурад-Шах ворвался во дворец царя и скинул ему голову, когда он сидел на престоле, и убил из войска его множество воинов, а оставшиеся в живых закричали: „Пощады, пощады!“ И стали целовать колено Мурад-Шаха. И он пересчитал их, и их оказалось десять тысяч всадников, и они сели на коней, служа ему, а затем поехали в Балх⁵⁵⁴ и убили там царя и погубили его войско и подчинили его жителей. Потом они отправились в Нурейн, а Мурад-Шах был уже во главе тридцати тысяч войска, и правитель Нурейна вышел к ним добровольно и отдал им деньги и редкости, и выехал с тридцатью тысячами войска. И они поехали, направляясь к Самарканду персидскому, и взяли его, а потом направились в Ахлат и взяли его. И затем они поехали дальше, и к какому городу ни подходили, брали его, и оказался Мурад-Шах во главе большого войска, и деньги и редкости, которые он захватывал в городах, он раздавал воинам, и они полюбили его за его доблесть и щедрость. И он достиг Исбанир-аль-Мадаина и сказал: «Подождите, пока я приведу остальное моё войско и захвачу моего деда и поставлю его перед моей матерью. Я исцелю её сердце, огрубив ему голову».

И затем он послал людей, чтобы привести его мать, и потому не было боя три дня. И

⁵⁵⁴ Маршрут войск Мурад-Шаха представляется довольно своеобразным. Из Балха, на Аму-Дарье, они отправились в Нурейн – небольшой городок близ озера Урмии, затем пошли в Самарканд, после чего направились в Ахлат, близ Ванского озера, чтобы в конце концов оказаться в «Исбанире», расположенном на реке Тигре.

прибыл Гариб, и с ним Зальзаль во главе сорока тысяч марилов, которые несли деньги и подарки, и Гариб спросил про воинов, расположившихся здесь, и ему сказали: «Мы не знаем, откуда они, и они три дня не сражаются с нами, и мы не сражаемся с ними».

И прибыла Фахр-Тадж, и её сын Мурад-Шах обнял её и сказал ей: «Сидя в своей палатке, пока я не приведу к тебе твоего отца». И Фахр-Тадж пожелала ему поддержки от господ миров – господ небес и господ земель. А когда наступило утро, Мурад-Шах сел на коня, и его двести марилов были от него справа, а цари людей – слева, и ударили в барабаны войны. И Гариб услышал это и сел на коня и выехал, и он призвал своих людей к бою, и джинны встали от него справа, а люди – слева. И выступил вперёд Мурад-Шах, закованный в военные доспехи, и стал гонять своего коня направо и налево, а затем закричал: «О люди, пусть не выезжает ко мне никто, кроме вашего царя! Если он меня одолеет, то он будет повелителем обоих войск, а если я его одолею, то убью его, как всякого другого».

И когда Гариб услышал слова Мурад-Шаха, он воскликнул: «Прочь, о пёс арабов!» И они понеслись друг на друга и бились копьями, пока они не сломались, и дрались мечами, пока они не зазубрились, и они возвращались и убегали, приближались и удалялись, пока не наступил полдень. И упали под ними кони, и они сошли на землю и схватили друг друга. И тут Мурад-Шах бросился на Гариба и поднял его, держа на весу, и хотел ударить его об землю, но Гариб схватил его за уши и с силой потянул их» и Мурад-Шах почувствовал, что небо покрыло землю, и закричал во все горло и воскликнул: «Я под твоей защитой, о витязь времени!» И Гариб связал его...»

И Шахраду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Ночь, дополняющая до шестисот восьмидесяти

Когда же настала ночь, дополняющая до шестисот восьмидесяти, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что, когда Гариб схватил Мурад-Шаха за уши и потянул их, Мурад-Шах закричал: „Я под твоей защитой, о витязь времени!“ И Гариб связал его, и марида, сподвижники Мурад-Шаха, хотели броситься и освободить его, но Гариб понёсся с тысячью марилов, и они хотели схватить марилов Мурад-Шаха, но те закричали: „Пощады, пощады!“ И побросали оружие. И Гариб сел в своём шатре (а он был из зеленого шелка, вышитый червонным золотом и окаймлённый жемчугом и драгоценными камнями) и призвал Мурад-Шаха, и его привели к нему, подсказывавшего в цепях и путах.

И когда Мурад-Шах увидел Гариба, он опустил голову к земле от стыда. И Гариб спросил его: «О пёс арабов, каковы твои свойства, что ты выезжаешь на царей и хочешь с ними соперничать?» – «О владыка, не взыщи с меня, у меня есть оправдание», – сказал Мурад-Шах. «А каково лицо твоего оправдания?» – спросил Гариб, и Мурад-Шах ответил: «О владыка, знай, что я вышел отомстить за моего отца и мать Сабуру, царю персов; он хотел их убить, но моя мать спаслась, и я не знаю, убит мой отец или нет».

И когда Гариб услышал его слова, он воскликнул: «Клянусь Аллахом, ты оправдан! Но кто твой отец и твоя мать и как имя твоего отца и твоей матери?» – «Имя моего отца – Гариб, царь Ирака, а имя моей матери – Фахр-Тадж, дочь Сабура, царя персов», – ответил Мурад-Шах. И когда Гариб услышал его слова, он вскрикнул великим криком и упал без памяти. И на него побрызгали розовой водой, и он очнулся и спросил Мурад-Шаха: «Ты – сын Гариба от Фахр-Тадж?» – и когда Мурад-Шах ответил: «Да», – он воскликнул: «Ты – витязь, сын витязя! Снимите цепи с моего сына!»

И Сахим с аль-Кайладжаном подошли и освободили Мурад-Шаха, и Гариб прижал своего сына к груди и посадил его с собою рядом и спросил: «Где твоя мать?» – «Она у меня, в моей палатке», – отвечал Мурад-Шах. И Гариб сказал ему: «Приведи её ко мне!» И Мурад-Шах сел на коня и поехал к своим палаткам, и его люди встретили его и обрадовались его спасению и стали спрашивать его о его положении, но он воскликнул: «Не время теперь для вопросов!» И он вошёл к своей матери и рассказал ей о том, что случилось, и она

обрадовалась сильной радостью.

И Мурад-Шах привёл её к своему отцу, и они обнялись и обрадовались друг другу, и Фахр-Тадж приняла ислам, и принял ислам Мурад-Шах, и они предложили ислам своим воинам, и те все предались Аллаху сердцем и языком, и Гариб обрадовался, что они стали мусульманами. А затем он призвал паря Сабура и его сына Вард-Шаха и стал ругать их за их поступки и предложил им ислам, а когда они отказались, распял их на воротах города.

И город украсили, и жители его обрадовались и стали украшать город, и они надели на Мурад-Шаха венец Хосроев и сделали его царём персов, турок и дейлемитов. И царь Гариб послал своего дядю, царя ад-Дамига, правителем в Ирак, и подчинились ему все земли и рабы. И Гариб жил у себя в царстве, справедливо поступая с подданными, и все люди полюбили его, и они жили приятнейшей жизнью, пока не пришла к ним Разрушительница наслаждений и Разлучительница собраний. Да будет же слава тому, чьё величие и бытие постоянно и чьи милости велики над созданиями его.

Вот то, что дошло до нас из рассказа о Гарибе и Аджибе.

Рассказ об Утбе и Рейе (ночи 680-681)

Рассказывают также, что Абд-Аллах ибн Мамар-аль-Кайси говорил: «В каком-то году я совершал паломничество к священному дому Аллаха и, окончив хаджж, вернулся, чтобы посетить могилу пророка (да благословит его Аллах и да приветствует!).

И вот, однажды ночью, когда я сидел в саду, между могилой и мимбаром⁵⁵⁵, я вдруг услышал слабые стоны, издаваемые нежным голосом. И я прислушался и услышал, что голос говорит:

«Опечален ты плачем голубя, что сидит в кустах, –
Взволновал в груди он твоей заботы и горести?
Или, может быть, огорчился ты, вспомнив девушку,
Что волненьям мысли к душе твоей показала путь?
О ночь моя, что длишься над хворающим –
На любовь и малость терпения он сетует, –
Отняла ты сон от сожжённого любви пламенем,
Что горит под ним, точно угля горящие,
Вот луна свидетель, что страстью я охвачен к ней,
Увлечён любовью к луне подобной я ныне стал.
Я не думал прежде, что я влюблён, пока не был я,
Поражён бедой, и сам не знал об этом я».

И затем голос смолк, и не знал я, откуда доносился он ко мне. Я сидел недоумевая и вдруг тот человек снова начал стонать и произнёс:

«Иль взволнован ты Рейи призраком, что пришёл к тебе,
Когда ночь темна и черны её локоны?
Любовь опять у зрачков твоих с бессонницей,
И душа твоя вновь взволнована видом призрака.
Я крикнул ночи, – а мрак подобен морю был,
Где бьют друг друга волны полноводные:
«О ночь моя, продолжиась над влюблённым ты,

⁵⁵⁵ Могила Мухаммеда находится в городе Медине; «мимбар – кафедра в мечети, с которой имам произносит проповедь. В соответствии с пожеланием Мухаммеда, между его могилой и мединской мечетью разбит красивый сад.

Которому поможет только утра луч».
А ночь в ответ: «Не жалуйся, что я длинна,
Ведь поистине нам любовь несёт унижение».

И я поднялся и пошёл в сторону голоса, – рассказывал ибн Мамар, – и говоривший ещё не дошёл до последнего стиха, когда я уже был подле него. И я увидел юношу, до крайности прекрасного, у которого ещё не вырос пушок, и слезы провели по его щекам две борозды...»

И Шахразад устала говорить, и она прекратила дозволенные речи.

Шестьсот восемьдесят первая ночь

Когда же настала шестьсот восемьдесят первая ночь, она сказала: Дошло до меня, о счастливый царь, что Абд-Аллах ибн Мамар-альКайси рассказывал: «И я поднялся при начале стихов и направился в сторону голоса, и говоривший ещё не дошёл до последнего стиха, когда я уже был подле него. И я увидел юношу, у которого ещё не вырос пушок, и слезы провели по его щекам две борозды, и сказал ему: „Прекрасный ты юноша!“ И он спросил: „А ты кто, о человек?“ И я ответил: „Абд-Аллах ибн Мамар-альКайси“. – „У тебя есть нужда?“ – спросил юноша, и я сказал ему: „Я сидел в саду, и ничто не тревожило меня сегодня ночью, кроме твоего голоса. Я выкуплю тебя своей душой! Что ты испытываешь?“ – „Сядь“, – сказал юноша. И когда я сел, он сказал: „Я – Утба ибн альДжаббан ибн аль-Мунзир ибн аль-Джамух аль-Ансари. Я пришёл к Мечети Племян и стал совершать ракаты и падать ниц и затем отошёл в сторону, чтобы предаться благочестию, и вдруг подошли женщины, подобные лунам, и посреди них была девушка, редкостно прекрасная, совершённая по красоте. И она остановилась подле меня и сказала: „О Утба, что ты скажешь о сближении с той, кто ищет сближения с тобою?“ И затем она оставила меня и ушла, и я не слышал о ней вести и не напал на её след. И вот я теперь в смущении и перехожу с места на место!“ И он закричал и припал к земле, покрытый беспамятством, а когда он очнулся, то казалось, что парча его лица выкрашена варсом⁵⁵⁶. И он произнёс такие стихи:

«Я вижу вас сердцем из далёких, далёких стран;
Увидеть бы – видите ль меня издалека вы!
И сердце моё и глаза горюют о вас теперь,
Душа моя – возле вас, а память о вас – со мной.
Мне жизнь не сладка теперь, пока не увижу вас,
Хотя бы я был в раю и в райских садах навек».

«О Утба, о сын моего брата, вернись к твоему господу и попроси у него прощения твоих грехов. Ведь перед тобою ужасы предстояния», – сказал я ему. Но он воскликнул: «Далеко это! Я не утешусь, пока не вернутся собирающие мимозу»⁵⁵⁷. И я остался с ним, пока не взошла заря, а потом я сказал: «Пойдём в мечеть». И мы сидели там, пока не совершили полуденной молитвы, и вдруг женщины пришли, но той девушки среди них не было. «О Утба, – сказали они, – что ты думаешь об ищущей с тобою сближения?» И Утба спросил: «А что с ней?» И женщины сказали: «Её отец забрал её и уехал с ней в ас-Самаву». И я спросил женщин, как зовут девушку. И они сказали: «Рейя, дочь аль-Гитрифа ас-Сулейми». И тогда Утба поднял голову и произнёс такие два стиха:

⁵⁵⁶ Варс – растение, сок которого является жёлтым красящим веществом.

⁵⁵⁷ То есть никогда. Поговорка, основанная на предании о двух людях из племени Аиаза, которые ушли собирать мимозу и не вернулись.

«О други, умчалась Рейя утром, и знаю я:
В Самаву направился теперь караван её.
О Други, без памяти теперь от рыданий я,
Найдётся ли у других слеза, чтобы в долг мне дать?»

«О Утба, – сказал я, – я пришёл с большими деньгами и хочу прикрыть ими благородных мужей. Клянусь Аллахом, я израсходую их на твоих глазах, чтобы ты достиг удовлетворения и больше, чем удовлетворения. Пойдём в собрание Ансаров»⁵⁵⁸. И мы пошли и обратились к совету Ансаров, и я приветствовал их, и они хорошо мне ответили, и тогда я сказал: «О собрание, что вы скажете об Утбе и его отце?» – «Он из начальников арабов», – ответили Ансары. И я сказал: «Знайте, что Утба поражен бедствием любви, и я хочу, чтобы вы мне помогли и отправились со мной в ас-Самаву». И Ансары ответили. «Слушаем и повинемся!» И мы с Утбой поехали, и эти люди ехали вместе с нами, пока не приблизились к стану племени Бену-Сулейм. И аль-Гитриф узнал, где мы находимся, и поспешно вышел нас встречать и сказал: «Да будете вы живы, о благородные!» И мы отвечали ему: «И ты да будешь жив! Мы – твои гости!» – «Пусть сойдёте вы в месте благороднейшем, просторном», – сказал аль-Гитриф. И потом он спешился и крикнул: «Эй, рабы, сходите!» И рабы спешились и постлали ковры и циновки и стали резать овец и баранов, но мы сказали: «Мы не попробуем твоего кушанья, пока ты не исполнишь нашу просьбу». – «А какая у вас просьба?» – спросил он, к мы сказали: «Мы сватаемся за твою благородную дочку для Утбы ибн аль-Джаббана ибн аль-Мунзира, возвышенного в славе и прекрасного рода».

«О братья! – ответил аль-Гитриф, – та, за кого вы сватаетесь, сама властна над собою, я пойду и расскажу ей о вашем приходе».

И он поднялся, разгневанный, и вошёл к Рейс, и девушка сказала ему: «О батюшка, отчего это я вижу на тебе следы явного гнева?» И аль-Гитриф молвил: «Прибыли ко мне люди из Ансаров, которые сватают тебя у меня». – «Это благородные люди (прошу прощения для них у пророка, – да благословит его Аллах наилучшим приветом!)» – сказала Рейя. – А кто сватает?» – «Юноша, которого зовут Утба ибн аль-Джаббан», – ответил аль-Гитриф. И Рейя сказала: «Я слышала про этого Утбу, что он исполняет то, что обещает, и достигает того, к чему стремится». – «Клянусь, что я не выдам тебя за него замуж! – воскликнул аль-Гитриф. – Мне донесли кое о чем из твоих с ним разговоров». – «Этого не было, – сказала Рейя, – но я клянусь, что Ансарам не будет отказано дурным отказом. Откажи им хорошо». – «А как?» – спросил аль-Гитриф. И Рейя молвила: «Увеличь приданое – они отступятся». – «Как прекрасно то, что ты сказала!» – воскликнул аль-Гитриф. И он поспешно вышел и сказал: «Девушка стана согласна, но она хочет для себя приданого, подобного ей. Кто о нем позаботится?» И я сказал: «Я!» – говорил Абд-Аллах, и аль-Гитриф молвил: «Я хочу для неё тысячу браслетов из червонного золота, пять тысяч дирхемов, битых в Хаджаре⁵⁵⁹, тысячу одежд-плащей, и полосатых платьев, и пять желудков амбры»⁵⁶⁰. И я сказал: «Будь по-твоему; согласен ли ты?» – говорил Абд-Аллах, и аль-Гитриф ответил: «Согласен!»

И тогда Абд-Аллах послал несколько человек Ансаров в Медину-Осиянную, и те

⁵⁵⁸ Ансарами (буквально: «помощники») называются в истории ислама потомки тех мединцев, которые оказали поддержку Мухаммеду при переселении его из Мекки в Медину.

⁵⁵⁹ Хаджар – название нескольких городов и селений в южной Аравии.

⁵⁶⁰ Амбра – легко растворимое вещество с приятным запахом. Обработанная амбра обычно сохраняется в высушенных бараньих желудках.

привезли все, что он обязался дать. И зарезали овец и баранов, и люди собрались, чтобы есть кушанье. И мы провели, – говорил Абд-Аллах, – в таком положении сорок дней.

А потом аль-Гитриф сказал: «Берите вашу девушку!» И мы повезли её на носилках, и аль-Гитриф снабдил её тридцатью верблюдами подарков. И затем он простился с нами и уехал, а мы шли до тех пор, пока между нами и Мединой-Осиянной не осталось одного перехода. И тут выехали против нас всадники, чтобы напасть на нас (думаю я, что они были из Бену-Сулейм), и Утба бросился на них и убил нескольких, а потом он склонился набок, получив удар копьём, и упал на землю. И пришла к нам поддержка от обитателей этой местности, и они прогнали от нас тех всадников, а Утба окончил свой срок. И мы закричали: «Увы, Утба!» И девушка услышала это и бросилась с верблюда и припала к Утбе и стала горько плакать, и говорила такие стихи:

«Стараюсь я стойкой быть, но стойкости нет во мне,
Я тёшу лишь тем мой дух, что он за тобой пойдёт,
И будь справедливым, он, наверно, бы к гибели,
Он раньше тебя пришёл, и всех обогнал бы он.
Никто, после нас с тобой, с друзьями не справедлив –
Не будет уже душа с душою в согласье жить!»

И она издала единый крик, и срок её окончился. И мы вырыли им одну могилу и закопали их во прахе, и я вернулся в землю моих родичей и прожил семь лет, а затем я возвратился в Хиджаз и вступил в Медину-Осиянную для просвещения и сказал себе: «Клянусь Аллахом, я непременно вернусь к могиле Утбы!»

И я пришёл к ней и вдруг вижу: на ней высокое дерево с красными, жёлтыми и зелёными лентами. «Как называется это дерево?» – спросил я хозяев стоянки. И они сказали: «Дерево жениха с невестой».

И я пробыл на могиле Утбы один день и одну ночь и затем ушёл, и было это последним, что я знал о нем, помилуй его Аллах великий!»

Рассказ о Хинд, дочери ан-Нумана (ночи 681-683)

Рассказывают также, что Хинд, дочь ан-Нумана, была прекраснейшей женщиной своего времени. И её красоту и прелесть описали аль-Хаджжадж, и он посватался за неё, не пожалевав для неё больших денег, и женился на ней, обязавшись дать ей, кроме приданого, ещё двести тысяч дирхемов. И он вошёл к ней и оставался с ней долгое время, а затем, в какой-то день, он вошёл к ней, когда она смотрела на своё лицо в зеркало и говорила:

«Поистине Хинд всегда была кобылицею
Арабской, породистой, и вот её мул покрыл.
Кобылу когда родит – от господ дар её,
А если родится мул, то мул и принёс его».

И когда аль-Хаджжадж услышал это он ушёл обратно и больше не входил к Хинд, а она не знала, что он её слышал. И аль-Хаджжадж пожелал развестись с нею и послал к ней Абд-Аллаха ибн Тахира, чтобы тот её с ним развёл. И Аод-Адлах ибн Тахир вошёл к Хинд и сказал: «Говорит тебе аль-Хаджжадж абу-Мухаммед, что за ним осталось для тебя от приданого двести тысяч дирхемов. Вот они здесь со мной, и он уполномочил меня на развод». – «Знай, о ибн Тахир, – сказала Хинд, – что мы были вместе, и, клянусь Аллахом, я ни одного дня ему не радовалась, а если мы расстанемся, то, клянусь Аллахом, я никогда не буду горевать. А эти двести тысяч дирхемов – подарок тебе за моё освобождение от

сакифской собаки»⁵⁶¹.

А после этого дошла эта история до повелителя правоверных Абд-аль-Мелика ибн Мервана⁵⁶², и ему описали её прелесть и красоту, и стройность её стана, и нежность её речей, и её любовные взгляды, и он послал к ней, чтобы за неё посвататься...»

И Шахразад устало говорила, и она прекратила дозволенные речи.

Шестьсот восемьдесят вторая ночь

Когда же настала шестьсот восемьдесят вторая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что повелитель правоверных Абдаль-Мелик ибн Мерван, когда дошла до него весть о красоте этой женщины и её прелести, послал к ней, чтобы за неё посвататься. И она прислала ему письмо, в котором говорила после хвалы Аллаху и молитвы за пророка его Мухаммеда (да благословит его Аллах и да приветствует): „Знай, о повелитель правоверных, что пёс лакал в сосуде“.

И когда повелитель правоверных прочитал её письмо, он посмеялся её словам и написал ей слова пророка (да благословит его Аллах и да приветствует!): «Когда плачет пёс в сосуде кого-нибудь из вас, пусть вымоет его одна из них песком семижды.» – И прибавил: – «Смой грязь с места употребления».

И когда Хинд увидела, что написал повелитель правоверных, ей нельзя было ему прекословить, и она написала ему после хвалы Аллаху великому: «Знай, о повелитель правоверных, что я соглашусь на брачный договор только при условии. А если ты спросишь: „Какое это условие?“ – я скажу: „Пусть аль-Хаджжадж ведёт мои носилки в тот город, где ты находишься, и пусть он будет босой и в той одежде, которую носит“.

И когда Абд-аль-Мелик прочитал это письмо, он засмеялся сильным и громким смехом и послал к аль-Хаджжаджу, приказывая ему это сделать, и аль-Хаджжадж, прочитав послание правителя правоверных, согласился, не прекословя, и исполнил его приказание. И потом аль-Хаджжадж послал к Хинд, приказывая ей собираться, и она собралась и села на носилки, и аль-Хаджжадж ехал со своей свитой, пока не подъехал к воротам Хинд. И когда Хинд поехала в носилках и поехали вокруг нее невольницы и евнухи, аль-Хаджжадж спешился, босой, взял верблюда за узду и повёл его. И он шёл с Хинд, и та потешалась над ним и насмехалась и смеялась вместе со своей банщицей и невольницами, а потом она сказала своей банщице: «Откинь занавеску носилок!» И банщица откинула занавеску, и Хинд оказалась лицом к лицу с аль-Хаджжаджем, и она начала над ним смеяться. И аль-Хаджжадж произнёс такой стих:

«И если смеёшься ты, о Хинд, то ведь ночью я
Не раз оставлял тебя без сна и в рыданиях»,
А Хинд отвечала ему таким двусишием:
«Не думаем мы, когда мы душу спасли и жизнь,
О том, что утратили из благ и богатства мы.
Богатства нажить легко, и слава вернётся вновь,
Когда исцелится муж от хвори и гибели».

И она смеялась и играла, пока не приблизилась к городу халифа, а прибыв в этот город, она бросила на землю динар и сказала аль-Хаджжаджу: «О верблюжатник, у нас упал

⁵⁶¹ Аль-Хаджжадж происходил из племени сакифитов, преобладавших среди населения города Таифа, близ Мекки.

⁵⁶² Абд-аль-Мелик ибн Мерван – халиф из династии Омейядов (правил с 685 по 705 год).

дирхем; посмотри, где он, и подай его нам». И альХаджжадж посмотрел на землю и увидел только динар и сказал женщине: «Это динар». – «Нет, это дирхем», – сказала Хинд. «Нет, динар», – сказал аль-Хаджжадж. И Хинд воскликнула: «Хвала Аллаху, который дал нам вместо павшего дирхема динар⁵⁶³. Подай нам его!» И аль-Хаджжаджу стало стыдно. И потом он доставил Хинд во дворец повелителя правоверных Абд-аль-Мелика ибн Мервана, и она вошла к нему и была его любимицей...»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Шестьсот восемьдесят третья ночь

Когда же настала шестьсот восемьдесят третья ночь, она сказала: «Дошло до меня, что Хинд, дочь ан-Нумана, стала любимицей повелителя правоверных, но это не удивительней» чем история об Икrame и Хузейме.

Рассказ об Икrame и Хузейме (ночи 683-684)

Дошло до меня, о счастливый царь, что был в дни повелителя правоверных Сулеймана ибн Абд-аль-Мелика⁵⁶⁴ один человек по имени Хузейма ибн Бишр из племени Бену-Асад. Он отличался явным благородством и имел обильные блага и был милостив и благодетелен к друзьям, и он пребывал в таком положении, пока не обессилило его время и не стал он нуждаться в своих друзьях, которым он оказывал милости и помогал деньгами. И они помогали ему некоторое время, а потом это им наскучило. И когда Хузейме стала ясна их перемена к нему, он пошёл к своей жене (а она была дочерью его дяди) и сказал ей: «О дочь моего дяди, я вижу в моих братьях перемену, и я решил не покидать дома, пока не придёт ко мне смерть». И он заперся за дверями и питался тем, что у него было, пока запасы его не кончились, И тогда Хузейма впал в недоумение.

А его знал Икрима-аль-файяд ар-Рибби, правитель альДжезиры. И когда он однажды сидел в своей приёмной зале, вдруг вспомнили Хузейму ибн Вишра, и Икрима-альфайяд спросил: «В каком он положении?» – «Од дошёл до положения неопишемого, – ответили ему, – запер ворота и не покидает дома». И сказал Икрима-аль-файяд: «Это случилось с ним только из-за его великой Щедрости! И как не находит Хузейма ибн Бишр помощника и приносящего поддержку!» – «Он не нашёл ничего такого», – сказали присутствующие. И когда наступила ночь, Икрима пошёл и взял четыре тысячи динаре» и положил их в один кошелёк потом он велел оседлать своего коня и вышел тайком от родных и доехал с одним из своих слуг, который вёз деньги. И он ехал, пока не остановился у ворот Хузеймы, а потом он взял у своего слуги мешок и, приказав ему удалиться, подошёл к воротам и сам толкнул их.

И Хузейма вышел, и Икрима подал ему мешок и сказал: «Исправь этим своё положение». И Хузейма взял мешок и увидел, что он тяжёлый, и, выпустив его из рук, схватился за узду коня и спросил Икриму: «Кто ты, да будет моя душа за тебя выкупом?» – «Эй, ты, – сказал Икрима, – я не потому приехал к тебе в подобное время, что хочу, чтобы ты узнал меня». – «Я не отпущу тебя, пока ты не дашь мне себя узнать», – сказал Хузейма. И Икрима сказал: «Я – Джабир-Асарат-аль-Кирам»⁵⁶⁵. – «Прибавь ещё!» – сказал Хузейма, и

⁵⁶³ В арабском оригинале слово, переведённое нами, «павший» имеет также значение «низкий» и «недостойный». Этой игрой слов Хинд хочет сказать, что Аллах вместо недостойного аль-Хаджжаджа даёт ей в мужа благородного халифа.

⁵⁶⁴ Сулейман ибн Абд-аль-Мелик – омейядский халиф (правил с 715 по 717 год).

⁵⁶⁵ Джабир-Асарат-аль-Кирам – это вымышленное имя означает – исправляющий оплошности

Икрима ответил: «Нет!» И уехал.

А Хузейма вошёл к дочери своего дяди и сказал ей: «Радуйся, принёс Аллах близкую помощь и благо. Если это дирхемы, то их много. Встань зажги светильник». – «Нет пути к светильнику», – сказала его жена. И Хузейма провёл ночь, глядя мешок рукой, и чувствовал твёрдость динаров и не верил, что это динары.

Что же касается Икримы, то он вернулся домой и увидел, что его жена хватилась его и спрашивала о нем. И когда ей сказали, что он уехал, она заподозрила его и усомнилась в нем. «Правитель аль-Джезиры выезжает, когда прошла часть ночи, один, без слуг и тайно от родных только к другой жене или к наложнице» – я сказала она Икриме. И тот ответил: «Знает Аллах, что я ни к кому не выезжал». – «Расскажи мне, зачем ты уезжал», – сказала жена Икримы. И он молвил: «Я выехал в такое время лишь для того, чтобы никто обо мне не знал». – «Неизбежно, чтобы ты мне рассказал!» – воскликнула жена Икримы, и тот спросил: «Сохранишь ли ты тайну, если я расскажу тебе?» – «Да», – ответила его жена. И Икрима рассказал ей в точности всю историю и то, что с ним было, и спросил: «Хочешь ли ты, чтобы я ещё тебе поклялся?» – «Нет, нет, – сказала его жена, – моё сердце успокоилось и доверилось тому, что ты говоришь».

Что же касается Хузеймы, то он утром помирился с заимодавцами и исправил своё положение, а затем он стал собираться, желая направиться к Сулейману ибн Абд-аль-Мелику (а тот находился в те дни в Палестине). И когда Хузейма остановился у дверей халифа и попросил позволения войти у его царедворцев, один из них вошёл к Сулейману и рассказал, где находится Хузейма, – а он был знаменит своим благородством, и Сулейман знал об этом. И он позволил Хузейме войти, и тот, войдя, приветствовал его, как приветствуют халифов, и Сулейман ибн Абд-аль-Мелик сказал ему: «О Хузейма, что задержало тебя вдали от нас?» – «Плохое положение», – ответил Хузейма. «Что же помешало тебе отправиться к нам?» – спросил халиф. «Слабость, о повелитель правоверных», – ответил Хузейма. «А на что же ты поднялся теперь?» – спросил Сулейман. И Хузейма ответил: «Знай, о повелитель правоверных, что я был у себя дома, когда уже прошла часть ночи, и вдруг постучал в ворота какой-то человек, и было у меня с ним такое-то и такое-то дело».

И он рассказал халифу всю историю, с начала и до конца, и Сулейман спросил: «А ты знаешь этого человека?» – «Я не знаю его, о повелитель правоверных, – ответил Хузейма, – и это потому, что он был переодет, и я услышал от него только слова: „Я Джабир-Асарат-аль-Кирам“. И Сулейман ибн Абд-аль-Мелик запыхался и загорелся желанием узнать этого человека и сказал: „Если бы мы его знали, мы бы вознаградили его за его благородство!“

И потом он привязал Хузейме ибн Бишру знамя⁵⁶⁶ и назначил его наместником аль-Джезиры вместо Икримы-Файяда. И Хузейма выехал, направляясь в аль-Джезир. И когда он приблизился к ней, Икрима вышел его встречать, и жители аль-Джезиры тоже вышли ему навстречу, и правители приветствовали друг друга и ехали вместе, пока не вступили в город.

И Хузейма остановился в Доме Эмирата и велел взять с Икримы обеспечение и потребовал у него отчёта. И с Икримой свели счета, и оказалось, что за ним большие деньги, и Хузейма потребовал, чтобы Икрима их отдал. И Икрима сказал: «Нет мне ни к чему пути». – «Отдать деньги неизбежно», – сказал Хузейма. Но Икрима отвечал: «У меня их нет, делай то, что сделаешь». И Хузейма приказал отвести его в тюрьму...»

И Шахразиду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Шестьсот восемьдесят четвёртая ночь

великодушных.

⁵⁶⁶ То есть вручил ему военную (а не только гражданскую) власть над порученным ему наместничеством.

Когда же настала шестьсот восемьдесят четвёртая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что, когда Хузейма велел заточить Икриму-аль-Файяда и послал к нему, требуя с него то, что за ним осталось, Икрима послал ответить ему: „Я не из тех, кто охраняет деньги ценой своей чести: делай что хочешь“.

И Хузейма велел заковать ему ноги в железо и посадить его в тюрьму. И он оставался там месяц или больше, так что это его изнурило, и заточение повредило ему. И весть о нем дошла до дочери его дяди, и она до крайности огорчилась и, позвав к себе одну из своих вольноотпущенниц, обладавшую обильным разумом и знаниями, сказала ей: «Пойди сейчас же к воротам эмира Хузеймы ибн Бишра и скажи ему: „У меня есть совет“. И если кто-нибудь спросит тебя о нем, скажи: „Я скажу его только эмиру“. И когда ты войдёшь к нему, попроси у него уединения. А оставшись с ним наедине, скажи ему: „Что это за дело ты сделал? Ты вознаградил Джабира-Асарат-аль-Кирама, только воздав ему жестоким заточением и стеснением в оковах“.

И женщина сделала то, что ей было приказано, и когда Хузейма услышал её слова, он воскликнул во весь голос: «Горе мне! Это действительно он?»

«Да», – ответила женщина. Хузейма велел тотчас же привести своего коня, и когда его оседлали, призвал всех вельмож города и, собрав их у себя, подъехал к воротам тюрьмы. И их отперли, и Хузейма, и те, кто был с ним, вошли в тюрьму и увидели, что Икрима сидит, и вид его изменился, и он изнурён побоями и болью. И когда Икрима увидел Хузейму, ему стало стыдно, и он опустил голову, а Хузейма подошёл и припал к его голове, целуя её, и тогда Икрима поднял голову и спросил: «Что вызвало у тебя это?» И Хузейма ответил: «Благородство твоих поступков и моё дурное возмещение». – «Аллах да простит нам и тебе», – сказал Икрима. Хузейма приказал тюремщику снять оковы с Икримы и наложить их ему самому на ноги. «Что это ты хочешь?» – спросил Икрима, и Хузейма сказал: «Я хочу, чтобы мне досталось то же, что досталось тебе». – «Заклинаю тебя Аллахом, – воскликнул Икрима, – не делай этого!» И затем они вышли вместе и дошли до дома Хузеймы, и Икрима простился с ним, я хотел уходить, но Хузейма удержал его от этого. «Чего ты хочешь?» – спросил Икрима. «Я хочу изменить твой вид: стыд мой перед твоей женой сильнее моего стыда перед тобою», – сказал Хузейма. И он велел освободить баню, и когда её освободили, Хузейма с Икримой вошли туда вместе, Хузейма сам стал прислуживать Икриме. И затем они вышли, и Хузейма наградил Икриму роскошной одеждой и посадил его на коня и велел нагрузить на него большие деньги» И он поехал вместе с ним к его дому и попросил позволения извиниться перед его женой и извинился перед нею, а потом он попросил Икриму отправиться с ним к Сулейману ибн Абд-аль-Мелику, который находился в те дни в ар-Рамле⁵⁶⁷. И Икрима согласился на это, и они поехали вместе и прибыли к Сулейману ибн Абд-аль-Мелику, и царедворец вошёл к нему и осведомил его о прибытии Хузеймы ибн Бишра. И это испугало халифа, и он воскликнул: «Разве правитель аль-Джезиры может явиться без нашего приказанья! Такое – только из-за великого случая». И он позволил Хузейме войти, и когда тот вошёл, халиф сказал ему, прежде чем его приветствовать: «Что позади тебя, о Хузейма?» – «Благо, повелитель правоверных», – отвечал Хузейма. «Что же привело тебя?» – спросил халиф. И Хузейма ответил: «Я овладел Джабиром-Асарат-аль-Кирам, и мне захотелось порадовать тебя им, так как я видел, что ты горишь желанием его узнать и стремишься его увидеть». – «Кто же это?» – спросил халиф, и Хузейма ответил: «Икрима-аль-Файяд». И Сулейман позволил ему приблизиться, и Икрима подошёл к нему и приветствовал его как халифа. И Сулейман сказал ему: «Добро пожаловать!» И приблизил его к своему трону и сказал: «О Икрима, твоё благодеяние ему было для тебя лишь бедою. Напиши на бумажке о всех твоих заботах и о том, в чем ты

⁵⁶⁷ Ар-Рамла-один из значительнейших городов Палестины, основан Сулейманом ибн Абд-аль-Меликом, в то время наместником Палестины. Сделавшись халифом, он часто жил в нём.

нуждаешься», – сказал потом Сулейман. И когда Икрима сделал это, халиф велел исполнить все тотчас же и приказал дать ему десять тысяч динаров, сверх тех нужд, о которых он написал, и двадцать сундуков одежды вдобавок к тому, что было им написано. А потом он велел подать копьё и, привязав для Икримы знамя, назначил его наместником аль-Джезиры, Армении и Азербайджана. «Дело Хузеймы перешло к тебе, – сказал халиф Икриме, – если хочешь, ты оставишь его, а если хочешь – отстранишь». – «Нет, я верну его на место, о повелитель правоверных», – сказал Икрима. И затем Икрима с Хузеймой ушли от халифа вместе, и они были наместниками Сулеймана ибн Абд-аль-Мелика во все время его халифата.

Рассказ об Юнусе и незнакомце (ночи 684-685)

Рассказывают также, что был во времена халифата Хишама ибн Абд-аль-Мелика человек по имени Юнус-писец, и был он хорошо известен. И он выехал в путешествие в Сирию, и была с ним невольница, до крайности прекрасная и красивая, и на ней было все, в чем она нуждалась, а цена за неё составляла сто тысяч дирхемов. И когда Юнус приблизился к Дамаску, караван сделал привал около пруда с водой, и Юнус спешился поблизости от него и, поев бывшей с ним пищи, вынул бурдючок с финиковым вином. И вдруг приблизился к нему юноша, прекрасный лицом и полный достоинства, который ехал на рыжем коне, и с ним было два евнуха. И он приветствовал Юнуса и спросил его: «Примешь ли ты гостя?» И когда Юнус отвечал: «Да», – юноша спешился подле него и сказал: «Напой нас твоим питьём!» И Юнус напоил гостя, и тот сказал: «Если бы ты захотел спеть нам песню!» И Юнус запел, говоря такой стих:

«Она собрала красот так много, как не собрал
Никто, и, любя её, мне сладко не спать в ночи».

И гость пришёл в великий восторг, и Юнус несколько раз поил его, пока он не склонился от опьянения. И тогда юноша сказал: «Скажи твоей невольнице, чтобы она спела».

И невольница запела, говоря такой стих:

«Вот гурия, и смутила сердце краса её –
Не ветвь она гибкая, не солнце и не лупа».

И гость пришёл в великий восторг, и Юнус несколько раз поил его, и юноша оставался подле него, пока они не совершили вечерней молитвы, а затем он спросил: «Что привело тебя к этому городу?» – «То, чем я заплачу мой долг и исправлю моё положение», – ответил Юнус. «Продашь ли ты мне эту невольницу за тридцать тысяч дирхемов?» – спросил гость. И Юнус ответил: «Как нуждаюсь я в милости Аллаха и в прибавке от него!»⁵⁶⁸ – «Удовлетворят ли тебя сорок тысяч?» – спросил гость. «Это покроет мой долг, но я останусь с пустыми руками», – ответил Юнус. И гость сказал: «Мы берём её за пятьдесят тысяч дирхемов, и тебе будет, сверх того, одежда и деньги на путевые расходы, и я стану делить с тобою мои обстоятельства, пока ты останешься здесь». – «Я продал тебе девушку», – сказал Юнус. И его гость спросил: «Поверишь ли ты мне, что я доставлю тебе деньги за неё завтра, и тогда я увезу её с собой, или же она будет у тебя, пока я не доставлю тебе завтра этих денег?»

И побудили Юнуса хмель и стыд, вместе со страхом перед юношей, сказать ему: «Да, я тебе доверяю, бери её, да благословит тебя Аллах». И юноша сказал одному из своих слуг:

⁵⁶⁸ Этими словами Юнус хочет вежливо дать понять, что предложенная сумма кажется ему недостаточной.

«Посади её на твоего коня, сядь сзади неё и поезжай с нею».

И затем он сел на своего коня, простился с Юнусом и уехал, и через некоторое время после того, как юноша скрылся, продавец стал думать про себя и понял, что он ошибся, продав невольницу. «Что это я сделал? – сказал он себе. – Зачем отдал, свою невольницу человеку, который мне не знаком, и я не знаю, кто он. Но допустим, что я бы и знал его – как мне до него добраться?»

И он сидел в задумчивости, пока не совершил утренней молитвы, и его товарищи вошли в Дамаск, а он остался сидеть в сомнении, не зная, что делать. И он сидел, пока не опалило его солнце и не стало ему неприятно оставаться на месте, и он решил войти в Дамаск, но потом сказал себе: «Если я войду, то может случиться так, что посланный придёт и не найдёт меня, и окажется, что я навлёк на себя вторую беду».

И он сел под тенью стены, и когда день повернул на закат, вдруг подъехал к нему один из евнухов, который был с юношей. И при виде его Юнуса охватила великая радость, и он сказал про себя: «Я не помню, чтобы я радовался больше, чем радуюсь теперь, при виде этого евнуха».

И евнух подошёл к нему и сказал: «О господин, мы заставили тебя ждать». Юнус ничего не сказал ему от волнения, которое его охватило. «Знаешь ли ты того человека, который взял невольницу?» – спросил затем евнух. «Нет», – ответил Юнус, и евнух сказал: «Это альВалид ибн Сахль⁵⁶⁹, наследник престола».

«И тут я промолчал, – рассказывал Юнус, – и евнух сказал мне: „Поднимайся, садись на коня“. А с ним был конь, и он посадил на него Юнуса, и они ехали, пока не приехали к одному дому. И они вошли туда, и когда та невольница увидела Юнуса, она подскочила к нему и приветствовала его, и Юнус спросил: „Каково было твоё дело с тем, кто тебя купил?“ – „Он поселил меня в этой комнате и приказал дать мне все, что нужно“, – сказала девушка. Юнус посидел с нею немного, и вдруг пришёл евнух хозяина дома и сказал ему: „Поднимайся!“ И Юнус поднялся, и евнух ввёл его к своему господину, и оказалось, что это его вчерашний гость.

«И я увидел, что он сидит на своём ложе, – рассказывал потом Юнус, – и он спросил меня: „Кто ты?“ – „Юнус-писец“, – ответил я. „Добро пожаловать!“ – воскликнул юноша. „Клянусь Аллахом, мне очень хотелось тебя видеть! Я слышал рассказы о тебе. Ну, как ты спал эту ночь?“ – „Хорошо, да возвысит тебя Аллах великий!“ – ответил Юнус, и аль-Валид сказал: „Может быть, ты жалел о том, что было вчера, и говорил в душе: „Я отдал мою невольницу незнакомому человеку, и я не знаю, как его имя и из какой он страны“. – „Храни Аллах, о эмир“ чтобы я пожалел о невольнице! – воскликнул Юнус. – Если бы я её и подарил эмиру, она была бы самым малым из того, что должно ему дарить...“

И Шахразату застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Шестьсот восемьдесят пятая ночь

Когда же настала шестьсот восемьдесят пятая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что Юнус-писец сказал альВалиду ибн Сахлю: „Храни Аллах, чтобы я пожалел о невольнице, и если бы я подарил я её эмиру, она была бы самым малым из того, что должно ему дарить. Эта девушка не подходит к его сану“. – „Клянусь Аллахом, – отвечал аль-Валид, я раскаивался, что взял её у тебя, и говорил: «Это чужеземец, который меня не знает, я на него налетел и ошеломил его своей поспешностью, забирая девушку. Помнишь ли ты, что было между нами условлено?»

«И я сказал: „Да“, говорил потом Юнус, – и альВалид спросил меня: „Продашь ли ты

⁵⁶⁹ То есть будущий халиф аль-Валид ибн Абд-аль-Мелик (правил с 705 по 715 год). Ибн Сахль (сын щедрости) – одно из прозвищ аль-Валида.

мне эту невольницу за пятьдесят тысяч динаров?“ – „Да“, – ответил Юнус. И аль-Валид крикнул: „Эй, слуга, подай деньги! И когда слуга положил их перед ним, ибн Сахль сказал: „Эй“ слуга, подай тысячу пятьсот динаров!“ И слуга принёс деньги, и аль-Валид молвил: „Вот плата за твою невольницу, а эта тысяча динаров – за твоё хорошее мнение о нас, и пятьсот динаров тебе на путевые расходы и на подарки родным. Ты доволен?“ – „Доволен“, – отвечал я. И я поцеловал ему руки и сказал: „Клянусь Аллахом, ты наполнил мне глаз, руку и сердце“. – „Клянусь Аллахом, – сказал потом аль-Валид, – я не уединялся с девушкой и не насытился её пением. Ко мне её!“

И невольница пришла, и аль-Валид приказал ей сесть, и когда девушка села, он сказал ей: «Пой!»

И она произнесла такие стихи:

«О ты, кто взял все полностью красоты,
О сладостный чертами и жеманством!
Вся красота в арабах и у турок,
Но нет среди них тебе, газель, подобных.
Будь милостив к влюблённому, красавец,
И обещаю, что навестит хоть призрак.
Позор и унижение с тобою
Дозволены, глазам не спать приятно.
Не первый я в тебя влюблён безумно,
Сколь многих до меня мужей убил ты.
Хочу тебя иметь и в жизни долей,
Дороже ты мне духа и всех денег».

И аль-Валид пришёл в великий восторг и поблагодарил меня за то, что я хорошо образовал и обучил – девушку, и потом он сказал: «Эй, слуга, приведи коня с седлом и со сбруей, чтобы он на нем ехал, и мула, чтобы нести его пожитки. О Юнус, – молвил он потом, – когда ты узнаешь, что это дело перешло ко мне, приходи, и, клянусь Аллахом, я наполню благами твои руки, вознесу твой сан и обогащу тебя на всю жизнь».

«И я взял деньги и уехал, – рассказывал Юнус, – и когда халифат перешёл к аль-Валиду, я отправился к нему, и, клянусь Аллахом, он исполнил то, что обещал, и оказал мне ещё большее уважение, и я пребывал у него в наирадостнейшем положении, занимая самое высокое место, и расширились мои обстоятельства, и умножились мои деньги, и оказалось у меня столько поместий и денег, что мне их хватит до смерти, и хватит после меня моим наследникам. И я был у аль-Валида, пока его не убили, – да будет над ним милость Аллаха великого!»

Рассказ об ар-Рашиде и девушке (ночи 685-686)

Рассказывают также, что повелитель правоверных Харун ар-Рашид шёл однажды вместе с Джафаром Бармакидом, и вдруг он увидел несколько девушек, которые наливали воду. И халиф подошёл к ним, желая напиться, и вдруг одна из девушек обернулась к нему и произнесла такие стихи:

«Скажи, – пусть призрак твой уйдёт
От ложа в час, когда все спит,
Чтоб отдохнул я и погас
Огонь, что кости мне палит.
Больной, мечась в руках любви,
На ложе горестей лежит.
Что до меня – я таков, как знаешь.

С тобою близость рок продлит?»

И повелительно правоверных понравилась красота девушки и её красноречие...»
И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Шестьсот восемьдесят шестая ночь

Когда же настала шестьсот восемьдесят шестая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что, когда повелитель правоверных услышал от девушки эти стихи, ему понравилась её красота и красноречие, и он спросил её: „О дочь благородных, эти стихи из сказанного тобою или из переданного?“ – „Из сказанного мною“, – ответила девушка, и халиф молвил: „Если твои слова – правда, сохрани смысл и перемени рифму“. И девушка произнесла:

«Скажи, – пусть призрак твой уйдёт
От ложа моего в час сна,
Чтоб отдохнул я и погас
Огонь, которым грудь полна,
Больной томим в руках любви,
Постель его – тоска одна.
Что до меня – я таков, как знаешь
А ты – любовь твоя ценна?»

«Этот отрывок тоже украден», – сказал халиф. И девушка молвила: «Нет, это мои слова». И тогда халиф сказал: «Если это также твои слова, сохрани смысл и измени рифму». И девушка произнесла:

«Скажи, – пусть призрак твой уйдёт
От ложа, все когда во еде,
Чтоб отдохнул я и погас
Огонь, пылающий во мне.
Больной томим в руках любви
На ложе бденья, весь в огне»
Что до меня – я таков, как знаешь,
А ты в любви верна ли мне?»

«Этот тоже украден», – сказал халиф. И когда девушка ответила: «Нет, это мои слова», Халиф молвил: «Если это твои слова, сохрани смысл и измени рифму». И девушка произнесла:

«Скажи, – пусть призрак твой уйдёт
От ложа, все когда заснёт,
Чтоб отдохнул я и погас
Огонь, что ребра мои жжёт»
Больной, мечась в руках любви,
На ложе слез покоя ждёт.
Что до меня – я таков, как знаешь.
Твою любовь судьба вернёт?»

«От кого ты в этом стане?» – спросил повелитель правоверных. И девушка ответила: «От того, чья палатка в самой середине и чьи колья самые высокие». И понял повелитель

правоверных, что она – дочь старшего в стане. «А ты из каких пастухов коней?» – спросила девушка. И халиф сказал: «Из тех, чьи деревья самые высокие и плоды самые зрелые». И девушка поцеловала землю и сказала: «Да укрепит тебя Аллах, о повелитель правоверных!» И пожелала ему блага, и потом ушла с дочерьми арабов. «Неизбежно мне на ней жениться», – сказал халиф Джафару. И Джафар отправился к отцу девушки и сказал ему: «Повелитель правоверных хочет твоей дочери». И отец ему ответил: «С любовью и уважением! Её отведут как служанку его величеству владыке нашему, повелителю правоверных».

И потом он снарядил свою дочь и доставил её к халифу, и тот женился на ней и вошёл к ней, и была она для него одной из самых дорогих из его жён, а её отцу он подарил достаточно благ, чтобы защитить его среди арабов. А потом отец девушки перешёл к милости Аллаха великого, и прибыло к халифу известие о его кончине, и он вошёл к своей жене грустный, и когда она увидела его грустным, она поднялась и, войдя в свою комнату, сняла свои бывшие на ней роскошные одежды, надела одежды печали и подняла плач. И её спросили: «Почему это?» И она сказала: «Умер мой отец». И люди пошли к халифу и рассказали ему об этом, и он поднялся и пришёл к своей жене и спросил её, кто ей об этом рассказал. И она отвечала: «Твоё лицо, о повелитель правоверных». – «А как так?» – спросил халиф. И она сказала: «С тех пор как я у тебя поселилась, я видела тебя таким только в этот раз, а мне не за кого было бояться, кроме моего отца, из-за его старости. Да живёт твоя голова, о повелитель правоверных!»

И глаза халифа наполнились слезами, и он стал утешать жену в утрате её родителя, и она провела некоторое время, печальась об отце, а затем присоединилась к нему, да будет милость Аллаха над ними всеми.

Рассказ об аль-Асмаи и трех девушках (ночи 686-687)

Рассказывают также, что повелитель правоверных Харун ар-Рашид однажды ночью сильно томился бессонницей. И он поднялся с постели и стал ходить из комнаты в комнату, но не переставал тревожиться в душе великою тревогой, а утром он сказал: «Ко мне аль-Асмаи!» И евнух вышел к привратникам и сказал им: «Повелитель правоверных говорит вам: „Пошлите за аль-Асмаи!“ И когда аль-Асмаи явился и повелителя правоверных осведомили об этом, он велел его ввести, посадил его и сказал ему: „Добро пожаловать!“, а затем молвил: – О Асмаи, я хочу, чтобы ты рассказал мне самое лучшее, что ты слышал из рассказов о женщинах и их стихах“. – «Слушаю и повинуюсь!» – ответил аль-Асмаи. – Я слышал многое, но ничто мне так не понравилось, как три стиха, которые произнесли три девушки...“

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Шестьсот восемьдесят седьмая ночь

Когда же настала шестьсот восемьдесят седьмая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что аль-Асмаи говорил повелителю правоверных: „Я слышал многое, но ничто мне так не понравилось, как стихи, которые произнесли три девушки“. – „Расскажи мне их историю“, – молвил халиф. И аль-Асмаи начал рассказывать эту историю и сказал: „Знай, о повелитель правоверных, что я жил както в Басре, и усилилась однажды надо мною жара, и я стал искать места, где бы отдохнуть, но не находил. И я оглядывался направо и налево и вдруг заметил крытый проход между двумя домами, выметенный и политый, и в этом проходе стояла деревянная скамья, а над нею было открытое окно. И я сел на скамью и хотел прилечь, и услышал нежные речи девушки, которая говорила: „О сестрица, мы сегодня собрались, чтобы развлечься; давайте выложим триста динаров, и пусть каждая из нас скажет один стих из стихотворения, и кто скажет самый нежный и красивый стих, той будут

эти триста динаров“. И девушки отвечали: «С любовью и удовольствием!» И начала старшая, и стих её был таков:

«Дивилась я, когда он меня посетил во сне,
Но больше б дивилась я, случись это наяву»,
И сказала стих средняя, и был он таков;
«Меня посетил во сне лишь призрак один его.
И молвила я: «Приют, простор и уют тебе!»

И сказала стих младшая, и был он таков:

«Душой и семьёй куплю того, кого вижу я
На ложе в ночи со мной, чей дух лучше мускуса»

«Если этот образ наделён красотой, то дело завершено при всех обстоятельствах», – сказал я про себя и, сойдя со скамьи, хотел уходить. И вдруг дверь открылась, и из неё вышла девушка и сказала: «Посиди, о шейх!» И я вторично поднялся на скамью и сел. И девушка подала мне бумажку, и я увидел на ней почерк, прекрасный до предела, с прямыми «алифами», вогнутыми «ха» и круглыми «уа»⁵⁷⁰, а содержание записки было такое: «Мы осведомляем шейха – да продлит Аллах его жизнь! – что нас трое девушек-сестёр, и мы собрались, чтобы развлечься, и выложили триста динаров и условились, что, кто из нас скажет самый нежный и прекрасный стих, той будут эти триста динаров. Мы назначили тебя судьёй в этом деле; рассуди же как знаешь и конец». – «Чернильницу и бумагу!» – сказал я. И девушка ненадолго скрылась и вынесла мне посеребрённую чернильницу и позолоченные каламы, и я написал такие стихи:

«О девушках расскажу я, как повели они
Беседу, приличную мужам многоопытным.
Их трое – как утра свет прекрасны лицом они;
И сердцем влюблённого владеют измученным.
Остались они одни (а спали уже глаза)
Нарочно, чтобы вдали от всех посторонних быть,
Поведали то они, что в душах скрывалось их,
О да, и стихи они забавою сделали
И молвила дерзкая, кичливая, гордая,
Открыла, заговорив, ряд дивных она зубов:
«Дивилась я, когда он меня посетил во сне,
Но больше б дивилась я, случись это наяву»
Когда она кончила, улыбкой украсив речь,
Промолвила средняя, вздыхая, взволнованно:
«Меня посетил во сне лишь призрак один его.
И молвила я: «Приют, простор и уют тебе!»
А младшая лучше всех сказала, ответив им,
Словами, которые желанней и сладостней:
«Душой и семьёй куплю того, кого вижу я
На ложе в ночи со мной, чей дух лучше мускуса».
Когда обдумал я их слова и пришлось мне быть
Судьёй, не оставил я игрушки разумному,
И первенство присудил в стихах самой младшей я,

⁵⁷⁰ «Уа» – буква арабского алфавита.

И стал я слова её ближайшими к истине».

«И потом я отдал записку девушке, – говорил аль-Асмаи, – и она поднялась и вернулась во дворец, и я услышал, что там начались пляски и хлопанье в ладоши и наступило воскресенье из мёртвых, и тогда я сказал себе: „Мне нечего больше здесь оставаться“ И, спустившись со скамьи, я хотел уходить, и вдруг девушка крикнула: „Посиди, о Асмаи!“ И я спросил её: „А кто осведомил тебя, что я аль-Асмаи?“ И она отвечала: „О старец, если имя твоё от нас скрыто, то стихи твои от нас не скрыты“.

И я сел, и вдруг ворота открылись, и вышла первая девушка, и было в руках её блюдо плодов и блюдо сладостей. И я поел сладостей и плодов, и поблагодарил девушку за её милость, и хотел уходить, и вдруг какая-то девушка закричала: «Посиди, о Асмаи!» И, подняв к ней глаза, я увидел розовую руку в жёлтом рукаве и подумал, что луна сияет из-под облаков. И девушка кинула мне кошелёк, в котором было триста динаров, и сказала: «Это моя деньги, и они – подарок тебе от меня за твой приговор».

«А почему ты рассудил в пользу младшей?» – спросил повелитель правоверных. И аль-Асмаи сказал: «О повелитель правоверных, – да продлит Аллах твою жизнь! – старшая сказала: „Я удивлюсь, если он посетит во сне моё ложе“, – и это скрыто и связано с условием: может и случиться, и не случиться. Что до средней, то мимо неё прошёл во сне призрак воображения, и она его приветствовала; что же касается стиха младшей, то она сказала в нем, что лежала с любимым, как лежат в действительности, и вдыхала его дыхание, которое приятнее мускуса, и выкупила бы его своей душой и семьёй. А выкупают душой только того, кто дороже всего на свете». – «Ты отличился, о Асмаи!» – воскликнул халиф и тоже дал ему триста динаров за его рассказ.

Рассказ об Ибрахиме Мосульском и дьяволе (ночи 687-688)

Рассказывают также, что Абу-Исхак-Ибрахим Мосульский рассказывал и сказал: «Я попросил ар-Рашида подарить мне какой-нибудь день, чтобы я мог уединиться с моими родными и друзьями, и он позволил мне это в день субботы. И я пришёл домой и стал готовить себе кушанья и напитки и то, что мне было нужно, и приказал привратникам запереть (ворота и никому не позволять ко мне войти. И когда я находился в зале, окружённый женщинами, вдруг вошёл ко мне старец, внушающий почтение и красивый, в белых одеждах и мягкой рубаше, с тайлесаном на голове. В руках у него был посох с серебряной рукояткой, и от него веяло запахом благовоний, который наполнил помещения и проход. И охватил меня великий гнев оттого, что этот старец вошёл ко мне, и я решил прогнать привратников, а старец приветствовал меня наилучшим приветствием, и я ответил ему и велел ему сесть. И он сел и стал со мной беседовать, ведя речь об арабах пустыни и их стихах. И исчез бывший во мне гнев, и я подумал, что слуги хотели доставить мне радость, впуслав ко мне подобного человека, так как он был образован и остроумен. „Не угодно ли тебе поесть?“ – спросил я старца, и он сказал: „Нет мне в этом нужды“. И тогда я опросил: „А попить?“ И старец молвил: „Это пусть будет по-твоему“.

И я выпил ритль и дал ему выпить столько же, и затем он сказал мне: «О Абу-Исхак, не хочешь ли ты что-нибудь мне спеть – мы послушаем твоё искусство, в котором ты превзошёл и простого и избранного».

И слова старца разгневали меня, но потом я облегчил для себя это дело и, взяв лютню, ударил по ней и запел. И старец сказал: «Прекрасно, о Абу-Исхак!»

И тогда, – говорил Ибрахим, – я стал ещё более гневен и подумал: «Он не удовлетворился тем, что вошёл ко мне без позволения, и пристаёт с просьбами, но назвал меня по имени, не зная, как ко мне обратиться».

«Не хочешь ли ты прибавить ещё, а мы с тобой потягаемся?» – сказал потом старец. И я стерпел эту тяготу и, взяв лютню, запел, и был внимателен при пении и проявил заботливость, так как старец сказал: «А мы с тобой потягаемся...»

И Шахразадy застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Шестьсот восемьдесят восьмая ночь

Когда же настала шестьсот восемьдесят восьмая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что старец сказал АбуИсхаку: „Не хочешь ли ты прибавить ещё, а мы с тобой помочь „И я стерпел эту тяготу, – говорил Абу-Исхак, – и, взяв лютню, запел и был внимателен при пении и проявил полную заботливость, так как старец сказал: „А мы с тобой потягаемся“. И старец пришёл в восторг и воскликнул: «Прекрасно, о господин мой! И затем он спросил: «Позволишь ли ты мне петь?»“ И я ответил ему: «Твоё дело!»“ И счёл, что он слаб умом, если будет петь в моем присутствии после того, что услышал от меня. Старец взял лютни и стал её настраивать, и, клянусь Аллахом, мне представилось, что лютня говорит ясным арабским языком, прекрасным, жеманным голосом! И старец начал петь такие стихи:

«Вся печень изранена моя, – кто бы продал мне
Другую, здоровую, в обмен, без болячек?
Но все отказались люди печень мою купить –
Никто за здоровое не купит больное.
Стенаю я от тоски, в груди поселившейся,
Как стонет давящийся, вином заболевший».

И клянусь Аллахом, – говорил Абу-Исхак, – я подумал, что двери и стены и все, что есть в доме, отвечает ему и поёт с ним, так прекрасен был его голос, и мне казалось даже, что я слышу, как мои члены и одежда отвечают ему. И я сидел, оторопев, и не был в состоянии ни говорить, ни двигаться из-за того, что вошло ко мне в сердце, а старец запел такие стихи:

«О голуби аль-Лива⁵⁷¹, вернитесь хоть раз ко мне –
По вашим я голосам тоскую безмерно!
Вернулись они к ветвям, едва не убив меня,
И им не открыл едва я все свои тайны.
И криком зовут они ушедшего, словно бы
Вина напились они и им одержимы.
Не видел мой глаз вовек голубок, подобных им,
Хоть плачут, но из их глаз слеза не струится.

И он пропел ещё такие стихи:

«О Неджда зефир, когда подуешь из Неджда ты,
Твоё дуновение тоски мне прибавит лишь.
Голубка проворковала в утренний светлый час
В ветвях переплётшихся лавровых и ивовых.
И плачет в тоске она, как маленькое дитя,
Являя тоску и страсть, которых не ведал я.
Они говорят, что милый, если приблизится,
Наскучит, и отдалённость лечит от страсти нас.
Лечились по-всякому, и не исцелились мы.
Но близость жилищ все ж лучше, чем отдаление,
Хоть близость жилищ не может быть нам полезною,

⁵⁷¹ Аль-Лива – название долины в северной Аравии.

Коль тот, кто любим тобой, не знает к тебе любви».

И потом старец сказал: «О Ибрахим, спой напев, который ты услышал, и придержишься этого способа в своём пении, и научи ему твоих невольниц».

«Повтори напев», – сказал я. Но старец молвил: «Ты не нуждаешься в повторении, ты уже схватил его и покончил с ним».

И потом он исчез передо мной, и я удивился и, взяв меч, вытащил его и побежал к дверям гарема, но увидел, что они заперты. И я спросил невольниц: «Что вы слышали?» И они сказали: «Мы слышали самое лучшее и самое прекрасное пение».

И тогда я вышел в недоумении к воротам дома и, увидев, что они заперты, спросил привратников про старца, и они сказали: «Какой старец? Клянёмся Аллахом, к тебе не входил сегодня никто».

И я вернулся, обдумывая это дело, и вдруг кто-то невидимо заговорил из угла комнаты и сказал: «Не беда, о Абу-Исхак, я – Абу-Мурра⁵⁷², и я был сегодня твоим собутыльником. Не пугайся же!»

И я поехал к ар-Рашиду и рассказал ему эту историю, и ар-Рашид сказал: «Повтори напевы, которым ты научился от него». И я взял лютню и стал играть, и вдруг оказывается, напевы крепко утвердились у меня в груди.

И ар-Рашид пришёл от них в восторг и стал пить под них, хотя и не увлекался вином, и говорил: «О, если бы он дал один день насладиться собою, как дал насладиться тебе».

И затем он приказал выдать мне награду, и я взял её и уехал».

Рассказ о Джамиле и сыне его дяди (ночи 688-691)

Рассказывают также, что Масрур-евнух говорил: «Однажды ночью повелитель правоверных Харун ар-Рашид сильно мучился бессонницей. И он спросил меня: „О Масрур, кто у ворот из поэтов?“ И я вышел в проход и увидел Джамиля ибн Мамара-альУзри⁵⁷³ и сказал ему: «Отвечай повелителю правоверных!» И Джамиль молвил: «Слушаю и повинуюсь!» И я вошёл, и он вошёл со мною и оказался меж рук Харуна ар-Рашида, и приветствовал его, как приветствуют халифов.

И ар-Рашид вернул ему приветствие и велел ему сесть, и потом сказал: «О Джамиль, есть ли у тебя какой-нибудь удивительный рассказ?» – «Да, о повелитель правоверных, – ответил Джамиль. – Что тебе более любо: то, что я видел и лицезрел, или то, что я слышал и чему внимал?» – «Расскажи мне о том, что ты видел и лицезрел», – сказал халиф. И Джамиль молвил: «Хорошо, о повелитель правоверных! Обратись ко мне всем своим существом и прислушайся ко мне ушами».

И ар-Рашид взял подушку из вышитой золотом красной парчи, набитую перьями страусов, и положил её себе под бедра, а затем он опёрся на неё локтями и сказал: «Ну, подавай свой рассказ, Джамиль!»

«Знай, о повелитель правоверных, – сказал Джамиль, – что я пленился одной девушкой и любил её и часто её посещал...»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Шестьсот восемьдесят девятая ночь

⁵⁷² Абу-Мурра («отец горечи») – дьявол.

⁵⁷³ Джамиль ибн Мамар – знаменитый поэт эпохи Омейядов (умер, вероятно, в 701 году). Упоминание его в качестве собеседника Харуна ар-Рашида (правил с 786 по 809 год) является обычным в «1001 ночи» анахронизмом.

Когда же настала шестьсот восемьдесят девятая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что повелитель правоверных Харун ар-Рашид облокотился на парчовую подушку и сказал:

«Ну, подавай свой рассказ, Джамиль!» И Джамиль начал: «Знай, о повелитель правоверных, что я пленился одной девушкой и любил её и часто её посещал, так как она была предметом моих желаний, тем, что я просил от жизни. А потом её родные уехали с вею из-за скудности пастбищ, и я провёл некоторое время, не видя её, но затем тоска взволновала меня и потянула к этой девушке, и душа моя заговорила о том, чтобы к ней отправиться. И когда наступила некая ночь из ночей, тоска по девушке начала трясти меня, и я поднялся и, затянув седло на верблюдице, повязал тюрбан, надел своё рубище, опоясался мечом и подвязал копье. А затем сел на верблюдицу и выехал, направляясь к девушке, и ехал быстрым ходом. И я выехал некоей ночью, и была эта уочь тёмная, непроглядная, и приходилось мне к тому же преодолевать спуски в долины и подъёмы на горы. И я слышал со всех сторон рыканье львов, вой волков и голоса зверей, и мой разум смутился, и взволновалось моё сердце, а язык мой неослабно поминал Аллаха великого.

И когда я ехал таким образом, вдруг одолел меня сон, и верблюдица пошла со мной не по той дороге, по которой я ехал, и сон овладел мной. И вдруг что-то ударило меня по голове, и я проснулся, испуганный, утраченный, и увидел деревья и реки. И птицы на ветвях щебетали на разные голоса и напевы, а деревья на лугу переплетались одно с другим. И я сошёл с верблюдицы и взял поводья в руки и до тех пор осторожно выбирался, пока не вывел её из-за этих деревьев на равнину. И тогда я поправил на ней седло и сел на её спине прямо, и не знал я, куда направиться и в какое место погонят меня судьбы. И я углубился взором в эту пустыню, и блеснул мне огонь по середине её. И тогда я ударил верблюдицу пяткой и ехал по направлению к огню, пока не приблизился. И я приблизился к огню и всмотрелся, и вдруг вижу палатку, воткнутое копье, возвышающееся знамя, коней и свободно пасущихся верблюдов! И я сказал себе: «С этим шатром связано великое дело, так как я не вижу в этой пустыне ничего другого». И я направился в сторону шатра и сказал: «Мир с вами, обитатели шатра, и милость Аллаха и его благословение!» И вышел ко мне из шатра юноша, сын девятнадцати лет, подобный луне, когда она сияет, и доблесть была видна меж его глаз. «И с тобою мир и милость Аллаха и благословение его, о брат арабов! – сказал он. – Я думаю, что ты сбился с дороги». – «Это так и есть, – ответил я. – Выведи меня, помилует тебя Аллах!» – «О брат арабов, – молвил юноша, – наша местность полна львов, а сегодня ночь мрачная, дикая, очень тёмная и холодная, и я боюсь, что растерзает тебя зверь. Остановись у меня, в уюте и просторе, а когда прядёт завтрашний день, я выведу тебя на дорогу».

И я сошёл с верблюдицы и спутал ей ноги длинным поводом, а потом снял бывшие на мне одежды и разделся и немного посидел. И юноша взял овцу и зарезал её и, подойдя к огню, разжёл его и заставил разгореться. А затем он вошёл в шатёр и вынес мелких пряностей и хорошея соли, стал отрезать куски мяса и жарить их на огне. Ион покормил меня, а сам то вздыхал, то плакал. И он издал великий крик и горько заплакал и произнёс такие стихи:

«Остались только вздохи неслышные
И пара глаз – зрачки неподвижны их,
Сустава нет на теле теперь его,
Где не было б недуга упорного.
Слеза его струится, и внутренность
Горит его, но молча страдает он.
Враги его из жалости слезы льют –
Беда тому, о ком скорбит враг его».

И тогда я понял, о повелитель правоверных, – говорил Джамиль, – что юноша влюблён и взволнован любовью – а узнает любовь лишь тот, кто вкусил вкус любви – и подумал: «Не спросить ли мне его?» Но затем я отвратил от этого свою душу и сказал себе: «Как я накинусь на него с вопросами, когда я в его жилище?» И я удержался от расспросов и поел мяса, сколько мне потребовалось, а когда мы покончили с едой, юноша поднялся и, войдя в шатёр, вынес чистый таз, красивый кувшин и шёлковый платок, вышитый по краям червонным золотом, и бутыл, наполненную розовой водой с мускусом, и я удивился его изысканности и обходительности и сказал себе; «Я не видывал такой изысканности в пустыне».

И мы вымыли руки и поговорили немного, а потом юноша вошёл в шатёр, отделил меня от себя занавеской из красной парчи и сказал: «Входи, о лик арабов, и ложись на ложе: тебе досталось этой ночью утомление, и ты испытал в путешествии чрезмерные тяготы».

И я вошёл, и вдруг вижу – постель из зеленой парчи, и тогда я снял бывшие на мне одежды и провёл ночь, равной которой я не проводил в жизни...»

И Шахразад устало говорила, и она прекратила дозволенные речи.

Ночь, дополняющая до шестисот девяноста

Когда же настала ночь, дополняющая до шестисот девяноста, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что Джамиль говорил: „И я провёл ночь, равной которой я не проводил в жизни, и все время думал об этом юноше. И когда ночь окутала землю и глаза заснули, я вдруг услышал слабый голос, мягче и нежнее которого я не слыхивал, и, подняв занавес, опущенный между нами, я увидел девушку, прекраснее которой лицом я не видывал. Она сидела рядом с юношей, и они плакали и жаловались друг другу на муки страсти, любви и волнения и на сильную тоску по сближению. «О Диво Аллаха! – подумал я. – Кто это второе существо? Когда я входил в палатку, я видел только этого юношу, и у него никого не было“».

И потом я оказал себе: «Нет сомнения, что это дочь джиннов, которая любит этого юношу, и он уединился с нею в этом месте, и она уединилась с ним». Но я пристально вгляделся в девушку, и оказалось, что она из людей, арабка, и, открывая лицо, она смущала сияющее солнце и палатка освещалась светом её лица. И, убедившись, что эта девушка – возлюбленная юноши, я вспомнил другого влюблённого и, опустив занавеску, закрыл лицо и заснул.

А когда наступило утро, я надел одежду и, омывшись для молитвы, совершил те моления, которые были для меня обязательны, и затем сказал юноше: «О брат арабов, не хочешь ли ты вывести меня на дорогу, – ты уже оказал мне милость». И юноша посмотрел на меня и сказал: «Не торопись, о лик арабов! Пребывание гостя длится три дня, и я не таков, чтобы отпустить тебя раньше, чем через три дня».

И я провёл у него три дня, – говорил Джамиль, – а когда наступил четвёртый день, мы сели побеседовать, и я заговорил с юношей и спросил, как его зовут и какого он происхождения. «Что до моего происхождения, – сказал юноша, – то я из племени Бену-Узра, а по имени я – такой-то, сын такого-то, а мой дядя – такой-то». И оказалось, о повелитель правоверных, что он сын моего дяди я принадлежит к благороднейшему дому племени Бенууэра. «О сын дяди, – спросил я его, – что тебя побудило уединиться в этой пустыне? Как ты мог пренебречь своим состоянием и состоянием твоих отцов и как покинул ты своих рабов и рабынь и остался один в этом месте?»

И когда юноша услышал мои слова, о повелитель правоверных, его глаза наполнились слезами, и он сказал: «О сын дяди, я любил мою двоюродную сестру и был пленён ею, безумен от любви и одержим страстью к ней, так что не мог с нею расстаться. И когда моя любовь к ней езде усилилась, я посватался за неё, но мой дядя отказал мне и выдал её за одного человека из узритов, который вошёл к ней и увёз её в ту местность, где она находится

с прошлого года. И когда она от меня отдалилась и её скрыли от моих взоров, волнения любви и сильная тоска и страсть побудили меня покинуть моих родных и расстаться с друзьями и приятелями и со всем моим состоянием, и я уединился в этой палатке, здесь в пустыне, и подружился с одиночеством». – «А где их палатки?» – спросил я, и юноша сказал: «Они близко, на вершине той горы, и каждую ночь, когда засыпают глаза и ночь успокаивается, девушка тайно выскальзывает из стана, так что не знает об этом никто, и я удовлетворяю с ней желание беседою, и она тоже удовлетворяет его. И вот я живу в таком состоянии, утешаясь ею час в течение ночи, и пусть свершает Аллах дело, которое решено: или придёт ко мне успех в этом деле назло завистникам, или рассудит Аллах за меня, а он – лучший из судей».

И когда юноша рассказал мне все это, о повелитель правоверных, – говорил Джамиль, – его дело меня озаботило, и я не знал, что думать, так как меня охватила за него ревность. «О сын моего дяди, – сказал я ему, – не хочешь ли ты, чтобы я указал тебе хитрость, которую я тебе посоветую, в ней будет, если пожелает Аллах, источник устроения и путь к верному успеху и ею избавит тебя Аллах от того, чего ты боишься». – «Говори, о сын дяди», – молвил юноша. И я сказал: «Когда наступит ночь и придёт девушка, брось её на мою верблюдицу – она быстра на бегу, – а сам садись на твоего коня, я же сяду на одну из этих верблюдиц и проеду с вами одну ночь. И не наступит ещё утро, как мы уже пересечём степи и пустыня, и ты достигнешь желаемого и овладеешь любимой сердца. Равнины земли Аллаха обширны, а я, клянусь Аллахом, буду тебе помогать, пока я жив, и душой, и достоянием, и мечом...»

И Шахразадю застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Шестьсот девяносто первая ночь

Когда же настала шестьсот девяносто первая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что Джамиль сказал сыну своего дяди, чтобы он взял девушку, и они оба увезут её ночью, и он будет ему помогать и содействовать, пока жив, и юноша, выслушав это, сказал: „О сын дяди, я раньше посоветуюсь с нею. Она умна, разумна и проницательна в делах“.

«И ночь окутала землю, – говорил Джамиль, – и настала пора девушке приходить, и юноша ждал её в установленное время, но она опоздала против обычного. И я увидел, что юноша вышел из палатки и, закрыв рот, стал вдыхать веяние ветра, который дул с её стороны, и он втягивал её благоухание и произносил такие стихи:

«О ветер востока, веянье несёшь ты Из той страны, где милая обитает, О ветер, ты несёшь любимой призрак»

Не знаешь ли, когда она прибудет?»

И затем он вошёл в палатку и просидел там некоторое время, плача, а потом сказал: «О сын моего дяди, поистине с моей двоюродной сестрой произошло что-то сегодня, и случился какой-то случай, и задержало какоенибудь препятствие. Будь на месте, пока я не принесу тебе вестей», – сказал он потом и, взяв меч и щит, скрылся и отсутствовал часть ночи. А затем он вернулся ко мне, неся что-то в руках. И он крикнул меня, и я поспешил к нему, и он спросил: «О сын дяди, знаешь ли ты, в чем дело?» – «Нет, клянусь Аллахом», – отвечал я. И он сказал: «Беда поразила меня сегодня ночью в моей двоюродной сестре. Она отправилась к нам, и повстречался ей по дороге лев и растерзал её, и осталось от неё только то, что ты видишь».

И он бросил то, что было у него в руках, и это были хрящи девушки и то, что осталось от её костей» И юноша заплакал сильным плачем и, бросив свой лук, взял в руку мешок и сказал мне: «Не двигайся, пока я не приду к тебе, если захочет Аллах великий».

И он ушёл и отсутствовал некоторое время, а потом вернулся, неся в руке голову льва. И он бросил её и потребовал воды, и когда я принёс воду, он вымыл льву рот и стал целовать его, плача, и усилилась его печаль о девушке, и он произнёс такие стихи:

«О лев, самого себя в несчастья ввергнул ты – Погиб ты, но взволновал о милой печаль во мне Меня одиноким сделал ты, а был друг я ей, И брюхо земли её могилою сделал ты Судьбе говорю, меня разлукой сразившей, я:

Аллах сохрани, чтоб ей взамен не взял друга я, «О сын дяди, – сказал он мне потом, – прошу тебя ради Аллаха и долга близости и родства, которое между вами, исполни моё завещание. Ты сейчас увидишь меня перед собою мёртвым, и когда это случится, обмой меня и заверни с остатками костей дочери моего дяди в эту рубаху и похорони вас вместе в одной могиле. А на могиле нашей напиши такие стихи:

Мы жили с ней на хребте земли жизнью сладостной, Близка и она была, и дом ваш, и родина, Но злые превратности судьбы разлучили нас, Лишь саван сближает нас в утробе земли теперь»

И он заплакал сильным плачем и, войдя в палатку, скрылся на некоторое время, а потом он вышел и стал вздыхать и кричать, и затем издал единый вопль и расстался с жизнью. И когда я увидел это, мне стало тяжело, и это показалось мне столь великим, что я едва за ним не последовал от сильной печали. И я подошёл к юноше и положил его и исполнил то, что он велел мне сделать, в я завернул их обоих в саван и похоронил вместе, в одной могиле. И я провёл у их могилы три дня, а потом уехал, и я два года приезжал и посещал их, и вот какова была их история, о повелитель правоверных».

И когда выслушал ар-Рашид слова Джамиля, он нашёл их прекрасными и оказал ему милости и наградил его наградой».

Рассказ о Муавии и бедуине (ночи 691-693)

Рассказывают также, о счастливый царь, что повелитель правоверных Муавия сидел однажды в одной из своих зал в Дамаске, и окна в этом помещении были открыты со всех сторон, так что воздух входил в него отовсюду. И халиф сидел и смотрел в какую-то сторону, и случилось это в день жаркий, когда не веяло ни ветерка, и был полдень, и зной усилился. И вдруг Муавия увидел человека, который обжигался о горячую землю и подсказывал, так как шёл босой. И всмотрелся в него халиф и спросил своих собеседников: «Сотворил ли Аллах (велик он и славен!) кого-нибудь несчастнее, чем тот, кто должен быть в пути в такое время и подобный час, как этот человек?» – «Может быть, он направляется к повелителю правоверных», – сказал кто-то. И халиф воскликнул: «Клянусь Аллахом, если он направляется ко мне, я одарю его, а если он обижен, я его поддержу! Эй» мальчик, встань у ворот, и если этот араб⁵⁷⁴ захочет войти ко мне, не мешай ему ко мне войти».

И слуга вышел, и когда араб подошёл, он спросил его: «Что ты хочешь?» И араб отвечал: «Я хочу повелителя правоверных». – «Входи!» – сказал слуга. И бедуин вошёл и приветствовал халифа...»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Шестьсот девяносто вторая ночь

Когда же настала шестьсот девяносто вторая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что, когда евнух позволил арабу войти, тот вошёл и приветствовал повелителя правоверных, и Муавия спросил его: „Из каких ты людей, о человек?“ – „Из ВенуТемим“, – ответил бедуин, и халиф спросил: „А что привело тебя сюда в такое время?“ – „Я пришёл к тебе, чтобы пожаловаться, и ищу у тебя защиты“, – отвечал бедуин. „От кого?“ – спросил Муавия. «От Мервана ибн аль-Хакама⁵⁷⁵, твоего наместника», – ответил

⁵⁷⁴ Под «арабами» горожане понимают кочевников-бедуинов, называя самих себя «детьми арабов».

⁵⁷⁵ Мерван ибн аль-Хакам – халиф (правил в 684-685 годы); во времена Муавии был правителем Медины и

бедуин.

А затем он произнёс такие стихи:

«Муавия, щедрый вождь и мудрый и благостный,
Велик ты душой, умен и праведен и всеблаг.
Пришёл я к тебе, когда стеснились пути мои.
На помощь! Не пресекай надежды на правду ты,
Будь щедр в справедливости ты против обидчика –
Меня поразил он тем, что хуже, чем смерть моя.
Похитил Суаду он и стал мне соперником,
Насильник жестокий он, жены он меня лишил.
Хотел он меня убить, но только кончины срок
Ещё не настал и весь надел не исчерпан мой».

И когда Муавия услышал стихи, произнесённые этим человеком, изо рта которого выходил огонь, он сказал: «Приют и уют, о брат арабов! Расскажи свою историю и поведай о своём деле».

«О повелитель правоверных, – сказал тогда бедуин, – была у меня жена, и я любил её и увлекался ею, и прохлаждались мои глаза, и спокойна была моя душа. И было у меня несколько верблюдов, которыми я помогал себе, чтобы поддержать своё положение, и поразил нас недород, погубивший и ступню и копыто⁵⁷⁶, и остался я ничего не имеющим. И когда уменьшилось то, что было у меня в руке, и пропало моё имущество и испортилось моё положение, я стал презренным и тяжким для того, кто желал раньше меня посетить. И отец Суады, узнав, как дурно моё положение и плох мой исход, взял её от меня и отказался от меня и выгнал меня и обошёлся со мною грубо. И я пришёл к твоему наместнику Мервану ибн альХакаму, надеясь на его поддержку. И когда он призвал отца Суады и расспросил его о моих обстоятельствах, тот сказал: «Я его совершенно не знаю». И тогда я сказал: «Да направит Аллах эмира! Если он решит призвать ту женщину и спросить её о словах её отца, станет видна истина». И Мерван послал за Суадой и велел привести её. И когда она встала меж его рук, она затронула в нем место восхищения, и он сделался мне соперником и перестал мне верить и выказал гнев и отослал меня в тюрьму. И стал я таким, точно спустился с неба и ветер занёс меня в место удалённое. А потом Мерван сказал отцу Суады: «Не хочешь ли ты женить меня на ней за тысячу динаров и десять тысяч дирхемов, и я ручаюсь, что освобожу её от этого араба!» И отец Суады соблазнился такой ценой и согласился на это, и эмир велел меня привести и посмотрел на меня, как разъярённый лев, и сказал: «О бедуин, разведись с Суадой?» – «Я не разведусь с ней», – ответил я. И эмир напустил на меня толпу своих слуг, и они стали меня пытаться всякими пытками, и я не увидел бегства от развода с нею и развёлся, и эмир воротил меня в тюрьму. И я пробыл там, пока не кончился срок очищения, и тогда эмир женился на Суаде и выпустил меня, и вот я пришёл к тебе с надеждой найти у тебя защиты». И он произнёс такие стихи:

«Огонь горит в моем сердце,
И ярко он пламенеет,
И тело моё хворает,
Врача приводя в смущенье
В душе моей яркий уголь,
От угля летают искры,
Глаза проливают слезы,

альХиджаза.

⁵⁷⁶ То есть и верблюдов и коней, иначе говоря – всё достояние кочевника.

И слезы текут как ливень,
И только господь всесильный
Поможет мне, и эмир мой»

И он задрожал, и у него застучали зубы, и он упал, покрытый беспамятством, и стал извиваться, как убитая змея, и когда Муавия услышал его слова и произнесённые им стихи, он воскликнул: «Преступил ибн аль-Хакам законы веры и обидел и посягнул на гарем мусульман...».

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Шестьсот девяносто третья ночь

Когда же настала шестьсот девяносто третья ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что, когда повелитель правоверных Муавия услышал слова бедуина, он воскликнул: „Преступил ибн аль-Хакам законы веры и обидел и посягнул на гарем мусульман“. – „О бедуин, – сказал он потом, ты пришёл ко мне с рассказом, подобного которому я не слышал никогда!“

И он потребовал чернильницу и бумагу и написал Мервану ибн аль-Хакаму: «До меня дошло, что ты преступил против подданных законы веры, а надлежит тому, кто управляет, отвращать взоры от страстей и удерживать душу от наслаждений».

И после этого он написал длинное рассуждение, и между прочим там были такие стихи:

«Поставлен на дело ты, которого не постиг,
Проси же у господина за блуд свой прощенья!
Пришёл к нам тот юноша, несчастный, рыдающий,
И жаловался он нам на горе разлуки.
И богу я клятву дал, – её не нарушу я,
А иначе отрекись от правой я веры, –
Когда не исполнишь ты того, что пишу тебе,
То в мясо среди орлов тебя обращу я.
С Суадой ты разведись и к нам снаряжённою
С Кумейтом её отправь и Насра ибн Зибаном».

И затем он свернул письмо и, запечатав его своей печатью, позвал аль-Кумейта и Насра ибн-Зибана (а он посылал их с важными делами из-за их верности). И они взяли письмо и ехали, пока не вступили в аль-Медину.

И они вошли к Мервану ибн аль-Хакаму и приветствовали его и отдали ему письмо, осведомив его положением дел, и Мерван начал читать и плакать, а потом он пошёл к Суаде и рассказал ей обо всем. Он не мог перечить Муавии и развёлся с Суадой в присутствии аль-Кумейта и Насра ибн-Зибана и снарядил их, и вместе с ними Суаду, а затем Мерван написал Муавии письмо, в котором говорил:

«Эмир правоверных, не спеши!
Ведь поистине исполню я твой приказ охотно и кротко.
Запретного не свершил, когда мне хотелось, я,
Так как же обманщиком блудливым я назван?
И скоро придёт к тебе лик солнца, которому
Нет равных среди людей и нет среди джиннов».

И он запечатал письмо и отдал его посланным, и те ехали, пока не прибыли к Муавии, я тогда они отдали ему письмо, и халиф прочитал его и сказал: «Он отличился в повиновении

и слишком распространился в похвалах этой женщине».

И халиф велел привести Суаду и, увидев её прекрасный образ, поразился, ибо подобного по красоте и прелести и стройности стана он не видывал. А обратившись к ней, он нашёл, что она красноречива языком и хорошо выражается. «Ко мне того бедуина!» – сказал он тогда. И бедуина приведи, и был он в устрашающем состоянии, так изменило его время. «О бедуин, – сказал ему Муавия, – будет ли тебе утешением, если я дам тебе взамен Суады трех невольниц – высокогрудых дев, подобных луне, и с каждой невольницей я дам тебе тысячу динаров и назначу тебе из казначейства столько в год, что тебе хватит и ты будешь богат?» И бедуин, услышав слова Муавии, издал, вопль, и Муавия подумал, что он умер, а когда он очнулся, халиф спросил его: «Каково твоё состояние?» – «Я в наихудшем состоянии и в сквернейшем положении. Я мекал защиты у твоей справедливости против несправедливости ибн аль-Хакама, у кого же мне искать защиты от твоей несправедливости?» – ответил бедуин.

И он произнёс такие стихи:

«Не делай меня, о царь, – Аллах тебя выкупит! –
Прозящим убежища у жара от пламени,
Суаду верни тому, кто горестен и смущён
И утром и вечером рыдает и помнит,
Оковы с меняними, отдай её, не скупясь,
И если ты сделаешь – того не забуду»

И потом он сказал: «Клянусь Аллахом, о повелитель правоверных, если бы ты отдал мне все, чем ты управляешь в халифате, я бы не взял этого за Суаду!»

И он произнёс такой стих:

«Не любит душа никого – лишь Суаду,
Любовь к ней мне воздухом стала и пищей».

И Муавия сказал ему: «Ты признаешь, что развёлся с нею, и Мерван признает, что он развёлся с нею. Мы дадим ей выбрать – если она изберёт другого, мы выдадим её за него, а если она изберёт тебя, то передадим её тебе». – «Сделай так», – сказал бедуин. И Муавия спросил: «Что ты скажешь, Суада – кто тебе милее: повелитель ли правоверных с его благородством, величием, дворцами, властью, богатством и всем, что ты у него увидела, или Мерван ибн аль-Хакам с его несправедливостью и жестокостью, или же этот бедуин с его голодом и бедностью?»

И Суада произнесла такие стихи:

«Вот этот, хотя бы был голодным, несчастным он,
Дороже, чем родичи, друзья и соседи,
Чем тот, кто в венце, и чем Мерван, его ставленник,
Чем все, кто и дирхемы собрал и динары».

И потом она сказала: «Клянусь Аллахом, о повелитель правоверных, я не такова, чтобы покинуть его из-за случайности времени и обмана дней. Ему принадлежит старая дружба, которой не забыть, и любовь, которая не изнашивается, и мне всех достойнее терпеть с ним беды, как я вкусила с ним в радости».

И удивился Муавия её разуму, любви и верности и велел выдать ей десять тысяч дирхемов, и он отдал их бедуину, и тот взял свою жену и ушёл.

Рассказ о Дамре и его возлюбленной (ночи 693-695)

Рассказывают также⁵⁷⁷, о счастливый царь, что Харун ар-Рашид однажды ночью томился бессонницей. И он послал за аль-Асмаи и Хусейном-аль-Хали и, призвав их, сказал: «Рассказывайте! И ты, о Хусейн, начинай». – «Хорошо, о повелитель правоверных, – ответил Хусейн. – В каком-то году спустился я в Басру, чтобы похвалить Мухаммеда ибн Сулеймана арРабии касыдой⁵⁷⁸, и он принял её и приказал мне оставаться в Басре. И однажды я вышел на Мирбад⁵⁷⁹ и выбрал путь по улице аль-Махалия, и поразила меня сильная жара. И я подошёл к большим воротам, чтобы попросить напиться, и вдруг увидел девушку, подобную качающейся ветви, с томными глазами, вытянутыми бровями в овальных щеках, и была она в рубашке гранатового цвета и плаще из Сана, и великая белизна её тела одолевала красноту её рубашки, из-под которой поблёскивали две груди, подобные гранатам, и живот, точно свёрток коптской материи со складками, похожими на свитки белой бумаги, наполненные мускусом. И на её шее, о повелитель правоверных, была ладанка из червонного золота, которая спускалась между грудей, а на блюде её лба был локон, подобный чёрной раковине, и брови её сходились, глаза были огромны и щеки овальны, а нос – с горбинкой, и под ним были уста, как кораллы, и жемчужные зубы, и благовония как бы одолели её. И была эта девушка смущена и растеряна и расхаживала в проходе дома, то уходя, то приходя, и ступала по печени влюблённых, и её ноги делали немым звон её ножных браслетов. И была она такова, как сказал о ней поэт:

Все частицы её прелестей нам
Присылают красоты образец.

И я преисполнился к ней почтения, о повелитель правоверных, и приблизился к ней, чтобы её приветствовать, и вдруг почувствовал, что и дом, и проход, и улица пропитаны запахом мускуса. И я пожелал ей мира, и она ответила мне неслышным голосом, с сердцем, сожжённым пламенем любви, и я сказал ей: «О госпожа, я – старик, чужеземец, и меня поразила жажда. Не прикажешь ли ты дать мне глоток воды, за который ты получишь небесную награду?» – «Отстань от меня, о старец, – ответила девушка, – мне некогда думать о воде и пище...»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Шестьсот девяносто четвёртая ночь

Когда же настала шестьсот девяносто четвёртая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что девушка ответила: „О старец, мне некогда думать о воде и пище“. И я спросил её: „По какой причине, госпожа?“ – „Потому что я люблю того, кто ко мне несправедлив, и хочу того, кто меня не хочет, – отвечала девушка, – и при этом я испытана наблюдением соглядатаев“. – „А разве есть, о госпожа, на всей шири земли кто-нибудь, кого ты хочешь и кто тебя не хочет?“ – спросил я. И девушка сказала: „Да, и это из-за избытка вложенной в него красоты совершенства и чванства“. – „А чего ты стоишь в этом проходе?“ – спросил я, и девушка сказала: „Здесь его дорога, „и теперь ему время проходить“. – «О госпожа, – спросил я её, – встречались ли вы когда-нибудь и вели ли беседу, которая вызвала

⁵⁷⁷ Этот рассказ является вариантом повести о Джубейре ибн Умейре а Будур, которая напечатана в IV томе настоящего издания.

⁵⁷⁸ Касыда – лирическая поэма, отличающаяся рядом формальных признаков, заключительная часть которой содержит похвалу определённому лицу, которому она посвящена.

⁵⁷⁹ Мирбад – одна из главных площадей древней Басры, находилась в западной части города.

эту тоску?»

И девушка тяжело вздохнула и пролила на щеки слезы, подобные росе, падающей на розу, и произнесла такие стихи:

«Мы были как пара веток ивы одной в саду, Вдыхали мы запах счастья, жизнь была сладостна, Но ветвь отделил одну нож режущий от другой – Кто видел, что одинокий ищет такого же?»

«О девушка, – спросил я, – до чего дошла твоя любовь к этому юноше?» И она отвечала: «Я вижу солнце на стенах его родных и думаю, что это – он сам, а иногда я внезапно его вижу и теряюсь, и кровь и душа убегают из моего тела, и неделю или две я остаюсь без ума». – «Прости меня, – сказал я, – я влюблён так же, как ты, мой ум занят любовью, и я похудел телом, и силы мои ослабли. Я вижу у тебя перемену цвета лица и тонкость кожи, которая свидетельствует о муках любви; да я как могла любовь не поразить тебя, когда ты находишься на земле Басры». – «Клянусь Аллахом, – отвечала девушка, – пока я не полюбила этого юношу, я была до крайности чванлива, прекрасная красотой и достоинством, и пленяла всех вельмож Басры, пока не пленился мной этот юноша». – «О девушка, – спросил я, – а что же вас разлучило?» – «Превратности судьбы, – отвечала девушка, – и моя история с ним удивительна. В день Нейруза⁵⁸⁰ я сидела у себя и пригласила несколько басрийских девушек, и среди них была невольница Справа, которая стоила ему в Оматае восемьдесят тысяч дирхемов. А эта девушка меня любила и была в меня влюблена, и, войдя, она бросилась на меня и едва меня не растерзала щипками и укусами. А потом мы остались одни, наслаждаясь вином, в ожидании, пока будет готово кушанье и радость наша станет полкой, и девушка играла со мной, я играла с нею, и то я была наверху, то она была наверху. И опьянение побудило её ударить рукой по моему шнурку, и она развязала его без того, чтобы между вами было что-нибудь сомнительное, и мои шальвары спустились в игре, и когда это было, вдруг, неожиданно вошёл тот юноша и, увидав это, разгневался и убежал, как убегает арабская кобылица, услышав лязг удил. И он вышел...»

И Шахразад устала, и она прекратила дозволенные речи.

Шестьсот девяносто пятая ночь

Когда же настала шестьсот девяносто пятая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что девушка говорила Хусейну-аль-Хади: „И когда мой возлюбленный увидел, что мы играем с невольницей Сирана, как я тебе рассказывала, он вышел от меня, разгневанный, и вот уже три года, о старец, как я прошу у него прощения и подлаживаюсь к нему и стараюсь его смягчить, но он не дарит меня вторым, не пишет мне ни одной буквы, и не передаёт мне ничего с посланным, и не хочет слышать от меня даже малого“. – „О девушка, – спросил я её, – он из арабов или из персов?“ – „Горе тебе, – воскликнула девушка, – он из числа вельмож Басры“. – „А он – старик или юноша?“ – спросил я, и девушка посмотрела на меня искоса и сказала: „Поистине ты дурак! Он точно месяц в ночь полнолуния, гладкий и без бороды, и ничто его не порочит, кроме неприязни ко мне“. – „Как его имя?“ – спросил я. „А что ты будешь с ним делать?“ – молвила девушка. И я сказал: „Постараюсь встретиться с твоим возлюбленным, чтобы добиться между вами сближения“. – „С условием, что ты отнесёшь ему записку“, – сказала девушка. „Я не прочь это сделать“, – ответил я. И девушка сказала: „Его имя – Дамра ибн аль-Мугира, а прозвище Абу-с-Саха, а дворец его на Мирбаде“. И она крикнула тем, кто был в доме: „Подайте чернильницу и бумагу!“ И, засучив рукава, обнажила руки, подобные серебряным ожерельям, и написала после имени Аллаха: „О господин мой, пропуск молитвы в начале моего письма возвещает о

⁵⁸⁰ Нейруз, или Науруз – персидский праздник нового года, справляется в день весеннего равноденствия, 21 марта.

моем бессилии, и знай, что, будь моя молитва принята, ты бы со мной не расстался, – ведь я часто молилась, чтобы ты не расстался со мной, а ты со мной расстался. И если бы усердие не перешло пределов бессилия, было бы то, что взяла на себя твоя служанка при писании этого письма, ей помощью, хоть она и потеряла надежду на тебя, так как знает, что ты пренебрежешь ответом. И самое далёкое её желание, о господин, – один взгляд на тебя, когда ты проходишь к дому по улице, этот взгляд оживит умершую душу. А ещё дороже для неё, если ты начертаешь своей рукой (да одарит её Аллах всеми достоинствами!) записку и сделаешь её заменой тем уединениям, что были у нас в минувшие ночи, которые ты помнишь. О господин мой, разве я не люблю тебя и не изнурена? Если ты согласишься на эту просьбу, я буду тебе благодарна, хвала Аллаху, и конец“.

Я взял письмо и вышел, а наутро я отправился к ворогам Мухаммеда ибн Сулеймана и нашёл его приёмную залу наполненную вельможами. И я увидел там юношу, который украшал собрание и превосходил всех там бывших красотой и блеском, и эмир возвысил его над собравшимися. И я спросил про него, и оказалось, что это Дамра ибн аль-Мугира, и тогда я сказал себе: «По правде, постигло бедняжку то, что её постигло!»

И я вышел и направился на Мирбад и стал у ворот дома Дамры, и вдруг он подъехал со свитой, и тогда я подскочил к нему и стал усердствовать в пожеланиях блага и подал ему записку. И когда Дамра прочитал её и понял её смысл, он сказал мне: «О старец, мы уже заменили её; не хочешь ли ты посмотреть на заменившую?» – «Хорошо!» – сказал я. И Дамра крикнул девушку, и оказалось, что это красавица, смущающая солнце и луну, высокогрудая, которая ходит походкой спешащего, не робея. И Дамра подал ей записку и сказал: «Ответь на неё!» И когда девушка прочитала записку, цвет её лица пожелтел, так как она поняла, что в ней написано, и она воскликнула: «О старец, проси у Аллаха прощения за то, для чего ты пришёл!»

И я вышел, о повелитель правоверных, волоча ноги, и пришёл к той девушке и попросил разрешения войти, и когда я вошёл, она спросила: «Что позади тебя?» И я ответил: «беда и безнадёжность!» – «Не будет беды с тобою!» – сказала девушка. – Но где же Аллах и его могущество?»

И потом она велела дать мне пятьсот динаров, и я вышел. И я проходил мимо этого места через несколько дней я увидел там слуг и всадников, и я вошёл в дом, и оказалось, что это люди Дамры, которые просят девушку вернуться к нему, а она говорит: «Нет! Клянусь Аллахом, я не взгляну в его лицо!»

И я пал ниц, благодаря Аллаха, о повелитель правоверных, из злорадства над Дамрой, а потом я приблизился к девушке, и она протянула мне записку, в которой стояло после имени Аллаха: «Госпожа моя, если бы я не жалел тебя, – да продлит Аллах твою жизнь! – я описал бы тебе, что произошло из-за тебя, и изложил бы тебе, чем ты меня обидела, так как это ты навлекла беду на себя я на меня и проявила дурную дружбу и малую верность и предпочла нам другую. Ты поступила несогласно с моей любовью, и Аллах-помощник в том, что случилось по твоей воле. Мир тебе!»

И девушка показала мне подарки и редкости, которые доставил ей Дамра, и оказалось, что их тысяч на тридцать динаров. Я видел эту девушку впоследствии, и Дамра на ней женился».

И ар-Рашид воскликнул: «Если бы Дамра не опередил меня, у меня было бы с ней дело из дел!»

Рассказ об Исхаке Мосульском и слепце (ночи 695-696)

Рассказывают также, о царь, что Исхакибн Ибрахим, мосулец, говорил: «Однажды вечером был я у себя в доме, а случилось это в зимнее время, и развернулись облака, и дожди громоздились друг на друге и капали, словно из дыр бурдюков. И отказался шедший и приходящий ходить по дорогам из-за дождей и грязи, и у меня стеснилась грудь, так как не приходил ко мне никто из друзей и я не мог к ним пойти из-за большой грязи и слякоти. И я

сказал слуге: „Принеси чего-нибудь, чем бы я мог заняться“. И он принёс мне кушаний и напитков, но они показались мне горькими, так как не было со мною никого, кто бы меня развлёк, и я все время выглядывал из окон и смотрел на дороги, пока не пришла ночь. И тогда я вспомнил невольницу, принадлежавшую одному из сыновей альМахди⁵⁸¹ которую я любил (а она умела петь и извлекать звуки из музыкальных инструментов), и сказал себе: «Если бы была она сегодня вечером у нас, моя радость была бы полной и сократились бы ночь, думы и беспокойство». И вдруг кто-то постучал в ворота и спросил: «Войдёт ли любимый, что стоит у дверей?» И я сказал себе: «Может быть, дерево желания принесло плоды?»

И я подошёл к воротам, и вдруг оказалось, что это моя подруга и на ней был зелёный плащ, в который она завернулась, а на голове парчовая повязка, предохранявшая от дождя. И она до колен утопала в грязи, и вся её одежда пропиталась водой из сточных труб, и была она как бы вылита в дивной форме⁵⁸².

«О госпожа моя, – спросил я её, – что привело тебя в такую непогоду?» И девушка ответила: «Твой посланный пришёл ко мне и описал, какова твоя любовь и тоска, и мне оставалось только поспешить к тебе». И я удивился этому...

И Шахразад упустил утро, и она прекратила дозволенные речи.

Шестьсот девяносто шестая ночь

Когда же настала шестьсот девяносто шестая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что, когда девушка пришла и постучала в ворота Исхака, он вышел к ней и спросил: „О госпожа, что привело тебя в непогоду?“ И девушка ответила: „Твой посланный пришёл ко мне и описал, какова твоя любовь и тоска, и мне оставалось только поспешить к тебе“.

«И я удивился этому, но мне не хотелось сказать ей: „Я никого к тебе не посылал“. И воскликнул: „Слава Аллаху за то, что он соединил нас после мук ожидания, которые я вынес, и если бы ты заставила меня прождать ещё минуту, я должен был бы сам бежать к тебе: я по тебе тоскую и очень тебя люблю“.

И затем я сказал слуге: «Поддай воды!» И он принёс котелок с горячей водой, чтобы девушка привела себя в порядок, и я велел ему лить воду ей на ноги, и сам принялся их мыть, а затем я приказал подать платье из роскошнейших одежд и одел девушку, после того как она сняла то, что на ней было. И мы сели, и я велел подать кушанья, но девушка отказалась от них, и я спросил: «Есть ли у тебя охота к питью?» И она отвечала: «Да!» – и выпила несколько кубков и спросила: «Кто будет петь?» – «Я, о госпожа», – ответил я. И девушка сказала: «Не хочу!» – «Кто-нибудь из моих невольниц», – сказал я. И девушка воскликнула: «Не желаю!» И я сказал: «Спой сама!» – но она молвила: «И я тоже не стану!» – «Кто же будет тебе петь?» – спросил я. И девушка молвила: «Выйди поищи, кто мне смог бы петь».

И я вышел, из покорности ей, но не имел надежды и был уверен, что никого не найду в такое время. И я шёл до тех пор, пока не дошёл до площади, и вдруг увидел слепого, который тыкал своей палкой в землю и говорил: «Да не воздаст Аллах тем, у кого я был, добром! Когда я пел, они не слушали, а когда молчал, они надо мной смеялись». – «Ты певец?» – спросил я его. И он ответил: «Да». И тогда я сказал: «Не желаешь ли ты закончить вечер у нас и развлечь нас?» – «Если хочешь, возьми меня за руку», – оказал он. И я взял его за руку и пошёл к дому. «О госпожа, – сказал я девушке, – я привёл слепого певца, мы будем им наслаждаться, и он нас не увидит». – «Ко мне его!» – воскликнула она. И я ввёл слепого и

⁵⁸¹ Аль-Махди – третий халиф из династии Аббасидов, отед Харуна ар-Рашида (правил с 775 по 785 год).

⁵⁸² То есть мокрая одежда обрисовывала формы её тела.

предложил ему кушанья, и он поел немного и вымыл руки, и затем я подал ему вино, и он выпил три кубка. «Кто ты будешь?» – спросил он потом. И я ответил: «Исхак, сын Ибрахима мосульского». И тогда слепой сказал: «Я слышал о тебе, и теперь радуюсь, что разделил с тобой трапезу». – «О господин, – сказал я, – я радуюсь твоей радости». И слепец молвил: «Спой мне, о Исхак». И я взял лютню, дурачась, и сказал: «Слушаю и повинуюсь!» И когда я спел и песня окончилась, слепец сказал: «О Исхак, ты близок к тому, чтобы быть певцом!» И душа моя показалась мне ничтожной, и я откинул лютню. «Разве нет у тебя никого, кто бы хорошо пел?» – «спросил слепец. „У меня есть невольница“, – ответил я. И слепец сказал: „Прикажи ей спеть“. – „А ты споёшь, когда удостоверишься в том, как она поёт?“ – спросил я. И слепец сказал: „Да!“

И когда девушка спела, слепец воскликнул: «Нет, ты не показала никакого искусства!» И девушка откинула лютню, разгневанная, и сказала: «То, что у нас было, мы отдали, и если у тебя есть что-нибудь, окажи нам этим милость.». – „Подайте мне лютню, которой не касалась рука“, – сказал слепец.

И я велел слуге принести новую лютню, и слепец настроил её и заиграл ни знакомый лад и начал петь, говоря, такое двустиие:

«Летел, рассекая мрак, – а ночь так длинна была –
Любимый, который знал часы посещения.

И вот нас встревожили привет и слова его:

«Войдёт ли возлюбленный, стоящий у ваших врат?»

И девушка взглянула на меня искоса и сказала: «Тайну, которая была между нами, твоя грудь не сумела удержать даже и часа – ты поверил её этому человеку».

И я стал ей клясться и извиняться перед ней и принялся целовать ей руки, щекотать ей груди и кусать щеки, пока она не засмеялась. И потом я обратился к слепому и сказал ему: «Спой, о господин».

И слепец взял лютню и пропел такие два стиха:

«Красавиц я посещал не редко, и часто я
Касался рукою пальцев, ярко окрашенных.
Гранаты я щекотал груди и покусывал
Округлое яблоко прекрасной щеки её».

«О госпожа, кто его осведомил о том, что мы делали?» – спросил я, и девушка сказала: «Твоя правда!»

А потом мы отошли от слепого в сторону. И он сказал: «Я хочу помочиться!» И я крикнул: «Эй, слуга, возьми свечку и иди впереди».

И слепой вышел и задержался, и мы пошли его искать, но не нашли, и оказалось, что ворота закрыты и ключи в кладовой. И не знали мы, на небо он поднялся или под землю опустился, и понял я тогда, что это – Иблис и что он был для меня сводником.

И потом девушка ушла, и я вспомнил слова Абу-Новаса, который сказал такие два стиха:

«Дивлюсь Иблису я с его гордостью
И мерзостью, которую он творит!
Из гордости не пал пред Адамом он,
И сводником он стал для детей его».

Рассказ об Ибрахиме и юноше (ночи 696-697)

Рассказывают также, что Ибрахим, сын Исхака⁵⁸³, говорил: «Я был всегда предан Бармакидам. И однажды, когда я сидел в своём жилище, в ворота вдруг постучали, и мой слуга вышел и вернулся и сказал: „У ворот красивый юноша, и он просит разрешения войти“.

И я позволил, и вошёл ко мне юноша со следами болезни и сказал: «Я уже долгое время стараюсь встретиться с тобой, и у меня есть до тебя нужда». – «А какая?» – спросил я. И юноша вынул триста динаров и, положив их передо мной, сказал: «Прошу тебя, прими их от меня и сочини мне напев на двустишие, которое я скажу». – «Произнеси его мне», – сказал я. И юноша произнёс...

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Шестьсот девяносто седьмая ночь

Когда же настала шестьсот девяносто седьмая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что когда Ибрахим сказал юноше: „Произнеси мне это двустишие“, – юноша произнёс:

«Аллахом молю: о глаз, мне печень терзающий,
Слезою ты погаси печали волнение.
Судьба в числе тех, кто нас хулит за любимую,
И мне не видать её, хоть в саван я завернусь».

«И я сочинил ему напев, похожий на причитание, – говорил Ибрахим, – и спел его, и юношу покрыло беспамятство, а потом он очнулся и сказал: „Повтори!“ И я стал заклинать его Аллахом и сказал: „Боюсь, что ты умрёшь“. – „О, если бы так было!“ – воскликнул юноша. И он не переставал унижаться и умолять, пока я не пожалел его и не повторил напева. И юноша вскрикнул ужасным криком, и я подумал, что он умер и стал поливать его розовой водой, пока он не очнулся и не сел. И я восхвалил Аллаха и, положив перед ним его динары, сказал: „Возьми свои деньги и уходи от меня!“ – „Мне нет в них нужды, – ответил юноша, – и тебе будет ещё столько же, если ты повторишь напев“.

И моя грудь расширилась для денег, и я сказал юноше: «Я повторю, но только с тремя условиями: первое – чтобы ты остался у меня и поел моего кушанья, чтобы укрепить твою душу; второе – чтобы ты выпил вина, которое удержит в тебе сердце, и третье – чтобы ты мне рассказал твою историю».

И юноша сделал это и сказал: «Я человек из жителей Медины. Я вышел прогуляться и шёл по дороге к альАкику⁵⁸⁴ вместе с моими братьями, и увидел девушку, среди других девушек, подобную ветке, покрытой росой. И они оставались под тенью, пока день не окончился, а затем ушли, и почувствовал я в сердце раны, медленно заживающие. И я вернулся и стал распытывать о ней, но не нашёл никого, кто бы знал её, и заболел от горя. И я рассказал мою историю одному родственнику, и он сказал мне: «Не беда! Дни весны не кончились, небо скоро начнёт дождить, и тогда она выйдет, и я выйду с тобой, и делай то, что ты хочешь».

И успокоилась моя душа, и когда аль-Акик потёк и люди вышли, я тоже вышел с моими братьями и родственниками, и сели мы в том же месте и просидели минуту, как

⁵⁸³ В оригинале явная описка – должно быть: Ибрахим, отец Исхака. Имеется в виду Ибрахим Мосудьский, известный певец и музыкант (умер, вероятно, в 804 году), отец не менее одарённого в музыкальном отношении Исхака ибн Ибрахима (умер в 849 или 850 году).

⁵⁸⁴ Аль-Акик – долина близ Медины, которая затопляется водой. После обильных зимних дождей по долине мчится бурный поток, такой же широкий и быстрый, как Евфрат.

девушки уже прибежали. И я сказал одной девушке из моих родственниц: «Скажи той девушке: «Говорит вон тот человек: «Отличился поэт, который сказал такой стих:

«Метнула она стрелу, пустившую сердца кровь,
Ушла и оставила в нем раны и шрамы».

И девушка пошла к ней и сказала это. И она молвила: «Скажи ему: «Отличился тот, кто ответил таким стихом:

«Со мной то же самое. Терпи же, быть может, мы
Душе исцеление увидим и помощь».

И я не стал больше говорить, боясь позора, и поднялся, и девушка поднялась, и я последовал за нею, и она меня увидела. И я узнал, где её жилище, и она стала ходить ко мне, и я стал ходить к ней, и это участилось и сделалось явным, и её отец узнал об этом. А я все старался встретить девушку и пожаловался моему отцу, и он собрал наших родных и отправился к отцу девушки, желая посвататься за неё. «Если бы это явилось ко мне прежде, чем он её опозорил, – сказал отец девушки, – я бы, наверное, согласился, но дело стало известно, и я не таков, чтобы подтвердить речи людей».

И я повторил юноше песню, – говорил Ибрахим, – и между нами возникла дружба. И потом Джафар ибн Яхья устроил приём, и я явился, по обычаю, и спел ему стихи юноши, и Джафар пришёл в восторг и спросил меня: «Горе тебе, чья это песня?» И я рассказал ему историю юноши, и он приказал мне поехать к нему и привести его. И я отправился к юноше и привёл его, и Джафар заставил повторить эту историю. И когда юноша рассказал, Джафар воскликнул: «Ты под моей защитой, пока я не женю тебя на ней!»

И душа юноши успокоилась, и он остался с нами, и когда наступило утро, Джафар поехал к ар-Рашиду и рассказал ему эту историю, и халиф нашёл её прекрасной. И он велел нам всем явиться и приказал повторить песню и выпил под неё, а затем он велел написать письмо правителю аль-Хиджаза, чтобы тот с почётом доставил к нему отца женщины и её семью и не скупясь бы тратил на них.

И прошло малое время, и они явились, и ар-Рашид велел привести отца девушки. И когда тот явился, приказал ему выдать свою дочь замуж за юношу и дал ему сто тысяч динаров, после чего он вернулся к своей семье. И юноша был одним из сотрапезников Джафара, пока не случилось то, что случилось⁵⁸⁵, и тогда юноша вернулся со своей семьёй в аль-Медину, да помилует Аллах великий души их всех!»

Рассказ о везире Ибн Мерване и юноше (ночи 697-698)

Рассказывают также, о счастливый царь, что везирию Абу-Амиру ибн Мервану⁵⁸⁶ подарили мальчика из христиан (не падали взоры на когонибудь более прекрасного!), и заметил его аль-Мадик ан-Насир и спросил у его господина: «Откуда у тебя этот?» – «Он от Аллаха», – отвечал Абу-Амир, и ан-Насир сказал ему: «Разве ты пугаешь нас звёздами и хочешь взять нас в плен лунами?» И везирь извинился перед ним. И затем он постарался собрать подарок и послал его ан-Насиру с этим мальчиком и сказал ему: «Будь частью этого подарка; если бы не необходимость, моя душа не согласилась бы отдать тебя». И он написал

⁵⁸⁵ Имеется в виду свержение везирской династии Бармакидов в 803 году: убийство везирия Джафара и жестокая расправа с другими членами этой семьи.

⁵⁸⁶ Абу-Амир ибн Мервай – везирь султана Салах-аддина (Саладина), славившегося своей ненавистью к крестоносцам и прозванного аль-Малик ан-Насир – царь победоносный (правил с 1175 по 1193 год).

и послал с ним такие два стиха:

«Владыка мой, вот луна отправилась к небесам,
А небо достойнее луны, чем земля, поверь.
Душой ублажаю вас, хотя дорога душа;
Не видел я никого, душою кто ублажал».

И это понравилось ан-Насиру, и он одарил везиря большими деньгами, и власть Абу-Амира укрепилась.

А потом подарили везирию девушку, одну из достойнейших женщин земли. И испугался везирь, что донесут об этом ан-Насиру, и тот её потребует, и будет с ней такая же история, как с мальчиком. И он собрал подарок ещё больший, чем первый, и отослал его с девушкой...

И Шахразадю застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Шестьсот девяносто восьмая ночь

Когда же настала шестьсот девяносто восьмая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что везирь Абу-Амир собрал подарок ещё больший, чем первый и отослал его, а с ним и девушку, и написал такие стихи:

«Владыка – вот солнце (а луна была первою)
Идёт, чтобы с месяцем они повстречались.
Вот, жизнью клянусь я, встреча, счастье несущая.
Так будь с ними в Каусаре⁵⁸⁷ и в райских селеньях.
Аллахом клянусь, им нет по прелести третьего,
Тебе же по власти нет над миром второго».

И удвоилась власть везиря у ан-Насира, а потом кто-то из его врагов донёс ан-Насиру, что у него сохранился остаток любви к мальчику и что он всегда предаётся воспоминаньям о нем. И ан-Насир сказал доносчику: «Не болтай языком, не то я заставлю отлететь твою голову!» – и написал везирию от имени мальчика записку, в которой стояло: «О мой владыка, ты знаешь, что ты был для меня единственным, и я всегда с тобою благоденствовал. И если я теперь у султана, то все же хочу уединиться с тобою. Но я боюсь ярости царя; придумай хитрость, чтобы вызвать меня от него». И Насир послал эту записку с маленьким мальчиком и наказал ему сказать: «Эта записка от такого-то, и царь никогда с ним не говорил».

И когда Абу-Амр прочитал записку и евнух наврал ему, он почувствовал яд в напитке и написал на обороте письма такие стихи:

«Пройдя испытания судьбы, подобает ли
Мужам рассудительным бежать в чашу львиную?
Нет, я не из тех, чей ум любовь одолеть могла,
И ведомы хорошо мне речи завистников.
Хоть был ты моей душой, послушно я дал тебя,
И как же душа вернётся, тело покинувши?»

И когда ан-Насир прочитал ответ, он удивился догадливости везиря и не хотел больше

⁵⁸⁷ Каусар (буквально – обилие, полнота) – по мусульманским преданиям, название одного из райских источников.

слушать доносчиков на него. И потом он спросил везиря: «Как ты выпутался из сетей?» И тот ответил: «Мой ум не опутан сетями любви».

Рассказ о Далиле-Хитрице и Али-Зейбаке каирском (ночи 698-719)

Рассказывают также, о счастливый царь, что был во время халифата Харуна ар-Рашида один человек по имени Ахмед-ад-Данаф и другой – по имени Хасан-Шуман. И были они творцами козней и хитростей и совершали дивные дела, и по эй причине наградил халиф Ахмеда-ад-Данафа почётной одеждой и назначил его начальником правой стороны, и наградил он Хасана-Шумана почётной одеждой и назначил его начальником левой стороны, и положил каждому из них жалованье – всякий месяц тысячу динаров. И находилось у каждого из них под рукою сорок человек. И было предписано Ахмеду-ад-Данафу наблюдение за сушей.

И выехали Ахмед-ад-Данаф с Хасаном-Шуманом и теми, кто был под их властью, на копиях, и эмир Халидвали был с ними, и глашатай кричал: «Согласно приказанию халифа, нет в Багдаде начальника правой стороны, кроме начальника Ахмеда-ад-Данафа, и нет в Багдаде начальника левой стороны, кроме начальника Хасана-Шумана, и слова их должно слушаться, и уважение к ним обязательно!»

А была в городе старуха по имени Далила-Хитрица, и была у неё дочь, по имени Зейнаб-мошенница; и они слышали крик глашатая, и Зейнаб сказала своей матери Далиле: «Посмотри, матушка, этот Ахмед-ад-Данаф пришёл из Каира, когда его оттуда прогнали, и играл в Багдаде всякие штуки, пока не приблизился к халифу и не стал начальником правой стороны. А тот шелудивый парень, Хасан-Шуман, сделался начальником левой стороны, и у него накрывают стол по утрам и по вечерам, и положено им жалованье – каждому тысяча динаров во всякий месяц. А мы сидим в этом доме без дела, нет нам ни почёта, ни уважения, и нет у нас никого, кто бы за нас попросил».

А муж Далилы был прежде начальником в Багдаде, и ему была положена от халифа каждый месяц тысяча динаров; и он умер и оставил двух дочерей: дочь замужнюю, у которой был сын по имени Ахмед-аль-Лакит, и дочь незамужнюю по имени Зейнаб-мошенница. И Далила умела устраивать хитрости, обманы и плутни и ухитрялась выманивать большую змею из её норы, и Иблис учился у неё хитростям. Её отец был у халифа башенником, и ему полагалось жалованье – каждый месяц тысяча динаров. Он воспитывал почтовых голубей, которые летают с письмами и посланиями, и всякая птица в минуту нужды была халифу дороже, чем какой-нибудь из его сыновей.

И Зейнаб сказала своей матери: «Иди устрой хитрости и плутни, может быть, из-за этого разнесётся о нас слава в Багдаде и будет нам жалованье нашего отца...»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Шестьсот девяносто девятая ночь

Когда же настала шестьсот девяносто девятая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что Зейнаб-мошенница сказала своей матери: «Иди устрой нам хитрости и плутни, может быть, распространится о нас из-за этого слава в Багдаде и будет нам жалованье нашего отца».

«Клянусь твоей жизнью, о дочка, – сказала Далила, – я сыграю в Багдаде штуки посильнее штук Ахмеда-ад-Данафа и Хасана-Шумана!»

И она поднялась и, закрыв лицо платком, надела одежду факиров и суфиев, и оделась в платье, спускавшееся ей до пят, и в шерстяной халат и повязалась широким поясом. Потом она взяла кувшин, наполнила его водой по горлышко и, положив на отверстие его три динара, прикрыла отверстие куском пальмового лыка. А на шею она надела чётки величиной с вязанку дров, и взяла в руки палку с красными и жёлтыми тряпками, и вышла, говоря:

«Аллах! Аллах!» – и язык произносил славословие, а сердце скакало по ристалищу мерзости.

И она начала высматривать, какую бы сыграть в городе штуку, и ходила из переулка в переулок, пока не пришла к одному переулку, выметенному, политому и вымощенному.

И она увидела сводчатые ворота с мраморным порогом и матрибинца-привратника, который стоял у ворот; и был это дом начальника чаушей⁵⁸⁸ халифа, и у хозяина дома были поля и деревни, и он получал большое жалованье. И звали его: эмир Хасан Шарр-ат-Тарик⁵⁸⁹, и назывался он так лишь потому, что удар опережал у него слово.

И был он женат на красивой женщине и любил её, и в ночь, когда он вошёл к ней, она взяла с него клятву, что он ни на ком, кроме неё, не женится и не будет ночевать вне дома. И в один из дней её муж пошёл в диван и увидел с каждым из эмиров сына идя двоих сыновей. А он как-то ходил в баню и посмотрел на своё лицо в зеркало и увидел, что белизна волос его бороды покрыла черноту, и сказал себе: «Разве тот, кто взял твоего отца, не наделит тебя сыном?»

И потом он вошёл к жене, сердитый. И она сказала ему: «Добрый вечер!» И эмир воскликнул: «Уходи от меня! С того дня, как я увидел тебя, я не видел добра». – «А почему?» – спросила его жена. И он сказал: «В ночь, когда я вошёл к тебе, ты взяла с меня клятву, что я ни на ком, кроме тебя, не женюсь, а сегодня я видел, что у каждого эмира есть по сыну, а у некоторых – двое; и я вспомнил про смерть и про то, что мне не досталось ни сына, ни дочери, а у кого нет сына, о том не вспоминают. Вот причина моего гнева. Ты бесплодная и не несёшь от меня!» – «Имя Аллаха над тобой! – воскликнула его жена. – Я пробила все ступки, толча шерсть и зелья, и нет за мной вины. Задержка от тебя: ты плосконосый мул, и твой белок жидкий – он не делает беременной и не приносит детей». – «Когда вернусь из поездки, женюсь на другой», – сказал эмир. И жена его отвечала: «Моя доля у Аллаха!» И эмир вышел от неё, и оба раскаялись, что поносили друг друга.

И когда жена эмира выглядывала из окна, подобная невесте из сокровищницы – столько было на ней украшений, Далила вдруг остановилась и увидела эту женщину, и заметила на ней украшения и дорогие одежды, и сказала себе: «Нет лучше ловкости, о Далила, чем забрать эту женщину из дома её мужа и оголить её от украшений и одежды и взять все это».

И она остановилась и стала поминать Аллаха под окном дворца, говоря: «Аллах! Аллах!» И жена эмира увидела старуху, одетую в белые одежды, похожую на купол из света и имевшую облик суфиев, которая говорила: «Явитесь, о друзья Аллаха!» И женщины с той улицы высунулись из окон и стали говорить: «Вот явная поддержка Аллаха! От лица этой старицы исходит свет!» И Хатун, жена эмира Хасана, заплакала и сказала своей невольнице: «Спустись, поцелуй руку шейху Абу-Али, привратнику, и скажи ему: „Дай ей войти, этой старице, чтобы мы получили через неё благодать“».

И невольница спустилась и поцеловала привратнику руку и сказала: «Моя госпожа говорит тебе: „Дай этой старице войти к моей госпоже, чтобы она получила через неё благодать...“»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Ночь, дополняющая до семисот

Когда же настала ночь, дополняющая до семисот, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что невольница спустилась к привратнику и сказала ему: „Моя госпожа говорит тебе: „Дай этой старице войти к моей госпоже, чтобы она получила через неё

⁵⁸⁸ Чауш – стражник, телохранитель.

⁵⁸⁹ Шарр-ат-Тарик – в переводе означает – зло дороги.

благодать – быть, её благодать покроет нас всех“.

И привратник пошёл к Далиле я начал было целовать ей руку, но она не дала ему и сказала: «Отдались от меня, чтобы не испортить мне омовения! Ты тоже суфий – влекомый к Аллаху, наблюдаемый друзьями Аллаха. Аллах освободил тебя от этой службы, о Абу-Али».

А привратнику приходилось с эмира его жалованье за три месяца, и он был стеснён и не знал, как вырвать деньги у этого эмира. «О матушка, напои меня из твоего кувшина, чтобы я получил через тебя благодать», – сказал он Далиле. И та сняла кувшин с плеча и помахала им в воздухе и потрянула рукой так, что лыко слетело с отверстия кувшина, и три динара упали на землю, и привратник увидел их и подобрал. «Вот нечто от Аллаха! – воскликнул он. – Эта старлица – одна из святых с сокровищами! Она разведала про меня и узнала, что я нуждаюсь в деньгах на расходы, и сумела раздобыть мне три динара из воздуха». И он взял динары в руку и сказал Далиле: «Возьми, тётушка, три динара, которые упали на землю из твоего кувшина». И старуха воскликнула: «Отдали их от меня, я из тех людей, которые никогда не занимаются делами мира! Возьми их и истрать на себя, взамен того, что приходится тебе с эмира». – «Вот явная поддержка Аллаха, и это относится к откровениям!» – воскликнул привратник. И невольница поцеловала старухе руку и повела её наверх к своей госпоже.

И Далила вошла и увидела, что госпожа невольницы подобна кладу, с которого сняты талисманы; а Хатун приветствовала её и поцеловала ей руку. «О дочка моя, – сказала старуха, – я пришла к тебе только с советом». И Хатун подала ей еду, и Далила сказала: «О дочка, я ем только райские кушанья и постоянно пощусь. Я нарушаю пост лишь пять дней в году. Но я вижу, о дочка, что ты огорчена, и хочу, чтобы ты мне сказала о причине твоего огорчения». – «О матушка, – ответила Хатун, – в ночь, когда муж вошёл ко мне, я взяла с него клятву, что он не женится на другой; и он увидел детей, и ему захотелось их иметь, и он сказал: „Ты бесплодная!“ А я сказала: „Ты мул, от которого не носят!“ И он вышел сердитый и сказал: „Когда вернусь из поездки, женюсь на другой!“ И я боюсь, о матушка, что он со мной разведётся и возьмёт другую. У него есть деревни и поля и большое жалованье, и если придут к нему дети от другой, они завладеют вместо меня деньгами и деревнями».

«О дочка, – сказала Далила, – разве ты ничего не знаешь о моем шейхе Абу-ль-Хамалате?⁵⁹⁰ За всякого, кто в долгах и кто посетит его, Аллах отдаёт его долги, а если посетит его бесплодная, она станет беременной».

«О матушка, – сказала Хатун, – с того дня, как муж вошёл ко мне, я не выходила ни с утешением, ни с поздравлением». – «О дочка, – сказала старуха, – я возьму тебя с собой и отведу к Абу-ль-Хамалату. Переложу на него твою ношу и дай ему обет, может быть твой муж, вернувшись из путешествия, познает тебя и ты понесёшь от него дочку или сына. И тот, кого ты родишь, будь то мальчик или девочка, станет дервишем шейха Абу-ль-Хамалата».

И женщина поднялась и надела все свои украшения и оделась в самое роскошное из бывших у неё платьев и сказала невольнице: «Присматривай за домом!» И невольница ответила: «Слушаю и повинуюсь, о госпожа!»

И потом Хатун спустилась вниз, и её встретил шейх Абу-Али, привратник, и спросил её: «Куда, о госпожа?» И Хатун ответила ему: «Я иду посетить шейха Абу-ль-Хамалата». – «Пост на год для меня обязателен! – воскликнул привратник. – Поистине, эта старлица из святых, и она полна святости. Она, о госпожа, одна из святых с сокровищем, так как она мне дала три динара червонного золота и все обо мне открыла, без того чтобы я спросил, и узнала, что я нуждаюсь!»

И старуха вышла, и женщина, жена эмира Хасана Шарр-ат-Тарика, вместе с нею; и Далила-Хитрица говорила женщине: «Если захочет Аллах, о дочка, когда ты посетишь Абу-ль-Хамалата, твоё сердце будет залечено, и ты понесёшь, по изволению великого Аллаха, и полюбит тебя твой муж, эмир Хасан, по благодати этого шейха, и не заставит тебя

⁵⁹⁰ Абу-ль-Хамалат – «покровитель нош», то есть покровитель беременных.

после этого слушать слова, обидные для твоего сердца». – «Я посетую его, о матушка», – сказала женщина; а старуха подумала: «Где я её оголю и возьму её одежду, когда люди ходят туда и сюда?»

«О дочка, – сказала она женщине, – когда идёшь, иди сзади меня на таком расстоянии, чтобы меня видеть, потому что твоя матушка несёт на себе многие ноши, и всякий, у кого есть ноша, бросает её на меня, и все, у кого есть приношение, дают его мне и целуют мне руку».

И женщина пошла сзади Далилы, далеко от неё, а старуха шла впереди, пока они не дошли до рынка купцов, и браслеты звучали, и монеты брэнчали.

И Далила прошла мимо лавки сына одного купца по имени Сиди-Хасан (а он был красивый, без растительности на щеках), и он увидел проходившую женщину и стал искоса на неё поглядывать; и когда старуха заметила это, она подмигнула женщине и сказала ей: «Посиди возле этой лавки, пока я не приду к тебе!»

И женщина исполнила её приказание и села перед лавкой сына купца, и сын купца посмотрел на неё взглядом, оставившим в нём тысячу вздохов; а старуха подошла к нему, приветствовала его и спросила: «Тебя ли зовут Сиди-Хасан, сын купца Мухсина?» И юноша ответил: «Да; кто осведомил тебя о моем имени?» – «Указали мне на тебя люди благие, – ответила старуха. – Знай, что эта девушка – моя дочь. Её отец был купцом, и он умер и оставил ей большие деньги, и она достигла зрелости; а разумные сказали: „Сватай свою дочь, но не сватай за своего сына“. И она в жизни не выходила из дому раньше этого дня. И пришло мне указание, и раздался в сердце моем призыв, чтобы я выдала её за тебя замуж, а если ты бедный, я дам тебе капитал и открою тебе вместо этой лавки две».

И сын купца подумал: «Я просил у Аллаха невесту, и он послал мне три вещи: кошелёк, женщину и одежду».

«О матушка, – сказал он, – прекрасно то, что ты мне посоветовала! Моя мать уже давно говорит мне: „Я хочу тебя женить“, а я соглашаюсь и говорю: „Я женюсь не иначе, как увидев глазами!“⁵⁹¹ – «Поднимайся на ноги и следуй за мной, я покажу её тебе голую», – сказала Далила. И юноша пошёл с ней и взял с собою тысячу динаров, говоря в душе: «Может быть, нам понадобится что-нибудь купить...»

И Шахразадку застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Семьсот первая ночь

Когда же настала семьсот первая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что старуха сказала Хасану, сыну купца Мухсина: „Поднимайся, следуй за мной, я покажу её тебе голую“. И юноша поднялся и пошёл с ней и взял с собой тысячу динаров, говоря в душе: „Может быть, нам что-нибудь понадобится, и это мы купим и выложим установленную плату за заключение условия“.

«Иди от неё вдаль, на таком расстоянии, чтобы видеть её глазами», – сказала ему старуха; а сама она думала: «Куда ты пойдёшь с сыном купца, чтобы оголить и его и женщину?» И она пошла (а женщина следовала за ней, а сын купца следовал за женщиной) и подошла к красильне, где был один мастер по имени Хаддж Мухаммед, и был он подобен ножу продавца аронника – срезал и мужское и женское и любил есть фиги и гранаты.

И он услышал звон ножных браслетов и поднял глаза и увидел юношу и девушку, и вдруг старуха села подле него и приветствовала его и спросила: «Ты Хаддж Мухаммед, красильщик?» – «Да, я Хаддж Мухаммед, чего ты потребуешь?» – ответил красильщик. И Далила сказала: «Указали мне на тебя люди благие. Посмотри на эту красивую девушку – это моя дочь, а этот безбородый красивый юноша – мой сын, и я воспитала их и истратила на

⁵⁹¹ У мусульман, по обычаю, жених мог увидеть лицо невесты не раньше, чем в день свадьбы.

них большие деньги. Знай» что у меня есть большой шаткий дом. Я подпёрла его деревянными балками, но строитель сказал мне: «Живи в другом месте. Возможно, что дом на тебя упадёт, если не перестроишь его; а потом возвращайся в него и живи в нём». И я вышла поискать себе какого-нибудь жилья, и добрые люди указали мне на тебя, и я хочу поселить у тебя мою дочь и моего сына». – «Пришло к тебе масло на лепёшке!» – подумал красильщик и сказал старухе: «Правильно, у меня есть дом, и гостиная, и комната, но я не могу обойтись без какого-нибудь из этих помещений из-за гостей и феллахов с индиго». – «О сынок, – сказала Далила, – самое большее на месяц или два месяца, пока мы перестроим дом. Мы люди иноземные. Сделай помещение для гостей общим для нас с тобой. Клянусь твоей жизнью, о сынок, если ты потребуешь, чтобы твои гости были нашими гостями, добро им пожаловать, мы и есть будем с ними и спать будем с ними».

И красильщик отдал Далиле ключи: один большой, другой маленький, и ещё ключ кривой, и сказал: «Большой ключ – от дома, кривой – от гостиной и маленький – от комнаты». И Далила взяла ключи, и женщина пошла за нею следом, а сзади неё шёл сын купца. И Далила пришла к переулку и увидела ворота и открыла их и вошла, и женщина тоже вошла; и Далила сказала ей: «О дочка, это дом шейха Абу-ль-Хамалата (и она указала ей на гостиную). Поднимись в комнату и развяжи изар, а я приду к тебе».

И женщина поднялась в комнату и села; и тут пришёл сын купца, и старуха встретила его и сказала: «Посиди в гостиной, а я приведу тебе мою дочь, чтобы ты на неё посмотрел». И юноша вошёл и сел в гостиной, а старуха вошла к женщине, и та сказала ей: «Я хочу посетить Абу-ль-Хамалата, пока не пришли люди». – «О дочка, мы боимся за тебя», – сказала старуха. «Отчего?» – спросила женщина. И старуха сказала: «Тут мой сын, он дурачок – не отличает лета от зимы и постоянно голый. Он подручный шейха, и если входит к нему девушка, как ты, чтобы посетить шейха, он хватает её серьги, и разрывает ей ухо, и рвёт её шёлковую одежду. Сними же твои драгоценности и платье, а я поберегу это для тебя, пока ты не посетишь шейха».

И женщина сняла украшения и одежду и отдала её старухе; а та сказала: «Я положу их под покровом шейха, и достанется тебе благодать».

И старуха взяла вещи и ушла, оставив женщину в рубаше и штанах, и спрятала вещи в одном месте на лестнице, а затем она вошла к сыну купца и нашла его ожидающим женщину. «Где твои дочь, чтобы я посмотрел на неё?» – спросил он старуху. И та стала бить себя в грудь. «Что с тобой?» – спросил юноша. И старуха воскликнула: «Пусть не живёт злой сосед, и пусть не будет соседей, которые завидуют! Они видели, как ты входил со мной, и спросили про тебя, и я сказала: „Я высватала моей дочери этого жениха“. И тогда они мне позавидовали и сказали моей дочери: „Разве твои мать устала содержать тебя, что она выдаёт тебя за прокажённого?“ И я дала ей клятву, что я позволю ей тебя увидеть не иначе, как голым». – «Прибегаю к Аллаху от завистников!» – воскликнул юноша и обнажил руки. И Далила увидела, что они точно серебро, и сказала: «Не бойся ничего! Я дам тебе увидеть её голою, как и она увидит тебя голым». – Пусть приходит и смотрит на меня», – сказал юноша и снял с себя соболью шубу, и кушак, и нож, и всю одежду, так что остался в рубаше и подштанниках, а тысячу динаров он положил в вещи. И старуха сказала ему: «Поддай свои вещи, я тебе их поберегу».

И она взяла их и положила их на вещи женщины и понесла все это и вышла в двери и заперла обоих и ушла по своему пути...»

И Шахразад застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Семьсот вторая ночь

Когда же настала семьсот вторая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что старуха, взяв вещи сына купца и вещи женщины, заперла обоих за дверями и ушла своей дорогой». Она оставила то, что с ней было, у одного москательщика и пошла к

красильщику и увидела, что тот сидит и ждёт её. «Если захотел Аллах, стало так, что дом вам понравился?» – спросил он. И Далила ответила: «В нем – благодать, и я иду за носильщиками, которые принесут наши вещи и ковры. Мои дети захотели хлеба с мясом; возьми же этот динар, приготовь им хлеба с мясом и пойди пообедай с ними». – «А кто будет стеречь красильню, в которой чужие вещи?» – спросил красильщик. «Твой малый», – отвечала Далила. И красильщик сказал: «Пусть так!» И, взяв блюдо, он пошёл готовить обед.

Вот что было с красильщиком, и речь о нем ещё впереди. Что же касается старухи, то она взяла от москательщика вещи женщины и сына купца, вошла в красильню и сказала малому красильщика: «Догоняй твоего хозяина, а я не двинусь, пока вы оба не придёте». – «Слушаю и повинуюсь!» – ответил малый. А Далила взяла все, что было в красильне.

И вдруг подошёл один ослятник, гашишеед, который уже неделю был без работы, и старуха сказала ему: «Поди сюда, ослятник! – И когда он подошёл, спросила: – знаешь ли ты моего сына, красильщика?» – «Да, я его знаю», – ответил ослятник. И старуха сказала: «Этот бедняга разорился, и на нем остались долги, и всякий раз, как его сажают в тюрьму, я его освобождаю. Мы желаем подтвердить его бедность, и я иду отдать вещи их владельцам и хочу, чтобы ты дал мне осла. Я отвезу на нем людям их вещи, а ты возьми этот динар за наём осла, а после того как я уйду, ты возьмёшь ручную пиалу, вычерпаешь все, что есть в горшках, и разобьёшь горшки и кувшины, чтобы, когда придёт следователь от кади, в красильне ничего не нашлось». – «Милость хозяина лежит на мне, и я сделаю для него что-нибудь ради Аллаха», – ответил ослятник. И старуха взяла вещи и взвалила их на осла, и покрыл её покрывающий, и она отправилась домой.

И когда она пришла к своей дочери Зейнаб, та сказала ей: «Моё сердце с тобой, матушка! Какие ты устроила плутни?» И старуха отвечала: «Я устроила четыре плутни с четырьмя человеками: сыном купца, женой чауша, красильщиком и ослятником, и привезла тебе все их вещи на осле ослятника». – «О матушка, – сказала Зейнаб, – ты не сможешь больше пройти по городу из-за чауша, вещи жены которого ты забрала, и сына купца, которого ты оголила, и красильщика, из чьей красильни ты взяла вещи, и ослятника, владельца осла». – «Ах, доченька, – ответила Далила, – я беспокоюсь только из-за ослятника: он меня узнает».

Что же касается мастера-красильщика, то он приготовил хлеб с мясом, и поставил его на голову своего слуги, и прошёл мимо красильни и увидел ослятника, который бил горшки, и не осталось в красильне ни тканей, ни вещей, и увидел он, что красильня разрушена. «Подними руку, ослятник», – сказал он ему. И ослятник поднял руку и воскликнул: «Слава Аллаху за благополучие, хозяин! Моё сердце болит о тебе». – «Почему и что со мной случилось?» – спросил красильщик. И ослятник сказал: «Ты разорился, и тебе написали свидетельство о разорении». – «Кто тебе сказал?» – спросил красильщик. И ослятник молвил: «Твоя мать мне сказала, и она велела мне разбить горшки и вычерпать кувшины, боясь, что когда придёт следователь, он, может быть, что-нибудь найдёт в красильне». – «Аллах да обманет далёкого!»⁵⁹² – воскликнул красильщик. – «Моя мать давно умерла!» И он принялся бить себя рукою в грудь и воскликнул: «Пропало моё имущество и имущество людей!» И тогда ослятник заплакал и воскликнул: «Пропал мой осел!» И потом он сказал красильщику: «Верни мне твоего осла от твоей матери, красильщик!» И красильщик вцепился в ослятника и стал бить его кулаками, говоря: «Приведи мне старуху!» А ослятник говорил: «Приведи мне осла!» И люди собрались вокруг них...

И Шахразду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Семьсот третья ночь

⁵⁹² Слово «далёкий» часто употребляется арабами вместо личного местоимения. Рассказчик, видимо, опасается, что, услышав местоимение «ты», кто-либо из слушателей примет сказанное на свой счёт.

Когда же настала третья ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что красильщик вцепился в ослика, а ослик вцепился в красильщика, и они начали драться, и каждый из них обвинял другого. И вокруг них собрались люди, и один из них спросил: „Что у вас за история, о мастер Мухаммед?“ И ослик воскликнул: „Я расскажу вам эту историю!“ И он рассказал о том, что с ним случилось, и сказал: „Я думал, что я заслужил благодарность мастера, но, когда он меня увидел, он стал бить себя в грудь и сказал: „Моя мать умерла!“ И я тоже требую от него моего осла, так как он устроил со мной эту штуку, чтобы погубить моего осла“.

«О мастер Мухаммед, – сказали люди, – ты, значит, знаешь эту старуху, раз ты доверил ей красильню и то, что там было?» – «Я её не знаю, – отвечал красильщик, – и она только сегодня у меня поселилась с сыном и дочерью». – «По совести, – сказал кто-то, – красильщик отвечает за осла».

«В чем основание этого?» – спросили его. И он сказал: «В том, что ослик был спокоен и отдал своего осла старухе, только когда увидал, что красильщик доверил свою красильню и то, что в ней было». – «О мастер, – сказал тогда кто-то, – если ты поместил её у себя, ты обязан привести ослику его осла».

И потом они пошли, направляясь к дому красильщика, и речь о них ещё будет. Что же касается сына купца, то он ждал прихода старухи, – но та не приводила своей дочери; а женщина ждала, что старуха принесёт ей позволение от своего сына, увлечённого к Аллаху, подручного шейха Абу-ль-Хамалата, – но старуха не возвращалась к ней. И Хатун поднялась, чтобы посетить шейха. И вдруг сын купца сказал ей, когда она входила: «Поди сюда! Где твоя мать, которая привела меня, чтобы я на тебе женился?» – «Моя мать умерла, – отвечала женщина. – А ты сын той старухи, увлечённый Аллахом, подручный шейха Абу-ль-Хамалата?» – «Это не моя мать, – сказал сын купца, – эта старуха – обманщица. Она обманула меня и взяла мою одежду и тысячу динаров». – «Меня она тоже обманула и привела сюда, чтобы я посетила Абу-ль-Хамалата, и оголила меня», – сказала женщина. И сын купца стал ей говорить: «Я узнаю, где моя одежда и тысяча динаров, только от тебя!» А женщина говорила: «Я узнаю, где мои вещи и драгоценности, только от тебя! Приведи ко мне твою мать!»

И вдруг вошёл к ним красильщик и увидел, что сын купца голый и женщина тоже голая, и сказал: «Говорите, где ваша мать!» И женщина рассказала обо всем, что ей выпало, и сын купца рассказал обо всем, что с ним случилось; и красильщик воскликнул: «Пропало моё имущество и имущество людей!» А ослик воскликнул: «Пропал мой осел!» – «Эта старуха – обманщица, – сказал красильщик. – Выходите, чтобы я запер дверь». – «Для тебя будет позором, что мы вошли к тебе в дом одетые, а выходим голые», – сказал сын купца. И красильщик одел его и одел женщину и отправил её домой, и речь о ней ещё будет после прибытия её мужа из путешествия.

Что же касается красильщика, то он запер красильню и сказал сыну купца: «Пойдём с нами искать старуху, чтобы отдать её вали». И сын купца пошёл с ними, и ослик был с ними тоже. И они вошли в дом вали и пожаловались ему, и вали спросил: «О люди, в чем ваше дело?» И они рассказали ему, что случилось. И вали сказал: «А сколько в городе старух! Идите ищите её и схватите, а я заставлю её сознаться». И они стали ходить и искать Далилу, и речь о них ещё будет.

Что же касается старухи Далилы-Хитрицы, то она сказала своей дочери Зейнаб: «О дочка, я хочу устроить штуку». – «О матушка, я боюсь за тебя», – сказала Зейнаб. И старуха молвила: «Я точно шелуха бобов: не даюсь ни воде, ни огню!» И старуха поднялась и надела платье служанки из служанок вельмож и пошла, высматривая, какую бы устроить плутню. Она прошла мимо переулка, устланного тканями, где висели светильники, и услышала там певич и удары в бубны, и увидела невольницу, на плече которой сидел мальчик в рубашке, вышитой серебром, и на нем была красивая одежда, а на голове у него был тарбуга, окаймлённый жемчугом; на шее у мальчика висело золотое ожерелье с драгоценными

камнями, и на нем был надет бархатный плащ.

А этот дом принадлежал начальнику купцов в Багдаде, и ребёнок был его сыном; и была у него ещё дочь, невинная, за которую посватались, и они в этот день справляли свадьбу. И у её матери собралось много женщин и певиц, и всякий раз, как мать мальчика входила или выходила, ребёнок цеплялся за неё. И она кликнула невольницу и сказала ей: «Возьми твоего господина, поиграй с ним, пока собрание не разойдётся».

А старуха Далила вошла и увидела мальчика на плече невольницы и спросила её: «Что у твоей госпожи сегодня за торжество?» И невольница ответила: «Она справляет свадьбу своей дочери, и у неё певицы». И тогда старуха сказала в душе: «О Далила, нет лучше плутни, как взять этого ребёнка у невольницы...»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Семьсот четвёртая ночь

Когда же настала семьсот четвёртая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что старуха сказала в душе: „О Далила, нет лучше плутни, как взять этого ребёнка у невольницы! И затем воскликнула: „О злосчастный позор!“ – и вынула из-за пазухи маленькую медную бляшку, похожую на динар».

А невольница была дурочка, и старуха сказала ей: «Возьми этот динар, походи к твоей госпоже и скажи ей: „Умм-аль-Хайр за тебя радуется, и твои милости её обязывают; и в день собрания она придёт со своими дочерьми, и они наградят горничных подарками“. – „О матушка, – сказала невольница, – а как же этот мой господин? Всякий раз, как он видит свою мать, он цепляется за неё“. – „Поддай его мне, он побудет со мной, пока ты сходишь и вернёшься“, – сказала старуха. И невольница взяла медную бляшку и вошла в дом, а старуха взяла ребёнка и, выйдя в переулок, сняла с него украшения и одежды, которые на нем были, и сказала в душе: „О Далила, ловкость лишь в том, чтобы, так же как ты сыграла штуку с невольницей и взяла у неё ребёнка, устроить ещё плутню и оставить мальчика в залог за какую-нибудь вещь ценой в тысячу динаров!“

И она пошла на рынок торговцев драгоценностями и увидела еврея-ювелира, перед которым была корзина, полная драгоценностей, и сказала себе: «Ловкость лишь в том, чтобы схитрить с этим евреем, взять у него драгоценностей на тысячу динаров и оставить этого ребёнка за них в залог».

И еврей посмотрел и увидел ребёнка со старухой и узнал, что это сын начальника купцов. А у этого еврея было много денег, и он завидовал своему соседу, если тот продавал что-нибудь, а он не продавал.

«Чего ты потребуешь, о госпожа?» – спросил он. И Далила сказала: «Ты, мастер Азра, еврей?» (Она раньше спросила, как его зовут.) «Да», – ответил еврей. И Далила сказала: «Сестру этого ребёнка, дочь начальника купцов, сосватали, сегодня справляют её свадьбу, и ей нужны драгоценности. Дай же нам две пары золотых ножных браслетов, пару золотых запястий, жемчужные серьги, кушак, кинжал и перстень».

И она взяла у него вещей на тысячу динаров и сказала: «Я возьму эти драгоценности и посоветуюсь; что им понравится, они заберут, и я принесу тебе за это деньги, а ты поддержи этого мальчика у себя». – «Дело будет так, как ты хочешь», – ответил ювелир.

И Далила взяла драгоценности и пошла домой. И её дочь спросила: «Какие плутни ты устроила?» И старуха отвечала: «Я сыграла одну штуку: взяла сына начальника купцов и раздела его, а потом пошла и заложила его за вещи в тысячу динаров и забрала их у одного еврея». – «Ты не сможешь больше ходить по городу», – сказала ей её дочь.

Что же касается невольницы, то она вошла к своей госпоже и сказала ей: «О госпожа, Умм-аль-Хайр желает тебе мира и радуется за тебя, а в день собрания она придёт со своими дочерьми, и они принесут подарок». – «А где твой господин?» – спросила её госпожа; и невольница ответила: «Я оставила его у неё, боясь, что он за тебя уцепится, и она дала мне

подарок для певиц». И госпожа невольницы сказала начальнице певиц: «Возьми твой подарок». И та взяла его и увидела, что это медная бляшка.

«Спустись, о распутница, посмотри, где твой господин», – сказала хозяйка невольницы. И девушка спустилась и не нашла ни ребёнка, ни старухи, – и она закричала и упала лицом вниз, и сменилась радость их печалью.

И вдруг пришёл начальник купцов. И жена его рассказала ему обо всем, что случилось, и он вышел искать своего сына, и каждый из купцов начал искать на какойнибудь дороге.

И начальник купцов искал до тех пор, пока не увидел своего сына голым возле лавки еврея, и тогда он спросил его: «Это мой сын?» – «Да», – отвечал еврей. И отец мальчика взял его и от сильной радости не стал спрашивать про его одежду.

Что же касается еврея, то, увидев, что купец взял своего сына, он уцепился за него и воскликнул: «Аллах да поможет против тебя халифу!» – «Что с тобой, о еврей?» – спросил купец; и еврей сказал: «Старуха взяла у меня драгоценностей для твоей дочери на тысячу динаров и заложила у меня этого ребёнка. Я только потому ей и дал их, что она оставила у меня этого ребёнка в залог за то, что взяла; и я бы не доверился ей, если бы не знал, что этот ребёнок – твой сын». – «Моей дочери не нужно драгоценностей. Принеси мне одежду ребёнка», – сказал купец. И еврей закричал: «Ко мне, о мусульмане!» И вдруг подошли ослятник, красильщик и сын купца, которые ходили и искали старуху.

И они спросили купца и еврея о причине их перебранки, и те рассказали им, что случилось, и тогда они сказали: «Эта старуха – обманщица, и она обманула нас раньше, чем вас».

И они рассказали обо всем, что случилось у них со старухой, и начальник купцов сказал: «Раз я нашёл своего сына, то одежда – выкуп за него, а если эта старуха мне попадётся, я потребую одежду от неё».

И начальник купцов отправился со своим сыном к его матери, и та обрадовалась, что ребёнок цел; а что до еврея, то он спросил тех троих: «А вы куда идёте?» И они ответили: «Мы хотим искать старуху». – «Возьмите меня с собой», – сказал еврей, и потом он спросил: – Есть ли среди вас кто-нибудь, кто её узнает?» – «Я её узнаю!» – воскликнул ослятник. И еврей сказал: «Если мы пойдём вместе, нам невозможно будет её найти, и она от нас убежит. Пусть каждый из нас пойдёт по какой-нибудь дороге, а встреча наша будет у лавки хаджи Масуда, цирюльника-магрибинца».

И каждый из них пошёл по одной из дорог, а в это время Далила вышла, чтобы устроить новую плутню.

И её увидел ослятник и, узнав её, уцепился за неё и крикнул: «Горе тебе! Ты давно занимаешься таким делом?» – «Что с тобой?» – спросила старуха. И ослятник воскликнул: «Мой осел! Подай его!» – «Скрывай то, что скрыл Аллах, о сын мой», – сказала старуха. – Ты требуешь своего осла или вещи людей?» – «Я требую только моего осла», – ответил ослятник. И старуха сказала: «Я увидела, что ты бедный, и поставила твоего осла у цирюльника-магрибинца. Стань поодаль, а я дойду до него и скажу ему ласково, чтобы он его тебе отдал». И она подошла к магрибинцу и поцеловала ему руку и заплакала. И цирюльник спросил её: «Что с тобой?» И она сказала: «О дитя моё, посмотри на моего сына, который там стоит. Он был болен и простудился, и воздух испортил ему разум. А он раньше покупал ослов, и теперь он говорит, когда встаёт: „Мой осел“, – и когда сидит, говорит: „Мой осел“, – и когда ходит, говорит: „Мой осел“. И один из врачей сказал мне, что он помрачился в уме и что его вылечишь, только вырвав ему два зуба и дважды прижегши ему виски. Возьми же этот динар, позови его и скажи ему: „Твой осел у меня“. – „Поститься год для меня обязательно! – воскликнул цирюльник. – Я, право, отдам ему его осла прямо в руки“.

А у него было два мастера, и он сказал одному из них: «Пойди накали два гвоздя». И потом он позвал ослятника, а старуха ушла своей дорогой.

И когда ослятник подошёл к нему, цирюльник сказал: «Твой осел у меня, о бедняга! Пойди сюда, возьми его: клянусь жизнью, я отдам его тебе прямо в руки». И затем он взял

ослятника, и тот вошёл с ним в тёмную комнату, и вдруг магрибинец ударил его кулаком, и он упал, и его потащили и связали ему руки и ноги, и магрибинец вырвал ему два зуба и два раза прижёт ему виски, а потом оставил его.

И ослятник поднялся и спросил его: «О магрибинец, почему ты сделал со мной такое дело?» И цирюльник ответил: «Потому, что твоя мать рассказала мне, что ты помрачился в уме, так как простудился, когда был болен, и что, когда ты встаёшь, ты говоришь: „Мой осел“, и когда сидишь, говоришь: „Мой осел“. Вот он, твой осел, у тебя в руках!» – «Тебе достанется от Аллаха за то, что ты вырвал мне клыки!» – воскликнул ослятник. И магрибинец сказал: «Твоя мать мне так сказала», – и рассказал ослятнику обо всем, что она ему говорила. «Аллах да сделает её жизнь тяжёлой!» – воскликнул ослятник. И потом они с магрибинцем ушли, препираясь, и магрибинец оставил свою лавку, а вернувшись в лавку, магрибинец не нашёл в ней ничего: когда он ушёл с ослятником, старуха взяла все, что было у него в лавке, и пошла к своей дочери и рассказала ей обо всем, что ей выпало и что она сделала.

Что же касается цирюльника, то, увидев, что его лавка пуста, он вцепился в ослятника и сказал ему: «Приведи мне твою мать!» Ослятник воскликнул: «Это не моя мать, это обманщица, которая обманула много людей и взяла моего осла!»

И вдруг подошёл красильщик, еврей и сын купца, и они увидели, что магрибинец вцепился в ослятника, а ослятнику прижгли виски, и спросили его: «Что с тобой случилось, ослятник?» И ослятник рассказал им обо всем, что с ним произошло, и магрибинец тоже рассказал свою историю, и они воскликнули: «Эта старуха – обманщица, которая обманула нас!» – и рассказали обо всем ослятнику и цирюльнику, что случилось.

И магрибинец запер свою лавку и прошёл с ними к дому вали, и они сказали вали: «Мы узнаем о наших обстоятельствах и о нашем имуществе только от тебя!» – «А сколько в городе старух! – сказал вали. – Есть ли среди вас кто-нибудь, кто её узнает?» – «Я её узнаю, – сказал ослятник, – но только дай нам десять твоих приближённых». И ослятник вышел с приближёнными вали, а остальные шли позади них. И он стал кружить со всеми ими по городу, и вдруг подошла старуха Далила, и ослятник с приближёнными вали схватил её, и они пошли с ней к вали и остановились под окнами дворца, ожидая, пока вали выйдет.

И потом приближённые вали заснули, так как подолгу не спали у вали, и старуха тоже представилась спящей, и ослятник с товарищем тоже заснули; и тогда Далила ускользнула от них и вошла в гарем и, поцеловав руку у госпожи гарема, спросила её: «Где вали?» – «Спит. Что ты хочешь?» – спросила госпожа гарема. И Далила сказала: «Мой муж продаёт рабов, и он дал мне пятерых невольников, чтобы я их продала, а сам уехал. И вали встретил меня и приторговал их у меня за тысячу динаров и ещё двести динаров мне и сказал: „Приведи их к дому!“ И вот я их привела...»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Семьсот пятая ночь

Когда же настала семьсот пятая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что старуха вошла в гарем вали и сказала его жене: „Вали сторговал у меня невольников за тысячу динаров и двести динаров мне в придачу и сказал: „Приведи их к дому!“ И вот я их привела“.

А у вали была тысяча динаров, и он сказал своей жене: «Прибереги их, мы купим на них невольников». И, услышав от старухи такие слова, она поверила, что её муж так сделал, и спросила: «Где невольники?» И старуха ответила: «О госпожа, они спят под окном дворца, в котором ты находишься!» И госпожа выглянула из окна и увидела магрибинца, одетого в одежду невольников, и сына купца в облике невольника, и красильщика с ослятником и евреем, имевших облик бритых невольников, и сказала: «Каждый из этих невольников лучше, чем тысяча динаров».

И она открыла сундук и дала старухе тысячу динаров и сказала: «Иди, а когда вали встанет после сна, мы возьмём у него для тебя двести динаров». – «О госпожа, – сказала старуха, – сто динаров из них будут для тебя под кувшином с питьём, которое ты пила, и другую сотню сбереги мне у себя, пока я не приду. О госпожа, выведи меня через потайную дверь», – сказала она потом. И жена вали вывела старуху через дверь, и скрыл её скрывающий, и она пошла к своей дочери.

«О матушка, что ты ещё сделала?» – спросила её Зейнаб. И она ответила: «О дочка, я сыграла штуку и взяла у жены вали эту тысячу динаров и продала ей тех пятерых: ослятника, еврея, красильщика, цирюльника и сына купца, и сделала их невольниками. Но только, о дочка, никто для меня не вреднее, чем ослятник: он меня узнает». – «О матушка, – сказала ей Зейнаб, – посиди дома. Довольно того, что ты сделала! Не всякий раз остаётся цел кувшин!»

А что касается вали, то, когда он встал после сна, его жена сказала ему: «Я порадовалась за тебя пяти невольникам, которых ты купил у старухи». – «Каким невольникам?» – спросил вали. И его жена воскликнула: «Зачем ты от меня скрываешь? Если захочет Аллах, они станут, как и ты, обладателями высоких должностей». – «Клянусь жизнью моей головы, я не покупал невольников! Кто это сказал?» – воскликнул вали. И жена его молвила: «Старуха посредница, у которой ты сторговал их и обещал дать за них тысячу динаров и ещё двести ей». – «А ты отдала ей деньги?» – спросил вали. И жена его ответила: «Да, я видела невольников собственными глазами, и на каждом из них одежда, которая стоит этой тысячи динаров. И я послала к ним начальников и поручила их им».

И вали спустился вниз и увидел еврея, ослятника, магрибинца, красильщика и сына купца и спросил: «О начальники, где те пять невольников, которых мы купили у старухи за тысячу динаров?» – «Здесь нет невольников, – ответили начальники, – и мы видели только этих пятерых, которые взяли старуху и схватили её. Мы все заснули, а старуха ускользнула и вошла в гарем» и потом невольница пришла и спросила: «Те пятеро, которых привела старуха, с вами?» И мы сказали: «Да». И вали воскликнул: «Клянусь Аллахом, это самая большая плутня!» А те пятеро говорили: «Мы узнаем о наших вещах только от тебя!» – «Старуха, ваша спутница, продала вас мне за тысячу динаров», – сказал вали. И пятеро воскликнули: «Это не дозволено Аллахом! Мы – свободные, не продажные, и мы пойдём с тобой к халифу». – «Никто не показал ей дорогу к моему дому, кроме вас, – сказал вали. – Но если так, я вас продам на корабли, каждого за двести динаров».

А пока это все происходило, эмир Хасан Шарр-атТарик вдруг вернулся из поездки и увидел, что его жена раздета. И она рассказала ему, что случилось, и эмир воскликнул: «Нет у меня ответчика, кроме вали!» И он пришёл к вали и сказал: «Как ты позволяешь старухам ходить по городу и обманывать людей и отнимать у них имущество? Это на твоей ответственности, и я узнаю о вещах моей жены только от тебя!»

И потом он спросил тех пятерых: «В чем ваше дело?» И они рассказали ему обо всем, что случилось, и эмир воскликнул: «Вы обижены!» И он обратился к вали и спросил его: «За что ты их держишь в заключении?» И вали ответил: «Никто не показал старухе дороги к моему дому, кроме этих пяти, и она взяла мои деньги, тысячу динаров, и продала их в гарем».

И те пятеро сказали: «О эмир Хасан, ты наш поверенный в этом деле!» А потом вали сказал эмиру Хасану: «Вещи твоей жены за мной, и я отвечаю за старуху, но кто из вас её узнает?» И все сказали: «Мы её узнаем! Пошли с нами десять начальников, и мы схватим её!» И вали дал им десять начальников, и ослятник сказал им: «Следуйте за мной, я узнаю её по голубым глазам!»

И вдруг старуха Далила вышла из переуллка, и её схватили и пошли с ней к дому вали; и когда вали её увидел, он спросил её: «Где вещи людей?» – «Я их не брала и не видала», – ответила старуха. И вали сказал тюремщику: «Запри её у себя до завтра». Но тюремщик воскликнул: «Я не возьму её и не запру, так как боюсь, что она устроит плутню и мне придётся отвечать».

И вали сел на коня и, взяв с собой старуху и всех тех людей, выехал с ними на берег

Тигра и, призвав факелоносца, велел ему привязать старуху к кресту за волосы. И факелоносец подтянул старуху на блоке и поставил десять человек сторожить её, а вали отправился домой; и наступил мрак, и сон одолел сторожей.

А случилось так, что один бедуин услышал, как кто-то говорил своему товарищу: «Слава Аллаху за благополучие! Куда это ты отлучался?» И тот ответил: «В Багдад, и я ел там на обед пирожки с мёдом». И бедуин воскликнул: «Непременно пойду в Багдад и поем пирожков с мёдом» (а он в жизни их не видал и не входил в Багдад). И он сел на коня и поехал, говоря про себя: «Пирожков поестъ прекрасно! Клянусь честью арабов, я буду есть только пирожки с мёдом...»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Семьсот шестая ночь

Когда же настала семьсот шестая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что бедуин сел на коня и захотел поехать в Багдад и отправился, говоря в душе: „Поестъ пирожков прекрасно! Клянусь честью арабов, я буду есть только пирожки с мёдом“».

И он приблизился к кресту Далилы, и та услышала, как он говорит себе эти слова, а бедуин обратился к Далиле и спросил её: «Что такое?» И Далила воскликнула: «Я под твоей защитой, о шейх арабов!» – «Аллах уже защитил тебя, – ответил бедуин. – По какой причине тебя распяли?» – «У меня есть враг – масленник, который жарит пирожки, – отвечала Далила. – Я остановилась, чтобы что-то купить у него, и плюнула, и плевок попал на пирожки, и масленник пожаловался на меня судье, и судья велел меня распять и сказал: „Я постановлю, чтобы вы взяли десять ритлей пирожков с мёдом и заставили её съесть их на кресте. Если она их съест, развяжите её, а если нет, оставьте её распятой“. А душа моя не принимает сладкого». – «Клянусь честью арабов, – воскликнул бедуин, – я приехал с кочевья только для того, чтобы поестъ пирожков с мёдом, и я съем их вместо тебя!» – «Эти пирожки съест только тот, кто подвесится на моё место!» – сказала Далила.

И хитрость над бедуином удалась, и он отвязал Далилу, и та привязала его на своё место, после того как сняла с него бывшую на нем одежду, а потом она надела его одежду на себя, повязалась его тюрбаном, села на его коня и поехала к своей дочери. «Что это за наряд?» – спросила Зейнаб. И Далила ответила: «Меня распяли». И она рассказала ей, что случилось у неё с бедуином.

Вот что было с нею. Что же касается сторожей, то когда один из них очнулся, он разбудил своих людей, и они увидели, что день уже взошёл. И один из них поднял глаза и сказал: «Эй, Далила!» И бедуин ответил: «Клянусь Аллахом, мы не станем есть балилы! Принесли вы пирожки с мёдом?» – «Это человек из бедуинов», – сказали другие сторожа. И первый спросил: «О бедуин, где Далила и кто её отвязал?» – «Я отвязал её, – ответил бедуин. – Она не будет есть пирожков насильно, потому что её душа их не принимает».

И сторожа поняли, что бедуин не знает об её обстоятельствах и что она сыграла с ним штуку, и стали спрашивать друг друга: «Убежим мы или останемся, чтобы получить сполна то, что назначил для нас Аллах?»

И вдруг пришёл вали с толпой тех, кого Далила обманула, и вали сказал начальникам: «Поднимайтесь, отвязывайте Далилу!» И бедуин воскликнул: «Мы не станем есть балилы! Принесли вы пирожков с мёдом?» И вали поднял глаза к крестовине и увидел на ней бедуина вместо старухи и спросил начальников: «Что это такое?» – «Пощады, о господин!» – вскричали они. И вали воскликнул: «Расскажите мне, что случилось!» И начальники сказали: «Мы не спали с тобой, когда были на страже, и мы сказали себе: „Далила на кресте!“ – и задремали, а когда очнулись, то увидели этого бедуина распятым. И вот мы перед тобой».

«О люди, это обманщица, и пощада Аллаха вам дана!» – сказал вали. И бедуина развязали, а он уцепился за вали и сказал: «Аллах да поможет против тебя халифу! Я узнаю о моем коне и моей одежде только от тебя!»

И вали расспросил его и бедуин рассказал ему свою историю, и вали удивился и спросил: «Почему ты её отвязал?» – «Я не знал, что она обманщица», – отвечал бедуин. И собравшиеся сказали: «Мы узнаем о наших пещах только от тебя, о вали! Мы передали её тебе, и ты стал за неё ответственным, и мы пойдём с тобой в диван халифа».

А Хасан Шарр-ат-Тарик пришёл в диван и вдруг видит: идут вали, бедуин и те пятеро, и они говорят: «Мы обижены!» – «Кто вас обидел?» – спросил халиф. И каждый из пришедших выступил вперёд и рассказал, что с ним случилось, вплоть до вали, который сказал: «О повелитель правоверных, она меня обманула и продала мне этих пятерых за тысячу динаров, хотя они свободные». – «Все, что у вас пропало, – за мной, – молвил халиф, и приказал вали: – Я обязываю тебя поймать старуху!»

И вали потряс воротником⁵⁹³ и воскликнул: «Я не возьму на себя этой обязанности, после того как я повесил её на кресте и она сыграла штуку с этим бедуином, так что он её освободил и она повесила его на своё место и взяла его коня и одежду». – «Что же, мне обязать кого-нибудь, кроме тебя?» – спросил халиф. И вали сказал: «Обязи Ахмеда-ад-Данафа: ему идёт каждый месяц тысяча динаров, и у Ахмеда-ад-Данафа приближённых сорок один человек, и каждый из них имеет в месяц сто динаров». – «О начальник Ахмед!» – сказал халиф). И Ахмед отвечал: «Я перед тобою, о повелитель правоверных!» И тогда халиф молвил: «Я обязываю тебя привести старуху». И Ахмед ответил: «Я ручаюсь, что приведу её!» И затем халиф задержал тех пятерых и бедуина у себя...»

И Шахразату застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Шестьсот седьмая ночь

Когда же настала шестьсот седьмая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что, когда халиф обязал Ахмеда-ад-Данафа привести старуху, тот воскликнул: „Я отвечаю за неё, о повелитель правоверных!“

И затем он пришёл со своими приближёнными в казарму, и они стали говорить друг другу: «Как же мы её схватим и сколько в городе старух?»

И один из них, по имени Али-Катф-аль-Джамаль, сказал Ахмеду-ад-Данафу: «О чем это вы советуетесь с Хасаном-Шуманом? Разве Хасан-Шуман – великое дело?» И Хасан воскликнул: «О Али, как это ты унижаешь меня! Клянусь величайшим именем Аллаха, я не буду на этот раз вам товарищем!»

И он вышел сердитый, а Ахмед-ад-Данаф сказал: «О молодцы, каждый начальник пусть возьмёт десять человек и пойдёт в какой-нибудь квартал искать Далилу».

И Али-Катф-аль-Джамаль пошёл с десятью человеками, и всякий начальник сделал то же, и каждый отряд пошёл в какой-нибудь квартал; а прежде чем отправиться и разойтись, они сказали: «Наша встреча будет на такойто улице, в таком-то переулке».

И в городе разнеслась весть, что Ахмед-ад-Данаф обязался схватить Далилу-Хитрицу, и Зейнаб сказала: «О матушка, если ты ловкая, сыграй штуку с Ахмедом-ад-Данафом и его людьми». – «О дочка, я не боюсь никого, кроме Хасана-Шумана», – сказала Далила. И её дочь воскликнула: «Клянусь жизнью моих кудрей, я заберу для тебя одежду этих сорока и одного!»

И она поднялась и, надев одежду и покрывало, пришла к одному москательщику, у которого была комната с двумя дверями, поздоровалась с ним, дала ему динар и сказала: «Возьми этот динар в подарок за твою комнату и отдай мне её до конца дня». И москательщик дал ей ключи, и Зейнаб пошла и привезла ковры на осле ослятника, и устлала комнату, и положила под каждым портиком скатерть с кушаньем и, вином, и потом стала у

⁵⁹³ Жест, выражающий невозможность выполнить приказание или поручение.

двери с открытым лицом.

И вдруг подошёл Али-Катф-аль-Джамаль со своими людьми, и Зейнаб поцеловала ему руку, и Али увидел, что это красивая женщина, и полюбил её и спросил: «Чего ты хочешь?» – «Ты начальник Ахмед-ад-Данаф?» – спросила его Зейнаб. И Али сказал: «Нет, я один из его людей, и меня зовут Али-Катф-аль-Джамаль». – «Куда вы идёте?» – спросила Зейнаб. И Али ответил: «Мы ходим и ищем одну старуху обманщицу, которая взяла чужие вещи, и мы желаем её схватить. А ты кто такая и каково твоё дело?» – «Мой отец был виноторговцем в Мосуле, – ответила Зейнаб. – Он умер и оставил мне большие деньги, и я приехала в этот город, боясь судей. И я спросила людей, кто меня защитит, и мне сказали: „Не защитит тебя никто, кроме Ахмеда-ад-Данафа“. – „Сегодня ты вступишь под его защиту“, – сказали ей люди Али-Катф-аль-Джамали. И Зейнаб сказала им: „Пожелайте залечить моё сердце, съев кусочек и выпив глоток воды“.

И когда они согласились, Зейнаб ввела их в дом, и они поели и напились, и она подложила им в пищу банджа и одурманила их и сняла с них их вещи; и то же, что она сделала с ними, она сделала и с остальными.

А Ахмед-ад-Данаф ходил и искал Далилу, но не нашёл её и не увидел ни одного из своих приближённых. И он подошёл к той женщине, и Зейнаб поцеловала ему руку, и он увидел её и полюбил, и она спросила его: «Ты начальник Ахмед-ад-Данаф?» – «Да, а ты кто?» – спросил он. И Зейнаб ответила: «Я чужеземка из Мосула, и мой отец был виноторговцем, и умер, и оставил мне много денег, и я приехала с ними сюда, боясь судей. И я открыла эту винную лавку, и вали обложил меня налогом, и я хочу быть у тебя под защитой. А то, что берет вали, достойнее получать тебе». – «Не давай ему ничего, и добро тебе пожаловать!» – воскликнул Ахмед-ад-Данаф. И Зейнаб сказала ему: «Пожелай залечить моё сердце и поешь моего кушанья». И Ахмед-ад-Данаф вошёл и поел и выпил вина и упал навзничь от опьянения, и Зейнаб одурманила его банджем и забрала его одежду; и она нагрозила это все на коня бедуина и на осла ослятника, и разбудила Али-Катф-аль-Джамали, и ушла.

И когда Али очнулся, он увидел себя голым и увидал, что Ахмед-ад-Данаф и его люди одурманены. И тогда он разбудил их средством против банджа, и, очнувшись, они увидели себя голыми, и Ахмед-ад-Данаф сказал: «Что это за дело, о молодцы? Мы ходим и ищем старуху, чтобы изловить её, а эта распутница изловила нас. Вот будет радость из-за нас Хасану-Шуману! Но подождём, пока наступит темнота, и пойдём».

А Хасан-Шуман спросил смотрителя казармы: «Где люди?» И когда он его расспрашивал, они вдруг подошли, голые, – и тогда Хасан-Шуман произнёс такие два стиха:

«Меж собою люди похожи все при уходе их,
Различье в том, каков приход бывает.
Средь мужей найдёшь ты и знающих и незнающих,
Как средь звёзд найдёшь много тусклых ты и ярких».

И, увидев подошедших, он спросил их: «Кто сыграл с вами штуку и оголил вас?» И они ответили: «Мы взялись поймать одну старуху и искали её, а оголил нас но кто иной, как красивая женщина». – «Прекрасно она с вами сделала!» – сказал Хасан. И его спросили: «А разве ты её знаешь, о Хасан?» – «Я знаю её и знаю старуху», – ответил Хасан. И его спросили: «Что ты скажешь у халифа?» – «О Данаф, – сказал ему Шуман, – отряхни перед халифом твой воротник, и тогда халиф спросит: „Кто возьмётся её поймать?“ И если он спросит тебя: „Почему ты её не схватил?“ – скажи ему: „Я её не знаю, но обяжи Хасана-Шумана поймать её“. И если он обяжет меня, я её поймаю».

И они проспали ночь, а утром пришли в диван халифа и поцеловали землю, и халиф спросил: «Где старуха, о начальник Ахмед?» И Ахмед-ад-Данаф потряс воротником. «Почему?» – спросил халиф. И Ахмед ответил: «Я её не знаю, но обяжи Шумана её поймать, – он знает и её и её дочь и говорит, что она устроила эти штуки не из жадности до

чужих вещей, но чтобы стала видна её ловкость и ловкость её дочери и чтобы ты назначил ей жалованье её мужа, а её дочери – такое жалованье, какое было у её отца».

И Шуман попросил, чтобы Далилу не убивали, когда он её приведёт. И халиф воскликнул: «Клянусь жизнью моих дедов, если она возвратит людям их вещи, ей будет пощада, и она под заступничеством Шумана!» – «Дай мне для неё платок пощады, о повелитель правоверных», – сказал Шуман. И халиф молвил: «Она под твоим заступничеством», – и дал ему платок пощады.

И Шуман вышел и пошёл к дому Далилы и кликнул её; и ему ответила её дочь Зейнаб, и тогда он спросил: «Где твоя мать?» – «Наверху», – ответила Зейнаб. И Шуман сказал: «Скажи ей, чтобы она принесла вещи людей и пошла со мной к халифу. Я принёс ей платок пощады, и если она не пойдёт добром, пусть упрекает сама себя».

И Далила спустилась и повесила платок себе на шею и отдала Шуману чужие вещи, погрузив их на осла ослятника и на коня бедуина. И Шуман сказал ей: «Остаётся одежда моего старшего и одежда его людей». – «Клянусь величайшим именем, я их не раздевала!» – ответила Далила. И Шуман сказал: «Твоя правда, но это штука твоей дочери Зейнаб, и это услуга, которую она тебе оказала».

И он пошёл, а старуха с ним, в диван халифа, и Хасан выступил вперёд и показал халифу вещи и подвёл к нему Далилу; и когда халиф увидел её, он приказал её кинуть на коврик крови. «Я под твоей защитой, о Шуман!» – крикнула Далила. И Шуман поднялся и поцеловал халифу руку и сказал: «Прощение, ты дал ей пощаду!» – «Она под защитой твоего великодушия», – сказал халиф. – Подойди сюда, старуха, как твоё имя?» – «Моё имя Далила», – отвечала она. И халиф сказал: «Поистине, ты хитрюга и хитрица!» И её прозвали Далила-Хитрица. «Зачем ты устроила эти плутни и утомила наши сердца?» – спросил потом халиф. И она ответила: «Я сделала эти плутни не от жадности до чужих вещей, но я слышала о плутнях Ахмеда-ад-Данафа, которые он устроил в Багдаде, и о плутнях Хасана-Шумана и сказала себе: „Я тоже сделаю так, как они!“ И я уже возвратила людям их вещи».

И тут поднялся ослятник и сказал: «Закон Аллаха между мною и ею! Ей недостаточно было взять моего осла, и она напустила на меня цирюльника-магрибинца, который вырвал мне зубы и прижёт мне виски два раза...»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Семьсот восьмая ночь

Когда же настала семьсот восьмая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что ослятник поднялся и сказал: „Закон Аллаха между мною и ею! Ей недостаточно было взять моего осла, и она напустила на меня цирюльника-магрибинца, который вырвал мне зубы и прижёт виски два раза“».

И халиф приказал дать ослятнику сто динаров и красильщику сто динаров и сказал: «Иди открой свою красильню!» И они пожелали халифу блага и ушли, а бедуин взял свои вещи и своего коня и сказал: «Запретно мне входить в Багдад и есть пирожки с мёдом!»

И всякий, кому что-либо принадлежало, получил своё, и все разошлись, и тогда халиф молвил: «Пожелай от меня чего-нибудь, о Далила!» И Далила сказала: «Мой отец заведовал у тебя письмами, я воспитывала почтовых голубей, а мой муж был начальником в Багдаде, и я хочу получать жалованье моего мужа, а моя дочь хочет иметь жалованье своего отца». И халиф назначил им то, что они пожелали; а потом Далила сказала: «Я хочу от тебя, чтобы я была привратницей хана».

А халиф устроил хан с тремя домами, чтобы там жили купцы, и к хану было приставлено сорок рабов и горок собак, – халиф привёз их от правителя Сулеймании, когда он отставил его, и сделал для собак ошейники. А в хане был раб-повар, который стряпал еду для рабов и кормил собак мясом. «О Далила, – сказал халиф, – я запишу тебя надсмотрщицей

хана, и если оттуда что-нибудь пропадёт, с тебя будут взыскивать». – «Хорошо, – сказала Далила, – но только посели мою дочь в помещении, которое над воротами хана. В этом помещении есть площадка, а голубей хорошо воспитывать только на просторе».

И халиф приказал так сделать, и дочь её перенесла все свои вещи в помещение над воротами хана, а Далила приняла сорок птиц, которые носили письма; что же касается Зейнаб, то она повесила у себя в помещении те сорок одежд и одежду Ахмеда-ад-Данафа.

А Далилу халиф сделал начальницей над сорока рабами и наказал им её слушаться. И она устроила себе место, чтобы жить за воротами хана, и стала каждый день ходить в диван – может быть, халифу понадобится послать письмо в какую-нибудь страну, – и не уходила из дивана до конца дня; и те сорок рабов стояли и охраняли хан, а когда наступала ночь, Далила спускала собак, чтобы они сторожили хан ночью.

Вот что случилось с Далилой-Хптрицей в Багдаде.

Что же касается до Али-аз-Зейбака каирского, то это был ловкач, который жил в Каире в то время, когда начальник дивана был человек по имени Садах египетский, у которого было сорок приближённых. И приближённые Салаха египетского устраивали ловушки ловкачу Али и думали, что он попадётся, и они искали его, и оказывалось, что он убегал, как убегает ртуть, и поэтому его прозвали «Каирская ртуть».

И вот однажды, в один из дней, ловкач Али сидел в казарме среди своих приближённых, и сердце его сжималось, и стеснялась у него грудь. И начальник казармы увидел, что он сидит с нахмуренным лицом, и сказал: «Что с тобой, о старший? Если у тебя стеснилась грудь, пройдишь разок по Каиру: твоя забота рассеется, когда ты пройдёшься по его рынкам». И Али поднялся и вышел пройти по Каиру, но его грусть и забота ещё увеличились.

И он проходил мимо винной лавки и сказал себе: «Войду и напьюсь!» И он вошёл и увидел семь рядов людей. «О виноторговец, – сказал он, – я буду сидеть только один». И виноторговец посадил его в комнате одного и принёс ему вино, и Али пил, пока не исчез из мира.

А потом он вышел из винной лавки и пошёл по Каиру, и до тех пор ходил по его площадям, пока не дошёл до Красной улицы, и дорога перед ним становилась свободной от людей, так как его боялись. И Али обернулся и увидел водоноса, который поил людей из кувшина и кричал на дороге: «О Аллах-заменяющий! Нет напитка, кроме как из изюма, нет сближения, кроме как с любимым, и не сидит на почётном месте никто, кроме разумного!» – «Подойди напои меня!» – сказал Али. И водонос посмотрел на него и подал ему кувшин; и Али взглянул в кувшин и встряхнул его и вылил на землю. «Ты не будешь пить?» – спросил его водопое. И Али ответил: «Напои меня!» И водонос снова наполнил кувшин, и Али взял его и встряхнул и вылил на землю, и в третий раз сделал то же самое. И водонос сказал: «Если ты не будешь пить, я пойду». – «Напои меня!» – сказал Али. И водонос наполнил кувшин и подал его Али, и тот взял его и выпил. И потом он дал водоносу динар, и вдруг водонос посмотрел на него и счёл его ничтожным и сказал: «Награди тебя Аллах, награди тебя Аллах, о юноша! Маленькие люди для иных – большие люди...»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Семьсот девятая ночь

Когда же настала семьсот девятая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что, когда ловкач Али дал водоносу динар, водонос посмотрел на него и счёл его ничтожным и сказал: „Награди тебя Аллах, награди тебя Аллах! Маленькие люди у иных – большие люди!“

И ловкач Али подошёл к водоносу и схватил его за платье и вытащил драгоценный кинжал, как тот, о котором были сказаны такие два стиха:

Ударь же твёрдым кинжалом ты, не бойся же
Никого ты в мире, – лишь гнев творца нам страшен.
В стороне держись от позорных качеств и век не будь
Ты без качеств тех, что присущи благородным.

«О старец, – сказал Али, – поговори со мной разумно! Цена за твой бурдюк, если он и дорог, дойдёт всего до двух дирхемов, а в три кувшина, которые я вылил на землю, войдёт с ритль воды». – «Да», – ответил водонос. И Али сказал: «А я дал тебе золотой динар, почему же ты меня унижаешь? Разве ты видел кого-нибудь доблестнее и благороднее меня?» – «Я видел человека доблестнее и благороднее тебя; пока женщины будут рожать, не найдётся на свете другого, столь доблестного и благородного», – ответил водонос. «Кого ты видел доблестнее и благороднее меня?» – спросил Али. И водонос сказал: «Знай, что со мной был удивительный случай. Мой отец был старостой продавцов воды глотками в Каире, и он умер и оставил мне пять верблюдов и мула, и лавку, и дом; но бедному ведь никогда не довольно, а когда ему довольно – он умирает. И я сказал себе: „Поеду в Хиджаз!“ – и набрал караван верблюдов; и я до тех пор занимал деньги, пока не оказалось за мной пятьсот динаров. И все это пропало у меня во время хаджжа. И я сказал себе: „Если я вернусь в Каир, люди посадят меня в тюрьму из-за моих денег“. И я отправился с сирийским караваном и доехал до Халеба, а из Халеба я отправился в Багдад. И я спросил, где староста багдадских водоносов, и мне указали его; и я вошёл к нему и прочитал ему „Фатиху“, и он спросил меня о моем положении, и я рассказал ему обо всем, что со мной случилось».

И он отвёл мне лавку и дал бурдюк и принадлежности, и я пошёл через ворота Аллаха и стал ходить по городу. И я дал одному человеку кувшин, чтобы напиться, и он сказал мне: «Я ничего не ел, и мне нечего запивать; меня сегодня пригласил скупой и принёс и поставил передо мной два кувшина, и я сказал ему: „О сын гнусного, разве ты меня чем-нибудь накормил, что даёшь мне запивать?“ Уходи же, водонос, и подожди, пока я чего-нибудь не поем, и потом напои меня».

И я подошёл к другому, и он сказал мне: «Аллах тебя наделит!» И я был в таком положении до времени полудня, и никто ничего мне не дал.

И я сказал про себя: «О, если бы я не приходил в Багдад!» И вдруг я увидел людей, которые быстро бежали, и последовал за ними и увидел великолепное шествие, где люди тянулись по двое, и все они были в ермолках и чалмах, в бурнусах и войлочных куртках и были закованы в сталь.

И я спросил кого-то: «Чья это свита?» И спрошенный сказал мне: «Свита начальника Ахмеда-ад-Данафа». – «Какая у него должность?» – спросил я. И мне сказали: «Он начальник дивана и начальник в Багдаде и надзирает за сушей. Ему полагается с халифа каждый месяц тысяча динаров, и каждому из его приближённых – сто динаров. А Хасану-Шуману тоже полагается тысяча динаров, и сейчас они отправляются из дивана в свою казарму». И вдруг Ахмед-ад-Данаф увидел меня и сказал: «Подойди напои меня!» И я наполнил кувшин и дал ему, и он встряхнул его и вылил, и второй, и третий раз тоже, и на четвёртый он отхлебнул глоток, как ты, и спросил: «О водонос, откуда ты?» И я ответил: «Из Каира». – «Да приветствует Аллах Каир и его жителей! – сказал Ахмед-ад-Данаф. – А по какой причине ты пришёл в этот город?» И я рассказал ему свою историю и дал ему понять, что я задолжал и бегу от долгов и нужды; и Ахмед-ад-Данаф воскликнул: «Добро тебе пожаловать!» И потом он дал мне пять динаров и сказал своим приближённым: «Стремитесь к лику Аллаха и окажите ему милость!» И каждый из них дал мне динар, и Ахмед-ад-Данаф сказал мне: «О старец, пока ты останешься в Багдаде, тебе будет с нас столько же, всякий раз как ты дашь нам напиться».

И я начал ходить к ним, и стало добро притекать ко мне от людей, и через несколько дней я подсчитал то, что я от них нажил, и денег оказалось тысяча динаров. И я сказал себе: «Теперь для тебя правильнее уйти в родную страну». И я пошёл в казарму и поцеловал Ахмеду руки, и он спросил: «Что ты хочешь?» – «Я намерен уехать, – сказал я и произнёс

такие два стиха:

В чужой земле пришельца пребывание
Сравню с постройкой я дворцов из ветра.
Разносит ветер то, что он построил,
И вот уходить решился пришелец обратно.

Караван отправляется в Каир, и я хочу пойти к моей семье», – сказал я ему. И он дал мне мула и сто динаров и сказал: «Мы хотим послать с тобой поручение, о шейх. Знаешь ли ты жителей Каира?» – «Да», – сказал я ему...»

И Шахразду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Семьсот десятая ночь

Когда же настала семьсот десятая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что водонос говорил: „И Ахмед-ад-Данаф дал мне мула и сто динаров и сказал: „Мы желаем послать с тобой поручение. Знаешь ли ты жителей Каира?“ – „Да“, – сказал я ему. И он сказал: „Возьми это письмо и доставь его Али-Зейбаку каирскому и скажи ему: „Твой старший желает тебе мира, и он теперь у халифа“. И я взял у него письмо и ехал, пока не прибыл в Каир; и меня увидели заимодавцы, и я им отдал то, что было за мной, а потом я сделался водоносом, и я не доставил письмо, так как я не знаю казармы Али-Зейбака каирского“».

И тогда Али сказал водоносу: «О старец, успокой свою душу и прохлади глаза! Я и есть Али-Зейбак каирский, первый из молодых начальника Ахмеда-ад-Данафа. Давай письмо!»

И водонос подал ему письмо; и когда Али развернул его и прочитал, он увидел там такие два стиха: «К тебе пишу я, о краса красавцев, На том листке, что полетит по ветру.

Умей летать я, я б взлетел от страсти, Но как лететь, подрезаны коль крылья? – А после того: – Привет от начальника Ахмеда-ад-Данафа старшему из его детей – Али-Зейбаку каирскому. Мы осведомляем тебя о том, что я донимал Салаха-ад-дина египетского и играл с ним шуточки, пока не похоронил его заживо, и повинуются мне его молодцы, среди которых находится Али-Катф-аль-Джамаль. Я сделался начальником Багдада в диване халифа, и мне предписано смотреть за сушей; и если ты блюдёшь договор, который заключён между нами, приходи ко мне. Может быть, ты сыграешь в Багдаде шуточку, которая приблизит тебя к службе халифу, и он назначит тебе жалованье и оклад и выстроит тебе казарму. Вот в чем моя цель. И мир с тобой!»

И когда Али прочитал письмо, он поцеловал его и положил себе на голову и дал водоносу десять динаров в подарок за благую весть, а затем он отправился в казарму и вошёл к своим молодцам и осведомил их, в чем дело, и сказал: «Поручаю вас друг другу!» И потом он снял то, что на нем было, и надел плащ и тарбуш и взял футляр, в котором был дротик из дерева для копий длиной в двадцать четыре локтя, части которого вдвигались друг в друга. И начальник сказал ему: «Как же ты уезжаешь, когда казна пуста?» – «Когда я приеду в Сирию, я пришлю вам столько, что вам хватит», – сказал Али и ушёл своей дорогой.

И он нагнал отъезжавший караван и увидел там начальника купцов и с ним сорок купцов, и купцы погрузили свои тюки, а тюки начальника купцов лежали на земле. И Али увидел, что предводитель каравана – человек из Сирии, и он говорил погонщикам мулов: «Пусть кто-нибудь из вас мне поможет»; но они только бранили его и ругали.

И Али сказал про себя: «Мне будет хорошо путешествовать только с этим предводителем!»

А Али был безбородый, красивый, и он подошёл к предводителю и поздоровался с ним, и предводитель приветствовал его и спросил: «Что ты хочешь?» И Али ответил: «О дядюшка, я увидел, что ты один, а груза у тебя на сорок мулов. Почему же ты не привёл

людей, чтобы помочь тебе?» – «О дитя, – отвечал предводитель, – я нанял двух молодых и одел их и положил каждому за пазуху по двести динаров, и они помогали мне до монастыря, а потом они убежали». – «А куда вы идёте?» – спросил Али. И предводитель ответил: «В Халеб». И тогда Али сказал: «Я тебе помогу».

И они погрузили тюки, и поехали, и начальник купцов сел на мула и тоже поехал, и сирийский предводитель каравана обрадовался приходу Али и полюбил его.

И подошла ночь, и люди сделали привал, поели и попили, а когда настало время сна, Али лёг на землю и представился спящим. И предводитель лёг близко от него, и тогда Али встал со своего места и сел у входа в шатёр купца; и предводитель повернулся и хотел взять Али в объятия, но не нашёл его, и тогда он сказал про себя: «Может быть, он кому-нибудь обещал, и тот взял его; но я – достойнее, и в другую ночь я его запру».

Что же касается Али, то он просидел у входа в шатёр купца, пока не приблизилась заря, и тогда он пришёл и лёг подле предводителя; а когда тот проснулся, он увидел Али и сказал про себя: «Если я его спрошу: „Где ты был?“ – он оставит меня и уйдёт».

И Али до тех пор обманывал его, пока они не приблизились к одной пещере; а в этой пещере была берлога, где жил сокрушающий лев; и каждый раз, как там проходил караван, путники кидали между собой жребий, и всякого, кому он выпадал, бросали льву.

И кинули жребий, и он пал не на кого иного, как на начальника купцов; и вдруг лев преградил им дорогу, высматривая того, кого он возьмёт из каравана.

И начальник купцов впал в великую скорбь и сказал предводителю каравана: «Аллах да обманет твоё счастье и твоё путешествие! Но я завещаю тебе после моей смерти отдать тюки моим детям». – «Какова причина этой истории?» – спросил ловкач Али. И ему рассказали, в чем дело, и он воскликнул: «И чего вы бежите от степной кошки? Я обязуюсь перед вами убить её».

И предводитель пошёл к купцу и рассказал ему об этом, и купец сказал: «Если он его убьёт, я дам ему тысячу динаров». И остальные купцы сказали: «Мы тоже дадим ему денег».

И тогда Али снял плащ, под ним оказались стальные доспехи, и он вынул стальной меч, и вышел ко льву один, и закричал на него.

И лев бросился на Али, и Али каирский ударил льва мечом между глаз и разрубил его пополам, а предводитель и купцы смотрели на него. И Али сказал предводителю: «Не бойся, о дядюшка!» И предводитель воскликнул: «О дитя моё, я стал твоим слугой!» А купец поднялся и обнял Али и поцеловал его меж глаз и дал ему тысячу динаров, и каждый из купцов дал ему двадцать динаров, и Али сложил все деньги у купца.

И они проспали ночь, а утром уже направились к Багдаду, и достигли они Берлоги львов и Долины собак, и вдруг оказался в ней один бедуин, непокорный и преграждающий дорогу, с которым был отряд из его племени.

И он напал на путников, и люди разбежались перед ним, и купец воскликнул: «Пропали мои деньги!» И вдруг приблизился Али, одетый в шкуру, увешанный колокольчиками, и он вынул свой дротик и приладил его колена одно к другому, а потом он выкрал одного из коней бедуина и сел на него верхом и сказал бедуину: «Выходи против меня с копьём!» И он встряхнул колокольчиками, и конь бедуина шарахнулся от колокольчиков, а Али ударил по дроту бедуина и сломал его и, ударив бедуина по шее, скинул ему голову.

И люди бедуина увидели это и сгрудились против Али. И Али воскликнул: «Аллах велик!» И он напал на них и разбил их, и они обратились в бегство.

А потом Али поднял голову бедуина на копье, и купцы оказали ему милости, и они ехали, пока не достигли Багдада. И ловкач Али потребовал от купца свои деньги, и купец отдал их ему, и Али вручил их предводителю каравана и сказал ему: «Когда ты поедешь в Каир, спроси, где моя казарма, и отдай деньги начальнику казармы».

И Али проспал ночь, а утром вошёл в город и прошёл по нему, спрашивая, где казарма Ахмеда-ад-Данафа, по никто её не показал.

И Али шёл, пока не дошёл до Площади Потрясения, и увидел играющих детей, среди которых был один мальчик по имени Ахмед-аль-Лакит, и сказал себе: «Не получить о них

вестей иначе, как от их детей!»

И Али осмотрелся и увидел торговца сладостями и купил у него сладкого, а потом он кликнул детей; и вдруг Ахмед-аль-Лакит прогнал от него других детей, а сам подошёл и спросил Али: «Чего ты хочешь?» И Али ответил: «У меня был ребёнок, и он умер, и я увидел во оно, что он просит сладкого, и вот я купил сладкого и хочу дать каждому мальчику по куску». И он дал кусок Ахмеду-аль-Лакиту, и тот посмотрел на сладкое и увидел приставший к нему динар и сказал Али: «Уходи, нет во мне мерзости, – спроси про меня людей». И Али сказал ему: «О дитя моё, только ловкач даёт плату и только ловкач берет плату. Я кружил по городу и искал казарму Ахмеда-ад-Данафа, по никто мне её не указал. Этот динар – тебе плата, если ты мне укажешь казарму Ахмеда-ад-Данафа». – «Я побегу впереди тебя, – сказал тогда Ахмед, – а ты побежишь сзади меня, и когда я подойду к казарме, я подцеплю ногой камешек и брошу его в ворота, и ты узнаешь их».

И мальчик побежал, и Али бежал за ним, пока он не взял ногой камень и не бросил им в ворота казармы, и тогда Али узнал их...»

И Шахразад устала, и она прекратила дозволенные речи.

Семьсот одиннадцатая ночь

Когда же настала семьсот одиннадцатая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что, когда Ахмед-аль-Лакит побежал перед ловкачом Али и показал ему казарму и Али узнал её, он схватил мальчика и хотел вырвать у него динар, но не смог. И тогда он сказал ему: „Иди, ты заслужил награду, так как ты мальчик острый, с полным разумом и храбрый. Если захочет Аллах, когда я стану начальником у халифа, я сделаю тебя одним из моих молодцов“.

И мальчик ушёл, а что касается Али-Зейбака каирского, то он подошёл к казарме и постучал в ворота, и Ахмед-ад-Данаф сказал: «О надсмотрщик, открой ворота, это стук Али-Зейбака каирского». И надсмотрщик открыл ворота, и Али вошёл к Ахмеду-ад-Данафу, и тот приветствовал его и встретил объятиями, и его сорок человек тоже поздоровались с Али; а потом Ахмед-ад-Данаф одел его в роскошную одежду и сказал: «Когда халиф сделал меня у себя начальником, он одел моих молодцов, и я оставил для тебя эту одежду». И затем они посадили Али на почётное место и принесли еду и поели, и принесли напитки и выпили, и пили до утра, и потом Ахмед-ад-Данаф сказал Али-Зейбаку каирскому: «Берегись ходить по Багдаду, а, напротив, оставайся сидеть в этой казарме». – «Почему? – спросил Али. – Разве я пришёл, чтобы запереться? Я пришёл только для того, чтобы гулять». – «О дитя моё, – сказал Ахмед-ад-Данаф, – не думай, что Багдад подобен Каиру. Это – Багдад, местопребывание халифа, и в нем много ловкачей, и ловкость растёт в нем, как овощи растут на земле».

И Али оставался в казарме три дня, и потом Ахмед-ад-Данаф сказал Али каирскому: «Я хочу приблизить тебя к халифу, чтобы он назначил тебе жалованье». – «Когда придёт время», – ответил Али. И Ахмед оставил его.

И в один из дней Али сидел в казарме, и сжалось у него сердце, и стеснилась его грудь, и он сказал себе: «Пойди пройдишь по Багдаду, чтобы твоя грудь расправилась».

И он вышел и стал ходить из переулочка в переулок и увидел посреди рынка лавку, и вошёл туда, и пообедал, и вышел, чтобы вымыть руки, – и вдруг он увидел сорок рабов со стальными мечами и в войлочных куртках, и они ехали по двое, и сзади всех была Далила-Хитрица, которая ехала на муле, и у неё на голове был покрытый золотом шлем со стальным шаром, и была у неё кольчуга и прочее, что подходит к этому.

А Далила ехала из дивана, возвращаясь в хан, и, заметив Али-Зейбака каирского, она всмотрелась в него и увидела, что он похож на Ахмеда-ад-Данафа длиной и шириной, и на нем плащ и бурнус, и у него стальной шлем и прочее в этом роде, и храбрость блещет на нем, свидетельствуя за него, а не против него.

И Далила поехала в хан и свиделась там со своей дочерью Зейнаб и принесла доску с

песком, и когда она рассыпала песок, вышло, что имя этому человеку Али каирский и что его счастье превосходит её счастье и счастье её дочери Зейнаб.

«О матушка, что тебе явилось, когда ты гадала на этой доске?» – спросила её Зейнаб. И Далила сказала: «Я видела сегодня юношу, который похож на Ахмеда-ад-Данафа, и боюсь, что он услышит, что ты раздела Ахмеда-ад-Данафа и его молодцов, и придёт в хан и сыграет с нами штуку, чтобы отомстить за своего старшего, и отомстит за его сорок приближённых. И я думаю, что он живёт в казарме Ахмеда-ад-Данафа». – «Что это такое? – сказала её дочь Зейнаб. – Мне кажется, что ты все о нем обдумала».

И затем она надела самое роскошное из бывших у неё платьев и вышла пройтись по городу; и когда люди её увидели, они стали в неё влюбляться, а она обещала, и клялась, и слушала, и повергала людей. И так она ходила с рынка на рынок, пока не увидела Али каирского, который подходил к ней, и тогда она толкнула его плечом, и обернулась, и воскликнула: «Да продлит Аллах жизнь людей разума! Как прекрасен твой образ!» – «Чья ты?» – спросил Али. И Зейнаб ответила: «Такого же щёголя, как ты». – «Ты замужняя или незамужняя?» – спросил Али. «Замужняя», – ответила Зейнаб. И Али спросил: «У меня или у тебя?» – «Я дочь купца, – сказала Зейнаб, – и мой муж тоже купец, и я в жизни никуда не выходила раньше сегодняшнего дня. Дело в том, что я состряпала кушанье и решила поесть, но не нашла в себе к этому охоты. А когда я увидела тебя, любовь к тебе запала мне в сердце. Возможно ли, чтобы ты пожелал залечить моё сердце и съел у меня кусочек?» – «Кто приглашает, тому должно внять», – сказал Али. И Зейнаб пошла, и он следовал за нею из переулка в переулок, а потом он сказал себе, идя за ней: «Что ты делаешь? Ты – чужеземец, а в преданиях сказано: „Кто совершит блуд на чужбине, того сделает Аллах обманувшимся“. Но отстрани её от себя мягко».

«Возьми этот динар, и пусть это будет в другое время», – сказал он. И Зейнаб воскликнула: «Клянусь величайшим именем Аллаха, невозможно, чтобы ты не пошёл со мной сейчас домой, и я тебе удружу!»

И Али следовал за нею, пока она не пришла к воротам дома с высокими сводами, и засов на воротах был задвинут. «Открой этот засов!» – сказала Зейнаб. И Али спросил: «А где ключ?» – «Пропал», – ответила Зейнаб; и Али сказал: «Всякий, кто открыл засов без ключа, есть преступник, и судье надлежит проучить его, и я не знаю, чем бы открыть его без ключа».

И Зейнаб приподняла с лица изар, и Али посмотрел на неё взглядом, оставившим в нём тысячу вздохов, а затем она накинула изар на засов и произнесла над ним имена матери Мусы, и открыла его без ключа, и пошла, и Али последовал за нею и увидел мечи и оружие из стали.

И Зейнаб сняла изар и села рядом с Али, и тот сказал про себя: «Возьми сполна то, что определил тебе Аллах!» И затем он склонился к ней, чтобы взять поцелуй с её щеки, но она приложила к щеке руку и сказала: «Нет удовольствия иначе, как ночью!»

И она принесла скатерть с кушаньем и вином, и оба поели и выпили, а потом Зейнаб вышла и, наполнив кувшин водой из колодца, полила её Али на руки, и тот вымыл их. И когда это было так, Зейнаб вдруг ударила себя по груди и воскликнула: «У моего мужа был перстень с яхонтом, заложенный за пятьсот динаров, и я надела его, и он оказался широк, и я сузила его воском, и когда я опускала ведро, перстень упал в колодец. Ты обернись к двери, а я разденусь и спущусь в колодец, чтобы достать его». – «Стыдно мне, чтобы ты спускалась, когда есть я, – сказал Али. – Никто не спустится, кроме меня».

И он снял с себя одежду и привязался к верёвке, и Зейнаб спустила его в колодец. А там было много воды, и Зейнаб сказала ему: «Верёвки не хватает, но ты отвяжись и спускайся». И Али отвязался и спустился в воду и погрузился в неё на несколько сажень, но не достал до дна колодца, а что касается Зейнаб, то она надела изар, взяла одежду Али и пошла к своей матери...»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Семьсот двенадцатая ночь

Когда же настала семьсот двенадцатая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что, когда Али каирский спустился в колодец, Зейнаб надела изар, взяла его одежду и пошла к своей матери и сказала ей: „Я раздела Али каирского и бросила его в колодец эмира Хасана, хозяина дома, и не бывает, чтобы он освободился“.

Что же касается эмира Хасана, хозяина дома, то он в это время отсутствовал и был в диване, и, придя, он увидел, что его дом открыт, и сказал конюху: «Почему ты не задвинул засов?» – «О господин, я задвинул его своей рукой», – ответил конюх. И тогда эмир воскликнул: «Клянусь жизнью моей головы, в мой дом вошёл вор!»

И эмир Хасан вошёл и осмотрелся в доме и не увидел никого, и тогда он сказал конюху: «Наполни кувшин, я совершу омовение». И конюх взял ведро и опустил его и потянул – и почувствовал, что оно тяжёлое, и тогда он заглянул в колодец и увидел, что в ведре что-то сидит. И он снова бросил ведро в колодец, говоря: «О господин, ко мне вылез ифрит из колодца!» И эмир Хасан сказал ему: «Пойди приведи четырех факихов, которые почитают над ним Коран, чтобы он ушёл».

И когда конюх привёл факихов, эмир Хасан сказал им: «Встаньте вокруг этого колодца и почитайте над ифритом». А потом пришли раб и конюх и опустили ведро, и Али каирский уцепился за него и спрятался в ведре, и, выждав, пока его подтянут к ним близко, он выпрыгнул из ведра и сел между факихами. И те начали бить друг друга по щекам и кричать: «Ифрит, ифрит!» Но эмир Хасан увидал, что это юноша из людей, и спросил его: «Ты вор?» – «Нет», – отвечал Али. И эмир спросил: «Почему ты спустился в колодец?» – «Я спал и осквернился», – отвечал Али, – и я вышел, чтобы помыться в реке Тигре, и нырнул, и вода затянула меня под землю, так что я вышел из этого колодца». – «Говори правду», – сказал эмир Хасан. И Али рассказал ему обо всем, что случилось, и тогда эмир вывел его из дома в старой одежде.

И Али пошёл в казарму Ахмеда-ад-Данафа и рассказал о том, что ему выпало, и Ахмед сказал: «Разве я не говорил тебе, что в Багдаде есть женщины, которые играют шутики с мужчинами?» – «Ради величайшего имени, – сказал Али-Катф-аль-Джамаль, – расскажи, как это ты – глава молодцов в Каире – и тебя раздевает женщина?» И Али стало тяжело, и он начал раскaiваться; и Ахмед-ад-Данаф одел его в другую одежду; а потом Хасан-Шуман спросил его: «А ты знаешь эту женщину?» – «Нет», – отвечал Али. И Хасан сказал: «Это Зейнаб, дочь Далилы-Хитрицы, привратницы хана халифа. Разве ты попался в её сети, о Али?» – «Да», – ответил Али. И Хасан сказал: «О Али, она забрала одежду твоего старшего и одежду всех его молодцов». – «Это позор для вас», – сказал Али. И Хасан спросил: «А что ты хочешь?» – «Я хочу на ней жениться», – сказал Али. «Не бывает этому! Утешь без неё свою душу!» – воскликнул Хасан. Но Али спросил: «А как мне схитрить, чтобы на ней жениться?» – «Добро тебе пожаловать! Если ты будешь пить из моей руки и пойдёшь под моим знаменем, я приведу тебя к тому, чего ты от неё хочешь», – сказал Шуман. «Хорошо», – ответил Али. И Хасан сказал: «О Али, сними с себя одежду!» И Али снял с себя одежду, и Хасан взял котёл и вскипятил в нем что-то вроде смолы и намазал ею Али, и тот стал подобен чёрному рабу. И он намазал ему губы и щеки, и насурьмил ему глаза красной сурьмой, и одел его в одежду слуги, а потом принёс скатерть с кебабом и вином и сказал: «В хане есть чёрный раб-повар, на которого ты стал похож, и ему нужны на рынке только мясо и зелень. Пойди к нему и осторожно заговори словами рабов, и поздоровайся, и скажи: „Давно я не встречался с тобою за бузой!“ И он скажет тебе; „Я занят, и у меня на шее сорок рабов, которым я стряпаю на стол к обеду и на стол к ужину, и я кормлю собак, и готовлю скатерть для Далилы и скатерть для её дочери Зейнаб“. А ты скажи ему: „Пойдём поедим кебаба и выпьем бузы“, – и приходи с ним в казарму и напои его, а затем спроси его, что он стряпает, из скольких блюд, и спроси про еду для собак, и про ключ от кухни, и про ключ от погреба, и он тебе расскажет, – пьяный ведь расскажет обо всем, что он скрывает в трезвом

состоянии; и потом одурмань его банджем, надень его одежду, заткни за пояс ножи, возьми корзину для зелени, пойди на рынок и купи мяса и зелени. Потом пойди на кухню и в погреб и состряпай варево, а затем разлей его; возьми кушанье и пойди с ним к Далиле в хан и положи в кушанье банджа, чтобы одурманить собак, и рабов, и Далилу, и её дочь Зейнаб; а после того войди в дом и принеси оттуда все одежды. А если хочешь жениться на Зейнаб, принеси с собой сорок птиц, которые носят письма».

И Али вышел, и увидел раба-повара, и поздоровался с ним и сказал: «Давно мы не встречались с тобой за бузой». И повар ответил: «Я занят стряпнёй для рабов и для собак». И Али взял его и напоил и спросил про кушанье – из скольких оно блюд. И повар ответил: «Каждый день пять блюд на обед и пять блюд на ужин, а вчера они потребовали от меня шестое блюдо – рис с мёдом, и седьмое блюдо – варево из гранатных зёрнышек». – «А что это за трапеза, которую ты готовишь?» – спросил Али. И повар сказал: «Я ношу трапезу Зейнаб, а потом ношу трапезу Далиле и кормлю ужином рабов, а затем я даю вечерний корм собакам, и каждой из них я даю мяса вдоволь, а самое меньшее, что им нужно – ритль».

И судьба заставила Али забыть спросить про ключи, и он снял с раба одежду и надел её сам и, взяв корзину, пошёл на рынок и забрал мяса и зелени...»

И Шахразад застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Семьсот тринадцатая ночь

Когда же настала семьсот тринадцатая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что Али-Зейбак каирский, одурманив банджем раба-повара, взял ножи и засунул их за пояс, а потом он захватил корзину для зелени и пошёл на рынок и купил мяса и зелени; и затем он вернулся и вошёл в ворота хана и увидел Далилу, которая сидела, всматриваясь во входящего и в выходящего, и увидел, что сорок рабов вооружены. И Али укрепил своё сердце; и когда Далила увидела его, она его узнала и воскликнула: „Ступай обратно, о начальник воров! Или ты будешь устраивать со мной штуки в хане?“

И Али каирский, в образе негра, обернулся к Далиле и сказал ей: «Что ты говоришь, о привратница?» И Далила воскликнула: «Что ты сотворил с рабом-поваром и что ты с ним сделал? Ты его убил или одурманил банджем?»

«Какой раб-повар? Разве здесь есть раб-повар, кроме меня?» – спросил Али. «Ты лжёшь, ты – Ализейбак каирский!» – воскликнула старуха. И Али сказал ей на языке рабов: «О привратница, каирцы – белые или чёрные? Я больше не буду служить». – «Что с тобой, о сын нашего дяди?» – спросили его рабы. И Далила сказала: «Это не сын вашего дяди, это Али-Зейбак каирский, и похоже, что он одурманил сына вашего дяди и убил его». – «Это сын нашего дяди, Сад-Аллах, повар», – сказали рабы. И Далила воскликнула: «Это не сын вашего дяди, это Али каирский, и он выкрасил себе кожу!»

«Кто такой Али? Я Сад-Аллах», – сказал Али. «У меня есть мазь для испытания!» – воскликнула Далила; и она принесла какую-то мазь и намазала ею руку Али и стала её тереть, но чернота не сошла. И рабы сказали: «Позволь ему пойти готовить нам обед!» – «Если это сын вашего дяди, он будет знать, чего вы требовали от него вчера вечером и сколько он стряпает блюд каждый день», – сказала Далила. И его спросили про блюда и про то, чего требовали вчера вечером, и Али сказал: «Чечевица, рис, суп, тушёное мясо и питьё из розовой воды, и шестое блюдо – рис с мёдом, и седьмое блюдо – гранатные зёрнышки, а на ужин то же самое». – «Он сказал правду!» – воскликнули рабы. И Далила молвила: «Войдите с ним, и если он узнает кухню и погреб – он сын вашего дяди, а если нет – убейте его».

А повар воспитал кошку, и всякий раз, как он подходил, кошка становилась у дверей кухни, а потом, когда повар входил, вскакивала ему на плечо. И когда Али вошёл и кошка увидела его, она вскочила ему на плечо, и Али сбросил её, и она побежала перед ним в кухню, и Али заметил, что она остановилась перед дверью кухни. И Али взял ключи и

увидел один ключ, на котором были остатки перьев, и узнал, что это ключ от кухни, – и тогда он отпер кухню и положил зелень и вышел. И кошка побежала перед ним и направилась к дверям погреба, и Али догадался, что это погреб, и взял ключи. Он увидел один ключ, на котором были следы жира, и понял, что это ключ от погреба, и отпер его.

«О Далила, – сказали рабы, – если бы это был чужой, он бы не знал, где кухня и где погреб, и не узнал бы ключей. Это сын нашего дяди Сад-Аллах». – «Он узнал помещение из-за кошки и отличил ключи один от другого по внешности, но это дело со мной не пройдёт!» – воскликнула Далила. А Али вошёл на кухню и состряпал кушанья и отнёс трапезу Зейнаб и увидел свои одежды у неё в комнате.

А потом он поставил трапезу Далиле и дал пообедать рабам и накормил собак, и во время ужина он сделал то же.

А ворота отпирались и запирались только по солнцу: утром и вечером. И Али вышел и закричал: «О жильцы, рабы не спят и сторожат, и мы спустили собак, и всякий, кто войдёт, пусть бранит одного себя».

И Али задержал вечерний корм собак и положил в него яду и потом дал его им; и когда собаки съели его, они околели. И Али одурманил банджем всех рабов, и Далилу, и её дочь Зейнаб, а потом он поднялся, забрал одежду и почтовых голубей, и отпер хан, и вышел, и пришёл в казарму.

И Хасан-Шуман увидел его и спросил: «Что ты сделал?» И Али рассказал ему обо всем, что было; и Шуман похвалил его. А потом Али снял с себя одежду, и Шуман вскипятил одну траву и вымыл ею Али – и он стал белым, как был.

И Али пошёл к рабу и одел его в его одежду и разбудил его после банджа, и раб поднялся, и пошёл к зеленщику, и забрал зелень, и вернулся в хан.

Вот что было с Али-Зейбаком каирским. Что же касается Далилы-Хитрицы, то у неё поселился один купец в числе жильцов, и он вышел из своей комнаты, когда заблистала заря, и увидел, что ворота хана открыты, рабы одурманены, а собаки мёртвые. И он вошёл к Далиле и увидел, что она тоже одурманена, и на шее у неё бумажка, а возле её головы он нашёл губку с противоядием от банджа. И тогда он приложил губку к ноздрям Далилы, и та очнулась и, очнувшись, сказала: «Где я?» И купец сказал: «Я вышел и увидел, что ворота хана отперты, и увидел, что ты одурманена, и рабы тоже, а что до собак, то я увидел их мёртвыми».

И Далила взяла бумажку и увидела на ней надпись: «Сделал это дело не кто иной, как Али каирский», и дала рабам и Зейнаб, своей дочери, понюхать противоядие от банджа и воскликнула: «Не говорила ли я вам, что это Али каирский?» А потом она сказала рабам: «Скрывайте это дело!» И сказала своей дочери: «Сколько раз я тебе говорила, что Али не оставит мести, и он сделал это дело за то, что ты с ним устроила! Он бы мог сделать с тобой и ещё кое-что, кроме этого, но ограничился этим, чтобы сохранить милость халифа и желая любви между нами».

И потом Далила сняла одежду молодцов и надела одежду женщин и, повязав платок себе на шею, отправилась в казарму Ахмеда-ад-Данафа. А когда Али пришёл в казарму с одеждами и почтовыми голубями, Шуман поднялся и дал надсмотрщику цену сорока голубей, и тот купил их и сварил и разделил между людьми.

И вдруг Далила постучала в ворота, и Ахмед-ад-Данаф сказал: «Это стук Далилы; открой ей, о надсмотрщик!» И надсмотрщик открыл Далиле, и она вошла...

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Семьсот четырнадцатая ночь

Когда же настала семьсот четырнадцатая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что, когда надсмотрщик открыл Далиле ворота казармы, она вошла, и Шуман спросил её: „Что привело тебя сюда, о злосчастная старуха? Ты заодно с твоим

братом, Зурейком-рыбником!“ – „О начальник, – сказала старуха, – право против меня, и вот моя шея перед тобою. Но тот молодец, который устроил со мной эту штуку, кто он из вас?“

«Это первый из моих молодцов», – сказал Ахмед-ад-Данаф». И Далила молвила: «Ты – ходатай Аллаха перед ним, чтобы он принёс мне голубей для писем и все другое, и считай это милостью мне». – «Аллах да встретит тебя воздаянием, о Али! Зачем ты сварил этих голубей?» – воскликнул Шуман. И Али ответил: «Я не знал, что это голуби для писем». – «О надсмотрщик, – сказал Ахмед, – подай их нам!» И надсмотрщик подал голубей, и Далила взяла кусочек голубя и пожевала его и сказала: «Это не мясо птиц для писем. Я кормлю их зёрнышками мускуса, и их мясо делается как мускус». – «Если ты хочешь получить почтовых голубей, исполни желание Али каирского», – сказал Шуман. «А какое у него желание?» – спросила Далила. И Шуман сказал: «Чтобы ты женила его на твоей дочери Зейнаб». – «Я властна над нею только добром», – сказала Далила. И Хасан сказал Али каирскому: «Отдай ей голубей!» И тот отдал их Далиле.

И Далила взяла их и обрадовалась, и Шуман сказал ей: «Ты непременно должна нам дать ответ удовлетворительный». – «Если он хочет на ней жениться, – сказала Далила, – то та штука, которую он устроил, ещё не ловкость. Ловкость лишь в том, чтобы он посватался к ней у её дяди, начальника Зурейка. Это её опекун, и он кричит: „Эй, вот ритль рыбы за пару джедидов!“⁵⁹⁴ Он повесил у себя в лавке кошель и положил в него золота на две тысячи».

И когда люди слышали, что Далила говорит это, они вскочили и сказали: «Что это за слова, о распутница! Ты просто хочешь лишить нас нашего брата Али каирского!»

Далила ушла от них в хан и сказала своей дочери Зейнаб: «Тебя сватает у меня Али каирский». И Зейнаб обрадовалась, так как она полюбила его за то, что он от неё воздержался, и спросила свою мать, что произошло; и та сказала ей: «Я поставила ему условие, чтобы он посватался за тебя у твоего дяди, и ввергла его в погибель».

Что же касается Али каирского, то он обратился к своим товарищам и спросил: «Что это за Зурейк и кто он такой будет?» И ему сказали: «Он начальник молодцов земли иракской и может чуть что просверлить гору, схватить звезду и снять сурьму с глаз, и нет ему в таких делах равного. Но он раскаялся в этом и открыл лавку рыбака, и скопил рыбной торговлей две тысячи динаров, и положил их в кошель, к которому привязал шёлковый шнурок, а на шнурок он навешал мелких колокольчиков и погремушек и привязал шнурок к колышку за дверью лавки, так что соединил его с мешком. И всякий раз, как Зурейк открывает лавку, он вешает кошель и кричит: „Эй, где вы, ловкачи Каира, молодцы Ирака и искусники стран персидских! Зурейк-рыбак повесил кошель на своей лавке, и если тот, кто притязает на хитрость, возьмёт кошель, он ему достанется!“ И приходят молодцы, люди жадные, и хотят взять кошель, но не могут, так как Зурейк кладёт себе под ноги свинцовые лепёшки, когда жарит и зажигает огонь, и если приходит жадный, чтобы его отвлечь и взять кошель, он бросает в него свинцовой лепёшкой и губит его или убивает. И если ты пойдёшь против него, о Ал», ты будешь как тот, что бьёт себя по щекам на похоронах, а сам не знает, кто умер. Нет у тебя силы бороться с ним, и он тебе страшен. Не нужно тебе жениться на Зейнаб – кто что-нибудь оставит, и без этого проживёт «.

«Это позор, о люди, – сказал Али, – и мне непременно нужно забрать кошель. Но подайте мне женскую одежду».

И ему принесли женскую одежду, и он надел её, и выкрасил руки хенной и опустил покрывало, а потом он зарезал барашка, собрал кровь, вынул кишки, вычистил их и связал снизу, и наполнил кровью и привязал себе па бедра, а поверх них надел штаны и башмаки.

И он сделал себе груди из птичьих зобов и наполнил их молоком, и повязал на живот немного материи, а между животом и материей он положил хлопка и повязал сверху салфетку, всю прокрахмаленную, и всякий, кто видел его, говорил: «Как прекрасна эта задница!»

⁵⁹⁴ Джедид – мелкая монета.

И вдруг подошёл ослятник, и Али дал ему динар, и ослятник посадил его и поехал с ним в сторону лавки Зурейка-рыбника, и Али увидел, что кошель повешен и из него виднеется золото.

А Зурейка жарил рыбу, и Али сказал: «О ослятник, что это за запах?» – «Запах рыбы Зурейка», – ответил ослятник. И Али сказал: «Я женщина беременная, и этот запах мне вредит. Принеси мне от него кусочек рыбы». И ослятник сказал Зурейку: «Ты уже стал обдавать своим запахом беременных женщин! Со мной жена эмира Хасана Шарр-ат-Тарика, и она почувствовала этот запах, а она беременна; дай ей кусок рыбы – плод пошевелился у неё в животе. О покровитель, избавь нас от этого дня!»

Зурейк взял кусок рыбы и хотел его изжарить, но огонь потух, и Зурейк вошёл, чтобы зажечь огонь. А Али сидел на осле, и о я опёрся на кишки и прорвал их, и кровь потекла у него между ногами, а Али закричал: «Ах, мой бок, моя спина!»

И ослятник обернулся и увидел, что льётся кровь, и спросил: «Что с тобой, о госпожа?» И Али в облике женщины ответил: «Я выкинула плод». И Зурейк выглянул и увидел кровь и убежал в лавку, испугавшись. И ослятник сказал ему: «Аллах да смутит твою жизнь, о Зурейк! Эта женщина выкинула плод, и ты ничего не можешь сделать против её мужа. Зачем ты обдал её твоим запахом? Я говорю тебе: дай ей кусок рыбы, а ты не хочешь».

И потом ослятник взял осла и ушёл своей дорогой, а когда Зурейк убежал в лавку, Али каирский протянул руку к мешку, по едва он достал до него, золото, бывшее в нем, забренчало, и зазвенели колокольчики, и погремушки, и кольца. И Зурейк воскликнул: «Проявился твой обман, о мерзавец! Ты строишь мне штуки, будучи в образе женщины! На, возьми то, что пришло к тебе!» И он бросил в него свинцовой лепёшкой. Но удар пропал напрасно и угодил в другого, и люди напали на Зурейка и стали ему говорить: «Ты торговец или боец? Если ты торговец, сними мешок и избавь людей от твоего зла». – «Во имя Аллаха! Слушаюсь!» – сказал Зурейк.

А что до Али, то он пришёл в казарму, и Шуман спросил его: «Что же ты сделал?» И Али рассказал ему обо всем, что с ним произошло, а потом он снял женскую одежду и сказал: «О Шуман, принеси мне одежду конюха». И Шуман принёс ему одежду, и Али взял её и надел, а потом он взял блюдо и пять дирхемов и отправился к Зурейку-рыбнику. «Что ты потребуешь, о господин?» – спросил Зурейк; и Али показал ему дирхемы в руке, и Зурейк хотел дать ему рыбы, которая лежала на стойке, но Али сказал ему: «Я возьму только горячей рыбы».

И Зурейк положил рыбу на сковородку и хотел её изжарить, но огонь потух, и Зурейк пошёл, чтобы зажечь его, и тогда Али каирский протянул руку, желая взять кошель, и коснулся его кончика, и погремушки, кольца и колокольчики забренчали, и Зурейк воскликнул: «Твоя штука со мной не удалась, хоть ты и пришёл в образе конюха. Я узнал тебя по тому, как ты держал в руке деньги и блюдо...»

И Шахразадку застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Семьсот пятнадцатая ночь

Когда же настала семьсот пятнадцатая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что, когда Али каирский протянул руку, чтобы взять кошель, колокольчики и кольца забренчали, и Зурейк сказал ему: „Твоя штука со мной не удалась, хоть ты и пришёл в образе конюха. Я узнал тебя по тому, как ты держал в руке деньги и блюдо“.

И он бросил в него свинцовой лепёшкой, но Али-каирец увернулся от неё, и она попала прямо в сковороду, полную горячего масла. И сковорода разбилась, и масло полилось с неё на плечо кади, когда он проходил мимо, и все попало ему за пазуху и достигло его срамоты. И кади закричал: «О, моя срамота! Как это скверно, о несчастный! Кто сделал со мной такое дело?» И люди сказали ему: «О владыка наш, это маленький мальчик бросил камень, и он попал в сковороду, и то, что отразил Аллах, было бы ужаснее».

И потом они осмотрели и увидели, что это свинцовая лепёшка и что бросил её не кто иной, как Зурейк-рыбник, и напали на него и сказали: «Это не дозволено Аллахом, о Зурейк! Сними мешок! Так будет для тебя лучше!»

«Если захочет Аллах, я сниму его», – сказал Зурейк.

Что же касается Али каирского, то он пошёл в казарму и вошёл к людям, и те спросили его: «Где мешок?» И Али рассказал им обо всем, что с ним случилось. И они сказали: «Ты погубил уж две трети его ловкости».

И Али снял то, что на нем было, и надел одежду купца и вышел и увидел змеелова, у которого был мешок со змеями и сумка, где лежали его принадлежности.

«О змеелов, – сказал ему Али, – я хочу, чтобы ты позабавил моих детей и получил награду», – а потом он привёл его в казарму и накормил и одурманил банджем и оделся в его одежду и пошёл к Зурейку-рыбнику.

И он подошёл к нему и стал дудеть в дудку, и Зурейк сказал ему: «Аллах тебя наделит!» И вдруг Али вынул змей и бросил их перед ним. А Зурейк боялся змей, и он убежал от них в лавку, и тогда Али взял змей и положил их в мешок и протянул руку к кошелью, но когда он достал до его кончика, кольца, звонки и погремушки забренчали, и Зурейк воскликнул: «Ты все ещё строишь мне штуки и даже сделался змееловом!» И он бросил в Али свинцовой лепёшкой. А тут проходил один военный, за которым шёл его конюх, и лепёшка попала конюху в голову и повалила его. И военный спросил: «Кто повалил его?» И люди сказали: «Это камень упал с крыши». И военный ушёл, а люди осмотрелись и увидели свинцовую лепёшку и напали на Зурейка, говоря ему: «Сними мешок!» И Зурейк сказал им: «Если захочет Аллах, я сниму его сегодня вечером».

И Али до тех пор играл с ним штуки, пока не устроил семь плутней, но так и не взял мешка. И он вернул змеелову его одежду и принадлежности и дал ему награду, а потом возвратился к лавке Зурейка и услышал, как тот говорил: «Если я оставлю кошель на ночь в лавке, ловкач просверлит стену и возьмёт его. Я лучше заберу кошель с собой домой».

Зурейк поднялся и вышел из лавки и, сняв мешок, положил его за пазуху, и Али следовал за ним, пока не приблизился к его дому.

И Зурейк увидел, что у его соседа свадьба, и сказал про себя: «Пойду домой, отдам жене кошель и оденусь, а потом вернусь на свадьбу». И он пошёл, а Али последовал за ним.

А Зурейк был женат на чёрной рабыне из отпущенниц везиря Джафара, и ему достался от неё сын, которого он назвал Абд-Аллах, и он обещал жене, что на деньги из того мешка он справит обрезание мальчика и женит его и истратит их на его свадьбу.

И Зурейк вошёл к своей жене с нахмуренным лицом, и она спросила его: «В чем причина твоей хмурости?» И Зурейк ответил: «Испытал меня владыка наш ловкачом, который устроил со мной семь плутней, чтобы взять кошель, но не смог его взять». – «Подай сюда, я его припрячу для свадьбы мальчика», – сказала жена Зурейку. И тот дал ей кошель, а что касается Али каирского, то он спрятался в одном месте и мог все это слышать и видеть.

И Зурейк поднялся и снял то, что на нем было, надел другую одежду и сказал своей жене: «Береги кошель, о Умм Абд-Аллах, а я пойду на свадьбу». – «Поспи немножко», – сказала ему жена. И Зурейк лёг, и тогда Али поднялся и прошёл на концах пальцев, и взял кошель, и отправился к тому дому, где была свадьба, и остановился и стал смотреть.

А Зурейк увидел во сне, что кошель схватила птица, и проснулся, испуганный, и сказал Умм Абд-Аллах: «Встань, посмотри, где кошель!» И женщина поднялась посмотреть и не нашла его. И она стала бить себя по лицу и воскликнула: «О, как черно твоё счастье, Умм АбдАллах! Ловкач взял кошель!»

И Зурейк вскричал: «Клянусь Аллахом, его взял только ловкач Али, и никто другой не взял мешка! Я непременно его принесу!» – «Если ты не принесёшь мешка, – сказала ему жена, – я запру перед тобой ворота и оставлю тебя ночевать на улице!»

И Зурейк подошёл к дому, где была свадьба, и увидел что ловкач Али смотрит, и сказал про себя: «Вот кто взял кошель! Но он живёт в казарме Ахмеда-ад-Данафа».

И Зурейк пришёл раньше Али к казарме и поднялся на крышу и спустился вниз в

казарму и увидел, что люди спят. И вдруг подошёл Али и постучал в ворота, и Зурейк спросил: «Кто у ворот?» – «Али каирский», – ответил Али. И Зурейк спросил: «Ты принёс кошель?»

И Али подумал, что это Шуман, и сказал: «Я его принёс, отопри ворота!» И Зурейк ответил: «Мне нельзя тебе отпереть, пока я его не увижу, потому что мы с твоим старшим побились об заклад». – «Протяни руку», – сказал Али, и Зурейк протянул руку через боковое отверстие в воротах, и Али дал ему мешок, и Зурейк взял его и вышел через то место, куда вошёл, и отправился на свадьбу.

Что же касается Али, то он продолжал стоять у ворот, по никто ему не отпирал. И тогда он стукнул в ворота устрашающим стуком, и люди очнулись и сказали: «Это стук Али каирского». И надсмотрщик отпер ему ворота и спросил: «Ты принёс мешок?» И Али воскликнул: «Довольно шуток, Шуман! Разве я не подал тебе мешок через боковое отверстие в воротах? И ты мне ещё сказал: „Клянусь, что не отопру тебе ворота, пока ты не покажешь мне мешка!“ – „Клянусь Аллахом, я его не брал, и это Зурейк взял его у тебя!“ – сказал ему Шуман. И Али воскликнул: „Я непременно его принесу!“ И потом Али каирский вышел и пошёл на свадьбу и услышал, как шут говорит: „Подарок, о Абу-Абд-Аллах! Исход будет счастливым для твоего сына!“ И тогда Али воскликнул: „Я обладатель счастья!“ – и пошёл к дому Зурейка и влез на крышу дома и спустился внутрь и увидел, что невольница, жена Зурейка, спит. И он одурманил её банджем и оделся в её одежду и, взяв ребёнка на руки, стал ходить и искать, и увидел корзину с печеньем от праздника, которое осталось по скупости Зурейка.

А Зурейк подошёл к дому и постучал в ворота, и ловкач Али откликнулся, притворяясь, будто он невольница, и спросил: «Кто у ворот?» – «Абу-Абд-Аллах», – ответил Зурейк. И Али сказал: «Я поклялась, что не отопру тебе ворот, пока ты не принесёшь мешка». – «Я принёс его», – сказал Зурейк. А Али крикнул: «Поддай его, раньше чем я отопру ворота». – «Спусти корзину и прими в неё мешок», – сказал Зурейк. И Али спустил корзину, и Зурейк положил в неё мешок, а потом ловкач взял его и одурманил ребёнка банджем и разбудил невольницу.

И он вышел через то же место, куда вошёл, и отправился в казарму и, войдя к людям, показал им мешок и ребёнка, который был с ним, и люди похвалили его, и он отдал им печенье, и они его съели.

«О Шуман, – сказал Али, – этот ребёнок – сын Зурейка, спрячь его у себя». И Шуман взял ребёнка и спрятал его, а потом он принёс барана и зарезал его и отдал его надсмотрщику, а тот изжарил барана целиком и завернул его в саван и придал ему вид мертвеца.

Что же касается Зурейка, то он все стоял у ворот, а потом он стукнул в ворота устрашающим стуком, и невольница спросила его: «Принёс ты мешок?» – «А разве ты не взяла его в корзину, которую спустила?» – спросил Зурейк, и невольница ответила: «Я не спускала корзины, не видала мешка и не брала его!» – «Клянусь Аллахом, ловкач Али опередил меня и взял его!» – воскликнул Зурейк, и он посмотрел в доме и увидел, что печенье пропало и ребёнок исчез.

И Зурейк закричал: «Увы, мой ребёнок!» А невольница стала бить себя в грудь и воскликнула: «Я пойду с тобой к везиру. Никто не убил моего ребёнка, кроме ловкача, который устраивает с тобой шутики, и это случилось из-за тебя!» – «Я ручаюсь, что принесу его!» – воскликнул Зурейк.

И потом Зурейк вышел, обвязав себе шею платком, и пошёл в казарму Ахмеда-ад-Данафа и постучал в ворота; и надсмотрщик отпер ему, и он вошёл к людям. «Что привело тебя?» – спросил Шуман. И Зурейк сказал: «Вы – ходатаи перед Али каирским, чтобы он отдал мне моего ребёнка, и тогда я уступлю ему тот мешок с золотом». – «Аллах да встретит тебя, о Али, воздаянием! – воскликнул Шуман. – Почему ты не сказал мне, что это его сын?» – «Что с ним случилось?» – спросил Зурейк. «Мы кормили его изюмом, и он подавился и умер. Вот он», – сказал Шуман. И Зурейк воскликнул: «Увы, мой ребёнок! Что я

скажу его матери?» И он поднялся и развернул саван, и увидел, что в нем баранья туша, и воскликнул: «Ты взволновал меня, о Али!» Потом ему отдали его сына, и Ахмед-ад-Данаф сказал: «Ты повесил мешок, чтобы всякий, кто ловкач, взял его, и если ловкач его возьмёт, он станет его собственностью, – и вот он стал собственностью Али каирского». – «Я дарю ему мешок», – сказал Зурейк. И Али-Зейбак каирский сказал ему: «Прими его ради твоей племянницы Зейнаб». – «Я принял его», – ответил Зурейк. И ему сказали: «Мы сватаем её за Али каирского».

«Я властен над нею только добром», – сказал Зурейк. И потом он взял своего сына и забрал мешок, и Шуман спросил его: «Принимаешь ли ты от нас сватовство?» – «Я приму его от того, кто может добыть её приданое», – сказал Зурейк. «А каково её приданое?» – спросил Шуман. И Зурейк сказал: «Она поклялась, что никто не сядет ей на грудь, кроме того, кто принесёт ей одежду Камар, дочери Азры еврея, и венец, и кушак, и золотые башмачки, и остальные её вещи...»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Семьсот шестнадцатая ночь

Когда же настала семьсот шестнадцатая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что Зурейк сказал Шуману: „Зейнаб поклялась, что никто не сядет ей на грудь, кроме того, кто принесёт ей одежду Камар, дочери Азры еврея, и венец, и кушак, и золотые башмачки“. И Али каирский воскликнул: „Если я не принесу ей одежду сегодня вечером, нет у меня права на сватовство!“ сыграешь с ней штуку».

«О Али, ты умрёшь, если сказал Шуман. И Али спросил его: „А что этому за причина?“ И ему сказали: „Азра – еврей-колдун и злокозненный обманщик, который заставляет служить себе джиннов, и у него есть дворец вне города, в стенах которого один кирпич золотой, а другой серебряный, и этот дворец виден людям, пока Азра там сидит, а когда он из него выходит, дворец скрывается. Азре досталась дочь по имени Камар, и он принёс ей ту одежду из сокровищницы, и он кладёт одежду на золотое блюдо и открывает окна дворца и кричит: „Где ловкачи Египта, молодцы из Ирака и искусники персов? Всякому, кто возьмёт эту одежду, она будет принадлежать!“ И пытались играть с ним шутики все молодцы, но не могли взять эту одежду, и он заколдовал их и обратил в обезьян и ослов“.

«Я непременно возьму её, и Зейнаб, дочь Далилы Хитрицы, будет в ней показываться!» – воскликнул Али. И затем он отправился к лавке еврея и увидел, что он сердитый и грубый и что перед ним весы и разновески, и золото, и серебро, и ящички, а подле него он увидел мула.

И еврей поднялся и запер лавку и сложил золото и серебро в два кошелька, и кошельки он положил в мешок, а мешок взвалил на мула и сел и поехал, и ехал до тех пор, пока не выехал за город; и Али каирский шёл сзади него, а он не знал этого.

И потом еврей вынул землю из мешка, бывшего у него за пазухой, и поколдовал над нею и развеял её в воздухе, и ловкач Али увидел дворец, которому нет равного, а затем мул с евреем стали подниматься по лестнице, и вдруг оказалось, что этот мул – дух, которого еврей заставляет себе служить.

И он снял с мула мешок, и мул ушёл и скрылся, а еврей остался сидеть во дворце, и Али смотрел, что он делает. И еврей принёс золотую трость и повесил на неё золотое блюдо на золотых цепочках и положил одежду на блюдо, и Али увидел её из-за дверей.

И еврей закричал: «Где ловкачи Египта, молодцы из Ирака и искусники персов? Кто возьмёт эту одежду своей ловкостью, тому она будет принадлежать!» А после того он поколдовал, и легла перед ним скатерть с кушаньями.

И еврей поел, а потом скатерть исчезла сама собой, и Азра поколдовал ещё раз, и легла перед ним скатерть с вином, и он стал пить. И Али сказал себе: «Ты сумеешь взять эту одежду, только пока он напивается!» И Али подошёл к еврею сзади и вытащил свой

стальной меч и взял его в руку, и еврей обернулся и поколдовал и сказал руке Али: «Остановись с мечом!» И его рука остановилась с мечом в воздухе. И Али протянул левую руку, и она тоже остановилась в воздухе, и его правая нога тоже, и он остался стоять на одной ноге; а потом еврей снял с него чары, и Али каирский снова стал таким же, как раньше.

И еврей погадал на доске с песком, и вышло, что имя этого человека – Али-Зейбак каирский, и Азра обратился к нему и сказал: «Пойди сюда! Кто ты и каково твоё дело?» – «Я Али каирский, молодец Ахмеда-ад-Данафа, – ответил Али. – Я посватался к Зейнаб, дочери Далилы Хитрицы, и они назначили ей с меня в приданое одежду твоей дочери. Отдай мне её, если хочешь спастись, и стань мусульманином». «После твоей смерти! – сказал еврей, – Много людей строили со мной штуки, чтобы взять эту одежду, но не смогли её у меня взять. Если ты примешь добрый совет, спасайся сам. Они потребовали от тебя эту одежду, только чтобы погубить тебя, и если бы я не увидел, что твоё счастье превосходит моё счастье, я бы, наверное, скинул тебе голову».

И Али обрадовался, что еврей увидел, что счастье Али превосходит его счастье, и сказал: «Я непременно должен взять одежду, и ты станешь мусульманином». – «Таково твоё желание, и это неизбежно?» – спросил еврей. И Али ответил: «Да!» И тогда еврей взял чашку и наполнил её водой и поколдовал над ней и сказал: «Выйди из образа человеческого и прими облик осла!»

И он обрызгал Али этой водой, и Али сделался ослом с копытами и длинными ушами и стал реветь, как осел. А потом еврей провёл вокруг Али круг, который стал для него стеной, а сам пил до утра, а утром он сказал Али: «Я поеду на тебе и дам мулу отдохнуть».

И еврей положил одежду, блюдо, трость и цепочки в шкафчик и вышел и поколдовал над ослом, и Али последовал за ним, и еврей положил на спину Али мешок и сел на него, а дворец скрылся с глаз.

И Али шёл, и еврей ехал на нем, пока не слез около своей лавки, и тогда он опорожнил кошелёк с золотом и кошелёк с серебром и высыпал деньги в ящички, которые стояли перед ним, а Али был привязан в образе осла, и он слышал и понимал, но не мог говорить.

И вдруг подошёл сын одного купца, которого обидело время, и он не нашёл для себя ремесла легче ремесла водоноса, и тогда он взял браслеты своей жены и пришёл к еврею и сказал ему: «Дай мне такую цену за эти браслеты, чтобы я мог купить осла». – «Что ты будешь на нем возить?» – спросил еврей. И сын купца сказал: «О мастер, я напью бурдюк водой из реки и буду кормиться тем, что выручу». – «Возьми у меня этого осла», – сказал еврей. И сын купца продал ему браслеты и на часть их цены купил осла, и еврей вернул ему остальное, и сын купца пошёл с Али каирским, который был заколдован в образе осла, к себе домой.

И Али сказал про себя: «Когда ослятник положит на тебя доску и бурдюк и сделает на тебе десять поездок, он лишит тебя здоровья, и ты умрёшь».

Жена водоноса подошла, чтобы положить Али корму, и вдруг он ударил её головой так, что она опрокинулась та спину, и прыгнул на неё и, ударив её ртом по голове, опустил то, что оставил ему отец. И женщина закричала, и прибежали к ней соседи и побили Али и стащили его с её груди.

И тут её муж, который хотел сделаться водоносом, пришёл домой, и его жена сказала ему: «Либо ты со мной разведёшься, либо вернёшь осла его владельцу». – «Что случилось?» – спросил водонос. И жена его сказала: «Это сатана в образе осла. Он прыгнул на меня, и если бы соседи не стащили его с моей груди, он бы, наверное, сделал со мной дурное». И её муж взял Али и пошёл к еврею, и когда тот спросил его: «Почему ты привёл осла обратно?», водонос ответил: «Он сделал с моей женой дурное дело».

И еврей отдал водоносу его деньги, и тот ушёл. А что касается еврея, то он обратился к Али и сказал ему: «Значит, тыходишь в ворота козней, о злосчастный, так что он даже вернул мне тебя...»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Семьсот семнадцатая ночь

Когда же настала семьсот семнадцатая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что еврей, когда водонос вернул ему осла, отдал ему его деньги и, обратившись к Али каирскому, сказал:

«Значит, ты входишь в ворота козней, о злосчастный, так что он даже вернул мне тебя? Но раз тебе не угодно быть ослом, я тебя сделаю забавой для больших и малых!»

И он взял осла и сел на него и выехал за город и, вынув из-за пазухи пепел, поколдовал над ним и развеял его в воздухе, и вдруг появился дворец.

И еврей вошёл во дворец и, сняв мешок со спины осла, вынул оба кошелька с деньгами и вынул трость и повесил на неё блюдо с одеждой, а потом закричал, как кричал каждый день: «Где молодцы из всех стран? Кто может взять эту одежду?»

И он поколдовал, как раньше, и встала перед ним трапеза, и он поел и поколдовал, и появилось перед ним вино, и он напился. И потом он вынул чашку с водой и поколдовал над ней, и брызнул ею на осла, и сказал ему: «Обратись из этого облика в твой прежний облик!» И Али снова стал человеком, как прежде. «О Али, – сказал ему еврей, – прими добрый совет и избавься от моего зла! Нет тебе нужды жениться на Зейнаб и добиваться одежды моей дочери. Она достанется тебе не легко, и оставить жадность для тебя будет лучше. А если нет, я заколдую тебя и превращу в медведя или обезьяну или отдам во власть духу, который закинет тебя за гору Каф». – «О Азра, – сказал Ади, – я обязался взять одежду, и взять её – неизбежно, и ты примешь ислам, а не то я тебя убью». – «О Али, – сказал еврей, – ты как орех: если он не разобьётся, его не съесть». И он взял чашку с водой и поколдовал над ней и обрызгал водой Али и сказал: «Будь в образе медведя!» И Али тотчас же превратился в медведя, и еврей надел ему ошейник и связал ему рот и вбил для него железный кол, и стал есть и бросал ему кое-какие куски и выливал ему остатки из чашки.

А когда наступило утро, еврей встал и взял блюдо и одежду и поколдовал над медведем, и тот пошёл за ним в лавку, и еврей сел в лавке и высыпал золото и серебро в ящик и привязал в лавке цепь, которая была у медведя на шее, и Али слышал и разумел, но не мог говорить.

И вдруг пришёл к еврею в лавку один купец и спросил: «О мастер, не продашь ли ты мне этого медведя? У меня есть жена, дочь моего дяди, и ей прописали поесть медвежьего мяса и намазаться его жиром».

И еврей обрадовался и сказал про себя: «Продам его, чтобы купец его зарезал, и мы от него избавились!» А Али про себя воскликнул: «Клянусь Аллахом, этот человек хочет меня зарезать, и освобождение – от Аллаха».

«Он будет тебе от меня подарком», – сказал еврей. И купец взял медведя и прошёл с ним мимо мясника и сказал ему: «Возьми свои принадлежности и ступай со мной!» И мясник взял ножи и последовал за ним.

И потом мясник подошёл к Али и привязал его и начал точить ножи и хотел его зарезать. И когда Али каирский увидел, что мясник к нему направился, он побежал от него и полетел между небом и землёй и летел до тех пор, пока не опустился во дворец у еврея.

А причиной этого было то, что еврей отправился во дворец после того, как отдал купцу медведя, и его дочь стала его спрашивать, и он рассказал ей обо всем, что произошло, и тогда она сказала: «Призови духа и спроси его про Али каирского: он ли это, или другой человек устраивает штуки?» И еврей поколдовал и призвал духа и спросил его: «Это Али каирский или другой человек устраивает штуки?» И дух похитил Али и принёс его и сказал: «Вот Али каирский, он самый. Мясник связал его и наточил нож и хотел начать его резать, но я схватил его, когда он был перед ним, и принёс».

И еврей взял чашку с водой и поколдовал над нею и обрызгал из чашки Али и сказал: «Вернись к твоему человеческому образу!» И Али снова стал таким, каким был раньше.

И увидела Камар, дочь еврея, что это красивый юноша, и любовь к нему запала ей в сердце, а любовь к ней запала ему в сердце, и Камар спросила его: «О злосчастный, зачем ты ищешь моей одежды и мой отец делает с тобой такие дела?» – «Я обязался взять её для Зейнабмошеницы, чтобы на ней жениться», – ответил Али. И Камар сказала: «Другие тоже играли с моим отцом штуки, чтобы захватить мою одежду, но не могли овладеть ею. Оставь жадность», – сказала она потом. И Али молвил: «Мне неизбежно взять эту одежду, и твой отец примет ислам, а не то я его убью». – «Посмотри, дочка, на этого злосчастливого, как он ищет своей гибели!» – воскликнул отец Камар. И потом он сказал: «Я превращу тебя в собаку!» И он взял чашку с надписями, в которой была вода, и поколдовал над нею и обрызгал водой Али и сказал: «Будь в образе собаки!» И Али стал собакой, а еврей со своей дочерью пили до утра.

А потом он поднялся и, взяв одежду и блюдо, сел на мула и поколдовал над собакой, и та последовала за ним, и другие собаки стали на неё лаять.

И еврей прошёл мимо лавки старьевщика, и старьевщик вышел и прогнал от Али собак, и Али лёг перед ним, а еврей осмотрелся и не нашёл его. И старьевщик поднялся и вышел из лавки и пошёл домой, и пёс последовал за ним; и когда старьевщик вошёл в свой дом, дочь старьевщика посмотрела и увидела собаку и закрыла себе лицо, говоря: «О батюшка, ты приводишь чужого мужчину и вводишь его к нам». – «О дочка, это собака», – сказал старьевщик. И его дочь молвила: «Это Али каирский, которого заколдовал еврей». И старьевщик обернулся к Али и спросил его: «Ты Али каирский?» И Али сделал ему знак головой: да! Тогда отец девушки спросил её: «Почему еврей заколдовал его?» И она сказала: «Из-за одежды его дочери Камар, и я могу его освободить». – «Если в этом благо, то теперь время для него!» – воскликнул старьевщик. И его дочь сказала: «Если он на мне женится, я его освобожу». И Али сказал ей головой: да. И тогда она взяла чашку с надписями и поколдовала над нею, и вдруг раздался великий крик, и чашка упала у неё из рук. И девушка обернулась и увидела, что это кричала невольница её отца, и та сказала ей: «О госпожа моя, разве таков был уговор между мною и тобою? Никто не научил тебя этому искусству, кроме меня, и ты со мной сговорила, что ничего не будешь делать, не посоветовавшись со мной, и что тот, кто женится на тебе, женится на мне, и будет ночь тебе и ночь – мне». – «Да», – сказала девушка. И когда старьевщик услышал от невольницы такие слова, он спросил свою дочь: «А кто научил эту невольницу?» – «О батюшка, – ответила его дочь, – она научила меня: спроси её, кто её научил».

И старьевщик спросил невольницу, и она сказала ему: «Знай, о господин мой, что, когда я была у еврея Азры, я подслушивала, как он произносил заклинания, а когда он уходил в лавку, я открывала книги и читала их, так что узнала науку о духах. И в один из дней еврей напился и позвал меня на ложе, и я отказалась и сказала: „Я не дам тебе этого сделать, пока ты не примешь ислам“. И он отказался, и я сказала ему: „На рынок султана!“ И он продал меня тебе, и я пришла к тебе в дом и научила мою госпожу и поставила ей условие, что она не будет ничего такого делать, не посоветовавшись со мной, и что тот, кто женится на ней, женится и на мне, и будет ночь мне и ночь ей».

И невольница взяла чашку с водой и поколдовала над ней, и обрызгала из неё пса и сказала ему: «Возвратись к твоему человеческому образу!» И Али снова стал человеком, как был. И старьевщик пожелал ему мира и спросил, почему его заколдовали, и Али рассказал ему обо всем, что ему выпало...»

И Шахразадку застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Семьсот восемнадцатая ночь

Когда же настала семьсот восемнадцатая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что старьевщик пожелал Али каирскому мира и спросил его, почему его заколдовали и что ему выпало, и Али рассказал ему все, что случилось».

«Достаточно тебе будет моей дочери и невольницы?» – спросил его старьевщик. И Али ответил: «Неизбежно взять Зейнаб». И вдруг кто-то постучал в дверь. «Кто у дверей?» – спросила невольница. И Камар, дочь еврея, спросила: «У вас ли Али каирский?» И дочь старьевщика спросила её: «О дочь еврея, если Али каирский у нас, что ты с ним сделаешь? Спустишь, о невольница, открой ей дверь».

И невольница открыла ей ворота, и Камар вошла и увидела Али, и когда Али увидел её, он воскликнул: «Что привело тебя, о дочь пса?» И Камар сказала: «Я свидетельствую, что нет бога, кроме Аллаха, и свидетельствую, что Мухаммед – посол Аллаха». И она приняла ислам и спросила Али: «Мужчины ли, по вере ислама, дают приданое женщинам, или женщины дают приданое мужчинам?» И Али ответил ей: «Мужчины дают приданое женщинам». И тогда она сказала: «А я пришла, чтобы дать тебе за себя в приданое одежду, трость, и цепочки, и голову моего отца – твоего врага и врага Аллаха».

И она бросила перед ним голову своего отца и воскликнула: «Вот голова моего отца – твоего врага и врага Аллаха!»

А причиной убийства ею своего отца было то, что, когда еврей превратил Али в пса, она увидела во сне говорящего, который говорил ей: «Прими ислам!» И она приняла ислам, а проснувшись, предложила ислам своему отцу, но тот отказался; и когда он отказался принять ислам, Камар одурманила его банджем и убила.

И Али взял вещи и сказал старьевщику: «Завтра мы встретимся у халифа, чтобы я женился на твоей дочери и на невольнице». И он вышел, радуясь, и направился в казарму, неся с собой вещи. И вдруг он увидел продавца сладостями, который бил рукой об руку и восклицал: «Нет мощи и силы, кроме как у Аллаха, высокого, великого! Труд людей стал беззаконием и идёт только на подделку. Прошу тебя, ради Аллаха, попробуй этих гадостей!» И Али взял у него кусочек и съел его, и вдруг в нем оказался бандж. И торговец одурманил Али, и взял у него одежду, трость и цепочки, и положил их в сундук со сладостями, и пошёл. И вдруг один кади закричал ему и сказал: «Подойди, эй торговец!» И торговец остановился и поставил подставку, на которой стоял поднос, и спросил: «Что ты потребуешь?» – «Халвы и конфет, – сказал кади, и потом он взял немного халвы в руку и сказал: – эта халва и конфеты с примесью».

И кади вынул из-за пазухи кусок халвы и сказал торговцу: «Посмотри, как прекрасно она приготовлена! Поешь её и сделай такую же!» Торговец взял халву и съел её, и вдруг в ней оказался бандж, и кади одурманил торговца и взял подставку, и сундук, и одежду, и другое.

И он положил торговца внутрь подставки, и понёс все это, и отправился в казарму, где жил Ахмед-ад-Данаф.

А этот кади был Хасан-Шуман, и причиной всего этого было вот что. Когда Али обязался взять одежду и вышел её искать, никто не услышал про него вестей, и Ахмед-ад-Данаф сказал: «О молодцы, выходите, ищите вашего брата Али каирского!»

И они вышли и стали искать его в городе; и ХасанШуман тоже вышел в облике кади, и встретил того торговца сладостями и узнал, что это Ахмед-аль-Лакит.

И он одурманил его банджем и взял его вместе с одеждой и пошёл с ним в казарму, а что касается тех сорока, то они ходили, ища Али, по улицам города.

Али-Катф-аль-Джамаль отделился от своих товарищей и увидел толпу и направился к столпившимся людям и заметил среди них Али каирского, который был одурманен банджем. И Али-Катф-аль-Джамаль разбудил Али каирского после банджа, и Али, очнувшись, увидел, что около него собрались люди.

«Приди в себя», – сказал Али-Катф-аль-Джамаль. И Али спросил: «Где я?» И Али-Катф-аль-Джамаль и его люди ответили: «Мы увидели тебя одурманенным и не знаем, кто тебя одурманил?» – «Меня одурманил один торговец сладостями и взял вещи. Но куда он ушёл?» – спросил Али. И ему ответили: «Мы никого не видали, но пойдём с нами в казарму».

И они отправились в казарму и вошли и увидели Ахмеда-ад-Данафа, и тот

приветствовал их и спросил: «О Али, принёс ты одежду?» – «Я нёс и её и другое и нёс голову еврея, – ответил Али, – но меня встретил торговец сладостями и одурманил и взял у меня все это». И он рассказал Ахмеду обо всем, что случилось, и сказал: «Если бы я увидел этого торговца, я бы отплатил ему». И вдруг Хасан-Шуман вышел из одной комнаты и спросил: «Принёс ли ты вещи, о Али?» – «Я нёс их и нёс голову еврея, но меня встретил торговец сладостями и одурманил меня и взял одежду и другое, и я не знаю, куда он ушёл. Если бы я знал, где он, я бы ему насолил, – ответил Али. – Не знаешь ли ты, куда ушёл этот торговец?» – «Я знаю, где он», – ответил Хасан, и затем он поднялся и открыл дверь в комнату, и Али увидел в ней торговца, одурманенного банджем.

И Али разбудил его после банджа, и он открыл глаза и увидел перед собой Али каирского, Ахмеда-ад-Данафа и сорок его приближённых и обмер и спросил: «Где я и кто схватил меня?» – «Это я тебя схватил», – сказал Шуман. И Али воскликнул: «О злокозненный, ты делаешь такие дела!» – и хотел зарезать торговца.

И Хасан-Шуман сказал ему: «Не поднимай руку, он стал твоим собственником». И Али спросил: «Моим собственником? Откуда?» И Хасан сказал ему: «Это Ахмедаль-Лакит, сын сестры Зейнаб». – «Почему же ты сделал все это, о Лакит?» – спросил его Али. И мальчик сказал: «Мне так приказала моя бабка Далила-Хитрица, и случилось это только потому, что Зурбейк-рыбник встретился с моей бабкой Далилой-Хитрицей и сказал ей: „Али каирский – ловкач редкой ловкости, и он неизбежно убьёт еврея и принесёт одежду“. И тогда она позвала меня и спросила: „О Ахмед, знаешь ли ты Али каирского?“ И я ответил: „Я его знаю и привёл его к казарме Ахмеда-ад-Данафа“. И тогда она сказала мне: „Пойди расставь ему твои сети, и если он принёс вещи, сыграй с ним штуку и отбери у него вещи“. И я пошёл ходить по улицам города и увидел торговца сладостями и дал ему десять динаров и взял у него его одежду, сласти и принадлежности, и случилось то, что случилось».

И тогда Али каирский сказал Ахмеду-аль-Лакиту: «Пойди к твоей бабке и к Зурейку-рыбнику и осведоми их о том, что я принёс вещи и голову еврея, и скажи им: „Завтра встречайте его в диване халифа и берите у него приданое Зейнаб!“»

И Ахмед-ад-Данаф обрадовался этому и воскликнул: «Не обмануло меня твоё воспитание, о Али!»

А когда наступило утро, Али каирский взял одежду, блюдо, трость, и золотые цепочки, и голову Азры еврея на дротике и отправился в диван со своим дядей и его молодцами, и они поцеловали землю меж рук халифа...»

И Шахразяду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Семьсот девятнадцатая ночь

Когда же настала семьсот девятнадцатая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что, когда Али каирский пошёл в диван вместе со своим дядей Ахмедом-ад-Данафом и его молодцами, они поцеловали землю меж рук халифа, и халиф посмотрел и увидел красивого юношу, доблестней которого не было среди мужей.

И он спросил про него людей, и Ахмед-ад-Данаф сказал ему: «О повелитель правоверных, это Али-Зейбак каирский, глава молодцов Египта, и он первый среди моих молодцов». И когда халиф увидел его, он его полюбил, так как увидел, что меж глаз у него блещет доблесть, свидетельствуя за него, а не против него.

И Али поднялся и бросил голову еврея перед халифом и сказал: «Твой враг таков, как этот, о повелитель правоверных!» – «Чья это голова?» – спросил халиф. И Али ответил: «Голова Азры еврея»; и халиф спросил: «А кто убил его?»

И Али каирский рассказал ему обо всем, что с ним случилось, от начала до конца, и халиф сказал: «Я не думаю, чтобы ты убил его, так как он был колдун». – «О повелитель правоверных, дал мне власть мой господь убить его», – сказал Али.

И Халиф послал вали во дворец еврея, и тот увидел еврея без головы. И его положили в

ящик и принесли к халифу, и тот велел его сжечь; и вдруг Камар, дочь еврея, пришла и поцеловала халифу руки и осведомила его, что она дочь Азры еврея и стала мусульманкой.

И она снова приняла ислам перед халифом и сказала ему: «Ты мой ходатай перед ловкачом Али-Зейбаком каирским, чтобы он женился на мне».

И она уполномочила халифа заключить её брак с Али, и халиф подарил Али каирскому дворец еврея со всем, что в нем было, и сказал ему: «Пожелай чего-нибудь от тень!» – «Я желаю, – сказал Али, – чтобы я мог стоять на твоём ковре и есть с твоего стола». И халиф спросил его: «О Али, есть у тебя молодцы?» – «У меня сорок молодцов, но они в Каире», – ответил Али. И халиф сказал: «Пошли за ними, чтобы они пришли из Каира. О Али, – спросил потом халиф, – а есть у тебя казарма?» И Али ответил: «Нет». И тогда Хасан-Шуман сказал: «Я дарю ему мою казарму с тем, что в ней есть, о повелитель правоверных!» – «Твоя казарма будет тебе, о Хасан», – сказал халиф и велел, чтобы казначей дал строителю десять тысяч динаров, и тот построил для Али казарму с четырьмя портиками и сорока комнатами для молодцов. «О Али, – спросил потом халиф, – осталась ли у тебя какая-нибудь просьба, которую мы прикажем для тебя исполнить?» Али ответил: «О царь времени, чтобы ты был ходатаем перед Далилой-Хитрицей и она выдала бы за меня свою дочь Зейнаб и взяла одежду дочери еврея и её вещи за Зейнаб в приданое».

И Далила приняла ходатайство халифа и взяла блюдо, одежду, и трость, и золотые цепочки, и написала договор Зейнаб с Али, и написали также договор с ним дочь старьевщика, и невольница, и Камар, дочь еврея.

И халиф назначил Али жалование и велел давать ему трапезу к обеду и трапезу к ужину, и довольствие, и кормовые, и наградные. И Али каирский начал приготовления к свадьбе, и прошёл срок в тридцать дней, а потом Али каирский послал своим молодцам в Каир письмо, в котором упомянул, какое ему досталось у халифа уважение, и он говорил в письме: «Вы неизбежно должны явиться, чтобы застать свадьбу, так как я женюсь на четырех девушках».

И через небольшое время его сорок молодцов явились и застали свадьбу, и Али поселил их в казарме и оказал им величайшее уважение, а затем он представил их халифу, и халиф наградил их. И служанки стали показывать Али каирскому Зейнаб в той прекрасной одежде, и он вошёл к ней и нашёл её жемчужиной несверленной и кобылицей, другими не обремененной, а после неё он вошёл к трём другим девушкам и увидел, что они совершенны по красоте и прелести.

А потом случилось, что Али каирский бодрствовал у халифа в какую-то ночь, и халиф сказал ему: «Я имею желание, о Али, чтобы ты рассказал мне обо всем, что с тобой случилось, с начала до конца». И Али рассказал ему обо всем, что случилось у него с Далилой-Хитрицей, Зейнаб-мошенницей и Зурбйком-рыбником. И халиф приказал это записать и положить в казну царства. И записали все, что произошло с Али, и положили запись в числе рассказов о народе лучшего из людей. И затем все они жили в приятнейшей и сладостнейшей жизни, пока не пришла к ним Разрушительница наслаждений и Разлучительница собраний, а Аллах (велик он и славен!) лучше знает истину.

Повесть об Ардешире и Хайят-ан-Нуфус (ночи 719-738)

Рассказывают также, о счастливый царь, что был в городе Ширазе⁵⁹⁵ великий царь по имени ас-Сейф-аль-Азам-Шах, и до великих дожил он годов, и не был наделён сыном. И собрал он врачей и лекарей и сказал им: «Мои годы стали велики, и вы знаете, каково моё состояние и состояние царства и его устройство. Я боюсь за участь подданных после меня, ведь до сих пор не досталось мне сына». – «Мы изготовим тебе зелье, от которого будет

⁵⁹⁵ Шираз – главный город персидской провинции Фарс, расположен в долине, к югу от Исфахана. Этот город – родина знаменитых персидских поэтов – Хафиза и Саади.

польза, если захочет Аллах великий», – сказали лекари. И они приготовили для него зелье, и царь употребил его, а затем он пал на свою жену, и она понесла, по изволению Аллаха великого, который говорит вещи: «Будь!» – и она возникает. И когда исполнились её месяцы, она родила дитя мужского пола, подобное луне, и царь назвал его Ардеширом⁵⁹⁶, и мальчик рос и развивался и изучал богословие и светские науки, пока не стало ему пятнадцать лет жизни.

А был в Ираке один царь по имени Абд-аль-Кадир, и была у него дочь, подобная восходящей луне, и звали её Хайят-ан-Нуфус. И она ненавидела мужчин, и никто не отваживался упоминать о мужчинах в её присутствии, и сватались к ней у её отца владыки Хосрои, и говорил с нею её отец, но девушка отвечала: «Я не сделаю этого никогда, а если ты меня к этому принудишь, я убью себя».

И услышал царевич Ардешир молву о ней и осведомил об этом своего отца, и посмотрел царь на его состояние и пожалел его и пообещал ему, что поможет на ней жениться. А затем он послал своего везира к отцу девушки, чтобы к ней посвататься, но тот отказал. И когда везир вернулся от царя Абд-аль-Кадира и рассказал, что у него с ним случилось, и осведомил царя Ширази об отказе, царю стало из-за этого тяжело, и он разгневался великим гневом и воскликнул: «Когда подобный мне посылает к кому-нибудь из царей с просьбой, разве тот может её не исполнить!»

И он велел глашатаю кричать в войсках, чтобы выставили палатки и делали многие приготовления, хотя бы пришлось для этого занять денег на расходы, и воскликнул: «Я не вернусь, пока не разрушу земель Абд-аль-Кадира, не перебую его людей, не сотру его следов и не захвачу его имущества!»

И когда дошла весть об этом до сына его Ардешира, он поднялся с постели и вошёл к своему отцу царю и, поцеловав перед ним землю, сказал: «О царь величайший, не затрудняй себя ничем...»

И Шахразад устала, и она прекратила дозволенные речи.

Ночь, дополняющая до семисот двадцати

Когда же настала ночь, дополняющая до семисот двадцати, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что, когда до царевича дошла весть об этом, он вошёл к своему отцу царю и, поцеловав перед ним землю, сказал ему: „О царь величайший, не затрудняй себя ничем, не собирай богатырей и воинов и не расходуй своих денег. Ты сильнее его. Когда ты соберёшь против него это войско, которое с тобою, и разрушишь его землю и страну, убьёшь его мужей и богатырей, захватишь его достояние, и убьёшь его самого, дойдёт эта весть и о том, что досталось ему и другим из-за тебя до его дочери, и она убьёт себя, а я умру из-за неё и никогда не буду жить после неё“. – „Каков же будет твой замысел, о дитя моё?“ – спросил тогда царь. И Ардешир ответил: „Я отправлюсь за тем, что мне нужно, сам и оденусь в одежду купцов и ухитрюсь добраться до девушки, и посмотрю, как удовлетворить моё желание и сблизиться с ней“. – „Ты избрал этот замысел?“ – спросил его отец. И царевич ответил: „Да, о батюшка“.

И тогда царь позвал везира и сказал ему: «Поезжай с моим сыном, радостью моего сердца, и помогай ему в его намерениях и береги его и направляй твоим верным мнением. Ты будешь ему вместо меня». И везир отвечал: «Слушаю и повинуюсь!» А потом царь дал своему сыну триста тысяч динаров золотом и дал ему яхонтов, драгоценных камней, золотых изделий, товаров и сокровищ и того, что с этим сходно. И после того юноша вошёл к своей матеря и поцеловал ей руки и попросил её помолиться, и она помолилась за него и тотчас

⁵⁹⁶ Ардешир – имя нескольких персидских царей. Трое из них принадлежали к династии Сасанидов. Европейские источники приводят это имя в его греческой форме: Артаксеркс.

поднялась и, открыв свою казну, вынула для сына сокровища, ожерелья, изделия из золота, одежды, редкости и все то, что сохранялось со времени прежних царей и чего не уравновесить деньгами. И царевич взял с собой невольников, слуг, животных и все, что бывает нужно в пути, со всем прочим, и принял обличье купца, вместе с везирем и теми, кто был с ними, и простился с родителями, родными и близкими. И они поехали, пересекая пустыни и степи в часы ночи и дня.

И когда продлилась для юноши дорога, он произнёс такие стихи:

«Влюблён и тоскую я, и боль моя все сильнее,
И нет против злой судьбы мне ныне помощника.
Плеяды я стерегу, взойдут лишь, и ас-Симак⁵⁹⁷,
Как будто от крайней страсти стал богомольном я.
За утренней я звездой слежу, а как явится,
Бросаюсь блуждать в тоске, и страсть лишь сильнее моя.
Я вами клянусь! – любовь на ненависть не сменил,
И вечно не спит мой глаз, и страстью охвачен я.
Мне трудно желанного достигнуть, я изнурён,
И мало терпения без вас и помощников.
Я все же терплю, пока Аллах не сведёт с тобой,
И ввергнет тем в горести врагов и завистников».

А когда он окончил свои стихи, его ненадолго покрыло беспамятство, и везирь побрызгал на него розовой водой. А когда Ардешир очнулся, он сказал ему: «О царевич, укрепи свою душу – за стойкостью следует облегчение – и вот ты идёшь к тому, чего хочешь!» И везирь до тех пор уговаривал царевича и утешал его, пока не успокоил его волнения, и они ускорили ход. Когда же показался путь царевичу долгим, он вспомнил любимую и произнёс такие стихи:

«Продлён отдаленья срок, тоска и любовь сильна,
И сердце моё горит в огне пламенеющем.
Седа голова моя – так сильно испытан я
Любовью, и слезы глаз струёю текут теперь.
Тебе, о мечта моя, желаний моих предел,
Клянусь я творцом вещей – среди них и листок и ветвь,
Я страстью обременён к тебе, о мечта моя, –
Которую вынести не могут влюблённые.
Вы ночь обо мне спросите – ночь вам поведает,
Смежались ли веки глаз дремотой в часы ночей».

А окончив говорить стихи, он заплакал сильным плачем и стал жаловаться на великую страсть, которую он испытывает, и начал везирь его уговаривать и утешать и обещал ему достижение желаемого. И они проехали немного дней и приблизились к Белому городу после восхода солнца, и тогда везирь сказал царевичу: «Радуйся, о царевич, полному благу и посмотри на этот Белый город, к которому ты направляешься». И царевич обрадовался сильной радостью и произнёс такие стихи:

«О други мои, влюблён я сердцем, безумен я,
Любовь продолжается, и вечно со мною страсть.
Как друга утративший, не спящий, рыдаю я,

⁵⁹⁷ Ас-Симак – название самой яркой звезды в созвездии Девы.

Когда опустилась ночь, нет милостивых в любви,
А если подуют ветры, с вашей земли несясь,
Прохладу я чувствую, на душу сходящую.
И веки мои текут, как тучи, дождь льющие,
И в море излитых слез душа моя плавает».

А достигнув Белого города, они вошли и спросили, где хан купцов и квартал денежных людей. И когда их провели к хану, они поселились там и взяли для себя три амбара и, получив ключи, открыли амбары и внесли туда свои товары и вещи. И они оставались в хане, пока не отдохнули, а потом везирь стал придумывать, как ухитриться в деле царевича...

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Семьсот двадцать первая ночь

Когда же настала семьсот двадцать первая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что везирь и царевич, поселившись в хане, внесли свои товары в амбары и посадили там своих слуг и жили в хане, пока не отдохнули. И потом везирь стал придумывать, как ухитриться в деле царевича, и сказал ему: „Мне кое-что пришло на ум, и я думаю, что в этом будет для тебя благо, если захочет Аллах великий“. – „О везирь благого разума, делай то, что пришло тебе на ум, да направит Аллах твоё мнение!“ – ответил царевич. И везирь сказал: „Я хочу нанять для тебя лавку на рынке торговцев материей, и ты будешь в ней сидеть. Всякому – и знатному и простому – нужен рынок, и я думаю, что, когда ты сядешь в лавку и люди взглянут на тебя глазами, сердца склонятся к тебе, и ты станешь сильнее для достижения желаемого. Ибо образ твой красив, и умы склоняются к тебе, и возвеселятся из-за тебя глаза“. – „Делай то, что ты избираешь и хочешь“, – сказал царевич, и везирь тотчас же поднялся и надел своё самое роскошное платье, и царевич тоже, и спрятал за пазуху кошель, где была тысяча динаров, и затем они вышли и пошли по городу. И люди смотрели на них и были ошеломлены красотой царевича и говорили: „Слава тому, кто сотворил этого юношу из ничтожной воды! Благословен Аллах, лучший из творцов“.

И умножались разговоры о юноше, и люди говорили: «Это не человек, это не кто иной, как вышний ангел»⁵⁹⁸. А некоторые люди говорили: «Наверно отвлёкся Ридван, хранитель рая, от райских ворот, и вышел из них этот юноша». И люди следовали за ними на рынок материй, пока они не дошли и не остановились. И тогда подошёл к ним старец, внушавший почтение и полный достоинства, и приветствовал их, и когда они ответили на приветствие, он спросил: «О господа, есть ли у вас какая-нибудь нужда, которую мы будем иметь честь исполнить?» – «А кто ты будешь, о старец», – спросил везирь. И старец ответил: «Я надзиратель рынка». И тогда везирь сказал: «Знай, о старец, что этот юноша – мой сын, и я желаю взять для него лавку на этом рынке, чтобы он сидел там и учился продавать и покупать, и брать, и отдавать, и усвоил бы свойства купцов». И надзиратель отвечал: «Слушаю и повинуюсь!»

А потом в тот же час и минуту он принёс им ключи от одной из лавок и приказал посредникам её вынести, и те вывели лавку и почистили её, а везирь послал принести для лавки высокое кресло, набитое перьями страусов, на котором лежал маленький молитвенный коврик, обшитый «округ червонным золотом, и принёс также, подушку, и принёс столько товаров и материй из тех, которые прибыли с ним, что они наполнили лавку.

И когда настал следующий день, юноша пришёл и отпер лавку и сел на кресло и поставил перед собой двух невольников, одетых в лучшие одежды, а в глубине лавки он поставил двух рабов из прекраснейших абиссинцев.

⁵⁹⁸ Слова из XII суры Корана, посвящённой рассказу об Иосифе Прекрасном.

А везирь наказал юноше скрывать свою тайну от людей, чтобы найти этим помощь для свершения своих дел, и затем он оставил его и отправился в амбары, наказав юноше, чтобы он осведомлял его обо всем, что будет происходить в лавке, день за днём.

И юноша сидел в лавке, подобный луне в её полноте, и люди прослышали о нем и об его красоте и заходили к нему без нужды, чтобы посмотреть на его красоту и прелесть и стройность его стана, и прославляли Аллаха великого, который сотворил его и соразмерил, и никто не мог пройти по этому рынку из-за чрезмерного скопления людей перед юношей. А царевич осматривался направо и налево, не зная, что ему делать из-за людей, которые были им ошеломлены, и надеялся, что завяжет дружбу с кем-нибудь из приближённых к правителю, и, может быть, это приведёт к упоминанию о царской дочери, но не находил к этому пути, и его грудь стеснилась, а везирь каждый день обнадёживал его, что он добьётся желаемого.

И царевич провёл таким образом очень долгий срок, и когда в один из дней он сидел в лавке, вдруг подошла женщина-старуха, чинная, почтённая и достойная, одетая в одежды праведности, и за нею шли две невольницы, подобные паре лун. И она остановилась возле лавки и некоторое время смотрела на юношу, а затем воскликнула: «Слава тому, кто сотворил это явление и завершил это творение!» И она пожелала юноше мира, и тот возвратил ей приветствие и посадил её рядом с собою, и старуха спросила: «Из какой ты страны, о прекрасный лицом?» И царевич ответил: «Я из краёв индийских, о матушка, и пришёл в этот город, чтобы развлечься». – «Да будешь ты почтён среди приходящих!» – воскликнула старуха. И затем она спросила: «Какие есть у тебя товары, вещи и материи? Покажи мне что-нибудь красивое, подходящее для царей». И, услышав её слова, юноша спросил её: «Ты хочешь красивого? Я покажу его тебе. У меня есть все вещи, подходящие для их обладателей». – «О дитя моё, – сказала старуха, – я хочу что-нибудь дорогое ценой и красивое видом – самое высокое, что у тебя есть». И юноша воскликнул: «Ты непременно должна меня осведомить, для кого ты требуешь товар, чтобы я показал тебе вещь по сану покупателя!» – «Твоя правда, о дитя моё, – сказала старуха. – Я хочу чего-нибудь для моей госпожи Хайят-ан-Нуфус, дочери царя Абд-аль-Кадира, владыки этой земли и царя этой страны». И когда царевич услышал слова старухи, его ум взлетел от радости и сердце его затрепетало. Он протянул руку назад, не приказывая ни рабам, ни невольникам, и, достав кошелек с сотнею динаров, дал его старухе и сказал: «Этот кошелек тебе на стирку одежды». А затем он протянул руку к узлу, вынул из него платье, стоящее десять тысяч динаров или больше, и сказал: «Это часть того, что я привёз в вашу землю».

И когда старуха увидела платье, оно ей понравилось, и она спросила: «За сколько продашь это платье, о совершённый качествами?» И царевич ответил: «Бесплатно». И старуха поблагодарила его и повторила вопрос, и царевич воскликнул: «Клянусь Аллахом, я не возьму за него платы! Это – подарок тебе от меня, если царевна его не примет, и оно будет тебе от меня в знак гостеприимства. Слава Аллаху, который свёл меня с тобою! Если мне когда-нибудь что-нибудь понадобится, я найду в тебе помощницу».

И старуха удивилась этим прекрасным словам и великой щедрости царевича и большому его вежеству и спросила его: «Как твоё имя, о господин?» И царевич ответил: «Ардешир». И старуха воскликнула: «Клянусь Аллахом, это имя диковинное, которым называют детей царских, а ты в обличье сыновей купцов!» – «Из любви ко мне назвал меня мой родитель этим именем, и имя ни на что не указывает», – ответил царевич. И старуха удивилась ему и сказала: «О сынок, возьми плату за твой товар», – но царевич поклялся, что ничего не возьмёт, и тогда старуха сказала: «О мой любимый, знай, что правда – самая великая вещь, и эти милости, которые ты мне оказываешь, не иначе как из-за дела. Дай же мне узнать твоё дело и тайные твои мысли – может быть, у тебя есть в чем-нибудь нужда, и я помогу тебе её исполнить».

И тогда царевич положил свою руку в руку старухи, и взял с неё обет скрывать тайну, и поведал ей всю свою историю, и рассказал о своей любви к царевне и о том, что с ним из-за неё происходит. И старуха покачала головой и сказала: «Вот она – правда! Но только, о дитя

моё, сказали разумные в ходячей пословице: „Если хочешь, чтобы тебя не слушались, проси того, что невозможно“. Твоё имя, о дитя моё, – купец, и будь у тебя ключи от волшебных кладов, тебя бы не называли иначе, как купцом. Если ты хочешь достичь ступени выше, чем твоя ступень, проси дочери кади или дочери эмира; почему, о дитя моё, ты просишь только дочери царя времени и века? Она девушка невинная, девственная, которая ничего не знает о мирских делах и в жизни не видела ничего, кроме дворца, где она находится, но, при малых своих годах, она умная, разумная, острая, понятливая, с превосходным разумом, благими поступками и проникательным мнением. Её отцу досталась только она, и она для него дороже души. Он каждый день приходит к ней и желает ей доброго утра, и все, кто есть во дворце, её боятся. Не думай же, о дитя моё, что кто-нибудь может заговорить с ней о чем-нибудь из этого, и нет для меня к этому пути. Клянусь Аллахом, о дитя моё, моё сердце и мои члены любят тебя, и я бы хотела, чтобы ты с ней остался. Я научу тебя кое-чему, может быть, Аллах сделает это исцелением твоего сердца; я подвергну опасности мою душу и моё достояние, чтобы исполнить твою нужду». – «А что это такое, о матушка?» – спросил царевич. И старуха ответила: «Проси у меня дочь везира или дочь эмира. Если ты у меня этого попросишь, я соглашусь на твою просьбу, – ведь никто не может подняться с земли на небо одним прыжком». И юноша ответил старухе разумно и вежливо: «О матушка, ты женщина умная и знаешь, как происходят дела. Разве человек, когда у него болит голова, перевязывает себе руку?» – «Нет, клянусь Аллахом, о дитя моё», – отвечала старуха.

И Ардешир сказал: «Также и моё сердце не просит никого, кроме неё, и меня убивает одна лишь любовь к ней. Клянусь Аллахом, я буду в числе погибающих, если не найду себе наставления и помощи! Ради Аллаха, о матушка, пожалей меня, чужеземца, и моих льющихся слез...»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Семьсот двадцать вторая ночь

Когда же настала семьсот двадцать вторая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что Ардешир, сын царя, сказал старухе: „Ради Аллаха, о матушка, пожалей меня, чужеземца, и моих льющихся слез“. И старуха ответила: „Клянусь Аллахом, о дитя моё, моё сердце разрывается из-за твоих слов, и нет у меня в руках хитрости, чтобы её устроить“. – „Я хочу от твоей милости, чтобы ты взяла этот листок и доставила его царевне и поцеловала ей за меня руки“, – сказал Ардешир. И старуха сжалась над ним и молвила: „Пиши на нем что хочешь, а я доставлю его царевне“.

И когда юноша услышал это, он едва не взлетел от радости и, потребовав чернильницу и бумагу, написал девушке такие стихи:

«Будь ты щедрой, о жизнь души⁵⁹⁹, на сближенье
Со влюблённым, растаявшим от разлуки.
В наслажденье я раньше жил, жил прекрасно,
Но сегодня взволнован я и растеряй.
Не покинут бессонницей во всю ночь я,
Развлекает всю ночь меня только горе.
Пожалей же влюблённого, что горюет
И тоскою разъедены его веки.
А наступит рассвет, когда в самом деле
Опьянённым найдёт его влагой страсти».

⁵⁹⁹ Жизнь души (буквально – жизнь душ) – перевод имени Хайят-ан-Нуфус.

А окончив писать письмо, Ардешир свернул его и поцеловал и отдал старухе, и затем он протянул руку к сундуку и, вынув другой кошелек с сотней динаров, подал его женщине и сказал: «Раздай это невольницам». Но старуха отказалась и воскликнула: «Клянусь Аллахом, о дитя моё, я с тобою не из-за чего-нибудь такого!» И юноша поблагодарил её и сказал: «Это обязательно!» И старуха взяла у него кошелек и поцеловала ему руки и ушла.

И она вошла к царевне и сказала: «О госпожа, я принесла тебе что-то, чего нет у жителей нашего города, и оно от красивого юноши, лучше которого нет на лице земли». – «О няня, а откуда этот юноша?» – спросила царевна. И старуха сказала: «Он из краёв индийских, и он дал мне эту одежду, шитую золотом, украшенную жемчугом и драгоценностями, которая стоит царства Кисры и Кесаря». И когда она развернула эту одежду, дворец осветился из-за неё, так она была хорошо сделана и так много было на ней камней и яхонтов, и стали дивиться на неё все, кто был во дворце, и царевна посмотрела на неё и не нашла за неё цены или платы, кроме подати с земли царства её отца за целый год».

«О нянюшка, – спросила она старуху, – это платье – от него или не от него?» – «Оно от него», – ответила старуха. И девушка молвила: «О няня, этот купец – из нашего города или иностранец?» – «Он иностранец, о госпожа, и поселился в нашем городе только недавно, – ответила старуха. – Клянусь Аллахом, у него есть слуги и челядь, и он прекрасен лицом, строен станом и благороден по качествам, с широкою грудью, и я не видела никого лучше, разве кроме тебя». – «Поистине, это удивительно! – сказала царевна. – Как может быть такая одежда, цены которой не покрыть деньгами, у купца из купцов? А каков размер платы за неё, о которой он тебе говорил, о нянюшка?» – «О госпожа, – ответила старуха, – он не говорил мне о плате, а только сказал: „Я не возьму за неё платы, и эта одежда – подарок от меня царевне: она никому не подходит, кроме неё“. И он отдал назад золою, которое ты со мной послала, и поклялся, что не возьмёт ею, и сказал: „Оно твоё, если царевна его не примет“. – „Клянусь Аллахом, это большое великодушие и великая щедрость, и я боюсь, что исход этого дела приведёт к беде, – сказала царевна. – Почему ты не спросила его, о нянюшка, нет ли у него в чем-нибудь нужды, чтобы мы ему исполнили её?“ – „О госпожа, – ответила старуха, – я спрашивала его и говорила: „Есть у тебя нужда?“ И он сказал: „У меня есть нужда“, – но не осведомил меня о ней и только дал мне этот листок и сказал: «Передай его царевне»».

И девушка взяла у старухи листок и развернула его и прочитала до конца, и изменился её вид, и исчезло её разумение, и пожелтел цвет её лица, и она сказала старухе: «Горе тебе, о няня, как зовут этого пса, который говорит такие слова царской дочери, и какая связь между мною и этим псом, что он мне пишет. Клянусь великим Аллахом, владыкой Земзема⁶⁰⁰ и аль-Хатыма⁶⁰¹, если бы я не боялась Аллаха, – велик он! – я бы послала к этому псу, чтобы связать ему руки, вырвать ноздри и отрезать нос и уши, и изуродовала бы его, а потом распяла бы на воротах рынка, в котором находится его лавка».

И когда старуха услышала эти слова, цвет её лица пожелтел, и у неё задрожали поджилки, и оцепенел язык, но потом она укрепила своё сердце и сказала: «Добро, о госпожа! А что же такое в этом листке, что он тебя так взволновал? Разве там не прошение, которое купец подал тебе, жалуясь на своё положение из-за бедности или несправедливости и надеясь на милость от тебя или раскрытие обиды?» – «Нет, клянусь Аллахом, о нянюшка, – ответила царевна, – наоборот, это стихи и бесчестные слова. Этот пёс, о нянюшка, видно пребывает в одном из трех положений. Либо это бесноватый, у которого нет разума, и он стремится к убиению своей души, либо ему в его нужде оказывает помощь человек с большою силою и великой властью, либо он услышал, что я – одна из блудниц этого города,

⁶⁰⁰ Земзем – священный колодец в Мекке, вода которого, по мнению мусульман, является целебной.

⁶⁰¹ Аль-Хатым – стена, расположенная к северо-западу от Каабы. Пространство между этой стеной и воротами Каабы некогда входило в пределы святилища и потому считается священным.

которые ночуют у того, кто их позовёт, одну ночь или две, – он ведь посылает мне бесчестные стихи, чтобы смутить этим мой разум». – «Клянусь Аллахом, о госпожа, ты права! – сказала старуха. – Но не занимай себя этим глупым псом. Ты живёшь в своём дворце, высоком, возвышенном и неприступном, до которого не поднимаются птицы и не пролетает над ним воздух, смущённый его высотой. Напиши ему письмо и выбрани его, не оставляя ни одного из способов брани, угрожай ему крайними угрозами и предложи ему смерть. Скажи ему: „Откуда ты меня знаешь, что пишешь мне, о пёс из купцов, о тот, кто весь век мечется в степях и пустынях для наживы дирхема или динара? Клянусь Аллахом, если ты не проснёшься от сна и не очнёшься от опьянения, я распну тебя на воротах рынка, где находится твоя лавка!“ – „Я боюсь, что, если я напишу ему, он на меня позарится“, – отвечала царевна, и старуха воскликнула: „А каков его сан и какова его степень, чтобы он на нас позарился! Мы напишем ему только для того, чтобы пресеклось его желание и усилился его страх“.

И она до тех пор хитрила с царевной, пока та не приказала принести чернильницу и бумагу и не написала юноше такие стихи:

«О ты, притязающий на страсть и тоску, без сна
Ночами страдающий в мечтах и волнении,
Ты требуешь от луны, обманутый, близости,
Но разве получит кто желанное от луны?
Тебя я наставила словами, так слушай же:
Брось это! Поистине меж смертью ты и бедой!
И если вернёшься вновь ты к просьбам, поистине
Постигнет тебя мученье очень жестокое.
Разумным будь, вежливым, догадливым, сведущим!
Тебе я совет дала в стихах и речах моих.
Клянусь сотворившим я все вещи из ничего,
Лик неба украсившим блестящими звёздами, –
Коль вновь возвратишься ты к словам, тобой сказанным,
Тебя на стволе распну я крепкого дерева!»

И потом она свернула письмо и отдала его старухе, и та взяла его и пошла и, придя к лавке юноши, отдала ему письмо...»

И Шахразад застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Семьсот двадцать третья ночь

Когда же настала семьсот двадцать третья ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что старуха взяла письмо у Хайят-ан-Нуфус и шла, пока не отдала его юноше, который был у себя в лавке. „Читай ответ, – сказала она ему, – и знай, что, когда царевна прочитала письмо, она разгневалась великим гневом, и я смягчала её разговорами, пока она не дала тебе ответа“. И юноша с радостью взял письмо, и прочитал его, и понял его смысл, а окончив чтение, он заплакал сильным плачем, и сердце старухи заболело, и она воскликнула: „О дитя моё, да не заставит Аллах плакать твои глаза и да не опечалит твоё сердце! Что может быть мягче, чем ответить на твоё письмо, раз ты совершил такие поступки?“ – „О матушка“ а какую мне сделать хитрость, тоньше этой, раз она присылает мне угрозы убить меня и распять и запрещает писать ей? – сказал юноша. – Клянусь Аллахом, я считаю, что смерть лучше, чем жизнь. Но я хочу от твоей милости, чтобы ты взяла этот листок и доставила его царевне». – «Пиши, а на мне лежит ответ», – сказала старуха. «Клянусь Аллахом, я подвергну опасности свою душу, чтобы достигнуть желаемого, даже погибну, чтобы тебя удовлетворить».

И юноша поблагодарил старуху и поцеловал ей руки и написал царевне такие стихи:

«Вы мне угрожаете убийством за страсть мою, –
Убитым я отдохну, а смерть суждена мне.
Влюблённому смерть приятней, если продлилась жизнь,
И гонят всегда его и вечно ругают.
Придите к влюблённому, защиты лишённому, –
Стремленья людей к добру всегда прославляют,
А если решитесь вы на дело, так делайте –
Я раб ваш, а все рабы в плену пребывают.
Как быть мне, коль без тебя терпенья не нахожу?
Как сердцу влюблённого при этом быть целым?
Владыки, помилуйте в любви к вам болящего,
Ведь всякий, кто полюбил свободных, – оправдал».

И затем он свернул письмо и отдал его старухе и дал ей два кошелька, в которых было двести динаров, но она отказалась их взять, и юноша стал заклинать её, и она взяла деньги и сказала: «Я обязательно приведу тебя к желаемому, наперекор носу твоих врагов!»

И старуха пошла и вошла к Хайят-ан-Нуфус и отдала ей письмо, и царевна спросила: «Что это такое, о нянюшка? Мы оказались в обмене посланиями, а ты ходить туда и назад! Я боюсь, что наше дело раскроется, и мы будем опозорены». – «А как так, о госпожа, и кто может говорить такие слова?» – сказала старуха, и девушка взяла у неё письмо, прочитала его и поняла его смысл, и тогда она ударила рукой об руку и воскликнула: «Поразило нас это бедствие! Мы не знаем, откуда пришёл к нам этот юноша». – «О госпожа, – сказала старуха, – ради Аллаха, напиши ему письмо, но только будь с ним груба в словах и скажи ему: „Если ты пришлешь письмо после этого, я отрублю тебе голову!“ – „О нянюшка, – ответила царевна, – я знаю, что это таким образом не кончится, и самое подходящее – не писать. И если этот пёс не отступится из-за прежних угроз, я огрублю ему голову“. – „Напиши ему письмо и осведоми его об этом“, – сказала старуха. И царевна потребовала чернильницу и бумагу и написала, угрожая ему, такими стихами:

«О ты, забывающий превратности злой судьбы,
Чьё сердце влюблённое желает сближенья,
Взгляни, о обманутый, – достигнешь ли неба ты,
И можешь ли ты достать до месяца светлого,
Я сжарю тебя в огне, где пламя всегда горит,
И будешь мечами ты разящими умерщвлён.
До месяца расстоянье, друг мой, предальнее,
И станет седой глава от дел, здесь таящихся.
Прими же ты мой совет и страсть позабудь свою,
От дел откажись таких, – они не подходят нам»

И она свернула письмо и подала его старухе, а сама была в диковинном состоянии из-за этих слов, и старуха взяла письмо и шла, пока не принесла его юноше. И она отдала ему письмо, и Ардешир взял его и прочитал и опустил голову к земле, чертя по полу пальцем и ничего не говоря. И старуха спросила: «О дитя моё, почему это ты не обращаешься с речью и не даёшь ответа?» – «О матушка, – отвечал Ардешир, – что я скажу, когда она угрожает и становится лишь более жестокой и неприязненной?» – «Напиши ей в письме что хочешь, а я буду тебя защищать, и станет твоему сердцу вполне хорошо, и я непременно сведу вас», – сказала старуха. И Ардешир поблагодарил её за милость и поцеловал ей руки и написал царевне такие стихи:

«Аллах, защити сердца, к влюблённым не мягкие,
И любящего, сближенья с милым ждущего!
И веки очей, от слез покрытые язвами,
Когда покрывает их спустившейся ночи мрак.
Так сжальтесь и смилуйтесь и будьте щедры к тому,
Кого изнурила страсть в разлуке с любимой!
Лежит он всю ночь, не зная сна или отдыха,
Сгорел он, хоть в море слез давно погрузился он.
Желаний не пресекай ты сердца! Поистине
Тоскует в плену оно, трепещет в руках любви!»

И затем он свернул письмо и отдал его старухе и дал ей триста динаров, говоря: «Это тебе на мытьё рук». И старуха поблагодарила его и поцеловала ему руки и отправилась, и она вошла к царевне и отдала ей письмо. И девушка взяла его и прочитала до конца и отшвырнула прочь и поднялась на ноги и пошла в башмачках из золота, украшенных жемчугами и драгоценными камнями. И она прошла во дворец к своему отцу (а жила гнева поднялась у неё меж глаз, и никто не отваживался спросить её, что с ней) и, придя ко дворцу, спросила, где царь, её родитель, и невольницы и наложницы сказали: «О госпожа, он выехал на охоту и ловлю».

И она возвратилась, точно кровожадный лев, и ни с кем не заговорила раньше чем через три часа, когда её лицо прояснилось и утих гнев. И когда старуха увидела, что прошло охватившее её огорчение и гнев, она подошла к ней и поцеловала землю меж её рук и спросила: «О госпожа, куда направляла ты свои благородные шаги?» – «Во дворец моего отца», – ответила царевна, и старуха молвила: «О госпожа, а разве никто не мог исполнить твоего повеления?» – «Я выходила только для того, чтобы осведомить его о том, что случилось у меня с этим псом из купцов, и отдать его во власть моему отцу, чтобы он его схватил и всех, кто есть на рынке, и распял бы их на лавках и не позволил бы никому из купцов и чужеземцев оставаться в нашем городе», – отвечала девушка. «Ты ходила к твоему отцу, о госпожа, только по этой причине?» – спросила старуха. И девушка ответила: «Да, но я не нашла его здесь, а увидела, что он отсутствует и выехал на охоту и ловлю, и ожидаю его возвращения». – «Прибегаю к Аллаху, слышащему, знающему! – воскликнула старуха. – О госпожа, слава Аллаху, ты самая умная из людей, и как ты осведомишь царя об этих вздорных словах, которых никому не подобает разглашать?» – «А почему нет?» – спросила царевна, и старуха сказала: «Допусти, что ты нашла бы царя в его дворце и осведомила бы его об этих речах, он послал бы за купцами и велел бы их повесить на их лавках, и люди увидели бы их, и все стали бы спрашивать и говорить: „Почему их повесили?“ И мы им сказали бы в ответ: „Они хотели испортить царскую дочь...“»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Семьсот двадцать четвёртая ночь

Когда же настала семьсот двадцать четвёртая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что старуха сказала царевне:

«Допусти, что ты осведомишь об этом царя и он прикажет повесить купцов. Разве люди не увидят и не спросят: „Почему их повесили?“ – и им не скажут в ответ: „Они хотели испортить дочь царя“. И люди станут передавать о тебе разные рассказы, и некоторые скажут: „Она сидела у них десять дней, исчезнув из дворца, пока они ею не насытились“, – а другие скажут иное, а честь, о госпожа, как молоко – малейшая пыль её грязнит, и как стекло – когда оно треснет, его не скрепить. Берегись же рассказывать твоему отцу или кому другому об этом деле, чтобы не опорочить свою честь, о госпожа, и осведомление людей об этом деле не принесёт тебе никакой пользы. Разберись в этих словах своим совершенным

разумом, и если не найдёшь их правильными, делай что пожелаешь».

И когда царевна услышала от старухи эти слова, она обдумала их и нашла до крайности верными и молвила: «То, что ты сказала, о нянюшка, правильно, и гнев ослепил мне сердце». – «Твоё намерение прекрасно для Аллаха великого, раз ты никому не расскажешь, – сказала старуха, – но осталась ещё одна вещь. Мы не станем молчать о бесстыдстве этого пса, низайшего из купцов. Напиши ему письмо и скажи ему: „О низайший из купцов, если бы не случилось так, что царь отсутствует, я бы тотчас же приказала распять тебя и всех твоих соседей. Ничто из этого тебя не минует. Клянусь великим Аллахом, если ты вернёшься к подобным речам, я срежу твой след с лица земли“. И будь с ним грубой в речах, чтобы отвратить его от такого дела, и пробуди его от беспечности». – «А разве он отступится от того, что делает, из-за таких слов?» – сказала царевна. И старуха ответила: «А как ему не отступить, когда я поговорю с ним и осведомлю его о том, что случилось?»

И царевна потребовала чернильницу и бумагу и написала юноше такие стихи:

«Надеждою привязался к близости с нами ты
И хочешь от нас теперь желанное получить.
Убит человек бывает лишь слепотой своей,
И то, чего жаждет он, его приведёт к беде.
Султаном ведь не был ты и не был наместником.
Ни силы нет у тебя, ни мощных сторонников,
И если бы сделал так один из подобных нам,
От ужасов и боев он стад бы совсем седым,
Но все же прошу теперь я то, что содеял ты, –
Быть может, от сей поры во всем ты раскаешься».

И она подала письмо старухе и сказала ей: «О нянюшка, удержи этого пса, чтобы я не отрубила ему голову и мы бы не впали из-за него в грех». И старуха воскликнула: «Клянусь Аллахом, о госпожа, я не оставлю ему бока, чтобы перевернуться».

И она взяла письмо и пошла с ним и, придя к юноше, приветствовала его. И Ардешир возвратил ей приветствие, и тогда она подала ему письмо. И юноша взял его и прочитал и покачал головой и воскликнул: «Поистине мы принадлежим Аллаху и к нему возвращаемся! – А потом сказал: – О матушка, что мне теперь делать, когда малым стало моё терпение и ослабла моя стойкость?» – «О дитя моё, – сказала старуха, – внуши себе терпение: может быть, Аллах свершит после этого дело. Напиши ей то, что у тебя на душе, а я принесу тебе ответ. Успокой свою душу и прохладя глаза, я непременно сведу тебя с ней, если захочет Аллах великий».

И Ардешир пожелал старухе блага и написал девушке письмо, в котором заключались такие стихи:

«Когда не найду в любви и страсти я лекаря, –
А страсть убиение и смерть мне приносит, –
Мне пламя огня в груди придётся тогда терпеть
Порою дневной, а в ночь не лягу на ложе я,
Почто не боюсь тебя, желаний моих предел,
И то, что в любви терплю, терпеть соглашаюсь?
Просил я у господина престола прощения –
Ведь страстью к красавицам повергнут я в гибель, –
Чтоб скоро сближение послал он на радость мне,
Ведь ужасами любви теперь поражён я».

И затем он свернул письмо и отдал его старухе и выложил ей кошелек с четырьмястами динаров, и она взяла все это и ушла. И она пришла к царской дочери и отдала ей письмо, но

девушка не взяла его от неё и спросила: «Что это за листок?» И старуха ответила: «Это ответ на письмо, которое ты послала этому псу купцу». – «Ты запрещаешь ему, как я тебя учила?» – спросила царевна. И старуха молвила: «Да, и вот его ответ».

И царевна взяла от неё письмо и прочитала его до конца, а потом она обернулась к старухе и сказала: «Где же польза от твоих слов?» – «О госпожа, в том, что он говорит в ответе, что отступился и раскаялся и извиняется за прежнее», – ответила старуха. И царевна воскликнула: «Нет, клянусь Аллахом! Наоборот, он ещё прибавил!» – «О госпожа, – сказала старуха, – напиши ему письмо, и ты скоро узнаешь, что я с ним сделаю». – «Мне нет нужды ни в письме, ни в ответе», – молвила девушка. И старуха воскликнула: «Необходимо ответить, чтобы я его выбрала и пресекла его надежду». – «Пресеки его надежду, не беря с собою письма», – сказала царевна. И старуха молвила: «Чтобы выбрать его и пресечь надежду, мне надо захватить письмо».

И царевна потребовала чернильницу и бумагу и написала Ардеширу такие стихи:

«Продлились укоры, но упрек не сдержал тебя,
А сколько писала я стихов, запрещая!
Скрывай же свою любовь, её не высказывай,
А будешь послушником, – тебя не покрою.
И если вернёшься ты к речам, тобой сказанным,
Глашатай о гибели твоей возвестит нам.
И ветры ты над собой увидишь летящие,
И птицы в песках пустынь к тебе соберутся.
Вернись же к делам благим, – наступит спасение,
А хочешь ты мерзости, – тебя погублю я».

А окончив писать, она бросила листок, гневная, и старуха взяла его и пошла. И она пришла к юноше, и тот взял у неё письмо и, прочитав его до конца, понял, что царевна не смягчилась к нему и стала лишь ещё более гневной и что он её не достигнет. И пришла ему в сердце мысль написать ей ответ и призвать на неё зло, и он написал ей такие стихи:

«Господь, пятью старцами молю я – спаси меня
От той, что повергла меня любовью в несчастья!
Ты знаешь ведь, что во мне любовный огонь горит,
И болею я из-за той, в ком нет ко мне жалости.
Она не смягчается ко мне в моих бедствиях –
Продлятся ль над слабостью моей притеснения?
Блуждаю в пучинах я любви и влечения к ней,
Помощника не найду, о люди, чтоб мне помочь.
И часто на ложе сна, как спустится мрак ночной,
Лежу и рыдаю я и тайно и явно.
В любви к вам не вижу я ни в чем утешения,
И как мне утешиться, коль стойкости нет в любви?
О птица разлуки, расскажи мне – свободна ли
Она от превратностей судьбы и несчастья!»

И затем он свернул письмо и отдал его старухе и дал ей кошелёк с пятью сотнями динаров, и она взяла листок и ушла. И она вошла к царевне и отдала ей листок, и когда девушка прочитала его и поняла, она бросила его и сказала: «Осведоми меня, о злая старуха, о причине всего того, что случилось со мною из-за тебя и твоих козней и похвал ему! Я пишу для тебя листок за листком, и ты все время носишь от нас послания, так что устроила ему с нами переписку и всякие истории. Ты все время говоришь: „Я избавлю тебя от его зла и прерву его речи к тебе, – но говоришь это только для того, чтобы я написала ему письмо, и

ты ходишь между нами туда и сюда, так что опорочила мою честь. Горе вам, эй, слуги, схватите её!»

И она велела слугам бить старуху, и те били её до тех пор, пока кровь не потекла из всего её тела и её не покрыло беспамятство. И тогда царица велела невольницам её вытащить, и старуху вытащили за ноги в конец дворца. И царица приказала одной из невольниц стоять возле старухи и, когда она очнётся от забытья, сказать ей: «Царица дала клятву, что ты не вернёшься в этот дворец и не войдёшь в него, а если ты вернёшься, она велит тебя убить, разрубив на куски». И когда старуха очнулась от забытья, невольница передала ей, что сказала царица, и старуха ответила: «Внимание и повиновение!» А потом невольницы принесли корзину и велели носильщику снести старуху к ней, и носильщик поднял старуху и доставил её домой, и царица послала к ней лекаря и велела ему заботливо лечить старуху, пока она не поправится. И лекарь послушался её приказаний, и когда старуха оправилась, она села и поехала к юноше, а тот сильно опечалился из-за того, что она его покинула, и тосковал по вестям о ней. И, увидев старуху, он поднялся и встал для неё и встретил её и пожелал ей мира, и увидел, что она ослабела. И он спросил её, что с ней, и старуха рассказала ему обо всем, что случилось у неё с царицей, и юноше стало из-за этого тяжело, и он ударил рукою об руку и воскликнул: «Клянусь Аллахом, тяжко мне то, что с тобою случилось! Но какова причина того, о матушка, что царица ненавидит мужчин?»

«О дитя моё, – сказала старуха, – знай, что у неё прекрасный сад, лучше которого нет на лице земли, и случилось, что она спала в нем в одну ночь из ночей. И когда царица была в сладком сне, она вдруг увидела сновидение: как спустилась она в сад и заметила охотника, который расставил сети и рассыпал вокруг пшено и сел поодаль, смотря, какая попадёт в сети дичь. И прошло не более часа, и собрались птицы, подбирая пшено, и попала в сети птица-самец и стала в них биться. И птицы разлетелись от него, и в числе их была его самка, но она удалилась от него на недолгое время и вернулась к нему я, подлетев к сети, стала трудиться над той петелькой, в которую попала нога птицы, и до тех пор старалась над ней клювом, пока не разорвала её и не освободила своего самца. А охотник при всем этом сидел и дремал. И он очнулся и посмотрел на сеть и, увидев, что она испорчена, поправил её и снова рассыпал пшено и сел вдалеке от сети. И через некоторое время птицы собрались возле неё, и в числе их была та самка с самцом. И птицы подошли клевать зёрнышки, и вдруг самка попала в сеть и стала в ней биться, и все голуби отлетели от неё, и среди них был её самец, которого она спасла, и он к ней не вернулся. А охотника одолел сон, и он проснулся только через долгое время, и, проснувшись от сна, он увидел птицу, которая была в сети, и поднялся и, подойдя к ней, высвободил её ноги из сети и убил её. И царица проснулась, испуганная, и сказала: „Так-то поступают мужчины с женщинами! Женщина жалеет мужчину и бросается к нему, когда он в беде, а потом, когда определит ей владыка и она попадает в беду, мужчина проходит мимо неё, не освобождая её, и пропадает благо, которое она ему сделала. Прокляни же Аллах того, кто доверяется мужчинам! Они не помнят блага, которое оказывают им женщины“. И с того дня она стала ненавидеть мужчин».

«О матушка, – спросил царевич старуху, – разве она никогда не выходит на дорогу?» – «Нет, о дитя моё, – отвечала старуха, – но у неё есть сад (а это лучшее место для прогулок в наше время), и каждый год, когда созреют в нем плоды, она сходит и гуляет там один день. А ночует она только в своём дворце и входит в сад только через потайную дверь, которая ведёт в сад. Я хочу кое-чему научить тебя, и если захочет Аллах, для тебя будет в этом благо. Знай, что до времени плодов остался один месяц, и тогда царица спустится погулять в сад, и я наказываю тебе: сегодня же пойди к садовнику этого сада и завяжи с ним дружбу и любовь. Он не даёт никому из созданий Аллаха великого войти в этот сад, так как он примыкает ко дворцу царицы, а когда царица сойдёт в сад, я осведомлю тебя об этом за два дня, и ты пойдёшь туда, по твоему обычаю, и войдёшь в сад и ухитришься там переночевать. И когда царица сойдёт, ты спрячешься в каком-нибудь месте...»

И Шахразадку застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Семьсот двадцать пятая ночь

Когда же настала семьсот двадцать пятая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что старуха научила царевича и сказала ему: „Царевна спустится в сад, и за два дня до её выхода я уведомяю тебя. И когда она спустится, ты будешь там и спрячешься в каком-нибудь месте. Когда ты увидишь её – выходи к ней; увидев тебя, она тебя полюбит, а любовь покрывает все. И знай, о дитя моё, что, если бы она тебя увидела, она бы наверное пленилась любовью к тебе, так как ты красив видом. Прохлади же глаза и успокой свою душу, о дитя моё, – я непременно сведу тебя с нею“.

И царевич поцеловал старухе руку и поблагодарил её и дал ей три отреза александрийского шелка и три отреза атласа разных цветов, и с каждым отрезом был и другой кусок на шальвары и платок на повязку и баальбекская материя на подкладку, так что у старухи оказались три полных перемены платья, одна лучше другой. И царевич дал ей кошелек с шестьюстами динаров и сказал: «Это на шитьё». И старуха взяла все это и спросила: «О дитя моё, хочешь ли ты знать дорогу к моему дому, и чтобы я тоже знала, где ты живёшь?» И царевич отвечал: «Да». И послал с ней невольника, чтобы тот узнал, где её жилище, и показал ей его дом. И когда старуха отправилась, царевич вышел и велел своим слугам запирать лавку и пошёл к везиру и осведомил его о том, что случилось у него со старухой, от начала до конца, и, услышав слова царевича, везирь сказал: «О дитя моё, а если Хайят-анНуфус выйдет и не будет тебе от неё благоприятной встречи, что ты тогда сделаешь?» – «У меня не будет в руках иной хитрости, как перейти от слова к делу, – ответил царевич. – Я подвергну себя с нею опасности и похищу её среди её слуг и посажу её, сзади, на моего коня и направлюсь с ней в ширь пустынной степи, и если я спасусь, – желаемое достигнуто, а если погибну, то отдохну от этой жалкой жизни». – «О дитя моё, – сказал везирь, – разве с таким умом ты проживёшь? Как мы поедем, когда между нами и нашей страной далёкое расстояние, и как ты сделаешь такие дела с царём из царей времени, под властью которого сто тысяч поводьев? Нам, может быть, грозит, что он прикажет кому-нибудь из своих войск пресечь нам дороги. Это не полезное дело, и его не совершит разумный». – «Как же поступить, о везирь благого разума? Я несомненно умру», – молвил царевич, и везирь сказал: «Потерпи до завтра, пока мы не увидим этого сада и не узнаем, каковы там обстоятельства и что произойдёт у нас с садовником».

И когда наступило утро, везирь поднялся с царевичем и положил за пазуху тысячу динаров, и они шли, пока не дошли до сада, и увидели, что стены его высоки и крепко сложены, и деревья в нем многочисленны, и каналы полноводны, и плоды прекрасны, и цветы в нем благоухали, и птицы в нем распевали, и был он подобен саду из райских садов. А за воротами его был человек – престарелый старец, который сидел на скамье. И когда он увидел их и заметил их почтённый вид, он поднялся на ноги, после того как они пожелали ему мира, и вернул им пожелание и сказал: «О господа мои, может быть, у вас есть нужда, которую я почту за честь исполнить?» И везирь ответил: «Знай, о старец, что мы люди чужеземные, и зной опалил нас, и жилище наше далеко, в конце города. Мы желаем, чтобы ты, твоя милость, взял эти два динара и купил нам чего-нибудь поесть и открыл бы нам ворота этого сада, и мы бы могли посидеть в тени, где есть холодная вода, и прохладиться, пока ты принесёшь нам еду. Мы поедем с тобою и тем временем отдохнём и уйдём своей дорогой».

И потом везирь сунул руку за пазуху и, вынув два динара, положил их в руку садовника, а этому садовнику было семьдесят лет жизни, и он не видывал у себя в руке ничего такого. И когда он увидел динары в своей руке, его разум улетел, и он сейчас же поднялся и отпер ворота и ввёл везира с юношей и посадил их под дерево, покрытое плодами и дававшее большую тень, и сказал: «Сидите в этом месте, но ни за что не входите в сад. Там есть потайная дверь, которая ведёт в дворец царевны Хайят-анНуфус». – «Мы не сойдём с места», – сказали они ему.

И старик садовник пошёл купить им то, что они велели, и отсутствовал некоторое время, а потом он пришёл к ним с носильщиком, у которого на голове был жареный барашек и хлеб, и они поели вместе и выпили и поговорили немного, а потом везирь осмотрелся и стал оборачиваться направо и налево, смотря во все стороны сада, и увидел в глубине его дворец, который был высоко построен, но обветшал, и со стен его облупилась извёстка, и углы его обвалились. «О старец, – спросил тогда везирь, – этот сад – твоя собственность или ты его нанимаешь?» – «О владыка, – ответил садовник, – он не моя собственность, и я его не нанимаю. Я его только сторожу». – «А какое у тебя жалованье?» – спросил везирь. И садовник ответил: «О господин, каждый месяц – динар». – «Тебя обидели, особенно если ты семейный», – сказал везирь. И старец воскликнул: «Клянусь Аллахом, о господин, у меня семья – восьмеро детей да я сам». – «Нет мощи и силы, кроме как у Аллаха, высокого, великого! – воскликнул везирь. – Клянусь Аллахом, ты обременил меня своей заботой, о бедняга! Но что ты скажешь о том, кто сделает с тобой благое ради твоей семьи, которая с тобою?» – «О владыка, – отвечал старец, – что бы ты ни сделал благого, это будет для тебя сокровищем у Аллаха великого». – «Знай, о старец, – сказал везирь, – что этот сад – красивое место и в нем стоит этот дворец, но только он ветхий, развалившийся. Я хочу его поправить и выбелить и выкрасить, чтобы это место стало самым прекрасным во всем саду. И когда придёт хозяин сада и увидит, что дворец отстроен и стал красивым, он непременно спросит тебя, кто его отстроил, и если он тебя спросит, скажи ему: „Это я, о владыка, его отстроил. Я видел, что он развалился и никто им не пользуется и не может в нем жить, так как он разрушен и заброшен, и вот я и отстроил его и потратился“. А если он тебе скажет: „Откуда у тебя деньги, которые ты на него истратил?“ – скажи: „Из моих собственных денег. Я хотел обелить перед тобою лицо и надеялся на твою милость“. И он непременно наградит тебя за то, что ты потратил на дворец. А завтра я позову строителей, штукатуров и маляров, чтобы они привели это место в порядок, и дам тебе то, что обещал». И он вынул из-за пазухи мешок, в котором было пятьсот динаров, и сказал садовнику: «Возьми эти динары и трать их на твою семью, и пусть они призовут благо на меня и на моего сына». И царевич спросил его: «Какая этому причина?» И везирь сказал: «Тебе скоро станет ясна польза от этого...»

И Шахразад устала, и она прекратила дозволенные речи.

Шестьсот двадцать шестая ночь

Когда же настала шестьсот двадцать шестая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что везирь дал старику садовнику, который был в саду, пятьсот динаров и сказал ему: „Возьми эти динары и их накорми семью“ и пусть они призовут благо на меня и на моего сына». И старик посмотрел на золото, и его ум вышел, и он бросился к ногам везиря и стал их целовать, желая блага везирю и его сыну, а когда они уходили, он сказал им: «Завтра я буду вас ожидать, и пусть не разлучит меня с вами Аллах великий ни ночью, ни днём!»

И наступил следующий день, и везирь пошёл на то место и велел позвать начальника строителей. И когда тот явился, везирь взял его и отправился в сад, и, увидев его, садовник обрадовался. А везирь дал начальнику денег на содержание рабочих и на то, что им было нужно для починки дворца, и они его отстроили, побелили и покрасили, и тогда везирь сказал малярам: «О мастера, прислушайтесь к моим словам и поймите мою цель и намерения. Знайте, что у меня есть сад, такой же, как это место, и я спал в нем однажды ночью и увидел во сне, что охотник расставил сети и рассыпал вокруг них пшено. И собрались птицы, чтобы клевать пшено, и попал один самец в сеть, и все птицы разлетелись от него, и между ними была самка этого самца. И самка исчезла на некоторое время, а потом вернулась одна и разорвала петлю, в которой была нога самца, и освободила его, и он улетел. А охотник в это время спал, и, проснувшись от сна, он увидел, что сеть не в порядке, и поправил её, и снова, во второй раз, насыпал пшено и сел поодаль, ожидая, пока в его сеть

попадёт дичь. И птицы прилетели клевать зерно и подошли к сети, и самка была среди них, и она запуталась в сети, и улетели от неё все птицы, среди которых был и её самец. И он не вернулся к ней, и охотник подошёл и взял птичку и зарезал её. А что касается самца, то, когда он улетел с птицами, его схватил хищник из хищников и убил его и выпил его кровь и съел его мясо. И я желаю от вас, чтобы вы нарисовали мне весь этот сон в том виде, как я вам говорил, хорошим маслом. Изобразите эту картину в саду, с его стенами, деревьями и птицами, и нарисуйте изображение охотника и его сети и все, что случилось у самца с хищником, когда тот его схватил. И когда вы сделаете то, что я вам объяснил, и я увижу картину и она мне понравится, я награжу вас, сверх платы, тем, что обрадует вам сердце». И когда маляры услышали слова везиря, они стали трудиться над раскраской и сделали её совершённой до предела. И когда это было кончено и завершено, они показали картину везирю, и она ему понравилась, и он увидел, что сон, который он описал малярам, нарисован словно это на самом деле, и поблагодарил их и наградил обильными наградами.

А потом пришёл царевич, по своему обычаю, и подошёл к этому дворцу (а он не знал о том, что сделал везирь) и посмотрел на него, и увидел изображение сада и охотника, сети, и птиц, и самца, который был в когтях хищника, и тот убил его и выпил его кровь и съел его мясо. И смутился ум царевича, и он вернулся к везирю и сказал ему: «О везирь благого разума, я увидел сегодня такое чудо, что, будь оно написано иглами в уголках глаза, оно было бы назиданием для поучающихся». – «А каково оно, о господин?» – спросил везирь, и юноша ответил: «Рассказывал ли я тебе о сне, который видела царевна, и о том, что он был причиной её ненависти к мужчинам?» – «Да, рассказывал», – отвечал везирь. И юноша воскликнул: «Клянусь Аллахом, о везирь, я увидел этот сон изображённым среди того, что нарисовано здесь маслом, так, будто вижу его воочию, и увидал я нечто другое, что осталось скрытым от царевны и чего она не видела, и на это следует опираться, чтобы достичь желаемого!» – «А что же это, о дитя моё?» – спросил везирь. И юноша сказал: «Я увидел, что самца, который улетел от самки, когда она попала в сеть и не вернулся к ней, схватил хищник и убил его и выпил его кровь и съел его мясо. О, если бы царевна увидела весь сон целиком и всю историю до конца и увидела бы, что самца схватил хищник, и в этом причина того, что он не вернулся к самке и не освободил её из сети!» – «О счастливый царь, – воскликнул везирь, – клянусь Аллахом, это поистине дивное дело, и принадлежит оно к диковинам!» А царевич дивился этому рисунку маслом и жалел, что царевна не увидела сна до конца, и говорил про себя: «О, если бы она увидела этот сон до конца или увидела бы его целиком второй раз, хотя бы в пучках сновидений!» А везирь сказал ему: «Ты спрашивал меня: „Почему ты строишь в этом месте?“ И я ответил: „Тебе станет ясна польза от этого“. И теперь тебе стало ясно, в чем тут польза. Это я сделал такое дело, и я велел малярам изобразить тот сон и нарисовать самца в когтях хищника, который убил его и выпил его кровь и съел его мясо. И когда царевна спустится и посмотрит на этот рисунок, она увидит изображение и увидит самца, которого убил хищник, и простит его и перестанет ненавидеть мужчин».

И царевич, услышав эти слова, поцеловал везирю руки и поблагодарил его за его дело и воскликнул: «Подобный тебе да будет везирем царя величайшего! Клянусь Аллахом, если я достигну желаемого и вернусь радостный к царю, я осведомлю его об этом, чтобы он оказал тебе ещё большее уважение и возвысил твой сан и слушал бы твои слова». И везирь поцеловал у него руку, и потом они пошли к старику садовнику и сказали ему: «Посмотри на это место – как оно прекрасно!» И старик воскликнул: «Все это по вашему счастью!» – «О старец, – сказали они потом, – если спросят тебя хозяева этого места, кто отстроил этот дворец, скажи им: „Я отстроил его на свои деньги, чтобы досталось тебе благо и награда“. И старик отвечал: „Слушаю и повинуюсь“.

И царевич не оставлял этого старика, и вот что случилось с везирем и царевичем.

Что же касается Хайят-ан-Нуфус, то, когда прекратились письма к ней и послания и исчезла старуха, она обрадовалась сильной радостью и подумала, что юноша уехал в свою страну. И когда наступил какой-то день, принесли ей покрытое блюдо от её отца. И, открыв

его, она нашла в нем прекрасные плоды. И она спросила и сказала: «Разве пришло время для этих плодов?» И ей ответили: – «Да». И тогда она воскликнула: «Что, если бы мне подготовиться к прогулке в саду!...»

И Шахразад упустило утро, и она прекратила дозволенные речи.

Семьсот двадцать седьмая ночь

Когда же настала семьсот двадцать седьмая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что царица, когда её отец послал к ней плоды, спросила и сказала: „Разве пришло время этих плодов?“ И ей ответили: „Да“.

И тогда она воскликнула: «Что, если бы нам подготовиться к прогулке в саду!» И её невольницы сказали ей: «Прекрасная мысль, о госпожа! Клянёмся Аллахом, мы стосковались по этому саду». И царица спросила: «Как же поступить? Ведь каждый год нас водит по саду и показывает нам в нем разные деревья только няня, а я прибила её и запретила ей ходить ко мне. Я раскаиваюсь в том, что из-за меня с нею было, так как она, при всех обстоятельствах, моя няня и я обязана ей воспитанием. Нет мощи и силы, кроме как у Аллаха, высокого, великого!»

И когда невольницы услышали от царицы такие слова, они все поднялись и поцеловали землю меж её рук и сказали: «Ради Аллаха, о госпожа, прости её и прикажи её привести!» И царица ответила: «Клянусь Аллахом, я решила на это дело! Кто же из вас пойдёт к ней? Я приготовила ей роскошную одежду».

И подошли к царице две невольницы, одну из которых звали Бульбуль, а другую звали Савад-аль-айн⁶⁰² (а это были старшие невольницы царицы и приближённые к ней, и они обладали красотой и прелестью), и сказали: «Мы пойдём к ней, о царица». И девушка молвила: «Делайте, что вам вздумается!»

И они пошли к дому няньки и постучали в ворота и вошли к ней, и, узнав их, старуха встретила их объятиями и приветствовала их, и когда невольницы уселись, они сказали: «О нянюшка, царица произнесла прощение и смиловалась над тобой». И старуха воскликнула: «Не будет этого никогда, хотя бы меня напоили из чаш смерти! Разве я забыла, как меня пытали перед любящими и ненавистниками, когда окрасилась моя одежда кровью и я чуть не умерла от жестоких побоев, а затем меня потащили за ноги, точно дохлую собаку, и выбросили за ворота! Клянусь Аллахом, я не вернусь к ней никогда и не наполню моих глаз её видом!» И невольницы сказали ей: «Не делай нашего старания напрасным! Где же твоё уважение к нам? Посмотри, кто к тебе явился и вошёл к тебе, – разве ты хочешь кого-нибудь, кто выше нас по положению у царицы?» И старуха воскликнула: «Прибегаю к Аллаху! Я знаю, что мой сан меньше вашего, но только царица возвысила мой сан в глазах своих невольниц и слуг, и когда я сердилась на самую старшую из них, она умирала живём». – «Дело осталось как было и ни в чем не изменилось – напротив, оно ещё лучше, чем ты думаешь, – сказали невольницы. – Царица унизилась перед тобой и ищет мира без посредников».

«Клянусь Аллахом, – воскликнула старуха, – если бы не ваш приход ко мне, я бы к ней не вернулась, хотя бы она приказала меня убить!»

И невольницы поблагодарили её за это, и старуха тотчас же поднялась и надела свою одежду и вышла с ними. И они шли вместе, пока старуха не вошла к царице, и когда она вошла к ней, царица поднялась на ноги, а нянюшка воскликнула: «Аллах, Аллах, о царица, – ошибка от меня или от тебя?» – «Ошибка от меня, а прощение и милость – от тебя, – сказала царица. – Клянусь Аллахом, о нянюшка, твой сан у меня высок, и я обязана тебе воспитанием. Но ты знаешь, что Аллах – велик он и славен! – определил тварям четыре

⁶⁰² Бульбуль – соловей; Савад-аль-айн – чернота глаза.

вещи: сотворение, жизнь, надел и срок, и не во власти человека отворить приговор. Я не совладала со своей душой и не могла удержать её, и я раскаялась в том, что сделала, о нянюшка!»

И тогда прошёл гнев, охвативший старуху, и она поднялась и поцеловала землю меж рук царевны, и та приказала подать роскошную одежду и облачила в неё старуху, и старуха до крайности обрадовалась этой одежде, – ведь евнухи и невольницы стояли перед ней. И когда собрание закончилось, царевна спросила: «О нянюшка, как обстоит дело с плодами и нашими плодовыми рощами?» И старуха ответила: «Клянусь Аллахом, о госпожа, я видела большинство плодов в городе, и сегодня я разужнаю об этом деле и дам тебе ответ». И она вышла от царевны, удостоившись величайшего почёта, и отправилась и пришла к царевичу, и гот радостно встретил старуху и обнял её и возвеселился из-за её прихода. И сердце его расправилось, так как он долго ожидал, когда её увидит. И старуха рассказала ему о том, что случилось у неё с царевной, и о том, что царевна хочет спуститься в сад в такой-то день...»

И Шахразадз застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Семьсот двадцать восьмая ночь

Когда же настала семьсот двадцать восьмая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что старуха пришла к царевичу и рассказала ему о том, что у неё случилось с царевной Хайят-ан-Нуфус и о том, что та спустится в сад в такой-то день, и спросила: „Сделал ли ты то, что я тебе велела с привратником сада и достигло ли его что-нибудь из твоей милости?“ – „Да, – отвечал царевич. – Он стал моим другом, и его путь – мой путь, и у него на уме, чтобы случилось у меня какое-нибудь до него дело“. И потом он рассказал ей, что произошло у него с везирем и как тот велел нарисовать сон, виденный царевной, и дело с охотником, сетью и хищником, и когда старуха услышала его речи, она обрадовалась сильной радостью и сказала царевичу: „Заклинаю тебя Аллахом, пусть будет твой везирь посредине своего сердца – его поступки указывают на полноту его ума, и он помог тебе в достижении желаемого. Поднимайся сейчас же, о дитя моё, сходи в баню и надень самую роскошную твою одежду – у нас не осталось хитрости больше этой – и ступай к привратнику и сделай с ним хитрость, чтобы он дал тебе переночевать в саду – если бы ему наполнили всю землю золотом, он бы не дал никому войти в сад. А когда войдёшь, спрячься, чтобы не видели тебя глаза, и сиди, спрятавшись, пока не услышишь, как я скажу: „О тайно милостивый, спаси нас от того, что нас страшит!“ И тогда выйди из-под прикрытия и покажи свою красоту и прелесть и спрячься между деревьями, ведь твоя красота смущает луны. Когда царевна Хайят-ан-Нуфус увидит тебя, её сердце и члены наполнятся любовью к тебе и ты достигнешь того, чего хочешь и желаешь, и забота твоя пройдёт“. И юноша сказал: „Слушаю и повинуюсь!“ И вынул кошелёк, в котором была тысяча динаров, и старуха взяла его и ушла. А царевич в тот же час и минуту вышел и пошёл в баню и вымылся и надел лучшую одежду из одежд царей Хосроев и подпоясался поясом, в который он набрал всяких драгоценных камней, и надел тюрбан, вышитый нитками червонного золота и окаймлённый жемчугом и яхонтами. И щеки его горели, и уста его алели, и глаза его пленяли газелей, и он покачивался словно захмелевший, и покрывала его красота и прелесть, и позорил ветви его гибкий стан.

И царевич положил за пазуху мешок, в котором была тысяча динаров, и пришёл к саду. Он постучал в ворота, и привратник откликнулся и отпер ворота и, увидав царевича, сильно обрадовался и приветствовал его самым пышным приветом. И он увидел, что лицо юноши нахмурено, и спросил его, что с ним, и царевич сказал: «Знай, о старец, что я у моего отца в почёте и он никогда не касался меня рукой до сегодняшнего дня. У нас с ним случился разговор, и он выбранил меня и ударил меня по лицу и побил палкой и выгнал, и я не знал ни одного друга и испугался обмана времени, а ты знаешь, что гнев родителей – дело не маленькое. И я пришёл к тебе, о дядюшка, – мой отец о тебе осведомлён, – и хочу от твоей

милости, чтобы я мог остаться в саду до конца дня или переночевать в нем, пока не исправит Аллах дело между мной и моим отцом».

И когда садовник услышал слова юноши, он огорчился из-за того, что случилось у него с отцом, и сказал: «О господин, позволишь ли ты мне сходить к твоему отцу и пойти к нему и быть причиной примирения между вами?» И юноша сказал: «О дядюшка, знай, что у моего отца нрав непосильный, и если ты заговоришь с ним о мире, когда он будет в пылу гнева, он к тебе не повернётся». – «Слушаю и повинуюсь!» – сказал садовник. – Но пойдём, о господин, со мною ко мне домой – я положу тебя на ночь между детьми и женой, и никто нас не осудит». – «О дядюшка, я всегда остаюсь один, когда я в гневе», – отвечал царевич, и садовник сказал: «Мне тяжело, что ты будешь спать один, в саду, когда у меня есть дом». – «О батюшка, я делаю это с целью, чтобы прошёл у меня приступ гнева, и я знаю, что мой отец простит меня из-за этого и его сердце ко мне смягчится», – сказал царевич. «Если уж это неизбежно, – молвил садовник, – я принесу тебе постель, чтобы на ней спать, и одеяло, чтобы покрыться». – «О дядюшка, в этом нет дурного», – ответил царевич. И старик поднялся и отпер ворота сада и принёс ему постель и одеяло (а старик не знал, что царевна хочет выйти в сад).

Вот что было с царевичем. Что же касается до няньки, то она отправилась к царевне и рассказала ей, что плоды стали хороши на деревьях, и девушка сказала: «О няня, сойдём со мной в сад и погуляем завтра, если захочет Аллах великий. Пошли к сторожу и осведоми его, что мы будем завтра у него в саду». И старуха послала сказать садовнику, что царевна будет завтра у него в саду и чтобы он не оставлял в саду поливальщиков или рабочих и не давал никому из всех созданий Аллаха войти в сад. И когда пришло к старику известие от царевны, он привёл протоки в порядок и встретился с царевичем и сказал ему: «Царевна – владелица этого сада, и ты, о господин мой, простишь, и это место – твоё место, а я живу только твоими милостями, но мой язык у меня под ногами. И я уведомляю тебя, что царевна Хайят-ан-Нуфус хочет спуститься в сад завтра в начале дня и приказала мне не давать никому в саду её увидеть. И я хочу от твоей милости, чтобы ты вышел сегодня из сада; царевна останется здесь только сегодняшней день до послеполуденного времени, а потом сад будет твой на месяцы, века и годы». – «О старец, – сказал царевич, – может быть, тебе досталось из-за нас дурное?» И садовник воскликнул: «Нет, клянусь Аллахом, о мой владыка, мне достался из-за тебя один почёт!» И тогда юноша молвил: «Если так, то тебе достанется от нас только всяческое благо. Я спрячусь в этом саду, и никто меня не увидит, пока царевна не уйдёт к себе во дворец». – «О господин, – сказал садовник, – если она увидит тень человека из созданий Аллаха великого, она отрубит мне голову...»

И Шахразад устроил, и она прекратила дозволенные речи.

Семьсот двадцать девятая ночь

Когда же настала семьсот двадцать девятая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что старик сказал юноше: „Когда царевна увидит тень человека, она отрубит мне голову“. И юноша молвил: „Я не дам никому увидеть себя вообще и совершенно. Нет сомнения, что тебе сегодня не хватает на расходы для твоей семьи“. И он протянул руку к мешку и вынул оттуда пятьсот динаров и сказал старику: „Возьми это золото и трать на твоих родных, и пусть твоё сердце за них успокоится“. И когда старик взглянул на золото, его душа стала для него ничтожной, и он подтвердил царевичу, чтобы тот не появлялся в саду, и оставил его сидеть там. И вот что было с садовником и сыном царя.

Что же касается царевны, то, когда наступило утро следующего дня, к ней вошли её слуги и она приказала открыть потайную дверь, которая вела в сад, где стоял дворец, и надела царственную одежду, украшенную жемчугом, яхонтами и драгоценностями, и под одежду она надела тонкую рубашку, украшенную яхонтами, а под всем этим было то, что

бессилен описать язык, от чего смущается душа и от любви к чему становится храбрым трус. А на голове у неё был венец из червонного золота, украшенный жемчугом и драгоценными камнями, и она ходила в башмачках со свежим жемчугом, сделанных из червонного золота и украшенных драгоценными камнями и металлами. И она положила руку на плечо старухи и велела выходить через потайную дверь, и вдруг старуха посмотрела в сад и увидела, что он наполнился слугами и невольницами, которые ели плоды и мутили каналы, желая насладиться в этот день игрой и прогулкой, и сказала царевне: «Ты обладаешь обильным умом и полной сообразительностью и знаешь, что тебе не нужны в саду эти слуги. Если бы ты выходила из дворца твоего отца, их выход с тобою был бы, конечно, для тебя почётом, но ведь ты, о госпожа, выходишь через потайную дверь в сад, так что не видит тебя никто из тварей Аллаха великого». – «Ты права, о нянюшка. Как же нам поступить?» – спросила царевна, и старуха сказала ей: «Прикажи слугам, чтобы они вернулись. Я говорю тебе об этом только из уважения к царю». И царевна велела слугам вернуться, и нянька сказала ей: «Остались ещё некоторые слуги, которые хотят порчи на земле; отпусти их и оставь при себе только двух невольниц, чтобы мы повеселились с ними». И когда нянька увидела, что сердце царевны прояснилось и время стало для неё безоблачным, она сказала: «Вот теперь мы сделаем хорошую прогулку. Пойдём сейчас в сад». И царевна поднялась и положила руку няньке на плечо и вышла через потайную дверь, и её невольницы шли перед нею, и царевна смеялась над ними, покачиваясь в своих одеждах. А нянька шла впереди неё и показывала царевне деревья и кормила её плодами. И она ходила с места на место и шла до тех пор, пока не дошла до дворца. И когда царевна посмотрела на него, она увидела, что он обновлён, и воскликнула: «О нянюшка, разве ты не видишь, что колонны дворца построены и стены выбелены?» – «Клянусь Аллахом, о госпожа, – сказала нянька, – я слышала разговоры, будто садовник взял у некоторых торговцев материю и продал её и купил на вырученные деньги кирпича, извёстки, гипса, камней и прочего, и я спросила его, что он с этим сделает, и он сказал мне: „Я отстроил дворец, который был заброшен“, а потом старик говорил: „Купцы потребовали с меня то, что я им должен, и я сказал им: „Вот царевна спустится в сад и увидит постройку, и она ей понравится. И когда царевна придёт, я возьму то, что она мне пожалует, и отдам купцам долг и все, что им следует“. И я спросила его: „Что побудило тебя к этому?“ И он сказал мне: „Я увидел, что дворец развалился и колонны его разрушены и штукатурка на нем облупилась, и ни в ком не видел я щедрости, чтобы отстроить его. И тогда я занял денег на свой страх и отстроил его и надеюсь, что царевна сделает то, что её достойно“. И я сказала ему: „Царевна вся – благо и возмещение“. И он сделал все это, только желая от тебя милости“. – „Клянусь Аллахом, – воскликнула царевна, – он отстроил дворец из благородства и сделал дело великодушных! Позови ко мне казначейшу!»

И нянька позвала казначейшу, и та тотчас же явилась к царевне, и царевна приказала ей дать садовнику две тысячи динаров, и старуха послала к садовнику человека, и посланный, придя к нему, сказал: «Тебе надлежит исполнить приказание царевны». И когда садовник услышал от посланного эти слова, суставы его задрожали, и сила его ослабла, и он сказал про себя: «Нет сомнения, что царевна увидела юношу, и будет этот день для меня днём самым злосчастливым». И он вышел и пошёл домой и осведомил обо всем свою жену и детей и сделал завещание и простился с ними, и они стали его оплакивать, а он пошёл и остановился перед царевной, и лицо его было как шафран, и он едва не падал во всю длину. И старуха заметила это и помогла ему словами и сказала: «О старец, целуй землю, благодари Аллаха великого и вознеси молитвы за царевну. Я осведомила её о том, что ты сделал, отстроив заброшенный дворец, и она обрадовалась и пожаловала тебе за это две тысячи динаров. Возьми их у казначейши и молись за царевну и поцелуй перед ней землю, а потом возвращайся своей дорогой».

И садовник, услышав от няньки эти слова, взял две тысячи динаров и поцеловал землю меж рук царской дочери и пожелал ей блага, а потом он вернулся в своё жилище, и его родные обрадовались и пожелали блага тому, кто был причиною всего этого дела...»

И Шахразадку застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Ночь, дополняющая до семисот тридцати

Когда же настала ночь, дополняющая до семисот тридцати, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что старик сторож взял две тысячи динаров у царевны и вернулся в своё жилище и его родные обрадовались и пожелали блага тому, кто был причиной всего этого, и вот что было с ними.

Что же касается старухи, то она сказала: «О госпожа, это место стало красивым, и я никогда не видела извёстки чище этой и масла лучше этого. Посмотреть бы, поправил ли он дворец снаружи и внутри, или покрыл его снаружи штукатуркой, а внутри сажей. Войдём посмотрим на него внутри».

И нянька вошла, а сзади неё царевна, и они увидели, что дворец разрисован и украшен внутри самыми лучшими рисунками. И царевна посмотрела направо и налево и дошла до середины портика, и тогда она взглянула на него и долго на него смотрела, и нянька поняла, что её глаза заметили изображение сна. И она подозвала обеих невольниц к себе, чтобы они не отвлекали царевны. Когда царевна увидела изображение сна, она обратилась к старухе, удивлённая, ударяя рукой об руку, и сказала: «О няня, пойдёшь посмотри на вещь столь удивительную, что будь она написана иглами в уголках глаз, она была бы назиданием для поучающихся». – «А что это такое, о госпожа?» – спросила старуха, и царевна сказала: «Войди в середину портика и посмотри и о том, что увидишь, осведоми меня». И старуха вошла и всмотрелась в изображение сна и вышла, удивлённая, и воскликнула: «Клянусь Аллахом, о госпожа, это изображение сада, охотника и сетей и всего, что ты видела во сне. И удержало самца, когда он улетел, от возвращения к самке и освобождения её из сетей охотника только великое препятствие. Я увидела, что он в когтях хищника и тот его убил, выпил его кровь, разорвал его мясо и съел его, и в этом, о госпожа, причина того, что он задержался и не вернулся к самке и не освободил её из сети. Но диво, о госпожа моя, в том, что этот сон нарисован красками, и если бы ты захотела это сделать, ты была бы не в силах его изобразить. Клянусь Аллахом, это вещь диковинная, которую должно записать в книгах! Но, может быть, о госпожа, ангелы, приставленные к сынам Адама, узнали, что птица-самец обижена, так как мы её обидели, упрекая её за то, что она не вернулась, и выставили доказательство за самца и показали, в чем его оправдание. Вот я его сию минуту увидела убитого, в когтях хищника». – «О нянюшка, – сказала царевна, – это птица, над которой исполнился суд и приговор, а мы её обидели». – «О госпожа, меж рук Аллаха великого встретятся тяжущиеся, – ответила старуха. – Но нам стала видна истина, о госпожа, и выяснилось, в чем оправдание птицы-самца. Если бы в него не вцепились когти хищника, который убил его и выпил его кровь и съел его мясо, он бы не задержался и вернулся к своей семье. Наоборот, он возвращался к ней, чтобы освободить её из сети, но против смерти нет хитрости. А сын Адама – тем более: он будет морить себя голодом и накормит жену, и разденет себя, а жену оденет; он прогневит своих родных, а её умилоостивит, и послушается и откажет родителям, а жене даст. Она знает его тайные и вскрытые помыслы и не может вытерпеть без него одну минуту, и если бы он отлучился на одну ночь, её глаза бы не заснули. У неё нет никого дороже его, и она дорожит им больше, чем родителями, и, ложась спать, они обнимаются, и муж кладёт руку под голову жены, и она кладёт руку под голову мужу, как сказал поэт:

Подушкой ей подложил я руку, и спал я с ней,
И ночи сказал: «Продлись, сияет теперь луна».
О ночь! Никогда Аллах не создал подобной ей –
Со сладости началась, с горечью кончилась.

А после этого муж целует жену, а жена целует мужа. Среди того, что случилось у

одного царя с его женой, было то, что она заболела и умерла и он похоронил себя с нею, будучи жив, и согласился на смерть из любви к жене и крайней привязанности, бывшей между ними. То же случилось, когда один царь заболел и умер и его захотели похоронить, и его жена сказала родным: «Дайте мне похоронить себя с ним заживо, а иначе я убью себя и это будет на вашей совести». И когда поняли, что она не отступится от этого, её оставили, и она бросилась в могилу к мужу от крайней любви к нему и сожаления о нем».

И старуха до тех пор рассказывала царевне истории, повествующие о мужчинах и женщинах, пока не прошла бывшая у неё в сердце ненависть к мужчинам. И когда старуха поняла, что у царевны вновь возникла любовь к мужчинам, она сказала: «Теперь настало нам время погулять в саду». И они вышли из дворца и стали ходить между деревьями, и царевич бросил взгляд, и его взор упал на царевну, и он увидел её облик и стройный её стан, и её розовые щеки, чёрные глаза, великое изящество, блестящую красоту и полное совершенство, и его ум был ошеломлён, и взор его устремился к ней, и исчезло в любви его здоровое разумение. И страсть перешла в нем предел, и все внутри его запылало огнём страсти, и его покрыло беспамятство, и он упал на землю в забытьи. А очнувшись, он увидел, что царевна исчезла с его глаз и скрылась от него за деревьями...»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Шестьсот тридцать первая ночь

Когда же настала шестьсот тридцать первая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что царевич Ардешир прятался в саду, и спустилась туда царевна со старухой, и они стали ходить среди деревьев, и когда царевич увидел девушку, его покрыло беспамятство от охватившей его сильной любви. А очнувшись, он увидел, что царевна исчезла с глаз и скрылась среди деревьев. И тогда он вздохнул из глубины сердца и произнёс такие стихи:

«Когда увидел мой взгляд красу её редкую,
Растерзано было сердце страстью великою.
И брошен, повергнут был на землю тотчас же я,
Не ведала дочь царя, что было со мной тогда.
Нагнувшись, она чарует сердце влюблённого, –
Аллахом молю, – смягчись и сжался ты надо мной!
Владыка, молю, ускорь сближение и счастье дай
Душе ты моей, пока в могилу я не сошёл!
И пусть поцелуй мой десять, десять и десять раз
Уста истомлённого к щеке принесут её».

А старуха до тех пор водила царевну по саду, пока не дошла до того места, где был царевич. И тогда старуха вдруг сказала: «О тайно милостивый, избавь нас от того, что нас страшит!» И когда царевич услышал знак, он вышел из-под прикрытия и принял самодовольный и высокомерный вид и стал ходить среди деревьев, смущая своим станом ветви, и лоб его был окаймлён капельками пота, а щеки его стали как заря – слава Аллаху великому за то, что он создал! И царевна бросила взгляд и увидела юношу. И, увидев его, она надолго устремила на него взор и увидела его красоту и прелесть, и его глаза, которые пленяли газелей, и его стройный стан, позоривший ветви ив. И царевич ошеломил её ум и похитил её разум и поразил её стрелами глаз в сердце, и царевна опросила старуху: «О няня, откуда у нас этот юноша, прекрасный видом?» – «Где он, о госпожа?» – спросила старуха, и царевна ответила: «Вот он, близко, среди деревьев».

И старуха стала оглядываться направо и налево, словно она ничего о нем не ведала, и спросила: «А кто показал этому юноше дорогу в этот сад?» И Хайят-ан-Нуфус воскликнула:

«О, кто расскажет нам об этом юноше – слава тому, кто создал мужчин! А ты, о няня, знаешь его?» – «О госпожа, это тот юноша, который посылал тебе со мной послания», – ответила старуха, и царица (а она потонула в море любви и в огне страсти и увлечения) воскликнула: «О нянюшка, как этот юноша прекрасен! Поистине он красив видом, и я думаю, что на лице земли нет никого лучше».

И когда старуха поняла, что любовь к юноше овладела царицей, она молвила: «Разве я не говорила тебе, о госпожа, что это красивый юноша со светлым ликом?» И царица сказала ей: «О нянюшка, царские дети не знают обстоятельств земной жизни и не знают качеств тех, кто есть на земле, и они ни с кем не общаются, не берут и не дают. О нянюшка, как до него добраться и какой хитростью обратить мне к нему лицо, и что я скажу ему, и он мне скажет?» – «А какая есть теперь у меня в руках хитрость?» – ответила старуха. – Мы не знаем, как поступить в этом деле из-за тебя». – «О нянюшка, – воскликнула царица, – знай, что никто не умер от страсти, кроме меня! Я уверена, что умру сейчас же, и все это из-за огня любви».

И когда старуха слышала слова девушки и увидела её страсть в любви к юноше, она сказала: «О госпожа, что касается до его прихода к тебе, то к этому нет пути, а тебе простительно, что ты не пошла к нему, потому что ты молоденькая. Но идём со мной, и я буду идти впереди, пока ты не дойдёшь до него, и я стану с ним разговаривать, так что тебе не будет стыдно, и в один миг у вас с ним возникнет дружба». – «Иди впереди меня – приговора Аллаха не отвратить», – сказала царица. И няня с царицей пошла и подошла к царевичу, который сидел, подобный луне в её полноте. И когда они подошли к нему, старуха сказала: «Посмотри, о юноша, кто пришёл к тебе – это дочь царя времени, Хайят-ан-Нуфус».

Узнай же ей цену и значение того, что она пошла и пришла к тебе. Встань из уважения к ней и стой перед нею на ногах». И царевич в тот же час и минуту поднялся на ноги, и его взор встретился с её взором, и оба они стали как пьяные, без вина, и ещё увеличилась любовь царевича и его страсть к ней. И царица раскинула руки, и юноша также, и они обнялись, охваченные крайним томлением, и одолела их любовь и страсть, и покрыло их беспамятство, и они упали на землю, и оставались без чувств долгое время. И старуха испугалась позора и внесла их во дворец и села у дверей его, а невольницам она сказала: «Пользуйтесь и гуляйте, – царица спит». И невольницы снова пошли гулять. А влюблённые очнулись от забытья и увидели себя внутри дворца, и юноша сказал царице: «Заклинаю тебя Аллахом, о владычица красавиц, – сон ли это, или пучки сновидений?» И затем они обнялись и опьянели без вина и стали жаловаться на волнение страсти, и юноша произнёс такие стихи:

«Восходит с лица её сияющий солнца лик,
И так же со щёк её румянец зари блестит.
Когда появляется смотрящим лицо её,
Смущённо скрывается звезда в небесах пред ним,
Когда же появятся улыбки её лучи,
Свет утра блеснёт, и мрака тучи рассеет он,
А если свой гибкий стан склонить она вздумает,
Ревнует её тогда ветвь ивы в листве своей,
Достаточно видеть мне её, и доволен я,
Спаси, сохрани её людей и зари господь!
Луне она в долг дала частицу красот своих,
Хотело с ней сходным солнце быть – не могло оно.
Откуда взять солнцу мягкость нежных боков её,
Откуда взять месяцу и внешность и нрав её?
Кто может меня корить за то, что я весь в любви,
И то разделяюсь в ней, то вновь безразделен я?
Моим овладела сердцем, раз лишь взглянув она,
И что уберечь могло бы сердце влюблённое?»

И Шахразадy застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Семьсот тридцать вторая ночь

Когда же настала семьсот тридцать вторая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что, когда царевич окончил свои стихи, царица прижала его к груди и поцеловала в уста и меж глаз, и душа вернулась к юноше, и он принялся сетовать ей на силу страсти, которую испытывал, и жестокость любви и великую тоску и волнение и на то, что случилось с ним из-за суровости её сердца. И царица, услышав его слова, стала целовать ему руки и ноги и обнажила голову, и потемнело на земле, и засияла над ней луна. «О любимый, о предел моих желаний, – да не будет дня разлуки и да не заставит его Аллах к нам вернуться! – сказала царица. И они обнялись и стали плакать, и царица произнесла такие стихи:

«О солнце дня смутивший и лик луны,
Велел убить чертам меня дивным ты.
Сразил мечом он глаз меня режущим,
Куда бежать от глаз меча острого?
С бровей, как лук, мне в сердце разящая
Стрела огня и страсти вонзилася,
А щёк плоды мне рай сулят розовых –
Стерпеть могу и их не рвать разве я?
Твой гибкий стан – расцветшая ивы ветвь,
Плоды её срывать должно любящим
Влечёшь меня насильно ты, сна лишив,
Забыла стыд в любви к тебе всякий я.
Аллах тебе поможет пусть светом дня,
Приблизив даль и миг, когда свидимся!
Так сжался же над сердцем страдающим
И помощи высот твоих ищущим!»

А когда она окончила свои стихи, любовь залила её, и она обезумела и стала плакать слезами обильными, струящимися и сожгла сердце юноши. И он сделался пленником любви к ней и обезумел и подошёл к царице и стал целовать ей руки и плакать сильным плачем. И они не переставая, обменивались укорами, беседовали и говорили стихи, пока не раздался призыв к предвечерней молитве, и не было между ними ничего, кроме этого.

И они собрались уходить, и царица сказала юноше: «О свет моего глаза и последний вздох моего сердца, теперь время разлуки, но когда же будет встреча?» А юноша, которого пронзили стрелы её слов, воскликнул: «Клянусь Аллахом, я не люблю упоминания о разлуке!» И затем царица вышла из дворца, и Ардешир посмотрел на неё и увидел, что она издаёт стоны, от которых расплавится камень, и плачет слезами, подобными дождю, и он потонул от любви в море бедствий и произнёс такие стихи:

«Желанная сердца, все больше я занят
Любовью к тебе, как теперь ухитриться?
Твой лик, точно утро, когда оно встанет,
А кудри напомнили цветом мрак ночи.
Твой стан – точно ветвь, когда гнётся она,
Коль северный ветер её закачает,
А глаз твоих взоры – газелям подобны,

Когда на них взглянут достойные люди.
Твой стан изнурён отягчающим задом –
Ведь тяжек он так, а твой стан легковесен
Вино влаги уст твоих – лучший напиток,
Как мускус пахуч он и чист и прохладен
Газель из степей, перестань же грустить,
Будь щедрой ко мне и пришли мне хоть призыв».

И когда царевна услышала эти слова, сказанные для восхваления её, она вернулась к юноше и обняла его с горящим сердцем, где разлука разжигала огонь, который гасили лишь поцелуи и объятия, и молвила: «Сказал сложивший ходячую поговорку – терпеть без любимого, но не утратить его, – и я непременно придумаю хитрость» чтобы нам встретиться». И потом она простилась с юношей и ушла, не зная, от сильной любви, куда она ставит ноги, и шла до тех пор, пока не увидела себя в своей комнате.

Что же касается юноши, то тоска и безумие его усилились, и он лишился сладости сна. А царевна не вкушала пищи, и истощилось её терпение, и стойкость её ослабела. Когда наступило утро, она позвала няньку, и та явилась и увидела, что состояние царевны изменилось. «Не спрашивай, что со мной: все, что со мной – дело твоих рук», – сказала царевна. И потом она спросила: «Где любимый моего сердца?» – «О госпожа, – сказала старуха, – а когда он с тобой расстался? Разве он был вдали от тебя дольше, чем одну ночь?» – «А разве мне возможно вытерпеть без него и одну минуту! – воскликнула царевна. – Поднимайся, придумай хитрость и сведи меня с ним поскорее, – душа моя почти из меня выходит». – «Продли терпение, о госпожа, пока я не придумаю для вас тонкого дела, о котором никто не узнает», – сказала нянька, и царевна воскликнула: «Клянусь великим Аллахом, если ты не приведёшь его сегодня, я обязательно скажу царю и расскажу ему, что ты меня испортила, и он сбросит тебе голову!» – «Прошу тебя ради Аллаха, потерпи со мной, ибо это дело опасное», – сказала старуха. И она до тех пор унижалась перед царевной, пока не уговорила её потерпеть три дня, и потом царевна сказала ей: «О няня, эти три дня стоят для меня трех лет. Если пройдёт четвёртый день и ты его ко мне не приведёшь, я постараюсь тебя убить».

И нянька вышла от царевны и отправилась в своё жилище, а когда наступило утро четвёртого дня, она позвала всех горничных города и потребовала от них хороших красок, чтобы раскрасить невинную девушку, разрисовать и расписать её, и они принесли ей требуемое, лучшего, какой только есть, сорта. А затем она позвала юношу, и когда тот явился, открыла сундук и вынула из него узел, в котором было платье из женских одежд, стоящее пять тысяч динаров, и повязку, обшитую всевозможными драгоценными камнями, и сказала: «О дитя моё, хочешь ли ты встретиться с Хайят-ан-Нуфус?» И царевич ответил: «Да!» И тогда старуха взяла щипчики и выщипала на лице у царевича волосы и пасурмила его и потом она обнажила его и наложила узоры ему на руки, от ногтей до плеча, и на ноги, от плюсны до бёдер, и расписала ему все тело, и узоры стали подобны красной розе на плитках мрамора. А после этого, через небольшое время, она вымыла юношу и почистила его и вынесла ему рубаху и исподнее и потом одела его в ту царственную одежду с повязкой и покрывалом и научила его, как ходить, и сказала: «Выставляй левую ногу, и отставляй правую». И юноша сделал так, как она ему велела, и пошёл перед ней, и стал он подобен гурии, вышедшей из рая. И старуха сказала ему: «Укрепи своё сердце – ты идёшь к царскому дворцу, и обязательно будут у ворот солдаты и слуги. И если ты их испугаешься или охватит тебя страх, они начнут в тебя всматриваться и узнают тебя, – постигнет нас вред, и пропадут наши души. И если нет у тебя силы на это» осведоми меня». – «Это дело меня не страшит, будь же спокойна душою и прохлади глаза», – ответил царевич. И старуха вышла, идя впереди него, и они дошли до ворот дворца, перед которыми было полно евнухов, и старуха обернулась к юноше, чтобы посмотреть, охватил его страх или нет, и увидела, что он все такой же и не изменился. И когда старуха подошла, главный евнух посмотрел на неё и узнал

её, а позади неё он увидел девушку, описание которой смущает умы, и сказал про себя: «Что до старухи, то это нянька, а что до той, которая сзади, то нет в нашей земле девушки, похожей на неё внешностью и близкой к ней по красоте и изяществу, если только это не царевна Хайят-ан-Нуфус, но она взаперти и никогда не выходит. Если бы узнать, как она вышла на дорогу! Посмотреть бы, вышла ли она с позволения царя или без его позволения!»

И он поднялся на ноги, чтобы выяснить это дело, и за ним последовали около тридцати евнухов, и когда старуха увидела их, её ум улетел, и она воскликнула: «Поистине мы принадлежим Аллаху и к нему возвращаемся! Пропали наши души сейчас, нет сомнения...»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Семьсот тридцать третья ночь

Когда же настала семьсот тридцать третья ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что, когда старуха увидела главного евнуха, который приближался со своими слугами, её охватил величайший страх, и она воскликнула: „Нет мощи и силы, кроме как у Аллаха! Поистине мы принадлежим Аллаху и к нему возвращаемся! Пропали наши души сейчас, нет сомнения!“»

И когда главный евнух услышал слова старухи, его охватил страх, так как он знал ярость царевны и знал, что отец под её властью. «Может быть, царь велел няньке взять свою дочь с собой, чтобы исполнить какое-нибудь дело, и не хочет, чтобы кто-нибудь о ней знал, – сказал он про себя. – Если я стану ей противодействовать, у неё в душе будет из-за меня нечто великое, и она скажет: „Этот евнух встал передо мною, чтобы раскрыть мои обстоятельства“, – и постарается меня убить. Нет мне нужды до этого дела». И он повернул назад, и тридцать евнухов вернулись с ним к воротам дворца и отогнали людей от дворцовых ворот, и тогда старуха вошла и поздоровалась с ними головой, и тридцать евнухов встали из уважения к ней и возвратили ей приветствие. И старуха вошла, и царевич вошёл сзади, и они входили в разные двери, и прошли через все помещения, и покрывал их покрывающий, пока они не дошли до седьмой двери, – а это была дверь самого большого дворца, в котором находился царский престол, и через неё можно было пройти в комнаты наложниц, помещение гарема и дворец царской дочери. И старуха остановилась там и сказала: «О дитя моё, вот мы пришли сюда, да будет же хвала тому, кто привёл нас; к этому месту! О дитя моё, встреча придёт к нам не раньше чем ночью, так как ночь – покров для боящегося». – «Ты права. Как же ухитриться?» – спросил царевич, и старуха сказала: «Спрячься в этом тёмном месте».

И царевич сел в колодец, а старуха отправилась в другое место и оставила юношу в колодце до тех пор, пока день не повернул на закат, и тогда она пришла к нему и вытащила его из колодца, и они вошли в ворота дворца и входили в двери, пока не подошли к комнате Хайят-ан-Нуфус. И нянька постучала в дверь, и вышла маленькая невольница и спросила: «Кто у дверей?» И нянька ответила: «Я». И тогда невольница вернулась и спросила у своей госпожи позволения няньке войти, и царевна сказала: «Открой ей и дай ей войти и тому, кто с нею». И оба вошли.

И когда они явились, нянька обернулась к Хайят-ан-Нуфус и увидела, что та уже приготовила помещение и расставила светильники и покрыла скамеечки и портики коврами и положила подушки и зажгла свечи в золотых и серебряных подсвечниках. И она поставила трапезу и плоды и сладости и зажгла мускус, алоэ и амбру и села среди свечей и светильников, и свет её лица был сильнее всего их света. И, увидев няньку, она спросила: «О няня, где возлюбленный моего сердца?» И старуха ответила: «О госпожа, я его не встречала, и мой глаз не падал на него, но я привела к тебе его сестру по отцу и по матери». – «Что ты – бесноватая? Нет мне нужды в его сестре! Разве, когда болит у человека голова, он перевязывает себе руку!» – воскликнула царевна. И нянька ответила: «Нет, клянусь Аллахом, о госпожа, но взгляни на неё, и если она тебе понравится, оставь её у себя».

И она открыла лицо юноши, и когда царевна узнала его, она поднялась на ноги и прижала его к груди, и они упали на землю, покрытые беспамятством на долгое время. И нянька брызнула на них розовой водой, и они очнулись, и царевна поцеловала его в уста более чем тысячей поцелуев и произнесла такие стихи:

«Посетил любимый сердца в темноте,
Я стояла, в уваженье, пока сел.
Я сказала: «О желанный, о мой друг,
Не боялся стражи, ночью ты пришёл!»
Он ответил: «Я боялся, по любовь
Вздох последний мой и душу отберёт».
Обнялись мы и лежали так с часок,
Безопасно тут и стража не страшна,
Встали мы, дурного не свершив совсем.
Отряхнули платье – грязи нет на нем...»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Семьсот тридцать четвёртая ночь

Когда же настала семьсот тридцать четвёртая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что, когда к Хайят-ан-Нуфус пришёл во дворец её возлюбленный, они обнялись, и она произнесла стихи, подходящие для этого, а окончив говорить, воскликнула: „Разве правда, что я вижу тебя в моем жилище и ты мой собеседник и друг?“

И затем усилилась её любовь, и измучило её волнение» так что ум её едва не улетел от радости, и она произнесла такие стихи:

«Дороже души моей пришедший во тьме ночной, И в срок, им назначенный, его ожидала я, И вдруг испугал меня рыдания его звук, И молвила я: „Семья, приют и уют тебе!“

И тысячу раз в лицо его целовала я, И тысячу раз обняла, а он был закрыт плащом, И молвила я: «Теперь достигла желанного – Аллаха восхвалим же – он к должному нас привёл!»

И спали мы, как хотели, в ночь наилучшую, Пока не прогнало утро сумрачной ночи тьму»

А когда наступило утро, она ввела царевича в одну из своих комнат, и он не входил к ней, пока не пришла ночь. И тогда царевна привела его к себе, и они сели и стали беседовать. «Я хочу, – сказал царевич, – вернуться в мои земли и осведомить отца о твоих обстоятельствах, чтобы он послал к твоему отцу своего везиря и тот бы посватался к тебе у него». – «О любимый, – сказала царевна, – я боюсь, что ты уйдёшь в свою страну к власти и отвлечёшься и забудешь любовь ко мне, или твой отец не будет согласен с твоими словами, и тогда я умру, и конец. Правильное решение, чтобы ты остался со мной, в моих руках и смотрел бы на моё лицо, и я смотрела бы на твоё лицо, пока я не придумаю для тебя хитрости и мы не выйдем, и я и ты, в одну ночь и не отправимся в твою страну. Я уже отчаялась и не надеюсь больше на моих родных».

И Ардешир отвечал: «Слушаю и повинуюсь!» И они продолжали, как раньше, пить вино. И в какую-то ночь вино было им приятно, и они не задремали и не заснули, пока не заблестала заря. И вдруг случилось, что один из царей прислал отцу царевны подарки, среди которых было ожерелье из бесподобных драгоценных камней, состоявшее из двадцати девяти зёрен, цену которых не покрыли бы сокровищницы царя, и царь сказал: «Это ожерелье подходит только для моей дочери Хайят-ан-Нуфус!» И он обратился к одному евнуху, у которого царевна вырвала зубы из-за обстоятельств, требовавших этого, и позвал его и сказал: «Возьми это ожерелье и доставь его к Хайят-ан-Нуфус и скажи ей: „Один царь

прислал его в подарок твоему отцу, и не найдётся денег, которые бы покрыли его стоимость. Надень же его себе на шею“.

И слуга взял ожерелье, говоря: «Пусть сделает его Аллах великий последним, что она наденет в жизни – она лишила меня пользы от моих зубов!» И пошёл и пришёл к дверям комнаты царевны. И он увидел, что двери заперты и старуха спит у дверей, и разбудил её, и она проснулась, испуганная, и спросила: «Что тебе нужно?» – «Царь послал меня с делом к своей дочери», – ответил евнух. И старуха сказала: «Ключа нет; уходи, а я принесу ключ». – «Я не могу пойти к царю», – оказал евнух. И старуха ушла, чтобы принести ключ, и её охватил страх, и она убежала, ища спасения своей души. И когда евнух заждался её, он побоялся заставить ждать царя и толкнул дверь и потряс её, и защёлка сломалась, и дверь распахнулась. И евнух вошёл и входил в двери, пока не дошёл до седьмых дверей, и, войдя в комнату царевны, он увидел, что она устлана великолепными коврами, и там стоят свечи и кувшины. И евнух удивился этому делу и шёл, пока не дошёл до ложа, перед которым была парчовая занавеска и сетка из драгоценных камней, и, подняв занавеску, евнух увидел царевну, которая лежала, держа в объятиях юношу, прекраснее её. И евнух прославил Аллаха великого, который создал его из ничтожной воды, и воскликнул: «Вот прекрасные дела для той, кто ненавидит мужчин! Как она добралась до этого? Я думаю, что она вырвала мне зубы только из-за него!» И он опустил занавес на место и вышел, направляясь к дверям, и царевна проснулась, испуганная, и увидела евнуха Кафура и кликнула его, но он не отозвался. Тогда она спустилась с ложа и догнала Кафура и, схватив край его одежды, положила его себе на голову и поцеловала евнуху ноги, говоря: «Покрой то, что покрыл Аллах!»

«Аллах да не покроет тебя и того, кто покрывает тебя! – воскликнул евнух. – Ты вырвала мне зубы и говорила: „Пусть никто не упоминает мне ни о каких качествах мужчин“. И он вырвался от неё и вышел бегом и запер дверь и поставил у двери евнуха сторожить её. И он вошёл к царю, и царь спросил его: „Отдал ты ожерелье Хайят-ан-Нуфус?“ – „Клянусь Аллахом, ты достоин большего, чем все это!“ – сказал евнух. И царь воскликнул: „А что случилось? Скажи мне и говори скорее!“ – „Я скажу тебе не иначе как в уединении“, – ответил евнух. Но царь вскричал: „Говори не в уединении!“ – „Дай мне пощаду“, – сказал тогда евнух. И царь бросил ему платок пощады, и евнух сказал: „О царь, я вошёл к царевне Хайят-ан-Нуфус и нашёл её в комнате, устланной коврами, и она спала, держа в объятиях юношу. И я запер их и явился к тебе“.

И когда царь услышал его слова, он поднялся на ноги и взял в руку меч и кликнул главного евнуха и сказал ему: «Возьми твоих молодцов, войди к Хайят-ан-Нуфус и принеси и её и того, кто у неё, лежащими на ложе, и закройте их обоих одеялами...»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Семьсот тридцать пятая ночь

Когда же настала семьсот тридцать пятая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что, когда царь приказал евнуху взять своих молодцов и отправиться к Хайят-ан-Нуфус и принести к нему её и того, кто был с ней, евнух со своими людьми вышел, и они вошли к ней и увидели, что Хайят-ан-Нуфус стоит на ногах и совсем растаяла от плача и стенаний и царевич тоже. И главный евнух сказал юноше: „Ложись на ложе, как раньше, и царевна тоже“. И царевна испугалась за юношу и сказала ему: „Сейчас не время прекословить“. И оба легли, и их понесли и принесли к царю. И когда царь открыл их, царевна поднялась на ноги, и царь посмотрел на неё и хотел отрубить ей голову, но юноша поспешил и бросился царю на грудь и воскликнул: „О царь, на ней нет греха – грех на мне. Убей же меня прежде неё“. И царь направил на него меч, чтобы убить его, и тогда Хайят-ан-Нуфус бросилась к отцу и воскликнула: „Убей меня, но не убивай его. Он сын величайшего царя, который владеет всей землёй и вдоль и вширь“.

И, услышав слова своей дочери, царь обратился к великому везиру (а он был скопищем зла) и спросил его: «Что ты скажешь, о везирь, об этом деле?» И везирь ответил: «Вот, что я скажу: „Всякому, кто попал в это дело, нужно лгать, и нет для них ничего, кроме отсечения головы, после того как ты их помучаешь разными мучениями“».

И тогда царь позвал меченосца своей мести, и тот пришёл со своими молодцами, и царь сказал ему: «Возьмите этого негодяя и отрубите ему голову, а после него – этой распутнице и сожгите их и не спрашивайте меня о них второй раз», И палач положил руку на спину девушки, чтобы схватить её, и царь закричал на него и бросил в него чем-то, что было у него в руке, так что чуть не убил его, и сказал: «О пёс, как ты можешь быть кротким, когда я в гневе? Возьми её рукой за волосы и тащи её за них, чтобы она упала на лицо».

И евнух сделал так, как приказал царь, и потащил царевну, и юношу тоже, и притащил их к месту крови. И он отрезал кусок от края своей одежды и завязал юноше глаза и вынул меч (а он был острый), отложив казнь царевны, в надежде, что для неё последует смягчение. И он занялся царевичем и трижды поиграл мечом (а вся свита плакала и молилась Аллаху, чтобы для обоих вышло смягчение) и поднял руку, и вдруг взвилась пыль, которая застлала края неба.

А причиной этого было то, что, когда царь, отец юноши, заждался вестей о своём сыне, он собрал большое войско и отправился с ним сам, чтобы разыскать своего сына, и вот что было с ним.

Что же касается до царя Абд-аль-Кадира, то, когда появилась эта пыль, он сказал: «О люди, в чем дело и что это за пыль, которая затмила взоры?» И великий везирь поднялся и вышел от царя, направляясь к этой пыли, чтобы узнать о ней истину, и увидел людей, точно саранчу, число которых не исчислялось и подкрепление которым не истощалось, и наполнили они горы, долины и холмы. И везирь вернулся к царю и рассказал ему об этом деле, и царь сказал везиру: «Пойди и узнай, что это за войско и какова причина его прихода в нашу страну, и спроси, кто предводитель войска, и передай ему от меня привет. Спроси о причине его прихода, и если ему надо исполнить какое-нибудь дело, мы ему поможем, а если он должен отомстить кому-нибудь из царей, мы выедем вместе с ним. Если же он хочет подарка, мы одарим его, ибо их великая численность и большое войско и мы боимся его ярости для нашей земли». И везирь вышел и пошёл среди палаток, солдат и воинов и шёл от начала дня до приближения заката. И тогда он подошёл к обладателям золочёных мечей и расшитых звёздами шатров, а после этого он дошёл до эмиров, везирей, царедворцев и наместников, и шёл до тех пор, пока не дошёл до султана. И он увидел, что это великий царь, и когда увидели везирия вельможи правления, они закричали ему: «Целуй землю! Целуй землю!» И он поцеловал землю и поднялся, и закричали на него во второй раз и в третий, и, наконец, он поднял голову и хотел встать, но упал во всю длину от сильного страха и почтения, а встав, наконец, меж рук царя, он сказал ему: «Да продлит Аллах твои дни, да возвеличит твою власть, и да возвысит твой сан, о счастливый царь! – А после того: – Царь Абд-аль-Кадир приветствует тебя и целует перед тобою землю и спрашивает тебя, с какой заботой ты пришёл? Если ты хочешь отомстить царям, он выедет, чтобы служить тебе, а если ты стремишься к цели, которую ему возможно осуществить, он станет служить тебе в этом деле».

И царь сказал ему: «О посланник, пойди к твоему господину и скажи ему: „У царя величайшего есть сын, который отсутствует долгое время, и вести о нем заставляют себя ждать, и исчезли следы его. Если он находится в этом городе, царь возьмёт его и уедет от вас; если же случилось с ним какое-нибудь зло или поразило его у вас что-нибудь запретное, его отец разрушит ваши земли, ограбит ваше имущество, убьёт ваших мужчин и уведёт в плен ваших женщин. Возвращаясь же скорее к твоему господину и осведоми его об этом, прежде чем постигнет его бедствие“». И везирь отвечал: „Слушаю и повинуюсь!“ И хотел уходить, но царедворцы закричали ему: „Целуй землю! Целуй землю!“ И он поцеловал землю двадцать раз и встал лишь тогда, когда душа его подошла к носу. И затем он вышел из царской залы и шёл, размышляя о деле этого царя и о многочисленности его войск, пока не

дошёл до царя Абд-аль-Кадира, и краска сошла с его лица, и был он в величайшем страхе, и поджилки у него тряслись. И он осведомил царя о том, что с ним случилось...»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Семьсот тридцать шестая ночь

Когда же настала семьсот тридцать шестая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что, когда везирь вернулся от царя величайшего и рассказал царю Абд-аль-Кадиру, что с ним случилось (а краска сошла с его лица, и у него тряслись поджилки от сильного страха), царь Абд-аль-Кадир сказал ему, охваченный беспокойством и страхом за себя и за своих людей: „О везирь, а кто же будет сын этого царя?“ – „Его сын-тот, кого ты велел убить, и слава Аллаху, который не ускорил его убийства – его отец разрушил бы тогда наши земли и ограбил бы наше имущество“, – отвечал везирь. И царь воскликнул: „Посмотри, как порочно было твоё мнение, когда ты посоветовал нам его убить! Где же юноша, сын этого доблестного царя?“ – „О доблестный царь, ты приказал его убить“, – сказал везирь. И когда царь услышал эти слова, они ошеломили его разум, и он закричал из глубины сердца и головы: „Горе вам, поспешите к палачу, чтобы он не подверг его казни!“ И палача тотчас же привели, и, явившись, он сказал царю: „О царь времени, я отрубил ему голову, как ты приказал мне“. – „О пёс, – воскликнул царь, – если это правда, я непременно отправлю тебя за ним следом“. – „О царь, – сказал палач, – ты велел мне убить его, не спрашивая тебя о нем второй раз“. – „Я был в гневе! Говори правду, прежде чем погибнет твоя душа!“ – воскликнул царь. И палач сказал: «О царь, он в оковах жизни!»

И царь обрадовался, и успокоилось его сердце, и он велел привести юношу. И когда тот явился, царь встал на ноги и поцеловал его в уста и сказал: «О дитя моё, я прошу у великого Аллаха прощения за то, что случилось из-за меня с тобою. Не говори же о том, что унижит твой сан в глазах твоего отца, царя величайшего». – «О царь времени, а где царь величайший?» – спросил юноша. И царь сказал: «О дитя моё, он пришёл из-за тебя». – «Клянусь моим уважением к тебе, я не двинусь, пока не очищу мою честь и честь твоей дочери от того, что ты нам приписал! – воскликнул царевич. – Она девушка невинная! Позови нянек-повитух, чтобы они её осмотрели перед тобой, и если ты увидишь, что невинность её пропала, я сделаю мою кровь тебе дозволенной, а если она невинна, объяви, что моя честь и её честь свободны от позора».

И царь позвал повитух, и, осмотрев девушку, они нашли её невинной и рассказали об этом царю и потребовали от него награды, и царь наградил их и надел на них то, что было на нем надето, и наградил также всех, кто был в гареме. И вынесли подносы с благовониями и надушили вельмож правления и обрадовались до крайней степени. А потом царь обнял юношу и обошёлся с ним почтительно и с уважением и велел свести его в баню вместе с ближайшими его слугами. А когда он вышел, царь облачил его в роскошную одежду и надел ему на голову венец из Драгоценных камней и обвязал ему стан парчовым поясом, вышитым червонным золотом и украшенным жемчугом и драгоценностями. И он посадил его на коня из лучших коней, под золотым седлом, украшенным жемчугами и драгоценностями, и приказал вельможам правления и главарям своего царства ехать, служа царевичу, пока не приедет к своему отцу, а юноше он поручил сказать своему отцу, царю величайшему: «Царь Абд-аль-Кадир – под твоей властью, послушен и покорён тебе во всем, что ты ему прикажешь или запретишь». И юноша молвил: «Это непременно будет сделано!»

И затем он простился с царём и поехал, направляясь к своему отцу. И когда отец его увидел, ум его взлетел от радости, и он поднялся на ноги и прошёл несколько шагов и обнял сына, и распространилось веселье и радость в войске царя величайшего. И явились все везири и царедворцы и все воины и предводители и поцеловали землю перед юношей и порадовались его приходу, и был это для них, в радости, великий день. И царевич позволил тем, кто был с ним и прочим жителям города царя Абд-аль-Кадира, смотреть, каковы войска

царя величайшего, и приказал, чтобы никто им не препятствовал и они могли бы видеть многочисленность его войска и силу его власти. И все, кто ходил на рынок торговцев материей и видел юношу раньше, когда он сидел там в своём помещении, удивлялись, как он мог согласиться на это при своём благородстве и высоком положении, но принудила его к этому любовь и склонность к царевне. И распространились вести о многочисленности его войска, и дошло это до Хайят-ан-Нуфус, и она поднялась на вышку дворца и посмотрела на горы и увидела, что они наполнены солдатами и воинами. А она была во дворце своего отца, заточенная, под присмотром, до тех пор пока не узнают, что прикажет о ней царь – либо простить её и выпустить, либо убить и сжечь.

И когда Хайят-ан-Нуфус увидела этих воинов и поняла, что это воины отца Ардешира, она испугалась, что царевич её забудет и отвлечётся от неё со своим отцом, с которым он уедет от неё, и её отец её убьёт, и послала к нему свою невольницу, которая была с нею в комнате, чтобы прислуживать, и сказала: «Сходи к Ардеширу, сыну царя, и не бойся, а когда придёшь к нему, поцелуй перед ним землю и осведоми его о себе и скажи: „Моя госпожа приветствует тебя, и она теперь заперта в замке своего отца, под присмотром, и он либо захочет её простить, либо захочет её убить. И она просит тебя не забывать её и не оставлять – ведь ты теперь обладаешь властью и, что бы ты ни посоветовал, никто не может ослушаться твоего приказанья. И если ты сочтёшь хорошим освободить её от власти её отца и взять к себе, это будет от тебя милостью. Она ведь перенесла эти тяготы из-за тебя. А если ты не сочтёшь этого хорошим, так как желание до неё у тебя прошло, скажи твоему отцу, царю величайшему – может быть, он заступится за неё перед отцом и не уедет раньше, чем освободит её от отца, и возьмёт от него обещание и заверение, что он не сделает ей дурного и не вознамерится её убить. И вот конец речи, и да не заставит тебя Аллах тосковать. Мир с тобою...“

И Шахразадку застигло утро, а она прекратила дозволенные речи.

Шестьсот тридцать седьмая ночь

Когда же настала шестьсот тридцать седьмая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что невольница, когда Хайятан-Нуфус послала её к Ардеширу, ночь сыну царя величайшего, пришла к нему и передала ему слова своей госпожи. И царевич, услышав от неё эти слова, горько заплакал и сказал невольнице: „Знай, что Хайят-ан-Нуфус – моя госпожа и я её раб и пленник любви к ней, и я не забыл того, что было между нами, и горечи дня разлуки. Передай же ей, после того как поцелуешь ей ноги, что я сказал: «Я поговорю с моим отцом о тебе, и он пошлёт своего везира, который раньше сватался к тебе у твоего отца, чтобы он опять к тебе посватался, и твой отец не сможет перечить. И если он пришлёт к тебе, чтобы посоветоваться об этом, не прекословь ему, – я уеду в мою страну не иначе, как с тобою“.

И невольница вернулась к госпоже и поцеловала ей руки и передала ей послание царевича, и Хайят-ан-Нуфус, услышав его, заплакала от сильной радости и прославила Аллаха великого.

Вот что было с нею. Что же касается юноши, то он остался ночью наедине с отцом, и тот спросил его, как он поживает и что с ним случилось, и царевич рассказал ему обо всем, что с ним случилось, с начала до конца. И тогда отец спросил: «Что ты хочешь, чтобы я для тебя сделал, о дитя моё? Если ты хочешь его погубить, я разрушу его земли и ограблю его имущество и опозорю его жён». – «Я не хочу ничего такого, о батюшка, так как он ничего со мной не сделал, чтобы этого требовало, – ответил царевич. – Напротив, я хочу сближения с царевной. И я желаю от твоей милости, чтобы ты собрал подарок и поднёс его её отцу, но пусть это будет подарок ценный, и пошли его с твоим везирем, обладателем правильного мнения».

И отец его отвечал: «Слушаю и повинуюсь!» А потом он направился к тому, что он

припрятал с давнего времени, и вынул из этого все дорогое и показал сокровища сыну, и они ему понравились. Потом он позвал везиря и послал все это с ним и велел отнести эти вещи к царю Абд-аль-Кадиру и посвататься у него к его дочери и сказать ему: «Прими этот подарок и дай царю ответ». И везирь пошёл и направился к царю Абд-аль-Кадиру, а царь Абд-аль-Кадир был печален с той минуты, как расстался с царевичем, и его ум был все время занят, и он ожидал разрушения своей страны и захвата своих деревень. И вдруг везирь пришёл к нему и приветствовал его а поцеловал перед ним землю, и царь поднялся для него на ноги и встретил его с почётом, и везирь поспешно припал к его ногам и стал их целовать и сказал: «Прощение, о царь времени! Подобный тебе не встаёт для подобного мне, и я ничтожнейший из рабов твоих слуг. Знай, о царь, что царевич говорил со своим отцом и осведомил его о части твоих милостей к нему и благодеяний, и царь благодарит тебя за это. Он отправил с твоим слугой, который меж твоих рук, подарок, и он желает тебе мира и выделяет тебя особым приветом и почётом».

И когда царь услышал от везиря эти слова, он не поверил ему от сильного страха, пока ему не принесли подарка, и когда ему показали подарок, он увидел, что цены его не покрыть деньгами, и ни один царь из царей земля не в силах собрать подобного, и душа его показалась ему ничтожной. И он поднялся на ноги и прославил Аллаха великого и восхвалил его и поблагодарил юношу, и везирь сказал ему: «О благородный царь, прислушайся к моим словам и знай, что царь величайший пришёл к тебе и избрал близость к тебе, а я явился к тебе послом, желая твоей дочери, госпожи охраняемой и жемчужины скрываемой, Хайят-ан-Нуфус, брака с его сыном Ардеширом. И если ты согласен на это дело и оно угодно тебе, сговоришься со мной о приданом».

И, услышав от везиря эти слова, царь ответил: «Слушаю и повинуюсь! С моей стороны нет прекословия, и он – самый любезный мне человек. Что же касается дочки, то она достигла зрелости и благоразумия, и власть над нею – в её собственных руках. Знай, что это дело относится к дочери – она сама для себя избирает». И он обратился к главному евнуху и сказал ему: «Войди к моей дочери и осведоми её об этих обстоятельствах». И главный евнух отвечал: «Слушаю и повинуюсь!» И прошёл до помещения гарема и, войдя к царевне, поцеловал ей руки и рассказал ей, о чем говорил царь, и спросил: «Что ты скажешь в ответ на эти слова?» И царевна отвечала: «Слушаю и повинуюсь...»

И Шахразату застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Шестьсот тридцать восьмая ночь

Когда же настала шестьсот тридцать восьмая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, когда главный евнух гарема рассказал царевне, что её сватают за сына царя величайшего, она отвечала: „Слушаю и повинуюсь!“ И, услышав эти слова, главный евнух гарема вернулся к царю и осведомил его об ответе. И царь обрадовался сильной радостью и велел подать роскошную одежду и облачил в неё везиря, приказав дать ему десять тысяч динаров, и сказал: „Доставь ответ царю и спроси у него для меня позволения прийти к нему“. И везирь отвечал: „Слушаю и повинуюсь!“ И затем он вышел от царя Абд-аль-Кадира и шёл, пока не дошёл до царя величайшего. И он доставил ему ответ и передал ему слова, которые имел передать, и царь обрадовался этому, а что касается царевича, то ум его взлетел от радости, и грудь его расширилась и расправилась. А потом царь величайший позволил царю Абд-аль-Кадиру прийти к нему и встретиться с ним. И когда настудил следующий день, царь Абд-аль-Кадир сел на коня и явился к царю величайшему. И тот встретил его и возвысил его место и приветствовал его и сел с ним, а царевич стоял перед ними, а затем поднялся оратор из приближённых царя Абд-аль-Кадира и произнёс речь красноречивую, поздравляя царевича с доставшимся ему осуществлением желаемого и женитьбой на царевне, госпоже царевен. А потом царь величайший, после того как оратор сел, приказал принести сундук, наполненный жемчугом и драгоценностями, и пятьдесят тысяч динаров и сказал царю

Абд-альКадиру: „Я поверенный моего сына во всем, на чем утвердилось дело“. И царь Абд-аль-Кадир признал, что получил приданое, в числе которого было пятьдесят тысяч динаров на свадьбу его дочери, госпожи царских дочерей, Хайят-ан-Нуфус.

И после этих речей призвали судей и свидетелей и написали запись дочери царя Абд-аль-Кадира с сыном царя величайшего, Ардеширом, и был это день торжественный, когда радовались все любящие и гневались все ненавидящие и завистники. И затем устроили пиршество и званые трапезы. И царевич вошёл к девушке и нашёл её жемчужиной несверленной и кобылицей, другим не езженной, единственной, охраняемой, драгоценностью сокрываемой, и стало это ясно для её отца. И затем царь величайший спросил своего сына, осталось ли у него в душе желание перед отъездом, и царевич ответил: «Да, о царь. Знай, я хочу отомстить везирию, который причинил нам зло, и евнуху, который выдумал о нас ложь». И царь величайший сейчас же послал к царю Абд-аль-Кадиру, требуя от него этого везирия и евнуха, и тот послал их к нему, и когда они явились, царь велел их повесить на воротах города.

А после того они оставались небольшое время и опросили царя Абд-аль-Кадира позволить своей дочери собираться в путь. И отец снарядил её, и царевну посадили на ложе из червонного золота, украшенное жемчугом и драгоценностями, которое влекли чистокровные кони, и она взяла с собой всех своих невольниц и евнухов, а нянька вернулась на своё место, после бегства, и стала жить, как обычно. И сели на коней царь величайший с сыном, и сели также царь Абд-аль-Кадир и все жители его царства, чтобы проститься с его зятем и дочерью, и был это день, считавшийся одним из лучших дней. И когда они удалились от города, царь величайший стал заклинать свояка, чтобы тот вернулся в свою страну, и царь Абд-аль-Кадир простился с царевичем и возвратился, прижав его сначала к груди и поцеловав его меж глаз, поблагодарив его за милости и благодеяния и поручив ему свою дочь. А после прощания с царём величайшим и его сыном, он обратился к своей дочери и обнял её, а она поцеловала ему руки, и они оба заплакали на месте прощания. И царь Абд-альКади́р вернулся в своё царство, а сын царя величайшего ехал с женой и отцом, пока они не прибыли в свою землю, и тогда они снова справили свадьбу. И они жили самой усладительной, приятной, радостной и сладостной жизнью, пока не пришла к ним Разрушительница наслаждений и Разлучительница собраний, разрушающая дворцы и населяющая могилы, и вот конец этой повести.

Сказка о Бедр-Басиме и Джаухаре (ночи 738-756)

Рассказывают также, о счастливый царь, что был в древние времена и в минувшие века и годы в земле персов царь, которого звали Шахраман. И было его местопребывание в Хорасане. И имел он сто наложниц, но не досталось ему от них в течение всей его жизни ни мальчика, ни девочки, и вспомнил он об этом в один из дней и начал печалиться, так как прошла большая часть его жизни и не досталось ему ребёнка мужского пола, который бы унаследовал после него царство, как он унаследовал его от своих отцов и дедов, и охватило царя из-за этого крайнее огорчение и забота и великая грусть. И когда он сидел в один день из дней, вдруг вошёл к нему кто-то из его невольников и сказал: «О господин, у ворот купец с невольницей, лучше которой не видно». – «Ко мне купца и невольницу!» – воскликнул царь. И купец с невольницей явились к нему, и когда царь взглянул на девушку, он увидел, что она походит на рудейнийское копье и закутана в шелковый изар, вышитый золотом. И купец открыл лицо девушки, и осветилось помещение от её красоты, и с головы её спускались семь кос, которые достигали её ножных браслетов, подобные хвостам коней. И у неё были насурмленные глаза, тяжёлые бедра и тонкий стан, и она исцеляла недуги больного и гасила огонь в жаждущем, как сказал поэт в стихах в этом смысле:

Люблю её! Краса её совершенна,
Вдобавок к ней – спокойствие и кротость.

Не коротка и не длинна, но только
Изар её для бёдер слишком тесен.
А стан её – и узок и широк он,
Ни длинный, ни короткий – безупречен,
Браслеты ног коса опережает,
Но лик её всегда, как день, сияет.

И подивился царь виду девушки и её прелести, и красоте, и стройности её стана, и спросил купца: «О шейх, за сколько эта невольница?» И купец ответил: «О господин, я купил её за две тысячи динаров у купца, который владел ею прежде меня, и вот уже три года с нею путешествую и истратил, пока не достиг этого места, три тысячи динаров. Она будет подарком тебе от меня». И царь пожаловал ему роскошную одежду и велел ему дать десять тысяч динаров, и купец взял их и поцеловал руки царя и поблагодарил его за его милость и благодеяние и ушёл. А царь отдал невольницу горничным и сказал: «Приведите эту девушку в порядок и украсьте её. Уберите для неё комнату и отведите её туда». И велел своим придворным принести ей все, что было нужно. А царство, в котором он жил, находилось на берегу моря, и назывался его город Белым городом. И девушку отвели в её комнату, и были в этой комнате окна, выходившие на море...»

И Шахразад устала, и она прекратила дозволенные речи.

Семьсот тридцать девятая ночь

Когда же настала семьсот тридцать девятая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что, когда царь взял невольницу, он отдал её горничным и сказал: „Приведите её в порядок и отведите её в комнату“, – и велел своим придворным запереть в комнате все двери после того, как девушке принесут все, что ей нужно. И девушку отвели в комнату (а в этой комнате были окна, выходившие на море), а потом царь вошёл к девушке, но она не заговорила с ним и не подумала о нем, и царь сказал: „Похоже, что она была у людей, которые не научили её хорошему обхождению“.

И потом царь посмотрел на эту невольницу и увидел, что она на редкость красива, прелестна, стройна и соразмерна, а лицо её подобно кругу луны в день полноты или незакрытому солнцу на чистом небе, и подивился её красоте и прелести, стройности и соразмерности, и прославил Аллаха-создателя – велико могущество его! А потом царь подошёл к невольнице и сел с нею рядом и прижал её к своей груди. Он посадил её себе на ногу и начал сосать влагу её уст и нашёл её слаще мёда, а потом он велел подать столы с роскошнейшими яствами, состоявшими из всевозможных блюд, и стал царь есть и клал куски в рог невольнице, пока она не насытилась, и девушка не произнесла ни одного слова. И начал царь с ней разговаривать и спрашивать, как её зовут, но девушка молчала, не произнося ни одного слова и не давая ему ответа, и все время сидела, опустив голову к земле, и охраняла её от гнева царя её избыточная красота и прелесть и изнеженность, присущая ей. И царь воскликнул в душе: «Хвала Аллаху, создателю этой девушки! Как она прекрасна! Правда, она ничего не говорит, но совершенство присуще Аллаху великому».

И потом царь спросил невольниц, говорила ли что-нибудь девушка, и они сказали: «С минуты её прибытия и до сего времени она не произнесла ни одного слова, и мы не слышали от неё речей». И царь позвал некоторых невольниц и наложниц и велел им петь девушке и веселиться с нею – быть может, она заговорит. И невольницы и наложницы играли перед ней на всяких инструментах и в разные игры, и по-иному, и пели, так что взволновались все, кто был в помещении, но девушка смотрела на них молча, не смеялась и не говорила. И стеснилась грудь у царя, и он отпустил невольниц и остался наедине с той девушкой и снял с себя одежду и обнажил девушку от одежды своей рукой и, посмотрев на её тело, увидел, что оно подобно слитку серебра, и полюбил её великой любовью. И потом царь встал и

уничтожил её девственность и увидел, что она невинная девушка, и обрадовался сильной радостью и воскликнул про себя: «О диво Аллаха! Как это девушку, прекрасную стройностью и видом, оставили купцы невинной, как она была!»

И он склонился к ней совсем и не смотрел на других и оставил всех своих наложниц и любимиц, и он провёл с девушкой целый год точно один день, а она все не говорила. И сказал ей царь в один день из дней (а увеличилась его страсть и любовь к ней): «О желание души, моя любовь к тебе велика, и я покинул из-за тебя всех моих невольниц, наложниц, жён и любимиц и сделал тебя моей долей в жизни. Я был терпелив с тобою целый год, и я прошу от милости Аллаха великого, чтобы он смягчил ко мне твоё сердце и ты бы заговорила со мной, а если ты немая – осведоми меня знаком, чтобы я пресёк надежду, что ты заговоришь. Я прошу Аллаха – хвала ему! – чтобы он наделил меня от тебя ребёнком мужского пола, который бы наследовал моё царство после меня – я один и одинок, и нет у меня никого, кто бы мне наследовал, и года мои стали велики. Заклинаю тебя Аллахом, – если ты меня любишь, дай мне ответ».

И девушка опустила голову к земле, размышляя, а потом подняла голову и улыбнулась в лицо царю (и показалось царю, что молния наполнила комнату) и сказала: «О доблестный царь и неустрашимый лев, внял Аллах твоей молитве, и я ношу от тебя, и наступило время разрешения, но я не знаю, мужской ли плод, или женский. И если бы я не понесла от тебя, я бы не сказала тебе ни единого слова». И когда услышал царь слова девушки, его лицо просияло от радости и счастья, и он стал целовать ей голову и руки от сильной радости и воскликнул: «Слава Аллаху, который послал мне то, чего я желал: во-первых, ты заговорила, а во-вторых, сказала, что носишь от меня!» И затем царь поднялся и вышел от девушки и сел на престол своего царства, охваченный великим весельем, и велел везирию выдать беднякам, нищим, вдовам и другим сто тысяч динаров в благодарность Аллаху великому и как милостыню от него. И везирь сделал то, что приказал ему царь, а потом, после этого, царь вошёл к девушке и сидел у неё, держа её в объятиях и прижимая её к груди, и говорил ей: «О госпожа моя и владычица моего рабства, почему это молчание? Ты у меня уже целый год, ночью и днём, и лежишь и ходишь, а заговорила со мною за этот год только в сегодняшний день. Какова же причина твоего молчания?»

И сказала невольница: «Слушай, о царь времени, и узнай, что я – бедная чужеземка с разбитым сердцем и покинула мать и родных и брата».

И когда услышал царь её слова, он понял, что она хотела сказать, и молвил: «Что до твоего слова: „Бедная“, – то нет таким речам места, ибо вся моя власть и достояние и то, что я имею, – служат тебе, и я тоже сделался твоим невольником; что же касается твоих слов: „Я покинул мою мать, родных и брата“, – то осведоми меня, в каком они месте, и я пошлю за ними и приведу их к тебе». – «Знай, о счастливый царь, – сказала девушка, – что меня зовут Джулланар-морская, и мой отец был из царей моря, и он умер и оставил нам царство. И мы жили в нем, и вдруг двинулся на нас царь из царей и отнял у нас царство. А у меня есть брат по имени Салих, и мать моя из женщин моря, и мы поспорили с братом, и я дала клятву, что выброшусь к человеку из людей суши. И я вышла из моря и села на краю острова, при свете луны, и проходил мимо меня человек, и он взял меня и увёл в своё жилище и стал меня соблазнять. И я ударила его по голове, так что он едва не умер, и он вышел со мною и продал меня человеку, у которого ты меня взял, а это человек отличный и праведный, верующий, честный и благородный. И если бы твоё сердце не полюбило меня, и ты бы не поставил меня впереди всех твоих наложниц, я бы не пробыла у тебя и одного часа и бросилась бы в море из этого окна и пошла бы к моей матери и родным. Но мне было стыдно пойти к ним, когда я ношу от тебя, и они подумали бы про меня дурное и не поверили бы мне, хотя бы я поклялась, если бы я рассказала им, что меня купил царь на деньги и сделал своим удалом в жизни и избрал меня вместо своих жён и всего того, чем владеет его десница. И вот моя повесть, и конец...»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Ночь, дополняющая до семисот сорока

Когда же настала ночь, дополняющая до семисот сорока, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что Джулланар-морская, когда царь Шахраман стал её расспрашивать, рассказала ему свою историю, с начала до конца, и царь, услышав её слова, поблагодарил её и поцеловал между глаз и сказал ей: „Клянусь Аллахом, о госпожа моя и свет моего глаза, я не могу расстаться с тобой ни на один час, а если ты со мной расстанешься, я сейчас же умру. Как же быть?“ – „О господин, – отвечала невольница, – приблизилось моё время родить, и мои близкие обязательно должны явиться, чтобы ходить за мной, так как женщины суши не знают, как происходят роды у женщин моря, а женщины моря не знают, как происходят роды у женщин суши. И когда мои родные явятся, я помирюсь с ними, и они помирятся со мной“. – „А как они ходят в море и не мокнут?“ – спросил царь. И Джулланар сказала: „Мы ходим в море, как вы ходите по земле, по благодати имён, написанных на перстне Сулеймана, сына Дауда – мир с ними обоими! Но только, о царь, когда придут мои родные и братья, я скажу им, что ты меня купил деньгами и оказал мне милость и благодеяние, и тебе надлежит подтвердить им мои слова, чтобы они своими глазами увидели, каковы твои обстоятельства, и узнали, что ты царь, сын царя“. – „О госпожа, – воскликнул тут царь, – делай, что тебе вздумается и будет любезно – я послушен тебе во всем, что ты делаешь“. – „Знай, о царь времени, – сказала невольница, – что мы ходим в море с открытыми глазами и видим то, что там есть, и видим солнце, месяц, звезды и небо, как будто вес это на лице земли, и это нам не вредит. И узнай также, что в море много племён и разнообразные виды всяких тварей, которые есть на суше, а также узнай, что все, что есть на земле, в сравнении с тем, что есть в море, – очень мало“.

И удивился царь её словам, а затем невольница вынула у себя из плеча два куса камарского алоэ и, взяв часть его, зажгла жаровню с огнём и бросила на неё эту частицу и засвистела великим свистом и начала говорить слова, которых не понимает никто, и поднялся из рукава её великий дым, а царь смотрел. И потом она сказала царю: «О владыка, встань, спрячься в каком-нибудь месте, и я покажу тебе моего брата и мать и близких, так что они тебя не увидят. Я хочу их вызвать, и ты сейчас увидишь на этом месте диво и подивишься, какие создал Аллах великий разнообразные обличия и необычайные образы».

И царь поднялся в тот же час и минуту и вошёл в одно помещение и стал смотреть, что Джулланар будет делать. А она зажигала куренья и колдовала, пока море не вспенилось и не взволновалось. И вышел оттуда юноша прекрасной внешности, красивый видом, подобный луне в её полноте – с блестящим лбом, румяными щеками и устами, как жемчуг и яхонты, и он был больше всех тварей похож на свою сестру, и язык обстоятельств говорил о нем такие стихи:

Луна бывает полной каждый месяц раз,
А краса твоя – та бывает полной во всякий день.
Луна нисходит в сердце лишь одной звезды⁶⁰³,
А себе жилище в сердцах найдёшь ты у всех людей.

А затем вышла из моря поседевшая старуха, с которой было пять девушек, подобных лунам, которые имели сходство с девушкой по имени Джулланар, и царь увидел, что юноша, старуха и девушки идут по водной поверхности и дошли до Джулланар. И когда они приблизились к окошку и Джулланар увидела их, она поднялась и встретила их, радостная и

⁶⁰³ Имеется в виду одна из так называемых «стоянок» луны, то есть тех звёзд, около которых луна, по учению арабских астрономов, последовательно останавливается в каждый из двадцати восьми дней лунного месяца. Восемнадцатая из этих звёзд, Антарес, в созвездии Скорпиона, называется по-арабски «альКальб» – сердце, что объясняет намёк в приведённом стихе.

счастливая, и, увидав её, они её узнали и вошли к ней и обняли её и заплакали сильным плачем, а потом спросили её: «О Джулланар, как ты могла нас оставить на четыре года, и мы не знали, где ты? Клянёмся Аллахом, мир стеснился над нами от горести разлуки с тобой, я мы ни одного дня не наслаждались ни едой, ни питьём и плакали ночью и днём от великой тоски по тебе».

И потом Джулланар стала целовать руку юноши, своего брата, а также руки своей матери и двоюродных сестёр, и они посидели с ней немного, расспрашивая её, как она доживает, что с ней случилось и каково ей теперь, и Джулланар сказала им: «Знайте, что, когда я оставила вас и вышла из моря, я села на краю острова и взял меня один человек и продал купцу, а купец привёл меня в этот город и продал царю за десять тысяч динаров. И царь стал заботиться обо мне и оставил из-за меня всех своих наложниц, ясен и любимиц и, занявшись мной, забыл обо всем, что у него было и что было в его городе».

И, услышав слова Джулланар, её брат воскликнул: «Слава Аллаху, который свёл нас с тобой, но я хочу, о сестрица, чтобы ты поднялась и пошла с нами в нашу страну, к нашим близким». И когда царь услышал слова брата девушки, его ум улетел от страха, что Джулланар согласится со словами своего брата, и он не сможет ей помешать, хотя он охвачен любовью к ней, и он был растерян и очень боялся, что расстанется с девушкой.

Но Джулланар, услышав слова своего брата, отвечала: «Клянусь Аллахом, о брат мой, человек, который меня купил, – царь этого города, и это великий царь и человек разумный, великодушный и превосходный и до крайности щедрый. Он оказал мне уважение и обладает благородством и большими деньгами, и нет у него ребёнка – ни мальчика, ни девочки. Он был ко мне добр и оказал мне всякое благо. И со дня, когда я к нему пришла, до сего времени я не слышала от него дурного слова, которое бы огорчило моё сердце. И он всегда со мной ласков и ничего не делает, не посоветовавшись со мной, и я у него в прекраснейшем положении и в полнейшем довольстве, и к тому же, если я его покину, он погибнет, – он ведь совсем не может со мной расстаться, ни на одну минуту. А я, если расстанусь с ним, тоже умру от сильной любви к нему, так как он был со мной до крайности милостив во время моей жизни у него, и если бы был жив мой отец, моя жизнь у него не была бы подобна жизни у этого великого царя, значительного саном. Вы видите, что я ношу от него, и слава Аллаху, который сделал меня дочерью паря моря, а моим мужем – величайшего царя земли. Не воспрепятствовал мне Аллах великий и воздал мне взамен благом. У царя нет ребёнка, ни мальчика, ни девочки...»

И Шахразад устало застывало, и она прекратила дозволенные речи.

Семьсот сорок первая ночь

Когда же настала семьсот сорок первая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что Джулланар-морская рассказала брагу всю свою историю и сказала: „Аллах великий не воспрепятствовал мне и воздал мне взамен благом. У царя нет ребёнка, ни мальчика, ни девочки, и я прошу Аллаха великого, чтобы он наделил меня сыном, который бы унаследовал от этого великого царя то, чем наделил его Аллах великий из строений, владений и дворцов“.

И когда слышали слова Джулланар её брат и двоюродные сестры, их глаза прохладелись от таких речей, и они сказали: «О Джулланар, тебе известно твоё место у нас, ты знаешь нашу любовь к тебе и уверена, что ты нам дороже всех людей, и убеждена, что мы хотим для тебя счастья, без затруднений и тягот. Если ты несчастлива, пойдём с нами в нашу страну, к близким, а если ты здесь счастлива и живёшь в величии и радости, то именно этого мы жаждем и желаем, и мы хотим только твоего счастья при всех обстоятельствах». – «Клянусь Аллахом, – отвечала Джулланар, – я живу в полном счастье, наслаждении, величии и довольстве».

И когда царь услышал от неё эти слова, он обрадовался, и сердце его успокоилось, и он

поблагодарил Джулланар за это и полюбил её ещё сильнее, и любовь к ней вошла в глубину его сердца, и он понял, что она так же его любит, как он любит её, и хочет у него жить, чтобы увидеть его ребёнка.

А затем девушка по имени Джулланар-морская приказала своим невольницам подать столы и яства из всевозможных блюд (а Джулланар сама готовила кушанья на кухне), и невольницы принесли кушанья, сладости и плоды, и она поела со своими родными, а потом они сказали: «О Джулланар, твой господин – человек нам чужой, и мы вошли к нему в дом без его позволения, и он не знает нас, а ты восхваляешь нам его милости и к тому же принесла нам его пищи, и мы поели и не встретились с ним и не видали его, и он нас не видел и не пришёл к нам и не поел с нами, чтобы были между нами хлеб и соль».

И они все перестали есть и рассердились на Джулланар, и огонь стал выходить из их ртов, точно факел, и когда царь увидел это, ум его улетел от сильного страха перед ними. А Джулланар подошла к ним и успокоила их сердца, и затем она вошла в то помещение, где был царь, её господин, и сказала ему: «О господин, видел ли ты и слышал ли, как я тебя благодарила и прославляла моим родным, и слышал ли ты, как они мне сказали, что хотят взять меня с собой к нашим близким, в нашу страну?» – «Я слышал и видел, – да воздаст тебе Аллах за нас благом! И клянусь Аллахом, я узнал, какова твоя любовь ко мне лишь в эту благословенную минуту и не сомневаюсь, что ты меня любишь», – ответил царь. И Джулланар сказала: «О господин, разве воздают за благо чем-нибудь, кроме блага? Ты был ко мне милостив и оказал мне великие благодеяния, и я вижу, что ты любишь меня величайшей любовью и сделал мне всякое добро, избрав меня среди всех, кого ты любишь и желаешь. Как же может быть приятно моему сердцу расстаться с тобой и уйти от тебя, и как это случится, когда ты ко мне добр и милостив? Я хочу от твоей милости, чтобы ты пришёл и поздоровался с моими родными и увидел бы их, и они бы тебя увидели, и возникли бы между вами приязнь и дружба. И знай, о царь времени, что мой брат и мать и двоюродные сестры полюбили тебя великой любовью, когда я тебя перед ними восхваляла, и сказали: „Мы не уйдём от тебя в нашу страну, пока не встретимся с царём и не пожелаем ему мира“. И они хотят тебя увидеть и подружиться с тобой».

И царь отвечал: «Слушаю и повинуюсь! Таково и моё желание».

И потом он поднялся с места и подошёл к ним и приветствовал их наилучшим приветом. И родные Джулланар поспешили встать перед ним и встретили его наилучшим образом, и царь посидел с ними во дворце и поел с ними. И они оставались с ним в течение тридцати дней, а после этого захотели отправиться в свою страну и в свои жилища и попрощались с царём и с царицею Джулланарморскою и ушли от них, после того как царь оказал им крайний почёт.

Затем Джулланар завершила дни ношения, и пришло время родов, и она родила мальчика, подобного луне в её полноте, и царя охватила из-за этого великая радость, так как ему в жизни не досталось ни сына, ни дочери, и устраивали торжества и украшали город в течение семи дней, будучи в величайшей радости и восторге. А на седьмой день явилась мать царицы Джулланар и её брат и все её двоюродные сестры, когда узнали, что Джулланар родила...»

И Шахразад устал, и она прекратила дозволенные речи.

Семьсот сорок вторая ночь

Когда же настала семьсот сорок вторая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что, когда Джулланар родила и её родные пришли к ней, царь встретил их и обрадовался их приходу и сказал им: „Я говорил: «Не назову своего сына, пока вы не приедете и не назовёте его, как знаете“. И называли ребёнка Бедр-Басим⁶⁰⁴, и все сошлись на

⁶⁰⁴ Бедр-Басим – означает «улыбающаяся луна».

этом имени. А потом они показали мальчика его дяде Салиху, и тот взял его на руки и поднялся и стал ходить с ним по дворцу, а потом вышел из дворца и спустился с ребёнком к солёному морю и шёл, пока не скрылся из глаз царя. И когда увидел царь, что Салих взял его ребёнка и исчез в пучине моря, он потерял надежду его увидеть и начал плакать и рыдать. И, увидев его в таком состоянии, Джулланар сказала: «О царь времени, не бойся и не печалься о твоём сыне. Я люблю моего ребёнка больше, чем ты, и моё дитя с моим братом. Не думай о море, и не бойся, что он утонет. Если бы мой брат знал, что маленькому будет вред, он бы не сделал того, что сделал. И он сейчас принесёт тебе твоего сына невредимым, если захочет Аллах». И прошло не более часа, и вдруг море забилося и взволновалось и вышел оттуда дядя младенца и с ним сын царя, невредимый, и полетел от моря и достиг их. А маленький был у него на руках, и он молчал, и походило его лицо на луну в день её полноты. И дядя младенца посмотрел на царя и сказал ему: «Может быть, ты испугался вреда для твоего сына, когда я сошёл в море, и он был со мной?» И царь ответил: «Да, о господин, я испугался за него и совсем не думал, что он спасётся». – «О царь земли, – ответил Салих, – мы насурьмили его сурьмой, которую знаем, и прочитали над ним имена, написанные на перстне Сулеймана, сына Дауда – мир с ними обоими!» когда у нас рождается новорождённый, мы делаем с ним так, как я тебе сказал. Не бойся же, что он утонет или задохнётся, и не опасайся для него никаких морей, когда он в них опустится, – как вы ходите по суше, так мы ходим по морю».

И затем он вынул из-за пазухи ларчик, исписанный и запечатанный, и сломал печать и рассыпал то, что было в ларце, и посыпались оттуда ожерелья, нанизанные из всевозможных яхонтов и жемчужин, и триста изумрудных прутьев и триста ниток крупных жемчужин, величиной с яйцо страуса, сияние которых ярче сияния солнца и луны, и сказал: «О царь времени, эти жемчужины и яхонты – подарок тебе от меня, так как мы не принесли ещё тебе никакого подарка – мы ведь не знали, в каком месте Джулланар, не видали её следов и не имели о ней вестей. А когда мы увидели, что ты сблизился с ней, и мы стали одной семьёй, мы принесли тебе этот подарок. Через каждые несколько дней мы будем приносить тебе такой же, если захочет великий Аллах, так как этих жемчужин и яхонтов у нас больше, чем на земле камешков. И мы различаем хорошие камни и скверные и знаем все к ним дороги и места, и нам нетрудно добывать их».

И когда царь посмотрел на эти камни и яхонты, его ум был ошеломлён, и смутился его разум, и он воскликнул: «Клянусь Аллахом, один камешек из этих камешков равняется по цене моему царству!» И царь поблагодарил Салиха морского за его милость и посмотрел на царицу Джулланар и сказал ей: «Мне стыдно перед твоим братом, – он оказал мне милость и одарил меня этим роскошным подарком, который не в силах собрать жители земли».

И Джулланар поблагодарила своего брата за то, что он сделал, и её брат сказал: «О царь времени, мы уже были обязаны тебе, и должно нам благодарить тебя, так как ты был милостив к моей сестре, и мы вошли в твоё жилище и поели твоей пищи, а поэт сказал:

И если б заплакать мог я раньше её в любви, Душа исцелилась бы моя до раскаянья, Но раньше заплакала она, и поднялся плач От плача, и я сказал: «Заслуга у первого!»

И если бы, – говорил Салих, – мы тысячу лет простояли на наших лицах, служа тебе, о царь времени, мы не могли бы воздать тебе равным, и этого было бы по отношению к тебе мало». И царь поблагодарил его красноречивой благодарностью, и Салих со своей матерью и двоюродными сёстрами оставался у царя сорок дней, а потом Салих, брат Джулланар, поднялся и поцеловал землю меж рук царя, мужа своей сестры, и когда тот спросил его: «Чего ты хочешь, о Салих?» – Салих сказал: «О царь времени, ты оказал нам благодеяния, и я хочу от твоей близости, чтобы ты подал нам милостыню и дал нам разрешение уйти – мы стосковались по нашим родным, нашей стране и близким и родине, и мы не перестанем служить тебе и нашей сестре и сыну нашей сестры. Клянусь Аллахом, о царь времени, не люблю моему сердцу с вами расстаться, но что же нам делать, когда мы воспитаны в море и не

хороша для нас земля?»

И когда услышал царь его слова, он поднялся на ноги и попрощался с Салихом-мороким и его матерью и двоюродными его сёстрами, и все заплакали из-за разлуки и затем сказали царю: «Скоро мы будем у вас и никогда не порвём с вами, и через каждые несколько дней мы будем вас навещать». И потом они полетели и направились к морю и погрузились в него, скрывшись из глаз...»

И Шахразад устало говорила, и она прекратила дозволенные речи.

Семьсот сорок третья ночь

Когда же настала семьсот сорок третья ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что, когда близкие Джулланар-морской попрощались с царём и Джулланар, они заплакали из-за разлуки с ними, а потом полетели и опустились в море и скрылись из глаз, и царь оказал Джулланар милости и величайшее уважение. И мальчик рос прекрасно, и его дядя, и бабушка, и тётка, и двоюродные сестры его матери через каждые несколько дней приходили в жилище царя и оставались у него месяц или два месяца, а потом возвращались к себе, и увеличивалась с увеличением лет красота и прелесть юноши, пока не стало ему пятнадцать лет жизни, и был он единственным по совершенству, стройности и соразмерности. И он научился письму и чтению, преданиям и грамматике, и лексике, и метанию стрел, и научился играть копьём и научился верховой езде и всему, что нужно царским детям, и не осталось никого из жителей города, мужчин или женщин, кто бы не говорил о прелестях этого ребёнка, так как он был на редкость красив и прелестен, и заключалось его описание в словах поэта:

Написал пушок тёмной амброю на жемчужине
Пару тонких строк, как на яблоке агатом:
«Убивают нас зрачки тёмные, лишь взглянут на нас,
Опьяняют нас щеки нежные без вина».

А вот ещё слова другого:

Вот пушок явился на коже нежной щеки его,
Точно вышивка, на ней осталось смущение.
И казалось мне, что светильник он, подвешенный
Под тьмой волос на двух цепях из амбры.

И любил его царь великой любовью, и вызвал он везиря, эмиров, вельмож правления и знатных людей царства и заставил их дать верные клятвы, что они поставят Бедр-Басима царём над собой после его отца, и все поклялись ему верными клятвами и обрадовались этому. А царь был милостив к народу и мягок в речах, он был средоточием добра и говорил лишь о том, в чем для людей благо. И на следующий день царь сел на коня, с вельможами правления и всеми эмирами, и все воины пошли по городу и вернулись, и когда они приблизились ко дворцу, царь спешил, чтобы служить своему сыну, и вместе со всеми эмирами и вельможами правления понёс перед ним чепрак, так что каждый из эмиров и вельмож правления нёс чепрак некоторое время. И они шли до тех пор, пока не дошли до входа во дворец, и царевич ехал на коне, а затем он спешил, и его отец и эмиры обняли его и посадили на престол царства, и отец его, как и все эмиры, стоял перед ним. И Бедр-Басим стал творить суд между людьми и отставлял обидчика и назначал справедливого, и он продолжал творить суд, пока не приблизился полдень, а потом он поднялся с престола царства и вошёл к своей матери Джулланар-морской, и был у него на голове венец, и походил он на луну. И когда мать увидела своего сына, перед которым шёл царь, она

поднялась и поцеловала его и поздравила со званием султана и пожелала ему и его отцу долгой жизни и победы над врагами. И Бедр-Басим посидел у своей матери и отдохнул.

А когда наступило время предвечерней молитвы, эмиры поехали перед мальчиком, и он приехал на ристалище и играл оружием до времени вечерней молитвы со своим отцом и вельможами правления, а потом он вернулся во дворец, и все люди шли перед ним. И он стал каждый день выезжать на ристалище, а по возвращении садился судить людей и оказывал справедливость и эмиру и бедняку. И он делал так в течение целого года, а после этого стал выезжать на охоту и ловлю и кружил по странам и климатам, которые были ему подвластны, возвещая о безопасности и спокойствии, и поступал так, как поступают цари. И был он единственным среди людей своего времени по величию, доблести и справедливости в делах людей.

И случилось, что царь, родитель Бедр-Басима, заболел в один из дней, и затрепетало его сердце, и почувствовал он, что перейдёт в обитель вечности, и усилилась его болезнь, так что он стал близок к смерти. И тогда призвал он своего сына и наказал ему заботиться о подданных и поручил ему его мать и всех вельмож правления и приближённых и взял с них второй раз обеты и клятвы, что они будут слушаться его сына, и заручился от них клятвами» и после этого он прожил немного дней и преставился к милости Аллаха великого. И стали горевать о нем его сын Бедр-Басим, и жена его Джулланар, и эмиры, и везиры» и вельможи правления, и сделали ему могилу и похоронили его в ней. А потом она просидела, принимая соболезнования, целый месяц, и пришёл Салих, брат Джулланар, и её мать и двоюродные сестры, и стали они её утешать в утрате царя и сказали: «О Джулланар, если царь умер, то он оставил этого доблестного юношу, а кто оставил подобного ему, тот не умер. Вот он, этот бесподобный, равный сокрушающему льву...»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Семьсот сорок четвёртая ночь

Когда же настала семьсот сорок четвёртая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что брат Джулланар Салих, её мать и двоюродные её сестры говорили ей: „Царь умер, но он оставил этого бесподобного юношу, равного сокрушающему льву и блестящему месяцу“.

А потом вельможи правления и знатные люди вошли к царю Бедр-Басиму и сказали ему: «О царь, не беда погоревать о царе, но горевать подобает только женщинам. Не занимай же своего сердца и наших сердец печалью о твоём родителе – он умер и оставил тебя, а кто оставил подобного тебе, тот не умер».

И они стали его уговаривать и утешать, а потом сводили в баню. И когда Бедр-Басим вышел из бани, он надел роскошную одежду, вышитую золотом и украшенную драгоценностями и яхонтами, и возложил на голову царский венец и сел на престол власти и исполнил дела людей и воздал справедливость слабому против сильного и взял должное для бедняка от эмира. И полюбили его люди сильной любовью, и продолжал он так поступать в течение целого года. И через всякий небольшой срок его посещали морские его родственники, и приятна стала его жизнь, и глаз его прохладился.

И так он провёл долгое время, и случилось, что его дядя вошёл в одну ночь из ночей к Джулланар и поздоровался с нею. Джулланар поднялась и обняла его и посадила рядом с собой и спросила: «О брат мой, как ты поживаешь и как поживает моя матушка и дочери моего дяди?» И Салих ответил: «О сестрица, они здоровы и живут во благе и великом счастье, и недостаёт им только взгляда на твоё лицо». И потом Джулланар подала Салиху угощение, и он поел, и завязалась между ними беседа, и они заговорили о царе Бедр-Басиме и его красоте, и прелести, и стройности, и соразмерности, и доблести, и уме, и образованности. А царь Бедр-Басим лежал, и когда он слышал, что его мать и дядя упоминают о нем и разговаривают про него, он сделал вид, что спит, и стал слушать их

разговор. И сказал Салих своей сестре Джулланар: «Твой сын прожил семнадцать лет и не женился. Мы боимся, что случится с ним что-нибудь и не будет у него сына, и я хочу женить его на какой-нибудь из морских царевен, такой же, как он, красивой и прелестной». – «Назови мне их – я их знаю», – сказала Джулланар. И Салих принялся пересчитывать ей царевен, одну за другой, а она говорила: «Не хочу этой для моего сына, и я женю его только на той, что будет ему равна по красоте и прелести, уму и вере, образованию и благородству, и власти, и роду, и племени».

И сказал Салих: «Я не знаю больше ни одной морской царевны. Я перечислил тебе больше ста девушек, и ни одна из них тебе не понравилась. Но посмотри, о сестрица, спит твой сын или нет». И Джулланар потрогала Бедр-Басима и увидела на нем признаки сна и сказала: «Он спит. Но что ты хочешь сказать и зачем тебе нужно, чтобы он спал?» – «О сестрица, – ответил Салих, – знай, что я вспомнил одну девушку из дочерей моря, которая годится для твоего сына, и боюсь, что, если я заговорю о ней, когда он не будет спать, любовь к ней привяжется к его сердцу, а нам, может быть, нельзя будет её достигнуть, и утомимся и он, и мы, и вельможи правления, и будет в этом для нас забота. А поэт сказал:

Любовь вначале, когда возникнет поток слюны,
А как власть возьмёт, превращается в море бурное».

И, услышав слова Салиха, его сестра молвила: «Скажи мне, что это за девушка и как её имя, – я знаю дочерей моря от царей и других, и если я увижу, что она для него годится, я посватаюсь к ней, даже если истрачу на неё все, чем владеют мои руки. Расскажи же мне о ней и ничего не бойся – мой сын спит». – «Я боюсь, что он бодрствует, – ответил Салих. – Ведь сказал же поэт:

Его полюбил, узнав о качествах я его, –
Ведь ухо влюбляется порой раньше ока».

«Говори и будь краток и не бойся, о брат мой», – сказала Джулланар. И Салих молвил: «Клянусь Аллахом, о сестрица, не подходит для твоего сына никто, кроме царевны Джаухары, дочери царя ас-Самандаля. Она подобна ему по красоте, прелести, блеску и совершенству, и не найти ни в море, ни на суше никого мягче её и нежнее чертами. Она красива, прелестна, стройна и соразмерна, и у неё румяные щеки, блестящий лоб, и уста, подобные жемчугам, и тёмные очи, и тяжёлые бедра, и тонкий стан, и прекрасное лицо. Если она взглянет, то смутит серн и газелей, и когда она идёт, ревнует к ней ветвь ивы, а открывая лицо, она позорит солнце и луну и берет в плен всякого смотрящего, и уста её нежны, и члены её гибки».

И Джулланар, услышав слова своего брата, сказала: «Ты прав, о брат мой! Я видела её много раз, и она была моей подругой, когда мы были маленькие, а сегодня мы не знаем одна другую по причине отдаления, и вот уже восемнадцать лет, как я её не видела. Клянусь Аллахом, никто не годится для моего сына, кроме неё!»

И когда Бедр-Басим услышал их слова и понял с начала до конца то, о чем они говорили, описывая девушку, о которой упомянул Салих, то есть Джаухару, дочь царя ас-Самандаля, он полюбил её со слов и прикинулся спящим, и возникло из-за неё в его сердце пламя огня, и он погрузился в море, где не достигнуть ни берега, ни дна...

И Шахразад устал, и она прекратила дозволенные речи.

Семьсот сорок пятая ночь

Когда же настала семьсот сорок пятая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что, когда царь Бедр-Басим услышал слова своего дяди Салиха и своей матери

Джулланар, оказанные при описании дочери царя ас-Самандаля, в его сердце возникло из-за неё пламя огня, и он погрузился в море, где не достигнуть ни берега, ни дна. А Салих посмотрел на свою сестру Джулланар и сказал: „Клянусь Аллахом, сестрица, нет среди царей моря никого глупее и яростнее, чем её отец! Не осведомляй же своего сына об этой девушке, пока мы не посватаемся к ней у её отца, и если он пожалует нам согласие, мы восхвалим Аллаха великого, а если он нас отвергнет и не выдаст её замуж за твоего сына, мы избавимся от его зла и посватаемся к другой“.

И, услышав слова своего брата, Джулланар сказала: «Прекрасное мнение, которое ты принял». И потом они замолчали и проспали эту ночь, а у царя Бедр-Басима было в сердце огненное пламя из-за любви к царевне Джаухаре, но он скрыл своё дело и не сказал матери и дяде ничего о царевне, хотя был из-за любви к ней точно на сковородках с углём. А утром царь и его дядя пошли в баню и вымылись, а выйдя, напились питья, и перед ними поставили кушанья. И царь Бедр-Басим с матерью и дядей слоя, пока не насытились, а потом она вымыли руки, и после этого Салих поднялся на ноги и сказал царю Бедр-Басиму и его матери Джулланар: «С вашего разрешения, я намерен отправиться к родительнице. Я у вас уже несколько дней, и сердце родных беспокоится обо мне, и они меня ожидают». – «Посиди у нас сегодня», – сказал царь Бедр-Басим своему дяде Салиху, и тот послушался его слов, а затем Бедр-Басим сказал: «Пойдём, о дядюшка, выйдем в сад».

И они пошли в сад и стали там ходить и гулять, и царь Бедр-Басим сел под тенистое дерево и хотел отдохнуть и поспать, и вспомнил он о том, что говорил его дядя Салих, описывая девушку и её красоту и прелесть, и заплакал обильными слезами и произнёс такие два стиха:

«Когда бы сказали мне (а пламя огня бы жгло,
И в сердце и теле всем огонь бы и жар пылал):
«Что хочешь и жаждешь ты: увидеть возлюбленных
Иль выпить глоток воды?» В ответ я сказал бы: «Их!»

А потом он принялся жаловаться, стонать и плакать и произнёс такие два стиха:

«Кто заступник от страсти к девушке-лани,
Чей лик солнце – о нет, скажу – она лучше!
Моё сердце не знало к ней прежде страсти,
И любовью к царевне вод загорелось».

И когда дядя его Салих услышал слова юноши, он ударил рукою об руку и воскликнул: «Нет бога, кроме Аллаха, Мухаммед – посол Аллаха, и нет мощи и силы, кроме как у Аллаха, высокого, великого!» И потом он спросил: «Разве ты слышал, о дитя моё, что мы говорили с твоей матерью о царевне Джаухаре и какие мы приписывали ей качества?» – «Да, о дядюшка, и я полюбил её со слов, когда услышал то, что говорили, и моё сердце к ней привязалось, и не могу я вытерпеть без неё», – ответил Бедр-Басим. И Салих сказал: «О царь, давай вернёмся к твоей матери и осведоим её о том, что случилось, и я попрошу у неё разрешения взять тебя с собой и посвататься к царевне Джаухаре, а потом мы простимся с ней и вернёмся. Я боюсь, что, если я возьму тебя и пойду без её позволения, твоя мать на меня рассердится и будет иметь право, так как я окажусь виновником вашей разлуки и её ухода от нас. И город останется без царя, и не будет у подданных никого, кто бы ими управлял и рассматривал их обстоятельства. И расстроятся дела в царстве, и выйдет власть из твоих рук».

И Бедр-Басим, услышав слова своего дяди Салиха, сказал ему: «Знай, о дядюшка, что, если я вернусь к моей матери и посоветуюсь с ней об этом, она мне этого не позволит. Я не вернусь к ней и не посоветуюсь с нею никогда!» И он заплакал перед своим дядей и сказал: «Я пойду с тобой, не осведомляя её, а потом вернусь».

И Салих, услышав слова своего племянника, растерялся и воскликнул: «Прошу помощи у великого Аллаха при всех обстоятельствах!» И когда дядя Бедр-Басима, Салих, увидел своего племянника в таком состоянии и понял, что он не хочет вернуться к своей матери и уведомить её, а пойдёт с ним, он снял с пальца перстень, на котором были вырезаны имена из имён великого Аллаха, и подал его царю Бедр-Басиму и сказал: «Надень его себя на палец: ты будешь в безопасности от потопления и прочих бед и от зла морских животных и рыб». И царь Бедр-Басим взял перстень у своего дяди Салиха и надел его на палец. И потом они нырнули в море...»

И Шахразад устала, и она прекратила дозволенные речи.

Семьсот сорок шестая ночь

Когда же настала семьсот сорок шестая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что, когда царь Бедр-Басим и его дядя Салих нырнули в море, они пошли, и шли до тех пор, пока не пришли ко дворцу Салиха. И они вошли туда, и увидела Бедр-Басима его бабушка, мать его матери, которая сидела со своими близкими, и, войдя, царевич с Салихом поцеловали им руки. Бабка Бедр-Басима, увидав их, встала и обняла юношу и поцеловала его между глаз и сказала: „Благословенный приход, о дитя моё! Как ты оставил твою мать Джулланар?“ – „Здоровой, во благе и благополучии, и она желает мира тебе и своим двоюродным сёстрам“, – сказал Бедр-Басим.

И после этого Салих рассказал своей матери, что произошло между ним и его сестрой Джулланар и как царь Бедр-Басим полюбил со слов царевну Джаухару, дочь царя ас-Самандала, и сообщил ей всю историю с начала до конца.

«Он пришёл лишь для того, чтобы посвататься к ней у её отца и жениться на ней», – сказал Салих. И когда бабушка царя Бедр-Басима услышала слова Салиха, она разгневалась на него сильным гневом и встревожилась и огорчилась и воскликнула: «О дитя моё, ты ошибся, упомянув о царевне Джаухаре, дочери царя ас-Самандала перед твоим племянником. Ты ведь знаешь, что царь ас-Самандал – глупец и притеснитель, малоумный и сильно яростный и он скупится на свою дочь Джаухару перед её женихами. Все цари моря сватались к ней, но он отказался и не согласился ни за кого из них отдать, напротив, отверг их и сказал: „Не равня вы ей ни по красоте, ни по прелести, ни по чему другому“. И мы боимся, что, если посватаемся к ней у её отца, он нас отвергнет, как отверг других, а мы обладаем благородством и вернёмся с разбитыми сердцами».

И, услышав слова своей матери, Салих спросил её: «О матушка, как же быть? Ведь царь Бедр-Басим полюбил эту девушку, когда я говорил о ней с моей сестрой Джулланар, и он сказал: „Мы обязательно посватаемся к ней у её отца, хотя бы я отдал все моё царство“, – и утверждает, что если он на ней не женится, то умрёт от страсти и любви к ней».

И потом Салих сказал своей матери: «Знай, что мой племянник – красивей и прекрасней её и что его отец был царём всей Персии, а теперь он сам царь, и не годится Джаухара никому, кроме него. Я решил взять драгоценных камней – яхонтов и других – и поднести царю подарок, подобающий ему, и посвататься у него к царевне, и если он укажет, что он царь, то Бедр-Басим – тоже царь, сын царя; если же он нам укажет на красоту своей дочери, то Бедр-Басим красивей её, а если он нам укажет на обширность царства, то у Бедр-Басима царство обширней, чем у неё и у её отца, и у него больше войск и телохранителей. Его царство больше царства её отца, и я непременно постараюсь исполнить желание моего племянника, хотя бы моя душа пропала. Я ведь был причиной этого дела, и так же, как я бросил его в моря любви к ней, я постараюсь его женить на ней. Аллах великий поможет мне в этом». – «Делай что хочешь, – сказала ему мать, – и берегись быть грубым в словах, когда будешь говорить с царём. Ты же знаешь его глупость и ярость, а я боюсь, что он бросится на тебя, так как он не признает ничьего сана». И Салих отвечал: «Внимание и повиновение!» А затем он поднялся и, взяв с собой два мешка, наполненные

драгоценностями: яхонтами, изумрудными прутьями, дорогими металлами и всякими камнями, дал их нести своим слугам и пошёл с ними и со своим племянником во дворец царя ас-Самандалья. Он попросил позволения войти, и царь позволил ему, и Салих, войдя, поцеловал землю меж его рук и приветствовал его наилучшим приветом. И, увидав Салиха, царь ас-Самандаль поднялся и оказал ему величайшее уважение и велел ему сесть, и Салих сел, и когда он уселся, царь сказал ему: «Благословенный приход! Ты заставил нас тосковать, о Салих! Какая у тебя нужда, что ты пришёл к нам? Расскажи мне о твоей нужде, чтобы я её исполнял».

И Салих поднялся и поцеловал землю второй раз и сказал: «О царь времени, нужда моя – в Аллахе и в доблестном царе, льве неустрашимом, о ком прекрасную молву развозят едущие, и распространилась в климатах и странах весть о его щедрости, милости, прощении, извинении и благосклонности».

И потом он развязал мешки и, вынув из них камни и прочее, рассыпал их перед царём ас-Самандалем и сказал ему: «О царь времени, быть может, ты примешь мой подарок и окажешь мне милость и залечишь моё сердце, приняв это от меня...»

И Шахразад устало говорила, и она прекратила дозволенные речи.

Семьсот сорок седьмая ночь

Когда же настала семьсот сорок седьмая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что Салих предложил подарок царю ас-Самандалью и сказал ему: „Я желаю от царя, чтобы он оказал мне милость и залечил моё сердце, приняв это от меня“. И царь ас-Самандаль спросил его: „Почему ты даришь мне этот подарок? Расскажи мне твою историю и поведай о своей нужде, и если я властен её исполнить, я исполню её сию же минуту и не заставлю тебя трудиться, а если я бессилён исполнить её, то Аллах возлагает на душу только то, что ей вмог“».

И Салих поднялся и поцеловал землю трижды и сказал: «О царь времени, нужду мою ты исполнять можешь, она под твоей властью, и ты ею владеешь. Я не возложу на царя трудности, и я не бесноватый, чтобы говорить с царём о том, чего он не может. Ведь сказал кто-то из мудрецов: „Если хочешь, чтобы тебя слушались, проси о том, что возможно“. Что же касается моей нужды, о которой я пришёл просить, то царь, да хранит его Аллах, на неё властен». – «Проси о твоей нужде, изложи твоё дело и требуй то, чего хочешь», – сказал царь. И Салих молвил: «О царь времени, знай, что я пришёл к тебе как сват и желаю единственной жемчужины и драгоценности, скрываемой – царевны Джаухары, дочери нашего владыки. Не обмани же, о царь, надежды того, кто к тебе направился». И когда услышал царь слова Салиха, он так засмеялся, что упал навзничь, издеваясь над ним, и воскликнул: «О Салих, я считал тебя человеком разумным и юношей достойным, который старается только со смыслом и говорит лишь здравое. Что же поразило твой разум и призвало тебя на это великое дело и значительную опасность; и ты сватаешься к дочерям царей, властителей стран и климатов? Разве дошёл твой сан до этой высокой ступени и разве уменьшился твой ум до такого предела, что ты говоришь мне в лицо подобные слова?»

«Да направит Аллах царя! – воскликнул Салих. – Я сватаюсь к ней не для себя, а если бы я сватал её для себя, я был бы ей ровнею – нет, больше её, так как ты знаешь, что мой отец – царь из царей моря, хотя ты сегодня и наш царь. Но я сватаюсь к ней лишь для царя Бедр-Басима, властителя климатов Персии, и его отец – царь Шахраман, ярость которого ты знаешь. И если ты утверждаешь, что ты великий царь, то царь Бедр-Басим – ещё больший царь, а если ты заявляешь, что твоя дочь красива, то царь Бедр-Басим красивей её и прекрасней лицом и достойней по роду и племени, ибо он витязь людей своих времён. И если ты согласишься на то, о чем я тебя просил, о царь времени, ты положишь вещь на её место, а если ты станешь над нами величаться, то будешь к нам несправедлив и не пойдёшь с нами по пути правому. Ты ведь знаешь, о царь, что царевне Джаухаре, дочери нашего

владыки, царя, не избежать брака, и говорит мудрец: „Не избежать девушке брака или могилы“. И если ты намерен выдать её замуж, то сын моей сестры более достоин её, чем все люди».

И когда услышал царь слова царя Салиха, он разгневался сильным гневом, и его ум едва не пропал, и душа его чуть не вышла у него из тела, и он воскликнул: «О пёс среди мужчин, разве подобный тебе обращается ко мне с такими словами! Ты упоминаешь о моей дочери в собраниях и говоришь, что сын твоей сестры Джулланар ей ровня, а кто ты сам такой и кто твоя сестра, кто её сын и кто его отец, что ты говоришь мне такие слова и обращаешься ко мне с такими речами? Разве вы в сравнении с нею не псы?» И затем он закричал своим слугам и сказал им: «Эй, слуги, возьмите голову этого бродяги!»

И слуги схватили мечи и обнажили их и направились к Салиху, а тот повернулся, убегая, и направился к воротам дворца. А дойдя до ворот дворца, он увидел своих родичей, и близких, и дружинников, и слуг, которых было больше тысячи витязей, утопавших в железе и закованных в кольчуги, и были у них в руках копыя и белые клинки.

И когда они увидели Салиха в таком состоянии, они спросили его: «Что случилось?» И он рассказал им свою историю. А его мать послала этих людей ему на помощь, и, услышав слова Салиха, они поняли, что царь глуп и сильно яростен, и сошли с коней и, обнажив мечи, вошли к царю ас-Самандалу.

И они увидели, что он сидит на престоле своего царства, не замечая входящих, и сильно разгневан на Салиха, и увидели, что его слуги, прислужники и телохранители не вооружены, и когда царь увидел людей Салиха с обнажёнными мечами в руках, он закричал своим людям и сказал им: «Горе вам! Возьмите головы этих псов!» И не прошло минуты, как побежали люди царя ас-Самандала и положились на бегство, а Салих и его близкие схватили царя ас-Самандала и скрутили его...

И Шахразадку застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Семьсот сорок восьмая ночь

Когда же настала семьсот сорок восьмая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что Салих и его близкие скрутили царя ас-Самандала».

А Джаухара, когда проснулась, узнала, что её отец взят в плен и телохранители его убиты, и вышла из дворца и убежала на какой-то остров и направилась к высокому дереву и спряталась на нем. А когда оба отряда начали сражаться, некоторые телохранители царя ас-Самандала убежали. Их увидал Бедр-Басим и опросил, в чем дело. И они сказали ему, что случилось, и, услышав, что царь ас-Самандаль схвачен, Бедр-Басим пустился бежать и испугался за себя, говоря в сердце: «Эта смута случилась из-за меня, и преследуют лишь меня одного».

И обратился он в бегство, ища спасения, и не знал, куда направиться, и пригнали его извечные судьбы на тот остров, где была Джаухара, дочь царя ас-Самандала. И он подошёл к её дереву и упал на землю, как убитый, чтобы отдохнуть, прилегли, и не знал он, что всякий, кого преследуют, не отдохнёт, и не ведает никто, что скрыто для него в тайно предопределённом. И когда Бедр-Басим лёг, он поднял взоры к дереву, и его глаз упал на глаз Джаухары, и царь посмотрел на неё и увидел, что она подобна месяцу, когда он сияет, и воскликнул: «Хвала создателю этого дивного лица, и он создатель всякой вещи и во всякой вещи властен! Хвала Аллаху великому, создателю, творцу, изобразителю! Клянусь Аллахом, если верно моё опасение, это Джаухара, дочь царя ас-Самандала! Я думаю, она слышала, что начался между ними бой, и убежала и пришла на этот остров и спряталась на этом дереве. А если эта девушка не сама царевна Джаухара, то она прекраснее её».

И Бедр-Басим стал размышлять об этой девушке и сказал про себя: «Встану, схвачу её и спрошу, что с ней, и если это она, посватаюсь к ней у неё самой, а это и есть моё желание». И он поднялся и встал на ноги и сказал Джаухаре: «О предел желаний, кто ты и кто привёл

тебя в это место?» И Джаухара взглянула на Бедр-Басима и увидела, что он подобен луне, когда она показывается из-за чёрных туч, и строен станом, и прекрасна его улыбка, и ответила: «О прекрасный чертами, я царевна Джаухара, дочь царя ас-Самандаля, и я убежала в это место, потому что Салих и его войска сразились с моим отцом и убили его воинов и взяли в плен его самого и часть войска. А я убежала из страха за себя». И затем царевна Джаухара сказала царю Бедр-Басиму: «Я пришла в это место лишь из страха быть убитой и не знаю, что сделало время с моим отцом». И когда Бедр-Басим услышал её слова, он до крайности удивился этому дивному совпадению и воскликнул: «Нет сомнения, что я добился желаемого, раз её отец взят в плен!» И он посмотрел на девушку и сказал ей: «Спустиись, о госпожа, – я убитый любовью к тебе, и глаза твои взяли меня в плен. Из-за меня и из-за тебя была эта смута и эти сражения. Знай, что я – царь Бедр-Басим, царь персов, и что Салих – мой дядя по матери и что он пришёл к твоему отцу и посватался к тебе. А я покинул из-за тебя моё царство, и наша встреча сейчас – чудесное совпадение. Вставай же и спустись ко мне. Мы пойдём с тобой во дворец твоего отца, и я попрошу моего дядю Салиха отпустить его и женюсь на тебе дозволенным образом».

И, услышав слова Бедр-Басима, Джаухара подумала: «Из-за этого-то скверного негодяя произошли такие дела, и мой отец попал в плен, и перебиты его царедворцы и слуги, а я удалилась от моего дворца и убежала, как пленница, на это дерево! Если я не сделаю с ним хитрости, чтобы ею защититься, он овладеет мной и достигнет желаемого, так как он влюблённый, а влюблённого, что бы он ни делал, не порицают».

И она стала обманывать Бедр-Басима разговором и мягкими речами (а тот не знал, какие козни она задумала) и сказала: «О господин мой и свет моего глаза, ты ли – царь Бедр-Басим, сын царицы Джулланар?» – «Да, о госпожа моя», – отвечал Бедр-Басим...»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Семьсот сорок девятая ночь

Когда же настала семьсот сорок девятая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что Джаухара, дочь царя ас-Самандаля, спросила царя Бедр-Басима: „Ты ли, о господин мой, царь Бедр-Басим, сын царицы Джулланар?“ – „Да, о госпожа моя“, – ответил Бедр-Басим. И царевна воскликнула: „Пусть замучит Аллах моего отца и отнимет от него его царство и пусть не залечит его сердца и не вернёт его с чужбины, если он хочет более прекрасного, чем ты, и что-нибудь прекраснее этих нежных черт! Клянусь Аллахом, мало у него ума и рассудительности! О царь времени, – сказала она потом, – не взыщи с моего отца за то, что он сделал, и если ты полюбил меня на пядь, то я полюбила тебя на локоть. Я попала в сети любви к тебе и оказалась в числе убитых тобою, и переместилась любовь, которая была в тебе, и оказалась во мне, и осталась в тебе лишь десятая доля того, что во мне“.

И она спустилась с дерева и приблизилась к юноше и, подойдя к нему, обняла его и прижала к груди и стала его целовать. И когда царь Бедр-Басим увидел, как она с ним поступает, его любовь к ней ещё увеличилась, и страсть его стала ещё сильнее, и он подумал, что царевна его любит, и доверился ей и стал её обнимать и целовать. «О царевна, – сказал он ей, – клянусь Аллахом, мой дядя Салих не описал мне и четверти десятой доля твоей красоты, и ни четверти кирата из двадцати четырех киратов»⁶⁰⁵.

А потом Джаухара прижала его к груди и произнесла слова непонятные и плюнула ему в лицо и воскликнула: «Перейди из образа человеческого в образ птицы, прекраснее всех птиц, с белыми перьями и красным клювом и ногами!» И не окончились ещё её слова, как

⁶⁰⁵ Кират – мера веса, приблизительно равная 0,19 грамма. В образной речи выражение «в двадцать четыре кирата» употребляется, чтобы выразить совершенство и полноту чего-нибудь. «Человек в двадцать четыре кирата» – безупречный, достойный во всех отношениях человек.

царь БедрБасим превратился в птицу, – прекраснейшую из птиц, какие бывают, и встряхнулся, и поднялся на ноги и стал смотреть на Джаухару. А у неё была невольница из числа её невольниц по имени Марсина, и царевна посмотрела на неё и сказала: «Клянусь Аллахом, если бы меня не страшило то, что мой отец в плену у его дяди, я бы его убила! Да не воздаст ему Аллах благом! Как злосчастен его приход к нам. Вся эта смута – из-под его головы! Но возьми его, о невольница, и пойдёшь с ним на безводный остров и оставь его там, чтобы он умер от жажды».

И невольница взяла Бедр-Басима и привела его на остров и хотела уйти от него обратно, но затем она сказала про себя: «Клянусь Аллахом, обладатель такой красоты и прелести не заслуживает того, чтобы умереть от жажды!»

И она увела его с безводного острова и пришла с ним на остров, где было много деревьев, плодов и каналов, и, оставив его там, вернулась к своей госпоже и сказала: «Я оставила его на безводном острове».

Вот что было с Бедр-Басимом. Что же касается Салиха, дяди царя Бедр-Басима, то, когда он овладел царём ас-Самандалем и убил его слуг и телохранителей и царь стал его пленником, Салих принялся искать Джаухару, дочь царя, но не нашёл её. И он вернулся во дворец, к своей матери, и спросил: «О матушка, где мой племянник, царь Бедр-Басим?» И она ответила: «О дитя моё, клянусь Аллахом, я ничего о нем не знаю и не ведаю, куда он исчез. Когда до него дошло, что ты подрался с царём ас-Самандалем и случились между вами сражения и бои, он испугался и убежал».

И Салих, услышав слова своей матери, опечалился о своём племяннике и сказал: «Клянусь Аллахом, мы были небрежны с царём Бедр-Басимом, и я боюсь, что он погибнет, или нападёт на него кто-нибудь из воинов царя ас-Самандала, или же встретит его царевна Джаухара, и будем мы смущены перед его матерью, и не достанется нам от неё блага, так как я взял мальчика без её позволения».

И затем он послал за Бедр-Басимом телохранителей и лазутчиков к морю и в другую сторону, но они не напали на весть о нем и вернулись и осведомили об этом царя Салиха, и увеличились его забота и огорчение, и стеснилась его грудь тоской о царе Бедр-Басиме.

Вот что было с царём Бедр-Басимом и его дядей Салихом. Что же касается его матери, Джулланар-морской, то, когда её сын Бедр-Басим ушёл со своим дядей Салихом, она ждала его, но он к ней не вернулся, и вести о нем не приходили к ней. И она провела много дней, ожидая его, а потом вышла и спустилась в море и пришла к своей матери, и, увидев её, мать поднялась и поцеловала и обняла, и то же сделали её двоюродные сестры. А потом Джулланар спросила свою мать про царя БедрБасима, и та сказала ей: «О дочка, он приходил со своим дядей, и его дядя взял яхонтов и дорогих камней и пошёл с ними к царю ас-Самандалю и посватался к его дочери, но ас-Самандал не согласился и был суров с твоим братом в речах. И я послала к твоему брату около тысячи витязей, и возникла война между ними и царём ас-Самандалем, и помог Аллах против него твоему брату, и он убил его телохранителей и воинов и взял царя ас-Самандала в плен. И дошла весть об этом до твоего сына, и похоже, что он испугался за себя, и он бежал от нас без нашего согласия и не возвращался к нам после этого, и мы не слыхали о нем вестей».

Потом Джулланар стала расспрашивать мать про своего брата Салиха, и та рассказала, что он сидит на престоле царства во дворце царя ас-Самандала и послал во все стороны искать её сына и царевну Джаухару, и, услышав слова своей матери, Джулланар сильно опечалилась о своём сыне, и увеличился гнев её на брата Салиха, так как он взял её сына и спустился с ним в море без её позволения. «О матушка, – сказала она, – я боюсь за царство, которое принадлежит нам, так как я пришла к валу», не уведомив никого из жителей царства. Боюсь, что, если я замешкаюсь, испортятся дела в нашем царстве и выйдет власть у нас из рук, и правильно будет, если я вернусь управлять царством, пока Аллах не устроит для нас дела моего сына. Не забывайте же о моем сыне и не будьте небрежны в его деле – если с ним случится дурное, я несомненно погибну так как я вижу жизнь лишь в нем одном и наслаждаюсь только его жизнью».

И мать Джулланар молвила: «С любовью и уважением, о дочка, не спрашивай, что с нами из-за разлуки с ним и его отсутствия». И потом она послала искать юношу, а его мать вернулась с печальным сердцем и плачущими глазами в своё царство, и тесен стал для неё мир...»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Ночь, дополняющая до семисот пятидесяти

Когда же настала ночь, дополняющая до семисот пятидесяти, она сказала; «Дошло до меня, о счастливый царь, что, когда царица Джулланар вернулась от матери в своё царство, её грудь стеснилась и усилилось её горе, и вот что было с ней.

Что же касается царя Бедр-Басима, то, когда царевна Джаухара его заколдовала и послала его со своей невольницей на безводный остров, сказав ей: «Оставь его там умирать от жажды», – невольница оставила его на острове зеленом и плодоносном, где были деревья и каналы. И Бедр-Басим стал есть плоды и пить из каналов, и провёл так несколько дней и ночей в образе птицы, не зная, куда направиться и как полететь. И вот, когда, в один день из дней, он был на этом острове, вдруг пришёл туда охотник из охотников, чтобы поймать что-нибудь, чем прокормиться, и увидел царя Бедр-Басима, который был в образе птицы с белыми перьями и красным клювом и ногами и пленял взоры и ошеломлял ум. И охотник посмотрел на птицу, и она ему понравилась, и он воскликнул про себя: «Поистине эта птица прекрасна, и я не видал птицы, подобной ей по красоте и виду». И он накинул на птицу сеть и поймал её и привёл в город, думая про себя: «Я продам её и возьму её цену», – и встретил его кто-то из жителей города и спросил: «Сколько за эту птицу, охотник?» И охотник сказал ему: «Когда ты её купишь, что ты станешь с ней делать?» – «Я зарежу её и съем», – ответил горожанин. И охотник воскликнул: «Чьё сердце согласится зарезать эту птицу и съесть её? Я хочу подарить её царю – он даст мне больше того количества денег, которое дашь мне ты за неё в уплату, и не зарежет её, а будет смотреть на неё и на её красоту и прелесть. Ведь за всю жизнь, пока я охотник, я не видел подобной ей среди дичи моря и дичи земли. А ты, если соблазнишься ею, дашь мне за неё самое большее дирхем, и клянусь Аллахом великим, я её не продам».

И охотник пошёл с птицей ко дворцу царя, и когда царь увидел птицу, ему понравилась её красота и прелесть, и её красный клюв и ноги. И он послал к охотнику евнуха, чтобы купить птицу, и евнух подошёл к нему и спросил его: «Ты продаёшь эту птицу?» – «Нет, но она будет царю от меня подарком», – ответил охотник. И евнух взял птицу и отправился с ней к царю и рассказал ему о том, что говорил охотник, и царь взял птицу и дал охотнику десять динаров, и охотник взял их и поцеловал землю и ушёл.

А евнух пришёл с птицей в царский дворец и посадил её в красивую клетку и повесил её и поставил возле птицы корм и питьё. И когда царь пришёл, он спросил евнуха: «Где птица? Принеси её, чтобы я на неё посмотрел. Клянусь Аллахом, она красива!» И евнух принёс птицу и поставил перед царём, и тот увидел, что птица ничего не съела из корма, бывшего возле неё. «Клянусь Аллахом, – воскликнул царь, – я не знаю, что она ест и чем бы её накормить!»

И он велел принести кушанья, и принесли столы, и царь стал есть кушанья, и когда птица увидела мясо, сладости и плоды, она поела всего, что было на скатерти, лежавшей перед царём, и царь оторопел и удивился, что она ест, и присутствующие также удивились.

И царь сказал бывшим вокруг него слугам и невольникам: «Я в жизни не видал, чтобы птица ела так, как эта птица!» И потом он велел привести свою жену, чтобы она на неё посмотрела. И евнух пошёл, чтобы привести царицу, и, увидев её, сказал: «О госпожа, царь требует тебя, чтобы ты посмотрела на птицу, которую он купил. Когда мы принесли кушанья, она вылетела из клетки и села на стол и поела всего, что там было. Поднимись же, госпожа, и посмотри на неё, она красива видом и чудо из чудес времени».

И царица, услышав слова евнуха, поспешно пришла, но когда она посмотрела на птицу и как следует разглядела её, она закрыла лицо и повернула обратно. И царь вышел за нею и опросил: «Почему ты закрыла лицо, когда возле тебя нет никого, кроме невольниц и евнухов, которые служат тебе, и твоего мужа?» И царица отвечала: «О царь, эта птица – не птица, – это такой же человек, как ты». – «Лжешь! – оказал царь, услышав слова жены.

Как ты много шутишь! Как это может быть не птица?» – «Клянусь Аллахом, я не шутила с тобой и сказала тебе только правду, – отвечала царица. – Эта птица – царь Бедр-Басим, сын царя Шахрамана, властителя страны персов, а его мать – Джулланар-морская...»

И Шахразату застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Шестьсот пятьдесят первая ночь

Когда же настала шестьсот пятьдесят первая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что, когда жена царя сказала царю: „Это не птица, а человек, как ты, и это царь Бедр-Басим, сын царя Шахрамана, а его мать – Джулланар-морская“, – царь спросил её. „А как же он оказался в таком виде?“ И жена его ответила: „Его заколдовала царевна Джаухара, дочь царя ас-Самандала“.

И затем она рассказала ему о том, что случилось с Бедр-Басимом, от начала до конца, и о том, как он посватался к Джаухаре у её отца, но тот не согласился, и как его дядя Салих вступил в бой с царём ас-Самандалем и победил его и взял в плен, и, услышав слова своей жены, царь до крайности удивился. А эта царица, его жена, была самой искусной колдуньей своего времени, и царь сказал ей: «Ради моей жизни, освободи его от чар и не оставляй в мучениях. Отруби, Аллах великий, руку Джаухаре! Какая она скверная, как мала её вера и как велики её обманы и козни!» – «Скажи ему: „О Бедр-Басим, войди в эту комнату!“ И царь приказал юноше войти в комнату, и Бедр-Басим, услышав слова царя, вошёл в неё. И жена царя поднялась и закрыла себе лицо и, взяв в руки чашку с водой, вошла в комнату и произнесла над водой слова непонятные, а затем она сказала Бедр-Басиму: „Заклинаю тебя этими великими именами и благородными чудесами, заклинаю тебя Аллахом великим, творцом небес и земли, оживляющим мёртвых и определяющим надель и сроки, – выйди из того образа, в котором ты пребываешь, и вернись к образу, в котором сотворил тебя Аллах!“ И не закончились ещё её слова, как Бедр-Басим встряхнулся и снова принял человеческий образ, и царь увидел, что это красивый юноша, прекрасней которого нет на лице земли. И когда Бедр-Басим увидел себя в таком виде, он воскликнул: „Нет бога, кроме Аллаха, Мухаммед – посол Аллаха! Слава творцу тварей, определяющему их удел и конец!“ И затем он поцеловал царю руку и пожелал ему долгой жизни, а царь поцеловал Бедр-Басима в голову и сказал: „О Бедр-Басим, расскажи мне твою историю с начала до конца“.

И царь Бедр-Басим рассказал ему свою историю и ничего от него не утаил, и царь удивился всему этому и сказал: «О Бедр-Басим, теперь Аллах освободил тебя от чар! Чего же требует твоё мнение и что ты хочешь делать?» – «О царь времени, – ответил Бедр-Басим, – я хочу от твоей милости, чтобы ты снарядил для меня корабль и несколько слуг и дал мне все, что мне нужно. Я уже долгое время в отсутствии и боюсь, как бы не ушло от меня царство, и не думаю я, что моя мать жива, так как она в разлуке со мною. Сильнее всего во мне предположение, что она умерла от горя обо мне, так как ей неизвестно, что со мной случилось и не знает она, жив я или умер. И я прошу тебя, о царь, завершить твою милость ко мне, дав мне то, о чем я тебя прошу».

И царь, увидев красоту, прелесть и красноречие БедрБасима, согласился и сказал: «Слушаю и повинуюсь!» А затем он снарядил ему корабль и перенёс туда то, что было ему нужно, и отправил с ним нескольких своих слуг. И Бедр-Басим сошёл на корабль после того, как простился с царём, и они поехали по морю, и ветер сопутствовал им. И они ехали десять дней подряд, и когда наступил одиннадцатый день, море взволновалось сильным волнением,

и корабль начал подниматься и опускаться, и матросы не могли удержать его. И они оставались в таком положении, и волны играли ими, пока они не приблизились к скале из морских скал. И эта скала упала на корабль, и он разбился, и утонуло все, что на нем было, кроме царя Бедр-Басима – он сел на одну из досок после того, как был близок к гибели. И доска бежала с ним по морю, и он «не знал, куда плывёт, и не было у него хитрости, чтобы удержать доску, а напротив, доска шла с ним, увлекаемая волнами и ветром. И он плыл таким образом в течение трех дней, а на четвёртый день доска подплыла с ним к морскому берегу, и он увидел там белый город, подобный голубю яркой белизны, и был он построен на острове, который лежал в море, и были в нем высокие колонны и прекрасные постройкой, и стены домов уходили ввысь, и море билось о стены города. И когда царь Бедр-Басим увидал остров, на котором стоял этот город, он обрадовался сильной радостью, так как был близок к гибели от голода и жажды. Он сошёл с доски и хотел подняться в город, и пришли к нему мулы, ослы и лошади бесчисленные, как песчинки, и стали его бить и мешать ему выйти из моря в город. И тогда Бедр-Басим выплыл за город и вышел на сушу, но никого не нашёл и удивился и воскликнул: „Посмотреть бы, чей это город, в котором нет царя и нет в нем никого, и откуда эти мулы, ослы и лошади, которые помешали мне выйти!“

И он стал размышлять о своём деле, идя и не зная, куда направиться, и потом увидел старика – торговца овощами, и, увидав этого старика, царь Бедр-Басим приветствовал его, и он возвратил ему приветствие. И старик посмотрел на Бедр-Басима и увидел, что он красив, и спросил его: «О юноша, откуда ты пришёл и что привело тебя в этот город?» И Бедр-Басим рассказал ему свою историю с начала до конца, и старик удивился ей и спросил: «О дитя моё, разве ты никого не видел на своём пути?» – «О родитель, – отвечал юноша, – я дивлюсь на этот город, потому что он пуст от людей». – «О дитя моё, войди в лавку, чтобы не погибнуть», – сказал старик. И Бедр-Басим вошёл и сел в лавке, а старик принёс ему кое-какой пищи и сказал: «О дитя моё, войди внутрь лавки. Слава тому, кто спас тебя от этой шайтанши!»

И царь Бедр-Басим испугался великим испугом и поел кушанья старика досыта и вымыл руки, а потом он посмотрел на старика и сказал ему: «О господин мой, какова причина этих слов? Ты внушил мне страх перед этим городом и его жителями».

«О дитя моё, – ответил старец, – знай, что этот город – город колдунов, и в нем есть царица-колдунья, подобная шайтану, и она кудесница и чародейка и злокозненная обманщица. Виденные тобой лошади, мулы и ослы – все, как ты и я, из сынов Адама, но они чужеземцы. Всякого, кто входит в город, если он юноша, как ты, эта нечестивая колдунья берет к себе и живёт с ним сорок дней, а после сорока дней она его заколдовывает, и он превращается в мула, коня или осла из тех животных, которых ты видел на берегу моря...»

И Шахразад устала, и она прекратила дозволенные речи.

Семьсот пятьдесят вторая ночь

Когда же настала семьсот пятьдесят вторая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что старый торговец овощами рассказал царю Бедр-Басиму и поведал о делах царицы-колдуны и сказал: „Всех жителей города она заколдовала, и когда ты хотел выйти на сушу, они испугались, что она тебя заколдует, как их, и говорили тебе знаками: «Не выходи, чтобы не увидела тебя колдунья, – так как они жалели тебя – ведь, может быть, она сделает с тобою то же, что сделала с ними. Она отняла у города его жителей колдовством, – говорил старик Бедр-Басиму, – и её имя – царица Лаб, а объяснение этого по-арабски – солвечный календарь“⁶⁰⁶.

⁶⁰⁶ Следовало бы сказать просто «солнце». Почему вздумалось сказочнику перевести имя царицы так, как он это сделал, – непонятно.

И когда царь Бедр-Басим услышал такие речи от старика, он испугался сильным испугом и стал дрожать, как тростинка на ветру, и сказал старцу: «Едва я поверил, что спасся от беды, которая постигла меня из-за колдовства, как судьба бросила меня в место ещё более скверное!» И он стал размышлять о своём положении и о том, что с ним случилось, и старик посмотрел на него и увидел, что его страх усилился, и сказал ему: «О дитя моё, выйди, сядь на пороге лавки и посмотри на этих тварей, на их одежду и вид и на то, что они заколдованы, и не бойся. Царица и все, кто есть в городе, любят меня и почитают, и они не взволнуют мне сердце и не утомят моего ума».

И, услышав слова старика, царь Бедр-Басим вышел и сел у дверей лавки и стал смотреть, и ходил мимо него народ, и видел он людей, числа которых не счесть, и, увидев его, люди подходили к старику и спрашивали его: «О старец, это твой пленник и твоя дичь в эти дни?» И старик отвечал им: «Это сын моего брата. Я услышал, что его отец умер, и послал за ним и призвал его, чтобы потушить огонь моей тоски». И люди сказали: «Это юноша, прекрасный юношью, но мы боимся для него зла от царицы Лаб. Как бы она не обратила на тебя обмана и не отняла его у тебя – она ведь любит красивых юношей». И старик отвечал им: «Царица не ослушается моего приказа. Она почитает меня и любит, и когда она узнает, что это мой сын, она не станет ему вредить и не огорчит меня и не взволнует моего сердца».

И царь Бедр-Басим провёл у старика много месяцев за едой и питьём, и старик полюбил его великой любовью. И вот в некий день Бедр-Басим сидел, по обычаю, у лавки старика, и вдруг появилась тысяча евнухов, с обнажёнными мечами в руках, и были они одеты в разные одежды, и стан их охватывали пояса, украшенные драгоценными камнями. Они ехали на арабских конях и были опоясаны индийскими мечами, и, подъехав к лавке старика, они приветствовали его и удалились. А после них появилась тысяча девушек, подобных лунам и одетых в разные одежды из гладкого шелка, вышитые золотым шитьём и украшенные разными камнями. И у всех девушек были подвязаны копья, и посреди них ехала девушка на арабском коне под золотым седлом, украшенным всевозможными камнями и яхонтами. И они ехали до тех пор, пока не подъехали к лавке старика и приветствовали его и отправились дальше, и вдруг появилась царица Лаб в великолепном шествии. И она приближалась до тех пор, тюка не подъехала к лавке старика. И она увидела царя Бедр-Басима, который сидел возле лавки, подобный луне в её полноте, и, увидав его, царица Лаб растерялась из-за его красоты и прелести и оторопела и взволновалась любовью к нему. И она подъехала к лавке и, сойдя с коня, села подле царя Бедр-Басима и спросила старика: «Откуда у тебя этот красавец?» – «Это сын моего брата, недавно ко мне приехавший», – отвечал старик. И царица Лаб сказала: «Пусть он будет у меня сегодня вечером, и мы с ним поговорим». – «Ты возьмёшь его от меня и не заколдуешь?» – спросил старик. И царица ответила: «Да». – «Поклянись мне», – молвил старик. И царица поклялась ему, что не обидит юношу и не заколдует его. И потом она велела привести ему красивого коня, осёдланного и взнузданного золотой уздечкой (а все, что было на коне, было золотое, украшенное драгоценными камнями), и подарила старику тысячу динаров, говоря: «Помотай себе этим!»

А затем царица Лаб взяла царя Бедр-Басима и поехала с ним (а был он подобен луне в четырнадцатую ночь), и он отправился с нею, и все люди, смотря на него и на его красоту и прелесть, печалились о нем и говорили: «Клянёмся Аллахом, этот юноша не заслуживает того, чтобы его заколдовала эта проклятая». И царь Бедр-Басим слышал слова людей, но молчал, вручив своё дело Аллаху великому. И они ехали ко дворцу...

И Шахразад устала, и она прекратила дозволенные речи.

Шестьсот пятьдесят третья ночь

Когда же настала шестьсот пятьдесят третья ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что царь Бедр-Басим ехал с царицей Лаб и её приближёнными, пока они не

подъехали к воротам дворца, и тогда эмиры, евнухи и вельможи правления спешили, и царица велела царедворцам приказать всем вельможам правления удалиться, и они поцеловали землю и удалились, а царица, с евнухами и невольницами, вошла во дворец. И, посмотрев на этот дворец, царь Бедр-Басим увидел, что подобного этому он не видал: стены его были построены из золота, а посередине был полноводный пруд в большом саду. И царь Бедр-Басим посмотрел в сад и увидел там птиц, которые щебетали на всех языках и пели голосами, веселящими и печальными, и были эти птицы всех видов и цветов. И увидел царь Бедр-Басим царство великое и воскликнул: „Хвала Аллаху! По щедрости своей и кротости наделяет он тех, кто не ему поклоняется“. А царица села у окна, выходящего в сад (а сидела она на ложе из слоновой кости, на котором была высокая постель), и царь Бедр-Басим сел с нею рядом, и она стала его целовать и прижимать к груди, а затем приказала невольницам принести столик, и они принесли столик из червонного золота, украшенный жемчугом и дорогими камнями, на котором были всевозможные кушанья. И царица с Бедр-Басимом поели досыта и вымыли руки, а потом невольницы принесли сосуды – золотые, серебряные и хрустальные – и принесли также всякого рода цветы и подносы с закусками. И царица велела позвать певиц, и явились десять невольниц, подобных лунам (а были у них в руках всякие музыкальные инструменты), а потом царица наполнила кубок и вылила его и, наполнив другой, подала его царю Бедр-Басиму, и тот взял его и выпил, и они пили так, пока не напились вдоволь.

И царица велела девушкам петь, и они запели на разные голоса, и представилось царю Бедр-Басиму, что дворец пляшет от восторга, и его разум пришёл в смятение, и грудь у него расширилась, и он забыл, что находится на чужбине, и сказал себе: «Эта царица – молода, красива, и я уже никогда от неё не уйду, так как её царство обширнее моего царства, и она лучше царевны Джаухары». И Бедр-Басим пил с царицей, пока не наступил вечер, и зажгли светильники и свечи и пустили куренья, и оба пили, пока не опьянели, а певицы продолжали петь. И когда царица Лаб опьянела, она поднялась со своего места и легла на ложе и приказала невольницам удалиться, а потом она велела царю Бедр-Басиму лечь с ней рядом, и он спал с нею, в приятнейшей жизни, пока не наступило утро...»

И Шахразад устала, и она прекратила дозволенные речи.

Шестьсот пятьдесят четвёртая ночь

Когда же настала семьсот пятьдесят четвёртая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что, когда царица поднялась от сна, она пошла в баню, бывшую во дворце, и царь Бедр-Басим помылся. А выйдя из бани, царица одела Бедр-Басима в самые лучшие одежды и велела подать прибор для питья, и невольницы принесли его, и они выпили. А потом царица взяла царя Бедр-Басима за руку, и они сели на скамеечки, и царица велела принести кушанье, и оба поели и вымыли руки, а затем невольницы принесли им сосуды с вином, и плодами, и цветами, и закусками. И они не переставая ели и пили, а невольницы пели на разные голоса до вечера, и царица с юношей провели за едой, пеньем и музыкой сорок дней. А потом царица спросила: „О Бедр-Басим, это место лучше или лавка твоего дяди, торговца овощами?“ – И Бедр-Басим ответил: „Клянусь Аллахом, о царица, тут лучше, потому что мой дядя – человек бедный и продаёт овощи“. И царица засмеялась словам Бедр-Басима, и потом они проспали в наилучшем положении до утра, и царь Бедр-Басим пробудился от сна и не нашёл царицы Лаб с собою рядом и воскликнул: „Посмотреть бы, куда она ушла!“ И он расстроился из-за её отсутствия и не знал, что делать, и царицы не было долгое время, и она не возвращалась, а Бедр-Басим говорил себе: „Куда она девалась?“

И он надел свои одежды и стал искать царицу, но не нашёл её и подумал: «Может быть, она ушла в сад» – и отправился в сад и увидел там струившийся канал, а подле него – белую птицу. А на берегу канала стояло дерево, и на нем были птицы разных цветов. И Бедр-Басим стал смотреть на птиц, и птицы его не видели. И вдруг одна чёрная птица опустилась на ту

белую птицу и стала её клевать, как клюются голуби, а потом чёрная птица прыгнула на белую три раза и через минуту белая птица приняла образ человека, и Бедр-Басим всмотрелся в неё и вдруг видит – это царица Лаб! И понял он, что чёрная птица – заколдованный человек, и царица его любит и обращается в птицу, чтобы он покрыл её. И взяла его ревность, и он рассердился на царицу Лаб из-за чёрной птицы.

И он вернулся на своё место в постель, и через минуту царица ворочилась к нему, и стала царица Лаб целовать Бедр-Басима и шутить с ним, но он был сильно на неё разгневан и не говорил ей ни единого слова. И царица поняла, что с ним, и уверилась, что он видел её, когда она была птицей и та птица покрывала её. Но она не показала Бедр-Басиму ничего и скрыла то, что думала. И когда Бедр-Басим удовлетворил её нужду, он сказал ей: «О царица, я хочу, чтобы ты позволила мне пойти в лавку моего дяди. Я стосковался по нем и уже сорок дней его не видал». И царица ответила: «Сходи к нему, но не задерживайся, – я не могу с тобой расстаться и вытерпеть без тебя даже один час». И Бедр-Басим отвечал: «Слушаю и повинуюсь!» И сел на коня и отправился к старику, торговцу овощами, и тот приветствовал его и встал для него и обнял его и опросил: «Каково тебе с этой нечестивой?» И Бедр-Басим ответил: «Мне было хорошо, и я был во здравии и благополучии. Но только сегодня ночью она спала рядом со мной, и я проснулся и не увидел её, и тогда я встал и надел одежду и ходил, разыскивая её, пока не пришёл в сад...» И он рассказал ему о том, что видел канал и птиц, которые были на дереве, и старик, услышав его слова, сказал: «Берегись её! Знай, – птицы, что были на дереве, – это все юноши-чужеземцы, которых царица полюбила и заколдовала и обратила в птиц. А чёрная птица, которую ты видел, это один из её невольников. Она любила его великой любовью, и он обратил взоры на одну из невольниц, и царица заколдовала его в образе чёрной птицы...»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Семьсот пятьдесят пятая ночь

Когда же настала семьсот пятьдесят пятая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что, когда Бедр-Басим рассказал старому торговцу овощами всю свою историю с царицей Лаб и поведал ему о том, что он видел, старик сообщил ему, что птицы, которые были на дереве, – это юношичужеземцы, заколдованные царицей, и чёрная птица тоже. Это был один из её невольников, и она его заколдовала в образе чёрной птицы, и всякий раз, как царица его желает, она обращается в птицу, чтобы он её покрыл, так как она любит его сильной любовью. И когда она поняла, что ты узнал об её обстоятельствах, она затаила против тебя зло и больше тебе не друг. Но тебе не будет от неё вреда, пока я о тебе забочусь, не бойся ничего! Я мусульманин, и зовут меня Абд-Аллах, и нет в наше время лучшего колдуна, чем я. Но я пользуюсь колдовством, только когда вынужден к этому. Я часто уничтожал колдовство этой проклятой и освобождал от неё людей. Не думай же о ней, так как ей нет против меня пути. Наоборот, она меня боится сильным страхом, и все колдуны, что есть в городе, подобные ей и такого же рода, тоже боятся меня. Все они одной с ней веры и поклоняются огню вместо всевластного владыки. Когда наступит завтрашний день, приходи ко мне и расскажи мне, что сна с тобой сделает, – сегодня ночью она будет стараться тебя погубить, и я скажу тебе, что тебе надо с ней сделать, чтобы освободиться от её ухищрений».

И потом царь Бедр-Басим простился со стариком и вернулся к царице и увидел, что она сидит и ждёт его. И, увидав юношу, она поднялась и посадила его и приветствовала и принесла ему еды и питья, и они ели, пока не насытились, и вымыли руки. А потом царица велела принести вино, и когда оно появилось, оба стали пить и пили до полуночи. И царица наклонялась к Бедр-Басиму с кубком и давала ему пить, пока он не опьянел и не лишился чувств и разума, и, увидав, что он в таком состоянии, царица оказала: «Заклинаю тебя Аллахом и достоинством того, кому ты поклоняешься, – если я спрошу тебя об одной вещи,

скажешь ли ты мне о ней правду и согласишься ли на то, что скажу?» И Бедр-Басим, будучи пьян, ответил ей: «Да, о госпожа моя». И тогда царица сказала: «О господин мой и свет моего глаза, когда ты проснулся от сна и не увидел меня и пошёл меня искать, ты пришёл ко мне в сад и увидел меня в образе белой птицы и увидел чёрную птицу, которая прыгнула на меня. Я расскажу тебе истину об этой птице. Это был один из моих невольников, и я полюбила его великой любовью, и однажды он обратил взоры на одну из моих невольниц, и охватила меня ревность, и я заколдовала его в образе чёрной птицы, а невольницу я убила. И теперь я не могу вытерпеть без него и одной минуты. Всякий раз как я по нем стоскуюсь, я обращаюсь в птицу и иду к нему, чтобы он прыгнул на меня и овладел мной, как ты видел. Не из-за этого ли ты на меня разгневан, хотя я – клянусь огнём, и светом, и тенью, и жаром! – ещё больше полюбила тебя и сделала тебя своей долей в жизни». И БедрБасим ответил ей, пьяный: «То, что ты поняла о причине моего гнева, – правильно, и нет моему гневу причины, кроме этой». И царица стала его обнимать и целовать и проявила к нему любовь и легла, и он тоже лёг рядом с нею. А когда наступила полночь, царица поднялась с постели, и царь Бедр-Басим проснулся, но сделал вид, что спит, и стал украдкой поглядывать и смотреть, что она делает, и увидел, что она вынула из красного мешка что-то красное и рассыпала это посреди дворца, и вдруг это превратилось в реку, которая бежала, как море. И царица взяла в руку горсть ячменя и рассыпала его по земле и полила той водой, и семена превратились в колоссящиеся злаки. И тогда царица взяла зерно и смолотла его в муку и положила муку в одно место и вернулась и проспала возле Бедр-Басима до утра. А когда наступило утро, царь Бедр-Басим поднялся и вымыл лицо и потом попросил у царицы позволения отправиться к старику, и она ему позволила. И Бедр-Басим пошёл к старику и рассказал ему, что он видел, и старик, услышав его слова, засмеялся и сказал: «Клянусь Аллахом, эта нечестивая колдунья замыслила против тебя козни, но не думай о ней нисколько».

И потом он вынес ему с ритль савика⁶⁰⁷ и сказал: «Возьми его с собой и знай, что, когда она увидит савик, она спросит: „Что это такое и что ты будешь с этим делать?“ А ты скажи: „Увеличение блага – благо“. И поешь его. А когда она вынесет тебе свой савик и скажет: „Поешь этого савика“, – сделай вид, что ты ешь его, а сам ешь свой савик и берегись съесть сколько-нибудь её савика, хотя бы одно зёрнышко. Если ты съешь его хоть одно зёрнышко, её колдовство получит над тобой власть, и она тебя заколдует и скажет тебе: „Выйди из человеческого образа!“ И ты перейдёшь из твоего образа в ообраз, какой она пожелает. А если ты не поешь её савика, её колдовство уничтожится, и оно ничем тебе не повредит, и будет она смущена до пределов смущения. Она станет тебе говорить: „Я только с тобой пошутила“. И признаваться тебе в любви и дружбе, но все это с её стороны лицемерие и коварство, а ты тоже прояви к ней любовь и скажи ей: „О госпожа моя и свет моего глаза, поешь этого савика и посмотри, какой он сладкий“. И если она съест его хоть одно зёрнышко, возьми в руку воды, брось её ей в лицо и скажи: „Выйди из человеческого образа!“ И она примет образ, какой ты хочешь. А потом отпусти её и приходи ко мне, и я тебе что-нибудь придумаю».

И Бедр-Басим простился со стариком и пошёл и, придя во дворец, пошёл к царице, и та, увидев его, воскликнула: «Семья, уют и простор!» А затем она поднялась и поцеловала Бедр-Басима и сказала: «Ты заставил меня ждать, о господин». – «Я был у моего дяди, – отвечал Бедр-Басим, – и мой дядя накормил меня таким савиком». – «А у нас есть савик лучше этого», – сказала царица, и потом она положила его савик на блюдо, а свой савик на другое блюдо и сказала: «Поешь вот этот, он лучше, чем твой савик».

И Бедр-Басим сделал вид, что ест её савик, и когда царица решила, что он съел его, она набрала воды и обрызгала юношу и сказала: «Выйди из твоего образа, о негодяй, о скверный,

⁶⁰⁷ Савик – ячменная мука. Так же называется ряд кушаний, приготовленных с примесью этой муки (суп, тесто и т.п.)» В данном случае, вероятно, имеется в виду нечто вроде запеканки, которую обыкновенно брали в дорогу.

и будь в образе мула, одноглазого и скверного видом!» Но Бедр-Басим не изменился. И когда царица увидела, что он все такой же и не изменился, она поднялась и поцеловала его меж глаз и сказала: «О мой любимый, я только пошутила с тобой. Не сердись на меня за это». – «Клянусь Аллахом, о госпожа, – ответил Бедр-Басим, – я не рассердился на тебя нисколько и уверен, что ты меня любишь. Поешь же моего савика». И царица взяла кусочек и съела его, и когда савик утвердился у неё в желудке, она задрожала, а царь Бедр-Басим взял в руку воды и брызнул ею в лицо женщины и сказал: «Выйди из твоего человеческого образа в образ пегого мула!» И не успела царица на себя оглянуться, как уже оказалась в таком виде, и слезы заструились у неё до лица, и она стала тереться щеками о ноги Бедр-Басима. И юноша встал, чтобы взнуздать её, но она не принимала узды, и он оставил её и пошёл к старику и осведомил его о том, что случилось. И старик встал и вынес ему уздечку и сказал: «Возьми эту уздечку и взнуздай ею мула».

И Бедр-Басим взял узду и пришёл к царице, и, увидав его, она подошла к нему, и он вложил узду ей в рот и сел на мула и выехал из дворца и отправился к старику Абд-Аллаху. И, увидев царицу, Абд-Аллах поднялся и сказал ей: «Да посрамит тебя Аллах великий, о проклятая!» А затем старик сказал Бедр-Басиму: «О дитя моё, не осталось тебе в этом городе пребывания. Садись на этого мула и поезжай на нем в какое хочешь место, но берегись отдать кому-нибудь уздечку».

И царь Бедр-Басим поблагодарил его и поехал и ехал не переставая три дня и подъехал к одному городу. И его встретил старик, прекрасный сединой, и спросил его: «О дитя моё, откуда ты прибыл?» – «Из города этой колдуньи», – отвечал Бедр-Басим. И старик сказал: «Сегодня вечером ты мой гость». И Бедр-Басим согласился и поехал с ним по дороге. И вдруг появилась одна женщина-старуха, и, увидав мула, она заплакала и сказала: «Нет бога, кроме Аллаха! Этот мул похож на околевшего мула моего сына. Он умирает, и моё сердце из-за него расстроено; заклинаю тебя Аллахом, о господин, продай мне твоего мула». – «Клянусь Аллахом, о матушка, я не могу его продать», – ответил Бедр-Басим. И старуха воскликнула: «Заклинаю тебя Аллахом, не отвергай моей просьбы. Мой сын, если я не куплю ему этого мула, умрёт несомненно». И затем она распространилась в просьбах, и Бедр-Басим сказал ей: «Я не продам его иначе, как за тысячу динаров». А про себя Бедр-Басим думал: «Откуда этой старухе достать тысячу динаров?» И старуха вынула из-за пояса тысячу динаров, и, увидев это, царь Бедр-Басим сказал: «О матушка, я только пошутил с тобой, я не могу продать тебе этого мула». Старуха посмотрела на него и сказала: «О дитя моё, в этом городе никто не лжёт, и всякого, кто солжёт в городе, убивают». И царь Бедр-Басим сошёл с мула...

И Шахразадду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Семьсот пятьдесят шестая ночь

Когда же настала семьсот пятьдесят шестая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что царь Бедр-Басим сошёл с мула и отдал его старой женщине, а та вынула уздечку изо рта мула и, взяв в руку воды, обрызгала его и сказала: „О дочь моя, перейди из этого образа в тот образ, в котором ты была прежде“».

И мул тотчас же превратился и вернулся к своему прежнему образу, и обе женщины бросились друг к другу в объятия, и царь Бедр-Басим понял, что эта старуха – мать царицы, и хотел бежать. И вдруг старуха издала великий свист, и предстал перед ней ифрит, подобный огромной горе. И царь Бедр-Басим испугался и остался стоять, и старуха села ифриту на спину и посадила свою дочь сзади, а царя Бедр-Басима впереди, и ифрит полетел с ними, и прошло не более часа, и они достигли дворца царицы Лаб. И когда царица села на престол царства, она обратилась к царю Бедр-Басиму и сказала ему: «О негодный, я достигла этого места и получила то, что желала, и я покажу тебе, что сделаю с тобой и этим старым торговцем овощами! Сколько я делала ему добра, а он только зло, и ты достиг желаемого

только при его посредстве». И потом она взяла воды и обрызгала ею Бедр-Басима и сказала: «Перейди из того образа, в котором ты пребываешь, в образ птицы гадкого вида, самой гадкой, какая есть среди птиц». И Бедр-Басим сейчас же превратился и сделался птицей гадкого вида. И царица посадила его в клетку и лишила его пищи и питья. Но увидела его одна невольница и пожалела его и стала его кормить и поить без ведома царицы. И в один из дней невольница увидела, что её госпожа не замечает, и вышла и отправилась к старику торговцу и осведомила его об этом деле и сказала ему: «Царица Лаб намерена погубить твоего племянника». И старик поблагодарил её и сказал: «Я непременно отниму у неё город и сделаю тебя его царицей вместо неё».

И затем он свистнул великим свистом, и вышел к нему ифрит с четырьмя крыльями, и старик сказал ему: «Возьми эту девушку и отправляйся с нею в город Джулланарморской к матери Фараши⁶⁰⁸ – они колдуют лучше всех, кого можно найти на лице земли». А невольнице он сказал: «Когда ты прибудешь туда, расскажи им, что царь Бедр-Басим в плену у царицы Лаб».

И ифрит поднял девушку и полетел с нею, и прошло не более часа, и он опустил её на дворец царицы Джулланар-морской. И невольница спустилась с крыши дворца и вошла к царице Джулланар и, поцеловав землю, осведомила её о том, что случилось с её сыном, от начала до конца. И Джулланар поднялась перед ней и оказала ей уважение и поблагодарила её, и в городе стали бить в литавры, и она осведомила его жителей и вельмож своего царства о том, что царь Бедр-Басим нашёлся. А затем Джулланар-морская и её мать Фараша и брат её Салих призвали все племена джиннов и войска моря, так как цари джиннов стали ей покорны после пленения царя ас-Самандала, и они полетели по воздуху и опустились на город колдуньи, разграбили дворец и убили всех, кто там был из нечестивых, во мгновение ока. И Джулланар спросила невольницу: «Где мой сын?» И невольница взяла клетку и принесла её Джулланар и указала ей на птицу, которая была в ней, и сказала: «Вот твой сын». И царица Джулланар вынула птицу из клетки и, взяв в руку воды, обрызгала ею птицу и сказала: «Перейди из этого образа в образ, в котором ты был». И не закончились ещё её слова, как Бедр-Басим встряхнулся и стал человеком, как был. И когда его мать увидела его в первоначальном образе, она поднялась и обняла его, и Бедр-Басим заплакал сильным плачем, так же, как его дядя Салих и бабка его Фараша и его двоюродные сестры, и они стали целовать ему руки и ноги.

А потом Джулланар послала за шейхом Абд-Аллахом и поблагодарила его за благой поступок с её сыном и женила его на невольнице, которую он послал к ней с вестями о её сыне. И шейх вошёл к ней, а затем Джулланар сделала его царём этого города. И она призвала оставшихся жителей города из мусульман и заставила их присягнуть шейху Абд-Аллаху и взяла с них обеты и клятвы, что они будут ему повиноваться и служить ему, и они сказали: «Слушаем и повинемся!»

А после того Джулланар и её родные попрощались с шейхом Абд-Аллахом и отправились в свой город, и когда они вошли во дворец, жители города встретили их боем в литавры, радостные, и украшали город три дня, так сильно они радовались своему царю Бедр-Басиму, – а они обрадовались ему сильной радостью. И потом царь Бедр-Басим сказал своей матери: «О матушка, мне осталось только жениться, и мы все будем вместе». И его мать ответила: «О дитя моё, прекрасен замысел, который ты замыслил, но потерпи, пока мы расспросим, кто годится тебе в жены из царских дочерей». А бабка его Фараша и двоюродные сестры и дяди сказали: «О Бедр-Басим, мы все сейчас же станем помогать тебе в том, что ты хочешь».

И потом каждая из женщин поднялась и пошла искать в странах, и Джулланар-морская тоже послала своих невольниц на шеях ифритов и сказала им: «Не оставляйте города или дворца из царских дворцов, не осмотрев всех, какие есть там, красивых девушек». И когда

⁶⁰⁸ Фараша в переводе означает – бабочка.

Бедр-Басим увидел их усердие в этом деле, он сказал своей материт Джулланар: «О матушка, оставь это дело – никто меня не удовлетворит, кроме Джаухары, дочери царя ас-Самандаля, ибо она – драгоценность, как и обозначено в её имени». – «Я поняла, к чему ты стремишься», – сказала его мать.

И затем она тотчас же послала людей, чтобы привести царя ас-Самандаля. И его в ту же минуту привели к ней. И затем она послала за Бедр-Басимом, и когда Бедр-Басим пришёл, осведомила его о приходе царя ас-Самандаля. И Бедр-Басим вошёл к нему, и, увидев, что он подходит, царь ас-Самандаль поднялся и пожелал ему мира и приветствовал его, а потом царь Бедр-Басим посватался у него к его дочери Джаухаре, и царь молвил: «Она к твоим услугам и твоя невольница, и стоит перед тобой». И затем царь ас-Самандаль послал некоторых приближённых в свою страну и велел им привести свою дочь Джаухару и осведомить её о том, что он, её отец, находится у царя Бедр-Басима, сына Джулланар-морской.

И тогда посланные полетели по воздуху и скрылись на некоторое время, а потом вернулись, и с ними была царевна Джаухара. Увидав своего отца, она подошла к нему и обняла его, и царь посмотрел на неё и сказал: «О дочь моя, знай, что я выдал тебя замуж за этого доблестного царя и неустрашимого льва – царя Бедр-Басима, сына царицы Джулланар. Он – прекраснейший из людей своего времени и самый красивый из них и выше их всех саном и благороднее родом, и годится он только тебе, а ты годишься только ему». – «О батюшка, – ответила царевна, – я не могу прекословить тебе, делай же что хочешь. Прекратились заботы и страдания, и я для него одна из служанок».

И тогда призвали судей и свидетелей и написали запись царя Бедр-Басима, сына царицы Джулланар-морской, с царевной Джаухарой. И жители города украсили его и стали бить в литавры и выпустили всех, кто был в тюрьмах, и царь одел вдов и сирот и наградил вельмож правления, эмиров и знатных. А затем устроили великое торжество и сделали пиры и провели в торжествах вечером и утром время десяти дней и невесту открывали перед царём Бедр-Басимом в десяти одеяниях.

И потом царь Бедр-Басим наградил царя ас-Самандаля и воротил его в его страну, к семье и родным. И жили они все самой сладостной жизнью, проводя приятнейшие дни в еде, питьё и наслаждениях, пока не пришла к ним Разрушительница наслаждений и Разлучительница собраний, и вот конец их истории, да будет милость Аллаха над ними всеми!

Сказка о Сейф-аль-Мулуке (ночи 756-778)

Рассказывают также, о счастливый царь, – продолжала Шахразада, – что был в древние времена и минувшие века и годы царь из царей персов по имени Мухаммед ибн Сабаик, и властвовал он над землёй Хорасанской. И каждый год совершал он набеги на страны нечестивых в Индии, Синде и Китае, и на страны, которые за рекой⁶⁰⁹, и на другие страны, неарабские и прочие, и был он царём справедливым и доблестным, великодушным и щедрым.

И любил этот царь застольные беседы, и предания, и стихи, и рассказы, и повести, и ночные сказки, и жития древних, и всякого, кто помнил диковинную сказку и рассказывал её царю, царь награждал. И говорят, что, когда приходил к нему иноземец с диковинным рассказом и говорил перед ним и царь находил рассказ хорошим и слова рассказчика ему нравились, он награждал его роскошной одеждой, и давал ему тысячу динаров, и сажал его на коня, осёдланного и взнузданного, и одевал его сверху донизу, и одарял его великими подарками, и тот человек брал их и уходил своей дорогой.

⁶⁰⁹ Заречными странами средневековые мусульманские географы называли подчинённые исламу страны, лежавшие к северу от Аму-Дарьи.

И случилось, что пришёл к нему старый человек с диковинным рассказом и рассказал его перед царём, и тот нашёл рассказ прекрасным, и слова рассказчика понравились ему, и он велел дать ему роскошный подарок и, между прочим, тысячу хорасанских динаров и коня с полной сбруей. И после этого разнеслись такие вести об этом царе во всех странах, и услышал о нем человек, которого звали купец Хасан, а был он человек великодушный, щедрый, знающий, поэт и достойный.

А у этого царя был везирь – великий завистник, средоточие зла, который не любил никого из людей, ни богатого, ни бедного, и, всякий раз как к царю кто-нибудь приходил и царь давал ему что-нибудь, везирь ему завидовал и говорил: «Такие дела изведут деньги и разорят земли, а у царя в обычае это делать», – и были эти слова лишь от зависти и ненависти везирия. И услышал царь весть о купце Хасане и послал к нему и призвал его и, когда он явился, оказал ему: «О купец Хасан, везирь прекословит мне и враждует со мной из-за денег, которые я даю стихотворцам, сотрапезникам и людям, знающим рассказы и стихи. Я хочу, чтобы ты рассказал мне хороший рассказ и диковинную новость, подобной которой я никогда не слышал, и если твой рассказ мне понравится, я дам тебе много земель с их крепостями, и сделаю их добавкой к твоим наделам, и поставлю перед тобой все моё царство, и назначу тебя старшим из моих везирей, и будешь ты сидеть от меня оправа и управлять моими подданными. А если ты не доставишь мне того, о чем я тебе сказал, я возьму все, что есть в твоих руках, и выгоню тебя из моей страны». – «Слушаю и повинуюсь владыке нашему царю, – сказал купец Хасан. – Только невольник твой просит тебя, чтобы ты подождал год, и тогда я расскажу тебе историю, подобную которой ты не слышал в жизни и не слышал никто другой никогда рассказа, подобного ей или лучше её».

«Я даю тебе отсрочку на целый год», – сказал царь. А затем он велел подать роскошную одежду и надел её на купца Хасана и сказал: «Оставайся дома, не садись на коня, не уходи и не приходи в течение целого года, пока не явишься с тем, что я от тебя потребовал. И если ты принесёшь это, тебе будет особенная милость, и радуйся тому, что я тебе обещал, а если не принесёшь этого, то ты не от нас, и мы не от тебя!..»

И Шахразад устроил, и она прекратила дозволенные речи.

Семьсот пятьдесят седьмая ночь

Когда же настала семьсот пятьдесят седьмая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что когда царь Мухаммед ибн Сабаик сказал купцу Хасану: „Если ты принесёшь мне то, что я от тебя потребовал, тебе будет особенная милость, и радуйся тому, что я тебе обещал, а если не принесёшь этого, то ты не от нас и мы не от тебя“. Купец Хасан поцеловал землю меж рук царя и вышел. И затем он выбрал из своих невольников пять человек, которые все писали и читали, – а это были люди достойные, разумные и образованные, из приближённых его невольников, – и дал каждому пять тысяч динаров и сказал: „Я воспитал вас только для дня, подобного этому. Помогите же мне исполнить желание царя и спасите меня из его рук“. – „А что ты хочешь сделать? Наши души – выкуп за тебя“, – спросили невольники. И купец Хасан ответил: „Я хочу, чтобы каждый из вас отправился в какой-нибудь климат и обошёл всех людей учёных, образованных, достойных и знающих диковинные рассказы и удивительные повести; разыщите мне повесть о Сейфаль-Мулуке и принесите мне её, и если вы её найдёте у кого-нибудь, соблазните его платой за неё я, сколько бы он ни потребовал золота или серебра, дайте ему, хотя бы он потребовал от вас тысячу динаров. Дайте ему сколько будет возможно, и обещайте остальное, и принесите мне сказку, и тому из вас, кто нападёт на эту сказку и принесёт мне её, я дам роскошные одежды и обильные награды, и не будет у меня никого дороже“.

И потом купец Хасан сказал одному из невольников: «Ты отправляйся в страны Индии и Синда с их округами и областями», и другому сказал: «А ты отправляйся в страны персов и Китай с его климатами», и третьему сказал: «А ты отправляйся в страны Хорасана с их

округами и климатами», а четвёртому сказал: «А ты отправляйся в страны Магриба и его области и климаты и округа и во все его концы», а последнему, то есть пятому, он оказал: «А ты отправляйся в страны Сирии и Египет с их округами и климатами».

И потом купец выбрал им счастливый день и сказал им: «Поезжайте в этот день и постарайтесь раздобыть то, что мне нужно, не будучи небрежными, хотя бы пришлось вам отдать за это душу». И невольники простились с купцом и поехали. И каждый отправился в ту сторону, в какую купец им приказал, и четверо из них отсутствовали четыре месяца и искали, но ничего не нашли и» вернулись. И стеснилась грудь у купца Хасана, когда вернулись к нему эти четыре невольника и рассказали, что они искали в городах, странах и климатах то, что было нужно их господину, и не нашли ничего из этого.

Что же касается пятого невольника, то он ехал, пока не вступил в страны Сирии, и он достиг города Дамаска и увидел, что это город хороший, безопасный, с деревьями, каналами, плодами и птицами, которые прославляют Аллаха, единого, покоряющего, создателя ночи и дня. И невольник провёл там несколько дней, спрашивая о том, что было нужно его господину, но никто не давал ему ответа, и он хотел уехать из этого города и направиться в другой город, и вдруг он увидел юношу, который бежал, путаясь в полах своего платья. «Почему ты бежишь огорчённый и куда ты направляешься?» – спросил невольник. И юноша ответил: «Здесь есть один достойный шейх, который каждый день садится на скамеечку в такое, как сейчас, время и рассказывает прекрасные повести, рассказы и сказки, подобных которым никто не слышал. Я бегу, чтобы найти себе место близко от него, и боюсь, что не достану места из-за множества народа». – «Возьми меня с собой», – сказал невольник. И юноша молвил: «Иди скорее».

И невольник запер ворота и поспешно пошёл с юношей и достиг того места, где шейх рассказывал среди людей. И он увидел, что шейх со светлым ликом сидит на скамеечке и рассказывает людям, и сел близко от него и стал прислушиваться, чтобы услышать его рассказ. И когда пришло время заката солнца, шейх кончил рассказывать, и люди выслушали то, что он рассказал, и разошлись от него. И тогда невольник подошёл к шейху и приветствовал его, и тот ответил на его приветствие, умножив пожелания и знаки почтения, и невольник сказал ему: «Ты, господин мой шейх, человек прекрасный, почтённый, и рассказы твои прекрасны, и я хочу тебя кое о чем спросить». – «Опрашивай о чем хочешь», – сказал шейх. И невольник спросил его: «Знаешь ли ты повесть и рассказ о Сейф-аль-Мулуке и Бади-аль-Джемаль?» – «А от кого ты слышал такие слова и кто рассказал тебе об этом?» – спросил шейх. И невольник сказал: «Я не слышал об этом ни от кого, но я из далёких стран и пришёл, стремясь найти эту повесть. И что бы ты ни потребовал в уплату за неё, я дам тебе, если она у тебя есть, и ты окажешь мне благодеяние и милость, рассказав мне её, я сделаешь это по благородным твоим качествам, как милостыню от тебя. Если бы была моя душа в моих руках и я отдал бы её тебе за эту повесть, моё сердце на это бы согласилось». – «Успокой свою душу и прохладя глаза: повесть придёт к тебе, – ответил шейх. – Но это рассказ, который не рассказывают на перекрёстке, и я не отдам такой повести всякому». – «Ради Аллаха, о господин, – воскликнул невольник, – не скупись на неё для меня и требуй от меня чего хочешь», – воскликнул невольник. И шейх сказал: «Если ты хочешь знать эту повесть, дай мне сто динаров, и я отдам её тебе, но с пятью условиями».

И, узнав, что у шейха есть эта повесть и он соглашается её рассказать, невольник обрадовался сильной радостью и сказал: «Я дам тебе сто динаров в уплату за неё и ещё десять в придачу и возьму повесть с условиями, о которых ты говоришь». И шейх молвил: «Ступай принеси золото и бери то, что тебе угодно».

И невольник поднялся и поцеловал шейху руки и пошёл в своё жилище, радостный и довольный, и взял сто динаров и десять и положил их в бывший у него мешок.

А когда наступило утро, он поднялся и надел свою одежду и, взяв динары, принёс их шейху. И он увидел его сидящим у ворот своего дома и приветствовал его, а шейх возвратил ему приветствие, и потом невольник дал ему сто динаров и ещё десять, и шейх взял их у него.

И он поднялся и вошёл в свой дом, введя с собой невольника, и посадил его в одном месте, а затем он дал ему чернильницу, калам и бумаги и подал ему книгу и сказал: «Пиши из этой книги то, что ты ищешь, – повесть и рассказ о Сейф-аль-Мулуке».

И невольник сидел и списывал эту повесть, пока не кончил её описывать. И он прочитал её шейху, и тот исправил её, а потом сказал: «Знай, о дитя моё, что первое условие – чтобы ты не рассказывал эту повесть на перекрёстках дороги или в присутствии женщин и невольниц, рабов, глупцов и детей. Читай её только эмирам, царям, везирям и людям знания, из толкователей Корана и других». И невольник принял условия и, поцеловав шейху руки, простился с ним и вышел от него...»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Семьсот пятьдесят восьмая ночь

Когда же настала семьсот пятьдесят восьмая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что когда невольник купца Хасана переписал повесть из книги шейха, который был в Сирии, и тот рассказал ему об условиях, он простился с ним и вышел от него и уехал в тот же день, радостный и довольный. И он все время ускорял ход от сильной радости, охватившей его из-за того, что он раздобыл повесть и рассказ о Сейф-аль-Мулуке, и наконец прибыл в свою страну. И тогда он послал своего сопровождающего передать купцу радостную весть и сказать: „Твой невольник прибыл благополучно и достиг того, чего хотел и желал“.

А когда невольник прибыл в город своего господина и послал к нему вестника, до срока, о котором царь условился с купцом Хасаном, оставалось только десять дней. И затем невольник вошёл к купцу, своему господину, и рассказал ему о том, что ему досталось, и купец обрадовался великой радостью, а невольник отдохнул в месте, где он уединился, и отдал своему господину книгу, в которой был рассказ о Сейф-аль-Мулуке и Бадиаль-Джемаль. И когда его господин увидел её, он надел на невольника все бывшие на нем одежды и дал ему десять чистокровных коней, десять верблюдов и десять мулов, трех чёрных рабов и двух белых невольников.

И затем купец взял повесть и написал её своей рукой, с толкованиями, и вошёл к царю и сказал ему: «О счастливый царь, я принёс сказки и рассказы, редкие и прекрасные, подобных которым никто никогда не слыхивал». И, услышав слова купца Хасана, царь в тот же час и минуту велел призвать всех разумных эмиров, и всех достойных учёных, и всех образованных людей, и поэтов, и людей умных, и купец Хасан сел и прочитал эту историю у царя.

И когда услышали её царь и все присутствующие, они все удивились и нашли повесть прекрасной и также одобрили её те, кто присутствовал, и купца осыпали золотом, серебром и драгоценными камнями. И потом царь велел дать купцу Хасану роскошную одежду из лучших своих платьев, и подарил ему большой город с его крепостями и деревнями, и сделал его одним из величайших своих везирей, и посадил его от себя справа. И он велел писцам написать эту повесть золотом и положить её в свою личную казну, и, всякий раз как у царя стеснялась грудь, он призывал купца Хасана, и тот читал ему эту повесть.

А содержание её было таково:

Был в древние времена и минувшие века и годы в Египте царь, по имени Асим ибн Сафван, и был это царь щедрый, великодушный, почтённый и достойный. И было у него много земель, и крепостей, и укреплений, и солдат, и воинов, и был у него везирь, по имени Фарис ибн Салих, и все они поклонялись солнцу и огню, вместо всевластного владыки, великого, покоряющего. И стал этот царь старым стариком, и ослаб от старости, недугов и дряхлости, так как он прожил сто восемьдесят лет, и не было у него ребёнка – ни мальчика, ни девочки, и был он, по причине этого, и ночью и днём озабочен и огорчён.

И случилось, что в один из дней сидел царь Асим на престоле своего царства, и эмиры,

везири, предводители и вельможи правления служили ему, как обычно, сидя по мере своих степеней, и всякому из эмиров, который входил к нему и с которым был сын или двое сыновей, царь завидовал и говорил в душе: «Всякий веселится и радуется на своих детей, а у меня нет ребёнка, и завтра я умру и оставлю моё царство, и престол, и казну, и богатства, и возьмут их чужие люди, и не вспомнит меня совсем никто, и не останется обо мне памяти в мире». И царь Асим погрузился в море размышлений, и от обилия приходивших к его сердцу дум и печалей он заплакал и, сойдя с престола, сел на землю, плача и унижаясь. И когда его везирь и присутствовавшее собрание вельмож царства увидели, что царь сделал с собой такое дело, они закричали на людей и сказали им: «Расходитесь по домам и отдыхайте, пока царь не очнётся от того, что с ним случилось».

И все ушли, и остались только царь с везирем, и когда царь очнулся, везирь поцеловал землю меж его руками и спросил его: «О царь времени, в чем причина такого плача? Расскажи мне, кто враждует с тобой из царей и владетелей крепостей или эмиров и вельмож правления, и осведоми меня, кто тебе прекословит, о царь, чтобы мы все пошли против него и вынули бы ему душу из боков». Но царь не заговорил и не поднял головы, и тогда везирь поцеловал перед ним землю второй раз и сказал: «О царь времени, я тебе и сын и раб, и ты меня воспитал, а я не знаю причины твоего огорчения, заботы и печали и не знаю, что с тобой. Кто же знает это, кроме меня, и кто встанет перед тобой на моё место? Расскажи мне о причине такого плача и огорчения». Но царь не заговорил, не раскрыл рта, и не поднял головы, и не перестал плакать и кричать громким голосом, и рыдать великими рыданиями, и охать, а везирь терпеливо ждал, и потом он сказал ему: «Если ты мне не скажешь, в чем причина этого, я сейчас же убью себя перед тобою; у тебя на виду, и не буду видеть тебя озабоченным».

И царь Асим поднял голову и вытер слезы и сказал: «О везирь и добрый советчик, оставь меня с моей заботой и огорчением – довольно с меня той печали, что у меня в сердце». И везирь молвил: «Скажи мне, о царь, в чем причина этого плача. Быть может, Аллах пошлёт тебе облегчение через мои руки...»

И Шахразад устроилась, и она прекратила дозволенные речи.

Семьсот пятьдесят девятая ночь

Когда же настала семьсот пятьдесят девятая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что когда везирь сказал царю Асиму: „Скажи мне, в чем причина этого плача. Быть может, Аллах пошлёт тебе облегчение через мои руки“, царь сказал ему: „О везирь, мой плач не о деньгах, не о конях и не о чем-нибудь подобном, но сделался я старым человеком, и стало мне под сто восемьдесят лет жизни, и не досталось мне ребёнка – ни мальчика, ни девочки. И когда я умру, меня похоронят, и сотрётся мой след, и исчезнет моё имя, и возьмут чужие люди мой престол и царство, и не вспомнит меня никто никогда“. И тогда везирь ответил: „О царь времени, я старше тебя на сто лет, и мне никогда не досталось ребёнка, и непрестанно, ночью и днём, я в заботе и огорчении, и что же нам с тобой делать. Но я слышал историю Сулеймана, сына Дауда, – мир с ними обоими! – и слышал, что у него есть великий владыка, который властен во всякой вещи, и надлежит мне пойти к Сулейману с подарком и направиться к нему, чтобы он попросил своего владыку – быть может, он наделит каждого из нас ребёнком“.

И везирь собрался в путешествие и, взяв роскошный подарок, отправился с ним к Сулейману, сыну Дауда, – мир с ними обоими! – и вот то, что было с везирем. Что же касается Сулеймана, сына Дауда, – мир с ними обоими! – то Аллах – велик он и славен! – послал ему откровение и сказал: «О Сулейман, царь Египта послал к тебе своего великого везиря с подарками и редкостями, такими-то и такими-то. Пошли же к нему твоего везиря, Асафа ибн Барахию, чтобы он встретил его с почётом и приготовил ему пищу в местах стоянок, а когда он явится к тебе, окажи ему: „Царь прислал тебя, чтобы просить о том-то и о

том-то, и нужда твоя – такая-то и такая-то, и предложи ему принять веру“.

И тогда Сулейман приказал своему везиру Асафу взять с собой множество своих приближённых и встретить послов с почётом и роскошной пищей на местах стоянок. И Асаф выехал, собрав все необходимое, им навстречу, и ехал, пока не доехал и не встретил Фариса, везиря царя Египта. И он встретил везиря и приветствовал его и оказал ему и всем, кто был с ним, великий почёт и предлагал им, на местах стоянок, пищу и корм и говорил: «Семья, приют и простор гостям прибывающим! Радуйтесь удовлетворению ваших забот, успокойте вашу душу и прохладите глаза, и пусть ваша грудь расправится».

И везирь говорил в душе: «Кто им рассказал об этом?» И он опросил Асафа ибн Барахию: «Кто рассказал вам о нас и о наших желаниях, о господин мой?» И Асаф ответил ему: «Сулейман, сын Дауда, – мир с ними обоими! – рассказал нам об этом». И везирь Фарис спросил: «А кто рассказал господину нашему Сулейману?» И Асаф ответил: «Рассказал нам господь небес и земли, бог всех тварей». – «Поистине, это бог великий!» – воскликнул везирь Фарис. И Асаф ибн Барахия спросил его: «А разве вы ему не поклоняетесь?» И ответил Фарис, везирь царя Египта: «Мы поклоняемся солнцу и падаем перед ним ниц». И Асаф оказал ему: «О везирь Фарис, солнце – звезда среди прочих звёзд, сотворённых Аллахом – велик он и славен! – и далеко до того, чтобы оно было богом. Солнце временами появляется и временами исчезает, а наш господь присутствует всегда и не исчезает, и он властен во всякой вещи».

И потом они проехали немного и достигли земли Саба, и близок стал престол власти Сулеймана, сына Дауда, – мир с ними обоими! И Сулейман, сын Дауда, – мир с ними обоими! – приказал своим войскам из людей, джиннов и других выстроиться на пути их рядами, и встали звери моря и слоны, пантеры и барсы, все вместе, и построились на дороге двумя рядами, и каждый род зверей собрался во всех видах отдельно. И джинны тоже все явились глазам без прикрытия, в ужасающем образе разных видов, и встали вместе, двумя рядами. И птицы развернули крылья над созданиями, чтобы дать им тень, и стали птицы перекликаться на всяких языках и на всякие напевы.

И когда приблизились к ним путешественники, люди Египта убоялись их и не отваживались идти дальше, но Асаф оказал: «Войдите в их среду и идите, не боясь их. Они – подданные Сулеймана, сына Дауда, и никто из них не сделает вам вреда». И потом Асаф вошёл в середину войск, и вошли за ним все люди вместе, и были в числе их люди везиря царя Египта, которые боялись. И они шли до тех пор, пока не достигли города, и их поместили в Доме гостеприимства и оказывали им величайший почёт и приносили им роскошные угощения три дня.

А потом их привели к Сулейману, пророку Аллаха – мир с ним! – и, войдя к нему, они хотели поцеловать перед ним землю, но Сулейман ибн Дауд не дал им это сделать и сказал: «Не должно человеку падать ниц на землю ни перед кем, кроме Аллаха – велик он и славен! – творца небес и земли и всего другого. Кто из вас хочет стоять, пусть стоит, но никто из вас пусть не стоит, прислуживая мне». И они повиновались, и везирь Фарис с некоторыми слугами сел, и стояли, прислуживая ему, некоторые из малых. И когда они уселись, для них разложили скатерти, и люди и весь народ ели кушанья, пока не насытились.

А потом Сулейман велел везиру Египта сказать о своей нужде, чтобы была она исполнена, и молвил: «Говори и не скрывай ничего из того, зачем ты пришёл, ибо ты пришёл только ради исполнения нужды, и я расскажу тебе о вей. Она – такая-то и такая-то. И царя Египта, который послал тебя, зовут Асим, и стал он стариком, старым, дряхлым и слабым, и не наделил его Аллах великий ребёнком – ни мальчиком, ни девочкой, и пребывал он в горе, заботе и размышлениях ночью и днём. И случилось, что он сидел в один день из дней на престоле своего царства, и вошли к нему эмиры и везири и вельможи правления, и увидел он с некоторыми сына, с некоторыми – двоих, а с некоторыми – троих, и они входили со своими детьми, и те стояли, прислуживая. И царь подумал про себя и воскликнул от чрезмерной печали: „Посмотреть бы, кто возьмёт царство после моей смерти, и возьмёт ли его кто-нибудь, кроме чужого, и будет так, словно меня не было!“ И он погрузился, по причине

этого, в море дум и до тех пор размышлял, печальный, пока глаза его не пролили слез, и тогда он закрыл лицо платком и заплакал сильным плачем. И он поднялся с престола и сел на землю, плача и рыдая, и не знал, что у него в сердце, никто, кроме Аллаха великого, и сидел он на земле...»

И Шахразадку застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Ночь, дополняющая до семисот шестидесяти

Когда же настала ночь, дополняющая до семисот шестидесяти, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что пророк Аллаха Сулейман, сын Дауда, – мир с ними обоими! – рассказал везирию Фарису о том, что постигла царя печаль, и стал он плакать, и о том, что случилось у царя с его везирем Фартасом от начала до конца, и после этого спросил везирия Фариса: „То, что я сказал тебе, о везирь, правильно?“ И везирь Фарис молвил: „О пророк Аллаха, то, что ты мне говорил, – истина и правда, но только, о пророк Аллаха, когда я разговаривал с царём об этом деле, с нами не было никого совершенно, и не знал о нас никто из людей. Кто же рассказал тебе обо всех этих делах?“ – „Рассказал мне господь мой, который знает о взглядах украдкой и о том, что таится в груди“, – ответил Сулейман. И тогда везирь Фарис воскликнул: „О пророк Аллаха, поистине это господь благой, великий, властный во всякой вещи!“

И затем везирь Фарис и те, кто был с ним, приняли ислам, и пророк Аллаха Сулейман оказал везирию: «С тобой такие-то и такие-то редкости и подарки». И везирь ответил: «Да». И Сулейман молвил: «Я принимаю от тебя их все, но дарю их тебе. Отдохни же со своими людьми в том месте, где вы расположились, чтобы прошло ваше утомление от дороги, а завтра, если захочет Аллах великий, твоя нужда будет исполнена наисовершеннейшим образом, по воле Аллаха великого, господя земли и неба, творца всех тварей».

И везирь Фарис ушёл в своё место, и потом отправился к господину нашему Сулейману на другой день, и пророк Аллаха Сулейман сказал ему: «Когда ты придёшь к царю Асиму ибн Сафвану и встретишься с ним, поднимитесь на такое-то дерево и сидите молча, а когда придёт время между двух молитв⁶¹⁰ и охладится полдневный зной, спуститесь под дерево и посмотрите: вы увидите там двух выползающих змей, и голова одной будет как у обезьяны, а голова другой – как у ифрита. И когда вы их увидите, пустите в них стрелы и убейте их, а потом отрубите с пядь мяса со стороны их голов и с пядь мяса со стороны их хвостов, а оставшееся мясо сварите как следует и накормите ваших жён и проспите с ними ночь. И они понесут по соизволению Аллаха великого детей – мальчиков».

И потом Сулейман-мир с ним! – принёс перстень, и меч, и узел, в котором были два кафтана, обшитые драгоценными камнями, и сказал: «О везирь Фарис, когда вырастут ваши сыновья и достигнут зрелости мужчин, дайте каждому кафтан из этих кафтанов». А затем он сказал везирию: «Во имя Аллаха! Исполнил Аллах великий твою нужду, и останется тебе только уезжать с благословения Аллаха великого. Царь ночью и днём ожидает твоего прибытия, и глаз его постоянно смотрит на дорогу».

И везирь Фарис подошёл к пророку Аллаха Сулейману, сыну Дауда, – мир с ними обоими! – и простился с ним и вышел от него после того, как поцеловал ему руки, и ехал весь остальной день, радуясь исполнению своей нужды. И он ускорял ход ночью и днём и ехал до тех пор, пока не подъехал близко к Египту. И тогда он послал одного из своих слуг уведомить царя Асима об этом. И царь Асим, услышав о его прибытии и исполнении своей нужды, обрадовался великой радостью, так же как его приближённые и вельможи его царства, и все его войска, особенно радуясь благополучию везирия Фариса.

⁶¹⁰ Мусульмане молятся пять раз в сутки, «время между двух молитв» – промежуток от полуденной до предзакатной молитвы.

И когда царь встретился с везирем, везирь спешил и поцеловал землю меж его рук и обрадовал царя вестью о том, что его нужда исполнена наисовершеннейшим образом, и предложил ему принять веру и ислам. И царь Асим предал себя Аллаху и сказал везиру Фарису: «Ступай домой и отдохни эту ночь и ещё отдыхай неделю времени и сходи в баню, а потом приходи ко мне, и я расскажу тебе об одной вещи, о которой мы оба подумаем». И везирь поцеловал землю и ушёл со своими приближёнными, слугами и челядинцами к себе домой и отдыхал восемь дней, а потом он отправился к царю и рассказал ему обо всем, что произошло у него с Сулейманом, сыном Дауда, – мир с ними обоими! – я затем сказал царю: «Выходи один и пойдём со мной».

И царь с везирем поднялись и взяли два лука и две стрелы и влезли на дерево и сидели молча, пока не прошло время полудня. И они сидели, пока не приблизилась предвечерняя молитва, а потом спустились и посмотрели и увидели двух змей, которые выползали из-под дерева. И, посмотрев на них, царь полюбил их, и они ему понравились, так как он увидел на них золотые ожерелья. «О везирь, – сказал он, – эти змеи в золотых ожерельях, и, клянусь Аллахом, это вещь удивительная! Давай схватим их и посадим в клетку и будем на них смотреть!» – «Аллах сотворил их ради их полезности, – ответил везирь. – Пусты ты стрелу в одну, и я пушу стрелу в другую». И оба пустили в змей стрелы и убили их и, отрезав пядь со стороны головы и пядь со стороны хвоста, бросили это мясо, а остальное они унесли в дом царя и, призвав повара, отдали ему мясо и сказали: «Свари из этого мяса хорошее кушанье с поджаренным луком и пряностями и положи его в две миски и принеси их. Приходи сюда в такое-то время и в таком-то часу, и не опаздывай...»

И Шахразад устала, и она прекратила дозволенные речи.

Семьсот шестьдесят первая ночь

Когда же настала семьсот шестьдесят первая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что когда царь и везирь отдали повару змеиное мясо и сказали ему: „Свари его и положи в две миски и принеси их сюда, и не опаздывай“, повар взял мясо и пошёл на кухню и стал его варить и сварил как следует, с великолепным поджаренным луком, а потом он положил его в две миски и принёс их царю и везиру. И царь взял миску и везирь миску, и они накормили тем, что было в них, своих жён и проспали с ними ночь, и по воле Аллаха – слава ему и величие! – по желанию его и могуществу, обе женщины понесли в ту же ночь. И царь провёл после этого три месяца с расстроенным умом, говоря про себя: „Узнать бы, верное это дело или не верное“.

А потом, в один из дней, его жена сидела, и дитя шевельнулось у неё в животе, и поняла она, что она носит. И ей стало больно, и изменился цвет её лица, и она позвала одного из евнухов, бывших при ней (а это был старший из них), и сказала: «Ступай к царю, в каком бы он ни был месте, и скажи ему: „О царь времени, я тебя обрадую – беременность нашей госпожи стала видимой и дитя пошевелилось у неё в животе“.

И евнух вышел поспешно, радостный, и увидел, что царь сидит один, приложив руку к щеке, и размышляет, и тогда евнух подошёл к нему и поцеловал землю меж его руками и рассказал ему, что его жена понесла. И, услышав слова евнуха, царь поднялся на ноги и от сильной радости поцеловал евнуха руку и голову и, сняв то, что было на нем надето, отдал это евнуху и сказал тем, кто был в его приёмной зале: «Тот, кто любит меня, пусть окажет ему милости!» И евнух подарил денег, драгоценных камней, яхонтов, коней, мулов и садов столько, что не счесть и не перечислить.

И в это время вошёл к царю везирь и сказал ему: «О царь времени, я сейчас сидел у себя дома один, и был мой ум занят размышлениями, и я говорил про себя: „Посмотреть бы, правда ли это и забеременеет Хатун или нет“, – как вдруг вошёл ко мне евнух и обрадовал меня вестью о том, что моя жена Хатун понесла и что дитя шевельнулось у неё в животе и цвет её лица изменился. И от радости я снял всю бывшую на мне одежду и отдал её евнуху и

дал ему тысячу динаров и назначил его главным евнухом». И царь Асим сказал: «О везирь, Аллах – благословен он и возвеличен! – пожаловал нам свою милость и благодеяние, и был к нам щедр и великодушен, и ниспослал нам свою правую веру. Он почтил нас своей милостью и благодеянием и вывел нас из тьмы к свету, и я хочу облегчить людям их участь и обрадовать их». – «Делай что хочешь», – сказал везирь.

И тогда царь молвил: «О везирь, пойди сейчас же и выведи всех, кто есть в тюрьме, из свершивших проступки, и тех, ста ком есть долги, а всякому, кто совершит грех после этого, мы воздадим, как он заслуживает. Мы снимем с людей подать на три года, и поставь вокруг города кухню, вдоль его стен, и прикажи поварам повесить там всевозможные кастрюли и стряпать всякие кушанья, продолжая стряпню и ночью и днём, и все, кто есть в этом городе и в окружающих его селениях, далёких и близких, пусть едят и пьют и уносят домой. И прикажи людям радоваться и украшать город семь дней и не запираť лавок ни ночью, ни днём».

И везирь вышел в тот же час и минуту и сделал так, как приказал ему царь Асим. И украсили город, крепость и башни наилучшими украшениями, и надели самые красивые одежды, и стали люди есть и пить, играть и веселиться.

И наконец пришли в одну ночь из ночей потуги к жене царя, после того как дни её беременности кончились. И царь Асим велел привести всех, кто был в городе из учёных, астрономов, образованных людей, главарей звездочётов, достойных людей и обладателей перьев, и они явились и сели и стали ждать, пока бросят шарик на блюдо – а это был знак от звездочётов и домочадцев. И все они сидели и ждали, и наконец шарик бросили, и царица родила мальчика, подобного обрезку месяца в ночь полнолуния, я звездочёты принялись высчитывать и определять его звезду и гороскоп, и установили числа. И все стали их спрашивать.

И тогда звездочёты поцеловали землю и обрадовали царя вестью, что это дитя благословенное и счастливое в начинаниях. «Но только в начале жизни случится с ним что-то, о чем мы боимся сказать царю». – «Говорите, и пусть не будет у вас никакого страха», – молвил царь. И звездочёты сказали: «О счастливый царь, твоё дитя выйдет из этой земли и будет странствовать на чужбине и тонуть в море я испытает беду, плен и стеснение. И пойдут перед ним бедствия многие, но потом, после этого, он освободится и достигнет желаемого и проживёт остальной свой век приятнейшей жизнью, и будет он управлять рабами и странами и распоряжаться на земле, наперекор врагам и завистникам». И молвил царь, услышав слова звездочётов: «Дело будущего сокрыто, и все, что предначертал Аллах великий рабу из благого и злого, получит он полностью, и неизбежно придёт к нему от сего дня до того времени тысячу раз помощь». И он не посмотрел на слова звездочётов и наградил почётными одеждами их и всех людей, что присутствовали, и все они ушли.

И вдруг пришёл к царю везирь Фарис, радостный, и поцеловал землю меж его рук и сказал ему: «О царь! Радостная весть! Моя жена сейчас родила дитя, подобное обрезку месяца». – «О везирь, иди принеси его сюда, чтобы они оба воспитывались вместе, в моем дворце», – сказал царь. – Помести твою жену подле моей жены, чтобы они вместе воспитывали своих детей, и того и другого». И везирь доставил свою жену и ребёнка, и обоих детей отдал нянькам и кормилицам.

А когда прошло семь дней, их принесли к царю Асиму и спросили его: «Как ты их назовёшь?» – «Назовите их вы сами», – сказал царь. И ему сказали: «Никто не даст имени сыну, кроме его отца». И тогда царь сказал: «Назовите моего сына: Сейф-аль-Мулук, по имени моего деда, а сына везиря назовите Сайд». И царь наградил няnek и кормилиц и сказал им: «Заботьтесь о мальчиках и воспитывайте их наилучшим образом».

И кормилицы старательно воспитывали их, пока не стало каждому пять лет жизни. И тогда царь отдал детей факиху в школу, и тот учил их Корану и письму, пока им не исполнилось десять лет, и царь отдал их учителям, чтобы они научили их езде на коне, метанию стрел, игре с копьём и игре в шар, и науке воинской доблести, и их учили, пока им аде исполнилось пятнадцати лет жизни. И стали они искусны во всех науках, так что никто

не мог с ними сравняться в воинской доблести, и каждый из них бился с тысячей противников и справлялся с ними один. И они достигли зрелости, и когда царь Асим смотрел на них, он радовался сильной радостью.

Когда же исполнилось им двадцать лет жизни, царь Асим позвал своего везиря Фариса в место уединённое и сказал ему: «О везирь, мне пришло на ум одно дело, которое я хочу совершить, но я посоветуюсь о нем с тобою».

«Что бы ни пришло тебе на ум, делай это, ибо мнение твоё благословенно», – сказал везирь. И царь Асим молвил: «О везирь, я стал старым человеком и дряхлым старцем, так как далеко зашли мои годы, и я хочу сидеть в келье и поклоняться Аллаху великому и отдать мою власть и звание султана моему сыну Сейф-аль-Мулуку – он ведь стал юношей прекрасным, совершённым по доблести и разуму, вежеству и пристойности и умению управлять. Что же ты скажешь, о везирь, об этом замысле?» – «Прекрасен замысел, который ты замыслил, и этот замысел – благословенный и счастливый, – сказал везирь. – Если ты это сделаешь, я тоже сделаю, как ты, я мой сын Сайд будет ему везирем, так как это прекрасный юноша, обладатель знаний и верного мнения, и будут они управлять вместе, а мы станем направлять их дела и не будем небрежны, а напротив, укажем им прямой путь».

И сказал тогда царь Асим своему везиру: «Напиши письма и отправь их со скороходами во все климаты, страны, крепости и укрепления, которые нам подвластны, и прикажи их начальникам, чтобы они в таком-то месяце явились на площадь Слона». И везирь Фарис вышел в тот же час и минуту и написал всем наместникам и начальникам крепостей и тем, кто был подвластен царю Асиму, чтобы они все явились в таком-то месяце, и приказал, чтобы явились все, кто есть в городе, и ближний и дальний.

И когда прошла большая часть оставшегося срока, царь Асим приказал постельничим разбить шатры посреди площади и украсить их роскошными украшениями и поставить большой престол, на который царь садился только в дни празднеств. И они тотчас же сделали все, что он им приказал, и поставили престол, и вышли наместники, царедворцы и эмиры, и вышел царь и велел кричать среди народа: «Во имя Аллаха! Выходите на площадь!»

И тогда вышли на эту площадь эмиры, везири и правители климатов и селений, и вошли в шатёр, служа царю, и все стали по местам, и некоторые из них сидели, а другие стояли. И когда собрались все люди, царь велел раскладывать скатерть, и её разложили и стали есть и пить и пожелали царю блага. И потом царь приказал царедворцам кричать среди людей, чтобы они не уходили, и стали кричать и сказали возвещая: «Пусть никто из вас не уходит, пока не услышит слов царя!» А потом подняли занавесы, и царь сказал: «Кто меня любит, тот пусть остаётся, чтобы услышать мои слова». И все люди сели со спокойной душой, после того как были испуганы.

И тогда царь поднялся на йоги и взял с них клятву, что никто не встанет с места, и сказал: «О эмиры, везири и вельможи правления, большие и малые, и все люди, что присутствуют здесь! Знаете ли вы, что это царство у меня наследственное, от отцов и дедов?» – «Да, о царь, мы все это знаем», – ответили люди. И царь сказал: «Мы с вами все поклонялись солнцу и месяцу, и наделил нас Аллах великий верой и спас нас из мрака, выведя к свету, и привёл нас Аллах, – слава ему и величие! – к вере ислама. Знайте, что я стал теперь старым человеком, дряхлым, бессильным старцем, и хочу сидеть в келье, поклоняясь великому Аллаху и прося у него прощения в прошлых грехах. Вот мой сын, Сейфаль-Мулук – правитель, и вы знаете, что это юноша прекрасный, красноречивый, опытный в делах, разумный, достойный и справедливый. Я желаю в этот час отдать ему моё царство и сделать его над вами царём, вместо меня, и посадить его на моё место, султаном, и сам я уединюсь для поклонения Аллаху великому в келье, а мой сын Сейф-аль-Мулук примет власть и будет творить суд между вами. Что же скажете вы все вместе?»

И все поднялись и поцеловали землю меж рук царя и ответили вниманием и повиновением и сказали: «О царь наш и защитник, если бы ты поставил над нами раба из твоих рабов, мы бы были ему покорны и послушались бы твоего слова и исполнили бы твоё

приказание. Как же не быть этому с твоим сыном Сейф-аль-Мулуком? Мы его принимаем и согласны на него – на голове и на глазах!»

И царь Асим ибн Сафван поднялся и сошёл с седища и посадил своего сына на большой престол, и он снял со своей головы венец и возложил его на голову сына и перевязал ему стан поясом власти. И потом царь Асим сел на престол царства рядом со своим сыном, и поднялись эмиры и везири, и вельможи правления, и все люди и поцеловали перед ним землю и остались стоять, говоря один другому: «Он достоин царской власти, и она к нему ближе, чем к другому». И провозгласили пощадку, и люди пожелали царю победы и преуспевания, и Сейфаль-Мулук стал сыпать золото и серебро всем людям на головы…»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Семьсот шестьдесят вторая ночь

Когда же настала семьсот шестьдесят вторая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что когда царь Асим посадил своего сына Сейф-аль-Мулука на престол и все люди пожелали ему победы и преуспевания, он стал сыпать всем на головы золото и серебро и награждать одеждой и дарить и оделять.

А через мгновение поднялся везир Фарис и поцеловал землю и сказал: «О эмиры, о вельможи правления, знаете ли вы, что я везир и что везирство моё древнее, пришедшее ко мне раньше, чем взял власть царь Асим ибн Сафван? А теперь он снял с себя власть и назначил своего сына вместо себя». И люди ответили: «Да, мы знаем, что твоё везирство переходило к отцам от дедов». И везир молвил: «А теперь я низлагаю себя и назначаю вот этого моего сына, Сайда, ибо он разумен, сметлив и опытен. Что же скажете об этом вы все?» – «Не годится в везири царю Сейф-аль-Мулуку никто, кроме твоего сына Сайда, – они подходят один к другому», – ответили люди.

И тогда везир Фарис поднялся и, сняв тюрбан везирства, возложил его на голову своего сына Сайда, а также поставил перед ним везирскую чернильницу. И царедворцы с эмирами сказали: «Поистине, он достоин быть везирем!» И поднялись тогда царь Асим с везирем Фарисом и открыли казнохранилища и наградили роскошными одеждами властителей, эмиров, везирей и вельмож правления и всех людей, и выдали жалованье и награды, и написали новые указы и постановления с подписью Сейфаль-Мулука и подписью везира Сайда, сына везира Фариса. И люди оставались в городе неделю, а потом каждый отправился в своё селение и местность.

И тогда царь Асим взял своего сына Сейф-аль-Мулука и Сайда, сына везира, и они пошли в город и поднялись во дворец и, призвав казначея, велели ему принести меч, перстень, узел и печать, и царь Асим сказал: «О дети мои, подойдите, и пусть каждый из вас выберет что-нибудь из этих подарков, и возьмите себе». И первым протянул руку Сейф-аль-Мулук и взял узел и перстень, а Сайд протянул руку и взял меч и печать, и они поцеловали царю руки и отправились в свои жилища. А когда Сейф-аль-Мулук взял узел, он не развернул его и не посмотрел, что есть там, а бросил его на ложе, на котором он спал ночью с Саидом, своим везирем (а у них было в обычае спать вместе), и им постлали постель для сна, и оба легли на постель вместе, – а свечи освещали их.

И оба проспали до полуночи, а потом Сейф-аль-Мулук пробудился от сна и заметил у себя в головах узел и сказал про себя: «Посмотреть бы, что такое в этом узле, который царь подарил нам из своих редкостей». И он взял узел и, захватив свечу, сошёл с ложа, оставив Сайда спящим, и вошёл в кладовую, и развернул узел, и увидел в нем кафтан, сработанный джиннами. И он развернул кафтан и разложил его и увидел на подкладке, внутри, ближе к спине кафтана, изображение девушки, нарисованное золотом (а красота её была удивительна).

И когда Сейф-аль-Мулук увидел это изображение, ум улетел у него из головы, и он стал бесноватым от любви к этому образу и упал на землю, покрытый беспомощностью. И он

начал плакать и рыдать и бить себя по лицу и груди и целовать изображение, а потом произнёс такие два стиха:

«Любовь вначале слюны струёй нам кажется –
Несут её и гонят её судьбы.
Но когда войдёт молодец глубоко в моря любви,
Великим станет дело, непосильным».

И ещё он произнёс такое двустишие:

«Коль знал бы я, что страсть люден такова всегда
И уносит души, то был бы я опаслив.
Но бросился нарочно я, умышленно,
Не зная про любовь – какую будет».

И Сейф-аль-Мулук до тех пор рыдал и плакал и бил себя по лицу и по груди, пока не проснулся везирь Сайд, и он посмотрел на постель и не нашёл Сейф-аль-Мулука и увидел только одну свечу и сказал про себя: «Куда девался Сейф-аль-Мулук?» И он взял свечу и поднялся и обошёл весь дворец и, дойдя до кладовой, где был Сейфаль-Мулук, увидел, что он горько плачет и рыдает. «О брат мой, – спросил он, – из-за чего этот плач? Что с тобой случилось? Расскажи мне и поведай о причине этого». Но Сейф-аль-Мулук не заговорил с ним и не поднял головы, а только плакал и рыдал и ударял себя в грудь рукою.

И, увидав, что он в таком состоянии, Сайд сказал ему: «Я твой везирь и брат, и мы воспитывались с тобою вместе, и если ты мне не объяснишь своих дел и не сообщишь мне своей тайны, кому же ты её выразишь и сообщишь?» И Сайд унижался и целовал землю долгое время, но Сейф-аль-Мулук не обращал на него внимания и не говорил ему ни одного слова, а только плакал. И когда Сайд испугался за его состояние и обессилил от напрасных уговоров, он вышел и, взяв меч, вернулся в кладовую, где был Сейф-аль-Мулук, и, приложив кончик меча к груди, сказал Сейф-аль-Мулуку: «Очнись, о брат мой. Если ты мне не скажешь, что с тобой случилось, я убью себя и не буду тебя видеть в таком состоянии».

И тогда Сейф-аль-Мулук поднял голову к своему везирию Сайду и сказал ему: «О брат мой, мне стыдно тебе сказать и рассказать тебе, что со мной случилось». И Сайд воскликнул: «Прошу тебя ради Аллаха, владыки владык, освободителя рабов, первопричины причин, единого, прощающего, великодушного, одаряющего, скажи мне, что с тобой случилось, и не стыдись меня: я ведь твой раб, везирь и советчик во всех делах!» – «Подойди сюда, посмотри на этот образ», – сказал Сейф-аль-Мулук. Увидав изображение, Сайд всматривался в него долгое время и увидел, что на голове его выведено нанизанным жемчугом: «Этот образ – образ Бади-аль-Джемаль, дочери Шаммаха ибн Шаруха⁶¹¹, царя из царей правоверных джиннов, которые обитают в городе Бабиле⁶¹² и живут в саду Ирема, сына Ада старшего...»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Семьсот шестьдесят третья ночь

Когда же настала семьсот шестьдесят третья ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что Сейф-аль-Мулук, сын царя Асима, и везирь Сайд, сын везирия Фариса, прочитали надпись на кафчане и увидели изображение Бади-аль-Джемаль, дочери Шаммаха

⁶¹¹ В дальнейшем Шаммах назван Шахьялем – характерная для рассказчика «1001 ночи» небрежность.

⁶¹² Баби́ль – арабская форма названия Вавилона.

ибн Шаруха, царя из царей правоверных джиннов, что обитают в городе Бабиле и живут в саду Ирема, сына Ада старшего, и везирь Сайд спросил царя Сейф-аль-Мулука: „О брат мой, знаешь ли ты, кто обладательница этого образа среди женщин, чтобы мы могли её искать?“ И Сейф-аль-Мулук ответил: „Нет, клянусь Аллахом, о брат мой, я не знаю, кто обладательница этого образа“. – „Подойди прочитай эту надпись“, – сказал Сайд. И Сейф-аль-Мулук подошёл и прочитал надпись, которая была на венце, и понял её содержание, и тогда он закричал из глубины сердца и воскликнул: „Ахах-ах!“ И Сайд сказал ему: „О брат мой, если обладательница этого образа существует и её имя – Бади-альДжемаль и она на этом свете, я поспешу отыскать её не откладывая, чтобы ты достиг желаемого. Ради Аллаха, о брат мой, оставь плач, чтобы могли войти люди правления и служить тебе, а когда наступит рассвет дня, я призову купцов, нищих, странников и бедняков и спрошу их о приметах этого города: может быть, кто-нибудь, по благодати Аллаха – слава и величие ему! – и с его помощью, укажет нам этот город и сад Ирема“.

И когда наступило утро, Сейф-аль-Мулук вышел и поднялся на престол, обнимая руками кафтан, так как он не вставал и не садился и не приходил к нему сон без этого кафтана, и вошли к нему эмиры, везири, воины и вельможи правления. И когда диван наполнился и собравшиеся расположились в порядке, царь Сейф-аль-Мулук сказал своему везиру Сайду: «Выйди к ним и скажи: „С царём случилось нездоровье, и, клянусь Аллахом, он провёл вчера ночь совсем больной“. И везирь Сайд вышел и передал людям то, что сказал ему царь.

И когда услышал это царь Асим, ему не показалось ничтожным дело его сына, и он призвал врачей и звездочётов и вошёл с ними к своему сыну Сейф-аль-Мулуку, и они посмотрели на него и прописали ему питьё. Но болезнь его продлилась три месяца, и царь Асим сказал присутствующим врачам, разгневанный на них: «Горе вам, о собаки, разве вы все бессильны вылечить моего сына? Если вы его сейчас не вылечите, я вас всех убью!» И старший начальник врачей молвил: «О царь времени, мы знаем, что это твой сын, а ты знаешь, что мы не бываем небрежны при лечении даже чужого, так как же может быть небрежность при лечении твоего сына? Но у твоего сына тяжёлая болезнь, и если ты хочешь знать о ней, мы тебе о ней скажем и расскажем про неё». – «Что стало вам ясно о болезни моего сына?» – спросил царь Асим. И старый врач сказал ему: «О царь времён!» – твой сын теперь влюблён, и он любит ту, к сближению с кем нет пути». И царь Асим рассердился на врачей и сказал им: «Откуда вы узнали, что мой сын влюблён, и откуда пришла любовь к моему сыну?» И врачи ответили: «Спроси его брата и везиря Сайда, он – тот, кто знает о его состоянии».

И царь Асим поднялся и вошёл в кладовую и, призвав Сайда, сказал ему: «Скажи мне правду об истинной болезни твоего брата». И Сайд ответил: «Я не знаю его истинной болезни». И тогда царь сказал меченосцу: «Возьми Сайда, завяжи ему глаза и отруби ему голову». И Сайд испугался за себя и воскликнул: «О царь времени, дай мне пощаду!» И царь молвил: «Говори, и тебе будет пощада». И тогда Сайд сказал: «Твой сын влюблён!» – «А кто его возлюбленная?» – спросил царь. И Сайд ответил: «Дочь одного царя из царей джиннов. Он увидел её изображение на кафтане, что был в том узле, который подарил вам Сулейман, пророк Аллаха».

И тогда царь Асим поднялся и, войдя к своему сыну Сейф-аль-Мулуку, спросил его: «О дитя моё, что тебя поразило и что это за изображение, которое ты полюбил? Отчего ты не рассказал мне?» – «О батюшка, – ответил Сейф-аль-Мулук, – мне было тебя стыдно, и я не мог заговорить с тобой об этом, и я никому не могу ничего открыть из этого. Теперь ты знаешь о моем состоянии, посмотри же, что ты сделаешь, чтобы меня вылечить». – «Какова же будет хитрость? – молвил царь. – Будь это девушка из девушек людей, мы бы придумали хитрость, чтобы до неё добраться, но она из дочерей царей джиннов, и кто может её найти, если не будет это Сулейман ибн Дауд – он тот, кто может это сделать. А ты, о дитя моё, поднимайся сейчас же и укрепи свою душу. Садись на коня и выезжай на охоту и ловлю и на ристалище для игр, займись едой и питьём и прогони из сердца заботу и огорчение. Я

приведу тебе сто девушек из царских дочерей, и нет тебе нужды в дочерях джиннов, над которыми у нас нет власти, и они не нашей породы».

«Я не оставляю её и не буду искать другую!» – воскликнул Сейф-аль-Мулук. И его отец спросил: «Как же поступить, о дитя моё?» И юноша молвил: «Приведи всех купцов, путешественников и странствующих по городам, и мы спросим их об этом – может быть, Аллах приведёт нас к саду Ирема и к городу Вавилону».

И царь Асим приказал, чтобы явились все купцы в городе и все чужеземцы и все начальники моря, и когда они явились, спросил их про город Вавилон, про его остров и про сад Ирема, но никто не знал их примет и ничего о них не поведал. А когда собрание расходилось, один из спрошенных сказал: «О царь времени, если ты хочешь узнать об этом, отправляйся в страну Син – там есть большой город, и, может быть, кто-нибудь из его жителей укажет тебе то, что ты хочешь».

И тогда Сейф-аль-Мулук сказал: «О батюшка, снаряди мне корабль, чтобы поехать в страну Син». И его отец, царь Асим, сказал ему: «О дитя моё, сиди на престоле твоего царства и управляй подданными, а я поеду в страну Син и отправлюсь для этого дела сам». – «О батюшка, – ответил Сейф-аль-Мулук, – это дело касается меня, и никто не может искать его так, как я. Да и что случится, если ты дашь мне позволение уехать, и я поеду и отправлюсь на некоторое время на чужбину? Если я найду вести об этой девушке, – желаемое достигнуто, а если не найду о ней вестей, путешествие расправит мне грудь и оживит мой разум, и станет моё дело легче по этой причине. Если я буду жив, то вернусь к тебе невредимым...»

И Шахразад упустила нить, и она прекратила дозволенные речи.

Семьсот шестьдесят четвёртая ночь

Когда же настала семьсот шестьдесят четвёртая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что Сейф-аль-Мулук сказал своему отцу, царю Асиму: „Снаряди мне корабль, чтобы я поехал на нем в страну Син и разыскал то, что мне нужно. Если я буду жив, то вернусь к тебе невредимым“. И царь посмотрел на своего сына и не увидел иной хитрости, как сделать то, что его удовлетворит. И он дал ему позволение ехать и снарядил для него сорок кораблей и двадцать тысяч невольников, кроме приближённых, и дал ему денег, сокровищ и все, что было ему нужно из военного снаряжения, и сказал ему: „Поезжай, о дитя моё, во благо, здравии и благополучии; я поручаю тебя тому, у кого не пропадают залогов“.

И простились с Сейф-аль-Мулуком его отец и мать, и корабли снабдили водой, припасами и оружием и посадили на них воинов, и путники поехали и ехали до тех пор, пока не прибыли в город Син.

И когда слышали жители Сина, что к ним прибыло сорок кораблей, наполненных людьми, снаряжением и оружием и сокровищами, они подумали, что это враги, которые приплыли, чтобы их убить и подвергнуть осаде, и заперли городские ворота и приготовили метательные машины. И, услышав об этом, царь Сейф-аль-Мулук послал к ним двух невольников из невольников, особо к нему приближённых, и сказал: «Пойдите к царю Сина и скажите ему: „Это Сейф-аль-Мулук, сын царя Асима, приехал к тебе в город гостем, чтобы погулять в твоей стране некоторое время, и он не станет ни биться, ни ссориться. Если ты его примешь, он расположится у тебя, а если не примешь, вернётся обратно, не беспокоя ни тебя, ни жителей твоего города“.

И когда невольники достигли города, они сказали его обитателям: «Мы послы царя Сейф-аль-Мулука». И им отперли ворота и пошли с ними и привели их к царю.

А звали его Фагфур-Шах, и было между ним и царём Асимом прежде того знакомство. И, услышав, что царь, который прибыл к нему, – Сейф-аль-Мулук, сын царя Асима, он награждал послов и приказал отпереть ворота и собрал угощение и вышел лично с избранными вельможами правления и пришёл к Сейф-аль-Мулуку. И они обнялись, и царь

Сина сказал Сейф-аль-Мулуку: «Семья, приют и простор тому, кто к нам прибыл, и я твой невольник и невольник твоего отца! Мой город – перед тобою, и все, что ты потребуешь, явится к тебе». И он предложил ему угощение и припасы в местах стоянок, и царь Сейф-аль-Мулук сел на коня со своим везирем Саидом, избранными вельможами правления и остальными воинами, и они поехали от берега моря и вступили в город.

И забили в литавры и ударили в барабаны в знак радости, и прибывшие провели в городе сорок дней за прекрасными угощениями.

И после этого царь Сина сказал Сейф-аль-Мулуку: «О сын моего брата, как тебе живётся? Нравится ли тебе мой город?» – «Да почитит его Аллах великий тобою навеки, о царь!» – ответил Сейф-аль-Мулук. И царь Фагфур-Шах молвил: «Тебя привела не иначе как нужда, у тебя возникшая, и чего бы ты ни хотел в моем городе, я это для тебя исполню». – «О царь, моя история удивительна, и заключается она в том, что я влюбился в изображение Бади-аль-Джемаль», – ответил Сейф-аль-Мулук. И царь Сина заплакал из жалости и сочувствия к нему и спросил: «А что ты хочешь делать теперь, о Сейф-аль-Мулук?» – «Я хочу, – ответил юноша, – чтобы ты призвал ко мне всех странников и путешественников и тех, у кого в обычае путешествовать, и я спрошу их про обладательницу этого образа: быть может, кто-нибудь из них мне о ней расскажет».

И царь Фагфур-Шах послал наместников, царедворцев и приближённых и велел им привести всех, кто есть в городе из странников и путешественников, и их привели (а было их великое множество), и они собрались у царя Фагфур-Шаха. И царь Сейф-аль-Мулук стал их спрашивать про город Бабиль и про сад Ирема, но никто не дал ему ответа, и царь Сейф-аль-Мулук смутился и не знал, что делать. Но потом один из морских начальников сказал: «О царь, если ты хочешь узнать, где этот город и этот сад, отправляйся на острова, которые в стране Хинд».

И тогда Сейф-аль-Мулук велел привести корабли, и это сделали и перенесли на них воду, припасы и все, что было нужно, и Сейф-аль-Мулук сел на корабль, со своим везирем Саидом, после того как они попрощались с царём Фагфур-Шахом. И они ехали по морю четыре месяца при хорошем ветре, благополучно и спокойно, и случилось, что в один день из дней поднялся противный ветер, и пришли к ним волны со всех сторон, и полились на них дожди, и море пришло в расстройство из-за сильного ветра. А потом корабли стало бить друг о друга сильным ветром, и они все разбились, так же как и лодки, и все утонули, и Сейф-аль-Мулук остался с несколькими невольниками на одной из лодок.

А потом ветер стих и успокоился по могуществу великого Аллаха, и взошло солнце, и Сейф-аль-Мулук открыл глаза и не увидел ни одного корабля и ничего не увидел, кроме воды, неба, себя самого и тех, кто был с ним в лодке. «Где корабли и маленькие лодки и где мой брат Сайд?» – спросил он невольников, которые были с ним, и они ответили: «О царь времени, не осталось ни кораблей, ни лодок, ни тех, кто был в них: они все утонули и стали пищей для рыб». И Сейф-аль-Мулук вскрикнул и произнёс слова, говорящий которые не смутится: «Нет мощи и силы, кроме как у Аллаха высокого, великого!» И он принялся бить себя по лицу и хотел броситься в море, но невольники удержали его и сказали: «О царь, какая будет тебе от этого польза? Ты ведь сам сделал с собою такие дела. Если бы ты послушался слов твоего отца, с тобой бы ничего такого не случилось. Но все это предначертано издревле, по воле создателя людей...»

И Шахразадку застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Семьсот шестьдесят пятая ночь

Когда же настала семьсот шестьдесят пятая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что когда Сейф-аль-Мулук хотел броситься в море, невольники удержали его и сказали: „Какая будет тебе от этого польза? Ты ведь сам сделал с собою такие дела. Но все это предначертано издревле, волею создателя людей, чтобы получил раб сполна то, что

предначертал ему Аллах, и звездочёты сказали твоему отцу, когда ты родился: „С твоим сыном случатся всякие бедствия“. И нет у нас поэтому иной хитрости, как терпеть, пока Аллах не облегчит горесть, в которую мы впали“.

«Нет мощи и силы, кроме как у Аллаха, высокого, великого! Нет ни убежища, ни приюта от приговора великого Аллаха!» – воскликнул Сейф-аль-Мулук. И потом он вздохнул и произнёс такие стихи:

«Всемиловитым клянусь, смущён я, сомненья нет,
Тревога, не знаю как, меня охватила вдруг!
Я буду терпеть, чтоб люди знали и видели,
Что вытерпеть горшее, чем мирра, я в силах был.
Как хитрость найти мне в этом деле?
Я лишь могу Тому поручить себя, кто властен во всех делах».

И он погрузился в море размышлений, и слезы потекли по его щекам, как ливень, и он проспал днём около часа, а очнувшись, потребовал чего-нибудь поесть и ел, пока не насытился, и потом еду, стоявшую перед ним убрали, а челнок все плыл, и не знали они, в какую сторону он с ними направляется. И он плыл с ними по волнам и по ветру, ночью и днём в течение долгого времени, пока не окончилась у них пища, и забыли они о прямом пути и испытывали величайший голод, жажду и тревогу.

И вдруг блеснул им издали остров, и ветры подгоняли их, пока они к нему не подплыли, и, пристав к острову, они вышли из лодки, оставив в ней одного человека, и направились в глубь острова. И они увидели там много плодов всякого рода и поели их досыта и вдруг увидели человека, сидевшего среди деревьев, и был он длиннолицый, диковинного вида, с белой бородой и телом. И он позвал одного из невольников по имени и сказал ему: «Не ешь тех плодов, – они не спели, и подойди ко мне, я накормлю тебя этими спелыми плодами». И невольник взглянул на него и подумал, что это один из утопавших, который спасся и вышел на этот остров. Он до крайности обрадовался и пошёл, и подошёл к нему близко (и не знал этот невольник, что предопределено ему в неведомом и что начертано у него на лбу).

И когда он подошёл к человеку близко, тот вскочил на него, так как это был марид, и сел ему на плечи, обвив ему одной ногой шею, а другую опустив вдоль его спины, и сказал: «Ходи! Нет тебе больше от меня спасения, и ты стал моим ослом». И невольник закричал своим товарищам и стал плакать, говоря: «Увы, мой господин! Уходите, спасайтесь из этой заросли и убегайте, так как один из её жителей сел мне на плечи, а остальные вас ищут и хотят на вас сесть, как на меня». И, услышав слова, сказанные этим невольником, все путники убежали и сошли в лодку, а жители острова преследовали их в море и говорили: «Куда вы уходите? Идите жить к нам: мы сядем вам на спину и будем вас кормить и поить, и вы станете нашими ослами». И, услышав от них эти слова, путники ускорили ход по морю и отделились от жителей острова и поехали, уповая на великого Аллаха.

И они ехали так в течение месяца, пока не показался перед ними другой остров, и они вышли на этот остров и увидели там плоды разного рода и поели этих плодов. И вдруг они заметили что-то блестящее издали на дороге, и, приблизившись, они посмотрели и увидели, что это нечто отвратительное видом и лежит, точно серебряный столб. И один из невольников пихнул его ногой, и вдруг оказалось, что это человек с продольными глазами и расщеплённой головой, и он спрятался под одним из своих ушей, так как, ложась спать, он подкладывал одно ухо себе под голову, а другим ухом прикрывался. И он схватил этого невольника, который пихнул его, и пошёл с ним на середину острова, и вдруг оказалось, что все там – гули, которые едят сынов Адама. И невольник Закричал своим товарищам: «Спасайте ваши души! Этот остров – остров гулей, которые едят сынов Адама, и они хотят меня разорвать и съесть». И, услышав его слова, путники повернули, удаляясь, и сошли с земли в лодку и ничего не набрали из плодов.

И они ехали в течение нескольких дней, и случилось, что однажды перед ними появился ещё один остров, и, достигнув его, они увидели на нем высокую гору. И они поднялись на эту гору и увидели там рощу со множеством деревьев, а они были голодны и занялись поеданием плодов, и не успели они очнуться, как к ним вышли из-за деревьев существа ужасающего вида и высокие – высота каждого из них была пятьдесят локтей, – и у них изо рта торчали клыки, похожие на клыки слона. И вдруг путники увидели человека, который сидел на куске чёрного войлока, положенного на каменную скалу, и вокруг него стояли зинджи⁶¹³ прислуживая ему (а их была большая толпа). И эти зинджи подошли и взяли Сейф-аль-Мулука и его невольников и поставили их перед своим царём и сказали: «Мы нашли этих птиц среди деревьев».

А царь был голоден, и он взял из невольников двоих и зарезал их и съел...

И Шахразадю застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Семьсот шестьдесят шестая ночь

Когда же настала семьсот шестьдесят шестая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что когда зинджи взяли царя Сейф-аль-Мулука и его невольников, они поставили их перед своим царём и сказали: „О царь, мы нашли этих птиц среди деревьев“. И царь взял двоих невольников и зарезал их и съел. И когда Сейф-аль-Мулук увидел такое дело, он испугался за себя и заплакал, а потом он произнёс такие два стиха:

«Подружились беды с душой моей, с ними дружен я,
Хоть был врагом их: щедрый – Друг для многих,
Единым не был род забот в душе моей –
Они, хвала Аллаху, разнородны».

И затем он вздохнул и произнёс такие два стиха:

«Судьба в меня все мечет униженья,
Чехлом из стрел душа моя покрыта.
И ныне, если стрелы поражают,
Ломаются концы их об другие».

И когда царь слышал его плач и причитания, он сказал: «Поистине, это птицы с красивыми голосами и напевами и их голоса мне нравятся. Поместите каждую из них в клетку». И каждого из путников посадили в клетку и повесили над головой царя, чтобы он мог слушать их голоса. И Сейф-аль-Мулук и его невольники оказались в клетках, и зинджи кормили их и поили, а они иногда плакали, иногда смеялись, иногда говорили, а иногда молчали, и при всем этом царь зинджей наслаждался их голосом, и они провели таким образом некоторое время.

А у царя была замужняя дочь на другом острове, и она слышала, что у её отца есть птицы с красивыми голосами, и послала к нему людей с просьбой прислать несколько птиц. И её отец отправил ей Сейф-аль-Мулука и трех его невольников в четырех клетках. И когда они прибыли к царевне и та увидела их, они ей понравились, и она приказала повесить их в одном месте, у себя над головой. И Сейф-аль-Мулук дивился тому, что с ним случилось, и думал о величии, в котором он был прежде, и плакал над собой, а его невольники оплакивали самих себя, и при всем этом царевна думала, что они поют. А у царевны было в обычае, если

⁶¹³ Зинджи – первоначально название чернокожих обитателей острова Занзибара; впоследствии так стали называть всех негров вообще.

к ней попадал кто-нибудь из стран Египта или других и нравился ей, давать ему у себя высокое место. И случилось, по определению Аллаха великого и приговору его, что, когда она увидела Сейф-аль-Мулука, ей понравилась его красота, и прелесть, и стройность, и соразмерность и она приказала почитать их всех. И в один из дней случилось так, что она осталась наедине с Сейф-аль-Мулуком и потребовала, чтобы он совокупился с ней, но Сейф-аль-Мулук отказался от этого и сказал ей: «О госпожа, я чужеземец, скорбящий в любви к той, кого люблю, и не согласен ни на что, кроме сближения с ней». И царица стала его уговаривать и соблазнять, но Сейф-аль-Мулук отказывался от неё, и она не могла к нему приблизиться и сойтись с ним каким бы то ни было образом.

И тогда она разгневалась на Сейф-аль-Мулука и его невольников и велела им ей прислуживать и носить ей воду и дрова. И они провели таким образом четыре года, И обессилило Сейф-аль-Мулука это дело, и он послал попросить дочь царя: может быть, она их отпустит, и они уйдут своей дорогой и отдохнут от того, что с ними. И она послала за Сейф-аль-Мулуком и сказала ему: «Если ты поступишь согласно моему желанию, я освобожу тебя от того, что с тобой, и ты отправишься в твою землю, благополучный и с добычей», – и все время его умоляла и уговаривала, но Сейф-аль-Мулук не соглашался на то, что она хотела. И царица отвернулась от него, гневная, и Сейф-аль-Мулук со своими невольниками остался у неё на острове в том же положении.

И обитатели острова знали, что это птицы царицы, и никто из городских жителей не осмеливался им ничем вредить, и сердце царицы было за них спокойно – она была уверена, что им уже нет освобождения с этого острова, – они скрывались от неё и на два дня и на три и ходили по равнине, собирая дрова со всех сторон острова, и приносили, их в кухню царицы.

И они провели таким образом пять лет, и случилось, что Сейф-аль-Мулук сидел в один день из дней со своими невольниками на берегу моря, беседуя о том, что с ними произошло, и Сейф-аль-Мулук посмотрел на себя и увидел себя в этом месте со своими невольниками. И он вспомнил свою мать и отца и брата своего Сайда, и вспомнил величие, в котором жил раньше, и заплакал, и усилились его плач и рыдания, и невольники тоже заплакали. И потом невольники сказали ему: «О царь времени, доколе будем мы плакать, когда плач бесполезен, и это дело написано у нас на лбах по определению Аллаха, великого, славного. Начертал калам то, что судил Аллах⁶¹⁴, и не будет нам пользы ни от чего, кроме терпения, – быть может, Аллах – велик он и славен! – который испытал нас этой бедой, её с нас снимет». – «О братья, – сказал им Сейф-аль-Мулук, – как нам сделать, чтобы вырваться от этой проклятой? Я не вижу для нас спасения, если не спасёт нас от неё Аллах своей милостью. Но пришло мне на ум, что мы должны убежать и избавиться от этой тяготы». – «О царь времени, – сказали невольники, – куда мы уйдём с этого острова, когда он весь полон гулей, которые едят сынов Адама? Во всяком месте, куда мы пойдём, они найдут нас, и либо они нас съедят, либо возьмут в плен и воротят нас на место, и царица на нас разгневается». – «Я что-то для вас сделаю, и, может быть, Аллах великий поможет нам освободиться, и мы спасёмся с этого острова», – сказал Сейф-аль-Мулук. «А как ты сделаешь?» – спросили его, и он молвил: «Мы нарубим длинных палок, навьём из их лыка верёвок, свяжем их друг с другом и сделаем из них корабль. Мы сбросим его в море и наполним плодами, сделаем весла и сядем на корабль – быть может, Аллах великий сделает его для нас помощью, он ведь властен во всякой вещи. И, может быть, Аллах пошлёт нам хороший ветер, который приведёт нас в страны Индии, и мы освободимся от этой проклятой». И невольники воскликнули: «Это хороший замысел!» – и обрадовались сильной радостью.

И они поднялись в тот же час и минуту и стали рубить палки, чтобы сделать корабль, а потом они принялись вить верёвки, чтобы связать палки одну с другой, и провели за этой

⁶¹⁴ По мусульманскому поверью, Алла к прежде всех вещей создал «калам» (перо), которым заранее записал всё то, что произойдёт в будущем, все деяния людей до Страшного суда.

работой месяц, и ежедневно к концу дня они набирали немного дров и носили их на кухню царевны, а остальной день они отдавали работе по постройке корабля, пока не кончили его...»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Семьсот шестьдесят седьмая ночь

Когда же настала семьсот шестьдесят седьмая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что Сейф-аль-Мулук и его невольники нарубили палок на острове и, свив верёвки, связали корабль, который они сделали, а окончив его делать, они сбросили его в море и нагроулили плодами с деревьев, которые росли на острове, и они снарядились в конце дня и никого не осведомили о том, что сделали.

И они сели на этот корабль и плыли по морю в течение четырех месяцев, не зная, куда он везёт их, и кончилась у них пища, и испытывали они величайший, какой только бывает, голод и жажду. И вдруг море заревело и вспенилось, и поднялись на нем высокие волны, и приблизился к путникам страшный крокодил и, протянув лапу, схватил одного из невольников и проглотил его, и когда Сейф-аль-Мулук увидел, что крокодил сделал с невольником такое дело, он горько заплакал. И остался он на корабле один с уцелевшим невольником, и удалились они от места, где был крокодил, испуганные, и плыли таким образом, пока не показалась перед ними в один из дней гора: огромная, ужасная, высокая, возвышающаяся в воздухе. И они обрадовались, а после этого перед ними показался остров, и они стали ускорять к нему ход, ожидая блага от того, что вступят на этот остров. И когда они были в таком положении, море вдруг взволновалось, и поднялись на нем волны, и изменилось его состояние, и высунул голову крокодил и, протянув лапу, схватил оставшегося невольника из невольников Сейфаль-Мулука и проглотил его, и оказался Сейф-аль-Мулук один.

И он приблизился к острову и до тех пор трудился, пока не влез на гору, и тогда он посмотрел и увидел рощу. И он вошёл в эту рощу и пошёл среди деревьев и стал есть плоды, и увидел он, что на деревья забралось свыше двадцати огромных обезьян, – каждая обезьяна больше мула. И при виде этих обезьян охватил Сейф-аль-Мулука сильный страх, а обезьяны спустились на землю и окружили его со всех сторон, и потом они пошли впереди него и сделали ему знак следовать за ними и отправились, и Сейф-аль-Мулук пошёл за ними. И они шли, а Сейф-аль-Мулук за ними, пока не дошли до крепости, высоко построенной, с колоннами, уходящими ввысь. И тогда они вошли в эту крепость, и Сейф-аль-Мулук вошёл за ними, и он увидел там всякие редкости, драгоценности и металлы, описать которые бессилён язык. И увидел он в этой крепости юношу, у которого не было растительности на щеках, но был он высокий, великой высоты. И, увидав этого юношу, Сейф-аль-Мулук почувствовал к нему расположение (а в крепости не было никого из людей, кроме этого юноши).

А когда юноша увидал Сейф-аль-Мулука, тот ему до крайности понравился, и он спросил его: «Как твоё имя, из какой ты страны и как ты сюда добрался? Расскажи мне твою историю и не скрывай из неё ничего». – «Клянусь Аллахом, – ответил Сейф-аль-Мулук, – я пришёл сюда не по своему желанию, и не к этому месту я стремился, и не могу я больше ходить с места на место, чтобы достигнуть того, что я ищу». – «А что ты ищешь?» – спросил юноша, и Сейф-аль-Мулук сказал: «Я из земель Египта, и имя моё – Сейф-аль-Мулук, а имя моего отца – царь Асим ибн Сафван». И потом он рассказал юноше, что с ним случилось от начала дела до конца его, и юноша поднялся, прислуживая Сейф-аль-Мулуку, и сказал ему: «О царь времени, я был в Египте и слышал, что ты отправился в страну Син (а как далеко эта страна от страны Сип!), и, поистине, твой рассказ дело дивное и диковинное». – «Твои слова правильны, – ответил Сейфаль-Мулук, – но после этого я отправился из страны Сип в страну Хинд, и подул на нас ветер, и море заволновалось, и разбились все корабли, что были со

мною». И он рассказал юноше обо всем, что с ним случилось, и сказал: «И вот я пришёл к тебе в это место». И юноша молвил: «О царевич, довольно того, что случилось с тобою из бедствий во время пребывания на чужбине, и слава Аллаху, который привёл тебя в это место. Живи же со мной, а я буду тебе другом, пока не умру, и тогда ты станешь царём этого климата. Об этом острове никто не ведаёт, и эти обезьяны знают ремесла, и все, что ты потребуешь, ты здесь найдёшь». – «О брат мой, – сказал Сейф-аль-Мулук, – я не могу сидеть в каком-нибудь месте, пока не исполнится моя мечта, хотя бы пришлось мне обойти весь свет, расспрашивая о том, что мне нужно. Быть может, Аллах приведёт меня к желаемому, или я буду стремиться к тому месту, где исполнится мой срок, и умру».

И юноша обернулся к одной из обезьян и сделал ей знак, и обезьяна скрылась на некоторое время, а потом пришла, и были с ней обезьяны, подпоясанные шёлковыми салфетками, которые принесли скатерть и поставили на неё около сотни золотых и серебряных блюд со всякими кушаньями, и эти обезьяны стояли, как обычно стоят приближённые, меж руками царей. И юноша сделал царедворцам знак сесть, и они сели, а те, кто обычно служит, остались стоять, и все поели досыта, а потом скатерть убрали и принесли золотые тазы с кувшинами и вымыли руки. А после этого принесли сосуды с вином – около сорока сосудов, в каждом из которых был какойнибудь сорт вина, и все стали пить и наслаждались и ликовали, и прекрасно было для них время, и обезьяны плясали и играли, пока евские были заняты едой. И когда увидел это Сейф-аль-Мулук, он удивился и забыл о случившихся с ним бедствиях...»

И Шахразадю застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Семьсот шестьдесят восьмая ночь

Когда же настала семьсот шестьдесят восьмая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что когда Сейф-аль-Мулук увидал, что делают обезьяны и как они пляшут, он удивился и забыл о постигшем его отдалении от родины и бедствиях. А когда наступила ночь, зажгли свечи и поставили их в золотые и серебряные подсвечники и принесли блюда с сухими и свежими плодами и поели; когда же пришло время сна, им постлали постели, и они легли. А с наступлением утра, юноша поднялся, по своему обычаю, и разбудил Сейфаль-Мулука и сказал ему: „Высунь голову из этого окна и посмотри, кто это стоит под окном“. И Сейф-аль-Мулук посмотрел и увидел обезьян, которые наполнили широкую равнину и всю пустыню, и не знает числа этих обезьян никто, кроме Аллаха великого. „Это множество обезьян, которые наполнили равнину. Почему они собрались в это время?“ – спросил Сейф-аль-Мулук. И юноша сказал ему: „Таков их обычай, и все обезьяны, какие есть на острове, пришли сюда, а иные из них явились после двух или трех дней путешествия. Они приходят каждую субботу и стоят Здесь, пока я не проснусь от сна и не высуну голову из этого окошка. И когда обезьяны меня видят, они целуют передо мной землю и уходят к своим делам“. И он выставил голову из окна, чтобы обезьяны его увидали, и, заметив его, они поцеловали перед ним землю и ушли.

И Сейф-аль-Мулук прожил у юноши целый месяц, а после этого он простился с ним и выступил в путь, и юноша приказал отряду обезьян, около сотни, отправиться с ним, и они шли, служа Сейф-аль-Мулуку, в течение семи дней, пока не проводили его до конца своих островов. После этого они простились с ним и вернулись на свои места. И Сейф-аль-Мулук шёл один по горам, холмам, степям и пустыням в течение четырех месяцев, день голодный, день – сытый, и один день он ел траву, а другой день ел плоды с деревьев. И стал он раскаиваться в том, что сделал с собою, уйдя от этого юноши, и хотел вернуться к нему по своим следам. И вдруг он увидел что-то чёрное, видневшееся вдали. «Это чёрный город, или что это такое? – сказал себе Сейф-аль-Мулук. – Я не вернусь, пока не увижу, что это за чёрный предмет». И он приблизился и увидел, что это дворец, высоко построенный, и был

строителем его Яфис, сын Нуха⁶¹⁵, – мир с ним! – и это тот дворец, о котором упомянул Аллах великий в своей славной книге словами: «И колодезь заброшенный, и дворец высокий».

И Сейф-аль-Мулук сел у ворот дворца и сказал про себя: «Посмотреть бы, какова внутренность этого дворца и кто там есть из царей! Кто мне расскажет истину об этом деле, и принадлежат ли обитатели дворца к людям или к джиннам?» И он просидел некоторое время, размышляя, и не видел, чтобы кто-нибудь входил во дворец или выходил из него, а потом он встал и пошёл, уповая на Аллаха великого, и вошёл во дворец, насчитав по дороге семь проходов, но не увидел никого. И справа от себя он увидел три двери, а перед ним была дверь за опущенной занавеской. И Сейф-аль-Мулук подошёл к этой двери и, подняв занавеску рукой, прошёл в дверь, и вдруг он увидел большой портик, устланный шёлковыми коврами, и в глубине портика был золотой престол, на котором сидела девушка с лицом, подобным луне, одетая в царственные одежды, и она была точно невеста в ночь, когда её ведут к мужу. А возле престола было сорок скатертей, уставленных золотыми и серебряными блюдами, каждое из которых было наполнено роскошными кушаньями. И, увидев эту девушку, Сейф-аль-Мулук подошёл к ней и пожелал мира, и девушка возвратила ему пожелание и спросила его: «Ты из людей или из джиннов?» – «Я из лучших людей – я царь, сын царя», – ответил Сейф-аль-Мулук. И девушка спросила: «Чего ты хочешь? Вот перед тобой эти кушанья, а после того как поешь, расскажи мне твою историю с начала до конца и расскажи, как ты достиг этого места».

И Сейф-аль-Мулук присел у скатерти и, сняв крышку с подноса (а он был голоден), ел с блюд, пока не насытился, а потом он вымыл руки и, взойдя на престол, сел рядом с девушкой. «Кто ты, как твоё имя, откуда ты пришёл и кто привёл тебя сюда?» – спросила она. И Сейф-аль-Мулук ответил: «Что до меня, то рассказ мой долог». – «Скажи мне, откуда ты, почему ты сюда пришёл и чего ты хочешь?» – молвила девушка. И Сейф-аль-Мулук сказал: «Ты сама расскажи мне, каково твоё дело, как тебя зовут, кто тебя сюда привёл и почему ты сидишь одна в этом месте?» – «Моё имя Девлет-Хатун, я дочь царя Индии, и мой отец живёт в городе Серендибе, – ответила девушка. – У моего отца красивый большой сад, лучше которого нет в странах и областях Индии, и там есть большой водоём. В один из дней я пришла в этот сад с моими невольницами, и мы с ними разделись и вошли в этот водоём и стали там играть и веселиться, и не успела я опомниться, как что-то, подобное облаку, спустилось на меня и унесло меня среди моих невольниц и полетело со мной между небом и землёй, говоря: „О Девлет-Хатун, не бойся и будь спокойна сердцем!“ И оно пролетело со мной недолгое время, а потом опустило меня в этом дворце и вдруг, в тот же час и минуту, превратилось и оказалось красивым юношей, прекрасным своей юностью. И он спросил меня: „Ты меня знаешь?“ И я ответила: „Нет, о господин мой“. И тогда юноша сказал: «Я сын Синего царя, царя джиннов, и мой отец живёт в крепости Кульзум⁶¹⁶, и подвластны ему шестьсот тысяч джиннов, летающих и ныряющих. Мне случилось проходить по дороге, направляясь по своему пути, и я увидел тебя и полюбил, и опустился и похитил тебя среди невольниц, и принёс тебя в мой Высокий Дворец – а здесь моё место и обиталище. Никто совершенно не достигнет его, ни джинн, ни человек, и от Индии досюда расстояние в сто двадцать лет пути. Будь же уверена, что ты никогда не увидишь страны.

О твоего отца и матери, и живи у меня в этом месте, спокойная сердцем и умом, и я принесу тебе все, что ты потребуешь». И после этого он стал меня обнимать и целовать...»

И Шахразад устала, и она прекратила дозволенные речи.

⁶¹⁵ Яфис, сын Нуха – библейский Иафет, сын Ноя.

⁶¹⁶ Кульзум – старое название крепости Суэц.

Шестьсот шестьдесят девятая ночь

Когда же настала семьсот шестьдесят девятая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что девушка говорила Сейф-аль-Мулуку: „И, после того как царь джиннов все рассказал мне, он начал меня обнимать и целовать и сказал мне: „Живи здесь и не бойся ничего“. А потом он оставил меня и скрылся на некоторое время и, вернувшись, принёс эту скатерть, подстилки и ковры, и он приходит ко мне каждый вторник и живёт у меня три дня, а в четвёртый день он остаётся до послеполуденного времени и уходит и отсутствует до вторника, а потом приходит, будучи в том же облике. И придя, он ест и пьёт со мной и обнимает меня и целует, и я невинная девушка, такая, какой создал меня великий Аллах, и юноша ничего со мной не сделал. А моего отца зовут Тадж-аль-Мулук, и не знает он обо мне вестей и не напал на мой след. Вот моя история, расскажи же мне и ты свою историю“.

«Моя история длинная, и я боюсь, что если я стану тебе рассказывать, время над нами затянется и придёт ифрит», – сказал Сейф-аль-Мулук. И девушка молвила: «Он ушёл от меня лишь за час до твоего прихода и придёт только во вторник. Сиди же здесь, будь спокоен и успокой свой ум и расскажи мне, что с тобой случилось, от начала до конца». И Сейф-аль-Мулук отвечал: «Слушаю и повинуюсь!»

И он начал свой рассказ и завершил его полностью, с начала до конца, и когда он дошёл до рассказа о Бадиаль-Джемаль, глаза девушки пролили обильные слезы, и она воскликнула: «Не то я о тебе думала, о Бади-аль-Джемаль! Разве ты меня не вспоминаешь и не говоришь: „Сестра моя, Девлет-Хатун, куда она пропала?“ И потом она стала ещё сильнее плакать и печалиться о том, что Бади-аль-Джемаль её не вспоминает.

И Сейф-аль-Мулук сказал ей: «О Девлет-Хатун, ты из людей, а она из джиннов; откуда же она может быть тебе сестрой?» – «Она моя молочная сестра, – ответила Девлет-Хатун, – и причина этого в том, что моя мать вышла погулять в сад, и пришли к ней потуги, и она родила меня в саду. А мать Бади-аль-Джемаль была в этом саду со своими приближёнными, и пришли к ней потуги, и она отошла в конец сада и родила Бади-аль-Джемаль. И она послала одну из невольниц к моей матери, прося у неё еды и вещей, нужных при родах, и матушка послала ей то, что она просила, и пригласила её. И джинния поднялась и взяла Бади-аль-Джемаль с собой и пришла к моей матери, и та выкормила Бади-аль-Джемаль. И её мать, а с нею и девочка, провели у нас в саду два месяца, а после того джинния ушла в свою страну, и она дала моей матери одну вещь и сказала: „Если я тебе понадобится, я приду к тебе в этот сад“. И Бади-аль-Джемаль приходила со своей матерью каждый год, и они оставались у нас некоторое время, а потом возвращались в свою страну, и если бы я была у этой матери, о Сейф-аль-Мулук, и увидела бы тебя у нас в нашей стране, когда мы все были, как всегда, вместе, я бы придумала против неё хитрость, чтобы привести тебя к желаемому. Но я нахожусь в этом месте, и они не знают обо мне вестей, и если бы они узнали обо мне вести и знали бы, что я здесь, они могли бы освободить меня отсюда, но власть принадлежит Аллаху, – слава и величие ему! – и что же мне делать?» – «Поднимайся и пойдём со мной, – сказал Сейф-аль-Мулук. – Мы убежим и уйдём, куда хочет Аллах великий». – «Мы не можем этого сделать, – ответила девушка. – Клянусь Аллахом, если бы мы убежали на расстояние года пути, этот проклятый настиг бы нас в одну минуту и погубил бы нас». – «Я где-нибудь спрячусь, и когда он будет проходить мимо, ударю его мечом и убью», – сказал Сейф-аль-Мулук.

И тогда девушка молвила: «Ты не можешь его убить иначе, как убив его душу». – «А душа его в каком месте?» – спросил Сейф-аль-Мулук, и девушка сказала: «Я спрашивала его об этом много раз, но он не признавался мне, где она. И случилось в один день из дней, что я к нему пристала, и он рассердился на меня и воскликнул: „Сколько ты ещё будешь меня спрашивать про мою душу и какова причина твоих расспросов о моей душе?“ – „О Хатим, – ответила я ему, – у меня остался, кроме тебя, лишь Аллах, и пока я жива, я всегда буду привязана к твоей душе, и если я не буду её беречь, храня её в моих очах, то какова будет моя жизнь после тебя? А если я бы знала, где твоя душа, я бы её берегла, как моё правое

око“. И тут царь джиннов сказал мне: „Когда я родился, звездочёты сказали, что гибель моей души будет от руки одного из сыновей царей человеческих, и я взял мою душу и положил её в зоб воробья, а воробья я запер в коробочку и положил эту коробочку в шкатулку, а шкатулку я положил в семь ларцов, которые я положил в глубь семи ящиков, а ящики я положил в мраморный сундук и утопил его в этой стороне моряокеана, так как эта сторона далека от стран человеческих и никто из людей не может до неё добраться. Вот я тебе сказал; не говори же об этом никому, – это тайна между мной и тобой...“

И Шахразад устали, и она прекратила дозволенные речи.

Ночь, дополняющая до семисот семидесяти

Когда же настала ночь, дополняющая до семисот семидесяти, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что Девлет-Хатун рассказала Сейф-аль-Мулуку о душе джинна, который её похитил, и изложила ему то, что джинн ей сказал, вплоть до его слов: „Это тайна между нами“, – и продолжала: „И я сказала ему: „А кому я расскажу? Никто, кроме тебя, ко мне не приходит, чтобы я ему сказала. Клянусь Аллахом, – сказала я потом, – ты положил свою душу в крепость крепкую и великую, до которой никому не добраться, так как же доберётся до неё кто-нибудь из людей? А если допустить невозможное – и Аллах определил подобное тому, о чем говорили звездочёты, – то как может кто-нибудь из людей до этого добраться?“ И царь джиннов молвил: „Может быть, у кого-нибудь из них будет на пальце перстень Сулеймана, сына Дауда, – мир с ними обоими! – и он придёт сюда и положит руку с этим перстнем на поверхность воды и скажет: „Властью этих имён, пусть душа такого-то всплывёт“. И всплывёт тот сундук, и человек его взломает, так же как ящики и ларцы, и выйдет воробей из коробочки, и человек его задушит, и я умру“. – «Это я – тот царевич, а вот перстень Сулеймана, сына Дауда, – мир с ними обоими! – у меня на пальце! – воскликнул Сейф-аль-Мулук. – Пойдём на берег моря и посмотрим, ложь ли его слова, или правда“.

И оба поднялись и пошли и пришли к морю, и Девлет-Хатун осталась стоять на берегу моря, а Сейф-аль-Мулук вошёл в воду по пояс и оказал: «Властью имён и талисманов, которые на этом перстне, и властью Сулеймана – мир с ним! – пусть выплывет душа такого-то джинна, сына Синего царя». И тут море взволновалось, и сундук всплыл, и Сейф-аль-Мулук взял его и ударил им о камень и сломал сундук и сломал также ящики и ларцы и вынул воробья из коробочки. И потом они отправились во дворец и взошли на престол, и вдруг показалась устрашающая пыль и что-то большое летящее, и оно говорило: «Пощади меня, о царевич, и не убивай меня! Сделай меня твоим отпущенником, и я приведу тебя к тому, что ты хочешь!» – «Джинн пришёл, – сказала Девлет-Хатун. – Убей же воробья, чтобы этот проклятый не вошёл во дворец и не отнял у тебя птицы. Он тебя убьёт и убьёт меня после тебя». И Сейф-аль-Мулук задушил воробья, и тот умер, а джинн упал у ворот дворца и стал кучей чёрного пепла. И тогда Девлет-Хатун сказала: «Мы вырвались из рук этого проклятого. Что же нам теперь делать?» – «Помощи следует просить у Аллаха великого, который нас испытал, он нас наставит и поможет нам освободиться от того, во что мы впали», – сказал Сейф-аль-Мулук.

И он поднялся и снял около десяти дверей из дверей дворца, а эти двери были из сандала и алоэ, и гвозди в них были золотые и серебряные, а потом он взял бывшие там верёвки из шелка и парчи и связал ими двери одна с другою. И они с Девлет-Хатун помогали друг другу, пока не донесли двери до моря и не сбросили их туда, чтобы двери превратились в корабль. И они привязали корабль к берегу, а потом вернулись во дворец и стали носить золотые и серебряные блюда, драгоценности и яхонты и дорогие металлы и перенесли из дворца все, что было легко весом и дорого по цене, и снесли все это на корабль, и сели на него, уповая на Аллаха великого, который удовлетворяет уповающего и не обманывает. И они сделали себе две палки в виде весел, а затем отвязали верёвки и дали кораблю бежать по морю. И они ехали таким образом четыре месяца, и кончилась у них пища, и усилилась их

горесть, и стеснилась у них грудь, и стали они тогда просить Аллаха, чтобы он послал им спасение от того, что их постигло. А пока они плыли, Сейф-аль-Мулук, ложась спать, клал Девлет-Хатун у себя за спиной, а когда он поворачивался, между ними лежал меч.

И когда они ехали таким образом в одну ночь из ночей, случилось, что Сейф-аль-Мулук спал, а Девлет-Хатун бодрствовала. И вдруг корабль отклонился в сторону берега и подплыл к одной гавани, а в этой гавани стояли корабли. И Девлет-Хатун увидела корабли и услышала, как кто-то разговаривает с матросами, а тот, кто разговаривал, был начальником капитанов и старшим над ними. И, услышав голос этого капитана, Девлет-Хатун поняла, что на берегу – гавань какого-нибудь города и что они достигли населённых мест. И она обрадовалась сильной радостью и разбудила Сейф-аль-Мулука от сна и сказала ему: «Встань и спроси этого капитана, как называется этот город и что это за гавань».

И Сейф-аль-Мулук поднялся, радостный, и спросил: «О брат мой, как называется этот город и что это за гавань и как зовут её царя?» И капитан сказал ему: «О хладноликий, о холоднобородый, если ты не знаешь этой гавани и этого города, как же ты сюда приплыл?» И Сейф-аль-Мулук ответил: «Я чужеземец, и я плыл па корабле из купеческих кораблей, и он разбился и потонул со всем, что на нем было, а я выплыл на доске и добрался сюда, и я спросил тебя, а спросить – не позор». – «Это город Аммария, а гавань называется Гавань Камин-альБахрейн», – ответил капитан. И когда Девлет-Хатун услышала эти слова, она сильно обрадовалась и воскликнула: «Хвала Аллаху!» – «Что такое?» – спросил Сейф-аль-Мулук.

И девушка сказала: «О Сейф-альМулук, радуйся близкой помощи! Царь этого города – мой дядя, брат моего отца...»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Семьсот семьдесят первая ночь

Когда же настала семьсот семьдесят первая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что Девлет-Хатун сказала Сейф-аль-Мулуку: „Радуйся близкой помощи! Царь этого города – мой дядя, брат моего отца, и зовут его Али-ль-Мулук. – И потом молвила: – Спроси капитана: „Султан этого города, Али-ль-Мулук, здоров?“ И Сейф аль-Мулук спросил об этом, и капитан ответил, рассерженный: „Ты говоришь: „Я в жизни сюда не приезжал и я чужеземец“, но кто же сказал тебе имя правителя города?“ И Девлет-Хатун обрадовалась и узнала капитана, а его имя было Муин-ад-дин, и это был один из вельмож у её отца, и выехал он лишь для того, чтобы её искать, когда она пропала, но не нашёл её и ходил до тех пор, пока не прибыл в город её дяди. И Девлет-Хатун сказала Сейф-аль-Мулуку: „Скажи ему: „О капитан Муинад-дин, пойди сюда поговори с твоей госпожой“. И Сейф-аль-Мулук крикнул капитану то, что она ему сказала. И когда капитан услышал слова Сейф-альМулука, он разгневался сильным гневом и воскликнул: «О пёс, кто ты и как ты меня узнал?» И потом он приказал одному из матросов: «Дайте мне ясеневую палку. Я пойду к этому злосчастному и разобью ему голову».

И он взял палку и направился в сторону Сейф-альМулука и увидел корабль, а в нем увидел что-то диковинное и прекрасное, и ум его был поражён. И потом он посмотрел и взгляделся как следует и увидел Девлет-Хатун, которая сидела, подобная обрезку месяца. И капитан спросил Сейф-аль-Мулука: «Что это у тебя?» И царевич ответил: «У меня девушка по имени Девлет-Хатун». И, услышав эти слова, капитан упал без чувств, так как он слышал её имя и узнал, что это его госпожа и дочь его царя.

А придя в себя, он оставил корабль и то, что в нем было, и отправился в город и пришёл ко дворцу царя и попросил позволения войти, и привратник вошёл к царю и сказал ему: «Капитан Муин-ад-дин пришёл к тебе, чтобы тебя порадовать благой вестью». И царь позволил ему войти, и он вошёл и поцеловал землю меж его руками и сказал: «О царь, с тебя

подарок! Дочь твоего брата, Девлет-Хатун, прибыла в наш город, здоровая и благополучная, и она на корабле, а с ней юноша, подобный луне в ночь её полноты». И царь, услышав вести о дочери своего брата, возрадовался и наградил капитана роскошной одеждой и тотчас же приказал украсить город по случаю спасения дочери своего брата и послал к ней и призвал её к себе, вместе с Сейф-аль-Мулуком, и приветствовал их и поздравил со спасением. А потом он послал уведомить своего брата, что его дочь нашлась и пребывает у него.

И когда посол прибыл к царю, тот снарядился, и собрались войска, и Тадж-аль Мулук, отец Девлет-Хатун ехал до тех пор, пока не прибыл к своему брату, Али-льМулуку. И он встретился со своей дочерью Девлет-Хатун, и они сильно обрадовались. И Тадж-аль-Мулук прожил у своего брата неделю времени, а потом он взял свою дочь и Сейф-аль-Мулука, и они ехали, пока не прибыли в Серендиб, в страну отца девушки. И Девлет-Хатун встретилась со своей матерью, и все обрадовались её спасению и устроили торжества, и был это день великий, подобного которому не видано.

Что же касается до царя, то он оказал Сейф аль-Мулуку почёт и сказал ему: «О Сейф-аль-Мулук, ты сделал мне и моей дочери все это благо, и я не могу воздать тебе за него тем же, и воздаст тебе один лишь господь миров. Но я хочу, чтобы ты сел вместо меня на престол и правил в странах Индии: я дарю тебе мою власть, и престол, и казну, и слуг, и все это будет тебе от меня подарком». И Сейф-аль-Мулук поднялся и поцеловал землю меж рук царя и поблагодарил его и сказал: «О царь времени, я принимаю все, что ты мне подарил, и все это возвращается к тебе от меня, тоже как подарок. А я, о царь времени, не хочу ни царства, ни власти и хочу только, чтобы Аллах великий привёл меня к желаемому». – «Вот моя казна перед тобою, о Сейф-аль-Мулук, – сказал царь. – Бери из неё все что пожелаешь и не спрашивай меня об этом, да воздаст тебе за меня Аллах великий благом!» – «Да возвеличит Аллах царя! Нет мне радости ни во власти, ни в деньгах, пока я не достигну желаемого, – ответил Сейф аль Мулук. – А теперь я хочу погулять по городу и посмотреть на его площади и рынки».

И Тадж-аль-Мулук велел привести ему коня из хороших коней, и Сейф-аль-Мулуку привели коня, осёдланного и взнузданного, из коней превосходных, и царевич сел на коня и выехал на рынок и поехал по улицам города. И он смотрел направо и налево и вдруг увидал юношу, у которого был кафтан, и он предлагал его за пятнадцать динаров, и, всмотревшись в этого юношу, Сейф-аль-Мулук увидел, что он похож на его брата Сайда. А на самом деле это именно он и был, по только цвет его лица и его состояние изменились от долгого пребывания на чужбине и тягот путешествия, и Сейф-аль-Мулук не узнал его. И он сказал тем, кто был вокруг него: «Приведите этого юношу, чтобы я его расспросил». И когда юношу привели к нему. Сейф аль-Мулук молвил: «Возьмите его и отведите во дворец, где я живу, и оставьте его у себя, пока я не вернусь с прогулки». А люди подумали, что он им приказал: «Возьмите его и отведите в тюрьму», и сказали: «Может быть, это невольник из его невольников, который убежал от него».

И они взяли этого юношу и отвели его в тюрьму, заковав его в цепи, и оставили сидеть там. А Сейф-аль-Мулук вернулся с прогулки и вошёл во дворец и забыл о своём брате Сайде, и никто ему о нем не напомнил. И оказался Сайд в тюрьме, и когда пленников вывели на работы по постройкам, Сайда взяли с ними, и он стал работать с пленниками, и скопилось на нем много грязи. И Сайд провёл таким образом месяц, раздумывая о своих обстоятельствах и говоря про себя: «В чем причина моего заточения?» А Сейф аль-Мулук был отвлечён радостной жизнью и прочим.

И случилось, что в один из дней Сейф-аль-Мулук сидел, и он вспомнил о своём брате Сайде и спросил невольников, бывших с ним: «Где юноша, который был с вами в такой-то день?» И невольники ответили: «А разве ты не сказал нам: „Отведите его в тюрьму?“ – „Я не говорил вам таких слов, я сказал вам только: „Отведите его во дворец, где я живу“, – сказал Сейф-аль-Мулук. И затем он послал царедворцев за Саидом, и его привели закованного и расковали от цепей и поставили перед Сейф-альМулуком. И тот спросил его: „О юноша, из какой ты страны?“ – „Я из Египта, и моё имя – Сайд, сын везиря Фариса“, – ответил юноша.

И, услышав его слова, Сейфаль-Мулук сошёл с ложа и бросился к Сайду и повис у него на шее, и он от радости заплакал сильным плачем и воскликнул: «О брат мой Сайд! Хвала Аллаху, что я жив и вижу тебя! Я твой брат Сейф-аль-Мулук, сын царя Асима!»

И когда Сайд слышал слова своего брата и узнал его, они обняли друг друга и стали вместе плакать, и присутствующие дивились на них, а потом Сейф-аль-Мулук приказал взять Сайда и отвести его в баню. И его отвели в баню, а по выходе из бани, его одели в роскошные одежды и привели в покои Сейф аль-Мулука, и тот посадил Сайда к себе на ложе. И когда узнал обо всем Тадж-аль-Мулук, он сильно обрадовался встрече Сейф-аль-Мулука с его братом Саидом и пришёл, и все трое сидели и разговаривали о том, что случилось с ними от начала до конца.

А потом Сайд сказал: «О брат мой, о Сейф-аль-Мулук, когда утонули корабли и утонули невольники, я влез с несколькими невольниками на деревянную доску, и она плыла с нами по морю в течение целого месяца, а затем, после этого, ветер закинул нас, властью Аллаха великого, на остров. И мы вышли на этот остров голодные и оказались среди деревьев и стали есть плоды и занялись едой, и не успели мы опомниться, как вышли к нам люди, подобные ифритам, и вскочили на нас и сели нам на плечи, говоря: „Везите нас – вы стали нашими ослими“.

И я спросил того, кто сел на меня: «Что ты такое и почему ты на меня сел?» И, услышав от меня эти слова, он обвинил меня одной ногой шею так, что я чуть не умер, а другой ногой ударил меня по спине, и я подумал, что он сломал мне спину. И я упал на землю, лицом вниз, а у меня не осталось больше сил от голода и жажды. И когда я упал, человек понял, что я голоден, и взял меня за руку, привёл к дереву со множеством плодов – а это была груша – и сказал: «Ешь с этого дерева, пока не насытишься». И я ел с этого дерева, пока не насытился, и потом встал и пошёл, не желая этого, и едва я прошёл немного, тот человек вернулся ко мне и вскочил мне на плечи. И я то шёл, то бежал, то трусил рысцой, а человек сидел на мне и смеялся, говоря: «Я в жизни не видел такого осла, как ты!»

И случилось, что в какой-то день мы набрали несколько кистей винограда и положили ягоды в яму после того, как потоптали их ногами, и превратилась эта яма в большой пруд. И мы подождали несколько дней и пришли к этой яме и увидели, что солнце сварило эту воду и она превратилась в вино, и тогда мы стали пить и опьянели, и покраснели наши лица, и мы начали петь и плясать, одурев от опьянения. И наши седоки спросили нас: «Отчего у вас покраснели лица и что заставляет вас плясать и петь?» И мы сказали им: «Не спрашивайте об этом: чего вы хотите, спрашивая об этом?»

«Расскажите нам, чтобы мы узнали истину об этом деле», – сказали они, и тогда мы сказали им: «В этом виноваты выжимки винограда».

И они пошли с нами в долину, где мы не могли отличить длины от ширины, и в этой долине были виноградные лозы, которым мы не видели ни начала, ни конца, а каждая кисть на них была весом ритлей в двадцать, и их все было легко сорвать. И седоки сказали нам: «Наберите этого», и мы собрали много винограда. И я увидел там большую яму, шире большого водоёма, и мы наполнили её виноградом и потоптали его ногами и сделали то же, что и в первый раз, и сок превратился в вино, и тогда мы сказали: «Оно дошло до предела зрелости. Из чего вы будете его пить?» – «У нас были ослы, как вы, и мы их съели, и от них остались головы. Напайте нас из их черепов», – сказали они. И мы напоили их, и они опьянели и легли, а их было около двухсот.

И тогда мы сказали друг другу: «Разве недостаточно им на нас ездить, к тому же они нас потом съедят? Нет мощи и силы, кроме как у Аллаха, высокого, великого! Но мы усилим их опьянение, а потом убьём их, и избавимся и освободимся из их рук». И мы разбудили их и стали наполнять эти черепа и поить их, и они кричали: «Это горько!» А мы говорили им: «Зачем вы говорите: „Это горько!“ Всякий, кто так говорит, умрёт в тот же день, если не выпьет десять раз».

И они испугались смерти и сказали нам: «Напайте нас по десять раз!» И когда они выпили по десяти раз, они опьянели, и их опьянение усилилось, и силы их потухли, и мы

потасили их за руки. А потом мы набрали множество палок от лоз и положили их вокруг гулей и на них и разожгли огонь и остановились поодаль, смотря, что с ними будет...»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Семьсот семьдесят вторая ночь

Когда же настала семьсот семьдесят вторая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что Сайд говорил: «Когда я и бывшие со мной невольники разожгли огонь и гули оказались посреди пламени, мы остановились поодаль, смотря, что с ними будет, а потом мы подошли к ним, когда огонь потух, и увидели, что они превратились в кучу пепла. И мы восхвалили Аллаха великого, который освободил нас от них и вывел нас с этого острова, и направились на берег моря, а потом мы расстались друг с другом, и что до меня и двух невольников, то мы шли, пока не дошли до большой рощи со множеством деревьев.

И в роще мы занялись едой, и вдруг появился человек высокого роста, с длинной бородой, длинными ушами и глазами, точно два факела, и было перед ним много баранов, которых он пас, и с ним была ещё толпа людей таких же, как он. И, увидя нас, он обрадовался и развеселился и приветствовал нас и воскликнул: «Добро пожаловать! Идите ко мне, я вам зарежу овцу из этого стада и изжарю и накормлю вас». И мы спросили его: «А где твоё жилище?» И он сказал: «Близко от этой горы. Идите в ту сторону, пока не увидите пещеру, и войдите в неё. Там много гостей, таких, как вы; ступайте посидите с ними, пока мы не приготовим вам угощения». И мы подумали, что его слова правда, и пошли в ту сторону, и вошли в пещеру, и увидели, что гости, которые там сидят, все слепые.

И когда мы вошли, один из них сказал: «Я болен», – а другой сказал: «Я слаб». И мы спросили их: «Что это за слова вы говорите? Какова причина вашей слабости и болезни?» – «Кто вы?» – спросили слепые, и вы сказали: «Мы гости». И тогда слепые спросили: «Что ввергло вас в руки этого проклятого? Пет мощи и силы, кроме как у Аллаха, высокого, великого! Это гуль, который ест сынов Адама, и он ослепил нас и хочет нас съесть». – «Как ослепил вас этот гуль?» – спросили мы их, и они сказали: «Он сейчас ослепит и вас, как нас». – «А как он вас ослепил?» – спросили мы, и слепые ответили: «Он принесёт вам чашки с молоком и скажет: „Вы устали от путешествия – возьмите это молоко и попейте его“. И когда вы его попьёте, вы станете такими же, как мы».

И тогда я сказал про себя: «Не остаётся нам спасения иначе, как хитростью», – и выкопал в земле яму и сел подле неё. А через минуту вошёл к нам этот проклятый гуль, который нёс чашки с молоком, и он подал чашку мне и чашку каждому из тех, кто был со мной, и сказал: «Вы пришли с берега и хотите пить: возьмите же это молоко и попейте его, пока я буду вам жарить мясо». И что до меня, то я взял чашку и, приблизив её ко рту, вылил её в яму и закричал: «Ах, пропал мой глаз, и я ослеп!» – и схватился рукой за глаз и стал плакать и кричать, а гуль смеялся и говорил: «Не бойся!» Что же касается двух моих товарищей, то они выпили молоко и ослепли.

И проклятый в ют же час и минуту поднялся и запер вход в пещеру и, приблизившись ко мне, пощупал мне ребра и увидел, что я тощий и на мне совсем нет мяса, и потом он пощупал другого и увидел, что он толстый, и обрадовался. И он зарезал трех баранов и ободрал их и, принеся железные вертела, насадил на них мясо баранов. И положил его на огонь и изжарил, а потом он подал их моим товарищам, и они поели, и гуль поел вместе с ними. А затем он принёс бурдюк, полный вина, и выпил вино и лёг лицом вниз и захрапел. И я сказал себе: «Он погрузился в сон, по как мне его убить?»

И я вспомнил о вертелах и, взяв два из них, положи и их на огонь и подождал, пока они не стали, как уголья. А потом я затянул пояс и, поднявшись на ноги, взял в руки железные вертела и, приблизившись к проклятому, приложил их ему к глазам и налёг на них со всей силой. И вдруг гуль вскочил на ноги и хотел меня схватить, но был уже слеп, и я побежал от него внутрь пещеры, а он бежал за мной. И я сказал слепым, что были у гуля: «Что делать с

этим проклятым?» И один из них сказал: «О Сайд, поднимись и взберись к этому углублению. Ты найдёшь там блестящий меч. Возьми его и подойди ко мне, и я скажу тебе, что делать». И я поднялся к углублению и взял меч и подошёл к тому человеку, и он сказал мне: «Возьми крепче меч и ударь им гуля посередине, он тотчас же умрёт». И я побежал за гулом, который устал бегать и подошёл к слепым, чтобы их убить. И, приблизившись к нему, я ударил его мечом по середине тела, так что он превратился в две половины.

И гуль закричал мне: «О человек, если ты захотел меня убить, ударь меня второй раз!» И я собирался ударить его вторым ударом, но человек, который указал мне на меч, молвил: «Не ударяй его второй раз: он тогда не умрёт, а будет жить и погубит нас...»

И Шахразадку застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Семьсот семьдесят третья ночь

Когда же настала семьсот семьдесят третья ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что Сайд говорил: „Когда я ударил гуля мечом, он крикнул: „О человек, если ты меня ударил и хотел меня убить, ударь меня ещё раз!“ И я собирался его ударить, но человек, который указал мне на меч, молвил: „Не ударяй его второй раз: он тогда не умрёт, а будет жить и погубит нас“. И я исполнил приказание этого человека и не ударил гуля, и проклятый умер. И тогда тот человек сказал мне: „Открой пещеру, и давай выйдем из неё – может быть, Аллах нам поможет, и мы избавимся от пребывания в этом месте“. – «Для нас не будет теперь больше угрозы, – сказал я. – Мы лучше отдохнём и нарежем часть этих овец и попьем вина».

И мы провели в этом месте два месяца и ели овец и плоды. И случилось, что в один день из дней мы сидели на берегу моря и увидели большой корабль, который показался на море. И мы стали делать знаки тем, кто на нем ехал, и кричать им, но они побоялись гуля (а они знали, что на этом острове живёт гуль, который ест людей) и хотели убежать. И мы стали махать им концами наших тюрбанов и подошли ближе и начали им кричать. И тогда один из путников, у которого было острое зрение, сказал: «О собрание путников, я вижу, что эти существа – люди, как мы, и нет у них облика гулей». И путники поплыли в нашу сторону, мало-помалу, пока не приблизились к нам, и, убедившись, что мы люди, они приветствовали нас, и мы возвратили им приветствие и обрадовали их вестью об убиении этого проклятого гуля, и они поблагодарили нас.

А потом мы запаслись на острове некоторыми плодами, которые там были, и сошли на корабль, и он плыл с нами, при хорошем ветре, в течение трех дней. А после этого поднялся против нас ветер, и стало очень темно, и не прошло и одного часа, как ветер повлёк корабль к горе, и он разбился и доски его разлетелись. И предопределил мне Аллах великий уцепиться за одну из этих досок, и я сел на неё, и она плыла со мной два дня, и прилетел хороший ветер, и я сидел на этой доске, гребя ногами в течение некоторого времени, пока не привёл меня Аллах великий благополучно к берегу.

И потом я вошёл в этот город и был чужеземцем одиноким, покинутым и не знал, что делать, и голод мучил меня, и постигли меня величайшие тяготы. И я пришёл на городской рынок и спрятался и снял с себя этот кафтан, говоря в душе: «Продам его и буду сыт, пока не исполнит Аллах то, что он исполни!» И потом, о брат мой, я взял кафтан в руки, и люди смотрели на него и набавляли цену, пока не пришёл ты и не увидал меня и не приказал отвести меня во дворец, и слуги взяли меня и заточили. А потом ты вспомнил обо мне, после этого долгого срока, и призвал меня к себе, и я рассказал тебе о том, что со мной случилось, и слава Аллаху за нашу встречу!»

И когда Сейф-аль-Мулук и Тадж-аль-Мулук, отец Девлет-Хатун услышали рассказ везира Сайда, они удивились сильным удивлением, и Тадж-аль-Мулук, отец Девлет-Хатун, приготовил прекрасное место для Сейфаль-Мулука и его брата Сайда. И Девлет-Хатун стала приходить к Сейф-аль-Мулуку и благодарить его и разговаривала с ним о его благодеяниях,

и везирь Сайд сказал ей: «О царевна, от тебя желательна помощь в достижении его цели». И Девлет-Хатун ответила: «Хорошо, я постараюсь для того, что он хочет, чтобы достичь желаемого, если захочет того Аллах великий». А потом она обратилась к Сейф-аль-Мулуку и сказала ему: «Успокой свою душу и прохладя глаза!»

Вот что было с Сейф-аль-Мулуком и его везирем Саидом. Что же касается до царевны Бади-аль-Джемаль, то до неё дошли вести о возвращении её сестры Девлет-Хатун к отцу, в его царство, и она сказала: «Непременно следует её посетить и приветствовать её в роскошном уборе, драгоценностях и одеждах». И она отправилась к ней, и когда она приблизилась к царству отца царевны Девлет-Хатун, та встретила её и пожелала ей мира и обняла её и поцеловала между глаз, а царевна Бади-аль-Джемаль поздравила Девлет-Хатун с благополучием.

А потом они сели и стали разговаривать, и Бади-аль-Джемаль спросила Девлет-Хатун: «Что случилось с тобой на чужбине?» И Девлет-Хатун ответила: «О сестрица, не спрашивай, какие случились со мной дела! О, какие терпят люди бедствия!» – «А как так?» – спросила Бади-аль-Джемаль, и Девлет-Хатун молвила: «О сестрица, я была в Высоком Дворце, и владел мною там сын Синего царя». И она рассказала ей остальную свою историю с начала до конца, а также историю Сейф-аль-Мулука и поведала о том, что случилось с ним во дворце и какие он терпел бедствия и ужасы, пока не дошёл до Высокого Дворца, и как он убил сына Синего царя и сорвал двери и построил из них корабль и сделал к нему весла и как он прибыл сюда. И Бади-аль-Джемаль удивилась и воскликнула: «Клянусь Аллахом, о сестрица, это одно из самых диковинных чудес!» – «Я хочу рассказать тебе о корне всей его истории, но меня удерживает от этого стыд», – сказала потом Девлет-Хатун. И Бади-аль-Джемаль молвила: «Чего же стыдиться? Ты ведь моя сестра и подруга, и между мной и тобой было многое, и я знаю, что ты ищешь для меня лишь добра. Почему же ты меня стыдишься? Расскажи мне то, что у тебя есть, не стыдясь меня, и не скрывай от меня ничего».

И тогда Девлет-Хатун сказала: «Он увидел твоё изображение на капитане, который твой отец послал Сулейману, сыну Дауда – мир с ними обоими! – и Сулейман не развёртывал его и не смотрел, что на нем есть. И он прямо послал его царю Асиму ибн Сафвану, царю Египта, в числе подарков и редкостей, которые он ему послал.

А царь Асим отдал кафтан своему сыну Сейф-аль-Мулуку, прежде чем его развернуть. И когда Сейф-аль-Мулук взял его и развернул и хотел надеть, он увидел на нем твоё изображение и влюбился в него и пошёл тебя искать и испытал все эти беды из-за тебя...»

И Шахзаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Семьсот семьдесят четвёртая ночь

Когда же настала семьсот семьдесят четвёртая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что Девлет-Хатун рассказала Бади-аль-Джемаль о начале любви к ней Сейф-аль-Мулука и его страсти к ней и сказала, что причина этого в кафтане, на котором было её изображение, и что когда Сейф-аль-Мулук увидел это изображение, он ушёл из своего царства, обезумев от любви, и скрылся от своих родных из-за неё. „Он испытал те бедствия, которые испытал, из-за тебя“, – сказала она. И Бади-аль-Джемаль воскликнула (а её лицо покраснелось, и ей стало стыдно перед Девлет-Хатун): „Этого никогда не будет! Люди не подходят к джиннам“. Но тут Девлет-Хатун принялась описывать ей Сейф-аль-Мулука и красоту его лица и поведение и доблесть, и не переставая расхваливала его и перечисляла его достоинства, и наконец сказала: „О сестрица, ради Аллаха великого и ради меня, пойди поговори с ним и скажи ему хотя бы одно слово“. Но Бади-аль-Джемаль воскликнула: „Этих слов, которые ты говоришь, я не стану слушать и не послушаюсь тебя!“ И было так, словно она ничего о нем не слышала, и в её сердце не запало ничего из рассказов о любви Сейф-аль-Мулука и красоте его лица, его поведении и доблести. А Девлет-Хатун

стала её умолять и целовать ей ноги, говоря: „О Бади-аль-Джемаль, во имя молока, которым мы с тобой вскормлены, и во имя надписи, которая на перстне Сулеймана, – мир с ним! – выслушай от меня такие слова: ведь я обязалась перед ним в Высоком Дворце показать ему твоё лицо; заклинаю тебя Аллахом, покажи ему себя один раз, ради меня, и ты тоже на него посмотришь“. И она плакала и умоляла Бади-аль-Джемаль, целуя ей руки и ноги, пока царевна не согласилась и не сказала: „Ради тебя я покажу ему моё лицо один раз“.

И тогда сердце Девлет-Хатун успокоилось, и она поцеловала ей руки и ноги и, выйдя, пошла в самый большой дворец, который стоял в саду. И она велела невольницам устлать его коврами и поставить в нем золотое ложе и расставить рядами сосуды с вином, а потом Девлет-Хатун вошла к Сейф-аль-Мулуку и его везиру Сайду, которые сидели у себя, и обрадовала Сейф-аль-Мулука вестью о достижении его цели и осуществлении желаемого. «Отправляйся в сад с твоим братом, и войдите во дворец и спрячьтесь от людских глаз, чтобы не увидел вас никто из находящихся во дворце, а я приду туда с Бади-аль-Джемаль», – сказала она. И Сейф-аль-Мулук с Саидом поднялись и пошли в то место, которое указала им Девлет-Хатун, и, войдя туда, они увидели, что там поставлено золотое ложе и на нем лежат подушки и есть там кушанья и вино. И они просидели некоторое время, а потом Сейф-аль-Мулук вспомнил свою возлюбленную, и его грудь стеснилась, и взволновалась в нем тоска и страсть. И он поднялся и пошёл и вышел из дворцового прохода, и брат его Сайд последовал за ним. Но Сейф-аль-Мулук сказал ему: «О брат мой, сиди на месте и не следуй за мной, пока я к тебе не приду!» И Сайд сел, а Сейф-аль-Мулук спустился и вошёл в сад, пьяный от вина страсти и смятенный крайней любовью и увлечением, и потрясла его любовь, и одолела его страсть, и он произнёс такие стихи:

«О дивно прекрасная, ты лишь нужна мне!
Пожалей же – пленён к тебе я любовью!
Ты желанье, мечта моя, моя радость,
И не хочет любить других моё сердце!
О, если б узнать: известно ль тебе, как я плачу
Ночью длинной, не зная сна, и рыдаю?
Прикажи мне, чтоб сон слетел к моим векам, –
Может статься, во сне тебя я увижу.
О, смягчись же к безумному, что так любит,
Из пучины жестокости его вырви!
Пусть прибавит Аллах тебе блеска, счастья,
И все люди пусть выкупом тебе будут!
Соберёт пусть влюблённых всех моё знамя,
А твоё соберёт к себе всех красавиц».

И потом он заплакал и произнёс ещё такие два стиха:

«Дивно прекрасная стала целью моей навек,
В глубинах души она теперь – моя тайна»
Когда говорю я – речь моя о красе её,
А если молчу, лишь к ней привязано сердце».

И потом он горько заплакал и произнёс ещё такие стихи:

«И в сердце моем огонь сильнее разгорается,
Желаю я вас одних, и страсть моя длится.
Склоняюсь я к вам и не склоняюсь к другим совсем,
Прощенья я жду от вас, – влюблённый выносив, –
Чтоб сжалились вы над тем, чью плоть изнурила страсть,

Кто слабым от страсти стал, чьё сердце недужно.
Так сжальтесь, помилуйте и будьте щедрой вы. –
От вас я не отойду, измены не зная».

И потом он заплакал и произнёс ещё такие два стиха:

«Стал я близок с тоской моей, как со страстью,
И бежит от очей покой, как бежишь ты.
Рассказал, что ты сердишься, твой посланник,
Да избавит Аллах от зла такой речи!»

А потом Сайд, заждавшись царевича, вышел из дворца, чтобы поискать его в саду, и увидел, что он ходит по саду в смятении и говорит такие стихи:

«Аллах, Аллах великий, поклянусь я том,
Произносит кто из Корана суру «Создателя», –
Коль бродил мой взор по красотам тех, кого видел я,
Вечно образ твой, о прекрасная, говорил со мной».

И потом Сейф-аль-Мулук и его брат Сайд встретились и стали гулять в саду и есть плоды, и вот что было с Саидом и Сейф-аль-Мулуком. Что же касается Девлет-Хатун, то когда она пришла с Бади-аль-Джемаль во дворец, они вошли туда после того, как евнухи разубрали его всевозможными украшениями и сделали все, что приказала им Девлет-Хатун, и приготовили для Бади-аль-Джемаль золотое ложе, чтобы ей сидеть на нем, и, увидев это ложе, Бади-аль-Джемаль села на него. А рядом с нею было окно, выходившее в сад, и евнухи принесли всякие роскошные кушанья, и Бади-аль-Джемаль с Девлет-Хатун начали есть и ели, пока та не насытилась. А затем она велела подать всякие сладости, и евнухи принесли их, и обе девушки поели их досыта и вымыли руки. А после этого Девлет-Хатун приготовила напитки и сосуды для вина и расставила кувшины и чаши, и стала Девлет-Хатун наполнять кубок и поить Бади-аль-Джемаль, а потом она наполняла чашу и пила сама. И Бади-аль-Джемаль посмотрела в окно, которое было рядом с нею и выходило в сад, и увидела, какие там плоды и деревья, и она бросила взгляд в сторону Сейф-аль-Мулука и увидела его, когда он ходил по саду, а сзади него шёл везирь Сайд. И услышала она, как Сейф-аль-Мулук говорит стихи, рассыпая обильные слезы, и когда она взглянула на него, этот взгляд оставил в ней тысячу вздохов...

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Семьсот семьдесят пятая ночь

Когда же настала семьсот семьдесят пятая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что когда Бади-аль-Джемаль увидела Сейф-аль-Мулука, который ходил по саду, она посмотрела на него взором, оставившим в ней тысячу вздохов, и обернулась к Девлет-Хатун (а вино заиграло в её членах) и сказала: „О сестрица, что это за юноша, которого я вижу в саду, и он в смятении, взволнован, грустен и печален?“ – „Не позволишь ли ты ему прийти к нам, чтобы мы на него посмотрели?“ – спросила Девлет-Хатун, и Бади-аль-Джемаль молвила: „Если тебе возможно его привести, приведи его“.

И Девлет-Хатун позвала Сейф-аль-Мулука и сказала ему: «О царевич, поднимайся к нам и приходи с твоей красотой и прелостью». И Сейф-аль-Мулук узнал голос Девлет-Хатун и поднялся во дворец, и, когда его взор упал на Бади-аль-Джемаль, он распростёрся, покрытый беспамятством. И Девлет-Хатун брызнула на него немного розовой воды, и он очнулся от беспамятства и встал и поцеловал землю перед Бади-аль-Джемаль. И та

оторопела при виде его красоты и прелести, а Девлет-Хатун сказала: «Знай, о царевна, что это Сейф-аль-Мулук, через чьи руки, по приговору Аллаха великого, пришло моё спасение. Он тот, с кем случились из-за тебя сполна все бедствия, и я хочу, чтобы ты окинула его всего взором». И Бади-аль-Джемаль сказала, рассмеявшись: «А кто верен обетам, чтобы был им верен этот юноша? У людей ведь нет любви». И Сейф-аль-Мулук воскликнул: «О царевна, отсутствия верности не будет у меня никогда, и не все твари одинаковы». И потом он заплакал перед нею и произнёс такие стихи:

«О дивно прекрасная, над грустным ты смилуйся,
Печален он, изнурён, и глаз его бодрствует,
Во имя тех прелестен, что лик твой собрал в себе –
И бел и румян ведь он, как цвет анемона, –
Не мсти наказанием разлуки больному ты, –
От долгой разлуки плоть моя погибает.
Желание кот моё, и в этом предел надежд,
И сблизиться я хочу насколько возможно».

И потом он заплакал горьким плачем, и любовь и страсть овладели им, и он приветствовал Бади-аль-Джемаль такими стихами:

«Привет от влюблённого, что страстью порабощён, –
Ведь вес благородные добры к благородным.
Привет вам! Да не лишусь я вашего призрака
И пусть не лишатся вас дома и покои!
Ревнуя, не называю вашего имени –
Влюблённый к любимому всегда ведь стремится.
Не надо же прерывать к влюблённому милостей,
Ведь губит его печаль, и тяжело он болен.
Блестящие звезды я пасу, и боюсь я их,
А ночь моя от любви продлилась чрезмерной.
Терпения уже нет, и нет уже хитрости –
Какие слова скажу в ответ на вопросы?
Привет от Аллаха вам в минуту суровости,
Привет от влюблённого – влюблённый вынослив!»

А потом, от великого волнения и страсти, он произнёс ещё такие стихи:

«Когда б к другим стремился, о владыки, я,
Желанного от вас я не добился бы.
О, кто красоты все присвоил, кроме вас,
Так что в них стоит воскресенья день предо мной теперь?
Не бывать тому, чтоб утешился я в любви моей,
Ведь за вас я отдал и сердца кровь и последний вздох».

А окончив свои стихи, он горько заплакал, и Бади-аль-Джемаль сказала ему: «О царевич, я боюсь, что, если я обращусь к тебе полностью, я не найду у тебя любви и дружбы. В людях нередко бывает добра мало, а вероломства много, и знай, что господин наш Сулейман, сын Дауда, – мир с ними обоими! – взял Билькис по любви, а когда увидел другую женщину, лучше неё, отвернулся от неё к той другой». – «О моё око, о моя душа, – воскликнул Сейф-аль-Мулук, – не создал Аллах всех людей одинаковыми, и я, если захочет Аллах, буду верен обету и умру под твоими ногами! Ты скоро увидишь, что я сделаю, в согласии с тем, что я говорю, и Аллах за то, что я говорю, поручитель». И Бади-аль-Джемаль

сказала ему: «Садись и успокойся и поклянись мне достоинством твоей веры, и дадим обет, что мы не будем друг друга обманывать. Кто обманет своего друга, тому отомстит великий Аллах!»

И, услышав от неё эти слова, Сейф-аль-Мулук сел, и каждый из них вложил руку в руку другого, и оба поклялись, что не изберут, кроме любимого, никого из людей или джиннов. И они просидели некоторое время, обнявшись и плача от сильной радости, и одолело Сейф-аль-Мулука волнение; и он произнёс такие стихи:

«Заплакал я от любви, тоски и волнения
О той, кого полюбил душою и сердцем я.
Давно я покинул вас, и сильно страдаю я.
Но все же бессилён я к любимой приблизиться.
И горесть моя о той, кого не могу забыть,
Хулителям знать даёт о части беды моей.
Стеснилось, поистине, когда-то просторное
Терпенья ристалище – нет силы и мочи нет!
Узнать бы, соединит ли снова Аллах с тобой,
Минуют ли горести и боль и страдания!»

А после того как Бади-аль-Джемаль и Сейф-аль-Мулук поклялись друг другу, Сейф-аль-Мулук поднялся и пошёл, и Бади-аль-Джемаль тоже пошла, и с нею была невольница, которая несла кое-какую еду и кувшины, наполненные вином. И Бади-аль-Джемаль села, и невольница поставила перед ней кушанье и вино, и они просидели не более минуты, и вдруг подошёл Сейф-аль-Мулук. И Бади-аль-Джемаль встретила его приветствием, и они обнялись и сели...»

И Шахразду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Семьсот семьдесят шестая ночь

Когда же настала семьсот семьдесят шестая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что когда Бади-аль-Джемаль принесла кушанье и вино и пришёл Сейф-аль-Мулук, она встретила его приветствием, и они просидели некоторое время за едой и питьём. А потом Бади-аль-Джемаль сказала: „О царевич, когда ты войдёшь в сад Ирема, ты увидишь, что там поставлен большой шатёр из красного атласа с зеленой шёлковой подкладкой. Войди в этот шатёр и укрепи своё сердце – ты увидишь старуху, которая сидит на ложе из червонного золота, украшенном жемчугом и драгоценностями. А когда войдёшь, пожелай ей мира, чинно и пристойно, и посмотри в сторону ложа: ты увидишь под ним сандалии, затканые золотыми нитками и украшенные дорогими металлами. Возьми эти сандалии, поцелуй их и приложи к голове, а потом положи их под мышку правой руки и стой перед старухой молча, опустив голову. А когда она тебя спросит и скажет тебе: „Откуда ты пришёл, как ты сюда добрался, кто указал тебе это место и для чего ты взял эти сандалии?“ – молчи, пока не придёт вот эта невольница. Она поговорит со старухой и смягчит её к тебе и умилюстит её словами, и, может быть, Аллах великий смягчит к тебе её сердце, и она согласится на то, что ты хочешь“.

И потом Бади-аль-Джемаль позвала эту невольницу (а имя её было Марджана) и сказала ей: «Во имя любви ко мне исполни это дело сегодня и не будь небрежна при исполнении его. Если ты исполнишь его в сегодняшний день, ты свободна, ради лика Аллаха великого, и будет тебе уважение, и не найдётся у меня никого тебя дороже, и я никому не открою своих тайн, кроме тебя». – «О госпожа моя и свет моего глаза, скажи мне, каково твоё приказание, чтобы я его тебе исполнила на голове и па глазах!» – сказала Марджана. И Бади-аль-Джемаль молвила: «Спеси этого человека на плечах и доставь его в сад Ирема, к

моей бабке, матери моего отца. Доставь его к её шатру и оберегай его, и когда вы войдёте с ним в шатёр, ты увидишь, что он возьмёт сандалии и поклонится моей бабке, и та скажет ему: „Откуда ты, какой дорогой ты пришёл, кто привёл тебя к этому месту, для чего ты взял эти сандалии и что у тебя за нужда, может быть, я тебе её исполню?“ И тогда войди поскорее и пожелай моей бабке мира и скажи ей: „О госпожа, это я его сюда привела. Он сын пара Египта, и это он отправился в Высокий Дворец и убил сына Синего царя и освободил царевну Девлет-Хатун и доставил её к отцу невинной. Его послали со мной, и я доставила его к тебе, чтобы он все тебе рассказал и обрадовал тебя вестью об её спасении и ты бы его наградила“. А потом спроси её: „Заклинаю тебя Аллахом, разве этот юноша не красив, о госпожа?“ И она тебе скажет: „Да красив“, тогда скажи ей: „О госпожа, он совершенен по чести, благородству и доблести, он правитель Египта и его царь и собрал в себе все похвальные качества“. И когда она тебя спросит: „Какова же его нужда?“ – скажи ей: „Моя госпожа тебя приветствует и спрашивает тебя: „Доколе будет она сидеть в доме незамужняя, без замужества? Время затянулось над нею, и чего вы хотите, не выдавая её замуж? Почему бы тебе не выдать её, пока жива ты и жива её мать, как делают с другими девушками?“ И когда она тебе скажет: „Как же нам сделать, чтобы выдать её замуж? Если бы она кого-нибудь знала или кто-нибудь запал бы ей в сердце, она бы рассказала нам, и мы бы трудились для неё в том, что она хочет, до пределов возможного“, – скажи ей: «О госпожа, твоя дочь говорит тебе: «Вы хотели выдать меня замуж за Сулеймана, – мир с ним! – и нарисовали ему мой образ на кафтане, но не было ему во мне доли, и он послал кафтан царю Египта, а тот отдал его своему сыну, и царевич увидел мой образ, на нем нарисованный, и полюбил меня и оставил царство своего отца и своей матери и отвернулся от земной жизни с тем, что в ней есть, и пошёл наобум блуждать по свету и испытал из-за меня величайшие беды и ужасы“.

И невольница подошла к Сейф-аль-Мулуку и сказала ему: «Зажмурь глаза!» И когда он сделал это, она взяла его и полетела с ним по воздуху, а через некоторое время сказала. «О царевич, открой глаза!» И Сейф-аль-Мулук открыл глаза и увидел сад (а это был сад Ирема), а невольница Марджана сказала ему: «Войди, о Сейф-аль-Мулук, в этот шатёр». И помянул Сейф-аль-Мулук Аллаха и вошёл и напряг зрение, всматриваясь в сад, и увидел он, что старуха сидит на ложе и ей прислуживают невольницы. И он подошёл к старухе, чинно и пристойно, и, взяв сандалии, поцеловал их и сделал то, что говорила ему Бади-аль-Джемаль. И тогда старуха спросила его: «Кто ты, откуда ты пришёл, из какой ты страны, кто привёл тебя в это место и почему ты взял сандалии и поцеловал их? Когда ты мне говорил о какой-нибудь нужде, и я её тебе не исполнила?»

И тут вошла невольница Марджана и приветствовала старуху, чинно и пристойно, и произнесла слова Бади-аль-Джемаль, которые та ей сказала. И, услышав эти слова, старуха закричала на неё и рассердилась и воскликнула: «Откуда будет между людьми и джиннами согласие?..»

И Шахразад застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Семьсот семьдесят седьмая ночь

Когда же настала семьсот семьдесят седьмая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что старуха, услышав от невольницы такие слова, разгневалась сильным гневом и воскликнула: „Откуда между людьми и джиннами согласие?“ И Сейф-аль-Мулук сказал: „Я буду жить с тобою в согласии и стану твоим слугой и умру в любви к тебе и буду соблюдать обет и не стану смотреть на другую, и ты увидишь мою правдивость и отсутствие лжи и моё прекрасное благородство, если захочет великий Аллах“.

И старуха подумала некоторое время, опустив голову, а затем она подняла голову и сказала: «О прекрасный юноша, будешь ли ты соблюдать обет и клятву?» И Сейф-аль-Мулук ответил: «Да, клянусь тем, кто вознёс небеса и простёр землю над водою, я буду соблюдать

обет». И тогда старуха молвила: «Я исполню твою просьбу, если захочет Аллах великий. Но ступай сейчас же в сад, погуляй там и поешь плодов, которым нет равных и не существует на свете им подобных, а я пошлю за моим сыном Шахьялем. И когда он придёт, поговорю с ним, и не будет ничего, кроме блага, если захочет великий Аллах, так как он не станет мне прекословить и не выйдет изпод моей власти, и я женю тебя на его дочери Бади-альДжемаль. Успокой же твою душу – царевна будет тебе женой, о Сейф-аль-Мулук».

И, услышав от неё эти слова, Сейф-аль-Мулук поблагодарил её и поцеловал ей руки и ноги и вышел от неё, направляясь в сад. А что касается старухи, то она обратилась к той невольнице и сказала ей: «Выйди поищи моего сына Шахьяля и посмотри, в каком он краю и месте, и приведи его ко мне». И невольница пошла и стала искать царя Шахьяля и встретила с ним и привела его к его матери.

Вот что было с нею. Что же касается Сейф-аль-Мулука, то он стал гулять по саду, и вдруг пять джиннов (а они были из приближённых Синего царя) увидели его и сказали: «Откуда этот юноша и кто привёл его в это место? Может быть, это он убил сына Синего царя». И потом они сказали друг другу: «Мы устроим с ним хитрость и спросим его и все у него выпросим». И они стали подходить, понемногу, и подошли к Сейф-аль-Мулуку на краю сада и сели подле него и сказали: «О прекрасный юноша, ты не оплошал, убивая сына Синего царя и освободив Девлет-Хатун, – это был вероломный пёс, и он схитрил с нею, и если бы Аллах не послал тебя к ней, она бы никогда не освободилась. Но как ты его убил?» И Сейф-аль-Мулук посмотрел на них и сказал: «Я убил его этим перстнем, который у меня на пальце».

И тогда джинны уверились, что это он убил сына их царя, и двое схватили Сейф-аль-Мулука за руки и двое за ноги, а нос задний зажал ему рот, чтобы он не закричал и его бы не услышали люди царя Шахьяля и не спасли бы его из их рук. И потом они понесли его и полетели с ним и летели не переставая, пока не спустились подле их царя. И они поставили Сейф-аль-Мулука перед царём и сказали: «О царь времени, мы принесли тебе убийцу твоего сына». – «Где он?» – спросил царь, и джинны ответили: «Вот!» И Синий царь сказал: «Ты ли убил моего сына, последний вздох моего сердца и свет моего взора, без права на это и без греха, который он с тобой совершил?» – «Да, – ответил Сейф-аль-Мулук, – я убил его, но сделал это за его притеснения и враждебность, так как он хватал царских детей и уносил их к Заброшенному Колодцу, в Высокий Дворец и разлучал их с родными и развратничал с ними. Я убил его этим перстнем, который у меня на пальце, и поспешил Аллах отправить его дух в огонь (а скверное это обиталище!)».

И уверился Синий царь, что это и есть убийца его сына, без сомнения, и тогда он позвал своего везира и сказал ему: «Вот убийца моего сына, наверное и без сомнения: что же ты мне посоветуешь с ним сделать? Убить ли мне его самым скверным убиением, – или пытаться его тяжчайшим мучением, или что мне ещё сделать?» И великий везирь сказал: «Отрежь ему какой-нибудь член»; а другой сказал: «Бей его каждый день сильным боем»; а третий сказал: «Разрежь его пополам»; а четвёртый сказал: «Отрежьте ему все пальцы и сожгите их огнём»; а пятый сказал: «Распните его»; и каждый стал говорить соответственно своему мнению.

А у Синего царя был старый эмир, обладавший опытностью в делах и знанием обстоятельств тогдашних времён, и он молвил: «О царь времени, я скажу тебе слово, а ты решишь, слушать ли то, что я тебе посоветую». А этот везирь был советником его царства и главарём его правления, и царь слушал его слова и поступал согласно его мнению и не прекословил ему ни в чем. И везирь поднялся на ноги и поцеловал землю меж его рук и сказал: «О царь времени, если я дам тебе совет в этом деле, последуешь ли ты ему и дашь ли ты мне пощаду?» – «Высказывай твой совет, и тебе будет пощада», – ответил царь. И везирь сказал: «О царь времени, если ты убьёшь этого человека и не примешь моего совета и не уразумеешь моих слов, убиение его в это время будет неправильно. Он в твоих руках, под твоей охраной и твой пленник, и когда ты его потреблешь, ты найдёшь его и сделаешь с ним что захочешь. Потерпи же, о царь времени, этот человек вошёл в сад Ирема и женился на

Бади-альДжемаль, дочери царя Шахьяля, и стал одним из них. А твои приближённые схватили его и привели к тебе, и он не скрывал своих обстоятельств ни от них, ни от тебя. И если ты его убьёшь, царь Шахьяль будет искать за него мести и станет враждовать с тобой и придёт к тебе с войском из-за своей дочери, а у тебя нет силы против его войска, и тебе с ним не справиться».

И царь послушался в этом везиря и велел заточить царевича, и вот что случилось с Сейф-аль-Мулуком. Что же касается госпожи, бабки Бади-аль-Джемаль, то, встретившись со своим сыном Шахьялем, она послала невольницу искать Сейф-аль-Мулука. И та не нашла его и вернулась к своей госпоже и сказала: «Я не нашла его в саду и послала за рабочими в сад и спросила их про Сейф-аль-Мулука, и они сказали: „Мы видели, как он сидел под деревом, и вдруг пять человек из людей Синего царя сели подле него и стали с ним разговаривать, а потом они подняли его и заткнули ему рот и полетели с ним и исчезли“. И когда госпожа, бабка Бади-аль-Джемаль, услышала от невольницы эти слова, они не показались ей ничтожными, и она разведалась великим гневом и поднялась на ноги и сказала своему сыну, царю Шахьялю: „Как это – ты царь, а люди Синего варя приходят к нам в сад, хватают нашего гостя и уносят его невредимые, а ты жив“.

И мать Шахьяля стала подстрекать его, говоря: «Не подобает, чтобы кто-нибудь преступал против нас меру, когда ты жив». И Шахьяль молвил: «О матушка, этот человек убил сына Синего царя (а он джинн), и Аллах бросил его в руки его отца. Как же я пойду к нему и стану с ним враждовать из-за этого человека?» – «Пойди к нему и потребуй от него нашего гостя, и если он в живых и Синий царь отдаст его тебе, бери его и приходи, – сказала госпожа. – А если он его убил, захвати Синего царя живым, вместе с его детьми и харимом и всеми, кто ищет у него убежища из его приближённых, и приведи их ко мне живыми, чтобы я их зарезала своей рукой и разорила бы его земли. А если ты этого не сделаешь, я не сочту, что ты отплатил мне за моё молоко, и воспитание, которым я воспитала тебя, будет запрещено...»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Семьсот семьдесят восьмая ночь

Когда же настала семьсот семьдесят восьмая ночь, она сказала «Дошло до меня, о счастливый царь, бабка Бади-аль-Джемаль сказала своему сыну Шахьялю: „Пойди к Синему царю и посмотри, что с Сейф-аль-Мулуком. А если ты не пойдёшь к Синему царю и не сделаешь того, что я тебе приказала, я не сочту, что ты отплатил мне за моё молоко, и твоё воспитание будет запрещено“.

И царь Шахьяль поднялся и приказал своим войскам выступать и отправился к Синему царю из уважения к своей матери, чтобы сделать угодное её душе и ради её любимых и из-за того, что было предопределено в безначальности. И Шахьяль пошёл со своим войском, и они шли не останавливаясь, пока не пришли к Синему царю, и оба войска встретились и начали сражаться, и был разбит Синий царь со своим войском, и схватили его детей, и больших и малых, и вельмож его правления и знатных людей, и связали их и привели к царю Шахьялю. И тот сказал: «О Синий, где Сейф-аль-Мулук, этот человек – мой господин. Синий царь ответил „О Шахьяль, ты джинн и я джинн, и неужели ради человека, который убил моего сына, ты делаешь такие дела? Он убил моего сына, последний вздох моею сердца и отдых моей души, и как ты совершил все эти поступки и пролил кровь стольких то и стольких-то тысяч джиннов?“ – „Оставь эти речи, – сказал ему царь Шахьяль. – Если он жив, приведи его, и я отпущу тебя и отпущу всех, кого я захватил из твоих детей, а если ты его убил, я тебя зарежу вместе с твоими детьми“. – „О царь, разве он тебе дороже моего сына?“ – спросил Синий царь. И царь Шахьяль воскликнул: „Твой сын был притеснитель, так как он похищал детей людей и царских дочерей и сажал их в Высокий Дворец у Зброшенного Колодца и развратничал с ними“. – „Он у меня, но помири пас с ним“, – сказал Синий царь.

И царь Шахьяль помирил их и наградил и написал между Синим царём и Сейф-аль-Мулуком свидетельство относительно убийства его сына, и царь Шахьяль принял юношу. И он угостил людей Синего царя хорошим угощением, и Синий царь провёл у него со своими воинами три дня. А потом Шахьяль взял Сейф-аль-Мулука и привёл его к своей матери, и та сильно ему обрадовалась, а Шахьяль удивился красоте Сейф-аль-Мулука и его прелести и совершенству. И Сейф-аль-Мулук рассказал ему свою историю, с начала до конца, и рассказал о том, что у него произошло с Бади-аль-Джемаль, и потом царь Шахьяль сказал: «О матушка, раз ты на это согласна – внимание и повиновение во всяком деле, которое угодно тебе! Возьми его, отправляйся с ним в Серендиб и устрой там торжество великое, – это красивый юноша, и он испытал ужасы из-за моей дочери».

И бабка Бади-аль-Джемаль выехала со своими невольницами, и они достигли Серендиба и вошли в сад, принадлежащий матери Девлет-Хатун, и Бади-аль-Джемадь увидела Сейф-аль-Мулука после того, как они отправились в шатёр и встретились. И старуха рассказала им о том, что у него случилось с Синим царём и как он приблизился к смерти в тюрьме Синего царя, – а в повторении нет пользы.

И потом царь Тадж-аль-Мулук, отец Девлет-Хатун, собрал вельмож своего царства и заключил договор Бадиаль-Джемадь с Сейф-аль-Мулуком и стал награждать роскошными одеждами и поставил людям кушанья. И тут Сейф-аль-Мулук поднялся и поцеловал землю перед Таджаль-Мулуком и сказал: «О царь, прощенье! Я попрошу тебя об одном деле и боюсь, что ты воротишь мне мою просьбу». – «Клянусь Аллахом, – ответил Тадж-аль-Мулук, – если бы ты потребовал моей души, я не отказал бы тебе ради того добра, которое ты сделал». – «Я хочу, – сказал Сейф-аль-Мулук, чтобы ты выдал царевну Девлет-Хатун за моего брата Сайда, и мы все стали бы твоими слугами». И Тадж-аль-Мулук отвечал: «Слушаю и повинуюсь!» – а затем вторично собрал вельмож царства и заключил договор своей дочери Девлет-Хатун с Саидом, а кадии написали запись.

А когда кончили писать запись, рассыпали золото и серебро, и царь велел украшать город, а потом устроили торжество. И Сейф-аль-Мулук вошёл к Бади-аль-Джемадь, и Сайд вошёл к Девлет-Хатун в одну и ту же ночь. И Сейф-аль-Мулук оставался наедине с Бади-аль-Джемадь сорок дней, и в какой-то день она сказала ему: «О царевич, осталась ли у тебя в сердце печаль о чем-нибудь?» – «Аллах спаси! – воскликнул Сейф-аль-Мулук. – Я исполнил мою мечту, и не осталось у меня в сердце никакой печали, но я хочу встретиться с моим отцом и с моей матерью в земле Египта и посмотреть, остались ли они здоровыми, или нет».

И Бади-аль-Джемадь приказала нескольким своим слугам доставить его с Саидом в землю Египта, и Сейф-аль-Мулук встретился со своим отцом и с матерью, и Сайд тоже, и они провели с ними неделю. А потом каждый из них простился с отцом и с матерью, и они отправились в город Серендиб. И всякий раз, как их охватывала тоска по родным, они ездили к ним и возвращались. И Сейфаль-Мулук жил с Бади-аль-Джемадь наилучшей и приятнейшей жизнью, и Сайд с Девлет-Хатун так же, пока не пришла к ним Разрушительница наслаждений и Разлучительница собраний.

Да будет же слава живому, который не умирает, он сотворил тварей и определил им смерть, он первый без начала и последний без конца! Вот конец того, что дошло до нас из рассказа о Сейф-аль-Мулуке и Бади-аль-Джемадь, а Аллах лучше знает правду и истину».

Сказка о Хасане басрийском (ночи 778-831)

Рассказывают также, что был в древние времена и минувшие века и столетия один купец среди купцов, пребывавший в земле Басры, и было у этого купца двое детей мужского пола, и обладал он большими деньгами. И определил Аллах всеслышащий и премудрый, чтобы преставился этот купец к милости великого Аллаха и оставил свои богатства, и принялись сыновья обрывать его и похоронили. А после того они разделили деньги между собою поровну, и каждый из них взял свою долю, и они открыли себе две лавки – один стал

медником, а другой – ювелиром.

И ювелир, в один из дней, сидел у себя в лавке и вдруг видит – идёт на рынке, среди людей, человек персиянин. И он прошёл мимо лавки юноши-ювелира и взглянул на его изделия и осмотрел их с пониманием, и они ему понравились. А имя юноши-ювелира было Хасан. И персиянин покачал головой и сказал: «Клянусь Аллахом, ты хороший ювелир!» – и стал смотреть, как юноша работает. А тот стал смотреть в старую книгу, которая была у него в руке, и он всегда так поступал, когда люди любовались его красотой, прелестью, стройностью и соразмерностью.

А когда настало время послеполуденной молитвы, лавка очистилась от людей, персиянин обратился к Хасану и сказал ему: «О дитя моё, ты красивый юноша! Что это за книга? У тебя нет отца, а у меня нет сына, и я знаю ремесло, лучше которого нет на свете...»

И Шахразад устала, и она прекратила дозволенные речи.

Семьсот семьдесят девятая ночь

Когда же настала семьсот семьдесят девятая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что персиянин обратился к Хасану-ювелиру и сказал ему: „О дитя моё, ты красивый юноша, и у тебя нет отца, а у меня нет сына, и я знаю ремесло, лучше которого нет на свете. Много народу из людей просило меня научить их, но я не соглашался, а теперь моя душа согласна, чтобы я научил тебя этому ремеслу и сделал тебя моим сыном. И я поставлю между тобою и бедностью преграду, и ты отдохнёшь от работы с молотком, углём и огнём“. – „О господин мой, а когда ты меня научишь?“ – спросил Хасан. И персиянин ответил: „Завтра я к тебе приду и сделаю тебе из меди чистое золото, в твоём присутствии“.

И Хасан обрадовался и простился с персиянином и пошёл к своей матери. Он вошёл и поздоровался и поел с нею и рассказал ей историю с персиянином, ошеломлённый, потеряв ум и разумение. И мать его сказала: «Что с тобой, о дитя моё? Берегись слушать слова людей, особенно персиян, и не будь им ни в чем послушен. Это великие обманщики, которые знают искусство алхимии и устраивают с людьми штуки и берут их деньги и съедают их всякой ложью». – «О матушка, – ответил Хасан, – мы люди бедные, и нет у нас ничего, на что бы он позарился и устроил с нами штуку. Этот персиянин – старец праведный, и на нем следы праведности, и Аллах лишь внушил ему склонность ко мне». И мать Хасана умолкла, затаив гнев. А сердце её сына было занято, и сон не брал его в эту ночь, так сильно он радовался тому, что сказал ему персиянин.

А когда наступило утро, он взял ключи и отпер лавку, и вдруг подошёл к нему тот персиянин. И Хасан поднялся для него и хотел поцеловать ему руки, но старик не дал ему и не согласился на это и сказал: «О Хасан, приготовь плавильник и поставь мехи». И Хасан сделал то, что велел ему персиянин, и зажёл угли. И тогда персиянин спросил его: «О дитя моё, есть у тебя медь?» – «У меня есть сломанное блюдо», – ответил Хасан. И персиянин велел ему сжать блюдо и разрезать его ножницами на мелкие куски. И Хасан сделал так, как сказал ему старик, и изрезал блюдо на мелкие куски и, бросив их в плавильник, дул на огонь мехами, пока куски не превратились в жидкость. И тогда персиянин протянул руку к своему тюрбану и вынул из него свёрнутый листок и, развернув его, высыпал из него в плавильник с полдрахмы чего-то, и это было что-то похожее на жёлтую сурьму. И он велел Хасану дуть на жидкость мехами, и Хасан делал так, как он ему велел, пока жидкость не превратилась в слиток золота.

И когда Хасан увидел это, он оторопел, и его ум смутился от охватившей его радости. И он взял слиток и перевернул его и, взяв напильник, обточил слиток, и увидел, что это чистое золото высшей ценности. И его ум улетел, и он был ошеломлён от сильной радости и склонился к руке персиянина, чтобы её поцеловать, но тот не дал ему и сказал: «Возьми этот слиток, походи на рынок, продай его и получи его цену поскорее, и не разговаривай». И Хасан пошёл на рынок и отдал слиток посреднику, и тот взял его и потёр и увидел, что это чистое

Золото. И ворота пены открыли десятью тысячами дирхемов, и купцы стали набавлять, и посредник продал слиток за пятнадцать тысяч дирхемов, и Хасан получил его цену. И он пошёл домой и рассказал матери обо всем, что сделал, и сказал: «О матушка, я научился этому искусству».

И мать стала над ним смеяться и воскликнула: «Нет мощи и силы, кроме как у Аллаха, высокого, великого!..»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Ночь, дополняющая до семисот восьмидесяти

Когда же настала ночь, дополняющая до семисот восьмидесяти, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что когда Хасан-ювелир рассказал своей матери о том, что сделал персиянин, и сказал: „Я научился этому искусству“, его мать воскликнула: „Нет мощи и силы, кроме как у Аллаха, высокого, великого!“ – и умолкла, затаив досаду.

А Хасан взял по своей глупости ступку и пошёл с нею к персиянину, который сидел в лавке, и поставил её перед ним. И персиянин спросил его: «О дитя моё, что ты хочешь делать с этой ступкой?» – «Мы положим её в огонь и сделаем из неё золотые слитки», – сказал Хасан. И персиянин засмеялся и воскликнул: «О сын мой, бесноватый ты, что ли, чтобы выносить на рынок два слитка в один и ют же день! Разве ты не знаешь, что люди нас заподозрят и пропадут наши души? О дитя моё, когда я научу тебя этому искусству, не применяй его чаще, чем один раз в год, – этого хватит тебе от года до года». – «Ты прав, о господин мой», – сказал Хасан и сел в лавке и поставил плавильник и бросил уголь в огонь. И персиянин спросил его: «О дитя моё, что ты хочешь?» – «Научи меня этому искусству», – сказал Хасан. И персиянин засмеялся и воскликнул: «Нет мощи и силы, кроме как у Аллаха, высокого, великого! Ты, о сын мой, малоумен и совсем не годишься для этого искусства. Разве кто-нибудь в жизни учится этому искусству на перекрёстке дороги или на рынках? Если мы займёмся им в этом месте, люди скажут на нас: „Они делают алхимию“. И услышат про нас судьи, и пропадут наши души. Если ты хочешь, о дитя моё, научиться этому искусству, пойдём со мной ко мне в дом».

И Хасан поднялся и запер лавку и отправился с персиянином, и когда он шёл по дороге, он вдруг вспомнил слова своей матери и стал строить в душе тысячу расчётов. И он остановился и склонил голову к земле на некоторое время, и персиянин обернулся и, увидев, что Хасан стоит, засмеялся и воскликнул: «Бесноватый ты, что ли? Я затаил для тебя в сердце благо, а ты считаешь, что я буду тебе вредить! – А потом сказал ему: – Если ты боишься пойти со мной в мой дом, я пойду с тобою к тебе домой и научу тебя там». – «Хорошо, о дядюшка», – ответил Хасан. И персиянин сказал: «Иди впереди меня!»

И Хасан пошёл впереди него, а персиянин шёл сзади, пока юноша не дошёл до своего жилища. И Хасан вошёл в дом и нашёл свою мать, и рассказал о приходе персиянина (а персиянин стоял у ворот), и она убрала для них дом и привела его в порядок и, покончив с этим дедом, ушла. И тогда Хасан позволил персиянину войти, и тот вошёл, а Хасан взял в руку блюдо и пошёл с ним на рынок, чтобы принести в нем чего-нибудь поесть. И он вышел и принёс еду и, поставив её перед персиянином, сказал: «Ешь, о господин мой, чтобы были между нами хлеб и соль. Аллах великий отомстит тому, кто обманывает хлеб и соль». И персиянин ответил: «Ты прав, о сын мой! – А затем улыбнулся и сказал: – О дитя моё, кто знает цену хлеба и соли?» И потом персиянин подошёл, и они с Хасаном ели, пока не насытились, а затем персиянин сказал: «О сын мой Хасан, принеси нам чего-нибудь сладкого». И Хасан пошёл на рынок и принёс десять чашек сладкого, и он был рад тому, что сказал персиянин. И когда он подал ему сладкое, персиянин поел его, и Хасан поел с ним, и потом персиянин сказал Хасану: «Да воздаст тебе Аллах благом, о дитя моё! С подобным тебе водят люди дружбу, открывают свои тайны и учат тому, что полезно! О Хасан, принеси инструменты», – сказал он потом.

И Хасан не верил этим словам, и он побежал, точно жеребёнок, несущийся по весеннему лугу, и пришёл в лавку и взял инструменты и вернулся и положил их перед персиянином. И персиянин вынул бумажный свёрток и сказал: «О Хасан, клянусь хлебом и солью, если бы ты не был мне дороже сына, я бы не показал тебе этого искусства, так как у меня не осталось эликсира, кроме того, что в этом свёртке. Но смотри внимательно, когда я буду составлять зелья и класть их перед тобой. И знай, о дитя моё, о Хасан, что ты будешь класть на каждые десять ритлей меди полдрахмы того, что в этой бумажке, и тогда станут эти десять ритлей золотом, чистым и беспримесным. О дитя моё, о Хасан, – сказал он потом, – в этой бумажке три унции, на египетский вес, а когда кончится то, что в этой бумажке, я сделаю тебе ещё».

И Хасан взял бумажку и увидел в ней что-то жёлтое, более мелкое, чем первый порошок, и сказал: «О господин, как это называется, где его находят, и для чего оно употребляется?» И персиянин засмеялся и захотел захватить Хасана и сказал: «О чем ты спрашиваешь? Работай и молчи!» И он взял чашку из вещей дома и разломал её и бросил в плавильник и насыпал туда немного того, что было в бумажке, и медь превратилась в слиток чистого золота. И когда Хасан увидел это, он сильно обрадовался и смутился в уме и был занят только мыслью об этом слитке. И персиянин быстро вынул из тюбана на голове мешочек, в котором был такой бандж, что если бы его понюхал слон, он бы, наверное, проспал от ночи до ночи, и разломал этот бандж и положил его в кусок сладкого и сказал: «О Хасан, ты стал моим сыном и сделался мне дороже души и денег, и у меня есть дочь, на которой я тебя женю». – «Я твой слуга, и все, что ты со мной сделаешь, будет сохранено у Аллаха великого», – ответил Хасан. И персиянин сказал: «О дитя моё, продли терпение и внуши твоей душе стойкость, и достанется тебе благо!»

И затем он подал ему тот кусок сладкого, и Хасан взял его и поцеловал персиянину руку и положил сладкое в рот, не зная, что таится для него в неведомом. И он проглотил кусок сладкого, и голова его опередила ноги, и мир исчез для него. И когда персиянин увидел, что на Хасана опустилось небытие, он обрадовался великой радостью и поднялся на ноги и воскликнул: «Попался, о негодяй, о пёс арабов, в мои сети! Я много лет искал тебя, пока не завладел тобой, о Хасан!..»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Семьсот восемьдесят первая ночь

Когда же настала семьсот восемьдесят первая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что когда Хасан-ювелир съел кусок сладкого, который дал ему персиянин, и упал на землю, покрытый беспамятством, персиянин обрадовался и воскликнул: „Я много лет искал тебя, пока не завладел тобою!“ А потом персиянин затянул пояс и скрутил Хасана, связав ему ноги с руками, и, взяв сундук, вынул вещи, которые в нем были, положил в него Хасана и запер его. И он опорожнил другой сундук и положил в него все деньги, бывшие у Хасана, и золотые слитки, которые он сделал, и запер сундук, а потом он вышел и побежал на рынок и привёл носильщика, и тот взял оба сундука и вынес их за город и поставил на берегу моря.

И персиянин направился к кораблю, который стоял на якоре (а этот корабль был назначен и приготовлен для персиянина, и капитан корабля ожидал его), и когда матросы увидели его, они подошли к нему и понесли сундуки и поставили их на корабль. И персиянин закричал капитану и всем матросам: «Поднимайтесь, дело кончено, и мы достигли желаемого!» И капитан крикнул матросам: «Выдёргивайте якоря и распускайте паруса!» И корабль поплыл при хорошем ветре, и вот что было с персиянином и Хасаном.

Что же касается матери Хасана, то она ждала его до времени ужина, но не услышала его голоса и не узнала о нем вестей вообще и совершенно. И она пришла к дому и увидела, что он отперт, и, войдя, не увидела в нем никого и не нашла ни сундуков, ни денег. И поняла

она, что её сын пропал и что исполнился над ним приговор, и стала бить себя по щекам и разодрала свои одежды и начала кричать и вопить, восклицая: «Увы, мой сын! Увы, плод моей души!» – а потом произнесла такие стихи:

«Терпенье уменьшилось, волнение усилилось;
Сильнее рыдания о вас и привязанность.
Аллахом клянусь, в разлуке с вами нет стойкости,
И как мне быть стойкою, расставшись с надеждами?
И после любимого могу ль насладиться сном,
И кто наслаждается, живя в унижении?
Уехал ты, и тоскует дом, и живущий в нем,
И чистую замутил в колодце ты воду мне.
Ты был мне помощником во всех моих бедствиях,
Ты славой мне в мире был, и сыном, и помощью,
О, пусть не настал бы день, когда в отдаленье ты
От глаз, если вновь тебе вернуться не суждено!»

И она плакала и рыдала до утра, и вошли к ней соседи и спросили её про сына, и она рассказала им о том, что случилось у него с персиянином, и решила, что она никогда не увидит его после этого. И она стала ходить по дому и плакать, и, когда она ходила по дому, она вдруг увидела две строки, написанные на стенке. И она позвала факиха, и тот прочитал их, и оказалось, что в этих строках написано:

«Летела тень Лейлы к нам, когда одолел нас сон
Под утро, и все друзья в равнине заснули.
По вот пробудились мы, когда прилетела тень,
И вижу я – дом пустой и цель отдалённа».

И, услышав эти стихи, мать Хасана закричала: «Да, о дитя моё, дом пустой и цель отдалённа!» И соседи оставили её, пожелав ей быть стойкой и вскоре соединиться с сыном, и ушли, а мать Хасана не переставая плакала в часы ночи и част дня. И она построила посреди дома гробницу и написала на ней имя Хасана и число его исчезновения и не покидала этой гробницы, и это было всегда для неё обычным с тех пор, как сын оставил её.

Вот что было с нею. Что же касается её сына Хасана и персиянина, то персиянин был магом² и очень ненавидел мусульман, и всякий раз как он овладевал кемнибудь из мусульман, то губил его. Это был человек скверный, мерзкий, кладоискатель, алхимик и нечестивец, как сказал о нем поэт:

Он пёс, и рождён был псом, и дед его тоже пёс,
А блага не жди от пса, что псом был рождён на свет.

И ещё такой стих:

Злодеев сын, собачий сын, ослушник он,
Разврата сын, обмана сын, отступник он!

И было имя этого проклятого – Бахрам-маг, и каждый год у него был один мусульманин, которого он Захватывал и убивал над кладом. И когда удалась его хитрость с Хасаном-ювелиром, он проплыл с ним от начала дня до ночи, и корабль простоял у берега до утра. А когда взошло солнце и корабль опять поплыл, персиянин приказал своим рабам и слугам принести сундук, в котором был Хасан, и ему принесли его, и персиянин открыл сундук и вынул оттуда Хасана. Он дал ему по» нюхать уксусу и вдунул ему в нос порошок, и

Хасан чихнул и изверг бандж и раскрыл глаза и посмотрел на» право и налево и увидел себя посреди моря, и корабль плыл, и персиянин сидел подле него.

И понял Хасан, что это хитрость с ним устроенная, и устроил её проклятый Бахрам-маг, и что он попал в беду от которой предостерегала его мать, и тогда Хасан произнёс слова, говорящий которые не устыдится: «Нет мощи и силы, кроме как у Аллаха, высокого, великого! Поистине, мы принадлежим Аллаху и к нему возвращаемся! Боже мой, будь милостив ко мне в твоём приговоре и дай мне терпение в испытании твоём, о господь миров!» А потом он обратился к персиянину и заговорил с ним мягкими словами и сказал ему: «О мой родитель, что это за по» ступки, и где хлеб и соль и клятва, которой ты мне поклялся?» И персиянин посмотрел на него и сказал: «О пёс, разве подобный мне признает хлеб и соль? Я убил тысячу юношей таких, как ты, без одного, и ты завершишь тысячу».

И он закричал на Хасана, и тот умолк и понял, что стрела судьбы пронзила его...

И Шахразад устало сказала, и она прекратила дозволенные речи.

Семьсот восемьдесят вторая ночь

Когда же настала семьсот восемьдесят вторая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что когда Хасан увидел, что он попал в руки проклятого персиянина, он заговорил с ним мягкими словами, но это не помогло, и персиянин закричал на него, и Хасан умолк и понял, что стрела судьбы его пронзила. И тогда проклятый велел развязать его узы, и ему дали выпить немного воды, а маг смеялся и говорил: „Клянусь огнём, светом и тенью и жаром, не думал я, что ты попадёшься в мои сети! Но огонь дал мне против тебя силу и помог мне тебя захватить, чтобы я исполнил задуманное. Я вернусь и сделаю тебя жертвою огня, чтобы он надо мной умилился!“ – „Ты обманул хлеб и соль“, – сказал ему Хасан. И маг поднял руку и ударил его один раз, и Хасан упал и укусил землю зубами и обмер, и слезы потекли по его щеке.

А потом маг приказал своим слугам зажечь огонь, и Хасан спросил его: «Что ты будешь с ним делать?» И маг ответил: «Этот огонь – владыка света и искр; ему-то я и поклоняюсь. Если ты поклонись ему, как я, я отдам тебе половину моего богатства и женю тебя на моей дочери». И Хасан закричал на мага и сказал ему: «Горе тебе! Ты маг и нечестивец и поклоняешься огню, вместо всевластного владыки, творца ночи и дня, и эта религия – бедствие среди религий». И маг разгневался и воскликнул: «Разве ты не уступишь мне, о пёс арабов, и не войдёшь в мою веру?» И Хасан не уступил ему в этом, и тогда проклятый маг встал и пал перед огнём ниц и велел своим слугам разложить Хасана вниз лицом. И Хасана разложили лицом вниз, и маг принялся бить его бичом, сплетённым из кожи, и разодрал ему бока. И Хасан звал на помощь, но не получил её, и взывал о защите, но никто его не защитил. И он поднял взоры к владыке покоряющему, и искал близости к нему через избранного пророка, и лишился он стойкости, и слезы текли по его щекам, как дождь, и он произнёс такие стихи:

«Терпенье в том, что ты судил мне, о мой бог.

Я все стерплю, когда тебе угодно так!

Жестоки, злобны и враждебны были к нам.

Быть может, кроткий, все простишь, что было, ты».

И маг приказал рабам посадить Хасана и велел им принести ему кое какой еды и питья, и ему принесли, но Хасан не согласился есть и пить. И маг пытал его ночью и днём на протяжении пути, а Хасан был стоек и умолял Аллаха, великого, славного, и сердце мага было к нему жестоко.

И они плыли по морю три месяца, и Хасан плыл с магом, подвергаясь мучениям. И когда три месяца исполнились, Аллах великий послал на корабль ветер, и море почернело и

взволновалось под кораблём из-за сильного ветра. И капитан и матросы сказали: «Клянёмся Аллахом, всему виной этот юноша, который уже три месяца терпит мучения от этого мага! Это не дозволено Аллахом великим!» И они напали на мага и убили его слуг и тех, кто был с ним. И когда маг увидел, что они убили слуг, он убедился в своей гибели и испугался за себя, и освободил Хасана от уз, и, сняв бывшую на нем поношенную одежду, одел его в другую и помирился с ним, и обещал ему, что научит его искусству и возвратит его в его страну, и сказал: «О дитя моё, не взыщи с меня за то, что я с тобой сделал». – «Как я могу на тебя полагаться», – сказал Хасан. И маг воскликнул: «О дитя моё, не будь греха, не было бы и прощения, и я сделал с тобой эти дела, только чтобы видеть твою стойкость! Ты ведь знаешь, что все дела в руках Аллаха!»

И матросы с капитаном обрадовались освобождению Хасана, и он пожелал им блага и прославил Аллаха великого и поблагодарил его. И ветры успокоились, и рассеялся мрак, и хорошим стал ветер и спокойным – путешествие. И потом Хасан сказал магу: «О персиянин, куда ты направляешься?» И тот ответил: «О дитя моё, я направляюсь к Горе Облаков, где находится эликсир, с которым мы делаем алхимию». И маг поклялся Хасану огнём и светом, что у него не осталось для Хасана ничего страшного, и сердце Хасана успокоилось, и он обрадовался словам мага и стал с ним есть и пить и спать, и маг одевал его в платья из своих платьев.

И так они непрерывно плыли в течение ещё трех месяцев, а после этого их корабль пристал к длинной полосе суши, которая была вся покрыта камешками: белыми, жёлтыми, синими, чёрными и всевозможных других цветов, и когда корабль пристал, маг поднялся на ноги и сказал: «О Хасан, поднимайся, выходи! Мы прибыли к тому, что ищем и желаем».

И Хасан поднялся и вышел вместе с персиянином, и маг поручил капитану свои вещи, а потом Хасан пошёл с магом, и они отдалились от корабля и скрылись с глаз. И маг сел и вынул из-за пазухи медный барабан и шёлковый жгут, разрисованный золотом, на котором были написаны талисманы, и стал бить в барабан, и когда он кончил, поднялась над пустыней пыль. И Хасан удивился поступкам мага и испугался и раскаялся, что пошёл с ним, и цвет его лица изменился, и маг посмотрел на него и сказал: «Что с тобой, о дитя моё? Клянусь огнём и мечом, тебе нечего больше меня бояться! Если бы моё дело не было исполнимо только с помощи твоего имени, я бы не увёл тебя с корабля. Радуйся же полному благу. А эту пыль подняло то, на чем мы поедем и что поможет нам пересечь пустыню и облегчит её тяготы...»

И Шахразадду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Семьсот восемьдесят третья ночь

Когда же настала семьсот восемьдесят третья ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что персиянин сказал Хасану: „Эта пыль – пыль от того, на чем мы поедем и что нам поможет пересечь пустыню и облегчит её тяготы“. И прошло лишь небольшое время, и пыль рассеялась, открыв трех верховых верблюдов. И персиянин сел на одного, и Хасан сел на другого, а припасы они положили на третьего. И они проехали семь дней и доехали до обширной земли, и, остановившись на этой земле, они увидели постройку в виде купола, утверждённую на четырех столбах из червонного золота, и сошли с верблюдов и вошли под купол и поели, попили и отдохнули.

И Хасан бросил взгляд и увидел вдруг что-то высокое и спросил персиянина: «Что это такое, о дядюшка?» И маг ответил: «Это дворец». – «Не встанешь ли ты, чтобы нам войти туда и отдохнуть там и посмотреть на дворец?» – спросил Хасан. И маг рассердился и сказал: «Не говори мне об этом дворце! В нем мой враг, и у меня с ним случилась история, которую сейчас не время тебе рассказывать». И потом он ударил в барабан, и подошли верблюды, и путники сели и проехали ещё семь дней.

А когда наступил восьмой день, маг сказал: «О Хасан, что ты видишь?» И Хасан

ответил: «Я вижу облака и тучи между востоком и западом». – «Это не облака и не тучи, – ответил маг, – это гора, большая и высокая, на которой разделяются облака. Здесь нет облаков выше неё, так велика её высота и так значительно она поднимается. Эта гора и есть цель моих стремлений, и на вершине её – то, что нам нужно, и я из-за этого привёл тебя с собою, и моё желание исполнится твоей рукою». И Хасан отчаялся, что будет жив, и сказал магу: «Ради того, кому ты поклоняешься, и ради той веры, которую ты исповедуешь, скажи мне, что это за желание, из-за которого ты меня привёл?» И маг ответил: «Искусство алхимии удаётся только с травой, которая растёт в таком месте, где проходят облака и разрываются. Такое место – эта гора, и трава – на её вершине, и когда мы добудем траву, я покажу тебе, что это за искусство». И Хасан сказал ему со страху: «Хорошо, о господин!» – и потерял надежду, что будет жив, и заплакал из-за разлуки со своей матерью, близкими и родиной. И он раскаялся, что не послушался матери, и произнёс такие стихи:

«Взгляни на дело господа – приносит
Любезную тебе он быстро помощь
Храни надежду, не достигнув дела, –
Ведь сколько милости в делах предивной!»

И они ехали до тех пор, пока не приехали к этой горе, и остановились под нею. И Хасан увидел на этой горе дворец и спросил мага: «Что это за дворец?» – «Это – обиталище джиннов, гулей и шайтанов», – ответил маг. А потом он сошёл со своего верблюда и велел сойти Хасану и, подойдя к нему, поцеловал его в голову и сказал: «Не взыщи с меня за то, что я с тобой сделал, – я буду тебя охранять, когда ты войдёшь во дворец, и возьму с тебя клятву, что ты не обманешь меня ни в чем из того, что принесёшь оттуда, и мы будем с тобою в этом равны». И Хасан сказал: «Внимание и повиновение!»

И тогда персиянин открыл мешок и вынул оттуда жёрнов и ещё вынул немного пшеницы и смолот её на этом жёрнове и замесил из неё три лепёшки. И он зажёл огонь и спёк лепёшки, а затем он вынул медный барабан и разрисованный жгут и начал бить в барабан, и появились верблюды, и тогда персиянин выбрал из них одного и зарезал его и содрал с него шкуру и, обратившись к Хасану, сказал ему: «Слушай, о дитя моё, о Хасан, что я тебе скажу». – «Хорошо», – ответил Хасан. И персиянин молвил: «Войди в эту шкуру, и я зашью тебя и брошу на землю, и прилетит птица ястреб, и понесёт тебя, и взлетит с тобою на вершину горы. Возьми с собой этот нож, и, когда птица перестанет лететь, и ты почувствуешь, что она положила тебя на гору, проткни ножом шкуру и выйди: птица тебя испугается и улетит, а ты нагнись ко мне с вершины горы и крикни мне, и я скажу тебе, что делать».

И он приготовил ему те три лепёшки и бурдючок с водой и положил это, вместе с ним, в шкуру и зашил её.

А потом персиянин удалился, и прилетела птица ястреб и понесла Хасана и взлетела с ним на вершину горы. И она положила Хасана, и когда Хасан понял, что ястреб положил его на гору, он проткнул шкуру и вышел из неё и крикнул магу. И, услышав его слова, маг обрадовался и заплясал от сильной радости и крикнул: «Иди назад и обо всем, что увидишь, осведоми меня». И Хасан пошёл и увидел много истлевших костей, возле которых было множество дров, и рассказал персиянину обо всем, что увидел, и персиянин крикнул: «К этому-то мы и стремимся и этого ищем! Набери дров шесть вязанок и сбрось их ко мне. С ними-то мы и делаем алхимию».

И Хасан сбросил ему шесть вязанок, и, увидев, что эти вязанки достигли его, маг крикнул Хасану: «О негодяй, исполнено дело, которое я хотел от тебя! Если хочешь, оставайся на горе или кинься вниз на землю, чтобы погибнуть». И после этого маг ушёл, а Хасан воскликнул: «Нет мощи и силы, кроме как у Аллаха, высокого, великого! Этот пёс схитрил со мной!» И он сел и принялся оплакивать себя и произнёс такие стихи:

«Когда Аллах захочет сделать что-нибудь
С разумным мужем, видящим и слышащим,
Он оглушит его, и сердце ослепит,
И разум вырвет у него, как волосок!
Когда же суд над ним исполнит свой господь,
Вернёт он ум ему, чтоб поучался он.
Не спрашивай о том, что было, «Почему?»
Все будет, как судьба твоя и рок велит...»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Семьсот восемьдесят четвёртая ночь

Когда же настала семьсот восемьдесят четвёртая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что когда маг поднял Хасана на гору и Хасан сбросил ему сверху то, что было ему нужно, персиянин выругал его, а потом он оставил его и ушёл.

И воскликнул Хасан: «Нет мощи и силы, кроме как у Аллаха, высокого, великого! Этот проклятый пёс схитрил со мной».

И он поднялся на ноги и посмотрел направо и налево и пошёл по вершине горы, уверенный в душе, что умрёт. И он ходил, пока не дошёл до другого конца горы. И тогда он увидел возле горы синее море, где бились волны, и море пенилось, и каждая волна была, как большая гора. И Хасан сел и прочитал сколько пришлось из Корана и попросил Аллаха великого облегчить его участь либо смертью, либо освобождением от этих бедствий, а потом он прочитал над собой похоронную молитву и бросился в море. И волны несли его, хранимого Аллахом великим, пока он не вышел из моря невредимый, по могуществу Аллаха великого, и он обрадовался и прославил великого Аллаха и поблагодарил его.

И потом Хасан встал и пошёл, ища чего-нибудь поесть, и, когда это было так, он вдруг оказался в том месте, в котором стоял с Бахрамом-магом. И он прошёл немного и вдруг увидел большой дворец, высящийся в воздухе, и он вошёл туда, и оказалось, что это тот дворец, о котором он спрашивал мага, и Бахрам сказал ему: «В этом дворце мой враг». И Хасан воскликнул: «Клянусь Аллахом, я непременно должен войти в этот дворец. Быть может, облегчение достанется мне там!» И он подошёл ко дворцу и увидел, что ворота его открыты, и, войдя в ворота, он увидел в проходе каменную скамью, а на скамье – двух девушек, подобных луне, перед которыми стояла шахматная доска, и они играли. И одна из девушек подняла голову к Хасану и закричала от радости и сказала: «Клянусь Аллахом, это сын Адама, и я думаю, это тот, которого привёл в этом году Бахрам-маг».

И когда Хасан услышал её слова, он бросился перед девушками на землю и заплакал сильным плачем и воскликнул: «О госпожи мои, клянусь Аллахом, я и есть этот бедняк!» И младшая девушка сказала своей старшей сестре: «Засвидетельствуй, о сестрица, что этот человек – мой брат по обету Аллаха и клятве ему, и я умру его смертью, буду жить его жизнью, радоваться его радостью и печалиться его печалью». И она поднялась и обняла Хасана и поцеловала его и, взяв его за руку, вошла с ним во дворец, и её сестра вошла с нею. И девушка сняла с Хасана его поношенные одежды, принесла одеяние из платьев царей и надела его на юношу, а потом приготовила ему всевозможные кушанья и подала их Хасану и села, вместе со своей сестрой. И они поели с Хасаном и сказали ему: «Расскажи нам твою историю с этим псом и нечестивым колдуном с тех пор, как ты попался ему в руки, и до тех пор, как ты от него освободился, а мы расскажем тебе, что у нас с ним случилось от начала до конца, чтобы ты был от него настороже, когда его увидишь».

И когда Хасан услышал их слова и увидел, что они с ним приветливы, его душа успокоилась, и ум вернулся к нему, и он рассказал девушкам о том, что у него случилось с магом от начала до конца. «А ты спрашивал его об этом дворце?» – спросили девушки. И

Хасан ответил: «Да, я его спрашивал, и он сказал мне: „Я не люблю упоминания о нем, так как этот дворец принадлежит шайтанам и дьяволам“. И девушки разгневались сильным гневом и сказали: „Разве этот нечестивец считает нас шайтанами и дьяволами?“ – „Да“, – ответил Хасан. И младшая девушка, сестра Хасана, воскликнула: „Клянусь Аллахом, я убью его наихудшим убийством и лишу его земного ветерка“. – „А как ты до него доберёшься и убьёшь его: он ведь колдун и обманщик?“ – спросил Хасан. И девушка ответила: „Он в саду, который называется аль-Машид, и я непременно вскоре его убью“. – „Хасан сказал правду, и все, что он говорил про этого пса, – правильно, – сказала её сестра, – но Расскажи ему всю нашу историю, чтобы она осталась у него в уме“.

И молоденькая девушка сказала: «Знай, о брат мой, что мы царевны и отец наш царь из царей джиннов, великих саном, и у него есть войска, приближённые и слуги из маридов. И наделил его Аллах великий семью дочерьми от одной жены, и охватила его скупость, ревность и гордость, больше которой не бывает, так что он не отдавал нас замуж ни за кого из людей. И он позвал своих везирей и приближённых и спросил их: „Знаете ли вы для меня место, куда не заходит прохожий, ни из джиннов, ни из людей, и где много деревьев, плодов и каналов?“ И спрошенные сказали ему: „Что ты будешь там делать, царь времени?“ И царь ответил: „Я хочу поместить туда семь моих дочерей“. – „О царь, – сказали тогда везири, – для них подойдёт дворец Горы Облаков, построенный одним ифритом из маридов-джиннов, которые взбунтовались во времена господина нашего Сулеймана, – мир с ним! – и когда этот ифрит погиб, никто не жил после него во дворце, ни джинн, ни человек, так как он отовсюду отрезан и не может добраться до него никто. И окружают его деревья, плоды и каналы, и вокруг него текучая вода, слаще мёда и холоднее снега, и не пил её никто из больных проказой, слоновой болезнью или чем-нибудь другим, без того, чтобы не поправиться в тот же час и минуту“. И когда наш отец услышал это, он послал нас в этот дворец и послал с нами солдат и воинов и собрал для нас все, что нам во дворце нужно. И когда наш отец хочет выезжать, он бьёт в барабан, и являются к нему все войска, и он выбирает из них тех, кого посадит на коней, а остальные уходят. А когда наш отец хочет, чтобы мы явились к нему, он приказывает своим приближённым из колдунов привести нас, и они приходят к нам и берут нас и доставляют к нему, чтобы он развлекался с нами и мы бы сказали о том, что мы от него хотим, а потом они снова приводят нас на место. И у нас есть ещё пять сестёр, которые ушли поохотиться в этой пустыне, в ней столько зверей, что их не счесть и не перечислить. И две из нас по очереди остаются дома, чтобы готовить кушанье, и пришла очередь оставаться нам: мне и этой моей сестре, и мы остались готовить им кушанье. И мы просили Аллаха, – слава ему и величие! – чтобы он послал к нам человека, который бы нас развлекал; да будет же слава Аллаху, который привёл тебя к нам! Успокой свою душу и прохладя глаза: с тобою не будет дурного».

И Хасан обрадовался и воскликнул: «Хвала Аллаху, который привёл нас на путь освобождения и расположил к нам сердца!» И его сестра поднялась, взяла его за руку и привела в комнату и вынесла из неё материи и подстилки, которых не может иметь никто из сотворённых. А потом, через некоторое время, пришли её сестры с охоты и ловли, и им рассказали историю Хасана, и девушки обрадовались ему и вошли к нему в комнату и поздоровались с ним и поздравили его со спасением. И Хасан жил у них наилучшей жизнью, в приятнейшей радости и выходил с ними на охоту и ловлю и резал дичь и подружился с девушками. И он оставался у них таким образом, пока тело его не выздоровело и он не исцелился от того, что с ним было, и его тело стало сильным, и потолстело и разжирело, так как он жил в уважении и пребывал с девушками в этом месте. И он ходил и гулял с ними в этом разукрашенном дворце и во всех садах, среди цветов, и девушки обращались с ним ласково и дружески с ним разговаривали, и прошла его тоска от одиночества, и увеличилась радость и счастье девушек из-за Хасана, и он тоже радовался им, ещё больше, чем они ему радовались. И его маленькая сестра рассказала своим сёстрам историю о Бахrame-маге и рассказала им, как он счёл их шайтанами, дьяволами и гулями, и они поклялись ей, что непременно его убьют.

А когда наступил следующий год, явился этот проклятый, и с ним был красивый юноша-мусульманин, подобный луне, и он был закован в оковы и подвергался величайшим пыткам. И маг спустился с ним ко дворцу, в котором жил Хасан с девушками, а Хасан сидел у канала, под деревьями. И когда он увидал мага, его сердце затрепетало, и цвет его лица изменился, и он всплеснул руками...»

И Шахразад застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Семьсот восемьдесят пятая ночь

Когда же настала семьсот восемьдесят пятая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что когда Хасан-ювелир увидел мага, его сердце затрепетало, и цвет его лица изменился, и он всплеснул руками и сказал девушкам: „Ради Аллаха, сестрицы, помогите мне убить этого проклятого! Вот он пришёл и оказался в ваших руках и с ним пленный юноша-мусульманин из сыновей знатных людей, и маг его пытается всякими болезненными пытками. Я хочу его убить и исцелить от него моё сердце и избавить этого юношу от пытки и получить небесную награду, а юноша-мусульманин вернётся на родину и встретится со своими братьями, родными и любимыми, и будет это ему милостыней от вас, и вы получите награду от Аллаха великого“. И девушки ответили: „Внимание и повиновение Аллаху и тебе, о Хасан!“

А затем они опустили на лица покрывала, надели боевые доспехи и подвязали мечи и привели Хасану коня из лучших коней и снарядили его, дав ему полное облачение, и вооружили его прекрасным оружием. А затем они все отправились и увидели, что маг уже зарезал верблюда и ободрал его и мучает юношу и говорит ему: «Влезь в эту шкуру!» И Хасан подошёл к магу сзади, а маг не знал этого, и закричал на него и ошеломил его и помрачил ему рассудок.

А потом Хасан подошёл к магу и крикнул: «Убери руку, о проклятый, о враг Аллаха и враг мусульман, о пёс, о вероломный, о поклоняющийся огню, о шествующий по дороге нечестия. Будешь ты поклоняться огню и свету и клясться тенью и жаром?» И маг обернулся и увидел Хасана и сказал ему: «О дитя моё, как ты освободился и кто свёл тебя на землю?» – «Меня освободил Аллах великий, который обрёк твою душу на гибель, – ответил Хасан.

Как ты мучил меня всю дорогу, о нечестивый, о зиндик, так и сам попал в беду и уклонился от пути! Ни мать не поможет тебе, ни брат, ни друг, ни крепкий обет! Ты говорил: «Кто обманет хлеб и соль, тому отомстит Аллах», вот ты и обманул хлеб и соль, и вверг тебя великий Аллах в мои руки, и стало освобождение твоё далёким». – «Клянусь Аллахом, о дитя моё, ты мне дороже души и света моего глаза!» – воскликнул маг.

Но Хасан подошёл к нему и поспешил ударить его в плечо, и меч вышел, блистая, из его шейных связок, и поспешил Аллах направить его дух в огонь (скверное это обиталище). А потом Хасан взял мешок, который был у персиянина, и развязал его и вынул из него барабан и жгут и ударил жгутом по барабану, и прибежали к Хасану верблюды, как молния. И Хасан освободил юношу от уз и посадил его на одного верблюда, а другого он нагрузил пищей и водой, и потом он сказал юноше: «Отправляйся к своей цели». И юноша уехал после того, как Аллах великий освободил его из беды руками Хасана. А девушки, увидев, что Хасан отрубил магу голову, обрадовались сильной радостью и окружили его, дивясь его доблести и силе его ярости, и поблагодарили его за то, что он сделал, поздравили его со спасением и сказали: «О Хасан, ты сделал дело, которым излечил больного и убоготворил великого владыку!»

И Хасан пошёл с девушками во дворец и проводил время с ними за едой, питьём, играми и смехом, и приятно было ему пребывание у них, и забыл он свою мать. И когда он жил с ними самой сладостной жизнью, вдруг поднялась из глубины пустыни великая пыль, от которой померк воздух, и девушки сказали ему: «Поднимайся, о Хасан, иди в твою комнату и спрячься, а если хочешь, пойди в сад и спрячься среди деревьев и лоз – с тобой не

будет дурного». И Хасан поднялся и вошёл в свою комнату и спрятался там и заперся в комнате, внутри дворца. И через минуту пыль рассеялась, и показалось из-под неё влачащееся войско, подобное ревущему морю, которое шло от отца девушек. И когда воины пришли, девушки поселили их у себя наилучшим образом и угощали их три дня, а после этого они спросили об их обстоятельствах и в чем с ними дело, и воины сказали: «Мы пришли от царя, за вами!» – «А что царь от нас хочет?» – спросили девушки. И воины сказали: «Кто-то из царей устраивает свадьбу, и ваш отец хочет, чтобы вы присутствовали на этой свадьбе и позабавились». – «А сколько времени мы будем отсутствовать?» – спросили девушки. И воины сказали: «Время пути туда и назад и пребывания у вашего отца в течение двух месяцев».

И девушки поднялись и вошли во дворец к Хасану и осведомили его о том, как обстоит дело, и сказали ему: «Это место – твоё место, и наш дом – твой дом; будь же спокоен душою и прохлади глаза. Не бойся и не печалься! Никто не может прийти к нам в это место. Будь же спокоен сердцем и весел умом, пока мы не придём к тебе, и вот у тебя будут ключи от наших комнат. Но только, о брат мой, мы просим тебя, во имя братства, не открывай вот этой двери: открывать её тебе нет разрешения». И затем они простились с Хасаном и ушли вместе с воинами.

И остался Хасан сидеть во дворце один. И грудь его стеснилась, и стойкость истощилась, и увеличилась его грусть, и он почувствовал себя одиноким и опечалился о том, что расстался с девушками, великой печалью, и стал для него тесен дворец при его обширности. И, увидев себя одиноким и тоскующим, Хасан вспомнил девушек и произнёс такие стихи:

«Тесна равнина стала вся в глазах моих,
И смутилось сердце теперь совсем из-за этого.
Ушли друзья, и после них все ясное
Снова стало смутным, и слез струя из глаз течёт.
Покинул сон глаза мои, как ушли они,
И все опять так смутно стало в душе моей.
Увидим ли, что время снова нас сведёт
И вернётся с ними любимый друг, собеседник мой...»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Семьсот восемьдесят шестая ночь

Когда же настала семьсот восемьдесят шестая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что Хасан, после ухода девушек, сидел во дворце один, и стеснилась его грудь из-за разлуки с ними, и он стал ходить один на охоту в равнинах и приносил дичь и убивал её и ел один, и усилилась его тоска и тревога из-за одиночества.

И однажды он поднялся и обошёл дворец кругом и осмотрел его со всех сторон и открыл комнаты девушек и увидел там богатства, которые отнимают разум у смотрящих, но ничто из этого его не услаждало по причине отсутствия девушек. И запылал у него в душе огонь из-за той двери, которую его сестра наказывала ему не открывать и велела ему к ней не приближаться и никогда не открывать её, и Он сказал про себя: «Моя сестра наказала мне не открывать этой двери лишь потому, что там есть нечто, чего она не хочет никому дать узнать. Клянусь Аллахом, я встану и открою её, и посмотрю, что там есть, даже если бы за этой дверью была гибель». И Он взял ключ и отпер дверь и не нашёл в комнате никаких богатств, но увидел в глубине комнаты каменную винтовую лестницу из йеменского оникса. И он стал взбираться по этой лестнице и поднимался до тех пор, пока не достиг крыши дворца, и тогда он сказал себе: «Вот отчего они меня удерживали».

И он обошёл по крыше кругом и оказался над местностью под дворцом, которая была полна полей, садов, деревьев, цветов, Зверей и птиц, щебетавших и прославлявших Аллаха великого, единого, покоряющего, и Хасан начал всматриваться в эту местность и увидел ревущее море, где бились волны. И он ходил вокруг этого дворца направо и налево, пока не дошёл до помещения на четырех столбах, и в нем он увидел залу, украшенную всевозможными камнями: яхонтами, изумрудами, бадахшанскими рубинами и всякими драгоценностями, и она была построена так, что один кирпич был из золота, другой – из серебра, третий – из яхонта, и четвёртый – из зеленого изумруда. А посередине этого помещения был пруд, полный воды, и над ним тянулась ограда из сандалового дерева и алоэ, в которую вплетены были прутья червонного золота и зеленого изумруда, украшенные всевозможными драгоценностями и жемчугом, каждое зерно которого было величиной с голубиное яйцо. А возле пруда стояло ложе из алоэ, украшенное жемчугом и драгоценностями, и в него были вделаны всевозможные цветные камни и дорогие металлы, которые, в украшениях, были расположены друг против друга. И вокруг ложа щебетали птицы на разных языках, прославляя Аллаха великого красотой своих голосов и разнообразием наречий.

И не владел дворцом, подобным этому, ни Хосрой, ни кесарь⁶¹⁷.

И Хасан был ошеломлён, увидя это, и сел и стал смотреть на то, что было вокруг него, и он сидел в этом дворце, дивясь на красоту его убранства и блеск окружавшего его жемчуга и яхонтов и на бывшие во дворце всевозможные изделия и дивясь также на эти поля и птиц, которые прославляли Аллаха, единого, покоряющего. И он смотрел на памятник тех, кому великий Аллах дал власть построить такой дворец, – поистине, он велик саном!

И вдруг появились десять птиц, которые летели со стороны пустыни, направляясь в этот дворец к пруду.

И Хасан понял, что они направляются к пруду, чтобы налиться воды. И он спрятался от птиц, боясь, что они увидят его и улетят, а птицы опустились на большое прекрасное дерево и окружили его. И Хасан заметил среди них большую прекрасную птицу, самую красивую из всех, и остальные птицы окружали её и прислуживали ей. И Хасан удивился этому, а та птица начала клевать девять других птиц клювом и обижать их, и они от неё убегали, и Хасан стоял и смотрел на них издали. И потом птицы сели на ложе, и каждая из них содрала с себя когтями кожу и вышла из неё, и вдруг оказалось, что это одежды из перьев. И из одежд вышли десять невинных девушек, которые позорили своей красотой блеск лун. И, обнажившись, они все вошли в пруд и помылись и стали играть и шутить друг с другом, а птица, которая превосходила их, начала бросать их в воду и погружать, и они убегали от неё и не могли протянуть к ней руки.

И, увидав её, Хасан лишился здравого рассудка, и его ум был похищен, и понял он, что его сестра запретила ему открывать дверь только по этой причине. И Хасана охватила любовь к этой девушке, так как он увидел её красоту, прелесть, стройность и соразмерность. И она играла и шутила и брызгалась водой, а Хасан стоял и смотрел на девушек и вздыхал от того, что был не с ними, и его ум был смущён красотой старшей девушки. Его сердце запуталось в сетях любви к ней, и он попал в сети страсти, и глаза его смотрели, а в сердце был сжигающий огонь – душа ведь повелевает злое. И Хасан заплакал от влечения к её красоте и прелести, и вспыхнули у него в сердце огни из-за девушки, и усилилось в нем пламя, искры которого не потухали, и страсть, след которой не исчезал.

А потом, после этого, девушки вышли из пруда, и Хасан стоял и смотрел на них, а они его не видели, и он дивился их красоте, и прелести, и нежности их свойств, и изяществу их черт. И он бросил взгляд и посмотрел на старшую девушку, а она была нагая, и стало ему видно то, что было у неё между бёдер, и был это большой круглый купол с четырьмя

⁶¹⁷ Хосрой (Кисра) Ануширван – один из царей династии Сасанидов. Кесарями в средневековой арабской литературе именовали византийских императоров. Легенды приписывают им огромные богатства.

столбами, подобный чашке, серебряной или хрустальной, и Хасан вспомнил слова поэта:

И поднял рубаху я, и каф её обнажил, И вижу, что тесен он, как нрав мой и мой надел И дал половину я, она же – вздохнула лишь.

Спросил я: «О чем?» Она в ответ: «Об оставшемся», А когда девушки вышли из воды, каждая надела свои одежды и украшения, а что касается старшей девушки, то она надела зеленую одежду и превзошла красотой красавиц всех стран, и сияла блеском своего лица ярче лун на восходах. И она превосходила ветви красотой изгибов и ошеломляла умы мыслью об упрёках, и была она такова, как сказал поэт:

Вот девушка весело, живо прошла,
У щёк её солнце лучи занимает.
Явилась в зеленой рубашке она,
Подобная ветке зеленой в гранатах.
Спросил я: «Одежду как эту назвать?»
Она мне в ответ: «О прекрасный словами,
Любимым пронзали мы жёлчный пузырь,
И дул ветерок, пузыри им пронзая...»

И Шахразад застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Семьсот восемьдесят седьмая ночь

Когда же настала семьсот восемьдесят седьмая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что когда Хасан увидел, как девушки вышли из пруда, и старшая из них захватила его ум своей красотой и прелестью, он произнёс эти стихи. А девушки, надев свои платья, сели и стали беседовать и пересмеиваться, а Хасан стоял и смотрел на них, погруженный в море страсти, и блуждал в долине размышлений и говорил про себя: „Клянусь Аллахом, моя сестра сказала мне: „Не открывай этой двери“, только из-за этих девушек, боясь, что я привяжусь к одной из них“.

И он принялся смотреть на прелести старшей девушки, а она была прекраснее всего, что создал Аллах в её время, и превзошла красотой всех людей. Её рот был подобен печати Сулеймана⁶¹⁸, а волосы были чернее, чем ночь разлуки для огорчённого и влюблённого, а лоб был подобен новой луне в праздник Рамадана, и глаза напоминали глаза газели, а нос у неё был с горбинкой, яркой белизны, и щеки напоминали цветы анемона, и уста были подобны кораллам, а зубы – жемчугу, нанизанному в ожерельях самородного золота. Её шея, подобная слитку серебра, возвышалась над станом, похожим на ветвь ивы, и животом со складками и уголками, при виде которого дуреет влюблённый, взволнованный и пупком, вмещающим унцию мускуса наилучшего качества, и бёдрами – толстыми и жирными, подобными мраморным столбам или двум подушкам, набитым перьями страусов, а между ними была вещь, точно самый большой холм или заяц с обрубленными ушами, и были у неё крыши и углы. И эта девушка превосходила красотой и стройностью ветвь ивы и трость камыша и была такова, как сказал о ней поэт, любовью взволнованный:

Вот девушка, чья слюна походит на сладкий мёд,
А взоры её острее, чем Индии острый меч.
Движенья её смущают ивы ветвь гибкую,
Улыбка, как молния, блистает из уст её.

⁶¹⁸ Печать Сулеймана – растение из семейства лилейных, с цветком которого здесь сравниваются уста красавицы.

Я с розой расцветшею ланиты её сравнил,
И молвила, отвернувшись: «С розой равняет кто?
С гранатами грудь мою сравнил, не смущаясь, он:
Откуда же у гранатов ветви, как грудь моя?
Клянусь моей прелестью, очами и сердцем я,
И раем сближенья, и разлуки со мной огнём –
Когда он к сравнениям вернётся, лишу его
Услады я близости и гнева огнём сожгу.
Они говорят: «В саду есть розы, но нет среди них
Ланиты моей, и ветвь на стан не похожа мой».
Коль есть у него в саду подобная мне во всем,
Чего же приходит он искать у меня тогда?»

И девушки продолжали смеяться и играть, а Хасан стоял на ногах и смотрел на них, позабыв об еде и питьё, пока не приблизилось время предвечерней молитвы, и тогда старшая девушка сказала своим подругам: «О дочери царей, уже наскучило оставаться здесь. Поднимайтесь же, и отправимся в наши места». И все девушки встали и надели одежды из перьев, и когда они завернулись в свои одежды, они стали птицами, как раньше, и все они полетели вместе, и старшая девушка летела посреди них. И Хасан потерял надежду, что они вернуться, и хотел встать и уйти, но не мог встать, и слезы потекли по его щекам. И усилилась его страсть, и он произнёс такие стихи:

«Лишусь я пусть верности в обетах, коль после вас
Узнаю, как сладок сон и что он такое.
И глаз не сомкну я пусть, когда вас со мною нет.
И после отъезда пусть не мил будет отдых.
Мне грезится, когда сплю, что вижу опять я вас,
О, если бы грёзы сна для нас были явью!
Поистине, я люблю, когда и не нужно, спать
Быть может, во сне я вас, любимые, встречу».

И потом Хасан прошёл немного, не находя дороги, и спустился вниз во дворец. И он полз до тех пор, пока не достиг дверей комнаты, и вошёл туда и запер её и лёг, больной, и не ел и не пил, погруженный в море размышлений, и плакал и рыдал над собой до утра, а когда наступило утро, он произнёс такие стихи:

«И вот улетели птицы вечером, снявшись,
А умер кто от любви, в том нет прегрешенья.
Я буду скрывать любовь, пока я смогу скрывать,
Но коль одолеет страсть, её открывают.
Пришёл ко мне призрак той, кто видом всем схож с зарёй,
У ночи моей любви не будет рассвета.
Я плачу о них, и спят свободные от любви,
И ветер любви теперь со мною играет,
Я отдал слезу мою, и деньги, и душу всю,
И разум, и весь мой дух, – а в щедрости прибыль.
Ужаснейшей из всех бед и горестей нахожу
Я милой красавицы враждебность и злобу,
Он говорит: «Любовь к прекрасным запрещена,
А кровь тех, кто любит их, пролить не запретно»
Что делать, как не отдать души изнурённому –
Отдаст он её в любви, – любовь – только шутка.

Кричу от волнения и страсти к любимой я –
Ведь истинно любящий на плач лишь способен»

А когда взошло солнце, он отпер дверь комнаты и пошёл в то место, где был раньше, и сидел напротив той залы, пока не пришла ночь, но ни одна птица не прилетела, и Хасан сидел и ждал их. И он плакал сильным плачем, пока его не покрыло беспамятство, и тогда он упал на землю, растянувшись, а придя в себя после обморока, он пополз и спустился вниз, и пришла ночь, и сделался весь мир для него тесен.

И Хасан плакал и рыдал над собою всю ночь, пока не наступило утро и не взошло солнце над холмами и долинами, и он не ел, не пил и не спал и не находил покоя.

И днём он был в смятении, а ночь проводил в бденье, ошеломлённый, пьяный от размышлений и от сильной страсти, охватившей его, и произносил такие слова поэта, любовью взволнованного:

«О ты, что смущаешь солнце светлое на заре
И ветви позор несёшь, хоть ей то неведомо, –
Узнать бы, позволит ли, чтоб ты возвратилась, рок,
Погаснет ли тот огонь, что пышет в моей груди?
И сблизят ли нас при встрече страсти объятия,
Прильну ли щекой к щеке и грудью к груди твоей?
Кто это сказал: «В любви усладу находим мы»
В любви ведь бывают дни, что горше, чем мирры сок...»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Семьсот восемьдесят восьмая ночь

Когда же настала семьсот восемьдесят восьмая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что Хасан-ювелир, когда ею страсть усилилась, произнёс эти стихи, будучи один во дворце, и не находил никого, кто бы его развлёк. И когда он был в муках волнения, вдруг поднялась из пустыня пыль, и Хасан побежал вниз и спрятался, и понял он, что хозяева дворца вернулись. И прошло не более часа, и воины спешили и окружили дворец, и семь девушек тоже спешили и вошли во дворец и сняли оружие и бывшие на них боевые доспехи, а что касается до младшей девушки, сестры Хасана, то она не сняла с себя боевых доспехов, а вошла в комнату Хасана и не нашла его. И она стала его искать и нашла его в одной из комнат, больного и исхудавшего, и тело его утомилось, и кости его стали тонки, и цвет его лица пожелтел, и глаза его провалились на лице, от скудости пищи и питья и от обилия слез из-за его привязанности к той девушке и его любви к ней.

И когда его сестра-джинни увидела, что он в таком состоянии, она была ошеломлена, и её рассудок исчез. Она спросила Хасана, каково ему, что с ним и что его поразило, и сказала ему: «Расскажи мне, о брат мой, чтобы я ухитрилась снять с тебя твои страдания и была за тебя выкупом». И Хасан горько заплакал и произнёс:

«Влюблённому, коль его оставит любимая,
Останутся только скорбь и муки ужасные.
Снаружи его – тоска, внутри его – злой недуг,
Вначале он говорит о ней, в конце – думает».

И когда услышала это сестра Хасана, она удивилась ясности его речи и красноречью его слов и тому, как он хорошо сказал и ответил ей стихами, и спросила его: «О брат мой, когда ты впал в это дело, в которое ты впал, и когда это с тобой случилось? Я вижу, что ты

говоришь стихами и льёшь обильные слезы. Заклинаю тебя Аллахом, о брат мой, и святостью любви, которая между нами: расскажи мне о твоём положении и сообщи мне твою тайну и не скрывай от меня ничего, что с тобою случилось в наше отсутствие. Моя грудь стеснилась, и жизнь моя замутилась из-за тебя».

И Хасан вздохнул и пролил слезы, подобные дождю, и воскликнул: «Я боюсь, о сестрица, что, если я тебе расскажу, ты мне не поможешь в том, к чему я стремлюсь, и оставишь меня умирать в тоске с моей горестью». – «Нет, клянусь Аллахом, о брат мой, я не отступлюсь от тебя, даже если пропадёт моя душа», – ответила девушка. И Хасан рассказал ей, что с ним случилось и что он увидел, когда отпер дверь, и поведал ей, что причина несчастья и беды – его страсть к девушке, которую он увидел, и любовь к ней и что он десять дней не пробовал ни пищи, ни питья. И потом он горько заплакал и произнёс такие два стиха:

«Верните сердце, как было прежде, телу вы,
И дремоту глазу, потом меня оставьте вы»
Или скажете, изменила ночь мой обет в любви?
«Пусть не будет тех, кто меняется!» – я отвечу вам».

И сестра Хасана заплакала из-за его плача и пожалела его из-за его страсти и сжалилась над изгнанником и сказала: «О брат мой, успокой свою душу и прохлади глаза. Я подвергну себя опасности, вместе с тобою, и отдам душу, чтобы тебя удовлетворить. Я придумаю для тебя хитрость, даже если будет в ней гибель моих драгоценностей и моей души, и исполню твоё желание, если захочет Аллах великий. Но я наказываю тебе, о брат мой, скрывать тайну от моих сестёр. Не показывай твоего состояния ни одной из них, чтобы не пропала моя и твоя душа, и если они тебя спросят, открывал ли ты дверь, скажи им: „Я не открывал её никогда, но моё сердце занято из-за вашего отсутствия и моей тоски по вас и оттого, что я сидел во дворце один“. – „Хорошо, так и будет правильно!“ – воскликнул Хасан.

И он поцеловал девушку в голову, и успокоилось его сердце, и расправилась у него грудь, так как он боялся своей сестры, потому что открыл дверь, а теперь душа к нему вернулась после того, как он был близок к гибели от сильного страха. И он попросил у сестры чего-нибудь поесть, и она поднялась и вышла от него и вошла к своим сёстрам, печальная, плача о Хасане. И сестры спросили её, что с ней, и она сказала им, что её ум занят мыслью о её брате и что он болен и вот уже десять дней, как к нему в живот не опускалось никакой пищи. И сестры спросили её о причине его болезни, и она ответила: «Причина её – наше отсутствие и то, что мы заставили его тосковать эти дни, когда мы отсутствовали, тянулись для него дольше, чем тысяча лет, и ему простительно, так как он на чужбине и одинок, а мы оставили его одного, и не было у него никого, кто бы его развлёк и успокоил бы его душу. Он, при всех обстоятельствах, юноша и ещё мал, и, может быть, он вспомнил родных и мать – а она женщина старая – и подумал, что она плачет о нем в часы ночи и части дня и постоянно о нем печалится, а мы его утешали своей дружбой».

И, услышав слова девушки, её сестры заплакали от сильной печали о Хасане и сказали: «Клянёмся Аллахом, ему простительно!» И они вышли к воинам и отпустили их, и вошли к Хасану, и пожелали ему мира, и увидели, что его прелести изменились и цвет его лица пожелтел и исхудало его тело. И они заплакали от жалости к нему и сели подле него и стали его развлекать и успокаивать его сердце разговором и рассказали ему обо всем, что видели из чудес и диковинок, и о том, что произошло у жениха с невестой, и оставались с ним в течение целого месяца, развлекая его и уговаривая, но его болезнь каждый день усиливалась, и всякий раз, как девушки его видели в таком состоянии, они плакали о нем сильным плачем, и больше всех плакала младшая девушка.

А через месяц девушкам захотелось поехать на охоту и ловлю, и они решили это сделать и попросили свою младшую сестру поехать с ними, но она сказала им: «Клянусь Аллахом, о сестрицы, я не могу с вами поехать, когда мой брат в таком состоянии, и пока он

не поправится и не пройдут его страдания, я лучше буду сидеть подле него и развлекать его». И, услышав слова девушки, её сестры поблагодарили её за её благородство и сказали ей: «За все, что ты сделала с этим чужеземцем, ты получишь небесную награду». И они оставили девушку подле Хасана во дворце, и выехали, взяв с собой пищи на двадцать дней...»

И Шахразад устал, и она прекратила дозволенные речи.

Семьсот восемьдесят девятая ночь

Когда же настала семьсот восемьдесят девятая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что когда девушки выехали и отправились на охоту и ловлю, они оставили свою младшую сестру сидеть подле Хасана во дворце. И когда они отдалились от дворца и их сестра поняла, что они проехали далёкое расстояние, она обратилась к своему брату и сказала ему: „О брат мой, поднимайся, покажи мне место, где ты видел этих девушек“. И Хасан воскликнул: „Во имя Аллаха! На голове!“ – и обрадовался её словам и убедился, что достигнет цели своих стремлений.

И он хотел подняться и показать девушке это место, но не мог ходить. И тогда она понесла его в объятиях и принесла туда и открыла дверь к лестнице, и поднялась с ним в верхнюю часть дворца. И, оказавшись наверху, Хасан показал своей сестре то место, где он видел девушек, и показал ей комнату и пруд с водой. И сестра его сказала: «Опиши мне, о брат мой, их вид и как они прилетели». И Хасан описал ей все, что видел, и в особенности ту девушку, в которую он влюбился.

И когда его сестра слышала описание этой девушки, она узнала её, и её лицо пожелтело, и состояние её изменилось. «О сестрица, твоё лицо пожелтело и состояние твоё изменилось», – сказал Хасан. И его сестра воскликнула: «О брат мой, знай, что эта девушка – дочь царя из царей джиннов, высоких саном. И её отец властвует над людьми, и джиннами, и колдунами, и кудесниками, и племенами, и помощниками, и климатами, и странами, и многими островами и великими богатствами. Наш отец – наместник из числа его наместников, и никто не может одолеть его из-за многочисленности его войск, обширности его царства и обилия его богатства. И он отвёл своим дочерям – девушкам, которых ты видел, – пространство в целый год пути в длину и в ширину, и окружает эту область река, охватывающая её со всех сторон, и не может добраться до этого места никто, ни люди, ни джинны. И у этого царя есть войско из девушек, которые бьют мечами и разят копьями – их двадцать пять тысяч, – и каждая из них, когда сядет на коня и наденет боевые доспехи, устоит против тысячи всадников из числа доблестных. И есть у него семь дочерей, у которых храбрости и доблести столько же, как у их сверстниц, и даже больше. Он вручил власть над областью, о которой я тебя осведомила, своей старшей дочери, а она старше всех своих сестёр, и её храбрость, доблесть, коварство, Злокозненность и колдовство таковы, что она одолевает всех обитателей своего царства. Что же касается девушек, которые были с ней, то это вельможи её правления и её помощницы, приближённые в царстве, и шкуры с перьями, в которых они летают, – изделие колдунов из джиннов. И если ты хочешь овладеть этой девушкой и жениться на ней, сядь здесь и жди её: они прилетают сюда в начале каждого месяца. А когда увидишь, что они прилетели, – спрячься и берегись показаться – иначе мы все пропадём. Узнай же, что я тебе скажу, и сохрани это к уме. Сядь в месте, которое будет к ним близко, чтобы ты их видел, а они тебя не видели, и когда они снимут с себя одежду, брось взгляд на одежду из перьев, принадлежащую старшей, которую ты желаешь, и возьми её, но не бери ничего другого, – эта одежда и доставляет девушку в её страну, и когда ты ею овладеешь, ты овладеешь и девушкой. Но берегись, чтобы она тебя не обманула, и если она тебе скажет: „О тот, кто украл мою одежду, верни мне её! Вот я подле тебя, перед тобою и в твоей власти“, – и ты отдашь ей одежду, то она убьёт тебя и обрушит на нас дворцы и убьёт нашего отца. Знай же, каково будет твоё положение! И когда её сестры увидят, что её одежда украдена, они улетят и оставят её сидеть одну, и тогда подойди к ней, схвати её за волосы и

потяни, и, когда ты её потянешь, ты завладеешь ею, и она окажется в твоей власти. И после этого береги одежду из перьев, – пока она будет у тебя, девушка останется в твоей власти и у тебя в плену, так как она может улететь в свою страну только в этой одежде. А когда ты захватишь девушку, понеси её и пойди с ней в твою комнату и не показывай ей, что ты взял её одежду».

И когда Хасан услышал слова своей сестры, его сердце успокоилось, и его страх утих, и прошли его страдания. И он поднялся на ноги и поцеловал свою сестру в голову и потом вышел и спустился из верхней части дворца, вместе со своей сестрой, и они проспали ночь, и Хасан боролся со своей душой, пока не наступило утро. А когда взошло солнце, он поднялся и открыл ту дверь и вышел наверх и сел, и сидел до времени ужина, и сестра принесла ему наверх поесть и попить и переменяла на нем одежду, и он лёг спать. И его сестра поступала с ним так каждый день, пока не начался новый месяц, и, увидав молодую луну, Хасан принялся поджидать девушек.

И когда это было так, они вдруг подлетели к нему, как молния, и, заметив их, Хасан спрятался в такое место, что он их видел, а они его не видели. И птицы опустились, и каждая из них села, и они сняли с себя одежду так же, как и та девушка, которую любил Хасан (а это было в месте близком от него), и потом она вошла в пруд, вместе со своими сёстрами. И тут Хасан поднялся и пошёл, понемногу-понемногу, прячась, и Аллах покрыл его, и он взял одежду, так что ни одна из девушек его не видела, и все они играли друг с другом и смеялись. А окончив играть, они вышли, и каждая из них надела свою одежду из перьев, и пришла возлюбленная Хасана, чтобы надеть свою одежду, и не нашла её. И она стала кричать и бить себя по лицу и разорвала на себе нижнюю одежду, и её сестры подошли к ней и спросили, что с ней, и она рассказала им, что её одежда из перьев пропала, и они стали плакать и кричать и бить себя по лицу.

А когда наступила над ними ночь, они не могли оставаться с нею и оставили её в верхней части дворца...»

И Шахразад устало говорила, и она прекратила дозволенные речи.

Ночь, дополняющая до семисот девяноста

Когда же настала ночь, дополняющая до семисот девяноста, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что когда Хасан взял одежду девушки, она стала её искать и не нашла, и её сестры улетели и оставили её одну. И когда Хасан увидел, что они улетели и скрылись от неё и исчезли из глаз, он прислушался и услышал, что девушка говорит: „О тот, кто взял мою одежду и оставил меня нагою! Прошу тебя, верни её мне и прикрой мою срамоту. Да не даст тебе Аллах вкусить мою печаль!“

И когда Хасан услышал от неё такие слова, ум его был похищен страстью к девушке и усилилась его любовь к ней. И он не смог утерпеть и поднялся с места и побежал и бросился на девушку и схватил её и потащил и спустился с ней вниз, и он принёс её к себе в комнату и набросил на неё свой плащ, а девушка плакала и кусала себе руки. И Хасан запер её и пошёл к своей сестре и осведомил её о том, что получил девушку, завладел ею и снёс её вниз, в свою комнату, и сказал: «Она теперь сидит и плачет и кусает себе руки».

И, услышав слова Хасана, его сестра поднялась и пошла в комнату и, войдя к девушке, увидела, что она плачет и опечалена. И сестра Хасана поцеловала перед ней землю и приветствовала её, и девушка сказала: «О царевна, разве делают люди, подобные вам, такие скверные дела с дочерьми царей? Ты ведь знаешь, что мой отец – великий царь и что все цари джиннов его боятся и страшатся его ярости, у него столько колдунов, мудрецов, кудесников, шайтанов и маринов, что не справиться с ними никому, и подвластны ему твари, числа которых не знает никто, кроме Аллаха. Как это подобает вам, о царские дочери, давать у себя приют мужчинам из людей и осведомлять их о наших обстоятельствах и ваших обстоятельствах. А иначе, откуда добрался бы до нас этот человек?» – «О царевна, –

ответила сестра Хасана, – этот человек совершенен в благородстве и не стремится он к делу дурному. Он только любит тебя, и женщины сотворены лишь для мужчин. Если бы он не любил тебя, он бы из-за тебя не заболел, и его душа едва не покинула его тела из-за любви к тебе».

И она передала ей обо всем, что рассказал ей Хасан о своей страсти, и о том, что делали девушки, летая и умываясь, и из них всех ему никто не понравился, кроме неё, так как все они – её невольницы, и она погружала их в пруд, и ни одна из девушек не могла протянуть к ней руку, и, услышав её слова, царица потеряла надежду освободиться. И сестра Хасана поднялась и вышла от неё и, принеся роскошную одежду, одела девушку, а потом она принесла ей кое-чего поесть и попить и поела вместе с нею и стала успокаивать её душу и рассеивать её страх. И она уговаривала её мягко и ласково и говорила ей: «Пожалей того, кто взглянул на тебя одним взглядом и стал убитым любовью к тебе», – и успокаивала её и умиловляла, употребляя прекрасные слова и выражения. И девушка плакала, пока не взошла заря, и душа её успокоилась, и она перестала плакать, когда поняла, что попала и освобождение невозможно.

И тогда она сказала сестре Хасана: «О царица, так судил Аллах моей голове, что буду я на чужбине и оторвусь от моей страны и родных и сестёр. Но прекрасно терпение в том, что судил мой господь». И потом сестра Хасана отвела ей комнату во дворце, лучше которой там не было, и оставалась у неё, утешая её и успокаивая, пока она не сделалась довольна, и её грудь расправилась, и она засмеялась, и прошло её огорчение и стеснение в груди из-за разлуки с её близкими и родиной и разлуки с сёстрами, родителями и царством.

И сестра Хасана вышла к нему и сказала: «Поднимайся, войди к ней в комнату и поцелуй ей руки и ноги». И Хасан вошёл и сделал это, а потом он поцеловал девушку между глаз и сказал ей: «О владычица красавиц, жизнь души и улада взирающих, будь спокойна сердцем. Я взял тебя лишь для того, чтобы быть твоим рабом до дня воскресенья, а эта моя сестра – твоя служанка, и я, о госпожа, хочу только взять тебя в жены, по обычаю Аллаха и посланника его, и отправиться в мою страну, и будем мы с тобой жить в городе Багдаде, и я куплю тебе невольниц и рабов, и есть у меня мать из лучших женщин, которая будет служить тебе, и нет нигде страны прекраснее, чем наша страна, и все, что есть в ней, лучше, чем во всех других странах и у других людей. И её жители и обитатели – хорошие люди со светлыми лицами».

И когда он развлекал девушку и разговаривал с нею, а она не обращалась к нему ни с одним словом, вдруг кто-то постучал в ворота дворца. И Хасан вышел посмотреть, кто у ворот, и вдруг оказалось, что это девушки вернулись с охоты и ловли. И Хасан обрадовался и встретил и приветствовал их, и девушки пожелали ему благополучия и здоровья, и Хасан тоже пожелал им этого, а потом они сошли с коней и вошли во дворец, и каждая из них пошла к себе в комнату и, сняв бывшие на ней поношенные одежды, облачилась в красивые материи. А они выезжали на охоту и ловлю и поймали много газелей, диких коров, зайцев, львов, гиен и других животных, и некоторых из них они привели на убой, а прочих оставили у себя во дворце. И Хасан стоял между ними и, Затянув пояс, убивал для них, а девушки играли и веселились и радовались сильной радостью.

А когда покончили с убоем животных, девушки сели, чтобы приготовить что-нибудь на обед, и Хасан подошёл к старшей девушке и поцеловал её в голову и стал целовать в голову одну девушку за другой, и они сказали ему: «Ты слишком к нам снисходителен, о брат наш, и мы дивимся на твою крайнюю любовь к нам. Да не будет этого, о брат наш. Это мы должны так с тобой поступать, – ты ведь сын Адама, и он достойнее нас, а мы джинны». И глаза Хасана прослезились, и он заплакал сильным плачем, и девушки спросили его: «Что с тобой, о чем ты плачешь? Ты смутил нашу жизнь, заплакав в сегодняшний день, и похоже, что ты стосковался по твоей матери и твоей стране? Если дело обстоит так, мы тебя снарядим и отправимся с тобой на твою родину к любимым». – «Клянусь Аллахом, я желаю не разлуки с вами», – воскликнул Хасан. И девушки спросили: «Кто же из нас тогда тебя расстроил, что ты огорчился?» И Хасану было стыдно сказать: «Ничто меня не расстроило,

кроме любви к девушке!» И он боялся, что сестры станут его порицать, и промолчал и не осведомил их ни о чем из своих обстоятельств.

И тогда его сестра поднялась и сказала им: «Он поймал птицу в воздухе и хочет, чтобы вы помогли ему её приручить». И все девушки обратились к Хасану и сказали ему: «Мы все перед тобою, и чего бы ты ни потребовал, мы это сделаем. Но расскажи нам твою историю и не скрывай от нас ничего из твоих обстоятельств». И Хасан сказал своей сестре: «Расскажи им мою историю, мне стыдно, и я не могу обратиться к ним с такими словами...»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Семьсот девяносто первая ночь

Когда же настала семьсот девяносто первая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что Хасан сказал своей сестре: „Расскажи им мою историю, мне стыдно, и я не могу обратиться к ним с такими словами“. И сестра Хасана сказала им: „О сестры, когда мы уехали и оставили этого беднягу одного, ему стало тесно во дворце, и он испугался, что кто-нибудь к нему войдёт. Вы знаете, что ум у сыновей Адама легковесный, и он открыл дверь, ведущую на крышу дворца, когда стеснилась у него грудь и он остался один в одиночестве, и поднялся наверх и сидел там. И ей оказался над долиной и стал смотреть в сторону ворот, боясь, что кто-нибудь направится ко дворцу, и в один из дней, когда он сидел, вдруг подлетели к нему десять птиц, направляясь ко дворцу. И они летели до тех пор, пока не сели у пруда, который над Залой, и Хасан увидел птицу, которая была красивей всех, и она клевала других птиц, и ни одна из них не могла протянуть к ней руки, а затем птицы схватились когтями за воротники и, разодрав свои одежды из перьев, вышли из них, и каждая птица превратилась в девушку, подобную луне в ночь её полноты. И они сняли бывшие на них одежды, – а Хасан стоял и смотрел на них, – и вошли в воду и принялись играть, и старшая девушка погружала их в воду, и ни одна из птиц не могла протянуть к ней руки, и эта девушка была прекраснее всех лицом и стройнее станом и на ней были самые чистые одежды. И девушки продолжали так играть, а Хасан стоял и смотрел на них, пока не приблизилась предвечерняя молитва, и потом они вышли из пруда и, надев нижнюю одежду, оделись в свои одежды из перьев и завернулись в них и улетели. И душа Хасана увлеклась ими и загорелось его сердце огнём из-за старшей птицы, и он раскаивался, что не украл её одежды из перьев, и заболел и остался наверху, ожидая её, и отказался от пищи, питья и сна и оставался там, пока не блеснул новый месяц. И когда он так сидел, птицы вдруг прилетели, по своему обычаю, и сняли одежду и вошли в пруд, и Хасан украл одежду старшей девушки, и, поняв, что она может летать только в ней, взял её и спрятал, боясь, что девушки его заметят и убьют. И потом он подождал, пока птицы улетели, и поднялся и схватил девушку и спустился из верхней части дворца“. – „А где она?“ – спросили её сестры. И она сказала: „Она у него, в такой-то комнате“. – „Опиши её нам, сестрица“, – сказали девушки. И сестра Хасана молвила: „Она прекраснее, чем луна в ночь полнолуния, и лицо её сияет ярче солнца; её слюна слаще мёда, её стан стройнее ветви, у неё чёрные глаза, и светлый лик, и блестящий лоб, и грудь, подобная драгоценному камню, и соски, подобные двум гранатам, и щеки, точно два яблока, и живот со свёрнутыми складками, и пупок, точно шкатулка из слоновой кости, мускусом наполненная, и пара ног, словно мраморные столбы. Она захватывает сердце насурьмлённым оком и тонкостью художавого стана, и тяжёлым задом, и речью, исцеляющей больного, она красива стройностью, прекрасна её улыбка, и подобна она полной луне“.

И когда девушки услышали это описание, они обратились к Хасану и сказали ему: «Покажи её нам». И Хасан поднялся, взволнованный любовью, и шёл, пока не привёл их к комнате, где находилась царевна. И он отпер её и вошёл впереди девушек, и они вошли сзади него, и, увидев царевну и узрев её красоту, они поцеловали перед ней землю и удивились красоте её образа и её прекрасным свойствам. И они приветствовали её и сказали: «Клянёмся

Аллахом, о дочь царя величайшего, это поистине вещь великая. Если бы ты слышала, какова слава этого юноши у женщин, ты бы дивилась на него весь твой век. Он привязан к тебе крайней привязанностью, но только, о царевна, он не ищет мерзости и добивается тебя лишь дозволенным образом. Если бы мы Знали, что девушки могут обойтись без мужчин, мы удержали бы его от того, к чему он стремится, хотя он не посылал к тебе посланца, а пришёл сам: и он нам рассказал, что сжёг одежду из перьев, а не то мы бы её у него взяли».

И затем одна из девушек сговорила с царевной и приняла полномочие на заключение брака, и заключила брак царевны с Хасаном, и тот взял её за руку и вложил её руку в свою, и девушка выдала её за Хасана с её дозволения, и устроили торжество, подобающее для царевен, и ввели Хасана к его жене. И Хасан поднялся, и открыл дверь, и откинул преграду, и сломал печать, и увеличилась его любовь к ней, и усилилось его влечение и страсть, и, достигнув желаемого, Хасан поздравил себя и произнёс такие стихи:

«Чарует твой стройный стан, и чёрен твой томный взгляд,
И влагою прелести покрыто лицо твоё.
Ты взорам моим предстала в виде прекраснейшем,
Там яхонт наполовину, треть тебя – изумруд.
А пятая часть – то мускус; амбра – шестая часть,
И жемчугу ты подобна, нет, ты светлей его.
И Ева не родила подобных тебе людей,
И в вечных садах найти другую, как ты, нельзя.
Коль хочешь меня пытаться, – обычай таков любви,
А хочешь меня простить, так выбор ведь дан тебе.
Земли украшение, желаний моих предел,
Кто против красоты твоей, прекрасная, устоит?..»

И Шахразад устало застывало утро, и она прекратила дозволенные речи.

Семьсот девяносто вторая ночь

Когда же настала семьсот девяносто вторая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что когда Хасан вошёл к царевне и уничтожил её девственность, он наслаждался с нею великим наслаждением, и увеличилась его любовь и влечение к ней. И он произнёс о ней стихи, упомянутые выше, а девушки стояли у двери, и, услышав эти стихи, они сказали: „О царевна, ты слышала слова этого человека? Как ты упрекаешь нас, когда он произнёс эти стихи из любви к тебе?“

И, услышав это, царевна повеселела, развеселилась и обрадовалась. И Хасан провёл с нею сорок дней, счастливый и радостный, наслаждаясь и блаженствуя, и девушки каждый день доставляли ему новую радость и счастье, подарки и редкости, и он жил среди них в радости и веселье. И понравилось царевне жить с ними, и она забыла свою семью.

А потом, через сорок дней, Хасан спал и увидел свою мать, которая печалилась о нём, и кости её стали топки, и тело её исхудало, и цвет её лица пожелтел, и состояние её изменилось, а он был в хорошем состоянии. И когда его мать увидела его в таком состоянии, она сказала ему: «О дитя моё, о Хасан, как ты живёшь на свете, благоденствуя, и забыл меня? Посмотри, каково мне после тебя: я тебя не забываю, и язык мой не перестанет поминать тебя, пока я не умру. Я сделала тебе у себя в доме могилу, чтобы никогда не забыть тебя. Посмотреть бы, доживу ли я, о дитя моё, до того, что увижу тебя со мною и мы снова будем вместе, как были».

И Хасан пробудился от сна, плача и рыдая, и слезы текли по его щекам, как дождь, и стал он грустным и печальным, и слезы его не высыхали, и сон не шёл к нему, и он не находил покоя, и не осталось у него терпения. А когда наступило утро, вошли к нему

девушки и пожелали ему доброго утра и стали с ним забавляться по своему обычаю, но Хасан не обращал на них внимания. И они спросили его жену, что с ним, и она ответила: «Не знаю». И тогда девушки сказали ей: «Спроси его, что с ним?» И царица подошла к нему и спросила: «Что случилось, о господин мой?» И Хасан вздохнул и затосковал и рассказал ей, что он видел во сне, а потом он произнёс такие два стиха:

«Смущены мы, что делать нам, мы не знаем,
И к сближенью желанному нет дороги.
Умножает над нами жизнь беды страсти,
Что легко в ней, то кажется нам тяжёлым».

И жена Хасана рассказала девушкам, что он ей говорил, и, услышав эти стихи, они пожалели Хасана в его положении и сказали: «Сделай милость! Во имя Аллаха! Мы не властны запретить тебе посетить твою мать, а напротив, поможем тебе в посещении её всем, чем можем. Но тебе следует не забывать нас и посещать хотя бы один раз в год». И Хасан ответил: «Слушаю и повинуюсь!»

И девушки тотчас же поднялись и приготовили ему пищу и снабдили новобрачную одеждой, украшениями и всякими дорогими вещами, перед которыми бессильны описания, и приготовили Хасану редкости, которые не могут перечислить перья. И потом они ударили в барабан, и пришли к ним отовсюду верблюды, и они выбрали из них нескольких, чтобы везти все то, что они собрали, и посадили девушку с Хасаном и погрузили с ними двадцать пять престолов золотых и пятьдесят серебряных. И они ехали с ними три дня, покрывая расстояние в три месяца, а затем простились с уезжавшими и хотели возвратиться. И маленькая сестра Хасана обняла его и плакала, пока её не покрыло беспамятство, а очнувшись, она произнесла такие два стиха:

«Пусть вовсе не будет дня разлуки –
Для глаз не оставил он дремоты!
Расстаться заставил нас с тобою,
И силы разрушили нам, и тело».

А окончив свои стихи, сестра Хасана простилась с ним и подтвердила, что, когда он достигнет своей страны и встретится с матерью и его сердце успокоится, он не должен лишать свою сестру встречи с ним один раз в шесть месяцев, и сказала ему: «Когда что-нибудь тебя озаботит или ты испугаешься дурного, ударь в барабан мага: к тебе явятся верблюды. И ты садись и возвращайся к нам и не оставайся вдали от нас». И Хасан поклялся ей в этом и стал заклинать девушек, чтобы они воротились, и девушки воротились, попрощавшись с Хасаном, и были опечалены разлукой с ним, и больше всех печалилась его маленькая сестра – она не находила покоя, и терпение ей не повиновалось, и она плакала ночью и днём.

Вот что было с ними. Что же касается Хасана, то он ехал все ночи и дни, пересекая со своей женой степи и пустыни, долины и кручи, в полуденный зной и на заре, и предназначал им Аллах благополучие, и они уцелели и достигли города Басры и ехали до тех пор, пока не поставили своих верблюдов на колени у ворот дома Хасана. И потом Хасан отпустил верблюдов и подошёл к воротам, чтобы отпереть их, и услышал, что его мать плачет тоненьким голосом, исходящим из истомлённого сердца, вкусившего пытку огнём, и произносит такие стихи:

«О, кто может сон вкусить, когда и дремоты нет,
И ночью он бодрствует, а люди заснули.
И деньги и славу он имел, и велик он был,
И стал одиноким он в стране чужеземцев,

Меж рёбер его горящий уголь, и тихий стой,
И горесть великая – сильней не бывает.
Волненье владеет им, волненье ведь властелин,
И плачет, страдая, он, но стоек в страданиях.
Его состояние в любви повествует нам,
Что грустен, печален он, а слезы – свидетель».

И Хасан заплакал, услышав, что его мать плачет и рыдает, а затем он постучал в ворота устрашающим стуком. И его мать спросила: «Кто у ворот?» И Хасан ответил ей: «Открывай!» И она открыла ворота и посмотрела на Хасана и, узнав его, упала, покрытая беспамятством. И Хасан до тех пор ухаживал за ней, пока она не очнулась, и тогда он обнял её, и она обняла его и стала целовать. И потом он принялся переносить вещи и пожитки внутрь дома, а молодая женщина смотрела на Хасана и его мать. И мать Хасана, когда её сердце успокоилось и Аллах свёл её с сыном, произнесла такие стихи:

«Пожалело время меня теперь
И скорбит о том, что в огне горю.
Привело оно, что хотела я,
Прекратило то, что страшит меня,
Я прощу ему прегрешения,
Совершённые в годы прошлые,
И прощу ему также тот я грех,
Что седа теперь голова моя...»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Семьсот девяносто третья ночь

Когда же настала семьсот девяносто третья ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что мать Хасана села с ним и они принялись разговаривать, и мать стала его спрашивать: „Каковы были твои дела с персиянином, о дитя моё?“ И Хасан отвечал ей: „О матушка, он был не персиянин, нет, он был маг и поклонялся огню вместо всевластного владыки“.

И он рассказал ей, что персиянин с ним сделал, и как он уехал с ним и положил его в шкуру верблюда и зашил его в неё, и понесли его птицы и положили на гору. И рассказал ей, что он видел на горе мёртвых людей, с которыми маг устраивал хитрости и оставлял их на горе после того, как они исполняли его желания, и поведал, как он кинулся в море с вершины горы, и сохранил его Аллах великий и привёл во дворец девушек, и как одна из девушек побраталась с ним, и он жил с девушками, и как Аллах привёл мага в то место, где он находился, и как он убил его. И рассказал ей о своей любви к девушке и о том, как он поймал её, и сообщил матери всю её историю до того, как Аллах свёл их друг с другом.

И, услышав эту историю, его мать удивилась и прославила великого Аллаха за здоровье и благополучие Хасана, а затем она подошла ко въездам и посмотрела на них и спросила про них Хасана. И Хасан рассказал ей, что в них находится, и она обрадовалась великой радостью. И она подошла к молодой женщине и стала приветливо с ней разговаривать, и когда её взоры упали на эту женщину, ум её был ошеломлён её красотой, и она радовалась и дивилась красоте женщины и её прелести, и стройности, и соразмерности. «О дитя моё, – сказала она потом, – хвала Аллаху за благополучие и за то, что ты вернулся невредимый!» И затем мать Хасана села рядом с женщиной и стала её развлекать и успокаивать её душу, а утром следующего дня она пошла на рынок и купила десять перемен самого лучшего, какое было в городе, платья, и принесла девушке великолепные ковры и одела её и убрала всякими

красивыми вещами. А затем она обратилась к своему сыну и сказала: «О дитя моё, мы с такими деньгами не можем жить в этом городе. Ты знаешь, что мы бедняки, и люди заподозрят нас в том, что мы делаем алхимию. Встанем же и отправимся в город Багдад, Обитель Мира, – чтобы жить в святыне халифа. И ты будешь сидеть в лавке и продавать и покупать, опасаясь Аллаха, великого, славного, и откроет тебе Аллах удачу этим богатством».

И, услышав слова своей матери, Хасан нашёл их правильными, и тотчас же поднялся и вышел от неё и продал дом и, вызвав верблюдов, нагрузил на них все свои богатства и мать и жену, и поехал. И он ехал до тех пор, пока не доехал до Тигра, и тогда он нанял корабль в Багдад и перенёс на него все свои богатства и вещи, и мать, и жену, и все, что у него было. И затем он сел на корабль, и корабль плыл с ними, при хорошем ветре, в течение десяти дней, пока они не приблизились к Багдаду. И, приблизившись к Багдаду, они обрадовались, и корабль подошёл с ними к городу. И Хасан, в тот же час и минуту, отправился в город и нанял склад в одном из ханов, а потом он перенёс туда свои вещи с корабля и пришёл и провёл одну ночь в хане. А наутро он переменял бывшую на нем одежду, и посредник, увидав его, спросил, что ему нужно и что он хочет, и Хасан сказал: «Я хочу дом, который был бы прекрасен, просторен». И посредник показал ему дома, о которых он знал. И Хасану понравился один дом, принадлежавший кому-то из везирей, и он купил его за сто тысяч золотых динаров и отдал посреднику его цену. А затем он вернулся в хан, в котором остановился, и перенёс все свои богатства и вещи в тот дом, и пошёл на рынок, и взял то, что было нужно для дома из посуды, ковров и другого, и купил слуг, в числе которых был маленький негр для дома.

И он спокойно прожил со своей женой самой сладостной жизнью, в радости, три года, и ему досталось от неё два мальчика, и одного из них он назвал Насиром, а другого – Мансуром. А после этого времени он вспомнил своих сестёр-девушек и вспомнил о их благодеяниях и как они помогали ему в том, к чему он стремился, и его потянуло к ним. И он вышел на рынки города и купил там дорогих украшений и материй и сухих плодов, подобных которым они никогда не видали и не знали.

И когда его мать спросила его о причине покупки этих редкостей, он сказал ей: «Я намерен поехать к моим сёстрам, которые сделали мне всякое добро. Ведь достаток, в котором я живу, – от их благодеяний и милостей. Я хочу к ним поехать и посмотреть на них и скоро вернуться, если захочет Аллах великий». – «О дитя моё, – сказала ему мать, – не пропадай». И Хасан сказал: «Знай, о матушка, как тебе поступать с моей женой. Её одежда из перьев – в сундуке, зарытом в землю; береги же её, чтобы моя жена её не нашла. А не то она возьмёт её и улетит, вместе с детьми, и они исчезнут, и я не смогу напасть на весть о них и умру из-за них в тоске. Знай, о матушка, я предостерегаю тебя, чтобы ты ей об этом не говорила. И знай, что она дочь царя джиннов, и нет среди царей джиннов никого больше её отца и богаче его войсками и деньгами. Знай также, что она – госпожа своего племени и дороже всех для отца, так что она очень горда душою. Служи же ей ты сама и не позволяй ей выходить за ворота и выглядывать из окна или из-за стены: я боюсь для неё даже воздуха, когда он веет, и если с ней случится дело из дел земной жизни, я убью себя из-за неё». – «Храни Аллах от послушания тебя, о дитя моё! – сказала мать Хасана. – Бесноватая я разве, чтобы ты дал мне такое наставление, и я бы тебя послушалась? Поезжай, о дитя моё, и будь спокоен душой. Ты вернёшься во благо и увидишь её, если захочет Аллах великий, и она расскажет тебе, что у неё со мной было.

Но только, о дитя моё, не сиди там больше времени, чем нужно на дорогу...»

И Шахразад застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Семьсот девяносто четвёртая ночь

Когда же настала семьсот девяносто четвёртая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о

счастливый царь, что когда Хасан захотел поехать к девушкам, он наказал своей матери беречь его жену, как мы упоминали, и его жена, по предопределённому велению, слышала, что он говорил матери, а они этого не знали.

И потом Хасан поднялся и вышел за город и постучал в барабан, и явились к нему верблюды, и он погрузил двадцать тюков редкостей из Ирака и простился со своей матерью и женой и детьми, и одному из его детей было жизни год, а другому – два года. И Хасан снова обратился к своей матери и ещё раз дал ей наставление, а потом он сел и поехал к своим сёстрам и непрерывно, ночью и днём, ехал по долинам, горам, гладям и кручам в течение десяти дней. А на одиннадцатый день он приехал ко дворцу и вошёл к своим сёстрам, неся с собою то, что он им привёз. И, увидав его, девушки обрадовались и поздравили его со спасением, а что касается его маленькой сестры, то она украсила дворец и снаружи и внутри. И затем они взяли подарки и сложили их в комнате, как обычно, и спросили Хасана про его мать и жену, и он рассказал им, что жена родила от него двоих сыновей. И когда его маленькая сестра увидала, что Хасан здоров и благополучен, она сильно обрадовалась и произнесла такой стих:

«И спрашиваю я ветер про вас, как проходит он.
И в сердце моем другой, чем вы, не является».

И Хасан провёл у них в гостях, пользуясь почётом, три месяца, и он радовался, веселился, блаженствовал и наслаждался, занимаясь охотой и ловлей, и вот какова была его история.

Что же касается истории его матери и жены, то, когда Хасан уехал, жена его провела с его матерью один день и другой, а на третий день она сказала ей: «Слава Аллаху! Неужели я живу с ним три года, не ходя в баню», – и заплакала. И мать Хасана пожалела её и сказала: «О дочка, мы здесь чужеземцы, и твоего мужа нет в городе. Будь он здесь, он бы позаботился услужить тебе, а что до меня, то я никого не знаю. Но я погрею тебе воды, о дочка, и вымою тебе голову в домашней бане». – «О госпожа! – воскликнула жена Хасана, – если бы ты сказала эти слова какой-нибудь из невольниц, она бы потребовала, чтобы ты продала её на рынке, и не стала бы жить у вас. Но мужчинам, о госпожа, простительно, так как они ревнивы и их ум говорит им, что, если женщина выйдет из дома, она, может быть, сделает мерзость. А женщины, о госпожа, не все одинаковы, и ты знаешь, что, если у женщины есть какое-нибудь желание, её никто не осилит и не убережёт и не охранит и не удержит её ни от бани, ни от чего другого, и она сделает все, что изберёт».

И потом она стала плакать и проклинать себя и причитать о себе и о своём изгнании, и мать её мужа сжалилась над её положением и поняла, что все, что она говорила, неизбежно случится. И она поднялась и приготовила вещи для бани, которые были им нужны, и, взяв с собою жену Хасана, пошла в баню. И когда они пришли в баню и сняли одежду, все женщины стали смотреть на жену Хасана и прославлять Аллаха – велик он и славен! – и рассматривать созданный им прекрасный образ. И каждая женщина, которая проходила мимо бани, стала заходить в неё и смотреть на жену Хасана. И распространилась по городу молва о ней, и столпились вокруг неё женщины, так что в бане нельзя было пройти из-за множества бывших там женщин.

И случилось по дивному делу, что пришла в этот день в баню невольница из невольниц повелителя правоверных Харуна ар-Рашида, по имени Тухфа-лютнистка. И увидела она, что женщины столпились и что в бане не пройдёшь из-за множества женщин и девушек, и спросила в чем дело, и ей рассказали про ту женщину. И невольница подошла к ней и взглянула на неё и всмотрелась в неё, и её ум смутился от её красоты и прелести, и она прославила Аллаха – да возвысится величие его! – за созданные им прекрасные образы. И она не вошла в парильню и не стала мыться, а только сидела и смотрела, ошеломлённая, на ту женщину, пока она не кончила мыться, и когда она вышла и надела свои одежды, она прибавила красоты к своей красоте. И, выйдя из парильни, жена Хасана села на ковры и на

подушки, и женщины стали смотреть на неё, и она взглянула на них и вышла.

И Тухфа-лютница, невольница халифа, поднялась и шла за нею, пока не узнала, где её дом. И тогда она простилась с нею и пошла обратно во дворец халифа. И она шла до тех пор, пока не пришла к Ситт-Зубейде. И тогда она поцеловала перед нею землю, и Ситт-Зубейда спросила: «О Тухфа, почему ты замешкалась в бане?» – «О госпожа, – ответила девушка, – я видела чудо, подобного которому не видала ни среди мужчин, ни среди женщин, и это оно отвлекло меня и ошеломило мне разум и так смутило меня, что я не вымыла себе головы». – «А что это за чудо, о Тухфа?» – спросила Ситт-Зубейда. И невольница ответила: «О госпожа, я видела в бане женщину, с которой было два маленьких мальчика, точно пара лун, и никто не видел ей подобной ни до неё, ни после неё, и нет подобного её образу во всем мире. Клянусь твоей милостью, о госпожа, если бы ты осведомила о ней повелителя правоверных, он бы убил её мужа и отнял бы её у него, так как не найдётся среди женщин ни одной такой, как она. Я спрашивала, кто её муж, и мне сказали, что её муж – купец по имени Хасан басрийский. И я провожала эту женщину от выхода из бани до тех пор, пока она не вошла в свой дом, и увидела, что это дом везиря, у которого двое ворот, – ворота со стороны моря и ворота со стороны суши. И я боюсь, о госпожа, что услышит о ней повелитель правоверных и нарушит закон и убьёт её мужа и женится на ней...»

И Шахразуд застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Семьсот девяносто пятая ночь

Когда же настала семьсот девяносто пятая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что невольница повелителя правоверных, увидав жену Хасана басрийского, описала её красоту СиттЗубейде и сказала: „О госпожа, я боюсь, что услышит о ней повелитель правоверных и нарушит закон и убьёт её мужа и женится на ней“. И СиттЗубейда воскликнула: „Горе тебе, о Тухфа! Разве дошли красоты и прелести этой девушки до того, что повелитель правоверных продаст свою веру за земные блага и нарушит из-за неё закон? Клянусь Аллахом, я непременно должна посмотреть на эту женщину, и если она не такова, как ты говорила, я велю отрубить тебе голову. О распутница, во дворце повелителя правоверных триста шестьдесят невольниц, по числу дней в году, и нет ни у одной из них тех качеств, о которых ты упоминаешь!“ – „О госпожа, – ответила Тухфа, – клянусь Аллахом, нет, и нет подобной ей во всем Багдаде; и даже больше – нет такой женщины среди неарабов и среди арабов, и не создал Аллах – велик он и славен! – такой, как она!“

И тогда Ситт-Зубейда позвала Масрура, и тот явился и поцеловал землю меж её руками, и Зубейда сказала ему: «О Масрур, ступай в дом везиря – тот, что с двумя воротами – ворота со стороны моря и ворота со стороны суши, – и приведи мне поскорее женщину, которая там живёт – её, и её детей, и старуху, которая с нею, и не мешкай». И Масрур отвечал: «Внимание и повиновение!» – и вышел от Зубейды.

И он шёл, пока не дошёл до ворот того дома и постучал и ворота, и вышла к нему старуха, мать Хасана, и спросила: «Кто у ворот?» И Масрур ответил: «Масрур, евнух повелителя правоверных». И старуха открыла ворота, и Масрур вошёл и пожелал ей мира, и мать Хасана возвратила ему пожелание и спросила его, что ему нужно. И Масрур сказал ей: «Ситт-Зубейда, дочь аль-Касима, жена повелителя правоверных Харуна ар-Рашида, шестого из сыновей аль-Аббаса, дяди пророка, – да благословит его Аллах и да приветствует! – зовёт тебя к себе, вместе с женой твоего сына и её детьми, и женщины рассказали ей про неё и про её красоту». – «О Масрур, – сказала ему мать Хасана, – мы люди иноземные, и муж этой женщины – мой сын. Его нет в городе, и он не велел ни мне, ни ей выходить ни к кому из созданий Аллаха великого, и я боюсь, что случится какое-нибудь дело, и явится мой сын и убьёт себя. Будь же милостив, о Масрур, и не возлагай на нас того, что нам невмочь». – «О госпожа моя, если бы я знал, что в этом есть для вас страшное, я бы не заставлял вас идти, но

Ситт-Зубейда хочет только посмотреть на неё, и она вернётся. Не прекословь же, – расквасься. Как я вас возьму, гак и возвращу вас сюда невредимыми, если захочет Аллах великий».

И мать Хасана не могла ему перечить и вошла и приготовила женщину и вывела её, вместе с её детьми, и они пошли сзади Масрура – а он шёл впереди них – во дворец халифа. И Масрур вошёл с ними и поставил их перед Ситт-Зубейдой, и они поцеловали землю меж её руками и пожелали ей блага, и молодая женщина была с закрытым лицом. И Ситт-Зубейда спросила её: «Не откроешь ли ты своего лица, чтобы я на него посмотрела?» И женщина поцеловала перед нею землю и открыла лицо, которое смущает луну на краю неба. И когда Ситт-Зубейда увидела эту женщину, она пристально посмотрела на неё и прогулялась по ней взором, и дворец осветился её светом и сиянием её лица, и Зубейда оторопела при виде её красоты, как и все, кто был во Дворце, и все, кто увидел её, стали одержимыми и они могли ни с кем говорить.

И Ситт-Зубейда встала и поставила женщину на ноги и прижала её к груди и посадила с собою на ложе и велела украсить дворец. А затем она приказала принести платье из роскошнейших одежд и ожерелье из самых дорогих камней и надела это на женщину и сказала ей: «О владычица красавиц, ты понравилась мне и наполнила радостью мне глаза. Какие ты знаешь искусства?» – «О госпожа, – отвечала женщина, – у меня есть одежда из перьев, и если бы я её перед тобой надела, ты бы увидела наилучшее искусство и удивилась бы ему». – «А где твоя одежда?» – спросила Ситт-Зубейда. И женщина ответила: «Она у матери моего мужа. Попроси у неё для меня». – «О матушка, – сказала тогда Ситт-Зубейда, – заклинаю тебя моей жизнью, сходи и принеси её одежду из перьев, чтобы она показала нам, что она сделает, а потом возьми её снова». – «О госпожа, – ответила старуха, – она лгунья! Разве ты видела, чтобы у какой-нибудь женщины была одежда из перьев? Это бывает только у птиц». И женщина сказала Ситт-Зубейде: «Клянусь твоей жизнью, о госпожа, у неё есть моя одежда из перьев, и она в сундуке, что зарыт в кладовой нашего дома».

И тогда Зубейда сняла с шеи ожерелье из драгоценных камней, стоящее сокровищниц Кисры и кесаря, и сказала: «О матушка, возьми это ожерелье». И она подала ожерелье старухе и добавила: «Заклинаю тебя жизнью, сходи и принеси эту одежду, чтобы мы посмотрели на неё, а потом возьми её». И мать Хасана стала клясться, что она не видела этой одежды и не знает к ней дороги. И тогда Ситт-Зубейда закричала на старуху и взяла у неё ключ и позвала Масрура и, когда тот явился, сказала ему: «Возьми этот ключ, ступай в их дом, отопри его и войди в кладовую, у которой такая-то и такая-то дверь, и посредине неё стоит сундук. Вынеси его и взломай и возьми одежду из перьев, которая лежит в нем и принеси её ко мне...»

И Шахразадy застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Семьсот девяносто шестая ночь

Когда же настала семьсот девяносто шестая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что Ситт-Зубейда взяла у матери Хасана ключ и отдала его Масруру и сказала: „Возьми этот ключ, отопри такую-то кладовую, вынеси оттуда сундук, взломай его, вынь одежду из перьев, которая в нем лежит, и принеси её мне“. И Масрур отвечал: „Внимание и повиновение!“ – и взял ключ из рук Ситт-Зубейды и отправился. И старуха тоже вышла, с плачущими глазами, и расквасывалась, что послушалась женщины и пошла с ней в баню, а женщина и потребовала бани только из хитрости. И старуха вошла с Масруром и открыла дверь в кладовую, и Масрур вошёл и вынес сундук и вынул оттуда рубашку из перьев и, завернув её в платок, принёс её к Ситт-Зубейде. И она взяла одежду и стала её поворачивать, дивясь, как она хорошо сделана.

А потом она подала её жене Хасана и спросила: «Это ли твоя одежда из перьев?» – «Да, о госпожа», – ответила женщина и протянула руку и взяла одежду, радуясь, и потом она

осмотрела её и увидела, что она в целости, такая же, какою была на ней, и из неё не пропало ни одного пёрышка. И она обрадовалась и поднялась, оставив Ситт-Зубейду, и взяла рубашку и развернула её и взяла своих детей в объятия и завернулась в одежду и стала птицей по могуществу Аллаха, великого славного. И Ситт-Зубейда удивилась этому, как и все, кто присутствовал, и все дивились тому, что делает жена Хасана. А молодая женщина стала раскачиваться и прошлась и поплясала и поиграла, и присутствующие уставились на неё, удивлённые её поступками, а потом она сказала им на ясном языке: «О господи, это прекрасно?» – «Да, о владычица красавиц, все, что ты сделала, – прекрасно», – ответили присутствующие. И она сказала: «А то, что я сделаю, – ещё лучше, о господи!»

И она в тот же час и минуту распахнула крылья и полетела со своими детьми и оказалась под куполом дворца и встала на крышу комнаты. И присутствующие смотрели на неё во все глаза и говорили: «Клянёмся Аллахом, поистине это искусство дивное и прекрасное, которого мы никогда не видели!» А женщина, когда ей захотелось улететь в свою страну, вспомнила Хасана и сказала: «Слушайте, о господи мои, – и произнесла такие стихи:

О, кто оставил край наш и уехал
К любимым, и спешил он, убегая!
Ужель ты думал, что с вами мне прекрасно
И жизнь у вас от горестей свободна?
Как попала в плен и запуталась я в сетях любви,
Мне любовь тюрьма, и место моё – далеко,
Как одежду спрятал, уверился и подумал он,
Что не клянущего перед единым.
И беречь её он наказывал своей матери
В кладовой своей, и жесток он был и злобен.
И слышала разговор я их и запомнила,
И ждала я благ и великих и обильных,
И пошла я в баню, и было это способом,
И все умы красой моей смутились.
И жена Рашида дивилась тоже красе моей,
И справа осмотрев меня и слева.
Я крикнула: «Жена халифа, у меня
Одежда есть роскошная из перьев.
Будь на мне она, ты увидела бы диковины,
Что стирают горе и гонят прочь печали».
И жена халифа меня спросила: «Где она?»
И ответила я: «В доме моем прежнем».
И Масрур пошёл и принёс одежду пернатую,
И вдруг она сиянья все затмила.
И взяла её я из рук его и увидела,
Что и пуговики и сама она в порядке.
И закуталась я в одежду, взяв сыновей с собой,
Развернула крылья и быстро полетела.
О мужа мать, когда придёт, скажи ему
«Если пас он любит, расстанется пусть с домом».

А когда она окончила свои стихи, Ситт-Зубейда сказала ей: «Не опустишься ли ты к нам, чтобы мы насладились твоей красотой, о владычица красавиц. Хвала тому, кто дал тебе красоту и красноречие». Но жена Хасана воскликнула: «Не бывать тому, чтобы вернулось минувшее, – и потом сказала матери Хасана, бедного и печального: – Клянусь Аллахом, о госпожа, о Умм-Хасан, ты заставишь меня тосковать. Когда придёт Хасан и продлятся над

ним дни разлуки и захочет он близости и встречи и потрясут его ветры любви и томления, пусть он придёт ко мне на острова Вак!»

И потом она улетела со своими детьми и направилась в свою страну. И когда мать Хасана увидела это, она заплакала и стала бить себя по лицу и так рыдала, что упала без памяти. А когда она очнулась, Ситт-Зубейда сказала ей: «О госпожа моя паломница, я не знала, что это случится, и если бы ты мне о ней рассказала, я бы тебе не противилась. Я узнала, что она из летающих джиннов только сейчас, и знай я, что она такого рода, я бы не дала ей надеть одежду и не позволила бы ей взять детей. Но освободи меня от ответственности, о госпожа!» И старуха сказала (а она не нашла в руках хитрости): «Ты не ответственна!» – и вышла из халифского дворца и шла до тех пор, пока не вошла в свой дом.

И она стала так бить себя по лицу, что её покрыло беспамятство, а очнувшись от забытья, она начала тосковать по женщине и её детям, и ей захотелось увидеть своего сына, и она произнесла такие стихи:

«В разлуки день уход ваш вызвал слезы
От горя, что из мест родных ушли вы.
И крикнула от мук любви я с горестью
(А слезы плача разъели мне ланиты):
«Вот расстались мы, но будет ли возвращение?»
Разлука уничтожила всю скрытность!
О, если бы вернулись они к верности!
Коль они вернуться, вернётся время счастья».

И потом она поднялась и вырыла в доме три могилы и сидела над ними, плача, в часы ночи и части дня, а когда продлилось отсутствие её сына и увеличилась её тревога, тоска и печаль, она произнесла такие стихи:

«Твой призрак меж закрытых век я вижу,
В движенье и в покое тебя помню.
Любовь к тебе в костях моих так льётся,
Как льётся сок в плодах и гибких ветках.
В тот день, как нет тебя, мне грудь сжимает,
И скорбь мою прощает мне хулитель.
О ты, любовь к кому владеет мною
И от любви сильнее моё безумье,
Побойся милостивого, будь кроток –
В любви к тебе погибель я вкусила...»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Семьсот девяносто седьмая ночь

Когда же настала семьсот девяносто седьмая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что мать Хасана стала плакать в часы ночи и части дня из-за разлуки со своим сыном и его женой и детьми, и пот то, что было с нею.

Что же касается до её сына Хасана, то когда он приехал к девушкам, те стали его заклинать, чтобы он провёл у них три месяца, а после этого они собрали для него денег и приготовили ему десять тюков – пять с золотом и пять с серебром, – и приготовили один тюк припасов и отправили его и выехали с ним. И Хасан стал заклинать их воротиться, и они начали обниматься на прощанье, и младшая девушка подошла к Хасану и обняла его и плакала, пока её не покрыло беспамятство, а потом она произнесла такие два стиха:

«Угаснет когда огонь разлуки вблизи от вас,
И страсть успокою я, и будем мы вместе вновь?
Страшит меня день разлуки с вами я мучает,
Прощанье же лишь сильнее, владыки, ослабило».

И подошла к нему вторая девушка и обняла его и сказала такие два стиха:

«Прощаться с тобою, – как с жизнью прощаться,
Тебя потерять-потерять всех друзей!
Отъезд твой мне душу огнём прожигает,
А близость твоя – в ней скрывается рай!»

И подошла к нему третья девушка и обняла его и произнесла такие два стиха:

«Мы прощанье оставили в день разлуки
Не по лени, и нет дурной здесь причины,
Ты – мой дух ведь, поистине, несомненно,
Как мне с духом хотеть моим распрощаться?»

И подошла четвёртая девушка и обняла его и произнесла такие два стиха:

«Заставляет плакать рассказ меня о разлуке с ним,
Рассказал его потихоньку мне при прощанье он,
Он – жемчуг тот, что доверила я ушам моим,
И я выпила в виде слез его из очей моих».

И потом подошла пятая девушка и обняла Хасана и произнесла такие два стиха:

«Не трогайся, – ведь без вас не будет мне стойкости,
Проститься чтоб я могла теперь с отъезжающим,
Терпения больше нет, чтоб встретить разлуку нам,
И слез уже нет, чтобы их пролить на кочевья след».

И потом подошла к нему шестая девушка и обняла его и сказала такие два стиха:

«Сказала я, как уехал караван их
(А страсть из тела мне вырывала душу):
«Когда бы был властелин со мною могучий,
Все корабли я б силой захватила».
И потом подошла седьмая девушка и обняла
Хасана и сказала такие два стиха:
«Увидишь прощанье ты – будь стоек,
И пусть не страшит тебя разлука!
И жди возвращения ты вскоре –
«Прощанье» почти назад: «вернулись»⁶¹⁹.

И ещё такие стихи:

⁶¹⁹ То есть почти слово «прощанье» в обратном порядке букв (для арабов – слева направо), получится слово «вернулись».

«Я печалился, что расстался с вами и вы вдали,
Нет силы в сердце, чтоб проститься с вами мне,
Аллах лишь знает, что прощаться я не стал,
Боясь, что сердце мне растопит боль».

И Хасан простился с девушками и плакал, пока не лишился чувств по причине разлуки с ними, и потом он произнёс такие стихи:

«В день разлуки струи из глаз моих потекли чредой.
Как жемчужины, – ожерелья их я из слез низал.
Ушёл погонщик и их увёл, и не мог найти
Я ни стойкости, ни терпения, ни души моей.
Я простился с ними, затем ушёл с моей горестью,
И оставил я прежних встреч места и свой стан забыл.
И вернулся я, позабыв дорогу, и буду я
Лишь тогда спокоен, когда, вернувшись, увижу вас.
О Друг, к рассказам о любви прислушайся –
Не годится сердцу не впясть тому, что скажу тебе.
О душа моя – коль рассталась с ними, расстанься же
С наслаждением жизнью и вечности не желай себе».

И затем он ускорял ход ночью и днём, пока не прибыл в Багдад, Обитель Мира и святыню халифата Аббасидов, и не узнал о том, что случилось после его отъезда. И он вошёл в дом и пришёл к своей матери, чтобы её приветствовать, и увидел, что её тело похудело и кости её стали тонкими от великих рыданий, бессонницы, плача и стонов, так что она сделалась подобна зубочистке и не могла отвечать на слова. И Хасан отпустил верблюдов и подошёл к своей матери и спросил её про жену и детей, и старуха так заплакала, что её покрыло беспамятство, и, увидав, что она в таком состоянии, Хасан стал ходить по дому и искать свою жену и детей, но не нашёл и следа их.

И потом он посмотрел в кладовую и увидел, что она открыта и сундук открыт, и не нашёл в нем одежды. И тогда он понял, что его жена завладела одеждой из перьев и взяла её и улетела, взяв с собой своих детей. И он вернулся к своей матери и, увидев, что она очнулась от обморока, спросил её, где его жена и дети, и старуха заплакала и воскликнула: «О дитя моё, да увеличит Аллах за них твою награду! Вот три их могилы!» И, услышав слова своей матери, Хасан вскрикнул великим криком и упал, покрытый беспамятством, и оставался в обмороке с начала дня до полудня. И прибавилось горя к горю его матери, и она потеряла надежду, что Хасан будет жить. А очнувшись, Хасан принялся плакать и бить себя по лицу и разорвал свою одежду и начал в смятении кружить по дому и произнёс такие два стиха:

«Таю я к ним любовь, покуда можно,
Но пламя страсти все не потухает.
Кому разбавлен был огонь любовный?
Я пил любовь без примеси без всякой».

И ещё:

«И до меня разлуки горесть знали,
Её боялся и живой и мёртвый,
Но то, что затаили мои ребра, –
Я этого не видел и не слышал».

А окончив свои стихи, он взял меч и обнажил его и, придя к своей матери, сказал ей: «Если ты не осведомишь меня об истине в этом деле, я отрублю тебе голову и убью себя!» И его мать воскликнула: «О дитя моё, не делай этого! Я расскажу тебе. Вложи меч в ножны и садись, и я расскажу тебе, что случилось», – сказала она потом.

И когда Хасан вложил меч в ножны и сел с нею рядом, она повторила ему эту историю с начала до конца и сказала: «О дитя моё, если бы я не увидела, что она плачет и требует бани, и не побоялась, что ты приедешь и она тебе пожалуется и ты на меня рассердишься, я бы не пошла с ней в баню, и если бы Ситт-Зубейда не рассердилась на меня и не взяла от меня ключ силой, я бы не вынула одежду, даже если бы умерла. Но ты знаешь, о дитя моё, что нет руки, длинней руки халифа. И когда принесли одежду, твоя жена взяла её и осмотрела, и она думала, что на ней чего-нибудь не хватает, но увидела, что с одеждой ничего не случилось. И тогда она обрадовалась и, взяв детей, привязала их к себе к поясу и надела одежду из перьев после того, как Ситт-Зубейда сняла для неё с себя все, что на ней было, в уважение к ней и к её красоте. А твоя жена, надев одежду из перьев, встряхнулась и превратилась в птицу и стала ходить по дворцу, и все на неё смотрели и дивились на её красоту и прелесть, а потом она полетела и оказалась на верху дворца и посмотрела на меня и сказала: „Когда твой сын вернётся и покажутся ему долгими ночи разлуки, и захочет он близости со мной и встречи, и закачают его ветры любви и томления, пусть оставит родину и отправится на острова Вак“. Вот что было с нею в твоё отсутствие...»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Семьсот девяносто восьмая ночь

Когда же настала семьсот девяносто восьмая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что, услышав слова своей матери, которая рассказала ему обо всем, что сделала его жена, Хасан вскрикнул великим криком и упал без чувств. И он остался лежать так до конца дня, а очнувшись, стал бить себя по лицу и извиваться на земле, точно змея, и мать его просидела подле него, плача, до полуночи. А Хасан, очнувшись после обморока, заплакал великим плачем, и произнёс такие стихи:

«Постойте, взгляните на того, кого бросили:
Быть может, и сжалитесь вы после суровости.
Его не узнаете, увидев, вы, – так он хвор –
Как будто, клянусь Аллахом, он не знаком был вам!
Поистине, он мертвец от страсти великой к вам,
Считался бы мёртвым он, когда б не стонал порой.
Разлуку ничтожною считать вам не следует:
Влюблённым она горька, и легче им будет смерть».

А окончив свои стихи, он поднялся и стал кружить по дому, стеная, плача и рыдая, и делал так пять дней, не вкушая в это время ни пищи, ни питья. И его мать подошла к нему и стала брать с него клятвы и заклинять его, чтобы он умолк и перестал плакать, но Хасан не принимал её слов и не переставая рыдал и плакал. И его мать утешала его, а он ничего не слушал, и потом он произнёс такие стихи:

«О, так ли воздают за страсть к любимым,
Таков ли нрав газелей чернооких?
Пчелиный мёд меж уст её найдёшь ты
Иль лавочку, где вина продаются?
Расскажите мне вы историю тех, кто в любви убит, –

Печального утешит подражанье.
И главы своей не клони, стыдясь, пред упрёком ты, –
Не первый ты средь умных очарован».

И Хасан все время плакал таким образом до утра, а потом его глаза заснули, и он увидел свою жену, печальную и плачущую. И он поднялся от сна, с криком, и произнёс такие два стиха:

«Твой призрак передо мной, на миг не уходит он,
И в сердце ему назначил лучшее место я,
Когда бы не надежда встречи, часа б не прожил я,
Когда б не видение во сне, не заснул бы я».

А когда наступило утро, его рыдания и плач усилились, и он все время был с плачущим оком и печальным сердцем, и не спал ночей и мало ел. И он провёл таким образом целый месяц. И когда этот месяц миновал, ему пришлось на ум поехать к своим сёстрам, чтобы они помогли ему в его намерении разыскать жену, и он призвал верблюдов и нагрузил пятьдесят верблюдиц иракскими редкостями, и сел на одного из них, поручив своей матери заботиться о доме, и все свои вещи он отдал на хранение, кроме немногих, которые он оставил в доме.

И затем он поехал и направился к своим сёстрам, надеясь, что, может быть, найдёт у них помощь, чтобы соединиться со своей женой, и ехал до тех пор, пока не достиг дворца девушек на Горе Облаков. И он вошёл к ним и предложил им подарки, и девушки обрадовались им и поздравили Хасана с благополучием и спросили его: «О браг наш, почему ты поспешил приехать? Ведь ты отсутствовал не больше двух месяцев». И Хасан заплакав и произнёс такие стихи:

«Я вижу, душа скорбит, утратив любимого,
И жизнь с её благами ей больше не радостна.
Недуги мои – болезнь, лекарства которой нет.
А может ли исцелить больного не врач его
О сладость, отнявшая дремоту, оставив нас, –
Расспрашивал ветер я о вас, когда веял он.
Недавно ведь с милою он был, а краса её
Так дивна, что из очей не слезы бегут, а кровь.
О путник, в земле её на время прервавший путь –
Быть может, нам оживит сердца ветерок её».

А окончив свои стихи, он вскрикнул великим криком и упал без памяти, и девушки сидели вокруг него, плача, пока он не очнулся от обморока, а очнувшись, он произнёс такие два стиха:

«Надеюсь, что, может быть, судьба повернётся
И милого приведёт, – изменчиво время.
Примет мне на помощь рок, желанья свершит мои,
И после минувших дел случатся другие».

А окончив свои стихи, он так заплакал, что его покрыло беспамятство, а очнувшись, он произнёс такие два стиха:

«Аллахом клянусь, предел недугов и горестей,
Довольна ли ты? В любви, клянусь, я доволен!
Покинешь ли без вины меня и проступка ты?

Приди же и пожалей былой ты разлуки».

А окончив свои стихи, он так заплакал, что его покрыло беспамятство, а очнувшись, он произнёс такие стихи:

«Покинул нас сон, и сблизилось с нами бденье,
И щедро глаз хранимые льёт слезы.
И от страсти плачет слезами, точно кораллы, он,
Чем дальше, тем все больше и обильней.
Привела тоска, о влюблённые, огонь ко мне:
Меж рёбрами моими он пылает.
Как тебя я вспомню, так с каждой слезинкою
Из глаз струятся молнии и громы».

А окончив свои стихи, он так заплакал, что его покрыло беспамятство, а очнувшись от обморока, произнёс такие стихи:

«В любви и страданиях вы верны, как верны мы?
И разве так любите вы нас, как мы любим вас?
О, если б убил Аллах любовь – как горька она!
Узнать бы мне, что любовь желает от нас теперь.
Прекрасный ваш лик, хоть вы далеко от нас теперь,
Стоит перед взорами, где б ни были вы, всегда,
Душа моя занята лишь мыслью о страсти к вам,
И радуется голубя нас крик, когда стонет он.
О голубь, что милую все время к себе зовёт,
Тоски ты прибавил мне и вместе со мной грустишь.
Заставил глаза мои ты плакать без устали
О тех, кто ушёл от нас, кого уже не видим мы.
Влечёт меня всякий миг и час к удалившимся.
А ночью тоскую и по ним, как придёт она».

И когда сестра Хасана услышала его слова, она вышла к нему и увидела, что он лежит, покрытый беспамятством, и стала кричать и бить себя по лицу, и услышали это её сестры и вышли и увидели, что Хасан лежит покрытый беспамятством, и окружили его и заплакали о нем. И не скрылось от них, когда они его увидели, какая его охватила любовь, влюблённость, тоска и страсть. И они спросили Хасана, что с ним. И Хасан заплакал и рассказал им, что случилось в его отсутствие, когда его жена улетела и взяла с собой своих детей. И девушки опечалились и спросили, что она говорила, улетаая, и Хасан ответил: «О сестрицы, она сказала моей матушке: „Скажи моему сыну, когда он придёт и покажутся ему долгими ночи разлуки, и захочет он близости со мной и встречи, и закачают его ветры любви и томления, пусть придёт ко мне на острова Вак“.

И, услышав слова Хасана, девушки стали перемигиваться и задумались, и каждая из них взглядывала на своих сестёр, а Хасан глядел на них, затем они склонили на некоторое время головы к земле и, подняв их, воскликнули: «Нет мощи и силы, кроме как у Аллаха, высокого, великого! – и сказали Хасану: – Протяни руку к небу: если достанешь до неба, то достанешь свою жену...»

И Шахразадду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Семьсот девяносто девятая ночь

Когда же настала семьсот девяносто девятая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что когда девушки сказали Хасану: „Протяни руку к небу: если достанешь до него, то достанешь и свою жену и детей“, слезы потекли по его щекам, как дождь, так что замочили ему одежду, а он произнёс такие стихи:

«Волнуют меня ланиты алые и глаза,
И стойкость уходит, как приходит бессонница.
О нежные, белые! Суровостью губите
Вы тело, и духа в нем уж больше не увидать.
Газелям подобные по гибкости, гурии,
Красу их коль видели б святые – влюбились бы,
Гуляют, как ветерок, они в саду утренний,
В любви к ним я поражён тревогой и горестью.
С одной из красавиц тех мечты я свои связал, –
И сердце моё огнём пылает из-за неё.
О юная, нежная и гибкая членами!
Лицо её утро нам несёт, её кудри – мрак.
Волнует она меня, и сколько богатырей
Щеками взволновано красавиц и взорами».

А окончив свои стихи, он заплакал, и девушки заплакали из-за его плача, и охватила их жалость к нему и ревность, и начали они его уговаривать и внушать ему терпение, обещая ему близость к любимым. И сестра его подошла к нему и сказала: «О брат мой, успокой свою душу и прохладя глаза! Потерпи и достигнешь желаемого, ибо кто терпит и не спешит, получает то, что хочет, и терпение – ключ к облегчению. Поэт сказал:

Оставь же бежать судьбу в поводьях ослабленных
И ночь проводи всегда с душою свободной.
Пока ты глаза смежишь и снова откроешь их,
Изменит уже Аллах твоё положение».

И потом она сказала ему: «Ободри твоё сердце и укрепи волю, – сын десяти лет не умрёт девяти лет, а плач, горе и печаль делают больным и недужным. Поживи у нас, пока не отдохнёшь, а я придумаю тебе хитрость, чтобы добраться до твоей жены и детей, если захочет Аллах великий». И Хасан заплакал сильным плачем и произнёс такие стихи:

«Поправлюсь от болезни я телесной,
От боли в сердце нету исцеленья.
Одно лекарство от любви болезней:
То близость любящего и любимой».

И потом он сел рядом со своей сестрой, и она стала с ним разговаривать и утешать его и спрашивать, что было причиной ухода его жены, и Хасан рассказал ей о причине этого, и она воскликнула: «Клянусь Аллахом, о брат мой, я хотела сказать тебе: „Сожги одежду из перьев!“ Но сатана заставил меня забыть об этом». И она стала беседовать с Хасаном и уговаривать его, и когда все это продлилось и увеличилась его тревога, он произнёс такие стихи:

«Владеет моей душой возлюбленная моя,
И все, что судил Аллах, ничем отвратить нельзя.
Арабов всю красоту она собрала в себе,
Газель, и в моей душе резвится она теперь.

Мне тяжело терпеть любовь, и хитрости больше нет,
И плачу я, хотя плач мне пользы и не даёт.
Красавица! Ей семь лет да семь: как луна она,
Которой четыре дня и пять и ещё пять дней».

И когда сестра Хасана увидела, какова его любовь и страсть и как он мучается от волнения и увлечения, она пошла к сёстрам, с плачущими глазами и опечаленным сердцем, и заплакала перед ними и бросилась к ним и стала целовать им ноги и просить их, чтобы они помогли её брату достичь своих желаний и соединиться с детьми и женой и дали обещание придумать для него способ достигнуть островов Вак. И она до тех пор плакала перед сёстрами, пока не заставила их заплакать, и они сказали ей: «Успокой твоё сердце! Мы постараемся свести его с его – семьёй, если захочет Аллах великий».

И Хасан провёл у девушек целый год, и глаз его не переставал лить слезы.

А у девушек был дядя, брат их отца и матери, и звали его Абд-аль-Каддус. Он любил старшую девушку сильной любовью и каждый год посещал её один раз и исполнял все её прихоти. И девушки рассказали ему историю Хасана и что случилось у него с магом и как он сумел его убить. И их дядя обрадовался этому и дал старшей девушке мешочек с куреньями и сказал: «О дочь моего брата, когда что-нибудь тебя озаботит и постигнет тебя нехорошее или случится у тебя надобность в чем-то, брось эти куренья в огонь и назови меня: я быстро к тебе явлюсь и исполню твоё дело».

А этот разговор был в первый день года. И старшая девушка сказала одной из своих сестёр: «Год прошёл полностью, а дядя не явился. Пойди ударь по кремню и принеси мне коробочку с куреньями». И девушка пошла, радуясь, и принесла коробочку с куреньями и, открыв её, взяла из неё немножко и протянула сестре, а та взяла куренья и бросила их в огонь и назвала своего дядю. И курения ещё не кончили дымиться, как уже поднялась пыль в глубине долины, и стал из-за неё виден старец, ехавший на слоне, который ревел под ним.

И когда девушка увидела старца, тот принялся им делать знаки ногами и руками, а через минуту он подъехал и сошёл со слона и подошёл к девушкам. И девушки обняли его и поцеловали ему руки и приветствовали его, и старец сел, и девушки начали с ним беседовать и расспрашивать его о причине его отсутствия. И Абд-аль-Каддус молвил: «Я сейчас сидел с женой вашего дяди и почуял Запах курений и явился к вам на этом слоне. Что ты хочешь, о дочь моего брата?» – «О дядюшка, мы стосковались по тебе, и год уже прошёл, а у тебя не в обычае отсутствовать больше года», – ответила девушка. И старик сказал: «Я был занят и собирался приехать к вам завтра». И девушки поблагодарили его и пожелали ему блага и сидели с ним, разговаривая...»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Ночь, дополняющая до восьмисот

Когда же настала ночь, дополняющая до восьмисот, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что девушки сидели и разговаривали со своим дядей, и старшая девушка сказала: „О дядюшка, мы рассказывали тебе историю Хасана басрийского, которого привёл Бахраммаг, и как он его убил, и рассказывали о женщине, дочери царя величайшего, которую он захватил, и говорили тебе, какие он перенёс тяжкие дела и ужасы, и как он поймал птицу – дочь царя – и женился на ней, и как он уехал с нею в свою страну“. – „Да. Что же случилось с ним после этого?“ – спросил старец. И девушка молвила: „Она обманула его, а ему досталось от неё двое сыновей, и она взяла их и улетела с ними в свою страну, когда Хасан отсутствовал, и сказала его матери: „Когда твой сын явится и продлится над ним ночи разлуки, и захочет он близости со мной и встречи, и закачают его ветры любви и томления, пусть приходит ко мне на острова Вак“».

И старец покачал головой и закусил палец, а потом он склонил голову к земле и

принялся чертить на земле пальцем и оглянулся направо и налево и покачал головой, а Хасан смотрел на старца, спрятавшись от него. И девушки сказали своему дяде: «Дай нам ответ! Наши сердца разрываются». И Абд-аль-Каддус покачал головой и молвил: «О дочери, этот человек себя утомил и бросился в великие ужасы и страшные опасности – он не может приблизиться к островам Вак».

И тогда девушки позвали Хасана, и он вышел и подошёл к шейху Абд-аль-Каддусу и поцеловал ему руку и приветствовал его, и старец обрадовался Хасану и посадил его рядом с собой, а девушки сказали своему дяде: «О дядюшка, объясни нашему брату сущность того, что ты сказал». И старец молвил: «О дитя моё, оставь эти великие мучения! Ты не сможешь достигнуть островов Вак, хотя бы были с тобой джинны летучие, так как между тобой и этими островами семь долин и семь морей и семь великих гор, и как ты можешь достигнуть этого места, и кто тебя туда приведёт? Ради Аллаха, возвращайся поскорее и не утомляй себя».

И Хасан, услышав слова шейха Абд-аль-Каддуса, так заплакал, что его покрыло беспмятство. И девушки сидели вокруг него и плакали из-за его плеча, а что касается младшей девушки, то она разорвала на себе одежды и стала бить себя по лицу, и её покрыло беспмятство. И когда шейх Абд-аль-Каддус увидел, что они в таком состоянии: взволнованы, огорчены и озабочены, он пожалел их, и его охватило сочувствие, и он крикнул им: «Замолчите! – А потом сказал Хасану: – Успокой своё сердце и радуйся исполнению своего желания, если захочет Аллах великий! О дитя моё, – сказал он потом, – поднимайся, соберись с силами и следуй за мной». И Хасан выпрямился и поднялся, простившись с девушками, и последовал за шейхом, радуясь исполнению своего желания.

А потом шейх Абд-аль-Каддус вызвал слона, и тот явился, и старец сел на него и посадил Хасана сзади и ехал три дня с их ночами, точно разящая молния, пока не подъехал к большой синей горе, в которой все камни были синие, а посередине этой горы была пещера с дверью из китайского железа. И шейх взял Хасана за руку и ссадил его, а потом он сошёл сам и, отпустив слона, подошёл к двери пещеры и постучался, и дверь распахнулась, и к нему вышел чёрный голый раб, подобный ифриту, и в правой руке у него был меч, а в другой – щит из стали. И, увидев шейха Абд-аль-Каддуса, он бросил меч и щит из рук и подошёл к шейху Абд-аль-Каддусу и поцеловал ему руку, а потом шейх взял Хасана за руку, и они с ним вошли, а раб запер за ними дверь.

И Хасан увидел, что пещера большая и очень широкая и в ней есть сводчатый проход. И они прошли расстояние с милю, и их шаги привели их в большую пустыню, и они направились к столбу, в котором было две больших двери, вылитые из жёлтой меди. И шейх Абд-аль-Каддус открыл одну из этих дверей и вошёл и закрыл дверь, сказав Хасану: «Посиди у этой двери и берегись открыть её и войти, а я войду и скоро вернусь к тебе». И шейх вошёл и отсутствовал в течение одного часа по звёздам, а потом он вышел, и с ним был конь, осёдланный и взнузданный, который, если бежал, – летел, а если летел, – его не настигала пыль.

И шейх подвёл коня к Хасану и сказал ему: «Садись!» И потом он открыл вторую дверь, и через неё стала видна широкая пустыня. И Хасан сел на коня, и оба выехали через дверь и оказались в этой пустыне, и шейх сказал Хасану: «О дитя моё, возьми это письмо и поезжай на этом коне в то место, куда он тебя приведёт. И когда ты увидишь, что конь остановился у двери такой же пещеры, как эта, сойди с его спины, положи поводья на луку седла и отпусти его. Копь войдёт в пещеру, а ты не входи с ним и стой у ворот пещеры в течение пяти дней, и не будь нетерпелив. И на шестой день выйдет к тебе чёрный старец в чёрной одежде, а борода у него белая длинная и спускается до пупка. И когда ты его увидишь, поцелуй ему руки, схватись за полу его платья, положи её себе на голову и плачь перед ним, пока он тебя не пожалеет и не спросит, какая у тебя просьба. И когда он тебе скажет: „Что тебе нужно?“ – дай ему это письмо. Он возьмёт его и ничего тебе не скажет и войдёт и оставит тебя, а ты стой на месте ещё пять дней и не будь нетерпелив. И на шестой день жди старика – он к тебе выйдет. И если он выйдет к тебе сам, знай, что твоя просьба

будет исполнена, а если выйдет к тебе кто-нибудь из его слуг, знай, что тот, кто вышел, хочет тебя убить, и конец.

И знай, о дитя моё, что всякий, кто подвергает себя опасности, губит себя...»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Восемьсот первая ночь

Когда же настала восемьсот первая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что когда шейх Абд-аль-Каддус отдал Хасану письмо, он осведомил его о том, что с ним произойдёт, и сказал: „Всякий, кто подвергает себя опасности, губит себя, и если ты боишься за свою душу, не ввергай её в погибель. А если ты не боишься, перед тобою то, что ты хочешь, и я изложил тебе дело. Если же ты хочешь поехать к твоим подругам, то этот слон отвезёт тебя к дочерям моего дяди, а они доставят тебя в твою страну и воротят тебя на родину, и Аллах наделит тебя женою лучше, чем та женщина, в которую ты влюбился“. – „А как может мне быть приятна жизнь без того, чтобы я достиг желаемого? – сказал Хасан шейху. – Клянусь Аллахом, я ни за что не вернусь, пока не достигну моей любимой, или порази меня гибель“. И потом он заплакал и произнёс такие стихи:

«Утратив любимую – а страсть моя все сильнее, –
Стою и кричу о пей, разбитый, униженный.
Я землю кочевья их целую в тоске по ним,
Но лишь усиление тоски мне даёт она.
Аллах, сохрани ушедших – память о них в душе! –
Я сблизился с муками, усладу оставил я.
Они говорят: «Терпи!» – но с нею уехали,
И вздохи в отъезда день они разожгли во мне.
Прощанье пугает лишь меня и слова её:
«Уеду, так вспоминай и дружбу не забудь».
К кому обращаюсь и чьей защиты просить теперь,
Как нет их? На них в беде и в счастье надеюсь я.
О горе! Вернулся я проститься опять с тобой,
И рады враги твои, что снова вернулся я,
О жалость! Вот этого всегда опасался я!
О страсть, разгорись сильнее, пылая в душе моей.
Когда нет возлюбленных, и жизни мне нет без них,
А если вернуться вновь, о радость, о счастье мне!
Аллахом клянусь я, слезы не разбегаются,
Коль плачу, утратив их, слеза за слезой текут».

И когда шейх Абд-аль-Каддус услышал слова Хасана и его стихи, он понял, что Хасан не отступится от желаемого и что слова на него не действуют, и убедился, что он непременно подвергнет себя опасности, хотя бы его душа погибла. «О дитя моё, – сказал он ему, – знай, что острова Вак – это семь островов, где есть большое войско, и все это войско состоит из невинных девушек. А обитатели внутренних островов – шайтаны, марицы и колдуны, и там живут разные племена. И всякий, то вступит на их землю, не возвращается, и не было никогда, чтобы кто-нибудь дошёл до них и вернулся. Заклинаю тебя Аллахом, возвращаясь же поскорее к твоим родным и знай, что женщина, к которой ты направляешься, – дочь паря всех этих островов. Как же ты можешь добраться до неё? Послушайся меня, о дитя моё, и, может быть, Аллах заменит её тебе кем-нибудь лучше». – «Клянусь Аллахом, о господин, – сказал Хасан, – если бы меня разрезали из-за неё на кусочки, только увеличилась бы моя любовь и волнение. Я непременно должен увидеть жену

и детей и вернуться на острова Вак. И, если захочет Аллах великий, я вернусь только с нею и с моими детьми». – «Значит, ты неизбежно поедешь?» – спросил шейх Абд-аль-Каддус. И Хасан ответил: «Да, и я хочу от тебя только молитвы о поддержке и помощи. Быть может, Аллах скоро соединит меня с женой и детьми». И он заплакал от великой тоски и произнёс такие стихи:

«Желание вы моё и лучшие из людей,
На место я зрения и слуха поставлю вас.
Владеете сердцем вы моим и живёте в нем,
И после вас, господа, я впал в огорчение.
Не думайте, что от страсти к вам я уйти могу,
Любовь к вам повергнула беднягу в несчастье.
Вас нет, и исчезла радость. Только исчезли вы,
И стало все светлое печальным до крайности.
Оставили вы меня, чтоб в муках я звезды пас
И плакал слезами, точно дождь, вечно льющийся.
О ночь, ты длинна для тех, кто мучим тревогою
И в сильном волнении взирает на лик луны.
О ветер, промчишься коль над станом, где милые,
Привет мой снеси ты им – ведь жизнь не долга моя.
Скажите о муках тех, которые я стерпел,
Возлюбленные вестей не знают о нас теперь».

А окончив свои стихи, Хасан заплакал сильным плачем, так что его покрыло беспмятство. И когда он очнулся, шейх Абд-аль-Каддус сказал ему: «О дитя моё, у тебя есть мать, не заставляй же её вкусить утрату». И Хасан сказал шейху: «Клянусь Аллахом, о господин, я не вернусь иначе как с моей женой, или меня поразит гибель». И потом он заплакал и зарыдал и произнёс такие стихи:

«Любовью клянусь, что даль обет не меняет мой
И я не из тех, кто, дав обеты, обманет.
Когда б о тоске своей попробовал рассказать
Я людям, сказали бы: «Он стал бесноватым»
Тоска и страдания, рыдания и горести,
Кто этим охвачен всем – каким же он будет?»

И когда он окончил свои стихи, шейх понял, что он не отступится от того, что решил, хотя бы его душа пропала, и подал ему письмо и пожелал ему блага и научил его, что ему делать, и сказал: «Я крепко поручаю тебя в письме Абу-р-Рувейшу, сыну Билкис⁶²⁰, дочери Муина. Он мой наставник и учитель, и все люди и джинны смиряются перед ним и его боятся. Отправляйся, с благословения Аллаха», – сказал он им.

И Хасан поехал и отпустил поводья коня, и конь поле тел с ним быстрее молнии. И Хасан спешил на коне в течение десяти дней, пока не усидел перед собой что-то огромное, чернее ночи, заполняющее пространство между востоком и западом. И когда Хасан приблизился к этой громаде, конь заржал под ним, и слетелись копи, как дождь, и не счесть было им числа, и не видно было им конца. И они стали тереться об коня Хасана, и Хасан испугался их и устранился. И он летел, окружённый конями, пока не прилетел к той пещере, которую ему описал шейх Абд-аль-Каддус. И конь остановился у двери пещеры, и Хасан сошёл с него и привязал поводья к луке седла, и конь вошёл в пещеру, а Хасан остался у

⁶²⁰ Билкис – по арабскому преданию, царица Савская, супруга царя Соломона (Сулеймана ибн Дауда).

двери, как велел ему шейх Абд-аль-Каддус, и начал размышлять об исходе своего дела – каков он будет. И был он смущён и взволнован и не знал, что с ним случится...»

И Шахразад устала, и она прекратила дозволенные речи.

Восемьсот вторая ночь

Когда же настала восемьсот вторая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что когда Хасан сошёл со спины коня, он остался стоять у двери, размышляя об исходе своего дела, – каков он будет, и не знал, что с ним случится. И он простоял у двери пещеры пять дней с их ночами, без сна, печальный, смятенный и задумчивый, так как он оставил близких, родину, друзей и приятелей, и глаз его плакал и сердце было печально. И он вспомнил свою мать и задумался о том, что с ним происходит, и о разлуке с женой и детьми, и о том, что он вытерпел, и произнёс такие стихи:

«Лекарство души у вас, и тонет душа моя,
И слезы мои струёй из век изливаются,
Разлука, печаль, тоска, изгнание – мой удел,
Далёк я от родины, тоскою я побеждён.
Ведь только влюблённый я, любовью охваченный,
Разлукой с возлюбленной его поражает рок.
И если в любви моей я был поражён бедой,
То кто из достойных не был жертвой превратностей?»

И не окончил ещё Хасан своих стихов, как шейх Абу-р-Рувейш уже вышел к нему, и был он чёрный в чёрной одежде. И, увидев шейха, Хасан узнал его по признакам, о которых говорил ему шейх Абд-аль-Каддус, и бросился к нему и стал тереться щеками об его ноги и, схватив ногу Абу-р-Рувейша, поставил её себе на голову и заплакал перед ним. И шейх Абу-р-Рувейш спросил его: «Какая у тебя просьба ко мне, о дитя моё?» И Хасан протянул руку с письмом и подал его шейху Абу-р-Рувейшу, и тот взял его и вошёл в пещеру, не дав Хасану ответа.

И Хасан остался сидеть на том же месте, у двери, как говорил ему шейх Абд-аль-Каддус, и плакал, и он просидел на месте пять дней, и увеличилась его тревога, – и усилился его страх, и не покидала его бессонница. И он стал плакать и горевать от мук отдаления и долгой бессонницы и произнёс такие стихи:

«Хвала властителю небес!
Влюблённый – истинно мученик.
Кто вкуса не вкусил любви,
Не знает тяжести беды.
Когда б я слезы свои собрал,
Нашёл бы реки крови я.
Нередко был жестоким друг
И горя для меня желал,
А смягчившись, он порицал меня,
И говорил я: «То не плач»,
Но я пошёл, чтоб кончить жизнь,
И камнем был я поражён.
Даже звери плачут, так горько мне,
И те, кто в воздухе живёт».

И Хасан плакал до тех пор, пока не заблестала заря, и вдруг шейх Абу-р-Рувейш вышел

к Хасану, и был он одет в белую одежду. Он сделал Хасану рукой знак подойти, и Хасан подошёл, и шейх взял его за руку и вошёл с ним в пещеру, и тогда Хасан обрадовался и убедился, что его желание исполнено. И шейх шёл, и Хасан шёл с ним полдня, и они пришли к сводчатому входу со стальной дверью. И Абу-р-Рувейш открыл дверь и вошёл с Хасаном в проход, построенный из камня оникса, разрисованного золотом. И они шли до тех пор, пока не дошли до большой, просторной залы, выложенной мрамором, посередине которой был сад со всевозможными деревьями, цветами и плодами, и птицы на деревьях щебетали и прославляли Аллаха, владыку покоряющего. И было в зале четыре портика, которые стояли друг против друга, и под каждым портиком была комната с фонтаном, и на каждом из углов каждого фонтана было изображение льва из золота.

И в каждой комнате стояло кресло, на котором сидел человек, и было перед ним очень много книг, и стояли перед этими людьми золотые жаровни с огнём и куреньями.

И перед каждым из этих шейхов сидели ученики и читали с ними книги.

И когда Абу-р-Рувейш с Хасаном вошли к ним, шейхи встали и оказали им почтение, и Абу-р-Рувейш подошёл к ним и сделал им знак, чтобы они отпустили присутствующих, и они отпустили их. И четыре шейха поднялись и сели перед шейхом Абу-р-Рувейшем и спросили его, что с Хасаном, и тогда шейх Абу-р-Рувейш сделал Хасану знак и сказал ему: «Расскажи собравшимся твою историю и все, что с тобою случилось, с начала до конца». И Хасан заплакал сильным плачем и рассказал им свою историю до конца.

И когда Хасан кончил рассказывать, все шейхи закричали: «Он ли тот, кого маг поднял на ястребах на Гору Облаков, зашитого в верблюжью шкуру?» – «Да», – сказал им Хасан. И они подошли к шейху Абу-р-Рувейшу и сказали: «О шейх наш, Бахрам ухитрился поднять его на гору. Как же он спустился и какие он видел на горе чудеса?» – «О Хасан, – сказал шейх Абу-р-Рувейш, – расскажи им, как ты спустился, и осведоми их о том, что ты видел из чудес».

И Хасан повторил им, что с ним случилось, от начала до конца: как он захватил персиянина и убил его и освободил того человека и поймал девушку и как его жена обманула его и взяла его детей и улетела, и рассказал им обо всех ужасах и бедствиях, которые он вытерпел.

И присутствующие удивились тому, что случилось с Хасаном, и, обратившись к шейху Абу-р-Рувейшу, сказали ему: «О шейх шейхов, клянёмся Аллахом, этот юноша – несчастный, и, может быть, ты ему поможешь освободить свою жену и детей...»

И Шахразад устала, и она прекратила дозволенные речи.

Восемьсот третья ночь

Когда же настала восемьсот третья ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что когда Хасан рассказал шейхам свою историю, они сказали шейху Абу-р-Рувейшу: „Этот юноша – несчастный, и, может быть, ты ему поможешь освободить свою жену и детей“. И шейх Абу-р-Рувейш сказал им: „О братья, это дело великое, опасное, и я не видел никого, кто бы питал отвращение к жизни, кроме этого юноши. Вы ведь знаете, что до островов Вак трудно добраться, и не достигал их никто, не подвергая себя опасности, и знаете их силу и их помощников, и я клянусь Аллахом, что не вступлю на их землю и не стану ни в чем им противиться. Как доберётся этот человек к дочери царя величайшего, и кто может привести его к ней и помочь ему в этом деле?“ – „О шейх шейхов, – сказали старцы, – этого человека погубила страсть, и он подверг себя опасности и явился к тебе с письмом твоего брата, шейха Абд-аль-Каддуса, и тебе поэтому следует ему помочь“.

И Хасан поднялся и стал целовать ногу Абу-р-Рувейша и, приподняв полу его платья, положил её себе на голову и заплакал и сказал ему: «Прошу тебя, ради Аллаха, свести меня с моими детьми и женой, хотя бы была в этом гибель моей души и сердца». И все присутствующие заплакали из-за его плача и сказали шейху Абу-р-Рувейшу: «Воспользуйся

наградой за этого беднягу и сделай для него доброе дело, ради твоего брата, шейха Абд-аль-Каддуса». – «Этот юноша – несчастный, и он знает, на что идёт, но мы ему поможем по мере возможности», – сказал Абу-р-Рувейш. И, услышав его слова, Хасан обрадовался, и поцеловал ему руки, и стал целовать руки присутствующим одному за одним, и попросил их о помощи.

И тогда Абу-р-Рувейш взял кусок бумаги и чернильницу и написал письмо, и запечатал его, и отдал Хасану, а потом он дал ему кожаный футляр, в котором были куренья и принадлежности для огня – кремь и прочее, и сказал: «Береги этот футляр, и когда ты попадёшь в беду, зажги немножко этих курений и позови меня – я явлюсь к тебе и выручу тебя из беды». И затем он велел кому-то из присутствующих тотчас же вызвать к нему ифрита из джиннов летающих, и когда ифрит явился, шейх спросил его: «Как твоё имя?» – «Твой раб Дахнаш ибн Факташ», – ответил ифрит. И Абу-р-Рувейш сказал ему: «Подойди ближе». И Дахнаш приблизился.

И тогда шейх Абу-р-Рувейш приложил рот к уху ифрита и сказал ему несколько слов. И ифрит покачал головой, а шейх сказал Хасану: «О дитя моё, вставай и садись на плечи этому ифриту Дахнашу-летучему, и когда он поднимет тебя к небу и ты услышишь славословие ангелов в воздухе, не славословь, – ты погибнешь и он тоже». – «Я совсем не буду говорить!» – воскликнул Хасан. И шейх сказал ему: «О Хасан, когда он полетит с тобой, он опустит тебя на второй день, на заре, на белую землю, чистую, как камфара. И когда он опустит тебя туда, иди десять дней один, пока не дойдёшь до ворот города. И когда ты дойдёшь до него, войди и спроси, где его царь, а когда ты с ним встретишься, пожелай ему мира и поцелуй ему руку и отдай ему это письмо, и что бы он тебе ни посоветовал – пойми». И Хасан отвечал: «Слушаю и повинуюсь!» – и вышел с ифритом, и шейхи поднялись и пожелали ему блага и поручили ифриту о нем заботиться.

И ифрит понёс Хасана на плече и поднялся с ним до облаков небесных и шёл с ним тот день и ночь, и Хасан слышал славословие ангелов на небе, а когда наступило утро, ифрит поставил Хасана на землю, белую, точно камфара, и оставил его и ушёл. И когда Хасан почувствовал, что он на земле и около него никого нет, он пошёл и шёл днём и ночью, в течение десяти дней, пока не дошёл до ворот города.

И он вошёл в город и спросил про его царя, и ему указали к нему дорогу и сказали: «Его имя – Хассуп, царь Камфарной земли, и у него солдаты и воины, которые наполняют землю и в длину и в ширину». И Хасан попросил позволения, и царь ему позволил, и, войдя к нему, Хасан увидел, что этот царь великий, и поцеловал землю меж его рук. «Что у тебя за беда?» – спросил его царь. И Хасан поцеловал письмо и подал его царю, и тот взял его и прочитал и некоторое время качал головой, а потом он сказал кому-то из своих приближённых: «Возьми этого юношу и помести его в Доме Гостеприимства».

И царедворец взял Хасана и пошёл и поместил его там, и Хасан провёл в Доме Гостеприимства три дня за едой и питьём, и не было подле него никого, кроме слуги, который был с ним. И стал этот слуга с ним разговаривать, и развлекать его, и расспрашивать, в чем его дело и как он добрался до этих земель. И Хасан рассказал ему полностью о том, что с ним случилось, и обо всем, что он испытывает.

А на четвёртый день слуга взял его и привёл к царю, и царь сказал ему: «О Хасан, ты пришёл ко мне, желая вступить на острова Вак, как говорит нам шейх шейхов. О дитя моё, я пошлю тебя на этих днях, но только на твоей дороге будет много гибельных мест и безводных пустынь, где много устрашающего. Но потерпи, и не будет ничего, кроме блага, и я непременно придумаю хитрость и доставлю тебя к тому, что ты хочешь, если пожелает великий Аллах. Знай, о дитя моё, что там войско из дейлемитов, которые хотят войти на острова Вак, и они снабжены оружием, конями и снаряжением, но не могут войти туда. Но ради шейха шейхов Абу-р-Рувейша, сына Балкис, дочери Муина, о дитя моё, я не могу вернуть тебя к нему, не исполнив его просьбы и твоего желания. Скоро придут к нам корабли с островов Вак, и до них осталось уже немного. Когда один из них придёт, я посажу тебя на него и поручу тебя матросам, чтобы они тебя уберегли и доставили на острова Вак. И

всякому, кто тебя спросит, что с тобой и в чем твоё дело, говори: „Я зять царя Хассуна, царя Камфарной земли“. А когда корабль пристанет к островам Вак и капитан тебе скажет: „Выходи на берег!“, выйди и увидишь много скамей во всех направлениях на берегу. Выбери себе скамью, сядь под неё и не шевелись. И когда наступит ночь, ты увидишь войско из женщин, которые окружают товары. И ты протяни тогда, руку и схвати ту женщину, что сядет на скамью, под которой ты спрятался, и попроси у неё защиты. И знай, о дитя моё, что если она возьмёт тебя под свою защиту, – твоё дело исполнится и ты доберёшься до жены и детей, а если она тебя не защитит, – горюй о себе, оставь надежду на жизнь и будь уверен, что твоя душа погибнет. Знай, о дитя моё, что ты подвергаешь себя опасности, и я ничего не могу для тебя, кроме этого...»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Восемьсот четвёртая ночь

Когда же настала восемьсот четвёртая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что царь Хассун сказал Хасану эти слова и дал ему наставления, которые мы упомянули, и сказал: „Я ничего не могу для тебя, кроме этого, – и потом сказал: – Знай, что если бы не было о тебе заботы владыки неба, ты бы не добрался сюда“.

И, услышав слова царя Хассуна. Хасан так заплакал, что его покрыло беспамятство, а очнувшись, он произнёс такие два стиха:

«Я буду жить судьбою срок назначенный,
А кончатся все дни его – умру.
Если б львы в берлоге со мной бороться вздумали,
Я б побеждал, пока не выйдет срок».

А окончив свои стихи, Хасан поцеловал перед царём землю и сказал ему: «О великий царь, а сколько осталось дней до прихода кораблей?» И царь ответил: «Месяц, и они останутся здесь, чтобы продать то, что есть на них, два месяца, а потом вернутся в свою страну. Не надейся же уехать на кораблях раньше, чем через три полных месяца». И потом царь велел Хасану идти в Дом Гостеприимства и приказал снести ему все, что ему нужно из пищи, платья и одежды, подходящее для царей, и Хасан оставался в Доме Гостеприимства месяц.

А через месяц пришли корабли. И царь вышел с купцами и взял Хасана с собой на корабли. И Хасан увидел корабль, где были люди многочисленные, как камешки, – не знает их числа никто, кроме того, кто их создал, – и этот корабль стоял посреди моря и при нем были маленькие челноки, которые перевозили с него товары на берег. И Хасан оставался на корабле, пока путники не перенесли товары с него на сушу, и они начали продавать и покупать, и до отъезда осталось только три дня.

И царь велел привести Хасана к себе, и собрал для него все, что было нужно, и наградил его великой наградой. А потом он позвал капитана того корабля и сказал ему: «Возьми этого юношу к себе на корабль и не осведомляй о нем никого. Отвези его на острова Вак, оставь его там и не привози его». И капитан отвечал: «Слушаю и повинуюсь!» И царь стал наставлять Хасана и сказал ему: «Не осведомляй о себе никого на свете из тех, что будут с тобой на корабле – и не сообщай никому твоей истории – иначе ты погибнешь». – «Слушаю и повинуюсь!» – отвечал Хасан. И потом он простился с ним, после того как пожелал ему долгой жизни и века и победы над всеми завистниками и врагами, и царь поблагодарил его за это и пожелал ему благополучия и исполнения его дела. А потом он передал его капитану, и тот взял его и положил в сундук и поставил сундук на барку и поднял его на корабль только тогда, когда люди были заняты переноской товаров.

И после этого корабли поплыли и плыли не переставая в течение десяти дней, а когда

наступил одиннадцатый день, они приплыли к берегу. И капитан вывел Хасана с корабля, и, сойдя с корабля на сушу, Хасан увидел скамьи, число которых знает только Аллах, и он шёл, пока не дошёл до скамьи, равной которой не было, и спрятался под нею.

И когда приблизилась ночь, пришло множество женщин, подобно распространившейся саранче, и они шли на ногах, и мечи у них в руках были обнажены, и женщины были закованы в кольчуги. И, увидя товары, женщины занялись ими, а после этого они сели отдохнуть, и одна из женщин села на ту скамью, под которой был Хасан. И Хасан схватился за край её подола и положил его себе на голову и бросился к женщине и стал целовать ей руки и ноги, плача. И женщина сказала: «Эй, ты, встань прямо, пока никто тебя не увидел и не убил». И тогда Хасан вышел из-под скамьи и встал на ноги и поцеловал женщине руки и сказал ей: «О госпожа моя, я под твоей защитой! – и потом заплакал и сказал: – Пожалей того, кто расстался с родными, женой и детьми и поспешил, чтобы соединиться с ними, и подверг опасности свою душу и сердце. Пожалей меня и будь уверена, что получишь за это рай. А если ты не примешь меня, прошу тебя ради Аллаха, великого, укрывающего, укрой меня».

И купцы вдруг стали смотреть на Хасана, когда он говорил с женщиной. И, услышав его слова и увидев, как он её умоляет, она пожалела его, и сердце её к нему смягчилось, и она поняла, что Хасан подверг себя опасности и пришёл в это место только ради великого дела. И она сказала Хасану: «О дитя моё, успокойся душою и прохлади глаза, и пусть твоё сердце и ум будут спокойны! Возвращайся на твоё место и спрячься под скамьей, как раньше, до следующей ночи, и пусть Аллах сделает то, что желает». И потом она простилась с ним, и Хасан залез под скамью, как и раньше, а воительницы жгли свечи, смешанные с алоэ и сырой амброй, до утра.

И когда вошёл день, корабли возвратились к берегу, и купцы были заняты переноской вещей и товаров, пока не подошла ночь, а Хасан спрятался под скамьей с плачущими глазами и печальным сердцем, и не знал он, что определено ему в неведомом. И когда он сидел так, вдруг подошла к нему женщина из торгующих, у которой он просил защиты, и подала ему кольчугу, меч, вызолоченный пояс и копьё и потом ушла от него, опасаясь воительниц. И, увидев это, Хасан понял, что женщина из торгующих принесла ему эти доспехи лишь для того, чтобы он их надел. И тогда он поднялся, и надел кольчугу, и затянул пояс вокруг стана, и привязал меч под мышку, и взял в руки копьё, и сел на скамью, и язык его не забывал поминать великого Аллаха и просил у него защиты.

И Шахразяду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Восемьсот пятая ночь

Когда же настала восемьсот пятая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что Хасан взял оружие, данное ему женщиной из торгующих, у которой он попросил защиты. И Хасан надел его, а потом сел на скамью, и язык его не забывал поминать Аллаха, и стал он просить у Аллаха защиты. И когда он сидел, вдруг появились факелы, фонари и свечи, и пришли женщины-воины, и Хасан встал и смешался с толпой воительниц, и стал как бы одной из них.

А когда приблизился восход зари, воительницы, и Хасан с ними, пошли и пришли к своим шатрам, и Хасан вошёл в один из них, и вдруг оказалось, что это шатёр его подруги, которую он просил о защите. И когда эта женщина вошла в свой шатёр, она сбросила оружие и сняла кольчугу и покрывало, и Хасан сбросил оружие и посмотрел на свою подругу и увидел, что это полуседая старуха с голубыми глазами и большим носом, и было это бедствие из бедствий и самое безобразное создание: с рябым лицом, вылезшими бровями, сломанными зубами, морщинистыми щеками и седыми волосами, и из носу у неё текло, а изо рта лилась слюна. И была она такова, как сказал о подобной ей поэт:

И в складках лица её запрятаны девять бед,
Являет нам каждая геену ужасную.
С лицом отвратительным и мерзкою сущностью,
Похожа на кабана, губами жующего.

И была эта плешивая уродина, подобная пятнистой змее. И когда старуха увидела Хасана, она удивилась и воскликнула: «Как добрался этот человек до этих земель, на каком корабле он приехал и как остался цел?» Она стала расспрашивать Хасана о его положении, дивясь его прибытию, и Хасан упал к её ногам и стал тереться об них липом и плакал, пока его не покрыло беспамятство, а очнувшись, он произнёс такие стихи:

«Когда же дни даруют снова встречу,
И вслед разлуке будем жить мы вместе?
И снова буду с тою, с кем хочу я, –
Упрёки кончатся, а дружба вечна.
Когда бы Нил, как слезы мои, струился,
Земель бы не было непрошенных,
Он залил бы Хиджаз, и весь Египет,
И Сирию, и земли все Ирака.
Все потому, что нет тебя, любимой!
Так сжался же и обещаю тебе встречу!»

А окончив свои стихи, Хасан схватил полу платья старухи и положил её себе на голову и стал плакать и просить у неё защиты. И когда старуха увидела, как он горит, волнуется, страдает и горюет, её сердце потянулось к нему, и она взяла его под свою защиту и молвила: «Не бойся совершенно!» А потом она спросила Хасана о его положении, и он рассказал ей о том, что с ним случилось, с начала до конца. И старуха удивилась его рассказу и сказала ему: «Успокой свою душу и успокой своё сердце! Не осталось для тебя страха, и ты достиг того, чего ищешь, и исполнится то, что ты хочешь, если захочет этого Аллах великий».

И Хасан обрадовался сильной радостью. А потом старуха послала за предводителями войска, чтобы они явились (а было это в последний день месяца). И когда они предстали перед ней, она сказала: «Выходите и кликните клич во всем войске, чтобы выступали завтрашний день утром и никто из воинов не оставался сзади, а если кто-нибудь останется, его душа пропала». И предводители сказали: «Слушаем и повинемся!» И затем они вышли и кликнули клич во всем войске, чтобы выступать завтрашний день утром, и вернулись и осведомили об этом старуху. И понял тогда Хасан, что она и есть предводительница войска и что ей принадлежит решение и она поставлена над ними начальником. И потом Хасан не скидывал с тела оружия и доспехов весь этот день.

А имя старухи, у которой находился Хасан, было Шавахи, и прозвали её Умм-ад-Давахи. И эта старуха не кончила приказывать и запрещать, пока не взошла заря, и все войско тронулось с места, – а старуха не выступила с ним. И когда воины ушли и их места стали пустыми, Шавахи сказала Хасану: «Подойди ко мне ближе, о дитя моё!» И Хасан приблизился к ней и стал перед нею, и она обратилась к нему и сказала: «По какой причине ты подверг себя опасности и вступил в эту страну? Как согласилась твоя душа погибнуть? Расскажи мне правду обо всех твоих делах, не скрывай от меня ничего из них и не бойся. Ты теперь под моим покровительством, и я защитила тебя и пожалела и сжалилась над твоим положением. Если ты расскажешь мне правду, я помогу тебе исполнить твоё желание, хотя бы пропали из-за этого души и погибли тела. И раз ты ко мне прибыл, нет во мне на тебя гнева, и я не дам проникнуть к тебе со злом никому из тех, кто есть на островах Вак».

И Хасан рассказал старухе свою историю от начала до конца и осведомил её о деле своей жены и о птицах, и как он её поймал среди остальных десяти и женился на ней и жил с

нею, пока не досталось ему от неё двоих сыновей, и как она взяла своих детей и улетела, когда узнала дорогу к одежде из перьев. И он не скрыл в своём рассказе ничего, с начала и до того дня, который был сейчас.

И старуха, услышав его слова, покачала головой и сказала: «Хвала Аллаху, который сохранил тебя и привёл сюда и бросил ко мне! Если бы ты попал к другому, твоя душа пропала бы и твоё дело не было бы исполнено. Но искренность твоих намерений и любовь и крайнее влечение твоё к жене и детям – вот что привело тебя к достижению желаемого. Если бы ты не любил её и не был взволнован любовью к ней, ты бы не подверг себя такой опасности. Хвала Аллаху за твоё спасение, и теперь нам надлежит помочь тебе в том, чего ты добиваешься, чтобы ты вскоре достиг желаемого, если захочет великий Аллах. Но только знай, о дитя моё, что твоя жена на седьмом острове из островов Вак, и расстояние между нами и ею – семь месяцев пути, ночью и днём. Мы поедем отсюда и доедем до земли, которая называется Земля Птиц, и от громкого птичьего крика и хлопанья крыльев одна птица не слышит там голоса другой...»

И Шахразад устало говорила, и она прекратила дозволенные речи.

Восемьсот шестая ночь

Когда же настала восемьсот шестая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что старуха сказала Хасану: „Твоя жена на седьмом острове, а это большой остров среди островов Вак, и расстояние от нас до него семь месяцев пути. Мы поедем отсюда до Земли Птиц, где от шума и хлопанья крыльев одна птица не слышит голоса другой, и поедем по этой земле одиннадцать дней, днём и ночью, а потом мы выедем оттуда в землю, которая называется Землёй Зверей, и от рёва животных, гиен и зверей, воя волков и рычания львов мы не будем ничего слышать. Мы проедем по этой земле двадцать дней и потом выедем в землю, которая называется Землёй Джиннов, и великие крики джиннов и взлёт их огней и полет искр и дыма из их ртов и их глубокие вздохи и дерзость их закроет перед нами дорогу, оглушит нам уши и ослепит нам глаза, так что мы не будем ни слышать, ни видеть. И не сможет ни один из нас обернуться назад – он погибнет. И всадник кладёт в этом месте голову на луку седла и не поднимает её три дня. А после этого нам встретится большая гора и текучая река, которые доходят до островов Вак. И знай, о дитя моё, что все эти воины – невинные девы, и царь, правящий нами, женщина с семи островов Вак. А протяжение этих семи островов – целый год пути для всадника, спешащего в беге. И на берегу этой реки и другая гора, называемая горой Вак, а это слово – название дерева, ветви которого похожи на головы сынов Адама. Когда над ними восходит солнце, эти головы разом начинают кричать и говорят в своём крике: „Вак! Вак! Слава царю-создателю!“ И, услышав их крик, мы узнаем, что солнце взошло. И также, когда солнце заходит, эти головы начинают кричать и тоже говорят в своём крике: „Вак! Вак! Слава царю-создателю!“ И мы узнаем, что солнце закатилось. Ни один мужчина не может жить у нас и проникнуть к нам и вступить на нашу землю, и между нами и царицей, которая правит этой землёй, расстояние месяца пути по этому берегу. Все подданные, которые живут на этом берегу, подвластны этой царице, и ей подвластны также племена непокорных джиннов и шайтанов. Под её властью столько колдунов, что число их знает лишь тот, кто их создал. И если ты боишься, я пошлю с тобой того, кто отведёт тебя на берег, и приведу того, кто свезёт тебя на своём корабле и доставит тебя в твою страну. А если приятно твоему сердцу остаться с нами, я не буду тебе прекословить, и ты будешь у меня, под моим оком, пока не исполнится твоё желание, если захочет Аллах великий“. – „О госпожа, я больше не расстанусь с тобой, пока не соединюсь с моей женой, или моя душа пропадёт“, – воскликнул Хасан. И старуха сказала ему: „Это дело лёгкое! Успокой твоё сердце, и ты скоро придёшь к желаемому, если захочет Аллах великий. Я непременно осведомлю о тебе царицу, чтобы она была тебе помощницей в исполнении твоего намерения“.

И Хасан пожелал старухе блага и поцеловал ей руки и голову и поблагодарил её за её поступок и крайнее великодушие, и пошёл с нею, размышляя об исходе своего дела и ужасах пребывания на чужбине. И он начал плакать и рыдать и произнёс такие стихи:

«Дует ветер с тех мест, где стан моей милой,
И ты видишь, что от любви я безумен.
Ночь сближенья нам кажется светлым утром,
День разлуки нам кажется чёрной ночью.
И прощанье с возлюбленной – труд мне тяжкий,
И расстаться с любимыми нелегко мне.
На суровость я жалуюсь лишь любимой,
Нет мне в мире приятеля или друга.
И забыть мне нельзя о вас – не утешит
Моё сердце хулящих речь, недостойных.
Бесподобная, страсть моя неподобна.
Лишена ты подобия, я же – сердца.
Кто желает слыть любящим и боится
Укоризны – достоин тот лишь упрёка».

И потом старуха велела бить в барабан отъезда, и войско двинулось, и Хасан пошёл со старухой, погруженный в море размышлений и произнося эти стихи, а старуха побуждала его к терпению и утешала его, но Хасан не приходил в себя и не разумел того, что она ему говорила. И они шли до тех пор, пока не достигли первого острова из семи островов, то есть Острова Птиц. И когда они вступили туда, Хасан подумал, что мир перевернулся – так сильны были там крики, – и у него заболела голова, и его разум смутился, и ослепли его глаза, и ему забило уши. И он испугался сильным испугом и убедился в своей смерти и сказал про себя: «Если это Земля Птиц, то какова же будет земля Зверей?»

И когда старуха, называемая Шавахи, увидела, что он в таком состоянии, она стала над ним смеяться и сказала: «О дитя моё, если таково твоё состояние на первом острове, то что же с тобой будет, когда ты достигнешь остальных островов?» И Хасан стал молить Аллаха и умолять его, прося у него помощи в том, чем он его испытал, и исполнения его желания. И они ехали до тех пор, пока не пересекли Землю Птиц и не вышли из неё.

И они вошли в Землю Зверей и вышли из неё и вступили в Землю Джиннов. И когда Хасан увидел её, он испугался и раскаялся, что вступил с ними в эту землю. И затем он попросил помощи у великого Аллаха и пошёл с ними дальше, и они вырвались из Земли Джиннов и дошли до реки и остановились под большой вздымающейся горой и разбили свои шатры на берегу реки. И старуха поставила Хасану возле реки скамью из мрамора, украшенную жемчугом, драгоценными камнями и слитками червонного золота, и Хасан сел на неё, и подошли воины, и старуха провела их перед Хасаном, а потом они расставили вокруг Хасана шатры и немного отдохнули и поели и попили и заснули спокойно, так как они достигли своей страны. А Хасан закрывал себе лицо покрывалом, так что из-под него видны были только его глаза.

И вдруг толпа девушек подошла близко к шатру Хасана, и они сняли с себя одежду и вошли в реку, и Хасан стал смотреть, как они моются. И девушки принялись играть и веселиться, не зная, что Хасан смотрит на них, так как они считали его за царевну, и у Хасана натянулась его струна, так как он смотрел на девушек, обнажённых от одежд, и видел у них между бёдрами всякие разновидности: мягкое, пухлое, жирное, полное, совершенное, широкое и обильное. И лица их были, как луны, а волосы, точно ночь над днём, так как они были дочерьми царей.

И потом старуха поставила Хасану седалище и посадила его. И когда девушки кончили мыться, они вышли из реки, обнажённые и подобные месяцу в ночь полнолуния. И все войско собралось перед Хасаном, как старуха велела. Может быть, жена Хасана окажется

среди них и он её узнает.

И старуха стала спрашивать его о девушках, проходивших отряд за отрядом, а Хасан говорил: «Нет её среди этих, о госпожа моя...»

И Шахразад упустило утро, и она прекратила дозволенные речи.

Восемьсот седьмая ночь

Когда те настала восемьсот седьмая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что старуха спрашивала Хасана о девушках, проходивших отряд за отрядом – может быть, он узнает среди них свою жену, – но, всякий раз как она спрашивала его о какомнибудь отряде, Хасан говорил: „Её нет среди этих, о госпожа моя!“

И потом, после этого, подошла к ним женщина в конце людей, которой прислуживали десять невольниц и тридцать служанок – все высокогрудые девы. И они сняли с себя одежды и вошли с их госпожой в реку, и та стала их дразнить и бросать и погружать в реку и играла с ними таким образом некоторое время, а затем они вышли из реки и сели. И их госпоже подали шёлковые полотенца, вышитые золотом, и она взяла их и вытерлась. И затем ей принесли одежды, платья и украшения, сделанные джиннами, и она взяла их и надела и гордо прошла среди воительниц со своими служанками.

И когда Хасан увидел её, его сердце взлетело, и он воскликнул: «Вот женщина, самая похожая на птицу, которую я видел во дворце моих сестёр девушек, и она так же поддразнивала своих приближённых, как эта!» – «О Хасан, это ли твоя жена?» – спросила старуха. И Хасан воскликнул: «Нет, клянусь твоей жизнью, о госпожа, это не моя жена, и я в жизни не видал её. И среди всех девушек, которых я видел на этих островах, нет подобной моей жене и нет ей равной по стройности, соразмерности, красоте и прелести». – «Опиши мне её и скажи мне все её признаки, чтобы они были у меня в уме, – молвила тогда старуха. – Я знаю всякую девушку на островах Вак, так как я надсмотрщица женского войска и управляю им. И если ты мне её опишешь, я узнаю её и придумаю тебе хитрость, чтобы её захватить».

И тогда Хасан сказал старухе: «У моей жены прекрасное лицо и стройный стан, её щеки овальные и грудь высока; глаза у неё чёрные и большие, ноги – плотные, зубы белые; язык её сладостен, и она прекрасна чертами и подобна гибкой ветви. Её качества – невиданы, и уста румяны, у неё насурмленные глаза и нежные губы, и на правой щеке у неё родинка, и на животе под пупком – метка. Её лицо светит, как округлённая луна, её стан тонок, а бедра – тяжелы, и слюна её исцеляет больного, как будто она Каусар или Сельсебиль». – «Прибавь, описывая её, пояснения, да прибавит тебе Аллах увлечения», – сказала старуха. И Хасан молвил: «У моей Жены лицо прекрасное и щеки овальные и длинная шея; у неё насурмленные глаза, и щеки, как коралл, и рот, точно сердоликов печать, и уста, ярко-сверкающие, при которых не нужно ни чаши, ни кувшина. Она сложена в форме нежности, и меж бёдер её престол халифата, и нет подобной святыни в священных местах, как сказал об этом поэт:

«Название, нас смутившее,
Из букв известных состоит:
Четыре ты на пять умножь,
И шесть умножь на десять ты».

И потом Хасан заплакал и пропел такую песенку:

«О сердце, когда тебя любимый оставит,
Уйти и сказать, что ты забыло, не вздумай!
Терпенье употреби – врагов похоронишь,

Клянусь, не обманется вовек терпеливый!»

И ещё:

«Коль хочешь спастись, – весь век не двигайся с места,
Тоски и отчаянья не знай и гордыни.
Терпи и не радуйся совсем, не печалься,
А если отчаешься, прочти: не разверзли ль».

И старуха склонила на некоторое время голову к земле, а потом она подняла голову к Хасану и воскликнула: «Хвала Аллаху, великому саном! Поистине, я испытана тобою, о Хасан! О, если бы я тебя не знала! Ведь женщина, которую ты описал, – это именно твоя жена, и я узнала её по приметам. Она старшая дочь царя величайшего, которая правит над всеми островами Вак. Открой же глаза и обдумай своё дело, и если ты спишь, – проснись! Тебе никогда нельзя будет её достигнуть, а если ты её достигнешь, ты не сможешь получить её, так как между нею и тобой то же, что между небом и землёй. Возвращайся же, дитя моё, поскорее и не обрекай себя на погибель: ты обречёшь меня вместе с тобой. Я думаю, что нет для тебя в ней доли. Возвращайся же туда, откуда пришёл, чтобы не пропали наши души».

И старуха испугалась за себя и за Хасана, и, услышав слова старухи, он так сильно заплакал, что его покрыло беспамятство. И старуха до тех пор брызгала ему в лицо водой, пока он не очнулся от обморока. И он заплакал и залил слезами свою одежду, от великой тоски и огорчения из-за слов старухи, и отчаялся в жизни и сказал старухе: «О госпожа моя, а как я вернусь, когда я дошёл досюда, и не думал я в душе, что ты не в силах помочь достигнуть мне цели, особенно раз ты надсмотрщица войска женщин и управляешь ими». – «Заклинаю тебя Аллахом, о дитя моё, – сказала старуха, – выбери себе девушку из этих девушек, и я дам её тебе вместо твоей жены, чтобы ты не попал в руки царям. Тогда у меня не останется хитрости, чтобы тебя выручить. Заклинаю тебя Аллахом, послушайся меня и выбери себе одну из этих девушек, но не ту, и возвращайся поскорее невредимым и не заставляй меня глотать твою горечь. Клянусь Аллахом, ты бросил себя в великое бедствие и большую опасность, из которой никто не может тебя выручить!»

И Хасан опустил голову и горько заплакал и произнёс такие стихи:

«Хулителям сказал я: „не хулите!“
Ведь лишь для слез глаза мои существуют.
Их слезы переполнили и льются
Вдоль щёк моих, а милая сурова.
Оставьте! От любви худеет тело,
Ведь я в любви люблю моё безумье.
Любимые! Все больше к вам стремленье,
Так почему меня не пожалеть вам?
Суровы вы, хоть клятвы и обеты
Я дал, и, дружбу обманув, ушли вы.
В день расставанья, как вы удалились,
Я выпил чашу низости в разлуке.
О сердце, ты в тоске по ним расплавься,
Будь щедрым ты на слезы, моё око!..»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Восемьсот восьмая ночь

Когда же настала восьмьсот восьмая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что когда старуха сказала Хасану: „Ради Аллаха, о дитя моё, послушайся моих слов и выбери себе одну из этих девушек, вместо твоей жены, и возвращайся скорее в твою страну“, – Хасан понурил голову и заплакал сильным плачем и произнёс упомянутые стихи, а окончив стихотворение, он так заплакал, что его покрыло беспамятство. И старуха до тех пор брызгала ему в лицо водой, пока он не очнулся от обморока, а затем она обратилась к нему и сказала: „О господин мой, возвращайся в твою страну! Когда я поеду с тобой в город, пропадёт твоя душа и моя душа, так как царица, когда она об этом узнает, будет упрекать меня за то, что я вступила с тобою в её страну и на её острова, которых не достигал никто из детей сынов Адама. Она убьёт меня за то, что я взяла тебя с собой и показала тебе этих дев, которых ты видел в реке, хотя не касался их самец и не приближался к ним муж“.

И Хасан поклялся, что он совершенно не смотрел на них дурным взглядом, и старуха сказала ему: «О дитя моё, возвращайся в твою страну, и я дам тебе денег, сокровищ и редкостей столько, что тебе не будут нужны никакие женщины. Послушайся же моих слов и возвращайся скорее, не подвергая себя опасности, и вот я дала тебе совет».

И Хасан, услышав слова старухи, заплакал и стал тереться щеками об её ноги и воскликнул: «О моя госпожа и владычица и прохлада моего глаза, как я вернусь после того, как дошёл до этого места, и не посмотрю на тех, кого желаю?! Я приблизился к жилищу любимой и надеялся на близкую встречу, и, может быть, будет мне доля в сближении!» И потом он произнёс такие стихи:

«О цари всех прекрасных, сжальтесь над пленным
Тех очей, что могли б царить в царстве Кисры,
Превзошли вы дух мускуса ароматом
И затмили красоты роз своим блеском,
Где живёте, там веет ветер блаженства,
И дыханьем красавицы он пропитан.
О хулитель, довольно слов и советов –
Ты явился с советами лишь по злобе.
Ни корить, ни хулить меня не годится
За любовь, коль не знаешь ты, в чем тут дело.
Я пленён был красавицы тёмным оком,
И любовью повергнут был я насильно.
Рассыпая слезу мою, стих нижу я,
Вот рассказ мой: рассыпан он и нанизан.
Щёк румянец расплавил мне моё сердце,
И пылают огнём теперь мои члены.
Расскажите: оставлю коль эти речи,
Так какими расплавлю грудь я речами?
Я красавиц всю жизнь любил, но свершит ведь
Вслед за этим ещё Аллах дел не мало».

А когда Хасан окончил свои стихи, старуха сжалилась над ним и пожалела его и, подойдя к нему, стала успокаивать его сердце и сказала: «Успокой душу и прохлади глаза и освободи твои мысли от заботы, клянусь Аллахом, я подвергну с тобою опасности мою душу, чтобы ты достиг того, чего хочешь, или поразит меня гибель». И сердце Хасана успокоилось, и расправила у него грудь, и он просидел, беседуя со старухой, до конца дня.

И когда пришла ночь, все девушки разошлись, и некоторые пошли в свои дворцы в городе, а некоторые остались на ночь в шатрах. И старуха взяла Хасана с собой и пошла с ним в город и отвела ему помещение для него одного, чтобы никто не вошёл к нему и не осведомил о нем царицу, и она не убила бы его и не убила бы того, кто его привёл. И старуха стала прислуживать Хасану сама и пугала его яростью величайшего царя, отца его жены. И

Хасан плакал перед нею и говорил: «О госпожа, я избрал для себя смерть, и свет мне противен, если я не соединюсь с женой и детьми! Я подвергну себя опасности и либо достигну желаемого, либо умру». И старуха стала раздумывать о том, как бы Хасану сблизиться и сойтись со своей женой и какую придумать хитрость для этого бедняги, который вверг свою душу в погибель, и не удерживает его от его намерения ни страх, ни что-нибудь другое, и он забыл о самом себе, а сказавший поговорку говорит: «Влюблённый не слушает слов свободного от любви».

А царицей острова, на котором они расположились, была старшая дочь царя величайшего и было имя её Нураль-Худа. И было у этой царицы семь сестёр – невинных девушек, и они жили у её отца, который правил семью островами и областями Вак, и престол этого царя был в городе, самом большом из городов той земли. И вот старуха, видя, что Хасан горит желанием встретиться со своей женой и детьми, поднялась и отправилась во дворец царицы Нур-аль-Худа и, войдя к ней, поцеловала землю меж её руками. А у этой старухи была перед нею Заслуга, так как она воспитала всех царских дочерей и имела над всеми ими власть и пользовалась у них почётом и была дорога царю.

И когда старуха вошла к царице Нур-аль-Худа, та поднялась и обняла её и посадила с собою рядом и спросила, какова была её поездка, и старуха отвечала ей: «Клянусь Аллахом, о госпожа, это была поездка благословенная, и я захватила для тебя подарок, который доставлю тебе. О дочь моя, о царица века и времени, – сказала она потом, – я привела с собой нечто удивительное и хочу тебе эго показать, чтобы ты помогла мне исполнить одно дело». – «А что это такое?» – спросила царица. И старуха рассказала ей историю Хасана, с начала до конца. И она дрожала как тростинка в день сильного ветра и наконец упала перед царевной и сказала ей: «О госпожа, попросил у меня защиты один человек на берегу, который прятался под скамьёй, и я взяла его под защиту и привела его с собой в войске девушек, и он надел оружие, чтобы никто его не узнал, и я привела его в город. – И потом ещё сказала царевне: – Я пугала его твоей яростью и осведомила его о твоей силе и мощи. И всякий раз, как я его пугаю, он плачет и произносит стихи и говорит мне: „Неизбежно мне увидеть мою жену и детей, или я умру, и я не вернусь в мою страну без них!“ И он подверг себя опасности и пришёл на острова Вак, и я в жизни не видела человека, крепче его сердцем и с большей мощью, но только любовь овладела им до крайней степени...»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Восемьсот девятая ночь

Когда же настала восемьсот девятая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что старуха рассказала царевне Нураль-Худа историю Хасана и сказала ей: „Я не видела человека крепче его сердцем, но только любовь овладела им до крайней степени“. И, услышав её слова и поняв историю Хасана, царица разгневалась сильным гневом и склонила на некоторое время голову к земле, а потом она подняла голову и посмотрела на старуху и сказала ей: „О злосчастная старуха, разве дошла твоя мерзость до того, что ты приводишь мужчин и приходишь с ними на острова Вак и вводишь их ко мне, не боясь моей ярости? Клянусь головой царя, если бы не воспитание и уважение, которым я тебе обязана, я бы убила тебя с ним сейчас же самым скверным убийством, чтобы путешествующие поучались на тебе, о проклятая, и никто бы не делал того ужасного дела, которое сделала ты и на которое никто не властен. Но ступай приведи его сейчас же ко мне, чтобы я на него посмотрела“.

И старуха вышла от царевны ошеломлённая, не зная, куда идти, и говорила: «Все это несчастье пригнал ко мне Аллах через руки Хасана!» И она шла, пока не вошла к Хасану, и сказала ему: «Вставай, поговори с царицей, о тот, конец чьей жизни приблизился!» И Хасан вышел с нею, и язык его неослабно поминал великого Аллаха и говорил: «О боже, будь ко мне милостив в твоём приговоре и освободи меня от беды!» И старуха шла с ним, пока не

поставила его перед царицей Нураль-Худа (а старуха учила Хасана по дороге, как он должен с ней говорить). И, представ перед Нур-аль-Худа, Хасан увидел, что она закрыла лицо покрывалом. И он поцеловал землю меж её руками и пожелал ей мира и произнёс такие два стиха:

«Продли Аллах величье твоё и радость,
И одари господь тебя дарами!
Умножь Аллах величье твоё и славу
И укрепи тебя в борьбе с врагами!»

А когда он окончил свои стихи, царица сделала старухе знак поговорить с ним перед нею, чтобы она послушала его ответы. И старуха сказала Хасану: «Царица возвращает тебе приветствие и спрашивает тебя: как твоё имя, из какой ты страны, как зовут твою жену и детей, из-за которых ты пришёл, и как называется твоя страна?» И Хасан ответил (а он укрепил свою душу, и судьбы помогли ему): «О царица годов и времён, единственная в века и столетия! Что до меня, то моё имя – Хасанмногопечальный, и город мой – Басра, а жена моя – имени ей я не знаю; что же до моих детей, то одного зовут Насир, а другого – Мансур». И, услышав слова Хасана, царица сказала ему: «Откуда она увезла своих детей?» И Хасан ответил: «О царица! Из города Багдада, из дворца халифа». – «А говорила она вам что-нибудь, когда улетала?» – спросила царица. И Хасан ответил: «Она сказала моей матушке: „Когда твой сын придёт и продлится над ним дни разлуки, и захочет он близости и встречи, и потрясут его ветры томления, пусть приходит ко мне на острова Вак“».

И тогда царица Нур-аль-Худа покачала головой и сказала: «Не желай она тебя, она не сказала бы твоей матери этих слов, и если бы она тебя не хотела и не желала бы близости с тобой, она бы не осведомила тебя, где её место и не позвала бы тебя в свою страну». – «О госпожа царей и правительница над всеми царями и нищими, – ответил Хасан, – о том, что случилось, я тебе рассказал, ничего от тебя не скрывая. Я прошу защиты у Аллаха и у тебя, чтобы ты меня не обижала. Пожалей же меня и воспользуйся наградой за меня и воздаянием. Помогите мне встретиться с женой и детьми, серии мне предмет моих желаний и прохлады глаза мои встречей с детьми и помогите мне их увидеть».

И он начал плакать, стонать и жаловаться и произнёс такие два стиха:

«Тебя буду славить я, пока голубок кричит,
Усиленно, хоть бы не исполнил я должного.
Всегда ведь, когда я жил в былом благоденствии,
Я видел в тебе его причины и корни все».

И царица Нур-аль-Худа склонила голову к земле на долгое время, а потом она подняла голову и сказала Хасану: «Я пожалела тебя и сжалилась над тобой и намерена показать тебе всех девушек в этом городе и в землях моего острова. Если ты узнаешь твою жену, я отдам её тебе, а если ты её не узнаешь, я тебя убью и распну на дверях дома старухи». И Хасан молвил: «Я принимаю это от тебя, о царица времени». И он произнёс такие стихи:

«Вы подняли страсть во мне, а сами сидите вы,
Вы отняли сон у всех горящих, и спите вы,
Вы мне обещали, что не будете вы тянуть,
Но, повод мой захватив, меня обманули вы.
Любил вас ребёнком я, не зная ещё любви.
«Не надо же убивать меня?», – я вам жалуюсь.
Ужель, не боясь Аллаха, можете вы убить
Влюблённого, что пасёт звезду, когда люди спят?
О родичи, если я умру, напишите вы

На камнях моей могилы: «Это влюблённый был».
И, может быть, юноша, что страстью, как я, сражён,
Увидя мою могилу, скажет мне: «Мир тебе!»

А окончив свои стихи, Хасан сказал: «Я согласен на условие, которое ты мне поставила, и нет мощи и силы, кроме как у Аллаха, высокого, великого!»

И тогда царица Нур-аль-Худа приказала, чтобы не осталось в городе девушки, которая не поднялась бы во дворец и не прошла бы перед Хасаном, и царица велела старухе Шавахи самой спуститься в город и привести всех бывших в городе девушек к царице во дворец. И царица принялась вводить к Хасану девушек сотню за сотней, так что в городе не осталось девушки, которую она бы не показала Хасану, но Хасан не увидел среди них своей жены. И царица спросила его: «Видел ли ты свою жену среди этих?» И Хасан отвечал: «Клянусь Аллахом, о царица, её среди них нет». И тогда царицу охватил сильный гнев, и она сказала старухе: «Пойди и выведи всех, кто есть во дворце, и покажи их ему».

И когда Хасану показали всех, кто был во дворце, он не увидел среди них своей жены и сказал царице: «Клянусь жизнью твоей головы, о царица, её среди них нет». И царица рассердилась и закричала на тех, кто был вокруг неё, и сказала: «Возьмите его и утащите по земле лицом вниз и отрубите ему голову, чтобы никто после него не подвергал себя опасности, не узнал о нашем положении, не прошёл по нашей стране и не вступал на нашу землю и наши острова!» И Хасана вытащили лицом вниз и накинули на него подол его платья и закрыли ему глаза и остановились подле него с мечами, ожидая разрешения.

И тогда Шавахи подошла к царице и поцеловала землю меж её рук и, схватившись за полу её платья, положила её себе на голову и сказала: «О царица, во имя воспитания, не торопись с ним, особенно раз ты знаешь, что этот бедняк – чужеземец, который подверг свою душу опасности и испытал дела, которых никто до него не испытывал, и Аллах – слава ему и величие! – спас его от смерти из-за его долгой жизни, и он услышал о твоей справедливости и вошёл в твою страну и охраняемое убежище. И если ты его убьёшь, разойдутся о тебе с путешественниками вести, что ты ненавидишь чужеземцев и убиваешь их. А он, при всех обстоятельствах, под своей властью и будет убит твоим мечом, если не окажется его жены в твоём городе. В какое время ты ни захочешь, чтобы он явился, я могу возвратить его к тебе. И к тому же я взяла его под защиту, только надеясь на твоё великодушие, так как ты обязана мне воспитанием, и я поручилась ему, что ты приведёшь его к желаемому, ибо я знаю твою справедливость и милосердие, и, если он я не знала в тебе этого, я бы не привела его в твой город. И я говорила про себя: „Царица на него посмотрит и послушает стихи, которые он говорит, и прекрасные, ясные слова, подобные нанизанному жемчугу“, Этот человек вошёл в наши земли и поел нашей пищи, и соблюдать его право обязательно для нас...»

И Шахразиду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Восемьсот десятая ночь

Когда же настала восемьсот десятая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что когда царица Нур-аль-Худа приказала своим слугам схватить Хасана и отрубить ему голову, старуха стала её уговаривать и говорила ей: „Этот человек вошёл в наши земли и поел нашей пищи, и соблюдать его право для нас обязательно, особенно раз я обещала ему встречу с тобою. Ты ведь знаешь, что разлука тяжела, и знаешь, что разлука убийственна, в особенности – разлука с детьми. У нас не осталось ни одной женщины, кроме тебя; покажи же ему твоё лицо“.

И царица улыбнулась и сказала: «Откуда ему быть моим мужем и иметь от меня детей, чтобы я показывала ему лицо?» И затем она велела привести Хасана, и его ввели к ней и поставили» перед нею, и тогда она открыла лицо. И, увидев его, Хасан испустил великий

крик и упал, покрытый беспмятством. И старуха до тех пор ухаживала за ним, пока он не очнулся, а очнувшись от беспмятства, он произнёс такие стихи:

«Ветерочек из Ирака, что подул
В земли тех, кто восклицает громко: «Вак!»
Передай моим возлюбленным, что я
Горький вкус любви моей вкусил давно.
О, смягчитесь, люди страсти, сжальтесь вы.
Таёт сердце от разлуки мук моё!»

А окончив свои стихи, он поднялся и посмотрел на царицу и вскрикнул великим криком, от которого дворец чуть не свалился на тех, кто в нем был, и затем упал, покрытый беспмятством.

И старуха до тех пор ухаживала за ним, пока он не очнулся, и спросила его, что с ним, и Хасан воскликнул: «Эта царица – либо моя жена, либо самый похожий на мою жену человек...»

И Шахразду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Восемьсот одиннадцатая ночь

Когда же настала восемьсот одиннадцатая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что когда старуха спросила Хасана, что с ним, он воскликнул: „Эта царица – либо моя жена, либо самый похожий на мою жену человек“. И царица сказала: „Гора тебе, о нянюшка, этот чужеземец бесноватый или помешанный, потому что он смотрит мне в лицо и таращит глаза“. – „О царица, – сказала старуха, – ему простительно, не взыщи с него. Ведь пословица говорит: „Для больного от любви нет лекарства“. Что он, что бесноватый – все равно“. А Хасан заплакал сильным плачем и произнёс такие два стиха:

«Увидя следы любимых, с тоски я таю
И слезы лью на месте их стоянки,
Проя того, кто нас испытал разлукой,
Чтоб мне послал любимых возвращенье».

И потом Хасан сказал царице: «Клянусь Аллахом, ты не моя жена, но ты самый похожий на неё человек!» И царица Нур-аль-Худа так засмеялась, что упала навзничь и склонилась на бок и сказала: «О любимый, дай себе отсрочку и рассмотри меня и ответь мне на то, о чем я тебя спрошу. Оставь безумие, смущение и смятение, – приблизилось к тебе облегчение». – «О госпожа царей и прибежище всех богатых и нищих, увидав тебя, я стал бесноватым, потому что ты либо моя жена, либо самый похожий на неё человек. А теперь спрашивай меня о чем хочешь», – сказал Хасан. И царица спросила его: «Что в твоей жене на меня похоже?» – «О госпожа моя, – ответил Хасан, – все, что есть в тебе красивого, прекрасного, изящного и изнеженного – стройность твоего стана и нежность твоих речей, румянец твоих щёк, и выпуклость груди и все прочее, – на неё похожи».

И царица тогда обратилась к Шавахи, Умм-ад-Давахи, и сказала ей: «О матушка, отведи его обратно на то место, где он у тебя был, и прислуживай ему сама, а я обдумаю его дело. И если он человек благородный и храни г дружбу, приязнь и любовь, нам надлежит помочь ему, особенно потому, что он пришёл в нашу землю и ел нашу пищу и перенёс тяготы путешествия и борьбу с ужасами опасностей. Но когда ты доставишь его в свой дом, поручи его твоим слугам и возвращайся ко мне поскорее, и если захочет великий Аллах, будет одно только благо». И старуха вышла и взяла Хасана и пошла с ним в своё жилище и велела своим невольницам, слугам и прислужникам ему служить и приказала принести ему

все, что ему нужно, не упуская ничего из должного.

А потом она поспешно вернулась к царице, и та велела ей надеть оружие и взять с собой тысячу всадников из доблестных. И старуха Шавахи послушалась её приказаний и надела свои доспехи и призвала тысячу всадников, и, когда она встала меж руками царицы и сообщила ей о прибытии тысячи всадников, царица велела ей отправиться в город царя величайшего, её отца, и остановиться у его дочери Манар-ас-Сана, её младшей сестры, и сказать ей: «Одень твоих детей в рубахи, которые я для них сделала, и пошли их к её тётке, она стосковалась по ним».

И потом царица сказала старухе: «Я наказываю тебе, о матушка, скрывать дело Хасана, и когда ты возьмёшь у неё детей, скажи ей: „Твоя сестра приглашает тебя её посетить“. И она отдаст тебе детей и выедет ко мне, желая меня посетить. Ты возвращайся с ними поскорее, а она пусть едет не торопясь, и иди не по той дороге, по которой поедет она. Пусть твой путь продолжается ночью и днём, и остерегайся, чтобы хоть кто-нибудь один не узнал об этом деле. И затем, я клянусь всеми клятвами, если моя сестра окажется его женой и станет ясно, что её дети – его дети, я не помешаю ему взять её и её отъезду с ним и с детьми...»

И Шахразду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Восемьсот двенадцатая ночь

Когда же настала восемьсот двенадцатая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что царица сказала старухе: „Я клянусь Аллахом и подтверждаю всеми клятвами, что если она окажется его женой, я не помешаю ему её взять и помогу ему взять её и уехать с нею в его страну“. И старуха поверила её словам и не знала она, что задумала в душе царица, а эта распутница задумала в душе, что если её сестра не жена Хасана и её дети на него не похожи, она убьёт его.

И потом царица сказала старухе: «О матушка, если правду говорит моё опасение, его женой окажется моя сестра Манар-ас-Сана, а Аллах знает лучше! Эти качества – её качества, и все достоинства, которые он упомянул: превосходная красота и дивная прелесть не найдутся ни у кого, кроме моих сестёр – в особенности, у младшей».

И старуха поцеловала ей руки и вернулась к Хасану и осведомила его о том, что сказала царица, и у Хасана улетел от радости ум, и он подошёл к старухе и поцеловал её в голову, и она сказала ему: «О дитя моё, не целуй меня в голову, а поцелуй в рот и считай это наградой За благополучие. Успокой душу и прохлади глаза, и пусть твоя грудь будет всегда расправлена, и не брезгай поцеловать меня в рот – я виновница твоей встречи с нею. Успокой же твоё сердце и ум, и пусть будет твоя грудь всегда расправлена и глаз прохлажден и душа спокойна». И затем она простилась с ним и ушла, а Хасан произнёс такие два стиха:

«Любви моей четыре есть свидетеля
(Во всяком деле свидетелей бывает двое):
Трепет сердца, и в членах дрожь постоянная,
И худоба тела, и уст молчание».

И потом он произнёс ещё такие два стиха:

«Две вещи есть – коль глаза слезами кровавыми
О них бы заплакали, грозя, что исчезнут, –
Десятую часть того, что должно, не дали бы
Те вещи – цвет юности и с милым разлука».

А старуха надела оружие и взяла с собою тысячу всадников и отправилась на тот

остров, где находилась сестра царицы, и ехала до тех пор, пока не приехала к сестре царицы, а между городом Нур-аль-Худа и городом её сестры было три дня пути. И когда Шавахи достигла города, она вошла к сестре царицы, Манар-ас-Сана, и приветствовала её и передала ей приветствие её сестры Нур-аль-Худа и рассказала ей, что царица стосковалась по ней и по её детям, и сообщила ей, что царица Нур-аль-Худа на неё гневается за то, что она её не посещает. И царица Манар-ас-Сана ответила: «Право против меня и за мою сестру. И я сделала упущение, не посетив её, но я посетю её теперь».

И она велела вынести свои палатки за город и захватила для сестры подходящие подарки и редкости. А царь, её отец, посмотрел из окна дворца и увидел, что выставлены палатки, и спросил об этом, и ему сказали: «Царевна Манар-ас-Сана поставила свои палатки на этой дороге, потому что она хочет посетить свою сестру Нураль-Худа». И, услышав об этом, царь снарядил для неё войско, чтобы доставить её к её сестре, и вынул из своей казны богатства, кушанья, напитки, редкости и драгоценности, для которых бессильны описания. А семь дочерей царя были родные сестры – от одного отца и одной матери, кроме младшей. И старшую звали Нур-аль-Худа, вторую – Наджм-ас-Сабах, третью – Шамс-ад-Духа, четвёртую – Шаджарат-ад-Дурр, пятую – Кут-аль-Кулуб, шестую – Шараф-аль-Банат, и седьмую – Манар-ас-Сана, и это была младшая из сестёр и жена Хасана, и была она им сестрой только по отцу.

И потом старуха подошла и поцеловала землю меж рук Манар-ас-Сана, и Манар-ас-Сана спросила её: «У тебя есть ещё просьба, о матушка?» И старуха сказала: «Царица Нур-аль-Худа, твоя сестра, приказывает тебе переодеть твоих детей и одеть их в рубашки, которые она им сшила, и послать их к ней со мною. И я возьму их и поеду с ними вперёд и буду вестницей твоего прихода к ней». И когда Манар-ас-Сана услышала слова старухи, она склонила голову к земле, и цвет её лица изменился, и она просидела понурившись долгое время, а потом покачала головой и подняла её к старухе и сказала: «О матушка, моя душа встревожилась и затрепетало моё сердце, когда ты упомянула о моих детях. Ведь со времени их рождения никто не видел их лица из джиннов и людей – ни женщины, ни мужчины, и я ревную их к ветерку, когда он пролетает». И старуха воскликнула: «Что это за слова, о госпожа! Или ты боишься для них зла от твоей сестры...»

И Шахразату застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Восемьсот тринадцатая ночь

Когда же настала восемьсот тринадцатая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что старуха сказала госпоже Манар-ас-Сана: „Что это за слова, о госпожа! Разве ты боишься для них зла от твоей сестры? Да сохранит Аллах твой разум! Если ты хочешь послушаться царицы в этом деле, то послушание для тебя невозможно – она будет на тебя гневаться. Но твои дети – маленькие, о госпожа, и тебе простительно за них бояться, и любящий склонён к подозрениям. Но ты знаешь, о дочка, мою заботливость и любовь к тебе и к твоим детям, и я воспитала вас раньше их. Я приму их от тебя и возьму их и постелю для них свои щеки и открою сердце и положу их внутрь его, и мне не нужно наставлений о них в подобном этому деле. Будь же спокойна душою и прохлади глаза и отошли их к ней. Я опережу тебя самое большее на день или на два“.

И старуха до тех пор приставала к Манар-ас-Сана, пока её бок не умягчился, и она побоялась гнева своей сестры и не знала, что скрыто для неё в неведомом. И она согласилась послать детей со старухой и позвала их и выкупала и приготовила и, переодев их, надела на них те рубашки, и отдала их старухе, а та взяла их и помчалась с ними, как птица, не по той дороге, по какой шла их мать, как наказывала ей Нур-аль-Худа. И старуха непрерывно ускоряла ход, боясь за детей, пока не приехала с ними в город царицы Нур-аль-Худа, и она переправилась с ними через реку и вошла в город и пошла с детьми к царице Нур-аль-Худа, их тётке.

И, увидев детей, царица обрадовалась и обняла их и прижала к груди и посадила одного мальчика на правую ногу, а другого – на левую ногу, а потом она обратилась к старухе и сказала ей: «Приведи теперь Хасана! Я дала ему покровительство и защитила его от моего меча. Он укрепился в моем доме и поселился со мною в соседстве после того, как перенёс страхи и бедствия и пришёл путями смерти, ужасы которых все возражали. Но при этом он до сих пор не спасён от испытания смертной чаши...»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Восемьсот четырнадцатая ночь

Когда же настала восемьсот четырнадцатая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что царица Нур-аль-Худа велела старухе привести Хасана и сказала: „Он испытал страхи и бедствия и прошёл путями смерти, ужасы которых все возражали, по при этом он до сих пор не спасён от испытания смертной чаши“. – „Когда я приведу его к тебе, сведёшь ли ты его с ними и, если выяснится, что это не его дети, простишь ли ты его и возвратишь ли и его страну?“ – спросила старуха.

И, услышав её слова, царица разгневалась великим гневом и воскликнула: «Горе тебе, о злосчастная старуха! До каких пор продлятся твои уловки из-за этого чужеземца, который посягнул на нас и поднял нашу завесу и узнал о наших обстоятельствах? Разве он думает, что пришёл в нашу землю, увидел наши лица и замарал нашу честь и вернётся в свои земли невредимым? Он разгласит о наших обстоятельствах в своих землях и среди своих родных, и дойдут о нас вести до всех царей в областях земли, и разъедутся купцы с рассказами о нас по все стороны и станут говорить: „Человек вошёл на острова Вак и прошёл страны колдунов и кудесников и вступил в Землю Джиннов и в Землю Зверей и Птиц и вернулся невредимым“. Этого не будет никогда! Клянусь тем, кто сотворил небеса и их построил и простёр землю и протянул её, и создал тварей и исчислил их! Если это будут не его дети, я непременно убью его, и сама отрублю ему голову своей рукой!» И она закричала на старуху так, что та со страху упала, и натравила на неё привратника и двадцать рабов и сказала им: «Пойдите с этой старухой и приведите ко мне скорее того юношу, который находится у неё в доме».

И старуха вышла, влекомая привратником и рабом, и цвет её лица пожелтел, и у неё дрожали поджилки, и пошла к себе домой и вошла к Хасану. И когда она вошла, Хасан поднялся и поцеловал ей руки и поздоровался с нею, но старуха не поздоровалась с ним и сказала: «Иди поговори с царицей! Не говорила ли я тебе: „Возвращайся в твою страну“. И не удерживала ли тебя от всего этого, но ты не послушался моих слов? Я говорила: „Я дам тебе то, чего никто не может иметь, и возвращайся в твою страну поскорее“, но ты мне не повиновался и не послушался меня, а напротив, сделал мне наперекор и избрал для себя и для меня гибель. Вот перед тобою то, что ты выбрал, и смерть близка. Иди поговори с Этой развратной распутницей, своевольной обидчицей».

И Хасан поднялся с разбитым сердцем, печальной душой и испуганный, говоря: «О хранитель, сохрани! О боже, будь милостив ко мне в том, что ты определил мне из испытаний, и покрой меня, о милостивейший из милостивых». И он отчаялся в жизни и пошёл с теми двадцатью рабами, привратником и старухой. И они ввели Хасана к царице, и он увидел своих детей, Насира и Мансура, которые сидели у царицы на коленях, и она играла с ними и забавляла их. И когда взор Хасана упал на его детей, он узнал их и вскрикнул великим криком и упал на землю, покрытый беспамятством, так сильно он обрадовался своим детям...»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Восемьсот пятнадцатая ночь

Когда же настала восемьсот пятнадцатая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что когда взор Хасана упал на его детей, он узнал их и вскрикнул великим криком и упал на землю, покрытый беспамятством. А очнувшись, он узнал своих детей, и они узнали его, и взволновала их врождённая любовь, и они высвободились из объятий царицы и встали возле велик он и славен! – внушил им слова: „О батюшка наш!“

И заплакали старуха и присутствующие из жалости и сочувствия к ним и сказали: «Хвала Аллаху, который соединил вас с вашим отцом!» А Хасан, очнувшись от обморока, обнял своих детей и так заплакал, что его покрыло беспамятство. И, очнувшись от обморока, он произнёс такие стихи:

«Я вами клянусь: душа не может уже терпеть
Разлуку, хотя бы близость гибель сулила мне.
Мне призрак ваш говорит: «Ведь завтра ты встретишь их».
Но разве, назло врагам, до завтра я доживу?
Я вами клянусь, владыки, как удалились вы,
Мне жизнь не была сладка совсем уже после вас.
И если Аллах пошлёт мне смерть от любви моей,
Я мучеником умру великим от страсти к вам.
Газелью клянусь, что в сердце пастбище обрела,
Но образ её, как он, бежит от очей моих, –
Коль вздумает отрицать, что кровь мою пролила,
Она на щеках её свидетелем выступит».

И когда царица убедилась, что малытки – дети Хасана и что её сестра, госпожа Манар-ас-Сана, – его жена, в поисках которой он пришёл, она разгневалась на сестру великим гневом, больше которого не бывает...»

И Шахразду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Восемьсот шестнадцатая ночь

Когда же настала восемьсот шестнадцатая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что когда царица Нур-альХуда убедилась, что малытки – дети Хасана и что её сестра, Манар-ас-Сана, – его жена, в поисках которой он пришёл, она разгневалась на сестру великим гневом, больше которого не бывает, и закричала в лицо Хасану, и тот упал без чувств. А очнувшись от обморока, он произнёс такие стихи:

«Ушли вы, но ближе всех людей вы душе моей,
Вы скрылись, но в сердце вы всегда остаётесь.
Аллахом клянусь, к другим от вас я не отойду
И против превратностей судьбы буду стоек.
Проходит в любви к вам ряд ночей и кончается,
А в сердце моем больном стенанья и пламя
Ведь прежде я не хотел разлуки на час один,
Теперь же ряд месяцев прошёл надо мною.
Ревную я к ветерку, когда пролетает он, –
Поистине, юных дев ко всем я ревную».

А окончив свои стихи, Хасан упал, покрытый беспамятством. И, очнувшись, он увидел, что его вытащили, волоча лицом вниз, и поднялся и пошёл, путаясь в полах платья, и не верил он в спасение от того, что перенёс от царицы. И это показалось тяжким старухе Шавахи, но она не могла заговорить с царицей о Хасане из-за её сильного гнева.

И когда Хасан вышел из дворца, он был растеряй и не знал, куда деваться, куда пойти и куда направиться, и стала для него тесна земля при её просторе, и не находил он никого, кто бы с ним поговорил и развлёк бы его и утешил, и не у кого было ему спросить совета и не к кому направиться и не у кого приютиться. И он убедился, что погибнет, так как не мог уехать и не знал, с кем поехать, и не знал дороги и не мог пройти через Долину Джиннов и Землю Зверей и Острова Птиц, и потерял он надежду жить. И он заплакал о самом себе, и покрыло его беспамятство, а очнувшись, он стал думать о своих детях и жене и о прибытии её к сестре и размышлять о том, что случится у неё с её сестрой.

А потом он начал раскаиваться, что пришёл в эти земли и что он не слушал ничьих слов, и произнёс такие стихи:

«Пусть плачут глаза о том, что милую утратил я:
Утешиться трудно мне, и горесть моя сильна.
И чашу превратностей без примеси выпил я,
А кто может сильным быть, утратив возлюбленных?
Постлали ковёр упрёков меж мной и вами вы;
Скажите, ковёр упрёков снова когда свернут?
Не спал я, когда вы спали, и утверждали вы,
Что я вас забыл, когда забыл я забвение.
О, сердце, поистине, стремится к сближению,
А вы – мои лекари, от хвори храните вы.
Не видите разве, что разлука со мной творит
Покорён и низким я и тем, кто не низок был.
Скрывал я любовь мою, но страсть выдаёт её,
И сердце огнём любви на веки охвачено.
Так сжальтесь же надо мной и смилуйтесь: был всегда
Обетам и клятвам верен в скрытом и тайном я.
Увижу ли я, что дни нас с вами сведут опять?
Вы – сердце моё, и вас лишь любит душа моя.
Болит моё сердце от разлуки! О, если бы
Вы весть сообщили мне о вашей любви теперь!»

А окончив свои стихи, Хасан продолжал идти, пока не вышел за город, и он увидел реку и пошёл по берегу, не зная, куда направиться, и вот то, что было с Хасаном.

Что же касается его жены, Манар-ас-Сана, то она пожелала выехать на следующий день после того дня, когда выехала старуха. И когда она собиралась выезжать, вдруг вошёл к ней придворный царя, её отца, и поцеловал землю меж её руками...»

И Шахразду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Восемьсот семнадцатая ночь

Когда же настала восемьсот семнадцатая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что когда Манар-ас-Сана собиралась выезжать, вдруг вошёл к ней придворный царя, её отца, и поцеловал землю меж её руками и сказал: „О царевна, твой отец, царь величайший, приветствует тебя и зовёт тебя к себе“. И царевна поднялась и пошла с придворным к отцу, чтобы посмотреть, что ему нужно. И когда отец царевны увидел её, он посадил её с собой рядом на престол и сказал: „О дочка, знай, что я видел сегодня ночью сон, и я боюсь из-за него за тебя и боюсь, что постигнет тебя из-за этой поездки долгая забота“. – „Почему, о батюшка, и что ты видел во сне?“ – спросила царевна.

И её отец ответил: «Я видел, будто я вошёл в сокровищницу и увидел там большие богатства и много драгоценностей и яхонтов, и будто понравились мне во всей

сокровищнице среди всех этих драгоценностей только семь зёрен, и были они лучшими в сокровищнице. И я выбрал из этих семи камней один – самый маленький из них, но самый красивый и сильнее всех сиявший. И как будто» я взял его в руку, когда мне понравилась его красота, и вышел с ним из сокровищницы. И, выйдя из её дверей, я разжал руку, радуясь, и стал поворачивать камень, и вдруг прилетела диковинная птица из далёких стран, которая не из птиц нашей страны, и низринулась на меня с неба и, выхватив камешек у меня из руки, положила его обратно на то место, откуда я его принёс. И охватила меня забота, грусть и тоска, и я испугался великим испугом, который пробудил меня от сна, и проснулся, печальный, горя об этом камне. И, пробудившись от сна, я позвал толкователей и разъяснителей и рассказал им мой сон, и они мне сказали: «У тебя семь дочерей, и ты потеряешь младшую и её отнимут у тебя силой, без твоего согласия». А ты, о дочка, младшая из моих дочерей и самая мне дорогая и драгоценная. И вот ты уезжаешь к твоей сестре, и я не знаю, что у тебя с ней случится. Не уезжай и вернись к себе во дворец».

И когда Манар-ас-Сана услышала слова своего отца, её сердце затрепетало, и она испугалась за своих детей и склонила на некоторое время голову к земле, а потом она подняла голову к отцу и сказала: «О царь, царица Нур-аль-Худа приготовила для меня угощение, и она ждёт моего прибытия с часу на час. Она уже четыре года меня не видала, и если я отложу моё посещение, она на меня рассердится. Самое большее я пробуду у неё месяц времени и вернусь к тебе. Да и кто ступит на нашу землю и достигнет островов Вак и кто может добраться до Белой Земли и до Чёрной Горы и достигнуть Камфарной Горы и Крепости Птиц? Как он пересечёт Долину Птиц, а за ней Долину Зверей, а за ней Долины Джиннов, вступит на наши острова? Если бы вступил на них иноземец, он наверное бы погиб в морях гибели. Успокойся же душою и прохлади глаза о моем путешествии, никто не имеет власти вступить на нашу землю». И она до тех пор старалась смягчить своего отца, пока тот не пожаловал ей разрешения ехать...»

И Шахразад устал, и она прекратила дозволенные речи.

Восемьсот восемнадцатая ночь

Когда же настала восемьсот восемнадцатая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что Манар-ас-Сана до тех пор старалась смягчить своего отца, пока он не пожаловал ей разрешения ехать, и потом он приказал тысяче всадников отправиться с нею и довести её до реки, а затем оставаться на месте, пока она не достигнет города своей сестры и не войдёт в её дворец. И он велел им оставаться с нею и взять её и привести к её отцу и наказал Манар-ас-Сана побыть у сестры два дня и быстро возвращаться. И царица ответила: „Слушаю и повинуюсь!“ – и поднялась и вышла, и отец её вышел и простился с нею.

А слова отца оставили след в её сердце, и она испугалась за своих детей, но нет пользы укрепляться осторожностью против нападения судьбы. И Манар-ас-Сана ускоряла ход в течение трех дней с их ночами и доехала до реки и поставила свои шатры на берегу. А потом она переправилась через реку, вместе с несколькими слугами, приближёнными и везирями и, достигнув города царицы Нур-аль-Худа, поднялась во дворец и вошла к ней и увидела, что её дети плачут около неё и кричат: «Отец наш!» И слезы потекли у неё из глаз, и она заплакала и прижала своих детей к груди и сказала: «Разве вы видели вашего отца? Пусть бы не было той минуты, когда я его покинула, и если бы я знала, что он в обители жизни, я бы вас к нему присела».

И потом она стала плакать о себе и о своём муже, и о том, что её дети плачут, и произнесла такие стихи:

«Любимые! Несмотря на даль и суровость, я
Стремлюсь к вам, где б ни были, и к вам направляюсь лишь.
И взоры обращены мои к вашей родине,

И сердце моё скорбит о с вами прошедших днях.
Как много мы провели ночей без сомнения,
Влюблённые, радуясь и ласке и верности!»

И когда царевна увидела, что её сестра обняла своих детей и сказала: «Я сама сделала это с собою и с детьми к разрушила мой дом», – Нур-аль-Худа не пожелала ей мира, но сказала ей: «О распутница, откуда у тебя эти дети? Разве ты вышла замуж без ведома твоего отца или совершила блуд? Если ты совершила блуд, тебя следует наказать, а если ты вышла замуж без нашего ведома, то почему ты покинула твоего мужа и взяла твоих детей и разлучила их с их отцом и пришла в паши страны?..»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Восемьсот девятнадцатая ночь

Когда же настала восемьсот девятнадцатая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что царица Нур-аль-Худа сказала своей сестре Манар-ас-Сана: „А если ты вышла замуж без нашего ведома, то почему ты покинула твоего мужа и взяла твоих детей и разлучила их с их отцом и пришла в наши страны и спрятала от нас твоих детей? Разве ты думаешь, что мы этого не знаем? Великий Аллах, знающий сокровенное, обнаружил нам твоё дело, открыл твоё состояние и показал твои слабые места!“

И потом, после этого, она велела своим приближённым взять Манар-ас-Сана, и её схватили, и Нур-аль-Худа связала ей руки и заковала её в железные цепи и побила её болезненным боем, так что растерзала ей тело, и привязала её за волосы к крестовине и посадила её в тюрьму.

И она написала письмо своему отцу, царю величайшему, чтобы осведомить его об этом деле, и писала ему: «В нашей стране появился мужчина из людей, и моя сестра Манар-ас-Сана утверждает, что она вышла за него Замуж по закону и принесла от него двух детей, но скрыла их от нас и от тебя и не объявляла о себе ничего, пока не пришёл к нам этот мужчина, который из людей, а зовут его Хасан. И он рассказал нам, что женился на ней и что она прожила с ним долгий срок времени, а потом взяла своих детей и ушла без его ведома. И она осведомила, уходя, его мать и сказала ей: „Скажи твоему сыну, если охватит его тоска, пусть приходит ко мне на острова Вак“. И мы задержали этого человека у нас, и я послала к ней старуху Шавахи, чтобы она привела её к нам, вместе с её детьми, и она собралась и приехала. А я приказала старухе Шавахи принести мне её детей раньше и прийти ко мне с ними, прежде чем она явится, и старуха принесла детей раньше, чем пришла их мать. И я послала за человеком, который утверждал, что она его жена, и, войдя ко мне и увидев детей, он узнал их, и они его узнали, и я удостоверилась, что эти дети – его дети, и что она – его жена, и узнала, что слова этого человека правильны и что на нем нет позора и дурного, и увидела, что мерзость и позор – на моей сестре. И я испугалась, что наша честь будет посрамлена перед жителями наших островов, и когда эта распутная обманщица вошла ко мне, я на неё разгневалась и побила её болезненным боем и привязала её к кресту за волосы. Вот я осведомила тебя об её истории и приказ – твой приказ – что ты нам прикажешь, мы сделаем. Ты знаешь, что в этом деле для нас срам, и позор нам и тебе, и, может быть, услышат об этом жители островов, и станем мы между ними притчей, и надлежит тебе дать нам быстрый ответ».

И потом она отдала письмо посланцу, и тот пошёл с ним к царю. И когда царь величайший прочитал его, он разгневался великим гневом на свою дочь Манар-ас-Сана и написал своей дочери Нур-аль-Худа письмо, в котором говорил: «Я вручаю её дело тебе и назначаю тебя судьёй над её кровью. Если дело таково, как ты говоришь, убей её и не советуйся о ней со мною».

И когда письмо её отца дошло до царицы, она прочитала его и послала за

Манар-ас-Сана и призвала её к себе, а Манар-ас-Сана утопала в крови, была связана своими волосами и закована в тяжёлые железные цепи, и была на ней волосяная одежда. И её поставили перед царицей, и она стояла, униженная и презренная, и, увидев себя в столь большом позоре и великом унижении, она вспомнила о своём бывшем величии и заплакала сильным плачем и произнесла такие два стиха:

«Владыка, мои враги хотят погубить меня,
Они говорят, что мне не будет спасенья
Надеюсь, что все дела врагов уничтожишь ты,
Господь мой, защита тех, кто просит в испуге».

И затем она заплакала сильным плачем и упала, покрытая беспамятством, а очнувшись, она произнесла такие два стиха:

«Подружились беды с душой моей; с ними дружен я,
Хоть был врагом их; щедрый – друг для многих,
Единым не был род забот в душе моей,
И их, хвала Аллаху, много тысяч».

И ещё произнесла такие два стиха:

«Как много бед нелёгкими покажутся
Для юноши – спасенье у Аллаха!
Тяжелы они, но порой охватят кольца их
И раскроются, а не думал я, что раскроются...»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Ночь, дополняющая до восьмисот двадцати

Когда же настала ночь, дополняющая до восьмисот двадцати, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что когда царица Нур-аль-Худа велела привести свою сестру, царевну Манар-ас-Сана, её поставили перед нею, связанную, и она произнесла предыдущие стихи. И её сестра принесла деревянную лестницу и положила на неё Манар-ас-Сана и велела слугам привязать её спиной к лестнице и вытянула ей руки и привязала их верёвками, а затем она обнажила ей голову и обвила её волосы вокруг деревянной лестницы, и жалость к сестре исчезла из её сердца.

И когда Манар-ас-Сана увидела себя в таком позорном и унижительном положении, она начала кричать и плакать, но никто не пришёл ей на помощь. И она сказала: «О сестрица, как ожесточилось ко мне твоё сердце и ты не жалеешь меня и не жалеешь этих маленьких детей?» И, услышав эти слова, Нур-аль-Худа стала ещё более жестокой и начала её ругать и воскликнула: «О любовница, о распутница, пусть не помилует Аллах того, кто тебя помилует! Как я тебя пожалею, о обманщица?» И Манар-ас-Сана сказала ей (а она лежала вытянутая)» «Я ищу от тебя защиты у господа неба в том, за что ты меня ругаешь, и в чем я невиновна! Клянусь Аллахом, я не совершала блуда, а вышла за него замуж по закону, и мой господь знает, правда мои слова или нет. Моё сердце разгневалось на тебя из за жестокости твоего сердца ко мне – как ты упрекаешь меня в блуде, ничего не зная! Но мой господь освободит меня от тебя, и если твои упреки за блуд правильны, Аллах накажет меня за это».

И её сестра подумала, услышав её слова, и сказала ей: «Как ты можешь обращаться ко мне с такими словами!» А потом она поднялась и стала бить Манар-ас-Сана, и её покрыло беспамятство. И ей брызгали в лицо водой, пока она не очнулась, и изменились прелести её

от жестоких побоев и крепких уз и от постигшего её великого унижения, и она произнесла такие два стиха:

«И если грех совершила я
И дурное дело я сделала, –
Я раскаялась в том, что минуло,
И просить прощенья пришла я к вам».

И, услышав её стихи. Нур-аль-Худа разгневалась сильным гневом и воскликнула: «Ты говоришь передо мной стихами, о распутница, и ищешь прощенья великих грехов, которые ты совершила! У меня было желание воротить тебя к твоему мужу и посмотреть на твоё распутство и силу твоего глаза, так как ты похваляешься совершёнными тобой распутствами, мерзостями и великими грехами».

И затем она велела слугам принести пальмовый прут, и когда его принесли, засучила рукава и стала осыпать Манар-ас-Сана ударами с головы до ног. А потом она приказала подать витой бич, такой, что если бы ударили им слона, он бы, наверное, быстро убежал, и стала опускать этот бич на спину и на живот Манар-ас-Сана, и от этого её покрыло беспамятство. И когда старуха Шавахи увидела такие поступки царицы, она бегом выбежала от неё, плача и проклиная её. И царица крикнула слугам: «Приведите её ко мне!» И слуги вперегонку побежали за ней и схватили её и привели к царице, и та велела бросить Шавахи на землю и сказала невольницам: «Тащите её лицом вниз и вытащите её!» И старуху потащили и вытащили, и вот то, что было со всеми ими.

Что же касается до Хасана, то он поднялся, стараясь быть стойким, и пошёл по берегу реки, направляясь к пустыне, смятенный, озабоченный и потерявший надежду жить, и был он ошеломлён и не отличал дня от ночи из-за того, что его поразило. И он шёл до тех пор, пока не приблизился к дереву, и он увидел на нем повешенную бумажку и взял её в руку и посмотрел на неё, и вдруг оказалось, что на ней написаны такие стихи:

«Обдумал я дела твои,
Когда был в утробе ты матери,
И смягчил к тебе я её тогда,
И к груди прижала тебя она.
Поможем мы тебе во всем,
Что горе и беду несёт.
Ты встань, склонись пред нами ты –
Тебя за Руку мы возьмём в беде».

И когда Хасан кончил читать эту бумажку, он уверился, что будет спасён от беды и добьётся сближения с любимыми, а затем он прошёл два шага и увидел себя одиноким, в месте пустынном, полном опасности, где не найти никого, кто бы его развлёк, и сердце его умерло от одиночества и страха, и у него задрожали поджилки, и он произнёс такие стихи:

«О ветер, коль пролетишь в земле ты возлюбленных,
Тогда передай ты им привет мой великий.
Скажи им, что я заложник страсти к возлюбленным,
Любовь моя всякую любовь превышает.
Быть может, повеет вдруг от них ветром милости,
И тотчас он оживит истлевшие кости...»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Восемьсот двадцать первая ночь

Когда же настала восемьсот двадцать первая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что Хасан, прочитав бумажку, убедился в том, что будет спасён от беды, и уверился, что добьётся сближения с любимыми, а потом он прошёл два шага и увидел себя одиноким, в месте, полном опасностей, и не было с ним никого, кто бы его развлёк. И он заплакал сильным плачем и произнёс такие стихи, которые мы упомянули, и затем прошёл по берегу реки ещё два шага и увидел двух маленьких детей, из детей колдунов и кудесников, перед которыми лежала медная палочка, покрытая талисманами, а рядом с палочкой – кожаный колпак, сшитый из трех клиньев, на котором были выведены сталью имена и надписи.

И палочка и колпак валялись на земле, а дети спорили из-за них и дрались, так что между ними лилась кровь. И один говорил: «Не возьмёт палочки никто, кроме меня!» А другой говорил: «Не возьмёт палочки никто, кроме меня!»

И Хасан встал между ними и оторвал их друг от друга и спросил: «В чем причина вашего спора?» И дети сказали ему: «Дяденька, рассуди нас! Аллах великий привёл тебя к нам, чтобы ты разрешил наш спор по справедливости». – «Расскажите мне вашу историю, и я рассужу вас», – сказал Хасан. И дети сказали ему: «Мы родные братья, и наш отец был один из больших колдунов, и он жил в пещере на этой горе. Он умер и оставил нам этот колпак и эту палочку, и мой брат говорит: „Никто не возьмёт палочки, кроме меня!“ – а я говорю: „Никто не возьмёт её, кроме меня!“ Рассуди же нас и освободи нас друг от друга!»

И, услышав их слова, Хасан спросил их: «Какая разница между палочкой и колпаком и в чем их ценность? Палочка, судя по внешнему виду, стоит шесть джедидов, а колпак стоит три джедида». – «Ты не знаешь их достоинства», – ответили братья. «А в чем их достоинство?» – спросил Хасан. И дети сказали: «В каждой из этих вещей – дивная тайна, и дело в том, что палочка стоит подати с островов Вак и всех их земель и колпак – то же».

«О дети, ради Аллаха, откройте мне их тайну», – сказал Хасан. И дети ответили: «О дяденька, тайна их велика, и наш отец прожил сто тридцать пять лет, стараясь их придумать, пока не сделал их как нельзя лучше. И он вложил в них скрытую тайну, получая от них дивные услуги, и расписал их наподобие вращающегося небосвода, и разрешил ими все чары. А когда он кончил их изготовление, его застигла смерть, которой не избежать никому. И что касается колпака, то его тайна в том, что всякий, кто наденет его на голову, скроется с глаз всех людей, и никто не будет его видеть, пока колпак останется у него на голове. А что касается палочки, то её тайна в том, что всякий, кто ею владеет, правит семью племенами джиннов, и все они служат этой палочке, и все подвластны его велению и приговору. И если кто-нибудь, кто ею владеет и у кого она в руках, ударит ею по земле, перед ним смирятся земные цари, и все джинны будут ему служить».

И, услышав эти слова, Хасан склонил на некоторое время голову к земле и сказал про себя: «Клянусь Аллахом, я буду побеждать этой палочкой и этим колпаком, если захочет Аллах великий, и я более достоин их, чем эти дети! Сейчас же ухитрюсь отнять их у них, чтобы помочь себе в моем освобождении и освобождении моей жены и детей от этой жестокой царицы, и мы уедем из этого мрачного места, откуда никому из людей не спастись и не убежать. Может быть, Аллах привёл меня к этим мальчикам только для того, чтобы я вырвал у них рту палочку и колпак».

И потом он поднял голову к мальчикам и сказал им: «Если вы хотите разрешить дело, то я вас испытаю, и тот, кто одолеет своего соперника, возьмёт палочку, а кто окажется слабее, возьмёт колпак. И если я вас испытаю и распознаю вас, я буду знать, чего каждый из вас достоин». – «О дядюшка, мы поручаем тебе испытать нас, решай между нами, как ты выберёшь», – сказали дети. И Хасан спросил их: «Будете ли вы меня слушаться и примете ли мои слова?» – «Да», – ответили дети. И Хасан сказал им: «Я возьму камень и брошу его, и кто из вас прибежит к нему первый и возьмёт его раньше другого, тот возьмёт палочку, а кто отстанет и не догонит другого, тот возьмёт колпак». – «Мы принимаем от тебя эти слова и

согласны на них», – сказали дети.

И тогда Хасан взял камень и с силой бросил его, так что он скрылся из глаз, и дети вперегонку побежали за ним. И когда они удалились, Хасан надел колпак, взял палочку в руки и отошёл от своего места, чтобы увидеть правдивость слов мальчиков о тайне их отца. И младший мальчик прибежал к камню первый и взял его и вернулся к тому месту, где был Хасан, но не увидел и следа его. И тогда он крикнул своему брату: «Где тот человек, что был судьёй между нами?» И его брат сказал: «Я его не вижу и не знаю, поднялся ли он на вышнее небо, или спустился к нижней земле!» И потом они поискали Хасана, но не увидели его, – а Хасан стоял на своём месте, – и стали ругать один другого и сказали: «Пропали и палочка и колпак – ни мне, ни тебе, и наш отец говорил нам эти самые слова, но мы забыли, что он нам рассказывал».

И они вернулись обратно, а Хасан вошёл в город, надев колпак и неся в руках палочку, и не увидел его ни один человек. И он поднялся во дворец и проник в то помещение, где была Шавахи Зат-ад-Давахи, и вошёл к ней в колпаке, и она его не увидела. И он шёл, пока не приблизился к полке, тянувшейся над её головой и уставленной стеклом и фарфором, и потряс её рукой, и то, что было на полке, упало на пол. И Шавахи Зат-ад-Давахи закричала и стала бить себя по лицу, а затем она подошла и поставила на место то, что упало, и сказала про себя: «Клянусь Аллахом, что царица Нур-аль-Худа не иначе как послала ко мне шайтана, и он сделал со мной это дело! Я прошу Аллаха великого, чтобы он освободил меня от неё и сохранил меня от её гнева. О господи! Если она сделала такое скверное дело и побила и распяла свою сестру, которая дорога её отцу, то каков будет её поступок с кем-нибудь чужим, как я, когда она на него рассердится?..»

И Шахразату застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Восемьсот двадцать вторая ночь

Когда же настала восемьсот двадцать вторая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что старуха Зат-ад-Давахи думала: „Если царица Нур-аль-Худа делает такие дела со своей сестрой, то каково будет положение чужого, когда она на него рассердится?“ И затем она воскликнула: „Заклинаю тебя, о шайтан многомилостивый, благодетелем, великим по сану, сильным властью, создателем людей и джиннов, и надписью, которая на перстне Сулеймана, сына Дауда, – мир с ними обоими! – заговори со мной и ответь мне!“ И Хасан ответил ей и сказал: „Я не шайтан, я Хасан, любовью взволнованный, безумный, смятенный“.

И затем он снял колпак с головы и явился старухе, и та узнала его и взяла и уединилась с ним и сказала: «Что случилось с твоим умом, что ты пробрался сюда? Иди спрячься! Эта развратница причинила твоей жене те пытки, которые причинила, а она – её сестра. Что же будет, если она нападёт на тебя?» И потом она рассказала ему обо всем, что выпало его жене и какие она вынесла тяготы, пытки и мученья, и рассказала ему также, какие достались мученья ей самой, и сказала: «Царица жалела, что отпустила тебя, и послала за тобой человека, чтобы тебя воротить, обещая дать ему кинтар золота и поставить его при себе на моё место, и поклялась, что, если тебя воротят, она убьёт тебя и убьёт твою жену и детей».

И потом старуха заплакала и показала Хасану, что царица сделала с нею, и Хасан заплакал и воскликнул: «О госпожа моя, как освободиться из этой земли и от этой жестокой царицы и какая хитрость приведёт меня к освобождению моей жены и детей и возвращению с ними в мою страну невредимым?» – «Горе тебе, – воскликнула старуха, – спасайся сам!» Но Хасан вскричал: «Я непременно должен освободить её и освободить моих детей против воли царицы!» – «А как ты их освободишь против её воли? – молвила старуха. – Иди и скрывайся, о дитя моё, пока позволит Аллах великий».

И тогда Хасан показал ей медную палочку и колпак, и, увидав их, старуха обрадовалась сильной радостью и воскликнула: «Слава тому, кто оживляет кости, когда они истлели!

Клянусь Аллахом, о дитя моё, ты и твоя жена были в числе погибающих, а теперь, о дитя моё, ты спасся вместе с твоей женой и детьми! Я ведь знаю эту палочку и того, кто её сделал, – это был мой наставник, который научил меня колдовству, и он был великий колдун и провёл сто тридцать пять лет, тщательно делая эту палочку и колпак. А когда он кончил их совершенствовать, его настигла смерть, которой не избежать. И я слышала, как он говорил своим детям: „О дети мои, эти вещи – не ваша доля, но придёт человек чужеземный и возьмёт их у вас силой, и вы не будете знать, как он их у вас возьмёт“. И они говорили: „О батюшка, скажи нам, как ему удастся их у нас отнять?“ И он отвечал: „Я не знаю этого“. Как же тебе удалось отнять их, о дитя моё?»

И Хасан рассказал ей, как он отнял у детей эти вещи. И когда он рассказал ей об этом, старуха обрадовалась и воскликнула: «О дитя моё, раз ты можешь овладеть своей женой и детьми, послушай, что я тебе скажу. Мне не пребывать у этой развратницы, после того как она посягнула на меня и подвергла меня пытке и я уезжаю от неё в пещеру колдунов, чтобы остаться у них и жить с ними, пока я не умру. А ты, о дитя моё, надень колпак, возьми в руку палочку и войди к своей жене и детям в помещение, где они находятся, и ударь палочкой по земле и скажи: „О слуги этих имён!“ И поднимутся к тебе слуги палочки, и если к тебе поднимется один из главарей племён, прикажи ему что захочешь и изберешь».

И затем Хасан простился со старухой и вышел и надел колпак и, взяв с собой палочку, вошёл в помещение, где находилась его жена. И он увидел, что она в состоянии небытия и распята на лестнице и привязана к ней за волосы, и глаза её плачут, и она печальна сердцем и находится в самом плохом положении, не зная дороги к спасению, а её дети играют под лестницей, и она смотрит на них и плачет над ними и над собою. И Хасан увидал её в наихудшем положении и услышал, что она говорит такие стихи:

«Осталось лишь дыханье легче
И глаз зрачок – в смущенье, недвижим он.
Влюблённый вот – внутри его пышет все,
Огнём горя, но молча все терпит он.
Злорадные, и те над ним сжалились,
О горе тем, кто к врагам жалок стал!»

И когда Хасан увидел, какое его жена терпит мученье, позор и унижение, он так заплакал, что его покрыло беспамятство, а очнувшись, он увидал, что его дети играют, а их мать обмерла от сильной боли. И он снял с головы колпак, и дети закричали: «Батюшка наш!» И тогда он снова накрыл себе голову, а мать мальчиков очнулась из-за их крика и не увидела своего мужа, а увидела только детей, которые плакали и кричали: «Батюшка наш!» И их мать заплакала, услышав, что дети упоминают о своём отце, но её сердце разбилось, и все внутри её разорвалось, и она закричала из глубины наболевшего сердца: «Где вы и где ваш отец?» А затем она вспомнила время близости с мужем и вспомнила о том, что с ней случилось после разлуки с ним, и заплакала сильным плачем, так что слезы поранили ей щеки и оросили землю. И щеки её были залиты слезами от долгого плача, и у неё не было свободной руки, чтобы отереть со щёк слезы, и не находила она себе помощника, кроме плача и утешения стихами, и произнесла такие стихи:

«И мне вспомнился расставанья день, как простились мы
И покрыли слезы потоками мой обратный путь.
Как увёл верблюдов погонщик их, не могла найти
Я ни стойкости, ни терпения, ни души моей.
И вернулась я, где идти не зная, и не могла
От тоски очнуться и горести и страдания.
Тяжелей всего на пути обратном злорадный был,
Что пришёл ко мне, и имел он облик смиренного.

О душа моя, коль вдали любимый, покинь тогда
Жизнь приятную, и на долгий век не надейся ты.
О владыка мой, прислушайся к речам любви,
Пусть не будет так, чтоб не вняло сердце речам моим.
О любви преданья связал я цепью с диковинным
И чудесным, так что кажется, что я Асмаи...»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Восемьсот двадцать третья ночь

Когда же настала восемьсот двадцать третья ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что когда, увидав Хасана, дети его узнали и закричали: „Батюшка!“, их мать заплакала, услышав, что они вспоминают своего отца, и воскликнула: „Нет хитрости против приговора Аллаха!“

А про себя она подумала: «О диво Аллаха! Почему они сейчас вспоминают отца и зовут его?» И она заплакала и произнесла такие стихи:

«Опустели земли, светила пет восходящего!
О глаз, будь щедр и слез пролей потоки ты.
Они тронулись, и как терпеть мне после них?
Клянусь, ни стойкости, ни сердца пет по мне.
О путники – а место их в душе моей! –
Наступит ли, владыки, возвращение?
В чем будет вред, коль они вернутся и дружбы их
Я вновь добьюсь, и им жалко станет тоски и слез.
Тучи глаз они течь заставили в день отъезда их
Дивным образом, и огонь не гаснет внутри меня.
Я надеялась, что останутся, но противится
Пребыванье их, и разлукою унесло мечты,
Любимые, вернитесь к нам, молю я вас –
Достаточно пролила я слез по вас уже».

И Хасан не мог вытерпеть и снял с головы колпак, и его жена увидела его и, узнав его, испустила вопль, который испугал всех, кто был во дворце, и спросила Хасана: «Как ты добрался сюда? С неба ты, что ли, спустился или из-под земли поднялся?» И её глаза пролили слезы, и Хасан заплакал, и она сказала ему: «О человек, сейчас не время плакать и не время упрекать – исполнился приговор, и ослеп взор, и пробежал калам с тем, что судил Аллах в предвечном. Заклинаю тебя Аллахом, откуда ты пришёл? Иди спрячься, чтобы никто тебя не видел и не узнала бы об этом моя сестра: она зарежет меня и зарежет тебя». – «О моя госпожа и госпожа всех царевен, – сказал Хасан, – я подверг себя опасности и пришёл сюда и либо умру, либо освобожу тебя от того, что ты терпишь, и мы с тобой и с детьми поедem в мою страну наперекор носу этой развратницы, твоей сестры».

И, услышав его слова, Манар-ас-Сана улыбнулась и Засмеялась и долгое время качала головой и сказала: «Не бывать, душа моя, не бывать, чтобы освободил меня от того, что я терплю, кто-нибудь, кроме великого Аллаха! Спасай же свою душу и уезжай и не ввергай себя в погибель: у неё влачащееся войско, которому никто не в силах противостоять. Но допусти, что ты взял меня и вышел, как ты доберёшься до твоей страны и как вырвешься с этих островов и из этих тяжёлых, опасных мест? Ты ведь видел на дороге чудеса, диковины, ужасы и бедствия, из которых не вырвется никто из непокорных джиннов. Уходи же скорее, не прибавляй горя к моему горю и заботы к моей заботе и не утверждай, что ты освободишь

меня отсюда. Кто приведёт меня в твою землю через эти долины и безводные земли и гибельные места?» – «Клянусь твоей жизнью, о свет моего глаза, я не выйду отсюда и не уеду иначе как с тобой!» – воскликнул Хасан.

И его жена сказала тогда ему: «О человек, как ты можешь быть властен на такое дело? Какова твоя порода? Ты не знаешь, что говоришь! Даже если бы ты правил джиннами, ифритами, колдунами и племенами и духами, никто не может освободиться из этих мест. Спасайся же сам, пока цел, и оставь меня. Быть может, Аллах свершит после одних дел другие». – «О госпожа красавиц, – отвечал Хасан, – я пришёл только для того, чтобы освободить тебя этой палочкой и этим колпаком».

И затем он начал ей рассказывать историю с теми двумя детьми. И когда он говорил, вдруг вошла к ним царица и услышала их разговор. И, увидав царицу, Хасан надел колпак, а царица спросила свою сестру: «О развратница, с кем ты говорила?» – «А кто может со мной говорить, кроме этих детей?» – ответила жена Хасана. И царица взяла бич и начала бить её (а Хасан стоял и смотрел) и била её до тех пор, пока она не лишилась чувств. И затем царица приказала перенести её из этого помещения в другое место, и её развязали и вынесли в другое место, и Хасан вышел с ними туда, куда её принесли. И потом её бросили, покрытую беспмятством, и стояли, смотря на неё. И Манар-ас-Сана, очнувшись от обморока, произнесла такие стихи:

«Я не мало плакал, когда случилось расстаться нам,
И пролили веки потоки слез от горя.
И поклялся я, что, когда бы время свело нас вновь,
О разлуке вновь поминать не стал бы устами.
Я завистникам говорю: «Умрите от горя вы!
Клянусь Аллахом, мечты осуществились!»
Был я полон счастья, и полон так, что оно меня,
Обрадовав, заставило заплакать.
О глаз, стал плач теперь твоей привычкою,
От радости ты плачешь и от горя».

И когда она кончила свои стихи, невольницы вышли от неё, и Хасан снял колпак, и его жена сказала ему: «Смотри, о человек, что меня постигло! Все это потому, что я тебя не послушалась, не исполнила твоего приказания и вышла без твоего позволения. Заклинаю тебя Аллахом, о человек, не взыщи с меня за мой грех, и знай, что женщина не ведаёт, какова цена мужчине, пока не расстанется с ним. И я согрешила и ошиблась, но прошу у великого Аллаха прощения за то, что из-за меня случилось. И если Аллах соединит нас, я никогда не ослушаюсь твоего приказа после этого...»

И Шахразату застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Восемьсот двадцать четвёртая ночь

Когда же настала восемьсот двадцать четвёртая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что жена Хасана извинилась перед ним и сказала ему: „Не взыщи с меня за мой грех, и я прошу у великого Аллаха прощения“. И Хасан отвечал ей (а сердце его из-за неё болело): „Ты не ошиблась, ошибся только я, так как я уехал и оставил тебя с теми, кто не знал твоей цены и достоинства, и Знай, о любимая сердца, плод моей души и свет моего глаза, что Аллах – хвала ему! – дал мне власть тебя освободить. Любо ли тебе, чтобы я доставил тебя в страну твоего отца, и тогда ты получишь подле него сполна то, что определил тебе Аллах, или ты скоро поедешь в нашу страну, раз досталось тебе облегчение?“ – „А кто может меня освободить, кроме господ небес? – отвечала его жена. – Уезжай в свою страну и оставь надежду, ты не Знаешь опасностей этих земель, и если ты

меня не послушаешься, то увидишь“. И потом она произнесла такие стихи:

«Ко мне! У меня все то, что хочешь ты, ты найдёшь!
Чего же ты сердишься, зачем отвернулся ты?
А то, что случилось... Пусть не будет минувшая
Забыта любовь, и дружба пусть не окончится.
Доносчик все время подле нас был, и, увидав,
Что ты отвернулся, он ко мне подошёл тотчас,
Но я в твоих добрых мыслях твёрдо уверена,
Хотя и не знал доносчик гнусный и подстрекал.
Так будем хранить мы тайну нашу, беречь её,
Хотя бы упрёков меч и был обнажён на нас.
Теперь провожу я день в тоске и волнении:
Быть может, придёт гонец с прощеньем от тебя».

И потом они с детьми заплакали, и невольницы услышали их плач и вошли и увидели плачущую царевну Манар-ас-Сана и её детей, но не увидели с ними Хасана, и заплакали из жалости к ним и стали проклинать царицу Нур-аль-Худа.

А Хасан подождал, пока пришла ночь, и сторожа, приставленные к ним, ушли к месту сна, и поднялся и, затянув пояс, подошёл к своей жене и развязал её и поцеловал в голову и прижал к своей груди и поцеловал между глаз и воскликнул: «Как долго мы тоскуем по нашей родине и по сближению там! А это наше сближение – во сне или наяву?» И затем он понёс своего старшего сына, а жена его понесла младшего сына, и они вышли из дворца – Аллах опустил на них свой покров, – и они пошли.

И они достигли выхода из дворца и остановились у ворот, которые запирались перед дворцом царицы, и, оказавшись там, увидели, что ворота закрыты. И Хасан воскликнул: «Нет мощи и силы, кроме как у Аллаха, высокого, великого! Поистине, мы принадлежим Аллаху и к нему возвращаемся!» И они потеряли надежду спастись. И Хасан воскликнул: «О облегчающий горести! – и ударил рукою об руку и сказал: – Я все рассчитал и обдумал последствия всего, кроме этого. Когда взойдёт над нами день – нас схватят! Какова же будет хитрость в этом деле?» И потом Хасан произнёс такие два стиха:

«Доволен ты днями был, пока хорошо жилось,
И зла не боялся ты, судьбой приносимого,
Храним ты ночами был и дал обмануть себя,
Но часто, коль ночь ясна, приходит смущенье».

Потом Хасан заплакал, и его жена заплакала из-за его плача и унижения и тягот судьбы, ею переносимых, и Хасан обернулся к своей жене и произнёс такие два стиха:

«Противится мне судьба, как будто я враг её,
И горестью каждый день встречает меня она.
Задумаю я добро, – противное рок несёт,
И если один день чист, то смутен всегда другой».

И ещё он произнёс такие два стиха:

«Враждебна ко мне судьба: не знает она, что я
Превыше напастей всех, а беды – ничтожны.
Показывает судьба беду и вражду её,
Я ж – стойкость ей показал, какою бывает».

И жена его сказала ему: «Клянусь Аллахом, нет нам освобождения, если мы не убьём себя, и тогда мы отдохнём от этой великой тяготы, а иначе нам придётся испытать болезненные мучения». И когда они разговаривали, вдруг сказал из-за ворот говорящий: «Клянусь Аллахом, я не открою тебе, о госпожа моя Манар-ас-Сана, и твоему мужу Хасану, если вы меня не послушаетесь в том, что я вам скажу!» И, услышав эти слова, оба умолкли и хотели вернуться в то место, где были, и вдруг сказал говорящий: «Что это вы замолчали и не даёте мне ответа?»

И тогда они узнали, кто говорит, а это была старуха Шавахи Зат-ад-Давахи. И они сказали ей: «Что ты нам ни прикажешь, мы сделаем, но открой сначала ворота, – теперешнее время – не время для разговоров». И старуха воскликнула: «Клянусь Аллахом, я не открою вам, пока вы мне не поклянетесь, что возьмёте меня с собою и не оставите меня у этой распутницы. Что постигнет вас, постигнет и меня, и если вы уцелеете, и я уцелею, а если вы погибнете, я погибну – эта трущаяся развратница унижает меня и ежечасно меня мучает из-за вас, а ты, о дочка, знаешь мой сан».

И, узнав старуху, они доверились ей и поклялись ей клятвами, которым она верила, и когда они поклялись ей тем, чему она верила, Шавахи открыла им ворота, и они вышли. И, выйдя, они увидели, что она сидит на румийском кувшине из красной глины, а вокруг горлышка кувшина обвита верёвка из пальмового лыка, и кувшин вертится под нею и бежит бегом, более сильным, чем бог недждийского жеребца. И старуха пошла впереди них и сказала: «Следуйте за мной и не бойтесь ничего: я помню сорок способов колдовства, и самым маленьким из этих способов я сделаю этот город ревущим морем, где бьются волны, и заколдую в нем всякую девушку, так что она превратится в рыбу, и все это я сделаю раньше утра. Но я ничего не могла сделать из этого зла, так как боялась даря, её отца, и уважала её сестёр, которые получают помощь от множества джиннов, племён и слуг. Но я покажу чудеса моего колдовства. Идите же, с благословения Аллаха великого и с его помощью». И тут Хасан с женой обрадовались и убедились в спасении...»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Восемьсот двадцать пятая ночь

Когда же настала восемьсот двадцать пятая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что когда Хасан с женой и старухой Шавахи вышли из дворца, они убедились в спасении. И они вышли за город, и Хасан взял в руку палочку и ударил ею об землю и, укрепив свою душу, сказал: „О слуги этих имён, явитесь ко мне и осведомьте меня о ваших обстоятельствах!“

И вдруг земля раздалась, и вышли оттуда семь ифритов, и у каждого из них ноги были в нижних пределах земли, а голова – в облаках. И они поцеловали землю меж рук Хасана три раза и сказали все одним языком: «Мы здесь, о господин наш и правитель над нами. Что ты нам прикажешь? Мы велению твоему послушны и покорны. Если хочешь, мы высушим для тебя моря и перенесём горы с их места». И Хасан обрадовался их словам и быстроте их ответа и, ободрив своё сердце и укрепив свою душу и решимость, сказал им: «Кто вы, как ваше имя, к какому племени вы относитесь, из какого вы рода, какого племени и какой семьи?» И ифриты вторично поцеловали землю и сказали одним языком: «Мы – семь царей, и каждый царь из нас правит семью племенами джиннов, шайтанов и маридов, и мы, семеро царей, правим сорока девятью племенами из всевозможных племён джиннов, шайтанов, маридов, отрядов и духов, летающих и ныряющих, в горах, пустынях и степях обитающих и моря населяющих. Приказывай же нам, что хочешь: мы тебе слуги и рабы, и всякий, кто владеет этой палочкой, владеет шеями нас всех, и мы становимся ему покорны».

И, услышав их слова, Хасан обрадовался великой радостью, и его жена и старуха также, и потом Хасан сказал джиннам: «Я хочу, чтобы вы показали мне ваше племя, войско и помощников». – «О господин наш, – отвечали джинны, – если мы тебе покажем наше племя,

то будем бояться за тебя и за тех, кто с тобою, ибо это войска многочисленные, и разнообразен их облик, вид, цвет, и лица, и тела. Среди нас есть головы без тел и тела без голов, и иные из нас имеют вид зверей, а другие – вид львов. Но если ты этого желаешь, мы непременно должны показать тебе сначала тех, у кого облик зверей. Чего же, о господин, хочешь ты от нас теперь?» – «Я хочу, чтобы вы снесли меня и мою жену и эту праведную женщину сию же минуту в город Багдад», – сказал Хасан.

И, услышав его слова, ифриты опустили головы. «Отчего вы не отвечаете?» – спросил их Хасан, и они сказали единым языком: «О господин наш, правящий над нами, мы существуем со времён господина нашего Сулеймана, сына Дауда, – мир с ними обоими! – и он взял с нас клятву, что мы не будем носить никого из сыновей Адама на наших спинах. И с тех пор мы не носили никого из сыновей Адама – ни на спинах, ни на плечах. Но мы сейчас оседлаем тебе коней джиннов, которые доставят в твой город тебя и тех, кто с тобой». – «А какое расстояние между нами и Багдадом?» – спросил Хасан. И ифриты сказали: «Расстояние в семь лет для спешащего всадника».

И Хасан удивился тогда и спросил джиннов: «А как же я пришёл сюда меньше, чем в год?» И ифриты ответили: «Аллах вложил сочувствие к тебе в сердца своих праведных рабов. И если бы не это, ты не достиг бы этих стран и городов и никогда не увидел бы их глазом, так как шейх Абд-аль-Каддус, который посадил тебя на слона и посадил тебя на счастливого коня, прошёл с тобою в три дня расстояние в три года пути для спешащего в беге всадника. А что до шейха Абу-р-Рувейша, который дал тебя Дахнашу, то он прошёл с тобой за день и за ночь расстояние в три года. И было это по благословию Аллаха великого, так как шейх Абу-р-Рувейш – из потомков Асафа ибн Барахии, и он держит в памяти величайшее имя Аллаха. А от Багдада до дворца девушек один год; вот и все семь лет».

И, услышав их слова, Хасан удивился великим удивлением и воскликнул: «Хвала Аллаху, который облегчает трудное и скрепляет сломанное, приближает к себе рабов и унижает всякого непокорного притеснителя! Он облегчил нам все трудные дела и привёл меня в эти земли и подчинил мне эти существа и соединил меня с женой и детьми. Не знаю я, сплю я или бодрствую, трезв я или пьян!» И затем он обернулся к джиннам и сказал: «Когда вы посадите меня на ваших коней, во сколько дней они доставят нас в Багдад?» И джинны ответили: «Они доставят тебя туда меньше, чем в год, после того как ты вынесешь тяжкие дела, беды и ужасы и пересечёшь безводные долины и безлюдные пустыни, и степи и множество гибельных мест, и мы не уверены, о господин, что ты спасёшься от жителей этих остров...»

И Шахразадку застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Восемьсот двадцать шестая ночь

Когда же настала восемьсот двадцать шестая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что джинны говорили Хасану: „И мы не уверены, о господин, что ты спасёшься от жителей этих островов, от зла величайшего царя и от этих колдунов и кудесников“. – „Может быть, они покорят нас и отнимут вас у нас, и мы будем испытаны ими. И всякий, до кого дойдёт потом весть об этом, скажет нам: „Это вы – обидчики! Как вы пошли против величайшего царя и унесли из его страны людей и унесли с собою также его дочь“. – „Будь ты с нами один, дело было бы для нас ничтожным, но тот, кто привёл тебя на эти острова, может привести тебя в твою страну и соединить тебя с матерью в час близкий, недалёкий. Решай же, положишься на Аллаха и не бойся: мы перед тобою, чтобы доставить тебя в твою страну“.

И Хасан поблагодарил за это ифритов и сказал им: «Да воздаст вам Аллах благом! – А затем молвил: „Поторопитесь с конями!“ И джинны ответили: „Слушаем и повинуемся!“ И они ударили об землю ногами, и земля раздалась, и джинны скрылись под нею на минуту, а

потом они появились и вдруг поднялись. И было с ними три коня осёдланных, взнузданных, и спереди каждого седла был мешок, в одном из отделений которого лежал бурдюк с водой, а другое отделение было наполнено припасами. И ифриты подвели лошадей, и Хасан сел на одного коня и посадил перед собой ребёнка, и его жена села на другого коня и посадила перед собой другого ребёнка, а затем старуха слезла с кувшина и села на третьего коня, и они поехали и ехали не переставая всю ночь.

А когда наступило утро, они свернули с дороги и направились к горе (а языки их неослабно поминали Аллаха) и ехали под горой весь день. И когда они ехали, Хасан вдруг увидел перед собой гору, подобную столбу, и она была высока, как дым, поднимающийся к небу. И он прочитал кое-что из Корана и свитков и воззвал к Аллаху о спасении от сатаны, битого камнями (а эта чёрная громада становилась все виднее, чем больше к ней приближались).

И когда к ней подъехали близко, оказалось, что это ифрит, голова которого была, как большой купол, клыки – как крючья, а подбородок – как переулок. Ноздри у него были точно кувшины, а уши – как кожаные щиты, и его рот был точно пещера, а зубы – точно каменные столбы; руки у него были, как вилы, и ноги – как мачты, и голова его была в облаках, а ноги – в нижних пределах земли, под прахом.

И, увидя этого ифрита, Хасан склонился и поцеловал землю меж его рук. И ифрит сказал ему: «О Хасан, не бойся меня! Я глава обитателей этой земли. Это первый остров из островов Вак, и я – мусульманин, исповедующий единственность Аллаха. Я о вас слышал и знал о вашем прибытии. И когда узнал о вашем положении, мне захотелось уехать из страны колдунов в другую землю, которая была бы свободна от жителей и далеко от людей и джиннов, чтобы жить там одиноким, в уединении, и поклоняться Аллаху, пока не настигнет меня мой срок. И захотел я стать вашим товарищем и быть вам проводником, пока вы не выйдете с этих островов. Я не появляюсь иначе как ночью: успокойте же относительно меня ваши сердца – я мусульманин, как и вы мусульмане».

И Хасан, услышав слова ифрита, обрадовался великой радостью и убедился в спасении, а затем он обратился к ифриту и сказал ему: «Да воздаст тебе Аллах благом! Иди с нами, с благословения Аллаха!» И ифрит пошёл перед ними, и они стали разговаривать и шутить, и их сердца успокоились, и грудь их расправилась. И Хасан принялся рассказывать своей жене обо всем, что с ним случилось и что он испытал, и они шли не переставая всю ночь...

И Шахразадку застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Восемьсот двадцать седьмая ночь

Когда же настала восемьсот двадцать седьмая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что они шли не переставая всю ночь до утра и кони мчались с ними, как поражающая молния. А когда взошёл день, каждый из путников опустил руку в свой мешок и, вынув оттуда кое-что, поел и достал воды и выпил, а затем они ускорили ход и ехали не переставая, и ифрит шёл перед ними (а он сошёл с дороги на другую дорогу, непроезжую, но берегу реки).

И они проходили через долины и степи в течение целого месяца, а на тридцать первый день поднялась над ними пыль, которая застлала все края неба, и потемнел от неё день. И, увидев её, Хасан впал в смятение. И послышались устрашающие крики. И старуха обратилась к Хасану и сказала ему: «О дитя моё, это войска с островов Вак догнали нас, и сейчас они нас возьмут и схватят». – «Что мне делать, о матушка?» – спросил Хасан. И старуха сказала: «Ударь об землю палочкой!»

И Хасан сделал это, и поднялись к нему те семь царей и приветствовали его и поцеловали перед ним землю и сказали: «Не бойся и не печалься!» И Хасан обрадовался их словам и сказал им: «Хорошо, о владыки джиннов и ифритов. Настало ваше время!» И ифриты сказали ему: «Поднимись ты, с твоей женой и теми, кто есть с тобой, на гору и

оставьте нас с ними. Мы ведь знаем, что вы стоите на истинном, а они — на ложном, и поддержит нас против них Аллах». И Хасан с женой и детьми и старухой сошёл со спин коней, и они отпустили их и поднялись на верхушку горы...»

И Шахразад застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Восемьсот двадцать восьмая ночь

Когда же настала восемьсот двадцать восьмая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что Хасан с женой, детьми и старухой поднялись на верхушку горы, отпустив сначала коней. А потом пришла царица Нур-аль-Худа с войсками справа и слева, и обошли воинов их предводители и расставили их отряд за отрядом. И встретились оба войска, и сшиблись оба скопища, и запылали огни, и выступили вперёд храбрецы, и побежал трус, и джинны метали изо рта пламя искр, пока не приблизилась тёмная ночь. И разошлись скопища, и разделились войска, и, сойдя с коней, они расположились на земле и зажгли огни.

И поднялись семь царей к Хасану и поцеловали землю меж его руками, и Хасан подошёл к ним и поблагодарил их и пожелал им победы и спросил, каковы их обстоятельства и положение с войсками царицы Нур-аль-Худа. И ифриты ответили: «Они не выстоят против нас больше трех дней, и мы были сегодня победителями и захватили их тысячи с две и убили из них много народу, число которого не счесть. Успокойся же душою, и пусть твоя грудь расправится!»

И потом они попрощались с ним и спустились к своему войску, чтобы охранять его, и жгли огни, пока не наступило утро. И когда оно засияло светом и заблестало, витязи сели на чистокровных коней и стали биться острыми клинками и сражаться серыми копьями. И они провели ночь на спинах коней, сшибаясь, как сшибаются моря, и пылало между ними в бою пламя огня, и искали они победы, пока не побежали войска Вак, и сломилась их мощь, и упала их решимость, и поскользнулись их ноги. И куда они ни бежали, поражение предшествовало им, и повернули они спину и положились на бегство, и большую часть их убили, и попала в плен царица Нураль-Худа и вельможи её царства и приближённые.

А когда наступило утро, семь царей появились перед Хасаном и поставили ему мраморный престол, украшенный жемчугом и драгоценностями. И Хасан сел на него, и подле него поставили другой престол для госпожи Манар-ас-Сана, его жены (а был этот престол из слоновой кости, выложенный червонным золотом), и она села на него, а рядом с ними поставили ещё один престол для старухи Шавахи Зат-ад-Давахи, и она села на него. И за тем привели к Хасану пленных, в числе которых была царица Нур-аль-Худа, и были у неё связаны руки и скованы ноги. И, увидав её, старуха воскликнула: «Одно тебе воздаяние, о развратница, о насильница: чтобы не давали есть двум собакам и не давали пить двум коням и привязали тебя к их хвостам и погнали их к реке, а собак пустили вслед за тобою, чтобы разорвалась у тебя кожа, а потом бы отрезали у тебя мясо и кормили тебя им! Как это ты сделала с твоей сестрой такие дела, о развратница, хотя она вышла замуж, как дозволено по обычаю Аллаха и посланника его, ибо нет монашества в исламе и брак — установление посланных — мир с ними! и созданы женщины только для мужчин».

И Хасан велел убить всех пленных, и старуха закричала: «Убейте их и не оставляйте из них ни одного!» И когда царица Манар-ас-Сана увидела свою сестру в таком положении — закованной и пленённой, она заплакала о ней и сказала: «О сестрица, кто же это взял нас в плен в нашей стране и одолел нас?» И царица ответила: «Это дело великое! Этот человек, которого зовут Хасан, покорил нас, и Аллах дал ему власть над нами и над всем нашим царством, и он одолел нас и царей джинов». — «Аллах поддержал его, и он покорил вас и взял вас в плен только с помощью этого колпака и палочки», — сказала её сестра. И Нур-аль-Худа убедилась в этом и поняла, что Хасан освободил свою жену таким способом.

И она умоляла свою сестру, пока её сердце к ней не смягчилось, и тогда Манар-ас-Сана спросила своего мужа Хасана: «Что ты хочешь сделать с моей сестрой? Вот она, перед

тобою, и она не сделала с тобой дурного, чтобы тебе с неё взыскивать». – «Достаточно дурно, что она тебя мучила», – ответил Хасан. И Манар-ас-Сана молвила: «Все дурное, что она со мной сделала, ей простительно, а что до тебя, то ты сжёг сердце моего отца моим похищением, и каково же будет его состояние после гибели моей сестры?» – «Решение принадлежит тебе – как желаешь, так и делай», – сказал Хасан.

И тогда царица Манар-ас-Сана приказала развязать всех пленных, и их развязали ради её сестры и сестру её тоже развязали. И потом Манар-ас-Сана подошла к своей сестре и обняла её, и они с ней заплакали и пропели таким образом долгое время. И царица Нур-аль-Худа сказала своей сестре: «О сестрица, не взыщи с меня за то, что я с тобой сделала». И госпожа Манар-ас-Сана воскликнула: «О сестрица, все это было мне предопределено!» И потом они с сестрой сели на престол и стали беседовать, и Манар-ас-Сана помирила сестру со старухой самым лучшим образом, и успокоились их сердца.

А утром Хасан отпустил войска, которые служили палочке, и поблагодарил их за то, что они сделали, поддерживав его против его врагов. И госпожа Манар-ас-Сана рассказала своей сестре обо всем, что случилось у неё с её мужем Хасаном, и о том, что с ним произошло и что он вытерпел ради неё, и сказала: «О сестрица, если кто свершил такие дела и обладает подобной силой, и Аллах укрепил его великою мощью, так что он захватил тебя и взял тебя в плен и разбил твоё войско и покорил твоего отца, царя величайшего, который властвует над царями джиннов, его правом не следует пренебрегать». – «Клянусь Аллахом, о сестрица, – сказала её сестра, – ты была правдива в том, что мне рассказала о диковинных бедствиях, которые пришлось вытерпеть этому человеку. Разве все это из-за тебя, о сестрица?..»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Восемьсот двадцать девятая ночь

Когда же настала восемьсот двадцать девятая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что когда госпожа Манар-ас-Сана рассказала своей сестре о достоинствах Хасана, та сказала ей: „Клянусь Аллахом, этим человеком не следует пренебрегать, особенно из-за его благородства. Но разве все это случилось из-за тебя?“ И Манар-ас-Сана отвечала: „Да!“ И затем они провели ночь до утра за беседой.

А когда взошло солнце, Хасан захотел трогаться, и они простились друг с другом, и Манар-ас-Сана простилась со старухой, после того как помирила её со своей сестрой Нур-аль-Худа. И Хасан ударил по земле палочкой, и поднялись к нему её служители и приветствовали его и сказали: «Хвала Аллаху за успокоение твоей души! Приказывай нам что хочешь, и мы это для тебя сделаем скорее, чем в мгновение ока!» И Хасан поблагодарил их за эти слова и сказал: «Да воздаст вам Аллах благом! – А потом сказал: – Оседлайте нам двух коней из наилучших!»

И они тотчас же сделали то, что он им приказал, и подвели ему двух осёдланных коней. И Хасан сел на одного из них и посадил перед собой своего старшего сына, а его жена села на другого коня и посадила перед собой своего младшего сына. И царица Нур-аль-Худа со старухой тоже сели, и каждый из них отправился в свою страну, и Хасан со своей женой поехали направо, а царица Нур-аль-Худа со старухой поехали налево. И Хасан ехал с женой и детьми целый месяц, а через месяц они подъехали к какому-то городу, вокруг которого они увидели деревья и каналы. И, приблизившись к этим деревьям, они сошли со спины коней, желая отдохнуть, и сидели, разговаривая.

И вдруг увидели множество коней, которые приближались к ним, и, увидев их, Хасан поднялся на ноги и шёл им навстречу, и оказалось, что это царь Хассун, владыка Камфарной Земли и Крепости Птиц. И Хасан подошёл к царю и поцеловал ему руки и приветствовал его, и, увидав его, царь сошёл со спины своего коня, и они с Хасаном сели на коврах под

деревьями после того, как царь поздоровался с Хасаном и поздравил его с благополучием. Он обрадовался ему сильной радостью и сказал: «О Хасан, расскажи мне, что с тобой случилось, с начала до конца».

И Хасан рассказал ему обо всем этом, и царь Хассун удивился и сказал: «О дитя моё, никто никогда не достигал островов Вак и не возвращался оттуда, кроме тебя, и дело твоё диковинно. Но хвала Аллаху за спасение!» И потом царь поднялся и сел на коня и приказал Хасану садиться и ехать с ним, и Хасан сделал это, и они ехали до тех пор, пока не подъехали к городу. И они вошли в дом царя, и царь Хассун расположился там, а Хасан с женой и детьми поместились в Доме Гостеприимства и, поселившись там, провели у царя три дня за едой и питьём, играми и увеселениями. А потом Хасан попросил у царя Хассуна разрешения уехать в свою страну, и царь разрешил ему. И Хасан с женой и детьми сели на коней, и царь толпою выехал с ними, и они ехали десять дней, а когда царь захотел вернуться, он попрощался с Хасаном, и Хасан с женой и детьми поехали, и ехали целый месяц.

А когда месяц прошёл, они подъехали к большой пещере, пол которой был из жёлтой меди, и Хасан сказал своей жене: «Взгляни на эту пещеру, знаешь ли ты её?» – «Нет», – сказала его жена. И Хасан молвил: «В ней живёт шейх по имени Абу-р-Рувейш, и у него передо мной большая заслуга, так как это он был причиной моего знакомства с царём Хассуном». И он начал рассказывать своей жене историю Абу-р-Рувейша. И вдруг шейх Абу-р-Рувейш вышел из дверей пещеры, и, увидев его, Хасан сошёл с коня и поцеловал ему руки. И шейх Абу-р-Рувейш поздоровался с ним и поздравил его с благополучием и обрадовался ему и взял его и ввёл в пещеру, и они сели там, и Хасан стал рассказывать шейху Абу-р-Рувейшу о том, что случилось с ним на островах Вак. И шейх Абу-р-Рувейш удивился до крайней степени и спросил: «О Хасан, как ты освободил твою жену и детей?» И Хасан рассказал ему историю с палочкой и колпаком, и, услышав эту историю, шейх Абу-р-Рувейш удивился и сказал: «О Хасан, о дитя моё, если бы не эта палочка и не этот колпак, ты бы не освободил твою жену и детей». И Хасан отвечал ему: «Да, о господин мой».

И когда они разговаривали, вдруг кто-то постучался в дверь пещеры, и шейх Абу-р-Рувейш вышел и открыл дверь и увидел, что приехал шейх Абд-аль-Каддус, который сидел на слоне. И шейх Абу-р-Рувейш подошёл и приветствовал Абд-аль-Каддуса и обнял его, радуясь ему великою радостью, и поздравил его с благополучием. А потом шейх Абу-р-Рувейш сказал Хасану: «Расскажи шейху Абд-аль-Каддусу обо всем, что с тобой случилось, о Хасан». И Хасан принялся рассказывать шейху Абдаль-Каддусу обо всем, что с ним случилось, с начала до конца, и дошёл до рассказа про палочку и колпак...»

И Шахразад устала, и она прекратила дозволенные речи.

Ночь, дополняющая до восьмисот тридцати

Когда же настала ночь, дополняющая до восьмисот тридцати, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что Хасан начал рассказывать шейху Абд-аль-Каддусу и шейху Абу-р-Рувейшу (а они сидели в пещере и разговаривали) обо всем, что с ним случилось, от начала до конца, и дошёл до рассказа про палочку и колпак, и шейх Абд-аль-Каддус сказал ему: „О дитя моё, что до тебя, то ты освободил твою жену и детей, и тебе больше нет нужды в этих вещах. Что же касается нас, то мы были причиной твоего прихода на острова Вак, и я сделал тебе благое ради дочерей моего брата. Я прошу у тебя милости и благодеяния: дай мне палочку и дай шейху Абу-р-Рувейшу колпак“.

И, услышав слова шейха Абд-аль-Каддуса, Хасан склонил голову к земле, и ему было стыдно сказать: «Я не дам их вам». И затем он подумал: «Эти два старца сделали мне великое благо, и это они были причиной моего прихода на острова Вак. Если бы не они, я бы не достиг этих мест и не освободил бы жены и детей и не получил бы палочки и колпака». И тогда он поднял голову и сказал: «Хорошо, я вам их дам, но только, господа мои, я боюсь, что величайший царь, родитель моей жены, придёт в наши страны с войсками, и они начнут

со мной сражаться, а я не могу отразить их ничем, кроме палочки и колпака». И шейх Абд-аль-Каддус сказал Хасану: «О дитя моё, не бойся! Мы будем здесь для тебя соглядателями и разведчиками, и всякого, кто придёт к тебе от отца твоей жены, мы отразим! Не бойся же совсем ничего, вообще и совершенно, успокой душу, прохлади глаза и расправь грудь: с тобой не будет дурного».

И когда Хасан услышал слова шейха, его охватил стыд, и он отдал колпак шейху Абу-р-Рувейшу и сказал шейху Абд-аль-Каддусу: «Проводи меня в мою страну, и я отдам тебе палочку». И оба шейха обрадовались сильной радостью и собрали Хасану деньги и сокровища, перед которыми бессильны описания, и Хасан провёл у них три дня и потом захотел уезжать. И шейх Абд-аль-Каддус собрался ехать с ним, когда Хасан сел на коня и посадил на коня свою жену, шейх Абд-аль-Каддус свистнул, и вдруг явился из глубины пустыни большой слон, торопливо переставлявший передние и задние ноги. И шейх Абд-аль-Каддус схватил его и сел на него и поехал с Хасаном, его женой и детьми, а что касается шейха Абу-р-Рувейша, то он вошёл в пещеру. И Хасан с женой, детьми и шейхом Абд-аль-Каддусом ехали, пересекая землю вдоль и вширь, и шейх Абд-аль-Каддус указывал им лёгкую дорогу и ближние проходы, и они приблизились к родной земле.

И Хасан обрадовался приближению к земле его матери и возвращению с его женой и детьми, и, достигнув своей земли после этих тяжких ужасов, он прославил за это великого Аллаха и возблагодарил его за благодеяние и милость и произнёс такие стихи:

«Быть может, нас сведёт Аллах уж скоро,
И будем обниматься мы с тобою.
О гамом дивном вам расскажу, что было
И что я вынес, мучаясь разлукою.
Я исцелю глаза, на вас взирая, —
Поистине, дута моя тоскует,
В душе моей для вас рассказ я спрятал,
Чтоб рассказать его в день встречи с вами.
Я буду вас корить за то, что было, —
Укоры кончатся, любовь продлится».

А когда Хасан окончил свои стихи, он посмотрел, и вдруг блеснул перед ним зелёный купол и бассейн и зелёный дворец, и показалась вдали Гора Облаков. И тогда шейх Абд-аль-Каддус сказал им: «О Хасан, радуйся благу! Ты сегодня ночью будешь гостем у дочери моего брата». И Хасан обрадовался великой радостью, и его жена тоже, и они остановились возле купола и отдохнули, попили и поели и потом сели и ехали, пока не приблизились ко дворцу. И когда они подъехали, к ним вышли дочери царя, брата шейха Абд-аль-Каддуса, и встретили их и поздоровались с ними и со своим дядей, и дядя их поздоровался с ними и сказал: «О дочери моего брата, вот я исполнил желание вашего брата Хасана и помог ему освободить его жену и детей!»

И девушки подошли к Хасану и обняли его, радуясь ему, и поздравили его со здоровьем и благополучием и соединением с женой и детьми, и был у них день праздничный. А потом подошла младшая сестра Хасана и обняла его и заплакала сильным плачем, и Хасан тоже заплакал с нею из-за долгой тоски. И девушка пожаловалась ему, какую она испытывает боль из-за разлуки и утомления души, и что она испытала в разлуке с ним, и произнесла такие два стиха:

«Когда удалился ты, смотрел на других мой глаз,
Но образ твой перед ним покачивался всегда.
Когда же смежался он, являлся ты мне во сне,
Как будто меж веками и глазом живёшь ты, друг».

А окончив свои стихи, она обрадовалась сильной радостью, и Хасан сказал ей: «О сестрица, я никого не благодарю в этом деле, кроме тебя, прежде всех сестёр! Аллах великий да будет близок к тебе с его помощью и промыслом». И потом он рассказал ей обо всем, что с ним случилось во время путешествия, с начала до конца, и что он вытерпел, и что произошло у него с сестрою его жены, и как он освободил жену и детей, и рассказал ей также, какие он видел чудеса и тяжкие ужасы, вплоть до того, что сестра его жены хотела зарезать его и зарезать её и зарезать её детей, и не спас их никто, кроме Аллаха великого. А затем он рассказал ей историю с палочкой и колпаком и рассказал о том, что шейх Абу-рРувейш и шейх Абд-аль-Каддус попросили их у него, и он отдал их им только ради неё. И сестра Хасана поблагодарила его за это и пожелала ему долгого века, а он сказал: «Клянусь Аллахом, я не забуду всего того добра, которое ты мне сделала с начала дела и до конца...»

И Шахразад устало продолжила, и она прекратила дозволенные речи.

Восемьсот тридцать первая ночь

Когда же настала восемьсот тридцать первая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что когда Хасан встретился с девушками, он рассказал своей сестре обо всем, что он вытерпел, и сказал: „Я не забуду того, что ты со мной сделала от начала времени и до конца“. И его сестра обернулась к его жене Манар-ас-Сана и обняла её и прижала её детей к груди и сказала ей: „О дочь царя величайшего, разве нет в твоём сердце жалости, что ты разлучила его с детьми и сожгла из-за них его сердце? Разве ты хотела, делая это, чтоб он умер?“ И Манар-ас-Сана засмеялась и сказала: „Так судил Аллах, – хвала ему и величие! – и кто обманывает людей, того обманет Аллах!“ И затем им принесли коекакой еды и питья, и все вместе поели, попили и повеселились.

И Хасан провёл у девушек десять дней за едой и питьём, в радости и счастии, а после десяти дней Хасан стал собираться в путь, и его сестра собрала ему деньги и редкости, для которых бессильны описания. И она прижала его к груди на прощанье и обняла его, и Хасан» указывая на неё, произнёс такие стихи:

«Влюблённого забвение отдалённо,
Разлука же с возлюбленным так ужасна.
Суровость, отдаленье – для нас мука.
Тот мученик, убит кто был своей страстью.
Сколь долгой ночь влюблённому кажется,
Оставил что любимого и один он!
Ток слезы его вдоль щёк его катится,
И молвит он: «О слезы, можно ль прибавить?»»

А потом Хасан дал шейху Абд-аль-Каддусу палочку, и тот обрадовался ей сильной радостью и поблагодарил за это Хасана. И, взяв от него палочку, он поехал и вернулся в своё жилище. А Хасан с женой и детьми выехал из дворца девушек, и те вышли, чтобы проститься с ним, и потом вернулись, а Хасан отправился в свою страну. И он ехал пустынной степью два месяца и десять дней и достиг города Багдада. Обитатели Мира, и пришёл к своему дому через потайную дверь, которая открывалась в сторону пустыни и равнины, и постучал в ворота. А его мать от долгого его отсутствия рассталась со сном и не оставляла грусти, плача так, что заболела и перестала есть пищу. И она не наслаждалась сном, а плакала ночью и днём, неустанно поминая своего сына, и потеряла она надежду на возвращение его.

И когда Хасан остановился у ворот, он услышал, что его мать плачет и говорит такие стихи:

«Аллахом молю, владыки, хворого исцелить,
Чьё тело худеет так, а сердце разбито.
Коль близость дадите вы по щедрости вашей к нам,
Влюблённого милостью любимых зальёте.
Но я не отчаялась в сближенье, – могуч Аллах,
И часто за трудностью идёт облегченье».

А окончив свои стихи, она услышала, что сын её Хасан кричит у ворот: «О матушка, дни даровали единение!» И, услышав его слова, она узнала его и подошла к воротам и веря и не веря. И она открыла ворота и увидела, что её сын стоит, и с ним его жена и дети, и вскрикнула от сильной радости и упала на землю, покрытая беспамятством. И Хасан до тех пор ласкал её, пока она не очнулась. И тогда она обняла его и заплакала, а потом она позвала слуг и рабов Хасана и приказала им внести в дом все, что с ним было, и они внесли тюки в дом. И вошла жена Хасана и его дети, и мать его поднялась и обняла её и поцеловала её в голову и поцеловала ей ноги и сказала: «О дочь царя величайшего, если я ошиблась по отношению к тебе, то вот я прошу прощенья у великого Аллаха!» А потом она обратилась к своему сыну и спросила его: «О дитя моё, в чем причина этой долгой отлучки?»

И когда мать спросила его об этом, Хасан рассказал ей обо всем, что с ним случилось, с начала до конца, и, услышав его слова, она закричала великим криком и упала на землю без памяти из-за упоминания о том, что случилось с её сыном. И Хасан до тех пор ласкал её, пока она не очнулась, и тогда она сказала ему: «О дитя моё, клянусь Аллахом, ты напрасно пренебрёг палочкой и колпаком. Если бы ты их сохранил и оставил себе, ты, право, овладел бы землёй и вдоль и вширь, но хвала Аллаху, о дитя моё, за спасение твоё и твоей жены и детей!»

И они провели наилучшую и приятнейшую ночь, а когда наступило утро, Хасан переменял бывшие на нем одежды и надел платье из наилучшей материи, и вышел на рынок, и стал покупать рабов, невольниц, материи и дорогие вещи – платья, украшения и ковры, а также дорогую посуду, какой не найти у царей. И ещё он купил дома, и сады, и имения, и прочее, и жил с детьми, женой и матерью за едой, питьём и наслаждениями. И они жили прекраснейшей и приятнейшей жизнью, пока не пришла к ним Разрушительница наслаждений и Разлучительница собраний. Хвала же да будет властителю видимого и невидимого царства, живому, вечному, который не умирает.

Сказка о рыбаке Халифе (ночи 831-845)

Рассказывают также, – начала новую сказку Шахразада, – что был в древние времена и минувшие века и годы в городе Багдаде человек-рыбак, по имени Халифа, и был это человек бедный по состоянию, который никогда ещё в жизни не женился. И случилось в один день из дней, что он взял сеть и отправился с нею, по обычаю, к реке, чтобы половить раньше рыбаков. И, придя к реке, он подпоясался, подоткнул платье и подошёл к реке и, развернув свою сеть, закинул её первый раз и второй раз, но в ней ничего не поднялось. И он закидывал её до тех пор, пока не закинул десять раз, и не поднялось в ней совсем ничего. И стеснилась грудь рыбака, и смутились мысли его, и он воскликнул: «Прошу прощенья у Аллаха великого, кроме которого нет бога, живого, самосущего, и возвращаюсь к нему! Нет мощи и силы, кроме как у Аллаха, высокого, великого! Чего хочет Аллах, то бывает, а чего не хочет он, то не бывает! Надел – от Аллаха, – велик он и славен! И когда даёт Аллах рабу, не отказывает ему никто, а когда отказывает Аллах рабу, не даёт ему никто!» И потом, от охватившего его великого огорчения, он произнёс такие два стиха:

«Когда поражает рок своею превратностью,
Терпение ты готовь и грудь для него расправь,

Поистине, ведь господь миров, в своей щедрости
И милости, после горя даст облегчение».

И он посидел немного, размышляя о своём деле, и склонил голову к земле, а потом произнёс такие стихи:

«Терпи и сладость дней, терпи и гореть их,
И знай – Аллах всегда достигнет дел своих,
Ведь похожа ночь огорчения на нарыв порой,
И вожусь я с ним, пока удастся проткнуть его.
Проходят часто превратности над юношей
И кончаются, и ему на ум не приходят вновь».

И потом он сказал про себя: «Брошу ещё этот раз и положусь на Аллаха. Может быть, он не обманет моей надежды». И он подошёл и бросил сеть в реку, размахнувшись на длину руки, и свернул верёвки и подождал некоторое время, а потом он потянул сеть и нашёл её тяжёлой...»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Восемьсот тридцать вторая ночь

Когда же настала восемьсот тридцать вторая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что когда Халифа-рыбак закинул сеть в реку несколько раз и в ней ничего не поднялось, он стал размышлять о своём деле и произнёс предыдущие стихи, а потом сказал про себя: „Брошу ещё раз и положусь на Аллаха. Может быть, он не обманет моей надежды“. И он поднялся и закинул сеть и подождал некоторое время, а затем он потянул сеть и нашёл её тяжёлой. И, почувствовав, что сеть тяжёлая, рыбак стал действовать с нею осторожно и тянул её до тех пор, пока она не вышла на сушу. И вдруг в ней оказалась обезьяна, одноглазая и хромая! И, увидав её, Халифа воскликнул: „Нет мощи и силы, кроме как у Аллаха! Поистине, мы принадлежим Аллаху и к нему возвращаемся! Что это за скверное счастье и зловещее предзнаменование! Что случилось со мной в этот благословенный день! Но все это – по предопределению великого Аллаха!“

И потом он взял обезьяну и привязал её на верёвку и, подойдя к дереву, висевшему на берегу реки, привязал к нему обезьяну. А с рыбаком был бич, и он взял его в руку и поднял в воздухе и хотел опустить его на обезьяну, но Аллах заставил эту обезьяну говорить ясным языком, и она сказала: «О Халифа, удержи твою руку и не бей меня. Оставь меня привязанной к этому дереву, ступай к реке и закинь твою сеть, полагаясь на Аллаха, – он принесёт тебе твой надел».

И, услышав слова обезьяны. Халифа взял сеть, подошёл к реке и закинул её, отпустив верёвки, а потом он потянул сеть и нашёл, что она тяжелее, чем в первый раз. И он до тех пор бился над сетью, пока она не вышла на берег, и вдруг в ней оказалась другая обезьяна с расставленными зубами, насурмленными глазами и покрашенными руками, и рта обезьяна смеялась, а вокруг пояса у неё была рваная тряпка. И Халифа воскликнул: «Хвала Аллаху, который заменил рыб в реке обезьянами!» А затем он подошёл к той обезьяне, что была привязана к дереву, и сказал ей: «Посмотри, о злосчастная, как скверно то, что ты мне посоветовала! Никто не натолкнул меня на вторую обезьяну, кроме тебя, и когда ты пожелала мне доброго утра, с твоей хромотой и одноглазостью, я стал побеждён и утомлён и не владел ни дирхемом, ни динаром!»

И он взял в руки дубинку и, покрутив ею в воздухе три раза, хотел опустить её на обезьяну, и та воззвала к Аллаху о помощи и сказала рыбаку: «Прошу тебя, ради Аллаха, прости меня ради этого моего товарища и проси у него то, что тебе нужно: он приведёт тебя

к тому, что ты желаешь». И Халифа бросил дубинку и простил обезьяну, а потом он подошёл ко второй обезьяне и остановился подле неё, и обезьяна сказала: «О Халифа, тебе не будет от этих слов никакого проку, если ты не выслушаешь того, что я тебе скажу, а если ты меня выслушаешь и послушаешься меня и не станешь мне перечить, я буду причиной твоего богатства». – «Что ты мне скажешь, чтобы мне тебя послушаться?» – спросил Халифа. И обезьяна сказала: «Оставь меня здесь привязанной, пойдёшь к реке и закинь твою сеть, а я тебе скажу, что тебе после этого делать».

И Халифа взял сеть и пошёл к реке и закинул сеть и подождал над нею немножко, а потом он потянул сеть и нашёл её тяжёлой. И он бился над сетью, пока не поднял её на сушу, и вдруг в ней оказалась ещё одна обезьяна, но только эта обезьяна была красная, и вокруг пояса у неё была синяя тряпка, и у неё были накрашены руки и ноги и насурмлены глаза. И, увидав её. Халифа воскликнул: «Слава Аллаху великому, слава властителю власти! Поистине, сегодняшний день благословен с начала до конца, ибо звезда его принесла счастье в лице первой обезьяны, а содержание страницы видно по заглавию. Сегодняшний день – день обезьян, и не осталось в реке ни одной рыбы, и мы вышли сегодня лишь для того, чтобы ловить обезьян. Хвала Аллаху, который заменил рыб обезьянами!»

И потом он обратился к третьей обезьяне и спросил её: «А ты что ещё такое, о злосчастная?» И обезьяна сказала ему: «Разве ты не знаешь меня, о Халифа?» – «Нет», – отвечал Халифа. И обезьяна сказала: «Я обезьяна Абу-с-Саадата, еврея-менялы». – «А что ты делаешь?» – спросил Халифа. И обезьяна ответила: «Я желаю ему доброго утра в начале дня, и он наживает пять динаров, и желаю ему доброго вечера в конце дня, и он наживает пять динаров». И Халифа обратился к первой обезьяне и сказал ей: «Посмотри, о злосчастная, какие у людей хорошие обезьяны! А ты? Ты желаешь мне доброго утра своей хромотой и одноглазостью и зловещим видом, и я стану бедным, разорённым и голодным».

И он взял дубинку и покрутил ею в воздухе три раза и хотел опустить её на обезьяну, но обезьяна Абу-с-Саадата сказала ему: «Оставь её, о Халифа, убери твою руку и подойди ко мне, а я тебе скажу, что тебе делать». И Халифа кинул из руки дубинку и, подойдя к обезьяне, спросил её: «Что ты мне скажешь, о госпожа всех обезьян?» И обезьяна сказала: «Возьми сеть и закинь её с реку и оставь меня с этими обезьянами сидеть с тобой, и что бы для тебя в ней ни поднялось, подай это и подойди ко мне, и я расскажу тебе что-то, что тебя обрадует...»

И Шахразад застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Восемьсот тридцать третья ночь

Когда же настала восемьсот тридцать третья ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что когда обезьяна Абу-с-Саадата сказала Халифе: „Возьми твою сеть и закинь её в реку, и все, что поднимется в ней для тебя, подай и подойди ко мне, а я расскажу тебе что-то, что тебя обрадует“, – Халифа ответил: „Слушаю и повинуюсь!“

А потом он взял сеть, свернул её и положил на плечо и произнёс такие стихи:

«Сжимается когда грудь, взываю к создателю –
Ведь властен он облегчить все трудное людям.
Ещё не вернулся взор, а милостью господа
Разбитое цело вновь, и пленник свободен.
Вручи же Аллаху ты дела свои полностью,
Ведь милости господа всяк видящий знает».

И ещё он произнёс такие два стиха:

«Ты тот, кто люден всех вверг в великие тяготы,

Сотри же заботы ты и бедствий причины,
Мне жадности не внушай к тому, чего не добыть,
Сколь многих желающих желанья не сбылись!»

А окончив свои стихи, Халифа подошёл к реке и закинул в неё сеть и подождал над нею немного, а затем он потянул её, и вдруг оказалось, что в ней рыба-окунь, большеголовая и с хвостом, точно поварёшка, а глаза у неё были как два динара. И, увидев эту рыбу, Халифа обрадовался, так как он ни разу в жизни не поймал ей подобной, и взял её, дивясь на неё, и принёс её к обезьяне Абу-с-Саадата еврея, и был таков, как будто он овладел целым светом. И обезьяна еврея спросила его: «Что ты будешь с ней делать, о Халифа, и как ты поступишь с твоей обезьяной?» И Халифа молвил: «Я расскажу тебе, о госпожа всех обезьян, что я сделаю. Знай, что прежде всего я придумаю, как погубить эту проклятую, мою обезьяну, и возьму тебя вместо неё и буду тебя каждый день кормить чем пожелаешь». – «Раз ты избрал меня, – сказала обезьяна, – я скажу тебе, как сделать, и будет в этом благо твоего состояния, если захочет великий Аллах. Пойми же то, что я тебе скажу. Приготовь и для меня тоже верёвку и привяжи меня к дереву и оставь меня, а сам же выйди на середину отмели и закинь твою сеть в реку Тигр. А когда закинешь её, подожди немного и вытяни её: ты найдёшь в ней рыбу, прекраснее которой ты не видал за всю твою жизнь. Принеси её и подойди ко мне, а я скажу тебе, что делать потом».

И Халифа поднялся в тот же час и минуту и закинул сеть в реку Тигр и вытянул её и увидел в ней рыбу белугу величиной с барашка, подобной которой он не видал за всю жизнь, и она была больше первой рыбы. И Халифа взял её и пошёл к обезьяне, и обезьяна сказала ему: «Принеси немного зеленой травы и положи половину её в корзину, и положи рыбу на траву и прикрой её другой половиной. Оставь нас привязанными, поставь корзину на плечо и пойди с нею в город Багдад и никому, кто с тобой заговорит или тебя спросит, не давай ответа, пока не придашь на рынок менял. Ты найдёшь в глубине рынка лавку моего хозяина, Абу-с-Саадата еврея, шейха менял, и увидишь, что он сидит на кресле, с подушкой за спиной, и перед ним стоят два сундука, один для золота, другой для серебра, и возле него потомневольники, рабы и слуги. Подойди к нему и поставь перед ним корзинку и скажи ему: „О Абу-с-Саадат, я сегодня вышел на ловлю и закинул сечь на твоё имя, и послал Аллах великий эту рыбу“. И он тебе скажет: „Показывал ли ты её другому?“ А ты скажи: „Нет, клянусь Аллахом!“ И он возьмёт у тебя рыбу и даст тебе динар, а ты верни его ему, и он даст тебе два динара, и всякий раз, как он тебе что-нибудь даст, возвращай это, и даже если бы он дал тебе вес рыбы Золотом, не бери у него ничего. И он скажет тебе: „Скажи мне, что ты хочешь?“ И ты скажи: „Клянусь Аллахом, я продам её только за два слова“. И когда он тебя спросит: „А что это за два слова?“ скажи ему: „Встань на ноги и скажи: „Засвидетельствуйте, о те, кто есть на рынке, что я променял обезьяну Халифы-рыбака на мою обезьяну и обменял ею долю на мою долю и его счастье на моё счастье“. И вот плата за рыбу, и не нужно мне золота“. И когда он это сделает, я стану каждый день желать тебе доброго утра и доброго вечера, и ты будешь каждый день наживать десять динаров золотом. А Абу-с-Саадату еврею будет желать доброго утра его обезьяна, эта кривая, хромая, и Аллах каждый день будет испытывать его штрафом, который он станет платить. И это будет так, пока он не обеднеет и не окажется совсем без ничего. Послушайся же того, что я тебе говорю: будешь счастлив и пойдёшь прямым путём!»

И когда Халифа-рыбак услышал слова обезьяны, он сказал: «Я принимаю то, что ты мне посоветовала, о царь всех обезьян, а что касается этого злосчастного, – да не благословит его Аллах! – я не знаю, что мне с ним делать». – «Отпусти его в воду и отпусти меня тоже», – сказала обезьяна. И Халифа отвечал: «Слушаю и повинуюсь!» И он подошёл к обезьянам и развязал их и оставил, и они спустились в море, а Халифа подошёл к рыбе, взял её и вымыл и положил под неё в корзину зеленой травы и прикрыл её тоже травой, и понёс её на плече, напевая такую песенку:

«Вручи дела господину небес и спасёшься ты,
И доброе совершай всю жизнь, не горюя, ты
Людей обвинённых избегай – обидит тебя»,
Язык придержи и не бранись – побранят тебя...»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Восемьсот тридцать четвёртая ночь

Когда же настала восемьсот тридцать четвёртая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что когда Халифа-рыбак кончил петь, он понёс корзину на плече и пошёл и шёл до тех пор, пока не вошёл в город Багдад.

И когда он вошёл, люди узнали его и стали ему кричать, говоря: «Что с тобой, о Халифа?» Но Халифа не обращал ни на кого внимания, пока не пришёл на рынок мянл. И он прошёл мимо лавок, как наказывала ему обезьяна, и заметил того еврея и увидел, что он сидит в лавке, а слуги прислуживают ему, и он – точно царь из царей Хорасана. И, увидав еврея, Халифа узнал его и подошёл и остановился перед ним, и еврей поднял к нему голову и узнал его и сказал: «Привет тебе, о Халифа, какое у тебя дело и чего ты хочешь? Если кто-нибудь с тобой заговорил или поспорил, скажи мне. Я пойду с тобой к вали, и он возьмёт для тебя с него должное!» – «Нет, клянусь жизнью твоей головы, о начальник евреев, – ответил Халифа. – Со мной никто не заговаривал, но я вышел сегодня из дому, на твоё счастье, и пошёл к реке и закинул сеть в Тигр, я поймалась вот эта рыба».

И он открыл корзину и бросил рыбу перед евреем, и когда еврей увидал её, он нашёл её прекрасной и воскликнул: «Клянусь торой и десятью заповедями, я вчера спал и видел во сне, что я стою перед Девой и она говорит мне: „Знай, о Абу-с-Саадат, что я послала тебе хороший подарок“. Наверное, подарок – эта рыба, без сомнения!» И затем он обернулся к Халифе и спросил его: «Заклинаю тебя твоей верой: видел ли её кто-нибудь, кроме меня?» И Халифа ответил: «Нет, клянусь Аллахом! Клянусь Абу-Бекром Правдивым, о начальник евреев, её не видел никто, кроме тебя». И еврей обернулся к одному из своих слуг и сказал ему: «Пойди сюда, возьми эту рыбу и ступай с нею домой, и пусть Суада её приготовит, сжарит и поджарит к тому времени, как я кончу работу и приду». И Халифа тоже сказал ему: «Ступай, мальчик, и пусть жена хозяина изжарит часть рыбы и поджарит часть её». И слуга отвечал: «Слушаю и повинуюсь, о господин!» И затем он взял рыбу и пошёл с ней домой.

А что касается еврея, то он протянул руку с динаром и дал его Халифа-рыбаку, говоря: «Возьми это себе, о Халифа, и трать на твою семью». И когда Халифа увидал динар у себя в руке, он воскликнул: «Слава властителю власти!», точно он никогда в жизни не видал ни кусочка Золота, и взял динар и прошёл немного. Но потом он вспомнил наставление обезьяны и вернулся и бросил еврею динар и воскликнул: «Возьми твоё золото и отдай людям их рыбу! Разве люди для тебя посмешище?» И еврей, услышав его слова, подумал, что он с ним шутит, и дал ему два динара сверх первого динара, но Халиф сказал: «Подавай рыбу, без шуток! Разве ты не Знаешь, что я продаю рыбу за такую пену?» И еврей протянул руку ещё к двум и сказал Халифе: «Возьми эти пять динаров в уплату за рыбу и брось жадничать!» И Халифа взял деньги в руку и ушёл с ними, радуясь, и он смотрел на золото, дивясь на него и говоря: «Слава Аллаху! Нет у халифа Багдада того, что есть у меня в сегодняшний день!»

И он шёл до тех пор, пока не пришёл к началу рынка, и тогда он вспомнил слова обезьяны и наставление, которое она ему дала, и вернулся к еврею и бросил ему золото. «Что с тобой, о Халифа, что тебе нужно? Ты хочешь взять свои динары дирхемами?» – спросил его еврей. И Халифа сказал: «Я не хочу ни дирхемов, ни динаров, я хочу только, чтобы ты отдал мне чужую рыбу». И еврей рассердился и закричал на Халифу и сказал: «О рыбак, ты приносишь мне рыбу, но стоящую и динара, а я тебе даю за неё пять динаров, а ты

недоволен! Бесноватый ты, что ли? Скажи мне, за сколько ты её продаёшь?» – «Я не продам её ни за серебро, ни за золото, я продам её только за два слова, которые ты мне скажешь», – ответил Халифа. И когда еврей услышал эти слова, глаза его поднялись к темени, у него захватило дыхание, и он заскрежетал зубами и крикнул: «О обрезокмусульман, разве ты хочешь, чтобы я расстался с моей верой ради твоей рыбы и желаешь испортить мою религию и исповедание, в котором я нашёл, прежде меня, моих отцов?»

И он кликнул своих слуг, и когда те появились перед ним, сказал им: «Горе вам, вот перед вами этот злосчастный – разбейте ему затылок затрещинами и умножьте его муки побоями!» И слуги набросились на Халифу с побоями и били его до тех пор, пока он не упал возле лавки. И тогда еврей сказал им: «Отпустите его, чтобы он встал». И Халифа вскочил на ноги, словно с ним ничего не было, и еврей сказал ему: «Говори, что ты хочешь в уплату за эту рыбу, и я тебе дам. Но ты не получил от нас сейчас ничего хорошего». – «Не бойся за меня, из-за побоев, хозяин, я съедаю столько ударов, как десять ослов», – сказал Халифа. И еврей рассмеялся его словам и воскликнул: «Заклинаю тебя Аллахом, скажи мне, что ты хочешь, и клянусь моей верой – я дам это тебе». – «Не удовлетворит меня, как плата от тебя за эту рыбу, ничто, кроме двух слов», – ответил Халифа. И еврей сказал: «Я полагаю, ты хочешь, чтобы я принял ислам?» – «Клянусь Аллахом, о еврей, – ответил Халифа, – если ты станешь мусульманином, твой ислам не поможет мусульманам и не повредит евреям, а если ты останешься нечестивым, твоё нечестие не повредит мусульманам и не поможет евреям. Но вот чего я от тебя требую: встань на ноги и скажи: „Засвидетельствуйте, о люди на рынке, что я променял обезьяну Халифы-рыбака на мою обезьяну и мою долю в жизни на его долю и моё счастье на его счастье“. – „Если это и есть твоё желание, то оно для меня легко“, – сказал еврей...»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Восемьсот тридцать пятая ночь

Когда же настала восемьсот тридцать пятая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что еврей сказал Халифе-рыбаку: „Если это есть твоё желание, то оно для меня легко“. И еврей поднялся в тот же час и минуту и встал на ноги и сказал так, как сказал Халифа-рыбак, а потом он обернулся к нему и спросил: „Осталось ли тебе с меня ещё что-нибудь?“ – „Нет“, – отвечал Халиф. И еврей сказал: „С миром!“

И Халифа в тот же час и минуту поднялся, взял свою корзину и сеть и пошёл к реке Тигру. И он закинул сеть и потянул её и нашёл её тяжёлой и вытянул её только после стараний. И, вытянув сеть, он увидел, что она наполнена рыбой всех сортов. И подошла к нему женщина с блюдом и дала ему динар, а Халифа дал ей на него рыбы, и подошёл к нему другой слуга и взял у него на динар, и так продолжалось, пока он не продал рыбы на десять динаров, и каждый день он продавал на десять динаров, до конца десяти дней, так что набрал сто динаров золотом.

А у этого рыбака был дом, внутри прохода купцов. И в одну ночь из ночей рыбак лежал у себя в доме и сказал себе: «О Халифа, все люди знают, что ты бедный человек, рыбак, а теперь у тебя оказалось сто золотых динаров. Непременно услышит твою историю повелитель правоверных Харун ар-Рашид от кого-нибудь из людей, и, может быть, ему понадобятся деньги, и он пойдёт за тобой и скажет: „Мне нужно некоторое количество денег. И дошло до меня, что у тебя есть сто динаров, одолжи их мне“. И я скажу ему: „О повелитель правоверных, я человек бедный, и тот, кто тебе рассказал, что у меня есть сто динаров, налгал на меня. Ни со мной, ни у меня ничего такого нет“. И халиф передаст меня вали и скажет ему: „Обнажи его от одежды, и мучай его побоями, и заставь его сознаться: может быть, он признается, что у него есть золото в сундуке“. Бот правильное решение, которое освободит меня из этой ловушки: я сейчас встану и буду пытать себя бичом, чтобы закалиться против побоев». И гашиш, которого рыбак наелся, сказал ему: «Встань, обнажись

от одежды». И он тотчас же и в ту же минуту встал, обнажился от одежды и взял в руку бывший у него бич. А у него была кожаная подушка, и он стал бить раз по этой подушке и раз по своей коже, и начал кричать: «Ах, ах, клянусь Аллахом, это пустые слова, о господин мой, и они лгут на меня. Я бедный человек, рыбак, и нет у меня ничего из благ мира!»

И люди услышали, как Халифа-рыбак сам себя пытается и ударяет бичом по подушке (а от звука ударов по его телу и по подушке ночью стоял гул). И в числе тех, кто его слышал, были купцы, и они сказали: «Посмотри-ка! Чего этот бедняга кричит, и мы слышим, как на него опускаются удары. Похоже, что на него напали воры, и это они его пытаются». И они все пошли на звук ударов и криков и вышли из своих жилищ и пришли к дому Халифы и увидели, что он заперт, и сказали друг другу: «Может быть, воры напали на него, зайдя за комнату; нам следует поэтому войти через крышу».

И они поднялись на крышу и спустились через отверстие в ней и увидели, что Халифа голый и пытается самого себя. И они сказали ему: «Что с тобой, о Халифа, в чем твоё дело?» И Халифа ответил: «Знайте, о люди, что у меня оказалось несколько динаров, и я боюсь, что о моем деле донесут повелителю правоверных Харуну арРашиду, и он призовет меня к себе и потребует от меня эти динары, и я начну отрицать. И если я буду отрицать, я боюсь, что он станет меня мучить. И вот я сам себя мучаю и делаю это, чтобы закалиться против того, что будет». И купцы стали над ним смеяться и сказали: «Брось такие дела, да не благословит Аллах тебя и динары, которые пришли к тебе. Ты встревожил нас сегодня ночью и устранил наши сердца».

И Халифа перестал бить себя и проспал до утра, а поднявшись от сна, он хотел идти на работу и подумал о сотне динаров, которая оказалась у него, и сказал про себя: «Если я оставлю их дома, их украдут воры, а если я положу их в карман на поясе, их, может быть, кто-нибудь увидит и выследит меня, когда я буду один в месте, где пет людей, и убьёт меня и возьмёт их. Но я сделаю некую хитрость, прекрасную и очень полезную». И он в тот же час и минуту поднялся и пришил себе карман к воротнику халата и, завязав сотню динаров в мешочек, положил его в карман, который он сделал. А затем он поднялся и взял свою сеть, корзину и палку и шёл, пока не дошёл до реки Тигр...»

И Шахразад устала, и сна прекратила дозволенные речи.

Восемьсот тридцать шестая ночь

Когда же настала восемьсот тридцать шестая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что Халифа-рыбак положил сотню динаров в карман, взял корзину, палку и сеть и пошёл к реке Тигру.

Он закинул в неё сеть и потянул её, но для него ничего не поднялось, и тогда он перешёл с этого места на другое место и закинул там сеть, но для него ничего не поднялось. И он переходил с места на место, пока не отдалился от города на расстояние половины дня пути, и тебе закидывал сеть, по ничего для него не поднималось. И тогда он сказал в душе: «Клянусь Аллахом, я брошу сеть в воду ещё только этот раз. Либо будет, либо нет!» И он бросил сеть с великой решимостью от сильного гнева, и мешок, в котором была сотня динаров, вылетел из его воротника, упал посреди реки и исчез, увлекаемый силой течения. И Халифа бросил из рук сеть, обнажился от одежды и, оставив её на берегу, пырнул за мешком, и он нырял и выплывал около сотни раз, пока его силы не ослабели, и он одурел и не нашёл этого мешка.

И когда Халифа отчаялся найти его, он вышел на берег и увидел только палку, сеть и корзину. И он начал искать свою одежду, но не нашёл и следа её. И тогда он сказал себе: «Правильно говорится в поговорке: „Паломничество не завершено без сношения с верблюдом“. И он развернул сеть и завернулся в неё и, взяв в руки палку, поставил корзину на плечо, и пошёл, и понёсся, как распалённый верблюд, и, бегая направо и налево, взад и вперёд, взлохмаченный, покрытый пылью, точно взбунтовавшийся ифрит, когда он вырвется

из Сулеймановой тюрьмы.

Вот что было с Халифов рыбаком.

Что же касается халифа Харуна Рашида, то у него был приятель ювелир, которого звали Ибн аль-Кирнас, и все люди, купцы, посредники и маклера знали, что Ибаль-Кирнас – купец халифа, и все, что продавали в городе Багдаде и других местах из драгоценных вещей, не продавали раньше, чем покажут ему, и в том числе невольников и невольниц. И когда этот купец, то есть Ибаль-Кирнас, сидел в один день из дней в своей лавке, вдруг подошёл к нему староста посредников, и с ним была невольница, подобной которой не видели видящие. И была она до пределов красива, прекрасна, стройна и соразмерна, и в числе её достоинств было то, что она была осведомлена во всех науках и искусствах, нанизывала стихи и играла на всех музыкальных инструментах. И купил её Ибн аль-Кирнас, ювелир, за пять тысяч динаров золотом и одел её на тысячу динаров и привёл её к повелителю правоверных. И эта невольница провела подле него ночь, и халиф испытывал её во всех науках и во всех искусствах и увидел, что она сведуща во всех науках и ремёслах, и нет ей, в её век, равной. А было ей имя Кут-аль-Кулуб, и была она такова, как сказал поэт:

Я взгляд возвращаю к ней, откроет когда лицо,
Она ж уклоняется от взора повторно.
Газель назад наклонит шеей, коль обернётся к нам.
Газели, как сказано, назад смотрят часто.

Но где этому до слов другого:

На помощь от смертного, чью гибкость покажут нам
Высокие, стройные самхарские копьа,
Печальны его глаза, пушок его шелковист,
И в сердце больною от любви его место.

А когда наступило утро, халиф Харун ар-Рашид послал за Ибн аль-Кирнасом, ювелиром, и когда тот явился, назначил ему десять тысяч динаров в уплату за эту невольницу. И сердце халифа стало занято этой невольницей, названной Кут-аль-Кулуб, и он оставил Ситт-Зубейду, дочь аль-Касима (а она была дочерью его дяди) и оставил всех любимиц и просидел целый месяц, выходя от этой невольницы только на пятничную молитву, а затем он тотчас же возвращался к ней.

И это стало тревожным для вельмож правления, и они пожаловались на это дело везиру Джафару Барманиду. И везир выждал, пока не наступил день пятницы, и вошёл в соборную мечеть, и встретился с повелителем правоверных, и стал ему рассказывать все, какие ему встречались диковинные истории, связанные с любовью, чтобы выведать, что с ним такое. И халиф сказал ему: «О Джафар, клянусь Аллахом, это дело случилось со мной не по доброй моей воле, но моё сердце завязло в сети любви, и я не знаю, что делать». – «Знай, о повелитель правоверных, – ответил Джафар, – что эта твоя любимица, Кут-аль-Кулуб, стала тебе подвластна и сделалась одной из твоих служанок, а чем владеет рука, того не хочет душа. Я скажу тебе ещё и другую вещь: самое лучшее, чем похваляются цари и царевичи, это охота и облава и умение пользоваться случаем и веселиться. И если ты так сделаешь, ты, может быть, отвлечёшься от неё, а может быть, ты её забудешь». – «Прекрасно то, что ты сказал, о Джафар, – воскликнул халиф. – Поедем сейчас же, сию же минуту на охоту».

И когда кончилась пятничная молитва, они вышли из мечети и в тот же час и минуту сели и поехали на охоту и ловлю...»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Восемьсот тридцать седьмая ночь

Когда же настала восемьсот тридцать седьмая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что халиф Харун ар-Рашид отправился с Джафаром па охоту и ловлю, и они поехали и достигли пустыни. И повелитель правоверных и везирь Джафар ехали верхом на мулах, и они занялись беседой, и войско опередило их.

А их палил зной, и ар-Рашид сказал: «О Джафар, мной овладела сильная жажда». А потом ар-Рашид напряг зрение и увидел какую-то фигуру на высокой куче и спросил везиря: «Видишь ли ты то, что я вижу?» – «Да, о повелитель правоверных, – ответил везирь, – я вижу какую-то фигуру на высокой куче, и это либо сторож сада, либо сторож огорода, и при всех обстоятельствах в той стороне не может не быть воды. Я поеду к нему и принесу тебе от него воды», – сказал потом везирь. Но ар-Рашид молвил: «Мой мул быстрее твоего мула. Постой здесь, из-за войска, а я поеду сам, напьюсь у этого человека и вернусь».

И ар-Рашид погнал своего мула, и мул помчался, как ветер в полёте или вода в потоке, и нёсся до тех пор, пока не достиг этой фигуры во мгновение ока. И оказалось, что фигура – не кто иной, как Халифа-рыбак.

И ар-Рашид увидел, что он голый и завернулся в сеть и глаза его так покраснели, что стали, как огненные факелы, и облик его был ужасен, и стан изгибался, и он был взлохмаченный, запылённый, точно ифрит или лев.

И ар-Рашид пожелал ему мира, и Халифа возвратил ему пожелание, разъярённый, и его дыхание пылало огнём.

И ар-Рашид спросил его: «О человек, есть у тебя немного воды?» – «Эй, ты, – отвечал Халифа, – слепой ты, что ли, или бесноватый? Вот тебе река Тигр – она за этой кучей».

И ар-Рашид зашёл за кучу и спустился к реке Тигру, и напился и напоил мула, а затем он тотчас же и в ту же минуту поднялся и, вернувшись к Халифе-рыбаку, спросил его: «Чего это ты, о человек, стоишь здесь, и каково твоё ремесло?» – «Этот вопрос удивительней и диковинней, чем твой вопрос про воду, – ответил Халифа. – Разве ты не видишь принадлежности моего ремесла у меня на плече?» – «Ты как будто рыбак», – сказал ар-Рашид. «Да», – молвил Халифа. И ар-Рашид спросил:

«А где же твой халат, где твоя повязка, где твой пояс и где твоя одежда?» А вещи, что пропали у Халифы, были подобны тем, которые назвал ему халиф, одна к одной.

И, услышав от халифа эти слова, Халифа подумал, что это он взял его вещи на берегу реки, и в тот же час и минуту спустился с кучи, быстрее разящей молнии и, схватив мула халифа за узду, сказал ему: «О человек, подай мне мои вещи и брось играть и шутить!» И халиф воскликнул: «Клянусь Аллахом, я не видал твоих вещей и не знаю их!» А у ар-Рашида были большие щеки и маленький рот, и Халифа сказал ему: «Может быть, ты по ремеслу певец или флейтист? Но подай мне мою одежду по-хорошему, а не то я буду бить тебя этой палкой, пока ты не обольёшься и не замараешь себе одежду».

И халиф, увидав палку Халифа-рыбака и его превосходство над ним, сказал себе: «Клянусь Аллахом, я не вынесу от этого безумного нищего и пол-удара такой палкой!» А на ар-Рашид с был атласный кафтан, и он снял его и сказал Халифе: «О человек, возьми этот кафтан вместо твоей одежды». И Халифа взял его и повертел в руках и сказал: «Моя одежда стоит десяти таких, как этот пёстрый халат». – «Надень его пока, а я принесу тебе твою одежду», – сказал ар-Рашид. И Халифа взял кафтан и надел его и увидел, что он ему длинен. А у Халифы был нож, привязанный к ушку корзины, и он взял его и обрезал полы кафтана примерно на треть, так что он стал доходить ему ниже колен, и обернулся к ар-Рашиду и сказал ему: «Ради достоинства Аллаха, о флейтист, расскажи мне, сколько тебе полагается каждый месяц жалованья от твоего господина за искусство играть на флейте?» – «Моё жалованье каждый месяц – десять динаров золотом», – сказал халиф. И Халифа воскликнул: «Клянусь Аллахом, о бедняга, ты обременил меня твоей заботой! Клянусь Аллахом, эти десять динаров я зарабатываю каждый день! Хочешь быть со мной, у меня в услужении? Я научу тебя искусству ловить и стану делиться с тобой заработком, так что ты каждый день

будешь работать на пять динаров и сделаешься моим слугой, и я буду защищать тебя от твоего господина этой палкой». – «Я согласен на это», – молвил ар-Рашид. И Халифа сказал: «Сойди теперь со спины ослицы и привяжи её, чтоб она помогала нам возить рыбу, и пойдя сюда – я научу тебя ловить сейчас же».

И ар-Рашид сошёл со своего мула и, привязав его, заткнул полы платья вокруг пояса, и Халифа сказал ему:

«О флейтист, возьми сеть вот так, положи её на руку вот так и закинь её в реку Тигр вот так». И ар-Рашид укрепил своё сердце и сделал так, как показал ему Халифа, и закинул сеть в реку Тигр и потянул её, но не мог вытянуть. И Халифа подошёл к нему и стал её тянуть, но оба не смогли её вытянуть. «О злосчастный флейтист, – сказал тогда Халифа, – если я в первый раз взял твой кафтан вместо моей одежды, то на этот раз я возьму у тебя ослицу за мою сеть, если увижу, что она разорвалась, и буду бить тебя палкой, пока ты не обольёшься и не обделаешься». – «Потянем с тобой вместе», – сказал ар-Рашид. И оба потянули и смогли вытянуть эту сеть только с трудом, и, вытянув её, они посмотрели и вдруг видят: она полна рыбы всех сортов и всевозможных цветов...»

И Шахразад застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Восемьсот тридцать восьмая ночь

Когда же настала восемьсот тридцать восьмая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что когда Халифа-рыбак вытянул сеть вместе с халифом, они увидели, что она полна рыбы всех сортов, и Халифа сказал: „Клянусь Аллахом, о флейтист, ты скверный, но если ты будешь усердно заниматься рыбной ловлей, то станешь великим рыбаком. Правильно будет, чтобы ты сел на твою ослицу, поехал на рынок и привёз пару корзин; а я посторожу рыбу, пока ты не приедешь, и мы с тобой нагрузив её на спину твоей ослицы. У меня есть весы и гири и все, что нам нужно, и мы возьмём все это с собой, и ты должен будешь только держать весы и получать деньги. У нас рыбы на двадцать динаров. Поторопись же привести корзины и не мешкай“. И халиф отвечал: „Слушаю и повинуюсь!“ – и оставил рыбака и оставил рыбу и погнал своего мула в крайней радости. И он до тех пор смеялся из-за того, что случилось у него с рыбаком, пока не приехал к Джафару.

И, увидав его, Джафар сказал: «О повелитель правоверных, наверное, когда ты поехал пить, ты нашёл хороший сад и вошёл туда и погулял там один?» И, услышав слова Джафара, ар-Рашид засмеялся. И все Бармакиды поднялись и поцеловали землю меж его рук и сказали: «О повелитель правоверных, да увековечит Аллах над тобой радости и да уничтожит над тобой огорчения! Какова причина того, что ты задержался, когда поехал пить, и что с тобой случилось?» – «Со мной случилась диковинная история и весёлое, удивительное дело», – ответил халиф. И затем он рассказал им историю с Халифой-рыбаком и рассказал о том, что у него с ним случилось, как Халифа ему сказал: «Ты украл мою одежду», и как он отдал ему свой кафтан и рыбак обрезаю кафтан, увидав, что он длинный.

«Клянусь Аллахом, о повелитель правоверных, – сказал Джафар, – у меня было на уме попросить у тебя этот кафтан! Но я сейчас поеду к этому рыбаку и куплю у него кафтан!» – «Клянусь Аллахом, он отрезал треть кафтана со стороны подола и погубил его! – воскликнул халиф. – Но я устал, о Джафар, от ловли в реке, так как я наловил много рыбы и она на берегу реки, у моего хозяина Халифы, который стоит там и ждёт, пока я вернусь, захватив для него две корзины и с ними резак. А потом я пойду с ним на рынок, и мы продадим рыбу и поделим плату за неё». – «О повелитель правоверных, – сказал Джафар, – а я приведу вам того, кто будет у вас покупать». – «О Джафар, – воскликнул халиф, – клянусь моими пречистыми отцами, всякому, кто принесёт мне рыбину из рыбы, что лежат перед Халифой, который научил меня ловить, я дам за неё золотой динар!»

И глашатай кликнул клич среди свиты: «Идите покупать рыбу повелителя правоверных!» И невольники пошли и направились к берегу реки. И когда Халифа ждал, что

повелитель правоверных принесёт ему корзины, невольники вдруг ринулись на него, точно орлы, и схватили рыбу и стали класть её в платки, шитые золотом, и начали из-за неё драться. И Халифа воскликнул: «Нет сомнения, что эта рыба – райская рыба!» – и взял две рыбины в правую руку и две рыбины в левую руку и вошёл в воду по горло и стал кричать: «Аллах! Ради этой рыбы пусть твой раб-флейтист, мой товарищ, сейчас же придёт!»

И вдруг подошёл к нему один негр. А этот негр был начальником всех негров, что были у халифа, и он отстал от невольников, потому что его конь остановился на дороге помочиться. И когда этот негр подъехал к Халифе, он увидел, что рыбы не осталось нисколько – ни мало, ни много. Он посмотрел направо и налево и увидал, что Халифа-рыбак стоит в воде с рыбой и сказал: «Эй, рыбак, пойдёшь сюда». – «Уходи без лишних слов», – ответил рыбак. И евнух подошёл к нему и сказал: «Поддай сюда эту рыбу, а я дам тебе деньги». – «Разве у тебя мало ума? – сказал Халифа-рыбак евнуху. – Я её не продаю». И евнух вытащил дубинку, и Халифа закричал: «Не бей, несчастный! Награда лучше дубинки!» А потом он бросил ему рыбу, и евнух взял её и положил в платок и сунул руку в карман, но не нашёл там ни одного дирхема. «О рыбак, – сказал тогда негр, – твоя доля злосчастная: клянусь Аллахом, со мной нет нисколько денег. Но завтра приходи в халифский дворец и скажи: „Проведите меня к евнуху Сандалью“, и слуги приведут тебя ко мне, и когда ты придёшь ко мне туда, тебе достанется то, в чем будет тебе счастье, и ты возьмёшь это и уйдёшь своей дорогой!» И Халифа воскликнул: «Сегодня благословенный день, и благодать его была видна с самого начала». А потом он положил сеть на плечо и шёл, пока не вошёл в Багдад, и прошёл по рынкам, и люди увидели на нем одежду халифа и стали смотреть на него.

И Халифа вошёл в свою улицу, а лавка портного повелителя правоверных была у ворот этой улицы, и портной увидал Халифу-рыбака в халате, который стоил тысячу динаров и принадлежал к одеждам халифа, и сказал: «О Халифа, откуда у тебя эта фарджия?»⁶²¹ – «А ты чего болтаешь? – ответил Халифа. – Я взял её у того, кого я научил ловить рыбу, и он стал моим слугой, и я простил его и не отрубил ему руки, так как он украл у меня одежду и дал мне этот кафтан вместо неё». И портной понял, что халиф проходил мимо рыбака, когда тот ловил рыбу, и пошутил с ним и дал ему эту фарджию...»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Восемьсот тридцать девятая ночь

Когда же настала восемьсот тридцать девятая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что портной понял, что халиф проходил мимо Халифы-рыбака, когда тот ловил рыбу, и пошутил с ним и дал ему эту фарджию, и рыбак отправился домой, и вот то, что с ним было.

Что же касается халифа Харуна ар-Рашида, то он поехал на охоту и ловлю, только чтобы отвлечься от невольницы Кут-аль-Кулуб. А когда Зубейда слышала об этой невольнице и о том, что халиф ею увлёкся, её охватила ревность, которая охватывает женщин, и она отказалась от пищи и питья и рассталась со сладостью сна и стала выжидать отсутствия халифа или его отъезда, чтобы расставить Кут-аль-Кулуб сети козней. И, узнав, что халиф выехал на охоту и ловлю, она приказала невольницам устлать дворец коврами и умножила украшения и роскошь и поставила кушанья и сладости и приготовила в число всего этого фарфоровое блюдо с самой лучшей, какая бывает, халвой и положила в неё банджа, примешав его к ней. И потом она приказала кому-то из евнухов сходить за невольницей Кут-аль-Кулуб и позвать её к трапезе Ситт-Зубейды, дочери аль-Касима, жены повелителя правоверных, и сказать: «Жена повелителя правоверных пила сегодня лекарство,

⁶²¹ Фарджия – верхняя одежда вроде халата с длинными и широкими рукавами.

а она слышала, что ты хорошо поешь, и хочет видеть что-нибудь из твоего искусства». И невольница отвечала: «Слушаю и повинуюсь Аллаху и Ситт-Зубейде!» И в тот же час и минуту она поднялась, не зная, что скрыто для неё в неведомом, и, взяв нужные ей инструменты, пошла с евнухом и шла до тех пор, пока не вошла к Ситт-Зубейде.

И, войдя к ней, она поцеловала землю меж её руками множество раз и поднялась на ноги и сказала: «Привет высокой завесе и неприступному величию, отпрыску Аббасидов и члену семьи пророка – да приведёт тебя Аллах к преуспеянию и миру на дни и на годы!» – и стала между других невольниц и евнухов. И тогда Ситт-Зубейда подняла к ней голову и взглянула на её красоту и прелесть, и она увидела девушку с овальными щеками и грудями, подобными гранатам, с лицом, как месяц, с блестящим лбом и чёрным оком, и веки её покоились в истоме, а лицо её блистало светом, и словно бы солнце всходило от её лба, и мрак ночи нисходил от её кудрей, и мускусом веяло от её дыханья. И цветы сверкали в её красоте, и луну являло её чело, и ветвью стан её изгибался, и была она подобна полной луне, что засияла во мраке ночи. И глаза её ласкали любовью, а брови изгибались, как лук, и уста её были выточены из коралла, и она ошеломляла красотой смотрящего и очаровывала взором видящего, – возвышен тот, кто её сотворил, придал ей совершенство и её соразмерил! – и была такова, как сказал поэт о сходной с нею:

Разгневается, и видишь: все убиты,
Простит, и снова души к ним вернутся.
Глазами мечет взоры колдовские,
Шлёт смерть и жизнь тому, кому желает,
Зрачками в плен берет она народы,
Как будто стали люди ей рабами.

И сказала Ситт-Зубейда девушке: «Приют, уют и простор тебе, о Кут-аль-Кулуб! Садись и покажи нам твою работу и прекрасное твоё искусство!» И Кут-аль-Кулуб отвечала: «Хорошо!» – и, протянув руку, взяла бубён, о котором сказал кто-то такие стихи:

О дар, взлетает сердце от желанья
И громко кричит, коль бьют по тебе рукою.
Пленил ведь ты израненное сердце,
И ударять тебя мужам приятно.
Скажи же слово ты, легко иль тяжко –
Звучи как хочешь, – ты увеселяешь.
Будь радостен и стыд отбрось, влюблённый,
Пляши, склонись, диви и удивляйся.

И затем она ударила многими ударами и запела так, что остановила птиц, и все вокруг взволновалось, а потом она положила бубён и взяла свирель, о которой сказано такой стих:

Глаза у неё, и их зрачки людям пальцами
Указывают напев лишь верный, сомненья нет.

И также сказал поэт ещё такой стих:

Когда дойдёт она до цели песен,
Приятно время радостью сближенья.

А потом она положила свирель, после того как пришли из-за неё в восторг все присутствующие, и взяла лютню, о которой поэт сказал:

О свежая ветвь, что стала лютней певички той,
Влечёт благородных и достойных к себе она,
И щиплет певичка струны, чтоб испытать её,
И пальцы её – как цепь, прекрасно сплетённая.

И Кут-аль-Кулуб натянула струны лютни, подвинтила колки и положила её на колени и наклонилась над ней, как мать наклоняется над своим ребёнком, и казалось, что о ней и о её лютне сказал поэт такие стихи:

Персидскою глаголет струной она.
И все поймут, кто прежде понять не мог.
«Любовь – убийца», – нам говорит она.
И разум губит всех мусульман она.
О девушка! Создатель рукой её
Заставил расписное заговорить.
И лютнею сдержала любви поток,
Как ловкий врач сдержать бы мог крови ток.

И она ударила на четырнадцать ладов и спела под лютню полный круг, так что ошеломила смотрящих и привела в восторг слушающих, и потом произнесла такие два стиха:

«Мой приход к тебе благодатен был,
В нем радость вечно новая,
Успехи в нем сменяются
И счастье не кончается...»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Ночь, дополняющая до восьмисот сорока

Когда же настала ночь, дополняющая до восьмисот сорока, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что девушка Кут-аль-Кулуб пропела стихи и ударила по струнам перед Ситт-Зубейдой, а потом она встала и начала показывать фокусы и проворство рук и всякие прекрасные штуки, так что Ситт-Зубейда чуть не влюбилась в неё и подумала: „Нельзя упрекать ар-Рашида, сына моего дяди, за любовь к ней“. А потом девушка поцеловала перед Зубейдой землю и села, и ей подали кушанье и затем подали халву и блюдо, в котором был бандяс. И Кут-аль-Кулуб поела с него, и не утвердилась ещё халва у неё во внутренностях, как её голова запрокинулась, и она упала на землю, спящая. И Ситт-Зубейда сказала невольницам: „Унесите её в одну из комнат, пока я её не потребую“. И они сказали ей: „Слушаем и повинемся!“ А затем она сказала одному из евнухов: „Сделай нам сундук и принеси его мне“. И она приказала сделать изображение могилы и распространить весть, что невольница подавилась и умерла, и предупредила своих приближённых, что всякому, кто скажет, что Кут-аль-Кулубжина, она отрубит голову.

И вдруг халиф в этот час приехал с охоты и ловли и, как только начал спрашивать, спросил о девушке. И к нему подошёл один из его слуг (а Ситт-Зубейда научила его, чтобы, когда халиф спросит про Кут-аль-Кулуб, он сказал, что она умерла) и поцеловал перед ним землю и сказал ему: «О господин, да живёт твоя голова! Узнай, что Кут-аль-Кулуб подавилась кушаньем и умерла». И халиф воскликнул: «Да не обрадует тебя Аллах вестью о благе, о злой раб!» И он вошёл во дворец и услышал о смерти девушки от всех, кто был во дворце, и спросил: «Где её могила?» И его привели к гробнице и показали ему могилу, которая была сделана для обмана, и сказали: «Вот её могила!» И, увидев её, халиф закричал

и обнял могилу и заплакал и произнёс такие два стиха:

«Могила – творцом молю! Исчезла ль краса её?
Ужель изменилась эта внешность прекрасная?
Могила, не свод ведь ты небес и не сад ведь ты.
Так как же слились в тебе и месяц и ветвь в одно?»

И потом халиф заплакал над нею сильным плачем и провёл в том месте долгое время, а затем он ушёл от могилы, будучи в крайней печали. И Ситт-Зубейда узнала, что её хитрость удалась, и сказала евнуху: «Поддай сундук!» И евнух принёс его к ней, и она велела принести невольницу и положила её в сундук, а потом сказала евнуху: «Постарайся продать сундук и поставь тому, кто его купит, условие, чтобы он купил его запертым, а потом раздай плату за него как милостыню». И евнух взял сундук и вышел от неё и исполнил её приказание, и вот то, что было с этими.

Что же касается до Халифа-рыбака, то, когда наступило утро и засияло светом и заблестало, он сказал себе:

«Нет у меня сегодня лучшего дела, чем пойти к тому евнуху, что купил у меня рыбу, – он со мной условился, чтобы я пришёл к нему в халифский дворец». И Халифа вышел из своего дома и направился во дворец халифата, и, придя туда, он увидел там невольников, рабов и слуг, которые стояли и сидели. И он всмотрелся в них и вдруг видит: тот евнух, что взял у него рыбу, сидит, и невольники прислуживают ему. И один слуга из невольников Закричал на него, и евнух обернулся, чтобы посмотреть, что такое, и вдруг видит – это рыбак! И когда Халифа понял, что он увидал его и узнал, кто он такой, он крикнул ему: «Ты не оплошал, о Рыженький! Таковы бывают люди верные!» И, услышав его слова, евнух засмеялся и сказал: «Клянусь Аллахом, ты прав, о рыбак!»

И потом евнух Сандаль хотел дать ему что-нибудь и сунул руку в карман. И вдруг раздались великие крики, и евнух поднял голову, чтобы посмотреть в чем дело, и видит: везирь Джафар Бармакид выходит от халифа. И, увидав его, евнух поднялся на ноги и пошёл к нему навстречу, и они стали разговаривать и ходили, и время продлилось, и Халифа простоял немного, но евнух не обращал на него внимания. А когда рыбак простоял долго, он встал против евнуха, будучи в отдалении, и сделал ему знак рукой и крикнул: «О господин мой Рыжий, дай мне уйти!» И евнух услышал его, но постыдился ему ответить в присутствии везиря Джафара и стал разговаривать с везирем, притворяясь, что ему не до рыбака. И тогда Халифа воскликнул: «О затягивающий плату, да обезобразит Аллах всех неприветливых и всех тех, кто берет у людей их вещи и потом неприветлив с ними! Я вхожу под твою защиту, о господин мой Отрубьяное Брюхо, дай мне то, что мне следует, чтобы я мог уйти!»

И евнух услышал его, и ему стало стыдно перед Джафаром. И Джафар тоже увидел, что Халифа делает руками знаки и разговаривает с евнухом, но только не знал, что он говорит. И везирь сказал евнуху, не одобряя его: «О евнух, чего просит у тебя этот бедный нищий?» И Сандаль-евнух сказал ему: «Разве ты не знаешь этого человека, о владыка везирь?» – «Клянусь Аллахом, я его не знаю, и откуда мне его знать, когда я его только сейчас увидел?» – ответил везирь Джафар. И евнух сказал ему: «О владыка, это тот рыбак, у которого мы расхватили рыбу на берегу Тигра. А я уже ничего не застал, и мне было стыдно вернуться к повелителю правоверных ни с чем, когда все невольники что-нибудь захватили, и я подъехал к рыбаку и увидел, что он стоит посреди реки и призывает Аллаха и у него четыре рыбы, и сказал ему: „Давай то, что у тебя есть, и возьми то, что это стоит“. И когда он отдал мне рыбу, я сунул руку в карман и хотел дать ему что-нибудь, но ничего не нашёл и сказал рыбаку: „Приходи ко мне во дворец, и я дам тебе что-нибудь, чем ты поможешь себе в бедности“. И он пришёл ко мне сегодня, и я протянул руку и хотел что-нибудь ему дать, но пришёл ты, и я поднялся, чтобы служить тебе, и отвлёкся с тобою от него. И дело показалось ему долгим, и вот его история и причина того, что он стоит...»

И Шахразад у застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Восемьсот сорок первая ночь

Когда же настала восемьсот сорок первая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что Сандаль-евнух рассказал Джафару Бармакиду рассказ о Халиферыбаке и потом сказал: „И вот его история и причина того, что он стоит“. И, услышав слова евнуха, везирь улыбнулся и сказал: „О евнух, этот рыбак пришёл в минуту нужды, и ты её не исполняешь? Разве ты не знаешь его, о начальник евнухов?“ – „Нет“, – отвечал евнух. И везирь сказал: „Это учитель повелителя правоверных и его товарищ. А сегодня у нашего владыки-халифа стеснена грудь, и опечалено сердце, и ум его занят, и ничто не расправит ему груди, кроме этого рыбака. Не давай же ему уйти, пока я не поговорю о нем с халифом и не приведу его к нему. Может быть, Аллах облегчит его состояние и заставит его забыть об утрате Кут-аль-Кулуб по причине прихода этого рыбака, и халиф даст ему что-нибудь, чем он себе поможет, и ты будешь причиной этого“. – „О владыка, делай что хочешь, Аллах великий да оставит тебя столпом правления повелителя правоверных! – продли Аллах его тень и сохрани его ветвь и корень“! – сказал евнух.

И везирь Джафар пошёл, направляясь к халифу, а евнух велел невольникам не оставлять рыбака. И тогда Халифа-рыбак воскликнул: «Как прекрасна твоя милость, о Рыженький, – с требующего стали требовать. Я при шёл требовать мои деньги, и меня задержали за недоимки». А Джафар, войдя к халифу, увидел, что он сидит, склонив голову к земле, со стеснённой грудью, в глубоком раздумье, и напевает стихи поэта:

«Хулители принуждают милую позабыть,
Но с сердцем что делать мне – не слушается оно.
И как я забыть могу любовь этой девочки –
В разлуке нет пользы от забвенья любви её.
Того не забуду я, как кубок ходил меж пас
И хмель от вина очей её преклонял меня».

И Джафар, оказавшись меж рук халифа, сказал ему: «Мир над тобой, о повелитель правоверных и защитник святыни веры, сын дяди господина посланных, да благословит Аллах и да приветствует его и весь его род!» И халиф поднял голову и сказал: «И над тобой мир и милость Аллаха и благословение его!» И тогда Джафар молвил: «С позволения повелителя правоверных заговорит его слуга, и не будет в этом прегрешения». – «А когда было прегрешение в том, что ты заговаривал, когда ты – господин везирей? Говори что хочешь», – сказал халиф. И везирь Джафар молвил: «Я вышел от тебя, о владыка, направляясь домой, и увидел, что твой наставник, учитель и товарищ, Халифа-рыбак стоит у ворот и сердится на тебя и жалуется и говорит: „Клянусь Аллахом, я научил его ловить рыбу, и он ушёл, чтобы принести мне корзины, и не вернулся ко мне. Так не делают в товариществе и так не поступают с учителями!“ И если у тебя, о владыка, есть желание быть с ним в товариществе, тогда – не беда, а если нет, – осведоми его, чтобы он взял в товарищи другого».

И когда халиф услышал слова Джафара, он улыбнулся, и прошло стеснение его груди, и он сказал Джафару: «Заклинаю тебя жизнью – правду ли ты говоришь» что рыбак стоит у ворот?» – «Клянусь твоей жизнью, повелитель правоверных, он стоит у ворот», – сказал Джафар. И тогда халиф воскликнул: «О Джафар, клянусь Аллахом, я постараюсь сделать ему должное, и если желает ему Аллах через мои руки несчастья, он получит его, а если он желает ему через мои руки счастья, он получит его!» И потом халиф взял бумажку и разорвал её на куски и сказал: «О Джафар, напиши твоей рукой двадцать количеств – от динара до тысячи динаров, и столько же степеней власти и везирства – от ничтожнейшего

наместничества до халифата, и двадцать способов всяких пыток – от ничтожнейшего наказания до убиения». И Джафар отвечал: «Слушаю и повинуюсь, о повелитель правоверных!» И он написал на бумажках своей рукой то, что приказал ему халиф. И халиф молвил: «О Джафар, клянусь моими пречистыми отцами и моим родством с Хамзой и Акилем⁶²². Я хочу, чтобы привели Халифу-рыбака, и прикажу ему взять бумажку из этих бумажек, надпись на которых известна только мне и тебе, и что там окажется, то я и дам ему, и если бы оказался это халифат, я бы сложил его с себя и отдал бы его Халифе, и не пожалел бы, а если окажется там повешение, или рассечение, или гибель, я сделаю это с ним. Ступай же и приведи его ко мне!»

И Джафар, услышав эти слова, воскликнул про себя: «Нет мощи и силы, кроме как у Аллаха, высокого, великого! Может быть, выйдет этому бедняге что-нибудь, несущее гибель, и я буду причиной этого! Но халиф поклялся, и рыбаку остаётся только войти, и будет лишь то, чего желает Аллах». И он отправился к Халифе-рыбаку и схватил его за руку, чтобы увести его, и разум Халифы улетел у него из головы, и он подумал: «Что я за дурень, что пришёл к этому скверному рабу. Рыженькому, и он свёл меня с Отрубяным Брюхом!» А Джафар все вёл его, и невольники шли сзади и спереди, и Халифа говорил: «Недостаточно того, что меня задержали, то ещё идут сзади и спереди и не дают мне убежать». И Джафар шёл с ним, пока не прошёл через семь проходов, и потом он сказал Халифе: «Горе тебе, о рыбак! Ты будешь стоять меж руками повелителя правоверных и защитника святыни веры».

И он поднял самую большую завесу, и взор Халифырыбака упал на халифа, который сидел на своём престоле, а вельможи правления стояли, прислуживая ему. И, узнав халифа, рыбак подошёл к нему и сказал: «Приют и уют, о флейтист! Нехорошо, что ты стал рыбаком, а потом оставил меня сидеть с сторожить рыбу, а сам ушёл и не пришёл. А я не успел опомниться как подъехали невольники на разноцветных животных и похватили мою рыбу, когда я стоял один, в все это из-за твоей головы. А если бы ты быстро принёс корзины, мы бы продали рыбы на сто динаров. Но я пришёл требовать то, что мне следует, и меня задержали. А ты? Кто задержал тебя в этом месте?»

И халиф улыбнулся и, приподняв край занавески, высунул из-за неё голову и сказал: «Подойди и возьми бумажку из этих бумажек». И Халифа-рыбак сказал повелителю правоверных: «Ты был рыбаком, а теперь ты, я вижу, стал звездочётом. Но у кого много ремёсел, у того велика бедность». – «Бери скорей бумажку, без разговоров, и исполняй то, что тебе приказал повелитель правоверных», – сказал Джафар.

И Халифа-рыбак подошёл и протянул руку, говоря: «Не бывать, чтобы этот флейтист снова стал моим слугой и ловил со мной рыбу!» И затем он взял бумажку и протянул её халифу и сказал: «О флейтист, что мне в ней вышло? Не скрывай ничего!..»

И Шахразату застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Восемьсот сорок вторая ночь

Когда же настала восемьсот сорок вторая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что когда Халифа-рыбак взял одну из бумажек, он подал её халифу и сказал: „О флейтист, что мне в ней вышло? Не скрывай ничего“. И халиф взял бумажку в руку, подал её везиру Джафару и сказал: „Читай, что в ней написано!“ И Джафар посмотрел на бумажку и воскликнул: „Нет мощи и силы, кроме как у Аллаха, высокого, великого!“ – „Добрые вести, о Джафар? Что ты в ней увидел?“ – спросил халиф. И Джафар ответил: „О повелитель правоверных, в бумажке оказалось: „Побить рыбака сотней палок!“ И халиф приказал побить его сотней палок».

⁶²² Хаиза – дядя пророка Мухаммеда, был братом, а Акиль – племянником аль-Аббаса, от которого вели свой род халифы Аббасиды.

И его приказание исполнили и побили Халифу сотнею палок, и потом он поднялся, говоря: «Прокляни, Аллах, эту игру, о Отрубяное Брюхо! Разве заточение и побои тоже часть игры?» И Джафар сказал: «О повелитель правоверных, этот бедняга пришёл к реке, и как ему вернуться жаждающим? Мы просим от милости повелителя правоверных, чтобы этот рыбак взял ещё одну бумажку. Может быть, в ней что-нибудь для него выйдет и он уйдёт с этим обратно и будет помощь ему против бедности». – «Клянусь Аллахом, о Джафар, – сказал халиф, – если он возьмёт бумажку и выйдет ему в ней убийство, я непременно убью его, и ты будешь этому причиной». – «Если он умрёт, то отдохнёт», – сказал Джафар. И Халифарыбак воскликнул: «Да не обрадует тебя Аллах вестью о благе! Тесно вам стало, что ли, из-за меня в Багдаде, что вы хотите меня убить?» – «Возьми бумажку и проси решения у великого Аллаха», – сказал ему Джафар.

И рыбак протянул руку и, взяв бумажку, подал её Джафару, и Джафар взял её и, прочитав, молчал. «Что же ты молчишь, о сын Яхьи?» – спросил халиф. И Джафар ответил: «О повелитель правоверных, в бумажке вышло: „Не давать рыбаку ничего“. – „Нет ему у нас надеда, – сказал халиф, – скажи ему, чтобы он уходил от моего лица“. – „Заклинаю тебя твоими пречистыми отцами, – сказал Джафар, – дай ему взять третью: может быть, выйдет ему в ней достаток“. – „Пусть возьмёт ещё одну бумажку – и больше ничего“, – сказал халиф. И рыбак протянул руку и взял третью бумажку, и вдруг в ней оказалось: „Дать рыбаку динар!“ И Джафар сказал Халифе-рыбаку: „Я искал для тебя счастья, но не захотел для тебя Аллах ничего, кроме этого динара“. И Халифа воскликнул: „Каждая сотня палок за динар – великое благо, да не сделает Аллах здоровым твоего тела!“ И халиф засмеялся, а Джафар взял Халифу за руку и вышел.

И когда рыбак подошёл к воротам, его увидел евнух Сандаль и сказал ему: «Пойди сюда, о рыбак, пожалуй нам что-нибудь из того, что дал тебе повелитель правоверных, когда он шутил с тобой». – «Клянусь Аллахом, твоя правда, о Рыженький, – отвечал Халифа. – Разве ты хочешь, чтобы я с тобой поделился, о чернокожий? Я съел сотню палок и взял один динар, и ты свободен от ответственности за него!» И он бросил евнуху динар и вышел, и слезы текли по поверхности его щёк. И, увидав его в таком состоянии, евнух понял, что он говорит правду, и вернулся к нему и крикнул слугам, чтобы они привели его обратно. И когда рыбака привели обратно, евнух сунул руку в карман и, вынув оттуда красный кошель, развязал его и вытряхнул, и вдруг в нем оказалось сто золотых динаров. «О рыбак, возьми это золото за твою рыбу и ступай своей дорогой», – сказал евнух. И тут Халифа-рыбак обрадовался и, взяв сотню динаров и динар халифа, вышел, уже забыв о побоях.

И так как Аллах великий желал осуществления того, что было им решено, Халифа-рыбак проходил по рынку невольниц и увидел большой кружок, в котором стояло много народа, и сказал про себя: «Что это за люди?» И он подошёл и прошёл среди людей – купцов и других. А купцы сказали: «Дайте место капитану Зудейту!»⁶²³ И ему дали место, и Халифа посмотрел и видит: стоит старик и перед ним – сундук, и на сундуке сидит евнух, а старик кричит и говорит: «О купцы, о владельцы денег, кто отважится и поспешит что-нибудь дать за этот неведомый сундук из дома Ситт-Зубейды, дочери аль-Касима, жены повелителя правоверных ар-Рашида? По сколько с вас, благослови вас Аллах?»

И один из купцов сказал: «Клянусь Аллахом, это дело опасное! Я скажу слово, и нет на мне за него упрёка: Сундук за мной за двадцать динаров!» И другой сказал: «За пятьдесят динаров!» И купцы набавляли, пока цена не дошла до ста динаров, и зазыватель сказал: «Будет ли от вас добавка, о купцы?» И Халифа-рыбак крикнул: «За мной, за сто динаров и динар!» И когда купцы услышали слова Халифы, они подумали, что он шутит, и засмеялись и сказали: «О евнух, продай Халифе за сто динаров и динар!» – «Клянусь Аллахом, я продам его только ему! – воскликнул евнух. – Бери, о рыбак, да благословит тебя в нем Аллах, и давай золото!» И Халифа вынул золото и отдал его евнуху, и сделка состоялась, а потом

⁶²³ Зудейт – ироническая кличка – уменьшительное от «зульт» – голый.

евнух роздал это золото, стоя на месте, и вернулся во дворец и осведомил Ситт-Зубейду о том, что он сделал, и она обрадовалась.

А Халифа-рыбак понёс сундук на плече, но не мог его нести из-за его великого веса, и тогда он понёс его на голове. И он пришёл в свою улицу и снял сундук с головы (а он устал) и сел, размышляя о том, что с ним случилось, и стал говорить в душе: «О, если бы знать, что такое в этом сундуке!» И он открыл дверь своего дома и возился с сундуком, пока не внёс его в дом, а потом постарался его открыть, но не смог. И тогда он сказал про себя: «Что случилось с моим умом, что я купил этот сундук? Его непременно надо взломать, и я посмотрю, что есть в нем». И он стал возиться с замком, но не мог его сломать и сказал про себя: «Оставлю его до завтра». И он хотел лечь спать, но не нашёл места, где бы лечь, так как сундук пришёлся как раз по мерке комнаты. И Халифа влез на сундук и лёг на нем и пролежал некоторое время и вдруг слышит: что-то шевелится. И Халифа испугался, и сон убежал от него, и ум его улетел...»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Восемьсот сорок третья ночь

Когда же настала восемьсот сорок третья ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что Халифа-рыбак лёг на сундук и пролежал некоторое время и вдруг слышит: что-то шевелится. И Халифа испугался, и его ум улетел, и он встал после сна и сказал: „Похоже, что в нем джинны! Хвала Аллаху, который не дал мне его открыть. Если бы я его открыл, они напали бы на меня в темноте и погубили бы меня, и мне не досталось бы от них добра“.

И потом он вернулся и лёг и вдруг почувствовал, что сундук зашевелился второй раз сильнее, чем первый! И Халифа поднялся на ноги и сказал: «Вот и второй раз, но только это страшно!» И он побежал за светильником, но не нашёл его, а ему не на что было купить светильник, и тогда он вышел из дома и закричал: «О жители улицы!» А большинство жителей улицы спало, и они проснулись от его крика и спросили: «Что с тобой, о Халифа?» И Халифа сказал: «Приходите ко мне со светильником: на меня напали джинны». И над ним посмеялись и дали ему светильник, и он взял его и вошёл в свой дом и, ударив камнем по замку сундука, сломал его и открыл сундук, и вдруг оказалось, что в нем девушка, подобная гурии, и она лежит в сундуке. А её одурманили банджем, и она в эту минуту извергла бандж и очнулась и открыла глаза и, почувствовав, что ей тесно, пошевелилась.

И, увидав её. Халифа подошёл к ней и сказал: «Ради Аллаха, о госпожа, откуда ты?» И девушка открыла глаза и сказала: «Подай мне Ясмин и Нарджис!» – «Здесь есть только тамар-хенна»⁶²⁴, – ответил рыбак. И девушка пришла в себя и увидела Халифу и спросила: «Что ты такое?» – «А где я?» – спросила она потом. И Халифа ответил: «Ты у меня в доме». – «А разве я не во дворце халифа Харуна ар-Рашида?» – спросила девушка. И рыбак воскликнул: «Какой там ар-Рашид, о бесноватая! Ты всего лишь моя невольница, и сегодня я купил тебя за сто динаров и динар и принёс тебя ко мне домой, и ты лежала в этом сундуке». И, услышав его слова, девушка спросила: «Как твоё имя?» И Халифа ответил: «Моё имя Халифа. С чего это моя звезда стала счастливой, когда я знаю, что моя звезда не такова?» И девушка засмеялась и сказала: «Оставь эти разговоры! Найдётся у тебя что-нибудь поесть?» – «Нет, клянусь Аллахом, и пить тоже нечего!» – ответил Халифа. – «Клянусь Аллахом, я уже два дня ничего не ел и теперь нуждаюсь в куске». – «Разве у тебя нет денег?» – спросила девушка. И Халифа ответил: «Аллах, сохрани этот сундук, который сделал меня бедным! Я выложил за него все, что имел, и разорился». И девушка засмеялась и сказала: «Пойди

⁶²⁴ Ясмин – жасмин, Нарджис – нарцисс, в данном случае имена невольниц. Тамар – хенна, или хенпа, – растение, сок которого служит для окраски рук и кончиков пальцев арабских красавиц.

попроси для меня у соседей что-нибудь поесть – я голодна».

И Халифа вышел из дому и закричал: «О жители улицы!» А они спали и проснулись и спросили: «Что с тобой, о Халифа». – «О соседи, – ответил Халифа, – я голоден, и мне нечего есть!» И один сосед принёс ему лепёшку, другой – ломоть, третий – кусок сыру, четвёртый – огурец, и пола его платья наполнилась. И он вошёл в дом и положил все это перед девушкой и сказал: «Ешь!» И она засмеялась и сказала: «А как я буду это есть, когда у меня нет кувшина воды, чтобы напиться. Я боюсь подавиться куском и умереть». – «Я напью для тебя этот кувшин», – сказал Халифа и взял кувшин и вышел на середину улицы и закричал: «Эй, жители улицы!» И его спросили: «Что у тебя за беда сегодня ночью, о Халифа?» И он сказал: «Вы дали мне кушанья, и я поел, по мне захотелось пить – напоите же меня».

И один сосед принёс ему кружку, другой – кувшин, а третий – бутылку, и Халифа наполнил свой кувшин и вошёл в дом и сказал девушке: «О госпожа, не осталось у тебя никаких желаний». – «Правильно, у меня не осталось сейчас никаких желаний», – ответила девушка. И Халифа сказал: «Поговори со мной и расскажи мне твою историю». – «Горе тебе, – воскликнула девушка, – если ты меня не знаешь, то я осведомлю тебя о себе. Я – Кут-аль-Кулуб, невольница халифа Харуна ар-Рашида, и Ситт-Зубейда приревновала ко мне и одурманила меня банджем и положила в этот сундук. Хвала Аллаху, – сказала потом девушка, – что случилось это лёгкое дело и не было другого! Но это произошло со мной только из-за твоего счастья, и ты непременно должен взять у халифа ар-Рашида много денег, которые будут причиной твоего богатства». – «А это не тот ар-Рашид, во дворце которого меня задержали?» – спросил Халифа. И девушка ответила: «Да». И тогда Халифа воскликнул: «Клянусь Аллахом, я не видел никого скупее! Вот флейтист с малым благом и умом. Он побил меня вчера сотнею палок и дал мне один динар, хотя я научил его ловить рыбу и вступил с ним в товарищество, но он обманул меня». – «Брось эти скверные речи и открой глаза, – сказала девушка. – Держи себя пристойно, когда увидишь его следующий раз, и ты достигнешь желаемого».

И когда Халифа услышал её слова, он как будто пробудился, а был спящим, и Аллах снял завесу с его зоркости, ради его счастья. И он ответил девушке: «На голове и на глазах! – и потом сказал: – Во имя Аллаха, ложись спать!» И она поднялась и легла, и Халифа проспал вдали от неё до утра. А утром Кут-аль-Кулуб потребовала у него чернильницу и листок бумаги, и Халифа принёс их. И она написала тому купцу, что был приятелем халифа, и рассказала ему о своих обстоятельствах и обо всем случившемся с нею, а также о том, что она у Халифы-рыбака, который её купил. А потом она отдала бумажку Халифе и сказала: «Возьми эту бумажку и пойди на рынок драгоценных камней. Спроси, где лавка Ибн аль-Кирнаса, ювелира, и отдай ему эту бумажку и ничего не говори». И Халифа сказал: «Слушаю и повинуюсь!»

И он взял бумажку у неё из рук и пошёл на рынок драгоценностей и спросил, где лавка Ибн аль-Кирнаса, и его провели к ней. И Халифа подошёл и приветствовал купца, и тот ответил на его приветствие, но рыбак был презренным в его глазах. «Что тебе нужно?» – спросил он. И Халифа протянул ему бумажку, и купец взял её и не стал читать, так как он думал, что Халифа – нищий и просит милостыню, и сказал одному из своих слуг: «Дай ему полдирхема». – «Мне не нужно милостыни, но прочитай бумажку», – сказал тогда Халифа. И Ибн аль-Кирнас взял бумажку и прочитал её и понял, что на ней написано, и, узнав, что написано на бумажке, он поцеловал её и положил себе на голову...»

И Шахразату застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Восемьсот сорок четвёртая ночь

Когда же настала восемьсот сорок четвёртая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что когда Ибн аль-Кирнас прочитал бумажку и понял, что в ней написано, он поцеловал её и положил себе на голову и, поднявшись на ноги, сказал: „О брат мой, где

твой дом?“ – „А на что тебе мой дом? Разве ты хочешь пойти туда и украсть мою невольницу?“ – спросил Халифа. „Нет, напротив, я куплю тебе с ней чего-нибудь поесть“, – ответил Ибн аль-Кирнас. И Халифа сказал: „Мой дом в такой-то улице“. – „Прекрасно, пусть не даст тебе Аллах здоровья, о несчастный!“ – сказал Ибн аль-Кирнас. И потом он кликнул двух рабов из своих рабов и сказал им: „Пойдите с этим человеком в лавку Мухсина, менялы, и скажите ему: „О Мухсин, дай этому тысячу золотых динаров!“ А потом возвращайтесь с ним ко мне поскорее“.

И рабы пошли с Халифой в лавку менялы и сказали ему: «О Мухсин, дай этому человеку тысячу золотых динаров!» И Мухсин дал их ему, и Халифа взял деньги и вернулся с рабами к лавке их господина. И они нашли сто сидящим на пегом муле, ценою в тысячу динаров, и невольники и слуги окружали его, а рядом с его мулом был такой же мул, осёдланный и взнузданный. И Ибн аль-Кирнас сказал Халифе: «Во имя Аллаха! Садись на этого мула!» И Халифа воскликнул: «Я не сяду! Клянусь Аллахом, я боюсь, что он меня сбросит!» – «Клянусь Аллахом, ты непременно должен сесть на него», – сказал ему купец Ибн аль-Кирнас. И Халифа подошёл, чтобы сесть на мула, и сел на него задом наперёд и схватил мула за хвост и закричал, и мул сбросил его на землю. И над Халифой стали смеяться, и он поднялся и сказал: «Не говорил ли я тебе: „Я не сяду на этого большого осла!“

И тогда Ибн аль-Кирнас оставил Халифу на рынке и отправился к повелителю правоверных и осведомил его о невольнице, а потом он вернулся и перевёз её в свой дом. А Халифа пошёл домой, чтобы посмотреть на невольницу, и увидел, что жители его улицы собрались и говорят: «Сегодня Халифа совсем перепуган. Посмотреть бы, откуда у него эта невольница». И кто-то сказал: «Это сумасшедший сводник! Может быть, он нашёл её на дороге, пьяную, и понёс её и принёс в свой дом, и он скрылся только потому, что знает свой грех».

И когда они разговаривали, вдруг подошёл к ним Халифа, и ему сказали: «Каково тебе, о бедняга? Разве ты не знаешь, что с тобой случилось?» – «Нет, клянусь Аллахом», – ответил Халифа. И ему сказали: «Сейчас пришли невольники и взяли твою невольницу, которую ты украл, и они искали тебя, но не нашли». – «Как – взяли мою невольницу?» – спросил Халифа. И кто-то сказал:

«Если бы ты попался, тебя бы убили». Но Халифа не обратил на этих людей внимания, а вернулся бегом в лавку Ибн аль-Кирнаса и увидел, что он выезжает, и воскликнул: «Клянусь Аллахом, это нехорошо! Ты отвлёк меня и послал твоих невольников, и они взяли мою невольницу». – «О бесноватый, пойди сюда и молчи!» – ответил Ибн аль-Кирнас. И потом он взял его с собой и привёл к красиво построенному дому и вошёл с ним туда, и Халифа увидал, что девушка сидит там на золотом ложе и вокруг неё десять невольниц, подобных лунам. И когда Ибн аль-Кирнас увидел эту девушку, он поцеловал землю между её руками, и Кут-аль-Кулуб спросила его: «Что ты сделал с моим новым господином, который купил меня за все, что имел?» И Ибн аль-Кирнас ответил: «О госпожа, я дал ему тысячу золотых динаров». И он рассказал ей историю Халифы с начала до конца, и девушка засмеялась и сказала: «Не взыскивай с него – он человек простой, – и потом она сказала: – Вот ещё тысяча динаров в подарок ему от меня. И если захочет Аллах великий, он возьмёт от халифа то, что его обогатит».

И когда они разговаривали, вдруг пришёл евнух от халифа, требуя Кут-аль-Кулуб, так как халиф узнал, что она в доме Ибн аль-Кирнаса, и, узнав это, не мог ждать её и приказал её привести. И когда Кут-аль-Кулуб пошла к нему, она взяла с собой Халифу и шла до тех пор, пока не пришла к халифу, а придя к нему, девушка поцеловала землю меж его руками. И халиф поднялся для неё и пожелал ей мира и приветствовал её и спросил, каковы были её обстоятельства с тем, кто её купил, и девушка сказала: «Это человек, которого зовут Халифа-рыбак, и вон он стоит у двери. Он мне рассказывал, что у него есть с владыкой нашим, повелителем правоверных, счёты из-за товарищества по рыбной ловли, в которое они вступили». – «Он стоит здесь?» – спросил халиф. И девушка отвечала: «Да!»

И тогда халиф приказал привести его, и рыбак явился и поцеловал землю меж рук

халифа и пожелал ему вечной славы и благоденствия. И халиф удивился рыбаку и посмеялся над ним и сказал: «О рыбак, разве ты правда был вчера моим товарищем?» И Халифа понял слова повелителя правоверных и ободрил своё сердце и укрепил душу и сказал: «Клянусь тем, кто пожаловал тебе халифат после сына твоего дяди, я не знаю, в чем состояло это товарищество. Мне пришлось только смотреть и говорить». И затем он повторил ему все, что с ним случилось, от начала до конца, и халиф начал смеяться, а потом Халифа рассказал ему историю с евнухом и то, что у него с ним случилось: как евнух дал ему сто динаров, сверх динара, который он получил от халифа, и рассказал ему также, как он пошёл на рынок и купил сундук за сто динаров и динар, не зная, что в нем находится, и рассказал ему всю историю с начала до конца. И халиф посмеялся над рыбаком, и расправилась у него грудь, и он воскликнул: «Мы сделаем так, как ты хочешь, о приводящий достояние к его обладателю!»

И Халифа умолк, а после этого халиф велел выдать ему пятьдесят тысяч динаров золотом и роскошную одежду, из одеяний великих халифов, и мула и подарил ему рабов из числа чёрных, которые прислуживали ему. И стал Халифа как бы одним из царей, существовавших в это время.

Что же касается халифа, то он обрадовался прибытию своей невольницы и понял, что все это – дела Ситт-Зубейды, дочери его дяди...»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Восемьсот сорок пятая ночь

Когда же настала восемьсот сорок пятая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что халиф обрадовался возвращению Кут-аль-Кулуб и понял, что все это – дела Ситт-Зубейды, дочери его дяди, и велик стал его гнев на неё, и он оставил её на некоторое время и не входил к ней и не имел к ней склонности.

И когда Ситт-Зубейда убедилась в этом, её охватила из-за гнева халифа большая забота, и цвет её лица пожелтел после румянца, и когда ей стало невозможно терпеть, она послала к сыну своего дяди, повелителю правоверных, извиняясь перед ним и признавая свою вину, и произнесла в письме такие стихи:

«Я склонна к тому, чтобы, как прежде, простили вы,
Чтоб горести и печаль во мне погасить мою.
Владыки, о, сжальтесь же над крайнею страстью вы, –
Того, что уж вынесла от вас я, достаточно.
Терпение кончилось, как нет вас, любимые,
Смутили вы в жизни то, что было безоблачно.
Мне жизнь, если верны вы обетам останетесь,
Мне смерть, если верности мне дать не согласны вы.
Допустим, что я в грехе виновна – простите же,
Аллахом клянусь, сколь мил любимый, когда простит!

И когда дошло послание Ситт-Зубейды до повелителя правоверных, тот прочитал его и понял, что Ситт-Зубейда призналась в своей вине и прислала письмо и извинялась перед ним в том, что сделала, и сказал про себя: «Поистине, Аллах прощает грехи полностью, он есть всепрощающий, милосердый». И он послал ей ответ на её послание, содержащий прощение и извинение и отпущение того, что прошло, и охватила Зубейду из-за этой великой радости. А потом халиф назначил Халифе-рыбаку на каждый месяц пятьдесят динаров жалованья, и оказался он у халифа на великом положении и высоком месте, в уважении и почёте.

И Халифа поцеловал землю меж рук повелителя правоверных, собираясь выходить, и вышел, горделиво выступая. И когда он подошёл к воротам, его увидел евнух, который дал

ему сто динаров, и узнал его и спросил: «О рыбак, откуда у тебя все это?» И Халифа рассказал ему, что с ним случилось, с начала до конца, и евнух обрадовался, так как это он был причиной его обогащения, и сказал: «Не дашь ли ты мне награды из тех денег, что оказались у тебя?» И Халифа положил руку в карман и, вынув из него кошель с тысячью золотых динаров, протянул его евнуху. И евнух сказал ему: «Возьми твои деньги, да благословит тебя в них Аллах!» И он очень удивился великодушию Халифы и щедрости его души, несмотря на его бедность. И Халифа ушёл от евнуха и поехал на муле, за круп которого держались его слуги, и ехал до тех пор, пока не приехал в хан, а народ смотрел на него и дивился доставшемуся Халифе величию. И люди подошли к нему, когда он сошёл с мула, и спросили его о причине такого счастья, и Халифа рассказал им о том, что с ним случилось, с начала до конца. И он купил дом с красивыми колоннами и потратил на него много денег, так что он стал совершенен по качествам, и зажил в этом доме, произнося такие два стиха:

«Взгляни на дом, – похож на дом счастья он,
Он гонит грусть, и хворого лечит он.
Построен был для высших лишь этот дом,
И благо в нем присутствует всякий час».

И когда Халифа расположился в своём доме, он посватался к девушке из дочерей знатных жителей города – одной из прекрасных девушек. И он вошёл к ней, и досталось ему крайнее наслаждение и великое счастье и удовольствие, и жил он в великом благоденствии и полном счастье. И когда он увидал себя в таком благоденствии, он возблагодарил Аллаха – слава ему и величие! – за дарованное ему изобильное благо и сменяющие друг друга благоденствия. И стал он восхвалять своего владыку хвалой благодарного, напевая слова поэта:

«Хвала тебе, о господь, чья милость сменяется
Другою и щедрость чья на всех разливается,
Хвала от меня тебе – прими от меня хвалу,
Я помню твои щедроты, блага и милости.
Ты был ко мне щедр, и добр, и кроток, и милостив,
И благо ты сделал мне, и вот вспоминаю я.
Все люди, мы знаем, льют из моря щедрот твоих,
И ты помогаешь им в минуту несчастья.
Господь наш, ты даровал нам вечное счастье
И милостью залил нас, о грех мне прощающий,
Во славу пришедшего к нам, людям, по милости
Пророка преславного, правдивого, чистого,
Его да благословит Аллах, да хранит его,
С помощниками, с семьёй, паломник пока идёт,
А также сподвижников преславных, достойнейших,
Разумных, пока поют на дереве птицы все».

И потом Халифа стал посещать халифа Харуна ар-Рашида и находил у него приязнь, и ар-Рашид осыпал его своими милостями и щедротами. И Халифа жил в полнейшем счастье, радости, величии и наслаждении, пользуясь великим благоденствием и возрастающим возвышением, хорошей, приятной жизнью и чистым наслаждением, угодным Аллаху, пока не пришла Разрушительница наслаждений и Разлучительница собраний. Да будет же слава тому, кому присуще величие и вечность, кто всегда жив и никогда не умирает!

Рассказ о Масруре и Зейн-аль-Мавасиф (ночи 845-863)

Рассказывают также, что был в древние времена и минувшие века и годы один человек, купец, по имени Масрур, и был этот человек из прекраснейших людей своего времени, с большими деньгами и живший в холе, но только любил он гулять в цветниках и садах и развлекаться любовью к прекрасным женщинам.

И случилось так, что он спал в одну ночь из ночей и увидел во сне, будто он в саду из прекраснейших садов, и в нем четыре птицы, и в числе их – голубка, белая, как начищенное серебро. И купцу понравилась эта голубка, и возникло из-за неё в его сердце великое волнение, а потом он увидел, что к нему спустилась большая птица и вырвала голубку у него из рук, и показалось это ему тяжким. А затем, после этого, он пробудился от сна и не увидел голубки и боролся со своими желаньями до утра.

И он сказал себе: «Непременно пойду сегодня к кому-нибудь, кто растолкует мне этот сон...»

И Шахразад застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Восемьсот сорок шестая ночь

Когда же настала восемьсот сорок шестая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что Масрур-купец, пробудившись от сна, боролся со своими желаньями до утра, а когда настало утро, он сказал себе: „Непременно пойду сегодня к кому-нибудь, кто растолкует мне этот сон!“ И он поднялся и ходил направо и налево, пока не удалился от своего жилища, но не нашёл никого, кто бы ему растолковал этот сон, а затем, после этого, он захотел вернуться к своему жилищу. И когда он шёл по дороге, вдруг пришло ему на ум свернуть к одному дому из домов купцов. А этот дом принадлежал кому-то из богатых, и когда Масрур подошёл к нему, он вдруг услышал звуки стенаний, исходивших из печального сердца, и голос, произносивший такие стихи:

«Подул благовонный ветер с места, где след её, –
Вдыхая его, больной найдёт исцеление.
Стоял у развалин я истёртых и спрашивал,
Давали ответ слезам лишь кости истлевшие.
Я молвил: «О ветерок, Аллахом молю, скажи,
Вернутся ли к этому жилищу дни счастья
И буду ли счастлив я с газелью, склонившей стан –
Ко мне, – с сонных век недуг изнурил меня»

И, услышав этот голос, Масрур заглянул за ворота и увидел сад из прекраснейших садов, в глубине которого была занавеска из красной парчи, окаймлённая жемчугом и драгоценными камнями, а за занавеской были четыре невольницы, и между ними – девушка ниже пяти пядей за выше четырех пядей, подобная светящей луне и округлому месяцу, с парой насурьмлённых глаз и сходящихся бровей и ртом, подобным печати Сулеймана, а губы и зубы её были точно жемчуг и коралл. И она похищала разум своей красотой, прелестью, стройностью и соразмерностью. И когда Масрур увидел эту девушку, он вошёл в дом и прошёл дальше, пока не дошёл до занавески, и тут девушка подняла голову и посмотрела на него. И Масрур приветствовал её, и она возвратила ему приветствие нежной речью, и когда Масрур взглянул на девушку и всмотрелся в неё, его ум улетел и сердце его пропало. И он посмотрел в сад, а сад был полон жасмина, левкоев, фиалок, роз, апельсинов и всяких, какие бывают в саду, цветов, и все деревья опоясались плодами, и вода лилась вниз из четырех портиков, которые стояли один напротив другого. И Масрур всмотрелся в первый портик и увидел, что вокруг него написаны красным суриком такие два стиха:

О дом, да не войдут в тебя печали,
И время пусть владельца не обманет!
Прекрасен дом, приют дающий гостю,
Когда для гостя станет место тесным!

А потом он всмотрелся во второй портик и увидел, что вокруг него написаны червонным золотом такие стихи:

Блистают пусть на тебе одежды довольства,
Покуда чирикают на дереве птицы.
Пребудут пускай в тебе всегда благовония,
Желания любящих в тебе да свершатся.
И пусть обитатели твои будут радостны,
Покуда блистает рой звёзд быстрых в высотах.

А затем он всмотрелся в третий портик и увидел, что вокруг него написаны синей лазурью такие два стиха:

Пребуди в благоденствии, о дом, и довольстве,
Покуда темнеет ночь и блещут светила.
В воротах твоих входящим счастье даёт приют,
И благо пришедшему твоё изобильно.

А затем он всмотрелся в четвёртый портик и увидел, что вокруг него написан жёлтой тушью такой стих:

Сад прекрасный, а вот и пруд полноводный –
Место дивно, и наш господь всепрощающ.

А в этом саду были птицы: горлинки, голуби, соловьи и вяхири, и всякая птица пела на свой напев, а девушка покачивалась, красивая, прелестная, стройная и соразмерная, и пленялся ею всяк, кто её видел. «О человек, – сказала она потом, – что дало тебе смелость войти в дом, тебе не принадлежащий, и к девушкам, не принадлежащим тебе, без разрешения их обладателей?» И Масрур ответил: «О госпожа, я увидел этот сад, и мне понравилась красота его зелени, благоухание его цветов и пение его птиц, и я вошёл в него, чтобы в нем погулять с часок времени, а потом я уйду своей дорогой». – «С любовью и охотой!» – молвила девушка.

И когда Масрур-купец услышал её слова и увидел заигрыванье её глаз и стройность её стана, он смутился из-за красоты и прелести девушки и приятности сада и птиц, и его разум улетел. И он растерялся, не зная, что делать, и произнёс такие стихи:

«Появился месяц, красою дивной украшенный,
Среди холмов, цветов и дуновений;
Фиалок, мирт и розы благовония
Дышали ароматом под ветвями.
О сад – он совершенен в дивных качествах,
И все сорта цветов в себе собрал он.
Луна сияет сквозь тень густую ветвей его,
И птицы лучшие поют напевы,
И горлинки, и соловей, и голуби,
А также дрозд тоску мою волнует.
И страсть стоит в душе моей, смущённая

Её прелестью, как смущён хмельной бывает».

И когда Зейн-аль-Мавасиф услышала стихи Масрура, она посмотрела на него взором, оставившим в нем тысячу вздохов, и похитила его разум и сердце. И она ответила на его стихи такими стихами:

«Надежду брось на близость с той, в кого влюблён!
Пресеки желанья, которые питаешь ты!
Брось думать ты, что не в мочь тебе оставить ту,
В кого, среди красавиц, ты влюблён теперь.
Взор глаз моих влюблённым всем беду несёт,
И не тяжко мне. Вот слова мои – сказала я».

И когда Масрур услышал её слова, он решил быть твёрдым и стойким и затаил своё дело в душе и, подумав, сказал про себя: «Нет против беды ничего, кроме терпения». И они проводили так время, пока не налетела ночь, и тогда девушка велела принести столик, и он появился перед ними, уставленный всевозможными кушаньями – перепёлками, птенцами голубей и мясом баранов. И они ели, пока не насытились, и Зейн-аль-Мавасиф велела убрать столы, и их убрали и принесли прибор для омовенья, и они вымыли руки, и затем девушка велела поставить подсвечники, и их поставили, и вставили в них камфарные свечи.

А после этого Зан-аль-Мавасиф сказала: «Клянусь Аллахом, моя грудь стеснилась сегодня вечером, так как у меня жар!» И Масрур воскликнул: «Да расправит Аллах твою грудь и да рассеет твою заботу!» – «О Масрур, – сказала девушка, – я привыкла играть в шахматы. Смыслишь ли ты в них что-нибудь?» – «Да, я в них сведущ», – ответил Масрур. И Зейн-аль-Мавасиф поставила перед ним шахматы, и вдруг оказалось, что доска из чёрного дерева и украшена слоновой костью и у неё поле, меченное ярким золотом, а фигуры из жемчуга и яхонта...»

И Шахразад устала, и она прекратила дозволенные речи.

Восемьсот сорок седьмая ночь

Когда же настала восемьсот сорок седьмая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что девушка велела принести шахматы, и их принесли, и когда Масрур увидел шахматы, его мысли смутились. И Зейн-аль-Мавасиф обернулась к нему и сказала: „Ты хочешь красные или белые?“ И Масрур ответил: „О владычица красавиц и украшение утра, возьми ты красные, так как они красивы и подходят для подобной тебе лучше, и оставь мне белые фигуры“. – „Я согласна“, – сказала Зейн-аль-Мавасиф и, взяв красные, расставила их напротив белых и протянула руку к фигурам, передвигаемым в начале поля. И Масрур посмотрел на её пальцы и увидел, что они как будто из теста. И он смутился из-за красоты её пальцев и приятности её черт, и девушка сказала: „О Масрур, не смущайся, терпи и держись стойко“. И Масрур молвил: „О владычица красоты, позорящей луны, когда посмотрит на тебя влюблённый, как будет он терпелив?“

И все это было так, и вдруг она говорит: «Шах умер!» И тут она обыграла его, и поняла Зейн-аль-Мавасиф, что от любви к ней он одержимый. «О Масрур, – сказала она, – я буду играть с тобой только на определённый заклад и известное количество». – «Слушаю и повинуюсь», – ответил Масрур. И девушка молвила: «Поклянись мне, и я поклянусь тебе, что каждый из нас не будет обманывать другого». И когда оба вместе поклялись в этом, она сказала: «О Масрур, если я тебя одолею, я возьму у тебя десять динаров, а если ты меня одолеешь, я не дам тебе ничего». И Масрур подумал, что он её одолеет, и сказал ей: «О госпожа, не нарушай своей клятвы, я вижу, ты сильнее меня в игре». – «Я согласна на это», – ответила девушка.

И они стали играть и обгоняли друг друга пешками, и девушка настигала их ферзями и выстраивала их и связывала с ладьями, и душа её согласилась выставить вперёд коней. А на голове у Зейн-аль-Мавасиф была синяя парчовая перевязь, и она сняла её с головы и обнажила запястье, подобное столбу света, и, пройдясь рукой по красным фигурам, сказала Масруру: «Будь осторожен!» И Масрур оторопел, и улетел его разум, и его сердце пропало, и он посмотрел на стройность девушки и нежность её свойств и смутился, и его охватила растерянность, и он протянул руку к белым, но она потянулась к красным. «О Масрур, где твой разум? Красные – мои, а белые – твои», – сказала девушка. И Масрур воскликнул: «Поистине, тот, кто на тебя смотрит, не владеет своим умом!» И когда Зейн-аль-Мавасиф увидела, в каком Масрур состоянии, она взяла у него белые и дала ему красные, и он сыграл с нею, и она его обыграла.

И Масрур продолжал играть с нею, и она его обыгрывала, и каждый раз он давал ей десять динаров, и Зейналь-Мавасиф поняла, что его отвлекает любовь к ней, и сказала: «О Масрур, ты получишь то, что хочешь, только когда обыграешь меня, как ты условился, и я буду с тобой играть только на сто динаров за каждый раз». – «С любовью и охотой», – сказал Масрур. И девушка стала с ним играть и обыгрывала его и повторяла это, и он всякий раз давал ей сотню динаров, и это продолжалось до утра, и Масрур не обыграл её ни разу. И он поднялся и встал на ноги, и Зейн-аль-Мавасиф спросила: «Что ты хочешь, о Масрур?» – «Я пойду домой и принесу денег. Может быть, я достигну осуществления надежд», – ответил Масрур. И девушка молвила: «Делай что хочешь из того, что тебе вздумалось».

И Масрур пошёл в своё жилище и принёс девушке все деньги, и, придя к ней, он произнёс такие два стиха:

«Привиделась в виденье сна птица мне
В саду приятном, где цветы радостны,
Я птицу ту, явилась лишь, изловил.
Верна мне будь – вот сна того явный смысл».

И когда Масрур пришёл к девушке со всеми своими деньгами, он стал с ней играть, и она обыгрывала его, и он не смог уже выиграть ни одной игры. И так продолжалось три дня, пока она не взяла у него всех его денег, и когда его деньги вышли, она спросила его: «О Масрур, что ты хочешь?» – «Я сыграю с тобой на москательную лавку», – сказал Масрур. «А сколько стоит эта лавка?» – спросила девушка. «Пятьсот динаров», – ответил Масрур. И он сыграл с нею пять раз, и она его обыграла, а потом он стал с ней играть на невольниц, поместья, сады и постройки, и она забрала у него все это, и все, чем он обладал.

А после этого она обратилась к нему и спросила: «Осталось ли у тебя сколько-нибудь денег, чтобы на них играть?» И Масрур ответил: «Клянусь тем, кто ввергнул нас с тобою в сети любви, моя рука не владеет больше ничем из денег или другого – ни малым, ни многим». – «О Масрур, все, что началось с согласия, не должно кончаться раскаянием», – сказала девушка.

Если ты раскаиваешься, возьми твои деньги и уходи от нас своей дорогой, и я сочту тебя свободным передо мною». – «Клянусь тем, кто предопределил нам все эти дела, если бы ты захотела взять мою душу, её было бы мало за твою милость! – воскликнул Масрур. – Я не полюблю никого, кроме тебя». – «О Масрур, – сказала Зейн-аль-Мавасиф, – тогда пойди и приведи судью и свидетелей и запиши на меня все твои владенья и поместья». И Масрур отвечал: «С любовью и охотой!»

И в тот же час и минуту он поднялся и, приведя судью и свидетелей, ввёл их к девушке, и когда судья увидел её, его ум улетел и сердце его продало и его разум взволновался из-за красоты её пальцев. «О госпожа, – воскликнул он, – я напишу свидетельство только с условием, что ты купишь эти поместья, и невольниц, и владенья, и они все окажутся в твоём распоряжении и обладании». – «Мы согласились в этом, напиши мне свидетельство, что собственность Масрура, его невольницы и то, чем владеет его рука, переходят в

собственность Зейн-аль-Мавасиф за плату размером в столько-то и столько-то», – сказала Зейн-аль-Мавасиф. И судья написал, и свидетели приложили к этому подписи, и Зейн-аль-Мавасиф взяла свидетельство...»

И Шахразад застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Восемьсот сорок восьмая ночь

Когда же настала восемьсот сорок восьмая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что когда Зейн-аль-Мавасиф взяла у судьи свидетельство, в котором содержалось, что все, что было собственностью Масрура, стало её собственностью, она сказала: „О Масрур, уходи своей дорогой“.

И тогда к нему обратилась её невольница Хубуб и сказала ему: «Скажи нам какое-нибудь стихотворение» И он сказал об игре в шахматы такие стихи:

«Пожалуюсь на судьбу, на все, что случилось, я,
На шахматы, проигрыш и время я сетую,
На любовь к нежной девушке с прекрасной шеею –
Ведь равной ей в людях нет средь жён и среди мужчин.
Стрелу наложила глаз на лук свой прекрасная
И двинула ряды войск, людей побеждающих,
И белых, и красных, и коней поражающих,
И против меня пошла и молвила: «Берегись!»
Презрела она меня, персты свои вытянув
В ночной темноте, такой же, как её волосы.
Чтоб белых моих спасти, не мог я подвинуть их,
И страсть моих слез струю излиться заставила
И пешки, и ферзь её, и башни тяжёлые
Напали, и вспять бежит рать белых разбитая,
Метнула в меня стрелу глаз томных красавица,
И сердце разбито той стрелою моё теперь.
Дала она выбрать мне одно из обоих войск,
И выбрал я белых рать в расчёте на счастье
И молвил: «Вот белых войско – мне подойдёт оно,
Его для себя хочу, а ты возьми красные».
Играли мы на заклад, и так согласился я,
Её же согласия достигнуть я не сумел.
О горесть сердечная, о грусть, о тоска моя!
О близости с девушкой, на месяц похожею!
Душа не горит моя, о нет, не печалится
О землях, и только взгляда жаждет её она!
И стал я растерянным, смущённым, взволнованным,
И рок упрекал за то, что случилось со мною, я.
Спросила она: «Чем ты смущён?» И ответил я:
«О, могут ли пьющие, напившись, стать трезвыми»
О женщина! Ум она похитила стройностью,
Смягчится ль её душа, на камень похожая?
Я молвил, позарившись: «Сегодня возьму её
За проигрыш». Не боялся, не опасался я
И сердцем все время жаждал с нею сближения,
Покуда и так и так не стал разорённым я.
Влюблённый откажется ль от страсти терзающей,

Хотя бы в море тоски совсем погрузился он?
И денег не стало у раба, чтобы тратить их,
Он, пленник любви своей, желанного не достиг».

И Зейн-аль-Мавасиф, услышав эти стихи, подивилась красноречию его языка и сказала: «О Масрур, оставь это безумие, вернись к разуму и уходи своей дорогой. Ты загубил свои деньги и поместья игрой в шахматы и не получил того, что хочешь, и тебе ни с какой стороны не подойти к этому». И Масрур обернулся к Зейн-аль-Мавасиф и сказал ей: «О госпожа, требуй чего хочешь, – тебе будет все, что ты потребуешь. Я принесу тебе это и положу меж твоих рук». – «О Масрур, у тебя не осталось денег», – сказала девушка. И Масрур молвил: «О предел надежд, если у меня нет денег, мне помогут люди». – «Разве станет дарящий просящим дара?» – сказала Зейналь-Мавасиф. И Масрур ответил: «У меня есть близкие и друзья, и чего бы я ни потребовал, они мне дадут». – «Я хочу от тебя, – сказала тогда Зейн-аль-Мавасиф, – четыре мешочка благовонного мускуса, четыре чашки галии, четыре ритля амбры, четыре тысячи динаров и четыреста одежд из вышитой царской парчи. И если ты принесёшь мне, о Масрур, эти вещи, я разрешу тебе сближение». – «Это для меня легко, о смущающая луны», – ответил Масрур. И затем Масрур вышел от неё, чтобы принести ей то, что она потребовала, а Зейн-аль-Мавасиф послала за ним следом невольницу Хубуб, чтобы та посмотрела, какова ему пена у людей, о которых он ей говорил.

И когда Масрур шёл по улицам города, он вдруг бросил взгляд и увидел вдали Хубуб. Он постоял, пока она не нагнала его, и спросил: «О Хубуб, куда идёшь?» И девушка ответила: «Моя госпожа послала меня за тобой следом для того-то и того-то». И она рассказала ему обо всем, что говорила ей Зейн-аль-Мавасиф, с начала до конца. И тогда Масрур воскликнул: «Клянусь Аллахом, о Хубуб, моя рука не владеет теперь ничем». – «Зачем же ты ей обещал?» – спросила Хубуб. И Масрур ответил: «Сколько обещаний не исполняет давший их, и затягивание дела в любви неизбежно». И, услышав от него это, Хубуб воскликнула: «О Масрур, успокой свою душу и прохлади глаза! Клянусь Аллахом, я буду причиной твоего сближения с ней!»

И затем она оставила его и пошла и шла до тех пор, пока не пришла к своей госпоже. И тогда она заплакала сильным плачем и сказала: «О госпожа моя, клянусь Аллахом, это человек большого сана, уважаемый людьми». И её госпожа молвила: «Нет хитрости против приговора Аллаха великого! Этот человек не нашёл у нас милостивого сердца, так как ты взяли его деньги, и не нашёл у нас любви и жалости в сближении. А если я склонюсь к тому, что он хочет, я боюсь, что дело станет известно». – «О госпожа, – сказала Хубуб, – нам не легко видеть его состояние. Но ведь подле тебя только я и твоя невольница Сукуб. Кто же из нас может заговорить о тебе, раз мы твои невольницы?»

И тут Зейн-аль-Мавасиф склонила на некоторое время голову к земле, и невольницы сказали ей: «О госпожа, наше мнение, что ты должна послать за ним и оказать ему милость. Не позволяй ему просить ни у кого из дурных. О, как горьки просьбы!» И Зейн-аль-Мавасиф вняла словам невольниц и, потребовав чернильницу и бумагу, написала Масруру такие стихи: «Сближение пришло, Масрур, возрадуйся же тотчас, Когда почернеет ночь, для дела ты приходи, И низких ты не проси дать денег, о юноша:

Была я тогда пьяна, теперь возвратился ум.
Все деньги твои тебе вновь будут возвращены,
И, сверх того, о Масрур, я близость со мною дам.
Ты истинно терпелив, и нежностью встретил ты
Суровость возлюбленной, жестокой неправедно.
«Спешите же насытиться любовью и радуйтесь,
Небрежен не будь – не то узнает семья о нас.
Пожалуй же к нам скорей, не мешкая приходи,
Вкусы от плода сближения, мужа покуда нет».

А потом она свернула письмо и отдала его своей невольнице Хубуб, а та взяла его и пошла с ним к Масруру и увидела, что Масрур плачет и произносит такие стихи поэта:

«Пахнуло на сердце мне любви дуновением,
И сердце истерзано чрезмерной заботою.
Сильнее тоска моя с уходом возлюбленных,
Глаза мои залиты потоком бегущих слез.
Мои подозрения таковы, что, открой я их
Камням или скалам твёрдым, быстро смягчились бы.
О, если бы знать, увижу ль то, что мне радостно,
Достанется ль счастье мне достигнуть желанного?
Совьются ль разлуки ночи после возлюбленной,
Избавлюсь ли от того, что сердце пронзило мне?..»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Восемьсот сорок девятая ночь

Когда же настала восемьсот сорок девятая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что Масрур, когда усилилось в нем любовное безумие, стал произносить стихи, охваченный сильной страстью. И когда он напевал эти стихи и повторял их, вдруг услышала его Хубуб. И она постучала в ворота, и Масрур поднялся и открыл ей, и она вошла и подала ему письмо. И Масрур взял его и прочитал и спросил: „О Хубуб, какие за тобой вести о твоей госпоже?“ И невольница ответила: „В этом письме заключается то, что избавляет от ответа, так как ты из людей разумных“. И Масрур обрадовался великой радостью и произнёс такие два стиха:

«Вот пришло письмо, и обрадован содержанием я.
И хотелось бы в глубине души сохранить его.
Лишь сильней любил я, целуя строки письма её,
И казалось мне, что жемчужина скрыта страсти в нём».

И потом он написал письмо, ей в ответ, и отдал его Хубуб, и та взяла его и отнесла Зейн-аль-Мавасиф. И, придя к ней, Хубуб начала ей описывать достоинства Масрура и рассказывать ей об его качествах и великодушии и стала ему помощницей в сближении с Зейн-аль-Мавасиф. И Зейн-аль-Мавасиф сказала ей: «О Хубуб, он мешкает с приходом к нам». – «Поистине, он скоро придёт», – ответила Хубуб. И не закончила она ещё своих слов, как вдруг Масрур пришёл и постучался в ворота. И Хубуб открыла ему и взяла его и привела к своей госпоже Зейн-аль-Мавасиф, и та пожелала ему мира и приветствовала его и посадила с собой рядом.

А затем она сказала своей невольнице Хубуб: «Подай ему одежду из лучших, какие бывают». И Хубуб пошла и принесла одежду, шитую золотом, и Зейн-аль-Мавасиф взяла её и облачила в неё Масрура. И сама она тоже облачилась в платье из роскошнейших одежд и надела на голову сетку из свежего жемчуга, а поверх сетки она повязала парчовую повязку, обшитую жемчугом, драгоценными камнями и яхонтами. И она выпустила из-под повязки два локона, и к каждому локону привязала красный яхонт с меткой яркого золота, и распустила волосы, подобные тёмной ночи, и окурилась алоэ и надушилась мускусом и амброй. И её невольница Хубуб сказала ей: «Да сохранит тебя Аллах от сглаза!» И Зейн-аль-Мавасиф стала ходить, горделиво покачиваясь при каждом шаге, и невольница произнесла такие стихи из дивных своих стихотворений:

«И смутилась ивы ветвь гибкая от шагов её,
И напала взором на любящих, посмотрев, она.
Луна явилась во мраке ночи волос её,
Точно солнце, вдруг осиявшее тень кудрей её.
О, как счастлив тот, с кем почует рядом краса её,
Кто умрёт, клянясь её жизнью, за неё умрёт!»

И Зейн-аль-Мавасиф поблагодарила её, а потом она подошла к Масруру, подобная незакрытой луне. И, увидав её, Масрур поднялся на ноги и воскликнул: «Если моё предположение говорит правду, она не человек, а одна из невест рая». И потом Зейн-аль-Мавасиф велела подать стол, и он появился, и вдруг оказалось, что на краю стола написаны такие стихи:

Сверни с твоей ложкою ты к табору мисок
И всякими насладись жаркими и дичью.
На них перепёлки будут – я их всегда люблю –
И нежные курочки с цыплятами вместе.
Аллахом нам дан кебаб, румянцем гордящийся,
И зелень макаем мы в разбавленный уксус.
Прекрасен молочный рис, куда погружаются
Запястья до самого предела браслетов.
О, горесть души моей о двух рыбных кушаньях
На свежих лепёшечках из плотного теста!

И потом они стали есть и пить, наслаждаться и веселиться. И убрали скатерть кушаний, и подали скатерть вина, и заходили между ними кубки и чаши, и приятно стало им дыханье, и наполнил чашу Масрур и воскликнул: «О та, чей я раб, и кто моя госпожа!» И затем он стал напевать, произнося такие стихи:

«Глазам я дивлюсь моим – наполнить сумеют ли
Себя красотою той, что блещет красой своей?
И ей в её времени не встретишь подобных ты,
По тонкости её свойств и качеств приятности.
Завидует ивы ветвь всегда её гибкости
В одежде, когда идёт она, соразмерная.
Лик светлый её луну смущает во тьме ночной,
И яркий её пробор, как месяц, сияет нам.
Когда по земле пройдёт, летит аромат её,
Как ветер, что средь долин и гор овекает нас»

А когда Масрур окончил свои стихи, Зейн-аль-Мавасиф воскликнула: «О Масрур, всякому, кто крепко держится своей веры и поел нашего хлеба и соли, мы обязаны воздать должное! Брось же думать об этих делах, и я верну тебе все твои владения и все, что мы у тебя взяли». – «О госпожа, – ответил Масрур, – ты свободна от ответа за то, о чем ты говоришь, хотя ты была вероломна в клятве, которая между нами. А я пойду и сделаюсь мусульманином»⁶²⁵. И невольница Зейн-аль-Мавасиф, Хубуб, сказала ей: «О госпожа моя, ты молода годами и много знаешь, и я ходатайствую перед тобой именем великого Аллаха.

⁶²⁵ Из бреславльского издания текста настоящей сказки, где он гораздо подробнее, видно, что Масрур был христианин. В дальнейшем мы узнаем, что Зейн-аль-Мавасиф – мусульманка, выданная за еврея, но не отступившая от ислама.

Если ты не послушаешь моего ходатайства и не залечишь моего сердца, я не просплю этой ночи у тебя в доме». – «О Хубуб, – ответила девушка, – будет лишь то, чего ты хочешь. Пойди убери нам заново другую комнату».

И невольница Хубуб поднялась и заново убрала другую комнату, и украсила её, и надушила лучшими благовониями, как хотела и желала, и приготовила кушанья, и принесла вино, и заходили между ними кубки и чаши, и приятно стало им дыхание...

И Шахразад застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Ночь, дополняющая до восьмисот пятидесяти

Когда же настала ночь, дополняющая до восьмисот пятидесяти, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что, когда Зейналь-Мавасиф приказала своей невольнице Хубуб заново убрать комнату развлечения, Хубуб поднялась и обновила кушанье и вино, и заходили между ними кубки и чаши, и приятно стало им дыхание. И Зейналь-Мавасиф сказала: „О Масрур, пришло время встречи и сближения, и если ты заботишься о нашей любви, скажи нам стихи с диковинным смыслом“. И Масрур произнёс такую касыду:

Я связан (а в сердце пламя ярким огнём горит)
Верёвкой сближения, в разлуке разорванной,
И страстью к девушке, что сердце разбила мне
И ум мой похитила щекой своей нежною.
Изогнута бровь у пей, и черны глаза её,
Уста её молнию напомнят улыбкою.
Всего прожила она четыре и десять лет,
А слезы мои о ней напомнят дракона кровь.
Увидел её в саду у быстрых потоков я,
С лицом лучше месяца, что в выси плывёт небес,
И встал я, пленённому подобный, почтительно,
И молвил: «Привет Аллаха, о недоступная!»
И мне на привет она охотно ответила
Словами прекрасными, как жемчуг нанизанный.
И речи мои услышав, в миг поняла она
Желанья мои, и сердце стало глухим её.
И молвила дева: «Речи эти не глупость ли?»
И молвил я: «Перестань бранить ты влюблённого!
И если меня ты примешь – дело не трудно мне.
Возлюбленные – как ты, а любящие – как я». –
Увидев, чего хочу, ока улыбулась мне
И молвила: «Я творцом небес и земли клянусь,
Еврейка я, а еврейство – вера суровая,
А ты к христианам, без сомнения, относишься,
Как, хочешь ты близости – ты веры иной, чем я?
Коль хочешь ты это сделать, – будешь жалеть потом.
Играешь ты верою – дозволено ль то в любви!
И будет упрёками изранен подобный мне.
И вера его носить начнёт во все стороны,
И будешь преступен ты перед верой обоих нас.
И если нас любишь, стань евреем ты по любви
И сделай сближение с другой недозволенным.
И дай на Евангелие ты клятву правдивую,
Что будешь хранить в любви ты тайну, скрывать её.

И я поклянусь на Торе верными клятвами,
Что выполню я обет, который дала тебе.
Поклялся я верою, законом и толком ей,
И сам её клятву дать заставил великую.
И молвил я: «Как зовут тебя, о предел надежд?»
И молвила: «Я краса всех свойств – недоступная».
И вскрикнул я: «О краса всех свойств, я, поистине,
Любовью к тебе охвачен, в страсти безумен я».
Увидел под покрывалом я красоту её,
И сердцем печален стал, и сделался я влюблён.
И долго пред занавеской я умолял её,
И сердцем великая моим овладела страсть.
Увидевши, что со мной и как велика любовь,
Она показала мне сияющий смехом лик.
И ветром сближенья пахнуло от нас тогда,
И веяло мускусом от тела и рук её.
И запах рассеялся повсюду её духов,
И я вино уст узнал, лобзая прекрасный рот.
Нагнулась, как ивы ветвь, в одеждах своих она,
И близость запретная мне стала дозволенной,
И спали мы в близости, и сблизились с нею мы
Объятьем, лобзаньем и влаги смешеньем уст.
Ничто ведь не красит землю, кроме возлюбленной,
С которой ты близок стал, и ею ты властвуешь.
Когда ж засияло утро, встала любимая
Проститься со мной, и лик её затмевал луну.
Прощаясь, она стихи сказала, и по щекам
Нанизаны были капли слез и рассыпаны.
Обет не забуду я Аллаху, покуда жив,
Прекрасную ночь и клятвы ей не забуду я».

И Зейн-аль-Мавасиф пришла в восторг и воскликнула: «О Масрур, как прекрасны твои качества! Пусть не живёт тот, кто с тобой враждует!» И она вошла в комнату и позвала Масрура, и тот вошёл к ней и прижал её к груди, и обнял, и поцеловал, и достиг с ней того, что считал невозможным, и радовался он, получив прекрасную близость. И Зейн-аль-Мавасиф сказала ему: «О Масрур, твои деньги для нас запретны и для тебя дозволены, так как мы стали любящими!» И затем она возвратила ему богатства, которые у него взяла, и спросила: «О Масрур, есть ли у тебя сад, куда мы бы могли прийти погулять?» – «Да, госпожа, – ответил Масрур, – у меня есть сад, которому нет равных».

И Масрур пошёл в своё жилище и приказал невольницам сделать роскошные кушанья и приготовить красивую комнату и великий пир, а потом он позвал Зейн-аль-Мавасиф в своё жилище, и она пришла со своими невольницами. И они начали есть, пить, наслаждаться и веселиться, и заходила между ними чаша, и приятно стало им дыхание, и уединился всяк любящий с любящими, и Зейналь-Мавасиф сказала: «О Масрур, пришло мне на ум тонкое стихотворение, и я хочу сказать его под лютню». – «Скажи его», – молвил Масрур. И девушка взяла в руки лютню и настроила её и, пошевелив струны, запела на прекрасный напев и произнесла такие стихи:

«Склонил меня восторг от звуков нежных,
И сладок был напиток наш с зарёю.
Любовь безумных душу открывает,
И страсть, явившись, рвёт стыда завесы.

И чистых вин тогда прекрасны свойства,
Как солнце, что в руке луны открылось,
В ту ночь, что наслаждение нам приносит.
И радостью стирает пятна горя».

А окончив свои стихи, она сказала: «О Масрур, скажи нам что-нибудь из твоих стихотворений и дай нам насладиться плодами твоих произведений». И Масрур произнёс такое двустишие:

«Мы радовались луне, вино разносившей нам,
И лютни напевам, и в садах находились мы,
Где горлилки пели и качалась ветвь гибкая
Под утро, и в тех садах – желаний моих предел».

А когда он окончил свои стихи, Зейн-аль-Мавасиф сказала ему: «Скажи нам стихотворение о том, что с нами случилось, если ты занят любовью к нам...»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Восемьсот пятьдесят первая ночь

Когда же настала восемьсот пятьдесят первая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что Зейн-аль-Мавасиф сказала Масруру: „Если ты занят любовью к нам, скажи нам стихотворение о том, что с нами случилось“. – „С любовью и охотой“, – ответил Масрур и произнёс такую касыду:

«Постой, послушай, что в страсти
К газели случилось со мною:
Я лани стрелой повержен
И взоров выдержал натиск.
Пленён я страстью, клянусь вам,
В любви стеснились уловки,
В кокетливую влюблён я,
Что скрыта стрелами взоров.
Её в саду я увидел,
И стан её был так строен!
«Мир вам!» – я сказал, она так
Ответила: «Мир!»
Услышав, Спросил я: «Как имя?»
Слышу В ответ: «Я – красота корона.
Мне имя – Краса всех качеств».
И молвил я: «Сжалься, сжалься!
Горит во мне страсть, клянусь я.
И любящих нет мне равных!»
Она мне: «Когда ты любишь
И хочешь со мной сближенья,
Я много желаю денег,
Превыше подарков всяких.
Одежд от тебя хочу я
Из шелка, ценой высоких,
И мускуса за ночь страсти
Хочу я четверть кинтара.

Коралл мне нужен и жемчуг,
И редкий и драгоценный.
Хочу серебра и злата
В уборах, ценой высоких».
Явил я благую стойкость,
Хоть сильно горел я страстью,
И близость она дала мне
В ночь месяца молодого.
Хулить меня если станут
Другие мужи, скажу я:
«Прекрасны той девы кудри,
А цвет их – цвет тёмной ночи.
И розы в её ланитах
Горят, как огонь, пылая.
В глазах её меч таится,
А взоры разят стрелою,
Вино в её рту таится,
А взор её – ключ студёный,
И жемчуг в устах блистает,
Как дивное ожерелье.
Прекрасной своей шеей
Газель она нам напомнит,
Бела её грудь, как мрамор,
Соски её – гор вершины.
Живот у неё – весь в складках,
И галией он пропитан.
А ниже одна вещь скрыта,
В которой предел надежды.
Жирна она и мясиста
И так толста, о владыки!
Подобна царей престолу –
К нему я с просьбой явился.
А меж столбов ты увидишь
Возвышенных ряд скамеек.
У этой вещи есть свойства,
Что ум людей изумляют:
Она две губы имеет,
Как мул, она боязлива.
Порою её глаз красен,
А губы – как у верблюда.
И если придёшь к той вещи
Готовым к делу, найдёшь ты
На ощупь её горячей
И силу ты в ней получишь.
Она храбреца прогонит,
Придёт копьё на бой он слабым,
А часто на ней увидишь
Изрядную ты бородку.
Не скажет о ней красавец,
Который красив так дивно,
Подобный Красе всех качеств,
Что так во всем совершенна».

Пришёл я к ней как-то ночью
И дивную вкусил сладость,
И ночь, что с нею провёл я,
Затмит все другие ночи.
Пришла заря, и поднялась
Красавица с лунным ликом,
И стан свой она склонила,
Подобно копьё прямому,
И, расставаясь, спросила:
«Когда вернутся те ночи?»
И молвил я: «О свет глаза,
Являйся когда захочешь».

И Зейн-аль-Мавасиф пришла от этой касыды в великий восторг, и охватило её крайнее веселье. «О Масрур, – сказала она потом, – приблизилось утро, и остаётся только уходить, из опасения позора». – «С любовью и охотой!» – сказал Масрур и, поднявшись на ноги, пошёл с нею и привёл её к её жилищу, а потом он пошёл к себе домой и провёл ночь, думая о красоте девушки. Когда же наступило утро и засияло светом и заблистало, Масрур приготовил роскошный подарок и принёс его девушке и сел подле неё. И они провели так несколько дней, пребывая в счастливейшей жизни.

А потом, в какой-то день пришло к Зейн-аль-Мавасиф от её мужа письмо, в котором говорилось, что он скоро к ней приедет, и Зейн-аль-Мавасиф сказала про себя: «Да не сохранит его Аллах и да не продлит его жизнь! Когда он к нам приедет, наша жизнь замутится. О, если бы я лишилась надежды его видеть».

И когда пришёл к ней Масрур и начал с ней разговаривать, как обычно, она сказала ему: «О Масрур, пришло к нам письмо от моего мужа, и говорится в нем, что он скоро вернётся из путешествия. Что же нам делать, когда ни один из нас не может жить без другого?» – «Я не знаю, что будет, – ответил Масрур, – и ты осведомленнее и лучше знаешь нрав твоего мужа, тем более что ты одна из самых умных женщин и знаешь хитрости, и ухитришься так, как не могут ухитриться мужчины». – «Это человек тяжёлый, – сказала Зейн-аль-Мавасиф, – и он ревнует женщин своего дома. Но когда он приедет после путешествия и ты услышишь о его приезде, приходи к нему, поздоровайся с ним, сядь с ним рядом и скажи ему: „О брат мой, я москательщик“, – и купи у него каких-нибудь москательных товаров. Приди к нему несколько раз и затягивай с ним разговоры, и что бы он тебе ни приказал – не перечь ему, и, может быть, то, что я придумаю, будет подходящим». И Масрур отвечал: «Слушаю и повинуюсь!» И потом он вышел от неё, и запылал в его сердце огонь любви.

А когда муж Зейн-аль-Мавасиф приехал домой, она обрадовалась его приезду и сказала ему: «Добро пожаловать!» – и приветствовала его. И её муж посмотрел ей в лицо и увидел на нем желтизну. (А Зейн-аль-Мавасиф вымыла лицо шафраном и проделала над ним какие-то женские хитрости.) И он спросил её, что с ней, и Зейн-аль-Мавасиф ответила, что она с невольницами больна со времени его отъезда, и сказала: «Наши сердца были заняты мыслью о тебе из-за твоего долгого отсутствия». И она стала ему жаловаться на тяжесть разлуки и плакать проливными слезами и говорила: «Если бы с тобой был товарищ, моё сердце не несло бы всей этой заботы. Заклинаю тебя Аллахом, о господин мой, не езди больше без товарища и не прерывай о себе сведений, чтобы я была за тебя спокойна сердцем и душой...»

И Шахразад застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Когда же настала восемьсот пятьдесят вторая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что когда Зейн-аль-Мавасиф сказала своему мужу: „Не езди больше без товарища и не прерывай сведений о себе, чтобы я была спокойна за тебя и сердцем и душой“, – он ответил ей: „С любовью и охотой! Поистине, твоё приказание правильно, и твоё мнение верно. Твоя жизнь дорога моему сердцу, и будет лишь то, что ты хочешь“.

И затем он пошёл к себе в лавку, и отпер её, и сел продавать на рынке. И когда он был у себя в лавке, вдруг подошёл Масрур и пожелал ему мира и, сев с ним рядом, начал ему говорить: «Да продлит Аллах твою жизнь!» И он посидел, беседуя с ним, некоторое время, а затем вытащил мешок, развязал его и, вынув оттуда золота, дал его мужу Зейн-аль-Мавасиф и сказал: «Дай мне на эти динары разных москательных товаров, чтобы я продал их в своей лавке». И муж её отвечал: «Слушаю и повинуюсь!» – и дал ему то, что он потребовал. И Масрур заходил к нему так несколько дней подряд, и муж Зейн-аль-Мавасиф обратился к нему и сказал: «Мне нужен человек, чтобы вступить с ним в компанию для торговли». И Масрур ответил: «И мне тоже нужен человек, чтобы вступить с ним в компанию для торговли, так как мой отец был купцом в стране Йеменской и оставил мне большие богатства, и я боюсь, что они пропадут».

И тогда муж Зейн-аль-Мавасиф обратился к нему и сказал: «Не желаешь ли ты стать моим товарищем, и я тоже стану твоим товарищем и приятелем, и другом в путешествии и на месте, и буду учить тебя продавать и покупать, и брать, и отдавать». И Масрур отвечал: «С любовью и охотой!» И еврей взял его и привёл в своё жилище и посадил в проходе, а сам вошёл к своей жене Зейн-аль-Мавасиф и сказал ей: «Я взял одного человека в товарищи и позвал его на угощение. Приготовь же нам хорошее угощение». И Зейн-аль-Мавасиф обрадовалась и поняла, что это Масрур, и приготовила роскошный пир и сделала прекрасные кушанья от радости, что пришёл Масрур и что её хитрый замысел удался.

И когда Масрур вошёл в дом мужа Зейн-аль-Мавасиф, тот сказал своей жене: «Выйди со мной к нему, и приветствуй его, и скажи ему: „Ты нас обрадовал!“ Но Зейн-аль-Мавасиф рассердилась и воскликнула: „Ты ведёшь меня к чужому, постороннему человеку! Прибегаю к Аллаху! Хотя бы ты разрезал меня на кусочки, я не появлюсь перед ним“. – „Почему ты стыдишься? – спросил её муж. – Он христианин, а мы – евреи, и мы будем товарищами“. – „Я не желаю идти к постороннему человеку, которого никогда не видел мой глаз, и я его не знаю“, – ответила Зейн-аль-Мавасиф. И её муж подумал, что она правдива в своих словах.

И он до тех пор обхаживал её, пока она не поднялась. И тогда она завернулась в покрывало, взяла кушанье и вышла к Масруру и приветствовала его. И он склонил голову к земле, словно стесняясь, и купец увидел, что он понурился, и подумал: «Это несомненно постник». И они поели досыта, а потом кушанья убрали и принесли вино, и Зейн-аль-Мавасиф села напротив Масрура и стала смотреть на него, и он смотрел на неё, пока день не прошёл. И Масрур ушёл домой, и в сердце его пылал огонь, а что касается мужа Зейн-аль-Мавасиф, то он все думал о тонком поведении своего товарища и об его красоте.

Когда же наступил вечер, его жена подала ему кушанье, чтобы он поужинал, как обычно. А у него в доме была птица соловей, и, когда он садился есть, эта птица подлетала к нему, и ела вместе с ним, и порхала у него над головой, и эта птица привыкла к Масруру, и порхала над ним всякий раз, как он садился за еду, и когда Масрур ушёл и пришёл её хозяин, птица не узнала его и не приблизилась к нему. И купец стал думать об этой птице и её отдалении от него. Что же касается Зейн-аль-Мавасиф, то она не засыпала, и её сердце было занято Масруром, и продолжалось это на второй вечер и на третий вечер. И еврей понял, в чем дело с его женой, и стал наблюдать за ней, когда её ум был занят, и заподозрил её, а на четвертую ночь он пробудился в полночь от сна, и услышал, что его жена бормочет во сне и говорит о Масруре, хотя спит в объятиях мужа, и это показалось купцу подозрительным, но он скрыл своё дело.

А когда наступило утро, он пошёл к себе в лавку и сел в ней, и, когда он сидел, вдруг подошёл Масрур и приветствовал его. И купец возвратил ему приветствие и молвил. «Добро пожаловать, брат мой! – И потом сказал: „Я стосковался по тебе“. И он просидел, беседуя с

Масруром, некоторое время и затем сказал ему: „Пойдём, о брат мой, в моё жилище и заключим договор о братстве“. И Масрур отвечал: „С любовью и охотой!“

И когда они пошли к дому, еврей пошёл вперёд и рассказал своей жене о приходе Масрура и о том, что он хочет с ним торговать и побрататься, и сказал: «Приготовь нам хорошую комнату и обязательно приходи к нам и посмотри на братанье». – «Заклинаю тебя Аллахом, – сказала ему жена, – не приводи меня к этому постороннему человеку! Нет у меня желания приходить к нему». И её муж промолчал и велел невольницам подавать кушанья и напитки, и затем он позвал птицу соловья, и птица опустилась на колени к Масруру и не узнала своего хозяина. И тогда купец спросил: «О господин, как твоё имя?» И Масрур ответил: «Моё имя Масрур». А дело в том, что жена купца всю ночь произносила во сне это имя. И купец поднял голову и увидел, что его жена смотрит на Масрура и делает ему знаки и указания бровью, и понял он тогда, что хитрость против него удалась. «О господин, сказал он, – дай мне отсрочку – я приведу сыновей моего брата, чтобы они присутствовали на братанье». – «Делай что тебе вздумается», – ответил Масрур. И муж Зейн-аль-Мавасиф поднялся и вышел из дома и подошёл к той комнате сзади...»

И Шахразату застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Восемьсот пятьдесят третья ночь

Когда же настала восемьсот пятьдесят третья ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что муж Зейн-аль-Мавасиф сказал Масруру: „Дай мне отсрочку, я приведу сыновей моего брата, чтобы они присутствовали при договоре о братанье между мной и тобой“. И потом он пошёл и подошёл к той комнате сзади и остановился. А в том месте было окно, возвышавшееся над обоими влюблёнными, и купец подошёл к нему и стал на них смотреть, а они его не видели.

И вдруг Зейн-аль-Мавасиф спросила свою невольницу Сукуб: «Куда ушёл твой господин?» И когда девушка ответила: «Он вышел из дома», Зейн-аль-Мавасиф сказала ей: «Запри ворота и заложите их железом. Не отпирай их, пока он не постучится, и сначала уведоми меня». И невольница ответила: «Так и будет». А муж Зейн-аль-Мавасиф, при всем этом, видел их обстоятельства. А потом Зейн-аль-Мавасиф взяла чашу и налила её розовой водой и положила туда тёплого мускуса и подошла к Масруру. И тот поднялся, и пошёл ей навстречу, и воскликнул: «Клянусь Аллахом, твоя слюна слаще этого напитка!» И Зейн-аль-Мавасиф стала его поить, и он поил её, а потом она обрызгала его розовой водой, от темени до ступни, и благоуханье распространилось по всей комнате. И при всем этом, её муж смотрел на них и дивился силе их любви, и его сердце наполнилось гневом из-за того, что он увидел, и его взяла ярость, и он взревновал великою ревностью.

И он подошёл к воротам и увидел, что они заперты, и постучал в них сильным стуком от великого гнева, и невольница сказала: «О госпожа, мой господин пришёл». – «Отопри ему ворота, пусть бы не воротил его Аллах благополучно!» – молвила Зейн-аль-Мавасиф. И Сукуб подошла к воротам и отперла их. «Чего ты запираешь ворота?» – спросил её господин. И она сказала: «В твоё отсутствие они так и были заперты и не отпирались ни ночью, ни днём». – «Ты хорошо сделала, это мне нравится», – молвил её хозяин и вошёл к Масруру, смеясь, и скрыл своё дело и сказал: «О Масрур, уволь нас от братанья на сегодняшний день – мы побратаемся в другой день, не сегодня». – «Слушаю и повинуюсь, делай что тебе вздумается», – ответил Масрур.

И потом он ушёл в своё жилище, а муж Зейн-аль-Мавасиф стал раздумывать о своём деле, не зная, как ему поступить, и его ум был до крайности смутен, и он говорил про себя: «Даже соловей и тот меня не узнал, а невольницы заперли передо мной ворота и склонились к другому». И от великого огорчения он принялся повторять такие стихи:

«Срок долгий провёл Масрур, живя в наслаждении,

И сладость узнал он дней и жизни, что кончилась.
Противится мне судьба и та, кого я люблю,
А сердце моё огнём сильнее и сильнее горит.
Безоблачна была жизнь с прекрасной и кончилась,
Но все же по-прежнему ты в прелесть её влюблён.
Глаза мои видели всю прелесть красот её,
И сердце моё теперь охвачено страстью к ней.
И долго она меня поила с охотою
Из нежных прекрасных уст вином, когда жаждал я.
Зачем же, о соловей, меня покидаешь ты
И ныне приветствуешь другого влюблённого?
Увидел глазами я дела весьма дивные,
Проснулись мои глаза, а раньше смыкал их сон.
Я видел, что милая сгубила мою любовь
И птица моя теперь летает не надо мной,
Я богом миров клянусь! Захочет когда свой суд
Над тварями он свершить, – немедля вершит его.
Я сделаю то, чего достоин обидчик мой, –
По глупости он моей сближенья достиг с женой».

И когда Зейн-аль-Мавасиф услышала эти стихи, у неё затряслись поджилки, и жёлтым стал цвет её лица, и она спросила свою невольницу: «Слыхала ли ты это стихотворение?» – «Я никогда в жизни не слыхала, чтобы он говорил такие стихи, но пусть себе говорит то, что говорит», – отвечала невольница.

И когда муж Зейн-аль-Мавасиф убедился, что это дело истинное, он начал продавать все, чем владела его рука, и сказал в душе: «Если я не удалю их от родины, они никогда не отступятся от того, что делают». И он продал все свои владения и написал поддельное письмо, а потом он прочитал его своей жене и сказал, что оно пришло от сыновей его дяди и содержит просьбу, чтобы они с женой их посетили». – «А сколько времени мы у них пробудем?» – спросила Зейн-аль-Мавасиф. И её муж сказал: «Двенадцать дней». И она согласилась поехать и спросила: «Брать ли мне с собой кого-нибудь из невольниц?» – «Возьми Хубуб и Сукуб и оставь здесь Хутуб», – ответил её муж. А потом он приготовил для женщин красивые носилки и собрался уезжать. И Зейн-аль-Мавасиф послала сказать Масруру: «Если пройдёт срок, о котором мы условились, и мы не вернёмся, знай, что муж сделал с нами хитрость, и придумал для нас ловушку, и отдалил нас друг от друга. Не забывай же уверений и клятв, которые между нами, – я боюсь его хитрости и коварства».

И её муж приготовился для путешествия, а Зейн-аль-Мавасиф стала плакать и рыдать, и не было ей покоя ни ночью, ни днём. И когда её муж увидел это, он не стал её порицать. И, увидев, что её муж обязательно поедет, Зейн-аль-Мавасиф собрала свои материи и вещи, и сложила все это у своей сестры, и рассказала ей обо всем, что случилось, а потом она попрощалась с нею и вышла от неё плача. И она вернулась к себе домой и увидела, что её муж привёл верблюдов и начал накладывать на них тюки, и он приготовил для Зейн-аль-Мавасиф самого лучшего верблюда. И когда Зейн-аль-Мавасиф увидела, что разлука с Масруром неизбежна, она не знала, как поступить. И случилось, что её муж вышел по какому-то делу, и тогда она подошла к первой двери и написала на ней такие стихи...

И Шахразду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Восемьсот пятьдесят четвёртая ночь

Когда же настала восемьсот пятьдесят четвёртая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что когда Зейн-аль-Мавасиф увидела, что её муж привёл верблюдов, и

поняла, что он уезжает, она не знала, как поступить. И случилось, что её муж вышел по какому-то делу, и тогда она подошла к первой двери и написала на ней такие стихи:

О голубь домашний мой, от нас передай привет
Ты любящего любимым в час расставания.
Скажи ему, что всегда останусь печальной я
И буду жалеть о прежней жизни, столь милой нам.
Любимый мой также ведь все время безумствует,
И также по радости минувшей тоскует он.
Мы в радости провели и счастье не малый срок,
И близостью наслаждались и днём мы с ним.
Но только очнулись мы, раздался над нами крик
Разлучника-ворона: вещал о разлуке он.
Уехали мы, оставив дом наш пустынею.
О, если бы мы жилищ своих не оставили!

И потом она подошла ко второй двери и написала на ней такие стихи:

Аллахом молю, к дверям пришедший, взгляни теперь
На прелесть любимого во тьме и скажи другим,
Что плачу я, вспомнив близость с ним, и скорблю о ней,
И нету конца слезам, во плаче струящимся.
И если не стерпишь ты того, чем убита я,
Покрой эти строки пылью, прахом засыпь их ты.
Питом поезжай в края востока и запада
И будь терпелив – Аллах такие судил дела.

И потом она подошла к третьей двери и написала на ней такие стихи:

Потише, Масрур! Когда ты дом посетишь её,
Ты к двери пройди и строки ты прочитай на ней.
Обет не забудь любви, правдивым ты если был –
Ведь сколько вкусило женщин горечь и сладость дней.
Аллахом молю, Масрур, ты близость к ней не забудь –
Оставила для тебя ведь радости все она.
О, плачь о днях близости и дивной усладе их,
С приходом твоим завесы были отброшены.
Так странствуй же ты за нами в дальних краях, Масрур,
В моря погружайся их и земли их исходи.
Далеко ушли теперь сближения вечера,
Глубокая тьма разлуки свет погасила их.
Аллах, сохрани былые дни – дивна радость их
В прекрасном саду надежд, где рвали мы их цветы!
Зачем не продлились эти дни, как хотела я!
Аллах пожелал, чтоб дни, придя, уходили вновь.
Вернутся ли снова дни, и будем ли вместе мы?
Я буду верна, и дни исполнят тогда обет.
И знай, что дела мирские держит в деснице тот,
Кто чертит в предвечном сроки их на скрижали лба⁶²⁶.

⁶²⁶ По мусульманскому поверью, судьба каждого человека начертана на швах его черепа, но никто не может её прочесть.

А потом она заплакала сильным плачем и вернулась в дом, плача и рыдая, и стала она вспоминать то, что прошло, и воскликнула: «Слава Аллаху, который судил нам это!» И затем усилилось её горе из-за разлуки с любимым и оставления родных мест, и она произнесла такие стихи:

«Привет над тобой Аллаха, о опустевший дом!
Окончили дни в тебе теперь свои радости.
О голубь домашний мой, ты плача не прекращай
О той, кто луну свою и месяц покинул вновь.
Потише, Масрур, рыдай, утративши нас теперь;
Лишившись тебя, лишились света глаза мои.
О, если бы видели глаза твои наш отъезд
И пламя в душе моей, все ярче пылавшее!
То время ты не забудь под тенью густой садов,
Что вместе нас видели и скрыли завесою».

И потом Зейн-аль-Мавасиф пошла к своему мужу, и тот поднял её на носилки, которые сделал для неё, и когда Зейн-аль-Мавасиф оказалась на спине верблюда, она произнесла такие стихи:

«Привет над тобою Аллаха, о опустевший дом!
Как долго сносить в тебе пришлось нам несчастья!
О, если б средь стен твоих порвались дни времени
И в пылкой любви моей была бы убита я!
Скорблю я вдали и изнываю по родине,
Любимый, не знаю я, что ныне случилось,
О, если бы знать мне, будет ли возвращение
Такое же ясное, как было нам ясно встарь?»

И её муж сказал ей: «О Зейн-аль-Мавасиф, не печалься о разлуке с твоим жилищем – ты вернёшься в него в скором времени». И он принялся успокаивать её сердце и уговаривать её, и потом они двинулись, и выехали за город, и поехали по дороге, и поняла Зейн-аль-Мавасиф, что разлука действительно совершилась, и показалось ей это тяжким.

А Масрур при всем этом сидел у себя в доме и размышлял о своей любви и своей возлюбленной. И почуяло его сердце разлуку, и он поднялся на ноги в тот же час и минуту и шёл, пока не пришёл к её жилищу, и увидел он, что двери закрыты, и заметил стихи, которые написала Зейн-аль-Мавасиф. И он начал читать надпись на первой двери и, прочитав её, упал на землю без чувств, а очнувшись от обморока, он открыл первую дверь и подошёл ко второй двери и увидел, что написала Зейн-аль-Мавасиф, и на третьей двери также.

И когда он прочитал все эти надписи, его страсть, тоска и любовь успокоились, и он пошёл по её следам, ускоряя шаги, и нагнал караван. И он увидел Зейн-аль-Мавасиф в конце каравана, – а её муж был в начале каравана из-за своих вещей. И, увидев её, Масрур уцепился за носилки, плача и горюя от мучений разлуки, и произнёс такие стихи:

«Если б знать, за какой нас грех поразили
Стрелы дали и долголетней разлуки!
Счастье сердца, пришёл однажды я к дому –
А от страсти сильна была моя горечь –
И увидел, что дом твой пуст и разрушен,

И в любви горевал своей и стонал я.
И спросил о желанной я стены дома:
«Куда скрылась, залогом взяв моё сердце?»
И сказали: «Оставила она дом свой,
И в душе она страсть свою затаила».
Написала ряд строк она на воротах –
Поступают так верные среди тварей».

И когда Зейн-аль-Мавасиф услышала эти стихи, она поняла, что Это Масрур...»
И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Восемьсот пятьдесят пятая ночь

Когда же настала восемьсот пятьдесят пятая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что Зейн-аль-Мавасиф, услышав стихи, поняла, что это Масрур, и заплакала вместе со своими невольницами, а потом она сказала: „О Масрур, прошу тебя, ради Аллаха, возвратись назад, чтобы не увидел тебя вместе со мной мой муж“. И, услышав это, Масрур лишился чувств. А когда он очнулся, они простились друг с другом, и Масрур произнёс такие стихи:

«Кричит об отъезде на заре их погонщик
Пред утром, и ветерок несёт его голос.
И вот, оседлав животных, быстро снялись они.
Вперёд караван спешит под пенье вожатых.
И землю благоуханьем со всех сторон обдав,
Они ускоряют ход по ровной долине.
Душой овладев моей в любви, они двинулись,
Следами обманут их я был в это утро.
Соседи! Хотел бы я совсем их не покидать,
И землю я омочил текущей слезою.
О сердце! Что сделала, когда далеко они,
Разлуки рука с душой – того не желал я!»

И Масрур продолжал оставаться вблизи каравана, плача и рыдая, и Зейн-аль-Мавасиф уговаривала его вернуться раньше утра из опасения позора. И Масрур подошёл к носилкам и попрощался с ней ещё раз взглядом, и его покрыло беспамятство на долгое время, а очнувшись, он увидел, что путники уходят. И он обернулся в их сторону и произнёс нараспев такие стихи:

«Коль ветер близости её подует,
Влюблённый сетует на муки страсти.
Вот веет на него дыханием утра,
И он очнулся будто бы на небе.
Лежит больной на ложе он недуга
И плачет кровью слез своих обильных.
Соседи двинулись, и сердце с ними,
Меж путников, погонщиком ведомых.
Клянусь Аллахом, ветер лишь подует,
Как на глазах к нему я устремляюсь».

И потом Масрур вернулся к дому в крайней тоске и увидел, что он покинут любимыми.

И Масрур так заплакал, что замочил свою одежду, и его покрыло беспамятство, и душа его чуть не вышла из тела, а очнувшись, он произнёс такие два стиха:

«О сжался, стан, – унижен я, в позоре,
Худеет тело, и слезы льют струёю.
Подуй на пас их ветра благовонием,
Чтобы душа больная исцелилась».

И когда Масрур вернулся домой, он смутился духом из-за всего этого, и глаза его заплакали, и он пробыл в таком состоянии десять дней.

Вот что было с Масруром. Что же касается Зейн-аль-Мавасиф, то она поняла, что удалась против неё хитрость, и её муж ехал с ней в течение десяти дней, а потом он поселил её в одном из городов. И Зейн-аль-Мавасиф написала Масруру письмо и отдала его своей невольнице Хубуб и сказала ей: «Отошли это письмо Масруру, чтобы он узнал, как удалась против нас хитрость и как еврей нас обманул». И невольница взяла у неё письмо и послала его Масруру. И когда письмо пришло к нему, дело показалось ему тяжким. И он так плакал, что замочил землю, и написал письмо, и послал его Зейн-аль-Мавасиф, заключив его такими двумя стихами:

Если путь мне найти, скажи, к вратам утешенья,
Утешиться как тому, кто в огненном жаре?
Прекрасны как времена, теперь миновавшие!
О, если б из них могли вернуться мгновенья!»

И когда это письмо дошло до Зейн-аль-Мавасиф, она взяла его и прочитала и, отдав его своей невольнице Хубуб, сказала ей: «Скрывай это дело». И муж её понял, что они обмениваются посланиями, и взял Зейн-аль-Мавасиф и её невольницу и проехал с ними расстояние в двадцать дней пути, а потом он поселился с ними в одном из городов.

Вот что было с Зейн-аль-Мавасиф. Что же касается Масрура, то ему перестал быть приятен сон, и не поселялся в нем покой, и не было у него терпения, и когда он был в таком состоянии, в какую-то ночь его глаза задремали, и он увидел во сне, что Зейн-аль-Мавасиф подошла к нему в саду и начала его обнимать. И он пробудился от сна и не увидел её, и его ум улетел, и смутилось его сердце, и глаза его наполнились слезами, и сердце его охватило крайнее волнение, и он произнёс такие стихи:

«Привет той, чей призрак ночью нас посетил во сне,
Тоску взволновав мою и страсть лишь усилив.
И вот пробудился я от сна, весь взволнованный
Видением призрака, пришедшего в грёзах.
Но будет ли правдой сон о той, кого я люблю,
И вылечится ль болезнь любви и недуги?
То руку она мне даст, то крепко прижмёт к груди,
То речью приятною подаст утешенье.
Когда же окончились во сне порицания
И слезы мои глаза навеки покрыли,
Напился я влагой уст её, и казалась мне
Прекрасным вином она, как мускус пахучим.
Дивлюсь я тому, что было в грёзах пронёсшихся, –
Достиг от неё тогда желанной я цели.
Но вот пробудился я от сна, и увидел я,
Что призрака нет, а есть лишь страсть и волнение.
И стал как безумный я, когда увидал её,

И пьяным я сделался, вина не вкусивши.
О ветра дыхание. Аллаха молю, доставь
Привет от тоски моей и мира желанье!
И им ты скажи, тому, кого вы все знаете:
«Превратность судьбы дала испить чашу смерти».

И потом он отправился к её жилищу и не переставал плакать, пока не дошёл до него, и он посмотрел на это место и нашёл его опустевшим, и увидел он перед собой её блистающий призрак, и показалось ему, что её образ стоит перед ним. И загорелись в нем огни и усилились его печали, и он упал, покрытый беспамятством...»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Восемьсот пятьдесят шестая ночь

Когда же настала восемьсот пятьдесят шестая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что когда Масрур увидел во сне Зейн-аль-Мавасиф, которая его обнимала, он обрадовался до крайней степени, а потом он пробудился от сна и пошёл к её дому и увидел, что дом опустел. И усилились его печали, и он упал, покрытый беспамятством, а очнувшись, он произнёс такие стихи:

«Почуял я бани запах и благовонья их
И с сердцем, взволнованным тоскою, направился,
Со страстью своей борясь, безумный и горестный,
Ко стану, где прелести любимых уж больше нет:
Он хворь мне послал разлуки, страсти и горестей,
И прежнюю дружбу мне напомнил с любимыми».

А окончив свои стихи, он услышал ворона, который каркал возле дома, и заплакал и воскликнул: «Слава Аллаху! Каркает ворон лишь над жилищем покинутым!»

И затем он начал горевать и вздыхать и произнёс такие стихи:

«Над домом любви зачем рыдает так ворон,
А жар мою внутренность клеймит и сжигает?
Грустя о том времени, что быстро прошло в любви,
Пропало напрасно сердце в страсти пучинах.
Я гибну в тоске, и пламя страсти в душе моей,
И письма пишу, но их никто не доставит.
О горе! Как изнурён я телом, а милая
Уехала! Если б знать, вернутся ль те ночи!
О ветер, когда её под утро ты посетишь,
Приветствуй её и встань у дома с приветом».

А у Зейн-аль-Мавасиф была сестра, по имени Насим, и она смотрела на Масрура с высокого места. И, увидев, что он в таком состоянии, она заплакала и опечалилась и произнесла такие стихи:

«Доколь приходить ты будешь в стан, чтобы плакать,
А дом уже с горестью о строившем плачет?
Ведь были в нем радости, пока не уехали
Жильцы, и сияли в нем блестящие солнца.
Где луны, которые тогда восходили в нем?

Превратности свойства их прекрасные стёрли.
Забудь о красавицах, которых любил ты встарь, –
Смотри, не вернутся ль дни опять с ними вместе?
Не будь тебя, из дому жильцы б не уехали,
И ворона ты над ним тогда бы не видел».

И Масрур заплакал сильным плачем, услышав эти слова и поняв нанизанные стихи. А сестра Зейн-аль-Мавасиф знала, какова их любовь, страсть, тоска и безумие, и она сказала Масруру: «Заклинаю тебя Аллахом, о Масрур, держись вдали от этого жилища, чтобы не узнал о тебе кто-нибудь и не подумал, что ты приходишь ради меня. Ты заставил уехать мою сестру и хочешь, чтобы я тоже уехала! Ты ведь знаешь, что, не будь тебя, дом бы не лишился обитателей; утешься же и оставь его. То, что прошло – прошло». И Масрур, услышав эго от её сестры, заплакал сильным плачем и сказал ей: «О Насим, если бы мог летать, я бы, право, полетел с тоски по ней. Как же мне утешиться?» – «Нет для тебя хитрости, кроме терпения», – ответила Насим. И Масрур сказал: «Прошу тебя, ради Аллаха, напиши ей от себя и принеси нам ответ, чтобы моё сердце успокоилось и потух бы огонь, который внутри меня». – «С любовью и удовольствием», – ответила Насим.

И потом она взяла чернильницу и бумагу, и Масрур начал ей описывать, как сильна его тоска и как он борется с муками разлуки, и он говорил: «Это письмо со слов безумного, огорчённого, бедного, разлучённого, к кому не приходит покой ни ночью, ни в час дневной, а напротив, он плачет обильной слезой. Веки от слез у него разболелись, и горести в сердце его разгорелись, печаль его продлилась, и волнение его участилось, как у птицы, что дружка лишилась, и быстро гибель к нему устремилась. О, как в разлуке с тобой я страдаю, о, как о дружбе твоей я вздыхаю! Измучило тело моё похуданье, и ливнем лью слезы я от страданья. И в горах и в равнинах теперь мне тесно, и скажу я от крайней тоски по прелестной:

«Тоска моя по их домам осталась,
И страсть к их обитателям все больше.
И послал я вам повесть долгую о любви моей,
И чашу страсти дал мне выпить кравчий,
По отъезде вашем, когда вдали живёте вы,
Проливают веки потоки слез обильных.
Вожак верблюдов, к становищу ты сверни –
Ведь все сильнее пылает моё сердце.
Привет ты мой передай любимой и ей скажи:
«Одни уста твои его излечат».
Погубил его, разлучив с любимой, жестокий рок,
И в сердце он метнул стрелу разлуки.
Передай ты им, что сильна любовь и тоска моя
И разлука с ней, и нет мне утешенья.
И клянусь я вам, моей страстью поклянусь я вам,
Что верен буду клятвам и обетам.
Ни к кому не склонён, и страсти к вам не забыл ведь я.
И как утешится влюблённый страстно?
От меня привет и желанье мира я шлю теперь,
И с мускусом он смешан на бумаге».

И удивилась сестра её Насим красноречью языка Масрура, его прекрасным свойствам и нежности его стихов и сжалилась над ним. Она запечатала письмо благоуханным мускусом, окурила его неддом и амброй и доставила его одному из купцов и сказала ему: «Не отдавай этого никому, кроме моей сестры или её невольницы Хубуб». И купец сказал: «С любовью и охотой!»

И когда письмо дошло до Зейн-аль-Мавасиф, она поняла, что оно продиктовано Масруром, и узнала в нем его душу по тонкости его свойств. И она поцеловала письмо и приложила его к глазам и пролила из-под век слезы и плакала до тех пор, пока её не покрыло беспамятство, а очнувшись, она потребовала чернильницу и бумагу и написала Масруру ответ на письмо, и, описав свою тоску, страсть и волнение и то, как её влечёт к любимым, она пожаловалась ему на своё состояние и на поразившую её любовь к нему...»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Восемьсот пятьдесят седьмая ночь

Когда же настала восемьсот пятьдесят седьмая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что Зейн-аль-Мавасиф написала Масруру ответ на письмо и говорила в нем: „Это письмо – моему господину и владыке моего рабства, и моему повелителю, тайн моих и признаний властителю. – А затем: – Взволновало меня бденье, и усилилось размышление; вдали от тебя для стойкости места нет, о ты, чья краса затмит солнца и луны свет! Тоска меня истомила, и страсть меня погубила, да и как мне не быть такою, когда я в числе погибающих. О краса здешнего мира и украшение жизни, могут ли тому, чьи прервались дыхания, быть приятны возлияния? Ведь не с живыми он «не с мёртвыми». И затем она произнесла такие стихи:

«Письмо твоё, о Масрур, желанья усилило.
Аллахом клянусь, забыть, утешиться не могу.
Лишь почерк твой увидала, – члены в тоске мои,
И влагой обильных слез я жажду лишь утолю.
Будь птицей я, я б взлетела тотчас во тьме ночной,
Ни манна, ни перепел теперь не приятны мне.
Запретна мне жизнь теперь, когда удалились вы,
И пламя разлуки я не в силах переносить».

И затем она посыпала письмо тёртым мускусом и амброй и запечатала его, и отослала с одним из купцов, и сказала ему: «Не отдавай его никому, кроме моей сестры Насим». И когда письмо дошло до её сестры Насим, она доставила его Масруру, и Масрур поцеловал письмо и приложил его к глазам и так заплакал, что его покрыло беспамятство.

Вот что было с ними. Что же касается до мужа Зейналь-Мавасиф, то, когда он догадался об их переписке, он стал ездить со своей женой и её невольницей с места на место, и Зейн-аль-Мавасиф сказала ему: «Слава Аллаху! Куда ты с нами едешь и удаляешь нас от родины?» – «Я не остановлюсь, пока не проеду с вами год пути, чтобы не достигали вас послания от Масрура, – ответил её муж. – Я посмотрю, как вы будете брать мои деньги и отдавать их Масруру, и все, что у меня пропало, я возьму от вас, и я посмотрю, поможет ли вам Масрур и сможет ли он освободить вас из моих рук!»

И потом он пошёл к кузнецу и сделал для женщин три железные цепи. Он принёс цепи к ним и снял с них их шёлковые одежды и одел их в одежды из волоса и стал окуривать их серой, а потом он привёл к женщинам кузнеца и сказал ему: «Наложите цепи на ноги этих невольниц». И первую он подвёл Зейн-аль-Мавасиф, и когда кузнец увидел её, его рассудительность исчезла, и он укусил себе пальцы, и ум улетел у него из головы, и усилилась его страсть. «Каков грех этих невольниц?» – спросил он еврея. И тот сказал: «Это мои рабыни, они украли у меня деньги и убежали от меня». – «Да обманет Аллах твоё предположение! – воскликнул кузнец. – Клянусь Аллахом, если бы эта девушка была у кадия кадиев и совершала бы каждый день тысячу проступков, он бы не взыскивал с неё! Да к тому же на ней не видно признаков воровства, и ты не можешь надеть ей на ноги железо».

И он стал просить еврея не надевать на неё цепей и принялся его упрашивать, чтобы он

её не заковывал, и когда Зейн-аль-Мавасиф увидела кузнеца, который просил за неё еврея, она сказала: «Прошу тебя, ради Аллаха, не выводи меня к этому чужому мужчине». – «А как же ты выходила к Масруру?» – спросил её еврей. И она не дала ему ответа. И еврей принял ходатайство кузнеца и наложил ей на ноги маленькую цепь, а невольниц заковал в тяжёлые цепи. А тело Зейн-аль-Мавасиф было мягкое и не выносило жёсткого, и она со своими невольницами была все время одета во власяницу, ночью и днём, так что у них похудело тело и изменился цвет лица.

Что же касается кузнеца, то в его сердце запала великая любовь к Зейн-аль-Мавасиф, и он отправился в своё жилище в величайшей горести и начал говорить такие стихи:

«Отсохни твоя рука, кузнец! Заковала ведь
И жилы она и ноги цепью тяжёлою.
Сковал ты цепями ноги нежной владычицы,
Что в людях сотворена, как чудо чудесное.
Коль был бы ты справедлив, браслетов бы не было
Железных на ней – ведь прежде были из золота.
Когда б увидал её красу кадий кадиев,
Он сжалился бы и место дал бы на кресле ей».

А кадий кадиев проходил мимо дома кузнеца, когда тот говорил нараспев эти стихи, и он послал за ним, и когда кузнец явился, спросил его: «О кузнец, кто та, чьё имя ты произносишь и к кому твоё сердце охвачено любовью?» И кузнец встал и поднялся на ноги перед кади поцеловал ему руки и воскликнул: «Да продлит Аллах дни нашего владыки кади и да расширит его жизнь! Это девушка, и её качества – такие-то и такие-то». И он принялся описывать кади девушку и её красоту, прелесть, стройность и соразмерность, изящество и совершенства: её прекрасное лицо, тонкий стан и тяжёлый зад. А потом он рассказал ему, что она в унижении и в заключении – закована в цепи и получает мало пищи.

И тогда кади сказал: «О кузнец, укажи ей к нам дорогу и приведи её к нам, чтобы мы взяли за неё должное.

Эта невольница привязана к твоей шее, и если ты не укажешь ей путь к нам, Аллах воздаст тебе в день воскресенья». И кузнец сказал: «Слушаю и повинуюсь!» И он в тот же час и минуту направился к дому Зейн-аль-Мавасиф и нашёл ворота закрытыми и услышал нежную речь, исходившую из печального сердца: это Зейн-аль-Мавасиф говорила в ту пору такие стихи:

«Была я на родине и вместе с любимыми,
И милый мне наполнял любовью кубки.
Ходили они меж нами с радостью, милой нам, –
В тот миг не смущали нас ни утро, ни вечер.
Тогда проводили дни, что нас оживляли, мы –
И чаша, и лютня, и канун веселили.
Но рок и превратности судьбы разлучили нас –
Любимый ушёл, и время дружбы исчезло,
О, если бы ворона разлуки прогнать от нас,
О, если б заря любви, сближения блеснула!»

И когда кузнец услышал эти нанизанные стихи, он заплакал слезами, подобными слезам облаков, и постучал в ворота: «Кто у ворот?» – спросили женщины. И он ответил: «Я, кузнец». И он рассказал им о том, что говорил кади, и передал, что он хочет, чтобы они явились к нему и подняли перед ним дело и желает получить для них должное...»

И Шахразиду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Восемьсот пятьдесят восьмая ночь

Когда же настала восемьсот пятьдесят восьмая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что кузнец передал Зейн-аль-Мавасиф слова кади и рассказал, что он хочет, чтобы они явились к нему и подняли перед ним: дело, и он отомстит за них их обидчику и возьмёт для них должное. И Зейн-аль-Мавасиф сказала кузнецу: «Как же мы пойдём к нему, когда ворота закрыты и у нас на ногах цепи, а ключи у еврея». – «Я сделаю к замкам ключи и отомкну ими ворота и цепи», – ответил кузнец. И Зейн-аль-Мавасиф сказала: «А кто покажет нам дом кади?» – «Я опишу его вам», – сказал кузнец. «А как же мы пойдём к кади, когда мы одеты в одежды из волоса, обкуранные серой?» – сказала Зейн-аль-Мавасиф. И кузнец ответил: «Кади не осудит вас за то, что вы в таком виде».

И потом кузнец, в тот же час и минуту, пошёл и сделал ключи для замков, а затем он отомкнул ворота и отомкнул цепи и, сняв их с ног женщин, вывел их и показал им дорогу к дому кади. А потом невольница Хубуб сняла со своей госпожи бывшие на ней волосные одежды, пошла с нею в баню и вымыла её и одела в шёлковые одежды. И вернулся к ней прежний цвет лица, и, в довершение счастья, её муж был на пиру у кого-то из купцов. И Зейн-аль-Мавасиф украсилась лучшими украшениями и пошла к дому кади, и, когда кади увидел её, он поднялся на ноги, и девушка приветствовала его нежной речью и сладостными словами, пуская в него стрелы взоров. «Да продлит Аллах жизнь владыки и его кади и да укрепит им тяжущегося!» – сказала она.

А потом она рассказала кади о делах кузнеца, который совершил с ней поступки благородных, и о том, какие еврей причинил ей мучения, ошеломляющие ум. И она рассказала кади, что усилилась над ними опасность гибели и не находят они себе освобождения. И кади спросил: «О девушка, как твоё имя?» – «Моё имя – Зейн-аль-Мавасиф, а имя этой моей невольницы – Хубуб», – ответила девушка. И кади воскликнул: «Твоё имя подходит к именуемому, и его звук соответствует его смыслу!» И Зейн-аль-Мавасиф улыбнулась и закутала лицо, и кади сказал ей: «О Зейн-аль-Мавасиф, есть у тебя муж или нет?» – «Нет у меня мужа», – ответила девушка. И кади спросил: «А какой ты веры?» – «Моя вера – вера ислама и религия лучшего из людей», – ответила девушка. «Поклянись божественным законом, содержащим знамения и назидания, что ты исповедуешь веру лучшего из людей», – сказал кади. И девушка поклялась ему и произнесла исповедание.

И тогда кади спросил: «Как прошла твоя юность с этим евреем?» – «Знай, о кади, – да продлит Аллах твои дни в удовлетворении, да приведёт тебя к желанному и да завершит твои дела благими деяниями! – сказала Зейн-аль-Мавасиф, – что мой отец оставил мне после своей кончины пятнадцать тысяч динаров и вложил их в руки этого еврея, чтобы он на них торговал, и прибыль должна была делиться между ним и нами, а капитал – быть неприкосновенным по установлению божественного закона. И когда мой отец умер, еврей пожелал меня и потребовал меня у моей матери, чтобы на мне жениться, но моя мать сказала ему: „Как я её выведу из её веры и сделаю её еврейкой! Клянусь Аллахом, я сообщу о тебе власти!“ И еврей испугался её слов и взял деньги и убежал в город Аден, и, когда мы услышали, что он в городе Адене, мы приехали туда его искать. И когда мы встретились с ним в этом городе, он сказал нам, что торгует разными товарами и покупает товар за товаром, и мы поверили. И он до тех пор нас обманывал, пока не заточил нас и не заковал в цепи, и он нас пытал сильнейшими пытками, а мы – чужестранки и нет нам помощника, кроме великого Аллаха и владыки нашего, кадя».

И когда кади услышал эту историю, он спрятал невольницу Хубуб: «Это твоя госпожа, и вы чужестранки, и у неё нет мужа?» Хубуб ответила: «Да». И тогда кади воскликнул: «Жени меня на ней, и для меня обязательно освобождение раба, пост, паломничество и подаяние, если я не получу для вас должного от этого пса после того, как воздам ему за то, что он сделал!» И Хубуб ответила: – «Внимание тебе и повиновение!» И кади сказал: «Иди успокой своё сердце и сердце твоей госпожи, а завтра, если захочет великий Аллах, я пошлю

за этим нечестивцем и возьму с него для вас должное, и ты увидишь чудеса при его пытке».

И девушка пожелала ему блага и ушла от него, оставив его в горе, безумии, тоске и страсти. И когда Хубуб со своей госпожой ушли от него, они спросили, где дом второго кади, и им показали его. И, придя ко второму кади, они сообщили ему то же самое, и третьему, и четвёртому тоже, так что Зейн-аль-Мавасиф доложила о своём деле всем четырём судьям. И каждый из них просил её выйти за него замуж, и она говорила: «Хорошо!» И ни один из них не знал про другого. И каждый кади желал её, а еврей не знал ни о чем из этого, так как он был в доме, где шёл пир.

А когда наступило утро, невольница Зейн-аль-Мавасиф поднялась и одела её в платье из прекраснейших одежд и вошла с нею к четырём кадиям в помещение суда, и, увидев, что судьи находятся там, Зейн-аль-Мавасиф обнажила лицо, подняла покрывало и приветствовала их, и судьи возвратили ей приветствие, и каждый из них узнал её. А кто-то из судей писал, и калам выпал у него из руки, и кто-то разговаривал, и язык его стал заплетаться, а кто-то из них считал, и ошибся в счёте. И судьи сказали девушке: «О прекрасная качествами и редкая по красоте, пусть будет твоё сердце вполне спокойно! Мы непременно получим для тебя должное и приведём тебя к тому, что ты хочешь». И она пожелала им блага, а потом попрощалась с ними и ушла...»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Восемьсот пятьдесят девятая ночь

Когда же настала восемьсот пятьдесят девятая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что судьи сказали Зейналь-Мавасиф: „О прекрасная качествами и редкая по красоте, пусть будет твоё сердце вполне спокойным об исполнении твоей нужды и достижении желаемого“. И она пожелала им блага, а потом попрощалась с ними и ушла. А еврей при всем этом был у своих друзей на пиру и ничего не знал. И Зейн-аль-Мавасиф стала взывать к вершителям законов и обладателям перьев о защите против этого подозрительного нечестивца и освобождения от болезненных пыток и заплакала и произнесла такие стихи:

«О глаз мой, слезы, как потоп, пролей ты –
От слез, быть может, печаль моя погаснет.
Я носила раньше прекрасный шёлк, весь вышитый,
Теперь ношу одежду я монахов,
Благовоньем серы окурены мои платья все –
Оно несходно с неддом и рейханом,
И если бы, Масрур, узнал, что с нами, ты,
То срам наш и позор не допустил бы.
Хубуб в цепях железных ныне пленница
Того, что в бога-судию не верит.
А я отвергла и жизнь евреев и веру их,
И ныне верю вышшею я верой.
Мусульманкою пред прощающим я простёрлась ниц
И следую Мухаммеда закону Масрур, любовь ты нашу не
забудь вовек,
Храни ты клятвы верно и обеты,
Я сменила веру, любя тебя, и, поистине,
От крайней страсти любовь мою скрываю.
Спешите же к нам, коль дружбу к нам вы сохранили,
Как благородный, и в пути не медлите!»

И затем она написала письмо, в котором заключалось все то, что сделал с нею еврей, от

начала до конца, и начертала в письме эти стихи, а потом она свернула письмо и подала его своей невольнице Хубуб и сказала: «Храни это письмо у себя за пазухой, пока мы не отошлём его Масруру».

И когда это было так, вдруг вошёл к ним еврей и увидел, что они радуются. «Что это вы, я вижу, радуетесь? Разве пришло к вам письмо от вашего друга Масрура?» – спросил он. И Зейн-аль-Мавасиф сказала ему: «У нас нет помощника против тебя, кроме Аллаха, великого, славного, и это он избавит нас от твоего притеснения. Если ты не воротишь нас в наши страны и на родину, мы завтра будем судиться с тобой у правителя этого города и его судьи». – «А кто снял цепи с ваших ног? – спросил еврей. – Я обязательно сделаю для каждой из вас цепь в десять ритлей и обойду с вами вокруг города». – «Ты сам попадёшь во все, что ты для нас задумал, если захочет Аллах великий, – сказала Хубуб, – а также пострадаешь и за то, что ты удалил нас от родины. Завтра мы с тобой будем стоять перед правителем этого города».

И так продолжалось до утра, а потом еврей поднялся и пошёл к кузнецу, чтобы сделать для женщин цепи, и тогда Зейн-аль-Мавасиф поднялась её своими невольницами и пошла к дому суда и вошла в него. Она увидела кадиев и приветствовала их, и все кадии возвратили ей приветствие, и потом кадий кадиев сказал тем, что были вокруг него: «Это женщина блестяще прекрасная, и всякий, кто её видит, в неё влюбляется и смиряется перед её красотой и прелестью». И потом кади послал с нею четырех посланцев и сказал им: «Приведите её обидчика в наихудшем состоянии».

Вот что было с нею. Что же касается еврея, то он сделал для женщин цепи и отправился в своё жилище, но не нашёл их там и растерялся. И когда это было так, посланные вдруг вцепились в него и начали его бить жестоким боем и тащили его, волоча на лице, пока не пришли с ним к кади. И, увидав его, кади закричал ему в лицо и сказал: «Горе тебе, о враг Аллаха! Разве дошло твоё дело до того, что ты сделал то, что сделал, и удалил этих женщин от их родины и украл их деньги и хочешь сделать их еврейками. Как это ты хочешь превратить мусульман в неверных?» – «О владыка, это моя жена», – сказал еврей. И когда кадии услышали от него эти слова, они все закричали и сказали: «Киньте этого пса на землю и колотите его по лицу сандалиями! Бейте его болезненным боем, ибо его грех не прощается».

И с еврея сняли его шёлковую одежду и надели на него волосяную одежду Зейн-аль-Мавасиф, и его кинули на землю, выщипали ему бороду и больно побили его по лицу сандалиями, а потом его посадили на осла, лицом к зад, и вложили хвост осла ему в руки, и его возили вокруг города, пока не обошли с ним весь город. А потом с ним вернулись к кади, и он был в великом унижении, и четверо кадиев присудили его к отсечению рук и ног и распятию. И проклятый оторопел от таких слов, и его разум исчез, и он воскликнул: «О господи судьи, чего вы от меня хотите?» И судьи отвечали: «Скажи: „Эта женщина – не моя жена, и деньги – её деньги, и я совершил над ней преступление и разлучил её с родиной“». И еврей признал это, и об его признание написали свидетельство, и, отобрав от него деньги, отдали их Зейн-аль-Мавасиф и дали ей свидетельство, и она ушла домой, и всякий, кто видел её красоту и прелесть, смущался умом, и каждый из кадиев думал, что её дело приведёт её к нему.

И когда Зейн-аль-Мавасиф пришла к своему жилищу, она собрала для себя все, что ей было нужно, и подождала, пока пришла ночь, и тогда она взяла то, что легко нести и дорогою ценою, и пошла со своими невольницами во мраке ночи. И она шла не переставая в течение трех дней пути с их ночами, и вот то, что было с Зейн-аль-Мавасиф.

Что же касается кадиев, то после ухода Зейн-аль-Мавасиф они приказали заточить её мужа, еврея...»

И Шахразад устал, и она прекратила дозволенные речи.

Когда же настала ночь, дополняющая до восьмисот шестидесяти, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что кадии приказали заточить еврея, мужа Зейн-аль-Мавасиф, а когда наступило утро, кадии и свидетели стали ждать, что Зейн-аль-Мавасиф к ним придёт, но она не пришла ни к одному из них.

И тогда кади, к которому она пришла сначала, сказал: «Я хочу сегодня прогуляться за городом – у меня есть там дело». И он сел на своего мула, взял с собой слугу и начал объезжать переулки города, вдоль и поперёк, и искать Зейн-аль-Мавасиф, но не напал на слух о ней. И когда он так ездил, он вдруг увидел, что и остальные кадии разъезжают по городу, и каждый из них думал, что Зейн-аль-Мавасиф ни с кем, кроме него, не условилась. И первый кади спросил, почему они выехали и разъезжают по переулкам города, и они рассказали ему о своём деле, и увидел он, что их состояние подобно его состоянию и их вопросы подобны его вопросам. И они все стали искать Зейн-аль-Мавасиф, но не напали на слух о ней, и каждый из них уехал домой больной, и они легли на ложе изнеможения.

А потом кадий кадиев вспомнил о кузнеце и послал за ним, и когда кузнец предстал меж его руками, спросил его: «О кузнец, знаешь ли ты что-нибудь о делах девушки, которой ты указал на нас? Клянусь Аллахом, если ты не осведомишь меня о ней, я побью тебя бичами!» И кузнец, услышав слова кади, произнёс такие стихи:

«Поистине, та, что мной владеет теперь в любви,
Красой овладела всей, другим не оставив!
Глядит, как газель, и пахнет амброй, и солнце нам
Являет; течёт, как пруд, и гнётся, как ветка».

А потом кузнец воскликнул: «Клянусь Аллахом, о владыка мой, с тех пор как она удалилась от благородного присутствия, мой глаз ни разу её не видел. А она овладела моим сердцем и разумом, и о ней мой разговор и моя забота, и я пошёл в её жилище, и не нашёл её, и не увидел никого, кто бы мне рассказал о ней, как будто она погрузилась в пучину вод или её унесло на небо».

И когда кади услышал его слова, он вскрикнул криком, от которого чуть не вышла его душа, и воскликнул: «Клянусь Аллахом, не было нам надобности видеть её!» И кузнец ушёл, а кади свалился на постель и впал из-за девушки в изнеможение, и свидетели, и остальные кадии тоже. И стали ходить к ним врачи, но не было у них болезни, для которой нужен лекарь. А потом именитые люди пришли к первому кади и приветствовали его и стали его расспрашивать, что с ним, и кади вздохнул и открыл то, что было у него на душе, и произнёс такие стихи:

«Довольно упрёков, хватит боли с меня моей:
Просите за кадия, людьми управлявшего!
Кто раньше меня корил за страсть, пусть простит меня
И пусть не бранит, – убитым страстью упрёка нет.
Был кадием я, и рок мне счастье приносил
На всех должностях, и подпись ставил каламом я.
Но вот я сражён стрелой – и нет для неё врача –
Из глаз дивной девушки, пришедшей, чтобы кровь пролить.
Ей равной средь мусульманок нет, что приходят к нам
С обидой, в устах её сверкает жемчужин ряд.
Взглянул я в лицо прекрасной, и показала мне
Она круг луны, взошедшей средь темноты ночной,
И лик светлый свой, и уст улыбку чудесную
Покрыла краса её от ног до темени.
Аллахом клянусь, мой глаз не видел подобной ей

Средь всех, что арабом создан и неарабом был.
Прекрасное обещала мне эта девушка
И молвила: «Обещав, исполню, о кади, я!»
Вот сан мой, и вот чем был испытан, узнайте, я.
Не спрашивайте ж, в чем горе, люди разумные!»

А произнося эти стихи, кади заплакал сильным плачем, и потом он издал единый вопль, и дух его расстался с телом. И когда пришедшие увидели это, они вымыли его, завернули в саван, помолились над ним и похоронили его, и написали на его могиле такие стихи:

Собрались свойства влюблённых всех в душе того,
Кто в могилу слёг, умерщвлённый злобой любимого.
Был прежде он судьёю среди тварей всех,
Перо его тюрьмою было мечу в ножнах.
И свершила суд свой над ним любовь – мы не видели,
Чтоб владыка прежде унизился пред рабом своим.
И потом они сказали: «Да помилует его Аллах!»

И они ушли ко второму кади вместе с врачом, но не нашли у него повреждения или боли, для которой был бы нужен врач. И они спросили, что с ним и чем занят его ум, и кади осведомил их о своём деле, и они стали бранить и порицать его за такое состояние, и он ответил им, произнеся нараспев такие стихи:

«Беда моя в ней: хулить меня не надо –
Из рук стрелка я поражён стрелою.
Ко мне невольница Хубуб явилась,
Что дни судьбы считает год за годом,
И с нею девочка, черты которой
Прекраснее луны во мраке ночи.
Красу свою нам, жалуясь, явила
Она, и слезы глаз лились струёю.
Слова её услышал и взглянул я
И заболел от уст её улыбки.
Ушла с душой моей она – куда же?
А я остался, как любви заложник.
Вот моя повесть – сжальтесь надо мною
И моего слугу судьёй назначьте».

И потом он издал вопль, и душа его рассталась с телом, и его обрядили и похоронили и сказали: «Да помилует его Аллах!» – и отправились к третьему кади и увидели, что он болен и с ним случилось то же, что случилось со вторым. И с четвёртым было то же самое, и они увидели, что все судьи больны от любви к Зейн-альМавасиф, и свидетелей они тоже нашли больными от любви к ней, ибо всякий, кто её видел, умирал от любви, а если не умирал, то жил, борясь с волнениями страсти...»

И Шахразду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Восемьсот шестьдесят первая ночь

Когда же настала восемьсот шестьдесят первая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что именитые жители города нашли всех судей и свидетелей больными от любви к Зейн-альМавасиф, ибо всякий, кто её видел, умирал от увлечения ею, а если не

умирал, то жил борясь с волнением страсти из-за сильной любви к ней, да помилует их всех Аллах!

Вот что было с ними. Что же касается Зейн-аль-Мавасиф, то она ехала, ускоряя ход, в течение нескольких дней, пока не проехала далёкого расстояния. И случилось, что она выехала со своими невольницами и проезжала по дороге монастыря, а в этом монастыре был великий монах по имени Данис, у которого было сорок патрициев. И, увидев красоту Зейн-аль-Мавасиф, он вышел к ней и пригласил её и сказал: «Отдохните у нас десять дней, а потом поезжайте». И девушка остановилась со своими невольницами в этом монастыре.

И когда она там остановилась и Данис увидел её красоту и прелесть, его вера испортилась, и он пленился ею и стал посылать к ней с просьбами патрициев, одного за другим, чтобы подружиться с нею, и каждый, кого он посылал, впадал в любовь к ней и соблазнял её, а она извинялась и отказывалась. И Данис все посылал к ней одного за другим, пока не послал к ней сорок патрициев, и каждый из них, увидав её, привязывался к ней любовью и усиленно её уговаривал и соблазнял, не называя ей имени Даниса, а она отказывалась и отвечала им самыми грубыми словами.

И когда истощилось терпение Даниса и усилилась его страсть, он сказал про себя: «Говорит сказавший поговорку: „Почешет мне тело только мой ноготь, и не побегут для дел моих ничьи, кроме моих, ноги“. А затем он поднялся на ноги и приготовил роскошное кушанье и понёс его и поставил перед Зейн-аль-Мавасиф (а было это в девятый день из тех десяти, которые Зейн-аль-Мавасиф уговорила провести у Даниса для отдыха). И, поставив перед ней кушанье, монах сказал: „Пожалуй во имя бога – лучшая пища – та, что нам досталась“. И девушка протянула руку со словами: „Во имя Аллаха, милостивого, милосердного!“ – и стала есть со своими невольницами. А когда она кончила есть, монах сказал ей; „О госпожа, я хочу сказать тебе стихи“. – „Говори“, – молвила девушка. И Данис произнёс такие стихи:

Пленила ты сердце мне ланитой и взором,
О страсти к тебе гласит и стих мой в проза.
Ты бросишь ли страстью к тебе изнурённого?
С любовью борюсь своей и в сонных я грёзах.
Меня ты не оставляй безумным, поверженным,
Забыл я и монастырь и жизни улады.
О нежная ветвь! В любви дозволила кровь пролить
Мою! Пожалей меня и жалобам внимли».

И, услышав эти стихи, Зейн-аль-Мавасиф ответила на его стихотворение таким двустихием:

«О жаждущий близости, не льстись ты надеждою,
Вопросы, о человек, ко мне прекрати свои!
И душу не распаляй на то, чем владеть вовек
Не будешь, – ведь к жадности близки опасения».

И Данис, услышав её стихи, вернулся в свою келью, задумчивый, не зная, как поступить в деле этой девушки, и он провёл эту ночь в наихудшем состоянии. А когда опустилась ночь, Зейн-аль-Мавасиф встала и сказала своим невольницам: «Пойдёмте! Нам не справиться с сорока человеками из монахов, когда каждый из них соблазняет меня». И невольницы ответили: «С любовью и охотой!» И затем они сели на своих коней и выехали из ворот монастыря...»

И Шахразад устало застало утро, и она прекратила дозволенные речи.

Восемьсот шестьдесят вторая ночь

Когда же настала восемьсот шестьдесят вторая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что Зейн-аль-Мавасиф со своими невольницами выехала из монастыря ночью, и они ехали не переставая и вдруг увидели шедший караван.

И они вмешались в караван, и вдруг оказалось, что это караван из города Адена, где была Зейн-аль-Мавасиф, и она услышала, что люди в караване разговаривают о происшествии с Зейн-аль-Мавасиф и говорят, что кадии и свидетели умерли от любви к ней и жители города назначили других кадиев и свидетелей и выпустили мужа Зейн-аль-Мавасиф из тюрьмы. И Зейн-аль-Мавасиф, услышав эти речи, обратилась к своим невольницам и спросила свою рабыню Хубуб: «Разве ты не слышишь эти речи?» И Хубуб ответила: «Если монахи, которые веруют, что опасаться женщин – благочестиво, пленились любовью к тебе, то каково же положение кадиев, которые веруют, что нет монашества в исламе! Но будем идти на родину, пока наше дело остаётся скрытым». И они пошли, сиюсь идти скорее, и вот то, что было с Зейн-аль-Мавасиф и её невольницами.

Что же касается монахов, то, когда наступило утро, они пришли к Зейн-аль-Мавасиф для приветствия, но увидели, что её место пусто, и схватила их болезнь во внутренностях их. И первый монах разодрал свою одежду и начал говорить такие стихи:

«О Други, ко мне скорей придите! Поистине,
Расстаться я с вами должен скоро, покинуть вас!
Душа моя вся полна страданиями от любви,
А в сердце таятся вздохи страсти смертельные
По девушке, что пришла и наш посетила край, –
С ней месяц, на небеса входящий, сравнивается.
Ушла она и меня убитым оставила,
Стрелой поверженным, что смерть принесла, разя».

А потом второй монах произнёс такие стихи:

«Ушедшие с душой моей, смягчитесь же
Над бедным вы и, сжалившись, вернитесь вновь.
Ушли они, и ушёл мой отдых с уходом их.
Далеко они, но речей их сладость в ушах моих.
Вдали они, и вдали их стан. О, если бы
Они сжалились и во сне хотя бы вернулись к нам!
Они сердце взяли, уйдя, моё и всего меня
В слезах, потоком льющихся, оставили».

А потом третий монах произнёс такие стихи:

«Рисует ваш образ и глаза, и душа, и слух,
И сердце моё – приют для вас, как и все во мне.
И слово о вас приятней мёда в устах моих –
Течёт оно, как течёт мой дух в глубине груди.
И тонким, как зубочистка, вы меня сделали
От мук, и в пучине слез от страсти потоплен я.
О, дайте увидеть вас во сне! Ведь, быть может, вы
Ланитам моим дадите отдых от боли слез».

А потом четвёртый монах произнёс такие два стиха:

«Онемел язык – о тебе скажу немного:
Любовь – причина хвори и страданий.
О полная луна, чьё место в небе,
Сильна к тебе любовь моя, безумна!»

А потом пятый монах произнёс такие стихи:

«Люблю я луну, что нежна и стройна и стан её тонок – в беде
он скорбит,
Слюна её схожа со влагой вина, и зад её тяжкий людей
веселит.
Любовью душа моя к ней сожжена, влюблённый средь мрака
ночного убит.
Слеза на щеке точно яхонт, красна, и льётся она точно дождь
вдоль ланит».

А потом шестой монах произнёс такие стихи:

«Губящая в любви к себе разлукою,
О бана ветвь, светило счастья возшло твоё!
На грусть мою и страсть тебе я жалуюсь,
О жгущая огнями роз щеки своей!
В тебя влюблённый набожность обманет ли
И забудет ли поясной поклон и паденья ниц?»

А потом седьмой монах произнёс такие стихи:

«Заточил он душу, а слезы глаз он выпустил,
Обновил он страсть, а терпение разорвал моё.
О чертами сладкий! Как горько мне расстаться с ним.
При встрече он разит стрелою душу мне.
Хулитель, прекрати, забудь минувшее –
В делах любви тебе, ты знаешь, веры нет».

И остальные патриции и монахи тоже все плакали и произносили стихи, а что касается их старшего – Джвиса, то усилился его плач и завыванья, но не находил он пути к сближению с нею. А потом он произнёс нараспев такие стихи:

«Терпенья лишился я, ушли когда милые,
Покинула меня ты, надежда, мечта моя,
Погонщик верблюдов, будь помягче с их серыми –
Быть может, пожалуют они возвращение.
Суров к моим векам сон в разлуки день сделался,
И горе я обновил, а радость покинул я.
Аллаху я жалуюсь на то, что в любви терплю, –
Она изнурила тело, силу похитила».

И когда монахи потеряли надежду увидеть Зейн-альМавасиф, их мнение сошлось на том, чтобы изобразить у себя её образ, и они согласились в этом и жили, пока не пришла к ним Разрушительница наслаждений.

Вот что было с этими монахами, обитателями монастыря. Что же касается Зейн-аль-Мавасиф, то она ехала, направляясь к своему возлюбленному, Масруру, и

продолжала ехать, пока не достигла своего жилища. И она отперла ворота и вошла в дом, а затем она послала к своей сестре Насим, и когда её сестра услышала о её прибытии, она обрадовалась сильной радостью и принесла ей ковры и дорогие материи. И потом она убрала ей дом, и одела её, и опустила занавески на дверях, и разожгла алоэ, недд, амбру и благовонный мускус, так что дом пропитался их запахами и стал великолепноше всего, что бывает. А затем Зейн-аль-Мавасиф надела свои роскошнейшие материи и украсилась лучшими украшениями. И все это происходило, и Масрур не знал о её приезде, а напротив, был в сильной заботе и печали, больше которой нет...»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Восемьсот шестьдесят третья ночь

Когда же настала восемьсот шестьдесят третья ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что когда Зейн-аль-Мавасиф вошла в свой дом, её сестра принесла ей ковры и материи и постлала для неё и одела её в роскошнейшие одежды, и все это происходило, и Масрур не Знал о её прибытии, а напротив, был в сильной заботе и печали, больше которой нет. И Зейн-аль-Мавасиф села и начала разговаривать с невольницами, которые остались и не поехали с ней, и рассказала им обо всем, что с ней случилось, от начала до конца, а потом она обратилась к Хубуб и, дав ей денег, приказала ей сходить и принести чего-нибудь поесть ей и её невольницам. И Хубуб пошла и принесла то, что Зейн-аль-Мавасиф потребовала из еды и питья, и когда они кончили есть и пить, Зейн-аль-Мавасиф приказала Хубуб пойти к Масруру и посмотреть, где он, и взглянуть, каковы его обстоятельства.

А Масрур – он не успокаивался в покое, и не была для него возможна стойкость, и когда увеличилось над ним волнение, и страсть, и любовь, и увлечение, он стал утешать себя произнесением стихов и ходил к её дому и целовал стену. И случилось, что он пошёл на место прощанья и произнёс такое дивное стихотворение:

«Хоть таил я то, что пришлось снести мне, но явно все,
И сменило око усладу сна на бессонницу.
И когда пленили мне сердце мысли, воскликнул я;
«О судьба моя, ты не милуешь, не щадишь меня!»
И душа моя меж мучением и опасностью!
Если б был владыка любви моей справедлив ко мне,
Сон не был бы от глаз моих так прогнан им.
Господа мои, пожалейте же изнурённого,
Благородного пожалейте вы, что унизился
На путях любви, и богатого, обедневшего!
Приставал хулителю, браня за вас, но не слушал я,
И заткнул я все, чем я слышать мог, и смутил его
И обет хранил нерушимо я, что любимым дан.
Они молвили: «Ты ушедших любишь!» Ответил я:
«Падёт когда приговор судьбы, тогда слепнет взор».

И затем он вернулся в своё жилище и сидел, плача, и одолел его сон, и увидел он в сновидении, будто Зейналь-Мавасиф приехала домой. И он пробудился от сна, плача, и направился к жилищу Зейн-аль-Мавасиф, произнося такие стихи:

«Могу ли забыть я ту, что мной овладела всем,
И сердце моё в огне, угля горячей, горит?
Влюбился я в ту, чья даль – причина мольбы моей

К Аллаху, и смена дней и рока изменчивость.
Когда же мы встретимся, о цель и мечта души,
И близость когда вкусить смогу я, о лик луны?»

И, произнося конец стихотворения, он шёл в переулке Зейн-аль-Мавасиф. И он почувствовал там благовонные запахи, и разум его взволновался, и сердце его покинуло грудь, и загорелась в нем страсть, и усилилось его безумие. И вдруг он видит: идёт Хубуб, чтобы исполнить какое-то дело. И Масрур заметил её, когда она подходила из глубины переулка, и, увидав её, обрадовался сильной радостью. И, увидев Масрура, Хубуб подошла к нему и приветствовала его и обрадовала вестью о прибытии своей госпожи Зейн-аль-Мавасиф и сказала: «Она послала меня, чтобы потребовать тебя к ней».

И Масрур обрадовался сильной радостью, больше которой нет. И Хубуб взяла его и вернулась с ним к Зейн-аль-Мавасиф. И когда Зейн-аль-Мавасиф увидела Масрура, она сошла с ложа и поцеловала его, и он поцеловал её, и девушка обняла его, и он обнял её, и они не переставали целовать друг друга и обниматься, пока их не покрыло беспамятство на долгое время из-за сильной любви и разлуки. А когда они очнулись от беспамятства, Зейн-аль-Мавасиф велела своей невольнице Хубуб принести кувшин, наполненный сахарным питьём, и кувшин, наполненный лимонным питьём, и невольница принесла ей все, что она потребовала, и они стали есть и пить.

И так продолжалось, пока не пришла ночь, и тогда они начали вспоминать о том, что с ними случилось, от начала до конца, а Зейн-аль-Мавасиф рассказала Масруру, что она стала мусульманкой, и он обрадовался и тоже принял ислам, и её невольницы также, и все они возвратились к великому Аллаху. А когда наступило утро, Зейн-аль-Мавасиф велела привести судью и свидетелей и осведомила их о том, что она незамужняя, и выждала полностью срок очищения, и хочет выйти замуж за Масрура. И её запись с ним записали, и они зажили самой сладостной жизнью.

Вот что было с Зейн-аль-Мавасиф. Что же касается её мужа, еврея, то, когда жители города выпустили его С из тюрьмы, он уехал и направился в свою страну и ехал до тех пор, пока между ним и тем городом, где была Зейн-аль-Мавасиф, не осталось три дня пути. И Зейн-аль-Мавасиф осведомили об этом, и она призвала свою невольницу Хубуб и сказала ей: «Пойди на кладбище евреев, вырой могилу, положи на неё цветы и попрыскай вокруг них водой, и если еврей приедет и спросит тебя обо мне, и скажи ему: „Моя госпожа умерла от обиды на тебя, и с её смерти прошло двадцать дней“. И если он тебе скажет: „Покажи мне её могилу“, – приведи его к той могиле и ухитрись зарыть его в ней живым». И Хубуб ответила: «Слушаю и повинуюсь!»

И затем они убрали ковры и отнесли их в чулан, и Зейн-аль-Мавасиф пошла в дом Масрура, и они с ним сели за еду и питьё. И так продолжалось, пока не прошло три дня, и вот то, что было с ними. Что же касается до её мужа, то, приехав после путешествия, он постучал в ворота, и Хубуб спросила: «Кто у ворот?» – «Твой господин», – ответил еврей. И она отперла ему ворота, и еврей увидел, что слезы льются по её щекам. «О чем ты плачешь, и где твоя госпожа?» – спросил он. И Хубуб сказала: «Моя госпожа умерла от обиды на тебя». И когда еврей услышал от неё эти слова, он растерялся и заплакал сильным плачем, а потом он спросил: «О Хубуб, где её могила?» И Хубуб взяла его и пошла с ним на кладбище и показала ему могилу, которую она выкопала, и тогда еврей заплакал сильным плачем и произнёс такие два стиха:

«Две вещи есть – если б плакали глаза о них
Кровью алою и грозила бы им гибель,
И десятой доли не сделали б они должного:
То цвет юности и с любимыми разлука!»

И потом он заплакал сильным плачем и произнёс такие стихи:

«Увы, о печаль моя, обманут я стойкостью!
В разлуке с любимой умру от печали я.
Какою бедой сражён с уходом любимых я,
Как тем, что рука свершила, сердце терзается!
О, если бы сохранил я тайну в те времена,
И страсть не открыл свою, в душе бушевавшую!
Ведь жизнью я жил угодной богу и радостной,
А после неё живу в позоре и тяготах.
Хубуб, взволновала ты тоску в моем сердце вновь,
Сказав мне о смерти той, кто был мне опорой.
О Зейн-аль-Мавасиф, пусть разлуки бы не было
И не было бы того, с чем тело оставил дух!
Раскаивался я в том, что клятвы нарушил я,
И горько себя корил за крайности в гневе я».

А окончив свои стихи, он начал плакать, стонать и сетовать и упал, покрытый беспамятством, и когда он потерял сознание, Хубуб поспешно потащила его и положила в могилу, а он был ещё жив, но оглушён. И затем она засыпала могилу и, вернувшись к своей госпоже, осведомила её об этом деле, и Зейн-аль-Мавасиф сильно обрадовалась и произнесла такие два стиха:

«Поклялся рок, что вечно будет мой дух смущать,
Не сдержало клятву, о время, ты, искупи её!
Мой хулитель мёртв, а возлюбленный вблизи меня,
Так вставай же ты на зов радости, подбери подол».

И они жили вместе за едой, питьём, забавами, играми и увеселениями, пока не пришла к ним Разрушительница наслаждений и Разлучительница собраний, Губительница сынов и дочерей.

Сказка о Нур-ад-дине и Мариам-кушачнице (ночи 863-894)

Рассказывают также, – начала новую сказку Шахразада, – что был в древние времена и минувшие века и годы один человек – купец, в земле египетской, по имени Тадж-ад-дин, и был он из числа великих купцов и людей верных и благородных, но только он увлекался путешествиями во все страны и любил ездить по степям, пустыням, равнинам и кручам, и морским островам, ища дирхема и динара. И были у него рабы, невольники, слуги и рабыни, и долго подвергал он себя опасностям, и терпел он в путешествиях то, от чего седыми станут малые дети, и был он среди купцов того времени богаче всех деньгами и прекраснее всех речами. Он обладал конями, и мулами, и верблюдами, двугорбыми и одногорбыми, и были у него кули, мешки и товары, и деньги, и материи неподобные – свёртки тканей из Химса, баальбекские одежды, куски шёлкового полотна, одеяния из Мерва, отрезы индийской материи, багдадские воротники, магрибинские бурнусы, турецкие невольники, абиссинские слуги, румские рабыни и египетские прислужники, и были мешки для его поклажи – шёлковые, так как у него было много денег. И был он редкостно красив, с гибкими движениями и, изгибаясь, вызывал желание, как сказал о нем кто-то из описывающих его:

О, вот купец! Я видел – влюблённые
Сражались все из-за него в битве.
И молвил он: «Чего народ тут шумит?»
И молвил я: «Из-за тебя, купчик!»

А другой сказал, описывая его, и отличился, и выразил о нем желаемое:

О, вот купец! Для близости он пришёл,
И взорами смутил он мне сердце.
И молвил он: «Чего ты смущаешься?»
И молвил я: «Из-за тебя, купчик!»

И был у этого купца ребёнок мужского пола по имени Али Нур-ад-дин, и был он подобен луне, когда она становится полной в четырнадцатую ночь месяца, редко и красиво и прекрасный, изящный в стройности и соразмерности. И в один из дней этот мальчик сел, по обычаю, в лавке своего отца, чтобы продавать и покупать, брать и отдавать, и окружили его сыновья купцов, и стал он между ними подобен луне среди звёзд, с блистающим лбом, румяными щеками, молодым пушком и телом, точно мрамор, как сказал о нем поэт:

«Опиши нас!» – изрёк красавец.
Молвил я: «Ты лучше всех!»
И сказал я слово кратко:
«Все прекрасно, знай, в тебе!»

А также сказал о нем один из описывающих его:

Вот родинка на поле его ланиты,
Как точка амбры на мраморной тарелке.
А взоров его меч тому вещает:
«Аллах велик!» – кто страсти не послушен.

И сыновья купцов пригласили его и сказали: «О Сиди Нур-ад-дин, мы хотим сегодня погулять с тобой в такомто саду». И юноша ответил: «Я только спрошусь у отца: я могу пойти лишь с его позволения». И когда они разговаривали, вдруг пришёл его отец, Тадж-ад-дин, и его сын посмотрел на него и сказал: «О батюшка, дети купцов приглашают меня погулять с ними в таком-то саду. Позволишь ли ты мне это?» – «Да, о дитя моё», – ответил Тадж-ад-дин. И затем он дал сыну немного денег и сказал: «Отправляйся с ними».

И дети купцов сели на ослов и мулов, и Нур-ад-дин тоже сел на мула и отправился с ними в сад, где было все, что желательно душе и услаждает очи. Там были высокие колонны и строения, уходящие ввысь, и были у сада сводчатые ворота, подобные портику во дворце, и лазоревые ворота, подобные вратам райских садов, привратника которых звали Ридван, а над ними было сто палок с виноградными лозами всевозможных цветов: красных, подобных кораллам, чёрных, точно носы негров, и белых, как голубиные яйца. И были там сливы, гранаты и груши, абрикосы и яблоки – все это разных родов и разнообразных цветов, купами и отдельно...»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Восемьсот шестьдесят четвёртая ночь

Когда же настала восемьсот шестьдесят четвёртая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что дети купцов, войдя в сад, увидели в нем полностью все, чего желают уста и язык, и нашли там и разноцветный виноград, кучами и отдельно, как сказал о нем поэт:

Виноград вот, а вкус его – вкус напитка,
Цветом мрачен и ворону он подобен.
Средь листвы своей вырос он, и ты видишь –
Пальцам женщин подобен он в тёмной краске.

И сказал о нем также другой поэт:

Вот лозы – с палочек своих свисая,
Они меня напомнят худобою.
Напомнят они мёд и воду в кружке
И, бывши суслом, обратятся в вина.

И потом юноши пришли к беседке в саду и увидели Ридвана, привратника сада, который сидел в этой беседке, точно он, Ридван, – страж райских садов. И они увидели, что на этой беседке написаны такие стихи:

Аллах, напои тот сад, где кисти свисают вниз,
И ветки, упившись сильно, с ними склоняются.
Когда ж заплесать заставит ветки рука ветров»
Украсит их дождь с небес жемчужными точками.

А внутри беседки они увидели такие написанные стихи:

Войдём с тобой, приятель, в прекрасный сад –
Заботы ржу снять сможет он с сердца нам.
Там ветерок, идя, запинается,
И все цветы в руках улыбаются.

И были в этом саду плоды разнообразные и птицы всех родов и цветов: вяхири, соловьи, певчие куропатки, горлинки и голуби, что воркуют на ветвях, а в каналах его была вода текучая, и блистали эти потоки цветами и плодами услаждающими, подобно тому, как сказал поэт:

Ветерок в ветвях пролетел его, и сходство есть
В них с красавицей, что в одежде пышной качается.
А ручьи его нам мечи напомнят, коль вынут их
Руки витязей из теснины ножен, хранящих их.

И также сказал о нем поэт:

Под ветвями струй протянулся ток, и вечно он
Отражает образ прекрасный их в глубине своей.
Но, смекнувши, ветер из ревности полетел к ветвям,
И сейчас же их от сближения отклонил он с ним.

А на деревьях в этом саду было каждого плода по паре, и были в нем гранаты, похожие на кайраванские шарiki, как сказал поэт и отличился:

Вот гранаты с тончайшей кожей; сходны
С грудями девы, выступают коль округло.
Когда очистишь их, они покажут
Нам яхонты, смущающие рассудок.

А также сказал о них поэт:

О круглая! Всякому, кто к ней в глубину проник,
Покажет она рубины в складках из Абкара.
Гранат! Я его сравнил, когда увидел его
С грудями невинных дев иль с мраморным куполом.
Больного в нем исцеленье, здравие для него,
О нем изречение пророка пречистого.
О нем говорит Аллах – высоко возвышен он! –
Слова столь глубокие в писанье начертанном.

И были в этом саду яблоки – сахарные, мускусные и даманийские, ошеломляющие взор, как сказал о них поэт:

Вот яблоко двух цветов – напомним смотрящему
Любимого с любящим ланиты, что встретились.
На ветке они блестят, в чудесном несходные.
Один из них тёмн, а другой – в нем сияние.
Обнялись они, и вдруг доносчик их испугал:
Один покраснел, смутясь, другой побледнел в тоске.

И были в этом саду абрикосы, миндальные и камфарные, из Гиляна и Айн-Таба, и сказал о них поэт:

Вот абрикос миндальный – как влюблённый он,
Когда пришёл любимый и смутил его.
А влюблённого в нем довольно качеств, поистине:
Лицом он жёлт, и разбито сердце всегда его.

И сказал о них другой и отличился:

Взгляни на абрикос ты: цветы его –
Сады, чей блеск глаза людей радует.
Как яркие светила, блестят они,
Гордятся ветки блеском их средь листвы.

И были в этом саду сливы, вишни и виноград, исцеляющий больного от недугов и отводящий от головы жёлчь и головокружение, а смоквы на ветвях – красные и зеленые – смущали разум и взоры, как сказал о них поэт:

И мнится, что смоквы, когда видно в них белое
И вместе зеленое среди листвы дерева, –
То румов сыны на вышках грозных дворцов стоят,
Когда опустилась ночь, и настороже они.

А другой сказал и отличился:

Привет наш смоквам, что пришли
На блюде в ровных кучках к нам,
Подобны скатерти они,
Что свёрнута, хоть нет колец.

А другой сказал и отличился:

Насладись же смоквой, прекрасной вкусом, одетою
Дивной прелестью и сближающей внешность с сущностью.
Вкушая их, когда ты их попробуешь,
Ты ромашки запах, вкус сахара почувствуешь
Когда же на подносы высыпают их,
Ты шарам из шелка зеленого уподобишь их.

А как прекрасны стихи кого-то из поэтов:

Сказали они (а любит сердце моё вкушать
Другие плоды, не те, что им так приятны):
«Скажи, почему ты любишь смокву?» И молвил я:
«Один любит смоквы, а другой – сикоморы».

Но ещё лучше слова другого:

Мне нравится смоква лучше всяких других плодов,
Доспеет когда, листвою обвившись блестящей.
Она – как молящийся, а тучи над ним дождят,
И льют своих слез струи, страшатся Аллаха.

И были в этом саду груши – тирские, алеппские и румские, разнообразных цветов, росшие купами и отдельно...»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Восемьсот шестьдесят пятая ночь

Когда же настала восемьсот шестьдесят пятая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что сыновья купцов, когда пришли в сад, увидели там плоды, которые мы упомянули, и нашли груши тирские, алеппские и румские, разнообразных цветов, росшие купами и отдельно, жёлтые и зеленые, ошеломляющие взор. И поэт сказал о них:

Порадуйся же груше ты! Цвет её
Подобен цвету любящих – бледен он.
Сочтёшь её за деву в плаще её,
Лицо своё завесой закрывшую.

И были в этом саду султанейские персики разнообразных цветов, жёлтые и красные, как сказал о них поэт:

И кажется, что персики в их саду,
Когда румянцем ярким покроются,
Подобны ядрам золота жёлтого,
Которых кровью алой покрасили.

И был в этом саду зелёный миндаль, очень сладкий, похожий на сердцевину пальмы, а косточка его – под тремя одеждами, творением владыки одаряющего, как сказал поэт:

Одежды есть три на теле нежном и сладостном,
Различен их вид — они владыкой так созданы.
Грозят они смертью телу ночью и каждый день,
Хотя заключённый в них и не совершил греха.

А другой сказал и отличился:

Миндаль ты не видишь разве, коли средь ветвей
Покажет его рука закутавшейся?
Очистив его, мы видим сердце его —
С жемчужиной оно схоже в раковине.

Но ещё лучше сказал другой:

Зелёный как красив миндаль!
Ведь самый меньший руку нам
Наполнит! Волоски на нем —
Как безбородого пушок.
А сердце миндаля найдёшь
И парным и единым ты.
И как жемчужина оно,
Что в изумруд заключена.

А другой сказал и отличился:

Подобного глаза мои не видели
Миндалю красой, как распустятся цветы на нем.
Голова его сединой сверкает блестящею,
Когда вырос он, а пушок его ещё зелен все.

И был в этом саду боярышник разнообразной окраски, купами и отдельно, и сказал о нем кто-то из описывавших такие стихи:

Взгляни на боярышник, на ветках нанизанный,
Чванливо, как абрикос, гордится он на сучках.
И кажется желтизна его смотрящим подобною
Бубенчикам, вылитым из яркого золота.

А другой сказал и отличился:

Вот сидра дерево блещет
Красой иной каждодневно,
И ягоды между листьев,
Когда предстанут пред взором, —
Бубенчики золотые,
Повешенные на ветках.

И были в этом саду померанцы, подобные калгану, и сказал о них поэт, от любви обезумевший:

Он красен, в ладонь размером, горд в красоте своей,
Снаружи его огонь, а внутренность — чистый снег,

Но дивным сочту я снег, не тающий близ огня,
И дивным сочту огонь, в котором нет пламени.

А кто-то сказал и отличился:

Вот дерево померанца. Мнится, плоды его,
Предстанут когда они глазам пронизательных, —
Ланиты прекрасных жён, убравшихся для красоты
В дни праздника и одетых в платья парчовые.

А другой сказал и отличился:

Скажу – померанцев рощи, веет коль ветерок
И ветви под тяжестью плодов изогнулись,
Подобны щекам, красой блестящим, когда в часы
Привета приблизились к ним щеки другие.

А другой сказал и отличился:

Оленя попросили мы: «Опиши
Ты этот сад и в нем померанцы нам».
И молвил он: «Ваш сад – мой лик, а сорвал
Кто померанец, тот сорвал жар огня».

И были в этом саду лимоны, цветом подобные золоту, и спустились они с высочайшего места и свешиваются на ветвях, подобные слиткам золота, и сказал о них порт, безумно влюблённый:

Не видишь ли рощи ты лимонной, что вся в плодах?
Склонились когда, страшна им гибель грозящая.
И кажется нам, когда пронёсся в них ветерок,
Что ветви нагружены тростями из золота.

«И были в этом саду лимоны с толстой кожей, спускавшиеся с ветвей своих, точно груди девушек, подобных газелям, и был в них предел желания, как сказал о них и отличился поэт:

Прекрасный я увидел лимон средь садов сейчас.
На ветках зелёных, – с девы станом сравню я их.
Когда наклоняет ветер плод, он склоняется,
Как мячик из золота на палке смарагдовой.

И были в этом саду сладкие лимоны с прекрасным запахом, подобные куриным яйцам; и желтизна их – украшение плодов, а запах их несётся к срывающему, как сказал кто-то из описывающих:

Не видишь ли лимон – когда явится,
Влечёт к себе все очи сияньем
И кажется куриным яйцом он нам,
Испачканным рукою в шафране.

И были в этом саду всякие плоды, цветы и зелень и благовонные растения – жасмин,

бирючина, перец, лаванда и роза, во всевозможных видах своих, и баранья трава, и мирта, и все цветы полностью, всяких сортов. И это был сад несравненный, и казался он смотрящему уголком райских садов: когда входил в него больной, он выходил оттуда, как яркий лев. И не в силах описать его язык, таковы его чудеса и диковинки, которые найдутся только в райских садах; да и как же нет, если имя его привратника – Ридван! Но все же между этими двумя садами – различие.

И когда дети купцов погуляли по саду, они сели, погуляв и походив, под одним из портиков в саду и посадили Нур-ад-дина посредине портика...»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Восемьсот шестьдесят шестая ночь

Когда же настала восемьсот шестьдесят шестая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что сыновья купцов, когда сели под портиком, посадили Нур-ад-дина посредине портика на ковре из вышитой кожи, и он облокотился на подушку, набитую перьями страусов, верх которой был из беличьего меха, и ему подали веер из перьев страуса, на котором были написаны такие стихи:

Вот веер навеваает ароматы,
Подобные духам, в минуту счастья.
Всегда ведёт тот благовонный запах
К лицу того, кто славен, благороден.

А потом юноши сняли бывшие на них тюрбаны и одежды и сели, и начали разговаривать и беседовать, соединяя друг с другом концы слов, и каждый из них вглядывался в Нур-ад-дина и смотрел на красоту его облика. И когда они спокойно просидели некоторое время, приблизился к ним чёрный раб, на голове которого была кожаная скатерть для кушанья, уставленная сосудами из хрусталя, так как один из сыновей купцов наказал перед уходом в сад своим домашним, чтобы они прислали её. И было на этой скатерти то, что бегают, и летает, и плавают в морях, – ката, перепёлки, птенцы голубей и ягнята и наилучшая рыба. И когда эту скатерть положили перед юношами, они подошли к ней и поели вдоволь, и, окончив есть, они поднялись от трапезы и вымыли руки чистой водой и мылом, надушённым мускусом, а потом обсушили руки платками, шитыми шёлком и золотыми нитками. И они подали Нур-ад-дину платок, обшитый каймой червонного золота, и он вытер руки, а потом принесли кофе, и юноши выпили сколько кому требовалось и сели за беседу.

И вдруг садовник того сада ушёл и вернулся с корзинкой, полной роз, и спросил: «Что вы скажете, господа паши, о цветах?» И кто-то из сыновей купцов сказал: «В них нет дурного, особенно в розах, от них не отказываются». – «Да, – ответил садовник, – но у нас в обычае давать розы только за стихи под вино, и тот, кто хочет их взять, пусть скажет какие-нибудь стихи, подходящие к месту». А сыновей купцов было десять человек, и один из них сказал: «Хорошо! Дай мне, и я скажу тебе стихи, подходящие к месту». И садовник дал ему пучок роз, и юноша взял его и произнёс такие стихи:

«Для роз у меня есть место,
Они не наскучат вечно.
Все прочие цветы – войско,
Они же – эмир преславный.
Как нет его, так гордятся,
Но явится – и смирятся».

Потом садовник подал пучок роз второму, и тот взял его и произнёс такое двустишие:

«Вот тебе роза, о мой господин,
Мускус напомнит дыхание её.
То дева – влюблённый её увидал,
И быстро закрылась она рукавом».

И потом садовник подал пучок роз третьему, и тот взял его и произнёс такое двустишие:

«Прекрасные розы! Сердце счастливо, видя их,
А запах напомнит нам о недде хорошем.
И обняли ветки их с восторгом своей листвою,
И словно целуют их уста неразлучно».

Потом садовник подал пучок роз четвёртому, и тот взял его и произнёс такое двустишие:

«Не видишь ли роз куста, в котором явились нам
Столь дивные чудеса, на ветках висящие?
Они – как бы яхонты, везде окружённые
Кольцом изумрудов, с ярким золотом смешанных».

Потом садовник подал пучок роз пятому, и тот взял его и произнёс такое двустишие:

«Изумруда ветви плоды несут, и видимы
Плоды на них, как слитки золотые.
И как будто капли, что падают с листвы ветвей, –
То слезы томных глаз, когда заплачут».

Потом садовник подал пучок роз шестому, и тот взял его и произнёс такое двустишие:

«О роза-все дивные красоты в ней собраны,
И в ней заключил Аллах тончайшие тайны.
Подобна она щекам возлюбленного, когда
Отметил их любящий при встрече динаром».

Потом садовник подал пучок роз седьмому, и тот взял его и произнёс такое двустишие:

«Вопрошал я: «Чего ты колешься, роза?
Кто коснётся шипов твоих, тут же ранен».
Отвечала: «Цветов ряды – моё войско,
Я султан их и бьюсь шипом, как оружием».

Потом садовник подал пучок роз восьмому, и тот взял его и произнёс такое двустишие:

«Аллах, храни розу, что стала желта,
Прекрасна, цветиста и злато напомнит,
И ветви храни, что родили её
И нам принесли её жёлтые солнца».

Потом садовник подал пучок роз девятому, и тот взял его и произнёс такое двустишие:

«Жёлтых роз кусты – влечёт всегда прелесть их
К сердцу любящих ликование и радости.
Диво дивное этот малый кустик – напоён он
Серебром текучим, и золото принёс он нам».

Потом садовник подал пучок роз десятому, и тот взял его и произнёс такое двестишье:

«Ты видишь ли, как войско роз гордится
И жёлтыми и красными цветами?
Для розы и шипов найду сравнение:
То щит златой, и в нем смарагда стрелы».

И когда розы оказались в руках юношей, садовник принёс скатерть для вина и поставил между ними фарфоровую миску, расписанную ярким золотом, и произнёс такие два стиха:

«Возвещает заря нам свет, напои же
Вином старым, что делает неразумным,
Я не знаю – прозрачна так эта влага, –
В чаше ль вижу её, иль чашу в ней вижу»

Потом садовник этого сада наполнил и выпил, и черёд сменялся, пока не дошёл до Нур-ад-дина, сына купца Тадж-ад-дина. И садовник наполнил чашу и подал её Нур-ад-дину, и тот сказал: «Ты знаешь, что это вещь, которой я не знаю, и я никогда не пил этого, так как в нем великое прегрешенье и запретил его в своей книге всевластный владыка». – «О господин мой Нур-ад-дин, – сказал садовник сада, – если ты не стал пить вино только из-за прегрешения, то ведь Аллах (слава ему и величие!) великодушен, кроток, всепрощающ и милостив и прощает великий грех. Его милость вмещает все, и да помилует Аллах кого-то из поэтов, который сказал:

Каким хочешь будь – Аллах поистине милостив,
И коль согрешишь, с тобой не будет дурного.
Лишь два есть греха, и к ним вовек ты не подходи;
Приданье товарищей⁶²⁷ и к людям жестокость».

А потом один из сыновей купцов сказал: «Заклинаю тебя жизнью, о господин мой Нур-ад-дин, выпей этот кубок!» И подошёл другой юноша и стал заклинять его разводом, и другой встал перед ним на ноги, и Нур-аддин застыдился и взял у садовника кубок и отпил из него глоток, но выплюнул его и воскликнул: «Оно горькое!» И садовник сказал ему: «О господин мой Нур-ад-дин, не будь оно горьким, в нем не было бы этих полезных свойств. Разве ты не знаешь, что все сладкое, что едят для лечения, кажется вкушающему горьким, а в этом вине – многие полезные свойства и в числе их то, что оно переваривает пищу, прогоняет огорчение и заботу, прекращает ветры, просветляет кровь, очищает цвет лица и оживляет тело. Оно делает труса храбрым и усиливает решимость человека к совокуплению, и если бы мы упомянули все его полезные свойства, изложение, право, бы Затянулось. А кто-то из поэтов сказал:

Я пил и прощением Аллаха был окружён,
Недуги свои лечил я, чашу держа у губ.

⁶²⁷ То есть «придание товарищей» богу – многобожие.

Смутили меня – я знал греховность вина давно –
Аллаха слова, что в нем полезное для людей».

Потом садовник, в тот же час и минуту, поднялся на ноги и, открыв одну из кладовых под этим портиком, вынул оттуда голову очищенного сахара и, отломив от неё большой кусок, положил его в кубок Нур-ад-дина и сказал: «О господин мой, если ты боишься пить вино из-за горечи, выпей его сейчас, – оно стало сладким». И Нур-ад-дин взял кубок и выпил его, а потом чашу наполнил один из детей купцов и сказал: «О господин мой Нур-ад-дин, я твой раб!» И другой тоже сказал: «Я один из твоих слуг». И поднялся третий и сказал: «Ради моего сердца!» И поднялся ещё один и сказал: «Ради Аллаха, о господин мой Нур-ад-дин, залечи моё сердце». И все десять сыновей купцов не отставали от Нур-ад-дина, пока не заставили его выпить десять кубков – каждый по кубку.

А нутро у Нур-ад-дина было девственное – он никогда не пил вина раньше этого часа – и вино закружилось у него в мозгу, и опьянение его усилилось. И он поднялся на ноги (а язык его отяжелел, и речь его стала непонятной) и воскликнул: «О люди, клянусь Аллахом, вы прекрасны и ваши слова прекрасны, и это место прекрасно, но только в нем недостаёт хорошей музыки. Ведь сказал об этом поэт такие два стиха:

Пусти его вокруг в большой и малой чаше,
Бери его из рук луны лучистой.
Не пей же ты без музыки – я видел,
Что даже конь не может пить без свиста».

И тогда поднялся юноша, хозяин сада, и, сев на мула из мулов детей купцов, скрылся куда-то и вернулся. И с ним была каирская девушка, подобная свежему курдюку, или чистому серебру, или динару в фарфоровой миске, или газели в пустыне, и лицо её смущало сияющее солнце: с чарующими глазами, бровями, как изогнутый лук, розовыми щеками, жемчужными зубами, сахарными устами и томными очами; с грудью, как слоновая кость, втянутым животом со свитыми складками, ягодицами, как набитые подушки, и бёдрами, как сирийские таблицы, а между ними была вещь, подобная кошельку, завёрнутому в кусок полотна. И поэт сказал о ней такие стихи:

И если б она явилась вдруг многобожникам,
Сочли бы её лицо владыкой, не идолом.
А если монаху на востоке явилась бы,
Оставил бы он восток, пошёл бы на запад он.
А если бы в море вдруг солёное плюнула,
То стала б вода морская от слюны сладкою.

А другой сказал такие стихи:

Прекраснее месяца, глаза насурьмив, она,
Как лань, что поймала львят, расставивши сети,
Её осенила ночь в прекрасных кудрях её
Палаткою из волос, без колеб стоящей.
На розах щеки её огонь разжигается
Душою расплавленной влюблённых и сердцем,
Когда бы красавицы времён её видели,
То встали б и крикнули: «Пришедшая лучше!»

А как прекрасны слова кого-то из поэтов:

Три вещи мешают посетить нас красавице –
Страшны соглядатаи и злые завистники:
Сияние лба её, её украшений звон
И амбры прекрасной залах в складках одежд её.
Допустим, что лоб закрыть она б рукавом могла
И снять украшения, но как же ей с потом быть?

И эта девушка была подобна луне, когда она становится полной в четырнадцатую ночь, и было на ней синее платье и зеленое покрывало над блистающим лбом, и ошеломляла она умы и смущала обладателей разума...»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Восемьсот шестьдесят седьмая ночь

Когда же настала восемьсот шестьдесят седьмая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что садовник того сада привёл юношам девушку, о которой мы говорили, что она до предела красива, прелестна, стройна станом и соразмерна, и как будто о ней хотел сказать поэт:

Вот явилась в плаще она голубом к нам,
Он лазурным, как неба цвет, мне казался.
И, всмотревшись, увидел я в той же одежде
Месяц летний, сияющий зимней ночью.

А как прекрасны и превосходны слова другого:

Плащом закрывшись, пришла она. Я сказал: «Открой
Нам лицо твоё, светоносный месяц, блестящее».
Она молвила: «Я боюсь позора!» Сказал я: «Брось!
Переменами дней изменчивых не смущайся ты!»
Красоты покров подняла она с ланит своих,
И хрусталь закапал на яхонты горящие.
И решил коснуться устами я щеки её,
Чтоб тягаться с ней в день собрания мне не выпало
И чтоб первыми среди любящих оказались мы,
Кто на суд пришёл в воскресенья день к богу вышнему.
И тогда скажу я: «Продли расчёт и заставь стоять
Ты подольше нас, чтоб продлился взгляд на любимую!»

И юноша-садовник сказал девушке: «Знай, о владычица красавиц и всех блистающих звёзд, что мы пожевали твоего прихода в это место только для того, чтобы ты развлекала этого юношу, прекрасного чертами, господина моего Нур-ад-дина. И он не приходил к нам в это место раньше сегодняшнего дня». – «О, если бы ты мне сказал об этом раньше, чтобы я принесла то, что у меня есть!» – воскликнула девушка. «О госпожа, я схожу и принесу тебе это», – сказал садовник. И девушка молвила: «Делай как тебе вздумалось!» – «Дай мне что-нибудь, как знак», – сказал садовник. И девушка дала ему платок.

И тогда садовник быстро ушёл и отсутствовал некоторое время, а потом вернулся, неся зелёный мешок из гладкого шелка, с двумя золотыми подвесками. И девушка взяла мешок у садовника и развязала его и вытряхнула, и из него выпало тридцать два кусочка дерева, и девушка стала вкладывать кусочки один в другой, мужские в женские и женские в мужские, и, обнажив кисти рук, поставила дерево прямо, и превратилось оно в лютню, полированную,

натёртую, изделие индийцев. И девушка склонилась над ней, как мать склоняется над ребёнком, и пощекотала её пальцами руки, и лютня застонала, и зазвенела, и затосковала по прежним местам, и вспомнила она виды, что напоили её, и землю, на которой она выросла и воспиталась. И вспомнила она плотников, которые её вырубili, и лакировщиков, что покрыли её лаком, и купцов, которые её доставили, и корабли, что везли её, и возвысила голос, и закричала, и стала рыдать, и запричитала, и казалось, что девушка спросила её об этом, и она ответила языком обстоятельств, произнося такие стихи:

«Была прежде деревом, пристанищем соловьёв,
И ветви я с ними наклоняла свои в тоске.
Они на мне плакали, я плач их переняла,
И тайну мою тот плач теперь сделал явною.
Безвинно меня свалил на землю рубящий лес,
И сделал меня он лютней стройной, как видите.
Но только удар о струны пальцев вещает всем,
Что страстию я убита, ею пытаема.
И знай, из-за этого все гости застольные,
Услышав мой плач, пьянеют, в страсти безумствуют.
И вышний владыка их сердца умягчил ко мне,
И стали на высшие места возвышать меня,
Мой стан обнимает та, кто выше других красой,
Газель черноглазая с истомными взорами.
И пусть Аллах бдительный нас с нею не разлучит,
И пусть не живёт влюблённый, милых бросающий».

И потом девушка немного помолчала, и положила лютню на колени, и склонилась над ней, как мать склоняется над ребёнком. И потом она ударила по струнам на много ладов, и вернулась к первому ладу, и произнесла такие стихи:

«О, если б влюблённого, свернув, посетили,
То тяжесть с него любви они бы сложили.
И вот соловей в кустах с ним перекликается,
Как будто влюблённый он, а милый далеко.
Проснись же и встань – ведь ночь сближения лунная,
И мнится, в миг близости сияют нам зори,
Сегодня завистники небрежны, забыв о нас,
И струны к усладам нас с тобой призывают.
Не видишь ты, для любви здесь четверо собраны:
То роза и мирты цвет, гвоздика и ландыш.
Сегодня для радости собрались здесь четверо:
Влюблённый, прекрасный друг, динар и напиток.
Бери же ты счастье в жизни-радости ведь её
Исчезнут; останутся лишь слухи и вести».

И Нур-ад-дин, услышав от девушки эти стихи, посмотрел на неё оком любви и едва мог владеть своей душой от великой к пей склонности, и она тоже, так как она посмотрела на всех собравшихся сыновей купцов и на Нурад-дина и увидела, что он среди них – как луна среди звёзд, ибо он был мягок в словах, и изнежен, и совершенен по стройности, соразмерности, блеску и красоте – нежнее ветерка и мягче Таснима, и о нем сказаны такие стихи:

Поклянусь щекою и уст улыбкой прекрасных я,

И стрелами глаз, колдовством его оперёнными,
Нежной гибкостью и стрелою взоров клянусь его,
Белизной чела, чернотой волос поклянуся я,
И бровями, что прогоняют сон от очей моих,
И со мной жестоки в запретах и в повелениях;
Скорпионами, что с виска ползут, поклянусь его,
И спешат убить они любящих, разлучая с ним;
Розой щёк его и пушка я миртой клянусь вам,
И кораллом уст и жемчугом зубов его,
Стройной ветвью стана, плоды принёсшей прекрасные.
То гранат, взрастивший плоды свои на груди его.
Поклянусь я задом, дрожащим так, коль он движется,
Иль покоен он, и тонкостью боков его;
И одежды шёлком, и лёгким нравом клянусь его,
И всей красой, которой обладает он.
Веет мускусом от его дыханья прекраснейшим,
Благовонье ветра напоено ароматом тем,
И также солнце светящее не сравнится с ним,
И луна обрезком ногтей его нам кажется...»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Восемьсот шестьдесят восьмая ночь

Когда же настала восемьсот шестьдесят восьмая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что когда Нур-ад-дин слышал слова этой девушки и её стихи, ему понравилась их стройность (а он уже склонился от опьянения), и он начал восхвалять её, говоря:

«Лютнистка наклонилась к нам
Охмелела вдруг от вина она, —
И струны молвили её:
«Нам речь внушил Аллах, и он...»

И когда Нур-ад-дин проговорил эти слова и сказал свои нанизанные стихи, девушка посмотрела на него оком любви, и увеличилась её любовь и страсть к нему. Она удивилась его красоте, прелести, тонкости его стана и соразмерности и, не владея собой, ещё раз обняла лютню и произнесла такие стихи:

«Бранит он меня, когда на него смотрю я,
Бежит от меня, а дух мой в руках он «держит».
Он гонит меня, но что со мной-он знает,
Как будто Аллах поведал ему об этом.
Я лик его в ладони начертала
И взору: «Утешайся им!» — сказала:
Мой глаз ему замены не увидит,
И сердце мне не даст пред ним терпенья.
О сердце, из груди тебя я вырву!
Ведь ты завидуешь, как и другие!
И как скажу я сердцу: «О, утешься!»
К нему лишь одному стремится сердце».

А когда девушка произнесла эти стихи, Нур-ад-дин удивился красоте её стихотворения, красноречию её слов, нежности её выговора и ясности её языка, и ум его улетел от сильной страсти, тоски и любовного безумия. Он не мог терпеть без неё ни минуты и, наклонившись к ней, прижал её к груди, и она тоже бросилась к нему и вся оказалась близ него. Она поцеловала его между глаз, а он поцеловал её в уста, сжав сначала её стан, и начал играть с нею, целуясь, как клюются голубки. И девушка повернулась к нему и стала делать с ним то же, что он делал с нею, и присутствующие обезумели и поднялись на ноги, и Нур-ад-дин застыдился и снял с неё руку. А потом девушка взяла лютню и, ударив по струнам на много ладов, вернулась к первому ладу и произнесла такие стихи:

«Вот луна, что меч обнажает век, когда сердится,
А смотря, она над газелями издевается.
Вот владыка мой, чьи прелести – войска его,
И в сражении нам копье напомнит стан его.
Коль была бы нежность боков его в душе его,
Не обидел бы он влюблённого, не греюил бы он.
О жестокость сердца и бока нежность! Не можете ль
Поменяться местом-туда оттуда сдвинуться?
О хулитель мой, за любовь к нему будь прощающим!
Ведь тебе остаться с красой его, и погибнуть-мне!»

И Нур-ад-дин, услышав слова девушки и её дивно нанизанные стихи, наклонился к ней в восторге, и он не владел умом от сильного удивления. А потом он произнёс такие стихи:

«За солнце её я счёл-она мне привиделась,
Пожар её пламени пылает в душе моей.
Что стоит ей знак подать нам или нас приветствовать
Концами прекрасных пальцев и головой кивнуть?
Увидел он лик её блестящий, и молвил он,
Смущённый красой её, что выше красоты самой:
«Не это ли та, в кого влюблён так безумно ты?
Поистине, ты прощён!» И молвил я: «Это та,
Что бросила стрелы глаз в меня и не сжалилась
Над тем, как унижен я, и сломлен, и одинок».
И сделался я души лишённым, и я влюблён,
Рыдаю и плачу я весь день и всю ночь теперь».

И когда Нур-ад-дин окончил свои стихи, девушка удивилась его красноречию и тонкости и, взяв лютню, ударила по ней самыми лучшими движениями и снова перебрала все напевы, а потом она произнесла такие стихи:

«Твоего лица поклянусь я жизнью, о жизнь души, –
Я тебя не брошу, лишусь надежды или не лишусь!
Коль суров ты будешь, то призрак твой со мной сблизится,
А уйдёшь когда, развлечёт меня о тебе мечта.
О очей моих избегающий! Ведь знаешь ты,
Что не кто иной, лишь любовь к тебе, теперь мне друг,
Твои щеки – розы, слюна твоя – вина струя,
Не захочешь ли подарить мне их здесь в собрании?»

Нур-ад-дин пришёл от декламации девушки в величайший восторг и удивился ей

величайшим удивлением, а потом он ответил на её стихи такими стихами:

«Едва показала лик мне солнца она в ночи,
Как скрылся сейчас же полный месяц на небесах,
Едва лишь явила утра оку чело своё,
Сейчас же заря стала быстро бледнеть.
Заимствуй у токов слез моих непрерывность их,
Предание о любви ближайшим путём веди.
Нередко говаривал я той, что разит стрелой:
«Потише со стрелами – ведь в страхе душа моя».
И если потоки слез моих я произведу
От Нила, то страсть твоя исходит из Малака
Сказала: «Все деньги дай!» Ответил я ей: «Бери!»
Сказала: «И сон твой также!» Я ей: «Возьми из глаз!»

И когда девушка услышала слова Нур-ад-дина и его прекрасное изъяснение, её сердце улетело, и ум её был ошеломлён, и юноша завладел всем её сердцем. И она прижала его к груди и начала целовать его поцелуями, подобными клеванью голубков, и юноша тоже отвечал ей непрерывными поцелуями, но преимущество принадлежит начавшему прежде. А кончив целовать Нур-ад-дина» девушка взяла лютню и произнесла такие стихи:

«Горе, горе мне от упрёков вечных хулителя!
На него ль другим, иль ему на горе мне сетовать?
О покинувший! Я не думала, что придётся мне
Унижения выносить в любви, коль ты стал моим.
Ты жестоким был с одержимым страстью в любви его,
И открыла я всем хулителям, как унизилась.
Ведь вчера ещё порицала я за любовь к тебе,
А сегодня всех, кто испытан страстью, прощаю я.
И постигнет если беда меня от тебя вдали,
То, зовя Аллаха, тебя я кликну, о Али!»

А окончив своё стихотворение, девушка произнесла ещё такие два стиха:

«Влюблённые сказали: «Коль не даст он нам
Своей слюны напиться влагой сладостной,
Мы миров владыке помолимся», – ответит он»
И все о нем мы скажем вместе: «О Али!»

И Нур-ад-дин, услышав от этой девушки такие слова и нанизанные стихи, удивился красноречию её языка и поблагодарил её за изящество и разнообразие её речей, а девушка, когда услышала похвалы Нур-ад-дина, поднялась в тот же час и минуту на ноги и сняла с себя бывшие на ней одежды и украшения и, обнажившись от всего этого, села Нур-ад-дину на колени и стала целовать его между глаз и целовать родинки на его щеках. Она подарила ему все, что было на ней...»

И Шахразад застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Восемьсот шестьдесят девятая ночь

Когда же настала восемьсот шестьдесят девятая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что девушка подарила Нур-ад-дину все, что на ней было, и сказала: „Знай,

о возлюбленный моего сердца, что подарок – по сану дарящего“. И Нур-ад-дин принял от неё это и затем возвратил ей подарок обратно и стал её целовать в рот, щеки и в глаза, а когда это окончилось (вечен только живой, самосущий, наделяющий и павлина и сову!), Нур-ад-дин поднялся от своего места и встал на ноги, и девушка спросила его: „Куда, о мой господин?“ – „В дом моего отца“, – ответил Нур-ад-дин. И сыновья купцов стали заклинать его, чтобы он спал у них, но Нур-ад-дин отказался и, сев на своего мула, поехал и ехал до тех пор, пока не достиг дома своего отца.

И его мать поднялась для него и сказала: «О дитя моё, какова причина твоего отсутствия до этого времени? Клянусь Аллахом, ты расстроил меня и твоего отца своим отсутствием, и наше сердце было занято тобою!» И затем его мать подошла к нему, чтобы поцеловать его в рот, и почувствовала запах вина и воскликнула: «О дитя моё, как это, после молитвы и набожности, ты стал пить вино и ослушался того, в чьих руках творение и повеленье!» «И когда они разговаривали, вдруг пришёл его отец, и Нур-ад-дин бросился на постель и лёг. „Что это такое с Нур-ад-дином?“ – спросил его отец. И мать его сказала: „У него как будто заболела голова от воздуха в саду“. И тогда отец Нур-ад-дина подошёл к нему, чтобы спросить, что у него болит и поздороваться с ним, и почувствовал от него запах вина. А этот купец, по имени Таджад-дин, не любил тех, кто пьёт вино, и он сказал своему сыну: „Горе тебе, о дитя моё, разве твоя глупость дошла до того, что ты пьёшь вино!“ И, услышав слова своего отца, Нур-ад-дин поднял руку, будучи пьян, и ударил его, и, по предопределённому велению, удар пришёлся в правый глаз его отца, и он вытек ему на щеку, и отец Нурад-дина упал на землю, покрытый беспамятством, и пролежал без чувств некоторое время. И на него побрызгали розовой водой, и он очнулся от обморока и хотел побить Нур-ад-дина, но его мать удержала его. И Тадж-аддин поклялся разводом с его матерью, что, когда настанет утро, Нур-ад-дину обязательно отрубят правую руку.

И когда мать Пур-ад-дина услышала слова его отца, её грудь стеснилась, и она испугалась за сына. Она до тех пор уговаривала его отца и успокаивала его сердце, пока Тадж-ад-дина не одолел сон, и, подождав, пока взошла луна, она подошла к своему сыну (а его опьянение уже прошло) и сказала ему: «О Нур-ад-дин, что это за скверное дело ты сделал с твоим отцом?» – «А что я сделал с моим отцом?» – спросил Нур-ад-дин. И его мать сказала: «Ты ударил его рукой по правому глазу, и он вытек ему на щеку, и твой отец поклялся разводом, что, когда настанет утро, он обязательно отрубит тебе правую руку». И Нур-ад-дин стал раскаиваться в том, что из-за него произошло, когда не было ему от раскаянья пользы, и его мать сказала: «О дитя моё, это раскаянье тебе не поможет, и тебе следует сейчас же встать и бежать, ища спасения твоей души. Скрывайся, когда будешь выходить, пока не дойдёшь до кого-нибудь из твоих друзей, а там подожди и посмотри, что сделает Аллах. Он ведь изменяет одни обстоятельства за другими».

И потом мать Нур-ад-дина отперла сундук с деньгами и, вынув оттуда мешок, в котором было сто динаров, сказала сыну: «О дитя моё, возьми эти динары и помогай себе ими в том, что для тебя полезно, а когда они у тебя выйдут, о дитя моё, пришли письмо и уведоми меня, чтобы я прислала тебе другие. И когда будешь присылать мне письма, присылай сведения о себе тайно: может быть, Аллах определит тебе облегчение, и ты вернёшься в свой дом». И потом она простилась с Нур-ад-дином и заплакала сильным плачем, больше которого нет, а Нур-аддин взял у матери мешок с динарами и хотел уходить. И он увидел большой мешок, который его мать забыла возле сундука (а в нем была тысяча динаров), и взял его, и, привязав оба мешка к поясу, вышел из своего переулка. И он направился в сторону Булака, раньше чем взошла заря.

И когда наступило утро и люди поднялись, объявляя единым Аллаха, владыку открывающего, и все вышли туда, куда направлялись, чтобы раздобыть то, что уделил им Аллах, Нур-ад-дин уже достиг Булака. И он стал ходить по берегу реки и увидел корабль, с которого были спущены мостки, и люди спускались и поднимались по ним, а якорей у корабля было четыре, и они были вбиты в землю. И Нур-ад-дин увидел стоявших матросов и спросил их: «Куда вы едете?» – «В город Искандарию», – ответили матросы. «Возьмите меня

с собой», – сказал Нур-ад-дин. И матросы ответили: «Приют, уют и простор тебе, о юноша, о красавец!» И тогда Нур-ад-дин в тот же час и минуту поднялся и пошёл на рынок и купил то, что ему было нужно из припасов, ковров и покрывал, и вернулся на корабль, а корабль был уже снаряжён к отплытию.

И когда Нур-ад-дин взошёл на корабль, корабль простоял с ним лишь недолго и в тот же час и минуту поплыл, и этот корабль плыл до тех пор, пока не достиг города Рушейда. И когда туда прибыли, Нур-ад-дин увидел маленькую лодку, которая шла в Искандарию, и сел в неё и, пересекши пролив, ехал до тех пор, пока не достиг моста, называемого мост Джамии. И Нур-ад-дин вышел из лодки и вошёл через ворота, называемые Ворота Лотоса, и Аллах оказал ему покровительство, и не увидел его никто из стоявших у ворот. И Нур-ад-дин шёл до тех пор, пока не вошёл в город Искандарию...

И Шахразад застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Ночь, дополняющая до восьмисот семидесяти

Когда же настала ночь, дополняющая до восьмисот семидесяти, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что Нур-ад-дин вошёл в город Искандарию и увидел, что это город с крепкими стенами и прекрасными местами для прогулок. И он услаждает обитателей и внушает желание в нем поселиться, и ушло от него время зимы с её холодом, и пришло время весны с её розами; цветы в городе расцвели, деревья покрылись листьями, плоды в нем дозрели и каналы стали полноводны. И это город, прекрасно построенный и расположенный, и жители его – солдаты из лучших людей. Когда запираются его ворота, обитатели его в безопасности, и о нем сказаны такие стихи:

Сказал однажды я другу,
Чьи речи красноречивы:
«Искандарию опишешь?»
Он молвил: «Дивная крепость!»
Спросил я: «Прожить в ней можно ль?»
Он молвил: «Коль дует ветер»,
И сказал кто-то из поэтов:
Искандария – вот крепость,
Где воды так нежны вкусом.

Прекрасна в ней близость милых, Коль вороны не напали, И Нур-ад-дин пошёл по этому городу и шёл до тех пор, пока не пришёл на рынок столяров, а потом пошёл на рынок мянел, потом – на рынок торговцев сухими плодами, потом – на рынок фруктовщиков, потом – на рынок москательщиков, и он все дивился этому городу, ибо качества его соответствовали его имени.

И когда он шёл по рынку москательщиков, вдруг один человек, старый годами, вышел из своей лавки и, пожелав Нур-ад-дину мира, взял его за руку и пошёл с ним в своё жилище. И Нур-ад-дин увидал красивый переулок, подметённый и политый, и веял в нем ветер, и был приятен, и осеняли его листья деревьев. В этом переулке было три дома, и в начале его стоял дом, устои которого утвердились в воде, а стены возвысились до облаков небесных, и подмели двор перед этим домом, и полили его, и вдыхали запах цветов те, кто подходил к нему, и встречал их ветерок, точно из садов блаженства, и начало этого переулка было выметено и полито, а конец – выложен мрамором.

И старец вошёл с Нур-ад-дином в этот дом и предложил ему кое-чего съестного, и они стали есть, и когда Нур-ад-дин покончил с едой, старец спросил его: «Когда было прибытие из города Каира в этот город?» – «О батюшка, сегодня ночью», – ответил Нур-ад-дин. «Как твоё имя?» – спросил старец. И Нур-ад-дин ответил: «Али Нурад-дин». И тогда старец

воскликнул: «О дитя моё, о Нурад-дин, тройной развод для меня обязателен! Пока ты Оудешь находиться в этом городе, не расставайся со мной, и я отведу тебе помещение, в котором ты будешь жить». – «О господин мой шейх, увеличь моё знакомство с тобой», – сказал Нур-ад-дин. И старец молвил: «О дитя моё, знай, что я в каком-то году пришёл в Каир с товарами и продал их там и купил других товаров. И мне понадобилась тысяча динаров и их отвесил за меня твой отец Тадж-ад-дин, не зная меня, и он не написал о них свидетельства, и ждал этих денег, пока я не вернулся в этот город и не отослал их ему с одним из моих слуг, и с ними подарок. Я видел тебя, когда ты был маленький, и если захочет великий Аллах, я отчасти воздам тебе за то, что твой отец для меня сделал».

И когда Нур-ад-дин услышал эти слова, он проявил радость и улыбнулся и, вынув мешок, в котором была тысяча динаров, подал его старику и сказал: «Возьми их к себе на хранение, пока я не куплю на них каких-нибудь товаров, чтобы торговать ими».

И потом Нур-ад-дин провёл в городе Искандарии несколько дней, и он каждый день гулял по какой-нибудь улице, ел, пил, наслаждался и веселился, пока не вышла сотня динаров, которую он имел при себе на расходы. И он пошёл к старику москательщику, чтобы взять у него сколько-нибудь из тысячи динаров и истратить их, и не нашёл его в лавке, и тогда он сел в лавке, ожидая, пока старик вернётся. И он начал смотреть на купцов и поглядывал направо и налево.

И когда он так сидел, вдруг приехал на рынок персиянин, который сидел верхом на муле, а сзади него сидела девушка, похожая на чистое серебро, или на палтус в водоёме, или на газель в пустыне. Её лицо смущало сияющее солнце, и глаза её чаровали, а грудь походила на слоновую кость; у неё были жемчужные зубы, втянутый живот и ноги, как концы курдюка, и была она совершенна по красоте, прелести, тонкости стана и соразмерности, как сказал о ней кто-то:

И будто сотворена она, как желал бы ты, –
В сиянье красы-не длинной и не короткою.
Краснеет в смущенье роза из-за щеки её,
И ветви смущает стан с плодами расцветшими.
Как месяц, лицо её, как мускус, дыхание,
Как ветвь, её стан, и нет ей равной среди людей.
И кажется, вымыта жемчужной водой она,
И в каждом из её членов блещет луна красы.

И персиянин сошёл с мула и свёл на землю девушку, а потом он кликнул посредника и, когда тот предстал перед ним, сказал ему: «Возьми эту девушку и покричи о ней на рынке». И посредник взял девушку и вывел её на середину рынка. Он скрылся на некоторое время и вернулся, неся скамеечку из чёрного дерева, украшенную белой слоновой костью, и поставил скамеечку на землю, и посадил на неё девушку, а потом он поднял покрывало с её лица, и явилось из-под него лицо, подобное дейлемскому щиту или яркой звезде, и была эта девушка подобна луне, когда она становится полной в четырнадцатую ночь, и обладала пределом блестящей красоты, как сказал о ней поэт:

Соперничал с ней красою месяц по глупости
Пристыженный он ушёл, от гнева расколотый.
А дерево бана, коль со станом сравнять её,
Пусть руки погибнут той, кто будет дрова носить!

А как хороши слова поэта:

Скажи прекрасной в покрывале с золотом:
«Что ты сделала с мужем праведным и набожным?»

Покрывала блеск и лица сиянье, им скрытого,
Обратили в бегство войска ночей своей яркостью.
И пришёл когда мой неслышно взор, чтобы взгляд украсть,
Метнули стражи ланит её звездой в него.

И посредник спросил купцов: «Сколько вы дадите за жемчужину водолаза и за газель, ускользнувшую от ловца?» И один из купцов сказал: «Она моя за сто динаров!» А другой сказал: «За двести динаров». А третий сказал: «За триста динаров». И купцы до тех пор пабавляли цену за эту девушку, пока не довели её до девятисот и пятидесяти, и продажа задерживалась только из-за предложения и согласия...»⁶²⁸

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Восемьсот семьдесят первая ночь

Когда же настала восемьсот семьдесят первая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что купцы набавляли за девушку, пока её цена не дошла до девятисот пятидесяти динаров.

И тогда посредник подошёл к персиянину, её господину, и сказал ему: «Цена за твою невольницу дошла до девятисот пятидесяти динаров. Продашь ли ты её, а мы получим для тебя деньги?» – «А девушка согласна на это? – спросил персиянин. – Мне хочется её уважить, так как я заболел во время этого путешествия, и девушка прислуживала мне наилучшим образом. Я поклялся, что продам её лишь тому, кому она захочет и пожелает, и оставлю её продажу в её руках. Спроси же её, и если она скажет: „Согласна“, продай её кому она пожелает, а если скажет: „Нет“, не продавай.

И посредник подошёл к девушке и сказал: «О влады» чица красавиц, знай, что твой господин оставил дело продажи в твоих руках, а цена за тебя дошла до девятисот пятидесяти динаров; позволишь ли ты мне тебя продать?» – «Покажи мне того, кто хочет меня купить, прежде чем заключать сделку», – сказала девушка посреднику. И тот подвёл её к одному из купцов, и был это старик, престарелый и дряхлый.

И девушка смотрела на него некоторое время, а потом обернулась к посреднику и сказала: «О посредник, что ты – бесноватый или твой разум поражён?» – «Почему, о владычица красавиц, ты говоришь мне такие слова?» – спросил посредник. И девушка воскликнула: «Разве дозволяет тебе Аллах продать меня этому дряхлому старику, о жене которого сказаны такие стихи:

Она говорит, сердясь в изнеженности своей
(А раньше звала меня к тому, что не вышло):
«Не можешь когда сойтись со мною, как муж с женой,
Тогда не брани меня, коль станешь рогатым.
И кажется мне твой айр по мягкости восковым,
И как я ни тру его рукою, он гнётся».

И сказано ещё об его айре:

Спит мой айр (как презрен он и несчастен!)
Всякий раз как сойтись хочу я с любимым.

⁶²⁸ По мусульманскому закону торговая сделка считается совершившейся лишь в том случае, если продавец и покупатель в присутствии свидетелей словесно выразили намерение – первый продать товар, а второй – купить его. Сговорившись с покупателем о цене, продавец говорит: «Я продал тебе», после чего он уже не может отказаться от продажи и обязан уступить вещь за предложенную цену.

А когда я один сижу в моем доме,
Ищет айр мой сражения, ищет боя.

И сказано ещё об этом айре:

Мой айр – нехороший, он очень жесток,
И мирно встречает он чтящих его.
Как сплю, он встаёт, а как встану, он спит.
Аллах, не помилуй того, кто с ним добр!»

И когда старшина купцов услышал от девушки эту безобразную насмешку, он разгневался великим гневом, больше которого нет, и сказал посреднику: «О сквернейший из посредников, ты привёл к нам на рынок злосчастную невольницу, которая дерзит мне и высмеивает меня среди купцов!» И тогда посредник взял девушку, и ушёл от него, и сказал девушке: «О госпожа, не будь невежливой: старик, которого ты высмеяла, – старшина рынка и надсмотрщик за ценами⁶²⁹, и купцы советуются с ним». И девушка засмеялась и произнесла такие стихи:

«Всем судьям в век наш следует истинно –
И это судьям всем обязательно –
Повесить вали на воротах его
И плёткою надсмотрщика выпороть».

И потом девушка сказала посреднику: «Клянусь Аллахом, я не буду продана этому старику, продавай меня другому! Может быть, ему сделается передо мной стыдно, и он продаст меня ещё кому-нибудь, и я стану работницей, а мне не подобает мучить себя работой, раз я узнала, что решать с моей продажей предоставлено мне». И посредник ответил ей: «Слушаю и повинуюсь!» И он пошёл с нею к одному человеку из больших купцов и, дойдя до этого человека, сказал ей: «О госпожа, продать мне тебя этому моему господину, Шериф-ад-дину, за девятьсот пятьдесят динаров?»

И девушка посмотрела на него и увидела, что это старик, но борода у него крашеная, и сказала посреднику: «Бесноватый ты, что ли, или твой разум повреждён, что ты продаёшь меня этому умирающему старику? Что я – очёсок пакли или обрывок лохмотьев, что ты водишь меня от одного старика к другому, и оба они подобны стене, грозящей свалиться, или ифриту, сражённому падающей звездой. Что касается первого, то язык обстоятельств говорит словами того, кто сказал:

Хотел я поцеловать в уста, но промолвила:
«О нет, я клянусь творцом всех тварей из ничего,
Охоты у меня нет до белых твоих седин».
Ужели при жизни мне набьют уже хлопком рот?

А как прекрасны слова поэта:

Сказали: «Белизна волос – блестящий свет,
Величием и блеском лик покроет»,
Но вот покрыла седина мне голову,
И я хотел бы не лишиться мрака.

⁶²⁹ Надсмотрщик за ценами (по-арабски – «мухтасиб») должен был следить за соблюдением законов ислама в торговой и общественной жизни.

И когда б была борода седого страницю
Грехов его, все ж он белой бы не выбрал.

Но ещё лучше слова другого:

Вот гость к голове моей явился – бесстыдный гость,
И лучше меча поступки, если он явится.
Уйди, с белизной твоей, в которой нет белизны,
Ты чёрен в глазах моих от многих твоих обид!

А что до другого, то он человек порочный и сомнительный и чернит лик седины. Покрасив седину, он совершил сквернейшее преступление, и сказал о нем язык его обстоятельств такие стихи:

Сказала: «Ты седину покрасил!» Ответил я:
«Её от тебя хотел я скрыть, о мой слух и взор!»
Она засмеялась и сказала: «Вот диво то!
Подделка умножилась, проникла и в волосы».

А как хороши слова поэта:

О ты, что красишь чёрным седину свою,
Чтобы молодость тебе вновь досталась на долгий срок,
Покрась ты их лишь раз моею участью –
Ручаюсь я, что краска не сойдёт, тебе».

И когда старик, выкрасивший себе бороду, услышал от девушки такие слова, он разгневался великим гневом, больше которого нет, и сказал посреднику: «О сквернейший из посредников, ты привёл сегодня к нам на рынок глупую невольницу, которая объявляет дураками всех, кто есть на рынке, одного за другим, и осмеивает их стихами и пустыми словами!» И потом этот купец вышел из своей лавки и ударил посредника по лицу. И посредник взял девушку и пошёл с нею обратно, рассерженный, и воскликнул: «Клянусь Аллахом, я в жизни не видел невольницы более бесстыдной, чем ты! Ты сегодня обрезала мой достаток и свой достаток, и возненавидели меня из-за тебя все купцы!»

И их увидел на дороге один купец и прибавил за девушку десять динаров (а звали этого купца Шихаб-аддин), и посредник попросил у девушки разрешения продать её, и она сказала: «Покажи мне его, я на него посмотрю и спрошу его про одну вещь. Если эта вещь есть у него в доме, – я продамса ему, а если нет, то – нет». И посредник оставил её и, подойдя к купцу, сказал ему: «О господин мой Шихаб-ад-дин, знай, что эта невольница сказала мне, что она тебя спросит об одной вещи, и если эта вещь у тебя есть, девушка будет тебе продана. Ты слышал, что она говорила купцам, твоим товарищам...»

И Шахразад устроил, и она прекратила дозволенные речи.

Восемьсот семьдесят вторая ночь

Когда же настала восемьсот семьдесят вторая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что посредник сказал купцу: «Ты слышал, что говорила эта девушка твоим товарищам купцам.

Клянусь Аллахом, я боюсь, что, когда я приведу её к тебе, она сделает с тобою то же, что она сделала с твоими соседями, и я буду перед тобой опозорен. Если ты мне позволишь подвести к тебе девушку, я её к тебе подведу». – «Подведи её ко мне», – сказал купец. И

посредник ответил: «Слушаю и повинуюсь!» – и пошёл и подвёл девушку к купцу. И девушка взглянула на него и сказала: «О господин мой Шихаб-дин, есть у тебя в доме подушки, набитые кусочками беличьего меха?» – «Да, о владычица красавиц, у меня в доме десять подушек, набитых кусочками беличьего меха, – ответил купец. – Заклинаю тебя Аллахом, что ты будешь делать с этими подушками?» – «Я подожду, пока ты заснёшь, и положу их тебе на рот и на нос, чтобы ты умер», – ответила девушка.

А потом она обернулась к посреднику и сказала ему: «О гнуснейший из посредников, похоже, что ты бесноватый! Ты только что предлагал меня двум старикам, у каждого из которых по два порока, а после этого предлагаешь меня моему господину Шихаб-ад-дину, у которого три порока: во-первых, он коротенький, во-вторых, у него большой нос, а в-третьих, у него длинная борода. И кто-то из поэтов сказал о ней:

Не видали, не слышали о подобном
Человеке среди тварей всех мы ни разу.
Борода его длинная – длиной в локоть,
Нос – тот в четверть, а ростом он будет с палец.

А кто-то из поэтов сказал также:

Лицо его – торчит на нем минарет,
По тонкости – мизинец он под кольцом.
А если бы вошли к нему люди в нос,
Весь мир остался бы тогда без людей».

И когда купец Шихаб-ад-дин услышал от девушки такие речи, он вышел из своей лавки и, схватив посредника за ворот, воскликнул: «О злосчастнейший из посредников, как это ты приводишь к нам невольницу, которая нас поносит и высмеивает, одного за другим, стихами и вздорными речами!» И посредник взял девушку и ушёл от купца, говоря: «Клянусь Аллахом, я всю жизнь занимаюсь этим ремеслом, но не видел невольницы менее вежливой, чем ты, и звезды для меня несчастнее, чем твоя звезда. Ты прервала мой надел на сегодняшний день, и я ничего не нажил через тебя, кроме ударов по затылку и хватанья за ворот!»

И потом посредник опять остановился с девушкой около одного купца, обладателя рабов и невольников, и спросил: «Продавать ли тебя этому купцу, Сиди-Ала-аддину?» И девушка посмотрела на него и увидела, что он горбатый. «Это горбун! – сказала она, – и поэт сказал о нем:

Его плечи малы, зато длинны позвонки его:
Он похож на черта, когда звезду вдруг видит он,
Или первую получил он плётку и чувствует,
Что вторая тут, и как будто бы удивляется.

И сказал о нем также кто-то из поэтов:

На мула влез один из вас; стал он
В глазах людей образчиком сразу.
От смеха весь он согнут; не диво,
Что мул под ним шарахнулся в страхе.

Или, как сказал о нем кто-то из поэтов:

Горбуны ведь есть, что ещё дурней с горбом своим,

И очи всех плюют на них с презрением,
Точно ветвь они, что высохла, скривилась вся,
И гнёт её от долгих дней лимонов вес».

И тут посредник поспешил к девушке, и взял её, и подвёл к другому купцу, и спросил: «Продать ли тебя этому?» И девушка посмотрела на купца и увидела, что у него гноятся глаза, и воскликнула: «Он с гнойливыми глазами! Как ты продаёшь меня ему, когда сказал кто-то из поэтов:

Трахома в нем! Болезнь его
Убьёт до смерти силы в нем.
О люди, посмотрите же
На эту грязь в глазу его!»

И тогда посредник взял девушку, и подошёл с ней к другому купцу, и спросил её: «Продать ли тебя этому?» И девушка посмотрела на него и увидела, что у него большая борода. «Горе тебе! – сказала она посреднику, – этот человек – баран, но хвост вырос у него на горле! Как же ты продаёшь меня ему, о элосчастнейший из посредников! Разве ты не слышал, что все длиннобородые малоумны, и насколько длинна борода, настолько недостаёт ума. Это дело известное среди разумных, как сказал один из поэтов:

Коль бороду имеет муж длинную,
Сильней тогда к нему уважение.
Но только вот-убавился ум его
Настолько же, насколько длинна она.

А также сказал о нем ещё один из поэтов:

Есть друг у нас, Аллах его бороду
Без пользы нам в длину и в ширь вытянул:
И зимнюю напомним нам ночь она,
Холодная, претемная, длинная!»

И тогда посредник взял девушку и пошёл обратно, и она спросила его: «Куда ты со мной направляешься?» – «К твоему господину – персиянину, – ответил посредник. – Достаточно с нас того, что с нами сегодня из-за тебя случилось. Ты была причиной отсутствия дохода для меня и для него своей малой вежливостью».

И невольница посмотрела на рынок и взглянула направо, налево, и назад, и вперёд, и её взгляд, по предопределённому велению, упал на Нур-ад-дина Али каирского. И увидела она, что это красивый юноша с чистыми щеками и стройным станом, сын четырнадцати лет, редкостно красивый, прекрасный, изящный и изнеженный, подобный луне, когда она становится полной в ночь четырнадцатую, – с блестящим лбом, румяными щеками, шеей, точно мрамор, и зубами, как жемчуга, а слюна его была слаще сахара, как сказал о нем кто-то:

Пришли, чтоб напомним нам красу его дивную
Газели и луны, и я молвил: «Постойте же!
Потише, газели, тише, не подражайте вы
Ему! Погоди, луна, напрасно ты не трудись!»

А как хороши слова кого-то из поэтов:

О, как строен он! От волос его и чела его
И свет и мрак на всех людей нисходит.
Не хулите же точку родинки на щеке его –
Анемоны все точку чёрную имеют.

И когда девушка посмотрела на Нур-ад-дина, преграда встала меж нею и её умом, и юноша поразил в её душе великое место. Любовь к нему привязалась к её сердцу...»
И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Восемьсот семьдесят третья ночь

Когда же настала восемьсот семьдесят третья ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что когда девушка увидела Али Нур-ад-дина, любовь к нему привязалась к её сердцу. И она обернулась к посреднику и спросила его: „Разве этот юноша – купец, что сидит среди купцов и одет в фарджию из полосатого сукна, не прибавил к цене за меня ничего?“ И посредник ответил: „О владычица красавиц, этот юноша – чужеземец, каирец. Его отец – один из больших каирских купцов, и у него преимущество перед всеми тамошними купцами и вельможами, а юноша находится в нашем городе малый срок, и он живёт у одного из друзей своего отца. Он не говорил насчёт тебя ни о прибавке, ни об убавке“.

И когда невольница услышала слова посредника, она сняла со своего пальца дорогой перстень с яхонтом и сказала посреднику: «Подведи меня к этому прекрасному юноше – если он меня купит, этот перстень будет тебе За твоё утомление в сегодняшний день». И посредник обрадовался и пошёл с нею к Нур-ад-дину, и когда невольница оказалась подле юноши, она всмотрелась в него и увидела, что он подобен полной луне, так как он был изящен в красоте, строен станом и соразмерен, как сказал о нем кто-то:

Чиста вода красы на его лице,
Из глаз его летят, разя нас, стрелы.
И давится влюблённый, даст копь выпить
Разлуки горечь он, – сладка ведь близость.
Моя любовь, и лоб, и стан красавца –
Прекрасное в прекрасном и в прекрасном.
Поистине, одежд его и платья
На шее месяца сошлись застёжки.
Его глаза, и родинки, и слезы
Мои-то ночи в яочи, среди ночи.
А бровь его, и лок его, и тело
Моё – то месяц с месяцем и месяц.
Его глаза обходят с кубком винным
Влюблённых, – копь пройдёт, он мне дозволен.
Даёт он мне напиться влаги хладной
Улыбкой уст, в день радостный сближенья.
Убить меня и кровь пролить он может
Знойно, и законно, и законно.

Потом девушка посмотрела на Нур-ад-дина и сказала ему: «О господин мой, заклинаю тебя Аллахом, разве я не красива?» И Нур-ад-дин ответил: «О владычица красавиц, а разве есть в дольном мире кто-нибудь лучше тебя?» – «Почему же ты видел, что все купцы набавляют за меня цену, а сам молчал и ничего не сказал и не прибавил за меня ни одного динара, как будто я тебе не понравилась, о господин?» – сказала девушка. И Нур-аддин

молвил: «О госпожа, если бы я был в моем городе, я бы купил тебя за все деньги, которыми владеют мои руки». – «О господин, – сказала девушка, – я не говорила тебе: „Купи меня против твоего желания“. Но если бы ты прибавил за меня что-нибудь, ты бы залечил моё сердце, даже если бы и не купил меня, потому что купцы бы сказали: „Не будь эта девушка красивой, этот каирский купец не прибавил бы за неё, так как жители Каира сведущи в невольницах“.

И Нур-ад-дину стало стыдно из-за слов, которые сказала девушка, и его лицо покраснело. «До чего дошла цена за эту девушку?» – спросил он посредника. И тот ответил: «Цена за неё дошла до девятисот пятидесяти динаров, кроме платы за посредничество, а что касается доли султана⁶³⁰, то она с продающего». – «Пусть невольница будет моя за цену в тысячу динаров, вместе с платой за посредничество», – сказал посреднику Нур-ад-дин. И девушка поспешно отошла от посредника и сказала: «Я продала себя этому красивому юноше за тысячу динаров!» И Нур-ад-дин промолчал, и кто-то сказал: «Мы ему её продали». И другой сказал: «Он достоин!» И кто-то воскликнул: «Проклятый! Сын проклятого тот, кто набавляет цену и не покупает!» А ещё один сказал: «Клянусь Аллахом, они подходят друг к другу!»

И не успел Нур-ад-дин опомниться, как посредник привёл судей и свидетелей и написали на бумажке условие о купле и продаже, и посредник подал его Нур-аддину и сказал: «Получай свою невольницу! Да сделает её Аллах для тебя благословенной! Она подходит только для тебя, а ты подходишь только для неё». И посредник произнёс такие два стиха:

«Пришла сама радость послушно к нему,
Подол волоча в унижении своём.
Подходит она для него одного,
И он для неё лишь подходит одной».

И Нур-ад-дину стало стыдно перед купцами, и он в тот же час и минуту поднялся и отвесил тысячу динаров, которую он положил на хранение у москательщика, друга его отца, а потом он взял невольницу и привёл её в дом, куда поселил его старик москательщик. И когда девушка вошла в дом, она увидела там дырявый ковёр и старый кожаный коврик и воскликнула: «О господин мой, разве я не имею у тебя сана и не заслуживаю, чтобы ты привёл меня в свой главный дом, где стоят твои вещи? Почему ты не отвёл меня к твоему отцу?» – «Клянусь Аллахом, о владычица красавиц, – ответил Нур-ад-дин, – это мой дом, в котором я живу, но он принадлежит старику москательщику, из жителей этого города, и москательщик освободил его для меня и поселил меня в нем. Я же сказал тебе, что я чужеземец и что я из сыновей города Каира». – «О господин мой, – отвечала невольница, – самого маленького дома будет достаточно до тех пор, пока ты не вернёшься в свой город. Но заклинаю тебя Аллахом, о господин мой, поднимись и принеси нам немного жареного мяса, вина и плодов, сухих и свежих». – «Клянусь Аллахом, о владычица красавиц, – ответил Нур-ад-дин, – у меня не было других денег, кроме той тысячи динаров, которую я отвесил в уплату за тебя, и я не владею ничем, кроме этих динаров. Было у меня ещё несколько дирхемов, но я истратил их вчера». – «Нет ли у тебя в этом городе друга, у которого ты бы занял пятьдесят дирхемов? Принеси их мне, а я тебе скажу, что с ними делать», – молвила девушка. «Нет у меня друга, кроме москательщика», – ответил Нур-ад-дин.

И затем он тотчас же пошёл, и отправился к москательщику, и сказал ему: «Мир с тобою, о дядюшка!» И москательщик ответил на его приветствие и спросил: «О дитя моё, что ты сегодня купил на твою тысячу динаров?» – «Я купил на неё невольницу», – ответил

⁶³⁰ Долей султана называется налог на торговые сделки, поступавший в непосредственное распоряжение султана.

Нурад-дин. «О дитя моё, – воскликнул москательщик, – разве ты бесноватый, что покупаешь одну невольницу за тысячу динаров? О, если бы мне знать, какой породы эта невольница!» – «О дядюшка, – это невольница из дочерей франков», – ответил Нур-ад-дин...»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Восемьсот семьдесят четвёртая ночь

Когда же настала восемьсот семьдесят четвёртая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что Нур-ад-дин сказал старику москательщику: „Это невольница из дочерей франков“. И старец молвил: „Знай, о дитя моё, что лучшей из дочерей франков цена у нас, в нашем городе, сто динаров. Но клянусь Аллахом, о дитя моё, над тобой устроили хитрость с этой невольницей. Если ты её полюбил, проспи подле неё сегодняшнюю ночь и удовлетвори с нею своё желание, а утром отведи её на рынок и продай, хотя бы тебе пришлось потерять на этом двести динаров. Считай, что ты потерпел кораблекрушение в море или что на тебя напали воры в дороге“. – „Твои слова правильны, – ответил Нур-ад-дин. – Но ты знаешь, о дядюшка, что со мной ничего не было, кроме тысячи динаров, на которые я купил эту невольницу, и у меня ничего не осталось на расходы, ни одного дирхема. Я хочу от тебя милости и благодеяния, – одолжи мне пятьдесят дирхемов. Я буду расходовать их до завтра, а завтра я продам невольницу и верну их тебе из платы за неё“. – „Я дам их тебе, о дитя моё, на голове!“ – ответил старик.

И потом он отвесил Нур-ад-дину пятьдесят дирхемов и сказал: «О дитя моё, ты – юноша молодой годами, а эта невольница – красивая, и, может быть, твоё сердце привязалось к ней и тебе нелегко её продать. У тебя ничего нет на расходы, и эти пятьдесят дирхемов кончатся, и ты придёшь ко мне, и я дам тебе займы в первый раз, и во второй раз, и в третий раз, до десяти раз, а если ты придёшь ко мне после этого, я не отвечу тебе на законное приветствие, и пропадёт наша дружба с твоим отцом». И затем старик дал ему пятьдесят дирхемов, и Нурад-дин взял их и принёс невольнице, и та сказала: «О господин мой, пойди сейчас же на рынок и принеси нам на двадцать дирхемов цветного шёлку пяти цветов, а на остальные тридцать дирхемов принеси нам мяса, плодов, вина и цветов».

И Нур-ад-дин отправился на рынок, и купил все, что потребовала невольница, и принёс это к ней, и девушка в тот же час и минуту поднялась, и, засучив рукава, состряпала кушанье и приготовила его самым лучшим образом, а потом она подала кушанье Нур-ад-дину, и он стал есть, и она ела с ним, пока оба не насытились. Потом она подала вино и начала пить с ним, и она до тех пор поила и развлекала Нур-ад-дина, пока тот не опьянел и не заснул. И тогда девушка в тот же час и минуту поднялась, и, вынув из своего узла мешок из таифской кожи, развязала его, и вынула из него два гвоздя, и потом она села, и принялась за работу и работала, пока не кончила, и шёлк превратился в красивый зуннар⁶³¹. И девушка завернула зуннар в тряпицу, сначала почистив его и придав ему блеск, и положила его под подушку.

А потом она поднялась, оголилась и легла рядом с Нур-ад-дином. Она начала его растирать, и он пробудился от сна и увидел подле себя девушку, подобную чистому серебру, мягче шелка и свежее курдюка. Она была Заметнее, чем знамя, и лучше красных верблюдов – в пять пядей ростом, с высокой грудью, бровями точно луки для стрел и глазами, как глаза газелей. Щеки её были точно анемоны, живот у неё был втянутый и со складками, пупок её вмещал унцию орехового масла, и бедра походили на подушки, набитые перьями страусов, а между ними была вещь, которую бессилён описать язык, и при упоминании её изливаются слезы. И как будто имел в виду поэт, говоря такие стихи:

⁶³¹ Зуннар – род пояса, неременная принадлежность одежды христианских монахов. В разговорном арабском языке этим словом обозначается всякий пояс вообще.

И ночь – из её волос, заря – из её чела,
И роза – с её щеки, вино – из её слюны.
Сближение с ней – приют, разлука же с ней – огонь.
В устах её – жемчуга, на лице её – лупа.

А как прекрасны слова кого-то из поэтов:

Являет луну и гнётся она, как ива,
И пахнет амброй и глядит газелью.
И мнится, грусть влюбилась в моё сердце
И в час разлуки с ней вкушает близость.
Её лицо Плеяды затмевает,
И лба сиянье затмевает месяц.

А кто-то из поэтов сказал также:

Открылись они луной, явились нам месяцем,
Как ветви качаются, как лани глядят на нас.
И есть насурьмлённые средь них, столь прекрасные,
Что прахом под ними быть Плеяды хотели бы.

И Нур-ад-дин в тот же час и минуту повернулся к девушке, и прижал её к своей груди, и стал сосать её верхнюю губу, пососав сначала нижнюю, а затем он метнул язык между её губ и поднялся к ней, и нашёл он, что эта девушка – жемчужина несверленная и верблюдница, другим не объезженная. И он уничтожил её девственность и достиг единения с нею, и завязалась меж ними любовь неразрывная и бесконечная. И осыпал он щеки её поцелуями, точно камешками, что падают в воду, и пронзал её словно разя копьём при набеге врассыпную, ибо Нурад-дин любил обнимать черноглазых, сосать уста, распускать волосы, сжимать в объятиях стан, кусать щеки и сидеть на груди, с движениями каирскими, заигрываниями йеменскими, вскрикиваниями абиссинскими, истомой индийской и похотью нубийской, жалобами деревенскими, стонами дамиеттскими, жаром саидийским и томностью александрийской. А девушка соединяла в себе все Эти качества вместе с избыточной красотой и изнеженностью, и сказал о ней поэт:

Вот та, кого целый век забыть я стремился,
Но все ж не склонялся к тем, кто не был к ней близок,
Подобна она луне во всем своём облике,
Прославлен её творец, прославлен создатель!
И если свершил я грех великий, любя её,
То нет на раскаянье мне больше надежды.
Бессонным из-за неё, печальным, больным я стал,
И сердце смущённое о ней размышляет.
Сказала она мне стих (а знает его лишь тот,
Кто рифмы передаёт и доблестен в этом):
«Известна ведь страсть лишь тем, кто сам испытал её,
И знает любовь лишь тот, кто сам с ней боролся».

И Нур-ад-дин с девушкой провели ночь до утра в наслаждении и радости...»
И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Когда же настала восемьсот семьдесят пятая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что Нур-ад-дин с девушкой провели ночь до утра в наслаждении и радости, одетые в одежды объятий с крепкими застёжками, в безопасности от бедствий ночи и дня, и спали они в наилучшем состоянии, не боясь при сближении долгих толков и разговоров, как сказал о них поэт превосходный:

Посещай любимых, и пусть бранят завистники –
Ведь против страсти помочь не может завистливый.
И Аллах не создал прекраснее в мире зрелища,
Чем влюблённые, что в одной постели лежат вдвоём.
Обнялись они, и покров согласия объемлет их,
А подушку им заменяют плечи и кисти рук.
И когда сердца заключат с любовью союз навек,
По холодному люди бьют железу, узнай, тогда.
О хулящие за любовь влюблённых, возможно ли
Поправление тех, у кого душа испорчена?
И когда дружит хоть один с тобой – он прекрасный друг.
Проводи же жизнь ты с подобным другом и счастлив будь!

А когда наступило утро и засияло светом и заблестало, Нур-ад-дин пробудился от сна и увидел, что девушка уже принесла воду. И они с девушкой умылись, и Нур-ад-дин совершил надлежащие молитвы своему господу, и затем девушка принесла ему то, что было под рукой из съестного и напитков, и Нур-ад-дин поел и попил. А после этого невольница сунула руку под подушку и вытащила зуннар, который она сделала ночью, и подала его Нур-ад-дину, и сказала: «О господин, возьми этот зуннар». – «Откуда этот зуннар? – спросил Нур-аддин. И девушка сказала: „О господин, это тот шёлк, который ты купил вчера за двадцать дирхемов. Поднимайся, иди на рынок персиян и отдай его посреднику, чтобы он покричал о нем, и не продавай его меньше, чем за двадцать динаров чистыми деньгами на руки“. – „О владычица красавиц, – сказал Нур-ад-дин, – разве вещь в двадцать дирхемов, которая продаётся за двадцать динаров, делают в одну ночь?“ – „О господин, – ответила девушка, – ты не знаешь цены этого зуннара. Но пойдя на рынок и отдай его посреднику, и, когда посредник покричит о нем, его цена станет тебе ясной“.

И тогда Нур-ад-дин взял у невольницы зуннар и пошёл с ним на рынок персиян. Он отдал зуннар посреднику и велел ему кричать о нем, а сам присел на скамью перед одной из лавок, и посредник скрылся на некоторое время, а потом пришёл к нему и сказал: «О господин, вставай, получи цену твоего зуннара. Она достигла двадцати динаров чистыми деньгами на руки». И Нур-ад-дин, услышав слова посредника, до крайности удивился, и затрясся от восторга, и поднялся, чтобы получить свои двадцать динаров, а сам и верил и не верил. Получив их, он тотчас же пошёл и купил на все деньги разноцветного шёлку, чтобы невольница сделала из него всего зуннары.

И затем он вернулся домой, и отдал девушке шёлк, и сказал ей: «Сделай из него всего зуннары и научи меня также, чтобы я работал вместе с тобой. Я никогда в жизни не видел ни одного ремесла лучше и больше по заработку, чем это ремесло. Клянусь Аллахом, оно лучше торговли в тысячу раз!» И девушка засмеялась его словам и сказала: «О господин мой Нур-ад-дин, пойдя к твоему приятелю москательщику и займи у него тридцать дирхемов, а завтра отдай их из платы за зуннар вместе с пятьюдесятью дирхемами, которые ты занял у него раньше».

И Нур-ад-дин поднялся, и пришёл к своему приятелю москательщику, и сказал ему: «О дядюшка, одолжи мне тридцать дирхемов, а завтра, если захочет Аллах, я принесу тебе все восемьдесят дирхемов разом». И старик москательщик отвесил ему тридцать дирхемов, и Нур-аддин взял их, и пошёл на рынок, и купил на них мяса, хлеба, сухих и свежих плодов и

цветов, как сделал накануне, и принёс все это девушке; а имя её было Мариамкушачница. И, взяв мясо, она в тот же час и минуту поднялась и приготовила роскошное кушанье и поставила его перед своим господином Нур-ад-дином, и потом она приготовила скатерть с вином и начала пить вместе с юношей. И она стала наливать и поить его, и Нур-аддин наливал и поил её. И когда вино заиграло в их уме, девушке понравилась прекрасная тонкость Нур-ад-дина и нежность его свойств, и она произнесла такое двустилие:

«Спросила стройного, как поднял чашу,
Что пахнет мускусом его дыханья:
«Из щёк ли выжали твоих ту влагу?»
Ответил: «Нет, вино из розы жмут ли?»»

И девушка беседовала с Нур-ад-дином, и он беседовал с нею, и Мариам подавала ему кубок и чашу и требовала, чтобы он ей налил и напоил её тем, от чего приятно дыханье, а когда он касался её рукой, она не давалась из кокетства. И опьянение увеличило её красоту и прелесть, и Нур-аддин произнёс такие два стиха:

«Вот стройная – любит пить и милому говорит
В покоях веселья – он страшится наскучить ей.
«Непустишь коль чашу вкруг и не напоишь меня,
Один будешь ночью спать». И в страхе он налил ей».

И они продолжали пить, пока Нур-ад-дина не одолело опьянение и он не заснул, и тогда Мариам в тот же час и минуту поднялась и начала работать над зуннаром, следуя своему обычаю, а окончив, она почистила зуннар и завернула его в бумагу и, сняв с себя одежду, проспала подле Нурад-дина до утра...»

И Шахразад упустило утро, и она прекратила дозволенные речи.

Восемьсот семьдесят шестая ночь

Когда же настала восемьсот семьдесят шестая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что Мариам-кушачница, окончив делать зуннар, почистила его и завернула в бумагу и, сняв с себя одежду, проспала подле Нур-ад-дина до утра, и было между ними из близости то, что было. А потом Нурад-дин поднялся и исполнил свои дела, и Мариам подала ему зуннар и сказала: „Снеси его на рынок и продай за двадцать динаров, как ты продал такой же вчера“. И Нурад-дин взял зуннар, и отнёс его на рынок, и продал за двадцать динаров, а потом он пошёл к москательщику и отдал ему восемьдесят дирхемов, и поблагодарил его за милость, и пожелал ему блага. „О дитя моё, продал ты невольницу?“ – спросил москательщик. И Нур-ад-дин воскликнул: „Ты призываешь на меня зло! Как могу я предать дух из моего тела?“»

И он рассказал ему всю историю, с начала до конца, и сообщил ему обо всем, что с ним случилось, и старик москательщик обрадовался сильной радостью, больше которой нет, и воскликнул: «Клянусь Аллахом, о дитя моё, ты меня обрадовал, и если захочет Аллах, тебе всегда будет благо! Я хотел бы для тебя блага из любви к твоему отцу, и чтобы наша дружба с ним сохранилась!»

И затем Нур-ад-дин расстался со старым москательщиком, и в тот же час и минуту пошёл на рынок и, купив, как обычно, мясо, плоды и все необходимое, принёс это девушке.

И Нур-ад-дин с девушкой ели, пили, играли, веселились, и дружили, и развлекались за трапезой целый год. И каждую ночь девушка делала зуннар, а утром Нур-аддин продавал его за двадцать динаров и расходовал часть их на то, что ему было нужно, а остальное отдавал девушке, и та прятала деньги у себя до времени нужды.

А через год девушка сказала: «О господин мой Нурад-дин, когда ты завтра продашь зуннар, возьми мне на часть денег цветного шёлку шести цветов; мне пришло на ум сделать тебе платок, который ты положишь себе на плечо. Не радовались ещё такому платку ни сыновья купцов, ни сыновья царей». И тогда Нур-ад-дин пошёл на рынок, и продал зуннар, и купил цветного шёлку, как говорила ему невольница, и принёс его ей, и Мариамкушачница сидела и работала, вышивая платок, целую неделю (а каждую ночь, окончив зуннар, она работала немного над платком), и наконец окончила его. И она подала платок Нур-ад-дину, и тот положил его на плечо и стал ходить по рынку, и купцы, люди и вельможи города останавливались возле него рядами и смотрели на его красоту и на этот платок, так хорошо сделанный.

И случилось, что Нур-ад-дин спал в одну ночь из ночей и пробудился от сна и увидел, что его невольница плачет сильным плачем и произносит такие стихи:

«Близка уж разлука с милым, близко она!
Увы мне, придёт разлука скоро, увы!
Растерзано моё сердце, горестно мне
Прошедшие вспомнить ночи, радости их!
Завистники непременно взглянут на пас
Злым оком, и все достигнут цели своей.
Вреднее всего нам будет зависть других,
Доносчиков скверных очи, сплетников всех».

И Нур-ад-дин спросил её: «О госпожа моя Мариам, что ты плачешь?» И девушка сказала: «Я плачу от страданий разлуки – моё сердце почуяло её».

«О владычица красавиц, а кто разлучит нас, когда я теперь тебе милей всех людей и сильнее всех в тебя влюблён?» – спросил Нур-ад-дин. И девушка ответила: «У меня любви во много раз больше, чем у тебя, но доверие к ночам ввергает людей в печаль, и отличился поэт, сказавший:

Доволен ты днями был, пока хорошо жилось,
И зла не боялся ты, судьбой приносимого.
Ты в мире с ночами был и дал обмануть себя,
Но в ясную ночь порой случается смутное.
Узнай – в небесах светил так много, что счесть нельзя,
Но солнце и месяц лишь из них затмеваются.
А сколько растений есть зелёных и высохших,
Но камни кидаем мы лишь в те, что плоды несут.
Но видишь ли – в море труп плывёт на поверхности,
А в дальних глубинах дна таятся жемчужины?»

«О господин мой Нур-ад-дин, – сказала она потом, – если ты желаешь, чтобы не было разлуки, остерегайся человека из франков, кривого на правый глаз и хромого на левую ногу (это старик с пепельным лицом и густой бородой). Он-то и будет причиной нашей разлуки. Я видела, что он пришёл в наш город, и думаю, он явился только ища меня». – «О владычица красавиц, – сказал Нур-ад-дин, – если мой взгляд упадёт на него, я его убью и изувечу!» И Мариам воскликнула: «О господин мой, не убивай его, не говори с ним, не продавай ему и не покупай у него. Не вступай с ним в сделку, не сиди с ним, не ходи с ним, не беседуй с ним и не давай ему никогда ответа законного. Молю Аллаха, чтобы он избавил нас от его зла и коварства!»

И когда наступило утро. Нур-ад-дин взял зуннар и пошёл с ним на рынок. Он присел на скамью перед одной из лавок и начал разговаривать с сыновьями купцов, и взяла его сонная дремота, и он заснул на скамье перед лавкой. И когда он спал, вдруг прошёл по рынку в это

самое время тот франк, и с ним ещё семь франков, и увидел Нур-ад-дина, который спал на скамье перед лавкой, закутав лицо платком и держа его конец в руке. И франк сел подле Нур-ад-дина и, взяв конец платка, стал его вертеть в руке, и вертел его некоторое время. И Нур-ад-дин почувствовал это, и пробудился от сна, и увидел, что тот самый франк, которого описала ему девушка, сидит подле него. И Нур-ад-дин закричал на франка громким криком, который испугал его, и франк спросил: «Почему ты на нас кричишь? Разве мы у тебя что-нибудь взяли?» – «Клянусь Аллахом, о проклятый, – ответил Нур-ад-дин, – если бы ты у меня что-нибудь взял, я бы, наверное, отвёл тебя к вали!» И тогда франк сказал ему: «О мусульманин, заклинаю тебя твоей верой и тем, что ты исповедуешь, расскажи мне, откуда у тебя этот платок». – «Это работа моей матушки», – ответил Нур-ад-дин...

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Восемьсот семьдесят седьмая ночь

Когда же настала восемьсот семьдесят седьмая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что когда франк спросил Нур-ад-дина о том, кто сделал платок, Нур-ад-дин ответил: „Этот платок – работа моей матушки, она сделала его для меня своей рукой“. – „Продашь ли ты мне его и возмёшь ли от меня его цену?“ – спросил франк. И Нур-ад-дин воскликнул: „Клянусь Аллахом, о проклятый, я не продам его ни тебе, ни кому-нибудь другому! Моя мать сделала его только на моё имя и не станет делать другого“. – „Продай его мне, и я дам тебе его цену сейчас же – пятьсот динаров, и пусть та, кто его сделала, сделает тебе другой, ещё лучше этого“, – сказал франк. „Я никогда не продам его, потому что ему нет подобного в этом городе“, – ответил Нур-ад-дин, а франк молвил: „О господин мой, а ты не продашь его за шестьсот динаров чистым золотом?“ И он до тех пор прибавлял сотню за сотней, пока не довёл цену до девятисот динаров, но Нур-ад-дин сказал ему: „Аллах поможет мне и без продажи платка! Я никогда не продам его ни за две тысячи динаров, ни за больше!“

И франк продолжал соблазнять Нур-ад-дина деньгами за платок, пока не довёл его цену до тысячи динаров, и тогда некоторые из присутствующих купцов сказали ему: «Мы продали тебе этот платок, давай за него деньги!» И Нур-ад-дин воскликнул: «Я не продам его, клянусь Аллахом!» И один из купцов сказал: «Знай, о дитя моё, что этому платку цена – сто динаров, даже если она станет большой и найдётся на него охотник, а этот франк дал за него тысячу динаров сразу, так что твоя прибыль – девятьсот динаров. Какой же ты хочешь прибыли больше, чем эта? Моё мнение, что тебе следует продать платок и взять тысячу динаров. Скажи той, кто тебе его сделал, чтобы сделала тебе другой или ещё лучше, а сам наживи тысячу динаров с этого проклятого франка, врага веры». И Нур-ад-дину стало стыдно купцов, и он продал франку платок за тысячу динаров, и франк тут же отдал ему деньги. И Нур-ад-дин хотел уйти, чтобы пойти к своей невольнице Мариам и обрадовать её вестью о том, какое было у него дело с франком, но франк сказал: «О собрание купцов, задержите Нур-ад-дина, – вы с ним мои гости сегодня вечером. У меня есть бочонок румийского вина, из выдержанных вин, и жирный барашек, и плоды, свежие и сухие, и цветы, и вы возвеселите нас в сегодняшний вечер. Пусть же ни один из вас не остаётся сзади». – «О Сиди Нур-ад-дин, – сказали купцы, – мы желаем, чтобы ты был с нами в вечер, подобный сегодняшнему, и мы могли бы с тобой побеседовать. Окажи милость и благодеяние и побудь с нами; мы с тобой – гости этого франка, так как он человек благородный».

И потом они стали заклинать Нур-ад-дина разводом, и силой не дали ему уйти домой, и в тот же час и минуту поднялись, и заперли свои лавки, и, взяв Нур-ад-дина, пошли с франком, и пришли в надушённую просторную комнату с двумя портиками. И франк посадил их в ней, и положил перед ними скатерть, диковинно сработанную и дивно сделанную, на которой было изображение сокрушающего и сокрушённого, любящего и

любимого, спрашивающего и спрошенного, и затем поставил на эту скатерть дорогие сосуды из фарфора и хрустали, и все они были наполнены прекрасными плодами, сухими и свежими, и цветами. А потом франк подал купцам бочонок, полный выдержанного румийского вина, и приказал нарезать жирного барашка и, разведя огонь, начал жарить мясо и кормить купцов и поить их вином, и он подмигивал им, чтобы они приставали к Нур-ад-дину с питьём. И купцы до тех пор поили Нур-ад-дина, пока тот не опьянел и не исчез из мира.

И когда франк увидел, что Нур-ад-дин погружён в опьянение, он сказал: «Ты возвеселил нас, о Сиди Нурад-дин, в сегодняшний вечер – простор тебе и ещё раз простор!» И франк принялся развлекать Нур-ад-дина словами, и затем приблизился к нему, и сел с ним рядом, и некоторое время украдкой смотрел на него, разговаривая, а потом он спросил: «О Сиди Нур-ад-дин, не продашь ли ты мне твою невольницу? Год назад ты купил её в присутствии этих купцов за тысячу динаров, а я теперь дам тебе в уплату за неё пять тысяч динаров, больше на четыре тысячи». И Нур-ад-дин отказался, а франк продолжал его угощать и поить и соблазнял его деньгами, пока не довёл цены за девушку до десяти тысяч динаров, и Нур-ад-дин в своём опьянении сказал перед купцами: «Я продал её тебе, давай десять тысяч динаров!» И франк сильно обрадовался этим словам и призвал купцов в свидетели.

И они провели за едой, питьём и весельем всю ночь до утра, а затем франк крикнул своим слугам: «Принесите деньги!» И ему принесли деньги, и он отсчитал Нур-аддину десять тысяч динаров наличными и сказал ему:

«О Сиди Нур-ад-дин, получи деньги в уплату за твою невольницу, которую ты продал мне вчера вечером в присутствии этих купцов мусульман». – «О проклятый, – воскликнул Нур-ад-дин, – я ничего тебе не продавал, и ты лжёшь на меня, и у меня нет невольниц!» Но франк сказал: «Ты продал мне твою невольницу, и эта купцы свидетельствуют о продаже».

И все купцы тогда сказали: «Да, Нур-ад-дин, ты продал ему свою невольницу перед нами, и мы свидетельствуем, что ты её продал за десять тысяч динаров. Поднимайся, получи деньги и отдай ему твою невольницу. Аллах даст тебе взамен лучшую. Разве не приятно тебе, Нур-ад-дин, что ты купил невольницу за тысячу динаров и вот уже полтора года наслаждаешься её красотой и прелестью и всякий день и ночь услаждаешь себя беседой с нею и её близостью, и после этого ты нажил на этой девушке девять тысяч динаров сверх её первоначальной цены? А она ведь каждый день делала тебе зуннар, который ты продавал за двадцать динаров. И после всего этого ты отрицаешь продажу и считаешь прибыль малой. Какая прибыль больше этой прибыли и какая нажива больше этой наживы? А если ты любишь девушку, то ведь ты насытился ею за этот срок. Получи же деньги и купи другую невольницу, лучше её, или мы женим тебя на одной из наших девушек, за приданое меньше половины этих денег, и девушка будет красивей её, и остальные деньги окажутся у тебя в руках капиталом». И купцы до тех пор говорили с Нур-ад-дином, уговаривая и обнимая его, пока он не взял эти десять тысяч динаров в уплату за невольницу. И тогда франк в тот же час и минуту привёл судей и свидетелей, и они написали ему свидетельство о покупке у Нур-ад-дина девушки, которую зовут Мариам-кушачница.

Вот что было с Нур-ад-дином. Что же касается Мариам-кушачницы, то она просидела, ожидая своего господина, весь день до заката и от заката до полуночи, но её господин к ней не вернулся, и она опечалилась и стала горько плакать. И старик москательщик услышал, что она плачет, и послал к ней свою жену, и та вошла к пей, и увидела её плачущей, и спросила: «О госпожа, почему ты плачешь?» И девушка ответила: «О матушка, я сижу и жду прихода моего господина, Нур-ад-дина, а он до сих пор не пришёл, и я боюсь, что кто-нибудь сделал с ним из-за меня хитрость, чтобы он продал меня, и хитрость вошла к нему, и он продал меня...»

И Шахразад застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Когда же настала восемьсот семьдесят восьмая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что Мариам-кушачница сказала жене москательщика: „Боюсь, что кто-нибудь сделал с моим господином из-за меня хитрость, чтобы он продал меня, и хитрость вошла к нему, и он продал меня“. И жена москательщика сказала: „О госпожа моя Мариам, если бы твоему господину дали за тебя всю эту комнату, полную золота, он бы тебя не продал! Я ведь знаю его любовь к тебе. Но может быть, о госпожа моя Мариам, пришли люди из города Каира от его родителей, и он устроил им пир, в том помещении, где они стоят, и постыдился привести их в эту комнату, так как она не вместит их, или потому, что их степень мала для того, чтобы приводить их в дом. Или же он захотел скрыть от них твоё дело и остался у них на ночь до утра, а завтра, если захочет великий Аллах, он придёт к тебе в благополучии. Не обременяй же свою душу ни заботой, ни горем, о госпожа. Вот в чем причина его отсутствия сегодня ночью. Я останусь у тебя на сегодняшнюю ночь и буду тебя развлекать, пока не придёт к тебе твой господин“.

И жена москательщика забавляла и развлекала Мариам разговором, пока не прошла вся ночь, а когда наступило утро, Мариам увидела, что её господин Нур-аддин входит с переулка, и тот франк идёт сзади него, окружённый толпой купцов. И когда Мариам увидела их, у неё затряслись поджилки, и пожелтел цвет её лица, и она начала дрожать, точно корабль посреди моря при сильном ветре. И, увидав это, жена москательщика спросила: «О госпожа моя Мариам, почему это, я вижу, ты изменилась, и пожелтело твоё лицо, и стало оно ещё худее?» И девушка ответила: «О госпожа, клянусь Аллахом, моё сердце почуяло разлуку и отдалённость встречи». И затем она начала охать, испуская глубокие вздохи, и произнесла такие стихи:

«Не доверяйся разлуке ты –
Горька ведь, право, на вкус она.
Лик солнца в час заката, знай,
Желтеет от разлуки мук.
И также в час восхода, знай,
Белеет он, встрече радуясь».

И потом Мариам-кушачница заплакала сильным плачем, больше которого нет, и уверилась в разлуке, и сказала жене москательщика: «О госпожа, не говорила ли я тебе, что с моим господином Нур-ад-дином устроили хитрость, чтобы меня продать! Я не сомневаюсь, что он продал меня сегодня ночью этому франку, хотя я его от него предостерегала. Но не поможет осторожность против судьбы, и ясна тебе стала правдивость моих слов».

И когда они с женой москательщика разговаривали, вдруг вошёл к ней в ту самую минуту её господин Нурад-дин, и девушка посмотрела на него и увидела, что цвет его лица изменился, и у него дрожат поджилки, и видны на его лице следы печали и раскаяния. И она сказала ему: «О господин мой Нур-ад-дин, ты, кажется, продал меня?» И Нур-ад-дин заплакал сильным плачем, и заохал, и, глубоко вздохнув, произнёс такие стихи:

«Таков уж рок, и пользы нет беречься нам,
И если я ошибся – не ошибся рок,
Когда Аллах захочет сделать что-нибудь
С разумным мужем, видящим и слышащим,
Он ослепит его и уши оглушит
Ему, и ум его, как волос, вырвет он.
Когда ж исполнит он над ним свой приговор,
Он ум ему вернёт, чтоб поучался он.
Не спрашивай о том, что было «почему?» –
Все так бывает, как судьба и рок велит».

И потом Нур-ад-дин стал просить у девушки прощения и сказал ей: «Клянусь Аллахом, о госпожа моя Мариам, пробежал калам с тем, что судил Аллах, и люди сделали со мной хитрость, чтобы я тебя продал, и хитрость вошла ко мне, и я продал тебя и пренебрёг тобой с величайшим небрежением. Но, может быть, тот, кто сулил разлуку, пошлёт нам встречу». – «Я предостерегала тебя от этого, и было у меня такое предчувствие», – сказала девушка. И потом она прижала его к груди, и поцеловала между глаз, и произнесла такие стихи:

«Клянусь моей страстью, не забуду я дружбы к вам,
Хотя бы погиб мой дух от страсти и от тоски.
Рыдаю и плачу я и день и ночь каждую,
Как горлинка плачет в кустах средь песков степей.
Испортилась жизнь моя, как нет вас, любимые,
Когда вы исчезли, мне встречать больше некого».

И когда они были в таком состоянии, вдруг вошёл к ним тот франк и подошёл, чтобы поцеловать руки Ситт Мариам, и она ударила его рукою по щеке и воскликнула: «Удались, о проклятый! Ты неотступно ходил за мной, пока не обманул моего господина! Но только, о проклятый, если захочет великий Аллах, будет одно лишь благо!» И франк засмеялся словам невольницы, и удивился её поступку, и попросил у неё прощения, и сказал: «О госпожа моя Мариам, а мой-то в чем грех? это твой господин Нур-ад-дин продал тебя с своего согласия и со спокойным сердцем, и, клянусь Мессией, если бы он тебя любил, он бы не пренебрёг тобою. Когда бы его желание обладать тобой не истощилось, Нурад-дин тебя не продал бы, и сказал кто-то из поэтов:

Кто наскучил мне, тот уходит пусть решительно!
Коль о нем я вспомню, не буду я рассудительным.
И тесен мир ещё ведь мне не сделался,
Чтобы видел ты, что желаю я нехотящего».

А эта невольница была дочерью царя Афранджи⁶³² (это город, распространённый во все стороны, где много ремесл, диковин и растений, и он похож на город аль-Кустантынию), и причиной её ухода из города её отца была дивная история и удивительное дело, рассказ о котором мы поведём по порядку, чтобы возрадовался слышащий и возвеселился...»

И Шахразату застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Восемьсот семьдесят девятая ночь

Когда же настала восемьсот семьдесят девятая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что причиной ухода Мариам-кушачницы от её отца и матери было удивительное обстоятельство и диковинное дело. Вот оно.

Воспитывалась Мариам у отца и матери в великой изнеженности и научилась красноречию, письму и счёту, наездничеству и доблести и изучила все ремесла, как, например, вышиванье, шитьё, тканьё, выделывание зуннаров, обшивание галуном, золочение серебра и серебрение золота. И она изучила все ремесла мужчин и женщин, так что стала единственной в своё время и бесподобной в свой век и столетие. И Аллах (велик он и славен!) даровал ей такую красоту и прелесть, изящество и совершенство, что она превзошла

⁶³² Афранджей названа здесь Франция. Город царя Афранджи-по-видимому, один из южнофранцузских портов, вероятнее всего Марсель.

всех людей своего века. И к ней сватались у её отца властители островов, и за всякого, кто к ней сватался, он отказывался выдать её замуж, так как он любил свою дочь великой любовью и не мог с ней расстаться ни на один час. И не было у него дочери, кроме неё, а детей мужеского пола у него было множество, но он был охвачен к ней большей любовью, чем к ним.

И случилось, что царевна заболела в каком-то году сильной болезнью, так что приблизилась к гибели, и тогда она дала обет, если выздоровеет от этой болезни, посетить такой-то монастырь, находящийся на таком-то острове. А этот монастырь считался у них великим, и они приносили ему, по обету, дары и получали в нем благодать. И когда Мариам выздоровела от болезни, она захотела исполнить обет, который дала, и её отец, царь Афранджи, послал её в этот монастырь на маленьком корабле и послал вместе с ней нескольких дочерей вельмож города, а также патрициев, чтобы прислуживать ей.

И когда Мариам приблизилась к монастырю, вышел корабль из кораблей мусульман, сражающихся на пути Аллаха, и они захватили всех, кто был на корабле из патрициев и девушек, и деньги, и редкости и продали свою добычу в городе Кайраване. И Мариам попала в руки одного человека – персиянина, купца среди купцов, а этот персиянин был бессильный и не сходил с женщинами, и не обнажалась над женщиною его срамota, и он назначил Мариам для услуг. И заболел этот персиянин сильной болезнью, так что приблизился к гибели, и продлилась над ним болезнь несколько месяцев, и Мариам прислуживала ему и старалась, прислуживая, пока Аллах не исцелил персиянина от его болезни. И персиянин вспомнил ласку Мариам и её участие, заботы и услуги, и захотел вознаградить её за добро, которое она ему сделала, и сказал ей: «Попроси у меня чего-нибудь, о Мариам!» И Мариам сказала: «О господин, я прошу тебя, чтобы ты продал меня лишь тому, кому я захочу и пожелаю». – «Хорошо, это тебе от меня будет, – ответил персиянин. – Клянусь Аллахом, о Мариам, я продам тебя только тому, кому ты захочешь, и я вложу продажу в твои руки».

И Мариам обрадовалась сильной радостью. А персиянин предложил ей ислам, и она стала мусульманкой, и он стал учить её правилам благочестия, и Мариам научилась у персиянина за этот срок делам веры и тому, что для неё обязательно, и он заставил её выучить Коран и то, что легко даётся из наук законовeдения и преданий о пророке. И когда персиянин вступил с ней в город Искандарию, он продал её, кому она пожелала, и оставил дело продажи в её руках, как мы упоминали. И её взял Али Нур-ад-дин, как мы рассказали, и вот то, что было причиной ухода Мариам из её страны.

Что же касается её отца, царя Афранджи, то когда до него дошло известие о захвате его дочери и тех, кто был с нею, поднялся перед ним день воскресенья, и царь послал за дочерью корабли с патрициями, витязями, мужами и богатырями, но они не напали на весть о ней, после розысков на островах мусульман, и возвратились к её отцу, крича о горе и гибели и делах великих. И отец Мариам опечалился сильной печалью и послал за ней того кривого на правый глаз и хромого на левую ногу, так как он был величайшим из его везирей, и был это непокорный притеснитель, обладатель хитростей и обмана. И царь велел ему искать Мариам во всех землях мусульман и купить её хотя бы за полный корабль золота, и этот проклятый искал девушку на морских островах и во всех городах, но не напал на весть о ней, пока не достиг города Искандарии. И он спросил про неё и напал на весть о том, что она у Нур-ад-дина Али каирского. И случилось у него с Нур-ад-дином то, что случилось, и он устроил с ним хитрость и купил у него девушку, как мы упоминали, после того как ему указал на неё платок, которого не умел делать никто, кроме неё.

А этот франк научил купцов и сговорился с ними, что добудет девушку хитростью.

И Мариам, оказавшись у франка, проводила все время в плаче и стенаниях, и франк сказал ей: «О госпожа моя Мариам, оставь эту печаль и плач и поедem со мной в город твоего отца и место твоего царства, где обитель твоей славы и родина, чтобы была ты среди твоих слуг и прислужников. Оставь это унижение и пребывание па чужбине, довольно того, что пришлось мне из-за тебя утомляться, путешествовать и тратить деньги, а я ведь путешествую, утомляюсь и трачу деньги почти полтора года. А твой отец велел мне тебя

купить хотя бы за полный корабль золота». И потом везирь царя Афранджи начал целовать девушке ноги и унижаться перед нею и все время возвращался к целованию её рук и ног, и гнев Мариам все увеличивался, когда он делал это с нею из вежества, и она говорила: «О проклятый, да не приведёт тебя великий Аллах к тому, в чем твоё желание!»

А затем слуги тотчас подвели мула с расшитым седлом и посадили на него Мариам и подняли над её головой шёлковый намёт на золотых и серебряных столбах, и франки пошли, окружая девушку, и вышли с нею из Морских Ворот. И они посадили её в маленькую лодку и начали грести, и подплыли к большому кораблю, и поместили на нем девушку, и тогда кривой везирь встал и крикнул матросам корабля: «Поднимите мачту!» И в тот же час и минуту мачту подняли, и распустили паруса и флаги, и растянули ткани из хлопка и льна, и заработали вёслами, и корабль поплыл. А Мариам, при всем этом, смотрела в сторону Искандарии, пока город не скрылся из глаз, и горько плакала потихоньку...»

И Шахразаду застигло утро, я она прекратила дозволенные речи.

Ночь, дополняющая до восьмисот восьмидесяти

Когда же настала ночь, дополняющая до восьмисот восьмидесяти, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что когда поплыл корабль везиря даря Афранджи, на котором была Мариам-кушачница, девушка смотрела в сторону Искандарии, пока город не скрылся из глаз, и тогда Мариам заплакала, и зарыдала, и пролила слезы, и произнесла такие стихи:

«О милых жилище, возвратишься ли снова к нам?
Неведомо мне совсем, что ныне Аллах свершит.
Увозят нас корабли разлуки, спешат они,
И глаз мой изранен – его стёрли потоки слез
В разлуке с любимым, что пределом желаний был
И мой исцелял недуг и горести прогонял.
Господь мой, преемником моим для него ты будь –
Порученное тебе вовеки не пропадёт».

И Мариам всякий раз, как вспоминала Нур-ад-дина, все время рыдала и плакала, и подошли к ней патриции и стали её уговаривать, но она не принимала их слов, и отвлекал её призыв любви и страсти. И она заплакала, застонала и зажаловалась и произнесла такие стихи:

«Язык моей страсти, знай, в душе говорит с тобой –
Вещает он обо мне, что страстно тебя люблю.
И печень моя углями страсти расплавлена,
А сердце трепещет и разлукой изранено.
Доколе скрывать мне страсть, которой расплавлен я?
Болят мои веки, и струятся потоки слез».

И Мариам все время была в таком состоянии, и не утверждался в ней покой, и не слушалась её стойкость в течение всего путешествия, и вот то, что было у неё с кривым и хромым везирем.

Что же касается Али Нур-ад-дина каирского, сына купца Тадж-ад-дина, то, после того как Мариам села на корабль и уехала, земля стала для него тесна, и не утверждался в нем покой, и не слушалась его стойкость. И он пошёл в комнату, в которой жил с Мариам, и увидел её, перед лицом своим, чёрной и мрачной, и увидел он станок, на котором Мариам ткала зуннары, и одежды, что были у неё на теле, и прижал их к груди, и заплакал, и полились из-под его век слезы, и он произнёс такие стихи:

«Узнать ли, вернётся ль близость после разлуки вновь
И после печали и оглядок в их сторону?
Далеко минувшее, оно не вернётся вновь!
Узнать бы, достанется ль мне близость с любимой.
Узнать бы, соединит ли снова нас с ней Аллах,
И вспомнят ли милые любовь мою прежнюю.
Любовь, сохрани ты ту, кого неразумно так
Сгубил я, и мой обет и дружбу ты сохрани!
Поистине, я мертвец, когда далеко они.
Но разве любимые согласны, чтоб я погиб?
О горе, когда печаль полезна моя другим!
Растаял я от тоски и горя великого.
Пропало то время, когда близок я с нею был.
Узнать бы, исполнит ли желание моё судьба?
О сердце, горюй сильнее, о глаз мой, пролей поток
Ты слез, и не оставляй слезы ты в глазах моих.
Далеко любимые, и стойкость утрачена,
И мало помощников, беда велика моя!
И господу я миров прошу, чтоб послал он мне
Опять возвращенье милой с близостью прежнюю».

И Нур-ад-дин заплакал сильным плачем, больше которого нет, и посмотрел он на уголки комнаты и произнёс такие стихи:

«Я таю с тоски, увидя следы любимых
На родине их, потоками лью я слезы,
Прошу я того, кто с ними судил расстаться,
Чтоб мне даровал когда-нибудь он свиданье».

И потом Нур-ад-дин в тот же час и минуту поднялся, запер ворота дома и бегом побежал к морю и стал смотреть, где находится корабль, который увёз Мариам. И он начал плакать и выпускать вздохи и произнёс такие стихи:

«Привет вам! Без вас теперь не в силах я обойтись,
И где бы ни были – вблизи или далеко,
Влечёт меня к вам, друзья, всегда, каждый час и миг,
И так же я к вам стремлюсь, как жаждущие к воде.
Всегда подле вас мой слух и сердце моё и взор,
И мысль о вас сладостнее мёда мне кажется.
О горе, когда ушёл от стана ваш караван,
И с вами ушёл корабль от мест, куда я стремлюсь!»

И Нур-ад-дин зарыдал, заплакал, застонал, взволновался и засетовал и вскрикнул: «О Мариам, о Мариам, довелось ли тебе увидеть меня во сне или в сплетениях грёз?» А когда усилилась его печаль, он произнёс такие стихи:

«Увидит ли после дали этой опять вас глаз,
Услышу ли из жилища близкого голос ваш?
Сведёт ли нас вновь тот дом, который привык уж к нам,
Желанное получу ль, получите ль вы его?
Возьмите, куда б ни шли, носилки костям моим,

И где остановитесь, заройте их подле вас.
Имей я два сердца, я бы жил лишь с одним из них,
А сердце, что любит вас так страстно, оставил бы.
И если б спросили: «От Аллаха чего б желал?»
Сказал бы: «Прощенья ар-Рахмана и вашего»

И когда Нур-ад-дин был в таком состоянии, и плакал, и говорил: «О Мариам, о Мариам!», – вдруг какой-то старик вышел из лодки, и подошёл к нему, и увидел, что он плачет, и произнёс такое двустишие:

«О Марьям красавица, вернись – ведь глаза мои,
Как облако дождевое, влагу струят свою.
Спроси ты хулителей моих прежде всех людей,
Увидишь, что тонут веки глаза в воде белков»

И старик сказал ему: «О дитя моё, ты, кажется, плачешь о невольнице, которая уехала вчера с франком?» И когда Нур-ад-дин услышал старика, он упал без сознания и пролежал час времени, а потом он очнулся и заплакал сильным плачем, больше которого нет, и произнёс такие стихи:

«Надеяться ль после дали вновь на сближенье с ней,
И дружбы улада возвратится ли полностью?
Поистине, в моем сердце страсть и волненье,
И толки доносчиков тревожат и речи их.
Весь день пребываю я смущённым, растерянным,
А ночью надеюсь я, что призрак её придёт.
Аллахом клянусь, ко мне любви не забуду я!
И как же, когда душе наскучили сплетники?
Нежна она членами и впалы бока её,
И глаз её в моё сердце стрелы метнул свои.
Напомнит нам ивы ветвь в саду её тонкий стан,
А прелесть красы её свет солнца смутит совсем.
Когда б не боязнь Аллаха (слава славна его!),
Сказал бы я столь прекрасной: «Слава славна её!»

И когда старик посмотрел на Нур-ад-дина и увидел его красоту, и стройность, и соразмерность, и ясность его языка, и тонкость его, и разнообразие, его сердце опечалилось о юноше, и он сжалился, увидя его состояние. А этот старик был капитаном корабля, шедшего в город той невольницы, и было на его корабле сто купцов из придворных мусульман. И он сказал Нур-ад-дину: «Терпи и будет одно лишь благо, и если захочет Аллах – величие ему и слава! – я доставлю тебя к ней...»

И Шахразадку застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Восемьсот восемьдесят первая ночь

Когда же настала восемьсот восемьдесят первая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что старик капитан сказал Нур-ад-дину: „Я доставлю тебя к ней, если захочет Аллах великий“. – „Когда отъезд?“ – спросил Нур-ад-дин. И капитан ответил: „Нам осталось ещё три дня, и мы поедem во благо и безопасности“. И Нур-ад-дин, услышав слова капитана, обрадовался сильной радостью и поблагодарил его за его милость и благодеяние, а потом он вспомнил дни близости и единения со своей невольницей, не имеющей подобия, и

заплакал сильным плачем и произнёс такие стихи:

«О, сблизит ли милосердый с вами меня опять,
Достигну ль своей я цели, о господа, иль нет?
Подарит ли мне судьба от вас посещение,
Чтоб веки над вами я закрыть мог из скупости?
Когда б продавалась близость к вам, я б купил её
За дух свой, но вижу я, что близость дороже к вам».

И потом Нур-ад-дин в тот же час и минуту вышел, и пошёл на рынок, и взял там все, что ему было, нужно из пищи и припасов для путешествия, и пришёл к тому капитану, и, увидев его, капитан спросил: «О дитя моё, что это у тебя такое?» – «Мои припасы и то, что мне нужно в пути», – ответил Нур-ад-дин. И капитан засмеялся его словам и сказал: «О дитя моё, разве ты идёшь полюбоваться на Колонну Мачт?»⁶³³ Между тобой и твоей целью – два месяца пути, если ветер хорош и время безоблачно». И потом старик взял у Нур-ад-дина немного денег, и пошёл на рынок, и купил ему все, что ему было нужно для путешествия, в достаточном количестве, и наполнил ему бочонок пресной водой. И Нур-ад-дин оставался на корабле три дня, пока купцы собрались и сделали свои дела, и затем они сошли на корабль, и капитан распустил паруса, и путники ехали пятьдесят один день.

А случилось потом, что напали на них корсары, преграждающие дорогу, и ограбили корабль, и взяли в плен всех, кто был на нем, и привели их в город Афранджу, и показали своему царю (а Нур-ад-дин был в числе их), и царь велел заключить их в тюрьму. И когда они шли от царя в тюрьму, прибыло то судно, на котором была царевна Мариам-кушачница и кривой везирь. И когда судно приплыло к городу, везирь поднялся к царю и обрадовал его вестью о благополучном прибытии его дочери, Мариам-кушачницы, и стали бить в литавры и украсили город наилучшими украшениями. И царь выехал со всем своим войском и вельможами правления, и они отправились к морю, навстречу царевне.

И когда корабль подошёл, дочь царя, Мариам, вышла, и царь обнял её и поздоровался с нею, и она поздоровалась с ним, и царь подвёл ей коня, и она села. А когда она достигла дворца, её мать встретила её, и обняла, и поздоровалась с нею, и спросила, как она поживает и девушка ли она, какою была у них раньше, или стала женщиной, познавшей мужчину. И Мариам сказала: «О матушка, когда человека продают в странах мусульман от купца к купцу и он становится подвластным другому, как можно остаться невинной девушкой? Купец, который купил меня, грозил мне побоями и принудил меня, и уничтожил мою девственность, и продал меня другому, а тот продал меня третьему». И когда мать Мариам услышала от неё эти слова, свет стал перед лицом её мраком, а потом девушка повторила эти слова отцу, и ему стало тяжело, и дело показалось ему великим. И он изложил эти обстоятельства вельможам правления и патрициям, и они сказали ему; «О царь, она стала нечистой у мусульман, и очистит её только отсечение ста мусульманских голов».

И тогда царь велел привести пленных мусульман, которые были в тюрьме, и их всех привели к царю, и в числе их Нур-ад-дина, и царь велел отрубить им головы. И первый, кому отрубили голову, был капитан корабля, а потом отрубили головы купцам, одному за другим, и остался только Нур-ад-дин. И оторвали кусок от его полы, и завязали ему глаза, и поставили его на коврик крови, и хотели отрубить ему голову. И вдруг, в эту минуту, подошла к царю старая женщина и сказала: «О владыка, ты дал обет отдать каждой церкви пять пленных мусульман, если бог возвратит твою дочь Мариам, чтобы они помогли прислуживать в ней. Теперь твоя дочь, СиттМариам, к тебе прибыла, исполни же обет, который ты дал». – «О матушка, – ответил царь, – клянусь Мессией и истинной верой, не

⁶³³ Колонна Мачт – гигантская колонна, воздвигнутая в Александрии римским префектом Помпеи (322 год н.э.) в честь императора Диоклетиана.

осталось у меня из пленных никого, кроме этого пленника, которого собираются убить. Возьми его – он будет помогать тебе прислуживать в церкви, пока не доставят нам ещё пленных мусульман, и тогда я пришлю тебе остальных четырех. А если бы ты пришла раньше, прежде чем отрубили головы этим пленным, мы бы дали тебе все, что ты хочешь».

И старуха поблагодарила царя за его милость и пожелала ему вечной славы и долгого века, и счастья, а затем она в тот же час и минуту подошла к Нур-ад-дину и свела его с коврика крови, и посмотрела на него, и увидела, что это нежный, изящный юноша, с тонкой кожей, и лицо его, подобно луне, когда она становится полной в четырнадцатую ночь месяца. И старуха взяла его и пошла с ним в церковь и сказала: «О дитя моё, сними одежду, которая на тебе: она годится только для службы султану». И потом она принесла Нур-ад-дину чёрный шерстяной кафтан, чёрный шерстяной платок и широкий ремень и одела его в этот кафтан, а платок повязала ему, как тюрбан, и подпоясала его ремнём, и затем она велела ему прислуживать в церкви. И Нур-ад-дин прислуживал там семь дней.

И когда это было так, старуха вдруг пришла к нему и сказала: «О мусульманин, возьми твою шёлковую одежду, надень её, возьми эти десять дирхемов и сейчас же уходи. Гуляй сегодня и не оставайся здесь ни одной минуты, чтобы не пропала твоя душа». – «О матушка, что случилось?» – спросил её Нур-ад-дин. И старуха сказала: «Знай, о дитя моё, что царская дочь, Ситт-Мариамкушачница, хочет сейчас прийти в церковь, чтобы посетить её и получить благодать и принять причастие ради сладости благополучия, так как она вырвалась из мусульманских стран, и исполнить обеты, которые она дала, на случай, если спасёт её Мессия. И с нею четыреста девушек, каждая из которых не иначе как совершенна по прелести и красоте, и в числе их – дочь везира и дочери эмиров и вельмож правления. Сейчас они явятся, и, может быть, их взгляд упадёт на тебя в этой церкви, и тогда они изрубят тебя мечами». И Нур-ад-дин взял у старухи десять дирхемов, надев сначала свою одежду, и вышел на рынок, и стал гулять по городу, и узнал все его стороны и ворота...»

И Шахразду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Восемьсот восемьдесят вторая ночь

Когда же настала восемьсот восемьдесят вторая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что Нур-ад-дин, надев свою одежду, взял у старухи десять дирхемов и вышел на рынок и отсутствовал некоторое время, пока не узнал все стороны города, а потом он увидел, что Мариам-кушачница, дочь царя Афранджи, подошла к церкви и с нею четыреста девушек – высокогрудых дев, подобных лунам, и в числе их была дочь кривого везира и дочери эмиров и вельмож правления.

И Мариам шла среди них точно луна среди звёзд, и, когда упал на неё взор Нур-ад-дина, он не мог совладать со своей душой и закричал из глубины сердца: «Мариам, о Мариам!» И когда девушки слышали вопль Нур-аддина, который кричал: «О Мариам!», они бросились на него и, обнажив белые мечи, подобные громовым стрелам, хотели тотчас же убить его. И Мариам обернулась, и всмотрелась в Нур-ад-дина, и узнала его самым лучшим образом. И тогда она сказала девушкам: «Оставьте этого юношу: он, несомненно, бесноватый, так как признаки бесноватости видны на его лице». И Нур-ад-дин, услышав от Ситт-Мариам эти слова, обнажил голову, выпучил глаза, замахал руками, скривил ноги и начал пускать пену из уголков рта. И Ситт-Мариам сказала девушкам: «Не говорила ли я вам, что это бесноватый? Подведите его ко мне и отойдите от него, а я послушаю, что он скажет. Я знаю речь арабов и посмотрю, в каком он состоянии, и принимает ли болезнь его бесноватости лечение, или нет».

И тогда девушки подняли Нур-ад-дина и принесли его к царевне, а потом отошли от него, и Мариам спросила: «Ты приехал сюда из-за меня и подверг свою душу опасности и притворился бесноватым?» – «О госпожа, – ответил Нур-ад-дин, – разве не слышала ты слов поэта:

Сказали: «Безумно ты влюблён». И ответил я:
«Поистине, жизнь сладка одним лишь безумным!»
Подайте безумье мне и ту, что свела с ума.
И если безумье – объяснит, – не корите».

«Клянусь Аллахом, о Нур-ад-дин, – сказала Мариам, – поистине, ты сам навлекаешь на себя беду! Я предостерегала тебя от этого, прежде чем оно случилось, но ты не принимал моих слов и последовал своей страсти, а я говорила тебе об этом не по откровению, чтению по лицам или сновидению, – это относится к явной очевидности. Я увидела кривого везира и поняла, что он пришёл в тот город только ища меня». – «О госпожа моя Мариам, – воскликнул Нур-ад-дин, – у Аллаха прошу защиты от ошибки разумного!» И потом состояние Нур-ад-дина ухудшилось, и он произнёс такие стихи:

«Проступок мне подари того, кто споткнулся, ты –
Раба покрывают ведь щедроты его владык,
С злодея достаточно вины от греха его,
Мученье раскаянья уже бесполезно ведь.
Вес сделал, к чему зовёт пристойность, сознавшись, я,
Где то, чего требует прощенье великих душ?»

И Нур-ад-дин с госпожой Мариам-кушачницей все время обменивались упрёками, излагать которые долго, и каждый из них рассказывал другому, что с ним случилось, и они говорили стихи, и слезы лились у них по щекам, как моря. И они сетовали друг другу на силу любви и муки страсти и волнения, пока ни у одного из них не осталось силы говорить, а день повернул на закат и приблизился мрак. И на Ситт-Мариам было зеленое платье, вышитое червонным золотом и украшенное жемчугом и драгоценными камнями, и увеличилась её красота, и прелесть, и изящество её свойств, и отличился тот, кто сказал о ней:

Явилась в зеленом платье полной луной она,
Застёжки расстёгнуты и кудри распущены.
«Как имя?» – я молвил, и в ответ мне она: «Я та,
Что сердце прижгла влюблённых углём пылающим.
Я – белое серебро, я – золото; выручить
Пленённого можно им из плена жестокого».
Сказал я: «Поистине, в разлуке растаял я!»
Она: «Мне ли сетуешь, коль сердце моё – скала?»
Сказал я ей: «Если сердце камень твоё, то знай:
Заставил потечь Аллах из камня воды струю».

И когда наступила ночь, Ситт-Мариам обратилась к девушкам и спросила их: «Заперли ли вы ворота?» – «Мы их заперли», – ответили они. И тогда Ситт-Мариам взяла девушек и привела их в одно место, которое называлось место госпожи Мариам, девы, матери света, так как христиане утверждают, что её дух и её тайна пребывают в этом месте. И девушки стали искать там благодати и ходить вокруг всей церкви. И когда они закончили посещение, Ситт-Мариам обратилась к ним и сказала: «Я хочу войти в эту церковь одна и получить там благодать – меня охватила тоска по ней из-за долгого пребывания в мусульманских странах. А вы, раз вы окончили посещение, ложитесь спать, где хотите». – «С любовью и уважением, а ты делай что желаешь», – сказали девушки.

И затем они разошлись по церкви в разные стороны и легли. И Мариам обманула их бдительность, и, поднявшись, стала искать Нур-ад-дина, и увидела, что он в сторонке и сидит точно на сковородках с углём, ожидая её. И когда Мариам подошла к нему,

Нур-ад-дин поднялся для неё на ноги и поцеловал ей руки, и она села и посадила его подле себя, а потом она сняла бывшие на ней драгоценности, платья и дорогие материи и прижала Нурад-дина к груди и посадила его к себе на колени. И они не переставая целовались, обнимались и издавали звуки: бак, бак, восклицая: «Как коротка ночь встречи и как длинен день разлуки!» И говорили такие слова поэта:

«О первенец любви, о ночь сближенья,
Не лучшая ты из ночей прекрасных –
Приводишь ты вдруг утро в час вечерний.
Иль ты была сурьмой в глазах рассвета?
Иль сном была для глаз ты воспалённых?
Разлуки ночь! Как долго она тянется!
Конец её с началом вновь сближается!
Как у кольца литого, нет конца у ней,
День сбора будет прежде, чем пройдёт она.
Влюблённый, и воскреснув, мёртв в разлуке!»

И когда они испытали это великое наслаждение и полную радость, вдруг один слуга из слуг пресвятой ударил в било на крыше церкви, поднимая тех, кто почитает обряды...»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Восемьсот восемьдесят третья ночь

Когда же настала восемьсот восемьдесят третья ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что Мариам-кушачница с Нур-ад-дином пребывали в наслаждении и радости, пока не поднялся на крышу церкви слуга, приставленный к билу, и не ударил в било. И Мариам в тот же час и минуту встала и надела свои одежды и драгоценности, и это показалось тяжким Нур-ад-дину, и время для него замутилось. И он заплакал, и пролил слезы, и произнёс такие стихи:

«Розу свежих щёк лобызал я непрерывно
И кусал её, все сильнее её кусая.
А когда приятною жизнь нам стала, когда заснул
Доносчик и глаза его смежились,
Застучали в било стучащие, в подражание
Муэдзинам, зовущим на молитву,
И поспешно встала красавица, чтоб одеться, тут,
Боясь звезды доносчика летящей,
И промолвила: «О мечта моя, о желание,
Пришло уж утро с ликом своим белым».
Клянусь, что если б получил я на день власть
И сделался б султаном с сильной дланью,
Разрушил бы все церкви я на их столбах
И всех священников убил бы в мире!»

И потом Ситт-Мариам прижала Нур-ад-дина к груди, и поцеловала его в щеку, и спросила: «О Нур-ад-дин, сколько дней ты в этом городе?» – «Семь дней», – ответил Нур-ад-дин. И девушка спросила: «Ходил ли ты по городу и узнал ли ты его дороги и выходы и ворота со стороны суши и моря?» – «Да», – ответил Нур-ад-дин. «А знаешь ли ты дорогу к сундуку с обетными приношениями, который стоит в церкви?» – спросила Мариам. И Нур-ад-дин ответил: «Да». И тогда она сказала: «Раз ты все это знаешь, когда наступит

следующая ночь и пройдёт первая треть её, сейчас же пойдёшь к сундуку с приношениями и возьми оттуда что захочешь и пожелаешь, а потом открой ворота церкви – те, что в проходе, который ведёт к морю, – и увидишь маленький корабль и на нем десять человек матросов. И когда капитан увидит тебя, он протянет тебе руку, и ты подай ему свою, и он втащит тебя на корабль. Сиди у него, пока я не приду к тебе, и берегись и ещё раз берегись, чтобы не охватил тебя в ту ночь сон: ты будешь раскаиваться, когда раскаяться тебе не поможет». И затем Ситт-Мариам простилась с Нур-ад-дином и сейчас же вышла от него. Она разбудила своих невольниц и других девушек и увела их и, подойдя к воротам церкви, постучалась, и старуха открыла ей ворота, и когда Мариам вошла, она увидела стоящих слуг и патрициев. Они подвели ей пегого мула, и Мариам села на него, и над нею раскинули шёлковый намет, и патриции повели мула за узду, а девушки шли сзади. И Мариам окружили стражники с обнажёнными мечами в руках, и они шли с нею, пока не довели её до дворца её отца.

Вот что было с Мариам-кушачницей. Что же касается Нур-ад-дина каирского, то он скрывался за занавеской, за которой они прятались с Мариам, пока не взошёл день, и открылись ворота церкви, и стало в ней много людей, и Нур-ад-дин вмешался в толпу и пришёл к той старухе, надсмотрщице над церковью. «Где ты спал сегодня ночью?» – спросила старуха. И Нур-ад-дин ответил: «В одном месте в городе, как ты мне велела». – «О дитя моё, ты поступил правильно, – сказала старуха. – Если бы ты провёл эту ночь в церкви, царевна убила бы тебя наихудшим убиением». – «Хвала Аллаху, который спас меня от зла этой ночи!» – сказал Нур-ад-дин.

И Нур-ад-дин до тех пор исполнял свою работу в церкви, пока не прошёл день и не подошла ночь с мрачной тьмой, и тогда Нур-ад-дин поднялся, и отпер сундук с приношениями, и взял оттуда то, что легко уносилось и дорого ценилось из драгоценностей, а потом он выждал, пока прошла первая треть ночи, и поднялся и пошёл к воротам у прохода, который вёл к морю, и он просил у Аллаха покровительства. И Нур-ад-дин шёл до тех пор, пока не дошёл до ворот, и он открыл их, и прошёл через проход, и пошёл к морю, и увидел, что корабль стоит на якоре у берега моря, недалеко от ворот. И оказалось, что капитан этого корабля – престарелый красивый старец с длинной бородой, и он стоял посреди корабля на ногах, и его десять человек стояли перед ним. И Нур-ад-дин подал ему руку, как велела Мариам, и капитан взял его руку и потянул с берега, и Нур-ад-дин оказался посреди корабля.

И тогда старый капитан закричал матросам: «Вырвите якорь корабля из земли и поплывём, пока не взошёл день!» И один из десяти матросов сказал: «О господин мой капитан, как же мы поплывём, когда царь говорил нам, что он завтра поедет на корабле по этому морю, чтобы посмотреть, что там делается, так как он боится за свою дочь Мариам из-за мусульманских воров?» И капитан закричал на матросов и сказал им: «Горе вам, о проклятые, разве дело дошло до того, что вы мне перечите и не принимаете моих слов?» И потом старый капитан вытащил меч из ножен и ударил говорившего по шее, и меч вышел, блистая, из его затылка, и кто-то сказал: «А какой сделал наш товарищ проступок, что ты рубишь ему голову?» И капитан протянул руку к мечу и отрубил говорившему голову, и этот капитан до тех пор рубил матросам головы, одному за одним, пока не убил всех десяти.

И тогда капитан выбросил их на берег, и, обернувшись к Нур-ад-дину, закричал на него великим криком, который испугал его, и сказал: «Выйди, вырви, причальный кол! И Нур-ад-дин побоялся удара меча, и, поднявшись, прыгнул на берег, и вырвал кол, а потом он вбежал на корабль, быстрее разящей молнии. И капитан начал говорить ему: „Сделай то-то и то-то, поверни так-то и так-то и смотри на звезды!“ И Нур-аддин делал все, что приказывал ему капитан, и сердце его боялось и страшилось. И потом капитан поднял паруса корабля, и корабль поплыл по полноводному морю, где бьются волны...»

И Шахразад застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Когда же настала восемьсот восемьдесят четвёртая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что старик капитан поднял паруса корабля, и они с Нурад-дином поплыли на корабле по полноводному морю, и ветер был хорош. И при всем этом Нур-аддин крепко держал в руках тали, а сам утопал в море размышлений, и он все время был погружён в думы и не знал, что скрыто для него в неведомом, и каждый раз, как он взглядывал на капитана, его сердце пугалось, и не знал он, в какую сторону капитан направляется. И он был занят мыслями и тревогами, пока не наступил рассвет дня.

И тогда Нур-ад-дин посмотрел на капитана и увидел, что тот взялся рукой за свою длинную бороду и потянул её, и борода сошла с места и осталась у него в руке. И Нур-ад-дин всмотрелся в неё и увидел, что это была борода приклеенная, поддельная. И тогда он взгляделся в лицо капитана, и как следует посмотрел на него, и увидел, что это Ситт-Мариам – его любимая и возлюбленная его сердца. А она устроила эту хитрость и убила капитана и содрала кожу с его лица, вместе с бородой, и взяла его кожу, и наложила её себе на лицо. И Нур-аддин удивился её поступку, и смелости и твёрдости её сердца, и ум его улетел от радости, и грудь его расширилась и расправилась. «Простор тебе, о моё желание и мечта, о предел того, к чему я стремлюсь!» – воскликнул он. И Нур-ад-дина потрясла страсть и восторг, и он убедился в осуществлении желания и надежды. И он повторил голосом приятнейшие напевы и произнёс такие стихи:

«Тем скажи ты, кто не знает, что люблю
Я любимого, который не для них:
«Моих близких о любви спросите вы,
Сладок стих мой и нежны любви слова
К тем, кто в сердце поселился у меня».
Речь о них прогонит тотчас мой недуг
Из души и все мученья удалит,
И сильнее увлечение и любовь,
Когда сердце моё любит и скорбит,
И уж стало оно притчей средь людей.
Я за них упрёка слышать не хочу,
Нет! И не стремлюсь забыть их вовсе я,
Но любовь в меня метнула горечь ту,
Что зажгла у меня в сердце уголёк, –
От него пылает жаром все во мне.
Я дивлюсь, что всем открыли мой недуг
И бессонницу средь долгой тьмы ночей.
Как хотели грубостью сгубить меня
И в любви сочли законным кровь пролить? –
В притеснение справедливы ведь они.
Посмотреть бы, кто же это вам внушил
Быть суровыми с юнцом, что любит вас!
Клянусь жизнью я и тем, кто создал вас, –
Коль о вас хулитесь слово передал,
Он солгал, клянусь Аллахом, передав.
Пусть Аллах мои недуги не смягчит,
Жажду сердца моего не утолит,
В день, когда на страсть пеняю я в тоске,
Не хочу я взять другого вам взамен.
Мучьте сердце, а хотите – сблизьтесь вы.
Моё сердце не уйдёт от страсти к вам,
Хоть печаль в разлуке с вами узнает.

Это – гнев, а то – прощение – все от вас, –
Ведь для вас не пожалеет он души».

Когда же Нур-ад-дин окончил свои стихи, Ситт-Мариам до крайности удивилась и поблагодарила его за его слова и сказала: «Тому, кто в таком состоянии, надлежит идти путём мужей и не совершать поступков людей низких, презренных». А Ситт-Мариам была сильна сердцем и сведуща в том, как ходят корабли по солёному морю, и знала все ветры и их перемены и знала все пути по морю. И Нур-ад-дин сказал ей: «О госпожа, если бы ты продлила со мною это дело, я бы, право, умер от сильного страха и испуга, в особенности при пыланье огня тоски и страсти и мучительных пытках разлуки». И Мариам засмеялась его словам, и поднялась в тот же час и минуту, и вынула кое-какую еду и питьё, и они стали есть, пить, наслаждаться и веселиться.

А потом девушка вынула яхонты, дорогие камни, разные металлы и драгоценные сокровища и всякого рода золото и серебро, из того, что было легко на вес и дорого ценилось и принадлежало к сокровищам, взятым и принесённым ею из дворца и казны её отца, и показала их Нур-ад-дину, и юноша обрадовался крайней радостью. И при всем этом ветер был ровный, и корабль плыл, и они до тех пор плыли, пока не приблизились к городу Искандарии. И они увидели её вехи, старые и новые, и увидели Колонну Мачт. И когда они вошли в гавань, Нур-ад-дин в тот же час и минуту сошёл с корабля и привязал его к камню из Камней Сукновалов. И он взял немного сокровищ из тех, которые принесла с собою девушка, и сказал Ситт-Мариам: «Посиди, о госпожа, на корабле, пока я не войду с тобой в Искандарию так, как люблю и желаю». И девушка молвила: «Следует, чтобы это было скорее, так как медлительность в делах оставляет после себя раскаяние».

«Нет у меня медлительности», – ответил Нур-ад-дин. И Мариам осталась сидеть на корабле, а Нур-ад-дин отправился в дом москательщика, друга его отца, чтобы взять на время у его жены для Мариам покрывало, одежду, башмаки и изар, какие обычны для женщин Искандарии. И не знал он о том, чего не предусмотрел из превратностей рока, отца дивного дива.

Вот что было с Нур-ад-дином и Мариам-кушачницей. Что же касается её отца, царя Афранджи, то, когда наступило утро, он хватился своей дочери Мариам, но не нашёл её. Он спросил про неё невольниц и евнухов, и те сказали; «О владыка наш, она вышла ночью и пошла в церковь, и после этого мы не знаем о ней вестей». И когда царь разговаривал в это время с невольницами и евнухами, вдруг раздались под дворцом два великих крика, от которых вся местность загудела. И царь спросил: «Что случилось?» И ему ответили: «О царь, нашли десять человек убитых на берегу моря, а корабль царя пропал. И мы увидели, что ворота у прохода, которые около церкви, со стороны моря открыты, и пленник, который был в церкви и присутствовал в ней, пропал». – «Если мой корабль, что был в море, пропал, то моя дочь Мариам – на нем, без сомнения и наверное!» – воскликнул царь...

И Шахразду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Восемьсот восемьдесят пятая ночь

Когда же настала восемьсот восемьдесят пятая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что царь Афранджи, когда пропала его дочь Мариам, воскликнул: „Если мой корабль пропал, то моя дочь Мариам – на нем, без сомнения и наверное!“ И потом царь в тот же час и минуту позвал начальника гавани и сказал ему:

«Клянусь Мессией и истинной верой, если ты сейчас же не настигнешь с войсками мой корабль и не приведёшь его и тех, кто на нем есть, я убью тебя самым ужасным убийством и изувечу тебя!» И царь закричал на начальника гавани, и тот вышел от него, дрожа, и призвал ту старуху из церкви и спросил её: «Что ты слышала от пленника, который был у тебя, о его стране и из какой он страны?» – «Он говорил: „Я из города Искандарии“, – ответила старуха.

И когда начальник услышал её слова, он в тот же час и минуту вернулся в гавань и закричал матросам: „Собирайтесь и распускайте паруса!“

И они сделали так, как приказал им начальник, и поехали, и ехали непрестанно ночью и днём, пока не приблизились к городу Искандарии в ту минуту, когда Нурад-дин сошёл с корабля и оставил там Ситт-Мариам. А среди франков был тот везирь, кривой и хромой, который купил Мариам у Нур-ад-дина. И когда франки увидели привязанный корабль, они узнали его и, привязав свой корабль вдали от него, подъехали к нему на маленькой лодке из своих лодок, которая плавала по воде глубиной в два локтя. И в этой лодке была сотня бойцов, и в числе их хромой и кривой везирь (а это был непокорный притеснитель и непослушный сатана, хитрый вор, против хитрости которого никто не мог устоять), и он был похож на Абу-Мухаммеда аль-Батталя. И франки гребли иплыли до тех пор, пока не подъехали к кораблю Мариам, и они бросились на корабль и напали на него единым нападением, но не нашли на нем никого, кроме Ситт-Мариам, и тогда они захватили девушку и корабль, на котором она находилась, после того как вышли на берег и провели там долгое время. А потом они в тот же час и минуту вернулись на свои корабли, захватив то, что они хотели, без боя и не обнажая оружия, и повернули назад, направляясь в страны румов. И они поехали, и ветер был хорош, и они спокойно ехали до тех пор, пока не достигли города Афранджи.

И они привели Ситт-Мариам к её отцу, который сидел на престоле своей власти, и когда её отец увидел её, он воскликнул: «Горе тебе, о обманщица! Как ты оставила веру отцов и дедов и крепость Мессии, на которую следует опираться, и последовала вере бродяг (он разумел веру ислама), что поднялись с мечом наперекор кресту и идолам?» – «Нет за мной вины, – ответила Мариам. – Я вышла ночью в церковь, чтобы посетить госпожу Мариам и сподобиться от неё благодати, и когда я чем-то отвлеклась, мусульманские воры вдруг напали на меня и заткнули мне рот и крепко меня связали, и они положили меня на корабль и поехали со мной в свою сторону. И я обманула их и говорила с ними об их вере, пока они не развязали моих уз, и мне не верилось, что твои люди догнали меня и освободили. Клянусь Мессией и истинной верой, клянусь крестом и тем, кто был на нем распят, я радовалась тому, что вырвалась из их рук, до крайней степени, и моя грудь расширилась и расправилась, когда я освободилась из мусульманского плена». – «Ты лжёшь, о распутница, о развратница! – воскликнул её отец. – Клянусь тем, что стоит в ясном Евангелии из ниспосланных запрещений и разрешений, я неизбежно убью тебя наихудшим убийством и изувечу тебя ужаснейшим образом. Разве не довольно тебе того, что ты сделала сначала, когда вошли к нам твои козни, и теперь ты возвращаешься к нам с твоими обманами!»

И царь приказал убить Мариам и распять её на воротах дворца, но в это время вошёл к нему кривой везирь (он давно был охвачен любовью к Мариам) и сказал ему: «О царь, не убивай её и жени меня на ней. Я желаю её сильнейшим желанием, но не войду к ней раньше, чем построю ей дворец из крепкого камня, самый высокий, какой только строят, так что никакой вор не сможет взобраться на его крышу. А когда я кончу его строить, я зарежу у ворот его тридцать мусульман и сделаю их жертвою Мессии от меня и от неё». И царь пожаловал ему разрешение на брак с Мариам и позволил священникам, монахам и патрициям выдать её за него замуж, и девушку выдали за кривого везиря, и царь позволил начать постройку высокого дворца, подходящего для неё, и рабочие принялись работать.

Вот что было с царевной Мариам, её отцом и кривым везирем. Что же касается Нур-ад-дина и старика москательщика, то Нур-ад-дин отправился к москательщику, другу своего отца, и взял у его жены на время изар, покрывало, башмаки и одежду – такую, как одежда женщин Искандарии, и вернулся к морю, и направился к кораблю, где была Ситт-Мариам, но увидел, что место пустынно и цель посещения далека...»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Восемьсот восемьдесят шестая ночь

Когда же настала восемьсот восемьдесят шестая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что когда Нур-ад-дин увидел, что место пустынно и цель посещения далека, его сердце стало печальным, и он заплакал слезами, друг за другом бегущими, и произнёс слова поэта:

«Летит ко мне призрак Суд, пугает меня, стучась,
С зарёю, когда друзья спят крепко в пустыне.
Когда же проснулись мы и призрак унёсся вдаль,
Увидел я – пусто все и цель отдалённа».

И Нур-ад-дин пошёл по берегу моря, оборачиваясь направо и налево, и увидел людей, собравшихся на берегу, и они говорили: «О мусульмане, нет больше у города Искандарии чести, раз франки вступают в него и похищают тех, кто в нем есть, и они мирно возвращаются в свою страну, и не выходит за ними никто из мусульман или из воинов нападающих!» – «В чем дело?» – спросил их Нур-ад-дин. И они сказали: «О сынок, пришёл корабль из кораблей франков, и в нем были войска, и они сейчас напали на нашу гавань и захватили корабль, стоявший там на якоре, вместе с теми, кто был на нем, и спокойно уехали в свою страну». И Нур-ад-дин, услышав их слова, упал, покрытый беспамятством, а когда он очнулся, его спросили о его деле, и он рассказал им свою историю, от начала до конца. И когда люди поняли, в чем с ним дело, всякий начал его бранить и ругать и говорить ему: «Почему ты хотел увести её с корабля только в изаре и покрывале?» И все люди говорили ему слова мучительные, а некоторые говорили: «Оставьте его, достаточно с него того, что с ним случилось». И каждый огорчал Нурад-дина словами и метал в него стрелами упрёков, так что он упал, покрытый беспамятством.

И когда люди и Нур-ад-дин были в таком положении, вдруг подошёл старик москательщик, и он увидел собравшихся людей и направился к ним, чтобы узнать в чем дело, и увидел Нур-ад-дина, который лежал между ними, покрытый беспамятством. И москательщик сел подле него и привёл его в чувство, и когда Нур-ад-дин очнулся, спросил его: «О дитя моё, что означает состояние, в котором ты находишься?» – «О дядюшка, – ответил Нур-аддин, – невольницу, которая у меня пропала, я привёз из города её отца на корабле и вытерпел то, что вытерпел, везя её, а когда я достиг этого города, я привязал корабль к берегу и оставил невольницу на корабле, а сам пошёл в твоё жилище и взял у твоей жены вещи для невольницы, чтобы привести её в них в город. И пришли франки, и захватили корабль, и на нем невольницу, и спокойно уехали, и достигли своих кораблей».

И когда старик москательщик слышал от Нур-ад-дина эти слова, свет сделался перед лицом его мраком, и он опечалился о Нур-ад-дине великой печалью. «О дитя моё, – воскликнул он, – отчего ты не увёз её с корабля в город без изара? Но теперь не помогут уже слова! Вставай, о дитя моё, и пойдём со мной в город – может быть, Аллах наделит тебя невольницей более прекрасной, чем та, и ты забудешь с нею о первой девушке. Слава Аллаху, который не причинил тебе в ней никакого убытка, а наоборот, тебе досталась через неё прибыль! И знай, о дитя моё, что соединение и разъединение – в руках владыки возвышающегося». – «Клянусь Аллахом, о дядюшка, – воскликнул Нур-ад-дин, – я никак не могу забыть о ней и не перестану её искать, хотя бы мне пришлось выпить из-за неё чашу смерти».

«О дитя моё, что ты задумал в душе и хочешь сделать?» – спросил москательщик. И Нур-ад-дин сказал: «Я имею намерение вернуться в страну румов и вступить в город Афранджу и подвергнуть свою душу опасностям, и дело либо удастся, либо не удастся». – «О дитя моё, – молвил москательщик, – в ходячих поговорках сказано: „Не всякий раз останется цел кувшин“. И если они в первый раз с тобой ничего не сделали, то, может быть, они убьют тебя в этот раз» особенно потому, что они тебя хорошо узнали». – «О дядюшка, –

сказал Нур-ад-дин, – позволь мне поехать и быть убитым быстро из-за любви к ней, разве лучше не быть убитым, оставив её в пытке и смущении».

А по соответствию судьбы, в гавани стоял один корабль, снаряжаемый для путешествия, и те, кто ехал на нем, исполнили все свои дела, и в эту минуту они выдёргивали причальные колья. И Нур-ад-дин поднялся на корабль, и корабль плыл несколько дней, и время и ветер были для путников хороши. И когда они ехали, вдруг появились корабли из кораблей франков, кружившие по полноводному морю. А увидев корабль, они всегда брали его в плен, боясь за царевну из-за воров мусульман, и когда они захватывали корабль, то доставляли всех, кто был на нем, к царю Афранджи, и тот убивал их, исполняя обет, который он дал из-за своей дочери Мариам. И они увидели корабль, в котором был Нур-ад-дин, и захватили его, и взяли всех, кто там был, и привели к царю, отцу Мариам, и, когда пленников поставили перед царём, он увидел, что их сто человек мусульман, и велел их зарезать в тот же час и минуту, и в числе их Нурад-дина, а палач оставил его напоследок, пожалев его из-за его малых лет и стройности его стана.

И когда царь увидел его, он его узнал как нельзя лучше и спросил его: «Нур-ад-дин ли ты, который был у нас в первый раз, прежде этого раза?» И Нур-ад-дин ответил: «Я не был у вас, и моё имя не Нур-ад-дин, моё имя – Ибрахим». – «Ты лжёшь! – воскликнул царь. – Нет, ты Нур-ад-дин, которого я подарил старухе, надсмотрщице за церковью, чтобы ты помогал ей прислуживать п церкви». – «О владыка, – сказал Нур-ад-дин, – моё имя Ибрахим». И царь молвил: «Когда старуха, надсмотрщица за церковью, придёт и посмотрит на тебя, она узнает, Нур-ад-дин ли ты, или кто другой».

И когда они говорили, вдруг кривой везирь, который женился на царской дочери, вошёл в ту самую минуту и поцеловал перед царём землю и сказал: «О царь, знай, что постройка дворца окончена, а тебе известно, что я дал обет, когда кончу постройку, зарезать у дворца тридцать мусульман, и вот я пришёл к тебе, чтобы взять у тебя тридцать мусульман и зарезать их и исполнить обет Мессии. Я возьму их под мою ответственность, в виде займа, а когда придут ко мне пленные, я дам тебе других, им взамен». – «Клянусь Мессией и истинной верой, – сказал царь, – у меня не осталось никого, кроме этого пленника». И он показал на Нур-ад-дина и сказал везиру: «Возьми его и зарежь сейчас же, а я пришлю тебе остальных, когда придут ко мне пленные мусульмане». И кривой везирь встал, и взял Нур-ад-дина, и привёл его ко дворцу, чтобы зарезать его на пороге его дверей. И маляры сказали ему: «О владыка, нам осталось работать и красить два дня. Потерпи и подожди убивать этого пленника, пока мы не кончим красить. Может быть, к тебе придут недостающие до тридцати, и ты зарежешь их всех разом и исполнишь свой обет в один день». И тогда везирь приказал заточить Нур-ад-дина...»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Восемьсот восемьдесят седьмая ночь

Когда же настала восемьсот восемьдесят седьмая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что когда везирь приказал заточить Нур-ад-дина, его отвели, закованного, в конюшню, и он был голоден, и хотел пить, и печалился о себе, и увидел он смерть своими глазами. А по определённой судьбе и твёрдо установленному предопределению было у царя два коня, единоутробные братья, одного из которых звали Сабик, а другого Ляхик⁶³⁴, и о том, чтобы заполучить одного из них, вздыхали царя Хосрои. И один из его коней был серый, без пятнышка, а другой – вороной, словно тёмная ночь, и все цари островов говорили: «Всякому, кто украдёт одного из этих коней, мы дадим все, что он потребует из красного

⁶³⁴ Эти имена означают – «опережающий» и «настигающий». Так обычно называли у средневековых арабов коней, занявших первое и второе место на конских состязаниях.

золота, жемчугов и драгоценностей», – но никто не мог украсть ни которого из этих коней.

И случилась с одним из них болезнь – пожелтение белка в глазах, и царь призвал всех коновалов, чтобы вылечить коня, и они все не смогли этого. И вошёл к царю кривой везирь, который женился на его дочери, и увидел, что царь озабочен из-за этого коня, и захотел прогнать его заботу. «О царь, – сказал он, – отдай мне этого коня, я его вылечу». И царь отдал ему коня, и везирь перевёл его в конюшню, в которой был заперт Нур-аддин. И когда этот конь покинул своего брата, он закричал великим криком и заржал, и люди встревожились из-за его крика, и понял везирь, что конь испустил этот крик только из-за разлуки со своим братом. И он пошёл и осведомил об этом царя, и когда царь как следует понял его слова, он сказал: «Если он – животное и не стерпел разлуки со своим братом, то каково же обладателям разума?» И потом он приказал слугам перевести второго коня к его брату, в дом везирия, мужа Мариам, и сказал им: «Скажите везирию: „Царь говорит тебе: «Оба коня пожалованы тебе от него, в угождение его дочери Мариам“».

И когда Нур-ад-дин лежал в конюшне, скованный и в путах, он вдруг увидел обоих коней и заметил на глазах одного из них бельма. А у него были некоторые знания о делах с конями и применении к ним лечения, и он сказал про себя: «Вот, клянусь Аллахом, время воспользоваться случаем! Я встану, и солгу везирию, и скажу ему: „Я вылечу этого коня!“ И я сделаю что-нибудь, от чего его глаза погибнут, и тогда везирь убьёт меня, и я избавлюсь от этой гнусной жизни». И потом Нур-ад-дин дождался, пока везирь пришёл в конюшню, чтобы взглянуть на коней, и когда он вошёл, Нур-ад-дин сказал ему: «О владыка, что мне с тебя будет, если я вылечу этого коня и сделаю ему что-то, от чего его глаза станут хорошими?» – «Клянусь жизнью моей головы, – ответил везирь, – если ты его вылечишь, я освобожу тебя от убийства и позволю тебе пожелать от меня». – «О владыка, – сказал Нур-ад-дин, – прикажи расковать мне руки». И везирь приказал его освободить, и тогда Нур-ад-дин поднялся, взял свежевыдутого стекла, истолок его в порошок, взял негашёной извести и смешал с луковой водой, и затем он приложил все это к глазам коня и завязал их, думая: «Теперь его глаза провалятся, и меня убьют, и я избавлюсь от этой гнусной жизни». И Нур-ад-дин проспал эту ночь с сердцем, свободным от нащёптывания заботы, и взмолился великому Аллаху, говоря: «О господи, мудрость твоя такова, что избавляет от просьбы».

А когда наступило утро и засияло солнце над холмами и долинами, везирь пришёл в конюшню и снял повязку с глаз коня, и посмотрел на них, и увидел, что это прекраснейшие из красивых глаз по могуществу владыки открывающего. И тогда везирь сказал Нур-ад-дину: «О мусульманин, я не видел в мире подобного тебе по прекрасному умению! Клянусь Мессией и истинной верой, ты удовлетворил меня крайним удовлетворением – ведь бессильны были излечить этого коня все коновалы в нашей стране». И потом он Подошёл к Нур-ад-дину и освободил его от цепей своей рукой, а затем одел его в роскошную одежду и назначил его надзирателем над своими конями, и установил ему довольствие и жалованье, и поселил его в комнате над конюшней.

А в новом дворце, который везирь выстроил для СиттМариам, было окно, выходившее на дом везирия и на комнату, в которой поселился Нур-ад-дин. И Нур-ад-дин просидел несколько дней за едой и питьём, и он наслаждался, и веселился, и приказывал, и запрещал слугам, ходившим за конями, и всякого из них, кто пропадал и не задавал корму коням, привязанным в том стойле, где он прислуживал, Нур-ад-дин валил и бил сильным боем и накладывал ему на ноги железные цепи. И везирь радовался на Нур-ад-дина до крайности, и грудь его расширилась и расправилась, и не знал он, к чему приведёт его дело, а Нур-ад-дин каждый день спускался к коням и вытирал их своей рукой, ибо знал, как они дороги везирию и как тот их любит.

А у кривого везирия была дочь, невинная, до крайности прекрасная, подобная убежавшей газели или гибкой ветке. И случилось, что она в какой-то день сидела у окна, выходившего на дом везирия и на помещение, где был Нур-ад-дин, и вдруг она услышала, что Нур-ад-дин поёт и сам себя утешает в беде, произнося такие стихи: «Хулитель мой, что стал в своей сущности Изнеженным и весь цветёт в радостях, – Когда терзал бы рок тебя бедами,

Сказал бы ты, вкусив его горечи:

«Ах, прочь любовь и все её горести –
Спалила сердце мне она пламенем!»
Но вот теперь спасён от обмана я,
От крайностей и бед её спасся я,
Так не кори в смущение впавшего,
Что восклицает, страстью охваченный:
«Ах, прочь любовь и все её горести –
Спалила сердце мне она пламенем!»
Прощающим влюблённых в их бедах будь,
Помощником хулителей их не будь,
И берегись стянуть ты верёвку их
И страсти пить не принуждай горечь их.
Ах, прочь любовь и все её горести –
Спалила сердце мне она пламенем!
Ведь был и я среди рабов прежде вас,
Подобен тем, кто ночью спит без забот.
Не знал любви и бдения вкуса я,
Пока меня не позвала страсть к себе.
Ах, прочь любовь и все её горести –
Спалила сердце мне она пламенем!
Любовь познал и все унижения
Лишь тот, кто долго страстью мучим был,
Кто погубил рассудок свой, полюбив,
И горечь пил в любви одну долго он.
Ах, прочь любовь и все её горести –
Спалила сердце мне она пламенем!
Как много глаз не спит в ночи любящих,
Как много век лишилось сна сладкого!
И сколько глаз, что слезы льют реками,
Текущими от мук любви вдоль ланит!
Ах, прочь любовь и все её горести –
Спалила сердце мне она пламенем!
Как много есть безумных в любви своей,
Что ночь не спят в волненье, вдали от сна;
Одели их болезни одеждою,
И грёзы сна от ложа их изгнаны.
Ах, прочь любовь и все её горести –
Спалила сердце мне она пламенем!
Истлели кости, мало терпения,
Течёт слеза, как будто дракона кровь.
Как строен он! Все горьким мне кажется,
Что сладостным находит он, пробуя.
Ах, прочь любовь и все её горести –
Спалила сердце мне она пламенем!
Несчастен тот, кто мне подобен по любви
И пребывает ночью тёмною без сна.
Коль в море грубости плывёт и тонет он,
На страсть свою, вздыхая, он сетует.
Ах, прочь любовь и все её горести –
Спалила сердце мне она пламенем!

Кто тот, кто страстью не был испытан век
И козней кто избег её» тонких столь?
И кто живёт, свободный от мук её,
Где тот, кому досталось спокойствие?
Ах, прочь любовь и все её горести –
Спалила сердце мне она пламенем!
Господь, направь испытанных страстью
И сохрани, благой из хранящих, их!
И надели их стойкостью явную
И кроток будь во всех испытаньях к ним.
Ах, прочь любовь и все её горести –
Спалила сердце мне она пламенем!»

И когда Нур-ад-дин завершил свои последние слова и окончил свои нанизанные стихи, дочь везира сказала про себя: «Клянусь Мессией и истинной верой, этот мусульманин – красивый юноша, по только он, без сомнения, покинутый влюблённый. Посмотреть бы, возлюбленный этого юноши красив ли, как он, и испытывает ли он то же, что этот юноша, или нет? Если его возлюбленный красив, как и он, то этот юноша имеет право лить слезы и сетовать на любовь, а если его возлюбленный не красавец, то погубил он свою жизнь в печалах и лишён вкуса наслаждения...»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Восемьсот восемьдесят восьмая ночь

Когда же настала восемьсот восемьдесят восьмая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что дочь везира говорила про себя: „Если его возлюбленный красив, этот юноша имеет право лить слезы, а если его возлюбленный не красив, он загубил свою жизнь в печалах“. А Мариам-кушачницу, жену везира, перевели во дворец накануне этого дня, и дочь везира увидела по ней, что у неё стеснилась грудь, и решила пойти к ней и рассказать о деле этого юноши и о том, какие она слышала от него стихи, и не успела она до конца подумать об этих словах, как Ситт-Мариам, жена её отца, прислала за ней, чтобы она развлекла её разговором. И девушка пошла к ней и увидела, что грудь Мариам стеснилась, и слезы текут у неё по щекам, и она плачет сильным плачем, больше которого нет, сдерживая слезы и произнося такие стихи:

«Прошёл мой век, а век любви все длится,
И грудь тесна моя от сильной страсти,
А сердце плавится от мук разлуки,
Надеется, что встречи дни вернутся
И будет близость стройной, соразмерной.
Не укоряй утратившего сердце,
Худого телом от тоски и горя,
И не мечи в любовь стрелой упрёков –
Ведь в мире нет несчастнее влюблённых,
Но горечь страсти кажется нам сладкой».

И дочь везира сказала Ситт-Мариам: «Отчего, о царевна, у тебя стеснена грудь и рассеяны мысли?» И Ситт-Мариам, услышав слова дочери везира, вспомнила минувшие великие наслаждения и произнесла такие два стиха:

«Терплю по привычке я разлуку с возлюбленным,

И слез жемчуга струю я россыпь за россыпью.
Быть может, пришлёт Аллах мне помощь – поистине,
Все лёгкое он ведь свил под крыльями трудного».

«О царевна, – сказала ей дочь везиря, – не будь со стеснённой грудью и пойдём сейчас к окну дворца – у нас в конюшне есть красивый юноша со стройным станом и сладкою речью, и, кажется, он покинутый влюблённый». – «По какому признаку ты узнала, что он покинутый влюблённый?» – спросила Ситт-Мариам. И дочь везиря сказала: «О царевна, я узнала это потому, что он говорит касыды и стихи в часы ночи и части дня». И Ситт-Мариам подумала про себя: «Если слова дочери везиря истинны, то это примета огорчённого, несчастного Али Нур-ад-дина. Узнать бы, он ли тот юноша, про которого говорит дочь везиря!» И тут усилилась любовь Ситт-Мариам, её безумие, волнение и страсть, и она поднялась в тот же час и минуту, и, подойдя с дочерью везиря к окну, посмотрела в него и увидела, что тот юноша – её возлюбленный и господин Нур-ад-дин. И она пристально всмотрелась в него и узнала его как следует, но только он был больной от великой любви к пей и влюблённости в неё и от огня страсти, мук разлуки и безумия любви и тоски, и увеличилась его худоба, и он начал говорить и сказал:

«В неволе сердце, но свободно глаз течёт,
С ним не сравнится облаку текучему.
Я плачу, по ночам не сплю, тоскую я.
Рыдаю я, горюю о возлюбленных.
О пламя, б печаль моя, о страсть моя –
Теперь числом их восемь набралось всего,
За ними следом пять и пять ещё идёт.
Постойте же, послушайте слова мои!
То память, мысль, и вздох, и изнурение,
Страданье, и изгнание, и любовь моя,
И горе, и веселие, как видишь ты.
Терпения и стойкости уж нет в любви,
Ушло терпенье, и конец приходит мне.
Велики в сердце муки от любви моем,
О вопрошающий, каков огонь в душе!
Зачем пылает так в душе слеза моя?
То пламя в сердце пышет непрерывное.
В потоке слез я утопаю льющихся,
Но жаром страсти в пропасть ввергнут адскую».

И, увидев своего господина Нур-ад-дина и услышав его проникающие стихи и дивную прозу, Ситт-Мариам убедилась, что это он, но скрыла своё дело от дочери везиря и сказала ей: «Клянусь Мессией и истинной верой, я не думала, что тебе ведомо о стеснении моей груди!»

А затем она в тот же час и минуту поднялась и отошла от окна и вернулась на своё место, и дочь везиря ушла к своему делу. И Ситт-Мариам выждала некоторое время, и вернулась к окну, и, сев у окна, стала смотреть на своего господина Нур-ад-дина и вглядываться в его тонкость и нежность его свойств, и увидела она, что он подобен луне, когда она становится полной в четырнадцатую ночь, но только он вечно печален и струит слезы, так как вспоминает о том, что минуло. И он произносит такие стихи:

«Я питал надежду на близость с милой, и нет её,
Но близость к жизни горечью досталась мне.
Моих слез потоки напоят море течением,

Но когда я вижу хулителей, я скрываю их.
Ах, сгинул бы призвавший день разлуки к нам,
Разорвал бы я язык его, попадись он мне!
Упрёка нет на днях за то, что сделали, –
Напиток мой они смешали с горечью.
К кому пойду, когда не к вам направлюсь я?
Ведь сердце в ваших я садах оставил вам.
Кто защитник мой от обидчика самовластного?
Все злее он, когда я власть даю ему.
Ему я дух мой отдал, чтоб хранил он дар,
Но меня сгубил он и то сгубил, что я дал ему.
Я истратил жизнь, чтоб любить его.
О, если бы Мне близость дали взамен того, что истратил я!
О газеленок, в сердце пребывающий,
Достаточно разлуки я испробовал!
Ты тот, чей лик красоты все собрал в себе,
Но все терпенье на него растратил я.
Поселил я в сердце его моем – поселилось там
Испытание, но доволен я поселившимся,
Течёт слеза, как море полноводное,
Если б знал дорогу, поистине, я бы шёл по ней.
И боялся я, и страшился я, что умру в тоске
И все уйдёт, на что имел надежду я».

И когда Мариам услышала от Нур-ад-дина, влюблённого, покинутого, это стихотворение, пришло к ней из-за его слов сострадание, и она пролила из глаз слезы и произнесла такое двестишье:

«Стремилась к любимым я, но лишь увидела их,
Смутилась я, потеряв над сердцем и взором власть.
Упрёки готовила я целыми свитками,
Когда же мы встретились, ни звука я не нашла».

И Нур-ад-дин, услышав слова Ситт-Мариам, узнал её, и заплакал сильным плачем и воскликнул: «Клянусь Аллахом, это звук голоса Ситт-Мариам-кушачницы – без сомнения и колебания и метания камней в неведомое...»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Восьмьсот восемьдесят девятая ночь

Когда же настала восьмьсот восемьдесят девятая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что Нур-ад-дин, услышав, что Мариам произносит стихи, воскликнул про себя: „Поистине, это звук голоса Ситт-Мариам, без сомнения и колебания и метания камней в неизвестное! Посмотреть бы, правильно ли моё предположение, действительно ли это она или кто-нибудь другой!“ И потом усилилась печаль Нур-ад-дина, и он заохал и произнёс такие стихи:

«Увидел раз хуливший за страсть меня,
Что встретил на просторе я милую
И не сказал ни слова упрёка ей:
Упрёки ведь – лечение тоскующих.

И молвил он: «Молчишь почему, скажи,
И верного не можешь ответа дать?»
И молвил я; «О ты, что не ведаешь
Чувств любящих и в них сомневаешься!
Влюблённых признак, страсти примета их –
Молчание при встрече с любимыми».

А когда он окончил свои стихи, Ситт-Мариам принесла чернильницу и бумагу и написала в ней после священных слов: «А затем – привет на тебе Аллаха и милость его и благословенье! Сообщаю тебе, что невольница Мариам тебя приветствует и что велика по тебе её тоска, и вот её послание к тебе. В минуту, когда эта бумажка попадёт к тебе в руки, тотчас же и немедленно поднимайся и займись тем, чего Мариам от тебя хочет, с крайней заботой, и берегись ослушаться её или заснуть. Когда пройдёт первая треть ночи (а этот час – самое счастливое время), у тебя не будет иного дела, кроме как оседлать обоих коней и выйти с ними за город, и всякому, кто спросит: „Куда ты идёшь?“, отвечай: „Я иду их поводить“. Если ты так скажешь, тебя не задержит никто: жители этого города уверены, что ворота заперты».

И потом Ситт-Мариам завернула бумажку в шёлковый платок и бросила её Нур-ад-дину из окна, и Нур-аддин взял её, и прочитал, и понял, что в ней содержится, и узнал почерк Ситт-Мариам. И он поцеловал записку, и приложил её ко лбу между глаз, и вспомнил былую приятную близость, и, пролив слезы из глаз, произнёс такое двустиише:

«Пришло к нам послание от вас в ночном сумраке,
Тоску взволновав по вас во мне, изнулив меня.
И жизнь мне напомнила, прошедшую в близости,
Хвала же владыке, мне разлуку пославшему!»

А потом Нур-ад-дин, когда опустилась над ним ночь, занялся уборкой коней и выждал, пока прошла первая треть ночи, и тогда в тот же час и минуту подошёл к коням и положил на них два седла из лучших сёдел, а затем вывел их из ворот конюшни и запер ворота и, дойдя с конями до городских ворот сел, ожидая Ситт-Мариам.

Вот то, что было с Нур-ад-дином. Что же касается царевны Мариам, то она в тот же час и минуту направилась в помещение, приготовленное для неё во дворце, и увидела, что кривой везирь сидит в этом помещении, опершись на подушку, набитую перьями страуса (а он совестился протянуть к Ситт-Мариам руку или заговорить с нею). И, увидав его, Ситт-Мариам обратилась в сердце к своему господину и сказала: «О боже, не дай ему достигнуть со мною желаемого и не суди мне стать нечистой после чистоты!» А потом она подошла к везиру и выказала к нему дружбу, и села подле него, и приласкала его, и сказала: «О господин мой, что это ты от нас отворачиваешься? Высокомерие ли это с твоей стороны и надменность ли к нам? Но говорит сказавший ходячую поговорку: „Когда приветствие не имеет сбыта, приветствуют сидящие стоящих“. И если ты, о господин мой, не подходишь ко мне и не заговариваешь со мною, тогда я подойду к тебе и заговорю с тобой». – «Милость и благодеяние – от тебя, о владеющая землёю и вдоль и поперёк, и разве я не один из твоих слуг и ничтожнейших твоих прислужников?» – ответил везирь. – Мне только совестно посягнуть на возвышенную беседу с тобой, о жемчужина бесподобная, и лицо моё перед тобой глядит в землю». – «Оставь эти слова и принеси нам еду и напитки», – сказала царевна.

И тогда везирь кликнул своих невольниц и евнухов и велел им принести скатерть, на которой было то, что ходит и летает и плавает в морях: ката, перепёлки, птенцы голубей, молочные ягнята и жирные гуси, и были там подрумяненные куры и кушанья всех форм и видов. И Ситт-Мариам протянула руку к скатерти, и стала есть, и начала класть в рот куски пальцами и целовать его в губы, и они ели до тех пор, пока не насытились едою, а

потом они вымыли руки, и евнухи убрали скатерть с кушаньем и принесли скатерть с вином. И Мариам стала наливать и пить – и поить везиря, и она служила ему, как подобает, и сердце везиря едва не улетело от радости, и его грудь расширилась и расправилась. И когда разум везиря исчез для истины и вино овладело им, царевна положила руку за пазуху и вынула кусок крепкого маграбинского банджа – такого, что если бы почуял малейший его запах слон, он бы проспал от года до года (Мариам приготовила его для подобного часа), и затем она отвлекла внимание везиря, и растёрла бандж в кубке, и, наполнив кубок, подала его везирю. И ум везиря улетел от радости, и не верилось ему, что царевна предлагает ему кубок, и он взял кубок и выпил его, и едва утвердилось вино у него в желудке, как он тотчас же упал на землю, поверженный.

И тогда Ситт-Мариам поднялась на ноги и, направившись к двум большим мешкам, наполнила их тем, что легко весом и дорого стоит из драгоценных камней, яхонтов и всевозможных дорогих металлов, а потом она взяла с собой немного съестного и напитков и надела доспехи войны и сечи, снарядившись и вооружившись. И она взяла с собой для Нур-ад-дина, чтобы порадовать его, роскошные царственные одежды и набор покоряющего оружия, а затем подняла мешки на плечи и вышла из дворца (а она обладала силой и отвагой) и отправилась к Нур-ад-дину.

Вот то, что было с Мариам. Что же касается Нур-ад-дина...

И Шахразад упустила из виду, и она прекратила дозволенные речи.

Ночь, дополняющая до восьмисот девяноста

Когда же настала ночь, дополняющая до восьмисот девяноста, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что Мариам, выйдя из дворца, отправилась к Нур-ад-дину (а она обладала силой и отвагой).

Вот то, что было с Мариам. Что же касается Нур-аддина, влюблённого, несчастного, то он сидел у ворот города, ожидая Мариам, и поводья коней были у него в руке, и Аллах (велик он и славен!) наслал на него сон, и он заснул – слава тому, кто не спит! А цари островов в то время не жалели денег на подкуп за кражу тех двух коней или одного из них, и в те дни существовал один чёрный раб, воспитавшийся на островах, который умел красть коней, и цари франков подкупали его большими деньгами, чтобы он украл одного коня, и обещали, если он украдёт обоих, подарить ему целый остров и наградить его роскошной одеждой. И этот раб долгое время кружил по городу Афрандже, прячась, но не мог взять коней, пока они были у царя, а когда царь подарил коней кривому везирю и тот перевёл их к себе в конюшню, раб обрадовался сильной радостью и стал надеяться их взять. И он воскликнул: «Клянусь Мессией и истинной верой, я их украду»!

И он вышел, в ту самую ночь, и направился к конюшне, чтобы украсть коней, и когда он шёл по дороге, он вдруг бросил взгляд и увидел Нур-ад-дина, который спал, держа поводья коней в руке. И раб снял поводья с головы коней и хотел сесть на одного из них и погнать перед собой другого, и вдруг подошла Ситт-Мариам, неся мешки на плече. И она подумала, что раб – это Нур-аддин, и подала ему один мешок, и раб положил его на коня, а потом Мариам подала ему второй мешок, и он положил его на другого коня, а сам молчал, и Мариам думала, что это Нур-ад-дин. И они выехали за ворота города, а раб все молчал, и Мариам сказала ему: «О господин мой Нурад-дин, отчего ты молчишь?» И раб обернулся, сердитый, и сказал: «Что ты говоришь, девушка?» И Мариам, услышав бормотанье раба, узнала, что это не речь Нур-ад-дина, и тогда она подняла голову, и посмотрела на раба, и увидела, что у него ноздри как кувшины. И когда Мариам посмотрела на раба, свет стал перед лицом её мраком, и она спросила его: «Кто ты будешь, о шейх сыновей Хама, и как твоё имя среди людей?» – «О дочь скверных, – сказал раб, – моё имя – Масуд, что крадёт коней, когда люди спят». И Мариам не ответила ему ни одним словом, но тотчас же обнажила меч и ударила его по плечу, и меч вышел, сверкая, через его связки. И раб упал на

землю, поверженный, и стал биться в крови, и поспешил Аллах послать его душу в огонь (а скверное это обиталище!).

И тогда Ситт-Мариам взяла коней и села на одного из них, а другого схватила рукой и повернула вспять, чтобы найти Нур-ад-дина. И она нашла его лежащим в том месте, где она условилась с ним встретиться, и поводья были у него в руке, и он спал, и храпел во сне, и не отличал у себя рук от ног. И Мариам сошла со спины копя и толкнула Нур-ад-дина рукой, и тот пробудился от сна, испуганный, и воскликнул: «О госпожа, слава Аллаху, что ты пришла благополучно!» – «Вставай, садись на этого коня и молчи!» – сказала ему Мариам. И Нур-ад-дин поднялся и сел на коня, а Ситт-Мариам села на другого коня, и они выехали из города и проехали некоторое время, и потом Мариам обернулась к Нур-ад-дину и сказала: «Разве не говорила я тебе: „Не спи!“ Ведь не преуспевает тот, кто спит». – «О госпожа, – воскликнул Нур-ад-дин, – я заснул только потому, что прохладилась моя душа, ожидая свиданья с тобой! А что случилось, о госпожа?» И Мариам рассказала ему историю с рабом от начала до конца, и Нур-ад-дин воскликнул: «Слава Аллаху за благополучие!»

И затем они старались ускорить ход, вручив своё дело милостивому, всеведущему, и ехали, беседуя, пока не доехали до раба, которого убила Ситт-Мариам. И Нур-аддин увидел его, валявшегося в пыли, подобного ифриту, и Мариам сказала Нур-ад-дину: «Сойди на землю, обнажи его от одежд и возьми его оружие». – «О госпожа, – сказал Нур-ад-дин, – клянусь Аллахом, я не могу сойти со спины коня, встать около этого раба и приблизиться к нему!» И он подивился обличению раба и поблагодарил Ситт-Мариам за её поступок, изумляясь её смелости и силе её сердца. И они поехали и ехали жестоким ходом остаток ночи, а когда наступило утро и засияло светом и заблестало и распространилось солнце над холмами, они достигли обширного луга, где паслись газели, и края его зеленели, и плоды на нем всюду поспели. И цветы там были как брюхо змеи, и укрывались на лугу птицы, и ручьи текли на нем, разнообразные видом, как сказал и отличился поэт, вполне выразив желаемое:

Долина нас от зноя защитила,
Сама защищена деревьев гущей.
Мы сели под кустами, и склонились
Над нами они, как мать над своим младенцем.
И дал поток нам, жаждущим, напиться
Водой, что слаще вин для пьющих вместе.
Деревья гонят солнце, как ни взглянет,
Вход запретив ему, позволив ветру.
Пугают камни жемчугом убранных,
И щупают они края жемчужин.

Или, как сказал другой:

И когда щебечет поток его и хор птиц его,
К нему влечёт влюблённого с зарёю,
И раю он подобен – под крылом его
Плоды и тень и струи вод текучих.

И Ситт-Мариам с Нур-ад-дином остановились, чтобы отдохнуть в этой долине...»
И Шахразеду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Восемьсот девяносто первая ночь

Когда же настала восемьсот девяносто первая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что когда Ситт-Мариам с Нур-аддином остановились в этой долине, они

поели её плодов и напились из её ручьёв и пустили коней поест на пастбище, и кони поели и попили в этой долине. И Нур-ад-дин с Мариам сели и начали беседовать и вспоминать своё дело и то, что с ними случилось, и всякий из них сетовал другому на то, какие он испытал мучения в разлуке и что он перенёс в тоске и отдалении. И когда они так сидели, вдруг поднялась пыль, застилая края неба, и они услышали ржание коней и бряцание оружия.

А причиною этого было вот что. Когда царь выдал свою дочь замуж за везира, и тот вошёл к ней в ту же ночь, и настало утро, царь захотел пожелать им доброго утра, как бывает обычно у царей с их дочерьми. И он поднялся, и взял шёлковые материи, и стал разбрасывать золото и серебро, чтобы его подхватывали евнухи и прислужницы, и царь до тех пор шёл с несколькими слугами, пока не достиг нового дворца, и он увидел, что везир брошен на постель и не отличает головы от ног. И царь огляделся во дворце направо и налево и не увидел своей дочери, и замутилось его состояние, и заняло это его мысли, и исчез его рассудок. И он велел принести горячей воды, крепкого уксуса и ладана, и когда ему принесли их, смешал все это вместе и впустил везира в все. И затем он потряс его, и бандж выпал у него из нутра, точно кусок сыру, и тогда царь впустил смесь везира в нос второй раз, и тот проснулся. И царь спросил его, что с ним и что с его дочерью Мариам, и везир сказал ему: «О царь величайший, я ничего о ней не знаю, кроме того, что она своей рукой дала мне выпить кубок вина, и после того я пришёл в сознание только сейчас и не знаю, какое с ней было дело».

И когда царь услышал слова везира, свет стал мраком перед лицом его, и он вытащил меч и ударил им везира по голове, и меч показался, блистая, между его зубов.

А потом царь в тот же час и минуту послал за слугами и конюхами, и когда они явились, потребовал тех двух коней, и слуги сказали: «О царь, кони пропали сегодня ночью, и наш старший тоже пропал вместе с ними. Утром мы нашли все двери отпертыми». — «Клянусь моей религией и тем, что исповедует моя вера, — воскликнул царь, — коней взял не кто иной, как моя дочь, — она и тот пленный, что прислуживал в церкви! Он похитил мою дочь в первый раз, и я узнал его истинным образом, и освободил его из моих рук только этот кривой везир, и ему уже воздано за его поступок!»

И потом царь тотчас же позвал своих трех сыновей — а это были доблестные богатыри, каждый из которых стоил тысячи всадников в пылу битвы и на месте боя и сражения, — и закричал на них, и велел им садиться на коней. И они сели, и царь сел на коня в числе их вместе с избранными своими патрициями, вельможами правления и знатными людьми, и они поехали по следам беглецов и настигли их в той долине.

Когда Мариам увидела их, она поднялась, села на своего коня, подвязала меч и надела доспехи и оружие, а потом она спросила Нур-ад-дина: «В каком ты состоянии и каково твоё сердце в бою, сражении и стычке?» — «Я устойчив в стычке, как устойчив кол в отрубях», — ответил Нур-ад-дин, и затем он начал говорить и сказал:

«О Марьям, брось корить меня так больно,
И смерти не ищи мне с долгой пыткой.
Откуда мне, скажи, воякой сделаться,
Когда пугаюсь я карканья вороны?
А когда увижу внезапно мышь, так пугаюсь я,
Что лью со страху я себе в одежду.
Люблю бои я только в одиночестве,
И знает кусе весь пыл и ярость зебба.
Вот это — правильное мнение! Всякое
Другое мнение правильным не будет».

И когда Мариам услышала от Нур-ад-дина эти слова и нанизанные стихи, она явила ему смех и улыбку и сказала: «О господин мой Нур-ад-дин, оставайся на месте, и я избавлю тебя от их зла, хотя бы их было числом столько, сколько песчинок». И она в тот же час и

минуту приготовилась, и, сев на спину коня, выпустила из рук конец поводьев, и повернула копьё остриём вперёд, и конь понёсся под нею, точно дующий ветер или вода, когда она изливается из узкой трубы. А Мариам была из храбрейших людей своего времени, бесподобная в её век и столетие, ибо отец научил её, ещё малолеткой, ездить на спине коней и погружаться в море боя тёмной ночью. И она сказала Нур-ад-дину: «Садись на коня и будь за моей спиной, а если мы побежим, старайся не упасть, ибо твоего коня не настигнет настигающий».

И когда царь увидел свою дочь Мариам, он узнал её как нельзя лучше и» обернувшись к своему старшему сыну, сказал ему: «О Бартут, о прозванный Рас-аль-Каллут! Это твоя сестра Мариам, наверное и без сомнения. Она понеслась на нас и хочет биться с нами и сражаться; выйди же к ней и понесись на неё. Во имя Мессии и истинной веры, если ты её одолеешь, не убивай её, не предложив ей христианскую веру, и если она вернётся к своей древней вере, приведи её пленницей, а если она не вернётся к ней, убей её самым скверным убиением и изувечь её наихудшим способом, а также и того проклятого, который с нею, изувечь самым скверным способом». И Бартут ответил: «Внимание и повиновение!»

И затем он в тот же час и минуту выехал к своей сестре Мариам и понёсся на неё, и она встретила его, и поднялась на него, и приблизилась к нему, и подъехала близко. И тогда Бартут сказал ей: «О Мариам, разве недостаточно того, что из-за тебя случилось, когда ты оставила веру отцов и дедов и последовала вере бродящих по землям? (Он подразумевал веру ислама.) Клянусь Мессией и истинной верой, – воскликнул он потом, – если ты не вернёшься к вере царей, твоих отцов и дедов, и не пойдёшь к ней наилучшим путём, я убью тебя злейшим убийством и изувечу тебя наихудшим образом!» И Мариам засмеялась словам своего брата и воскликнула: «Не бывать, не бывать, чтобы вернулось минувшее или ожил бы умерший! Нет, я заставлю тебя проглотить сильнейшую печаль! Клянусь Аллахом, я не отступлю от веры Мухаммеда, сына Абд-Аллаха, чьё наставление всеобъемлюще, ибо это есть истинная вера, и не оставлю правого пути, хотя бы пришлось мне испить чашу смерти...»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Восемьсот девяносто вторая ночь

Когда же настала восемьсот девяносто вторая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что Мариам сказала своему брату: „Не бывать, чтоб я отступилась от веры Мухаммеда, сына Абд-Аллаха, чьё наставление всеобъемлюще, ибо это вера правого пути, хотя бы пришлось мне испить чашу смерти!“

И когда услышал проклятый Бартут от своей сестры эти слова, свет сделался пред лицом его мраком, и показалось ему это дело значительным и великим. И запылал между ними бой, и жестокой стала борьба и схватка, и погрузились они оба в долины, широкие и длинные, и терпели страдания, и устремились на них взоры, и поразила их оторопь. И они гарцевали продолжительное время и долго сражались. И всякий раз как открывал Бартут против своей сестры Мариам какой-нибудь способ боя, она уничтожала его и отражала своим прекрасным искусством, силой своего превосходства, умением и доблестью. И они сражались таким образом, пока не сомкнулась над их головами пыль и витязи не скрылись от взоров, и Мариам до тех пор обманывала Бартута и преграждала ему дорогу, пока он не утомился, и пропала тогда его решимость и разрушилась его твёрдость, и ослабела его сила. И Мариам ударила его мечом по плечу, и меч вышел, сверкая, через его связки, и поспешил Аллах послать его душу в огонь (а скверное это обиталище!).

И затем Мариам проскакала по полю, на месте боя и сражения, и стала требовать поединка и просить единоборства, и крикнула: «Есть ли боец, есть ли противник? Пусть же не выходит ко мне в сей день ленивый или слабый! Пусть выходят ко мне только богатыри врагов веры, чтобы напоила я их из чаши позорной пытки! О поклонники идолов, обладатели

нечестия и непокорства, сегодня день, когда побелеют лица людей веры и почернеют лица тех, кто не верит во всемилостивого». И когда царь увидел, что его старший сын убит, он стал бить себя по лицу и разорвал на себе одежду и, кликнув своего среднего сына, сказал ему: «О Бартус, о прозванный Хар-ас-Сус, выезжай, о дитя моё, скорее на бой с твоей сестрой Мариам! Отомсти ей за твоего брата Бартута и приведи её ко мне пленницей, посрамлённой, униженной». И Бартус отвечал: «О батюшка, слушаю и повинуюсь!»

И он выступил против своей сестры Марнам и понёсся на неё, и Мариам встретила его и понеслась на него, и они начали сражаться сильным боем, сильнее, чем первый бой. И её второй брат увидел, что он слаб для боя с нею, и захотел убежать и удрать, но не мог из-за её сильной ярости, ибо всякий раз, как он хотел положиться на бегство, Мариам приближалась к нему и подъезжала вплотную и теснила его. И потом она ударила Бартуса мечом по шее, и меч вышел, сверкая, у него из глотки, и послала его вслед его брату, и проскакала по боевому полю, на месте боя и сражения, и крикнула: «Где витязи и храбрецы, где кривой и хромой витязь, обладатель искривлённой веры? И тогда царь, отец её, закричал, с израненным сердцем и оком, слезами разъеденным: „Она убила моего среднего сына, клянусь Мессией и истинной верой!“ И потом он кликнул своего меньшего сына и сказал ему: „О Фасьян, о прозванный Седьхас-Сыбьян, выходи, о дитя моё, на бой с твоей сестрой и отомсти за твоих братьев! Сшибись с нею, и счастье либо тебе, либо против тебя. И если ты её одолеешь, убей её наихудшим убиением“.

И тут выступил против Мариам её меньшей брат и понёсся на неё, и Мариам пошла на него с превосходным искусством, и понеслась на него с прекрасным умением, смелостью, знанием боя и доблестью, и крикнула: «О проклятый, о враг Аллаха и враг мусульман, я отправлю тебя вслед твоим братьям, а плох приют нечестивых!» И затем она вытащила меч из ножен и ударила своего брата, перерубив ему шею и руки, и отправила его вслед братьям, и поспешил Аллах послать его душу в огонь (а скверное это обиталище!) И когда патриции и витязи, которые поехали с отцом царевны, увидели, что три его сына убиты (а они были самые храбрые люди своего времени), в их сердце запал страх перед Ситт-Мариам, и ошеломила их боязнь, и они свесили головы к земле и убедились в своей смерти, уничтожении, унижении и гибели. И сгорели их сердца от гнева в пламени огня, и они повернули спину и положились на бегство. И когда увидел царь, что его сыновья убиты и войска побежали, взяло его недоумение и оторопь, и сгорело его сердце в пламени огня, и он сказал себе: «Поистине, Ситт-Мариам нас уничтожила, и если я подвергну себя опасности и выступлю к ней один, она, может быть, меня одолеет и покорит, и убьёт меня гнуснейшим убийством, и изувечит самым скверным образом, как она убила своих братьев, ибо не осталось у неё на нас надежды, и нечего нам желать её возвращения. И, помоему, надлежит мне сберечь мою честь и вернуться в мой город».

И потом царь отпустил поводья коня и вернулся в свой город» и когда он оказался у себя во дворце, в его сердце вспыхнул огонь из-за убийства его трех сыновей, бегства его войска и позора его чести. И, не просидев получаса, он потребовал к себе вельмож правления и больших людей царства и пожаловался им на то, что сделала с ним его дочь Мариам, которая убила своих братьев, и на горе и печаль, им перенесённую, и спросил у вельмож совета. И они все посоветовали ему написать письмо преемнику Аллаха на земле его, повелителю правоверных Харуну арРашиду, и осведомить его об этом деле. И царь написал ар-Рашиду письмо такого содержания: «После приветствия повелителю правоверных: у нас есть дочь по имени Мариам-кушачница, и испортил её против нас пленник из пленных мусульман по имени Нур-ад-дин Али, сын купца Тадж-ад-дина, каирца, и похитил её ночью, и вышел с нею в сторону своей земли. И я прошу милости владыки нашего, повелителя правоверных, чтобы он написал во все мусульманские земли приказ отыскать её и прислать к нам с верным посланцем...»

И Шахразату застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Восемьсот девяносто третья ночь

Когда же настала восемьсот девяносто третья ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что царь Афранджи написал халифу, повелителю правоверных Харуну ар-Рашиду письмо, в котором умолял его, прося о своей дочери Мариам, и ходатайствовал о милости написать во все мусульманские страны приказ, чтобы Мариам разыскали и отослали с верным посланием из слуг его величества, повелителя правоверных. И между прочим в письме заключалось: „А за помощь нам в этом деле мы назначим вам половину города Румы великой, чтобы вы строили там мечети для мусульман, и будет вам доставляться его подать“.

И после того как царь написал это письмо, по совету знатных людей своего царства и вельмож правления, он свернул его и позвал везиря, который был назначен везирем вместо кривого везиря, и приказал ему запечатать письмо царской печатью, и вельможи правления тоже припечатали его, поставив на нем сначала подпись своей руки. А потом царь сказал своему везирю: «Если ты приведёшь её, тебе будет от меня надел двух эмиров, и я награжу тебя одеждой с двумя нашивками». И он отдал везирю письмо и приказал ему отправиться в город Багдад, Обитель Мира, и вручить письмо повелителю правоверных из рук в руки.

И везирь выехал с посланием и ехал, пересекая долины и степи, пока не достиг города Багдада. И, вступив в город, везирь провёл там три дня, устраиваясь и отдыхая, а потом он спросил, где дворец повелителя правоверных Харуна ар-Рашида, и ему указали его. И, достигнув дворца, везирь попросил у повелителя правоверных разрешения войти, и халиф разрешил ему. И везирь вошёл к ар-Рашиду и, поцеловав перед ним землю, подал ему письмо от царя Афранджи и с ним диковинные подарки и редкости, подходящие для повелителя правоверных. И когда халиф развернул письмо и прочитал его и понял его содержание, он тотчас же велел своим везирям написать письма во все мусульманские страны, и они это сделали, и изъяснили в письмах облик Мариам и облик Нур-аддина, и обозначили его имя и её имя, и упомянули, что они беглецы, так что всякий, кто их обнаружит, пусть схватит их и отошлёт к повелителю правоверных. И они предостерегли наместников, чтобы те не оказали в этом промедления, беспечности или небрежения. И затем письма запечатали и разослали с гонцами к наместникам, и те поспешили с исполнением приказа и принялись искать во всех городах тех, у кого был указанный облик.

Вот что было с этими правителями и их подчинёнными. Что же касается Нур-аддина каирского и Мариам-кушачницы, дочери царя Афранджи, то после бегства царя и его войска они в тот же час и минуту сели на коней и направились в страны Сирии, и покрыл их покрывающий, и они достигли города Дамаска. А объявления о розыске, которые разослал халиф, опередили их в Дамаске на один день, и эмир Дамаска узнал, что ему приказано схватить обоих беглецов, когда он их найдёт, и доставить их к халифу.

И когда был день их прибытия в Дамаск, подошли к ним соглядатаи и спросили их, как их имена, и беглецы сказали правду и рассказали свою историю и все, что с ними случилось, и их узнали, и схватили, и взяли, и привели их к эмиру Дамаска, и тот отправил их к халифу в город Багдад, Обитель Мира.

И по прибытии туда, попросили разрешения войти к повелителю правоверных Харуну ар-Рашиду, и тот позволил, и прибывшие вошли, и поцеловали землю меж его руками, и сказали: «О повелитель правоверных, эта девушка

Мариам-кушачница, дочь царя Афранджи, а это – Нур-аддин, сын купца Тадж-аддина каирского, пленник, который испортил её против воли её отца и украл её из его страны и царства и уехал с нею в Дамаск. Мы нашли их, когда они вступили в Дамаск, и спросили их, как их зовут, и они ответили нам правду, и тогда мы привели и доставили их к тебе».

И повелитель правоверных взглянул на Мариам и увидел, что она стройна ростом и станом, говорит ясной речью, красавица среди людей своего времени, единственная в свой век и столетие, и обладает сладостным языком, твёрдым духом и сильным сердцем. И когда Мариам подошла к халифу, она поцеловала землю меж его руками и пожелала ему вечной славы и счастья и прекращения бед и напастей. И халифу понравилась красота её стана,

нежность её речи и быстрота её ответов, и он спросил её: «Ты ли – Мариам-кушачница, дочь царя Афранджи?» И Мариам ответила: «Да, о повелитель правоверных и имам единопольников, охранитель в боях веры и сын дяди господина посланных». И тогда халиф обернулся и увидел, что Али Нур-ад-дин – красивый юноша, прекрасно сложенный, подобный светящейся луне в ночь её полноты, и спросил его: «Ты – Нур-ад-дин, пленник, сын купца Тадж-ад-дина каирского?» И Нур-ад-дин ответил: «Да, о повелитель правоверных и опора всех к нему направляющихся». – «Как ты похитил эту женщину из царства её отца и убежал с нею?» – спросил халиф. И Нур-ад-дин принялся рассказывать ему обо всем, что с ним случилось, с начала до конца, и, когда он кончил свой рассказ, халиф удивился всему этому до крайней степени, и его охватил от удивления великий восторг, и он воскликнул:

«Сколь много приходится терпеть мужам!..»

И Шахразяду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Восемьсот девяносто четвёртая ночь

Когда же настала восемьсот девяносто четвёртая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что когда халиф Харун ар-Рашид просил Нур-ад-дина о его истории и тот рассказал ему все, что с ним случилось, от начала до конца, халиф до крайности удивился этому и воскликнул: „Сколь много приходится терпеть мужам! – а потом обратился к СиттМариам и сказал ей: – О Мариам, знай, что твой отец, царь Афранджи, написал нам о тебе. Что ты скажешь?“ – „О преемник Аллаха на земле его, поддерживающий установления его пророка и предписания его! – ответила Мариам. – Да увековечит Аллах над тобою счастье и да защитит тебя от бед и напастей! Ты – преемник Аллаха на земле его! Я вступила в вашу веру, ибо она есть вера твёрдо стоящая, истинная, и оставила религию нечестивых, которые говорят ложь о Мессии, и стала верующей в Аллаха великодушного, и считаю правдой то, с чем пришёл его милосердный посланник. Я поклоняюсь Аллаху (слава и величие ему!), объявляю его единым богом, падаю перед ним ниц, в смирении, и прославляю его, и я говорю, стоя меж руками халифа: «Свидетельствую, что нет бога, кроме Аллаха, и свидетельствую, что Мухаммед – посол Аллаха; послал он его с наставлением на правый путь и верою истинной, чтобы поставил он её превыше всякой веры, хотя бы было это отвратительно многобожникам. И разве дозволено тебе, о повелитель правоверных, внять письму царя еретиков и отослать меня в страну нечестивых, которые предают товарищей владыке всезнающему и возвеличивают крест, и поклоняются идолам, и веруют в божественность Исы, хотя он сотворён? И если ты сделаешь со мной это, о преемник Аллаха, я уцеплюсь за твою полу в день смотра перед Аллахом и пожалуюсь на тебя сыну твоего дяди, посланнику Аллаха (да благословит его Аллах и да приветствует!), в тот день, когда не поможет ни имущество, ни сыновья, никому, кроме тех, кто пришёл к Аллаху с сердцем здоровым“.

И повелитель правоверных воскликнул: «О Мариам, сохрани Аллах, чтобы я когда-нибудь это сделал! Как возвращу я женщину-мусульманку, объявляющую единым Аллаха и посланника его, к тому, что запретил Аллах и его посланник?» И Мариам воскликнула: «Свидетельствую, что нет бога, кроме Аллаха, и свидетельствую, что Мухаммед – посол Аллаха!» И повелитель правоверных молвил: «О Мариам, да благословит тебя Аллах и да умножит руководство тобой на пути к исламу! Раз ты стала мусульманкой, объявляющей Аллаха единым, – у нас появился перед тобой обязательный долг, и заключается он в том, что я не допущу с тобою никогда крайности, хотя бы мне дали за тебя полную землю драгоценностей и золота. Успокойся же душою и прохлади глаза, и пусть твоя грудь расправится и твоё сердце будет спокойно. Согласна ли ты, чтобы этот юноша, Али-каирец, был тебе мужем, а ты ему женой?» – «О повелитель правоверных, – сказала Мариам, – как мне не согласиться, чтобы он был мне мужем, когда он купил меня своими деньгами и был милостив ко мне крайней милостью? И в довершение милости ко мне, он

из-за меня подвергал свою душу опасности много раз».

И выдал тогда Мариам замуж за Нур-ад-дина владыка наш, повелитель правоверных, и сделал ей приданое, и призвал кади, и свидетелей, и вельмож правления к присутствию в день замужества и при писании записи, и был это день многолюдный.

А затем после этого повелитель правоверных в тот же час и минуту обратился к везиру царя румов, который в это время был тут, и спросил его: «Слышал ли ты её слова? Как я отошлю её к её нечестивому отцу, когда она – мусульманка, единобожница? Ведь, может быть, он причинит ей зло и будет груб с нею, тем более что она убила его сыновей, и я понесу её грех в день воскресения. А сказал ведь Аллах великий: „И не установил Аллах нечестивым против мусульман пути“. Возвращайся же к твоему царю и скажи ему: „Отступись от этого дела“.

А этот везирь был глупый, и он сказал халифу: «О повелитель правоверных, клянусь Мессией и истинной верой, мне невозможно возвратиться без Мариам, хотя бы и была она мусульманкой, так как если я вернусь к её отцу без неё, он убьёт меня». И халиф воскликнул: «Возьмите этого проклятого и убейте его!» И он произнёс такой стих:

«Награда вот перечасим,
Тем, кто выше их, непокорным мне!»

И потом он велел отрубить проклятому везиру голову и сжечь его, и Ситт-Мариам сказала: «О повелитель правоверных, не марай твоего меча кровью этого проклятого!» И она обнажила меч и, ударив им везиря, отмахнула ему голову от тела, и пошёл он в обитель гибели, и приют ему – геенна. (А скверное это обиталище!) И халиф удивился твёрдости руки Мариам и силе её духа, и он наградил Нур-ад-дина роскошной одеждой, и отвёл Мариам с Нур-ад-дином помещение во дворце, и назначил им выдачи, и жалованье, и кормовые, и велел отнести к ним все, что было нужно из одежд, ковров и дорогой посуды.

И они провели в Багдаде некоторое время, живя сладостной и приятнейшей жизнью, а потом Нур-ад-дин затосковал по отцу и матери и рассказал об этом халифу и попросил у него позволения отправиться в свою страну и посетить близких. И он позвал Мариам и привёл её пред лицо халифа, и тот разрешил ему поехать и наделил его дарами и дорогими редкостями. И он поручил Мариам и Нур-ад-дина друг другу и велел написать эмирам Каира Охраняемого и тамошним учёным и вельможам, чтобы они заботились о Нур-ад-дине, его родителях и невольнице и оказывали им крайнее уважение.

И когда дошли вести об этом до Каира, купец Таджад-дин обрадовался возвращению своего сына Нур-ад-дина, и его мать тоже обрадовалась этому до крайности. И вышли ему навстречу знатные люди, эмиры и вельможи правления, вследствие наказа халифа, и они встретили Нур-ад-дина. И был это день многолюдный, прекрасный и дивный, когда встретился любящий с любимым и соединился ищущий с искомым, и начались пиршества – каждый день у одного из эмиров. И все обрадовались их прибытию великой радостью и оказывали им уважение, все возвышающееся, и когда встретился Нур-ад-дин со своим отцом и матерью, они обрадовались друг другу до крайней степени, и прошли их заботы и огорчения.

И так же обрадовались они Ситт-Мариам и оказали ей крайнее уважение, и стали прибывать к ним подарки и редкости от всех эмиров и больших купцов, и испытывали они каждый день новое наслаждение и радость большую, чем радость в праздник.

И они прожили в постоянной радости, наслаждении и обильном и веселящем благоденствии за едой, питьём, развлечениями и увеселениями некоторое время, пока не пришла к ним Разрушительница наслаждений и Разлучительница собраний, опустошающая дома и дворцы и населяющая утробы могил. И были они перенесены из дольней жизни к смерти и оказались в числе умерших. Да будет же слава живому, который не умирает и в чьей руке ключи видимого и невидимого царства!»

Сказка о саидийце и франкской женщине (ночи 894-896)

Рассказывают также, что эмир Шуджа-ад-дин Мухаммед, правитель Каира, говорил: «Мы проводили ночь у одного человека из стран асСаида⁶³⁵, и он угощал нас и оказывал нам уважение. А это был престарелый старец, человек со смуглой, очень смуглой кожей, и у него были маленькие дети, белолицые, и белизна их была напоена румянцем. И мы спросили его: «О такой-то, что это твои дети белые, а ты такой смуглый?» И старик сказал:

«Эти дети – от матери афранджийки⁶³⁶, которую я взял, и у меня с нею была удивительная история». – «Одари нас ею», – сказали мы. И саидиец молвил: «Хорошо!»

«Знайте, – начал он, – что я как-то посеял в этом городе лён и выдергал его, и вычистил, и истратил на него пятьсот динаров. А потом я захотел его продать, но не приходило мне за него никаких денег. И мне сказали: «Отвези лён в Акку⁶³⁷ – может быть, там ты получишь за него большую прибыль». (А Акка была в то время в руках франков.) И я отвёз лён в Акку и продал часть его с отсрочкой уплаты на шесть месяцев. И когда я его продавал, вдруг прошла мимо меня женщина, афранджийка, – а у франкских женщин обычаем ходить по рынку без покрывала, – и она подошла ко мне, чтобы купить льна, и я увидел красоту, ослепившую мой разум. Я продал ей немного льна и был уступчив в цене. И женщина взяла его и ушла, а потом, через несколько дней, она пришла снова, и я продал ей немного льна и был ещё более уступчив, чем в первый раз. И женщина ещё раз приходила ко мне и узнала, что я её люблю, а она обычно ходила с какой-то старухой, и я сказал старухе, что была с нею: «Я охвачен любовью к ней; схитришь ли ты, чтобы мне с ней сойтись?» – «Я ухитрюсь в этом для тебя, – сказала старуха, – но пусть эта тайна не уходит от нас троих – меня, тебя и её, и вместе с тем тебе неизбежно потратить деньги». – «Если пропадёт моя душа за близость с нею, – это немного!» – воскликнул я...»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Восемьсот девяносто пятая ночь

Когда же настала восемьсот девяносто пятая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что старуха, ответив этому человеку согласием, сказала: „Но пусть эта тайна не уходит от нас троих – меня, тебя и её, и тебе неизбежно потратить деньги“. И он воскликнул: „Если пропадёт моя душа за близость с нею, – это немного!“

И они сошлись на том, что он даст женщине пятьдесят динаров и она придёт к нему, и купец приготовил пятьдесят динаров и вручил их старухе, и та взяла эти пятьдесят динаров и сказала: «Приготовь для неё место в твоём доме, она придёт к тебе сегодня вечером». «И я пошёл, – рассказывал купец, – и приготовил сколько мог еды, питья, свечей и сладостей, а мой дом стоял над морем, и дело было летом, поэтому я постелил на крыше. И пришла афранджийка, и мы поели и попили, и спустилась ночь, и мы легли под небом (а луна светила на нас) и стали смотреть на отражение звёзд в море. И я сказал про себя: „Не стыдно тебе Аллаха великого, славного! Ты, чужеземец, лежишь под небом и над морем и нарушаешь волю Аллаха с христианкой! Ты заслуживаешь наказания огнём! Боже мой,

⁶³⁵ Ас-Саид – арабское название верхнего Египта.

⁶³⁶ Афранджийка – жительница Афранджии, то есть Европы.

⁶³⁷ Акка (европейское название – Сен Жан д'Акр) – город и порт в западной Палестине С 1104 по 1187 год-столица владений франков в «Святой Земле» Затем Акку завоевал султан Салах-ад-дин (Саладин). В 1191 году город вновь перешёл в руки христиан. Их владычество продолжалось после этого сто лет. В 1291 году султан аль Малик аль-Ашраф занял Акку и тем положил конец господству христиан в Палестине.

призываю тебя в свидетели, что я воздержался от этой христианки сегодня ночью, стыдясь тебя и страшаясь твоего наказания“.

И я проспал до утра, а женщина поднялась на заре, сердитая, и ушла к себе, и я прошёл в свою лавку и сел там. И вдруг та женщина прошла мимо меня со старухой, сердитая, и она была подобна месяцу, и тогда я погиб и сказал про себя: «Кто ты такой, чтобы бросать такую девушку? Разве ты Сирри ас-Сакати, или Бишр-Босоногий, или Джуней Багдадский, или Фудейль ибн Ийяд?»⁶³⁸ И я догнал старуху и сказал ей: «Приведи её ко мне снова!» И старуха сказала: «Клянусь Мессией, она теперь не вернётся к тебе иначе как за сто динаров!» – «Я дам тебе сто динаров», – сказал я и дал старухе сто динаров. И женщина пришла ко мне второй раз. И когда она оказалась у меня, ко мне вернулась та же мысль, и я воздержался и оставил женщину ради великого Аллаха, а потом я вышел и пошёл в своё помещение. И прошла мимо меня та старуха, сердитая, и я сказал ей: «Вернись с ней ко мне». И старуха воскликнула: «Клянусь Мессией, ты больше не порадуешься ей у себя иначе как за пятьсот динаров и умрёшь в тоске!»

И я задрожал, услышав это, и решил, что потеряю все деньги, вырученные за лён, и выкуплю этим свою душу, и не успел я опомниться, как слышу, глашатай кричит и говорит: «О собрание мусульман, перемирие между нами и вами окончилось, и мы даём тем, кто ещё здесь остался, отсрочку на неделю – пусть кончают дела и уходят в свои страны!»

И женщина перестала ходить ко мне, а я принялся собирать плату за лён, который люди купили у меня с отсрочкой, и выменивать то, что осталось. И, взяв с собою хороших товаров, я вышел из Акки, и было у меня в сердце то, что было от сильной любви и страсти к афранджийке, так как она взяла моё сердце и мои деньги. И я вышел, и пошёл, и достиг города Дамаска, и продал товары, которые взял в Акке, за высшую цену, так как они больше не поступали из-за окончания срока перемирия, и послал мне Аллах (слава ему и величие!) отличную прибыль.

И я начал торговать пленными девушками, чтобы ушло то, что было у меня в сердце из-за афранджийки, и не прекращал торговли ими, и прошло надо мною три года, а я все был в таком же положении.

И произошло у аль-Малик-ан-Насира с франками⁶³⁹ то, что произошло из битв, и дал ему Аллах над ними победу, и он взял в плен всех их царей и завоевал прибрежные города, по изволению великого Аллаха. И случилось, что пришёл ко мне один человек, требуя невольницу для аль-Малик-ан-Насира. А у меня была красивая невольница, и я предложил её этому человеку, и он купил её у меня для ан-Насира за сто динаров и доставил мне девяносто динаров, и мне оставалось получить ещё десять динаров, но их не нашлось в тот день в казне, так как царь израсходовал все деньги на войну с франками. И аль-Малику сообщили об этом, и он сказал: «Пойдите с ним в помещение, где находятся пленные, и дайте ему выбрать когонибудь из дочерей франков, чтобы он взял одну из них за те десять динаров...»

И Шахразад устроила, и она прекратила дозволенные речи.

Восемьсот девяносто шестая ночь

Когда же настала восемьсот девяносто шестая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что аль-Малик-ан-Насир сказал: „Дайте ему выбрать одну из них, чтобы он взял её за те десять динаров, которые ему причитаются“.

⁶³⁸ Знаменитые аскеты и мистики, жившие в VIII-IX веках.

⁶³⁹ Аль-Маликан-Насир – прозвище нескольких египетских султанов, в данном случае относящееся к Салах-ад-дину (Саладину), который правил с 1169 по 1193 год. Событие, на которое намекает рассказчик, – битва при Хиттине (селение в Палестине, западнее Тивериады), где Саладин наголову разбил франков в 1187 году.

«И меня взяли, – говорил купец, – и пошли со мной в помещение пленных, и я посмотрел на тех, кто там был, и всмотрелся во всех пленных, и увидел ту франкскую женщину, к которой я привязался, и узнал её как нельзя лучше. А это была жена одного рыцаря из рыцарей франков. И я сказал: „Дайте мне вот эту!“ И взял её, и пошёл в свою палатку, и спросил женщину: „Узнаешь ты меня?“ – „Нет“, – отвечала она, и я сказал: „Я твой приятель, который торговал льном, и случилось у меня с тобой то, что случилось, и ты взяла у меня золото и сказала: „Ты больше меня не увидишь иначе как за пятьсот динаров“. А теперь я взял тебя в собственность за десять динаров“. И женщина сказала: „Это тайна твоей истинной веры! Свидетельствую, что нет бога, кроме Аллаха, и свидетельствую, что Мухаммед – посол Аллаха!“

И она приняла ислам, и прекрасен был ислам её, и я сказал про себя: «Клянусь Аллахом, я не достигну её прежде её освобождения и уведомления кади!» И я пошёл к ибн Шеддаду⁶⁴⁰ и рассказал ему, что случилось, и он заключил для меня договор с нею, и затем я проспал с ней ночь, и она понесла.

И потом войско двинулось, и мы прибыли в Дамаск, и прошло лишь немного дней, и явился посланный аль-Малика, требуя пленных и уведённых, вследствие соглашения, заключённого царями.

И возвратили всех пленных, мужчин и женщин, и осталась только та женщина, что была со мной. И франки сказали: «Жена такого-то рыцаря не явилась». И о ней стали спрашивать, и были настойчивы в расспросах и расследовании, и узнали, что она со мной, и потребовали её у меня. И я пришёл в сильном волнении, с изменившимся цветом лица, и моя жена спросила: «Что с тобой и что тебя поразило?» И я ответил: «Пришёл посланный от аль-Малика, чтобы забрать всех пленных, и тебя требуют у меня». – «С тобой не будет дурного, – сказала женщина. – Отведи меня к аль-Малику, и я знаю, что мне сказать перед ним».

И я взял её, – говорил купец, – и привёл пред лицо султана аль-Малик-ан-Насира (а посол царя франков сидел справа от него) и сказал: «Вот женщина, которая у меня». И аль-Малик-ан-Насир и посол спросили её: «Пойдёшь ты в свою страну или останешься со своим мужем – Аллах разрешил твой плен и плен других?» И она сказала султану: «Я стала мусульманкой и понесла, и вот моё брюхо, как видите, и не будет больше франкам от меня пользы».

И посол спросил её: «Кто тебе милее – этот мусульманин или твой муж, рыцарь такой-то?» И женщина сказала ему то же, что сказала султану, и тогда посол спросил бывших с ним франков: «Слышали ли вы её слова?» И франки ответили: «Да».

«Возьми твою жену и уходи с ней», – сказал мне посол. И я ушёл с нею, а потом посол франков поспешно послал за мной и сказал: «Её мать послала ей со мной одну вещь и сказала: „Моя дочь в плену, голая, и я хочу, чтобы ты доставил ей этот сундук“. Возьми же его и отдай ей».

И я взял сундук, отнёс его домой и отдал жене, и она открыла его, и увидела в нем свою одежду, и нашла те два кошелька с золотом – пятьдесят динаров и сто динаров. И я увидел, что все это ещё мной завязано и ни в чем не изменилось, и восхвалил Аллаха великого, и эти дети – от неё, и она до сих пор жива и сама сделала вам это кушанье».

И мы удивились его истории и доставшемуся ему счастью, а Аллах лучше знает истину.

Сказка о юноше и невольнице (ночи 896-899)

Рассказывают также, что был в древние времена в Багдаде один человек из сыновей людей счастья, и он унаследовал от своего отца большие деньги. Этот человек любил одну

⁶⁴⁰ Ибн Шеддад-главный кади (судья) при султани Садах-ад-дине.

невольницу и купил её, и она любила его так же, как и он её. И он до тех пор тратился на неё, пока не ушли все его деньги, так что из них ничего не осталось. И юноша стал искать какого-нибудь способа пропитания, чтобы прожить, но не мог найти. А этот юноша, в дни богатства, посещал собрания сведущих в искусстве пения и достиг отдалённых пределов. И он спросил совета у одного из друзей, и тот сказал ему: «Я не знаю для тебя ремесла лучше, чем петь вместе с твоей невольницей. Ты будешь брать за это большие деньги и есть и пить».

Но это было противно и юноше и невольнице, и девушка сказала ему: «Я нашла для тебя выход». – «А какой?» – спросил юноша, и невольница сказала: «Ты продашь меня, и мы вырвемся из этой беды – и я и ты, – и я буду жить в богатстве, так как подобную мне купит только обладатель богатства, и таким образом я буду причиной моего возвращения к тебе».

И юноша вывел невольницу на рынок, и первым, кто увидел её, был один хашимит⁶⁴¹ из жителей Басры. Это был человек образованный, изысканный, со щедрой душой, и он купил девушку за тысячу пятьсот динаров.

«И когда я получил деньги, – говорил юноша, владелец невольницы, – я раскаялся, и мы с невольницей заплакали, и я стал просить об уничтожении продажи, но хашимит не согласился. И я положил динары в кошель и не знал, куда пойду, так как мой дом был пустыней без этой девушки, и я начал так плакать, бить себя по щекам и рыдать, как не случалось мне никогда. И я вошёл в одну из мечетей, и сел там, плача, и был так ошеломлён, что перестал сознавать себя. И я заснул, положил кошель под голову, как подушку, и не успел я опомниться, как какой-то человек вытащил его у меня из-под головы и ушёл, поспешно шагая. И я проснулся, утращённый и испуганный, и, поднявшись, побежал за тем человеком, и вдруг оказалось, что ноги у меня опутаны верёвкой.

И я упал лицом вниз, и стал плакать и бить себя по щекам, и сказал себе: «Покинула тебя душа...»

И Шахразад устал, и она прекратила дозволенные речи.

Восемьсот девяносто седьмая ночь

Когда же настала восемьсот девяносто седьмая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что юноша рассказал, как у него пропал кошель, и продолжал: „И я сказал себе: „Покинула тебя душа, и пропали твои деньги!“ И моё положение стало ещё тяжелее. И я пришёл к Тигру и, накинув одежду себе на лицо, бросился в реку, и люди, бывшие тут, поняли в чем дело и сказали: „Это из-за великой заботы, постигшей его“».

И они бросились за мной, и вытащили меня, и спросили в чем дело, и я рассказал, что со мной случилось, и люди опечалились. И ко мне подошёл один из них, старик, и сказал: «Твои деньги пропали, но как можешь ты способствовать тому, чтобы пропала твоя душа и ты стал бы одним из людей огня? Встань, пойдём со мной, я посмотрю твоё жилище». И я встал, и когда мы достигли моего жилища, старик немного посидел у меня, пока то, что было во мне, не успокоилось, и я поблагодарил его за это, и он ушёл. А когда он от меня вышел, я едва не убил себя, но вспомнил об огне и будущей жизни. И я вышел из дома, и побежал к одному из друзей, и рассказал ему, что со мной случилось, и мой друг заплакал из жалости ко мне, и дал мне пятьдесят динаров, и сказал: «Прими мой совет: уходи сейчас же из Багдада, и пусть эти деньги пойдут тебе на расходы, пока твоё сердце не отвлечётся от любви к ней и не утешится без неё. Ты из сыновей людей, пишущих и составляющих указы, у тебя отличный почерк и прекрасное образование. Отправляйся к любому из наместников и пади перед ним ниц – может быть, Аллах соединит тебя с твоей невольницей».

⁶⁴¹ То есть – богатый аристократ, принадлежащий к потомкам Хашима, прапрадеда пророка Мухаммеда и предка аббасидских халифов.

И я послушался его, и окрепла моя решимость, и исчезла часть моей заботы, и я решил направиться в землю Васита⁶⁴² – у меня были там родные. И я пошёл на берег реки, и увидел корабль, стоявший на якоре, и матросов, носивших вещи и роскошные материи, и попросил их взять меня с собой, и они сказали: «Этот корабль принадлежит одному хашимиту, и нам невозможно тебя взять таким образом».

И я стал соблазнять матросов платой, и они сказали: «Если уж это неизбежно, тогда сними твою роскошную одежду, надень одежду матросов и садись с нами, как будто ты один из нас». И я вернулся в город, и купил кое-что из одежды матросов, и, надев это, взошёл на корабль (а корабль направлялся в Басру). И я сошёл на корабль с матросами, и не прошло и минуты, как я увидел мою невольницу, – её самое, – и ей прислуживали две невольницы. И прошёл бывший во мне гнев, и я сказал про себя: «Вот я и буду видеть её и слушать её пенье до Басры». И очень скоро после того приехал верхом хашимит, и с ним толпа людей, и они сели на корабль, и корабль поплыл с ними вниз). И хашимит выставил кушанья и начал есть, вместе с невольницей, и остальные тоже поели посреди корабля, а потом хашимит сказал невольнице: «До каких пор продлится этот отказ от пения и постоянная печаль и плач? Не ты первая рассталась с любимым!» И я узнал тогда, какова была любовь девушки ко мне. А затем хашимит повесил перед невольницей занавеску на краю корабля и, позвав тех, кто был на моем конце, сел с ними перед занавеской, и я спросил, кто они, и оказалось, что это братья хашимита. И хашимит выставил им то, что было нужно из вина и закусок, и они до тех пор понуждали девушку петь, пока она не потребовала лютню. И она настроила её и начала петь, произнося такие два стиха:

«Караван отъехал с возлюбленным и идёт во тьме,
И ночной свой путь, вместе с милыми, не прервут они.
У влюблённого, когда скрылся с глаз караван совсем,
Остался в сердце уголь гада пылающий»⁶⁴³.

И потом девушку одолел плач, и она бросила лютню и прервала пение, и присутствующие огорчились, и я упал без памяти. И люди подумали, что со мной случился припадок падучей, и кто-то из них стал читать Коран мне на ухо, и они до тех пор уговаривали девушку и просили её петь, пока она не настроила лютню и не начала петь, произнося такие два стиха:

«Я стояла, плача о путниках, что уехали, –
Я храню их в сердце, хоть и далеко ушли они.
У развалин ставки стою теперь, вопрошая их, –
Но дом ведь пуст, и безлюдны ныне жилища их».

И потом она упала, покрытая беспамятством, и люди подняли плач, и я вскрикнул и упал без чувств. И матросы зашумели, и один из слуг хашимита сказал им: «Как вы повезли этого одержимого?» А потом они сказали друг другу: «Когда доедете до какой-нибудь деревни, сведите его и избавьте нас от него».

И меня охватила из-за этого великая забота и мучительное страдание, и я постарался быть как можно более стойким и сказал себе: «Нет мне хитрости для освобождения из их рук, если не дам знать девушке, что я нахожусь на корабле, чтобы она помешала им свести меня с корабля». И потом мы ехали, пока не оказались близ одной деревни, и владелец корабля сказал: «Выйдем на берег». И люди вышли. А это было вечером, и я поднялся, и

⁶⁴² Васит – город в нижней Месопотамии, между Басрой и Багдадом, основанный в VIII веке.

⁶⁴³ Гада – кустарник, при сжигании которого получают очень горячие угли.

зашёл за занавеску, и, взяв лютню, изменил на ней лады один за другим, и настроил её на такой лад, которому девушка научилась у меня, а затем я вернулся на корабль...»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Восемьсот девяносто восьмая ночь

Когда же настала восемьсот девяносто восьмая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что юноша говорил: „И затем я вернулся на своё место на корабле, и люди пришли с берега и возвратились на свои места на корабле, и луна распространилась над землёй и над водой“. И хашимит сказал девушке: „Ради Аллаха, не делай нашу жизнь горькой!“ И она взяла лютню, и коснулась рукой струн, и так вскрикнула, что подумали, что дух вышел из неё, и потом она сказала: „Клянусь Аллахом, мой учитель с нами, на этом корабле!“ – „Клянусь Аллахом, – воскликнул хашимит, – будь он с нами, я не лишил бы его нашего общества, так как он, может быть, облегчил бы то, что с тобой, и мы бы воспользовались твоим пением! Но то, чтобы он был на корабле, – дело далёкое“. – „Я не могу играть на лютне и менять песни, когда мой господин с нами“, – сказала девушка, и хашимит молвил: „Спросим матросов“. – „Сделай так!“ – сказала невольница, и хашимит спросил: „Взяли ли вы с собой кого-нибудь?“ – „Нет“, – ответили моряки, и я испугался, что расспросы прекратятся, и засмеялся, и сказал: „Да, я её учитель, я учил её, когда был её господином“. – „Клянусь Аллахом, это слова моего владыки!“ – воскликнула невольница. И слуги подошли ко мне и привели меня к хашимиту, и, увидев меня, он меня узнал и сказал: „Горе тебе! Что с тобой и что тебя поразило, что ты в таком виде?“

И я рассказал ему, что со мной случилось, и заплакал, и раздались рыдания невольницы из-за занавески, и хашимит со своими братьями горько заплакал от жалости ко мне, а потом он сказал: «Клянусь Аллахом, я не приближался к этой невольнице и не сходил с ней и не слышал её пения до сегодняшнего дня. Я человек, которому Аллах расширил его надел, и я прибыл в Багдад лишь для того, чтобы послушать пение и испросить моё жалованье от повелителя правоверных, и сделал оба дела, и когда я захотел вернуться на родину, я сказал себе: „Послушаю багдадское пение!“ – и купил эту невольницу. Я не знал, что вы оба в таком состоянии. Призываю Аллаха в свидетели: когда эта девушка достигнет Басры, я её отпущу на волю и женю тебя на ней и буду выдавать вам столько, что вам хватит, и больше, но с условием, что когда мне захочется послушать пение, перед девушкой будут вешать занавеску, и она будет петь из-за занавески. А ты стал одним из моих братьев и сотрапезников».

И затем хашимит сунул голову за занавеску и спросил девушку: «Согласна ли ты на это?» И девушка принялась его благословлять и благодарить. И потом он позвал одного из слуг и сказал ему: «Возьми этого юношу за руку, сними с него его одежду, одень его в роскошные платья, окури его благовониями и приведи к нам».

И слуга взял меня, и сделал со мною то, что велел его господин, и привёл меня к нему, и хашимит поставил передо мной вино, как он поставил его перед другими, и невольница начала петь на прекраснейший напев, произнося такие стихи:

«Порицали за то меня, что рыдала,
Когда милый пришёл ко мне для прощанья.
Не вкушали они разлуки, не знают,
Как сжигает печаль тоски мои ребра.
Право, знает любовь и страсть лишь печальный,
Потерявший в кочевье их своё сердце».

И все пришли в великий восторг, и усилилась радость юноши, – и я взял у невольницы лютню, – говорил он, – и ударил по ней, извлекая прекраснейшие звуки, и произнёс такие

стихи:

«Проси дара, коль просишь ты благородных,
Всегда знавших богатство и изобилье,
Ибо просьба ко щедрому возвышает,
Обращенье же к низкому лишь позорит.
Если ж будет унизиться неизбежно,
Унижение, прося великих, отбрось ты.
Возвеличить достойного – не унижит,
Унижение – коль низких ты возвышаешь».

И люди обрадовались мне, и радость их усилилась, и они пребывали в радости и веселье, и то я пел немного, то невольница пела немного, пока мы не пристали где-то к берегу. Корабль стал на якорь, и все вышли, и я тоже вышел. А я был пьян и сел помочиться, и одолел меня сон, и я заснул, а путники вернулись на корабль, и он поплыл с ними вниз по реке, и они не знали о моем отсутствии, так как были пьяны. Я отдал деньги невольнице, и у меня ничего не осталось, и они уже достигли Басры, а я проснулся только от солнечного зноя. И я поднялся в том месте и осмотрелся, но не увидел никого, а я забыл спросить хашимита, как его зовут, где его дом в Басре и как о нем узнать. И я впал в смущенье, и оказалось, что моя бывшая радость о встрече с невольницей – сон. И я не знал, что делать, и прошёл мимо меня большой корабль, и я вошёл на этот корабль и приплыл в Басру, и я не знал там никого и не знал, где дом хашимита. И я зашёл к одному зеленщику и взял у него чернильницу и бумагу...»

И Шахразад застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Восемьсот девяносто девятая ночь

Когда же настала восемьсот девяносто девятая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что багдадец, хозяин невольницы, когда приплыл в Басру, впал ночь в смущение, и он не знал, где дом хашимита.

«И я зашёл к одному зеленщику, – говорил он, – и, взяв чернильницу и бумажку, сел и начал писать, и зеленщику понравился мой почерк. И он увидел, что на мне грязная одежда, и спросил меня о моем деле, и я рассказал ему, что я чужеземец, бедняк, и зеленщик сказал: „Не останешься ли ты у меня? Тебе будет каждый день полдирхема, пища и одежда, и ты будешь вести счета в моей лавке“. И я сказал ему: „Хорошо“. И остался у него, и привёл в порядок его дела, и упорядочил его доход и расход, и когда прошёл месяц, зеленщик увидел, что его доход увеличивается, а расход уменьшается, и поблагодарил меня за это. И он назначил мне за каждый день дирхем, и так шло, пока не кончился год, и тогда зеленщик предложил мне жениться на его дочери и стать его товарищем по владению лавкой, и я согласился на это. И я вошёл к своей жене и стал сидеть в лавке с сокрушённым сердцем и умом, проявляя печаль, а зеленщик пил и звал меня к тому же, но я отказывался пить от горя. И я провёл таким образом два года, и однажды, сидя в лавке, я вдруг увидел толпу людей, несших кушанья и напитки. Я спросил зеленщика в чем дело, и он сказал: „Сегодня день людей состоятельных, когда выходят музыканты и юноши из людей богатых на берег реки, чтобы поесть и попить среди деревьев, на канале Оболле“⁶⁴⁴. И душа призвала меня посмотреть на гулянье, в я сказал про себя: «Может быть, если я увижу этих людей, я встречу с той, кого люблю». И я сказал зеленщику: «Я тоже хочу этого». И зеленщик

⁶⁴⁴ Оболла – канал, ведущий от Басры к городу того же названия. Берега этого канала, тесно застроенные и покрытые садами, были любимым местом прогулки обитателей средневековой Басры.

сказал: «Если желаешь, пойдёшь с ними».

И он приготовил мне кушанья и напитки, и я пошёл, но когда я достиг канала Оболлы, я увидел, что люди уходят. И я хотел уходить с ними и вдруг вижу – капитан того самого корабля, на котором был хашимит с девушкой, плывёт по каналу Оболле. И я закричал, и капитан и те, кто был с ним, узнали меня, и взяли к себе, и сказали: «Разве ты жив?» – и обняли меня, и спросили, что со мной было, и я рассказал им. «Мы думали, что тебя одолело опьянение и ты утонул в воде», – сказали они, а я спросил их, в каком состоянии невольница, и они сказали: «Когда она узнала, что ты пропал, она разорвала на себе одежду и сожгла лютню и принялась бить себя по щекам и рыдать, и когда мы вернулись с хашимитом в Басру, мы сказали ей: „Оставь этот плач и печаль“. И она ответила: „Я надена чёрное и устрою в этом доме могилу, и буду сидеть у могилы, и откажусь от пения“. И мы позволили ей, и она пребывает в таком состоянии до сих пор».

И они взяли меня с собой, и я пришёл в их дом и увидел невольницу в таком состоянии, и она, увидав меня, испустила великий крик, так что я подумал, что она умерла, и обняла меня долгим объятием. И хашимит сказал мне: «Возьми её». И я отвечал: «Хорошо, но только освободи её, как ты мне обещал, и жени меня на ней». И хашимит освободил её и дал нам дорогие вещи, и много одежды, и ковры, и пятьсот динаров и сказал: «Вот сколько я хотел вам выдавать каждый месяц, но с условием, что я буду пить с тобой и слушать невольницу».

И затем он освободил для нас дом и велел перенести туда все, что было нам нужно, и я отправился в этот дом и увидел, что он завален коврами и материями, и перевёл туда девушку. И потом я пошёл к зеленщику и рассказал ему обо всем, что со мной случилось, и попросил его освободить меня от ответственности за развод с его дочерью и не считать это грехом. И я дал ей приданое и то, что было обязательно. И я провёл с хашимитом таким образом два года и стал обладателем большого богатства, и вернулась ко мне та жизнь, какою я жил с невольницей в Багдаде, и Аллах великодушный облегчил наше горе, и осыпал нас обильными благами, и сделал исходом нашей стойкости достижение желаемого, и ему да будет хвала в этой и в будущей жизни, и Аллах лучше знает истину».

Сказка о Джаллиаде и Шимасе (ночи 899-930)

Рассказывают также, что был в древние времена и минувшие века и годы один царь в странах Индии, и был этот царь великий, высокий ростом, красивый обликом, прекрасный нравом, с благородными свойствами. И он благодетельствовал бедным и любил своих подданных и всех людей своего царства. И было имя его Джиллиад⁶⁴⁵, и находились под властью его, в его царстве, семьдесят два правителя, в странах его было триста пятьдесят кадиев, и было у него семьдесят везирей, и над каждым десятком своих воинов он поставил предводителя, и наибольшим его везирем был человек по имени Шимас, и было ему жизни двадцать два года. И он был прекрасен видом и естеством, тонок в речах, сообразителен при ответе и ловок во всех своих делах – мудрец, правитель и начальник, несмотря на юность лет, – и он знал всякую мудрость и вежество. И царь любил его великой любовью и питал к нему склонность из-за его знаний в красноречии и умении изъясняться в делах управления, а также потому, что даровал ему Аллах милосердие и кротость к подданным. И был этот царь справедлив в своём царстве, оберегал подданных и одарял малого и большого милостями и подобающей заботой и дарами, охраняя спокойствие и безопасность и облегчая подать всем подданным. И он любил их, и великих и малых, и поступал с ними милостиво, и заботился о них.

Но при всем этом не наделил царя Аллах великий сыном, и было это тяжело ему и

⁶⁴⁵ В различных изданиях текста данной сказки, которая принадлежит к древнейшим в «1001 ночи», это имя пишется поразному.

жителям его царства. И случилось, что царь лежал в одну ночь из ночей, занятый размышлениями об исходе дел своего царства, а потом его одолел сон, и он увидел во сне, что льёт воду у подножия дерева...»

И Шахразадку застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Ночь, дополняющая до девятисот

Когда же настала ночь, дополняющая до девятисот, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что царь увидел во сне, что он льёт воду у подножия дерева (а вокруг этого дерева много деревьев), и вдруг вышел из этого дерева огонь и сжёг все деревья, бывшие вокруг него.

И тут царь пробудился от сна, устрaщённый и испуганный, и, призвав одного из своих слуг, сказал ему: «Ступай живей и приведи мне скорее Шимаса, везиря!» И слуга пошёл к Шимасу и сказал ему: «Царь требует тебя сию же минуту – он пробудился от сна испуганный и послал меня за тобой, чтобы ты скорее к нему пришёл».

И Шимас, услышав слова слуги, в тот же час и минуту поднялся, и отправился к царю, и вошёл к нему. И он увидел царя сидящим на постели, и пал перед ним ниц, желая ему вечной славы и счастья, и воскликнул: «Да не опечалит тебя Аллах, о царь! Что тебя встревожило сегодня ночью, и почему ты поспешно потребовал меня?»

И царь позволил Шимасу сесть, и тот сел, и царь начал ему рассказывать, что он видел, и сказал: «Сегодня ночью я видел сон, который ужаснул меня. Мне снилось, что я лил воду у подножия дерева, и когда я это делал, вдруг вышел из подножия дерева огонь и сжёг все деревья, что были вокруг него. И я испугался, и взял меня страх, и я проснулся и послал тебя позвать из-за твоих великих знаний и умения толковать сны, так как мне известна твоя обширная учёность и великая смыслённость».

И Шимас опустил голову на некоторое время, а потом улыбнулся, и царь спросил его: «Что ты подумал, о Шимас? Скажи мне правду и не скрывай от меня ничего». И Шимас, в ответ ему, молвил: «О царь, Аллах великий оказал тебе милость и прохладил твоё око, и этот сон приведёт к полному благу. А именно, Аллах великий наделит тебя ребёнком мужеского пола, который унаследует от тебя царство после твоей долгой жизни, но только будет в нем нечто, чего я не хотел бы изъяснять в теперешнее время, ибо не подходит оно для изъяснения этого». И царь обрадовался великой радостью, и усилилось его веселье, и ушёл от него испуг, и успокоилась душа его. «Если так прекрасно обстоит дело с толкованием этого сна, – сказал он, – то заверши мне его толкование, когда придёт подходящее время для завершения толкования его. То, что не подобает изъяснять теперь, надлежит тебе изъяснить мне, когда придёт тому время, чтобы полною стала моя радость, ибо я не желаю этим ничего, кроме благоволения Аллаха, слава и величие ему!»

И когда Шимас увидел, что царь настаивает на завершении толкования сна, он высказал доводы, которыми отвёл это от себя.

И тогда царь призвал звездочётов и всех толкователей снов, которые были в его царстве, и они все явились пред лицо его, и царь рассказал им свой сон и сказал: «Я хочу от вас, чтобы вы мне сообщили правдивое толкование сна».

И выступил вперёд один из толкователей и взял у царя позволение говорить. И когда царь позволил ему, он сказал: «О царь, поистине, твой везирь Шимас вовсе не бессилён истолковать это, он только посовестился перед тобой и успокоил твой страх и не высказал тебе всего толкования полностью. Но если ты позволишь мне говорить, я скажу». – «Говори, о толкователь, не совестясь, и будь правдив со мною в словах», – молвил царь. А толкователь сказал: «Знай, о царь, что появится у тебя сын, который унаследует от тебя царство после твоей долгой жизни, но он не будет поступать с подданными, как поступаешь ты, а нарушит твои указы и станет притеснять подданных, и поразит его то, что поразило мышь с котом, и воззвала она к защите Аллаха великого». «А какова история кота с мышью?» – спросил царь.

И толкователь сказал:

«Да продлит Аллах жизнь царя! Мурлыка, то есть кот, вышел однажды ночью, чтобы растерзать что-нибудь в саду, но ничего не нашёл и ослаб от сильного холода и дождя, бывшего той ночью. И он стал придумывать, где бы раздобыть себе жертву. И когда он бродил, будучи в таком состоянии, он вдруг увидел нору у подножия дерева. И он приблизился к ней и начал её обнюхивать, ворча, и почуял в норе мышь, и стал всячески пытаться проникнуть в нору. Но мышь, почуяв кота, обернулась к нему спиной и принялась ползать на передних и задних лапах, чтобы засыпать вход в нору. И тогда кот стал пищать слабым голосом и говорить: „Зачем ты это делаешь, о сестрица? Я ищу у тебя убежища, чтобы ты оказала мне милость и приютила меня в твоей норе на сегодняшнюю ночь. Я ослаб от великих годов, и пропала моя сила, и я не могу больше двигаться. Я углубился сегодня ночью в этот сад, – а сколько уже раз я призывал на свою душу смерть, чтобы отдохнуть! – и вот я у твоей двери, повергнутый холодом и дождём. Прошу тебя, ради Аллаха, о милости – возьми меня за руку, введи к себе и приюти в проходе в твою нору, так как я иноземец и бедняк, а сказано: „Кто приютит в своём жилище иноземца-бедняка, тому будет приютом рай в день судный“. Ты достойна, о сестрица, получить за меня награду и позволишь мне провести у тебя ночь до утра, а потом я уйду своей дорогой...“

И Шахразадку застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Девятьсот первая ночь

Когда же настала девятьсот первая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что кот говорил мыши: „Позволишь ли ты мне провести у тебя ночь, а потом я уйду своей дорогой?“ И когда мышь услышала слова кота, она сказала: „Как ты войдёшь в мою нору, когда ты – мой враг по естеству, и пропитание твоё – моё мясо? Я боюсь, что ты меня обманешь, так как это одно из твоих свойств, ибо нет для тебя обета, а ведь сказано: „Не должно доверять прелюбодее красивую женщину, или бедняку, нуждающемуся, деньги, или огню – дрова“. Для меня не обязательно доверять тебе, и сказано: «Вражда по естеству, чем слабее её носитель, тем сильнее».

И кот ответил мыши потухшим голосом, в наихудшем состоянии: «Поистине, то, что ты высказала из назиданий, правда, и я не порицаю тебя, но прошу отвернуться от былой природной вражды, нас с тобой разделявшей, ибо сказано: „Кто просит сотворённого, тому простит творец его“. Я был прежде тебе врагом, и вот я сегодня прошу тебя о милости. Ведь сказано: „Если хочешь, чтобы твой враг был тебе другом, сотвори с ним Благое“. И я, сестрица, даю тебе клятву и обет Аллаха, что не буду никогда вредить тебе, и к тому же нет у меня на это силы. Доверься Аллаху и сотвори благое – прими мою клятву и мой обет».

И мышь ответила: «Как я приму обет того, с кем у меня утвердилась вражда и кому обычно меня обманывать? Будь наша вражда из-за чего-либо, но не из-за крови, я, право, сочла бы её ничтожной, но эта вражда прирождённая, и сказано: кто доверится своему врагу, тот подобен вложившему руку в пасть ехидны». И кот сказал, исполнившись гнева: «Моя грудь стеснилась, и ослабла моя душа! Я уже в предсмертных муках и скоро умру у твоих дверей, и грех передо мной ляжет на тебя, так как ты можешь меня спасти. Вот моё последнее тебе слово».

И мышь охватил страх перед великим Аллахом, и вошло в её сердце милосердие, и она сказала себе: «Кто хочет от Аллаха великого помощи против своего врага, пусть окажет ему милость и благо. Положусь на Аллаха и спасу этого кота от гибели, чтобы получить за это награду».

И мышь вышла к коту и втащила его к себе в нору волоком, и кот оставался у неё, пока не набрался сил, не отдохнул и не поправился немного. И он горевал о своей слабости и о том, что у него пропала сила и мало осталось друзей, а мышка жалела его и успокаивала, и подходила к нему, и бегала вокруг него.

Что же касается кота, то он полз по норе, пока не занял выхода, боясь, что мышь выйдет из неё. И мышь захотела выйти и приблизилась к коту, как обычно. И когда она оказалась от него близко, кот схватил её и вцепился когтями и начал её терзать и трясти. И он хватал её зубами, поднимал от земли, и бросал, и бегал за ней, и терзал её, и мучил. И тогда мышь стала звать на помощь, и попросила освобождения у Аллаха, и начала упрекать кота, говоря: «Где обеты, которые ты мне давал, и где клятвы, которыми ты клялся? Таково твоё воздаяние мне за то, что я впустила тебя в мою нору и доверилась тебе? Правду сказал сказавший: „Кто примет обет своего врага, пусть не ждёт для себя спасения“. И сказавший: „Кто вручит себя своему врагу, тот заслуживает гибели“. Но полагаюсь на моего творца: он – тот, кто освободит меня от тебя».

И когда она была в таких обстоятельствах и кот хотел на неё броситься и растерзать, вдруг проходил охотник с хищными собаками, приученными к охоте. И одна из собак прошла над входом в нору и услышала, что в ней большая драка, и подумала, что это лисица рвёт кого-нибудь. И собака бросилась в нору, чтобы поймать лисицу, и встретила кота, и потянула его к себе. И когда кот попал в лапы собаке, он занялся самим собою и отпустил мышь живой, без единой раны, а что касается его самого, то охотничья собака вынесла его, перерезав ему жилы, и бросила его мёртвым. И оправдались на коте и мыши слова сказавшего: «Кто милует, тот помилован будет в будущей жизни, а кто притесняет, тот притеснён будет немедленно».

Вот что случилось с ними, о царь, и никому не подобает нарушать обет тому, кто ему доверился. А с тем, кто предаёт и обманывает, случится то же, что случилось с котом, ибо как судит молодец, так и судим он будет, а кто обратится к благу, получит награду. Но не печалься, о царь, и пусть не будет тебе это тяжело, ибо твой сын, после несправедливости и притеснения, вернётся к благому поведению. А этот мудрец, что у тебя везирем, Шимас, хотел не скрывать от тебя ничего о том, о чем он тебе намекнул, и это с его стороны правильно, ибо говорится: «Люди, сильнее всего страшящиеся, – самые обширные по уму и больше всех ревнуют о благе».

И тогда царь подчинился, и велел выдать толкователям щедрую награду, и отпустил их, а затем он поднялся и вошёл в свой покой и принялся размышлять об исходе своего дела.

Когда же настала ночь, он пришёл к одной из своих жён (а она была ему всех дороже и милее) и лёг с нею. И когда прошло над ней около четырех месяцев, ноша шевельнулась у неё в животе, и она обрадовалась сильной радостью и уведомила об этом царя, и царь воскликнул: «Оправдался мой сон, к Аллаху взываем о помощи!» И потом он поместил свою жену в самом лучшем покое, оказал ей крайнее уважение, одарил её обильными наградами и наделил её многим, а после этого он позвал одного из слуг и послал его за Шимасом. И когда Шимас явился, царь рассказал ему о том, что его жена понесла, и он радовался и говорил: «Оправдался мой сон, и пришло осуществление надежды! Может быть, окажется, что эта ноша – ребёнок мужеского пола, и будет он наследником моего царства. Что же ты скажешь об этом, о Шимас?» И Шимас промолчал и не произнёс никакого ответа. И царь сказал ему: «Что это, я вижу, ты не радуешься моей радости и не даёшь мне ответа? Узнать бы, не противно ли тебе это дело, о Шимас!» И тут Шимас пал перед царём ниц и сказал: «О царь, – да продлит Аллах твою жизнь! – что пользы ищущему тени под деревом, когда огонь выходит из него, и какая сладость пьющему чистое вино, если он им подавился? Какой прок утоляющему жажду от сладкой холодной воды, если он утонул в ней? Я – раб Аллаха и твой раб, о царь, но сказано: „О трех вещах не подобает говорить разумному прежде их завершения: путешественнику, пока не вернётся он из путешествия, тому, кто на войне, пока не покорил он врага, и женщине носящей, пока не сложит она ношу...“

И Шахразад устал, и она прекратила дозволенные речи.

Когда же настала девятьсот вторая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что везирь Шимас, сказав царю: „О трех вещах не подобает говорить разумному прежде их завершения“, – молвил после этого: „Знай же, о царь, что говорящий о чем-нибудь, что не завершилось, подобен богомольцу, на голову которого пролилось масло“.

«А какова история богомольца и что с ним случилось?» – спросил царь. И везирь сказал:

«Знай, о царь, что некий человек жил подле одного шерифа из шерифов некоего города, и этому богомольцу полагалась каждый день выдача из надела шерифа: три хлебные лепёшки, немного масла и мёда. А масло в этом городе было дорогое, и богомалец собирал то, что ему доставалось, в кувшин, и наполнил его, и повесил у себя над головой из страха и осторожности. И когда однажды, в одну ночь из ночей, он сидел на постели, держа в руке свой посох, ему пришла мысль насчёт масла и его дороговизны, и он сказал себе: «Мне следует продать все масло, какое у меня есть, и купить на вырученные деньги овцу и разделить владение его с каким-нибудь феллахом⁶⁴⁶. В первый год она принесёт самца и самку, а на второй год она принесёт самку и самца, и эти овцы будут все время размножаться, принося самцов и самок, пока их не станет много. И тогда я выделю свою часть, и продам из неё, сколько захочу, и куплю землю, и выращу на ней сад, и построю великолепный дворец, и приобрету одежду и платья, и куплю рабов и невольниц. И я женюсь на дочери купца, и устрою свадьбу, какой никогда не бывало, и зарежу животных, и приготовлю роскошные кушанья, и сладости, и варенья, и прочее, и соберу на свадьбу забавников, фокусников и играющих на музыкальных инструментах, и приготовлю цветов, благовонных растений и всяких пахучих трав, и позову богатых и бедных, и учёных, и начальников, и вельмож правления, и всякому, кто чего-нибудь попросит, то я и дам, и я приготовлю всякие кушанья и напитки. Я пушу глашатая кричать: «Кто чего-нибудь попросит – получит». И потом я войду к моей невесте, после открывания⁶⁴⁷, и буду наслаждаться её красотой и прелестью, и есть, и пить, и веселиться, и скажу себе: «Ты достиг желаемого!» И отдохну от набожности и благочестия. И после этого моя жена понесёт и родит мальчика, и я буду на него радоваться, и устрою из-за него пиры, и воспитаю его в неге, и научу его мудрости, вежеству и счёту, и сделаю его имя известным среди людей. Я буду похвалиться им между устраивающими собрания и стану побуждать его к приятному, – а он не будет прекословить мне, – и удерживать его от мерзостей и порицаемого, и наставлять его в благочестии и творении добра. Я буду наделять его роскошными, прекрасными дарами и, если увижу, что он всегда послушен, умножу ему дары праведные, а если увижу я, что он склонился к ослушанию, я опущу на него этот посох».

И он поднял свой посох, чтобы ударить сына, и попал по кувшину с маслом, что был у него над головой, и разбил его, и тут черепки посыпались на богомольца, и масло потекло ему на голову, на одежду и на бороду, и стал он для всех назиданием.

И поэтому, о царь, не подобает человеку говорить о вещи, прежде чем она будет».

«Ты прав в том, что сказал, – молвил царь, – и прекрасный везирь ты, так как высказал истину и посоветовал благое. Стала у меня твоя степень такую, как тебе любо, и всегда будешь ты мне приятен».

И Шимас пал ниц перед Аллахом и перед царём, и пожелал ему вечного счастья, и воскликнул: «Да продлит Аллах твои дни и да возвысит твой сан! Знай, что я ничего от тебя не скрываю, ни в тайном, ни в оглашаемом, и твоё благоволение – моё благоволение, а твой гнев – мой гнев. Нет у меня радости, кроме твоей радости, и я не могу ночью заснуть, зная, что ты на меня гневен, ибо Аллах великий наделил меня всем благом через твои награды мне, и я прошу великого Аллаха, чтобы он охранял тебя своими ангелами и воздал тебе

⁶⁴⁶ То есть войти в компанию с феллахом, у которого есть баран, и разделить с ним приплод овцы.

⁶⁴⁷ Открывание невесты перед женихом – один из обрядов мусульманской свадьбы.

прекрасно при встрече с ним».

И возвеселился тут царь, и затем Шимас поднялся и ушёл от царя. А через некоторый срок жена царя родила мальчика, и пошли к царю вестники и возвестили ему о сыне, и царь обрадовался великою радостью, и поблагодарил Аллаха многою благодарностью, и воскликнул: «Слава Аллаху, который наделил меня сыном после утраты надежды! Он есть заботливый, кроткий к рабам своим!» И потом царь написал всем жителям своего царства, извещая их об этом событии и призывая их в своё жилище. И явились эмиры, начальники, учёные и вельможи царства, подвластные ему, и вот то, что было с царём.

Что же касается его сына, то от радости ему ударили в литавры во всем царстве, и жители пришли, чтобы явиться к царю, из всех краёв, и пришли люди науки, философы, словесники и мудрецы, и вошли все вместе к царю, и каждый достиг места сообразного его сану. А потом царь дал знак семи великим везирям, главой которых был Шимас, чтобы каждый из них говорил, по мере бывшей в нем мудрости, о том, что ему близко, и начал глава их, везирь Шимас, и попросил у царя позволения говорить.

И когда царь позволил ему, он сказал: «Хвала Аллаху, который вызвал нас из небытия в бытие, и пожаловал рабам своим владык из людей справедливых и правосудных во власти, которую их облёк он, и в деяниях праведных, а также в том наделе, который отпустил он, через их руки, их подданным! В особенности таков наш царь, который оживил мёртвые наши земли тем, что пожаловал нам Аллах из благ, и наделил нас, по благости своей, привольной жизнью, покоем и правосудием. Какой царь сделает для жителей своего царства то, что сделал для нас этот царь и в заботе о наших выгодах, о соблюдении наших прав и оказании справедливости одним из нас против других, в малом небрежении нами и исправлении несправедливостей? Милость Аллаха людям в том, чтобы был у них царь, пекущийся о делах их и охраняющий их от врага, ибо крайняя цель врага – покорить своего неприятеля и держать его в руке. Многие люди приводят своих детей к царям как слуг, и пребывают они у них на положении рабов, чтобы отражать от них врага, в нашу же страну не вступали враги во время нашего царя, по великой благодати и большому счастью, которого не могут описать описывающие, ибо оно выше описания. И ты, о царь, заслужил того, чтобы удостоиться сей великой милости, и мы под твоим покровительством и под сенью твоего крыла – да сделает Аллах прекрасной твою награду и да продлит он твой век! Прежде всего неустанно просили мы великого Аллаха, чтобы оказал он нам милость, вняв нам, и сохранил тебя для нас и даровал тебе доброго сына, которым прохладились бы твои глаза, и Аллах (слава ему и величие!) принял наши слова и внял нашей молитве...»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Девятьсот третья ночь

Когда же настала девятьсот третья ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что везирь Шимас говорил царю: „И Аллах великий принял наши слова, и внял нашей молитве, и подал нам помощь близкую, как подал он её рыбам в пруде с водой“. „А какова история рыб и как это было?“ – спросил царь. И везирь сказал:

«Знай, о царь, что был в одном месте пруд с водой, и было там несколько рыб. И случилось с этим прудом, что воды в нем уменьшилось и не осталось её достаточно, чтобы была рыбам польза, и они едва не погибли. И сказали они: „Что-то будет с нами! Как нам ухитриться и у кого спросить совета о спасении?“

И поднялась одна рыба (а она была больше их по уму и по годам) и сказала: «Нет у нас иной хитрости для спасения, кроме как просить Аллаха. Но поищем совета у рака – ведь он над нами старший. Идёмте к нему и посмотрим, каково будет его мнение, – он более нас сведущ в истинах слова».

И рыбы одобрили её мнение, и все пришли к раку и увидели, что он залёг в своей норе и не знает и не ведаёт о том, что с рыбами. И рыбы пожелали раку мира и сказали ему: «О

господин наш, разве не касается тебя наше дело, когда ты наш правитель и начальник?» И рак сказал им в ответ: «И вам мир! Что с вами такое и чего вы хотите?» И рыбы рассказали ему свою историю и то, что их поразило в убыли воды, и сказали, что когда она высохнет, им придёт гибель. И потом они сказали: «И вот мы пришли к тебе и ожидаем от тебя совета и того, в чем будет спасение, – ты ведь наш старший и более знающ, чем мы».

И рак надолго опустил голову и затем сказал: «Нет сомнения, что у вас недостаток ума, раз вы отчаялись в милости великого Аллаха и в поручительстве его за благополучие всех его тварей. Разве не знаете вы, что Аллах (слава ему и величие!) наделяет своих рабов без счета и что определил он их надел раньше, чем сотворил? И назначил он каждому созданию жизнь ограниченную и надел определённый, по божественному своему могуществу – так как же будем мы нести заботу о чем-нибудь, когда оно начертано в неведомом? И мнение моё, что нет ничего лучше, чем просьба у великого Аллаха, и надлежит каждому из нас исправить свои помышления перед господом, и в тайном, и в оглашаемом, и взмолиться Аллаху, чтобы освободил он нас и спас от бод, ибо Аллах великий не обманывает надежды того, кто на него уповает, и не отвергает просьбы того, кто ищет к нему близости. И когда направим мы наши обстоятельства, исправятся дела наши, и достанется нам полное благо и счастье. И придёт зима, и зальёт Аллах нашу землю по молитве праведника и не разрушит добра тот, кто его воздвигнул. Лучше всего нам терпеть и ждать того, что сделает с нами Аллах. И если постигнет нас смерть, как бывает обычно, мы отдохнём, а если постигнет нас то, что требует бегства, мы побежим и перейдём из нашей земли туда, куда захочет Аллах». И все рыбы подтвердили в один голос: «Твоя правда, о господин наш, воздай тебе Аллах за нас благом». И каждая из них отправилась к себе, и прошло лишь немного дней, и послал Аллах сильный дождь, который наполнил вместилище пруда ещё больше, чем раньше.

Так и мы, о царь, отчаивались, не зная, будет ли у тебя сын, и раз пожаловал Аллах нам и тебе это благословенное дитя, мы просим Аллаха великого сделать его сыном подлинно благословенным и прохладить им твоё око, и сделать его твоим праведным преемником, и наделить нас через него так же, как наделил он нас через тебя. Ибо Аллах великий не обманет того, кто к нему направляется, и не должно никому терять надежду на милость Аллаха».

И затем поднялся второй везирь и пожелал царю мира, и царь ответил ему, сказав: «И с вами мир!»

И этот везирь молвил: «Называется царь царём только тогда, когда одаряет он и действует справедливо, и судит праведно, и проявляет щедрость, и хорошо поступает с подданными, поддерживая законы и обычаи, принятые между людьми, воздавая должное одному в пользу другого, сдерживая пролитие крови и удаляя зло. И должен он славиться отсутствием небрежения к беднякам и помощью высшим и низшим и предоставлять им право должное, чтобы стали все подданные за него молиться и исполнять его веления, ибо нет сомнения, что царь о такими свойствами любим своими подданными и стяжает в дольней жизни величие, а в последней жизни – почёт и благоволение творца её. Мы же, собрание рабов, признаем, о царь, что все, что мы описали, есть в тебе, и так сказано: „Лучшее из дел, чтобы царь был справедливым, лекарь – искусным и учёный – сведущим и поступающим согласно своему знанию“. Теперь мы наслаждаемся этим счастьем, а раньше впали мы в отчаянье, потеряв надежду, что достанется тебе сын, который унаследует твоё царство, но Аллах (да возвысится имя его!) не обманул твоей надежды и принял твою молитву, ради благих твоих мыслей о нем и потому, что вручил ты ему своё дело. Прекрасная надежда – надежда твоя, и сталося с тобою то, что сталося с вороном и змеей».

«А как это было и какова история ворона и змеи?» – спросил царь. И везирь сказал:

«Знай, о царь, что один ворон жил со своей женой на дереве приятнейшей жизнью. И достигли они времени вывода птенцов (а была пора зноя), и выползла из своей норы змея, и направилась к тому дереву, и, уцепившись за ветки, добралась до гнезда ворона, и залегла в нем, и пролежала в течение летних дней. И оказался ворон выгнанным, и не находил он никакого выхода и не имел места, где бы прилечь. А когда кончились дни жары, змея ушла в

свою нору, и ворон сказал жене: „Поблагодарим великого Аллаха, который спас нас и освободил от этого бедствия, хотя мы и лишились в этом году пищи, но Аллах великий не пресечёт нашей надежды. Поблагодарим же его за то, что он послал нам безопасность и здоровье телесное. Не на кого нам положиться, кроме как на него. И если Аллах захочет и мы доживём до будущего года, Аллах возместит нам наш приплод“.

И когда пришло время вывода птенцов, змея вылезла из своей норы и направилась к дереву, и когда она уцепилась за ветку, чтобы залезть, как обычно, в гнездо ворона, вдруг ринулся на неё коршун и ударил её по голове и разорвал её.

И змея упала на землю, покрытая беспомощностью, и приползли к ней муравьи и съели её, и ворон с женой оказались в безопасности и покое, и вывели много птенцов, и поблагодарили Аллаха за своё спасение и за появление детей.

А нам, о царь, надлежит благодарить Аллаха за то, что пожаловал он нам и тебе этого благословенного и счастливого младенца после отчаяния и прекращения надежд. Да сделает Аллах прекрасной твою награду и исход твоих дел!..»

И Шахразад устало сказала, и она прекратила дозволенные речи.

Девятьсот четвёртая ночь

Когда же настала девятьсот четвёртая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что когда второй везирь кончил свою речь, он заключил её словами. „Да сделает Аллах прекрасной твою награду и исход твоих дел“.

А потом поднялся третий везирь и сказал. «Возрадуйся, о царь справедливый, благу немедленному и награде в будущей жизни, ибо всякого, кого любят люди земли, любят и люди неба. Аллах великий уделил тебе свою любовь и вложил её в сердца жителей твоего царства; ему же благодарность и ему хвала, от нас и от тебя, чтобы умножил он свою милость тебе и нам через тебя. И знай, о царь, что человек не может ничего без веления Аллаха (велик он!), и он есть даритель, и всякое благо у человека к нему восходит. Распределил он блага среди рабов своих, как ему любо. И некоторых одарил он дарами многими, а других озабочил добыванием пищи; и одного сделал он начальником, а другого – не охочим до мирских благ, охочим до Аллаха, ибо он есть тот, кто сказал: „Я вредоносец, пользу приносящий, я исцеляю и насылаю хворь, обогащаю и разоряю, умерщвляю и оживляю: в руке моей – все, и ко мне исход конечный, и надлежит всем людям благодарить его“. И ты, о царь, – из счастливых, пречистых, ибо сказано: „Счастливейший из чистых тот, для кого соединил Аллах блага дольней и последней жизни и кто довольствуется тем, что уделил ему Аллах, и благодарит его за то, что установил он. Тот же, кто преступил меру и искал не того, что определил Аллах для него и против него, подобен дикому ослу с лисицей“.

«А какова их история?» – спросил царь. И везирь сказал:

«Знай, о царь, что одна лисица каждый день выходила из своего логова, чтобы раздобыть себе дневной надел. И она была однажды где-то в горах, и вдруг день окончился, и лисица пошла обратно. И она увидела другую лисицу, которая шла ей навстречу, и одна начала рассказывать другой, как она растерзала свою добычу, и она говорила: „Вчера мне попался дикий осел. Я была голодна – три дня не ела – и обрадовалась и поблагодарила великого Аллаха, который послал мне этого осла. И потом я взяла его сердце, и съела его, и насытилась. И я вернулась в моё логово, и прошло три дня, и я не нашла никакой еды, и все-таки я до сих пор сыта“.

И лисица, услышав эту историю, позавидовала сытости другой лисицы и сказала себе: «Обязательно поем сердца дикого осла!» И она не ела несколько дней, так что отошала и едва не умерла, и сократились её поиски и усердие, и она легла в своём логове. В один из дней она была в логове, и два охотника проходили мимо, направляясь на охоту. И им попался дикий осел, и они весь день гонялись за ним. И потом один из них метнул раздвоенную стрелу с зубом, и стрела попала в осла, и вошла ему внутрь, и, достигнув его

сердца, убила его перед норой лисицы. И охотники подошли к ослу, и нашли его мёртвым, и вытащили стрелу, которая попала ему в сердце, но вышло только древко, а раздвоенный наконечник стрелы остался в брюхе дикого осла. И когда наступил вечер, лисица вышла из своего логова, стная от слабости и голода, и увидела дикого осла, который валялся у входа в её нору. И лисица обрадовалась сильной радостью, так что едва не взлетела от радости, и воскликнула: «Хвала Аллаху, который облегчил мне удовлетворение желания! Я и не надеялась, что добуду дикого осла или что-либо другое. Может быть, это Аллах свалил его и пригнал к моей норе».

И затем лисица прыгнула на осла, разодрала ему брюхо и, засунув туда голову, стала искать его сердце, и наконец она нашла его и, схватив ртом, проглотила. И когда сердце оказалось у неё в горле, зубец стрелы залепился за кость её шеи, и лисица не могла ни проглотить сердце, ни вытолкнуть его из горла. И она убедилась в своей гибели и сказала: «Поистине, не следует твари искать для себя чего-либо сверх того, что определил ей Аллах! Если бы я удовлетворилась тем, что определил мне Аллах, я бы не пришла к гибели».

Поэтому, о царь, следует человеку быть довольным тем, что определил ему Аллах, благодарить его за милости и не прекращать надежду на своего владыку. Вот и тебя, о царь, за благие твои намерения и свершение блага наделил Аллах сыном, после утраты надежды, и мы просим Аллаха великого, чтобы наделил он его долгой жизнью и постоянным счастьем и сделал бы его благословенным преемником, исполняющим, вслед тебе, твой обет, после долгой твоей жизни».

И потом встал четвёртый везирь и сказал: «Поистине, царь, если ты разумен и сведущ в главах мудрости...»

И Шахразату застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Девятьсот пятая ночь

Когда же настала девятьсот пятая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что четвёртый везирь, встав, сказал: «Поистине, царь, когда он разумен и сведущ в главах мудрости, законах и науке об управлении и притом праведен в намерениях, справедлив к подданным, уважает тех, кого надлежит уважать, почитает тех, кому подобает почтение, прощает, когда возможно, если неизбежно это, охраняет властителей и подвластных, облегчает их бремя, награждает их, бережёт их кровь, прикрывает их срамоту и исполняет данные им обеты, – тот царь достоин счастья в дольней жизни и в последней, ибо это оберегает его от подданных и помогает ему утвердить свою власть и одолеть врагов и достигнуть желаемого, при увеличении милости к нему Аллаха и поддержке его в благодарении ему и получении его покровительства. А если царь противоположен этому, то всегда пребывает он в испытаниях и бедствиях, вместе с жителями своего царства, так как он притесняет и близкого и далёкого, и бывает с ним то, что было с царевичем-странником.

«А как это было?» – опросил царь. И везирь сказал: «Знай, о царь, что был в странах Запада царь, притеснявший в своём приговоре, несправедливый, своенравный насильник, пренебрегавший защитой своих подданных и всех, кто входил в его царство. И не входил в его царство никто без того, чтобы наместники царя не отнимали у него четырех пятых его имущества, оставляя ему одну пятую, не более. И определил Аллах великий так, что был у этого царя сын, счастливый, поддержанный Аллахом. И когда сын увидел, что обстоятельства земной жизни не в порядке, он оставил её и ушёл, с малых лет, странствовать, поклоняясь великому Аллаху, и отказался от сей жизни и того, что в ней есть, и вышел, повинувшись Аллаху великому, и начал странствовать по степям и пустыням, и заходил в города. И в какой-то день вошёл он в свой город, и когда он остановился около сторожей, те схватили его и обыскали, но не увидели с ним ничего, кроме двух одежд – одной новой, другой старой, и отняли у него новую одежду и оставили ему старую, после унижений и оскорблений.

И царевич начал жаловаться и говорить: «Горе вам, о притеснители! Я человек бедный, странствующий, и какая может быть вам польза от этой одежды? Если вы мне её не отдадите, я пойду к царю и пожалуюсь ему на вас!» И сторожа, в ответ ему, сказали: «Мы сделали это по приказанию царя, и что тебе вздумалось сделать, то делай».

И странник пошёл и, дойдя до владений царя, хотел войти, но привратники помешали ему, и он отошёл назад и сказал про себя: «Мне не остаётся ничего иного, как подождать царя, когда он выйдет, и пожаловаться ему на моё положение и на то, что меня поразило». И когда он был в таком положении и ожидал выхода царя, он вдруг услышал, что один из солдат рассказывает о нем. И он понемногу стал приближаться, пока не остановился напротив ворот, и не успел он опомниться, как царь уже выходит. И странник пошёл рядом с ним, и пожелал ему удачи, и рассказал, что ему выпало в его городе от сторожей, и пожаловался на своё положение. Он рассказал царю, что он – человек из людей Аллаха, отказавшийся от дольной жизни, и что он вышел, ища благоволения Аллаха великого, и начал странствовать по земле, и всякий, к кому он приходил из людей, благодетельствовал ему как мог. И он входил во всякий город и во всякое селение, будучи в таких обстоятельствах.

«И когда я входил в этот город, – говорил он, – я надеялся, что его жители сделают со мной то же, что они делали с другими странниками, но твои подчинённые преградили мне дорогу и отняли мою новую одежду и измучили меня побоями. Обдумай же моё дело, возьми меня за руку и вызволи мою одежду, и я не останусь в этом городе ни одного часа».

И несправедливый царь, в ответ ему, сказал: «Кто посоветовал тебе войти в этот город, когда ты не знал, что делает его царь?» И странник ответил: «После того как я получу мою одежду, делай со мной что хочешь». И когда несправедливый царь услышал от странника такие слова, произошла перемена его состава⁶⁴⁸, и он воскликнул: «О глупец, мы отняли у тебя одежду, чтобы ты унился. А раз ты поднял передо мной такой крик, я отниму у тебя душу».

И он велел заточить странника, и тот, войдя в тюрьму, стал сетовать, что от царя последовал такой ответ, и укорять себя за то, что он не оставил этого дела и не сохранил свою душу. А когда наступила полночь, странник встал на ноги и помолился продлённой молитвой и сказал: «О Аллах, ты есть судья справедливый, и ты знаешь моё состояние и то, как сложилось моё дело с этим царём притесняющим. И я, твой обиженный раб, прошу, чтобы, по изобилии твоей милости, ты спас меня из рук этого несправедливого царя и низвёл на него твоё отмщение, ибо ты не пренебрегаешь обидой всякого обидчика. И если ты знаешь, что он меня обидел, низведи на него твою месть этой ночью и опусти на него твоё наказание, ибо твой суд справедлив и ты помощник всех опечаленных, о тот, кому принадлежит могущество и величие до конца века!»

И когда тюремщик услышал молитву этого несчастного, все его члены охватил страх, и когда он был в таком состоянии, вдруг в том дворце, где был царь, загорелся огонь и сжёг все, что там было, даже ворота тюрьмы, и не спасся никто, кроме тюремщика и странника. И странник пустился в путь и пошёл вместе с тюремщиком, и они до тех пор шли, пока не достигли другого города, а что касается города несправедливого царя, то он сгорел до конца из-за жестокости его царя.

Мы же, о счастливый царь, – мы и вечером и утром молимся за тебя и благодарим Аллаха великого за его милость в твоём существовании, доверяясь твоей справедливости и благим поступкам. И была у нас большая забота из-за отсутствия у тебя сына, который наследовал ты твоё царство, – мы боялись, что окажется над нами, после тебя, другой царь, а теперь Аллах пожаловал нас, по своему великодушию, и прекратил нашу заботу и привлёк к нам радость существованием этого благословенного мальчика. И мы просим Аллаха

⁶⁴⁸ Намёк на господствовавшее в средние века учение Гиппократ и Галена о четырех элементах, входящих в состав человеческого тела.

великого, чтобы он сделал его праведным преемником и наделил его славой, и вечным счастьем, и постоянным благом».

И затем поднялся пятый везирь и сказал: «Да будет благословен Аллах великий...»

И Шахразадку застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Девятьсот шестая ночь

Когда же настала девятьсот шестая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что пятый везирь сказал: „Да будет благословен Аллах великий, наделяющий праведными дарами и драгоценными наградами. А затем – мы уверились, что Аллах оказывает милость тем, кто его благодарит и охраняет его веру. И ты, о царь счастливый, прославлен этими высокими добродетелями и справедливостью и творишь правый суд меж твоих подданных так, как угодно великому Аллаху. И поэтому возвысил Аллах твой сан, и осчастливил твои дни, и подарил тебе этот добрый подарок – то есть это счастливое дитя, после утраты надежды, и охватила нас поэтому радость вечная и веселье непрерывающееся, так как были мы прежде сего в великой заботе и сильном огорчении из-за отсутствия у тебя сына, и размышляли мы о том, сколько в тебе заключается справедливости и кротости к нам, и боялись, что определит тебе Аллах смерть, и не будет никого, кто бы был тебе преемником и унаследовал бы после тебя царство, и разойдутся наши мнения, и возникнет между нами раскол, и станется с нами то, что случилось с вороном“.

«А какова история ворона?» – спросил царь. И везирь, в ответ ему, сказал:

«Знай, о счастливый царь, что была в одной из степей широкая долина, и были там каналы, деревья и плоды, и птицы прославляли там Аллаха, единого, покоряющего, творца ночи и дня, и были среди птиц вороны, и жили они приятнейшей жизнью. И был предводителем и судьёй между ними ворон, кроткий к ним и заботливый, и были они с ним безопасны и спокойны, и столь прекрасно было меж них устройство, что ни одна из птиц не могла их одолеть. И случилось, что предводитель их преставился, и пришло к нему дело, определённое для всех тварей, и опечалились о нем птицы великой печалью, и усилилась их печаль оттого, что не было среди них никого, ему подобного, кто бы встал на его место. И собрались они все и стали, советовать меж собою о том, кто встанет над ними, чтобы был он праведным. И одни выбрали ворона и сказали: „Этот годится, чтобы быть царём над нами“. А другие не согласились и не захотели его. И возник между ними раскол и спор, и увеличилась среди них смута, а потом наступило у них соглашение, и они договорились, что проспят эту ночь, и никто из них не вылетит на другой день спозаранку, чтобы искать пропитания, но все дождутся утра. И когда встанет заря, они соберутся в одном месте и посмотрят, какая птица взлетит раньше. И сказали они: „Это будет та, которой повелел Аллах быть над нами, и она – наш избранник на царство! Мы сделаем её нашим царём и вручим ей власть над нами“. И все птицы согласились на это, и дали друг другу такое обещание, и условились соблюдать этот обет.

И когда они были в таких обстоятельствах, вдруг поднялся сокол, и они сказали ему: «О отец блага, мы выбрали тебя над нами правителем, чтобы рассматривал ты наши дела». И сокол согласился на то, что они сказали, и ответил: «Если захочет Аллах великий, будет вам от меня большое благо».

И после того как птицы поставили его над собою, сокол, каждый день, когда вылетал на добычу и вылетали вороны, ловил одну из них наедине, и ударял её, и съедал её мозг и глаза, и бросал остальное, и он делал это до тех пор, пока птицы не догадались об этом, и увидели они тогда, что большая часть их погибла, и убедились в своей гибели. И они стали говорить друг другу: «Что нам делать! Большинство из нас погибло, и мы поняли это только тогда, когда погибли из нас старейшие. Нам следует беречь наши души!» И на следующее утро птицы убежали от сокола и разлетелись.

И мы теперь опасались, что случится с нами подобное этому и окажется над нами

другой царь, но Аллах послал нам это благодеяние и обратил твоё лицо к нам, и ныне мы уверены, что будет добро и жизнь в единении, и безопасность, и верность, и благополучие на родине. Да будет же благословен Аллах великий, хвала ему и благодарность и благое восхваление, и да благословит Аллах царя к нас, его подданных. Да наделит он нас и его счастьем величайшим и да сделает его счастливым в жизни и твёрдым в усердии».

И потом поднялся шестой везирь и сказал: «Да поздравит тебя Аллах, о царь, наилучшим поздравлением в дольней жизни и в будущей! Сказаны были прежде слова древних: „Кто молится, постится и соблюдает права родителей и справедлив в приговоре своём, – встретит господа к себе милостивым“. Ты был сделан над нами властителем и поступал справедливо и был счастлив при этом в начинаниях, и мы просили Аллаха великого, чтобы сделал он обильным воздаяние тебе и вознаградил тебя за твою милость. Ты слышал, что говорил этот мудрец о наших опасениях лишиться счастья, если не будет царя или будет другой царь, не такой, как этот, и увеличатся среди нас после него разногласия, и наступит беда из-за разногласий наших. И если дело таково, как мы сказали, надлежит нам обратиться к великому Аллаху с молитвой, – быть может, подарит он царю сына счастливого и сделает его, после него, наследником царства. А затем, после этого, скажу: нередко бывает исход того, что любит человек и желает в жизни, ему неведом, и поэтому не следует человеку просить господа своего о деле, исхода которого он не знает, ибо нередко вред от него к небу ближе, чем польза, и бывает его гибель в том, чего он ищет, и поражает его то, что поразило змеезаклинателя, и его жену, и детей, и домочадцев...»

И Шахразадку застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Девятьсот седьмая ночь

Когда же настала девятьсот седьмая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что шестой везирь говорил царю: „Не следует человеку просить господа своего о деле, исхода которого он не знает, ибо нередко вред от этого к нему ближе, чем польза, и бывает его гибель в том, чего он ищет, и поражает его то, что поразило змеезаклинателя, и его детей, и жену, и домочадцев“.

«А какова история змеезаклинателя, и его детей, и жены, и домочадцев?» – спросил царь. И везирь сказал:

«Знай, о царь, что был один человек змеезаклинателем, и он воспитывал змей, и это было его ремесло. У него была большая корзина, где было три змеи. И каждый день он ходил со змеями по городу, и это было для него способом добыть свой надел и надел для своей семьи. И под вечер он возвращался домой и потихоньку клал гадов в корзину, а утром брал их и опять шёл с ними по городу. И таков был его обычай, и он не сообщал своим домочадцам о том, что в корзине.

И случилось, что когда змеезаклинатель вернулся, как обычно, домой, его жена спросила его: «Что в этой корзине?» И змеезаклинатель ответил: «А что тебе нужно? Разве припасов у вас не больше, чем много? Довольствуйся тем, что уделил тебе Аллах, и не спрашивай о другом». И женщина промолчала и стала говорить про себя: «Обязательно обыщу эту корзину и узнаю, что в ней есть». И она твёрдо решила на это, и уведомила своих детей, и накрепко приказала им спросить отца про корзину и приставать к нему с вопросами, чтобы он им рассказал, и тут мысли детей привязались к тому, что в корзине что-то съедобное. И дети стали каждый день требовать от отца, чтобы он показал им, что в корзине. И отец обещал им, и старался их убаюкать, и запрещал им об этом спрашивать, и так прошёл некоторый срок, а мать все подстрекала детей, и дети уговорились с матерью, что не станут есть и пить напитка, пока тот не исполнит их просьбу и не откроет корзину.

И змеезаклинатель пришёл однажды вечером со множеством кушаний и напитков и позвал детей есть с ним, но дети отказались прийти к нему и выказали ему гнев. И заклинатель начал уговаривать их хорошими словами и говорил: «Подумайте, чего бы вы

хотели, чтобы я принёс вам из еды, питья или одежды?» И дети сказали ему: «О батюшка, мы хотим только, чтобы ты открыл нам эту корзину и мы бы посмотрели, что в ней, а иначе мы убьём себя». – «О мои дети, – ответил им заклинатель, – нет в ней для вас блага, и в том, чтобы её открыть, для вас только вред». И заклинатель стал им грозить и обещал побить их, если они не отступятся от этого. Но в детях усиливался лишь гнев и желание узнать, что в корзине. И тогда их отец рассердился и взял палку, чтобы их побить, и дети разбежались по дому, а корзина стояла тут же, – заклинатель её не спрятал. И пока муж был занят детьми, женщина поспешно открыла корзину, чтобы посмотреть, что в ней, и вдруг змеи выползли из корзины и, ужалив сначала женщину и убив её, стали кружить по дому и губили больших и малых, кроме заклинателя, и заклинатель бросил свой дом и ушёл.

И когда ты обдумаешь это, о счастливый царь, ты поймёшь, что человеку не следует желать ничего, кроме того, в чем не отказывает ему Аллах великий; напротив – пусть успокоится его душа на том, что определил ему Аллах и чего пожелал он. Вот и ты, о царь, – при изобильном твоём знании и превосходном разуме, Аллах прохладил твоё око появлением сына после утраты надежды и успокоил твоё сердце, и мы просим Аллаха великого, чтобы сделал он его одним из халифов справедливых, угодных великому Аллаху и подданным».

И потом поднялся седьмой везирь и сказал: «О царь, я знаю достоверно и убеждён в том, о чем упоминали мои братья, эти везири – учёные и мудрецы, и о чем они говорили в твоём присутствии, о царь, а также в том, что они приписали тебе из справедливости и хороших поступков и чем ты отличаешься от прочих царей, выше которых они тебя сочли, и это часть того, что мы обязаны сделать, о царь. И что до меня, то я скажу: „Хвала Аллаху, который приблизил тебя к своей милости и даровал тебе устройство царства по своему милосердию и помог тебе и нам увеличить благодарность ему, и все это только из-за твоего бытия. И пока остаёшься ты среди нас, мы не опасаемся притеснения и не стремимся к несправедливости, и никто не может взять над нами верх, несмотря на нашу слабость. Ведь сказано: «Лучшие из подданных те, чей царь справедлив, а худшие из них те, чей царь притеснитель“».

И сказано также: «Жить со львами сокрушающими, но не жить с султаном притесняющим». Да будет же за это хвала Аллаху великому, хвала вечная, так как пожаловал он нам твоё бытие и наделил тебя этим благословенным сыном после того, как ты утратил надежду и далеко зашёл в года, ибо высший дар в дольней жизни – благой сын. Ведь сказано: «У кого нет сына, у того нет потомства и посмертной славы». И тебе благодаря твоей твёрдой справедливости и благим твоим мыслям о великом Аллахе дарован этот счастливый сын, и появился у тебя этот сын благословенный по милости великого Аллаха нам и тебе за хорошие твои поступки и благое терпение. И произошло с тобою то же, что произошло с пауком и ветром».

И царь спросил: «А какова история паука с ветром?..»

И Шахразад устало сказала, и она прекратила дозволенные речи.

Девятьсот восьмая ночь

Когда же настала девятьсот восьмая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что когда царь спросил везиря: „А какова история паука с ветром?“ – везирь сказал:

«Знай, о царь, что один паук прицепился к воротам, отдалённым и высоким, и сделал себе дом и жил в нем в безопасности. И он благодарил великого Аллаха, который предоставил ему это место и успокоил его страх перед червями. И он прожил таким образом некоторое время, благодаря Аллаху за своё спокойствие и непрерывность надела, но творец решил испытать его, сняв его с места, чтобы посмотреть, какова его благодарность и стойкость. И он наслал на паука сильный восточный ветер, и ветер понёс его вместе с домиком и бросил в море, и волны принесли его на сушу, и он поблагодарил Аллаха

великого за спасение и принялся укорять ветер, говоря: „О ветер, зачем ты это со мной сделал и какое досталось тебе благо из-за того, что ты перенёс меня с моего места сюда? Я ведь был спокоен и безопасен в моем доме на верхушке тех ворот“.

«Прекрати упрёки, – сказал ветер. – Я отнесу тебя обратно и доставлю тебя туда, где ты был прежде». И паук терпел, надеясь, что скоро вернётся на своё место, пока северный ветер не улёгся, не унеся паука обратно. И подул южный ветер, и пронёсся над пауком, и подхватил его, и помчался с ним в сторону того дома. И когда паук пролетал над ним, он узнал его и прицепился к нему.

И мы просили Аллаха, который вознаградил царя за его одиночество и терпение и наделил его этим мальчиком после безнадёжности и великих лет, и не вывел он его из дольной жизни, не наделив его прохладой ока и не одарив его тем, чем он одарён из владычества и власти, и умилосердился Аллах над его подданными и оказал им милость».

И царь воскликнул: «Хвала Аллаху превыше всякой хвалы и благодарение превыше всякого благодарения! Нет бога, кроме него, создателя всякой вещи, который светом своих творений дал нам узнать высоту своего величия! Даёт он власть и владычество, кому пожелает из рабов в своих землях, ибо он забирает из них кого хочет, чтобы сделать его преемником своим и управителем над своими созданиями. И повелевает он ему быть с ними справедливым и правосудным, и соблюдать законы и установления, и поступать согласно истине, и придерживаться в делах подданных того, что любо ему и им любо. И те из владык, которые поступали согласно велению Аллаха, счастья достигли своего и велению господа своего были послушны, и избавит их господь от ужасов дольной жизни и благу награду даст им в жизни будущей, ибо Аллах не губит награды свершающих благое. А те из них, кто поступает не по велению Аллаха, совершают ошибку глубокую, и ослушались они господа своего и предпочли жизнь дольную последней; нет у них в жизни дольной дел памятных, и нет им доли в жизни последней, ибо Аллах не даёт отсрочки людям насилия и притеснения, и не пренебрегает он ни одним из рабов. Упомянули везири наши о том, что из-за справедливости нашей к ним и благих действий наших с ними пожаловал Аллах нам и им свою поддержку в благодарении его, обязательном из-за великих его милостей, и всякий из них сказал то, что внушил ему Аллах, и далеко зашли они в благодарении Аллаха великого и в прославлении его за его милость и благодеяние. И я благодарю Аллаха, ибо я – всего лишь подневольный раб, и моё сердце – в руке его, и язык мой следует ему, и я доволен тем, что судил он мне и им, что бы ни случилось. И всякий из везирей высказал то, что пришло ему на ум относительно этого мальчика, и упомянули они о возобновлении к нам милости, когда достиг я в летах того предела, где побеждает безнадёжность и слабеет уверенность. Хвала же Аллаху, который спас нас от потери и смены правителей, подобно смене ночи и дня! Было это великой милостью к ним и к нам! Восхвалим же Аллаха великого, который послал нам этого мальчика, услышав нас и вняв нам, и поставил его наследующим в халифате высокое место. Мы просим, чтобы, по своему великодушию и кротости, он сделал его счастливым в начинаниях, поддерживал бы его в благодеяниях, и был бы он царём и властителем над подданными, поступая согласно справедливости и правосудию, и охранил их от гибельного произвола своей милостью, великодушием и щедростью».

И когда царь окончил говорить, учёные и мудрецы поднялись и пали ниц перед Аллахом, и поблагодарили царя, и поцеловали ему руки, и каждый из них удалился к себе в дом. И тогда царь вошёл в свои комнаты, и увидел мальчика, и призвал на него благо, и нарёк его Вирд-ханом. И когда прошло из жизни мальчика двенадцать лет, царь захотел обучить его наукам и построил ему дворец в середине города и выстроил в нем триста шестьдесят комнат. Он поместил мальчика в этом дворце и назначил ему трех мудрецов и учёных и велел им не пренебрегать его обучением ни ночью, ни днём и сидеть с ним в каждой комнате один день и стараться, чтобы не было пауки, которой бы они его не обучили, и чтобы стал он во всех науках сведущим. И они должны были писать па дверях каждой комнаты, какой из разных наук они учили в ней мальчика, и докладывать царю каждые семь дней, что он узнал в науках. И мудрецы обратились к мальчику, и начали его

обучать, не прерывая занятий ни ночью, ни днём, и не скрывали от него ничего, что знали в науках. И обнаружилась у мальчика острота ума и превосходная сообразительность и способность к восприятию паука, какой не обнаруживалось ни у кого прежде. И учёные докладывали царю каждую неделю о том, чему его сын научился и что он основательно выучил. И царь усваивал при этом прекрасную мудрость и благое вежество, и мудрецы говорили: «Мы никогда никого не видели, кто был бы одарён таким умом, как этот мальчик! Да благословит тебя в нем Аллах, да даст он тебе насладиться его жизнью!»

И когда мальчик завершил срок двенадцати лет, он выучил из каждой науки самое лучшее и превзошёл всех учёных и мудрецов, бывших в его время, и мудрецы привели его к царю, его отцу, и сказали ему: «Да прохладит Аллах твоё око, о царь, этим счастливым сыном! Мы привели его к тебе, после того как он изучил все науки, так что ни один из учёных нынешних времён или мудрец не достиг тою, чего он достиг».

И царь обрадовался сильной радостью, и ещё больше стал благодарить великого Аллаха, и простёрся ниц черёд ним (велик он и славен!), и воскликнул: «Хвала Аллаху за его милости, которые неисчислимы!» И потом он позвал Шимаса, везиря, и сказал ему: «Знай, о Шимас, что мудрецы пришли ко мне и рассказали, что мой сын изучил все науки, и не осталось среди наук науки, которой бы его не научили, так что он превзошёл в этом тех, кто был прежде него. Что же ты скажешь, о Шимас?» И тут Шимас пал ниц перед Аллахом (велик он и славен!), и поцеловал руку царю, и молвил: «Не может яхонт, хотя бы был он в твёрдой горе, не сиять, как светильник, твой же сын – жемчужина, и не мешает ему его юность быть мудрым. Хвала же Аллаху за то, что он даровал ему!»

Если захочет Аллах великий, я завтра спрошу его и допрошу о том, что он знает, в собрании, где я соберу для него избранных учёных и эмиров...»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Девятьсот девятая ночь

Когда же настала девятьсот девятая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что когда царь Джиллиад услышал слова Шимаса, он приказал остроумным учёным, сообразительным вельможам и искусным мудрецам явиться назавтра в царский дворец, и они все явились, и когда они собрались у дверей царя, тот позволил им войти. А потом явился Шимас, везирь, и поцеловал руки царевича, и царевич поднялся и пал ниц перед Шимасом. И Шимас сказал ему: „Не следует детёнышу льва падать ниц перед кемлибо из зверей, и не подобает, чтобы сочетался свет с тьмою“. – „Когда детёныш льва увидел везиря царя, он пал перед ним ниц“, – сказал царевич. И Шимас молвил. „Расскажи мне, что есть вечное, свободное, что есть его два бытия и что вечно в двух бытиях его?“ И юноша отвечал: „Что до вечного, свободного, то это Аллах (велик он и славен!), ибо он – первый без начала и последний без конца А два бытия его – это жизнь дольная и жизнь последняя, и вечное в двух бытиях его – блаженство последней жизни“. – „Ты был прав в том, что сказал, – молвил Шимас, – и я принимаю от тебя это, но только я хотел бы, чтобы ты мне сказал, откуда узнал ты, что одно бытие – жизнь дольная, а другое – жизнь последняя?“ И юноша ответил: „Из того, что дольная жизнь сотворена, и не возникла она ни из чего сущего, и восходит происхождение её к бытию изначальному, но только она – явление, быстро проходящее, и необходимо в ней воздаяние за дела, а это требует восстановления того, что преходяще. А последняя жизнь – бытие второе“. – „Ты был прав в том, что сказал, – молвил Шимас, – и я принял от тебя это, но только я хотел бы, чтобы ты мне рассказал, откуда узнал ты, что блаженство последней жизни есть то, что вечно в двух бытиях?“

И мальчик ответил: «Я узнал это из того, что последняя жизнь – обитель воздаяния за дела, которую приготовил сущий вечно, без прекращения». И тогда Шимас сказал: «Расскажи мне, кто из людей дольной жизни наиболее достохвален за деяния свои». – «Тот, кто предпочитает последнюю жизнь жизни дольной», – ответил мальчик. «А кто же

предпочитает последнюю жизнь дольней?» – спросил Шимас. И мальчик ответил: «Тот, кто знает, что пребывает он в доме уединённом, и создан он только для гибели, и что после гибели он призван к расчёту, и что если бы был кто-нибудь оставлен в этой жизни навек, навсегда, не предпочёл бы он дольную жизнь последней».

«Расскажи мне, существует ли последняя жизнь без жизни дольней?» – молвил Шимас. И мальчик ответил: «У кого нет дольней жизни, у того не будет и жизни последней. Но я считаю, что дольная жизнь и живущие в ней и исход, к которому они направляются, подобны жителям деревень, которым построил эмир тесный дом и ввёл их в него да и приказал выполнять некую работу, и назначил каждому срок, и приставил к каждому человека. И того из них, кто выполнял то, что было ему приказано, человек, приставленный к нему, выводил из тесноты, а тот, кто не выполнял того, что было ему приказано, когда истекал назначенный срок, бывал наказан. И когда это было так, вдруг начал сочиться из щелей того дома мёд, и когда люди поели этого мёда и отведали его вкуса и сладости, они стали медлить в работе, им назначенной, и кинули её себе за спину и стали терпеть тесноту, в которой пребывали, и горесть, зная о наказании, к которому идут, и удовлетворились той малой сладостью. И человек, к ним приставленный, не оставлял никого из них, когда приходил его срок, и выводил из этого дома. Мы знаем, что дольная жизнь – обитель, где смущаются взоры, и назначены пребывающим в ней конечные сроки, и тот, кто обрёл малую сладость, существующую в дольней жизни, и занял ею свою душу, будет в числе погибающих, ибо предпочёл он дела дольней жизни жизни последней. А тот, кто предпочитает дела последней жизни жизни дольней и не обращает взора к той малой сладости, будет в числе преуспевающих».

«Я выслушал то, что упомянул ты о делах дольней жизни и последней, – сказал Шимас, – и принимаю от тебя это, но я видел, что обе они властвуют над человеком, и он неизбежно должен удовлетворить их разом, хотя они и различны. И если обратится раб к поискам пропитания, это повредит его душе в месте возвращения, а если обратится он к последней жизни, это повредит его телу, и нет для него пути, чтобы удовлетворить то, что неисходно, разом».

И мальчик ответил: «Кто добывает пропитание в жизни дольней, того укрепляет оно к жизни будущей. Я считаю, что жизнь дольная и жизнь последняя подобны двум царям – справедливому и несправедливому. Была земля царя несправедливого полна деревьев, плодов и растений, и этот царь не оставлял никого из купцов, не отобрав у него денег и товаров, и они терпели это, так как пользовались плодородием этой земли для пропитания. А что касается справедливого царя, то он послал человека из жителей своей земли, дав ему обильные деньги, и приказал ему отправиться в землю несправедливого царя, чтобы купить там на эти деньги драгоценностей. И человек пустился с деньгами в путь и вступил в эту землю. И сказали царю: „Пришёл в твою землю человек – купец с большими деньгами, и хочет купить здесь на них драгоценностей“. И царь послал за этим человеком, и велел привести его, и спросил: „Кто ты, откуда ты пришёл, кто привёз тебя в мою землю и что тебе нужно?“ И человек ответил: „Я из земли такой-то и такой-то. Царь этой земли дал мне денег и приказал купить драгоценностей в твоей земле, и я подчинился его приказанию и пришёл“. – „Горе тебе! – воскликнул царь. – Разве ты не знаешь, что я делаю с людьми моей земли? Я отнимаю у них деньги каждый день. Так как же ты приходишь ко мне с деньгами и находишься на моей земле с такого-то и такого-то времени?“ – „Из этих денег, – ответил купец, – мне не принадлежит ничего, и они только поручены мне и отданы в мои руки, чтобы я доставил деньги их владельцу“. – „Я не позволю тебе брать пропитание из моей земли, пока ты не выкупишь себя всеми этими деньгами“, – сказал царь...»

И Шахразад застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Когда же настала девятьсот десятая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что царь несправедливый сказал купцу, который хотел купить в его земле драгоценностей: „Невозможно, чтобы ты брал в моей земле пропитание, прежде чем выкупишь себя этими деньгами или погибнешь“. И тогда этот человек сказал себе. „Я меж двух царей! Я знаю, что несправедливость этого царя распространяется на всех, кто находится в его земле, Если я его не удовлетворю, будет мне гибель, и пропадут мои деньги – и то и другое неизбежно, – и я не получу того, что мне нужно. А если я отдам ему все деньги, будет мне гибель у царя, владельца денег, – это неизбежно. Нет мне иной хитрости, кроме как отдать царю из этих денег небольшую часть, – я удовлетворю его этим и защищу себя и остальные деньги от гибели. Я буду получать от плодородия этой земли для себя пищу, пока не куплю того, что хочу из драгоценностей, и выйдет, что я удовлетворил царя тем, что я ему дал. Я возьму свою долю из этой земли и отправлюсь к владельцу денег с тем, что ему нужно, и я жду от него такой справедливости и снисходительности, что мне не страшно наказание за деньги, которые взял этот царь, в особенности, если их будет немного“.

И потом купец пожелал царю блага и сказал ему: «О царь, я выкуплю себя и эти деньги небольшой частью их, за время от моего прихода в твою землю и до тех пор, пока я не уйду из неё».

И царь принял от него это и отпустил его идти своей дорогой на год, и этот человек купил на все свои деньги драгоценностей и ушёл к своему хозяину. Справедливый царь – подобие последней жизни, а драгоценности, которые в земле несправедливого царя, – подобие благих дел и поступков праведных. Человек с деньгами – подобие того, кто ищет благ дольной жизни, а деньги, которые у него, – подобие жизни человеческой. И когда я увидел это, я понял, что надлежит тому, кто ищет пропитания в дольной жизни: не пропускать дня, не стремясь к жизни последней. И окажется, что он удовлетворил жизнь дольную, получив то, что получил от плодородия земного, и удовлетворил жизнь последнюю тем, что сделал, пока жил, в стремлении к ней».

«Расскажи мне, – молвил Шимас, – тело и душа одинаковы ли в награде и наказании, или присвоено наказание только обладателю страстей и совершающему грехи?»

«Склонность к страстям и прегрешениям, – ответил мальчик, – бывает причиной награды потому, что душа от них замыкается и отворачивается и в них раскаивается. Власть же в руках того, кто творит что хочет, и за противоположность свою различаются вещи. Но пропитание необходимо для тела, а нет тела иначе как с душой, и чистота души – в искренности намерений в земной жизни и в заботе о том, что полезно в последней жизни. Тело и душа – два коня в беге на один заклад, два младенца, вскормленные одной грудью, и два сообщника в делах. Сообразно с намерением – разъяснение общего, и тело с душой – сообщники в деяниях и в награде и наказании.

И подобие этого – в истории слепца и сидня, которых взял один человек, владелец сада, и привёл их в сад и велел им ничего в нем не портить и не совершать в нем дела, для него вредного. И когда созрели в этом саду плоды, сидень сказал слепому: «Горе тебе! Я вижу хорошие плоды, и мне захотелось, но я не могу подойти к ним, чтобы их поесть. Встань ты – у тебя ноги здоровые – и принеси плодов, и мы их поедим». – «Горе тебе», – ответил слепой, – ты мне напомнил о них, когда я о них не думал, а я не могу этого сделать, так как не вижу плодов. Какой же хитростью раздобыть их?»

И когда они так разговаривали, вдруг подошёл к ним надзиратель за садом (а был это человек знающий), и сидень сказал ему: «Горе тебе, о надзиратель! Мне захотелось поесть немного этих плодов, но мы таковы, как ты видишь, я – сидень, а мой товарищ – слепой, ничего не различает. Как же нам ухитриться?» – «Горе вам! – сказал надзиратель. – Разве вы не знаете, что владелец сада взял с вас обещание не посягать ни на что, от чего будет саду порча? Воздержитесь и не делайте этого!» – «Необходимо нам достать эти плоды и съесть их, – сказали калеки. – Скажи нам, какая есть у тебя хитрость?»

И когда надзиратель понял, что они не отказались от своего замысла, он сказал им:

«Хитрость в том, чтобы слепой встал и поднял тебя, о сидень, на спину и приблизился с тобой к дереву, плоды которого тебе правятся. И когда вы с ним приблизитесь к дереву, ты сорвёшь с него плоды, какие достанешь». И слепой встал и поднял на себя сидня, и сидень направлял его на верную дорогу, пока он не приблизился с ним к одному дереву. И тогда сидень стал рвать то, что ему нравилось. И это стало у них обычаем, пока они не испортили деревьев, бывших в саду, и вдруг владелец сада пришёл и сказал им: «Горе вам! Что это за поступки? Разве я не взял с вас обещания, что вы не будете ничего портить в саду?» И калеки ответили: «Ты знаешь, что мы не можем ни до чего достать, так как один из нас – сидень и не встаёт, а другой – слепец и не видит того, что перед ним. В чем же наш грех?» – «Может быть, вы думаете, я не знаю, что вы придумали и как испортили мой сад? – сказал владелец сада. – Я как будто вижу, как ты, о слепец, встал и поднял сидня на спину, и он стал направлять тебя на дорогу, и ты принёс его к деревьям».

И потом он взял их, и наказал сильным наказанием, и удалил из сада.

Слепец – подобие тела, так как тело видит только при помощи духа, а сидень – подобие души, у которой пет движения иначе, как с помощью тела, а что до сада, то это подобие деяний, за которые воздаётся рабу; надзиратель же, это подобие разума, который приказывает благое и удерживает от злого. Тело и дух – сообщники в наказании и в награде».

«Ты прав, – сказал Шимас, – и я принял эти твои слова. Расскажи мне, какой из учёных, по-твоему, всех достойнее хвалы». – «Тот, кто знает об Аллахе и кому Полезно знание его», – сказал мальчик. И Шимас спросил: «А кто это?» И мальчик молвил: «Тот, кто ищет благоволения своего господина и избегает его гнева». – «Кто из них всех выше?» – спросил Шимас. И мальчик ответил: «Тот, кто наиболее сведущ в Аллахе». – «Кто из них наиболее испытан?» – спросил Шимас. «Тот, кто, действуя согласно знанию, был терпелив», – ответил мальчик. И Шимас сказал: «Расскажи мне, кто из них всех мягче сердцем». – «Тот, кто чаще всех готовится к смерти и вспоминает Аллаха и меньше всех надеется, – ответил мальчик, – ибо тот, кто дал доступ к себе ужасам смерти, подобен тому, кто смотрит в прозрачное зеркало: он знает истину, и становится зеркалом все прозрачнее и блестящее». – «Какие сокровища самые прекрасные?» – спросил Шимас. И мальчик ответил: «Сокровища неба». – «А какое из сокровищ неба наипрекраснейшее?» – спросил Шимас. И мальчик ответил: «Возвеличение Аллаха и восхваление его». И тогда Шимас спросил: «А какое из сокровищ земли наилучшее?» – «Совершение благого», – ответил мальчик...»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Девятьсот одиннадцатая ночь

Когда же настала девятьсот одиннадцатая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что когда везирь Шимас спросил царевича: „Какое из сокровищ земли наилучшее?“ – тот ответил: „Совершение благого“. И Шимас молвил: „Ты сказал правду, и я принял эти твои слова. Расскажи мне о трех различных способностях: знании, суждении и разумении, и о том, что соединяет их в себе“. – „Знание, – ответил мальчик, – от изучения, суждение – от опыта, а разумение – от размышления, и место пребывания их и соединение – в разуме. Тот, в ком соединились эти три качества, – совершенен, а тот, кто прибавил к ним боязнь Аллаха, – достиг цели“.

«Ты прав, и я принял от тебя это, – сказал Шимас. – Расскажи мне о знающем, мудром обладателе верного суждения живой сообразительности и превосходного, блестящего разумения – изменит ли его вожеление и страсть в тех его свойствах, о которых упомянул я?»

«Два эти качества, – ответил мальчик, – когда входят в человека, изменяют его знание, рассудок, и суждение, и разумение, и подобен он хищному орлу, который остерегался охоты и пребывал в глубине неба от крайней проницательности. И было это так, и он вдруг увидел

человека, который расставлял сети. И когда этот человек окончил расставлять сети, он положил в них кусок мяса. И орёл увидел этот кусок мяса, и одолело его вожделение и страсть, и он забыл о виденных им сетях и злой доле тех, кто попадал в них из птиц, и низринулся из глубины неба, и упал на тот кусок мяса, и запутался в сетях. И когда пришёл охотник и увидел орла в своих сетях, он удивился великим удивлением и воскликнул: „Я расставил свои сети, чтобы попадали в них голуби или подобные им из слабых птиц, но как же попался в сети этот орёл?“

И говорится, что разумный человек, когда побуждают его на что-нибудь страсть и вожделение, обдумывает последствия этого разумом и защищает от того, что они разукрасили, и разумом покоряет вожделение и страсть. И когда побуждает к чему-нибудь человека страсть и вожделение, должен он сделать разум подобным всаднику, искусному в верховой езде, – когда он садится на беспокойного коня, он тянет его крепкой уздой, пока конь не выправится и не пойдёт, как всадник хочет. А если он глуп, и нет у него ума, и не имеет он своего суждения, и дела для него неясны, и властвует над ним вожделение и страсти, – он поступает согласно страсти и вожделению и оказывается в числе погибших, и нет среди людей никого хуже его по состоянию».

«Ты прав в том, что сказал, – молвил Шимас, – и я принял от тебя это. Расскажи мне, когда бывает знание полезно и когда разум уничтожает вред страсти и вожделения». – «Когда их обладатель пользуется ими в стремлении к последней жизни, – ответил мальчик, – ибо разум и знание оба полезны, но следует их обладателю пользоваться ими в стремлении к мирским благам лишь в той мере, чтобы добывать этим пищу. И пусть отталкивает он от себя зло здешнего мира и пользуется знанием и разумом для дел последней жизни».

«Расскажи мне, чего наидостойнее придерживаться человеку и чем занимать своё сердце», – сказал Шимас. И мальчик ответил: «Праведными деяниями». – «Если человек так делает, что отвлекает его от промысла? Как же поступать для пропитания, ему необходимого?» – спросил Шимас. «В сутках, – ответил мальчик, – для него двадцать четыре часа, и надлежит ему назначить одну часть их для снискания пропитания и одну часть – для покоя и отдыха, а остальное употреблять на приобретение знания, ибо человек, если он разумен, но нет у него знания, подобен неплодородной земле, на которой нет места для обработки и насаждения растений. Если не подготовить её к обработке и не засадить, не будут на ней плоды полезны, а если подготовить и засадить её, принесёт она плоды прекрасные. Так же и человек без знаний – не будет от него пользы, пока не посажено в нем знание, ибо когда посажено в нем знание, приносит оно плоды».

«Расскажи мне о знании без разума, – каково оно?» – спросил Шимас. И мальчик ответил: «Оно подобно знанию скотины, которая узнала, когда ей время есть и пить и когда ей время бодрствовать, но нет у ней разума». – «Ты был краток, отвечая на это, но я принял твои слова, – ответил Шимас».

Расскажи, как мне должно оберегать себя от султана». – «Не давай ему к себе пути», – ответил мальчик. И Шимас спросил: «Как же могу я не дать ему к себе пути, когда он имеет надо мной власть и поводыя моих дел в его руках?» – «Его власть над тобой, – ответил мальчик, – зиждется лишь на том, что ему должно от тебя, и если ты воздал ему должное, нег у него над тобой власти». – «Каковы обязанности визиря перед царём?» – спросил Шимас. И мальчик ответил: «Искренний совет и усердие в тайном и в оглашаемом, Здравое суждение и сокрытие его тайн, и пусть не утаивает везирь ничего, о чем подобает царю быть осведомлённым, и не должен он быть небрежным в том, что возложил на него царь для исполнения его нужд. Пусть ищет он его благоволения всеми способами и избегает гнева его».

«Расскажи мне, как поступает с царём везирь», – спросил Шимас.

И мальчик ответил: «Если ты везирь царя и хочешь быть от него в безопасности, то пусть будет твоё внимание и твоя речь к нему выше того, на что он надеется, и просьба твоя о нуждах пусть будет соразмерна с твоим местом у царя. Берегись поставить себя на место, которого царь не считает тебя достойным, чтобы не казалось это от тебя как бы дерзостью».

Если же обманет тебя его кротость и ты поставишь себя на место, которого царь не считает тебя достойным, ты окажешься подобен охотнику, который ловил зверей и сдирал с них шкуру, так как она была ему нужна, а мясо бросал. И лев стал приходить к тому месту и поедать падаль, и когда умножились посещения им этого места, он привык к охотнику и привязался к нему. И охотник стал бросать ему мясо и вытирать руки о его спину, а лев помахивал хвостом в знак удовлетворения. И когда охотник увидел, что лев ему доверяет, и привык к нему, и ему послушен, он сказал про себя: „Этот лев смирился передо мной, и я над ним властвую. Я считаю, что мне следует сесть на него верхом и содрать с него шкуру, как с других зверей“.

И охотник осмелел, и вскочил леву на спину, и запотел овладеть им. И когда лев увидел, что сделал охотник, он разгневался великим гневом и, подняв лапу, ударил охотника, и его кости вонзились ему в кишки. И потом лев бросил охотника под передние лапы и разорвал его в клочки.

Из этого я узнал, что подобает везиру держать себя с царём сообразно тому, каким он видит его поведение, и не быть с ним слишком смелым вследствие превосходства своего суждения, чтобы царь к нему не переменялся...»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Девятьсот двенадцатая ночь

Когда же настала девятьсот двенадцатая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что мальчик, сын царя Джиллиада, сказал везиру Шимасу: „Подобает везиру держать себя с царём сообразно тому, каким он видит его поведение, и не быть с ним слишком смелым из-за превосходства своего суждения, чтобы царь к нему не переменялся“. И потом Шимас молвил: „Расскажи мне, чем украшается везирь во мнении царя“. – „Исполнением поручения, которое ему вверено, посредством искреннего совета, здравого суждения и осуществления повелений царя“, – ответил мальчик. И Шимас молвил: „Что касается того, что ты упомянул об обязанности везира избегать гнева царя и делать то, что вызывает его благоволение, и заботливо выполнять ему порученное, то это дело обязательное. Но расскажи мне, как ухитриться, если царь доволен лишь тогда, когда он притесняет и совершает несправедливости и насилия? Как ухитриться везиру, если он испытан общением с этим жестоким царём? Если он захочет отвратить его от его страстей, вожделений и замыслов, то не сможет этого, а если он последует его страстям и объявит его замыслы хорошими, он понесёт тяжесть этого и станет врагом для подданных. Что ты об этом скажешь?“

И мальчик в ответ ему сказал: «То, что ты упомянул, о везирь, о тяжести и грехе, бывает только тогда, когда везирь следует за царём в совершаемых им ошибках. Но подлежит везиру, когда царь спросит его совета об этом, изъяснить ему путь справедливости и правосудия, и предостеречь его от притеснения и насилия, и осведомить его о том, каково хорошее поведение с подданными, и соблазнить его заключающейся в этом наградой, предостерегая его от наказания, за грехи обязательного. И если царь склонится и обратится к его словам, – желаемое достигнуто, а если нет, – то не останься ничего другого везиру, кроме как расстаться с царём мягким способом, ибо в разлуке – для каждого из них избавление».

«Расскажи мне, – попросил везирь, – каковы обязанности царя перед подданными и каковы обязанности подданных перед царём». И мальчик ответил: «То, что он приказывает, – пусть совершают с чистым намерением и пусть повинуются ему в том, что угодно ему и угодно Аллаху и его посланнику. А обязанности царя перед подданными состоят в охране их имущества и защите их гарема, так же как подданные обязаны оказывать царю внимание и повиновение и не жалеть для него своей души, и воздавать ему обязательно должное, и возглашать ему прекрасную хвалу за справедливость и благодеяния, им оказанные».

«Ты изъяснил мне то, что я тебя спросил об обязанностях царя и подданных, – сказал Шимас. – Расскажи мне, остались ли у царя какие-нибудь обязанности по отношению к подданным, кроме тех, о которых ты сказал». – «Да, – ответил мальчик, – права подданных над царём более обязательны, чем права царя над подданными, потому что пренебрежение их правами более вредоносно, чем пренебрежение его правами, ибо бывает гибель царя и прекращение его власти и благоденствия только из-за пренебрежения правами подданных. Кто облачён властью, тому следует не оставлять трех вещей: поддержания порядка в делах веры, поддержания порядка в делах подданных и поддержания порядка в делах управления. И если не оставляет он этих трех вещей, его власть длится».

«Расскажи мне, – молвил Шимас, – как подобает дарю поступать, чтобы поддерживать в порядке дела подданных». И мальчик ответил: «Воздавая им должное, поддерживая их обычаи и пользуясь учёными и мудрецами для того, чтобы их учить, а также оказывая правосудие одному перед другим, оберегая кровь от пролития, не прикасаясь к их имуществу, облегчая их тяготы и укрепляя войско».

«Расскажи мне, – молвил Шимас, – каковы обязанности царя перед везирем». – «Нет у царя обязанностей ни перед кем из людей более непреложных, чем обязанность, лежащая на нем по отношению к везиру, и это вследствие трех особенностей. Во-первых, из-за того, что поражает царя, когда бывает мнение везиря ошибочно, и из-за всеобщей пользы, для царя и для подданных, когда суждение везиря здраво; во-вторых, потому, что люди знают, сколь прекрасно положение везиря у царя, и подданные смотрят на него глазами почтения, уважения и послушания; в-третьих, везирь, видя это от царя и от подданных, отклоняет от них то, что им ненавистно, и исполняет то, что им любо».

«Я выслушал все то, что ты мне сказал о свойствах царя, везиря и подданных, и принял это, – сказал Шимас. – Расскажи мне, что надлежит делать, чтобы охранять язык от лжи, глупости, поношения чести и неумеренности в речах». – «Надлежит человеку, – отвечал мальчик, – не говорить ни о чем, кроме блага и милостей, и не произносить слова о том, что его не касается. Пусть оставит он злословие и пусть не переносит речей, которые от кого-нибудь слышал, к его врагу; пусть не ищет он для друга своего или врага несчастья у султана и пусть не задумывается ни о ком, от кого ожидает блага или опасается зла, кроме Аллаха великого, ибо он, поистине, есть вредоносец, пользу приносящий. Пусть не вспоминает он ни о чьих пороках и не говорит, не зная, чтобы не привязались к нему прегрешения и грех пред Аллахом и ненависть людей. Знай, что слово подобно стреле: когда оно пронзит, никто не может воротить его. Пусть остерегается везирь поручать свою тайну тому, кто её разгласит – нередко постигает его вред от разглашения тайны, когда он уверен, что она сокрыта. И пусть охраняет он тайну от друга больше, чем от врага – поистине, сокрытие тайны для всех людей – исполнение доверенного».

«Расскажи мне, – молвил Шимас, – о добронравии в обхождении с родными и близкими». И мальчик ответил: «Нет покоя сынам Адама иначе как при добром нраве, но следует человеку оказывать родным то, чего они заслуживают, и друзьям то, что им следует».

«Расскажи мне, – сказал Шимас, – как следует обращаться с родными». И мальчик ответил: «Что касается обращения с родителями, то тут нужна покорность, нежность в речах, мягкость в обхождении, уважение и почтение. Что же касается обращения с друзьями, то тут нужен добрый совет, щедрость на деньги, помощь в средствах к жизни и радость их радости, и снисхождение к допускаемым ими ошибкам. И когда друзья увидят это от человека, они будут встречать его самым дорогим, какой есть у них, из советов и не пожалеют для него своей души. Если ты уверен в своём друге, будь с ним щедр на дружбу и оказывай ему помощь во всех его делах...»

И Шахразад застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Когда же настала девятьсот тринадцатая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что когда везирь Шимас задал мальчику, сыну царя Джиллиада, предшествующие вопросы и тот дал ему ответ на них, везирь Шимас сказал: „Я считаю, что друзья бывают двух родов: друзья доверенные и Друзья по общению. Что касается друзей доверенных, то им следует то, о чем ты говорил, а я спрашиваю тебя о другом – о друзьях по общению“. – „Что касается друзей по общению, – сказал мальчик, – то ты имеешь от них усладу, доброе обхождение, нежность в словах и прекрасное общение. Не прекращай же этого наслаждения, но отдавай им то, что они отдают тебе, и поступай с ними так, как они поступают с тобой, – будь весел лицом и нежен в словах, и будет твоя жизнь приятна, и слова твои ими приняты“.

«Мы узнали все эти дела, – молвил Шимас. – Расскажи же мне о наделе, назначенном тварям их творцом. Распределён ли он среди людей и животных

каждому спой надел до конца его срока? А если дело обстоит так, то что заставляет ищущего пропитание брать на себя труд в стремлении к тому, что, как он знает, ему неизбежно достанется, если это ему определено, хотя бы он и не брал на себя труда стараться? Если же это ему не определено, то оно ему не достанется, хотя бы и старался он для этого до пределов старания. Оставить ли ему старание и положиться ли на своего господина, дав отдых своему телу и душе?» – «Мы считаем, – сказал мальчик, – что всякому есть определённый надел и назначенный срок. Но ко всякому наделу есть путь и способы. И тот, кто ищет, получает в искании своём отдых, прекратив искание, но вместе с тем искать свой надел необходимо. Ищущие наделы бывают двух родов – они или получают, или лишены его. Отдых получившего бывает из-за двух обстоятельств: от того, что он получил свой надел, и от того, что исход его стремлений достохвален, а отдых лишённого надела бывает вследствие трех обстоятельств: от готовности искать свой надел, от нежелания быть в тягость людям и от освобождения от ответственности при упрёках».

«Расскажи мне, – сказал Шимас, – каковы способы искать пропитание». И мальчик ответил: «Позволительно человеку то, что дозволил ему Аллах, и запретно то, что запретил ему Аллах (велик он и славен!)».

И прекратилась между ними речь, когда дошли они до этого предела. И затем поднялся Шимас и те из мудрецов, кто присутствовал, и они пали ниц перед мальчиком, и возвеличили его, и восхвалили, и отец прижал его к груди. А затем, после этого, он посадил его на престол царский и воскликнул: «Хвала Аллаху, который наделил меня сыном и прохладил им мои глаза при жизни!»

И потом мальчик сказал Шимасу и тому, кто присутствовал из мудрецов: «О мудрец, знаток духовных вопросов, если даже Аллах открыл мне из знания лишь нечто малое, то я все же понял, какова была твоя цель, когда ты принял от меня ответы, данные мною на то, о чем ты спросил, – все равно, был ли я в них прав, отвечая, или ошибся, – и может быть, ты прочил их ошибки. Я хочу спросить тебя о вещи, для которой слабо моё суждение и узки мои способности, и для описания её бессилён мой язык. Я хочу, чтобы ты разъяснил мне это и не было бы ничего в нём смутно для подобного мне в будущем, как было оно смутно для меня в прошлом. Ибо Аллах, так же как он создал жизнь в воде и силу в пище и исцеление больного в лечении врача, создал исцеление невежды в знании знающего. Прислушайся же к моим словам».

«О, сияющий разумом, знаток праведных вопросов, о ты, чьё достоинство засвидетельствовали все мудрецы. Так как ты разъяснил вещи и разобрал их и прекрасно попадал в цель, отвечая на то, о чем я тебя спросил, – сказал Шимас, – я знаю, что ты спрашиваешь меня о чемнибудь, а сам в толковании этого придерживаешься более правильного мнения и более верных слов, ибо Аллах даровал тебе знание, какого не даровал никому из людей. Расскажи же мне, о чем ты хочешь спросить».

И мальчик сказал: «Расскажи мне о творце (да возвысится его могущество!). Из каких вещей сотворил он все сущее, когда прежде не было ничего. Не видно в сём мире вещи,

которая не была бы сотворена из другой вещи. Создатель (да будет он благословен и возвеличен!) может творить вещи из ничего, но так судила воля его, при совершённом его могуществе и величии, чтобы не создавал он вещи иначе как из другой вещи».

И сказал везирь Шимас: «Что касается выделяющих предметы из глины и других ремесленников, то они не могут создать вещь иначе как из другой вещи, ибо они уже сотворены. Что же до творца, который создал мир с таким удивительным искусством, то если ты хочешь узнать, может ли он (да будет благословен и возвеличен!) создать вещи из ничего, продли размышление о разнообразных тварях, – ты увидишь знамения и указа пия, говорящие о совершенстве его могущества и о том, что он может творить вещи из ничего. Больше того, – он создал их из чистого небытия, ибо элементы, которые составляют материю вещей, были чистым небытием. Я разъяснял тебе это, чтобы не был ты в сомнении, и пояснил тебе это знамение ночи и дня. Они следуют друг за другом, и когда уходит день и приходит ночь, день скрывается от нас, и мы не знаем, где его место, а когда уходит ночь с её мраком и ужасом, приходит день, и мы не знаем, где место ночи. Когда же засияет над нами солнце, мы не знаем, где таится его свет, а когда оно зайдёт, мы не знаем, где место его заката. Подобного этому в деяниях творца (да возвеличится его имя и да возвысится его могущество!) много, и смущается от этого разум проницательных среди сотворённых».

И мальчик сказал: «О мудрец, ты позволил мне узнать о могуществе Аллаха нечто такое, чего нельзя отрицать, но расскажи мне, как создаёт он своих тварей». – «Твари, – ответил Шимас, – сотворены словом Аллаха, которое существовало до века, и им сотворил он все вещи». – «Аллах (да возвеличится его имя и да возвысится его могущество!), – спросил мальчик, – захотел создать твари прежде их существования?» – «По воле своей, – ответил Шимас, – он создал их своим словом. И если бы не было у него речи и наияснейшего слова, твари не существовали бы...»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Девятьсот четырнадцатая ночь

Когда же настала девятьсот четырнадцатая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что мальчик задал Шимасу предшествующие вопросы, и он ответил на них и потом сказал: „О сынок, ни один человек не скажет тебе другого, чем то, что я тебе сказал, иначе как переставив слова, дошедшие до нас в божественных законах, с их мест и отклонив истины от их смысла. Так будет, если ты скажешь, что слову присуща сила (прибегаю к Аллаху от такого верования). Напротив, наши слова об Аллахе (да будет он возвеличен и прославлен!), что он создал твари своим словом, имеют тот смысл, что он (велик он!) один в своей сущности и свойствах, и не означают они, что слово Аллаха имеет власть. Нет, власть – это свойство Аллаха, так же как слово и другие свойства, присущие совершенству, – свойства Аллаха (да возвеличится его сан и да будет прославлена его власть!), и нельзя описать его без его слова, и нельзя описать его слова без него. Аллах (да возвысится хвала ему!) сотворил своим словом всех своих тварей, и без слова своего не сотворил он ничего. Он сотворил все вещи словом своим истинным, и в истине мы сотворены“.

«Я понял относительно творца и величия его слова то, что ты сказал, и принял это, – отвечал мальчик, – но я услышал, как ты говорил, что Аллах сотворил все сущее своим словом истинным, а истинное противно ложному. Откуда же появилось ложное и как возможно его появление наряду с истинным, так что его даже смешивают с истинным, и твари не могут отличить его и нуждаются в разделении того и другого? Возлюбил ли творец (велик он и славен!) это ложное, или оно ему ненавистно? Если ты скажешь, что он возлюбил истинное и в истине сотворил своих тварей и ложное ему ненавистно, то откуда же вошло то, что ненавистно творцу, к тому, что ему любезно, то есть к истине?» – «Аллах, – ответил Шимас, – сотворил человека в истине, и не нуждался человек в раскаянии, пока не вошло ложное к истине, в которой человек сотворён, вследствие власти, которую вложил

Аллах в человека, то есть его воли и склонности, именуемой стяжательством. И когда вошло ложное к истине таким образом, оно смешалось с истиной, вследствие воли человека и присущей ему власти и стяжательства, которое являемся частью человека, зависящей от воли, при слабости естества человека. И создал Аллах для него раскаяние, чтобы отвратить им от человека ложное и укрепить его в истине, и сотворил для него наказание, если он будет продолжать придерживаться ложного».

«Расскажи мне, — сказал мальчик, — какова причина появления наряду с истинным ложного и того, что их даже смешивают, и почему подлежит человек наказанию так, что он нуждается в раскаянии?» И Шимас ответил: «Аллах, когда сотворил человека в истине, сделал его любящим истину, и не было для него ни наказания, ни раскаяния. И продолжалось это так, пока не вложил Аллах в человека душу, которая есть одно из совершенств человеческой природы, несмотря на то, что сотворена она склонной к страстям. И возникло из этого появление ложного и смешение его с истиной, в которой сотворён человек, и создан он любящим истину. И когда дошёл человек до этого предела, он совратился с пути истины ослушанием, а кто совратился с пути истины, впадает в ложное». — «Значит, к истине вошло ложное только из-за ослушания и неповиновения?» — спросил мальчик. И Шимас сказал: «Это так, ибо Аллах любит человека, и от избытка своей любви к нему создал он человека в нем нуждающимся, а это и есть самая истина. Но иногда человек слабеет, по причине склонности души к страстям, и склоняется к неповиновению, тогда переходит он к ложному из-за ослушания своего господа, которое он совершил, и заслуживает наказания, а удаляя от себя ложное раскаяние и возвращаясь к любви, к истине, он заслуживает награды».

«Расскажи мне, — сказал мальчик, — в чем начало ослушания. Ведь все люди возводят себя к потомкам сыновей Адама, а Аллах создал Адама в истине. Как же навлёк он на себя ослушание и зачем сочеталось ослушание его с раскаянием, после того как была вложена в него душа, чтобы оказалась исходом его дел награда или наказание? Мы видим, что некоторые люди постоянно пребывают в неповиновении, склоняясь к тому, чего не любит Аллах, и расходясь с тем, чего требует основа их создания, то есть с любовью к истине, и достойны гнева своего господа. И видим мы, что другие постоянно хотят убогаторить своего творца и повиноваться ему и достойны его милосердия и награды. Какова же причина несходства, возникающего между ними?»

И Шимас сказал: «Впервые низошло это ослушание па тварей из-за Иблиса, которого Аллах (да возвысится его имя!) создал самым благородным среди ангелов, людей и джиннов. И был Иблис создан в любви и не знал ничего иного, и когда стал он поэтому бесподобен, обуяла его гордыня, тщеславие и высокомерие, и превознесся он над верой и повиновением власти своего творца, и сделал его тогда Аллах ниже всякой твари, и отлучил его от любви, и создал прибежище его душе в ослушании. И узнал Иблис, что Аллах (да возвысится его имя!) не любит ослушания, и увидел Адама и наполняющую его любовь и истину и повиновение творцу своему, и его обуяла зависть, и стал он учинять хитрости, чтобы отвратить Адама от истины и сделать его сообщником в ложном, и заслужил Адам наказание из-за склонности своей к ослушанию, которое украсил ему его враг, и подчинения своим страстям, из-за которого нарушил он заповедь своего творца вследствие появления ложного. И когда узнал творец (да возвысится хвала ему и да святятся имена его!) слабость человека и быстроту склонности его к врагу и пренебрежение его к истине, создал для него творец, по милосердию своему, раскаяние, чтобы поднялся он благодаря ему из трясины склонности к ослушанию и, надев оружие раскаяния, покорил бы им своего врага Иблиса и его воинство и вернулся бы к истине, в которой он сотворён. И увидел Иблис, что Аллах (да возвысится хвала ему и да святятся имена его!) назначил ему срок определённый, и поспешил он на войну с человеком и учинил с ним разные хитрости, чтобы вывести его из благоволения Аллаха и сделать своим сообщником в гневе Аллаха, которого заслужил он и его воинство. И Аллах (да возвысится хвала ему!) создал в человеке возможность раскаяния и повелел ему придерживаться истины и постоянно пребывать в ней, запретив ему ослушание и неповиновение, и внушил он ему, что есть у него на земле враг, с ним

воюющий, который не отступает от него ни ночью, ни днём, и поэтому заслуживает человек награды, если придерживается истины, в любви к которой сотворено его естество, или наказания, если берет над ним верх его душа и склоняет его к страстям...»

И Шахразадку застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Девятьсот пятнадцатая ночь

Когда же настала девятьсот пятнадцатая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что когда мальчик задал Шимасу предшествующие вопросы и Шимас ответил ему на них, он сказал: „Расскажи мне, благодаря какой силе могут твари не повиноваться своему творцу, когда пребывает он в крайнем величии, как ты сказал, и не покоряет его ничто, и ничто не выходит из его воли. Разве не думаешь ты, что он властен отвратить своих тварей от такого ослушания и сделать их навсегда приверженными любви?“ – „Аллах великий (да возвысится имя его!) справедлив, правосуден и кроток с теми, кто любит его, – ответил Шимас, – и он сделал ясным для них путь блага и даровал им способность и власть делать то, что они хотят, из благого, и если поступают они несогласно с этим, приходят они к гибели и ослушанию“. – „Если творец сам даровал им эту возможность и они властны делать то, что хотят, то почему не застал Аллах между ними и тем, чего хотят они из ложного, чтобы вновь вернуть их к истине?“ – спросил мальчик.

И Шимас ответил: «Происходит это из-за великого его милосердия и дивной его мудрости, ибо как был он прежде гневен на Иблиса и не умилился над ним, так был он прежде милосерден к Адаму из-за его раскаяния и простил его после гнева на него». – «Это есть подлинная истина, – сказал мальчик, – ибо Аллах воздаёт каждому по делам его, и нет творца, кроме Аллаха, который властен во всякой вещи».

«Сотворил ли Аллах то, что он любит, и то, что он не любит, или сотворил он лишь то, что любит, и ничего другого?» – спросил он потом. И Шимас сказал: «Он сотворил все вещи, но угодно ему лишь то, что он любит».

«Что это за два разряда вещей: одни из них угодны Аллаху, и обладающий ими заслуживает награды, а другие гневят Аллаха, и нисходит на совершающих их наказание?» – спросил мальчик. И Шимас сказал: «Разъясни мне вопрос об этих двух вещах и сделай так, чтобы я его понял, – тогда я буду говорить тебе». – «Это добро и зло, – ответил мальчик, – вложенные в тело и в душу». – «О разумный, – молвил Шимас, – я думаю, ты знаешь, что добро и зло возникают из дел, которые совершают тело и душа. И добро названо добром, так как в нем благословение Аллаха, а зло названо злом, так как в нем гнев Аллаха. Тебе надлежит знать Аллаха и ублажать его, совершая добро, так как он приказал нам это и запретил нам совершать зло».

И мальчик сказал: «Я думаю, что эти две вещи – то есть добро и зло – совершают пять чувств, известных в человеке, то есть: место вкуса, из которого исходит слово, и слух, и зрение, и обоняние, и осязание. Я хотел бы, чтобы ты осведомил меня, сотворены ли все эти пять чувств для добра или для зла». – «Пойми, о человек, – сказал Шимас, – изъяснение того, о чем ты спросил, ибо это есть ясное доказательство; вложи его в твой разум и напои им твоё сердце. Дело в том, что истинный (да будет он благословен и возвеличен!) создал человека в истине и вложил в него любовь к нему, и не создал он ни одной твари иначе как вышним могуществом, проявляющимся в каждом событии. И нельзя ему приписать (да будет он благословен и возвеличен!) ничего, кроме суда по справедливости и правосудия и благодеяния. Он сотворил человека, чтобы человек его любил, и вложил в него душу, сотворённую со склонностью к страстям, и дал человеку волю, и сделал эти пять чувств причиной блаженства или адского огня». – «А как это?» – спросил мальчик. И Шимас сказал: «Он сотворил язык для речи, руки для работы, ноги, чтобы ходить, зрение, чтобы видеть, и уши, чтобы слышать. Он даровал каждому из этих чувств способность и возбудил их к работе и движению, и всякому из них он приказал, чтобы делало оно только угодное Аллаху.

И от речи угодна ему правда и воздержание от того, что ей противоположно, и есть от лжи. А от зрения угодно ему обращение взора к тому, что любит Аллах, и воздержание от противоположного, то есть от обращения взора к тому, чего Аллах не любит, как, например, взгляд на страсти. От слуха же ему угодно, чтобы прислушивался он только к истине, заключающейся, например, в проповеди или в том, что в книгах Аллаха, и воздерживался от противоположного, то есть не слушал бы того, что вызывает гнев Аллаха. От рук ему угодно, чтобы они не удерживали того, чем наделил их Аллах, но расходовали это так, как угодно Аллаху, и воздерживались от противоположного, то есть не были бы скупыми и не расходовали бы то, чем наделил их Аллах, на греховное. А от ног ему угодно, чтобы был их бег для их блага, как, например, в стремлении к учению, и чтобы воздерживались они от противоположного, то есть не ходили бы не по пути Аллаха. Что касается остальных страстей, которые проявляет человек, то они исходят из тела по велению духа. И затем скажу, что страсть, исходящая из тела, бывает двоякой: это страсть к размножению и страсть чрева. И в страсти к размножению угодно Аллаху, чтобы была она не иначе как дозволенной, и гневается он, если бывает она запретной. Что же касается страсти чрева, то это – еда и питьё, и угодно Аллаху, чтобы пользовался всякий лишь тем, что Аллах ему дозволил, мало это будет или много, и восхвалял бы Аллаха и благодарил бы его. И гневит Аллаха, если человек берет не принадлежащее ему по праву. И все, что есть иного из установлении об этом, – ложно. Ты знаешь, что Аллах сотворил все вещи, и угодно ему лишь благое: он повелел каждому члену из членов тела делать то, что он на него возложил, ибо он – знающий, мудрый».

«Расскажи мне, – сказал мальчик, – знал ли заранее Аллах (да возвысится его могущество!), что Адам найдёт средство поесть с дерева, от которого удерживал его Аллах, и случится с ним то, что случилось, и поэтому выйдет он из повиновения к послушанию?» – «Да, о мудрец, – ответил Шимас, – Аллах великий знал это заранее, прежде чем создал он Адама. Изъяснение и доказательство этого в том, что он раньше предостерегал его от вкушения и осведомлял его, что когда он вкусит от этого дерева, он будет послушником, и было это от справедливости и правосудия Аллаха, чтобы не было у Адама довода, которым бы он защищался от своего господина. И когда ввергся Адам в пропасть и в оплошность и увеличилась над ним хула и осуждение, продлилось это в его потомстве, после него. И Аллах великий послал пророков и посланников и дал им книги, и они научили нас законам, и изъяснили нам, какие заключаются в них назидания и установления, и изложили их нам подробно, и осветили нам путь, ведущий к благу, и изъяснили, что следует нам делать и от чего следует воздержаться. Нам дана во власть воля, и тот, кто поступает согласно этим правилам, достигнет цели и получит награду, а кто преступил эти правила и поступал не по заповедям, уклонился от цели и потерпел убыток и в той и в другой обители – таков путь добра и зла. Ты знаешь, что Аллах властен во всех вещах, и он создал в нас страсти по своему желанию и воле и приказал нам проявлять их только путём дозволенным, чтобы были они для нас благом, а когда проявляем мы их путём запретным, они оказываются для нас злом. И то, что получаем мы хорошего, – от Аллаха великого, а то, что постигает нас из дурного, – от самих нас, людей сотворённых, – не от творца, и возвысился над этим Аллах возвышением великим...»

И Шахразату застигло утро, я она прекратила дозволенные речи.

Девятьсот шестнадцатая ночь

Когда же настала девятьсот шестнадцатая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что когда мальчик, сын царя Джиллиада, задал везирию Шимасу эти вопросы и тот ответил ему на них, он сказал: „Я понял то, что ты сказал мне о том, что относится к Аллаху великому и что относится к его тварям. Расскажи же мне о деле, удивляясь которому, смущается мой ум: я дивлюсь потомкам сынов Адама и тому, что

пренебрегают они последней жизнью и не вспоминают о ней и любят жизнь дольную. Они же знают, что оставят её и выйдут из неё униженные“.

«Да, – ответил Шимас. – Ты видишь, как дольная жизнь изменчива и как обманывает она тех, кто в ней пребывает, и это доказывает, что не вечно для благоденствующего благоденствие и для бедствующего бедствие. Не в безопасности житель здешнего мира от перемен его, даже если властвует он в жизни и блаженствует в ней, – неизбежно изменяются его обстоятельства, и поспешит к нему время перехода, и не должен человек доверять здешней жизни, и не полезен ему её ложный блеск. А раз мы знаем это, мы знаем и то, что в наихудшем состоянии человек, который дал себя обмануть здешней жизни и забыл о жизни последней. И поистине, то благоденствие, которое ему досталось, не уравновесит страха, тягот и ужасов, что постигнут его после ухода из жизни. Мы знаем, – если бы знал раб, что постигнет его при наступлении смерти и при разлуке с окружающими его наслаждениями и благоденствием, он отказался бы от здешней жизни и от того, что есть в ней, и уверены мы, что последняя жизнь лучше для нас и полезнее».

И сказал мальчик: «О мудрец, рассеялся мрак, окутывающий моё сердце, благодаря твоему сияющему светильнику, и ты направил меня на стези, по которым ты шёл, наследуя истине, и вручил мне свеч, при котором я нижу».

И поднялся тут один мудрец из числа присутствовавших и сказал: «Когда наступает время весны, неизбежно зайцу искать пастбища вместе со слоном. Я услышал от гас, в вопросах и толкованиях, вещи, которых, я думаю, никогда не слышал, и призывает это меня к тому, чтобы просить вас кое о чем. Скажите мне, каков лучший дар здешней жизни?» – «Здоровье телесное, надел дозволенный и праведный сын», – ответил мальчик. И мудрец сказал: «Расскажите мне, что есть малое и что есть великое». – «Великое, – ответил мальчик, – есть то, чему подчиняется меньшее, а малое есть то, что подчиняется большему». – «Расскажите мне, – сказал мудрец, – каковы те четыре вещи, в которых едины все твари». – «Твари едины в еде и питьё, в сладости сна, в страсти к женщинам и в предсмертных мучениях», – сказал мальчик. И мудрец спросил: «А каковы три вещи, которых никто не может лишить их безобразности?» – «Это глупость, низость нрава и ложь», – ответил мальчик. И мудрец спросил: «А какая ложь наилучшая, хотя ложь вообще безобразна?» – «Это ложь, которая отводит от лгущего вред и привлекает к нему пользу», – ответил мальчик. И мудрец спросил: «А какая правда безобразна, хотя правда вообще прекрасна?» – «Когда кичится человек тем, что у него есть, и самодоволен», – ответил мальчик. И мудрец спросил: «А что безобразнее всего в безобразном?» – «Когда обольщён человек тем, чего в нем нет», – ответил мальчик. И мудрец спросил: «Кто из людей самый глупый?» – «Тот, у кого нет другого помышления, как о том, что он вкладывает в свою утробу», – ответил мальчик. И Шимас сказал: «О царь, ты наш царь, но мы хотим, чтобы назначил ты своего сына царём после себя, а мы его слуги и подданные».

И тут царь стал побуждать присутствующих мудрецов и людей, чтобы они запомнили то, что слышали от царевича, и поступали согласно этому. И велел он им исполнять приказания своего сына, ибо он назначил его после себя наследником, чтобы был он преемником власти своего отца. И он взял обет со всех жителей царства – мудрецов и витязей, старцев, детей и остальных людей, что у них не будет о нем разногласия и они не нарушат его приказаний.

И исполнилось царевичу семнадцать лет, и царь заболел сильной болезнью, так что приблизился к смерти. И когда понял царь, что смерть спустилась к нему, он сказал своим людям: «Вот болезнь смертельная постигла меня. Позовите ко мне моих близких и моего сына и соберите ко мне жителей моего царства, так чтобы не осталось из них никого, кто бы не явился».

И вышли, и позвали людей близких, и возгласили во всеуслышание людям далёким, и все пришли, и вошли к царю, и спросили его: «Каково тебе, о царь, и чего ты ждёшь для себя от этой болезни?» – «Болезнь моя, – ответил царь, – та болезнь, от которой будет кончина. Пронзила меня стрела, как судил мне Аллах великий, и сейчас для меня последний день из

дней земной жизни и первый день из дней последней жизни. Подойди ко мне», – сказал он потом сыну. И мальчик подошёл к нему, плача столь сильным плачем, что едва не промочил его постели, и глаза царя прослезились, и заплакали все, кто присутствовал.

«Не плачь, о сын мой, – сказал царь своему сыну, – я не первый из тех, с кем случилось предопределённое. Это бывает со всем, что сотворил Аллах. Бойся Аллаха и твори благое, чтобы опередило оно тебя у того места, к которому направляются все твари. Не слушайся страсти и занимай душу поминанием Аллаха и стоя, и сидя, и бодрствуя, и во сне и поставь истину у себя перед глазами – вот моё последнее слово тебе и конец...»

И Шахразад устала, и она прекратила дозволенные речи.

Девятьсот семнадцатая ночь

Когда же настала девятьсот семнадцатая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что когда царь Джиллиад дал своему сыну это наставление и назначил его после себя на царство, мальчик сказал отцу: „Ты знаешь, о батюшка, что я был тебе всегда послушен, хранил твои наставления, исполнял твои приказания и искал твоего благоволения. Прекрасным был ты мне отцом, так как же мне выйти после твоей смерти за пределы того, что тебе угодно? Хорошо воспитав меня, ты меня покидаешь, и я не могу тебя вернуть. Когда я запомню твоё наставление, я буду счастлив, и достанется мне доля величайшая“.

И сказал ему тогда царь (а был он до предела погружён в предсмертные мучения): «О сынок, придержишься десяти качеств, и даст тебе Аллах из-за них пользу в дольней жизни и в последней, а именно: когда разгневаешься, – сдерживай гнев, когда будешь испытан, – терпи, когда говоришь, – говори правду, когда обещаешь, – исполняй, когда судишь, – будь справедлив, когда обладаешь властью, прощай. Оказывай почёт твоим военачальникам, милуй врагов и расточай врагам благодеяния и удерживай себя от вреда им. Придержишься также и десяти других качеств, за которые Аллах наградит тебя среди жителей твоего царства, а именно: когда делишь, – будь справедлив, когда наказываешь по праву, – не злобствуй, когда вступаешь в договор, – будь верен ему, принимай добрый совет, оставь упрямство и заставляй подданных держаться обычаев и установлении похвальных. Будь справедливым судьёй между людьми, чтобы любили тебя и большие и малые и боялся бы тебя гордец и вносящий порчу».

И затем царь обратился к мудрецам и эмирам, которые присутствовали при назначении им своего сына на царство после себя: «Берегитесь ослушаться приказа вашего царя и пренебречь послушанием вашему начальнику, ибо от этого погибнет ваша земля, рассеется ваше единение, пострадает ваше тело и пропадёт ваше имущество, и позлорадствуют тогда ваши враги. Вы знаете, какой обет вы мне дали, и таков же пусть будет ваш обет этому мальчику, и пусть союз, бывший у меня с вами, будет также у вас с ним. Слушайтесь его и повинуйтесь его приказу, ибо в этом польза для ваших обстоятельств, и держитесь с ним того, чего держались со мной, – ваши дела будут в порядке, и благим будет ваше положение. Вот он, ваш царь и ваш благодетель. Конец».

И потом, после этого усилились предсмертные муки царя, и его язык стал коснеть. Он прижал к себе своего сына, поцеловал его и возблагодарил Аллаха, а потом умер, и вознёсся его дух. И стали его оплакивать все его подданные и жители царства. А потом они завернули его в саван и похоронили с почётом, уважением и славой, и вернулись вместе с юношей, и облачили его в царскую одежду, и увенчали его венцом его отца, и надели ему на палец перстень, и посадили его на царский престол.

И шёл с ними мальчик путём своего отца, проявляя кротость и справедливость и оказывая им благодеяния недолгий срок. И затем предстала перед ним земная жизнь и привлекла его своими страстями, и вкусил юноша её улады, и обратился к её утехам. Забыл он клятвы, которыми обязал его отец, и отбросил повиновение родителю своему, и пренебрёг своим царством. И пошёл он путём, на котором была его гибель, и усилилась в нем любовь к

женщинам, так что он не мог слышать ни об одной прекрасной женщине без того, чтобы не послать за ней и не жениться на ней. И собрал он женщин число большее, чем собрал Сулейман ибн Дауд, царь сынов Израиля, и каждодневно уединялся с несколькими из них и оставался с теми, с кем уединялся, целый месяц, не выходя от них и не спрашивая о своём царстве и власти и не рассматривая обид подданных, которые ему жаловались, и когда ему писали, он не давал ответа. И когда увидели и узрели, что он решил пренебречь рассмотрением дел и беспечно относится к делам своего правления и делам подданных, люди убедились, что вскоре постигнет их беда.

И показалось это им тяжким, и они обратились друг к другу, наперерыв упрекая себя, и Одни из них сказали другим: «Пойдём к Шимасу, наибольшему из его везирей, расскажем ему наше дело и осведомим его о том, каковы дела этого царя, чтобы он его наставил, а иначе вскоре постигнет нас беда. Поистине, этого царя ошеломила земная жизнь своими уладами и опутала своими узами». И они поднялись, и пришли к Шимасу, и сказали ему: «О учёный мудрец, этого царя ошеломила земная жизнь своими уладами и опутала своими узами, и обратился он к ложному и действует, внося порчу в своё царство. А из-за порчи царства портится весь народ и идёт наше дело к гибели. И по причине этого мы пребываем месяц и много дней, не видя его, и не исходят от него к нам приказы ни везиру, ни кому-либо другому, и невозможно доложить ему о нужде, и не рассматривает он приговоров и не заботится об обстоятельствах коголибо из подданных, так как он не думает о них. Мы пришли, чтобы рассказать тебе истину об этих делах, так как ты старше всех нас и совершеннее, и не должно быть бедствия в той земле, где ты пребываешь, ибо ты более всех властен исправить этого царя. Ступай же поговори с ним – может быть, он примет твои слова и вернётся к Аллаху».

И Шимас поднялся, и пошёл, и встретился с тем, до кого мог добраться, и сказал ему: «О превосходный юноша, я прошу тебя испросить мне позволение войти к царю, ибо у меня есть дело, из-за которого я хочу видеть его лицо, и я расскажу ему о нем и послушаю, что он мне ответит». И юноша в ответ ему сказал: «Клянусь Аллахом, о господин мой, царь уже месяц никому не позволяет входить к себе, и мне тоже, и все это время я не видел его лица. Но я укажу тебе, кто попросит для тебя у него позволения. Схватись за такого-то прислужника – он стоит у изголовья царя и носит ему кушанье из кухни, – и когда он выйдет на кухню, чтобы взять кушанье, попроси его о том, что тебе нужно – он сделает, как ты желаешь».

И Шимас отправился к дверям кухни и немного посидел, и вдруг подошёл тот прислужник, желая войти в кухню, и Шимас заговорил с ним и сказал: «О сынок, мне хочется встретиться с царём и передать ему слова, которые его касаются. Будь милостив – когда он кончит обед и его душе станет приятно, поговори с ним за меня и возьми мне от него позволение войти к нему, чтобы поговорить с ним о том, что ему подобает слышать». И прислужник отвечал: «Слушаю и повинуюсь!»

И когда он взял кушанье и отправился с ним к царю, и тот поел, и его душе стало приятно, прислужник сказал ему: «Шимас стоит у дверей и хочет от тебя позволения войти, чтобы осведомить тебя о делах, которые тебя касаются». И царь испугался, и встревожился из-за этого, и приказал слугам ввести к себе Шимаса...»

И Шахразату застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Девятьсот восемнадцатая ночь

Когда же настала девятьсот восемнадцатая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что когда царь велел слуге ввести к себе Шимаса, слуга вышел к Шимасу и пригласил его войти. И Шимас, войдя к царю, пал ниц перед Аллахом и, поцеловав царю руки, пожелал ему блага. И царь спросил: „Что тебя поразило, о Шимас, что ты потребовал входа ко мне?“ – „Уже долгое время, – ответил Шимас, – я не видел лица царя, моего

господина, и я сильно стосковался по тебе, и вот теперь я увидел твоё лицо и пришёл к тебе с речью, которую я изложу тебе, о царь, поддержанный всякой милостью“.

«Говори, что тебе вздумалось», – молвил царь. И Шимас сказал: «Знай, о царь, что Аллах великий наделил тебя таким знанием и мудростью, несмотря на юность твоих лет, какой не наделял никого из царей прежде тебя, и завершил Аллах это для тебя царской властью, и любезно Аллаху, чтобы ты не переходил от того, что он даровал тебе, к иному, по причине послушания его; не враждуй же с ним сокровищами твоих достоинств – тебе подобает хранить его заповеди и повиноваться его велениям. Я вижу, что за эти немногие дни ты забыл своего отца я его заповеди и отбросил его заветы и пренебрёг его увещаниями и словами, и не дорожишь ты его справедливостью и законами, не помнишь милостей к тебе Аллаха и не отмечаешь их благодарностью». – «Как так и в чем причина этого?» – спросил царь. И Шимас сказал: «Причина этого в том, что ты перестал заботиться о делах твоего царства и о делах твоих подданных, которые возложил на тебя Аллах. Ты обратился к твоей душе и к тому, что она тебе разукрасила из ничтожных страстей здешнего мира, а ведь сказано: польза царства, веры и подданных – вот то, что надлежит царю блюсти. Моё мнение, о царь, что тебе следует хорошенько подумать об исходе твоего дела, и увидишь ты ясный путь, на котором спасение. Не обращай к усладе ничтожной, преходящей, ведущей к трясине гибели, – тебя постигнет то, что постигло ловившего рыбу».

«А как это было?» – спросил царь. И Шимас сказал: «Дошло до меня, что один рыбак пошёл к реке, чтобы половить в ней, по обычаю, и когда он дошёл до реки и шёл по мосту, он увидел большую рыбу и сказал про себя: „Мне нет нужды оставаться здесь, я пойду и последую за этой рыбой туда, куда она направляется, и захвачу её, и она избавит меня от нужды в ловле на несколько дней“.

И он обнажился, и спустился в воду, и поплыл вслед за рыбой, и течение воды подхватило его и влекло до тех пор, пока он не захватил рыбу и не поймал её. И он оглянулся, и оказалось, что он далеко от берега, и, увидев, куда занесло его течением, рыбак не оставил рыбу и не вернулся, но подверг себя опасности, схватив рыбу обеими руками, предоставил себя току воды. И вода влекла его до тех пор, пока не закинула в пучину водоворота, из которого не мог вырваться никто из попавших в него. И тогда рыбак стал кричать и говорить: «Спасите утопающего!» И подошли люди из сторожей реки и сказали: «Что с тобой и что тебя поразило, что ты вверг себя в эту великую опасность?» – «Я тот, кто покинул ясный путь, на котором было спасение, и обратился к страсти и гибели», – ответил рыбак. И ему сказали: «О такой-то, как же это ты покинул путь спасения и ввёл себя в погибель? Ты же давно знаешь, что никто из попавших сюда не спасся, что же помешало тебе выбросить то, что было у тебя в руке, и спастись – ты бы спас свою душу и не впал бы в погибель, из которой нет спасения. А теперь никто из нас не будет тебя спасать от гибели».

И человек пресёк надежду, что будет жить, и бросил то, что было у него в руке и к чему побуждала его душа, и погиб ужасной гибелью.

И я привёл тебе, о царь, эту притчу лишь для того, чтобы ты оставил эти ничтожные дела, которые отвлекают тебя от дел, тебе полезных, и подумал бы о том, что ты обязан делать, управляя подданными и поддерживая порядок в своём царстве так, чтобы никто не видел в тебе порока».

«Что же ты мне прикажешь?» – спросил царь. И Шимас сказал: «Когда наступит завтрашний день и ты будешь здоров и благополучен, позволь людям входить к тебе и рассматривай их дела. Попроси у них прощения и обещай им с своей стороны и благо и хорошие поступки».

«О Шимас, – сказал царь, – ты говорил правильно, и я сделаю то, что ты мне посоветовал, завтра, если захочет Аллах великий».

И Шимас вышел от царя и осведомил людей обо всем, что царь ему говорил, а когда наступило утро, царь вышел из уединения и разрешил людям входить к нему. Он начал просить у них прощения и обещал, что будет делать, что им любо. И все были довольны этим и ушли, и каждый отправился в своё жилище. А потом одна из жён царя, самая им

любимая и уважаемая, вошла к нему и увидела, что цвет его лица изменился и он размышляет о своих делах после того, что услышал от старшего своего везиря, и сказала ему: «Что это я вижу, о царь, ты встревожен душой? Жалуешься ли ты на что-нибудь?» – «Нет, – ответил царь, – но наслаждения, в которые я погрузился, отвлекли меня от моих дел. Отчего стал я так пренебрегать моими обстоятельствами и обстоятельствами подданных? Если я буду продолжать это, скоро выйдет власть из моих рук».

И жена его в ответ ему сказала: «Я вижу, о царь, что ты обмарываешься в твоих наместниках и везирях. Они хотят только досадить тебе и провести тебя, чтобы ты не получал от твоей власти всей сладости и не пользовался бы благоденствием и покоем. Они, напротив, хотят, чтобы ты проводил жизнь, устраняя от них тяготы, и чтобы вся твоя жизнь прошла в трудах и утомлении и стал бы ты подобен тому, кто убил себя ради пользы другого, или сделался бы подобен юноше с ворами».

«А как это было?» – спросил царь. И жена его сказала:

«Говорят, что семеро воров вышли однажды красть, по обыкновению. Они проходили мимо сада, где были свежие орехи, и вошли в этот сад и вдруг увидели молодого мальчика, который стоял перед ними. И они сказали: „О юноша, не желаешь ли ты войти с нами в этот сад, взлезть на это дерево и поесть вдоволь орехов и сбросить с него орехи нам?“ И юноша согласился на это...»

И Шахразад устала говорить, и она прекратила дозволенные речи.

Девятьсот девятнадцатая ночь

Когда же настала девятьсот девятнадцатая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что когда юноша согласился на предложение воров и вошёл с ними, они стали говорить друг другу: „Посмотрите, кто из нас всех легче и моложе, и подымите его“. – „Мы не видим никого тоньше этого юноши“, – сказали воров. И, подняв юношу, они сказали ему: „О юноша, не бери с дерева ничего, чтобы кто-нибудь тебя не увидел и не причинил тебе вреда“. – „Как же мне сделать?“ – спросил юноша. И воров сказали: „Сядь посреди дерева и качай каждую ветку сильным качанием, чтобы с неё сыпалось то, что висит на ней, а мы будем подбирать плоды, и когда кончится все, что есть на дереве, ты спустишься к нам и возмёшь свою долю из того, что мы подобрали“.

И юноша забрался на дерево и стал раскачивать ветки, какие видел, и орехи сыпались с них, а воров их собирали. И это было так. И вдруг они увидели, что владелец сада стоит подле них, когда они это делают. «Что вы делаете здесь?» – спросил он. И воров сказали: «Мы ничего не взяли с этого дерева, но мы проходили мимо и увидели на нем этого юношу, и подумали, что он хозяин дерева, и попросили его угостить нас орехами. И он потряс ветки, и с них посыпались орехи, и на нас нет греха». – «А ты что скажешь?» – спросил хозяин юношу. И тот ответил: «Эти люди солгали, а я скажу тебе правду. Мы пришли сюда все вместе, и они велели мне залезть на это дерево и трясти ветки, чтобы орехи с них посыпались, и я послушался их». – «Ты вверг себя в большую беду, – сказал хозяин дерева, – но воспользовался ли ты чем-нибудь и поел ли сам орехов?» – «Я ничего не съел», – сказал юноша. А хозяин дерева молвил: «Теперь я узнал твою глупость и неразумие. Ты старался погубить свою душу для пользы других. Нет мне против вас пути, – сказал он потом воров, – уходите своей дорогой». И он схватил мальчика и наказал его.

Таковы и твои везири и вельможи твоего царства – они хотят погубить тебя для пользы своих дел и сделают с тобой то же, что сделали воров с юношей».

«Истину сказала ты, – молвил царь, – и правдив твой рассказ! Я не выйду к ним и не оставлю наслаждений».

И затем он провёл ночь со своей женой в приятнейшей жизни, пока не наступило утро. А когда наступило утро, везирь поднялся и собрал вельмож царства вместе с теми, кто явился из подданных, и они подошли к дверям царя, радостные и довольные. Но им не

открыли дверей, и царь не вышел к ним и не позволил им войти к себе. И они, потеряв надежду, сказали Шимасу: «О достойный везирь и совершенный мудрец, разве не видишь ты, каковы обстоятельства этого ребёнка, малолетнего и малоумного, который прибавил к своим грехам ложь? Посмотри на его обещание тебе, как он его нарушил и не исполнил а того, что обещал. Это грех, который ты должен присоединить к его грехам. Мы надеемся, что ты войдёшь к нему второй раз и посмотришь, в чем причина его задержки и отказа выйти. Мы не порицаем такого дела при его дурных качествах, ибо он дошёл до предела чёрствости».

И Шимас отправился к царю и, войдя к нему, сказал: «Мир над тобою, о царь! Как это ты мог обратиться к ничтожной усладе и пренебречь великим делом, о котором тебе следует заботиться, и оказался подобен владельцу верблюдицы, который вырос на её молоке, и так прекрасно было её молоко, что он забывал укрепить её повод. И однажды он начал её доить и не позаботился о поводе. И когда верблюдица почувствовала, что повод отпущен, она вырвалась и умчалась в пустыню. И этот человек лишился молока и верблюдицы, и вред, который он испытал, был больше, чем польза. Подумай, о царь, о том, в чем польза для тебя и для твоих подданных. Не подобает ведь человеку постоянно сидеть у дверей кухни из-за того, что он нуждается в кушанье, и не следует ему часто сидеть с женщинами из-за своей склонности к ним, и как ищет человек в кушанье того, что устраняет голод, и в питье того, что устраняет жажду, так же надлежит человеку разумному из его двадцати четырех часов удовлетворяться каждый день двумя часами в обществе женщин, а остальное время тратить на дела, полезные для него и полезные для его подданных. Пусть не затягивает он пребывания с женщинами и уединения с ними больше, чем на два часа, – в этом вред для его ума и тела, так как женщины не призывают к благу и не указывают пути к нему. Не следует человеку принимать от женщины слова или дела, и дошло до меня, что многие люди погибли из-за женщин, и один из них – человек, который погиб из-за пребывания со своей женой, так как он послушался её в том, что она ему велела.

«А как это было?» – спросил царь. И Шимас сказал: «Говорят, что у одного человека была жена, которую он любил, и пользовалась она у него уважением, и он слушался её слов и поступал согласно её суждению. А у него был сад, который он недавно посадил своей рукой, и он ходил туда каждый день, чтобы ухаживать за садом и поливать его. И в один из дней жена его спросила: „Что ты посадил в твоём саду?“ И он ответил: „Все, что ты любишь и хочешь. Я стараюсь хорошо ухаживать за ним и поливать его“. – „Не хочешь ли взять меня и погулять со мной там, чтобы я на него посмотрела, а я помолюсь за тебя праведной молитвой, ибо моя молитва бывает услышана“, – сказала женщина. И её муж молвил: „Хорошо, завтра я возьму тебя“.

И на утро этот человек взял жену с собой и отправился с ней в сад, и они вошли туда. И их увидели двое юношей, и один из них сказал другому: «Этот человек – прелюбодей, а эта женщина – прелюбодейка. Они вошли в этот сад только для того, чтобы прелюбодействовать».

И юноши пошли вслед за ними, чтобы посмотреть, каково будет их дело, и оба они остановились на краю сада, а человек с женой вошёл в сад, и они расположились в нем. И человек сказал своей жене: «Помолись за меня молитвой, которую мае обещала». И его жена ответила: «Я не помолюсь за тебя, пока ты не исполнишь мне нужды, которой желают женщины от мужчин».

«Горе тебе, о женщина! – воскликнул её муж. – Разве того, что я делал дома, недостаточно? А здесь я боюсь позора, и, может быть, это отвлечёт меня от моих дел. Разве ты не боишься, что кто-нибудь нас увидит?» – «Нам нечего об этом задумываться, – сказала женщина, так как мы не совершаем ничего мерзкого или запретного. А что касается поливки сада, то с этим можно повременить, и ты властен его поливать в какое угодно время».

И она не принимала от него извинений или доводов и приставала к нему, требуя совокупления. И её муж встал и лёг с нею, и когда упомянутые юноши увидели это, они подскочили к ним и схватили их и сказали: «Мы вас не выпустим, потому что вы

прелюбодеи, и если мы не упадём на эту женщину, мы донесём о вашем деле». И её муж воскликнул: «Горе вам, – это моя жена, и я – хозяин сада!» Но юноши не стали слушать его слов и подошли к женщине, и та стала кричать и звать своего мужа на помощь, говоря ему: «Не давай этим мужчинам меня опозорить!» И её муж подошёл к ним, зовя на помощь, и один из юношей повернулся к нему и, ударив его кинжалом, убил. И они подошли к женщине и опозорили её...»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Ночь, дополняющая до девятисот двадцати

Когда же наступила ночь, дополняющая до девятисот двадцати, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что когда юноша убил мужа этой женщины, оба юноши вернулись к женщине и опозорили её.

И мы сказали это тебе, о царь, лишь для того, чтобы ты знал, что не следует человеку слушаться женщины и повиноваться ей в делах и принимать её мнение при совете. Берегись облачаться в одежду неразумения после одежды мудрости и знания и следовать дурному мнению, после того как узнал ты мнение верное и полезное. Не гонись за малым наслаждением, исход которого – порча и которое приводит к убытку, большому, жестокому».

И когда царь услышал это от Шимаса, он сказал ему: «Завтра я выйду к ним, если захочет Аллах великий».

И Шимас вышел к тем, кто был тут из знатных людей царства, и осведомил их о том, что сказал царь. И дошло до той женщины сказанное Шимасом, и она вошла к царю и сказала ему: «Подданные – рабы царя, а теперь я вижу, что ты, о царь, раб твоих подданных, так как ты их боишься и опасаясь их зла, а они хотят испытать твою внутреннюю сущность, и если увидят, что ты слаб, станут презирать тебя, а если увидят, что ты смел, будут тебя бояться. Так поступают дурные везири со своим царём, ибо хитрости их многочисленны, и я изъяснила тебе истину в их кознях. Если ты согласишься с тем, чего они хотят, они отвратят тебя от твоего дела к тому, что им нужно, и непрестанно будут переводить тебя от одного дела к другому, пока не ввергнут тебя в погибель и будешь ты подобен купцу с ворами».

«А как это было?» – спросил царь. И она сказала: «Дошло до меня, что был один купец, у которого было много денег, и он отправился со своим товаром, чтобы продать его в какой-то город. И, достигнув этого города, нанял себе там дом и поселился в нем. И увидели его воры, которые выслеживали купцов, чтобы красть их имущество, и отправились к дому этого купца, и стали ухитряться, чтобы войти туда, но не нашли пути к нему. И тогда их начальник сказал им: „Я сделаю для вас это дело“.

И он ушёл, и оделся в одежду врачей, и повесил на плечо мешок с какими-то лекарствами, и начал кричать: «Кому нужен врач?» И дошёл до дома этого купца. И он увидел, что купец сидит за обедом, и спросил его: «Нужен тебе врач?» И купец ответил: «Я не нуждаюсь во враче, но садись, поешь со мной». И вор сел напротив купца и стал есть с ним, а этот купец здорово ел. И вор сказал про себя: «Вот я и нашёл подходящий способ!» И он обратился к купцу и сказал: «Я обязан дать тебе совет из-за того блага, которое мне от тебя досталось, я не могу утаить от тебя этого совета. Я вижу, что ты человек, который много ест, и это причина болезни твоего желудка. Если ты не поспешишь и не постарайся себя вылечить, болезнь приведёт тебя к гибели». – «Моё тело здорово, и желудок у меня варит быстро, – сказал купец, – и если я хорошо ем, то нет от этого в моем теле болезни, хвала и благодарение Аллаху». – «Это только так тебе кажется, – сказал ему вор, – а я узнал, что внутри тебя скрытая болезнь. Если ты хочешь меня послушаться – лечись». – «А где я найду того, кто знает, как меня вылечить?» – спросил купец. И вор сказал ему: «Целитель – один лишь Аллах, а врач, подобный мне, лечит больного по мере способности». – «Покажи же мне

лекарство и дай мне его сколько-нибудь», – сказал купец. И вор дал ему порошки, где было много мирры, и сказал: «Прими это сегодня вечером».

И купец взял от него порошки, а когда наступила ночь, он принял часть их и увидел, что это мирра, противная на вкус, но ничего не заподозрил. И когда он принял её, то почувствовал в ту ночь в себе лёгкость. А когда наступил следующий вечер, пришёл вор с лекарствами, где было мирры больше, чем в первом, и дал купцу часть их. И когда купец принял, его прослабило ночью, но он вытерпел это и ничего не заподозрил. И когда вор увидел, что купец обращает внимание на его слова и доверяет ему, он убедился, что купец не будет ему прекословить, и пошёл, и принёс убивающее лекарство, и отдал его купцу, и тот взял его у вора и выпил. И когда он выпил это лекарство, то, что было у него в утробе, опустилось вниз, и кишки его порвались, и он наутро сказался мёртвым. И воры пришли и взяли все, что принадлежало купцу.

И я, о царь, рассказала тебе все это лишь для того, чтобы ты не принимал слов этого обманщика – иначе тебя постигнут дела, от которых погибнет твоя душа».

«Ты права, – ответил царь, – и я не выйду к ним». И когда наступило утро, люди собрались и подошли к дверям царя и просидели большую часть дня, пока не отчаялись в том, что он выйдет, а затем они вернулись к Шимасу и сказали: «О философ мудрый и учёный опытный, разве не видишь ты, что этот глупый ребёнок все больше лжёт нам и что отнятие власти из его рук и замена его другим – правильна, ибо наши обстоятельства придут после этого в порядок и исправятся наши дела? Но войди к нему в третий раз и осведоми его о том, что нас удерживают от восстания против него и отнятия у него власти только благодеяния его отца и клятвенные обещания, которые он взял с нас. Завтра мы соберёмся все до последнего, возьмём оружие и разрушим ворота этой крепости. И если он выйдет к нам и сделает то, что нам любо, будет неплохо, а иначе мы войдём к нему и убьём его и отдадим власть в руки другого».

И везирь Шимас пошёл, и вошёл к царю, и сказал ему: «О царь, погрузившийся в страсти и забавы, что ты делаешь со своей душой? Узнать бы, кто подстрекает тебя к этому! Если ты сам навлекаешь на себя беду, то исчезла добродетель, мудрость и чистота, которую мы в тебе знали. О, если бы знать, кто изменил тебя и привёл от разума к глупости, от верности к грубости, от мягкости к чёрствости и от внимания ко мне к пренебрежению мной! Как же это – я три раза наставляю тебя, и ты не принимаешь моего наставления. Я указываю тебе правильные действия, а ты не слушаешься моею указания. Скажи мне, что значит эта небрежность и невнимание и кто подстрекает тебя к этому? Знай, что жители твоего царства собираются войти к тебе и убить тебя и отдать твою власть другому. Есть ли у тебя сила против них всех и можешь ли ты спастись из их рук или оживить свою душу после убийства? Если все это тебе даровано, то ты в безопасности, и нет нужды тебе в моих словах; если же тебе нужна жизнь и власть, то приди в себя, укрепи своё царство и покажи людям силу своей мощи. Выскажи им свои извинения – они хотят вырвать то, что в твоих руках, и передать это другому и решились на неповиновение и послушание. Доказательство этого то, что они знают, как ты молод годами и предался страстям и забавам, – ведь если камни, которые долго пролежали в воде, вынуть и ударить друг о друга, от них вспыхивает огонь. Твоих подданных – множество, и они сговорились против тебя и хотят передать твою власть другому, и они достигнут того, чего хотят, – твоей гибели, – и будешь ты подобен волку с лисицами...»

И Шахразад застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Девятьсот двадцать первая ночь

Когда же настала девятьсот двадцать первая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что везирь Шимас сказал царю: „И они достигнут того, чего хотят, – твоей гибели, – и будешь ты подобен волку с лисицами“.

«А как это было?» – спросил царь. И Шимас сказал: «Говорят, что несколько лисиц вышли однажды поискать какой-нибудь еды, и когда они бродили, ища её, они вдруг нашли мёртвого верблюда, И они сказали себе: „Мы нашли то, чем можем прожить долгое время, но мы боимся, что одни из нас станут угнетать других, и сильный обратит свою силу против слабого, и слабые погибнут. Нам следует найти судью, который будет творить суд между нами и назначать нам долю, тогда не будет у сильного власти против слабого“».

И когда они совещались об этом, вдруг подошёл к ним волк, и лисицы сказали друг другу: «Если это соответствует вашему мнению, – назначьте волка судьёй между нами, ибо он сильнее всех, и его отец был раньше над нами султаном. Мы просим Аллаха, чтобы волк был с нами справедлив».

И затем они отправились к волку, и рассказали ему о своём намерении, и сказали: «Мы поставили тебя судьёй над нами, чтобы ты давал каждому из нас ежедневно его пропитание, по мере потребности, и чтобы сильный из нас не угнетал слабого и мы друг друга не погубили». И волк дал своё согласие, и взялся исполнять их дела, и наделил их в этот день вдоволь. А когда настал следующий день, волк сказал себе: «Если я разделю этого верблюда между этими слабосильными, мне не останется ничего, кроме той части, которую они мне назначили, а если я съем его один, они не смогут причинить мне вреда: они ведь сами – добыча для меня и для моих домочадцев. Кто помешает мне взять все себе? Может быть, Аллах предоставит мне этого верблюда без благодеяния с их стороны. Лучше всего, чтобы его присвоил себе я, а её эти лисицы; с этого времени я не буду давать им ничего».

А утром лисицы, по обычаю, пришли к волку просить пищи и сказали: «О Абу-Сирхан⁶⁴⁹, дай нам наше пропитание на сегодняшний день». И волк ответил им: «Не осталось у меня ничего, чтобы дать вам», И лисицы ушли от него в наихудшем состоянии. И потом они сказали: «Поистине, Аллах вверг нас в великую заботу из-за этого скверного обманщика, который не опасается Аллаха и не боится его, а у нас нет ни силы, ни мощи».

А затем одни из них сказали другим: «Его побудила на это крайность голода: дайте ему сегодня есть, пусть он насытится, а завтра мы пойдём к нему». И наутро лисицы отправились к нему и сказали: «О Абу-Сирхан, мы поставили тебя над нами, чтобы ты давал каждому из нас пищу и защищал слабого от сильного, и когда пища кончится, старался бы найти нам другую, и мы постоянно были бы под твоей защитой и покровительством. Нас поразил голод, и мы два дня не ели, дай же нам наше пропитание, и ты будешь свободен от ответственности за все то, чем ты распорядился сверх этого».

И волк не дал им никакого ответа, а, напротив, стал ещё более жестоким, и лисицы сказали ему то же самое ещё раз, но он не отступился. И тогда лисицы сказали друг другу: «Нет у нас иной хитрости, кроме как отправиться ко льву. Мы падём перед ним и предоставим верблюда ему, и если он пожалует нам что-нибудь, это будет от него милостью, а если нет, то он имеет на него больше прав, чем этот скверный».

И они отправились ко льву и рассказали ему, что случилось у них с волком, и затем сказали: «Мы – твои рабы, и мы пришли к тебе, прося защиты, чтобы ты освободил нас от этого волка, и мы станем тебе рабами». И когда лев услышал слова лисиц, его охватила ярость, и он взревновал за Аллаха великого и пошёл с ними к волку. И волк, увидя, что приближается лев, попытался убежать от него, но лев помчался за ним и, схватив его, разорвал на куски и отдал лисицам их добычу.

Из этого мы узнали, что не следует никому из царей пренебрегать делами своих подданных. Прими же мой совет и сочти правдой слова, которые я тебе сказал. Знай, что твой отец перед своей кончиной заповедал тебе принимать добрый совет, и вот последнее моё слово тебе, и конец».

«Я послушаюсь тебя, – сказал царь, – и завтра же, если захочет Аллах, я к ним выйду».

⁶⁴⁹ Абу-Сирхан – прозвище волка, которое значит «отец зари». Первые лучи зари арабы иногда называют «волчий хвост».

И Шимас вышел от царя и рассказал людям, что тот принял его совет и обещал завтра к ним выйти. И когда жена царя услышала эти слова, переданные от Шимаса, и убедилась, что царь обязательно выйдет к подданным, она быстро подошла к царю и сказала: «Как удивляюсь я твоей покорности и повиновению врагам! Разве ты не знаешь, что эти везири – твои рабы? Зачем же ты поднял их на столь великую высоту и позволил им думать, что это они дали тебе власть и возвысили и что это они дали тебе подарки, хотя они не могут причинить тебе ни малейшего ущерба? Ты вправе не смиряться перед ними – это они обязаны смиряться перед тобой и исполнять твои приказания; как же это ты испытываешь перед ними столь великий страх? Ведь говорится: „Если у тебя сердце не как железо, ты не годишься быть царём“. А утих людей обманула твоя кротость, и они осмелели против тебя и отбросили повиновение тебе, хотя они должны быть принуждены к повиновению и вынуждены подчиниться тебе. Если ты поспешишь принять их слова и оставить их в их положении и исполнишь малейшую их нужду против твоего желания, они станут тебе докучать и позарятся на тебя, и сделается это обычаем. Если же ты хочешь меня послушаться, – не возвышай никого из них в сане и не принимай ничьих слов. Не возбуждай в них охоты быть с тобой дерзким, ибо ты станешь подобен пастуху и вору».

«А как это было?» – спросил царь. И она сказала: «Говорят, что был один человек, который пас в степи скот и стерёг его во время пастьбы. И однажды ночью пришёл к нему вор, желая украсть его скотину, и увидел, что пастух стережёт её – не спит по ночам и не отвлекается днём, и этот вор всю ночь старался, но не мог ничего взять. И когда хитрости ему изменили, он пошёл в пустыню и, поймав льва, содрал с него шкуру и набил её соломой, а затем он принёс этого льва и поставил его в степи на высоком месте, чтобы пастух мог его увидеть и как следует рассмотреть. И затем вор пришёл к пастуху и сказал ему: „Лев послал меня к тебе и требует свой ужин из этих овец“. И пастух спросил его: „А где лев?“

И вор сказал: «Подними глаза – вон он стоит».

И пастух поднял голову и увидел изображение льва, и, увидев его, он подумал, что это настоящий лев, и испугался великим испугом...»

И Шахразад устроил утро, и она прекратила дозволенные речи.

Девятьсот двадцать вторая ночь

Когда же настала девятьсот двадцать вторая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что пастух, увидев изображение льва, подумал, что это настоящий лев, и испугался великим испугом. И его охватил страх, и он сказал вору: „О брат мой, возьми что хочешь, – нет у меня послушания“.

И вор взял овец, сколько ему было нужно, и ещё больше захотел обмануть пастуха из-за его сильного страха. И через маленькие промежутки он стал приходить к нему и пугать его, говоря: «Льву нужно то-то и то-то, и он намеревается сделать то-то». И затем брал овец вдоволь, и вор до тех пор вёл себя с пастухом таким образом, пока не сгубил большую часть овец.

И я сказала тебе эти слова, о царь, лишь для того, чтобы этих вельмож твоего царства не обманывала твоя кротость и мягкое обхождение и они бы не зарились на тебя. Здравое суждение говорит, что смерть к ним ближе, чем то, что они хотят с тобой сделать.

И царь принял её слова и сказал ей: «Я принимаю от тебя этот совет и не стану повиноваться их указаниям и не выйду к ним».

И когда наступило утро, собрались везири и вельможи царства и знатные люди (а каждый из них принёс с собой оружие) и отправились к дому царя, чтобы напасть на него и убить его, и облачить властью другого, и, придя к дому царя, они попросили привратника открыть им двери, но тот не открыл им. И они послали принести огня, чтобы сжечь им двери и потом войти. И привратник услышал их слова, и быстро пошёл, и осведомил царя, что люди собрались у дверей, и сказал: «Они просили меня открыть им, но я отказался, и тогда

они послали принести огня, чтобы поджечь двери и войти к тебе и убить тебя. Что же ты мне прикажешь?» И царь сказал про себя: «Я ввергнут в величайшую гибель». И послал за той женщиной, и когда она явилась, сказал ей: «Шимас не рассказывал мне ничего такого, что бы не оказалось истиной. Вот пришли избранные и простые люди и хотят убить меня и убить вас, и когда привратник им не открыл, они послали принести огня, чтобы поджечь дом, когда мы в нем. Что ты нам посоветуешь?» – «С тобой не будет вреда, – сказала женщина, – и пусть не ужасает тебя это дело. Теперь время, когда глупцы восстают против своих царей». – «Но что же ты посоветуешь мне сделать и какова хитрость в этом деле?» – спросил царь. И женщина сказала: «По моему мнению, тебе следует повязать голову повязкой и представиться больным, а потом пошли за везирем Шимасом, и он явится к тебе и увидит, в каком ты состоянии. И когда он явится, скажи ему: „Я хотел выйти к людям в сегодняшний день, но мне помешала болезнь. Выйди к людям и расскажи им, что со мной, и скажи им также, что завтра я к ним выйду и буду исполнять их нужды и рассматривать их обстоятельства, чтобы они успокоились и не гневались“. А завтра утром призови десять человек из рабов твоего отца, людей силы и мощи, с которыми ты бы за себя не боялся, и пусть они будут послушны твоему слову и покорны твоему повелению, и скрывают твои тайны, и сохраняют к тебе дружбу. Поставь их подле себя и вели им не давать никому к тебе войти, иначе как одному за одним. И когда кто-нибудь войдёт, скажи: „Возьмите его и убейте!“ И когда они сговорятся с тобой об этом, вели завтра поставить твой престол в диване и открой двери. Когда люди увидят, что ты открыл двери, их душа успокоится, и они придут к тебе со здоровым сердцем и попросят позволения войти. И позволь им входить одному за одним, как я тебе сказала, и сделай с ними что захочешь. Но тебе следует начать с убийства первым из них – Шимаса, начальника, ибо он везирь величайший и обладатель власти. Убей его сначала, а затем убивай остальных, одного за одним, и не оставляй тех, о ком знаешь, что они нарушат обещание тебе, а также тех, чьей ярости ты боишься. Если ты это сделаешь, у них не останется против тебя силы, и ты избавишься от них полным избавлением, и твоя власть будет безраздельна, и будешь ты делать что хочешь. И знай, что нет для тебя хитрости полезнее, чем эта хитрость».

«Это твоё суждение верно, – сказал царь, – и твоё приказание правильно. Я непременно сделаю так, как ты сказала». И он приказал принести повязку и, повязав ею голову, притворился больным, и послал за Шимасом. И когда тот предстал перед ним, сказал ему: «О Шимас, ты знаешь, что я тебя люблю и подчиняюсь твоему суждению, и ты мне словно брат и отец, прежде всех других. Ты знаешь, что я принимаю все, что ты мне приказываешь, и ты приказывал мне выйти к подданным и принимать и судить их, и я убедился, что это твой искренний совет нам, и хотел выйти к ним вчера, но случилось со мной эта болезнь, и я не могу сидеть. До меня дошло, что жители царства недовольны тем, что я не выхожу к ним, и решили совершить со мной дело злое и неподобающее. Они не знают, как я болен. Выйди же к ним, осведоми их о моем состоянии и о том, что со мной, и извинись перед ними. Я последую тому, что они говорят, и сделаю так, как им любо. Исправь это дело и поручись им за меня в этом, а ты ведь советник мой и моего отца, прежде меня, и у тебя в обычае исправлять дела между людьми. Если захочет Аллах великий, я завтра выйду к ним, и, может быть, моя болезнь пройдёт этой ночью по благодати моего доброго намерения и потому, что я задумал людям добро в глубине души».

И Шимас пал ниц перед Аллахом, и призвал на царя благо, и поцеловал ему руку, и обрадовался, и вышел к людям, и рассказал им о том, что услышал от царя.

Он удержал их от того, что они хотели сделать, и осведомил их об извинениях царя и причине его отказа выйти и рассказал им, что царь обещал выйти к ним завтра и что он сделает так, как им любо, и тогда люди ушли в свои жилища...»

И Шахразад устала, и она прекратила дозволенные речи.

Когда же настала девятьсот двадцать третья ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что Шимас вышел к вельможам и сказал им: „Завтра царь к вам выйдет и сделает так, как вам любо“. И люди ушли в свои жилища, и вот то, что было с ними.

Что же касается царя, то он послал за десятью рабами-великанами, которых выбрал из великанов своего отца (а это были люди с твёрдой решимостью и сильной яростью), и сказал им: «Вы знаете, какое было вам от моего отца уважение, как он возвышал ваш сан и вам благодетельствовал, оказывая вам милость и почёт. Я поставлю вас, после него, на ступень более высокую, чем прежняя, и осведомлю вас о причине этого, и вы от меня под охраной Аллаха, но я задам вам один вопрос: будете ли вы послушны моему приказу и станете ли скрывать мою тайну от всех людей? Вам будет от меня милость большая, чем вы хотите, если вы исполните моё приказание».

И все десять ответили ему словами, одновременно исходящими из уст, и сказали: «Все, что ты нам прикажешь, о господин наш, мы сделаем и не выйдем из того, что ты нам укажешь, – ты господин наших дел». – «Да облагодетельствует вас Аллах! – ответил царь. – А теперь я вас осведомлю, почему я вас выбрал, чтобы оказать вам ещё больший почёт. Вы знаете, какое уважение мой отец оказывал жителям своего царства и какие он взял с них обеты для меня; и они подтвердили, что не станут нарушать обет мне и перечить моему приказанию, а вы видели, что было вчера, когда они все собрались вокруг меня и хотели меня убить. Я хочу сделать с ними одно дело. Я увидел, что было из-за них вчера, и решил, что не удержит их от подобного этому ничто, кроме наказания. Мне неизбежно придётся поручить вам тайком убить тех, кого я вам укажу, чтобы отвратить зло и беду от моей страны убиением вельмож и начальников из числа её жителей. А способ к этому вот какой: я сяду завтра на этот престол, в этой комнате, и пусть они входят ко мне, один за одним, и велю им входить в одну дверь и выходить в другую дверь. А вы, все десять, стойте передо мной и внимайте моему знаку, и всякий раз, как кто-нибудь войдёт, хватайте его, входите с ним в эту комнату, убивайте его и прячьте его тело». – «Внимание твоим словам и повиновение твоему приказу!» – сказали рабы. И тогда царь оказал им милость, и отпустил их, и проспал ночь, а наутро он позвал их и приказал поставить престол, и затем он надел царственные одежды и, взяв в руку книгу суда, приказал открыть двери. И двери открыли, и царь поставил тех десятих рабов перед собой, и глашатай возгласил: Всякий, у кого есть тяжба, пусть является на ковёр царя!»

И пришли везири, военачальники и царедворцы, и всякий встал сообразно своей степени. И затем царь велел людям входить одному за одним, и везирь Шимас вошёл первый, как подобает великому везиру, и он пошёл и остановился перед царём, и не успел он опомниться, как десять рабов окружили его и схватили и, уведя в ту комнату, убили. И затем рабы принялись за остальных везирей, а потом за учёных, а потом за праведников и стали убивать одного за одним, пока не покончили со всеми. А потом царь призвал палачей и велел им положить меч на тех, кто остался из людей доблестных и ярых, и палачи не оставили в живых никого, в ком видели мужество, и оставили только низких людей и людское отребье, и затем их прогнали, и все они пошли к своим домочадцам. И после этого царь остался наедине с наслаждениями, и отдал свою душу страстям, и стал угнетать, притеснять и обижать так, что опередил злых людей, бывших прежде него.

А в земле этого царя были рудники с золотом, серебром, яхонтами и драгоценными камнями. И все цари соседних земель завидовали, что у него такое царство, и ожидали для него беды. И один из царей сказал себе: «Я получу то, что желаю, и возьму царство из рук этого глупого юноши, вследствие того, что он убил вельмож своего царства, самых доблестных и храбрых людей, бывших в его земле. Сейчас самое время воспользоваться случаем и вырвать то, что у него в руках, ибо он мал и нет у него знания войны. Он не имеет верного мнения, и не осталось у него никого, кто бы направил и поддержал его. Сегодня я открою к нему двери зла, а именно: напишу ему письмо, проявлю презрение и выберу его за то, что случилось, и Посмотрю, каков будет его ответ».

И этот царь написал ему письмо такого содержания: «Во имя Аллаха милостивого, милосердного! А затем: дошло до меня то, что ты сделал с твоими везирями, учёными и властителями и в какую беду ты себя ввергнул, так что не осталось у тебя мощи и силы, чтобы защититься от тех, кто на тебя нападает, ибо ты перешёл меру и внёс в царство порчу. Аллах дал мне над тобой победу и позволил мне тебя одолеть. Выслушай же мои слова и послушайся моего приказания. Построй для меня неприступный дворец посреди моря, а если не можешь сделать этого, уходи из твоей страны и спасай твою душу. Я посылаю к тебе из дальней Индии двенадцать отрядов, в каждом отряде двенадцать тысяч бойцов, и они войдут в твою страну, разграбят твои богатства, убьют твоих мужчин и уведут в плен твой гарем. И начальником над ними я сделаю Бади, моего везира, и прикажу ему, чтобы он неотступно осаждал твою землю, пока не возьмёт её. Я приказал слуге, к тебе посылаемому, не оставаться у тебя больше трех дней, и если ты исполнишь мой приказ, то спасёшься, а если нет – я пошлю к тебе тех, о ком сказал».

И затем он запечатал письмо и отдал его гонцу, и тот шёл, пока не достиг города того царя, и, войдя к царю, отдал ему письмо, и когда царь прочитал письмо, его спина ослабла, грудь у него стеснилась, и дело стало для него смутным, и убедился он в своей гибели и не находил никого, чтобы спросить совета или позвать на помощь, и никого, кто бы поддержал его. И он поднялся и вошёл к своей жене, изменившись в лице. И жена его спросила: «Что с тобой, о царь?» И царь сказал: «Я не царь сегодня, а раб царя».

И затем он развернул письмо и прочитал его своей жене. И, узнав его содержание, она принялась плакать и рыдать и разорвала на себе одежды. «Есть ли у тебя какойнибудь план, или хитрость в этом трудном деле?» – спросил её царь. И она сказала: «Какая же может быть у женщин хитрость в войнах? Нет у женщин силы, и нет у них мнения. Сила, мнение и хитрость только у мужчин в делах, подобных этому». И когда услышал от неё царь эти слова, его охватило величайшее раскаяние, печаль и огорчение о том, что он допустил крайность со своими приближёнными и вельможами своего царства...»

И Шахразад устало продолжила, и она прекратила дозволенные речи.

Девятьсот двадцать четвёртая ночь

Когда же настала девятьсот двадцать четвёртая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что когда царь услышал от своей жены эти слова, его охватило раскаяние и печаль из-за того, что он допустил крайность, убив своих везирей и знатных подданных, и ему захотелось умереть раньше, чем исполнится это ужасное известие. И затем он сказал своим жёнам: „Мне выпало от вас то же, что выпало рябчику от черепах“. И жены его спросили: „А как это было?“

И царь сказал: «Говорят, что на одном острове были черепахи и были на этом острове деревья, плоды и реки. И случилось, что однажды рябчик пролетал мимо этого острова, и поразила его жара и усталость. И когда это его измучило, он опустился на том острове, где были черепахи, и, увидев черепах, решил искать у них приюта и остановился подле них. А эти черепахи паслись на краю острова и затем возвращались обратно. И, вернувшись после поисков добычи на своё место, они увидели там рябчика. И он им понравился, и Аллах украсил его в их глазах; и черепахи прославили творца, и полюбили рябчика сильной любовью, и обрадовались ему. И затем они сказали друг другу: „Нет сомнения, что это одна из прекраснейших птиц“. И все они стали ласкать рябчика и искали его близости. И когда рябчик увидел их крайнюю любовь, он почувствовал к ним склонность и подружился с ними, и он летал куда хотел и к вечеру возвращался к ним на ночлег, а когда наступало утро, снова улетаю куда хотел.

И это стало у него обычаем, и он провёл так некоторое время, и черепахи почувствовали, что его отлучки повергают их в тоску, и поняли, что они видят его только ночью, а наутро он поспешно улетает, не дав им опомниться, несмотря на их сильную

любовь к нему. И черепахи сказали друг другу: «Мы полюбили этого рябчика, и он стал нашим другом, и у нас нет сил с ним разлучаться. Какую же нам придумать хитрость, чтобы он оставался с нами постоянно – ведь когда он улетает, то исчезает от нас на весь день, и мы видим его только ночью?»

И одна черепаха дала другим совет и сказала: «Будьте покойны, о сестрицы, я сделаю так, что он не будет нас покидать ни на мгновение ока». И другие черепахи сказали ей: «Если ты это сделаешь, мы все станем тебе рабами». И когда рябчик вернулся с прогулки и сел среди черепах, та хитрая черепаха подошла к нему, пожелала ему блага и, поздравив его с благополучием, сказала: «О господин, знай, что Аллах наделил тебя нашей любовью, а также вложил тебе в сердце любовь к нам, и ты стал нам в этом пустынном месте другом. А самое лучшее время для любящих, когда они вместе, и величайшее бедствие – в разлуке и отдалении. Ты же оставляешь нас на восходе зари и возвращаешься к нам только на закате, и охватывает нас великая тоска, Это очень тяготит нас, и мы в великом волнении по этой причине».

«Да, – молвил рябчик, – у меня к вам большая любовь и великое влечение, ещё больше чем у вас ко мне, и расставаться с вами мне не легко, но нет в моих руках против этого хитрости, ибо я – птица с крыльями, и невозможно мне оставаться с вами вечно, так как это не по моему естеству – птица с крыльями остаётся да месте лишь ночью, чтобы спать, а когда наступает утро, она улетает и парит в тех местах, где ей нравится». – «Ты прав, – отвечала ему черепаха, – но обладателю крыльев в большинстве случаев нет покоя, ибо ему не достаётся из благ и четверти того, что ему выпадает из затруднений, а предел желаний любой твари – это благоденствие и отдых. Аллах создал между тобой и нами любовь и дружбу, и мы боимся, что тебя поймает кто-нибудь из твоих врагов, и ты погибнешь, и мы будем лишены вида твоего лица».

И рябчик в ответ ей сказал: «Ты права, но какой у тебя план и какова хитрость в моем деле?» И черепаха молвила: «Мой план таков, чтобы ты выщипал свои крылья, которые ускоряют твой полет, и сидел бы подле нас, отдыхая, и ел бы нашу пищу и пил наш напиток, в этой обширной местности, где много деревьев и спелых плодов. И мы будем пребывать с тобой в этом плодородном месте, и каждый из нас будет наслаждаться друг другом».

И рябчик склонился к словам черепахи и пожелал для себя отдыха. Он выщипал себе перья, одно за одним, как сказала черепаха и слова которой он одобрил, и пребывал подле них, живя с ними, и удовлетворился малой услугой и проходящей радостью. И когда так было, вдруг проходила мимо них ласка, и она заметила глазом рябчика и, всмотревшись в него, увидела, что у него обрезаны крылья и он не может подняться. И, увидев его в таком состоянии, ласка обрадовалась сильной радостью и сказала про себя: «У этого рябчика жирное мясо и мало перьев». А затем ласка подошла к рябчику и схватила его. И рябчик закричал и стал просить помощи от черепах, но черепахи не помогли ему, а напротив, удалились и втянулись под щиток, увидев, что ласка крепко держит рябчика. И когда они увидели, что ласка его мучает, их задушил плач. И рябчик спросил их: «Есть ли у вас что-нибудь, кроме плача?» И черепахи сказали: «Брат наш, нет у нас ни сил, ни возможности, ни хитрости в деле с лаской». И тут рябчик опечалился, и пресёк надежду на свою жизнь и сказал им: «Нет да вас греха, грех лишь на мне, раз я вас послушался и выщипал свои крылья, на которых я летаю, я заслуживаю гибели за своё повиновение вам и ни в чем вас не упрекаю».

И я теперь тоже не упрекаю вас, о женщины, а напротив, упрекаю свою душу и хочу проучить её за то, что она не вспомнила, что вы – причина греха, который случился с отцом нашим Адамом, и из-за которого он вышел из рая, и забыла, что вы – корень всякого зла. И я послушался вас, по своему неразумению, ошибочности своего суждения и дурной предусмотрительности, и убил своих везирей и судей своего царства, которые были мне искренними советчиками во всех делах, и в них была моя слава и сила во всяком деле, меня заботившем. Теперь я не найду взамен им никого и не вижу, кто станет на их место, и ввергнут я в гибель великую...»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Девятьсот двадцать пятая ночь

Когда же настала девятьсот двадцать пятая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что царь упрекал себя и говорил: „Это я послушался вас, по своему неразумению, и убил моих везирей, и не найду я взамен им никого, кто станет на их место, и если Аллах не пошлёт мне кого-нибудь, кто обладает здравым суждением и кто укажет мне, в чем моё спасение, я буду ввергнут в гибель великую“.

И затем он поднялся и вошёл в опочивальню, после того как оплакал везирей и мудрецов, и сказал: «О, если бы эти львы были со мной теперь хотя бы на один час, чтобы я мог попросить у них прощения, и взглянуть на них и посоветоваться с ними в моем деле и в том, что случилось со мной после них!» И он был погружён в море забот весь день, и не ел, и не пил, а когда опустилась ночь, он поднялся, переменял платье и, надев одежды скверные, перерядился и пошёл бродить по городу, надеясь, что, может быть, он услышит от кого-нибудь слово, которое его успокоит. И когда он ходил по улицам, он вдруг увидел двух мальчиков, которые в уединении сидели возле стены. И они были одинаковы по возрасту – жизни каждого прошло двенадцать лет. И царь услышал, что они говорят между собой, и подошёл к ним, чтобы услышать их слова и понять их, и услышал, что один из них говорит другому: «Послушай, о брат мой, что рассказывал мой отец вчера вечером о том, что произошло с его посевом, который высох незрелым из-за отсутствия дождя и по причине великой беды, случившейся в этом городе». И другой бросил: «А ты знаешь, в чем причина этой беды?» – «Нет, – отвечал первый, – и если ты её знаешь – скажи мне». И второй мальчик в ответ сказал: «Да, я знаю это и расскажу тебе. Зная, что один из друзей моего отца говорил, что наш царь убил своих везирей и вельмож своего царства не за грех, ими совершённый, но из-за любви своей к женщинам и склонности к ним, и что везири удерживали его от этого, но он не воздержался и велел их убить из покорности своим жёнам, и он убил также Шимаса, моего отца, своего везира и везира его отца раньше него, а это был его советник. Но скоро ты увидишь, что сделает с ним Аллах за тот грех, который он совершил с ними, и он отомстит ему за них». – «А что же такое Аллах с ним сделает после их гибели?» – спросил другой мальчик, и сын везира сказал: «Знай, что царь дальней Индии проявил пренебрежение к нашему царю и послал ему письмо, в котором бранит его и требует, чтобы он построил для него дворец посреди моря, а если наш царь этого не сделает, он пошлёт к нему двенадцать отрядов (а в каждом отряде будет двенадцать тысяч бойцов) и сделает предводителем этих войск Бади, своего везира, и захватит царство, убьёт людей и уведёт в плен его самого с его гаремом. И когда пришёл посол царя дальней Индии с этим письмом, наш царь отсрочил ответ на три дня, и знай, о брат мой, что тот царь – непокорный притеснитель и обладает силой и великой мощью, и в царстве его много людей, и если наш царь не придумает, как защититься от него, его постигнет гибель. А после гибели нашего царя царь Индии отнимет у нас пропитание, убьёт наших мужчин и уведёт в плен наших женщин».

И когда царь услышал слова мальчика, его волнение усилилось, и он подошёл к детям, говоря в душе. «Поистине, этот мальчик – мудрец, так как он рассказал о вещи, о которой не узнал от меня, ибо письмо, пришедшее от царя дальней Индии, у меня, и тайна – во мне, и никто, кроме меня, не осведомлён об этом деле. Как же узнал о нем этот мальчик? Но я прибегну к его защите и поговорю с ним и буду просить Аллаха, чтобы наше спасение было от него».

И затем царь ласково подошёл к мальчику и сказал ему: «О любимое дитя, что это ты говорил про нашего царя, будто он совершил великое злодеяние, убив своих везирей и вельмож своего царства? Действительно, он сделал зло себе и своим подданным, и ты был прав в том, что сказал. Но осведоми меня, о мальчик, откуда ты узнал, что царь дальней

Индии написал нашему царю письмо и выбранил его в нем и сказал те тяжёлые слова, о которых ты упомянул». – «Я узнал, – сказал мальчик, – из слов древних, что не скрыто от Аллаха ничто скрытое, а в людях, потомках Адама, есть духовная способность, которая открывает им скрытые тайны». – «Твоя правда, о дитя моё, – сказал царь, – но есть ли для нашего царя хитрость или план, которыми бы он оттолкнул от себя и своего царства все великие бедствия?» – «Да, – сказал в ответ мальчик. – Если царь пошлёт за мной и спросит меня, что ему делать, чтобы отразить от себя врага и спастись от его козней, я расскажу ему о том, в чем будет его спасение, по могуществу Аллаха великого», – «А кто осведомит царя, чтобы он послал за тобой и позвал тебя?» – спросил царь. И мальчик в ответ сказал: «Я слышал про него, что он ищет людей опытных, со здравым суждением. Если он пошлёт за мной, я пойду к нему и скажу ему нечто, в чем будет для него польза и защита от бедствий. Но если он будет медлить в этом трудном деле и отвлечётся увеселениями со своими жёнами, и я сам осведомлю его, в чем его спасение, и пойду к нему по своей охоте, он прикажет убить меня, как тех везирей. И то, что я буду знать, окажется причиной моей гибели, и люди станут меня презирать и сочтут малым мой разум, и окажусь я в числе тех, о ком сказал сказавший: „У кого учёности больше, чем разума, тот учёный погибнет по своему неразумению“.

И царь, услышав слова мальчика, убедился в его мудрости и стали ему ясны его достоинства, и он уверился, что спасение его и его подданных придёт через руки этого мальчика. И он снова заговорил с мальчиком и сказал ему: «Откуда ты и где твой дом?» И мальчик ответил: «Эта стена ведёт к нашему дому». И царь хорошенько запомнил это место, а затем он простился с мальчиком и вернулся в свой дворец, радостный. И, расположившись у себя в доме, он надел свои одежды и приказал подать кушанья и напитки и не допустил к себе женщин, и потом он поел, и попил, благодаря великого Аллаха, и попросил у него спасения, помощи, прощения и отпущения вины за то, что он сделал с учёными своего царства и вельможами и раскаялся перед Аллахом искренним раскаянием, и наложил на себя обязательство поста и многих молитв с обетными приношениями. И затем он позвал одного из своих приближённых слуг и, описав ему место, где был мальчик, велел ему отправиться туда и ласково привести его. И этот раб пошёл к мальчику и сказал ему: «Царь зовёт тебя ради блага, которое придёт к тебе от него, и он задаст тебе вопрос, а потом ты вернёшься, во благо, в твоё жилище». И мальчик в ответ спросил: «А какова нужда царя, из-за которой он меня зовёт?» И слуга ответил: «Нужда моего владыки, из-за которой он зовёт тебя, – Это вопрос и ответ». – «Тысячу раз внимание и тысячу раз повиновение приказу царя», – сказал мальчик. И потом он пошёл со слугой и пришёл к царю, и, представ перед ним, он пал ниц перед Аллахом и пожелал царю блага, после того как приветствовал его. И царь возвратил ему приветствие и велел ему сесть, и мальчик сел...»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Девятьсот двадцать шестая ночь

Когда же настала девятьсот двадцать шестая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что когда мальчик пришёл к царю и приветствовал его, царь велел ему сесть.

И мальчик сел, и тогда царь спросил его: «Знаешь ли ты, кто с тобой разговаривал вчера?» – «Да», – ответил мальчик. И царь спросил: «Где же он?» И мальчик в ответ сказал: «Это тот, кто говорит со мной сейчас». – «Ты сказал правду, о любимый!» – воскликнул царь.

И затем он велел поставить кресло рядом со своим креслом, и посадил на него мальчика, и приказал подать еду и питьё. И потом между ними завязался разговор, и царь

сказал мальчику: «Ты, о везирь⁶⁵⁰, сказал мне вчера некий слова и упомянул, что у тебя есть хитрость, которой ты отразишь козни царя Индии. Что же за хитрость и каков план, чтобы отразить от нас его зло? Расскажи мне, и я сделаю тебя первым в царстве и изберу тебя своим везирем, и буду следовать твоему мнению во всем, что ты мне посоветуешь, и награжу тебя роскошной наградой». – «Твоя награда у тебя, о царь, а совет и план – у твоих жён, которые посоветовали тебе убить моего отца Шимаса вместе с остальными везирями», – ответил мальчик. И когда царь услышал от него это, он смутился и вздохнул и спросил: «О любимое дитя, а разве Шимас – твой отец, как ты сказал?» – «Шимас действительно мой отец, и я вправду его сын», – сказал мальчик в ответ. И тут царь опечалился, и его глаза прослезились, и он попросил у Аллаха прощения и сказал: «О мальчик, я сделал это по неразумению, из-за злого замысла женщин (а козни их велики), но я тебя прошу меня простить и поставлю тебя на место твоего отца, с саном более высоким, чем его сан, а когда пройдёт эта напасть, нисходящая на нас, я надену тебе золотой воротник и посажу тебя на лучшего коня и велю глашатаю кричать перед тобой и говорить: „Этот великий юноша сидит на втором престоле после царя“. А что касается того, что ты сказал про женщин, то я задумал им отомстить и назначу место на то время, какое захочет Аллах великий. Расскажи же мне, каков твой план, чтобы успокоилось моё сердце».

И мальчик в ответ ему сказал: «Дай мне обещание, что ты не станешь прекословить мне в том, что я тебе скажу, и я буду безопасен от того, чего боюсь». И царь молвил: «Вот обет Аллаха между мной и тобой: я не отступлюсь от того, что ты мне сказал, и ты мой первый советник. Что ты мне ни прикажешь – я сделаю, и свидетельством тому то, что я тебе говорю, – Аллах великий».

И тогда расправилась грудь мальчика, и расширилось перед ним поле разговора, и он сказал: «О царь, вот мой план и хитрость: дождись времени, когда придёт к тебе гонец, требуя ответа после отсрочки, которую ты ему назначил. И когда он предстанет перед тобой и потребует ответа, отведи его от себя и отложи ответ на какой-нибудь другой день. И гонец станет перед тобой оправдываться тем, что царь назначил ему определённые дни, и убеждать тебя изменить решение, а ты отстрани его и отложи ответ до другого дня, но дня не назначай. И гонец уйдёт от тебя сердитый, и выйдет на середину города, и начнёт открыто говорить среди людей, и скажет: „О житель города, я – гонец царя дальней Индии, а он – обладатель великой ярости и решимости, которая размягчит железо. Он прислал меня с письмом к царю этого города и определил мне дни для возвращения и сказал: „Если ты не явишься после дней, которые я тебе назначил, постигнет тебя моё отмщение“. И вот я пришёл к царю этого города и, отдал ему письмо, и, прочитав его, царь велел мне ждать три дня, и сказал, что потом даст мне ответ, и я согласился на это из кротости и чтобы его уважить, и три дня прошли, и я пришёл требовать от него ответа, но он отложил ответ до другого дня, а у меня нет терпения. И вот я иду к моему господину, царю дальней Индии, и я расскажу ему, что со мной случилось, и вы, о люди, свидетели между мной и им“. И когда до тебя дойдут его слова, пошли за ним и вели его привести к себе, и заговори с ним мягко, и скажи ему: „О гонец, спешащий к гибели своей души, что побудило тебя корить нас среди наших подданных? Ты заслужил от нас быстрой гибели, но древние сказали: „Прощение – одно из свойств благородных“. И знай, что отсрочка ответа тебе не из-за нашей слабости, но от многочисленности наших занятий и недостатка досуга, чтобы написать письмо вашему царю“.

И затем потребуй письмо и прочти его второй раз, а окончив читать, громко засмейся и скажи гонцу: «Есть ли у тебя ещё письмо, кроме этого? Мы напишем ответ и на него». И гонец тебе скажет: «Нет у меня письма, кроме этого письма». А ты повтори ему вопрос второй раз и третий раз, и когда он скажет тебе: «Нет у меня другого письма совершенно», – скажи ему: «Поистине, ваш царь лишён ума, раз он употребил в этом письме слова,

⁶⁵⁰ Этими словами Вирд-хан как бы назначил мальчика своим везирем.

которыми он хочет возбудить нашу душу, чтобы мы отправились к нему с войском, напали на его страну и отняли его царство. Но мы не взыщем с него на этот раз за его непристойность в этом письме, ибо он малоумен и слаб рассудком. Нашему могуществу подобает, чтобы мы сначала его предупредили и предостерегли от повторения такого вздора, а если он подвергнет себя опасности и вернётся к этому, он будет достоин немедленной гибели.

Я думаю, что царь, приславший тебя, – глупый дурак, который не размышляет об исходе дел, и нет у него везиря, разумного и со зрелым суждением, у которого он бы спросил совета. Будь он разумен, он бы посоветовался с везирем, прежде чем посылать нам эти смешные слова. Но у меня есть для него ответ, такой же, как его письмо, и даже больше того – я дам его письмо кому-нибудь из мальчиков в школе, чтобы он на него ответил».

А потом пошли за мной и потребуй меня, и когда я явлюсь к тебе, позволь мне прочитать его письмо и дать на него ответ».

И тут расправилась грудь царя, и он одобрил мнение мальчика, и ему понравилась эта хитрость. Он оказал ему милость и пожаловал ему степень его отца и отпустил его, радостный, и когда прошли три дня, на которые он дал отсрочку гонцу, гонец пришёл и вошёл к царю и потребовал ответа, но царь отложил его до другого дня. И гонец не дошёл до конца ковра и произнёс слова неподобающие, такие, как говорил мальчик. А затем он вышел на рынок и сказал: «О жители этого города, я посол царя дальней Индии к вашему царю и пришёл к нему с посланием, а он затягивает ответ на него. Уже прошёл срок, который назначил мне наш царь, и не осталось у вашего царя оправдания; вы будете в этом свидетелями».

И когда до царя дошло сведение об этих словах, он послал за гонцом и, приказав привести его к себе, сказал: «О гонец, спешащий к гибели своей души, разве ты не приносишь письмо от царя к царю и между ними есть тайна? Как же ты выходишь к людям и разглашаешь тайны царей простому народу? Ты заслужил от нас мести, но мы стерпим это, чтобы ты мог вернуть ответ этому глупому царю. Наиболее подходит, чтобы дал ему ответ за нас самый маленький из детей в школе». И он велел позвать того мальчика, и мальчик явился, и когда он вошёл к царю (а гонец был тут же), он пал ниц перед Аллахом и пожелал царю вечной славы и жизни, и царь бросил ему письмо и сказал: «Прочитай это письмо и напиши на него скорей ответ».

И мальчик взял письмо, и прочитал его, и улыбнулся, смеясь, и сказал царю: «Разве ты послал за мной для ответа на это письмо?» – «Да», – молвил царь. И мальчик ответил великим вниманием и повиновением и, вынув чернильницу и бумагу, написал...»

И Шахразадю застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Девятьсот двадцать седьмая ночь

Когда же настала девятьсот двадцать седьмая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что когда мальчик взял письмо и прочитал его, он тотчас же вынул чернильницу и бумагу и написал: „Во имя Аллаха, милостивого, милосердного! Мир с теми, кто получил безопасность и милость милосердного! А затем: я осведомляю тебя, о называемый великим царём лишь по имени, а не по делам, что до нас дошло твоё письмо, и мы прочитали его и поняли, какие в нем бредни и диковинный вздор, и убедились мы в твоей глупости и преступлении перед нами. Ты протянул руки к тому, над чем ты не властен. И если бы нас не взяло сожаление к созданиям Аллаха и подданным, мы бы не отступились от тебя. Что же касается твоего посла, то он вышел на рынок и распространил известия из твоего письма среди избранных и простых и заслуживает от нас мести, но мы пощадили его, из милости к нему, так как ему простительно, и оставили мы отмщение ему не из уважения к тебе. А насчёт того, что ты говоришь в своём письме об убиении мною моих везирей, учёных и вельмож моего царства, то это правда, но это прямо шло по причине, случившейся у меня,

и я не убил ни одного такого учёного, чтобы не было у меня из его же породы тысячи людей, ещё учение и понятливее и разумнее, и нет у меня ребёнка, который не был бы наполнен науками, и вместо каждого из убитых у меня есть столько достойных людей, вроде него, что мне не сосчитать. А каждый из моих воинов стоит отряда твоих войск. Что же касается денег, то у меня завод золота и серебра, а касательно металлов, – они для меня все равно что куски камней. А жители моего царства – я не могу описать тебе их красоту, прелесть и богатство! Как же ты дерзнул против нас и сказал нам: «Построй мне дворец посреди моря». Поистине, это дело удивительное, и, может быть, оно возникло из-за слабости твоего ума, ибо если бы у тебя был ум, ты осведомился бы о том, каковы будут удары волн и порывы ветра, пока я буду строить тебе дворец. Что же касается твоего утверждения, что ты победишь меня, то упаси Аллах от этого! Как может посягнуть на нас подобный тебе и овладеть нашим царством? Нет, поистине, великий Аллах даст мне над тобой победу, так как ты перешёл меру и пошёл против меня без права. Знай же, что ты заслуживаешь наказания от Аллаха и от меня, но я боюсь Аллаха в деле с тобой и твоими подданными и выведу против тебя только после увещания. Если ты боишься Аллаха, то поспеши мне прислать харадж⁶⁵¹ за этот год, иначе я не откажусь выехать против тебя, и со мной будет тысяча тысяч и ещё сто тысяч бойцов – все великаны на слонах, – и я построю их вокруг нашего везира и прикажу ему стоять и осаждать тебя три года, подобно тем трём дням, которые ты предоставил твоему послу. И я овладею твоим царством, и не убью в нем никого, кроме тебя, и не уведу в плен никого, кроме твоих женщин».

И затем мальчик нарисовал на письме свой портрет и написал возле него: «Этот ответ писал самый маленький из детей в школе». И потом он запечатал письмо и вручил его царю, а царь отдал его гонцу, и гонец взял письмо, поцеловал царю руки и вышел от него, благодаря Аллаха великого и царя за кротость. И он ушёл, дивясь тому, что видел из остроты ума этого мальчика.

И когда он дошёл до своего царя (а он пришёл к нему на третий день после трех дней, ему назначенных), царь в это время созывал диван вследствие запоздания гонца против назначенного ему срока. И, войдя, гонец пал перед царём ниц и отдал ему письмо, и царь взял его и спросил гонца о причине промедления и об обстоятельствах царя Вирд-хана. И гонец рассказал ему, как было дело и вообще обо всем, что он видел глазом и слышал ухом. И это ошеломило ум царя, и он сказал гонцу: «Горе тебе! Что это за рассказы ты мне рассказываешь о царе, подобном этому?» И гонец ответил: «О великий царь, вот я перед тобою, вскрой письмо и прочитай его, и тебе станет ясно, что правда и что ложь». И царь вскрыл письмо, и прочитал его, и увидел в нем портрет мальчика, который писал письмо.

И тогда он убедился в прекращении своей власти и смутился, не зная, каково будет его дело. А потом он обернулся к своим везирям и вельможам своего царства и рассказал им, что случилось, и прочитал им письмо, и это устрало их и испугало великим испугом, и они стали успокаивать царя внешне, словами языка, а сердца их разрывались от биения.

И потом Бади, великий везирь, сказал: «Знай, о царь, в том, что говорят везири, мои братья, нет никакого проку. Моё мнение, что тебе следует написать этому царю письмо и извиниться в нем и сказать: „Я люблю тебя и любил твоего отца, прежде тебя, и мы послали к тебе гонца с этим письмом только ради испытания, чтобы посмотреть, каковы твои намерения, и сколь велика твоя доблесть, и каково у тебя знание, и действие, и разрешение скрытых загадок и какие заложены в тебе совершенства. Мы просим Аллаха великого, чтобы он сделал для тебя благословенным твоё царство, укрепил бы крепости твоего города и увеличил бы твою власть, чтобы ты мог охранять себя, и совершенны были бы дела твоих подданных“. И пошло это письмо с другим гонцом».

И царь сказал: «Клянусь великим Аллахом, поистине, Это великое дело! Как может быть он великим царём, готовым к войне, после того как он убил учёных своего царства и

⁶⁵¹ Харадж – поземельная подать, её собирали наместники халифа во всех областях страны.

обладателей верного мнения и предводителей своего войска, и как может его царство процветать после этого, чтобы исходила из него столь великая сила? И ещё удивительнее, что малыши в школах пишут там за царя ответы, подобные этому. А я, по моей дурной жадности, зажёл этот огонь против себя и против жителей своего царства и не знаю, что бы потушило этот огонь, если бы не совет моего везира».

И затем он собрал ценный подарок и многочисленных слуг и челядь и написал письмо такого содержания: «Во имя Аллаха милостивого, милосердного! А затем: о славный царь Вирд-хан, сын славного брата моего Джиллиада (да помилует его Аллах и да продлит он твой век!), пришёл к нам ответ на наше письмо, а мы прочитали его и поняли, что в нем заключается, и увидели мы в нем то, что нас обрадовало, и в этом предел наших просьб о тебе Аллаху. Мы просим его, чтобы он возвысил твой сан и укрепил устои твоего царства и дал бы тебе победу над врагами, которые хотят для тебя зла. И знай, о царь, что твой отец был мне братом, и между ним и мною были обеты и клятвы в течение всей его жизни, и он видел от нас одно лишь благо, и мы также видели от него одно благо. А когда он скончался и ты сел на престол его царства, охватила нас крайняя радость и веселье, но когда стало нам известно, что ты сделал со своими везирами и вельможами своего царства, мы испугались, что весть об этом достигнет какого-нибудь царя, кроме нас, и он пожелает захватить тебя, и подумали, что ты пренебрегаешь своими делами и охраной своих крепостей и не заботишься о делах своего царства. И мы написали тебе письмо, которым хотели предупредить тебя, и когда увидели, что ты прислал нам такой ответ, наше сердце успокоилось за тебя, да позволит тебе Аллах насладиться твоим царством и да окажет он тебе помощь в твоих делах! Мир тебе!»

И он собрал для Вирд-хана подарок и отослал его к нему с сотней витязей...

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Девятьсот двадцать восьмая ночь

Когда же настала девятьсот двадцать восьмая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что царь дальней Индии собрал подарок для царя Вирд-хана и отослал его ему с сотней витязей. И они шли до тех пор, пока не пришли к царю Вирд-хану, и приветствовали его, и отдали ему письмо. И Вирд-хан прочитал его и понял его смысл, а затем он поместил начальника сотни витязей в подобающем ему месте и оказал ему уважение и принял от него подарок. И весть о подарке распространилась среди людей, и царь сильно обрадовался. И он послал за мальчиком, сыном Шимаса, и когда его привели, оказал ему уважение и послал за начальником сотни витязей, а потом он потребовал письмо, которое тот привёз от своего царя, и дал его мальчику, и мальчик вскрыл письмо и прочитал его, и царь обрадовался большой радостью. И он начал упрекать начальника сотни витязей, а тот целовал его руки и извинялся перед ним, желая ему долгого века и вечного благоденствия, и царь поблагодарил его за это, и оказал ему великое уважение, и одарил его, и одарил всех, кто был с ним, как им подобало, и собрал подарки, и велел мальчику написать ответ. И мальчик написал ответ, и отлично составил обращение, будучи краток в словах о примирении, и упомянул о вежестве посла и витязей, которые были с ним. И, завершив письмо, он показал его царю, и царь сказал: „Прочитай его, о дорогое дитя, чтобы мы знали, что в нем написано“, И тогда мальчик прочитал письмо в присутствии сотни витязей, и царю и всем, кто присутствовал, понравилась стройность изложения и смысл написанного, а потом царь запечатал письмо и вручил его начальнику сотни витязей и отпустил его, послав с ним отряд войск, чтобы довести его до границ своей земли.

Вот что было с царём и мальчиком. Что же касается начальника сотни, то его ум был ошеломлён тем, что он видел из поступков мальчика и его знаний, и он поблагодарил Аллаха великого за быстрое окончание дела и принятие мира.

И он шёл, пока не дошёл до царя дальней Индии, и поднёс ему подарки и редкости, и

доставил ему дары, и подал ему письмо, и рассказал о том, что видел. И царь обрадовался сильной радостью, и поблагодарил Аллаха великого, и оказал уважение начальнику сотни витязей, и поблагодарил его за его усердие в делах, и возвысил его степень, и стал он с этого времени жить в безопасности, уверенности и спокойствии и крайнем веселии.

Вот что было с царём дальней Индии. Что касается царя Вирд-хана, то он шествовал прямо, следуя Аллаху, и сошёл с дурной дороги, и раскаялся перед Аллахом искренним раскаянием в том, что было, и оставил женщин совсем, и весь обратился к исправлению дел своего царства, и смотрел на подданных, боясь Аллаха. И он сделал сына Шимаса своим везирем, вместо его отца, и своим первым советником в царстве и хранителем своих тайн и приказал украсить свой город на семь дней, а также и прочие города, и обрадовались этому подданные, и прошёл их страх и испуг. И возрадовались они справедливости и правосудию и взмолились, желая блага царю и везирию, который сложил с царя и с них эту заботу.

А потом царь спросил везирия: «Каково твоё мнение относительно укрепления царства, исправления дел подданных и возвращения их к тому, чтобы, как прежде, у них были начальники и управители?» И везирь в ответ ему сказал: «О царь, славный саном, по моему мнению, следует тебе, прежде всех вещей, начать с удаления из твоего сердца непослушания и оставить забавы, насилия и увлечение женщинами, которому ты предавался, ибо если ты вернёшься к корню непослушания, второе заблуждение будет сильнее, чем первое». – «А в чем корень непослушания, который мне следует вырвать?» – спросил царь. И везирь, малый по годам, большой по разуму, сказал ему в ответ: «О великий царь, знай, что корень непослушания – увлечение страстью к женщинам и склонностью к ним и согласие с их мнением и замыслами, ибо любовь к ним изменяет чистый разум и портит здравые свойства, и свидетельствуют о моих словах явные доказательства. Если бы ты поразмыслил о них и проследил бы их действие внимательным взором, ты нашёл бы себе советчика в своей душе и избавился бы совершенно от нужды в моих словах. Не занимай же своего сердца мыслью о женщинах и вырви из ума их образ, так как Аллах великий повелел не учащать общения с ними через своего пророка Мусу, и один из царей, из мудрецов, говорил своему сыну: „О дитя моё, когда ты утвердишься во власти после меня, не учащай общения с женщинами, чтобы твоё сердце не заблудилось и не испортилось твоё суждение. Вкратце – частое общение с женщинами ведёт к любви к ним, а любовь к ним ведёт к порче суждения, и доказательство этому в том, что случилось с господином нашим Сулейманом сыном Дауда (мир с ними обоими!), которого Аллах выделил знанием, мудростью и великой властью и не дал никому из царей предшествовавших того, что дал он Сулейману, и были женщины причиной согрешения его отца. Подобное этому многочисленно, о царь, и я упомянул тебе о Сулеймане лишь для того, чтобы ты знал, что никому не дано владеть тем, чем он владел, и повиновались ему все цари земли. И знай, о царь, что любовь к женщинам – корень всякого зла, ибо ни у одной из них нет верного суждения, и надлежит мужчине ограничивать общение с ними мерой необходимости и не склоняться к ним полной склонностью – это ввергнет его в порчу и погибель. И если ты слушаешь мои слова, о царь, в порядке будут все твои дела, а если пренебрежешь ими, то будешь раскаиваться, но не принесёт раскаяние тебе пользы“.

И царь сказал ему в ответ: «Я оставил крайнюю склонность к женщинам, которой предавался...»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Девятьсот двадцать девятая ночь

Когда же настала девятьсот двадцать девятая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что царь Вирд-хан сказал своему везирию: „Я оставил склонность к женщинам, которой предавался, и отвернулся от увлечения ими совсем. Но что же мне делать с ними в возмездие за то, что сделали они, – ведь убийство Шимаса, твоего отца, было

из-за их козней, и не было это моим желанием, и не знаю я, как случилось с моим разумом, что я согласился на его убийство“.

И затем царь стал охать и кричать, восклицая: «Увы мне, я потерял моего везиря, и верность его суждения, и прекрасную его предусмотрительность и потерял подобных ему везирей и вельмож царства с их прекрасными мнениями, разумными и правильными!» И везирь в ответ ему сказал: «Знай, о царь, что вина не на одних женщинах, ибо они подобны хорошему товару, к которому склоняются желания смотрящих: кто хочет и покупает – тому продают, а кто не покупает, того никто не заставляет купить, и вина – на том, кто купил, в особенности если он знал о вреде этого товара. Я предостерегал тебя, и мой отец, раньше меня, тоже тебя предостерегал, но ты не принял от него совета». – «Я признал за собой вину, как ты и говоришь, о везирь, и нет у меня оправдания, кроме божественного предопределения», – сказал царь. И везирь молвил: «Знай, о царь, что Аллах великий сотворил для нас возможность и дал нам желание и свободную волю, и если мы желаем, то делаем, а если не желаем, то не делаем. И Аллах не повелел нам совершать дурное, чтобы не пристал к нам грех. Нам следует рассчитывать, какой поступок будет правильным, ибо Аллах великий повелевает нам одно лишь благое, при всех обстоятельствах, и удерживает нас от злого, а мы, по своей воле, делаем то, что делаем, правильно ли это, или ошибочно».

«Ты прав, – сказал царь, – и моя ошибка произошла из-за меня, вследствие моей склонности к страстям. Я предостерегал себя от этого многократно, и многократно предостерегал меня твой отец Шимас, но моя душа осилила разум. Знаешь ли ты какой-нибудь способ удержать меня от совершения этой ошибки, чтобы мой разум был победителем над страстями души?» – «Да, – отвечал везирь, – я вижу нечто, что удержит тебя от совершения этой ошибки. Ты должен совлечь с себя одеяние глупости и облечься в одеяние справедливости, не быть послушным своим страстям, повиноваться твоему владыке и вернуться к поведению справедливого царя, твоего отца. Делай то, что тебе подобает, соблюдая права Аллаха великого и права твоих подданных, охраняя твою веру, и твой народ, и собственное твоё поведение и берегись убивать твоих подданных. Думай о последствиях своих дел и откажись от обид, притеснений, преступлений и разврата; будь справедлив, правосуден, смиренен и исполняй веления Аллаха великого, и всегда заботься о созданиях его, над которыми он сделал тебя своим преемником, и неизменно поступай так, как должно по их молитвам за тебя, ибо если это постоянно будет так, твоё время станет безоблачным, и Аллах, по своей милости, простит тебя и сделает уважаемым всеми, кто тебя видит, и сгинут твои враги, и обратит Аллах великий их войска в бегство, и станешь ты Аллаху приятен и среди сотворённых им уважаем и любим».

«Ты оживил мою душу и озарил моё сердце твоим нежным слоem и снял пелену с моего взора после слепоты, – сказал царь, – и я намерен сделать все то, что сказал, с помощью Аллаха великого. Я оставлю прежние преступления и страсти и выведу свою душу из тесноты на простор и из страха к безопасности, и надлежит тебе радоваться этому и веселиться, ибо я стал тебе сыном, при больших моих годах, а ты стал мне возлюбленным отцом, несмотря на малые твои годы, и стало для меня обязательно не жалеть усердия в том, что ты мне приказываешь. Я благодарен за милость Аллаха великого и за твою милость, ибо Аллах великий дал мне через тебя благоденствие, и прекрасное указание, я здоровое суждение, которое устранил мою заботу и горе. Я достиг благополучия подданных через твои руки, по благороднейшему твоему знанию и благой предусмотрительности; ты теперь управитель в моем царстве, и я выше тебя лишь тем, что сижу на престоле. Все, что ты делаешь, – для меня обязательно, и нет противника твоим словам, хотя ты и молод годами, ибо ты стар по разуму и много знаешь. Я благодарю Аллаха, который послал тебя мне, и ты вывел меня на путь прямой, после губительных поворотов».

«О счастливый царь, – сказал везирь, – знай, что нет у меня перед тобой заслуги в том, что я не жалею для тебя советов, ибо мои слова и действия – лишь часть того, что для меня обязательно, так как я взращён твоей милостью, и не только я один, но и мой отец, прежде меня, был залит твоими обильными милостями. Мы все признаем твои благодеяния и

милости, и как можем мы этого не признать? А ты, о царь, – наш пастух и судья и воюешь за нас с нашими врагами; тебе поручено охранять нас, и ты наш сторож и не жалеешь трудов для нашей безопасности. И если бы мы пожертвовали душою, повинаясь тебе, мы не совершили бы того, что обязаны сделать в благодарность тебе, и мы умоляем Аллаха великого, который поставил тебя над нами и сделал тебя нашим судьёй, и просим его, чтобы он одарил тебя долгой жизнью и послал тебе успех во всех твоих делах, не испытывая тебя бедствиями в твоё время, привёл бы тебя к исполнению желаний и сделал бы тебя почитаемым до часа твоей смерти. Пусть он прострет твои руки с милостью, чтобы ты вёл за собой всех знающих и покорил всех строптивых, и пусть приведёт в твоё царство всех учёных и доблестных и удалит из него всех невежд и тросов. Да удалит Аллах от твоих подданных дороговизну и беду и да посеет между ними дружбу и любовь! Пусть даст он тебе в сей жизни успех, а в последней жизни – праведность, по милости своей и великодушию и по скрытой своей благости, аминь! Он ведь властен во всякой вещи, и нет для него дела трудного, и к нему – возвращение и конечный исход!»

И когда царь услышал от своего везира это пожелание, его охватила крайняя радость, и он склонился к нему полной склонностью и сказал: «Знай, о везирь, что ты стал мне вместо брата, сына и отца, и не разделит меня с тобой ничто, кроме смерти. Всем, чем владеет моя рука, ты можешь распоряжаться, и если не будет у меня потомства, ты воссядешь на мой престол вместо меня, ибо ты достойней всех жителей моего царства, и я вручу тебе мою власть в присутствии вельмож царства и сделаю тебя наследником после меня, если захочет Аллах великий...»

И Шахразад устало говорила, и она прекратила дозволенные речи.

Ночь, дополняющая до девятисот тридцати

Когда же настала ночь, дополняющая до девятисот тридцати, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что царь Вирд-хан говорил сыну Шимаса, везиру: „Я сделаю тебя моим преемником и назначу тебя наследником после меня, и засвидетельствуют это вельможи моего царства с помощью Аллаха великого“.

И затем он призвал своего писца, и когда тот предстал перед ним, приказал ему написать всем вельможам царства, чтобы они явились к нему, и во всеуслышание провозгласил об этом в городе для тех, кто был там из избранных и простых, и повелел собраться везирям, военачальникам, царедворцам и всем обладателям слуг для присутствия у царя, а также учёным и мудрецам. И царь устроил великий диван и трапезу, равной которой никто не устраивал, и пригласил всех людей, избранных и простых, и все собрались для веселья, и ели, и пили в течение месяца. А после этого царь одел всех своих приближённых и бедняков в царстве и дал учёным обильные подарки, и затем он выбрал нескольких учёных и мудрецов, с ведома сына Шимаса, и, приказав им войти к себе, велел ему отобрать из них семерых и сделать их везирями, подвластными его слову, а самому быть их начальником. И тогда мальчик, сын Шимаса, выбрал из них старших по годам, совершеннейших по разуму, изобильнейших знаниями и быстрее всех запоминающих и увидел, что людей с такими свойствами шесть человек. И он привёл их к царю, и тот облачил их в одежды везирей и обратился к ним, говоря: «Вы будете моими везирями, в повиновении у сына Шимаса, и от того, что вам скажет или прикажет этот мой везирь, ибн Шимас, не отступайте никогда. Хотя он моложе вас годами, он старше вас по разуму».

И затем царь усадил их на украшенные скамеечки, как обычно для везирей, и назначил им выдачи и деньги на расходы, а потом он велел им выбрать среди вельмож царства, собравшихся у него на пиру, тех, кто годится для службы в царстве среди воинов, чтобы назначить из них начальников тысяч, начальников сотен и начальников десятков, и определил им оклады и назначил выдачи, обычные для вельмож, и все это сделали в самое скорое время.

И царь приказал также пожаловать остальным присутствующим обильные награды и отпустить каждого в свою землю со славой и почётом, и велел своим наместникам быть справедливыми к подданным, и приказал им иметь попечение о бедных и богатых, повелев способствовать им из казны сообразно их степеням, и везири пожелали ему вечной славы и долгого века. И затем царь велел украсить город на три дня, в благодарность Аллаху великому за поддержку, которую он ему оказал.

И вот каковы были дела царя и его везира ибн Шимаса в устроении государства и назначении эмиров и должностных лиц. Что же касается женщин-любимец, из наложниц и других, которые были причиной убийства везирей и порчи государства из-за своих хитростей и обманов, то когда все, кто пришёл в диван из городов и селений, отправились к своим местам и дела их выправились, царь приказал везирю, малому по годам, большому по разуму, то есть сыну Шимаса, призвать прочих везирей, и они все явились к царю, и тот уединился с ними и сказал: «Знайте, о везири, что я уклонялся от прямого пути, был погружён в невежество, отвращался от добрых советов, нарушал обещания и клятвы и прекословил советчикам, и причиной всего этого была забава с этими женщинами, и их обманы, и ложный блеск их слов, и ложь, и моё согласие на это. Я думал, что их слова – искренний совет, так как они были нежны и мягки, а оказалось, что это яд убийственный. Теперь же я утвердился в мнении, что они хотели для меня лишь смерти и гибели, и заслужили они наказание и возмездие от меня по справедливости, чтобы я сделал их назиданием для поучающихся. Но каков будет правильный план, чтобы их погубить?»

И везирь, сын Шимаса, ответил: «О царь, великий саном, я говорил тебе раньше, что вина падает не на одних только женщин, – её разделяют с ними и мужчины, которые их слушаются. Но женщины при всех обстоятельствах заслуживают возмездия по двум причинам: во-первых, для исполнения твоего слова, ибо ты есть величайший царь, а во-вторых, потому, что они осмелились идти против тебя и обманули тебя и вмешались в то, что их не касается и о чем им не годится говорить. Они более всех достойны гибели, но довольно с них того, что их теперь поражает. Поставь же их от сей поры на место слуг, и тебе принадлежит власть в этом и во всем другом».

И некоторые из везирей посоветовали царю то же самое, что говорил ибн Шимас, а один везирь выступил к царю, пал перед ним ниц и сказал: «Да продлит Аллах дни царя! Если необходимо сделать с ними дело, которое их погубит, сделай так, как я тебе скажу». – «А что ты мне скажешь?» – спросил царь. И везирь сказал: «Самое правильное вот что: прикажи одной из твоих любимец, чтобы она взяла женщин, которые тебя обманули, и отвела их в комнату, где произошло убийство везирей и мудрецов, и заточила их там, и прикажи давать им немного пищи и питья – лишь в такой мере, чтобы поддерживать их тело, и совершенно не позволять им выходить из этого места. И пусть тех, кто помрут сами по себе, оставляют среди них, как есть, пока все женщины не умрут до последней. Вот ничтожнейшее воздаяние им, ибо они были причиной этой великой смуты, – нет, корнем всех бедствий и смут, которые были во все времена. И оправдались в них слова сказавшего: „Кто выроет своему брату колодец, сам в него упадёт, хотя бы долго длилось его благополучие“»

И царь принял мнение этого везира и сделал так, как он говорил. Он послал за четырьмя жестокосердым наложницами и отдал им тех женщин, приказав отвести их к месту убийства и заточить там, и назначил им немного плохой пищи и немного скверного питья. И было дело их таково, что они печалились великой печалью и клялись в том, что из-за них случилось, и горевали великой горестью, и наделил их Аллах, в воздаяние, позором в здешней жизни и уготовал им пытки в последней жизни, и они оставались в том тёмном месте с зловонным запахом. И каждый день несколько из них умирало, пока они не погибли до последней.

И весть об этом событии разнеслась по всем странам и землям, и вот чем кончилось дело царя, его везирей и подданных.

Хвала Аллаху, который губит народы и оживляет истлевшие кости, и достоин он

прославления, и возвеличения, и восхваления во веки веков!

Сказка об Абу-Кире и Абу-Сире (ночи 930-940)

Рассказывают также, что жили в городе Искандарии два человека, и один из них был красильщик по имени Абу-Кир, а другой – цирюльник по имени Абу-Сир. Они были друг другу соседями на рынке, и лавка цирюльника была рядом с лавкой красильщика. А красильщик был плут и лгун, человек очень злой, как будто висок его был высечен из твёрдой скалы или сделан из порога еврейской молельни. Он не стыдился сделать с людьми позорное дело, и было у него в обычае, когда кто-нибудь давал ему ткань, чтобы выкрасить её, требовать сначала плату и намекать, что он купит на неё снадобий для окраски. И заказчик давал ему плату вперёд, и Абу-Кир брал её и тратил на еду и питьё, а затем он продавал эту ткань, которую взял, после того как уходил её владелец, и тратил плату за неё на еду, питьё и прочее, и он ел лишь прекраснейшие из роскошнейших кушаний и пил лишь самое лучшее из того, что прогоняет ум.

А когда приходил к нему владелец ткани, он говорил: «Завтра приходи ко мне до восхода солнца и найдёшь свою вещь выкрашенной». И владелец вещи уходил и говорил про себя: «День от дня близко!» А затем он приходил на другой день, по условию, а Абу-Кир говорил ему: «Приходи завтра! Я вчера не работал, так как у меня были гости и я заботился о том, что им было нужно, пока они не ушли. А завтра, до восхода солнца, приходи и бери твою ткань выкрашенной».

И заказчик уходил и приходил на третий день, и Абу-Кир говорил: «Вчера мне было простительно, потому что моя жена ночью и весь день рожала, а я исполнял все дела, но завтра уж непременно приходи, бери твою вещь выкрашенной».

И заказчик приходил, по условию, и Абу-Кир являлся к нему оттуда, где был, с другой хитростью и клялся ему...».

И Шахразад устроило так, и она прекратила дозволенные речи.

Девятьсот тридцать первая ночь

Когда же настала девятьсот тридцать первая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что красильщик, всякий раз как к нему приходил владелец вещи, являлся оттуда, где был, с какой-нибудь хитростью и клялся ему. И он все время обещал и клялся, когда заказчик приходил, пока тот не начинал тревожиться и не говорил: „Сколько раз ты будешь мне говорить „завтра“? Давай мою вещь, я не хочу её красить“».

И Абу-Кир говорил: «Клянусь Аллахом, о брат мой, мне перед тобой стыдно, но я расскажу тебе правду, и Аллах пусть обидит всех, кто обижает людей». – «Расскажи мне, что случилось», – говорил заказчик. И Абу-Кир отвечал: «Твою вещь я выкрасил в краску, которой нет подобной, и развесил её на верёвке, и её украли, и я не знаю, кто её украл».

И если владелец вещи был из людей добрых, он говорил: «Аллах возместит мне», а если был из людей злых, то начинал поносить и позорить Абу-Кира, но не получал с него ничего, хотя бы даже пожаловался судье.

И Абу-Кир не переставал делать такие дела, пока молва о нем не распространилась среди людей. И люди стали предостерегать друг друга от Абу-Кира, и о нем складывали поговорки, и все отказались от него. И с ним попадался только тот, кто не знал об его обстоятельствах, и несмотря на это, Абу-Кира непременно каждый день поносили и позорили твари Аллаха великого, и получился по этой причине у него застой в делах.

И он стал приходить в лавку своего соседа, цирюльника Абу-Сира, и сидел внутри её, напротив красильни, смотря на её дверь, и если видел, что кто-нибудь, кто не знает об его обстоятельствах, стоит у дверей красильни с вещью, которую хочет покрасить, то выходил из лавки цирюльника и говорил: «Что тебе нужно, о такой-то?» И пришедший говорил:

«Возьми выкраси мне эту вещь»! И АбуКир спрашивал: «В какой цвет ты хочешь? (а он, при этих порочных качествах, умел красить во все цвета, но никогда не поступал ни с кем по правде, и несчастье одолевало его), – и затем брал вещь у заказчика и говорил: „Давай плату вперёд, а завтра приходи, бери твою вещь“.

И заказчик давал ему вознаграждение и уходил; и когда обладатель вещи отправлялся своей дорогой, Абу-Кир брал эту вещь, шёл на рынок, продавал её и покупал на вырученные деньги мясо, зелень, табак, плоды и то, что ему было нужно. А если он видел, что у лавки стоит один из тех, кто давал ему свою вещь для окраски, он появлялся и не показывался ему.

И он провёл таким образом несколько лет, и случилось, что в один из дней он взял вещь у человека жестокосердого и продал её и истратил её стоимость. И владелец её стал каждый день к нему приходить, но не находил его в лавке, так как, когда Абу-Кир видел кого-нибудь, чьи вещи у него были, он убегал от него в лавку цирюльника Абу-Сира.

И когда этот жестокосердый человек не нашёл АбуКира в его лавке и это его обессилило, он отправился к кади и пришёл к Абу-Киру с посланцем от него, и забил гвоздями дверь лавки в присутствии множества мусульман, и запечатал её, так как не увидел в ней ничего, кроме разбитых корыт, и не нашёл там чего-нибудь, что могло бы заменить ему его вещь. Затем посланец от кади взял ключ и сказал соседям: «Передайте ему, пусть принесёт вещь этого человека и придёт взять ключ от своей лавки». А потом тот человек и посланец ушли своей дорогой.

И Абу-Сир сказал Абу-Киру: «Что с тобой за несчастье? Всякого, кто приносит тебе вещь, ты её лишаешь, Куда девалась вещь этого жестокосердого человека?» – «О сосед, её у меня украли», – ответил Абу-Кир. И АбуСир молвил: «Чудеса! Вещи всех, кто тебе их даёт, крадёт у тебя вор! Разве ты – место сбора всех воров? Но, однако, я думаю, что ты лжёшь. Расскажи мне твою историю». – «О сосед, – сказал Абу-Кир, – никто у меня ничего не крал». – «А что же ты делаешь с чужим имуществом?» – спросил Абу-Сир. И Абу-Кир молвил: «Всякую вещь, которую мне дают, я продаю и трачу её стоимость». – «Дозволено ли это тебе Аллахом?» – сказал АбуСир. И Абу-Кир ответил: «Я делаю это только из бедности, так как моё ремесло неприбыльное, и я бедняк, и у меня ничего нет».

И затем он начал говорить о неприбыльности дела и малости средств, и Абу-Сир тоже стал говорить о неприбыльности своего ремесла и сказал: «Я мастер, которому нет равного в этом городе, но у меня никто не бреется, так как я человек бедный. Мне опротивело это ремесло, о брат мой».

И Абу-Кир, красильщик, сказал ему: «Мне тоже опротивело моё ремесло из-за неприбыльности, но что же нас заставляет, о брат мой, оставаться в этом городе? Мы с тобой уедем отсюда и посмотрим на чужие страны. Наше ремесло у нас в руках, и на него есть спрос во всех странах, и если мы уедем, мы понюхаем другого воздуха и отдохнём от этой большой заботы».

И Абу-Кир до тех пор разукрашивал путешествие Абу-Сиру, пока он не захотел уехать, и затем они сговорились, что поедут...»

Девятьсот тридцать вторая ночь

И Шахразадку застигло утро, и она прекратила дозволенные речи. Когда же настала девятьсот тридцать вторая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что Абу-Кир до тех пор разукрашивал путешествие Абу-Сиру, пока тот не захотел уехать, и затем они сговорились, что поедут.

И Абу-Кир обрадовался, что Абу-Сир хочет ехать, и произнёс такие слова поэта:

«Покинь свою родину, ища возвышения, И трогайся в путь, – в пути полезных есть пять вещей: заботы, рассеяние и заработок на жизнь, И званье, и вежество, и общество славного.

А скажут когда: «В пути заботы и горести.

Разлука с любимыми и бедствия грозные», – То знай: смерть для юноши все лучше, чем жизнь его в обители низости, доносов и зависти».

И когда они решили ехать, Абу-Кир сказал Абу-Сиру: «О сосед, мы стали братьями, и нет между нами различия, и нам следует прочесть фатиху и сговориться о том, что работающий будет зарабатывать и кормить неработающего, а все, что останется, мы будем класть в сундук, и когда вернёмся в Искандарию, разделим это по правде и справедливости».

И Абу-Сир сказал: «Это так и будет». И прочитал фатиху о том, что работающий будет зарабатывать и кормить безработного. А затем Абу-Сир запер свою лавку и отдал ключи её хозяину, а Абу-Кир оставил ключ у посланца кади, и лавка его была запертой и запечатанной, и оба взяли свои пожитки и отправились путешествовать.

Они сели на корабль в солёном море и уехали в этот же день, и досталась им на долю помощь, и, к довершению счастья цирюльника, среди всех, кто был на корабле, не было ни одного брадобрея, а было на нем сто двадцать человек, кроме капитана и матросов.

И когда распустили паруса на корабле, цирюльник встал и сказал красильщику: «О брат мой, это – море, на котором мы должны есть и пить, а у нас только немного пищи. Может быть, кто-нибудь мне скажет: „Пойди сюда, цирюльник, побрей меня“. И я побрею его за лепёшку, или за полушку серебра, или за глоток воды, и мы с тобой будем этим пользоваться».

И красильщик сказал: «Это не плохо!» – положил голову на доски и заснул. А цирюльник поднялся и, взяв свои принадлежности и чашку, накинул себе на плечо тряпку вместо полотенца, так как он был человек бедный, и стал ходить между путниками.

И кто-то сказал ему: «Пойди сюда, о мастер, побрей меня»; и Абу-Сир побрил его, и когда он побрил этого человека, тот дал ему полушку серебра, и цирюльник сказал: «О брат мой, не нужна мне эта серебряная полушка! Если бы ты дал мне лепёшку, она была бы для меня благословеннее в этом море, так как у меня есть товарищ, а пищи у нас мало».

И человек дал ему лепёшку и кусок сыру и наполнил ему его чашку пресной водой, и Абу Сир взял это и, придя к Абу Киру, сказал ему: «Бери эту лепёшку и ешь её с сыром и пей то, что в чашке». И Абу-Кир забрал у него это и стал есть и пить.

А потом Абу Сир, цирюльник, взял свои принадлежности, положил тряпку на плечо и с чашкой в руке стал ходить по кораблю, среди путников. И он побрил человека за пару лепёшек и другого – за кусок сыру, и на него появился спрос, и всякого, кто ему говорил: «Побрей меня, мастер», он заставлял дать ему пару лепёшек и полушку серебра, – а на корабле не было цирюльника, кроме него. И не настал ещё закат, как он собрал тридцать лепёшек и тридцать серебряных полушек.⁶⁵² И оказался у него сыр, и маслины, и молоки в уксусе, и когда он просил что-нибудь, ему давали, так что у него стало всего много.

И Абу-Сир побрил капитана и пожаловался ему на недостаток припасов в пути, и капитан сказал ему: «Добро пожаловать! Приводи твоего товарища каждый вечер, и ужинайте у меня. Не обременяйте себя заботой, пока будете ехать с нами».

И Абу-Сир вернулся к красильщику и увидел, что тот все спит, и разбудил его, и Абу-Кир, проснувшись, увидел подле себя много хлеба, сыра и маслин, и молоки в уксусе и спросил: «Откуда у тебя это?» И цирюльник ответил: «От щедрот Аллаха великого», И Абу-Кир хотел начать есть, но Абу-Сир сказал ему: «Не ешь, о брат мой, и оставь это, оно пригодится нам в другое время. Знай, что я брил капитана и пожаловался ему на недостаток припасов, и он сказал: „Простор тебе! Приводи твоего товарища каждый вечер, и ужинайте у меня! И первый наш ужин у капитана – сегодня вечером“, – „У меня кружится голова от моря, и я не могу встать с мезга, – сказал Абу-Кир. – Дай мне поужинать этими вещами и иди к капитану один“. – „В этом нет беды“, – сказал Абу-Сир. И затем он сел и стал смотреть, как Абу-Кир ест, и увидел, что он отламывает куски, как отламывают камни от

⁶⁵² Рассказчик плохо рассчитал. Если Абу Сир, беря по одной полушке и по две лепёшки с каждого клиента, собрал тридцать лепёшек, значит он побрил пятнадцать человек и должен был получить пятнадцать, а не тридцать полушек.

гор, и глотает их, точно слон, который несколько дней не ел, и пихает в рот кусок, прежде чем проглотит предыдущий, и таращит глаза на то, что перед ним, точно гуль, и пыхтит, словно голодный бык над соломой и бобами.

И вдруг пришёл матрос и сказал: «О мастер, капитан говорит тебе: „Веди своего товарища и приходи ужинать“; и Абу-Сир спросил Абу-Кира: „Ты пойдёшь с нами?“ И тот ответил: „Я не могу идти!“

И цирюльник пошёл один и увидел, что капитан сидит, а перед ним скатерть, на которой двадцать блюд или больше, и он и его люди ждут цирюльника с его товарищем.

И когда капитан увидел Абу-Сира, он спросил: «Где твой товарищ?» И Абу-Сир ответил: «О господин, у него кружится голова от моря». – «Не беда, – сказал капитан, – его головокружение пройдёт. Иди сюда, ужинай с нами, я тебя ждал».

И потом капитан освободил блюдо с кебабом и стал откладывать на него от каждого кушанья, так что оказалось довольно на десятерых. И когда цирюльник поужинал, капитан сказал ему: «Возьми это блюдо с собой для твоего товарища».

И Абу-Сир взял блюдо, и принёс его Абу-Киру, и увидел, что тот перемалывает клыками еду, стоящую перед ним, точно верблюд, и отправляет один кусок вслед другому с поспешностью. «Разве я не говорил тебе: не ешь! – сказал Абу-Сир. – Благо капитана изобильно: посмотри, что он тебе послал, когда я рассказал ему, что у тебя кружится голова». – «Давай», – сказал Абу-Кир; и Абу-Сир подал ему блюдо, и красильщик взял его и начал жадно есть то, что на нем было, и все другое, словно пёс, оскаливший зубы, или сокрушающий лев, или рухх, который бросился на голубя, или человек, едва не умерший с голоду, который увидел еду и начал есть.

И Абу-Сир оставил его, и ушёл к капитану, и выпил там кофе, а потом он вернулся к Абу-Киру и увидел, что тот съел все, что было на блюде, и отбросил его пустым...

И Шахразад устала, и она прекратила дозволенные речи.

Девятьсот тридцать третья ночь

Когда же настала девятьсот тридцать третья ночь, она сказала: Дошло до меня, о счастливый царь, что Абу-Сир, вернувшись к Абу-Киру, увидел, что тот съел то, что было на блюде, и отбросил его пустым. И тогда он взял блюдо и передал его одному из слуг капитана, и вернулся к Абу-Киру, и проспал до утра.

А когда наступил следующий день, Абу-Сир начал бриться, и всякий раз как ему что-нибудь доставалось, он отдавал это Абу-Киру, и Абу-Кир ел и пил, садясь и вставая только для того, чтобы удовлетворить нужду.

И каждый вечер Абу-Сир приносил от капитана полное блюдо, и они провели таким образом двадцать дней, пока корабль не стал на якорь в гавани одного города.

И тогда они вышли с корабля, и вошли в этот город, и взяли себе комнату в одном хане, и Абу-Сир постлал в ней циновки, и купил все, что им было нужно, и, принеся мясо, сварил его. А Абу-Кир спал с тех пор, как вошёл в комнату в хане, и не проснулся, пока Абу-Сир не разбудил его и не положил перед ним скатерть.

И, проснувшись, Абу-Кир поел и потом сказал Абу-Сиру: «Не взыщи с меня, у меня кружится голова». И опять заснул.

И он провёл таким образом сорок дней, и каждый день цирюльник брал свои принадлежности и ходил по городу и работал, получая прибыль, а возвратившись, он находил Абу-Кира спящим и будил его. И Абу-Кир просыпался, и с жадностью принимался за еду, и ел так, как ест тот, кто никогда не насытится и не удовлетворится, а потом снова засыпал.

И он провёл таким образом ещё сорок дней, и всякий раз, как Абу-Сир говорил ему: «Сядь отдохни и выйди прогуляться в город – в нем есть всякие развлечения и блеск и красота, и нет ему подобного среди городов», Абу-Кир, красильщик, говорил ему: «Не

взыщи, у меня кружится голова». И Абу-Сир, цирюльник, не хотел смущать АбуКира и заставлять его слушать обидные слова.

Но на сорок первый день цирюльник заболел и не смог выйти, и он нанял привратника хана, и привратник сделал то, что им было нужно, принёс им поесть и попить, и АбуКир так же ел и спал.

И цирюльник нанимал привратника хана для исполнения своих нужд четыре дня, а после этого болезнь его так усилилась, что весь мир исчез для него от жестокой болезни.

Что же касается Абу-Кира, то его сжигал голод, и он поднялся и стал шарить в одежде Абу-Сира и, увидев, что у него есть немного денег, взял их, и запер Абу-Сира в комнате, и ушёл, не уведомив никого, а привратник был на рынке и не видел, как он выходил.

Абу-Кир пошёл на рынок, и оделся в прекрасные одежды, и стал ходить по городу и смотреть, и увидел, что это город, подобного которому не найти среди городов, но все одежды в нем белые и синие – не иные. И он пришёл к одному красильщику и увидел, что все, что есть у него в лавке, – синее, и тогда он вынул носовой платок и сказал: «Эй, мастер, возьми этот носовой платок, выкраси его и получи плату». – «Плата за окраску этого двадцать дирхемов», – сказал красильщик. И Абу-Кир молвил: «Мы красим это в нашей стране за два дирхема». – «Иди крась его в своей стране, – сказал красильщик, – а я не буду его красить меньше чем за двадцать дирхемов. Мы не сбавим эту цену ни насколько». – «А в какой цвет ты хочешь его выкрасить?» – спросил его Абу-Кир. «Я выкрашу его в синий», – сказал красильщик. «Я хочу, чтобы ты его выкрасил в красный цвет», – сказал Абу-Кир. «Я не знаю красной краски», – сказал красильщик. «В зелёный», – сказал Абу-Кир. «Я не знаю зеленой краски», – ответил красильщик. «В жёлтый», – сказал Абу-Кир. «Я не знаю жёлтой краски», – ответил красильщик.

И Абу-Кир стал перечислять краски, краску за краской, и красильщик сказал ему: «Нас в нашей стране сорок мастеров, и их не бывает ни одним больше, ни одним меньше, и когда кто-нибудь из нас умирает, мы обучаем его сына, а если он не оставил потомства, нас оказывается одним меньше; если же у кого двое сыновей, мы обучаем одного из них, а когда он умрёт, обучаем его брата. Наше ремесло твёрдо установлено, и мы умеем красить не иначе, как в синий цвет».

И Абу-Кир, красильщик, сказал ему: «Знай, что я красильщик и умею красить во все цвета. Я хочу, чтобы ты взял меня служить за подённую плату, и я научу тебя красить во все цвета, чтобы ты мог похвалиться во всяком цехе красильщиков». – «Мы никогда не допускаем чужестранца войти в наше ремесло», – сказал красильщик. «А если я открою себе красильню один?» – спросил АбуКир. «Это никогда не будет возможно», – ответил красильщик. И Абу-Кир оставил его и отправился к другому, и тот сказал ему то же, что и первый, и Абу-Кир ходил от красильщика к красильщику, пока не обошёл сорок мастеров, но они не принимали его ни в подённики, ни в мастера.

И Абу Кир отправился к старшине красильщика и рассказал ему об этом, и тот сказал: «Мы не пускаем чужестранца войти в наше ремесло».

И Абу-Кира охватил великий гнев, и он пошёл жаловаться царю этого города и сказал ему: «О царь времени, я чужестранец, и по ремеслу я красильщик, и случилось у меня с красильщиками то-то и то-то, а я крашу в красный цвет разных оттенков – в цвет розы и грудной ягоды, и в зелёный цвет разных оттенков – в травянистый, фисташковый, оливковый и в цвет крыла попугая, и в чёрный цвет разных оттенков – в угольный и в цвет сурьмы, и в жёлтый цвет разных оттенков – в апельсиновый и в лимонный». И он стал называть царю все цвета, а затем сказал: «О царь времени, все красильщики в твоём городе не умеют красить ни в один из этих цветов и знают только синюю краску, и они не приняли меня и не позволили мне быть у них ни мастером, ни подёнщиком». И царь ответил: «Ты в этом прав, но я открою тебе красильню и дам капитал, и тебе от них ничего не будет, а всякого, кто станет тебе препятствовать, я повешу на дверях его лавки».

И затем он отдал приказ строителям и сказал им: «Ступайте с этим мастером и пройдите с ним по городу, и если какое место ему понравится, выгоните оттуда его хозяина,

все равно будет это лавка, хан или что-нибудь другое, и постройте ему красильню так, как он хочет, и что он вам ни прикажет – делайте, не прекословя ему в том, что он скажет».

И потом царь одел Абу-Кира в красивую одежду, и дал ему тысячу динаров, и сказал: «Трать их на себя, пока не закончится постройка».

Он дал ему также двух невольников, чтобы прислуживать ему, и коня с разукрашенной сбруей, и Абу-Кир надел одежду, сел на коня и стал как эмир. И царь отвёл ему дом и велел устлать его коврами, и его устлали...»

И Шахразад устала, и она прекратила дозволенные речи.

Девятьсот тридцать четвёртая ночь

Когда же настала девятьсот тридцать четвёртая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что царь отвёл Абу-Кира дом и велел устлать его коврами, и дом устлали, и он поселился в нём.

А на следующий день он выехал и поехал по городу, предшествуемый строителями, и осматривал его, пока ему не понравилось одно место, и тогда он сказал: «Это место хорошее». И хозяина выгнали оттуда, и привели к царю, и тот дал ему плату за его помещение больше того, что его бы удовлетворило, и постройка началась.

И Абу-Кир говорил строителям: «Стройте так-то и такто и делайте так-то и так-то!» И ему построили красильню, которой нет равной. И затем он явился к царю и рассказал ему, что постройка красильни закончилась и нужны только деньги на краску, чтобы пустить её в ход.

И царь сказал ему: «Возьми эти четыре тысячи динаров и сделай их капиталом и покажи мне плод работы твоей красильни. И Абу-Кир взял деньги, и пошёл на рынок, и увидел, что индиго много и что оно ничего не стоит.

Он купил все, что ему было нужно из принадлежностей для крашения, а потом царь послал ему пятьсот отрезов ткани, и Абу-Кир начал их красить, и выкрасил их в различные цвета, и развесил перед дверями красильни, и люди, проходя мимо неё, видели удивительную вещь, которой в жизни не видели.

И народ толпился около дверей красильни, и все смотрели, и спрашивали Абу-Кира, и говорили ему: «О мастер, как называются эти цвета?» И Абу-Кир говорил: «Это красный, а это жёлтый, а это зелёный». И перечислял им названия цветов; и люди стали приносить ему ткани и говорили: «Выкраси нам это так или так и возьми то, что спросишь».

И когда Абу-Кир кончил красить ткани царя, он взял их и пошёл в диван. И царь, увидав такую окраску, обрадовался и оказал Абу-Кира великие милости, и все военные стали приходить к нему с тканями и говорили: «Выкраси её нам так-то», и Абу-Кир красил им по их желанию, и на него сыпалось золото и серебро, и молва о нём распространилась, и его красильню называли «Красильней султана», и добро шло к нему из всех дверей.

И ни один из всех красильщиков не мог с ним заговорить, и они только приходили, целовали ему руки и извинялись перед ним за то, как они с ним поступили, и предлагали ему себя и говорили: «Сделай нас твоими слугами»; но Абу-Кир не соглашался принять никого из них.

И появились у него рабы и невольницы, и он собрал большие деньги. И вот то, что было с Абу-Киром.

Что же касается Абу-Кира, то, когда Абу-Кир запер его в комнате, взяв сначала у него деньги, и ушёл, и покинул его больным, исчезнувшим из мира, Абу-Кир остался брошенный в этой комнате за запертой дверью и пролежал там три дня.

И привратник хана обратил внимание на дверь этой комнаты и увидел, что она заперта, и он не увидал никого из тех двоих до заката солнца и не узнал о них вестей.

И тогда он сказал про себя: «Может быть, они уехали и не отдали платы за комнату, или умерли, или что ещё там с ними?» И подошёл к дверям комнаты и увидел, что она

заперта, и услышал стоны цирюльника. Он увидел ключ в деревянном замке и открыл дверь, и вошёл, и, увидав стонавшего цирюльника, сказал ему: «С тобой не будет беды! Где твой товарищ?» – «Клянусь Аллахом, – ответил Абу-Сир, – я очнулся от болезни только сегодня и стал звать, но никто не дал мне ответа. Ради Аллаха, о брат мой, посмотри в мешке у меня под головой и возьми из него пять полушек. Купи мне на них чего-нибудь для пропитания, я до крайности голоден», И привратник протянул руку, и взял мешок, и увидел, что он пустой, и сказал цирюльнику: «Мешок пустой, в нем ничего нет». И Абу-Сир, цирюльник, понял, что Абу-Кир взял то, что там было, и убежал.

«Не видел ли ты моего товарища?» – спросил он привратника. И тот сказал: «Я уже три дня его не вижу и думал, что ты с ним уехал». – «Мы не уехали, – сказал цирюльник, – но он позарился на мои гроши и взял их и убежал, увидев, что я болен».

И потом он стал плакать и рыдать, и привратник хана сказал ему: «Не беда, он найдёт своё дело у Аллаха».

И привратник хана пошёл и, сварив похлёбку, налил Абу-Сиру тарелку, и дал ему, и он ухаживал за ним два месяца и содержал его из своего кошелька, пока Абу-Сир не пропотел и Аллах не вылечил его от болезни, которая была у него.

И потом Абу Сир встал на ноги и сказал привратнику хана: «Если Аллах великий даст мне возможность, я вознагражу тебя за то благо, которое ты мне сделал, но вознаграждает только Аллах от своей милости». – «Хвала Аллаху за здоровье, – сказал привратник хана. – Я сделал это с тобой, только стремясь угодить Аллаху великодушному».

И затем цирюльник вышел из хана и прошёл по рынкам, и судьбы привели его на рынок, в котором была красильня Абу Кира. И он увидел ткани, выкрашенные в разные цвета и повешенные в дверях красильни, и людей, которые толпились и глядели на них, и спросил человека из жителей города: «Что это за место и почему, я вижу, люди толпятся?» И спрошенный ответил ему: «Это красильня султана, которую он открыл для одного чужеземца по имени Абу Кир. И всякий раз, как он выкрасит одежду, мы собираемся и смотрим на её окраску, так как в нашей стране нет красильщиков, которые умеют красить в такие цвета. А у него случилось с красильщиками в нашем городе то, что случилось».

И этот человек рассказал Абу-Сиру о том, что случилось у Абу-Кира с красильщиками, и как он пожаловался на них султану, а тот поддержал его, и построил ему эту красильню, и дал ему столько-то и столько-то денег. И рассказал обо всем, что произошло. И Абу-Сир обрадовался и подумал: «Хвала Аллаху, который помог ему, и он стал мастером! Этому человеку простительно: может быть, его отвлекало от тебя ремесло, и он про тебя забыл. Но ты сделал ему милость и оказал ему уважение, когда он был без работы, и когда он увидит тебя, он тебе обрадуется и окажет тебе уважение за то, что ты оказал ему уважение».

И он подошёл к дверям красильни и увидел Абу-Кира, который сидел на высоком сиденье, над выступом, в дверях красильни, в платье из царских одежд, и перед ним стояли четыре раба и четыре белых невольника, одетые в роскошные одежды, и Абу-Сир увидел, что рабочие – десять рабов – стоят и работают, так как Абу Кир, купив их, научил их красильному делу. А сам он сидел среди подушек, словно величайший везирь или славнейший царь, и ничего не делал своей рукой, а только говорил: «Сделайте то-то и то-то».

И Абу-Сир остановился перед ним, думая, что когда Абу Кир его увидит, он обрадуется, и приветствует его, и окажет ему уважение, и обойдётся с ним ласково; но когда глаза встретились с глазами, Абу-Кир сказал: «О сквер вый, сколько раз я тебе говорил: не стой в дверях этой мастерской! Разве ты хочешь опозорить меня среди людей, о разбойник? Хватайте его!»

И рабы подбежали к Абу-Сиру и схватили его, и Абу-Кир встал прямо и, взяв палку, сказал: «Повалите его!» – и когда цирюльника повалили, побил его по спине сотней ударов; а затем Абу Сира перевернули, и он побил его сотней ударов по животу и сказал: «О скверный, о обманщик! Если я увижу, после сегодняшнего дня, что ты стоишь у дверей этой красильни, я сейчас же отошлю тебя к царю, и он передаст тебя вали, чтобы тот скинул тебе голову. Иди, да не благословит тебя Аллах!»

И Абу-Сир ушёл от него с разбитым сердцем из-за побоев и унижений, которые достались ему и присутствующие спросили Абу-Кира, красильщика: «Что сделал этот человек?» И Абу-Кир сказал: «Это разбойник, который крадёт чужие ткани...»

И Шахразду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Девятьсот тридцать пятая ночь

Когда же настала девятьсот тридцать пятая ночь, она сказала: «Дошло до меня о счастливый царь, что Абу-Кир побил Абу-Сира и прогнал его и сказал людям: „Это разбойник, который крадёт чужие ткани. Сколько раз он воровал у меня ткани и я говорил в душе: „Аллах простит ему! Это человек бедный“. И не хотел его расстраивать, и отдавал людям деньги за их ткани, и мягко удерживал его, но он не воздерживался; и если он вернётся ещё раз после этого раза, я пошлю его к царю, и он его убьёт и избавит людей от его вреда“.

И люди стали бранить Абу-Кира после его ухода.

Вот что было с Абу-Киром. Что же касается Абу-Сира, то он вернулся в хан и сел, раздумывая о том, что сделал с ним Абу-Кир, и сидел до тех пор, пока на нем не остыли побои.

А затем он вышел и прошёл по рынкам города, и ему пришло в голову сходить в хаммам. И он спросил одного из жителей города: «О брат мой, где дорога в хаммам?» И тот человек спросил его: «А что такое хаммам?» – «Место, где люди моются и снимают с себя грязь, и это одно из лучших благ здешней жизни», – ответил Абу-Сир. И тот человек молвил: «Вот перед тобой море». – «Мне нужен хаммам», – сказал Абу-Сир. И тот человек сказал: «Мы не знаем, какой бывает хаммам, и мы все ходим к морю. Даже царь, когда хочет помыться, идёт к морю».

И когда Абу-Сир понял, что в этом городе нет хаммама и люди не знают, что такое хаммам и каков он, он пошёл в диван царя и, войдя к нему, поцеловал перед ним землю, пожелал ему блага и сказал: «Я человек уз чужой страны, и по ремеслу я банщик. Я вступил в твой город и хотел пойти в хаммам, но не увидел в нем ни одного хаммама. И как может город такого прекрасного вида быть без хаммама, когда хаммам – одно из лучших благ в мире?» – «А что такое будет хаммам?» – спросил царь. И Абу-Сир стал описывать ему качества хаммама и сказал: «Твой город станет совершенным только тогда, когда будет в нем хаммам». – «Добро пожаловать!» – воскликнул царь, и одел Абу-Сира в одежду, которой нет подобия, и дал ему копя и двух рабов, а затем он пожаловал ему четырех невольниц и двух белых невольников и приготовил ему дом, устланный коврами. Он оказал ему уважение большее, чем красильщику, и послал с ним строителей и сказал им: «В том месте, где ему понравится, выстройте ему хаммам».

И Абу-Сир взял их и пошёл с ними на середину города, и когда ему понравилось одно место, он указал на него строителям, и те начали постройку.

И Абу-Сир указал им, какое это должно быть здание, пока они не построили ему хаммам, которому нет равного, а затем Абу-Сир велел разрисовать этот дом, и его разрисовали удивительными рисунками, так что он стал отрадой для смотрящих.

И после этого Абу-Сир пошёл к царю и рассказал ему об окончании постройки хаммама и его разрисовки и сказал: «Там не хватает только ковров».

И царь дал ему десять тысяч динаров, и Абу-Сир взял их, и устлал хаммам коврами, и развесил в нем полотенца на верёвках, а всякий, кто проходил мимо дверей хаммама, изумлялся, и мысли его смущались при виде рисунков на стенах.

И люди толпились около этого дома, подобного которому они не видели в жизни, и глядели на него и говорили: «Что это такое?» И Абу-Сир отвечал: «Это хаммам». И люди удивлялись.

А затем Абу-Сир нагрел воду и пустил хаммам в ход. Он сделал фонтан в водоёме,

который похитил умы всех жителей города, видевших его, и попросил у царя десять невольников, не достигших зрелости, и царь дал ему десять невольников, подобных лунам, и Абу-Сир стал разминать им тело и говорил им: «Делайте с посетителями то же самое».

А потом он разжёл курения и послал глашатая, который кричал в городе и говорил: «Эй, твари Аллаха, идите в хаммам, он называется „Хаммам султана“».

И к Абу-Сиру стал приходить народ, и он приказал невольникам мыть людям тело, и люди спускались в водоём и выходили оттуда, а по выходе они садились под портиком, и невольники разминали их, как их научил Абу-Сир.

И люди входили в хаммам и исполняли там то, что им было нужно, а затем выходили, не платя, и так продолжалось три дня, а на четвёртый день Абу-Сир пригласил царя в хаммам, и царь сел на коня вместе с вельможами правления, и они отправились в хаммам.

И царь разделся и вошёл, и Абу-Сир вошёл тоже и начал тереть царя мочалкой, и он удалял с его тела катышки грязи, точно фитили, и показывал их царю, и царь радовался, и от прикосновения его руки к телу слышался звук из-за его мягкости и чистоты.

А вымыв царю тело, Абу-Сир прибавил к воде купальни розовой воды, и царь спустился в купальню и вышел оттуда, и его тело увлажнилось, и у него появилась бодрость, которой он всю жизнь не чувствовал, и потом Абу-Сир посадил его под портиком, и невольники начали разминать его, и курильницы распространяли запах алоэ.

И царь сказал: «О мастер, это и есть хаммам?» И Абу-Сир отвечал: «Да». И царь воскликнул: «Клянусь жизнью моей головы, мой город стал городом только с этим хаммамом! Какую плату ты берёшь с человека?» – спросил он потом. И Абу-Сир сказал: «Сколько ты прикажешь мне дать, столько я и возьму».

И царь приказал дать ему тысячу динаров и сказал: «Со всякого, кто у тебя вымоется, бери тысячу динаров». – «Прости, о царь времени, – сказал Абу-Сир. – Люди не все одинаковы, напротив – среди них есть богатые и есть бедные, и если бы я брал с каждого тысячу динаров, хаммам перестал бы работать. Ведь бедный не может заплатить тысячу динаров». – «А как же ты сделаешь с платой?» – спросил царь. И Абу-Сир сказал: «Я назначу плату по великодушию, и каждый даст мне сколько может и сколько пожалует его душа. Мы будем брать с каждого человека по его состоянию, и если дело будет таково, народ станет ходить к нам, и кто богат, тот даст мне сообразно своему сану, а кто беден, тот даст столько, сколько пожалует его душа, и если останется дело так, хаммам будет действовать, и будет он в великом почёте. Что же касается тысячи динаров, то это – дар царя, и не всякий может дать столько».

И вельможи царства подтвердили его слова и сказали: «Вот это истина, о царь времени! Разве ты считаешь, что все люди подобны тебе, о славный царь?»

И царь сказал: «Поистине, ваши слова правильны, но этот человек – чужестранец и бедняк, и нам обязательно надо оказать ему уважение. Ведь он сделал у нас в городе этот хаммам, равного которому мы в жизни не видели, и наш город украсился и приобрёл значительность только из-за него. Если мы окажем ему уважение увеличением платы, то это немного». – «Если ты хочешь оказать ему уважение, – сказали вельможи, – то оказывай ему уважение из твоих денег (а уважение от царя бедному – малая плата за хаммам), для того чтобы молились за тебя подданные. Что же касается тысячи динаров, то мы – вельможи твоего царства, но наша душа не соглашается их дать. Как же согласится на это душа бедняков?» – «О вельможи моего царства, – сказал царь, – каждый из вас пусть даст ему в этот раз сто динаров, невольника, невольницу и раба». – «Хорошо, мы дадим ему все это, – сказали вельможи, – но после сегодняшнего дня всякий входящий пусть даёт ему лишь то, что пожалует его душа». – «В этом нет беды», – сказал царь. И вельможи дали Абу-Сиру каждый сто динаров, невольницу, невольника и раба, и было число вельмож, которые мылись с царём в этот день, четыреста душ...»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Девятьсот тридцать шестая ночь

Когда же настала девятьсот тридцать шестая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что число вельмож, которые мылись с Царём в этот день, было четыреста душ. А количество того, что они дали из динаров, оказалось сорок тысяч, и невольников – четыреста, и рабов – четыреста, и невольниц – четыреста (достаточно с тебя такого дара!), а царь дал АбуСиру десять тысяч динаров, десять невольников, десять невольниц и десять рабов.

И Абу-Сир выступил вперёд, и поцеловал перед царём землю, и сказал: «О счастливый царь, обладатель здравого суждения! Какое место вместит меня с этими невольниками, невольницами и рабами?» И царь молвил: «Я приказал это своим вельможам только для того, чтобы мы собрали тебе большое количество денег. Ты ведь, может быть, вспомнишь свою страну и семью и соскучишься по ней и захочешь поехать на родину, и окажется, что ты взял из нашей с грани основательное количество денег, которое поможет тебе жить в твоей стране». – «О царь времени, да возвеличит тебя Аллах! – сказал Абу-Сир. – Эти многочисленные невольники, невольницы и рабы – по сану царям, и если бы ты велел дать мне наличные деньги, они быт бы лучше, чем это войско, потому что люди едят и пьют и одеваются, и сколько бы мне ни досталось денег, их не хватит на содержание этих рабов».

И царь засмеялся и воскликнул: «Клянусь Аллахом, ты сказал правду, – их оказалось целое войско, и у тебя нет возможности содержать их! Не продашь ли ты мне каждого из них за сто динаров?» – «Я продал их тебе за эту цену», – сказал Абу-Сир. И царь послал за казначеем, чтобы тот принёс ему денег, и когда казначей принёс их, царь отдал Абу-Сиру деньги за всех полностью и до конца, а затем после этого он пожаловал рабов их владельцам и сказал: «Всякий, кто узнает своего раба, невольника и невольницу, пусть берет их. Они – подарок вам от меня».

И вельможи исполнили приказание царя, и всякий из них взял то, что ему принадлежало, и Абу-Сир сказал: «Да избавит тебя Аллах от зла, о царь времени, как ты избавил меня от этих гулей, которых может насытить только Аллах!»

И царь засмеялся его словам и признал, что он прав, а затем он взял вельмож своего царства и ушёл из бани во дворец.

И Абу-Сир провёл эту ночь, считая золото, складывая его в мешки и запечатывая. И у него было двадцать рабов, и двадцать невольников, и четыре невольницы для услуг. А когда наступило утро, он открыл хаммам и послал глашатая кричать: «Всякий, кто войдёт в хаммам и помоеся, пусть даст то, что пожалует его душа и чего требует его великодушие!»

И Абу-Сир сел около сундука, и на него налетели посетители, и всякий, кто входил, клал в сундук то, что было для него нетрудно положить, и не наступил ещё вечер, как сундук наполнился добром Аллаха великого.

А затем царица пожелала войти в хаммам, и когда это дошло до Абу-Сира, он разделил ради неё день на две части и назначил от зари до полудня время мужчин, а от полудня до заката – время женщин. А когда царица пришла, он поставил за сундуком невольницу.

И он обучил четырех невольниц банному делу, так что они стали искусными банщицами, и когда царица вошла в хаммам, это ей понравилось, и её грудь расправилась, и она положила тысячу динаров. И слава АбуСира распространилась в городе, и всякому, кто входил, он оказывал уважение – все равно, был это богатый или бедный, и благо стало входить к нему из всех дверей.

И он свёл знакомство с приближёнными царя, и появились у него друзья и товарищи, и царь приходил к нему один день в неделю и давал ему тысячу динаров, а остальные дни недели были для вельмож и бедняков, и Абу-Сир старался уважать людей и обращался с ними очень ласково.

И случилось в один из дней, что капитан царя вошёл к нему в хаммам, и Абу-Сир разделся, и вошёл с ним, и стал его растирать, и обошёлся с ним особенно ласково. И когда капитан вышел из хаммама, Абу-Сир приготовил ему питьё и кофе, а когда он пожелал дать

ему что-нибудь, Абу-Сир поклялся, что не возьмёт с него ничего, и капитан был ему признателен, так как видел его крайнюю ласку и милость, и чувствовал смущение, не зная, что подарить этому банщику за его почёт.

Вот что было с Абу-Сиром. Что же касается Абу-Кира, то он услышал, что все люди бредят хаммамом и всякий из них говорит: «Этот хаммам – благо земной жизни, без сомнения. Если захочет Аллах, о такой-то, мы пойдём с тобой завтра в этот прекрасный хаммам!»

И Абу Кир сказал про себя: «Обязательно пойду, как другие люди, и посмотрю на этот хаммам, который похитил ум у людей».

И потом он оделся в самую роскошную, какая у него была, одежду, сел верхом на мула и, взяв с собой четырех рабов и четырех невольников, которые шли сзади него и впереди него, отправился в хаммам.

И он спешил в воротах хаммама, и, оказавшись у ворот, почувствовал запах алоэ, и увидел, что люди входят и выходят и все скамейки полны больших и малых. И он вошёл в проход, и Абу-Сир увидел его и поднялся к нему, радуясь. И красильщик сказал: «Разве таков обычай честных людей? Я открыл себе красильню и стал мастером города, и познакомился с царём, и живу в счастье и величии, а ты ко мне не приходишь, не спрашиваешь обо мне и не говоришь: „Где мой товарищ?“ Я обессилел, разыскивая тебя и посылая рабов и невольников искать тебя по ханам и другим местам, но они не знают к тебе дороги, и никто им о тебе не рассказывает».

И Абу-Сир сказал ему: «Разве я не приходил к тебе? Но ты ведь объявил меня вором, побил и опозорил среди людей».

И Абу-Кир огорчился и сказал: «Что это за слова? Разве это тебя я побил?» И Абу-Кир стал клясться тысячью клятвами, что он его не узнал, и сказал: «Кто-то похожий на тебя приходил и воровал каждый день чужие ткани, и я подумал, что этот человек – ты».

И он стал горевать, ударяя рукой об руку, и восклицал: «Нет мощи и силы, кроме как у Аллаха, высокого, великого! Мы тебя обидели! Но почему ты не дал мне себя узнать и не сказал мне: „Я такой-то“? Это тебе должно быть стыдно, что ты не дал мне себя узнать, тем более что у меня голова кружится от множества дел». – «Да простит тебя Аллах, о мой товарищ! – сказал Абу-Сир. – Это была вещь, предопределённая в неведомом, и исправление дела – от Аллаха. Входи, снимай одежду, мойся и наслаждайся». – «Заклинаю тебя Аллахом, извини меня, о брат мой», – сказал Абу-Кир. И Абу-Сир молвил: «Аллах пусть снимет с тебя ответственность и простит тебя! Это было предопределено мне от века». – «А откуда у тебя это величие?» – спросил Абу-Кир. И Абу-Сир ответил: «Тот, кто помог тебе, помог и мне».

Я отправился к царю и рассказал ему, что такое хаммам, и он велел его для меня построить». – «Как ты знакомый царя, так и я тоже его знакомый», – сказал Абу-Кир...»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Девятьсот тридцать седьмая ночь

Когда же настала девятьсот тридцать седьмая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что Абу-Кир с Абу-Сиром упрекали друг друга, и Абу-Кир сказал: „Как ты знакомый царя, так и я тоже его знакомый, – и если захочет великий Аллах, я сделаю так, что он тебя полюбит и окажет тебе ещё большее уважение ради меня. Он не знает, что ты мой товарищ, и я осведомлю его о том, что ты мой товарищ, и поручу тебя его заботам“. – „Меня не надо поручать, – ответил Абу-Сир. – Аллах, смягчающий сердца, существует, и царь со всеми вельможами полюбит меня и дал мне то-то и то-то“».

И он рассказал Абу-Кир свою историю и затем сказал: «Сними с себя одежду за сундуком и входи в хаммам, и я войду с тобой, чтобы растереть тебя мочалкой».

И Абу-Кир снял то, что на нем было, и вошёл в хаммам, и Абу-Сир вошёл с ним, и натёр его, и намыл, и одел, и занимался им, пока тот не вышел. И когда он вышел, Абу-Сир

принёс ему обед и напитки, и все люди удивлялись великому уважению его к Абу-Киру.

И после этого Абу-Кир хотел дать ему что-нибудь, но Абу Сир поклялся, что не возьмёт с него ничего, и сказал: «Стыдись такого дела – ты ведь мой товарищ, и между нами нет различия».

И затем Абу-Кир сказал Абу-Сиру: «О товарищ, клянусь Аллахом, этот хаммам великолепен, но твоя работа в нем неполная». – «А в чем же её недостаток?» – спросил Абу-Сир. И Абу-Кир сказал: «В лекарстве, то есть в тесте из мышьяка и извести, которое с лёгкостью удаляет волосы. Сделай такое лекарство, и когда царь придёт, предложи его ему и научи его, как удалять им волосы. Он полюбит тебя сильной любовью и окажет тебе уважение». – «Ты прав, – сказал Абу-Сир. – Если захочет Аллах, я это сделаю».

И Абу-Кир вышел, и, сев на мула, отправился к царю, и вошёл к нему, и сказал: «Я тебе искренний советчик, о царь времени». – «А каков твой совет?» – спросил царь. И Абу-Кир сказал: «До меня дошёл один слух, а именно, что ты построил хаммам». – «Да, – ответил царь, – ко мне пришёл один человек, чужеземец, и я открыл для него хаммам, как открыл для тебя красильню. Это хаммам великолепный, и он украсил мой город».

И царь стал рассказывать Абу-Киру о прелестях хаммама, и Абу-Кир спросил его: «А ты туда ходил?» – «Да», – отвечал царь. И Абу-Кир воскликнул: «Хвала Аллаху, который спас тебя от того негодяя, врага веры, то есть банщика!» – «А что с ним такое?» – спросил царь. И Абу-Кир молвил: «Знай, о царь времени, если ты войдёшь в хаммам после сегодняшнего дня, ты погибнешь». – «Почему?» – спросил царь. «Банщик, – ответил Абу-Кир, – твой враг и враг веры. Он побудил тебя устроить этот хаммам только потому, что хотел дать тебе в нем яду. Он приготовил для тебя что-то, и когда ты войдёшь в хаммам, он принесёт это тебе и скажет: „Вот лекарство, – всякий, кто помажет им себя внизу, с лёгкостью сбросит оттуда волосы. А это вовсе не лекарство, но великая болезнь и убийственный яд. Этому негодю обещал султан христиан, если он тебя убьёт, освободить его жену и детей из плена, так как его жена и дети в плену у султана христиан. Я был с ним вместе в плену, в их землях, но я открыл красильню и стал им красить ткани в разные цвета, и люди смягчили ко мне сердце царя, и царь спросил: „Чего ты требуешь?“ И я потребовал от него освобождения, и он меня освободил, и я пришёл в этот город».

И я увидел этого человека в хаммаме и спросил его и сказал: «Как произошло твоё освобождение и освобождение твоей жены и детей?» И он ответил: «Я, и моя жена, и мои дети все ещё в тепу. Царь христиан собрал диван, и я присутствовал там вместе со всеми, кто присутствовал, и стоял среди прочих людей. И я услышал, как они рассказывали царю разные истории и вспомнили о царе этого города, и царь христиан вздохнул и сказал: „Не победил меня никто в мире, кроме царя такого-то города. Всякому, кто ухитрится его убить, я дам все, что он пожелает“. И я подошёл к царю и спросил его: „Если я ухитрюсь его убить, освободишь ты меня, мою жену и моих детей?“ И царь христиан сказал: «Да, да, я освобожу вас и дам тебе все, что ты пожелаешь. И мы с ним сговорились об этом».

Он послал меня на корабле в этот город, и я пошёл к здешнему царю, и царь построил для меня этот хаммам, и мне остаётся только убить его. И тогда я пойду к царю христиан, выкуплю мою жену и детей и попрошу у него чего-нибудь».

И я спросил его: «Какую хитрость ты придумал, чтобы убить его?» И он сказал: «Это хитрость лёгкая, легче не бывает. Он придёт ко мне, в этот хаммам, а я сделаю для него снадобье с ядом, и когда он придёт, я скажу ему: „Возьми это лекарство и помажь им себя внизу, от него падают волосы“. И он возьмёт лекарство и помажет им себя внизу, и яд будет в нем играть один день и одну ночь, пока не распространится до сердца, и тогда он погибнет, и конец».

И когда я услышал эти слова, я испугался за тебя, так как твоя милость» лежит на мне, и вот я рассказал тебе об этом».

И когда царь услышал эти слова, он разгневался сильным гневом и сказал: «О красильщик, скрывай эту тайну!» А затем он пожелал войти в хаммам, чтобы пресечь сомнение уверенностью.

И когда царь вошёл в хаммам, Абу-Сир оголился, по своему обычаю, и занялся царём и натёр его, а после этого он сказал: «О царь времени, я приготовил лекарство, чтобы удалить нижние волосы». И царь сказал: «Принеси его мне». И Абу-Сир принёс ему лекарство, и царь почувствовал, что у него противный запах, и уверился в том, что это яд.

И он рассердился и закричал приближённым: «Держите его!» И приближённые схватили Абу-Сира, а царь вышел, исполненный гневом, и никто не знал, почему он разгневался. И гнев царя был так силен, что он никому ничего не сказал и никто не осмелился его спросить.

И потом он оделся, и пошёл в диван, и призвал к себе Абу-Сира, связанного по рукам, и потребовал капитана, и тот явился. И когда капитан явился, царь сказал ему: «Возьми этого негодяя и положи его в мешок, положи ему туда два кинтара негашёной извести и завяжи мешок с Абу-Сиром и известью, а потом положи мешок в лодку и подъезжай к моему дворцу. Ты увидишь, что я сижу у окна, и скажешь мне: „Бросить мне его?“ И я скажу: „Бросай!“ И когда я тебе это скажу, брось мешок в воду, чтобы известь стала гашёной, и тогда Абу-Сир умрёт, утонувший и сожжённый».

И капитан сказал: «Внимание и повиновение!» А затем он увёл Абу-Сира от царя на остров, находившийся против царского дворца, и сказал ему: «О такой-то, я один раз пришёл к тебе в хаммам, и ты оказал мне уважение и сделал все, что было обязательно. Я очень у тебя наслаждался, и ты поклялся, что не возьмёшь с меня платы, и я полюбил тебя сильной любовью. Расскажи мне, что у тебя произошло с царём и что ты ему сделал дурного, что он на тебя так рассердился и приказал мне, чтобы ты умер этой скверной смертью?» – «Клянусь Аллахом, – сказал Абу-Сир, – я ничего не сделал, и мне не ведомо, какой я совершил с ним грех, чтобы заслужить это...»

И Шахразад застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Девятьсот тридцать восьмая ночь

Когда же настала девятьсот тридцать восьмая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что капитан спросил Абу-Сира о причине гнева на него царя, и Абу-Сир сказал: „Клянусь Аллахом, о брат мой, я ничего ему не сделал дурного, чтобы заслужить это“. И капитан молвил: „Ты занимаешь у царя великое место, которого никто не достиг прежде тебя, а всякий, кто счастлив, внушает зависть. Может быть, кто-нибудь тебе позавидовал за такое счастье и закинул о тебе царю какие-нибудь слова, и царь разгневался на тебя таким гневом. Но добро тебе пожаловать, и с тобой не будет дурного. Как ты оказал мне уважение, хотя между нами не было знакомства, так и я освобожу тебя; но когда я тебя освобожу, ты останешься со мной на этом острове, пока не придёт из города корабль в сторону твоей земли, и я отошлю тебя на таем“.

И Абу-Сир поцеловал капитану руку и поблагодарил его за это; и затем капитан принёс известьку, положил её в мешок и положил туда большой камень размером с человека, и сказал: «Полагаюсь на Аллаха!»

И потом капитан дал Абу-Сиру сеть и сказал ему: «Закинь эту сеть в море, может ты поймаеть скольконибудь рыбы. Поставка рыбы для кухни царя лежит каждый день на мне, а меня отвлекла от ловли беда, которая тебя поразила. Я боюсь, что придут слуги повара, требуя рыбы, и не найдут её, и если ты что-нибудь поймаеть, они найдут это. А я пойду и устрою хитрость под окнами дворца и сделаю вид, что я бросил тебя».

И Абу-Сир сказал: «Я буду ловить, а ты иди, и Аллах тебе поможет». И капитан положил мешок в лодку и ехал, пока не приехал ко дворцу.

И он увидел, что царь сидит у окна, и сказал: «О царь времени, бросать мне его?» И царь сказал: «Бросай!» И сделал рукой знак, и вдруг что-то сверкнуло и упало в море.

И оказалось, что то, что упало в море, это перстень царя. А он был заколдованный, и когда царь на когонибудь гневался и хотел его убить, он указывал на него правой рукой, на

которой был перстень, из перстня вылетала молния и поражала того, на кого указал царь, и голова его падала с плеч. И войска повиновались царю, и он покорял великанов только благодаря этому перстню.

И когда перстень упал с его пальца, царь скрыл это дело и не мог сказать: «Мой перстень упал в море», – так как боялся, что войска восстанут против него и убьют его, и промолчал.

Вот что было с царём. Что же касается Абу-Сира, то после ухода капитана он взял сеть и закинул её в море, и потянул сеть, и сеть поднялась полная рыбы, и затем он кинул её второй раз, и она снова поднялась полная рыбы, и Абу-Сир все время бросал сеть, а она поднималась полная рыбы, пока перед ним не оказалась большая куча рыбы.

И тогда он сказал про себя: «Клянусь Аллахом, я уже долгое время не ел рыбы!» И выбрал большую жирную рыбу и подумал: «Когда придёт капитан, я скажу, чтобы он изжарил мне эту рыбу, и пообедаю».

И он стал резать рыбу ножом, который у него был, и нож зацепился за что-то в жабрах рыбы, и Абу-Сир увидел, что там находится перстень царя, – потому что эта рыба проглотила перстень, и потом судьба пригнала её к этому острову, и она попала в сеть.

И Абу-Сир взял перстень и надел его на мизинец, не зная, какие у него свойства. И вдруг двое молодцов из слуг повара пришли, чтобы потребовать рыбы, и, подойдя к Абу-Сиру, сказали: «О человек, куда ушёл капитан?» И Абу-Сир сказал: «Не знаю». И сделал знак правой рукой, и вдруг головы слуг упали с плеч, когда Абу-Сир указал на них и сказал: «Не знаю». И Абу-Сир удивился этому и стал говорить: «Смотри-ка! Кто это убил их?» И это показалось ему тяжким, и он задумался.

И вдруг подошёл капитан и увидел большую кучу рыбы и двух убитых, и увидел на пальце Абу-Сира перстень.

«О брат мой, – сказал он ему, – не двигай рукой, на которой перстень. Если ты двинешь ею, ты убьёшь меня!»

И Абу-Сир удивился его словам: «Не двигай рукой, на которой перстень. Если ты двинешь ею, ты убьёшь меня!» И когда капитан дошёл до него и спросил: «Кто убил этих двух слуг?» – Абу-Сир сказал: «Клянусь Аллахом, о брат мой, я не знаю». – «Ты сказал правду, – ответил капитан, – но расскажи мне про этот перстень, как он к тебе попал?» – «Я увидел его в жабрах этой рыбы», – отвечал Абу-Сир. И капитан молвил: «Ты сказал правду. Я видел его, как он падал, сверкая, из дворца царя, пока не упал в море, когда царь указал на тебя и сказал мне: „Бросай его!“ Когда он сделал мне знак, я бросил мешок, а перстень свалился у него с пальца и упал в море, и эта рыба проглотила его, и Аллах пригнал его к тебе, и ты её поймал, – так что это твоя доля. Но знаешь ли ты свойства этого перстня?» – «Я не знаю у него никакого свойства», – сказал Абу-Сир. И капитан молвил: «Знай, что войска нашего царя повинуются ему, только боясь этого перстня, так как он заколдован. И когда царь разгневается на кого-нибудь и захочет убить, то указывает на него пальцем, и голова падает с плеч. Молния вылетает из этого перстня, и лучи её достигают прогневавшего, и он тотчас же умирает».

И Абу-Сир, услышав эти слова, обрадовался сильной радостью и сказал капитану: «Вороти меня в город». И капитан сказал: «Я ворочу тебя, ибо я больше не боюсь для тебя зла от царя, потому что, если ты укажешь на него рукой и задумаешь его убить, его голова упадёт перед тобой, и если бы ты даже захотел бить царя и всех его воинов, ты бы убил их без помехи».

И затем он сел в лодку и отправился с Абу-Сиром в город...

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Девятьсот тридцать девятая ночь

Когда же настала девятьсот тридцать девятая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о

счастливый царь, что капитан посадил Абу-Сира в лодку и отправился с ним в город. И когда доехал до города, поднялся в царский дворец, и вошёл в диван, и увидел, что царь сидит, и воины перед ним, и царь в великом огорчении из-за перстня, но не может рассказать никому из воинов о пропаже перстня.

И когда царь увидел Абу-Сира, он сказал ему: «Разве мы не бросили тебя в море? Как ты сделал, что вышел из него?» И Абу-Сир сказал: «О царь времени, когда ты велел меня бросить в море, твой капитан взял меня и поехал со мной на остров, и спросил о причине твоего гнева на меня, и сказал: „Что ты сделал с царём, что он велел тебя умертвить?“ И я ответил: „Клянусь Аллахом, мне не известно, чтобы я сделал с ним что-нибудь скверное“. И капитан сказал: „Ты имеешь великое место у царя. Может быть, кто-нибудь тебе позавидовал и забросил о тебе царю какие-нибудь слова, так что царь на тебя рассердился. Но я приходил в твой хаммам, и ты оказал мне уважение, и за твоё уважение ко мне в хаммаме я тебя освобожу и пошлю в твою страну“. И затем он положил в лодку вместо меня камень и бросил его в море, но когда ты указал ему насчёт меня пальцем, перстень упал с твоей руки в море, и его проглотила рыба. А я был на острове и ловил рыбу, и эта рыба попала среди прочей рыбы, и я взял её и хотел изжарить, и когда я вскрыл ей брюхо, я увидел в нем перстень, и взял его, и надел на палец.

И ко мне пришли двое слуг из кухни и потребовали рыбу, и я показал на них пальцем, не зная особенности перстня, и их головы упали; а затем пришёл капитан и узнал перстень, который был у меня на пальце, и рассказал мне, что он заколдованный, и я принёс его тебе, так как ты оказал мне благодеяние и почтил меня крайним почётом. Добро, которое ты мне сделал, у меня не пропало. Вот твой перстень – возьми его, и если я сделал с тобой что-нибудь, требующее убийства, скажи мне, в чем мой грех, и убей меня, и будешь свободен от ответственности за мою кровь».

И затем он снял перстень с пальца и подал его царю. И когда царь увидел, какое благодеяние оказал ему АбуСир, он взял от него перстень и надел его на палец, и душа вернулась к нему.

И он поднялся на ноги, и обнял Абу-Сира, и сказал: «О человек, ты принадлежишь к избранным сынам дозволенного! Не взыщи же с меня и прости мне то, что я тебе сделал. Если бы кто-нибудь, кроме тебя, овладел эти и перстнем, он бы мне его не отдал». – «О царь времени, – сказал Абу-Сир, – если ты хочешь, чтобы я тебя простил, скажи мне, в чем мой грех, который вызвал твой гнев на меня, так что ты приказал меня убить?» И царь воскликнул: «Клянусь Аллахом, я твёрдо установил, что ты невиновен, и нет на тебе никакого греха, раз ты сделал мне это благодеяние, но только красильщик сказал мне то-то и то-то».

И он рассказал ему, что говорил красильщик, и АбуСир молвил: «Клянусь Аллахом, о царь времени, я не знаю царя христиан и в жизни не ездил в христианские земли! Мне не приходило на ум убивать тебя, но этот красильщик был моим товарищем и соседом в городе Искандарии, и жизнь там стала нам тесна, и мы выехали оттуда из-за скудости пропитания и прочли друг другу фатиху о том, что работающий будет кормить безработного, и случилось у меня с красильщиком то-то и то-то».

И он рассказал царю все, что случилось у него с АбуКиром, красильщиком: как тот взял его деньги и покинул его больным в его комнате в хане, и как привратник хана тратился на него, когда он был болен, пока не исцелил его Аллах, и как затем он поднялся и стал ходить по городу со своими принадлежностями, как обычно, и по дороге увидел красильню, около которой была лавка, и, посмотрев в двери красильни, увидел Абу-Кира, который сидел там на скамье, и вошёл к нему, чтобы его приветствовать, и достались ему от него побои и оскорбления, и Абу-Кир сказал про него, что он разбойник, и побил его мучительным боем.

И вот Абу-Сир рассказал царю обо всем, что с ним случилось, с начала до конца, и затем сказал: «О царь времени, это он сказал мне: „Сделай лекарство и поднеси его царю. Хаммам совершенен во всем, но только в нем отсутствует это лекарство“. И знай, о царь времени, что это лекарство не вредит. Мы его делаем в наших странах, и оно обязательно

бывает в хаммаме, но я забыл о нем, и когда пришёл красильщик и я оказал ему почёт, он напомнил мне об этом и сказал: „Сделай лекарство“. Пошли, о царь времени, за привратником такого-то хана и рабочими красильни и спроси их всех о том, что я тебе рассказал».

И царь послал за привратником хана и за рабочими красильни и, когда они все пришли, спросил их, и они рассказали о случившемся, и тогда царь послал за красильщиком и сказал: «Приведите его босым, с непокрытой головой и с связанными руками».

А красильщик сидел в своём доме, радуясь убиению Абу-Сира. И не успел он опомниться, как приближённые царя бросились на него и удары посыпались ему на затылок, а затем ему скрутили руки и его привели к царю. И он увидел, что Абу-Сир сидит рядом с царём, а привратники хана и рабочие красильни стоят перед ним. И привратник хана спросил его: «Не это ли твой товарищ, у которого ты украл деньги и которого ты оставил у меня в комнате больным и сделал с ним то-то и то-то?» А рабочие красильни спросили: «Разве этот не тот, кого ты велел нам схватить и мы его побили?»

И царю стала ясна мерзость Абу-Кира и то, что он заслуживает большего, чем пытки Мункара и Накира⁶⁵³, я потому он сказал: «Возьмите его и проведите по городу и рынку...»

И Шахразад устала, и она прекратила дозволенные речи.

Ночь, дополняющая до девятисот сорока

Когда же настала ночь, дополняющая до девятисот сорока, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что, когда царь услышал слова привратника хана и рабочих красильни, он убедился в скверности Абу-Кира и воздвиг против него несчастья и сказал своим приближённым: „Возьмите его и проведите по городу, а потом положите в мешок и бросьте в море!“ – „О царь времени, – сказал Абу-Сир, – уступи мне его! Я простил ему все, что он мне сделал“. – „Если ты его простил за себя, то я не могу его простить за себя, – ответил царь, и затем он закричал и сказал: «Возьмите его!» И Абу-Кира взяли и провели по городу, а потом посадили в мешок, и положили туда известьку, и бросили мешок в море, и Абу-Кир умер, потопленный, сожжённый».

«О Абу-Сир, – сказал тогда царь, – попроси у меня чего-нибудь – и получишь!» И Абу-Сир сказал: «Я прошу тебя отослать меня в мою землю, – у меня не осталось желания жить здесь».

И царь дал ему много денег сверх прежних наград и даров, а затем он пожаловал ему корабль, нагруженный всяким добром, а матросами были невольники, и царь подарил их ему тоже, после того как предложил ему сделать его везирем, но Абу-Сир не согласился.

А затем он простился с царём и поехал, и все на корабле было его собственностью, даже матросы стали его невольниками, и ехал он не переставая, пока не достиг земли Искандарии.

И они стали на якорь подле Искандарии и вышли на сушу, и один из невольников Абу-Сира увидел мешок у самого берега и сказал: «О господин мой, у берега моря большой тяжёлый мешок, и сверху он завязан, и я не знаю, что в нем». И Абу-Сир подошёл, и развязал мешок, и увидел там Абу-Кира, которого море пригнало в сторону Искандарии, и он вынул его, и закопал поблизости от Искандарии, и сделал ему могилу, и назначил деньги на её содержание, и на дверях гробницы он написал такие стихи:

«Узнается муж среди всех людей по делам его.
И дела свободных возвышенны, как порода их.

⁶⁵³ Мункар и Накир – имена ангелов, которые, по арабскому поверью, учиняют допрос покойному, а если он не мусульманин, подвергают его жестоким пыткам.

Не кори других – укоряем будешь, – нередко ведь
Что скажет муж, о нем же будет сказано.
Говорить слова избегай дурные и мерзкие,
Коль ведёшь ты речи шуточные или важные, –
Ведь берём мы пса благородных качеств домой к себе,
А суровый лев на цепи сидит, – неразумен он.
На поверхность моря выносит труп течение волн,
А жемчужины в глубине таятся песков морских.
Воробей ведь станет соперничать с сильным ястребом
Лишь по глупости и по малости его разума.
На страницах неба и воздуха написано:
«Кто свершил благое, получит тот то же самое».
Не пытайся сахар добыть себе из аронника –
Ведь по вкусу вещь однородной будет с источником».

И затем Абу-Сир прожил некоторое время, и взял его Аллах к себе, и его похоронили по соседству с могилой его товарища Абу-Кира, и поэтому было названо это место Абу-Кир и Абу-Сир, а теперь оно известно как Абу-Кир. И вот то, что дошло до нас из их истории. Да будет же хвала сущему вечно, по воле которого сменяются ночи и дни!

Сказка об Абд-Аллахе земном и Абд-Аллахе морском (ночи 940-946)

Рассказывают также, что был один человек, рыбак, по имени Абд-Аллах. И была у него большая семья, с девятью детьми и их матерью, а он был очень беден и не владел ничем, кроме сети. И каждый день он ходил к морю, чтобы ловить рыбу, и когда он ловил немного, то продавал улов и расходовал деньги на своих детей, сообразно с тем, чем наделил его Аллах, а если ловил много, то варил хорошее кушанье и покупал плоды и до тех пор их тратил, пока у него не оставалось ничего. И он говорил про себя: «Надел на завтра придёт завтра». И когда его жена родила, детей стало десятеро, а у этого человека в тот день не было совершенно ничего. И его жена сказала ему: «О господин, присмотри мне что-нибудь, чем напиться». И рыбак сказал ей: «Вот я пойду, с благословения великого Аллаха, к морю, в сегодняшний день на счастье этого нового младенца, чтобы нам посмотреть, какое его счастье». И жена молвила: «Положись на Аллаха!» И рыбак взял сеть и отправился к морю, а затем он закинул сеть, на счастье этого маленького ребёнка, и сказал: «О боже, сделай его надел лёгким, нетрудным, обильным, нескучным!» И подождал некоторое время, а затем он вытянул её, и сеть поднялась, полная хлама, песку, камешков и травы. И рыбак не увидел в ней ни одной рыбы – ни много, ни мало. И он бросил сеть второй раз, и подождал некоторое время, и вытащил её, но не увидел в ней ничего. И тогда он бросил её в третий раз, и четвёртый, и пятый, но рыбы в сети не поднялось. И рыбак перешёл на другое место и стал просить себе надела у Аллаха великого, и он был в таких обстоятельствах до конца дня, но не поймал ни рыбёшки. И он удивился про себя и сказал: «Разве Аллах сотворил этого новорождённого без надела? Этого никогда не бывает, ибо тог, кто прорезал углы рта, взял на себя его надел. Аллах великий щедр и наделяет».

И затем он поднял сеть и вернулся с разбитой душой, и сердце его было занято его семьёй: он ведь оставил их всех без еды, а жена его вдобавок только что родила. И он шёл и говорил про себя: «Как сделать, и что я скажу детям сегодня вечером?» И дошёл до пекарни булочника. Он увидел около неё лавку (а было время дороговизны, и в те дни у людей находилось для пропитания лишь немного), и люди предлагали хлебопёку деньги, но он не обращал внимания ни на кого из-за сильной давки. И рыбак остановился, смотря и вдыхая запах горячего хлеба, и душе его стало хотеться хлеба от голода, и хлебопёк увидел рыбака, и закричал ему, и сказал: «Пойди сюда, о рыбак!» И рыбак подошёл к нему, и хлебопёк спросил: «Ты хочешь хлеба?» И рыбак промолчал, и хлебник молвил: «Говори, не стыдись,

Аллах щедр, и если с тобой нет денег, то я дам тебе и подожду, пока к тебе не придёт благо». – «Клянусь Аллахом, о мастер, нет со мной денег, – ответил рыбак, – но дай мне хлеба достаточно для моей семьи, и я заложу у тебя эту сеть до завтра». И хлебопёк сказал ему: «О бедняга, эта сеть – твоя лавка и врата твоего надела. Если ты её заложить, чем ты будешь ловить? Скажи мне, какого количества тебе хватит». – «На десять полушек серебра», – ответил рыбак. И хлебопёк дал ему хлеба на десять полушек, и затем он дал ему десять полушек серебра и сказал: «Возьми эти десять полушек и свари себе на них кушанье, и будет за тобой двадцать серебряных полушек, а завтра дай мне на них рыбы. А если тебе ничего не достанется, приходи, бери хлеб и десять полушек, и я буду ждать, пока придёт к тебе благо...»

И Шахразадку застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Девятьсот сорок первая ночь

Когда же настала девятьсот сорок первая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что хлебопёк сказал рыбаку: „Возьми то, что тебе нужно, я буду ждать, когда придёт к тебе благо, а потом отдай мне на то, что мне с тебя следует, рыбы“. – „Да вознаградит тебя Аллах великий и да воздаст тебе за меня всяким благом!“ – сказал рыбак. И затем он взял хлеб и десять серебряных полушек и пошёл, радостный. И он купил то, что пришлось, и вошёл к своей жене и увидел, что она сидит и успокаивает детей, которые плачут от голода, и говорит им: „Сейчас ваш отец принесёт вам поесть“.

И рыбак вошёл к ним и положил хлеб, и все начали есть, и рыбак рассказал своей жене о том, что с ним случилось, и жена его воскликнула: «Аллах щедр!»

А на следующий день рыбак взял свою сеть и вышел из дому, говоря: «Прошу тебя, о господи, надели меня сегодня тем, что обелит моё лицо перед хлебопёком».

И, дойдя до моря, он стал закидывать свою сеть и вытягивать её, но в ней не было рыбы, и он делал так до конца дня, но не выловил ничего, и пошёл обратно в великой заботе. А дорога к его дому шла мимо пекарни хлебопёка, и рыбак говорил про себя: «Откуда мне пройти к дому? Но я ускорю шаги, чтобы меня не увидел хлебопёк». И, дойдя до пекарни, он увидел лавку и ускорил шаг, стыдясь хлебопёка, чтобы тот его не увидел, и вдруг хлебопёк поднял на него глаза и закричал: «О рыбак, пойди сюда, возьми твой хлеб и деньги – ты забыл!» – «Нет, клянусь Аллахом, я не забыл, – отвечал рыбак, – мне только очень стыдно. Я сегодня не поймал рыбы». – «Не стыдись, – отвечал хлебопёк, – разве я не сказал тебе: „Не спеши, пока не придёт к тебе благо“.

И он дал ему хлеб и десять полушек, и рыбак пошёл к своей жене и рассказал ей об этом деле, и она сказала: «Аллах щедр! Если захочет Аллах великий, к тебе придёт благо, и ты сполна отдашь то, что ему следует».

И так продолжалось сорок дней, и рыбак каждый день был у моря от восхода до заката, и каждый день возвращался без рыбы и брал деньги на расходы и хлеб у хлебопёка, и тот не напоминал ему о рыбе ни в один день из дней и не пренебрегал им, как другими людьми, а напротив, давал ему десять полушек и хлеб. И всякий раз, как рыбак говорил: «О брат мой, сведи со мной счёты», – хлебопёк отвечал ему: «Ступай, не время теперь сводить счёты! Когда придёт к тебе благо, мы с тобой сосчитаемся». И рыбак желал ему счастья и уходил, благодаря его.

А на сорок первый день он сказал своей жене: «Мне хочется разорвать эту сеть и отдохнуть от такой жизни». И жена его спросила: «Почему?» И рыбак сказал: «Мой надел в море как будто прервался. До каких пор будет такое положение? Клянусь Аллахом, я растаял от стыда перед хлебопёком. Я больше не пойду к морю, чтобы не проходить мимо его пекарни, у меня нет другой дороги, как мимо его пекарни, и всякий раз, когда я прохожу, он зовёт меня и даёт мне хлеб и десять полушек. До каких же пор я буду у него одолажаться?» И жена рыбака сказала: «Хвала Аллаху великому, который смягчил к тебе его сердце, и он даёт

тебе пищу. Что тебе в этом противного?» – «Ему следует с меня большое количество денег, и он обязательно потребует должное», – сказал рыбак. И жена спросила: «Разве он обидел тебя словами?» – «Нет, и он не соглашается свести со мной счёт и говорит: „Когда придёт к тебе благо“. И его жена сказала: „Когда он с тебя потребует, скажи ему: „Когда придёт благо, на которое мы с тобой надеемся“. – „Когда придёт благо, на которое мы надеемся?“ – спросил рыбак. И жена его сказала: „Аллах щедр!“ И рыбак молвил: „Твоя правда!“ И затем он взял сеть и отправился к морю, говоря: „О господи, пошли мне хотя бы одну рыбу, чтобы я подарил её хлебопёку. И закинул свою сеть в море, и стал тащить, и почувствовал, что она тяжёлая. И он до тех пор возился с сетью, пока сильно не устал, и, вытащив сеть, он увидел в ней мёртвого осла, раздувшегося и скверно пахнущего. И его душе стало противно. И он высвободил осла из сети и воскликнул: «Нет мощи и силы, кроме как у Аллаха, высокого, великого! Я обессилел, говоря этой женщине, что не осталось мне надеда в море и чтобы позволила она мне бросить это ремесло, но она отвечает: «Аллах щедр, к тебе придёт благо!» Разве этот мёртвый осел и есть благо?»

И его охватила великая забота, и он отправился в другое место, чтобы уйти от запаха осла, и, взяв сеть, закинул её, и подождал над ней некоторое время, а затем потянул и почувствовал, что она тяжёлая. И он до тех пор возился с сетью, пока на его руках не выступила кровь, а вытащив сеть, он увидел в ней человеческое существо. И рыбак подумал, что это ифрит из ифритов господина нашего Сулеймана, которых он заточал в медные кувшины и бросал в море. И когда один кувшин разбился от множества лет, этот ифрит вышел из него и поднялся в сети. И рыбак побежал от него и стал говорить: «Пощады, пощады, о ифрит Сулеймана!» И человек закричал ему из сети и сказал: «Пойди сюда, о рыбак, не убегай от меня, – я потомок Адама, как и ты. Освободи же меня, чтобы получить за меня награду».

И когда рыбак услышал эти слова, его сердце успокоилось, и он подошёл к человеку и сказал: «Разве ты не ифрит из джиннов?» – «Нет, – отвечал он, – я человек и верю в Аллаха и его посланника». – «Кто бросил тебя в море?» – спросил рыбак. И человек сказал: «Я из детей моря. Я гулял, и ты бросил на меня сеть. Мы люди, повинующиеся законам Аллаха, и заботимся о тварях Аллаха великого, и если бы я не боялся и не страшился оказаться среди ослушников, я бы порвал твою сеть, но я согласился на то, что судил мне Аллах. А ты, если освободишь меня, станешь моим владыкой, и я стану твоим пленником. Не хочешь ли ты освободить меня, стремясь к лику великого Аллаха, и заключить со мной соглашение? Ты будешь моим другом, и я буду приходить к тебе каждый день в это место, и ты будешь приходить ко мне и приносить мне подарок из плодов земли – у вас ведь есть виноград, смоквы, арбузы, персики, гранаты и другое, и все, что ты мне принесёшь, будет от тебя принято. А у нас есть кораллы, жемчуга, топазы, изумруды, яхонты и другие драгоценные камни. И я наполню тебе корзину, в которой ты принесёшь мне плоды, дорогими металлами из драгоценностей моря. Что ты скажешь, о брат мой, на такие слова?» – «Фатиха пусть будет между мной и тобой при этих словах», – сказал рыбак. И каждый из них прочёл фатиху, и рыбак освободил человека из сети, а потом спросил его: «Как твоё имя?» И человек сказал: «Моё имя Абд-Аллах морской, и когда ты придёшь в это место и не увидишь меня, позови и скажи: „Где ты, о Абд-Аллах, о морской?»

И я сейчас же окажусь возле тебя...»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Девятьсот сорок вторая ночь

Когда же настала девятьсот сорок вторая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что Абд-Аллах морской сказал рыбаку: „Когда ты придёшь в это место и не увидишь меня, позови и скажи: „Где ты, о Абд-Аллах, о морской?» И я сейчас же окажусь подле тебя. А ты – как твоё имя?»

«Моё имя Абд-Аллах» – ответил рыбак. И человек сказал: «Ты – Абд-Аллах земной, а я – Абд-Аллах морской. Постой здесь, я пойду и принесу тебе подарок». – «Слушаю и повинуюсь!» – сказал рыбак. И Абд-Аллах морской ушёл в море.

И Абд-Аллах земной стал раскаиваться, что освободил его из сети, и сказал про себя: «Откуда я знаю, что он ко мне вернётся? Он только посмеялся надо мной, а я его освободил. Если бы я оставил его в сети, я бы его показывал людям в городе и брал за это деньги от всех людей и входил бы с ним в дома знатных». И он стал горевать о том, что выпустил Абд-Аллаха морского, и говорить себе: «Ушла твоя добыча у тебя из рук!»

И когда он печалился, что выпустил его из рук, Абд-Аллах морской вдруг вернулся к нему с полными руками жемчуга, кораллов, изумрудов, яхонтов и драгоценных камней и сказал: «Бери, брат мой, и не взыщи с меня – у меня нет корзины, чтобы её тебе наполнить». И тут Абд-Аллах земной обрадовался и взял от него драгоценности, и Абд-Аллах морской сказал: «Каждый день приходи в это место до восхода солнца». И затем он простился с ним и вошёл в море.

Что же касается рыбака, то он пошёл в город, радостный, и шёл, пока не достиг хлебопёка, и тогда он сказал ему: «О брат мой, пришло к нам благо, сведи со мной счёт». – «Не нужно сводить счёта, – ответил хлебопёк, – если у тебя что-нибудь есть, дай мне, а если у тебя нет ничего, бери свой хлеб и деньги и ступай, а потом придёт к тебе благо». – «О друг мой, – сказал рыбак, – благо пришло ко мне от щедрот Аллаха. Тебе следует с меня великое множество, но возьми вот это». И он захватил пригоршню жемчуга, кораллов, яхонтов и драгоценных камней (а в этой пригоршне была половина того, что у него было) и отдал их хлебнику и сказал: «Дай мне немного мелочи, чтобы тратить сегодня, пока я не продам эти драгоценности». И хлебопёк отдал ему все деньги, которые имел под рукой, и весь хлеб, что был у него в корзине. И он обрадовался этим драгоценностям и сказал рыбаку: «Я твой раб и слуга». И понёс весь хлеб, который у него был, на голове, и дошёл за рыбаком до его дома, и отдал хлеб его жене и детям. А потом он пошёл на рынок и принёс мясо, зелень и плоды всех сортов, и он бросил свою пекарню, и весь день оказывал услуги Абд-Аллаху земному и исполнял его дела. И рыбак сказал ему: «О брат мой, ты утомил себя». И хлебопёк ответил: «Это для меня обязательно, так как я стал твоим слугой, и твои благодеяния меня затопили». – «Это ты был моим благодетелем при стеснении и дороговизне», – сказал рыбак. И хлебник провёл с ним эту ночь за прекрасной едой.

А потом хлебопёк стал другом рыбака, и тот рассказал своей жене о случае с Абд-Аллахом морским, и жена его обрадовалась и молвила: «Скрывай свою тайну, чтобы не схватили тебя судьи». – «Если я скрою свою тайну от всех людей, то я не скрою её от хлебопёка», – ответил рыбак. И на другой день утром (а с вечера он наполнил корзину плодами всевозможных сортов) он взял корзину до восхода солнца, и отправился к морю, и поставил её на краю берега, и сказал: «Где ты, о Абд-Аллах, о морской?» И вдруг тот ответил ему: «Пред тобой», – и вышел к нему. И рыбак предложил ему плоды, и Абд-Аллах морской взял их, и ушёл с ними, и погрузился в море на некоторое время, а затем он вышел, неся корзину, полную всевозможных металлов и драгоценностей. И Абд-Аллах земной поднял её на голову и ушёл, и когда он дошёл до пекарни хлебопёка, тот сказал ему: «О господин мой, я спёк сорок пышек и отослал их тебе домой, а теперь я пеку особый хлеб⁶⁵⁴, и когда он будет готов, я доставлю его на дом и пойду принесу тебе зелень и мясо».

И рыбак захватил из корзины три пригоршни и отдал их ему, а потом он отправился домой и поставил корзину, и, взяв из каждого рода камней один дорогой камень, пошёл на рынок драгоценных камней, и остановился у лавки старосты рынка, и сказал: «Купи у меня эти драгоценности». – «Покажи мне их», – сказал староста. И рыбак показал, и староста спросил: «Есть ли у тебя ещё камни, кроме этого?» – «У меня их полная корзина», – отвечал

⁶⁵⁴ Особый хлеб – название сорта хлеба из лучшей белой муки, который считался в средневековом Египте лакомством.

рыбак. И староста рынка спросил его: «Где твой дом?» И рыбак ответил: «На такой-то улице».

И тогда староста отнял у него камни и сказал своим слугам: «Схватите его! Это тот разбойник, который украл вещи царицы, жены султана». И он велел им побить рыбака, и его побили и связали, а староста и все люди с рынка драгоценных камней вышли и стали говорить: «Мы поймали разбойника». И некоторые из них говорили: «Не украл вещей такого-то никто, кроме этого негодяя». А другие говорили: «Не украл всего, что в доме такого-то, никто, кроме него!» И одни говорили так, а другие говорили этак, и при всем этом рыбак молчал, и не давал никому ответа, и ни к кому не обращал речи, пока его не поставили перед царём. И тогда староста сказал: «О царь времени, когда украли ожерелье царицы, ты послал известить нас и потребовал поимки обидчика, и я старался больше всех людей и поймал тебе обидчика. Вот он перед тобой, а вот драгоценности, которые мы вырвали у него из рук». И царь сказал евнуху: «Возьми эти драгоценности и покажи их царице и спроси её: „Не твои ли это вещи, которые у тебя пропали?“ И евнух взял камни и вошёл к царице, и, увидев их, царица удивилась и послала сказать царю: „Я нашла своё ожерелье у себя, а это не мои вещи, но эти камни лучше, чем камни в моем ожерелье. Не обижай же этого человека...“

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Девятьсот сорок третья ночь

Когда же настала девятьсот сорок третья ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что жена царя послала сказать ему: „Это не мои вещи, но эти камни лучше, чем камни в моем ожерелье. Не обижай же этого человека, и если он их продаёт, купи у него для твоей дочери, Умм-ас-Сууд, – мы сделаем ей из них ожерелье“.

И когда евнух вернулся и рассказал царю о том, что сказала царица, царь проклял старосту ювелиров и его людей проклятием Ада и Самуда⁶⁵⁵, и те сказали: «О царь времени, мы знали, что этот человек – бедный рыбак, и сочли это для него слишком многим и подумали, что он украл камни». – «О мерзавцы, – сказал царь, – разве вы считаете слишком многим благоденствие правоверного? Почему же вы его не спросили? Может быть, Аллах великий наделил его, когда он не ожидал? Как же вы объявляете его разбойником и позорите его среди людей! Уходите, да не благословит вас Аллах!» И ювелиры вышли испуганные.

Вот то, что было с ними. Что же касается царя, то он сказал: «О человек, да благословит Аллах для тебя то, чем он тебя наделил. Ты в безопасности! Но скажи мне правду, откуда у тебя эти драгоценности? Я – царь, но у меня не найдётся им подобных». – «О царь времени, – сказал Абд-Аллах, – у меня их полная корзина. И дело обстоит так-то и так-то».

И он рассказал ему о своей дружбе с Абд-Аллахом морским и сказал: «У нас с ним заключено соглашение: я каждый день наполняю ему корзину плодами, а он наполняет её такими камнями». И царь сказал ему: «О человек, это твоя доля, но для денег нужен сан. Я защищу тебя от господства людей в эти дни, но, может быть, я буду низложен или умру, и власть получит другой, и тогда он убьёт тебя из любви к здешней жизни и из жадности. Я хочу женить тебя на моей дочери и сделать тебя моим везирем и завещать тебе власть после себя, чтобы никто не хотел обидеть тебя после моей смерти». И затем царь сказал: «Возьмите этого человека и отведите его в баню».

И рыбака взяли, и вымыли ему тело, и надели на него одежду из одежд царей, и потом его привели к царю, и тот сделал его своим везирем. А затем он послал скороходов, музыкантов и жён всех вельмож в дом рыбака, и они одели его жену, вместе с детьми, в

⁶⁵⁵ Ад и Самуд – мифические племена, которые Аллах, как говорится в Коране, истребил за неповиновение пророкам.

одежды царских жён и посадили её в носилки, и жены всех вельмож, солдаты, скороходы и музыканты пошли перед ней и привели её к дому царя, а маленький ребёнок был у неё на руках. И её больших детей ввели к царю, и тот принял их с почётом, и взял к себе на колени, и посадил рядом с собой, и их было девять детей мужеского пола, а царь был лишён мужеского потомства и получил только ту дочь, которую он назвал Умм-ас-Сууд.

Что же касается царицы, то она приняла жену АбдАллаха земного с почётом и оказала ей милость и сделала её у себя везиршей. И потом царь велел написать запись Абд-Аллаха земного со своей дочерью. И Абд-Аллах назначил за неё в приданое все драгоценные камни и металлы, которые у него были, и отворили ворота радости, и царь велел кричать об украшении города по случаю свадьбы его дочери.

А на следующий день, после того как рыбак вошёл к дочери царя и уничтожил её девственность, царь выглянул в окно и увидел, что Абд-Аллах несёт на голове корзину, полную плодов. «Что это у тебя, о мой зять, и куда ты идёшь?» – спросил он. И рыбак ответил: «К моему другу Абд-Аллаху морскому». – «О мой зять, – сказал царь, – не время сейчас идти к твоему другу». – «Я боюсь, что, если я нарушу условие, он сочтёт меня лжецом и скажет мне: „Земная жизнь отвлекла тебя от меня“, – ответил рыбак. И царь сказал: „Ты прав, иди к твоему другу, да поможет тебе Аллах!“

И рыбак пошёл по городу, направляясь к своему другу, и люди уже его знали, и он слышал, как они говорят: «Вот царский зять идёт менять плоды на камни». А те, кто его не знал и не узнавал его, кричали: «Эй, человек, почём ритль? Пойди сюда, продай мне!» И рыбак говорил: «Подожди, пока я вернусь к тебе», – и никого не огорчал. И он шёл, и встретился с Абд-Аллахом морским, и отдал ему плоды, и обменял их на драгоценные камни, и продолжал делать так, и каждый день он проходил мимо пекарни хлебопёка и видел, что она заперта. И так прошло десять дней и когда рыбак не увидел хлебопёка и нашёл его пекарню запертой, он сказал про себя: «Это удивительная вещь! Посмотри-ка! Куда девался хлебопёк?» И он спросил его соседа и сказал ему: «О брат мой, где твой сосед и что сделал с ним Аллах?» И сосед хлебопёка ответил: «О господин мой, он болен и не выходит из дома». – «А где его дом?» – спросил рыбак. И сосед хлебопёка ответил: «На такой-то улице». И рыбак отправился туда и спросил про хлебопёка, и когда он постучал в ворота, хлебопёк выглянул в окошко и увидел своего друга рыбака, на голове которого была полная корзина. И он спустился к нему и отпер ворота, и рыбак вошёл, и бросился к хлебопёку, и обнял его, и заплакал, и сказал: «Как ты поживаешь, о друг мой? Я каждый день хожу мимо пекарни и вижу её запертой. Я спросил твоего соседа, и он сказал мне, что ты болен, и тогда я спросил, где твой дом, чтобы провести тебя». – «Да воздаст тебе за меня Аллах всяким благом! – воскликнул хлебопёк. – У меня нет болезни, но до меня дошло, будто царь схватил тебя потому, что какие-то люди на тебя нагнали и сказали, что ты разбойник, и я испугался, и запер пекарню, и спрятался».

«Твоя правда», – сказал рыбак. И затем он рассказал хлебопёку о своём деле и о том, что у него случилось с царём и со старостой рынка драгоценностей, и сказал: «Царь женил меня на своей дочери и сделал меня своим везирем. Возьми то, что есть в этой корзине, это твоя доля, и не бойся», – сказал он потом и вышел от хлебопёка, прогнав от него страх. И он отправился к царю с пустой корзиной, и царь сказал ему: «О мой зять, ты как будто не встретился сегодня с твоим товарищем Абд-Аллахом морским?»

«Я ходил к нему, – ответил рыбак, – и то, что он мне дал, я отдал моему другу хлебопёку, так как я обязан ему благодарениями». – «А кто этот хлебопёк?» – спросил царь. И рыбак сказал: «Это человек, оказавший мне милость, и у меня с ним случилось в дни бедности то-то и то-то, и он ни один день не пренебрегал мной и не сокрушал мне сердце». – «А как его зовут?» – спросил царь. И рыбак сказал: «Его зовут Абд-Аллах хлебопёк, а меня зовут Абд-Аллах земной, а моего друга зовут АбдАллах морской». И тогда царь воскликнул: «Меня тоже зовут Абд-Аллах⁶⁵⁶, а рабы Аллаха – все братья! Пошли же за твоим другом

⁶⁵⁶ Абд-Аллах – раб Аллаха.

хлебопёком и давай его сюда – мы сделаем его везирем левой стороны».

И рыбак послал за хлебопёком, и когда тот явился к царю, царь одел его в одежду везира и сделал его везирем левой стороны, а Абд-Аллаха земного сделал везирем правой стороны...»

И Шахразадку застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Девятьсот сорок четвёртая ночь

Когда же настала девятьсот сорок четвёртая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что царь сделал Абд-Аллаха земного, своего зятя, везирем правой стороны, а Абд-Аллаха хлебопёка – везирем левой стороны.

И Абд-Аллах провёл в таком положении целый год, и он каждый день брал корзину, полную плодов, и приносил её обратно полной драгоценных камней и металлов. А когда плоды в садах кончались, он брал изюм, миндаль, грецкие и лесные орехи, смоквы и другое, и все, что он носил Абд-Аллаху морскому, тот принимал от него и возвращал корзину, наполненной драгоценными камнями, как обычно. И случилось в один день из дней, что рыбак взял корзину, полную сухих плодов, по своему обычаю, и Абд-Аллах морской принял её от него, и Абд-Аллах земной сел на берегу, а Абд-Аллах морской сел в воде, около берега, и они начали разговаривать и обменивались словами, пока речь не дошла до упоминания о могилах. И морской сказал: «О брат мой, говорят, что пророк (да благословит его Аллах и да приветствует!) похоронен у вас на суше. Знаешь ли ты, где его могила?» – «Да», – отвечал рыбак. «В каком же она месте?» – спросил Абд-Аллах морской. И рыбак ответил: «В городе, который называется ат-Тайиба»⁶⁵⁷. – «Посещают ли его люди, обитатели суши?» – спросил морской. И когда рыбак сказал; «Да», – он воскликнул: «На здоровье вам, о обитатели суши, посещение этого пророка, благородного и милосердного, посещающие которого заслужили его заступничество! А ты посещал ли его, о мой брат?» – «Нет», – ответил рыбак, – я был болен и не имел денег, чтобы израсходовать столько в дороге, и я разбогател только тогда, когда узнал тебя, и ты пожаловал мне это благо. Но теперь мне обязательно посетить его и совершить паломничество к священному дому Аллаха. Меня удерживала от этого только любовь к тебе – я не могу с тобой расстаться ни на один день». – «Разве ты ставишь любовь ко мне впереди посещения могилы Мухаммеда (да благословит его Аллах и да приветствует!), который заступится за тебя в день смотра перед Аллахом и спасёт тебя от огня, и ты войдёшь в рай благодаря его заступничеству, и разве из любви к земной жизни ты пренебрежёшь посещением могилы твоего пророка Мухаммеда (да благословит его Аллах и да приветствует!)», – спрашивал морской. И рыбак молвил: «Нет, клянусь Аллахом, посещение его стоит у меня впереди всех вещей, по я хочу получить от тебя разрешения посетить его в этом году». – «Я дал тебе разрешение его посетить», – сказал морской. – И когда ты встанешь над его могилой, передай ему от меня привет. У меня есть для него залог: войди со мной в море, и я сведу тебя в мой город, и введу ко мне в дом, и угощу тебя, и дам тебе этот залог, чтобы ты положил его на могилу пророка (да благословит его Аллах и да приветствует!) И ты скажи ему: „О посланник Аллаха, Абд-Аллах морской передаёт тебе привет. Он подарил тебе этот Юдарок, и он надеется на твоё заступничество от огня“. – „О брат мой, – сказал Абд-Аллах земной, – ты сотворён в воде, и твоё обиталище – вода, и она не вредит тебе. Но если ты выйдешь из воды на сушу, будет ли тебе вред?“ – „Да, – отвечал морской, – моё тело высохнет, и подуют на меня дуновения суши, и я умру“. – „А я, – сказал Абд-Аллах, – сотворён на суше, и обиталище моё – суша. И когда я войду в море, вода войдёт в мои внутренности и задушит меня, и я умру“. – „Не бойся этого, – сказал морской, –

⁶⁵⁷ Ат-Таиба (благая) – один из многочисленных эпитетов города Медины, где похоронен пророк Мухаммед.

я принесу тебе масло, которым ты намажешь себе тело, и вода не повредит тебе, хотя бы ты провёл остаток твоей жизни, кружа по морю, и спал и вставал бы в море, – тебе не будет никакого вреда“. – „Если дело обстоит так, тогда не беда, – сказал рыбак. – Подавай сюда жир, я его испробую“. – „Будет так“, – сказал морской и, взяв корзину, ушёл в море и скрылся ненадолго, а затем он вернулся, неся жир, похожий на жир коровы, и цвет его был жёлтый, как цвет золота, а запах приятный. „Что это такое, о брат мой?“ – спросил его АбдАллах земной, и морской сказал: «Это жир из печени одного вида рыб, которые называются дандан⁶⁵⁸, и это самые большие рыбы по размерам, и они – самые жестокие наши враги. И телом эта рыба больше, чем животные суши, которые существуют у вас, и если бы она увидела верблюда или слона, она бы, наверно, его проглотила». – «О брат мой, – спросил рыбак, – а что же ест эта злосчастная рыба?» И морской ответил: «Она ест животных моря. Разве ты не слышал, что говорят в поговорке: „Они как рыбы в море – сильные едят слабых“. И рыбак сказал: „Твоя правда. А много у вас в море этих данданов?“ – „У нас их столько“ что исчислит их лишь один Аллах великий», – сказал морской. И Абд-Аллах земной молвил: «Боюсь, что когда я спущусь с тобой на дно, мне повстречается рыба такого вида и съест меня». – «Не бойся! – ответил АбдАллах морской. – Когда дандан тебя увидит, он узнает, что ты сын Адама, и испугается тебя и убежит. Он никого так не боится в море, как сынов Адама, ибо, если он съест сына Адама, он умрёт в ют же час и минуту. Жир сына Адама – смертоносный яд для этих рыб, и мы собираем жир их печени только благодаря сынам Адама. Когда ктонибудь из них падает в море и тонет, его облик меняется, и мясо его иногда распадается на куски, и дандан съедает его, так как думает, что это одно из морских животных, и умирает. И мы находим его мёртвым, и берём жир его печени, и смазываем им наше тело, и ходим по морю. В каком бы месте ни был сын Адама, и будь там сто, или двести, или тысяча, или больше рыб дандан, они, услышав крик сына Адама, сейчас же умирают...»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Девятьсот сорок пятая ночь

Когда же настала девятьсот сорок пятая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что Абд-Аллах морской говорил АбдАллаху земному: „И если тысяча рыб этого вида или больше услышат один крик сына Адама, они сейчас же умирают, и ни одна из них не может сдвинуться с места“. – „Я полагаюсь на Аллаха!“ – воскликнул Абд-Аллах земной.

И затем он снял бывшую на нем одежду и, выкопав на берегу моря яму, зарыл своё платье, а потом он намазал себе тело, от, темени до ступней, этим жиром и вошёл в воду и нырнул. И он открыл глаза, и вода ему не повредила, и он принялся ходить направо и налево и стал, когда хотел, подниматься, а когда хотел, спускаться до дна, и он видел, что вода моря осеняет его как шатёр и не вредит ему. «Что ты видишь, о брат мой?» – спросил его Абд-Аллах морской. И он ответил: «Я вижу благо, о брат мой, и ты был прав в том, что сказал, – вода мне не вредит». – «Следуй за мной», – сказал Абд-Аллах морской.

И рыбак последовал за ним, и они ходили с места на место, и рыбак видел перед собой, и справа и слева, горы воды и смотрел на них и на всевозможных рыб, которые играли в море, одни – большие, другие – маленькие, и среди них были рыбы, похожие на буйволов, и рыбы, похожие на коров, и ещё рыбы, похожие на собак, и рыбы, похожие на людей, и все рыбы, к которым они подходили, убегали при виде Абд-Аллаха земного. И он спросил морского: «О брат мой, почему это я вижу, что все рыбы, к которым мы подходим, убегают

⁶⁵⁸ Дандан – (перс.) зуб. Рыбы с таким названием не существует; так рассказчик окрестил мифических подводных чудовищ, похожих якобы на зубастых рыб.

от нас?» И морской сказал: «Это из страха перед тобой, ибо все, что сотворил Аллах великий, боится сына Адама».

И Абд-Аллах земной продолжал смотреть на чудеса моря, пока они не достигли высокой горы, и Абд-Аллах земной пошёл по склону этой горы, и не успел он опомниться, как услышал великий крик. И он обернулся и увидел что-то чёрное, спускавшееся на него с этой горы (а оно было величиной с верблюда или больше) и кричавшее, и он спросил морского: «Что это такое, о брат мой?» И морской сказал. «Это дандан. Он спускается, преследуя меня, и хочет меня съесть. Крикни на него, о брат мой, прежде чем он не дошёл до нас, а то он меня утащит и съест». И Абд-Аллах земной крикнул, и вдруг дандан упал мёртвый. И когда рыбак увидел, что рыба мертва, он воскликнул: «Слава Аллаху! Хвала ему за то, что я не ударил дандана мечом или ножом. Как это, при всей величине этой твари, она не вынесла моего крика и умерла?» – «Не удивляйся, – сказал Абд-Аллах морской, – клянусь Аллахом, о брат мой, если бы этих рыб была тысяча или две тысячи, они не вынесли бы одного крика сына Адама».

И потом они подошли к одному городу и увидели, что все жители его – девушки, и нет среди них мужчин. «О брат мой, что это за город и что это за девушки?» – спросил Абд-Аллах земной. И морской молвил: «Это город девушек, ибо его жители – девушки моря». – «А есть ли среди них мужчины?» – спросил рыбак. И когда морской ответил: «Нет», – он спросил: «А как же они беременеют и рожают без мужчин?» – «Царь моря, – ответил Абд-Аллах морской, – сгоняет их в этот город, и они не беременеют и не рожают. Всякую морскую девушку, на которую царь разгневался, он отправляет в этот город, и она не может из него выйти, а если она выйдет из него, всякое морское животное, которое её увидит, съест её. А что касается других городов, то там есть и мужчины и девушки». – «А разве есть в море города, кроме этого города?» – спросил рыбак. «Много», – ответил Абд-Аллах морской. «А есть ли над вами султан?» – спросил рыбак. И морской сказал: «Да». И тогда рыбак молвил: «О брат мой, я видел в море много чудес». – «А какие ты видел в море чудеса?» – воскликнул Абд-Аллах морской. – Разве ты не слышал, что говорит поговорка: „Чудеса моря многочисленнее чудес суши“. И рыбак сказал ему: „Твоя правда“.

И затем он начал разглядывать этих девушек и увидел, что у них лица подобны лунам, и волосы, как волосы женщин, но у них руки и ноги на животе и у них хвосты, как у рыб. А Абд-Аллах морской показал ему жителей этого города и вышел с ним и шёл впереди него до другого города, и рыбак увидел, что этот город наполнен людьми – женщинами и мужчинами, – и облик их подобен облику девушек, и у них хвосты, но только у них нет ни продажи, ни покупки, как у людей суши, и они не одеты, а наоборот, все голые, с непокрытой срамотой. «О брат мой, – сказал рыбак, – я вижу, что эти женщины и мужчины – с непокрытой срамотой». И морской молвил: «Это потому, что у людей моря нет материи». – «О брат мой, а что же они делают, когда женятся?» – спросил рыбак. И Абд-Аллах морской молвил: «Они не женятся, а тот, кому понравится какая-нибудь женщина, удовлетворяет с ней своё желание». – «Это дело недозволенное, – сказал рыбак. – Почему же они не сватаются, не вносят приданого, не устраивают свадьбы и не женятся так, как угодно Аллаху и его посланнику?» И Абд-Аллах морской сказал: «Мы не все одной веры. Среди нас есть мусульмане-единобожники, и есть среди нас христиане, евреи и другие, и женятся среди нас больше всего мусульмане». – «Вы голые и нет у вас продажи и покупки. Каково же приданое ваших жён – вы им даёте драгоценные камни и металлы?» – спросил рыбак. И Абд-Аллах морской ответил: «Драгоценности – это камни, которые у нас не ценятся, и тем, кто хочет жениться, назначают определённое количество разной рыбы, которую он должен поймать, – числом в тысячу, две тысячи, или больше, или меньше, смотря по тому, какое будет соглашение между женихом и отцом жены. И когда жених доставит требуемое, собираются родные обеих сторон, и они едят праздничное угощение и вводят мужа к жене, и потом он ловит рыбу и кормит жену, а когда он обессилеет, жена ловит рыбу и кормит мужа». – «А если кто-нибудь сотворит с кем-нибудь блуд, каково бывает дело?» – спросил рыбак. И Абд-Аллах морской ответил: «Когда это бывает установлено, женщину изгоняют в город

девушек, а если она понесла после блуда, её оставляют, пока она не родит, и если она родит девочку, их изгоняют вместе, и девочку называют: блудница, дочь блудницы, и она остаётся девушкой, пока не умрёт. А если новорождённый – мальчик, его берут к царю, султану моря, и он его убивает».

И Абд-Аллах земной удивился этому, и потом АбдАллах морской повёл его в другой город, а после этого – в другой, и так далее, и он не переставал ему показывать, пока не показал восемьдесят городов, и рыбак видел, что жители одного города не похожи на жителей других городов. «О брат мой, – спросил он, – остались ли в море ещё города?» И морской воскликнул: «А что ты видел из городов моря и его диковин?» – «Клянусь пророком, великодушным, кротким и милосердным, если бы я тысячу лет показывал тебе каждый день тысячу городов и в каждом городе показывал тебе тысячу диковин, я бы не показал тебе и одного кирата из двадцати четырех киратов городов моря и его чудес. Я показал тебе только наши страны и нашу землю – ничего больше». – «О брат мой, – сказал рыбак, – если дело обстоит так, довольно с меня того, что я видел. Мне опротивело есть рыбу, а я провёл вместе с тобой восемьдесят дней, и ты кормишь меня по утрам и по вечерам только сырой рыбой – не жареной и не вареной». – «А что такое – варёная или жареная?» – спросил Абд-Аллах морской. И Абд-Аллах земной сказал: «Мы рыбу жарим на огне или варим её, и готовим разнообразно, и делаем из неё много блюд». – «А откуда придёт к нам огонь?» – спросил морской. – Мы не знаем ни жареного, ни вареного, ни чего-либо другого».

«Мы жарим рыбу на оливковом или на кунжутном масле», – сказал земной.

И морской молвил: «А откуда у нас быть оливковому и кунжутному маслу? Мы здесь в море не знаем ничего из того, что ты сказал». – «Твоя правда, – сказал земной, – но ты показал мне, о брат мой, много городов и не показал мне своего города». – «Что касается моего города, – сказал морской, – то мы прошли мимо его, и он близко от берега, откуда мы пришли. Я оставил мой город и пришёл с тобой сюда, так как хотел показать тебе другие города моря». – «Достаточно того, что я посмотрел, – сказал рыбак, – и я хочу, чтобы ты мне показал твой город». – «Будет так», – сказал морской. И затем он вернулся с рыбаком к своему городу и, дойдя до него, сказал: «Вот мой город». И рыбак увидел, что это город маленький в сравнении с городами, которые он уже видел. И он вошёл в город вместе с Абд-Аллахом морским и шёл, пока не достиг одной пещеры, и морской сказал ему: «Вот мой дом, и все дома в этом городе – такие же пещеры в горах – большие или маленькие – и все города в море такого же вида.

Всякий, кто хочет сделать себе дом, идёт к царю и говорит ему: «Я хочу устроить дом в таком-то месте». И царь посылает с ним отряд рыб, называемых клевальщиками, и назначает в уплату им определённое количество рыбы (а у них клювы, которыми они крошат твёрдые камни), и они подходят к горе, которую выбрал хозяин дома, и выдалбливают в ней дом, а хозяин дома ловит им рыб и кормит их, пока пещера не будет готова, и тогда они уходят, а хозяин дома поселяется в ней. И все обитатели моря в таких же обстоятельствах, – они заключают друг с другом сделки и служат друг другу только за рыбу, и все они – рыбы. Входи», – сказал он потом рыбаку. И когда тот вошёл, Абд-Аллах морской крикнул: «Эй, дочка!» И вдруг вошла его дочка, и у неё было круглое лицо, точно луна, и длинные волосы, и тяжёлые бедра, и насурьмлённые глаза, и тонкий стан, но она была голая и с хвостом. И, увидев со своим отцом Абд-Аллаха земного, она спросила: «О батюшка, что за куций, которого ты привёл к нам?» И морской ответил: «О дочка, это мой друг – земной, от которого я приносил тебе земные плоды. Подойди поздоровайся с ним». И девушка подошла и приветствовала Абд-Аллаха земного ясным языком и проникающими словами, и её отец сказал ей: «Подай пищу нашему гостю, с приходом которого опустилась на нас благодать». И девушка принесла ему две большие рыбы, каждая из которых была как агнёнок, и морской сказал рыбаку: «Ешь». И он стал есть через силу, от голода, так как ему опротивело есть рыбу, а у них не было ничего, кроме рыбы. И едва прошло немного времени, как пришла жена Абд-Аллаха морского, а она была красива обликом, и с ней было двое мальчиков, и у каждого мальчика был в руках малёк рыбы, которого он грыз, как человек грызёт огурец. И,

увидев со своим мужем Абд-Аллаха земного, жена морского спросила: «А что это за куций?» И мальчики со своей сестрой и их мать подошли, и стали смотреть на зад Абд-Аллаха земного, и говорить: «Да, клянёмся Аллахом, он куций!» – и начали смеяться над ним. «О брат мой, – сказал Абд-Аллах земной, – разве ты привёл меня для того, чтобы сделать меня потехой...»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Девятьсот сорок шестая ночь

Когда же настала девятьсот сорок шестая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что Абд-Аллах земной сказал Абд-Аллаху морскому: „О брат мой, разве ты привёл меня для того, чтобы сделать меня потехой для твоих детей и жены?“ И Абд-Аллах морской молвил: „Прости, о брат мой, среди нас не найти тех, у кого нет хвоста, и если окажется ктонибудь без хвоста, его берет султан, чтобы над ним посмеяться. И не взыщи, о брат мой, с этих маленьких детей и женщины – у них недостаёт разума“.

И затем Абд-Аллах морской крикнул на своих домочадцев и сказал им: «Замолчите!» И они испугались и замолчали. А морской стал уговаривать земного, и когда они разговаривали, вдруг пришли десять человек, большие, сильные и толстые, и сказали: «О Абд-Аллах, до царя дошло, что у тебя есть куций из куций земли». – «Да, – сказал Абд-Аллах морской, – вот этот человек. Это мой друг, и он пришёл ко мне в гости, и я хочу возвратить его на землю». – «Мы можем уйти только с ним», – сказали пришедшие, – и если ты хочешь разговаривать, то поднимись, возьми его и приведи к царю и то, что ты говоришь нам, скажи царю». – «О брат мой, – сказал Абд-Аллах морской, – оправдание ясно, и мы не можем прекословить царю. Но пойдём со мной к царю, и я постараюсь освободить тебя от него, если захочет Аллах. Не бойся – когда он увидит тебя, он узнает, что ты из детей земли, а узнав, что ты земной, он обязательно окажет тебе уважение и вернёт тебя на землю». – «Решение – твоё решение, – сказал Абд-Аллах земной, – и я полагаюсь на Аллаха и пойду с тобой». И Абд-Аллах морской взял рыбака и шёл с ним, пока не дошёл до царя, и, увидев его, царь засмеялся и сказал: «Добро пожаловать куцему!» И все, кто был вокруг царя, смеялись и говорили: «Да, клянёмся Аллахом, он куций».

И Абд-Аллах морской подошёл к царю, и рассказал ему об обстоятельствах рыбака, и сказал: «Это один из детей земли, мой друг. И он не будет жить среди нас, так как любит есть рыбу только жареной или вареной, и я хочу, чтобы ты позволил мне возвратить его на землю». – «Если дело обстоит так, – сказал царь, – и он не будет жить у нас, то я разрешаю тебе возвратить его на землю поело угощения. Подайте ему угощение», – приказал потом царь. И ему подали рыбу всех форм и цветов, и Абд-Аллах земной поел, исполняя приказание царя. «Пожелай что-нибудь от меня», – сказал затем царь. И Абд-Аллах земной сказал: «Я желаю, чтобы ты дал мне драгоценных камней». И царь молвил: «Отведите его в дом драгоценных камней и дайте ему выбрать, что ему нужно». И друг рыбака взял его в дом драгоценных камней, и он отобрал сколько хотел. А затем они с Абд-Аллахом морским вернулись в свой город и, вынув кошелек, Абд-Аллах сказал: «Возьми это как залог и доставь на могилу пророка (да благословит его Аллах и да приветствует!)»

И рыбак взял кошелек, не зная, что в нем находится. И затем морской вышел с ним, чтобы доставить его на землю, и рыбак услышал по дороге пение и увидел торжество и разложенную трапезу, и люди ели и пели в великой радости. Абд-Аллах земной спросил Абд-Аллаха морского: «Чего это люди в такой великой радости, разве у них свадьба?» – «У них не свадьба, – отвечал морской, – но у них кто-то умер». – «А разве когда у вас кто-нибудь умирает, вы радуетесь, поёте и едите?» – спросил Абд-Аллах земной, и морской сказал: «Да. А вы, о люди земли, что вы в этом случае делаете?» – «Когда у нас кто-нибудь умирает, – ответил земной, – мы печалимся о нем и плачем, а женщины бьют себя по лицу и разрывают на себе одежды от печали по тем, кто умер».

И Абд-Аллах морской вытарашил на Абд-Аллаха земного глаза и сказал: «Давай сюда залог». И рыбак отдал ему, и тогда морской вывел его на землю и сказал: «Я разрываю дружбу с тобою и привязанность к тебе, и после этого дня ты меня не увидишь, и я тебя не увижу». – «Почему эти слова?» – спросил Абд-Аллах земной, и морской сказал: «Разве вы, о люди земли, не залог Аллаха?» – «Да», – ответил земной. И морской сказал: «Не легко же вам, когда Аллах берет свой залог, и вы плачете о нем, и как же я дам тебе залог пророка (да благословит его Аллах и да приветствует!), если вы, когда приходит к вам новорождённый, радуетесь ему, хотя Аллах великий вкладывает в него душу, как залог, а когда он берет её, – как это может быть для вас тяжело и почему вы плачете и печалитесь? Нет нам в товариществе с вами нужды». И затем он оставил его и ушёл в море, и Абд-Аллах земной надел свои вещи, взял камни и отправился к царю.

И тот встретил его, истосковавшийся, и обрадовался ему, и сказал: «Каково тебе, о мой зять, и почему тебя не было со мной все это время?» И рыбак рассказал ему свою историю и то, какие он видел чудеса в море. И царь удивился этому, а потом Абд-Аллах земной рассказал, что ему говорил Абд-Аллах морской. И царь сказал: «Ты ошибся, сказав ему об этом». И затем рыбак продолжал некоторое время ходить на берег и кричать Абд-Аллаха морского, но тот не отвечал и не приходил к нему. И тогда Абд-Аллах земной потерял надежду его увидеть и он пребывал с царём, своим тестем, и с домашними в наирадостнейшем положении, совершая прекрасные поступки, пока не пришла к ним Разрушительница наслаждений и Разлучительница собраний и они все не умерли.

Хвала живому, который не умирает, господину видимого и невидимого царства! Он властен во всякой вещи, с рабами своими милостив и всеведущ.

Сказка об Абу-ль-Хасане из Омана (ночи 946-952)

Рассказывают также, что халиф Харунар-Рашид однажды ночью сильно мучился бессонницей. Он позвал Масрура и, когда тот явился, сказал ему: «Приведи ко мне скорее Джафара!» И Масрур пошёл и привёл его, и когда Джафар остановился перед халифом, тот сказал: «О Джафар, на меня напала сегодня ночью бессонница и прогнала от меня сон, и я не знаю, как избавиться от неё». – «О повелитель правоверных, – сказал Джафар, – мудрецы говорят: „Взгляд в зеркало, посещение бани и слушание пения прекращают заботы и размышления“. – „Джафар, – сказал халиф, – я все это делал, но ничто не помогает, и я клянусь моими пречистыми дедами, если ты не найдёшь способ прогнать от меня бессонницу, я отрублю тебе голову“. – „О повелитель правоверных, – сказал Джафар, – сделаешь ли ты то, что я тебе посоветую?“ – „А что ты мне посоветуешь?“ – спросил халиф. И Джафар сказал: „Сядем в лодку и спустимся на ней по реке Тигру, вместе с течением воды, до местности, называемой Карн-ас-Сарат, – может быть, мы услышим то, чего не слышали, или увидим то, чего не видали, ибо сказано: „Рассеется забота от одного из трех дел: пусть увидит человек то, чего не видал, или услышит то, чего не слышал, или вступит на землю, на которую не вступал“. – «Может быть, это будет причиной прекращения твоей тревоги, о повелитель правоверных».

И тогда ар-Рашид встал со своего места и пошёл вместе с Джафаром, его братом альФадлом, Исфаком собутыльником, Абу-Новасом и Абу-Дулафом⁶⁵⁹ и Масруром меченосцем...»

И Шахразиду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Девятьсот сорок шестая ночь

⁶⁵⁹ Абу-Новас – знаменитый порт VIII века. Абу-Дулафаль-Иджли – полководец, умерший, вероятно, в 942 году.

Когда же настала девятьсот сорок седьмая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что халиф встал со своего места и пошёл вместе с Джафаром и остальными людьми. И они вошли в комнату одежд, и все оделись в платья купцов, и, направившись к Тигру, сели в лодку, украшенную золотом, и спустились по течению реки, пока не достигли того места, куда направлялись. И они услышали голос девушки, певшей под лютню и произносившей такие стихи:

«Сказал я ему, когда появились вина,
А соловей уж пел в ветвях деревьев;
«Доколе медлить будешь ты в веселье?
Очнись – ведь жизнь нам лишь взаймы даётся!
Бери вино от друга дорогого,
В чьём взоре томность лишь и сокращение.
Я на щеках его посеял розы,
И меж кудрей они гранат взрастили.
Считаешь ты на нем места ударов золой холодной: но ланиты
– пламя,
Хулитель говорит: «Его забудь ты!»
Как оправдаться, раз пушок доносит?»

И халиф, услышав этот голос, воскликнул: «О Джафар, как прекрасен этот голос!» И Джафар отвечал: «О владыка наш, не касалось моего слуха ничего приятнее и лучше этого пения, но только, о господин мой, слушать из-за стены, значит слушать наполовину, каково же будет слушать из-за занавески?» – «Пойдём, о Джафар, – сказал халиф. – Явимся, непростенные, к хозяину этого дома, и, может быть, мы увидим певицу воочию». – «Слушаю и повинуюсь!» – сказал Джафар. И они вылезли из лодки и попросили позволения войти, и вдруг к ним вышел юноша, красивый на вид, с нежными словами и красноречивым языком, и сказал: «Приют и уют, о господа, оказывающие мне милость! Входите, ширина вам и простор!» И они вошли (а юноша шёл перед ними) и увидели дом, выходящий на четыре стороны, и потолки в нем были позолоченные, а стены были разрисованы лазурью. В доме был портик, под которым стояла красивая скамья, а на ней сидели сто невольниц, подобных лунам. И юноша закричал на них, и они сошли с сидений, а затем хозяин дома обернулся к Джафари и сказал: «О господин, я не отличаю среди вас высокого от высшего. Во имя Аллаха! Пусть пожалует тот из вас, кто всех выше, на почётное место, а товарищи его пусть садятся, каждый по чину». И все сели на своё место, а Масрур стоял перед ними, прислуживая, и хозяин дома сказал: «О гости, с вашего позволения – не принести ли вам чего-нибудь съестного?» И ему ответили: «Хорошо!» И тогда он велел невольницам принести еду, и пришли четыре невольницы с перетянутым станом, неся перед собой стол, на котором были диковинные кушанья из того, что ходит, летает и плавает в морях, – ката, перепёлки, цыплята и голуби, и по краям скатерти были написаны подходящие к месту стихи. И пришедшие поели вдоволь и вымыли руки, и юноша сказал: «О господа мои, если у вас есть нужда, скажите нам о ней, чтобы мы почтили себя её исполнением». И пришедшие ответили: «Хорошо! Мы пришли в твоё жилище только из-за голоса, который услышали за стеной твоего дома, и хотим услышать его и узнать его обладательницу, и, если ты решишь пожаловать нам это, это будет от твоих благородных качеств, а потом мы вернёмся туда, откуда пришли». – «Добро вам пожаловать!» – сказал юноша. А затем он обернулся к одной чёрной невольнице и сказал ей: «Приведи твою госпожу такую-то». И невольница ушла, и пришла, неся скамеечку, и поставила её, и ушла вторично, и вернулась с девушкой, подобной луне в её полноте, и девушка села на скамеечку, а затем чёрная невольница подала ей атласный чехол, и девушка вынула из него лютню, украшенную драгоценными камнями и яхонтами, а колки её были из золота...»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Девятьсот сорок восьмая ночь

Когда же настала девятьсот сорок восьмая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что девушка, когда пришла, села на скамеечку и вынула лютню из чехла, и вдруг оказалось, что она украшена драгоценными камнями и яхонтами, а колки её – из золота. И девушка подтянула струны лютни, и она была такова, как сказал о ней и о лютне её поэт:

Она обняла её, как нежная мать дитя,
На лоне своём, и ярко блещут колки её.
Коль правою шевельнёт рукой, чтоб настраивать,
Сейчас же другой рукой поправит колки она.

И затем она прижала лютню к груди и склонилась над ней, как мать склоняется над ребёнком, и прошлась по её струнам, которые жалостно вскрикнули, как кричит ребёнок, зовя мать. А потом она ударила по струнам и произнесла такие стихи:

«О, вернёт пусть время любимого для укоров мне!
Мой друг, ты чашу вокруг пусти и пей вино,
Что с кровью сердца мужа лишь смешается,
И тотчас полон радости, восторга он.
Ветерок берётся нести его вместе с чашею,
Но видал ли ты луну полную, что звезду несёт?
Как часто ночью я с луной беседую,
Над Тигром ночи сумрак озаряющей,
И склоняется месяц к западу, как будто бы
Протянул он меч позолоченный над гладью вод».

А окончив свои стихи, девушка заплакала сильным плачем, и все, кто был в доме, закричали, плача, так что едва не погибли, и не было среди них никого, кто бы не исчез из мира, не разорвал бы своих одежд и не бил бы себя по лицу из-за красоты её пения. И ар-Рашид сказал: «Поистине, пение этой девушки указывает на то, что она влюблённая-разлучённая». И её господин ответил: «Она потеряла мать и отца». И ар-Рашид воскликнул: «Это не плач того, кто потерял отца и мать, это тоска того, кто лишился любимого». И ар-Рашид пришёл в восторг и сказал Исхаку: «Клянусь Аллахом, я не видел ей подобной!» И Исхак молвил: «О господин мой, я дивлюсь на неё крайним удивлением и не владею своей душой от восторга».

А ар-Рашид при всем этом смотрел на хозяина дома и вглядывался в его прелести и изящество его черт. И он увидел у него на лице следы желтизны, и обратился к нему, и сказал: «О юноша!» И юноша ответил: «Я здесь, о господин». И ар-Рашид спросил его: «Знаешь ли ты, кто мы?» – «Нет», – отвечал юноша. И Джафар сказал: «Хочешь ли ты, чтобы мы сказали тебе, как имя каждого из нас?» – «Да», – отвечал юноша. И Джафар молвил: «Это повелитель правоверных и сын дяди господина посланных», – и назвал ему имена остальных пришедших. А после этого ар-Рашид сказал: «Хочу, чтобы ты рассказал мне про желтизну, которая у тебя на лице, приобретённая ли она, или коренная, со времени рождения?» – «О повелитель правоверных, – сказал юноша, – мой рассказ удивителен, и дело моё диковинно, и если бы написать его иглами в уголках глаза, он бы был назиданием для поучающихся».

«Осведоми меня о нем, – сказал халиф. – Может быть, твоё исцеление придёт через мои руки». – «О повелитель правоверных, предоставь мне твой слух и освободи для меня твоё

внимание», – молвил юноша. И ар-Рашид воскликнул: «Подавай твой рассказ, – ты внушил мне желание его послушать!»

И тогда юноша сказал: «Знай, о повелитель правоверных, что я человек из купцов, торгующих в море, и род мой из города Омана. Мой отец был купцом с большими деньгами, и было у него тридцать кораблей, которые работали в море, и плата за них каждый год составляла тридцать тысяч динаров. А он был человек благородный и научил меня письму и всему, что нужно человеку. И когда пришла к нему кончина, он позвал меня и заповедал мне то, что обычно, и затем Аллах великий взял его к своему милосердию (да оставит Аллах в живых повелителя правоверных!). А у моего отца были товарищи, которые торговали на его деньги и ездили по морю. И в какой-то день случилось, что я сидел в моем жилище, вместе с несколькими купцами, и вдруг вошёл ко мне один из моих слуг и сказал: „О господин, у ворот человек, который просит позволения войти к тебе“. И я позволил ему, и он вошёл, неся на голове что-то закрытое, и поставил это передо мной и открыл, и вдруг оказалось, что это плоды, поспевшие не вовремя, и редкости и диковинки, которых нет в нашей стране. И я поблагодарил его за это и дал ему сто динаров, и он ушёл благодаря. А потом я разделял принесённое среди всех, кто был со мной из друзей, и спросил купцов: „Откуда это?“ – „Из Басры“, – сказали они и стали хвалить плоды и описывать красоту Басры, и все они сошлись на том, что среди городов нет города прекраснее Багдада и его обитателей. И они начали описывать Багдад и прекрасный нрав его жителей, и его хороший воздух, и красивое расположение, и моей душе захотелось туда, и мечты мои привязались к тому, чтобы его увидеть. И я продал свои земли и владения, и продал корабли за сто тысяч динаров, и продал рабов и невольниц, и когда я собрал все свои деньги, их оказалось тысяча тысяч динаров, кроме драгоценных камней и металлов. И я нанял корабль, и погрузил на него деньги и все своё имущество, и плыл на нем дни и ночи, пока не прибыл в Басру. И я провёл там некоторое время, а потом нанял корабль и сложил на него свои деньги, и мы плыли вниз по реке немного дней и достигли Багдада. И я спросил, где живут купцы и какое место лучше всего для жизни, и мне сказали: „Квартал аль-Карх“⁶⁶⁰ И я пришёл туда, и нанял дом на улице, называемой Шафранная, и перенёс все свои деньги в этот дом, и провёл там некоторое время. А затем в какой-то день я отправился на прогулку, имея с собой немного денег (а был день пятницы), и пришёл в соборную мечеть, называемую мечеть аль-Мансура⁶⁶¹, в которой совершается соборная молитва. И когда мы кончили молиться, я вышел с людьми и пошёл в место, называемое Карн-ас-Сарат. И я увидел в этой местности высокий красивый дом с балконом, выходящим на берег, и на балконе было окно. И я подошёл, среди других людей, к этому помещению и увидел сидящего старика, одетого в красивые одежды, от которого распространялся приятный запах. И старик распустил свою бороду, и она разделялась у него на груди на две пряди, подобные серебряным тростям, и вокруг него стояли четыре невольницы и пять слуг. И я спросил одного человека: «Как зовут этого старика и какое его ремесло?» И он сказал: «Это – Тахир ибн аль-Ала, и он содержатель девушек. Всякий, кто к нему входит, ест, пьёт и смотрит на красавиц».

«Клянусь Аллахом, – воскликнул я, – я уж давно хожу и ищу что-нибудь подобное!..»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Девятьсот сорок девятая ночь

⁶⁶⁰ Аль-Карх – торговая часть средневекового Багдада, располагалась в юго-восточной части столицы. Сначала аль-Карх был самостоятельным городом, и лишь со временем, по мере разрастания Багдада, вошёл в его пределы.

⁶⁶¹ Мечеть, названная в честь её строителя, второго аббасидского халифа аль-Мансура (годы правления 754-775), находилась в древнейшей, центральной части Багдада.

Когда же настала девятьсот сорок девятая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что юноша воскликнул: „Клянусь Аллахом, я уже давно хожу и ищу что-нибудь подобное!“ И я подошёл к старику, о повелитель правоверных, – говорил он, – и приветствовал его, и сказал: „О господин мой, у меня есть до тебя нужда“. – „Что у тебя за нужда?“ – спросил он. И я сказал: „Я хочу быть твоим гостем сегодня вечером“. – „С любовью и охотой!“ – ответил старик. А потом он сказал: „О дитя моё, у меня много девушек, и среди них есть такие, чья ночь по десять динаров, а есть такие, чья ночь по сорок динаров, а есть и такие, чья ночь стоит больше. Выбирай которую хочешь“. – „Я выбираю ту, чья ночь по десять динаров“, – сказал я. И затем я отвесил старику триста динаров за месяц, и он передал меня слуге, и этот слуга взял меня, и отвёл в баню, находящуюся в доме, и хорошо мне прислуживал. А когда я вышел из бани, он привёл меня в какую-то комнату и постучал в дверь. И к нему вышла девушка, и он сказал ей: „Бери твоего гостя“. И девушка встретила меня пожеланием уюта и простора, смеясь и радуясь, и ввела меня в удивительную комнату, украшенную золотом, и я всмотрелся в эту девушку и увидел, что она подобна луне в ночь её полноты, и ей прислуживали две невольницы, подобные звёздам. И она посадила меня, и села со мной рядом, и сделала девушкам знак, и они принесли столик со всевозможным мясом – курицами, перепёлками, ката и голубями, и мы ели, пока не насытились, и я в жизни не видел кушаний слаще этих. И когда мы поели, столик был убран, и принесли столик с напитками, цветами, сладостями и плодами, и я провёл с этой девушкой месяц в таких обстоятельствах.

А когда месяц кончился, я сходил в баню и пришёл к старику и сказал ему: «О господин мой, я хочу ту, чья ночь по двадцать динаров». – «Вешай золото», – сказал он. И я пошёл, и принёс золото, и отвесил старику шестьсот динаров за месяц, и он позвал слугу и сказал: «Возьми своего господина». И слуга взял меня и отвёл в баню, а когда я вышел, он привёл меня к дверям какой-то комнаты и постучался, и из комнаты вышла девушка: «Возьми своего гостя», – сказал он ей. И она встретила меня наилучшей встречей, и вдруг я вижу – вокруг неё четыре невольницы. И она приказала принести еду, и принесли столик со всевозможными кушаньями, и я стал есть, а когда я покончил с едой и столик убрали, девушка взяла лютню и пропела такие стихи:

«О мускуса дуновение из вавилонских стран,
Любовью моей молю – послания мои доставь!
Я знал в этих странах раньше милых жилища все – и
Возвышенной среди жилищ других они истинно!
И та в них живёт, любовь к кому всех влюбившихся
Пленила, но пользы нет для них от неё совсем».

И я провёл у неё месяц, а затем пришёл к старику и сказал: «Хочу ту, что за сорок динаров!» И старик сказал: «Вешай золото!» И я отвесил ему за месяц тысячу двести динаров и провёл с девушкой месяц, точно день, столь прекрасной я нашёл её внешность и её общество. И затем я опять пришёл к старику. А дело было уже под вечер, и я услышал большой шум и громкие голоса и спросил его: «В чем дело?» И старик сказал: «Сегодняшняя ночь у нас самая знаменитая из ночей, и все люди развлекаются в эту ночь, глядя друг на друга. Не хочешь ли ты подняться на крышу и посмотреть на людей?» И я сказал: «Хорошо!» И поднялся на крышу и увидел красивую занавеску, а за занавеской – великолепное помещение, в котором стояла скамья, и на ней были прекрасные ковры, и там сидела красивая девушка, которая ошеломляла смотревших своей красотой, прелестью, стройностью и соразмерностью. И рядом с ней сидел юноша, положив руку ей на шею, и целовал её, и она целовала его. И, увидев их, о повелитель правоверных, я не мог владеть своей душой и не знал, где я, – так ослепил меня прекрасный облик этой девушки. И когда я спустился вниз, я спросил девушку, у которой я был, и описал ей облик той девушки, и она сказала: «А что тебе до неё?» И я воскликнул: «Клянусь Аллахом, она взяла у меня ум!» И

девушка улыбнулась и сказала: «О Абу-ль-Хасан, у тебя есть до неё желание?» – «Да, клянусь Аллахом, она овладела моим сердцем и умом!» – воскликнул я, и девушка молвила: «Это дочь Тахира ибн аль-Ала, и она наша госпожа, а мы все – её невольницы. Знаешь ли ты, о Абу-ль-Хасан, сколько стоит её ночь и день?» – «Нет», – ответил я. И девушка сказала: «Пятьсот динаров, и по ней вздыхают сердца царей». – «Клянусь Аллахом, – воскликнул я, – я изведу все свои деньги на эту девушку!» И я провёл всю ночь, борясь со страстью, а наутро я пошёл в баню и надел самые роскошные одежды из одежд царей и, придя к отцу девушки, сказал ему: «О господин, я хочу ту, чья ночь по пятьсот динаров». – «Вешай золото!» – сказал старик. И я отвесил ему пятнадцать тысяч динаров за месяц, и он взял их и сказал слуге: «Отведя его к твоей госпоже такой-то!» И слуга взял меня и привёл в помещение, наряднее которого не видел мой глаз на лице земли.

И я увидел, что девушка сидит там, и когда я увидел её, она ошеломила мой ум своей красотой, о повелитель правоверных, и была она подобна луне в четырнадцатую ночь...

И Шахразад устало застывало, и она прекратила дозволенные речи.

Ночь, дополняющая до девятисот пятидесяти

Когда же наступила ночь, дополняющая до девятисот пятидесяти, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что юноша рассказал повелителю правоверных о качествах той девушки и продолжал: «И она была подобна луне в четырнадцатую ночь – красивая, прелестная, стройная и соразмерная; её слова позорили звуки лютни, и как будто её имели в виду слова поэта:

И если б она явилась вдруг многобожникам, Её бы сочли они за бога, не идола, А если бы в море вдруг солёное плюнула, То стала б вода морская от слюны сладкою.

А если монаху на востоке явилась бы, Оставил бы он восток, пошёл бы на запад он. Или слова другого; Взглянул на неё я раз, и впали в смущение Тончайшие мысли от чудесных красот её.

Внушила ей мысль её, что я её полюбил, И мысль эта отразилась вмиг на щеках её И я приветствовал девушку, и она сказала» «Приют и уют, добро тебе пожаловать!» И взяла меня за руку, о повелитель правоверных, и посадила с собой рядом, и от крайней тоски я заплакал, боясь разлуки, и пролил слезы из глаз, и произнёс такое двестишье:

«Люблю я разлуки ночи – я им не радуюсь,
Но, может быть, им вослед придёт единенье.
Дней близости не люблю я очень – ведь знаю я,
Что будет исходом всех вещей прекращенье».

И девушка стала развлекать меня ласковыми речами, а я утопал в море страсти и боялся, хоть был вблизи, мучений разлуки из-за крайней любви и тоски. И я вспомнил горечь разлуки и отдаления и произнёс такое двестишье:

«В час сближенья с нею подумал я о разлуке с ней,
И из глаз моих заструились слезы-дракона кровь.
И глаза я стал вытирать о шею красавицы –
Ведь сдерживает камфара обычно кровь».

И девушка приказала принести кушанья, и пришли четыре невольницы, высокогрудые девы, и поставили перед нами кушанья, плоды, сладости, цветы и вино, подходящие для царей. И мы поели, о повелитель правоверных, и сидели за вином, и вокруг нас были цветы, в помещении, подходящем только для царя. А затем, о повелитель правоверных, невольница принесла ей парчовый чехол, и она взяла его, и вынула из него лютню, и, положив лютню на

колени, прошлась по струнам, и струны жалобно позвали, как ребёнок зовёт мать, а девушка произнесла такое двустишье:

«Вино пей всегда из рук газели изнеженной –
По нежности свойств они друг другу подобны.
Поистине, пьющему усладу даёт вино
Тогда лишь, когда блещут ланиты у кравчих».

И я пробыл у неё, о повелитель правоверных, в таких обстоятельствах некоторое время, пока не вышли все мои деньги, и я подумал, сидя с нею, о разлуке, и слезы полились у меня по щекам, как потоки, и я перестал отличать ночь от дня.

«Почему ты плачешь?» – спросила девушка. И я сказал ей: «О госпожа, с тех пор как я к тебе пришёл, твой отец берет с меня каждый вечер пятьсот динаров, и у меня не осталось нисколько денег, а правду сказал поэт, когда сказал:

Коль беден ты, на родине ты чужак,
С деньгами ж – всем родной на чужбине».

«Знай, – сказала девушка, – что у моего отца в обычае, когда у него находится купец и он разорится, держать его как гостя три дня, а потом его выгоняют, и он никогда к нам не возвращается. Но скрывай свою тайну и таи своё дело, а я устрою хитрость, чтобы быть с тобой, до каких пор захочет Аллах, – в моем сердце великая любовь к тебе. Знай, что все деньги отца под моей рукой, и он не знает их количества. Я буду давать тебе каждый день мешок с пятью сотнями динаров, а ты будешь отдавать его моему отцу и скажешь: „Я не стану тебе давать деньги иначе как день за днём“. И всякий раз, как ты отдашь ему деньги, он будет давать их мне, а я буду давать их тебе, и мы будем продолжать так, до каких пор захочет Аллах».

И я поблагодарил девушку за это и поцеловал ей руку, и я провёл у неё, о повелитель правоверных, таким образом целый год.

И в какой-то день случилось, что она побила свою невольницу болезненным боем, и невольница сказала ей: «Клянусь Аллахом, я сделаю больно твоему сердцу, как ты сделала больно мне». И эта невольница пошла к её отцу и осведомила его о нашем деле с начала до конца. И Тахир ибн аль-Ала, услышав слова невольницы, тотчас же поднялся и вошёл ко мне, когда я сидел с его дочерью, и сказал: «О такой-то!» – «К твоим услугам!» – ответил я. И он сказал: «У нас такой обычай: когда с нами купец и он разорился, мы держим его как гостя три дня, а ты у нас уже год ешь, пьёшь и делаешь, что хочешь».

И он обернулся к своим слугам и сказал: «Снимите с него одежду!» И они сделали это и дали мне скверную одежду ценой в пять дирхемов, и дали мне десять дирхемов, и старик сказал: «Уходи! Я не буду тебя ни бить, ни ругать, ступай своей дорогой, но если ты останешься в этом доме, за твою кровь не будет дано платы».

И я вышел, о повелитель правоверных, не зная, куда идти, и опустила в моё сердце вся забота в мире, и охватило меня беспокойство. И я сказал себе: «Как это я приехал морем с тысячей тысяч динаров, часть которых – цена тридцати кораблей, и все это остаётся в доме зловредного старика, и после этого я выхожу от него голый, с разбитым сердцем. Нет мощи и силы, кроме как у Аллаха высокого, великого!»

И я провёл в Багдаде три дня, не вкушая ни еды, ни питья, а на четвёртый день я увидел корабль, направлявшийся в Басру, и сошёл на этот корабль, и нанял место у его хозяина, и доехал до Басры. И я пришёл на рынок, сильно голодный, и меня увидел один зеленщик, и подошёл ко мне, и обнял меня, так как он был моим другом и другом моего отца. Он спросил меня о моем положении, и я рассказал ему обо всем, что со мной случилось, и зеленщик сказал: «Клянусь Аллахом, это не дела разумного! После того, что с тобой случилось, что же ты задумал делать?» – «Не знаю, что делать», – сказал я. И зеленщик спросил: «Хочешь ли

ты сидеть у меня и записывать мой расход и доход? Тебе будет каждый день два дирхема, сверх еды и питья».

И я согласился на это и провёл у него, о повелитель правоверных, целый год, продавая и покупая, пока у меня не оказалось сто динаров, и тогда я нанял комнату на берегу реки, надеясь, что, может быть, придёт корабль с товаром, и я куплю на мои динары товару и отправлюсь с ним в Багдад. И случилось в какой-то день, что пришли корабли, и все купцы пошли покупать, и я пошёл с ними. И вдруг два человека вышли из трюма корабля и, поставив себе две скамеечки, сели. И купцы подошли к ним, чтобы покупать, и прибывшие сказали своим слугам: «Подайте ковёр». И ковёр принесли. И один из слуг принёс суму, и, вынув из неё мешок, раскрыл его, и опорожнил на ковёр, и вдруг я увидел, что ковёр похищает взоры, – так много было на нем драгоценных камней, жемчуга, коралла, яхонтов и карнеола всевозможных цветов...»

И Шахразад устала, и она прекратила дозволенные речи.

Девятьсот пятьдесят первая ночь

Когда же настала девятьсот пятьдесят первая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что юноша, рассказав халифу о происшествии с купцами и с мешком и о том, какие в нем были драгоценности всевозможных сортов, продолжал: „О повелитель правоверных, потом один из двух людей, сидевших на скамеечках, обратился к купцам и сказал: „О собрание купцов, я буду продавать только в сегодняшний день, так как я утомлён“. И люди стали набавлять цену, пока её размер не дошёл до четырехсот динаров. И тогда владелец мешка (а у меня с ним было старинное знакомство) сказал мне: „Почему ты ничего не говоришь и не набавляешь цены, как другие купцы?“ – «Клянусь Аллахом, о господин мой, – сказал я, – у меня не осталось ничего в мире, кроме сотни динаров».

И мне сделалось его стыдно, и мои глаза прослезились, и владелец мешка посмотрел на меня – а ему было тяжело видеть моё положение – и сказал купцам: «Засвидетельствуйте, что я продал все, что было в мешке из разных драгоценностей и металлов этому человеку за сто динаров, хотя я знаю, что это стоит столько-то и столькото тысяч динаров, и это подарок ему от меня».

И он дал мне суму, и мешок, и ковёр со всеми бывшими на нем драгоценностями, и я поблагодарил его за это. И все купцы, что присутствовали, стали его восхвалять, а затем я забрал драгоценности, и пошёл на рынок камней, и сел покупать и продавать. А среди этих дорогих металлов был кружок с заклинаниями – изделие мастеров, весом в полритля, и он был красный, очень красный, и на нем были строчки, точно следы муравьёв, с обеих сторон, и я не знал, какая от него польза. И я продавал и покупал целый год, а затем я взял кружок с заклинаниями и сказал: «Это лежит у меня долгое время, и я не знаю, какая от него польза». И я отдал его посреднику, и тот походил с ним, и вернулся, и сказал: «Ни один купец не дал мне за него ничего, кроме десяти дирхемов». И я сказал: «Я не продам его за такую цену». И посредник бросил мне кружок в лицо и ушёл.

И я предложил его для продажи в другой день, и цена за него дошла до пятнадцати дирхемов, и я взял его у посредника, рассерженный, и бросил где-то у себя. И когда я сидел однажды, вдруг подошёл ко мне человек и, поздоровавшись со мной, сказал: «С твоего разрешения, нельзя ли мне порыться в твоих товарах?» И я сказал: «Хорошо».

А я, о повелитель правоверных, был гневен из-за того, что завалялся этот кружок с заклинаниями, и человек порылся в товарах и не взял из них ничего, кроме кружка с заклинаниями. И когда он увидел его, о повелитель правоверных, он поцеловал себе руку и воскликнул: «Хвала Аллаху!»

И затем он спросил: «О господин, продаёшь ли ты его?» И мой гнев усилился, и я сказал: «Да!» И человек спросил: «Какая его цена?» – «А сколько ты дашь?» – спросил я. И он ответил: «Двадцать динаров». И я заподозрил, что он надо мной издевается, и сказал:

«Уходи своей дорогой». И человек сказал мне: «За пятьдесят динаров». И я не ответил ему, и тогда он сказал: «За тысячу динаров!» И при всем этом, о повелитель правоверных, я молчал и не отвечал ему, а он смеялся над моим молчанием и говорил: «Почему ты мне не отвечаешь?» – «Ступай своей дорогой», – сказал я ему и хотел начать с ним ссору, а он прибавлял тысячу за тысячей, но я не отвечал ему. И наконец он сказал: «Продашь ли ты этот кружок за двадцать тысяч динаров?» А я все думал, что он издевается надо мной, и люди собрались вокруг нас, и все говорили мне: «Продавай, а если он не купит, мы все пойдём против него, побьём его и выгоним из города».

И я спросил его: «Ты покупаешь или смеёшься?» И человек ответил: «А ты продаёшь или смеёшься?» И я сказал: «Продаю!» И тогда человек молвил: «Он стоит тридцать тысяч динаров, возьми их и заверши продажу».

И я сказал присутствующим: «Засвидетельствуйте это, но только с условием, что ты мне расскажешь, какая от него прибыль и в чем его польза».

«Заверши продажу, – сказал человек, – и я расскажу тебе о его прибыли и пользе». И тогда я сказал: «Я продал тебе!» И человек воскликнул: «Аллах в том, что я говорю, поручитель!» И вынул золото, и вручил его мне, и, взяв ладанку, положил её в карман. И затем он спросил: «Ты удовлетворён?» И когда я ответил: «Да», – он сказал: «Засвидетельствуйте, что он завершил продажу и взял деньги – тридцать тысяч динаров».

И затем он обратился ко мне и молвил: «О бедняга, клянусь Аллахом, если бы ты отложил продажу, мы бы прибавили тебе до ста тысяч динаров, нет – до тысячи тысяч динаров».

И когда я услышал, о повелитель правоверных, эти слова, кровь убежала от моего лица, и его покрыла с того дня желтизна, которую ты видишь. И затем я сказал ему: «Расскажи мне, в чем причина этого и какая польза от этого кружка». И человек сказал: «Знай, что у царя Индии есть дочка, лучше которой не видано, но у неё падучая болезнь. Царь вызывал обладателей перьев, людей науки и волхвов, но они не сняли с неё этого, и я сказал ему (а я присутствовал в собрании): „О царь, я знаю человека по имени Сад-Аллах-аль-Бабили, – нет на лице земли никого более сведущего в этих делах. Если ты решишь послать меня к нему, сделай это“. – „Ступай к нему“, – сказал царь. И я сказал ему: „Вели принести мне кусок карнеола“. И царь принёс мне большой кусок карнеола, сто тысяч динаров и подарок, и я взял это и отправился в страны вавилонские. Я стал спрашивать об этом старце, и мне указали к нему дорогу, и я дал ему сто тысяч динаров и подарок, и он принял это от меня, а потом он взял кусок карнеола и позвал гранильщика, и гот сделал из него ладанку. И старец провёл семь месяцев, наблюдая звезды, пока не выбрал время, чтобы сделать надпись. И тогда он написал на кружке талисманы, которые ты видишь, и после этого я вернулся к царю...»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Девятьсот пятьдесят вторая ночь

Когда же настала девятьсот пятьдесят вторая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что юноша говорил повелителю правоверных: „И тот человек сказал: „И я взял эту ладанку и принёс её к царю, и когда царь повесил её на свою дочку, она сейчас же выздоровела, а она была привязана на четырех цепях, и всякую ночь у неё ночевала невольница, которую к утру зарезали. А когда на царевну положили эту ладанку, она тотчас же выздоровела, и царь сильно обрадовался этому, и наградил меня, и роздал большие деньги на милостыню, а потом он вставил ладанку в ожерелье царевны. И случилось, что в какой-то день она поехала на лодке со своими невольницами прогуляться по морю, и одна из невольниц протянула к ней руку, играя с нею, и ожерелье разорвалось и упало в море, и с того времени вернулся к царевне злой дух, и охватила царя печаль. И он дал мне большие деньги и сказал: „Ступай к старцу, чтобы он сделал ей ладанку вместо той“. И я отправился к

нему, но оказалось, что он умер. И когда я вернулся к царю и рассказал ему об этом, он послал меня с десятью человеками, и мы ходим по разным странам в надежде, что, может быть, найдём ей лекарство, и вот Аллах помог мне напасть на эту ладанку у тебя“.

И он взял у меня ладанку, о повелитель правоверных, и ушёл, и было это причиной желтизны, которая на моем лице. И потом я отправился в Багдад, взяв с собою все свои деньги, и поселился в том доме, где я жил раньше. И когда наступило утро, я надел свои одежды и пришёл к дому Тахира ибн аль-Ала, надеясь, что, может быть, увижу ту, кого люблю, ибо любовь к ней непрестанно усиливалась в моем сердце.

И когда я дошёл до его дома, я увидел, что оконная решётка обвалилась, и спросил одного юношу и сказал ему: «Что сделал Аллах со старцем?» И юноша ответил: «О брат мой, к нему пришёл в каком-то году один купец, которого звали Абу-ль-Хасан, оманец, и провёл с его дочерью некоторое время, а затем, когда его деньги кончились, старец выгнал его, сокрушённого сердцем, а девушка любила его сильной любовью. И когда юноша расстался с нею, она заболела сильной болезнью, так что дошла до смерти, и её отец узнал об этом, и послал за юношей во все стороны, и поручился, что даст всякому, кто его приведёт, сто тысяч динаров, но никто не увидал его и не напал на его след. А она до сей поры близка к смерти». – «А каковы обстоятельства её отца?» – спросил я. И юноша сказал: «Он продал своих невольниц – так велико было то, что его постигло».

«Хочешь, я укажу тебе Абу-ль-Хасана из Омана?» – сказал я. И юноша воскликнул: «Ради Аллаха, о брат мой, укажи мне его!» И я сказал: «Пойди к её отцу и скажи ему: „С тебя подарок за благою весть – Абу-ль-Хасан из Омана стоит у ворот“».

И этот человек убежал, мчась, точно мул, сорвавшийся с жернова, и скрылся на некоторое время, а затем он пришёл вместе со старцем, и тот, увидав меня, вернулся домой и дал тому человеку сто тысяч динаров, и он взял их и ушёл, желая мне блага. А старец подошёл ко мне и обнял меня, и заплакал, и спросил: «О господин мой, где ты был во время этой отлучки? Погибла моя дочь из-за разлуки с тобой! Войди со мной в дом».

И когда я вошёл, старец пал ниц, благодаря Аллаха великого, и сказал: «Хвала Аллаху, который свёл нас с тобой». И затем он вошёл к своей дочери и сказал ей: «Исцелил тебя Аллах от этой болезни». – «О батюшка, – сказала она, – я выздоровлю от моей болезни, только когда увижу лицо Абу-ль-Хасана». И её отец молвил: «Когда ты поешь немного и сходишь в баню, я сведу вас».

И девушка, услышав его слова, воскликнула: «Правда ли то, что ты говоришь?» – «Клянусь Аллахом великим, то, что я сказал, правда», – молвил старик. И его дочь воскликнула: «Клянусь Аллахом, если я увижу его лицо, мне не нужно еды». – «Приведи твоего господина», – сказал тогда старец своему слуге, и я вошёл. И когда девушка взглянула на меня, о повелитель правоверных, она упала, покрытая беспамятством, а очнувшись, она произнесла такой стих:

«Аллах разлучённых сводит, хоть и не думали
И были уверены, что больше не встретятся».

А затем она села прямо и сказала: «Клянусь Аллахом, о господин мой, не думала я, что увижу твоё лицо, если это не будет сон». И она обняла меня, и заплакала, и сказала: «О Абу-ль-Хасан, теперь я буду есть и пить!» – И принесли еду и питьё.

И я провёл у них, о повелитель правоверных, некоторое время, и девушка вновь стала такой же красивой, как прежде, и тогда её отец позвал кади и свидетелей, и записал её запись со мной, и устроил великолепный пир, и она – моя жена до сей поры».

И затем юноша удалился от халифа, и вернулся к нему с мальчиком, дивно прекрасным, со станом стройным и тонким, и сказал ему: «Поцелуй землю меж рук повелителя правоверных». И мальчик поцеловал землю меж рук халифа, и халиф изумился его красоте и восславил его создателя. И затем ар-Рашид ушёл, вместе со своими людьми, и сказал: «О Джафар, это не что иное, как удивительная вещь! Я не видел и не слышал ничего

диковиннее».

И когда ар-Рашид сел во дворце халифата, он сказал: «О Масрур». И Масрур ответил: «Здесь, о господин!» И ар-Рашид молвил: «Сложи под этот портик харадж Басры и харадж Багдада и харадж Хорасана». И Масрур собрал харадж, и оказалось, что это великие деньги, счесть количество которых может только Аллах. «О Джафар», – сказал затем халиф. И Джафар молвил: «Здесь!» И халиф сказал: «Приведи ко мне Абу-ль-Хасана». – «Слушаю и повинуюсь!» – сказал Джафар и привёл его. И юноша, явившись, поцеловал землю меж рук халифа, и он боялся, что тот его потребовал из-за ошибки, случившейся с ним, когда халиф был в его жилище. «О оманец», – сказал ар-Рашид. «Я здесь, о повелитель правоверных! Да сделает Аллах над тобой вечными свои милости!» – молвил Абу-ль-Хасан. И ар-Рашид сказал: «Приподними эту занавеску!»

А халиф приказал сложить деньги из тех трех областей и опустить на них занавеску. И когда оманец поднял занавеску перед портиком, его ум был ошеломлён обилием денег. «О Абу-ль-Хасан, – спросил халиф, – какие деньги больше – эти или те, которые тебя миновали за кружок с заклинаниями?» – «Нет, эти, о повелитель правоверных, больше во много раз», – сказал оманец, и ар-Рашид молвил: «Засвидетельствуйте, о присутствующие, что я подарил эти деньги юноше».

И оманец поцеловал землю меж рук ар-Рашида, и устыдился, и заплакал от сильной радости, и когда он заплакал, слезы потекли из его глаз по щекам, и кровь возвратилась на своё место, и стало его лицо, как луна в ночь её полноты. И халиф воскликнул: «Нет бога, кроме Аллаха! Хвала тому, кто изменяет одно положение на другое, а сам вечен и не изменяется!» И затем он велел принести зеркало и показал оманцу его лицо. И, увидев своё лицо, оманец пал ниц, благодаря Аллаха великого. А потом халиф приказал отнести к нему эти деньги и попросил оманца не порывать с ним близости для застольной беседы, и оманец посещал его, пока халиф не был взят к милости Аллаха великого. Да будет же хвала тому, кто не умирает, властителю видимого и невидимого царства!

Рассказ об Ибрахиме и Джамиле (ночи 952-959)

Рассказывают также, о счастливый царь, что у аль-Хасыба, правителя Египта, рос сын, лучше которого не бывало, и от страха за него аль-Хасыб позволял ему выходить только на пятничную молитву. И он проезжал, после окончания пятничной молитвы, мимо одного старого человека, у которого было много книг. И, сойдя со своего коня, мальчик сел подле старца, и стал ворочать книги и разглядывать их, и увидел в одной из них изображение женщины, лучше которой не было видано на лице земли и которое только лишь не говорило. И эта женщина похитила разум мальчика и ошеломила его ум, и он сказал старцу: «О старец, продай мне это изображение!» И старец поцеловал перед ним землю и сказал: «О господин мой – бесплатно». И юноша дал ему сто динаров и взял книгу, в которой было это изображение. И он стал смотреть на него, и плакал ночью и днём, и отказался от еды, питья и сна, и говорил в душе: «О, если бы я спросил книжника про творца этого изображения – кто он такой? Он, может быть, рассказал мне, и если бы обладательница этого облика была в живых, я бы добрался до неё. А если это простая картинка, я бы оставил увлечение ею и не мучил бы себя вещью, у которой нет истинной сущности...»

И Шахразду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Девятьсот пятьдесят третья ночь

Когда же настала девятьсот пятьдесят третья ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что юноша говорил в душе: „Если бы я спросил книжника, кто творец этого изображения, он, может быть, мне рассказал, и если это простая картинка, я бы оставил увлечение ею и не мучил бы себя вещью, у которой нет истинной сущности“».

И когда настал день пятницы, юноша прошёл мимо книжника, и тот поднялся перед ним на ноги, и юноша сказал: «О дядюшка, расскажи мне, кто сделал это изображение?» И книжник ответил: «О господин мой, его сделал человек из жителей Багдада по имени Абу-льКасим ас-Сандалани, живущий в квартале, называемом аль-Карх, и я не знаю, чьё это изображение».

И юноша ушёл от него и не осведомил о своём положении никого из жителей царства, и не совершил пятничную молитву и вернулся домой, а потом он взял мешок и наполнил его драгоценными камнями и золотом (а цена камней была тридцать тысяч динаров) и, дождавшись утра, вышел, не уведомляя никого. И он настиг караван, и увидел одного бедуина, и сказал ему: «О дядюшка, сколько между мной и Багдадом?» И бедуин ответил: «О дитя моё, где ты, а где Багдад? Между тобой и Багдадом два месяца пути». – «О дядюшка, – сказал мальчик, – если ты доставишь меня в Багдад, я дам тебе сто динаров и коня, который подо мной, и ему цена тысяча динаров». – «Аллах в том, что мы говорим, поручитель! – воскликнул бедуин, – и ты остановишься этой ночью только у меня!»

И юноша согласился с его словами и переночевал у него, а когда заблистала заря, бедуин взял его и быстро поехал с ним по ближней дороге, желая получить коня, которого обещал ему юноша. И они шли до тех пор, пока не достигли стен Багдада.

«Хвала Аллаху за благополучие, о господин мой, вот Багдад», – сказал бедуин. И юноша обрадовался сильной радостью, и, сойдя с коня, отдал его бедуину, вместе с сотней динаров, а затем он взял мешок и пошёл, спрашивая, где квартал аль-Карх и где место купцов. И судьба привела его к улице, где было десять домиков – пять напротив пяти, и в начале улицы были ворота с двумя створами и с серебряным кольцом, а в воротах стояли две мраморные скамьи, устланные наилучшими коврами, и на одной из них сидел человек, почтённый и прекрасный видом и одетый в роскошные одежды, и перед ним стояли пять невольников, подобные луне. И когда юноша увидел это, он узнал приметы, о которых упоминал ему книжник, и приветствовал этого человека, и тот возвратил ему приветствие и сказал: «Добро пожаловать!» И посадил его, и стал спрашивать, каковы его обстоятельства. И юноша сказал: «Я человек иноземный и хочу, чтобы ты по своей милости присмотрел мне на этой улице дом, и я бы жил в нём».

И человек закричал и сказал: «Эй, Газала!» И к нему вышла невольница и сказала: «Я здесь, о господин!» И человек молвил: «Возьми с собой несколько слуг и ступай в такой-то дом. Почистите его и устелите коврами и поставьте туда все, что нужно из посуды и прочего для этого юноши, красивого видом».

И девушка вышла и сделала так, как ей приказал этот человек, а старец взял юношу и показал ему дом, и юноша сказал: «О господин, какова плата за этот дом?» – «О ясноликий, – ответил старец, – я не возьму с тебя платы, пока ты будешь в нём». И юноша поблагодарил его за это.

А затем старец позвал другую невольницу, и вышла девушка, и старец сказал ей: «Поддай шахматы». И девушка принесла их, и старец сказал юноше: «Сыграешь ты со мной?» – «Хорошо», – сказал юноша. И старик сыграл с ним несколько раз, и юноша его обыгрывал. «Ты отличился, о юноша, – сказал старец, – и твои свойства совершенны. Клянусь Аллахом, нет в Багдаде того, кто меня обыгрывает, а ты меня обыграл».

А затем, после того как приготовили дом и положили в нем ковры и все, что нужно, старец отдал юноше ключи и сказал: «О господин, не войдёшь ли ты в мой дом и не поешь ли моего хлеба? Ты окажешь нам почёт». И юноша согласился на это и пошёл со старцем, и когда они достигли дома, юноша увидел красивый и прекрасный дом, украшенный золотом, и там были всякие изображения, и были в этом доме разные ковры и вещи, для описания которых слаб язык. И старец пожелал юноше долгой жизни и велел принести еду, и принесли столик, сделанный в Сана йеменской, и поставили его, и потом принесли кушанье – дико» винные блюда, роскошнее и слаще которых не найти.

И юноша ел, пока не насытился, и затем он вымыл руки и стал разглядывать дом и ковры, а потом он обернулся, ища мешок, который был с ним, и не увидел его и воскликнул:

«Нет мощи и силы, кроме как у Аллаха высокого, великого!» Я съел кусочек, стоящий дирхем или два дирхема, и пропал у меня мешок, в котором было тридцать тысяч динаров! Но я прошу помощи у Аллаха». И потом он умолк и не мог говорить...»

И Шахразад устала, и она прекратила дозволенные речи.

Девятьсот пятьдесят четвёртая ночь

Когда же настала девятьсот пятьдесят четвёртая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что когда юноша увидал, что мешок пропал, его охватила великая забота, и он умолк и не мог говорить. И старец придвинул шахматы и спросил юношу: „Сыграешь ли ты со мной?“ И тот сказал: „Да“. И стал играть, и старец обыграл его. „Ты отличился“, – сказал юноша и бросил играть и встал, и старец спросил его: „Что с тобой, о юноша?“ И юноша оказал: „Я хочу мешок“. И тогда старец поднялся, и вынул мешок, и сказал: „Вот он, о господин мой! Не вернёшься ли ты к игре со мной?“ – „Хорошо“, – сказал юноша.

И старец стал с ним играть, и юноша обыграл его, и тогда этот человек воскликнул: «Когда твои мысли были заняты мешком, я тебя обыграл, но когда я принёс его тебе, ты обыграл меня. О дитя моё, – сказал он ему потом, – расскажи мне, из какой ты страны». – «Из Египта», – ответил юноша. И старец спросил: «А какова причина твоего прибытия в Багдад?»

И юноша вынул изображение и сказал: «Знай, о дядюшка, что я сын аль-Хасыба, правителя Египта, и я увидел это изображение у одного книжника, и оно похитило мой разум. И я спросил, кто его сделал, и мне сказали: „Его сделал человек в квартале аль-Карх по имени Абу-ль-Касим ас-Сандалани на улице, называемой улица Шафрана“. И я взял с собой немного денег и пришёл один, и никто не знает о моем состоянии. И я хочу, чтобы, в довершение твоей милости, ты указал мне на него, и я бы спросил его, почему он нарисовал этот образ и чей это образ. И чего бы он ни захотел от меня, я ему дам». – «Клянусь Аллахом, о сын мой, – сказал старец, – это я Абу-ль-Касим ас-Сандалани. И это удивительное дело, как судьбы привели тебя ко мне!»

И юноша, услышав слова Абу-ль-Касима, поднялся, и обнял его, и поцеловал ему голову и руки, и воскликнул: «Заклинаю тебя Аллахом, расскажи мне, чей это образ!» И старец ответил: «Слушаю и повинуюсь!» И затем он поднялся, и, открыв чулан, вынул оттуда множество книг, в которых он нарисовал этот образ, и сказал: «Знай, о дитя моё, что обладательница этого образа – дочь моего дяди. Она находится в Басре, и её отец – правитель Басры, по имени Абу-ль-Лейс, а её зовут Джамила, и нет на лице земли прекраснее её. Но она не охоча до мужчин и не может слышать упоминания о мужчине в своих покоях. Я пошёл к моему дяде, чтобы он женил меня на ней, и не пожалел для него денег, но он не согласился на это. И когда его дочь об этом узнала, она разгневалась и послала мне разные слова и, между прочим, сказала: „Если у тебя есть разум, не оставайся в этом городе, а иначе ты погибнешь, и грех будет на твоей же шее“. Она – жестокосердая из жестокосердых. И я вышел из Басры с разбитым сердцем, и сделал это изображение в книгах, и рассеял их по разным странам, надеясь, что, может быть, изображение попадёт в руки юноши, прекрасного лицом, как ты, и он ухитрится проникнуть к ней, и, может быть, она его полюбит. А я возьму с него обещание, что, когда он ею овладеет, он покажет мне её – хотя бы на один взгляд издали».

И когда Ибрахим ибн аль-Хасыб услышал слова старца, он опустил на некоторое время голову, размышляя, и ас-Сандалани сказал ему: «О дитя моё, я не видел в Багдаде никого лучше тебя и думаю, что, когда девушка тебя увидит, она тебя полюбит. Можешь ли ты, когда ты встретишься с нею и захватишь её, показать её мне хотя бы на один взгляд издали?» – «Да», – сказал юноша. И Абу-ль-Касим молвил: «Если дело обстоит так, оставайся у меня, пока не уедешь». – «Я не могу оставаться на месте, – сказал юноша, – в моем сердце от любви к ней великий огонь». – «Потерпи, – сказал ас-Сандалани. – Я снаряжу тебе в три дня

корабль, и ты поедешь на нем в Басру».

И юноша подождал, пока Абу-ль-Касим снарядил ему корабль, и положил на него все, что было нужно из еды, питья и прочего. И через три дня он сказал юноше: «Снаряжайся в путь, я приготовил тебе корабль, в котором все, что тебе нужно, и корабль принадлежит мне, а матросы – мои слуги, и на корабле всего столько, что тебе хватит, пока ты не вернёшься. И я приказал матросам прислуживать тебе, пока ты благополучно не воротишься».

И юноша поднялся, и пошёл на корабль, и, простившись с Абу-ль-Касимом, ехал, пока не достиг Басры.

И тогда он вынул сто динаров для матросов, но они сказали ему: «Мы получили плату от нашего господина». – «Возьмите это в награду, и я не скажу ему», – сказал юноша. И матросы взяли у него деньги и пожелали ему блага.

А затем юноша вступил в Басру и спросил, где место жительства купцов, и ему сказали: «В хане, называемом хан Хамдана». И юноша шёл, пока не дошёл до рынка, в котором был этот хан, и все глаза повернулись, смотря на него из-за его великой красоты и прелести. И юноша вошёл в хан с одним из матросов и спросил, где привратник, и когда ему указали, где он, юноша увидел, что это – старый, почтённый старик. И Ибрахим приветствовал его, и привратник возвратил ему приветствие, и юноша спросил: «О дядюшка, есть ли у тебя красивая комната?» – «Да», – ответил привратник и, взяв юношу и матроса, отпер для них красивую комнату, украшенную золотом, и сказал: «О юноша, эта комната подойдёт для тебя». И юноша вынул два динара и сказал: «Возьми их в уплату за ключ». И привратник взял их и пожелал ему блага, и юноша приказал матросу идти на корабль и вошёл в комнату. И привратник хана остался у него, и стал ему прислуживать, и сказал: «О господин мой, досталась нам из-за тебя радость». И юноша дал ему динар и сказал: «Принеси нам на этот динар хлеба, мяса, сладостей я вина». И привратник взял динар, сходил на рынок и вернулся, и он купил все это на десять дирхемов и отдал юноше остаток. «Трать это на себя», – сказал юноша. И привратник хана обрадовался сильной радостью, а затем юноша съел из того, что он потребовал, одну лепёшку и немного приправы и сказал привратнику хана: «Возьми это для тех, кто у тебя в доме». И привратник взял припасы, и ушёл к своим домочадцам, и сказал им: «Я не думаю, чтобы кто-нибудь на лице земли был великодушнее этого юноши, который поселился у нас сегодня, или приятнее его. Если он у нас останется, к нам придёт богатство».

И затем привратник хана вошёл к Ибрахиму, и увидел, что он плачет, и сел, и принялся растирать ему ноги, и поцеловал их, и сказал: «О господин мой, почему ты плачешь, да не заставит тебя Аллах плакать?» – «О дядюшка, – сказал Ибрахим, – я хочу выпить с тобой сегодня вечером». – «Слушаю и повинуюсь!» – сказал привратник. И тогда Ибрахим вынул пять динаров и сказал: «Купи нам на это плодов и вина». А затем он дал привратнику ещё пять динаров и сказал: «Купи нам на это сухих плодов и цветов и пять жирных кур и принеси мне лютню».

И привратник вышел, и купил то, что он приказал, и сказал своей жене: «Приготовь кушанье и процеди нам вино, и пусть то, что ты сделаешь, будет отлично, так как этот юноша покрыл нас благодеяниями». И жена привратника сделала то, что он ей велел, хорошо до предела желаний, и привратник взял кушанье и пошёл к Ибрахиму, сыну султана...»

И Шахразадку застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Девятьсот пятьдесят пятая ночь

Когда же настала девятьсот пятьдесят пятая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что привратник, когда его жена приготовила кушанье и вино, взял его и вошёл к сыну султана, и они стали есть, пить и веселиться. И юноша заплакал и произнёс такие два стиха:

«О друг мой, когда бы жизнь я отдал в усердии, И деньги, и весь наш мир, со всем, что

найдёшь в нем, Блаженства сады, и рай со всей его прелестью за близости час – её купило бы сердце».

И затем он вскрикнул великим криком и упал, покрытый беспамятством, и привратник хана вздохнул, и когда юноша очнулся, привратник хана спросил его: «О господин мой, отчего ты плачешь и кто та, на кого ты указываешь этими стихами? Она будет только прахом под твоими ногами». И юноша встал и, вынув узел с лучшими женскими платьями, сказал привратнику: «Возьми это для твоего гарема». И привратник взял от него узел и отдал его своей жене, и она пришла с ним, и вошла к юноше, и вдруг видит – он плачет. И она сказала ему: «Ты растерзал нам печень! Осведоми нас, какую красавицу ты хочешь, и она будет у тебя только невольницей». – «О тётушка, – сказал Ибрахим, – знай, что я сын аль-Хасыба, повелителя Египта, и я привязался к Джамиле, дочери аль-Лейса, начальника». И жена привратника хана воскликнула: «Аллах, Аллах, о брат мой, оставь эти слова, чтобы не услышал нас никто и мы бы не погибли! Нет на лице земли более жестокосердой, чем она, и никто не может назвать при ней имени мужчины, ибо у неё нет охоты до мужчин. О дитя моё, обратись от неё к другой».

И Ибрахим, услышав его слова, заплакал сильным плачем, и привратник хана сказал ему: «Нет у меня ничего, кроме моей души, и я подвергну её опасности из любви к тебе и придумаю для тебя дело, в котором будет достижение желаемого».

И потом привратник с женой вышли от него, и когда наступило утро, Ибрахим сходил в баню и надел одежду из платьев царей, и вдруг привратник хана со своей женой пришли к нему и сказали: «О господин, знай, что здесь есть один человек, портной, горбатый, и он – портной госпожи Джамилы. Пойди к нему и расскажи ему о своём состоянии, – может быть, он укажет тебе на то, в чем будет достижение твоих желаний».

И юноша поднялся и отправился в лавку горбатого портного, и, войдя к нему, он увидел у него десять невольников, подобных лунам, и приветствовал их, и они возвратили ему приветствие, и обрадовались ему, и посадили его, смущённые его прелестями и красотой.

И когда горбун увидел Ибрахима, его разум был ошеломлён красотой его облика, и юноша сказал ему: «Хочу, чтобы ты зашил мне карман».

И портной подошёл и, взяв шёлковую нитку, зашил карман (а юноша порвал карман нарочно). И когда портной зашил его, Ибрахим вынул пять динаров, отдал их портному и ушёл в своё помещение. И портной сказал себе: «Что я сделал этому юноше, чтобы он дал мне эти пять динаров?» И он провёл ночь, раздумывая о его красоте и щедрости. А когда наступило утро, Ибрахим направился в лавку горбатого портного и, войдя к нему, приветствовал его, и портной возвратил ему приветствие, и оказал ему уважение, и воскликнул: «Добро пожаловать!» И юноша сел и сказал горбуну: «О дядюшка, зашей мне карман – он ещё раз распоролся». И портной ответил: «О дитя моё, на голове и на глазах», и подошёл, и зашил карман. И Ибрахим дал ему десять динаров, и горбун взял их, и он был ошеломлён его красотой и щедростью.

«Клянусь Аллахом, о юноша, – сказал он, – этому твоему поступку должна быть причина; и дело тут не в том, чтобы зашить карман. Расскажи же мне истину о твоём деле, и если ты влюбился в кого-нибудь из этих мальчиков, то, клянусь Аллахом, среди них нет ни одного лучше, чем ты. Все они – прах под твоими ногами, и вот они, твои рабы, перед тобой. А если это не так, то расскажи мне». – «О дядюшка, – сказал Ибрахим, – здесь не место разговаривать, ибо мой рассказ удивителен и моё дело диковинно». – «Если дело обстоит так, – сказал портной, – пойдём со мной в уединённое место».

И затем портной встал, и, взяв Ибрахима за руку, вошёл с ним в комнату внутри лавки, и сказал ему: «О юноша, рассказывай!» И Ибрахим рассказал ему о своём деле. «О юноша, – сказал он, – побойся Аллаха, думая о себе! Та, о которой ты упомянул, – жестокосердая, и у неё нет охоты до мужчин, береги же, о брат мой, свой язык, а иначе ты себя погубишь».

И когда юноша услышал эти слова, он заплакал горьким плачем и, схватившись за подол портного, воскликнул: «Защити меня, о дядюшка, я погибаю! Я оставил своё царство и

царство своего отца и деда и пошёл по странам одиноким чужеземцем, и нет мне терпения без неё». И портной, увидев, что постигло юношу, пожалел его и сказал: «О дитя моё, нет у меня ничего, кроме моей души, и я подвергну её опасности из любви к тебе, так как ты поранил моё сердце. Завтра я придумаю для тебя дело, от которого твоё сердце успокоится».

И Ибрахим поблагодарил его и ушёл в хан. Он рассказал привратнику хана о том, что сказал ему горбун, и привратник молвил: «Он совершил с тобой благо».

И когда наступило утро, юноша надел свою самую роскошную одежду, и, взяв с собой мешок с динарами, пришёл к горбуну, и поздоровался с ним, и сел, и сказал: «О дядюшка, исполни обещание». – «Поднимайся сейчас же, – сказал портной, – возьми три жирных курицы, три унции сахара и два маленьких кувшина, наполни их вином и захвати кубок и положи все это в мешок. Садись после утренней молитвы в лодку с одним гребцом и скажи ему: „Я хочу, чтобы ты отвёз меня под Басру“. И если он тебе скажет: „Я не могу проехать больше, чем фарсах“, – скажи ему: „Решение принадлежит тебе“. И когда он проедет это расстояние, соблазняя его деньгами, пока он не доставит тебя до места, и когда ты достигнешь его, то первый сад, который ты увидишь, будет сад госпожи Джамилы. И когда ты увидишь его, подойди к воротам – ты увидишь две высокие ступеньки, покрытые ковром из парчи, и на них будет сидеть человек, горбатый, как я. Пожалуйся ему на своё положение и попроси его о помощи – быть может, он над тобой сжалится и приведёт к тому, что ты увидишь её, хотя бы один раз издали. Нет у меня в руках хитрости, кроме этой, и если он над тобой не сжалится, погибну и я и ты. Вот какой есть у меня план, и власть принадлежит Аллаху великому». – «Прибегаю к помощи Аллаха, что захочет Аллах, то и будет, и нет мощи и силы, кроме как у Аллаха!» – воскликнул юноша и вышел от горбатого портного и пошёл в своё помещение. Он взял то, что приказал ему портной, и положил в маленький мешок, а затем, наутро, он пришёл к берегу Тигра и вдруг увидел человека, гребца, который спал. И он разбудил его, и дал ему десять динаров, и сказал: «Свези меня под Басру». И гребец молвил: «О господин мой, с условием, что я не проеду больше одного фарсаха, если я проеду на пядь дальше, погибну и я и ты». – «Решение принадлежит тебе», – оказал Ибрахим. И гребец взял его и поплыл с ним вниз, и, приблизившись к саду, он сказал: «О дитя моё, отсюда я не могу плыть дальше, и если я перейду этот предел, погибну и я и ты».

И Ибрахим вынул другие десять динаров и сказал: «Возьми эти деньги, чтобы помочь ими себе в своём положении». И гребец устыдился и сказал: «Вручаю наше дело Аллаху великому...»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Девятьсот пятьдесят шестая ночь

Когда же настала девятьсот пятьдесят шестая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что когда юноша дал гребцу другие десять динаров, тот взял их и сказал: „Вручаю наше дело Аллаху великому!“ И поплыл с ним вниз. И когда он достиг сада, юноша встал на ноги от радости и, прыгнув из лодки прыжком, величиной с бросок копья, бросился на берег, а гребец поплыл обратно, убегая. И юноша пошёл вперёд и увидел сад и все, как описал ему горбун. Он увидел, что ворота его открыты и в проходе стоит ложе из слоновой кости, на котором сидит горбатый человек приятного вида, в одежде, украшенной золотом, и в руке у него серебряная позолоченная дубинка. И юноша торопливо подошёл к нему и, склонившись к его рукам, поцеловал их, и горбун спросил его: „Кто ты, откуда ты пришёл и кто доставил тебя сюда, о дитя моё?“ (А этот человек, увидав Ибрахима ибн аль-Хасыба, был ослеплён его красотой.) И Ибрахим сказал ему: „О дядюшка, я – глупый ребёнок из чужой страны“, – и заплакал. И горбин пожалел его, и, посадив его на ложе, вытер ему слезы, и сказал: „С тобой не будет беды! Если ты задолжал, Аллах покроет твой долг, если ты боишься – Аллах успокоит твой страх“. – „О дядюшка, – сказал Ибрахим, – нет у меня страха и нет за мной долга, со мной много денег во славу Аллаха и с его помощью“. – „О дитя

моё, – сказал горбун, – в чем твоя нужда, из-за которой ты подверг опасности свою душу и свою красоту и пришёл в место, где гибель?»

И юноша рассказал ему свою историю и изложил ему своё дело, и когда горбун услышал его слова, он опустил на некоторое время голову к земле и спросил: «Тот, кто указал тебе на меня, горбатый портной?» – «Да», – отвечал Ибрахим. И горбун сказал: «Это мой брат, и он человек благословенный. О дитя моё, – сказал он потом, – если бы любовь к тебе не сошла в моё сердце и я бы тебя не пожалел, ты бы погиб – и ты, и мой брат, и привратник хана, и его жена. Знай, – продолжал он, – что этому саду нет на лице земли подобного, и он называется Садам Жемчужины. В него не входил никто за время моей жизни, кроме султана, меня самого и его владелицы Джамилы, и я провёл в нем двадцать лет и не видел, чтобы кто-нибудь приходил в это место. Каждые сорок дней госпожа приезжает сюда на лодке и выходит среди своих невольниц в шёлковом покрывале, концы которого десять невольниц несут на золотых крючках, пока она не войдёт, так что я никогда не видел её облика. У меня есть только одна душа, и я подвергну её опасности ради тебя». И юноша поцеловал ему руку, и горбун сказал: «Посиди у меня, пока я не придумаю для тебя чего-нибудь». И затем он взял юношу за руку и ввёл его в сад, и когда Ибрахим увидел этот сад, он подумал, что это рай, и он увидел, что деревья в нем оплетаются, и пальмы высоки, и воды обильны, и птицы перекликаются в нем на разные голоса. А затем горбун подошёл с ним к домику с куполом и сказал ему: «Вот где сидит госпожа Джамила».

И юноша посмотрел на домик и увидел, что это удивительное место увеселения, и в нем всякие изображения, нарисованные золотом и лазурью, и ещё есть в нем четыре двери, к которым поднимаются по пяти ступенькам. И посреди домика – водоём, к которому спускаются по золотым ступенькам, и эти ступеньки украшены дорогими металлами, а посреди водоёма – золотой фонтан с фигурками, большими и маленькими, и вода выходит изо рта этих фигурок, и она шумит, издавая разные звуки, и слушающему кажется, что он в раю. И около домика водяное колесо с серебряными горшками, и оно покрыто парчой, и слева от него окно с серебряной решёткой, выходящей на зелёный луг, где резвятся всякие звери, газели, зайцы, а справа – окно, выходящее на площадку, где всевозможные птицы, и все они щебечут на разные голоса, ошеломляющие того, кто их слышит.

И когда юноша увидел это, его охватил восторг, и он сел в воротах сада, а садовник сел с ним рядом и сказал: «Как ты находишь мой сад?» – «Это рай на земле», – сказал юноша. И садовник засмеялся, и затем он встал, и скрылся на некоторое время, и вернулся, неся поднос, на котором были жирные куры, прекрасная снедь и сахарные сласти. Он поставил поднос перед юношей и сказал: «Ешь, пока не насытишься».

«И я ел, – говорил Ибрахим, – пока не наелся вдоволь, и когда садовник увидел, что я поел, он обрадовался и сказал: „Клянусь Аллахом, таковы дела царей и царских сыновей! О Ибрахим, – сказал он потом, – что у тебя в этом мешке?“ И я развязал перед ним мешок, и садовник сказал: „Носи его с собой, он будет тебе полезен, когда явится госпожа Джамила, когда она приедет, я не смогу принести тебе чего-нибудь поесть“.

И он встал, и взял меня за руку, и привёл в одно место, напротив домика Джамилы, и сделал там беседку среди деревьев, и сказал: «Залезай сюда. Когда она приедет, ты увидишь её, а она тебя не увидит, и это самая большая хитрость, какая у меня есть, а полагаться следует на Аллаха. Когда она начнёт петь, пой под её пенье, а когда она уйдёт, возвращайся благополучно туда, откуда пришёл, если захочет Аллах».

И юноша поблагодарил садовника и хотел поцеловать ему руку, но садовник не дал ему. А затем юноша положил мешок в беседку, которую садовник ему сделал, и садовник сказал: «О Ибрахим, гуляй в саду и ешь в нем плоды, срок прихода твоей госпожи – завтра».

И Ибрахим стал гулять в саду и есть в нем плоды, и он провёл ночь у садовника, а когда наступило утро, и засияло светом, и заблестало, Ибрахим совершил утреннюю молитву, и вдруг садовник пришёл к нему с пожелтевшим лицом и сказал: «Вставай, о дитя моё, и лезь в беседку – невольницы пришли, чтобы убирать это место, и она придёт после них...»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Девятьсот пятьдесят седьмая ночь

Когда же настала девятьсот пятьдесят седьмая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что садовник, войдя в сад к Ибрахиму ибн альХасыбу, сказал: „Вставай, о дитя моё, и лезь в беседку – невольницы пришли убирать это место, и она придёт после них. Берегись плюнуть, высморкаться или чихнуть, – мы тогда погибнем, и я и ты“. И юноша встал и залез в беседку, а садовник ушёл, говоря: „Да наделит тебя Аллах благополучием, о дитя моё“. И когда юноша сидел, вдруг пришли пять невольниц, подобных которым никто не видел, и вошли в домик, и, сняв с себя одежду, вымыли и опрыскали его розовой водой, и потом они зажгли куренья из алоэ и амбры и разостлали парчу. А после них пришли пятьдесят невольниц с музыкальными инструментами, и Джамила шла посреди них, под красным парчовым навесом, и невольницы приподнимали полы навеса золотыми крючками, пока она не вошла в домик, и юноша не увидел даже её облика и одежды.

«Клянусь Аллахом, – сказал он про себя, – пропал весь мой труд! Но я непременно подожду и увижу, каково будет дело». И невольницы принесли еду и питьё и поели, а потом они вымыли руки и поставили Джамиле скамеечку, и она села на неё, а все невольницы ударили в музыкальные инструменты и запели волнующими голосами, которым нет подобных. И затем выступила старуха управительница и стала хлопать в ладоши и плясать, и невольницы оттащили её, и вдруг занавеска приподнялась, и вышла Джамила, смеясь. И Ибрахим увидел её, и на ней были украшения и одежды, и на голове её был венец, украшенный жемчугом и драгоценными камнями, и на шее – жемчужное ожерелье, а её стан охватывал пояс из топазовых прутьев, и шнурки на нем были из яхонта и жемчуга. И невольницы встали и поцеловали перед ней землю, а она все смеялась».

«И когда я увидел её, – говорил Ибрахим ибн альХасыб, – я исчез из мира, и мой ум был ошеломлён, и мысли у меня смешались, так меня ослепила её красота, которой не было на лице земли подобия. И я упал, покрытый беспамятством, а потом очнулся с плачущими глазами и произнёс такие два стиха:

«Я вижу тебя, и не отвожу я взора, Чтоб веки лик твой от меня не скрыли, И если бы я направил к тебе все взоры, Не мог бы объять красот я твоих глазами».

И старуха сказала невольницам: «Пусть десять из вас встанут, попляшут и споют». И Ибрахим, увидев их, сказал про себя: «Я желал бы, чтобы поплясала госпожа Джамила».

И когда окончилась пляска десяти невольниц, они подошли к Джамиле, окружили её и сказали: «О госпожа, мы хотим, чтобы ты поплясала в этом месте и довершила бы этим нашу радость, так как мы не видели дня, приятнее этого». И Ибрахим ибн аль-Хасыб сказал про себя: «Нет сомнения – открылись врата неба, и внял Аллах моей молитве!» А невольницы целовали ноги Джамилы и говорили ей: «Клянёмся Аллахом, мы не видели, чтобы твоя грудь расправилась так, как в сегодняшний день». И спи до тех пор соблазняли её, пока она не сняла верхнюю одежду и не осталась в рубахе из золотой ткани, расшитой всевозможными драгоценными камнями, и она показала соски, подобные гранатам, и открыла лицо, подобное луне в ночь полнолуния».

И Ибрахим увидел движения, каких не видал всю свою жизнь, и Джамила показала в своей пляске диковинный способ и удивительные новшества, так что заставила нас забыть о пляске пузырьков в чаше и напомнила о том, что тюрбаны на головах покосились⁶⁶². И она была такова, как сказал о ней поэт:

Как хочешь, сотворена она, соразмерная,

⁶⁶² Эта фраза означает, что Ибрахим, смотря на пляску Джамилы, от восторга забыл обо всём.

По форме красы самой – не меньше и не длинней.
И, кажется, создана она из жемчужины,
И каждый из её членов равен луне красой.

Или как сказал другой:

Плясунья! Подобен иве гнущейся стан её,
Движенья её мой дух едва не уносят прочь.
Не сможет стоять нога, лишь только плясать начнёт
Она, словно под ногой её – пыл души моей.

«И когда я смотрел на неё, – говорил Ибрахим, – её взгляд вдруг упал на меня, и она меня увидела, и когда она на меня взглянула, её лицо изменилось, и она сказала невольницам: „Пойте, пока я не приду к вам“, – а затем направилась к ножу, величиной в пол-локтя, и, взяв его, пошла в мою сторону. И потом она воскликнула: „Нет мощи и силы, кроме как у Аллаха высокого, великого!“ И когда она подошла ко мне, я исчез из мира, И, увидев меня и столкнувшись со мной лицом к лицу, Джамила выронила из руки нож и воскликнула: „Хвала тому, кто возвращает сердца!“ И затем она сказала: „О юноша, успокой свою душу! Ты в безопасности от того, чего боишься“. И я начал плакать, а она вытирала мне слезы рукой и говорила: „О юноша, расскажи мне, кто ты и что привело тебя в это место“. И я поцеловал ей руку и схватился за её подол, и она сказала: „Нет над тобой беды! Клянусь Аллахом, мой глаз не наполнится памятью о ком-нибудь, кроме тебя. Скажи мне, кто ты“.

«И я рассказал ей свою историю от начала до конца, – говорил Ибрахим, – и она удивилась и сказала: „О господин мой, заклинаю тебя Аллахом, скажи мне, не Ибрахим ли ты, сын аль-Хасыба?“ И он ответил: „Да“. И она припала ко мне и сказала: «О господин мой, это ты сделал меня не охочей до мужчин. Когда я слышала, что в Каире находится мальчик, красивей которого нет на всей земле, я полюбила тебя по описанию, и к моему сердцу привязалась любовь к тебе из-за того, что до меня дошло о твоей ослепительной красоте, и я стала с тобой такова, как сказал поэт:

В любви перегнало ухо взоры очей моих –
Ведь ухо скорее глаз полюбит порою.

Да будет же хвала Аллаху, который показал мне твоё лицо! Клянусь Аллахом, если бы это был кто-нибудь другой, я распяла бы садовника, и привратника хана, и портного, и всех, кто с ними связан».

И затем она сказала мне: «Как бы мне ухитриться, чтобы ты что-нибудь поел без ведома невольниц?» И я сказал ей: «Со мною то, что мы будем есть и пить». И я развязал перед ней мешок, я она взяла курицу и стала класть куски мне в рот, и я тоже клал ей куски в рот, и когда я увидел, что она это делает, мне показалось, что это сон. И затем я поставил вино, и мы стали пить, и при всем этом она была подле меня, а невольницы пели. И мы делали так с утра до полудня, а затем она поднялась и сказала: «Поднимайся теперь и приготовь себе корабль и жди меня в таком-то месте, пока я к тебе не приду. У меня истощилось терпение переносить разлуку с тобой». – «О госпожа, – ответил я ей, – у меня есть корабль, и он – моя собственность, и матросы наняты мной, и они меня ожидают». – «Это и есть то, чего я хочу», – сказала Джамила. И затем она пошла к невольницам...»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Когда же настала девятьсот пятьдесят восьмая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что госпожа Джамила пошла к невольницам и сказала им: „Поднимайтесь, мы пойдём во дворец“. И они спросили: „Как же мы уйдём сейчас – ведь у нас обычаем проводить здесь три дня?“ – „Я чувствую на душе великую тяжесть, как будто я больна, и боюсь, что это будет для меня тягостно“, – отвечала Джамила. И невольницы сказали: „Слушаем и повинемся!“ И надели свои одежды, а потом они пошли к берегу и сели в лодку. И садовник подошёл к Ибрахиму (а он не знал о том, что с ним случилось) и сказал: „О Ибрахим, нет тебе удачи в том, чтобы насладиться её видом. Она обычно остаётся здесь три дня, и я боюсь, что она тебя увидела“. – „Она меня не видела, и я не видел её – она не выходила из домика“, – сказал Ибрахим. „Твоя правда, о дитя моё“, – сказал садовник. – Если бы она тебя увидела, мы бы, наверное, погибли. Но побудь у меня, пока она не придёт на следующей неделе, ты её увидишь и насмотришься на неё досыта“. – „О господин мой, – сказал Ибрахим, – у меня есть деньги, и я за них боюсь. Со мной люди, и я боюсь, что они найдут моё отсутствие слишком долгим“. – „О дитя моё, – сказал садовник, – мне тяжело с тобой расстаться!“

И он обнял его и простился с ним, и Ибрахим отправился в хан, в котором он стоял, и встретился с привратником хана, и взял свои деньги. И привратник хана спросил его: «Добрые вести, если хочет того Аллах?» И Ибрахим ответил ему: «Я не нашёл пути к тому, что мне нужно, и хочу возвратиться к моим родным». И привратник хана заплакал, и простился с ним, и понёс его вещи, и довёл его до корабля, и потом Ибрахим направился к тому месту, о котором ему говорила Джамила, и стал её там ждать.

И когда спустилась ночь, девушка вдруг подошла к нему в облике мужественного человека с круглой бородой, и её стан был перехвачен поясом, и в одной руке у неё был лук и стрела, а в другой – обнажённый меч. «Ты ли сын аль-Хасыба, правителя Египта?» – спросила она. И Ибрахим ответил: «Это я». И она воскликнула: «Какой же ты негодяй, что пришёл портить царских дочерей! Иди поговори с султаном!»

«И я упал, покрытый беспамятством, – говорил Ибрахим, – а матросы – те умерли в своей коже от страха. И когда девушка увидела, что меня постигло, она сняла с себя эту бороду, бросила меч и развязала пояс, и я увидел, что это госпожа Джамила, и сказал ей: „Клянусь Аллахом, ты разрубила мне сердце!“ И затем я сказал матросам: „Ускорьте ход корабля!“ И они распустили паруса и ускорили ход, и прошло лишь немного дней, и мы достигли Багдада. И вдруг я увидел, что у берега стоит корабль. И когда матросы, которые были там, увидели нас, они закричали матросам, бывшим с нами: „О такой-то и такой-то, поздравляем вас с благополучием!“ И они направили свой корабль к нашему кораблю, и мы посмотрели и вдруг видим – в нем Абу-ль-Касим ас-Сандалани! И, увидев нас, он воскликнул: „Это то, чего я хотел. Идите под охраной Аллаха, а я хочу отправиться по одному делу“. А перед ним стояла свечка, и он сказал мне: „Хвала Аллаху за благополучие! Исполнил ли ты своё дело?“ И я ответил „Да“. И ас-Сандалани приблизил к нам свечку, и когда Джамила увидела его, её состояние изменилось, и цвет её лица пожелтел, а ас-Сандалани, увидев её, воскликнул: „Идите в безопасности, хранимые Аллахом, а я пойду в Басру по делу сутана. Но подарок следует тому, кто пришёл“.

И он велел принести коробку с халвой и бросил её на корабль (а в халве был бандж), и Ибрахим сказал: «О прохлада моего глаза, поешь этого!» И Джамила заплакала и спросила: «О Ибрахим, знаешь ли, кто это?» – «Да, это такой-то», – сказал я. И Джамила молвила: «Это сын моего дяди, и он раньше сватал меня у моего отца, но я не согласилась на него, и он отправляется в Басру и, может быть, осведомит моего отца о нас». – «О госпожа, – ответил я, – он не достигнет Басры, пока мы не достигнем Мосула. И мы не знали, что скрыто для нас в неведомом». И я съел немного халвы, и не успела она опуститься мне во внутренности, как я ударился головой об землю. А когда наступило время рассвета, я чихнул, и бандж выпал у меня из ноздрей, и я открыл глаза и увидел, что я голый и брошен в пустынном месте. И я стал бить себя по лицу и сказал в душе: «Поистине, это хитрость, которую сделал со мной ас-Сандалани» И я не знал, куда пойду, и на мне были одни подштанники. И я встал, и

прошёл немного, и вдруг вижу, подходит вали и с ним несколько человек с мечами и дубинками. И я испугался и, увидев разрушенную баню, спрятался в ней, и я наткнулся на что-то ногой и положил на это руку, и она выпачкалась в крови. И я вытер руку о подштанники, не зная, что это такое, а затем протянул руку второй раз, и она попала на убитого, и его голова оказалась у меня в руке. И я бросил её и воскликнул: «Нет мощи и силы, кроме как у Аллаха высокого, великого!» А затем я вошёл в одну из комнаток бани, и вдруг вали остановился у дверей бани и сказал: «Войдите в то место И затем я вскрикнул единым криком и упал без памяти, и сердце палача смягчилось ко мне, и он сказал: „Клянусь Аллахом, это не лицо того, кто убил!“ – „Отрубите ему голову“, – сказал вали. И меня посадили на ковёр крови и завязали мне глаза повязкой, и палач взял меня, и спросил у вали разрешения, и хотел отрубить мне голову. И я закричал: „Увы мне на чужбине!“ И вдруг приблизились всадники, и кто-то сказал: „Оставьте его! Убери руку, о палач!“ И была этому удивительная причина и диковинное дело. А именно, аль-Хасыб, правитель Египта, послал своего придворного к халифу Харуну ар-Рашиду с подарками и редкостями и послал с ним письмо, в котором говорил: „Мой сын вот уже год, как исчез, и я слышал, что он в Багдаде, и хотел бы милости от преемника Аллаха, чтобы он расследовал, что с ним, и постарался бы его разыскать и отослал бы его ко мне с этим придворным“.

И когда халиф прочитал письмо, он приказал вали узнать истину об этом деле, и вали с халифом не переставали расспрашивать об Ибрахиме, пока им не сказали, что он в Басре. И когда халифу рассказали об этом, он написал письмо и отдал его египетскому придворному и велел ему отправиться в Басру, взяв с собой отряд из приближённых везира, и от усердия в поисках сына своего господина придворный выехал тотчас же и нашёл юношу на коврике крови, у вали.

И когда вали увидел придворного и узнал его, он сошёл для него с коня, и придворный спросил: «Что это за юноша и каково его дело?» И вали рассказал ему, что случилось, и придворный сказал (а он не знал, что это сын султана): «Лицо этого юноши – лицо того, кто не убивает». И он велел развязать его узы, и вали развязал его, и тогда придворный сказал: «Приведи его ко мне!» И вали подвёл Ибрахима к придворному, а красота Ибрахима пропала из-за тех ужасов, которые он перенёс.

«Расскажи мне о твоём деле, о юноша, и о том, что у тебя произошло с этой убитой», – сказал придворный. И когда Ибрахим посмотрел на этого придворного, он узнал его и воскликнул: «Горе тебе! Или ты меня не узнаешь? Разве я не Ибрахим, сын твоего господина? Может быть, ты пришёл, разыскивая меня?»

И придворный внимательно посмотрел на Ибрахима и узнал его, как нельзя лучше, и, узнав юношу, он припал к его ногам, и когда вали увидел, что произошло с придворным, у него пожелтел цвет лица. «Горе тебе, о жестокосердый, – сказал придворный, – неужели ты хотел убить сына моего господина аль-Хасыба, правителя Египта?» И вали поцеловал подол придворного и сказал: «О владыка, откуда мне было знать? Мы увидели его в таком виде и увидели рядом с ним убитую девушку». – «Горе тебе, ты не годишься для того, чтобы быть вали, – сказал придворный. – Этому мальчику пятнадцать лет жизни, и он не убил даже воробья, так как же он убьёт человека? Но дал ли ты ему срок и спрашивал ли ты его об его обстоятельствах?»

И затем придворный и вали сказали: «Ищите убийцу девушки!» И люди вошли в баню ещё раз, и увидели её убийцу, и, схватив его, привели его к вали.

И вали взял его, и отправился с ним во дворец халифата, и сообщил халифу о том, что случилось, и арРашид приказал убить убийцу девушки, а затем он велел привести Ибн аль-Хасыба. И когда юноша предстал перед ним, ар-Рашид улыбнулся ему в лицо и сказал: «Расскажи мне о твоём деле и о том, что с тобой случилось».

И Ибрахим рассказал ему свою историю, с начала до конца, и она показалась халифу значительной, и он позвал Масрура, меченосца, и сказал: «Ступай сию же минуту, ворвись в дом Абу-ль-Касима ас-Сандалани и приведи его вместе с девушкой».

И Масрур сейчас же отправился и, ворвавшись в дом, увидел, что девушка связана

своими волосами и находится в гибельном состоянии. И Масрур развязал её и привёл вместе с ас-Сандалани к халифу, и, увидев девушку, ар-Рашид удивился её красоте, – а затем он обернулся к ас-Сандалани и сказал: «Возьмите его, отруби ему руки, которыми он бил эту девушку, и распните его и отдайте его деньги и владения Ибрахиму».

И это сделали, и когда это было так, вдруг Абу-ль-Лейс, правитель Басры, отец госпожи Джамилы, явился, взывая к халифу о помощи против Ибрахима, сына аль-Хасыба, правителя Египта, и жалуясь, что он взял его дочь. И ар-Рашид сказал ему: «Он был причиной её освобождения от пыток и убийства». И халиф велел привести Ибн аль-Хасыба, и когда тот пришёл, сказал Абу-ль-Лейсу: «Разве не согласен ты, чтобы этот юноша, сын султана Египта, был мужем твоей дочери?» – «Внимание и повиновение Аллаху и тебе, о повелитель правоверных!» – сказал Абу-ль-Лейс.

И халиф призвал судью и свидетелей и выдал девушку замуж за Ибрахима ибн аль-Хасыба. Он подарил ему все деньги ас-Сандалани, снарядил и отправил в его страну. И Ибрахим жил с Джамилой в совершеннейшей радости и полнейшем счастье, пока не пришла к ним Разрушительница наслаждений и Разлучительница собраний. Да будет же хвала живому, который не умирает!

Рассказ об Абу-ль-Хасане из Хорасана (ночи 959-963)

Рассказывают также, о счастливый царь, что аль-Мутаид биллах⁶⁶³ был возвышен помыслами и благороден душой, и было у него в Багдаде шестьсот везирей, и ничто из дел людских не было от него скрыто. И пошёл он однажды с Ибн Хамдуном⁶⁶⁴, чтобы посмотреть на подданных и послушать, что есть нового в делах людей, и их стал палить зной и жара. А они дошли до маленького переулочка на площади и, войдя в этот переулок, увидели в конце его красивый дом, высоко построенный и возглашавший о своём обладателе языком хвалы. И они присели у ворот отдохнуть, и из дому вышли двое слуг, подобных луне в четырнадцатую ночь, и один из них сказал своему товарищу: «Если бы какой-нибудь гость попросил сегодня разрешения войти! Мой господин не ест иначе, как с гостями, а мы дождались до этого времени и никого не видим». И халиф удивился их словам и сказал: «Вот доказательство щедрости владельца этого дома! Мы непременно войдём в его дом и посмотрим на его благородство, и это будет причиной милости, которая придёт к нему от нас». И затем он сказал слуге: «Попроси у своего господина позволения войти нескольким чужеземцам (а халиф в то время, если он хотел посмотреть на подданных, переодевался в одеяние купцов)». И слуга вошёл к своему господину и рассказал ему, я хозяин дома обрадовался и вышел к гостям сам, и оказалось, что он прекрасен лицом и красив обликом, и на нем нисабурская рубашка и расшитый золотом плащ, и он пропитан духами, и на руке его – перстень с яхонтами. И, увидев пришедших, он сказал им: «Приют и уют господам, оказывающим нам крайнюю милость своим приходом!»

И, войдя в этот дом, они увидели, что он заставляет забыть близких и родину и подобен кусочку райских садов...»

И Шахразад застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Ночь, дополняющая до девятисот шестидесяти

Когда же настала ночь, дополняющая до девятисот шестидесяти, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что когда халиф и те, кто был с ним, вошли в дом, они увидели,

⁶⁶³ Аль-Мутаид биллах – аббасидский халиф (правил с 892 по 902 годы).

⁶⁶⁴ Ибн Хамдун – везир этого халифа.

что он заставляет забыть близких и родину и подобен кусочку райских садов, и внутри его был сад со всевозможными деревьями, и он ошеломлял взоры, и все помещения в нем были устланы роскошными коврами. И вошедшие сели, и альМутаид стал рассматривать дом и ковры.

«И я посмотрел на халифа, – говорил Ибн Хамдун, – и увидел, что его лицо переменилось (а я различал на его лице выражение милости или гнева), и, увидев это, я сказал себе: „Посмотри-ка! Что это с ним, что он рассердился“. И принесли золотой таз, и мы вымыли руки, и затем принесли шёлковую скатерть и столик из бамбука, и когда с блюда подняли крышки, мы увидели кушанья, подобные весенним цветам в самое лучшее время, купами и отдельно. И хозяин дома сказал: „Во имя Аллаха, господи! Клянусь Аллахом, меня измучил голод! Сделайте милость, поешьте этих кушаний, как подобает людям с благородными свойствами“.

И хозяин дома стал разнимать кур и класть их перед нами, и он смеялся, произносил стихи, рассказывал и говорил тонкие вещи, подходящие для этого места.

И мы поели и попили, – говорил Ибн Хамдун, – и потом нас перевели в другое помещение, ошеломляющее тех, кто смотрит, в котором веяли прекрасные запахи, и принесли скатерть с только что сорванными плодами и сладостями, внушающими желания, и усилилась наша радость, и прошла наша печаль. Но при всем этом халиф не переставал хмуриться и не улыбался, видя то, что радовало душу, хотя он обычно любил развлекаться и веселиться, прогоняя заботы, и я знал, что он не завистник и не обидчик. И я говорил про себя: «Узнать бы, в чем причина его хмурости и того, что не проходит его недовольство!»

А затем принесли поднос для питья, собирающий вокруг себя влюблённых, и принесли процеженное вино в золотых, хрустальных и серебряных чашах, и хозяин дома ударил бамбуковой палочкой в дверь какой-то комнаты, и вдруг эта дверь отворилась, и из неё вышли три невольницы – высокогрудые девы, с лицами, подобными солнцу в четвёртый час дня, и одна из них была лютнистка, другая била в цимбалы, а третья была плясунья. И затем нам принесли сухие и свежие плоды и между нами и тремя невольницами опустили парчовую занавеску с шёлковыми кистями, и кольца её были из золота. Но халиф не обращал на все это внимания, а хозяин дома не знал, кто находится у него. И халиф спросил хозяина дома: «Благородный ли ты?» И тот отвечал: «Нет, господин мой, я человек из детей купцов и зовусь среди людей Абу-ль-Хасаном ибн Ахмедом хорасанцем». – «Знаешь ли ты меня, о человек?» – спросил халиф. И Абу-ль-Хасан ответил: «Клянусь Аллахом, о господин мой, не было у меня знакомства ни с одним из ваших благородных достоинств». И Ибн Хамдун сказал ему: «О человек, это повелитель правоверных аль-Мутадад биллах, внук аль-Мутаваккиля-ала-Ллаха»⁶⁶⁵.

И тогда этот человек поднялся, и поцеловал землю меж рук халифа, дрожа от страха, и сказал: «О повелитель правоверных, заклинаю тебя твоими пречистыми дедами, если ты увидел во мне неумение или малое вежество в твоём присутствии, прости меня». – «Что касается уважения, которое ты нам оказал, то больше этого не бывает, – сказал халиф, – но кое что я здесь заподозрил, и если ты расскажешь мне об этом правду и она утвердится в моем уме, ты спасёшься, если же ты не осведомишь меня об истине, я поймаю тебя с явными доказательствами и буду пытаться тебя такой пыткой, какой не пытал никого». – «Прибегаю к Аллаху от того, чтобы сказать ложное! – воскликнул Абу-ль-Хасан. – В чем твоё подозрение, о повелитель правоверных?» – «С тех пор как я вошёл в этот дом, – ответил халиф, – я смотрю на его красоту и убранство – посуду, ковры и украшения, вплоть до твоей одежды, и на всем этом – имя моего деда аль-Мутаваккиля-ала-Ллаха». – «Да, – ответил Абуль-Хасан. – Знай, о повелитель правоверных (да поддержит тебя Аллах!), что истина – твоя нижняя одежда, а правда – твой плащ, и никто не может говорить неправду в твоём присутствии».

⁶⁶⁵ Аль-Мутаваккиль-ала-Ллах правил с 847 по 861 год. АльМутаид был внуком аль-Муваффака биллаха, который приходился братом пятнадцатому аббасидскому халифу аль-Мутаиду (870-871).

И халиф велел ему сесть, и когда он сел, сказал ему: «Рассказывай!» И хозяин дома молвил: «Знай, о повелитель правоверных (да укрепит тебя Аллах своей поддержкой и да окружит тебя своими милостивыми детьми!), что не было в Багдаде никого богаче меня и моего отца... Но освободи для меня твой ум, слух и взор, чтобы я рассказал тебе о причине того, из-за чего ты меня заподозрил».

«Начинай твой рассказ», – сказал халиф. И Абу-льХасан молвил:

«Знай, о повелитель правоверных, что мой отец торговал на рынке менял, москательщиков и продавцов материи, и на каждом рынке у него была лавка, поверенный и товары всех родов, и у него была комнатка внутри лавки на рынке менял, чтобы быть в ней наедине, а лавку он предназначил для купли и продажи.

И у него было денег больше, чем можно сосчитать и превыше счисления, и не было у него ребёнка, кроме меня, и он любил меня и заботился обо мне. И когда пришла к нему смерть, он позвал меня и поручил мне заботиться о моей матери и бояться Аллаха великого, а потом он умер (да помилует его Аллах великий и да сохранит он повелителя правоверных!), а я предался наслаждениям и стал есть и пить и завёл себе друзей и приятелей. И моя мать удерживала меня от этого и укоряла меня, но я не слушал её слов, пока не ушли все деньги. И я продал свои владения, и не осталось у меня ничего, кроме дома, в котором я жил. А это был красивый дом, о повелитель правоверных, и я сказал матери: «Хочу продать дом!» И она молвила: «О дитя моё, если ты его продашь, ты опозоришься и не найдёшь себе места, где бы приютиться». – «Дом стоит пять тысяч динаров, – сказал я. – Я куплю из денег за него дом в тысячу динаров и буду торговать на остальное». – «Не продашь ли ты дом мне за это количество?» – спросила моя мать. И я сказал: «Хорошо». И она подошла к опускной двери и, открыв её, вынула фарфоровый сосуд, в котором было пять тысяч динаров, и мне показалось, что весь дом – золотой. «О дитя моё, – сказала она, – не думай, что эти деньги – деньги твоего отца! Клянусь Аллахом, о дитя моё, они из денег моего отца, и я их припрятала до часа нужды. Во время твоего отца я была избавлена от надобности в этих деньгах».

И я взял у неё деньги, о повелитель правоверных, и вернулся по-прежнему к еде, питью и дружбе, и эти пять тысяч динаров вышли, и я не принимал от моей матери ни слов, ни советов. И потом я сказал ей: «Хочу продать дом!» И она молвила: «О дитя моё, я удержала тебя от продажи его, так как знала, что он тебе нужен, как же ты хочешь продать его второй раз?» – «Не затягивай со мной разговоров, неизбежно его продать!» – сказал я. И моя мать молвила: «Продай мне его за пятнадцать тысяч динаров, с условием, что я сама возьмусь за твои дела».

И я продал ей дом за эту цену, с условием, что она сама возьмётся за мои дела, и она позвала поверенных моего отца и дала каждому из них тысячу динаров, а остальные деньги оставила у себя и сделки приказала заключать с нею. И часть денег она дала мне, чтобы я на них торговал, и сказала: «Сиди в лавке твоего отца». – И я сделал так, как сказала мне мать, о повелитель правоверных, и пошёл в комнату, что была на рынке менял, и мои друзья приходили ко мне и покупали у меня, а я продавал им, и моя прибыль была хороша, и мои деньги умножились. И когда моя мать увидела меня в таких прекрасных обстоятельствах, она показала мне то, что у неё было припрятано из драгоценных камней, металлов, жемчуга и золота. И вернулись ко мне мои владения, которые пропали из-за мотовства, и стало у меня много денег, как и раньше. И я провёл таким образом некоторое время, и пришли ко мне поверенные моего отца, и я дал им товаров и потом выстроил себе вторую комнатку внутри лавки.

И когда я однажды сидел в ней, по обычаю, о повелитель правоверных, вдруг подошла ко мне девушка, лучше которой не видели глаза, и спросила: «Это ли комната Абу-ль-Хасана Али ибн Ахмеда хоросанца?» И я ответил: «Это я». И мой разум был ошеломлён её крайней прелестью, о повелитель правоверных. И девушка села и сказала мне: «Скажи мальчику – пусть он отвесит мне триста динаров». И я приказал отвесить ей это количество, и мальчик отвесил деньги, и девушка взяла их и ушла, а мой разум был смущён. И мальчик спросил

меня: «Знаешь ли ты её?» И я ответил: «Нет, клянусь Аллахом!» И тогда он спросил: «Почему же ты сказал мне: „Отвесь ей!“ – „Клянусь Аллахом, – сказал я, – я не знал, что говорю, так как меня ослепила её красота и прелесть“».

И мальчик поднялся и последовал за дедушкой, без моего ведома, но потом вернулся, плача, и на его лице был след удара. «Что с тобой?» – спросил я: И он сказал мне: «Я последовал за девушкой, чтобы посмотреть, куда она пойдёт, и она почуяла меня, и вернулась, и ударила меня этим ударом, так что едва не погубила и не выбила мне глаз».

И я провёл месяц, не видя девушки, и она не пришла, и я потерял от любви к ней разум, о повелитель правоверных, а когда наступил конец месяца, она вдруг пришла и поздоровалась со мной, и я едва не улетел от радости. И она спросила, что со мной было, и сказала:

«Может быть, ты говорил в душе: „Что делает эта хитрая? Как это она взяла у меня деньги и ушла?“ – „Клянусь Аллахом, о госпожа, – сказал я ей, – мои деньги и душа – в твоей власти“». И она открыла лицо и присела отдохнуть, и украшения и одежды переливались на её лице и груди. „Отвесь мне триста динаров“, – сказала она потом. И я молвил: „Слушаю и повинуюсь!“ И я отвесил ей динары, и она взяла их и ушла. И я сказал мальчику: „Пойди за ней следом!“ И он последовал за девушкой и вернулся ко мне ошеломлённый. И прошло некоторое время, и девушка не приходила, и когда я сидел в какой-то день, она вдруг пришла ко мне и поговорила со мной немного, а потом сказала: „Отвесь мне пятьсот динаров – они мне понадобились...“ И я хотел ей сказать: „За что я буду тебе давать деньги?“ – но крайняя страсть помешала мне говорить, и всякий раз, как я её видел, о повелитель правоверных, у меня дрожали поджилки и желтел цвет лица, и я забывал то, что хотел сказать, и был таким, как сказал поэт:

И только красавицу увижу внезапно я,
Сейчас же смущаюсь и едва отвечаю.

И я отвесил ей пятьсот динаров, и она взяла их и ушла, и я встал и шёл за ней следом сам, пока она не дошла до рынка драгоценных камней. И она остановилась возле одного человека, и взяла у него ожерелье, и, обернувшись, увидела меня и сказала: «Отвесь мне пятьсот динаров». И когда владелец ожерелья увидел меня, он поднялся и оказал мне уважение.

И я сказал ему: «Отдай ей ожерелье, и цена его будет за мной!»

И торговец сказал: «Слушаю и повинуюсь!» А девушка взяла ожерелье и ушла...»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Девятьсот шестьдесят первая ночь

Когда же настала девятьсот шестьдесят первая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что Абу-ль-Хасан хоросанец говорил: „И я сказал: „Отдай ей ожерелье, и цена его будет за мной!“ И девушка взяла ожерелье и ушла. И я следовал за ней, пока она не дошла до Тигра, и тогда она села в лодку, и я указал рукой на землю, как бы целуя её перед ней, и она уехала, смеясь. А я остался и стоял, смотря на неё, пока она не вошла в какой-то дворец, и я всмотрелся в него и вдруг вижу, что это дворец халифа аль-Мутаваккиля!»

И я вернулся, о повелитель правоверных, и опустилась мне на сердце вся забота мира, – ведь девушка взяла у меня три тысячи динаров! И я говорил про себя: «Она взяла мои деньги и похитила мой разум, и, может быть, моя душа погибнет от любви к ней». И я вернулся домой и рассказал моей матери обо всем, что со мной случилось, и она сказала: «О дитя моё, берегись попадаться ей после этого – ты погибнешь». И когда я пошёл в лавку, ко мне пришёл поверенный с рынка москательщиков – а это был престарелый старец – и сказал мне: «О господин, почему это, я вижу, твоё состояние изменилось, и видны на тебе следы грусти?»

Расскажи мне о твоём деле». И я рассказал ему обо всем, что у меня случилось с девушкой, и поверенный сказал: «О дитя моё, эта девушка – из невольниц дворца повелителя правоверных, и она любимица халифа. Считай же, что деньги ушли ради Аллаха великого, и не занимай ею своей души, а когда она к тебе придёт, остерегайся, чтобы она тебе не повредила, и осведоми меня об этом, а я придумаю что-нибудь, чтобы не постигла тебя гибель».

И затем он оставил меня и ушёл, а в моем сердце было пламя огня. И когда пришёл конец месяца, девушка вдруг явилась ко мне, и я обрадовался ей до крайней степени, и она молвила: «Что побудило тебя за мной следовать?» – «Меня побудила к этому крайняя любовь, которая в моем сердце», – сказал я и заплакал перед нею, и она тоже заплакала из жалости ко мне и воскликнула: «Клянусь Аллахом, в твоём сердце нет любви, больше которой в моем сердце! Но что же мне делать? Клянусь Аллахом, нет мне пути ни к чему, кроме как видеться с тобой один раз каждый месяц!»

И затем она дала мне бумажку и сказала: «Снеси её к такому-то, торговцу тем-то – он мой поверенный – и получи с него столько, сколько тут написано». А я воскликнул: «Нет мне нужды в деньгах, и мои деньги и душа – выкуп за тебя!» – «Я придумаю для тебя дело, в котором будет твоё сближение со мной, хотя бы был в этом для меня труд», – сказала девушка. И затем она простилась со мной и ушла, а я пришёл к старику москательщику и рассказал ему о том, что случилось.

И он пришёл со мной к дворцу аль-Мутаваккиля, и я увидел, что это то самое помещение, в которое вошла девушка, и старик москательщик растерялся, не зная, какую устроить хитрость. И он посмотрел по сторонам и увидел портного, напротив окна дворца, выходявшего на берег, и подле него были работники. «С помощью этого человека ты достигнешь того, чего хочешь», – сказал москательщик. – Распори карман, подойди к портному и скажи, чтобы он тебе его зашил, и когда он зашьёт его, дай ему десять динаров». – «Слушаю и повинуюсь!» – сказал я и отправился к этому портному, захватив с собой два отреза румской парчи, и сказал ему: «Скрой из этих отрезов четыре одежды – две фарджии и две нефарджии».

И когда он кончил кроить одежды и шить их, я дал ему плату, гораздо большую, чем обычно, и он протянул мне руку с этими одеждами, и я сказал: «Возьми их для себя и для тех, кто у тебя находится». И я стал сидеть у портного, затягивая пребывание с ним, и скроил у него другие одежды и сказал: «Повесь их перед твоей лавкой, чтобы кто-нибудь их увидел и купил». И портной сделал это, и всякому, кто выходил из дворца халифа и кому нравились какие-нибудь одежды, я дарил их, даже привратнику.

И в один день из дней портной сказал мне: «Я хочу, о дитя моё, чтобы ты рассказал мне правду. Ты скроил у меня сто драгоценных одежд (а каждая одежда стоила больших денег) и подарил большую часть их людям, а это не дело купца, так как купец рассчитывает каждый дирхем. Каков же размер твоих основных денег, раз ты делаешь такие подарки, и какова твоя нажива каждый год? Расскажи мне истину, чтобы я помог тебе в том, что ты хочешь, заклинаю тебя Аллахом», – сказал он потом, – не влюблён ли ты?» – «Да», – ответил я. И он спросил: «В кого?» И я сказал: «В невольницу из невольниц дворца халифа». – «Да обезобразит их Аллах! – воскликнул портной. – Сколько они ещё будут соблазнять людей!» И затем он спросил: «Знаешь ли ты её имя?» И когда я ответил: «Нет», – портной сказал: «Опиши её мне». И я описал ему ту девушку, и он воскликнул: «О горе, это лютнистка халифа аль-Мутаваккиля и его любимица! Но у неё есть невольник. Сведи с ним дружбу, и, может быть, он будет причиной того, что ты достигнешь девушки».

И когда мы разговаривали, вдруг этот невольник подошёл, выйдя из ворот халифа, и он был подобен луне в четырнадцатую ночь. А передо мной лежали одежды, которые сшил для меня портной (они были парчовые, разных цветов), и невольник стал смотреть на них и разглядывать их, а затем он подошёл ко мне, и я поднялся и приветствовал его, и он спросил: «Кто ты?» – «Человек из купцов», – ответил я. И невольник спросил: «Продаёшь ли ты эти одежды?» – «Да», – ответил я. И он взял пять из них и спросил: «Почём эти пять?» – «Это

подарок тебе от меня, чтобы заключить дружбу между мной и тобой», – ответил я, и невольник обрадовался. А затем я пошёл домой и взял для него платье, украшенное драгоценными камнями и яхонтами, ценой в три тысячи динаров, и отнёс его к нему, и он принял от меня платье, и потом взял меня и привёл в комнату внутри дворца, и спросил: «Как ты зовёшься среди купцов?» – «Я один из них», – ответил я. И невольник молвил: «Твоё дело внушило мне сомнение». – «Почему?» – спросил я. И он сказал: «Ты подарил мне много вещей и покорило этим моё сердце, и я уверен, что ты Абу-ль-Хасан хорасанец, меняла».

И я заплакал, о повелитель правоверных, и невольник спросил: «О чем ты плачешь? Клянусь Аллахом, та, из-за которой ты плачешь, больше и сильнее влюблена в тебя, чем ты влюблён в неё, и среди всех невольниц во дворце стало известно её дело с тобой. Что же ты хочешь?» – спросил он меня потом. И я сказал: «Я хочу, чтобы ты помог мне в моей беде», – и невольник условился со мной на завтра. И я отправился домой, а на следующее утро я пошёл к невольнику и вошёл в его комнату, и невольник пришёл и сказал: «Знай, что, когда она вчера кончила службу у Халифа и пришла в свою комнату, я рассказал ей всю твою историю, и она решила с тобой сблизиться. Посиди у меня до конца дня».

И я остался сидеть у невольника, и когда наступила ночь, он вдруг пришёл и принёс рубашку, сотканную из золота, и платье из платьев халифа и надел их на меня, и окурил меня благовониями, и я стал похож на халифа. А затем он привёл меня в помещение, где были комнаты в два ряда, по обе стороны, и сказал: «Это собственные комнаты невольниц, и когда ты будешь проходить мимо них, клади у каждой двери один боб – у халифа обычай делать так каждый вечер...»

И Шахразад устало сказала, и она прекратила дозволенные речи.

Девятьсот шестьдесят вторая ночь

Когда же настала девятьсот шестьдесят вторая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что невольник говорил Абу-ль-Хасану: „И когда ты будешь проходить мимо них, клади у каждой двери один боб – у халифа обычай делать это, – пока не дойдёшь до второго прохода, что будет от тебя с правой руки. Ты увидишь там комнату, дверь которой с мраморным порогом, и когда ты дойдёшь до неё, пощупай порог рукой, а если хочешь – считай двери, их будет столько-то, и войди в дверь, у которой такие-то и такие-то приметы, – твоя подруга увидит тебя и возьмёт к себе. А что касается твоего выхода, то Аллах облегчит его для меня, хотя бы мне пришлось вынести тебя в сундуке“. И затем он оставил меня и вернулся, а я пошёл, считая двери, и клал у каждой двери боб, и когда я дошёл до средних комнат, я услышал великий шум и увидел блеск свечей, и этот свет двигался в мою сторону, пока не приблизился ко мне. И я посмотрел, что это, и вдруг вижу – халиф, и вокруг него невольницы, а у невольниц свечи. И я услышал, как одна из них говорила своей подруге: „О сестрица, разве у нас два халифа? Ведь халиф уже проходил мимо моей комнаты, и я почувствовала запах его духов и благовоний, и он положил боб у моей комнаты, по обычаю, а сейчас я вижу свет свечей халифа, и вон он сам идёт“. – „Поистине, это удивительное дело, – сказала другая невольница, – так как перерядиться в одежду халифа не осмелится никто“.

И потом свет приблизился ко мне, и у меня задрожали все члены, и вдруг евнух закричал невольницам: «Сюда!» И они свернули к одной из комнат и вошли, а потом вышли и шли до тех пор, пока не дошли до комнаты моей подруги. И я услышал, как халиф спросил: «Эта комната чья?» И ему сказали: «Эта комната Шеджерет-аддурр».

И халиф молвил: «Позовите её!» И девушку позвали, и она вышла и поцеловала ноги халифа, и тот спросил её: «Будешь ты пить сегодня вечером?»

«Не будь это ради твоего присутствия и взгляда на твоё лицо, я бы не стала пить, потому что не склонна пить сегодня вечером», – ответила девушка. И халиф сказал евнуху:

«Скажи казначею, чтобы он дал ей такое-то ожерелье».

И затем он велел всем входить в её комнату, и перед ним внесли свечи, и халиф вошёл в комнату моей подруги, и вдруг я увидел, впереди других, невольницу, сияние лица которой затмевало свет свечи, бывшей у неё в руке. И она подошла ко мне и сказала: «Кто это?» И схватила меня, и увела в одну из комнат, и спросила: «Кто ты?» И я поцеловал перед ней землю и сказал: «Заклинаю тебя Аллахом, о госпожа, сохрани мою кровь от пролития, пожалей меня и приблизься к Аллаху спасением моей души!» И я заплакал, боясь смерти, и невольница сказала: «Нет сомненья, что ты вор!» И я воскликнул: «Нет, клянусь Аллахом, я не вор. Разве ты видишь на мне признаки воров?» – «Расскажи мне правду, – сказала она, – и я оставлю тебя в безопасности». – «Я влюблённый, глупый дурак, – сказал я. – Любовь и моя глупость побудили меня к тому, что ты видишь, и я попал в эту западню». – «Стой здесь, пока я не приду к тебе», – сказала она и, выйдя, принесла мне одежду невольницы из своих невольниц, и надела на меня эту одежду в той же комнате, и сказала: «Выходи за мной!»

И я вышел за ней и дошёл до её комнаты, и она сказала: «Входи сюда».

И когда я вошёл в комнату, она подвела меня к ложу, где были великолепные ковры, и сказала: «Садись, с тобой не будет беды. Ты не Абу-ль-Хасан хорасанец, меняла?» – «Да», – сказал я. И девушка воскликнула: «Аллах да сохранит твою кровь от пролития, если ты говоришь правду и не вор! А иначе ты погибнешь, тем более что ты в облике халифа и в его одежде и пропитан его благовониями. Если же ты Абу-ль-Хасан Али хорасанец, меняла, то ты в безопасности и с тобой не будет беды, так как ты друг Шеджерет-ад-Дурр, а она – моя сестра. Она никогда не перестает говорить о тебе и рассказывать нам, как она взяла у тебя деньги, а ты к ней не переменялся, и как ты пришёл следом за нею на берег и указал рукой на землю из уважения к ней, и в её сердце из-за тебя огонь больше, чем в твоём сердце из-за неё. Но как ты пробрался сюда, – по приказанию её или без её приказания, подвергая опасности свою душу, и чего ты хочешь от встречи с нею?» – «Клянусь Аллахом, госпожа, – сказал я, – я сам подверг свою душу опасности, а моя цель при встрече с нею – только смотреть на неё и слышать её речь». – «Ты отлично сказал», – воскликнула невольница. И я молвил: «О госпожа, Аллах свидетель в том, что я говорю. Моя душа не подсказала мне о ней ничего греховного». – «За такое намерение пусть спасёт тебя Аллах! Жалость к тебе запала в моё сердце!» – воскликнула невольница. И затем она сказала своей рабыне: «О такая-то, пойди к Шеджерет-ад-Дурр и скажи ей: „Твоя сестра желает тебе мира и зовёт тебя. Пожалуй же к ней сегодня ночью, как обычно, – у неё стеснена грудь“».

И невольница пошла, и вернулась, и сказала: «Она говорит: „Да позволит Аллах насладиться твоей долгой жизнью и да сделает меня твоим выкупом! Клянусь Аллахом, если бы ты позвала меня не для этого, я бы не задержалась, но у халифа головная боль и это меня удерживает, – а ты ведь знаешь, каково моё место у него“». И девушка сказала невольнице: „Возвращайся к ней и скажи: „Ты обязательно должна прийти к ней сегодня из-за тайны, которая есть между вами“». И невольница пошла и через некоторое время пришла с девушкой, лицо которой сияло как луна. И её сестра встретила её, и обняла, и сказала: „О Абу-ль-Хасан, выходи к ней и поцелуй ей руки!“ А я был в чуланчике, внутри комнаты, и вышел к ней, о повелитель правоверных, и, увидев меня, она бросилась ко мне, и прижала меня к груди, и сказала: «Как ты оказался в одежде халифа с его украшениями и благовониями?»

И затем она молвила: «Расскажи мне, что с тобой случилось». И я рассказал ей, что со мной случилось и что мне пришлось вынести, – и страх, и другое, и девушка молвила: «Тяжело для меня то, что ты из-за меня перенёс, и хвала Аллаху, который сделал исходом всего этого благополучие, и в завершение благополучия ты вошёл в моё жилище и в жилище моей сестры». И потом она увела меня в свою комнату и сказала сестре: «Я обещала ему, что не буду с ним сближаться запретно, и так же, как он подверг свою душу опасности и прошёл через все эти ужасы, я буду ему землёю, чтобы он попирает меня ногами, и прахом для его сандалий...»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Девятьсот шестьдесят третья ночь

Когда же настала девятьсот шестьдесят третья ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что девушка сказала своей сестре: „Я обещала ему, что не буду сближаться с ним запретно, и так же, как он подверг свою душу опасности и прошёл через все эти ужасы, я буду ему землёю, чтобы он попирал меня ногами, и прахом для его сандалий“. И её сестра сказала ей: „Ради этого намерения да спасёт его великий Аллах“. И Шеджерет-ад-Дурр молвила: „Ты увидишь, что я сделаю, чтобы соединиться с ним законно. Я обязательно пожертвую своей душой, чтобы ухитриться для этого“.

И когда мы разговаривали, вдруг раздался великий шум, и мы обернулись и увидели, что пришёл халиф и направляется к её комнате, – так сильно он её любил. И девушка взяла меня, о повелитель правоверных, и посадила в погреб, и закрыла его надо мной, а потом она вышла навстречу халифу и встретила его. И когда халиф сед, она встала перед ним и начала ему прислуживать и велела принести вино. А халиф любил невольницу по имени Банджа (а это мать аль-Мутазза биллаха)⁶⁶⁶, и эта невольница порвала с ним, и он порвал с ней, и она гордая своей прелестью и красотой, не мирилась с ним, а аль-Мутаваккиль, гордый властью халифа и царя, не мирился с нею и не сломил себя перед нею, хотя в его сердце горело из-за неё огненное пламя, и старался отвлечься от неё подобными ей из невольниц, и заходил в их комнаты. А он любил пение Шеджерет-ад-Дурр и велел ей петь, и девушка взяла лютню и, натянув струны, пропала такие стихи:

«Дивлюсь, как старался рок нас прежде посорить с ней, –
Когда же все кончилось меж нами, – спокоен рок,
Я бросил тебя – сказали: «Страсти не знает её!»
Тебя посетил – сказали: «Нет в нем стойкости!»
Любовь к ней, усиль же с каждой ночью ты страсть мою.
Забвение дня – с тобою встречусь в день сбора я.
Ведь кожа её – как шёлк, а речи из уст её
Так мягки – не вздор они и не назидание,
И очи её – сказал Аллах: «Пусть будут!»
И созданы Они, и с сердцами то, что вина, творят они».

И, услышав её, халиф пришёл в великий восторг, и я тоже возликовал в погребке, о повелитель правоверных, и если бы не милость Аллаха великого, я бы вскрикнул, и мы бы опозорились.

И затем девушка произнесла ещё такие стихи:

«Его обнимаю я, и все же душа по нем
Тоскует, а есть ли что, что ближе объятий?
Целую его уста я, чтобы прошёл мой жар,
Но только сильнее от любви я страдаю.
И, кажется, сердца боль тогда исцелится лишь,
Когда ты увидишь, что слились наши души».

И халиф пришёл в восторг и воскликнул: «Пожелай от меня, о Шеджерет-ад-Дурр». И девушка сказала: «Я желаю от тебя освобождения, о повелитель правоверных, так как за него

⁶⁶⁶ Аль-Мутазз биллах (годы правления 866-869), – тринадцатый халиф из династии Аббасидов, мать которого, греческую невольницу, на самом деле звали Кабиха.

будет небесная награда». – «Ты свободна, ради великого Аллаха», – сказал халиф. И девушка поцеловала землю меж его рук, и халиф молвил: «Возьми лютню и скажи нам что-нибудь о моей невольнице, любовь к которой привязалась ко мне. Все люди ищут моей милости, а я ищу её милости».

И девушка взяла лютню и произнесла такие два стиха:

«Владычица красоты, что всю мою набожность
Взяла, – как бы ни было, я должен владеть тобой.
Возьму ли покорностью тебя – это путь любви!
Иль, может, величием моим – это власти путь!»

И халиф пришёл в восторг и сказал: «Возьми лютню и спой стихи, в которых будет рассказ о моем деле с тремя невольницами, которые овладели моей уздой и лишили меня сна, – это ты, и та невольница, что со мной рассталась, и другая – её не назову, – которой нет подобной».

И девушка взяла лютню и, начав петь, произнесла такие стихи:

«Три красавицы овладели ныне уздой моей
И в душе моей место лучшее захватили.
Хоть послушен я никому не буду во всей земле,
Их я слушаюсь, а они всегда непокорны.
И значит это только то, что власть любви
(А в ней их сила) – моей превыше власти».

И халиф до крайности удивился соответствию этих стихов с его обстоятельствами, и восторг склонил его к примирению с невольницей, порвавшей с ним. И он вышел и направился к её комнате, и одна из невольниц опередила его и осведомила ту девушку о приходе халифа, и она вышла к нему навстречу и поцеловала землю меж его рук, а затем поцеловала его ноги, и халиф помирился с ней, и она помирилась с ним, и вот каково было их дело.

Что же касается Шеджерет-ад-Дурр, то она пришла ко мне, радостная, и сказала: «Я стала свободной из-за твоего благословенного прихода, и, может быть, Аллах мне поможет, и я что-нибудь придумаю, чтобы соединиться с тобой законно». И я воскликнул: «Хвала Аллаху!» И когда мы разговаривали, вдруг вошёл к нам её евнух, и мы рассказали ему, что с нами случилось, и он воскликнул: «Хвала Аллаху, который сделал исход этого благим! Просим Аллаха, чтобы он завершил это дело твоим благополучным выходом!»

И мы так разговаривали, и вдруг пришла та девушка, её сестра (а имя её было Фатир), и Шеджерет-ад-Дурр сказала ей: «О сестрица, как нам сделать, чтобы вывести его из дворца целым? Аллах великий послал мне освобождение, и я стала свободной по благодати его прихода». – «Нет у меня хитрости, чтобы его вывести, иначе как одеть его в женскую одежду», – сказала Фатир. И затем она принесла платье из платьев женщин и надела его на меня, и я вышел, о повелитель правоверных, в ту же минуту. И когда я дошёл до середины дворца, я вдруг увидел, что повелитель правоверных сидит и евнухи стоят перед ним. И халиф посмотрел на меня, и заподозрил меня сильнейшим подозрением, и сказал своим слугам: «Скорей приведите мне эту уходящую невольницу!» И меня привели и подняли мне покрывало, и, увидев меня, халиф меня узнал и стал меня расспрашивать, и я рассказал ему все дело, не скрыв от него ничего. И, услышав мой рассказ, халиф подумал о моем деле и затем в тот же час и минуту поднялся, вошёл в комнату Шеджерет-ад-Дурр и сказал: «Как это ты избираешь вместо меня какого-то сына купца?» И она поцеловала перед ним землю и рассказала ему, по правде, всю историю, с начала до конца. И халиф, услышав её слова, пожалел её, и его сердце смягчилось к ней, и он простил её из-за любви и её обстоятельств и ушёл. И евнух девушки вошёл к ней и сказал: «Успокойся душою! Когда твой друг предстал

меж рук халифа, тот спросил его, и он рассказал ему то же, что рассказала ты, буква в букву. И халиф, придя обратно, призвал меня к себе и спросил: „Что побудило тебя посягнуть на дом халифата?“ И я сказал ему: „О повелитель правоверных, меня побудила к этому моя глупость и любовь и надежда на твоё прощение и великодушие“.

И потом я заплакал и поцеловал перед халифом землю, и он сказал: «Я простил вас обоих». И затем он велел мне сесть, и я сел, а халиф призвал судью Ахмеда ибн Абу-Дауда⁶⁶⁷ и женил меня на этой девушке и велел перенести все, что у неё было, ко мне, и девушку ввели ко мне в её комнату. А через три дня я вышел и перенёс все эти вещи ко мне в дом, и все, что ты видишь у меня в доме, о повелитель правоверных, и что кажется тебе подозрительным – все это из её приданого».

И в один из дней моя жена сказала: «Знай, что аль-Мутаваккиль – человек великодушный, но я боюсь, что он о нас вспомнит или что-нибудь упомянет при нем о нас кто-нибудь из завистников, и хочу сделать что-то, в чем будет спасение от этого». – «А что это?» – спросил я. И она сказала: «Я хочу попросить у него позволения совершить паломничество и отказаться от пения». – «Прекрасный план ты указываешь!» – воскликнул я. И когда мы разговаривали, вдруг пришёл ко мне посол от халифа, требуя Шеджерет-ад-Дурр, так как халиф любил её пение. И моя жена пошла и служила ему, и халиф сказал ей: «Не покидай нас». И она молвила: «Слушаю и повинуюсь!»

И случилось, что она ушла к нему в какой то день (а он прислал за ней по обычаю), но не успел я опомниться, как она уже пришла от него в разорванной одежде и с плачущими глазами, и я испугался и воскликнул: «Поистине, мы принадлежим Аллаху и к нему возвращаемся!» – и подумал, что халиф велел нас схватить. «Разве аль-Мутаваккиль на нас разгневался?» – спросил я. И моя жена сказала: «А где аль-Мутаваккиль? Власть аль-Мутаваккиля кончилась, и образ его стёрт». – «Расскажи мне истину об этом деле», – сказал я, и моя жена молвила: «Он сидел за занавеской и пил, и с ним был аль-фатх ибн Хакан и Садака ибн Садака, и бросился на него его сын аль-Мунтасир с толпой турок⁶⁶⁸ и убил его, и сменилась радость злом, и прекрасное счастье стонами и воплями. И я убежала вместе с невольницей, и Аллах спас нас».

И я тотчас же вышел, о повелитель правоверных, и спустился в Басру, и пришла ко мне после этого весть, что началась война между аль-Мунтасирём и аль-Мустаином, его противником⁶⁶⁹, и я испугался и перевёз мою жену и все моё имущество в Басру. Вот мой рассказ, о повелитель правоверных, и я не прибавил к нему ни буквы и не убавил ни буквы, и все, что ты видишь в моем доме, о повелитель правоверных, и на чем стоит имя твоего деда аль-Мутаваккиля – от милостей его к нам, так как основа нашего благоденствия – от твоих благороднейших предков, и вы – люди милости и рудник щедрости».

И халиф обрадовался этому сильной радостью и удивился рассказу Абу-ль-Хасана.

«А затем, – говорил Абу-ль-Хасан, – я вывел к халифу ту женщину и моих детей от неё, и они поцеловали землю меж его рук, и он удивился их красоте. Он велел подать чернильницу и написал, что снимает харадж с наших владений на двадцать лет».

И халиф обрадовался, и он взял Абу-ль-Хасана к себе в сотрапезники, и наконец разлучил их рок, и они поселились в могилах после дворцов. Хвала же владыке всепрощающему!

⁶⁶⁷ Ахмед ибн Абу-Дауд – главный судья в царство ванне халифа аль-Мутаваккиля.

⁶⁶⁸ Аль-Мунтасир биллах вступил на престол в 861 году, после убийства своего отца аль-Мутаваккиля, павшего жертвой заговора турецких наёмников, и правил всего полгода.

⁶⁶⁹ Аль-Мустаин – преемник аль-Мунтасира, правил до 866 года. Упоминание о междоусобной войне между аль-Мунтасиром и аль-Мустаином не совсем справедливо – противником аль-Мустаина был не аль-Мунтасир, а аль-Мутаэз биллах, сменивший аль-Мустаина на престоле.

Сказка о Камар-аз-Замане и жене ювелира (ночи 963-978)

Рассказывают также, о счастливый царь, что был в древние времена один купец, по имени Абд-ар-Рахман. И наделил его Аллах дочерью и сыном, и дочь он назвал Каукаб-ас-Сабах из-за её красоты и прелести, а сына он назвал Камар-аз-Заман из-за его великой красоты. И когда он увидел, какой одарил их Аллах красотой, прелестью, блеском и соразмерностью, он побоялся для них зла от глаз смотрящих и языков завистников, и козней коварных, и ухищрений развратников и скрывал их от людей в одном доме четырнадцать лет, так что никто их не видел, кроме их родителей и невольницы, которая им служила.

А их отец читал Коран, как ниспослал его Аллах, и мать их тоже читала Коран. И мать стала обучать свою дочь, а отец обучал сына, пока дети не запомнили Коран и не научились письму, счёту, наукам и вежеству от отца и матери, так что не нуждались в учителе.

И когда мальчик достиг возраста мужей, жена купца сказала: «До каких пор ты будешь скрывать твоего сына Камар-аз-Замана от людей? Что он – девочка или мальчик?» – «Мальчик», – ответил ей купец. И она молвила: «Раз он мальчик, почему ты не возьмёшь его с собой на рынок и не посадишь его в лавке, чтобы он знал людей, и люди знали его, и им стало бы известно, что он твой сын. Научи его покупать и продавать, может быть, с тобой что-нибудь случится, и люди будут знать, что он твой сын, когда он наложит руку на твоё наследство. Если же ты умрёшь теперь и он скажет людям: „Я сын купца Абд-ар-Рахмана“, – ему не поверят и скажут: „Мы тебя не видели и не знаем, что у него есть сын“. И твоё имущество возьмут власти, а твой сын будет лишён всего. И дочку я тоже хочу показать людям, – может быть, ктонибудь, ей равный, посватается к ней, и мы выдадим её замуж и порадуемся на неё». – «Это от страха людского глаза», – сказал купец...

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Девятьсот шестьдесят четвёртая ночь

Когда же настала девятьсот шестьдесят четвёртая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что когда жена купца сказала ему эти слова, он ответил ей: «Это от страха людского глаза, так как я люблю моих детей, а любящий сильно ревнив, и отличился тот, кто сказал:

Ревную тебя к себе самому, и к взорам
Моим, и к тебе, и к бегу часов, и к месту.
Когда б тебя вложил я в мои очи,
Вовек мне близость бы не надоела.
И если б каждый день мы были вместе,
До воскресенья дня, – мне было б мало».

И жена его сказала ему: «Положись на Аллаха! Не будет беды с тем, кого хранит Аллах! Возьми его с собой сегодня в лавку». И она одела мальчика в платье из роскошнейших одежд, и он стал искушением для взирающих и огорчением для сердец влюблённых. И отец взял его с собой и отправился с ним на рынок. И всякий, кто видел мальчика, пленялся им, и подходил к нему, и целовал ему руку, и приветствовал его. А его отец ругал людей за то, что они шли за ним следом, чтобы поглядеть на его сына. И некоторые люди говорили: «Это» солнце взошло и засияло на рынке». А другие говорили: «Место восхода луны – в такой-то стороне». Другие же говорили: «Появился серп луны праздника над рабами Аллаха»⁶⁷⁰. И все они намекали на мальчика словами и желали ему

⁶⁷⁰ То есть серп луны, видимый в последний вечер месяца рамадана, в течение которого мусульмане должны

блага, и его отца охватил стыд из-за слов людей, но он не мог никому из них запретить говорить и стал ругать мать Камар-аз-Замана и проклинать её, так как это она была причиной выхода мальчика.

И отец Камар-аз-Замана обернулся и увидел, что люди толпятся за ним и перед ним, когда он идёт. И наконец они дошли до лавки, и Абд-ар-Рахман отпер лавку, и сел, и посадил перед собой своего сына. И, посмотрев на людей, он увидел, что они запрудили дорогу, и всякий, кто проходил мимо, вперёд или назад, останавливался перед лавкой, и смотрел на это красивое лицо, и не мог от него оторваться. И все люди, мужчины и женщины, были согласны в этом и произносили слова сказавшего:

«Ты создал красоты, чтоб нас испытать,
И нам ты сказал: «О рабы, меня бойтесь!»
Прекрасен ты сам и прекрасное любишь –
Твоим ли рабам да в меня не влюбиться?»

И когда купец Абд-ар-Рахман увидел, что люди толпятся вокруг его сына, и мужчины и женщины стоят рядами, уставившись на мальчика, он смутился до крайности и впал в недоумение, не зная, что делать. И не успел он опомниться, как подошёл к нему, со стороны рынка, дервиш из странников, на котором было облачение праведных рабов Аллаха, и приблизился к мальчику и начал произносить стихи и проливать обильные слезы. И, увидев, что Камар-аз-Заман сидит, подобный ветви ивы, растущей на куче шафрана, он пролил слезы из глаз и произнёс такие два стиха:

«Увидел я трость на куче камня.
Как месяц она, когда он блещет.
«Как имя?» – спросил. Он молвил: «Лу-лу».
Я крикнул: «Мне! Мне!» Он молвил: «Нет! Нет!»⁶⁷¹

И затем дервиш стал не спеша подходить, поглаживая рукой свои седины. И толпа расступилась из почтения к нему, и когда он увидел мальчика, его ум и взор были ошеломлены, и к нему подошли слова сказавшего:

И вот красавец этот где то раз стоял,
В лице его светился месяц праздника,
И вдруг к нему почтённый подошёл старик –
Походкою неспешной он нарочно шёл,
На нем следы виднелись строгой жизни.
Прошёл ночей и дней он испытанья, запретное узнал и то, что
можно.
И женщин и мужчин любил он страстно,
И тонким сделался, как зубочистка
Костями стал он, что покрыты кожей.
В искусстве этом был он истым персом,
И старец юношей ему казался,
В любви же к женщинам он был узритом,
Но в отраслях обеих был он сведущ.
И Зейнаб или Зейд – не различал он.

соблюдать пост. С рождением новой луны пост считается оконченным, и начинается так называемый «праздник розговенья».

⁶⁷¹ В подлиннике игра на созвучьях «лу-лу» (жемчуг), «лили» (мне, мне) и «ля-ля» (нет, нет).

Любил красавиц он, любил их страстно,
Рыдал в кочевье, плакал над следами,
Сочтёшь его, охваченного страстью,
Ты веткой, что качается от ветра.
Ведь твёрдость свойственна одним лишь скалам.
В искусстве страсти опытен был старец,
Внимателен и зорок в этом деле.
И трудное и лёгкое прошёл он,
С оленем и с газелью обнимался.
Любя седых и безбородых равно.

И дервиш подошёл к мальчику и подал ему стебель базилика. И отец мальчика положил руку в карман и, вынув несколько дирхемов, сказал: «Возьми свою долю, о дервиш, и уходи своей дорогой».

И дервиш взял у него дирхемы, и сел на скамью в лавке, перед мальчиком, и начал смотреть на него и плакать, испуская непрерывные вздохи, и слезы его были точно полноводные ручьи, и люди смотрели на него и порицали его, и одни говорили: «Все дервиши развратники». А другие говорили: «У этого дервиша от любви к мальчику в сердце пожар».

Что же касается до его отца, то, когда он увидел эти обстоятельства, он встал и сказал: «Выходи, о дитя моё, мы закроем лавку и уйдём домой. Не подобает нам в сегодняшний день покупать и продавать. Аллах великий пусть воздаст твоей матери за то, что она с нами сделала. Это она была причиной всего этого. О дервиш, – сказал он потом, – выходи, я закрою лавку».

И дервиш вышел, и купец запер лавку, и взял своего сына, и пошёл. И дервиш следовал за ним, вместе с людьми, пока они не дошли до дому, и мальчик вошёл в дом, и купец обернулся к дервишу и спросил его: «Что ты хочешь, о дервиш, и почему это, я вижу, ты плачешь?» – «О господин, – сказал дервиш, – я хочу быть „твоим гостем сегодня вечером. Ведь гость – гость великого Аллаха“. – „Добро пожаловать гостю Аллаха, – сказал купец, – входи, о дервиш...“

И Шахразадку застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Девятьсот шестьдесят пятая ночь

Когда же настала девятьсот шестьдесят пятая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что когда дервиш сказал купцу, отцу Камар-аз-Замана: „Я гость Аллаха“, купец ответил ему: „Добро пожаловать гостю Аллаха! Входи, о дервиш“. А про себя купец сказал: „Если этот дервиш влюбился в мальчика и потребует от него мерзости, я обязательно убью его сегодня ночью и скрою его могилу, а если в нем нет разврата, то пусть гость съест свою долю“.

И потом он ввёл дервиша и Камар-аз-Замана в одну комнату и сказал потихоньку Камар-аз-Заману: «О дитя моё, садись рядом с дервишем и подразни его и поиграй с ним, после того как я от вас выйду. И если он потребует от тебя дурного, я буду смотреть на вас из окна, которое выходит в эту комнату, и спущусь к нему и убью его».

И когда дервиш остался с мальчиком один в комнате и тот сел рядом с дервишем, дервиш стал смотреть на него, и вздыхать, и плакать. И когда мальчик заговаривал с ним, он отвечал ему мягко, а сам дрожал и оглядывался на мальчика, вздыхая и плача. И пришло время ужина, и дервиш стал есть, и глаза его были устремлены на мальчика и не переставали плакать. И когда прошла четверть ночи, и кончилась беседа, и пришло время спать, отец мальчика сказал: «О дитя моё, постарайся сам служить твоему дяде дервишу и не перечь ему», – и хотел выйти. Но дервиш сказал ему: «О господин мой, возьми своего сына с собой

или спи с нами». – «Нет, – сказал купец, – вот мой сын – он будет спать с тобой. Может быть, твоя душа чего-нибудь захочет, и тогда мой сын исполнит твою нужду и будет тебе служить».

И он вышел, и оставил их, и сел в другой комнате, где было окно, выходившее в комнату тех двоих, и вот что было с купцом.

Что же касается мальчика, то он подошёл к дервишу и стал его распалать и предлагать ему себя. И дервиш рассердился и сказал: «Что это такое за слова, о дитя моё! Прибегаю к Аллаху от сатаны, битого камнями! О боже мой, это осуждается и неуютно тебе! Удались от меня, о дитя моё!» И дервиш поднялся со своего места и сел далеко от мальчика, но тот последовал за ним, и бросился ему на грудь и сказал: «Почему, о дервиш, ты лишаешь себя улады близости со мной, когда моё сердце тебя любит?» И гнев дервиша усилился, и он воскликнул: «Если ты не отступишься от меня, я позову твоего отца и расскажу ему о твоём деле». – «Мой отец, – сказал мальчик, – знает, что я такой, и невозможно, чтобы он помешал мне. Залечи же моё сердце! Почему ты от меня отказываешься? Разве я тебе не нравлюсь?» – «Клянусь Аллахом, о дитя моё, – сказал дервиш, – я не сделаю этого, даже если буду изранен острыми мечами!»

И он произнёс слова поэта:

«Моё сердце прекрасных любит, и женщин
И мужчин, и не буду я в этом медлить.
Нет, и в полдень увижу их и под утро,
Сыном Лота, иль блудником я не буду».

И он заплакал и сказал мальчику: «Встань, открой мне дверь, и я уйду своей дорогой. Не буду я больше спать в этом месте!» И он поднялся на ноги, но мальчик уцепился за него и стал говорить: «Посмотри, как сияет моё лицо, как красны мои щеки и мягки мои члены и нежны мои губы».

И потом он обнажил ногу, приводящую в смущение вино и кравчего, и посмотрел на дервиша взором, обессиливающим волшебников и колдунов, и был он редкостно красив и мягок в своей изнеженности, как сказал о нем кто-то из сказавших:

Мне не забыть, как он поднялся, обнажив
Нарочно ногу, блестящую, как жемчуг.
Не дивитесь же, что настал уж день воскресенья –
В день воскресенья обнажатся ноги⁶⁷².

И потом юноша показал ему свою грудь и сказал: «Посмотри на мои соски оеони прекраснее сосков девушки, а моя слюна слаще растительного сахара. Брось благочестие и воздержание и избавь рас от богомольности и набожности! Воспользуйся моей близостью и насладись моей красотой. Не бойся ничего совершенно – ты в безопасности от дурного. Оставь равнодушие – скверное это свойство?»

И он стал ему показывать и открывать то, что было скрыто из его прелестей, и ослаблять поводья его ума своими движениями, а дервиш отворачивал лицо и говорил: «Прибегаю к Аллаху! Стыдись, о дитя моё! Это дело запретное, и я не сделаю его даже во сне!» И мальчик стал настаивать, и дервиш вырвался от него и, обратившись к кыбле, начал молиться; и мальчик, увидев, что он молится, оставил его. И дервиш совершил молитву в два раката и произнёс возглас приветствия, и тогда мальчик хотел подойти к нему, но дервиш начал молиться второй раз и совершил молитву в два раката, и сделал это в третий раз, и в

⁶⁷² Слегка изменённая цитата из Корана (глава XXVIII, стих 42), где сказано: «В тот день, когда обнажится нога» – то есть как объясняют комментаторы Корана, когда разразится бедствие над нечестивыми в день страшного суда.

четвёртый, и в пятый. И мальчик сказал ему: «Что это за молитва! Разве ты хочешь взлететь к облакам? Ты погубил нам веселье, простояв всю ночь в михрабе».

И затем мальчик бросился к дервишу и начал целовать его меж глаз, и дервиш сказал ему: «О дитя моё, прогони от себя шайтана и соблюдай повиновение всемилостивому!» Но мальчик воскликнул: «Если ты не сделаешь того, что я хочу, я позову отца и скажу ему: дервиш хочет со мной сделать мерзость, – и он войдёт к тебе и побьёт тебя так, что сломает кости под твоим мясом».

А отец его при всем этом смотрел глазами и слушал ушами, и он уверился в том, что в дервише нет разврата, и сказал себе: «Если бы этот дервиш был развращён, он бы не стал терпеть всей этой тяготы».

А мальчик все пробовал соблазнять дервиша, и всякий раз, как тот хотел начать молитву, прерывал её, так что дервиш рассердился на мальчика до крайности и стал с ним груб и побил его. И мальчик заплакал, и его отец вошёл к нему, и вытер ему слезы, и, успокоив его, сказал дервишу: «О, брат мой, раз ты такой, чего же ты плакал и горевал, когда увидел моего сына? Есть ли для этого какая-нибудь причина?» – «Да», – сказал дервиш. И купец молвил: «Когда я увидел, что ты плачешь при виде мальчика, я подумал о тебе дурное и велел мальчику так делать, чтобы испытать тебя, и задумал, если я увижу, что ты требуешь от него мерзости, войти к тебе и убить тебя. Но когда я увидел, как ты поступил, я узнал, что ты до крайности праведен. Но, ради Аллаха, расскажи мне о причине твоего плача».

И дервиш вздохнул и сказал: «О господин мой, не береги успокоившиеся раны». И купец воскликнул: «Обязательно расскажи мне!»

И тогда дервиш молвил: «Знай, что я дервиш, блуждающий по землям и странам, чтобы извлечь назидание из творений создателя ночи и дня. И случилось мне войти в город Басру в день пятницы, на заре дня...»

И Шахразад устало сказала, и она прекратила дозволенные речи.

Девятьсот шестьдесят шестая ночь

Когда же настала девятьсот шестьдесят шестая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что дервиш говорил купцу: „Знай, что я дервиш странствующий, и случилось мне войти в город Басру в день пятницы, на заре дня. И я увидел, что лавки отперты, и в них всякие товары, снедь и напитки, но они пусты, и нет в них мужчины, женщины, девочки или мальчика, и нет на площадях и рынках ни собак, ни кошек, и не слышно там шума и не видно человека, и удивился, и сказал: „Посмотреть бы, куда девались люди этого города с их кошками и собаками и что сделал с ними Аллах“».

А я был голоден и взял горячего хлеба из пекарни хлебопёка, и, войдя в лавку масленика, намазал хлеб топлёным маслом и мёдом, и поел. А потом я вошёл в лавку с напитками и попил, чего хотел. И я увидел, что кофейня открыта, и вошёл туда, и увидел кофейники на огне, полные кофе, но и там никого не было. И я напился вдоволь и сказал: «Поистине, это удивительная вещь! Похоже, что к жителям этого города пришла смерть, и они все сейчас умерли, или они испугались чего-нибудь, что их постигло, и вбежали и не могли запереть своих лавок».

И когда я размышлял об этом деле, вдруг послышались звуки музыки, и я испугался, и сидел некоторое время, спрятавшись, и смотрел через отверстия и щели. И я увидел невольниц, подобных луне, которые шли по рынку пара за парой, без покрывал, а наоборот, с открытыми лицами, и было их сорок пар – восемьдесят невольниц. И я увидел девушку, ехавшую на коне, который не мог передвигать ноги – так много было на нем и на девушке золота, и серебра, и драгоценных камней. И эта девушка была с открытым лицом, без покрывала, и она была украшена самыми роскошными украшениями и одета в роскошнейшие одежды. На шее у неё были бусы из драгоценных камней, а на груди золотые ожерелья, и на её руках были запястья, сияющие, как звезды, а на ногах – золотые браслеты,

украшенные дорогими металлами. И невольницы окружали её, а перед нею шла девушка, перевязанная великолепным мечом с изумрудной рукояткой и золотыми подвесками, украшенными драгоценностями.

И когда эта девушка достигла той части улицы, что была против меня, она натянула узду коня и сказала: «О девушки, я услышала какой-то шум внутри этой лавки. Обыщите её, чтобы в ней не сидел кто-нибудь спрятанный, кто хочет посмотреть на нас, когда мы с открытыми лицами».

И невольницы обыскали лавку, стоявшую перед кофейной, где я спрятался, и я испугался и увидел, что невольницы вывели какого-то человека и сказали девушке: «О госпожа, мы увидели там человека, и вот он перед тобой». И девушка сказала невольнице, у которой был меч: «Скинь ему голову». И невольница подошла к этому человеку, и отрубила ему голову, и оставила его валяться на земле, и они ушли. И я испугался, увидев это обстоятельство, но любовь к девушке привязалась к моему сердцу.

А через некоторое время появились люди, и всякий, у кого была лавка, вошёл в неё. И люди стали ходить по рынкам и собрались вокруг убитого, смотря на него. И я потихоньку вышел из своего укрытия, и никто меня не заметил, и любовь к девушке овладела моим сердцем. И я стал потихоньку распытывать, кто она, но никто не рассказал мне про неё. И после этого я вышел из Басры, и в сердце моем из-за любви к девушке была печаль. И когда я увидел этого твоего сына, я увидел, что он больше всех людей похож на ту девушку, и он взволновал во мне огонь любви и разжёл в моем сердце пламя страсти. И вот причина моего плача». И потом дервиш заплакал сильным плачем, больше которого нет, и сказал: «О господин мой, ради Аллаха, открой мне дверь, чтобы я ушёл своей дорогой». И купец открыл ему дверь, и он ушёл.

Вот что было с ним. Что же касается Камар-аз-Замана, то, когда он услышал слова дервиша, ему ум заняла любовь к этой девушке, и овладела им страсть, и взволновалась в нем любовь и увлечение. И когда наступило утро, он сказал своему отцу: «Все дети купцов путешествуют по странам, чтобы достичь желаемого, и нет среди них никого, кому бы отец не собрал товаров и кто бы не отправился с ними путешествовать и не получил бы прибыли. Почему, о батюшка, ты не соберёшь мне товаров, чтобы я поехал путешествовать и посмотрел, каково моё счастье?» – «О дитя моё, – ответил ему отец, – у купцов мало денег, и они посылают своих детей в путешествие ради прибыли и дохода, чтобы добыть мирские блага. Что же касается меня, то у меня много денег, и нет во мне жадности, так как же я отправлю тебя на чужбину? Я не могу расстаться с тобою ни на минуту, тем более что ты бесподобен по красоте, прелести и совершенству, и я боюсь за тебя». – «О батюшка, – сказал Камар-аз-Заман, – невозможно, чтобы ты не собрал мне товаров и я бы не поехал с ними в путешествие – иначе я обману тебя и убегу хотя бы без денег и без товаров. И если ты хочешь успокоить моё сердце, то собери мне товаров, и я попутешествую и посмотрю на чужие страны.

И когда отец мальчика увидел, что тот привязался и мысли о путешествии, он рассказал об этом своей жене и сказал ей: «Твой сын хочет, чтобы я собрал ему товаров, и он отправился бы с ними в чужие страны, на чужбину, хотя на чужбине – горе». И жена ответила ему: «Какой тебе будет от этого вред? Таков обычай детей купцов, и все они похваляются путешествиями и прибылью». – «Большинство купцов, – молвил её муж, – бедняки, и они ищут преумножения денег, а что до меня, то у меня денег много». – «Увеличение добра не вредит, – отвечала его жена, – и если ты не согласишься на это, я соберу ему товаров из своих денег». – «Я боюсь для него чужбины, – сказал купец, – так как чужбина – Злая горесть». И жена его возразила: «Нет беды на чужбине, если там есть прибыль, а иначе наш сын уйдёт, и мы будем его искать, и не найдём, и опозоримся перед людьми».

И купец внял словам жены и собрал своему сыну товаров на девяносто тысяч динаров. И мать дала сыну кошель, в котором было сорок драгоценных камней, и наименьшая цена каждого из них была пятьсот динаров.

«О дитя моё, – сказала она, – береги эти драгоценные камни, – они помогут тебе». И Камар-аз-Заман взял все это и поехал в Басру...»

И Шахразад устало говорила, и она прекратила дозволенные речи.

Девятьсот шестьдесят седьмая ночь

Когда же настала девятьсот шестьдесят седьмая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что Камар-аз-Заман взял все это и поехал в Басру. Драгоценные камни он положил в кожаный пояс и обвязал его вокруг стана. И он ехал до тех пор, пока между ним и Басрой не остался один переход. И напали на него кочевники, и раздели его, и убили его людей и слуг. И Камар-аз-Заман лёг между убитыми и вымазал себя кровью, и кочевники подумали, что он убит, и оставили его, и никто к нему не приблизился. И они взяли его деньги и ушли. И когда кочевники ушли своей дорогой, Камар-аз-Заман поднялся среди убитых и пошёл, и он не владел ничем, кроме драгоценных камней, которые были у него в поясе.

И Камар-аз-Заман шёл до тех пор, пока не вошёл в Басру. И случилось, что день его прихода была пятница, и город был пуст, как рассказывал дервиш.

И Камар-аз-Заман увидел, что рынки пусты и лавки отперты, но полны товаров. И он поел, и попил, и стал все рассматривать. И когда это было так, он вдруг услышал, что играет музыка, и спрятался в одной лавке, и пришли девушки. Камар-аз-Заман посмотрел на них, и вдруг увидел женщину, ехавшую на коне, и его охватила любовь и страсть, и овладело им такое увлечение и любовное безумие, что он еле устоял на ногах.

А через некоторое время появились люди, и рынки наполнились. И Камар-аз-Заман направился на рынок к одному торговцу драгоценными камнями. Он вынул один из тех сорока камней, который стоил тысячу динаров, и продал его этому человеку, и вернулся в своё помещение и провёл там ночь. А когда наступило утро, он переменял одежду и сходил в баню и вышел, подобный полной луне. И он продал четыре камня за четыре тысячи динаров, и стал гулять по улицам Басры, одетый в самую роскошную одежду, и отправился на рынок.

И увидел он на рынке одного цирюльника, и, подойдя к нему, побрил у него голову, и завязал с ним дружбу, и сказал: «О батюшка, я из чужих стран, вчера я вошёл в этот город, и увидел, что он пуст, и нет в нем никого – ни человека, ни джинна. И я увидел девушек, и среди них молодую женщину, ехавшую на коне, со свитой».

И он рассказал цирюльнику о том, что видел, и цирюльник сказал:

«О дитя моё, рассказывал ли ты ещё кому-нибудь об этом?» – «Нет», – отвечал Камар-аз-Заман. И цирюльник сказал: «О дитя моё, берегись говорить такие слова кому-нибудь, кроме меня, – люди не скрывают слов и тайн, а ты – маленький мальчик, и я боюсь, что твои слова станут переходить от одних к другим и достигнут тех, о ком они сказаны, и тебя убьют. Знай, о дитя моё, что то, что ты видел, не видел никто, и это неизвестно никому вне этого города, а что касается жителей Басры, то они умирают от этой горести. Каждую пятницу, на рассвете дня, они запирают собак и кошек и не дают им ходить по рынку. И все жители города входят в мечети и запирают за собой двери, и никто не может пройти по рынку и выглянуть из окна. И ни один человек не знает, в чем причина этой беды. Но сегодня ночью, о дитя моё, я спрошу мою жену о причине этого – она повитуха и вхожа в дом знатных и знает, что происходит в городе, – и, если захочет Аллах великий, ты придёшь ко мне завтра, и я тебе расскажу, что она мне скажет».

И Камар-аз-Заман вынул пригоршню золота и сказал: «О батюшка, возьми это золото и отдай своей жене – она стала моей матерью». И потом он вынул вторую пригоршню и сказал: «Возьми это себе». И цирюльник молвил: «О дитя моё, посиди на месте, а я пойду к моей жене и спрошу её и вернусь к тебе с правдивым рассказом».

И он оставил его в лавке, и пошёл к своей жене, и рассказал ей об этом юноше, и сказал: «Я хочу, чтобы ты рассказала мне истину о делах этого города, а я расскажу тому

юноше-купцу – он очень хочет знать, почему люди и животные не допускаются на рынок по утрам в день пятницы. Я думаю, что он влюблён, а он щедр и великодушен, и когда мы ему расскажем, нам достанется от него великое благо».

И жена цирюльника отвечала: «Ступай приведи его и скажи: „Иди поговори с твоей матерью – моей женой! Она передаёт тебе привет и говорит: «Нужда исполнена!»»

И цирюльник пошёл на рынок и увидел, что Камар-аз-Заман сидит и ждёт его. Он рассказал ему обо всем и сказал: «О дитя моё, пойдём к твоей матери – моей жене. Она говорит тебе, что нужда исполнена».

И потом он взял его и шёл с ним, пока не вошёл к своей жене. И она сказала юноше: «Добро пожаловать!» И усадила его, и Камар-аз-Заман вынул сто динаров, и отдал их ей, и сказал: «О матушка, расскажи мне про эту женщину, кто она такая». – «О дитя моё, – ответила жена цирюльника, – знай, что к султану Басры прибыл драгоценный камень от царя Индии, и он захотел его просверлить. Он позвал всех ювелиров и сказал им: „Я хочу, чтобы вы просверлили мне этот камень. Тому, кто его просверлит, я позволю пожелать от меня, и что бы он ни пожелал, я ему дам, а если он сломает камень – я скину с него голову“. И ювелиры испугались и сказали: „О царь времени, драгоценный камень быстро погибает, и редко случается, чтобы кто-нибудь просверлил его и не разбил. Не обременяй же нас тем, что нам не под силу. Наши руки не могут просверлить этого камня, но наш шейх опытнее нас“. – „А кто ваш шейх?“ – спросил царь. И ему сказали: „Мастер Убейд, он опытнее нас в этом ремесле. У него много денег и хорошее звание. Пошли за ним, приведи его к себе и прикажи ему просверлить тебе этот камень“.

И царь послал за Убейдом и велел ему просверлить камень, заключив с ним упомянутое условие. И Убейд взял камень и просверлил его так, как хотелось царю. И царь сказал: «Пожелай от меня, о мастер». Но Убейд молвил: «О царь времени, дай мне отсрочку до завтра». А причиной этого было то, что он хотел посоветоваться со своей женой, которой была та самая женщина, что ты видел в пышном шествии. И он любил её сильной любовью, и от великой своей любви к ней ничего не делал, не посоветовавшись с нею, и поэтому просил дать ему отсрочку, пока он не посоветуется.

И когда Убейд пришёл к своей жене, он сказал: «Я просверлил царю драгоценный камень, и он обещал мне исполнить любое моё желание, и я отсрочил его назвать ему, пока не посоветуюсь с тобой. Чего же ты хочешь, чтобы я пожелал?» И жена его сказала: «У нас денег столько, что их не пожрут огни. Если ты меня любишь, пожелай от царя вот что. Пусть на улицах Басры кричат, чтобы жители города входили в мечети в день пятницы, за два часа до молитвы, и чтобы не оставалось в городе ни большого, ни малого, который бы не был в мечети или в доме, и пусть их запирают за воротами мечетей и домов, но лавки в городе оставляют открытыми, а я с моими невольницами буду проезжать по городу, и пусть никто не смотрит на меня из окна или из-за оконной решётки. И всякого, на кого я наткнусь, я убью».

И ювелир пошёл к царю и пожелал от него это желание, и царь даровал ему то, что он пожелал, и велел кричать среди жителей Басры...»

И Шахразад застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Девятьсот шестьдесят восьмая ночь

Когда же настала девятьсот шестьдесят восьмая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что когда царь даровал ювелиру то, что он пожелал, люди сказали: „Мы боимся для товаров вреда от кошек и собак“. И царь велел запираť их на время, пока люди не выйдут после соборной молитвы. И эта женщина стала выезжать каждую пятницу на улицы Басры, за два часа до молитвы. И никто не мог пройти по рынку и выглянуть из окна или из оконной решётки. И вот в чем причина всего этого. Я осведомила тебя о девушке, но желаешь ли ты, о дитя моё, узнать о её деле, или ты желаешь сблизиться с нею?» – «О

матушка, – сказал Камар-аз-Заман, – я хочу с ней сблизиться». – «Расскажи мне, что у тебя есть из роскошных сокровищ», – сказала жена цирюльника. И Камар-аз-Заман молвил: «У меня есть дорогие камни четырех видов: одни – ценой в пятьсот динаров каждый, другие – по семьсот динаров, третьи – по восемьсот динаров и четвёртые – по тысяче динаров». – «А согласна ли твоя душа отдать четыре из них?» – спросила жена цирюльника. «Моя душа согласна отдать все», – ответил Камар-аз-Заман. И она молвила: «О дитя моё, я тебя не прогоняю, но поднимайся и вынь один камень ценой в пятьсот динаров. Спроси, где лавка мастера Убейда, шейха ювелиров, и пойди к нему – ты увидишь, что он сидит в своей лавке, одетый в роскошные одежды, и у него работают мастера. Пожелай ему мира, сядь возле лавки, вынь камень и скажи: „О мастер, возьми этот камень и оправь его для меня золотом в перстень, но не делай его большим, а сделай величиной с мискаль, не больше, и сработай его как следует“. А потом дай ему двадцать динаров, и дай каждому из работников по динару, и посиди у него немного, и поговори с ним. Когда подойдёт к тебе нищий, дай ему динар и проявляй щедрость, чтобы ювелира охватила любовь к тебе. А потом пойди к себе и проспи ночь, а наутро возьми с собой сто динаров и отдай их твоему отцу – он бедный». – «Пусть будет так», – сказал Камар-аз-Заман.

И, выйдя от неё, он пошёл на постоянный двор и взял камень ценой в пятьсот динаров, а потом направился на рынок драгоценных камней и спросил, где лавка мастера Убейда, шейха ювелиров. И ему показали его лавку, и, подойдя к ней, Камар-аз-Заман увидел, что шейх ювелиров – человек почтённый, и на нем роскошная одежда, и у него работают четыре мастера.

«Мир с вами», – сказал ему Камар-аз-Заман. И Убейд возвратил ему приветствие, и сказал: «Добро пожаловать!» – и посадил его. И Камар-аз-Заман сел и, вынув камень, сказал: «О, мастер, я хочу, чтобы ты оправил мне этот камень золотом в перстень, но сделай его величиной в мискаль, не больше, и оправь его хорошей оправой».

И он вынул двадцать динаров и сказал: «Возьми это за шлифовку, а плата за работу останется за мной». И он дал каждому мастеру по динару, и мастера полюбили его, и мастер Убейд тоже его полюбил. И Камар-аз-Заман сидел и беседовал с ним, и всякому нищему он давал динар, и все удивлялись его щедрости.

А у мастера Убейда были в доме инструменты, – такие же, что и в лавке. И у него был обычай, когда он хотел сделать что-нибудь диковинное, работать дома, чтобы мастера не научились его диковинной работе. А та женщина, его жена, сидела перед ним, и когда она была перед ювелиром и он смотрел на неё, он мог делать всякие диковинные вещи, которые годились только для царей.

И он сидел и делал этот перстень у себя дома с удивительным искусством. И когда его жена увидела камень, она сказала: «Что ты хочешь сделать с этим камнем?» – «Я хочу оправить его золотом в перстень, – сказал ювелир. – Ему цена пятьсот динаров». – «Для кого?» – спросила она. «Для одного юноши-купца, прекрасного обликом, – ответил Убейд. – Его глаза ранят, и его щеки горят огнём, у него рот, как печать Сулеймана, щеки, как анемоны, и губы красные, как коралл, а шея у него, как шея газели, и он белый, напоённый румянцем, изящный, тонкий и щедрый, и он сделал то-то и то-то».

И ювелир так описывал жене красоту и прелесть Камар-аз-Замана, так описывал ей его щедрость и совершенства, и столько говорил ей об его красотах и благородном нраве, что влюбил её в него (а нет большего сводника, чем тот, кто описывает своей жене человека и говорит об его красоте и прелести и крайней щедрости на деньги).

И когда жену ювелира переполнила страсть, она сказала: «А есть в нем какие-нибудь из моих красот». И ювелир ответил: «Все твои красоты. Они все в нем, и он сходен с тобой по облику, и, может быть, его возраст таков же, как твой возраст. И если бы я не боялся не уважить тебя, я бы сказал, что он лучше тебя в тысячу раз». И жена ювелира промолчала, но в её сердце запылал огонь любви к юноше. А ювелир не переставал разговаривать с нею, перечисляя его красоты, пока не кончил делать перстень. И потом он подал его своей жене, и та надела его, и он пришёлся по размеру её пальца. И тогда она сказала: «О господин мой,

моё сердце полюбило этот перстень, и хочу, чтобы он был мой, я не сниму его с пальца». – «Потерпи, – сказал ей ювелир. – Его владелец щедр, и я постараюсь купить у него этот перстень. Если он мне продаст, я принесу его тебе. А если у него есть другой камень, я куплю его для тебя и оправлю как этот...»

И Шахразад упустила из виду, и она прекратила дозволенные речи.

Девятьсот шестьдесят девятая ночь

Когда же настала девятьсот шестьдесят девятая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что ювелир сказал своей жене: „Потерпи – его владелец щедр, и я постараюсь купить этот перстень у него, и если он мне его продаст, принесу его тебе. А если у него есть другой камень, я куплю его и оправлю для тебя, как этот“.

Вот что было с ювелиром и его женой. Что же касается Камар-аз-Замана, то он переночевал у себя, а наутро взял сто динаров и, придя к старухе, жене цирюльника, сказал ей: «Возьми эти сто динаров». И она молвила: «Отдай их твоему отцу». И когда Камар-аз-Заман отдал деньги цирюльнику, она спросила: «Сделал ли ты, как я тебе сказала?» – «Да», – отвечал юноша. И она молвила: «Вставай теперь и отправляйся к шейху ювелиров. Когда он даст тебе перстень, надень его на конец пальца, потом быстро сними и скажи: „О мастер, ты ошибся – перстень вышел узкий!“ И он спросит тебя: „О купец, сломать ли мне его и сделать пошире“. И ты скажи: „Не нужно его ломать и делать второй раз. Возьми его и отдай невольнице из твоих невольниц“. А потом вынь другой камень, цена которого будет семьсот динаров, и скажи: „Возьми этот камень и оправь его для меня, он лучше, чем тот“. И дай ему тридцать динаров, а каждому мастеру дай по два динара и скажи ювелиру: „Эти динары – за чеканку, а плата за работу остаётся за мной“. И потом возвратись в своё жилище и переночуй там, а утром приходи и принеси с собой двести динаров, и я доведу для тебя остальную хитрость».

И Камар-аз-Заман отправился к ювелиру, и тот приветствовал его и посадил возле лавки. И Камар-аз-Заман спросил его: «Исполнил ли ты заказ».

«Да», – ответил ювелир и подал ему перстень. И Камар-аз-Заман взял его и надел на конец пальца, а затем быстро снял и сказал: «Ошибся, о мастер!» И он бросил ему перстень и воскликнул: «Он тесен для моего пальца!» И ювелир спросил: «О купец, расширить мне его?» – «Нет, – отвечал Камар-аз-Заман, – но возьми его в подарок и надень его комунибудь из своих невольниц. Цена ему пустяковая, так как он стоит пятьсот динаров, и не нужно его оправлять второй раз».

И затем он вынул другой камень, ценой в семьсот динаров, и сказал: «Оправь этот». И дал ювелиру тридцать динаров, а каждому мастеру дал два динара, и ювелир сказал: «О господин, когда мы оправим перстень, мы возьмём за него плату». Но Камар-аз-Заман молвил: «Это за чеканку, а плата остаётся».

И он оставил ювелира и ушёл, и ювелир оторопел от великой щедрости Камар-аз-Замана, и мастера тоже. А потом ювелир отправился к своей жене и сказал ей: «О такая-то, мои глаза не видели никого щедрее этого юноши, а ты – твоё счастье хорошее, так как он отдал мне перстень даром и сказал: „Отдай его комунибудь из твоих невольниц“. И он рассказал жене всю историю и затем сказал: „Я думаю, этот юноша не из сыновей купцов – он из сыновей царей или султанов“.

И всякий раз, как ювелир хвалил Камар-аз-Замана, в его жене усиливалась любовь к нему, и страсть, и увлечение. И она надела перстень, а ювелир сделал Камар-аз-Заману второй, немного шире, чем первый. И когда он кончил работу, его жена надела этот перстень и держала на пальце дальше первого и сказала: «О господин мой, посмотри, как красивы эти два перстня на моем пальце. Я хочу, чтобы оба перстня были мои». – «Потерпи, о счастливый ювелир, – может быть, я куплю для тебя и второй». И затем он проспал ночь, а утром взял перстень и отправился в лавку.

Вот то, что было с ним. Что же касается Камар-аз-Замана, то он пошёл утром к старухе, жене цирюльника, и дал ей двести динаров. И старуха сказала: «Отправляйся к ювелиру, и когда он отдаст тебе перстень, надень его на палец, но затем быстро сними его и скажи: „Ты ошибся, о мастер, перстень вышел широкий. Когда мастеру, такому, как ты, приносит работу подобный мне, тот должен снять мерку. Если бы ты снял мерку с моего пальца, ты не ошибся“. А потом вынь другой камень, цена которому тысяча динаров, и скажи ювелиру: „Возьми этот и оправь его, а тот перстень отдай невольнице из своих невольниц“. И дай ему сорок динаров, а каждому мастеру дай по три динара и скажи: „Это за чеканку, а что до платы за работу, то она остаётся за мной“. И посмотри, что он скажет. А потом приходи и принеси с собой триста динаров – отдай их твоему отцу, чтобы он помогал ими себе в жизни, он ведь человек бедный по состоянию». – «Слушаю и повинуюсь!» – отвечал Камар-аз-Заман.

И потом он отправился к ювелиру, и тот сказал ему: «Добро пожаловать!» И посадил его, и дал ему перстень. И Камар-аз-Заман надел перстень на палец, и быстро снял его, и сказал: «Надлежит такому мастеру, как ты, когда приносит ему подобный мне работу, снимать мерку. Если бы ты снял мерку с моего пальца, ты бы не ошибся. Но возьми перстень и отдай кому-нибудь из своих невольниц».

И затем он вынул камень ценой в тысячу динаров и сказал: «Возьми этот камень и оправь его для меня в перстень по мерке моего пальца». И ювелир воскликнул: «Ты прав, и истина с тобой!» И он снял мерку, и Камар-аз-Заман вынул сорок динаров и сказал ему: «Возьми это за чеканку, а плата за работу останется за мной». – «О господин, – сказал ювелир, – сколько раз мы брали с тебя плату! Твои милости к нам велики!» И Камар-аз-Заман ответил: «Не беда!» И он побеседовал с ним некоторое время, и всякий раз, как мимо проходил нищий, он подавал ему динар, а потом он оставил ювелира и ушёл.

Вот то, что было с ним. Что же касается ювелира, то он отправился домой и сказал своей жене: «Как щедр этот юноша-купец! Я не видел никого щедрее и красивее и нежнее речами». И он стал говорить своей жене о красотах и щедрости Камар-аз-Замана, далеко заходя в похвалах ему. И жена его сказала: «О необходимый! Если ты знаешь в нем эти качества и он дал тебе два драгоценных перстня, тебе следует его пригласив и сделать ему угощение и подружиться с ним. Когда он увидит от тебя дружбу и придёт в наше жилище, ты, может быть, получишь от него большее благо. А если ты не согласен сделать ему угощение, то пригласи его, и я сделаю ему угощение от себя». – «Разве ты считаешь, что я скупой, что говоришь такие слова?» – воскликнул ювелир. И жена его сказала: «Ты не скупой, но необходимый. Пригласи его сегодня вечером и не приходи без него, а если он будет отказываться, заклинай его разводом и настаивай». – «На голове и на глазах!» – сказал ювелир. И потом он оправил перстень и лёг спать, а наутро, в третий день, отправился в лавку и сел там.

Вот что было с ним. Что же касается Камар-аз-Замана, то он взял триста динаров, отправился к старухе и отдал их её мужу. И она сказала ему: «Может быть, ювелир тебя пригласит сегодня, и если он тебя пригласит и ты будешь у него ночевать, то, что бы с тобой ни случилось, расскажи мне утром и принеси с собой четыреста динаров и отдай их твоему отцу». И Камар-аз-Заман сказал: «Слушаю и повинуюсь!» (а всякий раз, как у него кончались деньги, он продавал часть камней) – и отправился к ювелиру, и тот поднялся к нему, и заключил его в объятия, и пожелал ему мира, и завязал с ним дружбу. И он вынул перстень, и Камар-аз-Заман увидел, что перстень – по его мерке, и сказал: «Да благословит тебя Аллах, о господин из мастеров! Оправа подходит, но камень не такой, как я хочу...»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Ночь, дополняющая до девятисот семидесяти

Когда же настала ночь, дополняющая до девятисот семидесяти, она сказала: «Дошло до

меня, о счастливый царь, что Камар-аз-Заман сказал ювелиру: „Оправа подходит, но камень не такой, как я хочу, у меня есть лучшие. Возьми этот и отдай его кому-нибудь из своих невольниц“.

И он вынул другой камень и сто динаров и сказал: «Возьми твою плату и не взыщи с нас, – мы тебя утомили». И ювелир сказал ему: «О купец, то, из-за чего мы утомлялись, ты нам отдал, и ты пожаловал нам многое. К моему сердцу привязалась любовь к тебе, и я не могу с тобой расстаться. Заклинаю тебя Аллахом, будь моим гостем сегодня вечером и залечи моё сердце». – «Это недурно, – сказал Камар-аз-Заман, – но я обязательно должен отправиться в хан, чтобы предупредить моих слуг и сказать им, что я не ночую в хане, чтобы они меня не ждали». – «А ты стоишь в каком хане?» – спросил ювелир. И Камар-аз-Заман сказал: «В таком-то хане». И ювелир воскликнул: «Я к тебе туда приду!» – «Это недурно», – сказал Камар-аз-Заман. И ювелир отправился в этот хан перед закатом, боясь гнева своей жены, если он придёт домой без гостя, и взял Камар-аз-Замана и привёл его к себе в дом. И они сели в комнате, которой нет подобной, а женщина увидела Камар-аз-Замана, когда он входил в дом, и пленилась им. И Камар-аз-Заман с ювелиром разговаривали, пока не принесли ужин, и они поели и попили, а потом им принесли кофе и напитки. И ювелир не переставал развлекать Камар-аз-Замана беседой до ночной молитвы. И они совершили обязательную молитву, и потом вошла к ним невольница, неся две чашки с питьём, и когда они выпили, их одолел сон, и они заснули. И тогда пришла та женщина и, увидев, что они спят, стала смотреть в лицо Камар-аз-Замана, и его красота ошеломила её ум. И она воскликнула: «Как может спать тот, кто любит красавиц!»

И потом она повернула его навзничь и села ему на грудь, и от сильной ярости в страсти к нему она осыпала его щеки градом поцелуев, так что они оставили след на его щеках, и усилился румянец Камар-аз-Замана, и его щеки заблестели. И женщина припала к его губам и стала их сосать, и она до тех пор сосала ему губы, пока кровь не выступила у неё на губах. И при всем этом огонь в ней не погасал, и её жажда не утолялась. И она не переставала его целовать, и обнимать, сплетать ноги с ногами, пока не засияло чело утра и не заблестала сияющая заря, и потом она положила в карман Камар-аз-Замана четыре бабки⁶⁷³, и оставила его, и ушла.

А после этого она послала свою невольницу с чем-то вроде нюхательного табака, и невольница вложила его им в ноздри, но они чихнули и пришли в себя, и невольница сказала им: «Знайте, господа мои, что молитва обязательна. Поднимайтесь же на утреннюю молитву!»

И она принесла им таз и кувшин, и Камар-аз-Заман сказал: «О мастер, время пришло, и мы перешли предел сна». И ювелир сказал купцу: «О друг мой, сон в этой комнате тяжёлый. Всякий раз, как я в ней сплю, со мной случается такое дело». – «Твоя правда», – сказал Камар-аз-Заман. И потом он принялся за омовенье, и когда вода коснулась его лица, у него начали гореть щеки и губы. «Чудеса! – молвил он. – Если воздух в комнате был тяжёлый и мы погрузились в сон, то почему у меня горят щеки и губы. О мастер, – сказал он потом, – щеки и губы у меня горят». И ювелир ответил: «Я думаю, что это от укусов комаров». – «Чудеса! – сказал Камар-аз-Заман. – А с тобой случается в этой комнате подобное?» – «Нет, – ответил ювелир, – но когда у меня бывает гость, такой, как ты, он утром жалуется на укусы комаров, и это бывает только, если гость, как ты, безбородый, а если он бородатый, то комары к нему не слетаются, и от комаров спасает меня только моя борода. Комары как будто не любят людей с бородами». – «Твоя правда», – сказал Камар-аз-Заман. А потом невольница принесла им завтрак, и они поели и вышли.

И Камар-аз-Заман отправился к старухе, и, увидав что, она сказала: «Я вижу следы счастья у тебя на лице. Расскажи мне, что ты видел». – «Я ничего не видел, – сказал Камар-аз-Заман, – я только поужинал с хозяином дома в комнате, и мы совершили вечернюю

⁶⁷³ В оригинале игра слов: «авашик» (бабки) как прилагательное означает также влюблённые.

молитву, а потом легли спать и проснулись только утром». И старуха засмеялась и сказала: «Что это за следы у тебя на щеках и губах?» – «Комары в той комнате сделали со мной такие дела», – сказал Камар-аз-Заман. И старуха сказала: «Твоя правда! А случилось ли с хозяином дома то же самое, что случилось с тобой?» – «Нет», – сказал Камар-аз-Заман, – но он мне рассказывал, что комары в этой комнате не вредят людям с бородой и летают только над безбородыми, и всякий раз, как у него бывает гость безбородый, он жалуется утром на укусы комара, а если он бородатый, с ним ничего такого не случается». – «Твоя правда», – отвечала старуха. – «А заметил ли ты что-нибудь, кроме этого?» – «Я нашёл у себя в кармане четыре бабки», – сказал Камар-аз-Заман. «Покажи их мне», – попросила старуха. И Камар-аз-Заман дал ей бабки, и она взяла их и сказала смеясь: «Это твоя возлюбленная положила их тебе в карман». – «Как так?» – удивился Камар-аз-Заман. И старуха сказала: «Она говорит тебе знаками: „Если бы ты был влюблён, ты не спал бы, ибо тот, кто любит, не спит, а ты ещё маленький, и тебе подходит играть в бабки. Что же побудило тебя Влюбляться в красавицу?“ И она пришла к тебе ночью, и увидела, что ты спишь, и изранила тебе щеки поцелуями, и положила тебе этот знак. Но только ей не будет достаточно этого – напротив, она обязательно пришлёт к тебе своего мужа, и он пригласит тебя сегодня вечером, и когда ты пойдёшь с ним, не засыпай скоро. Захвати с собой пятьсот динаров и иди, а мне расскажи о том, что случится, и я доведу для тебя эту хитрость до конца». И Камар-аз-Заман сказал: «Слушаю и повинуюсь!» И пошёл в хан.

Вот то, что было с ним. Что же касается жены ювелира, то она спросила своего мужа: «Ушёл гость?» И он сказал: «Да, но только, о такая-то, комары беспокоили его сегодня ночью, и они искололи ему щеки и губы, и мне было перед ним стыдно». – «И такой уж обычай у комаров в нашей комнате, они любят только безбородых», – ответила его жена. – Но пригласи его на следующий вечер».

И ювелир отправился к Камар-аз-Заману в хан, где он жил, и пригласил его, и привёл в ту комнату, и они поели, и попили, и совершили вечернюю молитву.

И тогда вошла невольница и дала каждому из них чашку...»

И Шахразад устроил, что она прекратила дозволенные речи.

Девятьсот семьдесят первая ночь

Когда же настала девятьсот семьдесят первая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что невольница вошла к ним и дала каждому из них чашку, и они выпили и заснули. И тогда пришла молодая женщина и сказала Камар-аз-Заману: „О негодяй, как ты спишь и утверждаешь, что ты влюблённый, ведь влюблённые не спят“. И она села ему на грудь и не переставала осыпать его поцелуями, и кусать, и сосать ему губы, и играть с ним до утра. А потом она положила ему в карман нож. Под утро она послала свою невольницу, и та разбудила обоях, и щеки Камар-аз-Замана словно пылали огнём от сильного румянца, и губы у него были как коралл из-за сосанья и поцелуев.

И ювелир спросил его: «Может быть, тебя беспокоили комары?» И Камар-аз-Заман отвечал: «Нет». Теперь, узнав в чем загадка, он перестал жаловаться, – а посмотрев у себя в кармане, он нашёл нож, – и промолчал. И Камар-аз-Заман позавтракал, и выпил кофе, и вышел от ювелира, и отправился в хан. И, взяв пятьсот динаров, пошёл к старухе, и рассказал ей о том, что видел, и сказал: «Я заснул против воли и утром не увидел ничего, кроме ножа у себя в кармане». – «Да защитит тебя от неё Аллах в следующую ночь! – воскликнула старуха. – Она говорит тебе: „Если ты заснёшь ещё раз, я тебя зарежу!“ Ты будешь приглашён к ним на следующую ночь, и если ты заснёшь, она тебя зарежет». – «А что же мне делать?» – спросил Камар-аз-Заман. И старуха сказала: «Расскажи мне, что ты ешь и пьёшь перед сном». И Камар-аз-Заман сказал: «Мы ужинаем, как обычно ужинают, а потом, после ужина к нам приходит невольница и подаёт каждому из нас чашку. И когда я выпиваю свою чашку, я засыпаю и просыпаюсь только утром». – «Беда в этой чашке, –

сказала старуха. – Возьми её у невольницы, но не пей, пока её не выпьет хозяин и не заснёт. Когда невольница даст тебе чашку, скажи ей: „Дай мне напиться воды“. И она уйдёт, чтобы принести тебе кувшин, а ты вылей из чашки за подушку и представься спящим. А когда невольница вернётся с кувшином, она подумает, что ты заснул, после того как выпил чашку, и уйдёт от тебя, и через некоторое время тебе все станет ясно. Но берегись послушаться моего приказанья». – «Слушаю и повинуюсь!» – ответил Камараз-Заман и отправился в хан.

Вот то, что было с ним. Что же касается жены ювелира, то она сказала своему мужу: «Гостя угощают три вечера. Пригласи же в третий раз». И ювелир отправился к Камараз-Заману, и пригласил его, и привёл опять в ту комнату. И когда они поужинали и совершили вечернюю молитву, вдруг вошла та невольница и дала каждому из них чашку. И хозяин выпил и заснул, а что касается Камар-аз-Замана, то он не выпил, и невольница сказала ему: «Разве ты не будешь пить, о господин?» И он сказал ей: «Я чувствую жажду, подай кувшин». И невольница ушла, чтобы принести кувшин, и Камар-аз-Заман опрокинул чашку за подушку и лёг. И когда невольница возвратилась, она увидела, что он спит, и рассказала об этом своей госпоже. «Когда он выпил чашку, он заснул», – сказала она. И молодая женщина подумала: «Смерть для него лучше, чем жизнь».

И потом она взяла острый нож и вошла к нему, говоря: «Вот уж третий раз, как ты не замечаешь знака, о дурень! Теперь я распорю тебе живот». И Камар-аз-Заман, увидев, что она подходит к нему с ножом в руке, открыл глаза и поднялся, смеясь, и женщина сказала ему: «Ты понял этот знак не по своей догадливости, а по указанию хитрого. Расскажи мне, откуда у тебя это знание?» – «От одной старухи, и у меня с ней случилось то-то и то-то», – отвечал Камар-аз-Заман и рассказал ей в чем дело.

И женщина молвила: «Завтра уйди от нас и пойдёшь к старухе и спроси её: „Остались ли у тебя ещё хитрости, сверх этого?“ Если она тебе скажет: „Есть“, скажи ей: „Старайся, чтобы я получил доступ к ней открыто“. А если она скажет: „Нет у меня больше ничего, это последнее“, – выкинь её из головы. А завтра вечером к тебе придёт мой муж и пригласит тебя; приходи с ним и расскажи мне все, и я буду знать остальной план». – «Это недурно», – сказал Камар-аз-Заман.

И он провёл с ней остаток ночи, прижимаясь и обнимаясь, и они употребляли, в согласии, буквы понижения, сближая связь со связующим, а муж её был точно тенвин, отброшенный при сочетании⁶⁷⁴. И они делали это до утра, и потом женщина сказала: «Мне не хватит с тобой ни ночи, ни дня, ни месяца, ни года, и я хочу провести с тобой остаток жизни. Но потерпи, пока я не сделаю с моим мужем хитростей, которые смутят разных людей, и мы достигаем таким образом нашей цели. Я зароню в него сомнение, так что он разведётся со мной, и я выйду за тебя замуж и поеду с тобой в твою страну. И я перенесу к тебе все его деньги и сокровища и ухитрюсь разрушить его жилище и стереть его следы. Но только ты слушайся моих слов и повинуйся мне в том, что я тебе скажу, и не будь непослушен». – «Слушаю и повинуюсь!» – сказал Камараз-Заман. – Нет во мне непослушания».

И женщина молвила: «Ступай в хан, и если мой муж придёт и пригласит тебя, скажи ему: „О брат мой, сын Адама тягостен, когда учащаются его посещения, они надоедают и щедрому и скупому. Как это я хожу к тебе каждый вечер, и мы с тобой спим в одной комнате, – ведь если ты не сердишься на меня, то, может быть, твоя жена на меня сердита, так как я не пускаю тебя к ней. Если ты желаешь общения со мной, то найми мне дом, рядом с твоим домом, и иногда ты будешь бодрствовать со мной до часа сна, и иногда я стану бодрствовать с тобой до часа сна, и потом я буду уходить в своё жилище, а ты пойдёшь в гарем. Это лучше, чем каждую ночь не пускать тебя в гарем“. И после этого он придёт ко мне и спросит у меня совета, и я ему посоветую выселить нашего соседа. Дом, в котором он

⁶⁷⁴ Игра слов, основанная на терминах арабской грамматики. Тенвин – полное окончание падежей в словах, не определённых последующим словом, стоящим в родительном падеже (по-арабски – «в понижении»). При наличии определения тенвин отбрасывается.

живёт, – наш дом, и этот сосед живёт по найму. И когда ты придёшь в этот дом, Аллах облегчит нам остальное. Ступай теперь и сделай так, как я тебе велела», – сказала она потом. И Камар-аз-Заман ответил: «Слушаю и повинуюсь!» И жена ювелира ушла, а он представился спящим. И через некоторое время пришла невольница и разбудила обоих, и ювелир, очнувшись, спросил: «О купец, может быть, комары беспокоили тебя?» – «Нет», – сказал Камар-аз-Заман. И ювелир молвил: «Должно быть, ты к ним привык».

И затем они позавтракали, и выпили кофе, и ушли по своим делам, и Камар-аз-Заман отправился к старухе и рассказал ей о том, что случилось...

И Шахразад устало закрыла книгу, и она прекратила дозволенные речи.

Девятьсот семьдесят вторая ночь

Когда же настала девятьсот семьдесят вторая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что Камар-аз-Заман, отправившись к старухе, рассказал ей о том, что случилось, и сказал: „Она говорила мне то-то и то-то, а я говорил ей то-то и то-то. Есть ли у тебя что-нибудь больше, чем этот план, чтобы привести меня к сближению с ней открыто?“ – „О дитя моё, – сказала старуха, – мой план дошёл досюда, и здесь истощились мои хитрости“.

И Камар-аз-Заман оставил её и отправился в хан. И наступило утро, а под вечер ювелир отправился к Камар-аз-Заману и пригласил его, и Камар-аз-Заман сказал: «Мне невозможно идти с тобой». – «Почему это, – спросил ювелир, – я люблю тебя и не могу больше с тобой расстаться? Заклинаю тебя Аллахом, пойдём со мной». – «Если ты хочешь долго быть со мной вместе и продлить дружбу между мной и тобой, найми мне дом рядом с твоим домом, – сказал Камар-аз-Заман, – и если захочешь, ты будешь бодрствовать у меня, и я буду бодрствовать у тебя, и перед сном каждый из нас уйдёт в свой дом и будет спать у себя». – «У меня есть дом рядом с моим домом, – сказал ювелир, – и он моя собственность. Пойдём ко мне сегодня вечером, а завтра я освобожу его для тебя».

И Камар-аз-Заман пошёл, и они поужинали и совершили вечернюю молитву, и муж женщины выпил чашку, где было снадобье, и заснул, а в чашке Камар-аз-Замана не было примеси, и он выпил её и не заснул. И жена ювелира пришла к нему и просидела, беседуя с ним, до утра, и её муж валялся, точно мёртвый, а потом он очнулся, как обычно, от сна и послал за своим жильцом и сказал ему: «О человек, освободи мне мой дом – он мне понадобился». – «На голове и на глазах!» – ответил жилец, освободил дом, и Камар-аз-Заман поселился в нем и перенёс в него все свои пожитки. И в этот вечер ювелир провёл время у Камар-аз-Замана, а потом он ушёл домой.

На следующий день его жена послала за искусным строителем и, призвав его, соблазнила его деньгами, и он сделал ей из её дома подземный ход, который вёл в дом Камар-аз-Замана, и устроил опускающую дверь под землёй. И не успел Камар-аз-Заман опомниться, как женщина вошла к нему, неся с собой два мешка денег. «Откуда ты пришла?» – спросил он. И она показала ему подземный ход и сказала: «Возьми эти два мешка его денег», – и села. И она забавлялась и играла с ним до утра, а потом сказала: «Подожди, я схожу к нему и разбужу его, чтобы он ушёл в свою лавку, а потом приду к тебе». И Камар-аз-Заман сел и стал её ждать. А она пошла к своему мужу и разбудила его, и он встал, омылся, помолился и ушёл в лавку. И после его ухода она взяла четыре мешка, и пришла к Камар-аз-Заману подземным ходом, и сказала: «Возьми эти деньги». И посидела у него, а затем каждый из них ушёл своей дорогой, и женщина пошла к себе домой, а Камар-аз-Заман отправился на рынок. И когда, ко времени заката, он вернулся к себе домой, он увидел у себя десять мешков, и драгоценные камни, и другие вещи. А потом ювелир пришёл к Камар-аз-Заману, в его дом, и увёл его к себе, в ту комнату, и они вместе провели вечер. И невольница, по обычаю, вошла к ним и дала им напиток, и её господин заснул, а с Камар-аз-Заманом ничего не случилось, так как его чашка была безвредная, без примеси.

И женщина пришла к нему и сидела, играя с ним, а невольница носила вещи в дом Камар-аз-Замана через подземный ход, и они были в таком положении до утра. А затем невольница разбудила своего господина и напоила обоих кофе, и каждый из них ушёл своей дорогой.

И на третий день женщина показала Камар-аз-Заману нож, принадлежащий её мужу (а он был его работы и был сделан его рукой, и ювелир истратил на него пятьсот динаров, так что нельзя было найти ему равного по красоте работы, и люди так часто просили у ювелира этот нож, что он положил его в сундук, и его душа не соглашалась продать его никому), и сказала Камар-аз-Заману: «Возьми этот нож, положи его за пояс и пойдёшь к моему мужу. Сядь с ним рядом, вынь нож из-за пояса и скажи: „О мастер, взгляни на этот нож, – я купил его сегодня. Расскажи мне, проиграл я на нем или выиграл“. И мой муж узнает нож, но ему будет стыдно сказать тебе: „Это мой нож!“ И если он тебя спросит, где ты его купил и за сколько ты его получил, скажи ему: „Я увидел двух левантинцев, которые дрались, и один из них спросил другого: „Где ты был?“ И тот сказал: „Я был у моей подружки; всякий раз, как я с ней встречаюсь, она даёт мне денег, а сегодня она мне сказала: „Сейчас у меня руки коротки для денег, но возьми этот нож – это нож моего мужа“. И я взял у неё нож и хочу его продать“. И нож мне понравился, и когда я услышал, что он говорит это, я спросил его: „Ты продашь его мне?“ И он сказал: „Покупай“. И я взял у него нож за триста динаров. Узнать бы, дёшево это или дорого!“ И посмотри, что он тебе скажет. А потом поговори с ним немного и уйди от него и приходи скорей ко мне – ты увидишь, что я сижу у входа в подземный ход и жду тебя, – И отдай мне нож».

«Слушаю и повинуюсь!» – сказал Камар-аз-Заман, и потом он взял нож, и, положив его за пояс, пошёл в лавку ювелира, и приветствовал его. И ювелир сказал ему: «Добро пожаловать!» И посадил его, и он увидел у него за поясом нож, и удивился, и сказал про себя: «Это мой нож, но кто же передал его этому купцу?» И он стал размышлять и говорил про себя: «Узнать бы, мой это нож или похожий на него!» И вдруг Камар-аз-Заман вынул нож и сказал: «О мастер, возьми этот нож, взгляни на него». И когда ювелир взял нож у него из рук, он узнал его, как нельзя лучше, но постыдился сказать: «Это мой нож...»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Девятьсот семьдесят третья ночь

Когда же настала девятьсот семьдесят третья ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что ювелир, взяв нож у Камар-аз-Замана, узнал его, но постыдился сказать: „Это мой нож“. И спросил: „Где ты его купил?“ И Камар-аз-Заман рассказал ему то, что его научила рассказать женщина, и ювелир сказал: „Такой нож за эти деньги – дешёв, так как он стоит пятьсот динаров“. И огонь загорелся у него в сердце, и руки его запутались и не могли делать его работу. И Камар-аз-Заман стал с ним разговаривать, но ювелир был погружён в море размышлений, и всякий раз, как юноша говорил ему пятьдесят слов, он отвечал одно слово, и сердце его было в мучении, а тело его было в волнении, и ум его смутился, и он стал таким, как сказал поэт:

Не знаю я, что сказать, когда говорят со мной, –
Они говорят и видят – мысль моя далеко.
И в море я погружён раздумья бездонное,
Мужчины от женщины не в силах я отличить.

И Камар-аз-Заман увидел, что состояние ювелира переменилось, и сказал ему: «Ты, может быть, сейчас занят». И поднялся, и быстро отправился домой, и он увидел, что женщина стоит у входа в подземный ход и ждёт его. И, увидев его, она спросила: «Сделал ты так, как я тебе велела?» И Камар-аз-Заман сказал: «Да». – «Что он тебе говорил?» – спросила

она. И Камар-аз-Заман ответил: «Он сказал, что за такую цену нож дешёв, потому что он стоит пятьсот динаров, но его состояние изменилось, и я ушёл от него и не знаю, что с ним было после этого». – «Дай нож, – сказала она, – тебе от него ничего не будет». И взяла нож, и положила его на место, и села.

Вот то, что было с ней. Что же касается ювелира, то после ухода от него Камар-аз-Замана в его сердце запылал огонь, и увеличилось его беспокойство, и он сказал про себя: «Непременно схожу и проверю, где нож, и обрежу со мнение уверенностью».

И он пошёл, и пришёл домой, и вошёл к своей жене, пыхтя, точно дракон, и жена его спросила: «Что с тобой, о господин мой?» – «Где мой нож?» – воскликнул ювелир. И жена его ответила: «В сундуке». А затем она стала бить себя рукой в грудь и сказала: «О моя забота! Может быть, ты с кем-нибудь поссорился и пришёл искать нож, чтобы ударить его им». – «Поддай нож, покажи мне его!» – сказал ювелир. И жена его воскликнула: «Раньше поклянись мне, что ты никого им не ударишь!» И ювелир поклялся ей, и она открыла сундук и вынула нож, и её муж принялся его вертеть, говоря: «Поистине, это вещь удивительная!» И затем он сказал ей: «Возьми его и положи на место». И жена его молвила: «Расскажи мне, в чем причина этого». И ювелир сказал: «Я увидел у нашего друга нож такой же, как этот». И рассказал ей всю историю. А потом он сказал: «Но когда я увидел нож в сундуке, я обрезал сомнение уверенностью». – «Ты, может быть, по думал обо мне дурное и решил, что я – подруга этого левантинца и отдала ему нож?» – сказала она. И ювелир молвил: «Да, я усомнился в этом деле, но когда я увидел нож, сомнение ушло из моего сердца». – «О человек, – сказала его жена, – не осталось в тебе добра». И ювелир принялся извиняться перед ней и наконец умилиствовал её, и потом он вышел и пошёл в свою лавку.

А на следующий день женщина дала Камар-аз-Заману часы своего мужа (а он сделал их своей рукой, и ни у кого не было им подобных) и сказала ему: «Пойди к нему в лавку, сядь подле него и скажи: „Того, кого я видел вчера, я видел и сегодня, и у него в руках были часы. И он сказал мне: „Не купишь ли эти часы?“ И я спросил: „Откуда у тебя эти часы?“ И он сказал: „Я был у моей подруги, и она мне их дала“. И я купил их за пятьдесят восемь динаров. Скажи мне, дешёвы они за эту цену или дороги“. И посмотри, что он тебе скажет. А когда ты уйдёшь от него, приходи скорее ко мне и отдай мне часы».

И Камар-аз-Заман пошёл к ювелиру и сделал так, как сказала ему женщина, и ювелир, увидев часы, сказал: «Они стоят семьсот динаров». И в него вошло подозрение.

А юноша оставил его и, придя к женщине, отдал ей часы, и вдруг её муж вошёл, пыхтя, и спросил: «Где мои часы?» – «Вот они здесь», – сказала она. И ювелир воскликнул: «Поддай их сюда!» И когда женщина принесла ему часы, он вскричал: «Нет мощи и силы, кроме как у Аллаха высокого, великого!» – «О человек, – сказала она, – ты не без новостей! Расскажи мне, какие у тебя новости». – «Что я скажу! – воскликнул ювелир. – Я не знаю, что думать в этих обстоятельствах!»

И затем он произнёс такие стихи:

«Всемиловитым клянусь, смущён я, сомнения нет,
Печали, не знаю, как меня окружили вдруг!
Я буду терпеть, пока узнает терпение,
Что вытерпеть горшее, чем мирра, я в силах был.
Ничто ведь не горько так, как мирра, но вытерпеть
Могу более жгучее, чем угли горячие.
А в том, что хочу я, власть не мне ведь принадлежит,
И тем, кто имеет власть, приказано мне терпеть».

«О женщина, – сказал он потом, – я видел у купца, нашего друга, сначала мой нож (а я узнал его потому, что его работа – изобретение моего ума, и подобного ему не найти), и он рассказал мне вещи, огорчающие сердце. И я пришёл сюда и увидел нож здесь. А второй раз я увидел у него часы, и работа их – тоже изобретение моего ума, и не найдётся подобных им

в Басре. И наш друг опять рассказал мне вещи, огорчающие сердце, и я смутился в уме и не понимаю больше, что происходит». – «По твоим словам выходит, – сказала женщина, – что я – подруга этого купца и его милая и отдаю ему твои вещи, и ты допустил, что я тебя обманываю, и пришёл меня спросить.

И если бы ты не увидел ножа и часов у меня, ты бы уверился в моем обмане. Но только, о человек, раз ты предположил обо мне такие предположения, я не буду есть с тобой одну пищу и пить одну воду после этого, так как ты мне отвратителен отвращением запрещающим».

И ювелир принялся её уговаривать, и наконец умилиствовал её, и вышел, и стал раскаиваться в том, что обратился к ним с такими словами, и потом он пошёл в лавку и сел там...»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Девятьсот семьдесят четвёртая ночь

Когда же настала девятьсот семьдесят четвёртая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что ювелир, выйдя от своей жены, стал раскаиваться в этих словах, и потом он ушёл в лавку и сидел в лавке с Камар-аз-Заманом, и его охватило сильное волнение и задумчивость, больше которой нет, и он и верил и не верил. А под вечер он пришёл домой один и не привёл с собой Камар-аз-Замана. Женщина спросила его: „Где купец?“ – „У себя“, – сказал он. И женщина молвила: „Разве остыла твоя дружба с ним?“ – „Клянусь Аллахом, – ответил ювелир, – он стал мне противен после того, что из-за него случилось“. И жена его сказала ему: „Пойди приведи его ради меня“.

И ювелир поднялся, и пришёл в дом Камар-аз-Замана, и увидел свои вещи, разложенные там, и узнал их, и огонь загорелся в его сердце, и он начал вздыхать.

«Почему это ты, я вижу, задумчив?» – спросил его Камар-аз-Заман. И ювелир постыдился сказать ему: «Мои вещи у тебя, кто к тебе их принёс?» Он только сказал: «Меня охватило беспокойство, но пойдём ко мне домой, мы там развлечёмся». – «Оставь меня в моем доме, – сказал Камар-аз-Заман, – я не пойду к тебе».

И ювелир стал заклинять его и увёл его к себе, а потом они поужинали и бодрствовали весь вечер. И Камар-аз-Заман разговаривал с ювелиром, но тот был погружён в море дум, и когда юноша-купец говорил сто слов, ювелир отвечал ему одним словом. И невольница вошла к ним, по обычаю, с двумя чашками, и когда они выпили, купец заснул, а юноша не заснул, так как в его чашке не было примеси. И женщина вошла к Камар-аз-Заману и сказала ему: «Как ты находишь этого рогатого, который опьянел в своей простоте и не знает козней женщин. Я обязательно его обману, чтобы он со мной развёлся. Завтра я приму облик невольницы и пойду за тобой в лавку, и ты ему скажешь: „О мастер, я зашёл сегодня в хан торговцев пленными и увидел эту невольницу и купил её за тысячу динаров. Посмотри её для меня, дешёвая она за эту цену или дорогая“. И потом открой ему моё лицо и грудь и дай ему посмотреть на меня, а затем возьми меня и вернись со мной в твоё жилище, и я пройду домой через подземный ход и посмотрю, чем у нас с ним кончится дело».

И они провели ночь в радости, веселье и застольной беседе, и играли, веселились и наслаждались до утра. А после этого женщина ушла в своё помещение и прислала невольницу, и та разбудила своего господина и Камараз-Замана, и они поднялись, и, совершив утреннюю молитву, позавтракали, и выпили кофе, и ювелир пошёл к себе в лавку, а Камар-аз-Заман отправился домой.

И вдруг женщина вышла к нему из подземного хода в облике невольницы (а она раньше была невольницей), и Камар-аз-Заман отправился в лавку ювелира, а женщина пошла за ним, и он шёл, а она шла сзади, пока он не привёл её к лавке ювелира. И он пожелал её мужу мира, и сел, и сказал: «О мастер, я ходил сегодня в хан торговцев пленными, чтобы поглядеть, и увидел эту невольницу в руках посредника. Она мне понравилась, и я её купил

за тысячу динаров. Я хочу, чтобы ты взглянул на неё и посмотрел, дешева она за эту цену или нет». И он открыл лицо женщины, и ювелир увидел, что это его жена (а она оделась в свои самые роскошные одежды и украсилась наилучшими украшениями, и насурьмила глаза, и выкрасила концы пальцев, так же, как украшалась перед ним в его доме), и узнал её наилучшим образом по лицу, одежде и украшениям, так как он делал их своей рукой. И он увидел на её пальце перстни, которые недавно сделал для Камар-аз-Замана. И для него стало со всех сторон ясно, что это его жена. «Как твоё имя, о невольница?» – спросил он. И она отвечала: «Халима». (А имя его жены было тоже Халима, и она назвала ему это самое имя.) И ювелир удивился этому и спросил Камар-аз-Замана: «За сколько ты её купил?» – «За тысячу динаров», – сказал Камар-аз-Заман. И ювелир молвил: «Ты получил её даром, так как тысяча динаров это меньше, чем стоимость её перстней, и её одежда и украшения достались тебе даром». – «Да обрадует тебя Аллах благом, – сказал Камар-аз-Заман. – Раз она тебе понравилась, я отведу её к себе домой». – «Делай как хочешь», – сказал ювелир. И Камар-аз-Заман взял её и пошёл домой, и она прошла через подземный ход и села в своём доме.

Вот что было с ней. Что же касается ювелира, то в его сердце загорелся огонь, и он сказал про себя: «Пойду посмотрю, где моя жена. Если она дома, значит, эта невольница на неё похожа (славен тот, на кого нет похожего!), а если моей жены нет дома, значит, это она, без сомнения».

И он вышел и бежал, пока не вошёл в дом, и увидел, что его жена сидит в той самой одежде и украшениях, в которых он её видел в лавке, и тогда он ударил рукой об руку и воскликнул: «Нет мощи и силы, кроме как у Аллаха высокого, великого!»

«О человек, – сказала его жена, – случилась с тобой бесноватость или что с тобой такое? Не таковы твои привычки! С тобой обязательно должно быть какое-нибудь дело». – «Если ты хочешь, чтобы я тебе рассказал, – ответил ювелир, – то не огорчайся». – «Говори», – сказала женщина. И ювелир молвил: «Торговец, наш друг, купил невольницу, стан которой подобен твоему стану, и её рост такой же, как твой рост, и имя её такое же, как твоё имя, и одежда такая же, как твоя одежда. Она похожа на тебя во всех своих качествах, и на пальцах у неё перстни, подобные твоим перстням, и её украшения такие же, как твои украшения. Когда он показал мне её, я подумал, что это ты, и теперь я в смущении. О, если бы мы не видели этого купца и не дружили с ним, и он бы не приходил из своей страны, и мы бы его не знали! Он замутил мою жизнь после ясности и стал причиной суровости после верности и ввёл сомнение в моё сердце». – «Посмотри мне в лицо, – сказала его жена. – Может быть, это я была с ним, и купец – мой друг, и я переоделась в одежду невольницы и сговорила с ним, что он покажет меня тебе, чтобы обмануть тебя?» – «Что это за слова? – сказал ювелир. – Я не думаю, что ты можешь делать такие вещи!»

А этот ювелир был несведущ в кознях женщин и в том, что они делают с мужчинами, и не знал таких слов поэта:

Мечтой о красавицах встревожено сердце,
Хоть юность вдали и час седин наступает.
Мне тяжко от Лейлы, хотя близость с ней далека,
И беды и горести стоят между нами.
А если вы спросите о жёнах, то, истинно,
Я в женских делах премудр и опытен буду.
И если седа голова у мужа иль мало средств,
Не будет тогда ему в любви их удела.

И слов другого:

Не слушайся женщин – вот покорность прекрасная!
Несчастлив тот юноша, что жёнам узду вручил:

Мешают они ему в достоинствах высшим стать,
Хотя бы стремился он к науке лет тысячу.

И слов другого:

О женщины, – дьяволы, для нас сотворённые!
К Аллаху прибегну я от дьявола козней.
Кто страстью был к ним испытан, ею кто был сражён,
Сгубил рассудительность и в жизни и в вере».

И жена его сказала ему: «Я буду сидеть дома, а ты пойдёшь к нему сейчас и постучи в ворота и ухитрись быстро войти к нему. И если ты войдёшь и увидишь, что невольница у него, значит, эта невольница похожа на меня (славен тот, на кого нет похожего!), если же ты не увидишь у него невольницы, значит я – та невольница, которую ты с ним видел, и твоя дурная мысль обо мне подтвердится». – «Ты права», – сказал ювелир и оставил её и вышел. А она встала и, спустившись в подземный ход, села у Камар-аз-Замана, и рассказала ему об этом, и сказала: «Отопри скорей ворота и покажи меня ему».

И когда они разговаривали, вдруг постучали в ворота, и Камар-аз-Заман спросил: «Кто у ворот?» И ювелир ответил: «Я, твой друг. Ты мне показывал на рынке невольницу, и я порадовался за тебя, но моя радость не была полной. Открой же ворота и покажи её мне». – «В этом нет дурного», – сказал Камар-аз-Заман и отпер ворота. И ювелир увидел, что его жена сидит у Камар-аз-Замана. И она поднялась и поцеловала ему и Камар-аз-Заману руку, и ювелир посмотрел на неё и поговорил немного с юношей, и он увидел, что невольница ничем не отличается от его жены.

«Аллах творит что хочет», – сказал он и вышел, и увеличилось в его сердце беспокойство, и он вернулся к себе домой и увидел, что его жена сидит дома, так как она прибежала раньше его через подземный ход...»

И Шахразад устроил, и она прекратила дозволенные речи.

Девятьсот семьдесят пятая ночь

Когда же настала девятьсот семьдесят пятая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что женщина пришла раньше своего мужа через подземный ход, когда он вышел из ворот, и села у себя в доме. И когда её муж вошёл к ней, она спросила его: „Что ты видел?“ – „Я видел её у её господина, и она похожа на тебя“, – сказал ювелир. И женщина молвила: „Отправляйся к себе в лавку, и довольно тебе подозревать. Ты больше не будешь подозревать меня?“ – „Не буду, – сказал ювелир. – Не взыщи с меня за то, что от меня было“. – „Да простит тебе Аллах!“ – сказала его жена, и затем ювелир повернул её направо и налево и ушёл к себе в лавку. А его жена прошла по подземному ходу к Камар-аз-Заману, неся с собой четыре мешка, и сказала ему: «Собирайся к поспешному отъезду и приготовься грузить деньги безотлагательно, пока я сделаю для тебя какие у меня есть хитрости».

И Камар-аз-Заман вышел, и купил мулов, и погрузил тюки, и приготовил носилки, а потом он купил невольников и евнухов и вывел их всех из города. И когда все было готово, он пришёл к женщине, и сказал: «Я закончил свои дела». – «И я тоже, – сказала она. – Я перенесла остатки его денег и все его сокровища к тебе и не оставила ему ни малого, ни многого, чем бы он мог пользоваться, и все это от любви к тебе, возлюбленный моего сердца. Я выкуплю тебя тысячу раз моим мужем. Но тебе следует пойти к нему и попрощаться с ним и сказать: „Я хочу уехать через три дня и пришёл к тебе проститься. Сосчитай, сколько приходится с меня, чтобы я отдал тебе за дом, и ты освободишь меня от ответственности“. И посмотри, что он скажет, и вернись ко мне, и расскажи – я уже обессилела, хитря с ним и стараясь его рассердить, чтобы он со мной развёлся, но вижу только, что он за меня

цепляется. Нам не осталось ничего другого как отправиться в твою страну». – «О, как прекрасно, если оправдаются грёзы!» – сказал Камар-аз-Заман.

И затем он пошёл в лавку ювелира и, сев подле него, сказал: «О мастер, я уезжаю через три дня и пришёл только с тобой проститься. Я хочу, чтобы ты сосчитал, сколько приходится тебе с меня за дом, – я отдам тебе плату, и ты освободишь меня от ответственности». – «Что это за слова? – сказал ювелир. – Твоя милость лежит на мне, и, клянусь Аллахом, я ничего не возьму с тебя в уплату за дом, и сошли на нас благословение. Но твой отъезд заставит нас тосковать по тебе, и если бы это не было для меня запретно, я бы, право, тебе воспрепятствовал и не пустил бы тебя к твоей семье и родным».

И затем он простился с ним, и оба заплакали сильным плачем, сильнее которого нет, и ювелир тотчас же запер лавку и сказал про себя: «Мне следует проводить моего друга». И всякий раз как Камар-аз-Заман шёл, чтобы сделать какое-нибудь дело, ювелир шёл за ним. И, входя в дом Камар-аз-Замана, он видел там невольницу, которая стояла перед ними и прислуживала им, а возвратившись домой, он видел свою жену сидящей у себя. И ювелир не переставал видеть её в своём доме, когда входил в него, и видеть её в доме Камар-аз-Замана, когда входил туда, в течение трех дней.

А потом Халима сказала Камар-аз-Заману: «Я перенесла уже все, что у него есть из сокровищ, денег и ковров, и у него осталась только невольница, которая приносила вам питьё, я не могу с ней расстаться, так как она близка мне и дорога и хранит мои тайны, я хочу её побить и рассердиться на неё. И когда мой муж придёт, я ему скажу: „Я больше не согласна иметь эту невольницу и не буду жить с ней в одном доме. Возьми её и продай“. И он возьмёт невольницу, чтобы продать её, и купи её ты, чтобы мы её взяли с собой». И Камар-аз-Заман сказал: «Это недурно».

И затем жена ювелира побила невольницу, и когда её муж вошёл к ней, он увидел, что невольница плачет, и спросил её о причине плача, и она сказала: «Моя госпожа побила меня».

И ювелир пошёл к жене и спросил: «Что сделала эта проклятая невольница, что ты её побила?» И его жена сказала: «О человек, я скажу тебе одно слово – я не могу больше видеть эту невольницу! Возьми её и продай или разведись со мной». – «Я её продам и не стану перечить твоему приказанию», – сказал ювелир. И затем он взял невольницу с собой, когда уходил в лавку, и прошёл с ней мимо Камар-аз-Замана, а его жена, после его ухода с невольницей, быстро побежала по подземному ходу к Камар-аз-Заману, и он посадил её в носилки, прежде чем старик ювелир дошёл до него. И когда он к нему пришёл, Камар-аз-Заман увидел у него невольницу и спросил: «Кто это такая?» И ювелир сказал: «Это моя невольница, которая поила нас напитком. Она ослушалась своей госпожи, и та рассердилась на неё и велела мне её продать». – «Раз госпожа её ненавидит, ей нельзя больше у неё жить, – сказал Камар-аз-Заман. – Но продай её мне, чтобы я чувствовал в ней твой запах, и я сделаю её служанкой для моей невольницы Халимы». – «Это недурно, – сказал ювелир, – возьми её». – «За сколько?» – спросил Камар-аз-Заман. И ювелир ответил: «Я не возьму с тебя ничего, так как ты оказал нам милость».

И Камар-аз-Заман принял от него невольницу и сказал женщине: «Поцелуй руку твоему господину». И она показала ювелиру из носилок, и поцеловала его руку, и затем села в носилки, а ювелир смотрел на неё. И Камар-аз-Заман сказал ему: «Поручаю тебя Аллаху, о мастер Убейд, освободи меня от ответственности!» И ювелир молвил: «Да освободит тебя Аллах от ответственности и да доставит тебя благополучно к твоей семье!» И он простился с юношей и отправился в свою лавку, плача, и ему было тяжело расстаться с Камар-аз-Заманом, так как это был его друг, а друг имеет права. Но все-таки он был рад, что рассеются подозрения, которые охватили его из-за дел его жены, так как Камар-аз-Заман уехал, и не оправдалось то, что он подумал о своей жене.

Вот что было с ними. Что же касается Камар-аз-Замана, то женщина сказала ему: «Если ты хочешь безопасности, то поезжай с нами не по обычной дороге...»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Девятьсот семьдесят шестая ночь

Когда же настала девятьсот семьдесят шестая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что когда Камар-аз-Заман выехал, женщина сказала ему: „Если ты хочешь безопасности, поезжай с нами не по обычной дороге“. И Камар-аз-Заман отвечал: „Слушаю и повинуюсь!“ И затем он поехал по дороге иной, чем та, по которой ходили обычно люди, и до тех пор ехал из страны в страну, пока не достиг границ Египта. И тогда он написал письмо и послал его отцу со скороходом.

А его отец, купец Абд-ар-Рахман, сидел на рынке среди купцов, и в сердце его, из-за разлуки с сыном, было пламя огня, ибо с того времени, как Камар-аз-Заман уехал, к нему не приходило от него вестей. И когда это было так, вдруг подошёл скороход и спросил: «О господа, имя кого среди вас купец Абд-ар-Рахман?» И его спросили: «А чего ты от него хочешь?» И скороход сказал: «У меня письмо от его сына Камар-аз-Замана, и я расстался с ним в аль-Арише»⁶⁷⁵.

И Абд-ар-Рахман обрадовался и возвеселился, и купцы обрадовались за него и поздравили его с благополучием. А потом он взял письмо и прочитал его и увидел в нем: «От Камар-аз-Замана купцу Абд-ар-Рахману. После пожелания мира тебе и всем купцам скажу: если вы спросите про нас, то, Аллаху хвала и благодарение, мы продали, купили и нажили, и затем мы прибыли во здравии, безопасности и благополучии».

И тогда купец открыл ворота радости, и устроил пиры, и умножил угощения и приглашения, и велел принести музыкальные инструменты, и совершил от радости разные чудеса. И когда его сын достиг ас-Салихии, ему навстречу вышел его отец, и все купцы его встретили. И его отец обнял его, и прижал к своей груди, и так заплакал, что лишился чувств, а очнувшись, он сказал: «Благословен этот день, о дитя моё, раз свёл нас с тобой наблюдающий, властный».

И затем он произнёс слова поэта:

«И близость любимых – в ней полная радость,
Коль ходит меж нами заздравная чаша.
Приют и уют и с ним вместе простор.
Сиянью времён и луне среди лун!»

И затем он пролил, от сильной радости, слезы из глаз и произнёс такие два стиха:

«Месяц времён⁶⁷⁶ нам сияет ярко, покровы сняв,
Он сияет так, возвратившись к нам после странствий всех.
Его волосы нам напомнят цветом отъезда ночь,
Но ведь солнца свет над застёжками сияет нам».

И потом купцы подошли к Камар-аз-Заману и приветствовали его, и они увидели с ним много тюков, и евнухов, и носилки с широкой оградой, и взяли его, и привели домой. И когда жена ювелира вышла из носилок, отец Камар-аз-Замана увидел, что она искушение для тех, кто видит. И для неё открыли высокий дворец, подобный сокровищу, с которого сняты талисманы. И когда мать Камараз-Замана увидела её, она пленилась ею и подумала, что это царица из жён царей, и обрадовалась ей, и стала её расспрашивать. И Халима сказала: «Я

⁶⁷⁵ Аль-Ариш – местечко на границе Сирии и Египта; в средние века – крупный торговый центр.

⁶⁷⁶ Месяц (луна) времени – перевод имени Камар-аз-Заман.

жена твоего сына». И мать Камар-аз-Замана сказала: «Раз он на тебе женился, нам следует устроить тебе великолепную свадьбу, чтобы порадоваться на тебя и на сына».

Вот что было с нею. Что же касается купца Абд-арРахмана, то, после того как люди разошлись и все ушли своей дорогой, он встретился с сыном и сказал: «О дитя моё, что это будет у тебя за невольница и за сколько ты её купил?» – «О батюшка, – ответил Камар-аз-Заман, – Это не невольница, это та женщина, что была причиной моего отъезда из дома». – «А как так?» – спросил его отец. И юноша сказал: «Это та, кого описывал нам дервиш в ту ночь, когда он у нас ночевал. Мои мечты привязались к ней с того времени, и я захотел уехать только из-за неё. И по дороге меня раздели, и кочевники взяли мои деньги, и я вошёл в Басру один, и со мной случилось то-то и то-то».

И он стал рассказывать своему отцу все дело с начала до конца. И когда он кончил свой рассказ, Абд-ар-Рахман сказал: «О дитя моё, и после всего этого разве ты на ней женился?» – «Нет, – сказал Камар-аз-Заман, – но я обещал ей жениться». – «А ты хочешь жениться на ней?» – спросил Абд-ар-Рахман. И юноша ответил: «Если ты мне прикажешь, я это сделаю, а если нет, я на ней не женюсь». – «Если ты на ней женишься, – сказал ему отец, – я буду свободен от ответа за тебя в дальней и последней жизни и разгневаюсь на тебя сильным гневом. Как ты на ней женишься, когда она сделала такие дела со своим мужем? Раз она сделала их со своим мужем ради тебя, она сделает и с тобой то же ради другого – она обманщица, а обманщице нет доверия. Если ты меня не слушаешься, я буду на тебя гневен, а если ты услышишь мои слова, я поищу тебе девушку лучше её, чистую, непорочную, и женю тебя на ней, хотя бы мне пришлось истратить все мои деньги. И я устрою тебе свадьбу, подобно которой не бывало, и буду похвалиться тобой и ею. И если люди скажут: „Такой-то женился на дочери такого-то“ – это лучше, чем когда они скажут: „Он женился на невольнице без рода и племени“».

И отец уговаривал сына не жениться и приводил изречения, рассказы, стихи, притчи и назидания. И Камар-азЗаман сказал: «О батюшка, если дело обстоит так, то нет у меня привязанностей к женитьбе на ней».

И когда Камар-аз-Заман произнёс эти слова, его отец поцеловал его меж глаз и сказал: «Ты действительно мой сын! Клянусь твоей жизнью, о дитя моё, я обязательно женю тебя на девушке, которой нет равной».

И затем купец Абд-ар-Рахман посадил жену Убейда, ювелира, и её невольницу в высокий дом, и запер их, и приставил к ним чёрную рабыню, которая приносила им пищу и питьё, и сказал Халиме: «Ты и твоя невольница останетесь заключёнными в этом доме, пока я не присмотрю кого-нибудь, кто вас купит, и не продам вас ему, а если ты ослушаешься, я убью тебя вместе с твоей невольницей, – ты обманщица, и нет в тебе добра». – «Делай то, что желаешь, – сказала женщина, – я заслуживаю всего, что ты со мной сделаешь». И купец запер их, и поручил их своим женщинам, и сказал: «Пусть не входит к ним и не говорит с ними никто, кроме чёрной рабыни, которая даёт им еду и питьё через окно».

И жена ювелира со своей невольницей сидела и плакала, раскаиваясь в том, что она сделала со своим мужем.

Вот то, что было с ней. Что же касается купца Абд-арРахмана, то он послал свах, чтобы они высватали девушку, родовитую и почтённую, для его сына, и они все время искали, и всякий раз, как видели девушку, они узнавали о другой, лучше её. И наконец они вошли в дом шейхааль-ислама⁶⁷⁷, и увидели его дочь, которой не было равной в Египте (а она была красива, прелестна, стройна и соразмерна и была лучше жены Убейда, ювелира, в тысячу раз). И рассказали о ней Абд-ар-Рахману. И он отправился вместе с вельможами к её отцу, и к девушке посватались, и написали запись, и устроили великолепную свадьбу.

А затем Абд ар-Рахман затеял пиры и пригласил в первый день факояхов, я они

⁶⁷⁷ Шейх-аль-ислам (наставник в исламе) – почётный титул верховного судьи.

устроили рождество⁶⁷⁸ честное, а на второй день он пригласил всех купцов, и стали бить в барабаны и свистеть во флейты, и он украсил улицу и квартал светильниками, и каждый день приходили всевозможные игроки и играли во всякие игры. И Абд-ар-Рахман ежедневно устраивал угощения для людей одного разряда, так что пригласил и учёных, и эмиров, и знаменосцев, и судей. И свадьба продолжалась непрерывно сорок дней, и всякий день купец сидел и встречал людей, а его сын сидел с ним рядом и смотрел на людей, которые ели за трапезой, и была эта свадьба, которой нет равной.

А в последний день он пригласил бедняков и нищих, близких и иноземных, и они приходили толпами и ели, и купец сидел, и его сын сидел рядом с ним.

И когда это было так, вдруг шейх Убейд, муж той женщины, вошёл среди бедняков, голый и усталый, и на лице его были следы путешествия. И Камар-аз-Заман, увидев Убейда, узнал его и сказал своему отцу: «Посмотри, о батюшка, на этого бедного человека, который вошёл в дверь». И Абд-ар-Рахман посмотрел на него и увидел, что он в поношенной одежде и на нем обрывки халата, стоящего два дирхема, и лицо у него жёлтое, и он покрыт пылью, и подобен отбившемуся паломнику, и стонет, как нуждающийся больной, и ходит шатаясь, и качается при ходьбе направо и налево, и оправдались на нем слова поэта:

Унизит бедность юношу, знай, всегда,
Как солнца свет желтеет в вечерний час.
Проходит он в народе украдкою,
А коль один – льёт слезы обильные.
Как нет его, помянут не будет он,
А коль придёт, так доли уж нет ему.
Клянусь Аллахом, муж среди родичей,
Коль бедностью испытан он – всем чужой.

И слова другого:

Идёт бедняк, и все ему противитсязапирает
Мир перед ним ворота всегда свои.
Ты видишь – ненавистен он, хоть не грешит,
Вражду он видит, но причин не видит ей.
Ведь даже псы, богатого завидят лишь,
Хвостом виляют, знаки ему делая,
А бедного, несчастного увидевши,
Начинают лаять и скалят зубы яростно.

А как прекрасны слова поэта:

Коль знает счастье юноша и славу,
Его хранят все беды друг от друга.
Не обещав, идёт к нему любимый,
Как блюдолиз, и робок соглядатай...»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Девятьсот семьдесят седьмая ночь

⁶⁷⁸ Рождество (по-арабски – маулид) – праздник, справляемый в день, считающийся днём рождения Мухаммеда.

Когда же настала девятьсот семьдесят седьмая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что купец Абд-ар-Рахман, когда его сын сказал ему: „Посмотри на этого бедного человека“, – спросил: „О, дитя моё, кто это?“ И Камар-аз-Заман молвил: „Это мастер Убейд – ювелир, муж женщины, запертой у нас“. – „Это тот, про которого ты мне рассказывал?“ – спросил Абд-ар-Рахман. И Камар-аз-Заман сказал: „Да, и я отлично узнал его“.

А причиной прихода ювелира было вот что. Простившись с Камар-аз-Заманом, он отправился в свою лавку, и пришла к нему небольшая работа, и он взял её и работал остаток дня. А к вечеру он запер лавку и пошёл домой и приложил руку к двери, и она открылась, и ювелир вошёл и не увидел ни своей жены, ни невольницы. И он увидел, что дом в самом плохом состоянии и к нему приложимы слова сказавшего:

И был он пчелиным ульем, будучи населён, Но пчелы ушли, и вот он больше не улей.

И кажется нам теперь, что не было в нем жильцов, Иль, может быть, унесла жильцов его гибель.

И когда ювелир увидел, что дом пуст, он обернулся направо и налево и затем стал кружить по дому, как бесноватый, но не нашёл никого. И он открыл дверь в свою кладовую и не нашёл в ней ничего – ни денег, ни сокровищ. И тогда он очнулся от опьянения, и пришёл в себя после бесчувствия, и понял, что это его жена оборачивала против него хитрости и обманула его. И ювелир заплакал из-за того, что случилось, но скрыл своё дело, чтобы не злорадствовал над ним никто из его врагов и не огорчился никто из его друзей. И он знал, что если откроет эту тайну, то постигнет его лишь позор и упрёки от людей.

И он сказал себе: «О такой-то, скрывай постигшее тебя умопомрачение и беду, и следует тебе поступать так, как сказал сказавший:

И если для тайны мужа грудь стала тесною, То грудь тех, кому открыл он тайну, ещё тесней».

И затем он запер свой дом, и отправился в лавку, и оставил смотреть за ней работника из своих работников, и сказал ему: «Юноша-купец, мой друг, пригласил меня поехать с ним в Египет для развлечения и поклялся, что не уедет, пока не возьмёт меня вместе с моей женой. А ты, о дитя моё, – мой поверенный в этой лавке, и если спросит тебя про меня царь, скажи ему: „Он отправился со своей женой к священному храму Аллаха“.

И затем он продал некоторые свои вещи, и купил верблюдов, мулов и невольников, и купил себе рабыню, и, посадив её в носилки, выехал из Басры через десять дней. И его друзья простились с ним, и он поехал, и люди думали, что он взял свою жену и отправился в паломничество, и все обрадовались, так как Аллах спас их от заточения в мечетях и в домах каждую пятницу. И некоторые люди стали говорить: «Пусть Аллах не вернёт его в Басру в другой раз, чтобы нас не запирали в мечетях и в домах каждую пятницу, так как это обстоятельство доставило людям Басры великое горе». А некоторые говорили: «Думаю, что он не вернётся из путешествия по причине проклятий жителей Басры». А ещё некоторые говорили: «Если он вернётся, то вернётся в униженном положении».

И жители Басры обрадовались его отъезду великой радостью, после того как были в великой горести, и даже их кошки и собаки повеселели. И когда пришёл день пятницы, глашатай закричал в городе, по обычаю, чтобы все пошли в мечети за два часа до пятничной молитвы или спрятались в домах вместе с кошками и собаками. И грудь жителей Басры стеснилась, и они все собрались, и пошли в диван, и, став перед царём, сказали: «О царь времени, ювелир взял свою жену и поехал в паломничество к священному храму Аллаха, так что исчезла та причина, из-за которой нас запирали. Для чего же запирать нас теперь?» И царь молвил: «Как же этот обманщик уехал и не осведомил меня! Но когда он вернётся из путешествия, будет одно лишь благо! Ступайте в ваши лавки, продавайте и покупайте, – кончилось для вас это положение».

Вот что было с царём и жителями Басры. Что же касается мастера Убеида, ювелира, то он проехал десять переходов, и с ним случилось то же, что случилось с Камараз-Заманом

перед въездом в Басру: на него вашим багдадские кочевники и раздели его я взяли то, что с нем было. И он притворился мёртвым, пока не освободился. А когда кочевники ушла, он встал и пошёл голый, пока не вошёл в какое-то селение. И Аллах смягчил к нему людей блага и они прикрыли его срамоту куском рваной одежды, и ювелир оросил и кормился этим, переходя из города в город, пока не достиг Каира-Охраняемого.

И его сжигал голод, и он ходил по рынку и просил. И человек из жителей Каира сказал ему: «О нищий, ступай в дом, где свадьба, ешь и пей – там сегодня стол для бедняков и чужеземцев». – «Я не знаю дороги в дом, где свадьба», – сказал ювелир. И человек молвил: «Иди за мной следом, я тебе его покажу», И ювелир следовал за этим человеком, пока тот не дошёл до дома, и тогда он сказал: «Вот он, дом, где свадьба. Входи и не бойся, у ворот радости нет преграды».

И когда ювелир вошёл, Камар-аз-Заман увидел его и узнал и сказал о нем своему отцу. И купец Абд-ар-Рахман сказал своему сыну: «О дитя моё, оставь его сейчас, может быть, он голодный. Дай ему есть, пока он не насытится и не успокоится его страх, а потом мы его позовём».

И они подождали, пока ювелир не наелся вдоволь и не вымыл руки я не выпил кофе и напиток с сахаром, смешанный с мускусом и амброй, и тогда он хотел выйти, а отец Камар-аз-Замана послал за ним, и посланный сказал ему: «Иди сюда, о чужеземец, поговори с купцом Абд-ар-Рахманом». – «Что это за купец?» – спросил ювелир. И посланный сказал: «Устроитель свадьбы». И ювелир вернулся назад, думая, что купец даст ему подарок. Но, подойдя к купцу, он увидел своего друга Камар-аз-Замана и исчез из мира от стыда перед ним. И Камар-аз-Заман встал перед ним на нота, я заключил его в объятия, и приветствовал его, и оба заплакали сильным плачем, и затем Камар-аз-Заман посадил его рядом с собой, я отец его сказал: «О необходимый, не так встречают друзей! Пошли его сначала в баню и пришли ему одежду, для него подходящую, а после этого сядь с ним в побеседуй». И Камар-аз-Заман крикнул нескольких слуг, и приказал им отвести ювелира в баню, и послал ему платье из избранных одежд, стоящее тысячу динаров или больше этого. И ювелиру вымыли тело и одели его в это платье, и он стал подобен начальнику купцов.

А присутствующие спрашивали Камар-аз-Замана, когда Убейд ушёл в баню, и говорили: «Кто это и откуда ты его знаешь». И Камар-аз-Заман отвечал: «Это мой друг. Он поселил меня в своём доме, и я обязан ему милостями несчётными. Он оказал мне великое уважение, в он из людей счастья и господства, а по ремеслу он ювелир, которому нет равного. Царь Басры любит его большой любовью. Он занимает у него великое место, и его слово исполняется».

И Камар-аз-Заман начал усердствовать, восхваляя его, и говорил: «Он сделал мне то-то и то-то, и мне стыдно перед ним, и я не знаю, как воздать ему за уважение, которое он мне оказал». И он до тех пор расхваливал ювелира, пока его сан не стал великим для присутствующих и он не сделался почтённым в их глазах. И люди сказали: «Мы все сделаем то, что ему следует, и окажем ему уважение, но мы хотим знать, какова причина его прихода в Каир, и почему он ушёл из своей страны, и что сделал с ним Аллах, так что он оказался в таком положении».

И Камар-аз-Заман молвил: «О люди, не удивляйтесь. Сын Адама живёт под предопределением и судьбой, и пока он в этом мире, он не в безопасности от бедствий. Прав был тот, кто сказал такие стихи:

Судьба людей всегда терзает, так не будь
Ты из тех, кому кружит голову должность знатная.
Избегай ошибок, и горестей сторонись всегда,
И знай, что року свойственно губить людей.

Как часто счастьем конец от малых бед Ведь всех вещей превратностям причина есть»
знайте, что я тоже вошёл в Басру ещё в худшем состоянии, чем он, испытывая более сильные

мучения, так как этот человек вошёл в Каир со срамотой, прикрытой тряпкой, а что до меня, то я вошёл в его страну с обнажённой срамотой – рука сзади и рука спереди, и помог мне только Аллах и этот драгоценный человек. А причиной этого было то, что кочевники оголили меня и взяли моих верблюдов, мулов и тюки и убили моих слуг и людей. И я лёг среди убитых, и подумали, что я мёртвый, и ушли, и прошли мимо меня. И после этого я встал и шёл голый, пока не вошёл в Басру. И этот человек встретил меня, и одел, и поселил в своём доме, и подкрепил деньгами, и все, что я привёз с собой, – только от блага Аллаха и его блага. А когда я уехал, он дал мне всего много, и я вернулся в свою страну с залеченным сердцем и оставил его, когда он был в величии и счастье. Может быть, с ним случилась после этого превратность из превратностей времени, которая заставила его расстаться с близкими и родиной, и произошло с ним на дороге то же, что произошло со мной, и нет в этом удивительного. Но мне теперь следует воздать ему за благородные поступки, которые он со мной совершил, и поступить по слову сказавшего:

О ждущий от времени благого,
Ты знаешь ли, что свершает время?
Коль хочешь – свершай дела благие –
Как судит муж, так судим он будет.

И когда они вели эти и подобные разговоры, вдруг подошёл к ним мастер Убейд, похожий на начальника купцов, и все поднялись на ноги, и приветствовали его, и посадили на почётное место. И Камар-аз-Заман сказал мастеру: «О друг мой, твой день благословен и счастлив! Не рассказывай мне ничего из того, что случилось со мною прежде тебя! Если кочевники тебя раздели и взяли у тебя деньги, то ведь деньги – выкуп за тело. Не огорчайся же.

Я вступил в твою страну голый, и ты одел меня и оказал мне уважение, и я обязан тебе многими милостями и вознагражу тебя...»

И Шахразад устроил, и она прекратила дозволенные речи.

Девятьсот семьдесят восьмая ночь

Когда же настала девятьсот семьдесят восьмая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый ночь царь, что Камар-аз-Заман говорил мастеру Убейду, ювелиру: „Я вошёл в твою страну голый, и ты одел меня. Я обязан тебе многими милостями и вознагражу тебя. Я сделаю с тобой то, что ты сделал со мною, – нет, больше этого, – успокой свою душу и прохладя глаза“.

И Камар-аз-Заман принялся его успокаивать и не давал ему говорить, чтобы он не вспомнил свою жену и то, что она с ним сделала, и до тех пор наставлял его назиданиями, притчами, стихами, остроумными словами, рассказами и историями и развлекал его, пока ювелир не заметил, что Камар-аз-Заман указывает ему на сохранение тайны. И тогда он скрыл то, что чувствовал, и отвлёкся рассказами и редкими историями, которые слышал, и произнёс слова поэта:

«На лбу судьбы есть строка – коль ты б на неё взглянул,
Заплакал бы кровью ты от смысла её тотчас.
Всегда коль приветствует судьба рукой правою,
То левою заставляет пить чашу гибели».

А потом Камар-аз-Заман и его отец, купец Абд-ар-Рахман, взяли ювелира и ввели его в гарем и уединились с ним. И купец Абд-ар-Рахман сказал: «Мы мешали тебе говорить только потому, что боялись позора для тебя и для нас, но теперь мы одни. Расскажи же мне,

что случилось у тебя с твоей женой и с моим сыном».

И ювелир рассказал ему всю историю, с начала до конца. И когда он окончил свой рассказ, Абд-ар-Рахман спросил его: «Грех из-за твоей жены или из-за моего сына?» – «Клянусь Аллахом, – ответил ювелир, – на твоём сыне нет греха, так как у мужчин есть охота до женщин, и женщинам следует не даваться мужчинам. Позор – на моей жене, которая меня обманула и сделала со мной эти дела...»

И купец поднялся и, уединившись со своим сыном, сказал ему: «О дитя моё, мы испытали его жену и узнали, что она обманщица. Теперь я хочу испытать его самого и узнать, обладает ли он честью и благородством, или он сводник собственной жены». – «А как так?» – спросил Камар-аз-Заман. И его отец ответил: «Я хочу побудить его примириться с женой, и если он согласится на примирение и простит её, я ударю его мечом и убью, а после этого я убью её вместе с её невольницей, так как нет блага в том, чтобы жили сводник и прелюбодейка. А если он почувствует к ней неприязнь, то я его женю на твоей сестре и дам ему больше тех денег, которые ты у него взял».

А затем он вернулся к ювелиру и сказал ему: «О мастер, общение с женщинами требует долготерпения, и тот, кто их любит, должен иметь просторную грудь, так как женщины сварливы с мужчинами и обижают их, ибо они превозносятся над ними красотой и прелестью и считают себя великими, а мужчин ничтожными, в особенности если они видят от своих мужей любовь – тогда они отвечают на неё высокомерием, чванством и дурными делами со всех сторон. И если муж сердится всякий раз, как видит от своей жены то, что ему неприятно, не будет у него с ней дружбы, и подходит к женщинам только тот, у кого широкий ум и кто много вынесет. Если же человек ничего не терпит от своей жены и не встречает её обиды прощением, не будет ему в общении с ней успеха. Ведь сказано о женщинах: „Если бы были они на небе, право, склонились бы перед ними шеи мужчин“. Кто может и прощает, награда тому у Аллаха. А эта женщина – твоя жена и подруга, и её общение с тобой длится долго, и надлежит тебе её простить. Это один из признаков успеха в дружбе. Женщинам недостаёт ума и веры. И если твоя жена поступила дурно, то ведь она раскаялась и, если захочет Аллах, она не вернётся к тому, что делала раньше. По-моему, тебе следует помириться с нею, и я верну тебе больше денег, чем у тебя было. Если ты останешься со мной – добро пожаловать и тебе и ей, и будет вам только то, что вас радует; если же ты пожелаешь отправиться в свою страну, я дам тебе то, что тебя удовлетворит. Вот носилки готовы, посади туда свою жену и её невольницу и отправляйся в твою страну – между мужем и женой случается многое, и надлежит тебе облегчить дело и не идти по пути затруднения».

«О господин, – спросил ювелир, – а где моя жена?» И Абд-ар-Рахман сказал: «Вот она в этом доме. Поднимись к ней и поступай с ней хорошо, ради меня, и не огорчай её. Когда мой сын привёз её и захотел на ней жениться, я не допустил его к ней и посадил её в этот дом и запер, и в душе я сказал: „Может быть, её муж придёт, и я передам её ему, так как она прекрасна обликом, и такую, что подобна ей, невозможно мужу покинуть“. И то, что я предполагал, произошло. Хвала же Аллаху великому за твою встречу с женой. Что же касается моего сына, то я просватал ему девушку и женил его на другой, и эти пиры и угощения – из-за его свадьбы, и сегодня вечером я ввёл его к жене. Вот ключ от дома, в котором твоя жена. Возьми его, открой дверь и войди к твоей жене и невольнице. Веселись с нею, и к вам будет приходить еда и питьё, и не выходи от неё, пока ты ею не насытишься».

«Да воздаст тебе Аллах за меня всяким благом, о господин», – сказал ювелир.

И затем Убейд взял ключ и пошёл, радостный, и купец подумал, что эти речи понравились ему и что он с ними согласился. И купец взял меч и пошёл сзади ювелира, тай что тот его не видел, и остановился, смотря, что будет между ним и его женой.

Вот что было с купцом Абд-ар-Рахманом. Что же касается ювелира, то он вошёл к своей жене и увидел, что она плачет сильным плачем из-за того, что Камар-аз-Заман женился на другой, и увидел, что невольница говорит ей; «Сколько я тебе советовала, о госпожа, и говорила: „От этого юноши не достанется тебе добра, оставь общение с ним“. Но ты не

слушала моих слов и ограбила все деньги твоего мужа и отдала их ему, а потом ты оставила своё место и привязалась своей любовью к нему и приехала с ним в эту страну. Но и после этого он выбросил тебя из ума, и женился на другой, и сделал концом твоей привязанности к нему заточение».

И жена ювелира сказала: «Замолчи, о проклятая! Если он даже и женился на другой, я обязательно приду ему когда-нибудь на ум. Я не забуду о ночных беседах с ним и во всяком положении буду утешаться словами сказавшего:

Господа мои, приходит ли на мысль вам тот,
В чьих мыслях не проходит, кроме вас, никто?
Далеко будет пусть от вас забвение
О том, кто, думая о вас, себя забыл!

Он обязательно вспомнит общение со мной и мою дружбу и спросит обо мне, и я не откажусь от его любви и не отойду от страсти к нему, хотя бы я умерла в тюрьме, — он ведь мой возлюбленный и лекарь. Я жажду, чтобы он вернулся ко мне и предался со мною веселью».

И когда её муж услышал, что она говорит такие слова, он вошёл к ней и сказал: «О обманщица, ты жаждешь его так же, как Иблис жаждал рая. В тебе были все пороки, а я этого и не ведал! Если бы я знал, что в тебе есть хоть один порок из этих пороков, я бы не держал тебя у себя ни одного часа. Но раз я убедился насчёт тебя в этом, мне надлежит тебя убить, хотя бы меня убили за тебя, о обманщица!»

И затем он схватил её обеими руками и произнёс такие два стиха:

«Вы сгубили, красавицы, верность дружбы
Клеветою и прав моих не хранили.
Сколь привязан любовью к вам был я прежде —
После горя привязанность мне противна».

Потом он схватил её за горло и сломал его. И невольница закричала: «Увы, моя госпожа!» И ювелир сказал ей: «О распутница, весь позор от тебя, так как ты знала, что в ней есть это свойство, и не рассказала мне». И затем он схватил невольницу и задушил её.

И все это происходило, а купец держал меч в руке и стоял за дверью, слыша ухом и видя глазами. А потом, когда Убейд, ювелир, задушил жену в доме купца, в нем умножились страхи, и он устранился исхода этого дела и сказал про себя: «Когда купец узнает, что я их убил в его доме, он обязательно меня убьёт. Но я прошу Аллаха, чтобы он взял мой дух в вере». И он смутился в своём деле и не знал, как поступить.

И когда это было так, вдруг купец Абд-ар-Рахман вошёл к нему и сказал: «С тобой не будет беды! Ты заслуживаешь безопасности. Посмотри на этот меч у меня в руке: я задумал убить тебя, если ты помиришься с ней и простишь её, и убить невольницу. Но раз ты совершил эти поступки, то простор тебе и опять простор, и не будет тебе иного воздаянья, кроме того, что я женю тебя на моей дочери, сестре Камар-аз-Замана».

И затем он взял его, и вышел с ним, и велел привести обмывальщицу, и распространился слух, что Камар-аз-Заман, сын купца Абд-ар-Рахмана, привёз с собой двух невольниц из Басры, и они умерли. И люди стали соболезновать ему и говорили: «Да живёт твоя голова и да возместит тебе Аллах!» А потом женщин вымыли и завернули в саван и закопали, и никто не знал истины в этом деле.

Вот что было с Убейдом, ювелиром, и его женой и невольницей. Что же касается купца Абд-ар-Рахмана, то он призвал Шейх-аль-ислама и всех вельмож и сказал: «Шейх-аль-ислам, напиши запись моей дочери Каукабас-Сабах с мастером Убейдом, ювелиром, а приданое за неё уже пришло ко мне, полностью и до конца».

И шейх-аль-ислам написал запись, и купец напоил всех напитками, и свадьбу сделали

общей и отнесли дочь шейх-аль-ислама, жену Камар-аз-Замана, и его сестру Каукаб-ас-Сабах, жену мастера Убейда, ювелира, в одних носилках в одну и ту же ночь, а вечером привели Камараз-Замана и мастера Убейда вместе. И Камар-аз-Замана ввели к дочери шейх-аль-ислама, а мастера Убейда ввели к дочери купца Абд-ар-Рахмана. И когда он вошёл к ней, он увидел, что она лучше его жены и прекраснее её в тысячу раз. И затем он уничтожил её девственность, а наутро пошёл с Камар-аз-Заманом в баню.

И он провёл у них некоторое время в радости и веселье, а затем затосковал по своей стране. И, войдя к купцу Абд-ар-Рахману, сказал ему: «О дядюшка, я стосковался по своей стране, и у меня есть в ней владения и поместья. Я оставил там одного из моих работников за себя поверенным, и у меня на уме поехать в мою страну, чтобы продать мои владения, а потом я вернусь к тебе. Позволишь ли ты мне отправиться в мою страну?» – «О дитя моё, – сказал ему купец, – я тебе уже позволил, и нет на тебе упрёка за эти слова – ведь любовь к родине принадлежит к вере, и кому нет блага в своей стране, тому нет блага и в чужой стране. Но, может быть, если ты поедешь без твоей жены и войдёшь в твою страну, тебе станет приятно там жить, и ты будешь колебаться между возвращением к жене и пребыванием в твоей стране. Правильное мнение будет, чтобы ты взял свою жену с собой, а потом, если захочешь вернуться к нам, возвращайся вместе с женой, и добро пожаловать тебе и ей. Мы ведь люди, не знающие развода, женщина у нас не выходит замуж дважды, и мы не порываем с человеком попусту». – «О дядюшка, – сказал ювелир, – я боюсь, что твоя дочь не согласится уехать со мной в мою страну». – «О дитя моё, – сказал купец, – у нас нет жён, которые прекословят своим мужьям, и мы не знаем жены, что сердится на мужа». – «Да благословит Аллах вас и ваших жён!» – сказал ювелир. А затем он вошёл к своей жене и сказал ей: «Я хочу поехать в мою страну. Что ты скажешь?» – «Мой отец, – ответила она, – властвовал надо мной, пока я была невинна, а когда я вышла замуж, вся власть перешла в руки моего мужа, и я не буду ему перечить». – «Да благословит Аллах тебя и твоего отца и да помилует Аллах утробу, которая тебя носила, и хребет, который тебя породил», – сказал ювелир.

И после этого он оборвал привязи и начал собираться в путь. Его тесть дал ему всего много, и они простились друг с другом, и затем ювелир взял свою жену, и поехал, и ехал до тех пор, пока не вступил в Басру. И вышли ему навстречу близкие и друзья (а они думали, что он был в аль-Хиджазе), И некоторые люди радовались его прибытию, а другие были огорчены его возвращением в Басру, и люди говорили друг другу: «Он станет нас стеснять каждую пятницу, по обычаю, и мы будем заперты в мечетях и домах, и он запрет даже наших кошек и собак».

Вот что было с ним. Что же касается царя Басры, то, узнав о прибытии ювелира, он разгневался на него и, послав за ним, призвал его к себе, и начал его бранить, и сказал: «Как это ты уезжаешь и не осведомляешь меня о своём отъезде? Разве я бы не смог дать тебе что-нибудь в помощь для паломничества к священному храму Аллаха?» И ювелир сказал ему: «Прощение, о господин! Клянусь Аллахом, я не совершил паломничества, но со мной случилось то-то и то-то».

И он рассказал ему, что случилось у него с его женой и с купцом Абд-ар-Рахманом каирским и как тот женил его на своей дочери, и наконец сказал: «И вот я привёз её в Басру». И тогда царь воскликнул: «Клянусь Аллахом, если бы я не боялся Аллаха великого, я бы, право, убил тебя и женился на этой родовой женщине после тебя, хотя бы пришлось истратить на неё сокровищницы денег, так как она годится только для царей. Но Аллах сделал её твоим уделом и благословил тебя с нею. Заботься же о ней получше».

И затем царь оказал ювелиру милость, и тот ушёл от него и прожил со своей женой пять лет, а после этого он представился к милости великого Аллаха. И царь посватался к его жене, но она не согласилась и сказала: «О царь, я не видела в моем племени женщины, которая вышла бы замуж после смерти своего мужа, и я не выйду замуж ни за кого после мужа и не выйду за тебя, хотя бы ты меня убил». И царь послал спросить её: «Хочешь ли ты отправиться в твою страну?» И она ответила: «Если ты сделаешь благо, будешь

вознаграждён». И царь собрал ей все деньги ювелира и прибавил от себя сообразно своему сану. И затем он послал с ней везиря из своих везирей, известного благом и праведностью, и послал с ним пятьсот всадников. И этот везирь ехал с ней, пока не доставил её к отцу, и она жила, не выходя замуж, пока не умерла и не умерли они все.

И если эта женщина не согласилась сменить своего мужа после его смерти на султана, – как сравнить её с той, что сменила его при жизни на юношу неизвестного корня и рода, в особенности раз это было в разврате, а не путём установленного брака? Если кто думает, что все женщины одинаковы, то для болезни его бесноватости нет лекарства. Да будет же слава тому, кому принадлежит видимое и невидимое царство, он – живой, который не умирает.

Рассказ об Абд-Аллахе ибн Фади́ле (ночи 978-989)

Рассказывают также, о счастливый царь, что халиф Харун ар-Рашид проверял в какой-то день харадж с земель и увидел, что харадж из всех земель и стран уже прибыл в казну, кроме хараджа Басры, – он не прибыл в этом году.

И Халиф созвал диван по этой причине и сказал: «Ко мне везиря Джафара!» И когда тот предстал меж его рук, сказал ему: «Харадж из всех стран прибыл в казну, кроме хараджа Басры, оттуда не прибыло ничего». – «О повелитель правоверных, – сказал Джафар, – может быть, у наместника Басры случилось дело, которое отвлекло его от отсылки хараджа». И ар-Рашид молвил: «Срок прибытия хараджа был двадцать дней назад. В чем же оправдание наместника за все это время – он не прислал хараджа и не прислал ничего, чтобы подтвердить своё оправдание». – «О повелитель правоверных, – сказал Джафар, – если хочешь, мы пошлём к нему посланца». – «Пошли к нему Абу-Исхака Мосульского, собутыльника», – сказал халиф. И Джафар ответил: «Слушаю и повинуюсь Аллаху и тебе, о повелитель правоверных!»

И затем везирь Джафар пошёл к себе домой и, призвав Абу-Исхака Мосульского, собутыльника, написал ему благородный указ и сказал: «Отправляйся к Абд-Аллаху ибн Фадилю, наместнику города Басры, и посмотри, что отвлекло его от посылки хараджа, и затем прими от него харадж Басры, полностью и до конца, и привези его ко мне скорее. Халиф проверил харадж всех стран и увидел, что отовсюду он прибыл, кроме Басры. А если ты увидишь, что харадж не готов, и Абд-Аллах будет оправдываться, то привези его с собой, чтобы он высказал халифу оправдание своим языком».

И Абу-Исхак ответил вниманием и повиновением и, взяв пять тысяч всадников из своего войска, ехал, пока не достиг города Басры. И Абд-Аллах ибн Фадиль узнал о его прибытии, и вышел к нему со своим войском, и встретил его, и вступил с ним в Басру, и поднялся в свой дворец, а остальные воины расположились в шатрах, подле Басры, и Ибн Фадиль назначил им все, что им было нужно. Абу-Исхак же вошёл в диван и, сев на престол, посадил Абд-Аллаха ибн Фадиля с собой рядом, а вельможи сели вокруг него, сообразно своим степеням. И затем, после приветствия, ибн Фадиль спросил: «О господин, что за причина твоего прибытия к нам?» – «Причина та, – отвечал Абу-Исхак, – что я пришёл потребовать харадж. Халиф спрашивал о нем, и время его прибытия прошло». – «О господин, – воскликнул Абу-Аллах, – чтобы тебе не утомляться и не переносить затруднений путешествия! Харадж готов, полностью и совершенно, и я собирался отослать его завтра, но раз ты прибыл, я вручу его тебе после угощения в три дня и на четвёртый день доставлю харадж к тебе. Но теперь обязательно нужно предложить тебе подарок – часть твоей милости и милости повелителя правоверных». И Абу-Исхак сказал: «Это недурно».

А затем Абд-Аллах распустил диван и ввёл Абу-Исхака в комнату в своём доме, которой нет равной, и расстелил перед ним и его приближёнными скатерть с едой, и они стали есть и пить, и наслаждаться, и веселиться.

А затем стол был убран и руки вымыты, и пришло кофе и напитки, и все просидели за беседой до первой трети ночи. И Абу-Исхаку постлали постель на ложе из слоновой кости,

украшенном рдеющим золотом, и он лёг на нем, а наместник Басры лёг на другом ложе, рядом с ним.

И одолела бессонница Абу-Исхака, посланца повелителя правоверных, и он стал размышлять о размерах стихов и о нанизанной речи, так как он был одним из приближённых собутыльников халифа, и была у него большая осведомлённость в стихах и тонких рассказах. И он бодрствовал, сочиняя стихи, до полуночи. И когда это было так, вдруг Абд-Аллах ибн Фадиль встал, затянул пояс и, открыв шкаф, взял оттуда бич, а затем он взял горящую свечу и вышел из дверей комнаты, думая, что Абу-Исхак спит...»

И Шахразадку застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Девятьсот семьдесят девятая ночь

Когда же настала девятьсот семьдесят девятая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что Абд-Аддах ибн Фадиль вышел из дверей комнаты, думая, что Абу-Исхак, собутыльник, спит. И когда он вышел, Абу-Исхак удивился и сказал про себя: „Куда идёт Абд-Аллах ибн Фадиль с этим бичом? Может быть, он хочет кого-нибудь пытать. Я обязательно за ним последую и посмотрю, что он будет делать сегодня ночью“.

И затем Абу-Исхак поднялся и пошёл за Абд-Аллахом, понемногу, понемногу, так, чтобы тот его не видел. И он увидел, что Абд-Аллах отпер чулан и вынул из него столик, на котором было четыре блюда с кушаньем, и хлеб не приходил к нему от великого удивления, и он говорил про себя: «Смотри-ка! В чем причина этого дела?»

И он не переставал дивиться до утра, а затем все встали и совершили утреннюю молитву, и им поставили завтрак, и люди поели, и выпили кофе, и отправились в диван, и Абу-Исхак был занят этим приключением целый день, но он все скрыл и не спросил о нем Абд-Аллаха.

А на следующую ночь Ибн Фадиль сделал с собаками то же самое и побил их, и помирился с ними, и накормил их, и напоил. И Абу-Исхак последовал за ним и увидел, что он сделал с ними то же, что и в первую ночь, и в третью ночь было то же самое, а после этого он принёс харадж Абу-Исхаку, собутыльнику, на четвёртый день, и тот взял его и уехал, не сказав ничего.

И он ехал до тех пор, пока не достиг Багдада, и вручил халифу харадж, и потом халиф спросил его о причине задержки хараджа, и Абу-Исхак сказал: «О повелитель правоверных, я увидел, что правитель Басры уже приготовил харадж и хочет отослать его. И если бы я задержался на один день, он бы наверное встретил меня в дороге. Но только я увидел у Абд-Аллах ибн Фадила диво, подобного которому не видел в жизни, о повелитель правоверных». – «А что это такое, о Абу-Исхак?» – спросил халиф. И Абу-Исхак сказал: «Я видел то-то и то-то». И рассказал о том, что делал Абд-Аллах с собаками. И потом молвил: «Я видел три ночи подряд, как он делал такие дела – бил собак, а после этого мирился с ними и успокаивал их, и кормил, и поил, и я смотрел на него так, что он меня не видел». – «Спрашивал ли ты его о причине?» – сказал халиф. И Абу-Исхак ответил: «Нет, клянусь жизнью твоей головы, о повелитель правоверных!» – «О Абу-Исхак, – сказал халиф, – я приказываю тебе вернуться в Басру и привезти ко мне Абд-Аллаха ибн Фадила вместе с теми двумя собаками». – «О повелитель правоверных, – воскликнул Абу-Исхак, – избавь меня от этого! Абд-Аллах ибн Фадиль оказал мне крайнее уважение, и я проведаль об этих обстоятельствах случайно, без намерения, и рассказал тебе. Как же я вернусь к нему и приведу его? Если я к нему вернусь, я не найду на себе лица от стыда перед ним, и подобает послать кого-нибудь другого с указом, написанным твоей рукой, чтобы он привёз к тебе Ибн Фадила и собак». – «Если я пошлю к нему другого, он, может быть, станет отрицать это дело и скажет: „Нет у меня собак, – молвил халиф. – Если же я пошлю тебя и ты ему скажешь: „Я тебя видел своими глазами“, – он не сможет этого отрицать. Ты непременно должен к нему поехать и привезти его и собак, а иначе – неизбежно твоё убиение...“

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Ночь, дополняющая до девятисот восьмидесяти

Когда же настала ночь, дополняющая до девятисот восьмидесяти, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что халиф Харун ар-Рашид сказал Абу Исхаку: „Ты непременно должен к нему поехать и привезти его и собак, а иначе – неизбежно твоё убийство“. – „Слушаю и повинуюсь, о повелитель правоверных, достаточно с нас Аллаха, и благой он промыслитель! – ответил Абу Исхак. – Прав был тот, кто сказал: „Бедствие человека – от его языка“. И я сам навлек на себя это, когда рассказал тебе. Но напиши мне благородный указ, и я пойду к Ибн Фадилью и приведу его к тебе“.

И халиф написал ему благородный указ, и Абу Исхак направился с ним в Басру. И когда он вошёл к правителю Басры, тот сказал: «Да избавит нас Аллах от зла твоего возвращения, о Абу Исхак!» – «Почему это, я вижу, ты быстро вернулся? Может быть, харадж недостаточен, и халиф не принял его?» – «О эмир Абд-Аллах, – сказал Абу Исхак, – я возвратился не из-за недостатка хараджа – он доставлен полностью, и халиф принял его. Но я надеюсь, что ты не будешь с меня взыскивать, – я сделал ошибку по отношению к тебе, и то, что из-за меня произошло, предопределено Аллахом великим» – «А что произошло, о Абу-Исхак? Расскажи мне – я тебя люблю и не стану с тебя взыскивать», – молвил ибн Фадиль.

И Абу Исхак сказал: «Знай, что когда я был у тебя, я шёл за тобой следом три ночи подряд, когда ты каждую ночь вставал в полночь и мучил собак и возвращался, и я дивился этому, но мне было стыдно тебя спросить. И я рас сказал халифу о твоём деле, случайно, без намерения. И он обязал меня вернуться к тебе, и вот указ, написанный его рукой. Если бы я знал, что дело так обернётся, я бы не рассказал ему, но это принесла судьба».

И он стал извиняться перед Абд-Аллахом, и Абд-Аллах сказал ему: «Если ты рассказал халифу, я подтверждаю ему твой рассказ, чтобы он не думал, что ты лжёшь, так как я тебя люблю. Но если бы рассказал кто-нибудь другой, я бы стал отрицать это и обвинил бы его во лжи. Я поеду с тобой и захвачу собак, хотя бы была в этом гибель моей души и конец моего срока». – «Да покроет тебя Аллах, как ты покрыл моё лицо перед халифом!» – сказал Абу Исхак.

И затем Ибн Фадиль взял подарок, подходящий для халифа, и взял собак, на золотых цепях, и взвалил каждую собаку на верблюда, и они ехали, пока не доехали до Багдада. И Абд-Аллах вошёл к халифу и поцеловал землю меж его рук, и халиф позволил ему сесть, и Ибн Фадиль сел и велел привести к себе собак.

«Что это за собаки, о эмир Абд-Аллах?» – спросил халиф. И собаки начали целовать землю меж его рук, и шевелить хвостами, и плакать, как будто ему жалуясь. И халиф удивился этому и сказал: «Расскажи мне историю этих двух собак и по какой причине ты их бьёшь и оказываешь им уважение после побоев». – «О преемник Аллаха, – молвил Ибн Фадиль, – это не собаки, а люди – двое юношей, красивые и прелестные, стройные и соразмерные, и они – мои братья, дети моей матери и моего отца». – «А как же они были людьми и стали собаками?» – спросил халиф.

И Абд-Аллах сказал: «Если ты мне позволишь, о повелитель правоверных, я расскажу тебе истину об этом деле». – «Расскажи мне, – сказал халиф, – и берегись лжи, ибо ложь – качество людей лицемерных. Будь правдив, ибо правдивость – корабль спасения и черта праведников».

«Знай, о преемник Аллаха, – молвил Ибн Фадиль, – что во время моего рассказа они будут свидетелями. И если я солгу, они обличат меня во лжи, а если я скажу правду, они подтвердят мою правдивость». – «Это собаки, и они не могут говорить или отвечать, – сказал халиф, – Как же они засвидетельствуют против тебя или за тебя?» – «О братья, – молвил Ибн Фадиль, – если я скажу слова лживые, поднимите головы и раскройте широко глаза, а если я

скажу правду, опустите головы и зажмите глаза. Знай, о преемник Аллаха, – сказал он потом, – что нас три брата и у нас одна мать и один отец. И имя нашего отца было Фадиль, и его называли этим именем только потому, что жена его отца родила двух сыновей-близнецов, и один из них умер в тот же час и минуту, а другой остался, и отец назвал его Фадилом⁶⁷⁹. И его отец воспитал его, и дал ему хорошее воспитание, и когда он вырос, женил его на нашей матери, и умер, и наша мать родила сначала этого моего брата, и отец назвал его Мансуром. А потом она понесла второй раз и родила вот этого моего брата, и отец назвал его Насиром, и моя мать понесла третий раз и родила меня, и отец назвал меня Абд-Аллахом. Он воспитывал нас, пока мы не выросли и не достигли зрелости мужчин, а потом умер и оставил нам дом и лавку, полную разноцветной материи из материй всех сортов – индийских, румских, хоросанских и других, и ещё он оставил нам шестьдесят тысяч динаров.

И когда наш отец умер, мы отмыли его и вырыли ему могилу и похоронили его на милость владыки. Мы устраивали по нем моления и чтения Корана и раздавали милостыню до завершения сорока дней. А потом, после этого, я собрал купцов и знатных людей и устроил для них великолепный пир, и когда они поели, я сказал им: «О купцы, здешняя жизнь преходяща, а последняя жизнь вечна, и да будет хвала тому, кто вечен после исчезновения его тварей. Знаете ли вы, для чего я вас собрал в сегодняшний благословенный день к себе?» – «Да будет хвала Аллаху, знающему сокровенное!» – ответили они. И я сказал им: «Мой отец умер и оставил много денег, и я боюсь, что после него остался долг кому-нибудь, или залог, или что-нибудь другое. Я хочу освободить моего отца от ответственности за долги людям, и пусть тот, кому что-нибудь с него следует, скажет: „Мне с него следует то-то и то-то“. И я передам ему это, чтобы освободить моего отца от ответственности». – «О Абд-Аллах, – сказали купцы, – земная жизнь не обойдётся без дольней жизни, и мы не люди лжи. Каждый из нас знает, что дозволено, а что запрещено. Мы боимся Аллаха великого и не хотим поедать имущество сироты. Мы знаем, что деньги твоего отца (да помилует его Аллах!) всегда оставались за людьми, а он не оставлял на своей ответственности ничего, принадлежащего другому, и всегда говорил в своих молитвах: „Бог мой, на тебя моё упование и надежда, не дай же мне умереть, когда на мне будет долг“. Одним из его свойств было то, что, когда он был кому-нибудь должен, то отдавал это без требования, а если кто-нибудь был должен ему, он не требовал с него и говорил: „Не спеши!“ Если же это был бедняк, он прощал ему долг и освобождал его от ответственности, а если это не был бедняк, он умирал, твой отец говорил: „Да простит ему Аллах то, что он мне должен! Мы свидетельствуем, что он не должен никому ничего“. – „Да благословит вас Аллах!“ – сказал я. И затем я обернулся к этим моим братьям и сказал им: „О братья, наш отец никому ничего не должен, и он оставил нам эти деньги, и материи, и дом, и лавку. Нас трое братьев, и каждому из нас полагается треть всего этого. Согласимся ли мы не делиться и останется ли наше имущество общим между нами и мы будем есть вместе и пить вместе, или же мы разделим материи и деньги, и каждый из нас возьмёт свою долю“. – „Мы разделимся, и каждый из нас возьмёт свою долю“, – сказали мои братья.

И Абд-Аллах обернулся ж собакам к спросил: «Было ли это, мои братья?» И собаки опустили головы и зажмурили глаза, как будто говоря: «Да».

И Ибн Фадиль молвил: «И тогда я привёл делильщика от кади, о повелитель правоверных, и он разделил между нами деньги и материи и все, что оставил нам отец. Дом и лавку назначили мне на мою долю, взамен части того, что мне полагалось из денег, и мы согласились на это, и дом с лавкой вошли в мою часть, а братья взяли свою часть деньгами и материей. И я открыл лавку, и положил в неё материи, и купил на часть денег, которая досталась мне сверх дома и лавки, ещё материи, так что наполнил лавку, и сед продавать и покупать. А что до моих братьев, то они купили материи и, наняв корабль, уехали по морю в чужие страны. И я сказал: „Помоги им Аллах, а мой надел придёт ко мне, и отдыху нет

⁶⁷⁹ Фадиль – в переводе значит остающийся.

пены“.

И я провёл таким образом целый год, и Аллах помог мне, и я стал получать большие доходы, так что у меня оказалось столько, сколько оставил нам всем отец. И в один из дней случилось, что я сидел в лавке, одетый в две шубы, одну соболью, а другую беличью, – так как дело было в зимнюю пору, во время сильного холода? И когда я так сидел, вдруг подошли ко мне мои братья, и у каждого из них была на теле рваная рубашка и ничего больше, губы у них были белые от холода, и они дрожали. И когда я увидел их, мне стало тяжело из-за этого, и я опечалился из-за них...»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Девятьсот восемьдесят первая ночь

Когда же настала девятьсот восемьдесят первая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что Абд-Аллах ибн Фадиль говорил халифу: „И когда я увидел, что они дрожат, мне стало тяжело из-за того, и я опечалился, и разум улетел у меня из головы. И я поднялся, и обнял братьев, и стал плакать об их положении, и на одного из них я надел соболью шубу, а на другого – беличью шубу. И я отвёл их в баню и послал туда каждому из них одежду купцатысячника. И когда они помылись, каждый из них надел свою одежду, а потом я взял их к себе домой. И я увидел, что они крайне голодны, и расстелил перед ними скатерть с кушаньями, и они поели, и я ел вместе с ними, проявляя к ним ласку и успокаивая их“.

И Абд-Аллах обернулся к собакам и спросил: «Было ли это, о мои братья?» И они опустили головы и зажмурили глаза.

«И затем я спросил их, о преемник Аллаха, – продолжал Ибн Фадиль, – и сказал: „Как это с вами случилось и где ваши деньги?“ И они ответили: „Мы ехали по морю и вошли в город, называемый город Куфа. Мы продавали кусок материи, которому у нас цена полдинара, за десять динаров, а тот, что стоит динар, – за двадцать динаров, и нажили большую прибыль. Мы купили из персидских материй каждую штуку шелка за десять динаров, а она стоит в Басре сорок динаров, и потом мы вошли в город, называемый город аль-Карх, и продавали, и покупали, и нажили большую прибыль, и стало у нас много денет“.

И я спросил их: «Если вы видели эту радость и благо, почему же вы, я вижу, вернулись голые?» И мои братья вздохнули и сказали: «О брат наш, поразил нас только дурной глаз, и в путешествии нет безопасности. Собрав эти деньги и блага, мы нагрузили наше имущество на корабль и поехали по морю с намерением направиться в город Басру. Мы проехали три дня, а на четвёртый день мы увидели, что море стадо подниматься и опускаться, заревело, вспенилось, заходило и заволновалось и забилося волнами, и волны испускали искры, как огненное пламя. Ветер над нами менялся, и наш корабль ударился о выступ горы и разбился, и мы стали тонуть в море вместе со всем тем, что у нас было. Мы бились на поверхности воды один день и одну ночь. Но Аллах послал нам корабль, и те, кто ехал на нем, взяли нас, и мы ехали из города в город, и просили, и кормились тем, что добывали просьбой. Мы испытывали великую горесть и снимали с себя свои вещи и продавали их, кормясь этим, пока не приблизились к Басре. И мы достигли Басры не прежде, чем испили тысячу горестей, а если бы спаслись вместе с тем, что у нас было, мы бы привезли богатства, похожие на богатства царей. Но это определено нам Аллахом». И я сказал им: «О братья, не обременяйте себя заботой. Деньги – выкуп за тело, и спасение – добыча. Раз Аллах записал вас в число спасшихся, то это – предел желаний, а бедность и богатство не что иное, как тень призрака, и от Аллаха дар того, кто сказал:

Когда голова мужей спасётся от гибели,
Их деньги, поистине, обрезок ногтей для них.

О братья, – сказал я им потом, – мы будем считать, что наш отец умер сегодня и оставил нам все деньги, какие есть у меня. Моей душе приятно, чтобы мы их разделили между собой поровну».

И затем я призвал делильщика от кади и принёс все моё имущество, и делильщик разделил его между нами, и каждый из нас взял треть денег. И я сказал своим братьям: «О братья, Аллах благословляет человека в его наделе, когда человек находится в своём городе. Пусть каждый из вас откроет себе лавку и сидит там, занимаясь торговлей: тот, кому что-нибудь предназначено в неведомом, неизбежно это получит».

И затем я помог каждому из них открыть лавку и наполнить её товарами, и сказал: «Продавайте и покупайте и берегите ваши деньги, не тратя из них ничего, а все, что вам нужно из еды и питья, будет от меня». И я оказал им уважение, и они стали покупать и продавать днём, а вечер проводили у меня в доме, и я не давал им ничего тратить из их денег, и всякий раз, когда я сидел с ними и разговаривал, братья хвалили пребывание на чужбине и рассказывали о прелестях чужих стран, описывая, какая им досталась нажива, и подстрекали меня опасаться поехать с ними в чужие страны».

И Абд-Аллах спросил собак: «Было ли это, о мои братья?» И они опустили головы и зажмурили глаза, подтверждая его слова.

«О преемник Аллаха, – сказал потом Ибн Фадиль, – мои братья не переставали соблазнять меня и говорить о большой прибыли и наживе в чужой стране, призывая меня поехать с ними, пока я не сказал им: „Я обязательно с вами поеду, чтобы вас уважить“».

И потом мы с ними вошли в компанию, и, собрав дорожную материю всевозможных сортов, наняли корабль, и наполнили его всякими товарами и запасами, и снесли на этот корабль все, что нам было нужно, и выехали из города Басры в полноводное море, в котором бились волны, и тот, кто въезжает в него, – пропал, а кто покидает его, – рождается вновь. Мы ехали до тех пор, пока не приехали в один город, и мы продали там и купили, и у нас оказалась большая прибыль. А потом мы уехали из этого города в другой и ездили из города в город и из селения в селение, продавая, покупая и наживая, пока у нас не оказались значительные деньги и большая прибыль. И мы подъехали к одной горе, и капитан бросил якорь и сказал: «О путники, выходите на берег, и вы спасётесь от зла этого дня. Поищите на берегу, – может быть, вы найдёте воду». И все, кто был на корабле, вышли, и я тоже вышел, и мы принялись искать воду, и каждый из нас отправился в какую-нибудь сторону, а я поднялся на вершину горы.

И когда я шёл, я вдруг увидел белую змею, которая мчалась, убегая, и за ней мчался чёрный дракон, безобразный обликом и ужасный на вид. И дракон настиг змею, и прижал её, и схватил за голову, и обвился хвостом вокруг её хвоста, и она закричала, и я понял, что дракон обижает змею, и меня охватила жалость. Я взял камень из камней, весом в пять ритлей или больше, и бросил его в дракона. И камень попал ему в голову и разбил её. И не успел я опомниться, как змея сделалась молодой девушкой, красивой, прелестной, блестящей, совершенной, стройной и соразмерной, подобной светящейся луне. Она подошла ко мне, поцеловала мне руки и сказала: «Да покроет тебя Аллах двумя покровами – покровом от позора в здешней жизни и покровом от огня в жизни будущей в день великого предстояния, в день, когда не поможет имущество и сыновья никому, кроме тех, кто придёт к Аллаху с сердцем здоровым. О человек, – сказала она потом, – ты спас мою честь, и я обязана тебе за это благодеяние. Мне надлежит воздать тебе за это».

И она указала рукой на землю, и земля расступилась, и девушка опустилась в землю, и потом земля закрылась над ней, и я понял, что эта девушка – из джиннов. А что касается дракона, то в нем загорелся огонь и сжёг его, и он превратился в пепел. И я удивился этому, и вернулся к своим товарищам, и рассказал им об этом. Мы проспали ночь, а под утро капитан вырвал якорь, распустил паруса и свернул концы, и мы поехали и ехали, пока земля не скрылась от нас, и не переставали плыть в течение двадцати дней, не видя ни земли, ни птицы, и вода у нас кончалась.

И капитан сказал: «О люди, пресная вода у нас кончилась». И мы сказали ему:

«Выйдем на сушу, может быть, мы найдём воду». И тогда капитан воскликнул: «Клянусь Аллахом, я сбился с пути и не знаю дороги, которая ведёт в сторону земли». И нас охватило сильное горе, и мы стали плакать и молиться Аллаху великому, чтобы он вывел нас на верную дорогу. А потом мы провели ночь в самом худшем состоянии, и от Аллаха дар того, кто сказал:

И сколько ночей я в печали провёл –
Младенец и тот от неё поседеет.
Но утро настанет, и тотчас придёт
Поддержка Аллаха и близкая помощь.

И когда наступило утро, и засияло светом, и заблестало, – мы увидели высокую гору и, увидев эту гору, обрадовались и развеселились. И мы подъехали к этой горе, и капитан сказал: «О люди, выходите на берег, чтобы поискать воды».

И мы все вышли искать воду, но не увидели на берегу воды, и нас охватило огорчение из-за отсутствия воды. И потом я поднялся на вершину этой горы, и увидел за ней широкую круглую долину, протяжением в час пути или больше, и позвал моих товарищей, и они направились ко мне. И когда они подошли, я сказал: «Посмотрите на землю, которая за этой горой. Я вижу там город, высоко построенный, с колоннами, уходящими ввысь, и стенами, и башнями, и холмами, и лугами. Там, без сомнения, не может не быть воды и всяких благ. Пойдёмте же со мной и отправимся в этот город. Мы принесём оттуда воды и купим то, что нам нужно из пищи, мяса и плодов, и вернёмся».

И мои товарищи сказали мне: «Мы боимся, что жители этого города окажутся нечестивыми многобожниками и врагами веры и схватят нас. И мы станем пленниками у них в руках, или же они нас убьют, и мы сами будем пособниками своего убийства, так как ввергли себя в погибель и зло затруднения. Обольщённый самим собою недостоин хвалы, так как он подвергает себя злой опасности, и сказал о нем поэт:

Покуда земля-земля и небо есть небо – знай:
Прельщённый собой хвалим не будет, хоть спасся он.
Не будем же обольщаться сами собой».

И я сказал им:

«О люди, у меня нет над вами власти, но я возьму моих братьев и отправлюсь в этот город». Но мои братья сказали мне: «Мы боимся этого дела и не пойдём с тобой». – «Что касается меня», – сказал я, – то я решил отправиться в этот город. Я полагаюсь на Аллаха и согласен на то, что он мне предопределил. Подождите же меня, пока я схожу туда и вернусь к вам...»

И Шахразад застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Девятьсот восемьдесят вторая ночь

Когда же настала девятьсот восьмидесят вторая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что Ибн Фадиль сказал: „Подождите меня, пока я схожу туда и вернусь к вам“.

«И я оставил их и шёл, пока не дошёл до ворот этого города, и я увидел, что это город удивительно построенный и диковинно расположенный, и стены в нем высокие, а башни укрепленные, и дворцы возвышаются, и ворота его сделаны из китайского железа, украшены и расписаны и ошеломляют разум. И я вошёл в ворота и увидел каменную скамью, и там был человек, который сидел на ней, и на руке у него была цепочка из жёлтой меди, а на цепочке четырнадцать ключей. И я понял, что этот человек – привратник города, а в городе

четырнадцать ворот. И я приблизился к этому человеку и сказал: „Мир с вами“. Но он не ответил на моё приветствие, и я пожелал ему мира второй раз и третий, но он не дал мне ответа. И я положил ему руку на плечо и сказал: „Эй, ты, почему ты не отвечаешь на приветствие? Ты спишь, или глухой, или не мусульманин, что отказываешься ответить на приветствие?“ И человек не ответил мне и не шевельнулся, и я всмотрелся в него и увидел, что он каменный. „Поистине, это удивительное дело! – воскликнул я. – Вот камень, которому придан облик сына Адама, и ему не хватает только речи“. И я оставил его, и вошёл в город, и увидел человека, который стоял на дороге, и подошёл к нему, и всмотрелся в него, и увидел, что это тоже камень. И я стал ходить по площадям этого города и всякий раз, как видел человека, подходил к нему и вглядывался в него, и оказывалось, что это камень. И я прошёл мимо одной старой женщины, на голове которой была связка одежды, приготовленной для стирки, и, приблизившись к ней, вгляделся в неё и увидел, что она из камня, и связка одежды у неё на голове тоже каменная.

А потом я пошёл на рынок и увидал масленика, и весы его были поставлены, и перед ним были всякие товары – сыр и другое, и все это было каменное.

И я увидел, что все торговцы сидят в своих лавках, а люди – одни стоят, другие сидят, и увидел мужчин, и женщин, и детей, и все они были каменные. И я вошёл на рынок купцов и увидел, что всякий купец сидит в своей лавке, и лавки полны всевозможных товаров, и все они – из камня, но только материи подобны ткани паука.

И я стал рассматривать эти материи, и всякий раз, как я брал в руки одежду из материи, она превращалась у меня в руках в развеянную пыль. Я увидел сундуки и, открыв один из них, нашёл в нем золото в мешках и взял мешки в руки, и они растаяли у меня в руках, а золото не изменилось и осталось как было. Я взял его сколько мог и стал говорить себе: «Если бы мои братья были со мною, они бы, наверное, взяли этого золота вдоволь, и мы бы воспользовались этими сокровищами, у которых нет обладателей». А потом я вошёл в другую лавку и увидел, что там ещё больше золота, но не мог уже взять больше, чем взял. Я пошёл с этого рынка на другой рынок и оттуда ещё на другой и так далее и видел всяких тварей разных по виду, и все они были каменные – даже собаки и кошки были из камня.

И я пошёл на рынок ювелиров и увидел там мужчин, сидевших в своих лавках, и их товары лежали перед ними – часть их была у них в руках, а часть в корзинках. И когда я увидел это, о повелитель правоверных, я бросил бывшее со мной золото и взял ювелирных изделий, сколько мог снести.

Я вышел с рынка ювелиров на рынок торговцев драгоценностями и увидел, что купцы сидят в своих лавках, и перед каждым из них корзина, наполненная всякими драгоценностями – яхонтами, алмазами, изумрудами, бадахшаискими рубинами и прочими камнями всевозможных родов, а владельцы лавок были каменные. И тогда я бросил бывшие со мной ювелирные изделия и взял столько камней, сколько мог нести, и я жалел, что со мной не было братьев, которые могли бы взять этих камней сколько хотят.

И я ушёл с рынка драгоценных камней и прошёл мимо больших ворот, расписанных и украшенных различными украшениями. А за воротами были скамьи, и на скамьях сидели евнухи, воины, телохранители, солдаты и судьи, и они были одеты в самые роскошные одежды, но все они были каменные. И когда я прикоснулся к одному из них, одежды осыпались с его тела, точно ткань паука. И я вошёл в эти ворота и увидел дворец, которому нет подобного в постройке и прекрасном расположении. И в этом дворце я увидел приёмную залу, наполненную вельможами, везирами, знатными людьми и эмирами, и все они сидели на скамеечках и были каменные. И я увидел престол из червонного золота, украшенный жемчугом и драгоценностями, и на нем сидел человек в роскошнейших одеждах, на голове которого был венец Хосроев, украшенный дорогими камнями, которые испускали лучи, точно лучи дневного света. И, подойдя к нему, я увидел, что он из камня. Потом я направился из этой залы к дверям гарема. И, войдя туда, увидел диван женщин, и в этом диване я увидел престол из червонного золота, украшенный жемчугом и драгоценностями, и на нем сидела женщина-царица, на голове которой был венец, окаймлённый дорогими

каменьями, и её окружали женщины, подобные лунам, которые сидели на скамеечках и были одеты в роскошнейшие одежды, выкрашенные в разные цвета, и тут же стояли евнухи, сложив руки на груди, как будто они стоят, чтобы прислуживать. И этот диван ошеломлял смотрящих, так много было в нем украшений, диковинного убранства и великолепных ковров. В нем висели самые яркие лампы из прозрачного хрусталя, и в каждом из хрустальных котелков был бесподобный яхонт, цену которого не покрыть деньгами. И я бросил, о повелитель правоверных, то, что было со мной, и стад собирать эти камни, и поднял их сколько мог.

И я не звал, что мне взять, а что оставить, так как увидел, что это место подобно сокровищу из сокровищ какого-нибудь города. И затем я увидел маленькую дверь, за которой была лестница, и, войдя в эту дверь, поднялся на сорок ступенек и услышал, что кто-то читает Коран нежным голосом. И я пошёл на этот голос и дошёл до дверей комнаты. И тогда я увидел шёлковую занавеску, украшенную золотыми шнурками, на которых были нанизаны жемчуга, кораллы, яхонты и куски изумруда, и драгоценные камни сияли на них, как сияют звезды.

Голос слышался из-за этой занавески, и, подойдя к занавеске, я поднял её, и передо мной предстала разукрашенная дверь дворца, смущающая мысли. Я вошёл в эту дверь и увидел дворец, подобный сокровищу на лице земли, и в глубине его – девушку, подобную сияющему солнцу посреди безоблачного неба.

И она была одета в самые роскошные одежды и украшена самыми лучшими, какие бывают, драгоценностями. При этом сама была дивно красива и прелестна – стройная, соразмерная, изящная и совершенная, с тонким станом, тяжкими бёдрами и слюной, исцеляющей больного, и томными веками, и как будто её имел в виду в своих словах сказавший:

Привет её стану, под одеждой сокрытому,
И розам, в садах ланит её расцветающим!
Как будто Плеяды на челе её светятся,
А прочие звезды – на груди в ожерелий.
Когда б в одеяние оделась она из роз,
Плоды её тела листья роз окровавили б
Когда б в море плюнула, – а море солёное, –
Поистине, слаще мёда вкус моря б сделался.
А если б сошлась она со старцем на костыле,
Поистине, мог бы он льва ярого разорвать.

И Абд-Аллах ибн Фадиль продолжал: «О повелитель правоверных, когда я увидел эту девушку, меня охватила любовь к ней, и я подошёл к ней ближе и увидел, что она сидит на высокой скамеечке и читает книгу Аллаха, великого, славного, по памяти, из глубины сердца, а голос её – точно скрип ворот рая, когда их открывает Ридван, и слова, выходя из её уст, рассыпаются, как драгоценные камни, а лицо её дивно прекрасно, красиво и блестяще, как сказал о подобной ей поэт:

О волнующий языком своим и свойствами,
Все сильнее во мне и любовь к тебе и привязанность.
Твои два свойства любящих расплавят всех –
Дауда звуки и лицо Иосифа.

И когда я услышал звуки её голоса при чтении великого Корана (а моё сердце читало в её чарующих глазах привет по слову владыки милосердного), я запутался в словах и не мог хорошо её приветствовать. Мой разум и слух были ошеломлены, и я стал таким, как сказал поэт:

Любовь потрясла меня, и речи лишился я,
И в стан я вошёл, чтоб кровь спасти от пролития.
И речи хулителей я слушал лишь для того,
Чтобы страсть свою высказать любимой в словах моих.

И затем я набрался стойкости против ужасов любви и сказал ей: «Мир тебе, о госпожа, охраняемая и драгоценность скрываемая. Да утвердит Аллах навеки устои твоего счастья и да воздвигнет опоры твоей славы». И женщина ответила: «И тебе от меня мир, привет и уважение, о Абд-Аллах ибн Фадиль! Приют, уют и простор тебе, о мой любимый и прохлада моего глаза!» – «О госпожа, – спросил я, – откуда ты узнала моё имя? Кто ты сама такая, и что такое с жителями этого города, что они сделались камнями? Я хочу, чтобы ты рассказала мне истину об этом деле, – я дивлюсь на этот город и на его жителей и на то, что в нем не найти человека, кроме тебя. Ради Аллаха, расскажи мне об этом».

И девушка сказала: «Садись, о Абд-Аллах, и, если захочет Аллах великий, я расскажу тебе и сообщу истину об этом деле и истину о деле этого города и его жителей подробно. Нет мощи и силы, кроме как у Аллаха высокого, великого!» И я сел рядом с девушкой, и она сказала: «Знай, о Абд-Аллах (помилуй тебя Аллах!)» что я дочь царя этого города, и мой родитель – это тот, кого ты видел сидящим в диване на высоком престоле, а те, кто вокруг него, – вельможи его правления и знатные люди его царства. Мой отец обладал великой мощью и повелевал тысячей тысяч и сотней тысяч и двадцатью тысячами воинов, а число эмиров его правления – двадцать четыре тысячи, и все это – судьи и обладатели должностей. Под властью моего отца была тысяча городов, кроме селений, поместий, крепостей, укреплений и деревень, и число эмиров арабов, подвластных ему, – тысяча эмиров, а каждый эмир повелевает двадцатью тысячами витязей. У него сокровища, богатства, металлы и драгоценные камни, каких не видел глаз и не слышало ухо...»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Девятьсот восемьдесят третья ночь

Когда же настала девятьсот восемьдесят третья ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что дочь царя каменного города сказала: „О Абд-Аллах, у моего отца были сокровища и богатства, каких не видел глаз я не слышало ухо. И он покорял царей и губил богатырей и храбрецов на войне и на поле битвы, и его боялись великаны, и смирились перед ним Хосрои. И при всем этом он был нечестивец, предававший Аллаху товарищей и поклонявшийся идолам вместо своего владыки, и все его воины были нечестивцы и поклонялись идолам вместо всезнающего владыки. И случилось, что в один из дней он сидел на престоле своего царства, окружённый вельможами правления. И не успел он опомниться, как вошёл к нему какой-то человек, и диван осветился светом его лица. И мой отец посмотрел на него и увидел, что он одет в зеленую одежду и высок ростом, и руки его спускаются ниже колен, и вид у него почтённый и достойный, и свет сияет от его лица. И этот человек сказал моему отцу: „О жестокий, о притеснитель! До каких пор будешь ты обольщён почитанием идолов и станешь пренебрегать почитанием всезнающего владыки? Скажи: „Свидетельствую, что нет бога, кроме Аллаха, и свидетельствую, что Мухаммед – раб и посол Аллаха“. Прими ислам вместе с твоим народом. Оставь поклонение идолам – они не помогут и не заступятся. Не почитают по праву никого, кроме Аллаха, подъявшего небеса без опоры и распростёршего землю по милости к рабам“. – «Кто ты, о человек, отвергающий поклонение идолам, что говоришь такие слова? – спросил мой отец. – Разве ты не боишься, что идолы на тебя разгневаются?»

И человек ответил ему: «Идолы – это камни, и не повредит мне их гнев, и не поможет мне их милость. Принеси твоего идола, которому ты поклоняешься, и прикажи каждому из

твоих людей принести своего идола. И когда все ваши идолы будут здесь, помолись им, чтобы они на меня разгневались, а я помолюсь моему господу, чтобы он разгневался на них, и вы распознаете гнев творца и гнев твари. Ведь ваших идолов сделали вы сами, и в них вселились дьяволы, и это они говорят с вами из глубины утробы идолов. Ваши идолы сделаны, а мой господь – тот, кто делает, и ничто для него не трудно. Если нам станет ясна истина, – последуйте ей, а если станет вам ясно ложное, – оставьте её». – «Дай нам доказательство о твоём владыке, чтобы мы его увидели», – сказали этому человеку. И он молвил: «Дайте мне доказательство о ваших владыках».

И тогда царь приказал каждому, кто поклонялся владыке из идолов, принести его, и все воины принесли своих идолов в диван, и вот то, что было с ними.

Что же касается меня, то я сидела за занавеской, возвышавшейся над приёмной залой моего отца, и у меня был идол из зеленого изумруда, тело которого было величиной с тело человека, и мой отец потребовал его, и я послала его к нему в диван, и его поставили подле идола моего отца. А идол моего отца был из яхонта, а идол везиря – из камня алмаза. Что же касается начальников войск и подданных, то у некоторых были из бадахшанского рубина, у некоторых из карнеола, а у некоторых из коралла. Некоторые же идолы были из камарийского алоэ, некоторые из эбена, некоторые из серебра, а некоторые из золота, и у каждого из вельмож был такой идол, какой позволяла сделать его душа. Что же касается простого народа из солдат и подданных, то некоторые их идолы были из кремня, некоторые из дерева, некоторые из глины, а некоторые из грязи, и все идолы были разноцветные – жёлтые, красные, зеленые и белые.

И этот человек сказал моему отцу: «Помолись твоему идолу и вот этим идолам, чтобы они на меня разгневались». И идолов рассадили диваном; идола моего отца посадили на золотой престол и моего идола посадили подле него на почётном месте, а других идолов поставили каждого на место его владельца, который ему поклонялся.

И мой отец поднялся, и пал ниц перед своим идолом, и сказал ему: «О мой бог, ты – великодушный владыка, и нет среди идолов большего, чем ты. Ты знаешь, что этот человек пришёл ко мне, чтобы поразить твоё господство, и он издевается над тобой, и говорит, что у него есть бог сильнее тебя, и приказывает нам оставить поклонение тебе и поклоняться его богу. Разгневайся на него, о мой бог».

И он стал просить идола, а идол не отвечал ему и не обращал к нему речи, и мой отец сказал: «О мой бог, не таков твой обычай, так как ты говорил со мной, когда я к тебе обращался. Почему же это, я вижу, ты молчишь и не разговариваешь? Ты рассеян или спишь? Проснись, помоги мне и заговори со мной». И затем он потряс его рукой, но идол не заговорил и не сдвинулся со своего места. И тот человек сказал моему отцу: «Что это, я вижу, твой идол не говорит?» И мой отец ответил: «Я думаю, что он рассеян или спит». – «О враг Аллаха, – сказал тот человек, – как ты поклоняешься богу, который не говорит и нет у него ни над кем власти, и не поклоняешься моему богу, который близок и внимает, присутствует и не исчезает, и не рассеян он, и не спит, и не постигает его воображение? Он видит, но невидим, и он властен над всякой вещью, а твой бог бессилен и не может отразить от себя зла. В него вселился дьявол, битый камнями, который уводил тебя с пути и обманывал, а теперь его дьявол исчез. Поклонись же Аллаху и засвидетельствуй, что нет бога, кроме него, и никому, кроме него, не поклоняются. Никто, кроме него, не достоин поклонения, и нет блага, кроме его блага. Что же касается этого твоего бога, то он не может отразить зло от себя. Как же он может отразить его от тебя? Посмотри своими глазами, какова его слабость».

И этот человек подошёл и стал бить идола по шее, так что тот упал на землю, и царь рассердился и сказал присутствующим: «Этот вероотступник дал затрещину моему богу! Убейте его!» И они хотели подняться, чтобы его ударить, но никто из них не мог подняться с места, и этот человек предложил им ислам, но они не предались Аллаху. И тогда он сказал: «Я покажу вам гнев моего владыки». – «Покажи», – сказали они. И человек простёр руки и сказал: «Бог мой и господин, в тебе моё упование и надежда, ответь моей молитве против

этих нечестивых людей, которые поедают твоё благо и поклоняются другому. О истинный, о всевластный, о творец ночи и дня, прошу тебя, чтобы ты превратил этих людей в камни. Ты могуч, не обессилит тебя ничто, я властен ты во всякой вещи».

И Аллах превратил жителей этого города в камни, а что касается меня, то, увидев доказательство этого человека, я обратила своё лицо к Аллаху и спаслась от того, что их поразило.

И этот человек подошёл ко мне и сказал: «Пришло к тебе от Аллаха счастье, и была в этом воля Аллаха».

И он стал меня учить, и я дала ему обет и клятву, и было мне в это время семь лет, а сейчас мне стало уже тридцать лет. И я сказала этому человеку: «О господин мой, все, что есть в этом городе, и все его жители стали камнями, по твоей праведной молитве. А я спаслась, приняв ислам при твоей помощи, и ты мой шейх. Скажи же мне, как твоё имя, и поддержи меня своей поддержкой и добудь мне пропитание». И человек ответил: «Моё имя Абу-ль-Аббас-аль-Хыдр». И затем он посадил своей рукой дерево граната, и оно выросло, принесло листья и цветы и тотчас же дало один плод граната. «Ешь то, чем наделил тебя Аллах великий, и поклоняйся ему достойным поклонением», – сказал этот человек.

И затем он научил меня правилам ислама, правилам молитвы и способу богопочитания и научил меня читать Коран, и вот двадцать три года, как я поклоняюсь Аллаху в этом месте, и каждый день это дерево сбрасывает для меня гранат, и я съедаю его и питаюсь им от одного дня до другого. А аль-Хыдр – мир с ним! – приходит ко мне каждую пятницу. Это он осведомил меня о твоём имени и оповестил меня о том, что ты скоро придёшь ко мне в это место, и сказал мне: «Когда он к тебе придёт, окажи ему уважение и повинуйся его приказу беспрекословно. Будь ему женой, и он будет тебе мужем, и пойдёшь с ним туда, куда он захочет». И, увидев тебя, я тебя узнала, и вот рассказ об этом городе и его жителях, и конец».

И потом девушка показала мне дерево с гранатами, и на нем был плод граната, и девушка съела половину его и дала мне съесть половину, и я не едал ничего слаще, приятнее и вкуснее, чем этот гранат.

А потом я спросил её: «Согласна ли ты на то, что приказал тебе твой шейх аль-Хыдр (мир с ним!), и хочешь ли ты быть мне женой, чтобы я был тебе нужен, и уйдёшь ли со мной в мою страну, и я буду жить с тобой в городе Басре?» И она ответила: «Да, если захочет Аллах великий, я буду послушна твоему слову и покорна твоему приказу, не прекословя тебе». И я взял с неё верную клятву, и она отвела меня в кладовую своего отца, и мы забрали оттуда столько, сколько могли снести, и вышли из этого города.

И мы шли до тех пор, пока не пришли к моим братьям, и я увидел, что они меня ищут. И братья сказали мне: «Где ты был? Ты заставил нас ждать, и наши сердца были тобой заняты».

А что касается капитана корабля, то он сказал мне: «О купец Абд-Аллах, ветер для нас хорош уже некоторое время, и ты задержал наш отъезд».

«В этом нет вреда, – ответил я, – и, может быть, задержка была полезна, так как в моем отсутствии не было ничего, кроме пользы, и я получил исполнение надежд. От Аллаха дар того, кто сказал:

Не знаю я, когда направлюсь в землю,
Желая блага, – что меня постигнет, –
Добро ль, к которому стремлюсь упорно,
Иль зло, которое ко мне стремится».

И затем я сказал им: «Посмотрите, что мне досталось во время этой отлучки». И показал им, какие у меня были сокровища.

Я рассказал, что видел в каменном городе, и сказал: «Если бы вы меня послушались и пошли бы со мной, вам бы досталось всего этого много...»

И Шахразадку застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Девятьсот восемьдесят четвёртая ночь

Когда же настала девятьсот восемьдесят четвёртая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что когда Абд-Аллах ибн Фадиль сказал путникам и своим братьям: „Если бы вы пошли со мной, вам бы досталось этого много“, – они сказали: „Клянёмся Аллахом, если бы мы пошли, мы бы не осмелились войти к царю города“. – „С вами не будет беды, – сказал я своим братьям: – Того, что со мной, хватит на нас всех, и это наша общая доля“.

И затем я разделил то, что у меня было, на части, до числа всех путников, и дал моим братьям и капитану и взял себе столько же, сколько получил каждый из них. Я дал немного слугам и матросам, и они обрадовались и пожелали мне блага, и все удовлетворились тем, что я им дал, кроме моих братьев, – их состояние изменилось, и их глаза заблестели. Я заметил, что жадность овладела ими, и сказал им: «О братья, мне кажется, что то, что я вам дал, вас не удовлетворяет. Но я ваш брат, и вы мои братья, и между нами нет различия. Мои деньги и ваши деньги – одно, и когда я умру, никто не наследует мне, кроме вас».

И я начал их успокаивать, а потом привёл ту девушку на корабль и, отведя её в трюм, послал ей кое-чего поесть, а сам сел беседовать с моими братьями. И они спросили меня: «О брат мой, что ты хочешь делать с этой девушкой, столь дивно прекрасной?» И я ответил: «Я хочу записать с ней свою запись, когда приеду в Басру, и сделать великолепную свадьбу и ввести её к себе». И один из братьев сказал мне: «О брат мой, знай, что эта девушка дивно прекрасна и красива, и любовь к ней запала мне в сердце. Я хочу, чтобы ты мне её отдал, и я бы на ней женился». И второй брат сказал: «Я тоже! Дай мне её, чтоб я на ней женился». И я ответил: «О мои братья, она взяла с меня клятву и обещание, что я на ней женюсь, и если я отдам её одному из вас, я буду нарушителем клятвы между мной и ею, и, может быть, это сокрушит её сердце, так как она пришла ко мне лишь с условием, что я на ней женюсь. Как же я выдам её замуж за кого-нибудь другого? Что же касается того, что вы её любите, то я люблю её больше, чем вы, хотя она для меня – случайная находка, и того, чтобы я отдал её кому-нибудь из вас, никогда не будет. Но когда мы приедем благополучно в город Басру, я присмотрю для вас двух девушек из лучших девушек Басры и просватаю их за вас. Я дам вам приданое из своих денег и сделаю общую свадьбу, и мы все трое войдём к нашим жёнам в одну ночь. Отвернитесь от этой девушки: она – моя доля».

И братья промолчали, и я подумал, что они согласились с тем, что я им сказал.

И затем мы поехали, направляясь в землю Басры, и я послал девушке еду и питьё, и она не выходила из трюма корабля, а я спал между моими братьями на палубе.

И мы ехали таким образом в течение сорока дней, пока не показался перед нами город Басры. И тогда мы обрадовались, что приближаемся к нему, и я доверял моим братьям и полагался на них (а не знает сокровенного никто, кроме великого Аллаха). И я спал в эту ночь и был погружён в сон, и не успел я опомниться, как почувствовал, что меня несут на руках эти мои братья, и один держит меня за ноги, а другой за руки, и они сговорились утопить меня в море из-за этой девушки. И когда я почувствовал, что они несут меня на руках, я сказал им: «О мои братья, почему вы делаете со мной такие дела?»

И они ответили: «О маловоспитанный! Как это ты продаёшь наше расположение за девушку! Мы бросим тебя из-за этого в море». И они бросили меня в море».

И Абд-Аллах обернулся к собакам и спросил их: «Правда ли то, что я сказал, о братья, или нет?» И собаки опустили головы и зарыли, как бы подтверждая его слова, и халиф очень удивился этому.

И затем Ибн Фадиль сказал: «О повелитель правоверных, когда они бросили меня в море, я достиг дна, а потом вода выбросила меня на поверхность моря. И не успел я опомниться, как большая птица, величиной с человека, опустилась ко мне и, подхватив меня полетела со мной по воздуху. И я открыл глаза и увидел себя во дворце с возвышающимися

колоннами, высоко построенном и расписанном роскошными надписями, и были в нем лампы из драгоценных камней всевозможных видов и цветов, и там находились невольницы, которые стояли, сложив руки на груди. И вдруг я увидел женщину, сидевшую между ними на престоле из червонного золота, украшенном драгоценными камнями и жемчугом. И на ней были одежды, на которые человек не может смотреть глазами, так сильно сияют на них драгоценности, и стан этой женщины охватывал пояс, цены которого не покрыть деньгами, а на голове у неё был венец из четырех кругов, который смущает разум и мысль и похищает сердца и взоры.

И птица, которая подхватила меня, встряхнулась и сделалась женщиной, подобной сияющему солнцу, и я внимательно всматривался в неё и вдруг вижу – это та, что была на горе в виде змеи, и с ней сражался дракон, обвиваясь хвостом вокруг её хвоста, а я, когда увидел, что дракон победил её и одолел, ударил его камнем.

И женщина, что сидела на престоле, спросила её: «Зачем ты принесла сюда этого человека?» И девушка сказала: «О матушка, это тот, кто был причиной спасения моей чести между дочерьми джинов». И затем она спросила меня: «Знаешь ли ты, кто я?» И я сказал: «Нет». И девушка молвила: «Я та, что была на такой-то горе, и чёрный дракон сражался со мной, желая растерзать мою честь, а ты его убил». – «Я видел с драконом белую змею», – сказал я. И девушка молвила: «Это я была белой змеей, но я – дочь Красного Царя, царя джинов, и моё имя Сайда. А та, что сидит, это моя мать, и имя её Мубарака, жена Красного Царя. Дракон, который со мной сражался и хотел растерзать мою честь, – везирь Чёрного Царя по имени Дарфиль, и он безобразен видом. Случилось, что когда он увидел меня, он меня полюбил и посватался за меня у моего отца, и мой отец послал ему сказать: „А каков твой сан, о обломок везирей, чтобы тебе жениться на дочерях царей?“

И везирь разгневался на это и дал клятву, что он непременно опозорит мою честь по злобе на моего отца, и стал ходить по моим следам и следовать за мной, куда бы я ни шла, желая опозорить мою честь. У него произошли с моим отцом великие войны и страшные распри, и мой отец не мог его одолеть, так как Дарфиль был коварный притеснитель. И всякий раз, как он прижимал моего отца и хотел его захватить, мой отец убегал от него. И наконец мой отец обессилел, а я каждый день принимала другой вид и цвет. И всякий раз, как я во что-нибудь превращалась, везирь превращался во что-нибудь противоположное. И когда я убегала в какую-нибудь землю, он чуял мой запах и настигал меня в этой земле, так что я перенесла из-за него великие тяготы. И я превратилась в змею и ушла в те горы, и тогда везирь превратился в дракона и последовал за мной, и я попала ему в руки. Он боролся со мной, и я боролась с ним, пока он меня не утомил и не сел на меня, и он был намерен сделать со мной то, что хотел, но ты пришёл и ударил его камнем и убил. И тогда я превратилась в девушку, и показала себя тебе, и сказала: «Я обязана тебе благодеянием, которое пропадёт только у детей разврата». И когда я увидела, что твои братья сделали с тобой эту хитрость и бросили тебя в море, я поспешила к тебе и спасла тебя от гибели, и тебе подобает уважение от моей матери и от моего отца».

И она сказала: «О матушка, оказывай ему уважение за то, что он спас мою честь». И её мать молвила: «Простор тебе, о человек! Ты оказал нам благодеяние, за которое заслуживаешь уважение». И она приказала принести мне одежду из сокровищницы, стоящую множество денег, дала мне много дорогих камней и металлов, а потом сказала: «Возьмите его и отведите к царю». И меня взяли и отвели к царю в диван, и я увидел, что он сидит на престоле, и перед ним стоят мариды и духи, и, увидев его, я отвёл глаза, так много было на нем драгоценностей. А царь, увидев меня, поднялся на ноги, и все воины поднялись, из уважения к нему, а потом он приветствовал меня и сказал: «Добро пожаловать!» – оказав мне крайнее уважение, и дал мне часть тех богатств, которые были у него. И затем он сказал кому-то из своих приближённых: «Отведите его к моей дочери – пусть она доставит его в то место, откуда она его принесла». И меня взяли и отвели к Сайде, его дочери, и она подняла меня и полетела, захватив те блага, которые были со мной, и вот что произошло со мной и с Сайдой.

Что же касается капитана корабля, то он проснулся от всплеска, раздавшегося, когда меня бросили в море, и спросил: «Что это упало в море?» И мои братья заплакали, и начали бить себя по груди, и сказали: «О, гибель нашего брата! Он хотел исполнить нужду на краю корабля и упал в море». И потом они наложили руку на мои деньги, и возникло между ними разногласие относительно девушки, и каждый из них говорил: «Никто не возьмёт её, кроме меня!» И они стали препираться друг с другом и не вспомнили о своём брате и его потоплении, и прошла их печаль о нем, и когда это было так, вдруг Сайда опустилась со мной на середину корабля...»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Девятьсот восемьдесят пятая ночь

Когда же настала девятьсот восемьдесят пятая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что Абд-Аллах ибн Фадиль говорил: „И когда они были в таком положении, вдруг Сайда опустилась со мной на середину корабля. И, увидев меня, мои братья обняли меня, и обрадовались мне, и стали говорить: „О брат наш, каково было тебе при том, что с тобой случилось? Наше сердце занято тобой“. И Сайда сказала: «Если бы ваше сердце болело о нем или вы бы его любили, вы бы не бросили его в море, когда он спал. Но выбирайте себе смерть, которою умрёте“.

И она схватила моих братьев и хотела их убить, и они закричали, говоря: «Мы под твоим великодушием, о брат наш!» И я принялся упрашивать Сайду и говорить ей: «Я падаю перед твоим великодушием! Не убивай моих братьев!» А она говорила: «Неизбежно их убить – они обманщики!» И я до тех пор уговаривал её и пытался её смягчить, пока она не сказала: «В угождение тебе я их не убью, но я заколдую их».

Потом она вынула чашку и налила в неё воды, из воды моря, и проговорила слова непонятные, а затем сказала: «Выйдите из образа человеческого в образ собачий». И она обрызгала моих братьев этой водой, и они превратились в псов, какими ты их видишь, о преемник Аллаха».

И Абд-Аллах ибн Фадиль обернулся к ним и спросил: «Правда ли то, что я сказал, о мои братья?» И они опустили головы, как будто говоря: «Твоя правда».

И Ибн Фадиль продолжал: «О повелитель правоверных, когда Сайда заколдовала их и превратила в псов, она сказала тем, кто был на корабле: „Знайте, что этот АбдАллах ибн Фадиль стал мне братом, и я буду приходить к нему каждый день раз или два раза, и со всяким из вас, кто будет ему перечить, или ослушается его приказания, или станет ему вредить рукой или языком, я сделаю то, что я сделала с этими двумя обманщиками: я превращу его в пса, чтобы он окончил жизнь в образе пса, не находя себе освобождения“.

И все сказали ей: «О госпожа, мы все – его рабы и слуги и не будем ему перечить». И тогда она сказала мне: «Когда приедешь в Басру, проверь все твоё имущество, и если чего-нибудь не достанет, уведоми меня – я достану тебе от какого угодно человека и из какого угодно места, а того, кто его взял, я превращу в пса. А потом, когда ты сложишь свои богатства в кладовые, надень каждому из этих обманщиков на шею ошейник и привяжи их к ножкам ложа и заточи их в тюрьму одних. И каждую ночь, в полночь, приходи к ним и задавай им обоим порку, пока они не исчезнут из мира, а если пройдёт ночь и ты их не побьёшь, я приду к тебе и задам тебе порку, а потом побью их». И я ответил: «Слушаю и повинуюсь!» И Сайда сказала мне: «Связывай их верёвками, пока не приедешь в Басру». И я надел каждому из них верёвку на шею и привязал их к мачте, а Сайда ушла своей дорогой.

На следующий день мы прибыли в Басру, и купцы вышли мне навстречу и поздоровались со мной, и никто не спросил про моих братьев – все только смотрели на собак и говорили мне: «О такой-то, что ты будешь делать с этими собаками, которых ты привёз с собой?» А я отвечал: «Я вырастил их за это путешествие и привёз их с собой». И люди смеялись над ними и не знали, что это мои братья.

И я поместил их в чулане и отвлёкся в этот вечер, раскладывая тюки, в которых были материи и драгоценные металлы, и у меня были купцы, пришедшие меня приветствовать. И, занявшись ими, я не побил братьев, не посадить их на цепь и не сделал с ними дурного. И я заснул, и не успел я опомниться, как пришла ко мне Сайда, дочь Красного Царя, и сказала: «Разве я не говорила тебе: надень им на шею цепи и задай каждому из них порку?»

И потом она схватила меня и, вынув бич, задала мне такую порку, что я исчез из мира. А после этого она направилась в то место, где были мои братья, и задала каждому из них порку бичом, так что они стали близки к смерти. «Каждую ночь задавай им обоим порку, подобную этой, и если пройдёт ночь и ты их не побьёшь, я побью тебя», – сказала она. И я молвил: «О госпожа, завтра я надену цепи им на шею, а в следующую ночь я их побью и не отменю побоев ни на одну ночь».

И Сайда подтвердила мне приказание их бить, и когда наступило утро, мне показалось нелегко надеть цепи им на шею, и я пошёл к ювелиру и велел ему сделать для них золотые ошейники, и когда он сделал ошейники, я принёс их и надел братьям на шею и привязал их, как Сайда мне велела и на следующий вечер я побил моих братьев, пересилив себя.

А эти события происходили во время халифата аль-Махди, пятого из потомков аль-Аббаса⁶⁸⁰. Я подружился с ним, послав ему подарки, и он назначил меня на должность правителя и сделал наместником в Басре, и я пробыл в таком положении некоторое время.

А потом я сказал себе: «Может быть, её гнев остыл». И оставил братьев один вечер небитыми. И Сайда пришла и задала мне порку, жара которой я не забуду всю остальную жизнь. И с того времени я не переставал их бить во все время халифата аль-Махди, а когда аль-Махди скончался и ты получил власть после него и послал мне подтверждение, что я остаюсь наместником Басры, оказалось, что прошло уже двенадцать лет, как я каждую ночь быю моих братьев, пересиливая себя. После того как я побью их, я их успокаиваю, и прошу у них прощения, и кормлю их, и пою, когда они в заточении. Никто из тварей великого Аллаха не знал о них, пока ты не послал ко мне Абу-Исхака, собутыльника, из-за хараджа. И он проведал о моей тайне, и вернулся, и рассказал тебе, и ты послал его ко мне вторично, требуя меня и требуя их. И я ответил вниманием и повиновением и привёз их к тебе. А когда ты спросил меня об истине в этом деле, я сообщил тебе всю историю, и вот мой рассказ».

И халиф Харун ар-Рашид удивился обстоятельствам этих собак и спросил Абд-Аллаха: «Простил ли ты, при таких обстоятельствах, братьев за то, что тебе от них было, и извинил ты их или нет?» И Абд-Аллах ответил: «О господин мой, да простит их Аллах и да освободит их от ответственности в этой жизни и в будущей, а я нуждаюсь в том, чтобы они меня простили, так как прошло уже двенадцать лет, как я задаю им каждую ночь порку». – «О Абд-Аллах, – сказал халиф, – если захочет Аллах великий, я постараюсь их освободить и опять сделать людьми, как прежде. Я помирю вас, и вы проживёте остаток жизни любящими братьями, и как ты их простил, так они простят тебя. Возьми их и ступай в твоё жилище и сегодня ночью не бей их, а завтра будет лишь благо». – «О господин! – воскликнул Абд-Аллах. – Клянусь жизнью твоей головы, если я оставлю их одну ночь без побоев, ко мне придёт Сайда и побьёт меня, а у меня не такое тело, чтобы выносить побои!»

И халиф ответил ему: «Не бойся! Я дам тебе указ моей рукой. И когда Сайда придёт к тебе, дай ей эту бумажку, и если она её прочитает и простит тебя, заслуга будет за ней, а если она ослушается моего приказания, твоё дело дойдёт до Аллаха. Пусть она задаст тебе порку, и считай, что ты забыл их побить сегодня ночью и что она побила тебя по этой причине. И когда это случится и она меня ослушается, то, если я повелитель правоверных, я учиню с ней расчёт».

И потом халиф написал ей что-то на куске бумаги, величиной в два пальца, и, написав, запечатал и сказал: «О Абд-Аллах, когда Сайда придёт к тебе, скажи ей: „Халиф, царь людей, приказал мне их не бить и написал тебе эту бумажку, и он передаёт тебе привет“. И

⁶⁸⁰ Аль-Махди (правил с 775 по 785 г.) был третьим, а не пятым халифом из династии Аббасидов.

дай ей этот указ и не бойся дурного». И затем халиф взял с него клятву и обещание, что он не будет бить своих братьев, и АбдАллах взял их и пошёл в своё жилище, говоря в душе: «Посмотреть бы, что сделает халиф с дочерью султана джиннов, если она его не послушается и побьёт меня сегодня ночью! Но я вытерплю побои и порку и дам моим братьям отдохнуть сегодня ночью, хотя бы мне достались из-за них мучения». И потом он подумал про себя, и его разум сказал ему: «Если бы халиф не опирался на большую опору, он бы тебе не запретил их бить».

И Абд-Аллах вошёл в своё жилище и снял ошейники с шеи своих братьев, со словами: «Полагаюсь на Аллаха». И начал их успокаивать, говоря: «С вами не будет беды – шестой халиф из сынов аль-Аббаса⁶⁸¹ взял на себя ваше освобождение, а я вас простил, и если хочет Аллах великий, время пришло, и вы освободитесь в эту благословенную ночь. Порадуйтесь же счастью и веселью»

И его братья, услышав это, завывали, как воют псы...»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Девятьсот восемьдесят шестая ночь

Когда же настала девятьсот восемьдесят шестая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что Абд-Аллах ибн Фадиль сказал своим Зятьям: „Порадуйтесь же счастьем и весельем“. И, услышав это, они завывали, как воют псы, и стали тереться щеками об его ноги, как будто благодаря его и унижаясь перед ним. И Абд-Аллах опечалился и стал гладить их рукой по спине. И пришло время ужина, и когда расстелили скатерть, Абд-Аллах сказал братьям: „Садитесь!“ И они сели и начали есть с ним со скатерти. И приближённые Абд-Аллаха оторопели, дивясь, что он ест с собаками, и говорили: „Что он – бесноватый или помешался в уме? Как это наместник Басры ест с собаками, когда он выше везиря? Разве он не знает, что собака – нечистая?“ И они смотрели на собак, которые чинно ели с АбдАллахом, не зная, что это его братья, и до тех пор глядели на Абд-Аллаха и на собак, пока те не кончили есть.

А потом Абд-Аллах вымыл руки, и собаки протянули передние лапы и стали их мыть, и все, кто стоял, начали смеяться и удивляться и говорили друг другу: «Мы в жизни не видели собак, которые бы ели и мыли бы лапы, поев пищи». И потом собаки сели подле Абд-Аллаха ибн Фадила на кресла, и никто не мог спросить его об этом, и так продолжалось до полуночи, а потом он отпустил слуг, и все заснули, и каждый пёс заснул на своём ложе, и слуги говорили друг другу: «Он спит, и собаки спят с ним». А другие говорили: «Если он ел с псами, то не беда, если они с ним поспят! Это не что иное, как дела бесноватых». И они не стали есть того, что осталось на скатерти из еды, и сказали: «Как мы будем есть остатки после псов!» И, взяв скатерть с тем, что на ней было, выбросили её, говоря: «Она нечистая».

Вот что было с ними. Что же касается Абд-Аллаха ибн Фадила, то не успел он опомниться, как земля расступилась, и появилась Сайда и сказала: «О Абд-Аллах, почему ты не побил их сегодня ночью и почему ты снял с них ошейники? Сделал ли ты это из упрямства, или издеваясь над моим приказанием? Но теперь я тебя побью и превращу тебя в собаку, как их». – «О госпожа, – воскликнул Абд-Аллах, – заклинаю тебя надписью, что на перстне Сулеймана, сына Дауда (мир с ними обоими!), будь со мной терпелива, пока я не расскажу тебе о причине этого, а потом, что ни захочешь, то и делай со мной». – «Рассказывай!» – молвила Сайда.

И Ибн Фадиль сказал: «Причина того, что я их не бил, в том, что царь людей, халиф, повелитель правоверных Харун ар-Рашид, велел мне их не бить сегодня ночью. Он взял с меня в том обеты и клятвы, и он передаёт тебе привет и дал мне об этом указ своей рукой,

⁶⁸¹ Харун ар-Рашид был пятым, а не шестым аббасидским халифом.

который велел отдать тебе. И я исполнил его приказание и послушался его, а послушание повелителю правоверных – обязательно, и вот его указ. Возьми его и прочитай, а потом делай что хочешь». – «Давай его сюда!» – сказала Сайда. И потом она взяла указ, и, развернув его, стала читать, и увидела, что в нем написано:

«Во имя Аллаха, милостивого, милосердного! От царя людей Харуна ар-Рашида дочери Красного Царя Сайде. А затем: этот человек простил своих братьев и сложил с них должное ему по праву, и я постановил, чтобы они примирились, а когда наступает примирение, снимается наказание. И если вы будете нам противодействовать в наших приговорах, мы будем противодействовать вам в ваших приговорах и нарушим ваш закон. Если же вы подчинитесь нашему приказанию и исполните наш приговор, мы будем исполнять ваш приговор. Я постановил, чтобы ты им не противодействовала, и если ты веруешь в Аллаха и его посланника, тебе следует повиноваться, а мне – повелевать. И если ты их простишь, я вознагражу тебя так, как даст мне на это власть мой владыка. А признак повинования в том, что ты снимешь свои чары с этих двух людей, чтобы они встретили меня завтра освобождённые, и если ты их не освободишь, я освобожу их наперекор тебе, с помощью Аллаха великого».

И когда Сайда прочла это письмо, она сказала: «О АбдАллах, я ничего не сделаю раньше, чем схожу к моему отцу и покажу ему указ царя людей, и я быстро вернусь к тебе с ответом». И потом она показала рукой на землю, и земля расступилась, и Сайда опустилась под неё, и когда она ушла, сердце Абд-Аллаха взлетело от радости, и он воскликнул: «Да возвеличит Аллах повелителя правоверных!»

А Сайда вошла к своему отцу и, рассказав эту историю, показала ему указ повелителя правоверных. И её отец поцеловал его и положил себе на голову, а потом он прочёл указ и, поняв то, что в нем было, сказал: «О дочка, приказание царя людей у нас действует, и приговор его о нас – исполняется, и мы не можем ему прекословить. Иди же к этим людям и освободи их сейчас же и скажи им: „Вы под заступничеством царя людей“. Если он на нас разгневается, то погубит нас до последнего, не взваливай же на нас того, что нам не в мочь». – «О батюшка, если царь людей на нас разгневается, что он с нами сделает?» – спросила Сайда. И её отец ответил: «О дочка, он сильнее нас со многих сторон. Первое – он из людей, так что имеет над нами преимущество, второе – он преемник Аллаха, и третье – он неизменно совершает по утрам молитву в два rakata. И если бы против него собрались отряды джиннов со всех семи земель, они не могли бы сделать ему дурное. Если он на нас разгневается, то совершит утром молитву в два rakata и крикнет на нас единым криком, и мы соберёмся перед ним, покорные, и будем точно бараны перед мясником. И если он захочет, то велит нам уйти с нашей родины в землю пустынную, где мы не сможем находиться, а если он пожелает нашей гибели, то велит нам погубить себя, и одни из нас погубят других. Мы не можем перечить его приказанию, и если мы ослушаемся его приказания, он нас всех сожжёт, и нет нам от него убежища. Таков и всякий раб, который постоянно совершает утром молитву в два rakata, – его приговор над нами исполняется. Не будь же причиной нашей гибели из-за двух людей, но пойди и освободи их, прежде чем нас окружит гнев повелителя правоверных».

И Сайда вернулась к Абд-Аллаху, и рассказала ему о том, что сказал ей отец, и молвила: «Поцелуй за нас руки повелителя правоверных и попроси для нас его благоволения». И затем она вынула чашку, и, налив в неё воды, поколдовала над ней, и произнесла слова непонятные, а потом она обрызгала собак этой водой и сказала: «Перейдите из собачьего образа в образ человеческий».

И они снова стали людьми, как были прежде, и чары колдовства оставили их. И оба воскликнули: «Свидетельствую, что нет бога, кроме Аллаха, и свидетельствую, что Мухаммед – посол Аллаха». И потом они припали к рукам своего брата и к его ногам, целуя их и прося у него прощения. И Абд-Аллах сказал: «Вы меня простите!» И оба брата раскаялись искренним раскаянием и сказали: «Обманул нас Иблис проклятый, и сбила нас с пути жадность. Господь наш воздаст нам так, как мы заслуживаем, и прощение – черта

благородных». И они старались смягчить своего брата, плача и раскаиваясь в том, что из-за них случилось. И Абд-Аллах спросил их: «Что вы сделали с моей женой, которую я привёз из каменного города?» И братья ответили: «Когда сатана соблазнил нас и мы бродили тебя в море, между нами возникло разногласие, и каждый из нас говорил: „Я женюсь на ней“. И когда девушка услышала наши слова, она вышла из трюма и сказала: „Не спорьте из-за меня – я не достанусь ни одному из вас. Мой муж ушёл в море, и я последую за ним“. И потом она бросилась в море и умерла». – «Она умерла, как мученица, и нет мощи и силы, кроме как у Аллаха высокого, великого!» – воскликнул Абд-Аллах ибн Фадиль и заплакал о девушке сильным плачем и сказал: «Нехорошо, что вы сделали эти дела и лишили меня жены». – «Мы ошиблись, и наш владыка воздал нам за наше дело, и Аллах предопределил нам это, прежде чем мы были созданы», – сказали братья, и Ибн Фадиль принял их извинение.

И Сайда сказала: «Они сделали с тобой все эти дела, и ты их прощаешь?» И Абд-Аллах молвил: «О сестрица, кто, когда может, прощает, награда тому у Аллаха». – «Остерегайся их, они обманщики», – сказала Сайда. И потом она простилась с ним и ушла...»

И Шахразад упустила нить, и она прекратила дозволенные речи.

Девятьсот восемьдесят седьмая ночь

Когда же настала девятьсот восемьдесят седьмая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что, когда Сайда предостерегла Абд-Аллаха от его братьев и простилась с ним и ушла своей дорогой, Абд-Аллах провёл со своими братьями остаток ночи за едой, питьём и весельем, и его грудь расправилась. Когда же наступило утро, он свёл их в баню и одел каждого из них в одежду, стоящую множества денег. А потом он потребовал скатерть с едой и, когда её поставили перед ним, стал есть вместе со своими братьями. И когда слуги увидели их и поняли, что это его братья, они поздоровались с ними и сказали эмиру Абд-Аллаху: „Да сделает тебе Аллах приятной встречу с твоими дорогими братьями! Где они были все это время?“ – „Это те, кого вы видели в образе собак, и слава Аллаху, который освободил их!“ – ответил Абд-Аллах.

И потом он взял своих братьев, и отправился с ними в диван халифа Харуна ар-Рашида, и ввёл их туда, и поцеловал землю меж рук халифа, пожелав ему вечной славы и счастья и прекращения бед и напастей. И халиф сказал ему: «Добро тебе пожаловать, о эмир Абд-Аллах! Расскажи мне, что с тобой произошло». – «О повелитель правоверных, да возвеличит Аллах твою власть, – сказал Абд-Аллах. – Когда я ушёл с моими братьями, я успокоился за них, раз ты взял на себя их освобождение, и сказал в душе: „Цари не бессильны сделать дело, которое стараются сделать, – вышний промысел помогает им“.

И потом я снял ошейники с их ушей, уповая на Аллаха, и стал с ними есть со скатерти, и мои слуги, увидев, что я ем с ними, а они в образе псов, сочли мой разум легковесным и сказали друг другу: «Может быть, он одержимый! Как это наместник Басры ест с собаками, когда он выше везира». И они выбросили то, что осталось на скатерти, и сказали: «Мы не будем есть остатки после собак», и сочли моё суждение глупым, а я слушал их слова и не давал им ответа, так как они не знали, что это мои братья. А потом, когда пришло время сна, я отпустил слуг, и хотел заснуть, и не успел я опомниться, как земля расступилась, и вышла Сайда, дочь Красного Царя».

И он рассказал халифу обо всем, что было с Сайдой и её отцом и как она вывела его братьев из собачьего образа в образ человеческий, и сказал: «Вот они перед тобой, о повелитель правоверных». И халиф обернулся и увидел двух юношей, подобных паре лун.

И тогда халиф воскликнул: «Да воздаст тебе Аллах за меня благом, о Абд-Аллах, раз ты осведомил меня о пользе, которой я не знал. Если захочет Аллах великий, я не оставлю эту молитву в два раката до восхода зари, пока буду жив». И он выбрал братьев Абд-Аллах за то, что они раньше ему сделали, и сказал: «Подайте друг другу руки и простите один другого, и Аллах простит за то, что было раньше».

И потом он обернулся к Абд-Аллаху и сказал: «О АбдАллах, сделай братьев себе помощниками и заботься о них». И наказал братьям повиноваться их брату. А потом он одарил их и приказал им уезжать в город Басру, дав им сначала большие подарки. И они ушли из дивана халифа очастливленные, и халиф обрадовался той пользе, которую он извлёк из этих событий, и воскликнул: «Правду сказал сказавший: „Несчастья одних людей полезны другим порой“».

Вот каковы были их дела с халифом. Что же касается Абд-Аллаха ибн Фадила, то он ехал из города Багдада со своими братьями в величии, почёте и высоком сане, пока они не достигли города Басры. И вельможи и знатные люди вышли им навстречу, и для них украсили город и ввели их туда в шествии, которому нет равного. И люди желали Абд-Аллаху блага, и он бросал им золото и серебро, и все люди громко молились за Абд-Аллаха, и никто не смотрел на его братьев, и ревность и зависть вошла в их сердца. А Абд-Аллах при этом обращался с ними так бережно, как обращаются с воспалённым глазом, и чем бережнее он с ними обращался, тем сильнее они его ненавидели и завидовали ему. И сказано в этом смысле:

Хотел бы поладить я со всеми, но трудно мне
Поладить с завистником, достичь не легко того.
И как же поладить с тем, кто счастьем завидует, –
Доволен он будет лишь его прекращением.

И Абд-Аллах дал каждому из братьев наложницу, которой нет подобия, и сделал их обладателями слуг, челяди, невольниц и рабов, чёрных и белых, и каждому из них он дал пятьдесят жеребцов из ретивых коней, и оказались у них приближённые и свита.

И Абд-Аллах назначил братьям выдачи, и установил им доходы, и сделал их своими помощниками, и сказал им: «О братья, мы с вами равны, и нет различия между мною и вами...»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Девятьсот восемьдесят восьмая ночь

Когда же настала девятьсот восемьдесят восьмая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что Абд-Аллах назначил своим братьям выдачи и сделал их своими помощниками и сказал им: «О братья, мы с вами равны, и нет различия между мною и вами, и власть, после Аллаха и халифа, принадлежит мне и вам. Властвуйте же в басре в моё отсутствие и в моем присутствии, и ваш приговор будет исполняться, но будьте богобоязненны в приговорах. Остерегайтесь несправедливости – если она постоянна, она опустошает, и придерживайтесь справедливости – если она постоянна, она населяет. Не обижайте рабов – они станут вас проклинать, и сведение о вас достигнет халифа, и будет позор мне и вам. Не вздумайте обижать кого-нибудь и то, чего вам захочется из чужих денег, возьмите из моих денег, сверх того, что вам нужно. Не скрыто от вас то, что дошло о несправедливости в ясных знамениях, и от Аллаха дар того, кто сказал такие стихи:

Жестокость в сердце молодца спрятана,
Одна её лишь слабость скрывает
Разумный муж дела свои не начнёт,
Не зная, что минута удобна.
Язык того, разумен кто, в сердце скрыт,
А сердце тех, кто глуп, – меж устами
Не будет если выше кто разумом
Убьёт его малейший член тела.

Род молодца сокрыт порой, но всегда
Дела его, что скрыто, откроют.
В ком не были основы хорошими,
Хорошего в словах тот не явит.
Кто глупого поставит дела вершить,
По глупости ему будет равен.
А тайну если людям поведаст,
Враги его внимательны станут.

Достаточно для юноши дел его, Оставит пусть дела он чужие И затем он стал наставлять своих братьев, призывая их к справедливости и удерживая от несправедливости. И он подумал, что они его полюбили, так как он расточает им добрые советы. И он положился на своих братьев и ока зал им ещё большее уважение, но они только все больше ему завидовали и ненавидели его.

А потом его братья Насир и Мансур сошлись вместе, и Насир сказал Мансуру: «О брат мой, до каких пор мы будем в повиновении у нашего брата Абд-Аллаха, а он будет в этом господстве и везирстве? После того как он был купцом, он стал эмиром, и после того как был маленьким, стал большим, а мы не стали больше, и не стало у нас ни сана, ни цены. И вот он посмеялся над нами и сделал нас своими помощниками. Что это означает? Разве не то, что мы его слуги и находимся у него в повиновении? Пока он будет здоров, наша степень не возвысится, и у нас не будет сана. Наша цель осуществится до конца, только если мы его убьём и возьмём его деньги, а эти деньги невозможно взять иначе, как после его гибели. Когда мы его убьём, мы станем господами и возьмём все, что есть в его казне из драгоценных камней, металлов и сокровищ. А после этого мы разделим их между собой и приготовим подарок халифу и попросим у него должность правителя Куфы, и ты будешь наместником Басры, а я буду наместником Куфы, или ты будешь наместником Куфы, а я буду наместником Басры, и у всякого из нас будет видное положение и сан, но это все завершится, только если мы его погубим». – «Ты прав, – сказал Мансур, – в том, что говоришь, но что нам сделать, чтобы его убить?» И Насир ответил: «Мы сделаем угощение у кого-нибудь из нас и пригласим его и будем ему прислуживать самым лучшим образом, а затем мы станем развлекать его словами и рассказывать ему истории, рассказы и редкие случаи, пока его сердце не растает от бодрствования, и тогда мы постелем ему, и он ляжет спать. И когда он заснёт, мы встанем на него, спящего, коленями и задушим его и бросим в море, а наутро мы скажем: „Его сестра, джинния, пришла к нему, когда он сидел между нами и разговаривал, и сказала: «О обломок людей, каков твой сан, что ты жалуешься на меня повелителю правоверных? Разве ты думаешь, что мы его боимся? Как он царь, так и мы цари, и если он не будет соблюдать с нами пристойность, мы убьём его наихудшим убиением. А теперь я убью тебя, и мы посмотрим, что выйдет из рук повелителя правоверных“.

И затем она схватила его, и земля расступилась, и джинния опустилась с ним, и когда мы увидели это, нас покрыло беспамятство, а потом мы очнулись и не знаем, что ему выпало. И после этого мы пошлём к халифу и осведомим его, и он назначит нас на место Абд-Аллаха, а через некоторое время мы пошлём халифу дорогой подарок и потребуем у него власти в Куфе, и один из нас будет жить в Басре, а другой будет жить в Куфе, я приятно нам будет в этой стране, и мы покорим рабов Аллаха и достигнем желаемого». – «Прекрасно то, что ты посоветовал, о брат мой», – сказал Мансур.

И они сговорились убить своего брата. И Насир сделал угощение и сказал своему брату Абд-Аллаху: «О брат мой, знай, что я твой брат и хочу, чтобы ты залечил моё сердце. Ты и мой брат Мансур – и вы бы съели моё угощение у меня в доме, чтобы я мог похвалиться тобой, и люди бы говорили: „Эмир Абд-Аллах ел угощение своего брата Насира“. Это залечит моё сердце». – «Это неплохо, о брат мой, – сказал Абд-Аллах, – и нет различия между мной и тобой. Твой дом – мой дом, но раз ты пригласил меня, то ведь отказывается от

приглашения только скверный».

И он обернулся к своему брату Мансуру и спросил его: «Пойдёшь ли ты со мной в дом твоего брата Насира? Мы съедим его угощение и залечим его сердце». И его брат сказал ему: «Клянусь жизнью твоей головы, я не пойду с тобой, пока ты мне не поклянешься, что после того как пойдёшь в дом моего брата Насира, ты придёшь и в мой дом и съешь моё угощение. Разве Насир твой брат, а я не твой брат? Как ты залечил его сердце, так залечишь и моё сердце». – «Это неплохо, с любовью и удовольствием! – сказал Абд-Аллах. – Когда я выйду из дома твоего брата, я войду в твой дом, и как он мой брат, так и ты мой брат». И Насир поцеловал руку своего брата Абд-Аллаха, и ушёл из дивана, и сделал угощение.

А на следующий день Абд-Аллах сел на коня и, взяв с собой множество воинов и своего брата Мансура, отправился в дом своего брата Насира. И он вошёл и сел вместе со своими приближёнными и братом, и Насир подал им трапезу и сказал им: «Добро пожаловать!» И они стали есть, пить, наслаждаться и веселиться. И потом убрали скатерть и миски и вымыли руки, и все провели этот день за едой, питьём, развлечением и играми до ночи, а поужинав, совершили закатную и ночную молитву и сели за беседу. И Мансур стал рассказывать историю, и Насир стал рассказывать историю, а Абд-Аллах слушал, и они сидели во дворце одни, а прочие воины были в другом месте. И они до тех пор рассказывали всякие приключения, рассказы, редкие случаи и истории, пока сердце их брата Абд-Аллаха не растаяло от долгого бдения и его не одолел сон...»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Девятьсот восемьдесят девятая ночь

Когда же настала девятьсот восемьдесят девятая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что когда продлилось бдение Абд-Аллаха и он захотел спать, ему постлали постель, и он снял с себя одежды и лёг, и братья легли с ним на другой постели. И они подождали, пока Абд-Аллах погрузился в сон, и, увидев, что он погрузился в сон, поднялись, и встали на него коленями, и Абд-Аллах проснулся и, увидев, что они стоят коленями на его груди, сказал: „Что это, о мои братья?“ И они ответили: „Мы тебе не братья и не знаем тебя, о маловоспитанный, и твоя смерть теперь лучше, чем твоя жизнь“.

И они положили руки ему на шею и стали его душить. И Абд-Аллах исчез из земной жизни, и не осталось в нем движения, и братья подумали, что он умер. А его дворец стоял над морем, и братья бросили его в море, и когда он упал в море, Аллах подчинил ему дельфина, который привык подплывать к этому дворцу, так как в дворцовой кухне было окно, выходившее на море, и когда там резали животных, то всегда выбрасывали требуху в море из этого окна. И этот дельфин подплывал и подбирал её на поверхности воды, так что он привык к этому месту. А в тот день выкинули много отбросов, по случаю угощения, и дельфин поел больше, чем каждый день, и у него появилась сила.

И когда он услышал всплеск в море, он быстро подплыл и увидел, что это человек. И направил его направляющий, и он поднял Абд-Аллаха на спину, и поплыл с ним посреди моря, и до тех пор подвигался с ним, пока не достиг берега у противоположной стороны, и тогда он выбросил Абд-Аллаха на сушу. А то место, куда он его бросил, было на перекрёстке дороги, и мимо Абд-Аллаха прошёл караван, и люди увидели, что он брошен на берегу моря, и сказали: «Здесь утопленник, которого море выбросило на берег».

И над ним собралось много народу из этого каравана, чтобы посмотреть на него, а шейх каравана был человек из людей блага, знающий все науки и сведущий в науке врачевания и правильном чтении по лицам. «О люди, в чем дело?» – спросил он. И ему сказали: «Это мёртвый утопленник». И он подошёл, и всмотрелся в него, и сказал: «О люди, в этом юноше есть ещё дух, и он из лучших детей больших людей и воспитан в величии и счастье. Есть ещё надежда, если захочет Аллах великий».

И потом он взял Абд-Аллаха, и одел его в одежду, и согрел, и старался, и ухаживал за

ним в течение трех переходов, пока Абд-Аллах не очнулся, но от встряски, случившейся с ним, его одолела слабость. И шейх каравана пользовал его травами, которые знал, и они ехали тридцать дней, пока не удалились от Басры на это расстояние, а шейх все лечил Абд-Аллаха, И затем они вступили в город, называемый город Удж (а он находится в странах персов), и остановились в хане. И Абд-Аллаху постлали постель, и он лёг и провёл эту ночь стеною, и его стенания беспокоили людей. И когда наступило утро, привратник хана пришёл к шейху каравана и сказал ему: «Что с этим больным, который у тебя? Он нас беспокоит». И шейх ответил: «Я увидел его на дороге у берега моря – он утопленник – и я лечил его и обессилел, но он не поправился». – «Покажи его старице Раджихе», – сказал привратник. «А кто это будет старица Раджиха?» – спросил шейх И привратник ответил: «У нас есть женщина, девственница, и она старица и прекрасная девица, и зовут её старица Раджиха. Всякого, в ком есть болезнь, мы ведём к ней, и он проводит у неё одну ночь, а на утро выздоравливает, и в нем не остаётся никакого недуга». – «Проводи меня к ней», – сказал шейх. И привратник молвил: «Неси твоего больного». И шейх понёс его, а привратник хана шёл перед ним, пока не дошёл до одной кельи. И шейх увидел людей, которые входили туда с обетными приношениями, и людей, которые выходили радостные. И привратник хана вошёл и, дойдя до занавески, сказал: «Позволение, о старица Раджиха! Возьми этого больного». И старица молвила: «Внеси его за эту занавеску». – «Внесите его!» – сказал привратник.

И Абд-Аллаха внесли, и он взглянул на старицу, и увидел, что это его жена, которую он привёз из каменного города. Он узнал её, и она узнала его и поздоровалась с ним, и он тоже поздоровался с ней и спросил её: «Кто привёл тебя в это место?» И она молвила: «Когда я увидела, что твои братья бросили тебя в море и поспорили из-за меня, я бросилась в море, и меня подхватил мой шейх аль-Хыдр и принёс меня в эту келью. Он дал мне позволение лечить больных и прокричал в городе: „Всякий, в ком есть болезнь, пусть идёт к старице Раджихе“. А мне он сказал: „Оставайся в этом месте, пока не наступит время и не придёт к тебе твой муж в эту келью“. И всякого больного, что приходил ко мне, я растирала, и он становился здоровым, и слава обо мне распространилась среди людей, и люди стали приходить ко мне с приношениями, и у меня много добра, и я живу во славе и почёте, и все люди этого города просят моей молитвы». И затем она растёрла Абд-Аллаха, и он поправился, по могуществу Аллаха великого.

А аль Хыдр – мир с ним – приходил к ней каждый вечер в пятницу, и тот вечер, когда Абд-Аллах встретился с нею, был вечер пятницы. И когда опустилась ночь, женщина села с ним, после того как они поужинали роскошнейшими кушаньями, и они сидели и ждали прихода альХыдра. И когда они сидели, вдруг он явился к ним и унёс их из кельи и положил во дворце Абд-Аллаха ибн Фадиля в Басре, а потом оставил их и ушёл.

И когда наступило утро, Абд-Аллах осмотрелся во дворце и увидел, что это его дворец, и узнал его. Он услышал, что люди шумят, и, выглянув из окна, увидел своих братьев распятыми, каждого на одной палке. И причиной этого было вот что.

Когда братья бросили его в море, они стали плакать и говорить: «Нашего брата унесла джинния». А потом они приготовили подарок и послали его халифу и, сообщив ему эту историю, попросили у него должность правителя Басры. И халиф послал привести их к себе и расспросил их, и они рассказали ему то, о чем мы упоминали. И халифа охватил сильный гнев, а когда наступила ночь, он совершил перед зарёй молитву в два rakata, по своему обычаю, и кликнул к себе племена джиннов. И они предстали перед ним, покорные. И халиф спросил их про АбдАллаха, и джинны поклялись ему, что никто из них не причинил ему вреда, и сказали: «Мы о нем ничего не знаем». И пришла Сайда, дочь Красного Царя, и рассказала халифу о том, что было с Абд-Аллахом, и ар-Рашид отпустил джиннов.

А на следующий день он бросил Насира и Манёвра под побои, и они сознались во всех делах и поступках. И халиф рассердился на них и сказал: «Возьмите их в Басру и распните перед дворцом Абд-Аллаха».

Вот то, что было с ними. Что же касается Абд-Аллаха, то он велел похоронить своих

братьев, а потом выехал и отправился в Багдад. Он рассказал халифа свою историю и сообщил ему о том, что сделали с ним братья, от начала до конца. И халиф удивился и, призвав кади и свидетелей, записал запись Абд-Аллаха с девушкой, которую он привёз из города камней. И Абд-Аллах вошёл к ней и прожил с ней в Басре, пока не пришла к ним Разрушительница наслаждений и Разлучительница собраний. Да будет же слава живому, который не умирает!

Рассказ о Маруфе-башмачнике (ночи 989-1001)

Рассказывают также, о счастливый царь, что был в городе Мисре-Охраняемом⁶⁸² один башмачник, который ставил заплатки на старые сапоги. Его имя было Маруф, и у него была жена по имени Фатима, а по прозвищу ведьма, и прозвали её так потому, что она была нечестивая злодейка, бесстыдница и смутьянка.

И она властвовала над своим мужем, и каждый день ругала его и проклинала тысячу раз; а он страшился её злобы и боялся её вреда, так как он был человек умный и стыдился за свою честь. Но он был беден, и когда зарабатывал много, тратил все на неё, а когда он зарабатывал мало, жена вымещала это на его теле в ту же ночь, и лишала его здоровья, и делала его ночь такой же чёрной, как страница её грехов. И была она подобна той, о ком поэт сказал:

Как много я ночей проспал близ жены –
В сквернейшем состоянии провёл их!
О, если бы, когда я входил к жене,
Принёс я яду и отравил её.

В числе того, что случилось у этого человека с его женой, было вот что. Однажды она сказала ему: «О Маруф, я хочу, чтобы ты сегодня вечером принёс мне кунафу⁶⁸³ с пчелиным мёдом», И Маруф молвил: «Аллах великий поможет мне заработать её цену, и я принесу тебе сегодня вечером. Клянусь Аллахом, нет у меня сегодня денег, но господь наш облегчит это дело». И Фатима воскликнула: «Я не знаю таких слов...»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Ночь, дополняющая до девятисот девяноста

Когда же настала ночь, дополняющая до девятисот девяноста, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что Маруф-башмачник сказал своей жене: „Аллах поможет мне заработать её цену, и я принесу её тебе сегодня вечером. Клянусь Аллахом, нет у меня сегодня денег, но господь наш облегчит“. И Фатима воскликнула: „Я не знаю таких слов „облегчит“ или „не облегчит!“ Но не приходи ко мне без кунафы, я сделаю твою ночь такой же, каким было твоё счастье, когда ты на мне женился и попался мне в руки“.

«Аллах великодушен», – сказал Маруф. А потом этот человек вышел, и забота капала с его тела.

Он совершил утреннюю молитву, и открыл лавку, и сказал: «Прошу тебя, о владыка, послать мне сегодня цену этой кунафы и избавить меня от злобы этой нечестивой на сегодняшнюю ночь».

И он просидел в лавке до полудня, но работа не пришла к нему, и усилился в нем страх

⁶⁸² Ииср – одно из названий средневекового Каира.

⁶⁸³ Кунафа – лепёшка на масле из лучшей пшеничной муки, сдобренная мёдом.

перед женой.

И Маруф поднялся и запер лавку, не зная, как быть с кунафой, так как ему нечем было платить за хлеб.

И он прошёл мимо лавки торговца кунафой и остановился, смущённый, и глаза его наполнились слезами. И кунафщик заметил его и сказал: «О мастер Маруф, чего ты плачешь? Расскажи мне, что тебя поразило».

Маруф рассказал ему свою историю и сказал: «Моя жена жестокосердая, и она потребовала от меня кунафы, и я просидел в лавке, пока не прошло полдня, и не пришла ко мне даже цена хлеба, и я боюсь моей жены». И кунафщик засмеялся и сказал: «С тобой не будет беды! Сколько ты хочешь купить кунафы?» – «Пять ритлей» – сказал Маруф. И кунафщик отвесил ему пять ритлей и сказал: «Топлёное масло у меня есть, но у меня нет пчелиного мёда, а есть только тростниковый мёд. Он лучше, чем пчелиный мёд, и что за беда, если кунафа будет с тростниковым мёдом?»

И Маруфу стало стыдно, так как кунафщик должен был ждать платы. И он сказал ему: «Давай кунафы с тростниковым мёдом». И кунафщик изжарил ему кунафу на масле и вымочил её в тростниковом меду, и она стала подарком для царей.

А потом кунафщик сказал: «Не нужно ли тебе хлеба и сыра?» – «Да», – сказал Маруф. И кунафщик дал ему на четыре полушки хлеба и на полушку сыра, а кунафы было на десять полушек, и сказал: «Знай, о Маруф, что за тобой будет пятнадцать полушек. Иди к своей жене и доставь себе удовольствие, а эту полушку возьми на баню; и тебе будет отсрочка – день, два или три, пока не наделит тебя Аллах. И не притесняй твоей жены, – я буду ждать, пока у тебя останутся деньги сверх расходов».

И Маруф взял кунафу, хлеб и сыр и ушёл, благословляя кунафщика, и он шёл с залеченным сердцем и говорил: «Слава тебе, о господи! Как ты великодушен!»

И потом он вошёл к своей жене, и та спросила: «Ты принёс кунафу?» И Маруф ответил: «Да». И положил её перед ней. И Фатима взглянула на кунафу и, увидев, что она с тростниковым мёдом, сказала: «Разве я не говорила тебе: принеси её с пчелиным мёдом? Ты поступаешь наперекор моему желанию и приносишь её с тростниковым мёдом».

И Маруф извинился перед ней и сказал: «Я её купил с отсрочкой уплаты». И его жена воскликнула: «Это пустые слова! Я буду есть кунафу только с пчелиным мёдом». И она рассердилась из-за кунафы, и ударила ею Маруфа по лицу, и сказала: «Поднимайся, о сводник, принеси мне другую!» А потом она ударила его кулаком по челюсти и выбила ему один из его зубов, и кровь потекла у него по груди.

И от сильного гнева Маруф ударил жену одним лёгким ударом по голове, и тогда Фатима схватила его за бороду и стала кричать и говорить: «О мусульмане!» И соседи вошли и освободили его бороду из её руки, и напали на неё с упрёками, и начали её стыдить, говоря: «Все мы охотно едим кунафу, которая с тростниковым мёдом. Что это за жестокость с этим бедным человеком? Это позор для тебя». И они до тех пор уговаривали Фатиму, пока не помирили её с Маруфом, но после ухода людей она поклялась, что не съест этой кунафы нисколько.

А Маруфа сжигал голод, и он сказал про себя: «Она поклялась, что не будет есть кунафы, так я её съем». И начал есть, и когда Фатима увидела, что он ест, она стала говорить: «Если захочет Аллах, то, что ты съел, будет ядом и сгноит твоё тело». – «Не будет так, как ты говоришь, – сказал Маруф и ел, и смеялся, говоря: „Ты поклялась, что не будешь есть эту кунафу, но Аллах велик и великодушен, и если захочет Аллах, я завтра вечером принесу тебе кунафу с пчелиным мёдом, и ты съешь её одна“.

И он начал её успокаивать, а она его проклинала, ругала и бранила до утра. А когда наступило утро, она засучила рукава, чтобы побить Маруфа, и Маруф сказал ей: «Дай срок, и я принесу тебе другую кунафу». И он пошёл в мечеть, помолился, и отправился в лавку, и открыл её, и сел, и не успел он в ней усесться, как пришли двое от кади и сказали: «Вставай поговори с кади: твоя жена пожаловалась ему на тебя, и облик у неё такой-то и такой-то». И Маруф узнал, что это Фатима, и сказал: «Аллах великий да испортит ей жизнь!» А потом он

пошёл с этими людьми и вошёл к кади и увидел, что его жена завязала себе руку и её покрывало выпачкано в крови, и женщина стоит, и плачет, и вытирает слезы.

И кади сказал ему: «О человек, разве ты не боишься Аллаха великого? Почему ты бьёшь эту женщину, и сломал ей руку, и выбил ей зуб, и делаешь с ней такие дела?» И Маруф воскликнул: «Если я её побил или выбил ей зуб, суди меня, как желаешь, но дело было так-то и так-то, и соседи помирили меня с ней!» И он рассказал кади всю историю с начала до конца. А этот кади был из добрых людей, он вынул четверть динара и сказал Маруфу: «О человек, возьми это и сделай ей кунафу с пчелиным мёдом и помирись с ней». И Маруф сказал: «Отдай деньги ей». И Фатима взяла деньги, и кади помирил их и сказал: «О женщина, слушайся твоего мужа. А ты, человек, обращайся с ней ласково».

И Маруф с Фатимой вышли, помирившись с помощью кади, и женщина пошла по одной дороге, а её муж пошёл по другой дороге, к себе в лавку, и сел.

И вдруг посланные кади пришли к нему и сказали: «Дай нам нашу плату». И Маруф воскликнул: «Кади ничего с меня не взял; наоборот, он дал мне четверть динара!» Но посланные сказали: «Нас не касается, дал тебе кади или взял с тебя, и если ты не дашь нам нашу плату, мы возьмём её у тебя силой». И они потащили его по рынку. И Маруф продал свои инструменты и дал им полдинара, и они отступились от него, а Маруф приложил руку к щеке и сидел печальный, так как у него не было инструментов, чтобы работать.

И когда он сидел, вдруг подошли к нему два человека, безобразные видом, и сказали: «Поднимайся, о человек, поговори с кади: твоя жена пожаловалась ему на тебя». – «Кади помирил меня с ней», – ответил Маруф. Но эти люди сказали ему: «Мы от другого кади: твоя жена пожаловалась на тебя нашему кади».

И Маруф поднялся, прося Аллаха о помощи против своей жены, и, увидев Фатиму, он сказал: «Разве мы не помирились, о дочь честного?»

И Фатима воскликнула: «Не будет между мной и тобой мира!» И тогда Маруф выступил вперёд и рассказал кади свою историю и сказал: «Кади такой-то только что помирил нас». И кади воскликнул: «О распутница, раз вы помирились, чего же ты приходишь мне жаловаться?» – «Он ещё раз побил меня после этого», – сказала Фатима. И кади молвил: «Помиритесь; и не бей её больше, а она больше не будет тебе перечить».

И Маруф с женой помирились, и кади сказал ему: «Дай посланным их плату». И Маруф дал посланным их плату и отправился в лавку, и открыл её, сел там, и был он точно пьяный от горя, которое его постигло.

И когда он так сидел, вдруг подошёл к нему человек и сказал: «О Маруф, иди спрячься, твоя жена пожаловалась на тебя высшему двору, и к тебе идёт Абу-Табак»⁶⁸⁴. И Маруф поднялся и, заперев лавку, побежал в сторону Ворот Победы. А у него осталось пять полушек серебра от платы за колоды и инструмент, и он купил на четыре полушки хлеба и на полушку сыра, убегая от Фатимы, и было это во время зимы, после полудня.

И когда Маруф вышел на свалку, на него полил дождь, точно из бурдюков, и его одежда промокла. Он вошёл в аль-Адилию⁶⁸⁵ и увидел разрушенное помещение, где была заброшенная кладовая без дверей, и вошёл туда, чтобы спрятаться от дождя, и его одежда была пропитана водой.

И слезы потекли из-под его век, и он был подавлен тем, что с ним случилось, и говорил: «Куда я убегу от этой распутницы? Прошу тебя, о господь мой, пошли мне когонибудь, кто уведёт меня в далёкие страны, куда ко мне не будут знать дорогу».

И когда он сидел и плакал, стена вдруг расступилась, и к нему вышло из стены существо высокого роста, от вида которого волосы вставали дыбом на теле, и сказало: «О

⁶⁸⁴ «Высший двор», или «высшие врата» – в данном случае означает высший суд. Абу-Табак (буквально: отец порки) – начальник тюрьмы.

⁶⁸⁵ Аль-Адилия – мечеть в Каире.

человек, почему ты потревожил меня сегодня вечером? Я живу в этом месте уже двести лет и не видел, чтобы кто-нибудь входил сюда и делал то, что ты делаешь. Расскажи мне, каково твоё намеренье, и я исполню твою нужду, – моё сердце взяла жалость к тебе». – «Кто ты и что такое ты будешь?» – спросил Маруф. И существо ответило: «Я обитатель этого места».

И тогда Маруф рассказал ему обо всем, что случилось у него с женой, и дух спросил: «Хочешь, я доставлю тебя в страну, куда твоя жена не найдёт к тебе дороги?» – «Да», – ответил Маруф. И дух сказал: «Садись мне на спину». И Маруф сел, и дух понёс его, и летел с ним от наступления ночи до восхода зари, и опустился на вершину высокой горы...»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Девятьсот девяносто первая ночь

Когда же настала девятьсот девяносто первая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что марида понёс Маруфа-башмачника, и полетел с ним, и спустился на вершине высокой горы, и сказал: „О человек, спустись с этой горы, и увидишь окрестности города. Войди туда, – твоя жена не будет знать к тебе дороги, и ей невозможно до тебя добраться“».

И он оставил его и исчез; и Маруф сидел озадаченный и смущённый, пока не взошло солнце, и тогда он сказал себе: «Встану и спущусь туда, в город, – в том, чтобы сидеть здесь, нет никакой пользы».

И он спустился к подножию горы и увидел город с высокими стенами и дворцами, уходящими ввысь, и богато украшенными строениями, и этот город был усладой смотрящих.

И Маруф вошёл в городские ворота и увидел, что этот город веселит опечаленное сердце. И когда он шёл по рынку, люди смотрели на него и разглядывали его, и они все собрались вокруг Маруфа, дивясь на его одежду, так как его одежда не была похожа на их одежду. И один человек из жителей города спросил его: «О человек, ты чужеземец?» И Маруф ответил: «Да». – «Из какой ты страны?», – спросил этот человек. И Маруф ответил: «Из города Мисра-счастливого». И тот человек спросил: «Давно ли ты его покинул?» – «Вчера после полудня», – ответил Маруф. И человек засмеялся и сказал: «О люди, пойдите посмотрите на него и послушайте, что он говорит!» – «А что он говорит?» – спросили люди. И тот человек сказал: «Он утверждает, будто он из Мисра и вышел оттуда вчера после полудня».

И все засмеялись, и люди собрались вокруг Маруфа и сказали: «О человек, ты бесноватый, если говоришь такие слова. Как ты утверждаешь, будто покинул Миср вчера после полудня, а утром оказался здесь? Дело в том, что между нашим городом и Мисром расстояние целого года пути». – «Нет бесноватых, кроме вас, – сказал Маруф, – а что до меня, то я правдив в моих словах. Вот хлеб из Мисра, он ещё свежий». И он показал людям хлеб, и все начали его разглядывать, дивясь на него, так как он не был похож на хлеб их страны.

И люди во множестве столпились вокруг Маруфа и стали говорить друг другу: «Вот хлеб из Мисра, посмотрите на него». И Маруф стал знаменит в этом городе, и некоторые люди верили ему, а некоторые не верили и смеялись над ним.

И когда это было так, вдруг подъехал к ним верхом на муле купец, сзади которого было два раба, и он рассеял толпу и сказал: «О люди, разве вам не стыдно, что вы собрались около этого чужеземца и издеваетесь над ним и смеётесь? Что вам за дело до него?» И он до тех пор ругал людей, пока не прогнал их от Маруфа, и никто не мог дать ему ответа. А потом он сказал: «Пойди сюда, о брат мой! Тебе не будет зла от этих людей, у которых нет стыда». И он взял Маруфа, и привёл его в просторный и разукрашенный дом, и посадил на царственное сиденье, а потом он отдал приказ рабам, и те открыли сундуки и вынули одежду купца-тысячника, и купец одел Маруфа в эту одежду. А Маруф был человек видный, и стал он подобен начальнику купцов.

Потом этот купец потребовал скатерть, и перед ними разложили скатерть со всевозможными роскошными блюдами из всяких кушаний, и они с Маруфом поели и попили. А затем купец спросил Маруфа: «О брат мой, как твоё имя?» И Маруф ответил: «Моё имя Маруф, а по ремеслу я башмачник и кладу заплатки на старые сапоги». – «Из какой ты страны?» – спросил купец. И Маруф ответил: «Из Мисра». – «Из какого квартала?» – спросил купец. «Разве ты знаешь Миср?» – спросил в свою очередь Маруф. И купец ответил: «Я из его уроженцев». И тогда Маруф сказал: «Я с Красной улицы». – «А кого ты знаешь на Красной улице?» – спросил купец. И Маруф оказал: «Такого-то и такого-то», – и перечислил ему много людей.

И тогда купец спросил: «Знаешь ли ты шейха Ахмеда, москательщика?» И Маруф ответил: «Это мой сосед, стеной к стене». – «Что он, здоров?» – спросил купец. И Маруф ответил: «Да». Тогда купец опять спросил: «А сколь ко у него детей?» – «Трое: Мустафа, Мухаммед и Али», – ответил Маруф. И купец спросил: «Что сделал Аллах с его детьми?» – «Мустафа, – ответил Маруф, – здоров, и он учёный, преподаватель, а Мухаммед – москательщик, и он открыл себе лавку рядом с лавкой своего отца, после того как женился и жена родила ему сына по имени Ха сан». – «Да порадует и тебя Аллах благой вестью!» – воскликнул купец, И Маруф продолжал: «Что же касается Али, то он был мне товарищем, когда мы были маленькие, и я постоянно играл с ним. Мы ходили в одежде христианских детей и входили в церковь, и воровали книги христиан, и продавали их, а на вырученные деньги покупали себе еду; и как то раз случилось, что христиане увидели нас, и схватили с книгой, и пожаловались нашим родным, и сказали отцу Али: „Если ты не удержишь своего сына от вреда нам, мы пожалуемся на тебя царю“. И отец Али успокоил их и задал ему порку, и по этой причине Али убежал, и с того времени отец не знал к нему дороги. Он исчез двадцать лет назад, и никто не знает о нем вестей».

«Это я – Али, сын шейха Ахмеда, москательщика, а ты – мой товарищ, о Маруф!» – воскликнул купец. И они приветствовали друг друга. А после приветствия купец сказал: «О Маруф, расскажи мне о причине твоего прихода из Мисра в этот город». И Маруф рассказал ему о своей жене Фатиме, ведьме, и о том, что она с ним сделала, и сказал: «Когда её обиды стали для меня слишком тяжкими, я убежал от неё в страну Ворот Победы, и на меня полил дождь, и я вошёл в заброшенную кладовую в альАдилии и сидел там и плакал, и вышел ко мне обитатель того места, – а это ифрит из джиннов, – и спросил меня, что со мной, и я рассказал ему о моем положении, и тогда он посадил меня к себе на спину и всю ночь летел со мной между небом и землёй, а потом поставил меня на гору и рассказал мне про этот город. И я спустился с горы и вошёл в город, и люди собрались вокруг меня и стали меня расспрашивать. И я сказал им: „Я вчера вышел из Мисра“. И они мне не поверили, и пришёл ты, и отогнал от меня людей, и привёл меня в этот дом. Вот причина моего ухода из Мисры. А ты – какова причина твоего прихода сюда?»

И купец отвечал ему: «Меня одолело безрассудство, когда мне было восемь лет, и с того времени я ходил из селения в селение и из города в город, пока не пришёл в этот город, и называется он Ихтиян аль-Хатан. Я увидел, что его жители – благородные и великодушные люди и у них есть жалость, и узнал, что они доверяют бедняку и дают ему в долг и верят всему, что он говорит. И тогда я сказал им: «Я купец, и я определил мою поклажу, и мне нужно место, куда сложить поклажу». И они поверили мне и освободили мне место. И я сказал им: «Найдётся ли среди вас кто-нибудь, кто бы мне одолжил тысячу динаров, пока не придёт моя поклажа, и тогда я верну ему то, что у него взял, – мне нужны некоторые вещи до прибытия моей поклажи». И они дали мне сколько я хотел, и я пошёл на рынок купцов, и увидел там некоторые товары, и купил их, а на следующий день я их продал и нажил пятьдесят динаров и купил других вещей. И я начал дружить с людьми и оказывать им уважение, и они полюбили меня, и я продавал и покупал, и мои деньги умножились. Знай, о брат мой, что говорит сказавший поговорку: «Вся земная жизнь – бахвальство и хитрости, и в стране, где тебя никто не знает, делай что хочешь». Если ты будешь говорить всякому, кто тебя спросит: «По ремеслу я башмачник, и я бедняк, и убежал от моей жены, и вчера ушёл из

Мисра», – тебе не поверят, и ты будешь для людей посмешищем, пока останешься в этом городе. А если ты скажешь: «Меня принёс ифрит», – все от тебя разбегутся, и никто к тебе не подойдёт. И люди будут говорить: «Этот человек одержим ифритом, и со всяким, кто к нему приблизится, случится беда». И такая слава будет дурной для тебя и для меня, так как они знают, что я из Мисра».

«Что же мне делать?» – спросил Маруф. И купец сказал ему: «Я научу тебя, как сделать, если захочет великий Аллах. Я дам тебе завтра тысячу динаров и мула, чтобы ездить на нем, и раба, который пойдёт впереди тебя и доведёт тебя до ворот рынка купцов. Войди к ним, а я буду сидеть среди купцов, и когда я тебя увижу, я встану и поздороваюсь с тобой, и поцелую тебе руку, и буду возвеличивать твой сан. И всякий раз, как я тебя спрошу о каком-нибудь сорте ткани и скажу тебе: „Привёз ли ты с собой сколько-нибудь такого-то сорта?“, ты говори: „Много“. А если меня о тебе будут спрашивать, я стану тебя расхваливать и возвеличивать в их глазах, а потом скажу: „Наймите ему амбар и лавку“, и припишу тебе изобилие богатств и щедрость. Когда же подойдёт к тебе нищий, дай ему сколько придётся, – и люди поверят моим словам, и убедятся в твоём величии и щедрости, и полюбят тебя.

А потом я тебя приглашу и приглашу ради тебя всех купцов и сведу тебя с ними, чтобы они все тебя знали и ты бы их знал...»

И Шахразад устала говорить, и она прекратила дозволенные речи.

Девятьсот девяносто вторая ночь

Когда же настала девятьсот девяносто вторая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что купец Али говорил Маруфу: „Я приглашу тебя и приглашу ради тебя всех купцов и сведу тебя с ними, чтобы они все тебя знали и ты бы их знал, для продажи и покупки, и брал у них, и отдавал. И не пройдет долгий срок, как ты уже станешь обладателем богатства“.

И когда наступило утро, купец Али дал Маруфу тысячу динаров, одел его в платье и посадил на мула, и дал ему раба, и сказал: «Да освободит тебя Аллах от ответственности за все это, так как ты мой друг и мне обязательно оказать тебе уважение. Не обременяй себя заботой и брось думать о том, что было у тебя с твоей женой, и не говори о ней никому». И Маруф воскликнул: «Да воздаст тебе Аллах благом!» – а потом он сел на мула, и раб шёл перед ним, пока не довёл его до ворот рынка купцов, и все купцы сидели там, и купец Али сидел среди них.

И, увидев Маруфа, он поднялся, и бросился к нему, и сказал: «Благословенный день, о купец Маруф, о обладатель блага и милости!» А потом он поцеловал ему руку перед купцами и сказал: «О братья, купец Маруф обрадовал нас своим приходом». И все купцы приветствовали его, и Али делал им знаки, чтобы они выразили ему уважение, а Маруф стал великим в их глазах; а затем Али свёл его со спины мула, и купцы приветствовали его, и Али уединялся то с одним, то с другим из них и расхваливал Маруфа.

И его спрашивали: «Это купец?» И он говорил: «Да. Вернее – это самый большой из купцов, и не найдётся никого богаче, так как его богатства и богатства его отца и предков знамениты среди купцов Мисра. У него есть товарищи в Индии, Синде и Йемене, и в отношении щедрости он стоит на великой ступени. Знайте же его сан, возвышайте его место и служите ему. Да будет вам известно, что он прибыл в этот город не для торговли, и у него нет другой цели, как посмотреть на чужие страны, – ему не нужно ездить на чужбину для прибыли и наживы, так как у него столько денег, что их не пожрут огни, и я – один из его слуг».

И Али до тех пор расхваливал Маруфа, пока купцы не вознесли его выше головы и не стали рассказывать друг другу его достоинства. А затем они собрались подле него и начали предлагать ему угощения и напитки, и даже начальник купцов подошёл к нему и

приветствовал его.

И купец Али говорил Маруфу в присутствии других купцов: «О господин, может быть, ты привёз с собой сколько-нибудь такой-то ткани?» И Маруф отвечал: «Много!»

(А в эти дни Али показал ему всякие драгоценные ткани и научил его названиям тканей, дорогих и дешёвых.) И один купец спросил Маруфа: «О господин мой, ты привёз жёлтого сукна?» И Маруф ответил: «Много!» И купец спросил: «А красного, как кровь газели?» И Маруф ответил: «Много!» И всякий раз, как он спрашивал его о чем-нибудь, Маруф отвечал: «Много!»

И тогда этот купец сказал: «О купец Али, если бы твой земляк захотел привезти тысячу тюков дорогих тканей, он бы привёз их?» И Али ответил: «Он бы привёз их из одной кладовой в числе своих кладовых, и там бы ничего не уменьшилось».

И когда они сидели, вдруг стал обходить купцов нищий, и одни подали ему серебряную полушку, а другие подали джедид, но большинство из них не дало ему ничего.

А когда нищий дошёл до Маруфа, тот захватил горсть золота и дал её нищему, и нищий пожелал ему блага и ушёл; и купцы удивились и сказали: «Это подарок царей, – он ведь дал нищему золота без счета, и если бы он не был из людей с большим состоянием и у него не было бы всего много, он не подал бы нищему горсть золота».

А через некоторое время подошла к Маруфу бедная женщина, и он захватил горсть золота и дал ей, и она ушла, благословляя его, и рассказала об этом другим беднякам, и они стали подходить к нему один за другим, и всякий раз, как они к нему подходили, Маруф брал горсть золота и подавал, пока не израсходовал всю тысячу динаров.

А после этого он ударил рукой об руку и воскликнул: «Достаточно с нас Аллаха, и благой он промыслитель!» И начальник купцов спросил его: «Что с тобой, о купец Маруф?» И Маруф сказал: «Похоже, что большинство жителей этого города – бедняки и нищие. Если бы я знал, что это так, я бы привёз в седельном мешке немного денег и подарил бы их бедным. Я боюсь, что моё пребывание на чужбине продлится, а мне свойственно не отказывать нищему. Но у меня не осталось золота, и когда подойдёт ко мне бедняк, что я ему скажу?» – «Скажи ему: „Аллах тебя наделит“, – молвил начальник купцов. И Маруф воскликнул: „Не таков мой обычай, и одолели меня по этой причине заботы. Я хотел бы иметь тысячу динаров, чтобы подавать милостыню, пока не придёт моя поклажа“.

И начальник купцов сказал: «Не беда!» И послал кого-то из своих слуг, и тот принёс ему тысячу динаров, и он отдал их Маруфу. И Маруф подавал каждому, кто проходил мимо него из бедных, пока не раздался призыв к полуденной молитве. И люди вошли в мечеть и совершили полуденную молитву, и то, что у него осталось от тысячи динаров, Маруф разбросал над головами молящихся, и тогда люди обратили на него внимание и стали его благословлять, а купцы дивились его великой щедрости и тароватости.

И потом Маруф обратился к другому купцу и, взяв у него тысячу динаров, роздал их, а купец Али смотрел на его поступки и не мог ничего сказать.

И Маруф делал так, пока не раздался призыв к предзакатной молитве, и тогда он вошёл в мечеть, и помолился, и роздал остаток денег. И не заперли ещё ворот рынка, как он уже взял пять тысяч динаров и роздал их, и всякому, у кого он что-нибудь брал, он говорил: «Когда придёт моя поклажа, если ты захочешь золота, я тебе дам, а если захочешь тканей, я тебе дам, – у меня много».

А к вечеру купец Али пригласил Маруфа к себе и пригласил с ним всех купцов и посадил его на почётное место, и тот разговаривал только о тканях или драгоценных камнях, и всякий раз, когда ему что-нибудь называли, он отвечал: «У меня этого много».

А на следующий день Маруф отправился на рынок и стал обращаться к купцам, и брать у них деньги и раздавать их беднякам, и он поступил таким образом двадцать дней, пока не взял у людей шестьдесят тысяч динаров, – и к нему не пришла ни поклажа, ни жгучая чума⁶⁸⁶.

⁶⁸⁶ То есть ни поклажа, ни смерть.

И люди стали шуметь о своих деньгах и сказали: «Не пришла поклажа купца Маруфа! До каких же пор он будет брать у людей деньги и отдавать их нищим?» И один из купцов сказал: «Правильно будет нам поговорить с его земляком, купцом Али». И они пришли к нему и сказали: «О купец Али, поклажа купца Маруфа не пришла». И Али сказал: «Подождите, она обязательно скоро придёт». А потом он остался наедине с Маруфом и сказал ему: «О Маруф, что это за дела? Что я тебе говорил: „подрумянь хлеб“ или „сожги его?“ Купцы шумят о своих деньгах, и они мне сказали, что им с тебя следует шестьдесят тысяч динаров, которые ты взял и роздал нищим. Чем же ты заплатишь долги людям, когда ты не продаёшь и не покупаешь?» – «А что такое случилось, – сказал Маруф, – и что за количество – шестьдесят тысяч динаров? Когда поклажа придёт, я им отдам; если они хотят – тканями, а если хотят – золотом и серебром». – «Аллах велик! – воскликнул купец Али. – Разве у тебя есть поклажа?» – «Много!» – отвечал Маруф. И Али воскликнул: «Аллах и его приспешники пусть воздадут тебе за твою мерзость! Разве я учил тебя этим словам, чтобы ты говорил их мне? Я расскажу о тебе людям!» – «Ступай без долгих разговоров, – сказал Маруф. – Разве я бедняк? В моей поклаже всего много, и когда она придёт, они возьмут свои вещи, за динар-два, и я в них не нуждаюсь».

И тогда купец Али рассердился и воскликнул: «О маловоспитанный, я тебе покажу, как мне врать, не стыдись!» И Маруф сказал: «Что сумеешь, то и сделай, а они подождут, пока придёт моя поклажа, и получат своё добро с избытком».

И купец Али оставил его и ушёл, говоря в душе: «Я раньше его расхваливал, и если я теперь стану его хулить, то окажусь лгунам, и ко мне подойдут слова сказавшего: „Кто похвалил, а потом осудил, тот солгал два раза“».

И купец Али рассердился и не знал, что делать. А потом купцы пришли к нему и спросили: «О купец Али, ты с ним разговаривал?» И он сказал им: «О люди, мне перед ним стыдно! У него тысяча динаров моих денег, и я не могу с ним о них говорить. А когда вы ему давали, вы не советовались со мной, и мне нечего о нем с вами разговаривать. Требуйте с него, а если он вам не отдаст, пожалуйте на него царю этого города и скажите ему: это плут, который сплутовал с нами, – и царь освободит вас от него».

И купцы пошли к царю и рассказали ему о том, что случилось, и сказали: «О царь времени, мы не знаем, что нам делать с этим купцом, щедрость которого так велика. Он делает то-то и то-то и все, что берет, раздаёт беднякам горстями. Если бы он имел мало, его душа не позволяла бы ему брать золото горстями и раздавать его бедным, а если бы он был из людей богатых, правдивость его стала бы нам ясна с приходом его поклажи. Но мы не видим у него поклажи, хотя он утверждает, будто у него есть поклажа, которую он опередил, и всякий раз, как мы называем ему какой-нибудь сорт из сортов материи, он говорит: „Его у меня много!“ Прошёл уже долгий срок, а об его поклаже нет никаких вестей, и нам с нею следует шестьдесят тысяч динаров, и все это он роздал беднякам». И они стали расхваливать Маруфа и прославлять его щедрость.

А этот царь был жадюга, жаднее Ашаба⁶⁸⁷, и когда он услышал о великодушии и щедрости Маруфа, им овладела жадность, и он сказал: «Если бы у этого купца не было много денег, он бы не проявил всей этой щедрости. Его поклажа обязательно прибудет! И эти купцы соберутся у него, и он раздаст им много денег. Я имею больше прав, чем они, на эти деньги, и я хочу завязать с ним дружбу и подружиться с ним, пока не пришла его поклажа. И то, что взяли бы от него эти купцы, возьму я. Я женю его на моей дочери и присоединю его деньги к моим деньгам».

И везирь царя сказал ему: «О царь времени, я думаю, что он плут, а плут разрушает дом жадного...»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

⁶⁸⁷ Ашаб – легендарный персонаж арабской повествовательной литературы, отличался непомерной жадностью.

Девятьсот девяносто третья ночь

Когда же настала девятьсот девяносто третья ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что когда везирь царя сказал ему: „Я думаю, что он плут, а плут разрушает дом жадного“, – и царь молвил: „О везирь, я его испытаю и узнаю, плут ли он, или говорит правду, и воспитан ли он в богатстве, или нет“. – „Чем же ты его испытаешь?“ – спросил везирь; и царь сказал: „У меня есть драгоценный камень. Я пошлю за этим купцом и призову его к себе, и когда он сядет, окажу ему уважение и дам ему этот камень: и если он узнает, какой это камень и узнает его цену – значиг, он обладатель благ и богатства; а если он его не узнает – то он плут и выскочка, и я убью его наихудшим образом“.

И затем царь послал за Маруфом и призвал его к себе, и Маруф, войдя, приветствовал его, и царь возвратил ему приветствие, и посадил его с собой рядом, и спросил: «Ты ли купец Маруф?» – «Да», – ответил Маруф. И царь молвил: «Купцы утверждают, будто им с тебя следует шестьдесят тысяч динаров. Правда ли то, что они говорят?» – «Да», – ответил Маруф. И царь опросил: «Почему же ты не отдаёшь им деньги?» – «Они подождут, пока прибудет моя поклажа, и я отдам им за один динар – два, и если они захотят золота – я им дам, и если захотят серебра – я им дам, и если захотят товаров – я тоже им дам, – ответил Маруф. – Кому следует тысяча, я дам две, – за то, что он защитил мою честь перед бедняками; у меня всего много».

А потом царь сказал ему: «О купец, возьми этот камень и посмотри, какого он сорта и какая ему цена». И он дал ему камень величиной с орешек (а царь купил его за тысячу динаров, и у него не было другого такого камня, и он дорожил им). И Маруф взял его в руку, и сжал большим и указательным пальцем, и сломал, – так как драгоценный камень тонок и не выносит давления.

«Зачем ты сломал этот драгоценный камень?» – спросил его царь. И Маруф засмеялся и сказал: «О царь времени, это не драгоценный камень – это кусок металла, который стоит тысячу динаров. Как же ты говоришь про него, что это драгоценный камень? Драгоценному камню цена семьдесят тысяч динаров, а это называется: кусок металла. Драгоценные камни, которые не будут величиной с лесной орех, не имеют для меня цены, и я ими не занимаюсь. Как ты можешь быть царём и называть это драгоценным камнем, когда это кусок металла, которому цена тысяча динаров? Но вам простительно: вы бедняки, и у вас нет сокровищ, имеющих цену». – «О купец, – спросил его царь, – а у тебя есть драгоценные камни, про которые ты рассказываешь?»

«Много», – отвечал Маруф. И царя одолела жадность, и он спросил: «А ты дашь мне настоящих драгоценных камней?» – «Когда придёт моя поклажа, – ответил Маруф, – я дам тебе много, и чего бы ты ни потребовал, у меня много и я дам тебе все бесплатно». И царь обрадовался и сказал купцам: «Уходи своей дорогой и подождите, пока не придёт его поклажа, И тогда приходите и возьмите ваши деньги от меня». И купцы ушли.

Вот что было с Маруфом и купцами. Что же касается царя, то он обратился к везирию и сказал ему: «Обласкай купца Маруфа, и завяжи с ним разговор, и скажи ему яро мою дочь, чтобы он на ней женился и мы бы заполучили все блага, которые у него есть». – «О царь времени, – отвечал везирь, – поведение этого человека мне не нравится, и я думаю, что он плут и лгун. Брось же эти слова, чтобы твоя дочь не пропала ни за что».

А этот везирь раньше просил царя женить его на своей дочери, и царь хотел выдать её за него замуж, но когда это дошло до царевны, она не согласилась.

И царь сказал везирию: «О обманщик, ты не хочешь мне добра, потому что ты раньше сватался к моей дочери и она не согласилась выйти за тебя замуж, и теперь ты пресекаешь путь к её замужеству и хочешь, чтобы моя дочь осталась, как земля под паром, и ты взял бы её сам. Выслушай же от меня такое слово: нет тебе касательства к этим делам. Как он может быть плутом и лгуном, когда он узнал цену этого драгоценного камня – ту, за которую я его

купил, и сломал его, так как он ему не понравился? У него много драгоценных камней, и когда он войдёт к моей дочери, то увидит, что она красива, и она отнимет у него разум, и он полюбит её и даст ей драгоценных камней и сокровищ. А ты желаешь лишить мою дочь и меня этих благ».

И везирь промолчал, боясь гнева царя, и сказал в душе: «Натравливай собак на быков!» А затем он обратился к купцу Маруфу и сказал ему: «Его величество царь полюбил тебя, и у него есть дочь, красивая и прелестная, на которой он хочет тебя женить. Что ты скажешь?» – «Это недурно, – отвечал Маруф, – но пусть он подождёт, пока придёт моя поклажа: приданое за царских дочерей обильно, и сан их таков, что за них дают только приданое, подходящее к их положению. А сейчас у меня нет дням. Пусть же царь подождёт, пока придёт моя поклажа, – у меня добра много. Я обязательно должен раздать за невесту милостыни пять тысяч мешков денег, и мне нужно тысячу мешков, чтобы раздать их нищим и беднякам в вечер, когда я к ней войду, и тысячу мешков, чтобы раздать тем, кто будет идти в шествии, и тысячу мешков, чтобы сделать угощение для военных и для других. Мне нужно сто драгоценных камней, чтобы дать их царевне на утро после свадьбы, и сто драгоценных камней, которые я раздам невольницам и евнухам, – я дам каждому из них камень, чтобы возвысить сан невесты. Мне нужно одеть тысячу голых из бедняков, и не обойтись мне без подаяния, – а все это возможно только тогда, когда придёт моя поклажа, у меня ведь всего много, тогда я и думать не стану обо всех этих расходах».

И везирь пошёл и рассказал царю о том, что говорил Маруф, и царь сказал: «Если он этого хочет, как же ты говоришь про него, что он плут и лгун?» – «Я продолжаю это говорить», – сказал везирь. И царь выругал его, и выбранил, и сказал: «Клянись жизнью моей головы, если ты не оставишь этих речей, я тебя убью! Возвращайся к нему и приведи его ко мне, и я с ним устроюсь».

И везирь пошёл к Маруфу и сказал: «Пойди поговори с царём». И Маруф ответил: «Слушаю и повинуюсь!» И затем он пришёл к царю, и тот сказал ему: «Не оправдывайся этими оправданиями! Моя казна полна, возьми ключи себе и расходуй все, что тебе нужно. Давай сколько хочешь, одевай бедных и делай что хочешь, – и тебе ничего не будет от дочери и её невольниц, а когда придёт твоя поклажа, сделай своей жене какое хочешь уважение. Мы будем ждать её приданого, пока не придёт твоя поклажа, и между мной и тобой нет никакого различия».

И затем он приказал шейх-аль-исламу написать брачную запись, и тот написал запись царевны с купцом Маруфом, и царь принялся устраивать свадьбу. Он приказал украсить город, и забили в барабаны, и поставили кушанья всевозможных родов, и пришли забавники. А купец Маруф сидел на скамеечке в брачном зале, и к нему приходили забавники, фокусники и плясуны, и мастера диковинных движений и удивительных развлечений, – и он приказывал казначею и говорил: «Принеси золото и серебро! И тот приносил золото и серебро, и Маруф обходил смотрящих, подавал каждому, кто играл, горсть, и он благодетельствовал беднякам и нищим и одевал голых, и была эта свадьба шумная.

И казначей не успевал приносить из казны деньги, а сердце везирия чуть не лопалось от злости, но он не мог ничего сказать.

А купец Али удивлялся, что расходуются такие деньги, и говорил купцу Маруфу: «Аллах и его приспешники пусть отомстят твоей голове. Тебе не довольно, что ты погубил деньги купцов, и ты губишь деньги царя». И купец Маруф отвечал ему: «Это тебя не касается. Когда придёт поклажа, я все возмещу».

И он начал разбрасывать деньги и говорил про себя: «Жгучая чума!⁶⁸⁸ Что будет то будет, и от того, что predetermined, не убежишь!»

И свадьба продолжалась сорок дней, а на сорок первый день устроили шествие невесты, и перед ней шли все эмиры и военные, и когда её привели, Маруф стал рассыпать

⁶⁸⁸ Жгучая чума – здесь: беззлостное ругательство.

золото над головами людей. И царевне устроили великолепное шествие, и Маруф истратил очень значительные деньги, и его ввели к царевне, и он сел на высокое кресло. И опустили занавески, и заперли двери, и все вышли и оставили его у невесты, и тогда он начал бить рукой об руку и просидел некоторое время печальный, ударяя ладонью об ладонь и говоря: «Нет мощи и силы, кроме как у Аллаха, высокого, великого». – «О господин мой, да будешь ты здоров, почему это ты озабочен?» – спросила царевна. И Маруф сказал: «Как мне не быть озабоченным, когда твой отец меня расстроил и сделал со мной такое дело, как будто сжёг зелёный посев». – «А что с тобой сделал мой отец, скажи мне?» – спросила царевна. И Маруф ответил: «Он ввёл меня к тебе раньше, чем прибыла моя поклажа, а я хотел иметь самое меньшее сто драгоценных камней, чтобы раздать их твоим невольницам, каждой по одному камню, чтобы они радовались и говорили: „Мой господин дал мне камешек в ночь, когда вошёл к своей госпоже“. И этот поступок служил бы для возвышения твоего сана и увеличения почёта тебе. Я не перестаю раздавать камни, так как у меня их много».

«Не заботься об этом и не огорчайся по этой причине, – сказала царевна. – Что касается меня, то тебе от меня ничего не будет плохого, так как я подожду, пока придёт твоя поклажа, а что касается невольниц, то тебе от них тоже ничего не будет. Вставай, сними с себя одежду и доставь себе наслаждение, а когда придёт твоя поклажа, мы получим эти камни и другое».

И Маруф поднялся и, сняв с себя одежду, сел на постель, и принялся дразнить жену, и начались заигрыванья, и он положил ей руку на ногу, а она села к нему на колени и вложила губы ему в рот, и был это тот час, когда забывает человек отца и мать.

И Маруф обнял жену, и прижал её к себе, я стал мять её в объятьях, и прижал её к груди, и сосал ей губы, пока из них не потёк мёд. Он положил ей руку под левую подмышку, и её члены, как и его члены устремились к сближению, и тогда он ударил её между грудями, и она оказалась меж его бёдрами, и он опоясал её ногами, и испробовал оба способа, и закричал: «О отец двух покрывал!» И он вложил заряд, и зажёг фитиль, и, нацелившись по компасу, приложил огонь, и сбил башню со всех четырех столбов, и была это загадка, о которой не спрашивают, и девушка вскрикнула криком, который неизбежен...»

И Шахразад устроил, и она прекратила дозволенные речи.

Девятьсот девяносто четвёртая ночь

Когда же настала девятьсот девяносто четвёртая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что когда девушка вскрикнула криком, который неизбежен, купец Маруф уничтожил её девственность, я была это ночь, которая не идёт в счёт ночей жизни, так как она заключает сближение с прекрасными, объятия, и игры, и сосанье, и пронзание до утра.

А потом Маруф сходил в баню и надел платье из платьев царей и, выйдя из бани, пришёл в диван царя, и те, кто был там, встали ради него на ноги и встретили его с уважением и почётом, поздравляя его, и призывали на него благословение.

И Маруф сел рядом с царём и спросил: «Где казначей?» И ему оказали: «Вот он, перед тобой». И Маруф молвил: «Поддай почётные одежды и одень всех везирей, и эмиров, и обладателей должностей!» И казначей принёс ему все, что он потребовал, и Маруф сидел, и давал каждому, кто к нему приходил, и одаривал всякого человека, смотря по его сану.

И он провёл таким образом двадцать дней, и у него не обнаружилось ни поклажи, ни чего-нибудь другого, и казначей почувствовал из-за него величайшее стеснение.

И он вошёл к царю в отсутствие Маруфа (а царь сидел с одним только везирем, больше ни с кем), и поцеловал перед ним землю и сказал: «О царь времени, я тебе кое-что расскажу, так как ты, может быть, будешь меня упрекать за то, что я тебе этого не рассказал. Знай же, что казна опустела, и там не осталось денег, кроме малого количества, я через десять дней мы её закроем пустой». – «О везирь, – сказал царь, – поклажа моего зятя задержалась, и о ней нет вестей». И везирь захохотал и сказал: «Да будет Аллах к тебе милостив, о царь времени! Ты слишком прост для дел этого плута и лгуна! Клянусь жизнью твоей головы, у него нет ни

поклажи, ни чумы, которая освободила бы нас от него, и он с тобой плутовал, пока не погубил твои деньги и не женился на твоей дочери даром. До каких пор ты будешь беспечен с этим лгуном?» – «О везирь, – сказал царь, – как сделать, чтобы узнать истинное положение дел?» И везирь сказал: «О царь времени, не проводит тайны мужчины никто, кроме его жены. Пошли за твоей дочерью, чтобы она пришла за занавеску, и я спрошу её об истинном положении. Пусть она расспросит Маруфа и осведомит нас об его обстоятельствах». – «В этом нет дурного, – сказал царь, – клянусь жизнью моей головы, если будет установлено, что он плут и лгун, я убью его наихудшим образом».

И затем он взял везиря и, придя с ним в приёмную комнату, послал за своей дочерью, и она пришла за занавеску (а это было в отсутствие её мужа) и, придя, сказала: «О батюшка, что ты хочешь?» – «Поговори с везирем», – сказал царь. И царевна спросила: «О везирь, что тебе?» И везирь молвил: «О госпожа, знай, что твой муж погубил деньги твоего отца и женился на тебе без приданого. Он все время обещает нам и не исполняет обещаний, и об его поклаже не обнаружилось сведений, а в общем мы хотим, чтобы ты рассказала нам про него».

И царевна сказала: «Его речи многочисленны, и он все время приходит и обещает мне драгоценные камни, сокровища и дорогие материи, но я ничего этого не вижу». – «О госпожа, – спросил везирь, – можешь ли ты сегодня ночью завязать с ним разговор и сказать ему: „Расскажи мне правду и не бойся ничего. Ты стал моим мужем, и я не допущу с тобой неосторожности. Расскажи мне истину об этом деле, и я придумаю для тебя план, который тебя спасёт“. И затем отдайся и приближайся к нему в разговоре, покажи ему любовь и допроси его, а после этого расскажи нам истину о его деле».

«О батюшка, – ответила царевна, – я знаю, как мне его испытать».

И затем она ушла, а после ужина к ней, по обычаю, вошёл её муж Маруф, и она поднялась к нему, и взяла его под мышки, и стала его обманывать великими обманами (а достаточно с тебя обманов женщин, когда у них есть до мужчин какая-нибудь нужда, которую они хотят исполнить!), и до тех пор обманывала его и ласкала словами слаще мёда, пока не украла его разум.

И когда она увидела, что Маруф склонился к ней вполне, она сказала: «О прохлада моего глаза, о плод моей души, да не заставит меня Аллах тосковать без тебя и да не разлучит время нас с тобой. Любовь к тебе поселилась в моем сердце, и огонь страсти к тебе сжёг мою печень, я не будет никогда с тобой допущена крайность. Я хочу, чтобы ты рассказал мне истину, так как ухищрения лжи бесполезны и не все время удаются. До каких пор будешь ты плутовать и лгать моему отцу? Я боюсь, что твоё дело станет ему ясно, прежде чем мы придумаем для него хитрость, и он тебя схватит. Расскажи же мне правду, и тебе будет лишь то, что тебя радует. Когда ты расскажешь мне истину об этом деле, не бойся ничего дурного. Сколько ты ещё будешь утверждать, что ты купец и обладатель денег и у тебя есть поклажа? Прошло уже долгое время, как ты говоришь: „Моя поклажа, моя поклажа“, – и нет о твоей поклаже вестей, и на твоём лице видна забота по этой причине. Если в твоих словах нет правды, расскажи мне, и я придумаю тебе план, который тебя освободит, если захочет Аллах». – «О госпожа, – ответил Маруф, – я расскажу тебе правду, и что желаешь, то и сделай». – «Говори и будь правдив, – сказала царевна, – ибо правда – корабль спасения, и берегись лжи, ибо ложь позорит солгавшего. От Аллаха дар того, кто сказал:

Правдивым будь, хотя б тебя истина
Сожгла потом огнями горящими.
Ищи Аллаха милости. Всех глупей
Гневящий бога, чтоб угодить рабам».

«О госпожа, – сказал Маруф, – знай, что я не купец и нет у меня ни поклажи, ни жгучей чумы. Я был в моей стране башмачником, и у меня есть жена по имени Фатима, ведьма, и у

меня с ней случилось то-то и то-то».

И он рассказал ей всю историю с начала до конца, и царевна засмеялась и сказала: «Ты искусен в ремесле лжи и плутовства». – «О госпожа, – сказал Маруф, – да сохранит тебя Аллах великий, чтобы прикрывать пороки и рассеивать горести». И царевна молвила: «Знай, что ты сплутовал с моим отцом и обманул его своим великим бахвальством, так что он выдал меня за тебя из жадности, а затем ты погубил его деньги, и везирь подозревает тебя из-за этого. Сколько раз он разговаривал о тебе с моим отцом и говорил ему: „Это плут и лгун“. Но отец не слушался его в том, что он ему говорил, по той причине, что везирь за меня посватался, но я не согласилась, чтобы он был мне мужем, а я была его женой. Но затем время продлилось, и мой отец почувствовал стеснение и сказал мне: „Допроси его“. И я тебя допросила, и открылось закрытое. Мой отец твёрдо решил повредить тебе по этой причине, но ты стал моим мужем, и я не допущу с тобой неосторожности. Если я расскажу моему отцу эту историю, он утвердится в мнении, что ты плут и лгун, и сплутовал с царской дочерью, и погубил его деньги. Твой грех у него не будет прощён, и он убьёт тебя без сомнения, – и среди людей распространится молва, что я вышла замуж за плута и лгуна, и это будет позором для моего достоинства. А когда мой отец убьёт тебя, ему, может быть, понадобится выдать меня за другого, а это дело, на которое я не соглашусь, хотя бы я умерла. Но, однако, вставай теперь и надень одежду невольника и возьми с собой пятьдесят тысяч динаров из моих денег. Садись на коня и поезжай в страну, где власть моего отца не действует, и сделайся там купцом. Напиши мне письмо и пришли его с гонцом, который придёт ко мне тайно, чтобы я знала, в какой ты стране, и могла бы посылать тебе все, до чего достанет моя рука, и твоё богатство бы увеличилось. Если мой отец умрёт, я пошлю за тобой, и ты приедешь во славе и почёте, а если умрёшь ты или умру я и буду взята к милости Аллаха великого, то воскресение из мёртвых соединит нас, – и вот правильное решение. Пока ты здоров и я здорова, я не лишу тебя писем и денег. Поднимись же, прежде чем взойдёт день, и ты будешь в затруднении, и окружит тебя гибель».

«О госпожа, – сказал Маруф, – я под твоим покровительством и хочу, чтобы ты простилась со мной сближением». – «Это неплохо», – сказала царевна. И Маруф сблизился с ней, а потом совершил омовение и, надев одежду невольника, приказал конюхам оседлать коня из резвых коней. И ему оседлали коня, и тогда он простился с царевной, и вышел из города в конце ночи, и поехал, и всякий, кто его видел, думал, что это невольник из невольников султана, который едет, чтобы исполнить какоенибудь дело.

А когда наступило утро, отец девушки вместе с везирем пришёл в комнату, где сидят, и отец девушки послал за ней и, когда она пришла за занавеску, спросил её: «О дочка, что скажешь?» И царевна ответила: «Я скажу: да очернит Аллах лицо твоего везира, – у него было желание очернить моё лицо перед мужем». – «А как так?» – спросил царь. И она сказала: «Мой муж пришёл ко мне вчера, и, раньше чем я сказала ему эти слова, вдруг вошёл ко мне Фарадж-евнух с письмом в руке и сказал: „Десять невольников стоят под окном дворца, и они мне дали это письмо и сказали: «Поцелуй за нас руки Сиди Маруфа, купца, и отдай ему это письмо. Мы из невольников, которые идут с его поклажей, и до нас дошло, что он женился на царевне, и мы пришли ему рассказать, что с нами случилось по дороге“».

И я взяла письмо, и прочитала его, и увидела в нем: «От пятисот невольников к его достоинству, нашему господину, купцу Маруфу. А затем – вот о чем мы осведомляем тебя: после того как ты от нас уехал, на нас напали кочевники и вступили с нами в бой, и их было тысячи две всадников, а нас – пятьсот невольников. У нас произошёл с кочевниками великий бой, и они не дали нам идти по дороге, и прошло тридцать дней, и мы все воюем с ними. Вот причина нашей задержки...»

И Шахразад устала, и она прекратила дозволенные речи.

Когда же настала девятьсот девяносто пятая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что царевна говорила своему отцу: „Моему мужу пришло письмо от его слуг такого содержания: кочевники не дали нам идти по дороге. Вот причина нашей задержки. Они отняли у нас двести тюков тканей из поклажи и убили из нас пятьдесят невольников“.

И когда до Маруфа дошла эта весть, он воскликнул: «Да обманет их Аллах! Как это они сражаются с кочевниками из-за двухсот тюков товаров, и что значат двести тюков? Им не следовало задерживаться из-за этого: ведь цена двухсот тюков – семь тысяч динаров. Но мне следует отправиться к ним и поторопить их, а то, что взяли кочевники, не уменьшит моей поклажи, и это нисколько на меня не действует. Я буду считать, что подал им это как милостыню».

И потом он ушёл от меня, смеясь, и не огорчился из-за того, что его имущество пропало и его невольники убиты; и когда он ушёл, я посмотрела из окна дворца, и увидела, что те десять невольников, которые принесли ему письмо, подобны лунам, и каждый из них одет в платье, стоящее две тысячи динаров, и у моего отца нет невольника, похожего на кого-нибудь из них.

И затем мой муж отправился с невольниками, которые принесли ему письмо, чтобы привезти свою поклажу, и хвала Аллаху, который не дал мне ничего сказать ему из тех слов, что ты мне велел сказать: он бы стал смеяться надо мной и над тобой и, может быть, посмотрел бы на меня взором унижения и возненавидел бы меня. Но ведь весь позор – от твоего везиря, который говорил о моем муже слова неподобающие».

«О дочка, – сказал царь, – богатства твоего мужа обильны, и он не подумает об этом, и с того дня, как он вступил в наш город, он раздаёт бедным милостыню. Если захочет Аллах, он скоро приедет со своей поклажей, и достанется нам от него великое благо». И он начал успокаивать свою дочь и ругать везиря, и хитрость с ним удалась.

Вот то, что было с царём. Что же касается купца Маруфа, то он сел на коня и поехал по безлюдной пустыне, и он был в недоумении и не знал, в какую страну направиться.

И он начал плакать от мук разлуки, и испытывал волнение и страсть и произнёс такие стихи:

«Обмануло время сближение, и расстались мы,
И растаяла от суровости и горит душа.
Око слезы точит, покинувши возлюбленных;
Теперь – разлука; когда же будет встреча вновь?
О лик луны светящей, это я был тем,
Кто в страсти к вам оставил сердце истерзанным.
О, если б я ни часа не видал тебя –
После радости единения я печаль вкусил.
Всегда Маруф влюблённым в Дунию был, всегда;
Если он умрёт от любви своей, то любовь вечна.
О блеск сияющего солнца, помоги
Ты сердцу, страстью явною сожжённому.
Увидим ли, что время вновь нас сблизило,
И получим ли от встречи с ней отраду мы?
Сведёт ли нас дворец любимой в радости,
Сожму ли я в объятьях тесных ветвь песков?
О лик луны светящей, пусть лицо твоё,
Как солнце, красотою вечно светит нам.
Готов я страсть терпеть и её горести,
Ведь счастье страсти – в нем самом несчастье».

А окончив стихи, он заплакал сильным плачем, и все дороги были перед ним закрыты,

и он предпочитал смерть жизни.

И он пошёл, точно пьяный, от великой нерешительности, и шёл не переставая до времени полудня, и, наконец, дойдя до маленькой деревушки, он увидя неподалёку от неё пахаря, который пахал на паре быков.

Маруфа мучил сильный голод, и он подошёл к пахарю и сказал ему: «Мир с вами!» И пахарь возвратил ему приветствие и сказал: «Добро тебе пожаловать, о господин! Ты из невольников султана?» – «Да», – отвечал Маруф. И человек сказал: «Остановись у меня для угощения». И Маруф понял, что он из числа щедрых. «О брат мой, – сказал он ему, – я не вижу у тебя ничего, чем бы ты меня накормил, как же ты меня приглашаешь?» – «О господин, – ответил пахарь, – добро найдётся. Сойди здесь с коня, а селение – вот оно, близко, и я пойду и принесу тебе обед и корм твоему коню». – «Если селение близко, – сказал Маруф, – то я дойду до него во столько же времени, во сколько дойдёшь до него ты, и куплю то, что хочу, на рынке и поем». – «О господин, – сказал пахарь, – это селение – маленькая деревушка, и там нет ни рынка, ни купли, ни продажи. Прошу тебя, ради Аллаха, остановись у меня и залечи моё сердце, а я схожу туда и быстро вернусь к тебе!»

И Маруф сошёл с коня, а пахарь оставил его и ушёл в селение, чтобы принести ему обед.

И Маруф сел его дожидаться и сказал в душе: «Я отвлék этого бедного человека от работы, но я поднимусь и буду пахать за него, пока он не придёт, чтобы возместить то, что он из-за меня потерял».

И он взял плуг, и погнал быков, и попахал немного, и плуг задел за что-то, и животные остановились, и Маруф погнал их, но они не могли идти. И Маруф посмотрел на плуг и увидел, что он задел за золотое кольцо. И тогда он снял с кольца землю и увидел, что оно находится посреди мраморной плиты, величиной с мельничный жёрнов.

И Маруф старался над плитой, пока не сорвал её с места, и из-под неё показалось подземелье с лестницей. И Маруф спустился по этой лестнице и увидел помещение вроде бани, с четырьмя портиками, и один портик был наполнен от земли до потолка золотом, а второй портик был наполнен изумрудами, жемчугом и кораллами от земли до потолка, а третий портик был наполнен яхонтами, бадахшанскими рубинами и бирюзой, а четвёртый портик был наполнен алмазами, и дорогими металлами, и драгоценными камнями всех видов. И посредине этого помещения стоял сундук из прозрачного хрусталя, наполненный бесподобными драгоценными камнями, каждый из которых был величиной с лесной орех, и на этом сундуке стояла маленькая коробочка размером с лимон, и она была из золота.

И Маруф, увидев все это, удивился, и обрадовался сильной радостью, и сказал: «Посмотрим-ка, что такое в этой коробочке?» И затем он открыл её и увидел в ней золотой перстень, на котором были написаны имена и талисманы, подобно следам муравьёв.

И он потёр этот перстень, и вдруг чей-то голос сказал: «Я здесь, я здесь, о господин! Требуй – получишь. Хочешь ли ты построить селение, или разрушить город, или убить царя, или прорыть канал, или сделать что-нибудь вроде этого? Что бы ты ни потребовал, это уже свершилось по изволению владыки всевластного, творца ночи и дня». – «О создание моего господа, кто ты и что ты будешь?» – спросил Маруф. И говоривший ответил: «Я слуга этого перстня, исполняющий службу его владельцу. Какое бы желание он мне ни изъявил, я его исполню, и нет мне отговорки в том, что он мне прикажет. Я владыка телохранителей из джиннов, и число моего войска – семьдесят два племени, а число бойцов каждого племени – семьдесят две тысячи, и каждый из тысячи властвует над тысячей маринов, а каждый маринов властвует над тысячей помощников, а каждый помощник властвует над тысячей шайтанов, а каждый шайтан властвует над тысячей джиннов, и все они покорны мне и не могут меня ослушаться. А я приколдован к этому перстню и не могу ослушаться того, кто им владеет, и вот ты им овладел, и я стал твоим слугой. Требуй же чего хочешь, я послушен твоим словам и повинуюсь твоему приказу. Если я тебе понадобится в какое-нибудь время, на суше или на мэре, потри перстень и найдёшь меня возле себя; но берегись потерять перстень два раза подряд: ты сожжёшь меня огнём этих имён, и лишишься меня, и будешь жалеть обо мне

после этого. Я осведомил тебя о моем положении, и конец!..»

И Шахразад устала, и она прекратила дозволенные речи.

Девятьсот девяносто шестая ночь

Когда же настала девятьсот девяносто шестая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что когда слуга перстня рассказал Маруфу о своём положении, Маруф спросил его: „Как твоё имя?“ И марида ответил: „Моё имя Абу-с-Саадат“. И Маруф сказал: „О Абу-с-Саадат, что это за помещение и кто приколдовал тебя к этой коробочке?“ – „О господин, – ответил марида, – это помещение – сокровищница, которая называется сокровищница Шеддала, сына Ада, что построил Ирем многостолбный, подобного которому не сотворено в мире. Я был ему слугой при его жизни, и это его перстень. Шеддад положил его в свою сокровищницу, но теперь он – твоя доля!“ – „Можешь ли ты вынести то, что в этой сокровищнице, на поверхность земли?“ – спросил Маруф. И марида ответил: „Да! Этим самым лёгким делом“. И тогда Маруф сказал: „Вынеси все, что в ней есть, и не оставляй ничего“.

И Абу-с-Саадат показал рукой на землю, и земля расступилась, и он опустился и исчез на короткое время, и вдруг вышли из-под земли изящные юноши с прекрасными лицами, которые несли золотые корзины, и эти корзины были наполнены золотом. Они опорожнили их и ушли, и принесли другие, и все время переносили золото и драгоценные камни, – и не прошло ещё часу, как они сказали: «В сокровищнице не осталось ничего».

А затем появился перед Маруфом Абу-с-Саадат и сказал ему: «О господин мой, все, что было в сокровищнице, мы перенесли». И Маруф спросил его: «Что это за прекрасные юноши?» И марида ответил: «Это мои дети. Для этой работы мне не стоило собирать моих помощников, и мои дети исполнили твою нужду и почтили себя службой тебе. Требуй же, чего ты хочешь, кроме этого?» – «Можете ли вы привезти мулов и сундуки и сложить эти богатства в сундуки и погрузить сундуки на мулов?» – спросил Маруф. И марида ответил: «Это самое лёгкое дело!» И затем он издал великий крик, и его дети явились к нему, а их было восемь сотен.

«Пусть часть из вас примет облик мулов, а часть – облик прекрасных невольников, ничтожнейшему из которых не найдётся подобного у какого-нибудь царя, а часть из вас пусть примет облик погонщиков, а часть – облик слуг», – сказал он им. И они сделали то, что он им приказал, и семьсот из них превратились в грузовых мулов, а оставшиеся сто приняли облик слуг. А потом марида крикнул своих помощников, и они предстали перед ним, и тогда он велел части из них принять облик коней, осёдланных золотыми седлами и украшенными драгоценными камнями.

И когда Маруф увидел это, он спросил: «Где сундуки?» И их принесли ему, и он сказал: «Складывайте золото и драгоценные металлы, каждый сорт отдельно». И они сложили и погрузили на триста мулов.

И тогда Маруф спросил: «О Абу-с-Саадат, ты можешь принести мне тюки дорогих тканей?» – «Хочешь ли ты тканей египетских, или сирийских, или персидских, или индийских, или румских?» – спросил марида. И Маруф сказал: «Принеси материи каждой страны по сто тюков на ста мулах». – «О господин мой, – сказал марида, – дай мне срок, чтобы я мог назначить для этого моих помощников, я прикажу каждому отряду из них отправиться в какую-нибудь страну и принести сто тюков её тканей, и мои помощники примут облик мулов и придут, неся эти тюки». – «А какова величина времени отсрочки?» – спросил Маруф. И марида сказал: «То время, пока черна ночь. Не встанет день, как у тебя будет все что ты хочешь!» – «Я даю тебе эту отсрочку», – сказал Маруф. И затем он приказал им поставить палатку, и её поставили, и он сел, и ему принесли трапезу, и Абу-с-Саадат сказал ему: «О господин мой, сядь в палатке, и эти мои сыновья будут перед тобой, чтобы тебя охранять. Не бойся ничего, а я пойду соберу моих помощников и пошлю их исполнить

твою нужду».

И Абу-с-Саадат ушёл своей дорогой, а Маруф сел и палатке, и трапеза стояла перед ним, а сыновья Абу-с-Саадата находились перед ним в облике невольников, слуг и челядинцев.

И когда он сидел таким образом, вдруг подошёл тот человек, пахарь, неся большую миску чечевицы и торбу, полную ячменя. Он увидел поставленную палатку и невольников, которые стояли, сложив руки на груди, и подумал, что сам султан пришёл и расположился в этом месте.

И тогда он остановился, смущённый, и сказал себе: «О, если бы я зарезал пару цыплят и подрумянил бы их на коровьем масле ради султана!»

И он хотел вернуться, чтобы зарезать цыплят и угостить ими султана, и Маруф увидел его, и закричал ему, и сказал невольникам: «Приведите его!» И невольники понесли пахаря вместе с миской чечевицы и поставили его перед Маруфом. «Что это такое?» – сказал Маруф. И пахарь ответил: «Это твой обед и корм твоему коню. Не взыщи с меня – я не думал, что султан придёт в это место, и если бы я это знал, я бы зарезал ему пару цыплят и угостил бы его хорошим угощением».

И Маруф сказал: «Султан не приехал, но я его зять и был на него сердит, и он прислал ко мне своих невольников, которые помирили меня с ним, и теперь я хочу вернуться в город. Но ты приготовил мне угощение, не зная всего этого, и твоё угощение принято, хотя это и чечевица. Я не буду есть ничего, кроме твоего угощения».

И потом он велел ему поставить миску посреди скатерти и ел из неё, пока не насытился, а что касается пахаря, то он набил себе брюхо теми роскошными кушаньями. И потом Маруф вымыл руки и позволил невольникам есть, и они принялись за остатки трапезы и поели.

И когда миска была опорожнена, Маруф наполнил её золотом и сказал пахарю: «Отнеси её к себе домой и приходи ко мне в город, я окажу тебе уважение».

И пахарь взял миску, полную золота, и погнал своих быков, и отправился к себе в деревню, думая, что Маруф – зять царя. А Маруф провёл этот вечер в радости и веселье, и к нему пришли девушки из дев сокровища и стали играть на инструментах и плясать перед ним, и он провёл ночь, которая не идёт в счёт ночей жизни.

И наступило утро, и не успел Маруф опомниться, как пыль поднялась и взлетела и рассеялась над мулами, которые несли тюки, и их было семьсот мулов, нагруженных тканями, и вокруг них были слуги – верблюжатники, и погонщики, и светоносцы, а Абу-с-Саадат сидел на муле, в обличье предводителя каравана, и перед ним шли носилки с четырьмя шариками червонного золота, украшенными драгоценными камнями.

И, достигнув палатки, марида сошёл со спины мула, и поцеловал землю, и сказал: «О господин, дело сделано полностью и до конца, а вот носилки, в которых одежда из сокровищницы, – нет ей подобной среди царских одежд. Надень же её, садись в носилки и приказывай нам что хочешь». – «О Абу-с-Саадат, – сказал Маруф, – я хочу написать письмо, с которым ты пойдёшь в город Хитан-альХатан и войдёшь к моему тестю, царю, но не входи к нему иначе, как в облике гонца, приятного видом». – «Слушаю и повинуюсь», – сказал марида. И Маруф написал письмо и запечатал его, и Абу-с-Саадат взял письмо и ушёл.

Он вошёл к царю и увидел, что тот говорит: «О везирь, моё сердце беспокоится о моем зяте, и я боюсь, что его убили кочевники. О, если бы я знал, куда он ушёл, чтобы последовать за ним с войском! О, если бы он рассказал мне об этом до своего ухода!» – «Да смилуется над тобой Аллах за твою простоту, – ответил везирь. – Клянусь жизнью твоей головы, этот человек понял, что мы его заподозрили, и побоялся позора, и убежал. Он не кто иной, как плут и лгун!»

И вдруг вошёл гонец, и поцеловал землю перед царём, и пожелал ему вечной славы, счастья в жизни.

И царь спросил его: «Кто ты и что тебе нужно?» И гонец ответил: «Я гонец, и меня прислал к тебе твой зять».

Он приближается с поклажей и прислал тебе со мной письмо. Вот оно».

И царь взял его, и прочитал, и увидел в нем такие слова после усиленных приветствий нашему дяде, славному царю: «Я прибыл с поклажей. Выступай и встречай меня с войском».

«Да очернит Аллах твоё лицо, о везирь! – воскликнул тогда царь. – Сколько ты поносил честь моего зятя и выставял его плутом и лгуном, а он прибыл с поклажей, и ты не кто иной, как обманщик». И везирь опустил голову к земле от стыда и смущения и сказал: «О царь времени, я говорил эти слова только из-за долгого отсутствия поклажи и боясь, что пропадут деньги, которые он истратил». – «О обманщик, – сказал царь, – что такое деньги, раз пришла его поклажа? Он нам даст вместо них много!»

И затем царь велел украсить город, и вошёл к своей дочери, и сказал ей: «Добрая весть! Твой муж скоро приедет со своей поклажей. Он прислал мне об этом письмо, и я выезжаю ему навстречу».

И девушка удивилась этому обстоятельству и сказала про себя; «Вот удивительная вещь! Разве он надо мной издевался, или смеялся надо мной, или хотел меня испытать, когда сказал мне, что он бедный? Но хвала Аллаху, что из-за меня не произошло никакого умаления его достоинства».

Вот что было с Маруфом. Что же касается купца Али каирского, то, увидев украшение города, он спросил о причине этого, и ему сказали: «К купцу Маруфу, зятю царя, пришла его поклажа». – «Аллах велик! – воскликнул Али. – Что это за беда! Он пришёл ко мне, убегая от своей жены, и был бедняком! Откуда же пришла к нему поклажа? Но, может быть, дочь царя придумала для него хитрость, боясь позора, а ведь цари ни в чем не бессильны. Да покроет его Аллах великий и да не опозорит!..»

И Шахразату застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Девятьсот девяносто седьмая ночь

Когда же настала девятьсот девяносто седьмая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что когда купец Али опросил об украшении города, ему рассказали истину об этом деле, и он пожелал Маруфу счастья и сказал: „Аллах да покроет его и да не опозорит!“ А другие купцы обрадовались и развеселились из-за того, что получают свои деньги.

И царь собрал свои войска и выступил, а Абу-с-Саадат вернулся к Маруфу и рассказал ему о том, что он доставил послание.

И тогда Маруф сказал: «Грузите!» И, надев одежду из сокровищницы, он сел в носилки и стал величественнее и почтеннее, чем царь, в тысячу раз.

И он дошёл до половины дороги и вдруг видит, что царь выступил ему навстречу с войском, а царь, приблизившись к Маруфу, увидел, что он одет в эту одежду и сидит в носилках. И тогда он бросился к нему, и приветствовал его, и пожелал ему мира, и все вельможи царства тоже желали ему мира, и стало ясно, что Маруф был правдив и что в нем нет лжи.

И он вступил в город в шествии, от которого лопнет жёлчный пузырь у льва, и купцы подбежали к нему и поцеловали землю перед ними, и купец Али сказал ему: «Ты устроил эту проделку, и она у тебя вышла, о шейх плотов, но ты это заслужил! Аллах великий да увеличит тебе свои милости».

И Маруф засмеялся. И, войдя во дворец, он сел на престол и сказал: «Несите тюки с золотом в казну моего дяди, царя, и подайте сюда тюки с тканями». И ему принесли их, и начали их вскрывать тюк за тюком, и вынимали то, что в них было, пока не открыли все семьсот тюков.

И Маруф отобрал из них самое лучшее и сказал: «Снесите это царевне, чтобы она раздала это своим невольницам, и возьмите этот сундук с драгоценными камнями и отнесите его ей, чтобы она раздала их невольницам и евнухам».

И он начал раздавать ткани купцам, которым был должен, в возмещение своих долгов, и тому, кому следовало тысячу, он давал ткани, стоящие две тысячи или больше, а потом он начал раздавать милостыню нищим и беднякам, и царь смотрел на него и не мог ему воспрепятствовать.

И он до тех пор давал и одарял, пока не роздал все семьсот тюков, а затем он обернулся к воинам и начал раздавать им дорогие металлы, изумруды, яхонты, жемчуг, кораллы и другое и давал драгоценные камни только горстями, без счета.

И тогда царь сказал ему: «О дитя моё, довольно раздавать – от твоей поклажи осталось уже мало». И Маруф сказал: «У меня много!» И его правдивость стала ясна, и никто не мог обвинить его во лжи, и он не задумывался, раздавая, так как слуга перстня приносил ему все, чего бы он ни требовал.

А потом казначей подошёл к царю и сказал: «О царь времени, казна наполнилась и уже не вмещает оставшихся тюков. А то, что остаётся из золота и металлов, – куда мы это положим?» И царь указал ему другое место. Когда жена Маруфа увидела эти обстоятельства, её радость усилилась, и она удивлялась и говорила про себя: «Посмотреть бы, откуда пришло к нему все это добро!» И купцы тоже радовались тому, что Маруф им дал, и желали ему счастья.

А что касается купца Али, то он удивлялся и говорил про себя: «Посмотри-ка! Как он сплутовал и наврал, чтобы получить все эти сокровища. Если бы они были от царевны, он не раздавал бы их беднякам. Но как прекрасны слова сказавшего:

Когда царь царей одарил тебя,
То не спрашивай о причине ты.
Аллах даёт, как хочет он,
Так соблюдай же пристойность ты».

Вот что было с ним. Что же касается царя, то он удивился до крайней степени тому, что увидел от Маруфа, и удивился его щедрости и великодушию при расходовании денег. А Маруф после этого вошёл к своей жене, и она встретила его, улыбаясь, смеясь, и радуясь, и поцеловала ему руку, и сказала: «Разве ты надо мной смеялся или хотел меня испытать, говоря: „Я бедный и убежал от моей жены“? Слава Аллаху, что я не допустила умаления твоего достоинства. Ты мой любимый, и у меня нет никого дороже тебя, все равно, богатый ты или бедный. Я хочу, чтобы ты рассказал мне, чего ты хотел достигнуть этими словами». – «Я хотел тебя испытать, чтобы посмотреть, искренняя твоя любовь или из-за денег и от жадности до мирских благ, – сказал Маруф, – и мне стало ясно, что твоя любовь истинна. Если ты правдива в своей любви, то добро тебе пожаловать, и сперва я узнал тебе цену».

И потом он уединился в одном месте и потёр перстень, и Абу-с-Саадат предстал перед ним и сказал: «Я перед тобой, требуй чего хочешь!» И Маруф молвил: «Я хочу от тебя одежду из сокровищницы для моей жены и украшений из сокровищницы, среди которых должно быть ожерелье из сорока бесподобных камней». И Абу-с-Саадаг отвечал: «Слушаю и повинуюсь!» И принёс ему то, что он приказал. И Маруф взял одежду и украшения, отпустив сначала слугу перстня, и пошёл к своей жене и положил это перед нею. «Бери, надевай, добро тебе пожаловать!» – сказал он. И когда царевна взглянула на эти вещи, её ум улетел от радости. Она увидела в числе уборов пару ножных браслетов из золота, украшенных драгоценными камнями, – изделие волхвов, – и запястье, и серьги, и пояс, стоимость которого не оценить деньгами, и надела платье и украшения и затем сказала: «О господин, я хочу спрятать это для торжеств и праздников». Но Маруф молвил: «Носи их постоянно! У меня есть ещё много других».

И когда царевна надела все это и невольницы увидели её, они обрадовались и поцеловали Маруфу руки, и Маруф оставил их и, уединившись, потёр перстень, и слуга перстня предстал перед ним.

«Принеси мне сто платьев с украшениями», – сказал Маруф. И слуга ответил: «Слушаю

и повинуюсь!» И принёс ему платья, и в каждом платье были завернуты подходящие для него украшения.

И Маруф кликнул невольниц, и когда они пришли к нему, дал каждой из них по платью, и они надели эти платья и стали подобны большеглазым гуриям, а царевна была между ними точно луна среди звёзд. И одна из невольниц рассказала об этом царю, и царь, войдя к своей дочери, увидел, что она ошеломляет тех, кто её видит, и её невольницы также, и удивился этому до крайней степени.

И затем он вышел и, призвав своего везиря, сказал ему: «О везирь, случилось то-то и то-то. Что ты скажешь об этом деле?» – «О царь времени, – ответил везирь, – таких поступков не совершают купцы, так как у купца куски льна лежат годами, и он продаёт их только с прибылью. Откуда у купцов щедрость, подобная его щедрости, и откуда им иметь такие деньги и драгоценности, которых найдётся у царей лишь немного? Как же могут они находиться у купцов целыми тюками? Этому обязательно должна быть причина. Но если ты меня послушаешься, я выясню для тебя истину в этом деле».

«Я тебя послушаюсь, о везирь», – сказал ему царь. И везирь молвил: «Встреться „; Маруфом, прояви к нему дружбу, и поговори с ним; и скажи: «О мой зять, я бы хоел бы пойти с тобой, с везирем, и больше ни с кем, в сад, чтобы прогуляться“. И когда мы выйдем в сад, мы разложим скатерть с вином, и я силой напою его; и когда он выпьет вина, его ум пропадёт, и рассудок исчезнет, и мы спросим его об истине в этом деле, и он нам расскажет свои тайны. Вино – предатель, и от Аллаха дар того, кто сказал:

Когда же мы выпили и влаги пробрался след
К местам, где сокрыты тайны, я закричал: «Постой!»
Боялся я, что лучи вина победят меня
И станет пирующим видна тайна скрытая.

И когда он нам расскажет истину об этом деле, мы узнаем его обстоятельства и сделаем с ним то, что захотим и пожелаем. Я боюсь для тебя последствий его поступков: может быть, его душа захочет власти, и он покроет всех воинов своей щедростью, не жалея денег, и сместит тебя, и отнимет у тебя царство».

И царь сказал ему: «Твоя правда...»

И Шахразад устала, и она прекратила дозволенные речи.

Девятьсот девяносто восьмая ночь

Когда же настала девятьсот девяносто восьмая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что когда везирь придумал для царя этот план, царь сказал ему: „Твоя правда“. И они провели ночь, сговорившись об этом деле. Когда же наступило утро, царь вышел в зал и сел, и вдруг слуги и конюхи вошли к нему, огорчённые.

И он спросил их: «Что вас поразило?» И слуги ответили: «О царь времени, конюхи почистили коней и задали им корму – коням и мулам, которые пришли с поклажей, а утром мы увидели, что невольники украли коней и мулов. Мы обыскали все стойла и ни коней, ни мулов не нашли, и тогда мы вошли в помещение невольников и не увидели там никого, и мы не знаем, как они убежали».

И царь удивился этому, так как он не думал, что помощники Абу-с-Саадата были конями, мулами и невольниками, и не знал, что это помощники слуги перстня.

«О проклятые! – сказал он слугам. – Тысяча животных и пятьсот невольников и других слуг! Как же они убежали, а вы не заметили?» – «Мы не знаем, как случилось, что они убежали», – ответили слуги. И царь сказал: «Уходите, а когда ваш господин выйдет из гарема, расскажите ему об этом деле».

И слуги ушли от царя и сели, не зная, что думать об этом деле; и когда они сидели в

таком состоянии, вдруг вышел из гарема Маруф. Он увидел, что они озабочены, и спросил их: «В чем дело?» И они рассказали ему, что случилось, и Маруф воскликнул: «А какая им цена, что вы из-за них огорчаетесь? Уходите своей дорогой!»

И он сидел и смеялся, не сердясь и не огорчаясь из-за этого дела. И царь посмотрел в лицо везиру и сказал: «Что это за человек, для которого деньги не имеют цены?» И затем они поговорили с Маруфом некоторое время, и царь сказал ему: «О мой зять, мне хочется пойти с тобой и с везирем в сад, чтобы развлечься. Что ты на это скажешь?» – «Это неплохо!» – сказал Маруф. И затем они пошли и отправились в сад, где было каждого плода по паре, и каналы были там полноводны и деревья высоки, и там пели птицы.

И они вошли во дворец в этом саду, который прогоняет печаль от сердца, и, усевшись, стали разговаривать, и везирь рассказывал диковинные истории и вспоминал смешные остроты и увеселяющие слова, и Маруф слушал его речи, пока не подали обед.

И разложили скатерть с кушаньем, и поставили кувшин с вином, и, после того как все поели и вымыли руки, везирь наполнил чашу и дал её царю, и тот выпил, и везирь наполнил вторую чашу и сказал Маруфу: «Вот чаша с напитком, уважение к которому склоняет главу разумных». – «Что это такое, о везирь?» – спросил Маруф. И везирь сказал: «Это седая – дева и девственница, засидевшаяся незамужем. Этот напиток приводит радость к сердцам, и о нем сказал поэт:

Ходили ноги отступников, давя его,
И мстит теперь головам арабов за то оно.
Неверных сын, луне подобный, подносит нам,
И глаза его – всех грехов основа крепчайшая.

И от Аллаха дар сказавшего:

Нахожу я вино и несущего сосуд с вином,
Когда он, встав, пирующим подносит,
Подобным солнцу. Оно плясало, и луна
Близнецов звездой его щеки одарила.
Оно так нежно, и тонок так состав его,
Что течёт оно, как дух течёт по телу.

А как прекрасны слова поэта:

Со мной луна полная, обнявшись, провела ночь,
А солнце на своде чаши так и не скрылось, знай.
И видел я, как огонь, которому кланялись
Все маги, мне кланялся, из кружки струясь своей.

А вот слова другого:

И оно ходило в суставах их,
Как в хворающем исцеление.

А вот слова другого:

Дивлюсь я жавшим вина: как скончались»
А нам оставили живую воду.
Но лучше этого слова Абу-Новаса:
Оставь упрекать меня – упрёк подстрекает,
Тем самым меня лечи, что было болезнью.

О жёлтое! Горести не сходят на двор его,
Коснись оно камня, он узнал бы веселье.
Оно поднялось в кувшине – ночь была тёмная –
И в комнате засиял лучей его жемчуг.
Оно обошло мужей, которым покорён рок,
И им посылает он лишь то, что желают.
В руках оно девушки, одетой, как юноша:
В неё влюблены зараз сын Лота и блудник.
Скажи притязующим на знанье: «Запомнили
Вы нечто, но многое от вас ещё скрыто»,
Но лучше всего слова Ибн аль-Мутаза:⁶⁸⁹
Аллах, напои Джезиру, где тень дерева густа,
И пусть будет Дейр-Абдун обильным залит дождём.
Как часто меня будили к утреннему питью
На самой заре, когда рой птиц не взлетал ещё.
Молящихся голоса монахов в монастыре,
Что в рубищах чёрных плачут горестно на заре.
Как много среди них прекрасных обликов, чьи глаза
Истомой подведены и веки опущены.
Ходили они ко мне, прикрывшись рубахой тьмы
И шаг ускоряя от боязни, с опаскою.
И щеку им подстилал свою на дороге я
Униженно и влачил подол по следам своим.
И месяц блистал нам светом – чуть нас не выдал он,
Подобный обрезку, от ногтей отделённому.
И было, что было, но об этом я не скажу,
Благое предполагай, что было – не спрашивай.

От Аллаха дар того, кто сказал:

Я сделался богаче всех,
И радости себе я жду –
Я злато жидкое нашёл
И кубком меряю его.

А как прекрасны слова поэта:

Аллахом клянусь, иной алхимии не найти,
И все, что нам сказано о способах её, – ложь.
Киратом вина разбавь кинтар огорчения,
И вмиг оно превратится в радость и счастье.

А вот слова другого:

Тяжелы стаканы, когда пустыми приносят их;
Когда же их вином наполнят чистым,
Легки они и почти летают по воздуху;
Так и тела – легки от духов вышних.

⁶⁸⁹ Ибиаль-Мутаз – крупный арабский поэт и теоретик литературы, жил в IX веке.

А вот слова другого:

У чаши и у вина права есть великие:
Одно из их прав – чтоб права их не забыли.
Когда я умру, заройте подле лозы меня – в
Побеги её пусть поят кости мои всегда.
В пустыне меня не зарывайте – поистине,
Боюсь, что, когда умру, вина не попробую.

И он до тех пор соблазнял Маруфа выпить и говорил ему о красотах вина вещи приятные, приводя сказанные о нем стихи и тонкие рассказы, пока Маруф не согласился приложиться к краю кубка, и не осталось ему тогда ничего желать.

И везирь наполнял ему чашу, а он пил, наслаждался и ликовал, пока не исчезла для него истина и не перестал он различать ошибочное от правильного. И когда везирь понял, что опьянение его достигло предела и перешло границу, он сказал: «О купец Маруф, клянусь Аллахом, я удивляюсь! Откуда пришли к тебе эти драгоценности, подобных которым не найдёшь у царей Хосроев? Мы в жизни не видели купца, который бы имел столько денег, как ты, и никого щедрее тебя. Твои поступки – поступки царей, и это не есть дело купцов. Заклинаю тебя Аллахом, расскажи мне, чтобы я узнал твой сан и твоё место».

И он продолжал обхаживать Маруфа и обманывал его, а Маруф потерял ум, и наконец он сказал везиру: «Я не купец и не один из царей». И рассказал ему свою историю с начала до конца. И тогда везирь воскликнул: «Заклинаю тебя Аллахом, о господин мой Маруф, покажи нам эрот перстень, чтобы мы посмотрели, как он сделан». И Маруф снял перстень и, будучи в состоянии опьянения, сказал: «Возьмите посмотрите на него». И везирь взял перстень, и повернул его, и спросил: «Когда я его потру, явится слуга?» – «Да, – отвечал Маруф, – потри его, и слуга явится к тебе, и ты на него посмотришь».

И везирь потёр перстень, и вдруг чей то голос сказал: «Я перед тобой, о господин мой, потребу и получишь! Разрушишь ли ты город, или построишь город, или убьёшь царя? Чего бы ты не потребовал, я это сделаю для тебя беспрекословно».

И везирь показал на Маруфа и сказал слуге: «Возьми этого негодяя и брось его в самую безлюдную часть пустынной земли, чтобы он не нашёл ни еды, ни питья, и погиб бы от голода, и умер бы в тоске, так чтобы о нем никто не знал». И слуга поднял Маруфа и полетел с ним между небом и землёй. И когда Маруф увидел это, он убедился в неизбежности гибели и большом затруднении, и заплакал, и сказал: «О Абу-с-Саадат, куда ты со мной летишь?» И слуга перстня сказал ему: «Я лечу, чтобы бросить тебя в пустынную четверть земли, о маловоспитанный. Кто владеет таким талисманом, как этот, и даёт его людям, чтобы они на него смотрели?! Ты заслужил то, что тебя постигло, и если бы я не боялся Аллаха, я бы бросил тебя с высоты тысячи сажен, и ты ещё не достиг бы земли, как уже растерзали бы тебя ветры».

И Маруф промолчал и не заговаривал с духом, пока тот не достиг с ним пустынной четверти земли, и он бросил его там и вернулся, оставив его в безлюдной земле...»

И Шахразад устала, и она прекратила дозволенные речи.

Девятьсот девяносто девятая ночь

Когда же настала девятьсот девяносто девятая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что дух перстня взял Маруфа и бросил его в пустынной четверти и вернулся, оставив его там.

Вот то, что было с Маруфом. Что же касается везиря, то он, когда овладел перстнем, сказал царю: «Как ты смотришь на то, что я тебе сказал о том, что это лгун и плут, а ты мне не верил?» И царь молвил: «Истина с тобой, о везирь, Аллах да даст тебе здоровье! Дай сюда

перстень, чтобы я посмотрел на него!»

И везирь с гневом обернулся к нему, и плюнул ему в лицо, и сказал: «О малоумный, как я дам его тебе и останусь твоим слугой, после того как я стал твоим господином? Но я не оставлю тебя так».

И потом он потёр перстень, и явился слуга, и везирь сказал ему: «Возьми этого маловоспитанного и брось его в том месте, в котором ты бросил его зятя плута». И слуга понёс царя и улетел с ним. И царь сказал ему: «О сотворённый моим господом, в чем мой грех?» И слуга ответил ему: «Не знаю, но мой господин приказал мне это, и я не могу прекословить тому, кто владеет перегибом этого талисмана».

И он до тех пор летел с царём, пока не бросил его в том месте, где был Маруф, а потом он вернулся, оставив его там. И царь услышал, как Маруф плачет, и подошёл к нему, и все ему рассказал, и они оба сидели и плакали о том, что их поразило, и не находили еды и питья.

Вот то, что было с ними. Что же касается до везиря, то, удалив Маруфа и царя от их жилища, он поднялся и вышел из сада, и, послав за всеми военными, собрал диван и рассказал им о том, что он сделал с Маруфом и царём, и сообщил им историю с перстнем, и сказал: «Если вы не сделаете меня над собой султаном, я прикажу слуге перстня унести вас всех и бросить в пустынной четверти земли, и вы умрёте от голода и жажды».

И все сказали ему: «Не делай с нами дурного! Мы согласны, чтобы ты был над нами султаном, и не ослушаемся твоего приказа». И затем они согласились назначить его над собой султаном, против своей воли. И везирь наградил их почётными одеждами, и он требовал от Абу-с-Саадата все что хотел, и слуга приносил это ему немедленно.

И затем везирь сел на престол, и подчинились ему все воины, и он послал к дочери царя, говоря ей: «Приготовься, я войду к тебе сегодня ночью, так как я стосковался по тебе».

И царевна заплакала, так как ей было тяжело лишиться отца и мужа, и послала сказать везирию: «Дай мне отсрочку, пока пройдёт время очищения, а затем напиши мою брачную запись и войди ко мне дозволенным образом». И везирь послал сказать ей: «Я не знаю ни очищения, ни долгого срока и не нуждаюсь в записи. Я не отличаю дозволенного от недозволенного, и неизбежно мне войти к тебе сегодня вечером».

И тогда царевна послала сказать ему: «Добро тебе пожаловать и в этом нет дурного!» (А это было от неё хитростью.) И когда такой ответ пришёл к везирию, он обрадовался, и его грудь расправилась, так как он был охвачен любовью к царевне. И он велел поставить кушанья для всех людей и сказал: «Ешьте это кушанье, так как это свадебный пир: я хочу войти к царевне сегодня вечером».

И шейх-аль-ислам сказал ему: «Не дозволяется тебе войти к ней, пока не окончится срок очищения и ты не напишешь свою запись с нею». И везирь воскликнул: «Я не знаю очищения и срока, не затягивай же со мной разговор!»

И шейх-аль-ислам смолчал, испугавшись злобы везиря, и сказал воинам: «Это нечестивый, и у него нет ни веры, ни религии». А когда наступил вечер, везирь вошёл к царевне и увидел, что она одета в самое лучшее, что у неё было из одежд, и украшена прекраснейшими украшениями; и когда царевна увидела везиря, она встретила его смеясь и сказала: «Это благословенная ночь, и если бы ты убил моего отца и моего мужа, право, это было бы для меня ещё лучше». — «Я непременно убью их», — сказал везирь. И царевна посадила его и стала с ним шутить и показывать ему свою любовь, и когда она приласкала везиря и улыбнулась ему в лицо, его ум улетел. А царевна обманула его ласками, чтобы овладеть перстнем и изменить его радость на горе для его головы, и она сделала с ним эти поступки, следуя мнению того, кто сказал:

Я достиг теперь своей хитростью
И того, чего не достиг мечом.
И ныне сорвал добычу я,
Плоды которой столь сладостны.

И когда везирь увидел её ласку и улыбку, в нем взволновалась страсть, и он потребовал от царевны сближения. И когда он приблизился к ней, она отдалилась от него, и заплакала, и сказала: «О господин, разве ты не видишь человека, который смотрит на нас? Заклинаю тебя Аллахом, скрой меня от его глаз. Как же ты со мной сближаешься, когда он смотрит на нас?»

И везирь рассердился и спросил: «Где человек?» И царевна сказала: «Вот он, в гнёзда перстня, поднимает голову и смотрит на нас». И везирь подумал, что это слуга перстня смотрит на неё, и засмеялся, и сказал: «Не бойся, это слуга перстня, и он под моей властью». – «Я боюсь ифритов. Сними перстень и брось его подальше от меня», – сказала царевна. И везирь снял перстень, и положил его на подушку, и приблизился к царевне, и тогда она лягнула его ногой в сердце, и везирь упал навзничь, покрытый беспамятством, а царевна закричала своим приближённым, и они поспешно пришли к ней. И она сказала: «Схватите его!» И везиря схватили сорок невольниц, а царевна поспешила взять перстень с подушки и потеряла его. И вдруг Абу-с-Саадат явился, говоря: «Я перед тобой, о госпожа!» И царевна сказала: «Возьми этого нечестивого и посади его в тюрьму и отяжели его цепи».

И Абу-с-Саадат взял его, и посадил в тюрьму гнева, и вернулся, и сказал: «Я посадил его в тюрьму». – «Куда ты унёс моего отца и моего мужа?» – спросила его царевна.

И он сказал: «Я бросил их в пустынной четверти земли».

И тогда она молвила: «Я приказываю тебе, чтобы ты их принёс ко мне сию же минуту».

И ифрит отвечал: «Слушаю и повинуюсь!» И улетел от неё и летел до тех пор, пока не достиг пустынной четверти. И он спустился к царю и Маруфу и увидел, что они сидят и плачут и жалуются друг другу. И ифрит сказал им: «Не бойтесь, пришло к вам облегчение». И рассказал о том, что сделал везирь, и потом сказал: «Я заточил его своей рукою, подчиняясь царевне, и затем она приказала мне воротить вас».

И царь с Маруфом обрадовались его рассказу, и ифрит поднял их и полетел с ними, и не прошло ещё часу, как он уже ввёл их к царевне. И царевна поднялась, и приветствовала своего отца и своего мужа, и, усадив их, предложила им кушаний и сластей, и они проспали остаток ночи, а на следующий день царевна одела своего отца в роскошную одежду и одела своего мужа в роскошную одежду и сказала: «О батюшка, сиди на своём престоле царём, как было раньше, и сделай моего мужа у себя везирем правой стороны и расскажи твоим воинам о том, что случилось. Приведи твоего везиря из тюрьмы и убей его, а потом сожги, – он нечестивый и хотел войти ко мне развратно, без брака, и он засвидетельствовал о себе, что он нечестивый и что нет у него веры, которой он бы придерживался. И заботься о своём зяте, которого ты сделал у себя везирем правой стороны».

И царь ответил: «Слушаю и повинуюсь, о дочка. Но отдай мне перстень или отдай его твоему мужу». – «Он не годится ни для тебя, ни для него, – ответила царевна. – Перстень будет у меня, и, может быть, я сберегу его лучше, чем вы. Чего бы вы ни пожелали, требуйте это от меня, я потребую это для вас у слуги перстня. Не бойтесь дурного, пока я здорова, а после моей смерти делайте с перстнем что хотите». – «Вот оно, правильное мнение, о дочь моя!» – воскликнул царь, и затем он взял своего зятя и поднялся он диван.

А воины провели ночь в величайшей тоске из-за царевны и того, что сделал с ней везирь, когда вошёл к ней для разврата, без брака, и причинил зло царю и его зятю, а они боялись, что будет опозорен закон ислама, так как им стало ясно, что везирь – нечестивец.

И они собрались в диване и стали бранить шейх-аль-ислама, говоря ему: «Почему ты не удержал его от входа к царевне для разврата?» И шейх-аль-ислам ответил: «О люди, этот человек – нечестивец, и он сделался обладателем перстня, и мы с вами не можем ничего против него сделать. Аллах великий пусть воздаст ему за его дела, а вы молчите, чтобы он вас не убил».

И когда воины собрались в диване и вели эти речи, вдруг вошёл к ним в диван царь и с ним его зять Маруф...»

И «Шахразад застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Когда же настала ночь, дополняющая до тысячи, она сказала: «Дошло до меня, о

счастливым царь, что воины в сильном гневе сидели в диване и разговаривали о везире и о том, что он сделал с царём, его зятем и его дочерью, и вдруг царь вошёл к ним в диван, и с ним был его зять Маруф.

И когда воины увидели его, они обрадовались его приходу, и встали ради него на ноги, и поцеловали перед ним землю; а затем царь сел на престол и рассказал им всю историю, и их горесть прошла.

И царь приказал украшать город и велел привести везира из тюрьмы, и когда он проходил мимо воинов, те проклинали его, бранили и ругали, пока он не дошёл до царя.

И когда он предстал перед царём, царь велел убить его самым ужасным образом, и его убили, а потом сожгли, и он отправился в ад в наихудшем положении, и отличился тот, кто сказал о нем:

И пусть не помилует могилы его Аллах, И вечно пусть будет в ней Накир вместе с Мункаром.

И потом царь сделал Маруфа у себя везирем правой стороны, и приятно было для них время, и чисты были их радости, и они провели так пять лет. А на шестой год царь умер, и царица сделала Маруфа султаном вместо своего отца и не отдала ему перстня.

А она в это время понесла от него и родила мальчика – дивно прекрасного, выдающегося по красоте и совершенству, и он оставайся на коленях у нянек, пока не достиг пяти лет жизни.

И тогда его мать заболела смертельной болезнью, и призвала Маруфа, и сказала ему: «Я больна». И Маруф воскликнул: «Да сохранит тебя Аллах, о любимая моего сердца!» Но царица молвила: «Может быть, я умру, и мне не нужно поручать тебе заботиться о твоём сыне, но я поручаю тебе беречь перстень, так как боюсь за тебя и за этого мальчика». – «Не будет беды с тем, кого бережёт Аллах», – сказал Маруф. И царица сняла перстень и отдала его Маруфу, а на следующий день она преставилась к милости великого Аллаха, и Маруф остался царём и стал выносить приговоры.

И случилось, что в какой-то день он встряхнул платком, и военные ушли от него в свои жилища, а он вошёл в комнату, где сидят, и сидел в ней, пока не прошёл день и не приблизилась ночь с её мраком. И тогда вошли к нему его собутыльники из вельмож, следуя обычаю, и провели у него время в развлечениях и удовольствиях до полуночи, а потом они попросили позволения удалиться, и Маруф разрешил им, и они разошлись от него по домам. И к Маруфу вошла невольница, которая исполняла службу у его постели, и постлала ему постель, и, сняв с него платье, одела его в одежду сна, и он лёг, а невольница растирала ему ноги, пока его не одолел сон, и тогда она вышла от него, и ушла на свою постель и заснула.

Вот то, что было с нею. Что же касается царя Маруфа, то он спал, и не успел он опомниться, как что-то оказалось рядом с ним у него в постели. И он проснулся, испуганный, и воскликнул: «Прибегаю к Аллаху от сатаны, битого камнями!» И, открыв глаза, увидел подле себя женщину, безобразную по внешности. «Кто ты?» – спросил он её. И она сказала: «Не бойся, я твоя жена Фатима, ведьма». И тогда Маруф посмотрел на неё и узнал её по её чудовищному облику и длинным клыкам.

«Откуда ты ко мне вошла и кто принёс тебя в эту страну?» – спросил он. И Фатима молвила: «А в какой ты стране сейчас?» И Маруф сказал: «В городе Хитаналь-Хатан. А ты когда покинула Миср?» – «Только что», – ответила Фатима. И Маруф спросил: «А как это?» И она сказала: «Знай, что, когда я с тобой повздорила и сатана подбил меня тебе повредить, я пожаловалась на тебя судьям, и они искали тебя, но не нашли, и кади расспрашивали о тебе, но никто тебя не видел. И когда прошло два дня, меня охватило раскаяние, и я поняла, что грех на мне, но раскаяние было бесполезно. Я просидела несколько дней, плача о разлуке с тобой, и уменьшилось то, что было у меня в руках, и мне пришлось просить на пропитание, и я стала просить всякого, счастливого и несчастного, и с тех пор, как ты со мной расстался, я вкушаю унижение просьбы и оказалась в наихудшем положении. И каждую ночь я сидела и плакала из-за разлуки с тобой и из-за того, что я испытала после твоего ухода позор, унижение, несчастье и ущерб».

И она стала рассказывать Маруфу о том, что с ней случилось, и он, изумлённый, смотрел на неё, и наконец она сказала: «А вчера я целый день ходила и просила, но никто мне ничего не дал, и когда наступила ночь, я легла спать без ужина, и меня сжигал голод, и было мне тяжело то, что я испытала. И я сидела и плакала, и вдруг передо мной появился человек и сказал: „О женщина, почему ты плачешь?“ И я молвила: „У меня был муж, который тратил на меня и исполнял мои желания, и он исчез, и я не знаю, куда он девался, и я испытала без него несчастье!“ – „А как имя твоего мужа?“ – спросил человек. И я сказала: „Его имя Маруф“. И тогда человек сказал: „Я его знаю. Знай, что твой муж теперь султан в одном городе, и если ты хочешь, чтобы я тебя доставил к нему, я это сделаю“. – „Я под твоим покровительством и прошу, чтобы ты доставил меня к нему“, – сказала я; и тот человек поднял меня и летел со мной между небом и землёй, пока не доставил меня в этот дворец. И тогда он сказал: „Войди в эту комнату и увидишь твоего мужа, который спит на ложе“. И я вошла и увидела тебя в этом жилище, а я не думала, что ты меня покинешь, раз я твоя супруга. Слава Аллаху, который соединил меня с тобой».

«Разве это я тебя покинул? Или это ты меня покинула и все время жаловалась на меня одному кади за другим? – сказал Маруф. – Ты завершила это жалобой высшему двору и напустила на меня Абу-Табака из крепости, и я убежал против воли».

И он стал ей рассказывать о том, что с ним случилось, пока он не сделался султаном и не женился на дочери царя, и рассказал ей, что царевна умерла и он получил от неё сына, которому семь лет.

И Фатима сказала: «То, что случилось, предопределено великим Аллахом, и я раскаиваюсь и нахожусь под твоим покровительством. Не покидай меня и позволь мне есть у тебя хлеб как милостыню». И она до тех пор унижалась перед ним, пока его сердце не смягчилось, и тогда он сказал: «Раскайся во зле и живи у меня, и будет тебе лишь то, что тебя порадует, а если сделаешь чтонибудь дурное, я убью тебя, и я не боюсь никого. И пусть тебе не придёт на ум жаловаться на меня высшему двору, чтобы за мной послали Абу-Табака из крепости: я стал султаном, и люди боятся меня, а я боюсь только великого Аллаха. У меня есть перстень со слугой, и когда я его тру, является ко мне слуга перстня, по имени Абус-Саадат, и все, что я от него ни требую, он мне приносит. Если ты хочешь отправиться в твой город, я дам тебе столько денег, что тебе будет довольно на всю жизнь, и быстро отошлю тебя в твою страну, а если ты хочешь жить у меня, то я освобожу для тебя дом и уберу его тебе наилучшим шёлком. Я назначу тебе двадцать невольниц, которые будут тебе служить, и буду выдавать тебе прекрасные кушанья и роскошные одежды, и ты станешь царицей и будешь жить в величайшем счастье, пока не умрёшь или я не умру. Что ты скажешь на эти слова?»

И Фатима сказала: «Я хочу остаться с тобой». И затем она поцеловала Маруфу руку и раскаялась в дурном; и он отвёл ей отдельный дом, и пожаловал ей невольниц и евнухов, и она стала царицей.

И сын Маруфа стал ходить к ней и к своему отцу, и мальчик был ей противен, потому что это был не её сын; и когда он увидел от неё взгляды гнева и отвращения, он почувствовал к ней неприязнь и невзлюбил её.

А Маруф отвлёкся любовью к прекрасным невольницам и не думал о своей жене Фатиме, ведьме, так как она стала седой старухой с безобразной внешностью, плешивым существом, гаже пятнистой змеи. И к тому же она обидела его обидой, больше которой нет. И говорит сказавший поговорку: «Дурное дело пресекает корень желаний и сеет ненависть в земле сердца». От Аллаха дар того, кто сказал:

Берегись сердца потерять любимых, обидев их, –
Воротить сердца убежавшие – дело трудное.
Ведь, поистине, убежит коль дружба из двух сердец –
Как стекло они, – разбивши их, не склеишь.

А ведь Маруф приютил её не из-за какого-нибудь похвального качества в ней, он оказал ей это великодушие, желая угодить великому Аллаху...»

И Дуньязада сказала своей сестре Шахразде: «Как прекрасны эти слова, которые захватывают сердце сильнее, чем колдовские взгляды, и как хороши эти диковинные повести и удивительные рассказы».

И Шахразда воскликнула: «О, куда этому до того, что я расскажу вам в следующую ночь, если буду жить и царь пощадит меня!»

И когда наступило утро, и засияло светом, и заблестало, у царя расправилась грудь, и он стал ожидать конца рассказа и говорил про себя: «Клянусь Аллахом, я не убью её, пока не услышу остаток её рассказа». И затем он вышел в место своего суда, и везирь явился, по обычаю, с саваном под мышкой.

И царь провёл в суде весь день, а потом он ушёл в гарем и вошёл к своей жене Шахразде, дочери везира, по своему обычаю...

И Шахразду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Ночь, первая после тысячи и последняя в книге

Когда же настала ночь, первая после тысячи и последняя в книге, царь ушёл в гарем и вошёл к своей жене Шахразде, дочери везира.

И её сестра Дуньязада сказала ей: «Закончи нам рассказ о Маруфе».

И Шахразда ответила: «С любовью и охотой, если позволит царь рассказывать».

И царь молвил: «Я позволю тебе рассказывать, так как стремлюсь услышать конец рассказа».

И Шахразда сказала: «Дошло до меня, о царь, что царь Маруф не заботился о своей жене ради совокупления, а кормил её, только стремясь к лику великого Аллаха. И когда она увидела, что он воздерживается от сближения с нею и занят другими женщинами, она возненавидела его, и одолела её ревность. И Иблис нашептал ей, чтобы она взяла у него перстень, и убила бы его, и сделалась бы царицей вместо него. И в одну ночь из ночей она вышла и пошла из своего дворца, направляясь в тот дворец, где был её муж, царь Маруф. И случилось, по предопределённому делу и предначертанной судьбе, что Маруф лежал с одной из своих любимиц, красивой и прекрасной, стройной и соразмерной. А от великого благочестия он снимал с пальца перстень, когда хотел совокупиться, из уважения к благородным именам, на нем написанным, и надевал его только будучи чистым. И его жена Фатима, ведьма, вышла из своего помещения после того, как узнала, что Маруф, когда совокупляется, снимает перстень и оставляет его на подушке, пока не станет чистым. И у него был обычай: после того как совокупится, приказывать наложнице уйти от него, так как он боялся за перстень. А когда он входил в баню, то запирали дверь своего дворца, а вернувшись из бани, он брал перстень и надевал его, и после этого всякий входил во дворец без запрета.

И Фатима узнала все это и вышла ночью, чтобы войти во дворец к Маруфу, когда он будет погружён в сон, и украсть перстень так, чтобы он её не видел. А когда она вышла, сын царя в ту самую минуту входил в дом отдохновения, чтобы исполнить нужду, без огня, и он сел в темноте на доски в доме отдохновения и оставил дверь открытой. И когда Фатима вышла из своего дворца, он увидел, что она торопливо идёт ко дворцу его отца, и сказал в душе: «Посмотреть бы, для чего эта колдунья вышла из своего дворца во мраке ночи? Я вижу, что она направляется во дворец моего отца. Этому делу непременно должна быть причина».

И он вышел и пошёл сзади Фатимы, идя за ней следом, так что она его не видела. А у него был короткий меч из стали, и он всегда входил в диван своего отца, подпоясанный этим мечом, так как он дорожил им; и когда его отец видел его, он смеялся над ним и говорил: «Воля Аллаха! Поистине, твой меч большой, о дитя моё, но ты не ходил с ним на войну и не

отрубал им голову!» И его сын говорил ему: «Я непременно отрублю голову, которая будет заслуживать отсечения». И его отец смеялся, слыша его слова.

И когда мальчик пошёл за женой своего отца, он вытащил меч из ножен и следовал за нею, пока она не вошла во дворец. И тогда он остановился, поджидая её у дверей дворца, и стал на неё смотреть. И увидев, что она ищет и говорит: «Куда это он положил перстень», он понял, что Фатима ищет перстень. И выждал до тех пор, пока она нашла перстень и воскликнула: «Вот он!» И, подняв его, хотела выйти.

И тогда он спрятался за дверями, а Фатима, выйдя из дверей, посмотрела на перстень, повернула его в руке и хотела его потереть, но тут мальчик поднял руку с мечом и ударил её по шее, и Фатима вскрикнула единым криком и упала убитая.

И Маруф проснулся, и увидел, что его жена лежит и её кровь течёт, а его сын стоит с обнажённым мечом в руке, и спросил: «Что это, о дитя моё?» И мальчик ответил: «О батюшка, сколько раз ты мне говорил: „Твой меч большой, но ты не ходил с ним на войну и не отрубал им голову“. А я говорил тебе: „Я непременно отрублю им голову, заслуживающую отсечения“. И вот теперь отрубил им для тебя голову, заслуживающую отсечения».

И он рассказал ему историю с Фатимой, и Маруф стал искать перстень, но не увидел его, и он до тех пор лежал на теле Фатимы, пока не увидел, что её рука сжимает перстень. И тогда он взял перстень из её руки и сказал мальчику: «Ты мой сын, без сомнения и наверное! Да избавит тебя Аллах от беды в здешней жизни и в будущей, как ты избавил меня от этой скверной женщины. Её старания привели её к гибели, и от Аллаха дар того, кто сказал:

Коль помощь Аллаха мужа будет поддерживать,
Достигнет желанного во всех он делах своих.
А если Аллаха помощь юноше не дана,
То первое, что вредит ему, это труд его.

Потом царь Маруф крикнул своих приближённых, и они поспешно пришли к нему, и тогда он рассказал им о том, что сделала его жена Фатима, ведьма, и приказал им взять её и положить в какое-нибудь место до утра, – и они сделали так, как он им приказал.

А потом Маруф поручил её нескольким слугам, и они обмыли её, и завернули в саван, и ей сделали могилу и похоронили её, и её прибытие из Мисра привело её прямо в могилу. От Аллаха дар того, кто сказал:

Прошли мы путём, начертанным нам от века,
А тот, кому начертан путь, пройдёт им.
Кто смерть найдёт в стране определённой,
Тот умереть в другой стране не может.

А как прекрасны слова поэта:

Не знаю я, когда направлюсь в землю,
Желая блага, что меня постигнет
Добро ль, к которому стремлюсь упорно,
Иль зло, которое ко мне стремится.

И затем царь Маруф послал отыскать того человека, пахаря, у которого он был гостем, когда убежал; и когда пахарь явился, он сделал его везирем правой стороны и своим советником. И он узнал, что у пахаря есть дочь, редкостно красивая и прекрасная, благородная по качествам, почтённого происхождения и высокого рода, и женился на ней, а через некоторое время он женил своего сына, и они прожили некий срок в приятнейшей жизни, и время их было безоблачно, и приятны были им радости, пока не пришла к ним

Разрушительница наслаждений и Разлучительница собраний, опустошающая населённые дома и делающая сиротами сыновей и дочерей. Хвала же живому, который не умирает и в чьей руке ключи видимого и невидимого царства».

Рассказ о даре Шахрияре и Шахразаде (заключение)

Шахразада за это время родила от царя трех детей мужеского пола, и когда она кончила этот рассказ, она поднялась на ноги и, поцеловав землю, сказала: «О царь времени, единый в веках и столетиях, я – твоя рабыня, и вот уже тысяча ночей и одна ночь, как я передаю тебе рассказы о прежде бывших людях и назидания древних. Есть ли у меня право перед твоим величеством, чтобы я могла пожелать от тебя желание?»

И царь сказал ей: «Пожелай, получишь, о Шахразада».

И тогда она кликнула няnek и евнухов и сказала им: «Принесите моих детей».

И они поспешно принесли их, и было их трое сыновей, один из которых ходил, другой ползал, а третий сосал грудь. И когда их принесли, Шахразада взяла их и поставила перед царём и, поцеловав землю, сказала: «О царь времени, это твои сыновья, и я желаю от тебя, чтобы ты освободил меня от убийства ради этих детей. Если ты меня убьёшь, эти дети останутся без матери и не найдут женщины, которая хорошо их воспитает!»

И тут царь заплакал, и прижал детей к груди, и сказал: «О Шахразада, клянусь Аллахом, я помиловал тебя прежде, чем появились эти дети, так как я увидел, что ты целомудренна, чиста, благородна и богобоязненна. Да благословит Аллах тебя, твоего отца, твою мать, твой корень и твою ветвь. Призываю Аллаха в свидетели, что я освободил тебя от всего, что может тебе повредить».

И Шахразада поцеловала царю руки и ноги, и обрадовалась великой радости, и воскликнула: «Да продлит Аллах твою жизнь, и да увеличит твоё достоинство и величие».

И распространилась во дворце царя радость, и неслась она по городу, и была это ночь, которую не считают в числе ночей жизни, и цвет её был белее лица дня. А наутро царь был радостен и преисполнен добра, и он послал за всеми воинами, и когда они явились, награбил своего везира, отца Шахразады, драгоценной и великолепной одеждой и сказал ему: «Да защитит тебя Аллах за то, что ты женил меня на твоей благородной дочери, которая была причиной того, что я раскаялся в убийстве чужих дочерей. Я увидел, что она благородна, чиста, целомудренна и непорочна, и Аллах наделил меня от неё тремя сыновьями. Да будет же хвала Аллаху за это великое благодеяние».

И затем он награбил почётными одеждами всех везирей, эмиров и вельмож правления и приказал украшать город в течение тридцати дней, не заставляя никого из жителей расходовать что-нибудь из денег, – напротив, все расходы и траты делались из казны царя.

И город украсили великолепным украшением, подобного которому раньше не было, и забили барабаны, и засвистели флейты, и заиграли все игрецы, и царь наделил их дарами и подарками, и роздал милостыню нищим и беднякам, и объял своей щедростью всех подданных и жителей царства. И он жил вместе со своими придворными в счастии, радости, и наслаждении, и благоденствии, пока не пришла к ним Разрушительница наслаждений и Разлучительница собраний. Хвала же тому, кого не уничтожают превратности времени и не поражают никакие перемены, кого не отвлекает одно дело от другого и кто одинок по совершенству своих качеств. Молитва и мир над имамом его величия, избранным среди творений его, господином нашим Мухаммедом, господином всех людей, через которого мы молим Аллаха о счастливом окончании наших дел.